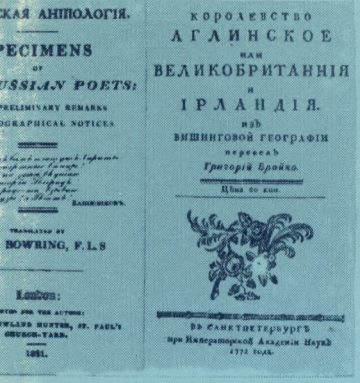
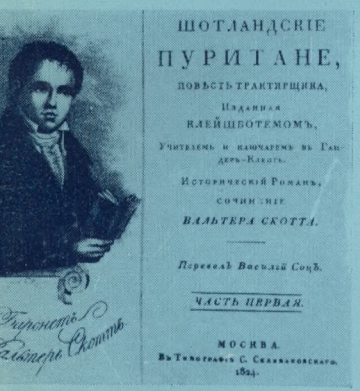
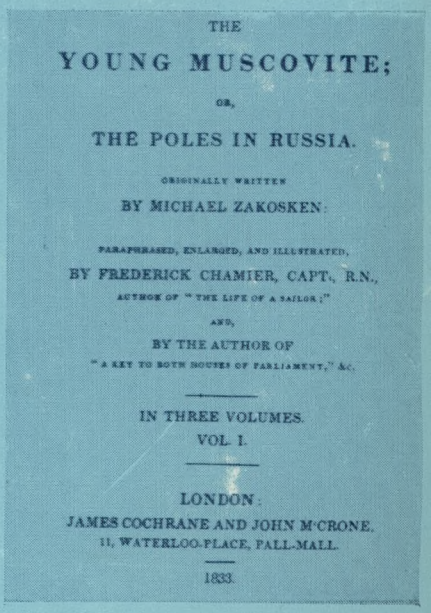


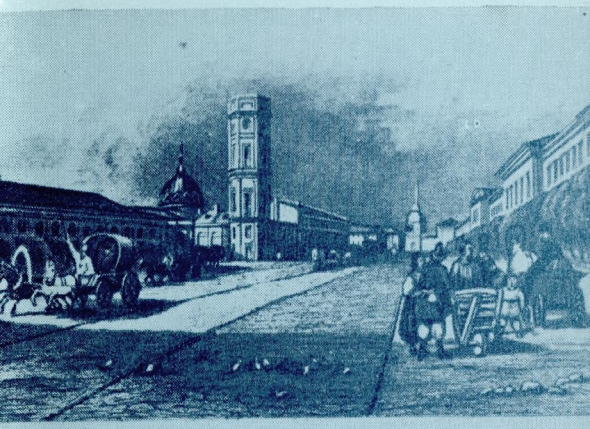




Русско-английские литературные связи

XVIII век - первая половина XIX века

Литературное наследство



The Nevskoi Prospect.
St. Petersburg.

Настоящий том «Литературного наследства» представляет собой исследование М. П. Алексеева «Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века)». В этой работе сделана попытка изложить в общих очертаниях историю личных и литературных связей русских и английских писателей более чем за полтора века, распространение и взаимодействия их литературных произведений, английских — в России и русских — в Англии.

Работа состоит из 8 глав, построенных на обширных разноязычных материалах, в частности, рукописях, публикуемых впервые, в соответствии с давно установленной традицией «Литературного наследства». В некоторых случаях именно обнаружение новых, еще не публиковавшихся архивных материалов, хранящихся в советских и зарубежных хранилищах, автографических и документальных данных произведений известных писателей — русских и английских, их писем и т. д. определило как структуру, так и объем отдельных глав.

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

(XVIII век – первая половина XIX века)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М. ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

ТОМ ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ

РЕДАКЦИЯ
Г. П. БЕРДНИКОВ, Д. Д. БЛАГОЙ, А. Н. ДУБОВИКОВ,
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, А. С. КУРИЛОВ, С. А. МАКАШИН,
К. Д. МУРАТОВА, П. В. ПАЛИЕВСКИЙ, Л. А. СПИРИДОНОВА,
Л. И. ТИМОФЕЕВ, Н. А. ТРИФОНОВ,
М. Б. ХРАПЧЕНКО, В. Р. ЩЕРБИНА (ГЛАВ. РЕД.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 2

ХРАНИТЬ НАСЛЕДСТВО — ВОВСЕ НЕ ЗНАЧИТ
ЕЩЕ ОГРАНИЧИВАТЬСЯ НАСЛЕДСТВОМ
ЛЕНИН

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

(XVIII век — первая половина XIX века)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1 · 9 · МОСКВА · 8 · 2

ИССЛЕДОВАНИЕ
академика М. П. АЛЕКСЕЕВА

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ

Л $\frac{4603000000-040}{042(02)-82}$ Без объявления

© Изд-во «Наука», 1982 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

С давних времен русская литература пользовалась большим вниманием в Англии. Свыше двухсот лет тому назад знаменитый английский актер Давид Гаррик писал (3 мая 1778 г.) Е. Р. Дашковой, замечательной русской женщине, общественной деятельнице, стоявшей во главе Академии наук и основанной при ее участии Российской Академии: «Я боюсь, что сбудется пророчество одного из наших поэтов о том, что Россия будет наставницей в искусствах для Британского острова».

Первые отзывы в английской печати о Пушкине (Э. Мортона, А. Грэнвиля, Фрэнкленда, Рэйкса, Бремнера и др.) относятся еще к началу 1820-х годов. В них преимущественно отмечается революционный пафос вольнолюбивой лирики поэта. Первые английские переводы из Пушкина появились в 1827 г. Два года — с августа 1833-го по август 1835-го — прожил в Петербурге литератор Джордж Борро, выдающийся лингвист, переводчик произведений А. С. Пушкина на английский язык, вышедших тогда же в двух книгах. Получив их, Пушкин отблагодарил запиской. Эти книги сохранились в его библиотеке. А когда великий поэт скончался, Борро так откликнулся на эту утрату в письме к другу, жившему в Петербурге: «С печалью услышал я о смерти Пушкина. Поистине это потеря не только для России, но и для всего мира».

Жившие на протяжении ряда лет в Петербурге английские художники — Джордж Дау, создатель «Военной галереи» Зимнего дворца, и его зять Томас Райт — так почитали Пушкина, что каждый из них написал с натуры его портрет. Причем автогравюру с портрета, исполненного Райтом, поэт предполагал поместить в своем собрании сочинений, которое так и не довелось осуществить.

Спустя два года после гибели М. Ю. Лермонтова, с 1843 г., в Англии все чаще и чаще стали появляться переводы его произведений. А в 1860 г. лондонский общественно-политический и литературно-критический журнал «National Review», желая удовлетворить интерес своих читателей к творчеству Лермонтова, напечатал о нем анонимно обширную статью А. И. Герцена и Мальвиды Мейзенбург (авторство статьи лишь два года назад установлено исследователями). В статье содержалась характеристика личности великого поэта и реалистической направленности его творчества. Так же как и предшествующая статья Герцена и М. Мейзенбург, посвященная Пушкину, очерк о Лермонтове не только внутренне связан с проблематикой и основными положениями работы «О развитии революционных идей в России», но содержит фрагменты из нее. Характеризуя Лермонтова, авторы заключают: «Подобные натуры обычно появляются в периоды упадка устоявшихся форм общественной жизни, в переходное время, когда в обществе господствует скептицизм и нравственное разложение. Кажется, что в такое время в них одних находят убежище чистейшие идеалы человечества; только их устами они провозглашаются. Они клеймят пороки общества, обнажая свои собственные раны, ошибки и внутреннюю борьбу, и в то же время они искупают и исцеляют этот прогнивший мир, раскрывая красоту и совершенство человеческой натуры, в тайны которой может проникнуть только гений». Сравнивая Лермонтова с Барбье и Байроном, авторы выявляют его самобытность, его устремленность к реализму, который, как они подчеркивают, является важнейшей чертой русской литературы вообще.

В последующие десятилетия переводы стихотворений и поэм Лермонтова неизменно включались в антологии русской и мировой поэзии, выходившие в Англии. Там же было напечатано множество статей о нем, а в 1977 г. в Лондоне появилась книга английского ученого Лоренса Келли «Лермонтов. Трагедия на Кавказе». В этой книге дана высокая оценка его творчества и подробно изложена биография поэта, освещающая главным образом последние годы жизни. «Михаил Лермонтов бескомпромиссно

прожил свою короткую жизнь,— пишет Л. Келли.— Певец свободы — духовной, политической и общественной, 〈...〉 он творил так же, как и боролся, преисполненный протеста и гордой независимости. Он победил на обоих фронтах, приобретя сразу блестящую литературную известность».

Замечательно, что английский исследователь рассматривает не только литературные произведения, но и рисунки поэта, которым дает исключительно высокую оценку, сопоставляя Лермонтова-художника с великим Делакруа: «Его рисунки лошадей великолепны и настолько мастерски передают движение, что могли бы соперничать с рисунками Делакруа».

Много сделал для пропаганды русской литературы в Англии Уильям Рольстон (1829—1889). Это было основным делом его жизни. Значительный интерес представляет переписка, которую он вел со своим другом И. С. Тургеневым. К собственным переводам басен И. А. Крылова Рольстон написал предисловие, в котором говорит о нем как писателе, создавшем правдивые картины русской жизни и поднявшем голос протеста против деспотического режима в России.

Огромное признание в конце прошлого и начале нынешнего века получило в Англии творчество Н. В. Гоголя. Когда в 1909 г. Общество любителей российской словесности торжественно отмечало столетие со дня рождения писателя и открытие ему памятника, двадцать два известных английских романиста, драматурга, публициста, литературных критика и переводчика, в числе которых были Джон Голсуорси и Артур Конан-Дойль, писали в своем приветствии:

«Высокая художественность гоголевских произведений делает их ценными для всего мира. Сила его пера в описании современной ему жизни, его сатирический гений и его огромная заслуга как одного из первых обличителей злоупотреблений, связанных с бюрократическим правлением, приобщили его к всемирной литературе и среди европейских писателей завоевали ему почетное место. Но в настоящий момент мы чувствуем его главным образом как истинного основателя всего того, что заключается в словах «русская литература». Эта литература сослужила великую службу России и оказала могучее воздействие на духовный мир всех культурных народов. Позднейшие русские писатели пошли дальше. Влияние таких авторов, как Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов и Горький, стало еще более широким, чем влияние Гоголя, но да будет слава тому пионеру, который мужественно проложил дорогу другим и смело выступил вперед. Гоголь был таким пионером, и наиболее характерные черты русской литературы могут прежде всего быть прослежены в его сочинениях».

Тогда же Британская академия так откликнулась на эти торжества: «Британская академия шлет свои сочувственные приветствия Обществу любителей российской словесности по торжественному случаю открытия памятника Гоголю. Гоголь владел гением юмора и потому мог не только наблюдать и описывать окружающее его общество, но и взывать в своих повестях и пьесах к сердцам читателей. Поэтическая прелесть «Тараса Бульбы», неподражаемый юмор украинских рассказов, бичующая сатира «Мертвых душ» и «Ревизора» возбуждают наш восторг, хотя мы и не можем наслаждаться чтением самого оригинала во всей его свежести. Мы признаем в Гоголе соратника Стерна, Шеридана и Диккенса, мощного поэта, который сражался своим оружием — горьким смехом — за дело истинного патриотизма и справедливости».

В книге Розы Ньюмарч «Поэзия и прогресс в России», вышедшей в Лондоне в 1907 г., дана восторженная оценка изобразительной силы поэзии Н. А. Некрасова, которого она поставила в ряд «величайших поэтов не только в России, но и во всем мире».

Ф. М. Достоевский — один из самых прославленных русских писателей за рубежом. Его произведения покорили Запад, в том числе и Англию. Вот всего лишь несколько отзывов английских мастеров о Достоевском. В 1911 г. Джон Голсуорси утверждал: «Невозможно себе представить большего фантаста, чем Достоевский, и никто не умел так живо изобразить реальную ситуацию». В своей книге о Достоевском, вышедшей в Лондоне в 1923 г., литературовед Мидлтон Марри писал: «Писатели других народов могут лишь играть у ног таких гигантов, как Толстой и Достоевский». В 1932 г. Бернард Шоу говорил: «В XIX веке в Англии из русских писателей вызыва-

ли сильный интерес сперва Тургенев и Толстой, затем Достоевский и, наконец, Горький и Чехов».

И. С. Тургенев оказал значительное воздействие на английскую литературу. Он был не только русским романистом, которого Оксфордский университет избрал в 1879 г. почетным доктором, но и вообще первым в мире романистом, удостоившимся этой чести. Выступая на торжественной церемонии, профессор Джеймс Брайс сказал о Тургеневе: «Представляю вам мужа, который не уступает никому из выдающихся писателей нашего века, и хотя писал преимущественно прозой, заслуживает имени вдохновенного поэта. Действительно, кто когда-либо лучше выразил нравы, дух, всю жизнь своего народа? Чья речь была прекраснее? Кто с большей силой раскрыл глубочайшие движения души, вызывая слезы, возбуждая гнев и любовь? ⟨...⟩ Поэтому, если мы уверены, что наша Академия создана не только для самой себя, но для всего мира, то признаем этого друга человеческого рода, этого ревнителя свободы своих соплеменников нашим гражданином, предоставим Ивану Сергеевичу Тургеневу степень Доктора гражданского права honoris causa».

А когда крупнейшему английскому романисту конца XIX — начала XX в. Арнолду Беннетту было предложено написать статью о двенадцати лучших романах в мировой литературе, он заявил, что эти двенадцать романов написаны русскими, и в их число входят все шесть романов Тургенева—«Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь».

В предисловии к своей книге «Очерк русской литературы», вышедшей в Лондоне в 1914 г., М. Бэринг писал о Н. С. Лескове: «У нас нет переводов Салтыкова, величайшего русского сатирика; нет полного перевода Лескова, одного из крупнейших романистов... Лесков давно был известен образованному русскому как писатель первого ранга; все лучшее в его творчестве, которое весьма обширно и неравноценно, содержит несомненные отличительные признаки классика; он стоит рядом с Гоголем и Салтыковым и принадлежит к числу первоклассных романистов. Образованная Россия полностью это осознает. Никто не подвергает сомнению занимаемое им место и не отрицает его высочайший художественный талант, его юмор, его живость, его краски, его сатиру, глубину его чувств, богатство его воображения... Вся Россия читала его, но литературная критика его игнорировала. Это подобно тому, как если бы английская литературная критика игнорировала Диккенса до 1900 года... Подобно Салтыкову, Лесков видел, что происходит в России; обладая острой прозорливостью и наблюдательностью, он понимал зло старых порядков; подобно Салтыкову, он был полон возмущения и, может быть, в большей степени, чем Салтыков, он был полон сострадания... Лесков начинал там, где Салтыков кончал. Подобно Салтыкову и до него Гоголю, старые порядки вызывали у Лескова смех, иногда смех сквозь слезы... Но он не ограничивал себя разрушительной иронией и иссушающей сатирой. Вместе с Писемским, другим писателем первоклассного таланта той эпохи, Лесков был первым русским романистом — уже Грибоедов предвосхитил подобную критику в «Горе от ума» устами Чацкого, который имел мужество критиковать реформаторов, людей нового времени, и его критика была не только отрицательной, но творческой; он понимал, что все должно быть «реформировано целиком»... Его критика либералов была творческой, отнюдь не только разрушающей... Один из шедевров Лескова рассказ «Запечатленный ангел» недавно был переведен на английский язык, но вообще этот писатель принадлежит к числу наиболее трудных для перевода, потому что он является одним из самых самородных, связанных с родиной».

Творчество Л. Н. Толстого не только получило наивысшие оценки в Англии, но и решительным образом повлияло на многих литераторов. Его, как впоследствии А. П. Чехова, сравнивали и продолжают сравнивать с величайшим английским писателем Уильямом Шекспиром. Так, например, романист Джон Голсуорси, на произведения которого наряду с И. С. Тургеневым влиял Л. Н. Толстой, писал 10 мая 1902 г. пропагандистке русской литературы в Англии, переводчице Констанс Гарнетт: «Я склонен думать, что Толстой должен быть поставлен рядом с Шекспиром; его искусство — это не искусство в духе Тургенева, Шекспира, Мопассана, это нечто новое и создает более глубокие свойства самосознания и анализа». Позже тот же Голсуорси

утверждал: «Ни у одного из писателей мы не находим такого непосредственного ощущения реальной жизни».

А в своей речи, произнесенной в 1921 г., Бернард Шоу говорил о Л. Н. Толстом: «Его прикосновение обладает такой разрушительной силой,— если он хочет разрушить,— как ни у одного писателя. Его романы демонстрируют это вновь и вновь... Судья собирается на заседание суда, чтобы водвориться там в качестве божественного правосудия и отправлять своих ближних на каторгу. Толстой не усугубляет эту ситуацию — он не позволяет себе и бровью двинуть, и в глазах у него нет ни искорки смеха; но он упоминает, что прежде чем выйти из комнаты, судья делает несколько гимнастических упражнений. И вот судья уже втоптан в грязь... Этот убийственный, но по существу комедийный принцип свойствен пьесам Толстого, за исключением «Власти тьмы», которая представляет собой в целом настоящую трагедию. Его «Плоды просвещения», появившиеся задолго до пьес Чехова, первое произведение о домах, где разбиваются сердца, и самое разрушительное. Он прикасается своим пером к гостиной, кухне, к половику у входной двери, к туалетным столам наверху. Они увядают как сад Клингсора по знаку Парсифаля. Живой труп еще живет, как большинство прекрасных джентельменов. Но дворянство как институт повержено в прах. Как многие другие пророки <...> он проповедует, не отыскав истинного выхода, но его творчество обладает большой социальной силой; как мастер трагикомедии он показывает нам убогость и абсурдность горделиво-праздной жизни, ради которой мы жертвуем честью и счастьем наших ближних».

По сей день безгранична популярность А. П. Чехова в Англии. Известный английский актер Лоренс Оливье сказал о нем: «Все мы в известной степени расцениваем его произведения как важнейший этап в развитии театра, а его самого как пророка, предвестника той новой школы, которая определяла наше миросозерцание и самую сущность современного театра». А вот что пишет Джон Стайен в своей книге «Чехов на сцене», выпущенной в 1971 г. Кембриджским университетом: «Как всякий великий театр, театр Чехова останется живым и самообновляющимся с каждой новой постановкой. Мы всегда увидим что-то новое в Чехове, так же как мы видим в Шекспире». А за год до выхода этого исследования в Лондоне появилась книга Джона Пристли «Чехов», в которой говорится: «Чехова можно оценивать с разных сторон, но ни один человек, способный читать, не может сомневаться в его собственном поэтическом слухе. Одни писатели могли обладать такой же острой наблюдательностью, как и он, другие могли иметь столь же богатый социальный опыт, еще какие-то могли быть наделены его широкой сострадательностью, нежностью по отношению ко всем истинным страдальцам. Но в ком еще все это соединилось с таким абсолютным чувством (равным гениальности; об этом нужно сказать и это легко проглядеть) обстановки, атмосферы, ситуации, характера? И на все это у него затрачено наименьшее количество необходимых средств. Итак, на одном полюсе — научный подход и метод, на другом — самая чуткая антенна в русской литературе. По утрам он мог бесплатно вскрывать нарывы у мужиков, днем — планировал сад, библиотеку, школу, а ночью писал маленький шедевр. Все это делалось, с мягким юмором и состраданием, без догматизма и сковывающего теоретизирования... Это был образец человека нового типа; но модель разбилась, прежде чем нашему слепому и бездумному столетию исполнилось пять лет».

Большой популярностью пользуются в Англии произведения А. А. Блока. Их переводы многочисленны, в различных изданиях появилось большое количество статей, посвященных различным этапам творческой биографии поэта. В недавние годы вышли в свет пять книг о нем. Первая из них — ее автор Сесил Кила — называется «Александр Блок, пророк революции». В ней превосходно охарактеризована высокая гражданственность его поэзии. А в 1980 г., к столетию со дня рождения Блока, Оксфордский университет выпустил весьма содержательную двухтомную монографию «Жизнь Александра Блока», написанную Аврил Пайман, которая является лучшим в Англии знатоком творческого пути нашего великого поэта.

Существует множество восторженных высказываний английских писателей и публицистов о творчестве А. М. Горького.

В 1916 г. Бернард Шоу просил Горького, «самого выдающегося писателя России», участвовать в книге памяти Шекспира, посвящаемой 400-летию со дня смерти великого драматурга.

В марте 1928 г. Джон Голсуорси отправил следующую телеграмму Алексею Максимовичу: «Я позволю себе принести дань восхищения и уважения великому русскому писателю Максиму Горькому по случаю шестидесятилетия со дня его рождения. Желаю ему еще много лет здоровья и счастья, и пусть еще долгие годы читаются его исполненные силы произведения».

В связи с сорокалетием литературной деятельности Горького, в сентябре 1932 г., Бернард Шоу напечатал статью, где говорилось:

«Количество писателей, произведения которых получают известность за границей, очень невелико. Горький один из них. Перед революцией, в XIX в., в Англии из русских писателей вызывали сильный интерес сперва Тургенев и Толстой, затем Достоевский и, наконец, Горький и Чехов. Из этих писателей только Горький нарисовал путь революции».

Далее Шоу отмечает, что Горький знал Россию «лучше, чем другие писатели, чем писатели-дворяне, знал ее изнанку, ее темные пучины. Картина, нарисованная им, была мрачнее, но она подлинно отображала действительность, будучи работой пролетарского писателя (...) его герои делали свою работу, они не болтали, они стремились к жизни, а не к наводящему уныние ничтожному прозябанию (...) Короче говоря, герои Горького несли в себе революцию, и потому книги Горького были книгами расцвета, а не вещанием страшного суда».

Вот как откликнулся Герберт Уэллс в 1936 г. на кончину А. М. Горького: «Отошла в вечность еще одна из великих фигур, выдвинутых революционным процессом в России. Скончался мировой писатель. Его произведения остаются непревзойденными шедеврами. Но значение Горького не исчерпывается художественной литературой в собственном смысле слова. Горький играл большую роль в том, что может быть названо «политикой сознания».

В 1954 г. прозаик, поэт и критик Джек Линдсей выразил чувство «преклонения перед Горьким, великим писателем и человеком, открывшим в литературе эпоху Нового Человека».

Романист и публицист Джеймс Олдридж, выступая в печати со статьей о В. В. Маяковском, говорил:

«Мое поколение пришло на смену поколению, к которому принадлежал Маяковский. Его творчество наложило большой отпечаток на английскую современную литературу и английского читателя. Для нас он всегда был и остается одной из звезд первой величины мировой литературы... Потрясающая сила этих стихов, личность самого поэта, с такой гордостью и радостью говорящего о своем советском гражданстве, о своей молодой Родине, не могли никого оставить равнодушным. Его произведения переводились и издавались в Англии много раз. Я могу сказать, что Маяковского сейчас знают и любят в нашей стране все больше и больше. Особенно нравится его творчество нашей молодежи... В эпоху подъема классовой борьбы молодых привлекает героико-романтическая поэзия Маяковского, им близки присутствующие в ней дух юности, борьбы, желание победы. Для меня лично все творчество Маяковского представляется ярким и стойким цветком, выросшим на почве Великой революции. И нам, на Западе, нужны такие герои и такая литература, как у Маяковского».

В заключение хочется привести слова, которые, обращаясь к русским людям, сказал в 1916 г. Джон Голсуорси: «Русская проза ваших мастеров — это самая мощная животворная струя в море современной литературы».

Мы привели здесь лишь малую часть высказываний выдающихся деятелей английской культуры о классиках русской литературы. Такого рода высказывания могли бы составить большую книгу.

Печатаемый в данном томе труд Михаила Павловича Алексеева является первым капитальным превосходнейшим исследованием о русско-английских литературных связях начиная с первых встреч и кончая серединой XIX в. Любая из восьми глав этого труда вполне может быть названа монографией. Таким образом, в данном томе

содержится восемь своего рода монографий, в каждой из которых множество неизданных материалов, впервые вводимых в научный оборот.

На протяжении всех пятидесяти лет существования «Литературного наследства» редакция неоднократно обращалась к теме взаимосвязей русских и иностранных писателей. Более того, нам часто удавалось получить из-за рубежа фотографии интереснейших неизданных материалов по истории русской культуры, а порой и самые автографы великих отечественных писателей, а также большие архивные фонды, которые по их использовании в нашем издании передавались в лучшие рукописные хранилища Советского Союза.

Кратко напомним о некоторых такого рода томах «Литературного наследства», посвященных взаимосвязям русской и зарубежных литератур или тех, в которых впервые были обнародованы творческие и эпистолярные автографы русских писателей, хранящиеся в Западной Европе и в США.

Так, в 1932 г. вышел фундаментальный том, посвященный многогранной теме «Гете и русская культура» (№ 4—6). В 1937—1939 гг. появились три капитальных тома нашего издания (№ 29—30, 31—32, 33—34) — «Русская культура и Франция». Украшением этих томов были исследования Ю. Н. Тынянова «Французские отношения В. К. Кюхельбекера», Л. П. Гроссмана «Бальзак в России», С. Н. Дурылина «Г-жа де Сталь и ее русские отношения», а также «Александр Дюма-отец и Россия», М. П. Алексеева «Виктор Гюго и его русские знакомства». Весьма содержателен том 75-й (в двух книгах) — «Лев Толстой и зарубежный мир».

О том, как зародилась свыше сорока лет назад идея создания тома, посвященного русско-английским литературным связям, рассказывает автор этого труда в своем ниже печатаемом предисловии.

О достоинствах труда М. П. Алексеева уже говорилось выше. В дополнение к этому можно привести несколько отрывков из отзывов, данных рецензентами, когда исследование М. П. Алексеева находилось еще в машинописи. Вот что писал М. В. Урнов: «Только один человек и мог создать этот труд — Михаил Павлович Алексеев. Крупнейший знаток своего предмета, он исследует в историко-биографическом аспекте личные взаимоотношения писателей, их переписку, непосредственное окружение, круг чтения. Без работ М. П. Алексеева ни проблема влияний, выясняемых обычно в силу старинного правила, гласящего, что «идеи носятся в воздухе», ни типологические сопоставления не могут быть изучены основательно. В труде М. П. Алексеева обследован огромнейший материал, выявлено, изучено и прокомментировано, кажется, все, что представляет хотя бы малейший интерес в конкретных сферах русско-английских литературных связей: «Первые литературные встречи» (глава I), «Ранние истолкователи русской поэзии» (глава II), «Джон Бауринг и его «Российская антология» (III), «Вальтер Скотт и его русские знакомства» (глава IV), «Байрон и русская дипломатия» (глава V), «Московские дневники и письма Клер Клермонт» (глава VI), «Пушкин и английские путешественники» (глава VII), «Томас Мур и русские писатели XIX века» (глава VIII).

По этим конкретным темам представлено то, что вовсе не было предметом рассмотрения, а также то, что было освещено, бегло и вне контекста, или истолковано неточно... Масса документов и разносторонних фактов вводится в научный оборот впервые. Каждый документ, имеющий значение факт прокомментированы, сопровождены пояснениями, справками, примечаниями». Завершается отзыв словами: «Исследование М. П. Алексеева, подготовлено в итоге многолетнего труда, войдет в основной фонд нашей литературной науки и будет одним из самых содержательных в известной своей насыщенностью серии «Литературного наследства».

Высоко отозвался об одной из глав исследования член-корреспондент Академии наук СССР Д. Д. Благой: «В своей интереснейшей работе «Пушкин и английские путешественники в России» академик М. П. Алексеев поднимает и вводит в поле зрения исследователей целый новый, почти не привлекавший к себе внимания и потому недооцененный, как вообще, так и в особенности, в непосредственной связи с жизнью и творчеством Пушкина, пласт в истории русско-европейских культурных отношений пушкинской поры... В результате возникает очень полная и яркая картина, освещаю-

щая еще одну оставшуюся доселе в тени страницу в личной и творческой биографии Пушкина и в знакомстве с его личностью и его произведениями за рубежом».

Мы с признательностью вспоминаем выступление М. П. Алексеева в 1956 г. на заседании Ученого Совета Института русской литературы в Ленинграде, посвященном 25-летию «Литературного наследства». Подчеркивая, что весьма часто наша редакция сама выявляет неизданные материалы, передает их исследователям для трудов, предназначенных к напечатанию в «Литературном наследстве», всячески помогает своим авторам, Михаил Павлович далее говорил: «Очень интересно отметить, что эта новая форма организации работы свойственна только редакции «Литературного наследства»— ни одна редакция до сих пор не вмешивалась активно в творческий процесс отдельных ученых так, как это имеет место здесь. Редакция не только заказывает статьи, но оказывает широкую помощь автору, выписывает материалы, находит материалы, дает материалы, наталкивает на новые, чрезвычайно содержательные источники... И если бы не эта помощь редакции, то многие статьи, которые даны в «Литературном наследстве», не получили бы их нынешней формы».

Все здесь сказанное в полной мере относится к печатаемому в данном томе исследованию М. П. Алексеева.

Редакция глубоко скорбит, что труд М. П. Алексеева — лучшая, наиболее фундаментальная из его исследовательских работ — выходит в свет после кончины автора, выдающегося литературоведа, чье имя почтительно произносится филологами во всем мире.

В работе по подготовке этого тома приняли деятельное участие К. П. Богаевская, А. В. Лавров.

Глубокую признательность мы приносим М. И. Перпер, которая провела очень большую работу, осуществив в этом томе тщательную проверку всех иностранных текстов и цитат.

Редактор тома *И. С. Зильберштейн*

ОТ АВТОРА

Помещаемые в настоящем томе «Литературного наследства» разыскания в области русско-английских взаимосвязей имеют свою длительную историю, основные этапы которой следует довести до сведения читателей нижеследующих страниц. Более трех десятилетий тому назад член редакции «Литературного наследства» И. С. Зильберштейн, являющийся душою этой им же организованной и выпестованной серии историко-литературных сборников, обратил мое внимание на несколько чрезвычайно ценных неопубликованных литературных документов, обнаруженных им в различных архивах и книгохранилищах. С первого же взгляда, брошенного на эти рукописи, становилось ясно, что их необходимо изучить и издать. Это были еще неизвестные исследователям автографические тексты произведений и писем Байрона, Вальтера Скотта и других английских писателей XVIII—XIX вв. Первоначально возникла мысль обработать эти материалы для нескольких не связанных друг с другом публикаций и поместить их в очередных томах «Литературного наследства». Однако подготовка к печати всех новонайденных материалов натолкнулась на значительные и частью непредвиденные трудности: составление необходимого комментария к отдельным документам, датировка их, когда она отсутствовала на самых рукописях, установление истории каждой из них, определение времени их поступления в книгохранилища и т. д.,— все это требовало довольно длительного времени и усилий, призывая автора данных строк не слишком торопиться с завершением их подготовки к печати и опубликованием.

Между тем находки аналогичных документов, в свое время пренебреженных исследователями, продолжались во все возрастающем количестве в результате предпринятых автором и И. С. Зильберштейном систематических поисков в ряде наиболее значительных музеев, архивов и книгохранилищ нашей страны и за рубежом. Результаты этой работы, продолжавшейся несколько лет, были еще более неожиданными. Оказалось, что между отдельными найденными рукописями, разновременными и, как представлялось, случайными, существует сложная внутренняя связь, а сами они зачастую являются важными и заметными звеньями в целой цепи устойчивых личных контактов или творческой зависимости между русскими и английскими поэтами и литераторами во все указанное время. Удалось установить, когда и по каким причинам эти документы попали в русские архивы или автографические коллекции, что вызвало интерес к их приобретению или долголетнему хранению, какие отношения связывали между собою английских и русских корреспондентов,что волновало или воодушевляло их, когда они посылали свои письма из городов Англии в русские местности или обратно и т. д. Выяснилось, например, что у Байрона был небольшой круг русских знакомых в Англии, Италии и Греции, что Вальтер Скотт, сильно интересовавшийся Россией в эпоху Наполеоновских войн, имел довольно много корреспондентов и что среди них были известные русские писатели и поэты... Так, постепенно, из нестройной, беспорядочной массы документов, находящихся в различных государственных хранилищах и частных коллекциях, выступала, прорисовывалась и определялась основная тема настоящей работы, образовывались заглавия и естественные центры составляющих ее глав, а вокруг этих центров располагались накапливающиеся материалы.

Сведения о находках неопубликованных английских рукописей и готовящемся их издании постепенно просачивались и в печать, советскую и зарубежную [1], и вызывали неоднократные запросы, все более настойчивые, поступавшие в редакцию «Литературного наследства» и к автору настоящей работы из стран Западной Европы и Америки,— где и когда будут опубликованы новонайденные материалы. Однако, ответы на это оставались неясными и неопределенными; лишь однажды, в 1952 г., уступая зап-

росам подобного рода, автор предоставил редакции «Литературного наследства» для печати фрагмент из своего тогда еще незавершенного труда — о хранящихся у нас автографах Байрона; эта публикация сопровождалась воспроизведением рукописей, хранящихся в Москве и в Ленинграде [2].

В 1963 г. автору удалось побывать в Великобритании для занятий в библиотеках и архивах Лондона, Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга и других городов, что в значительной степени способствовало обогащению данного труда по истории русско-английских литературных связей новыми сведениями, заимствованными из архивных документов и редких изданий, отсутствующих в наших библиотеках.

Хотя в первом варианте настоящее исследование было готово к печати еще в 1946 г., в двух томах, в которых очерки русско-английских взаимосвязей доведены были до конца XIX в., но в то время публикация этих томов не могла быть осуществлена. В последующие годы продолжались находки новых документальных материалов, а вместе с тем совершенствовалась и рукопись этой книги; в конце концов она стала слишком объемной, громоздкой и затруднительной для опубликования в целом; помимо этого, за эти годы автор нередко был отвлекаем от внесения в эту рукопись дополнений и поправок другими очередными литературными трудами, требовавшими к себе полного внимания. В настоящее время публикуется лишь первый том исследования.

Приведенная выше краткая справка может объяснить читателю как структуру, так и некоторые другие композиционные особенности настоящей работы; иногда, в силу необходимости приходилось вставлять в примечания такие материалы, естественное место которых было в тексте: этими же причинами объясняется неодинаковый объем отдельных глав, продиктованный наличием тех или иных неопубликованных ранее документальных материалов, которые подлежали включению в соответствующие главы. Некоторые материалы (например, связки писем и архивных бумаг) оказались столь громоздкими, что пришлось отказаться от публикации их в полном виде (притом в двойном объеме — на языке подлинника и в русском переводе) и печатать их лишь в более или менее пространных выдержках.

В силу всего вышесказанного данное исследование не может претендовать ни на полноту затронутых в нем вопросов истории русско-английских связей за указанный период, ни на систематический характер изложения. Автор пришел к убеждению, что полная, подробная, достаточно широко документированная история русско-английских отношений, культурных и литературных, а также их взаимодействий за несколько столетий их существования, еще не может быть написана. Такая задача потребует еще многих этюдов и предварительных изысканий, прежде чем удастся восстановить все наиболее существенные этапы развития этих связей, назвать всех важнейших участников англо-русского сближения прошлого времени, представить их всестороннюю характеристику, произвести необходимый социально-исторический анализ причин, вызывавших обоюдный интерес друг к другу литературных деятелей этих стран... Изучение всех перечисленных и ряда других вопросов безусловно потребует еще многих лет напряженного труда, и рещение их едва ли будет достижимо единичным, а не сплоченным усилием исследователей, не только потому, что подлежащий изучению материал известен еще недостаточно [3], но прежде всего потому, что для его обнаружения требуются предварительные длительные розыски.

Особо следует пояснить, каких принципов и способов придерживался автор нижеследующей работы при транскрибировании английских слов и собственных имен. Как известно, практика их транскрибирования доныне не может считаться у нас окончательно установленной и общепринятой, а лежащие в их основе теоретические соображения до сих пор вызывают несогласия и споры, хотя неоднократно служили предметом особого внимания как переводчиков, так и специалистов-языковедов [4].

В последнее время у нас получили распространение такие способы передачи английских слов русской азбукой, какие обеспечивают им максимальное приближение к фонетическим и орфоэпическим особенностям языка-оригинала. Но эта практика оказалась неустойчивой, так как она прибегает к явному насилию над русским языком и привычной системой его орфографии. Кроме того, такая тенденция то в сильной, то в ослабленной форме возникала у русских переводчиков с английского несколько раз в течение всего XIX в. и позже, но всегда вызывала сомнения, досаду и полемику. Из

сравнительно недавнего прошлого вспомним плачевный опыт «Каталога» издательства «Всемирная литература» (1919), пытавшегося внедрить в перечень английских писателей XIX в. вместо широко известного русским читателям Теккерея некоего уродца «Сакри»... Однако, аналогичные эксперименты делались у нас и значительно раньше. Приведем хотя бы несколько примеров. Публикуя переведенную с французского языка статью Филарета Шаля «Нынешняя английская словесность», русский журнал 1839 г. снабдил ее следующим примечанием редакции: «Почитаем за нужное прибавить здесь, что английские имена пишем мы *приблизительно*, не следуя забавному усилию одних выразить их русскими буквами, после чего пришлось бы писать: Wordsworth — Уордсуорз, и все-таки мы не выразили бы вполне английских букв w и th» [5]. Более десятилетия спустя можно было прочесть в другом русском журнале следующее заявление: «У нас в моде писать теперь некоторые иностранные слова, как они на своих языках пишутся; особенно англичане заставляют наших литературных франтов ломать языки без милосердия, и Уильялы, Ульки, Гоуики раздирают нам уши, хоть от того ни знаем, ни пишем мы лучше ни по-русски, ни по-английски. Но ничто не ново под луною, и курьезы такие бывали у нас в прошедшем столетии, и в 1790 г. напечатано было в Петербурге у Шнора «Описание хода купеческих караванов в степной Аравии, перевод с *Энглишского* языка» [6].

Заметим, однако, что в XVIII — начале XIX в. русские слова, служившие наименованием английского народа и принадлежности к нему, несколько раз меняли свою орфографию. В статье В. В. Виноградова «Из наблюдений над языком и стилем И. И. Дмитриева» приведено интересное сопоставление авторской правки стихотворения этого поэта в его изданиях, подтверждающее изменение прилагательного «английский» на протяжении нескольких лет [7]. Первоначальная форма этого слова, вошедшая в словари начала XVIII в., была «аглицкий» [8]. В соответствии с этим одно из стихотворений Дмитриева имело в первой его публикации следующие строки:

А от нее ведь три шага
До *аглицкого* магазина.
(«Московск. журнал», 1792, V, 160;
ср. 1802, V, с. 155)

В следующем издании автор эту строку переправил:

А от нее ведь три шага
До *аглинского* магазина.
(Соч. И. И. Дмитриева, 1803,
II, с. 9)

А еще десятилетие спустя эта строка автором исправлена вновь:

А от нее ведь три шага
до *английского* магазина.
(Соч. И. И. Дмитриева, 1804,
II, с. 110).

Вопрос о различных способах написания английских слов рассматривается в известной статье Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания», долгое время считавшейся непререкаемой [9].

Против исторического подхода к вопросам транскрипции иностранных слов, обоснованного Я. К. Гротом, трудно что-либо возразить, тем более, что необходимо иметь более подробные сведения о закономерности различных способов транскрипции и о времени их возникновения. Но, конечно, вся проблема этим отнюдь не решается. Например, при оценке правомерности и привычности тех или иных транскрипций английских собственных имен, дававшихся у нас в XIX в., следует иметь в виду изменения, которые произошли в их произношении в самой Англии.

Впрочем, здесь не место вдаваться в большие подробности сложной и специальной проблемы. Приведенные выше примеры должны были с достаточной ясностью представить, что с точки зрения автора настоящей работы, не было никакой необходимости

придерживаться в тексте слишком модернизованных, модных в настоящее время, транскрипций. Автору представляется правильной точка зрения, высказанная Л. А. Булаховским: «Русское письмо не стремится точно сохранить иностранные написания. В общем оно ориентируется на установившееся в языке произношение соответственных заимствованных слов, до некоторой только степени делая уступку графико-этимологическому принципу...» [10]

Было бы затруднительно назвать здесь многочисленные имена всех лиц, оказавших помощь автору словом и делом в годы написания этого труда. Не могу, однако, не вспомнить с особой благодарностью энергичную и действенную поддержку, которую автору оказал И. С. Зильберштейн во все долгие годы, когда задумывалась и создавалась эта работа,— то подавая неоценимую помощь и содействуя при отыскании рукописных неопубликованных материалов, то укрепляя надежду автора, нередко угасавшую, в том что эта большая книга будет издана; и, наконец, взяв на себя нелегкий труд по его редакционному просмотру перед сдачей в издательство. Приношу мою искреннюю благодарность Дирекции и Ученому совету Института мировой литературы им. А. М. Горького в Москве, не только утвердивших к печати рукопись данной работы, но и великодушно предоставивших для нее страницы отдельного тома «Литературного наследства». Со словами сердечной признательности я хотел бы обратиться к Дирекции и сотрудникам Рукописного отделения, Библиотеки и Музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в Ленинграде, всегда шедшим навстречу всем моим разысканиям и охотно дававшим разрешение на публикацию рукописей из богатейшего собрания института и редких печатных изданий его библиотеки и музея. С искренней признательностью вспоминаю также неизменную отзывчивость и заботливую внимательность Дж. С. Г. Симмонса (J. S. G. Simmons, Оксфорд), которому автор обязан многими справками и ксерокопиями редчайших книг из многих музеев и старейших библиотек Англии. Не могу не назвать здесь еще с чувством глубокой горечи и благодарности имя безвременно погибшего Эойна МакУайта (Eoin MacWhite; Дублин — Гаага), члена Ирландской Академии наук и прекрасного знатока ирландской истории и древностей; с неизменной готовностью он присылал мне книги из своей библиотеки для пользования ими, по собственному почину списывал для меня копии с бумаг ирландских архивов, очень обогатившие последнюю главу настоящей работы о Томасе Муре.

М. П. Алексеев

Ленинград
декабрь 1979

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: «Britain and Russia. Unpublished letters discovered in Soviet Archives».— «The Observer», 1935, 3 november. См. также мою обзорную статью — «British Manuscripts in Russia.— «The Times Literary Supplement», 1946, N 2, 329 (21 sept.), p. 451.

[2] М. П. Алексеев. Автографы Байрона в СССР.— ЛН, т. 58. М., 1952, с. 949—998.

[3] О целых массивах разнообразных материалов документальной «россики», хранящихся в Англии и ожидающих опубликования, можно составить себе представление из ряда ее обзоров, появлявшихся в русской печати.

[4] Из большой русской литературы, посвященной этим вопросам, назовем хотя бы следующие работы: В. Эпштейн. Опыт транскрибирования звуков английского языка при помощи русского алфавита. М., 1940; Л. В. Щерба. Транскрипция иностранных слов и собственных имен.— «Известия комиссии по русскому языку АН СССР», т. I. Л., 1934, с. 187—196; А. А. Реформатский. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен.— «Известия ОЛЯ Академии наук СССР», 1960, т. XIX, вып. 6, с. 530; В. И. Кузнецова. Фонетические основы передачи английских собственных имен на русском языке. Л., 1960; А. В. Суперанская.

Словари русской транскрипции иноязычных собственных имен.— «Лексикографический сборник». вып. IV. М., 1960, с. 120—124.

[5] «Сын Отечества», 1839, т. VIII, март — апрель, отд. IV, с. 1—49.

[6] «Москвитянин», 1851, т. V, № 19—20, отд. VII. Смесь, с. 295.

Книга, названная здесь, действительно существует (см. В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ред. В. Н. Рогожина, т. IV, № 7783); переводчиком ее был Ф. В. Каржавин, интересовавшийся вопросами транскрипции иностранных слов русским алфавитом. В 1791 г. он издал в своем переводе «Краткое известие о достопамятных приключениях капитана Д'Сивилля»; к этой книжке он приложил небольшой собственный трактат «Примечания о неправильном выговоре и писании многих иностранных слов» (с. 20—35), в котором снова защищал орфографическую форму слова «энглишский».

[7] Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. I. М.— Л., 1940, с. 238.

[8] В. Н. Макеева. Неизвестный отрывок первого издания академического словаря.— «Лексикографический сборник», вып VI. М., 1963, с. 95. Из приведенного здесь фрагмента словаря 1735 г. видно, что тогда при слове «Англия» были нормой слова «англинский», «агличанин».

[9] Я. К. Грот. Труды, т. II. СПб, 1899, с. 768.

[10] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Изд. 2. Харьков, 1931, с. 214—216. Близкой точки зрения придерживались и русские грамматисты первой половины XIX в., например, Н. И. Греч («Практическая русская грамматика, изданная Николаем Гречем». СПб., 1827, с. 550—561: «Правописание слов иноязычных»; ср. его же статью: «Азбука сравнительная» — в кн. «Энциклопедический лексикон», т. I. СПб., 1835, с. 233—238: «Несколько замечаний о том, каким образом можно и должно удобнее всего выражать русскими буквами звуки других европейских языков, древних и новых.

Глава I

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

1. Англия и Московское государство в XVI—XVII веках.— Англия в русских летописях. 2. Английские посольства в Москву и русские — в Лондон и их литературные отражения.— Английские книги о России и отзвуки их в английской поэзии: стихи об английских путешественниках на русском Севере.— Уильям Уорнер («Albion's England», 1602) и Майкл Дрейтон («Poly-Albion», 1613).— Сонеты о Московии Филиппа Сиднея.— Английский поэт Джордж Тербервиль и его московские стихотворные эпистолы. 3. «Московия» в английской литературе.— Шекспир о русских.— Трагедия Флетчера «Верноподданный».— География Московии у драматургов-елизаветинцев.— Московия в книге Р. Бертона «Анатомия меланхолии» (1620). 4. Русские книги в Англии XVI—XVII веков.— Изучение русского языка.— Дж. Мильтон и его «Краткая история Московии».— Друг Мильтона, поэт Эндрю Марвелл, в Архангельске, Вологде и Москве (1663—1664).— Русские эпизоды в английских пьесах эпохи Реставрации и в поэме С. Батлера «Гудибрас».— Лудольф и его оксфордская «Русская грамматика». 5. Отзвуки английской революции в русской письменности XVII века.— «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли».— «Декларация» Алексея Михайловича об английской революции.— «О Каролусе первом, короле Великобританском» — русский перевод XVII века. 6. Петр I в Англии.— Петр I и английский театр.— Английский драматург в гостях у царя Петра.— Шутовской «Великобританский монастырь» или «Бенго-коллегия», сснованная Петром I, и ее участники.— Английская баллада о Мэри Гамильтон и ее русские источники.— Россия начала XVIII века в произведениях Стиля и Аддисона, Д. Дефо, Дж. Свифта, Э. Хилла и Дж. Томсона.

1. Англия и Московское государство в XVI—XVII веках.— Англия в русских летописях

Оживленные торговые сношения между Лондоном и Москвой наладились со второй половины XVI в. В исторической литературе с давних пор пользуются широкой известностью рассказы о том, как возникли торговые связи англичан и русских, при каких обстоятельствах они состоялись, к каким результатам привели. Напомним, что морской путь в Северную Россию был открыт англичанами в 1553 г. Это не значит, конечно, что русское государство до того времени было в Англии вовсе не известно,— тем не менее сношения между двумя странами, хотя они и начались еще в средневековье, долгие столетия были очень затруднены [1]. Английская морская экспедиция 1553 г. открыла и новый путь для обоюдных путешествий и положила начало регулярным дипломатическим отношениям двух государств. Весною этого года три корабля, снаряженные «Обществом купцов-странствователей» (Merchant Adventurers' Company), вышли из Темзы на поиски пути в Китай и Индию и после шестимесячного плавания, отнесенные бурей и противными ветрами, неожиданно достигли северных берегов русской земли.

Известно далее, что обитаемого берега достиг, собственно, только один из трех кораблей этой экспедиции — «Edward Bonaventure»; другие два, над которыми начальствовал сэр Хьюг Уиллоуби, заброшенные в ледяные пустыни, погибли. «Эдуард», начальником которого был опытный мореходец Ричард Ченслор, пристал к устью Северной Двины, там, где впоследствии раскинулся знаменитый своей заморской торговлей Архангельск и где в 1553 г. была еще бедная рыбацкая пристань возле монастыря.

Англичане сошли на берег; местные жители сообщили в ближайший административный центр о прибывшем корабле, и тамошний воевода радушно встретил гостей. Ченслор съездил в Москву, был принят Иваном Грозным в качестве посланника и через год вернулся в Англию. Такова много раз

рассказанная, притом с большими подробностями, история первого путешествия англичан в русские воды Белого моря [2].

Ченслор, вернувшийся на родину из далекого и опасного путешествия, был встречен здесь с удивлением и любопытством. Пробыв в Англии год, весною 1555 г. Ченслор на том же корабле вновь отправился в Московское государство, чтобы содействовать учреждению постоянной английской торговли в России. Известно далее, что он столь же удачно совершил свое второе путешествие и уже возвращался на родину, везя богатый груз и имея на корабле первого русского посла в Англию,— Осипа Непею [3], как в бурную ночь его корабль разбился о скалы у шотландских берегов. Заботясь о спасении московского посла, Ченслор погиб вместе с сыном и большею частью экипажа; Непея же спасся и вскоре был торжественно принят в Лондоне, где купцы устроили в его честь настоящий праздник. Известие об этом занес в свою знаменитую хронику Холиншед [4].

В довольно широких кругах Англии получили тогда распространение и записка Ченслора, составленная для Кристофера Фротингема («Книга о великом и могущественном царе русском и князе московском и о тамошних владениях, порядках и произведениях»), и отчет о его путешествии в Русское государство, обработанный с его слов Климентом Адамсом («Anglorum navigatio ad Moscovitas»). Эти первые английские источники сведений о Руси XVI в. стали быстро пополняться новыми данными; вскоре в Англии появились печатные дневники путешествий в Московию, совершенных англичанами, и целые рассуждения о ее быте и государственном устройстве.

С таким же вниманием и любопытством отнеслись к английским путешественникам в Московском государстве. Уже событие 24 августа 1553 г.— прибытие первого английского корабля к берегу Белого моря — показалось настолько примечательным, что рассказ о нем был занесен и в русские летописи. Так, например, двинский летописец довольно подробно повествует о приезде в Холмогоры на «малых судах» посла «Рыцарта» (Richard Chancellor) «от аглинского короля Эдварда» с гостями [5]. В ту же русскую летопись занесен рассказ о том, как найдены были другие, замерзшие корабли той же флотилии.

В этой обстоятельной записи нашлось место и рассказу о самом событии и именам двинян, производивших опись имущества на кораблях погибшего Хьюга Уиллоуби, и известиям о вторичном приезде Ченслора для окончательного заключения торгового трактата с Москвой и, наконец, рассказу о поездке в Англию Осипа Непеи.

В несколько иных редакциях те же известия находятся и в других русских летописях; так, в Патриаршую, или Никоновскую, летопись вошел рассказ о вторичном приезде в Москву Ченслора: он, как и в Двинской летописи, назван здесь «Рыцартом», а спутник его — George Killingworth — Юрием [6]. Через несколько страниц в той же летописи, под 7064 (1556) г. находим мы и отдельный рассказ «О отпущении королевых посланников, Рыцарта да Юрья» и об отправке с ними в Лондон Осипа Непеи-вологжанина.

Особенно любопытен помещенный далее краткий рассказ о путешествии Непеи в Англию, о кораблекрушении у берегов Шотландии, о торжественном приеме, который король учинил московскому послу «в большом своем городе в Луньском» (Лондоне); «да отпустил с Непеею мастеров многих, дохторов и злату и серебру искателей и делателей, и иных многих мастеров, и пришли с Непеею вместе»,— прибавляет летописец [7]. Интересно отметить, что в одном из списков летописи — «Синодальном» — огромном лицевом своде, изготовленном во второй половине XVI в., притом, вероятно, для самого Ивана Грозного, мы находим даже иллюстрации к этим рассказам.

На одной из миниатюр этой рукописи (л. 308), сделанных хорошим русским живописцем того времени, изображены одновременно: прием Иваном Грозным английского посла, гибель Ченслора у шотландских берегов, Англия с ее королем и прибытие Осипа Непеи в Лондон. Все это представлено

ПРИЕЗД АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА Р. ЧЕНСЛОРА В МОСКВУ И ПОЕЗДКА О. НЕПЕИ В ЛОНДОН
Миниатюра из Никоновской летописи
Исторический музей, Москва

художником в легкой и изящной манере, несмотря на условности в передаче как внешнего облика послов, так и городских пейзажей — московского и лондонского [8]. Столетие спустя русские художники располагали уже настолько большим запасом сведений об Англии и такими уверенными навыками художественного письма, что могли создавать самостоятельные композиции из английского государственного герба и даже добивались портретного сходства в акварельных изображениях английских деятелей (например, короля Карла II); таковы, в частности, большею частью неопубликованные, рисунки в так называемом «Титулярнике» (1672—1673), приписываемые русскому мастеру Дмитрию Львову [9].

2. Английские посольства в Москву и русские — в Лондон и их литературные отражения.— Английские книги о России и отзвуки их в английской поэзии: стихи об английских путешественниках на русском Севере.— Вильям Уорнер («Albion's England», 1602) и Майкл Дрейтон («Poly-Albion», 1613).— Сонеты о Московии Филиппа Сиднея.— Английский поэт Джордж Тербервиль и его московские стихотворные эпистолы

К концу XVI столетия взаимное ознакомление обеих стран, Англии и России, достигло уже значительных успехов. Между ними шел непрерывный обмен посольствами, людьми, их торговые связи крепли и разрастались. Все это неизбежно вело к обоюдному культурному взаимодействию и взаимовлиянию во всех областях жизни.

О красивых сибирских мехах, о медведях, о пеньке, об архангельской слюде — «Muscovy glass», которую англичане некоторое время предпочитали плохому стеклу собственной выработки, и многих других предметах установившейся торговли с Московским государством в Англии знали не только из книг о далеких путешествиях. Подобно тому как предметы англо-русской торговли внедрялись непосредственно в самый быт англичан, так широким потоком входили в их сознание всевозможные данные о мало знакомой им прежде северной стране — ее людях, природе, нравах, обычаях; их черпали отовсюду — из книг, устных рассказов, личного общения. Только этим многообразием источников информации и можно объяснить обилие сведений о Московском государстве, которыми обладали рядовые англичане в конце XVI в. На мысли об этой стране постоянно наталкивали их предметы домашнего обихода; о ней слышали они речи по тому или другому поводу на театральных представлениях, читали в книгах — стихах, повестях, памфлетах, не говоря уже о специальных сочинениях.

Подобные творения занимали важное место в географической литературе того времени и становились все многочисленнее. Возрастало количество англичан, побывавших на Белом море и посетивших центральные города Московского государства. Их рассказы, путевые дневники, воспоминания с приложением дипломатических документов и отчетов «Muscovy Company» напечатал Ричард Гаклюйт (Hakluyt) в большом однотомном сборнике путешествий англичан в разные страны света («The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of English Nation», 1589); десятилетие спустя (1598—1600) понадобилось второе издание этого труда, вышедшее уже в трех томах, причем сведения о России были здесь очень пополнены [10].

Отчеты Ченслора, Дженкинсона, Ст. Боро, Сутхема и Спарка, письма Гаутри, Грея, Олкока, Лейна, Ускомба, Симкинсона, Гарварда и других давали читателю много самых занимательных подробностей. Москва, Вологда, Ярославль, Новгород, пристани Белого моря, среди них Архангельск (основанный в 1584 г.), Волга, Каспийское море, обычаи и нравы русских, татар, «самоедов», способы торговли, образ домашней жизни, характеристика русской власти — все это нашло себе место в опубликованных Гаклюйтом материалах, которые трудолюбивый и ревностный к славе

своих соотечественников историограф собрал непосредственно от очевидцев или от их ближайших друзей. Место прежних отрывочных данных или недостоверных рассказов заняли теперь более обширные компиляции и основательные сочинения по первоисточникам. Появились рассказы Дж. Горсея, долго жившего в России и одно время близкого к Ивану Грозному [11]; в 1591 г. вышла в свет книга Флетчера «О государстве русском» («Of the Russe Commonwealth»); в 1605 г.— описание посольства сэра Томаса Смита («Sir Thomas Smithe's Voiage and Entertainment in Russia») [12] и т. д.

Все эти документальные исторические и географические источники пользовались в Англии довольно широкой известностью. Так, например, поэт Уильям Уорнер (William Warner; 1558—1609) воспел морские путешествия англичан в Россию через Белое море в одиннадцатой книге своей эпической поэмы «Albion's England» (1602). Это огромное творение, в нескольких тысячах стихов, рассказывающее историю Англии от древнейших времен до эпохи Елизаветы, в то время охотно читалось и очень ценилось. Современник его, Френсис Мирес, причислял Уорнера к первостепенным поэтам той поры и ставил его в один ряд с Э. Спенсером, называя «английским Гомером». Тем интереснее, что Уорнер в своем произведении нашел место рассказу о начале русско-английской торговли, прославил отважных английских путешественников в северные области русской земли [13] и в несколько тяжелых на наш вкус стихах рассказал о смелых плаваниях Ст. Боро с Вайгача в страну «самоедов», о поисках морского пути к реке Обь, об экспедициях Пэта и Джекмена, Рич. Джонсона и других. Временами Уорнер просто перелагал в стихи соответствующие страницы сборника Гаклюйта. Так, например, о путешествии Боро на остров Вайгач Уорнер повествует в следующих стихах:

Нет, не легко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Боро там бывал, трудами пренебрег,
Через холодные моря в Лапландию проплыл,
Весьма опасный путь для Англии открыл.
Что видел он среди вайгат и самоедов там?
— Их чумы, идолов, и как рыбак по берегам
Таскает лодку на спине, рыбача целый день,
Как возит на себе людей послушный им олень...

Этот эпизод Уорнер заканчивает сопоставлением тяжелого труда и лишений отважного английского путешественника с «подвигом Рич. Ченслора»:

Про их мороз и снег я рассказать вам рад.
Сколь много Боро повидал чудес в стране Вайгат!
Как подвиг Ченслора, велик его упорный труд.
Как Пэт и Джекмен, он страдал в снегах суровых тут... [14]

Пер. Б. Миротворцева

Продолжателем Уорнера был Майкл Дрейтон (1563—1633), в 19-й песне огромной стихотворной поэмы «Poly-Albion» (1613), в свою очередь, представивший историю открытий английских мореплавателей на русском Севере. Источником его также оставался труд Гаклюйта, но Драйтон был еще подробнее своего предшественника. Он вспоминает о плаваниях в Белое море норвежца Охтхере, о котором сохранил известие англо-саксонский король Альфред, вновь рассказывает о попытках англичан в елизаветинское время достигнуть «великой русской реки Двины» (the great River of Russia Dvina), о гибели Хьюга Уиллоуби («brave adventurous Knight, our Sir Hugh Willoughby») и о «заслуживших вечную славу» Ченслоре и Дженкинсоне:

Two others follow then, eternal fame that wonne,
Our Chancellor, and with him, compare we Jenkinson:
For Russia both embarqu'd...[15]

В конце XVI в. англичане с интересом читали также бесхитростные, но порою очень занимательные рассказы не профессиональных писателей, а заурядных странствователей или искателей приключений: в основе подобных рассказов были, несомненно, события, лично пережитые их авторами (или записанные с их слов). Такова, например, увлекательная автобиография некоего Эдуарда Уебба, пушечного мастера по ремеслу, выдержавшая в 1590 г. три издания [16]. Из этой небольшой книги мы узнаем, что в конце 60-х годов XVI в. Уебб уехал в Москву в свите Дженкинсона, откуда вернулся в Англию через три года. Потом он снова очутился в Москве в 1571 г., в тот момент, когда крымский хан Девлет-Гирей жег русскую столицу; Уебб попал в плен к татарам, уведен был ими в Крым, а затем продан в рабство на турецкую галеру. Все это без прикрас, с полным правдоподобием рассказано в книге, привлекавшей к себе читателей не своими литературными достоинствами, но благодаря увлекательной цепи событий и приключений, испытанных автором.

Англичане в эпоху Возрождения очень любили путешествовать: путешествия поощрялись тогда трактатами о воспитании, в странствованиях видели приятнейший из способов образования и приобретения жизненного опыта: в ходу были книги о путешествиях с философской, педагогической, коммерческой точек зрения. В одной из таких книг Джерома Терлера (Jerome Turler) под заглавием «Путешественник» («The Traveller», 1575, Book I, ch. IV), посреди подобных общих рассуждений мы находим, между прочим, любопытные сопоставления различных народов; это один из итогов странствований по чужим землям, проверкой которых может заняться мыслящий путешественник; характерно, что для заметок о своего рода сравнительной национальной психологии, как мы определили бы сейчас тему наблюдений Терлера, автор выбрал русского и немца, затем француза, итальянца и испанца [17]: мы находим в этом факте лишнее подтверждение тому, что русский для англичан XVI в. был фигурой привычной и довольно знакомой.

Все это объясняет нам, почему упоминания о Московии встречаются в лирической поэзии, например, у Филиппа Сиднея. В творчестве этого поэта между принужденных, несколько утомительных, но все же тонких и изящных пасторалей его «Аркадии» и серьезной и порой величественной риторикой его трактата «Защита поэзии» находится томик интимных сонетов «Астрофель и Стелла» (1591), увидевший свет только после смерти автора. Эта книга лирических признаний, вся овеянная духом Петрарки, написана Сиднеем в прославление Пенелопы Деверё, дочери графа Эссекса, увиденной им однажды при дворе королевы Елизаветы. В мечтаниях о своей избраннице поэт ищет образов и метафор, способных выразить его любовные томления, и неожиданно находит их в воспоминаниях о прочитанных книгах или рассказах о мореплаваниях в Московское государство, которые он слышал в юности в доме отца: подобно московиту, счастливому быть холопом своего государя и не чувствующему гнетущей его тирании, он славит ту, что сделала его рабом и подчинила своей власти:

Sonnet 2... Now even that foot-steppe of lost libertie
Is gone, and now like slave borne Moscouite:
I call it praise to suffer tyrannie.
And nowe imploy the remnant of my wit
To make myself beleeve that all is well.
While with a feeling skill I paint my hell [18].

Сонет 2... А ныне, волю утеряв свою,
Как московит, родившийся рабом,
Хвалу я тирании воздаю,
И тщетно силюсь гибнущим умом
Увериться, что все пойдет на лад,
С уменьем жалким свой рисуя ад [19]

Пер. Ю. С. Ременниковой

Упоминание «московитов» заключено здесь в очень неожиданную стихотворную оправу. И это не единственное упоминание Московии у Сиднея. В той же книге поэт прерывает свои жалобы влюбленного царедворца своеобразной риторикой политического спора, который столь же внезапно для читателя завершается любовной концовкой. Таков, например, его тридцатый сонет, полный намеков на современные автору политические события; он начинается серией вопросов о Франции, Голландии, Польше и «холодной Московии» (cold Muscovy), которые задают ему люди, близкие ко двору, но поэт занят лишь мыслями о своей любимой:

I, cumber'd with good manners, answer do,
But know not how, for still I think of you.

Принуждаемый хорошими манерами, я отвечаю,
Но как — не знаю, потому что все думаю о вас.

К еще более раннему времени относятся стихотворные эпистолы английского поэта, посылавшиеся им из Москвы, куда в середине XVI в. его забросила судьба; в этих эпистолах он делился с оставшимися на родине друзьями своими впечатлениями о «диковинной», на взгляд иностранца, северной стране, в то время еще мало известной в Англии; рассказывал в стихах о ее природе, жизни, нравах и обычаях ее обитателей. Это было в 1568 г., при Иване Грозном, когда секретарем очередного английского посольства, направленного в Москву, был поэт и переводчик Джордж Тербервиль (1540—1610). Возможно, что это был первый случай посещения Москвы английским поэтом, имя которого было довольно хорошо известно в ту пору.

Во главе указанного посольства поставлен был Томас Рандольф, опытный дипломат, бывший одно время представителем английской королевы в Шотландии и начальником английских почт [20]. Вместе с ним, кроме секретаря — Тербервиля, в Москву ехали купцы Томас Банистер и Джеффри Дакет, а также Джеймс Вудкок и Ричард Броун; последним предписано было, достигнув русских берегов, отделиться от посольства и ехать морем за Вайгач. О путешествии Рандольфа со спутниками известно из рассказа самого посла, напечатанного в упомянутом выше сборнике Гаклюйта. «Моя свита,— писал здесь, в частности, Рандольф,— состояла приблизительно из 40 человек; половину составляли джентльмены, желавшие посмотреть свет» [21].

Задачей посольства Рандольфа было «восстановить порядок» в англо-русских торговых делах и требовать высылки тех купцов, которые вредили лондонской «Московской компании» после открытия Иваном Грозным вместо гаваней на Белом море нового пути для свободной торговли всем иноземцам — через Нарву. Однако выполнена эта задача была только после долгих и значительных усилий: в Московском государстве посольство Рандольфа ждали лишь одни невзгоды и огорчения. Корабль («Harry»), на котором ехало посольство из Англии, бросил якорь в Двинской губе 23 июля 1568 г., в Москву все посольство смогло прибыть лишь 15 октября, аудиенция же посла у царя состоялась только в феврале следующего года. Таким образом, прием посольству оказан был весьма скверный: «...никто нас не встретил, также никому из наших соотечественников не позволили выйти нам навстречу...». Посла и его свиту не выпускали никуда из отведенного для них дома и никого не допускали к ним: пристав, назначенный для того, чтобы состоять при Рандольфе, по словам последнего, «обходился с нами так строго, что немало причин было нам думать, что какое-либо насилие намереваются учинить нам». «Ни прошения, ни просьбы, ни жалобы не могли дать нам ни свободы, ни аудиенции. Больше семнадцати недель мы прожили так...»

В грамотах своих к королеве Елизавете Иван Грозный объясняет это тем, что Рандольф не хотел совещаться с боярами ни о каких делах, прежде чем будет принят царем. Но «вернее, кажется, предположить,— пишет Ю. В. Толстой,— что царь не хотел, чтобы посол и посольские люди знали

о том, что делалось на Москве, где в это время происходили казни, неистовствовали опричники, лишался сана митрополит Филипп». Наконец, 9 февраля 1569 г., Рандольф был принят царем, но ему не было оказано обыкновенного посольского почета: ни для него, ни для его свиты не было прислано лошадей, так что он принужден был занять верховую лошадь для себя, а свиту вести во дворец пешком. По прибытии в Посольский приказ его заставили ждать там целые два часа; а по представлении царю он не удостоился приглашения к царскому столу (между прочим, Рандольф передал Ивану Грозному подарок от английской королевы: «чрезвычайно большой серебряный кубок замечательной работы, с награвированными английскими стихами, объясняющими нарисованные на кубке сцены») [22]. Несколько дней спустя царь потребовал к себе Рандольфа на тайное совещание. Присланный за ним боярин (вероятно Афанасий Иванович Вяземский), один из главных опричников и любимцев царя, «в темную холодную ночь сам провел во дворец Рандольфа, переодетого в русское платье; совещание длилось около трех часов, и Рандольф возвратился только под утро. На другой день царь отправился в Александровскую слободу; Рандольфа он принял уже только в начале апреля, но на этот раз принял весьма милостиво, даровал английским гостям новые привилегии, разрешив им вести через Россию торг в Персии, искать руду в Вычегде и переплавлять монету в Москве, в Новгороде и во Пскове» [23].

Секретарем Рандольфа, как уже было указано, являлся Джордж Тербервиль, разделивший тяжелую участь со всеми членами этого злополучного посольства и вынесший наихудшие впечатления от поездки в Россию. У Тербервиля были, однако, и дополнительные мотивы для недовольства своим пребыванием в русской столице. До своей поездки в Россию он был известен как автор стихотворного сборника: «Эпитафии, эпиграммы, песни и сонеты» («Epitaphes, Epigrams, Songs and Sonets»); первое издание этого сборника утрачено, второе же вышло за год до его путешествия в Москву. В том же 1567 г. Тербервиль издал свой стихотворный перевод «Героид» Овидия («Heroycall Epistles»), а также латинских эклог второстепенного новолатинского поэта эпохи Возрождения Баттиста Спаньоли Мантуанца (ум. в 1516 г.), тогда знаменитого и много читавшегося в школах: «The Eclogues of the poet B. Mantuan Carmelitan» — перевод плавный и местами удачный. Биография Тербервиля нам известна мало; тем не менее мы знаем, что родом он был из Уайтчерча, маленького городка близ Бридпорта, что свое первоначальное воспитание он получил в школе около Уинчестера, а затем в Оксфорде, где приобрел ученую степень в 1561 г. Энтони Вуд, историк «Оксфордских Афин» и биограф питомцев Оксфордского университета, свидетельствует, что Тербервиль поступил в одну из лондонских общин юристов, где пользовался известностью как стихотворец: «Будучи признан также способным к делам, Тербервиль, как человек хорошо владеющий пером, был приглашен Т. Рандольфом в секретари, когда тот поставлен был во главе посольства, отъезжавшего в Россию» [24]. Несомненно, однако, что, несмотря на усердие и прилежание, бедный поэт не обеспечил себе независимого положения в обществе; материальные дела его были весьма неудовлетворительны; вероятно, именно в надежде несколько поправить их Тербервиль и согласился сопровождать Рандольфа в Москву в качестве его секретаря. «Эту должность Тербервиль принял только потому, что на родине он не продвигался вперед, и что в заманчивой дали ему чудились золотые горы»,— замечает Э. Кёппель в статье о нем [25]. Об этом же сам Тербервиль вполне ясно и определенно говорит в опубликованном позднее стихотворении — прощании с друзьями по случаю отъезда в Московию («A Farewell to a mother Cosin, at his going towards Moscouia»):

Мои родные берега где я впитал молоко своей кормилицы
Никогда еще во всю мою жизнь не дали мне счастья.

Долго я жил так и никогда (к нему) не приближался.
Теперь я намереваюсь проститься с моей родиной, я думаю
— на год...
Надеюсь, что вернусь гораздо счастливее, чем
был при отъезде;
Рост кредита поможет приращению моего скромного достояния.

Надежды Тербервиля, однако, не оправдались. Много нового и неожиданного видел Тербервиль во время своего путешествия, но практической пользы или богатства эта его поездка ему не принесла. Вместо почета и низких поклонов он вместе с послом испытал всяческие унижения и уколы самолюбия, вместо восточной роскоши и сказочных богатств Московии, о которых писали его предшественники, бесценных подарков и великолепной пышности царских приемов, которые мечтались полуголодному английскому стихотворцу, Тербервиля ждало в Москве почти тюремное заключение и необходимость, скрепя сердце, подчиняться всем прихотям и капризам Грозного. Тербервиль наблюдал Москву и русскую жизнь в окно посольской избы, или из повозки, охраняемой стражей, во время поспешных проездов в столицу и обратно к Белому морю, в желчном состоянии духа и настроении неудачника, все планы которого роковым образом расстраивались и на этот раз... Естественно, что его русские впечатления были не из радостных; они отражены в ряде стихотворных посланий, где он желчно и ядовито описал страну, в которой ему довелось быть.

Уже первая из этих эпистол, обращенная к его близкому другу Эдуарду Денси («To his especial Frende, master Edward Dancie»), с самого начала дает почувствовать, что иллюзии Тербервиля относительно Московии рассеялись сразу, как только он вступил на ее почву: страна оказалась холодной и непривлекательной, населенной хмурыми и неприветливыми людьми. Все еще находящийся во власти традиций античной поэзии и мифологических представлений, Тербервиль сменяет солнечные пейзажи, идиллии и пасторали, к которым привыкло его перо, на мрачные картины.

Приводим начало эпистолы Тербервиля к Э. Денси (в стихотворном, впервые публикуемом переводе В. С. Давиденковой-Голубевой, специально сделанном, как и перевод дальнейших отрывков, для нашей работы):

Любезный Денси мой, когда в чужой стране
Я вспомню лондонских друзей и всех, кто дорог мне,
О, как тоскую я, как страшно сердцу жаль,
Что в море я ушел с земли, от радости — в печаль.
Отчизну бросил я, беспечный человек,
И прибыл в русскую страну, на неизвестный брег...

Далее Тербервиль характеризует два главных напитка — «мужицкий квас» («Он слаб и водянист, и кисловат на вкус») — и «мед»:

Случится ли, что гость к соседу в дом зайдет,
Он и не смотрит на еду, лишь был бы квас да мед,
Не диво, что у них обычаи мерзки,—
Их божества сотворены секирой от руки.
Им идолы милы. Господь не ведом им,
Но на стене «Никола бог» для них необходим.
И если в доме нет раскрашенных богов,
Никто не ступит и ногой под этот грешный кров.
Стоят у них кресты среди открытых мест;
Кресту кладут они поклон: творят рукою крест.
Благочестиво бьют поклоны в землю лбом.
А их пороки, нищета, прикрытая тряпьем!

Вторая эпистола («To Spencer») дает более подробную картину этнографического характера; поэт рассказывает здесь о долгой русской зиме, о земледелии русских крестьян, об их скоте, пище и т. д.:

11. Неплодородна здесь песчаная земля,
Леса и пустоши кругом, лишь изредка — поля.
Посеяно зерно на скудных тех полях,
Но так велик у поселян перед морозом страх,
Что сжать они спешат незрелое зерно,
И долго в скирдах и снопах здесь сушится оно.
В течение зимы здесь стужа такова,
Что погибает все в полях, и злаки, и трава.
Семь месяцев в году здесь холод так велик,
Что только в мае свой надел идет пахать мужик.

Данное в эпистоле к Спенсеру описание домашнего обихода русских не лишено интересных этнографических наблюдений:

39. Обильно мясо здесь и дешево в цене,
Но стряпать не умеют, нет, в российской стороне.
На вертеле жарких не жарят здесь нигде,
И мясо в печке на простой пекут сковороде.
Нет оловянных блюд, но очень хороши
Здесь деревянные блюда, и чаши, и ковши.
Такие ж ложки здесь; всегда у мужика
Резная ложка для еды висит у кушака.
Кто носит две и три на поясе своем,
А знатный русский, тот всегда и с ложкой, и с ножом.
Постройки здесь низки, высоких нет палат,
Но на возвышенных местах всегда они стоят,
Чтоб не занес их снег, суровою зимой
Все покрывающий кругом сплошною пеленой.
Ни камня нет в стране, ни каменных домов,
Из досок крыши на домах, а стены из стволов.
Искусно возведен из бревен каждый дом,
Чтоб не проникнул внутрь мороз, забиты щели мхом;
Сверх деревянных крыш положена кора,—
Сток для воды, когда придет дождливая пора...

Заключается это описание характеристикой русской постели, вернее жесткого ложа, покрытого звериной шкурой, которое они уступают гостям.

85. Я говорю не все, что мог бы говорить,
Боюсь язвительным пером я русских оскорбить.
А я хочу, чтоб всяк в стихах моих узрел,
Что твердо верю я в успех торговых наших дел.
О, если б не дела, тогда бы я смелей
Суровость края описал и нрав его людей,
По лапе, говорят, узнать возможно льва,
Так заключить дадут о всем немногие слова.

Третья эпистола Тербервиля — «К Паркеру» («To Parker») — завершает данное им во время вынужденного досуга в Москве стихотворное описание Московии: здесь приводятся сведения об одежде русских, об их вооружении, лошадях, об их любимых играх — в шахматы и в кости; здесь же поэт касается вскользь и политических отношений в стране, причем в самовластии и безмерном могуществе государя-тирана свободолюбивый англичанин предвидит грядущие потрясения, предстоящие в будущем русскому государству.

СЭР ДЖЕРОМ БАУС. АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ В МОСКВЕ. 1583—1584
Портрет работы неизвестного английского художника
Хранится в замке графства Сомерсет, Англия

Тербервиль, как он и сам заявил в концовке своего послания к Спенсеру, принужден был сдерживать себя, характеризуя совсем чуждую ему страну; как-никак, он появился здесь ради выгод и торговых интересов своих соотечественников и допускал, что его слишком откровенные впечатления и отзывы о москвитянах будут прочтены русскими и помешают дипломатической миссии посольства, коего секретарем он являлся. И тем не менее его послания, которые он сам готов был считать достаточно осторожными, вышли столь резкими, а порою даже и оскорбительными, что Гаклюйт, перепечатывая эпистолы Тербервиля в своем сборнике («The principal Navigations» etc., 1589) непосредственно вслед за реляцией Рандольфа, принужден был выбросить из них ряд подробностей. В полном виде эти эпистолы увидели свет несколько раньше [26].

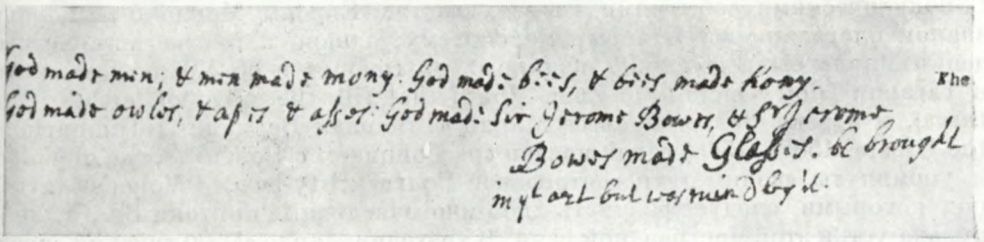
Жизнь поэта после его возвращения в Англию, к сожалению, известна довольно плохо. Мы знаем лишь, что он вновь принялся за переводы и выпустил в свет книгу с интригующим, но загадочным заглавием: «Трагические повести, переведенные Тербервилем во время его бедствий...» («Tragical Tales, translated by Turbervile in time of his troubles, out of sundrie Italians, with the Argument and Lenvoye to eche tale»). Эта книга вышла в Лондоне в 1587 г. вторично; когда появилось первое издание, остается неизвестным, так как до нас не дошло ни одного экземпляра его; есть, однако, основания предполагать, что оно появилось не позднее 1576 г. Что означает фраза: «переведенные ⟨...⟩ во время его бедствий» остается необъясненным и доныне. Что касается помещенных здесь «Трагических повестей», то они взяты из «Декамерона» Боккаччо, из Банделло, из «Трагических историй» Бельфоре и т. д. Вслед за этими переводами в книге идут оригинальные произведения — три цитированные выше эпистолы из России и еще несколько стихотворений на русские сюжеты: своим своеобразным колоритом и тематической новизной они, несомненно, могли возбудить любопытство английского читателя. Одно из них имеет весьма характерное заглавие: «Автор заявляет, что хотя он и находился в России в заключении, но мысли его были на свободе, и ежедневно уносились к его другу» («He declares that albeit he were imprisoned in Russia, yet his mind was at libertie and did daily repaire to his friend»); другое представляет собою сопоставление английской и русской красавиц («A comparison of his mistress with a brave lady of Russia»); третье говорит о Северной Двине («The river Dwina cannot wash away»); в четвертом повествуется о том, как поэт, «странствуя по русской пустыне, жалуется эхо на свою судьбу» («Travelling the desert of Russia, he complainth to the Echo») [27].

Последние годы жизни Тербервиля известны нам крайне недостаточно; о его литературных друзьях мы также имеем лишь глухие известия. Однако у нас есть все основания думать, что его «Трагические повести» вместе с включенными в книгу эпистолами из России и стихотворениями на русские темы побывали в руках у Шекспира и других драматургов времени Елизаветы. Русские впечатления Тербервиля весьма неожиданно связываются еще с одним крупным поэтом этой поры — Эдмундом Спенсером (Spenser; 1552—1599), автором «Календаря пастуха» («The Shepherds Calendar», 1579) и поэмы «Королева фей» («Faerie Queene», 1590). Ему ли была адресована вторая эпистола Тербервиля из России («To Spenser»)? Большинство исследователей отвечало на этот вопрос утвердительно [28].

Таким образом, в стихотворных произведениях Тербервиля была представлена одна из первых в английской художественной литературе характеристик Москвы и северных областей русского государства, которые наблюдал он собственными глазами. Может быть, поэт лишь отчасти повинен был в том, что представленная им картина оказалась слишком мрачной: обстоятельства его жизни складывались так, что он поневоле становился мизантропом и видел все в худшем свете.

Последующие, правда немногочисленные, английские литераторы, побывавшие на Руси, отнеслись к ней и к ее жителям с бóльшим, чем Тербер-

виль, доброжелательством. Таков был, например, Ричард Джемс (James; 1592—1638), бакалавр Оксфордского университета, писатель и поэт, автор ряда ученых поэм и переводов (которому, кстати сказать, долгое время приписывалась стихотворная характеристика Шекспира, предпосланная так называемому «второму фолио» сочинений великого драматурга, 1632 г., что свидетельствует о литературной известности Джемса). Он ездил в Россию в свите посольства Дадлея Диггса (в 1618—1620 гг.), прилежно изучал здесь русский язык, составил замечательный русско-английский словарь, имел русских друзей и написал в России несколько стихотворений, из которых



ЭПИГРАММА НА АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА ДЖЕРОМА БАУСА
Запись на полях английской книги 1626 г.
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

одно посвящено его радушной и пригожей русской хозяйке [29]. Общеизвестно, что в числе оставленных им рукописей нашлась также запись шести русских песен, сделанная для него хорошо грамотным русским человеком, скорее всего в Москве, на Большом посольском дворе в Китай-городе, где проживало английское посольство. Эти песни еще несколько столетий спустя служили предметом удивления и эстетического любования их новейшего английского переводчика [30].

3. «Московия» в английской литературе.— Шекспир о русских.— Трагедия Флетчера «Верноподданный».— География Московии у драматургов-елизаветинцев.— Московия в книге Р. Бертона «Анатомия меланхолии» (1620)

В английской драматической литературе XVI—XVII вв. также можно найти немало упоминаний о «Московии» или «Руссии», и это вполне естественно: известно ведь, что в ту пору лондонские горожане, по свидетельству современников, отправлялись в театр не только для того, чтобы провести свой досуг и развлечься, но и «чтобы узнать, что происходит в других странах» [31], услышать о заграничных событиях и новостях. Поэтому в пьесах Шекспира и драматургов его времени, где встречается так много известий о странах Европы и даже об отдаленных континентах, довольно полно отразился и круг представлений англичан о современном им русском государстве, о быте и нравах его жителей. Конечно, этот круг был не слишком широк, но все же в драматических произведениях конца XVI — начала XVII в., как и в повествовательной прозе и даже в публицистике той поры, о русском Севере и о Москве сообщалось много весьма живописных подробностей: здесь мелькали русские географические имена, делались ссылки на климатические особенности страны, на торговую номенклатуру; все чаще в английские тексты просачивались даже отдельные слова и фразы русского языка.

У Шекспира встречается свыше десятка упоминаний «московитов» или русских [32]. Это, конечно, не так много в сравнении с разнообразием и оби

лием его упоминаний о Франции, Италии или Нидерландах, но вся «русская экзотика» у Шекспира заслуживает внимания, как и аналогичные подробности в произведениях Кристофора Марло, Томаса Хейвуда, Бомонта и Флетчера, Миддлтона, Деккера, Марстона и многих других английских драматургов того времени [33].

Разнообразны и нередко очень многозначительны упоминания России в произведениях одного из виднейших предшественников Шекспира — К. Марло. В его пьесе «Парижская резня» («The Massacre of Paris»), созданной между 1590 и 1592 гг., в которой изображается Варфоломеевская ночь, есть упоминания о польско-московских войнах Стефана Батория (1575). С политическими событиями во всех частях Европы Марло был хорошо знаком благодаря всесильному Уолсингему; однако и географические сведения Марло были довольно обширны: он говорит и об Уральском хребте в Татарии («lofty mounts of Zona Mundi that fill the midst of farthest Tartary»), и о реке Волге. В пьесе Марло «Тамерлан Великий» («Tamburlaine the Great», 1587—1588) герой назван «разбойником с Волги» (rogue of Volga) и упомянуты «волны пятидесятиглавой Волги» (fifty-headed Volga's waves), под которыми следует разуметь либо многочисленные притоки Волги, либо рукава устья этой многоводной реки. В трагедии Марло «Мальтийский еврей» («The Jew of Malta», 1592) Москва упомянута среди городов Западной Европы, в которых ведет свою торговлю преуспевающий купец Барабас:

> In Florence, Venice, Antwerp, London, Seville,
> Francfort, Lubeck, Moscow...[34]

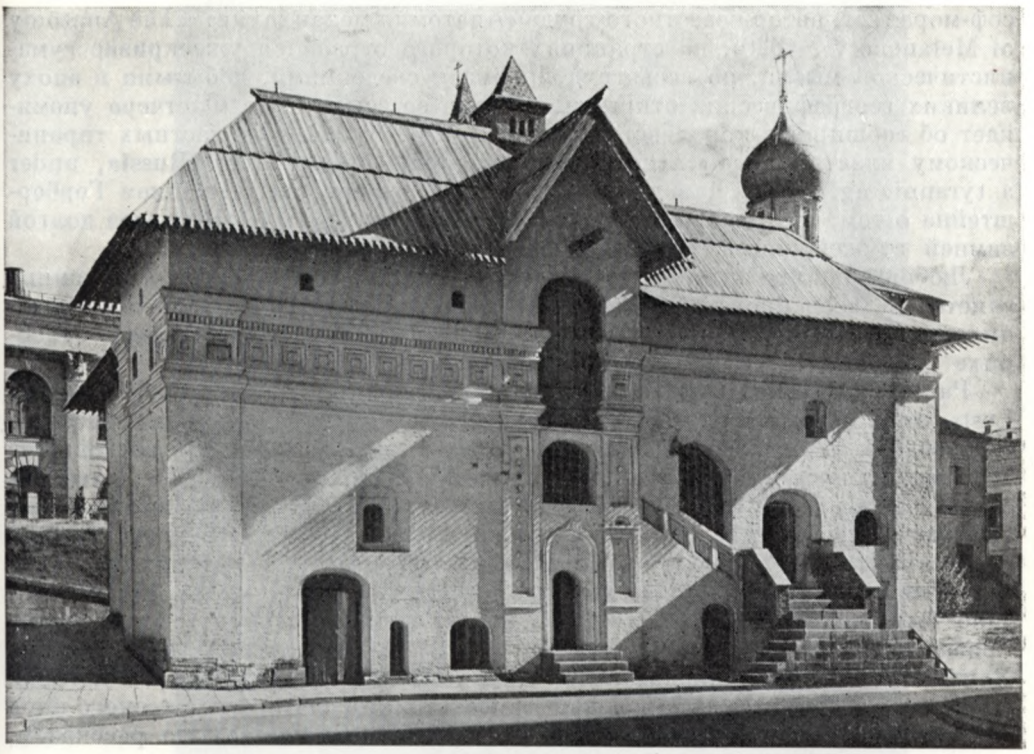
У другого видного предшественника Шекспира, Роберта Грина, также упомянута Волга (в его пьесе «Неистовый Роланд» — «Voya»); в новелле «Пандосто» («Дорасто и Фавния») повествуется о «дочери русского императора», что составляет, как известно, близкую параллель к шекспировской «Зимней сказке» [35]. В пьесе Томаса Лоджа (Lodge; 1558—1625) «Маргарита Американская» (1596) идет речь о трагической любви некоего совершенно фантастического южноамериканского императора Куска к «Маргарите, дочери московского короля». Количество подобного рода упоминаний, реальных и фантастических русских имен, географических названий, слов русского языка и т. д. настолько велико, что заслуживает специального систематического перечисления и исследования. Мы можем привести здесь лишь несколько случайных и менее известных примеров.

О свирепых русских медведях у Шекспира упоминается в «Генрихе V» и «Макбете»; о русском медведе говорится также в веселой комедии Миддлтона и Деккера «Рычащая девушка» («The Roaring Girl, or Moll Cut-Purse», 1604—1605), а в пьесе Доубриджа «Ганс Пивная кружка» («Hans Beer-Pot») мы встречаемся уже с отчетливым воспоминанием о каком-то английском путешествии на Белое море. Автор говорит о

> ...those great bears in Nova Zembla found,
> Whose smelling sense was better than their sight.
>
> ...Об этих больших медведях, встречающихся на
> Новой Земле, у которых нюх лучше, чем зрение.

Часты в английских пьесах этой же поры указания на какой-либо русский обычай — то на своеобразную особенность русского костюма, то на русский климат или природу. В «Мере за меру» Шекспира (Act III, Sc. 139) Анджело замечает по поводу пространной болтовни шута:

> This will last out a night in Russia
> When nights are longest there...
>
> Все это длится, как в России ночь,
> Когда она всего длинней бывает...



ПАЛАТА СТАРОГО АНГЛИЙСКОГО ДВОРА В МОСКВЕ
Середина XVI — начало XVII в.
Современный вид после реставрации
Фото А. А. Александрова, 1974

Дж. Уебстер знает о русском наказании батогами и упоминает о России в пьесе «Белый дьявол». В пьесе Т. Гейвуда «Вызов красоте» («A Challenge of Beauty») шут в таких словах прохаживается насчет московского государства: «Слишком холодная страна ⟨...⟩ женщины ходят здесь закутанными в такое количество мехов, что по необходимости им приходится больше волос, чем ума»; очень возможно, что в этой сентенции следует видеть отзвук русской пословицы о женщинах — «волос долог, а ум короток», где-нибудь подслушанной автором в английском переводе. Отдельные русские слова в ту пору имели хождение в английской речи. Так, Томас Нэш (Thomas Nashe; 1567—1601), драматург, романист и памфлетист, автор «Злополучного странствователя», подхватил где-то русское местоимение, и оно запомнилось ему благодаря случайному созвучию с его именем; в своем памфлете против Гарвея («Have with You to Saffron-Walden», 1596) [36] он прибегает к основанному на этом сходстве каламбуру, говоря, что он до тех пор будет преследовать своих врагов пока они не станут перед ним на колени и не закричат по-русски «Помилуй нас...» («Pomiloi Nashe...»). В другой своей книге («Lenten Stuffe», 1599) Нэш опять каламбурит, утверждая, что «когда он говорит о тростнике, все думают, что речь идет о России» («...when he talks of rushes it is taken to mean Russia»). Россией интересовался также Ф. Бэкон, который писал в одном из своих «Опытов» (XXXIX), говоря о «тирании обычая»: «В России бывает, что монахи из покаяния просиживают всю ночь в бочке с водой, покуда совсем не обледенеют». Это фантастическое свидетельство Бэкон почерпнул из книги Д. Флетчера «О государстве русском» [37]. Ту же книгу Флетчера, как и труды С. Герберштейна, П. Иовия, Гваньини, тщательно изучал Роберт Бертон (1577—1640), фило-

соф-моралист, автор известного труда «Анатомия меланхолии» («The Anatomy of Melancholy», 1620), на страницах которого отразился уже кризис гуманистической мысли, но весь труд пронизан сведениями, добытыми в эпоху великих географических открытий. Бертон со ссылкой на Флетчера упоминает об «обширных королевствах Московии и Руссии, подвластных тираническому властителю» («...those vast kingdoms of Moscovia, Russia, under a tyrannizing duke») [38], в другом месте он соглашается с мнением Герберштейна о том, что любовь москвичей к игре в шахматы объясняется долгой зимней стужей, когда они почти не выходят из дома, и т. д.[39]

Любопытно, что интерес к русским и к русскому государству у Шекспира заметен на всем протяжении его творчества, от ранних комедий и до поздних трагедий — в «Напрасных усилиях любви», в «Мере за меру»,— «Генрихе V», «Макбете», «Зимней сказке».

Ранняя комедия Шекспира «Напрасные усилия любви» («Love's Labour's Lost», ок. 1590) заключает в себе, как известно, маскарадную импровизацию с переодеванием в русские костюмы и сентенции о московитах, восходящие к литературным или устным источникам. Происхождение этой «русской» сцены с давних пор подвергнуто было самому тщательному сравнительному анализу. Многие исследователи приняли высказанную еще в прошлом веке гипотезу, что в этой сцене отразились некоторые подробности русского посольства в Англии Ф. А. Писемского (1582), которому, среди других дел, дано было поручение навести справки о возможности сватовства Ивана Грозного к племяннице королевы Елизаветы, Марии Гастингс, дочери графа Хантингдонского. Предполагалось, что в том или ином виде вся эта история о приеме русского посла королевой Елизаветой и о сватовстве русского царя к английской принцессе могла быть известна и Шекспиру по рассказам, которые ходили по всему Лондону, что и вдохновило драматурга на создание указанной сцены [40]. Недавно была сделана попытка усмотреть в тексте «Напрасных усилий любви» еще один прямой намек на дипломатические отношения Ивана Грозного с англичанами: здесь говорится о «коне, который будет послом вместо осла» (A horse to be ambassador for an ass — «Love's Labour's Lost», III, 1, 55) и это, по-видимому, каламбур, пародийно осмысляющий фамилию Джерома Горсея, уже упоминавшегося выше английского купца, ездившего в Москву для переговоров, следствием которых была дальнейшая миссия в Лондоне Писемского [41].

Указанная пьеса Шекспира с ее «русской» сценой пользовалась некоторой известностью в русской литературе задолго до того, как на нее обратили внимание видные шекспироведы. С. П. Шевырев более ста лет назад поместил в московском журнале статью «Шекспир о русских», в значительной степени посвященную разбору именно этой сцены; он прямо допускал, что для характеристики русских устами принцессы из своей комедии Шекспир, быть может, имевший случай видеть русских в Англии, воспользовался собственными наблюдениями. «Замечательно,— писал Шевырев, — что от зоркого глаза Шекспира не укрылось дородство русских и эта грубая сила телесная <...> Его всепроницательная наблюдательность схватила черты дородного, плотного ума наших неповоротливых предков и запечатлела их этими двумя памятными для нас строками: my frozen Muscovites: well-liking wits they have; gross, gross, fat, fat» [42].

Все остальные упоминания русских у Шекспира, вплоть до его «Зимней сказки» (III, 2, 120—124), где Гермиона называет своим отцом русского императора («The Emperor of Russia was my father...») также подвергались неоднократному истолкованию комментаторов [43].

Частые в конце XVI — начале XVII в. упоминания московитов, или русских, в пьесах английских драматургов свидетельствуют, что в ту пору было бы совершенно естественно встретиться в репертуаре английских театров не с русским эпизодом, а с целой пьесой на «русскую» тему: никто из зрителей не удивился бы, если бы на сценических подмостках появились актеры, одетые в русские одежды, а главным героем представления по воле

ГРИГОРИЙ МИКУЛИН. РУССКИЙ ПОСОЛ В АНГЛИИ
Портрет работы неизвестного английского художника, 1601
Исторический музей, Москва

ее автора стал бы один из представителей московского военного или приказного мира. Во всяком случае, среди англичан начала XVII в., причастных к литературной деятельности, находились лица, обращавшие внимание на то, что события, совершавшиеся в Москве в начале «смуты», достойны специальной обработки в театральной пьесе; при этом они ссылались на Шекспира, Фолк-Гревиля или Бен Джонсона, как на возможных авторов такой пьесы. Это утверждал, например, анонимный сочинитель книги «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России» («Sir Thomas Smithes voyage and entertainment in Russia»), вышедшей в Лондоне в 1605 г. Рассказав здесь историю Бориса Годунова и Самозванца, автор прямо ссылался на то, что она напоминает ему «какую-нибудь театральную пьесу»; судьба молодого царевича Федора Годунова, по его мнению, также, «подобно театральной пьесе ⟨...⟩ завершается ныне ужасною и жалостною трагедией, достойной стоять в одном ряду с Гамлетом». Роковая судьба рода Годуновых кажется ему прямо предназначенной для поэтического воплощения или сценической

обработки. «Да,— восклицает он,— их положение заслуживает быть оплаканным каким-либо знаменитым писателем!» «Но, если бы кто пожелал подробно представить все относящиеся сюда обстоятельства с естественной живостью или же в поэтической форме», то он должен был бы обладать большим дарованием; «это возмог бы сделать умевший придать жизнь даже самому безжизненному, король поэтов Сидней ⟨...⟩ или же это должно было бы быть выполнено в скорбящей над миром, блещущей глубокими мыслями и полной восторга трагедии, какие создает благородный Фолк-Гревиль ⟨...⟩ Все это мог бы дать, если бы пожелал, и столь искусный во всем наш английский Гораций ⟨вероятно, Бен Джонсон, о котором и далее говорится: «our Lawreat worthy Benjamen...»⟩. Во всяком случае, указанная тема вполне достойна столь редкого превосходного гения...» [44]

Эти слова представляли собой уже настоящий вызов английского литератора начала XVII в. драматургам его времени. К сожалению, он остался без ответа. До нас не дошло такой английской пьесы, о которой он мечтал; лишь тринадцать лет спустя в Лондоне представлена была драма, целиком написанная на сюжет из современной русской истории,— «трагикомедия» Джона Флетчера (1576—1625) «Верноподданный» («The Loyal Subject», 1618). Хотя она посвящена не Годуновым и не Дмитрию Самозванцу, но многое в ее сюжете и подробностях восходит именно к Смутному времени на Руси. Действие ее происходит в Москве, имя одного из действующих лиц — Борис (Burris), а его сценический облик — фактического правителя государства при несовершеннолетнем и неспособном великом князе — прямо выдает его родство с историческим Борисом Годуновым. В описании возбужденной толпы на московских улицах, солдатских отрядов, заступающихся за своего вождя, суровых и неправых властителей, окруженных толпою льстецов и авантюристов, в характеристике внутренней политической борьбы, утихающей перед угрозой иноземного нашествия, во внезапных порывах патриотизма и великодушия — во всем этом слышатся явные отголоски слухов и печатных известий о московском «шатании» начала XVII в.

Многие сцены этой пьесы полны драматического движения и весьма любопытных с историко-бытовой точки зрения подробностей. Таковы, прежде всего, ее массовые сцены. В пятой сцене III акта изображена, например, веселая толпа русских солдат, только что возвратившихся с поля битвы и получивших свое жалованье; они поют песни, буянят. При некотором цинизме, вероятно, рассчитанном на посетителей «райка» лондонских театров, эта сцена дает немало интересных исторических указаний, а включенные в нее песни заслуживали бы специального разбора [45]. Обилие в пьесе действующих лиц, среди которых мы находим крестьян, горожан, солдат, представителей московской власти, придворных; ряд интересных бытовых деталей, удачно вложенных в уста самых разнообразных по своему общественному положению персонажей,— все это создает впечатление, что Флетчер действительно имел намерение дать широкую картину московской жизни начала XVII в. и что для построения сюжета и для композиции отдельных сцен он, несомненно, пользовался какими-то источниками, имевшими ближайшее отношение к русской истории.

Состав пьесы, несомненно, очень сложен; подобно всем произведениям Флетчера, она полна классических припоминаний, исторических и литературных реминисценций, которые обнаруживаются лишь при детальном изучении текста; последнее отчасти сделано уже западноевропейской критикой [46], но в вопросе о происхождении ее основного сюжета до сих пор существуют большие разногласия, которые едва ли смогут быть разрешены удовлетворительно без привлечения сюда специальных русских источников. Весьма вероятно, что в образе главного действующего лица — Архаса — отразились черты исторического облика М. В. Скопина-Шуйского [47].

Флетчер тем легче мог знать о событиях в современной ему Москве, что приходился родным племянником тому Джайлсу Флетчеру, который некогда послан был королевой Елизаветой к Ивану Грозному и написал по впечат-

лениям своего путешествия книгу «О государстве русском» (1591). Отцом драматурга был брат Флетчера-посланника, епископ бристольский, уорчестерский и, наконец, лондонский (ум. 1596); сыну его шел одиннадцатый год, когда Флетчер-посланник возвратился из России. Поэтому естественны были предположения, что именно его книга о Русском государстве послужила причиной того, что в «Верноподданном» действие отнесено к Москве. Правда, сюжетных аналогий книга Джайлса Флетчера и драма его племянника не представляют; зато в общей характеристике Русского государства, в трактовке взаимоотношений царя со своими подданными, в описаниях татар и во многих подробностях русской жизни, так умно и живо изображенной в книге «О государстве русском», Флетчер-драматург мог найти, конечно, немало материалов для своей драмы из русской жизни. Можно предположить также, что Флетчер-посланник (ум. 1611) и своими устными рассказами много содействовал, так сказать, «семейному» интересу к «Московии».

ГЕРБ АНГЛИЙСКОЙ «МОСКОВСКОЙ КОМПАНИИ», 1596
Из «Титулярника», 1672
Архив древних актов, Москва

Любопытно, что и сам посланник был несколько поэтом, а два его сына, Джайлс и Финеас, заняли даже довольно видное место в английской поэзии первой половины XVII в.; может быть, в силу тех же семейных традиций и в поэтических произведениях Флетчеров, самых молодых представителей этой одаренной литературной семьи, мы находим кое-какие отзвуки их интереса к России. Так, в одной из ранних поэм Финеаса Флетчера «Саранча, или Приспешники дьявола» («The Locusts or Apollyonists») автор заставляет злых демонов рассеяться по всему миру — по Греции, Испании и России, а в речах беса Экивокуса, этого прототипа мильтоновского хитрого Велиала, дается целое обозрение современных политических событий, не забыто также и далекое Московское государство [48]. К этому времени, правда, интерес к нему англичан уже заметно потускнел, но к моменту создания «Верноподданного» Флетчера он был еще очень велик.

Внимание целой Европы привлечено было тогда к событиям московской смуты. Участие, которое приняла в них Польша, а за нею косвенно и все центры католического мира, иноземные войска, сражавшиеся то на одной, то на другой стороне,— среди них, кстати, было немало англичан и шотландцев,— обеспечили к «Московии» интерес в Англии не только дипломатов или политических деятелей, но и широких масс населения. Уличные лубочные листки публиковали известия о Самозванце, о тяжелой и кровопролитной борьбе за московский престол; выпускались в свет донесения очевидцев событий в Русском государстве, рассказы побывавших там людей. Напомним здесь такие документы эпохи, каковы, например, рассказ шотландского капитана Дэвиса Гильберта (Gilbert), служившего в русском войске при Годунове, потом в свите Самозванца, наконец, у поляков и попавшего затем в плен к русским (этот рассказ был опубликован в Англии

в 1625 г.)[49], или «Известие о кровавой и страшной резне в городе Москве» (1606)[50], или воспоминания Генри Бреретона, одного из участников похода в Калужской и Смоленской сторонах среди наемников Василия Шуйского (в отряде было две тысячи англичан и тысяча французов): под заглавием «Новые известия о нынешних бедствиях России» («News of the Present Miseries of Russia») это издание вышло в свет в 1614 г., за четыре года до постановки на лондонской сцене «Верноподданного» Флетчера[51].

4. Русские книги в Англии XVI—XVII веков.— Изучение русского языка.— Дж. Мильтон и его «Краткая история Московии».— Друг Мильтона, поэт Эндрю Марвелл, в Архангельске, Вологде и Москве (1663—1664).— Русские эпизоды в английских пьесах эпохи Реставрации и в поэме С. Батлера «Гудибрас».— Лудольф и его оксфордская «Русская грамматика»

«Чужой» язык всегда составлял одну из важнейших преград для взаимопонимания между современниками. Можно было сколько угодно ездить по стране, наблюдать ее нравы и обычаи, воспроизводить их в литературных произведениях как некую экзотическую примечательность,— и все же ничего не понять в ней; лишь знакомство с ее языком давало ключ к самому сердцу народа, к пониманию всего, что отличало его от других. Стоит поэтому отметить, что русский язык был рано усвоен англичанами, работавшими в Московском государстве.

Первоначально, в середине XVI в., русский язык еще не являлся средством общения с русскими для англичан, приезжавших в Московское государство, и в официальных письменных документах англичане пользовались латинским, итальянским, польским и даже греческим языками[52], но уже в 1556 г. два английских гостя, Стивен Боро и Ричард Джонсон были в состоянии объясняться по-русски с «лапландцами»[53]. Некоторые англичане оставались в Москве и на русском севере на долгие годы и довольно хорошо усваивали русскую устную и даже письменную речь. Один из историков ранней англо-русской торговли с немалым удивлением обнаружил документ 1597 г., скрепленный подписью одного из живших в Московии англичан на русском языке; рядом со своей обычной английской подписью он начертал славянским курсивным письмом: «Се аз Томас Ульянов сын Линд»[54]. Про Энтони Марша, жившего в России в 80-х годах XVI в. и прозывавшегося здесь «Онтон Иванов сын Марш», писали, что он «умеет по-русски и честь и писати»[55]. Подобных ему московских англичан к концу этого века было уже немало. Уезжая к себе на родину, они увозили с собой также знание русского языка; при этом они свидетельствовали, что знакомством с русским языком в то время интересовались и в английских правительственных кругах.

Если верить Джерому Горсею, к русскому языку проявила любопытство сама английская королева Елизавета. Горсей рассказывает, что однажды, рассматривая привезенную им из Москвы привилегию английским купцам, королева долго вглядывалась в красиво изукрашенную рукопись, спрашивала, какое звучание имеет та или другая буква, и сказала: «Я бы скоро ему выучилась» (I could quickly learn it); по его же словам, своих придворных, в частности лорда Эссекса, королева также приглашала учиться этому «знаменитейшему и богатейшему в мире языку» (the famous and most copious language of the world)[56], конечно, имея при этом в виду прежде всего чисто практические цели: английское правительство тогда уже заботилось о подготовке целого штата постоянных переводчиков с русского языка, которые могли бы обслуживать лондонские дипломатические канцелярии[57]. О значении и распространенности русского языка мы имеем и английские печатные высказывания, начиная с XVII в.[58]

Неудивительно, что наряду с мехами, пенькой и солью в Англию вывозили тогда из Московии и русские книги. В библиотеке Оксфордского уни-

РУССКИЕ АЗБУКИ XVII в.
Бодлеевская библиотека, Оксфорд

верситета доныне хранится, например, любопытная рукопись — «Начало учения детям», одна из первых известных нам русских азбук второй половины XVI в., писанная в Холмогорах и переплетенная в Вологде; она была приобретена английским купцом Томасом Гаутри во время пребывания его в России, и в конце концов поступила в библиотеку Оксфордского университета в дар от лейб-медика Елизаветы, Лансло Брауна [59]. В Бодлеевской библиотеке хранится учебный часослов, написанный в России около 1588 г. для английского гостя, как удостоверяет им самим сделанная помета на рукописи («Thomas Harkastelle booke»). У библиофила Уильяма Лауда (Loud), архиепископа кентерберийского и лондонского, бывшего одно время канцлером Оксфордского университета, этого известного врага пуритан, казненного в период гражданской войны (1645),— того самого, чей портрет работы Ван-Дейка сохранился в Петербурге (Эрмитаж),— в начале XVII в. собралась целая библиотечка славянских книг: Евангелие от Иоанна русского письма XVI—XVII вв.; два русских словаря той же эпохи и даже один из философских трактатов, бывших в ходу на Руси,— «Тайная тайных» псевд-

Аристотеля. Эта рукопись не только принадлежала вышеупомянутому Кристоферу Боро (его подпись встречается на рукописи дважды), но, вероятно, и списана была им собственноручно с какого-то русского оригинала [60]. В Ашмолевом музее (подаренном в 1683 г. Оксфордскому университету) нашлись «русские прописи» 1620 г., которые также некогда, видимо, служили для занятий русским языком какого-нибудь англичанина начала XVII в.; это не только замечательный памятник русской каллиграфии, но и любопытный литературный документ, наивной мудростью которого так восхищался Н. С. Лесков [61]. К находящемуся в Оксфордской библиотеке сборнику аскетических и канонических правил пришита русская азбука XVII в., в 1670 г. принадлежавшая Томасу Томсону; русская азбука и английские склады начаты также в более поздней русской рукописи, списке повести «Стефанит и Ихнилат» (конца XVII в.) той же библиотеки.

Любопытно, что русские фонды английских книгохранилищ, может быть, до второй половины XIX в. не пополнялись так успешно, как именно в XVI и XVII вв. Хроника Бодлеевской библиотеки отмечает ряд поступлений туда русских рукописей начиная с 1601 г. Имена дарителей не менее интересны, чем самые книги; так, в их числе мы находим, например, сэра Генри Сэвиля, брата историка и археолога Вильяма Кемдена; в 1603 г.— известного деятеля лондонской «Московской компании» Джона Мерика; в 1629 г.— графа Вильяма Герберта Пемброка и т. д. [62]

Ряд русских рукописей находится также в других крупных книгохранилищах Англии. Так, в Британском музее, в старинном собрании Гарлея, находятся: Псалтырь русской редакции 1633 г. с пометкой Семена Герасимова Шеметова, Часослов, несколько скорописных сборников XVII в., в одном из которых полностью помещено «Житие Зосимы и Савватия Соловецких», а в другом находится «Сказание Авраамия Палицына»; среди Коттоновской коллекции оказался список русской летописи и т. д. [63]

Все эти азбуки, часословы, прописи и другие книги, вывезенные английскими купцами из русской земли, являлись для иных реликвиями их странствований по далеким северным краям, для других — воспоминанием о трудной науке изучения русской письменной речи; их бережно хранили в семейных архивах, жертвовали в государственные книгохранилища; страстные библиофилы, вроде Лауда, охотно присоединяли их к своим обширным коллекциям восточных манускриптов; однако содержанием этих книг едва ли тогда кто-либо из англичан интересовался серьезно. «Прописи попа Тихона» 1620 г., несмотря на целую заключающуюся в них житейскую философию, оставались для их английского владельца, в лучшем случае, учебным пособием русской скорописи; даже исторические песни, записанные для Ричарда Джемса, представляли собою, по-видимому, характерные образцы современной русской народной поэзии о событиях недавнего прошлого, интересные прежде всего с точки зрения дипломатического посольства, в свите которого он приезжал в Москву, т. е. имели внелитературный интерес.

Любопытство англичан к русской письменности в эту первую пору англо-русского культурного сближения носило сугубо практический характер. Тем не менее, уже в XVI—XVII вв., интересуясь Русским государством, протяженностью его территории, этнографическим составом населения, сырьевыми ресурсами страны, торговыми путями в соседние края и т. д., в Англии напечатали ряд переводов с русского языка. Одним из самых ранних, вероятно, является сделанный еще в 1558 г. Ричардом Джонсоном перевод небольшого русского этнографического сочинения XV в.— «О человецех незнаемых в восточной стране...» [64]; он был напечатан в собрании путешествий («Voyages») Гаклюйта еще в 1598 г., вместе с рядом других небольших переводов с русского различных заметок географического содержания. В книге продолжателя Гаклюйта, Пёрчаса (Purchas; 1625), напечатаны другие переводы с русского на английский, среди них — рассказ сибирского казака Ивана Петлина о поездке в Монголию и Китай в 1618 г. [65]

ПОРТРЕТ АНГЛИЙСКОГО КОРОЛЯ КАРЛА II
Из «Титулярника», 1672
Архив древних актов, Москва

Ряд английских путешественников утверждает, и, по крайней мере, некоторые из них не без оснований, что они читали также русские летописи; по подлинным ли текстам или с помощью уже имевшихся пересказов (хотя бы в книге Герберштейна, переведенной на все европейские языки) они стремились воссоздать историю той страны, с которой столь прочно связали их торговые интересы. Толковый очерк русской истории от древнейших времен мы находим уже в книге Джайлса Флетчера о Русском государстве; сведения этого рода несколько пополнены были в английских сочинениях XVII в. В большинстве из них, однако, подлинного знакомства с русским языком и письменностью не обнаруживается. Лишь во второй половине XVII в., вслед за тем, как вновь окрепли вовсе было разладившиеся торговые и дипломатические отношения между Англией и Московским государством, к изучению русского языка и русской письменности в лондонских ученых кругах возник новый интерес.

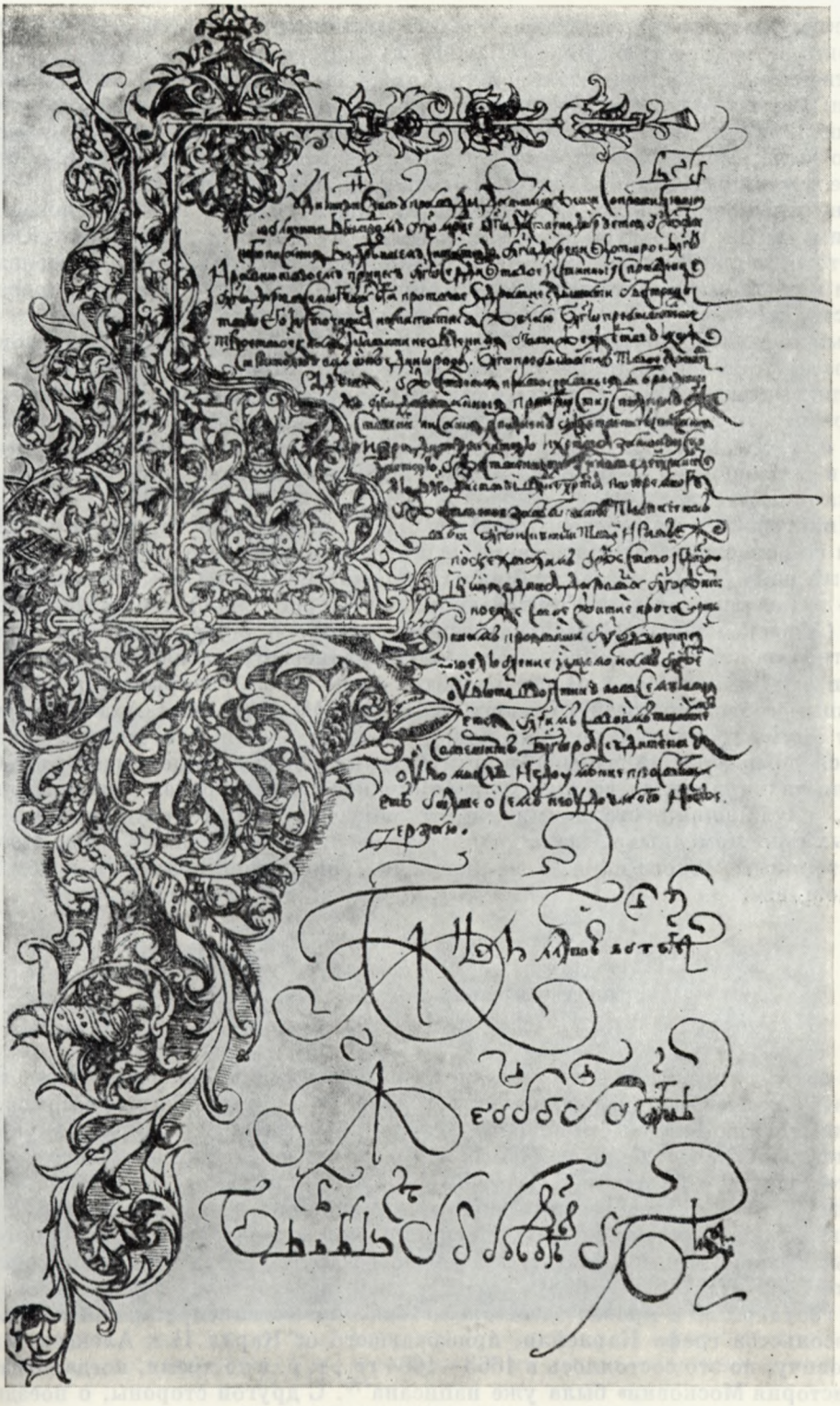
Разрыв дипломатических отношений царя Алексея Михайловича с революционным правительством Англии 1649 г., изгнание английских купцов из

России и лишение их привилегий сильно уменьшили в Англии интерес к «Московии». Все попытки английского правительства вернуть своим торговым агентам их прежнее положение на русских рынках терпели неудачу и систематически отклонялись в Москве.

Это способствовало росту руссофобских настроений в Англии, в особенности в пуританских кругах. Московское государство изображалось как типичная «восточная деспотия» и вызывало теперь гораздо более резкое, чем в прежние годы, осуждение со стороны английских историков и публицистов. Характерно, что в революционные годы в Англии несколько раз, под различными заглавиями [66], было переиздано сочинение Дж. Флетчера «Of the Russe Common Wealth», новые же книги о России исторического и публицистического характера появлялись здесь редко и не всегда были основаны на свежих материалах; между сочинениями Горсея (издано еще в 1626 г.) и Сэмьюэля Коллинза (1671) [67] оригинальные книги о России в Англии почти не выходили. Лишь в 1654 г. в Лондоне появился памфлет под инициалами J. F. [68] довольно неожиданного содержания, в котором неизвестный автор, явный поклонник Бориса Годунова, говорил много лестного о Русском государстве, рекомендовал Англии последовать похвальному примеру московских царей в деле упразднения «нормандских привилегий» и, в частности, высказывал особое удовольствие по поводу «демократических» основ русского законодательства, но этот новый мотив прозвучал диссонансом и едва ли был воспринят серьезно его читателями. Вслед за сочинением Коллинза, если не считать книги Мэнли [69], одной из немногих английских книг о России второй половины XVII в. являлось сочинение Дж. Мильтона «Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на Восток от России до самого Китая» («A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of several Eye-witnesses. By John Milton». London, 1682, 12°, 109 p.), но оно носит компилятивный характер и составлено было, вероятно, еще в 50-х годах [70].

Это сочинение в творчестве создателя «Потерянного рая» занимает обособленное место. Как отмечал в своем предисловии первый издатель этого трактата Мильтона, «Краткая история Московии» была написана собственной рукой поэта еще до потери им зрения. Исследователи обращали внимание на то, что это сочинение составляет только первую часть задуманного, но не осуществленного Мильтоном труда, целью которого было дать политическую географию отдельных государств тогдашней Европы, с рядом экскурсов в область быта и нравов обитателей разных стран; недостаток в подобного рода книгах почувствовал Мильтон тогда, когда он, занимаясь педагогической деятельностью, мечтал о коренном преобразовании английской школьной системы (ср. его трактат «О воспитании», 1642) [71]. Другие исследователи — среди них известный биограф Мильтона, Д. Массон — подчеркивали, что «Краткая история Московии» могла относиться к ранним годам службы Мильтона в качестве государственного секретаря молодой английской республики, примерно к 1649—1652 гг. [72], причем на выбор темы и характер обработки материала могли оказать влияние не только его педагогические интересы и собственные занятия историей и географией, но также и его непосредственные служебные обязанности: к началу 50-х годов как раз относятся попытки английского правительства уладить осложнившиеся отношения между Лондоном и Москвой. Еще в 1657 г., когда Кромвель был сильно озабочен англо-русскими торговыми делами, все еще запущенными с 1649 г., одно из писем в Москву, к царю Алексею Михайловичу, по поручению Кромвеля написал именно Мильтон,— это было верительное письмо, данное английскому послу Ричарду Бредшо [73], отправлявшемуся в Россию.

«Краткая история Московии» не является самостоятельным трудом. Сам автор называл ее сочинением, «выбранным из писаний многих очевидцев». Перед нами компиляция, сделанная, однако, не механически. Мильтон не просто переписывал реляции старых английских путешественников или



ОБРАЗЦЫ РУССКОЙ СКОРОПИСИ, 1630
Британский музей, Лондон

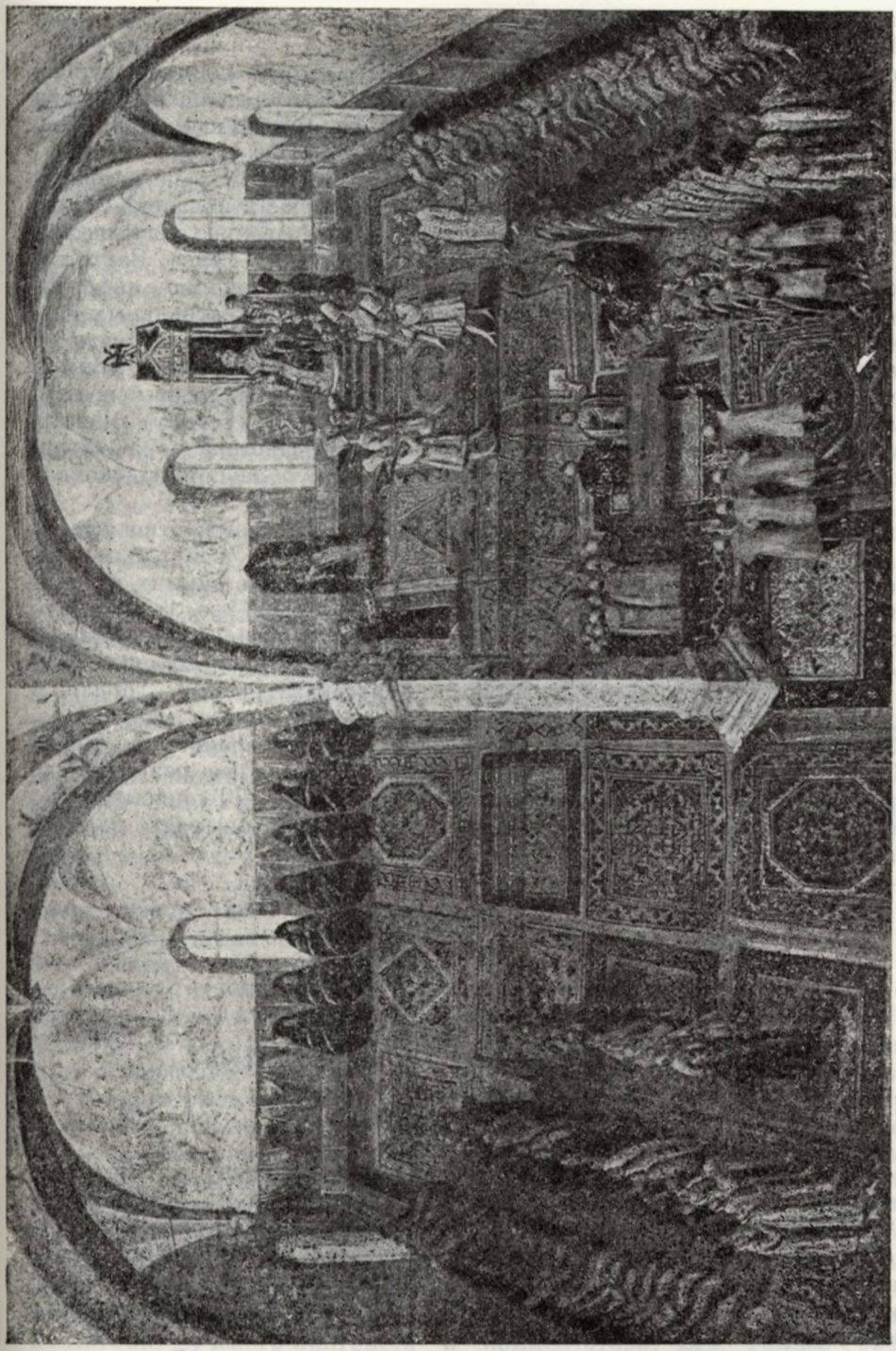
русских землепроходцев, имевшиеся в английских переводах (среди них, например, путешествие Ивана Петлина), но обрабатывал их в духе, соответственном цели своего сочинения. Самый выбор материала очень характерен: Мильтона интересуют Лжедмитрий, Ян Собесский, русско-польские отношения, имевшие в то время злободневный характер, и т. д. Важное место в этом сочинении занимает его географическая часть, а в ней — описание восточных окраин Московского государства и сопредельных с ними стран, например, Сибири и путей из Москвы в Китай; но по отношению к этим частям, пожалуй, справедливым можно считать замечание Ю. В. Толстого, полагавшего, что Мильтон «не умел воспользоваться любопытными и обильными материалами, которые имел для своего труда, не подверг их исторической критике и совершенно выпустил из вида, что они относятся к разным эпохам». Не нужно, впрочем, забывать, что в половине XVII в. и Сибирь и страны Дальнего Востока представляли собою края, еще мало известные западным европейцам, и поэтому Мильтону оставалось лишь воспроизвести и пересказать то, что он нашел в своих источниках: картина, им изображенная, или, лучше сказать, перерисованная, очень типична и своим экзотизмом и лежащей в его основе английской заинтересованностью заморскими рынками Востока.

Мильтон так заинтересовался «Московией» и, в частности, северо-восточными ее областями, что увлечение это оставило след и в поэме его «Потерянный рай» (1667): здесь упоминаются реки Печора и Обь, страны «самоедов» и «кочующих татар», Понт Эвксинский (Черное море) и Меотидские болота (Азовское море). В десятой песне говорится о татарах, которые бегут в Астраханские степи («by Astracan»), скрываясь от врагов своих русских («from his Russian foe».). В одиннадцатой песне вновь раскрывается величественный географический горизонт. Архангел Михаил ведет Адама на вершину холма и оттуда в видении показывает ему все то, что должно совершиться до потопа: «Адам мог окинуть взглядом все земные страны, где бы они ни находились, со всеми их древними и новыми прославленными городами, служившими столицами самым могущественным государствам, от гордых стен Камбалыка, где находился трон китайского хана ⟨...⟩ до Москвы, столицы русского царя, и до Византии, покоренной султаном, родом из Туркестана»: —

> ...or where the Russian Tsar
> In Moscow; or the Saltan in Byzance,
> Turchestan-born...
>
> *XI, ст. 385—395*

В окружении этих восточных имен и экзотических географических названий, большей частью основывающихся на средневековой географической традиции, имя Москвы приобретало типично восточный колорит, внушая неотчетливое впечатление далекого и чужого европейцам восточного государства рядом с безлюдной Татарией [74].

Некоторые исследователи Мильтона давно уже высказывали догадку, что он в своей «Краткой истории Московии» мог воспользоваться кое-какими устными сообщениями об этой стране своего друга, поэта Эндрю Марвелла (Andrew Marvell; 1621—1678). Хотя Марвелл действительно был в Московском государстве и провел здесь около года в качестве секретаря английского посольства графа Карлейля, приезжавшего от Карла II к Алексею Михайловичу, но это состоялось в 1663—1664 гг., т. е. в то время, когда «Краткая история Московии» была уже написана [75]. С другой стороны, о поездке Марвелла мы имеем преимущественно косвенные данные; собственного рассказа или дневника о пребывании в Москве Марвелл не оставил, письма его за этот период не сохранились [76], а в поэтических произведениях его московские впечатления отражены слабо — по крайней мере в той их части, которая дошла до нас. Обо всем этом можно пожалеть, так как Марвелл безуслов-



АНГЛИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В МОСКВЕ В XVII В.
Картина неизвестного художника
Венгерский национальный музей, Будапешт

но являлся довольно видным поэтом и публицистом своего времени. Дружба его с Мильтоном, начавшаяся еще в период, когда оба они состояли в канцелярии Кромвеля (в должности «латинских секретарей» по иностранным делам — «Latin secretaries»), продолжалась многие годы; на многие события своего времени они, безусловно, смотрели одинаково, имея близкие или сходные взгляды.

Действительное представление о реальной «Московии», стране популярной и довольно знакомой, каким оно было в Англии еще в начале XVII в., к середине столетия расплывалось, таким образом, в красочное экзотическое пятно. Современники Мильтона интересовались ею еще менее. Закрытие театров пуританами (до 1661 г.) уничтожило один из источников информации лондонских горожан о Московском государстве — с театральных подмостков. В возрожденном театре периода Реставрации мы уже почти не встречаемся и с отголосками прежней популярности «московской темы» в драматической литературе: упоминания Москвы, русского царя и медведей, как, например, в сатирической комедии Абраама Каули (Cowley) «Щеголь с Колменской улицы» (1661) [77], встречаются редко. Настала пора «героических» драм, писанных в подражание французским образцам и довольно чуждых впечатлениям действительности.

В пьесе Девенанта «Коварный брат» («The Cruel Brother»), относящейся еще к 1630 г., но шедшей на сцене и после восстановления театральных зрелищ, мы, правда, находим еще традиционное упоминание о зимних холодах в России («where people freeze till they spit snow» — Act IV, sc. 1), но и оно, сколько знаем, более не повторяется. В гораздо более поздней пьесе драматурга Джона Крауна (John Crowne; ум. 1703) «Юлиана, принцесса польская» (1671) среди действующих лиц появляется и русская героиня, гордая и мстительная (Act V, sc. 1 и III), но в сюжете драмы нет ничего исторического [78]. Укажем, кстати, что в знаменитой в эту же эпоху героико-комической поэме Сэмьюэля Батлера (S. Butler; 1612—1680) «Гудибрас» еще раз появился русский медведь. Во второй песне первой части (с. 265—270), описывая ученого медведя, которого в толпе странствующих музыкантов ведет его поводырь на деревенский праздник, автор говорит:

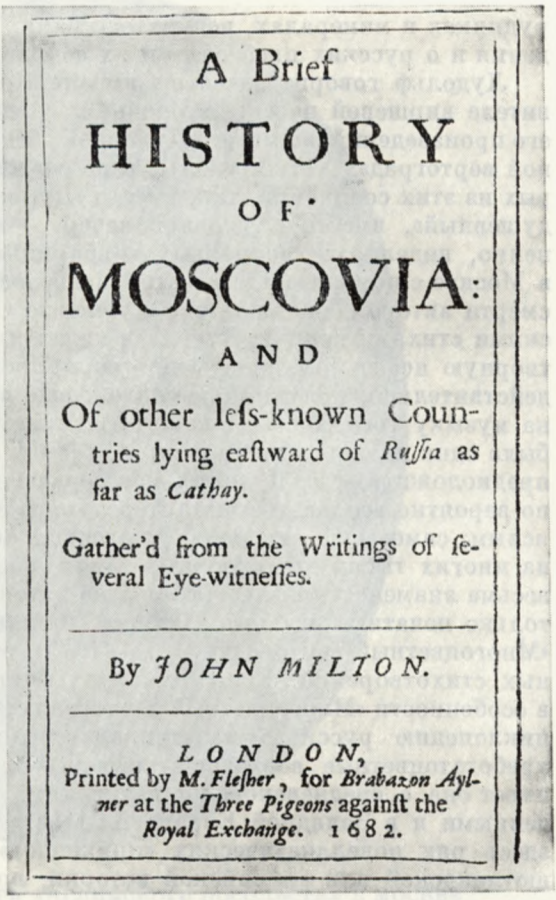
He was by birth, some authors write,
A Russian; some, a Moscovite
And'mong the Cossacks had been bred
Of whom we in Diurnals read...[79]

Он был, как указывают некоторые писатели,
Русским или, как пишут другие,— московитом
И воспитан у казаков,
О которых мы читаем в газетах...

Свидетельство Батлера интересно указанием на английские газеты его времени, где казакам отводилось, действительно, довольно значительное место [80]; однако именно цитированные стихи оказались поводом для забавных недоразумений английских комментаторов батлеровской поэмы, впрочем, и сам автор «Гудибраса», вероятно, довольно неотчетливо представлял себе, можно ли «русских» объединять с «московитами» или они чем-нибудь отличались друг от друга.

Лишь в конце XVII в. возник в Англии новый интерес к Русскому государству и его культуре. Но он не носил теперь того массового характера, который имел в «елизаветинскую» пору. Это было, прежде всего, ученое любопытство, проявлявшееся в более узком и обособленном кругу населения, чем в прежние годы. Известно, что секретарь лондонского Королевского общества Генрих Ольденбург, говоря о том великом обновлении науки во всех частях света, какое наблюдалось в его время, прямо заявил в предисловии к V тому «Отчетов» этого общества («Philosophical Transactions»): «Даже за-

мерзающие московиты и русские восприняли это действенное брожение, и у них находят всяческое одобрение все истинные любители знания и добродетели». Ольденбург имел, вероятно, в виду географические и естественно-исторические наблюдения русских на европейском Севере и в Сибири, которые по-прежнему очень интересовали англичан и результаты которых уже в это время проникали в печатные отчеты Королевского общества, а не вообще лишь «новые культурные веяния на Руси в предпетровскую эпоху» [81]. Так, еще в марте 1674 г. в «Отчетах» Королевского общества опубликовано было письмо Ник. Витсена из Амстердама (будущего автора труда о «Северной и Восточной Татарии») по поводу «новой карты Новой Земли и Вайгача, начертанной по повелению царя и скопированной живописцем Panelapoetski, который прислал мне ее из Москвы», т. е. придворным живописцем царя Алексея Михайловича — паном Станиславом Антоновичем Лопуцким. Так как Лопуцкий умер в октябре 1669 г., то карта, с которой он сделал свою копию, есть, конечно, «Чертеж сибирския земли», изготовленный «по указу царя Алексея Михайловича» стольником и воеводой тобольским, Петром Ивановичем Годуновым в 1667 г. [82] Следовательно, на Запад проникали не только словесные описания русскими путешественниками дальних земель, но и картографические данные. Изучение русского языка приобретало теперь для англичан особое значение, потому что он являлся не только средством деловой связи с русским населением, но и ключом к русским литературным памятникам, заключавшим в себе многие интересовавшие Западную Европу данные географического или исторического характера [83].


A Brief
HISTORY
OF
MOSCOVIA:
AND
Of other leſs-known Countries lying eaſtward of *Ruſſia* as far as *Cathay*.
Gather'd from the Writings of ſeveral Eye-witneſſes.
By *JOHN MILTON*.
LONDON,
Printed by *M. Fleſher*, for *Brabazon Aylmer* at the *Three Pigeons* againſt the *Royal Exchange*. 1682.

«КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МОСКОВИИ» ДЖ. МИЛЬТОНА, ЛОНДОН, 1682
Публичная библиотека, Ленинград

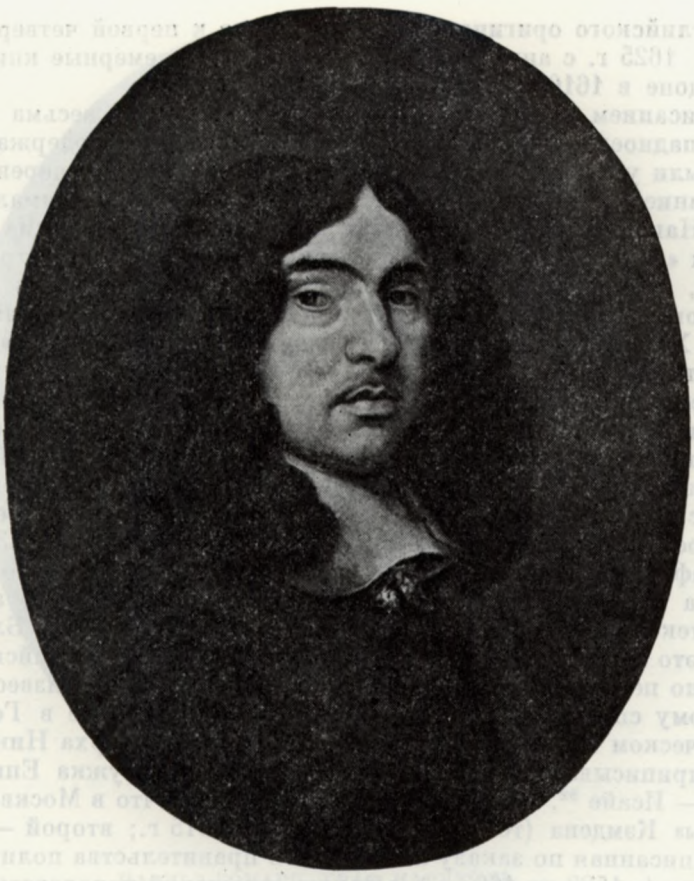
Поэтому далеко не случайным является и тот факт, что первая печатная грамматика русского языка для иностранцев вышла в свет в Оксфорде в конце XVII столетия. Это была «Grammatica Russica» (1696) Генриха Вильгельма Лудольфа (1655—1712), выходца из Саксонии, натурализовавшегося в Англии, ученого-лингвиста и комментатора. Его ранние биографы упоминают, что с русским языком он будто бы впервые познакомился в Англии, затем значительно расширил свои познания, совершив путешествие по России в 90-х годах, и по возвращении своем в Оксфорд выпустил здесь свою книгу на латинском языке. «Русская грамматика» Лудольфа — не только выдающийся лингвистический труд; это в то же время первая книга, изданная в Англии, в которой наряду с традиционными географическими и природоописательными данными, с заметками о сибирской «мамонтовой кости»,

рудниках и минералах, редких растениях и животных, находятся также сведения и о русских писателях и их сочинениях [84].

Лудольф говорит здесь о Симеоне Полоцком, этом виднейшем представителе виршевой поэзии в Москве последней четверти XVII в., и в числе его произведений называет «Духовной обед», «Духовной вечер» и «Многоцветной вертоград». Хотя Лудольф и не совсем точно передает названия некоторых из этих сочинений (так, вместо «Духовной обед» следовало сказать «Обед душевный», вместо «Духовной вечер» — «Вечеря душевная»), но он, несомненно, видел их: два первых — сборники проповедей — отпечатаны были в Москве с помощью Сильвестра Медведева в 1682—1683 гг., т. е. уже после смерти автора. Говоря также о том, что Симеон Полоцкий «перевел славянскими стихами псалмы Давида и издал их», Лудольф имел в виду «Рифмотворную псалтырь», напечатанную в Москве в 1680 г. и ставшую на Руси, действительно, популярной книгой: еще в XVII в. ее вирши положены были на музыку государевым дьяком Василием Титовым и усердно пелись (это была одна из первых книг, прочитанных Ломоносовым). Трудно, конечно, предположить, что Лудольф мог серьезно изучать славяно-русские вирши, но вероятно все же, что их литературное значение было для него достаточно ясным; самое существование у русских огромных произведений, состоящих из многих тысяч стихотворных строк, должно было показаться ему фактом весьма знаменательным. Любопытно в этой связи, что Лудольф упоминает не только печатные издания Симеона Полоцкого, но и оставшийся в рукописи «Многоцветный вертоград» (1678—1679), этот огромный сборник назидательных стихотворений. Если бы Лудольф внимательно читал все эти книги, в особенности «Многоцветный вертоград», эту своего рода стихотворную энциклопедию русского начетчика, «сподобившегося иностранных идиомат пребогатоцветные вертограды зрети»,— он увидел бы, как много общего имеет она с средневековыми латинскими сборниками, своеобразно возрожденными и в Западной Европе XVII в., и что в виршевую форму облечен здесь ряд новеллистических «прикладов» (exempla), в частности даже из шотландской или английской истории, вроде, например, рассказа об убийстве шотландского короля Кемефа его женой Фенеллой («Жена блудная»), или исторического анекдота о Кануте Британском [85]. Но труды Симеона Полоцкого были интересны для Лудольфа главным образом с точки зрения их языка, а этот последний — из практических целей, которые он имел в виду, издавая свою книгу для «купцов и путешественников», это, по его собственным словам, «введение в изучение языка, на котором говорят в стране от Архангельска до Астрахани и от Ингерманландии до Китая». Не пришла еще пора житейских и интеллектуальных встреч между английскими и русскими *писателями*, их обоюдной *идейной* заинтересованности друг в друге. Непреоборимой преградой легли между ними не только язык, но и вековые условия исторического развития. Эти преграды,— по крайней мере для одной из сторон, отпали лишь в XVIII в.

5. Отзвуки английской революции в русской письменности XVII века.— «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли».— «Декларация» Алексея Михайловича об английской революции.— «О Каролусе первом, короле Великобританском» — русский перевод XVII века

В Московском государстве Англией, вплоть до середины XVII в., интересовались относительно мало. Английский язык был у нас знаком лишь присяжным толмачам; дипломатические переговоры между двумя государствами в раннюю пору шли больше на латинском, чем на русском или на английском языках. Правда, как сообщают нам новейшие разыскания, с конца XVI в. у нас непрерывно увеличивалось знание различных западноевропейских языков [86], а от 40-х годов следующего столетия до нас дошла



ЭНДРЮ МАРВЕЛЛ, СЕКРЕТАРЬ АНГЛИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ
В 1661—1664 гг.
Портрет работы неизвестного английского художника
Национальная портретная галерея, Лондон

рукопись, принадлежавшая ярославскому посадскому человеку, куда он занес английскую азбуку, англо-русский словарик и разговорник. Все это, несомненно, свидетельствует, что в это время возникло уже активное усвоение иностранных языков (в том числе и английского) в тех слоях русского городского населения, которые имели сношения с иностранцами [87]. Ничто не мешает нам предположить, что указанная рукопись была отнюдь не единственной в своем роде.

Долгое время страна «ангилейских немцев», упоминавшаяся в русских официальных документах или компилятивных сочинениях, представляла собой, в сущности, лишь географическое наименование, имевшее неясное и расплывчатое содержание, а в «космографиях» допетровской поры при описаниях «Вретании и Англинской земли» встречались нередко досадные анахронизмы, перешедшие сюда из источников византийского (позже — итальянского) происхождения [88]. Тем не менее не следует преувеличивать незнакомство московской Руси с Англией и ее культурой, даже с ее печатными изданиями, как это нередко делают зарубежные исследователи [89]. Необходимые оговорки, уже сделанные нами выше в связи с характеристикой первых русских летописных известий о начале торговых отношений с англичанами или русских посольских отчетов о поездках в Лондон, приходится повторить и в данном случае, притом в гораздо более категорической форме. Отметим, в частности, что один из ранних переводов, сделанных в Москве непосредст-

венно с английского оригинала, относится еще к первой четверти XVII в.: это перевод 1625 г. с английского, «с печатные землемерные книги», вышедшей в Лондоне в 1616 г. [90]

Землеописанием в Москве XVII в. интересовались весьма сильно: все лучшие западноевропейские труды географического содержания XVI—XVII вв. были у нас переведены [91], а в большинстве этих переводных сочинений описание Англии и вообще «Британских островов» занимало не последнее место. Напомним здесь хотя бы о русских переводах таких знаменитых трудов, как «Атлас, или Космографические размышления о строении мира» (Амстердам, 1606) Герарда Меркатора, переведенный у нас в 1637 г., или «Theatrum orbis terrarum...» (1643) голландца Блеу, выполненный в Москве в середине XVII в. под заглавием: «Позорища всея вселенныя», или, наконец, трактат А. Ортелиуса (1-е изд. 1570) — «Космография сиречь всемирное описание земель» и др. В каждом из них давалось более или менее подробное описание Британских островов с точки зрения географической, экономической, политической. Все эти сочинения передавались по-русски полностью, без пропусков, так как сильно интересовали наших книжников. Известно, что вместе с трактатом Блеу на русский язык переведено было с латинского и знаменитое описание Британии Уильяма Кэмдена (1551—1623), выдающегося географа, историка и родоначальника английской археологии: «Britannia, or a chorographical description of England, Scotland and Ireland» (1586). По тексту, приложенному к четвертой части трактата Блеу (Амстердам, 1645), это сочинение Кэмдена, составившее эпоху в английской историографии, было переведено и на русский язык; перевод этот известен пока по единственному списку (б. Синодальной библиотеки, ныне в Государственном историческом музее в Москве), со вкладной патриарха Никона; выполнение его приписывают участнику переводческого кружка Епифания Славинецкого — Исайе [92]. Не исключена возможность, что в Москве знали также «Анналы» Кэмдена (том первый вышел в 1615 г.; второй — в 1625 г.): это была написанная по заказу английского правительства политическая история Англии (с 1588 по 1603 г.), а также отношений королевства с другими странами; для посольского приказа эта хроника могла представить тем больший интерес, что в ней Кэмден довольно подробно осветил историю англо-русских отношений во второй половине XVI в., в частности на основании документов, привезенных Дж. Горсеем из Москвы [93].

Вслед за этими переводными географическими трудами, из которых можно было почерпнуть разнообразные сведения о природе и людях Англии, о городах этой страны, ее общественном и государственном устройстве, во второй половине XVII в. начали появляться и самостоятельные русские компиляции того же типа. В одной из них («Книга, глаголемая козмография...»), известной в двух редакциях, краткой и полной, и, несомненно, распространенной у нас в XVII — начале XVIII в., составленной по иностранным источникам, но, вероятно, русским книжником, мы находим довольно подробное описание Британских островов с рядом чрезвычайно интересных подробностей. Здесь охарактеризованы не только природа, климат, флора и фауна страны, но и ее социальный быт и политический строй; описывается парламент («сойм»), суды, банк («есть в аглинском королевстве палата. именуется по их языку банкус ренус ⟨региус?⟩, сиречь мена королевс... казны к прибытку и к корысти всего государства, уложеньем самого короля»), филантропические учреждения («есть в городе Лондон палата, по их языку кирявардум именуется, сиречь вдовам и сиротам всякая расправа чинится...») и, наконец, учебные заведения, а среди них два знаменитых университета (в тексте: «философские училища») — Кембриджский («кантабринское» — Cantabrigia) и Оксфордский («оксониенское» — Oxoniensis); «в тех училищах многое славное учение философское и всяких мудростей искони бывало и ныне есть...» С тою же подробностью рассказано здесь и «о шкотском королевстве, под властию аглинского короля», где идет речь и о протяженности страны, ее климатических условиях, природных богатст-

ЧАРЛЬЗ ГОУАРД, ГРАФ КАРЛЕЙЛЬ
Английский посол в Москве в 1661—1664 гг.
Миниатюра (увеличено)
Замок Гоуард, Йоркшир

вах, городах, с отдельной характеристикой шотландской столицы, Эдинбурга («Едимбурк, шкотским языком Едемборов...») [94].

В этих больших статьях бросаются в глаза элементы весьма положительной оценки английской жизни в ее целом; временами характеристика прямо похожа на панегирик: «Британия здравого пребывания и люди в ней счастливого и здравого прирожения, аки иной свет от иных земель отменился...» Характеристика нравов и образа жизни англичан написана явным «англофилом», подобных которому едва ли знала русская жизнь XVII столетия; тем интереснее было бы дознаться путем сличений, что́ в этой характеристике прямо восходит к иностранным образцам, а что́ прибавлено от себя русским книжником не только в смысле выбора им данных, но и в отношении стиля рассказа, его лексики, словесного искусства. Его повествование о далекой, но не вовсе чуждой стране льется легко и непринужденно: «Английские люди доброобразны, веселоваты, телом белы, очи имеют светлы, во всем изрядны, подобны итальяном. Житие их во нравех и обычаех чинно и стройно, ни в чем их похулити невозможно. Воинскому чину искусны, храбры и мужественны, против всякого недруга безо всякого размышления стоят крепко, не скрывая лица своего. Морскому плаванию паче иных государств зело искусны, пища их большая статия от мяс, ествы прохладные, пива добрые, и в иные страны оттоле пивы идут. Платье носят с французского обычая. Жены их красовиты, платье носят по своему обычаю...» [95]

ЛОХАНЬ ДЛЯ РОЗОВОЙ ВОДЫ, ПРИСЛАННАЯ В ДАР ОТ КАРЛА II В 1664 Г.
Оружейная палата, Москва

Таким образом, книжный запас данных о Британии, накопленный русскими переводчиками и начетчиками в течение XVI—XVII вв. был вовсе не столь незначителен, как принято думать. Однако ошибочно было бы считать также, что сочинениями на русском языке этого рода — космографиями и географическими справочниками, или обзорами, ограничивался круг тех пособий, из которых в Московском государстве XVII в. можно было почерпнуть данные о Британских островах и их жителях. Об «английской земле» знали у нас много больше, в частности, из расспросных сведений о ней (получавшихся в Москве и от русских путешественников, бывавших в этой заморской стране, и от приезжавших в Москву англичан) и из записей в письменных источниках [96].

В правительственных сферах, в приказных кругах и у нас в это время, несомненно, живо интересовались и современной историей Англии, и политической жизнью ее, и церковно-общественными делами. Памятниками этого интереса явились, в частности, документы официального характера, «статейные списки» — донесения и отчеты русских послов, ездивших в Англию. Хранились эти отчеты в Посольском приказе. Некоторые статейные списки получили значительную известность у русских и зарубежных историков как важные исторические первоисточники. Таковы, например, уже упоминавшийся выше в связи с комедией Шекспира «Напрасные усилия любви» отчет Ф. А. Писемского, приехавшего в Лондон в 1582 г. [97] или отчет Г. И. Микулина, отправленного к королеве Елизавете в мае 1600 г [98]. Последнему довелось быть в Лондоне свидетелем восстания Эссекса, о чем Микулин и сообщил в своем статейном списке довольно подробные и точные сведения. Это не покажется нам удивительным, если мы примем во внимание, что главным «приставом», состоявшим при Микулине в Англии, был «князь Еремей», как он его называет, т. е. Джером Баус, ранее (в 1583—

КАРЛ I НА КОНЕ
Статуэтка
Подарок царю Алексею Михайловичу
Оружейная палата, Москва

1584 гг.) ездивший в Москву в качестве английского посла и немного говоривший по-русски. Имея в Англии добрых друзей и осведомленных посредников, Микулин довольно отчетливо представил себе события, совершавшиеся на его глазах. Он знал по именам главных действующих лиц неудавшегося заговора графа Эссекса, среди них шекспировского графа Саутгемптона («Эрль Сеуфгамтен, да Эрль Роклин, да Лорд Стенс...»), отметил сочувственное отношение к восстанию англичан посадских людей, и, как явствует из одного печатного английского свидетельства 1605 г., вероятно, помог одному из замешанных в восстании англичан скрыться из Англии в Россию. Звали этого англичанина, «некогда состоявшего на службе у благородного и несчастного графа Эссекса», Джордж Гарланд. Микулин поселил его вблизи от своего поместья, неподалеку от Ярославля, и, вероятно, общался с ним[99]. Добавим к этому, что «статейный список» посольства Микулина был по достоинству оценен не только историками, но даже театроведами; он позволил, например, автору новейшего исследования о комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» Л. Хотсону вполне точно установить дату первого представления этой комедии при дворе королевы Елизаветы в присутствии

герцога Орсини (как известно, он является одним из героев этой комедии). В русском тексте статейного списка Микулина Вирджинио Орсини, герцог Браччьяно, именуется «Итальянские земли Флоренской удельной князь Верджен Аурсинов», и они, безусловно, видели друг друга, так как Орсини «ударил челом» королеве Елизавете, когда она велела Микулину и состоявшему при нем подъячему Ивашке Зиновьеву в тот же день «у себя на праздник на крещеньев день хлеба ясти». Сам же Орсини упоминает «московского посланника» (l'Ambasciatore Moscovito), хотя и не называя его по имени, в том письме к своей жене, посланном в Италию из Лондона, в котором рассказывается об этом приеме у английской королевы в Уайтхолле [100]. Переводчиком при москвичах был знавший русский язык англичанин, житель Лондона («Ондрей Грот из Лунды»).

Подобные исторические встречи англичан и русских — как в английской, так и в русской столицах — представляли обоюдный интерес и обсуждались, конечно, не только в правительственных сферах; в широких кругах становились известны устные рассказы бывалых путешественников и многое из того, что им приходилось увидеть собственными глазами в чужих землях. Иногда же в более широкую читательскую среду спускались из служебных архивов приказных канцелярий даже списки посольских донесений и документов; подобные списки попадали порою в руки к монастырским и посадским книжникам. Характерным примером подобного читательского любопытства к достоверным свидетельствам об Англии, записанным русскими путешественниками в эту страну в середине XVII в., может служить история поездки в Лондон русского гонца Герасима Семеновича Дохтурова, в результате которой, помимо официальной реляции, возникло также сочиненное одним из участников этого путешествия 1645—1646 гг. описание Лондона по личным впечатлениям. Здесь были даны весьма любопытные и довольно обширные сведения об английской столице.

По случаю смерти царя Михаила Федоровича (1645) и восшествия на московский престол Алексея Михайловича с этими известиями за границу отправлены были из Москвы специальные гонцы. В Англию послан был московский дворянин Дохтуров. Он пробыл за рубежом почти год (выехал из Москвы 13 августа 1645 г., а вернулся 9 августа 1646 г.) и имел возможность наблюдать начало гражданской войны в Англии, события которой развертывались у него на глазах. Дохтуров жил в Лондоне, в Чипсайде, в специально отведенном ему доме, где он принимал английских купцов «Московской компании», по-прежнему заинтересованных в развитии своей торговли в России, и сам был принят обеими палатами парламента в период их острого конфликта с королем.

Благодаря окружавшим Дохтурова во время пребывания его в Англии лицам, из которых многие живали в России и были «вполне русскому языку навычны», он был в курсе драматических событий английской смуты и его «статейный список», в свою очередь, представляет собою весьма ценный исторический документ [101]. В составлении его Дохтурову оказал существенную помощь Федор Архипов, «посольского приказу англинского языка толмач», выполнявший, по-видимому, обязанности секретаря русского посольства. Он сопровождал Дохтурова на официальных приемах (например, Архипов присутствовал на приеме русского гонца в Парламенте 13 июня 1646 г.), общался с англичанами, имел возможность довольно хорошо познакомиться с английской столицей. Есть все основания полагать, что его перу и принадлежит то описание Лондона, о котором пойдет речь ниже.

В 1960 г. в г. Солигаличе был обнаружен и передан в Ярославский педагогический институт для изучения весьма интересный рукописный сборник довольно пестрого состава; хотя он написан скорописным почерком середины XVIII в., но, судя по содержанию, составляющие его тексты были скопированы с более старого оригинала. Сборник этот открывается хорошо известной по другим спискам «Повестью о короле Франце и сыне его Брунцвике»; за нею следует также знакомое историкам допетровской письменности

«Послание» Дария к Александру Македонскому. Далее в сборнике помещен (без заглавия) текст статейного списка о поездке гонца Дохтурова в Англию (лл. 32 об.— 53 об.) и тесно примыкающая к нему особая статья: «Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли» (лл. 53 об.— 59 об.). Дальнейшие статьи указанного сборника представляют меньший интерес, так как они встречаются в других списках и уже подвергались исследованию («Сказание о Вавилонском царствии и о трех отроцех», «Слово о Димитрие купце...», «О хождении московских купцов в Царьград, Антиохию, Египет, Иерусалим...»). Состав сборника явно свидетельствует о том, что он имел не официальное назначение, а принадлежал к книгам развлекательного характера для широкого читателя.

Статейный список Дохтурова известен в оригинале, хранящемся в ЦГАДА и был издан с комментариями З. И. Рогинским [102]. Тексты путешествия Дохтурова в Солигаличском сборнике имеют некоторые отличия от оригинала, что, может быть, следует объяснить его происхождением: текст сборника, вероятно, восходит к той редакции, которая осталась в бумагах Ф. Архипова и являлась черновиком официального документа; текст же «Росписи городу Лундану» стал известен впервые и также был опубликован З. И. Рогинским, высказавшим предположение, что автором «Росписи» является Федор Архипов.

«Роспись городу Лундану и всей Аглинской земли» в ряду других русских мемуарных и географических сочинений об Англии занимает особое место и представляет большой интерес. Это записи очевидца, сделанные толковым наблюдателем, подметившим многие особенности английской жизни, тем более необычные для москвича. Автор «Росписи», в общем, очень одобрительно отзывается об Англии; временами даже его рассказ сбивается на своего рода панегирик, вроде того (в русском переводе «Космографии» 1670 г.), коего образец цитирован был нами выше. Рукопись начинается следующими словами: «В том Аглинском государстве, городе Лундане и в иных городех и деревнях зимы нет, николи не живет — все лето. И овощи всякие родятся по дважды годом, и в зимнюю пору сады все зелены стоят у них, а снегу николи не бывает. А хоромы строины добре, полаты каменные о шти ⟨шести⟩ и о семи жильях и более, а кои деревянные, и те своиные ⟨внутренние⟩ стороны выбелены, а иные выписаны всякими притчами ⟨покрыты фресковой живописью⟩, а крыты черепицею, а выписаны свинцом, а внутре стены и подволоки ⟨потолки⟩ выписаны травами и всякими притчами. А улицы все мощены каменем. А мы стояли на большей улице, имя Чипсайд, а двору имя нашему Золотой ключ. А у ворот повешен золотой ключ, а на том дворе 27 полат ⟨комнат⟩ жилых, кроме сеней и переходов» [103].

«Знание языка и умение письменно излагать свои мысли позволили Федору Архипову не только познакомиться с жизнью английской столицы, систематически наблюдая ее и беседуя с ее жителями, но и облечь свои наблюдения в литературную форму»,— замечает о «Росписи городу Лундану» З. И. Рогинский [104]. Действительно, рассказ этого москвича, хотя он и невелик по объему, содержит в себе много любопытных наблюдений и заслуживающих внимания сведений об экономике Англии, о топографии Лондона, о быте граждан, строительном деле у англичан и архитектурном облике английской столицы — до опустошительного пожара 1666 г. Благоустройство Лондона, водопровод, лавки, изобильные товаром, каменные строения вызывают одобрительные отзывы автора: «А земля их всем изобильна: серебра много бесчисленно, и всяких товаров». Москвичу понравилась лондонская биржа (Exchange), и он оценил не только ее архитектурные достоинства, но и вник в ее назначение и функции: «Да в том же граде Лундане зделан двор добре хорош, украшен, а имя ему Енчайжн, а на том дворе всякие узорочья. Вверху торгуют, а в-исподи сходятся на всякой день торговые люди по дважды днем; а изо всех государств и городов вести приходят на тот двор, и гуляют на том дворе торговые люди один час, проведывают вести и расходятца. А никакого двора у них не узнаешь только не по клейму;

HENRICI WILHELMI LUDOLFI

GRAMMATICA RUSSICA

QUÆ CONTINET

Non tantum præcipua fundamenta

RUSSICÆ LINGUÆ,

Verum etiam

Manuductionem quandam

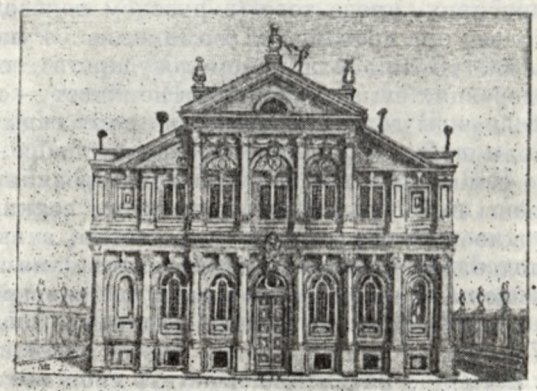
AD

GRAMMATICAM SLAVONICAM.

Additi sunt in forma dialogorum modi loquendi communiores, Germanice æque ac Latine explicati, in gratiam eorum qui linguam Latinam ignorant.

Una cum

BREVI VOCABULARIO RERUM NATURALIUM.

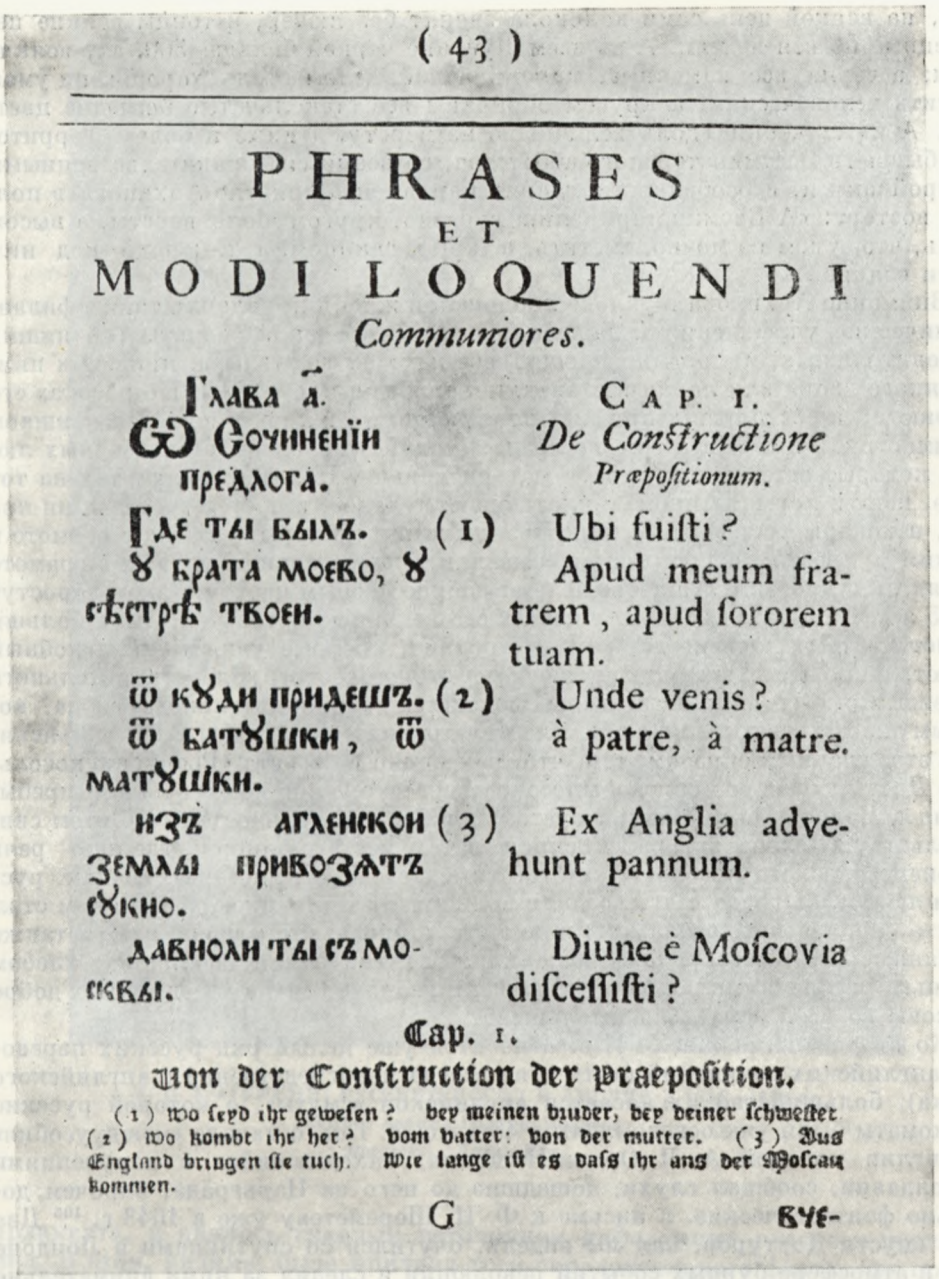


OXONII,

E THEATRO SHELDONIANO, A. D. MDCXCVI.

«РУССКАЯ ГРАММАТИКА» Г.-В. ЛУДОЛЬФА. ОКСФОРД, 1696
Титульный лист
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

у всякого двора повешаны клейма у ворот разные, потому что сряду дворы стоят тесно, а дворы делом одинаки, от улицы стен нет, все сряду окончины стекольчатые...» Отметил Архипов в своем описании и такую достопримечательность английской столицы, как мост через Темзу: «А на реке Темзе зделан мост каменной, а на мосту по обе стороны стоят дворы великия и торги всякия». Позабавил его также зверинец при Тауэре, где он, несомненно, побывал сам, судя по красочному описанию виденных им там диковинных зверей («Да в том же граде Лундане потешной двор, а на том дворе много



(43)

PHRASES
ET
MODI LOQUENDI
Communiores.

Глава а҃. Ѡ Сочиненїи предлога.		Cap. I. *De Constructione Præpositionum.*
Где ты былъ.	(1)	Ubi fuisti?
Ꙋ брата моево, Ꙋ сѣстрѣ твоеи.		Apud meum fratrem, apud sororem tuam.
ѿ кꙋди придешъ.	(2)	Unde venis?
ѿ батꙋшки, ѿ матꙋшки.		à patre, à matre.
изъ агленскои землы привозѧтъ сꙋкно.	(3)	Ex Anglia advehunt pannum.
давноли ты съ москвы.		Diune è Moscovia discessisti?

Cap. I.
Von der Construction der Praeposition.

(1) Wo seyd ihr gewesen? bey meinen bruder, bey deiner schwester (2) Wo kombt ihr her? vom vatter: von der mutter. (3) Aus England bringen sie tuch. Wie lange ist es dass ihr ans der Moscau kommen.

G Вче-

СТРАНИЦА ИЗ «РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» Г.-В. ЛУДОЛЬФА. 1696

львов и всяких зверей...»). В особенности привели его в восхищение лондонские храмы (в сохранившейся поздней копии они названы «черни», но это явное искажение: в оригинале должно было стоять слово «чёрчи», т. е. церкви) с их «удивительным» колокольным звоном, каменным узорочьем, башенными часами и цветными стеклами (витражами) редкостной красоты: «Да в том же государстве и в иных городех и в деревнях, звон неудобосказаем, звонят мудростию заводными колесами, а звонят псалмы Давыдовы и тонцы всякие. А у кого лучится свадьба или пир, и в ту пору звонят из найму и тонцы всякие, а по мертвых звонят по вся ж недели, и переменные псалмы звонят. А у которой черни ⟨церкви⟩ мы стояли, и тот звон добре хо-

рош, на всякой день сами колокола звонят без людей, и тонцы всякие переменные по вся недели. А во всем Лундане черней больше 300, а у всякие часы; а черни все каменные, камень белой, делом столь хороши, ни умом сметить человеческим, а кругом окончины все стекольчатые большие цветные. А иные черни вдоль величиною на версту, а иные и боле». Территория бывшего Вестминстерского аббатства, со всеми его правительственными постройками и, в особенности, здание парламента привело Архипова в полный восторг: «А Восминстер велик горазно, кругом боле версты, а высок столь, что умом не мочно сметить, а крыт свинцом, а в-ысподи под ним торги всякие...»

Внимание Архипова в укладе лондонской жизни привлекли также филантропические учреждения и даже помещение городской бедноты («А нищих не водят слепых, милостыни просить все идут возле стены и, пришед к ним, у всякого двора или лавки и станет, покамест он просит...»). Но рассказ его о приютах и состоявших при них ремесленных училищах кажется слишком оптимистическим: «Да в том же граде Лундане сделан двор для бедных людей, которые остаются от отца и матери меньши 15 лет, и емлют тех на тот двор, поят и кормят миром, и платье дают готовое, и постели и поварня про них, и повары устроены. И приставлены к ним мастеры, учат их в грамоте и всяким мудростям и промыслом, а девкам тож, мастерицы учат их в грамоте и всяким мудростям. А платье делают доброе разным цветом. А как доростут до 15 лет и выучатся всему, емлют их с того двора торговые люди, а больши 15 лет на том дворе не держат...» Москвич, впервые увидевший подобный приют, явно не учел многие теневые стороны этого благотворительного учреждения — в частности, тяжелую систему принудительного труда, которым оно отличалось, по свидетельству других его наблюдателей. Объясняется это, главным образом, тем, что, как видно из текста «Росписи», посольство Дохтурова и его свиты было окружено в течение всего времени пребывания в Лондоне вниманием, почетом и доброжелательностью. Об этом свидетельствуют слова автора «Росписи» в том месте рукописи, где идет речь о приеме русского посольства «у Парламента в Вестминстере»: «А нам, русским людям, во граде честь воздали большую, а кумпаниею делали нам стол вместо королевского стола <...> и ежи столь много, что и числа нет», а также сделанные им своего рода обобщения: «Всем их земля изобильна: хлебом и деньгами и всякими дорогими товары, и узорочьями», а «Люди у них добре ласковы во всей земли, любительны...»

Ко второй половине XVII в. относится уже целый ряд русских переводов английских сочинений (хотя и не всегда непосредственно с английского языка); большинство их касается английской «смуты», о которой русские дипломаты были уже осведомлены с 40-х годов. Так, о начале «междуусобия» в Англии молодой А. Л. Ордин-Нащокин, находившийся с поручениями в Молдавии, сообщал слухи, дошедшие до него из Царьграда, впрочем, довольно фантастические, в письме к Ф. И. Шереметеву уже в 1643 г. [105] Два года спустя Дохтуров, как мы видели, очутился со спутниками в Лондоне уже в атмосфере бурных событий революции и следил за ними внимательно и настороженно. В цитированную выше «Роспись городу Лундану», полную светлых красок и доброжелательности, также поневоле оказались занесенными мрачные картины, свидетельствовавшие об ожесточении вражды между парламентом и королем. В конце Лондонского моста Архипов увидел «двор великой», «а на дворе — палаты высокие, а на палатах — копья, а на копьях многие человеческие головы, кои казнят за веру и за измену, кои с королем вместе...» Дохтуров явился в Лондон, получив наказ в Москве добиться приема у короля Карла I, но по прибытии узнал, что король бежал из столицы, что в стране ведется гражданская война, бьются между собою две армии, что вся страна охвачена волнениями и распрями сторонников парламента и короля. «Все это время,— замечает М. А. Алпатов,— Дохтуров был окружен английскими купцами «Московской компании», заинтересованными в развитии торговли в России. Это окружение, состоявшее из сторонников

П. И. ПОТЕМКИН. РУССКИЙ ПОСОЛ В АНГЛИИ В 1680—1682 гг.
Портрет работы Годфри Неллера
Эрмитаж, Ленинград

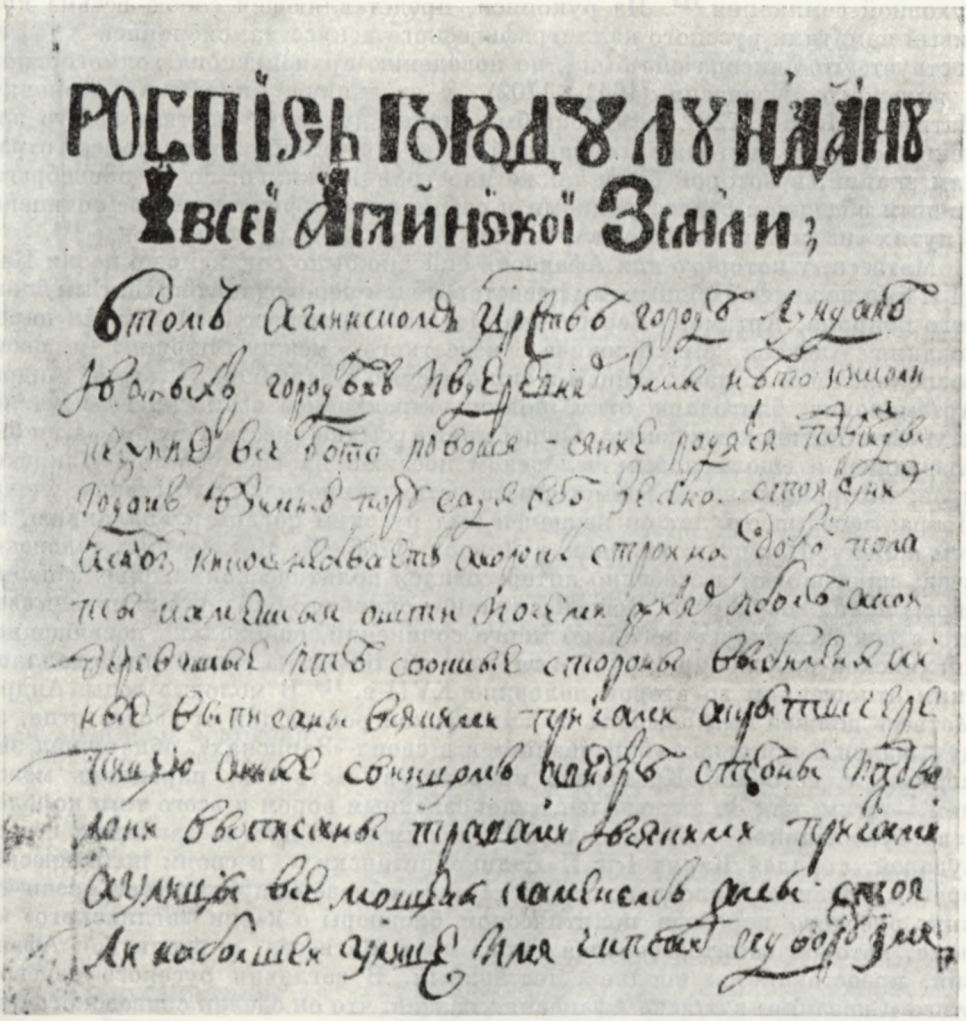
парламента, и явилось главным источником информации русского посланника. В этом, видимо, была причина того парадоксального факта, что представитель русского царя смотрел на английские события как бы глазами сторонника парламента. Этому могло способствовать и то обстоятельство, что, составляя официальный документ, Дохтуров не вносил в него своих личных оценок, а старался точно передать все, что слышал от своих собеседников» [106].

В последующие годы в Москве с большим вниманием продолжали следить за ходом английской революции: о том, что происходило в английской земле и самом Лондоне, в Посольском приказе узнавали из разных источников: из получавшихся в Приказе «вестовых листов», т. е. извлечений из иностранных газет, из донесений русских послов, от английских дипломатов, являвшихся в Москву, от постоянно живших здесь английских купцов и офицеров-эмигрантов, большею частью шотландцев, находившихся на русской службе.

Грамоту от лондонского революционного парламента, которую привез с собою в Москву Дохтуров, Алексей Михайлович, как известно, оставил без ответа. Однако в Москве сдержанно и настороженно относились и к тем просьбам Карла I, которые он все чаще посылал в Москву вместе со своими личными гонцами. Через год после возвращения Дохтурова в Москву прибыл Люк Найтингейл (Luke Knightingale), привезший грамоту Карла I, датированную еще 1646 г.; через месяц новое письмо от Карла I предъявил в Москве другой его представитель, Томас Бонд. Ходатайства английского короля удовлетворялись лишь частично и со все возраставшей неохотой. Найтингейл, например, пытался добиться в Москве удовлетворения просьбы короля об отпуске в Англию трехсот тысяч четвертей зерна, но после долгих хлопот получил лишь десятую часть просимого. Найтингейлу дано было также поручение раздать в Москве удостоверения о лояльности к королю тем жительствовавшим здесь англичанам, которые пожелали бы взять их от его полномочного представителя. Нашлись ли тогда желающие запастись на всякий случай такой бумагой, мы не знаем, но, по-видимому, в отношении к английским торговым гостям в московских правительственных кругах особых различий между сторонниками Карла I и парламента не делалось, хотя враждующие лагери сторонников революции и приверженцев короля резко обозначились в это время и в московской иноземной слободе. И те и другие клеветали друг на друга; так, на Найтингейла делали доносы, а он, в свою очередь, раскрывал злоупотребления купцов и утверждал даже, что лондонская «Московская компания» хочет захватить и разграбить Архангельск; историки англо-русской торговли того периода считают, что этот навет имел известные основания [107]. Гонцы от имени короля, появлявшиеся в Москве, не могли скрыть, что политическая атмосфера в Англии все более накалялась, что король уже был выдан парламенту шотландцами, у которых он искал защиты, и что его уже захватила в свои руки индепендентская армия. Частные письма от бездействующего и находящегося в нужде короля, которого Алексей Михайлович в своих ответах и на аудиенциях именовал «любительным братом», должны были впоследствии лишь усилить у него впечатление от суда над Карлом I и его казни, случившихся менее чем два года спустя.

В Москве о дальнейших событиях в Англии, несомненно, знали довольно хорошо. В то время как Карл бежал на остров Уайт и поселился в замке Керисбрук (оттуда было направлено им последнее письмо в Москву), во многих местностях Англии произошли восстания, быстро подавленные кромвелевской армией. Вскоре король был вновь захвачен в Керисбруке и перевезен в Виндзорский замок. «Очищенная» Кромвелем палата общин в заседании своем 23 декабря 1648 г. решила начать против короля судебный процесс, который вскоре закончился смертным приговором. Казнь Карла I совершилась в Лондоне на площади перед Сент-Джеймским дворцом 9 февраля 1649 г.

Все это быстро стало известно в Москве. Приезды гонцов, в частности от принца Уэльского [108], сына казненного короля (будущего Карла II), уже бежавшего на континент, сведения о ходе английской революции, накапливавшиеся в Посольском приказе, заносчивое поведение агентов «Московской компании» и усиливавшиеся подозрения на их счет, наконец, и недавняя «смута» в Москве (1648) [109], грозившая самому царю, оппозиционные настроения у московского населения, не ликвидированные назначением нового правительства [110],— все это, вместе взятое, определило решение об изгнании англичан из Московского государства: им разрешено было приезжать только в Архангельск. Указ об этом от имени царя Алексея Михайловича, взволнованный, но внушительный, издан был в Москве 1 июня 1649 г. «А ныне,— говорилось в нем,— великому государю нашему, его царскому величеству ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти: и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось» [111].



«РОСПИСЬ ГОРОДУ ЛУНДАНУ И ВСЕЙ АГЛИНСКОЙ ЗЕМЛИ». КОПИЯ XVIII в.
Первая страница
Библиотека Ярославского педагогического института

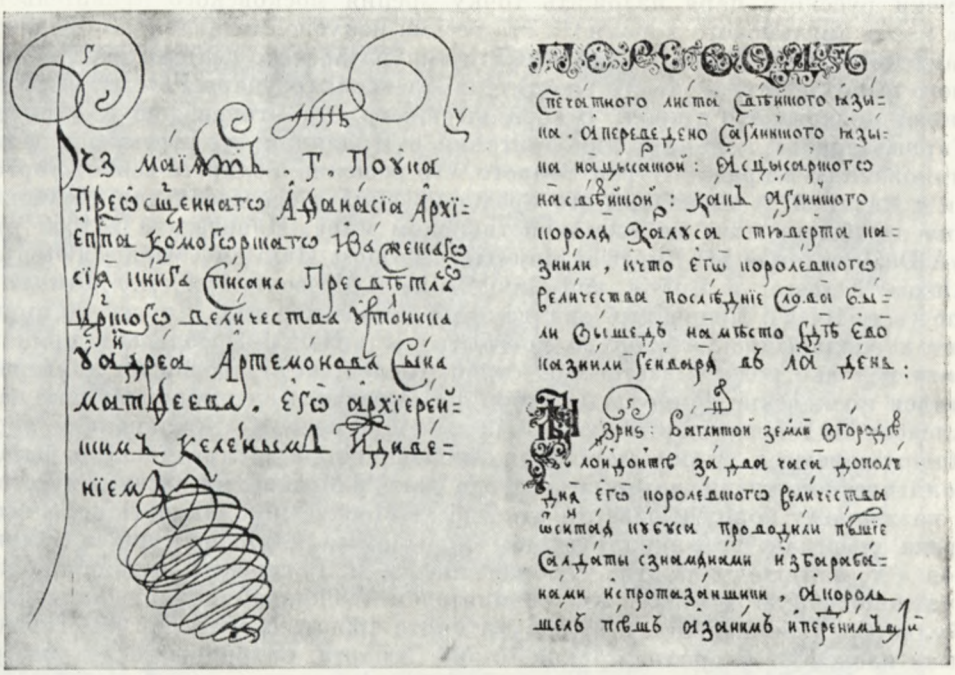
К этому времени и к последующим десятилетиям относится появление в Москве нескольких переводов брошюр революционной эпохи, изданных англичанами-роялистами или их единомышленниками, а также перевод сочинения по современной английской истории — биографии казненного короля.

Уже в известном старорусском библиографическом труде «Оглавление книг, кто их сложил», составление которого относят к 1665 или к 1666 г., в перечне переводов Епифания Славинецкого значится, между прочим, такая книга: «О убиении Краля Аггельского с латинска языка, с книжки в 8° изданная лета 7157» (1649) [112]. Этот перевод брошюры (на латинском языке) о казни Карла I — таких брошюр на различных западноевропейских языках в 1649—1650 гг. появилось множество,— по-видимому, до нас не дошел, но сохранился другой перевод аналогичного издания: «Сказание как аглинского короля Карлуса Стюверта казнили и что его величества последние слова были» — в списке Рукописного отделения библиотеки Академии наук СССР, в Ленинграде, поступившем сюда из собрания Архангельской епархиальной

духовной семинарии [113]. Из рукописи, представляющей собою весьма красивый памятник русского каллиграфического искусства, скорописи XVII в., явствует, что списана она была, по повелению архиепископа холмогорского и выжского, Афанасия (1641—1702), у стольника Андрея Артамоновича Матвеева (1666—1728). Афанасий был видный духовный деятель своего времени, большой книголюб, собравший прекрасную библиотеку по всем отраслям знаний, в которой были также иностранные книги; он не пренебрегал личным общением с иностранцами и сам написал географическое сочинение о путях «из поморских стран в Шведскую землю и до столицы их» [114].

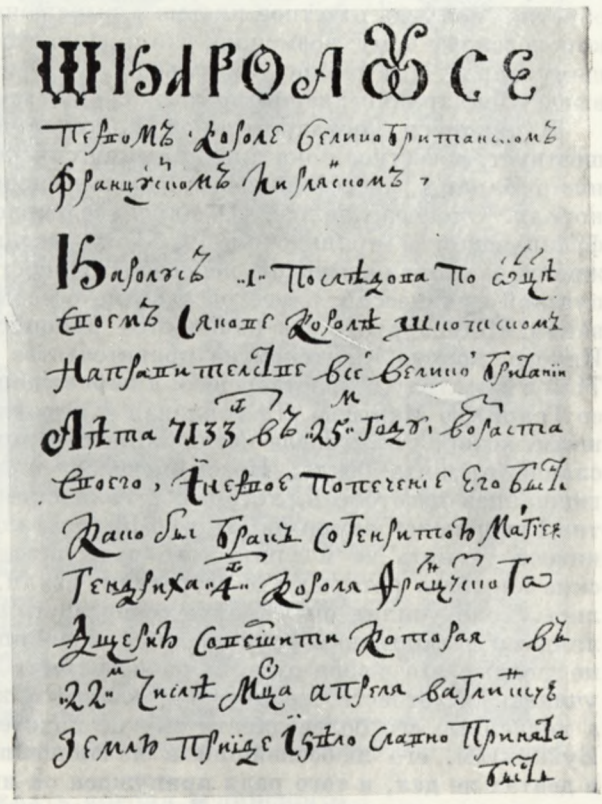
Матвеев, у которого для Афанасия списано было сочинение о казни Карла I, был не менее любопытным представителем переходной эпохи. Сын ближнего боярина, Артамона Сергеевича Матвеева, выдающегося деятеля царствования Алексея Михайловича, известного, между прочим, и своим расположением к иностранцам и склонностью к западной культуре, Андрей Артамонович, благодаря отцу, получил прекрасное воспитание, выучился наукам и латинскому языку. Он побывал в ссылке вместе с отцом, затем был возвращен и еще молодым человеком посажен на воеводство в Двинском крае; отстроил заново Холмогоры, а затем отпросился в отставку у царя Петра; через шесть лет он назначен был русским послом в Голландию, затем в Вену, Париж и, наконец, в Лондон (1706) [115]. Матвеев был человеком очень начитанным и особенно интересовался политической жизнью западноевропейских государств. Дошедшая до нас опись его библиотеки показывает, что в ней находилось довольно много сочинений, специально посвященных английской революции 1649 г. и перевороту 1688 г., а также англо-голландским отношениям во второй половине XVII в. [116] В молодые годы Андрей Матвеев должен был слышать об английской революции от своего отца, задумывался о причинах «бунтований» и в своих «Записках», обнаружил знакомство с историей Кромвеля, проведя, в частности, параллель между ним — этим, как он выражался, «злокозненным вором и всего того королевства бунтовщиком ⟨...⟩ некогда восставшим люто против законных его государей, королей Карла I и II Великобританских», и своим политическим врагом, Иваном Милославским [117]. Таким образом, присутствие среди его книг русского перевода политической брошюры о казни «аглинского» короля, которой заинтересовался также друг Матвеева, архиепископ Афанасий, представляется вполне естественным. В заглавии русского перевода этого «Сказания» в списке Афанасия указано, что он сделан с шведского языка («с печатного листа свейского языка»), а этот последний — с немецкого перевода английского подлинника; оригиналом была, вероятно, брошюра «King Charles his speech made upon the scafford at White-Hall gate, immediately before his execution...» (London, 1649), или одно из ее последующих многочисленных переизданий [118]. Список русского перевода этой брошюры, сделанный для холмогорского епископа Афанасия, в его скриптории, — поздний; естественно было предполагать, что он восходит к более раннему списку конца 40-х или начала 50-х годов XVII в., сделанному после шведского издания этой брошюры [119]. Такое предположение подтвердилось: оригинал русского перевода, с которого делались последующие списки в конце концов нашелся в архиве Посольского приказа, среди материалов, извлеченных из иностранных ведомостей (Курантов) и газет 1649 г., где обнаружены были также и другие известия об английской революции, заимствованные из шведских источников [120].

Что касается печатной так называемой «Декларации» царя Алексея Михайловича относительно казни Карла I, то хотя это издание, опубликованное на английском языке в 1650 г., уже давно было известно историкам русско-английских отношений [121], этот интересный документ лишь недавно получил более или менее подробное освещение; в настоящее время мы знаем, что это не перевод с русского, а своеобразная фальсификация, написанная английским роялистом, побывавшим в Москве и попытавшимся якобы от



«КАК АГЛИНСКОГО КОРОЛЯ КАРЛУСА СТЮВЕРТА КАЗНИЛИ...».
1650-е годы
Русский перевод английской брошюры
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

«О КАРОЛУСЕ ПЕРВОМ»
Рукопись
Публичная библиотека, Ленинград



имени русского царя изложить точку зрения московского правительства на казнь английского короля [122]. Эта весьма искусно составленная брошюра-памфлет озаглавлена: «Декларация его императорского величества, высочайшего и могущественнейшего властителя Алексея, государя России, великого князя Московского и проч. В коей выражено его отвращение к убийству Карла Первого, короля Великобритании и Ирландии; его стремление к восстановлению в правах Карла Второго, его решение о запрете всякой торговли с Англией, и высказаны его предположения о средствах для установления всеобщего мира во всем христианском мире. Напечатана в 1650 году («A Declaration of his Imperial Majestie, the most High and Mighty Potentate Alexea, Emperor of Russia, and Great Duke of Moscovia etc. ⟨...⟩ Printed in the yeare 1650»). Подробный анализ этого псевдо-перевода с русского приводит к заключению, что он не мог быть составлен в Посольском приказе, хотя и ловко подделывается под строй мыслей, которого могли придерживаться московские дипломаты вскоре после издания подлинного указа царя Алексея Михайловича от 2 июня 1649 г. Тем не менее в «Декларации» легко обнаруживаются упоминания таких подробностей из английского быта и политической жизни, которых не могли знать в Москве; при всем сочувствии к казненному королю, едва ли кто-либо в Москве мог называть его «чудом среди христиан» или идиллическим «образцом» для обращающихся язычников и т. д. Исходя из этих соображений З. И. Рогинский выдвинул очень правдоподобную догадку, что сочинителем «Декларации» мог быть Джон Кульпеппер, явившийся в Москву в марте 1650 г. с грамотой от старшего сына казненного короля, принца Карла Стюарта, находившегося в эмиграции и жившего во Франции; хотя ходатайство в грамоте, привезенной Кульпеппером, о займе в 100 рублей было удовлетворено лишь частично, он уехал обратно, получив ответное письмо с выражением симпатии к бедствующему королевскому дому: возможно, что именно это письмо русского царя к будущему Карлу II и явилось импульсом к созданию Кульпеппером упомянутой выше «Декларации»: вероятно, издана она была также во Франции [123].

В рукописи Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде существует, известное пока лишь в одном списке, еще одно переводное сочинение о Карле I, представляющее довольно подробную биографию казненного короля. Оно озаглавлено «О Каролусе первом, короле великобританском, французском и ирляндском» [124]. Здесь излагаются важнейшие факты его жизни в хронологической последовательности, начиная от брака с французской принцессой; далее рассказано о событиях разных лет его царствования. «Каролус I,— так начинается рукопись,— последова по отце своем Иякове, короле Шкотском на правительстве всей великой Британии. Лета 7133 в 25-м году возраста своего, а первое попечение его бысть како бы брак со Генритою Мартиею ⟨!⟩ Гендриха 4 короля французского дщерию совершити, которая в 22 числе месяца апреля в англинскую землю прииде и зело славно принята бысть. Потом повелел он карательной караван против гишпанцев изготовить, который с галанскими кораблями совокупясь против Гишпанской земли на Кадих ⟨Кадикс⟩ город пошел, но понеже они тамо ничего учинить не могли и того ради пошли паки на море, и все гишпанские корабли, которых где встретили, взяли, по сих паки домой возвратились. Тако учинил он Каролус совершенный союз с Соединенными Нидерляндами с таким намерением, дабы гишпанцов елико возможно утрудити, но понеже его казна отчасти ради великих убытков на гишпанской поход учиненных, отчасти же от изготовленного каравана зело была истощена, а подданные его более давати ему не похотели, предлагая, что арцух фон Буккингам, его любезнейший и начальнейший служитель, им еще отчет в денгах не дал, и того ради принужден он инде денег займывать, дабы мог вновь караван изготовить...» Далее в том же стиле рассказывается о борьбе Карла с парламентом и начале гражданской войны, после чего следует описание самой казни; приведены и «последние слова» короля, сказанные на

«ГЕРБ И ПЕЧАТЬ КОРОЛЯ АГЛИНСКОГО»
Из «Титулярника», 1672
Архив древних актов, Москва

эшафоте, но в редакции, отличной от той, какую находим в указанном выше русском переводном сочинении.

Рукопись заключается кратким известием о событиях в государственной жизни Англии между 1649—1661 гг., что дает возможность датировать оригинал не ранее, чем 1661—1662 гг. Как видно из описания и приведенных цитат этой рукописи, перед нами краткая биография Карла I, написанная в период реставрации человеком роялистских убеждений, который использовал для своей компиляции политические биографии казненного короля, вышедшие в 1649 г. Таких биографий известно множество на разных языках, что затрудняет решение вопроса об источнике русского перевода. А. И. Соболевский, впервые обративший внимание на эту рукопись, заметил, что в переводе попадаются следы немецкого оригинала (арцух *фон* Буккингам, граф *фон* Эссекс), но с уверенностью это утверждать трудно, тем более, что в немецкой литературе XVII в. подходящего оригинала указано не было. Перевод этого издания на русский язык выполнен в конце XVII или даже начале XVIII в. Мы находимся, следовательно, уже на пороге или в центре петровской эпохи, когда западноевропейские влияния широким потоком хлынули в старорусскую жизнь. Английское течение было в нем сильным и отчетливо различимым.

Остается сделать еще одно наблюдение, в особенности существенное для нашей цели. После всего сказанного едва ли можно сомневаться в том, что политический, дипломатический и торговый интерес Московской Руси к английскому государству проявил себя в разнообразных отношениях и в русской письменности. В переводных трудах географического, исторического или публицистического содержания русские книжники накопили немало данных об Англии, ее природе и людях, ее прежнем и современном состоянии и т. д. Позднее всего, по понятным причинам, у нас возник интерес к английской художественной литературе, театру, искусству. Однако начало его можно проследить задолго до петровской эпохи. Трудно сказать с полной определенностью, когда русские путешественники впервые познакомились с английским театром; быть может, это случилось еще в первой половине XVII столетия. По крайней мере, Пейн Коллье в своей хронике английской сцены ссылается на письмо Джона Чемберлена к Дадлею Карлтону от 1 января 1618 г., в котором Чемберлен, описывая театральные забавы при лондонском дворе, упоминает, между прочим, и о том, что на другой день, 2 января, «будет праздноваться прием московских послов»[125], и, как знать, не постарались ли тогда развлечь московских гостей какой-нибудь ученой комедией Бен-Джонсона или трагедией Флетчера, Вебстера или Форда?

Уже в 1649 г., как известно, английские театры по распоряжению пуританского парламента были закрыты надолго. Но через два года после того как они были восстановлены в Англии, в самой Москве в 1663 г. (как мы уже упоминали выше, рассказывая о пребывании английского поэта Эндрю Марвелла) в Посольском доме на Покровке был устроен спектакль у английского посла, графа Карлейля, прибывшего к царю Алексею Михайловичу от Карла II, чтобы вновь наладить расстроившиеся дипломатические и торговые отношения между Англией и Московским государством[126]. Незадолго перед тем русское посольство ездило в Англию[127], между обеими странами вновь возникло довольно оживленное общение и обмен людьми.

В свите графа Карлейля находился, между прочим, Иван Гебдон; он переселился из Англии в Россию еще в 40-х годах, служил в Москве толмачом при английских гостях и много раз посылался за границу с различными поручениями московского правительства[128]. В 60-х годах в Москве находилось вообще довольно много англичан и шотландцев на постоянной службе. Реставрация театральных зрелищ в Лондоне тотчас же по вступлении Карла II на престол, его особое покровительство театру и актерам как бы обязывали к увлечению ими и его представителей при иностранных дворах. С этой стороны организация спектакля в Москве, в английском посольстве, представ-

ГЕНЕРАЛ ПАТРИК ГОРДОН
Гравюра по портрету работы неизвестного художника
Эрмитаж, Ленинград

ляется вполне естественной. Однако такой спектакль мог быть здесь осуществлен лишь при поддержке заинтересованных лиц; поэтому мы вправе предположить интерес к театральным зрелищам в английской колонии в Москве еще до указа Алексея Михайловича фон Стадену (1672) о вызове из-за границы людей, «которые могли бы всякие комедии строить». И действительно, Ивану Гебдону еще в 1660 г. дано было поручение, правда, не осуществленное,— вызвать в Москву «мастеров комедии делать», скорее всего именно

«английских комедиантов» [129]. Два десятилетия спустя нравы и вкусы москвичей настолько изменились, что и театральные зрелища они воспринимали тогда уже как естественные и законные развлечения. О стольнике Петре Ивановиче Потемкине (1617 — ок. 1700), совершившем в 1667—1668 гг. в качестве русского посла путешествие в Испанию, а затем во Францию ко двору Людовика XIV, известно, что он заинтересовался европейскими театрами и, во всяком случае, не отказывался от их посещения, когда для этого представлялся случай. Находясь в Париже, Потемкин посетил театр Французской комедии, где 17 сентября 1668 г. видел представление «Амфитриона» Мольера, с участием самого автора в роли Созия. В статейном списке самого Потемкина об этом не говорится ни слова, но по французским источникам он остался «этим зрелищем доволен» [130]. Тринадцать лет спустя, после своей второй поездки в Испанию 1680—1681 гг., возвращаясь на родину, Потемкин оказался в Англии. В Лондоне он пробыл с 21 ноября 1681 г. по 15 февраля 1682 г. По сохранившимся английским свидетельствам, Потемкин и в Лондоне проявил свою заинтересованность театральными впечатлениями, побывав, в частности, на представлении драмы Шекспира «Буря» [131].

Английским театром интересовались также иноземцы, жившие в Москве. Шотландец Патрик Гордон (1635—1699; ум. в Москве), особенно замечательный по тому положению, которое он занимал в России и по тому доверию, каким он был облечен со стороны Петра I в первую пору его царствования, изредка наезжал в Англию и обновлял здесь свои театральные впечатления. Приехав на несколько месяцев в Лондон из Москвы весною 1686 г., он видел там несколько представлений; он был, в частности, на придворном спектакле, когда, по словам его дневника, «в присутствии короля, королевы и всего двора в Уайтхолле представлена была трагедия: «Гамлет, принц Датский». Кроме этого известия в дневник не занесено больше никаких замечаний об этом спектакле,— если это не вина его издателя [132]. Гордон не называет даже имени автора (тем более, что эта пьеса Шекспира шла, вероятно, в одной из переделок, выполненных в Англии во время реставрации, а, может быть, и без его имени), но театром Гордон должен был интересоваться также и потому, что в эту пору и при русском дворе шли разговоры о возобновлении театральных зрелищ.

Посещение Гордоном придворного спектакля в Лондоне в 1686 г. было не единственным; он упоминает и о другой пьесе, виденной им тогда же, и называет ее заглавие — «The Rehearsal» [133]. М. Поссельт в своем издании «Дневника» Гордона оставил это слово непереведенным, что А. Брикнер поставил ему в упрек. «Rehearsal,— писал он,— значит «репетиция»; гораздо вероятнее, что Гордон видел репетицию какой-то комедии, а не пьесу с таким заглавием» [134]. Но Брикнер ошибся: «Rehearsal» — это известная сатирическая комедия, написанная Джорджем Вильерсом, герцогом Боккингамским в сотрудничестве с несколькими другими лицами, представленная в первый раз в Лондоне 7 декабря 1671 г. и впоследствии много раз возобновлявшаяся [135]. В ней зло и остроумно осмеяны «героические драмы» Драйдена и других английских драматургов того времени. Эта пьеса-пародия занимает видное место в английской литературе; она пользовалась большой популярностью и явилась предшественницей «Критика» Шеридана. К сожалению, впечатления Гордона об этом спектакле нам неизвестны, но мы знаем зато, что, живя в Москве, он любил в своем московском доме устраивать музыкальные вечера, на которых, быть может, и «театральная игра» занимала какое-нибудь место, что он не переставал интересоваться литературой, выписывая себе в Москву через купцов английский перевод сервантесовского «Дон-Кихота», старинные романы Форда шекспировских времен, стихи английских поэтов и целый ряд других книг [136].

6. Петр I в Англии.— Петр I и английский театр.— Английский драматург в гостях у царя Петра.— Шутовской «Великобританский монастырь» или «Бенго-коллегия», основанная Петром I, и ее участники.— Английская баллада о Мэри Гамильтон и ее русские источники.— Россия начала XVIII века в произведениях Стиля и Аддисона, Д. Дефо, Дж. Свифта, Э. Хилла и Дж. Томсона

Если близкие к Петру московские иноземцы проявляли интерес к английскому театру и были даже в курсе английских театральных споров, то вполне естественно, что ими мог интересоваться и сам царь. В связи с этим стоит упомянуть, что начало 1698 г. Петр I провел в Англии и что уезжая оттуда он будто бы вывез с собою в Россию некоего английского джентльмена, чувствовавшего влечение к драматургической деятельности. Это интригующее, но загадочное свидетельство следует подвергнуть специальному разбору.

Пребывание Петра в Англии длилось свыше двух месяцев (с февраля по 21 апреля 1698 г.). Во все это время он не переставал вызывать к себе огромный интерес со стороны англичан, хотя, по словам Маколея, он «избегал толпы с гордой застенчивостью, разжигавшей любопытство»; «сам же он успел повидать очень многое и совсем вошел во вкус английской жизни» [137].

Жизнь Петра I в Лондоне и Дептфорде известна нам из официального «Юрнала 205 году» (1697—1698), напечатанного Н. Г. Устряловым [138], а также из ряда английских источников, давно, хотя, вероятно, и неполно известных русским историкам; впрочем, весь этот эпизод заграничной жизни русского царя освещен довольно подробно [139]. Большинство современных ему английских известий согласно свидетельствует, что Петра влекла в Англии страсть к корабельному мастерству и мореходному искусству, которые он изучал здесь на Дептфордской верфи и в беседах со многими английскими знатоками этого дела. Но широта его кругозора и сила его любознательности поистине не знали границ. Вывезенный Петром из Лондона для работ по Волго-Донскому каналу капитан Перри впоследствии вспоминал: «Кажется, не было такого искусства или ремесла, с которым бы он не ознакомился в больших или меньших подробностях, от гробовщицкого искусства до дела часового мастера; он даже заказал и велел отправить в Россию образец английского гроба и таким же образом распорядился в отношении многих других предметов» [140].

Живя в Лондоне, Петр несколько раз был в «Королевском обществе наук» («Рояль социет», как говорится в «Юрнале», т. е. Royal Society), в Арсенале, в лондонской тюрьме Тауэре, где «честных людей сажают за караул», на Монетном дворе, в Гринвичской обсерватории («ездил верхами на Остроному») [141], был в «Квакерском костеле» [142], наконец, и в театре.

Запись «Юрнала» 15 января 1698 г. гласит: «к вечеру в комедии». Давалась пьеса «Королевы-соперницы, или Смерть Александра Великого» [143]. Это, несомненно, была трагедия Н. Ли (Nathaniel Lee; 1635—1692): «The Rival Queens or the Death of Alexander the Great» (1677), имевшая блестящий успех, очень популярная в Лондоне в конце XVII в. и несколько раз переиздававшаяся (1677, 1684, 1694). Это был первый опыт трагедии Ли в белых стихах; пьеса написана под заметным влиянием французского романа Ла Кальпренеда «Кассандр» и рассказывает о ревности первой жены македонского царя, Роксаны, ко второй — Статире.

М. М. Богословский посвятил этому указанию «Юрнала» целую страницу своего очерка о лондонских впечатлениях московского царя; не разъясняя, впрочем, что за пьесу видел Петр, он, вместо того, дает характеристику тогдашней английской сцены по Маколею и приходит к заключению, что посещение английского театра имело для Петра весьма малое значение. «В смысл пьесы,— замечает русский историк,— Петр мог вникать, разумеется, только при посредстве переводчика и особой склонности к театру не обнаружил:

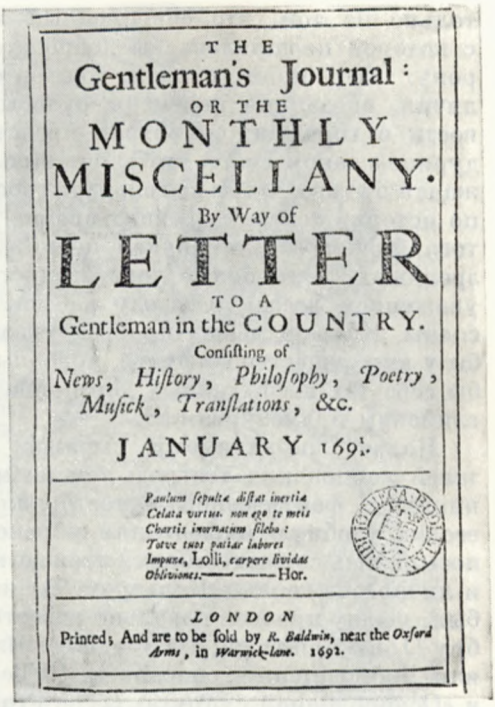
побывал в нем, судя по отметкам «Юрнала», только один раз. Но к «обаянию пола», о котором говорит Маколей, он остался неравнодушен, и, можно думать, что при этом именно посещении театра свел знакомство с актрисою Кросс, с которой и вступил в кратковременную, впрочем, связь. Не без отношения к этому новому знакомству надо, кажется, понимать отметку следующего дня, 16 января, в «Юрнале»: «были дамы и веселились довольно» или «веселились довольно с гостями», как читаем в другой редакции «Юрнала»,— может быть, именно в обществе очаровательной артистки» [144].

Едва ли все эти заключения историка вполне справедливы. Правда, названный уже и безусловно очень осведомленный капитан Перри в своем рассказе о пребывании Петра в Лондоне утверждает, что русского царя «раз или два уговорили посетить театр», но что он будто бы «этого не любил», а другой известный английский источник, Джон Моттли, в своей «Истории Петра I», из которой мы знаем о знакомстве Петра с актрисою Кросс, говорит об отношении его к театру в сходных с Перри выражениях (не от Перри ли и заимствовано им это известие?), но свидетельствует все же, что Петр был в лондонском театре дважды или трижды. «По этому поводу,— прибавляет Моттли,— ходил слух, что одна из актрис, мисс Кросс, нашла путь к тому, чтобы понравиться ему и один раз была приобщена к его компании» [145]. Как видим, сведения М. М. Богословского не вполне совпадают с теми, какие дают нам английские источники; на основании приведенных нами свидетельств, может быть, неосторожно было бы прийти к тому освещению всего этого эпизода, которое мы у него находим. Ведь мог же Петр, несмотря на всю свою предполагаемую «нелюбовь» к театру, оценить его огромную общественно-воспитательную роль и, несмотря на множество неотложных дел в 1702 г., торопить своих подъячих с призывом в Москву иноземных комедиантов или с постройкой «комедийной хоромины» [146]. Зорко приглядывавшийся ко всем явлениям иностранной жизни, вникавший во все мелочи ее бытового уклада, умевший давать им острую и верную оценку, Петр, несомненно, достаточно ясно представил себе значение театра в Англии. Одного или нескольких посещений театра было ему для этого вполне достаточно: он в этом смысле мало напоминал старых московских послов, которые, бывая за границей, равнодушно отворачивались от театральных забав, предлагаемых им хозяевами. К тому же и отношение Петра к иностранной речи было совершенно иным, чем у большинства старорусских путешественников за рубежом: свободно говоривший по-голландски Петр, вероятно, неплохо понимал также и английскую речь; поэтому посредство переводчика в театре едва ли было для него обязательным. Сюжет трагедии Натаниэля Ли должен был быть для него понятен из его собственных чтений о македонском царе; кроме того, Петр, вероятно, видел в роли Александра знаменитого английского актера того времени, Томаса Беттертона: эта роль считалась одной из лучших в его репертуаре и вызывала всеобщие восторги зрителей [147].

Так или иначе, мы не склонны преуменьшать значение лондонских впечатлений Петра в 1698 г., тем более, что нам известны далеко не все обстоятельства, которые могли бы прояснить значение этого эпизода из его жизни в Англии. Напомним в связи с этим несколько фактов, недостаточно привлекавших к себе внимание историков англо-русских культурных отношений в конце XVII и в начале XVIII в.

С начала 80-х годов XVII в., в период последних Стюартов, английский театр входит в новую фазу: в связи с возраставшим с каждым годом значением буржуазии, пуритански настроенные круги начинают новую борьбу с театром в тонах, напоминающих старые инвективы пуритан против театральных зрелищ, и воздействуют до известной степени на новых английских драматургов. В их пьесах несколько затушевывается скандальная откровенность в трактовке любовной интриги, а ранее господствовавший в них цинизм полной нравственной распущенности подменяется теперь растущей нравоучительностью и наставительностью. Этот процесс особенно явственно

проявляется в 90-х годах и заметен в творчестве таких драматургов, как Конгрив, Сиббер и др.[148] Оппозиционно настроенные к театру моралисты в отличие от пуритан революционной поры не требуют на этот раз закрытия театров, полной отмены спектаклей, но ходатайствуют о приспособлении театра к более широкой общественной аудитории, к превращению его в «школу жизни» вместо «школы безнравственности и порока», к замене «придворной забавы» в сущности достаточно узкого назначения, театром более «народного» и «учительного» характера. Так именно ставили проблему театра английские церковные деятели, писатели и публицисты 80—90-х годов, например, Джон Тиллотсон («The Evil of corrupt Communication»), Ричард Блекмор, Сэмьюэль Уэсли («A Sermon Concerning Reformation of Manner») и другие[149]. Одним из интереснейших литературных памятников этого периода, свидетельствовавших об изменении отношения к театру, совершившемся в общественной психологии и в самой драматургии, явилась книга Джереми Кольера, вызвавшая ожесточенную полемику между ним и театральными писателями.


THE
Gentleman's Journal:
OR THE
MONTHLY
MISCELLANY.
By Way of
LETTER
TO A
Gentleman in the COUNTRY.
Conſiſting of
News, Hiſtory, Philoſophy, Poetry, Muſick, Tranſlations, &c.
JANUARY 169½.
Paulum ſepultæ diſtat inertiæ
Celata virtus. non ego te meis
Chartis inornatum ſilebo:
Totve tuos patiar labores
Impune, Lolli, carpere lividæ
Oblivioni.——————Hor.
LONDON
Printed; And are to be ſold by *R. Baldwin*, near the *Oxford Arms*, in *Warwick-lane*. 1692.

«ЖУРНАЛ ДЖЕНТЛЬМЕНА», 1692, С КОРРЕСПОНДЕНЦИЕЙ ИЗ МОСКВЫ
Бодлеевская библиотека, Оксфорд

Книга Кольера и первый взрыв возникших вокруг нее споров относятся к 1698 г., к тому самому году, когда царь Петр, как мы видели, провел два месяца в Англии. Мы обратимся сейчас к некоторым, особенно любопытным для нас деталям этой полемики; теперь же следует подчеркнуть, что развитие театрального дела в Англии и в Московском государстве во второй половине XVII в. представляет некоторые аналогии, имеющие, как нам кажется, известный интерес[150].

Заведение театра первоначально как «придворной» забавы, резкая оппозиция к нему среди церковных кругов, вставшая перед Петром задача превращения этого царского увеселения в общедоступную «комедийную хоромину», споры о политической роли и об этическом воздействии театра на широкую народную аудиторию, не говоря уже о более мелких сходствах в технических деталях устройства театрального здания, сцены, особенностях драматургического и актерского стилей,— все это обязывает нас с особым вниманием отнестись к немногим известным в настоящее время фактам из истории англо-русских театральных отношений в конце XVII и начале XVIII в. Один из них приводит нас непосредственно к указанной книге Кольера и к вызванной ею полемике 1698 г.

Книга Кольера называлась «Краткое обозрение безнравственности и богохульства английской сцены...» («A short view of Immorality and Profaneness of the English Stage...») и представляла собой суровый обвинительный акт против театра его времени, во многом напоминавший старые пуританские трактаты первой половины XVII в.— от Нортбрука до Филиппа Стаббза и Принна[151], хотя Кольер и не идет так далеко, как они, потому что не требует закрытия театров, но возражает лишь против безнравственности английской сцены и не знающей пределов вольности языка в пьесах, не щадящих ни семейных устоев, ни религиозного чувства. Кольер убежденно настаивает

только на том, что современный театр должен превратиться в кафедру, с которой поощрялась бы добродетель и оказывалось противодействие пороку: театр, по его словам, должен «изображать шаткость человеческого величия, внезапные перемены судьбы и пагубные последствия несправедливости и гордыни; он обязан представить безрассудство, коварство и все дурное в таком свете, чтобы они вызывали к себе презрение». Кольер не удержался от того, чтобы щегольнуть своей действительно незаурядной эрудицией по истории театра с древних времен у различных народов и привел примеры того, почему христианская церковь враждебно относилась к театральным зрелищам. В поисках доказательств тому, что духовенство пользовалось уважением всегда и всюду за исключением современной ему английской сцены, Кольер, между прочим, указывает и на «московитов», которые, если бы у них существовал театр, подобный английскому, очевидно, не позволили бы себе тех неслыханных дерзостей и богохульств, которые позволены английским драматургам [152].

Кольер, по-видимому, выражал мнение довольно большого круга зрителей лондонских театров; тем не менее, своими очевидными преувеличениями и фактической односторонностью его книга представляла собою весьма удобную мишень для упреков и возражений. Они и действительно посыпались со всех сторон, прежде всего от драматургов, задетых за живое и лично обиженных Кольером. В числе авторов, на которых он обрушился, был, между прочим, довольно известный драматург того времени, Джон Ванбру (John Vanbrugh; 1666—1726). Из комедий его, озаглавленных «Рецидив, или Добродетель в опасности» («The Relapse, or Virtue in Danger», 1696) [153] и «Оскорбленная супруга» («The Provoqued Wife», 1697), Кольер с возмущением цитировал ряд особо безнравственных, по его мнению, мест и сомнительных сентенций. Ванбру вскоре ответил Кольеру в специальной брошюре: «Краткое оправдание «Рецидива» и «Оскорбленной супруги» от обвинения в безнравственности и богохульства» («A short vindication of the Relapse and the Provoq'd wife, from the Immorality and Profaneness. By the author». London, 1698) [154].

Сама полемика Ванбру с Кольером для нас в данном случае имеет второстепенный интерес: существенна лишь одна деталь этого спора. Ванбру возражает Кольеру не по существу, да и на самом деле оправдаться от возведенных на него обвинений драматургу было бы довольно затруднительно, так как при всех своих литературных достоинствах пьеса его действительно достаточно безнравственна. Поэтому Ванбру ищет доказательств «относительности» мнения Кольера и пытается показать, что то в его пьесах, что Кольер считает «безнравственным» или «богохульным», не всеми принимается так и не от всех заслуживает полного осуждения. Один из доводов Ванбру в пользу его пьес, между прочим, заключается в том, что при написании комедии «Рецидив» ему будто бы помогал один джентльмен, «который уехал вместе с царем, сделавшим его поэтом-лауреатом Московии» (gone away with the czar who made him Poet-Laureate of Muscovy). Эдмунд Госс, обративший внимание на это место в памфлете Ванбру, замечает, что «это указание, по-видимому, не встречается ни у кого из писавших о Ванбру» и что он не может назвать то лицо, на которое драматург здесь ссылается [155].

Несмотря на фантастический характер этого известия, каким оно может показаться с первого взгляда, оно заслуживает некоторого внимания и нуждается в возможной проверке. Странным и очевидно не соответствующим действительности в данном свидетельстве является, в сущности, только наименование должности, на которую этот англичанин был назначен в Московии царем Петром; впрочем, такая формулировка довольно понятна в устах английского писателя, для которого термин «Poet-laureate» был синонимом «придворного поэта» в самом тесном смысле этого слова [156]. Термина «поэт-лауреат» не знала русская придворная жизнь, но функции подобных официальных стихотворцев у нас выполняли уже и Симеон Полоцкий и, пожалуй, Карион Истомин. Что же касается самого факта отъезда в Россию с царем

«ПАМЯТНАЯ РЕЧЬ ПЕТРА, ЦАРЯ МОСКОВСКОГО
К АНГЛИЙСКОМУ КОРОЛЮ ВИЛЬГЕЛЬМУ III В УТРЕХТЕ»
Гравюра, иллюминованная от руки. Лондон, 1698
Британский музей, Лондон

Петром, возвращавшимся из Лондона, некоего английского джентльмена, причастного к литературе, в частности к драматической, то такое известие представляется вполне правдоподобным. К сожалению, отождествление этого лица с каким-либо англичанином, приехавшим в то время в Рос-

сию, наталкивается на значительные трудности именно потому, что их было довольно много, а не только потому, что биография Ванбру известна нам недостаточно подробно.

Приведенное выше свидетельство Ванбру-драматурга можно толковать как доказательство известной, хотя, конечно, и относительной близости Петра I к лондонским театральным кругам во время его пребывания в Англии. Особенно любопытным представляется нам то обстоятельство, что привлекшая внимание Петра английская актриса, мисс Летиция Кросс (Letitia Cross), известна нам также и из биографии Ванбру. Зимою 1696 г. она участвовала в первом исполнении в Лондоне той самой пьесы Ванбру, которая, по словам автора, была им написана с помощью некоего джентльмена, уехавшего в Россию вместе с царем два года спустя (т. е. «Рецидива»): Летиция Кросс с успехом играла в ней главную женскую роль [157]. Таким образом, и Ванбру как будто вовлекается в веселую компанию, пировавшую в гостях у царя. Прибавим к этому, что в Дептфорде Петр жил в доме Джона Эвелина, автора известного дневника, и что Эвелин хорошо знал и Ванбру, с которым имел какие-то деловые отношения [158]. Наконец, отметим также, что хотя Ванбру и занимает довольно видное место среди драматических писателей своего времени — между Конгривом, Фаркуаром (Farquhar) и Сиббером, но по своей основной профессии он был архитектором, притом далеко не заурядным: в истории английского строительного искусства имя его стоит рядом с такими крупными именами, как Кристофер Рен (Wren) или Иниго Джонс [159]. Между прочим, Ванбру был автором строительных проектов Гринвичского госпиталя и Хеймаркетского театра. Тем более оснований было у Петра для знакомства с ним; ведь, живя в Англии, царь зорко приглядывался к кругу тех лиц, которых он мог увезти с собою. Он нуждался в архитекторах, инженерах, техниках, математиках, корабельных мастерах. Капитан Перри сообщает, что когда английский король дал Петру «свободу» и позволение выбирать из его подданных в свою службу тех людей, «в коих представлялась ему надобность», Петр сам действительно пригласил многих англичан, а вскоре по его повелению Ф. А. Головин заключил контракты с рядом лиц на отъезд их в Россию: с математиками, художниками, военными и т. д.[160] Вот почему представляется очень вероятным, что в числе всех этих лиц, большая часть которых весною 1698 г. уже отплыла из Англии в Архангельск, находился и тот «джентльмен», которого упоминает Ванбру в качестве своего соавтора (по «Рецидиву») и впоследствии «поэта-лауреата Московии». Трактат Кольера вышел в свет в мае 1698 г.; Ванбру отвечал своему критику тотчас же, следовательно, интересующее нас известие хронологически прямо совпадает с отъездом англичан в Русское государство на цареву службу. Очевидно, Ванбру имел в виду известное лицо, которое не было необходимости называть; во всяком случае, для него не было никакой нужды сознательно вводить в заблуждение своих читателей. Число приглашенных тогда в Россию англичан указывается различно, но несомненно, что их было до 60 человек, вот почему найти среди них нужное лицо представляется пока затруднительным, но этому могут помочь в дальнейшем и новые разыскания в биографии Ванбру или в истории английской колонии в России в первые годы XVIII в.

Как известно, первые пьесы, разыгранные в «комедийной хоромине» в селе Преображенском, ставились у нас в переводе с немецкого текста, хотя и восходившего в иных случаях к вероятному английскому оригиналу. Со смертью царя Алексея Михайловича театральное дело в Москве заглохло надолго. Прошло четверть века, пока Петр не восстановил эту «потешную затею» своего отца, непосредственные источники которой как будто и на этот раз были немецкие [161]. Тем не менее мы вовсе не должны отрицать и других возможных импульсов для осуществления этой затеи, если они даже были побочными.

Официальной датой восстановления театра в Москве считается 1702 год, когда повелением Петра была вызвана в Россию из Данцига немецкая труп-

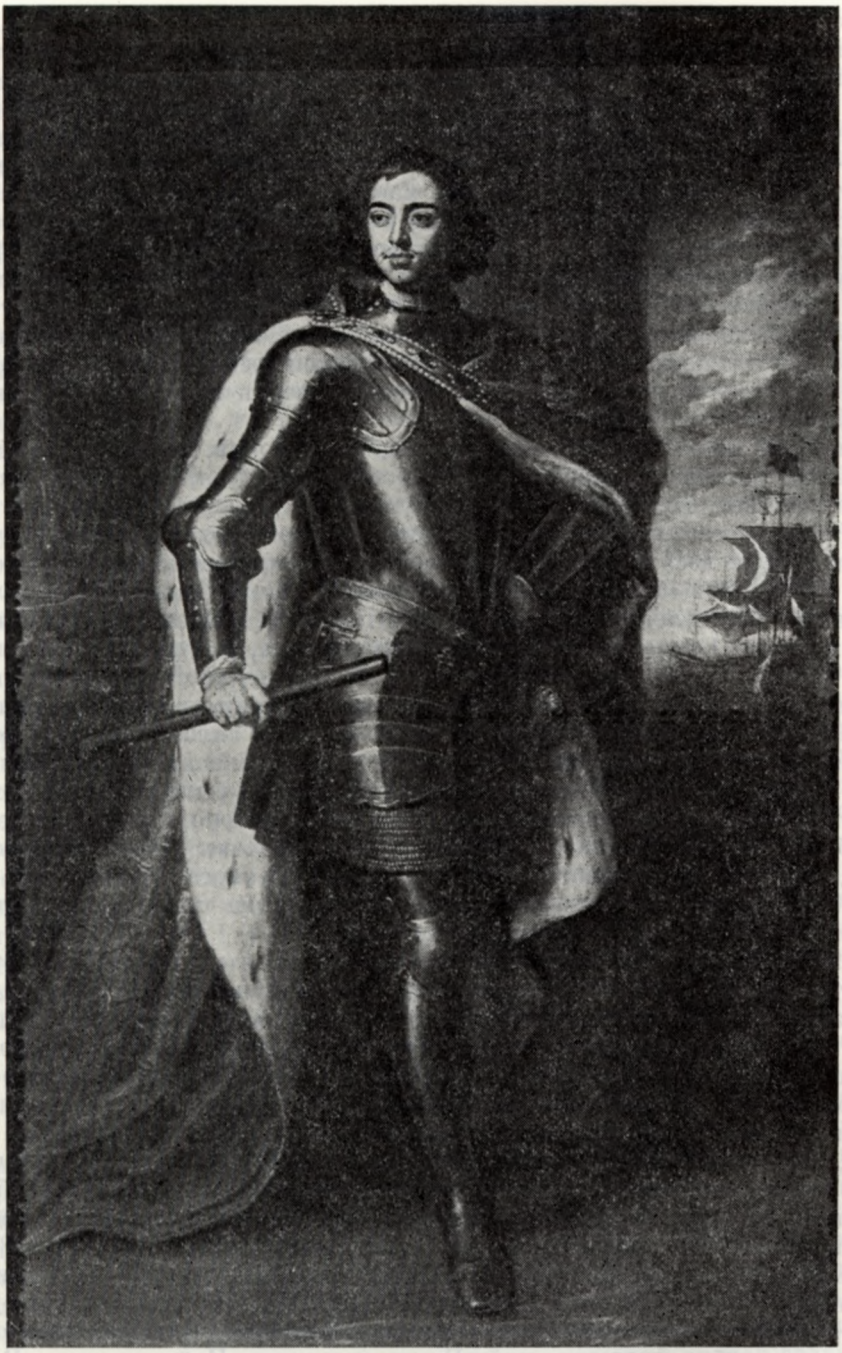
па Кунста и начала представления в специально отстроенном для нее помещении. Однако Г. Замятин обратил внимание на «факт оживления в Москве в 1669 году в отношении представлений» и в связи с этим указал на упускавшиеся из внимания историками русского театра весьма любопытные донесения этого времени московских иезуитов. Из анализа оставленных ими неясных известий и сопоставления их с русскими документами следует, что к 1699 г. относится попытка ставить комедии в доме Лефорта в Москве, в Немецкой слободе, и что его дом был для этой цели кое-чем оборудован. Особым указом 1702 г. Петр приказал строить «комедийную хоромину» на Красной площади, «да в немецкой слободе в дому генерала Франца Яковлевича Лефорта, в большой палате для помещения, покамест та храмина построится, сделать комедийной театрум и хоры»[162]. Замятин вполне основательно предположил, что выбор дома Лефорта находится в связи с тем, что здесь уже ранее давались представления и для них было кое-что приспособлено»[163]. Поэтому приобретает особый интерес донесение иезуита Франциска Эмилиана из Москвы, относящееся к 1699 г.: «Господин генерал Лефорт, после того как представил русским вельможам смешную комедию в насмешку над римским духовенством, вскоре слег, заболел сильной горячкой и на осьмой день представления этой комедии, в день канонизации святых Игнация и Ксаверия, умер»[164]. Несмотря на хронологические несовпадения (так, день канонизации Игнация и Ксаверия — в августе, Лефорт умер 2 марта 1699 г.). Замятин допускает, что комедия, о которой идет речь, действительно была представлена в доме Лефорта в Немецкой слободе.

Разъяснению этого эпизода, как кажется, может несколько способствовать приведенное нами выше свидетельство Ванбру. Отметим прежде всего, что оживление театральных представлений в Москве и приезд сюда из Англии большого количества англичан, нанятых там для службы в России, совпадают по времени. Может быть не случайно также и то, что Петр, живя в Москве, особенно охотно проводил вечера в доме Лефорта, где в его честь устраивались пышные празднества[165]. Они продолжались вплоть до болезни Лефорта, быстро унесшей его в могилу. Лефорт весьма дружил с англичанами, и новоприезжие, из числа наиболее солидных по чину, также должны были бывать в его доме на этих спектаклях и пирушках. Самый замысел представить в этом доме «смешную комедию в насмешку над римским духовенством» едва ли не стоит в связи с желанием угодить царю, который любил подобные развлечения и сам сочинял пародийно-церковные уставы «всешутейшего и всепьянейшего собора». Женевец Лефорт, со своей стороны, едва ли мог иметь особый вкус к развлечениям подобного рода. Любопытнее всего, однако, то, что и представленная у Лефорта пьеса скорее всего могла быть именно английской пьесой, так как ни в каком другом театре этой эпохи не имелось столько комедий, которые прямо или косвенно направлены были против католического духовенства и монашества, как именно в английском театре второй половины XVII в. Кольер в своем трактате 1698 г. посвятил целую главу (chap. II: «The Clergy abused by the Stage») обличению английских драматургов за их насмешки над клиром и церковниками; драматурги, по его убеждению, высмеивали не только отдельных представителей духовенства, но все сословие в целом. Действительно, от сравнительно беззлобного «Испанского священника» Флетчера (1618) вплоть до частично обязанного ему «Испанского монаха» (1678) Драйдена[166] и пьес Конгрива в английской драматургии тянется целый ряд пьес, в которых достается всему клиру. Особую известность получил именно «Испанский монах» Драйдена, одна из последних пьес лучшего периода его драматической деятельности. Автор анонимного памфлета против Драйдена 1687 г. («The Laureat») обвинял его в том, что эта комедия, в которой он «нападал на католицизм», будто бы была им написана потому, что в 1680 г. ему не была выплачена пенсия,— обвинение, конечно, нелепое, но достаточно характерное[167] и повторявшееся тем чаще, что рядом с ним шли упреки поэту в религиозном ренегатстве. В. Скотт считал, что пьеса Драйдена скорее нападает не на католицизм,

а на монашество; тем не менее в ней встречаются весьма суровые обличения и римских церковных дел, и папства; не случайно, наконец, напоминающий шекспировского Фальстафа образ Доминика этой комедии носит ярко сатирические черты. Так же думали его современники; один из них, Джерард Лангбейн осуждает Драйдена и сомневается только в том, имел ли Драйден намерение дать сатиру на католического священника или на духовенство вообще [168], а Сиббер воспроизводит о Драйдене слух, прямо соответствующий сплетне московского иезуита о Лефорте: по его словам, Драйден так старался изобразить своего монаха в смешном виде, что «повредил свое здоровье» [169]. После 1688 г. эта комедия Драйдена ставилась особенно охотно [170].

Назвать пьесу, которая играна была в Москве в доме Лефорта в 1699 г., пока невозможно; не поддается определению также язык, на котором она представлялась; и все же дальнейшие наблюдения и поиски, вероятно, смогут со временем подтвердить возможную связь интересующего нас спектакля с инициативой того только что приехавшего в Москву англичанина, которого Петр, по словам Ванбру, сделал «поэтом-лауреатом Московии». Этой пьесой могла быть и комедия Драйдена, и какая-нибудь другая современная английская (или немецкая) пьеса, направленная против католического духовенства, или специально написанная новоприезжим англичанином в Москве: ею могла быть, наконец, та же комедия Ванбру «Рецидив», о которой речь уже шла выше: Кольер нападал на нее не только за ее «безнравственность», но и за «богохульство». Первое ее представление в 1696 г. вызвало возмущение лондонских зрителей; автор принужден был изъять из текста ряд мест, оскорбительных для духовенства и оправдывался по этому поводу в предисловии к ее печатному изданию.

Подтверждением того длительного и действительно заинтересованного внимания, которое Петр уделял англичанам, вытребованным им в Россию, может служить ряд рукописных документов, обнаруженных в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде среди бумаг старшего переводчика Академии — И. В. Паузе (или Пауса, как его называли; умершего около 1735 г.). Эта находка сделана была еще в 1926 г. и тогда же стала известной благодаря публикации С. Ф. Платонова [171]. Речь идет о бумагах шутовского Великобританского славного монастыря, в котором Петр довольно продолжительное время забавлялся вместе со своими английскими друзьями. Этот «монастырь», очевидно, был учреждением раблезианского типа и имел другое название — «Бенго-коллегия» (не от английского ли слова «bung»? Оно, между прочим, означает «трактирщик», а вся коллегия представляла, очевидно, сборище веселящихся собутыльников). «Великобританское сумасбродное братство существовало уже в 1709 году,— сообщал С. Ф. Платонов,— но есть намеки на существование его и ранее — в начале 1708 г.; более ранних о нем известий мы пока не знаем. Но известно зато, что сначала оно существовало в Москве, потом обосновалось в Петербурге». Порукой за то, что оно было уже в первые годы XVIII в., хотя, вероятно, с менее регламентированным внутренним устройством, может служить перечень участников Сумасбродного братства, в составе которого мы, к удивлению, обнаруживаем имена очень известных людей, явившихся в Москву по приглашению 1698 г., каковы, например, «профессор математикус Андрей Фаркварсон», и «другой профессор же Стефан Вын», т. е. Henry Farquarson и Stephen Gwynn. Обоих Петр пригласил в Россию будучи в Лондоне, и оба они остались в России до конца своей жизни, умерли здесь, первый — в 1739, а второй еще в 1720 г.[172] В реестрах названо более пятидесяти участников Великобританского сумасбродного братства. По наблюдениям Платонова «в перечне более двух третей поддаются определению; около трети — остаются пустыми именами» [173]; вероятно, дальнейшее изучение списков участников братства является еще неисчерпанной исследовательской задачей для историков английской колонии в России. Тем интереснее, однако, выводы, к которым пришел Платонов в своих незавершенных архивных разысканиях. По его наблюде-



ПЕТР I В 1698 г.
Портрет маслом работы Годфри Неллера
Кенсингтонский дворец, Лондон

нию, в этой «шутовской организации», продержавшейся в Петербурге, по крайней мере, до 1720 г. включительно, приняли участие «прежде всего иностранные купцы и промышленники, работавшие в Московском государстве и Петровской России, затем ученые — математики, медики, педагоги и литераторы, приглашенные на русскую службу, с ними один русский про-

мышленник (Баженин), и одна русская вдова (Агафья Михайловна). Обращает на себя внимание, что среди них нет ни одного служилого человека, «царедворца», ни одного казенного моряка. В «Общем морском списке» за ту эпоху нет ни одной фамилии из тех, которые названы в реестре. Нет их и в перечнях тогдашнего офицерства. Бенго-коллегия заключала в себе лиц социально-однородных, принадлежавших к составу бюргерства, составлявших общественную середину, работавших капиталом или специальными знаниями. Эта деловая среда сходилась для служения Бахусу и для шутовских потех, по-видимому, без большого одушевления и не вносила в свой ритуал остроумия. «Бенго-коллегии уложение или законоположение» составлено грубо и наивно; в нем нет ни изобретательности, ни замысловатости. Его невозможно сравнить с мало приличными, даже весьма непристойными, но веселыми и затейливыми писаниями Петровской «всешутейшей» братии, над которыми трудились искусные в риторике перья и витало недюжинное остроумие самого Петра...»[174]

Основной вывод, к которому приходит Платонов, исследовавший новонайденные бумаги шутовского «Великобританского монастыря», впрочем, разочаровывает; возможно, что эти бумаги не до конца раскрывают сущность этого Сумасбродного общества, существовавшего как никак в русских столицах более десяти лет, и, очевидно, удовлетворявшего какому-то спросу самих участников «братства». Платонов пишет об этом так: «Бенго-коллегия производит впечатление чего-то тупого и пошлого, несовместимого с почтенными именами Келдерманов, Фархварсона, Гвына, Пауса. Они могли только по нужде, ex officio, заниматься тем вздором, какой изображен в пяти пунктах «уложения» и в трех пунктах «публикации», и ездить на святках в «славление», имея зеленый лук на шапках и флаг с английскими эмблемами. К этому принуждала их совокупность тех условий, какая создана была Петром в его манере мешать дело с бездельем: нельзя было работать с правительством, не участвуя в официальных маскарадах и попойках, в обязательных ассамблеях, в общих парусных катаньях на Неве. Надобно было, очевидно, и иностранцам иметь свою «всешутейшую» организацию, как имели ее русские правительственные круги в образе «князь-папы» и его свиты, волочившейся за Петром по всему государству» [175].

С таким выводом согласиться трудно. Едва ли подобное Сумасбродное братство могло существовать у нас лишь по принуждению, в силу царского каприза. Мы скорее склонны были бы думать, что «сумасбродство» и «шутовство», приметные в правилах и уставе этого братства, являлись в данном случае лишь внешней данью русским традициям и моде той поры, но что скрывали они за собой более серьезную сущность и задачи. Даже «вакхические» потехи, упомянутые в официальных документах Великобританского монастыря, были в большей мере орнаментальным украшением этих документов, своего рода зазывной вывеской братства, чем его реальной целью, больше бравадой, чем действительной практикой, как это обычно бывало во многих «веселых обществах», известных в истории Европы, в том числе и в России, вплоть до возникшего столетие спустя общества «арзамасцев», объединившего прогрессивные силы и весь цвет русской литературы того времени; между тем, протоколы «Арзамаса» производят на нас сейчас не менее странное впечатление, чем бумаги петровской «Бенго-коллегии». По-видимому, «Великобританский монастырь в Санктпитербурхе» являлся чем-то вроде делового клуба, в котором англичане общались друг с другом и отдыхали на свой лад, узаконив существование своего объединения по образцам русских «сумасбродных» обществ и, может быть, бесчисленных и разнообразных эксцентрических клубов лондонских чудаков [176]; подобные лондонские клубы были известны и царю Петру по его собственному опыту. Нас может удивить лишь одно обстоятельство: о «Великобританском славном монастыре» не найдено было ни одного английского мемуарного известия или какого-либо упоминания в английской печати начала XVIII в.; между тем «Письма из Москвы» появлялись в периодических изданиях Лондона уже в конце XVII в.[177];

к началу же XVIII столетия разнообразными новостями из России, сообщенными жительствовавшими здесь англичанами, пестрели уже многие лондонские газеты; к 1714 г. относится даже попытка издания в Англии специального листка под заглавием «Московит» [178].

Свидетельством того, как в Англии и Шотландии в начале XVIII в. следили за тем, что происходило в России, может служить мало известный у нас факт, что один из трагических эпизодов русской придворной жизни той же поры был положен в основу созданной в то время шотландской народной баллады о Марии Гамильтон. Эта баллада была уже хорошо известна многим английским романтикам, а об ее русских источниках времени Петра I писал Вальтер Скотт (в «Minstrelsy of the Scottish Border») [179]; до него на сходство этой баллады с историей Марии Гамильтон, камер-фрейлины Екатерины I (племянницы Андрея Артамоновича Матвеева) обратил внимание в своей «Книге баллад» («Ballad Book». Edinburgh, 1824) Чарлз К. Шарп [180]. Как известно, отрасль знатной шотландской фамилии Гамильтонов обосновалась в России еще при Иване Грозном, и ее представители нередко упоминались в изложениях различных событий русской истории последующих веков. Гамильтоны служили в русских войсках и при царском дворе. При Алексее Михайловиче Евдокия Григорьевна Гамильтон была замужем за ближним боярином и царским любимцем Артамоном Сергеевичем Матвеевым, а родной дядя царицы Натальи Кирилловны (матери Петра I) Федор Полуэктович Нарышкин был тоже женат на шотландке, Евдокии Петровне Гамильтон, племяннице Евдокии Григорьевны.

Камер-фрейлина Екатерины I, Мария Даниловна Гамильтон, как свидетельствуют исторические источники, была в связи с Иваном Михайловичем Орловым и имела от него ребенка, которого собственноручно умертвила, чтобы избежать огласки, но преступление ее было раскрыто и она была казнена по личному указу Петра I[181]. В шотландской балладе, известной во многих записях и вариантах, Мэри Гамильтон живет при дворе. От связи с придворным у нее родится ребенок, которого она завертывает в фартук и бросает в море. Ее осуждают на смерть. Новейшие исследователи этой баллады утверждают, что в ней произошла контаминация двух сходных по сюжету баллад — XVI в. (о некоей девушке знатного рода, отправленной Марией Стюарт во Францию в качестве фрейлины и также носившей имя Мария; в этих редакциях баллада озаглавлена «The Queen's Marie») и начала XVIII в.— из русской придворной жизни; старая забывавшаяся баллада была обновлена с помощью рассказов о судьбе шотландской фрейлины русской императрицы [182].

Любопытную аналогию не сюжету указанной баллады, но самому процессу создания и сохранения в течение долгого времени в устном народном предании известия или рассказа о каком-либо историческом событии, мы находим в записанном сравнительно недавно беломорском рассказе о сватовстве Ивана Грозного [183]. Об этом сватовстве русского царя к английской принцессе Марии Гастингс или даже к самой королеве Елизавете, как мы видели выше, тревожные слухи ходили по русской земле и занесены были не только в посольские реляции (например, Ф. А. Писемского, ездившего в Англию в 1582 г.), но даже в летописи. Достаточно удивительно, что этот старый, не имевший никаких исторических последствий эпизод столь долго хранился в русской народной памяти, хотя довольно естественно, что его помнили на Севере, вдалеке от Москвы, где с англичанами русское население вступало в связь более тесно и непосредственно и где подобные рассказы могли распространяться более широко и свободно. Характерно, однако, что и в этом случае, как и в истории указанной шотландской баллады, старое предание подверглось обновлению и контаминации: образ английской королевы Елизаветы слился с образом королевы Виктории, а мотив сватовства русского царя объединился с рассказом об осаде Соловецкого монастыря флотом английской королевы во время Крымской войны 1853—1856 гг.

В новую фазу англо-русские культурные и литературные взаимоотношения вошли в первой половине XVIII в. С этого времени у нас возник более широкий интерес к английской литературе, начали печататься переводы английских книг, сделанные непосредственно с подлинников, стало расти знакомство с английским языком.

В Англии начала XVIII в. интерес к обновляемой России постепенно усиливался; заново проявлялось любопытство к историческим судьбам русского народа и к условиям развития русской государственности. Петр I навсегда остался одним из популярнейших в Англии русских исторических деятелей, хотя отношение к его реформаторской деятельности и к его внешней политике было неоднородным, подвергалось сильным колебаниям, порождало подчас жестокие споры в самых различных общественных кругах [184]. Несмотря на несогласия в оценках его дела, в Англии, как и на всем Западе, был очень велик интерес к его яркой и незаурядной личности: этому способствовали поездки Петра I за границу и, в особенности, пребывание его в самой Англии.

Английский книжный рынок ответил на этот интерес разными книгами о России и ее царе-преобразователе, дневниками служивших при нем иностранцев, мемуарами побывавших в России дипломатов, описаниями путешествий в Москву и во вновь основанный Петербург и учеными трактатами. Эта огромная литература изучена еще недостаточно [185]. В частности, еще не подверглась специальному исследованию английская художественная литература о России первой половины XVIII в., а между тем именно ей в большей степени, чем тяжеловесным трактатам и специальным сочинениям, принадлежала особая роль в деле выработки в Англии communis opinio * о России. Ее читали и над ней размышляли широкие круги английских читателей. Здесь были и драмы, и романы, и стихотворные произведения. Иные обращались к историческому прошлому России (как Mrs Pix в своей трагедии о Лжедмитрии «The czar of Muscow» London, которая шла на сцене уже в 1700—1701 гг.); другие воссоздавали ее настоящее; третьи, наконец, пытались заглянуть в ее будущее; о некоторых из них знали и их русские современники и кое-что даже пытались в то время перевести [186].

В первом десятилетии этого века в английских суждениях о России наблюдалась еще полная разноголосица. Журналист Дейвид Джонс в составлявшихся им каждогодно (с 1701 г.) политических обозрениях состояния важнейших государств Западной Европы первоначально мало что мог сообщить о царе Петре и о событиях, происходивших в его стране. В 1708 г. в своем очередном обзоре Джонс жаловался уже не на недостаток сведений, а на то, что, когда речь идет о России, «крайне трудно отличить истину от лжи» ввиду обилия публикуемых о ней данных [187]. В самом деле, в Англии год от года росло любопытство к далекой северной державе, хотя английские правящие круги не сразу смогли оценить потенциальные военные ресурсы новой России и ее возраставший международный авторитет. В 1709 г., когда Полтавская битва открыла новую страницу русской истории и повлекла за собой значительные изменения в международных отношениях, английское общественное мнение поневоле стало лучше разбираться в русских делах. По словам историка С. М. Соловьева, битва при Полтаве была «одним из величайших всемирно-исторических событий: могущество Швеции, созданное искусственно посредством завоеваний, было сокрушено. Исчезла завеса, скрывавшая Россию от остальной Европы, и перед народами Запада явилось новое обширное могущественное государство, умевшее победить вождя и войско, считавшиеся до сих пор непобедимыми» [188]. Новейшие историки англо-русских отношений прибавляют к этому еще две даты, имевшие значение заметных вех в истории этих отношений: 1714 г., когда ганноверский курфюрст стал английским королем под именем Георга I и германские и континентально-европейские проблемы стали больше привлекать к себе внимание английских ди-

* общего мнения (*лат.*).

ПЕТР I В ДЕПТФОРДЕ
Картина Дэниэла Маклиса, 1857
Холлоуэй Колледж, Лондон

пломатов, и 1716 г., когда в Лондоне появилась анонимная брошюра, озаглавленная «Северный кризис, или Размышления о политике царя» («The Northern Crisis or Reflections on the politics of the Czar»), хронологически совпавшая с «первой вспышкой неподдельного антирусского настроения» в правящих кругах Англии [189]. В этой схеме еще много неясного и заслуживающего особой критической оценки, в особенности потому, что интерес к России во все это время возрастал в Англии не только в ее правительственных и дипломатических кругах, но и в гораздо более широких слоях купечества и интеллигенции. Противоречивые интересы этих общественных групп порождали также весьма несходные оценки России и всех тех событий в этой стране, какие становились известными в Англии. Следует сказать, что при чрезвычайном развитии английской периодической печати, информация о России была здесь в указанные годы очень обширной. Все вышесказанное можно подтвердить несколькими примерами, заимствованными из истории английской литературы и журналистики.

Характерно, например, что Петру I и событиям его царствования уделили некоторое внимание сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона — «Болтун», «Зритель» и др. Так, Дж. Аддисон в «Болтуне» («Tatler», N 18) рассуждал о профессиональной изобретательности английских журналистов, которым постоянно приходилось выдумывать всевозможные новости сомнительной достоверности, чтобы удовлетворить запросы своих ненасытных читателей; «Всем понятно,— писал он,— что они должны были для каждого номера газеты сочинять комету в Германии, *пожар в Москве*, землетрясение или что-нибудь поразительное» [190].

Р. Стиль в «Письме к Зрителю» рассказывал якобы о самом себе, что он, с юности отличаясь богатым воображением, развил в себе способность изобретать всевозможные небывальщины и затем мастерски воспроизводить их в своих устных рассказах, нисколько не боясь, что кто-либо из слушателей выведет его на чистую воду и разоблачит как лжеца. Так, когда однажды при нем упомянули о Полтавской битве, он «не мог удержаться, чтобы не рассказать об одном своем родственнике, молодом купце, который жил в Москве с самого детства и которого пламенный, воинственный дух не допустил заниматься приходо-расходными книгами в то время, когда в стране, где он находился, открывалось такое поприще деятельности; поэтому он и последовал за царем в качестве волонтера. Фантазия рассказчика разыгралась настолько, что он сделал своего воображаемого героя участником битвы при Полтаве и подробно сообщил о совершенных им подвигах: «Этот пламенный юноша (родившийся в ту самую минуту, как о нем заговорили) сбил с лошади шведского генерала; он был причиною того, что русские так хорошо действовали своею артиллериею, и он-то вывел войска, которые в начале сражения были скрыты от неприятеля; кроме того, ему посчастливилось, наконец, взять в плен графа Пипера. При такой замечательной храбрости мой родственник был вежливейшим человеком на свете. Он никогда не выказывал хвастливым и неприличным образом своего мужества и притом имел превосходные способности для света во всех других родах. У меня были от него письма (тут я начал щупать у себя в карманах), в которых он с точностью описывал мне характер царя, прекрасно мне известный; при этом я не утерпел, чтобы не сказать, наконец, что мне по два или по три раза в неделю случалось быть с его царским величеством, пока он находился в Дептфорде» [191]. Весь приведенный отрывок представляется очень характерным для английского журнала начала второго десятилетия XVIII в.: обнаруженное здесь знакомство с биографией Петра I, с ходом Полтавской битвы, но всего более самый замысел воображаемого героя, англичанина по происхождению, оказавшегося в войсках русского царя,— все это чрезвычайно типично для английского журналиста той поры; любопытно, что указанное «Письмо к Зрителю» не осталось без подражаний; идея создания фиктивных мемуаров от имени британского офицера, находившегося в войсках Петра I, вдохновила Д. Дефо, автора «Робинзона Крузо», издать целое произведение на эту

тему, которое впоследствии пользовалось известностью не только среди любителей художественных вымыслов, но и среди историков, увидевших в нем правдивый и достоверный рассказ о России и деяниях царя Петра.

Известно, что в журнале «Зритель» («Spectator», 1811, N 139) Стиль опубликовал свою сравнительную характеристику двух, по его мнению, самых великих людей, государственных деятелей своего времени — Людовика XIV, короля французского, и Петра I — императора русского, отдав предпочтение второму и не остановившись при этом перед его идеализацией, против чего возразил в другом журнале — «Обозрение» («Review», 1711, August 23) Дефо, подчеркнувший, что Стиль представил русского царя в слишком розовом свете. Стиль писал в этой известной статье: «Поскольку нет никакого сомнения, что не всякая знаменитость имеет источником своим добродетельные деяния, то мне представляется, что будет приятно и занимательно рассмотреть славу этих государей и отличить пустое, преходящее и суетное от прочного, постоянного и важного». Характеризуя затем Петра Алексеевича Стиль замечал, что этот царь, «при всем том, что видел себя царем многочисленного народа, обладателем неизмеримого пространства земли, неограниченным властелином над жизнью и имуществом подданных своих, посреди такого беспредельного могущества и величия с горестью обратил мысли свои на себя и на народ свой. Великодушный государь при свете собственного своего гения увидел отвратительное невежество и грубый образ жизни и прозрел их 〈...〉 а его мужественный дух подвигнул его к исправлению этого зла...» «Рассматривая этого чудного человека,— писал Стиль далее,— приходишь в затруднение и не знаешь, с чего начать похвалы ему 〈...〉 Какое великодушие и какая благость заключалась в том, что он внес собственное имя, как честный человек, в список составленной им армии, дабы никто в ней не мог надеяться опередить быстрые шаги, которыми он сам подвигался вперед! Такими средствами сей богоподобный государь научился побеждать, научился и пользоваться своими завоеваниями. И неужели же низкие пути французского властителя будут почитаться плодами образованности и просвещения, а благие труды российского владыки действиями варварства? Нет... только добрый государь знаменит и славен...» [192] и т. д.

Источники этой политической параллели Стиля давно определены: для него Франция в годы царствования Людовика XIV была главным врагом Англии в войне за испанское наследство, московского же царя Стиль, по своим политическим взглядам виг, противопоставлял французскому правителю, так как защищал Петра I от нападок на него торийских публицистов, становившихся все более ожесточенными [193].

Совершенно иначе относился к России и к ее царю Джонатан Свифт (1667—1745), автор «Путешествий 〈...〉 Лемюэля Гулливера». Упоминания Московии и московского царя разбросаны по многим его произведениям, как стихотворным, так и прозаическим; он вспоминает северную державу по самым случайным и неожиданным поводам: назовем здесь «Каденус и Ванесса» («Cadenus and Vanessa», ст. 323), или поэму «Сельская жизнь» («The Country Life», «Part of a summer spent at the house of G. Rochfort», 1723, ст. 99—102), где, в частности, идет речь о торийском любителе газетных новостей, собиравшем сплетни о «московитянах»; характерно, что, по его представлению, географические границы Московии простирались уже до Черного моря:

Now all his hopes are in the Czar:
Why, Muscovy is not so far:
Down the Black Sea, and up the Streights,
And in a month he's at your gates...[194]

Ранее Свифт не скрывал своего огорчения при известии о победе русских под Полтавой. Он писал, например (30 октября 1709 г. к Амброзу Филиппсу), что сердце его совершенно разбито несчастиями короля Швеции. Он мечтал

быть посланным ко двору Карла XII, а теперь вынужден видеть, как «этот трус Август» снова претендует на Польшу, после того как столь робко отказался от нее. «Это приводит меня,— пишет Свифт,— в состояние духа, в котором находится лев в басне. Из всех оскорблений, которым он подвергался, ничто не сердило его больше, чем удар осла» [195].

Являясь некоторое время рупором статс-секретаря Англии, Болингброка, Свифт в следующих словах выражал опасения английского правительства, вызванные усилением России и ростом ее международного авторитета: «Если северные союзники добьются успеха против Швеции, то как мы сможем сохранить равновесие сил на Севере, столь важное для нашей торговли и во многих других отношениях? Что станется с поддержкой протестантских интересов в Германии, на которых покоится положение Швеции в империи? Может быть, надо ответить, что эти государи, уступив по своему усмотрению северные дела, не пожелают обратить взоры на юг, чтобы наш мир с Францией был заключен согласно их собственным видам?» [196] Нас поэтому не может удивить полный яда и злобных острот комментарий к книге о московском царе, который Свифт включил в свой сатирический трактат «Полное собрание светских и остроумных разговоров» («A Complete Collection of Genteel and Ingenious Conversations». Dublin, 1738) [197].

Еще более показательно наличие сильного интереса к русской тематике в творчестве другого английского современника Петра I — Даниэля Дефо. Этот писатель, обладавший подлинным темпераментом журналиста, чуткий к злобе дня и запросам читателей, с самых ранних лет своей деятельности постоянно писал о «Московии», год от года видоизменяя свое отношение к этой стране, преобразования которой совершались на его глазах.

Еще в самом начале века, в своем знаменитом стихотворном памфлете «Чистокровный англичанин» («The true-born Englishman. A Satyr», 1701), в представленном здесь злом сопоставлении различных отрицательных качеств европейских народов, Дефо дал также самую нелестную характеристику «невежественным московитам» (the stupid ingnorance of the Muscovite...) подобно многим другим своим соотечественникам считая, что «московитов» следует отличать от «русских». Однако, несколько лет спустя в сатире «Консолидатор, или Записки о различных отчетах Лунного мира» («The Consolidator, or Memoirs of Sundry Transactions from the World in the Moon», 1705) Дефо, между прочим, упоминает, что «С. Петербург приобретает облик нашего Портсмута» [198], из чего явствует, что он был в курсе бурного строительства только что основанной новой русской столицы. В одном из писем к Роберту Гарлею (июль-август 1704 г.) Дефо сравнивает свое положение с ситуацией, в которой оказался «московский посланник в Константинополе» [199]. В других письмах и донесениях Дефо к Гарлею постоянно идет речь о московитах, о Нарве, Лифляндии [200]. Трагическая история состоявшего на русской службе и являвшегося русским послом в Варшаве лифляндского дворянина Иоганна Рейнгольда Паткуля, по мирному договору между Августом II и шведским королем Карлом XII выданного шведам и казненного ими в октябре 1707 г., изложена была Дефо в отдельной книжке, записанной якобы со слов лютеранского священника, находившегося при Паткуле в последние часы его жизни перед казнью и будто бы переведенной с голландского языка [201].

В одной из своих газетных статей 1718 г. («Mist's Journal», в номере от 10 мая) под саркастическим заглавием «О милосердии царя» («On the Clemency of the Czar») Дефо поместил статью об обширнейшем государстве, расположенном на широком пространстве между Белым и Каспийским морями, властителем которого является король или император, называемый странным именем, которым назывались также римские императоры после Юлия Цезаря (т. е. «царь» — от слова цезарь — кесарь). Дефо говорит, что царь имеет «жесткое имя» (a hard name), намекая, очевидно, на значение латинского слова petrus (камень). Биография царя рассказана, однако, в первую очередь для того, чтобы показать, что ни учение у хороших учителей, ни личное знакомство со странами Западной Европы нисколько не смягчили жесто-

косердие царя и что он остался таким же «варваром», какими были его предшественники на московском престоле. В доказательство этого положения Дефо рассказывает историю о том, как одна «высокопоставленная русская леди» за какой-то проступок была осуждена Петром I на тяжелое наказание: «Из уважения к женскому полу она была приговорена to the Potoque; это татарское слово, которое наши женщины не понимают, но объяснение того, что оно значит, я читал на французском языке» [202]. Из дальнейшего весьма красноречивого описания явствует, что Дефо имел в виду слово «батог», слегка искаженное им в английской транскрипции и что упомянутая им «русская леди» была приговорена к «битию батогами»; любопытно при этом, что слово «батог» действительно попало в русский язык из татарского. Очень вероятно, что о наказании батогами Дефо прочел в книге своего соотечественника, капитана Джона Перри, вызванного Петром в Россию в 1698 г. и жившего здесь до 1715 г., т. е. в течение пятнадцати с лишним лет. Книга Перри, изданная им вскоре по возвращении на родину, называется: «Состояние России при нынешнем царе» («The State of...Russia under the present Czar». London, 1716; франц. перевод — 1717; немецкий — 1717; голландский — 1717) и в ней автор описывает Batogs or Knout и самый способ наказания ими; в другом месте своего труда Перри именует «батог» — «Bottocks» и замечает, что «бояре и крестьяне равно подвергаются этому наказанию, которое иногда производится с такой строгостью, что причиняет людям смерть» [203]. В конце своего очерка «О милосердии царя» Дефо с явным сарказмом признается, что все им рассказанное имеет целью не столько изобразить читателю характер этого «славного монарха», сколько «рекомендовать его всегда влюбленным в него вигам»; таким образом, задача, которую ставил себе Дефо-журналист на этот раз оказалась задачей сугубо политической.

В беллетристических произведениях Дефо взгляды, высказывавшиеся им относительно современных ему народов и государств, отличались большей широтой и терпимостью (в особенности если речь не шла о вопросах вероисповеданий). Дефо был мастером создания правдоподобных рассказов и увлекательных повествований; те же источники, которые давали ему материалы для сатирических нападок на его политических врагов, снабжали его данными для описания нравов и обычаев экзотических стран и учили его «лгать совершенно правдоподобно». Так, названная выше книга Перри, несомненно, очень пригодилась Дефо, когда он создавал вторую часть своего романа об йоркском моряке Робинзоне Крузо.

Роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, йоркского моряка, рассказанные им самим», вышедший в свет в Лондоне весною 1719 г., как известно, сразу же привлек к себе исключительное внимание. Успех книги превзошел все расчеты автора и книгопродавца. Издания романа следовали одно за другим. В момент наивысшего успеха книги Дефо принялся за вторую часть. Через несколько месяцев она была уже готова и в конце августа вышла в свет. Это было кругосветное путешествие Робинзона, «вторая и заключительная часть его жизни». Дефо заставляет Робинзона вновь пуститься в странствования исключительно из-за его непреодолимой страсти к путешествиям; эту страсть не могли победить ни его почтенные лета, ни благосостояние, ни мирная жизнь в кругу любящей семьи. Мы узнаем в этом старике, мечтающем о далеких днях своей юности, прежнего Робинзона, каким он представлен в первом томе, искателя приключений, скитальца, который слишком долго жил в одиночестве, среди опасностей и тревог, чтобы находить счастье в заслуженном покое и довольстве бездеятельной жизни. Второй том романа представляет собой дневник заключительных путевых странствований героя. Попав в Китай после ряда торговых рейсов по Тихому океану, Робинзон уже думает о возвращении на родину. Ему приходится по душе смелый план одного из его соотечественников и компаньонов по коммерческим делам, заключающийся в том, чтобы пересечь весь азиатский материк и возвратиться в Англию морем через Архангельск, и Робинзон осуществляет его. Вместо проданного корабля он нагружает товарами кара-

ПОРТРЕТ ПЕТРА I НА ВЫВЕСКЕ АНГЛИЙСКОЙ ТАВЕРНЫ
Публичная библиотека, Ленинград

ван из верблюдов и лошадей, и в апреле 1690 г., в компании с шотландским купцом, находится уже на восточной окраине владений московского царя: «Я не мог не высказать своего удовольствия, входя в христианскую землю или, по крайней мере, страну, управляемую христианами, потому что, по моему мнению, хотя москвитяне и не нашего исповедания, однако ж они очень благочестивы». «Не радуйтесь, земляк, слишком рано,— отвечает ему шотландский купец: исключая русских солдат и немногих жителей городов по дороге, вся остальная часть страны, на пространстве тысячи миль, населена язычниками, глупыми и закоснелыми. Это мы увидели и на самом деле...» Двадцать два дня идет караван Робинзона по пустынным степям и бесконечным лесам до Нерчинска (Nortzinskoy); далее, войдя вновь в обширную пустыню, Робинзон со спутниками переправляется через огромное «Чекс-озеро» (Schoks-oser), через реку Уду (Udda), достигает города Яр-

ПОРТРЕТ ПЕТРА I НА ВЫВЕСКЕ АНГЛИЙСКОЙ ТАВЕРНЫ
Оборотная сторона

вены (Jar-wena), «где находится московский гарнизон». Затем караван снова попадает из пустыни в пустыню, через которую едут долго, то двадцать три, то двенадцать дней, достигают Енисейска (Jenesay), после чего, пройдя «дикую, необработанную и малонаселенную страну», оказываются в Тобольске, где и остаются на зимовку.

Таков путь каравана. Описание пройденных Робинзоном земель не отличается ни особой живостью, ни обстоятельностью; дикие, безлюдные пустыни, голые степи, на которых не произрастает «ни деревца, ни даже хворостинки» — вот сибирский пейзаж романа. Все громадное пространство, которое пересекает Робинзон,— от Амура до Тобольска, кажется ему пустынной, необитаемой землей, предоставленной самой себе, силам природы, стихиям. Лишь изредка встречаются путешественникам «московские гарнизоны»— эти маленькие островки среди ужасающего безлюдья. Из обрывочных, деловых

записей дневника Робинзона создается внушительная картина именно потому, что он все время как бы уклоняется от живописания. В однообразии рассказа или отсутствии подробностей заключен своего рода художественный эффект. Сознательно или бессознательно добивался Дефо такого впечатления, сказать трудно. Скорее всего у него в запасе не было ни достаточных географических познаний, ни даже просто удовлетворительной карты. Но такое описание, насколько бы оно ни соответствовало действительности, все же было бы слишком однообразно для романа-путешествия; поэтому Дефо, где он в состоянии был это сделать, старался внести в свое повествование новые краски, усиливавшие его занимательность. Таков, например, рассказ о Тобольске, где Робинзон, к своему удивлению, встречает довольно изысканное общество. Но этот город оказывается местом заточения. «Я нашел здесь знаменитого князя Голицына (the famous Prinze Galliozen) с сыном, старого генерала Робостиского 〈!〉, многих других замечательных особ и нескольких дам»,— рассказывает Робинзон в своем дневнике. С Голицыным, «опальным министром московского царя», Робинзон сходится особено близко, ведет с ним долгие беседы и предлагает содействовать его бегству из Сибири, но старый вельможа отказывается из благородных побуждений и всеми силами старается внушить иноземцу интерес к своему отечеству. Когда приходит время отъезда, Робинзон, с согласия князя Голицына, все же увозит из Тобольска его сына, последовавшего за отцом в ссылку. Благополучно они достигают вместе Архангельска (Arch-Angel), откуда молодой Голицын морем, через Англию, бежит в Вену, к друзьям своего отца [204].

Источники «сибирского эпизода» второй части «Робинзона Крузо» уже были определены [205]: помимо названной выше книги Перри, одним из важных источников для Дефо оказалась книга голландца Исбранта Идеса о совершенном им по поручению московского правительства путешествии из Москвы в Пекин, лишь с тем различием, что путь Робинзона был совершен в обратном направлении. Сходство романа Дефо с книгой путешествий Исбранта Идеса велико: оно распространяется и на географические названия, и на некоторые живописные детали, вставленные Дефо в путевой дневник его героя [206].

Два года спустя после выхода в свет «Робинзона Крузо» Дефо анонимно издал «Беспристрастную историю жизни и деяний» Петра I, которую он и на этот раз, следуя своему обыкновению, в целях занимательности и ради придания ей полной достоверности, приписал перу некоего «британского офицера», якобы находившегося на русской службе. В подзаголовке книги (в ее втором издании 1725 г.) значилось, что она составлена «по источникам на русском, голландском и французском языках» [207]. Конечно, это было не более чем уловкой, стремившейся закрепить представление о полной достоверности приведенных в книге сведений; русского языка Дефо, разумеется, не знал, и, как мы уже видели, весьма неточно, в искаженных транскрипциях воспроизводил немногие русские слова или названия местностей, когда ему представлялась надобность упоминать их в своих писаниях. Тем не менее начитанность Дефо в текущей литературе и тщательность, с которой он следил за периодической печатью, были очень велики, а искусство пользоваться источниками и умение добиваться полного правдоподобия в повествовании было доведено им до настоящего совершенства. Неудивительно поэтому, что «Беспристрастная история жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии», в обоих изданиях вышедшая без имени Дефо, долгое время считалась книгой, в основу которой положены были подлинные документы и среди них автографические записки неизвестного по имени «британского офицера». Хотя авторство Дефо было раскрыто и установлено еще в 1869 г. [208], но до недавнего времени аутентичность включенных в указанную книгу дневниковых записей и «свидетельств очевидцев» сомнению не подвергалась [209]. В этом интересном историческом труде, вслед за краткой биографией Петра I и описанием его путешествий по западноевропейским странам, рассказано об изучении им наук, искусств и военного дела, а затем об его войнах со шведами, турками и т. д. К этой части книги Дефо был уже

подготовлен и ранее своей осведомленностью о военных делах в северной Европе (войнам Карла XII Дефо посвятил особую книгу, изданную дважды — в 1716 и 1720 гг.). Возможно, как это предполагал У. Ли, что и для истории московского царя Дефо пользовался преимущественно шведскими данными; несомненно, впрочем, что на этот раз круг источников Дефо был значительно шире; ему очень пригодилась и книга Перри «Состояние России при нынешнем царе», (1716), и, вероятно, более старый и более основательный труд И. Крелля, вышедший в 1698 и 1699 гг. («The ancient and present state of Muscovy». London, 1698. 2 vols; продолжение его: «The present condition of the Muscovite Empire till the year», 1699) [210].

Хотя основные источники указанного труда Дефо, несомненно, уже названы, специальное критическое исследование его текста все еще остается очень желательным. Неясно, например, почему Дефо довел изложение жизни Петра I только до 1714 г.? Хотя Дефо обещал рассказать ее вплоть «до настоящего времени», она внезапно обрывается триумфальным въездом Петра в Петербург 20 сентября 1714 г.

Не забудем, наконец, что один из популярных романов Дефо, написанный им в начале 20-х годов,— «История замечательной жизни достопочтенного полковника Джека», повествующий о различных приключениях авантюриста в различных частях света, должен был закончиться «службой его в русской армии, действовавшей против турок». Это обещание автора, включенное в длиннейшее заглавие романа, по традиции выписанное на титульном листе, осталось невыполненным, так как книга и без того оказалась слишком пухлой.

Деятельность Петра I привлекла к себе внимание еще нескольких английских его современников. В 1723 г. ему посвятил, например, несколько страниц своего знаменитого парадоксального трактата «Басня о пчелах» Б. Мандевиль; о русском царе у Мандевиля, собственно, идет речь не в самой «Басне» («The fable of the bees»), а в приложенном к ней «Опыте о благотворительности и благотворительных школах» (An Essay on charity and charity schools»). Знакомясь с самой «Басней», в которой автор силится доказать, что «знание расширяет и умножает наши потребности» и что «чем меньше у человека желаний, тем легче ему удовлетворить насущнейшие потребности», можно было бы предположить, что в приложенном к ней рассуждении Мандевиль скорее отрицательно, чем положительно отзовется о петровских реформах быта в Русском государстве, тем более, что и сам автор задается вопросом, не был ли царь Петр врагом своего народа? На самом деле Мандевиль к этим реформам относится положительно; по его мнению, можно только сочувствовать произведенным видоизменениям быта и общественных форм, а промышленность и торговля, по сравнению с обширностью русской территории, были слишком ничтожны, не оправдывая себя ни с какой стороны. Поэтому Мандевиль полагает, что Петр I «имел право не оставить ни одного камня нетронутым», чтобы вызвать новые формы жизни. Но в Англии подобная интенсивная реформаторская деятельность была бы нежелательной, утверждает Мандевиль в конце своего рассуждения, потому что «Россия имеет слишком мало образованных людей, а Великобритания — слишком много» [211].

Было бы трудно перечислить всех английских писателей и поэтов, публицистов, журналистов и драматургов, уделивших в своих произведениях внимание России, Петру I и его реформам. Но было бы несправедливо умолчать хотя бы о некоторых из них. О Петре I упоминает, например, Конгрив в своей поздней комедии «Так идет свет» («The way of the world», 1701). Не забыты были и окружавшие его люди. Князь Меншиков, любимец Петра I и его соратник, нашел своего английского биографа уже в 1728 г. («Memoirs of the life of Prince Menshikov». Dublin, 1727) [212] и в том же году Хилл посвятил Екатерине I поэму «Северная героиня»» («The Northern Heroine», 1727).

Эрон Хилл (Aaron Hill; 1685—1750), поэт и драматург, известный у нас мало (ни в старых, ни в новых работах о Петре I и его времени имя его нам

не встречалось), а между тем этого писателя, восторженного почитателя Петра I, с полным основанием называют «первым английским руссофилом» [213], и его произведения на русские темы безусловно заслуживают нашего внимания. Жизнь его известна нам лишь в самых общих чертах. В юности Хилл отправился в Константинополь (1699), где участие в его судьбе принял английский посол в Турции лорд Пейджет (Paget), отправивший его путешествовать в Египет и в Палестину, откуда он вернулся в Англию (в 1703 г.). Затем он путешествовал некоторое время в качестве воспитателя Вильяма Уентворта. В 1709 г. Хилл увлекся сценой и одно время состоял при лондонском театре Дрюри-Лейн; однако лучшие из написанных им пьес оказались подражаниями «Меропе» и «Заире» Вольтера и большого следа в истории драматургии не оставили. В английских литературных кругах Хилл был известен также как неисправимый прожектер, все время носившийся со всевозможными проектами различных компаний и предприятий, которые никогда не оправдывали себя и приносили лишь невозместимые убытки. Так, одно время он мечтал о создании коммерческой компании по производству масла из буковых орешков, затем о торговле шерстью, о сельскохозяйственной колонии на еще не обжитой земле в Северной Америке и т. д. Все эти предприятия лопались одно за другим, но Хилл не предавался отчаянию и строил новые планы. Очень возможно, что его увлечение Петром I и его державой началось также с каких-либо проектов, связанных с личностью русского царя, но было бы трудно заподозрить его в неискренности чувств и вызванных этим увлечением произведений;

В 1718 г. Хилл посвятил Петру I свою поэму «Северная звезда» («The Northern Star»), в которой мы находим следующие замечательные строки:

Briton and Russian differ but in name,
In nature's sense, all nations are the same.
One world, divided, distant brothers share,
And man is reason's subject — everywhere.

Британец и русский отличаются друг от друга лишь по названию.
По смыслу природы все народы одинаковы.
В одном, только разделенном мире живут далекие братья.
И повсюду человек — подданный разума.

«Северная звезда», вероятно, нашла своих читателей, так как известны *пять* ее изданий (5-е в 1739 г.). Издание 1724 г., сопровождавшееся латинским переводом поэмы, Хилл сумел послать в Петербург, непосредственно самому царю. Получив книгу, Петр I будто бы собирался направить Хиллу в ответ золотую медаль, но эта награда, по рассказам, дошла до поэта только после смерти царя, по распоряжению Екатерины I, обещавшей Хиллу прислать также какие-то документальные материалы о покойном царе для поэтической обработки. В конце концов, Хилл, действительно, получил эти материалы; мы знаем об этом из его письма к А. Попу, в котором он сообщал, правда, в весьма неясных выражениях, что полученные им бумаги освещают подробнейшим и благороднейшим образом те обстоятельства, которые злоба кое-каких видных европейских дворов постаралась исказить и очернить» (...the noblest and most plentiful colors on a circumstance which the malice of some great courts of Europe has taken pains to misrepresent and blacken). Правдоподобно, что эта витиеватая фраза может быть истолкована в том смысле, что Хиллу присланы были какие-то материалы о казни царевича Алексея [214]. Однако литературной обработке Хилла они не подверглись.

Писания Хилла о Петре I носят на себе явный отблеск идей века Просвещения. Поэт воспевает царя-просветителя, давшего своей стране образование и новую науку и одновременно устрашившего гордыню и военные притязания своих северных и южных соседей — шведов, датчан, турок. Велико и

благотворно было, по мнению поэта, воздействие его реформ на все народы, жительствующие на обширнейшей территории русского государства. Даже «косматый самоед, отбрасывая снег, согревает свою холодную грудь непривычным стремлением к знанию»:

The shaggy Samoid, shaking off the snow,
Warms his cold breast with new desire to khow...[215]

Творчество Хилла было забыто, а вместе с тем и все написанное им о России. Неизмеримо большей популярностью пользовались поэтические произведения приятеля Хилла Джеймса Томсона (J. Thomson; 1700—1748) и среди них знаменитая эпическая поэма его «Времена года» («Seasons», 1726—1730). В первой части этой поэмы «Зима» («Winter», 1726) Томсон поместил большой стихотворный панегирик «бессмертному Петру» («Immortal Peter») [216]. Поэт приглашает «тени древних героев взглянуть на «содеянное им чудо». Томсон повествует о том, как царь отказался от «ленивой пышности двора», откладывая в сторону свой скипетр ради инструментов плотника, как он всюду «собирал семена торговли, ремесл, гражданской мудрости и военного искусства»,— и вот они произрасли: среди просторов воздвиглись города, безрадостным пустыням улыбнулась сельскохозяйственная культура, соединились отдаленные друг от друга реки, удивленный Эвксин услышал ропот «балтических войн», и гордый флот поплыл по морям. «Лень бежит из страны и невежество и порок, надменные старым бесчестьем; страна сияет, обученная царской рукой, которая создала все — и ремесла, и войско, и преуспевающую торговлю...» Этот панегирик стал в России хорошо известен благодаря Карамзину, несколько раз возвращавшемуся к его переводу — в «Московском журнале» и в «Письмах русского путешественника».

Последующие английские писатели были не столь щедры в похвалах Русскому государству и его преобразователю. Должно было пройти несколько десятилетий, пока в Англии научились ценить русское художественное слово.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Официальное знакомство с Англией путешественников из московской Руси началось в более раннее время — при Василии III; так, в 1524 г. направлявшийся в Испанию из Москвы князь И. И. Засекин-Ярославский и сопровождавший его дьяк С. Б. Трофимов сделали остановку в Англии (см. заметку: Я. С. Л у р ь е. «Открытие Англии» русскими в начале XVI века.— «Географический сборник», изв. Географического об-ва СССР, т. III. М., 1954, с. 185—187). Первые случайные известия о появлении англичан и особенно шотландцев, приезжавших в Москву через Скандинавию, отмечены были еще в конце предшествующего столетия; в 1495 г. в Москву явился некий «мастер Давид», «герольд» датского короля, по происхождению шотландец, подлинное имя которого было *Kocken*, *Kocker* или *Cock* (см.: A. Francis S t e u a r t. Scottish Influences in Russian History. Glasgow, 1913, p. 3—4; И. Г а м е л ь. Англичане в России, т. I. СПб., 1865, с. 160—161). R. H. Bruce-Lockhart («The first Englishmen in Russia».— «The Fortnightly Review», 1928, June, p. 808) с удивлением отмечает, что англичане «впервые» появились в Русском государстве только в 1553 г.; равным образом Ф. Ф. Мартенс указывает, что «в делах московского главного архива иностранных дел упоминается о переписке, бывшей между царем Иваном Васильевичем и королем Эдуардом VI до прибытия Ченслора в Москву», но якобы «нет никаких актов, свидетельствующих об этой переписке. Кроме того, трудно себе представить по какому поводу такая переписка могла бы возникнуть» («Россия и Англия в продолжении XVI и XVII вв.» — «Русская мысль», 1891, № 1, с. 41). Ничего не говорит об этом и Carl Stichler («Zur Vorgeschichte der Entdeckung Russlands zur See durch die Engländer im XVI Jahrh.». Zurich, 1905; эта брошюра посвящена главным образом рассказам норвежца Охтхере о плаваниях его в Белое море до устья Северной Двины в IX в., в записях англо-саксонского короля Альфреда).

Однако не следует искусственно приуменьшать давность исторических встреч народов Великобритании и домосковской Руси. В статье «К вопросу об англо-русских отношениях при Ярославе Мудром» («Научный бюллетень ЛГУ», 1945, № 4, с. 31—33) я уже обратил внимание на пребывание в Киеве при дворе Ярослава Мудрого двух англо-саксонских королевичей — сыновей Эдмунда Железнобокого, убитого при завоевании Англии датчанином Канутом 30 ноября 1016 г.; свидетельства об этом мы находим

в хронике Адама Бременского, в тексте так называемых законов Эдуарда Исповедника (точнее — в историко-критическом комментарии к собственно правовой части памятника, возникшего в 1134 г.), в стихотворной хронике, приписываемой нормандскому поэту Ж. Гаймару «Lestorie des Engleis» (ок. 1150 г.) и др.

Следует вообще иметь в виду значение памятников англо-саксонской литературы для древней русской истории и культуры (ср.: Н. И. Сугорский. В туманах седой старины. К варяжскому вопросу. Англо-русская связь в давние века. СПб., 1907), особенно в периоды датского и норманнского завоевания Англии. В них получили отражение династические связи, обмен людьми, культурная близость англо-саксонских королевств и древнерусских княжеств. Легенды начальной летописи имеют сходные редакции в хронике Видукинда Корвейского под 967 г. А. И. Лященко («Летописные сказания о смерти Олега».— ОРЯС, 1924, с. 254—288) обнаружил удивительную близость к русскому летописному рассказу кентского предания о смерти барона Роберта Шарленда от черепа любимого коня, как оно изложено в одной из «Ингольдсбийских легенд» («Ingoldsby Legends», 1838) Ричарда Бархама; путешествия из Киева в Лондон и обратно, очевидно, были возможны через Скандинавию; так, Гаральд Норвежский (первая половина XI в.), женившийся на дочери Ярослава Мудрого Елисавете, руки которой он долго добивался в Киеве, как известно, пал в битве в Англии в 1066 г., а дочь последнего англо-саксонского короля Гита бежала сначала в Данию, а затем на Русь, где стала женой Владимира Мономаха (см.: М. П. Алексеев. Англо-саксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха.— ТОДРЛ, т. II. Л., 1935, с. 39—80; см. также: В. И. Матузова. Англо-нормандские повествовательные источники XII—XIII вв. и Русь.— В сб.: «Древнейшие государства на территории СССР». М. 1976, с. 130—141). См. также: М. Мурьянов. О Новгородской культуре XII века.— «Sacris Erudiri». Brügge, 1969—1970, t. XIX, p. 436—446 (о сыне Мономаха и Гиты Гаральдовны Мстиславе Владимировиче); В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 134—136, 328—329 (раздел «Русь и Англия»).

Н. П. Дашкевич («Смена вековых традиций в отношениях народов Запада к русским».— «Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому», ч. II, СПб., 1908, с. 1379) привел свидетельство Фицстефена, что уже при Генрихе II, т. е. в самом начале XIII в., русские купцы (вероятно, новгородские) появились в Лондоне, и в то же время англо-саксонский поэт Лайамон, в стихотворной хронике «Брут» 1205 («Brut, or Chronicle of Britain», II, стихи 1323—1324), поэме об идеальном короле, написанной на основе кельтских преданий об Артуре, упомянул в ряду королей Норвегии, Дании, Шотландии и Фрисландии —

Короля Русии (of Rusie),
Богатейшего из рыцарей.

Столетие спустя и Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» (конец XIV в.), характеризуя в «Прологе» рыцаря среди паломников, едущих в Кентербери, отметил, что этот рыцарь принимал участие в набегах на Литву и на Русь («In Lettow had he reysed and in Ruse...»).

[2] И. Гамель. Англичане в России в XVI — XVII ст.— «Записки имп. Академии наук», т. VIII, прилож. № 1, 1865; Ю. В. Толстой. Первые сношения Англии с Россией.— «Русский вестник», 1873, № 6, с. 489—522; Ю. В. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англиею. СПб., 1875; С. Середонин. Английские известия о России во второй половине XVI в.— ЖМНП, 1885, № 12, с. 131—133; С. Середонин. Сочинение Дж. Флетчера «Of the Russe Commonwealth» как исторический источник. СПб., 1891, с. 10 и сл.; И. И. Любименко. История торговых сношений России с Англией в. 1. Юрьев, 1912, с. 6. Позднейшая литература указана ниже.

[3] Забавно ни на чем не основанное предположение Д. Моргана, что Осип Непея будто бы, «если судить по нераспространенности его имени в России», был по происхождению шотландцем (!), а «может быть даже состоял в родстве с известной семьей лордов Napier» (см.: «Early Voyages and Travels into Russia and Persia», v. I. Ed. by D. Morgan. Hakluyt Society, London, 1886, p. 124—125). Русские документы, в частности северные летописи, называют Непею «вологжанином»; в посольских бумагах он именуется также «Непея Григорьев» («Сборник имп. Русского исторического об-ва», т. XXXVIII. СПб., 1883, с. 36). См. также: Н. Дубровин. Прибытие англичан в Россию и Осип Непея — вологжанин.— «Моск. губ. ведомости», 1844, № 6.

[4] Raphael Holinshed. Chronicles of England, Scotland and Ireland. London, 1587, p. 1132; Joseph Robertson. Documents relating to the first Russian Embassy in England in 1556.— «Archeological Journal», 1876, v. XIII, p 71—80.

[5] А. А. Титов. Летопись Двинская. Изд. П. А. Фокина. М., 1889, с. 10—13; по наблюдениям Я. С. Лурье («О неизданной холмогорской летописи».— Сб. «Исследования по отечественному источниковедению». М.— Л., 1964, с. 454—455), ряд известий в Холмогорской летописи о приезде первых английских путешественников в русские пристани Белого моря в 50-е годы XVI в. совпадают с известиями, занесенными в Двинскую летопись. В указателе А. Ф. Бычкова («Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки», ч. I. СПб., 1882, с. 139) отмечен рассказ о первом приезде англичан в Белое море (в отрывке XVII в.), находящийся в сборнике из собрания М. П. Погодина (№ 1573, л. 11—15).

[6] ПСРЛ, т. XIII. СПб., 1904, с. 262 и 270. Оба эти известия попали и в другие летописи. Из Никоновской они дословно выписаны в один из «частных летописцев» второй половины XVII в. (в «Книгу, глаголемую летописец Феодора Кирилловича Нормантского». См.: «Временник Московского об-ва истории и древностей Российских», 1850, кн. V, с. 92,98). Краткие указания на приезды английских послов и вообще об англичанах в Москве есть и в так называемом «Новом летописце», где изложены события второй половины XVI и первой половины XVII в. (см.: ПСРЛ, т. XIV. СПб., 1910, с. 31, 48, 56, 128, 139).

[7] ПСРЛ, т. XIII, с. 286.

[8] Свод этот хранится в настоящее время в московском Историческом музее (в составе б. Патриаршей, потом Синодальной библиотеки). Вопрос о дате его составления и о качествах украшающих его миниатюр неоднократно ставился в исторической литературе, например, в статьях А. Е. Преснякова (1. Московская историческая энциклопедия XVI в.— ИОРЯС, т. V, кн. 3, 1900, с. 824—876; 2. Заметка о лицевых рукописях.— ИОРЯС, т. V, кн. 4, 1901, с. 295—304). Характеризуя композиции и живописное мастерство миниатюр этого списка Никоновской летописи («Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, с. 117—125), А. В. Арциховский заметил, что «торговые посольства от лондонских до самаркандских здесь изобилуют». Миниатюра, изображающая прием Иваном Грозным английского посла и прибытие Осипа Непеи в Лондон воспроизведена в статье: М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках Московской письменности XVI—XVII вв.— «Уч. зап. ЛГУ», серия исторических наук, в. 15, 1946, с. 65.

[9] «Титулярник», или «Большая государственная книга», предназначалась первоначально для царевича Федора Алексеевича, но была оставлена в Посольском приказе для руководства при составлении дипломатических документов. Ныне она хранится в ЦГАДА в фонде: «Государственное Древлехранилище хартий и рукописей». Описание рукописи и характеристика трудившихся над ее иллюстрированием мастеров, иконописцев оружейного приказа, Ивана Максимова и Дм. Львова, даны В. Трутовским в статье: «Боярин и оружничий Богд. Матв. Хитрово и московская оружейная палата».— «Старые годы», 1909, № 7-9, с. 345—383 (рисунок «Герб и печать короля Аглинского» воспроизведен на вкладке при с. 368). См. также статью: З. Е. Калишевич. Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности. В кн.: «Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни». М., 1961, с. 399—401. Портрет Карла II из «Титулярника» воспроизведен в кн.: «Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г.» СПб., 1903.

[10] См. Max Böhme. Die grossen Reisen-Sammlungen d. XVI Jh-s und ihre Bedeutung. Strassburg, 1904, S. 152; G. Parks. Richard Hakluyt and the English Voyages, N. Y., 1928. Русские переводы из труда Гаклюйта появлялись много раз, начиная с 30-х годов XVIII в. (см.: П. П. Пекарский. История Академии наук, т. I. СПб., 1870, с. 585). Новое и авторитетное издание их в кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Пер. с англ. Ю. Готье. М.— Л., 1938.

[11] Джером Горсей. Записки о Московии. СПб., 1909. О Дж. Горсее см.: Я. С. Лурье. Письма Джерома Горсея.— «Уч. зап. ЛГУ», № 73, 1940, с. 189—201.

[12] «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. Со снимками с заглавной страницы английского подлинника 1605 г. и с писем Т. Смита». Пер., введение и прим. И. М. Болдакова. СПб., 1893.

[13] Большие цитаты из поэмы Уорнера см. в кн.: D. Morgan. Early voyages and travels to Russia and Persia, v. I. London, 1886, p. CXLIX—CLI. Р. Каули (R. R. Cawley. Warner and the voyages.— «Modern Philology», v. XX (Nov. 1922), p. 113 и сл.) к тексту «Albion's England» привел множество параллельных мест из «Principal Navigations» Гаклюйта (см.: Karl Heinz Ruffman. Das Russlandbild in England Shakespeares. Göttingen, 1952, S. 153—154).

[14] Перевод Б. Миротворцева мы заимствуем из кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. 2-е изд. Иркутск, 1941, с. 169.

[15] K. H. Ruffmann. Das Russlandbild in England Shakespeares. Gött., 1952, S. 154.

[16] Я пользовался редким изданием, вышедшим всего лишь в количестве 75 экземпляров не для продажи, принадлежащим ГПБ (шифр 33.LIII.6.5): «Bibliotheca Curiosa. Edward Webbe. Chief Master Gunner. His Trauailes, 1590. Ed by Edm. Goldsmid. Privately printed». Edinburgh, 1885. Существует и другое переиздание этой книги, Эдуарда Арбера, 1868 г. (A. Murray and Son's Early English Reprints). См.: Allibone. A critical Dictionary, v. III, London, 1871, p. 2622. Заглавие первых изданий: «The Rare and Most Wonderful Things which Edw. Webbe, an Englishman borne, has seene...» Биографию Уэбба см.: «Dict. of National Biography», v. XX, p. 109—110.

[17] Clare Howard. English Travellers of the Renaissance. London, 1914; Ruth Kelso. The Doctrine of the English Gentleman in the sixteenth century.— «University of Illinois Studies in Lang. and Literature», 1929, v. XIV, 1—2, p. 144.

[18] Цит. по перепечатке изд. 1591 г.: Ewald Flügel. Sir Philip Sidney's «Astrophel and Stella» und «Defence of Poesie» nach den ältesten Ausgaben. Halle, 1889, S. 3.

[19] Перевод Ю. С. Ременниковой (ум. в 1943 г.) был сделан специально для настоящей работы и публикуется впервые.

Путешествуя по Европе, общаясь с протестантами, пристально следя за дипломатией и политикой своего времени, Ф. Сидней не мог не интересоваться Московией; он, во всяком случае, был одним из первых английских поэтов, который был прекрасно посвящен в московские дела второй половины XVI в. Одним из его протестантских друзей был гугенот, бургиньонец Юбер Ланге, политический эмигрант, исколесивший всю Европу, один из первых французов, предсказавших политическое возвышение Москвы (см.: Г. Л а н г е. Мнение о России в 1588 г.— «Русская старина», 1885, т. XLVI, с. 411—416). Ю. Ланге и являлся, вероятно, одним из тех лиц, которые держали Сиднея в курсе всех «московитских новостей». О Москве Ивана Грозного, о борьбе его с татарами, о русской знати, о его завоевательной политике и русско-польских делах Ланге писал Сиднею в своих замечательных письмах, дважды изданных в XVII в. (Г. Л а н г э. Мнение о России в 1558 г.— «Русская старина», 1885, № 5, с. 411—416; «Huberti Langueti epistolae politicae et historicae ad Philippium Sydnaeum». Francof, 1630; Lugd. Batav., 1646). История дружбы Ланге с Сиднеем изложена в кн. Э. Флюгеля (S. XIII) и у Саймондса «Sir Philip Sydney». London, 1889, p. 27—29.

[20] Сокращенный перевод известия Т. Рандольфа о Московии сделан С. Середониным (см.: «Чтения в ОИДР», 1884, кн. 4, с. 91—95); биографию Рандольфа см.: Dict. of National Biography, v. XVI, p. 721—722.

[21] «Чтения в ОИДР», 1884, кн. 4, с. 91.

[22] Ю. Т о л с т о й. Указ. соч., с. 21.

[23] Там же, с. 22.

[24] A. W o o d. Athene Oxoniensis. An Exact History of all the Writers and Bishops, who have had their Education in the most Antient and Famous University of Oxford. London, 1721, v. I, p. 275.

[25] E. K o e p p e l. Die englischen Tasso — übersetzungen in 16 Jahrh.— «Anglia», Bd. XIII, 1890, S. 46. О нем см. еще: E. K ö p p e l. G. Turbervile's Verhältniss zur italienischen Literatur.— «Anglia», Bd. VIII, 1891, S. 42—71; Hyder R o l l i n s. New facts about George Turbervile.— «Modern Philology», 1918, Bd. XV, p. 513—538; John E r s k i n e. The Life and Works of G. Turbervile.— «Univ. of Kanzas Publications, Humanistic Studies», N 25, Lawrence, Kanzas 1940.

[26] Три эпистолы Тербервиля из России перепечатаны в «Principal Navigations» Гаклюйта (во всех изданиях этого труда, начиная с первого, 1589 г.); они помещены также во введении к английскому изданию записок Герберштейна: «Notes upon Russia», ed. by Mr. Major for Hakluyt Society, v. I, London, 1851, p. p. CXLIV—CLYI. Не совсем неизвестны эти эпистолы и в русской литературе; так, их упомянул, например, С. Середонин («Английские известия о России во второй половине XVI в.» — ЖМНП, 1885, № 12, с. 140—141; «Сочинение Джильса Флетчера «On the Russe Commonwealth» как исторический источник», с. 20—21), указавший, что это произведение «представляет скорее исторический курьез, чем памятник, заслуживающий разбора; но англичанам, очевидно, это произведение понравилось»; более снисходителен отзыв И. Любименко (в ее кн.: «История торговых отношений России с Англией», т. I. Юрьев, 1912, с. 67).

[27] E. K o e p p e l. G. Turbervile's Verhältniss zur italienischen Literatur, S. 60; R. P r u v o s t. The Source of G. Turbervile's Tales».— The Review of English Studies», 1934, v. X, January, p. 29—45.

[28] За то, что московская эпистола Тербервиля «To Spencer» обращена к поэту Эдмунду Спенсеру, высказывалось много соображений; см., напр.: J. E r s k i n e. The Harpalus of Spenser's Colin Clout.— «Mod. Lang. Notes», 1929, v. XLIV, N 3, p. 163—167.

[29] П. С и м о н и. Песни, записанные для Рич. Джемса в 1619—1620 гг. СПб., 1907; Б. А. Л а р и н. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, с. 311—313; В. Д а н и л о в. Сборники песен XVII столетия Ричарда Джемса и П. А. Квашнина.— ТОДРЛ, т. II. Л., 1935, с. 165—176; А. И. С т е н д е р - П е т е р с е н. Стихи московского поэта-анонима нач. XVII в., сохраненные Ричардом Джемсом.— «Scando-Slavica», t. III (Copenhagen), 1957, p. 112—136. В последней статье сделана попытка утверждать, что песни записаны «не из уст народа», а являются якобы результатом индивидуального творчества неясного неизвестного по имени русского поэта. Л. С. Шептаев в статье «Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса» (ТОДРЛ, т. XIV, М.— Л., 1958, с. 304—308), напротив, привел данные о близости текстов, записанных для Джемса, к устному народному творчеству.

[30] George C a l d e r o n. Beauties of Russian Literature.— «Anglo-Russian Literary Society Proceedings», 1905, N 13, p. 78.

[31] G. B i n z. Londoner Theater und Schauspiele.— «Anglia», 1899, Bd. XXII, S. 461.

[32] Все эти упоминания перечислены в словаре: Francis S t o k e s. A Dictionary of the Characters and Proper Names in the Works of Shakespeare. London, 1924, p. 286; в другом справочнике (Edward H. S u g d e n. Topographical Dictionary to the Works of Shakespeare and his Fellow Dramatists. Manchester, 1925) собрано много упоминаний о России, встречающихся как у Шекспира, так и у английских драматургов его времени (см.: М. П. А л е к с е е в. Шекспир и русское государство его времени.— В кн.: «Шекспир и русская культура». М.— Л., 1965, прилож., с. 784—805). Существует и более поздняя статья: Б. К н я з е в с к и й. Россия в драматургии Шекспира.— «Шекспировский сборник». М., 1967, с. 33—43, но ею следует пользоваться с крайней осторожностью из-за ошибочности многих приводимых здесь данных. Автор утверждает, например, что в «отечественном шекспироведении этот вопрос до сих пор не рассматривался» (с. 33), статьи

зарубежных исследователей по этому поводу ему известны недостаточно; статья изобилует неточностями и недоразумениями. Так «Muscovy glass» (в цитате из Бен Джонсона) надо переводить не «Зеркало Москвы» (с. 40), а «Слюда»; на с. 38 утверждается, что «Иван Грозный даже сватался к Марии Стюарт», и т. д. Многие данные заимствованы Князевским из книги: K. H. Ruffmann. Das Russlandbild in England Shakespeares. Göttingen, 1952, но без дополнительной проверки. Можно сослаться здесь также на труд: M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia (1553—1815). London, 1958, в первой главе которого (p. 1—32) имеются дополнительные сведения о литературных отношениях России и Англии в XVI в.

[33] Ср. E. Eckhardt. Die Dialekt- und Ausländertypen des älteren Englischen Dramas, в серии: «Materialien zur Kunde des älteren englischen Dramas», Bd. XXXII, t. II, S. 133—135; W. R. Morfill. Russia, London, 1890, p. 74.

[34] K. H. Ruffmann. Das Russlandbild in England Shakespeares. Göttingen, 1952, S. 159—161.

[35] J. W. Draper. Shakespeare and Muscovy.— «The Slavonic and East European Review», 1954, v. XXXYIII, N 80, December, p. 218.

[36] Н. Стороженко. Роберт Грин. Его жизнь и произведения. М., 1878, прим. 180; ср.: Л. А. Никитина. «Русские» источники и приемы их обработки в произведениях Т. Нэша.— «Археографический ежегодник за 1971 год». М., 1972, с. 148—153. Один из несомненных источников Нэша в его откликах на русскую тематику — все то же собрание рассказов английских путешественников Гаклюйта.

[37] Ф. Бэкон. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1954, с. 120, 226.

[38] Democritus Junio ⟨Robert Burton⟩. The Anatomy of Melancholy, v. I. London, 1886, p. 109.

[39] В «Анатомии меланхолии» Бертона есть еще ряд упоминаний о Московии; источниками сообщаемых им сведений, кроме книги Флетчера, являются также трактаты Гваньини, Герберштейна, П. Иовия, Поссевино и, разумеется, тот же Гаклюйт.

[40] Подробнее см.: М. П. Алексеев. Шекспир и русское государство XVI—XVII вв.— В сб.: «Шекспир и русская культура». М.— Л., 1965, с. 787—792; см. также: H. B. Charlton. The date of Love's Labour's Lost.— «Modern Language Review», v. XIII, p. 257—266, 387—400; F. Soerensen. The Masque of the Moscovites in Love's Labour's Lost.— «Modern Language Notes», 1935, v. L., December, p. 494—501.

[41] T. S. Willan. The Early History of Russian Company 1553—1603. Manchester Univ. Press., 1968, p. 220, note.

[42] С. Шевырев. Шекспир о русских.— «Москвитянин», 1842, ч. III, № 5, с. 93—96.

[43] Сб. «Шекспир и русская культура». М.— Л., 1965, с. 797—802.

[44] «Sir Thomas Smithes Voiage and Entertainment in Russia... 1605; Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России...» Пер., введение и прим. И. М. Болдакова. СПб., 1893, с. 67, 71, 72—74. Имя составителя этой книги считается нераскрытым (Edward G. Cok. A Reference Guide to the Literature of Travel.— «University of Washington Publications in Language and Literature», 1935, v. 9, p. 189—190), но Р. Бойль и И. М. Болдаков, подготовляя к изданию русский перевод этого ценного исторического источника, пришли к заключению, что «Путешествие» Смита принадлежит перу Джорджа Уилкинса, второстепенного лондонского литератора, драматурга, публициста и повествователя начала XVII в.

[45] Русский колорит «Верноподданного» давно привлек к себе внимание исследователей английского театра. Еще Мориц Рапп в очерке о Флетчере заметил, что этой его пьесе «придает совершенно самостоятельную ценность то обстоятельство, что она основана на очень живом изображении русского двора, современного автору. Создавая его, Флетчер должен был обладать довольно значительным запасом сведений о России. На это указывают содержание песен о Владимире (Wladimir-Lieder), набег татар, употребление исторического имени Burris вм. Boris. Однако его русские, пожалуй, слишком цивилизованы, так как поэт наделил их энергией и юмором английских солдат его эпохи, но, несмотря на это, локальный колорит остается поразительно правдивым» (Moritz Rapp. Studien über das englische Theater. V. Fletcher.— «Archiv für das Studium d. neueren Sprachen und Literaturen», 1956. Bd. XX, S. 17—18, и в отдельном издании этой работы: Tübingen, 1862, S. 49. В статье А. Шифнера «Zur russischen Heldensage».— «Mélanges russes» (St. Petersbourg), t. IV, 1872, S. 230, указывается, что Рапп, по свидетельству Л. Уланда, заинтересовался русской эпической поэзией и перевел полностью на немецкий язык «Древние русские стихотворения» Кирши Данилова. Перевод этот пропал при пересылке его в Лейпциг и напечатан не был; отсюда знакомство Раппа с русским былинным циклом о Владимире.

Новейшую литературу об источниках «Верноподданного» см.: В. В. Захаров. Об одном источнике трагикомедии Джона Флетчера «Верноподданный».— В кн.: «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 353—358.

[46] Наиболее полно исследована аналогия между интересующей нас трагикомедией Флетчера и пьесой Томаса Гейвуда «The Royal King and Loyal Subject», сходных по сюжетным мотивам и заглавию. Однако эту пьесу Гейвуда издавна возводят к новелле, переведенной из итальянского источника (Банделло) Пейнтером в его «Дворце наслаждения», — о персидском царе Артаксерксе и его полководце, Ариобарцане, который, несмотря на

обиды, полученные им при дворе, остается верным своему повелителю; с нашей точки зрения, кроме общей идеи вассальной верности, между произведениями Флетчера и Банделло—Пейнтера мало общего. Э. Дитрих (E. Dietrich. Th. Heywoods «The Royal King and the Loyal Subject» and J. Fletcher's «The Loyal Subject» in ihren Beziehungen zu einander und zu ihren Quellen. Diss. Königsberg in Pr., 1916) предложил догадку, что для своей пьесы Флетчер воспользовался известной историей Велизария, полководца имп. Юстиниана, о котором английский драматург мог прочесть у византийского историка V в., Прокопия Кесарийского; однако Дитрих упустил из внимания, что «Тайная история» Прокопия, где приведено много данных, укрепивших легенду о Велизарии, впервые по ватиканской рукописи была издана лишь в 1623 г., т. е. после того как «Верноподданный» Флетчера был уже представлен на сцене. Правда, аналогию к легенде о Велизарии и к «Верноподданному» можно найти еще в одной пьесе того же Флетчера «Валентиниан»; здесь выведен римский император Валентиниан III (419—455), слабый, развратный и неблагодарный, забывший услуги спасителя империи, полководца Аэция, и задушивший его собственными руками из опасения, что этот военачальник слишком популярен среди римских солдат. С другой стороны, сюжет о Велизарии был многократно обработан в западноевропейских литературах XVI—XVII вв. (см. гейдельбергскую диссертацию: N. Lebermann. Belisar in der Literatur der romanischen und germanischen Nationen. Nürnberg, 1899).

[47] На рассказы о М. В. Скопине-Шуйском как на возможный источник «Верноподданного» Флетчера мимоходом обратил внимание С. Варшер в статье «Школа Шекспира».— В кн.: «Всеобщая история литературы В. Корша и А. Кирпичникова», т. III. СПб., 1888, с. 720. Эта гипотеза представляется мне заслуживающей внимания. М. В. Скопин-Шуйский, как известно, был очень популярен среди иноземцев; его сборное войско, по современным известиям, состояло из «немецких ратных людей свитцкая земли, цесаревы области, и *аглинцов* и фрянцов, и скот ⟨шотландцев⟩, и любчан и иных земель» («Сборник кн. Хилкова». М., 1879, с. 109); он действовал совместно с иностранными войсками и был приветлив ко всем иноземцам. По преданию, сохраненному в русском «Сказании» о нем, Делагарди, увидев Скопина мертвым, горько заплакал и сказал при этом: «Москвичи! Не только на Руси, но и в землях моего государя не видать мне такого человека» («Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции» А. Попова. М., 1962, с. 384). Самым лестным образом отзывались о нем Гуссов, И. Масса, Геркман и другие писавшие о нем иностранцы (разбор иностранных известий о смерти Скопина и отзывы о нем современников см. в статье В. С. Иконникова «Кн. М. В. Скопин-Шуйский».— «Древняя и новая Россия», 1875, № 7, с. 224—226). И. Видекинд в своей «Истории десятилетней шведско-московской войны» («Historia belli sueo-moscovitici decennalis». Holmiae, 1632) посвятил ему трогательное стихотворение, в котором запечатлен образ выдающегося русского воеводы, погубленного его государем. В этом стихотворении, в частности, есть такие строки: «Князь, не варвар, хотя и рожденный в варварской стране, родственник по крови царю Василию Шуйскому, вместе с Яковом ⟨Делагарди⟩ отразил от Москвы тысячи ужасов — ты жизнь и спасение своего государя. Однако, он, неблагодарный, предал тебя за такую услугу, из лживых подозрений против тебя, дрожа за свое царство. Едва ли во всем обитаемом мире был кто-либо славнее тебя дарами духа, ума и тела. Ведь героев производит всякая страна и повсюду могильными курганами покрываются останки богатырей» (Л. В. Арсеньев. Латинское стихотворение XVII в. о кн. Скопине-Шуйском.— «Сборник Новгородского об-ва любителей древностей», в. III, 1910, с. 1—2). Многое в этой характеристике напоминает главного героя Флетчеровской драмы.

Популярность Скопина-Шуйского общеизвестна; и если нет ничего удивительного в том, что народная память сохранила его образ в эпическом предании, превратив его в одного из богатырей Владимирова стола (см.: В. Ф. Миллер. Исторические песни из Сибири.— ИОРЯС, 1904, кн. 1, с. 29—33, и его же: «Очерки русской народной словесности», т. II. М., 1910, с. 271, 283—288; см. также: В. Ф. Ржига. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском.— «Известия по русскому языку и словесности», 1928, т. I. кн. 1, с. 81—133), то замечательно все же, что для истории песенной традиции о Скопине мы имеем два ценных иностранных свидетельства: голландский поэт Геркман в своем сочинении о смутном времени указал, что во время пребывания его в Москве народ пел сложенные в честь Скопина песни; одна из них была записана и для англичанина Ричарда Джемса в 1619—1620 гг. (см.: «Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России». СПб., 1874, с. 315; П. Симони. Великорусские песни, записанные для Рич. Джемса. СПб., 1907, с. 2—3).

[48] H. E. Cory. Spenser. The School of the Fletcher's and Milton. University of California Publications in Modern Philology, 1912, p. 316—317; Grierson. The first half of the seventeenth century. London, 1906, p. 141; Karl Weitel. Ph. Fletchers «Purple Island».— «Englische Studien», Bd. 58, 1924, H. 3, S. 321—367.

[49] Рассказ Гильберта, отпущенного на родину лишь в 1618 г., напечатал продолжатель Гаклюйта Сэмюэль Пёрчас (S. Purchas. His Pilgrimes, v. III. London, 1625, p. 765—770); ср. И. Гамель. Англичане в России, стр. 246—249; он полностью перепечатан в кн.: S. E. Howe. The false Dmitri. A Russian Romance and Tragedy. London, 1916, p. 63—68.

[50] «The report of a bloudie and terrible massacre in the city of Mosco», 1606. См.: «Московская трагедия, или Рассказ о жизни и смерти Димитрия». Пер. А. Браудо и

И. Росциус. СПб., 1901. По мнению Р. Минцлова («Вильям Руссель и Каспар Энс, авторы сочинений, относящихся до смутного времени».— «Архив исторических и практический сведений, относящихся до России», 1860, кн. V, отд. III, с. 55—66), автором этого известия был Уильям Руссель, являвшийся во время царствования Бориса Годунова сначала голландским, а потом английским агентом по торговым делам в Москве (ср.: ЖМНП, 1860, № 105, отд. VII, стр. 177—178), но доказательства Минцлова недостаточно убедительны. «The Report» перепечатан полностью в указ. кн.: S. E. Howe. Op. cit., p. 27—63.

[51] Henry Brereton. News of the Present Miseries of Rushia: occasioned by the late warre in that countrey. London, 1614. (Я пользовался факсимильным воспроизведением: Berlin, 1855, хранящимся в ГПБ и в Б-ке МГУ). Критический разбор этого источника — см. в прим. к кн.: J. Massa. Histoire des guerres de la Moscovie, t. II, 1866, p. 252—256; ср.: А. Мейендорф. Англичане XVII и XVIII в. о России и русских (оттиск). Прага, 1925, с. 299. Сошлемся здесь также на автобиографическую книгу капитана Джона Смита (1579—1673), в которой этот храбрый и предприимчивый авантюрист елизаветинской поры описал свои странствования и необыкновенные приключения в Европе, Азии, Африке и Северной Америке: «The True Travels, Adventures and Observations of Captaine John Smith in Europe, Asia, Africa and America from 1593 to 1629» (London, 1630). В последние годы XVI в. он отправился во Францию и Италию, принял участие в войнах с турками, побывав в Венгрии, Трансильвании, Валахии и Молдавии. В 1602 г. он был тяжело ранен, попал в плен к туркам, продан в рабство к ногайским татарам и бежал оттуда к донским казакам. В своей книге он рассказал, с какой приветливостью и дружелюбием приняли его русские и дал ряд описаний их военного быта и нравов, заслуживающих внимания историков. Затем через Литву и Польшу он снова уехал в Венгрию, и далее, через Германию и Францию пробрался, наконец, опять на родину (в 1604 г.). Последние годы его жизни связаны с основанием одной из английских колоний в Северной Америке (Виргиния). Биография Джона Смита была кратко рассказана в анонимной статье, помещенной в журнале «Сын отечества», 1849, кн. IV, Смесь, с. 1—15, но здесь ничего не говорится о пребывании его у ногайцев и бегстве к русским; недавно об этом напомнила статья Е. М. Двойченко-Марковой «Джон Смит в России» в журнале «Новая и новейшая история» (Москва), 1976, № 3, с. 158—160.

[52] A. E. Pennington. A Sixteenth-century English slavist.— «The Modern Language Review», 1967, v. 62, N 4, p. 680. Philip Dent («Early Anglo-Russian relations».— «British Museum. Society Bulletin», 1972, N 10, p. 16—17), называя ряд документов, хранящихся в Британском музее и относящихся к ранней истории англо-русских отношений, указывает, что древнейшим из них является письмо Ивана Грозного к королеве Елизавете 1567 г., написанное на немецком языке (Cotton MS. Nero B. VIII, f. 2).

[53] Там же.

[54] Charles Sisson. Englishmen in Shakespeare's Muscovy or the victimes of Jerome Horsey.— «Mélanges en l'honneur de Jules Legres». Paris, 1939, p. 232—233. Джером Горсей, игравший видную роль в истории англо-русских отношений, в конце XVI в. провел в России около десяти лет (между 1581 и 1591 гг.). Борис Годунов писал о нем в грамоте королеве Елисавете: «Твой подданный Еремей Хорш о твоих делах великие государыни радеет и нам напоминает безотступно» («Сборник имп. Русского исторического об-ва», т. XXXVIII, СПб., 1883, с. 185). См. выше прим. 11.

[55] «Временник Московского об-ва истории и древностей российских», 1850, кн. 8, с. 18, 54.

[56] Джером Горсей. Записки о Московии, с. 52. Англичанин Роман Бекман, ездивший в Лондон из Москвы с дипломатическими поручениями от царя Федора Ивановича, в своем отчете о том, «как у него в Аглинской земле делалось» (1585), в свою очередь, рассказал, что когда он был на аудиенции у королевы Елизаветы и подал ей царское письмо, «королева у меня лишь приняла, да учала говорить: только б тот лист писан был иным языком, коим-нибудь, опричь русского, и яз бы де его сама прочла» («Сборник имп. Русского исторического об-ва», т. XXXVIII, с. 160). Видимо, королеву действительно занимало хитроумное и нарядное узорочье русского письма ее времени. Как известно, королева Елизавета своим знанием языков изумляла современников: на латинском языке она говорила так же хорошо, как и на новоевропейских — французском, испанском, итальянском, свободно поддерживала разговор с посланниками этих стран на их языках во время данных им аудиенций (см.: В. А. Соколов. Елизавета Тюдор, королева английская. Сергиев-Посад, 1892, с. 6—7).

[57] В русских документах той поры сохранился ряд бумаг об английских юношах, учившихся языку в русском государстве. Сохранились также английские документы, удостоверявшие наличие в Лондоне официальных переводчиков с русского языка; помимо обычной переводческой работы они исполняли также роль правительственных толмачей во время приездов в Англию русских посольств. Подробнее см.: М. П. Алексеев. Английский язык в России и русский язык в Англии.— «Уч. зап. ЛГУ», серия филологич. наук, 1944, в. 9, с. 79—80.

[58] О распространенности русского языка (среди прочих славянских) кое-какие данные, правда, неточные и заимствованные из вторых рук, можно найти в книге: Edw. Brerewood. Enquiries touching the diversity of Languages and Religions through the chiefe

darts of the world. London, 1614 (см. здесь ch. VIII. Of the largenesse of the Slavonish, Turquish and Arabic languages, p. 58—62). Более точные сведения о распространении русского языка и практические советы об его изучении — см. в кн.: James Howell. Instruction and Directions for Forren ⟨!⟩ Travel. London, 1650. Однако, никаких печатных руководств и пособий по изучению русского языка в Англии не существовало вплоть до появления в 1696 г. «Русской грамматики» Лудольфа. Дж. С. Г. Симмонс в своей интересной статье о славянских типографских шрифтах в Англии (J. S. G. Simmons. Ludol and the printing of his grammatica Russica at Oxford.— «Oxford Slavonic Studies», v. I, 1950, p. 104—129) указал на напечатанную в Оксфорде в 1689 г. Эдуардом Бернардом таблицу 39 алфавитов и среди них печатное воспроизведение кириллицы (p. 108). М. Андерсон (M. S. Anderson. Britain's discovery of Russia, 1553—1815. London, 1958, p. 46), со своей стороны, обратил внимание на еще более раннее воспроизведение кириллицы, а также перечня русских числительных в английском переводе «Путешествий» А. Олеария (London, 1662).

[59] Об этой и других рукописях русского происхождения см.: П. А. Сырку. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде.— ИОРЯС, 1902, кн. 4, с. 339 и сл., и в том же издании, 1907, кн. 4, с. 108.

[60] W. F. Ryan. A Russian Version of the «Secreta Secretorum» in the Bodleian Library.— «Oxford Slavonic Papers», v. XII; ср.: A. Pennington. A sixteenth-century English slavist.— «The Modern Language Review», 1967, v. 62, Nr. 4, p. 681.

[61] На эти прописи, хранящиеся в Оксфорде, более ста лет тому назад обратил внимание Ю. В. Толстой («Русские прописи 1620 года.»— «Чтения в ОРЯС», 1864, кн. 2, Смесь, с. 7—11. О той же рукописи см.: Н. С. Лесков. Прописи попа Тихона. Литературный памятник XVI ⟨!⟩ века.— «Русская мысль», 1890, № 2, с. 148—153. См. также об этой и других аналогичных рукописях, хранящихся в Англии, в очень обстоятельно документированной статье: V. M. Du Feu and J. S. G. Simmons. Early Russian Abecedaria in Oxford and London.— «Oxford Slavonic Papers», New Series, v. III, 1970, p. 121—130.

[62] W. Macray. Annals of the Bodleian Library. Oxford, 1890, p. 23, 27, 30, 31, 71, 83—86, 140, 150, 154.

[63] П. Сырку. Славянские и русские рукописи Британского музея в Лондоне.— «Сборник ОРЯС», кн. 84, СПб., 1908, с. 1—86. Помимо рукописей, в библиотеках Великобритании с давних пор хранятся старопечатные русские книги; между прочим, оказалось, что среди этих книг находится ряд изданий, неизвестных русской библиографии. Показательно, что значительная их часть представляет собою буквари и «часовники», имевшие хождение среди английских торговых гостей в качестве учебных пособий (см.: J. D. A. Barnicot and J. S. G. Simmons. Some unrecorded early-printed Slavonic books in English libraries.— «Oxford Slavonic Papers», v. II, 1951, p. 98—118). В настоящее время общее количество изданий, напечатанных кириллицей в XVI и первой половине XVII в., находящихся в библиотеках Великобритании, достигло уже нескольких десятков. Ср.: А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, хранящиеся в заграничных библиотеках и неизвестные в русской библиографии.— «Труды ГБЛ», т. II. М., 1958, с. 36—37; М. И. Слуховский. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964, с. 120.

[64] Статья «О человецех незнаемых в восточной стране и о языцех розных» (древнейший список которой относится к концу XV в.) была известна во многих списках; впервые она была опубликована Н. Фирсовым в кн.: «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве». Казань, 1866, с. 30—31, по рукописи Соловецкой библиотеки; более точное воспроизведение этой статьи, по той же Соловецкой рукописи, но с вариантами других списков, сделал Д. Н. Анучин в статье: «К истории ознакомления с Сибирью до Ермака» («Древности», т. XIV. М., 1894, с. 259); он же обратил внимание на то, что слегка сокращенный текст этой статьи в английском переводе дал Ричард Джонсон, в 1556 г. ездивший на Вайгач и Новую Землю (рассказы Джонсона напечатаны в сборнике Гаклюйта: 1598, v. I, p. 387—389; 1809, v. I, p. 375—377). Анучин предположил, что с этой русской статьей Джонсон «ознакомился непосредственно или при помощи какого-нибудь русского», и что «упомянутый им житель Холмогор Федор Товтыгин был, быть может, именно, составителем статьи «О человецех незнаемых»; с последней из этих догадок согласиться трудно, так как эта статья имелась во многих списках. См. о ней, ее позднейших переводах на другие языки в кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Изд. 2-е. Иркутск, 1941, с. 129—130.

[65] Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ив. Петлина в 1618 г.— ИОРЯС, 1913, кн. 4, с. 24—25. Отрывки из этого русского путешествия, без имени автора, в переводе, сделанном неизвестным нам англичанином, напечатаны в сборнике Пёрчаса («His Pilgrimes», 1625, v. III, p. 551—552). Высказывались предположения, что реляция Петлина привезена была в Англию Джоном Мериком, который весьма интересовался землями к востоку от России и даже просил в 1614 г. в Москве разрешения основать вольную торговлю по р. Оби с Индией и Китаем, но получил отказ (см.: «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей», с. 312—313). По сборнику Пёрчаса реляция Петлина была известна Дж. Мильтону и частично внесена им в его «Краткую историю Московии».

[66] Первое издание книги Флетчера (1591), как известно, в значительной части унич-

тожено было вскоре по выходе ее в свет по настоянию членов лондонской «Московской компании», опасавшихся недовольства русского правительства в случае, если бы книга дошла до Москвы и была здесь прочтена; ведь еще в 1848 г. первый русский перевод этого сочинения вызвал громкую цензурную историю (С. Белокуров. Дело Флетчера.— «Чтения в ОРЯС», 1910, кн. 3), в XVII в., после того как книга Флетчера была перепечатана в сборнике Гаклюйта-Пёрчаса («Navigations», изд. 1625, 1643), ее охотно переиздавали. В 1643 г. она вышла под заглавием «The History of Russia», новое издание — под тем же заглавием, но «with an engraved title page, coloured by hand», появилось в середине октября 1656 г. (см.: «Catalogue of the pamphlets, books, newspapers and manuscripts ‹...› collected by G. Thomason, 1640—1661», v. II. London, 1908, p. 163). Этих изданий, однако, не называет E. Cox («A Reference Guide to the Literature of Travels», 1935, p. 189).

[67] J. Horsey. Of Russia and other northeastern regions. London, 1626; ‹S. Collins.› The Present State of Russia, London, 1671: отметим здесь также два издания книги Олеария в английском переводе (1662, 1669). Ср. P. Peddie. Subject Index of Books, publ. before 1800. London, 1933, p. 557—558. О книге Коллинза см.: М. П. Алексеев. К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза.— «Советский фольклор», кн. 2-3. Л., 1936, с. 325—330.

[68] «A brief Historical relation of the Empire of Russia and of its original growth out of 24 great Dukedoms into one entire Empire since the year 1514. By J. F.». London. Printed by J. C. for W. Kerner, 1654.

[69] Manley ‹Sir R.› The Russian Impostor. 2 vols. London, 1674—1677.

[70] Книга Мильтона давно известна в русской литературе, хотя оценка, данная этому труду у нас в свое время, теперь устарела. См.: М. Полуденский. Русская история Мильтона.— «Русский вестник», 1860, апрель, кн. 2, с. 533—545; Ю. Толстой. Заметка по поводу статьи Полуденского.— «Чтения в ОРЯС», 1867, № 3, с. 1—24; полный ее перевод напечатан дважды Е. Карновичем («Отечественные записки», 1860, т. XXI, отд. 1, с. 1—14) и Ю. В. Толстым («Чтения в ОРЯС», 1874, т. III, с. 11—16, под заглавием: «Московия, или Известия о Московии по открытии английских путешественников, собранные из письменных свидетельств разных очевидцев, также и другие малоизвестные страны, лежащие на восток от России до самого Китая»). После перепечатки английского оригинала («A Brief History of Moscovia ‹...› to which are added other curious documents, with an introduction by prince D. S. Mirsky». London, 1929) эта книга подверглась внимательному изучению. См., например, заметку: Leslie T. Tihany. Milton's Brief History of Moscovia.— «Philological Quarterly», v. XIII, N 3, 1934, p. 305—306; Robert Cawley. Milton's Literary Craftmanship: A study of a Brief History of Moscovia with and edition of the text. Princeton Univ. Press, 1941; М. Сенци. Мильтон о России.— В сб. «Русско-европейские литературные связи». М.— Л., 1966, с. 284—292; Miklós Szenczi. Milton in Russia.— «The New Hungarian Quarterly», 1967, v. VIII, N 25, p. 171—182.

[71] А. Стерн (A. Stern. Milton und seine Zeit, Bd. V. Leipzig 1879, S. 177—179) обращает внимание на слова самого Мильтона, свидетельствовавшего, что его сочинение «написано много лет назад», во всяком случае задолго до того времени, как он стал готовить его к печати; издание этого трактата осуществилось лишь после смерти Мильтона (1674) — в 1682 г. Мне уже приходилось отмечать, что «Краткая история Московии» вероятнее всего была написана между 1649 и 1652 гг. («Сибирь в известиях английских путешественников и писателей», с. 303). Дж. Б. Паркс (G. B. Parks) придерживался сходной точки зрения, относя трактат к декабрю 1649 или к январю 1650 г., когда английский Государственный совет выразил свой протест по поводу изгнания английских купцов из России (см. J. H. Hanford. A Milton Handbook, ed. 4. N. Y., 1946, p. 130). «К какой бы дате ни относить «Краткую историю Московии», она, несомненно, была написана либо в годы английской революции, либо накануне ее», справедливо замечает М. Сенци («Мильтон о России», с. 286). См. также статью: Ю. А. Лимонов. Русские источники «Истории Московии» Дж. Мильтона.— В сб. «Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти Е. В. Тарле». Л., 1972, с. 243—247. Эта статья в расширенном виде вошла в книгу: Ю. А. Лимонов. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII веках. М., 1978 (см. здесь раздел: «Московия Джона Мильтона», с. 231—251). К сожалению, эта статья обнаруживает достаточное невнимание автора как к зарубежной, так и к русской научной литературе о Мильтоне, и пользоваться ее выводами следует с осторожностью. Так, например, датируя «Краткую историю Московии» «концом 1649 — первой половиной 1650 года», автор весьма наивно утверждает: «Обоснование этой датировки заслуживает специального исследования, ибо ни английской, ни отечественной историографии не известно, когда была написана «Московия»» (с. 235). На самом деле такая датировка была предложена и обоснована уже сто лет тому назад в VI томе классической биографии Мильтона (D. Masson, London, 1880, p. 812—813) и затем специально обсуждалась бесчисленное количество раз, вплоть до вышедшего четырьмя изданиями «Справочника о Мильтоне» Хенфорда (J. H. Hanford. A Milton handbook, ed. 4, N. Y., 1946, p. 129). Ю. А. Лимонову остались также неизвестны важные статьи об отношении Мильтона к России известного венгерского специалиста проф. Миклоша Сенци, опубликованные в Ленинграде (1966) и в Будапеште (1967). См. выше, прим. 70.

[72] D. Masson. The Life of John Milton, v. VI. Cambridge, 1880, p. 812—813.

[73] Подробности и выдержки из этой грамоты см.: D. Masson, Op. cit., v. V, p. 292—294. Подобные письма Мильтон составлял для Москвы и позднее от имени Кромвеля. Интересным подтверждением того, что «Краткая история Московии» написана в тот период, когда Мильтон являлся одним из секретарей по иностранным делам Кромвеля, может служить то обстоятельство, что в его книге приведено много данных о приемах английских посольств в Москве; он описывает прием Рич. Ченслора, а затем Дженкинсона в 1557 г., Т. Рандольфа, Дж. Бауса (1583), посольства Т. Смита, направленного королем Иаковом к царю Борису в 1604 г.

[74] На связь между «Краткой историей Московии» и «Потерянным раем» исследователи Мильтона указывали неоднократно. См.: E. Thompson. Milton's knowledge of Geography.— «Studies in Philology», 1919, v. VI, p. 148—171 (о России — см. 151—155): A. Gilbert. Geographical Dictionary of Milton. New Haven, 1919; М. Сенин. Мильтон о России, с. 290. Д. М. Лебедев (в кн.: География в России XVII в. Допетровская эпоха. М.— Л., 1949, с. 168) высказал мнение, что «показателем значительного интереса западноевропейского общества к путешествиям русских может служить также факт написания далеким от географических интересов поэтом Джоном Мильтоном специального компилятивного историко-географического трактата». На самом деле, как видно из указанных выше книг и справочников, географические интересы Мильтона были чрезвычайно велики.

[75] A. Stern. Milton und seine Zeit, VI Buch, 2 Teil. Leipzig, 1879, S. 178. См. также замечание по этому поводу Е. Замысловского («Древняя и новая Россия», 1875, № 8, с. 388—390). П. Легуи (Pierre Legouis. Andrew Marvell. Poet Puritan Patriot. Oxford, 1965, p. 131) высказал предположение, что «Краткая история Московии» была известна Марвеллу еще по рукописи, и что, с другой стороны, Марвелл, по возвращении из России, мог сообщить кое-какие данные, которые могли возбудить воображение слепого поэта и отразиться в тексте «Потерянного рая».

[76] Основным источником сведений о пребывании Марвелла в России является вышедшее анонимно французское издание кн.: «Relation de trois ambassades de monseigneur le comte de Carlisle <...> vers Alexey Michaelowitz, czar de Moscovie». Amsterdam, 1670; 2-е изд.: 1672, написанной, как мы знаем сейчас, по-французски одним из участников этого посольства — Ги Мьежем (Guy Miège). См. описание ее <М. А. Корф>. Библиографические отрывки, IV. Посольство в Россию гр. Карлейля.— «Отечественные записки», 1855, № 11, отд. II, с. 47—86. До появления оригинального французского текста вышел его английский перевод (1669) не во всем совпадающий с французским; на эти отличия, порой очень существенные, исследователи данного источника обращали малое внимание, поскольку они пользовались более доступным читателям переизданием французского текста, сделанным А. Голицыным («Nouv. édition revue et annotée par le prince Augustin Galitzin». Paris, 1857). Существует и более поздний немецкий перевод («Drey Gesandschaften an Alexium Michaelowitz, Czaaren und Groß-Fuersten in Moskau...» Francfurt und Leipzig, 1701; ср. об этом изд. реферат: A. Buchholz. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostenprovinzen Russands aus den J. 1893. Riga, 1894, S. 4—6).

Путь посольства Карлейля в Москву был долгим и нелегким; оно отличалось многочисленностью участвующих в нем лиц и невиданным прежде в подобных случаях великолепием. Свита посла состояла почти из 80 человек. Посла сопровождали его жена и старший сын. Секретарем посольства являлся Эндрю Марвелл. Корабль, на котором они ехали из Грейвсенда, прибыл в Архангельск 19 августа 1663 г., и Марвеллу была поручена первая встреча с местным воеводой. Из Архангельска посольство двинулось на Вологду 12 сентября 1663 г., но въезд в Москву состоялся лишь 6 февраля 1664 г. В Москве посольство оставалось до 24 июня 1664 г. (см.: «The Poems and Letters of Andrew Marvell», ed. by H. M. Margoliouth. Oxford, 1927, v. II, p. 335; I. Lubimenko. Les relations commerciales et politiques de l'Angletere avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris, 1933, p. 241). Посольство это было крайне неудачным, не добилось никаких результатов и в течение своего долгого пребывания в России не раз вступало с Посольским приказом в конфликты и споры. Книга Ги Мьежа позволяет установить хронологию пребывания Марвелла в различных русских городах, но о впечатлениях поэта и сатирика мы можем только догадываться. Марвелл был очень образованным человеком, много повидавшим на своем веку. Он побывал в Испании, Италии, Франции и Голландии, знал языки этих стран, писал стихи по латыни. Произведения Марвелла вроде его «Fleckno» или «Character of Holland» свидетельствуют, что он был острым наблюдателем, обладавшим темпераментом сатирика, и трезвым политиком демократического склада. Марвелл оказал существенную помощь Мильтону после реставрации и оплакал его смерть в известной элегии. Необходимо отметить, что в биографии Марвелла весь эпизод о пребывании его в России в 1663—1664 гг. доныне представляет собою почти сплошное белое пятно и нуждается в особом изучении, основанном на дальнейших разысканиях в наших и зарубежных архивах и книгохранилищах.

В переписке Марвелла встречается ряд упоминаний о Московском государстве, однако, писем поэта за 1663—1664 гг., т. е. время его путешествия, сохранилось весьма мало. Нам известно, например, письмо Марвелла (к майору Уилсону) 20 июня 1663 г., где идет речь о назначении его на пост секретаря Карлейля в Московию и о предстоящем отъезде его в далекую заморскую страну (см.: «The Poems and Letters of Andrew Marvell», v. II, p. 37), но частные письма Марвелла двух последующих лет до нас не дошли.

В английском Гос. архиве («Record office. State Papers. Foreign. Russia», Sl. 91, v. III, p. 103—107) хранятся три письма из Москвы — два к королю Карлу II (12 марта 1663—1664 гг. и 14 июня 1664 г.) и одно к Беннету («Mr. Secretary Bennet», тоже — 14 июня). Хотя все эти письма подписаны Карлейлем, но писаны они рукою Марвелла. Опубликовавшая их Керолайн Роббинс не только удостоверяет его почерк, но с полным основанием узнает в тексте этих писем признаки столь типичного для него сатирического стиля (Caroline R o b b i n s. Carlisle and Marwell in Russia, Sweden and Denmark. В изд.: «The History of Ideas Newsletter». A Quarterly Publication, 1957, v. III, N 1, p. 8-14). С тонкой иронией Марвелл от имени посла Карлейля рассказывает о делах посольства, складывавшихся довольно неблагоприятно — об официальном пышном приеме в Кремле у Алексея Михайловича 11 февраля 1664 г. и о данном царем в честь английского посольства в более интимном кругу обеде (19 февраля 1664 г.), на котором присутствовал сам поэт, как это известно из русских документов, где его именовали «посольской секлетар Андрей Марвель» (см. «Дворцовые разряды», т. III, СПб., 1852, с. 553, 571; в этом документе перечислены все присутствовавшие на обеде англичане, включая всех членов посольства и постоянно живших в Москве).

Содержание этих трех писем до их полной публикации по архивным подлинникам кратко изложено было И. Любименко («Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand». Paris, 1933, p. 241), но исследовательнице осталось неизвестно, что они писаны рукою Марвелла; с другой стороны, К. Роббинс в своей статье не упомянула хранящееся в том же архиве первое письмо Карлейля к Карлу II из Вологды 21 ноября 1633 г., которое указано И. Любименко (с. 241). Вероятно, оно также написано рукою Марвелла. Конечно, участие поэта в составлении или собственноручная переписка им всех этих писем представляют известный интерес и должны быть учтены в его биографии; но нельзя не иметь при этом в виду, что выполняя роль писца в письмах посла к королю, Марвелл принуждаем был к этому своим служебным положением и поневоле должен был скрывать свои истинные чувства и действительное отношение к постыдному с его точки зрения режиму Реставрации. Так, например, рассказывая во втором из указанных выше писем о речи Алексея Михайловича, вспоминавшего о «славном мученике» Карле I и осведомлявшегося о том, наказаны ли его убийцы, Марвелл должен был скрывать, что с некоторыми из них он связан был личными отношениями.

П. Легуи в своей несколько раз переиздававшейся монографии о Марвелле, говоря о приеме посольства у Алексея Михайловича и о длинной речи, сказанной на английском языке самим послом, догадывается, что эта речь была, вероятно, составлена Марвеллом и, несомненно, им же переведена на латинский язык (P. L e g o u i s. Andrew Marvell. Poet, Puritan, Patriot, p. 131); сохранилось также сатирическое послание Марвелла к Карлейлю, написанное латинскими стихами, в котором он жалуется на отсутствие комфорта и притеснения со стороны русского начальства, когда посольство внезапно задержано было на несколько дней в деревне, в пяти верстах от Москвы, перед въездом в столицу. Из этого сатирического послания, которое будто бы передано было даже в Посольский приказ в Москве (P. L e g o u i s. Op. cit., p. 133—134), в частности, явствует, что Марвелл не был в восторге от России и русских, хотя находил утешение в беседах со своими соотечественниками, оказавшимися в то время в Москве, в частности с лейб-медиком Алексея Михайловича, Сэмьюэлем Коллинзом или с семейством Гебдонов. Любопытно, что в числе богатых подарков, привезенных посольством Карлейля в Москву, была между прочим модель конной статуи короля Карла I, сохранившаяся доныне в Оружейной палате в Кремле (А. В е л ь т м а н, Московская оружейная палата. М., 1844, с. 136). Возможно, что Марвелл видел эту статую (копию памятника, предназначавшегося к постановке на Черинг-кроссе); любопытно, что ему приписываются антимонархические сатиры «Статуя на Черинг-Кроссе» («The Statue at Charing Cross») и «Диалог двух коней» («Dialogue between the two Horses», 1675), где кони двух статуй — Карла I и Карла II — резко осуждают пороки своих венценосных всадников (см.: A. M a r v e l l. The Poems and Letters, ed. H. M. Margoliouth, v. I, p. 310—311, 317—320).

Все приведенные выше данные заставляют предполагать участие Марвелла в составлении Ги Мьежем реляции о трех посольствах Карлейля. В более поздней сатире Марвелла «Репетиция в прозе» («The Rehearsal Transpros'd», 1672—1673), которая является одной из важнейших прозаических сатир этой поры, упоминается о русско-польских военных конфликтах и анекдот об Иване Грозном (ed. 1776, v. II, p. 280, 505), может быть, сообщенный ему С. Коллинзом. Через несколько лет после возвращения из путешествия по России и Скандинавии вместе с посольством Марвелл поддерживал близкие связи со своими друзьями Ричардом Томпсоном, Эд. Нельторпом и Дж. Феррингоном, в 1670 г. образовавшими компанию по финансированию торговли с Россией вином и шелковыми тканями, которая вскоре обанкротилась (Fred S. T u p p e r. Mary Palmer, alias Mrs. Andrew Marvell. PMLA, 1938, v. LIII, N 2, p. 368).

[77] Alfred H a r b a g e. Cavalier Drama. N. Y., 1936, p. 183. Эта пьеса Каули являлась переделкой более ранней его комедии (называвшейся «The Guardian»), написанной еще до Реставрации; в ней осмеяны фантастические слухи, циркулировавшие среди роялистов в период Протектората; одно из действующих лиц пьесы в качестве «верного известия» сообщает, что «Московский царь обещал дать взаймы десять тысяч медведей, чтобы наводнить ими Англию». «*Куттер* на старом языке значит *чванливый хвастун* (a swaggerer)»,— сообщал один из современников Каули («The Life and Times of that Excellent and Renowned Actor Thomas Betterton», London, 1888, p. 55—56).

[78] Käthe Pfitzner. Die Ausländertypen im englischen Drama d. Restaurationszeit. Diss. Breslau, 1931, s. 31.

[79] Samuel Butler. Hudibras. With variorum notes, selected principally from Grey and Nash. London, 1859, p. 52.

[80] По разысканиям В. Подолянина («Українець за кордоном і Мандрівка в минуле». Киев, 1912, с. 6—12) об украинских казаках и польско-украинских войнах много известий помещалось в таких английских газетах XVII в., как «Moderate Intelligencer», «Perfect Diurnal», «Mercurius Politicae» и др. Это не должно показаться удивительным, если мы будем иметь в виду, что восстание украинского казачества против Польши вызывало несомненный интерес в Англии Кромвеля, помышлявшего о соединении европейских сил против католических стран. Долгое время считавшееся подложным письмо Кромвеля к «вождю всех запорожских казаков» Богдану Хмельницкому ныне признается подлинным (см.: Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 259).

[81] С. Вавилов. Исаак Ньютон. М.— Л., 1943, с. 99, 207; М. Малин. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской академии наук).— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 3, с. 98—107; М. И. Радовский. Из истории англо-русских научных связей. М.— Л., 1961, с. 5—37.

[82] М. П. Алексеев. Один из русских корреспондентов Н. Витсена.— Сб. «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, с. 51—60.

[83] История упоминаний Новой Земли в английской литературе может служить любопытным примером усвоения здесь русского географического названия. Впервые название Новая Земля английский путешественник Ст. Борро услышал из уст русского кормщика в 1556 г., совершая плавание по Белому морю. Таким образом «Борро был первым из западноевропейских мореплавателей, увидевших берега этой реки» (А. С. Берг. Очерки из истории русских географических открытий. М.— Л., 1946, с. 77), а рассказ Борро об этом путешествии, напечатанный Гаклюйтом (см. выше; русск. текст в кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Пер. Ю. В. Готье. Л., 1938, с. 107—111), ввел это русское название, слегка искаженное (Nova Zembla) в литературный оборот. Мы уже упоминали пьесу Даубриджа (Dowbridge) «Ганс — Пивная Кружка» («Hans Beer-Pot»), в которой говорится об

those great bears in Nova Zembla found
Whose smelling sense was better than their sight.

этих больших медведях на Новой земле,
чей нюх был более острым, чем их зрение.

Эта цитата указана в кн.: E. Eckhardt. Die Dialect- und Ausländer- typen der älteren Englischen Dramas, S. 133—135 (Materialien zur Kunde der älteren Englischen Dramas, Bd. XXXII, Th. II). В 1711 г. написана аллегорическая поэма А. Попа «Храм славы» («The Temple of Fame»); хотя идея этой поэмы заимствована у Чосера («The House of Fame») и из «Trionfi» Петрарки, но в начале поэмы, уподобляя бессмертие никогда не тающим льдам Крайнего Севера, Поп описывает ледяную «Скалу на Новой Земле, прекрасное творение мороза»:

53. So Zembla's rocks (the beauteous work of frost),
Rise white in air ...

Любопытно, что первым русским переводчикам «Храма славы», по-видимому, это упоминание было малопонятным. В стихотворном переводе М. М. Хераскова с французского (М., 1761, с. 4—5) о «Новой Земле» не говорится вовсе. В более позднем прозаическом русском переводе («Храм славы из творений славного Попе перевел Павел Львов». В Петрополе, 1790, с. 3—4) читаем: «Таковы суть горы новыя земли леиообразные произведения мразов, белеющиеся на высоте тверди и блестящие со всех сторон». Одновременно с упоминанием Попа о Новой Земле как о месте действия идет речь также в статье Стиля и Аддисона — «Рассказы путешественников», где, в частности, именно к «Новой Земле» приурочен рассказ о замерзающих словах («Избранные листки из английского *Зрителя* и некоторых других периодических изданий того же рода (с английского)», кн. IV. М., 1833, с. 72—73); этот анекдотический рассказ в Англии был давно известен (без отнесения к Новой Земле) по «Придворному» Б. Кастильоне в англ. переводе Th. Hoby («The Courtier», 1588) и из Рабле, но «Зритель» ссылается на того же «Гудибраса» Батлера, где говорится об отвлеченных словах, облекаемых в видимую форму,—

Like words congeal'd in northern air...

Подобно словам, замерзающим в северном воздухе.

«Новую Землю» как синоним холодного края, «где человеческие страсти и все, что с ними связано, заморожены» упоминает также Лоренс Стерн в «Тристраме Шенди» (ч. III, гл. XX).

[84] Б. А. Ларин. Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Переизд. пер., вступ. статья и прим. Л., 1937; «Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii, A. D. MDCXCVI, ed. by B. O. Unbegaun. Oxford, 1959; Joachim Tetzner. H. W. Lu-

dolf und Russland. Berlin, 1955. В России грамматика Лудольфа известна с давних пор. Ларин в своем издании (с. 18—19) приводит ряд русских отзывов об этом труде, начиная со статьи М. Т. Каченовского («О первой русской грамматике» в «Вестнике Европы», 1807), справедливо кажущейся ему примером «непроницательности и националистического высокомерия» отечественной научной критики; ему остался неизвестным другой, более поздний отзыв в статье, помещенной в «С.-Петербургском вестнике», 1812 (ч. 1, с. 339—340), где рассмотрены «русские грамматики, изданные в пользу иностранцев». «Грамматика сия поверхностна, недостаточна и наполнена ошибками,— говорится здесь о труде Лудольфа;— но она была первая русская грамматика, сочиненная иностранцем, написана в семнадцатом веке и напечатана в Англии,— довольно причин защищать и уважать ее!»

[85] А. Белецкий. Стихотворения С. Полоцкого на темы всеобщей истории.— «Сб. Харьковского историко-филологического об-ва», т. XXI, 1914, с. 587—588.

[86] В. Д. Аракин. Иностранные языки в русском государстве в XVI—XVII вв.— «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», ч. LXXX, в 3, 1958, с. 241—273; собранные здесь данные легко могут быть пополнены.

[87] Англо-русские и голландско-русские языковые данные этой рукописи опубликованы в кн.: М. П. Алексеев. Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968; ср. также: Н. М. Исполатов. Первые англо-русские словари в России.— «Вестник ЛГУ», серия: история — язык — литература, 1971, в. 4, с. 131—132.

[88] См. М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв.— «Уч. зап. ЛГУ», серия исторических наук, в. 15, 1946, с. 47—109 (глава: «Британские острова по описаниям русских книжников XVI—XVII вв.»). С 20-х годов XVI в. в числе дополнительных материалов к сводам русских летописей, а также в сборниках, встречается небольшая статья «Европейской страны короли» — перечень европейских монархов, проливающая свет на то представление о политической карте Западной Европы, какое имелось в это время в Московской Руси. По правдоподобному предположению Н. А. Казаковой, опубликовавшей эту статью по всем существующим спискам, статья восходит к иностранному источнику, скорее всего к итальянскому. На такую догадку наводят, в частности, некоторые написания рукописи, например, «король *неглитерьский*» (ср. ниже: «король съкотский»), близкое к итальянскому названию Англии — Inghilterra, или к французскому — Angleterre (Н. А. Казакова. Европейской страны короли.— Сб. «Исследования по отечественному источниковедению». М.— Л., 1964, с. 418—419.

[89] Так, М. Андерсон, говоря о XVII в., утверждает, что «в этот период английские книги на русский язык не переводились и образованные русские проявляли малый интерес к английской истории и культуре» (M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia, 1553—1815. London, 1958, p. 47).

[90] А. И. Соболевский. Переводная литература в Московском государстве. СПб., 1903, с. 46—48. Впрочем, этот пример не является типичным, поскольку речь идет о переводе специального математического руководства, тем более, что и личность переводчика («Ивашко князь Елизарьев сын Альбертус Долмацкий») доныне остается довольно загадочной. М. Вольтнер высказала предположение, что переводчиком являлся приехавший на Русь «Греченин, князь Иван Альберт» (Margaret Woltner. Wer ist der Übersetzer der ersten theoretischen Geometrie in Russland.— Сб.: «Orbis Scriptus Dm. Tchiževskij zum 70 Geburtstag». München, 1966, S. 947—951). Английский оригинал «землемерной книги», переведенной на русский язык в 1625 г., указан в статье: W. F. Ryan. Rathhorne's Surveyor (1616, 1625). The first Russian translation from English? — «Oxford Slavonic Papers», v. XI, 1964, p. 1—7.

[91] А. И. Соболевский. Переводная литература, с. 66 и сл.; Д. М. Лебедев. География в России XVII века. (Допетровская эпоха). М.— Л., 1949, с. 203—216; В. К. Яцунский. Историческая география. М.— Л., 1964, с. 131—132.

[92] А. И. Соболевский. Переводная литература, с. 60; М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв., с. 67—68.

[93] Л. А. Никитина. Англо-русские отношения в свете хроники В. Кемдена.— В кн.: «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященных Л. В. Черепнину». М., 1972, с. 312—314.

[94] «Космография 1670 г.» Изд. Об-ва любителей древней письменности (в. XXI, LVII — LVIII. СПб., 1878—1881). Об этой книге, называемой также «76-главой космографией» («Книга, глаголемая Козмография сиречь описание всего света земель и государств великих. Написана бысть сия книга ⟨...⟩ в лето 1670 4 генваря в городе Холмогорах»), исследовательская литература невелика; ни время перевода ее, ни источники нельзя считать точно установленными. Основными источниками этой компиляции считаются Г. Меркатор (откуда заимствовано 69 глав) и хроника Мартина Бельского, но в списке «Космографии» 1670 г., как замечает Д. М. Лебедев, «далеко не все — компиляция. Часть его — оригинальное произведение русской географической мысли конца XVI или начала XVII столетия» (Д. М. Лебедев. География в России XVII века, с. 215). Н. В. Чарыков во введении к изданию этой «Космографии» также назвал ее «попыткой русского писателя XVII века соединить в одном сжатом и полном тексте все лучшие и интереснейшие географические сведения, содержащиеся в тех византийских, русских, латинских и непосредственно западных источниках, которые были в его время наиболее распростра-

нены в России и из которых русские читатели допетровской эпохи черпали познания о космографических и географических вопросах. Попытка эта вполне удалась» (с. 80).

[95] М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI — XVII вв., с. 75—79.

[96] В ряде списков, в отдельных сборниках или в соединении с переводами из Меркатора и Ортелиуса, сохранилось «Описание расстояния столиц и нарочитых градов славных государств и земель ⟨...⟩ от града Москвы», составленное в 1667 г. по иностранным источникам А. А. Виниусом, бывшим в то время переводчиком Посольского приказа. В этом справочнике, наряду с такими западноевропейскими городами, как «Амстрадам» «Аптверия», «Амбурок» (Гамбург), «Вена», «Виницея» и т. д., названы также «Эдинбур» (в списках — «Эндебурх», «Единбурх» или даже «Един Бор»), «столица великого и славного Шкотского королевства» — от Москвы «через Ригу, а оттуда ж морем 2700 верст», и «Лондон — столица Аглинского королевства, расстояние от Москвы через Ригу 2800, а на Архангельской город — 3800 верст» (В. А. Петров. Географические справочники XVII века.— «Исторический архив». т. V. М.— Л., 1950, с. 152, 155).

[97] «Путешествия русских послов XVI — XVII вв. Статейные списки». М.— Л., 1954, с. 100—155. См. также сб.: «Шекспир и русская культура», с. 790—792.

[98] «Путешествия русских послов XVI — XVII вв.», с. 156—205.

[99] «Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России», с. 24—25; М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв., с. 46—47.

[100] I. L. Hotson. The First Night of Twelfth Night. London, Mercury Books, 1961, p. 227; ср. сб.: «Шекспир и русская культура», с. 794—795.

[101] З. И. Рогинский. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. (Из истории англо-русских отношений в период английской революции XVII века). Ярославль, 1959; М. А. Алпатов. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. (в кн.: «История и историки. Историография всеобщей истории». Сб. статей. М., 1966), отд. 3: «Г. С. Дохтуров об английской революции», с. 102—106.

[102] З. И. Рогинский. Лондон 1645—1646 годов. Новые источники о поездке гонца Г. С. Дохтурова в Англию, Ярославль, 1960, с. 6.

[103] Там же, с. 10.

[104] Там же, с. 6. Все дальнейшие цитаты из «Росписи городу Лундану» приводятся по этому изданию: с. 10—15.

[105] И. В. Галактионов. Ранняя переписка А. Л. Ордина-Нащокина 1623—1643. Саратов, 1968, с. 50. В этом письме (написанном после 13 марта 1643 г.) со слов Мелентия Даскала («который из Царягорода приехал с собору от патриарха») говорится «што де аглинской король и с ним двенадцать тысяч крестились в православную веру. И в земле де его ныне междуусобие, которые люди еще в прелести своей и с православными хотят битца». Публикатор поясняет: «А. Нащокин передает искаженный слух о гражданской войне в Англии, хотя противоречия между королем и парламентом в религиозной сфере олицетворялись борьбой английской церкви с пуританами» (с. 90). Это одно из наиболее ранних русских известий об английском «междуусобии» 40-х годов XVII в. В 1646 г. челобитная московских торговых людей, упоминая английских купцов «Московской компании», дает совершенно точную дату начала этих «междуусобий» (1642): «Англичане торговые люди все Карлусу королю не подручны, от него отложились и бьются с ним четвертый год» («Акты Археографической экспедиции», т. IV, № 13; С. Соловьев. История России, т. X. Изд-во «Общественная польза», ⟨б.г.⟩, с. 130).

[106] М. А. Алпатов. Что знал посольский приказ о Западной Европе, с. 102.

[107] I. Lubimenko. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie. Paris, 1933, p. 208—210; И. И. Любименко. Англия и Россия в XVII в.— В кн.: Английская буржуазная революция XVII века, т. II. М., 1954, с. 103.

[108] «Чтения в ОИДР», 1889, кн. 1, с. 446; ср. с. 209.

[109] С. В. Бахрушин. Московский мятеж 1648 г.— «Сборник статей в честь М. К. Любавского». Пг., 1915, с. 709, 715—716, 729; П. П. Смирнов. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве в 1648 г.— «Труды Средне-азиатского гос. ун-та», т. III, в. II. Ташкент, 1929, с. 4—7.

[110] Об оппозиционных настроениях в Москве и после ликвидации восстания — см.: П. П. Смирнов. О начале Уложения и Земского собора.— ЖМНП, 1913, № 9, с. 34—35.

[111] Полный текст этого указа «О высылке английских купцов из России и о приезде их токмо к Архангельску...» был напечатан много раз и хорошо известен историкам. См., например: «Собрание государственных грамот и договоров», ч. III. М., 1822, с. 162—164; Е. Карнович. Собрание узаконений Московского государства, т. I. СПб., 1874, с. 163—165, и др.

[112] В. Ундольский. Оглавление книг, кто их сложил. М., 1840, с. 46. О дате составления «Оглавления» см.: А. Прозоровский. Сильвестр Медведев. М., 1896, с. 393—475.

[113] А. Е. Викторов. Опись рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 45—46. Отрывки из «Сказания» по данной рукописи впервые были опубликованы в статье М. П. Алексеев. Англия и англичане в памятниках москов-

ской письменности XVI — XVII вв. (гл. III: «Отзвуки английской революции в московской письменности XVII в.»), с. 99—102.

[114] В. Верюжский. Афанасий, епископ холмогорский. Его жизнь и труды. СПб., 1906, с. 600; И. П. Шасколький. Описание трех путей Афанасия Холмогорского.— ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, с. 457—460; о дружеских отношениях А. А. Матвеева и Афанасия см.: М. П. Алексеев. Англия и англичане..., с. 96.

[115] Об А. А. Матвееве см.: А. Терещенко. Опыт обозрения сановников, управлявших иностранными делами в России, ч. 1. СПб., 1837, с. 71—121, 237—252; Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. III. М., 1836, с. 287—290. Стоит отметить, что матерью А. А. Матвеева была Евдокия Григорьевна Гамильтон, дочь шотландца, переселившегося в Россию в начале XVII в., но она рано умерла.

[116] «Опись библиотеки гр. А. А. Матвеева и гр. Матвеевой». — «Летописи русской литературы и древностей», изд. Н. С. Тихонравова, т. V. М., 1863, отд. III, с. 57—59; расшифровки ряда указаний этой описи сделаны мною в указанной выше статье («Англия и англичане...», с. 97—98). О судьбе этой библиотеки, из которой сохранилась лишь одна книга, купленная А. А. Матвеевым в Париже в 1706 г. см.: «Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева». Публ. И. С. Широковой. Л., 1972, с. 5, 30.

[117] Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений 〈...〉 о жизни и деяниях 〈...〉 Петра Великого, ч. 1. СПб., 1787, с. 227; И. Сахаров. Записки русских людей. СПб., 1841, с. 66; ср.: П. Пекарский. Русские мемуары XVIII века.— «Современник», 1855, т. II, с. 38—56.

[118] G. Davies. Bibliography of British History. Stuart Period. Oxford, 1928, p. 80—81.

[119] М. П. Алексеев. Англия и англичане..., с. 70.

[120] З. И. Рогинский. Из истории англо-русских отношений в период протектората Кромвеля.— «Новая и новейшая история», 1958, № 5, с. 73; А. С. Кан (в статье «Сведения русских об английской революции».— «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, т. VI, № 5, 1949, с. 464—465) указал еще на одно известие, сохранившееся в Посольском приказе об английской революции, сообщенное царю незадолго до прибытия первого посланника от Кромвеля.

[121] Первым в русской печати, сколько нам известно, упомянул эту «Декларацию» специалист по истории международного права М. Н. Капустин в своей книге: «Дипломатические отношения России с Западною Европою во второй половине XVII века». М., 1852, с. 42—43. «Царь Алексей Михайлович,— пишет Капустин,— вступился за Карла II, сына умерщвленного короля английского, и послал протест о том к европейским дворам, представляя, что в лице Карла I нанесена обида всем государям. Царь называет Карла славным мучеником («glorieux martyr») и спрашивает о здоровье вдовы его у английского посланника». Следует ссылка на реляции Карлейля, т. е. на известную книгу Ги Мьежа (см. выше, прим. 76): «В этом источнике действительно говорится о вопросе царя Алексея английскому послу в Москве Карлейлю относительно вдовы казненного короля, но ничего не сказано о гораздо более раннем протесте его к европейским дворам (см.: «Relation de trois ambassades de 〈...〉 Carlisle». Amsterdam, 1672, p. 82). Напомним со своей стороны, что и наименование Карла I в речи Алексея Михайловича «славным мучеником» и заботливые слова о вдове короля в редакции, близкой тексту Мьежа, как мы уже указывали, были сообщены в письме Карлу II от имени Карлейля Марвеллом еще в 1664 г.

[122] З. И. Рогинский. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I».— «Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского», в. XXII (XXXII). Всеобщая история, 1957, с. 287—308; Б. Ф. Поршнев. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII века. М., 1970, с. 257.

[123] З. И. Рогинский. Так называемый «Протест царя Алексея...», с. 295.

Английский текст этого документа, воспроизведенный полностью Рогинским по тому же экземпляру Британского музея, напечатан также в приложении к переизданию трактата Мильтона: «A Brief History of Moscovia». London, 1929.

[124] Отрывок из этого сочинения опубликован в статье: М. П. Алексеев. Англия и англичане..., с. 106—108. А. И. Соболевский («Переводная литература», с. 98) предполагал, что это сочинение тождественно с указанным у нас выше сочинением «о казни короля Стюверта», текст которого оставался ему неизвестным, однако эта догадка оказалась ошибочной. Рукопись «О Каролусе Первом» — особое сочинение, переведенное на русский язык; единственный дошедший до нас список этого перевода сделан в конце XVII или начале XVIII в.

[125] J. P. Collier. The History of English Dramatic Poetry and Annals of the Stage, v. I. London, 1831, p. 409.

[126] Во французском издании описания поездки посольства Карлейля (Ги Мьежа) об этом спектакле в каменном доме на Покровке сказано: «однажды в этом доме представлена была комедия, развлекавшая нас в течение нескольких часов» («La relation de trois ambassades de msg. le comte de Carlisle, ed. par Aug. Galitzin». Paris, 1857, p. 76); в английском издании этой книги, имеющем отличия от французского текста (см. об этом у нас выше, прим. 76), это место имеет следующий вид: «Наш капельмейстер сочинил прекрасную комедию в прозе, и она была играна в нашем доме: («Our Musique - master composed a handsome comedie in prose, which was acted in our house» (ср.: P. Legouis, Andrew Marvell, Oxford, 1965, p. 133).

[127] А. Л а д ы ж е н с к и й. Посольство в Англии кн. Прозоровского, дворянина Желябужского и дьяка Давыдова в 1662 г. СПб., 1880.

[128] В Москву вместе с посольством Карлейля Гебдон явился «хотя еще с титулом русского резидента, но уже скорее в качестве представителя английских интересов», замечает его биограф (И. Я. Г у р л я н д. Иван Гебдон, комиссариус и резидент. Ярославль, 1903, с. 43); к этому времени он уже был обласкан Карлом II, получил от него различные титулы и был своим лицом при английском дворе, являясь здесь, несомненно, источником информации различного рода о русском государстве. Интересно в связи с этим упоминание его в известном дневнике Сэмюэля Пипса 6 июня 1663 г. («The Diary of Samuel Pepys, from 1659 to 1669». London, 1891, p. 159). В этом же источнике много любопытных, хотя и анекдотических рассказов о русском царе, его послах, обычаях москвитян и т. д., собранных Пипсом в Англии устным путем (p. 115, 128, 130, 134, 136, 438).

[129] И. Я. Г у р л я н д. Иван Гебдон..., с. 26—27; ср.: И. Ш л я п к и н. К истории русского театра при Алексее Михайловиче.— ЖМНП, 1903, № 3, с. 210—211.

[130] E. Haumant («La culture française en Russie». Paris, 1910, p. 7), основываясь на свидетельствах очевидцев, Сенто и Катё, очень осторожно говорит об удовлетворении Потемкина от представления «Амфитриона» Мольера и комедии Буаробера «Причуды судьбы и случая», на представлениях которых он присутствовал (см.: Le s-r de C a t h e u x. Journal.— В изд.: «Bibliothèque russe et polonaise, nouv. serie», III. Paris, 1860, p. 20—21). Следует поэтому признать, что вывод комментатора его статейного списка, писавшего, что Потемкин будто бы «остался чрезвычайно доволен и благодарил актеров и автора» («Путешествия русских послов XVI — XVII вв.». М.— Л., 1954, с. 437) сильно преувеличен. Ср.: В. А. Ф и л и п п о в. Мольер в России в XVIII веке.— В кн.: «Беседы. Сборник Об-ва истории литературы в Москве». М., 1914, с. 113.

[131] M. S. A n d e r s o n. Britain's Discovery of Russia, 1553—1815. London, 1958, p. 48 (со ссылкой на «Calendar of State Papers, Domestic», 1682, p. 24). Это краткое известие, по нашему мнению, не дает оснований для слишком поспешного вывода, который сделала из него С. А. Фейгина: «Стольник П. И. Потемкин, ездивший в 1681—82 гг. послом в Англию, проявил интерес к Шекспиру и английскому театру» (Сб. «Полтавская победа». М., 1959, с. 168).

[132] «Tagebuch des Generals Patrick Gordon. Zum ersten Male vollständig veröffentlicht durch M. C. Posselt», Bd. I. Moskau, 1852, s. 136. «Дневник» Гордона издан далеко не удовлетворительно; он известен лишь в немецком переводе Поссельта с английской рукописи, хранящейся ныне в Москве. Поссельт нашел нужным в своем переводе многое опустить совсем, иное пересказать собственными словами (пропуски, сделанные переводчиком, местами составляют 30 страниц) и даже почему-то заставил Гордона говорить о себе в третьем лице; последующие русские переводы сделаны были не по английскому оригиналу, а по немецкому переводу Поссельта; несколько раз проектировавшееся издание подлинной английской рукописи так и не было осуществлено. Лишь избранные страницы дневника (среди них, в частности, о пребывании в Англии в 1686 г.), были изданы отдельной книгой: «Passages from the Diary of General Patrick Gordon» (The Spalding Club, Aberdeen, 1859), p. 109— 157; ср.: А. Б р и к н е р. Патрик Гордон и его дневник. СПб., 1878.

[133] P. Gordon. Tagebuch, Bd. II, S. 136.

[134] А. Б р и к н е р. Патрик Гордон и его дневник, с. 145.

[135] См. об этой пьесе статью: E. D ö h l e r. Der Angriff George Villiers auf die heroische Dramen und Dichters Englands im 17 Jahrh.— «Anglia», Bd. X, 1888, S. 38—75.

[136] P. G o r d o n. Tagebuch, Bd. III, S. 297.

[137] М а к о л е й. Полн. собр. соч., т. XIII, СПб., 1865, с. 65—66.

[138] Н. Г. У с т р я л о в. История царствования Петра Великого, т. III. СПб., 1858, прилож., с. 602—606.

[139] Н. Н. Фирсов («Английские сведения о пребывании Петра Вел. в Лондоне».— «Древняя и новая Россия», 1877, № 9, с. 75—77) приводит извлечения из книг: John T i m b s. London and Westminster, и «Clubs and Club Life in London», где есть данные о царе Петре, а также из английских газет и журналов 1698; см. также: «Петр Великий в Англии».— «Московские ведомости», 1860, № 20 (из журнала Ч. Диккенса «Household Words»); С. Н. Ш у б и н с к и й. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1891 (очерк «Петр Великий в Дептфорде»). Новейшую сводку данных см. в статье М. М. Богословского «Петр Великий в Англии в 1698 г.» (сб. «Памяти А. Н. Савина». М., 1926, с. 393—434), а также в его книге «Петр I», т. II (М., 1941, с. 300—302); см. также: А. И. А н д р е е в. Петр I в Англии в 1698.— Сб. «Петр Великий». М.— Л., 1947.

[140] «Чтения в ОИДР», 1871, кн. II, отд IV, с. 107. У Штелина (Jakob von S t ä h l i n. Original-Anekdoten vom Peter dem Grossen. Leipzig, 1785, S. 186) есть рассказ о том, как на вопрос английского короля, что ему больше всего понравилось в Лондоне, Петр будто бы ответил: «в особенности то, что богатые люди ходят здесь в простых чистых платьях». Поссельт подтверждает правдоподобность этих слов ссылкой на мнение Лефорта (P o s s e l t. Der General und Admiral Franz Lefort, Bd. II. Frankf. a. M., 1886, S. 480).

[141] Charles Richard Weld («History of Royal Society», v. I, London, 1848, p. 256—257) дает сведения о посещении Петром Гринвичской обсерватории на основании «Historia Celestis» Флемстида; однако приводимые им даты не совпадают с теми, какие мы находим в «Юрнале».

[142] John Cunningham. The Quakers from their origin till the present time. Edinburgh, 1868, p. 155—156.

[143] Н. Н. Фирсов. Английские сведения..., с. 75.

[144] М. М. Богословский. Петр Великий в Англии в 1698 г., с. 432.

[145] John Mottley. The History of the Life of Peter I, Emperor of Russia, v. I, 2 ed. London, 1740, p. 78.

[146] С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, с. 105.

[147] «The Life and Times of Excellent and Renowned Actor Thomas Betterton». London, 1888, p. 109—111.

[148] J. W. Crutch. Comedy and Conscience after the Restoration. Columbia Univ. Press, N. Y. 1924; А. А. Чебышев. Английская комедия конца XVII и первой половины XVIII вв.— ЖМНП, 1897, № 4 и 5.

[149] Johannes Balleln. Jeremy Colliers Angriff auf die englische Bühne. Marburg, 1910, S. 47—61.

[150] Более подробно нижеследующие страницы изложены в статье: М. П. Алексеев. О связи русского театра с английским в конце XVII — нач. XVIII в.— «Уч. зап. ЛГУ», серия гуманитарных наук, № 87. Саратов, 1943, с. 123—140.

[151] См. о них: E. N. S. Thompson. The controversy between the puritans and the stage (Yale Studies in English, v. XX) N. Y., 1903.

[152] J. Beljame. Le public et les hommes de lettres en Angleterre au XVIII s. (1660—1714). Paris, 1881, p. 214. (Ср. русский пересказ А. Плещеева.— «Северный вестник», 1886, № 9, с. 169); Sister Rose Anthony. The Jeremy Collier stage Controversy, 1698—1726. Milwaukee, Marquette University Press, 1937. Стоит отметить, что Дж. Кольер (1650—1726) был одним из тех трех английских церковных деятелей (вместе с Арчибальдом Кемпбелом и Патриком Кокбёрном), которые обращались в 1717 г. к Петру I с предложением объединить английскую епископальную и православную церкви (см.: «Dict. of Nat. Biography», v. IV, p. 801; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. I. М., 1834, с. 132; «Христианское чтение», 1864, № 9, с. 259—279; «Чтения в ОИДР», 1883, кн. 3-4, с. XIX—XX). Мы не знаем, видел ли Кольер Петра I в Лондоне в 1698 г., но очевидно, что его интерес к русскому государству не был случайным.

[153] Эта комедия, впервые шедшая в Дрюрилейском театре в Лондоне в декабре 1696 г., пользовалась немалым успехом еще и в следующем столетии, в переделке Шеридана (под загл. «Trip to Scarborough»); Вольтер перевел ее на французский язык, озаглавив: «Comte de Boursoufle».

[154] Эта редкая брошюра перепечатана полностью в приложении к изданному В. Вардом собранию сочинений Ванбру (Vanbrugh. Works, v. II. London, 1893, p. 377—410); см. о ней также у J. Balleln, S. 125—128.

[155] Edmund Gosse. Life of William Congreve. London, 1887, p. 118.

[156] См. об этом термине и его истории: J. C. Wright. The Poet-Laureate from the earliest times to the present. London, 1896, p. 17.

[157] Max Dametz. John Vanbrughs Leben und Werke. Wien und Leipzig, 1898 (Wiener Beiträge zur engl. Philologie, VII), S. 17.

[158] Max Dametz. Op. cit., S. 61; ср.: John Evelyn. Diary (Memoirs of J. Evelyn, v. III. London, 1827, p. 342).

[159] Max Dametz. Op. cit., S. 60—83; «Vanbrugh als Architect».

[160] М. М. Богословский. Петр Великий в Англии, с. 426—427; Н. Г. Устрялов («История царствования Петра Великого», т. III, с. 101, 581) дает наиболее полный список приглашенных. Среди них были: Джон Перри, Джон Ден, Осип Най, Гай Шейльдрофс — инженеры и строители, но также и представители умственного труда, например Эндрю Фарварсон (Farwahrson или Farquarson),— профессор Эбердинского университета, с помощью которого, по словам официального документа «первое обучение математике в России введено». Про него Вебер говорит, что он вскоре же в совершенстве усвоил русскую речь (см. П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом. т. I. М., 1863, с. 122—123); вместе с ним приехали также два других англичанина, читавшие лекции в Московской «навигацкой школе» — Стивен Гуинн (Stephen Guynn) и Ричард Грайс (Richard Gries); см. о них у Перри («Чтения в ОИДР», 1871, ч. II, с. 137—138) и M. Posselt. Der General und Admiral Franz Lefort. Frankf. a. M., 1866, S. 480.

[161] В. Н. Всеволодский-Гернгросс. Русский театр от истоков до середины XVIII в. М., 1957; О. А. Державина, А. С. Демин, А. Н. Робинсон. Появление театра и драматургии в России XVII в.— В кн.: «Первые пьесы русского театра». М., 1972, и др. Немецкое посредство при переходе в Россию в конце XVII в. английских драматических сюжетов отмечалось исследователями с давних пор. Русские «Комедия о Юлии Кесаре», например, считалась восходящей, в конечном счете, к пьесе Шекспира; более поздняя русская «Гистория о некоем шляхетском сыне» оказалась близкой к немецкой пьесе «Наказанное братоубийство», из репертуара «странствующих комедиантов», имеющей отношение к «Гамлету» Шекспира (см.: Г. Моисеева. Русские повести первой трети XVIII в. М.— Л., 1965, с. 145—147; M. B. Evans. Der Bestrafte Brudermord. Sein Verhältnis zu Shakespeares Hamlet. Leipzig, 1902; M. P. Alexejew. Deutschlands Vermittlerrolle für die frühe Shakespeare-Rezeption in Russland.— «Shakespeare-Jahrbuch», Bd. 107, Weimar, 1971, S. 46—47).

[162] С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, с. 105.

[163] Г. Замятин. К вопросу о связи русского театра начала XVIII века с немецким.— «Известия Академии наук СССР. Отд. общ. наук, 1933, № 10, с. 772—773.

[164] «Письма и донесения иезуитов в России конца XVII и нач. XVIII в.». СПб., 1904, с. 181.

[165] Moritz Posselt. Der General und Admiral Franz Lefort, Bd. II. Frankfurt a. M., 1866, S. 490.

[166] Ned Bliss Allen. The sources of John Dryden's Comedies. Ann Arbor. University of Michigan Press, 1935, p. 124—126; другими источниками этой пьесы Драйдена были — повесть Габриэля де Бремона («Le pélerin nouvel», 1675) и «L'Astrate» (1665) Филиппа Кино (см.: P. Legouis. Quinault et Dryden. Une source de «The Spanish Friar».— «Revue de Littérature Comparée», v. XI, 1931, p. 398—415).

[167] L. I. Bredvold. Political Aspects of Dryden's «Amboyna» and the «Spanish Friar».— «Essays and Studies in English and Comparative Literature». Univ. of Michigan Publ., v. VIII, 1932, p. 119—132.

[168] Gerard Langbaine. An Account of the English Dramatic Poets. Oxford, 1691, p. 171 (цит. у N. B. Allen, p. 138).

[169] Theophilus Cibber. An Account of the Lives of the Poets. Oxford, 1691, p. 171 (цит. у N. B. Allen, p. 138).

[170] Allardyce Nicoll. A History of Restoration Drama. London, 1923, p. 311.

[171] С. Ф. Платонов. Из бытовой истории Петровской эпохи. 1. Бенго-коллегия или Великобританский монастырь в С. Петербурге при Петре Великом.—«Известия АН СССР», 1926, № 7-8, с. 527—546; «Описание рукописного отдела Б-ки АН СССР», т. IV, в. 1. М.— Л., 1951, с. 287.

[172] «Андрей Данилович Фаркварсон».— «Морской сборник», 1856, т. XXVI, № 14, 171—175. См. также «Русский биографический словарь». СПб., 1901.

[173] С. Ф. Платонов. Из бытовой истории Петровской эпохи, с. 543. Для изучения состава английской колонии в России могут оказать помощь стольцы разрядного приказа с перечнями «англилейских немцев» («Описание документов и бумаг, хранящихся в б. Московском архиве Мин. юстиции», кн. 15, 1908; кн. 16, 1910). Ряд англичан, приглашенных в Россию Петром I во время пребывания в Англии, указаны в кн.: Fr. T. Jane. The Imperial Russian Navy. London, 1899 (p. 714—724; «British and American Officers in or connected with the Russian Service»),

[174] С. Ф. Платонов. Из бытовой истории Петровской эпохи, с. 544.

[175] Там же, с. 544.

[176] См. указанные выше (прим. 171—174) книги об английских клубах; а также кн. В. Ф. Лазурского «Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона», т. I. Одесса, 1909.

[177] Таково, например, «Письмо из Москвы» («A Letter from Moscow»), помещенное в 1692 г. в ежемесячном издании, выходившем в Лондоне в 1691—1692 гг.— «The Gentleman's Journal; or the Monthly Miscellany»; издателем этого периодического сборника был известный журналист Пьер Моттё, французский эмигрант, натурализовавшийся в Англии (см. Robert N. Cunningham. Peter Anthony Motteux. Oxford, 1933; L. Rostenberg. Richard and Anne Baldwin, whig patriot publishers.— «The Papers of the Bibliographical Society of America», 1953, v. XLVII, 1, p. 24).— В «Письме из Москвы», помещенном в январском номере «The Gentleman's Journal» за 1691 г., рассказано о встрече и беседах нескольких джентльменов, делившихся друг с другом различными новостями. Один из них, говорится в статье, рассказал, что он получил письмо, показавшееся ему занимательным: вероятно, это было письмо какого-то англичанина, проживавшего в Москве: «Он вынул из кармана письмо, помеченное: Москва, 9 декабря ‹1690›, и опустив первые три строки прочел нам следующее: «В нашем городе находится пророк (a prophet), одетый в разноцветную одежду, сшитую из многих лоскутов, сделанную, однако, не из льна, хлопчатой бумаги шелка, шерсти, волоса или кожи какого-нибудь животного›. ‹...› Я не могу уверенно сказать, что общего имеет этот пророк с нелепой сектой пре-адамитов, однако здесь говорят, что и его предки жили до Адама. На голове своей он носит корону, никогда не был женат, хотя при нем находится много женщин. Все они живут с ним без малейшей ревности друг к другу (least Jealousy), в соответствии с тем странным распорядком жизни, который они соблюдают. Он отличается полной трезвостью, питается главным образом объедками и отбросами для собак. Он пренебрегает золотом и серебром и никогда ни почем не ценит их. Зимою и летом он ходит босиком, но всегда с значительной важностью. Никто не мог дать мне сведений о его вероисповедании, хотя несомненно, что он начинает молиться богу вечером и перед восходом солнца и проводит в молениях большую часть ночи». Рассказ об этом московском «пророке» автор письма заканчивает словами: «Те, кто искусен в физиогномике, предсказывают, что он кончит жизнь неестественною смертью». Автор приведенной заметки в лондонском журнале, упоминает также, что в компании джентльменов, где было оглашено это московское письмо, оно живо обсуждалось присутствующими, вспоминавшими аналогичные случаи появления самозванных пророков в Западной Европе и в самой Англии, и строго осуждавшими этих смутьянов; при этом не был забыт и некий Мульглеттон (and Mulggletton was not forgotten). Эта ранняя корреспонденция из Москвы в английском периодическом издании представляет известный интерес как опыт установления своего рода аналогии между

характерными и для России, и для Англии в конце XVII в. явлениями в области религиозно-сектантских движений.

[178] Речь идет о письмах, издававшихся в Лондоне в форме журнала в 1714 г. под заглавием «Московит» («The Muscovite»). Первый его номер вышел 5 мая 1714 г.; последующие являлись еженедельно (№ 1—5) но на пятом номере (от 2 июня 1714 г.) издание прекратилось по неизвестной для нас причине. Это редчайшее издание (известно лишь два его экземпляра) в книгохранилищах СССР отсутствует. См.: «Catalogue of a Collection of Early Newspapers and Essayists <...> presented to the Bodleian Library of the late Rev. Frederick William Hope». Oxford, 1865, N 108, p. 29. Подробное исследование всех пяти номеров этого журнала по экземпляру Оксфордской Бодлеянской библиотеки представил Ю. Д. Левин в статье: «Английский журнал «Московит».— В сб.: «Восприятие русской культуры на Западе. Очерки». Л., 1975, с. 7—23; в приложении к этой статье дан русский перевод всех пяти номеров «Московита» (с. 24—31). Ни автор, ни обстоятельства возникновения «Московита» нам неизвестны. Содержание вышедших номеров составляют беседы некоего природного англичанина, именуемого Мэнли, с молодым человеком, выходцем из России, родом из Вятки, носящим имя Плеско (Plescou) и оказавшимся в Англии. Этот Плеско дает своему собеседнику весьма благоприятные отзывы об Англии, которую он тщательно изучает, сопоставляя ее со своей родной страной, быстро идущей вперед по пути просвещения и культурного развития, намеченному молодым энергичным правителем. Ю. Д. Левин связывает замысел этого издания с довольно часто происходившими в первом десятилетии XVIII в., после поездки царя Петра в Англию, посылками туда молодых людей из России для приобретения полезных знаний и навыков, или с некоторыми русскими посольствами в Лондоне, например, кн. Б. И. Куракина. Напомним также, что еще в 1713 г. Петр I замышлял издавать за границей русскую газету на иностранном языке (П. Пекарский. Наука и литература при Петре Великом, ч. II. СПб., 1862, с. 313).

[179] Francis Steuart. Scottish influences in Russian history from the end of the 16-th century to the beginning of the 19-th century. Glasgow, 1913, p. 90—93; W. Scott. Minstrelsy of the Scottish Border, v. III, London, 1833, p. 296.

[180] Charles Kirkpatrick Sharp. Ballad Book. Edinburgh, 1824, p. 18.

[181] Карл Задлер. Опыт исторического оправдания Петра I против обвинений некоторых современных писателей. СПб., 1861 («Дело фрейлины Гамильтон», с. 1—22); М. И. Семевский. Слово и дело (1700—1725). Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. СПб., 1884, с. 185—268: очерк «Камер-фрейлина Мария Даниловна Гамильтон», ранее опубликованный в «Отечественных записках» (1860, т. CXXXII, № 9, с. 239—310). Известна была эта история и по иностранным источникам: Gordon. History of Peter the Great. Aberdeen, 1755; <J. B. Scherer> Anecdotes interessantes et secrètes de la cour de Russie, v. II. London, 1792, p. 272.

[182] Эта баллада опубликована неоднократно во многих редакциях; все они собраны в известном своде Ф. Чайлда (Francis Child. The English and Scottish popular ballads. Boston, 1888, part VI, N 173, p. 382—383); А. А. Пельтцер. Английские и шотландские баллады по сборнику Чайльда.— «Записки Харьковского ун-та», 1901, № 1, с. 33—34. Существует несколько исследований, посвященных этой балладе и вопросам контаминации ее редакций: Albert Tolman. Mary Hamilton: The group authorship of ballad.— PMLA, 1927, v. XLII, June, 1927, p. 422—432; Brunhild Grasedick. «Mary Hamilton», eine kritische Untersuchung der Varianten. Diss. Marburg, 1934.

Отметим, что трагическая история М. Гамильтон помнилась долго. Она вдохновила поэта Георгия Чулкова (1879—1939) на создание небольшого поэтического произведения: «Мария Гамильтон. Поэма. Рисунки В. Белкина, изд. «Аквилон». Петербург, 1922. В предисловии (датированном 2 марта 1920 г.) автор отмечает, что «вокруг имени этой загадочной иностранки сложилось немало легенд, противоречивых и темных. Ее память оскорблена грубыми и страшными подробностями ее преступления. Однако достоверность этих сообщений сомнительна: в ее деле были лжесвидетели...» Автор явно стремится оправдать свою героиню, но, с другой стороны, предупреждает, что он не ставит своей задачей «воскресить быт эпохи и восстановить историческую правду» и поэтому заранее признает допущенные им «неточности и анахронизмы». Поэма начинается и кончается стихами:

Три розы серебристо-белых
И золотое сердце... Так
Судьбы начертаны пределы,
Судьбы твоей. И вещий знак
В веках волнует мир подлунный...
Твой герб, Мария Гамильтон,
Певцы поют. И голос струнный
Тревожит замогильный сон.
Так на гербе — кровавом поле —
Не увядает белый цвет,
И смысл таинственной юдоли
Пусть нам поведает поэт.

[183] Л. А. Дмитриев. Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени. (Беломорский рассказ о сватовстве Ивана Грозного).— Сб. «Древнерус-

ская литература и русская культура XVIII—XIX вв.» ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 50—54.

[184] Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.

[185] R. Minzloff. Pierre le Grand dans la littérature étrangère... S. Pb., 1872. Этот полезный справочник представляет собою лишь каталог с пояснениями иностранной литературы о Петре I, собранной в Публичной библиотеке в Петербурге в отделе «Russica» к 200-летию со дня его рождения; даже к тому времени пропуски в этом перечне были очень значительны.

[186] А. И. Соболевский (в статье: «Из переводной литературы Петровской эпохи».— «Сборник ОРЯС», т. 84, 1908, с. 8) указал на оставшийся в рукописи перевод с английского «Проповеди о плачевном преставлении имп. Петра Великого (..) Фомы Консета, английския церкви священника в С. Петербурге, 1725». Тому же Т. Консету принадлежит большой труд о церковной реформе Петра I с переводом «Духовного регламента» и характеристикой русских духовных писателей (Th. Consett. The Present State and Regulations of the Church in Russia. London, 1729), «Слова» Гавриила Бужинского, элегии Ст. Яворского к своей библиотеке и т. д. См. о нем: П. Н. Берков. Томас Консетт, капеллан английской фактории в России. (К истории русско-английских литературных связей в 1720-е годы).— В кн.: «Проблемы международных литературных связей». Л., 1962, с. 3—26.

[187] David Jones. Compleat History of Europe for the Year 1708, p. 236, 318 (приведено в кн.: M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia 1553—1815. London, 1958, p. 55).

[188] А. В. Предтеченский. Полтавский бой в освещении современников-иностранцев.— «Уч. зап. ЛГПИ им. Покровского», т. V. ист. фак-т, в. 1, 1940, с. 55.

[189] M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia 1553—1815, p. 64—68; ср.: М. А. Фейгина. По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI—XVIII вв.— «Вопросы истории», 1955, № 12, с. 209.

[190] Б. Лазурский. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. т. II. Одесса, 1916, с. 273.

[191] «Избранные листки из Английского «Зрителя» и некоторых других периодических изданий того же рода», кн. V. М., 1835, с. 59—61.

[192] Там же, кн. VI. М., 1836, с. 27—36; этот очерк озаглавлен здесь «Слава» (из «Зрителя», 1711, № 139, 9 августа). Именно этот очерк Стиля оказался первым русским переводом из журнала «Зритель» («The Spectator»), сохранившимся в рукописи в Библиотеке Академии наук в Ленинграде; на нее обращал внимание еще П. П. Пекарский в своей «Истории Академии наук», т. II, с. 28. Этот же очерк, как установил Ю. Д. Левин (см. его статью: «Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII в.» — В кн.: «Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы». Л., 1967, с. 13—14), переведен на русский язык в середине 20-х годов, притом не с английского, а с французского; позднее (в конце 30-х или в 40-е годы XVIII в.) В. К. Тредиаковский перевел его заново, озаглавив: «Из книги, называемой Спектатор. Сравнение между Лудовиком XIV и Петром Алексеевичем, российским императором в рассуждении славы». Указанные переводы опубликованы Ю. Д. Левиным в его статье (с. 80—83).

[193] Ю. Д. Левин. Английская просветительская журналистика..., с. 13; Л. А. Никифоров. Русско-английские отношения при Петре, с. 69—70.

[194] Jonathan Swift. Works, ed. J. Hawkesworth, v. VIII. Edinburgh, 1778, p. 31, 227.

[195] Эту цитату из письма Свифта приводит А. В. Предтеченский в статье «Полтавский бой в освещении современников-иностранцев» (со ссылкой на «Swift's Correspondence, ed. by E. Ball». London, 1910); ср.: H. G. Wright. Some English Writers and Charles XII.— «Studia Neophilologica», XV (1942—1943), p. 119.

[196] H. Dörries. Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peters des Grossen. Königsberg und Berlin (Osteurop. Forschungen. N. F., Bd. 26), S. 125; ср.: С. А. Фейгина. Полтавская битва и зарубежная общественно-политическая мысль.— В сб.: «Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы». М., 1959, с. 185.

[197] Swift. Works, v. VIII.

[198] M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia 1553—1815, p. 55.

[199] D. Defoe. Letters, ed. G. H. Healey. Oxford, 1955, p. 27.

[200] D. Defoe. Letters, p. 48—49; G. F. Warner. An unpublished political paper of Daniel Defoe.— «English Historical Review», 1907, v. XXII, p. 132—143.

[201] A Short Narrative of the Life and Death of John Rhinholdt, Count Patkul, a Nobleman of Livonia, who was broke alive upon the wheel in Great Poland anno 1707. Together with the manner of his execution. Written by the Lutheran minister, who assisted him in his last hours. Faithfully translated out of a High Dutch Manuscript; and now published for the information of count Gyllenberg's English Friends. By L. M. London, 1717.

[202] William Lee. Daniel Defoe: his life and recently discovered writings, v. II. London, 1869, p. 40—42.

[203] «Чтения в ОИДР», 1871, кн. II, отд. IV, с. 140—142.

[204] Подробнее об этой книге и ее источниках см.: М. П. Алексеев. Сибирь в романе Дефо.— «Сибирский литературно-краеведческий сборник», в. 1. Иркутск. 1928, с. 51—68. «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо. Робинзон в Сибири» в сильном

сокращении появились в изд.: Д. Дефо. Избранное. М., 1971, с. 277—297; мимоходом о второй части «Робинзона» упоминает Д. Урнов в популярной биографии Дефо (в серии «Жизнь замечательных людей», М., 1978) и в особой статье «Робинзон в Сибири» («Знание — сила», 1978, № 8, с. 49—51). Поэтому странное впечатление производит статья А. Старухина «Робинзон у Байкала» («Правда», 1978, № 350, 16 декабря), из которой можно узнать, что недавно открыты источники, которыми пользовался Дефо, создавая эту часть своего романа; между тем в русской печати они названы за пятьдесят лет перед тем!

[205] D. Dottin. D. Defoe et ses romans, t. II. Paris, 1925, p. 341.

[206] В третьей и заключительной части этого романа («Serious reflections during the life and surprising adventures of Robinson Crusoe», 1720) мы также встречаемся с рядом упоминаний «московского царя», его огромного войска, его азиатских владений; целая страница занята здесь почитанием святого Николая, что Дефо считает «национальным грехом» («national sin») и приводит перевод с русского посвященной ему молитвы (см. по изд.: Constable, 1925, p. 119, 145—146, 227, 235, 241, 251).

[207] «An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the Present Czar of Moscovy: from his birth to this present time ⟨...⟩ written by a British officer in service of the czar». London, 1722; 2-е изд. с дополнениями и новым заголовком вышло в год смерти Петра I: «A True, Authentic and Impartial History ⟨...⟩ the whole compil'd from the Russian, High Dutch and French Languages, State papers and other Public Authorities».

[208] W. Lee. Daniel Defoe: his life and recently discovered writings, v. I, p. 369—370.

[209] R. Minzloff. Pierre le Grand dans la littérature étrangere, p. 38—39; подробно описывая эту книгу Минцлов не указывает, что автором ее является Дефо. Авторство Дефо заново засвидетельствовано в «The Cambridge History of English Literature», v. IX, p. 429; тем не менее М. Андерсон («Britain's Discovery of Russia...», p. 74, note 3), хотя и называет автором Дефо, но сопровождает его имя вопросительным знаком. Следуя традиции, А. В. Предтеченский (в статье «Полтавский бой в освещении современников-иностранцев») приводит из этой книги «анонимную шведскую записку о Полтавской битве», считая ее «очень любопытной» и не догадываясь, что она не только взята из компиляции Дефо, но, может быть, и сочинена английским сателем. С. А. Фейгина, напротив, в статье «По страницам зарубежных исследований внешней политики России в XVI—XVIII вв.» (с. 209) правильно отмечает, что «Беспристрастная история жизни и деятельности Петра Алексеевича...» принадлежит перу «Дефо, автора Робинзона Крузо», и приводит цитату из этой книги, в которой Дефо говорит о русском народе как об «искателе мудрости, изучающем науки и ревностно собирающем книги, инструменты и ученых из самых цивилизованных частей света для своего просвещения».

Стоит отметить здесь написанную по первоисточникам статью английского историка Э. Ротштейна «Даниэль Дефо и Северная война» («Вопросы истории», 1967, № 6, с. 91—106), в которой он характеризует Дефо как выдающегося английского публициста и журналиста, обладавшего «исключительной приспособляемостью» к правившим тогда партиям и отобразившего в своих изданиях все колебания английской внешней политики начала XVIII в. В течение девяти лет Дефо издавал газету «Обозрение» («Review of the Affairs of France», 1704—1705; после этого до 1707 г. называвшуюся «Review of the State of the English Nation», после объединения Англии и Шотландии в этом году снова переименованную — «Review of the British Nation»). Редкий полный комплект этой газеты был перепечатан «Facsimile Text Society» (издательством Колумбийского университета) в 22 томах (1938 г.); представляло бы интересную и важную исследовательскую задачу — выбрать из «Обозрения» и проанализировать все многочисленные данные, касающиеся России.

[210] О книгах И. Крелля см. в статье: А. И. Андреев. «Петр I в Англии» (сб. «Петр Великий». М.— Л., 1947, с. 98—99); здесь, между прочим, автор замечает, что «для образованного англичанина самого конца XVII — нач. XVIII в. ⟨...⟩ руководящими сочинениями о Московии явились труды Крелля, вышедшие в 1698 и 1699 гг.»

[211] B. Mandeville. Fable of the bees, v. I, 3-d ed. London, 1723, p. 369—370; Н. Д. Виноградов. Философия Д. Юма, ч. II. М., 1911, с. 165—166.

[212] Еще в 1714 г. А. Д. Меншиков был избран членом лондонского Королевского общества, «по особому стремлению к наукам, а также вследствие любви к народу нашему»,— как писал ему по этому поводу Ньютон (М. И. Радовский. Из истории англо-русских научных связей. М.— Л., 1961, с. 65—66).

[213] D. Brewster. Aaron Hill: poet, dramatist, projector. N. Y., 1913, p. 205—206; M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia..., p. 79.

[214] Dorothy Brewster. East-West passage. A Study in Literary Relationship. London, 1954, p. 24—25; M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia..., p. 79 (со ссылкой на «The Works of the late Aaron Hill», v. III. London, 1753, p. 183).

[215] D. Brewster. East-West passage, p. 24.

[216] J. Thomson. Seasons, Winter, vols 950—987. Этот панегирик Томсона Петру I Карамзин напечатал в «Московском журнале», 1792, ч. VII, август, с. 198—200, и в «Письмах русского путешественника», ч. IV. М., 1787, с. 166—169; вся цитата о Петре I приведена здесь (Лион, 9 марта 1790 г.) на том основании, что «может быть, не все читатели знают эти стихи». Отметим также, что в Петербурге в 1787 и в 1819 гг. вышли в свет немецкие переводы «Времен года», выполненные в России (см.: Ю. Д. Левин. Английская поэзия и литература русского сентиментализма.— В сб.: «От классицизма к романтизму». Л., 1970, с. 232, 238, 286).

Глава II

РАННИЕ АНГЛИЙСКИЕ ИСТОЛКОВАТЕЛИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

1. Англия и русская литература XVIII века.— Переводчики с русского языка в Англии и первые критические отзывы о произведениях русского художественного слова.— Русские писатели в Лондоне — от сатирика А. Д. Кантемира до одописца В. П. Петрова.— «Успех Британской музы» (1776). — Послание М. Н. Муравьева к В. П. Петрову. 2. Русские в Англии в середине XVIII века.— Русские студенты в Оксфорде.— Е. Р. Дашкова и ее «Эдинбургский салон».— Хорас Уолпол и И. И. Шувалов.— О. Голдсмит о России и русских.— Его перевод «Объявления» об ассамблеях в Петербурге при Петре I.— Т. Смоллет и иностранные сочинения о России.— Д. Юм о русских. 3. Английские посольства в России XVIII века и русские писатели: Джордж Макартней и Джеймс Гаррис.— Английские путешественники в России в XVIII веке и русская культура: Дж. Кук, Э. Суинтон, Н. Рэксолл, В. Ричардсон, В. Кокс.— Интерес к русской истории.— Проект В. Н. Татищева издать в Англии «Русскую историю» и его переписка с Джонасом Хенуэем.— Английские переводы «Краткого Российского Летописца» М. В. Ломоносова и «Обозрения Российской империи» С. И. Плещеева.— Посредническая роль и литературная деятельность Я. И. Смирнова.— Возникновение в Англии интереса к русской поэзии.— Первые английские переводы произведений Сумарокова и Державина. 4. Английские переводы произведений Карамзина и его современников.— «Письма англичанина Ж.-К. Пойля» (1805) и проверка их достоверности 5. «Русский трубадур» Берисфорда и его автор.— Русские песни в английских переводах и их источники.— Русские песни в обработке Муцио Клементи и других зарубежных музыкантов.— Русские песни в музыке зарубежных балетных и оперных спектаклей

1. Англия и русская литература XVIII века.— Переводчики с русского языка в Англии и первые критические отзывы о произведениях русского художественного слова.— Русские писатели в Лондоне — от сатирика А. Д. Кантемира до одописца В. П. Петрова.— «Успех Британской музы» (1776).— Послание М. Н. Муравьева к В. П. Петрову

Об успехах русского просвещения, науки и словесности любознательные английские читатели XVIII в. узнавали главным образом из французских источников, но эти данные были неполными и односторонними. Личные отношения и переписка между английскими и русскими писателями в этот период отсутствовали почти вовсе.

Антиох Кантемир, несколько лет живший в Лондоне в качестве русского посла (1732—1738), не был еще в Англии представителем русской литературы. Как поэта и сатирика Кантемира более оценили во Франции, хотя именно в Лондоне двумя изданиями вышли в свет в 1749—1750 гг. кантемировские «Сатиры» во французском переводе аббата Гуаско с биографическим очерком его покойного друга [1]. Не вполне выясненным следует считать вопрос о том, почему издание этой французской книги осуществлено было именно в Лондоне (если это обозначение не было фальшивым) и какова роль в этом предприятии знаменитого французского приятеля Кантемира, «англомана» Монтескье, будто бы предложившего этот проект [2]. Хотя «Сатиры», переведенные с русского, по-видимому, находили своих английских читателей еще в конце XVIII в. (заключаем об этом из любопытной надписи на экземпляре «Сатир», хранящемся в Британском музее, сделанной рукой ее прежнего владельца

S. W. Musgrave, 23 July 1790) [3], нам неизвестны отклики на это двукратное лондонское издание в английской периодической печати.

Мы ничего не знаем и о том, был ли Кантемир в период своей лондонской жизни лично знаком с кем-либо из современных ему английских писателей, хотя сочинения большинства из них находились в его библиотеке, и он сохранял к ним интерес до конца своей жизни [4].

Вне литературных знакомств, по-видимому, остались и другие немногочисленные русские писатели XVIII в., ездившие в Англию. Напомним, например, поэта Василия Петровича Петрова (1736—1799), прожившего в Англии около двух лет. В 1796 г. Петров был определен переводчиком при кабинете и чтецом Екатерины II; в 1772 г. по настоятельной своей просьбе он был отправлен в Англию, откуда вернулся в 1774 г. и получил назначение на должность библиотекаря императрицы [5]. В Англии жил он вместе с Г. И. Силовым, посланным туда для изучения математики. В своем первом послании к Силову Петров характеризует его в стихах, которые могли бы быть полностью отнесены и к нему самому:

Щастливое дитя незнатного отца,
Что рос, играл, гулял и с Сарских гор катался,
И Темзы на брегах вдруг с музами спознался [6].

К сожалению жизнь Петрова в Англии известна мало; об этом ничего не говорится в биографии поэта, написанной его сыном [7], и в статье И. А. Шляпкина, составленной на основании неизданных писем Петрова[8]. Шляпкин, правда, утверждает, что «Петров скоро изучил английский язык и близко сошелся со многими знатными англичанами, которые за его наружность называли его «вывеской здоровья», хотя сам Петров постоянно жаловался на свои недуги» [9], но не разъясняет, каких именно лиц он имеет в виду. Из стихотворений Петрова и, в частности, из его посланий Силову видно, что оба приятеля в течение двух лет, проведенных ими в Англии, основательно изучали английскую литературу; одно из пожеланий другу поэт выразил в следующих стихах:

...терпи и достигай терпеньем совершенства,
Да щедрыя в тебе природы огнь горит,
Да Росску грудь умов британских луч зарит...

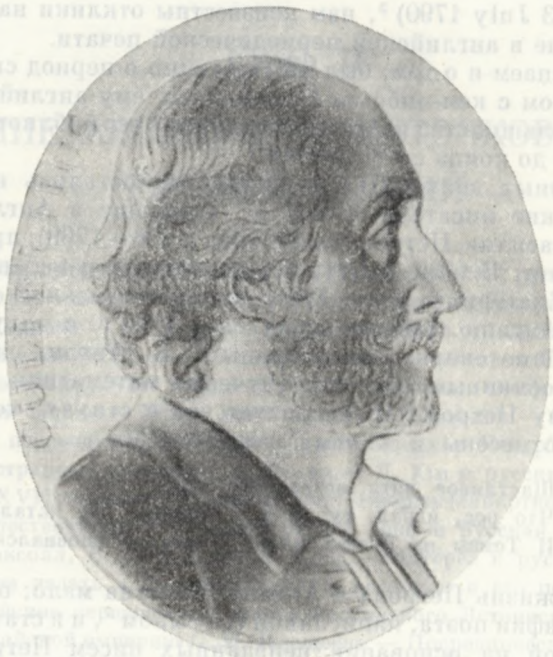
и продолжал далее:

Встревоженну тоской ты мысль угомони,
И нежный слух в мое вещанье приклони.
Меж сладких твоего глаголов Адиссона,

Меж истин грозного добро́тою Катона,
Дай место сим строкам; за важны их сочти:
В них дружества черты: внимательно прочти [10].

Петров изучал Мильтона (он перевел прозой три песни «Потерянного рая», которыми полвека спустя особо интересовался П. А. Вяземский, задумывавший издать творения Петрова и написать о нем статью [11]), Аддисона, трагедию которого «Катон» («Cato», 1713) он особо ценил, А. Попа (посланиям которого он подражал в своей эпистоле «К . . . из Лондона»). В 1774 г. Петров по распоряжению Екатерины II покинул Лондон [12] и возвратился в Петербург, совершив короткое путешествие по Франции, Италии и Германии. Он вывез с собой из Англии хорошее знакомство с английской поэзией, но, по-видимому, не стал известен тогдашним английским поэтам и критикам: никакие упоминания о Петрове в современной ему английской печати и литературных документах той эпохи нам неизвестны. Несколько английских переводов его стихотворений сделаны были лишь в начале XIX в.

В бумагах Михаила Никитича Муравьева (1757—1807), видного общественного деятеля, литератора и поэта последних десятилетий XVIII в., долго



ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР
Камея Брауна (до 1794 г.). Красный сердолик
Эрмитаж, Ленинград

хранилось неопубликованным стихотворное послание его к В. П. Петрову 1778 г., озаглавлено оно: «Успех бритской ⟨т. е. британской⟩ музы», потому что в нем, главным образом идет речь о воздействии английской поэзии на творчество Петрова, не так давно вернувшегося из Великобритании; при этом Муравьев допускает, что если бы Петров дольше жил на берегах Тамизы (т. е. Темзы), то он и здесь прославился бы своими стихами, поскольку он был усердным «чтителем» выдающихся английских поэтов. Это послание М. Н. Муравьева, лишь недавно обнаруженное и напечатанное по автографу, представляет для нас несомненный интерес: в нем даются характеристики ряда прославленных английских поэтов, творения которых сам Муравьев, безусловно, знал не только понаслышке, и отчетливо чувствуется также тенденция автора связать в своих прославлениях питомцев британских и русских муз.

М. Н. Муравьев лично знал Петрова (хотя едва ли был ему близок) и отдавал ему должное как русскому поэту, знавшему английский язык (как и многие другие западноевропейские), которого он хотел считать также знатоком английской поэзии. «Заметно по его образу мыслить и чувствовать, что он жил в Англии»,— писал Муравьев о В. П. Петрове в одной из своих заметок [13]. О том же идет речь в названном стихотворении.

Приводим это послание М. Н. Муравьева:

Успех Бритской музы
к В. П. Петрову

О ты, чей гордый дух и мужественный слог,
Подобно Дрейдену, Вергилья выражают,
Прими стихи сии почтения в залог,
Которое в меня дары твои внушают,
Сии разительны черты,
Чем бы прославился и на Тамизе ты.

Тамизы любят брег аттические музы
И сладость льют свою в британские слова.
Слепец, другой Гомер, свергает смертны узы
Мильтон, чтоб созерцать сиянье божества
И матерь смертных рода
Облечь твоей красой, всесильная природа!

Вслед за приведенными первыми двумя строфами, в которых говорится о Драйдене и Мильтоне, идут стихотворные характеристики Шекспира, Александра Попа, Джеймса Томсона (с эпизодом из второй части его поэмы):

Колоссу равен, там выходит исполин.
Как некий сильный волхв, он действует над миром.
Неправильно велик, мечты любимый сын,
Владыка британских сцен, зовомый Шекеспиром.
Природы дар его устав,
И им сотворены Отелло и Фальстаф.

А там пинт-мудрец природу испытует
И цепи зрит существ несчетные звена.
Все благо то, что есть, и смертный слепотствует,
В очах которого природа — зол вина.
Престав быть мизантропом,
И Тимон горестный утешен был бы Попом.

Что есть прекраснее Томсоновых картин,
Где видим рай весны или стихий раздоры
И ту счастливу сень, где с тайною один
Любовник зрителем иловущей Мусидоры.
Ты знал, о Томсон, зной,
Что девы росские внушают и зимой.

Ты, чтитель их, Петров, участник той же мощи,
Которою они творили чудеса,
Со снисхожденьем зришь моей мечтанья «Рощи»,
Сии убежище дающи древеса,
Сии прохладны своды,
Где я хочу внимать учению природы [14].

Мы не знаем, к сожалению, было ли это послание отправлено автором по назначению; тем не менее, мы можем предположить, что если Петров и получил его, он едва ли мог оказать ему то «снисхождение», с которым он будто бы отнесся к предшествующему произведению Муравьева, о чем говорится в последней строфе послания (о том, что его стихотворение «Роща» понравилось кн. Г. А. Потемкину и находившемуся при нем в то время Петрову, Муравьев упомянул в письме к своему отцу от 5 июня 1778 г.). Приведенное выше послание Муравьева грешило явными преувеличениями в оценке литературных достоинств того поэта, к которому он обращался; во всяком случае, на английскую поэзию они несомненно смотрели разными глазами: создатель громоподобных од, переводивший Мильтона и знакомый с посланиями Драйдена, Петров по своим воззрениям был убежденный классицист; даже дидактические поэмы Александра Попа, «поэта-мудреца», который «природу испытует», едва ли могли увлечь его своим философским содержанием. Зато восторженная характеристика Шекспира, этого, по словам Муравьева, «исполина» и «владыки британских сцен», едва ли могла быть Петрову по нутру, несмотря на оговорку, что он «неправильно велик», т. е. что он не придерживался правил трагедий классицизма. Было бы даже трудно утверждать, что Петрову могли быть известны,— по личному читательскому

опыту — такие персонажи шекспировской драматургии, как Отелло, Фальстаф или Тимон Афинский... [15]. Равным образом, Петрову должна была быть чужда поэма Дж. Томсона «Времена года», со сквозящими в ней то там, то здесь особенностями, возвещающими скорое утверждение в Англии сентиментальной и предромантической поэзии. К последней, с явным отличием от Петрова, чувствовал крепнущее влечение автор послания — М. Н. Муравьев.

Что же касается содружества британских и русских муз, то о нем как о явлении предвидимом и желанном, как раз в указанное время вспоминали не раз. Десятилетие спустя после «Успеха британских муз» Муравьева, другой петербургский поэт Алексей Васильевич Колмаков (ум. в 1804 г.), переводивший Свифта и Стерна с подлинников, напечатал следующие стихи:

Уже художества и кроткие науки
Через моря свои к вам простирают руки..
Я музой вдохновлен, глашу сии слова:
Что видит Альбион, увидит то Нева [16].

2. Русские в Англии в середине XVIII века.— Русские студенты в Оксфорде.— Е. Р. Дашкова и ее «Эдинбургский салон».— Хорас Уолпол и И. И. Шувалов.— О. Голдсмит о России и русских.— Его перевод «Объявления» об ассамблеях в Петербурге при Петре I.— Т. Смоллет и иностранные сочинения о России.— Д. Юм о русских

Относительно большинства находившихся в Англии в XVIII в. русских путешественников или живших там русских людей (включая дипломатов и служащих русского посольства), хотя бы несколько прикосновенных к науке, литературе или журналистике, следует сказать, что почти до самого конца этого столетия они редко и неохотно делились с англичанами, по крайней мере в печати, фактическими данными и впечатлениями о писателях и ученых своего отечества, хотя в то же время довольно рано начали посылать в Россию корреспонденции из Англии, заимствуя сведения из английских книг и журналов [17]. Русские воспитанники британских университетов в XVIII в. являлись деятельными переводчиками с английского, распространителями в России английских идей, наконец, составителями учебных руководств и словарей для изучения английского языка; русские слушатели Адама Смита по Глазговскому университету, И. А. Третьяков и С. Е. Десницкий, в аудиториях Московского университета излагали его знаменитый труд «Богатство народов» за двенадцать лет до того, как эта книга была издана в Англии [18]; другие русские студенты, В. Н. Никитин и П. И. Суворов, учившиеся в Оксфорде, смогли издать в Лондоне на английском языке в 1786 г. свой учебник тригонометрии, заслуживший одобрительные отзывы [19], но никто из них, за редкими исключениями, не стал переводчиком произведений русских писателей на английский язык, автором какой-либо критической статьи о них в английском журнале, историком или истолкователем русской культуры той поры для англичан.

Иногда примечательные англо-русские знакомства завязывались в Париже в знаменитых салонах просветительской поры; так, Хорас Уолпол (Walpole; 1717—1797), уже издавший свой прославленный «готический» роман «Замок в Отранто», встретился в Париже в 1765 г. с И. И. Шуваловым у своей приятельницы, маркизы Дю Деффан, и с удовольствием поделился впечатлениями об этом знакомстве в письме, посланном в Англию к графу Хартфорду; между Шуваловым и Уолполом возникла даже переписка [20], но она была посвящена не литературным вопросам. При интенсивности англо-французского и русско-французского культурного общения в XVIII в. имели место, по-видимому, и многие другие аналогичные встречи (вспомним об обширных французских связях Д. Гаррика, Д. Юма и пр.), но они, сколько

КОРОЛЕВСТВО
АГЛИНСКОЕ
ИЛИ
ВЕЛИКОБРИТАННІЯ
И
ІРЛАНДІЯ.
ИЗЪ
БИШИНГОВОЙ ГЕОГРАФІИ
ПЕРЕВЕЛЪ
Григорій Брайко.

Цѣна 60 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ
1772 года.

«КОРОЛЕВСТВО АГЛИНСКОЕ...
ИЗ «БИШИНГОВОЙ ГЕОГРАФИИ». СПб., 1772
Титульный лист
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

THE YOUNG ENGLISHMAN
OR
A Collection of Moral and Entertaining pieces, taken out of the best English writers, wherein are marked both the pronunciation, accents of every word, and all the expressions peculiar to the language; to which is likewise added a little dictionary containing the words of the book, for the use of the beginners at the University of Mosco.

МОЛОДЫЙ АГЛИЧАНИНЪ,
ИЛИ
Собраніе Нравоучительныхъ піесъ, взятыхъ изъ лучшихъ Аглинскихъ писателей, въ которомъ показаны правила о выговорѣ и ударѣніе словъ, съ пріобщеніемъ Словаря на всѣ слова въ книгѣ находящіяся, и показаніемъ выраженій свойственныхъ Аглинскому языку.
ИЗДАНІЕ
Для начинающихъ учиться сему языку въ Гимназіяхъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.

MOSCO.

«МОЛОДОЙ АНГЛИЧАНИН». Москва, 1793
Титульный лист
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

знаем, не оставили никаких следов в литературе или представляются столь же неясными и легендарными, как, например, предполагавшаяся «дружба» с Гарриком И. А. Дмитревского [21].

Е. Р. Дашкова, довольно долго жившая в Эдинбурге, своими связями с учеными и литературными кругами шотландской столицы в какой-то мере способствовала культурному общению Англии и России. Однако эдинбургский салон княгини Дашковой, в котором бывали Робертсон, Блэр, Фергюсон, Адам Смит, Артур Юнг и другие [22], ничем не отличался от аналогичных «русских» салонов Парижа в XVIII в.,— в нем говорили по-английски и по-французски, и беседа здесь редко касалась России. Фраза известного английского актера и восстановителя шекспировской славы в английском театре, Давида Гаррика (1717—1779), в письме к Е. Р. Дашковой (3 мая 1778 г.): «Я боюсь, что сбудется пророчество одного из наших поэтов о том, что Россия будет наставницей в искусствах для британского острова» [23],— в XVIII в. звучала лишь как прогноз на отдаленное будущее, но не как отражение настоящего; кстати сказать, нам не удалось установить, какого именно поэта Гаррик имел в виду в данном случае.

Русским языком и литературой в Англии в эту пору интересовались еще мало. Это констатировали, например, некоторые русские путешественники, ездившие в Англию в 1770-х годах [24]. Впрочем, они обычно отмечали, что незнание русского языка нисколько не отражалось на доброжелательном отношении англичан к русским людям; напротив того, немногие знатоки и любители русской речи в Англии очень ценились. Значительным препят-

ствием к усвоению русского языка в Англии было отсутствие необходимых для этого учебных руководств. В одной из ранних, изданных в России английских грамматик, именно в «Английской <!> грамматике, сочиненной в пользу учащегося благородного юношества» Прохора Жданова, в числе «употребительных разговоров» (приведенных в книге параллельно на английском и русском языках), есть, между прочим, и такой «воображаемый» разговор с англичанином о русском языке: «Учитесь ли вы по-русски?— Учусь, сударь.— Вы очень хорошо делаете... Ибо сей язык весьма нужен в сем государстве и без него весьма трудно здесь жить. Все здесь производится на русском языке. Следовательно, и иностранцам необходимо надобно учиться по-русски.— Я тому верю, но он весьма трудный язык»,— отвечает воображаемый англичанин. В конце концов его удается в этом разубедить, и собеседники переходят к обсуждению способов изучения иностранцами, в первую очередь англичанами, русской литературной речи. «Какие книги вы читаете для обучения русского языка?— спрашивает англичанина его русский собеседник.— Жильблаза, Езоповы басни, Мольеровы комедии, Телемака и Дона Кишота,— отвечает ему англичанин.— Ети книги очень хороши, но какой лексикон употребляете?— У нас нет никакова на английском с российским... Мы теперь принуждены иметь или учителя или несовершенно учиться наслышкою» [25].

В этом забавном и вполне правдоподобном разговоре наше внимание может привлечь прежде всего вполне справедливая жалоба на недостаточность учебных руководств по русскому языку для иностранцев. Именно этим объясняется характерный выбор воображаемым англичанином книг для чтения по-русски в учебных целях. Петербургский учитель 1772 г. от имени своего собеседника в числе книг для изучения русской речи назвал переводы западных писателей — Сервантеса, Мольера, Лесажа и Фенелона — разумеется, не потому, что для этой цели не были более пригодны оригинальные произведения русской художественной литературы, но лишь потому, что все рекомендованные им книги имелись также и в разнообразных английских переводах; за отсутствием словарей, грамматических руководств и т. д. приходилось прибегать к методу текстуальных сличений, как к наиболее доступному способу изучения иностранной лексики и грамматики. Воображаемый англичанин названной книги избрал для своих занятий русским языком те книги, которые уже были ему знакомы в оригиналах и по которым, может быть, он уже ранее изучал языки французский или испанский.

Таким образом, речь может идти не столько об отсутствии в Англии XVIII в. интереса к русской литературе, сколько о тех затруднениях, какие следовало преодолеть для того, чтобы этот интерес мог проявиться шире и глубже. В большинстве своем не зная русского языка, английские литераторы в поисках данных о русских писателях, книгах, журналах должны были обращаться к литературам французской или немецкой, которые чаще всего и снабжали английских переводчиков такими произведениями русского слова, которые уже были переведены на один из западноевропейских языков. В истории англо-русских литературных отношений в XVIII в. необходимо учесть эту посредствующую роль французской и, реже, немецкой литературы и журналистики. В деле литературного сближения Англии с Россией журналы, вроде парижских «Journal des Savants», «Mercure», «L'Europe Littéraire» или геттингенских «Gelehrte Anzeigen» значили то же, что для установления личных контактов и дружеских встреч значили парижские салоны той же эпохи.

В одном из ранних сочинений О. Голдсмита — опыте о современном состоянии художественной литературы в Европе («An Enquiry into the Present State of Polite Learning», 1759), о русской литературе еще не упоминается, хотя здесь идет речь и о состоянии литературы не только во Франции, Италии и Испании, но и в Голландии, Швеции и Дании. А между тем Голдсмит, хороший для своего времени знаток французской литературы, живший во Франции и познакомившийся с Вольтером, проявлял несомненный интерес и к

ПОРТРЕТ Е. Р. ДАШКОВОЙ
Рисунок и гравюра Г. И. Скородумова
Русский музей, Ленинград

русской истории, и к современному положению России, к быту и нравам русского общества. Любопытно, что Голдсмиту принадлежит даже перевод одного из русских печатных изданий петровской эпохи, сделанный, разумеется, не с русского оригинала. Один из своих «Эссеев» (Essay, VII) Голдсмит посвятил описанию «ассамблеи» в Петербурге и включил сюда полный перевод, якобы впервые им сделанный, «Объявления, каким образом ассамблеи отправлять надлежит», изданный в Петербурге в 1718 г. [26]

О России идет речь и в других сочинениях Голдсмита, например, в ряде его журнальных статей и публицистических очерков, нередко касающихся современных ему проблем международной политики, в частности семилетней войны [27], или в знаменитой книге «Гражданин мира, или Письма Китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке» (1762). Это — серия сатирических писем в том же эпистолярном жанре, что и «Персидские письма» Монтескье и сродные с ними произведения западноевропейских литератур первой половины XVIII в. Под масками путешествующего китайца и его друзей-соотечественников Голдсмит дает в «Гражданине мира» критику английского быта и государственных учреждений Ве-

ликобритании, но касается также других стран Европы Русское государство упоминается здесь неоднократно по разным поводам. Так, уже Письмо IV адресовано «татарскому посланнику в Москве» — «для последующей пересылки с русским караваном в Китай»; в Письме VI мимоходом идет речь о «цветущих берегах Иртыша»; Письмо XIX имеет подзаголовок: «Как англичане обходятся с неверными женами и как с ними обходятся русские». Последующие письма пестрят русскими географическими наименованиями, характеристикой русских обычаев и обрядов (при этом вновь упоминаются ассамблеи), событий старой и новой русской истории. Один из героев повествования рассказывает о своем путешествии до Москвы из Персии, называя «Уральские горы, покрытые вечными снегами» и «уфимские леса, где безраздельно царят хищный медведь и визгливая гиена»; «потом,— пишет он далее,— мы поплыли по быстрой реке Белой, стремясь скорее добраться до берегов Волги, где ее воды орошают плодоносные долины Казани» (Письмо XCIV). В Письмах LVI и LXII идет речь о Петре I, к которому Голдсмит относится с почтительным уважением, называя его необыкновенным государем — «великим императором», которому «следовало бы прожить еще сто лет, чтобы до конца осуществить свои обширные преобразования»; здесь же рассказана сильно идеализированная история Екатерины I, «родившейся в низкой глинобитной лачуге и ставшей императрицей величайшего государства на земле» (Письмо LXII). От имени Фум-Хоума — «первого президента Китайской академии церемоний в Пекине» Голдсмит приходит в своем произведении к следующему предостерегающему выводу: «Я вижу в Российской империи естественную соперницу западных областей Европы, притом соперницу уже сильную и, благодаря форме ее правления, грозящую стать еще могущественнее. Эта обширная империя, которая в Европе и Азии занимает почти треть Старого Света, была около двухсот лет тому назад разделена на отдельные царства и княжества, а потому и слаба. Однако со времен Ивана Васильевича она значительно окрепла и расширилась <. . .> Царство, наслаждающееся внутренним спокойствием, владеющее бескрайними землями и перенявшее военное искусство у иноземных народов, должно, естественно, становиться все могущественнее, и, возможно, в будущем мы услышим, что Россию назовут, как некогда, Officina Gentium» (т. е. «Кузницей народов», см. Письмо LXXXVII). Впрочем, Голдсмит знал уже о социальных конфликтах, назревавших в современной ему России: незадолго до пугачевского движения он рассказывал о волжских разбойниках, являвшихся «либо преступниками, либо беглыми крестьянами, ищущими убежища в лесах по берегам Волги» и задолго до Пушкина (в «Истории Пугачева») создавал впечатляющий образ плывущей по реке виселицы, на которой жестоко казнят беглецов, если их захватывают живыми (Письмо XCIV) [28].

Источники всех этих разнообразных сведений, сообщаемых Голдсмитом, оказались преимущественно французскими, однако он был очень начитан в иноязычных источниках о России и многое сообщал, так сказать, из первых рук [29].

Не уделил внимания русской литературе также и другой английский писатель XVIII в., Тобайас Смоллет, от которого, как и от Голдсмита, мы могли ожидать суждений по этому поводу не только потому, что он был издателем одного из ранних английских литературно-критических журналов («Critical Review»), но и потому, что он был довольно широко осведомлен в современной ему французской литературе. Тем не менее и Смоллет проявил особый интерес к России его времени и несколько раз писал о ней. Когда в Лондоне вышла в свет многотомная «Всемирная история», в которой было уделено некоторое внимание новейшей истории русского государства, Смоллет тотчас же откликнулся на это издание рецензией в своем «Критическом обозрении» (май 1762 г.) с обвинением составителей соответствующих русских разделов этой английской компиляции в беззастенчивых плагиатах из Вольтера и Бюшинга, книги которых были, очевидно, известны ему не понаслышке [30]. Смоллет мог сделать это с тем большим правом, что он сам издавал в это время,

Е. Р. ДАШКОВА С СЫНОМ И ДОЧЕРЬЮ
Рисунок и гравюра Г. И. Скородумова
Эрмитаж, Ленинград

в сотрудничестве с Томасом Франклином, собрание сочинений Вольтера в новом английском переводе с комментариями (1761—1765); при этом Смоллет проявил особое внимание к сочинениям Вольтера по русской истории, снабдил их своими замечаниями и попутно упрекнул его в некоторых исторических и географических неточностях относительно России [31]. Менее значительны высказывания о России Г. Филдинга [32].

К французской же просветительской литературе XVIII в. о России восходят упоминания о русском государстве, быте и нравах такого видного английского историка и философа, как Давид Юм. Юм жил в Париже, свел знакомство со многими французскими писателями и, конечно, читал многое из того, что писалось тогда о России во Франции. В своих «Essays» Юм несколько раз говорит о «московитах», о Петре I, «благородному гению» которого следует приписать наблюдающийся в России рост наук и искусств (см. в его «эссеях»: «The Rise of Arts and Sciences» и «National character» — «Расцвет искусства и науки» и «Национальный характер»), но о произведениях новой русской литературы или историографии мы и у него не находим никаких сведений. Впрочем, любопытно отметить, что именно Юм впервые издал в Лондоне по рукописи знаменитые мемуары о России Хр. Манштейна

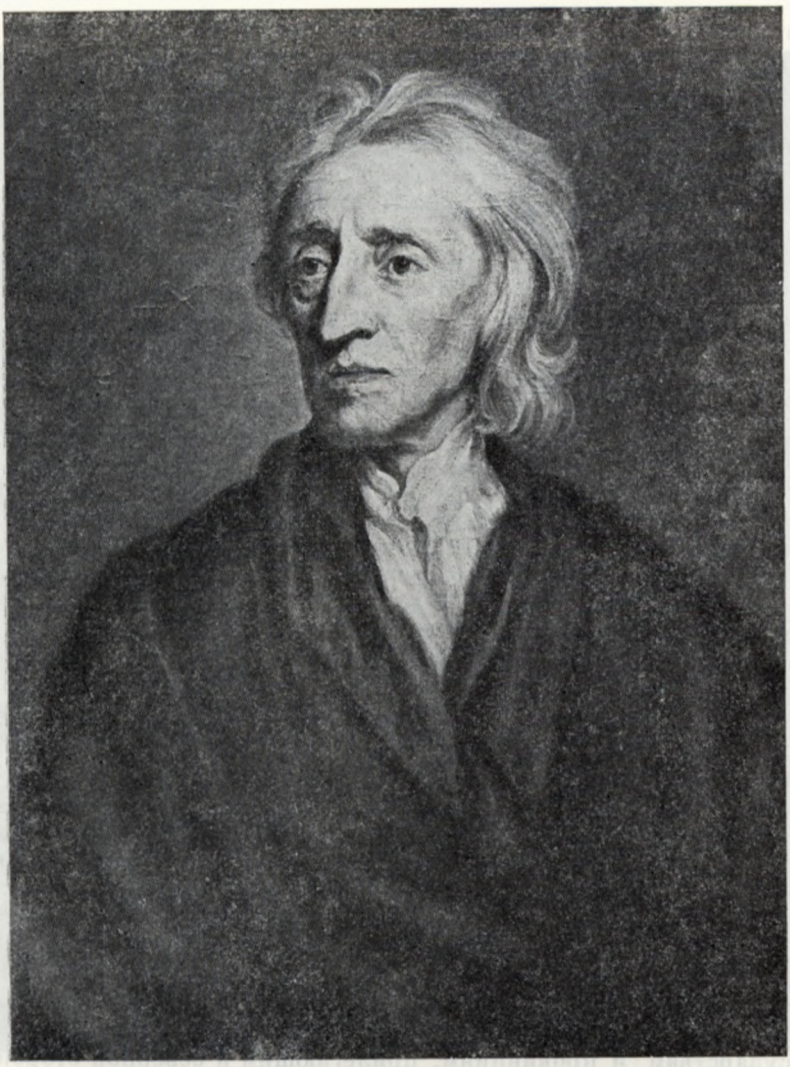
(«Memoirs of Russia, Historical, Political and Military from the year 1727 to 1744». London, 1770, quarto) [33] — одно из немногих сочинений первой половины XVIII в., которые, в общем, были доброжелательны к русскому народу и таящимся в нем творческим силам.

Не нашли мы следов специального интереса к русской литературе XVIII в. также и у других английских писателей этого времени, хотя иные из них могли установить личные связи со своими русскими собратьями и без французского или какого-либо иного посредничества. Так, в 1765 году предположена была поездка в Петербург Джона Броуна (John Brown), поэта и публициста, составлявшего для России по предложению Екатерины II особый проект реформы школьного дела. Путешествие Броуна не состоялось лишь по случаю его внезапной смерти.

В переписке с Броуном по поводу его ожидавшегося приезда в Петербург и намечавшихся им реформ образования в России находился Дэниел Дюмареск (Daniel Dumaresq; 1713—1805), состоявший капелланом британской фактории в русской столице (1747—1758): это был видный ученый филолог того времени. К сожалению, переписка Броуна с Дюмареском почти вовсе выпала из внимания историков русской культуры и просвещения в XVIII в., между тем она представляет несомненный и разносторонний интерес: Джон Броун был автором эстетического трактата о взаимоотношениях поэзии и музыки (1763) и знаменитого памфлета «Оценка нравов и принципов времени» (1751), известных и в русской печати. Дюмареск по особому поручению Екатерины II, очень интересовавшейся тогда вопросами языкознания, составил «Сравнительный словарь восточных языков» («Comparative Vocabulary of the Eastern Languages»), который был издан и привлек к себе внимание; известно также, что Дюмареск содействовал отправке в Англию русских студентов и определению их в английские университеты. Еще в 1762 г. за свои учено-литературные труды Дюмареск был избран почетным членом петербургской Академии наук [34].

3. Английские посольства в России XVIII века и русские писатели: Джордж Макартней и Джеймс Гаррис.— Английские путешественники в России в XVIII веке и русская культура: Дж. Кук, Э. Суинтон, Н. Рэксолл, В. Ричардсон, В. Кокс.— Интерес к к русской истории.— Проект В. Н. Татищева издать в Англии «Русскую историю» и его переписка с Джонасом Хенуэем.— Английские переводы «Краткого Российского Летописца» М. В. Ломоносова и «Обозрения Российской империи» С. Й. Плещеева.— Посредническая роль и литературная деятельность Я. И. Смирнова.— Возникновение в Англии интереса к русской поэзии.— Первые английские переводы произведений Сумарокова и Державина

В 1766 г. в Петербург приехал в качестве великобританского посла Джордж Макартней (George Macartney; 1737—1806) с поручением добиваться от русского правительства заключения нового трактата о союзе с Англией вместо прежних соглашений, утративших силу. Это был молодой человек 28 лет от роду, еще не отличившийся на дипломатическом поприще, на которое он вступил благодаря случайно завязавшимся у него знакомствам с видными деятелями английского кабинета. Впрочем, в пользу Макартнея при назначении его послом в Петербург говорило многое, несмотря на его годы: разностороннее образование, наблюдательность, общительность, светские манеры, усовершенствованные во Франции, где он жил некоторое время перед поездкой в Россию и где приобрел много друзей и знакомых; среди последних был Вольтер, оценивший высокие качества Макартнея как собеседника, приглашавший его погостить к себе в Ферней. Знали Макартнея также в парижских салонах и среди театралов: он был большим любителем поэзии, театральных зрелищ и прочих искусств. Во Франции Макартней



ДЖОН ЛОКК
Портрет работы Годфри Неллера
Эрмитаж, Ленинград

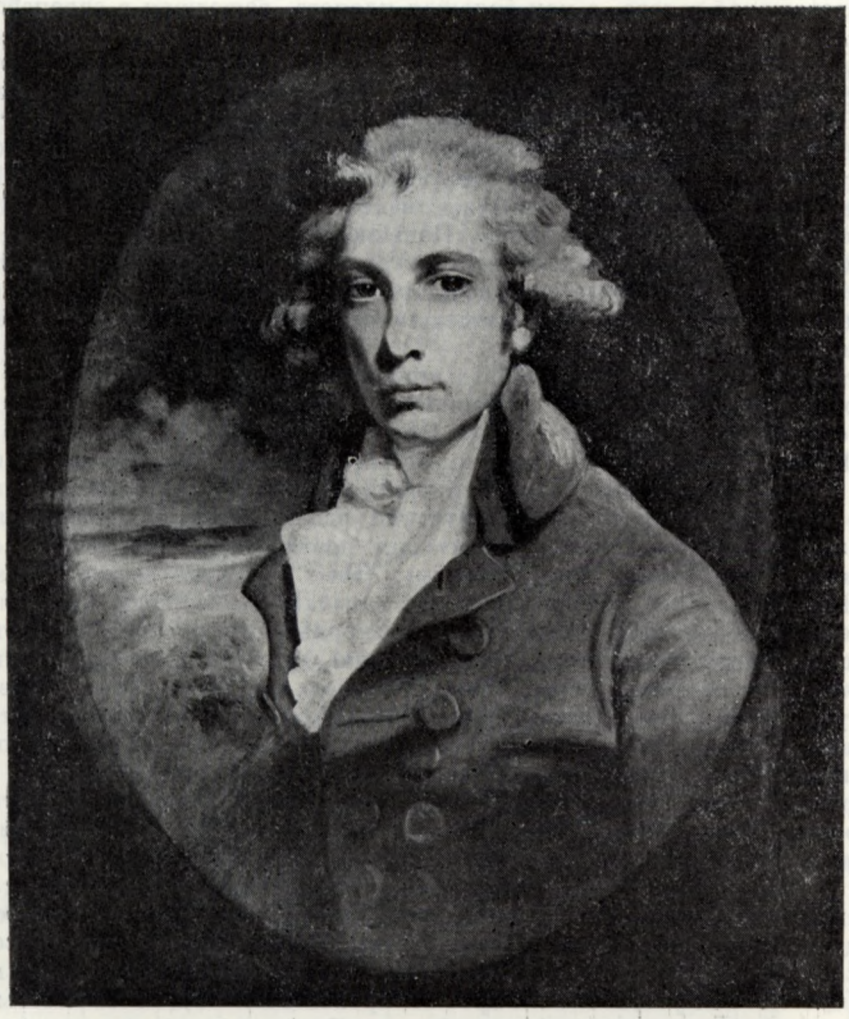
познакомился также со своим соотечественником, писателем Лоренсом Стерном (1713—1768), и между ними установились самые дружеские отношения. Стерн в это время заканчивал свою ставшую вскоре знаменитой книгу: «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1767).

Сохранилось письмо Стерна (датированное 3 декабря 1767 г.), посланное «Его превосходительству (to his Excellency), сэру Джорджу Макартнею в Петербург» и полученное им в этом городе. «Дорогой друг,— писал Стерн,— я все-таки буду называть вас другом, хотя вы теперь превосходительство, а я по-прежнему приходский священник Йорик,— и даже если бы вы сделались русским императором, я бы не мог обращаться к вам иначе ни в письмах, ни в разговоре.— Поздравляю вас, не скажу как горячо, потому что не в силах.— Я всегда чувствовал в себе нечто вроде откровения, указывавшего вам этот путь, на котором вы так счастливо преуспели ⟨...⟩ Мне казалось, что я действительно вижу вас как раз на том месте, которое вы теперь занимаете, и которое, дорогой Макартней, принадлежит вам по праву...» Из даль-

нейшего выясняется, что это письмо Стерна было ответом на письмо к нему Макартнея, извещавшего его о прибытии в Петербург и важной должности, которую он занял при дворе русской императрицы. «Я бы уже давным-давно ответил вам на ваше любезное письмо из Петербурга,— писал Стерн далее,— но каждый день получал известия, что вы оттуда уезжаете,— и только сегодня впервые узнал достоверно, *где* вас найдет моя благодарность,— каким она вас найдет, я хорошо знаю — именно — таким же, каким я знал вас всегда ⟨...⟩ Через три недели я поцелую вам руку,— а может быть, и раньше, если успею закончить мое «Сентиментальное путешествие» [35]. К сожалению, упомянутое письмо Макартнея к Стерну до нас не дошло, но мы знаем, что отъезд посла из России откладывался довольно долго и что Стерн действительно не знал, куда следует адресовать ему свой ответ. Официальное уведомление о своей отставке Макартней получил в Петербурге еще 1 августа 1766 г. Так как все его попытки склонить русское правительство к уступкам при заключении нового договора с Англией оказались тщетными и не принесшими никаких результатов, английский кабинет решил отозвать Макартнея, но ввиду того, что его преемник Стенли медлил с приездом, Макартней смог уехать из Петербурга только в конце мая следующего 1767 г. Нам неизвестно, осуществилась ли задуманная Стерном встреча с ним в Англии: здоровье писателя было подорвано чахоткой, и он умер в марте 1768 г., вскоре после возвращения из второго заграничного путешествия.

Нам представляется, однако, возможным связать с общением Стерна и Макартнея — устным или письменным — ставшее впоследствии очень известным рассуждение Стерна о недостатке остроумия и рассудительности «на Новой земле ⟨...⟩ в Северной Лапландии и во всех холодных и мрачных областях земного шара». Это рассуждение вставлено в «предисловие» к 3-й книге романа Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», по прихоти автора находящееся в XX главе книги. В этом рассуждении Стерн говорит, что в столь мрачных краях «все заботы человека в течение почти девяти месяцев кряду ограничены узкими пределами его берлоги, где духовная жизнь придавлена и низведена почти к нулю и где человеческие страсти и все, что с ними связано, заморожены, как и сами те края». Даже самая мысль об ужасной стуже, в которой должен прозябать замерзающий человек, кажется писателю устрашающей и вовсе непереносимой, и он с воплем умоляет своего читателя: «Помилосердствуйте! Не будем больше думать об этом, а отправимся как можно скорее на юг, в Норвегию,— пересечем, если угодно, Швецию ⟨...⟩ и дальше, по государствам и провинциям, прилегающим к северной стороне Финского залива и северо-восточной Балтики, до Петербурга и вступим в Ингрию,— а оттуда отправимся напрямик через северные части Российской империи, оставляя Сибирь немного влево, пока не попадем в самое сердце русской и азиатской Татарии».

Почти в то же время, когда писались эти строки и когда Стерн вместе со своими читателями совершал это воображаемое длинное и утомительное путешествие, Макартней, возвратившись в Англию и ожидая назначения на новый дипломатический пост, начал писать свою книгу о России — о наблюдениях, которые он сделал в этой северной стране, о ее климате и жителях, производительных силах и государственном управлении, обо всем том, что следовало знать человеку, которому было поручено обдумать и заключить новый англо-русский трактат, так, впрочем, и оставшийся при нем не завершенным и не подписанным представителями договаривавшихся сторон. Книга Джорджа Макартнея вышла в свет без имени автора в Лондоне в 1768 г. в очень небольшом количестве экземпляров и сразу же стала редкой. Автор назвал ее «Отчетом» о пребывании в России («An Account of Russia», 1767. Printed for the Year 1768); в предисловии же он именует свой труд «Русским альманахом на 1767 год», подразумевая под словом «альманах» (впоследствии изменившем свое значение) календарный сборник за какой-либо год, заполненный сведениями всякого рода («Russian Almanack for the Year 1767»). Собранные в книге данные действительно ка-



РИЧАРД БРИНСЛИ ШЕРИДАН
Портрет работы Джона Хоппнера
Эрмитаж, Ленинград

саются самых разнообразных сторон русской действительности этого времени: в «Отчете» приводятся сведения о России географического, статистического, исторического характера и т. д.; приложенные к книге таблицы дают наглядное представление о доходах и расходах государства, о русской армии и флоте, о торговле Англии и России. Это порой несколько сухой, но вполне достоверный фактический материал для справок и сопоставлений разного рода, приводящий к размышлениям и обобщениям. В итоге книга представляет собою обстоятельный и разносторонний отчет о состоянии России в первое пятилетие правления Екатерины II, какою эта страна представилась умному и наблюдательному англичанину. Заключения, которые делает Макартней относительно России, не всегда благоприятны, порою даже слишком резки, но все же это чаще всего размышления трезвого и непредубежденного человека, дипломата, разбиравшегося в противоречиях русской действительности той поры, к тому же считавшего себя несколько обиженным недоверием к нему как русских, так и соотечественников.

Россия, в которой Макартней прожил около двух лет (1765—1767), по его словам, должна рассматриваться Западной Европой не как отдаленная,

слабо светящаяся звезда, а как большая планета, вошедшая в европейскую орбиту; хотя ее место окончательно еще не определилось, но своим движением она сильно влияет на окружающие ее планеты. Характерен также отзыв Макартнея о русском народе, которого он, в сущности, и узнать как следует не мог, так как, живя в России недолгое время, он вращался преимущественно в светском обществе и мало понимал русский язык. Несмотря на это, он многое разглядел в окружавших его людях: «Простой народ не особенно трудолюбив, но крепко сложен и мужественен, терпеливо переносит крайний жар, холод и в особенности голод». Конечно, размышляет Макартней, русский человек имеет значительные недостатки; ко многому он равнодушен, но зато «гостеприимен, щедр, вообще добр и отнюдь не жесток. Он очень сметлив и понятлив, расположен к насмешливости и всякое дело делает весьма ловко и искусно».

Интересно отметить, что именно в этой книге Макартнея была дана, хотя и с оговорками, довольно сочувственная оценка русской поэзии, сделавшей по его словам «значительные успехи» (the Russians have of late made a considerable progress in poetry), при этом Макартней называет (вероятно, впервые в английской литературе) крупнейших ее представителей той поры. Кратко изложив свой взгляд на русский язык, который представляется ему «изумительно приспособленным» для поэтического творчества: «сжатым, сильным, музыкальным, плавным»: (their language seems exquisitely adapted to poetry, but concise, nervous, musical and flowing) и, упомянув о Кантемире, которого он считает не характерным для русской литературы, как писателя-иностранца по своему рождению, Макартней сообщает английскому читателю о «двух весьма необыкновенных талантах (two very extraordinary geniuses) после Кантемира — «Ломоносове и Сумарокове, из которых последний еще жив». «Они,— пишет Макартней далее,— усовершенствовали русскую поэзию и укрепили ее как искусство. Первый написал оду (an ode), в которой есть много возвышенных мест, второй написал много драматических произведений, имеющих замечательные достоинства. Я с большим удовольствием смотрел его «Гамлета» и «Меропу»; хотя они являются подражаниями, но очень удачно приспособлены к русской сцене. Он написал также две трагедии, основанные на событиях русской истории; этими пьесами весьма восхищаются. К этому я должен прибавить, что он преобразовал русскую сцену и привел ее в состояние такой благопристойности, порядка и великолепия, что она не уступает всем прочим европейским» [36]. Для того чтобы оценить вполне значение этих свидетельств, необходимо иметь в виду, что это были отзывы действительного знатока и тонкого критика; этот собеседник Вольтера и Стерна, живя в России, нашел время, чтобы посетить петербургские театры и дать их сравнительную оценку, его поразило их обилие; «в Петербурге — заметил он,— имеется еще французская комедия, немецкая комедия и итальянская опера»; давний театрал, Макартней мог быть настоящим судьей русских театральных зрелищ.

Впоследствии Макартней засвидетельствовал не раз свои литературные и театральные склонности. В 70-х годах он был членом кружка, группировавшегося вокруг д-ра С. Джонсона, а биограф последнего Босуэлл, конечно, не напрасно благодарил Макартнея за сообщенные им сведения об их общем друге для второго издания его «Жизни Джонсона» (1793). Эрудицию и литературный талант Макартнея в 80-х годах признавали такие его близкие друзья, как, например, Чарлз Фокс, Эдмунд Берк, Джошуа Рейнольдс... Макартней оставался дипломатом до конца жизни в различных странах Старого и Нового света и Востока, но писал он и печатал мало: в 1774 г. вышел в свет его «Отчет об Ирландии в 1773 г.»; «Путевой дневник посольства от короля Великобритании к императору Китая» («A Journal of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperior of China») — о путешествии, напоминавшем Макартнею его юные годы, посвященные ознакомлению с обширной Российской империей,— увидел свет только после его смерти.

A MANUAL

OF

AN ENGLISH AND RUSSIAN

GRAMMAR

BY

W. H. M. D.

ST. PETERSBURG.

PRINTED BY N. GRETSCH.

1822.

УЧЕБНИК АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ГРАММАТИКИ. СПб., 1822

Титульный лист

Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

A

PRACTICAL GRAMMAR

OF THE

RUSSIAN LANGUAGE

BY

JAMES HEARD.

ST. PETERSBURG.

PRINTED FOR THE AUTHOR, AND SOLD BY SLEUNINE,

AND BY BOOSEY AND SONS LONDON.

1827.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА ДЖЕЙМСА (ЯКОВА) ГЕРДА. СПб., 1827

Титульный лист

Публичная библиотека, Ленинград

PICTURESQUE REPRESENTATION

OF THE

MANNERS, CUSTOMS, AND AMUSEMENTS

OF

THE RUSSIANS,

IN ONE HUNDRED COLOURED PLATES;

WITH

AN ACCURATE EXPLANATION OF EACH PLATE

IN ENGLISH AND FRENCH.

IN THREE VOLUMES.

BY

JOHN AUGUSTUS ATKINSON, AND JAMES WALKER.

VOL. I.

LONDON:

PRINTED BY W. BULMER AND CO. CLEVELAND-ROW,

FOR THE PROPRIETORS;

AND SOLD BY THEM, AT No. 8, CONWAY-STREET, FITZROY-SQUARE; MESSRS. BOYDELL, SHAKSPEARE GALLERY, PALL-MALL, AND No. 90, CHEAPSIDE; MR. ALICI, ST. PETERSBURG; AND MESSRS. RISS AND SAUCET, MOSCOW.

MDCCCIII.

«ЖИВОПИСНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НРАВОВ ОБЫЧАЕВ И РАЗВЛЕЧЕНИЙ РОССИЯН» ДЖ. АТКИНСОНА И ДЖ. УОКЕРА

ЛОНДОН, 1803

Титульный лист

Публичная библиотека, Ленинград

Дипломатические миссии в отдаленных странах, при затруднительности почтовых сношений между ними и отсутствии возможностей расширять человеческие контакты их представителей, в XVIII в. играли гораздо большую роль, чем в более позднее время. Справедливым остается это общее наблюдение и для истории англо-русских связей в ту пору. Роль посольства Макартнея в России в этом смысле очень показательна. Если Макартней был первым английским дипломатом, давшим отзыв о современных ему русских писателях, то послу, представлявшему Великобританию при русском дворе десятилетие спустя, принадлежала весьма существенная роль в истории написания и появления в английской печати первого критического очерка о литературе в России и ее развитии, опубликованного в Лондоне в 1780 г.

Автором этого очерка был Джеймс Гаррис (James Harris; 1709—1780), имя которого сохранилось в летописях английской литературы благодаря его трудам по классической филологии и истории критики. Одним из важнейших его трудов, неоднократно переиздававшимся в Англии и переведенным на немецкий и французский языки был: «Гермес, или Философские исследования о всеобщей грамматике» (1751, 1765, 1771, 1794); среди последующих работ обратил на себя внимание обширный труд, начатый печатанием еще при жизни автора, но и законченный уже после его смерти: «Филологические исследования» («Philological Inquiries». London, 1780—1781); здесь автор дал, в сущности, историю литературной критики в западноевропейских литературах в широкой исторической перспективе, протянувшейся от античности, средневековья и Возрождения до XVIII в. включительно. В этом интересном, в некотором отношении новаторском труде Гарриса, излагавшем литературно-эстетические суждения о литературах разных веков и народов, есть также небольшое приложение, озаглавленное «Краткий отчет о литературе в России и ее развитии на пути к просвещенности» («Some Account of Literature in Russia, and of its Progress towards being civilised»). Этот очерк представляет для нас особый интерес прежде всего по той причине, что он составлен по достоверным источникам, доставленным автору его сыном, Джеймсом Гаррисом-младшим (1746—1820), впоследствии первым графом Мальмсбери, между 1778 и 1783 гг. являвшимся великобританским послом в Петербурге.

Подобно нескольким своим предшественникам на том же посту, Гаррис-младший настойчиво добивался склонить русское правительство к тесному союзу с Англией. Хотя он и не достиг цели, но вошел в доверие к Екатерине II и пользовался ее расположением, в частности как сын знаменитого филолога, ученые труды которого ей были известны. Дружескими узами связан был Гаррис-младший также с Потемкиным и другими царедворцами. Живя в Петербурге и отдаваясь светским развлечениям, Гаррис не забывал также своего отца и состоял с ним и с матерью в довольно деятельной, по условиям того времени, переписке. Через него Гаррис-старший и получал в Лондоне в 1778—1780 гг. разнообразные посылки, приходившие туда с кораблями из Петербурга, а в этих посылках бывали и книжные новинки, изданные в России, которые отправляли для него в Англию Екатерина II и Потемкин: это и стало поводом для составления небольшого очерка о русской литературе. Русского языка Гаррис-старший не знал, но он превосходно знал древнегреческий, в России же как раз в эту пору усиленной подготовки к русско-турецким войнам эллинофильство расцветало пышным цветом и было положительно в моде. Русские книжные новинки, посылавшиеся Гаррису-старшему из Петербурга, в полной мере учитывали его литературные склонности и филологические интересы: это были переводы нескольких российских од (в том числе В. П. Петрова) на греческий язык, восхвалявшие императрицу и Потемкина как защитников нынешних греков и поклонников античной культуры. Среди переводчиков новых книг, изданных в России, были греки-эмигранты, в том числе славившийся своею ученостью греческий архиепископ Евгений Булгарис, переложивший по повелению Екатерины II латинские «Георгики» Вергилия на древнегреческие гекзаметры в книге, роскошно изданной в Петербурге; среди посланных Гаррису книг были также латинские трак-

КРЕСТЬЯНСКИЙ СХОД
Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера

таты профессоров Московского университета и петербургской Академии наук, с описаниями богатейших рукописных собраний, веками копившихся в русских библиотеках. Гаррис пришел в полный восторг; в каталогах рукописных собраний он видел близко известные ему имена древнегреческих философов, драматургов, грамматиков; его русские современники демонстрировали на его глазах свою заинтересованность античной образованностью и правительственные проекты содействия ее возрождению.

Так возникло «Приложение» Гарриса к его «Филологическим исследованиям» о русской литературе. Оно представляет известный интерес, в особенности если его рассматривать в свете тех комментариев, которые давал Гаррис-младший к книжным посылкам в своих письмах к отцу.

Подробная характеристика очерка Гарриса увела бы нас далеко. Укажем лишь на основную направленность мыслей Гарриса в этом его «Приложении». Он дает здесь краткий очерк русской истории, чтобы показать давние и теснейшие связи России с Византией и Западной Европой. Как ни привыкли мы утверждать, что варварская Московия была впервые «цивилизована» Петром I, это неверно, пишет Гаррис. Следует сказать, что несмотря на некоторые оплошности (особенно в транскрипциях русских слов и имен), Гаррис проявляет достаточную осведомленность в области русской истории. Он считает географическое пространство старой Московии и татарские завоевания и набеги причинами, замедлявшими процесс равномерного развития просвещения и культуры на всей протяженности русских земель. Но он знает, например, что уже в те далекие времена, когда в Англии был королем Эдуард VI, в России Иван Васильевич (Ivan Vasilowitz) даровал англичанам особые привилегии при открытии ими торговли через Белое море. Многое из того, что приписывается Петру I, совершалось уже при Алексее Михайловиче, тогда же действовали в Москве и библиотеки, в которых хранились драгоценные рукописи с текстами античных писателей. Таким образом, очерк Гарриса представляет собой иллюстрированное своеобразными примерами рассуждение о стародавности древней русской культуры и эстетической зрелости ее современных литературных произведений, воспитанной на великих древних греко-римских образцах.

Живая связь между Англией и Россией в XVIII в. вообще осуществлялась непрерывно и особенно укрепилась во второй половине этого столетия, когда дипломатические и торговые отношения между этими странами стали более устойчивыми и оживленными. Знакомство с Россией, ее производительными силами и экономическими возможностями, планами ее государственных деятелей, культурными устремлениями и тенденциями, постоянно становилось для Англии вполне реальной необходимостью. Следствием этого явилась целая довольно обширная серия книг о России, вышедших в Англии в это время, среди которых встречаются исторические очерки, характеристики современного состояния русской империи, иллюстрированные художниками описания ее городов и живописных местностей, картины быта и нравов ее населения и т. д. Количество изданий этого рода, вышедших в Англии во второй половине XVIII в., довольно велико; не раз предпринималось составление их сводных библиографических перечней, благодаря чему они стали более легко обозримыми и чаще привлекали к себе внимание [37].

Особую группу этих изданий составляют английские путешествия по России: мы находим среди них путевые дневники или письма с дороги; иные содержат в себе более или менее поверхностные дорожные впечатления путешественников, в других помещены воспоминания о более продолжительном пребывании в этой стране англичан самых разнообразных профессий — моряков, коммерсантов, художников и т. д. Стоит отметить, что именно в это время Россия постоянно входила в круг общеобразовательных заграничных путешествий по странам континентальной Европы, в XVIII в. бывший традиционным для молодых людей из состоятельных семейств. Подобные путешествия именовались тогда «большой поездкой» (Great Tour) и предусматривали более или менее продолжительное пребывание во Франции, Голландии или Италии молодых путешественников-англичан, знакомившихся с языками, образом жизни и учреждениями других государств. «Россия начинает входить в район нашего Great Tour; посетить ее и любопытно и полезно»,— писал по этому поводу Эндрю Суинтон, приехавший в Россию в конце 80-х годов [38]. Это наблюдение соответствует истине и подтверждается другими английскими путешественниками того же времени, охотно избравшими для своих поездок, кроме Южной, также Северную Европу — Скандинавские страны, а затем и Россию, с обеими ее столицами [39].

Книги английских путешественников о России XVIII в. представляют собою довольно ценные исторические источники: вся их серия, несомненно, заслуживала бы особого исследования. Имея в виду задачи настоящей работы, мы, однако, можем остановиться лишь на нескольких из них, представляющих для нас особый интерес или заслуживших большую известность.

В первой половине XVIII в. английские путешественники кратко описывали различные русские области в качестве удобных транзитных путей для коммерческих поездок на Восток. Таковы, например, книги Джеймса Спилмена (1742), Джона Хенуэя (1753), Джона Кука (1770) [40]. Во второй половине того же столетия Россия все чаще становилась конечной и единственной целью вояжа и интересовала уже сама по себе, а не только как средство добраться до соседних с ней территорий. Менялась теперь и главная цель поездки: торговые расчеты и соображения отступали на второй план; главными объектами наблюдений становились люди, общественные установления, обычаи и нравы страны, которую знали слишком мало, по устаревшим источникам и до происшедших в ней преобразований. Все это сообщало книгам английских путешественников особый колорит, которого не имели более ранние сочинения в том же жанре.

В 1792 г. в Лондоне вышла в свет книга Эндрю Суинтона «Путешествия в Норвегию, Данию и Россию» [41]. Автором ее был молодой шотландец, отправившийся в Россию в конце 80-х годов для свидания со своим родственником, адмиралом С. Грейгом, состоявшим тогда на службе в российском флоте [42]. Книга состоит из 44 писем, из которых 35 посвящены России. Суинтон прие-

хал в Ригу в октябре 1788 г., а последнее его письмо из Петербурга помечено мартом 1791 г.; таким образом, он провел в России более двух лет. Письма, составляющие книгу, по возвращении его домой подверглись тщательной литературной обработке, в которой Суинтону оказал помощь некий знакомый ему опытный литератор, в результате чего она приобрела необычные для рядовых описаний путешествий литературные достоинства. Еще более существенно то, что Суинтон стремился дать английскому читателю не столько сведения исторического или географического характера о стране, которую он посетил, сколько то, что характеризует русский народ и может служить иллюстрацией современного состояния русского общества, притом не только высших, но даже самых низших ее слоев (...to illustrate the actual state of society and that not only among the great, but the people and even the very lowest of the people). Хотя в книге Суинтона не говорится о русских писателях и об их произведениях, но зато здесь идет речь о русском фольклоре и о том языке, на котором он создается: об этом Суинтон пишет с полным сочувствием. Русская устная речь ему нравилась: «Уши мои, никогда не выносившие немецкого, примирились с нежностью, свойственной русскому языку» (to the softness of the Russian language),— признавался Суинтон; от русских же народных песен он был в полном восторге и предпочитал их итальянским; в России песни поют, по его словам, «с утра до вечера» (prefer many of the Russian songs to the Italian — they are simple but exquisitely pleasing... a Russian sings from morning till night). Книга эта была замечена в Западной Европе и долго читалась; она была переведена на немецкий (1793), французский (два издания: 1798 и 1801) и на итальянский языки (Milano, 1816) [43].

Немецкий переводчик «Путешествий» Суинтона в предисловии к своему изданию, между прочим, сравнивал английских и немецких путешественников того времени и находил существенное различие между ними. Своих соотечественников он считал и более основательными и лучше подготовленными для описания чужих стран, куда они отправлялись; англичане же, по его мнению, были и более легкомысленными и недостаточно подготовленными для своих вояжей, что, впрочем, не мешало их наблюдательности и умению фиксировать впечатления; все, что они видели за границей, они мерили собственной меркой, с точки зрения тех представлений, которые сложились у них дома, были, как он говорит, «твердо усвоены в их собственном, дорогом для них отечестве» [44]. Этот отзыв явно пристрастен и несправедлив: всякий путешественник, размышляя о той стране, которую он посещает, естественно, исходит из тех представлений, какие он вывез из собственной страны; это не только его право, но и естественная необходимость; что же касается английских путешественников, то в это время они в большинстве случаев были достаточно широко образованными людьми, сумевшими дать собственную оценку многим явлениям русской общественной и культурной жизни с точки зрения ранее сложившихся и уже традиционных форм социальной жизни в Британской империи; английские путешественники по России, например, единодушно осуждали уродливые проявления крепостного права и следствия деспотического государственного строя.

В этом отношении, обладая, так сказать, специфической окраской представляемых дорожных впечатлений, некоторые книги английских путешественников по России в конце XVIII в. имели особый интерес для читателей, в частности русских, где их рассматривали порою как книги свободолюбивые. Назовем здесь, в частности, книгу Н. Рэксолла (Nathaniel Wraxall; 1751—1831) «Беглые заметки, сделанные во время поездки по некоторым северным частям Европы, в особенности в Копенгагене, Стокгольме и Петербурге» («Cursory remarks made in a tour through some of the northern parts of Europe, particularly Copenhagen, Stockholm and Petersburg». London, 1775). Автор ее на исходе столетия играл заметную роль в английском парламенте, имея вкус к занятиям политической деятельностью, приобретенный им еще в юности во время службы в Ост-индской компании. Поездка на скан-

динавский север также была предпринята им с политической целью (в связи с возникшими тогда проблемами престолонаследия в Дании). Слабостью Рэксолла были путешествия, которым он придавал особую воспитательно-образовательную роль («travell'd learning»). Путешествовал он всю жизнь, присматриваясь к особенностям общественной и политической жизни во всех странах, где бывал, и умер в Дувре, направляясь в Неаполь, когда ему уже исполнилось восемьдесят лет. Рэксолла лично знал доктор Сэмьюэль Джонсон, сказавший о нем однажды (в письме к Mrs. Thrale от 22 мая 1775 г.), что «хотя он слишком болтлив, но его стоит читать». [45] Правда, в указанной книге часть, посвященная России, не слишком велика; Рэксолл приехал в Петербург из Копенгагена и провел в русской столице около месяца, а затем возвратился в Англию через Ригу и Митаву. Обо многом виденном в Петербурге он составил себе довольно ясные представления, но русского языка не знал и русской словесностью еще не заинтересовался [46].

Десятилетие спустя в Лондоне вышла в свет книга литератора Вильяма Ричардсона (1743—1814) «Анекдоты о Русской империи в ряде писем, написанных несколько лет назад из С.-Петербурга» («Anecdotes of the Russian Empire in a series of letters written a few years ago, from St. Petersburg». London, 1784; имя автора стоит не на титульном листе, а после посвящения). Книгу составляют 56 писем из Петербурга в Англию, датированных между августом 1768 г. и августом 1772 г. Таким образом, строго говоря, это не описание путешествия; письма фиксируют не дорожные впечатления, а скорее, обозначают хронологические этапы постепенного ознакомления с Россией жившего здесь иностранца, в течение четырех лет сообщавшего вести о себе своим друзьям. Ричардсон приехал в Петербург вместе с великобританским послом, лордом Каткартом (Charles Henry Cathcart), при котором он состоял секретарем. Годы, прожитые Ричардсоном в Петербурге, доставили ему множество наблюдений и возможность тщательно их проанализировать. Он сделал это с пониманием и вкусом, так как был прирожденным литератором, проявив при этом незаурядную осведомленность в различных областях знания, в частности в истории и юриспруденции. Все это сделало его «Анекдоты о Русской империи» очень популярными в Европе (были изданы их переводы на голландский, французский и немецкий языки) [47]. Недавно интерес к этой книге был пробужден вновь переизданиями и специальными исследованиями, ей посвященными [48]. По возвращении в Лондон Ричардсон вскоре уехал в Шотландию; в течение ряда лет он читал лекции в университете г. Глазго, общаясь с А. Смитом, Дж. Милларом и местными литераторами. В год первого издания «Анекдотов» Ричардсон выпустил в свет также книжку своих стихотворений, большею частью пасторального характера («Poems, chiefly rural», 1784). Известен был Ричардсон как литературный критик: его перу принадлежит трехтомный труд о характерах действующих лиц в драматических произведениях Шекспира (1775—1788). Эта книга породила споры и переиздавалась, несмотря на то, что в своих моралистических рассуждениях о галерее образов, созданных творческой фантазией Шекспира, Ричардсон слишком строго судил наследие великого драматурга.

Удивительным представляется нам, то, что Ричардсон — разносторонний литератор, критик, поэт, пробовавший свои силы и в жанре драматургии, в своих «Анекдотах» не сообщил ничего ни о русской литературе той поры, ни о русских писателях, о чем, думается, он при своих склонностях не мог не слышать живя в Петербурге. Чем можно объяснить это умолчание? Вероятнее всего тем, что он не знал русского языка и вел сравнительно замкнутую жизнь в посольском петербургском доме, общаясь преимущественно с петербургскими иностранцами. Впрочем, Макартней, живя в аналогичных условиях на берегах Невы, ранее Ричардсона побывал в театре на представлении трагедий Сумарокова и знал понаслышке об одах Ломоносова.

Из английских путешественников той поры основательнее других состоянием русского просвещения и литературного творчества заинтересовался Уильям Кокс, включивший в свою книгу «Путешествий» по Северной Европе

КАЗАЧЬЯ ПЛЯСКА

Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера

особый «Очерк о начале и успехах российской словесности», перевод, составленный также по иностранным источникам. Но книга Кокса считалась лучшей в своем роде и получила широкую известность во всей Европе; привлек к себе внимание и помещенный в ней историко-литературный очерк.

Уильям Кокс (W. Coxe; 1747—1828) совершил путешествие в Россию в качестве наставника старшего сына графа Пемброка, лорда Герберта, которому посвящена была и книга, описывающая это «образовательное путешествие» молодого английского аристократа, происходившего из семьи, вскоре породнившейся с семьей русского посланника в Лондоне, графа С. Р. Воронцова. Кокс со своим воспитанником в 1778 г. проехали в Польшу; затем, из Варшавы, через Смоленск и Вязьму они прибыли в Москву, где жили некоторое время, изучая достопримечательности старой русской столицы и заводя здесь обширные знакомства. Потом через Тверь и Новгород они отправились в Петербург, где оставались в течение пяти месяцев. В результате этого путешествия через несколько лет по возвращении на родину Кокс выпустил свой труд с описанием виденных ими стран: «Путешествия по Польше, России, Швеции и Дании, перемежаемые в тексте историческими очерками и политическими справками. Иллюстрировано картами и гравюрами» («Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries. Illustrated with charts and engravings»). Первое издание книги вышло в двух томах in 4^0 в 1784 г.; в том же году в Лондоне выпущено было второе издание, в трех томах (здесь, в частности, были помещены три иллюстрации, сделанные по рисункам Г. И. Скородумова — русского художника, учившегося в Англии) [49]. Несмотря на свой большой объем, «Путешествия» Кокса выдержали в XVIII в. шесть изданий на английском языке, а, кроме того, вышли в свет в переводах на немецкий, французский, голландский, шведский и итальянский языки [50]. Этими изданиями, составляющими целую библиотеку, дело, однако, не ограничилось; книга печаталась в извлечениях, рецензировалась во многих европейских журналах, подверглась даже контрафакциям. Самой известной подделкой явилась книга французского литератора и историка П. Н. Шантро

«Философическое, политическое и литературное путешествие, совершенное по России в 1788 и 1789, переведенное с голландского языка, с дополнениями» (2 vols., Hamburg, 1794); любопытно, что оно, в свою очередь, переведено было на немецкий и *английский* языки [51]. Особая популярность книги Кокса во всей Европе объяснялась не только ее модной темой, но и действительными достоинствами этого труда: по обширности и разнообразию суждений о России, ее государственном строе, о расстановке ее общественных сил, ее науке и культуре, литературе и искусстве, сочинение Кокса выделялось среди других сочинений этого рода, представляло собой незаурядное явление и сохраняло свое значение долгое время.

Едва ли можно сомневаться в том, что труд Кокса был известен и в России, хотя во второй половине 80-х годов (на которую приходится наибольшее количество его изданий в подлиннике, переводах и переделках) он должен был привлечь к себе тревожное, настороженное внимание русских правительственных кругов, так как содержал в себе немало «вольных» и «опасных» по тому времени мыслей. Достаточно сказать, что автор самым недвусмысленным образом осудил крепостное право, описав все безмерные тяготы жизни крестьянина-раба и жестокое обращение с ним своенравных помещиков, а также резко высказался относительно духовенства и той отрицательной роли, какую оно играло в распространении просвещения в широких слоях народа. В 1778 г., к концу жизни в России, Кокс мог еще довольно свободно делиться наблюдениями над контрастами русской действительности со своими петербургскими собеседниками и даже удостоился одобрительной улыбки императрицы, когда однажды был представлен ей вместе со своим воспитанником. Но десятилетие спустя все резко изменилось. После впечатления, которое произвели на русский двор революционные события во Франции, после процесса Радищева, книга Кокса, естественно, должна была попасть в число запрещенных иностранных сочинений: о переводе ее или даже об обсуждении в печати уже не могло быть и речи. Впоследствии Н. И. Греч в своих мемуарах вспоминал о «Путешествии Кокса по России» как о книге «строго запрещенной» [52]. Этим, вероятно, объясняется и то, что еще в 1837 г. небольшое извлечение из книги Кокса — описание его поездки из Москвы в Петербург — могло появиться отдельным изданием только без имени автора («Путевые записки одного англичанина». М., 1837) [53].

В связи с этим стоит отметить, что книга Кокса, вопреки отрицательному отношению к ней в петербургских правительственных кругах, все же, очевидно, получала доступ к некоторому числу русских читателей; знали о ней, вероятно, как и о других аналогичных сочинениях английских путешественников, русские литераторы, в особенности из числа тех, кто интересовался зарубежными литературами и владел иностранными языками. «Путешествия» Кокса, по-видимому, были известны А. Н. Радищеву и могли оказать воздействие на выбор самого жанра и композиции его собственной знаменитой книги («Путешествие из Петербурга в Москву», 1790), тем более, что в то время этот жанр считался у нас специфически «английским». Еще в 1772 г. в сатирическом журнале Н. И. Новикова «Живописец» (ч. 1, л. 13) была напечатана статья под заглавием «Английская прогулка», наводящая на такую мысль. В этой статье Новиков приводит свой разговор с одним из читателей его журнала, спрашивавшим издателя, почему он не печатает продолжения того очерка который был напечатан в «Живописце» ранее (лист 5),— «Отрывок из путешествия в И***, Т***», где был «описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и, следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий» (как известно, указанный «Отрывок» издавна приписывается перу А. Н. Радищева). Далее будто бы этот собеседник издателя «Живописца» сказал ему следующие слова, проникнутые тонкой и горькой иронией: «Когда ж все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают тот ваш листок в английском вкусе написанным? Ибо в Англии дворяне

ЛЕТНЯЯ КИБИТКА
Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера

критикуются равно, как и простолюдимы. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие в английском вкусе написанное.* Может быть, что это название, вместо порицания, привело бы его в моду... О, времена, о нравы! — сказал сей господин, воздохнувши. После сего усильно просил он меня, чтобы продолжение и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием: *Английской прогулки*». [54] Не случайно, по всей вероятности, также, что М. Н. Муравьев, совершивший в 1793 г. путешествие из Петербурга в Москву через Новгород и Тверь, собирался обработать свои путевые записи для печати и придумал для них *английское* заглавие: «The Idle Traveller», что значило по его словам «Путешествие праздного человека» [55], но могло быть выбрано с аллюзией на периодическое издание Сэмьюэля Джонсона («The Idler»). Очевидно, М. Н. Муравьев имел в виду тот самый жанр путевых записок в английской литературе, который француз П. Шантро в своей компиляции, составленной главным образом по книге Кокса, назвал «Философическим путешествием».

Возвратимся, однако, к очерку «о начале и успехах русской словесности», включенному Коксом в его «Путешествия» [56]. Как мы уже подчеркнули выше, очерк этот составлен автором не по русским пособиям, а по иностранным сочинениям. Важнейшим из них была французская книга Леклерка «История современной России» («Histoire de la Russie moderne», 1783) и в особенности напечатанная в ней глава «О русских поэтах, историках и литераторах». Но труд Леклерка вышел в свет через несколько лет после возвращения Кокса на родину; Кокс мог воспользоваться сведениями французской книги только перед самым окончанием и началом публикации собственного труда, что исключало возможность проверки собранных Леклерком данных. Следует также иметь в виду, что и Леклерк приводил сведения главным образом из вторых рук, и суждения его были малосамостоятельными; правда, он сумел обратиться за помощью к русским литераторам и, в частности, высказал благодарность Н. И. Новикову, которому считал себя особенно обязанным в ознакомлении с русской литературой. У Леклерка же Кокс мог прочесть во французских прозаических переводах фрагменты русских поэтических произведений Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и других [57].

Следуя несовершенным французским прозаическим переводам Леклерка, Кокс также привел в собственных английских переводах несколько фрагментов из произведений русских поэтов. Эти фрагменты не только хорошо иллюстрировали скомпилированный по Леклерку очерк об успехах русской словесности; это были первые или самые ранние опыты передачи английской прозой русского стихотворного текста. Такова прежде всего элегия А. П. Сумарокова, обращенная к артисту И. А. Дмитревскому на смерть их общего друга — Ф. Г. Волкова (1763).

Федор Григорьевич Волков, основатель первой русской профессиональной актерской труппы, затем первый артист придворного театра, директором которого с 1756 по 1761 г. был Сумароков, являлся крупнейшим деятелем русской сцены: кончина его была оплакана его друзьями и любителями русского театра. Леклерк, привел отрывок из элегии Сумарокова в той ее части, где поэт, обращаясь к Мельпомене, призывает ее оплакать покойного прославленного русского актера, с поддержкой которого он сам насаждал на русской сцене французскую классическую драматургию. В этой элегии, напечатанной в 1763 г., Сумароков, между прочим, писал, обращаясь к И. А. Дмитревскому:

Котурна Волкова пресеклися часы.
Прости, мой друг, навек, прости, мой друг любезный!
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о Россы! вам;
Богиня, а тебе поставил пышный храм;
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды,
Се века целого прилежность и труды!..[58]

Как видим, уже в этих начальных стихах элегии звучала не только скорбь о потере соратника и друга, но и гордое самоутверждение поэта, что было очень типично для Сумарокова. Однако элегия с трудом поддавалась передаче на другом языке, так как переводчики не могли знать всех исторических обстоятельств, вызвавших появление ее в печати и, может быть, не всегда правильно разгадывали смысл некоторых ее метафор или мифологических уподоблений («Котурна Волкова», т. е. актера Волкова «Пегасов... источник», т. е. Иппокрена и т. д.). Поэтому оригинальный текст ее (двадцать пять стихотворных строк) при переводе французской прозой Леклерком сокращен до десяти, чему строго следовал и Кокс, переводя с французского на английский [59]. Таким образом, и это стихотворение, несмотря на неполный и неточный его английский перевод, как и очерк Кокса об успехах русской литературы и попутные указания его на русских писателей в других местах его «Путешествий», могли сыграть свою роль, так как являлись для английских читателей единственными в своем роде. Как уже отметил А. Кросс, «наиболее полный (в 1784 г.) и легко доступный» обзор русской литературы Кокса дал материал для небольших статей о Кантемире, Хераскове, Ломоносове, Сумарокове и Волкове в английском «Новом всеобщем биографическом словаре» («New and general biographical dictionary», 1784; дополненное издание — 1798 г.) [60]. Это был первый случай включения в английский словарь энциклопедического характера сведений о русских писателях.

Таким образом, из рассмотренных книг английских путешественников о России явствует, как мало уделялось ими внимания литературе и вообще умственной жизни. Упомянутые выше очерк Кокса или краткий сочувственный отзыв о Ломоносове и Сумарокове Макартнея нисколько не были характерными для того времени, когда они появились в печати: это были лишь

исключения из общего правила. Остальных англичан, писавших о России на основании собственных впечатлений, занимали другие проблемы: социальные конфликты, отношения общества и власти, крестьянский вопрос, армия и флот, внешняя политика и т. д. Приезжим англичанам имена русских писателей, которых им называли, русские книги, которые они могли держать в руках, пока что говорили мало, они были для них или вовсе недоступны по языку или представлялись недостойными внимания. Далее общих фраз и заявлений, сделанных с чужих слов,— о числе русских писателей, количестве издаваемых книг, о любви к чтению — в подобных случаях обычно дело не шло. Лишь *устное* слово, песня привлекали к себе внимание англичан-путешественников.

ОХТИНСКИЕ МОЛОЧНИЦЫ
Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера

Не лишенное интереса свидетельство о русской народной поэзии мы находим в «Путешествиях» того же Кокса. Кокс не мог надивиться охоте русского народа к пению: «Как скоро ямщик сядет на козлы, тотчас же начинает он запевать какую-нибудь песню и продолжает ее непрерывно по нескольку часов. Но еще удивительнее было для меня, когда пели по два хора, так что один, казалось, спрашивал, а другой отвечал ‹...› Ямщик поет от начала до конца перегона между станциями, земледелец не перестает петь при самых трудных работах; во всяком доме раздаются громкие песни, а в тихий вечер нередко доходят до слуха вашего отголоски из соседних деревень...» Все это, несомненно, личные впечатления; но когда дело доходило до вопроса, о чем же поется в заунывных песнях ямщиков, на что жалуются, о чем рассказывают в своих песнях русские крестьяне,— незнание русской речи ставило обычные препятствия путешественнику, и он опять принужден был обращаться за разъяснениями к иностранным литературным источникам.

Кокс писал, что русские песни разнообразны и соответствуют личным вкусам исполнителей: то воспевается в них какое-либо древнее предание (an ancient legend) или история какого-нибудь громадного великана (the history of an enormous giant), то излагается объяснение в любви или приводится диалог между любовником и его возлюбленной, то говорится о разбойнике, то изображается красивая девушка [61]. Все эти данные воспроизводят свидетельство писателя, долго жившего в России и занимавшегося изучением «русской национальной музыки». Кокс имеет здесь в виду петербургского академика Якоба Штелина и его «Известия о музыке в России», в частности тот параграф этого сочинения, который посвящен «сельской музыке простонародья в деревнях, местностях и городах». Однако Кокс многое опустил из этого свидетельства, а кое в чем не мог разобраться [62].

О русской народной поэзии, в частности песенной, более обстоятельно, на основании собственных впечатлений, писали англичане, постоянно жившие в Петербурге или Москве, но сочинения их появлялись в печати позднее, в первые десятилетия XIX в., и о них пойдет речь ниже. Упомянем здесь лишь изданный на французском языке труд шотландского врача Метью

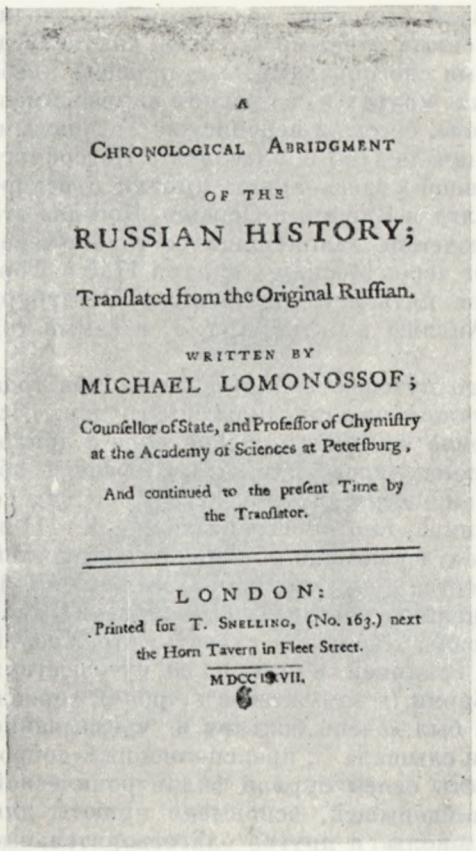
Гатри о русских древностях («Dissertations sur les antiquités de Russie; contenant l'ancienne mythologie, les rites païens, les fêtes sacrées, les jeux ou ludi, les oracles, l'ancienne musique, les instruments de musique villageoise... etc.» St. Petersbourg, 1795), в котором среди большого этнографического материала есть данные и о русской народной поэзии и даже приведены в переводах самые тексты русских песен, для доказательства сходства их с древнегреческими [63].

Автор этой книги, Метью Гатри (Matthew Guthrie; 1743—1807), приехал в Россию молодым в начале 60-х годов, прожил здесь более сорока лет и умер в Петербурге. Об этом человеке, долгое время служившем посредником между Россией и Великобританией на культурном и научном поприще, вспомнили лишь недавно. А. Кросс, в частности, установил, что Гатри был с 1792 г. постоянным корреспондентом журнала, издававшегося в Эдинбурге Джеймсом Андерсоном (с 1790 по 1794 г.), «Пчела» («The Bee, or Literary Weekly Intelligencer»), где печатал свои статьи и заметки о России под псевдонимом «Арктикус» [64]; среди этих многочисленных статей на самые разнообразные темы, по истории и археологии, этнографии и сельскому хозяйству, орнитологии и домоводству и т. д. есть также несколько переводов с русского, в частности «Слова похвального... памяти Петра Великого» Ломоносова или «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II. Отдельное издание этой сказки после ее журнальной публикации без имени переводчика появилось в Лондоне в 1793 г и довольно долгое время несправедливо считалось даже первым переводом произведения русской художественной литературы на английский язык [65]. Другие переводы, выполненные М. Гатри, так и остались в рукописи.

Таким образом, русская литература всего XVIII в. прошла в Англии почти незамеченной. Русские писатели были здесь мало известны даже по именам; благодаря этому в Лондоне могли появляться «псевдо-переводы» с русского языка, приписанные небывалым русским писателям, и эти подделки принимались на веру. Таков был, например, трехтомный роман («Радзивил»), якобы принадлежавший перу «знаменитого М. Воклова» (of the celebrated M. Wocklow), «переведенный с русского» и изданный в Лондоне в 1790 г. [66] Нельзя не согласиться с библиографом, описавшим эту книгу, который заметил, что поскольку «вся фактура настоящего романа вполне английская, то нет сомнения, что история о русском его происхождении принадлежит воображению английского издателя, имевшего целью посредством этой выдумки возбудить большее любопытство публики и скорее распродать свою книгу. Должно думать, что он как-нибудь узнал о Волкове (Александре Андреевиче, ум. 1788), которого комедии давались тогда на придворном театре, и, чтобы придать своей выдумке некоторую правдоподобность, прямо приписал свой роман этому сочинителю, не умея между тем хорошенько назвать его фамилию» [67].

Если русской художественной литературой в Англии в XVIII в. интересовались мало, то иным было отношение к русской истории, государственности, дипломатии. Всем этим в XVIII в. англичане интересовались очень сильно.

Государственные и экономические интересы Англии и России соприкасались в это время слишком тесно, а вопросы взаимоотношений обеих держав, в особенности же укрепление на востоке после русско-турецких войн, начали не только занимать, но и тревожить английских политиков. Возник новый, гораздо более интенсивный интерес к историческим судьбам русского народа и условиям развития русской государственности. Можно считать вполне естественным и закономерным, что две первые русские книги, изданные в Лондоне в английском переводе (одна в середине, другая — в конце столетия) оказались трудами по русской истории и географии. Эта были «Краткий Российский летописец» Ломоносова (1767) и «Обозрение Российской империи» С. И. Плещеева (1792).



A

CHRONOLOGICAL ABRIDGMENT

OF THE

RUSSIAN HISTORY;

Tranſlated from the Original Ruſſian.

WRITTEN BY

MICHAEL LOMONOSSOF;

Counſellor of State, and Profeſſor of Chymiſtry at the Academy of Sciences at Peterſburg,

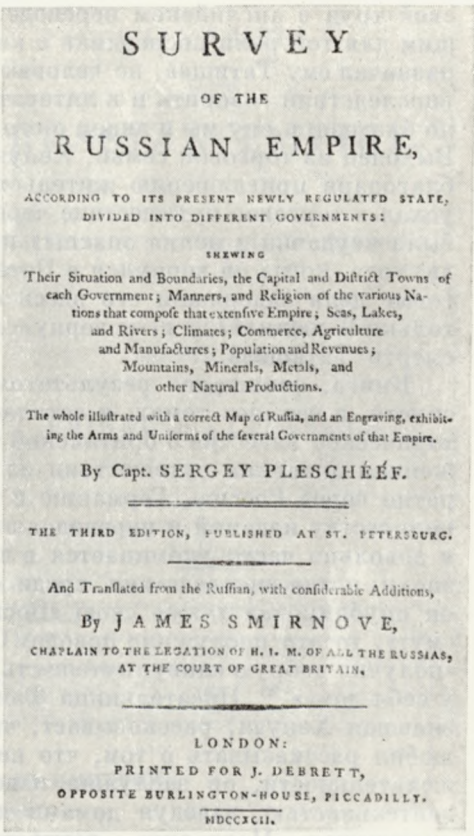
And continued to the preſent Time by the Tranſlator.

LONDON:

Printed for T. SNELLING, (No. 163.) next the Horn Tavern in Fleet Street.

MDCC[illegible]VII.

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ» М. В. ЛОМОНОСОВА
Лондон, 1767
Титульный лист
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград



SURVEY

OF THE

RUSSIAN EMPIRE,

ACCORDING TO ITS PRESENT NEWLY REGULATED STATE, DIVIDED INTO DIFFERENT GOVERNMENTS:

SHEWING

Their Situation and Boundaries, the Capital and Diſtrict Towns of each Government; Manners, and Religion of the various Nations that compoſe that extenſive Empire; Seas, Lakes, and Rivers; Climates; Commerce, Agriculture and Manufactures; Population and Revenues; Mountains, Minerals, Metals, and other Natural Productions.

The whole illuſtrated with a correct Map of Ruſſia, and an Engraving, exhibiting the Arms and Uniforms of the ſeveral Governments of that Empire.

By Capt. SERGEY PLESCHÉÉF.

THE THIRD EDITION, PUBLISHED AT ST. PETERSBURG.

And Tranſlated from the Ruſſian, with conſiderable Additions,

By JAMES SMIRNOVE,

CHAPLAIN TO THE LEGATION OF H. I. M. OF ALL THE RUSSIAS, AT THE COURT OF GREAT BRITAIN.

LONDON:

PRINTED FOR J. DEBRETT,

OPPOSITE BURLINGTON-HOUSE, PICCADILLY.

MDCCXCII.

«ОБОЗРЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» С. ПЛЕЩЕЕВА
Лондон, 1792
Титульный лист
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

Правда, еще ранее, в 1740-х годах, предпринята была попытка издать в Англии большой русский исторический труд, но она оказалась неосуществимой в ту пору сложных дипломатических отношений между Россией и Англией [68]. О попытке этой стоит упомянуть, так как она представляет несомненный интерес благодаря лицам, вошедшим между собою в общение по этому поводу.

Крупнейшим русским историком первой половины XVIII в. был, как известно, В. Н. Татищев (1686—1750), один из сподвижников и продолжателей Петра I на культурном поприще и многообразный деятель просветительского направления. В первой половине 1740-х годов, когда он заканчивал свою служебную деятельность на посту астраханского губернатора, его «История Российская» была уже написана. Известно, что еще в 1739 г. он представлял ее петербургской Академии наук, которая весьма прохладно отнеслась к этому замечательному труду и не предприняла ничего для его опубликования; лишь через тридцать с лишним лет после этого представления и спустя двадцать лет после смерти самого Татищева вышли в свет четыре книги «Истории» (М., 1768—1794), а последняя пятая книга была издана только в XIX в.

В 1743 г. Татищев, находясь в Астрахани, познакомился с оказавшимся там англичанином, Джонасом Хенуэем (Jonas Hanway; 1712—1786), и тогда-то у него возникла мысль воспользоваться этим знакомством и издать

свой труд в английском переводе. Хенуэй был явно человеком неподходящим для той роли посредника с английскими учеными кругами, какую предназначал ему Татищев, но человек он был своеобразный, заставивший о себе впоследствии говорить и в литературных кругах и, во всяком случае, именно благодаря ему мы и знаем о его встрече, беседе и переписке с Татищевым. Выходец из торговой семьи, Хенуэй в начале 1743 г. оказался в Петербурге благодаря приглашению жительствовавшего здесь купца Дингли и вскоре уехал в торговое путешествие через Волгу и Каспий в Персию. Поездка эта была неудачна и полна опасных приключений, закончившихся только через два года, когда он вернулся в Петербург через Москву 1 января 1745 г. Торговые дела задержали его здесь еще на пять лет: он покинул Петербург только 9 июля 1750 г. и вернулся в Англию в октябре, т. е. в самый год смерти Татищева.

Книга, явившаяся результатом этого путешествия, появилась три года спустя, в четырех томах, и осталась лучшим из написанных им трудов: «Историческое известие о британской торговле через Каспийское море с приложением дневника путешествия из Лондона через Россию в Персию и обратно через Россию, Германию и Голландию...» (Лондон, 1753) [69]. Судя по количеству изданий и переводов этой книги, она много читалась в XVIII в. и довольно часто упоминается в письмах, воспоминаниях и документах этой эпохи; когда впоследствии, среди множества других изданных им сочинений, он опубликовал также свою «Восьмидневную поездку из Лондона в Портсмут», то это послужило поводом Сэмьюэлю Джонсону сказать, что Хенуэй «получил добрую славу, путешествуя за границей, и потерял ее, путешествуя у себя дома» [70]. Писательница Фанни Берни (в замужестве д'Арбле), хорошо знавшая Хенуэя, рассказывает, что он был «очень болтлив и чрезвычайно любил рассказывать о том, что видел и слышал» [71]; преисполненный доброжелательности, он заслужил известность своей бурной филантропической деятельностью, заведуя домами для найденышей, основывая приюты для «кающихся Магдалин», воскресные школы и другие благотворительные учреждения и находя время для писания книг и брошюр преимущественно дидактического содержания. Одна из его брошюр («On tea»), посвященная борьбе с «пагубной», как ему казалось, привычкой пить чай, долго помнилась потому, что вызвала остроумную полемику с ним С. Джонсона и Оливера Голдсмита, красноречиво защищавших этот напиток [72].

Именно этому чудаковатому филантропу, любителю многословных рассуждений на нравственные и воспитательные темы, который, однако, до конца своей долгой жизни любил рассказывать о семи годах своих странствований по России и Персии, об ограблении его пиратами на Каспийском море, о Кавказе и калмыцких степях Привольжя, мы и обязаны сохранением весьма любопытного эпизода из научной биографии В. Н. Татищева. В книге о своем путешествии Хенуэй рассказывает, что в 1743 г., на обратном пути из Персии, в Астрахани, он познакомился с Татищевым, а затем два года спустя (следовательно, уже в 1745 г. в Петербурге) получил от него письмо, которое он тут же и приводит.

«Вам известно,— писал Татищев Хенуэю,— что уже почти двадцать лет тому назад я начал писать русскую историю, которую намерен окончить; надеюсь, что она вскоре будет издана в свет к удовольствию ученого мира...» Таким образом, о своих исторических занятиях Татищев сообщил Хенуэю еще в личной беседе с ним. Далее Татищев в этом же письме высказывал желание посвятить свой труд английскому ученому обществу и увидеть его на английском языке: «У меня особенное расположение к английскому народу и величайшее уважение к его «Королевскому обществу», потому что мир получает огромные выгоды от различных ученых сочинений и споспешествования его полезным знаниям. Поэтому мне заблагорассудилось, в знак моего уважения, посвятить этому Обществу мою историю. Между тем, мне недостает переводчика, и я не могу решиться послать ее в Англию в подлиннике, из боязни, чтобы по несовершенному знанию русского языка

COSTUME

OF THE

RUSSIAN EMPIRE,

ILLUSTRATED BY UPWARDS OF

SEVENTY RICHLY COLOURED ENGRAVINGS.

DEDICATED, BY PERMISSION, TO

HER ROYAL HIGHNESS

THE

PRINCESS ELIZABETH.

LONDON:

PRINTED FOR E. HARDING, PALL-MALL;
R. H. EVANS, PALL-MALL; J. WHITE, FLEET-STREET; R. FAULDER, NEW BOND-STREET; DULAU AND CO. SOHO SQUARE; J. ARCHER, DUBLIN; BOSSANGE, MASSON, AND BESSON, PARIS; PERTHES, HAMBURGH; LAGARDE, BERLIN; GAY, MOSCOW; BEYBER, STOCKHOLM; LA MOTHE, PETERSBURGH.

1803.

«ОДЕЖДА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ».
Лондон, 1803
Титульный лист и форзац
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

ошибочный перевод не подал бы повода к заблуждениям в истории. Вследствие этого я признаю лучшим средством, если бы вы были так добры доставить мне двух хороших переводчиков на немецкий язык. Этот язык я понимаю, так что в состоянии сам исправить всякую вкравшуюся ошибку, и когда это будет сделано, то не составит затруднений перевести ее и на другие языки...» [73] Этот проект Татищева был совершенно утопическим; выполнение его требовало преодоления многочисленных трудностей, на которые не мог отважиться ни он сам, ни тем более случайный путешественник-англичанин. Правда, в этом предложении Татищева было менее всего тщеславия или корысти; им руководили самые патриотические цели, которые он подчеркнул и сам в тексте своей «Русской истории», утверждая, в частности, что зарубежных «неприятелей наших» «басни и сущие лжи, к поношению наших предков вымышленные, обличатся и ниспровергнутся». Следует пожалеть, что это интересное предприятие так и не получило своего осуществления.

Первый русский исторический труд XVIII в. появился в Англии лишь двадцатилетие спустя. Это был «Краткий Российский летописец» (1760) М. В. Ломоносова, изданный в Лондоне в 1767 г. под заглавием: «Сокращенное хронологическое обозрение русской истории» («A Chronological Abridgment of the Russian History: Translated from the original Russian Written by Michael Lomonosoff... and continued to the present time by the Translator». London, 1767) [74]. Михаил Ломоносов был назван в заглавии «профессором химии петербургской Академии наук». В посвящении этой книги русскому посланнику в Лондоне А. С. Мусину-Пушкину подчеркнуто, что она содержит в себе историю русского государства, «написанную одним из его самых одаренных и ученейших людей». Далее переводчик указывал на «важ-

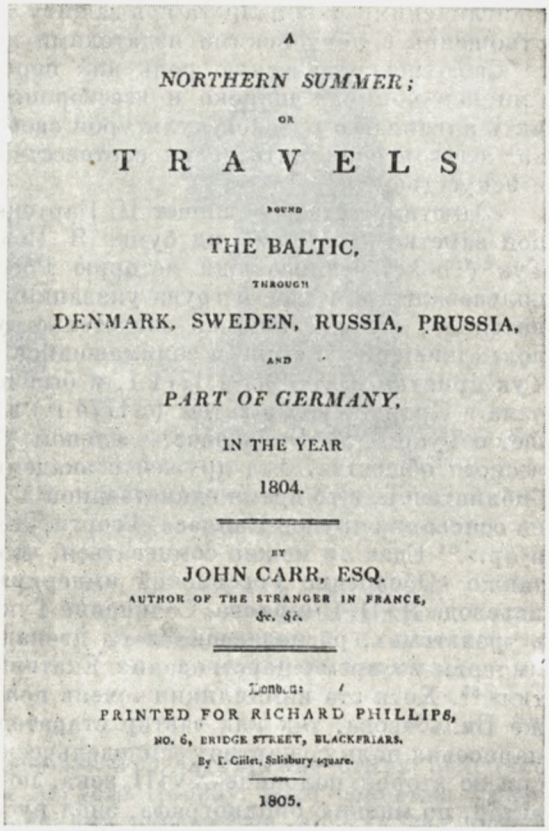
ность этого предмета, о котором многие материалы еще ни разу не появлялись на английском языке». Переводчик выражал надежду, что русский посол «окажет покровительство этому труду и своим одобрением поддержит юного автора» (the young author).

Имя переводчика, подписавшего это посвящение инициалами J. G. A. F., долгое время оставалось неизвестным. В настоящее время можно считать установленным, что им был действительно еще очень юный Георг (Иоганн-Георг-Адам) Форстер (1754—1794), в будущем известный немецкий просветитель, гуманист и демократ XVIII в. Отец его, Рейнгольд Форстер, был приглашен в Россию для обследования немецких колоний на Волге, а зимой 1765—1766 гг. жил в Петербурге. Но дела его обернулись неблагоприятно (он не получил никакого вознаграждения за свои труды) и Форстер-отец решил искать счастья в Англии, где пробыл шесть лет (1766—1772), перебиваясь кое-как вместе с сыном на литературные заработки. Одним из первых переводческих трудов, выполненных тринадцатилетним Георгом Форстером под наблюдением и под редакцией его отца, вскоре после их приезда в Англию, и был перевод «Краткого Российского летописца» Ломоносова [75].

В 1792 г. в Лондоне вышла в свет в английском переводе известная книга С. И. Плещеева «Обозрение Российской империи в нынешнем ее состоянии» [76]. Сергей Иванович Плещеев (1752—1802) служил во флоте, участвовал в первой турецкой войне, одно время исполнял должность секретаря при в. кн. Павле Петровиче (будущем императоре Павле I), затем был начальником воспитательных домов и вышел в отставку в 1798 г. (умер в 1802 г. в г. Монпелье). Плещееву принадлежит несколько сочинений: перевод с английского «Путешествия лорда Балтимура из Константинополя в Лондон» (1776 и 1778), «Записки» о собственном путешествии с острова Пароса в Сирию и Палестину (1773) и несколько статей. Но его главным трудом считается «Обозрение Российской империи в нынешнем ее состоянии» (СПб., 1786; 2-е изд.: 1787; 3-е: 1790; 4-е, «исправленное и умноженное»: 1793). Это было капитальное сочинение, содержавшее в себе разнообразные сведения о России, ее государственном устройстве, производительных силах, торговле, ремеслах и т. д. Важность этого труда была подчеркнута интересом к нему иностранных читателей. Характерно, впрочем, что, кроме английского перевода, существовали переводы «Обозрения» на немецкий и французский языки, но и тот и другой были изданы в Москве (немецкий перевод J. M. R. Lenz'a издан дважды — в 1787 и 1790; французский — «traduit par M. B. T.» — в 1796), английский, хотя и выполнен был в Лондоне, но являлся трудом Я. И. Смирнова, священника при русской посольской церкви.

Об Якове Ивановиче Смирнове (1754—1840) следует сказать здесь особо как о человеке, немало потрудившемся на поприще англо-русского сближения: мы встретимся с ним еще не раз на последующих страницах настоящих разысканий. Я. И. Смирнов свыше полустолетия (с 1780 по 1837 г.) был священником русской посольской церкви в Лондоне и умер там же 16 апреля 1840 г. на восемьдесят шестом году от рождения [77]. По отзывам его современников, это был широко образованный человек, всю жизнь интересовавшийся историей, литературой и искусствами, прекрасно владевший не только английским, но и другими европейскими языками и находившийся в личных сношениях и переписке со многими английскими политическими и общественными деятелями, учеными, историками и литераторами. Смирнов был хорошо известен всем русским, побывавшим в Англии, и многие из них оставили о нем свои отзывы, с благодарностью вспоминая об услугах, которые он оказывал путешественникам, приезжавшим в Лондон, о личных встречах и переписке с ним, о гостеприимстве и любезности, которыми он отличался. Так, Е. Ф. Комаровский свидетельствует в своих записках (ок. 1787, когда он являлся дипломатическим курьером): «При нашей миссии в Лондоне изо всех чиновников один только был человек замечательный: это священник нашей церкви Яков Иванович Смирнов; он был употребляем и по дипломa-

тической части» [78]. В 1795 г. в Англии провел некоторое время Петр Иванович Макаров; по возвращении на родину он издал часть своих путевых записок в основанном им журнале «Московский Меркурий»; они озаглавлены «Россиянин в Англии, или Письма к друзьям моим»; здесь он описывает свою встречу с Яковом Иванычем (называя его сокращенно священником С-вым): «Человек довольно молодой, довольно недурной, высокого роста, стройный, статный, осанистый, одетый с величайшим старанием, но без всякого оказания неприличного щегольства; словом сказать: молодой, хорошо воспитанный лорд,— и сей лорд был г. С-в, русский священник при посольстве». Далее П. И. Макаров характеризует его в следующих словах: «С-в человек очень умный, знает хорошо латинский язык, говорит по-французски, по-немецки, по-аглински и (если не ошибаюсь) по-итальянски — много читал, и сам переводит и сочиняет. Он любит англичан до чрезвычайности; зато — и англичане любят его. Не думаю, чтобы он захотел жить где-нибудь в другом месте, кроме Лондона» [79].


A

NORTHERN SUMMER;

OR

TRAVELS

ROUND

THE BALTIC,

THROUGH

DENMARK, SWEDEN, RUSSIA, PRUSSIA,

AND

PART OF GERMANY,

IN THE YEAR

1804.

BY

JOHN CARR, ESQ.

AUTHOR OF THE STRANGER IN FRANCE,

&c. &c.

Lond.n:

PRINTED FOR RICHARD PHILLIPS,

NO. 6, BRIDGE STREET, BLACKFRIARS.

By T. Gillet, Salisbury-square.

1805.

«СЕВЕРНОЕ ЛЕТО ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЯ...»
ДЖОНА КАРРА
Лондон, 1805
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

На самом рубеже двух столетий, когда в недолгое царствование Павла I вовсе было расстроились дипломатические отношения между Россией и Великобританией и русский посол С. Р. Воронцов даже принужден был покинуть свою лондонскую резиденцию, поверенным в делах был оставлен здесь именно Я. И. Смирнов. В своих материалах для его биографии П. И. Бартенев пишет по этому поводу: «Священник Яков Иванович Смирнов исполнял должность нашего поверенного. В бумагах московского Архива министерства иностранных дел хранятся дипломатические донесения Смирнова о политических делах и заседаниях английского парламента. Отец Смирнов есть лицо вполне достопамятное и заслуживающее большей известности в наших исторических преданиях» [80].

Ответственная дипломатическая должность поручена была Я. И. Смирнову с полным основанием: отличная репутация, которую он создал себе в Лондоне, несомненно, частично основывалась на том, что он прекрасно владел английским языком и имел за плечами удачные опыты переводческой работы; о ней свидетельствовало уже роскошное издание ин-кварто большого труда С. И. Плещеева «Обозрение Российской империи» и, вероятно, целого ряда других мелких переводов официальных бумаг (как известно, С. Р. Воронцов английского языка не знал) и материалов для лондонской прессы. В этот период своей жизни, когда Смирнов пользовался относительной самостоятелностью в своих действиях, он, вероятно, руководил печатной полемикой

с английскими журналистами в защиту России и вошел в еще более близкие отношения с лондонскими издателями и книгопродавцами.

Свою посредническую роль как переводчика и литератора-публициста Смирнов понимал широко и всесторонне. Он всячески старался познакомить англичан с русской культурой своего времени и в то же время не упускал случая знакомить своих соотечественников с английской литературой и искусством [81].

«Заметим, кстати,— пишет П. Бартенев в уже цитированной редакционной заметке к публикации бумаг Я. И. Смирнова,— что английский пастор Тук (Tooke), написавший историю России в царствование Екатерины II, пользовался для своего труда указаниями священника Смирнова» [82]. Действительно, об этой помощи свидетельствует сам Уильям Тук (1744—1820), долго живший в России и занимавшийся здесь литературной деятельностью. Тук приехал в Россию в 1771 г. и был пастором британской фактории сначала в Кронштадте, а затем (с 1774 г.) в Петербурге [83]. «Он состоял,— пишет о Туке В. А. Бильбасов,— членом Академии наук и Вольного экономического общества, был дружен с академиками, пользовался академической библиотекой, в то время единственной в Петербурге, и составил компиляцию на основании трудов Палласа, Георги, Лепехина, Фалька, Шторха, Шлецера и пр.» [84] Едва ли можно сомневаться, что среди источников этого труда было также «Обозрение Российской империи» С. И. Плещеева, может быть, в переводе Я. И. Смирнова. Сочинение Тука вышло в свет в Лондоне в 1798 г. в трех томах, распадающихся на двенадцать книг: «Обозрение Российской империи во время царствования Екатерины II до конца настоящего столетия» [85]. Хотя эта компиляция «очень почтенная и полезная», по словам того же Бильбасова, так как «автор старательно изучал обширный материал и нарисовал полную картину земледельческой, промышленной и торговой России во второй половине XVIII века, по довольно широкому масштабу», но автор, по мнению библиографа, знал русский язык недостаточно и допустил ряд ошибок в своем изложении. Этот труд Тука вышел в свет вторым изданием в Лондоне в 1800 г., а с этого издания был сделан французский перевод «с исправлениями гг. Смирнова (в тексте опечатка: Imirnove) и Леклерка» [86].

Трудно сказать с уверенностью, были ли Смирнову известны другие, многочисленные публикации Тука, в которых он на разные лады популяризовал сведения о России, собранные им на месте во время долгих лет жизни в этой стране. Так как Смирнов, живя в Лондоне, внимательно следил за всем, что появлялось в английской печати, он мог обратить внимание на другие компиляции Тука по русской истории и на переводы его с французского и немецкого языков. Из последних в русском посольстве в Лондоне должно было быть известно сочинение Генриха Шторха «Картина Санкт-Петербурга» («Gemälde von St. Petersburg». Bd. 1—2. Riga, 1794), переведенное Туком на английский язык. Генрих (или Андрей Карлович, как его именовали в России) Шторх (Heinrich-Friedrich Storch; 1766—1835), уроженец Риги, постоянно проживавший в Петербурге, экономист и статистик, уже в 1804 г. ставший ординарным академиком петербургской Академии наук, в своем описании Петербурга уделил немалое внимание вопросам русской культуры и роли, которую играла в ее создании новая российская столица. В «Картине С.-Петербурга» были приведены довольно многочисленные данные о состоянии русской научной и художественной литературы и помещены также отрывки из произведений русских писателей. Эта книга Шторха весьма пригодилась Туку. Он воспользовался приведенными в ней данными о новейших русских писателях уже в третьем издании своего перевода «Жизни Екатерины II» Ж. Кастера 1799 г. [87] В переводе «Картины С.-Петербурга» Тук сохранил сведения, сообщенные Шторхом о русской литературе и воспроизвел несколько стихотворных произведений русских писателей — А. Сумарокова (эклогу «Энона», «Оду о Величестве Божьем», отрывок из «Епистолы о стихотворстве»), а также «Видение Мурзы» Державина [88]. Если упомянутый выше Кокс пользовался для своих переводов французским

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН
В ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЕ
Гравюра с рисунка Г. И. Скородумова
Русский музей, Ленинград

РУССКИЙ ДВОРЯНИН
В ЗИМНЕЙ ОДЕЖДЕ
Гравюра с рисунка Г. И. Скородумова
Русский музей, Ленинград

переложением Леклерка, то Тук перелагал в английские стихи немецкие переводы с русского Бакмейстера и Августа Коцебу; если переводы Кокса были первыми прозаическими английскими переводами, то Тук дал первые образцы английских стихотворных переводов русских поэтических текстов, которые, впрочем, во-видимому, замечены были немногими английскими литераторами. Возможно, однако, что они не прошли мимо внимания Я. И. Смирнова: он считал своей обязанностью следить за всем, что писалось о России в Англии и был советником каждого англичанина, ехавшего в Россию, или русского, оказавшегося в Англии. Отметим здесь, кстати, что Джон Синклер (Sinclair; 1754—1835), автор «Общих замечаний относительно настоящего положения в Российской империи» (General Observations Regarding the Present State of the Russian Empire. London, 1787), живший месяц в Петербурге в этом году, чтобы составить себе впечатление о российском государстве и сообщить его в политических целях правительству Великобритании, находился в переписке с С. И. Плещеевым, С. Р. Воронцовым и другими русскими, а Я. И. Смирнова считал своим другом [89].

Таким образом, до самого конца XVIII в. переводная литература с русского языка оставалась в Англии и немногочисленной, и мало значительной. Кроме того, большинство переводов отличалось запоздалым характером: лучше других известны были Ломоносов или Сумароков, но Ломоносов, помимо лондонского перевода «Краткого Российского летописца» 1767 г., был известен в Англии по нескольким ученым речам. Как поэта Ломоносова в Англии открыли лишь на рубеже XVIII и XIX вв., когда несколько отдельных переводов его стихотворений появились в периодических изданиях. Сумарокова узнали раньше, но первое отдельное издание его драматического произведения вышло в Англии лишь в 1806 г.: это была его трагедия «Дмитрий Самозванец», переведенная английскими стихами («Demetrius the Impostor, a tragedy. Translated from the Russian». London, 1806) [90].

Как видим, на всех этих изданиях отчетливо чувствовался отпечаток старомодности: переводы сильно отставали по времени своего возникновения от первого появления в печати их оригиналов. Так, например, хотя «Дмит-

рий Самозванец» и был поздней пьесой Сумарокова (впервые трагедия напечатана в России в 1771 г.), перевод ее, увидевший свет тридцать пять лет спустя, не мог стать в Англии ни литературной, ни театральной новинкой: единственно, что могло быть в ней привлекательно для английских читателей,— подробности биографии таинственного русского узурпатора, которыми интересовались, как мы отмечали выше, еще его английские современники [91]. Быть может, наиболее знаменательным в большинстве переводов русского художественного слова, сделанных в это время в Англии непосредственно с русского языка, являлось то, что производились они не литераторами в собственном смысле слова и не переводчиками-профессионалами, но людьми переводившими не по призванию, а скорее из патриотических побуждений или служебного долга.

Перевод сумароковской пьесы снова ведет нас в русское посольство в Лондоне, где в начальные годы XIX в. под руководством Я. И. Смирнова, возник своего рода литературно-переводческий кружок, взявший в свои руки инициативу ознакомления англичан с русской художественной литературой; о новейших писателях и литературных направлениях члены кружка знали еще немного. Архаичность их вкусов и выбора текстов для переводов, вероятно, до известной степени объяснялась их оторванностью от родной почвы; этому содействовали также технические затруднения почтовых связей в то время.

Автором перевода «Дмитрия Самозванца» был Алексей Григорьевич Евстафьев (1779—1857), родом донской казак, одно время (с 1798 г.) служивший при церкви русского посольства в Лондоне, при Я. И. Смирнове; потом им же повышенный в должности, исполнявший дипломатические поручения, автор ряда политических брошюр в защиту Росссии и книги о казаках, изданных в Англии [92]. Очевидно, уже в период своей лондонской жизни Евстафьев так хорошо усвоил английский язык, что владел им, как своим родным.

В 1809 г. Евстафьева направили в Северную Америку, где он долгие годы состоял русским консулом в Бостоне и Нью-Йорке. Литературная деятельность его во время дипломатической службы в США также не прервалась: он издал на английском языке свою большую эпическую поэму о Дмитрии Донском в семи песнях и пятиактную трагедию о Петре I и царевиче Алексее [93].

Недавние разыскания А. Г. Кросса пролили новый свет на ранний, наименее известный нам период жизни Евстафьева, когда он служил при русском посольстве в Лондоне [94]. Английский исследователь установил принадлежность перу Евстафьева, помимо анонимных политических брошюр, также нескольких статей литературного содержания (опубликованных без его имени). Так, ему, очевидно, принадлежат несколько статей в забытом ныне журнале «Литературная панорама» («The Literary Panorama»), выходившем в Лондоне с октября 1806 г., в который напрасно не заглядывали историки русской литературы: с редакцией этого журнала Евстафьев, по-видимому, был связан довольно близко. Статьи Евстафьева в «Литературной панораме» посвящены различным вопросам культурной жизни России в самом начале XIX в.; среди них, однако, выделяется его большая статья: «Жизнь Ломоносова, прославленного поэта России», до последнего времени остававшаяся неизвестной его русским библиографам [95]. Правда, эта статья мало самостоятельна, что не препятствует ее достоверности и не лишает ее значения. Главным источником этой статьи является «Жизнь Михаила Васильевича Ломоносова» (написанная М. И. Веревкиным), ценный труд, основанный на первоисточниках, которым открывалось «Полное собрание сочинений» Ломоносова в петербургском издании 1784 г. [96] А. Г. Кросс отметил, что в своей английской переделке статьи М. И. Веревкина, напечатанной в «Литературной панораме», Евстафьев намеренно опустил все, что в его русском источнике сообщалось о вражде, существовавшей между Ломоносовым и Сумароковым, и что то же самое Евстафьев сделал в предисловии к своему переводу «Дмитрия Самозванца», так как стремился, по словам Кросса, «представить

картину процветания русской литературы под двойным и согласным влиянием Ломоносова и Сумарокова» [97].

Издатели «Литературной панорамы», вероятно, были довольны статьями своего русского сотрудника, хотя и не называли его имени. В одном из редакционных примечаний к своему журналу они отмечали, что эти статьи могут служить «примером того внимания, которое мы намерены уделить русской литературе», и добавляли: «Мы не сомневаемся, что в недалеком будущем сможем представить нашим читателям не только более полные, но и более свежие сведения о трудах русских литераторов, чем до сих пор. Несколько статей такого рода, предназначавшихся для настоящего номера, были отложены за недостатком места». Далее речь шла о переводе «Дмитрия Самозванца» и о его языке, который получал здесь высокую оценку. «Дмитрий Самозванец» в переводе Евстафьева был одобрительно встречен и другими английскими журналами. В «Gentleman's Magazine» назвали его «похвальной попыткой (первой в своем роде) представить британским читателям литературную новинку — русскую трагедию в британском облачении» и приписывали перевод «русскому дворянину», который обнаружил действительно «искусное владение нашим языком» [98]. Еще одна, более пространная рецензия на «Дмитрия Самозванца» появилась в «Ежегодном обозрении» («Annual Register»). Здесь сообщались сведения о Сумарокове, содержание трагедии, заслуги «достойного похвалы переводчика»; при этом, однако, рецензент предъявлял и кое-какие претензии и к драматургу, и к переводчику: «Если бы эту трагедию сократить, ввести в нее зрелища, увеличить число действующих лиц, применить белый стих, яснее очертить характеры и призвать на помощь актеров, которые сами были бы поэтами, она с успехом могла бы быть поставлена на лондонской сцене. Мы советуем предпринять такую попытку; ничто не могло бы более способствовать славе английского народа и английской литературы в России, как наша готовность почтить первые цветы русского таланта» [99]. Эти слова, несмотря на комплиментарную концовку, сильно уменьшали, если не вовсе сводили на нет, похвалы, высказанные в начале статьи.

Лондонский литературно-переводческий кружок при русском посольстве состоял, помимо А. Г. Евстафьева, из нескольких лиц, связанных между собой тесной дружбой: в него входили, например, кроме Я. И. Смирнова, также его сын Иван, переводчик и курьер посольства, еще один переводчик — Андрей Васильевич Назаревский [100]. Позднее к ним присоединился Николай Михайлович Лонгинов (1775—1853). Сын сельского священника Харьковской губернии, он был вызван в Лондон в 1800 г., по-видимому, по представительству Я. И. Смирнова и получил здесь сначала должность причетника посольской церкви, но «употребляем был и по письмоводительской части в канцелярии посольства». «Этим,— замечает П. И. Бартенев,— определилось и его дальнейшее поприще. Лонгинов выучился по-французски и проявил толковость в своей работе. После Аустерлицкого сражения он был послан в Париж». Позднее, благодаря гр. Семену Романовичу Воронцову, которого Лонгинов считал своим благодетелем и к которому питал искреннюю приверженность, и особенно графу П. А. Строганову и его жене, очень покровительствовавшим Лонгинову, он был вызван из Парижа в Петербург и в апреле 1812 г. назначен личным секретарем императрицы Елизаветы Алексеевны [101]: это было средоточие, но не конец его головокружительной карьеры [102]. В обширном архиве Н. М. Лонгинова, дошедшем до нас, но опубликованном только частично, переписка его с Лондоном и проживавшими там его старыми друзьями занимает не последнее место и содержит в себе множество любопытных сведений исторического и историко-культурного характера, имеющих значение для истории англо-русских связей в начале XIX в.[103] Мы остановимся здесь лишь на двух эпизодах этих связей, которые полнее раскрываются с помощью писем лондонских друзей Н. М. Лонгинова, в частности С. Р. Воронцова и Я. И. Смирнова, вновь предстающих перед нами в их неустанных заботах о популяризации

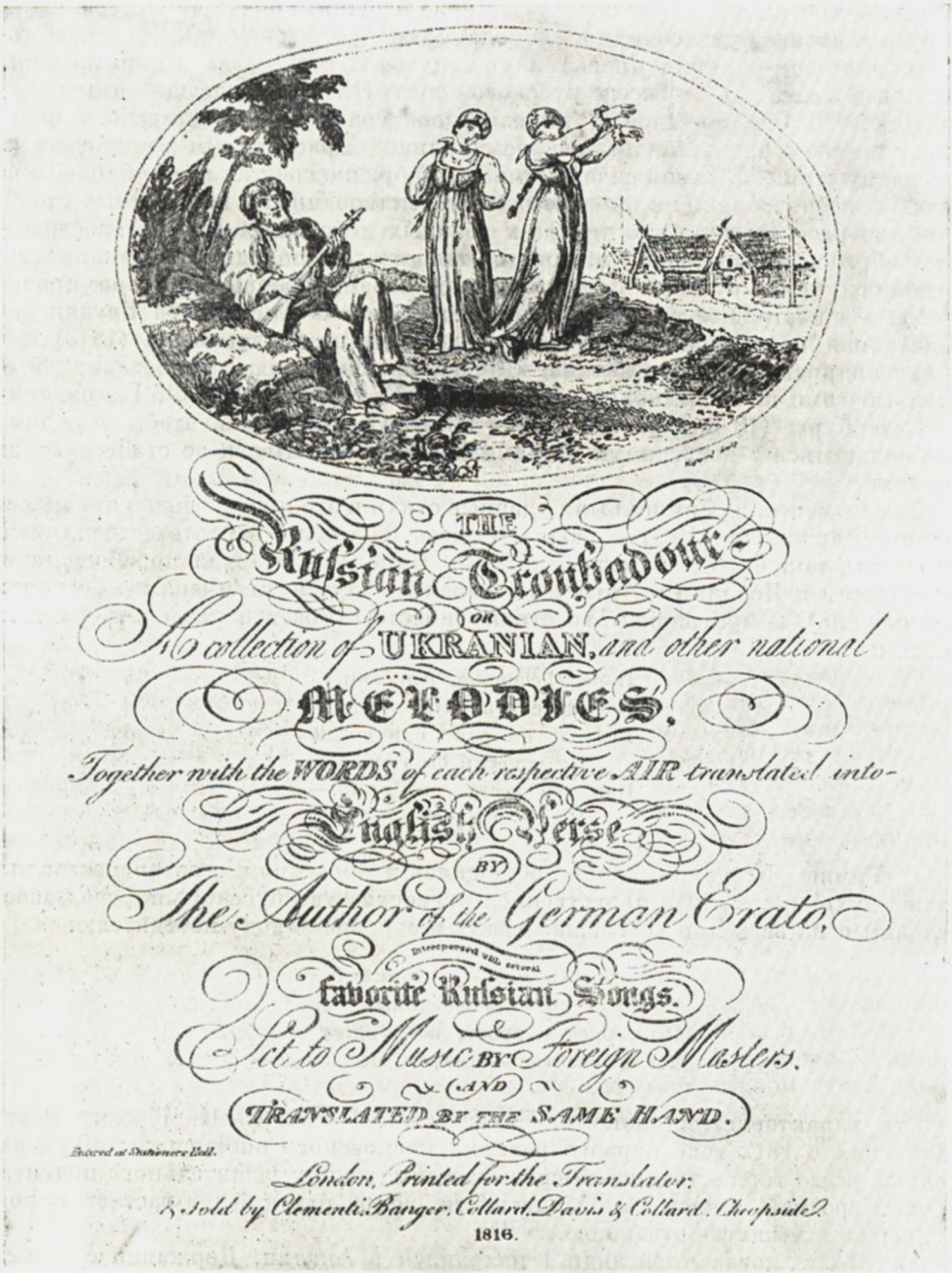
России и русских писателей в Англии. Характерно при этом, что хотя события, о которых пойдет речь, относятся к середине второго десятилетия XIX в., но русские переводчики на английский язык и их покровители заявляли себя еще в это время как упорные архаисты: для тех и других русская литература как бы остановилась в своем развитии на середине XVIII столетия; новая поэзия для них как будто еще не существовала.

А. Г. Кросс указал на весьма интересную фигуру Стивена Уэстона (Stephen Weston; 1747—1831), английского литератора, имя которого как переводчика с русского языка никогда не упоминалось историками англо-русских отношений.

В 1815 г. Уэстон выпустил в свет в Лондоне отдельным изданием свой стихотворный перевод весьма заурядной русской оды, изданной еще в 1785 г. по случайному поводу и к тому времени уже прочно всеми забытой: «Ода, поднесенная е. и. в. Екатерине Великой от Главного народного училища города Святого Петра в день всевысочайшего посещения 1785 года генваря 21». СПб., ⟨1785⟩. 4° [104]. Автор этой оды скрыл свое имя от потомства и не обозначил его на ее единственном издании; тем не менее мы знаем сейчас, что ее сочинителем был второстепенный литератор и переводчик (с немецкого и древнегреческого) И. И. Виноградов (1765—1804), сотрудник «Новых ежемесячных сочинений» и «Растущего винограда». Чем, однако, можно объяснить выбор этого неинтересного анонимного произведения для перевода на английский язык? В. А. Бильбасов, посвятивший переводу несколько строк в своем указателе иноязычных произведений о Екатерине II, заметил, по крайней мере, одну из причин неожиданного внимания к русской оде английского литератора: «Посещение Лондона императором Александром I в 1814 г. вызвало интерес ко всему русскому,— доказательством этому может служить и рассматриваемый перевод ничтожной русской оды ad hoc. Перевод посвящен о. Смирнову, священнику при русской миссии в Лондоне, помогавшему при переводе. Брошюра украшена рисунком монумента Петру Великому» [105]. Но все же участие в этом переводе Я. И. Смирнова не очень проясняет возникновение печатного издания перевода С. Уэстона. К счастью, сохранилось письмо Смирнова к упомянутому выше Н. М. Лонгинову из Лондона в Петербург, датированное 22 февраля (5 марта) 1816 г., в котором идет речь и об этом переводе, и о самом переводчике. Я. И. Смирнов писал: «С генералом Николаем Александровичем Саблуковым, с коим сие письмо посылаю, послал я также полдюжины экземпляров одной оды, переведенной с русского на английские стихи, и она токмо тем и любопытна, что г. Weston, с которым я уже давно знаком, имеет уже около 70 лет, но доселе не перестает учиться то одному, то другому языку, и недавно ему пришло в голову учиться по-русски и по-китайски, и теперь он так занимается сими языками, как бы молодой человек 20 лет. Я боюсь, что ода, которую он перевел, давно уже у нас позабыта, а как и где он на ее попал, сказать не могу, ибо ко мне принес ее уже тогда, когда почти вся была кончена. Он человек с хорошим достатком и все издержки на печать и прочее делает единственно для своего удовольствия» [106].

Приведенные слова объясняют нам многое в истории указанного издания: случайность выбора оды для перевода, мотивы, заставившие Уэстона трудиться над переводом самостоятельно: богатый литератор-чудак имел свое «хобби»—изучение языков, которому предавался с юношеской страстью; посвящение перевода Смирнову как бы санкционировало его увлечение и служило свидетельством, что он действительно изучил русский язык досконально и во всех его оттенках: недаром в 1824 г. Уэстон включил этот перевод с русского в свою книгу «Англичанин за границей» вместе с другими образцами его переводов на другие европейские языки [107].

Случай с Уэстоном был все же исключительным, такие доброхотные любители русского языка, изучавшие его совершенно бескорыстно, для собственного удовольствия, стали встречаться в Англии в более позднее время, после Бауринга, о котором у нас пойдет речь ниже; в середине пер-



«РУССКИЙ ТРУБАДУР»
Лондон, 1816
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

вого десятилетия инициатива в переводе произведений русского художественного слова на английский язык непосредственно с оригиналов принадлежала по-прежнему русским переводчикам. Сошлемся здесь еще на один пример, заслуживающий упоминания.

В конце 1812 г., когда победа русских войск над армией Наполеона стала для всей Европы очевидным и наглядным свидетельством разгрома

бегущего противника, Державин, уже дряхлеющий, но еще не выпускавший лиру из своих рук, сочинил «во славу храброго воинства Российского» «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества», вскоре же напечатанный в «Чтениях в беседе русского слова» (1813) и вышедший отдельным изданием [108]. Это большое и тяжеловесное сочинение престарелого поэта младшим его современникам казалось и слишком растянутым и архаическим по своему стилю. В самом деле, «Гимн» своеобразно сочетал в себе библейские речения и уподобления с прозаизмами, заимствованными из газетных столбцов, где рассказывалось о текущих военных действиях. Полный абстрактных образов и словесной риторики, «гимн» этот походил на декламативную продукцию русской патриотической поэзии военных лет, на прочно забытые в настоящее время творения вроде поэмы Александра Грузинцева «Спасенная и победоносная Россия в девятом на десять веке» (1813) или «Александриады» Павла Свечина. «Державин, сказывают, написал какой-то славный гимн на наши походы,— писал А. Е. Измайлов Н. Ф. Грамматину из Петербурга (13 января 1813 г.).— Я не думаю, однако, чтобы этот гимн мог сравниться с последними стихами Жуковского «Певец во стане русских воинов» [109].

Тем не менее, в «Гимне» были удачные стихи и это произведение нравилось самому Державину. Поэт обращался здесь не только к соотечественникам; он взывал также к тем народам, которым Наполеон угрожал порабощением, в частности к Испании и Англии (называя их «древними именами» Гесперии и Альбиона), и приглашал эти страны вместе с Россией разделить радость победы:

И вы, Гесперья, Альбион,
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно
Не понесли бы грозно,
Как все несут, его ярмо,—
Уж близилось оно...

В «Гимне» Державин, словно обращаясь к иноземцам, противопоставлял также духовную силу и нравственное превосходство русского народа завоевателям и на весь мир возглашал хвалу и здравие народу-победителю:

По мышцам ты — неутомимый,
По духу ты — непобедимый,
По сердцу — прост, по чувству — добр,
Ты в счастьи — тих, в несчастьи — бодр...

Эта характеристика напоминает известные слова С. Н. Глинки в его «Записках о 1812 годе первого ратника московского ополчения»: «Дух народный всего торжественнее высказывается в годину решительного подвига. В часы грозной, в часы явной опасности, народ русский подрастает душою и крепчает мышцею отважною...» [110]

В 1814 г., когда Александр I находился в Англии, Державин с явным умыслом послал этот «Гимн» в Лондон — в русское посольство. Получив через управляющего имуществами Воронцовых в России Захара Николаевича Посникова [111] «благосклонный отзыв» об этом гимне Семена Романовича Воронцова, Державин вновь послал ему другие свои печатные творения, а также английский перевод того же самого «Гимна», сделанный в Петербурге. В сопроводительном письме (от 31 мая 1814 г.) Державин писал: «При сем осмеливаюсь вам препроводить перевод того гимна на аглинский язык, учиненный, я думаю, вам известного покойного библиотекаря Василья Петровича Петрова сыном. Находящиеся здесь англичане меня уверили, будто он довольно хорошо переведен. Ежели это правда и он достоин будет вашего сиятельства одобрения, то я думаю, что не будет неприятно гг. британцам увидеть на их языке наши пиитические произведения: когда вы

приказать изволите напечатать оного несколько экземпляров в пользу того молодого человека для его одобрения в словесности и доставите ему плоды трудов его чрез Захара Николаевича, то его много обрадовать изволите, а меня обяжете к новой благодарности. Что будет на аглинском языке стоить печать, прошу также чрез его пр-во г. Посникова меня уведомить. Я с благодарностью употребленную на то сумму возвращу» [112].

В ответном письме Державину С. Р. Воронцов писал из Лондона 30 октября (11 ноября) 1814 г.: «Присланной тут же перевод на Англицкой язык, прекрасного вашего Гимна, сочиненного на Прогнание французов, согласно вашему желанию, для пользы трудившегося в переводе с величайшею охотою и удовольствием велю напечатать, дабы господа Агличане (!) могли видеть, (что) Россия имеет сынов, питомцев Муз и Аполлона, кои своими отличными талантами, витийством слога, остротою замыслов и парением мыслей, растворенных духом благочестия и ревности, если не превосходят, то, конечно, не уступают превосходнейшим их сочинителям. Я не имею причины сумневаться, чтобы здешняя ученая публика не отдала должной справедливости сему вашему пиитическому произведению, хотя в переводе, из коих даже и самые лучшие едва ли когда могут постигнуть красоты оригинала» [113].

Что державинский «Гимн» был во вкусе С. Р. Воронцова и что похвалы, расточаемые ему в приведенном письме к поэту, были вполне искренними, это несомненно, как и его готовность удовлетворить самолюбивые авторские замыслы поэта. Однако мы не знаем дальнейшей судьбы английского перевода «Гимна», полученного в Лондоне. Очевидно, распоряжение Воронцова об его напечатании было сделано, но неясно, было ли оно исполнено. Кому было дано поручение? Вероятно, в 1814 г. наиболее подходящим для этого дела человеком по-прежнему являлся Я. И. Смирнов, но, сколько знаем, никаких сведений об этом в сохранившихся его письмах мы не находим. Удовлетворил ли переводчиков посольства или других лиц из окружения Воронцова (он находился в это время в отставке, но все еще жил в Англии) присланный ему из Петербурга перевод «Гимна», мы не знаем, как не знаем и того, на мнение каких петербургских англичан («здешние англичане») об этом переводе ссылался Державин. К сожалению также, называя переводчика «молодым человеком», нуждающимся в «ободрении», Державин сказал слишком мало; сведения же об этом примечательном лице — сыне поэта В. П. Петрова, Ясоне (или Язоне) Васильевиче, имевшем уже к этому времени ученую степень доктора медицины и звание профессора, особенно же о его литературной и переводческой деятельности, сбивчивы и скудны [114]. Во всех биографиях Я. В. Петрова указывается, что он перевел «Гимн» Державина на английский язык, но единственным источником этого свидетельства, по-видимому, является приведенное письмо Державина; неизвестно также, когда и где Язон Васильевич настолько хорошо усвоил английский язык, что был в состоянии делать стихотворные переводы на этот язык. Другие его английские переводы неизвестны, зато биографы его утверждают, что в том же 1814 г., когда о нем как о своем переводчике писал Державин, сам Я. В. Петров будто бы выпустил в свет два своих поэтических произведения на русском языке: «Песнь Славянина Москвы при всеобщем торжестве Европы» (СПб., 1814) и «Ода на всевожделенное прибытие во град св. Петра е. и. в. Александра I» (СПб., 1814) [115].

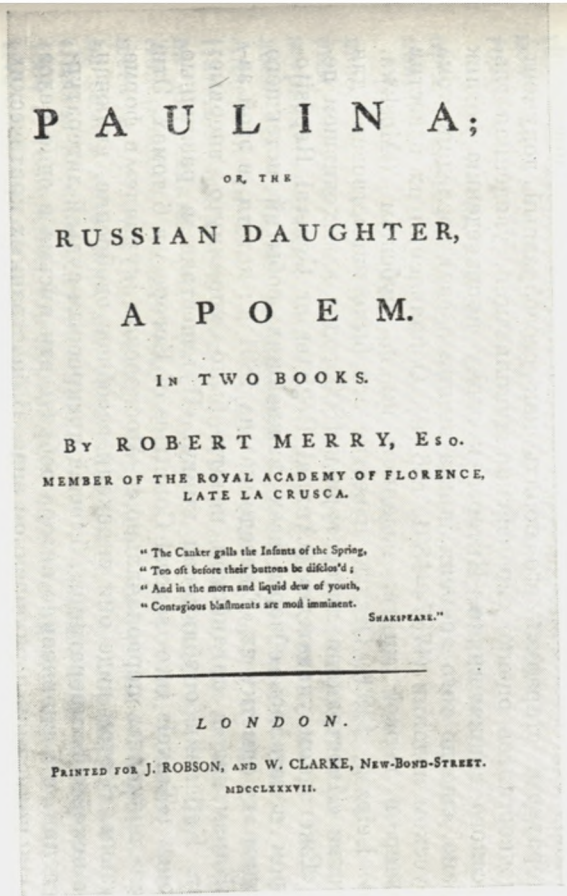
Таким образом, встреча с Державиным английского читателя в 1814 г., по-видимому, не состоялась; время для подобной встречи пришло лишь пятилетие спустя.

4. Английские переводы произведений Карамзина и его современников.— «Письма англичанина Ж.-К. Пойля» (1805) и проверка их достоверности

Ранние опыты более широкого и систематического ознакомления в Англии с новой русской литературой относятся к началу XIX в. Одним из первых здравствовавших в то время русских писателей, произведения которого неоднократно привлекали к себе английских переводчиков, стал Н. М. Карамзин [116]. Правда, на первых порах английские переводы его прозаических произведений производились не с русских подлинников, а с немецких или французских переводов, опережавших английские; при этом последние не отличались ни точностью передачи, ни особыми литературными достоинствами. Тем не менее они следовали один за другим. Лишь один анонимный перевод статьи Карамзина — «О книжной торговле и о любви к чтению в России» — был сделан непосредственно с русского текста и помещен в журнале «Литературная панорама»; но статья Карамзина была напечатана в «Вестнике Европы» (1802, № 9) и подписана инициалом N.: следовательно, переводчик ее на английский язык едва ли мог догадаться об имени автора [117].

Переводы повестей Карамзина начали печататься в Англии с 1800 г. В этом году английский журнал, посвятивший себя популяризации литератур Северной Европы, в первую очередь немецкой,— «Германский музей, или Ежемесячное хранилище литератур Германии, Севера и континента ⟨Европы⟩ вообще» («The German Museum or Monthly Repository of the Literature of Germany, the North and the Continent in General») напечатал в английском переводе несколько произведений Карамзина, не так давно появившихся на немецком языке. В сентябрьской книжке под общим заглавием «Повести Карамзина» (Karamsin's Tales) вслед за небольшим введением напечатана повесть «Фрол Силин», в октябрьском номере появился перевод «Юлии», в февральском 1801 г.— «Бедной Лизы» [118].

Оригиналами для указанных переводов в «Германском музее» явились немецкие переводы их, незадолго перед тем опубликованные И. Рихтером («Erzählungen von N. Karamzin». Leipzig, 1800). Иоганн-Готфрид Рихтер (1764—1829) был опытным немецким литератором и переводчиком. Он приехал в Россию молодым человеком, жил здесь довольно долго (с 1782 по 1804 г.) и вполне овладел русским языком, с которого переводил очень бойко и много; он издавал здесь журнал на немецком языке — «Russische Miscellen» (1803—1804), распространявшийся в России и за рубежом, затем вернулся в Саксонию. Горячий поклонник Карамзина, Рихтер был лично знаком с ним и своими переводами немало способствовал известности его в чужих землях [119]. Это признавал и сам Карамзин, писавший о Рихтере (в письме к М. Н. Муравьеву от 24 декабря 1803 г.): «Авторское мое самолюбие обязано ему многими удовольствиями. Переводы его сделали меня известным в Германии, в Англии и во Франции» [120]. Тем не менее, в соответствии с переводческой практикой той поры, переводы Рихтера из Карамзина особой верностью подлиннику не отличались. Сообразуясь со вкусами своих предполагаемых читателей, переводчик изменял у Карамзина собственные имена, выбрасывал из текста отдельные пассажи, иногда делал к нему и собственные добавления. Для Англии, в сущности, это имело второстепенное значение, поскольку число русских, живших там, а также лиц, не принадлежавших к русской колонии, но знавших русский язык, было совсем ничтожно: в этом убедился и сам Карамзин, находясь в Англии [121]. Поэтому английский читатель, знакомившийся с повестями Карамзина на своем родном языке и не имевший никакого представления о русских подлинниках, мог считать их верными и удачными, не задумываясь над тем, насколько увеличивался отход от русского текста при двойной передаче его на английский через посредство переводов немецких или французских. Несмотря на допущенные искажения, английская критика к повестям Карамзина отнеслась в общем одобрительно [122].



PAULINA;

OR, THE

RUSSIAN DAUGHTER,

A POEM.

IN TWO BOOKS.

BY ROBERT MERRY, ESQ.

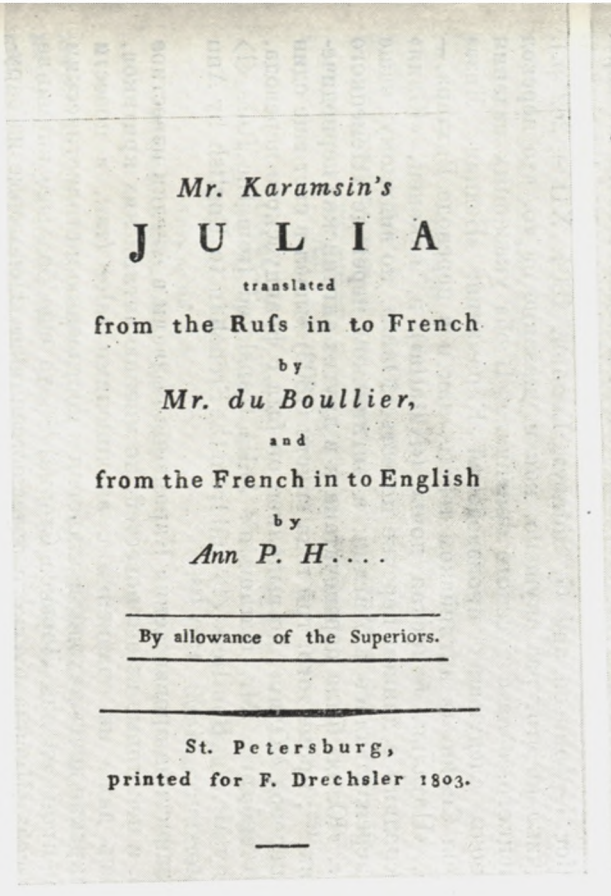
MEMBER OF THE ROYAL ACADEMY OF FLORENCE,
LATE LA CRUSCA.

"The Canker galls the Infants of the Spring,
"Too oft before their buttons be disclos'd;
"And in the morn and liquid dew of youth,
"Contagious blastments are most imminent.
SHAKESPEARE."

LONDON.

PRINTED FOR J. ROBSON, AND W. CLARKE, NEW-BOND-STREET.
MDCCLXXXVII.

«ПОЛИНА, ИЛИ РУССКАЯ ДОЧЬ».
ПОЭМА Р. МЕРРИ
Лондон, 1787
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград



Mr. Karamsin's

JULIA

translated

from the Rufs in to French

by

Mr. du Boullier,

and

from the French in to English

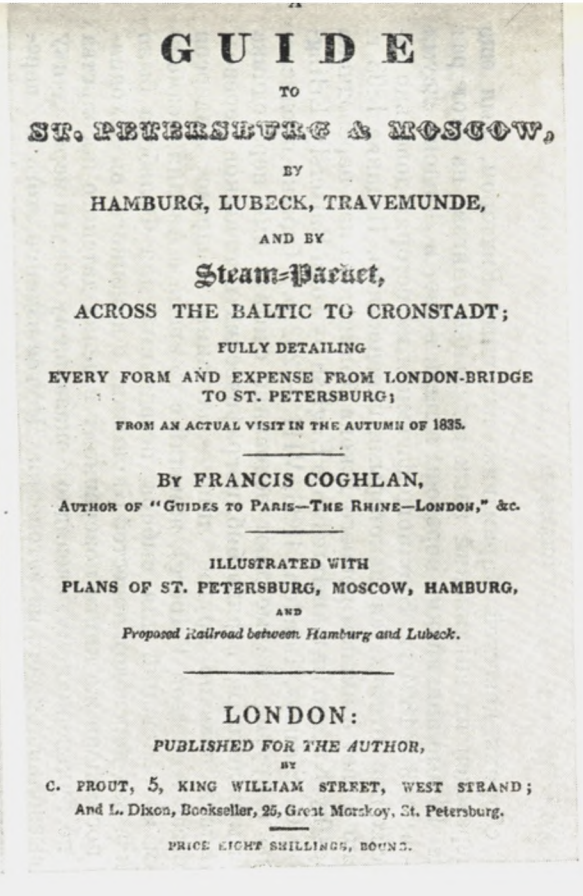
by

Ann P. H....

By allowance of the Superiors.

St. Petersburg,
printed for F. Drechsler 1803.

Н. КАРАМЗИН. ЮЛИЯ. ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК АННЫ ХОКИНС
СПб., 1803
Титульный лист
Публичная библиотека. Ленинград



GUIDE

TO

ST. PETERSBURG & MOSCOW,

BY

HAMBURG, LUBECK, TRAVEMUNDE,

AND BY

Steam-Packet,

ACROSS THE BALTIC TO CRONSTADT;

FULLY DETAILING

EVERY FORM AND EXPENSE FROM LONDON-BRIDGE TO ST. PETERSBURG;

FROM AN ACTUAL VISIT IN THE AUTUMN OF 1835.

BY FRANCIS COGHLAN,

AUTHOR OF "GUIDES TO PARIS—THE RHINE—LONDON," &c.

ILLUSTRATED WITH

PLANS OF ST. PETERSBURG, MOSCOW, HAMBURG,

AND

Proposed Railroad between Hamburg and Lubeck.

LONDON:

PUBLISHED FOR THE AUTHOR,

BY

C. PROUT, 5, KING WILLIAM STREET, WEST STRAND;

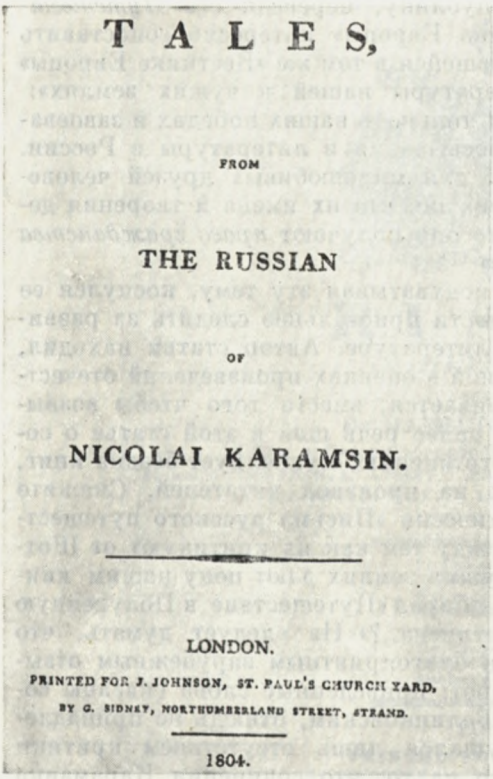
And L. Dixon, Bookseller, 25, Great Morskoy, St. Petersburg.

PRICE EIGHT SHILLINGS, BOUND.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПЕТЕРБУРГУ И МОСКВЕ
Ф. КОХЛАНА
Лондон, 1836
Титульный лист
Публичная библиотека. Ленинград

Немецкий сборник повестей Карамзина, изданный Рихтером, был еще раз заново переведен на английский язык отдельной книгой, на этот раз в полном виде. Новые английские переводы вышли в свет в Лондоне двумя изданиями — в 1803 и 1804 гг. Библиографическая их история довольно запутана и до сих пор отличается некоторыми неясностями. Издание 1803 г. было выпущено в свет с именем некоего Джона Эрлингтона как переводчика («Russian Tales by Karamzin translated into English by John Battersly Erlington, printed by G. Sidney». London, 1803, VIII + 262 p.). Однако предисловие к изданию и другие данные дают основание считать имя переводчика Эрлингтона вымышленным; в ряде библиографических источников переводчиком этой книги названо другое лицо — датчанин Андреас Андерсон Фельбор (Andreas Anderson Felborg), живший в то время в Англии; возможно, что одним из оснований для выбора псевдонима для Фельбора было то, что, трудясь над переводом повестей Карамзина с немецкого, он находился в тюрьме; посвящена же книга поверенному в делах датского посольства в Лондоне А. де Гульденнальму, очевидно, оказавшему услуги переводчику и, вероятно, вызволившему его из заточения. Другое издание этого же перевода имеет измененное заглавие («Tales from the Russian by Nicolai Karamsin, printed for J. Johnson and G. Sidney». London, 1804. XII + 262 p.). Имя переводчика на этот раз опущено, как и указание на то, что перевод сделан с немецкого, а не с русского оригинала. В оба указанных издания вошли переводы следующих произведений Карамзина: «Бедная Лиза» («Liza»), «Фрол Силин» (в английском тексте, как и в переводе Рихтера,— «*Flor* Silin»), «Наталья, боярская дочь» («Natalia») и, наконец, «Юлия» («Julia»). Последняя в данном перечне повесть «Юлия», по-видимому, чаще чем другие переиздавалась в Англии; в английском переводе «Немецкого музея» 1800 г. «Юлия» была перепечатана и в других английских периодических изданиях [123]; кроме того, три года спустя (1803) вышел в свет еще один английский перевод «Юлии», но выполнен он был с французского перевода, а издан в Петербурге («Mr. Karamzin's Julia translated from the Russ ⟨!⟩ into French by Mr. du Boulliers ⟨!⟩ and from the French in to English by Ann P. H. St. Petersburg», 1803. 12°) [124].

Если прозаические произведения Карамзина вызвали в Англии известное любопытство, а некоторые из его повестей, по мнению английских критиков, напрашивались даже на сравнения с английскими tales (так, в повести «Наталья, боярская дочь» находили аналогии к построению и стилистическим особенностям произведений Лоренса Стерна) [125], то еще большее внимание привлекли к себе «Письма русского путешественника». Некоторые из зарубежных критиков, считая это произведение заметным явлением новейшей русской литературы, старались его понять как своеобразный документ, в котором подвергалась оценке европейская цивилизация, увиденная глазами их русского современника. Интерес к этому произведению возник на Западе рано, еще до того времени, когда вышли в свет последние тома «Писем» в русском издании (1787—1801, в 6 ч.). О появлении их известил тот же Рихтер в первой книге, изданной им за рубежом («Moskwa. Eine Skizze». Leipzig, 1799). Отсюда известие это было заимствовано для обзорной статьи «Иностранная литература в 1800 году» в выходившем периодически «Ежегодном указателе» («Annual Register or General Repository»), в котором печатались обзоры всех важнейших событий истекшего года. Приводим эту заметку из «Ежегодника» на 1801 г.; кстати, в этой заметке имя Карамзина в английской печати было упомянуто впервые: «В Москве г. Карамзин опубликовал книгу «Путешествие в различные страны Европы» («Travels into several Countries of Europe») в 6 томах. Эти «Путешествия» появились первоначально в «Московском журнале» в форме писем к друзьям. В этом виде они снискали всеобщее одобрение, включая сюда и отзыв покойной императрицы, бывшей прекрасным судьей литературных произведений. что вдохновило автора собрать эти письма в одно целое и издать их в дополненном и улучшенном виде. В иностранных критических



TALES,

FROM

THE RUSSIAN

OF

NICOLAI KARAMSIN.

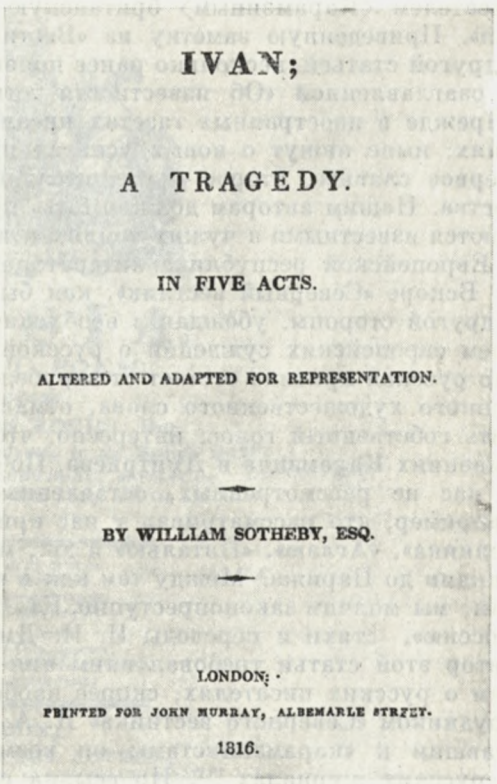
LONDON.

PRINTED FOR J. JOHNSON, ST. PAUL'S CHURCH YARD,

BY G. SIDNEY, NORTHUMBERLAND STREET, STRAND.

1804.

Н. КАРАМЗИН. ПОВЕСТИ.
ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
Лондон, 1804
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград



IVAN;

A TRAGEDY.

IN FIVE ACTS.

ALTERED AND ADAPTED FOR REPRESENTATION.

BY WILLIAM SOTHEBY, ESQ.

LONDON:

PRINTED FOR JOHN MURRAY, ALBEMARLE STREET.

1816.

«ИВАН». ТРАГЕДИЯ В ПЯТИ АКТАХ
У. СОТБИ
Лондон, 1816
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

журналах эта книга заслужила высокие похвалы за свое содержание и увлекательность изложения, которую он мог себе позволить, за точность, утонченность, за благожелательность чувств, «которыми проникнута эта книга» [126]. В несколько измененном и расширенном виде эта заметка Рихтера появилась в другом английском журнале («Monthly Magazine») в том же году [127].

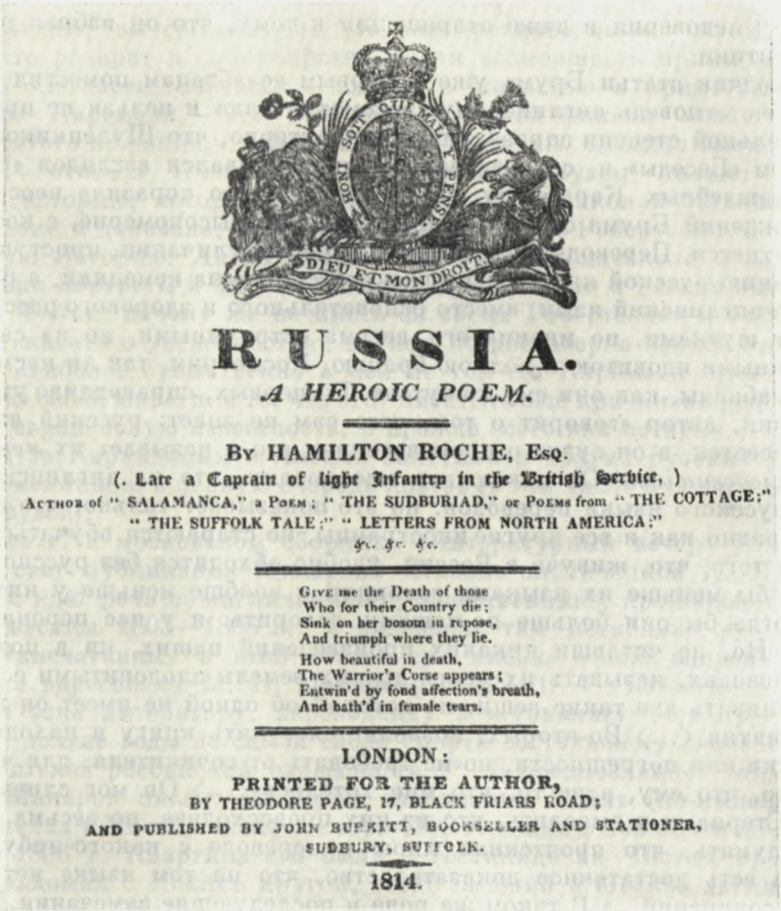
Английский перевод «Писем русского путешественника» Карамзина под произвольным заглавием и с указанием на то, что сделан «с немецкого», появился в Лондоне в трех томах, в 1803 г. [128]

Еще до того времени, как это издание вышло в свет, Карамзин получил известие, что его «Письма» переводятся на английский язык, и счел возможным, разумеется без подписи, напечатать об этом маленькую заметку в своем журнале «Вестник Европы». Здесь, в ноябрьском номере 1803 г., говорилось: «В журнале, называемом Английскою Смесью, пишут, что литератор Андерсон печатает в Лондоне Письма русского путешественника, Юлию, Наталью, боярскую дочь и другие повести того же автора, переведенные им на английский язык (без сомнения, с немецкого)» [129]. Под «литератором Андерсоном», упомянутом здесь, следует разуметь, конечно, того же, жившего в Англии датчанина Андреаса Андерсона Фельбора, который и на самом деле, как мы указывали выше, был переводчиком и повестей, и «Писем русского путешественника»: в предисловии к изданию «Повестей» 1804 г. говорится, что переводчик был «по происхождению датчанин» (a native of Denmark) и что он «уже имел честь в первый раз познакомить с этим

писателем ‹Карамзиным› британскую публику, переведя его *Путешествия*». Приведенную заметку из «Вестника Европы» интересно сопоставить с другой статьей, несколько ранее появившейся в том же «Вестнике Европы» и озаглавленной «Об известности литературы нашей в чужих землях»: «Прежде в иностранных газетах писали только о наших победах и завоеваниях; ныне пишут о новых успехах просвещения и литературы в России. Первое славнее, второе — утешительнее для миролюбивых друзей человечества. Нашим авторам должно быть приятно, что их имена и творения делаются известными в чужих землях и что они получают *право гражданства* в Европейской республике литераторов» [130].

Вскоре «Северный вестник», как бы подхватывая эту тему, коснулся ее с другой стороны, убеждая в необходимости пристальнее следить за развитием европейских суждений о русской литературе. Автор статьи находил, что русская критика отстает от зарубежной в оценках произведений отечественного художественного слова, отмалчивается, вместо того чтобы возвысить собственный голос; интересно, что далее речь шла в этой статье о сочинениях Карамзина и Дмитриева. По его мнению, «существует бездна книг, у нас не рассмотренных, оставленных на произвол читателей. Скажите например, кто рассматривал у нас критически «Письма русского путешественника», «Аглаю», «Наталью» и др., между тем как их критикуют от Шотландии до Парижа? Между тем как в чужих землях дают цену нашим книгам, мы молчим законопреступно. Кто разбирал «Путешествие в Полуденную Россию», стихи и переводы И. И. Дмитриева..?» Не следует думать, что автор этой статьи требовал внимания к благоприятным зарубежным отзывам о русских писателях, скорее наоборот: приведенные слова сказаны сотрудником «Северного вестника» Я. А. Галинковским, отнюдь не принадлежавшим к «карамзинистам»; он возмущался лишь отсутствием критики в русских журналах [131]. Но ссылка его на то, что сочинения Карамзина «критикуют от Шотландии до Парижа», была вполне точной: отзывы о «Письмах русского путешественника» появились как в парижском журнале («Journal de la littérature étrangère», 1801, N 3), так и в «Эдинбургском обозрении», и обе статьи были у нас замечены, в особенности последняя. Именно по поводу этой статьи Евгений Болховитинов писал Д. И. Хвостову: «Недавно в Едимбургском английском журнале нагло освистан наш Карамзин за свои путешественные письма, а вместе с тем брошено несколько презрительных взглядов и на всю русскую словесность» [132]. Речь идет о статье, напечатанной в «Эдинбургском обозрении» 1804 г.[133] Хотя ни одна статья этого журнала по заведенному порядку не подписывалась, но благодаря разысканиям библиографов мы знаем, что автором ее являлся Генри Брум (Henry Lord Brougham; 1778—1868) [134], младший из трех основателей «Эдинбургского обозрения», ставший одним из наиболее острых и сатирически настроенных сотрудников журнала в первые годы после его основания (1802), вскоре сделавшийся одним из лидеров английского политического либерализма и знаменитым оратором парламента.

Острая, высокомерная, полная язвительных намеков и откровенной хулы, рецензия Брума на «Письма русского путешественника» русских читателей взволновала и сильно огорчила. В бумагах А. С. Шишкова найден был русский перевод этой статьи Брума, сделанный тогда же второстепенным русским поэтом и переводчиком М. С. Шулепниковым (1778—1842); вероятно, списки этого перевода ходили по рукам [135]. Перевод этот отличается точностью, но тяжел и несколько архаичен. Начало статьи Брума здесь читается так: «Книга, содержащая в себе путешествие московского уроженца, возбуждает такое же любопытство, как и всякое необыкновенное явление, например, лошадь в Венеции или в Шотландии дерево. Таковое сочинение не может быть судимо с тою строгостью, какую обыкли мы оказывать к произведениям земель более плодовитых. Мы уже и тем должны быть довольны, есть ли нам хотя кое-где попадется некоторое малое подобие с теми красотами, каковыми другие книги в неограниченном числе и степени



RUSSIA.

A HEROIC POEM.

By HAMILTON ROCHE, Esq.

(. Late a Captain of light Infantry in the British Service,)

Author of " SALAMANCA," a Poem ; " THE SUDBURIAD," or Poems from " THE COTTAGE:" " THE SUFFOLK TALE :" " LETTERS FROM NORTH AMERICA :"

&c. &c. &c.

Give me the Death of those
Who for their Country die:
Sink on her bosom in repose,
And triumph where they lie.
How beautiful in death,
The Warrior's Corse appears;
Entwin'd by fond affection's breath,
And bath'd in female tears.

LONDON:

PRINTED FOR THE AUTHOR,

BY THEODORE PAGE, 17, BLACK FRIARS ROAD;

AND PUBLISHED BY JOHN BURKITT, BOOKSELLER AND STATIONER, SUDBURY, SUFFOLK.

1814.

«РОССИЯ». ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА ГАМИЛЬТОНА РОША

Лондон, 1814

Титульный лист

Публичная библиотека, Ленинград

изобилуют. Мы бы даже и на то без роптания согласились, чтоб принять оное по самой низкой пробе, если бы оно под какую-нибудь пробу подходить могло. Переписка господина Николая Карамзина требует всевозможного снисхождения. Признаться должно, что она от путешественников, за которыми мы привыкли следовать, кажется нам столь далеко отстоящею и, при совершенном недостатке хороших качеств их, всеми погрешностями оных так много исполненною, что одна только редкость русского сочинения и забавная писателевой головы странность могла побудить нас к помещению сего сочинения в число рассматриваемых нами книг». Приведенные вводные абзацы критического отзыва молодого Генри Брума являются весьма типическим образцом его стиля, полного сарказма и иронических аллюзий, подобных тем, которые несколько лет спустя возбудили негодование юного Байрона, когда он прочел отзыв о своем сборнике стихов «Часы досуга», анонимно напечатанный Генри Брумом в том же «Эдинбургском обозрении», и ответил ему своей гневной и блестящей сатирой «Английские барды и шотландские обозреватели». Историки английской журналистики с некоторым сожалением отмечают, что, несмотря на свои дарования, Брум отличался тяжелым характером и что он умел внушать своими лучшими статьями

атмосферу недоверия и даже отвращения к тому, что он избрал предметом своей критики.

Переводчик статьи Брума уже к первым ее абзацам поместил в примечании свою отповедь английскому «рассмотрителю» и нельзя не признать ее в значительной степени справедливой; характерно, что Шулепников был сотрудником «Беседы» и, следовательно, придерживался взглядов «шишковистов», враждебных Карамзину; тем не менее и его поразила неосновательность суждений Брума о русском писателе и то высокомерие, с которым он к нему отнесся. Переводчик писал: «Господин англичанин, приступая к рассматриванию русской книги, переведенной сперва на немецкий, а потом уже с того на английский язык, вместо основательного и здорового рассуждения, начинает шутками, по мнению его, весьма остроумными, но на самом деле исполненными ядовитою и колкою бранью. Посмотрим, так ли насмешки его умны и забавны, как они ему кажутся». Во-первых, справедливо утверждает переводчик, автор «говорит о том, чего сам не знает: русский язык вовсе ему неизвестен, а он судит о произведениях его и называет их *менее других земель плодовитыми*! Он заключает еще потому, что на английском языке мало с русского языка переводов: но это показывает только, что единоземцы его, равно как и все другие иностранцы, не стараются обучаться по-русски, для того что, живучи в России, удобно обходятся без русского языка. Есть ли бы меньше их языками говорили и вообще меньше у них перенимали, тогда бы они больше по-нашему говорить и у нас перенимать стали ⟨...⟩ Но, не читавши никаких произведений наших, ни в подлиннике, ни в переводах, называть их менее других земель плодовитыми есть то же, что сравнивать две такие вещи, из которой об одной не имеет он ни малейшего понятия ⟨...⟩ Во-вторых, позволяется судить книгу и находить в ней недостатки или погрешности, но не требовать от сочинителя, для чего написал он то, что ему, а не то, что мне хотелось ⟨...⟩ Он мог сличать его со своими Стернами и выводить, кто из них превосходнее, но весьма непростительно думать, что прочтенная мною в переводе с какого-нибудь языка сказочка есть достаточное доказательство, что на том языке нет никаких важных сочинений...» В таком же роде и последующие замечания Шулепникова, которыми он снабдил свой перевод статьи Г. Брума. Существеннее всего то, что Брум положил в основу своей оценки произведения Карамзина слова автора, назвавшего свои «Письма» «зеркалом души», в котором лишь отразились «китайские тени» его «воображения»; благодаря этому, он счел «Письма» не столько впечатлениями, полученными от поездки по Западной Европе, сколько «психологическим» путешествием «стернианского» типа; к тому же Брум явно не посчитался (да и не мог этого сделать) с плохими качествами двойного перевода произведения Карамзина, сильно исказившего русский оригинал.

Рецензия Брума в «Эдинбургском обозрении» была не единственным появившимся в Англии критическим откликом на «Письма» Карамзина; в другом журнале («The Monthly Review») одновременно напечатана и более обширная и более благожелательная к русскому писателю рецензия [136].

В последнее пребывание Карамзина в Москве, где оканчивал он свои выписки из архива Иностранных дел и уже печатал «Историю Государства Российского», по свидетельству современника, встретился он однажды, в присутствии И. И. Дмитриева с англичанином, историком и богословом, представителем «Библейского общества», Джоном Пинкертоном. «Известно ли вам,— сказал Пинкертон, обращаясь к Карамзину,— что некоторые статьи из ваших безделок недавно переведены на английский язык и напечатаны в одном из лучших лондонских журналов? Ваш счастливый Карло и «прекрасная царевна» расхвалены, а о «Бедной Лизе» наши критики ⟨...⟩ — Понимаю,— сказал Карамзин,— вероятно, что конец этой повести не нравится вашим методистам и пуританам.— Нет,— отвечал Пинкертон,— ваше заключение, что обольститель Эраст и обольщенная Лиза по смерти своей примирились, показалось странным и для критиков и для всех благомыс-

лящих людей; вы согласитесь, что оно противно даже учению христианскому, что разврат и самоубийство имели возможность примирения в вечности...— Согласен, согласен,— сказал с живостью и приметным замешательством Карамзин,— это относится к самой ранней моей молодости; теперь я этого не напишу; я бы желал, чтобы все *мои безделки* были забыты. — Хорошо,— отвечал Пинкертон,— мы все это забудем, только дайте нам русскую историю, которая прославила бы вас, Николай Михайлович, во всей Европе и доказала, что Россия имеет своего Робертсона; дайте, дайте нам такую Историю; Англия первая бы вам рукоплескала и захотела бы иметь ваши портреты и бюсты; 1812 год показал, что в России были и Сципионы и Фабии, почему же не иметь ей своих Робертсонов и Гиббонов!» [137] Трудно сказать с уверенностью, насколько достоверна запись этой беседы; для нас наиболее существенно в ней не то, что Карамзин отказывался от «безделок» своей юности, а то, что этот писатель еще при жизни действительно получил европейскую известность, и прежде всего как историк.

Вслед за Карамзиным в Англии заметили и других русских писателей, его современников, в первую очередь поэтов (в том числе и самого Карамзина и его друзей).

В 1844 г. в московском сборнике «Литературный вечер» (с. 246—261) увидела свет публикация Макарова «Письма англичанина Ж.-К. Пойля», в которой идет речь об англичанине-путешественнике, прожившем в Москве зимние месяцы 1805—1806 гг. и видевшем там несколько русских писателей. Напечатанные в этой статье три письма и одна записка этого англичанина адресованы М. Н. Макарову (1785—1847), известному в первой половине века литератору, переводчику и журналисту «из круга Карамзина» [138], долгие годы до самой своей смерти состоявшему казначеем Общества любителей российской словесности [139]. В предпосланной этим письмам заметке Макаров писал: «Молодой англичанин Пойль (по-нынешнему турист) приехал в Москву около декабря 1805 г. и жил в ней почти до половины февраля 1806 г. Квартира его была в гостинице на Чистых прудах ⟨...⟩ Меня ознакомил с Пойлем другой, тогда бывший в Москве английский же путешественник, капитан Келлесаль, родственник именитой в свое время леди Крайвен (я тогда получил от Келлесаля экземпляр ее путешествия по России, на нем была сделана надпись рукою путешественницы: фамилии Келлесаль). Пойль навещал мое семейство почти ежедневно; вдруг случай увлек меня в Петербург; однако же и туда мой *турист* вместо личных ежедневных его посещений нашего дома продолжал писать ко мне. Некоторые из этих писем семейство мое сохранило в переводе; они рисуют отчасти прошлый быт московский в лучших кругах,— а это, может быть, для иных любопытно» (с. 246—247). К имени Пойля Макаров сделал ссылку: «См. Московский курьер (еженедельное издание на 1806 год), часть III, стр. 209. Известие о путешественниках». Действительно, на указанной странице этого журнала (ч. III, № 14, от 4 апреля), в отделе «Известия» сказано: «Новые аглинские путешественники здесь: *Г. Алтерсон*, офицер гусарского полку.— *Г. Рейдгхлер.— Г. Поель* — Г-жа Гольбей с двумя дочерьми» (с. 209). Имя его встречается и ниже в списке благотворителей (он пожертвовал довольно крупную сумму в пользу «бедной полковницы»); здесь он назван «путешествующий по России аглинской дворянин H. W. Поель» (с. 211). Непонятно, впрочем, чем объясняются расхождения в транскрипции его имени и фамилии: в заглавии публикации Макарова — Ж. К. Пойль, в «Московском курьере» — H. W. Поель.

Все рассказанное здесь Макаровым об его корреспонденте-англичанине вполне правдоподобно, хотя имя его (H. W. Powel или Poyle) в других источниках найти не удалось, вероятно, как имя ничем не примечательного лица, что, впрочем, относится и к имени «Келлесаль». Зато его родственница, известная в свое время светская красавица и путешественница леди Крейвен (Elisabeth Craven) из круга Г. Уолпола, побывавшая в России и в Крыму (1785—1786), была широко известна своими «Letters» из разных стран и

благодаря портретам, которые писали с нее лучшие художники той поры — Гейнсборо, Рейнольдс, Анжелика Кауфман, Виже-Лебрён [140].

В пояснениях публикатора писем Пойля настораживает прежде всего то обстоятельство, что они напечатаны по-русски, в переводах (довольно плохих), сохранившихся «в семействе» Макарова. Чем объяснить также, что он привел лишь «некоторые» письма? Из текста самих писем можно вывести заключение, что писаны они были по-английски, однако, почему не упомянуто, кто являлся их переводчиком? Может быть, не сам Макаров? В письме от 20 ноября 1805 г. Пойль писал Макарову: «Об отъезде вашем в Петербург официально известил меня генерал Н. Н. Бантыш-Каменский, по дозволению которого я осматривал библиотеку и все хартии вашего московского иностранного архива. Много, очень много тут любопытного. Хотелось бы кое-что выписать относительно нас, англичан прошломирных, но г. Либенау, кондуктор мой по архиву, сказал, что этого без особого на то дозволения, невозможно!» (с. 249). Макаров пояснил в примечаниях, что упоминаемый здесь Бантыш-Каменский — «незабвенный начальник Московского архива коллегии иностранных дел» (где, очевидно, служил «переводчиком» сам М. Н. Макаров), а что Иван Федорович Либенау «служил тогда при Архиве» и был «кондуктором» (англ. conductor — проводник, гид) английскому гостю. Что касается фразы: «Хотелось бы кое-что выписать относительно нас, англичан *прошломирных*», то последнее слово является, вероятно, неудачным переводом английского old-world, древний, старинный; имеются в виду хартии старых времен. Вполне правдоподобно и продолжение этого письма: «А я без вас особою настойчивостью моею беспокоить старика Бантыш-Каменского не решаюсь,— писал Пойль,— хотя, по моему мнению, имел на то все мои права: вы знаете, что старик Бантыш-Каменский принимает меня как нельзя лучше и много, очень много любит говорить со мною о графе ⟨С. Р.⟩ Воронцове и о бывшем в Лондоне вашем же русском священнике См⟨ирнове⟩. Последнего я не видывал, графу же Воронцову, перед моим отъездом в Россию, я был представлен моею матерью и через него-то получил незабвенный для меня доступ к князю Дашкову, где мы с вами и познакомились так счастливо». К фамилии «Дашков» Макаров сделал следующее примечание: «Ген.-лейтенант кн. Павел Михайлович был в то время московским губернским предводителем ⟨дворянства⟩; в каждый вторник у него обедали многие замечательные москвитяне и путешественники, Москву посещавшие» (с. 250).

В том же письме Пойль пишет: «Келлесаль поручил мне сказать вам, что он, приняв от вас в подарок портреты русских ученых, непременно доставит их от вашего имени Марии Кер-Портер, сестре капитана Кер-Портера, т. е. знакомого вам Роберта Портера». М. Н. Макаров объясняет в примечании, что под «портретами русских ученых» имеется в виду «Пантеон российских авторов», т. е. «собрание их портретов с замечаниями», изд. Платона Бекетова (4 тетради. М., 1801—1803); к названным здесь именам добавим, что Sir Robert Ker Porter (1780—1842) действительно хорошо был известен в России и женат был на русской (см. о нем ниже в гл. о В. Скотте), и что он имел двух сестер-писательниц, Джейн (1776—1850) и Мэри (ум. 1832); первая была известна своими романами «Thaddeus of Warsaw» и «The Scottish Chiefs», вторая — романом «The Hungarian Brother».

В конце цитируемого письма и в последующих речь идет преимущественно о светских балах в Москве и прочих зимних развлечениях — у кн. М. А. Шаховского, поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого и др. Сомнение вызывает здесь целая страница, посвященная искусству вальсировать московских великосветских дам, так как известно, что вальс, хотя и перешел через Рейн и начал утверждаться во Франции лишь в последние годы XVIII в., но получил в Европе повсеместное распространение и вошел в моду позже, после Венского конгресса 1814 г.[141]

В другом месте своей публикации Макаров утверждает: «...все заметки г. Пойля о Москве тогдашней так верны, как вернее и быть не могут.

Ссылаюсь на всех моих современников, вспоминающих то московское время, о котором говорит Пойль» (с. 257). Тем не менее сомнение вызывает письмо Пойля от января 1806 г., где рассказывается о спорах, которые велись за обедом у кн. Дашкова: «Много разговаривали о Наполеоне, о его сбыточных или несбыточных мечтах быть в Москве или в Петербурге. Князь ⟨Дашков⟩ не отрицал этих намерений счастливца, но утвердительно прорек ему гроб в России!», и далее: «Все состояния россиян составляют одно необыкновенно твердое тело; тут образуется корпус войск недоступных — это такая крепкая стена для Александра и России, против которой не выдумано еще той машины, которая могла бы разгромить ее» и т. д. (с. 250). Едва ли эти строки мог написать англичанин русскому юноше через месяц после Аустерлицкой битвы, когда Наполеон разгромил русско-австрийские войска, достигнув апогея своей военной силы.

Все сказанное выше допускает предположение, что какие-то реально существовавшие письма Пойля подвергались довольно значительной обработке публикатора их, М. Н. Макарова; в пользу этого свидетельствуют и возраст получателя писем и самый их многословный стиль и, может быть, фактические промахи автора. Все это препятствует пользоваться данными письмами как достоверными документами, подлинность которых оспорена быть не может. И все же в этих письмах содержится несколько свидетельств, которые могут быть подтверждены и представляют исторический интерес: таковы сведения о соотечественниках Пойля, с которыми он встречался в Москве,— например об арфисте Адамсе, приятеле Джона Филда (с. 249), или русских ученицах знаменитого музыканта — Щепотьевых (с. 258), о капитане Монксе (с. 259).

В письме от 29 ноября 1805 г. известный интерес представляет описание бала у поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1752—1829), который был «очень хорош, блестящ, многолюден», характеристика картинной галереи кн. М. П. Голицына, где «скромно живет и сам Рафаель, однако же не всеми здесь признанный, не всеми угаданный» (с. 255) [142]. Занимательна «особая записка» (без даты), хотя она и похожа на сфабрикованную, о вечере у кн. Б. В. Голицына: «Тут я видел всю вашу поэзию: Жуковского, Кокошкина, Мерзлякова и многих, многих других ваших поэтов и прозаиков. Ни слова не понимал я, как и Вы знаете, в языке вашем; а мне весело было, я чувствовал, что хорошо поют ваши певчие птицы,— мне слышны были и соловьи ⟨...⟩ Соловьиная же песня, на каком бы то ни было языке, одна и та же услада». Последующая фраза о хозяине, который был «любезен, ласков и приветлив со всеми нами, залетными, непрошенными к Вам» (с. 261) невольно заставляет вспомнить строфу «Евгения Онегина», где Пушкин говорит о «залетном» путешественнике из Лондона.

Письмо Пойля от 3 декабря 1805 г. рассказывает об обеде у бывшего канцлера, графа Ивана Андреевича Остермана (1725—1811), действительно жившего свои последние годы в Москве, в отставке [143]: «Сидел рядом с Гроссейтом ⟨капитан старой английской службы, живший у канцлера⟩, который по обыкновению расспрашивал менят о о том, то о сем, про Англию, и хотел видеть в моих словах Лондон ему современный! Говорю: нет *Попе*, нет *Драйдена*, нет *Томсона*, говорю: теперь наше *новое поколение* растет уже под ужасным *креповым вуалем* мадам Радклиф; другие люди, того же роста, начали дорываться, снова здорово ⟨!⟩ до Шекспира. Так-то я отшучиваюсь от расспросов старика времен минувших...» (с. 256).

Приведенные слова — единственные в указанных письмах Пойля, посвященные английской литературе. Конечно, этот диалог Пойля с соотечественником давно прошедшего времени мог быть и воображаемым, сочиненным самим М. Н. Макаровым: перечисление поэтов начинается с Александра Попа; не забудем при этом, что несколько лет спустя Макаров называл его иначе — Попием (в единственной книжке, переведенной им будто бы с английского оригинала: «Четыре времени года, соч. Попия. Перев. с англинского М. Макаров. С присовокуплением кратких замечаний о жизни

и сочинениях сего знаменитого писателя». М., 1809, В. Сопиков) и что, как уже указано было выше, оригинал статьи, будто бы переведенный им из журнала «The Observer» 1800 г., в этом журнале обнаружен не был.

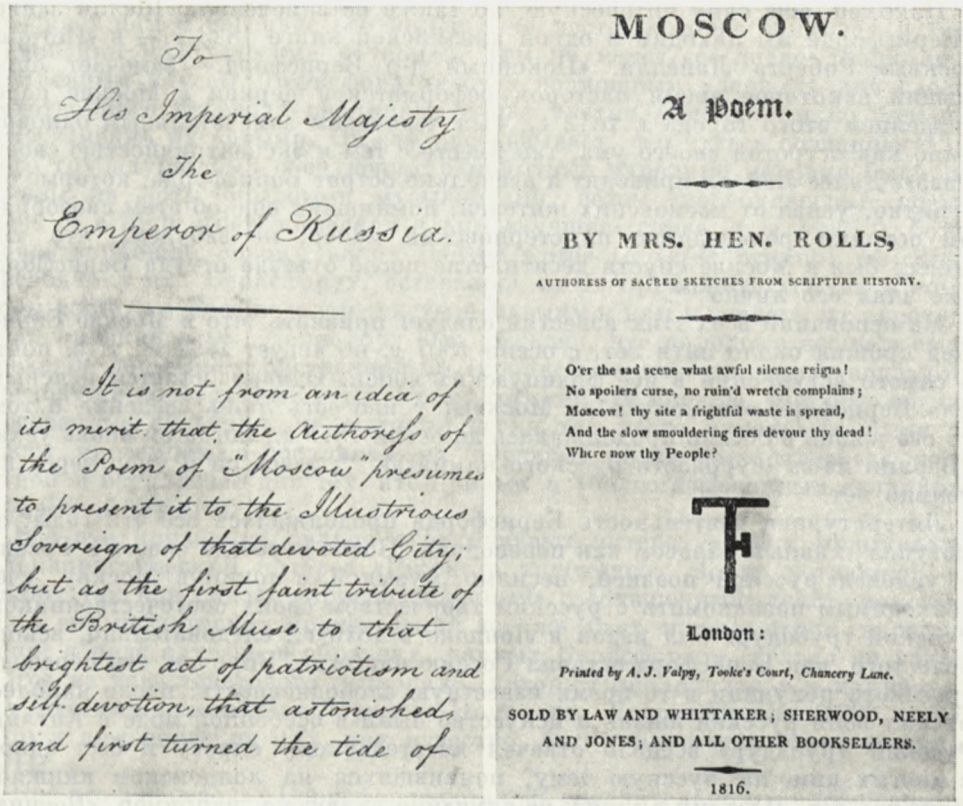
Хотя приведенный эпизод об английском туристе и относится к самому началу XIX в., но в основном он характеризует англо-русские литературные связи на том уровне, на каком они находились еще на несколько десятилетий раньше: пробуждение взаимной заинтересованности друг другом английских и русских литераторов уже ощущалось, но результаты оставались незначительными, поиски личных знакомств постепенно усиливались, но литературные вкусы и традиции обеих стран не совпадали, а языковые барьеры все еще оставались непреодоленными.

Два десятилетия спустя, после появления первых переводов с русского на английский, в специальных антологиях русской поэзии произведениям новейшей русской литературы дали уже и общую оценку, полную удивления перед столь нежданным, но очевидным, ее расцветом.

5. «Русский трубадур» Берисфорда и его автор.— Русские песни в английских переводах и их источники.— Русские песни в обработке Муцио Клементи и других зарубежных музыкантов.— Русские песни в музыке зарубежных балетных и оперных спектаклей

В 1816 г. в Лондоне вышла в свет ныне весьма редкая книга: «Русский трубадур, или Собрание украинских и прочих национальных мелодий вместе со словами к каждой отдельной арии, переведенными английскими стихами» [144]. Имя автора этого сборника (заключавшего в себе около трех десятков песен и романсов с нотами и поэтическими текстами) в нем не названо; на титульном листе он обозначен лишь как автор другого аналогичного песенного сборника, вышедшего в свет за двадцать лет перед тем,— «Немецкой Эрато» [145]. В настоящее время составитель этого сборника, как и «Русского трубадура», нам известен: это Бенджамин Берисфорд (B. Beresford; 1780—1819).

Биография Б. Берисфорда воссоздается не без труда. Это был скромный, второстепенный, но очень своеобразный культурный деятель того времени: вся его жизнь посвящена была делу добровольного литературного посредничества между народами; он много странствовал, был хорошим лингвистом и переводчиком, знал и любил музыку, обладал поэтическими способностями и педагогическим талантом и попеременно являлся то пастором англиканской церкви, то лектором в различных университетах Западной Европы и России. Умер он сравнительно молодым. Известно, что он родился в Англии, учился в Оксфордском университете, затем был некоторое время пастором, уехал в Италию, а затем жил в Германии, будучи капелланом английского посольства в Берлине. Здесь он издал сборник «Немецкая Эрато» (первое издание 1798 г.), в котором привел в своем английском переводе тексты многих немецких песен и романсов с нотами. В этом сборнике, в частности, напечатана знаменитая песня Миньоны Гете (с известной в то время музыкой И. Ф. Рейхардта) [146]. Живя в Германии, Берисфорд приобрел степени доктора философии университета в Галле. В 1803 г. Берисфорд переехал в новооткрытый Дерптский университет, где был назначен лектором английского языка (а на некоторое время также итальянского) и состоял в этой должности около трех лет. Как автора «Немецкой Эрато» и «лектора английской словесности при Дерптском университете» Берисфорда знал В. К. Кюхельбекер; он называет его «коротким приятелем нашего семейства» [147]. Жизнь Берисфорда в России особенно плохо известна: по крайней мере, единственная подробная биография его, написанная Ф. А. Шелли [148], именно в этой своей части полна темных мест. Это объясняется тем, что Ф. А. Шелли не смог воспользоваться русскими источниками; впрочем, в этих источниках



To
His Imperial Majesty
The
Emperor of Russia.

It is not from an idea of its merit that the Authoress of the Poem of "Moscow" presumes to present it to the Illustrious Sovereign of that devoted City; but as the first faint tribute of the British Muse to that brightest act of patriotism and self-devotion, that astonished and first turned the tide of

MOSCOW.

A Poem.

BY MRS. HEN. ROLLS,

AUTHORESS OF SACRED SKETCHES FROM SCRIPTURE HISTORY.

O'er the sad scene what awful silence reigns!
No spoilers curse, no ruin'd wretch complains;
Moscow! thy site a frightful waste is spread,
And the slow smouldering fires devour thy dead!
Where now thy People?

London:

Printed by A. J. Valpy, Tooke's Court, Chancery Lane.

SOLD BY LAW AND WHITTAKER; SHERWOOD, NEELY AND JONES; AND ALL OTHER BOOKSELLERS.

1816.

«МОСКВА». ПОЭМА М—С РОЛЛС
Лондон, 1816
Титульный лист и рукописное посвящение Александру I
Публичная библиотека, Ленинград

мы также сталкиваемся с некоторыми неясностями и противоречиями. Так, например, по английским данным, Берисфорд в 1805 г. уехал в Москву, где сделался англиканским пастором (?); по некоторым же русским источникам, он уехал в Петербург, выйдя в отставку в Дерптском университете лишь 22 апреля 1806 г.[149], что также невероятно по хронологическим соображениям.

Сведения о переезде Берисфорда из Дерпта в Петербург в 1806 г., по-видимому, надо считать ошибочными или понимать в смысле кратковременного пребывания его в этом городе, по дороге в Москву [150]. О жизни Берисфорда в Москве имеются уже вполне достоверные данные, но они остались неизвестными его биографу. Так, Ф. А. Шелли не упоминает «Хронику московской евангелической общины» А. Фехнера, составленную на основании архивных материалов, из которой явствует, что 5 октября 1807 г. Берисфорд был избран пастором московской лютеранской церкви и что это случилось вскоре после того, как он приехал в Москву [151]. Здесь еще в 1810 г. видел его путешественник Христиан Клее, о чем и рассказал в своих мемуарах, кстати сказать, также оставшихся неизвестными биографу Берисфорда. Характеризуя московскую протестантскую общину того времени, Клее рассказывает, что лютеранская церковь имела «английского проповедника, ученого и талантливого д-ра Берисфорда», известного переводчика: «...в первое воскресенье каждого месяца он справлял английскую церковную службу по обряду высокой епископальной церкви; в следующее воскресенье он правил службу на французском языке, которая, впрочем, обычно не могла состояться за отсутствием слушателей» [152].

Наконец, еще одну интересную, но также не замеченную Шелли запись о Берисфорде мы находим в одной английской книге 1823 г.— в «Истории Москвы» Роберта Лайелла. «Покойный д-р Берисфорд,— замечает он,— бывший некоторое время пастором реформатской церкви в Москве перед сожжением этого города в 1812 г., был человеком замечательным одновременно как остротой своего ума, так вместе с тем и эксцентричностью своего нрава». Далее Лайелл приводит и несколько острот Берисфорда, которые он, очевидно, узнал от московских жителей, помнивших еще об этом своеобразном остряке-проповеднике на стерновский манер; не забудем, что сам Лайелл был в Москве спустя десятилетие после отъезда оттуда Берисфорда и не знал его лично [153].

На основании всех этих известий следует признать, что в Москве Берисфорд прожил около пяти лет, с осени 1807 г. по август 1812 г., т. е. почти до самого вступления в нее французских войск. Однако остается неясным, куда Берисфорд отправился из Москвы; у нас есть лишь сведения о том, что его жизнь в России продолжалась до осени 1815 г., когда он вновь уехал в Берлин из-за «суровости русского климата» [154]; здесь он и умер через несколько лет.

Литературная деятельность Берисфорда продолжалась все эти годы; он выступал главным образом как переводчик. После переезда своего в Россию он увлекся русской поэзией, песнями, музыкой, а покинув Москву, счел необходимым познакомить с русским творчеством своих соотечественников: «Русский трубадур» был издан в Лондоне в 1816 г., следовательно, вскоре после того, как Берисфорд оставил Россию навсегда. Впрочем, его переводы с русского получили в то время известную злободневность: после наполеоновских войн русская жизнь и искусство были в особенной моде в Англии. «Русский трубадур» всецело отвечал читательскому спросу и был одною из многих книг на русскую тему, появившихся на лондонском книжном рынке тех лет. Поэтому в книгу не случайно включена, например, «Военная песнь в честь генерала графа Витгенштейна» или романс о разлуке казака со своей милой.

Предисловие к «Русскому трубадуру» содержит в себе ряд любопытных указаний и дает общее представление о характере этого музыкально-поэтического сборника. В полном соответствии со вкусами своего времени, Берисфорд рассуждает здесь о том, что «русские национальные мелодии имеют некоторое сходство со старинными итальянскими ариями, в той их простейшей форме, которая существовала задолго до того, как в последующие века они подверглись улучшению (refinements) и доведены были до их современного совершенства»; Берисфорд — несомненный сторонник «исправленной» народной поэзии, всецело приспособленной к новейшему «изящному вкусу», снабженной рифмами и улучшенной в отношении своего слога и ритма; но таких взглядов придерживались у нас и первые издатели этой поэзии. В Москве того периода, когда А. Ф. Мерзляков читал свой курс риторики и сочинял свои песни, а Берисфорд проповедовал в лютеранской церкви, о народной поэзии еще не думали иначе и неизменно старались ей придавать более «изящную» и «светскую» внешность. Неудивительно поэтому, что и в своем «Русском трубадуре» Берисфорд говорит об «авторах» древнейших русских песен как о «неученых детях природы», сопровождавших сложенные ими мелодии «такими словами, которые непроизвольно вытекали из их чувствований» и «не обращавших большого внимания на рифму и правильное построение строфы». Подобные заявления были всецело в традициях и во вкусе эпохи.

Интересно, однако, специальное указание Берисфорда на украинские народные мелодии, которыми он, по-видимому, был особенно пленен. «Украина,— пишет Берисфорд,— всегда была и, вместе с Белой Русью (White and lesser Russia), по-прежнему остается питомником (the nursery) национальных песен. Обитатели этих областей, действительно, должны рассматриваться как подлинные трубадуры нации». Это замечание, несомненно,

объясняет нам и заглавие его книги и то место, которое занимает в ней украинский мелодический материал. Тем не менее, согласно традиции и собственным вкусам, Берисфорд не счел возможным удержать для своего стихотворного перевода подлинные слова к этим мелодиям и по большей части заменил их новыми. Он сам рассказывает, что путь к созданию «Русского трубадура» был следующий: самобытные народные мелодии были положены на ноты опытными музыкантами, затем «первоклассные поэты» (poets of a high order) написали к ним «лучшие» слова, т. е. тексты, более удовлетворявшие новому вкусу (better words to these original melodies); переводчику же, Берисфорду, оставалось лишь приложить усилия к тому, чтобы достать в России и эти тексты и музыку к ним и сделать их переводы на английский язык. Берисфорд был убежден, что народные песни в своей «древней» форме по свойственной им «крайней наивности», плохо поддаются переводу на иностранный язык; кроме того, по его мнению, «местные обычаи и особенные суеверия, на которые песни так часто намекают», были бы чужды иноземцам, а дословная их передача могла бы показаться непонятной и неуклюжей для тех, кто привык к «более изысканным излияниям лирической музы».

Все эти признания сильно ограничивают литературный и музыкально-фольклористический интерес «Русского трубадура», но не устраняют его вполне, так как сквозь «приспособленный» и «очищенный» текст помещенных в нем поэтических произведений все же бьет живая струя народной песни; в ряде случаев в образцах, данных Берисфордом, нельзя не узнать многое из того текстового материала, который приводился и в полународных русских песенниках Чулкова-Новикова, Львова-Прача (1790, 1806, 1815) и др.; спрос на них, как известно, был у нас очень велик с конца XVIII в.[155]

Кое-что в переводах Берисфорда осталось сравнительно мало измененным: так, в последней песне сборника («Song») —

At Saratof and Tzaritzine,
Where Volga's surges lave the shore
The stream receives the Kamouchine
And proudly wafts its added store...

— нельзя не узнать вольный английский перевод известной русской народной песни, вошедшей и в чулковское «Собрание» и весьма популярной у нас в XVIII и в начале XIX в.:

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегала мать Камышенка-река;
Как с собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега и зеленые луга [156].

Другая песня, приведенная у Берисфорда,— «Песня разбойника к жаворонку» («The robber's song addressed to the lark»)—сентиментальный вариант песенного сюжета об узнике, тоскующем о свободе, удерживает в английском переводе русское имя разбойника, Ваньки:

Warbler of the skies,
Seek the dreary cell
Where sad Wanka lies...

Правда, наибольшее количество песен сборника относится к типу салонных полународных романсов: несчастная любовь, разлука, неверность составляют их излюбленные темы; голубки и горлицы («To the Dove», «The Turtle Dove»), ручейки («The Streamlet»), пастушки («The Shepherdess»,

«The Angry Shepherdess», «The Forlorn Shepherdess») составляют признаки и образы часто создаваемой здесь условной пасторали; нередки обращения к розе («Nurs'd in Flora's bower»), или к лютне («Song to the Lute»), упоминаются Лизетта («Dear source of all my pleasure, Lisetta, kind and fair...») и Аннетта («Annette, my heart's best treasure...»).

Мы находим здесь также популярные в России в начале XIX в. народные песни и романсы, каковы, например, «Возле речки, возле моста...», «Как у нашего широкого двора...», «Чем тебя я огорчила...». Здесь воспроизведен и «Стонет сизый голубочек...» И. И. Дмитриева, впервые увидевший свет в «Московском журнале» (1792, ч. 6), который известен был у нас как романс с музыкой Ф. Дитце и Ф. М. Дубянского. Помещена в «Русском трубадуре» также песня А. Ф. Мерзлякова:

Я не думала ни о чем в свете тужить,
Пришло время — начало сердце крушить;
С воздыханья белой груди тяжело!..

Этот романс впервые напечатан был в качестве текста к нотам Данилы Кашина, опубликованным в Петербурге в 1806 г., а исполнялся в концерте Е. Сандуновой за три года перед тем (1803) [157].

К оригиналу Мерзлякова восходит также переведенная Берисфордом песня:

O maiden fair beyond compare
I lov'd her true, what joy I knew!..

В русском тексте Мерзлякова эта элегическая песня-романс, в основе которой лежит русская народная песня, читается так:

Ах, девица-красавица!
Тебя любил — я счастлив был!
Забыт тобой — умру с тоской!
Печальная, победная
Головушка молодецкая!

Не знала ль ты, что рвут цветы
Не круглый год,— мороз придет...
Не знала ль ты, что счастья цвет
Сегодня есть, а завтра нет![158]

Впервые песня напечатана в московском «Журнале отечественной музыки на 1806 год, издаваемом Д. Кашиным» (№ 4); из этого источника Берисфорд позаимствовал и другие музыкальные тексты для своего сборника. Несомненно, что большая часть текстов, которые Берисфорд переложил в английские стихи, ведет нас к песням-романсам И. И. Дмитриева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого или А. Ф. Мерзлякова, но в сборнике оказался также, слегка искаженный, перевод украинской песни Климовского «Ехал козак за Дунай...», имевшей у нас большое распространение, в особенности после того, как А. А. Шаховской включил ее в свою «оперу-водевиль» «Козак-стихотворец» (1815) [159]. Есть в «Русском трубадуре» и такие романсы, которые, несомненно, сочинены были самим Берисфордом, например, «Похоронная песнь в память жившей в Москве миссис Кир» («Dirge to the Memory of Mrs. Kier of Moscow»); покойная, очевидно, была соотечественницей автора.

Мы не знаем, какое впечатление произвело это издание на лондонских читателей или исполнителей помещенных в нем музыкальных произведений; примечательно, однако, что первое знакомство англичан с русской поэзией было в то же время и знакомством с русской песней и музыкой: сборник Берисфорда предназначался не для чтения, а для музыкального воспроизведения. Мелодия интернациональна и всеобща, для нее нет преград, воздвигнутых в деле интеллектуального общения между народами разностью языков; поэтому «Русский трубадур» мог оказать эмоциональное воздействие помимо своей текстовой части, хотя, несомненно, и она отвечала вкусам европейского

«МОНАХ ИЗ КАЛЕ»

Картина Анжелики Кауфман (масло) на сюжет из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна, 1766—1781

Эрмитаж, Ленинград

ценителя. Таким образом, русское искусство являлось здесь как бы в двойном обличии: сквозь приспособленный текст пробивалась живая песенная мелодия.

О том, что в английских и шотландских гостиных этого времени часто звучала музыка народных песен почти целой Европы, мы знаем из сочинений Томаса Мура (см. его «National airs», где есть и «русские арии»), или из свидетельств А. И. Тургенева [160]; очень вероятно поэтому, что в той же среде, где певали ирландские мелодии Мура или шотландские песни Бернса, знали и «Русский трубадур» Берисфорда. Впрочем, интерес к русским песням у английских путешественников, как это мы знаем из «Путешествий» В. Кокса или Э. Суинтона и как на это уже указывалось выше, возник значительно ранее. Русское (как и шотландское) песенное творчество интересовало многих композиторов XVIII в., например, английского композитора д-ра Ариа. Учитель Вебера и Клементи, аббат Фоглер, в своем «Полимелосе» («Polymelos», 1791) поместил национальные мелодии самого разнообразного происхождения, вплоть до русских «козачьих», и это неудивительно: еще в 1768 г., т. е. за четверть века перед тем, гастролируя в Петербурге, тот же Фоглер играл на

органе и на фортепьяно «российские песни со многими вариациями» [161]. Это была установившаяся в XVIII в. традиция: музыканты-иностранцы, жившие в России или приезжавшие в Москву и Петербург на гастроли, на своих концертах постоянно играли гармонизованные ими русские песни, приспособленные не только для пения, но и для разнообразных инструментов. Так, живший в Петербурге итальянский музыкант К. Каноббио к опере «Начальное управление Олега» написал «антракт» на тему русской «Камаринской» [162]; «славный виртуоз» Иоганн-Готфрид Пальшау, долгое время живший в Петербурге в последней трети XVIII в., сочинил ряд вариаций на русские темы, среди них «Сюиту» для клавесина из русских песен, изданную в Петербурге для двух и четырех рук: в основном это были вариации на мелодии русской песни «Как у нашего широкого двора...». Выдающийся музыкант Иоганн Гесслер (Hässler), приехавший в Петербург в 1792 г., через два года поселившийся в Москве, где он прожил последние тридцать лет своей жизни, занимаясь композиторской и музыкально-педагогической деятельностью, также был автором целого ряда обработок русских песен с вариациями «для клавесина и фортепиано» или для смычковых инструментов с сопровождением фортепиано; например, «Фантазия и вариации» на русскую песню «При долинушке» [163]. Стоит отметить, что тому же Гесслеру принадлежит обработка английской народной песни, изданной в Петербурге: «Домашняя забава, или Английская народная песня: My friend and pitcher, на русском, английском и немецком языках для клавикордов. Музык. соч. Г. Гесслера». СПб., <1794 или 1795> [164]. Все эти данные, однако, мало изучены, что, несомненно, находится в тесной зависимости от крайней редкости или даже ненаходимости всех этих изданий.

Давно уже было известно, что Муцио Клементи аранжировал 44 «русские» мелодии для одного фортепьяно, но они остаются неизданными, хотя известно, что рукопись этого музыкального произведения хранится в Британском музее в Лондоне (MSS N 34007) [165]; краткие сведения о ней лишь недавно появились в русской музыковедческой печати.

Знаменитый пианист, композитор и музыкальный педагог Муцио Клементи (Muzio Clementi; 1752—1832), по происхождению итальянец, впервые появился в Лондоне еще в юности (1766); хотя он объехал потом все европейские столицы, побывав по несколько раз и в Париже, и в Вене (где был дружен с Гайдном и Моцартом), и в других городах, но большую часть жизни он провел в Англии, где окончательно поселился в 1810 г. В России Клементи был дважды — в 1802 г., когда он приехал в Петербург вместе со своим учеником Джоном Филдом (Field; 1782—1837) вскоре оставшимся в Москве, и в 1805—1806 гг. Биографы Клементи утверждали, что в одно из своих пребываний в России он будто бы и записал и гармонизировал 44 народные песни, сохранившиеся в нотной рукописи Британского музея. Рукопись эта не издана, но в 1961 г. Ф. Соколов ознакомился с ней и опубликовал первые результаты ее изучения в особой статье [166]. Оказалось, что семнадцать песен (из 44) заимствованы Клементи из второй части «Собрания русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского, вышедшей в Петербурге в 1778 г.; другие двенадцать песенных мелодий, по наблюдению Ф. Соколова, были взяты из первой части того же «Собрания» Трутовского, изданной двумя годами ранее (в 1776 г.): «таким образом, из 44 обработок, 29 оказались простыми копиями». Больший интерес представляют последние пять записей лондонской рукописи, начиная с № 40, где перед нотным текстом имеется надпись, сделанная другой рукой: «Все последующие песни обработаны Клементи» (All the following airs are adapted by Clementi). Ф. Соколову удалось установить источник заимствования и этих мелодий: этим источником явилось «Собрание народных русских песен с их голосами» И. Прача (СПб., 1790): «Мелодии почти не подверглись изменениям, но в гармонизациях есть некоторые, порой существенные разночтения», замечает исследователь и сопоставляет начало № 10 рукописи Клементи с № 11 Прача («Во поле береза стояла...»), а также № 44 рукописи Клементи и № 22 Прача («Как на матушке на Неве реке, на Ва-

сильевском славном острове...»). Приводится также заслуживающая внимания попытка Клементи «соединить близкие по своим музыкальным образам русские песни в трехколонную фортепианную миниатюру ⟨...⟩ Так, под № 41 помещены три песни: «По горам, по горам...», «Белолица, круглолица...» и «Выйду ль я на реченьку...» [167] Ф. Соколов разыскал также редчайшее издание, отсутствующее в библиотеках Европы, но весьма существенное для характеристики разносторонних интересов Клементи к песенному фольклору: альбом нотных текстов, выпущенный им в Лондоне в 1814 г.: «Собрание избранных мелодий различных народов, к которым приложены подлинные английские стихи, никогда прежде не печатавшиеся. С новыми мелодиями и аккомпаниментом для пиано-форте Муцио Клементи. Стихи — Дейвида Томсона» («A Selection from the Melodies of different Nations United to original English verses. Never before published. With new Melodies and Accompaniment for the Piano Forte by Muzio Clementi. The poetry of David Thomson». London, 1814) [168]. Среди четырнадцати народных песен, напечатанных здесь, оказалась и русская песня (Russian air), озаглавленная «Если бы вздохи могли вернуть...» (If sighing could recall the years). По поводу этого найденного им и неизвестного у нас ранее произведения, Ф. Соколов пишет следующее: «Слова английского поэта Дэвида Томсона представляют собой довольно удачную стилизацию русской песенно-романсной лирики конца XVIII в.

Если бы вздохи могли вернуть те годы,
Которые быстро умчались,
Тогда бы мы могли потратить час на слезы,
Чтобы возвратить себе промчавшийся день.
Но после самого яркого дня наступает ночь,
Ни вздохи, ни слезы не остановят полета времени...

Музыка песни принадлежит Клементи. Элементы народной лирики сочетаются в ней с традиционными западноевропейскими приемами изложения. Не исключена возможность, что прообразом этой «русской песни» могли послужить для М. Клементи популярные «Российские песни» Ф. М. Дубянского, И. А. Козловского и А. Д. Жилина».

События военных лет (1812—1815) значительно укрепили и обновили интерес иностранцев к русскому песенному творчеству.

Интерес англичан к Отечественной войне 1812 г. был также, в сущности, обращен к русскому народу в целом, а не к отдельным европеизированным представителям верхнего, культурного слоя русского общества. Англичан интересовала в эти годы русская армия и составляющая ее солдатская масса, ставшая победительницей Наполеона, русская крестьянская жизнь. В этом нетрудно убедиться хотя бы из той отмечаемой исследователями популярности, какою пользовались в Англии русские лубочные картинки; многие из них прямо перепечатывались в Лондоне, сопровождаемые новыми подписями, или слегка переделывались [169].

Много лет спустя русскому путешественнику Н. А. Корсакову, в бытность его в Лондоне, рассказали анекдот из времен пребывания в Англии Александра I после победоносного окончания войны с французами, внесенный им в свои записки: «По окончании достопамятной войны с Наполеоном государю Александру Павловичу угодно было взять с собою в Лондон казака, чтобы показать одного из наездников, прославившихся в эту войну. Вот и выбрали из всего лейб-казачьего полка самого видного, одетого в полную форму казака, и отправили в столицу Британии. Каждый день наперерыв возили его в лучшие дома, забавляли скачками, надо было свозить его и в театр: но как казак не мог понимать английского языка, то и придумали, что лучше показать ему балет, и дабы более его привести в восторг, то и поставили на сцену. Англичанки-танцовщицы пантомимою приглашали героя принять участие в танцах, но казак тоурился ⟨т. е. глядел исподлобья⟩ на них, как северный медведь. Как же восхитить его? Наконец и это придумали. Вдруг

являются две пригожие молодые россиянки и под мотивы русских песен начинают плясать по-русски. Услышав родимые отголоски, ретивóе воина не вытерпело: он оставляет свое место и начинает с ними пляску. Всеобщее «браво» потрясло свод театра, и кошельки, наполненные полновесными гинеями, полетели со всех сторон к ногам его. Из этого анекдота балетмейстер петербургских театров г. Дидло сочинил балет под названием «Козак в Лондоне» [170].

У Дидло такого балета нет, однако он все же существует; это одноактный балет, сценарий которого был сочинен И. Валберхом (совместно с Огюстом); музыку к нему написал К. А. Кавос. Балет «Козак в Лондоне» был представлен и в Петербурге (в первый раз 3 ноября 1813 г.). Музыка балета насыщена русскими танцевальными и песенными мелодиями. Кавосу особенно полюбился «козацкий танец» («козак», или «казачок») в разных мелодических и ритмических вариантах [171].

Из непосредственных впечатлений другого русского путешественника, П. П. Свиньина, бывшего в Англии в 1814—1815 гг., мы знаем также, что в лондонских театрах в это время охотно представляли «русскую пляску» и пели русские песни. Свиньин видел в Дрюри-Лейнском театре в Лондоне «русскую оперу» под заглавием «Наренский, или Дорога в Ярославль» и замечает по этому поводу, что «имя русской оперы, разбойничья шайка и два-три козака привлекали в каждое представление великое множество зрителей». Содержание пьесы, правда, показалось ему довольно нелепым, так как «приключения, случившиеся в России», были здесь «переделаны на английский вкус»; «на сцену выведены: любовник и любовница, попавшиеся в руки разбойников и освобожденные молодым рекрутом Алексеем, который пошел волею в солдаты вместо брата своего, хитрая цыганка и ямщик Афанасий, скопированный с Филатки»; «даже самые декорации, которые, впрочем, написаны мастерски, представляют смешное соединение правды с небылицею; например, сосна растет подле крестьянской избы с пальмою и проч.». «Но,— замечает Свиньин тут же,— русская пляска и группы крестьян в рубашках, а крестьянок в сарафанах меня утешили. Прекрасная мисс Смит в повязке была хороша, как купидон, и прекрасными телодвижениями своими восхитила всех...» [172]

Все это были явления одного порядка: «русские оперы» с национальными песнями и плясками, восхищавшие лондонских меломанов, русские лубочные картинки, которые переписывались английскими художниками, и берисфордовский «Русский трубадур» с его «favorite Russian Songs», предназначавшимися для салонного исполнения. Стоит взглянуть на виньетку его титульного листа, гравированную Холвудом: изображенный здесь бородатый мужичок с балалайкой, позади него две пляшущие девушки в крестьянских костюмах на фоне деревенского пейзажа ведут нас к тем же русским лубочным картинкам, вероятно, дававшим материалы для художников и декораторов, готовивших постановки «русских опер» для лондонских театров. Из песенного же материала таких стихотворно-нотных сборников, как «Русский трубадур», могли извлекаться и арии для этих «русских опер». Но «Русский трубадур» должен был иметь и более длительное значение: он был отдаленным предвестником того интереса к русской народной поэзии, уже освобожденной от салонной позолоты, который с гораздо большей силой сказался в Англии полустолетие спустя, в 60-х годах XIX в., в публикациях Рольстона и его подражателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Satyres du prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie». London, 1749; 2-е изд.: 1750. Об авторе анонимной биографии Кантемира, помещенной в этом издании, см. статью: В. Александренко. Кто написал первую биографию кн. Кантемира? — «Варшавские университетские известия», 1896, кн. 2, с. 10—13.

[2] На основании переписки Монтескье с аббатом Октавианом Гуаско (Guasco; 1712—1781) обы но утверждают, что когда Гуаско в 1746 г. хотел издать в Париже сатиры Кантемира, на Лондон как на более удобное место издания этой книги указал ему именно автор «Персидских писем» и «Духа законов». Ср.: D. Mohrenshild. Russia in the intellectual life of eighteenth century France. N. Y., 1936, p. 36—37. В. Александренко

замечает: «Это был первый литературный труд ученого итальянца, вышедший на французском языке, но не во Франции, в стране, которую особенно любил Гуаско, а в Лондоне, где кн. Кантемир провел, может быть, лучшие дни своей жизни *и пользовался литературной известностью*» (Л. Майков. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., с. XII—XIII; В. Александренко. Указ. соч., с. 13).

[3] В. Александренко. Указ. соч., с. 11—12.

[4] Интересная «Опись библиотеки кн. Кантемира», напечатанная В. Александренко в «Варшавских университетских известиях» (1896, кн. 2, с. 15—24 и кн. 3, с. 25—46), изобилует названиями английских книг: от «Утопии» Томаса Мора, поэм и трактатов Мильтона, сочинений Гоббса и Локка вплоть до писаний современных Кантемиру английских авторов. Среди последних мы встречаем Стиля и Аддисона, представленных журналами «Болтун», «Зритель» и пьесами, затем Конгрива, Попа, в особенности Дж. Свифта («Сказка бочки», «Путешествия Гулливера»); одиннадцатитомное собрание сочинений Свифта было отправлено Кантемиру из Лондона в Париж незадолго до его смерти — в 1744 г.

[5] «Дневник Храповицкого». М., 1902, с. 328—329.

[6] В. Петров. Соч., ч. III. СПб., 1811, с. 52 («Галактиону Ивановичу Силову»).

[7] «Жизнь Василья Петровича Петрова».— «Соревнователь просвещения и благотворения», 1818, № 1, с. 129.

[8] И. А. Шляпкин. Василий Петрович Петров, «карманный» стихотворец Екатерины II.— «Исторический вестник», 1885, № 11, с. 381—405.

[9] И. А. Шляпкин. Там же, с. 390—391; известно лишь, что в числе его знакомых была «дюшесса» Кингстонская; отправляясь на родину, он вместе с нею уехал из Англии во Францию.

[10] В. Петров. Соч., ч. III, с. 71.

[11] В письме к И. И. Дмитриеву (от 18 ноября 1836 г.) П. А. Вяземский просил одолжить ему на короткое время его «редкий экземпляр» перевода трех песней «Потерянного рая» и прибавлял: «Подлинной статьи о творениях Петрова я теперь написать не успею, да и готовлюсь после издать их особенно, а по поводу у нас неизвестного перевода его мог бы я накинуть о нем несколько слов и приложить ваши выписки» («Русский архив», 1868, с. 651). Статья Вяземского осталась ненаписанной, но он не обошел бы в ней, вероятно, влияний английской поэзии на Петрова. См. о В. Петрове в статье: Л. Г. Бараг. О ломоносовской школе в русской поэзии («Уч. зап. кафедры литературы и языка Минского гос. пед. ин-та», 1940, с. 68—92).

[12] Известно письмо Петрова к Екатерине II из Лондона (от 24 августа 1774 г.) по поводу повеления возвратиться на родину, в котором он просил разреш ния остаться еще на некоторое время в Англии («Библиографические записки», 1858, № 17, с. 528—530). Вскоре с аналогичной просьбой обратился к императрице и Г. И. Силов (в письме из Лондона от 5 сентября 1774 г.). Он, между прочим, писал: «Меня поощряет Василий Петрович Петров своим примером к учению и одобряет (...) Дозвольте, Ваше величество, нам остаться здесь, чтоб больше поучиться, а потом поездить по Англии и рассмотреть разные мануфактуры и фабрики...» В качестве аргумента Силов ссылается на то, что он «не выезжал из Лондона далее десяти миль: по склонности к наук , коя требует присеста, мы жили по сих пор больше как затворники, нежели прямые за морями путешественники» (там же, стр. 530).

[13] М. Н. Муравьев. Мысли, замечания и отрывки, в кн.: М. Н. Муравьев. Сочинения, т. II. СПб., 1847, с. 379.

[14] М. Н. Муравьев. Стихотворения. Ред. Л. И. Кулаковой. Л., 1967, с. 172—173 («Библиотека поэта». Большая серия).

[15] Об интересе М. Н. Муравьева к английской литературе, в частности к Шекспиру см.: Л. И. Кулакова. М. Н. Муравьев.— «Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та», 1939, в. 4, с. 20—22; см. также в сб.: «Шекспир и русская культура». М.— Л., 1965, с. 114.

[16] А. Колмаков. Стихотворения. СПб., 1791, с. 57. О переводах А. Колмакова «с англинского на российский» Корана (1792) и «Путешествия по Франции и Италии» Стерна «с англинского подлинника» (1793) см.: «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800», т. I. М., 1962, с. 26—27.

[17] Историки русской журналистики XVIII в. уже давно отметили участие русского корреспондента из Лондона в петербургском журнале «Ежемесячные сочинения» 1755 г. В январской книжке этого журнала (с. 21—31) под заглавием «Об остатках города Пальмиры» была помещена рецензия на изданную в Лондоне книгу Роберта Вуда «The Ruins of Palmira» (1753). Статья подписана инициалами Б. И. Ч., под которыми скрылся барон Иван Черкасов (1732—1811), обучавшийся в это время в Англии; ему же принадлежит перевод из «Гуардиана» («Опекуна») в тех же «Ежемесячных сочинениях», под заглавием «О человеческом милосердии, оказуемом подлейшего рода к животным» (см.: Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII ст. СПб., 1889, с. 391).

[18] Об И. А. Третьякове см.: «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», т. II. М., 1855, с. 505—507, и кн.: «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в.», т. II, М., 1962, с. 251 и 253. Речь Третьякова, читанная на акте Московского университета 30 июня 1772 г. («Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств, как у древних, так и у нынешних народов»), вероятно, основана на лекциях А. Смита, слышанных им в университете в Глазго между 1761 и 1764 гг. См. также: Norman

W. T a y l o r. Adam Smith's First Russian Disciple.— «Slavonic and East European Review» (London), 1967, July, p. 425—438. Georg Sacke («Zeitschrift f. Nationalökonomie», Bd. IX, H. 3, S. 351—356) приписывает С. Е. Десницкому сохранившийся в Глазго рукописный конспект лекций А. Смита, читанных им в 1763 г. «Богатство народов» («The Wealth of Nations») А. Смита напечатано лишь в 1776 г.

О С. Е. Десницком см.: М. И. С у х о м л и н о в. История Российской академии, в. 5. СПб., 1880, с. 3—8; Н. К о р к у н о в. История философии права. Изд. 2-е. СПб., 1898, с. 295 и сл.; подробные данные о них, а также о других русских «смитианцах» см. в статье: М. П. А л е к с е е в. Adam Smith and his Russian Admirers of the XVIII Century, приложенной к кн.: W. S c o t t. Adam Smith as student and professor. Glasgow, 1937 (см.: «Appendix», t. VII, p. 424—431). Из новейшей литературы по этому вопросу см.: A. H. B r o w n. Adam Smith's first Russian followers.— В кн.: «Essays on Adam Smith. Ed. by A. S. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975, p. 249—273; Его же статьи в «Oxford Slavonic Papers», N. S., 1974, p. 42—59; А. Б р о у н. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете.— «Вестник Московского ун-та (история), 1969, № 4, с. 75—88, где широко отражена и русская литература по этому вопросу. Ср.: Н. П е н ч к о. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758—1771).— «Исторический архив», 1956, № 2. Отметим здесь, кстати, любопытный для биографии Десницкого рассказ дворового ч ловека князя Голицына, Николая Смирнова, сохранившийся среди документов Тайной экспедиции. Н. Смирнов, уличенный в попытке в 1785 г. бежать за границу, рассказал, что по его усиленной просьбе отец Смирнова «условился с г-м Десницким, профессором Московского университета, чтобы он ездил ко мне на дом для обучения аглинскому языку, к коему великую имел я склонность» (К. В. С и в к о в. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII века.— «Исторический архив», т. V. М.— Л., 1950, с. 290).

[19] О В. Н. Никитине и П. И. Суворове см.: М. И. С у х о м л и н о в. История Российской академии, в. 5, с. 14—27, 299—308; В. А л е к с а н д р е н к о. Из жизни русских студентов в Оксфорде в царствование Екатерины II.— ЖМНП, 1893, № 1, с. 1—14; о н ж е. Русские дипломатические агенты в Лондоне, т. II, Варшава 1897, с. 135—154 («Переписка А. С. Мусина-Пушкина с инспектором студентов Никитиным; черты из жизни русских студентов в английских университетах»).

По сведениям «Биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета» (т. II, с. 478; ср.: М. И. С у х о м л и н о в. Указ. соч., в. 5, с. 306), Суворовым и Никитиным будто бы «издавался в Лондоне журнал математического содержания»; мы склонны, однако, думать, что речь идет здесь об их учебнике тригонометрии, вышедшем в свет под следующим заглавием: «Elements of plane and spherical trigonometry, written originally in Russian and translated into English by the authors Basil Nikitin and Prochor Souvoroff». London, 1786. 4°.

[20] L'abbé F. G a l i a n i. Correspondance... par L. Perey et G. Maugras, t. II. Paris, 1882, p. 188. О парижских друзьях Уолпола см. также: «Lettres de la marquise du Deffant à Horace Walpole. 1766—1780». London, 1912. 3 vols.; C. L o c k i t t. The relations of French and English Society. 1763—1793. London, 1920. Отметим, что еще до знакомства с Шуваловым Уолпол в своей сельской типографии в Strawberry Hill напечатал (1758), со своим введением, небольшой, но очень ценный для истории Петра I и его времени отчет о двух поездках в Россию чрезвычайного посланника (в 1704, 1710 гг.) лорда Чарльза Уитворта (Whitworth; 1675—1725), впоследствии несколько раз переиздававшийся (1762, 1765, 1771); введение к отчетам Уитворта, написанное Уолполом, свидетельствует о его интересе к русской культуре той поры. Два письма Уолпола к Шувалову (Лондон, 19 апреля 1776 г.; Strawberry Hill, 23 июня 1776 г.) впервые напечатаны по подлинникам (сохранившимся в бумагах Шувалова) в ЛН, т. 29—30, 1937, с. 290—292.

[21] Иван Афанасьевич Дмитревский (1734—1821) в 1765 г. отправлен был за границу для изучения театрального дела. В августе этого года в Петербурге говорили, что он едет «смотреть аглинского и французского театру» («Записки С. Порошина».— «Русская старина», 1881, с. 383), и слух этот вскоре подтвердился: в правительственном указе говорилось об отправке его в Париж и Лондон. Однако сведения о пребывании Дмитревского в Англии весною 1766 г., куда он ездил якобы вместе с Лекеном и где он будто бы близко сошелся с Гарриком, сбивчивы и противоречивы, несмотря на то, что они, по-видимому, восходят к рассказам самого Дмитревского. Различные анекдоты о дружеском, интимном общении знаменитых деятелей русского и английского театров мы находим в «Известии о жизни И. А. Дмитревского», напечатанном его сыном («Труды Вольного общества любителей российской словесности», 1822, ч. XVII, с. 105—106; в более распространенном виде — «Отечественные записки», 1823, ч. XIII, с. 379—390), в статье: Ф. К о н и. И. А. Дмитревский, славнейший русский актер («Пантеон русского и всех европейских театров», 1840, № 3, с. 92—93), в «Воспоминаниях старого театрала» И. Носова («Музыкальный и театральный вестник», 1857, № 12) и многих других источниках. Во всех противоречиях и хронологической путанице этих рассказов попытался разобраться В. Н. Всеволодский-Гернгросс («И. А. Дмитревский. Очерк из истории русского театра». Берлин, «Петрополис», 1923, с. 25—40); в итоге он решился лишь утверждать, что Дмитревский «возможно был <...> и в Лондоне», но что «о поездке его в Лондон можно судить лишь косвенно».

[22] Кн. Е. Р. Дашкова (1744—1810), рассказывая в «Записках» о своей жизни в Эдинбурге (между 1776 и 1779 гг.), где в то время учился в университете ее сын, упоминает, между прочим: «бессмертный Робертсон, Блэр, Смит и Фергюсон дважды в неделю прихо-

дили ко мне обедать и проводить у меня день» («Архив кн. Воронцовых», т. XXI. М., 1881, с. 171). William Robertson (1721—1793) — знаменитый шотландский историк; Hugh Blair (1718—1800) — профессор риторики и словесности Эдинбургского университета; Adam Smith (1723—1790) — автор труда «Богатства народов» (1776), и философ Adam Ferguson (1723—1816) также являлись в то время светилами Эдинбургского университета. Свои поездки по Англии и Шотландии Дашкова описала в статье «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым английским провинциям» («Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете», 1775, ч. II, с. 105—114), где, между прочим, говорилось: «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, обращение, публичная и приватная жизнь, механика, строение и сады, все заимствует от устройства первого и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»; Дашкова тут же прибавляет: «Любовь англичан к русским также должна была к ним привлечь». Известна дружба Дашковой с англичанкой Вильмот, в замужестве Бредфорд, жившей при ней и в России (Н. Шугуров. Мисс Вильмот и княгиня Дашкова.— «Русский архив», 1880, № 1, с. 196). Записки Дашковой имелись в двух рукописях, хранившихся у Вильмот; одна из них увезена была ею из России в Англию, где и издана в 1840 г. на английском языке (А. Лобанов-Ростовский. Еще о Записках кн. Дашковой.— «Русский архив», 1881, т. I, № 2, с. 366—369). Русские дневники сестер Вильмот были изданы: «The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot». London, 1934; они заключают в себе много данных об англо-русских культурных и общественных связях конца XVIII — начала XIX в. О пребывании Дашковой за границей, в частности в Лондоне, Оксфорде и Эдинбурге, и о ее разнообразных знакомствах см. в новой книге: Л. Я. Лозинская. Во главе двух Академий. М., 1978, с. 43—45, 65—67 и др.

[23] Алексей Веселовский высказал предположение, что это письмо Гаррика имеет в виду музыку, написанную Дашковой к одному гимну, исполненному в концерте в пользу госпиталя Магдалины, попечительницей которого была известная филантропка Арабелла Денни («Музыка у славян».— «Русский вестник», 1866, № 7, с. 136—137). Вот что говорит об этом сама Дашкова в своих «Записках»: «В числе многих благодетельных учреждений леди Денни госпиталь Магдалины был главным предметом ее попечений. Я несколько раз посетила с нею это заведение; доверяя моим бедным способностям, она дважды поручила мне переложить один гимн на музыку с тем, чтобы его исполнили в капелле с благотворительною целью. Ее желание было законом для меня, и я написала арию на четыре голоса; после двухнедельного приготовления она была исполнена в присутствии многочисленного собрания, которое с любопытством пришло посудить, на что способна русская медведица в музыкальном искусстве». Действительно, Гаррик в интересующем нас письме к Дашковой упоминает, что 2 мая 1778 г. «лучший музыкант и превосходный композитор мастерски исполнили ваше произведение. Небольшое собрание было в восторге: каждый чувствовал гармонию, прелесть и патетическую простоту ваших арий. Тут не было пристрастия к вашему званию, и хотя музыкальный jury строго критиковал вас, но одобрение было единодушное <...> Да послужит ваша чистая любовь к природе и простоте примером нашей сценической музыке, поражающей слух, но не трогающей сердце» (Е. Дашкова. Записки, 1859, с. 348).

[24] «Россиянин в Англии. Отрывки из писем одного путешественника».— «Приятное и полезное препровождение времени». М., 1796, ч. IX, с. 62—63.

[25] Прохор Жданов. Английская грамматика, СПб., 1772, с. 204—205.

[26] Подлинный текст этого «Объявления» 1718 г. перепечатан в «Библиографических записках», 1859, № 9, с. 270—272. Голдсмит считает его указом Екатерины I и утверждает, что он печатает его впервые («it has never before been printed»); однако он был уже опубликован в немецком переводе в «Преображенной России» Ф. Х. Вебера (F. Weber. Das veränderte Rußland, Bd. I. Frankfurt, 1722, S. 226—227); английский перевод этой книги вышел в свет под заглавием «The Present State of Russia» (London, 1723), откуда его, скорее всего, и заимствовал Голдсмит. Об этом «Объявлении» — см. еще: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати 1708 — янв. 1725 гг. М.— Л., 1955, с. 249.

[27] А. Г. Ингер. Проблематика творчества Гольдсмита-журналиста.— «Уч. зап. Читинского гос. пед. ин-та», (Труды кафедры русского языка и литературы, в. V), 1961, с. 85, 97—98. События Семилетней войны, в течение которой английский король Георг II расторг договор с Россией и заключил союз с Пруссией, а затем и тяжелые поражения, нанесенные Пруссии Фридриха I русскими войсками в 1760 г. (вплоть до взятия Берлина А. В. Суворовым), были основой для антирусских настроений, насаждавшихся тогда английским правительством и отразившихся на некоторых публицистических очерках Голдсмита, написанных в то время. См., например, его «Предисловие» и «Введение» к «Истории Семилетней войны», входящие в его «Полное собрание сочинений» (изд. Gibbs, t. V, p. 7 и сл.); Hans Marcus. Goldsmith über Deutschland.— «Archiv f. d. Studium der Neueren Sprachen und Literaturen», 1926. Bd. 149 (49), S. 13, 14, 15, 16—20, 189.

[28] Оливер Голдсмит. Гражданин мира, или Письма Китайского философа, проживающего в Лондоне... Изд. подготовил А. Г. Ингер. М., 1974. Все цитаты из этого произведения Голдсмита приводятся ниже по этому изданию.

[29] Можно считать вполне установленным, что одним из важнейших источников «Гражданина мира» Голдсмита являются «Lettres Chinoises» маркиза д'Аржан (d'Argens) во французском издании 1739 г. Отсюда Голдсмитом взяты описание Москвы, названия сибирских городов (Letters IX, XIX и др.), характеристика современного ему состояния

России (Letter LVI и т. д.). Он пользовался также книгой Дюгальда (Du H a l d e. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise. La Haye, 1736). См.: A. S e l l s. Les sources françaises de Goldsmith. Paris, 1924; Hamilton S m i t h. O. Goldsmith's «The Citizen of the World».— «Yale Studies in English», 1926, t. LXXI. Дж. Браун (J. B r o w n. Goldsmith's indebtedness to Voltaire and Justus van Effen — «Modern Philology», 1926, t. XXVIII, p. 273—284) подчеркнул хорошее знакомство Голдсмита с французской «Энциклопедией» и «Философским словарем» Вольтера. Однако источники «Гражданина мира» были не только французские. Для описания Сибири Голдсмиту пригодилась книга шведского офицера Ф. Страленберга «Северная и Восточная часть Европы и Азии» (F. S t r a h l e n b e r g. Nord. und östl. Theil Europas und Asiens. Stockholm, 1730; англ. перевод 1736), как это видно из ссылки на это издание в Письме XXXII; для истории Петра I он воспользовался книгами Дж. Перри («The state of Russia under the present czar». London, 1716) и Мотли (John M o t t l e y. The history of the life of Peter I. London. 1739; The history of the life and reign of the Empress Catherine. 1744, 1757); для легендарной истории Екатерины ему пригодились не только такие издания, как «Северная героиня» («The Northern Heroine», 1727) А. Хилла, но даже будто бы какие-то подлинные воспоминания некоего Х. Спилмана, «оставшиеся неопубликованными» (вероятно, имеется в виду James Spilman, автор книги: «A journey through Russia into Persia; by two English gentlemen». London, 1742) и т. д.

[30] Louis M a r t z. Tobias Smollett and the Universal History.— «Modern Language Notes», 1941, t. LVI, January, p. 4.

[31] Eugène J o l i a t. Smollett-editor of Voltaire.— «Modern Language Notes», 1939, June, t. LIV, p. 429—437; Ronald C r o n e. The Diffusion of Voltaire's writings in England.— «Modern Philology», 1923. February, p. 266. Смоллет подосадовал на Вольтера, между прочим, даже за то, что тот подверг своего «Задига» «русскому наказанию кнутом», хотя действие этой повести происходит в Вавилоне (ср.: E. J o l i a t. Smollett et la France. Paris, 1935, p. 152—153).

[32] Биографы Филдинга указывают на книгу Г. Аблерфельда «The Military History of Charles XII... to which is added an exact Account of the Battle of Pultava... 3 vols 1740; хотя этот перевод с французского издан анонимно, но в нем близкое участие принимал Г. Филдинг (F. Homes D u d d e n. Henry Fielding, vol. I. Oxford, 1952, p. 290—291). Россия упоминается мимоходом в пьесах Филдинга («Судья в собственной ловушке», «Ковентгарденская трагедия» и др.).

[33] D. M o h r e n s c h i l d t. Russia in the intellectual life of eighteenth century France. N. Y., 1936, p. 190.

[34] О Джоне Броуне (John Brown; 1715—1766), об его сочинениях, замыслах приезда в Петербург и переписке с Д. Дюмареском см. в ст.: М. П. А л е к с е е в. Английский трактат XVIII века о поэзии и музыке.— «Уч. зап. Ленинградского ун-та», № 46, серия филологических наук, в. 3, 1939, с. 67—89 (перепеч. в кн.: М. П. А л е к с е е в. Из истории английской литературы. М.— Л., 1960, с. 219—252). Отметим, что фамилию его мы транскрибируем «Броун» (вм. ожидаемого «Браун») на том основании, что она писалась у нас именно так в XVIII в., например, Державиным, который пользовался работами Броуна, цитировал их и перевел его оду «Целение Саула». В подобных случаях перевод на фонетическую транскрипцию (также условную) собственных имен и фамилий (ср. у нас ниже прежнее написание: Макартней вм. Макартни) едва ли желателен, так как она уничтожает давно установившуюся традицию и ведет к путанице. Приведенные даты жизни Дюмареска, шотландца французского происхождения, сверены с датами, указанными в биографическом справочнике воспитанников Оксфордского университета, который он окончил: Joseph Forster, Alumni Oxonienses, v. I. London, 1887, p. 393; в русских же источниках эти даты указаны неточно или предположительно. В 1747 г. Дюмареск сделался капелланом британской фактории в Петербурге и находился в этой должности до 1758 г., когда он уехал в Англию (см.: A. G. C r o s s. Chaplains to the British Factory in St. Petersburg (1728—1813) — в журнале университета Восточной Англии «European Studies Review», 1972, v. II, p. 125—142). Однако вскоре он снова вернулся в Петербург по приглашению Екатерины II и был привлечен к воспитанию наследника — будущего Павла I (см. Д. К о б е к о. Цесаревич Павел Петрович, 1754—1776. Изд. 3-е. СПб., 1887, с. 28—29), а затем принял участие в реформе учебного дела в России (см. ст.: N. H a n s. Dumaresq and some early educational projects of Catherine II.— «Slavonic and East European Review», v. XL (1961—1962), p. 229—235). В русских исследованиях (см., напр.: П. П е к а р с к и й. История имп. Академии наук, т. I. СПб., 1870, с. 388—389; С. К. Б у л и ч. История языкознания в России, т. I. СПб., 1904, с. 222 и др.) сведения о Дюмареске сбивчивы и противоречивы. Особенно запутанным остается доныне вопрос о «Сравнительном словаре восточных наречий», составленном Дюмареском в Петербурге. С. К. Булич ошибается, утверждая, что этот словарь был издан в Англии; несомненно, что он был издан в Петербурге, но сразу стал здесь большой редкостью. Я. К. Грот писал о нем в 1877 г. в статье «Филологические сочинения Екатерины II»: «Опыт этот был напечатан в одном томе, в 4-ку, в малом числе экземпляров, так как никаких следов его в библиотеках не осталось, но за достоверность известия об этой книге Аделунгу ручались заслуживающие доверия лица, которые сами его видели» («Труды Я. К. Грота», т. IV. СПб., 1901, с. 291—292). Во всяком случае и доныне ни один экземпляр этого словаря найден не был. Современный видный исследователь, востоковед А. Н. Кононов произвел новейшие разыскания и, указав большую литературу по этому вопросу, пришел к следую-

щему заключеению: «Есть все основания утверждать, что такой словарь был составлен. Это мое мнение основывается на записи (на латинском языке) в протоколе заседания конференции Петербургской Академии наук от 24 июня 1756 года, в котором сказано, что необходимо для учеников Академической гимназии напечатать многоязычный словарь вроде того, который уже «есть в наличии: он составлен пастором англиканской церкви Д. Дюмареском»» (А. Н. К о н о н о в. История изучения тюркских языков в России. Л., 1972, с. 84—85). О Дюмареске см. в новейшем справочнике: «Академия наук СССР. Персональный состав», кн. I. 1704—1917. М., 1974, с. 259. Здесь приведена точная дата его избрания почетным членом Академии (24 мая 1762 г.) и приложен его портрет, фамилия и е его напечатана ошибочно (следует: Dumaresq).

[35] «Letters of Laurence Stern». Oxford, 1922, p. 151—152. Существует и русский перевод этого письма Л. Стерна (в приложении к кн.: «Сентиментальное путешествие. Воспоминания. Письма». Перевод и прим. А. Франковского. М., 1940, с. 264—265), по которому мы его и цитируем. Приводимая ниже цитата из кн. Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» также заимствована из перевода романа, выполненного А. А. Франковским (М.—Л., 1949, с. 190—191).

[36] 〈Earl of Macartney〉. An Account of Russia, 1767. Printed for the Year 1768, p. 167—168. Вся эта книга перепечатана во втором томе биографии Макартнея: John B a r r o w. Some Accounts of the Public Life and a Selection from the Unpublished Writings of the Earl of Macartney. London, 1807. Пересказ книги о России Макартнея был сделан Н. А. Белозерской в ст.: «Россия в шестидесятых годах прошлого столетия».— «Русская старина», 1887, № 9, с. 499—522; извлечения из дипломатических депеш, посылавшихся им из Петербурга, опубликованы в сборнике «Русского исторического об-ва», т. XII, СПб., 1873, с. 198—300. См. также: W. F. R e d d a w a y. Macartney in Russia.— «Cambridge Historical Journal», 1931, vol. III, N 3, p. 266—294; A. C r o s s (Вводная статья к переизданию «Account of Russia»), 1972, p. V — XV. О знакомствах Макартнея в Петербурге и его английских друзьях см. ценные статьи Дж. С. Г. Симмонса: «Семюэл Джонсон «На берегах Волги»» — В кн.: «Международные связи русской литературы». Л., 1963, с. 161—174, и J. S. G. S i m m o n s. S. Johnson on the «banks of Neva»: a note on a picture by Reynolds, in the Hermitage.— In: Johnson, Boswell and their circle: essays presented to the L. T. Powell. Oxford, 1965, p. 208—214. В числе драматических произведений Сумарокова Макартней называет в приведенной цитате «Гамлета» и «Меропу». Если под «Гамлетом» он имеет в виду действительно известную трагедию Сумарокова 1748 г. (об отношении ее к Шекспиру см.: в сб.: «Шекспир и русская культура». Л., 1965), то указание на «Меропу» остается очень неясным. «Мерона» — трагедия Вольтера. Хотя Сумароков считал ее одной из лучших пьес Вольтера, «в которой все прекрасно», но печатного русского перевода «Меропы» не существовало до 1775 г., когда в Москве был опубликован ее очень вольный перевод В. Майкова; существовал однако рукописный перевод «Меропы», датированный 18 ноября 1746 г., вероятно, полож нный в основу переделки Майкова. Сведений же о постановке трагедии Вольтера на русской сцене во время пребывания Макартнея в России мы не имеем. Ср.: П. Р. З а б о р о в. Русская литература и Вольтер (XVIII — первая половина XIX в.). Л., 1978, с. 17—18, 24—25, 43.

[37] James H a r r i s. Philological Inquiries, part III. London, 1781, Appendix, Some Account of Literature in Russia, and of its Progress towards Being Civilised, p. 560—578; W. A t k i n s. English Literary Criticism in 17th and 18th Centuries. London, 1951, p. 354—355.

Более или менее полный библиографический перечень всех английских печатных описаний путешествий в Россию в XVIII в. см. в кн.: Edward C o x. A Reference Guide to the Literature of Travel. 1935 («University of Washington Publications in Lang. and Literature», vol. 9, p. 198 и сл.). См. также Harry W. N e r h o o d. To Russia and Return. An Annotated Bibliography of Travellers' English Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present. Ohio State University Press, 1968 (имеются существенные пропуски); Helmut A n t o n. Englishe Russlandreisende im 18 Jahrhundert.— В кн.: Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», I. (1936) (перепеч.— New York, 1966), s. 169—200. Из старых работ доныне представляет фактический интерес: Gottlieb Heinrich S t ü c k. Verzeichnis v. Land-und Reisebeschreibungen, sowie Originale wie Übersetzungen. Prag, 1793, О жанре путешествий в XVIII в. см.: E. P o n s. Le voyage, genre littéraire au XVIII siècle.— «Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg», 1924 (vol. 3, 4).

[38] Е. М. Л. Английский турист в Петербурге в 1774 году.— «Исторический вестник», 1881, № 12, с. 822.

[39] H. A n t o n. Op. cit., S. 171. Ср.: E. P r i c e. English travellers in Norway. London, 1853. «Письма из Скандинавии» пишет М. Уолстонкрафт; А. Суинтон и В. Кокс посещают Скандинавию и затем Россию. К этим путешествиям по Северу Европы существовал большой интерес. Даже Гете проявил особое внимание к «Путешествиям» В. Кокса (см. E. B o y d. Goethe's knowledge of the English literature. London, 1929, p. 180).

[40] James S p i l m a n. A journey through Russia into Persia by two English gentlemen, who went in the year 1739 from St. Petersburg in order to make a discovery how trade from Great Britain might be carried on from Astrachan over the Caspian sea (London, 1742); Jonas H a n w a y. Historical Account of the British trade over the

Caspian Sea, with a Journal of travels from London through Russia, Germany and Holland. London, 1753; John C o o k. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and part of the Kingdom of Persia. Edinburgh, 1780.

Последнее из названных сочинений занимает особое место в указанном ряду английских книг о путешествиях в Россию в XVIII в. и довольно примечательно в истории русской культуры. Характерно, что Джон Кук, говоря о России в предисловии к первому тому своих «Путешествий и странствий», подчеркнул, что, хотя он приехал в Россию в 1735 г., но «не стыдится заявить, что почитает Россию как свою родную страну» (I am not ashamed to declare that I honour Russia next to my own country). А. Стюарт (A. Francis S t e u a r t. Scottish Influences in Russian History, Glasgow, 1913, p. 113—116) не без оснований считает книгу Дж. Кука ценным источником для истории шотландцев, проживавших в России — врачей, военных купцов и т. д. в годы царствования Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны; Кук много ездил по России и имел широкие знакомства в различных общественных кругах, не исключая придворных.

Укажем также, что экземпляр «Путешествий» Кука находился среди личных книг Пушкина и сохранился в составе его Библиотеки (Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, с. 211—212, № 821); любопытна также история появления ее в библиотеке поэта. Вместе с другой редкой и запрещенной в России английской книгой, «Записками» Питера Генри Брюса, «офицера прусской, русской и британской службы» («Memoirs of Peter Henry Bruce Esq. a military officer in the Service of Prussia, Russia and Great Britain,containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West-Indies etc. as also several very interesting private anecdotes of the Czar Peter I of Russia». London, 1782, Dublin, 1783; ср. «Catalogue de la section des Russica», t. I, p. 182, N 2170—2171; И. Ф е й н б е р г. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 2-е. М., 1958, с. 115), «Путешествия» Кука были присланы Пушкину при сопроводительном письме Александра Яковлевича Вильсона от 18 декабря 1835 г. (П у ш к и н, т. XVI, с. 67). В этом письме Вильсон так рекомендовал Пушкину эту книгу Кука: «Он жил в России с 1736 по 1750 год и по своим понятиям описывает все, что видел, и что с ним приключилось. У него много пошлого и довольно сплетен, но служба его при князе Голицыне, поездка с посольством в Персию, анекдоты об ученом, умном, но бессовестном Татищеве заслуживают некоторого замечания, кроме многих других подробностей, относящихся до времени, о котором мало писали».

Обе посланные А. Я. Вильсоном английские книги представляли для Пушкина значительный интерес в связи с его занятиями Петром I и архивными разысканиями по русской истории XVIII в. Чем вызвано указанное письмо А. Я. Вильсона к Пушкину — просьбой ли поэта или обстоятельствами их встречи и беседы — не выяснено; комментарий к указанному письму составлен не был.

В статье И. Л. Фейнберга «Неведомая книга» (в его кн.: «Читая тетради Пушкина». М., 1976, с. 1—19) рассказывается о том, сколько хлопот доставило исследователям Пушкина неправильное прочтение имени Кука в письме Вильсона к Пушкину (под именем Куна имя Кука печаталось с 1903 г., когда это письмо было опубликовано впервые). О Вильсоне — корреспонденте Пушкина — в литературе о поэте сообщалось крайне мало. В связи с этим укажем, что А. Я. Вильсон (1766—1856), родом англичанин, был начальником ижорских заводов (1808 — 1856) и одновременно управляющим императорской Александровской мануфактурой; в 1826 г. он был произведен в генерал-майоры, в 1829 — в генерал-лейтенанты. Сведения из служебного формуляра А. Я. Вильсона вместе с описанием выбитой в честь 50-летия его государственной службы в России золотой медали находятся в кн.: Ю. Б. И в е р с е н. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1877, с. 91—92 (изображение медали из табл. IX, № 6), Биография А. Я. Вильсона должна была быть помещена в соответствующем томе «Русского биографического словаря», так как он назван в «Азбучном указателе имен русских деятелей» для этого словаря (СПб., 1887, с. 102), но в свет этот том не вышел. Подробно о нем говорится в кн.: Г. Г о р о д к о в. Адмиралтейские заводы. Краткий исторический очерк. СПб., 1903, с. 75—77 (здесь и его портрет); этим указанием я обязан любезности Л. А. Черейского.

Здесь же можно упомянуть шотландца-врача Джона Белла (John Bell of Antermony; 1691—1780), служившего в России еще при Петре I; Белл издал «Travels from St. Petersbourg in Russia to various parts of Asia». Glasgow, 1764 (немецкий перевод — Hamburg, 1787).

[41] Andrew S w i n t o n. Travels into Norway, Denmark and Russia in the years 1788, 1789, 1790 and 1791. London, 1792; В. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 1. Берлин, б. г., с. 578.

[42] H. A n t o n. Englische Russlandreisende, S. 177. О С. Грейге см. ст.: A. G. C r o s s. Samuel Greig, Catherine the Great's Scottish Admiral.— «The Mariner's Mirror», 1974, v. LX, N 3, p. 251—266. См.: также биографию старшего сына С. Грейга, Алексея, также служившего в русском флоте: А. А с л а н б е г о в. Адмирал Алексей Самуилович Грейг. СПб., 1873.

[43] «Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères», t. II. S. Petersbourg, 1873, p. 387 (N 3170—3173).

[44] «Andrew Swintons Reise durch Norwegen, Dänemark und Russland in den Jahren 1788—91», Berlin, 1793, Vorwort.

[45] H. A n t o n. Englische Russlandreisende, S. 177.

[46] Биографии Н. Рэксолла см.: «Dictionary of Nat. Biography», vol. XXI, p. 988; см. о нем: Е. М. Л. Английский турист в Петербурге в 1774 году.— «Исторический вестник», 1881, № 12.

[47] «Catalogue de la section des Russica...», t. II, p. 211, N 1125—1127; В. А. Б и л ь б а с о в. История Екатерины II, т. XII, ч. 1, с. 300—301 (здесь, в частности, сообщены дополнительные данные о Ч. Т. Каткарте и о смерти его жены в Петербурге, в октябре 1771 г.).

[48] Отрывки из «Anecdotes» Ричардсона напечатаны в кн.: «Seven Britons in imperial Russia», ed. Peter Putnam. Princeton, N. J., 1952, p. 125 и сл.; полное фототипическое переиздание: F. Cass (London, 1968). См. специальную статью об этой книге В. Ричардсона: H. J. P i t c h e r. A Scottish view of Catherine's Russia: Richardson's Anecdotes of the Russian Empire. «Forum for Modern Lang. Studies» (University of St. Andrews), v. III, 1967, p. 236—251; Franco V e n t u r i. Tra Scozia e Russia. Una dibattito settecentésco sul feudalismo. Torino, 1973, p. 27—28.

[49] Многочисленные издания книги В. Кокса в подлиннике и в переводах перечислены в «Catalogue de la section des Russica...», t. I, p. 261—262 (N 1319—1135). О гравюрах Г. И. Скородумова см.: Е. Н е к р а с о в а. Гаврило Иванович Скородумов (1755—1792). М., 1954, с. 17—18.

[50] Г. Штук (Gottlieb-Heinrich S t u c k. Verzeichnis v. Land und Reisenbeschreibungen, II. Halle, 1784, S. 30) в год выхода в свет книги В. Кокса называет его путешественником, который «лучше других английских писателей рассказывает об этих странах» (Северной Европе), а Э. Бриджес (Egerton Bridges) утверждал еще в 1824 г.: «Значение книги Кокса мало в чем убавилось от времени. Полновесность ее содержания служит ей защитой; хотя она подвергалась перегонке (has been distilled) в сотне последующих сочинений, всегда остается свежесть (freshness) в подлинных повествованиях, которую не могут успешно подделать литературные пираты» (S. A. A l l i b o n e. Dictionary of English Literature. Philadelphia, v. I. 1891, p. 442). Одной из подобных подделок была компиляция Дж. Маршалла (Jos. Marshall) — под этим именем скрылся автор подделки George Hill: «Travels through Holland, Flanders, Germany, Denmark, Sweden, Lappland, Russia the Ukraina and Poland in the years 1768, 1769 and 1770», vols. 1—3. London, 1772. Дважды (1773—1778, 1776—1778) это сочинение было издано в немецком переводе и в 1776 г. в переводе на французский язык («Voyages dans la partie septentrionale de l'Europe... Traduction de L'Anglois par Pingeron». Paris, 1776). Ср. «Catalogue de la section des Russica...», t. I, p. 776 (N 480—483). Установлено, что Дж. Маршалл (Дж. Хилл) данного путешествия не совершал и в перечисленных странах не был (H. A n t o n. Englische Russlandreisende, S. 176, Anm. 36).

[51] P. N. C h a n t r e a u. Voyage philosophique, politique et littéraire fait en Russie pendant les années 1788 et 1789. Traduit de Hollandais. 2 vols. Hambourg, 1794. Голландского оригинала этой книги не существует; автор книги — французский литератор Пьер-Миколя Шантро (1741—1808) никогда не был в России и, по словам своих современников, составил ее, «не выезжая из Парижа». Однако она обратила на себя внимание в Англии, где вскоре после ее появления опубликован был ее анонимный английский перевод, сделанный с французского («Philosophical, political and literary travels in Russia». Transl. from the French. Perth, 1794—1795, 2 vols); с французского же сделан и немецкий перевод (Berlin, 1794—1795). См.: «Catalogue de la section des Russica...», t. I, p. 219 (N 485—488). Источниками этой компиляции были названные самим автором книги Бюшинга, Левека, Леклерка и др., но он умалчивает о «Путешествиях» Кокса, «у которого списывает чаще всего и целыми страницами», как это показано было еще в брошюре «Examen de trois ouvrages sur la Russie». Paris, 1802 (автором ее был не назвавший себя Fortia de Pilès, который ради примера привел ряд построчных заимствований из Кокса — p. 25, 33). См.: В. А. Б и л ь б а с о в. История имп. Екатерины II, т. XII, ч. 1, с. 513—516; ч. 2, с. 85). Хотя подделка Шантро была разоблачена еще его современниками, но эта ловко и умело скроенная им компиляция имела успех и еще иногда и в наши дни продолжает соблазнять читателей. Так, H. W. Nerhood в своем указателе (см. прим. 37) замечает о Шантро, что он будто бы был в России «по коммерческим соображениям» (с. 35); X. Грассгоф (H. G r a s s h o f. Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin, 1973, S. 365; сб. «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 95—96) уверен, что «во время революционных событий гражданин Шантро (citoyen Chantreau) предпринял поездку в Россию» и приводит из немецкого перевода его книги цитату, на самом деле представляющую собой выдержку из «Путешествий» Кокса.

[52] Н. И. Г р е ч. Записки о моей жизни. М.— Л., 1930, с. 224—225.

[53] Русский перевод «Путевых записок одного англичанина...» (М., 1837), без имени Кокса, сделан по французскому тексту «Путешествий» Кокса (в переводе P. Mallet в женевском издании 1786 г.). Пересказ оригинала книги Кокса под заглавием «Россия сто лет тому назад. 1778» опубликован в журнале «Русская старина», 1877, т. XVIII, № 2, с. 309—324, и т. XIX, № 5 с. 23—52. См.: М. П. А л е к с е е в.

Путевые записки англичанина и русский фольклор.— «Русская литература», 1962, № 4, с. 124—134.

[54] «Сатирические журналы Н. И. Новикова». М.— Л., 1951, с. 321.

[55] Н. Жинкин. М. Н. Муравьев. СПб., 1913, с. 22. Напомним, кстати, что в «Сатирическом вестнике» (1790), журнале П. И. Страхова, встречается один из ранних в русской журналистике сатирический образ молодого русского помещика-англомава, усвоившего себе многие привычки и образ мыслей во время путешествия и «долгого пребывания в Англии».

[56] W. Coxe. Travels in Russia, Poland, Sweden and Denmark, v. II, 1784, p. 175—203.

[57] П. Н. Берков. Изучение русской литературы иностранцами в XVIII веке.— Сб. «Язык и литература», т. V. Л., 1930, с. 119—120.

[58] Сумароков. Стихотворения. Л., 1935, с. 95. Элегия «К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова» опубликована впервые в журнале «Свободные часы» 1763 г., затем в «Разных стихотворениях Сумарокова» 1769 г. Английский перевод (прозой) — у Кокса: «Travels...», vol. II, p. 203.

[59] А. Кросс в статье: «Early English Specimens of the Russian poets» в журнале «Canadian-American Slavic Studies», v. IX, 4 (Winter) 1959, p. 450, говоря об этой элегии Сумарокова, сопоставляет ее французский прозаический перевод (Леклерка) с прозаическим английским (Кокса) и приходит к заключению, что второй сделан с первого. Стих оригинала «Расинов я театр явил, о Россы! вам» у Леклерка передан так: «O, Russie! Vous aviez un second Racine, mais les fondements de ce nouveau théâtre vont écouler, et tous les travaux d'un siècle sont perdus...» Кокс буквально передал это по-английски: «O Russia! You possessed a second Racine, but the new théatre is already tottering from its foundations, and all the labours of a century are destroyed».

[60] A. Cross. Early English specimens..., p. 450.

[61] W. Coxe. Travels..., p. 442—443.

[62] Труд Якоба Штелина, который здесь имеется в виду,— «Nachrichten von der Musik in Russland» напечатан во второй части книги: J. J. Haigold's Beylagen zum Unveränderten Russland, Th. II (Riga und Leipzig), 1770, § 10; ср. «Русская литература», 1962 № 4, с. 129.

[63] О М. Гатри см.: Н. Трубицын. О народной поэзии в литературном обиходе в первой трети XIX в. СПб., 1912, с. 44 и 206.

[64] A. G. Cross. «Arcticus» and «The Bee».— «Oxford Slavonic Papers», N. S., vol. II, 1969, p. 62—76; См. также: K. A. Papmehl. Mathew Guthrie — The forgotten student of 18 century Russia.— «Canadian Slavonic Papers», vol. XI, 1969, p. 176—181.

[65] «Ivan Czarewitz, or the Rose without Pickles that Stings not. A Tale. Written by her Imperial Majesty. Translated from the Russian language. With a vignette title». London, Robinson, G. Edwards, T. Kay and T. Chapman, 1793. Нам не удалось видеть эту книгу; по экземпляру Британского музея она описана в библиографическом указателе Andrew Block («The English Novel. 1740—1850. A Catalogue including... translations of foreign fiction». London. 1939, p. 38). О принадлежности перевода перу М. Гатри см. ст.: A. G. Cross. Royal Blue-stocking: Catherine the Great's early reputation in England as an authoress.— В кн. Горски Вjенац A Garland of essays offered to prof. E. Hill. Cambridge, 1970, p. 85—99. Упоминая это издание, Dorothy Brewster («East-West Passage». London, 1924, p. 31) ошибочно называет его «одним из первых, если не первым переводом 〈!〉 с русского языка на английский». М. Гатри закончил также перевод исторической драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» (1787) и очень хотел напечатать его, но он остался в рукописи, находящейся ныне в Британском музее, вместе с рядом других его произведений (A. Cross. «Arcticus» and «The Bee» (1790—1794): An Episode in Anglo-Russian cultural relations.— «Oxford slavonic papers», 1969, new series, vol 2, p. 62—76). М * 〈М. Н. Макаров〉 в статье «О театральных сочинениях Великой Екатерины» (взято из английского журнала 1800 г. «The Observer») — Дамский журнал», 1827, № 1, с. 32—36 — дает обзор ее пьес; однако А. Кросс (с. 98) утверждает, что английский оригинал этой статьи им обнаружен не был, но ссылается на шотландца, посетившего Петербург в 1804 г. (J. Carr. Northern Summer, or travels through Denmark, Sweden, Russia . . . in the year 1804. London, 1805, p. 328), который рассказывает о своей встрече с Гатри и о беседе с ним о драматургии покойной императрицы.

[66] «Radzivil, a romance. Translated from the Russ of the celebrated M. Wocklow». London, Printed for W. Lane, MDCCXC, vols. 1—3. См.: «Catalogue de la section des Russica...,», t. II, p. 540 (N 722). Тексту романа предшествуют два предисловия: первое будто бы принадлежит автору, русскому писателю, и помечено Petersburg, 1789, в нем говорится, что роман написан в подражание множеству сочинений подобного рода, существующих в английской и французской литературах. Во втором предисловии издатель утверждает, что Wocklow, как он пишется по-русски, или Wockloff, как это фамильное имя произносят на его родине, пользуется в России большою славою как драматург; поэтому нельзя не удивляться, что писатель, приобретший такую знаменитость в своем отечестве, остается еще неизвестным английской публике — обстоятельство, которое следует приписать малому знакомству

Англии с русским языком. Далее говорится, что издатель будто бы получил этот перевод от одного молодого англичанина, прожившего несколько лет в Петербурге по торговым делам и выучившегося там по-русски в такой степени, что он мог успешно выполнить перевод; издатель же, со своей стороны, только просмотрел рукопись этого перевода и разделил роман на главы, как привыкли к этому английские читатели.

[67] «Псевдо-переводы с русского». — «Русский архив», 1866, стб. 211—212. Из шести Волковых, известных в русской литературе XVIII века («Словарь русских писателей XVIII века». Л., 1975, с. 40) в данном случае мог иметься в виду не только драматург Александр Андреевич (1736—1788), сотрудник «Новых ежемесячных сочинений», но и Дмитрий Васильевич (1718—1785), автор комедии «Воспитание» (1774), да и кто угодно другой.

[68] См. статью А. Ардабацкой «Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII века» («Уч. зап. Саратовского гос. ун-та», т. XXIX, 1954, с. 138—175), где указаны последствия заключения России с Англией «Трактата дружбы и коммерции» (1734) на 15 лет, предоставлявшего большие льготы англичанам и разрешение на транзитную торговлю с Персией.

[69] J. Hanway. An historical account of the British trade over the Caspian sea: with a journal of travels from London through Russia and Persia, vols. 1—4. London, 1753. Второе издание этой книги выпущено было в следующем 1754 г., третье — в 1762; дважды опубликован был также голландский перевод этого труда (Haarlem, 1755, 2-е изд.: 1758) и, наконец, немецкий (Hamburg und Leipzig, 1754; 2-е изд.: 1769). Все эти издания имеются в ГПБ (см. «Catalogue de la Section des Russica...», t. I, p. 510 (N 220—225). О путешествиях Хэнуэя см. также А. Соколов. Плавания по Каспийскому морю Генве, Ельтона и Вудруфа, 1742—1744.— «Морской сборник», 1855, т. XIX, № 12, с. 268, 272, 288—294. Отзыв Хенуэя о Татищеве в русском переводе приведен в статье Г. Г<еннади>. Отзыв современника о Татищеве.— «Библиографические записки», 1859, № 20, стб. 627—629.

[70] James Boswell. The Life of Samuel Johnson. Newly edited with notes by Roger Ingpen, v. I. London, 1907, p. 372.

[71] Madame d'Arblay. Diary and Letters, v. II. London, 1846, p. 231.

[72] James Boswell. Op. cit., p. 185 (см. здесь же и портрет Хенуэя, гравированный J. Baldrey); Dictionary of National Biography (ed. 1917), v. VIII, p. 1196—1197.

[73] П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, с. 4—6. Любопытно, что к тому же времени, когда Татищев беседовал с Хэнуэем, в Англии появилась в печати переведенная с шведского «Эпистола к Эрику Бензелю» о мамонтовой кости; это, кстати сказать, была единственная статья Татищева, напечатанная при его жизни; она была переиздана — два раза в Швеции (1725, 1729) и в Англии (1743). См.: П. Пекарский. Указ. соч., с. 19—20. О Татищеве в Швеции, где он пробыл полтора года 1724—1726, см.: А. И. Юхт. Из наследия В. Н. Татищева.— В сб.: «История и историки. Историографический ежегодник». М., 1975, с. 298. Ср.: А. И. Андреев. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. — «Исторический архив», т. VI. М.— Л., 1951, с. 245—314.

[74] Отзыв об этом издании см. в лондонском журнале «Monthly Review», 1767, v. 37, p. 62; в этом же журнале значительно ранее отмечены были латинские речи Ломоносова: «Oratio de origine lucis sistens novam theoriam colorum» («Monthly Review», 1759, v. 21, p. 254); «Oratio de generatione metallorum a terrae motu» (там же, с. 338); краткая биография Ломоносова со списком его сочинений помещена в 3-м издании «Encyclopedia Britannica» (Edinburgh, 1797, v. 10, p. 231—232), а вслед за тем встречается и в других справочных изданиях. Ср.: «Выставка «Ломоносов и Елизаветинское время»». Пг., 1915, в. VII, с. 171—195; «Ломоносов и английская литература» (этот перечень весьма неполон).

[75] Ф. Я. Прийма. Георг Форстер — переводчик Ломоносова.— «Доклады и сообщения филологического ин-та» вып. 3. Л., 1951, с. 209—220. «Краткий Российский летописец» еще при жизни Ломоносова был издан в переводе на немецкий язык П. Я. Штелина (1765, переиздан в Риге в 1767 и 1771 гг.); «Немецкие демократы XVIII в. Шубарт, Форстер, Зейме». М., 1956, с. 146; Ю. Я. Мошковская. Георг Форстер, немецкий просветитель и революционер. М., 1961, с. 41—42.

[76] S. Pleschеev. A Survey of the Russian Empire, translated from the Russian by James Smirnove. Folding map and colored plates. London, 1792 (перевод сделан с первого русского издания 1787 г.). См.: В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 1, с. 493 (№ 692); Г. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. III. Изд. 2-е. М., 1907, с. 146—147. Отметим также, что брат автора, Михаил Иванович Плещеев, был советником русского посольства в Лондоне; в 1795 г. он был избран членом «Вольного российского собрания» и помещал свои статьи и переводы в «Опытах трудов» этого литературного общества под псевдонимом «Англоман» (см.: Д. Ф. Кобеко. Несколько псевдонимов в русской литературе XVIII века.— «Библиографические записки», 1861, № 4, с. 103—104). Одна из этих статей посвящена монологу «Гамлета» Шекспира и его переводам (см. сб.: «Шекспир и русская культура». М.— Л., 1965, с. 51—53); другая представляет собой перевод с английского: «Предложение о исправлении, распространении и установ-

лении английского языка» («Опыт трудов Вольного российского собрания при Московском университете», ч. III. М., 1776, с. 1—34). С. К. Булич, цитирующий этот перевод в своей книге «Очерк истории русского языкознания» (т. I. СПб., 1904, с. 308—310) не знал ни того, что под псевдонимом «Англоман» скрывался М. И. Плещеев, ни того, что оригиналом, с которого он сделал этот свой перевод, является известный памфлет Джонатана Свифта 1712 г. О братьях С. И. и М. И. Плещеевых существуют документальные исторические романы А. Н. Глумова «Юные вольнодумцы», «Судьба Плещеевых» (1973)

[77] ⟨П. Б а р т е н е в⟩. Лондонский священник Я. И. Смирнов.— «Русский архив», 1879, кн. I, № 3, с. 354—356 (в этой публикации редактор журнала дал подборку нескольких документальных материалов для биографии Я. И. Смирнова); В. А л е к с а н д р е н к о. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. I. Варшава, 1897, с. 426—428; Русский биографический словарь (том: «Сабанеев — Смыслов»). СПб., 1904, с. 662; A. G. C r o s s. Yakov Smirnov: a Russian Priest of Many Parts.— «Oxford Slavonic Papers», N. S., v. VIII, 1975, p. 37—52.

[78] «Из записок Е. Ф. Комаровского».— Сб. «Осмнадцатый век, изд. Петром Бартеневым». М., 1868, с. 328. Автор записок — граф Евграф Федотович Комаровский (1769—1843) — русский дипломат.

[79] П. М а к а р о в. Россиянин в Англии, или Письма к друзьям моим.— «Московский Меркурий», 1803, ч. I, с. 29—31; перепеч. в кн. «Сочинения и переводы Петра Макарова», т. I, ч. 1, Изд. 2-е. М.. 1817. Петр Иванович Макаров (1765—1804) был литератором, критиком и переводчиком. В краткой биографии его, предпосланной изданию его «Сочинений и переводов», сказано, что «в числе других произведений Макаров оставил несколько писем о Лондоне, которые заставляют сожалеть о том, что он не успел описать всего путешествия» (с. X). Ср.: А. Г. М а к с и м о в. «Московский Меркурий» 1803 года, ежемесячный журнал П. И. Макарова. —«Литературный вестник», 1902, № 8, с. 317—334.

[80] П. Бартенев приводит распоряжение Я. Смирнову гр. Ростопчина, скрепленное подписью Павла I (от 29 сентября 1800 г.), в котором, в частности, говорилось: «За отсутствием всех аккредитованных особ при Лондонском дворе препоручается вам извещать государя обо всем, что вы узнать можете касательно до предприятий, вооружений, отправлений, перевода денежных и торговых оборотов англичан в течение настоящей осени и зимы» («Русский архив», 1879, т. I, № 3, с. 356). Со вступлением на престол Александра I Воронцов был снова аккредитован в Лондоне в звании чрезвычайного посла (2 мая 1801) См.: В. А л е к с а н д р е н к о. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. I, с. 515, и т. II, с. 294, 298—299.

[81] Дополнительные штрихи к портрету Я. И. Смирнова дают воспоминания о нем русских путешественников, встречавшихся с ним в Лондоне. Так, Н. И. Греч («Путевые письма из Англии, Германии и Франции», ч. I. СПб., 1839, с. 74) описывает посещение Я. И. Смирнова, «который шестьдесят лет живет в Лондоне и пятьдесят лет тому назад принимал и руководил там *молодого* Карамзина. Он бодр духом и телом, только глаза его слабеют. Доныне были мы с ним знакомы по письменным отношениям»; «Мне казалось, что я посетил благочестивого отшельника, живущего на уединенном острове, посреди бурных волн чуждого океана. Русские иконы, лики русских царей, русские книги и русское сердце — вот все, что он сохранил от кораблекрушения...»

Посетивший его в 1839 г., за год до его смерти, Н. А. Корсаков также рассказывает: «Я. И. Смирнов находится в Лондоне со времен Екатерины, и ныне по преклонным своим летам и слабому зрению в отставке. Я увидел старца с зонтиком на глазах, одетого в старинный французский кафтан, штиблеты и в напудренном парике. Он меня обласкал и спросил, долго ли я пробуду в Англии? Я отвечал, что кратковременный мой отпуск не уделяет мне много времени. «Надо пробыть в Англии не один год, чтобы видеть все любопытное и достойное замечания»,— сказал он. Потом, распрося о своих петербургских друзьях и узнав, что многих уже нет на свете, промолвил: «А я все еще живу, но такова воля господня». Когда я у него спросил, не думает ли он возвратиться в отечество, то он отвечал: «Нет, все мое семейство состоит из двух, здесь родившихся, дочерей, пристроенных в Лондоне, а я не вынесу такого дальнего пути» (Н. А. К о р с а к о в. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции в 1839 году. М., 1844, с. 43—44).

К. Паулович почти о том же времени рассказывает, что он был в Ричмонде по приглашению Я. И. Смирнова, «моего соземляка, уроженца Харьковской губернии, старого протоиерея нашей посольской церкви в Лондоне. Он с дочерьми своими ожидал в Ричмонде возвращения моего из Hampton Court к Позднему обеду ⟨...⟩ Из Ричмонда я возвратился в Лондон домой в первом часу пополуночи вместе с Смирновым и любезным семейством его. Этот протоиерей служил с пользой и честью России в Лондоне при посольской церкви лет около сорока и был уважаем, сколько мне известно, не только русскими, но и самими англичанами и двором их. Он после выезда моего помер» (К. П а у л о в и ч. Замечания о Лондоне. Харьков, 1846, с. 521, 527—528). Очень живописное описание внешности Я. И. Смирнова, «одетого лордом старых времен, в длинном фраке с фалдами, доходящими почти до пят, с пряжками на башмаках, в штиблетах, с низкою шляпою с большими полями и могучею большою палкою в руке с серебряным набалдашником», оставил Ф. И. Иордан («Записки ректора и профессора Академии художеств». М., 1918, с. 99).

[82] «Русский архив», 1879, т. I, № 3, с. 355.

[83] A. G. C r o s s. The Rev. William Tooke's contribution to English knowledge of

Russia at the end of the XVIII century.— «Canadian Slavic Studies», 1969, v. III, p. 106—115.

[84] В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2, с. 47—49.

[85] W. Tooke. View of the Russian Empire during the reign of Catherine the Second and to the close of present century. 3 vols. London, 1798.

[86] W. Tooke. Histoire de l'empire de Russie, sous le règne de Catherine II. Traduite de l'anglais, par M. S... avec les corrections de M. Imirnove ⟨вм. Smirnove⟩ et revue de M. Leclerc. Vols 1—6. Paris, an X (1800). Все издания этого труда В. Тука перечислены в «Catalogue de la section des Russica», t. II, p. 427 (N 698—701). «Поправки Смирнова и Леклерка касаются преимущественно более верной транскрипции русских слов (Avis sur l'orthographie des mots russes, v. I, p. XVII) и исправления оригинала в тех случаях, где ошибки и неточности зависели от дурного перевода»,— заметил В. А. Бильбасов (там же, т. XII, ч. 2, с. 78).

[87] ⟨W. Tooke⟩ Life of Catherine II. 3 ed. London, 1799. Это собственно переведенная и дополненная Туком биография Екатерины II, написанная французом Ж. Кастера (Jean-Henri Castéra; 1755—1833) — «Vie de Catherine II, Imperatrice de Russie (Paris, 1797). В течение двух лет, с 1798 по 1800 г., в Англии появилось пять изданий перевода этого сочинения Кастера («Catalogue de la section des Russica...», p. 204—205, N 197). К запутанной библиографической истории этих изданий добавим, что Ж. Кастера в 1800 г. выпустил новое издание своей книги во французском оригинале, но с дополнениями В. Тука; этими книгами пользовались и Байрон в «Дон Жуане», и Пушкин в «Истории Пугачева» (см.: Б. В. Томашевский. Жан Кастера, автор «Истории Екатерины II» — В сб.: «Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX вв.». М.— Л., 1959, с. 75—81 и Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.— Л., 1949, с. 148—160); издание Тука интересно для нас своей дополнительной главой (v. III, p. 349—439), основанной на сведениях, заимствованных из «Картины С.-Петербурга» А. Шторха, где приводятся многочисленные данные о состоянии литературы, наук и искусств в России. А. Кросс, обративший внимание на эту книгу Тука, засвидетельствовал, что в ней были впервые упомянуты на английском языке имена целого ряда русских писателей — Державина, Дмитриева, Крылова, Капниста, не говоря уже о длинном перечне знаменитых русских художников, скульпторов, музыкантов и ученых разных специальностей (A. Cross. W. Tooke's contribution, p. 109—112). В «Картине С.-Петербурга» А. Шторх решительно отбрасывал застарелые предрассудки западноевропейских критиков о молодости русской литературы и говорил даже о русской письменности древнейшей поры, «когда,— по его словам,— ⟨русские⟩ по праву могли называться цивилизованным народом (ср.: Х. Грассгоф. Россия второй половины XVIII в. в оценке европейцев,— в сб.: «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 93—94).

[88] «The Picture of Petersburg. From the German». London, 1801, p. 385—388, 390—396. О принадлежности этого перевода В. Туку см.: A. Cross. W. Tooke's contribution, p. 111, где имеется ссылка на свидетельство об этом в некрологе Тука («Gentleman's magazine», 1820, vol. XC, p. 467). В издании «Картины С.-Петербурга» Шторха в оригинале произведения Сумарокова даны в немецких переводах Бакмейстера; «Видение Мурзы» (1791) Державина — в переводе А. Коцебу («Der Traum des Murza. Aus dem Russischen des Herrn v. Derschawin. Aus dem russischen von A. Kotzebue», Petersburg, 1792; вошла в лейпцигское издание «Gedichte» Державина в переводах А. Коцебу 1793; см.: В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 1, с. 493, 511—512; E. Reissner. Deutschland und die russische Literatur. Berlin, 1970, S. 50, 267); приведенная Шторхом ода В. П. Петрова («Gemälde», S. 245—248), однако, Туком опущена.

В качестве образца стихотворного перевода «Видения Мурзы» приводим начальные восемь стихов русского оригинала и соответствующие им стихотворные строки перевода Тука; сопоставление их не исключает возможности предположить, что Туку был известен и русский текст этого стихотворения:

Видение Мурзы

1. На темно-голубом эфире
   Златая плавала луна;
   В серебряной своей порфире,
   Блистаючи с высот, она
5. Сквозь окна дом мой освещала
   И палевым своим лучом
   Златые стекла рисовала
   На лаковом полу моем...

В переводе Тука:

1. Mid dark-blue aether's borrowed light
   Serenely glides the orb of night,
   A garb of silver-purple flowing,
   And round her shining beauties glowing.
5. She softly casts her pallid ray
   And through my window mimics day;
   Darting her light upon the floor,
   With forms distorted pictured o'er...

Подробнее см.: A. G. Cross. W. Tooke's Contributions, p. 114—115 и его же статью «Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX в.» — В сб.: «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 100.

[89] А. Г. Кросс. «Замечания» сэра Джона Синклера о России.— В кн.: «Русская литература XVIII века и ее международные связи» (XVIII век. Сборник 10). Л., 1975, с. 160—168.

[90] Экземпляр книги: Soumarokove. Demetrius the Impostor.— Имеется в ГПБ («Catalogue de la section des Russica...», t. II, p. 328, N 774; В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2, с. 102—103; в обоих этих указателях переводчик не раскрыт). Книге предпослано предисловие переводчика, заканчивающееся следующими словами-посвящением: «Великодушному народу, который славится своим милостивым отношением к иностранцам, оказавшимся в их среде, и доброжелательным снисхождением к их драматическим авторам, переводчик смиренно предлагает следующие ниже сцены» (p. V—VI).

[91] См. об этом выше, гл. I. Переводу трагедии Сумарокова предшествовала трагедия на ту же тему M. Pix (London, 1801); позднее образ Лжедмитрия изображен был в одной из пьес Ричарда Камберленда (1732—1811), оставшейся незаконченной и опубликованной во II томе его «Посмертных драматических сочинений» (1813); еще позже Александер издал в Лондоне книгу «Dmitri. A dramatic Sketch from Russian History». London, 1827 (ср.: «Англичане о русских».— «Новое слово», 1894, IV, с. 288—289; М. П. Алексеев. Борис Годунов и Дмитрий Самозванец в западноевропейской драме.— В сб.: «Борис Годунов» Пушкина. Л., 1936, с. 103—104).

[92] С. Полторацкий. А. Г. Евстафьев — русский писатель в Америке.— «Библиографические записки», 1858, № 1, с. 212—215.— Об Евстафьеве как переводчике «Дмитрия Самозванца» Сумарокова см.: «Архив графов Мордвиновых», т. VII. СПб., 1903, с. 294; М. П. Алексеев. А. Г. Евстафьев — русско-американский писатель начала XIX века.— «Научный бюллетень Ленинградского гос. ун-та», 1946, № 8, с. 22—27; Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений 1775—1815. М., 1966, с. 564, 570, 572, 582; Dieter Boden. Das Americabild im russischen Schrifttum bis zum Ende des 19 Jahrhunderts. Hamburg, 1968, S. 73.

[93] Alexis Eustaphieve. Reflections, notes and anecdotes, illustrating the character of Peter the Great. To which is added a tragedy entitled Alexis, the Czarewitz. Boston, 1812; 2 ed.: Boston, 1814; «Demetrius, the hero of the Don. An epick poem». Boston, 1818. Остальные его книги и брошюры, включая вышедшую тремя изданиями в Лондоне и Бостоне книгу «The Resources of Russia; with a short description of the Cozaks» (1812—1831), перечислены в «Catalogue de la section des Russica...», t. I, p. 368), но перечень этот очень неполон; несколько дополнений к нему названы ниже.

[94] Anthony Cross. Early English Specimens of the Russian Poets.— «Canadian-American Slavic Studies», 1975, v. IX, N 4 (Winter), p. 449—462 (об Евстафьеве —с. 451—452); А. Г. Кросс. Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой.— В сб.: «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 99—107.

[95] «Life of Lomonossove, the celebrated poet of Russia».— «The Literary Panorama», 1807, v. I, p. 145—156.

[96] А. Г. Кросс. Русское посольство в Лондоне..., с. 104—105.

[97] Там же, с. 105.

[98] «Gentleman's Magazine», 1806, v. LXXVI, part. II, p. 747.

[99] «Annual register and history of literature for 1806», v. V, 1807, p. 537—538.

[100] А. Г. Кросс. Русское посольство в Лондоне...; его же: Yakov Smirnov: a Russian Priest of Many Parts.— «Oxford Slavonic Papers», v. VIII, 1975, p. 35—52. Кросс ошибочно считает Ивана Смирнова братом Я. И. Смирнова; на самом деле он был сыном Якова Ивановича и братом трех дочерей последнего. Иван Яковлевич Смирнов в 20-х годах состоял секретарем русского посольства в Лондоне. Характеристику его мы находим в «Записках» Ф. Ф. Вигеля (ч. V, М., 1892, с. 130): «Родившись в Англии от английской матери, говорил он по-русски правильно, но с английским выговором, никогда не бывал в России и, можно сказать, наизусть обожал ее». Проведя большую часть жизни в Англии, он имел связи с учеными кругами и сам состоял членом нескольких ученых обществ (М. В. Будылина. Неопубликованные письма Барроу, Франклина и Росса.— «Известия географического общества», 1939, 8, с. 245. В конце 30-х — нач. 40-х годов И. Я. Смирнов (ум. 9 июля 1842 г.) занимал должность русского консула в г. Генуя (в Италии). С ним виделся здесь М. П. Погодин, упомянувший об этом в своих путевых записках (М. П. Погодин. Год в чужих краях. Дорожный дневник. 1839 год, ч. II. М., 1844, с. 189).

[101] «Русский архив», 1912, кн. II, с. 415—416.

[102] В 1826 г. Н. М. Лонгинов сделался статс-секретарем, а впоследствии — членом Государственного Совета («Русская старина», 1890, № 6, с. 681; «Остафьевский архив», т. 1. СПб., 1899, с. 492).

[103] «Русский архив», 1912, кн. II, с. 482—484; значительная часть архива Н. М. Лонгинова находится в ГПБ (см.: «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1887 год». СПб., 1890, с. 55—56). Письма Н. М. Лонгинова к С. Р. Воронцову (1812—1826), большая часть которых опубликована в «Архиве кн. Воронцова» (кн. XXIII), в переводе на русский язык напечатаны в «Русском архиве», 1912. кн. I, № 4, с. 481—546; кн. II, № 5, с. 30—66, № 6, 161—205, № 7, 383—416). Часть архива Лонгинова находится в ИРЛИ (ф. 158).

Здесь хранятся, в частности, неопубликованные письма к Лонгинову Я. И. Смирнова (1812—1821) из Лондона (70 писем) и многих других корреспондентов.

[104] «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», т. I. М., 1962, с. 163 (№ 991); «Словарь русских писателей XVIII века». Л., 1975, с. 39. Английский перевод С. Уэстона имеется в ГПБ: «Ode to her I. M. Catherina the Great, presented by the Chief National School at St. Petersburgh, on the day of her most gracious visit, January the 21, 1785». London, 1815. Ср.: «Catalogue de la section des Russica...»

[105] В. А. Бильбасов. История Екатерины II, т. XII, ч. 2, с. 145 (№ 907); A. Cross. Early Specimens of the Russian Poets. Canadian-American Slavic Studies, v. IX, 4, 1975, p. 452—453. В качестве примера действительной точности этого перевода Кросс приводит для сопоставления начало шестой строфы «Оды» Виноградова и соответствующего ей места из перевода Уэстона:

Какой восторг дух ощущает?
Виденье чудное очам!
Разверглось небо, свет блистает,
Не вечности ль отверзся храм?...

в переводе:

What ecstasy my soul has seized?
Appearance once wonderful to my eyes.
Open'd heaven, light burst forth.
Is not the sun's open'd? temple

[106] ИРЛИ, ф. 158, ед. хр. 2373, № 3, л. 7—7 об. Упомянутый в письме генерал-майор Николай Александрович Саблуков (1776—1884), писатель, автор мемуаров. Он оставил военную службу при вступлении на престол Александра I, в чине полковника конной гвардии; вновь вступил в армию в 1812 г. и опять оставил ее после изгнания из России войск Наполеона. Выйдя в отставку в чине генерала, Саблуков много странствовал по Европе, долго жил в Лондоне, женился на англичанке. Мемуары Н. А. Саблукова были напечатаны в Англии в «Frazer's Magazine»; в «Revue Moderne» появилось извлечение из них на французском языке, позднее на русском языке — в «Русском архиве» (1869); полный перевод напечатан в «Историческом вестнике», 1906, № 1—3 и отд. изд. (Пг., 1916). Ср.: А. Н. Пыпин. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 31—32, 44, 45, 511.

[107] S. Weston. The Englishman Abroad. London, 1824, part II: Russia, Germany, Italy, France, Spain and Portugal, p. 1—25.

[108] В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, ч. II. СПб., 1904, с. 91, № 3123; ниже мы цитируем «Гимн» по изданию: «Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. III. СПб., 1866, с. 137—164.

[109] «Библиографические записки», 1859, № 14, стлб. 418.

[110] С. Н. Дурылин. Русские писатели в отечественной войне 1812 г. М., 1943, с. 16.

[111] О З. Н. Посникове подробно см. в гл. VI (Московские дневники К. Клермонт).

[112] Державин. Сочинения, т. VI. СПб., 1871, с. 292—293.

[113] Там же, с. 403.

[114] Язон (или Ясон, или даже Гасан, как его называет Я. Грот) Васильевич Петров (1780 — ум. после 1850 г.), сын известного поэта (см. о нем выше, прим. 6—12), родился по возвращении отца из Англии и выхода в отставку с должности библиотекаря Екатерины II, когда он жил в деревне Орловской губ. Известно, что Язон Васильевич получил образование в московской университетской гимназии, а затем, в 1798 г., поступил волонтером в хирургическое училище Московского генерального госпиталя, откуда в 1799 г. (в год смерти отца) перешел во вновь учрежденную С.-Петербургскую медико-хирургическую академию; в 1803 г. он получил звание кандидата медицины и был отправлен на три года за границу (неизвестно, куда именно) для усовершенствования. Когда и при каких обстоятельствах Язон Васильевич изучил английский язык, мы не знаем; возможно, что первое знакомство с этим языком он получил от отца, о котором он сам замечает в своей биографии: «Будучи попечительным отцом, он сам занимался образованием сыновей своих» («Соревнователь просвещения и благотворения», 1818, № 1, с. 135). Отметим также, что в 1816 г. Я. В. Петров некоторое время исполнял должность переводчика в Медико-хирургической академии. Будучи доктором медицины и профессором ботаники и фармации, Я. В. Петров занимался также стихотворством и переводческой деятельностью. См. о нем: «Русский биографический словарь» (т. Павел — Петр). СПб., 1902, с. 698—700 (статья Н. Кульбина и В. С⟨аито⟩ва).

[115] Видеть эти издания (как и английский перевод «Гимна» Державина), однако, не удалось: хотя их упоминают все биографы Я. В. Петрова и среди них Л. Н. Майков (К. Батюшков. Соч., т. III, СПб., 1886, с. 734), но они отсутствуют в крупнейших библиотеках Ленинграда; не упоминает их также В. С. Сопиков в «Опыте росс. библиографии». Возможно, что они остались в рукописях, как и его перевод «Илиады», о котором Батюшков писал Н. И. Гнедичу 28 октября 1816 г. (соч., т. III, с. 410).

[116] Иностранные и, в частности, английские переводы произведений Карамзина рано обратили на себя внимание в России. Вскользь их упомянул уже В. С. Сопиков в III части своего «Опыта российской библиографии», вышедшей в 1815 г. (см. переиздание В. Рого-

жина. СПб., 1904, с. 121—122); затем их пытался перечислить и описать С. Полторацкий в статье: «Французские и английские переводы сочинений Карамзина» («Иллюстрация», 1846, т. II, № 9, с. 131), позднее — С. Пономарев («Материалы для библиографии литературы о Карамзине» («Сборник ОРЯС», 1883, т. XXXII, № 8, с. 49); неполные перечни их можно найти также в «Catalogue de la section des Russica..,» t. I, p. 620—621); в обоих изданиях «Словаря русских писателей» Г. Геннади (т. II, с 109) и в других полузабытых источниках. В последнее время, пользуясь новейшими зарубежными исследованиями о Карамзине, значительное количество английских переводов описала Т. А. Быкова в статье «Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе» (в сб.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — нач. XIX в. («XVIII век», сб. 8). М.— Л., 1969, с. 324—342). Существуют в настоящее время и специальные работы о Карамзине в англоязычной печати; таковы, например, весьма точный перечень переводов из Карамзина на английский язык, составленный Морисом Б. Лайном (Maurice B. L i n e. A. Bibliography of Russian Literature in English Translations, London, 1963, p. 21), но он не включает в себя переводы, появившиеся в периодических изданиях; весьма полную информацию дает обзорный очерк, неоднократно цитируемый ниже: A. G. C r o s s. Karamzin in English.— «Canadian Slavic Studies», 1969, v. III, N 4, p. 716—727, а также книга того же автора: «N. M. Karamzin. A study of his Literary Career, 1783—1803». Southern Illinois University Press (London and Amsterdam), 1971.

[117] «Literary Panorama», 1807, v. 1, p. 145—148. Статья имеет заглавие: «Нынешнее состояние книжной торговли, с замечаниями о любви к чтению в России»; переводчиком ее, вероятно, был А. Г. Евстафьев (А. К р о с с. Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в нач. XIX в., с. 104).

[118] «The German Museum or Monthly Repository of the Literature of Germany, the North and the Continent in General», vol. II, 1800, p. 104—106, 211—221; v. III, 1801, p. 30—38, 116—122.

[119] Фактические данные об И. Г. Рихтере, даже годы его рождения и смерти, называемые в источниках русских (см., например: В. И. К у л е ш о в. Из истории русско-немецких литературных связей.— В кн.: «Славянская филология», т. V. М., 1963, с. 463—451, и е г о ж е. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. М., 1965, с. 252—263) и иностранных не совпадают. Мы приводим сведения о биографии Рихтера по наиболее достоверному источнику: E. R e i s s n e r. Deutschland und russische Literatur. Berlin, 1970, S. 9—10, 250—251.

[120] К а р а м з и н. Соч., т. III. СПб., 1848, с. 685.

[121] В основном, русский язык был известен в Англии небольшому кругу лиц, ведших торговлю с Россией. Будучи в Лондоне в июле 1790 г., Карамзин нашел около лондонской Биржи «кофейный дом», посетители которого говорили по-русски. «Открылось,— писал он,— что в этом доме собираются купцы, торгующие с Россией; все они живали в Петербурге, знают язык наш» («Письма русского путешественника», ч. 6. М., 1801, с. 255).

[122] Полное библиографическое описание обоих изданий «Русских повестей» Карамзина в английском переводе 1803 и 1804 гг. см. в указателе: Maurice A. L i n e. A. Bibliography of Russian Literature, p. 21; оба указанных издания приписаны здесь (со ссылкой на «Erslew's Almindelight Forfatter-Lexicon») датчанину А. А. Фельбору (1782—1838), довольно долго жившему в Лондоне и напечатавшему здесь ряд сделанных им переводов на английский язык. Фельбора как переводчика Карамзина называет также А. Г. Кросс, ссылающийся на биографию Фельбора, помещенную в кн.: «Dansk Biografisk Leksikon», t. 6. Copenhagen, 1935, p. 624 (A. G. C r o s s. Karamzin and England.— «Slavonic and East European Review», v. 43, N 100, p. 110—112; и е г о ж е. Karamzin. A Study of his Literary Career», p. 94—95, 255). Таким образом, вопрос о том, кто перевел на английский язык с немецкого повести Карамзина, в настоящее время может считаться решенным.

[123] Библиографический указатель беллетристических произведений, опубликованных в английских журналах XVIII в. (R. B. M a y o. The English Novel in the Magazines 1740—1815. London, 1962, p. 537) свидетельствует, что из повестей Карамзина его «Юлия» пользовалась, вероятно, наибольшей популярностью: первый английский ее перевод, напечатанный в «The German Museum», был перепечатан также в «Universal Magazine», «Hibernian Magazine» и в более поздних журналах 1809 г.

[124] Петербургское английское издание «Юлии» Карамзина (...from the Russ ‹так!› in to French by Mr. Bouiller ‹!› and from the French in to English by Ann P. H...printed for F. Drechsler, 1803) содержит в себе много неясностей. Почему этот английский перевод изданный в Петербурге, сделан не с русского, а с французского, напечатанного в Москве? (K a r a m s i n e. Julie. Nouvelle, traduite du russe par Mr. de Bouilliers, Moscow, 1797, 12°). Если зашифрованное на титульном листе имя переводчицы раскрывается легко, так как оно названо в посвящении книжечки: Ann P‹rensser› H‹awkins›, то мы знаем о ней столь же мало, как и о Буйе или о Домоне (E. A. Daumont), которому посвящен петербургский перевод. Итальянский славист А. Кроциа, изучивший итальянский перевод «Юлии», изданный в Венеции (в 1806 г. переиздан в Триесте и в 1824 г.— Турине) Джироламо Агапита, и сопоставивший его с переводами повести на другие западноевропейские языки, пришел к заключению, что перевод сделан с двойного французско-английского перевода Буйе-Хокинс (см.: Arturo C r o n i a. Un'ignota versione italiana della Julija del Karamzin.— «Ricerche Slavistiche», v. XIII, 1965, p. 163—172).

[125] A. G. C r o s s. Karamzine and England, p. 112; ср. Ф. З. К а н у н о в а. Карам-

вин и Стерн.— В сб.: «Русская литература XVIII в. и ее международные связи («XVIII век», сб. 10)». Л., 1975, с. 262.

[126] «Annual Register, or General Repository of History, Politics and Literature for the year 1795» (London, 1800), p. 298.

[127] «Russian Literature. Extract from a letter from Moscow, 2[d] of March, 1800.— «Monthly Magazine»; or «British Register», v. 10 (Aug.— Dec. 1800), p. 51—52.

[128] K a r a m z i n e. Travels from Moscow, through Prussia, Germany, Switzerland, France and England. Translated from the German, vols 1—3, London, 1803.

[129] «Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным». М., 1803, № 21 и 22, ноябрь, Смесь, с. 50. Несомненно, что имеется в виду тот же Фельбор, полное имя которого было: Andreas Anderson Felborg.

[130] «Вестник Европы», 1803, № 15, август, с. 195—198.

[131] «Северный вестник», 1805, № VI, с. 292—293. Ср. : Ю. М. Л о т м а н. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский.— В кн.: «XVIII век», сб. 4. Л., 1959, с. 237—238.

[132] «Сборник статей, читанных в ОРЯС», т. V, в. 1. СПб., 1868, с. 130—131.

[133] «Karamzin's travels in Europe».— «Edinburgh Review», 1804, v. III, N 6, January 25, p. 321—328.

[134] Имя Генри Брума как автора статьи о Карамзине в русской печати впервые назвала Т. А. Быкова («Переводы произведений Карамзина», с. 335—336) со ссылкой на указатель: W. A. C o p i n g e r. On the authorship of the first 200 numbers of the Edinburgh Review. Manchester, 1896, p. 6. В 1971 г. то же раскрытие анонима подтвердил Кросс ссылкой на более новое библиографическое пособие: «Wellesley Index to Victorian Periodicals, ed. Walter E. Houghton», 1. Toronto, 1969, p. 434 (A. C r o s s N. M. Karamzin. A study of his literary career, p. 94).

[135] М. А. А р з у м а н о в а. Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника».— В сб.: «Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — нач. XIX вв.» («XVIII век», сб. 8), Л., с. 308—323. Еще один список, вероятно, того же перевода находился в рукописном сборнике, принадлежавшем Евгению Болховитинову. См. Н. И. П е т р о в. Описание рукописных собраний, находившихся в г. Киеве, вып. III. М., 1904, с. 292.

[136] «The Monthly Review» (London), 1804, v. XLIV, p. 262—277. Ср.: A. C r o s s. Karamzin and England, p. 112—113.

[137] Н. Г о р ч а к о в. Беседа Карамзина, И. И. Дмитриева и великобританского агента Пинкертона у московского архиепископа Августина.— В кн.: «Литературный вечер». М., 1844, с. 12. О Джоне Пинкертоне см. ниже, в IV главе настоящей работы.

[138] Статья напечатана в сборнике, изданном в память рано умершего от чахотки и «в пользу его семейства» литератора Вадима Васильевича Пассека (1808—1842), университетского товарища Герцена (о нем идет речь в «Былом и думах», т. I, гл. V). Вдова покойного в своих известных воспоминаниях, говоря об этом сборнике и его сотрудниках, мимоходом сообщает о Михаиле Николаевиче Макарове, «историке-археологе круга Карамзина», бывавшем у них в доме в начале 40-х годов (Т. П. П а с с е к. Из дальних лет. Воспоминания, т. 2. М., 1963, с. 286, 297). Этим свидетельством необходимо воспользоваться, так как и при публикации и в оглавлении указанного сборника инициалы имени и отчества Макарова отсутствуют.

[139] См.: М. Н. Л о н г и н о в. Сочинения, т. I. М., 1915, с. 442, 519; «Словарь членов Об-ва любителей российской словесности». М., 1911, с. 178—179. Ранние годы его жизни известны нам очень мало; даже год своего рождения сам М. Н. Макаров указывал различно — или 1785 («Пантеон», 1850, кн. I, с. 2), или 1789 г. («Сын Отечества», 1817, № 12, с. 220). Учился он в Московском университетском благородном пансионе и в Московском университете (Н. В. С у ш к о в. Московский университетский благородный пансион. М., 1854, с. 80); затем М. Н. Макаров служил в Московском архиве иностранных дел и рано выступил в печати, прежде всего со своими комедиями (1802); в 1804 г. он уже издавал «Журнал для милых», а в 1811 г.— «Драматический вестник» (см.: В. С. С о п и к о в. Опыт российской библиографии, 1904, ч. III, № 3792 и 3796). М. А. Дмитриев («Мелочи из запаса моей памяти». Изд. 2-е М., 1869, с. 78—79), рассказывая о первом из этих журналов, который издавал «семнадцатилетний Макаров» с юными друзьями, вспоминает, что Карамзин сказал о нем: «В первый раз вижу детей журналистами». Ср.: А. Г. М а к с и м о в. «Журнал для милых» 1804 г., издаваемый молодыми людьми.— «Литературный вестник», 1903, кн. 5, с. 28—39). Участвовал М. Н. Макаров и в других изданиях той поры. Так, в журнале «Московский курьер» (1806, ч. III, № 7 (от 14 февраля), с. 104) в числе жертвователей в пользу «одной бедной полковницы» упомянут «коллегии иностранных дел переводчик Михаил Николаевич Макаров» и в том же номере перевод «с французского», что вызвало протест переводчика, писавшего, что он «этот перевод свой совсем не был расположен отдавать в свет» (там же, № 17, от 25 апреля, с. 270—271). На этот же журнал М. Н. Макаров сослался почти сорок лет спустя, публикуя в московском сборнике «Письма англичанина Пойля».

[140] Многочисленные издания «Letters» Elisabeth Craven перечислены в «Catalogue de la Section des Russica...», v. I, p. 263, N 1344—1355. Путевые записки леди Крейвен были изданы также и в русском переводе Д. Рунича (с французского перевода), и это издание, вероятно, было известно Макарову: «Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 г. миледи <!> Кравен, в котором она описывает часть Франции, Италии, Германии, Польши,

России, Турции, бытность свою в С. Петербурге и Москве и т. д.» М., 1795 (VIII + 524). См.: Н. Н. Мельникова. Издания, напечатанные в типографии Московского университета. М., 1966, с. 339, 2289.

[141] Пойль, в частности, пишет: «При немастерстве ⟨!⟩ моем танцовать, чувствую, что для Ваших *русских* вальсов не только я, но и никто из моих товарищей неспособен — для них, для ваших летучих вальсов в целой Европе, мастера только вы, русские, и кроме русских дам, этих чересчур быстрых, почти воздушных летков ⟨!⟩ не выдержит ни англичанка, ни немка, ни даже француженка» и т. д (с. 250—251). Все это рассуждение кажется поздней вставкой в письмо, датированное ноябрем 1805 г. Это удостоверяет известное сатирическое произведение Байрона «Вальс» («The Waltz. An apostrophic Hymn»), впервые опубликованное им анонимно в Лондоне весною 1813 г. В строфах, полных сарказма и злободневных намеков на современные политические события, Байрон дает в этой сатире своеобразную историю вальса, рожденного в Германии и проникшего в Альбион с севера во время наполеоновских войн, после битвы при Аустерлице (2 декабря 1805 г.: он упоминает при этом «допожарную Москву» (unburnt Moscow) и генералов русской армии заграницей (см.: «The works of Lord Byron», ed. by E. H. Coleridge, Poetry, v. I, London, 1903, p. 477—502, с комментарием редактора о хронологии появления этого танца в различных странах Европы). Между тем М. Н. Макаров замечает по поводу цитируемого им рассуждения о вальсе своего корреспондента в письме 1805 г. ⟨!⟩: «На самом деле, тогда быстрота с ловкостью в вальсе составляли всю славу наших танцев; и потому аристократический круг московской молодежи, так сказать, с детства сроднившийся с ловкостью вальсировать, резко отделял себя от *экосесных* и от *экосесов* ⟨медлительных танцев шотландского происхождения⟩, не трудных всякому...» (с. 251, прим.).

[142] Об этом собрании, впрочем, сообщалось в печати в 20-е годы («Отечественные записки», 1820, № 1, с. 76; Г. Глинка. Путеводитель по Москве. М., 1827).

[143] Граф Иван Андреевич Остерман (1725—1811) в 80-х годах XVIII в. был вице-канцлером; впоследствии, при Павле I,— канцлером; 21 апреля 1797 г. вышел в отставку и переселился в Москву («Русская старина», 1878, 12, с. 401).

[144] Приводим полностью текст титульного листа этого редкого издания по экземпляру ГПБ в Ленинграде: «The *Russian Troubadour* or Collection of Ukranian ⟨!⟩ and other National melodies, together with the Words of each respective Air, translated into English verse by the Author of the German Erato, interspersed with several favorite Russian Songs, set to Music by Foreign Masters, and translated by the Same Hand». London, Printed for the Translator and sold by Clementi, Banger, Collard, Davis and Collard, Cheapside, 1816.

[145] Берисфорд имеет в виду свой сборник: «A German Erato or a collection of favorite Songs, translated into English with their original Music» (London — Berlin, 1798); это издание по типу своему было прямым предшественником «Русского трубадура».

[146] «Песнь Миньоны» («Mignon») «Kennst du das Land, wo die Zitronen bluhen» в переводе Берисфорда, вероятно, знал Байрон и вдохновлялся ею при создании лирического вступления к поэме «Абидосская невеста». написанного в ноябре 1813 г. См. об этом: В. М. Жирмунский. Стихотворения Гете и Байрона «Ты знаешь край?» Опыт сравнительно-стилистического исследования.— Сб. «Проблемы международных литературных связей». Л., Изд-во ЛГУ, 1962, с. 48—67 (О Берисфорде — с. 60—61). О Берисфорде вспоминал также Ж. Карре в своей известной монографии о Гете в Англии, предполагая, что романс Гете с музыкой Рейхардта в числе других немецких песен с английским текстом Берисфорда, исполнялся в аристократических салонах, где Берисфорду оказывали покровительство. (J. M. Carré. Goethe en Angleterre. Paris, 1920, p. 73, 93, 98—99; K. Gottbrath. Der Einfluß von Goethes «Wilhelm Meister» auf die englische Literatur. Lipsstadt i. W., 1943, S. 3—4).

[147] Дневник В. К. Кюхельбекера (запись от 1 сентября 1832 г.).— ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 336, л. 42. Запись эта впервые вошла в новое печатное издание дневника и интересна сама по себе: речь идет о различных переводах баллады Бюргера «Ленора»; сравнивая подражания ей Жуковского и В. Скотта, Кюхельбекер замечает: «Скотт в предуведомлении своем к балладе говорит о переводах или подражаниях Тайлора и Спенсера. Мне еще известен перевод Берисфорда, бывшего лектора английской словесности при Дерптском университете, короткого приятеля нашего семейства».— В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак. («Литературные памятники»). Л., 1979, с. 182, 685—686.

[148] Philipp Shelley. Benjamin Beresford, Literary Ambassador.— «Publications of Modern Language Association of America», June 1936, t. LI, N 2, p. 476—501.

[149] Там же, с. 480; см. также: «Die Kaiserliche Universität Dorpat während der ersten fünfzig Jahre ihres Bestehens und Wirkens. Denkschrift zum Jubelfest», 1852, S. 31; H. Storch. Rußland under Aleksander der Ersten. St. Petersburg und Leipzig, Bd. II. 1804, S. 208.

[150] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Юрьевского, б. Дерптского университета», т. II. Юрьев, 1903, с. 614; здесь же мы находим указание, что с конца 1813 г. Берисфорд будто бы поступил на службу в Харьковский университет; тем не менее, в числе лекторов Харьковского университета этого времени он не значится; см., например: «Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования. 1805—1901». Харьков, 1908, с. 363—368.

[151] A. Fechner. Chronik der Eva gelischen Gemeinden in Moskau, Bd. II. 1876, S. 50, 520.

[152] Chr. K l e e. Pilgerschaft durch Land und Leben. Riga und Leipzig, 1821, S. 288.
[153] Rob. L y a l l. The Character of the Russians and a detailed history of Moscow. London, 1823, p. XLIII.
[154] P. A l l e n and J. H a t f i e l d. Diary and Letters of Wilh. Müller. Chicago, 1903, p. 9. Отметим, кстати, ускользнувшее от внимания Ф. Шелли указание, что в известном автографическом собрании Фарнгагена фон Энзе сохранялась неопубликованная краткая биография Берисфорда, доведенная до того времени, когда он сделался учителем королевы Луизы, т. е. обнимающая весь период его жизни в России; там же была обнаружена вырезка с его поздравительной одой («The Queen of Prussia on her Birth-day») и письмо его к писательнице Вильгельмине Шези (de Chézy, 1817). См.: Ludwig S t e r n. Die Varnhagen von Ensesche Sammlung in der Königl. Bibliothek zu Berlin. Berlin, 1911, S. 65. (местонахождение этого собрания в настоящее время неизвестно).
[155] Н. Т р у б и ц ы н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. СПб., 1912, с. 41—43.— «Русский трубадур» Берисфорда остался автору неизвестен.
[156] См. эту песню в академическом издании: «Сочинения М. Д. Чулкова, I. Собрание разных песен». СПб., 1913, с. 168 (по тексту 1770 г.). По-видимому, это песня солдат петровской эпохи. См.: С. Б у г о с л а в с к и й. Песенные традиции в России XVIII—XIX вв.— «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова». Л., 1934, с. 150. У Чулкова мы находим и песню разбойника к жаворонку (I, № 136):

Ты воспой, воспой млад жавороночик,
Сидючи весной на проталинке,
Доброй молодец сидит в темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери...

Ср.: А. М а р к о в. Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских народных песен.— ИОРЯС, 1917, кн. 2, с. 82—90. Интересные данные о музыкальных текстах песни «Что пониже было города Саратова...», напечатанных у Трутовского, И. Прача и в других изданиях, приводит Т. Ливанова («Русская музыкальная культура XVIII в.», т. II. М., 1953, с. 22—24), см. также: Р. И. З а р и ц к а я. Записи народной песни и ее изучение.— В кн.: Очерки по истории русской музыки 1790—1825. Под ред. М. Друскина и Ю. В. Келдыша. Л., 1956, с. 51, 61; здесь же о «темничной песне» балладного типа «Ты воспой, воспой...» (с. 62).
[157] А. Ф. М е р з л я к о в. Стихотворения. Л., 1958 (Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е.). В примечании к этому тексту Ю. М. Лотман указывает (с. 58) на нотное издание, из которого, как мы предполагаем, Берисфорд заимствовал и текст для перевода, и музыку: «Три народные русские песни для пения и фортепьян: I-я «Ах, не будите меня, молоду», 2-я «Пуховички», 3-я «Я не думала ни о чем в свете тужить» и т. д. СПб., б.г. (1806).
[158] А. Ф. М е р з л я к о в. Стихотворения, с. 67 и 294. См. также о мелодии этой песни в кн.: М. П е к е л и с. Даргомыжский и народная песня. М.— Л., 1951, с. 123—125.
[159] Песня «Ехав козак за Дунай...» помещена в разделе «Украинских песен» в сборнике Прача. См.: «Собрание народных русских песен с их голосами на музыку положил Иван Прач». Под ред. и с вступ. статьей В. М. Меляева. М., 1955, с. 147. Впрочем, текст этой песни известен был и в переводе Мерзлякова. В альбоме Н. Д. Иванчина-Писарева (на л. 66) находилась «Записка» А. Ф. Мерзлякова и его дуэт на голос известной малороссийской песни: «Ихав козак за Дунай»; по уверению владельца альбома, Н. Д. Иванчина-Писарева, этот дуэт Мерзлякова «прославился в лучших обществах и в народе» («Москвитянин», 1842, № 3, с. 147—148). Описание альбома см.: «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905, с. 523. В пьеску молодого Шишкова «Маленький праздник, или Слабая дань благодарности русским воинам» (1813) включен текст песни «Ехал козак за Дунай...», а также ряд других песен («Выду ль я на реченьку...», «Хожу я по улице...»). См.: «Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова», т. 1. Берлин, 1870, с. 194, 190, 188.
[160] Путешествуя по Шотландии в 1820-х годах, А. И. Тургенев в различных аристократических домах слушал русские песни. См.: «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Leipzig, 1872, с. 449, 451, 587, а также ниже главу VII.
[161] В. И. М у з а л е в с к и й. Русская фортепианная музыка. Очерки и материалы по истории русской фортепианной культуры (XVIII и первой половины XIX ст.). Л.— М., 1949, с. 93. Т. Ливанова (в кн.: «Русская музыкальная культура XVIII в. в ее связях с литературой, театром и бытом», т. II. М., 1953, с. 23), говоря не об «антракте» к опере «Начальное управление Олега» (Екатерины II), а об увертюре к ней, утверждает, что ее основу составила мелодия русской песни, находящейся также в «Русском трубадуре» Берисфорда, и что эту музыкальную тему подсказал ему сборник Львова-Прача («песня эта почти одинаково звучит по гармонизации в сборнике Львова-Прача и в увертюре Каноббио»).
[162] В. И. М у з а л е в с к и й. Указ. соч., с. 97.
[163] Там же, с. 99—104. О Гесслере (1747—1822) см. также: Н. Ф и н д е й з е н. Очерки по истории музыки в России, Т. II. Л., 1929, с. 172; «Русская музыкальная газета», 1901, № 29—30; Б. В о л ь м а н. Русские печатные ноты XVIII в. Л., 1957, с. 157—158, 191; «Советская музыка», 1957, № 1, с. 147—148.

[164] Б. В о л ь м а н. Указ. соч., с. 216; Т. Л и в а н о в а. Русская музыкальная культура..., с. 341. Разыскать это издание Г. Гесслера в ленинградских книгохранилищах не удалось. Вероятно, ненаходимо ныне и другое музыкальное издание: «Журнал для фортепиано на 1811 год, содержащий в себе русския песни с вариациями, изд Ф. Нерлих» (12 тетрадей). В указателе В. С. Сопикова «Опыт российской библиографии» (ч. III. СПб., 1904, № 3797) об этом издании говорится: «Вероятно, журнал имел успех, быстро разошелся и был зачитан и потому теперь ненаходим...»

[165] Сб.: «Венок Шуберту». М., 1928, с. 68 (указано К. А. Кузнецовым).

[166] Ф. В. С о к о л о в. Муцио Клементи и русская народная музыка.— «Советская музыка», 1961, № 1, с. 92—97.

[167] Там же, с. 93—94.

[168] Полное заглавие этого издания, отсутствующего во всех крупных книгохранилищах Европы, мы приводим по изданию «A Catalog of Books Represented by Library of Congress», vol. 30 (Ann Arbor, Mich., 1943, p. 44). Сборник начинается испанской песней «The Troubadour», затем следует итальянский дуэт, норвежская ария, венецианская и русская.

[169] В. А д а р ю к о в. Русские казаки в Париже...— «Русский библиофил», 1911, № 3, с. 5—13.

[170] Н. К о р с а к о в. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции в 1839 г. М., 1844, с. 43—44.

[171] Ю. С л о н и м с к и й. Дидло. Вехи творческой биографии. Л.— М., 1958, с. 81. А. П. Глушковский. («Воспоминания балетмейстера». Публикация и вступ. статья Ю. И. Слонимского. Л.— М., 1940, с. 176) называет балет «Казак в Лондоне» среди «русских национальных дивертисманов», дававшихся на столичных театрах Петербурга и Москвы вместо французских балетов в середине 1810-х годов (1814—1816). Ср.: Иван В а л ь б е р х. Из архива балетмейстера. Публикация и вступ. статья Ю. И. Слонимского. Л.— М., 1940, с. 173. Принадлежность «Казака в Лондоне» была доказана П. В. Грачевым, которому удалось найти автографическую партитуру, в которой, по его словам, «английский гимн и шотландский танец написаны другой рукой», а казацкий танец «повторяет пляску из «Торжества России» Кавоса» (см.: П. В. Г р а ч е в. К. А. Кавос.— В кн.: «Очерки по истории русской музыки 1790—1825». Под ред. М. С. Друскина и Ю. В. Келдыша. Л., 1956, с. 294). Однако и Дидло не остался в стороне от пробуждающегося у англичан интереса к России. Побывавший в Лондоне П. П. Свиньин писал в статье «Лондонские театры», что «балет здешний обязан Дидло и его товарищам, выехавшим из России. Он забавляет лондонскую публику прекрасными балетами своего сочинения, в кои входят разные российские забавы и пляски, как-то катание с гор, хороводы, качели, завивание венков и проч. Зрелища сии, как по новости своей, так и по прелестным картинам, весьма нравятся английской публике и всякий раз привлекают большое стечение зрителей». Еще в апреле 1813 г., по сообщению лондонской «Morning Chronicle» Дидло намеревался показать «большой русский балет, в котором достоверно были бы показаны многочисленные различные характеры и обычаи и музыка этой обширной империи», а через месяц (27 мая 1813 г.), в свой бенефис, действительно поставил, как гласило объявление, «русский дивертисмент, основанный на показе русского народного гуляния, называемого «Качели», с совершенно новыми декорациями (изображающими снежный пейзаж) и соответствующими костюмами разных северных народов, с введением сюда оригинального русского танца...» (Ю. С л о н и м с к и й. Дидло, с. 80—81).

[172] П. С в и н ь и н. Лондонские театры.— «Сын Отечества», 1815, № 33, с. 9—10. Один из подобных балетов с русской пляской видел еще в 1817 г. Ф. Ф. Матюшкин, один из близких друзей Пушкина, вскоре после окончания Лицея отправившийся на военном бриге «Камчатка» в кругосветное путешествие. Матюшкин рассказывает в своем журнале, что во время остановки корабля в Лондоне он вместе с другими корабельными офицерами отправился вечером в театр. В представлявшейся пьесе он разобрался плохо, но после нее был балет, состоявший из русских танцев. Матюшкин записал в дневнике, что хотя многое в исполнении их и было неверным, но «русская пляска так понравилась англичанам, что она два раза в неделю будет представляться в Ковентгардском театре» (л. 17). Комментатор «Журнала» Матюшкина замечает по этому поводу: «Примечательно, однако, не мастерство актеров, а интерес английской публики к русскому танцу. Очевидно, в этом проявлялось то любопытство к России, ко всему русскому, что с особой силой возникло в Европе после пожара Москвы, наступления Кутузова и разгрома Наполеона» (Ю. Д а в ы д о в. В морях и странствиях. М., 1956, с. 32). Можно указать также на некоторые английские «исторические» пьесы той же поры на русские сюжеты, рассчитанные на декоративность и постановочную пышность, например, на драматическое произведение: H. B. C o d e. The Russian sacrifice; or the Burning of Moscow. A historical and musical drama, 1813, в сценах которой, напомнивших историкам английского театра картины из будущих «Династов» Т. Гарди, изображались пылающая Москва и снежная метель в поле, преследующая погибающую французскую армию (см.: Robert F r i c k e r. Das Historische Drama in England von der Romantik bis zum Gegenwart. Bern, 1940, S. 19, 21). Еще в 1825 г. в Лондоне ставилась пьеса «Napoleon's Bonapart's Invasion of Russia; or the Conflagration of Moscow. A Military and Equestrian Spectacle» (1825).

Глава III

ДЖОН БАУРИНГ И ЕГО «РОССИЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ»

1. Джон Бауринг и его путешествие в Россию в 1819 году.— Бауринг в Петербурге, его знакомства и связи в литературных кругах.— Бауринг, Ф. П. Аделунг и А. К. Шторх.— Знакомство с Крыловым и Карамзиным.— Бауринг в «депо манускриптов» Публичной библиотеки в Петербурге — молитвенник Марии Стюарт, ее собственноручные записи и стихи. 2. Изучение Баурингом русского языка и его замыслы «Российской антологии».— Два издания первой части антологии и их текстовые различия.— История издания второй части антологии.— Арест Бауринга во Франции и хлопоты о его освобождении.— Состав антологии, ее сотрудники и переводчики, ее значение и литературная судьба. 3. Письма к Баурингу из России.— «Российская антология» Бауринга, ее переиздания и оценка в Западной Европе и Северной Америке.— Бауринг и другие изданные им разноязычные антологии: славянские, венгерские и др.— Литературная деятельность Бауринга в русской критике. 4. Антологии Бауринга и их читатели.— Журнальная деятельность Бауринга. 5. Русская литература в журнале «Вестминстерское обозрение», основанном Бентамом.— Первые известия о Пушкине в английских журналах.— Последние годы жизни Бауринга на Дальнем Востоке и возвращение его на родину.— Гибель литературного архива Бауринга.— Рукописный альбом Бауринга в Государственном Историческом музее в Москве. 6. Антология Сандерса «Стихотворные переводы с русского языка» (1826)

1. Джон Бауринг и его путешествие в Россию в 1819 году.— Бауринг в Петербурге, его знакомства и связи в литературных кругах.— Бауринг, Ф. П. Аделунг и А. К. Шторх.— Знакомство с Крыловым и Карамзиным.— Бауринг в «депо манускриптов» Публичной библиотеки в Петербурге — молитвенник Марии Стюарт, ее собственноручные записи и стихи

В качестве переводчика с русского языка и ценителя русской поэзии Берисфорд явился предшественником другого англичанина, Джона Бауринга (John Bowring; 1792—1872), дипломата и писателя, книга которого «Российская антология», изданная в 1821—1823 гг., положила начало более полному и систематическому ознакомлению англичан с русской литературой. Берисфорд жил в России свыше десяти лет и бежал из Москвы накануне ее сожжения.

Бауринг приехал в Россию по дипломатическим и торговым делам в 1819 г. и пробыл здесь недолгое время. Со времени выхода в свет «Русского трубадура» прошло немного лет, но и в русской жизни и во взаимоотношениях между Россией и Англией произошли уже довольно существенные изменения. В дипломатических отношениях обеих стран наметились некоторые противоречия, не препятствовавшие, впрочем, росту личных и дружественных связей между английским и русским обществом, что и определило особый прием «Российской антологии» как в России, так и в Англии, в общем радушный и даже в отдельных случаях восторженный.

Берисфорд в своем «Русском трубадуре» глухо упоминал лишь лучших русских поэтов («poets of higher order»), но он даже не счел нужным еще назвать их по именам. «Российская антология» Бауринга, напротив, состояла уже не из произведений неизвестных сочинителей, а давала образцы поэзии

почти всех наиболее значительных писателей двух первых десятилетий XIX в. Больше того, первоначальным намерением Бауринга было, как он сам рассказывает об этом в предисловии к первой части своей «Антологии» (1821), составить общую *историю русской литературы*; отложив эту задачу на более позднее время, он на первый раз ограничился лишь переводами из русских поэтов. Характерно, однако, что Бауringу в такой же, если не в большей степени, чем Берисфорду, был присущ романтический интерес к народной поэзии, к фольклору вообще, многократно засвидетельствованный и его последующей литературной деятельностью. Он счел необходимым к первому тому своей «Российской антологии» приложить переводы пяти, а ко второму тринадцати русских народных песен и сказал об этих песнях своим читателям: «Они не подлежат критике, они — выше ее. Я не прошу для них восхищения: они составляют радость миллионов. Слава «Илиады» ничто перед ними».

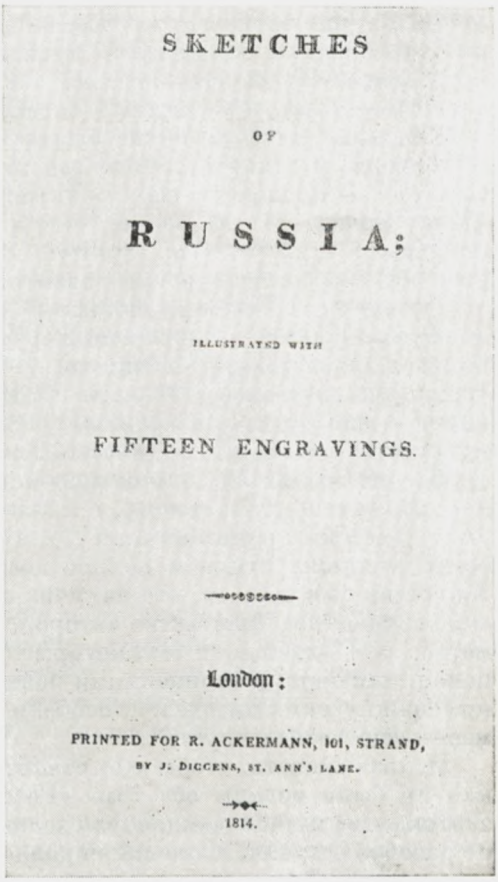
В противоположность «Русскому трубадуру» «Российская антология» Бауринга приобрела широкую известность и на европейском западе и в России и давно уже в общих чертах знакома историкам русской литературы; однако и о личности Бауринга, и об обстоятельствах его пребывания в России, и, наконец, о том, как создана была «Российская антология», у нас большею частью сообщаются и неполные и неточные данные.

Сын экзетерского купца Джон Бауринг занялся коммерческой деятельностью тотчас по окончании школы (1811) и по делам одного торгового дома много путешествовал по Европе. В 1819 г. дела этой фирмы заставили его совершить продолжительную поездку сначала в Испанию, а оттуда во Францию, Бельгию, Голландию, Россию и Швецию. Впрочем, помимо чисто коммерческих дел, у него были тогда и особые задачи дипломатического характера; он сам упоминает, что в Петербург он вез поручение от герцога Веллингтона.

О странствованиях Бауринга и, в частности, о пребывании его в России мы знаем из его собственных «Автобиографических воспоминаний», которые были изданы его сыном в 1877 г. [1] Бауринг рассказывает, что в Россию он отправился зимою 1819 г. Езда на почтовых от самого Гамбурга «вдоль Куриш-Гафа» оказалась для него тяжелым и трудным делом; он очень страдал от холода [2]. «Среди наиболее восхитительных моментов моего существования,— вспоминает он,— было наше прибытие в теплую и комфортабельную гостиницу под названием «Красной Кабак» («Krasnoi Kabak or beautiful inn») — последнюю остановку перед приездом в русскую столицу» [3]. Наконец, длинный и утомительный переезд его кончился.

В Петербурге Бауринг поселился на Васильевском острове и, выполняя свои поручения, попутно занялся изучением города, его учреждений, нравов, особенностей быта в различных общественных слоях; тогда-то он, несомненно, впервые познакомился и с русским языком и быстро завязал дружеские связи в литературных и научных кругах Петербурга.

«В Петербурге,— рассказывает он,— я сделал много приятных литературных знакомств, среди них с Аделунгом-младшим, который глубоко увлечен был филологическими исследованиями и только что напечатал свой перечень языков, доходящий почти до трех с половиной тысяч номеров. Это именно он вызвал меня сделать перевод «Петера Шлемиля» Шамиссо, который мой друг Джордж Крукшенк иллюстрировал своими юмористическими гравюрами. Филология — популярная наука в России; Екатерина II дала сильный толчок ее развитию» [4]. Ф. П. Аделунга (1768—1843), автора ряда трудов по истории, статистике, литературе и филологии, лингвистические исследования которого пользовались тогда широким европейским признанием и должны были в особенности интересовать Бауринга как филолога-любителя, Бауринг упоминает также и в «Российской антологии». Он именует его здесь «своим знаменитым другом» и благодарит за доставление ему биографических сведений и критических замечаний о тех русских писателях, произведения которых помещены в его антологии.


SKETCHES

OF

RUSSIA;

ILLUSTRATED WITH

FIFTEEN ENGRAVINGS.

London:

PRINTED FOR R. ACKERMANN, 101, STRAND,
BY J. DIGGENS, ST. ANN'S LANE.

1814.

«ОЧЕРКИ РОССИИ»
Лондон, 1814
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

Вслед за Аделунгом в «Автобиографических воспоминаниях» Бауринга упоминается другой петербургский ученый, с которым он вошел в личные дружеские отношения, Андрей Карлович Шторх (1766—1835); это имя ведет нас в тот же академический круг. Шторх был известен своими трудами по политической экономии и статистике России; он был автором «Исторического описания Российской торговли» (1802) и только что вышедшего на французском языке труда: «Cours d'économie politique ou éxposition des principes qui déterminent la prospérité des nations» (1819), в основу которого были положены лекции по политической экономии, читанные им великим князьям (Николаю и Михаилу Павловичам). Член петербургской Академии с 1796 г. Шторх был одним из ранних популяризаторов в России идей Адама Смита и в то же время считался знатоком хозяйственного и общественного строя в России. Бауринг вспоминает: «Мне доставили большое удовольствие беседы с политико-экономистом Шторхом ⟨в оригинале: «Horch, the political economist»,— но это несомненная опечатка или следствие неудовлетворительного чтения издателями авторской рукописи⟩; он жаловался на невозможность производить научные исследования при деспотическом образе правления». «Вам дозволено ходить, где хотите, а нас сковали в детской колыбели»,—говорил Шторх Бауringу [5]. Либеральные взгляды Шторха засвидетельствованы были не раз. Когда Карамзин приехал в Петербург в 1816 г., он познакомился со Шторхом и писал жене: «Вчера перед обедом провел я два часа с любезным Шторхом à discuter sur l'affranchissement des paysans» (в спорах об освобождении крестьян) [6].

Бауринг сам интересовался политической экономией и смежными вопросами. Дружеские отношения связывали его с Джереми Бентамом, который считал его самым близким человеком в последние годы своей жизни. Быть может, именно дружбе с Бентамом Бауринг и был обязан тем, что в петербургском обществе 1819—1820 гг. и, в частности, в кругу Аделунга — Шторха он был принят не просто как торговый агент, заехавший в русскую столицу по своим личным коммерческим делам, но как доверенное лицо видного английского философа-юриста; известны связи и переписка Бентама с представителями русского общества первой четверти XIX в., в котором как раз в эти годы было особенно много его поклонников и друзей [7].

Через посредство названных лиц Бауринг быстро познакомился также с рядом русских писателей и поэтов. На первом месте упомянут им И. А. Крылов. «Много позабавил меня баснописец Крылов (Kruilov). Он напоминает Лафонтена легкостью своего стихосложения, и все его сочинения проникает тот же забавный бесстрастный дух шутки и остроты (droll dry spirit of jest and fun)». Крылов состоял библиотекарем в Публичной библиотеке в Петербур-

ге [8], и Бауринг отмечает тут же, какое впечатление произвел на него своеобразный внешний облик этого лукавого баснописца, который подчеркнутой неряшливостью своего костюма как бы выражал ленивое равнодушие к внешнему миру, а между тем следил за ним зорко и остро.

Более подробно Бауринг рассказывает о своих встречах с Карамзиным. «Карамзин, русский историк, был тогда в зените своей славы,— вспоминает Бауринг.— Я нашел в нем приятного и умного человека, но я не припоминаю ничего в его беседе, что свидетельствовало бы о разуме высшего порядка (a high order of intellect). Его целью было льстить императору и рисовать блестящие картины развития, нынешнего положения и будущего его отечества. Его сочинения являются одними из лучших образцов русской прозы. Русский язык на протяжении трех или четырех поколений вырос до значения подходящего орудия для того, чтобы представлять сделавшую большие успехи цивилизацию (advanced civilisation). Он не отрекается от иноземной помощи; наоборот, иностранные слова легко усваиваются благодаря широкому употреблению иностранных языков в высших слоях русского общества. В области поэзии Ломоносов положил благородное основание стилю вполне народному и национальному, так как он не получил никакого воспитания и не был знаком ни с каким языком <!>, кроме своего собственного. Державин еще более возвысил стиль и полное достоинства и звучное стихосложение, но Карамзин был первым, кто получил общее признание и похвалы за прозаические сочинения. Множество авторов, писавших о самых разнообразных предметах (за исключением тех, которые связаны с политическими умозрениями), пополнили своими сочинениями разнообразные отделы литературы, но влияние французских писателей, особенно в области изящной словесности, тем не менее еще господствует» [9].

Нельзя сказать, чтобы этот отзыв, написанный Баурингом уже после того, как им были изданы оба тома «Российской антологии», выдавал большого знатока предмета: очевидно, он сделан с чужих слов; кое в чем Бауринг просто не разобрался; так, значение народной речи для создания литературного русского языка Ломоносовым он счел свидетельством его незнакомства с иностранными языками, и это доказывает, что Бауринг не знал ни биографии Ломоносова, ни его ученых сочинений; ничего не знал он, конечно, и о борьбе «шишковистов» с «карамзинистами», так как весьма упрощенно характеризует стилевое и жанровое развитие русской литературы. Что же касается его ссылки на «множество» русских писателей, расширивших своими сочинениями разнообразные жанры литературы, то здесь он, как и в предшествующих случаях, был, вероятно, информирован теми своими петербургскими «академическими» друзьями, которых он не случайно называет первыми в своих воспоминаниях: за несколько лет перед этим его приездом в Петербург А. Шторх и Ф. Аделунг составили «Систематическое обозрение литературы в России» (в течение пятилетия, с 1801 по 1805 г.), в двух частях (СПб., 1811), причем Шторх в первой части, следуя методике своей основной специальности, подвел итоги оборотам русского книжного рынка, дал картину книжной продукции, привел количество сочинений как общее, так и по разделам наук, указал число писателей, определяя «из каких классов гражданского общества составлена сия республика писателей». Весьма возможно, что Бауринг видел эту книгу, где цифры и статистические таблицы говорили сами за себя [10].

Из воспоминаний Бауринга мы узнаем также, что он побывал в Публичной библиотеке (официально открытой лишь за пять лет перед тем, в 1814 г.) и с интересом познакомился с редкостями состоявшего при ней «Депо манускриптов». В частности, его внимание привлек в коллекции П. П. Дубровского знаменитый часовник Марии Стюарт с ее личными записями, сделанными во время ее заточения. «Я нашел в Петербурге интересные документы среди рукописей, а именно подлинные письма Марии Стюарт, написанные во время пребывания ее в тюрьме, и множество бумаг, купленных русским послом в

Париже во время революции,— пишет Бауринг.— Я видел молитвенник несчастной королевы, в котором она делала записи вплоть до своей смерти. Она сделала из него альбом и, кажется, просила знаменитых людей, посещавших ее, вписывать туда свои имена. Среди других находится имя Бэкона. Некоторые из ее собственных стихотворений, оплакивающих ее судьбу, очень красивы. Из писем Марии к французскому двору видно, что Елизавета относилась к ней с чудовищной грубостью» [11].

В заключение своего рассказа о пребывании в России Бауринг сообщал: «В Петербурге я приобрел знание русского языка, достаточное для того, чтобы я мог представить читателям первые образцы русской поэзии в английских переводах. Первый том имел успех. Второй я написал в 1822 г., в то время, когда я находился в Булоньской тюрьме. Экземпляр его я отправил императору Александру I, который послал мне большое кольцо с аметистом и бриллиантами» [12]. Речь идет здесь о «Российской антологии», изданной Баурингом в Лондоне в 1821 г. и вскоре же выпущенной вновь в том же городе; второй том антологии опубликован был два года спустя (1823). На этом примечательном труде, получившем широкую популярность, следует остановиться подробнее.

2. Изучение Баурингом русского языка и его замыслы «Российской антологии».— Два издания первой части антологии и их текстовые различия.— История издания второй части антологии.— Арест Бауринга во Франции и хлопоты о его освобождении.— Состав антологии, ее сотрудники и переводчики, ее значение и литературная судьба

История появления в печати нескольких изданий «Российской антологии» очень запутана и доныне содержит в себе ряд темных мест; прежде всего это можно сказать о первоначальном и последующем изданиях первого тома антологии. Английские библиографы и новейшие исследователи переводов Бауринга со славянских языков обратили внимание на то, что о первом издании «Российской антологии» обычно сообщаются не только скудные и неточные, но и противоречивые данные; по-видимому,— рассуждали они,— это объясняется тем, что экземпляры его очень редки и отсутствуют в большинстве крупных библиотек Западной Европы и Америки. Несмотря на то, что литература о Бауринге довольно обширна, даже год выхода в свет *первого* издания антологии указывается различно — то 1820-й, то 1821-й [13].

Тщательное сличение нескольких экземпляров «Российской антологии», хранящихся в ленинградских библиотеках, привело меня к заключению, что издание 1820 г., на которое нередко делаются указания в авторитетных пособиях, никогда не существовало в действительности: в первый раз книга вышла в Лондоне в 1821 г. и вскоре же была переиздана (в том же году) с другим титульным листом; при этом «второе, дополненное издание» (second edition with additions), как указывалось на новом титульном листе, следует понимать очень условно, так как оно отличается от прежнего не столько своими прибавлениями, сколько изъятиями ряда страниц, имевшихся в первом издании, или заменой их другими, новыми.

Ввиду крайней редкости и малодоступности этой книги привожу подробное описание первого издания антологии по экземпляру, хранящемуся ныне в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде [14]; ранее этот экземпляр принадлежал, как это удостоверяет круглая печать на шмуцтитуле (с государственным гербом начала XIX в.), «Императорской библиотеке Царского Села». На середине той же страницы напечатано: «Russian Anthology».

Титульный лист гласит:

РОССИЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ

SPECIMENS
of
THE RUSSIAN POETS
With preliminary remarks
And biographical Notices

Вам, вам плетут Хариты
Бессмертные венцы!
Я вами здесь вкушаю
Восторги Пиерид,
И в радости взываю:
О музы! я пиит!

Батюшков

Translated by
JOHN BOWRING, F. L. S.

London
Printed for the Author:
Sold by Rowland Hunter, St. Paul's Church Yard
1821

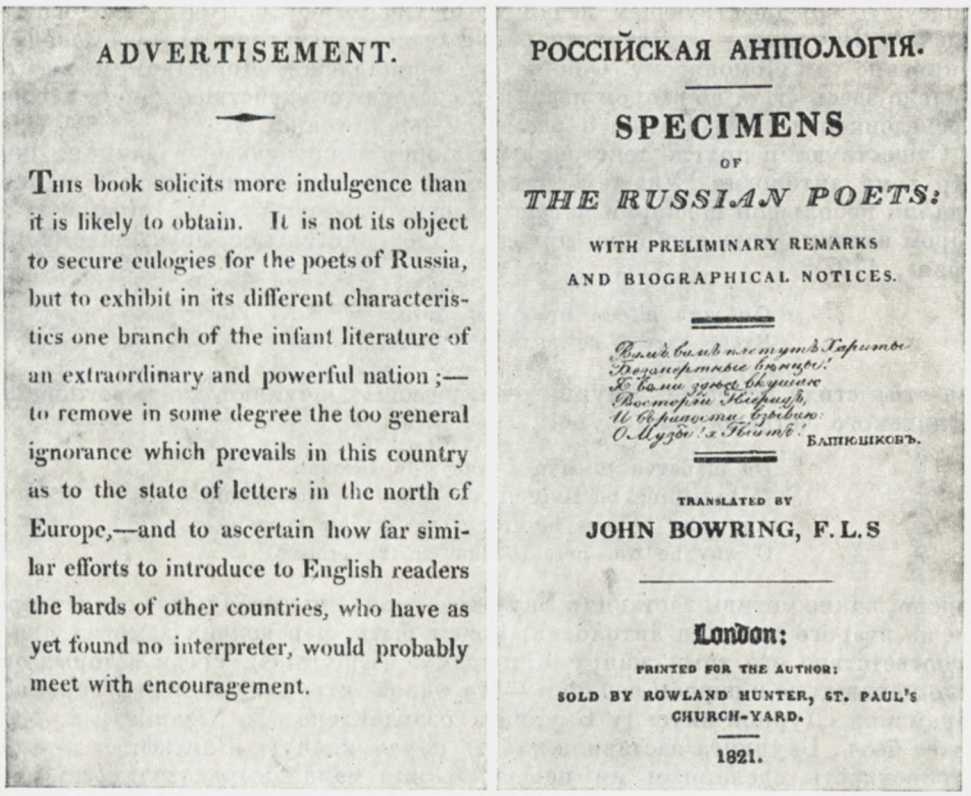
Формат книги — двенадцатая доля листа. В ней I—XXII + 240 с. После титульного листа одна ненумерованная страница занята «Предуведомлением» (Advertisement); оборот — пустой; на следующей ненумерованной странице помещен «Перечень содержания» (Table of Contents). Далее под римскими цифрами напечатано «Введение» (Introduction) с инициалами автора: J. B. Далее идет ненумерованная страница (с пустым оборотом), на которой напечатано стихотворное авторское посвящение (четыре четверостишия) без заглавия, начинающееся следующими строками:

I bore ye from the regions of the north,
Where ye first blossom'd, flowers of poetry.
Now light your smiles and pour your incense forth
Beneath our Albion's more benignant sky...[15]

Я принес вас ⟨сюда⟩, цветы поэзии, из северных краев,
Где вы впервые расцвели,
Теперь улыбайтесь и изливайте ароматы
Под менее суровыми небесами нашего Альбиона...

Во втором издании антологии это стихотворное посвящение полностью помещено на ненумерованной странице после окончания вводной статьи (после с. XXXV).

Далее идет текст самой антологии: английские стихотворные переводы избранных произведений русских поэтов: Державина, Батюшкова, Ломоносова, Жуковского, Карамзина, Дмитриева, Крылова, Хемницера, Боброва, Богдановича, Давыдова, Кострова, Нелединского-Мелецкого. За ними следуют три народные песни (National Songs), «Биографические и критические замечания» и «Смерть Оссиана» (Death of Ossian, from the Dutch), перевод стихотворения Я. Хелмерса с голландского.



ADVERTISEMENT.

This book solicits more indulgence than it is likely to obtain. It is not its object to secure eulogies for the poets of Russia, but to exhibit in its different characteristics one branch of the infant literature of an extraordinary and powerful nation;—to remove in some degree the too general ignorance which prevails in this country as to the state of letters in the north of Europe,—and to ascertain how far similar efforts to introduce to English readers the bards of other countries, who have as yet found no interpreter, would probably meet with encouragement.

РОССІЙСКАЯ АНѲОЛОГІЯ.

SPECIMENS

OF

THE RUSSIAN POETS:

WITH PRELIMINARY REMARKS

AND BIOGRAPHICAL NOTICES.

Возмѣ вамъ плектръ Тавриды
Безсмертные внушу!
Къ вамъ здѣсь вдохну
Восторги Пиндара,
И Горація огонь
О Музы! я Пѣвецъ!

БАТЮШКОВЪ.

TRANSLATED BY

JOHN BOWRING, F.L.S

London:

PRINTED FOR THE AUTHOR:

SOLD BY ROWLAND HUNTER, ST. PAUL'S CHURCH-YARD.

1821.

«РОССИЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ» ДЖОНА БАУРИНГА
Титульный лист и предисловие
Публичная библиотека, Ленинград

В том же году вышло в свет «второе издание» антологии «с дополнениями» (second edition, with additions). На это указал уже Я. К. Грот в своих примечаниях к «сочинениям Г. Р. Державина»; но не сопоставил оба издания и не отметил существующие между ними текстовые различия, кроме того, что на новом титульном листе к имени лондонского книгопродавца прибавлено имя эдинбургского. Однако второе издание отпечатано в Лондоне (а не в Эдинбурге, как полагают некоторые библиографы) и пагинация его производит впечатление искусственно подогнанной, предшествующему (во втором, «дополненном» издании общее количество страниц осталось почти прежним: в первом: XXII + 1 ненум. + 240 с.; во втором XXXV + 1 + 239 с.). Некоторые исследователи ошибочно усмотрели во втором издании антологии, быстро последовавшем за первым, свидетельство успеха книги и особого внимания к ней читателей. «Российская антология,— пишет, например, В. А. Десницкий,— была сочувственно принята в Англии, о чем говорит уже сам факт переиздания ее первой части» [16]. Это неверно. Следует предположить, что первое издание первой части было изъято из продажи самим автором вскоре после выхода ее в свет вследствие значительного количества заключавшихся в нем погрешностей, замеченных Баурингом слишком поздно, после отпечатания тиража; дело заключалось не только в типографских опечатках (они в изобилии встречаются и во втором издании), но прежде всего в грубых фактических ошибках, на которые Баурингу, по-видимому, указали его русские корреспонденты.

Одну допущенную им оплошность Бауринг отметил и сам во втором издании: речь идет об известном стихотворении Г. Р. Державина «Властителям и судиям» (1780), переведенном Баурингом под заглавием «The Lord and the

Judge»: «В предшествующем издании (in the former edition) антологии,— замечает Бауринг,— это стихотворение было напечатано в другом виде и приписано там Ломоносову. Однако оно принадлежит Державину и восстановлено здесь ⟨т. е. во втором издании⟩ с именем его действительного автора, переведенное в соответствии с размером подлинника» [17].

Существуют и другие текстовые различия между двумя изданиями первого тома антологии. Укажем, например, что из напечатанной в первом издании небольшой подборки переводов стихотворений Н. М. Карамзина во втором издании опущено одно, правда, малозначительное, двустишие («Эпитафия», 1797):

Он жил в сем мире для того,
Чтоб жить — не зная для чего...

Два этих стиха переданы Баурингом с помощью неуклюжего и дословного английского четверостишия:

He managed to live a long life through
If breathing be living; but where he was bound,
And why he was born, nor ask'd, nor knew —
O why he was here to cumber the ground.

Неясно, какие мотивы заставили Бауринга изъять это небольшое стихотворение из второго издания антологии; может быть, переводчик заметил явное несоответствие его тому жанру «Эпиграмм» (Epigrams), среди которых оно было напечатано в первом издании — на одной странице со стихотворением Карамзина «Дурной вкус» (у Бауринга озаглавлено «To Nicander», с. 116); может быть, Бауринга заставила изъять карамзинскую «Эпитафию» неудовлетворенность сделанным им переводом или малая выразительность двустишия, смысл которого заключался только в противопоставлении оборотов речи (для того...— для чего...), не передаваемых на другом языке.

Мы уже указывали, что, рассказывая о знакомстве с Карамзиным в «Автобиографических воспоминаниях», Бауринг высказал мнение, что сочинения этого русского писателя являются «одними из лучших образцов русской прозы». В антологии Карамзин представлен как поэт: в первом издании приведено шесть стихотворений Карамзина, во втором — пять [18].

Из второго издания исключено было также небольшое стихотворение И. И. Дмитриева «Горлица и прохожий», напечатанное в первом издании под заглавием «The Dove and the Stranger» (с. 126). Об этом стихотворении известно, что оно было опубликовано впервые под заглавием «Разговор прохожего с горлицей» в «Московском журнале» 1791 г. и сопровождалось там подзаголовком: «Подражание». Действительно, это перевод стихотворения неизвестного французского поэта XVIII в. «Le passant et la tourterelle», опубликованного анонимно в альманахе: «L'Util et agréable. Almanach amusant» (Amsterdam et Paris, 1774, p. 78). Однако во всех изданиях стихотворений Дмитриева оно имело заглавие «Горлица и прохожий» (вплоть до шестого издания собрания сочинений Дмитриева 1823 г., где оно получило заглавие «Прохожий и горлица»).

Небольшие изменения сделаны во втором издании на страницах, посвященных И. А. Крылову. В первом издании Бауринг заметил в примечании к басне «Осел и соловей», что ее текст он получил от самого баснописца в рукописи (с. 131); во втором издании добавлена еще одна басня: «Лебедь, щука и рак», а в вводной статье в характеристике Крылова добавлена фраза: «Крылов занимает должность в императорской библиотеке в Петербурге. Он хорошо известен бонвиванам Английского клуба (to the bon vivants of the English club). Его тяжелая и неуклюжая фигура странно контрастирует с остротой и изяществом его произведений. Он жалит, как оса, и, смеясь, улетает прочь, но боль, им причиненная, не проходит ⟨эта фраза добавлена во втором издании⟩. Он опубликовал том басен, замечательных по

ADVERTISEMENT
TO
THE SECOND EDITION.

The first edition of this work was published without any strong expectations that it would excite attention. It has been received with singular indulgence, nay with flattering encouragement, and I trust it will be followed, at no distant period, by Specimens of the Poetry of other nations, which is as yet a stranger to our literature and language.

The objects of this publication have been in a great degree answered. Many of the Poets of Russia, whom I have ventured to introduce to my countrymen, have met with a cordial welcome, and their claims have been cneerfully admitted by the mighty

a 2

Professor Dr. Jungmann
with best regards of
The Translator

РОССІЙСКАЯ АНТОЛОГІЯ.

SPECIMENS
OF
THE RUSSIAN POETS:

TRANSLATED BY
JOHN BOWRING, F.L.S.

Вамъ вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Пиѳидъ
И въ радости взываю:
О Музы! я Піитъ!
Батюшковъ.

WITH PRELIMINARY REMARKS AND BIOGRAPHICAL NOTICES.

SECOND EDITION, WITH ADDITIONS.

London:
PRINTED FOR THE AUTHOR:
SOLD BY R. HUNTER, ST. PAUL'S CHURCHYARD;
AND A. CONSTABLE AND CO., EDINBURGH.

1821.

«РОССИЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ» ДЖОНА БАУРИНГА
Второе издание
Титульный лист, предисловие и дарственная надпись автора Йозефу Юнгману
Публичная библиотека, Ленинград

уму и оригинальности. В настоящее время он переводит Геродота, впервые приступив к изучению языков древней Греции и Рима в зрелом возрасте» (с. IX в первом изд.; с. XVII — во втором) [19].

Из второго издания антологии изъяты несколько страниц, публиковавшихся в первом издании в виде пояснения к сделанному Баурингом переводу баллады Жуковского «Эолова арфа» (1815). Как известно, эта баллада с первых своих стихов внушала каждому читателю убеждение, что перед ним — перевод, а не собственное произведение русского поэта:

Владыка Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал...

Тем не менее и сентиментально-меланхолический тон баллады, и ее типично оссианический пейзаж, а также имена действующих лиц, в большей своей части заимствованные из тех же поэм Оссиана-Макферсона, служат главным образом для сокрытия автобиографических, реально житейских черт из жизни Жуковского, положенных им в сюжетную основу «Эоловой арфы» — трагической истории бедного певца и богатой девушки, младой Минваны. Ничего не зная об этом, Бауринг, разумеется, не мог не обратить внимание на ярко выраженный «оссиановский» колорит этого произведения, бросавшийся в глаза и русским современникам Жуковского. П. А. Плетнев писал, например, что в «Эоловой арфе» «краски, музыка, мечтательность и вымысел создания — все представляет особый мир, царство Оссиана, так живо и ясно воскреснувшее в душе поэта нашего» [20]. «Эолова арфа»,— напоминал Я. К. Грот тому же Плетневу,— есть оригинальная баллада самого Жуковского. Разумеется, все краски дышат поэзией Оссиана» [21].

В первом издании антологии свой перевод «Эоловой арфы» Жуковского Бауринг снабдил следующим примечанием: «Читатели Оссиана немедленно заметят, что действующие лица, чувства и пейзаж этой поэмы заимствованы у него. Решение вопроса о подлинности значительной части того, что называется оссиановской поэзией, как я себе представляю, доведено до конца. Однако убеждение в их глубокой древности, что бы ни писал по этому поводу Аделунг, широко распространено на севере Европы, и я очень часто слышал такое признание от знатоков рунической и средневековой (Runic and Gothic) поэзии. Каково бы ни было время их возникновения, литературные их достоинства — вопрос особый. За исключением «Элегии» Грея (я видел коллекцию более чем из 150 ее переводов), нет на нашем языке, вероятно, никакого другого произведения, которое переводилось бы так часто ⟨как поэмы Оссиана⟩. Меня извинят, надеюсь, за то, что в конце этого томика я поместил свой перевод «Смерти Оссиана» («Dood van Ossian») Хелмерса с голландского — языка, к которому относятся с незаслуженным пренебрежением, хотя на нем созданы поэтические красоты в произведениях Вондела, Хоофта, Толленса, Хелмерса и других; образцы их можно найти в сборниках Зигенбека и в «Baatavsche Maatschappii», которые я буду очень рад видеть переданными на нашем языке» (с. 76—77).

Приведенные слова, несомненно, должны были служить известным оправданием для помещения Бауринг на заключительных страницах антологии баллады Хелмерса в его переводе. Хотя это произведение голландского поэта-романтика (J. Helmers; 1767—1813) действительно имеет нечто общее с «Эоловой арфой» (как и баллада Жуковского, оно является самостоятельным произведением, созданным под впечатлением и по мотивам оссиановских поэм; в обеих балладах — голландской и русской — есть общие имена и т. д.), но все же присоединение голландской оссианической баллады к «Российской антологии» было актом поспешным, недостаточно обдуманным, плохо мотивированным: «Смерть Оссиана» была инородным телом, балластом в этой антологии, ничего не объяснявшим в стилистических особенностях «Эоловой арфы», к переводу которой уже служили комментарием многочис-

ленные цитаты из поэм Оссиана-Макферсона, приложенные переводчиком! Неизвестно, чем руководствовался Бауринг, выбрасывая из второго издания антологии все, что в первом касалось Хелмерса, но все же след выпущенных страниц остался и во втором издании. Сказав здесь о многочисленных переводах и подражаниях оссиановской поэзии в России и назвав среди авторов Кострова, Гнедича, Вышеславцева, Озерова, Капниста и других, Бауринг заметил: «К первому изданию антологии я приложил произведение, заимствованное из голландской поэзии, героем которого является Оссиан, и рискнул говорить о превосходных качествах Вондела, Хоофта, Хелмерса, Толленса и прочих поэтов Голландии. Теперь я решил издать небольшой томик «Образцов» их произведений, и работа над ним подвинулась вперед» (с. 76—77). Это был, вероятно, важнейший повод для исключения «Смерти Оссиана» Хелмерса из второго издания антологии: для него нашлось другое место. Действительно, это стихотворение вошло в томик переводов Бауринга с голландского языка под заглавием «Батавская антология», изданный в свет три года спустя (1824) [22].

Не считая нескольких еще более мелких исправлений и изменений (за исключением вводных статей, о чем еще пойдет речь), второе издание «Российской антологии» ничем не отличалось от первого. Оба отпечатаны в той же лондонской типографии (Printed by R. and A. Taylor, Shoe-Lane) теми же шрифтами. Очень возможно, что для второго издания, напечатанного на другой бумаге (с водяными знаками *B 1819*), был использован набор первого издания [23].

Первое издание антологии вышло в свет в Лондоне в начале 1821 г., сравнительно быстро последовали и отклики на него в печати. Так, довольно большая и очень сочувственная рецензия на эту книгу появилась в мартовской книжке журнала «London Magazine» под заглавием «Русская поэзия». Однако этот отзыв имел предварительный характер и внушен был дружескими отношениями к Бауринту журнала, в котором он и сам принимал участие; очевидно также, что рецензент ни в какой мере не был компетентен судить ни о выборе произведений, представленных в книге, ни о качестве их переводов. «В общем,— заключал свою статью критик «London Magazine»,— мы считаем этот томик одним из наиболее приятных и интересных изданий, появившихся у нас в последнее время. Он попал к нам в руки почти неожиданно и очень поздно, в конце прошлого месяца; однако мы приступили к его разбору без задержки, чтобы представить отчет о нем читателям, которым любопытно узнать, что представляет собою этот труд, столь новый по своему содержанию, так что переводчик не должен оставаться в сомнении относительно того, как он будет принят» [24]. Осенью того же года другой английский журнал — «The Literary Gazette» — писал об антологии (также, по-видимому, имея в виду ее первое издание): «Русская литература очень мало известна в нашей стране. Допуская даже, что она вырастает только сейчас, требуется надлежащее внимание к растущему гению великого народа ⟨...⟩ Поэтому мы счастливы, что человек, обладающий таким талантом, как м-р Бауринг, предпринял попытку ознакомить нас с поэтами этого народа, и мы приветствуем его за то, что он разрешил задачу, интересную новизной темы, вполне удовлетворительно по стилю и по исполнению» [25]. В августовской книжке парижского «Journal des Savants» 1821 г. французский поэт, драматург и критик Франсуа Ренуар в большой рецензии на «Российскую антологию» излагал ее содержание, не только останавливаясь почти на каждом русском поэте, чьи произведения были включены туда, но даже давая отрывки в своем переводе на французский язык с английских переводов Бауринга. В заключение Ренуар выражал надежду, что Бауринг не замедлит издать обещанную им «Историю русской литературы», о которой антология дает весьма благоприятное представление («une idée avantageuse») [26]. Довольно быстро откликнулись на это издание и в России. Хотя лондонские издания и журналы приходили в Петербург с некоторым запозданием, но Н. Г. (Греч)

об антологии Бауринга известил читателей уже в августовской книжке «Сына Отечества» 1821 г.— в статье о выходе в свет «Избранных стихотворений русских поэтов, переведенных на английский язык Боурингом»; он отметил также, что эта книга «возбудила отличную похвалу английских и французских критиков», и прибавлял в примечании: «Переводы Боуринга напечатаны в Лондоне под русским заглавием (Российская антология) и с русским эпиграфом. В одной из следующих книжек «Сына Отечества» сообщим подробное сведение о сем любопытном и приятном для нас явлении» [27].

Обещание Греча было вскоре же им выполнено: в октябрьской книжке этого журнала была напечатана в русском переводе статья К. Кокреля «О новой книге Русская антология» из «Revue encyclopédique» [28]. Статье Кокреля предпослана редакционная заметка Греча, в которой сообщаются сведения о самом Бауринге и не лишенные интереса данные о двух изданиях первого тома антологии. «Г. Боуринг (John Bowring),— пишет Греч,— молодой английский путешественник, в 1820 г. провел несколько месяцев в С.-Петербурге, выучился в сие короткое время, сколько можно было, русскому языку»; в примечании сообщаются (в первый раз в русской печати) сведения о способностях Бауринга к усвоению языков, вскоре превратившиеся в недостоверную, но живучую легенду о нем как о необыкновенном лингвисте: «Знавшие г. Боуринга в Петербурге удивлялись способности его в изучении языков; он говорит и пишет на латинском, немецком, французском, итальянском, испанском и португальском языках, как на своем природном, и недавно издал на испанском языке книгу о нынешнем положении в Англии. Он званием купец». Далее сообщается перечень всех русских заглавий стихотворений, переведенных Боурингом, за которым следует характеристика антологии: «В предисловии своем и в заключении книги г. Боуринг сообщает биографические и критические известия о поэтах, которыми он пользовался. Строгая и нестрогая критика могла бы найти в переводах и в замечаниях г. Боуринга неисправности, ошибки, слабые места, но появление сей книги принесло нам такое удовольствие, что мы на сей раз ограничиваемся сим извещением об оной, ожидая второго издания, которое г. Боуринг печатает в Лондоне, исправленное и умноженное. При сем сообщаем рассмотрение сей книги, напечатанное в одном из лучших английских ⟨это ошибка: следует — французских⟩ журналов, сопровождая оное немногими замечаниями,— при явных ошибках автора». Заключается эта редакционная заметка цитатой из письма Бауринга в Петербург, неизвестно кому адресованного, скорее всего к Ф. Аделунгу, с которым Бауринг вел переписку именно в это время: «Английские критики, как пишет г. Боуринг к одному приятелю своему в Петербурге, приняли его книгу с отличною похвалою, но притом изъявили сомнение, чтоб русские могли мыслить и чувствовать, как Державин, Батюшков и Жуковский: они полагают, что г. Боуринг издал в свет свои прекрасные стихотворения и только по скромности своей назвал иные переводами с русского языка! До каких нелепостей доводит неумеренная народная гордость!» [29]

Не знаем, о каких английских критиках здесь идет речь; мы видели, однако, что «Российская антология» в первом издании была действительно встречена с «отличною похвалою». Это были предварительные суждения, но все же обнадеживавшие и даже вдохновлявшие переводчика. Об этом Бауринг говорил и в «Предуведомлении ко второму изданию» (Advertisement to the second edition, p. 3—4): «Первое издание этой книги было напечатано без сколько-нибудь серьезных ожиданий на то, что оно возбудит к себе внимание: тем не менее, оно было принято с необыкновенной снисходительностью, более того — с лестным поощрением. Я верю, что пройдет немного времени, как за ним последуют «Образцы» поэзии других народов, до сих пор не известные нашей литературе и языку. Образцы, представленные мною в данной книге, в значительной мере имели успех. Многие из русских поэтов, которых я рискнул представить моим соотечественникам, были встречены с сердечным радушием, и требования их были поддержаны главными арбитрами славы...»

ФРИДРИХ АДЕЛУНГ
Литография А. Петцольда, 1825
Музей изобразительных искусств, Москва

«...Я надеюсь на будущий прогресс этой обширной империи в отношении к цивилизации, добродетели и свободе».

В кратком же «Предуведомлении» к первому изданию составитель и переводчик еще неуверенно и с большей скромностью заявлял, что целью его не являлось «вызвать похвалы русским поэтам, но показать в ее различных чертах одну отрасль (one branch) младенческой литературы необыкновенного и могучего народа и устранить до некоторой степени общее незнакомство английских читателей с бардами других народов, еще не имевших истолкователей, и что это, вероятно, будет встречено с одобрением».

В приведенном выше отзыве Н. И. Греча обращают на себя внимание слова о «строгих и нестрогих» критиках, которые могли бы найти «в переводах и в замечаниях» книги Бауринга «неисправности, ошибки, слабые места», но что он не будет их указывать, так как ожидает второго издания, «исправленного и умноженного», которое Бауринг «печатает в Лондоне». Эти слова Греча, вероятно, основаны на том же частном письме Бауринга к «одному приятелю в Петербурге», о котором речь идет в заметке Греча. Все указанные свидетельства подтверждают, что второе издание первого тома начало печататься через несколько месяцев после первого, если выход его в свет в Петербурге ожидали уже осенью 1821 г. Важнейшим поводом для переиздания антологии, как видим, должны были быть различные неисправности первого издания, которые, по-видимому, бросались в глаза «строгим и нестрогим» критикам, в первую очередь тем, кто владел русским языком. Едва ли подлежит сомнению, что один из первых списков погрешностей первого издания Бауринг получил из России.

3. Письма к Баурингу из России.— «Российская антология» Бауринга, ее переиздания и оценка в Западной Европе и Северной Америке.— Бауринг и другие изданные им разноязычные антологии: славянские, венгерские и др. — Литературная деятельность Бауринга в русской критике

Среди рукописных бумаг, оставшихся в руках потомков Бауринга в Англии, сохранились автографы писем Бауринга к чешским писателям; среди них оказалось также несколько писем, полученных Баурингом из России, в первую очередь от Ф. П. Аделунга; хотя они давно уже опубликованы, но публикации эти ускользнули от историков русской литературы и никогда не привлекались к изучению «Российской антологии», хотя в письмах этих идет речь именно о ней. Письма Ф. Аделунга написаны по-французски и опубликованы в Праге в оригиналах [30]. Приводим их ниже в русских переводах в полном виде, так как они представляют несомненный интерес не только для нашей цели.

1. Аделунг — Бауringу

С-Петербург. 7/19 июня 1822.

Дорогой друг! С большим удовольствием получил я ваше письмо от 26 мая, только что мне врученное, и спешу ответить на него, чтобы отправить ответ вместе с другим письмом, уже приготовленным для отправки в Лондон. Ваши упреки за мое молчание не вполне мною заслужены. Я писал Вам в прошлом году, но так как я вижу теперь, что письмо мое до вас не дошло, я отправляю Вам дубликат находившихся в том письме исправлений к вашей антологии, копию которых я сохранил. Экземпляры книги, которые Вы мне послали, до меня не дошли. Ожидаю теперь экземпляры второго издания ⟨антологии⟩, о котором вы мне сообщаете, чтобы распределить их согласно вашим намерениям. Все у нас (tout le monde) были очень довольны вашими переводами, как я уже Вам сообщал.

Я приготовлю для Вас превосходные материалы по финской литературе. Что касается шведской поэзии, попытайтесь раздобыть себе сборник национальной поэзии, изданный г. Афцелиусом в Стокгольме; для датской же поэзии — сборник Нюрупа, выпущенный в Копенгагене.

Вы меня очень обяжете, если сможете скопировать для меня из английских и американских периодических изданий то, что там пишут о моем каталоге языков. Недели через две пошлю Вам отсюда небольшой пакет. Прощайте. Поскольку вы теперь имеете похвальное намерение быть верным своим пенатам, льщу себя надеждой, что буду чаще получать от Вас известия.

Весь Ваш Фридрих А д е л у н г [31].

Вскоре Аделунг направил Бауringу еще одно деловое письмо, датированное 22 июня (несомненно, старого стиля) 1822 г.; воспроизводим его в русском переводе (с французского) из того же источника.

2. Аделунг — Бауringу

С.-Петербург, 22 июня 1822.

Милостивый государь! В соответствии с моим письмом от 7 числа этого месяца, которое Вы получите через книгопродавца Бута (Booth), имею честь представить Вам при сем следующие материалы:

1. Несколько поправок к новому изданию «Российской антологии», относящихся к орфографии.

2. Прекрасное руководство по русской литературе г. Греча, где Вы найдете биографические и библиографические справки обо всех русских поэтах.

3. Немецкие переводы столь же дословные, как и поэтические, нескольких русских стихотворений, которыми Вы сможете пополнить ваше прелестное собрание.

4. Обозрение финской литературы проф. Раска, заимствованное из венских литературных летописей (des annales littéraires de Vienne).

5. Сборник финской (рунической) поэзии в переводах на немецкий язык г. Шретера.

Это приблизительно все, что я могу предложить Вам о финской поэзии; что же касается скандинавских народов, то в моем последнем письме к Вам были названы кое-какие сборники.

Беру на себя смелость приложить к этому посланию санскритскую надпись на одном индийском идоле, находящемся в настоящее время в моих руках; смысл этой надписи я бы хотел знать. Окажите мне любезность и сообщите ученым Лондона и Хартфорт-Колледжа (Hertfort College) эту надпись с просьбой дать ее дословный перевод. Вы меня бесконечно обяжете, если доставите мне как можно скорее морским путем переводы, которые Вы получите. С нетерпением ожидаю присылки мне второго издания вашей антологии; экземпляры первого издания до меня не дошли. Прощайте.

Примите искренние уверения в моем высоком к Вам уважении, с которым имею честь быть Вам преданным

Ф. Аделунг[32]

Сохранилось, наконец, и третье письмо Аделунга к Бауринту, дополняющее два предшествующих и объясняющее кое-что в истории их взаимоотношений в 1822 г., нарушенных внезапным арестом Бауринга во Франции. Приводим также и это письмо в переводе с французского; датировано оно, как и предшествующее, старым стилем.

3. Аделунг — Бауринту

С.-Петербург, 23 ноября 1822.

Сударь и дорогой друг! (Monsieur et très cher ami), я исправно получил все ваши письма, которые, к моему удовольствию, Вы направили мне 27 июля, 10 августа, 2 и 18 октября ⟨1821⟩. Я ответил бы на них гораздо раньше, если бы газеты (feuilles publiques) не заставили меня опасаться, что Вы еще в путешествии и задержаны во Франции вопреки вашей воле. К моему большому удовлетворению, я вижу из вашего последнего письма, помеченного Лондоном, что Вы не говорите в нем ничего о подобном столь досадном происшествии, отчего я должен предположить, что в данном случае имело место отождествление вашего имени с другим лицом по недоразумению газетчиков.

Пятьдесят экземпляров вашей «Антологии» благополучно прибыли, так же как и четыре пакета с сочинениями м-ра Бентама.

Примите мою искреннюю благодарность за преподнесенный мне прекрасный экземпляр, который будет драгоценным для меня напоминанием о Вас. Я распределил около десятка экземпляров между академиями и лицами, Вами указанными, а остальные передал нашим книгопродавцам, у которых, однако, находилось еще малое количество первого издания ⟨антологии⟩, которое Риттер дал им на комиссию. Я буду все время присматривать за продажей книги и отдам Вам отчет об успехе этого ⟨предприятия⟩, впрочем, вы будете удивлены, когда узнаете, что эта ваша посылка дала повод для затрат более чем на 60 рублей, так как согласно новому тарифу книги в переплетах или в картоне требуют уплаты налога. Пожалуйста, поблагодарите от моего имени вашего знаменитого друга м-ра Бентама за драгоценный подарок его ученых сочинений. Экземпляры, предназначенные для университета в г. Або (Äbo), а также для гг. Мордвинова и Сперанского, были немедленно отправлены по их адресам.

Примите мою благодарность за замечания о моем каталоге языков. Я приготовляю второе издание, гораздо более богатое и исправленное согласно превосходным материалам, которые идут ко мне со всех сторон.

Труд г. Ли (Mr. Lee), превосходный трактат Фрея (Mr. de Frey), словари Сандвичевых островов и бассейна реки Колумбии (Columbia River),— все это было для меня драгоценно.

Я был доволен, найдя пример, отсутствующий в нашем экземпляре переводов г. фон дер Борга. Я прилагаю его к этому посланию, так же, как и очень красивый отрывок Жуковского, это его послание к императору Александру I, превосходно переведенное г. Раупахом. Если эта пьеса прибудет к Вам вовремя, она будет украшением нового издания вашей антологии.

Прилагаю еще статейку о финском поэте Юдене ⟨Ютейни⟩ и несколько замечаний о вашей антологии, извлеченных из Геттингенских литературных листков. Так как дословный перевод басен Крылова, который я поручил сделать для Вас, еще не закончен, я должен отсрочить его посылку Вам до другого случая. Что касается Ермака, то в настоящее время я могу указать Вам только «Историю» Карамзина, где говорится о нем очень пространно в девятом томе. Прощайте. Располагайте мною неограниченно во всем том, в чем я могу быть Вам сколько-нибудь полезным для ваших литературных занятий, и будьте уверены в моей истинной преданности и совершенном почтении.

Преданный Вам Фр. Аделунг [33]

Все приведенные выше письма Аделунга из Петербурга в Лондон представляют несомненный интерес и заставляют сожалеть, что нам неизвестны другие письма тех же корреспондентов. Приведенные письма Аделунга достаточно отчетливо освещают дружеский характер отношений, установившихся между ним и Баурингом и, в частности, из них выясняется, какую большую и реальную помощь Аделунг оказал ему при подготовке к печати всех частей и изданий «Российской антологии».

Хотя в своих автобиографических заметках Бауринг не без хвастовства указывает, что, живя в России, он усвоил русский язык в той степени, которая позволила ему переводить произведения русских поэтов [34], но на самом деле знания его были поверхностны и недостаточны, и в своих переводах он не мог обойтись без посторонней помощи. Недаром в антологии Бауринг выразил благодарность за «многие данные», сообщением которых он был обязан своему «знаменитому другу». Но Аделунг сделал для него гораздо больше. Как видно из их переписки, Аделунг доставил Баурингу для его английских переводов дословные немецкие подстрочники русских стихотворений; кроме того, ему же в основном, по-видимому, принадлежал и выбор текстов для этих переводов: русскую поэзию в немецких переводах Аделунг знал прекрасно. Он привлекал также для составления немецких подстрочников доверенных лиц.

Не подлежит сомнению, что Аделунг снабдил Бауринга книгами и пособиями для изучения русского языка; среди последних большую роль сыграли для Бауринга труды А. Таппе, на которые сделана глухая ссылка и в антологии. Книги старшего учителя Выборгской гимназии д-ра Августа Вильгельма Таппе представляли собой грамматические руководства в помощь изучающим русский язык, пользовавшиеся в то время чрезвычайной популярностью среди немцев в России. Его «Neue theoretische-praktische Sprachlehre der russischen Sprache für Deutsche» (Riga, 1810; переиздания: 1812, 1815, 1819 и т. д.) сопровождалось второй частью — книгой для чтения, т. е. учебной хрестоматией, составленной удачно и со знанием дела. Здесь печатались различные русские тексты с ударениями, глоссариями, пояснениями, переводом — изречения, басни, фрагменты из стихотворений, прозаических и даже драматических произведений русских писателей — от Ломоносова до Карамзина включительно («Neues russisches Elementar-Lesebuch für Deutsche»). Этой учебной книге можно было сделать единственный упрек — архаический характер представленных в ней литературных образцов. В петербургском издании этой книги 1818 г. помещены, например, для упражнений «Стонет сизый голубочек...» Дмитриева, переложение псалма Дер-

ОБЩИЙ ВИД КРЕМЛЯ ИЗ «ОЧЕРКОВ РОССИИ»
Литография по рисунку П. П. Свиньина
Публичная библиотека, Ленинград

жавина («Блажен тот муж, кто ни в совет, ни в сонм губителей не сядет...») и ода Ломоносова (из кн. Иова). Пособиями А. В. Таппе Бауринг воспользовался очень широко и для приобретения собственных познаний, и в той части комментариев своей антологии, в которых речь идет о русском языке и его истории [35].

Несмотря на то, что первое издание «Российской антологии» поступило в продажу в ограниченном количестве экземпляров и вскоре же было заменено другим, оно проникло и в другие страны, кроме России. Так, попав в Северную Америку, оно было полностью перепечатано здесь в Бостоне в 1822 г., безусловно, без разрешения и без всякого ведома автора. Титульный лист американского переиздания полностью повторяет титульный лист лондонского, но с пропуском слов «Printed for the author»; опущены также шмуцтитул на русском языке и русский эпиграф из «Моих пенатов» Батюшкова. Внизу страницы указано место издания:

Boston
Published by Cummings and Hillard
Hillard and Metcalf, Printers.
1822 [36].

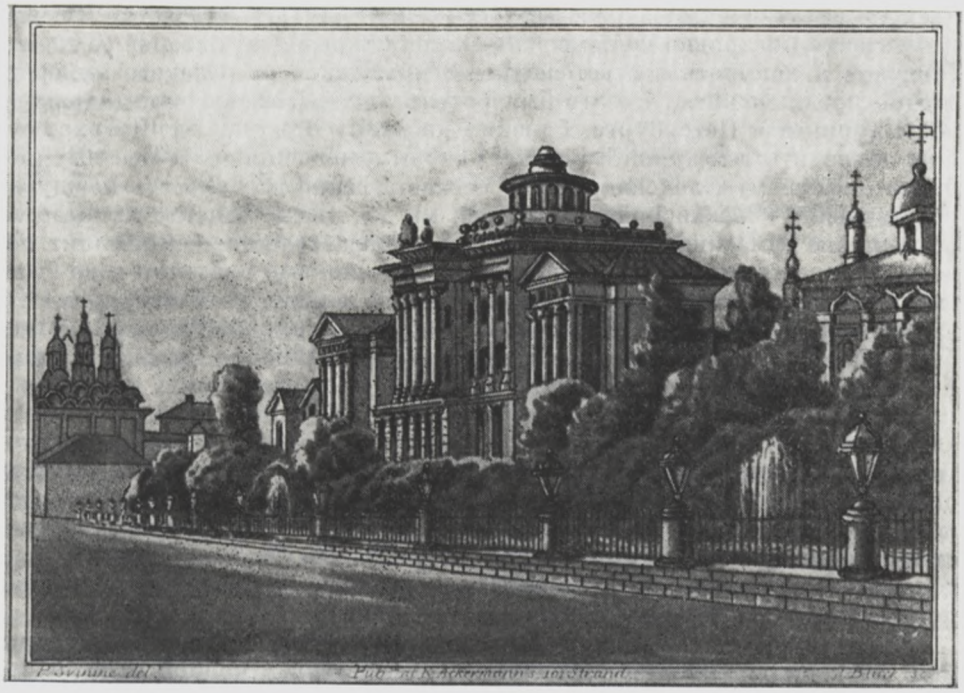
А. Колмен утверждает, что это издание было распространено в Соединенных Штатах, и ссылается на перепечатки отдельных переводов Бауринга в учебных хрестоматиях для американских школ; чаще всего перепечатывались ода Державина «Бог» и «Кладбище» Карамзина. Особенно много перепечаток сделано в хрестоматии Джона Пирпонта (Rev. John Pierpont. American First Class Book in Reading and Recitation. Boston, 1823); здесь из антологии Бауринга помещены произведения Ломоносова, Державина, Хемницера, Карамзина, Крылова и Боброва; то, что среди них находится

ода «Властителям и судиям», приписанная Ломоносову (ее автор — Державин), неопровержимо свидетельствует, что оригиналом для американских контрафакций послужило *первое* издание «Российской антологии» 1821 г.: о том же свидетельствует перепечатанное здесь же «Предуведомление» (Advertisement) из первого издания антологии [37].

Бостонскому изданию «Российской антологии» уделил несколько страниц Н. Н. Болховитинов в своем богатом фактами и наблюдениями исследовании «Русско-американские отношения (1815—1832)». Автор приводит здесь много сведений о бостонском издании переводов Бауринга, хотя явно переоценивает роль его как переводчика и популяризатора русской поэзии в англосаксонском мире [38]. Н. Н. Болховитинов, в частности, указывает несколько американских журналов, в которых были помещены весьма сочувственные статьи о переводах Бауринга; таковы, например, филадельфийский журнал «Museum of Foreign Literature» или «Christian Disciple», выходивший в Бостоне. В последнем приводились довольно обширные цитаты из русских стихотворений в переводах Бауринга; при этом бостонский критик подчеркивал в своей рецензии, что большой интерес к антологии вызван малой известностью русской литературы в Соединенных Штатах, хотя Россия играла важную роль в международных отношениях в последнее время: «Весь мир слышал грохот ее пушек, топот ее конницы, шум ее побед, но лишь очень немногим было дано услышать рассказ ее летописцев или песнь ее бардов» [39]. Вслед за этим американский критик хвалил Бауринга, отмечая, что среди английских переводчиков нет ни одного, кто был бы лучше подготовлен для того, чтобы сохранить в своих переводах «дух оригинала» и в то же время «внести в них частицу собственного таланта» [40].

Между тем, еще до приезда Бауринга в Петербург там жил молодой американец Уильям Дэвид Льюис (W. D. Lewis; 1792—1881) родом из Филадельфии, хорошо изучивший русский язык, очень интересовавшийся русской литературой и сам весьма успешно выступавший в качестве переводчика русской поэзии и прозы [41]. В Петербурге У. Д. Льюис поселился еще в 1814 г., куда вызван был своим братом (Джоном Делавером Льюисом) в качестве помощника по делам основанного им здесь торгового дома. Живя в России, Уильям Льюис в свободное время сделал много переводов, в том числе и стихотворных; некоторые из них были опубликованы уже после его отъезда на родину (он уехал из России в октябре 1819 г.) [42]. По точности передачи русского текста, да и по начитанности своей в русской поэзии Льюис, несомненно, значительно превосходил Бауринга, хотя далеко не пользовался известностью последнего; многие переводы Льюиса с запозданием появлялись в свет; ранние — публиковались им анонимно, иные вовсе не были напечатаны. Любопытно, что появившийся в филадельфийском периодическом органе «National Gazette and Literary Register» в январе 1821 г. без имени Льюиса перевод песни Ю. А. Нелединского-Мелецкого считается первым переводом английскими стихами русского стихотворения [43]; мы уже знаем, что это по меньшей мере неточно; справедливо, однако, то, что по времени Льюис несколько опередил Бауринга с его «Российской антологией».

Единодушные похвалы, которыми европейская критика встретила только что появившуюся «Российскую антологию», рано внушили Бауringу мысль пополнить и продолжить это издание, столь радушно встреченное читателями разных стран. Об этом он думал еще прежде, чем первая часть антологии вышла в свет второй раз. Вероятно, Аделунг был в курсе этих проектов, так как он продолжал посылать Бауringу различные связанные с будущим изданием материалы, дословные немецкие переводы русских стихотворений различных авторов, биографические сведения о русских поэтах. Однако издание второго тома антологии задержалось не по вине автора, о чем не подозревал Аделунг, впрочем, удивлявшийся тому, что ответы на его письма и книжные посылки внезапно прекратились. Это объяснялось тем, что осенью 1822 г., находясь во Франции, Бауринг был арестован в Кале, приморском городке Северной Франции, и, пробыв в заключении несколько



ДОМ ПАШКОВА В МОСКВЕ ИЗ «ОЧЕРКОВ РОССИИ»
Литография по рисунку П. П. Свиньина

месяцев, был препровожден в тюрьму расположенного неподалеку города Булонь, где находился в одиночном заключении около двух недель.

В русской литературе этот эпизод биографии Бауринга не нашел достаточного освещения и всегда вызывал произвольные домыслы и догадки [44]. В настоящее время известно, что этот арест имел сугубо политический характер и что он произвел некоторый шум в тогдашней английской прессе. Бауринг был обвинен французскими властями в том, что он будто бы являлся тайным курьером португальских властей, сообщавших английскому правительству о настроениях и планах властей бурбонской Франции. Каннинг, бывший в то время министром иностранных дел Великобритании, направил по этому поводу ноту Франции, требуя или предъявления Баурингу какого-либо обвинения, или его немедленного освобождения; вопрос о незаконности его ареста дебатировался также в английском парламенте: это была открытая и острая полемика между французскими министрами эпохи Реставрации и английскими либералами. В конце концов Бауринг был освобожден, так как эти распри стали принимать слишком шумный и скандальный характер; тем не менее французские полицейские власти нашли повод для обвинения его в том, что он, проезжая во Франции через город Ла-Рошель, будто бы принял участие в освобождении французских молодых сержантов, арестованных за пение революционных песен; поэтому он был присужден к пожизненному изгнанию из пределов Франции.

Все эти события изложены самим Баурингом по возвращении его на родину в особой брошюре, изданной в Лондоне в конце 1822 г. на английском и французском языках под заглавием «Подробности об аресте, заключении и освобождении англичанина бурбонскими властями Франции» [45]. Объявление о брошюре помещено на последней странице II тома «Российской антологии», вышедшего в Лондоне в 1823 г., а «Введение» (Introduction) к этой книге датировано автором: «Булонская тюрьма, 20 октября 1822 года» [46].

Таким образом, Бауринг нисколько не скрывал от читателей историю своего ареста во Франции, даже выставлял ее напоказ. Это обстоятельство

следует иметь в виду и русским исследователям его антологии. Тюремное заключение нисколько не помешало Бауринту посвятить второй ее том Александру I и получить в ответ щедрое награждение от русского императора; можно предположить, что это был результат ходатайства влиятельных друзей Бауринга в Петербурге, близких ко двору Аделунга и Шторха, сумевших объяснить, кто такой Бауринг, каковы отношения его к Бентаму (не так давно писавшему Александру I), и соответственно истолковать международное значение «Российской антологии»; мы не знаем, однако, не было ли ее посвящение замаскированной просьбой о вмешательстве в конфликт по поводу его ареста между французскими и английскими властями и не была ли ему действительно оказана дипломатическая помощь из Петербурга.

Во всяком случае во «Введении» ко II тому Бауринг заявлял: «Этот том был написан во время моего одиночного заключения в Булонской тюрьме, он сделал мои дни и часы быстролетными и усладительными, тогда как они могли быть очень долгими и изнуряющими». Бауринг вспоминал, что в то тяжелое время, когда казалось, что «волнующее негодование» истощило его творческие силы, он отдыхал душой среди «поэтов славянского мира» (the poets of Sclavonia). «Я буду вспоминать эту памятную эпоху моей жизни с благодарностью и гордостью,— заключал Бауринг; — с благодарностью за ту действенную симпатию, которую пробудило ко мне мое положение, и гордостью,— вспоминая, что в самый мрачный момент я был далек от полной удрученности и что уныния не было в моих мыслях».

Естественно, что второй том «Российской антологии», созданный при самых неблагоприятных обстоятельствах, не ответил в полной мере на те задачи, которые ставил перед собою Бауринг. Вышедший в Лондоне в 1823 г., притом дважды, как утверждают некоторые исследователи [47], он очень походил на первый: он имел то же заглавие, что и первый: «Российская антология»: «Specimens of the Russian Poets, with the introductory remarks». Part the second. London, printed for G. and W. B. Whittaker. Ave Maria Lane, 1823 (XXI + 1 ненум.+ 271 с.). К фамилии автора на титульном листе прибавилось новое обозначение: «почетный член различных иностранных обществ». Изданный в том же формате, что и первый том, второй походил на первый и по своему содержанию. В нем помещено мало новых авторов, кроме тех, которые уже были представлены составителем ранее, и на всем подборе текстов лежит тот же архаический отпечаток. Ломоносов, например, представлен здесь «Подражанием Иову» (возможный источник — указанная выше учебная немецко-русская хрестоматия А. Таппе), далее идут «Утреннее размышление о божием величестве» и переработанный перевод «Вечернего размышления». Державин представлен новыми переводами стихотворения «Соседу» и двух отрывков. Очень пополнены переводы из сочинений И. И. Дмитриева: сюда включены «Ермак», «Освобожденная Москва», «Волге», «Наслаждение», «Ах, когда б я прежде знала...», «К Хлое» и, наконец, песня «Стонет сизый голубочек...». Отрывок из этой песни в русском тексте, транскрибированном латинскими литерами, приведен был уже в первом томе антологии, но с подписью «Державин» [48].

Увеличено было также число стихотворений Жуковского: во втором томе даны переводы его больших произведений: «Певец во стане русских воинов», «Светлана», «Теон и Эсхин», «Певец». Здесь обращает на себя внимание вольность, которую Бауринг допускал в своих переводах. Так, например, он заменил имя героини баллады «Светлана», показавшееся ему неблагозвучным, именем «Катерина» на том основании, что якобы «Светлану нелегко приспособить к нашему слуху» (собственно «к органам чувств»),— как писал Бауринг в примечании («Svaetlana does not easily accomodate itself to our organs of sense»)[49].

Такой прием приспособления непривычно звучащих для англичан русских имен действующих лиц более им знакомыми мог быть внушен Бауринту примером Жуковского, заменившего Светланой немецкую Ленору. Но этот прием был очень свойственен переводческой практике самого Бауринга. Сош-

лемся на сделанный им перевод единственного стихотворения Дениса Давыдова под заглавием «Мудрость». Эта очень ранняя «анакреонтическая ода», как гласит ее подзаголовок, написана в 1807 г. и начинается в оригинале следующими четверостишиями:

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По покалу осушали
И просили Мудрость вон.

«Детушки, поберегитесь!» —
Говорила Мудрость нам.
«Пить не должно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам» [50] и т. д.

Бауринг напечатал эту оду в обоих изданиях первой части своей антологии под заглавием «Wisdom»; но в обоих случаях второй стих первого четверостишия — «Лиза, я, да Купидон» — переданы у него так:

I, Silvia and Hector <!>

Таким образом, переводчик, не понял, что имя Купидон (латинское Cupido) не мужское имя, употребительное в России, но имя бога любви античной мифологии. Замена Лизы на Сильвию не разрушала стихотворения, но превращение крылатого мальчика, вооруженного луком и колчаном, полным стрел (традиционный образ римских легенд, которому у древних греков соответствовал сын Афродиты Эрот), в мужественного Гектора (!) лишало «анакреонтическую оду» юного русского поэта всякого смысла.

Во втором томе антологии новыми «образцами» пополнены переводы таких авторов, как Карамзин и Батюшков, бывших уже в первом томе. На этот раз Карамзин представлен рядом поэтических произведений разных жанров («Раиса», «Берег», «Песнь о добром царе», «К прекрасной», «К Соловью»); Батюшков — многими известными своими стихотворениями. К напечатанному в первом томе одному стихотворению Батюшкова («Мои пенаты») во втором прибавились: «На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина», «Песнь друга», «Любовь в челноке», «Переход через Рейн». Снова представлен также М. Н. Муравьев («Богине Невы», «Болеслав»). Одним стихотворением представлены: А. Ф. Воейков («Моей будущей невесте»), В. Капнист («На смерть Юлии»), даже В. П. Петров («На победу россиян над турецким флотом») и Н. Шатров («К Донскому воинству 1814 года»); последние два, типичные произведения «на случай», звучали уже в то время совсем архаически, отзываясь давним прошлым. Одним произведением представлен также М. В. Милонов. Но Баурингу, по-видимому, осталось неизвестно, что сделанный им перевод элегии Милонова «Падение листьев», в свою очередь, являлся переводом элегии французского поэта Мильвуа (Millevoye; 1782—1811) «La chute des feuilles», хорошо известной в России и по другим русским поэтическим переводам (Батюшкова, Баратынского, Туманского, Степанова, Григорьева) [51]. Стихотворения А. Мерзлякова напечатаны в этом томе с именем поэта дважды, в двух различных местах, хотя и не в одинаковой транскрипции (Merslakov и Merslaekov); это «Ода на разрушение Вавилона» («On the destruction of Babylon») — внешне — подражание рассказу из книги пророка Исайи (XIV, 5—26), но со слишком явными намеками на убийство Павла I, которые автору пришлось позднее, при переиздании оды, смягчить и затушевать, что осталось вовсе не понятым Баурингом, видевшим здесь лишь стихотворный пересказ библейского текста [52]; и «Дуэт» («Duette»), в первый раз напечатанный в «Вестнике Европы» (1806, № 15) под заглавием «Дуэт на голос известной малороссийской песни: «Ихав козак за Дунай» [53]. На самом деле произведения Мерзлякова, особенно в песенном жанре, представлены в обоих томах антологии гораздо шире, хотя и без имени их создателя, и именуются просто «русскими песнями».

Об этом отделе песен следует сказать особо, поскольку Бауринг обратил на него внимание и очень расширил его. В первом томе после «Песен» Ю. А. Нелединского-Мелецкого [54] шли следующие «народные песни»: «Среди

долины ровныя...»; «Разлука»; «Поле ты мое ...»; «У реки девка плакала...» Во втором томе за песней, сочиненной кн. Григорием Александровичем Хованским (1767—1796), «Я вечор в лугах гуляла...» [55] следует цикл «Народных песен» (National songs), состоящий из тринадцати песен, заимствованных из популярных песенников; авторы многих из этих псевдонародных песен в настоящее время нам также известны.

Уже первая «народная» песня, которой открывается их цикл в первом томе антологии — «Среди долины ровныя...»,— имеет автора. Это тот же А. Ф. Мерзляков, а песня написана в 1810 г.:

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб, развесистый,
Один у всех в глазах;
Один, один бедняжечка,
Как рекрут на часах!..[56] и т. д.

У Бауринга, как обычно, перевод сделан с амплификациями:

Upon the little turfy hill, the desert's charm and pride,
The tall oak in his majesty extends his branches wide:
His shadow covers half the waste, and there he stands alone,
Like a poor soldier on the watch, a sad abandoned one!..

Мерзлякову же принадлежит песня «Чернобровый, черноглазый...» (1803), перевод которой напечатан Бауринтом в подборке «народных песен» в втором томе антологии (№ 11) — «Hazel-eyebrow'd, hazel-eyed...». Эта песня Мерзлякова впервые увидела свет в «Журнале отечественной музыки на 1806 г.» с музыкой Д. Кашина; в основе песни действительно лежит народный текст. Она была очень популярной в первые десятилетия XIX в.; по свидетельству современника, «песня сия заслужила одобрение московской публики, когда неоднократно пета была г-жой Сандуновой» [57].

Известны также имена некоторых других авторов песен, включенных Бауринтом в указанный цикл. Песня «К Мэри» («To Mary»), стоящая в подборке под № 3, начинается следующими строками:

Noisy nightingale! be still.
Hear'st thou not the sweeter thrill
Of my Mary,
Of my fairy...., etc.

Оригиналом ее является «Песня моей Катеньке» (1795) М. Л. Магницкого:

Тише, громкий соловей!
Чу... там, в хижине моей
Раздается
И несется
Зе́фиром, сквозь сей лесок,
Моей Кати голосок! и т. д.

Песня эта встречается в песенниках начала века [58].

Наконец и последняя из напечатанных здесь песен (№ 13):

Ah! thou hurriest by the convent
My beloved one!
Ah! the convent where the wretched monk
Lives despairing, etc.

— имеет литературный источник. Это известная песня XVIII в., создание которой приписывается Ф. Г. Волкову (1729—1763), известному актеру и те-

атральному деятелю:

Ты проходишь, дорогая, мимо кельи,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен добрый молодец насильно.

Еще Н. Н. Трубицын указывал, что она переведена Баурингом из сборника Чулкова (ч. IV, 139) [59], но ее вариант с нотами имеется в известной книге Герстенберга и Дитмара «Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен для фортепиано» (СПб., 1797); она пелась также на мелодии других песен, что видно из сборника Трутовского (ч. IV, № 5, примечание) [60].

Я. К. Грот заметил, что помещенные Баурингом во II томе «Тринадцать народных песен» — «почти те же, что в немецком сборнике фон дер Борга⟨...⟩ К некоторым присовокуплены и русские названия, выписанные латинским шрифтом» [61]. Однако сам Бауринг во «Введении» ко II тому сообщает, что он не видел этой книги («Poetische Erzeugnisse der Russen»), появившейся в Дерпте в 1821—1823 гг., уже после того как он составил первый том своей антологии в 1819 г.; теперь же он познакомился с ней и «признается, что был поражен почти дословным сходством некоторых из переводов Борга со своими собственными» («I confess, I was surprised at the almost verbal resemblance of some of his translations to my own...»). Но в отборе произведений для II тома Бауринг уже мог воспользоваться опытом немецкого переводчика [62]; правда, переведенные поэтические образцы распределены у Борга и у Бауринга по различным принципам, и конструкции обеих антологий — английской и немецкой, вышедших одновременно,— не совпадают.

Второй том «Российской антологии» появился одновременно с «Anthologie Russe» Дюпре де Сен-Мора (Париж, 1823 г.). Это явилось поводом для сопоставления этих разноязычных антологий русской поэзии, в которых выбор для переводов ряда произведений русских поэтов естественно совпадал. Опыт сравнения французской и английской антологий был сделан в статье, озаглавленной «Русская литература» в журнале «Foreign Quarterly Review» 1827 г.[63] Авторами этой статьи (появившейся без подписи) являлись И. Смирнов (сын лондонского священника Я. Смирнова), в то время состоявший секретарем русского посольства в Лондоне, а также редактор-издатель журнала, в котором эта статья была помещена, Джон Кокрен (John G. Cochrane) [64]. Речь здесь шла в первую очередь о «Российской антологии» Бауринга, хотя она появилась уже за несколько лет перед тем; но в статье упомянуты были и другие разноязычные антологии, вышедшие в разных странах Европы за последнее пятилетие, главным образом с намерением определить с их помощью реальную ценность переводов, представленных Баурингом; с этой целью они сделали несколько сопоставлений. Эксперименту подвергся, например, перевод «Светланы» Жуковского. И. Смирнов сделал буквальный прозаический английский перевод баллады непосредственно с русского подлинника; Кокрен привлек для сравнения французский перевод «Светланы», выполненный Дюпре де Сен-Мором, и, в свою очередь, передал его по-английски. Затем все три перевода тщательно сличались построчно. Сравнение баллады Жуковского с ее французским и английским переводом позволило экспериментаторам прийти к некоторым общим выводам. По их мнению, английский перевод ближе находится к оригиналу в отношении своего стихотворного размера и в то же время показывает бóльшую поэтическую сжатость; что касается французского перевода, то он стоит не ниже английского по своей «буквальной верности» (literal fidelity) русскому тексту, но ему присущи амплификации, благодаря которым в передаче подлинника повествование становится яснее и отчетливее. Нельзя сказать, чтобы эти результаты сопоставления отличались полной четкостью и определенностью. Общее заключение было таково: «Мы полагаем, что в оригинале есть такие красоты, которые ускользнули от обоих переводчиков».

Возвратимся, однако, к вопросу, знал ли Бауринг русский язык. «Где и как он выучился по-русски, мы не знаем»,— замечал Я. К. Грот в свое время [65]. Говоря выше о первом томе антологии, мы уже приводили свидетельство Н. И. Греча, писавшего, что Бауринг «провел несколько месяцев в Петербурге» и «выучился в сие короткое время сколько можно было русскому языку» [66]. Напомним еще также приводившееся выше признание Бауринга в его автобиографии, что, выучившись русскому языку в Петербурге, он счел свои знания достаточными («sufficient»), чтобы выступить в качестве переводчика. Однако на самом деле его познания в русском языке были, несомненно, скудными, кратковременное пребывание его в России было недостаточным для поставленной им себе цели. Замечания о русском языке, помещенные Баурингом в первом томе его антологии, показывают, что с помощью своих русских друзей он пошел несколько дальше усвоения русской азбуки; но для самих переводов с русского он, по-видимому, не мог обойтись без прозаических подстрочников.

О том, насколько хорошо знал Бауринг русский язык, можно судить по приведенным выше примерам; к ним стоит прибавить ряд уже давно указанных. В антологии встречается не только множество досадных промахов и недосмотров, но и настоящие ошибки: так, например, заглавие повести Жуковского «Марьина роща» переведено «Марьина коза» («Mary's goat») [67]; с «Пловцом» Жуковского,— замечает А. Н. Веселовский,— переводчик не справился, потому что не мог знать биографической подкладки стихотворения. У Жуковского «пловца, испытавшего бурю», т. е. самого Жуковского, провидение заносит к райской обители (у Бауринга: «on Edensland»), где он видит трех ангелов; перед ними он в восхищении, хотел бы ими жить, для них дышать, пусть им радость, ему страдание, «но не дай их пережить!» Бауринга смутил первый стих 4-й строфы — «О спаситель-Провидение»; под спасителем он уразумел Христа; к нему, оказывается, обращены восторги и поклонение поэта в 4-й, 5-й строфах, переделанных до неузнаваемости [68].

Ряд неточностей второго тома отметил А. А. Бестужев-Марлинский в своей остроумной рецензии (заинтересовавшей и Пушкина), хотя он видел не самую книгу, но лишь изложение ее в первой январской книжке журнала «Eclectic Review» за 1824 г. «Песня Батюшкова «Прости» передана очень мило,— писал Бестужев в своей статье,— но иногда далеко от подлинника 〈...〉 Я в качестве кавалериста сержусь только на Бауринга, зачем он сделал удалого гусара плаксою, у которого потоки слез стремятся из потусклых очей...

Bent o'er the sabre, torrents starting
From his dim eyes, the bold hussar etc...

Это,— острил Бестужев,— не по-русски и не по-гусарски. Клятва его не усами, а бородою («for, by my troth and beard I swear thee») тоже походит более на клятву козака, чем на выражение влюбленного ротмистра. Стихи:

Любви непостижима сила
Мне будет твердый щит в войне...

— переведены:

That love shall bloom,— a deathless blossom
My shield in fight, etc...,

т. е. «любовь моя будет цвести, и ее неувядаемый цветок — мой щит в битве». Хотя некоторые молодые герои охотнее нюхают L'Huile d'Héliotrope, чем пороховой дым,— язвительно прибавляет Бестужев,— но все-таки я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из них решился выехать в дело вооруженный фиалкою. Предпоследний куплет переделан вовсе и вопреки автору 〈...〉 Переводчик иногда прибавляет от себя кое-что (например, при переводе И. И. Дмитриева «Освобожденная Москва»)» [69].

Впоследствии очень прохладный отзыв о Бауринге как о переводчике русских поэтов дал его младший современник и соотечественник Томас Б. Шоу. Приехавший в Россию из Кембриджа в начале 40-х годов, постоянно здесь живший и хорошо изучивший русский язык Т. Шоу преподавал английский в Царскосельском лицее и много переводил с русского, в том числе стихами. Говоря о «Российской антологии», Т. Шоу упрекнул Бауринга, как своего предшественника, именно в недостаточном знании русского языка, считая, в частности, что стихотворения, о которых идет речь, «по своему стилю, темам и по своей поэтической манере представляют самые незначительные трудности» [70]. Поводом для этого отзыва явился малоудачный перевод небольшого и действительно очень простого по языку и структуре стихотворения И. И. Дмитриева «К Хлое» (в антологии Бауринга оно озаглавлено «Madrigal»).

Как видим, познания Бауринга в русском языке были далеки от совершенства. Этот вывод не только напрашивается сам собой, но подтверждается также анализом некоторых данных о его последующей переводческой деятельности. Дело в том, что Бауринг был чрезвычайно плодовит как писатель и переводчик. Он заслужил себе славу полиглота, знатока иностранных литератур, а также весьма искусного переводчика-стихотворца. «Российская антология» открыла собой целую серию его аналогичных литературных предприятий.

Активность его на литературном поприще поистине удивительна. Одновременно со вторым томом «Российской антологии» появилась книга его стихов «Утра и вечера» («Matins and Vespers»); в 1824 г. он сделался редактором-издателем журнала «Вестминстерское обозрение» — органа бентамистов-рикардианцев, в котором сотрудничали Джемс Милль и другие члены «Общества утилитаристов». Для нас, кстати сказать, то обстоятельство небезразлично в связи с тем, что этот журнал одним из первых в Англии со времени своего возникновения уделял внимание новинкам русской литературы [71].

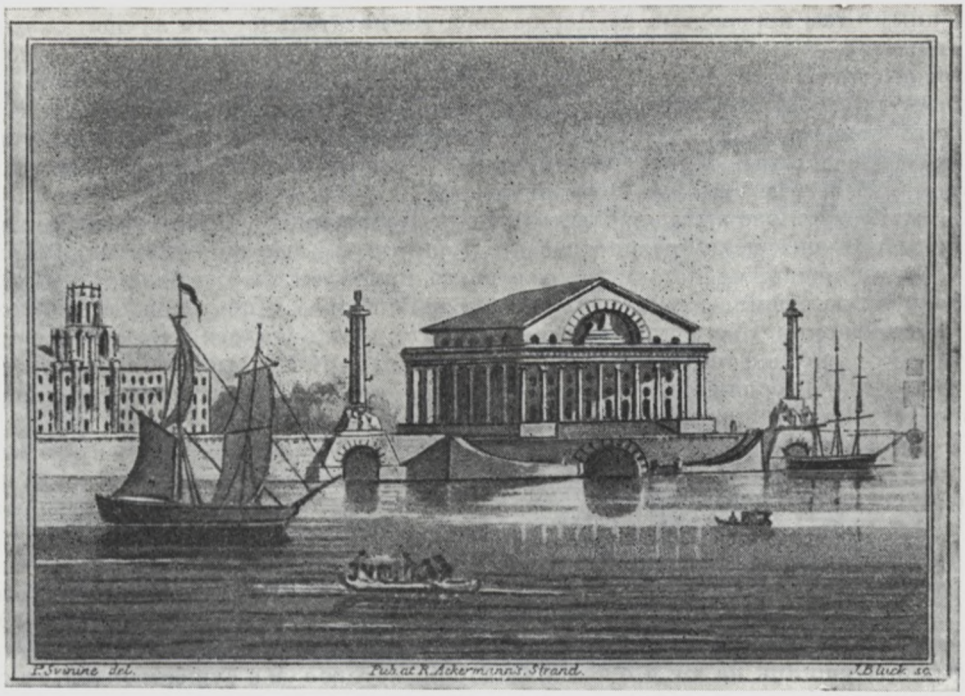
Близко стоя к этому журналу вплоть до 1836 г. (когда тот перешел в руки Молесуорта и слился с его изданием «Лондонское обозрение»), Бауринг находил время также для обширнейшей поэтической, по преимуществу переводческой, деятельности. В 1826 г. вышли в свет его «Гимны» («Hymns») — сборник стихотворений на религиозные темы, а затем через короткие промежутки он выпускал книгу за книгой своих переводов с самых разнообразных языков. После «Батавской антологии» («Batavian Anthology», 1824) в 1827 г. вышли его «Образцы польской поэзии» («Specimens of the Polish poets») и сборник сербской народной поэзии («Serbian Popular Poetry»); в 1829 г.— «Очерк голландского языка и литературы»; в 1830 г.— «Венгерская поэзия» («Poetry of the Magyars»); в 1832 г.— «Чешская антология» («Cheskian Anthology»); в 1843 г. она была дополнена книгой по древнечешской литературе («Manuscripts of the Queen's court: a collection of old Bohemian lyrico-epic songs, with other ancient Bohemian poems») и т. д. Еще в 1861 г. отдельным изданием появилась его «Ode to the Deity, translated from the Russian», т. е. знаменитая державинская ода «Бог» [72].

Этот далеко не полный перечень выпущенных Баурингом изданий производит внушительное впечатление и своим количеством и своей пестротой. Однако вполне ли заслужена была Баурингом слава талантливейшего полиглота, соблазнившая некоторых из его критиков видеть в нем английское подобие знаменитого кардинала Меццофанти? Действительно ли он хорошо знал почти все славянские языки? Легенда об этом всезнании, восходящая, как мы видим, к очень раннему времени (в России ее пустил еще Н. И. Греч), оказалась очень устойчивой. Даже в начале XX в. эту мысль повторяли популярные и авторитетные английские справочники; в «Британской энциклопедии», например, в краткой биографической справке о Бауринге писали, что он «как лингвист стоит в одном ряду с Меццофанти и фон-Габеленцом — среди величайших в мире» [73]. О чрезвычайной способности Бауринга к языкам в «Отечественных записках» 1857 г. писали, пересказывая, по-видимо-

му, какой-нибудь западноевропейский источник: «Его стихотворения состоят преимущественно из подражаний всем европейским литературам, потому что он величайший лингвист. Он знает языки русский, все славянские и германские, польский <!>, венгерский, датский, шведский, эстонский, голландский, а также и южные: итальянский, испанский и португальский, а что касается французского, то совершеннейшее знание этого языка показывает речь, которую он произнес в собрании, бывшем по поводу вопроса о свободной торговле в Брюсселе в 1847 г. Нет сомнения, что с такими огромными способностями к языкам Джон Бауринг очень легко выучился бы и по-китайски» [74]. Правда, значительно ранее и некоторые русские читатели высказывали осторожные сомнения по этому поводу. Так, И. В. Киреевский в статье 1834 г., говоря о переводчиках с русского языка и называя Бауринга среди трех наиболее способных и удачливых переводчиков того времени, замечал, что он «был оценен и даже переоценен иностранными и русскими критиками» [75]. Ряд специальных исследований, предпринятых главным образом славянскими учеными по поводу его разнообразнейших антологий, привели в конце концов к невыгодным для Бауринга результатам. Подозрительной казалась прежде всего та поспешность, с которой он переходил от одного языка к другому, ставя себе при этом почти непосильные задачи: не только дать лучшие образцы данной литературы в своих стихотворных переводах, но даже в ряде случаев написать литературную историю какой-либо отдельной страны. Это, естественно, приводило Бауринга к многочисленным погрешностям и ошибкам, характер которых заставил взять под сомнение действительное знание им тех многочисленных языков, с которых он делал свои стихотворные переводы.

Войслав Йованович, например, специально исследовавший сербскую антологию Бауринга, пришел к неожиданному выводу, что Бауринг не знал как следует ни сербского, ни русского языков. Ведь уже «изучив» языки русский, сербский и польский и приступив к венгерскому, Бауринг мог, нисколько не смущаясь, поместить и этот язык в число славянских. Еще более характерно, что уже через несколько лет после выпуска в свет обширной «Российской антологии» Бауринг не смог прочесть адресованного ему письма Вука Караджича, которое было написано по-русски, и это письмо потребовалось предварительно перевести для него на английский [76]. Не менее сомнительны знания Бауринга в области других славянских языков (кроме русского), в первую очередь того же сербского. Характерно, что, узнав о большом успехе в континентальной Европе сербских песен, переведенных на немецкий язык Терезой Якоб (Talvj), позднее ставшей одной из первых деятельниц американской славистики, Бауринг тотчас же поместил в своем журнале («Westminster Review», 1826, July) большую статью о поэзии сербов; девять месяцев спустя он выпустил в свет и свою сербскую антологию, испещренную ссылками на Вука Караджича; здесь он, однако, умалчивает о своем главном источнике, каким оказалась именно указанная книга Терезы Якоб («Volkslieder der Serben»). Сличение этих книг — немецкой и английской антологии Бауринга — не оставляет никаких сомнений в том, что перевод его сделан не с сербского, но именно с немецкого текста [77]. Равным образом достаточное знакомство Бауринга с языками чешским [78] и венгерским (хотя он еще в 1866 г. издал свои «Translations from Petöfi») может быть подвергнуто очень сильным сомнениям [79].

К аналогичным выводам, сильно ограничивающим научно-литературное значение переводческой деятельности Бауринга, приходит и автор американского исследования о Бауринге и поэзии славян [80]. Более ранние исследователи, например, тот же Йованович, полагали даже, что спасение Бауринга от упреков прижизненной критики заключалось в недостаточном знакомстве современной ему Европы, и прежде всего Англии, с большинством из тех языков, с которых Бауринг делал свои переводы, так как ошибки его некому было поправить. Разумеется, это справедливо только отчасти; несомненным же является то, что Бауринг ввел в литературный оборот такие



НОВАЯ БИРЖА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ ИЗ «ОЧЕРКОВ РОССИИ»
Литография по рисунку П. П. Свиньина

поэтические тексты и такие имена писателей, которые были еще мало известны; он привлек внимание к славянской поэзии, а из всех его славянских антологий наиболее долголетней оказалась «Российская», открывшая всю их длинную серию и всегда пользовавшаяся неоспоримым успехом.

По словам самого Бауринга, второй том его антологии был составлен во французской тюрьме, когда он лишен был возможности пополнить книжным путем свои прежние сведения о русской литературе. Этим он и объясняет тот факт, что в выборе русских авторов второй том мало отличается от первого. Однако мы с большим правом можем предположить и другое — что в этом повинно было отсутствие живого общения с петербургскими друзьями и той действительной помощи, которую они могли ему оказать. Его литературный кругозор по отношению к явлениям текущей русской литературы остался на том же уровне, на котором он находился в тот момент, когда Бауринг покидал Петербург. Для второго тома Бауринг не воспользовался ни одним русским текстом, опубликованным после 1820 г., его познания ограничились в основном «карамзинским» периодом русской литературы и ранней порой «Арзамаса» с некоторыми попытками установить соответствующую историческую перспективу в XVIII век.

Ретроспективные тенденции Бауринга, несомненно, направляла осторожная и очень искусная рука, обеспечившая в этом отношении специальный и продуманный выбор. Так, например, здесь есть Ломоносов и нет Сумарокова, есть Державин, но отсутствует Херасков, зато обильно представлены неплохо подобранными образцами Карамзин, Батюшков, Жуковский; встречаются также Мерзляков, И. М. Долгоруков, М. Н. Муравьев; несколькими ранними стихотворениями представлен П. А. Вяземский, одним — Денис Давыдов.

Бросается в глаза отсутствие в обоих томах переводов молодого Пушкина и вообще каких-либо упоминаний о нем. Этому обстоятельству удивлялся еще Я. К. Грот, заинтересовавшийся антологией Бауринга в связи с поме-

щенными там переводами из Державина. «Замечательно, или лучше сказать непонятно,— писал он,— что в этом сборнике или, по крайней мере, во второй его части нет ни одного произведения Пушкина, хотя в это время уже напечатаны были «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник», и что Бауринг, как видно из его введения, знал немецкий сборник фон дер Борга, переведшего отрывки из первой поэмы» [81]. Чем могло быть вызвано это умолчание, Я. К. Грот не пытался разгадать.

На этот вопрос пытался ответить Б. В. Казанский [82]. По его мнению, хотя Бауринг и «не дает образцов поэзии Пушкина и даже не упоминает о нем», но он, «конечно, не мог не знать о поэте, приобретшем уже большую известность в это время, и умалчивает о нем намеренно». В подтверждение такого предположения Казанский ссылается на то, что антология Бауринга (собственно, ее второй том) была посвящена Александру I, и высказывает догадку, что в книгу, посвященную русскому императору, Бауринг просто побоялся включить стихи опального поэта.

Едва ли, однако, такое заключение правильно. Антология преследовала вполне определенные политические цели — познакомить англичан с современной русской культурой и бытом, государственными и общественными отношениями той страны, которая играла такую крупную роль в международной политической жизни, поскольку все это нашло свое отражение в русской поэзии; тем более, что, как мы уже видели, этими отношениями и бытом Бауринг интересовался отнюдь не менее, чем русской поэзией. Однако отсюда еще далеко до признания, что Бауринг знал обстоятельства ссылки Пушкина на юг и о том недоверии, которое уже существовало по отношению к поэту в русских правительственных кругах после его вольнолюбивых стихов.

Сам Бауринг говорит в предисловии к своей книге, что она может представить интерес и для философа и для государственного деятеля, так как они смогут найти здесь материалы для суждений о русском народе и о русском государстве, об их склонностях и об их будущем. Почему Бауринг заинтересовался не только Ломоносовым и Державиным, но и Жуковским и Вяземским, а о Пушкине решил умолчать? Ведь нашел же он возможным в книге, посвященной Александру I, откровенно сказать, что при неограниченной монархической власти «высокие чувства негодования против угнетения» как бы естественно подавляются, не получая своего отражения в поэзии. Следовательно, вовсе не опасения включить Пушкина в представленный в его антологии «благонамеренный» круг русских поэтов руководили Баурингом в этом случае, а какие-то другие причины. Вернее всего, что Бауринг еще ничего не знал о Пушкине, так как не получил о нем необходимых данных от того круга лиц, услугами которых он пользовался, приготовляя материалы для своей антологии еще в 1819 г. Первое краткое упоминание о Пушкине в английской печати относится — по французскому источнику — к 1825 г.; во французских журналах таких упоминаний было несколько больше, а к началу 1820-х годов относится уже и несколько переводов на французский язык стихотворений Пушкина и отрывков из его поэм, но Бауринг мог их не знать.

Косвенное подтверждение нашему предположению мы находим в одном позднем русском свидетельстве о Бауринге, заслуживающем нашего внимания. Начиная с 1830-х годов Бауринг выполнял ряд поручений английского правительства по изучению финансов в различных странах Европы, состоял одно время секретарем комиссии государственного контроля, затем был избран в парламент и вообще проявлял кипучую общественную деятельность. В 1847 г. Бауринг был назначен полномочным представителем Великобритании в Кантоне, а в 1854 г.— губернатором в Гонконге. Характерно, что и в эти годы Бауринг не забыл о русских впечатлениях своей молодости. Об этом рассказывает один из русских кругосветных путешественников — А. Вышеславцев, описавший свою встречу с Баурингом в 1859 г. в Гонконге в книге «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания...»

НОВЫЙ КАЗАНСКИЙ СОБОР В С.-ПЕТЕРБУРГЕ ИЗ «ОЧЕРКОВ РОССИИ»
Литография по рисунку П. П. Свиньина

«В молодости своей,— пишет Вышеславцев о Бауринге,— он был в Петербурге, занимался русским языком и перевел отрывки из наших поэтов на английский язык, за что получил от имп. Александра I перстень». В качестве гонконгского губернатора Бауринг в честь прибытия русского корабля устроил торжественный обед, на который приглашены были русские моряки. Присутствовавший на обеде Вышеславцев занес впечатления об этом в свой путевой дневник: «Хозяин заговорил о России. Воспоминания его перенесли меня ко временам Арзамасского общества. Он рассказывал о друге своем Карамзине и говорил с восторгом о Державине. О новой русской литературе, начиная с Пушкина, он не имел понятия». И, может быть, вспоминая известную новеллу Вашингтона Ирвинга «Рип ван Винкль» и уподобляя ее героя Бауringу, Вышеславцев заключал об авторе «Российской антологии»: «Для нас это был человек минувшего, пришедший после сорокалетнего сна рассказывать о том, что он еще видел, засыпая, хотя он на эти сорок лет засыпал только для русской литературы» [83].

При всех своих несовершенствах и ошибках антология Бауринга была все же одной из первых книг этого рода, обративших внимание Западной Европы на русскую поэзию первой четверти XIX в.; она опередила, например, французскую антологию Дюпре де Сен-Мора («Anthologie Russe», 1823) и другие подобные издания.

Появление антологии Бауринга вызвало сочувственные отклики не только в западноевропейской печати, но и в русских журналах. «Заметим,— писал в уже цитированной выше статье А. А. Бестужев,— что Бауринг должен был бороться с предрассудками своей нации и трудностями русского языка, и потом признаемся, что, несмотря на некоторые недостатки, он заслуживает нашу благодарность. Его антология несравненно лучше антологии Сен-Мора и многих, многих переводов наших с чужих языков, которые только потому слывут оригинальными, что не походят на свой оригинал...»

4. Антологии Бауринга и их читатели.— Журнальная деятельность Бауринга

Приведенный выше обширный перечень литературных трудов Бауринга, свидетельствующий о его непрерывной и активной переводческой деятельности, интересен для нас, в частности, и потому, что его книги и журнальные статьи, появлявшиеся после «Российской антологии», продолжали привлекать к себе внимание в России. В это время зарождалась русская славистика, интерес к польской, сербской, чешской литературам возникал у русских литераторов и ученых; поэтому новые стихотворные славянские хрестоматии Бауринга отмечались по мере их выхода из печати также и в русских журналах [84], да и сам Бауринг еще в конце 20-х годов не упускал случая посылать некоторые из своих изданий в русские библиотеки.

В письмах Бауринга к чешскому литератору Ф. Л. Челаковскому не один раз по многим поводам упоминаются русские книги, русские ученые и писатели. Так, в письме от 19 апреля Бауринг пишет Челаковскому, что он собирается прислать «свою Богемскую антологию Шишкову» (имя это написано Баурингом по-русски) и что «уже ранее он отправил ему оттиск своей статьи о чешской литературе из журнала «The Foreign Quarterly Review» [85]. Речь здесь, конечно, об Александре Семеновиче Шишкове (1754—1841), писателе и государственном деятеле, состоявшем в то время президентом Российской академии (с 1813 по 1841 г.), имя которого тесно связано с развитием русского научного славяноведения [86].

Нет сомнения, что Бауринг выполнил свое намерение, высказанное им в письме к Челаковскому, и послал Шишкову в Петербург те книги, которые ему предназначал. Об этом мы знаем из ответного письма Шишкова, найденного в бумагах Бауринга, хранившихся у его наследников в Англии.

Оригинал этого письма — на французском языке, но написано оно писарским почерком и с рядом ошибок (например: receivoir — вм. recevoir phylosophie — вм. philosophie и т. д.); только подпись — автограф Шишкова. Приводим это письмо в русском переводе [87].

Шишков — Баурингу

Милостивый государь,

Я имел честь получить вашу статью (ouvrage), озаглавленную «О рунах в Финляндии», а также ваши замечания о книге д-ра философии Юнгмана «История чешской литературы». Примите, м. г., выражение признательности моей, а также императорской Российской академии за присылку этих новых изданий, которыми, как и предшествующими, вы сумели столь счастливо сообщить вашим соотечественникам и вообще всему ученому миру произведения иностранных литератур, еще слишком мало известные. Российской академии было бы приятно иметь по экземпляру следующих ваших книг: 1^0 Specimens of the Russian Poets, 2 тома in 12^0, 2-е издание; 2^0. Serbian Popular Poetry in 12^0 u 3^0. Polish Anthology 12^0.

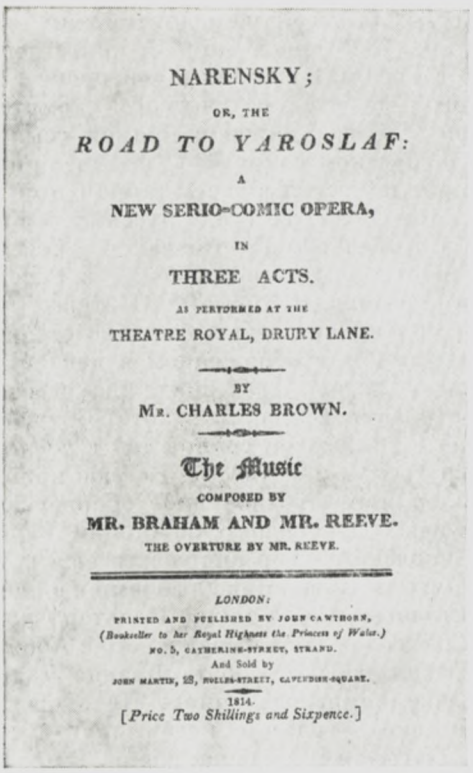
Прошу Вас адресовать эти книги на мое имя и одновременно сообщить мне, где я должен их получить и кому именно я обязан уплатить следуемую мне за такую посылку сумму. Имею честь пребывать с совершенным почтением и уважением.

Ваш покорный слуга Александр Ш и ш к о в

С.-Петербург, 16 октября 1828 г.

Г-ну Бауringу
в Лондоне.

Мы уже приводили выше отклики французской печати на «Российскую антологию» Бауринга. Популярностью пользовалась она также в немецкой литературе. Гете, по его собственному свидетельству, именно с помощью этой книги начал свое ознакомление с русской поэзией. В библиотеке его



NARENSKY;

OR, THE

ROAD TO YAROSLAF:

A

NEW SERIO-COMIC OPERA,

IN

THREE ACTS.

AS PERFORMED AT THE

THEATRE ROYAL, DRURY LANE.

BY

MR. CHARLES BROWN.

The Music

COMPOSED BY

MR. BRAHAM AND MR. REEVE.

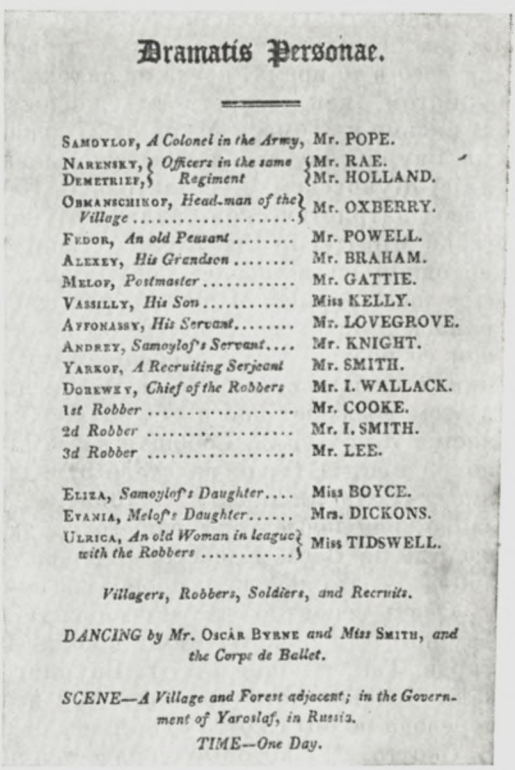
THE OVERTURE BY MR. REEVE.

LONDON:

PRINTED AND PUBLISHED BY JOHN CAWTHORN,
(*Bookseller to her Royal Highness the Princess of Wales.*)
NO. 5, CATHERINE-STREET, STRAND.
And Sold by
JOHN MARTIN, 28, HOLLES-STREET, CAVENDISH-SQUARE.

1814.

[*Price Two Shillings and Sixpence.*]



Dramatis Personae.

SAMOYLOF, *A Colonel in the Army*,	Mr. POPE.
NARENSKY, } *Officers in the same* DEMETRIEF, } *Regiment*	Mr. RAE. Mr. HOLLAND.
OBMANSCHIKOF, *Head-man of the Village*	Mr. OXBERRY.
FEDOR, *An old Peasant*	Mr. POWELL.
ALEXEY, *His Grandson*	Mr. BRAHAM.
MELOF, *Postmaster*	Mr. GATTIE.
VASSILLY, *His Son*	Miss KELLY.
AFFONASSY, *His Servant*.....	Mr. LOVEGROVE.
ANDREY, *Samoylof's Servant*....	Mr. KNIGHT.
YARKOF, *A Recruiting Serjeant*	Mr. SMITH.
DOREWEY, *Chief of the Robbers*	Mr. I. WALLACK.
1st *Robber*	Mr. COOKE.
2d *Robber*	Mr. I. SMITH.
3d *Robber*	Mr. LEE.
ELIZA, *Samoylof's Daughter*....	Miss BOYCE.
EVANIA, *Melof's Daughter*.....	Mrs. DICKONS.
ULRICA, *An old Woman in league with the Robbers*	Miss TIDSWELL.

Villagers, Robbers, Soldiers, and Recruits.

DANCING by Mr. OSCAR BYRNE *and* Miss SMITH, *and the Corps de Ballet.*

SCENE—A Village and Forest adjacent; in the Government of Yaroslaf, in Russia.

TIME—One Day.

«НАРЕНСКИЙ». КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА ЧАРЛЗА БРАУНА
Лондон, 1814
Титульный лист и перечень действующих лиц
Публичная библиотека, Ленинград

веймарского дома сохранился экземпляр первой части книги (во втором издании 1821 г.) с почтительной дарственной надписью переводчика [88]. В «Kunst und Altertum» Гете пишет: «Г. Бауринг в 1821 г. подарил нас русской антологией, откуда нам ближе стали известны некоторые далекие восточные таланты, от которых нас отделяет их менее распространенный язык» [89]. В письме, посланном Гете к его московскому корреспонденту Н. Борхардту (от 1 мая 1828 г.), он снова писал: «Мы, люди Запада, многими посредствами, особенно же через г. Бауринга, уже знакомы с достоинствами ваших стихотворцев ⟨...⟩ судя по ним и по многим другим благородным признакам, мы можем предполагать высокое эстетическое образование в обширной области вашего языка» [90].

Примеру Гете следовали и другие немецкие читатели и переводчики, хотя русская поэзия в это время была известна в немецких землях гораздо лучше, чем в Англии; весьма благоприятную рецензию на «Антологию» Бауринга поместил, например, Х. Нимейер в журнале «Zeitung für die elegante Welt» [91]; популярными в Германии были и другие антологии Бауринга.

Одним из читателей «Российской антологии» был Ф. Энгельс, заинтересовавшийся ею в начале 1850-х годов, когда он жил в Англии и начал изучать русский язык. Знакомясь с книгой Бауринга, Энгельс обратился первоначально не к переводам поэтических текстов русских писателей, а к историко-литературным и библиографическим сведениям о них, приведенным частью во введении, частью в заключении к антологии. В тетрадях с заголовком «Slavica und Philologica» Энгельс прежде всего сделал выписки об естественно-научных трудах Ломоносова, а затем занес туда краткие биографические данные о других русских писателях XVIII в. [92]

Книга Бауринга, несомненно, известна была многим английским писателям. Неудивительно, что ее второй том (1823) знал Байрон; книга дошла до него в то время, когда он находился в Греции и состоял в переписке с Баурингом, как секретарем лондонского филэллинистического комитета. В письме к Томасу Муру от 27 декабря 1823 г. Байрон с прямой ссылкой на Баурингову антологию вспоминает о «русском соловье» (Russian nightingale) Жуковском. Действительно, Бауринг поместил в своем втором томе перевод патриотической баллады Жуковского «Певец во стане русских воинов» («The Minstrel in the Russian Camp»), а в предисловии отозвался о ней как об одном из «наиболее популярных стихотворных произведений в России» (the most popular of modern poetical productions in Russia) [93]. Интерес Байрона к этой русской «балладе» понятен: он вызван был в большей степени, чем ее поэтическими особенностями, сходством изображенной в ней ситуации с собственным своим положением в лагере греческих инсургентов; в этом убеждает нас и общий характер письма Байрона, в котором упоминается Жуковский. Сообщая здесь Муру о том, что он собирается в военный поход против турок во главе отряда из греков и сулиотов, Байрон прибавляет: «Если лихорадка, истощение, голод или что-либо иное оборвет внезапно немолодые годы вашего собрата-певца, пошедшего по стопам Гарсиласо де ла Вега, Клейста, Вернера, Жуковского, Терсандра или еще кого-нибудь,— это неважно, прошу вас помянуть меня вашими улыбками и вином».

Очень вероятно, что «Российскую антологию» знал также Вальтер Скотт: Бауринг был знаком с ним и в конце 1820-х годов даже бывал у него в Абботсфорде. Так, в конце 1827 г. Бауринг просил чешского поэта Франца Ладислава Челаковского прислать ему два экземпляра сделанного Челаковским перевода поэмы Скотта «The Lady of the Lake» — один для себя, другой «для В. Скотта» [94], с которым он надеется повидаться в ближайшее время. В письме к Челаковскому от 19 апреля 1828 г. Бауринг сообщил, что он был у Вальтера Скотта в Абботсфорде, имел с ним длинную беседу, и что она, в частности, касалась именно этого перевода. Говоря с Баурингом об его чешской и сербской антологиях, Скотт мог в разговоре с ним коснуться и более ранней «Российской антологии» и помещенных там переводов, тем более, что как раз в эти годы Скотт от навещавших его русских путешественников не раз, вероятно, слышал имена некоторых из тех русских писателей, которых переводил Бауринг,— в первую очередь, конечно, Жуковского.

Несмотря на свои промахи и недостатки, «Российская антология» в англоязычных странах читалась долгое время, вплоть до начала XX в. Полную силу своего воздействия она сохраняла еще в 60-е годы; много цитат из нее с замечаниями о переводах Бауринга мы находим в обзорной книге Ф. Греэма об успехах развития русской науки, искусств и литературы в России, в описании путешествия по России К. Пьяцци-Смита [95]; несколько переводов из антологии Бауринга заимствовал американский поэт Г. Ф. Лонгфелло для своей многотомной хрестоматии «Стихотворения о местностях» (Poems of Places. Boston, 1877, vol. 20), двадцатый том которой посвящен России: в этот том попала, между прочим, весьма заурядная «Песнь Донскому воинству в 1814 году» Шатрова из II тома «Российской антологии» («To the Army of the Don»), по-видимому, только за то, что в ее заглавии оказался южнорусский географический термин. Многие переведенные Баурингом русские стихотворения попали в русскую антологию Лео Винера; укажем, наконец, что перевод стихотворения Державина «Властителям и судиям» («The Lord and the Judge»), в первом издании I тома «Российской антологии» Бауринга приписанного Ломоносову, перепечатан был К. М. Баура (C. M. Bowra) в его «Второй книге русских стихотворений», вышедшей в Лондоне в 1948 г.[96].

Как мы уже указывали, выход в свет «Российской антологии» был отмечен рядом английских журналов. Некоторые зарубежные отклики на книгу появлялись и в русских переводах. Помимо обширной и цитированной А. А. Бестужевым статьи в «Eclectic Review» (1824), замечен был у нас также отзыв «Edinburgh Review», правда, поместившего рецензию на книгу

Бауринга со значительным опозданием (в 1831 г.). Этот отзыв включен здесь в статью о различных переводных книгах, вышедших в Англии за несколько лет. Говоря о «Российской антологии», автор его прежде всего высказывает удивление по поводу той живой, разнообразной и привлекательной картины русской литературы, которую раскрыла книга Бауринга перед английскими читателями. О существовании такой литературы его соотечественники не подозревали. Русская литература вызвала глубокое удивление. Она выросла, по мнению автора, «почти с внезапностью метеора», обладает «легкостью, грациозностью»; «нравственная, дидактическая, нежная, или сатирическая более, нежели описательная, боевая, или мистическая; короче говоря, настолько мало гиперборейская, что если бы не кое-какие отдельные национальные черты, придающие ей несколько отличительный своеобразный характер, нам трудно было бы поверить, что нечто столь изящное и отшлифованное могло быть доставлено от диких берегов Дона или Волги» [97].

Таким образом, первое, что показалось особенно неожиданным в русской поэзии для английских читателей,— это ее европейский облик, близость ее форм и содержания к европейской поэзии новейшего времени. Сам Бауринг в своем введении к книге назвал русский язык великолепным, звучным и гибким и утверждал, что «по форме» русская поэзия стоит на высоте европейской. Рецензент парижского «Revue Encyclopédique» К. Кокрель отметил, в частности, близость русской музы именно к британской [98].

Включая в свою антологию ряд переводных русских стихотворений, Бауринг, вероятно, не догадывался, что он сделал лишь перевод с переводов. Впрочем, о «Светлане» Жуковского в передаче Бауринга рецензент «Эдинбургского обозрения» отзывался, что эта баллада, столь же «дикая», как и бюргеровская «Ленора», но «национальная во всех своих картинах и ассоциациях, вряд ли что теряет при сравнениях со своим германским образцом» [99].

5. Русская литература в журнале «Вестминстерское обозрение», основанном Бентамом.— Первые известия о Пушкине в английских журналах.— Последние годы жизни Бауринга на Дальнем Востоке и возвращение его на родину.— Гибель литературного архива Бауринга.— Рукописный альбом Бауринга в Государственном Историческом музее в Москве

В то время, когда английские журналы занимались вопросом, может ли русская поэзия представлять действительный интерес для западных читателей, русская литература быстро развивалась и росла. С точки зрения русских читателей, Баурингова антология уже и для своего времени была архаичной. Вспомним, что в ней еще не было ни одного упоминания о Пушкине и что «Эдинбургское обозрение» в своем отзыве могло с похвалой назвать лишь три имени русских поэтов: Ломоносова, Державина, Жуковского.

Несмотря на это, антология надолго сделалась одним из важнейших пособий для ознакомления английских любителей литературы с русской поэзией. Помещенные в ней переводы цитировались в историко-литературных трудах и перепечатывались за отсутствием других (по крайней мере, по отношению к столь раннему периоду русской поэзии и благодаря обилию представленных в ней второстепенных имен) в антологиях всемирной поэзии Англии и Америки. За Баурингом, таким образом, долго сохранялась не вполне им заслуженная репутация авторитетного знатока русской литературы.

Только после появления антологии в печати стало возможным более или менее регулярное помещение в английской прессе заметок о текущей литературной жизни; в различных журналах чаще, чем раньше, стали попадаться рецензии на русские книги, новые переводы из русских поэтов, литературные характеристики русских поэтов и прозаиков.

В 1824 г. Джереми Бентам с Дж. Миллем основали новый журнал — «Вестминстерское обозрение» («Westminster Review») — орган радикального

кружка, группировавшегося вокруг этих деятелей; Бауринту было поручено ведать литературным отделом этого журнала, так как его основателям были известны широкие связи автора «Российской антологии» с литераторами континентальной Европы и от него можно было ожидать его собственных статей, освещающих ход европейской общественной и литературной мысли. Действительно, уже в первом (январском) номере нового журнала за 1824 г. появилась большая статья под характерным заглавием «Политика и литература в России»; хотя она и напечатана без подписи, но написана Бауринтом [100].

Поводом для ее написания послужили две литературные новинки — французская и русская; это были публицистическая брошюра французского историка и экономиста Прадта (Dominique Dufour de Pradt; 1759—1837) «Параллель между могуществом Англии и России по отношению к Европе» («Parallèle de la puissance Anglaise et Russe relativement à l'Europe». Paris, 1823), широко обсуждавшаяся также в России [101], и очерк современной русской литературы А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», напечатанный в альманахе «Полярная звезда» за 1823 г. Из последней статьи Бауринг сделал обширные извлечения, английское ее изложение было замечено и у нас. 28 апреля 1825 г. А. И. Тургенев выписал относящееся к П. А. Вяземскому место из этой статьи и сообщил в письме к своему другу: «Waezemsky has the force of proverbs in most of his compositions. He has had the boldness to create, and the success to introduce many new words, and new forms of language» («The Westminster Review», 1824, N 1, p. 98). Тургенев прибавлял в том же письме: «Вот что о тебе благодаря «Полярной звезде» прошедшего года пишут в Англии» [102].

Однако Бауринг, как обычно, пользовался не *русским* текстом статьи А. А. Бестужева, а ее *немецким* переводом, появившимся в журнале Ольдекопа, выходившем в Петербурге («St.-Petersburgische Zeitschrift»), под заглавием: «Blick auf die alte und neue Literatur in Russland von A. Bestujeff, nebst einem Nachtrage des Herausgebers». А. Колмен замечает по этому поводу, что Бауринг «читал эту немецкую статью наспех и сдал собственную статью в типографию, не сверив сделанный им самим английский перевод ⟨статьи Бестужева⟩, изобиловавший погрешностями и ошибками» [103]. Одна из них была отмечена критиком «Frazer's Magazine» пятнадцать лет спустя и сделалась знаменитой. В очерке Бестужева был упомянут второстепенный русский писатель П. Сумароков, о котором говорится: «Панкратий Сумароков отличен развязною шутливостью в стихах своих, не всегда гладких, но всегда замысловатых. *Слепой Эрот* доказывает, что сибирские морозы не охладили забавного его воображения» [104]. В немецких переводах это место читается так: «Der *Blinde Eros* beweist dass Siberien's Winterfröste seine ⟨Sumarokov's⟩ scherzhafte Phantasie nicht erkalteten» [105]. Речь, таким образом, шла о поэме Панкратия Платоновича Сумарокова, поэта, жившего в сибирской ссылке: «Амур, лишенный зрения» (в его «Сочинениях и переводах» 1807 г.). Не разобравшись как следует в этой немецкой фразе, Бауринг перевел ее следующим образом: «...and a Siberian bard, the blind Eros, published a volume of jocose poetry», т. е. «сибирский бард, слепой Эрот, опубликовал том шуточной поэзии». Анонимный критик «Frazer's Magazine», обнаруживший эту оплошность Бауринга, заметил по этому поводу, что «более удивительной и смешной qui pro quo, вероятно, не было отмечено в литературных летописях» [106]; напомним, однако, что с Эротами, Амурами и Купидонами Бауринг явно не везло: не менее смешная ошибка уже отмечена была нами выше, при характеристике сделанного Бауринг перевода анакреонтической оды Д. Давыдова «Мудрость».

Несмотря на подобные ляпсусы, Бауринг в 20-е годы сделался, как это признает и наиболее суровый из его критиков Джон Нил (John Neal), высшим авторитетом, арбитром и судьей, по крайней мере всякий раз, когда речь шла о поэтических произведениях славянских народов. Новейшие исследователи переводческого наследия Бауринга приходили к заключению,

что, помимо ловкости и сноровки, с которыми Бауринг умел пользоваться для своих переводов немецкими подстрочниками, поставлявшимися ему друзьями, два фактора особенно способствовали утверждению его авторитета как специалиста-слависта: это были присущие ему самонадеянность, способность к самообольщению, а также лесть, которую в сильной степени расточали ему его славянские сотрудники, за исключением, быть может, словенца Копитара [107].

«ОССИАН»
Гравюра Роберта Кер Портера, 1810-е гг.
Публичная библиотека, Ленинград

Журнальные статьи Баурингa представляют несомненный теоретический интерес для изучения его переводческой практики. Существенные данные об этом содержатся в его статье о новых переводах Крылова, напечатанной в июльском номере «Вестминстерского обозрения» 1825 г.[108] Не один раз Бауринг высказывался в том смысле, что при переводе стихотворных произведений важнейшее значение имеет возможная верность передачи метрической формы оригинала. Эта же мысль лежит в основе указанной статьи Бауринга, написанной по поводу изданного в Париже графом Г. В. Орловым большого двухтомного сборника басен Крылова в переводах французских и итальянских поэтов: «Fables russes, tirées du recueil de m. Kriloff et imitées en vers français et italiens par divers auteurs, précédées d'une introduction française de M. Lemontey et d'une préface italienne de M. Salfi, publiées par M. le conte Orloff» (Paris, 1825). Это издание, как известно, вызвало много откликов в западноевропейской и русской печати, среди последних — замечательную статью Пушкина («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова»). На это двуязычное французско-итальянское издание русских басен отозвался и Бауринг, осудив прежде всего способ, которым оно было выполнено: Г. В. Орлов сообщал, что сначала он сам (вместе со своими сотрудниками) сделал дословные переводы избранных басен на французский язык. Затем эти подстрочники переданы были ряду французских и итальянских поэтов (ни один из них не знал русского языка), которые и переложили их, каждый по своему вкусу и способностям, на своем языке. Г. В. Орлов говорил об этом эксперименте с гордостью, не видя при этом того ущерба, который наносился подлинным русским текстам басен, терявшим все свои национальные краски. Конечно, это были не переводы, а лишь подражания с попытками удержать в отдельных случаях только «смысл» оригинала. Давно уже было замечено, что итальянские «переводы» этих басен, выполненные известными поэтами Италии, отличались особою вольностью. «Подражания итальянские отличаются особенною говорливостью,— писал, например А. Ф. Бычков,— несоразмерность их с подлинником удивительна; так, 41 стих басни «Орел и крот» обратились в итальянском переложении в 170 строк ‹...› Особенность подражаний составляет еще правильная и симметрическая версификация; многие басни переданы терцетами, другие четверостишиями, большая часть

шестистишиями, некоторые октавами, одна даже в форме сонета» [109]. Именно эта вольность, с которой басни Крылова передавались французскими или итальянскими стихотворцами, вызвала особенно язвительную критику Бауринга, и он противопоставлял ей, считая более верной («faithful»), собственную манеру, которую он применил, переводя три басни Крылова английскими стихами для своей «Российской антологии». В качестве образца своих переводческих достижений он приводит три басни Крылова в собственном английском стихотворном переводе, но это не те басни, которые Бауринг поместил в I томе «Российской антологии», а новые (также сделанные, очевидно, по прозаическим подстрочникам, посланным ему Аделунгом, но полученным после выхода 1-го издания); на этот раз это были: «Лев и волк» («The Lion and the Wolf»), «Туча» («The Cloud») и «Пловец и море» («The Shipwrecked Sailor and the Sea»). Любопытно, что в редакции «Московского вестника» 1827 г. обратили внимание на указанную статью в «Westminster Review», но не знали, что автором ее является Бауринг; не называя, впрочем, и английского журнала, в котором она помещена, автор заметки в «Московском вестнике» привел большую цитату из этой статьи и в заключение перепечатал все три перевода указанных басен в английском тексте «для наших читателей, знающих английский язык» [110].

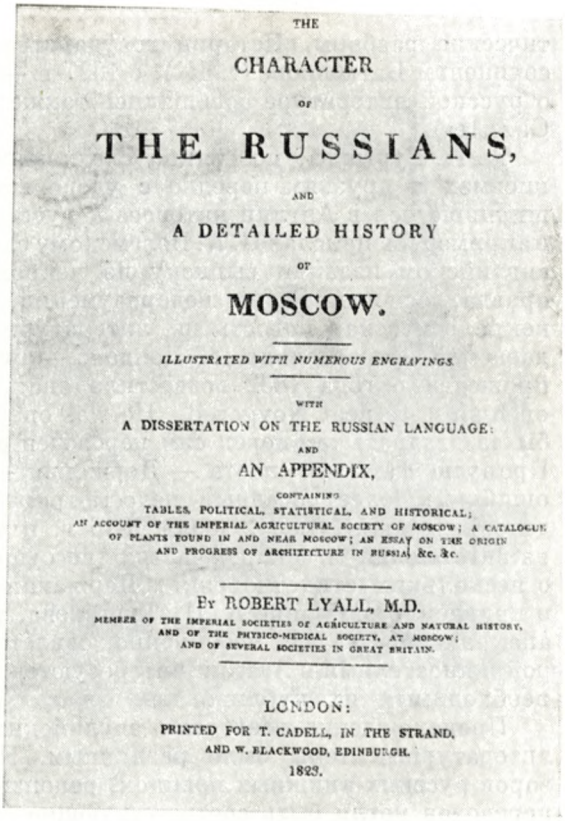
Интерес для нас этой журнальной статьи Бауринга заключается прежде всего в том, что, сравнивая французско-итальянские переводы басен Крылова из парижского сборника 1825 г. с собственными английскими переводами басен, сделанными на несколько лет раньше, он раскрывал здесь те теоретические основания, которыми пользовался в своей переводческой практике, защищая необходимость в первую очередь, пренебрегая буквализмом, воспроизводить *метрическую* структуру переводимого стихотворного произведения.

Особую занимательность имеет в этой статье одна мелкая, но характерная подробность: в ней находится попутное упоминание о Пушкине, подтверждающее, что о великом русском поэте Бауринг имел более чем смутное впечатление. Дав высокую оценку басням Крылова, Бауринг писал: «Писатели могут быть искусными защитниками хорошего правительства, пользуясь аллегорией, они могут нападать на дурное управление с помощью иносказаний, и при этом сохраняют надежду, что их не поймут, а если поймут — простят. Один из современных русских поэтов ⟨Пушкин⟩ недавно произвел более опрометчивый опыт. Он рискнул усомниться в абсолютной мудрости некоторых указов русского самодержца и был сослан набираться опыта в снегах Сибири» [111].

Слух о ссылке Пушкина в Сибирь за вольнолюбивые стихи действительно проник в западноевропейскую печать в середине 20-х годов [112], но Бауринг воспользовался им без проверки, плохо представляя себе и причины его ссылки, и край, в который он попал из Петербурга, и литературные произведения, послужившие для этого основанием. Мы усматриваем в этом лишний аргумент для доказательства того, что в начале 20-х годов, в период издания «Российской антологии», Бауринг о Пушкине еще не знал ничего. Давая в предшествующей своей статье в «Вестминстерском обозрении» обширные извлечения из статьи А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», Бауринг мало воспользовался весьма восторженными словами, которые Бестужев посвятил Пушкину в этом критическом обзоре, удивляясь дарованию юного поэта и уподобляя его «новому Прометею», похитившему небесный огонь: «обладая им, он своенравно играет сердцами»; здесь же Бестужев упоминает две поэмы «юного поэта» — «Руслана и Людмилу» и «Кавказского пленника», исполненных «чудесных, девственных красот», однако ни та, ни другая ничего не говорили Бауringу, и он пропустил мимо своего внимания почти все то, что говорилось о «юном поэте», не предвидя славы, которая ему предрекалась критиком-декабристом. В воспроизведении Бауринга слова Бестужева звучат менее ответственно и выразительно; он отметил лишь, что Пушкин очень оригинален и что его поэмы

«Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник» «исполнены превосходных картин» [113].

Вслед за «Вестминстерским обозрением» подобные же переводы или оригинальные статьи стали попадаться и в других английских журналах, в особенности в тех, которые ставили своей специальной задачей освещение иностранной жизни, например, «The Universal Review or Chronicle of the Literature of all Nations», «Foreign Quarterly Review»; все чаще стали они появляться и в других изданиях общего характера, например, в «New Monthly Magazine», «Literary Gazette». Так, во «Всемирном обозрении» («The Universal Review») 1825 г. в кратком отзыве о немецких переводах русских поэтов рецензент упоминает в качестве «более или менее достойных» поэтов Ломоносова, Сумарова (т. е. Сумарокова), Державина, Диницева (вероятно, Дмитриева) и Пушкина. О последнем здесь сказано, что он «родился в Петербурге в 1799 г. и написал несколько хороших романтических вещей» [114].



THE

CHARACTER

OF

THE RUSSIANS,

AND

A DETAILED HISTORY

OF

MOSCOW.

ILLUSTRATED WITH NUMEROUS ENGRAVINGS.

WITH

A DISSERTATION ON THE RUSSIAN LANGUAGE:

AND

AN APPENDIX,

CONTAINING

TABLES, POLITICAL, STATISTICAL, AND HISTORICAL;
AN ACCOUNT OF THE IMPERIAL AGRICULTURAL SOCIETY OF MOSCOW; A CATALOGUE OF PLANTS FOUND IN AND NEAR MOSCOW; AN ESSAY ON THE ORIGIN AND PROGRESS OF ARCHITECTURE IN RUSSIA, &c. &c.

By ROBERT LYALL, M.D.

MEMBER OF THE IMPERIAL SOCIETIES OF AGRICULTURE AND NATURAL HISTORY, AND OF THE PHYSICO-MEDICAL SOCIETY, AT MOSCOW; AND OF SEVERAL SOCIETIES IN GREAT BRITAIN.

LONDON:

PRINTED FOR T. CADELL, IN THE STRAND,
AND W. BLACKWOOD, EDINBURGH.
1823.

«ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКИХ И ПОДРОБНАЯ ИСТОРИЯ МОСКВЫ» РОБЕРТА ЛАЙЕЛА.
Лондон, 1823
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

Любопытен обзор русских альманахов, помещенный в лондонском «Заграничном трехмесячном обозрении» («Foreign Quarterly Review») 1826 г. под заглавием «Русские альманахи и литературные календари» («Pocket-books») [115] с характерным выражением того же изумления перед успехами русской литературы, которое в свое время сопровождало отзывы об антологии Бауринга. Неизвестный автор, отмечая, что русский альманах «Полярная звезда», как и английская «Незабудка» («Forget-me-not»), вышедшие в одном и том же году, стали родоначальниками обширного потомства, вынужден был признать, что русские альманахи не уступают английским в многочисленности и даже превосходят их, как в отношении специализации жанров, так и по разнообразию содержания в изданиях общего типа. В особенности хвалит он годовые критические обзоры, которые он считает оригинальной и ценной чертой русских журналов; попутно он сообщает о трагической судьбе издателей «Полярной звезды» — Рылеева и Бестужева. Много лет спустя тот же журнал в статье «Современное состояние искусств в России» с подобным же изумлением сообщал об издании Н. В. Кукольника «Художественная газета»; ему представлялся очень знаменательным самый факт существования в России специального художественного издания, притом имеющего такой успех, что все номера его за предыдущий год оказались давно распроданными и раздобыть их оказалось невозможным; между тем, по его словам, все попытки обеспечить подобное издание в Англии кончались неудачей [116].

В 1820-х годах русские материалы часто встречались на страницах именно этого журнала. «Заграничное трехмесячное обозрение» поместило кри-

тические разборы «Истории государства Российского» Карамзина (т. III), сочинений Батюшкова (т. IX), с 1827 г.— ряд заметок о Пушкине. Известия о русской литературе сообщались также в «Литературной газете» («Literary Gazette»).

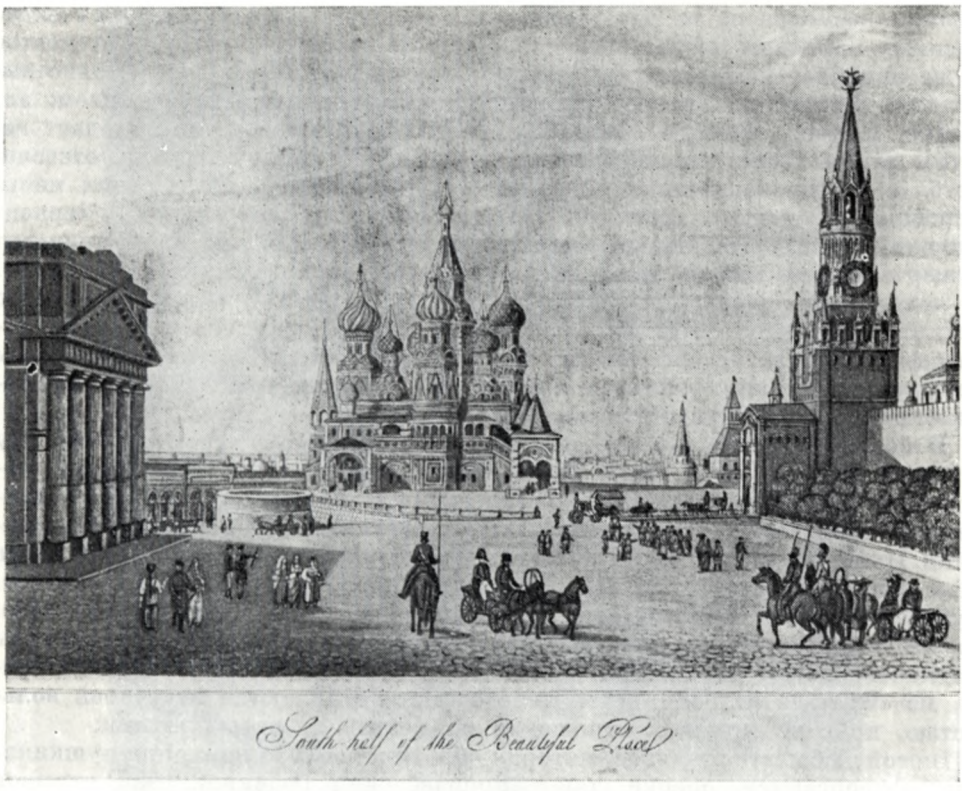
А. И. Тургенев, постоянно следивший за английской прессой, в своих письмах к друзьям нередко с удовольствием отмечал несомненные следы ширившегося в Англии интереса к русской литературной жизни. Однажды, например, он прислал П. А. Вяземскому случайно встретившуюся ему в одном английском издании выписку из некрологической заметки о Державине, правда, основанной на недоразумении, но тем более характерной. «Вот некрологическая новость из литературной газеты («Literary Gazette»), издаваемой еженедельно в Лондоне,— писал А. И. Тургенев.—Ноября 17 прошедшего года 1832 возвестила она: Gabriel Romanowitch died lately on his estate near Novgorod. He was one of the best Russian poets», и будто бы за двадцать лет перед сим переведен он в 4-х частях на английский»[117]. Пропуск фамилии поэта — Державин — можно объяснить типографской ошибкой; более досадным недосмотром было, конечно, то, что на самом деле Державин умер 2 июля 1816 г. и что никакого перевода Державина на английский «в четырех частях» не существовало, речь могла идти только о нескольких стихотворениях Державина, помещенных у Бауринга. Это-то и привлекло внимание А. И. Тургенева, так как эта заметка при всем своем анахронизме все же, несомненно, свидетельствовала, что русской литературой и писателями в Англии интересуются, собирают о ней сведения и считают необходимым их публиковать.

Происхождение всех этих английских статей и заметок на русские литературные темы было различным. Источниками ряда английских обзоров русских книжных новинок, рецензий и даже некоторых стихотворных переводов могли быть соответствующие отчеты, рецензии и переводы французских и немецких журналов и газет, в которых русской литературе в 1820-е годы уже уделялось известное внимание. Однако для некоторых из них мы должны допустить непосредственную помощь русских авторов, так как эти заметки содержат в себе сведения, отсутствующие в других западноевропейских изданиях, и прямо рассчитаны на английское общественное мнение.

В истории англо-русских литературных отношений первая четверть XIX столетия примечательна тем, что в это время заложен был прочный фундамент для будущего литературного обмена, для живой, непосредственной, личной связи между писателями обеих стран. Бауринту понадобилось съездить в Петербург, завести здесь литературные знакомства, получить необходимые материалы для того, чтобы стало возможным опубликование двух томов его образцов русской поэзии; в те же годы русские писатели вывезли непосредственно из Англии интерес к Байрону и Вальтеру Скотту.

После Бауринга живое общение между русскими и английскими писателями, между журнальными кругами обеих стран стало более серьезным и принесло более обильные плоды. Успех «Российской антологии» привлек внимание к текущей русской литературе и расширил сотрудничество в английских журналах таких лиц, которые в той или иной степени были причастны к русской жизни и литературным кругам. Такими людьми могли быть, с одной стороны, литературно образованные англичане, побывавшие (или жившие) в России и знакомые с русским языком, с другой — русские, жившие в Англии. К сожалению, такие лица не во всех случаях могут быть раскрыты с полной достоверностью, но, кажется, необходимо предположить их участие в составлении некоторых, весьма примечательных по своей осведомленности, английских журнальных статей о Пушкине, о поэтах-декабристах.

Имя Пушкина начинает встречаться в английской печати первоначально по следам французских и немецких журналов, с начала 1820-х годов. Первым упоминанием о Пушкине во французской литературе обычно счи-



ВИД КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ ИЗ КНИГИ РОБЕРТА ЛАЙЕЛА «ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКИХ...»

тается маленькая заметка о «Руслане и Людмиле», помещенная в парижской «Revue Encyclopédique» за 1821 г. Любопытно, что эта же самая заметка помещена была в декабрьском номере лондонского журнала «The New Monthly Magazine and Literary Journal» за тот же год [118]. Это, несомненно, первое упоминание о Пушкине в английской литературе.

Вслед за тем его имя встречается в том же журнале в 1824 г. [119] В 1825—1828 гг. имя Пушкина называют другие английские журналы, например, в отзывах о немецкой антологии К. Ф. Борга [120] и французской — Дюпре де Сен-Мора [121]. Отклики на некоторые из этих статей появлялись и в русской печати. Так, в «Московском телеграфе» 1827 г., в отделе «Иностранная переписка», был помещен «Отрывок письма из Лондона». Оказавшийся в Англии русский путешественник рассказывает, что он «желал короче познакомиться с английским языком и не разучиться русскому», что ради этого он переводил из английских журналов и заносил в свою дневниковую тетрадь статьи, которые показались ему любопытными в каком-либо отношении; он известил, что будет в своих письмах от времени до времени сообщать выписки из прочитанных им статей. «Вот на первый случай, что пишут в одном из лучших английских журналов («The Literary Chronicle», 1826, июля 9) о русской литературе: «Недавно еще русская литература была известна остальной части Европы только по имени, но появившиеся случайно переводы на другие языки теперь дают нам средство составить себе некоторое понятие о литературном таланте русских. Басни Крылова, История Карамзина и несколько других сочинений переведены на языки немецкий, французский и проч. К сему можно прибавить поэму Пушкина, коей французский перевод недавно появился под заглавием «La fontaine des pleurs».

Пушкин, несмотря на то, что он еще очень молодой человек, считается одним из самых народных (of the most popular) в числе живущих русских поэтов и уже приобрел немаловажную славу. Другой поклонник Муз недавно выступил в России на литературном поприще с значительным успехом: это Козлов. Подобно Гомеру, Мильтону, Делилю, он слепой, но обладает немалым даром песни красноречивой, трогающая чувствительность отсвечивается в его произведениях. Он жаркий обожатель Байрона, занял много погрешностей нашего поэта и немалое количество его красот. «Чернец» содержит исповедь юноши, мученика несчастной любви, который приносит на жертву своему мщению вероломного соперника, погубившего его счастие». «В лондонских журналах нашел я несколько переводов из «Сибирского вестника»,— говорит тот же лондонский корресподент «Московского телеграфа» и заключает свое письмо следующими словами: «Недавно журналы здешние уведомили публику о выгодных преимуществах, данных правительством русским драматическим писателям нашим» [122].

В большой статье 1828 г., помещенной в журнале «Foreign Quarterly Review», написанной на основании «Опыта краткой истории русской литературы» Н. Греча (СПб., 1822), сведения о Пушкине отличаются сравнительной полнотой [123]. Здесь дана характеристика не только тех произведений Пушкина, которые мог назвать Греч, но и тех, которые появились после «Опыта»: «Бахчисарайского фонтана», «Братьев разбойников», «Цыган», двух первых глав «Евгения Онегина» и отрывков из «Вадима». Кроме того, эта же статья содержит в себе первые английские стихотворные переводы фрагментов из III и IV песен «Кавказского пленника» и восемнадцати стихов из «Братьев разбойников». Переводы эти отличаются некоторой вольностью, но в поэтическом отношении их нельзя назвать плохими.

В этой любопытной статье, которая обратила на себя внимание пушкинистов, подвергаются оценке такие произведения Пушкина, как отрывок из «Вадима», напечатанный в Петербурге в начале 1827 г. в альманахе Б. М. Федорова «Памятник отечественных муз», и «Братья разбойники», вышедшие двумя изданиями в середине того же 1827 г. Нужно признать, что автор статьи был хорошо осведомлен в текущей русской литературе.

Нельзя не допустить хотя бы частичного участия в ней лица, причастного к русской литературной жизни. Поиски такого лица скорее всего приведут нас к одному из братьев Тургеневых, Николаю Ивановичу или Александру Ивановичу. Первый жил в Англии политическим изгнанником между 1826—1833 гг., второй — бывал наездами, в частности, как раз в 1828 г. Известно, что у друзей Н. И. Тургенева существовали какие-то планы побудить его к литературной деятельности именно в тот момент, когда после приговора над декабристами он остался в Англии на неопределенное время. По крайней мере, он писал брату Сергею Ивановичу из Лондона 11 июля (29 июня) 1826 г.: «О Карамзине также я никакого артикля написать не мог». «Вообще,— прибавляет Н. И. Тургенев,— англичане мало интересуются всем иностранным, кроме того, что сопряжено с видами торговли и промышленности» [124]. Мы не знаем, о каком «артикле» здесь говорится, но естественнее всего предположить, что речь шла о каком-либо некрологе Карамзина (только что перед этим умершего), который предполагалось поместить в каком-нибудь английском издании. Тем интереснее для нас, что, как мы уже отмечали, как раз около этого времени в «Foreign Quarterly Review» появилась специальная статья об «Истории Государства Российского».

Известна близость Н. И. Тургенева в английский период его жизни к Джемсу Миллю (и, следовательно, к редакции «Вестминстерского обозрения») и к ряду других людей, хорошо известных своей литературной, ученой и политической деятельностью в Англии, в частности в кругу лиц, близких к «Эдинбургскому обозрению»; очень вероятно поэтому, что в качестве авторитетного лица Н. И. Тургенев мог быть советником тех английских журналистов, которые писали статьи на русские литературные или общественные темы.

СЕЛЬСКАЯ СЦЕНА ИЗ КНИГИ РОБЕРТА ЛАЙЕЛА «ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКИХ...»

С другой стороны, мы располагаем свидетельством об участии в английских журналах (правда, в несколько более ранние годы) Д. Н. Блудова, в бытность его поверенным в делах русского посольства в Лондоне [125]. Как известно, среди «арзамасцев» Блудов считался прирожденным критиком и живо интересовался как русской, так и английской литературой того времени. Несколько писем его из Лондона к петербургским литературным друзьям заключают в себе весьма ценные сведения об английских поэтах; очень возможно, что его рассказами о русских писателях могли интересоваться и его лондонские приятели. Отметим, наконец, еще один факт, правда, еще недостаточно расследованный, который представляет для нас безусловный интерес в той же связи. Весною 1825 г. В. К. Кюхельбекер получил предложение занять место «профессора русского и славянских языков в Эдинбурге» с большим жалованьем. Кюхельбекер стал учиться по-английски, но вскоре этот заграничный проект расстроился, чему он был даже рад: «Моя любовь теперь — отечество, и я люблю его пламеннее, чем когда-либо»[126]. К сожалению, мы не знаем, от кого исходило это предложение Кюхельбекеру; во всяком случае, в Эдинбурге серьезно интересовались русской словесностью.

Отзыв о Пушкине указанной статьи «Foreign Quarterly Review» очень интересен. «Еще совсем юным,— пишет неизвестный нам критик по поводу «Руслана и Людмилы»,— Пушкин дал свидетельство легкости описания, сочетающейся с живостью и пылкостью в рассказе, которые заслужили ему титул северного Ариосто». Считая, что «Бахчисарайский фонтан» выше

«Руслана и Людмилы» по глубине чувства и красноречию, критик, однако, не разделяет восторга русских читателей перед «Цыганами», несмотря даже на то, что в этой поэме «сцены набросаны с талантом, а порою нарисованы с подлинной силой». «Братья разбойники» кажутся ему простой зарисовкой разбойничьего быта и не нравятся своей бессюжетностью. В то же время критик осуждает плодовитость русского поэта, которая кажется ему более достойной сожаления, чем похвал: «Было бы гораздо приятнее, если бы его способности были приложены к созданию произведения разнообразного и неослабевающего интереса». Отказываясь высказать какое-либо мнение о «Евгении Онегине», критик мотивирует это тем, что опубликование этого стихотворного романа еще не закончено и что поэтому трудно составить о нем окончательное суждение.

Вскоре в статье другого журнала — «New Monthly Magazine» за 1830 г.— помещены были отрывки из «Бахчисарайского фонтана»[127], а в «Foreign Quarterly Review» вслед за кратким известием о недавно напечатанной «Полтаве»[128] дана была уже и подробная характеристика русского поэта в специальной статье по поводу этой поэмы[129].

Статья и на этот раз анонимна. Некоторые исследователи (например, Сэмьюэль Кросс[130]) считали возможным приписать ее тому же автору, который поместил статью о Пушкине в «National Review» за четыре года перед тем. Основания для такого предположения видят в том, что в обеих статьях Пушкину высказываются сходные упреки, однако такой вывод не представляется нам заслуживающим доверия, поскольку эти упреки носят общий характер[131].

Озаглавлена эта статья: «Пушкин и Рылеев» («Pushkin and Rilaeev»); «Полтава» ставится здесь в связь и сопоставляется с «Войнаровским». Критик признается, что прежде, чем положить перо, он хотел бы сказать несколько слов о другом поэте, который, если бы он не погиб столь преждевременно, мог бы, вероятно, сделаться одним из соперников Пушкина. Этот поэт — Рылеев, который, «как это наверное известно некоторым из наших читателей» (as may perhaps be already known to some of our readers), «лишился жизни за участие в петербургском заговоре». Но и независимо от его собственных общественно-политических качеств его поэма о Войнаровском, по мнению критика, может быть упомянута в статье на том основании, что она повествует о событиях и людях, близких к тем, о которых говорит и Пушкин: Войнаровский — племянник Мазепы, поэтому критик излагает содержание поэмы Рылеева и приводит из нее отрывки в стихотворном переводе.

Привлечение к критической статье о «Полтаве» Пушкина имени Рылеева, не без натяжки приспособленное к этому разбору изложение содержания поэмы «Войнаровский», напечатанной за семь лет перед тем (1825) и за четыре года до опубликования поэмы Пушкина, свидетельствует не только о том, что автору статьи была хорошо известна современная ему русская литература, но и о том, что он был вполне осведомлен относительно петербургских событий 14 декабря 1825 г. Нужно ли отнести эту осведомленность за счет той, конечно, относительной полноты, с какой восстание декабристов освещено было в английской печати 1825—1827 гг., или следует считать автора указанной статьи непосредственно близким к декабристским кругам — решат будущие разыскания, хотя в настоящее время английские исследователи довольно уверенно приписывают эту статью Уильяму Генри Лидсу (1786—1866), архитектору-англичанину, жившему в Петербурге в пушкинское время и впоследствии издававшему в Англии специальные архитектурные журналы. Статьи о русской литературе, появлявшиеся в «Foreign Quarterly Review» начиная с июля 1831 г., также приписывают ему[132]. Несомненным остается одно: кто бы ни был автором этой статьи — английский ли журналист, написавший ее с помощью кого-либо из русских, живших в Англии и хорошо знакомых с русской общественно-политической жизнью и литературой (прежде всего того же Н. И. Тургенева), или русский, достаточно владевший английским

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПЛЯСКА ИЗ КНИГИ РОБЕРТА ЛАЙЕЛА «ОБРАЗ ЖИЗНИ РУССКИХ...»

языком, чтобы суметь сделать стихотворные переводы из обеих поэм, или же, наконец, какой-нибудь англичанин, живший в России и приславший свою статью для напечатания в Лондон,— статья эта достойна того, чтобы занять место в литературе о Пушкине и декабристах и привлечь к себе специальное внимание исследователей [133].

Недаром, конечно, осведомленность английских газет 1825—1827 гг. относительно декабристов приводила в недоумение и даже вызывала некоторое беспокойство Николая I. В письме в Каннингу от 6 марта 1826 г. герцог Веллингтон сообщал из Петербурга о недовольстве здесь поведением английской печати: «Русское правительство недоумевает, откуда черпают свои сведения английские газеты (в частности, «Morning Post»), и полагает, что дело не обходится без участия какого-либо заграничного агента-декабриста, объединяющего их с английскими и французскими тайными обществами» [134].

Ту же осведомленность, как мы видим, проявляли и английские «толстые» журналы. Вспомним при этом, что нашедший себе долголетний приют в Англии Н. И. Тургенев не был выдан английским правительством русскому верховному суду, несмотря на настойчивые требования из Петербурга, и что этим он, вероятно, обязан был своим влиятельным английским политическим друзьям, имевшим близкое касательство к либеральной английской прессе.

Сделана была попытка тому же неизвестному автору статьи о «Полтаве» приписать отзыв и о «Художественной газете» Кукольника, помещенный в том же журнале, на том основании, что здесь сделана ссылка на прежнюю статью о «Полтаве»; но это с таким же успехом могло быть сделано и редактором журнала и совершенно посторонним лицом; кроме того, названные статьи отделяет друг от друга пятилетний срок, и высказанные в них суждения

ни в чем не совпадают. Гораздо примечательнее другое — что автор и этой последней статьи также обнаруживает свои познания в русской литературе, как прошлой, так и настоящей. «Он,— пишет Б. В. Казанский,— несомненно, был достаточно осведомлен о русской литературе, следил за ней и собирал ее, так как в этом отзыве отмечает недостаточное внимание, уделенное писателям (а также художникам и артистам) в «Словаре достопамятных людей» Бантыш-Каменского, упрекая его за отсутствие в нем таких имен, как Богданович, Хемницер, Фонвизин, Подшивалов, Херасков. Знает он и книгу Вяземского о Фонвизине, и романы Загоскина, и повести Одоевского, Гоголя и Павлова» [135]. Такая осведомленность была редкостью в английской литературе; мы и на этот раз готовы предположить, что статья прислана из России или написана с помощью лица, прикосновенного к русской литературной жизни. Времена бауринговой антологии были уже позади. Вместо робких попыток оправдать «подражательность» русской поэзии и стремлений так или иначе заинтересовать ею английского читателя теперь можно было свободно назвать в английском журнале имена второстепенных русских писателей или жаловаться на неполноту русских справочных изданий и библиографических пособий. Итак, в конце 1830-х годов русская литература уже приобрела все права гражданства в Англии.

Интерес этот, конечно, не был всеобщим явлением. Среднему английскому читателю в 1820—1830-х годах имена русских писателей все еще оставались чужды [136]. Характерно, что в тот момент, когда английская повествовательная литература обнаруживала все бóльшее тяготение к реалистической прозе, английские критические журналы охотнее обсуждали русскую романтическую и доромантическую поэзию; как увидим далее, проза Пушкина очень поздно стала известна в Англии, а Гоголь и Лермонтов-прозаик здесь вообще долго не прививались. Однако в целом интерес к русской литературе неуклонно возрастал. Увеличивалось количество переводов с русского, ширилась критическая литература о русских писателях, наконец, становились и более разнообразными и обширными самые способы взаимного общения на литературном поприще. Так, например, в Петербурге и Москве начали выпускать специальные издания на английском языке.

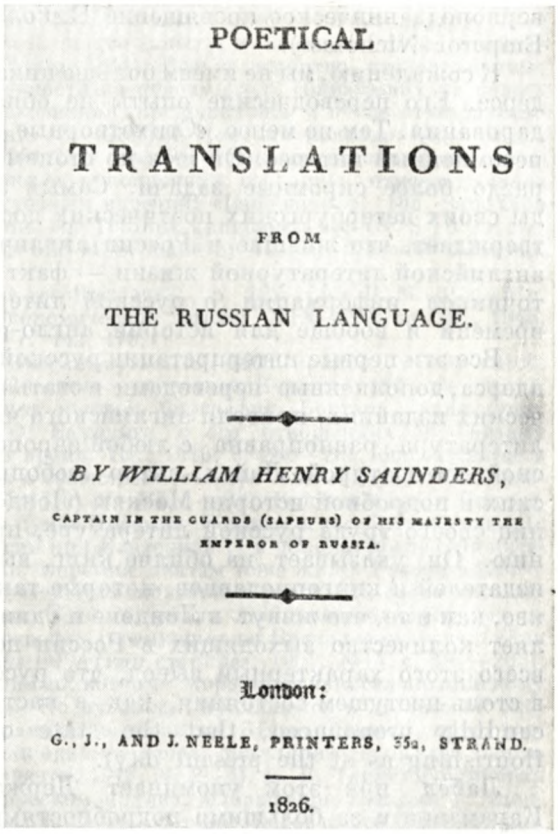
6. Антология Сандерса «Стихотворные переводы с русского языка» (1826)

В середине 1820-х годов вышла в свет еще одна маленькая антология русской поэзии в английских переводах. Однако она не обратила на себя внимания, затерялась и не сыграла роли в деле англо-русского литературного сближения. Это была книжечка Вильяма Генри Сандерса «Стихотворные переводы с русского языка» («Poetical Translations from the Russian Language»), изданная в Лондоне в 1826 г. Нужно думать, что причиной ее непопулярности отчасти являлась ее редкость. По-видимому, она была издана в очень ограниченном количестве экземпляров и почти вовсе не попала на английский книжный рынок (может быть, и обозначение места издания — Лондон — не соответствует действительности); во всяком случае, она крайне редко встречается в европейских книгохранилищах.

Пользуясь указанием американского слависта Лео Винера, Э. А. Осборн предпринял тщательные розыски этого издания, но принужден был отметить, что попытки обнаружить его во всех крупных библиотеках Англии остались безрезультатными [137]. Последующие поиски этого издания в зарубежных книгохранилищах были столь же безуспешны, и о нем либо упоминалось с чужих слов, либо по-прежнему сомневались в его существовании. Но экземпляр этой книги сохранился в Ленинграде в отделе россики Публичной библиотеки [138] и несколько раз был упомянут и описан русскими библиографами И. А. Крылова. Так, еще в 1869 г. краткие сведения о заключающихся в этом издании переводах басен Крылова привел А. Ф. Бычков [139], а затем

(в 1895 г.) П. Драганов в статье «Международное значение Крылова», допустивший, однако, ряд неточностей в описании переводов [140]. П. Драганов, например, пишет: «В 1826 г. В. Сандерс напечатал в журнале «The Naturalist» четыре новые басни Крылова ⟨...⟩ и потом перепечатал их в Лондоне: «Poetical translations from the Russian language, by William Henry Saunders, London, 1826». В книге Сандерса действительно напечатано четыре басни Крылова, но им предшествуют три перевода из других русских авторов: «Ермак», Дмитриева, «Певец во стане русских воинов» Жуковского и отрывки из «Россияды» Хераскова.

Архаизм подбора всех этих образцов русской поэзии бросается в глаза. Для середины 1820-х годов и «Ермак» Дмитриева, значительно уступавший по своим поэтическим достоинствам «Думам» Рылеева, и в особенности фрагменты из «Россияды» звучали явным анахронизмом. Лишь выбор из Крылова, представленного здесь известными баснями: «Собачья дружба», «Демьянова уха», «Любопытный», «Сочинитель и разбойник», сделан был удачнее.



POETICAL

TRANSLATIONS

FROM

THE RUSSIAN LANGUAGE.

BY WILLIAM HENRY SAUNDERS,

CAPTAIN IN THE GUARDS (SAPEURS) OF HIS MAJESTY THE EMPEROR OF RUSSIA.

London:

G., J., AND J. NEELE, PRINTERS, 35a, STRAND.

1826.

«ПОЭТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО ЯЗЫКА» УИЛЬЯМА САНДЕРСА
Лондон, 1826
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

Отметим, что именно Крылову суждена была в Англии долгая и широкая популярность: его переводили там в течение всего XIX в.; в нем больше, чем в каком-либо другом русском писателе, английские переводчики старались отыскать русский склад мыслей, специфические стороны народного мировоззрения, практической житейской философии. Так понимал его в 1860-х годах в Англии В. Рольстон; недаром его интерес к Крылову сочетался с увлечением русским фольклором, сказкой, песней, былиной,— речь шла о желании сквозь литературу разглядеть «душу народа» и его историческое предназначение.

Сандерс, по-видимому, не задавался столь серьезными философско-психологическими задачами и перевел для своей антологии — между прочим и из Крылова — прежде всего то, что привлекло его случайный личный интерес, но что носило в то же время «национальный» отпечаток. Переводы его не сопровождаются никакими пояснениями. Нужно думать, что архаизм большей части переведенных Сандерсом поэтических произведений и был наряду с ее редкостью одной из важнейших причин невнимания к его маленькой русской антологии. Другой причиной являлось, видимо, то, что автор не был профессиональным писателем и постоянно жил в России. На титульном листе книги Сандерс именуется «гвардии капитаном саперной службы его императорского величества» (captain in the guards (sapeurs), of his Majesty, the Emperor of Russia) [141], а переводам предпослано его собственное, весьма

верноподданническое посвящение Николаю I (p. III-IV: «To his Majesty the Emperor Nicholas»).

К сожалению, мы не имеем больше никаких биографических данных о Сандерсе. Его переводческие опыты не обнаруживают большого поэтического дарования. Тем не менее «Стихотворные переводы» Сандерса представляют несомненный интерес. Он шел по стопам Бауринга, хотя и поставил себе гораздо более скромные задачи. Самый замысел напечатать в Лондоне плоды своих петербургских поэтических досугов заслуживает внимания и подтверждает, что жившие в России англичане не отказывались от участия в английской литературной жизни,— факт не безразличный для выяснения источников информации о русской литературе английских журналов того времени и вообще для истории англо-русских литературных связей.

Все эти первые интерпретации русской поэзии Берисфорда, Бауринга, Сандерса, дополненные переводами и статьями о русских писателях в периодических изданиях, привели английского читателя к признанию, что русская литература равноправна с любой европейской, и в первую очередь английской, литературой. Лайел, автор любопытной книги об образе жизни русских и подробной истории Москвы (Лондон, 1823), посвятив несколько страниц своего труда русской литературе, приходит именно к такому заключению. Он указывает на обилие книг, выпускаемых в России, и на русских издателей и книгопродавцев, которые так же деятельны в Петербурге и Москве, как и те, что живут в Лондоне и Эдинбурге; он не без удивления перечисляет количество выходящих в России периодических изданий и делает из всего этого характерный вывод, что русская литература «никогда не была в столь цветущем состоянии, как в настоящее время» (I think it may be candidly pronounced, that the state of Russian Literature was never so flourishing as at the present day).

Лайел при этом упоминает Державина, Дмитриева, Жуковского, Карамзина и за бóльшими подробностями отсылает к антологии Бауринга, выражая при этом сожаление, что специальный предмет его книги не позволяет ему дольше остановиться на русской литературе, «сколь ни привлекательной могла бы представиться такая задача» [142].

Мы увидим вскоре, что эту задачу выполнили за него другие. В 1820-х годах англо-русское литературное общение было уже весьма интенсивным. Достаточно обратиться к биографии английских или русских поэтов, к их дневникам и переписке, чтобы нам раскрылась в достаточной подробности история их дружбы и обоюдного внимания друг к другу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections of Sir John Bowring, with a brief memoir by Lewin B. Bowring, ed. by L. B. London, King, 1877. Хотя о выходе в свет этой книги читатели «Русского архива» были своевременно оповещены (1878, № 2, с. 203) особой заметкой, где было отмечено, что в указанной книге «несколько страниц посвящено впечатлениям от России и Финляндии, где он ⟨Бауринг⟩ был в 1819 г. с поручением от герцога Веллингтона», однако книга эта осталась не замеченной русскими исследователями и отсутствует во всех важнейших книгохранилищах СССР; мы цитируем ее по фотоснимкам, присланным по нашей просьбе из Британского музея в Лондоне. Интересно, что сын Джона Бауринга, выпустивший его «Автобиографические воспоминания» (Lewin B. Bowring, C. S. J.), бывший одно время секретарем лорда Каннинга в бытность последнего вице-королем Индии, унаследовал от отца интерес к русской литературе и также занимался на досуге переводами с русского языка: так, например, он перевел отрывки из «Путешествия во Францию» Фонвизина («A Russian Traveller's Impressions of France a hundred years ago».— «The Anglo-Russian Literary Society», Proceedings, 1897, N 18, p. 22—32).

[2] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections..., p. 120.

[3] Г. Е с и п о в. История Красного кабачка.— «Исторический вестник», 1885, № 11, с. 406—412 («Красный кабачок — небольшой двухэтажный деревянный трактирчик на Петергофской дороге»).

[4] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections..., p. 117, 120—121. Последнее замечание заставляет предположить, что Бауринг был известен вышедший за несколько лет перед тем известный труд Ф. П. Аделунга «Catherinens der Grossen Verdienste um die

vergleichende Sprachenkunde» (St.-Petersburg, 1815), а также некоторые его другие, более ранние работы, например, «Rapports entre la langue sanscrit et la langue russe, présentés à l'Académie Impériale Russe» (St.-Pétersbourg, 1811). Весьма вероятно, что письменные сношения Бауринга с Аделунгом, в особенности по поводу столь сблизивших их общих интересов к вопросам сравнительного языкознания, продолжались и после отъезда Бауринга из Петербурга. Биограф Аделунга Л. Шегрен (см. его некролог Аделунга в «С.-Петербургских ведомостях», 1844, № 231-232) в особой брошюре, посвященной оставшимся после смерти Аделунга библиотеке и рукописному собранию, отмечает среди последнего образцы различных дальневосточных наречий: «Language of the Sandwich Islands, the Bowring's specimens, by the same, the Tchinuk Languages» etc. (A. S j ö g r e n. A short notice of the collection of books and MSS, made by the late Theodor Adelung. St.-Petersburg, 1844, p. VIII).

[5] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections..., p. 122. Ср.: В. М. Ш т е й н. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX вв. Л., 1948, с. 27—28. Об А. К. Шторхе см.: гл. II, с. 142, 179.

[6] «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». СПб., 1866, прилож., с. 099—0100.

[7] А. П ы п и н. Русские отношения Бентама.— «Вестник Европы», 1869, № 11, 12. Основным источником этой статьи Пыпина явилась биография Бентама, написанная Баурингом, опубликованная в 1843 г. О Бауринге и его отношениях к Бентаму см.: П. П о к р о в с к и й. Бентам и его время. Пг., 1916, с. 280—281, 660, а также в кн.: А. Н. П ы п и н. Очерки литературы и общественности при Александре I. Предисловие и примечания Н. К. Пиксанова. Пг., 1917, с. V—VI, 1—109. Как известно, в Британском музее в Лондоне находятся 30 томов бумаг Иеремии Бентама и его брата Сэмьюэла; последний более десяти лет служил в России при Екатерине II и оставил после себя интересный дневник, письма и статьи о России. Иеремия Бентам тоже жил в России в 1786—1787 гг. и до конца жизни не прерывал деятельных сношений с русскими, среди которых находились его друзья и горячие поклонники. Эти материалы опубликованы еще далеко не полностью. В. Викторов напечатал по автографам, хранящимся в Британском музее, «Три письма Н. С. Мордвинова к Иер. Бентаму» («Русская старина», 1901, № 4 с. 197—202); письма эти относятся к 1819 г. и были первыми, которые Мордвинов написал английскому философу перед своим приездом в Англию. По рукописи, хранящейся в Женевской библиотеке, С. М. Горяинов опубликовал страницы из дневника Этьена Дюмона, приезжавшего в Россию в 1803 г. Дюмон известен как один из первых популяризаторов идей Бентама в русском обществе (см.: «Голос минувшего», 1913, № 2—4). Е. В. Тарле опубликовал по автографу Бентама, хранящемуся в русском архиве, «Обращение Бентама к Александру I».— В кн.: «Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь 50-летия научной жизни Н. И. Кареева». Пг., 1923, с. 249—251. В последнее время появился ряд новых публикаций, проливающих свет на связи Бентама с русскими деятелями или характеризующих его интересы к России. См., например: M. S. A n d e r s o n. Samuel Bentham in Russia.— «Slavic Review», 1956, v. XV, N 2, p. 157—172; J. R. C h r i s t i e. Samuel Bentham and the Western Colony of Krichev, 1784—1787.— «Slavonic and East European Review», 1970, p. 232—240; W. K i r c h n e r. Samuel Bentham and Siberia.— «Slavonic and East European Review», 1958, v. XXXVI, p. 471—480; K. A. P a p m e h l. The Regimental schools established in Siberia by S. Bentham.— «Canadian Slavic Papers», 1966, v. VIII, p. 153—166. О знакомстве Бентама с П. В. Чичаговым см. ниже, гл. V.

[8] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections..., p. 122.

[9] Там же, с. 122—123.

[10] H. S t o r c h und Fr. A d e l u n g. Systematische Uebersicht der Literatur in Rußland von 1801 bis 1805. St.-Pétersbourg und Leipzig, 1811.

[11] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections..., с. 123. О «Депо манускриптов», учрежденном особым рескриптом в 1805 г. и затем вошедшем в состав Публичной библиотеки, см.: «Имп. Публичная библиотека за 100 лет». СПб., 1914. Составившая «Депо» обширная коллекция драгоценных рукописей, как известно, была собрана П. П. Дубровским преимущественно в Париже в первые годы после революции 1789 г. и привезена им в Петербург. История этой коллекции, вероятно, была известна Бауringу благодаря тому же Ф. П. Аделунгу, который несколько раз дал подробное описание ее в печати. Еще в 1804 г. в пяти номерах иенской газеты Аделунг опубликовал статью «Краткое известие об одном в высшей степени замечательном собрании древнейших рукописей, находящихся в настоящее время в частной библиотеке в Петербурге». В последующие годы (1805—1806) Аделунг снова напечатал в издававшемся Шторхом журнале «Russland unter Alexander dem Ersten. Eine Historische Zeitschrift» (hrsg. v. H. Storch. Leipzig und St.-Petersbourg, Bd. 6—8) еще более обстоятельное описание того же собрания П. П. Дубровского (ср.: «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв.» Л., 1960, с. 45—46, 87—88). Упоминаемый Бауringом молитвенник Марии Стюарт принадлежал к этому собранию П. П. Дубровского и хранится в ГПБ в Ленинграде и доныне (Лат. Q № 1, 112); уже в 20-е годы прошлого века он пользовался известностью. В статье «Одно утро в имп. Публичной библиотеке», помещенной в «Атенее» (1828, ч. I, с. 49—63), М. Н. Загоскин привел описание этого молитвенника и впервые воспроизвел французские стихи Марии Стюарт, «собственноручно вписанные в эту книгу». Значительно позже рукопись описал А. Я. Лобанов-Ростовский (1786—1866), энергичный собиратель во Франции и Англии всего, относящегося к злополучной шотландской королеве, в своем издании «Lettres de

Marie Stuart, publiées par le prince Alexandre Labanoff». Londres, 1844, p. 245, 346—352; другое описание сделал приезжавший в Россию в начале 1860-х годов шотландский астроном, проф. Пьяцци-Смит, но оно имеет совершенно дилетантский характер (C. P i a z z i - S m y t h. Three cities in Russia. London, 1862, part II, p. 271—279; «Notice of an illuminated vellum manuscript which formerly belonged to Mary Queen of Scots by prof. C. Piazzi-Smyth in a communication from R. M. Smith».— «Proceedings of the Antiquarian Society of Scotland», t. III. Edinburgh, 1862). См. также статью: L. A r i n s t e i n. Mary Stuart, prince Lobanov-Rostovskij, and Thomas Campbell.— В изд.: «Notes and Queries», v. 218 (20, N. S.), 1973, N 3, p. 84—86 (здесь опубликовано письмо английского поэта Т. Кемпбелла к Лобанову-Ростовскому от 25 августа 1839 г., хранящееся в ГПБ).

[12] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Autobiographical recollections..., p. 123. Об аресте Бауринга во Франции в 1822 г. см. ниже, прим. 44 и 45.

[13] Aniela K o w a l s k a. John Bowring — tłumacz poetów slowiańskich.— «Slavia Orientalis» (Warszawa), 1963, Ročn. XII, N 3, s. 411—412: автор указывает, что *первое* издание «Антологии» Бауринга вышло в 1820 г. Тот же год ошибочно указан в таких авторитетных справочниках, как «The Cambridge Bibliography of English Literature». Edited by F. W. Bateson, v. III. N. Y.— Cambridge, 1941, p. 228; «Dictionary of National Biography», v. II. Oxford, 1921—1922, p. 988. В Британском музее и других крупнейших библиотеках Европы и Америки первое изд. «Антологии» также отсутствует («British Museum, General Catalogue of Printed Books», v. 25, London, 1965, p. 115; ср.: «A Catalog of Books represented by Library of Congress». Printed Cards, v. 18, Ann Arbor, Michigan, 1943, p. 47 и др. Ср.: A. P. C o l e m a n. John Bowring and the poetry of the Slavs.— Proceedings of the American Philosophical Society (Philadelphia), 1941, v. 84, N 3, p. 431; Miloš S o v a. Sir John Bowring and the slavs.— «The Slavonic and East European Review», 1943, t. XXI, N 57 p. 130.

[14] ГПБ, шифр $\frac{\text{В — 1}}{412.}$.

[15] Все стихотворное посвящение Бауринга имеет четыре четырехстишия; в обоих изданиях первой части антологии тексты их идентичны. Отметим также, что гравированный на титульном листе (томика) эпиграф на русском языке взят Баурингом из стихотворного послания Батюшкова, адресованного Жуковскому и Вяземскому под заглавием: «Мои пенаты» (написано в 1811 г., впервые напечатано в «Пантеоне русской поэзии», ч. I, 1814). Английский перевод всего этого стихотворения Батюшкова помещен в самой антологии (с. 47—64). Характерно, что последний стих цитаты («О музы! Я пиит!») с полным пониманием передан с помощью итальянской поговорки «Ed io anche sono pittore» («И я — тоже художник»).

[16] «Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. IX. СПб., 1883, с. 526—528; характеризуя *второе* издание антологии «с добавлениями», Грот ошибочно заметил: «Содержание этого издания, за исключением перемены нескольких фраз в начале введения, совершенно тождественно с первым» (с. 527). В. А. Д е с н и ц к и й. Западноевропейские антологии и обозрения русской литературы.— В его кн.: «Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX ст.» М.— Л., 1958, с. 203.

[17] Действительно, во втором издании антологии это стихотворение Державина приведено Баурингом в сильно измененной редакции перевода. Приводим для сравнения две первые строфы оригинала и соответствующие им четверостишия из первого и второго изданий «Российской антологии» 1821 г.

В л а с т и т е л я м и с у д и я м

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять...

В первом издании антологии (с. 69) перевод Бауринга имеет следующий вид:

The God of Gods stood up — stood up to try
Th'assembled gods of earth. «How long», he said,
«How long will ye protect impiety
And let the vile one raise his daring head?

'Tis yours my laws to justify — redress
All wrong, however high the wronger be;
Nor leave the widow and the fatherless,
To the cold world's uncertain sympathy» ... etc.

Во втором издании перевод дан в измененном виде, более близком к оригиналу в лексическом и метрическом отношениях (с. 41—42):

The God of heaven stood up, and loudly
Thus to the Gods of earth he spoke:
How long shall folly triumph proudly
And virtue wear its heavy yoke?

'Tis yours, however high the wronger,
The wrongs of misery to redress:
Defend the weaker from the stronger,
Widow and orphan shield and bless...

Бауринг, вероятно, не догадывался, что содержание этой ранней оды Державина заимствовано было из 81-го псалма и, конечно, не был посвящен в ее цензурную историю, из-за которой ода в обновленной редакции была опубликована только после смерти Екатерины II, в первом томе сочинений Державина 1808 г.; именно эта редакция и легла в основу перевода Бауринга.

[18] Стихотворения Карамзина размещены в антологии следующим образом: «Законы осуждают», 1793 («The song of Bornholm»); «Кладбище», 1792 («The churchyard»); «Осень», 1789 («Autumn»); «Лилея», 1795, («Lilea»); «Дурной вкус», 1799 («To Nicander»); «Эпитафия», 1797 («He managed to live a long life through»). Можно предположить, что выбор всех этих стихотворений для перевода был сделан Бауринго м не без помощи самого Карамзина; о личном знакомстве и беседе с ним Бауринга переводчик сам рассказывает во «Введении» к первому тому антологии («introduction», в первом издании — с. VIII, во втором — с. XVI). Стоит отметить также, что все переводы сделаны Бауринго м из первого тома «Сочинений» Карамзина, вышедшего в Москве в 1820 г., в котором были собраны его поэтические произведения. Основанием для такого предположения может служить то обстоятельство, что стихотворение «Кладбище», напечатанное в первый раз в «Московском журнале» 1792 г., имело другое заглавие — «Могила» (удержанное в переизданиях 1803 и 1814 гг.). См.: Н. К а р а м з и н. Соч., т. I. Стихотворения. Пг., 1917, с. 418. А. Кросс, говоря о переводах стихотворений Карамзина в Англии, замечает, что из всех одиннадцати переводов, сделанных Бауринго м, перевод «Кладбища», по-видимому, более всего понравился английским читателям: из антологии Бауринга он был перепечатан три раза в различных изданиях, в частности» в «New Edinburgh Review» (ср.: A. G. C r o s s. Karamzin in English.— «Canadian Slavic Studies», 1969, v. III, N 4, p. 720—722).

[19] В. А. Д е с н и ц к и й. Западноевропейские антологии и обозрения русской литературы, с. 205.

[20] П. А. П л е т н е в. Соч., т. III. СПб., 1885, с. 51.

[21] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II. СПб., 1896, с. 134.

[22] «Batavian Anthology», 1824.

[23] Хранящийся в ГПБ в Ленинграде экземпляр второго издания первой части антологии Бауринга (шифр: 13.2.8.78) поступил сюда из библиотеки чешского ученого-слависта Йозефа Юнгмана, о чем свидетельствует дарственная надпись на ней, сделанная Бауринго м: «Professor Jos. Jungmann with best regards of the translator» (Профессору Йозефу Юнгману с лучшими пожеланиями от переводчика). О популярности Бауринга среди многих деятелей чешского Возрождения и о переписке с ними см. ниже. Библиотека Й. Юнгмана поступила в Петербург в 1856 г. (См.: «Отчет имп. Публ. библиотеки за 1856 г.» СПб., 1857, с. 50—51). Среди книг, принадлежавших Юнгману, здесь хранятся доныне несколько трудов Бауринга, посвященных славянским литературам, а также двухгодовой комплект английского журнала «The Foreign Quarterly Review» (1827—1828), в котором публиковались статьи (в том числе и самого Бауринга), посвященные литературам славянских народов. Ср.: А. С. М ы л ь н и к о в. Библиотека Йозефа Юнгмана.— В кн.: «Литература славянских народов. Сборник статей», вып. 2. М., 1957, с. 97—114.

[24] «Russian Poetry».— «London Magazine», 1821, v. III, March, p. 321. Ср.: A. P. C o l e m a n. J. Bowring and the poetry of the slavs, p. 433.

[25] «The Literary Gazette and Journal of Belles Lettres, Arts, Sciences», 1821, N 245, 21 sept.

[26] «Journal des Savants» (Paris), août, p. 477—486. Ренуар (François-Juste-Marie Raynouard; 1761—1836), поэт и драматург, в октябре 1815 г. был избран членом парижской Академии надписей и изящной словесности, изучал средневековые романские литературы и стал секретарем Академии.

[27] «Сын Отечества», 1821, № 39, с. 282 (ценз. разр. 16 авг. 1821 г.). Н. И. Греч, несомненно, держал в руках первое, а не второе издание антологии Бауринга; об этом свидетельствует замечание, сделанное критиком о «Властителях и судиях» Державина: «Сие стихотворение г. Боуринг ошибкою приписал Ломоносову».

[28] «Сын Отечества», 1821, № 42, с. 49—52 (ценз. разр. 4 окт. 1821 г.). Далее перепечатан отзыв К. Кокреля (с. 52—72).

[29] А. Кросс приводит перечень рецензий на первый том антологии Бауринга, появившийся во многих английских журналах (к сожалению, мы не могли воспользоваться этим перечнем, так как большинство их отсутствует в наших книгохранилищах): «British Critic», «Eclectic Review», «Edinburgh Magazine», «European Magazine», «London Magazine», «Literary Gazette», «Literary Chronicle», «Monthly Magazine», «Monthly Review», «Monthly Repository», «New Edinburgh Review».— См.: A. C r o s s. Early English Specimens of

the Russian Poets.— «Canadian-American Slavic Studies», 1975, v. IX, N 4, p. 454, note 19.

[30] Большой архив Дж. Бауринга в значительной своей части утрачен был еще при его жизни (см. ниже, прим. 87), небольшая часть бумаг осталась в Англии. В 1910 г. чешский славист Ф. Худоба побывал в небольшом городе Торки (Torquay) в Девоншире, где они хранились, и снял копии с ряда писем, адресованных Бауринг славистами 20-х годов; под заглавием «Liste psané Johnu Bowringovi ve věcech české a Slovanské literatury» письма эти были напечатаны в изд.: «Sitzungsberichte d. Königl. Böhmischen Gesellschaft d. Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie», Jhg, 1912 (Prag, 1913), Abt. 11, s. 1—69. Среди других писем здесь напечатаны письма Ф. Аделунга (с. 58—61) и А. Шишкова (с. 61—67).

[31] F. C h u d o b a. Listy psané Johnu Bowringovi.., s. 57.— Говоря о сборнике национальной шведской поэзии, изданной Афцелиусом в Стокгольме, Аделунг имеет в виду сборник древнейших народных песен, изданных в 4 томах: F. G. G e y e r, A. A. A f z e l i u s. Svenska Folkvisor fran Forntiden. Stockholm, 1814; ниже упомянут подобный же сборник старинных датских песен, изданный Рабеком (Rahbek) и Ниерупом (Nyerup) (1812—1814). Упоминаемый Аделунгом «мой каталог языков» — это изданная им работа, перечень всех известных ему языков и наречий земного шара, без какой-либо их характеристики. Эта работа вышла в Петербурге на немецком языке в 1820 г.: «Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte». Von Friedrich Adelung Staatsrath etc. St.-Petersburg, Gedruckt bey Nic. Gretsch, 1820, (XIV + 185 SS.). С. К. Булич так характеризует этот труд в своем «Очерке истории языкознания в России» (т. I. СПб., 1904, с. 592—593): «Работа эта, долженствовавшая служить предварительным абрисом задуманного Аделунгом большого библиографического труда «Bibliotheca Glottica», в значительной своей доле основана на знаменитом труде дяди автора, Иоганна Христофора Аделунга (1732—1806). Число языков, приведенных в перечне Аделунга, в 1 $^1/_2$ раза больше числа их в «Митридате» его дяди и заключает в себе 987 названий азиатских языков, 587 европейских, 276 африканских и 1214 американских, всего же 3064 названия разных языков и наречий, тогда как в «Митридате» их было не более 2000. Однако такое увеличение числа языков, на которое с гордостью указывал автор труда, достигнуто было за счет научной точности и достоверности».

[32] F. C h u d o b a. Listy psané Johnu Bowringovi..., s. 57—58. В 1822 г. Н. И. Греч издал в Петербурге две книги: «Учебную книгу русской словесности» и «Опыт краткой истории русской словесности»; Аделунг, вероятно, говорит о второй из них. Упоминая обозрение финской литературы, сделанное проф. Раском (Rasmus Kristian Rask; 1787—1832), Аделунг, очевидно, имеет в виду переписку Раска с копенгагенским ученым, проф. Нюрупом, в которой дается характеристика новейших явлений в финской литературе; см.: венский журнал «Jahrbücher der Literatur», 1821, H. 15, S. 14 («Aus Briefen des Professors Rask an den Professors Nyerup, zu Kopenhagen»). Ниже, указывая на немецкие переводы финской рунической поэзии, Аделунг имел в виду книгу: J. R. v. S c h r ö t e r. Finnische Runen, finnisch und deutsch (Upsala, 1819). Финским рунам впоследствии Бауринг посвятил статью, опубликованную в «Westminster Review». См. ниже, в прим. 87. Herfort-College — это ошибочное написание Hertford-College в Оксфорде.

[33] F. C h u d o b a. Listy psané Johnu Bowringovi..., s. 58—61. В письме упомянуты книгопродавец Риттер в Риге, являвшийся комиссионером петербургской Академии. Далее идет речь о Николае Семеновиче Мордвинове (1754—1845) и Михаиле Михайловиче Сперанском (1772—1839), русских государственных деятелях, интересовавшихся идеями И. Бентама. Под «трудом г. Ли» (Mr. Lee), вероятно, имеется в виду книга английского ориенталиста Сэмьюэла Ли (1773—1852), скорее всего — его «Silloge Librorum Orientalium» (1821); «трактат Фрея» — вероятно, одна из работ филолога Германа Фрея (Herman Frey). Чешский комментатор этого письма Ф. Худоба не мог объяснить, кого имеет в виду Аделунг, упоминая принадлежащий Бауринг «Экземпляр переводов фон дер Борга»; речь идет о книге: Fr. v. d. B o r g. Poetische Erzeugnisse d. Russen, Bd. I. Dorpat, 1820; изд. 2-е: Riga, und Dorpat, 1823. О ней см. ниже, прим. 81. Стихотворение В. А. Жуковского «Императору Александру. Послание» впервые было напечатано отдельной брошюрой (СПб., 1815). Однако перевод Раупаха, на который ссылается Аделунг, нам неизвестен; о нем не упоминается ни в перечнях переводов произведений Жуковского на иностранных языках, ни в указателях произведений Э. Раупаха (E. B. S. Raupach; 1784—1852), состоявшего в 1816—1822 гг. профессором Петербургского педагогического института. Финский поэт и просветитель Яакко Юден или Ютейни (1781—1855), соратник Э. Лёнрота. О Ермаке действительно идет речь в IX томе «Истории государства Российского» Карамзина. Сведения о нем были нужны Бауринг в связи с переводом в «Российской антологии» стихотворения И. И. Дмитриева, одного из первых русских поэтических произведений на эту историческую тему (1791).

[34] «Autobiographical recollections by J. Bowring», p. 123.

[35] Значение пособий А. В. Таппе для знакомства Бауринга с русским языком и его переводческой деятельности подчеркнуто А. Колменом (A. P. C o l e m a n. J. Bowring and the poetry of the Slavs, p. 422—423). Многочисленные издания этих пособий перечислены в «Catalogue de la section des russica», t. II, p. 398, N 118—133; см. о них также: С. К. Б у л и ч. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, с. 733.

[36] Бостонское издание «Российской антологии» («Specimens of the Russian poets») 1822 г. описано в кн.: «A Catalog of books represented by library of Congress printed cards», v. 18, Ann Arbor, Michigan, 1948, p. 47; A. P. C o l e m a n. John Bowring

and the poetry of the Slavs, p. 431; Aniela K o w a l s k a. John Bowring—tłumacz poetów slowiańskich. — «Slavia Orientalis» (Warszawa), 1963, Ročn. XII, N 1, s. 58—59.

[37] A. P. C o l e m a n. Op. cit., p. 431—432.

[38] Н. Н. Б о л х о в и т и н о в. Русско-американские отношения (1815—1832). М., 1975, с. 544—547.

[39] «Christian Disciple», 1822, p. 371 (цит. по кн. Н. Н. Болховитинова, с. 545).

[40] Там же, с. 372. Н. Н. Болховитинов в указанной книге, однако, опрометчиво заявляет, что «ознакомление с антологией, составленной Дж. Баурингом, в общем подтверждает лестное мнение рецензентов», и слишком поспешно соглашается с теми, кто считает, что будто бы произведения русских поэтов даны Баурингом «в достаточно квалифицированном и, как правило, точном переводе на английский язык» (с. 545).

[41] О Уильяме Д. Льюисе см. в указанной книге Н. Н. Болховитинова, с. 40—41, 366—369, 551—554. См. также. «Dictionary of American Biography», v. IX, 1946, p. 206—227 (статью о Льюисе John H. Frederic); N. E. S a u l. America's first student of Russian: William David Lewis of Philadelphia.— «Pennsylvania Magazine of History and Biography», 1972, v. XCVI, N 4, October, p. 464—479.

[42] Биографы У. Д. Льюиса отмечают, что со времени своего приезда в Россию в мае 1814 г. Льюис начал изучать русский язык и серьезно интересоваться русской литературой; в августе 1814 г. он ездил в Москву, «где было больше возможностей для практики в разговорном языке». Льюис также побывал в Твери, Туле, Калуге, посетил Бородино, а осенью 1815 г. вернулся в Петербург. Тогда же началась его переводческая деятельность: в 1814 г. он перевел «Путешествие в полуденную Россию» В. Измайлова и в 1815 г. «Приключения... флота капитан-лейтенанта Головнина в плену у японцев». Возвратившись в Петербург, Льюис попал в круг Н. И. Греча, который ввел его в дом Державина. Тогда же Льюис начал переводить стихотворения русских поэтов. Четверть века спустя Льюис издал книгу своих переводов, которая открывалась поэмой Пушкина «Бахчисарайский фонтан« (The Bacchesaraian Fountain by Alexander Pooshkeen and other Poems by Various Authors». Philadelphia, 1849. Сочувственная рецензия Н. И. Греча на эту книгу появилась в «Северной пчеле», 1851, 18 июля). Ср.: Albert P a r r y. America learns Russian. A History of the teaching of the Russian Language in the United States. Syracuse, 1967, p. 31—32.

[43] Между американскими и английскими славистами уже давно возник спор о том, английская ли или американская литература первой начала публиковать стихотворные переводы из русских поэтов на английском языке. Американский профессор Лео Винер (Leo Wiener), издавший в Нью-Йорке в 1903 г. свою «Антологию русской поэзии» (Anthology of the Russian Poetry»), этого отдаленного потомка бауринговских сборников (в которой, между прочим, перепечатаны и некоторые из переводов Бауринга), заявил в своей книге, что честь «открытия» русской поэзии для англо-саксонского мира принадлежит не английской, а американской литературе, так как Льюис (W. D. Lewis) в одном филадельфийском периодическом издании («National Gazette and Literary Rigister of Philadelphia») напечатал в своем переводе несколько строф Нелединского-Мелецкого; они были опубликованы здесь в номере от 31 января 1821 г., следовательно, еще до появления первого тома антологии Бауринга в Лондоне. Английский славист Э. А. Осборн (E. A. Osborne) возражал Лео Винеру, напоминая, что свою первую книгу Льюис напечатал лишь в 1849 г., а к 1820-м годам относятся лишь журнальные публикации этого американского писателя, между тем как подготовка к печати «такого тома, как бауринговский с рассуждением о русской поэзии», в особенности если принять во внимание «трудности перевода и метрической перемены» (the difficulties o' transliteration and metrical transmutation), «требовали более длительного рассмотрения и подготовки, чем перевод шести русских строф, которые, кстати, находятся также и в бауринговском сборнике» (E. O s b o r n e. Early translations from the Russian. The Bookman, London, 1932, t. LXXXII, p. 216). Этот давний спор периодически возобновлялся. Американец Кларенс А. Меннинг называл У. Д. Льюиса, по всей вероятности, «первым настоящим переводчиком (translator) в англо-саксонском мире» (C. A. M a n n i n g. A History of Slavic Studies in the United States.— «Marquette Slavic Studies», (Milwaukee), v. III, p. 18—19); Дороти Брюстер отдавала предпочтение Д. Бауringу (Dorothy B r e w s t e r. East-west passage. A Study in Literary Relationships. London, s. a. <1924>, p. 46).

[44] Я. К. Грот в примечаниях к «Сочинениям» Державина, в краткой биографической справке о Бауринге замечает, что он, «был замешан, кажется, в деле о растрате греческого займа, был арестован при обратном проезде через Францию в Англию и заключен в Булонской тюрьме, откуда и посвятил 2-й том своей Антологии имп. Александру» (т. IX, с. 528).

[45] «Details of the Arrest, Imprisonment and Liberation of an Englishman by the Bourbon government of France» (1822); упоминаемая в «Каталоге Национальной библиотеки Франции» брошюра, видимо, того же содержания: «Considération sur l'arrestation de John Bowring et sur sa translation de la prison de Calais dans celle de Boulogne». R. Taylor, London, 1822 (28 pp.). В 1830 г. Бауринг стал автором адреса от лондонских граждан с поздравлениями французскому народу по поводу июльской революции. Он возглавил также английскую делегацию, которая была направлена в Париж с адресом по поцарении Луи-Филиппа.

[46] J. B o w r i n g. Российская антология. Specimens of Russian poets, part the second. London, 1823, p. XX.

[47] Морис Лайн (Maurice B. L i n e. A Bibliography of Russian literature in English translations... London, 1963, p. 12) утверждает, что существует также второе издание второй части антологии Бауринга; однако единственное различие между ними заключается в том, что в более раннем издании напечатано 54 стихотворения русских авторов, а в более позднем — 56. Я не мог проверить этого указания; экземпляры второй части, бывшие в моих руках, не отличались друг от друга.

[48] Начало песни «Стонет сизый голубочек...» (четыре первых стиха) в качестве образца «трохеических» семисложных и восьмисложных стихов приведено с ошибочной подписью «Державин» во «Введении» к первой части (второго издания) на с. XXIX. После русского текста дается следующий перевод:

Deeply sighs the little wood-dove,
Deeply sighs he day and night;
His beloved heart companion
Far away has wing'd her flight.

Во второй части (с. 53—54) то же стихотворение приводится в другом переводе, с заглавием в русской транскрипции: «Stonet sisii golubochik», но уже с именем подлинного автора — И. И. Дмитриева:

Once a gentle turtle-dove
Night and day dishearten'd mourn'd
He was widow'd of his love,
She had fled, but not return'd.

[49] См. во второй части «Российской антологии» эту балладу Жуковского под заглавием «Catherine» (с. 92—105). Отметим, что от издания к изданию своей антологии Бауринг постепенно расширял замечания о Жуковском. В первом издании ее первой части Жуковскому было посвящено лишь несколько строк (с. IX): Бауринг упомянул здесь о превосходных стихотворных переводах Жуковского, в частности, о его балладе «Людмила» («Liudmilla») — подражании «Леноре» Бюргера,— которое считают «более прекрасным и сильным, чем самый оригинал». Во втором издании первой части антологии о Жуковском говорится много больше (с. XVII—XVIII): здесь Бауринг вновь восхваляет русского поэта как искусного переводчика с немецкого, французского и английского языков, и в особенности восхищается переводом элегии Грея, из которого приводится даже русская цитата, как и из перевода Жуковского «Пустынника» («The Hermit») Голдсмита (с ошибкой в последнем стихе); здесь же опять названа баллада «Людмила» (с. XIX), а не «Светлана». См. также в кн.: В. И. К у л е ш о в. Литературные связи России и Западной Европы в XIX в. М., 1965, с. 263—273 (глава: Жуковский, Батюшков в иностранных антологиях русской литературы).

[50] Впервые стихотворение Д. Давыдова «Мудрость» опубликовано было в «Собрании русских стихотворений». Изд. В. Жуковского, ч. II, 1810, с. 215.

[51] О «Падении листьев» М. В. Милонова см.: Евгения К л е в е н с к а я. Пушкин и Мильвуа.— «Русская старина», 1902, № 12, с. 603—604; С. В. С а в ч е н к о. Элегия Ленского и французская элегия.— В кн.: «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, с. 75; Б. В. Т о м а ш е в с к и й. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 90—91. Указание на то, что «Fall of the Leaf» Бауринга есть «перевод перевода», сделал еще С. Бев, говоря о «Российской антологии». Бауринг не знал также, что стихотворение Жуковского «Тоска по милом» (у него озаглавлено «Romance») — перевод из «Пикколомини» Шиллера.

[52] А. Ф. М е р з л я к о в. Стихотворения. Л., 1958. с. 13, 306 (во вступительной статье и примечаниях Ю. М. Лотмана). «Ода на разрушение Вавилона» появилась первоначально в «Вестнике Европы», 1805, № 11; слегка измененная впоследствии Мерзляковым с целью затушевать политическую направленность стихотворения, ода вошла в хрестоматию: «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах». СПб., 1815, с. 35—39. По этой измененной редакции сделан и перевод Бауринга (с. 156—166).

[53] В переводе Бауринга: «Duett» (с. 229—232). Текст этого диалогического стихотворения Мерзлякова к украинской песне Климовского (см. выше, гл. II, прим. 154) отношения не имеет; это — сентиментальная пастораль без каких-либо национальных признаков: приводим начало «Дуэта»:

П е р в ы й г о л о с

В час разлуки пастушок
Слезный взор склоня в поток
Говорил своей любезной:
«Нет, тому не быть!»
«Нет, не будешь ты моя:
Ты богата — беден я,
Будь счастлива, будь спокойна;
Пусть один терплю». . . и т. д.

Перевод Бауринга на этот раз довольно близок к тексту подлинника.

[54] Во втором издании первой части антологии помещены две песни» (songs) Ю. А. Нелединского-Мелецкого (1752—1828), обе стали народными и встречались в песенниках на-

чала XIX в. Это: 1) «Выйду ль я на реченьку...», образцом которой послужила подлинно народная песня из сборника Львова-Прача. У Бауринга (с. 187—188), однако, «реченька» стала «ручейком»:

To the streamlet I'll repair,
Look upon its flight, and say:
Bear o, fleeting streamlet! bear
All my griefs with thine away...

1) «Милая вечор сидела, под кустом у ручейка...», где, в свою очередь, в переводе Бауринга (с. 185—186) «куст» превратился в «дуб»:

Under the oak-tree, near the rill,
Sits my fair maiden at evening still...

Эти «песни» Нелединского-Мелецкого см. в сб.: «Песни и романсы русских поэтов». Ред. В. Гусева. М.— Л., 1965, с. 130—132.

[55] У Бауринга (Part II, p. 235—236) это стихотворение Г. А. Хованского озаглавлено по первой строке, сообщенной в транскрипции латиницей: «Ya vechor v lugach gulyala». Это известное стихотворение «Незабудочка» (1796):

Я вечор в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать.

Пелась «Незабудочка» также на голос «Выйду ль я на реченьку...»; она была популярна в течение всего XIX в., проникла в лубок. См.: «Песни и романсы русских поэтов», с. 166—167 и 987.

[56] А. Ф. Мерзляков. Стихотворения. Л., 1958, с. 57—58. (текст); комментарий Ю. М. Лотмана, с. 291—292.

[57] А. Ф. Мерзляков. Стихотворения, с. 63, 293—294; «Песни и романсы русских поэтов», с. 218, 219 (нотный текст).

[58] «Песни и романсы русских поэтов», с. 168—169, 986. Характерно, что и в данном случае Бауринг был неудовлетворен русским уменьшительным именем «Катенька» и переделал его на «Мэри».

[59] Н. Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. СПб., 1912, с. 78—79.

[60] «Песни и романсы русских поэтов», с. 990.

[61] «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. IX. СПб., 1883, с. 528.

[62] См.: «Введение» ко II части «Антологии» (1823), с XIV—XV; В. А. Десницкий. Западноевропейские антологии, с. 202.

[63] «Foreign Quarterly Review», 1827, v. I, November, p. 595—629.

[64] Автором этой неподписанной статьи А. Колмен «John Bowring and the poetry of the Slavs», p. 435—439), кроме издателя журнала Дж. Кокрена, называет также Виктора (Ивана) Смирнова (сына лондонского священника Я. И. Смирнова); однако А. Кросс («Русское посольство в Лондоне», с. 102) называет его «братом» Якова Ивановича и именует его «Иваном», как назывался сын священника и дипломат.

[65] См. заметку о Бауринге: «Сочинения Державина», т. IX. СПб., 1883, с. 526—528.

[66] Н. Г. ‹Греч›. О новой английской книге «Русская антология».— «Сын Отечества», 1821, № 42, с. 49.

[67] См. предисловие к первой части «Russian Anthology» и биографическую заметку о Жуковском (с. 255).

[68] А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. СПб., 1904, с. 335—336.

[69] А. Бестужев. Русская антология, или Образчики русских поэтов Дж. Бауринга.— «Литературные листки», изд. Ф. Булгариным, 1824, № 19—20, с. 32—45 (речь идет о стихотворении Батюшкова «Разлука»); Пушкин. Письма к А. А. Бестужеву (после 25 января 1825 г.).— Пушкин, т. XIII, с. 139.

[70] См. вступительную заметку Томаса Шоу (Thomas B. Shaw) к переводу «Аммалат Бека» А. А. Бестужева-Марлинского.— «Blackwood's Magazine», 1843, v. LIII, March, p. 282—283; A. P. Coleman. John Bowring and the poetry of the Slavs, p. 432; A. Cross. Early English specimens, p. 457.

[71] О роли Бауринга в «Westminster Review» см.: G. Nesbitt. Benthamite Reviewing. N. Y., 1934, p. 123.

[72] Перечень книг, изданных Бауингом, мы заимствуем из статьи о нем в «Dictionary of National Biography», а также из биографической заметки «Бауринг» в изд.: «The poets and the poetry of the century», ed. by Alfred Miles. London, Hutchinson, s. a., p. 147—150.

[73] Сопоставление Бауринга с кардиналом Джузеппе Меццофанти (1774—1849), действительно владевшим более чем ста языками, и видным немецким лингвистом Гансом фон Габленцом (1814—1874), изучившим восемьдесят языков, приведенное в «Британской энциклопедии», цитировано в кн.: В. А. Францев. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX в. Прага, 1906, с. 267.

[74] «Отечественные записки», 1857, т. CXII, отд. IV, Смесь, с. 124 (о книге Бауринга «Kingdom and people of Siam», 1857). Конечно, перечень языков, которыми будто бы владел Бауринг, не соответствовал действительности. Отметим, кстати, одно недоразумение: среди языков, изучением которых будто бы занимался Бауринг, в указанном перечне фигурирует эстонский; такое указание действительно встречается и в других источниках (например, в известном «Grand Dictionnaire Universel» Ларусса v. 2, p. 1170, art. «Bowring»). Однако оно не подтвердилось, как и известие о том, что он составлял антологию эстонской поэзии. В связи с этим, однако, укажем, что в Отделе рукописей Научной библиотеки Тартуского университета хранятся три неопубликованных письма Бауринга к профессору университета Моргенштерну (от 27 и 28 декабря 1819 г. и от 31 января 1820 г.) на английском и французском языках (шифр: Briefe an Morgenstern, VII, p. 117—119). Этим сообщением я обязан любезности С. Г. Исакова.

[75] И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. II. М., 1911, с. 77.

[76] См.: V. Jovanovitch. La «Guzla» de Prosper Mérimée. Etude d'histoire romantique. Paris, 1911, в которой имеется особая глава: «Merimée et John Bowring» (с. 472—482); ранее тот же автор опубликовал результаты своих предварительных разысканий: Војислав М. Јовановић. Ћон Бауринг и српска народна поезија) («Српски књижевни гласник», 1908, кн. XXI, 1 јул, с. 36—39). Вук Караджич в письме к Баурингу из Вены (от 12 января н. с. 1827 г.) обращался к нему на русском языке: «извините, милостивый государь, что я не ответствую Вам тем языком, которым Вы писали мне. Кроме моего отечественного языка, я не знаю писать никаким иным, разве в случае нужды российским, а я знаю, что и Вы также по-российски знаете хорошо. Вы же и в будущем изволите мне писать по-французски» (F. Chudoba. Listy psané Johnu Bowringovi... В этой публикации напечатаны по подлинникам письма к Баурингу многих славянских ученых и писателей: П. Шафарика, И. Добровского, Комара, Ф. Л. Челаковского, Копитара, К. Бродзинского, Кр. Ляха Ширмы и др.).

[77] V. Jovanovitch. Op. cit., p. 477. Ср. замечание самой Тальфи (Talvj — псевдоним дочери харьковского профессора Якоба Терезы, состоящий из инициалов ее полного имени: Teresa Albertine Louise von Jacob, бывшей замужем за американцем Робинсоном): «Historical View of the Slavic Languages and Literatures». N. Y. 1860; Ср. заметку: Karel Paul. J. Bowring, Talvj-Robinsonova a P. I. Safarik.— «Slavia», 1930, Ročn. IX, sešit 2, s. 329—339. Подробнее о Тальфи и ее изучении славянского фольклора см.: Hermann Michel. Zu Talvis «Characteristik der Volkslieder».— «Leitschrift d. Vereins für Volkskunde», Bd. XXV, S. 189—205. В 1912 г. Войслав Йованович опубликовал в венском славистическом журнале письмо к Баурингу П. И. Шафарика от 17 декабря 1826 г., в котором Шафарик очень сочувственно отзывался о славянских антологиях Бауринга и пытался заинтересовать последнего «Краледворской рукописью», изданной В. Ганкой в Праге в 1819 г. См.: Vojislav Jovanovič. Ein Brief P. I. Safarik an John Bowring.— «Archiv für Slavische Philologie», Berlin, 1912, S. 615—617. См. также: Otokar Odložilik. Dobrovsky a anglicky slavista John Bowring. В кн.: Josef Dobrovsky. Sbornik stati. Praha, 1929, s. 252—258. Еще известный английский славист У. Морфилл в своей статье о важности изучения славянских языков подчеркивал, что славянские антологии Бауринга были неудачны, так как страдали многими недостатками (см.: W. R. Morfill. An essay of the importance of the study of the Slavic languages. London, 1890; «Исторический вестник», 1890, 4, с. 215).

[78] Среди рукописей Народного музея в Праге хранится ряд писем Бауринга к чешским писателям и ученым — Ф. Челаковскому, Ганке и др.,— которые были опубликованы в статье: Robert Beer. Korrespondence Johna Bowringa do čech («Sitzungsberichte d. kgl. Böhm. Gesellschaft d. Wissenschaften». Klasse für Philosophie, Gesch. u. Philologie, Jhg. 1904, Prag, 1905, XI, s. 1—23. Вместе с письмами к Баурингу, опубликованными Ф. Худобой (см. прим. 30), они дают довольно ясное представление о том, как поверхностно знал Бауринг славянский мир и его языки.

[79] О занятиях Бауринга венгерской литературой существует обширное исследование. А. Варнаи (A. Varannai. John Bowring and Hungarian Literature.— «Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungariae» (Budapest), 1963, т. VI, fasc. 1—2, p. 100—148; fasc. 3—4, p. 287—319). В первой части этой работы идет речь о ранних попытках Бауринга познакомиться с венгерским языком и литературой в связи с подготовкой к печати его книги «Поэзия венгров» («Poetry of the Magyars». Preceded by a Sketch of the Language of Hungary and Transylvania. London, 1830); во второй части рассматриваются главным образом поздние переводы Бауринга из Петефи, вышедшие отдельной книгой в 1866 г. Хотя в свою антологию Бауринг включил специально написанный им особый очерк о венгерском языке, а на титульном листе книги красовался эпиграф на этом же языке из стихотворения К. Кишфалуди (столь же непонятный английским читателям того времени, как и русский эпиграф из Батюшкова в его «Российской антологии»), но из ряда отзывов венгерских современников Бауринга явствует, что в 20—30-е годы он знал венгерский язык плохо или не знал его вовсе и, разумеется, о венгерской литературе имел крайне недостаточные сведения. Задача его была облегчена тем, что незадолго перед тем появились пособия на немецком языке, на которые можно было опереться в изучениях подобного рода: J. Mailath. Magyarische Gedichte (Stuttgart u. Tübingen, 1825) или Ferenc Toldy und Fenyeri. Handbuch der Ungarischen Poesie, I, II (Pest und Wien, 1828) и др. Когда в 1830 г. венгерская антология Бауринга вышла в свет, в первом томе журнала «Frazer's Magazine» за этот год помещен был весьма ядовитый отзыв на нее; анонимный критик всячески издевался не только над английским переводчиком,

но и над «красотами» самого венгерского языка, столь изобилующего согласными («multiconsonanted»). Прикидываясь знатоком и ценителем этого языка, критик притворно упрекал Бауринга за то, что тот допустил оплошность, не сделав для своей антологии перевода «изумительных строф» (marvellous stanzas) знаменитого венгерского лирика Чоконаи (Czokonai; 1773—1805), будто бы начинающихся следующими стихами:

Azvtv, azvtv, negptq gpm,
Mltdn dagcr lfftz...

За этой бессмысленной заумью следовала столь же издевательски пародированная эпиграмма, якобы принадлежащая перу того же поэта «To Pikke Megge» («Благочестивой девушке»), сопровождаемая столь же юмористически звучащим якобы английским ее переводом (A. Varannai, p. 143). Впрочем, венгерский исследователь еще раз воспроизводит легенду о необычных способностях Бауринга к освоению новых языков и перечисляет те из них, которыми будто бы Бауринг владел: французский, испанский, португальский, итальянский, немецкий, голландский, китайский, славянские... (A. V a r a n n a i, p. 111). В статье А. Варнаи идет речь попутно также о «Российской антологии» Бауринга, но автор допускает ряд фактических ошибок (в частности Ф. П. Аделунга он именует президентом петербургской Академии) и слишком высоко оценивает деятельность Бауринга по популяризации славянских языков и литератур. О «Российской антологии» А. Варнаи также опрометчиво судит как о книге, которая «первой открыла взорам Запада далекую русскую поэзию с удивительным успехом. Переводы отличались верностью и поэтическими качествами... Выбор был очень удачен... Имп. Александр наградил высоким отличием первого ценителя (!) (first appraiser) русской литературы» (с. 109).

[80] A. P. C o l e m a n. John Bowring and poetry of the Slavs, p. 431—459; ср. также замечание в кн.: B. K u r t z. Methods and Materials of Literary Criticism. Boston 1920, p. 352—353: «Антология русской поэзии Бауринга страдает от недостаточного знакомства с русским языком».

[81] «Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота», т. IX. СПб., 1883, с. 528. «Немецкий сборник» — книга «Poetische Erzeugnisse der Russen» фон Борга (Karl Friedrich von der Borg; 1794—1848), вышедшая в Дерпте в двух томах в 1821—1823 гг., следовательно, почти одновременно с антологией Бауринга; см. о ней: «Языковский архив», т. I. СПб., 1913, с. 446—447. В статье «Разбор фон-дер Борговых переводов русских стихотворений» («Сын Отечества», 1825, ч. 103, № 17, с. 68—83) Кюхельбекер замечает, что эти переводы «не в пример ближе к подлинникам <...> переложений английских Боуринга, из которых последние, однако же, заслуживают некоторую признательность».— В. К. К ю х е л ь б е к е р. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 492. Ср. прим. 68.

[82] Б. К а з а н с к и й. Западноевропейская критика о Пушкине.— «Лит. критик», 1937, № 4, с. 114—115.

[83] А. В ы ш е с л а в ц е в. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 гг. СПб., 1867, с. 187—188, 190—191.— Отметим, кстати, что рецензия на книгу Бауринга «Сиамские короли» помещена была в «Отечественных записках» (1857, ч. CXII, отд. IV, с. 124—127), где по этому поводу вспоминали и о юношеских занятиях его русской литературой. Русские некрологи его появились в «Иллюстрированной газете» (1872, № 49, с. 376) и в «С.-Петербургских ведомостях» (1872, № 356). О Бауринге поздних лет см. еще: «Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу». М., 1932, с. 105.

[84] Сошлемся, например, на журнал «Московский телеграф» (1828, № 8, с. 414—415), где помещен отзыв о двух изданиях Бауринга: «Wybór Poezji Polskiej. Specimens of the Polish poets» («Избранные польские стихотворения»). Лондон, 1827 и «Translations from the Servian Minstrelsy; to which are Added some Specimens of Anglo-Norman Romance» («Переводы из сербских стихотворений, с присовокуплением англо-норманских песен»). Лондон, 1826, in — 4°): «Вот два новые опыта перевода Боуринга. Издав выбор из русских поэтов, Боуринг, необыкновенный практический лингвист и отличный переводчик, издал выбор испанских стихотворений. Потом, обращаясь вновь к славянским языкам, переводы из сербских песен, собранных Вуком Стефановичем, и, наконец, выбор стихотворений польских. Теперь занимается он Антологией венгерской и Антологией богемской. Общий характер переводов Боуринга: точность, верность, искусство передавать дух подлинника. Общий недостаток — неразборчивость в выборе пьес для перевода. Так, в русскую его антологию попались пьесы, которых и в подлиннике никто не читает; так и в польском выборе: подле Кохановского, Красицкого и Немцевича, встречаются сочинения Ширмы, Венгерского, Гавинского. Не говоря о неразборчивости к старым, непростительно было переводчику в 1828 г. не знать Мицкевича и Залеского. Выбор сербских стихотворений удачнее. Приложение к ним англо-саксонских песен подает повод к любопытным сравнениям. История польской словесности, кратко изложенная Боурингом, основана на старых системах истории польской литературы. Для знающих английский язык выписываем в образчик перевод сербской песни, которую переводчик назвал: «The lover's blessing». К сожалению, не имея под рукою подлинника, не можем присовокупить оригинала или русского перевода». Всего приведено четыре четверостишия. Начало:

The wild hawk sat the dark night long,
Beside the window of Melan,

And ever and anon her song
Thus sharp and clear began etc.

[85] Robert B e e r. Korrespondence Johna Bowringa do Cech, s. 95.

[86] А. А. К о ч у б и н с к и й. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1888. Ряд писем к А. С. Шишкову польских, сербских и чешских славистов опубликован в кн.: «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова». Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, т. II. Берлин, 1870.

[87] F. C h u d o b a. Listy psané Johnu Bowringovi..., s. 1—69. (см. прим. 76). Письмо Шишкова напечатано здесь на с. 61—62. Отметим, что, говоря о полученной им от Бауринга статье о рунах в Финляндии, Шишков имеет в виду его статью «On the runes of Finland» (London, 1827) — оттиск из VII тома «Westminster Review» (см.: «Catalogue de la section des Russica», t. I, p. 164; G. N e s b i t t. Benthamite Reviewing. N. Y., 1934, p. 178). Ср. выше, прим. к письму Ф. Аделунга от 22 июня 1822 г. Книга д-ра Й. Юнгмана — это «Geschichte der böhmischen Literatur». Что касается просьб, обращенных Шишковым к Бауринту, то характерно, что он называет именно те книги, о которых был отзыв в августовской книжке «Московского телеграфа» за 1828 г. (см. прим. 84). В качестве президента Российской академии А. С. Шишков еще в 1821 г. пытался наладить связи с лондонским «Королевским обществом» и с Эдинбургским университетом. В самом письме «от Российской академии к лондонскому ученому обществу, называемому «Royal Society», Шишков, в частности, писал, что Российская академия «имела всегда великое уважение к английскому языку сколько по знаменитости народа, употребляющего оный, столько же и по многим изданным на нем превосходным произведениям». Посредником между ним и научными учреждениями Англии и Шотландии Шишков просил быть русского посла графа Х. А. Ливена и священника Я. И. Смирнова (см.: «Записки, мнения и переписка адм. А. С. Шишкова», т. II. Берлин, 1870, с. 401—403).

Судьба бумаг Дж. Бауринга, оставшихся после его смерти, довольно печальна. За свою долгую жизнь он получил много писем, хранившихся у его наследников в нескольких больших коробках; однако это были лишь остатки огромного, в значительной степени еще при его жизни утраченного им или рассеявшегося архива. Старший сын Бауринга Lewin B. (Bentham) Bowring, также умерший в преклонных годах (15 января 1910 г.), оставил своему сыну Уилфриду небольшое земельное владение в г. Торки (Torquay), в Девоншире, где и хранились оставшиеся бумаги семьи. В 1910 г. наследников Баурингов посетил чешский славист Ф. Худоба, разыскивавший письма славянских писателей к Джону Баурингу — составителю славянских антологий, о которых у нас речь шла выше; кое-что немногое из того, что сохранилось у наследников из обширного эпистолярного архива, Ф. Худоба видел, описал и частично издал в большой статье «Listy psané Johnu Bowringovi..., откуда мы заимствовали приведенные выше письма Ф. П. Аделунга и А. С. Шишкова. В предисловии к этой публикации Ф. Худоба рассказал немногое, что ему было известно о судьбе бауринговских бумаг. Как известно, Джон Бауринг некоторое время жил на Дальнем Востоке, являясь губернатором Гонконга. В 1854 г., возвращаясь в Европу, он потерпел кораблекрушение в Красном море, при этом часть бумаг и переписки, которую он вез с собою, была погребена в волнах, часть сохранилась, но была испорчена морской водой. По свидетельству наследников его имущества, старший сын Джона Бауринга находился в затруднении, как поступить с большим количеством писем, адресованных его отцу: он сам являлся чиновником английской администрации в Индии и долгое время отсутствовал в Англии; в конце концов из многих тысяч этих писем и рукописей он выбрал лишь несколько сот, распределил их на восемь частей, по странам и языкам, на которых они были написаны, и сложил их в соответственные папки. Вероятно, из этих одной или нескольких папок Ф. Худоба и извлек и опубликовал письма славянских писателей и ученых. Мы догадываемся, однако, что дальнейшее рассеяние этого ценного архива продолжалось. Сын Бауринга после смерти отца (в 1872 г.) уже в 1873 г. подарил Британскому музею рукопись д-ра Руми (George Carl Rumy), написанную в Вене в 1828 г., «Magyarische Anthologie», собрание венгерских песен и поэтических текстов в оригинале с немецким переводом — один из важнейших первоисточников аналогичной поэтической хрестоматии «Поэзия венгров» самого Дж. Бауринга: эта рукопись и поныне хранится в Британском музее (Add. MS. 29538) (см. A. V a r a n n a i. J. Bowring and Hungarian Literature, p. 146, Note 23). Но некоторые бумаги, бывшие у Бауринга (в том числе письма его венгерских корреспондентов), попали и в хранилища континентальной Европы. В 20-е годы, в период путешествий и создания его главных антологий, у Бауринга обнаружилась страсть к собиранию автографов: он завел альбом, в котором объединялись добытые им рукописания чем-либо примечательных людей. «Я хочу собрать автографы известных лиц,— писал Бауринг Ф. Л. Челаковскому 31 октября 1827 г.,— от ваших поэтов лоскутки богемской поэзии, с их подписями. Мой альбом представляет собой необычайное собрание. А так как я имел весьма многочисленные сношения с выдающимися писателями, уверяю вас, что вы попадете в лучшее общество» (R. B e e r. Korrespondence Johna Bowringa do Cech, s. 12). Где находится сейчас этот альбом, представлявший несомненную ценность, по мнению его владельца, мы не знаем; зато нам известно, что таких альбомов у Бауринга, вероятно, было несколько и что один из них хранится ныне в Москве, в Отделе письменных источников Гос. Исторического музея, куда поступил из собрания А. А. Бахрушина (Ф. 1, № 266); предшествовавшая ему история остается неясной; он заполнялся автографи-

ческими записями (или вклейками) в 20-е годы (начиная с 1821 г.); последние записи относятся к 30-м годам.

Чтобы дать представление о содержании этого альбома, приводим краткий перечень тех лиц, автографы которых в нем сосредоточены: «первая запись на л. 10 об.: Juan Batbedas (Мадрид, 18.I.1822); л. 12: Francisco Martinez de la Rosa (Мадрид, 21.XI.1821); л. 14—15: Martin Fernan de Navarette (Мадрид, 1.XII, 1821); л. 16: Manuel Jose Quintana (Мадрид, 14.XII, 1821); л. 19 об.: Joaquin Lorenzo Villanueva (21.XII.1821); л. 20: Felipe Bausá (26.XII.1821); л. 21: Sebastian Minaus (27.XII.1821); л. 24: 29.XII.1821; л. 26: Santiago Jonama (16.I.1822); л. 30: Juan Serrano; л. 40: Fernando Blanco Whise (27.I.1822); л. 41—43: José M. Negato; л. 42 об.— 44, 50 об.: записи на португальском яз.; л. 55—60: записи на итальянском языке; л. 61: запись на голландском языке (Leiden, 21.IV.1823); л. 70—71 об.: J. T. Echeverria (London, 24.VI.1828); л. 103—104: Эмерсон — стихотворение о борьбе Греции за независимость (1824); л. 108: Ф. Купер (запись от 20.IV.1828, Лондон); л. 112—113 об.: Manuel de Alvarado; л. 125: записи на венгерском языке; л. 138: рисунок пером В. Линтона; л. 141: записи на польском яз.; л. 119—122: Mary Wollstonecraft Shelley. On reading Wordsworth (written 25 Dec. 1825 — London 4.I.1830), издано; л. 122: запись Вашингтона Ирвинга (W. Irving. 8 March 1830) и др.

[88] «Goethes Bibliothek. Katalog». Bearbeiter der Ausgabe Hans Ruppert. Weimar, 1958, S. 248 und 250 (N 1757). Второе издание «Российской антологии» имеет автографическую надпись Бауринга: «To the Illustrious Goethe with the expression of admiration and reverence of the translator».

[89] «Goethes Werke». Sophienausgabe, Bd. 41. Weimar, 1903. S. 312—313.

[90] Письмо Гёте к Н. Борхардту от 1 мая 1828 г.— Goethe — Briefe. Herausgegeben von Philipp Stein, Bd. VIII. Berlin, 1905, S. 213—215; ср.: «Московский вестник», 1828, ч. IX, № 11, с. 326; «Под знаменем науки. Сборник в честь Н. И. Стороженко». М., 1902, с. 181.

[91] Chr. Niemeyer. Über die russische Dichter.— «Zeitung für elegante Welt», 1822, N 166, 167, 26 und 27 August; E. Reissner. Deutschland und die russische Literatur. Berlin, 1970, s. 46—47, 264.

[92] К публикации заметок Энгельса о Ломоносове — в журн. «Вопр. философии», 1950, № 3, с. 117—124; «Ломоносов. Сборник статей и материалов», т. III. М.— Л.,1951, с. 11—13; М. П. Алексеев. Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику».— «Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции». М.— Л., 1953, с. 20—23.

[93] Byron. Works, Letters and Journals, ed. E. Coleridge, v. VI, London, 1903, p. 294—295. Ср.: у Бауринга в антологии (part II, p. 59—91); ср. ниже в главе «Томас Мур и русские писатели XIX в.».

[94] R. Beer. Correspondence Johna Bowringa do Cech, s. 13, (письма Бауринга к Ф. Л. Челаковскому от 20 декабря 1827 г. и 14 апреля 1828 г.).

[95] F. Grahame. The Progress of the Sciences, Arts and Literature in Russia. London, 1865, p. 230. C. Piazzi-Smith. Three cities in Russia. London, 1862, t. I, p. 182, 383—394; t. II, p. 32—36, 50—53, 255—259. Автор, между прочим, упрекает Бауринга за то, что он при переводе баллады Жуковского не сохранил имя «Светлана», переделав его в Катерину, и ошибается в его значении (the feminine charm of ...name Svaetlana or holy), произведя женское имя «Светлана» не от слова «свет», а от слова «святая».

[96] Anthony Cross. Early English Specimens of the Russian Poets.— «Canadian-American Slavic Studies», 1975, v. IX, N 4, p. 455, со ссылкой на кн.: C. M. Bowra. Second Book of Russian Verse. London, 1948.

[97] «Edinburgh Review», 1831, v. 52, N 103 (October — December, p. 322). Извлечение из этой статьи вошло также в сборник статей, выбранных из этого журнала («Selections from the Edinburgh Review», ed. M. Cross. Paris, 1835, p. 251—252). Эта книга находилась в библиотеке Пушкина, располагавшего также и самой антологией (Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. Библиографическое описание.— «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, с. 151, № 585).

[98] В статье о «Российской антологии», помещенной в «Revue Encyclopédique» 1821 г., французский критик заметил: «Должно удивляться сходству некоторых из них ⟨произведений русской поэзии, помещенных в сборнике⟩ с разными частями литературы английской, и хотя природа Севера повсюду дает им характер мрачный и величественный, но должно согласиться, что в сих стихотворениях можно было бы ожидать более решительно русского». К этим словам русский переводчик сделал такое примечание: «Критику показались сии стихотворения подходящими к английским единственно потому, что он читал оные в английском переводе. Известно, что из писателей наших один Бобров подражал англичанам» («Сын Отечества», 1821, № 42, с. 71). А. А. Бестужев в своей рецензии на ту же антологию Бауринга, напротив, заявлял: «Влияния английской литературы на нашу, по несчастью, никогда не существовало; говорю потому, что английский язык своею силою и простотою ближе всего подходит к нашему. Из прежних авторов только Петров и Муравьев заимствовали у британцев: первый — смелость словосложения, другой — простоту слога, но они оба не сделали эпохи своим примером» («Литературные листки», 1824, № 19—20, с. 33).

[99] «Edinburgh Review», 1831, v. 52, N 103, p. 332.

[100] ⟨J. B o w r i n g.⟩ Politics and Literature in Russia.— «Westminster Review», 1824, v. I, p. 80—101. О причастности Бауринга к составлению этой статьи догадывался Б. В. Казанский, заметивший: «Вероятно, именно его ⟨Бауринга⟩ энтузиазму Англия обязана и перепечаткой в его «Вестминистерском обозрении» обзора А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России» ⟨...⟩ которая и дала, по-видимому, впервые представление о русской литературе, английскому читателю» («Лит. критик», 1937, № 4, с. 115—116). А. Колмен («John Bowring and the poetry of the Slavs», p. 459), со своей стороны, уверенно приписывает ее перу Бауринга, открывая ее заглавием перечень статей, напечатанных автором «Российской антологии» в английских периодических изданиях 20-х годов. См. также: George N e s b i t t. Benthamite Reviewing. The first twelve years of the Westminster Review, 1824—1836 («Columbia University Studies in English and Comparative Literature», p. 118). Он также приписывает эту статью перу Бауринга.

[101] Об острых и злободневных, но эфемерных публицистических брошюрах Д. Прадта и популярности их в России 20-х годов см.: «Остафьевский архив», т. I. СПб., 1899, с. 524—535.

[102] «Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, с. 117. Приводим перевод цитаты из «Westminster Review», относящейся к П. А. Вяземскому: «Во многих своих произведениях Вяземский достигает пословичной силы. Он идет на риск создания новых слов и оборотов, которые успешно внедряются в язык».

[103] A. P. C o l e m a n. John Bowring and the Poetry of the Slavs, p. 440.

[104] А. А. Б е с т у ж е в. Взгляд на старую и новую словесность в России.— «Полярная звезда», на 1823 г. СПб., 1824 (пользуюсь переизданием в серии «Литературные памятники». М.— Л., 1960, с. 18).

[105] Речь идет о писателе и журналисте Панкратии Платоновиче Сумарокове (1765—1814). В 1786 г. он был сослан в Западную Сибирь, откуда вернулся в 1801 г. Между 1789—1791 гг. П. Сумароков издавал в Тобольске журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». См.: Ник. С м и р н о в - С о к о л ь с к и й. Рассказы о книгах. М., 1959, с. 158—165. В приложении к новейшему переизданию альманаха Бестужева и Рылеева «Полярная звезда» (М.— Л., 1960, с. 979) помещена «Библиография отзывов на «Полярную звезду» в журналах, газетах и альманахах (1822—1832)». Однако этот перечень далек от полноты. Здесь не отмечены ни английский перевод статьи Бестужева, сделанный Бауринтом для «Вестминстерского обозрения», ни предшествовавший ему немецкий перевод в «St.-Petersburgische Zeitschrift». Ольдекопа; отметим, кстати, что существует еще польский перевод «Взгляда» Бестужева, выполненный С. Яшовским (St. Jaszowski) в львовском издании «Rozmaitości» (1824) по английскому переводу Бауринга; указал на это А. С. (Склабовский) в харьковском журнале «Украинский вестник» (1825, № 9, с. 158—166) и, справедливо упрекнув польского переводчика за то, что он, «представитель близкого нам народа, сведения о русской литературе заимствует из английских журналов», спрашивал: «А почему бы ему не заняться самой русской литературой, не взять Полярную Звезду?» (ср.: В. Ф. Р а е в с к и й. Сочинения. Ульяновск, 1961, с. 9). В упомянутой выше библиографии отзывов о «Полярной звезде» указания на Яшовского и Склабовского также отсутствуют. Существовали еще и другие польские отзывы о «Полярной звезде», о которых см.: M. T o p o r o w s k i. Puszkin w Polsce. Warszawa, ⟨1950⟩, s. 142—144 (N 358, 360, 361).

[106] «Frazer's Magazine», 1839, v. XIX, note, p. 159—160.

[107] A. P. C o l e m a n. John Bowring and the poetry of the Slavs, p. 440; Rudolf F i l i p o v i č. Bowring i Kopitar.— «Slavistična Revija» (Ljublana), 1951, v. IV, N 1—2, s. 113—130.

[108] ⟨J. B o w r i n g⟩ I. A. Krilov's Fables.— «Westminster Review», 1825, v. IV, July, p. 176—178.

[109] А. Ф. Б ы ч к о в. О баснях Крылова в переводах на иностранные языки. Сборник статей, читанных в ОРЯС имп. Академии наук, т. VI, СПб., 1869, с. 100. Итальянская часть сборника, изданного Г. В. Орловым, подверглась внимательному исследованию в статье A. M a v e r - L o G a t t o. I primi traduttori italiani di Krylov nell edizione parigina del 1825.— «Ricerche Slavistiche» (Roma), 1966, v. XIV, p. 157—241.

[110] «Московский вестник», 1827, № 7, с. 301—307.

[111] М. Г. А л ь т ш у л л е р. Упоминание о Пушкине в английском журнале.— «Вестник ЛГУ», 1963, № 2, с. 133—135.

[112] Об иностранных известиях (в частности, английских), о ссылке Пушкина в Сибирь см.: М. П. А л е к с е е в. Пушкин на Западе.— «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. III. М.— Л., 1937, с. 111.

[113] «Westminster Review», 1824, v. 1, p. 98; М. А. Цявловский («Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина», т. I. М., 1951, с. 436) приводит эту цитату как анонимную; в настоящее время мы можем сказать, что автор ее — Дж. Бауринг, пересказывавший суждение Бестужева.

[114] «The Universal Review», 1825, t. II, N 6, p. 692.

[115] «Foreign Quarterly Review», 1826, t. XVI, N 32.

[116] «Foreign Quarterly Review», 1838, t. XXI, N 5, p. 328.

[117] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, с. 247. Перевод английского текста: «Гавриил Романович умер недавно в своем имении неподалеку от Новгорода. Он был один из лучших русских поэтов».

[118] «Foreign varieties. Russia».— «The New Monthly Magazine and Literary Journal», 1821, t. I, p. 621. Французский текст этой заметки был известен и самому Пушкину; копия ее, сделанная его рукой, сохранилась в его бумагах.

[119] «Foreign varieties. Russia».— «The New Monthly Magazine...», 1824, t. XII, p. 545—596.

[120] «The Universal Review or Chronicle of the Literature of the Nations». London, 1825, t. 2, p. 692.

[121] «Foreign Quarterly Review», 1827, t. II, p. 595—631.

[122] «Московский телеграф», 1827, № 3, с. 257—258. Цитата заимствована автором «Отрывка письма из Лондона» из журнала: «The Literary Chronicle and Weekly Review», (London), 1826, N 376, July, 29, p. 476. Как видим, автор письма допустил ошибку в дате этой статьи: в «Московском телеграфе» напечатано: июля 9, следует: 29. Эта ошибка попала в хронологический справочник М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (т. I. М., 1951, с. 712), где она увеличена переводом на старый стиль: вместо стоящей там даты (июня 27 — июль 9) цитату о Пушкине следует перенести на другое место: под 17 июля (ст. ст.) 1826 г. Мы приводим всю выписку из английского журнала в переводе, напечатанном в «Московском телеграфе»; перевод в общем соответствует английскому оригиналу, хотя в нем есть несколько неточностей. Говоря о «Бахчисарайском фонтане», автор русской заметки опустил имя его французского переводчика Ж. М. Шопена («...a Poem by Pushkin of which a version has just appeared from the pen of M. Chopin under the title of La Fontaine der pleurs»), выпустившего этот вольный перевод в Париже в 1826 г. Далее в английском подлиннике о Пушкине говорится: «Pushkin, although a very young man, is one of the most popular (т. е. «несмотря на свою молодость, очень известный», а не «народный», как стоит в русском переводе) of the living Russian poets...». Рядом с Пушкиным упомянут И. И. Козлов как «горячий поклонник Байрона» (a warm admirer of Byron) и автор поэмы «Чернец» (Tchernetz, the Monk). О запоздании, с которым в «The Foreign Quarterly Review» в 1827 г. появились сведения о новинках русской литературы, С. Полторацкий поместил особую заметку в «Московском телеграфе», где утверждал, что все они «если не заимствованы, то, по крайней мере, сходны с известиями парижского журнала «Journal Général de la littérature etrangère», «которого загадочное существование в 19 в. есть анахронизм» (С. П - и й. О неверности статей о России, помещенных в иностранных журналах.— «Московский телеграф», 1827, № 22, с. 61—76).

[123] «Foreign Quarterly Review», 1828, т. II, p. 279—309; см. также небольшую заметку о Пушкине в статье: «Continental Literary Intelligence».— «Foreign Quarterly Review», 1826, t. I, p. 662.

[124] «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». Л., 1936, с. 466. Ср.: П. М и л ю к о в. Н. И. Тургенев в Лондоне.— «Временник Общества друзей русской книги», вып. III. Париж, 1932, с. 61—68.

[125] Е. К о в а л е в с к и й. Граф Блудов и его время. СПб., 1871, с. 123—125.

[126] В. К ю х е л ь б е к е р. Лирика и поэмы. Вступ. статья. ред. и прим. Ю. Тынянова, т. I. Л., 1939, с. XXXIX.

[127] «Anecdotes of Russia».— «New Monthly Magazine...» (London), 1830, t. 29, p. 73—81. Об этих отрывках, переведенных И. И. Козловым, подробнее см. ниже, в главе: «Томас Мур и русские писатели XIX в.»

[128] «Foreign Quarterly Review», 1820, t. VI, p. 543.

[129] «Pushkin and Rylaeev».— «Foreign Quarterly Review», 1832, t. IX, p. 398—418.

[130] Samuel C r o s s. Pouchkine en Angleterre.— «Revue de Littérature comparée», 1937, N 1, p. 165.

[131] В эту статью включен ряд переводов из Пушкина, не лишенных достоинств, хотя сопоставление их с подлинником показывает, что они грешат чрезмерным многословием. Здесь помещены отрывки из «Бахчисарайского фонтана» и ряд отрывков из 2-й и 3-й песен «Полтавы». «Если эти переводы больше напоминают В. Скотта, чем Пушкина, то это случай частый в эту эпоху»,— замечает С. Кросс (S. C r o s s, p. 166).

[132] Догадку об авторстве У. Д. Лидса (William Henry Leeds) высказал впервые Г. Струве (G. S t r u v e. Pushkin in early English criticism.— «The American Slavic and East-European Review», 1949, v. VIII, N 4, p. 309) на основании записи, сделанной в экземпляре журнала, хранящемся в Британском музее. Позднее эта догадка получила новое, более полное обоснование в статье: Eileen M. C u r r a n. «The Foreign Quarterly Review» on Russian and Polish Literature.— «The Slavonic and East-European Review», 1961, v. XL, N 94, p. 206. Статьи Лидса, помещавшиеся им (без подписи) в журнале «The Foreign Quarterly Review», появлялись там начиная с 1 июля 1831 г. Его первая статья была посвящена Ф. Булгарину, произведения которого оцениваются им весьма критически. Более благожелательно отзывается Лидс (в другой статье того же журнала) о Загоскине. Заслуживает внимания его же статья о К. Н. Батюшкове, стихотворения которого он называет «прелестными образцами русского классического стиля». Затем на протяжении нескольких лет никаких материалов о русской литературе, которые можно было бы приписать Лидсу, в журнале не появлялось. Лишь после 1837 г. снова печатаются анонимные статьи о русской литературе, автором которых был тот же Лидс.

[133] Отрывки из этой статьи приведены в русском переводе в статье Б. В. Казанского «Западноевропейская критика о Пушкине».— «Лит. критик», 1937, № 4, с. 118—120.

[134] И. З в а в и ч. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правитель-

ством.— В сб.: «Тайные общества в России в начале XIX ст.» М., 1926, с. 88—102; его же. Декабристы и английское общественное мнение.— «Печать и революция», 1925, № 8, с. 31—52; М. П. Алексеев. Английские мемуары о декабристах.— В кн.: «Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка». М.— Л., 1964, с. 247.

[135] Б. В. Казанский Западноевропейская критика о Пушкине, с. 121—122.

[136] В 1829 г. в конце январской книжки «The Foreign Quarterly Review» к статье, где идет речь об «Евгении Онегине», сделано любопытное примечание редакции: «Молодой русский учитель, находившийся в Лондоне, намерен, если он встретит одобрение, опубликовать том избранных произведений лучших ⟨русских⟩ прозаиков и поэтов (from the best prose writers and poets) с верными английскими переводами». Дороти Брюстер, из книги которой мы заимствуем эту цитату, замечает по этому поводу, что, по-видимому, этот замысел молодого человека не встретил ожидавшегося им одобрения и потому не был осуществлен. См.: D. Brewster. East-west passage, p. 53.

[137] E. Osborne. Early translations from the Russian.— «The Bookman» (London), 1932, t. LXXXII, p. 26.

[138] Ввиду редкости этой книги привожу ее полное описание по экземпляру ГПБ: «Poetical translations from the Russian language. By William Henry Saunders, captain in the guards (sapeurs) of his Majesty the Emperor of Russia. London: G. J. and J. Neele Printers, 352, Strand 1826 (IV + 52 p.) in 8°. На стр. III—IV напечатано посвятительное стихотворение: «To his Majesty the Emperor Nicholas». Далее идут: Ermak, by Demetrief (с. 7—16); The Bard in the Camp of the Russian Warriors, by Shukowsky (с. 17—47); Fragments of the Rossiad, by Keraskov (с. 48—51); The friendship of Dogs, a Fable by Kriloff (с. 52—54); The Broth of Jack, by Krilov (с. 55—57); The Naturalist, by Krilof (с. 58); The Robber and the Author, by Krilof (с. 59). Ср.: «Catalogue de la section des Russica», t. II, 1873, p. 256 (№ 280).

[139] А. Ф. Бычков. О баснях Крылова в переводах на иностранные языки.— «Сборник статей, читанных в ОРЯС», т. VI. СПб., 1869, с. 105.

[140] П. Драганов. Международное значение Крылова и новые сведения о переводах его басен на иностранные языки и наречия.— ЖМНП, 1895, № 7, с. 110. Имя автора «Poetical Traslations» Драганов печатает с ошибкой: Sanders вм. Saunders. «Четыре новые басни Крылова», по свидетельству того же Драганова, будто бы первоначально напечатаны в журнале «The Naturalist», мне, однако, не удалось обнаружить существование такого журнала. Полагаю, что это известие также ошибочно и что библиограф спутал заглавие журнала с заглавием одной из басен Крылова — «Любопытный» — в переводе Сандерса «The Naturalist»; остальные три переведенных им басни Крылова — «Собачья дружба», «Демьянова уха» и «Сочинитель и разбойник».

[141] Это дает возможность отождествить его с Андреем Осиповичем Сандерсом, даты службы которого приводит А. Волькенштейн («История лейб-гвардии саперного батальона. 1812—1852». СПб., 1852, с. 249—250). В 1819 г. он был адъютантом при инж.-ген. гр. Сухтелене, в 1824 г. произведен в капитаны; по тому же формуляру 6 декабря 1826 г. он был произведен в полковники с оставлением при генерале гр. Сухтелене, а в ноябре 1828 г. уволен от службы. Не можем сказать с уверенностью, что Уильям Генри Сандерс — автор «Poetical translations» и Андрей Осипович Сандерс — одно и то же лицо, хотя трудно предположить, что в лейб-гвардейском саперном батальоне служил еще один человек той же фамилии и в том же чине. Выходцы из Шотландии по фамилии Saunders именовались у нас Сандерсами или Сондерсами. Их было несколько в XVIII — начале XIX в. (ср.: A. Francis Steuart. Scottish influences in Russian History. Glasgow, 1913, p. 135—136), среди них врачи, военные, художники. Ср. также: Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов. СПб., 1895, стлб. 578—586; Ф. Вигель. Записки, ч. I. М., 1892, с. 11—12 и др.

[142] Rob. Lyall. The character of the Russians and a detailed history of Moscow. London, 1823, p. CXXIV—CXXVI.

Глава IV

ВАЛЬТЕР СКОТТ И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА

1. В. Скотт и Отечественная война 1812 года.— Интерес англичан к войне и русской армии.— Русские казаки в Париже и Лондоне в 1814 году.— Знакомство В. Скотта с атаманом М. И. Платовым.— Английская гравюра с портретом дочери Платова и легенды об атамане в английской печати. 2. Встреча В. Скотта с П. И. Полетикой и Д. П. Северином в Эдинбурге.— Воспоминание об этой встрече в «Письме русского из Англии» Северина (1815).— Отъезд поэтессы Анны Буниной в Англию и ее письмо к В. Скотту. 3. Русские путешественники в гостях у В. Скотта в Абботсфорде: А. А. Оленин, В. П. Давыдов.— Отзывы о них В. Скотта и расспросы его о России.— Переписка В. Скотта с Денисом Давыдовым.— Рассказы об этом в дневнике В. Скотта и в записях поэта-партизана.— Эпистолярный архив В. Скотта в Эдинбургской библиотеке.— Д. Давыдов посылает В. Скотту перевод своего стихотворения «Полу-солдат...» 4. Визит к В. Скотту М. А. Ермолова.— В. П. Давыдов переводит для В. Скотта «Слово о полку Игореве».— Прощание В. Скотта с В. Давыдовым в Абботсфорде и альбомная запись писателя.— Автографическая запись Роберта Вильсона.— Письма к В. П. Давыдову о болезни и смерти В. Скотта.— Письма А. Юнга и Локарта.— Воспоминания В. П. Давыдова о знакомстве и встречах с В. Скоттом, опубликованные сорок лет спустя.— Автографическая рукопись романа В. Скотта «Талисман» в библиотеке имения Давыдова «Отрада». 5. А. И. Тургенев и В. Скотт.— Первое знакомство А. И. Тургенева с В. Скоттом в Лондоне.— А. И. Тургенев в Абботсфорде в 1828 году.— Заметки об этом посещении в дневнике А. И. Тургенева, его письмах и рассказах.— Неизданные письма из архива А. И. Тургенева за время его пребывания в Шотландии.— Рассказ А. И. Тургенева о В. Скотте, пересланный Пушкину.— Стихотворное послание В. Скотту И. И. Козлова. 6. Посещение Абботсфорда А. К. Мейендорфом.— Английский перевод «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина, сделанный В. И. Ланской и посвященный В. Скотту (1833).— Письма к В. Скотту «русского баснописца» А. Е. Измайлова из Архангельска о памятнике Ломоносову.— Русский портрет В. Скотта, выполненный в Париже.— 7. В. Скотт в римской мастерской К. П. Брюллова.— Русские отклики на смерть В. Скотта.

1. В. Скотт и Отечественная война 1812 года — Интерес англичан к войне и русской армии.— Русские казаки в Париже и Лондоне в 1814 году. — Знакомство В. Скотта с атаманом М. И. Платовым.— Английская гравюра с портретом дочери Платова и легенды об атамане в английской печати

Вторжение в Россию наполеоновской армии и последующий разгром ее были событиями общеевропейского значения. Особенно широкий отклик получили они в Англии. Победа над Наполеоном была для Англии, в сущности, вопросом дальнейшего существования Британской империи; к этой цели и направлены все усилия английских политиков первого десятилетия XIX в.

Естественно, что Россия в эти годы стояла в центре внимания английского общественного мнения и что «русская тема» занимала самое видное место в английской прессе той поры. Публицисты всех направлений посвящали России многочисленные книги и статьи. Пребывание наполеоновских полчищ на русской территории, пожар Москвы, отступление «великой армии», освобождение русскими войсками Европы, взятие союзными военными силами Парижа — все эти события вызвали к жизни десятки английских литературных произведений. Роберт Саути в своих письмах к У. С. Лендору сообщал ему свежие новости о театре военных действий и вскоре прославил

в стихах поражение, нанесенное русскими наполеоновской армии («March on Moscow, 1813) [1]. В этой оде уже появляются столь непривычные для английского слуха русские имена

Osharoffsky and Rostoffsky,
And all the others that end in-offsky *,

которые теперь все чаще и чаще мелькают на страницах английских газет и журналов. К подобному же материалу обращается в своих поэтических произведениях и Вордсворт (см. его «The French Army in Russia» и «On the same occasion»), говорящий о русском морозе, погубившем «великую армию». «Неверно сравнивать зиму с дряхлым стариком, который, прихрамывая, еле-еле плетется по дороге,— пишет Вордсворт,— у старика-зимы много силы. Он губит цвет молодости, так что целые легионы в один миг падают, находя сразу и смерть и погребение» [2]. Персонификация русской зимы становится в моде в Англии в этот памятный год. «Его устрашающему величию Джону Морозу, вице-королю Александру, императору Севера, королю снега, протектору конфедерации льда» и т. д. посвящают оды многие поэты. Этот образ охотно воплощают в своих гравюрах и карикатуристы; в Лондоне продается, например, лубочный листок: «Генерал Мороз, бреющий маленького Бони» [3], т. е. Бонапарта.

Но это не единственная популярная тогда в Англии «русская тема». Во всей массе английских откликов на русский поход Наполеона выделяется еще одна тема — о русском казаке как главном истребителе французского войска. Появление казацкой конницы в рядах союзных армий и ее быстрые успехи в сражениях с неприятелем произвели в Европе чрезвычайно сильный эффект. Европейская поэзия долго не могла забыть русского казака на полях сражений от Москвы до Берлина, Лейпцига и Парижа.

В это время в Лондоне пользовалась популярностью иллюминованная гравюра с параллельными надписями на русском и английском языках: «Казаки, летящие на тревогу. Посвящено Наполеону Великому несоюзным ему Английским народом» [4].

А вскоре после того, как один из казаков, Александр Земленухин, прибыл в Англию с донесением о взятии Гамбурга, в Лондоне вышло пять различных его гравированных портретов, и в честь его сложена была военная песня («Cossack War Song»). Петербургский журнал «Сын Отечества» в 1813 г. напечатал эту «Казацкую военную песнь (сочиненную по прибытии туда русского казака)» в английском подлиннике и в русском стихотворном переводе:

Ура! горят, пылают села,
Седлай коня, казак!
Ура! мечи отмщенья стрелы,
Где скрылся лютый враг.

Багрово зарево являет,
Грабитель алчный где бежит,
Пожар кровавый освещает,
Где вслед за ним казак летит...

Любопытно, что именно казаку эта английская военная песня приписывает решающую роль в деле разгрома французской армии:

Ни глад, ни бой не ужасают,
Падет пред нами враг.
Ужасным гладом истомленный,
Трепещущ, бледен, полунаг,
Бежит, позором покровенный,

А вслед за ним летит казак,
Пылая яростью, отмщает
Горящую Москву!
Грозу и ужас низвергает
На вражию главу!
и т. д. [5]

«Прошлою зимою очень часто давали на здешнем театре,— писал из Лондона П. П. Свиньин,— русскую оперу Наренский, или Дорога в Ярославль.

* Ожароффски и Ростоффски, и все другие ‹чьи фамилии› оканчиваются на -оффски (*англ.*).

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Грабюра У. Финдена по портрету работы Г. С. Ньютона
Институт русской литературы, Ленинград

Имя русской оперы, разбойничья шайка и два-три казака привлекали в каждое представление великое множество зрителей. Пьеса сия составлена из вводных приключений, без связи и нити, случившихся в России, но передаваемых на английский вкус» [6].

В числе лиц, сильно увлеченных тогда и русским казачеством и всей вообще историей разгрома наполеоновской армии в России, был Вальтер Скотт. Он был давним врагом Наполеона. Еще в пору испанской войны 1808 г. он воспылал к нему ненавистью и теперь искренне радовался его поражению. Будущий историк французского императора, В. Скотт внимательно и с большим любопытством следил за исходом борьбы, которая развернулась на русских равнинах. Интерес В. Скотта к наполеоновской эпопее послужил также одним из стимулов его огромного напряженного внимания к России; он тщательно изучал географическую карту. с трудом запоминая русские имена и названия местностей, читал книги о России, интересовался русской военной историей. 1812 и 1813 годы превратили В. Скотта не только в литератора, весьма осведомленного в русских делах, но и в открытого сторонника англо-русского политического сближения. Он считал русских «спасителями Европы». Необходимо подчеркнуть, что В. Скотта захватывала в истории русской Отечественной войны не одна лишь активная ненависть его к Бонапарту. Великий живописец народных массовых движений, В. Скотт

увлечен был партизанской войной русского крестьянства. Не менее заинтересован был В. Скотт также русским казачеством, действия которого в войнах 1812—1814 гг. столь красочно изобразил он впоследствии в своей «Истории Наполеона».

В одном из своих писем (6 ноября 1813 г.) В. Скотт пишет, что он намерен просить лорда Эбердина, отправившегося в действующую армию, достать ему «рисованное или печатное изображение казацкого атамана Платова», и прибавляет: «Платов — мой большой любимец, как по прежним известиям о нем сэра Роберта Вильсона, так и по действиям его в московскую кампанию» [7]. Ссылка на Р. Вильсона требует пояснений. Р. Вильсон (Sir Robert Thomas Wilson 1777—1849) — известный английский генерал и военный писатель, один из злейших врагов Наполеона, много писавший о нем. С русскими войсками Вильсон был знаком еще до Отечественной войны, а в 1810 г. он издал книгу, которую В. Скотт, несомненно, и имеет в виду в данном случае: «Краткие замечания о свойстве и составе российского войска и описание войны, бывшей в Польше в 1806 и 1807 гг.» [8]. Сочинение это обратило на себя внимание русских журналов благожелательностью тона и несомненным знанием особенностей русской армии. Много внимания Вильсон уделил в этой книге русскому казачеству и подвигам его атамана М. И. Платова. В Отечественную войну Вильсон находился при кутузовской квартире в звании великобританского военного комиссара, был очевидцем боев при Малом Ярославце, Вязьме и селе Красном, по-прежнему с величайшим любопытством присматривался к действиям казаков и носился с мыслью о необходимости перевооружения британских береговых войск на манер казацких отрядов, о чем и писал в Англию докладные записки. Имя Платова, с которым он был хорошо знаком лично, нередко мелькает в его донесениях [9].

Известность Платова сильно возросла в 1813 г. В октябре этого года он со своими донцами одержал блестящую победу при Альтенбурге, отстоял Веймар, которому угрожал Наполеон, принял участие в битве под Лейпцигом. В том же году неподалеку от Франкфурта Платов ловким тактическим ходом взял в плен четыре тысячи французов.

В стихотворении В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» о подвигах отрядов Платова говорилось:

Хвала, наш вихорь-атаман;
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

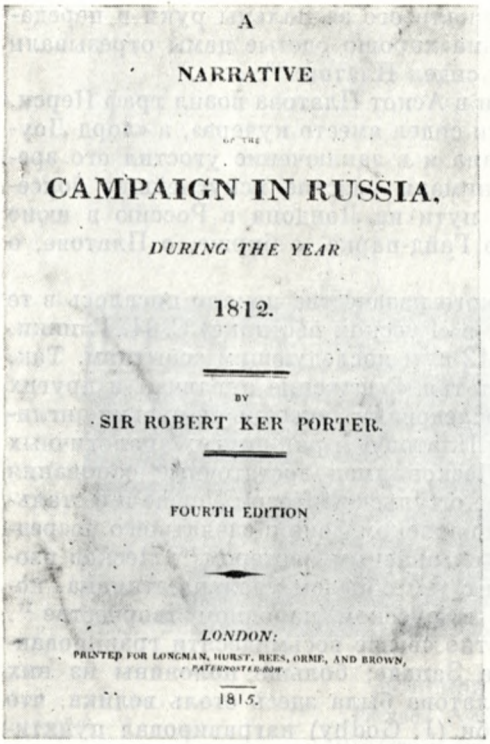
Г. Р. Державин в своей стихотворной характеристике Платова говорит уже о его европейской славе:

Платов, Европе уж известно,
Что сил донских ты страшный вождь,
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Ты с туч падешь, как снег, как дождь [10]

и т. д.

В написанном в 1813 г. стихотворном «Приветствии тихому Дону старого казака Грома Булатова» Ф. Н. Глинка утверждал, что Платов стяжал повсеместную славу:

Чрез него и за морями
Славят имя казаков.



A

NARRATIVE

OF THE

CAMPAIGN IN RUSSIA,

DURING THE YEAR

1812.

BY

SIR ROBERT KER PORTER.

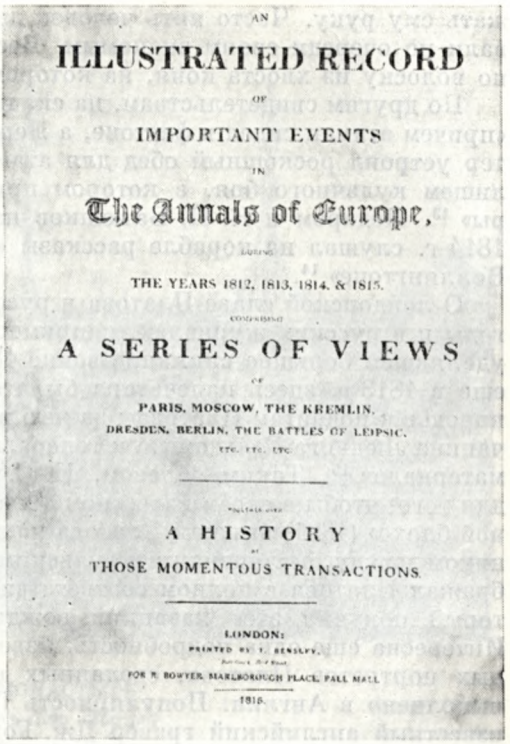
FOURTH EDITION

LONDON:

PRINTED FOR LONGMAN, HURST, REES, ORME, AND BROWN,
PATERNOSTER-ROW.

1815.

«ПОВЕСТВОВАНИЕ О РУССКОЙ КАМПАНИИ 1812 ГОДА» РОБЕРТА КЕР ПОРТЕРА
Лондон, 1815
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград



AN

ILLUSTRATED RECORD

OF

IMPORTANT EVENTS

IN

The Annals of Europe,

DURING

THE YEARS 1812, 1813, 1814, & 1815.

CONTAINING

A SERIES OF VIEWS

OF

PARIS, MOSCOW, THE KREMLIN,
DRESDEN, BERLIN, THE BATTLES OF LEIPSIC,
ETC. ETC. ETC.

AND

A HISTORY

OF

THOSE MOMENTOUS TRANSACTIONS.

LONDON:
PRINTED BY T. BENSLEY,
FOR R. BOWYER, MARLBOROUGH PLACE, PALL MALL.
1816.

«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ РАССКАЗ О ВАЖНЫХ СОБЫТИЯХ В ЛЕТОПИСЯХ ЕВРОПЫ 1812—1815 ГГ.»
Лондон, 1815
Титульный лист
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва

А в написанном шесть лет спустя стихотворении «Тост в память Донского героя» (1819) тот же Глинка утверждал:

Пред ним трепетали дунайские воды,
И берег Секваны дрожал,
Донцам и Платóву дивились народы,
И мир его славным назвал![11].

Когда по взятии Парижа, после фактического окончания войны Платов в свите русского императора приехал в Лондон (летом 1814 г.), он встречен был там с всеобщим энтузиазмом.

По свидетельству современников, популярность Платова в Англии была необычайна. По улицам за ним всюду ходили толпы, Оксфордский университет поднес Платову докторский диплом, город Лондон — драгоценную саблю в золотой оправе, украшенную эмалевыми гербами Великобритании и Ирландии и вензелем самого атамана. Принц-регент приказал повесить во дворце его портрет и подарил Платову собственный портрет, осыпанный драгоценными камнями, «в знак почтения, уважения и удивления к бессмертным подвигам, подъятым для пользы отечества своего и для спасения Европы». «Почтенные дамы и девицы посещали его и украшали свои медальоны его изображениями 〈...〉 Все усилия Платова пройти куда-нибудь инкогнито, остаться где-нибудь незамеченным оставались безуспешны: его всюду узнавали, и огромная толпа шла за ним, крича: Ура! ура! Платов!.. На скачках в Аскоте (около Лондона) появление Платова вызвало бурю восторга. Всякий стремился приблизиться к нему, коснуться его и, если можно, по-

жать ему руку. Часто пять человек держали его за пальцы руки и передавали по очереди своим знакомым. Весьма хорошо одетые дамы отрезывали по волоску из хвоста коня, на котором сидел Платов» [12].

По другим свидетельствам, на скачки в Аскот Платова возил граф Перси, «причем атаман сидел в фаэтоне, а Перси сидел вместо кучера», а «лорд Лоутер устроил роскошный обед для атамана и в заключение угостил его зрелищем кулачного боя, в котором принимали участие искуснейшие боксеры» [13]. Недаром и К. Н. Батюшков на пути из Лондона в Россию в июне 1814 г. слушал на корабле рассказы «о Гайд-парке, о бирже, о Платове, о Веллингтоне» [14].

О лондонской славе Платова и русского казачества немало писалось в те годы и в русских журналах, например, в «Русском вестнике» С. Н. Глинки, уделявшем большое внимание войне 1812 г. и последующим событиям. Так, еще в 1813 г. здесь напечатана была статья «Уважение англичан и других народов к подвигам Платова»; за нею последовал «Перечень из письма англичанина Людвига Гольдсмита к генералу Платову» и ряд других аналогичных материалов [15]. Таким образом, Н. С. Лесков имел достаточные основания для того, чтобы в своем известном «Сказе о тульском Косом Левше и о стальной блохе» (1881) вывести Платова на лондонском фоне и сделать его посредником между англичанами и тульским смышленым мастером [16]; Лесков изображал Платова в полном соответствии с тем образом удальца-атамана, который получил этот казацкий вождь в русском народном творчестве [17]. Интересна еще одна подробность: известно свыше восьмидесяти гравированных портретов Платова, сделанных на Западе; больше половины из них выполнено в Англии. Популярность Платова была здесь столь велика, что известный английский гравер Дж. Годби (J. Godby) награвировал пунктиром и красками портрет его дочери в русском костюме, по рисунку П. П. Свиньина, со следующей надписью: «Daughter of the Hetmann Platoff, the Lady with 50.000 crowns to her Fortune, offered as a reward for bringing in Bonaparte dead or alive» («Дочь гетмана Платова, девушка с приданым в 50 000 крон, предлагается в жены в вознаграждение тому, кто доставит ему Бонапарта, живого или мертвого») [18]. В русских биографиях Платова этот анекдот, свидетельствовавший о его высоком патриотизме, рассказывался в различных вариантах. По одному из них, когда Москва «осветилась заревом пожара, Платов не вынес этого страшного зрелища, зарыдал и, проникнутый местью к виновнику страданий отечества, объявил всем окружающим его: «если кто, хоть бы простой казак, доставит ко мне Бонапартишку, живого или мертвого, за того выдам дочь свою!» Это восклицание славного вождя донцов дошло до Англии, и в 1814 г. появился в Лондоне портрет девицы в национальном донском костюме с надписью:

«Мисс Платов
По любви к отцу — отдаю руку;
а по любви к отечеству — и сердце свое» [19].

Во время пребывания Платова в Лондоне с ним познакомился В. Скотт. Их мимолетная встреча состоялась между 6 и 21 июня 1814 г. О ней, со слов В. Скотта, рассказывает м-с Хьюз. «Когда сэр Вальтер был в Лондоне в 1814 г.,— вспоминает она,— его познакомили с Платовым: он имел с ним некий, если можно так выразиться, бессловесный разговор, потому что у них не было общего языка, но они умудрились понравиться друг другу. Впоследствии, когда сэр Вальтер был в Париже однажды, прогуливаясь по бульвару, он услышал конский топот и, обернувшись, увидел гетмана, скачущего во всю прыть, с длинным копьем в руке, сопровождаемого шестью или семью казаками дикого вида. Как только они поровнялись, тот так круто осадил свою лошадь, что она поднялась на дыбы, соскочил с нее, бросив поводья одному из сопровождавших, кинулся к сэру Вальтеру, обнял его, расцеловал в обе щеки и, вскочив на лошадь, ускакал, как вихрь» [20].

ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ
Рисунок Роберта Кер Портера
Публичная библиотека, Ленинград

Таково было «бессловесное» знакомство В. Скотта с его давним «любимцем» — вероятно, одна из первых встреч писателя с представителем той страны, за современной историей которой он следил с таким любопытством. Вторая встреча должна была, по смыслу приведенного рассказа, произойти в конце лета 1815 г., когда В. Скотт с двумя друзьями отправился в Париж через Брюссель и Ватерлоо, чтобы лично осмотреть поля недавних сражений [21]. Рассказ об этом путешествии В. Скотт опубликовал анонимно в особой книге, вышедшей и в русском переводе, в которой, между прочим, он описывает также и казаков и их атамана. Рассказывая о смотре русским войскам, данном в Париже, В. Скотт замечает (цитируем по русскому изданию 1827 г.): «В продолжение сего грозного явления могущества севера площадь охраняли регулярные гвардейские казаки — прекрасные стройные люди», и далее: «Гетман их, князь Платов, живет в столице, и по его призыву появляются там иногда сии чада степей. Черты лица его имеют большой размер, длинный синий плащ всегда чист» [22]. Далее В. Скотт пишет, что он видел одного из казаков в больнице. Очевидно, казаков Скотт наблюдал всюду с одинаковым любопытством — и на площади, и в военном госпитале.

К Платову В. Скотт приглядывался с особой внимательностью: до тонкости рассмотрел он его внешность, строение лица, повадку, манеры, все то, что дополняло или видоизменяло представление, внушавшееся имевшимся у него портретом атамана работы Дайтона. «Его лицо,— писал, например, В. Скотт,— которое на расстоянии одного-двух ярдов кажется гладким и крепким, когда рассматриваешь его ближе, оказывается покрытым тысячью морщинок, перекрещивающихся во всех направлениях, но таких тонких, как будто их сделали концом иглы...» Такие наблюдения не делаются художниками случайно и не проходят бесследно для их творческой деятельности, Локарт (из чьей книги заимствована эта цитата) первый догадался сопоставить ее с указанием самого Скотта (в примечании к роману) на то, что с Платова списана внешность мистера Тачвуда в романе В. Скотта «Сент-Ронанские воды» («St. Ronan's Well») [23].

2. Встреча В. Скотта с П. И. Полетикой и Д. П. Севериным в Эдинбурге.— Воспоминание об этой встрече в «Письме русского из Англии» Северина (1815).— Отъезд поэтессы Анны Буниной в Англию и ее письмо к В. Скотту

Знакомство с атаманом Платовым было, однако, не единственной русской встречей Вальтера Скотта в знаменательном 1814 г. Еще до приезда Платова в Лондон, зимою этого же года, В. Скотт виделся с двумя русскими дипломатами, заехавшими в Эдинбург. Это были Петр Иванович Полетика (1778—1843), тогда уже видный дипломат, и Дмитрий Петрович Северин (1791—1866), начинавший в то время дипломатическую карьеру. Северин рассказал об этой встрече в своем «Письме русского из Англии», напечатанном (без подписи) в «Российском музеуме» за 1815 г. Это было одно из первых упоминаний В. Скотта в русской печати, причем он упоминается здесь только как поэт: «Он заставляет богатый дом Лонгмана и компании платить себе звонкими гинеями за свои стихотворения и наживает великие суммы. Последнее стихотворение Валтера Скотта «The Lord of the Isles» подарено публике с началом нынешнего года» [24]. Роман «Waverley», начатый им в 1805 г., но затем оставленный до 1810 г., вышел из печати анонимно в трех маленьких томиках лишь в июле 1814 г. Интересно, что Северин говорит и об этой литературной новинке, естественно, не упоминая об авторе, который ему еще не был известен.

Скотта-поэта в России тогда уже знали. Еще в августе 1813 г. С. С. Уваров писал Жуковскому: «Я получил на днях кипу английских книг, между прочим все поэмы сира В. Скотта. Ein Volksdichter im edlen Sinne des Wortes * [25]. Жуковский, по-видимому, заинтересовался этой характеристикой; в марте 1814 г. он писал А. И. Тургеневу об Уварове: «Он как будто обещался мне английских книг, W. Scott, etc. etc. Нельзя ли ему напомнить?» [26] О В. Скотте идет речь и в последующей переписке Жуковского с Уваровым. Отрицательно отзываясь о Саути, об этом, по его словам,«очень посредственном поэте, или, лучше сказать, совсем не поэте», Уваров пишет Жуковскому (20 декабря 1814 г.): «Теперь у англичан их только два: Walter Scott и Lord Byron. Последний превышает, может быть, первого» [27]. Таким образом, известия о В. Скотте в «Российском музеуме» могли заинтересовать читателей журнала, уделявшего значительное внимание иностранной литературе.

Посылая свою первую корреспонденцию в «Российский музеум», Северин еще не знал, что ему доведется вскоре лично быть представленным знаменитому поэту. 29 декабря 1813 г. Северин вместе с П. И. Полетикой отправился по делам в Эдинбург. Путешествие его в шотландскую столицу и пребывание в ней подробно описаны в его втором «Письме русского из Англии», напечатанном в том же журнале [28].

Посвятив ряд любопытных замечаний «науке нравственной философии», которая в Эдинбурге доведена «до совершенства», и характеризовав «шотландскую школу», основателями которой он считает «Доктора Рида и Дугальда Стуарта» [29], Северин упоминает, что, вращаясь в эдинбургском обществе, он имел случай встретиться и с В. Скоттом. «С большим удовольствием,— пишет он,— я познакомился с Вальтером Скоттом (Walter Scott). Общее мнение приписывает ему первое место между живыми английскими стихотворцами. Я писал к вам о нем в одном из предыдущих моих писем довольно слегка, потому что тогда не читал его поэмы: «Песни последнего трубадура». Скотт одарен богатым воображением, которое изливается и в разговорах его: он говорит живописно» [30].

Об этом знакомстве мы имеем рассказ и другой стороны: В. Скотт сообщает о нем в письме к своему другу Джону Морриту, путешественнику и ученому-эллинисту, издавшему ряд сочинений о топографии Трои и древнегреческих поэтах [31]. 15 января 1814 г. В. Скотт писал Морриту: «У нас была

* Это — народный поэт в благородном смысле этого слова (*нем*).

РУССКИЕ СОЛДАТЫ И КАЗАКИ
Рисунок Роберта Кер Портера
Публичная библиотека, Ленинград

здесь самая сильная снежная метель, которую я когда-либо видел, за исключением 1795 г. Лондонская почта была задержана на четыре дня, случай почти беспримерный, и она все еще приходит нерегулярно. Два русских приятеля лорда Пемброка [32], довольно долго жившие у нас, громче всех жаловались на холодную погоду и удивлялись, видя, что каждый из нас обходится без мехов. Старший из них, Monsieur Politica (превосходное имя для дипломата, профессией которого она является), хорошо образованный и приятный человек, объездивший, я думаю, почти весь свет. Его спутник, очень добрый и приятный молодой человек, Monsieur Severin, сын министра юстиции в Петербурге. Есть немного вероятности, при настоящих обстоятельствах для встречи его с вами, но если бы это случилось, я думаю, он бы вам понравился» [33].

В начале марта 1817 г. В. Скотт получил письмо от Анны Буниной, русской поэтессы, жившей в то время в Англии. Вероятно, это было не только первое письмо, полученное им от русской женщины, но и, помимо того, первое письмо, адресованное ему человеком, причастным к русской литературной жизни и притом по прямому литературному поводу. Речь шла об одной из ранних романтических поэм В. Скотта, «Мармион» (1808), и о том восторге, который вызвало это произведение у его русской читательницы.

В начале XIX в. поэтесса Анна Петровна Бунина пользовалась у нас некоторой известностью в литературных кругах. Она находилась в приятельских отношениях с И. И. Дмитриевым и Карамзиным; последний считал даже, что «ни одна женщина не писала у нас так сильно, как Бунина»; с похвалой отзывался о ее сочинениях старик Державин; позже Н. И. Греч, в свою очередь, писал, что Анна Бунина «занимает отличное место в числе современных ей писателей и первое между писательницами России». Ее ран-

ние поэтические сборники «Неопытная муза» (1809) и «Сельские вечера» (1811) одобрительно встречены были русскими журналами.

В 1814 г. Бунина тяжело заболела, и тогда-то,— как рассказывает ее биограф,— «решено было прибегнуть к последнему средству, в которое тогда верили: к поездке в Англию, славившуюся в то время своими искусными врачами. Путевые издержки принял на себя государь, и Бунина уехала в Англию из Кронштадта морским путем в 1815 г. Провожали ее с большой помпой, и при прощании ей была прочитана масса напутственных стихотворений» [34]. Некоторые из них тогда же попали в печать: в «Сыне Отечества» за 1815 г. в двух номерах под заглавиями «Любезной путешественнице А. П. Буниной при отъезде ее в Англию» напечатаны были стихотворения Степанова и Катерины Пучковой. Последняя, также писательница, в своем напутственном стихотворении Буниной, этой, по ее словам, «Сафо наших дней», выражала надежду, что отсутствие ее на российском Парнасе, будет недолгим:

Да громкосладостное пенье
Дойдет с британских к нам полей!
От всех приемля удивленье,
Ты возвратися к нам скорей![35]

Уведомленный об этом событии той же Пучковой, П. И. Шаликов напечатал в «Российском музеуме» особую статью «Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы», в которой сообщал читателям, что Бунина, «известная наша стихотворица», отправилась в Англию на корабле из Кронштадта 29 июля 1815 г. «для поправления здоровья своего морским воздухом и Батскими водами», и прибавлял: «Может быть, просвещенные британцы знают о таланте нашей соотечественницы, и примут ее по крайней мере со свойственным им любопытством: желаю как любитель литературы, как патриот»! [36].

В Англии Бунина провела два года; однако ни лечение на водах в Бате, ни советы лучших английских докторов не принесли ей облегчения; она возвратилась в Петербург в 1817 г. такой же тяжело больной, какой и уехала оттуда. После этого она уже писала мало; в 1819—1821 гг. она выпустила полное собрание своих сочинений в трех томах, затем несколько переводов [37], но ее былая слава знаменитой поэтессы к этому времени уже сильно поблекла. Пушкин в «Послании цензору» (1822) засвидетельствовал полное равнодушие читателей к ее стихам и даже сожалел о том из них, к кому обращался:

Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель...

Впрочем, и сам Д. И. Хвостов не считал ее безупречной поэтессой, находя, что ее «слог хотя вообще чист, но местами слаб и есть темные стихи», а по поводу читанной ему М. В. Милоновым стихотворной эпистолы к Буниной заметил, что она лучше ее собственной поэмы [38]. Лишь один В. К. Кюхельбекер упрямо отстаивал достоинства ее лирики в особой посвященной ей статье в «Невском зрителе» (1820), вероятно, по той же причине, по которой он тяготел к архаистам и признавал всех тех русских поэтов, которые были отвержены арзамасцами [39]; еще в 1825 г. Кюхельбекер считал, что стихотворение Буниной «Прогулка болящей» «есть произведение, исполненное живой, глубокой скорби» [40].

В творчестве Буниной ее английские впечатления занимают весьма малое место; мы не знаем ни обстоятельств ее жизни за границей, ни тех лиц, с которыми она свела знакомство или встречалась, ни тех писем, которые она, несомненно, писала на родину. Следует поэтому пожалеть, что в настоящее время нам неизвестно местонахождение тех «записок» Буниной или обработанного ею дневника, в которых она будто бы описала свое пребывание в Анг-

М. И. ПЛАТОВ
Портрет работы Джорджа Доу
Военная галерея Зимнего дворца, Эрмитаж, Ленинград

лии; опубликованы они не были, но о них упоминают некоторые ее биографы [41]. В Англии, будучи уже тяжело больной, Бунина писала мало, и лишь о некоторых ее опубликованных произведениях по случайным содержащимся в них пометам можно сказать с уверенностью, что они были написаны ею во время пребывания за границей; остальное в них мало чем отличается от того, что она писала и раньше. Лишь иногда в однообразных рядах ее русских стихотворных строчек, писанных в Англии, сквозь мифологическую ветошь и поэтические штампы классицистов пробиваются какие-то черты подлинных человеческих чувств, впечатления от чужеземной общественной среды и краски неродного, непривычного пейзажа. Концом марта 1815 г. датировано, например, стихотворение Буниной «Призывание Мальвины из Брайтона в Бат или с приморского берега в загородный дом» с морскими пейзажами на классический манер или условными картинами мирной природы южноанглийского приморья в те часы, когда

Поступит важна ночь на Батский небосклон [42].

К этому нужно добавить, что это «призывание», как видно из подзаголовка стихотворения, адресовано гр. Марье Васильевне Бальмен (урожд. Нарышкиной) и, в сущности, выражает ностальгическую жажду беседы с соотечественницей. Если в стихах этих лет встречаются послания к «милому Джону», то следует иметь в виду, что так именовался ею родной

брат, Иван Петрович Бунин, офицер русского военного флота, несомненно, более, чем она сама, приобщившийся если не к английской культуре, то, по крайней мере, к английскому образу жизни и языку. В стихотворении «Брату моему» Бунина спрашивала его:

Скажи мне, милый Джон, кто дал тебе искусство
Всегда равно счастливым быть?[43]

Среди стихотворений, написанных Буниной в Англии, невольно обращает на себя внимание также «Песня в народном русском вкусе из местечка Веил-Брук», характерно выразившая то же одиночество ее на чужой стороне, как и «Призывание Мальвины», ту же неспособность привыкнуть к чуждой обстановке, невосприимчивость к посторонним впечатлениям, искусственную атмосферу, которую она привезла с собой за границу и из которой не было выхода. В этом стихотворении говорится:

Отпирайтеся кленовые!
Дружно настеж отворяйтеся
Вы, ворота Веил-Брукские!
Пропустите красну девицу
Подышать текучим воздухом!
Душно ей здесь взаперти сидеть,
За четыремя оградами —
За четыремя воротами!

Поэтесса обращается здесь и к приютившей ее стране:

«О, неволя ты, неволюшка!
Королевство чужестранное!
Холишь ты мою головушку
Пуще гребня частозубчата!
...Я одна сироткою,
Будто пташка, взаперти сижу»[44].

Достойно внимания, что Бунина никогда не писала «в народном русском вкусе» до того, как судьба занесла ее в «местечко Веил-Брук»; это лишний раз подчеркивает основную настроенность ее в эти годы: тоску по родине, чувства одиночества и обреченности в период тяжелой, неизлечимой болезни. Тем интереснее и неожиданнее представляется найденное среди бумаг В. Скотта автографическое письмо к нему Буниной [45]; оно послано ею автору «Мармиона» из Маргейта незадолго до возвращения в Россию и рисует ее с новой для нас стороны. Оказывается, что эта переводчица Буало и Баттё, автор «баснословной повести» в трех песнях «Падение Фаэтона» и дидактических апологов, малозанимательных басен, посланий и эпитафий, к тому же плохо знавшая английский язык, искренне увлечена была, живя в Англии, романтической поэмой В. Скотта и решилась высказать свои чувства самому автору. Письмо Буниной написано по-французски, но подтверждает прежде всего то, что мы напрасно искали во всех ее стихах и дошедших до нас документах — ее настоящую заинтересованность современной английской романтической поэзией в те годы, когда об этой поэзии еще немногие знали в России: очевидно, годы жизни в Англии все же не прошли для нее бесследно.

Бунина писала В. Скотту:

Monsieur.

La fille du Nord glacé admire les productions du génie Anglais! Je ne possède pas votre langue, Monsieur. Mais, avec mon peu de savoir j'ai appris par cœur la description de toute la guerre de Marmion, et je la répète avec le plaisir toujours nouveau; en cas, si j'en serai versée davantage,— je ne réponds point, si je n'apprendrai pas tout le poème entier d'un bout à l'autre.

Je hasarde, Monsieur! de présenter dans votre bibliothèque un morceau de mes faibles essais, que je vous prie de vouloir bien accepter comme une marque de mon estime pour vos talents, et de reconnaissance pour le plaisir que la lecture de Marmion m'a donné.

«МИСС ПЛАТОВ»

«Дочь гетмана Платова, девушка с приданым в 50 000 крон, предлагается в жены в вознаграждение тому, кто доставит Бонапарта живым или мертвым»

Цветная гравюра Дж. Годби по рисунку П. П. Свиньина

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

J'aurais désiré de rendre votre belle poésie dans ma langue native. Les travaux ne m'en auraient pas détourné. Une seule crainte m'arrête: c'est d'obscurcir les beautés et de nuire au génie!

J'ai l'honneur d'être avec la considération la plus parfaite

Monsieur,

Votre très humble servante Anna B o u n i n a

L'an 1817, Ce 8 de Mars.
Margate.

〈Перевод:〉

Милостивый государь,

Дочь ледяного Севера в восторге от произведений английского гения! Я не владею вашим языком, сударь. Все же, при малых моих познаниях я выучила наизусть все описание войны в «Мармионе» и повторяю его всякий раз с новым удовольствием; если только я лучше овладею английским языком, не поручусь, что не выучу всю эту поэму с начала до конца.

Отваживаюсь преподнести для вашей библиотеки экземпляр моих слабых опытов, который прошу Вас соблаговолить принять, сударь, как знак уважения к вашему таланту и признательности за удовольствие, которое доставило мне чтение «Мармиона».

Я бы желала воспроизвести вашу прекрасную поэзию на моем родном языке. Меня не отвратили бы и потребные на это труды; останавливает меня лишь одно опасение затмить красоты и повредить гению.

Имею честь выразить Вам чувства самого глубокого уважения

Ваша покорнейшая слуга Анна Б у н и н а

1817 год, 8 марта
Маргейт

Какую книгу из собственных сочинений посылала Бунина В. Скотту одновременно с этим письмом, остается неизвестным: в библиотеке его эта книга не сохранилась [45].

3. Русские путешественники в гостях у В. Скотта в Абботсфорде: А. А. Оленин, В. П. Давыдов.— Отзывы о них В. Скотта и расспросы его о России.— Переписка В. Скотта с Денисом Давыдовым.— Рассказы об этом в дневнике В. Скотта и в записях поэта-партизана.— Эпистолярный архив В. Скотта в Эдинбургской библиотеке.— Д. Давыдов посылает В. Скотту перевод своего стихотворения «Полу-солдат...»

Прошло несколько лет. Популярность В. Скотта в России росла. Поэтические произведения его (хотя и далеко не полностью) приобретали еще бóльшую известность среди русских читателей, преимущественно, впрочем, во французских переводах. Вслед за ними потянулись переводы романов В. Скотта, в большом количестве помещавшиеся в журналах и выходившие отдельными изданиями; большинство их, впрочем, также сделано по французским переводам Дефоконпре [46]. В Петербурге и Москве трудами различных переводчиков один за другим появлялись: «Кенильворт» (1823), «Маннеринг» (1824), «Легенда о Монтрозе» (1824), «Антикварий» (1825), «Эдинбургская темница» (1825), «Айвенго» (1826), «Веверлей» (1827), «Письма Павла» (1827), «Редгонтлет» (1828), «Сент-Ронанские воды» (1828), «Морской разбойник» (1829), «Вудсток» (1829) и др.[47] В стихотворной картинке «Сцена в книжной лавке», напечатанной в «Московском вестнике» 1827 г.[48], некий книгопродавец объясняет переводчику, предлагающему ему свои услуги:

...на Вальтер Скотта
У нас пришла чудесная охота.
Вот сколько написал! Он не писатель — черт.
Возьми роман любой — Астролог, Кенильворт,
Певриль дю Пик — заглавья очень странны,
Да ведь зато что за романы!
Уж имя-то его одно берет!

ШОТЛАНДСКІЕ

ПУРИТАНЕ,

ПОВѢСТЬ ТРАКТИРЩИКА,

Изданная

КЛЕЙШБОТЕМОМЪ,

Учителемъ и ключаремъ въ Гандеръ-Клейгъ.

Историческій Романъ,

сочиненіе

ВАЛЬТЕРА СКОТТА.

Переведъ Василій Соцъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1824.

ВАЛЬТЕР СКОТТ. ШОТЛАНДСКИЕ ПУРИТАНЕ. ПЕР. В. СОЦА. Ч. I. М., 1824
Титульный лист и фронтиспис
Институт русской литературы, Ленинград

Попутно с начала 20-х годов растет у нас критическая литература о В. Скотте, на первых порах также переводная. Уже в переведенном с французского «Обозрении нынешнего состояния английской литературы», появившемся в «Вестнике Европы» 1818 г., несколько страниц посвящено В. Скотту; через несколько лет, в 1822 г., в том же журнале напечатана заимствованная с английского статья «О жизни и писаниях В. Скотта»; в 1825 г.— статья «О романах В. Скотта» в «Сыне Отечества» (с французского) [49]. Характерно при этом, что у нас рано расшифровали инкогнито Великого Неизвестного (the Great Unknown), под которым у себя на родине, из уважения к его воле, слыл автор «Веверлея». Как и во Франции, у нас подлинное имя автора прославленных романов было у всех на устах задолго до того времени, как сам В. Скотт публично раскрыл свое инкогнито. А. И. Тургенев, будущий знакомец В. Скотта, в своем «Письме из Дрездена» в «Московский телеграф», помеченном 10 марта 1827 г., спешил сообщить об известии, вычитанном им в «Morning Chronicle»: «Наконец Вальтер Скотт объявил себя автором своих сочинений» [50].

Публичное признание В. Скотта дало возможность журналистам еще чаще, чем прежде, писать о его частной жизни, о его гостях и семейной обстановке, о его знаменитом замке в средневековом вкусе, Абботсфорде, и о собранных там замечательных коллекциях древностей [51]. Любопытно, что еще в 1823 г. в «The English Literary Journal of Moscow» («Московском английском литературном журнале»), в «Биографическом очерке сэра В. Скотта», об Абботсфорде говорилось: «Двери его всегда открыты, и это гостеприимное жилище ежедневно наполняется образованными людьми всех наций, которые стремятся оказать уважение таланту человека, получившего вечную славу на своей родной земле» [52]. Вскоре в гостях у В. Скотта появились и русские туристы, заезжавшие к нему для того, чтобы лично засвидетельствовать ему свои читательские восторги и, кстати, повидать прославленный Абботсфорд.

О ЖИЗНИ
И
ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.
СИРА
ВАЛТЕРА СКОТТА.
Сочиненіе
Аллана Каннингама.
Переводъ дѣвицы А.....
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Конрада Вингебера.
1835.

АЛЛАН КАННИНГАМ. О ЖИЗНИ И ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СИРА ВАЛТЕРА СКОТТА. СПб., 1835
Титульный лист

В. Скотт отличался большой общительностью и любил внимание к себе. Поэтому он с удовольствием принимал заезжих путешественников и отдавал много времени беседам с ними. Некоторые из его гостей даже удивлялись этому. А. И. Тургенев, приехавший навестить В. Скотта в 1828 г. и проживший в Абботсфорде несколько дней, писал об этом брату Николаю Ивановичу: «Он ⟨В. Скотт⟩ любит посещения чужестранцев, хотя лондонские денди и надоедают ему своими незнакомыми визитами, всегда и весь день почти в обществе, и никто не знает, когда он имеет время писать и что пишет». Тургенев с восхищением прибавлял, что, по словам одного из приятелей В. Скотта, в его присутствии писателю часто «случалось сочинить несколько страниц романа», которые тут же прочитывались вслух и немедленно отправлялись в печать [53].

Дневник В. Скотта подтверждает наблюдения Тургенева: первые страницы дневника (записи за ноябрь и декабрь 1825 г.) пестрят именами лиц, приезжавших к писателю, чтобы высказать ему свое восхищение; целые дни В. Скотта проходят в прогулках с незнакомыми людьми, имена которых он едва может запомнить или даже произнести; иные из этих гостей привозят В. Скотту фантастические рекомендации или являются к нему запросто, без всяких приглашений и соблюдения подобающего в этих случаях этикета, живут у него несколько дней, принимая светскую учтивость за вполне искреннее радушие хозяина. 23 ноября 1825 г. В. Скотт, бывший в это время в Эдинбурге, заносит в свой дневник следующий отзыв об иностранцах вообще: «Говоря об Абботсфорде — его начинает посещать слишком много разношерстных людей, особенно же иностранцев. Они мне не нравятся. Терпеть не могу дорогие жилеты и булавки на грязных сорочках. Не выношу нахалов, которые лезут с комплиментами к чужому человеку и в доме писателя рассуждают — по невоспитанности — о его произведениях. К тому же обычно очень скоро обнаруживается, что они знать не знают, о чем говорят, разве только видели в опере «Деву озера» [54].

Впрочем, нельзя отрицать, что поток человеческих лиц, проходивший перед его глазами, представлял для В. Скотта зрелище довольно занимательное и открывал возможности для самых разнообразных наблюдений.

Русские паломничества в Абботсфорд начались в 20-х годах. В дневниковой записи 24 ноября 1825 г. отмечен приезд в Абботсфорд многих гостей, в том числе иностранцев; среди них «Граф Олоним (нет, Олонин!), сын президента русской Академии, гвардейский капитан. Он невзрачен и кажется хилым, но довольно здравомыслящ, прямодушен и образован» [55]. Следует иметь в виду, что русских дворян (часто представителей знатных семейств), приезжавших в Англию в те годы, было принято величать графами, хотя бы они и не носили этого титула. Посетитель, чье имя В. Скотт припоминал, был сын Алексея Николаевича Оленина, известного президента петербургской Академии художеств, Алексей Александрович (1798—1854), некоторое время живший в Англии (графом он никогда не был) [56]. Осенью 1825 г. Оленин пользовался гостеприимством Джона Прингля, владельца имений Хей-

нинг и Клифтон, расположенных недалеко от Абботсфорда, и приятеля В. Скотта. Видимо, это был не первый визит А. А. Оленина в Абботсфорд. Мы догадываемся об этом потому, что в Москве (в собрании И. С. Зильберштейна) сохранилась еще не бывшая в печати записка В. Скотта к А. А. Оленину от 5 октября 1825 г. В верхнем правом углу записаны место и дата ее получения: «The Haining 5 октября 1825 г.» Вот ее текст:

Sir Walter Scott offers his respectful compliments to Mr D'Olenine and requests the honour of his company to dinner at Abbotsford at six o'clock on Friday or on Saturday evening whichever Mr D'Olenine shall think most convenient.

Abbotsford
5 October

⟨Перевод:⟩

Сэр Вальтер Скотт свидетельствует свое почтение м-ру Д'Оленину и просит оказать ему честь своим присутствием на обеде в Абботсфорде в 6 часов вечера в пятницу или субботу по его усмотрению.

Абботсфорд
5 октября

Одновременно с этой запиской было послано письмо (на таком же точно листке бумаги) и к Джону Принглю, радушно принимавшему у себя в гостях молодого Оленина:

My dear Sir, I send the novel I mentioned which is curious as being laid in your grandfather's family as I believe and your own house at Clifton.

I would be greatly obliged if you bring Mr Olenine in case he will do me the honor to dine here on Friday or Saturday at six o'clock. You will met the Vice-Chancellor Lord Gifford and his lady.

Lady Scott and I will be extremely happy if Mr Robert Pringle can also oblige us without deserting your military friends or if they would also do us the same honor.

I am, dear Sir, very truly yours Walter S c o t t.

Abbotsford.
Wednesday.

⟨Перевод:⟩

Дорогой сэр, посылаю роман, о котором я говорил; он любопытен тем, что действие происходит, как мне кажется, в семье вашего деда и в Клифтоне, в вашем собственном доме.

Я буду чрезвычайно обязан вам, если вы привезете с собой м-ра Оленина, буде он пожелает сделать мне честь отобедать у меня в пятницу или в субботу в шесть часов. Вы встретите у меня вице-канцлера лорда Гиффорда с супругой.

Мы с лэди Скотт будем счастливы, если и м-р Роберт Прингль сможет оказать нам эту честь, не покидая на произвол судьбы ваших приятелей-военных, или если они также согласятся приехать к нам.

Остаюсь, дорогой сэр, искренне ваш Вальтер С к о т т

Абботсфорд. Среда ⟨5.X.1825⟩ [57]

Прощаясь с А. А. Олениным, В. Скотт подарил ему на память свой литографированный портрет и букетик: веточку кипариса и другие растения из своего сада. Этот портрет долго хранился в качестве реликвии в семье Олениных [58].

К сожалению, мы больше ничего не знаем об этой встрече. В частности, до нас не дошло никаких известий о ней от самого Оленина; это произошло, быть может, потому, что он имел достаточные основания уничтожить свои бумаги и записи 1825 г., к которому относятся его посещения Абботсфорда.

ГЕТМАН ПЛАТОВ И КАЗАКИ
Рисунок Г. Шадова

Штабс-капитан гвардейского генерального штаба А. А. Оленин принадлежал к либеральным кругам русского столичного офицерства и до 1821 г. являлся членом Союза благоденствия [59]. Д. Н. Свербеев, оставивший довольно подробную характеристику А. А. Оленина во время совместного пребывания с ним за границей весною 1826 г., довольно прозрачно свидетельствует об его опасениях, хотя и не упоминает о причинах тревоги — восстании декабристов и расправе Следственной комиссии над его организаторами. «Оленин же,— рассказывает Свербеев,— спешил в Россию по настоятельному требованию его отца, бывшего когда-то государственным секретарем, и, несмотря на весь свой ум и находчивость, путался в своих ответах на мои вопросы, зачем он так спешит домой...» Дело объяснилось только тогда, когда, находясь уже неподалеку от Праги, А. А. Оленин получил «давно ожидаемое письмо из Петербурга от своих родителей и, развернув его, преобразился от восхищения: ему прислали продолжение отпуска». «В порыве восторга,— свидетельствует Свербеев,— он проговорился мне, что ожидал над собой следствия и суда, но тотчас же очнулся и убедительно просил более об этом его не расспрашивать» [60].

В цитированной выше записи дневника от 24 ноября 1825 г. В. Скотт наряду с «графом» Олениным называет еще одного русского гостя — «молодого графа Давыдова», «племянника знаменитых Орловых», с его учителем м-ром Кольером (Colyar). В. Скотт прибавляет, что, несмотря на его молодость, «Count Davidoff» кажется ему юношей смышленым, даровитым и здравомыслящим и что он опасается даже, как бы не оправдалось на нем известное изречение Шекспира из «Ричарда III» (акт III, сц. 1) о ранней смерти тех, кому много дано: «So wise, so young, they say, never live long*» [61]. Этот юноша, также в ту пору не бывший еще графом, мало походил на Оленина не только по своему облику и возрасту; хотя гвардейский штабс-капитан и студент принадлежали к дворянским семьям из высшего круга, но едва ли они имели общие интересы; да и будущие их судьбы сложились совсем несходно.

* Столь мудрые в столь юном возрасте недолго, говорят, живут (*англ.*).

Владимир Петрович Давыдов (1809—1882), которого В. Скотт имеет здесь в виду, был сыном Петра Львовича Давыдова от брака его с одной из дочерей графа Владимира Григорьевича Орлова (1743—1831), вельможи екатерининских времен и директора петербургской Академии наук. В год знакомства своего с В. Скоттом он действительно был еще очень молод — ему только что исполнилось шестнадцать лет; под надзором гувернера-англичанина Кольера он был отправлен в Великобританию для определения в Эдинбургский университет. По его собственным словам, он «радовался выбору Эдинбурга не столько для изучения философии, сколько тому, что в этом городе жил тогда Вальтер Скотт, в котором все начинали подозревать The Great Unknown* — автора Веверлея, Роб-Роя, Ивангое и стольких других романов, известных всему свету».

О том, как состоялось знакомство молодого Давыдова с В. Скоттом, мы знаем из воспоминаний самого Давыдова. «Шотландия,— пишет он,— издавна славилась гостеприимством, чертой, присущей всем жителям нагорных стран. В описанное время русских принимали особенно благосклонно. Давыдов ⟨он пишет о себе в третьем лице.— М. А.⟩ и его наставник были приняты весьма ласково и вскоре получили случай познакомиться с Вальтером Скоттом. Они отправились с рекомендательным письмом в Абботсфорд, замок в смешанно-готическом стиле, воздвигнутый поэтом на берегу быстрой, прославленной в истории и в стихах реки — Твида. Напудренный лакей объявил посетителям, что хозяин уехал с своим гостем, ирландским поэтом Томасом Муром, к развалинам аббатства Мелроз, но вернется часа через два. Пришлось дожидаться поэта в высоких сенях — hall, обставленных до потолка оружием разных эпох и тускло освещенных сквозь оконные стекла, на которых были расписаны гербы. В. Скотт приехал незадолго пред обеденным часом и принял своих гостей с большою учтивостью, которая скоро приняла вид самого дружеского расположения. Он радовался, что гости его приехали в такую счастливую минуту и что они познакомятся с знаменитым поэтом Муром. Приезжие не могли или не сумели высказать того, что приехали вовсе не затем, чтобы видеть Мура, а желали засвидетельствовать почтение самому хозяину, лицу гораздо интереснейшему для них. За обедом В. Скотт старался предоставить ирландскому поэту случай вести разговор, а сей последний говорил охотно о самом себе в своих стихах[62]. Зашла речь и о недавнем приезде в Абботсфорд г-жи Куц (Coutts), бывшей актрисы, а впоследствии герцогини St. Albans. Поэт рассказывал, как она вошла в гостиную Абботсфорда, декламируя стихи Вальтера Скотта о любви к отечеству:

Lives there the man....

«Нужно вам заметить, мистер Дэвидов,— сказал сир Вальтер Скотт,— это вовсе не в моем вкусе; я привык спокойно курить мою сигарку после обеда и не люблю, чтобы меня выставляли на сцену» (здесь кстати сказать, что поэт прибегал к сигарке как к успокоительному средству удерживать воображение и не давать ему волю действовать, по его словам, «подобно паровой машине, от которой отнято внезапно дело»)».

Далее Давыдов рассказывает, что приезжим из России «предложено было много вопросов о московском пожаре 1812 г.: от чьих рук запылала древняя столица? Если не от французских, отчего русские не признают за собою действия, которое столько же для них славно, сколько оно было бы позорно со стороны неприятеля?»... «Поэт выражал такое удивление высокой роли России в 1812 г., что, когда пришлось вставать из-за стола и перейти к дамам в гостиную, русский студент был вне себя от чувства гордости и восторга» [63]. В дневнике В. Скотта отмечено несколько последующих визитов Давыдова и Кольера; одна из этих записей гласит: «Мы обедали дома. М-р Давыдов с его учителем приняли приглашение пообедать вместе с нами» [64]. Сохранилась и карточка с приглашением на обед в эдинбургском доме писателя:

* Великого неизвестного (*англ.*).

В. П. ДАВЫДОВ
Рисунок О. А. Кипренского, 1828
Литературный музей, Москва

Sir Walter and Lady Scott request the honour of Mr Davidoff's company at dinner on Saturday the 10-th Dec-r at 6 o'clock

39 North Castle street.

〈Перевод:〉

Сэр Вальтер и лэди Скотт просят м-ра Давыдова оказать им честь быть в числе их гостей на обеде в субботу 10 декабря в шесть часов.

Север, Замковая ул., 39.

Полгода спустя, летом 1826 г., Давыдов имел с В. Скоттом специальную беседу о восстании на Сенатской площади 14 декабря [65].

Кстати сказать, с будущим Николаем I (тогда еще великим князем), когда тот в 1816 г. четыре месяца провел в Англии и, между прочим, навестил шотландскую столицу, В. Скотт познакомился лично. Это было 16 декабря 1816 г. Писателя представил великому князю Николаю эдинбургский лорд-мэр В. Арбатнот. На торжественном приеме у мэра была исполнена специально сочиненная для этого случая В. Скоттом на мелодию арии Гайдна торжественная ода, в которой высокий русский гость прославлялся как освободитель Европы от «тирана» Наполеона; здесь же В. Скотт свидетельствовал, что отныне Англия и Россия связаны между собой «взаимными интересами.

надеждами и опасностями»; стихи были напечатаны в современных газетах и входят в собрание поэтических произведений В. Скотта [66].

Но стихи оставались стихами, а в интимном письме к своему другу герцогу Боклю (Duke of Buccleuch) от 14 декабря 1816 г. В. Скотт все же отзывается о будущем русском царе с легкой иронией. Время тогда было в Англии тревожное — начиналось широкое политическое движение за избирательную реформу: в ноябре 1816 г. группа Артура Тислвуда (впоследствии казненного по другому делу) пыталась с помощью солдат и с оружием в руках поднять в Миддлсексе восстание против правительства. «Мы здесь спокойны,— пишет В. Скотт из Эдинбурга в указанном письме,— за исключением великого князя Николая»,— и прибавляет, что ему не нравится это «дрянное имя» (a shabby sort of name), напоминающее известную шотландскую песенку об ославленном досужими кумушками герое:

Alas! O'Nick, O'Nick, alas!
Right did they gossip, etc.*[67]

К сожалению, мы не знаем с достаточной точностью впечатления, которое произвело на В. Скотта восстание декабристов в Петербурге. В своем дневнике он ограничился лишь краткой записью (5 июля 1826 г.): «Молодой Давыдов, рассуждая о причинах недавних беспорядков в России, приписывает их глубоко укоренившемуся якобинскому заговору, целью которого было ниспровержение правительства и империи и установление власти консулата» [68]. Своей оценки движению В. Скотт не дает. О событиях 14 декабря он слышал не только от В. Давыдова: английские газеты уделили восстанию довольно значительное внимание. Н. И. Тургенев именно в Эдинбурге в 1826 г. узнал, что привлечен к следственному делу, а Николай I, добиваясь выдачи Н. И. Тургенева английским правительством, не без основания утверждал, что последний является «гостем и излюбленным соучастником в делах» английских либеральных деятелей — лорда Голланда, Брума и Макинтоша — и «что он пользуется симпатией и защитой этих господ в качестве страдающего русского патриота» [69]. В английском общественном мнении 1826 г. зрели симпатии к декабристам, и во всяком случае в Англии очень интересовались следствием по этому делу, судом и приговором Николая I [70].

Впрочем, В. Скотт едва ли был в числе британцев, сочувствовавших декабристам, и, вероятно, охотно соглашался с записанным в его дневнике мнением молодого Давыдова, близко стоявшего к официальным кругам русского посольства в Лондоне. Политический консерватизм и застарелая «торийская позиция» В. Скотта подчеркивались не раз. Гейне никогда не мог простить ему «Истории Наполеона» (1827), книги, полной ненависти к французской буржуазной революции 1789 г. и ко всему, ею порожденному. Первые полтора десятилетия XIX в. русской истории интересовали В. Скотта сильнее, чем текущая русская политическая современность. Знакомство с Давыдовым не только оживляло для В. Скотта его давние русские встречи 1814 г., но и прямо могло пригодиться ему при работе над тем томом «Истории Наполеона», в котором шла речь о русском походе Бонапарта. Свидетельство Давыдова это вполне подтверждает: «Чтобы удовлетворить часто выраженное поэтом желание иметь какой-нибудь отзыв, собственно русский, насчет виновников сожжения Москвы в 1812 г.», как пишет В. Давыдов, он выписал для В. Скотта из России и передал ему специальные материалы, которые действительно использованы были в «Истории Наполеона» [71]. Тот же интерес В. Скотта к событиям войны 1812 г. привел и к его заочному знакомству и обмену письмами с видным деятелем Отечественной войны, поэтом и партизаном Денисом Давыдовым.

---

* Увы! О'Ник, увы!
Справедлива была сплетня...

Посредником в этой переписке был тот же В. П. Давыдов, приходившийся Д. В. Давыдову двоюродным племянником (отец Владимира Петровича Петр Львович был двоюродным братом Дениса Давыдова). История этого «заочного знакомства» была рассказана самим Д. В. Давыдовым в письме к Пушкину, известном нам, к сожалению, лишь в отрывке без начала, к тому же в черновике; оно, вероятно, являлось ответом на вопрос Пушкина по этому поводу. Приводим его (в прямых скобках вычеркнутые слова):

«Мне писал племянник мой, Владимир Петрович Давыдов, который учится в Эдинбурге, что он часто видится с Валтером Скоттом и часто бывает у него в деревне. Что Валтер Скотт долго его обо мне расспрашивал и показывал ему портрет мой, находящийся у него в кабинете. Это весьма польстило моему самолюбию, и я написал Валтеру Скотту благодарное письмо, на которое [в ответ он прислал виденное тобою его письмо] немедленно он отвечал. Сверх того, он — спустя несколько времени [он] прислал мне свой портрет с надписью [его руки]: *Валтер Скотт, Денису Давыдову.* Теперь я ему [пишу и на днях посылаю] пишу благодарное письмо за портрет, а между тем, узнав, что он составляет себе кабинет разного оружия, [я] на днях посылаю ему курстанской дротик, черкесской лук и стрелы и кинжал. Вот вся история моего знакомства с Валтер Скоттом» [72].

Дневник В. Скотта позволяет более отчетливо разобраться в истории этой переписки русского поэта и шотландского романиста и более точно фиксирует некоторые даты, между прочим небезынтересные и для определения того, когда приведенное выше письмо Д. Давыдова послано Пушкину,— черновик его не имеет даты.

У В. Скотта действительно находился гравированный портрет Дениса Давыдова из серии портретов русских деятелей 1812 г., которая была выпущена художником Дайтоном, вероятно, вместе с его же портретами Александра I и Платова. На гравюре Дайтона Денис Давыдов изображен как могучий воин, с черной кудрявой бородой и шапкой таких же волос, в меховой шкуре, накинутой на плечи и застегнутой пряжкой у ворота, с шарфом вместо пояса и шашкой в руке. Подпись под гравюрой: «Денис Давыдов. Черный капитан»— объясняет нам, почему В. Скотт обычно так именовал Давыдова. Этот портрет В. Скотт и показывал его племяннику, расспрашивая о знаменитом дяде. Что в своих беседах В. Скотт с В. Давыдовым, вероятно, не раз возвращались к личности «Черного капитана», видно из указаний самого Владимира Петровича. В одном из неопубликованных писем к отцу из Эдинбурга он сообщал: «Несколько дней, как мы вернулись из Абботсфорда, где очень приятно провели пять дней. Сир Вальтер Скотт, который нас туда доставил и привез обратно, оказывал нам всевозможные почести, мы пили шампанское за здоровье дядюшки Дениса» [73].

Первое письмо Д. Давыдова к В. Скотту помечено: «Москва, 10 марта (22 по н. ст.) 1826 г.» Подлинник его хранится в личном архиве В. Скотта. Так как в этом архиве находится еще несколько писем к нему от русских корреспондентов, в том числе и от Давыдовых, необходимо хотя бы вкратце остановиться на истории этого любопытного собрания; сведения о нем лишь недавно проникли в печать, а публикация его материалов полностью еще не закончена.

Судьба эпистолярного наследия В. Скотта может до известной степени объяснить, почему вся история его переписки с русскими людьми нам известна еще так плохо. Письма самого В. Скотта к разным лицам (за исключением тех, которые полностью или в выдержках напечатаны были его зятем Локартом в его известной биографии — «Memoirs of the Life of Sir Walter Scott». 7 vols, 1837—1839,— постепенно пополнявшейся последующими публикациями) до последнего времени известны были в печати далеко не во всей своей сохранившейся части; лишь предпринятое в год столетия со дня смерти В. Скотта (1932) и законченное пятилетие спустя двенадцатитомное издание его писем под редакцией профессора Герберта Грирсона [74] явилось, в сущности, их первым научным изданием и наиболее полным из существующих. Однако

ДЕНИС ДАВЫДОВ
Портрет работы Дж. Доу
Военная галерея Зимнего дворца,
Эрмитаж, Ленинград

задача, поставленная себе проф. Грирсоном и его сотрудниками,— собрать письма В. Скотта, рассеянные по всему миру, в одном комментированном издании — оказалась все же непосильной и невыполнимой; в нем, в частности, остались вовсе не использованными не только русские архивы, где, как увидим, находится много автографов писем В. Скотта, но даже их печатные воспроизведения; ряд писем В. Скотта, сохранившихся в архивах и библиотеках СССР, впервые публикуется в настоящей работе. Что же касается писем, адресованных В. Скотту, то до последнего времени они в еще меньшей степени известны его исследователям. К письмам, полученным им из разных мест и в большом числе, В. Скотт относился весьма бережно и любовно. Он сохранял их и переплетал. До 1921 г. все собрание, заключавшее в себе около 6000 писем, переплетенных в 23 тома, хранилось у потомков В. Скотта и было почти недоступным для интересующихся. В 1921 г. оно поступило на аукцион. Счастливым обладателем всех 23 томов, т. е. всего собрания в целом, оказался известный английский писатель Хью Уолпол (Hugh Walpole, 1884—1940), который приобрел их на аукционе за сравнительно скромную сумму.

КАЗАКИ
Литография из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера

Уолпол, видный английский беллетрист, один из представителей «психологического реализма», близкий по манере своего письма к Голсуорси, А. Беннету, Дж. Конраду, между прочим, интересен для нас также и благодаря тому, что в его творчестве начиная с 1914 г. отчетливо звучала «русская тема» и все заметнее становились русские литературные воздействия [75]. Он с ранних лет был восторженным поклонником В. Скотта. Приобретение драгоценной коллекции писем, адресованных столь любимому им писателю, он считал своей большой удачей. Действительно, попав на аукцион, шесть тысяч писем, в большей своей части не изданных, легко могли распылиться, рассеяться по частным собраниям и библиотекам всех частей света; предложения перепродажи отдельных документов этого собрания делались Уолполу вскоре после его покупки; однако он оставил у себя все 23 тома в неразрозненном виде и завещал их Шотландской национальной библиотеке в Эдинбурге, куда они и поступили после его смерти в 1940 г. и хранятся в настоящее время (так называемый «Walpole Bequest»).

Изучение этого собрания уже началось: некоторые наиболее интересные письма целиком или в извлечениях напечатаны были Уильфридом Партингтоном в двух книгах, вышедших к столетию со дня смерти В. Скотта с предисловием Хью Уолпола: «Личные письма к сэру Вальтеру Скотту. Избранные письма из Абботсфордских рукописей» (1930) и «Почтовая сумка сэра Вальтера Скотта. Новые рассказы и данные, заимствованные из неопубликованных писем к нему» (1932) [76]. Русские знакомые не фигурируют в этих публикациях, однако ко второй из указанных книг Партингтон приложил чрезвычайно ценный перечень корреспондентов, письма которых к В. Скотту встречаются в двадцати трех томах собрания. Из упомянутого перечня явствует, что среди них было и несколько русских: прежде всего Денис Давыдов и Владимир Петрович Давыдов.

Письма Д. Давыдова написаны по-французски; еще до войны (во время которой архив В. Скотта вместе с другими рукописями Шотландской национальной библиотеки был эвакуирован из Эдинбурга) копии с них, а также с ряда других писем того же собрания были сняты В. М. Паркером (W. M. Parker), готовившим специальную работу о корреспондентах В. Скотта;

при этом некоторые места в письмах остались им не разобранными; впоследствии они были напечатаны снова.

Письмо Дениса Давыдова — то самое, о котором он сообщил Пушкину, печатается здесь по фотокопии, любезно предоставленной Шотландской национальной библиотекой:

Monsieur!

Je viens de lire la lettre de mon neveu Vladimir Davidoff à son père dans laquelle il lui annonce l'honneur d'avoir été accueilli par vous avec tant de bienveillance, et la conversation qu'il eut avec vous au sujet de moi. Je vous avoue, Monsieur, que durant toute ma carrière militaire, durant ma vie entière, rien de plus flatteur n'a retentit dans mon âme! Etre l'objet de l'intérêt du premier génie de ce siècle, de celui dont je suis le plus ardent,le plus passionné des admirateurs, est un honneur, je dirai même un bonheur, auquel je n'ai jamais osé prétendre, assuré que j'étois que des courses aventureuses de partisan, quelques succès de guerre et enfin quelques coups de sabre donnés et reçus, n'étoient que trop payés par la confiance de mes camarades et le choix que fesoient que moi mes chefs pour des entreprises périlleuses. Vous venez de mettre le comble á toutes ces récompenses, Monsieur, et c'est avec le plus vif sentiment de reconnoissance que je vous en remercie.

Veuillez croire un soldat qui sait mieux sentir que s'exprimer, que si jamais il a besoin de stimulant il n'aura qu'à relire ces lignes magiques— lignes qu'il a copié et qu'il conserve soigneusement près des lettres dont l'a honoré le Maréchal Koutousoff pendant la désastreuse et glorieuse campagne de 1812.

Daignez agréer l'assurance de la reconnoissance la plus prononcée et des sentiments de respect et d'enthousiasme, Monsieur, de votre très humble et très obéissant serviteur

Denis Davidoff [77]

Moscou, ce 10 Mars 1826.

⟨Перевод:⟩

Милостивый государь!

Я только что прочел письмо моего племянника Владимира Давыдова к его отцу, где он сообщает о чести, которую Вы оказали ему, приняв его столь любезно, и о разговоре, который был у него с Вами обо мне. Клянусь Вам, милостивый государь, что за все мое военное поприще, за всю мою жизнь ничего более лестного не отозвалось в моей душе! Быть предметом внимания для первого гения своего времени, чьим самым пламенным, самым страстным поклонником я являюсь, это честь, это, смею сказать, счастье, на которое я никогда не дерзнул бы надеяться, убежденный, что более чем достаточным воздаянием за опасности партизанских походов, кое-какие военные удачи, да сабельные удары, которые мне доводилось наносить и получать, было доверие моих товарищей и предпочтение, которое оказывали мне мои начальники, избирая меня для опасных предприятий. Вы же вознаградили меня несравненно выше, и я благодарю вас, милостивый государь, с чувством живейшей признательности.

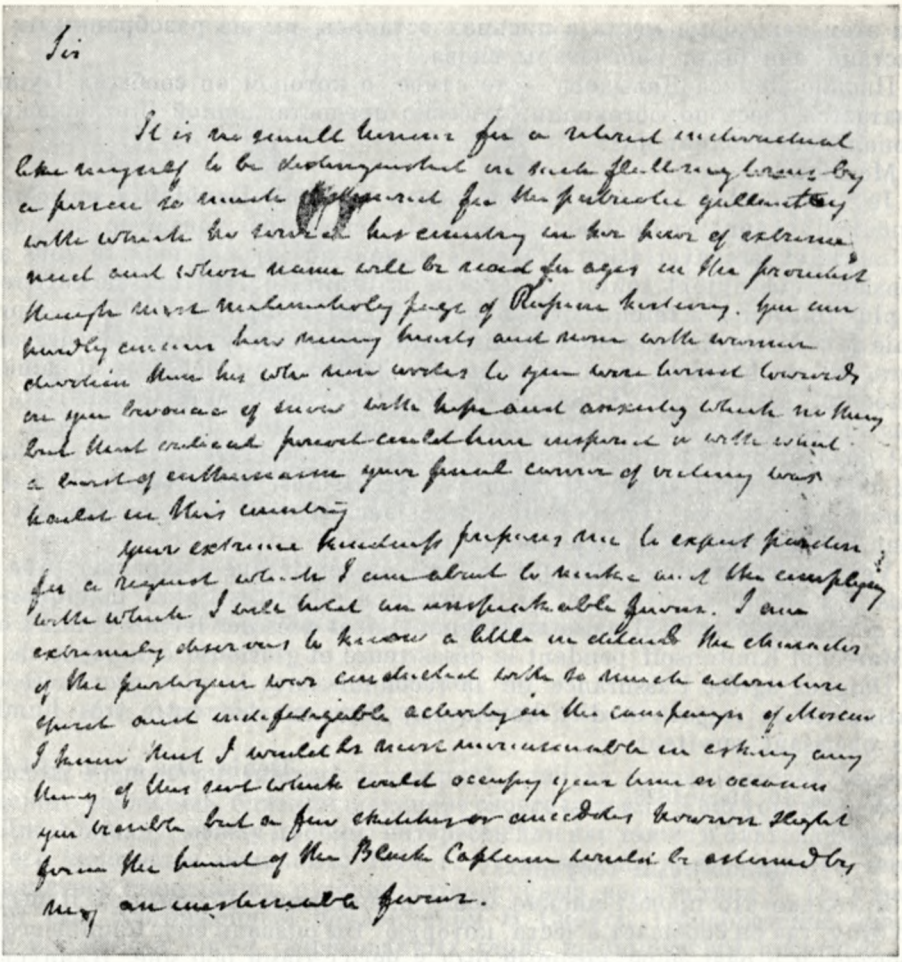
Поверьте солдату, который лучше умеет чувствовать, чем выражать свои чувства, что если ему потребуется когда-нибудь поощрение, то довольно будет перечитать эти волшебные строки — строки, которые он выписал себе и бережно хранит вместе с письмами, коих удостоил его фельдмаршал Кутузов в бедственную и славную кампанию 1812 года.

Прошу Вас принять уверение в самой искренней признательности и в чувствах уважения и восхищения вашего, милостивый государь, нижайшего и покорнейшего слуги

Дениса Давыдова

Москва, 10 марта 1826 г.

В дневнике В. Скотта 14 апреля 1826 г. отмечено: «Получил письмо от знаменитого Дениса Давыдова, Черного капитана, так отличившегося умелыми партизанскими действиями во время отступления французской ар-



ПИСЬМО ВАЛЬТЕРА СКОТТА Д. В. ДАВЫДОВУ, 17 АПРЕЛЯ 1826 г.
(первая страница)
Библиотека им. В. И. Ленина. Москва

мии от Москвы.— Если бы мне только удалось выманить у него несколько анекдотов, славная была бы добыча» [78].

Ответное письмо В. Скотта давно известно в печати. Со многими явными ошибками и в неточном переводе оно было опубликовано в первый раз в 1860 г. в четвертом издании сочинений Д. В. Давыдова, «исправленном и дополненном по рукописям автора», и впоследствии механически перепечатывалось отсюда как в русских, так в последнее время и в английских изданиях [79]. Подлинник этого письма долгое время хранился в родовом приволжском имении Давыдовых, возле села Благодатного, Хвалынского уезда, Саратовской губ. [80], затем след его был потерян. В настоящее время оно отыскалось и находится в Отделе рукописей ГБЛ. В письме не указан год, но на основании записи «Дневника» В. Скотта и всех вышеприведенных данных мы датируем его 1826, а не 1827 годом, под каким оно значится в указанных «Сочинениях» Давыдова 1860 г. и почти во всех остальных его перепечатках и цитациях [81].

Приводим это письмо по подлиннику:

Sir,

It is no small honour for a retired individual like myself to be distinguished in such flattering terms by a person so much admired for the patriotic gallantry with which he served his country in her hour of extreme need and whose

name will be read for ages in the proudest though most melancholy page of Russian history. You can hardly conceive how many hearts, and none with warmer devotion than his who now writes to you, were turned towards ⟨you⟩ in your bivouac of snow with hope and anxiety which nothing but that critical period could have inspired or with what a burst of enthusiasm your final course of victory was hailed in this country.

Your extreme kindness prepares me to expect pardon for a request which I am about to make and the complying with which I will hold an unspeakable favour. I am extremely desirous to know a little in detail the character of the partizan war conducted with so much adventure, spirit and indefatigable activity in the campaign of Moscow. I know that I would be most unreasonable in asking anything of this sort which could occupy your time or occasion you trouble, but a few sketches or anecdotes, however slight, from the hand of the Black Captain would be esteemed by me an inestimable favour.

My young friend Mr Wladimir Davidow has been unwell during this spring which circumstance joined to illness in my own family has prevented my seeing so much of him as I should have proposed, had Lady Scott's health permitted us to receive our friends in the usual way. He is a young gentleman of a most amiable temper and much accomplishment and I am happy in having made his acquaintance and that of his friend.

It is very true I have been able to procure a drawing of Captain Davidow which hangs above one of the things I hold most precious, namely a good broadsword which was handed down to me by my ancestors, and which in its day was not bloodless, though we have been a peaceful race for three generations. The military spirit has revived in my son who is a captain of Hussars and reckoned a smart officer.

I am with much respect, Sir,
Your honoured and obliged humble servant Walter S c o t t

Abbotsford, 17 April.
⟨*На обороте*:⟩
Général Denis Davidow

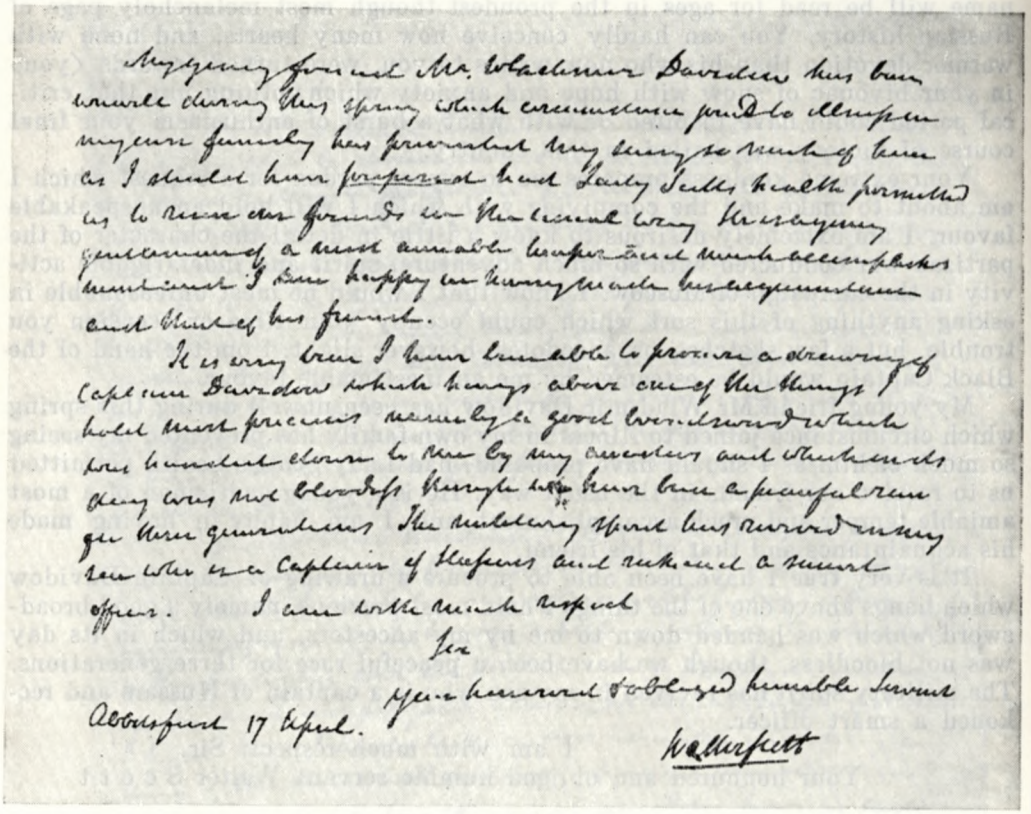
⟨*Перевод*:⟩

Милостивый государь,

Для человека вроде меня, живущего на покое, немалая честь быть отличенным в столь лестных выражениях лицом, вызвавшим такое восхищение патриотической отвагой, с которой он служил отечеству в час его крайней нужды, и чье имя будет много веков читаться на самой гордой, хотя и самой печальной странице русской истории. Вы едва ли можете представить себе, сколько сердец, и среди них ни одно с более горячей преданностью, чем сердце пишущего вам это, обращено было к вам на вашем снежном бивуаке с надеждой и тревогой, какие могла внушать лишь та критическая пора, или с каким взрывом восторга приветствовали у нас в стране победное завершение ваших походов.

Ваша чрезвычайная любезность позволяет мне ожидать прощения за просьбу, которую я хочу высказать, исполнение которой буду считать несказанным одолжением. Мне в высшей степени желательно ознакомиться несколько подробнее с характером партизанской войны, которая велась с такой энергией и предприимчивостью и так неутомимо в московскую кампанию. Я понимаю, насколько неблагоразумно было бы просить вас о таких сообщениях, которые потребовали бы хлопот и затраты времени, но счел бы неоценимой для себя услугой получение из рук Черного капитана хотя бы нескольких набросков или анекдотов, пусть даже незначительных.

Мой молодой друг м-р Владимир Давыдов был нездоров этой весной; это обстоятельство, а также болезнь в моем семействе препятствовали мне видеть его столь часто, как я намеревался, если бы здоровье леди Скотт позволяло нам принимать у себя наших друзей, как обычно. Он молодой че-



ПИСЬМО ВАЛЬТЕРА СКОТТА К Д. В. ДАВЫДОВУ, 17 АПРЕЛЯ 1826 г.
(вторая страница)
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва

ловек самого любезного нрава и с большими достоинствами, и я счастлив знакомству с ним и с его другом.

Действительно, мне удалось достать изображение капитана Давыдова, которое висит над одним из предметов, самых драгоценных для меня, а именно над добрым мечом, который достался мне от предков и который в свое время не раз бывал в деле, хотя три последних поколения нашего рода были люди мирные. Воинственный дух возродился в моем сыне, который служит капитаном в гусарах и считается бравым офицером.

Остаюсь, милостивый государь, с глубоким почтением, много польщенный и обязанный Вам, ваш покорный слуга

Вальтер Скотт

Абботсфорд, 17 апреля ⟨1826⟩
⟨*На обороте*:⟩

Генералу Денису Давыдову.

Это письмо и есть то самое, которое Давыдов показывал Пушкину. Добавим, что упоминаемый здесь друг молодого Владимира Петровича Давыдова — его гувернер Кольер (Colyar). Сын В. Скотта, о котором идет речь в последних строках письма, также носил имя Вальтер. Это был действительно «бравый офицер», умерший в Индии, где он служил в 40-х годах в Британской армии.

Для истории этого первого обмена письмами между В. Скоттом и Д. Давыдовым очень существенны также и два других еще не бывших в печати письма: Д. В. Давыдова к В. П. Давыдову и В. П. Давыдова к В. Скотту. Они кое в чем подтверждают, но кое в чем и опровергают признания Дениса

Васильевича в его письме к Пушкину. Рассказывая Пушкину о том, как завязалось его письменное знакомство с В. Скоттом, Давыдов умолчал о некоторых характерных подробностях и преуменьшил свое участие в поддержании этой переписки, очевидно сильно польстившей его самолюбию. В частности, выясняется, что и портрет В. Скотта послан был Давыдову по инициативе последнего и что сильно желавший его иметь Давыдов подсказал даже текст дарственной надписи на нем. Вот что писал Д. Давыдов:

Любезный Владимир Петрович,

Я читал письмо твое к брату Петру Львовичу, в котором ты описываешь разговор твой обо мне с сир Валтером Скоттом. Признаюсь тебе, любезный друг, что с рождения моего ничего так не потрясло моего самолюбия! Я был вне себя от восторга!

Посылаю тебе письмо, которое я пишу к нему, оно бог знает как написано, но он простит расстройству ума моего, ибо он этому причиною.

Если можешь сделать, чтобы он мне написал хоть две строчки и прислал бы свой портрет с надписью своей руки: «Sir Walter Scott au partisan Denis Davidoff»,— то я был бы наисчастливейший человек, и эти строки и этот портрет перешли бы в мое потомство как святые вещи. Пожаласта попроси его,— я этого сам не смел сделать.

Слышу, любезный друг, о твоих успехах и радуюсь душевно, дай бог в добрый час, авось ли хоть один Давыдов будет человеком — мы все такая дрянь, только что коптим небо, как говорит пословица.

Скажи пожаласта мое почтение г-ну Коллеру и верь искренной и родственной дружбе

Дениса Давыдова

1826. 26 февраля/10 марта. Москва [82].

Эти просьбы дядюшки В. П. Давыдов выполнил с буквальной точностью, о чем дает представление его собственное письмо к В. Скотту, сохранившееся в упомянутом выше эпистолярном архиве писателя. Однако из него видно также, что обе просьбы дядюшки его несколько затруднили, в особенности просьба прислать портрет с надписью; он не только принес за них свои извинения, но даже поспешил раздобыть портрет В. Скотта, чтобы не затруднять этим писателя; последнему оставалось, таким образом, лишь начертать просимые слова. В. Скотт не мог, однако, отказать и в первой просьбе: он написал письмо «Черному капитану», которое было лестным и само по себе и доставлено было ему с почтительными комментариями.

Письмо В. П. Давыдова было написано по-английски:

Dear Sir,

Having this day received from Russia a letter addressed to you I take the liberty of inclosing it, and of informing you of what gave rise to it and how it was sent to me. The author of it is my uncle General Denis Davidoff, the black captain. Having learnt from my letter to my father the honour, which you did him by keeping his portrait in your room, and your general approbation of his conduct, he was so gratified and, I may say, enraptured with the honor that he could not refrain from expressing to you his satisfaction. He writes to me in the warmest expressions of enthusiasm, and he is not without fear lest his feelings on this occasion may have made his letter to you utterly unintelligible. He flatters himself with the hope that you will honor him with two lines at least of your own writing. And though he has not taken the liberty of asking from you either this favor or that of sending your portrait to him, he expresses to me the ardent desire, which he feels of having such monuments of you in his possession and of transmitting them as «sacred relics» to his posterity. Should you be pleased to grant the latter of these requests, I shall with your permission send to you your portrait, under which my uncle will read with the greatest satisfaction «Sir Walter Scott au partisan Denis Davidoff». I feel conscious of the indelicacy of the message, which I have at present the honor of transmitting to you, and beg of you to excuse it in consideration of my uncle's

enthusiasm. I should have awaited your arrival in town to have had the honor of handing you this letter in person, had not my departure from ⟨=for⟩ London been fixed for the beginning of next week.

I take this opportunity, dear Sir, of assuring you of the profound respect and sincere devotion, with which I have the honor to remain

Yours most faithfully V. D a v i d o f f

Edinburgh
42 York Place
12-th April 1826 [83].

⟨*Перевод*:⟩

Милостивый государь!

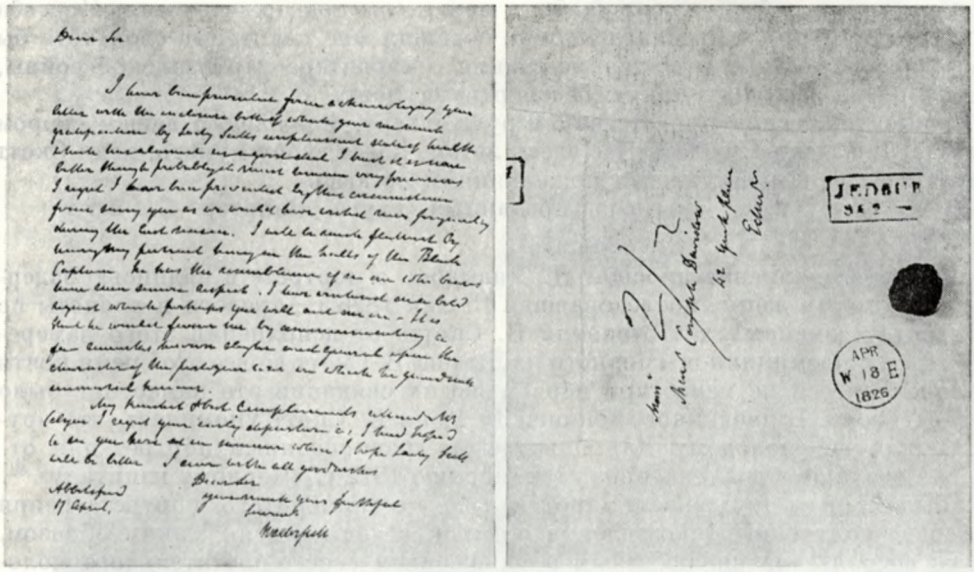
Получив сегодня из России письмо, адресованное Вам, беру на себя смелость приложить его при сем и уведомить Вас о том, что дало повод к нему и как оно было прислано мне. Автор его — мой дядя, генерал Давыдов, Черный капитан. Узнав из моего письма к отцу о чести, которую Вы оказали ему, держа у себя в комнате его портрет, и о вашем общем одобрении его поведения, он был до того польщен и, можно сказать, восхищен этой честью, что не мог удержаться от выражения Вам своего удовольствия. Он пишет мне в выражениях самого горячего восторга, опасаясь, что испытываемые им по этому поводу чувства могут сделать письмо его к Вам совершенно невнятным. Он льстит себя надеждой, что Вы удостоите его хотя бы двух собственноручных строк. И хотя он не взял на себя смелости просить Вас об этой чести или о том, чтобы Вы прислали ему свой портрет, он выражает мне свое пламенное желание иметь у себя эти памятки о Вас и передать их как «священные реликвии» своему потомству. Если Вы соблаговолите исполнить вторую из этих просьб, я пошлю Вам с вашего разрешения ваш портрет, под которым мой дядя прочел бы с величайшим удовлетворением: «Сэр Вальтер Скотт партизану Денису Давыдову». Я сознаю неделикатность того поручения, которое ныне имею честь Вам передать, и прошу Вас извинить это во внимание к увлечению моего дяди. Я бы дождался вашего приезда в город, чтобы иметь честь лично вручить Вам это письмо, если бы мой отъезд в Лондон не был назначен на начало следующей недели.

Искренно преданный Вам В. Д а в ы д о в [83]

Эдинбург, 42, Йорк Плейс,
12 апреля 1826 г.

Таким образом, на основании вышеприведенных документов выясняется следующее: 1) что Д. В. Давыдов первый 10 марта 1826 г. обратился с письмом к В. Скотту, посланным через племянника и полученным в Абботсфорде 13 апреля при письме В. П. Давыдова; 2) что В. Скотт тем более охотно ответил на это письмо через несколько дней по его получении (17 апреля 1826, но не 1827 г., как считалось до сих пор), что уже знал Д. В. Давыдова по литературным источникам о событиях 1812 г. и по рассказам В. П. Давыдова, к которым кое-что новое прибавило его сопроводительное письмо к посланию дядюшки; 3), что, завязывая переписку с партизаном-поэтом, В. Скотт прежде всего надеялся получить от него запись его личных воспоминаний и рассказов о войне 1812 г. для включения их в подготовлявшуюся им в это время к печати «Историю жизни Наполеона».

Некоторые дополнительные подробности ко всему этому эпизоду мы можем также извлечь из очень интересного, впервые теперь публикуемого письма В. Скотта к В. П. Давыдову, сохранившегося в архиве последнего. Письмо это датировано тем же 17 апреля: почтовый штемпель подтверждает год его написания — 1826. В своей основной части письмо посвящено Д. Давыдову и лишний раз показывает, почему В. Скотт дорожил случайно завязавшимся заочным знакомством с известным партизаном; он твердо надеялся получить от него кое-какие рукописные материалы для своего исторического труда. Упоминаемое здесь «письмо со вложением» — это помещенное выше



ПИСЬМО ВАЛЬТЕРА СКОТТА К В. П. ДАВЫДОВУ, 17 АПРЕЛЯ 1826
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва

письмо В. Давыдова от 12 апреля 1826 г., в которое было вложено послание Д. Давыдова к В. Скотту от 10 марта (26 февраля) того же года.

Приводим письмо В. Скотта полностью:

Dear Sir,

I have been prevented from acknowledging your letter with the enclosure both of which gave me much gratification by lady Scott's unpleasant state of health which has alarmed us a good deal. I trust it is now better though probably it must remain very precarious. I regret I have been prevented by this circumstance from seeing you as we would have wished more frequently, during the last season. I will be much flattered by having my portrait hung in the halls of the Black Captain. He has the resemblance of no one who bears him more sincere respect. I have ventured on a bold request which perhaps you will aid me in. It is that he would favour me by communicating a few remarks however slight and general upon the character of the partizan war in which he gained such immortal honour.

My kindest and best compliments attend Mr Colyar. I regret your early departure as I had hoped to see you here in summer when I hope Lady Scott will be better. I am with all good wishes, Dear Sir,

your faithful servant Walter Scott

Abbotsford, 17 April

〈На обороте:〉 Mons. Comte Davidow
42 York Place
Edinburgh

〈Перевод:〉

Милостивый государь,

Ответить Вам сразу на письмо, которое вместе со вложением доставило мне большое удовольствие, помешало мне плохое состояние здоровья лэди Скотт, всех нас сильно встревожившее.

В настоящее время ей как будто лучше, хотя опасность еще далеко не миновала. Сожалею, что это обстоятельство препятствовало нам видеть вас последнее время чаще, как нам бы хотелось. Мне весьма лестно, что мой портрет будет висеть в зале у Черного капитана. Навряд ли у него найдется портрет человека, который питал бы к нему большее уважение. Я отважился

на дерзкую просьбу, в которой, быть может, вы поддержите меня. Просьба состоит в том, чтобы он благосклонно сообщил мне некоторые свои хотя бы самые поверхностные и общие замечания о характере партизанской войны, в которой он заслужил такую бессмертную славу.

Самые дружеские приветствия м-ру Кольеру. Сожалею о вашем скором отъезде. Я надеялся видеть Вас здесь летом, когда, хочу думать, лэди Скотт станет лучше. С наилучшими пожеланиями остаюсь

ваш преданный слуга Вальтер Скотт

Абботсфорд, 17 апреля

Однако выполнение просьбы Д. Давыдова о портрете с надписью задержалось. Смерть жены, последовавшая 15 мая 1826 г., тревоги и хлопоты по устройству семейных дел отвлекли В. Скотта от исполнения этого намерения. Да и с племянником «Черного капитана» В. Скотт во все это время почти не виделся. Тем не менее при первом же их свидании это намерение было осуществлено. В дневниковой записи 16 июня В. Скотт упоминает, что вручил накануне «молодому Давыдову» свой гравированный портрет для отправки его дяде, прославленному в кампанию 1812 г. «Черному капитану» [84]. Это был один из двух экземпляров гравюры с знаменитого портрета Генри Ребёрна, полученных писателем в подарок в тот же день; таким образом, он не воспользовался любезным предложением своего почтительного молодого друга, который, действительно, без особого труда приобрел один из продававшихся в то время в эдинбургских (и лондонских) книжных лавках гравированных портретов писателя. В. Давыдов не счел, видимо, удобным рассказывать о поэтических опытах своего дяди, который представлялся В. Скотту типом бесшабашного вояки. В той же записи далее говорится: «Любопытно, что ему интересно иметь изображение человека, чей путь к славе столь отличен от его пути. Но я чувствую, что если есть что-либо хорошее в моей поэзии или прозе, то это быстрота действия и искренность сюжета, что нравится солдатам, морякам и молодым людям отважного и энергичного нрава».

Посылка с портретом В. Скотта дошла до Д. Давыдова лишь через полгода: в летние и осенние месяцы 1826 г. он принимал участие в действиях русских войск против Персии и возвратился в Москву лишь к началу следующего года. К этому времени относится другое письмо Дениса Давыдова к его племяннику в Эдинбург, написанное тотчас же по возвращении с Кавказа и под непосредственным впечатлением от полученного желанного подарка от В. Скотта — его портрета с такой точно автографической надписью, какую он хотел иметь.

Это письмо Давыдова явно рассчитано на то, что его содержание станет известно В. Скотту: он не только сообщает о себе племяннику все то, что хотел бы довести до сведения В. Скотта, обобщая впечатления тревожного лета, но и прибегает к помощи племянника для выполнения другой своей просьбы, литературной: для него не безразличны были и поэтические лавры. Ему захотелось, чтобы В. Скотт познакомился с ним и как с поэтом. Вот это любопытное письмо Д. Давыдова, также еще не бывшее в печати:

10 генваря 1827. Москва

Любезный друг Владимир Петрович!

Ты, конечно, не в претензии на меня, что я так давно не писал к тебе. Причину сему ты видел в газетах: я был в Грузии, где, разбив отряд персидских войск, вступил в персидские границы и только на расстоянии 50 верст от Ериваня остановился вследствие данного мне повеления; это все требовало и забот и времени. Теперь, так как персияне, потерпев ужасное поражение, все изгнаны из Грузии, военные действия прекратились до весны, время года, которое мы избрали, чтобы сделать им посещение и отплатить за коварное их к нам вторжение. Ты видишь, что мало есть народов учтивее русских; они равно обходятся с просвещенными французами и с невеждами персиянами: визит за визит.

ДЕНИС ДАВЫДОВ НА КОНЕ
Акватинта по рисунку А. О. Орловского
Русский музей, Ленинград

Во время этого междудействия я отпросился в отпуск и теперь в Москве, откуда пишу тебе и откуда я выезжаю обратно через пять недель. Итак, сделаю в течение 5 месяцев ровно 6000 верст. C'est honnête!*

Весьма обрадован я был, приехав сюда, портретом почтеннейшего сира Вальтэра Скотта. Я при сем письме пишу ему благодарное письмо. Узнав о

* Неплохо! (*франц.*).

письму твоему, что он составляет себе кабинет разного оружия, я в течение сего года пришлю ему несколько оружия довольно любопытного, особенно для того края, где он находится. При сем посылаю тебе стихи, которые я написал на бивуаках у подножия предгорий Арарата. Я давно уже не занимался поэзиею, ибо мирная и покойная жизнь никогда мне ничего не внушает, мне надо потрясения моральные, и сильные потрясения, и я тогда только поэт. Тут все было для вдохновения: и восточная природа, и война, и тоска по отечеству и по семейству моему! Желал бы я, чтобы ты перевел стихи сии сиру Вальтеру Скотту прозою, дабы дать ему о них хоть некоторое понятие. Эту мелочь я ему не смел послать прямо, она его недостойна.

Итак, прости, друг и племянник любезный, радуюсь твоей удаче в науках. Дай бог тебе счастья, этого желает тебе от всей души

Преданный тебе дядя и друг Денис Давыдов [85]

Приложено переписанное на отдельном листе известное стихотворение Д. Давыдова «Полу-солдат...» (1826) с любопытными французскими замечаниями, в которых автор старался пояснить трудные для перевода обороты речи, идиомы, географические и этнографические названия.

Так как это стихотворение вскоре было напечатано в «Московском вестнике» в виде, почти не отличающемся от указанного рукописного [86] (совершившего путешествие в Англию, а затем вернувшегося в Россию), нет необходимости приводить его здесь, тем более что оно вошло во все лучшие собрания стихотворений Д. Давыдова. Для нас могут представить некоторый интерес лишь сопровождавшие его практические указания автора будущему переводчику; их действительно стоило сделать, так как с первых же стихотворных строк, где не без ухарства и щегольства русским просторечием объясняется, кто такой «полу-солдат», неопытный переводчик мог прямо встать в тупик: как, на самом деле, нужно было передать по-английски такие, например, слова, как «лежанка», «щи», «запеканка»? За этими простонародными русскими словами шли кавказские «экзотические» термины, а еще далее — добрый десяток географических названий, в которых юноша Давыдов мог не разобраться. Поэтому дядя позаботился снабдить свой текст французскими пояснениями — единственными, которые он, по незнанию английского языка, мог сделать и которые все же несколько облегчали дальнейшую передачу стихотворения на английский, а могли быть и прямо показаны В. Скотту. Начало стихотворения в указанной рукописи имело следующий вид:

Нет, братцы [1], нет, полусолдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой [2],
Жена, полдюжины ребят,
Да щи [3], да чарка с запеканкой [4]!

[1] Il faut, traduire «братцы» par amis.
[2] Un poêle russe à couchette, usité chez nous.
[3] Это более в иносказательном смысле, нежели в настоящем, и означает сытый обед и довольство в доме. У нас обыкновенно говорят про человека, живущего в довольстве: «У него жирные щи».
[4] Une espèce d'eau-de-vie épicée très forte.

Вторая строфа имеет примечания преимущественно реально-этнографического содержания, но автор и здесь попутно подсказывает, что выражение «не дуя в ус» значит «не думая, не остерегаясь» (sans penser, sans prendre garde) и не должно быть переводимо буквально.

Вы видели — я не боюсь
Ни пуль, ни дротика [5] куртинца [6],
Лечу стремглав, не дуя в ус [7]
На нож и шашку [8] кабардинца [9]

[5] lance [6] Curde
[7] sans penser, sans prendre garde
[8] sabre des montagnards du Caucase
[9] Cabardien, montagnards du Caucase qui habitent le versant septentrional du Caucase jusqu'à la rivière Kouban.

В таком же стиле выполнены и остальные примечания: здесь и предупреждения относительно опасностей дословного перевода метафорических выражений («грустию убит» — il faut traduire ce mot par «accablé»), и толкование солдатских арготизмов (забавно объяснение слов «вкруг солдатской каши», носящее совершенно «ученый» характер: autour de la gamelle — écuelle de bois ou l'on met la portion de chaque soldat, et qu'ils vident ensemble), и географические и этнографические комментарии. Однажды, впрочем, и сам Давыдов стал в тупик, как перевести стих: «Им хлещет прозой иль стихами». Он нашел, что это «непереводимо», но все же предложил приблизительно подходящий галлицизм (C'est intraduisible. On peut cependant rendre cela par: leur jetait au nez).

Письмо к племяннику писалось Д. В. Давыдовым одновременно с благодарностью к В. Скотту («при сем письме пишу ему благодарное письмо»). Это последнее также сохранилось в упомянутом эпистолярном собрании в Эдинбурге. Оно имеет ту же дату — 10 января 1827 г. и гласит следующее:

Monsieur,

Je vous rends mille grâces pour le précieux cadeau que vous venez de m'envoyer. J'ai tardé de vous en remercier parce que pendant cinq mois de suite je me suis trouvé à la tête des braves aux pieds de l'Arrarat. Les papiers publics ont dûs vous apprendre, Monsieur, que celui que vous honorez de votre bienveillance particulière, a sû s'en rendre digne: il a combattu et a eu du succès.

Profitant des quartiers d'hiver je viens reposer mon âme au sein de ma famille; à la reprise des hostilités je serai derechef au champ d'honneur. C'est un fier voyage que je fais dans l'espace de cinq mois! 1500 lieues de France pour aller, venir, et retourner à mon poste, et cela en franchissant trois fois le Caucase, au milieu d'une population toujours armée et habituée depuis des siècles au brigandage dont elle a fait sa première vertu. Un jour je tâcherai d'esquisser les moeurs de ces nations belliqueuses qui par le contraste des vertus et de crimes, d'héroïsme et de lâcheté, de franchise et de fourberie sont dignes de la curiosité du philosophe et de l'homme de guerre.

J'ai appris de mon neveu Vladimir Davidoff que vous faites un cabinet d'armes. Permettez-moi, Monsieur, de vous envoyer quelques armes de montagnards du Caucase, des Curdes habitants aux pieds de l'Arrarat et des Persans? Je me trouverai trop heureux de contribuer à completer votre cabinet des armes prises par moi sur l'ennemi. J'ai déjà à ma disposition une lance Curde, un carquois plein de flèches, un arc et un poignard montagnards qui vous sont destinés; dans peu j'y ajouterai un fusil persan, un sabre et un pistolet montagnards. Aussitôt que cette armure sera réunie j'aurai l'honneur de vous en faire hommage sans délai, en vous la faisant passer par la voie de l'ambassade de l'Angleterre.

Mon neveu me dit aussi que vous, Monsieur, et le général Hamilton m'on fait l'honneur de boire à ma santé. Agréez-en, je vous prie, mes remerciements les plus sincères et veuillez bien vous charger de présenter mes respects à ce digne général avec qui j'aurois bien envie de faire une connaissance particulière. Soldats, nous sommes tous prêtres d'un même Dieu, nous avons tous desservis La Chapelle ardente avec la même ferveur, nous ne devons donc pas être étrangers l'un à l'autre.

Vous me marquez dans votre lettre, Monsieur, le désir d'avoir quelque idée sur le caractère de la guerre de partisan. Les circonstances présentes m'empêchent de vous satisfaire immédiatement, mais à mon retour de la Perse je me ferai un honneur et un plaisir de vous envoyer mes «Mémoires sur les opérations de mon parti en 1812», et mon «Essai sur la Théorie de la guerre de partisan», dont la troisième édition a paru il y a de cela deux ans et que je revoyois, corrigeois et augmentois au moment de mon départ pour l'armée. Vladimir, qui connoit bien les deux langues russe et anglois se fera un plaisir de vous traduire mes souvenirs et mes observations.

Je le charge aussi de vous traduire, Monsieur, une bagatelle poétique que j'ai faite depuis peu au bivouac. Je n'ai pas osé vous l'envoyer directement, vu sa nullité.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute estime et, pour ainsi dire, avec un culte passionné pour votre génie et votre caractère moral.

Monsieur
Votre très humble et très obéissant
serviteur Denis D a v i d o f f [87]

ce 10/22 Janvier 1827. Moscou.

〈Перевод:〉

Милостивый государь,

Тысячу раз благодарю Вас за драгоценный подарок, который Вы прислали мне. Я запоздал с выражением своей признательности, потому что пять месяцев подряд водил своих солдат в бои в предгорьях Арарата. Вы, конечно, узнали уже из газет, милостивый государь, что тот, кого Вы почтили вашей нарочитой любезностью, сумел удостоиться ее: он сражался и одержал победу. Пользуясь отходом на зимние квартиры, я приехал отдохнуть душой на лоне семьи. Когда военные действия возобновятся, я немедленно возвращусь на поле чести. Славный путь я проделаю за пять месяцев! 1500 французских лье туда, назад и обратно на свой пост; и при этом трижды пересечь Кавказ посреди населения, всегда вооруженного и привыкшего в течение веков к разбою, который составляет главную его доблесть. Когда-нибудь я попробую описать нравы этих воинственных племен, кои противоположностью добродетелей и пороков, героизма и трусости, простодушия и хитрости заслуживают внимания философа и воина.

Я слыхал от моего племянника Владимира Давыдова, что Вы собираете оружие. Разрешите мне, милостивый государь, послать Вам кое-что из оружия кавказских племен — курдов, живущих у подножия Арарата, и персиян. Я буду счастлив пополнить ваше собрание оружием, захваченным мною самим у неприятеля. У меня уже имеются предназначенные для Вас курдская пика, колчан, полный стрел, лук и горский кинжал. Вскоре я добавлю к ним персидское ружье, горские шашку и пистолет. Как только все это оружие будет собрано, я буду иметь честь поднести его Вам, препроводив его через английского посла.

Мой племянник сообщил мне также, что Вы и генерал Гамильтон оказали мне честь, выпив за мое здоровье. Примите, пожалуйста, мою искреннейшую признательность и будьте добры передать от меня поклон почтенному генералу, с которым я особенно желал бы познакомиться. Воины, мы все поклоняемся одному богу, мы все с одинаковым усердием зажигали свечи у гробов, и нам не подобает чураться друг друга.

Вы выражаете в своем письме желание получить представление о характере партизанской войны. Обстоятельства мешают мне немедленно удовлетворить ваше желание, но по возвращении из Персии я почту за честь и удовольствие послать вам мои «Воспоминания о действиях моего отряда в 1812 году» и мой «Опыт теории партизанского действия», третье издание которого, вышедшее два года тому назад, я как раз пересматривал, исправлял и дополнял, когда мне пришлось отправляться воевать. Владимир, который владеет обоими языками (русским и английским), охотно переведет вам мои воспоминания и замечания.

Я поручаю ему также перевести поэтический пустячок, который я сочинил недавно в лагере. Я не решился послать его Вам непосредственно из-за его ничтожности.

Имею честь оставаться с величайшим уважением и, позвольте сказать, со страстным преклонением перед вашим гением и вашим нравственным характером, вашим, милостивый государь, нижайшим и покорнейшим слугой.

Денис Д а в ы д о в

10/22 января 1827 г. Москва

А. П. ЕРМОЛОВ
Копия с портрета работы Дж. Доу
Исторический музей, Москва

Оба приведенных письма существенно дополняют друг друга и интересны во всех отношениях. Персидский поход начат был Д. Давыдовым чрезвычайно удачно. Когда осенью 1826 г. персидская армия перешла русскую закавказскую границу, А. П. Ермолов значительную часть войск, имевшихся в его распоряжении, передал Д. В. Давыдову. В первом же столкновении 20 сентября 1826 г. на эриванской границе, под Амамли, и на следующий день под Мирагами Давыдов разбил значительно превосходивший его силы по численности четырехтысячный отряд Гассан-хана, а через три дня после начала военных действий вступил в пределы Персии близ урочища Судагенд [88].

Именно эту свою победу Давыдов и имеет в виду в письме к В. Скотту, предполагая, что о ней можно было узнать из газет. Правда, вскоре после этого на Кавказ прибыл новый военачальник, Паскевич, враждовавший с Ермоловым, что стало, очевидно, причиной некоторых испытанных Д. Давыдовым служебных трений, отзвук которых мы находим в его письмах к А. А. Закревскому, а также и в его стихотворении «Полу-солдат...». Однако в этом стихотворении Давыдов противопоставлял также прошлое настоящему, персидский поход своему «золотому веку», славным походам 1812—1815 гг., когда он был моложе и стяжал неувядаемую славу.

Вероятно, этим и следует объяснить стремление Давыдова ознакомить В. Скотта с этим стихотворением. Давыдов любил его; когда в 1828 г. французский его перевод, сделанный Maurice A. (Алларом), под заглавием «Le triste soldat» был напечатан в московском французском журнале «Bulletin

du Nord» [89], он аккуратно переписал его собственной рукою; эта рукопись сохранилась в его бумагах [90]. Таким образом, при посылке для В. Скотта «Полу-солдата» Давыдовым могли руководить, кроме лично биографических, также и чисто литературные соображения. Недаром с некоторой долей кокетства Давыдов упоминал об этом своем «пустячке» и в письме к В. Скотту, прибавляя, что не решился послать его писателю «из-за его ничтожности».

А. А. Бестужев когда-то острил, что Давыдов «более выписал, чем вырубил себе славу храбреца» [91], да и сам поэт-партизан говорил о себе в письме к Языкову, что он принадлежит «к числу самых поэтических лиц русской армии не как поэт, но как воин» [92]. Свое поэтическое творчество он ставил вровень со своими воинскими заслугами и очень любил, когда ему воздавали должное и за эту сторону его деятельности. «Ты по шерсти погладил самолюбие мое, отыскал бог знает где и прозу и стихи Арно, о которых я и знать не знал»,— писал Давыдов Пушкину, напечатавшему в своем «Современнике» обращенное к Давыдову стихотворение французского поэта Антуана Арно в ответ на перевод его стихотворения «Листок»:

A vous, poète, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hypocrène,
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier [93].

Знал ли Давыдов, что одно из ранних его стихотворений — «анакреонтическая ода» «Мудрость» (1807) — было уже переведено на английский язык в «Российской антологии» Бауринга (1821) [94] и что он его также мог рекомендовать В. Скотту в качестве образца своей музы? Мы не можем сказать этого утвердительно, но едва ли Давыдов захотел бы явиться перед В. Скоттом автором таких пустячков. Он предпочел представиться писателю — с помощью своего племянника — не «Анакреоном под доломаном», как его некогда в шутку называл П. А. Вяземский [95], но «полу-солдатом», с грустью вспоминающим миновавшие дни своей громкой военной славы. Скотт же не имел представления о поэтическом даровании своего корреспондента, о его литературных интересах, стремлениях и достижениях. Юный Давыдов не слишком серьезно к этому относился. Для него дядюшка был прежде всего славный воин, от которого можно было ждать новых боевых успехов и побед, теперь на далеком Кавказе.

Как показывают его неопубликованные письма к отцу 1826 г., В. Давыдов следил из Эдинбурга за персидским походом русских войск и с интересом отмечал участие в военных действиях своего дядюшки. В одном из писем к отцу, по поводу победы при Шамхоре, Владимир Петрович, например, писал: «Я только что с радостью прочел все подробности полной победы, которую кн. Мадатов одержал над персами. Желаю, чтобы не менее значительный успех сопутствовал бы оружию моего дядюшки Дениса, на которого устремлены сейчас взоры нескольких наций». А в другом его письме по поводу тех же военных дел имя «дядюшки» прямо связывается уже с В. Скоттом: «Когда я пробегаю газеты, взор мой всегда с нетерпением останавливается на заметках о наших победах над персами, в последний раз я был приятно поражен, прочитав о подвигах моего дядюшки. Еще раз испытал я счастье видеть имя одного из генералов Давыдовых, соединенное с «храбростью» и «победой». Если дядюшка привезет какие-нибудь трофеи с места победы, ему следовало бы послать часть их сиру Вальтеру Скотту, который с удовольствием присоединит их к своему арсеналу, состоящему в основном из подношений «победителей» [96].

Таким образом, первая мысль о посылке В. Скотту трофейного оружия принадлежала, видимо, эдинбургскому студенту, который хотел и угодить владельцу Абботсфорда и сделать приятное дядюшке, ратными делами которого гордился. Но только ратными. Стихотворение же показалось племяннику недостойным внимания Скотта. Из дневниковых записей Владимира Давыдова видно, что он не спешил переводить его и, скорее всего, так и пре-

С. Г. ВОЛКОНСКИЙ
Портрет работы Джорджа Доу 1822 г.
Военная галерея Зимнего дворца. Эрмитаж, Ленинград

дал забвению (в дальнейшем никаких упоминаний о нем нет), хотя в письме отцу (13/1 марта 1827 г.) и сделал — для сообщения дяде вежливую отговорку: «Несколько дней перед прибытием вашего письма я получил грамотку от дядюшки Дениса Васильевича со стихами и с письмом к Sir Walter Scott. Полагая, что дядюшка возвратился в Грузию, я на его письмо еще не отвечал, но исполнил сколько было в моих силах то, что он мне препоручил. Дядюшкино письмо и обещание персидского оружия, мне казалось, доставили много удовольствия Sir Walter Scott, с которым случалось свидаться несколько раз перед его отъездом в деревню. Я еще не успел ему перевести стихи, но, вероятно, летом случай представится сие исполнить...».

Что же касается упоминаемых Д. Давыдовым в том же втором его письме к В. Скотту воспоминаний о действиях партизанского отряда в 1812 г., то он имеет в виду «Дневник партизанских действий 1812 г.», уже трижды изданный к тому времени.

Пребывание Д. В. Давыдова в Москве, во время которого им были написаны оба приведенных выше письма, было непродолжительным. Не вполне оправившись от болезни, он должен был уехать обратно на Кавказ в апреле 1827 г., откуда вернулся вновь, и на этот раз окончательно, в августе; жил он то в своем подмосковном сельце Мышецком, то в своем симбирском имении «Верхней Мазе», а в Москву наезжал лишь изредка, по лечебным и хозяйственным делам. В один из приездов в Москву, вспомнив о своем обещании отправить В. Скотту образцы кавказского оружия, Давыдов написал ему третье письмо, сохранившееся в том же собрании. Частично оно повторяет

второе письмо (от 10 января 1827 г.), и мы уже знаем, почему; из приведенного выше отрывка письма В. Давыдова к отцу видно, что он не отвечал своему дядюшке, не зная, куда адресовать письмо. Характерно, что в своем новом обращении к В. Скотту Д. Давыдов снова упоминает о своем «пустячке», т. е. о стихотворении «Полу-солдат...», но это третье письмо дает некоторые дополнительные и очень интересные данные. Приводим его полностью:

Monsieur!

Revenu malade du climat dévorateur de la Géorgie, je n'ai pas eu assez de loisir pour compléter l'armure qu'il m'étoit si à coeur de vous offrir et des objets que j'ai déjà eu à ma disposition furent perdus en chemin par la négligence de mes gens qui réduisirent mes trophées à peu de choses. C'est ce peu de choses que j'ai l'honneur de vous envoyer, Monsieur, en vous suppliant de l'accepter comme souvenir d'un homme dont l'admiration pour vous n'a pas de bornes et qui ne peut assez vous remercier pour le précieux cadeau que vous lui avez fait.

L'arc est une arme qui est devenue bien rare au Caucase: ce n'est que quelques ultras du pays qui s'en servent encore; voilà pourquoi celui que j'ai l'honneur de vous envoyer est si usé. Chez ce peuple la civilisation avance avec peine, mais elle avance toujours et les nouvelles générations profitent de ce qu'elles voyent d'utile chez les peuples plus civilisés. Ainsi, les Tcherkesses (montagnards du Caucase) se battent maintenant tout comme nous: avec de bons fusils et de bons pistolets et n'ont conservés de l'ancienne armure que leurs sabres très courts, nommés chachka, à qui cependant ils ne peuvent se résoudre à donner une lance pour aide — le beau reste de leur courage primitif s'indigne encore de s'en servir dans des combats corps à corps, vu sa longueur.

J'ai eu l'honneur de vous écrire ainsi qu'à Wladimir Davidoff cet hyver, mais je crains que mes lettres ne se soient égarées en chemin, car je n'en ai eu aucun vent depuis. Craignant de vous importuner par une bagatelle poétique que j'ai fait au bruit des armes et sur le champ tumultueux des batailles, je la lui avois envoyé incluse dans une de ces lettres pour la traduire, si faire se peut. Mais il n'en dit rien ni à moi, ni à son père et ses soeurs, ce qui prouve que mes craintes sont assez fondées.

En revenant de la Géorgie, j'ai passé quelque temps aux fameuses sources minérales du Caucase qui se trouvent dans le pays de ces mêmes guerriers dont je vous envoye les armes. Il seroit curieux de voir figurer ces eaux dans un roman, comme les eaux de St. Ronan; que de contrastes on y trouveroit! Cependant les principaux traits s'y trouveroient toujours, car on y verrait là comme à toutes les eaux du monde, et le commérage des femmes, et les petites jalousies de société, et des Ladys Pénélopes et des Ladys Binks. Nous avions aussi un espèce de Touchwood qui se mêloit de tout, mais sans la vivacité originale de celui des eaux de St. Ronan et sans un sou d'argent dans sa poche. Le grand gala de Mowbray auroit pour faire pendant à la course que toute la société fit pendant le Beiram (fête musulmane) à l'aoul ou village des Tcherkesses, située à quelques milles des eaux, où au lieu de théâtre et de musique nous ne vîmes que les jeux de ce peuple belliqueux chez qui même la danse est une espèce de lutte. Aussi la liberté des promenades dans les environs s'en ressent, tout est sur le pied de guerre, tout est armé jusqu'aux buveurs d'eau qui, comme vous le savez, sont depuis le déluge universel, les moins méchants de notre espèce.

Veuillez agréer l'assurance des sentiments les plus distingués de la parfaite estime,

Monsieur,
De votre trés humble et trés obéissant
serviteur Denis Davidoff[97]

Ce 10/22 Septembre 1827
Moscou.

〈Перевод:〉

Милостивый государь!

Вернувшись больным от губительного грузинского климата, я не успел пополнить собрания оружия, которое мне так хотелось преподнести Вам, а некоторые предметы, уже бывшие у меня, пропали в дороге по небрежности моих людей, которые свели мои трофеи до небольшого числа. Эти немногие вещи я имею честь препроводить Вам, милостивый государь, прося принять их на память о человеке, восхищение которого перед Вами безгранично и который не в состоянии отблагодарить Вас за ваш бесценный подарок.

Лук это вид оружия, которое стало редкостью на Кавказе. Только некоторые приверженцы старины еще пользуются им. Вот почему я посылаю вам такой истертый. Среди этих племен цивилизация распространяется с трудом, но все же распространяется, и новые поколения усваивают себе то, что находят полезного у более цивилизованных народов. Поэтому ныне черкесы (кавказские горцы) воюют так же, как и мы: с помощью хороших винтовок и пистолетов, а из своего прежнего оружия сохранили только короткую саблю, называемую шашкой, которой они не решаются придать в помощь копье,— прекрасный остаток их первобытной храбрости, с негодованием отвергающей применение его в рукопашной схватке из-за его длины.

Я имел честь писать Вам, равно как и Владимиру Давыдову, прошлой зимой, но опасаюсь, что мои письма пропали, ибо до сих пор не имел от него никаких известий. Боясь беспокоить Вас поэтическим пустячком, который я сочинил посреди лязга оружия на шумном поле брани, я вложил его в одно из моих писем к нему 〈Владимиру〉, чтобы он перевел его для Вас, буде Вы того пожелаете. Но он ничего не написал об этом ни мне, ни отцу, ни сестрам; это доказывает, что мои опасения имеют достаточные основания.

Возвращаясь из Грузии, я провел некоторое время на знаменитых минеральных водах Кавказа, находящихся в краю, населенном теми самыми воинственными племенами, чье оружие я вам посылаю. Было бы занятно увидеть эти воды изображенными в романе, подобно Сент-Ронанским: какие бы тут обнаружились контрасты! Главные черты все же оказались бы те же, ибо там, как и на всех водах мира, встречаешь женские сплетни, мелкие обиды и зависть среди общества, есть свои леди Пенелопы и леди Бинкс. Был у нас и господин вроде Тачвуда, который во все вмешивался, но без оригинальной веселости посетителя Сент-Ронанских вод и без гроша в кармане. Большому празднеству семейства Мобрей у нас соответствовала поездка всего общества во время байрама (мусульманского праздника) в аул, т. е. черкесское селение, находящееся в нескольких милях, где вместо театра и музыки мы развлекались только играми этого воинственного народа, у которых даже танец представлял стычку. Поэтому свобода прогулок в окрестностях была ограничена: всё там на военной ноге, все вооружены, включая пьющих воду, со времени всемирного потопа, как вам известно, самых безвредных и невинных из смертных.

Примите выражение глубочайшего уважения и преклонения

Вашего покорнейшего слуги Дениса Давыдова

10/22 сентября 1827.
Москва

Письмо прибыло в Эдинбург в конце октября, но посылки задерживались, и, наконец, получив одну из них, студент отправился к В. Скотту, который уже переехал на зиму в город. В дневниковой записи 18 ноября [98] упомянуто, что юноша принес подарок из России (это была «стальная табакерка тульской работы с резьбой и выкладкой из золота, с моим гербом на крышке и видами окрестностей и главных общественных зданий Петербурга по сторонам»). Далее Скотт пишет: «Получил также письмо от его дяди, Дениса Давыдова, «Черного капитана» французского отступления». Посылка с оружием пришла только в декабре. В изданном потомками писателя в конце XIX в. каталоге оружия и прочих редкостей, собранных В. Скоттом в Абботсфорде,

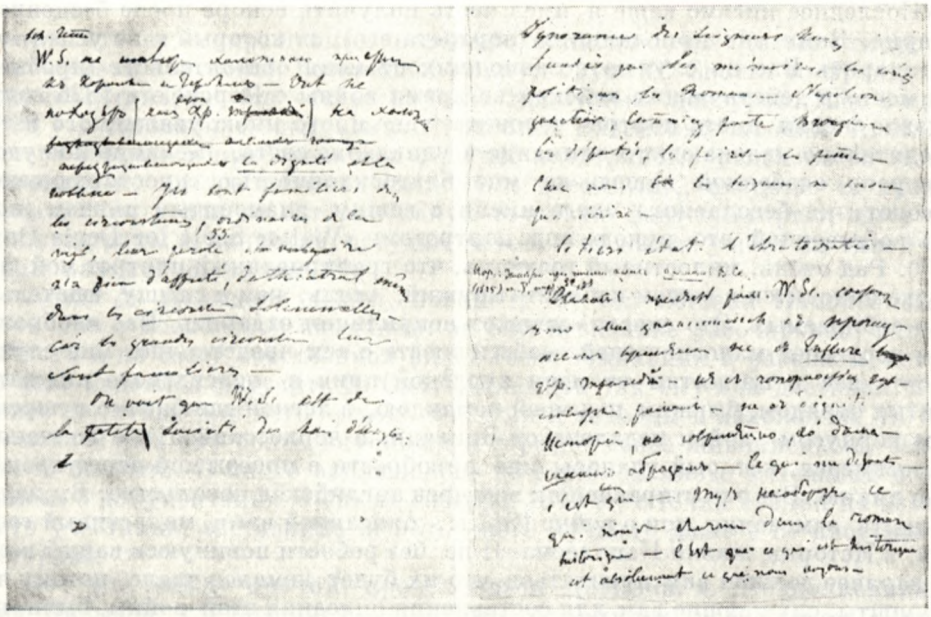
упоминаются персидская шашка, кинжал и пр.— очевидно, те самые, которые были присланы Денисом Давыдовым [99].

Особый интерес представляет для нас упоминание Денисом Давыдовым в этом письме романа Скотта «Сент-Ронанские воды» («St. Ronan's Well»), вышедшего в 1824 г.; первый его русский перевод, сделанный с французского Мих. Воскресенским, появился в свет в 1828 г. в 6-ти частях; таким образом, Давыдов, вероятно, незадолго перед тем читал его по-французски. Любопытно, что этот роман, подвергавшийся в Англии довольно суровой критике, стоит особняком в творчестве В. Скотта, как построенный на современном ему бытовом материале. Завязкой и движущим фактором романа является сложная семейная тайна, но фоном для авантюрного сюжета служат картины из жизни современного общества, и в большинстве своем его действующие лица портретны. Этого последнего обстоятельства Д. Давыдов, разумеется, не мог знать; вероятно, он не подозревал также, что упоминаемый им Тачвуд (один из героев) будто бы имел своим прототипом атамана Платова, как утверждают некоторые исследователи [100]. Но он пишет о тех персонажах романа (члены семейства Мобрей, лэди Пенелопа, лэди Бинкс), подобных которым сам встретил на других минеральных водах — кавказских, где он лечился. «Было бы занятно увидеть эти воды, изображенными в романе, подобно Сент-Ронанским»,— замечает он.

Эта фраза тем более любопытна, что попытка такого рода у нас была сделана: она принадлежит Пушкину. В его черновиках имеются фрагменты неосуществленного замысла — «Романа на Кавказских водах»; сохранился набросок начала повести и ряд схематических планов ее. Специально исследовавший их Н. В. Измайлов пришел к выводу, что все эти черновики относятся к началу 30-х годов, что повесть, если бы она была осуществлена до конца, должна была вырасти в широкую картину, в которой «авантюрная», «разбойничья» тема сочеталась бы с широким быто- и нравоописательным обрамлением, не без оттенка юмора и общественной сатиры» [101].

Касаясь источников этого замысла Пушкина, Измайлов подчеркнул, что хотя «легкий абрис» пестрого и типичного общества, случаем сведенного вместе на минеральных водах, дан Пушкиным в IX—XI строфах «Путешествия Онегина», но выбору необычайной композиционной рамки задуманной повести мог способствовать и роман В. Скотта «Сент-Ронанские воды». В связи с этой очень правдоподобной догадкой нам интересно вернуться к цитированному выше черновому письму Давыдова к Пушкину с рассказом о заочном знакомстве с В. Скоттом. Черновик этот не имеет даты; его издавна предположительно относят либо к «августу-сентябрю 1827 г.», либо «к концу сентября-первой половине октября 1827 г.» [102] Мы можем датировать его несколько точнее на том основании, что Давыдов писал здесь между прочим: «Теперь я ему ⟨т. е. В. Скотту⟩ [*зачеркнуто*: пишу и на днях посылаю] пишу благодарное письмо ⟨...⟩ на днях посылаю ему курстанской дротик, черкесской лук и стрелы и кинжал...». Так как письмо В. Скотту, сопровождавшее посылку образцов кавказского оружия, написано было 10/22 сентября 1827 г., то приблизительно к этим же дням нужно отнести и черновик письма Давыдова к Пушкину. Этот черновик представляет собою лишь неоконченный фрагмент; мы не знаем, что еще писал Давыдов Пушкину в том же перебеленном письме. Само собой напрашивается предположение, что в нем могла идти речь и о «Сент-Ронанских водах» и о том, что было бы занятно увидеть «кавказские минеральные воды», «изображенными в романе, подобно Сент-Ронанским». Таким образом, Пушкин — и сам, конечно, читавший этот роман В. Скотта,— мог получить лишний толчок к замыслу «Романа на Кавказских водах», тем более, если знал о том, что подобной идеей Давыдов уже поделился с самим автором «Сент-Ронанских вод».

В начале 1828 г. Д. Давыдов должен был получить приятное известие из Эдинбурга, что посланное им В. Скотту оружие до шотландского писателя дошло и вызвало весьма лестное замечание на счет «Черного капитана». В письме В. Давыдова к отцу от 22(10) декабря 1827 г. из Эдинбурга есть



ЗАМЕТКИ ПУШКИНА О РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА
Автограф. Первая и вторая страницы
Институт русской литературы, Ленинград

следующие строки: «Прошу Вас, любезный папенька, сказать дядюшке Денису, что оружие, которое он послал в подарок сиру Вальтеру Скотту, доставило ему самое большое удовольствие и что если он ценит эти вещи больше других, то потому, что они пришли от дядюшки Дениса» [103].

По-видимому, третье письмо Давыдова к В. Скотту было последним. Однако в 1840 г. он опубликовал в «Сыне Отечества» свое послание к шотландскому писателю с примечанием (повторенным и при перепечатке этого послания в «Сочинениях»): «Я был некоторое время в переписке с сир Вальтер Скоттом. Это письмо написано за несколько часов до получения известия о его кончине и потому осталось в моем портфеле». Эти слова Давыдова до сих пор не вызывали никаких сомнений. В. В. Жерве в своей биографии «поэта-партизана» полностью воспользовался этим свидетельством Д. В. Давыдова как вполне достоверным; на этом же свидетельстве построила свою английскую статью о сношениях В. Скотта с Д. Давыдовым Зоя Розова.

В свете приведенных данных можно утверждать, что Денис Давыдов сознательно вводил читателей в заблуждение, публикуя это письмо. Оно представляет контаминацию мотивов из действительно посланных им в 1826 и 1827 гг. писем и критических замечаний о «Жизни Наполеона», вышедшей в Англии в 1827 г., а Д. Давыдову ставшей известной — во французском переводе — значительно позже. Известие о смерти писателя, последовавшей 21 сентября 1832 г. после многомесячной тяжелой болезни, не было неожиданным. В первой половине сентября Д. Давыдов писал своему племяннику, находившемуся тогда в России (оригинал по-французски): «Что ты скажешь о нашем знаменитом друге сэре Вальтере Скотте? Может быть, сейчас, когда я пишу эти строки, он уже не принадлежит нашему миру! Во всяком случае, бесспорно, что он уже не принадлежит литературе. Вот и еще одного гения не стало! Боюсь, прости господи, что у нас останутся одни Паскевичи да Загоскины» [104].

Вот что писал Д. Давыдов в этом явно сфабрикованном им для русского журнала тексте, дополняя его примечаниями (которые мы включаем здесь в скобках):

«Последнее письмо ваше я имел честь получить вскоре после бесценного подарка, Вами мне присланного (портрета его), за который я не успел еще благодарить Вас по случаю независящих от меня обстоятельств (пребывания моего в действующих войсках во время войны с Персиею в 1826 году). Я давно желал иметь портрет человека, так много мною уважаемого и так победительно увлекающего внимание и удивление света. Желание мое удовлетворено особенной вашею ко мне благосклонностью, простирающеюся до сочетания бесславного моего имени с вашим знаменитым именем (подпись собственной его рукою под портретом: «Walter Scott for Denis Davidoff»). Рад очень, милостивый государь, что гравированный портрет мой давно уже находится в вашем кабинете оружий, столь, как я слышу, тщательно вами собираемых. Это спасает меня от неприличия отдарить Вас изображением черт моей малозначущей особы и вместе с тем представляет мне случай просить вас о принятии от меня курдской пики и персидского кинжала, отбитых отрядом, бывшим под моей командою, в легкой сшибке его с персидским корпусом войск недалеко от Эривани, и черкесский лук с колчаном, полным стрел, который удалось мне приобрести в проезд мой через кавказскую линию. Все это отправлено к вам чрез английское посольство. Вы желаете иметь замечания мои о войне 1812 г., описанной вами, милостивый государь, в Истории жизни Наполеона. Я не без робости повинуюсь вашей воле, ибо заранее должен вам признаться, что их будет немалое число, потому что документы, служившие вам для составления описания этой войны, были, повидимому, доставлены Вам людьми, мало основательными и подвластными пристрастию» и т. п. Далее следуют самые «замечания», сделанные по парижскому изданию «Жизни Наполеона» 1827 г., сущность которых нас в данном случае не интересует. «Я не имел намерения переводить на русский язык и издавать его 〈т. е. это письмо〉 в свет, если б не узнал о переводе на русский же язык книги, на погрешности которой я здесь указываю»,— замечает Давыдов.— «Так как замечания мои не могут быть полезными сочинителю, то да охранят они, по крайней мере, соотечественников моих от заблуждения, в которое невольно ввергнут был этот знаменитый писатель ложными документами, доставленными ему от людей пристрастных» [106].

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. По смыслу опубликованного Давыдовым собственного письма выходит, что В. Скотт будто бы просил у него замечаний по поводу уже изданного своего труда, тогда как мы знаем, что одним из поводов возникшей между ними переписки была надежда В. Скотта воспользоваться некоторыми рассказами «Черного капитана» для еще подготовлявшейся к печати «Жизни Наполеона». В этом отношении Давыдов ожиданий В. Скотта, очевидно, не оправдал. Различные обстоятельства тревожного для него 1827 г. помешали Давыдову послать в Шотландию просимые у него материалы. Не имея возможности тотчас же исполнить просьбу В. Скотта, он откладывал ее исполнение; очевидно, интересовавшие В. Скотта рассказы и замечания так и не были посланы. Они должны были послужить материалом еще для одного письма Давыдова (четвертого по счету), навряд ли написанного, потому что труд, для которого эти сведения предназначались, вышел из печати весной 1827 г. Присылка их после этого уже не имела смысла. Подготовленные материалы Д. Давыдов мог частично использовать, когда В. Скотта уже не было в живых.

Русское издание «Жизни Наполеона», испытавшее ряд цензурных мытарств, появилось лишь в 1832 г., да и то в сильно сокращенном виде [107]. Лишь после этого стоило сообщить русскому читателю свои замечания на эту книгу. Любопытно, что труд В. Скотта при его появлении Д. Давыдов встретил резко отрицательно, несмотря на то что он принадлежал его «знаменитому другу», как это подчеркнуто в его письме к Н. А. Муханову [108]. Правда, этот резкий отзыв относится не к той части, в которой описана война 1812 г. и которую Давыдов страстно хотел прочесть. Столь же недружелюбно встретили «Жизнь Наполеона» и многие друзья Давыдова, например П. А. Вяземский и А. И. Тургенев. Вяземский, еще в 1827 г. собиравшийся

напечатать ее «сокращенный перевод», написал о ней статью с подробным изложением полемики, возникшей вокруг труда В. Скотта во французской журналистике, но эта статья не была пропущена цензурой. Еще в начале 1828 г., готовясь к задуманной работе, Вяземский просил А. И. Тургенева собрать и приберечь для него все иностранные рецензии об этом сочинении, но автора называл «холодным и сонным... писцом»; «в прежних романах он делал из истории какую-то живую фантасмагорию; здесь он не оживил праха, а, напротив, остудил живое; я не нашел у него ни одной страницы пламенной, яркой» [109].

Когда до Давыдова дошел, наконец, тот том «Жизни Наполеона», где речь шла о московской кампании, он был несколько разочарован, впрочем, отчасти и по своей собственной вине. Те воспоминания и рассказы, которые от него надеялся получить В. Скотт, Давыдов так ему и не доставил, и наиболее памятные для него самого события и эпизоды в изложении В. Скотта показались ему более скучными и гораздо менее живописными, чем они могли бы быть. В книге заключалось не слишком много замечаний и о нем самом, а документация военных событий 1812 г., с точки зрения их деятельного участника, заставляла желать много лучшего даже и от иностранного историка.

Вот что, между прочим, прочел здесь Давыдов: «...Подполковник Денис Давыдов, сделавшийся известным французам под именем «Черного вождя», подал первую мысль об этом роде войны князю Багратиону незадолго до Бородинского сражения и приобрел отличные успехи, предводительствуя небольшим отрядом казаков и гусар, действиями своими на дороге между Гжатском и Вязьмою, где он перехватывал обозы и разбивал небольшие неприятельские отряды. Ему вскоре дано было более значительное войско; другие такие же отряды были набраны с назначением в предводители оных храбрых и предприимчивых людей. Они объезжали окрестности, прерывали сообщения французов, сбивали их передовые посты и повсюду их тревожили» [110].

Конечно, думалось Давыдову, В. Скотт мог все это рассказать занимательнее и с бóльшим количеством подробностей, пользуясь хотя бы близостью своей к В. П. Давыдову как к племяннику «Черного капитана» и переводчику русских материалов! Тем более хотелось самому герою взяться за перо и сделать необходимые добавления и поправки к историческому труду, не вполне оправдавшему его надежды. Так можно объяснить причины, побудившие Дениса Давыдова напечатать «письмо к В. Скотту», сочиненное уже после смерти писателя и включающее ряд серьезных замечаний и поправок к «русским главам» «Жизни Наполеона». Что же касается самого «письма», якобы не посланного за смертью адресата, то оно слегка стилизовано в нужном для автора духе; нечто подобное Давыдов уже делал в приведенном выше отрывке письма к Пушкину, излагая историю своего знакомства с В. Скоттом без некоторых подробностей, которые казались второстепенными. Современники поэта-партизана хорошо знали о том, что тщеславие было его недостатком. Я. К. Грот в одном из писем к другу своему П. А. Плетневу (30 марта 1849 г.) задавал следующий вопрос: «Не известно ли тебе, кто под именем О. Д. О. написал биографию Давыдова, которую по слогу легко бы принять за сочинение самого Давыдова, если бы он сам не опровергнул этого мнения. Этот О. будто покойный генерал-лейтенант». На это Плетнев отвечал: «Давыдов, не трогая таланта его, был мелкий хвастун, и все биографии о нем писаны им самим, где он рассыпался в похвалах себе» [111]. Изложенная выше на основании подлинных документов история «заочного» знакомства Д. В. Давыдова с В. Скоттом позволяет признать, что у Плетнева были известные основания для столь резкого приговора: Давыдов, во всяком случае, был повинен в своего рода литературной стилизации этого эпизода его жизни.

4. Визит к В. Скотту М. А. Ермолова.— В. П. Давыдов переводит для В. Скотта «Слово о полку Игореве».— Прощание В. Скотта с В. Давыдовым в Абботсфорде и альбомная запись писателя.— Автографическая запись Роберта Вильсона.— Письма к В. П. Давыдову о болезни и смерти В. Скотта.— Письма А. Юнга и Локарта.— Воспоминания В. П. Давыдова о знакомстве и встречах с В. Скоттом, опубликованные сорок лет спустя.— Автографическая рукопись романа В. Скотта «Талисман» в библиотеке имения Давыдова «Отрада»

В 1827 г. В. Скотту довелось, на этот раз лично, встретиться еще с одним русским участником Отечественной войны 1812 г. В «Дневнике» его, в записи от 4 августа 1827 г., значится: «Визит генерала Ермолова, явившегося с письмом от д-ра Нокса (Knox), которого я не знаю... К счастью, имя генерала Ермолова мне известно. Это человек в расцвете лет, около тридцати, красивый, решительный и восторженный, большой почитатель поэзии и всего такого. Он участвовал в московской кампании и во всех последующих походах, но должен был быть в ту пору очень молод» [112].

В. Скотт воспользовался присутствием в Абботсфорде этого русского гостя, чтобы предложить ему ряд вопросов, аналогичных тем, какие он задавал обоим Давыдовым, дяде и племяннику, о роли Ростопчина в московском пожаре 1812 г., о действиях Кутузова. «Он без малейших сомнений заявил,— записывает В. Скотт далее в «Дневнике»,— что Москва была сожжена Ростопчиным. По его словам, перед тем, как французы вошли в город, и в то время, как жители покидали его, распространился слух, что оставлены люди для разрушения города. Я спросил его, почему не был сразу же подожжен пороховой погреб. Он ответил, что, по его мнению, взрыв этого погреба мог быть опасен для отступавших русских войск. Мне это показалось неубедительным. Русские проходили слишком далеко от Москвы, чтоб это могло помешать их движению. Я нажимал на него, как мог, по поводу медлительности действий Кутузова, и он откровенно признался, что русские были так рады и так поражены, видя, что французы отступают, что не скоро отдали себе отчет в размерах выигранного ими преимущества».

Несомненно, что собеседником В. Скотта был тогда полковник (впоследствии генерал-майор) Михаил Александрович Ермолов (р. в 1794 — ум. в 1850 г. в Париже) [113]. Приходившийся племянником Алексею Петровичу Ермолову, имя которого, очевидно, и было известно В. Скотту, М. А. Ермолов действительно принимал участие в Отечественной войне; ему было тогда восемнадцать лет. Он был ординарцем при главнокомандующем второй армией кн. Багратионе, участвовал в Бородинской битве, получил контузию левой ноги; в 1814 г. посетил вместе с русскими войсками Париж; в 1825 г. вышел в отставку по болезни и уехал за границу, где провел несколько лет. К этому времени и относится его визит к В. Скотту. В 1829 г. он вновь вернулся на военную службу, дослужился до чина генерал-майора, а в 40-х годах переселился во Францию и остался за границей, пытаясь заниматься переводческой и литературной деятельностью.

В 40-х годах Ермолов поместил за подписью M. V. в «Blackwood's Edinburgh Magazine» небольшую статью о Пушкине в виде предисловия к собственному переводу «Кирджали», перевел затем пушкинский «Выстрел» и написал несколько статей, впоследствии объединенных в его книге «Mélanges et souvenirs d'histoire, de voyages et de littérature» (Paris, 1858), представляющей как бы итог его литературной деятельности [114].

В. Скотт упоминает о литературных интересах Ермолова. На чем основано это наблюдение? Не говорили ли они о русской литературе, в частности о Пушкине, которого Ермолов пропагандировал и в Англии, и во Франции? Любопытно, между прочим, что Ермолов был в дружественных отношениях с Проспером Мериме и что именно он снабдил однажды французского писателя томиком Пушкина (в русском издании) и, вероятно, был инициатором

перевода «Выстрела», сделанного Мериме (1856). К сожалению, запись дневника В. Скотта об Ермолове лаконична; мы узнаем, что этот русский гость пробыл в Абботсфорде целые сутки и уехал с обычными для иностранцев многоречивыми изъявлениями восторженного почитания, причем при прощании его с радушным хозяином выяснилось, что Ермолов является родственником П. А. Голицыной, которую В. Скотт знавал в Париже.

Все это время знакомство и встречи В. Скотта с Владимиром Петровичем Давыдовым продолжались. В дневнике его за 1826—1828 гг. имя Давыдова попадается не раз. То он везет своих «замерзших московитов» (frozen muscovites — это цитата из «Love's Labour's Lost» Шекспира—д. V, сц. 2) в своей коляске в Абботсфорд и оттуда обратно в Эдинбург, то гуляет вместе с юным Давыдовым и его воспитателем Кольером, то принимает их у себя, знакомит со своими гостями и соседями, подолгу беседует с ними. Ему приходит в голову мысль, что «напрасно близкие Давыдова позволяют ему слишком долго жить в Британии», так как это может помешать ему «быть счастливым у себя в России»: как видно, В. Скотт был все же далек от идиллического представления о николаевском режиме. Давыдов, со своей стороны, старается быть приятным и полезным обожаемому им писателю: он наводит для него в России различные исторические справки, дарит ему стальную табакерку тульской работы с искусно изображенными на ней видами Петербурга, рассказывает ему, что знает, о России, переводит с русского на английский то, что представляло интерес для писателя [115].

В одном из неизданных писем к отцу В. П. Давыдов писал: «Я только что окончил перевод на английский язык «Слова о полку Игореве», которое сир Вальтер Скотт выразил желание видеть» [116]. К сожалению, письмо не сообщает более никаких подробностей об этом интересном литературном предприятии; мы не имеем также и самого перевода, следов которого не сохранилось в доступных нам бумагах В. П. Давыдова; очевидно, после того как перевод этот был вручен В. Скотту, черновики его были уничтожены. Во всяком случае, это был уже весьма серьезный результат общения английского писателя с его юным русским собеседником. Несколько дополнительных сведений и дат можно извлечь лишь из эдинбургского дневника В. П. Давыдова. Дело происходило в 1826 г. В среду 5 июля (23 июня) он записал, что в этот день возвратился в Эдинбург из Абботсфорда, где провел несколько дней в беседах с писателем, его родными и другими гостями. Вечером следующего дня (6 июля) отмечено: «Я перевел на английский язык значительную часть «Слова о полку Игореве» по совету сэра Вальтера Скотта». В пятницу, 7 июля, «по дороге домой встретил сэра Вальтера Скотта, который остановился на минуту поговорить со мной». Особенно интересна субботняя запись: «Я работал упорно и на третий день своих трудов закончил перевод «Слова о полку Игореве» с некоторыми историческими примечаниями, которые я извлек из Карамзина. Я собираюсь показать свой перевод сэру В. Скотту, который сказал, что ему любопытно было бы взглянуть на него, и потому, побоявшись, что он найдет мой почерк неразборчивым, нанял писца и целых четыре часа после обеда диктовал ему, но непривычные славянские имена и стиль так смущали его, что он делал самые нелепые ошибки и едва успел справиться с половиной...» Только в понедельник, 10 июля, перевод был додиктован до конца, и вечером Давыдов понес его к писателю, которого не застал дома, и оставил рукопись с характерной запиской, свидетельствующей, как прочно он усвоил в раннем возрасте эстетические нормы классицизма. Он просил извинения за стиль оригинала, за «нелепо-причудливое нагромождение метафор и возгласов и разрывающие повествование призывы и обращения...»

Переводил он, разумеется, так, как понимал текст, не смущаясь недостатком специальных знаний и нисколько не задумываясь над необходимостью филологической сноровки. Примерно в то же время кто-то спросил, почему бы ему не заняться переводом нового романа Вальтер Скотта, так чтобы не отставать от автора и завершить работу одновременно, и единственным

препятствием он счел отсутствие времени — ведь надо было посещать лекции и сдавать экзамены.

Впоследствии, впрочем, он весьма скептически отзывался о своем, затерянном ныне, труде. Сохранилось его письмо к Вяземскому (Павлу Петровичу) от 7 октября 1875 г., в котором он говорит об этом переводе как о «грехе своей юности» и признается, что выполнил его единственно для того, чтобы «доставить удовольствие Вальтер Скотту, которого <...> любил до обожания». «Я был так смел,— вспоминает Давыдов в том же письме,— что решился не комментировать, но перевести на английский язык «Слово о полку Игореве», и вышла в моем переводе такая ужасная чепуха, что никто на свете, ни сам переводчик не мог находить в ней никакого смысла. Я заметил, что писарь, которому я дал перебелить мой манускрипт, все время смеялся. Я, однако, послал перебеленный перевод в Абботсфорд, но, к счастию, не присутствовал при его чтении. Воображаю себе, как любезный, но колкий зять поэта, Локарт, должен был издеваться над моим трудом! Увидевшись несколько позже с самим В. Скоттом, я ему заявил мои опасения, что он не найдет много пользы в моем переводе, на что он отвечал с очень доброй улыбкой, что действительно трудно понять поэму, но что в ней заметен до некоторой степени характер описанной местности и что войска и героиня играют в ней большую роль» [117].

Следует учесть, что в 20-х годах XIX в. на Западе «Слово о полку Игореве» было известно еще очень мало: английского перевода его в то время не существовало, переводы французские и немецкие были малочисленны, крайне неудовлетворительны и трудно находимы. Едва ли В. Скотт или В. П. Давыдов могли знать, например, о том, что уже в 1823 г. в Москве вышел стихотворный французский перевод «Слова» (сделанный со стихотворного же, очень вольного перевода Левитского); с тем меньшим вероятием можно предположить, что В. Скотту могли быть известны какие-либо немецкие известия о «Слове», вроде статьи В. Гримма (1812) [118].

По-видимому, знакомство его со «Словом» шло через Карамзина, сочинениями которого он интересовался. Как известно, Карамзин не только первым рассказал Западной Европе о «Слове» еще до его издания, но впоследствии уделил ему внимание и в «Истории государства Российского» (1816, ч. I, гл. 7), вскоре вышедшей в просмотренном самим автором французском переводе (Thomas et Jauffret, 1819). Карамзин называет здесь «Слово» «особенно древней повестью, украшенной цветами воображения и языком стихотворства». Свои примечания к английскому переводу «Слова», как отметил он сам, В. П. Давыдов тоже сделал по Карамзину; едва ли в руках переводчика были какие-либо другие пособия. Заметим, однако, что тогда существовали уже труды о «Слове» К. Ф. Калайдовича, Я. О. Пожарского, А. С. Шишкова, Н. А. Цертелева, Н. Ф. Грамматина и что этот памятник находился в центре внимания как русских исследователей, так и поэтов.

Сколько знаем, В. Скотт нигде не высказался печатно о «Слове о полку Игореве», перевод которого выполнен был по его просьбе в 1826 г. В нашем распоряжении есть, однако, еще одно свидетельство по этому поводу, заслуживающее некоторого доверия. Напоминая о судьбе первого издания «Слова» и ранних работах по его истолкованию, Е. В. Барсов в «Предисловии» к своей известной монографии «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси» сделал следующее указание: «Вальтер Скотт, прочитав этот памятник, в одном из писем к графу Орлову выражал удивление, что русские так мало умеют понимать и ценить свои лучшие произведения» [119]. Хотя данное свидетельство не подтверждено никакими документами и может вызвать сомнение в текстуальной точности воспроизведенных здесь слов В. Скотта, но они все же представляются правдоподобными по существу и едва ли могли быть искажены даже при двойной их передаче. Для середины 20-х годов такое суждение, подсказанное шотландскому писателю его русским собеседником, было и вполне естественным и достаточно справедливым. Важно и то, что угадывается за этой нехитрой

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Гравюра с портрета работы А. П. Брюллова

Находилась в собрании П. Е. Щеголева, Ленинград

словесной формулой: В. Скотт не только первым на своей родине прочел «Слово о полку Игореве», но и ранее многих других в состоянии был оценить художественную силу одного из драгоценнейших памятников древнерусской культуры.

Вероятно, чаще всего беседы В. Скотта с В. П. Давыдовым касались новейшей русской истории и русской исторической литературы, в особенности посвященной событиям 1812 г. и последующих годов. Через племянника Дениса Давыдова В. Скотт хотел получить сведения того же рода, каких он в свое время ожидал и от самого «Черного капитана»; его вполне устраивали если не «неизданные анекдоты», которые так и не были ему доставлены, то по крайней мере переводы из русских печатных источников.

Подтверждением этому может служить письмо В. П. Давыдова к В. Скотту из Эдинбурга от 7 февраля 1827 г.[120] Из него явствует, например, что В. Скотт обнаружил интерес к книге русского военного историка Д. П. Бутурлина «Военная история русской кампании 1812 г.», вышедшей в двух томах по-французски в 1824 г., что В. П. Давыдов собирался переводить

для В. Скотта отрывки из книги генерала Жоржа Шамбрэ (1783—1845), участника наполеоновского похода, взятого в плен при отступлении французской армии из России, и что эта книга 1823 г. была В. П. Давыдову известна лишь по ее извлечению, в переводе, помещенном в русском журнале [121]. Здесь же В. П. Давыдов указывал, что у него под руками было «описание битвы при Катцбахе», т. е. статья «Сына Отечества» о сражении с французами 14 августа 1813 г., и подробное описание переправы через Березину, очевидно в том же «Сыне Отечества» 1825 г.[122]

В этом же письме есть любопытное свидетельство, что В. П. Давыдов перевел В. Скотту какой-то отрывок якобы из статьи Карамзина о пожаре Москвы. Это место письма требует пояснений, так как не вполне ясно, о каком произведении идет речь. Наиболее вероятным представлялось бы, что здесь имеется в виду стихотворение Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I», посвященное московским жителям. Оно было сначала напечатано в «Вестнике Европы», а затем вышло отдельно (М., 1814) с предисловием автора и вскоре перепечатано было и в Петербурге [123]. Конечно, ни это предисловие, ни самое стихотворение не могут быть названы «Очерком (essay) русской кампании», как аттестует свой перевод В.П. Давыдов, однако и в предисловии, и в стихотворном тексте Карамзин говорит о пожаре Москвы, а примечания к стихотворению как бы подкрепляют поэтические образы свидетельскими показаниями.

«С вами, добрые москвитяне, провел я четверть века и лучшее время моей жизни; — писал Карамзин в предисловии,— с вами видел грозу над сею столицею отечества; с вами ободрялся великодушием достойного нашего градоначальника; с последними из вас удалился от древних стен кремлевских, и с вами хожу ныне по священному пеплу Москвы, некогда цветущей... В дни тревоги и бедствий видел я вашу доблесть: лица горестные, но ознаменованные твердостью; слезы, но слезы умиления...» и т. д.[124] В самом же тексте стихотворения внимание скорее всего могло привлечь следующее место:

Москва! Прощаемся с тобою Мы землю с небом примирим.
И нашей собственной рукою Ты жертва общего спасенья!
Тебя мы в пепел обратим! В твоих развалинах найдет
Пылай: се пламя очищенья! Враг мира гроб своих побед...

К этим стихам Карамзин сделал следующее примечание: «Очевидцы рассказывают, что Каретный и Москотильный ряды зажжены рукою самих лавошников, также и многие домы хозяйскою» [125]. Приводим подлинник этого любопытного письма В. П. Давыдова к В. Скотту:

Dear Sir,

I have been looking into some of my Russian books in the hopes of finding there some of the information, which you were anxious to procure. I am not aware of having ever heard of a General Dourakoff, though a family of that name exists and would be spelt in that way in English, whilst the name of the General in chief who was killed during the war is Doktouroff. The words, which you were desirous to have the sound of are the following:

Gospodee pomiluoï nas
Lord have mercy upon us.

They are very probably the words which the soldiers pronounced when they crossed themselves and went to battle, as this is an ejaculation constantly in the mouths both of the soldiers and of the people in general.

With regard to General Boutourline's work, on which you desire to have some notes, I find that I have a short review of it in the «Son of the Country», which I should be most happy to translate if you should think that it could interest you at all. I have also found in the same journal a detailed description of the passage of the Berezina translated from the work of Mr Shambré entitled: Histoire de l'éxpédition de Russie, par M ... Paris 1823, tome second. I am

much afraid, dear Sir, that these documents are of too little importance to attract your attention, but I have marked them down here on account of the references which are to be found in them.

There is a curious piece by our late historian Karamzin on the burning of Moscow. The author, being freed by order of the Emperor from all dependence upon the Censorship, said with reason that no human being influenced his pen, and his essay upon the Russian campaign shows, I think, that he had not scrupled to mark down the Truth. I have been bold enough to translate a small part of it, in which the allusions to an event too generally known to allow of any description seem to infer that the burning of Moscow was caused by the Russians. This is undoubtedly the prevalent opinion in Russia, and if for a long time the destruction of the Capital was attributed to the French, it could have been only with a view of exciting still more the national hatred.

The earliest numbers of the «Son of the Country», which began to be published at the period of that memorable campaign, are full of interesting and in great measure of authentic details on this subject. I regret to say that I have not any of these numbers by me, but if the spring be not too late to consult them, I might get them over with the greatest facility and any other works, which you would be so kind as to mark down. The only farther documents, if I may so call them, which I have by me are: a description of the battle of Katzbach, extracts from the notes written by a Russian officer during the campaign of 1814, a short essay by the Archbishop of Moscow on the moral reasons which secured to the Russians indisputable superiority over the French in the war of 1812, and the historical piece by Karamzin, of which the enclosed is an extract.

Allow me, dear Sir, in conclusion to this note to express to you my gratitude for the permission you have given me of speaking to you on a subject which is at the moment exciting the curiosity and the anxious expectation of the world, and at the same time my regret at ⟨it⟩ not being in my power to give you any important information.

Believe me, dear Sir, with great respect
Your obliged and faithful serv⟨an⟩t V. D a v i d o f f

42 York Place,
7th February, 1827.

P. S. If you should not find the inclosed manuscript legible, I beg that you should send it back to me and allow me to copy it out a little more clearly [125].

⟨*Перевод*:⟩

Милостивый государь!

Я пересмотрел некоторые из моих русских книг в надежде найти там кое-какие интересующие Вас сведения. Кажется, я не слыхал о генерале Дуракове (Dourakoff), хотя род, носящий это имя, и существует и фамилия эта так писалась бы по-английски; генерал-аншефа, который был убит во время войны, звали Дохтуров. Слова, которых произношение Вы желали знать:

Gospodee pomilouï nas.
Господи, помилуй нас.

Это, по всей вероятности, слова, которые солдаты произносили, когда осеняли себя крестом и шли в бой, ибо это восклицание постоянно на устах и у солдат, и у народа вообще.

Что касается труда генерала Бутурлина, о котором Вы хотели иметь замечания, то я обнаружил краткий отзыв о нем в «Сыне Отечества», который охотно переведу для Вас, если Вы считаете, что он может представить для Вас какой-либо интерес. В том же журнале я нашел подробное описание перехода через Березину, переведенное из труда г. Шамбрэ, озаглавленного «Histoire de l'Expédition de Russie par M...», Париж, 1823 г., том второй. Боюсь, милостивый государь, что эти документы слишком маловажны, чтобы привлечь ваше внимание, но я отмечаю их здесь ради ссылок, которые в них можно найти.

У нашего покойного историка Карамзина есть любопытное сочинение о пожаре Москвы. Автор, будучи по распоряжению государя освобожден от всякой цензуры, по праву говорил, что ни один человек не водил его пером, и его очерк русской кампании показывает, по-моему, что он не стеснялся говорить правду. Я дерзнул перевести небольшую часть, где указания на событие, слишком общеизвестное, чтобы оно могло нуждаться в описании, позволяют заключить, что пожар Москвы был вызван русскими. Таково, без сомнения, преобладающее в России мнение, и если в течение долгого времени разрушение столицы приписывалось французам, то лишь в целях еще более возбудить народную ненависть.

Самые первые номера «Сына Отечества», который начал выходить во время этой достопамятной кампании, полны интересных и в значительной мере достоверных подробностей об этом предмете. К сожалению, у меня нет при себе ни одного из этих номеров, но к весне, если это будет еще не слишком поздно для Ваших справок, я могу с большой легкостью выписать их, а равно и другие труды, которые Вы будете любезны указать. Единственные другие документы, если можно их так назвать, которые у меня имеются при себе, это описание битвы при Катцбахе, выдержки из записок, которые вел один русский офицер во время кампании 1814 г., краткое сочинение московского архиепископа (the Archbishop of Moscow) о нравственных причинах, которые обеспечили русским бесспорное превосходство над французами в войне 1812 г., а также исторический очерк Карамзина, выдержка из коего при сем прилагается.

Позвольте мне в заключение этого письма, милостивый государь, выразить Вам мою благодарность за разрешение говорить с Вами о предмете, который в настоящее время возбуждает любопытство и взволнованные ожидания всего мира, и в то же время сожаление, что я не в состоянии сообщить Вам более важных сведений.

Остаюсь, милостивый государь, с великим уважением
ваш обязанный и преданный слуга В. Давыдов

42, Йорк плейс,
7 февраля 1827

P. S. Если прилагаемая рукопись покажется вам неразборчивой, прошу вас вернуть ее мне, чтобы я переписал ее более четко.

Это письмо В. П. Давыдова использовано в «Жизни Наполеона»: в гл. X седьмого тома приводится возглас «Господи, помилуй нас!» и почти буквально повторяется данное Давыдовым объяснение; в гл. XI того же тома в примечании процитированы слова из письма о Карамзине, освобожденном от цензуры, а в основном тексте главы приведена цитата из сочинения, под его именем сообщенного писателю. Эти строки не имеют соответствия в упомянутом выше стихотворении Карамзина. Приводим их в обратном переводе на русский язык С. Шаплета:

«Дворцы и храмы,— говорит один русский писатель (Карамзин),— памятники искусства и чудеса великолепия, остатки минувших веков и недавние создания, гробницы предков и колыбели настоящего поколения — все было истреблено. Не осталось ничего от Москвы, кроме воспоминаний о сем граде и твердой решительности отмстить за падение оного» [126].

Вероятно, беседы В. Скотта с В. Давыдовым касались также и русской поэзии новейших времен, и русской повествовательной литературы; достоверно известно, что речь при этом шла и о популярности произведений В. Скотта в России.

По воспоминаниям В. П. Давыдова, при его посредстве В. Скотту был, между прочим, послан из России «экземпляр перевода на русский язык одного из приписанных ему романов — «Эдинбургская тюрьма». «Эта книга,— прибавляет Давыдов,— была принята поэтом, и в ответ прислано им конфиденциально несколько строк благодарности «за пищу его авторскому тщеславию». Эти строки были сохранены в секрете до вынужденного печальны-

«ЖИВОПИСНЫЙ ЕЖЕГОДНИК НА 1836 ГОД». ЛОНДОН
Титульный лист и фронтиспис

ми обстоятельствами признания автора в сочинении им Веверлейских романов» [127].

В бумагах Давыдова сохранилось неопубликованное письмо В. Скотта, несомненно являющееся тем, о котором он говорит в приведенной цитате. Письмо это носит действительно строго конфиденциальный характер; поэтому в нем не упоминается адресат (письмо обращено к В. П. Давыдову, но не к русскому переводчику) и не названо произведение, о котором идет речь; все любезности сугубо (и намеренно) загадочны,— если не знать повода, которым они вызваны.

My dear Sir,

I am much obliged by the flattering testimony you have had the kindness to send me that I have been so lucky as to meet some acceptation in Russia. An author if he could direct his own fortune would be always most desirous to please a nation of a bold, original and natural character and I am equally sensible of your kindness in sending me such acceptable food for my authorial vanity.

My dear Sir, your most truly Walter S c o t t [128]

13 Dec⟨ember⟩
3, Walker Street

⟨*Перевод*:⟩

Милостивый государь,

Я очень обязан вам за любезно присланное вами мне лестное для меня свидетельство, что мне посчастливилось встретить в России некоторое радушие. Всякий писатель, если бы он мог управлять своим жребием, больше всего стремился бы понравиться народу со смелым, оригинальным и естественным характером, так что я в равной степени признателен вам и за то, что

вы любезно сообщили мне то, что составляет такую приятную пищу для моего авторского самолюбия.

Искренне ваш, милостивый государь, Вальтер С к о т т

13 дек⟨абря⟩
Уолкер стрит, 3.

Год на письме не указан, но оно бесспорно относится к 1826 г. Об этом говорит и бумага с траурной каймой (жена В. Скотта умерла 15 мая 1826 г.), и адрес (Вальтер Скотт с дочерью Анной жил на улице Уолкер в Эдинбурге только зимой 1826—1827 г.), и, главное, то, что в момент его написания Вальтер Скотт еще был «Великим неизвестным» — его авторство перестало быть тайной после его публичного признания на обеде в пользу театрального фонда, состоявшемся 2 февраля 1827 г. В дневнике Давыдова прямо названа доставленная им писателю книга: это была четырехтомная «Эдинбургская темница», перевод А...ы З...г (М., 1825), т. е. перевод романа «The Heart of Mid-Lothian», сделанный Анной Петровной Зонтаг (урожд. Юшковой, 1785—1864), племянницей и преданным другом Жуковского, писательницей и переводчицей, бывшей замужем за американцем Е. В. Зонтагом, в то время капитаном Одесского порта и командиром черноморской яхты «Утеха» [129].

Сохранилось еще несколько писем и записок В. Скотта и его дочери Анны к В. П. Давыдову. Они не имеют полных дат, но все относятся к 1826—1828 гг., т. е. времени обучения русского юноши в Эдинбургском университете. Точные их даты устанавливаются без особого труда по сопоставлению с дневниковыми записями В. Скотта.

Так, два письма написаны в один жаркий июньский день (утром и вечером), когда изнемогавший в городе от жары необычно засушливого лета В. Скотт решил отправиться в Абботсфорд и заодно отвезти своего любознательного молодого приятеля в соседний городок на выборы.

Вот первое письмо:

My dear Sir,

If Mr Colyar and you still wish to see an Election, I wish you would accept a share in my carriage on Saturday 1-st June when I go to Abbotsford — on the Monday following I go to our County Election at Jedburgh which is besides a place well worth seeing and I could show whatever is to be seen there.

I return to Abbotsford that night and next day, Tuesday the 4-th, to Edinburgh. So, if you will bestow so much time on me you will make me very happy as otherwise I must travel alone.

Yours very truly Walter S c o t t

6 N⟨orth⟩ St. David Street
Friday

⟨*На обороте:*⟩

Mr Davidoff.

⟨*Перевод:*⟩

Милостивый государь,

Если господин Кольер и вы все еще желаете видеть выборы, я бы предложил вам разделить со мной экипаж в субботу 1 июня, когда я отправлюсь в Абботсфорд. В понедельник я поеду на выборы в совет графства в Джедборо, место, которое само по себе стоит посмотреть, и смогу показать все, заслуживающее внимания.

В этот же вечер я вернусь в Абботсфорд, а на следующий день, во вторник 4-го,— в Эдинбург. Итак, если Вы уделите мне столько времени, то обрадуете меня, иначе мне придется путешествовать в одиночестве.

Искренне ваш Вальтер С к о т т

Север, улица Св. Давида, 6.
Пятница

⟨*На обороте:*⟩

Г-ну Давыдову.

Письмо датировано пятницей, которая приходилась на 30 июня (в самом письме описка: «в субботу 1 июня» — вместо «1 июля»). Предложение было принято, и вечером В. Скотт послал еще записку:

Dear Sir,

Permit me to remind you and Mr Colyar of your obliging promise to go with me to Abbotsford tomorrow. The carriage will wait on you tomorrow at half past twelve and will take me up at the Court on our way southward.

I am, dear Sir, very much yours Walter S c o t t

St. David street
30-th June.

⟨Пер. вод.:⟩

Милостивый государь,

Позвольте мне напомнить вам и м-ру Кольеру о вашем любезном обещании отправиться завтра со мною в Абботсфорд. Экипаж будет ожидать вас завтра в половине первого, а меня захватит у здания суда по дороге на юг. Остаюсь, милостивый государь, искренне Ваш Вальтер С к о т т

Улица св. Давида.
30 июня.

Утром 1 июля В. Скотт записал в дневнике, что повезет с собою в Абботсфорд «молодого Давыдова и его учителя».

Еще одно письмо относится к 1827 г.:

My dear Sir,

Anne tells me you go to the continent soon, I hope not so early but that we can see you at Abbotsford. The enclosed letter engraving will perhaps put you in mind of the Chateau though I trust you intend to see us the next season if not sooner.

Will you favour me with a transcript of the two verses of Claudian so happily applied to the Russian war. I have let yours fall aside.

Yours truly Walter S c o t t

Edin⟨burgh⟩.
22 Feb-ry.

Best compliments to Mr Colyar. We lie you know just in your line of retreat if it be postponed till after the 12 March, when we go to Abbotsford.

The sketch is for your album [130].

⟨Пер. вод.⟩

Милостивый государь,

Анна сообщила мне, что Вы уже скоро отправитесь на континент; надеюсь, не так еще скоро, и мы успеем видеть вас в Абботсфорде. Прилагаемая гравюра на почтовой бумаге, может быть, напомнит вам о Замке, хотя, я уверен, вы соберетесь навестить нас весною, если не раньше.

Прошу вас снабдить меня копией двух стихов Клавдиана [131], так удачно примененных к русской войне. Ваша выписка затерялась.

Искренне ваш Вальтер С к о т т

Эдин⟨бург⟩
22 февр⟨аля⟩

Лучшие пожелания м-ру Кольеру. Мы находимся, как вы знаете, как раз на линии вашего отступления, если оно будет отложено и состоится после 12 марта, когда мы отправимся в Абботсфорд.

Этот рисунок — для вашего альбома.

Приведенные письма дополняются тремя записками от дочери писателя [131]. Две относятся к весне 1827 г.— приглашение в театр и сообщение о скором отъезде из города. Одна — к 1828 г., это последнее уже приглашение в Абботсфорд [132].

Последнее письмо относится к тому времени, когда Давыдов, окончив курс в Эдинбургском университете со степенью Arts graduate в 1828 г. и простившись уже с Абботсфордом, жил некоторое время в Лондоне, причисленный к русскому посольству, «обедая каждодневно у гр. С. Р. Воронцова», по его собственному свидетельству. Близость С. Р. Воронцова к Питту — факт, хорошо известный его биографам. О Питте хотел узнать В. Скотт, и Давыдов сообщал ему все, что мог, и после рассказа при встрече 12 мая написал письмо.

Ashburnham House, 20-th May 1828.

Dear Sir Walter.

As you wished me to give you in writing the purport of the conversation I had with Count Voronzoff relatively to the last moments of Mr Pitt, I profit with pleasure of an early opportunity of doing so and hence the greater satisfaction in performing this task as it was Count Voronzoff's particular wish to have communicated to you what he knew of Mr Pitt's death, and had heard from the mouth of the Prime Minister himself, with whom he had lived on a footing of intimacy rarely to be found existing between a foreign Ambassador and the First Minister of the Court to which he is attached.

From the conversation Count Voronzoff had with him he was satisfied that the news of the battle of Austerlitz had no share in bringing about his death. Being at the time at Bath he saw the Ministers come successively to deplore the event of the defeat, and being anxious to have the private opinion of Mr Pitt himself he stayed till all had quitted his bedside, and then addressed him upon the subject. «The event», said Mr Pitt with composure, «is a disastrous one, but if your Sovereign and my own are conscious of the dignity and power of their own people, they will rise superior to the present events. For one or two years we ought to remain quiet; and the present success of Napoleon will excite him to still greater encroachments. He will prescribe new conditions and will at last bring on his own ruin». It is remarkable that at the same time Mr Fox was calling violently for a treaty of Piece and Alliance with Napoleon, and representing to the House of Commons the impossibility of a Coalition ever arising with a view to bringing down the absolute sway of the French Emperor.

The real cause of the death of Mr Pitt, Count Voronzoff says, was in his violent exertions every night in the House of Commons and in his extreme anxiety to save his friend Lord Melville from the aspersions thrown upon him. On this subject Mr Pitt told Count Voronzoff «they wish to pierce me through the body of my friend».

This, dear Sir Walter, is all that I have to communicate to you on this subject, and it was at the request of Count Voronzoff, who is so deeply interested in it, and so desirous of its being handed down to posterity in its true light, that I spoke to you about it the last time I had the pleasure of seeing you.

I conclude these lines, dear Sir Walter, by thanking you once more for all your kindness. My affection for Scotland, in which I have passed so many happy days, is I think second to no other attachment within my breast, and I shall always preserve the dearest remembrance of my visits to Abbotsford. I hope I shall ever be worthy of your friendship; and beg you to believe me to be with great respect

Your faithfull and affectionate servant Vladimir D a v i d o f f

(Перевод:)

Эшбернам Хауз, 20 мая 1828

Дорогой сэр Вальтер!

Так как вы пожелали, чтобы я письменно сообщил вам содержание разговора, который был у меня с гр. Воронцовым касательно последних минут м-ра Питта, я рад воспользоваться первой возможностью сделать это, и с тем большим удовлетворением исполняю эту задачу, что гр. Воронцов особливо желал, чтобы вам было сообщено то, что ему известно о смерти г-на Питта, и то, что он слышал из уст самого первого министра, с которым он находил-

ся в близости, редко встречаемой между иностранным послом и первым министром того двора, при котором он аккредитован.

Разговор, который гр. Воронцов имел с Питтом, убеждает его, что известие об Аустерлицкой битве отнюдь не способствовало его смерти. Будучи в то время в г. Бате, он видел, как министры один за другим являлись сетовать о поражении, и, желая знать личное мнение самого м-ра Питта, остался, пока все не ушли от постели больного, и тогда обратился к нему по этому поводу. «Это событие бедственное,— спокойно сказал м-р Питт,— но, если ваш государь и мой будут сознавать достоинства и силу своих народов, они подымутся над ныне происходящим. Год или два мы должны держаться тихо; теперешний успех Наполеона подвинет его на еще большие посягновения. Он станет предписывать новые условия и, наконец, навлечет на себя гибель». Замечательно, что в это же время м-р Фокс яростно призывал к заключению договора о мире и союзе с Наполеоном и доказывал палате общин невозможность образования когда бы то ни было коалиции с целью ниспровержения неограниченного господства императора французов.

Истинной причиной кончины м-ра Питта, говорит гр. Воронцов, были его ежевечерние напряженные выступления в палате общин и его настойчивое желание спасти своего друга лорда Мельвилля от нападок, которым тот подвергался. По этому поводу м-р Питт заявил гр. Воронцову: «Они желают прободать меня через тело моего друга».

Вот, дорогой сэр Вальтер, все, что я имею сообщить вам по этому предмету. В последний раз, когда я имел удовольствие видеть Вас, я говорил с Вами об этом по просьбе гр. Воронцова, которого это дело глубоко интересует и который желает, чтобы оно было передано потомству в истинном свете.

Я заключу эти строки, дорогой сэр Вальтер, выразив Вам еще раз благодарность за всю вашу любезность. Моя любовь к Шотландии, в которой я провел столько счастливых дней, не уступает, мне думается, никакой другой привязанности моего сердца, и я навсегда сохраню драгоценнейшее воспоминание о посещениях Абботсфорда. Надеюсь, что всегда останусь достойным вашей дружбы, и прошу верить тому, что пребываю с великим уважением вашим преданным и любящим слугой

Владимир Давыдов

(На обороте:)

Сэру Вальтеру Скотту, баронету.
Риджентс парк, 24, Саффар плейс [133].

Вальтер Скотт, приезжавший весной 1828 г. на некоторое время в Лондон, а также гостивший в его окрестностях у своих друзей, прочел это письмо не сразу и кратко отвечал на него накануне отъезда:

My dear Sir,

It would have given me no small pleasure to have waited on count Woronzow agreably to his obliging invitation but as I leave for Scotland to-morrow it is impossible to me to have that honor. Accept my best thanks for the interesting communication of the last interview between count Woronzow and Pitt and as we may not meet for some time if indeed this motley world should permit us to meet again, accept my best and kindest wishes for your prosperity and happiness for which you have laid the best foundation in stocking your mind with useful knowledge and conforming your principles to the rules of honor and morality.

Adieu, my young friend and believe me always yours with sincerity and affection

Walter Scott [134]

London, 24 May

(На обороте второго листа:)
A Mons. Davidoff

⟨*Перевод*:⟩

Милостивый государь,

Мне доставило бы немалое удовольствие явиться с визитом к графу Воронцову согласно его любезному приглашению, однако, так как я завтра уезжаю в Шотландию, мне невозможно удостоиться этой чести. Примите мою большую благодарность за интересное сообщение о последнем разговоре между графом Воронцовым и Питтом и, так как мы, возможно, не скоро встретимся опять, если вообще нам удастся встретиться в этом пестром и шумном мире, примите мои лучшие и самые сердечные пожелания преуспеяния и счастья, надежный фундамент для которых вы заложили, обогатив свой ум полезными знаниями и укрепившись в принципах чести и нравственности.

Прощайте, мой юный друг, и верьте, что я остаюсь навсегда ваш искренний и любящий

Вальтер Скотт

Лондон, 24 мая

⟨*На обороте*:⟩

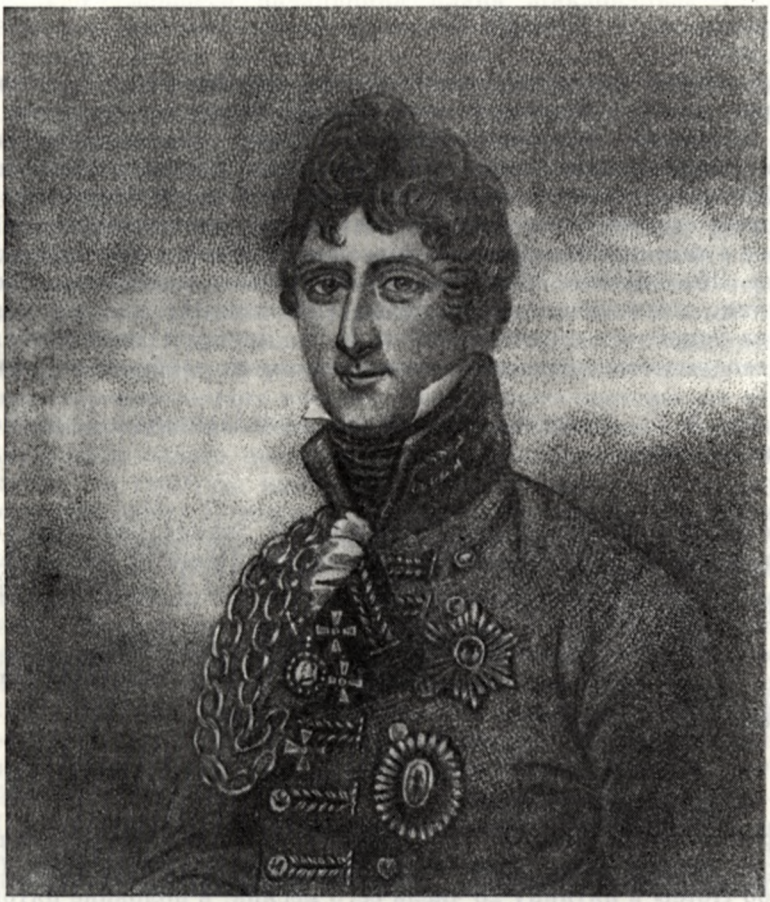
Г-ну Давыдову.

«Пребывание в Абботсфорде было исполнено какого-то возбуждающего обаяния,— свидетельствовал В. П. Давыдов в своих позднейших воспоминаниях о В. Скотте.— Смотрели поэта и слушали с ненасытным любопытством; бывало, смеялись до слез от забавных рассказов и переходили внезапно к противоположному настроению души, когда сам поэт, с поднятой вверх головой, повторял какие-нибудь стихи, пришедшие ему на память. В. Скотт никогда не говорил о своих собственных стихах, он даже находил их слабыми и не признавал себя гласно автором своих сочинений в прозе. Он, казалось, посвящал все время гостям до того, что они сами начинали сомневаться, может ли он быть автором такого большого числа романов».

В памяти В. П. Давыдова сохранилось несколько особо примечательных, с его точки зрения, эпизодов и сцен. «Раз вечером,— свидетельствует он,— спросили Вальтер Скотта, правду ли рассказывают, что он увидел однажды в Абботсфорде фигуру умершего Байрона, которого Вальтер Скотт так любил и ставил выше всех современных поэтов? Он улыбнулся и рассказал, что действительно раз вечером, только что сделавши цитату из Байрона, имея в ту минуту твердо в своей памяти его наружность, он проходил по входному залу Абботсфорда, в который проникал только свет луны. Луч падал на длинную мантию, висевшую у окна, и ему тогда точно показалось, что он видит Байрона, во весь рост, даже и самое лицо его бледное и печальное. Он остановился на пороге, и хотя знал, что это обман чувств, но желал, чтобы обман этот продолжался» [135]. Нетрудно узнать в этом рассказе тот самый анекдот, который сам В. Скотт в сходных выражениях передал в своих «Письмах о демонологии и колдовстве» («Letters on Demonology and Witchcraft». London, 1830) [136].

«Жена поэта, леди Скотт, и дочь,— пишет далее Давыдов,— рассказали про другое происшествие, которое сильно поразило бы спиритистов, если бы они в то время существовали. В глубокую ночь, когда все в Абботсфорде были в постелях, раздался по всему дому страшный шум, происходивший, по-видимому, из входного зала. Господа и служители встали и побежали, кто со свечами, кто без них, в зал и, входя в него из разных дверей, тут встретились; но все оружие было на своих местах, главная дверь и окна были заперты, и висевшие с потолка флаги не колебались ни от малейшего дуновения ветра. Все с удивлением разошлись по комнатам и только через неделю узнали, что в этот самый ночной час абботсфордского испуга умер в Эдинбурге обойщик, устраивавший все украшения этого зала. Он был человек очень преданный поэту и взаимно им любимый».

«Вальтер Скотт,— продолжает Давыдов,— однажды вспоминал о разговоре про коронацию Георга IV, совершенную со всеми обрядами и пышностью прежнего времени. Он был приглашен присутствовать при всех церемониях,



РОБЕРТ ВИЛЬСОН
Гравюра Роберта Кер Портера
Публичная библиотека, Ленинград

воспроизведенных согласно средневековым преданиям, которых никто не изучал и не описывал так верно, как он сам, и в прозе, и в стихах. На банкете в Вестминстерском готическом зале он видел, как молодой представитель древнего дворянского дома въехал в самый зал верхом, в рыцарском облачении, на статном коне, тоже покрытом броней, и как, остановившись против самого короля, он в качестве рыцаря (champion) вызывал на поединок каждого из присутствующих, кто не признáет Георга IV законным повелителем Великобритании, и как затем тот же рыцарь, подняв с лица стальное забрало, осушил данный ему королем кубок и, наклонившись головою до гривы коня, осаживал его до самых дверей зала. Но ничто так не поразило поэта, как самая церемония коронации. Лишь только король возложил на себя корону, все пэры, стоявшие в мантиях вдоль собора, глядя на короля, возложили каждый на себя свои короны. Это движение, совершенное вдруг, но без всякого восклицания, имело, по словам очевидца, потрясающее действие» [137].

Эти страницы дают нам законченный и очень типичный портрет В. Скотта — приверженца феодальной старины и обрядности, любителя страшных рассказов; он интересен потому, что списан с натуры. Сообщаемые В. П. Давыдовым подробности могут быть учтены и в биографии В. Скотта, как несомненно достоверные; отметим, кстати, что английским исследователям В. Скотта они совершенно неизвестны: лишь малая их часть была перeска-

зана без указания источника в некрологе В. П. Давыдова, в газете «Times» 1 августа 1882 г.

На дальнейших страницах цитированных воспоминаний (в «Биографическом очерке гр. В. Г. Орлова») есть ряд не лишенных интереса данных; здесь, в частности, подробно описана история разоблачения авторства В. Скотта самим «Великим неизвестным» на обеде в пользу беднейших актеров Эдинбургского театра в тот момент его жизни, когда банкротство издателя принудило его отбросить свое инкогнито «для удостоверения своей личности перед судом при определении долгов и следующих ему платежей за его сочинения». Это, впрочем, известно и из английских источников. Но, например, описание шотландского национального праздника, рассказом о котором в письме из Эдинбурга в начале 1828 г. В. П. Давыдов очень позабавил своего деда, заслуживает цитации из него нескольких наиболее колоритных отрывков.

В бумагах В. П. Давыдова сохранилось пригласительное письмо на этот традиционный обед:

Sir,

The Committee of Management of the Celtic Society have directed me to request the honor of your company at the annual dinner of the Society in the Waterloo Hôtel on Friday the 25 cur⟨ren⟩t at 1/2 of 5 o'clock.— Sir Walter Scott to be in the chair.

I remain, Sir, your mo⟨st⟩ obe⟨dient⟩ s⟨ervan⟩t.

George Farquharson Secretary [138]

1. Scotland Str⟨eet⟩.
17 Jan. 1828

⟨*Перевод*:⟩

Милостивый государь,

Распорядительный комитет «Кельтского общества» уполномочил меня просить Вас оказать честь своим присутствием на годичном обеде Общества в «Waterloo Hôtel» в пятницу 25 числа сего месяца, в половине пятого. Председательствовать будет сэр Вальтер Скотт.

Остаюсь, милостивый государь, ваш покорнейший слуга Джордж Фарксон, секретарь.

Улица Шотландии, 1
17 января 1828 г.

«Обед сей,— рассказывает В. П. Давыдов,— дан был обществом «Highland Celtic Society» [139], состоявшим преимущественно из владельцев Верхней (Нагорной) Шотландии. Члены пришли к обеду в национальных разноцветных костюмах того клана (рода), к которому каждый принадлежал, с кинжалами и пистолетами за кушаками и с обнаженными коленками. В. Скотт был председателем банкета, в котором участвовало несколько сот гостей; во всех речах его при тостах, не исключая и первой в честь короля, была черта оригинальности. Речь при первом тосте Вальтер Скотт, к общему удивлению, начал словами, впрочем, метко придуманными для самолюбия шотландцев: «Раз примирившиеся враги суть самые верные друзья, и нет у Великобританского короля подданных более преданных верхне-шотландцев; за здоровье короля!» Тост за здоровье самого Вальтер Скотта все гости пили с теми же почестями, с какими пили за здоровье короля, стоя, а горцы — стоя на стульях, одной ногой на самом столе, и повторяя вместе с тем девять раз свой нагорный национальный крик. В ответ на этот тост председатель сравнивал себя с тем герцогом Кларанским, которого потопили до смерти в бочке его любимого вина, и прибавил, что после всех высказанных ему похвал он чувствовал себя в таком точно положении, в каком был бы знаменитый герцог, если бы его вытащили из бочки, совершив операцию потопления только до половины. Большой хохот поднялся во всем зале. Совершенно в другом духе и самым высоким слогом была предложена память

одного недавно умершего начальника клана Макдональда Гленгери [140], человека, известного по непомерной своей гордости. Председатель обеда, бывший близким другом покойного, не скрыл в своей речи его слабостей; он сказал, что с таковым характером следовало этому начальнику клана родиться несколько столетий раньше, что он был великодушен, но, полагая, что люди переродились со времен его предков, находил, что самых его предков не уважали по мере их заслуг. Тут был тихий, но всеобщий сочувственный гул одобрения. Поэта Бурнса ⟨т. е. Бёрнса, Robert Burns; 1759—1796⟩ Вальтер Скотт превозносил как самого гениального и жалел, что его жизнь была исполнена горестей. И за этой, и за предыдущей памятью, за которыми гости пили в молчании и стоя, трубач (piper), ходя по комнате, играл на волынке (bagpipe), инструменте чрезвычайно громком, но которым могут восхищаться одни шотландцы, разве на открытом воздухе и с благородной дистанции. Когда замолкла эта дикая музыка, Вальтер Скотт встал с места и с выражением сосредоточенного внимания и большого достоинства сказал, что с благоденствием отечества тесно связано и благоденствие союзных держав, и он в присутствии одного молодого русского дворянина предлагает выпить полный кубок за здоровье императора того могущественного государства, которое есть «пояс и вал Европы» (the girdle and bulwark of Europe) и которое обратило вспять бурные волны войны, жертвуя собственной своей столицей, когда весь Запад материка изнемогал. Эти слова вызвали громкое одобрение. Все встали, а горцы на стулья, и с национальным возгласом, десять раз повторенным, выпили за здоровье императора Николая Павловича...» [141].

Нет необходимости прибавлять, что тем «молодым русским дворянином», на которого В. Скотт указал присутствующим при этом своем тосте, был именно В. П. Давыдов. Юношу торжественно поздравил и похвалил и ректор университета, тоже член «Кельтского общества». На листке приведенного выше приглашения сохранилась карандашная помета Давыдова: «Dîner publique, présidé par W⟨alter⟩ Scott. Toast à l'Emp⟨ereur⟩ Nicolas.— Moi répondre» (Публичный обед под председательством В. Скотта. Тост в честь имп. Николая.— Я отвечал).

По рассказу В. П. Давыдова, В. Скотт, прощаясь с ним навсегда в Абботсфорде, «написал ему на память в альбом, что так как не имеет дара писать красивые стихи, то выражает в честной прозе (in honest prose) свои сердечные пожелания и кончает следующею цитатою старинной шотландской надписи...». Давыдов приводит ее в оригинале и в своем переводе («Поступай правильно, не страшись ничего, хотя бы тебя подозревали. Не стоит многого тот, которому не завидуют. Не заботься о том, какие сказки о тебе рассказывают. Если ты хочешь жить без нареканий, пойди, живи в пустыне»). Из воспоминаний В. П. Давыдова запись В. Скотта перепечатана была и в «Times» 1882 г., в некрологе В. П. Давыдова. Этот автограф сохранился. В собрании Н. В. Власова в Москве находится ныне тот самый альбом В. П. Давыдова, на правую страницу которого В. Скотт внес свою прощальную запись; оказывается, что на самом деле она гораздо длиннее и что цитированному Давыдовым шотландскому четверостишию предшествует довольно длинное и сердечное обращение в «честной прозе». Вот эта запись:

My dear young friend,

As I am not felicitous in expressing my sentiments in pretty verses accept in honest prose my wishes for your happiness and prosperity for which you have laid so sure a foundation in your persevering pursuit of useful knowledge and elegant literature. Among the new friends which go where you will your amiable qualities will not fail to acquire keep a part of your recollection for those whom you leave in Scotland and a small nook of that share of remembrance for

your sincere and affectionate friend
Walter Scott

Abbots'ord
25 March 1828

The following lines which contain an excellent moral lesson occur in a stone label on the old mansion house of Fir Glen.

Do well and dread nought, though
thou be espied* *surrounded with spies
He is little gude worth that is not envied.
Take thou no heed what tales men tells. *uncensured
If thou wouldst live undeemed* gang where no man dwells.

⟨*Перевод*:⟩

Мой дорогой юный друг,

Так как мне не очень удается выражать свои чувства в хорошеньких стихах, примите в честной прозе мои пожелания счастья и успеха, для которых вы заложили надежное основание, усердно приобретая полезные знания и знакомясь с изящной литературой. Среди новых друзей, которых, где бы вы ни были, ваши добрые качества безусловно помогут вам приобрести, сохраните в своих мыслях место для тех, кого вы оставляете в Шотландии — и небольшой уголок своей памяти для

Вашего искреннего и любящего друга Вальтера Скотта

Абботсфорд
25 марта 1828 г.

Следующие строки, содержащие превосходный нравственный урок, начертаны на каменной доске на старом доме в усадьбе Фёрглен:

Поступай хорошо и не бойся ничего, хотя бы
за тобой подсматривали * * шпионили
Немногого стоит тот, кому никто не завидует.
Не обращай внимания на толки людей.
Если хочешь прожить без осужденья *, * без порицания
удались туда, где никого нет.

Записав эту старинную надпись на шотландском диалекте, В. Скотт заботливо пояснил трудные слова синонимами, написанными сбоку.

На той же странице, где находится приведенный автограф В. Скотта, несколько строк на память ученику написал и Джон Вильсон (1785—1854), автор стихотворной драмы «Город Чумы» (1816) (послужившей Пушкину оригиналом для его маленькой трагедии «Пир во время чумы»), многих других произведений, стихотворных и прозаических (в том числе и знаменитых «Амброзианских ночей», 1822—1835), а также деятельный сотрудник «Blackwood's Magazine» (где он выступал под псевдонимом Кристофера Норта) [142]. Вильсон был одновременно и профессором этики в Эдинбургском университете (с 1820 г.), и лекции его слушал здесь В. П. Давыдов. Запись Вильсона прозаичнее и официальнее, но и в ней много внутренней теплоты и сердечности:

Among more than a thousand students who have attended the Moral Philosophy class in our University, not one have I esteemed more than Vladimir Davidoff. To hear of his health, honour and happiness will always delight his affectionate friend

John Wilson

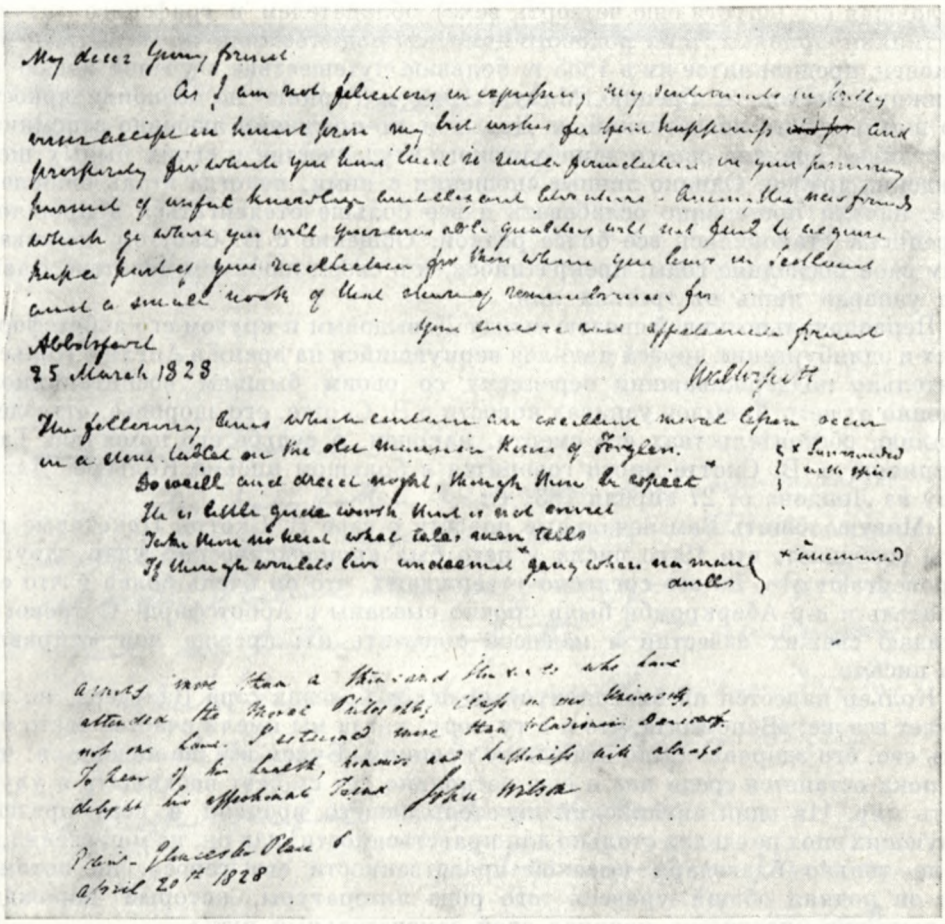
Edin⟨burgh⟩ — Gloucester Place, 6.
April 20th, 1828.

⟨*Перевод*:⟩

Среди более чем тысячи студентов, прослушавших курс нравственной философии в нашем университете, ни одного я не уважал больше, чем Владимира Давыдова. Услышать о его здоровье, почестях и счастье всегда будет рад его искренний друг

Джон Вильсон

Эдин⟨бург⟩, Глостерская площадь, 6.
20 апреля 1828 г.



ЗАПИСИ ВАЛЬТЕРА СКОТТА И ДЖОНА ВИЛЬСОНА В АЛЬБОМЕ В. П. ДАВЫДОВА, 1828
Собрание Н. В. Власова, Москва

У нас есть основания думать, что этот лестный отзыв учителя о своем ученике был высказан им с полной искренностью. По крайней мере, когда старый воспитатель Давыдова и участник его поездок в Абботсфорд А. Кольер в начале 40-х годов, после поездки в Петербург, вернулся в Шотландию и навестил их общих старых знакомых в Эдинбурге, Джон Вильсон был одним из тех, кто отозвался о В. П. Давыдове с наибольшей симпатией. Кольер писал Давыдову по этому поводу 30 января 1841 г.: «Кажется, все вспоминают Вас с живейшим участием, особенно Вильсон, которого я посетил и нашел работающим в расстегнутой сорочке над Maga ⟨т. е. Magazine, «Blackwood's Magazine»⟩, и он дал доказательство тому: после многих распросов о Вас он сказал: «Я любил сэра Д⟨авыдова⟩ и часто жалел, что не дал ему золотой медали вместо серебряной; экзаменаторы были очень строги, а мне следовало быть снисходительнее, учитывая, что он иностранец. Да, да, он был превосходным студентом, да, да... Есть ли вероятие, что он приедет сюда? Ему дали ученую степень доктора прав (LLD). Я очень доволен — он оправдал наше доверие больше всех». В архиве В. П. Давыдова сохранилось также одно неопубликованное письмо к нему Вильсона.

Уехав из Англии, В. П. Давыдов некоторое время не терял из виду своих шотландских друзей. Доучившись за границей, он вернулся в Россию, где вскоре начал службу в Министерстве иностранных дел. Но ни служебные дела, ни смерть его деда Владимира Григорьевича Орлова (в 1831 г. в Москве),

сделавшая его (спустя еще четверть века) обладателем и графского титула, и фамилии Орловых, и их родового поместья под Москвой, ни женитьба, ни, наконец, предпринятое им в 1835 г. большое путешествие с ученой целью на Ближний Восток (в Грецию, Малую Азию и Турцию) не ослабили яркости его шотландских впечатлений, и Давыдов по-прежнему любовно вспоминал счастливые времена своего эдинбургского студенчества и своих былых шотландских друзей. Однако личные сношения с ними, некогда столь оживленные, начали постепенно ослабевать и все больше отодвигаться в прошлое, переписка становилась все более редкой. Общение с В. Скоттом, доживавшим свои последние годы, прекратилось, и о своем любимом писателе Давыдов узнавал лишь от третьих лиц.

Первоначально живой связью между Давыдовым и кругом его абботсфордских и эдинбургских друзей являлся вернувшийся на время в Англию Кольер, деятельно поддерживавший переписку со своим бывшим воспитанником. Именно от него Давыдов узнавал новости о В. Скотте, его здоровье, отъезде в Италию, обстоятельствах его смерти, наконец, о судьбе его поместья. Так, например, о В. Скотте много говорится в большом письме Кольера Давыдову из Лондона от 27 апреля 1831 г.:

«Могу сообщить Вам печальные новости о сэре В. Скотте. Некоторые газеты сообщают, что 19-го числа у него был апоплексический удар, другие опровергают это, но все согласно утверждают, что он очень болен и что его издатель и д-р Аберкромби были срочно вызваны в Абботсфорд! С тревогой ожидаю свежих известий и надеюсь получить их, прежде чем отправлю это письмо...».

Кольер надеется на благополучный исход болезни сэра Вальтера, но замечает все же: «Вспомните, что и в ту пору, когда мы имели счастье часто видеть его, его здоровье было отнюдь не крепким. Будем все же надеяться, что он пока останется среди нас и еще несколько лет сможет восхищать и улучшать мир. Ни один английский писатель нашего времени и всех предшествующих эпох не сделал столько для нравственности, как он, на мой взгляд,— и не только благодаря высокой нравственности его героев, но потому, что он поднял общий уровень того рода литературы, который порождал столько зла, когда он начинал свой замечательный путь».

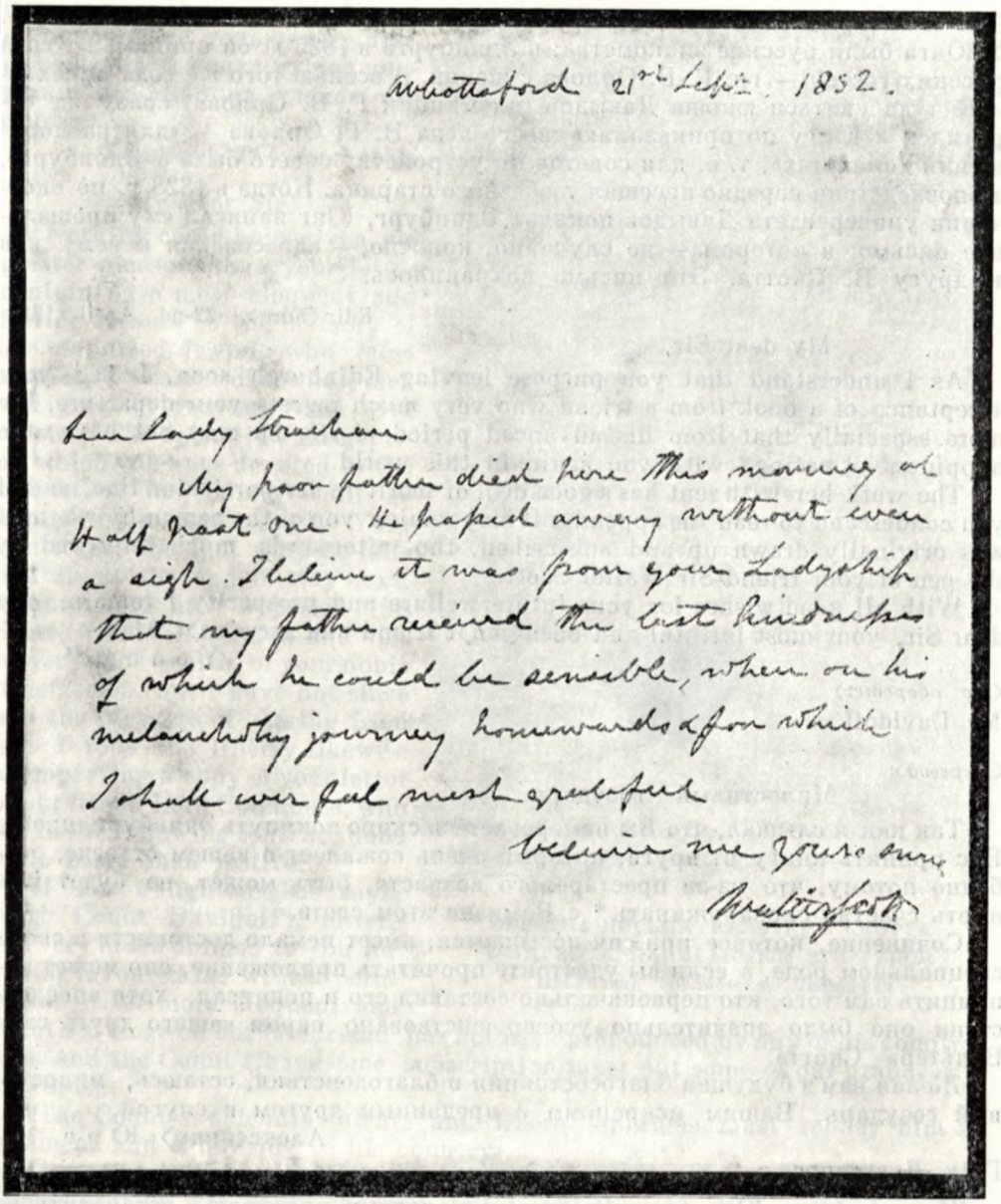
На другой день, т. е. в четверг 28 апреля, Кольер сделал обещанную приписку с известиями более успокоительного характера, идущими от дочери Скотта, Софии Локарт, жившей с мужем в Лондоне: «Сегодня в газетах ничего нет о сэре Вальтере, но я слышал через третьих лиц от м-с Локарт, что ему лучше. Она отправляется в Абботсфорд в субботу».

Последующие письма Кольера к Давыдову полны тех же известий о тяжелой болезни В. Скотта и предчувствий его скорой кончины. Приехав в Россию в 1832 г. и находясь в с. Ивановском (имении Давыдова), Кольер даже оттуда посылал Давыдову в Петербург английские газеты с новостями о В. Скотте. В письме, помеченном «Воскресенье утром» ⟨19 июня⟩, сообщается:

«Сэр В. Скотт прибыл в Лондон, но одна его сторона полностью парализована, и врачи заявляют, что ему не поправиться. Я получил это известие от графа Толстого, который ухитряется доставать газеты раньше, чем мы...» [143].

Известие о смерти В. Скотта 21 сентября 1832 г. облетело весь мир; на него довольно широко откликнулась также и русская печать: некрологи, статьи, литературные характеристики покойного писателя, заметки о последних днях его жизни и т. д. помещены были во многих русских журналах и газетах.

Может показаться несколько странным, что В. П. Давыдов печатно никак не откликнулся в России на это событие. Свои воспоминания о знакомстве и дружеских связях с покойным владельцем Абботсфорда он опубликовал лишь сорок лет спустя в биографии своего деда, в 30-х же годах он хранил их про себя и не напечатал ни некролога, ни статьи о В. Скотте в русской прессе. Но впечатление, которое смерть В. Скотта произвела на Давыдова, было


Abbotsford 21st Sept. 1832.

Dear Lady Strachan

My poor father died here this morning at Half past one. He passed away without even a sigh. I believe it was from your Ladyship that my father received the last kindness of which he could be sensible, when on his melancholy journey homewards & from which I shall ever feel most grateful

believe me Yours ever

Walter Scott

ПИСЬМО СЫНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА К ЛЕДИ СТРОН О СМЕРТИ ОТЦА, 21 СЕНТЯБРЯ 1832 Г.
Альбом Андреева
Публичная библиотека, Ленинград

очень сильным, и он тотчас же взялся за перо, чтобы на английском языке излить свою скорбь по этому поводу и набросать красноречивую характеристику покойного в письме к одному из его друзей и своему доброму знакомому по Эдинбургу — Александру Юнгу. Об этом мы знаем потому, что в архиве В. П. Давыдова сохранилось ответное письмо Юнга. Оно было не единственным, и прежде чем привести его, нам необходимо вкратце осветить как историю их знакомства, так и их отношений к В. Скотту, чтобы лучше понять, почему именно к Юнгу адресовался Давыдов с лирическими воспоминаниями о только что скончавшемся владельце Абботсфорда.

Александр Юнг (Alexander Young of Harburn), которого В. Скотт дружески именует в своем дневнике Sandie Young (см. запись от 8 марта 1826 г.),

был его старым эдинбургским приятелем, навещавшим его и в Абботсфорде. У Юнга были русские знакомства: в Эдинбурге в 1825 г. он принимал у себя русских гостей — гр. Г. В. Орлова с женой. А осенью того же года приехавший туда учиться юноша Давыдов (племянник Г. В. Орлова) сразу же обратился к Юнгу по приказанию своего деда В. Г. Орлова — «для распоряжений домашних», т. е. для советов по устройству своего быта в Эдинбурге, а впоследствии нередко посещал любезного старика. Когда в 1828 г. по окончании университета Давыдов покидал Эдинбург, Юнг написал ему прощальное письмо, в котором — не случайно, конечно,— адресовался к нему как к другу В. Скотта. Это письмо сохранилось.

Edin⟨burg⟩, 22-nd April 1828.

My dear Sir,

As I understand that you purpose leaving Edinburgh soon, I beg your acceptance of a book from a friend who very much regrets your departure, the more especially that from his advanced period of life he may not have the happiness of eating* with you again in this world.

The work herewith sent has a good deal of merit in its particular line, and if you condescend to read the appendix it may remind you of the person by whom it was originally drawn up and subscribed, tho' afterwards much improved by the pen of your friend Sir Walter Scott.

With all good wishes for your future welfare and prosperity I remain, my dear Sir, your most faithful and obed⟨ien⟩t friend and serv⟨an⟩t Alex.

Young [144]

⟨*На обороте*:⟩

Mr Davidoff

⟨*Перевод*⟩:

Милостивый государь,

Так как я слышал, что Вы намереваетесь скоро покинуть Эдинбург, прошу Вас принять книгу от друга, который очень сожалеет о вашем отъезде, особенно потому, что из-за престарелого возраста, быть может, не будет уже иметь счастья снова ужинать* с Вами на этом свете.

Сочинение, которое при сем посылается, имеет немало достоинств в своем специальном роде, а если вы удостоите прочитать приложение, оно может напомнить вам того, кто первоначально составил его и подписал, хотя впоследствии оно было значительно усовершенствовано пером вашего друга сэра Вальтера Скотта.

Желая вам в будущем благосостояния и благоденствия, остаюсь, милостивый государь, Вашим искренним и преданным другом и слугой

Алекс⟨андр⟩ Юнг

Г-ну Давыдову.

Какую книгу Юнг посылал своему молодому приятелю, установить не удалось, но упоминание В. Скотта как ее редактора, прямое указание на дружеский характер их отношений с Давыдовым, надежда, что подаренное издание сможет напомнить владельцу и его составителя, и того, кто «усовершенствовал его своим пером», все это очень знаменательно: «друг» В. Скотта не мог не пользоваться особой симпатией и уважением всего шотландского круга его друзей, знакомых и почитателей.

Узнав о смерти В. Скотта, Давыдов не мог не вспомнить только что приведенных строк и автора их, престарелого Юнга; быть может, в собрании автографов своего деда он читал сохранившееся там дружеское письмо В. Скотта к Юнгу 1820 г., вероятно подаренное Г. В. Орлову самим адресатом. Как бы там ни было, В. П. Давыдов написал Юнгу в Эдинбург большое письмо с панегириком покойному писателю и получил столь же пространный ответ, который мы приводим ниже полностью. Следует отметить, что письмо это (как

* Можно полагать, что eating — результат ослышки лица, писавшего под диктовку,— и появилось вместо meeting (встретиться).

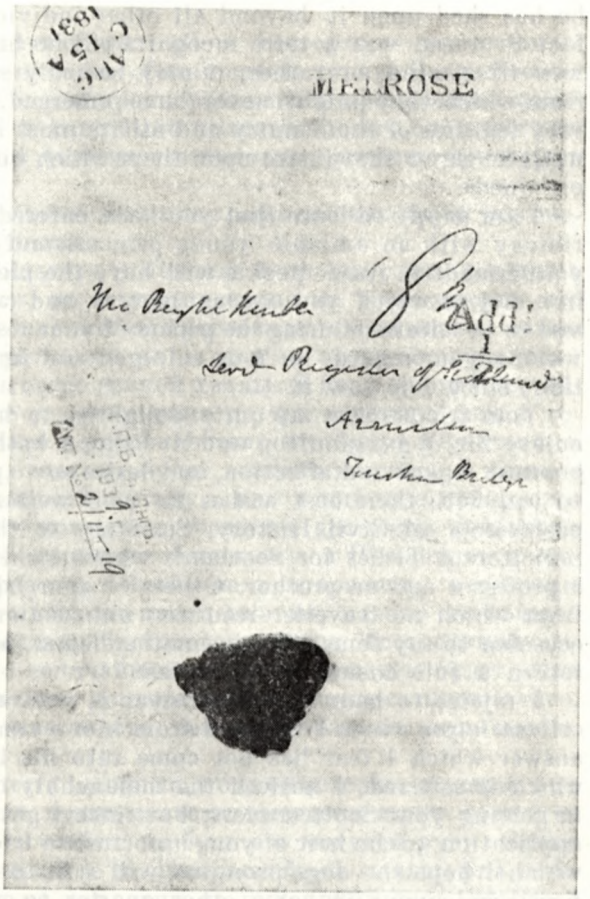
и предыдущее) не автограф: своей рукой Юнг только подписывал письма, а писал их под диктовку кто-либо из членов его семьи:

Edinburgh, 22-d March 1833.

My dear Sir,

Nothing could have given me greater pleasure than your letter containing a most eloquent and feeling tribute to the memory of our departed friend, who most assuredly was one of the best men and greatest geniuses that ever existed. The splendid subscription which you have devoted to the benefit of his family shall be applied by me accordingly. Your remittance for that purpose falls due about the end of May next. Meanwhile I have apprised Miss Scott, who is in London and not in very good health, of your noble benefaction, but I have not since had the pleasure of hearing from her. I took the liberty likewise of imparting a copy of your letter to our friend Lord Corehouse, who has in the following sentence done it no more than justice.

«I am delighted», he says, «with Count Davidoff's letter, and very much obliged to you for having favoured me with a perusal of it. A more eloquent and beautiful éloge on our late friend has not been pronounced by any of his countrymen. and the Count's handsome subscription must put some of our grandees to the blush».



ОБЕРТКА ПИСЬМА ВАЛЬТЕРА СКОТТА С АДРЕСОМ, НАПИСАННЫМ ЕГО РУКОЙ
Публичная библиотека, Ленинград

«The Count's splendid talents and liberal opinions must render him an ornament and a blessing to his country».

Immediately before Sir Walter went to Naples, I spent two days with him at Abbotsford; he was sadly changed, but I still thought it possible he might return to his native Land: we shed tears at parting, when he said in a low tremulous voice: «we shall meet again»; but alas! that event did not happen.

As a literary character, he was above all praise. I know many most respectable characters who had read all his works three of four times over, and yet are ready to begin again, with a confidence of being equally instructed and improved. I hope justice will be done to him in a suitable Memoir of his Life and Writings, which I understand his son-in-law Mr Lockhart means to write and towards which I have pledged myself to furnish him with some valuable documents. The world lies under great obligations to him, but Scotland in particular owes him a debt which she never can repay. To avoid repetitions, I will take the liberty of transcribing to you what I some time ago wrote to his daughter on that head.

«I can never cease, whilst I live, to venerate the immortal memory of your father, and his country would in my opinion be most ungrateful if she did not strive to commemorate by lasting trophies the glory and renown which

he has shed upon it beyond all other individuals whom it ever produced. In fact Scotland was a terra incognita till its history, its people and its literature were illustrated, or rather, it may be truly said, dragged, from an obscurity, from which they might never have emerged, but for his powerful hand. The very features of the country and all its most beautiful scenery, were unknown, until he threw that lustre upon them which but for him they might never have obtained».

I am happy to learn that you have entered into the honorable state of matrimony with an amiable young princess and I hope that at no distant period your friends in Auld Reekie will have the pleasure of seeing your lady and you in a city to which you are so partial, and which I can assure you, if it deserved to be admired during the period of your residence, would now be held double worthy your regard, for it is enlarged and improved in more than that proportion, since you saw it.

Your friends here are quite delighted to hear good accounts of you, particulary Sir W-m Hamilton and Mr Pillans, both of whom remember you with the greatest regard and affection, and desire me to present their kindest compliments, to you with their best wishes for your welfare. Sir William is now, besides prof⟨esso⟩r of Civil History, Secretary to the University and His Majesty's Solicitor of Tithes for Scotland; whilst Mr Pillans is in great force, both as a professor and an Author. Others of your friends have gone «to that bourne from which no traveller returns»; but as to those still existing, I may have occasion to say something in another letter, as I cannot for some time to come return a full answer to your last.

I rejoice to hear that Mr Colyar is well and usefully employed; to an excellent letter which I received from him a considerable time ago, I returned an answer which I fear has not come into his hands; amongst other matters to which it referred, I noticed the melancholy cause of your being disappointed in getting your Scott terriers, but since I got your last, I have made another application to the heir of your unfortunate friend Mr Pringle of Haining, from which I hope the dogs promised will still be forthcoming; but if they are not, I will endeavour in some other quarter to supply their place. Mrs Young and my daughters here present with me join in respectful compliments and best wishes to your Lady and you, and I remain with sincere regard, my dear Sir,

your most obedient and faithful serv⟨an⟩t Alex. Y o u n g

Count Vladimir Davidoff

P.S. As I am rather at a loss for your proper style or designation, have the goodness, when you write to me again, to note it at the end of your letter. By a wrong number on the address of your last, it was some days longer in reaching me than it should have been. Let your next be to «Alexr Young Esq. of Harburn, 48, Queen Street, Edinburgh».

⟨*На обороте:*⟩

À Monsr. le Comte Davidoff etc. etc.
St. Petersburg Russia.

⟨*Перевод:*⟩

Милостивый государь,

Ничто не могло доставить мне большего удовольствия, чем ваше письмо, содержащее столь красноречивую и прочувствованную дань памяти нашего ушедшего друга, который, несомненно, был одним из лучших людей и величайших гениев, когда-либо существовавших на земле. Щедрая сумма, подписанная Вами в пользу семьи, будет соответственно употреблена мною. Вам следует перевести деньги для очередного взноса примерно в конце мая. Пока что я уведомил мисс Скотт, которая не совсем здорова и находится в Лондоне, о вашем благородном пожертвовании, но еще не имел удовольствия получить от нее ответ. Я позволил себе также сообщить копию вашего письма нашему другу лорду Корхаузу, который отдает ему не более

чем должное в следующих выражениях: «Я в восторге,— пишет он,— от письма графа Давыдова и чрезвычайно обязан вам за то, что Вы доставили мне удовольствие прочитать его. Более красноречивого и прекрасного панегирика нашему покойному другу еще не было произнесено его соотечественниками, а щедрая подписка графа должна заставить покраснеть некоторых наших вельмож.

Прекрасные таланты и либеральные взгляды графа должны быть украшением и благословением его родины».

Перед самым отъездом сэра Вальтера в Неаполь я провел с ним два дня в Абботсфорде. Он очень изменился, но я еще надеялся на возможность его возвращения на родину; при расставании мы прослезились и он сказал тихим дрожащим голосом: «Мы еще встретимся», но — увы! — этого не случилось.

Как литературная величина он выше всякой хвалы. Я знаю многих достойнейших людей, перечитавших все его сочинения по три и четыре раза и готовых вновь взяться за них сначала с уверенностью, что будут и учиться, и совершенствоваться. Я надеюсь, что ему будет воздано должное в книге о его жизни и литературной деятельности, которую, как я понимаю, собирается писать его зять м-р Локарт и для которой я обещался доставить некоторые ценные документы. Весь мир очень многим обязан ему, а Шотландия в особенности в неоплатном долгу перед ним. Чтобы не повторяться, я позволю себе сообщить вам копию того, что недавно писал по этому поводу его дочери: «Пока я жив, я никогда не перестану благоговеть перед бессмертной памятью вашего отца; полагаю, что величайшей неблагодарностью будет, если его страна не постарается запечатлеть долговечным воздаянием память того, кто доставил ей больше славы и известности, чем все остальные люди вместе, вскормленные ею.

Фактически Шотландия была terra incognita, пока ее история, ее народ и ее литература не были показаны, или, лучше сказать, выведены им из мрака, из которого они бы могли никогда не выйти, не будь его могучей руки. Самые характерные особенности Шотландии и ее прекраснейшие ландшафты оставались в неизвестности, пока он не направил на них яркий свет, которого без него они могли бы не дождаться».

Я счастлив узнать о вашем вступлении в достославное состояние супружества с любезной молодой княжной и надеюсь, что в недалеком будущем ваши друзья из Олд Рики будут иметь удовольствие видеть вашу супругу и вас в городе, к которому Вы столь расположены; могу вас уверить, что если он заслуживал восхищения во время вашего пребывания в нем, то теперь вдвойне достоин внимания, ибо с того времени, как Вы его видели, он разросся и улучшился более чем вдвое.

Ваши здешние друзья рады добрым вестям о вас, в особенности сэр Уильям Гамильтон и м-р Пилланс, которые вспоминают о Вас с величайшей теплотой и симпатией и просят меня передать вам свои искренние поздравления и наилучшие пожелания. Сэр Уильям ныне не только профессор гражданской истории, но еще и секретарь университета, а также поверенный его величества в церковных делах Шотландии. Мистер же Пилланс пользуется большим авторитетом и как профессор, и как писатель. Некоторые из ваших друзей ушли «в безвестный край, откуда нет возврата земным скитальцам»*; что касается оставшихся, то я, пожалуй, расскажу вам о них в следующем письме, так как полностью ответить вам на все смогу лишь спустя некоторое время.

Я рад слышать, что мистер Кольер здоров и нашел себе полезное занятие; на его прекрасное письмо, которое я получил сравнительно давно, я послал ответ, который, боюсь, не дошел до него. Среди других вопросов, затронутых в нем, я отметил с огорчением ваше разочарование из-за неполучения шотландских терьеров, но, получив ваше последнее письмо, я снова обратился к наследнику вашего бедного друга мистера Прингля из Хейинга и надеюсь, что

* В. Шекспир. Гамлет, акт III, сц. 1.

обещанные собаки будут посланы вам, если же нет, то я попытаюсь найти взамен собак в другом месте. Присутствующие здесь миссис Юнг и мои дочери присоединяют к моим свои почтительные поздравления и лучшие пожелания вашей супруге и вам. Остаюсь с искренней приязнью, милостивый государь, вашим покорным и преданным слугой Алекс. Ю н г.

Графу Владимиру Давыдову

P.S. Так как я не знаю, как следует правильно титуловать и обозначать вас, будьте любезны, когда будете опять писать мне, сообщить это в конце письма. Из-за неправильного номера в моем адресе ваше последнее письмо дошло до меня несколькими днями позже, чем следовало бы. Пусть ваше следующее будет адресовано Ал-дру Юнгу эсквайру из Харберна, 48, Королевская улица, Эдинбург.

(На обороте:)

Господину графу Давыдову
и пр. и пр.
Санкт-Петербург. Россия

Мы привели это большое письмо полностью, так как оно с замечательной ясностью воссоздает перед нами и историю дружеских отношений его автора с русским «графом» (этот титул В. П. Давыдов получил значительно позднее, но так называл его и В. Скотт), и обстановку их встречи в Эдинбурге, но главным образом потому, что в центре этого письма снова стоит В. Скотт, образ которого связан почти со всеми подробностями, намеками и упоминаемыми лицами. К В. Скотту ведут шотландские знакомцы В. П. Давыдова, например лорд Корхауз (Lord Corehouse), посещение старинного замка которого В. Скотт отметил в своем дневнике под 9 сентября 1827 г.; «ваш бедный друг м-р Прингль из Хейнинга»,— богатый молодой человек, подававший большие надежды, сосед и приятель В. Скотта, безвременная смерть которого отмечена В. Скоттом в его дневнике (запись от 5 мая 1831 г.); не говоря уже о сэре Вильяме Гамильтоне, который упоминается в том же дневнике вместе с его братом Томасом в качестве гостей в Абботсфорде вместе с В. П. Давыдовым (запись от 1 сентября 1827 г.); о них мы скажем ниже.

Значительный интерес в этом письме представляют воспоминания Юнга о последних встречах с В. Скоттом перед его смертью, характеристика его личности и исторического значения с точки зрения пламенного шотландского патриота, каким был Александр Юнг, этот эдинбургский старожил и историк. В. П. Давыдов не мог не быть польщен таким вниманием к себе со стороны своего престарелого друга, но, вероятно, хорошо понимал, что, как и прежде, причиной их взаимной симпатии был покойный уже В. Скотт.

Многоречивость Юнга имеет, однако, и другие основания: чрезвычайно щедрый вклад, внесенный В. П. Давыдовым по денежной подписке в пользу семьи покойного, размеры которого, несомненно, превысили все надежды его оставшихся друзей, большей частью людей весьма скромного достатка. Юнг не мог не привести в своем письме восхищения по этому поводу даже самого богатого из них — лорда Корхауза. Любопытно также указание, что зять В. Скотта, известный писатель и журналист Джон Локарт (John Gibson Lockhart; 1794—1854), приступает к написанию биографии В. Скотта, а Юнг снабжает его многими своими материалами — воспоминаниями в первую очередь, но также, вероятно, и письменными документами [145]. В. П. Давыдов не упустил случая сделать то же. Когда «Жизнь В. Скотта», написанная Локартом, вышла в свет в Эдинбурге в 1837 г., он не только явился одним из первых подписчиков на это издание, но счел необходимым обратиться к автору с рядом поправок к его труду и собственных воспоминаний о В. Скотте в дополнение к тем, которые, вероятно, уже были сделаны им раньше.

В архиве В. П. Давыдова сохранилось письмо к нему Локарта от 8 июня 1839 г. В нем заключается благодарность за присылку изданного В. П. Давыдовым большого труда — результат совершенного им в 1835 г. путеше-

«ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ...» В. П. ДАВЫДОВА. Ч. I. СПБ., 1839
Титульный лист и иллюстрация
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

ствия по Ближнему Востоку («Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 г.» СПб., 1839—1840), но опять-таки в центре письма В. Скотт и общие друзья по Абботсфорду. Это письмо также заслуживает того, чтобы привести его полностью:

Regent's Park. London.
June 8, 1839.

My dear Sir, I have to thank you for a very kind letter and also for the first volume of your *Travels in Greece* etc. with an appendix of engravings which reached me a day afterwards through Mr Field. The designs I admire and in part comprehend their value — for the book I am very sorry to say I do not understand one word of Russian so that my acquaintance with it must remain a bowing one merely until I shall be fortunate enough to discover an interpreter: which I fear is not likey to be very soon as I know of no person here who possesses your language in any measure, except a merchant in the city who might do well to translate a letter about fir timber or tallow, but would hardly be of use in a case of classical scenery and the details of Attic architecture, I shall however be on the look-out for a proper dragoman — but I still hope it is your purpose to have your work rendered either into French or German in either of which dresses I could read and I am sure I should greatly enjoy it. The beauty of the typography does much credit to the press of some place but what that place is I cannot make out for I want a key even to your alphabet.

A thousand thanks for your obliging expressions about my *Life of Sir W. Scott* — tho' I should hardly call it mine since the object at least was to make him be mainly his own biographer — I know few could have loved him more than you did or therefore be more likely to enter into the spirit of his letters and diaries.

I had been informed of your very handsome contribution to what was called the Abbotsford subscription, by our good old friend Mr Young and if I had had the means of giving a complete list of those who contributed to that fund I

should have been too happy to mention your name among the first — but I could not offer a full catalogue and to select names however distinguished might have had an invidious look. I presume when the Managing committee shall have closed the affair, their records will be made accessible to me; but as yet that has not been done. I believe, however, there is now no doubt that the House of Abbotsford with all its books etc. and a portion of the estate will ere long be fixed by entail on the descendants of our friend. His eldest son is now proceeding to India as lieut⟨enant⟩-colonel of a regiment of horse. His second son is still a clerk in the Foreign office here. Neither of them have any children — and a little boy and girl of mine are therefore as yet the only relics of him in the second generation. He has left no fortune, nor prospects of fortune to his children — but I hope they may long continue to value his example and none of them disgrace their blood.

I trust we shall one day meet again — and that from time to time I may receive tidings of your health and prosperity.

Ever very sincerely yours J. G. Lockhart.

P.S. Your young Grand duke has left a very favourable impression here among all who conversed with him — Whig or Tory. But his appearance tho' noble and graceful by no means equals his father's, as I remember him when in Scotland some twenty years ago.

Tom Hamilton continues to live very happily with his new wife at Windermere. I have never seen the Lady — but all who know her speak of her as a most charming person. Wordsworth the Poet who is now in London talks with warm affection of them both.

⟨*На обороте:*⟩
M⟨onsr⟩ Davidoff etc. etc.

⟨*Перевод:*⟩

Риджент Парк, Лондон, 8 июня 1839.

Милостивый государь,

Я должен поблагодарить Вас за любезное письмо, а также за первый том ваших *Путешествий по Греции* с приложением альбома гравюр, которые я получил днем позже через м-ра Фильда. Иллюстрациями я восхищаюсь и отчасти разбираюсь в их достоинствах, но что касается книги, должен, к сожалению, признаться, что не понимаю ни слова по-русски, и поэтому мое знакомство с ней неизбежно останется поверхностным до тех пор, пока мне не удастся найти переводчика. Боюсь, что это произойдет не так скоро, ибо я не знаю здесь никого, кто бы хоть в какой-нибудь степени владел вашим языком, за исключением одного купца из Сити, который мог бы перевести письмо, трактующее о строевом лесе или сале, но едва ли сможет оказаться полезным, когда речь идет о классическом пейзаже или об особенностях греческой архитектуры. Все же буду искать подобающего переводчика. Однако надеюсь, что Вы намерены издать свой труд в переводе на французский либо немецкий язык; на том или другом я смог бы прочитать его и уверен, что с большим удовольствием. Красота шрифта делает честь постановке типографского дела в некоем городе, но что это за город, я не могу определить, так как у меня нет даже ключа к вашему алфавиту.

Тысяча благодарностей за ваш любезный отзыв о моей «Жизни сэра Вальтера Скотта», хотя мне едва ли следует называть ее своей, поскольку я намеревался, по крайней мере, сделать его самого его собственным биографом. Я знаю, что немногие любили его больше, чем вы, и никто не способен лучше вас проникнуть в дух его писем и дневников.

Наш добрый старый друг м-р Юнг сообщил мне о вашем щедром вкладе в так называемую Абботсфордскую подписку. Если бы у меня была возможность дать полный список участников этого фонда, я был бы счастлив назвать ваше имя одним из первых, но я не мог предложить полного списка, а выбирать имена, как бы известны они ни были, могло бы показаться предосудительным.

РИСУНОК ИЗ АЛЬБОМА В. П. ДАВЫДОВА
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва

Когда Распорядительная комиссия закончит свое дело, ее материалы станут, видимо, доступны мне, но до этого еще не дошло. Полагаю все же, что теперь уже нельзя сомневаться в том, что Абботсфордский дом со всеми книгами и прочим, а также часть имения будут утверждены за потомками нашего друга. Его старший сын в настоящее время на пути в Индию, он подполковник в кавалерии. Второй сын продолжает служить чиновником в министерстве иностранных дел. Оба бездетны, и, таким образом, мои мальчик и девочка пока являются единственными его отпрысками во втором поколении. Своим детям он не оставил ни состояния, ни видов на состояние, но я надеюсь, что они будут долго чтить его и никто из них не опозорит его имени.

Надеюсь, что и мы с Вами когда-нибудь встретимся и что время от времени я смогу получать известия о вашем здоровье и благополучии.

Всегда искренне Ваш Дж. Локарт

P. S. Ваш юный великий князь произвел здесь весьма благоприятное впечатление на всех, кто с ним беседовал,— будь то виг или тори. Но какой бы благородной и изящной ни была его внешность, она все же никоим образом не может сравниться с внешностью его отца, каким я помню его в Шотландии лет двадцать тому назад.

Том Гамильтон продолжает счастливо жить со своей новой женой в Уиндермире. Я никогда не видел этой дамы, но все, кто знает ее, говорят, что она чрезвычайно привлекательна. Поэт Вордсворт, который сейчас находится в Лондоне, с теплым чувством отзывается о них обоих.

(На обороте:) Дж. Л.

Г-ну Давыдову и проч. и проч.

Воспоминания о Вальтере Скотте, рассказы о его сыновьях, Вальтере и Чарльзе, тревога за судьбу Абботсфорда и благодарность за присланную великолепно изданную русскую книгу, которую он не в состоянии был прочесть, сочетаются в этом письме Локарта с новостями об общих для него с В. П. Давыдовым шотландских друзьях. Для нас интересно здесь упоминание Томаса Гамильтона (1788—1842), писателя и журналиста, автора нескольких книг повествовательного и публицистического содержания, имевших успех у читателей 20—30-х годов и очень дружелюбно встреченных английской критикой, а также усердного сотрудника журнала «Blackwood's Magazine» [146].

Наиболее известное из произведений Гамильтона — роман «Юность и зрелые годы Сирила Торнтона», вышедший в свет без имени автора в 1827 г., как раз в период эдинбургской жизни Давыдова. Роман вызвал к себе интерес в печати, выдержал несколько изданий и заслужил одобрительный отзыв В. Скотта, отметившего чтение этой «новой и интересной книги» в своем дневнике 13 мая 1827 г. С Томасом Гамильтоном В. П. Давыдов встречался в Абботсфорде, где Гамильтон бывал нередко, а также, вероятно, и в Эдинбурге. О сердечности их отношений свидетельствует прощальное письмо Гамильтона к Давыдову, написанное им по случаю отъезда его русского приятеля из Эдинбурга весною 1828 г.[147]

My dear Davidoff,

I send you the book which I hope will serve as a remembrance of an old friend. I am sure I need not assure either you or Colyar that you will carry with you our very best wishes for your happiness and prosperity. I hope that in the course of events of this ever changing world we may be thrown together again, but should this not be so, pray believe that we shall still continue to cherish both for Colyar and yourself the most sincere regard. If you or Colyar will every now and then favour us with a letter, it will be a great pleasure to both.

In the meanwhile God bless you.

Believe me ever, my dear Davidoff,

Your very sincere friend T. Hamilton

P. S. I find my servant carried the book to your house this morning.

(На обороте:)

V. Davidoff, Esquire
York Place

(Перевод:)

Любезный Давыдов,

Посылаю Вам книгу, которая, надеюсь, будет служить напоминанием о старом друге. Мне, конечно, не приходится уверять ни Кольера, ни Вас в том, что вы увозите с собой наши лучшие пожелания вам счастья и преуспеяния. Надеюсь, что в потоке событий этого вечно меняющегося мира нам доведется снова свидеться, но, если этого не случится, верьте, что мы всегда будем лелеять самое искреннее расположение к Кольеру и к Вам. Нам обоим будет очень приятно, если Вы или Кольер будете время от времени писать нам. А пока что да благословит вас бог.

Остаюсь, мой дорогой Давыдов,

всегда искренне ваш друг Т. Гамильтон

P. S. Оказывается, мой слуга отнес вам книгу сегодня утром.

(На обороте:)

В. Давыдову, эсквайру.
Йоркская площадь.

Очень возможно, что книга, которую посылал Гамильтон, и была как раз его романом «Юность и зрелые годы Сирила Торнтона», обсуждение которого Давыдов мог слышать еще в Абботсфорде и которым он интересовался:

это был один из так называемых «романов воспитания» 20-х годов, стоящий в английской литературе между романами В. Скотта вроде «Веверлея» и бульверовским «Полем Клиффордом». Именно эту книгу с ее повествованием об истории созревания личности, идейного, внутреннего роста английского юноши и его превращения в зрелого мужа естественнее всего было бы для англичанина-автора преподнести русскому юноше, начинавшему новый этап своего жизненного пути, перед долгой или окончательной с ним разлукой.

АТЛАСЪ
КЪ ПУТЕШЕСТВІЮ
ВЛАДИМІРА ДАВЫДОВА
ПО ІОНИЧЕСКИМЪ ОСТРОВАМЪ,
ГРЕЦІИ,
МАЛОЙ АЗІИ и ТУРЦІИ.
ОТДѢЛЕНІЕ I.
1839.

«АТЛАС К ПУТЕШЕСТВИЮ ВЛАДИМИРА ДАВЫДОВА...» СПб., 1839
Титульный лист

В 30-х и начале 40-х годов, вплоть до самой смерти Томаса Гамильтона, Давыдов продолжает получать сведения о нем и от его брата, сэра Вильяма Гамильтона (1788—1856) — эдинбургского профессора истории и философии, к которому он должен был по приказанию деда «обратиться для распоряжений учебных» сразу по приезде в шотландскую столицу и чьи лекции он слушал потом в университете, и от общего знакомого Локарта. Как показывает вышеприведенное письмо Локарта, Томас Гамильтон в 1839 г. со своей второй женой жил в «стране озер», в одной из живописнейших местностей Камберленда. Еще два года спустя Вильям Гамильтон писал В. П. Давыдову 1 июня 1841 г. из Эдинбурга: «Мой брат живет сейчас на английских озерах. Мне не надо говорить, какое большое удовольствие доставит ему возможность свидания с Вами. Кажется, он пишет основательный путеводитель по пейзажам северного края. Его адрес: Ellery, Bowness, by Kendal, Cumberland».

Что касается Вильяма Гамильтона, то он долго состоял с В. П. Давыдовым в переписке и был одним из главных организаторов присуждения ему докторского диплома за книгу «Путевые записки, веденные в время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции», экземпляр которой (одновременно с другими экземплярами, предназначенными для Локарта и Эдинбургского университета) Давыдов прислал ему из России с ехавшим в Шотландию Кольером.

Этот «великолепный труд о Греции», как отозвался о книге Вильям Гамильтон в письме к В. П. Давыдову (от 17 июня 1841 г.), вызвал лестные отзывы и в русской печати — в сущности, не столько за свои литературные качества, сколько за действительно ценные результаты ученой экспедиции на Ближний Восток, участником которой был Давыдов в весьма авторитетной компании археолога, художника и архитектора [148].

Что присуждение за нее докторской степени было со стороны членов ученой коллегии Эдинбургского университета лишь данью старым дружеским связям с их автором, показывает начало вышеприведенного письма Локарта: Гамильтон едва ли лучше знал русский язык, чем автор «Жизни сэра Вальтера Скотта»; и для него, как и для прочих эдинбургских профессоров, содержание этого «великолепного труда о Греции», конечно, осталось вполне недоступным; они могли восхищаться лишь искусством печатника и действительно превосходным альбомом, приложенным к книге. В. П. Давыдов

был для них прежде всего их старым слушателем и учеником, а также другом В. Скотта, весьма лестные отзывы которого о многообещавшем русском юноше они уже прочли в локартовской биографии В. Скотта [149]. Таков был и приведенный уже нами выше отзыв о Давыдове Джона Вильсона: «он был превосходным студентом... Ему дали ученую степень доктора прав. Я очень доволен — он оправдал наше доверие больше всех». Речь шла действительно больше о доверии, чем о настоящих заслугах, в которых они были плохими судьями, более о дружеских воспоминаниях, чем о научных проблемах.

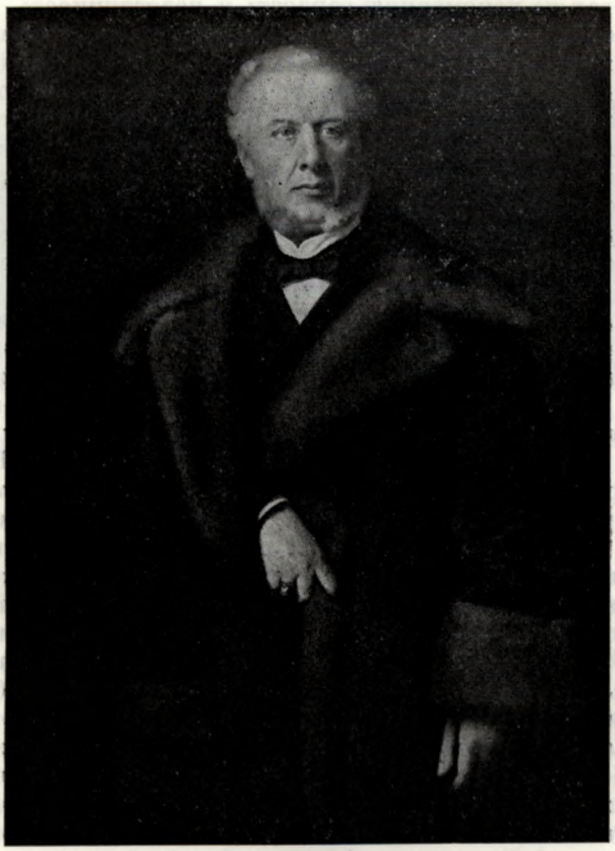
Для самого Давыдова знакомство и дружеское общение с В. Скоттом и близкими к нему людьми навсегда остались примечательнейшим эпизодом его жизни, о котором он всегда и везде вспоминал особенно охотно. История этой его «дружбы» с великим писателем рано стала широко известна в русском обществе и помнилась у нас долго; вначале о ней говорили с удивлением, удовольствием и даже не без зависти, потом в конце концов со скрытой или явной иронией, когда все это приелось.

Мы уже приводили строки из чернового письма к Пушкину Дениса Давыдова, писавшего, что его племянник Владимир Петрович «часто видится с Вальтером Скоттом и часто бывает у него в деревне», следовательно, и до Пушкина могли дойти какие-либо рассказы об абботсфордских впечатлениях В. П. Давыдова; «любимцем Вальтер Скотта» называл его и А. И. Тургенев, давая его выразительную характеристику в одном из писем к Булгаковым (1831) [150].

Еще в 1831 г., т. е. при жизни В. Скотта, сведения о дружеских сношениях с ним В. П. Давыдова проникли и в русскую печать. Так, например, о них упомянул Н. Д. Иванчин-Писарев, рассказывая биографию его деда — гр. Владимира Григорьевича Орлова, незадолго перед тем умершего в Москве. Говоря о том, что этот деятель екатерининских времен, в давние годы лично знавший Руссо, Дидро и Даламбера, «без всяких предрассудков, свойственных старости <...> часто отдавал преимущество нашим современным писателям в отношении к слогу» и что он «с особенным прилежанием наблюдал ход новейшей литературы», Иванчин-Писарев отмечает: «С большим удовольствием получал он из Эдинбурга от внука своего, г. Давыдова, который коротко знаком с Вальтер Скоттом, известия о сем писателе и читал их переписку» [151].

Н. А. Полевой, рецензируя в «Сыне Отечества» только что вышедшие «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах...» В. П. Давыдова, так отзывался об их авторе: «Друг Вальтер Скотта, получив классическое образование в Англии, как отличный знаток древностей и памятников древнего художества, как человек, имевший притом средства, при огромном состоянии, удовлетворить вполне свое просвещенное любопытство, В. П. Давыдов совершил путешествие по Греции с избранною, ученою и художническою экспедициею...» [152].

Однако в людях ближайшего к Давыдову круга уже в эти годы дружба его с великими «европейцами», которой он, вероятно, не переставал тщеславиться перед своими русскими современниками, вызывала глухую досаду. В сохранившемся в его архиве и неопубликованном полушутливом дружеском послании к нему П. А. Вяземского (датировано 24 мая 1842 г.) есть строки, в которых с оттенком иронии вспоминается о том культе, который Давыдов воздвиг своим юношеским шотландским воспоминаниям с неизменным В. Скоттом в их центре. Очевидно, Давыдов приглашал Вяземского написать стихи в альбом, открывавшийся приведенной нами выше дружеской записью В. Скотта, за которой следовали записи Джона Вильсона, затем Гумбольдта и нескольких второстепенных немецких ученых. Вяземский, несомненно, видел этот альбом, читал собственноручные строки В. Скотта, и вероятно, намекнул именно на них во втором стихе своего послания. У Вяземского: «Ты требовал стихов или хоть честной прозы», у В. Скотта: «Так как мне не очень удается выражать свои чувства в хорошеньких стихах, примите в честной прозе мои пожелания» и т. д. В своем стихотвор-



В. П. ОРЛОВ-ДАВЫДОВ
Портрет работы неизвестного художника
Исторический музей, Москва

ном послании Вяземский писал Давыдову:

Я слышу твой упрек, твой гнев, твои угрозы,
Ты требовал стихов или хоть честной прозы
И предлагал мне честь за строчку иль за стих
Пробраться кое-как в храм избранных твоих;
Мне — в общине мирской безвестному собрату,
Мне — в рати боевой последнему солдату
Ты пропуск разрешал в блестящий авангард,
Где вождь, старейшина и жрец — шотландский бард.
А я, я, погрузясь в глубокую дремоту,
Под славную хоругвь не рвался к Вальтер Скотту,
И мой ленивый ум так тяжело залег,
Что я на лестный зов откликнуться не мог.
Что делать? Каюсь я в уничтоженьи духа.
В моей природе есть застои и засуха [153].

В 60-х годах известный эмигрант П. В. Долгоруков в своих памфлетических очерках петербургского «высшего света» дал В. П. Давыдову, тогда уже графу, не слишком лестную характеристику: «Граф Орлов-Давыдов считает себя умным человеком потому, что учился в Эдинбургском университете и посещал Вальтер Скотта в замке Абботсфорд; тяжелый, умственно неповоротливый, чванный, надутый, он обладает несчастною страстью произносить скучнейшие спичи» [154]. Недолюбливали его в ту пору и в русских

дворянских кругах на непомерную гордость и недоступность. В Петербурге ходило много анекдотов о его «англомании» и аристократических претензиях; слегка иронические или просто карикатурные характеристики его попадаются во многих мемуарах и дневниках той эпохи. Время было против него, а он и не думал идти ему навстречу; многим казался он тогда каким-то обломком стародавнего дворянского уклада, упорно не хотевшим замечать новых исторических тенденций русской жизни, но все еще «желавшим играть общественную роль».

Многие открыто посмеивались над его традиционной и приевшейся ссылкой на юношеские годы, проведенные в сообществе с «великим шотландцем»,— так часто и так иной раз некстати любил он об этом упоминать. Когда в конце 50-х годов, накануне ожидавшихся реформ, В. П. Давыдов написал статью «О господских поместьях в Англии»— весьма несвоевременную апологию аграрного и социального «благополучия» Англии, он не удержался от того, чтобы включить в эту статью страницу воспоминаний об одном из таких поместий прошлого времени, с которым связаны были лучшие и наиболее яркие впечатления его юности: «Абботсфорд был любимым жилищем Вальтера Скотта, который, скрывая в глубокой тайне сочинение своих романов, проводил все свободное время в готическом замке, выстроенном им самим на берегах исторической и прославленной в песнях реки Tweed. Здесь он писал, здесь принимал охотно гостей и очаровывал их своею беседою, в которой нельзя было не узнавать автора безымянных романов, читаемых целым светом. Из бывших гостей некоторые еще живы, и пока они живы, не забудут его увлекательных, то забавных, то трогательных рассказов и восторженного чтения наизусть стихов современного поэта или шотландской баллады. С какою радостью он опускал глаза на того, который уже узнал этот стих и ценил его значение. На гуляньи по рощам, им посаженным, или в столовой, за сигаркой после обеда, разговор не прекращался, и все в нем участвовали, потому что он умел навести всякого на любимый его предмет. Он говорил, что он не встречал такого человека, от которого нельзя было бы научиться чему-нибудь. Он ошибался, может быть, от большой снисходительности насчет людей, с которыми обращался, и описывает иногда в своем дневнике как особенно умных таких людей, которые другим, и вне общества поэта, показывались самыми обыкновенными людьми или бледными подражателями самому волшебнику» [155].

Но эта светлая страница в статье (в которой не случайно Давыдов старался доказать необходимость сохранения в полной неприкосновенности крупных феодальных земельных владений, старых «дворянских гнезд»,— недаром Герцен в эти же годы гневно ополчался на В. П. Давыдова как на представителя барской «олигархии» [156]) в конце сбивалась на очень грустный лад: в элегическом тоне вспоминает Давыдов печальную судьбу Абботсфорда, перешедшего в чужие руки, и полное исчезновение владевшего поместьем рода: «Бывали иногда у абботсфордских гостей минуты тяжелые. Это бывало в те часы, когда поэт еще не являлся. Ходя по берегам реки и глядя на замок, случалось им размышлять: что будет с этим местом, нынешней мастерскою гения, когда самого гения не станет? Печальные предчувствия сбылись, как знают теперь все, читавшие жизнеописание Вальтера Скотта, писанное его зятем Локартом. Никакой сын не понимал так своего отца, как этот зять понимал и обожал своего тестя. Он описал всю его исполненную литературною деятельностью жизнь, разорение от банкротства его книгопродавца и, наконец, смерть в этом самом Абботсфорде. Все его дети скоро за ним умерли; его поместье перешло в другой род, и одна его внучка еще остается в живых» [157].

В 50-х годах В. П. Давыдов с помощью своих английских друзей пытался поместить статью о В. Скотте в журнале «The Critic» и вообще иногда посылал свои литературные труды в английские периодические издания [158]. Нередко навещая Англию (он был здесь в 1837, 1860, 1867 и 1872 гг.), В. П. Давыдов старался обновить свои юношеские воспоминания; так, напри-

«ОТРАДА». ИМЕНИЕ В. П. ОРЛОВА-ДАВЫДОВА. ВИД ДОМА СО СТОРОНЫ ПАРКА
Акварель Э. В. Детерс
Местонахождение неизвестно

мер, с последней представительницей угасшего рода В. Скотта, его правнучкой Максуэлл-Скотт, Давыдов виделся в бытность свою в Англии в 1872 г. и, как отмечают издатели «Дневника» В. Скотта, «имел удовольствие рассказывать ей о старых счастливых днях в Абботсфорде». Еще в 1878 г., издавая биографию своего деда, В. Г. Орлова, Давыдов вновь не удержался от того, чтобы изложить с достаточной подробностью всю историю своего знакомства и общения с В. Скоттом, хотя и писал о себе в третьем лице. Эти воспоминания уже были нами цитированы выше. В. П. Орлов-Давыдов умер в 1882 г., оставив драгоценную библиотеку и большой литературный и исторический архив, разбором которого он сам был занят в последние годы.

В числе интересных вальтерскоттовских реликвий этого архива, кроме описанных выше писем самого В. Скотта и членов его семьи, находился также автографический манускрипт его романа «Талисман». Этот известный роман в составе «Tales of the Crusaders» вышел в свет в 1825 г., а в русском переводе «с англинского» был напечатан в Москве два года спустя.

Указание на то, что «подлинная рукопись «Талисмана» давно хранится в его архиве, В. П. Орлов-Давыдов поместил в составленной им (1878) биографии его деда, притом в таком контексте, который давал право сделать неправильные заключения относительно ее происхождения. Упоминая о том, что в 1828 г. «Абботсфорд был заложен кредиторам» и что «с публичного торга» продано было тогда все имущество городского дома В. Скотта, «не исключая и портрета самого владельца, изображенного сидящим с карандашом в руке и с двумя собаками у ног», он сделал примечание: «Проданы и автографические рукописи романов (подлинная рукопись «Талисмана» сохраняется доныне в Отрадинской библиотеке)» [159]. Отсюда можно заключить, что рукопись эта попала в руки Давыдова еще в пору пребывания его в Эдинбурге. Однако это не так. Рукопись была приобретена им через комиссионера сорок лет спустя. Этот манускрипт сохранился и находится ныне в Государственном Историческом музее в Москве [160].

5. А. И. Тургенев и В. Скотт.— Первое знакомство А. И. Тургенева с В. Скоттом в Лондоне.— А. И. Тургенев в Абботсфорде в 1828 году.— Заметки об этом посещении в дневнике А. И. Тургенева, его письмах и рассказах.— Неизданные письма из архива А. И. Тургенева за время его пребывания в Шотландии.— Рассказ А. И. Тургенева о В. Скотте, пересланный Пушкину.— Стихотворное послание В. Скотту И. И. Козлова

Все описанные русские встречи и знакомства В. Скотта приходятся главным образом на 20-е годы, последнее десятилетие его жизни. Широкого распространения рассказы этих русских путешественников об Абботсфорде и его радушном хозяине в России не получили, так как исходили от лиц, в общем далеких от интересов русской литературы. Лишь один Денис Давыдов показывал Пушкину полученное им от В. Скотта письмо и много лет спустя опубликовал свой ответ на него, лишь в малой степени соответствовавший действительно посланному. Гораздо более важной в этом смысле явилась встреча с В. Скоттом Александра Ивановича Тургенева, так как она получила широкую известность не только в России, в кругу Пушкина и Вяземского, но и за границей, например в Веймаре, у Гете, которого русский путешественник заинтересовал своими рассказами об Абботсфорде и его хозяине.

В Англии А. И. Тургенев был четыре раза: в 1826, 1828, 1835 и 1836 гг. В первый раз он отправился туда вместе с братом Николаем Ивановичем. Здесь выяснилось, что последний замешан в политическом процессе, начатом по поводу декабрьского восстания. Возвратиться в Россию Николаю Ивановичу больше не пришлось; до 1831 г. он жил главным образом в Англии, откуда переселился затем в Париж. Приезд Александра Ивановича в Англию в 1828 г. и был вызван в основном его желанием повидать брата. На этом настаивал и Жуковский: «Где ты?— писал он Александру Ивановичу в середине января 1828 г. из Петербурга.— Надеюсь, что последовал моему совету и уехал в Лондон. Если нет, то опять говорю: поезжай. Мне необходимо знать тебя там. Мне кажется, что ты много успокоишься насчет брата, повидавшись с ним не одним воображением». И когда А. И. Тургенев уже уехал из Парижа в Лондон, Жуковский вновь писал ему по поводу полученных от него писем: «Какая бездна предметов, и интересных предметов, проходит перед глазами твоими! Читая эти письма, не могу, однако, как ни жаль мне, не подумать, что время несчастия есть время и посева и жатвы для души человеческой! Как много развернулось в твоей в последнее время! А что иное жизнь, как не беспрестанное развитие?» [161]

Действительно, как ни тревожны были обстоятельства, вызвавшие этот приезд А. И. Тургенева в Англию (ради брата и устройства его судьбы), он, как никто, во всех случаях своей жизни умел с жадностью впитывать в себя новые впечатления и доставлять себе радости новых встреч, сближений, искать предметов для удовлетворения своего любопытства. Личные дела не ослабили его интереса к английской жизни, литературе и искусству, которые он наблюдал со всей тщательностью, на какую был способен.

Во многих отношениях путешествие А. И. Тургенева в Англию в 1828 г. по своим результатам оказалось гораздо интереснее для него, чем пребывание в этой стране за два года перед тем. Поездка 1826 г. была прежде всего очень кратковременной. Отправившись в Лондон вместе с Николаем Ивановичем в конце января, он покинул Англию через месяц (3 марта), решив отправиться в Россию для выяснения своих служебных дел и положения братьев. Знакомства, которые тогда завязал Александр Иванович, почти не выходили из круга людей, так или иначе причастных к русскому посольству. В 1828 г. положение значительно изменилось. Получивший большую известность в парижских салонах как блестящий собеседник, очень расширивший во Франции круг своих личных знакомств, из которых иные прямо вели в Англию, А. И. Тургенев получил возможность гораздо более широкого

общения с людьми, да и поездка на этот раз была значительно более продолжительной: он пробыл в Англии без малого год и успел за это время сделать действительно множество интереснейших наблюдений.

Для нас существенно еще одно обстоятельство, оказавшееся во многих случаях решающим в истории английских встреч А. И. Тургенева в 1828 г. Николай Иванович, как мы уже упоминали, все это время находился в Англии, оказавшись в положении государственного преступника и эмигранта [162]. В 1826—1827 гг. он был настолько близок ко многим виднейшим деятелям английской либеральной оппозиции, что об этом получены были сведения и в Петербурге. Еще в начале апреля 1826 г. английский посол доносил своему правительству о беседе с Николаем I, в которой царь коснулся, между прочим, Н. И. Тургенева, «серьезно замешанного в недавнем заговоре; ему удалось скрыться в Англию, где он теперь и находится». «Император заявил мне,— пишет посол,— что это лицо в настоящее время является гостем и излюбленным соучастником в делах лорда Голланда, г. Брофэма ⟨т. е. Брума, Brougham Henry, Lord Brougham and Vaux; 1778 — 1868⟩ и (я полагаю) сэра Джона Макинтоша и что он пользуется симпатией и защитой этих господ в качестве страдающего русского патриота». Император шел дальше; упоминая об этом факте английскому посланнику, Николай I, несомненно, хотел внушить мысль о небезопасности дальнейшего пребывания Н. И. Тургенева в Англии, намекал «на возможность для Тургенева принести значительный вред, воспользовавшись современным критическим положением с целью распространения революционных идей в тех частях Англии, где ощущается нужда и (как полагает император), может быть, и недовольство» [163].

Эти бесцеремонные предупреждения были направлены к тому, чтобы склонить английское правительство к выдаче «государственного преступника» Н. И. Тургенева русскому правительству; по этому поводу возникло в Англии целое дело, не увенчавшееся, впрочем, результатами, на которые надеялся Николай I. Сведения о Николае Ивановиче, дошедшие в Петербург до самого императора, были верны: Н. И. Тургенев действительно близок был к тем представителям оппозиции, которые названы Николаем I. Знакомства Н. И. Тургенева в Англии в 1826—1827 гг. были обширны и очень интересны. Кроме Брума, лорда Голланда, Макинтоша, он навещал Бентама, а живя в Эдинбурге, встречался с Томсоном, Дальтоном. «Дневник» Н. И. Тургенева времени его жизни в Англии, до сих пор, к сожалению, не изданный, дает очень неполные указания по этому поводу, тем более что он обрывается записью от 5 июня 1827 г.; но у нас есть другие данные, подтверждающие прочность знакомств Николая Ивановича именно среди представителей английской оппозиции [164].

Приезд Александра Ивановича Тургенева в Англию в 1828 г. открыл для него прежде всего двери гостиных знакомых и друзей его брата. В одном из своих более поздних заграничных писем (1835) по случайному поводу А. И. Тургенев, между прочим, вспоминал о своем знакомстве с сэром Джемсом Макинтошем (Sir James Mackintosh, 1765—1832), тогда уже покойным, тем самым, на близость к которому Николая Ивановича указывал английскому посланнику русский император.

Макинтош в 20-х годах пользовался в Англии большой известностью; он знаменит был своим ответом на «Размышления о французской революции» Бёрка, незаконченной «History of the Revolution in England in 1688» и книгой «Discourse on the Law of Nature and Nations...». А. И. Тургенев вспоминает, что Макинтош, «бывши сперва медиком и имев намерение ехать в Россию искать счастья», впоследствии «с жаром занялся отцами церкви, и при первом моем посещении его, в первый день святой недели в 1828 г., целые $4^1/_2$ часа он и говорил только что об их заслугах в ученом и богословском отношениях. Я слышал потом речи его в защиту негров и о парламентской реформе. Мы были вместе у Галлама, где он спорил с Брумом о заслугах Бэкона и сравнивал книгу Гершеля-сына с «Органоном» [165]. Галлам (Henry Hallam, 1777—1859), историк, незадолго перед тем (1827) закончил свою известную

«Конституционную историю Англии» (Constitutional History of England, 1485—1760»).

К числу своих «лондонских приятелей» А. И. Тургенев причислял также Захарию Маколея (Zachary Macaulay, 1768—1838), филантропа и «полувекового друга и сотрудника Вильберфорса, друга негров», отца историка, Георгия Мурра, «которому я обязан и знакомством с Жеффри (Jeffrey), и лучшими днями в Эдинбурге» [166].

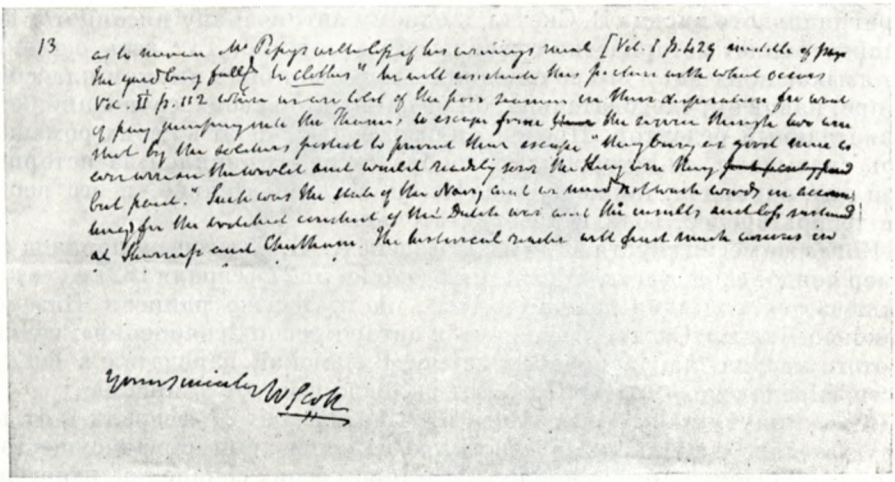
В другой раз, уже незадолго до своей смерти, А. И. Тургенев вспоминал «о каноникe Сиднее Смите, коего ... знавал и любил в Лондоне и встречал во многих замках Шотландии и Аглии. Он был одним из первых и главных учредителей «Edinburgh Review», кроме Горнера (коего брата знаю)». Тургенев прибавляет: «Я знавал их всех: Jeffrey, Муррая, Гамильтона, Брума и др. Желал бы прочесть сочинения С. Смита: он почитался остроумнейшим писателем и даже проповедником-юмористом. Чаще всего я встречал его у Галлама (историка средних веков и английской конституции), у Макинтоша (историка Англии), у Брума и Лансдоуна и, помнится, в Шотландии у Жеффрея и Муррая, соиздателей «Edinburgh Review», ныне шотландских лордов-судей. Какое блистательное поприще совершили все сии журналисты! И не подлыми средствами. Жаль одного: они поссорились с Вальтером Скоттом, который после размолвки с ними до самой кончины не брал в руки «Эдинбургское Review», хотя сначала сам ободрял и набирал издателей; первое я слышал или от биографа и зятя его Локарда, или от одной из дочерей В. Скотта» [167].

Эти признания А. И. Тургенева подтверждают, что первоначальный круг его английских друзей предопределен был дружескими связями в Англии его брата, Николая Ивановича, и в значительной степени с ними совпадал. Сотрудники либеральных органов печати, деятели в пользу парламентской реформы, оппозиционеры всех оттенков — вот к кому влекло прежде всего А. И. Тургенева; с ними он был всего более близок, их в первую очередь вспоминал и впоследствии. Уже этим он резко отличался от всех русских путешественников, с которыми пришлось встретиться В. Скотту. Владелец Абботсфорда едва ли знал, что он принимает у себя друга своих политических противников.

В. П. Давыдов, с которым, кстати говоря, А. И. Тургенев также общался в Англии в этот свой приезд [168], был в Абботсфорде молодым представителем совершенно иного круга. Мы знаем, как превратно он истолковывал В. Скотту декабрьское восстание 1825 г., как сам восхищался торийскими взглядами знаменитого писателя и как старался поддержать в нем симпатию к России Николая I. В 1828 г. к В. Скотту приехал если не представитель тех самых «русских якобинцев», которых он осудил вместе со своим молодым «русским другом», то ближайший родственник одного из них, идейно тяготевший к либерально-оппозиционным настроениям русского дворянства и горячий сторонник отмены крепостного права.

Зачем к нему отправился А. И. Тургенев? Чего искал он в общении с «шотландским бардом»? Ответом могут послужить интереснейшие записи А. И. Тургенева об этом визите. Ясно лишь одно: В. Скотт был крупнейший писатель: естественно, что Тургенев не избежал искушения повидать его лично, когда к этому представилась возможность. Познакомившийся с Вордсвортом, Саути, с десятком других тогдашних деятелей на поприще поэзии, журналистики, литературы в широком смысле этого слова, А. И. Тургенев считал для себя обязательной беседу с писателем, увлекшим всю Европу.

В. П. Давыдов, М. А. Ермолов и другие русские гости Абботсфорда, посещая «шотландского барда», «волшебника» и «мага», ограничивались знаками восторженного почитания и увозили оттуда впечатления безотчетного или некритического преклонения, не имевшего широкого общественного интереса. На этот раз в гостях у В. Скотта был один из образованнейших русских людей, который за короткое свое пребывание у него успел сделать столько наблюдений, что его последующие рассказы об этом заинтересо-



АВТОГРАФ ВАЛЬТЕРА СКОТТА В АЛЬБОМЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО
Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва

вали Гете и вызвали настоящий восторг Вяземского и Пушкина. Обратимся к этим рассказам.

Вяземский, записывая в свою памятную книжку некоторые подробности о пребывании А. И. Тургенева в Англии, замечает, что будто бы последний до посещения В. Скотта не читал ни одного из его романов: «В Англии познакомился он с В. Скоттом, который пригласил его к себе в Абботсфорд. «Дорогою к нему,— говорил он,— вспомнил я, что не читал ни одной строки В. Скотта». В следующем городе купил он первый попавшийся ему на глаза роман его. Поспешно и вскользь пробежал он его, «чтобы иметь возможность (продолжал он), при удобном случае намекнуть хозяину о романе или ввернуть в разговоре какую-нибудь цитату из него. Вообще он был мастер и удачлив на цитаты» [169].

Краски в этом анекдоте, представляющем собою несомненный дружеский шарж, безусловно, сгущены. К визиту в Абботсфорд Тургенев был подготовлен превосходно; утверждение, что А. И. Тургенев не читал до того времени «ни строки» В. Скотта, явно не соответствует действительности. Романы В. Скотта с его именем или анонимно во множестве появлялись в русских переводах и широко распространялись в России во французских изданиях. Тот же Вяземский, находившийся в постоянном общении с А. И. Тургеневым, оставил много свидетельств о хорошем знакомстве с произведениями В. Скотта близких к нему русских писателей, в частности Н. М. Карамзина (умершего в мае 1826 г.). «Может быть, Вальтер Скотт — превосходнейший писатель всех народов и всех веков»,— заметил Вяземский в своей записной книжке 1825 г. и добавил: «Карамзин говаривал, что если заживет когда-нибудь домом, то поставит в саде своем благодарный памятник Вальтеру Скотту за удовольствие, вкушенное им в чтении его романов» [170]. Знал их, конечно, и А. И. Тургенев, отметивший в записи своего лондонского дневника под 28(16) января 1826 г. по поводу осмотра лондонского Темпля: «Кто читал Скотта, тот смотрит на сии древности иными глазами» [171].

Мы знаем также, что А. И. Тургенева уже давно интересовала тайна предполагаемого авторства романов В. Скотта и что он сообщал друзьям ходившие по этому поводу в Западной Европе различные слухи: речь шла об этом в первом «Письме из Дрездена», напечатанном в «Московском телеграфе» в 1827 г. По поводу слухов о готовящейся многотомной «Истории Наполеона» В. Скотта А. И. Тургенев писал в этом письме, открывшем все последующие публикации его европейских корреспонденций в русской периодической печати: «Постараюсь сообщить тебе или оригинальное, или копию

с оригинального письма В. Скотта, к одному англичанину писанного, которое распространяет исторический свет на его авторство. Тут есть ошибки против языка, коих нет в его сочинениях и не может быть в таком классическом авторе, каков он; следовательно, он не один автор своих сочинений: есть исправительный редактор. Прежде он был больше поэт в своих романах, теперь, сказывают, он истощается в воображении и принялся за историю, для коей оно, однако ж, также нужно. Но он, а следовательно, и его воображение теперь зрелее, если и не блистательнее» [172].

Когда же месяц спустя в том же Дрездене А. И. Тургеневу попался свежий номер лондонской газеты «Morning Chronicle» от 27 февраля 1827 г., «в котором заключается разгадка долгой тайны», он тотчас же написал Вяземскому: «наконец Валтер Скотт объявил себя автором своих сочинений»; извлечение из этого письма, как и первое письмо, Вяземский напечатал в следующей части «Московского телеграфа». Вот выдержки из этого письма:.

«Сию минуту прочел я в «Morning Chronicle» от 27 февраля статью, которую желал бы целиком перевесть, но не успею: выписываю существенное. Наконец Валтер Скотт объявил себя автором своих сочинений, единственным (total and undivided author). В статье «Утренней хроники» «Interesting theatrical dinner» («Любопытный театральный обед») под особым заглавием «Public avowal by Sir Walter Scott of being author of the Waverley novels» («Публичное признание Валтера Скотта, что он автор романов «Веверлея») заключается разгадка долгой тайны. Известие сие взято сокращенным образом из «Эдинбургской газеты», но и в сокращении оно занимает полторы колонки длинной английской газеты. Все это происходило за первым годичным обедом Эдинбургского театрального фонда (т. е., вероятно, суммы, на которую содержится Эдинбургский театр). Вальтер Скотт председательствовал за обедом... Когда присутствовавший за сим же обедом лорд Мидаубанк (Meadowbank), желая отплатить В. Скотту за тост в честь театральной компании, провозгласил здоровье of the Great Unknown (великого неизвестного, как обыкновенно В. Скотта называют), он сказал в речи своей, между прочим, что он предлагает тост «за могущественного волшебника, Минстреля нашей отчизны (в сию минуту восклицания и английское: ура! огласили всю залу), который вызвал из гроба не привидения протекших столетий, но существенности <...>, того, который ныне предстоит обличенный перед глазами и любовью его отчизны» <...>. Отвечая ему, В. Скотт сказал, что «он не полагает нужным входить в изъяснение причин своего долгого молчания. Может быть, поступал он таким образом из одного своего своенравия <...>. Он слишком далеко зашел в признании своем и знает, что оно будет доведено до сведения публики. Открывая себя за автора, он хочет тем сказать, что он автор цельный и нераздельный. За исключением цитатов нет в его творениях ни одного слова, которое не принадлежало бы ему собственно или не было ему надоумлено чтением». Этот подробный отчет А. И. Тургенев кончал выдержкой из ответной речи лорда Медоубенка, который сказал, исчисляя заслуги В. Скотта, «что ему предоставлено было творениями своими дать имя бессмертное отечеству. Он более сделал для него, проливая свет на его летописи, прославляя деяния его воинов и государственных мужей, чем кто бы ни было из живших некогда или рожденных на отечественной земле. Он раскрыл особенные красоты своего отечества перед глазами иностранцев...» [173].

Цитированное письмо А. И. Тургенева (от 10 марта 1827 г.) написано в тот период его жизни, когда вместе с Жуковским и братом своим Сергеем Ивановичем он жил в Дрездене, целиком отдаваясь поглощению европейских политических и литературных новостей, заимствуемых из газет, а также из общения с местными литераторами, в кружках которых он был желанным гостем [174]. Известие о чествовании В. Скотта на театральном обеде в Эдинбурге, почерпнутое им из английской газеты, весьма заинтересовало также Сергея Ивановича, который, подобно своему брату, собирался составить об этом особую статью и препроводить ее Вяземскому для одного из русских журналов. «Имей на столе своем лист бумаги для меня,— писал Вяземский

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Рисунок Г. А. Афанасьева с английской гравюры

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва

А. И. Тургеневу из Москвы в Дрезден 21 марта 1827 г., вскоре после получения от него краткого изложения статьи о В. Скотте из «Morning Chronicle», — и записывай на нем все, что пройдет по голове твоей и Европе, а там в почтовый день и отсылай ко мне. Не худо также иметь и un écrivain public*, который за несколько добрых грошей списывал бы статьи, встречаемые в газетах или где инде, например, вроде статьи о Вальтер Скотте, прелюбопытной, но, к сожалению, слишком сокращенной. Благодари Сергея Ивановича за намерение написать мне о В. Скотте и попроси его вперед бросить что-нибудь в мою журнальную котомку, а более всего проси его хорошенько выздороветь под благословенным небом и запастись силами, чтобы возвратиться под наше угрюмое небо...» [175]

Упоминание здесь С. И. Тургенева и его литературного проекта позволяет довольно точно датировать несколько черновых листков, с набросками о В. Скотте, сохранившихся среди бумаг братьев Тургеневых. Все они написаны Сергеем Ивановичем не позже середины марта 1827 г. и основаны на тех же газетных сообщениях, которые излагал в письме к Вяземскому А. И. Тургенев, с тем лишь различием, что он собирался дать самостоятельную оценку «веверлеевских романов» В. Скотта и представить их значение для европейских литератур. Один из дошедших до нас трех черновых вариантов задуманной статьи о В. Скотте С. И. Тургенева (все они остались неиз-

* Писца (*франц.*).

данными) начинается так: «В «Edinburgh Evening Courant» of Saturday помещено описание обеда, который давало общество покровителей театров в Англии. Исполнив обряды, обыкновенно наблюдаемые в таких случаях, и после длинных рассуждений о пользе и удовольствии, доставляемых драматическими авторами и театрами, изложенных председателем обеда, Вальтер Скотт говорил со свойственным ему умом, ученостью и красноречием, обнявшим главнейшие эпохи драматической литературы, древней и новой, начиная с греков и оканчивая Шекспиром, любимым и достойнейшим любви своих соотечественников трагиком и комиком, то есть классиком, но в разных, даже противоположных родах — дошел, наконец, до той минуты, когда, к общей радости, открылась доселе непроницаемая тайна: Вальтер Скотт — единственный творец всех его сочинений». После этого вступления С. И. Тургенев обращался к характеристике романов В. Скотта, которые, несомненно, были ему хорошо знакомы:

«Какая громада волюмов, романам посвященных, где он славит королей и множество знаменитых мужей, описывает важнейшие происшествия истории английской, шотландской и французской, выставляет на сцене характеры самые оригинальные, и все это среди природы, столь же верно, как и прелестно, описанной! Такие романы делают честь и ему и его отечеству, изображая события нескольких веков, в течение коих особенно Шотландия, как земля, коей посвятил он большую часть своего времени и таланта, представляется достигшею до той степени просвещения и благоденствия, на которой мы теперь ее видим». «Здесь не место разбирать его произведения,— продолжает С. И. Тургенев.— Кто его не знает? Но необходимо было бы счесть, сколько волюмов написал он в стихах и в прозе от первого своего романа до истории Бонапарта. Торопясь послать эту статью, я не имел времени вспомнить все, что он написал...» Следует характеристика романов В. Скотта, их достоинств и недостатков с точки зрения читателей:

«Иные укоряют его сухостью в начале романа и даже не читают по крайней мере первого тома; но можно ли познакомиться с характерами, не заставляя их самих действовать? Вспомните описание природы шотландской, гор, берегов, на которых возвышались замки, где боролись граждане против граждан, отцы против сыновей, братья против братьев. Какая подробность и точность в представлении любопытнейших произведений; как ясно видит их читатель! Как легко вспоминает их!» В качестве примера С. И. Тургенев называет лишь один роман В. Скотта — «Айвенго» («Ивангое», по его транскрипции), который представляется ему одним из лучших романов шотландского писателя, и дает подробную характеристику этого произведения, в то время уже имевшегося на русском языке, в переводе, сделанном, по-видимому, с французского [176].

Статья С. И. Тургенева не отделана и отрывочна, но даже ее зачеркнутые фрагменты представляют известный интерес. Таковы, например, замечание о Ф. Купере как последователе В. Скотта или возражения французским критикам шотландского романиста. Мысль о Купере как о подражателе В. Скотта, вероятно, сильно занимала С. И. Тургенева, так как она имеется в различных редакциях начатой статьи, частично зачеркнутых. Здесь, между прочим, говорится: «Изобретатель нового вида романов, исторических, Вальтер Скотт, сколько мне известно, имел только одного последователя, не равного ему, но подающего надежду достичь его если не в таланте, едва ли достижимом, то по крайней мере в подражании. Положив начало, Купер найдет и себе последователей. Тогда и Новый Свет может породить Вальтера Скотта. Il n'y a que le premier pas qui coûte *». На полях против данного места в другом черновике указаны те романы Ф. Купера, какие С. И. Тургенев имел в виду: «Шпион» и «Пилот», т. е. «Лоцман». Что касается упреков, адресованных В. Скотту французскими журналистами, уже давно вычитанных им «в одном французском журнале», то они, по пред-

* Важен первый шаг (*франц.*).

положению Сергея Ивановича, «кажется, доказывают, что тогда французы еще не имели времени короче познакомиться с Вальтером Скоттом. Журналист укоряет его в точном описании местоположения и даже происшествий, что совсем несправедливо. Романы Скотта отличаются верным изображением характеров исторических, и в этой верности состоит главное его достоинство. Недоставало одного, чтобы заслужить совершенную благодарность публики: объявления себя единственным творцом всех его сочинений!» [177]

Мы не напрасно привели выписки из черновиков статьи С. И. Тургенева, предложенной им Вяземскому; и ее план, и ее задачи, несомненно, обсуждались обоими братьями; может быть, Александру Ивановичу даже принадлежала идея написания этой статьи. В Дрезден он привез брата для того, чтобы показать местным врачам, и пестовал его, как больного ребенка; Александр Иванович всячески старался отвлечь брата от мрачных мыслей, которые все сгущались: известно, что поражение восстания 14 декабря, следствие и суд над декабристами, угроза смертной казни или каторги, нависшая над Николаем Тургеневым, может быть, опасения, что и он сам может быть привлечен к следствию, привели С. И. Тургенева к тяжелому психическому недугу и, несмотря на все заботы брата, к безвременной смерти: он умер через несколько месяцев после того, 1 июня 1827 г.

Как видим, А. И. Тургенев не только хорошо знал произведения В. Скотта, но и посвящен был во многие обстоятельства его жизни. Очутившись в Англии в следующем году, он решил повидаться с ним лично. Несомненно, что он явился в Абботсфорд во всеоружии своей начитанности и осведомленности.

О том, как состоялось это знакомство, мы знаем из целого ряда источников. Подготовка к нему началась уже весною 1828 г., в бытность А. И. Тургенева в Лондоне. Среди бумаг Тургенева, хранящихся в его архиве, есть недатированная записка Элизы Бозанкет, проливающая свет на обстоятельства первой встречи его с В. Скоттом; запись дневника А. И. Тургенева от 11 апреля 1828 г. позволяет точно датировать записку Элизы Бозанкет именно этим числом; написана она в Лондоне, где находился в это время Тургенев, приехавший в Англию для нового свидания с братом Николаем Ивановичем. Приводим текст записки:

«Je vais passer la soirée aujourd'hui dans un petit cercle de famille, où on attend le célèbre sir Walter Scott.

Puisque la dame qui reçoit est de ma connaissance particulière, je serais charmé de vous conduire chez elle, si vous avez envie de considérer ce grand homme tout à votre aise.

Si vous n'avez pas d'engagement pour le dîner et vous n'avez pas peur de vous ennuyer en dînant tête-à-tête avec mon mari et moi, peut-être vous nous ferez le plaisir de venir chez nous à sept heures — mais si vous êtes engagéz déjà, et que vous avez pourtant envie de profiter de la proposition que je vous ai faite pour la soirée, je vous prie de vous rendre chez nous à neuf heures du soir. Adieu jusqu'au revoir.

Elise Bosanquet [178].

〈Перевод:〉

Сегодняшний вечер я проведу в маленьком семейном кругу, где ожидают знаменитого сэра Вальтера Скотта.

Так как дама, принимающая его у себя, принадлежит к моим близким знакомым, я была бы очень рада привести вас к ней, если у вас есть желание с полным удобством посмотреть на этого великого человека.

Если вы никуда не приглашены и не боитесь поскучать, обедая с глазу на глаз со мной и моим мужем, то, может быть, вы сделаете нам удовольствие и придете к нам к семи часам, но если вы уже приглашены и тем не менее хотели бы воспользоваться предложением, которое я вам сделала относительно вечера, прошу быть у нас к девяти часам вечера. До свидания.

Элиза Бозанкет

Устоять против такого приглашения Александр Иванович, естественно, не мог. Из записи его дневника, сделанной ночью после того же дня, видно, что он обедал у Бозанкетов, а затем с ними отправился в дом к миссис Александер, где ждали В. Скотта. Это была приятельница шотландского романиста (Mrs Alexander of Ballochmyle), известная также и из биографии Роберта Бернса. Обещанная встреча А. И. Тургенева с В. Скоттом состоялась: всем событиям и знакомствам этого интересного вечера А. И. Тургенев отвел место в своем неизданном дневнике; относящиеся к этому страницы дневника следует воспроизвести полностью.

«11 апреля 1828 г. Лондон. Полночь. Начинаю книгу новым знакомством — Вальтера Скотта. Отобедав у Бозанкета, я отправился с ним в парк регента к Mrs Alexander, где Вальтер Скотт должен был проводить вечер. Я не знал хозяйку дома, но принят был и ею и дочерью старшею ласково и дружелюбно. Дочь мила и почти красавица: кардинал Гонсальва был пленен ею. К счастью, она говорит и по-французски. После обыкновенных приветствий она показала мне картину Рубенса (Богоматерь с божественным младенцем), которую один из приятелей отца ее оставил ей в наследство. Вальтера Скотта еще не было. Она сказала мне: «Вы желали видеть В⟨альтера⟩ Скотта? Я надеюсь, что он сдержит слово и приедет к нам на вечер; но он обедает у герцога Сент-Альбанса; а здешние обеды так продолжительны». Скоро the great unknown назван слугою, и в комнате все утихло, и все глаза обратились к двери. Я увидел беловласого, хромого старика, коего видал в сходных гравюрах. Мне понравилось это молчание, с которым приняли первый талант Англии. Одна нога его короче и придерживается тростию. Скоро началась музыка: тут был и первый почти музыкант в Европе; не его, но о нем слыхал я прежде: Мушель и жена его, гамбургская немка, как мне сказали. Хозяйка желала представить меня В. Скотту и вытвердила мое татарское имя. Меня подвели к нему, к сожалению не было места для двух, и он принужден был разговаривать со мною стоя; сказывал, что давно не был в Лондоне, что приехал сюда недели на две, и звал к себе в Эдинбург. Хвалил русского Давыдова, обучающегося там, и спрашивал, знавал ли я княгиню Чернышеву, которая за англичанином — автором. Я не мог отгадать, кого он разумел под сим именем, и Бозанкет уже объяснил мне, что, конечно, это кн⟨ягиня⟩ Щербатова, которую он может знать по Miss Jane Porter. Подвели знакомить с ним другого, и я уехал. Говорил и о Гизо, но он не знает и его имени. Тут были и две его дочери: одна замужем за издателем Блаквудова магазина.

Жалею, что не подошел к нему. Я читаю иногда журнал его, и знакомство ученого журналиста иногда полезнее ученого автора романов. Доволен, что видел того, которого читал еще так мало!! — The Northern magician, the Great Unknown — clerk, т. е. писец в суде эдинбургском, и целые дни там просиживает за несколько сот фунтов в год; это занятие pendant к сочинению им Истории Наполеона. Теперь, по газетам, пишет он проповеди. Почитатели В. Скотта в извинение ему говорят, что и в канцелярии суда сочиняет он романы; но вряд ли это не новое обвинение. Скорее можно извинить его любовью к независимости, к детям. Слух о женитьбе его — не состоялся».

Путешествие А. И. Тургенева в Шотландию осуществилось только в августе, однако готовился он к нему, как видно из его бумаг, еще в июле: имевшие отношение к задуманной поездке письма, полученные им летом, были заботливо сохранены и впоследствии переплетены вместе с его собственными письмами к брату Николаю того же года. Часть этой переписки заслуживает нашего внимания из-за упоминаний В. Скотта. Таково, например, приводимое ниже в переводе письмо м-с Скиннер.

Гастингс, 11 июля ⟨1828 г.⟩

Дорогой г. Тургенев.

Я только что получила Ваше любезное письмо. Так как меня чрезвычайно занимает все касающееся Вас, я хотела бы сделать Ваше путешествие в Шотландию менее унылым. В Эдинбург отправляется мой свояк, м-р Суин-

тон, он решил ехать 15-го. Зайдите к нему — № 5, Глостер плейс, Постмен сквер — и договоритесь о совместной поездке. Я пришлю Вам письмо к кому-нибудь из семейства Суинтонов — они укажут Вам, что наиболее заслуживает осмотра. Еще я пришлю Вам письмо и к сэру Вальтеру Скотту. Если Вы поедете и на север Шотландии, в Банф, обратитесь к м-ру Эйнсли, который рад будет встретиться с Вами — его адрес: у капитана Гранта Даффа, Иден, Банф, С〈еверная〉 Б〈ритания〉.

Я *очень* буду рада получить от Вас весточку. Мы с мужем очень интересуемся Вами. Вы встретились с нами в дни наших испытаний и отнеслись к нам сочувственно; Вы были несчастливы и мы сочувствовали Вам. Дружба не всегда зависит от давности знакомства, хотя время и привычка все более укрепляют наши связи с друзьями. Сочувствие действует подобно времени: оно сблизило нас с Вами и теперь, как бы далеко Вы ни оказались, как бы долго мы ни были в разлуке с Вами, мы Вас не забудем.

Если Вы надумаете побывать в Ирландии, я могу прислать Вам письма к леди Морган и к мисс Эджуорт; сообщите только, как адресовать их — наверно, через какого-нибудь банкира в Дублине или Белфасте?

Если же Вы решите вернуться к брату, я посоветовала бы вам обоим посетить наши края, где мы легко нашли бы для вас небольшой домик. У нас тут чудесный вид на океан, развалины замка,— здесь был один из Cinque ports, укрепленный Гарольдом Смелым против Вильгельма Завоевателя, который все-таки сделал здесь высадку и дал знаменитое Гастингское сражение. В его свите находился и предок м-ра Скиннера, пожалованный потом землями в Херефордшире. На старинной колокольне (до сих пор) каждый вечер в 8 часов отзванивают «поминки по уходящему дню». Здесь много достопримечательностей, много красивых закоулков и зеленых лугов, а с горы бывает виден вдалеке берег Франции, к которому г-жа де Сталь обратила чудные строки: «O, France, ma patrie, le sien etc.»*, когда она вспоминает эти прекрасные слова Марии Стюарт, «молящей морские ветры отнести ее вздохи к берегам Франции».

Мы пробудем *здесь* до октября и постараемся от души сделать все, что можно, для вашего удобства и развлечения.

Примите наши лучшие пожелания и поклоны.

Искренне Ваша М. Скиннер

На первой странице сделана приписка: «М-р Скиннер полагает, что Вы уже знакомы с сэром Вальтером Скоттом и письма к нему не нужно. Если Вы все же пожелаете иметь такое письмо, я пришлю его Вам в Эдинбург» [179].

Упоминание в письме Маргарет Скиннер знаменитой битвы при Гастингсе должно было вызвать особый интерес А. И. Тургенева. Он, несомненно, знал уже к этому времени живописные страницы, посвященные этой битве в незадолго перед тем вышедшем труде Огюстена Тьерри «История завоевания Англии норманнами» (1825), а может быть, и воспользовался приглашением английских друзей, чтобы взглянуть на эти овеянные легендами места. Гастингс (Хастингс) — небольшой городок и порт в графстве Сассекс, в 90 км на юго-восток от Лондона, расположенный прямо против французской Булони (в письме упомянуто, что он был одним из «Пяти портов»: это название в течение четырех веков, вплоть до царствования Генриха VII, носила система пяти прибрежных городов, на которые была возложена защита Англии от вторжений с материка; Гастингс был самым мощным из этих «Пяти портов»). Здесь, в окруженной холмами долине, вечером 14 октября 1066 г. войска норманнского герцога Вильгельма, получившего впоследствии прозвище Завоевателя, разбили воинство последнего англо-саксонского короля Гарольда. Между холмами виднеется море, по которому в Англию прибыл огромный флот Вильгельма с армией, решившей участь страны и народа. В то время, когда А. И. Тургенев получил приведенное выше письмо из Гастингса, этот маленький городок и его окрестности, по словам многочислен-

* О Франция, родина моя, его... и т. д. (*франц.*).

ных ездивших туда туристов, сохраняли свой «романтический» колорит: груда камней, покрытых плющом и ползучим шиповником, означала то место, где пал Гарольд; большие деревья скрывали от остального мира этот кусок земли, на котором разыгралась кровавая трагедия. Вокруг царило безмолвие; только сквозь ветви деревьев виднелась церковь аббатства, прозванная «церковью битвы», и лишь бой часов на ее башне нарушал тишину... Что касается ссылки автора письма на г-жу де Сталь, то она имела в виду слова героини из знаменитого романа в письмах «Дельфина» (1802): «О, Франция! Моя и его родина, восхитительное место, которое я никогда не должна была покидать; Франция! Самое имя твое так глубоко волнует всех тех, кто с детских лет дышал твоим сладким воздухом и созерцал твое ясное небо! Я теряю тебя вместе с ним; ты уже сейчас дальше от меня, чем мой горизонт; подобно несчастной Марии Стюарт, мне остается только обращаться с мольбой «к облакам, которые ветер гонит по направлению к Франции, чтобы принести к тем, кого я люблю, мои жалобы и мои прощания» [180].

О том, как состоялась встреча А. И. Тургенева с В. Скоттом, мы знаем из ряда источников, прежде всего из собственных писем А. И. Тургенева к брату Николаю Ивановичу. В одном из них Александр Иванович рассказывает, что на пути в Абботсфорд он прогостил два дня у лорда Минто, затем навестил в Кезике (Keswick) поэта Роберта Саути, от которого, несомненно, получил напутствие и ряд необходимых сведений [181]. По прибытии в Мельроз он надеялся получить от В. Скотта письменное приглашение в ответ на собственное письмо к нему. Однако ответа не было; думая, что владелец Абботсфорда не получал письма, Тургенев все же решился отправиться к нему пешком.

На самом деле, как мы знаем сейчас, письмо Тургенева было получено В. Скоттом; он не ответил на него скорее всего потому, что нередко поступал так, полагая, как он сам говорит в своем дневнике 1826 г., что переписка с иностранными литераторами чаще всего не ведет «ни к чему, кроме обмена кружевами комплиментов, столь же легковесных, как пробка и перья».

Письмо Тургенева сохранилось в бумагах В. Скотта и было опубликовано В. Паркером [182]. Приводим полный его текст в русском переводе:

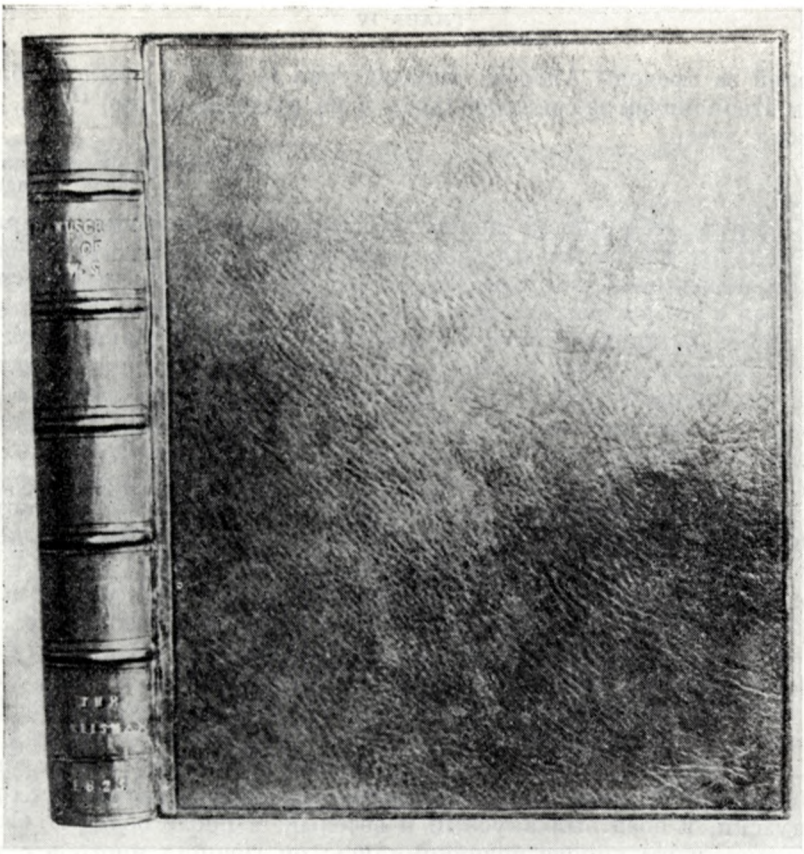
1 августа 1828 г. Кезик

Я имел честь быть представленным Вам, милостивый государь, в Лондоне, у лэди Александер. Вы были столь любезны, что предложили мне посетить Вас в Эдинбурге: надежда быть принятым Вами, милостивый государь, была, признаюсь, одной из главнейших причин моего шотландского путешествия. Я не имею права притязать на вашу любезность, если не считать того, что делает это право всеобщим, а именно — восхищение, которое я разделяю со всем цивилизованным миром и с моими соотечественниками перед тем, кто дал им живейшее и чистейшее из наслаждений. Я — русский, милостивый государь. В прошлом я учился в России и в Германии и 25 лет служил Отечеству при императоре Александре. Я сохранил вкус, или, вернее, страсть — пожалуй, несчастную — к истории моей Родины и Севера вообще. Я бы желал познакомиться с великим художником прошлого и своей родины и лично засвидетельствовать ему мое уважение и восхищение.

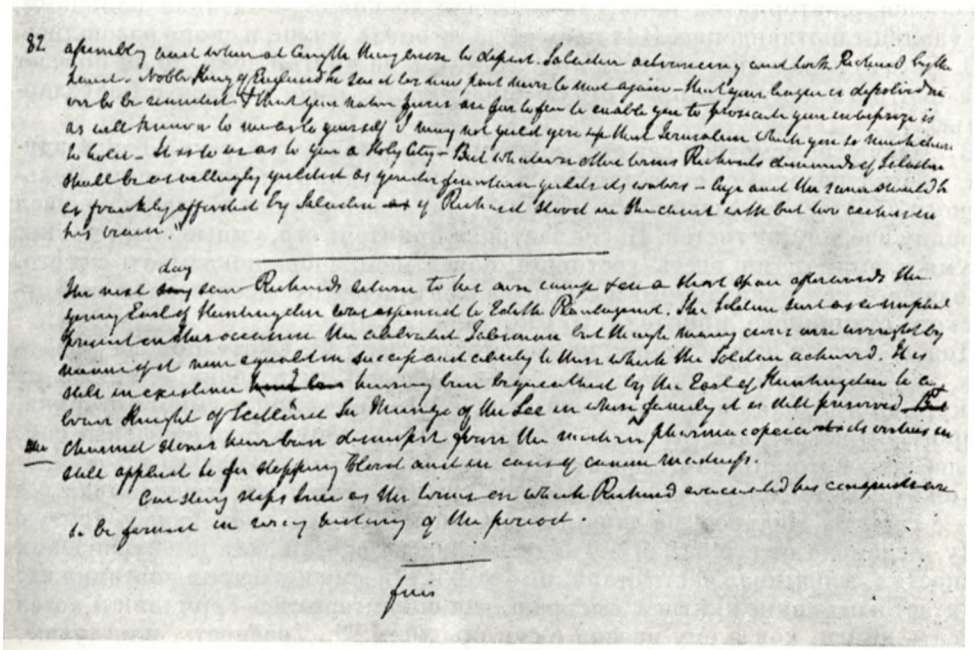
Александр Тургенев

С вашего разрешения я буду ожидать записки от Вас в Мельрозе (до востребования), куда я надеюсь прибыть через два-три дня, объехав некоторые из озер. Я читаю по-английски.

В. Паркер, публикуя письмо, предположил, что упоминаемая А. И. Тургеневым встреча его с В. Скоттом у лэди Александер состоялась в мае того же 1828 г., когда В. Скотт был у нее на обеде. Однако В. Паркер ничего не мог сообщить о последствиях этого письма и не знал, состоялось ли посещение В. Скотта русским путешественником. Между тем первый рассказ об этом визите самого А. И. Тургенева в письме к брату, первоначально не



ПЕРЕПЛЕТ РУКОПИСИ РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА «ТАЛИСМАН»
Исторический музей, Москва



РУКОПИСЬ РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА «ТАЛИСМАН»
Последняя страница
Исторический музей, Москва

выходивший за пределы Англии, впоследствии (в 1872 г.) был опубликован Николаем Ивановичем за границей (хотя и на русском языке) [183]. А. И. Тургенев писал здесь:

Абботсфорд, 6 августа 1828 г.
Среда, 7 часов утра

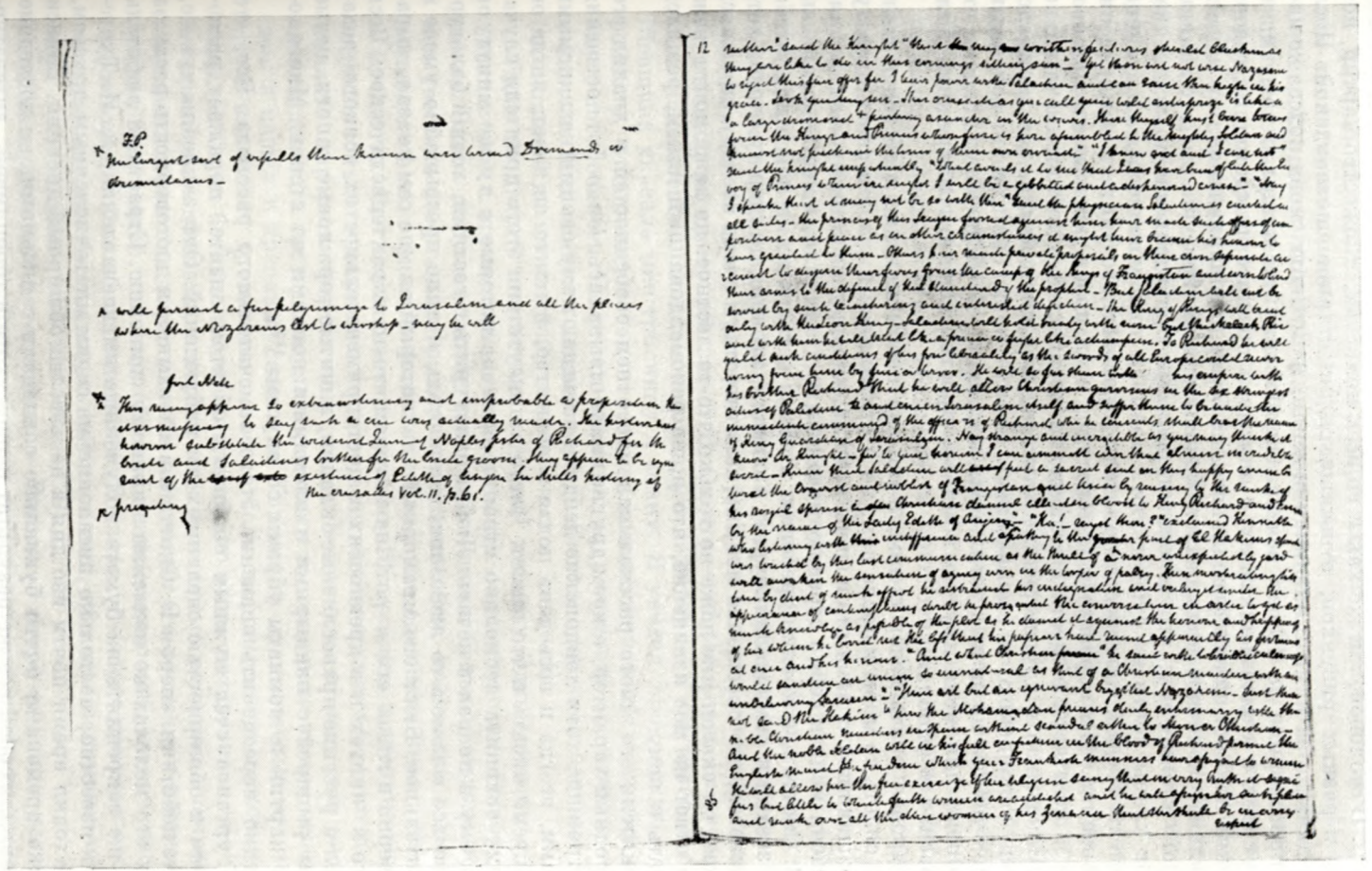
Хочу начать тебе письмо пером В. Скотта и в его замке. Я приехал в городок Мельроз, за три мили отсюда, третьего дня часу во втором; осмотрел прелестные развалины аббатства, описанные В. Скоттом, и пустился к нему пешком, хотя и не получал ответа его на мое письмо, которого он не получил и по сие время. Я пришел к нему в 4 часа. Он только что возвратился с похорон. Долго бродил я в его первой зале, унизанной рыцарскими доспехами, убранной различными гербами фамилий здешнего края, населенного некогда бордерами, т. е. пограничными жителями, в вечной борьбе с шотландцами и с англичанами. Сии разбои воспел и описал В. Скотт, и ты, верно, знаешь давно то, что я отчасти успел прочесть у лорда Минто. Наконец встретил я официанта в пудре, и он доложил обо мне немедленно В. Скотту, который в ту же минуту принял меня в кабинете своем, где была и дочь его, незамужняя; другая замужем, и ее и двух сыновей здесь нет.

После некоторых объяснений он пригласил меня остаться у него; я сказал, что спешу в Эдинбург и не надеялся более ничего, как видеть его; но дочь в ту же минуту отвечала, что уже комната готова, и человек явился провести меня туда, а В. Скотт пригласил к обеду и после обеда на музыку дамскую. В 6 час. меня позвали к обеду, и я нашел более 10 человек гостей. Гамильтона с женою, к брату коего я имею письмо от Давыдова. С ним и гостья-девушка, ирландская красавица и с удивительно прелестной ingénuité *. Другие приятели В. Скотта с тремя племянницами из Англии. Все говорили по-французски, и обед был вкусный и веселый; а после обеда В. Скотт перешел ко мне, и мы короче познакомились; он говорил много и с важною любезностью, и мы долго проболтали. В гостиной нашли уже мы кофе, чай и музыку. Девушки и одна старушка пели, играли на арфе и на гитаре, и В. Скотт беспрестанно подходил ко мне и объяснял национальные песни; оживлялся, повторяя их наизусть с начала до конца, и щелкал пальцами, как удальцы шотландские. В 11 часу подали опять ужин, и скоро разошлись, но В. Скотт сказал мне, что есть ли я останусь на другой день, то он повезет меня смотреть какую-то прелестную окрестность: я согласился с благодарностью.

В 7 часу утра осмотрел сад его, по знаменитой и быстрой речке Твиде идущий, обегал нагорные окрестности, взглянул издали на развалины Мельрозского аббатства и, одевшись к завтраку, явился в столовую, где уже нашел половину вчерашних гостей. После завтрака приятель его, умный англичанин, с двумя племяницами здесь гостящий, повел меня снова показывать сад его, и я нашел в нем начитанного и долго на континенте путешествовавшего английского старинного приятеля В. Скотта.

Дождь вогнал нас в замок, но во втором часу В. Скотт прислал звать меня с собою гулять, и мы пошли втроем. Он очень тихо ходит, опираясь на клюку, а иногда, как он сам мне сказывал, на его дворецкого, умного старика, которого мы встретили. Он повел меня на гору, которую также обделал сам, и к лебедю, которого сам кормит. Дорогой рассказывал, как за 15 лет нашел он это место совершенным пустырем, как устраивал его, и показывал все виды с горы на Мельроз, на дачу лорда Сомервиля и на реку Твид и другую речку, недалеко от его замка в Твиду впадающую; толковал о шотландских древностях, вспоминал часто старинные стихи и песни и с жаром повторял их. Он читает и немецкие книги и выспрашивал о Фемгерихте в Германии и хотел записать книги, кои я ему назвал о сем предмете [184]. Древность, или лучше, старина средних веков, его очень интересует и других народов, и я нашел в его библиотеке много любопытного по исторической и археологической части.

* Непосредственностью (*франц.*).



РУКОПИСЬ РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА «ТАЛИСМАН»
Страницы с авторскими поправками
Исторический музей, Москва

Мы гуляли до 5 часов, заходили на ферму, коей крестьянин — брат поэта, часто посещающего В. Скотта, помещика фермы брата его. В 6 часов позвали к обеду, к которому я оделся, как на бал. Разговор был общий, но оживленный. В столовой, так же как и во всех комнатах, множество картин, портретов и разных рисунков, относящихся к старине шотландской. После обеда дамы, а за ними и англичанин ушли, и В. Скотт снова подсел ко мне, и мы проговорили до 10 час. вечера. Он объяснял мне кланы, отношения их между собою и к начальникам их, и описывал прежнее их состояние, говоря, что в них не было ничего феодального, но более патриархальное; что начальник клана, конечно, пользовался большим влиянием, но что это влияние и дорого стоило ему; что теперь стараниями правительства и изменением правов кланы почти не существуют. Называл того убившегося шотландца, у коего ты обедал, как своего приятеля и ревностного учителя обыкновений шотландских. Мы перешли к литературе, и он повел показывать мне свои книги и акты двух обществ шотландских древностей и достопримечательностей. Показывал и другие редкие книги на шведском языке, ибо занимался поэзиею исландскою, и выспрашивал меня о новых книгах по сей части. Я хотел уехать, но он не пустил меня и оставил опять ночевать, сказав, что приготовил для меня другую комнату, просторнее, хотя и прежняя была прекрасная и удобная.

Я провел опять вечер с ним, и он был необыкновенно любезен и собирался сидеть со мною и после дам, но я откланялся и ушел в свою комнату, распрощавшись с дамами, и дочь пожала мне дружески руку. Англичанин пригласил меня к себе в деревню, недалеко от Карляйля, в местечке, описанном В. Скоттом, и хозяин требовал, чтобы я остался и, на мой отказ, чтобы опять заехал к нему из Эдинбурга; я обещал, но вряд ли сдержу слово; хотя мне кажется, что посещение мое ему не в тягость, и вчера ввечеру, прощаясь со мною, он сказал мне даже не только что-то лестное, но даже почти нежное, в ответ на мое извинение, что я, не рекомендованный никем, решился приехать к нему.

Приятель его много рассказывал мне о нем особенностей и хвалил его благородный характер, о коем другие иначе отзывались. Он любит посещения чужестранцев, хотя лондонские денди и надоедают ему своими незнакомыми визитами, всегда и весь день почти в обществе, и никто не знает, когда он имеет время писать и что пишет. Часто в присутствии этого приятеля случалось ему сочинять несколько страниц романа, которые в ту же минуту он прочел ему и послал в печать. Любит балагурить с гостями, хотя и балагурство его все с какою-то любезною важностью, и лицо чрезвычайно умное и выразительное. Бюст его мраморный, на который он мне сам указал, выражает верно и глаза его и рот, на котором что-то характеристическое. Весь дом его в книгах и в древностях и достопримечательностях всякого рода: я нашел и русские православные складни, и шитые торжковые сапоги, целые одежды рыцарей с панцырями и шлемами и копьями на стенах. Много хороших картин и комнаты убраны со вкусом» [185].

Трудно переоценить значение этого замечательного рассказа. Все, что А. И. Тургенев счел нужным сообщить об этом визите, поражает разнообразием и обширностью сделанных им наблюдений. Они записаны тут же, на месте действия, «пером В. Скотта и в его замке», и достоверность рассказа во всех его мелочах не подлежит никакому сомнению. Страстный любитель тотчас же закреплять на бумаге полученные им впечатления, А. И. Тургенев, как известно, не только писал письма своим многочисленным друзьям, но и находил время почти изо дня в день вести обширный дневник. Записи дневника временами почти буквально совпадали с письмами, но последние представляли собой все же результат первой, хотя и торопливой, литературной обработки дневниковых записей. Торопясь, Тургенев, однако, либо не поспевал занести в свои письма все краткие, иногда условно лаконические, понятные ему одному записи дневника, либо сознательно опускал их, считая достойными лишь своей памяти и не собираясь их оглашать. Поэтому

дневники Тургенева, в пяти переплетенных томах, представляют собою драгоценный источник для истории его жизни, и остается лишний раз пожалеть, что из них опубликованы лишь скудные и случайные отрывки [186].

Дневник за 1828 г. для нас в данном случае особенно интересен. Обширная запись посвящена в нем пребыванию А. И. Тургенева в Абботсфорде. Он спешил, делая свои заметки на месте: не дописывал слова, ограничивался намеками, иногда не до конца раскрывал свою мысль и не вполне дорисовывал картины, которые хотелось закрепить в памяти и которые потом ему было легко восстановить из лаконичных фраз, сокращенных предложений и условных знаков. То, что не было занесено в тетрадь своевременно и что всплывало в памяти потом, в другой связи, вписывалось тут же, вперемежку с новым рядом впечатлений.

Таковы и записи об Абботсфорде по поводу встречи с В. Скоттом. Пользуясь ими, можно значительно пополнить рассказ Тургенева в приведенном письме его от 6 августа. Сличение двух источников раскрывает нам новые и чрезвычайно любопытные подробности. Записи о В. Скотте идут в основной массе на листах 119 об.— 121 об. дневника, но попадаются и позже — на листах 122, 123, 124. Мы приводим эти записи ниже по подлинной рукописи, не пренебрегая никакой мелочью, в ожидании полной публикации всего дневника, дающего столь обильный и драгоценный материал для истории европейской культуры. Впечатления от городка Мельроза в дневнике изложены полнее, чем в письме.

«Наглядевшись на развалины, я зашел на почту, но ответа от В. Скотта не было. Я решился идти к нему и без вторичного приглашения. Абботсфорд от Мельроза в трех милях; я зашел в новую церковь Мельрозскую; она была наполнена слушателями проповедника пресвитерианского, хотя это было и в понедельник. Я шел с пригорка на пригорок и почти у самого сада увидел готический, но цветущий замок В. Скотта — of the Great Unknown, Великого Неизвестного. Вошел в отворенную калитку — и очутился в саду его. Женщина указала мне тропинку к замку. Я увидел прекрасную железную решетку, отделяющую сад от замка, совершенно в древнем гот〈ическом〉 вкусе построенного. По углам башенки; одна отделена от главного строения, с флагом. Над главным входом герб В. Скотта с древним девизом бордеров (шотландцев из местностей, пограничных с Англией).

Одна из дверей старинных подарена хозяину Эдинбургским городовым начальством и принадлежала к древностям описанного им Эдинб〈ургского〉 замка. Замок окружен садом; при входе в замок большая передняя комната вся увешана старинными рыцарскими доспехами, над коими латы и гербы, принадлежавшие разным фамилиям бордеров здешнего края: между ними и В. Скотта. Все напоминает рыцарство, Шотландию и средние века, здесь недавно только прекратившиеся, во всем видно жилище В. Скотта; в другой комнате портреты поэтов — я узнал Байрона — и рыцарей знаменитых шотландских, в третьей комнате редкости всякого рода и всех веков и народов: я нашел и красивые сапоги из Торжка, и православные медные складни, и индейские древности; но всего боле старины шотландской и английской. В. Скотт был на погребении и только лишь возвратился. Долго никто не приходил в комнаты, отпертые, и я имел время получить понятие о вкусе хозяина и строителя дома, хотя бы и не читал его романов и песен. Наконец увидел меня лакей, доложил обо мне и немедленно ввел меня в кабинет поэта-историка. С ним была и дочь его. Я узнал, что он не получал письма моего и 〈я〉 должен был написать ему свое имя, ибо едва запомнил он его с вечера Александры» (лл. 119 об.— 120).

«Давыдов — мое путешествие — Россия — скоро оживили разговор. Он знает и Дениса Давыдова, который присылает ему какие-то редкости для Шотландца. Я не хотел оставаться ни обедать, ни на вечер, но хозяйка уже велела приготовить комнату и извинялась только, что она не просторная, а В. Скотт предложил мне приготовиться к обеду и отдохнуть в комнате — я остался. Меня провели в мою комнату, где уже было все приготовлено для

усталого путешественника.— Освежившись в 6 час. меня пришли звать к обеду, и я нашел многочисленное общество, нарядное и fashionable. Гамильтон с женою, к брату коего имею письмо от Дав⟨ыдова, В. П.⟩, милая, прелестная ирландка, которой красоте и ingenuité и дамы не переставали по отъезде ее восхищаться, Mr Morry, англ⟨ичанин⟩ с женою и дочерью, белорусою, почти красавицею, какая-то старушка, которая приняла мою застенчивость под свое покровительство и познакомила с первыми ⟨*зачеркнуто*: шагами⟩ приемами в гостиной Абботсфорда, и несколько других приезжих.

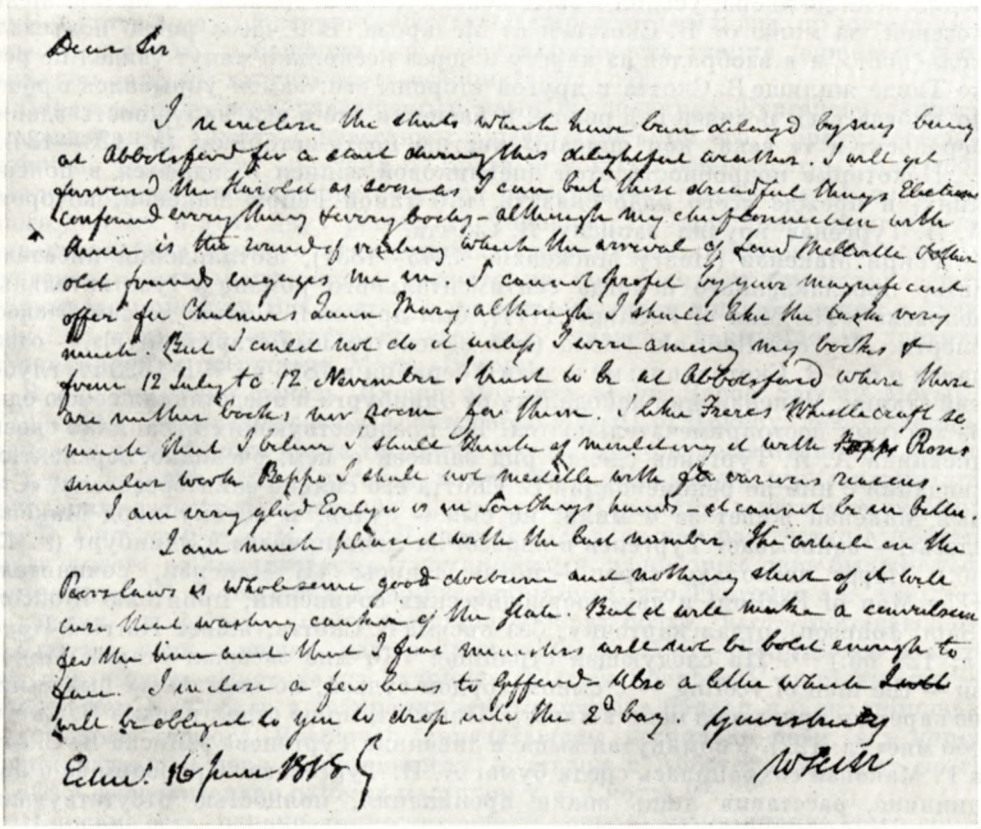
Обед с шампанским был достоин вкуса хозяина ко всему изящному и любезности его дочери. Он выпил за здоровье короля, вероятно, только для того, чтобы выпить за здоровье рус⟨ского⟩ имп⟨ератора⟩, и я отблагодарил в качестве русского и — пока — чиновника. После обеда долго сидели мужчины одни, и литература, политика нас сблизила с хозяином. Он пересел ко мне и пленил меня веселостью, но и какой-то важною веселостью — воспламенялся, говоря об истории и поэзии, беспрестанно приводил стихи и с жаром цитировал их, особливо старинные английские; объяснял картины и портреты залы: король Шведский Карл XII, коего потомка знает лично, сына экс-короля.

Возвратившись из столовой в гостиную, нашли музыку: девицы и старушка пели шотландские, и английские, и вальские ⟨уэльские⟩ народные песни. В. Скотт часто подходил и с каким-то восхищением повторял любимые слова песен, и объяснял мне народный смысл оных, и щелкал, и, казалось, хотел всеми знаками возбудить и в других чувство шотландского патриотизма, коим сам был проникнут» (л. 120—120 об.).

«Я смотрел на него почти с таким же восхищением и радовался его сильным ощущениям. Он убедил меня остаться и тут же послал за моим багажем в Мельроз, и я нашел его рано поутру уже в своей комнате. В 7 часов утра я вышел в сад, обошел весь парк, сидел в беседке над шумною и кипящею Твидою и в 10-м часу возвратился к завтраку. Он пригласил меня в час гулять с собою — и повел меня туда, где я еще не был, показывая все места, кои он прочистил и из пустыря создал рощи, дорожки и фермы с обработанными полями и пажитями для стад своих. Казалось, он гордился сим творчеством более, нежели «Ивангое». Мы взобрались, разговаривая о фемгерихтах, о шотландской старине, о сельском земледелии шотландском и о различии оного с английским, до верхней части горы; он указал мне границы своего владения и прелестные развалины аббатства, видные отсюда вместе с другими местечками, в низких, уютных домиках лежащими. Он тешился и моим восхищением, рассказывал о мельрозской старине, показал пастуха своего, у коего брат поэт и часто навещает его.

В 6-м часу возвратились домой, и следов⟨ательно⟩ гуляли часа три, и разговор ни на минуту не прерывался. После обеда он предложил мне ехать не из Мельроза, а в его карете до другой станции и оттуда в Эдинбург, но с тем, чтобы сегодня ночевать у него. Я с благодарностью принял предложение, и он, проводя дам и другого гостя в гостиную, остался со мною до 10 часа наедине. Мы много говорили о кланах, о влиянии начальников оных в Шотландии, особливо в Highland, о Гете, приславшем ему медаль его и письмо, о Mad⟨ame⟩ Stahl, об обществах шотландских древностей.— Это заставило его пойти в библиотеку, где дамы давно с кофе ожидали нас; началась опять музыка, но В. Скотт отворил мне свои шкапы, показывая свои редкие книги, и, прощаясь, сказал мне необыкновенно любезное и лестное приветствие, уговаривая еще на день остаться; взял мою карточку, а Морри дал и свой адрес и мой взял себе. Дочь пожала мне дружески руку на прощанье, другие красавицы улыбнулись, и — я ушел в свою комнату, жалея, что всего, что слышал, видел и чувствовал в сии два дня, не могу немедленно передать брату и Жуковскому, и Козлову, о коем рассказывал В. Скотту и дамам» (л. 120 об.— 121).

На этом кончается основная запись о визите к В. Скотту, несомненно сделанная в дневнике еще в Абботсфорде, вечером 5 августа или 6-го утром,



ПИСЬМО ВАЛЬТЕРА СКОТТА К ДЖОНУ МЕРРЕЮ, 16 ИЮНЯ 1818 Г.
Исторический музей, Москва

в день отъезда Тургенева в Эдинбург, когда написано было и его письмо к брату. В шотландскую столицу он приехал 6-го, «во втором часу пополуночи»; а с утра следующего дня уже отправился делать визиты и «разносить письма», завертевшись в водовороте новых впечатлений. Записи дневника становятся торопливыми и неразборчивыми, мелькает множество имен и адресов: «The Earl of Rosebery, Thomas Thompson, Esq., Professor Pillans, Муррай, Charlotte Square — Thomas Thompson (42) от Ландсдовна и Минто [187]. Застал, записал адресы и пошел с ним к Александру Юнгу с письмом от герцога Гамильтона. А. Юнг, Queen Street, 47, завтра пить чай в 9 $^1/_2$. Встретил профессора Напира North Castle Street, 39. Звал обедать в субботу в 6 часов. С Томсоном же к Пилленсу, Abercromby place, 22, с письмом Минто, звал завтра на вечер и будет к Юнгу пить чай со мною» и т. д. В воскресенье 10 августа, очевидно, выдалась свободная минута, и А. И. Тургенев заносит в дневник: «Я не успел записать еще беглых впечатлений в пути от Абботсфорда к Эдинбургу. Простился с В. Скоттом в его кабинете, записав ему на столе книгу об истории тайных судилищ в средние века в Германии Vehmgericht. В кабинете его бюсты двух поэтов, его приятелей: Макензи и Worthsworth ⟨Wordsworth⟩, последнего назвал он the poet of the lacks ⟨следует: lakes — «поэт озер»⟩.

В. Скотт, нежно распрощавшись со мною и пригласив меня к себе на возвратном пути, спросил, не желаю ли я иметь письмо к старому Макензи в Эд⟨инбург⟩? Я отвечал, что от него всякая строка для меня драгоценна, и он сел и написал записку, которую сохраняю между письменными своими сокровищами. Макензи, прочитав, позволил мне ее оставить. В. Скотт про-

водил меня до двора, усадил в свою коляску, и я отправился к заставе Мельрозской, за милю от В. Скотта и от Мельроза. В 9 часов ровно подъехала мель⟨пост⟩, и я взобрался на карету и через несколько минут увидел по речке Твиде жилище В. Скотта с другой стороны его: замок укрывался в роще, но иногда весь и виден над рекою, и башенки его и вся наружность здания переносит в те века, кои описаны кистию поэта-историка» (л. 123—124).

Некоторые подробности этой дневниковой записи нуждаются в пояснениях, и прежде всего надо сказать, кто такой Генри Макензи, которому А. И. Тургенев вручил записку В. Скотта.

Генри Макензи (Henry Mackenzie; 1745—1831), шотландский писатель, автор прославленного некогда сентиментального романа «Чувствительный человек» («The Man of Feeling», 1771), был другом В. Скотта до самой своей смерти. «My excellent old friend (мой замечательный старый друг)»,— отзывался о нем В. Скотт в письме к леди Аберкорн в 1816 г. [188] В 1828 г., глубокий старик, Макензи жил неподалеку от Эдинбурга и представлял собою одну из местных достопримечательностей. На предшествующих страницах своего дневника А. И. Тургенев сделал ряд записей о нем; очевидно, перспектива свидания с ним по рекомендации В. Скотта его сильно заинтересовала. «Старый Макензи живет за 4 мили, но сын — судья, и потому лорд Макензи здесь»,— записывает Тургенев в первый же день приезда в Эдинбург (л. 121 об.). Через несколько строк — новая запись: «К Макензи, сочинителю «The Man of Feeling» и двух периодических сочинений, приятелю Жонсона (Sam. Johnson), отдал карточку, без письма В. Скотта, живет Harried Road» (л. 121 об.) [189]. На следующей странице: «Ко мне заезжал старик Макензи — the man of feeling — с сыном лордом-судьей, но не в силах был выйти из кареты и пригласил меня в карету. Показал, но не отдал письма В. Скотта обо мне» (л. 122). Упомянутая выше в дневнике Тургенева записка В. Скотта к Г. Макензи сохранилась среди бумаг А. И. Тургенева. Приводим ее в подлиннике, расставив лишь знаки препинания, полностью отсутствующие в оригинале:

My dear and much respected Sir!

Monsieur Tourgueneff, a learned Russian, is desirous of paying his respects to you for a few minutes and if you can without inconvenience receive him, you will find him an highly well informed and agreable person.

Always with great respects your Walter S c o t t.

⟨*На обороте:*⟩

Henry Mackenzie Esq.
Herriot Row.

⟨*Перевод:*⟩

Дорогой и многоуважаемый сэр!

Г-н Тургенев, образованный русский джентльмен, желает посетить вас на несколько минут и высказать вам свое уважение. Если для вас не будет затруднительным принять его, вы найдете в нем весьма осведомленного и приятного человека.

Всегда глубоко вас уважающий ваш Вальтер С к о т т [190].

В Эдинбурге Тургенев встречался со следами настоящего культа В. Скотта. «Везде видел бюсты, почти в каждом доме, В. Скотта». Макензи рассказал ему, «что когда спросил Mrs Edgeworth, сочинительницу о воспитании, которая находит смешные стороны в людях, что она нашла в В. Скотте, то она ответила, что простота и натуральность его обхождения таковы, что никакой смешной стороны схватить невозможно. Бюстов его так много делают, что итальянец-художник, встретив В. Скотта, остановил его, сказав: «Я множество делал таких голов», и после подарил ему бюст своей отделки» (л. 121).

Записи о В. Скотте кончаются сделанной утром 10 августа: «В. Скотт проводил меня до двора, усадил в свою коляску, и я отправился к заставе Мельрозской, за милю от В. Скотта и от Мельроза». Отъехав, Тургенев

«взобрался на карету и через несколько минут увидел по речке Твиде жилище В. Скотта с другой стороны его: замок укрывается в роще, но иногда весь виден над рекою, и башенки его и вся наружность здания переносит в те века, кои описаны кистию поэта-историка» (л. 124).

Сопоставление всех извлеченных нами из дневника Тургенева записей о посещении В. Скотта с известным в печати письмом его к брату небесполезно; по скромности он утаил от брата несколько особо лестных для себя деталей, другие же попросту не успел пересказать, готовясь к отъезду. Но много данных в этих двух рассказах совпадает и дополняет друг друга. Характеристика «умного англичанина с двумя племянницами», в котором Тургенев нашел «начитанного и долго на континенте путешествовавшего старинного приятеля В. Скотта», в письме оказалась подробнее, чем в дневнике, но в письме отсутствует его имя, дважды занесенное в дневник по-английски и по-русски: Morry, Морри.

В нем нетрудно узнать Джона Моррита (John Bacon Sawrey Morritt; 1772—1843), называвшегося в Абботсфорде Morritt of Rokeby, действительно давнего и неизменного друга В. Скотта и страстного путешественника. Именно о нем говорит А. И. Тургенев в письме, рассказывая, что «англичанин пригласил» его «к себе в деревню, недалеко от Карляйля, в местечке, описанном В. Скоттом», т. е. Rokeby. В августе 1828 г. он как раз гостил в Абботсфорде вместе со своими двумя племянницами, из которых одна была недурной певицей [191]. В письме и дневнике упомянуто, что Тургенев с В. Скоттом «заходили на ферму, коей крестьянин — брат поэта, часто посещающего В. Скотта»; речь, конечно, идет о Джемсе Хогге (1770—1835), более известном под именем «Пастуха из Эттрика» (Ettrick Shepherd), самоучке-поэте, помогавшем В. Скотту в собирании «пограничных» баллад и с его помощью и помощью герцога Buccleuch напечатавшем несколько поэм, а в конце жизни издавшем свои воспоминания о жизни в Абботсфорде; брат поэта в 1828 г. действительно служил пастухом у В. Скотта [192].

В письме есть, однако, отсутствующее в дневнике упоминание «того убившегося шотландца», у коего обедал Н. И. Тургенев как у «своего приятеля и ревностного учителя обыкновений шотландских». Это упоминание лица, которое Н. И. Тургенев хорошо знал, было естественно в письме к брату. Здесь, несомненно, имеется в виду полковник Гленгерри (Ronaldson Macdonald of Glengarry) — человек, «известный по своей непомерной гордости», как его характеризует в цитируемых выше воспоминаниях В. П. Давыдов. В. Скотт его хорошо знал, и Гленгерри представлялся ему шотландским Дон-Кихотом, который должен был бы родиться по крайней мере на два столетия раньше; это был один из последних «шотландских вождей», который в неприкосновенности сохранил все стародавние традиции, обряды, костюмы, обыкновения своего клана. Предполагают, что именно с него списан В. Скоттом портрет Фергюса Мак-Айвора в «Веверлее» [193]. 14 января 1828 г. он трагически погиб при попытке спастись с тонущего корабля у самых берегов Шотландии; В. Скотта очень опечалила его смерть, и о Гленгерри постоянно говорили в Абботсфорде в течение этого года [194].

В письме А. И. Тургенев не упоминает о портретах Байрона, которые он видел в Абботсфорде. Кратко говорится о них в дневнике, а десятилетие спустя в одной из статей в пушкинском «Современнике» Тургенев случайно вспомнил этот эпизод с большими и забавными подробностями: «Однажды добродушный и гостеприимный хозяин Абботсфорда показывал мне мраморный бюст, подаренный ему Байроном, стоявший в его библиотеке на деревянном пьедестале, внутри коего хранилась прежде его переписка со знаменитыми современниками.

Дочь В. Скотта подошла ко мне и просила не спрашивать у отца ее о бумагах, в пьедестале хранящихся. «Воспоминание о них,— сказала она,— огорчит батюшку, ибо один из посетителей, коему также показывал он свои сокровища, украл из пьедестала письма Байрона» [195].

В неизданном письме А. И. Тургенева к Карамзиным (Лондон, 15 февра-

ля 1829 г.) имеются строки: «Если удастся еще раз гостить в Абботсфорде, то напишу оттуда прямо и перескажу помещику В. Скотту слова ваши: он уже слыхал от меня о ц‹арско›сельских вечерах ваших, которые проводили вы в чтении его романов в глубокую осень. Скоро начнет он печатать новое издание всех своих сочинений; в предисловии ко всему изданию и в каждой повести особенно будут исторические и биографические пояснения, им самим написанные; к тем романам, кои основаны на историч‹еских› преданиях или легендах, присовокупит легенды, фамильные акты и историческую быль, на коей основаны его повести, с изъяснением старинных слов, обычаев и предрассудков народных. Предисловие будет вместе и с ауто-биографиею автора. Особенно примечания к *Waverley* и к *Антикварию* будут любопытны. И новый роман выйдет в свет. Издание будет красивое и с картинками лучших граверов и у вас прежде всех в России. Недавно познакомился я здесь с его дочерью M-me Lockhart, умною, любезною и поющею. Муж также знаменитый автор романов и журналист, но — тори» [196].

Приведенные рассказы А. И. Тургенева дополняет еще один источник — дневник пребывания в Абботсфорде старой приятельницы В. Скотта, м-с Мэри Энн Хьюз (Hughes of Uffington, 1828) [197]. М-с Хьюз гостила здесь между 26 июля и 5 августа. Накануне отъезда (4 августа) она записала в своем дневнике, что к обеду явились капитан Гамильтон с женой, мисс Отли с братом и что «примерно за час до обеда» в Абботсфорд прибыл «знатный русский» (a Russian of rank), имя которого ей «не удалось уловить»; «он приехал раньше, чем были получены рекомендательные письма, но сэр Вальтер, видя в нем настоящего джентльмена, хорошо известного некоторым его друзьям, пригласил его остаться; он оказался замечательно приятным человеком и хорошо говорящим по-английски; он сообщил нам, что все сочинения сэра В. Скотта переведены на русский язык и что существуют соперничающие издания, напечатанные в Москве и Петербурге» [198]. Несомненно, речь здесь идет о А. И. Тургеневе, приехавшем в Абботсфорд именно 4 августа 1828 г., и что именно о м-с Хьюз, не зная ее имени, упоминает он сам в дневнике, говоря, что «какая-то старушка приняла его застенчивость под свое покровительство и познакомила с первыми приемами в гостиной Абботсфорда». В этом не может быть никаких сомнений и потому, что в дальнейших строках своего дневника м-с Хьюз, продолжая рассказывать об этом русском путешественнике, приводит ряд фактов из биографии А. И. Тургенева. Она пишет, между прочим, что «он был помощником государственного секретаря в течение многих лет при жизни имп. Александра и имеет поместья около «Заимки» («Saimka») на Волге».

А. И. Тургенев недаром произвел такое хорошее впечатление на м-с Хьюз; опытный и тонкий собеседник, прошедший школу в парижских салонах эпохи реставрации, он прекрасно знал, как и с кем нужно вести беседу. С В. Скоттом, по его собственным словам, его быстро сблизили литература и политика: он умел поддержать интересную беседу с хозяином и о Vehmgericht'e в средневековой Германии, и о различиях аграрного строя в Шотландии и в Англии, и о современной английской поэзии. С м-с Хьюз беседа пошла о другом: о том, что некогда крайне занимало и В. Скотта,— об императоре Александре I, о наполеоновских походах и т. д.

Свое путешествие по Шотландии Тургенев продолжал с путеводителем или с книгами В. Скотта в руках, все еще полный впечатлений от их автора; он отметил в своих письмах к брату и виденную им капеллу св. Антония, славную по «Эдинбургской тюрьме», «лемерские горы», прославленные другим романом — «Ламмермурской невестой», Black fort hill, досягающий до моря и описанный в «Мармионе», «откуда В. Скотт, смотря на Эдинбург, называл его my own romantic town (мой собственный романтический город)», Butler walk — место, прославленное романом В. Скотта, внизу деревенька, им же увековеченная [199].

В деревеньке Даддингстон (Duddingston) он навестил «только вчера от В. Скотта возвратившегося пастора Томсона» (John Thomson; 1778—1840),

заслужившего известность как художник своими шотландскими пейзажами и большого приятеля В. Скотта [200].

«Пастор Томсон,— пишет А. И. Тургенев брату,— принял нас в саду своем, близ озера, и указал спелый крыжовник, но мы желали видеть его картины, ибо он славный живописец и списал все поэтические сцены шотландской природы, особенно же прославленные романами друга его В. Скотта. ... Некоторые картины особенно замечательны верностью и искусством. Я желал видеть рисунок его, снятый с Абботсфорда, и обрадовался, как старому знакомому. Он списал его очень верно и живописно. В. Скотт сам любовался им, хотя при сем случае я узнал, что он никакого вкуса к картинам и вообще к живописи не имеет, смотрит на них равнодушно, и сам в этом признавался Томсону. Тут же узнал я, что банкротством здешнего книгопродавца Констабля, в коем и В. Скотт участвовал, он задолжал за два года пред сим 50 тысяч ф.с.— 20 тысяч уже уплатил и теперь остается уплатить еще 30 тысяч ф.с. Он надеется все заплатить продажею новых сочинений: это объясняет и тайну *Истории Наполеона*. От своей официальной должности получает он 1200 ф.с. ежегодно» [201].

Британию А. И. Тургенев покинул в конце 1828 г., увозя с собою огромное количество впечатлений, воспоминания о встречах и беседах со многими выдающимися или чем-нибудь примечательными людьми. Впечатления о В. Скотте были среди них не на последнем месте.

Весною 1829 г. А. И. Тургенев был, между прочим, в Веймаре и навестил Гете. В «Дневнике» Гете под 4 мая 1829 г. сделана следующая запись: «Русский статский советник Тургенев, возвращающийся из Англии и Шотландии с рассказами о многих, с кем он познакомился» [202]. Из других свидетельств, и прежде всего самого Тургенева, мы знаем, что из всех его рассказов в Веймаре наибольший интерес представили для Гете его повествования о посещении В. Скотта в Абботсфорде, и понятно почему.

В личные сношения с В. Скоттом Гете вступил незадолго перед тем, в 1827 г., при содействии посетившего Веймар приятеля Скотта, Джона Хопса (John Hops) [203]. Гете написал ему тогда письмо, получением которого В. Скотт очень гордился, отметив его в своем дневнике и записав здесь же свою восторженную характеристику немецкого поэта. Ответ Гете В. Скоттом был послан в июле 1827 г.; он благодарил Гете за внимание к своим сочинениям, сожалел об ошибках своих немецких переводов, рассказывал о себе; вместе с письмом В. Скотт послал Гете экземпляр только что вышедшего своего труда «The Life of Napoleon Bonaparte». На это Гете ответил через Томаса Карлейля, который по его поручению доставил В. Скотту портрет Гете и несколько медалей. Мы видели уже, что об этой переписке с Гете и о присланных медалях шла речь у В. Скотта с А. И. Тургеневым. Естественно, что последний мог заинтересовать Гете новыми подробностями об Абботсфорде и его хозяине и что его рассказы о беседах с В. Скоттом пользовались большим вниманием в Веймаре. Тургенев тщательно отметил все эти веймарские расспросы о В. Скотте в своем дневнике. «Смешно читать,— замечает по этому поводу С. Н. Дурылин, впервые опубликовавший все эти записи,— как ex professio * каждая принцесса и придворный пристают к Тургеневу с расспросами о В. Скотте; так «принято», так «в традиции» говорить о литературе, что даже, наконец, и тупой Карл Фридрих, встретясь 7 мая с Тургеневым на прогулке, «спросил о Вальтер Скотте» [204].

В России также по достоинству оценили рассказы Тургенева. Еще в том же 1829 г. Вяземский писал ему: «С какою тоскою завидовал я тебе в гостях у В. Скотта. Сделай милость, пришли мне образцы рукописания его ⟨...⟩. Ради бога, пришли нам несколько страниц из путевых твоих записок шотландских, пребывание у В. Скотта...» [205]. Речь здесь идет о задуманном тогда Пушкиным с друзьями новом петербургском журнале. Это намерение не осуществилось, но в пушкинском «Современнике» напечатан был рассказ Турге-

* По обязанности (*лат*

нева о посещении им Гете в Веймаре, в который вплелись и его воспоминания о В. Скотте [206]. Об этом хлопотали и сам Пушкин, и Вяземский [207].

В дневнике А. И. Тургенева под 24 декабря 1836 г. значатся длительные разговоры с Пушкиным и другими и сделана характерная пометка по этому поводу: «заговорил их о В. Скотте», а под «9 генваря» 1837 г. находим запись: «Дал Пушкину... выписки из моего журнала о Шотландии и Веймаре» [208]. Речь, таким образом, идет здесь, в частности, о тех записях дневника, которые приведены нами выше.

Немало радовался этим рассказам Тургенева также И. И. Козлов. Среди его стихотворений есть большое послание «К Валтеру Скотту», в котором слепой поэт благодарит «шотландского барда» за наслаждение, испытанное от чтения его произведений, и, наконец, воображает себя в Абботсфорде за чайным столом, посреди детей и внуков хозяина:

Шотландский бард, певец любимый
Прекрасной дикой стороны,
Чей нам звучит напев родимый
Святее милой старины!
Прости, что дерзостной рукою
Я, очарованный тобою,
Несу в венок блестящий твой
Фиалки, ландыш полевой!

Мечта поэта несется в Абботсфорд, вероятно знакомый ему по описаниям бывших там лиц, и прежде всего, конечно, А. И. Тургенева:

Как часто я в мечтах веселых
От мыслей мрачных и тяжелых
В тенистый Абботсфорд лечу,—
С тобой, мой бард, пожить хочу.
. . . . . .
И что ж? В мечтании моем
Уж я давно в саду твоем
С тобой хожу и отдыхаю,
Твоим рассказам я внимаю.
Со всех сторон передо мной
Места, воспетые тобой:
Вон там Мельрозская обитель,
Где часто бродит по ночам
Убитый рыцарь Кольдингам;
Вот мост Бодвеля — он хранитель
Преданий страшных; все кругом,—
И крест холма, и дуб косматый,
И пруд под башнею зубчатой —
Оживлено твоим пером.

Еще охотнее поэт представляет себя в кругу семьи В. Скотта, в числе иностранных гостей знаменитого хозяина:

Иль вдруг, вечернею порою,
В приветном замке мы с тобою;
Там дети, внуки, вся семья —
Отрада милая твоя —
Бегут, шумят, тебя встречая,
И места нет почти друзьям;
А дочь — хозяйка молодая —
Янтарный чай готовит нам;
Все негой, радостью светлеет.
Кто здесь с весельем не знаком?
И ты, певец, пред камельком,
Где уголь дымный жарко тлеет,
В красе серебряных кудрей
Сидишь с детьми твоих детей;
То учишь их, то забавляешь,
Им сказки, были поминаешь.
То речь ведешь о мертвецах,
О ведьмах, о ворожеях,
Иль в знак бесценной им награды
Поешь родимые баллады,
Иль вдруг, уже не тратя слов,
Резвиться с ними ты готов.

Когда же «младенцы начали дремать»,

Тогда беседуешь с друзьями,
С приезжими; твой ум живой
Дивит небрежной остротой,
Пленяет сладкими речами.
О, как благословен твой век,
Великий... добрый человек!

Критика считала, что в этом стихотворении русского поэта «целый вечер из жизни автора «Айвенго» описан так, как разве мог бы описать его старинный друг его семейства», и даже поясняла, что в качестве «хозяйки молодой» изображена здесь «замужняя дочь В. Скотта — София Локгарт» [209].

Хотя к началу 30-х годов, когда написано было это послание, в русском обществе уже довольно хорошо знали интимную обстановку жизни в Абботсфорде, однако многие подробности стихотворения заставляют предположить, что некоторые детали Козлов мог заимствовать из устных рассказов русских путешественников, бывавших в гостях у В. Скотта, скорее всего именно от А. И. Тургенева, всегда навещавшего Козлова во время приездов своих в Россию. Козлов заканчивает свое послание пожеланием, чтобы оно достигло В. Скотта (что можно было осуществить через тех его друзей, которые сделали его имя известным и Шатобриану, и Алессандро Манцони) [210]:

Привет, быть может дерзновенный,
Прости мне, старец вдохновенный!
В живом восторге я хотел,
Чтобы к тебе он долетел...

Едва ли это желание Козлова исполнилось. Послание было закончено и читалось Козловым друзьям в январе 1832 г., в год смерти В. Скотта. Однако у нас есть неясное указание на то, что В. Скотт будто бы проявил интерес к стихотворениям Козлова. В «Дневнике» Козлова под 29 января 1832 г. находим следующую запись: «Я прочел мое послание к Вальтер Скотту Вьельгорскому. Графиня Лебцельтерн по какому-то необыкновенному совпадению сообщила мне, что Вальтер Скотт желает иметь мою поэзию» [211].

Не тот же ли А. И. Тургенев был этому причиною? Ведь, как мы видели из его дневника, гостя в Абботсфорде, он рассказывал там о Козлове и самому хозяину, и «дамам»; всех должен был тогда заинтересовать русский поэт-слепец, с восторгом относившийся к «шотландскому барду», стихотворения которого он переводил и которому написал приведенное выше послание.

6. Посещение Абботсфорда А. К. Мейендорфом.— Английский перевод «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина, сделанный В. И. Ланской и посвященный В. Скотту (1833).— Письма к В. Скотту «русского баснописца» А. Е. Измайлова из Архангельска о памятнике Ломоносову.— Русский портрет В. Скотта, выполненный в Париже.

Летом 1830 г. В. Скотт получил письмо еще от одного представителя русской знати, посетившего его в Абботсфорде за год перед тем, барона Александра Казимировича Мейендорфа (1798—1865), тогда еще молодого человека, преуспевавшего во всех отношениях и готовившегося сделать солидную чиновную карьеру. А. К. Мейендорф в юности прослужил несколько лет в русских войсках, затем вышел в отставку (1824) и жил то в своем прибалтийском имении, то за границей. Визит Мейендорфа в Абботсфорд состоялся в конце марта 1829 г. В. Скотт отметил это в своем дневнике (24 марта), однако с ошибкой имени, назвав гостя Мейерсдорфом. Запись эта гласит: «К завтраку приехал один из курляндских дворян, барон А. фон Мейерсдорф (Meyersdorff), приятный, веселый, живой молодой человек, любящий свой край и негодующий по поводу того, что он пришел в упадок под владычеством России. Он много рассказывал о рыцарских орденах — феодальных владетелях Ливонии, особенно об ордене меченосцев, к которому принадлежали его собственные предки. Если верить его сообщению, то в Германии, Польше и России где-то в глубине таится действующее начало, которое, если «не заглохнет в замыслах», произведет в один прекрасный день взрыв. Впрочем, немцы — это народ, склонный истощать свои силы в размышлениях. Барон способен увлекаться и начитан в английской и иностранной литературах» [212].

Как видно из этой записи, Мейендорф представил себя знаменитым писателем, немецко-ливонским патриотом, прямым потомком меченосцев, хозяйничавших некогда на захваченных ими землях, страстным любителем ливонской старины времен немецкого феодального владычества; более того,

он даже недвусмысленно намекнул В. Скотту на нынешний упадок и деградацию этого дворянства и на какие-то таинственные силы, которые могут привести к «взрыву», хотя едва ли когда-либо в другое время курляндские и эстляндские дворяне были у нас в большей чести, чем в реакционные годы царствования Николая I, достигнув тогда самых верхов чиновно-бюрократической лестницы. Да и сам Мейендорф готовился занять на ней выгодное положение. Нужно думать, что весь разговор о меченосцах и рыцарских порядках в Ливонии был простой любезностью к старому писателю, все еще сохранявшему свой давний интерес к средневековью и судьбам рыцарства в Европе, и стремлением хоть этим возбудить у В. Скотта любопытство к самому себе; впрочем, Мейендорф действительно принадлежал к древнему рыцарскому роду, переселившемуся в Ливонию еще в XII в.[213]

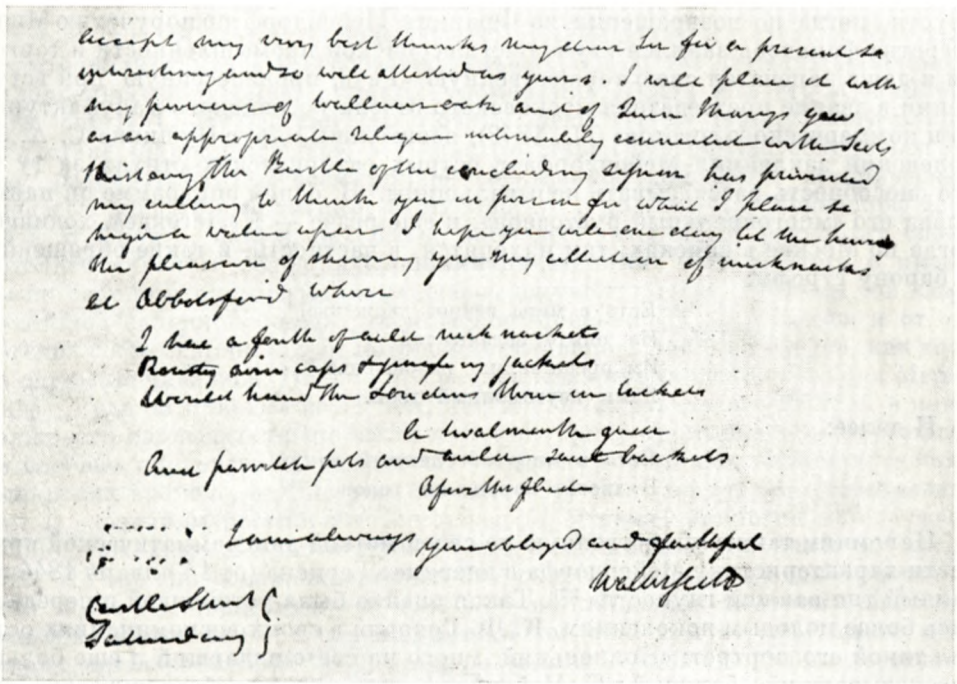
Через несколько месяцев того же 1829 г. Мейендорф вступил на российскую службу по гражданскому ведомству и 9 августа был определен в Департамент мануфактур и внутренней торговли агентом при русском посольстве во Франции «по части мануфактурной промышленности и торговли вообще» [214].

Разговор с Мейендорфом едва ли мог особенно заинтересовать В. Скотта; ему приходилось принимать у себя множество иностранных гостей. Самое для себя примечательное В. Скотт отметил в своем дневнике. Очевидно, однако, что беседа коснулась тогда и некоторых других тем. Возможно, что В. Скотт спросил Мейендорфа о своих русских знакомых. Кое-кого из них Мейендорф действительно мог знать. В дневнике В. Скотта под тем же числом (24 марта 1829 г.) находится и такая запись: «Он ⟨Мейендорф⟩ сообщил мне, что моя старая знакомая, княгиня Голицына, умерла». Речь идет здесь о Прасковье Андреевне Голицыной, скончавшейся в 1828 г. Очевидно также, что разговор коснулся литературы, иначе у В. Скотта не было бы повода с похвалой отозваться о начитанности Мейендорфа в «иностранных» литературах, в первую очередь английской.

Интересное подтверждение этому мы находим в дневнике другого писателя — Альфреда де Виньи, которого Мейендорф также нашел случай посетить, находясь уже в Париже. Дело происходило через несколько месяцев после визита Мейендорфа к В. Скотту — в мае 1829 г. Мейендорф явился к французскому писателю не один: его сопровождал друг Виньи — Эдуард Лагранж. Виньи именует Мейендорфа «русским полковником» (он и в самом деле, несмотря на свои тридцать лет, числился «полковником в отставке» русской военной службы). Запись в дневнике Виньи очень любопытна, так как она дает некоторые дополнительные данные о В. Скотте. «Вальтер Скотт просил его,— записал Виньи о Мейендорфе,— повидать меня и сказать, что из французских книг он читал только моего «Сен-Мара» ⟨...⟩ В. Скотт находит в этой книге только один недостаток, что в ней не уделено достаточно места народу. По его мнению, наш народ столь же живописен, как и его собственный, а наша публика также достаточно терпелива, чтобы вынести народные разговоры, но он ошибается. Его Шотландия интересуется каждой из своих гор, а разве Франция любит все свое провинции?» [215].

Трудно сказать, насколько мы можем верить в точность передачи этого устного отзыва В. Скотта об историческом романе Виньи, сообщенного автору якобы по личной просьбе шотландского писателя. Легко допустить, что за завтраком в Абботсфорде в конце марта 1829 г. действительно шла речь о «Сен-Мере» Виньи (1826), как об одной из примечательных новинок французской повествовательной литературы; более того, как раз в это время и французская, и английская критика оживленно обсуждала этот исторический роман, первый подлинный «вальтерскоттовский» роман во французской литературе, и ставила вопрос о том, можно ли Виньи считать подражателем или соперником В. Скотта на поприще исторической романистики.

Через несколько лет и Пушкин (в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая», 1836) утверждал, что Виньи «французские критики без церемонии поставили на одной доске с В. Скоттом» [216]. Это сопостав-



АВТОГРАФ ВАЛЬТЕРА СКОТТА ИЗ СОБРАНИЯ В. Г. ОРЛОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ, МОСКВА

ление было тогда у всех на устах и впоследствии углублено было в специальной исследовательской литературе [217]. В. Скотт, несомненно, держал в руках «Сен-Мара», хотя это вовсе не была «единственная» французская книга, даже из новейших изданий, которые он читал, как это пытался представить Мейендорф, чтобы польстить французскому писателю в том же стиле, в каком беседовал он и с В. Скоттом. Можно, однако, усумниться, действительно ли В. Скотт поручил Мейендорфу повидать Виньи и передать ему свой достаточно лестный отзыв о его романе; едва ли В. Скотт мог воспользоваться услугой этого путешествующего «курляндского дворянина», своего случайного заезжего собеседника, для выполнения столь, в сущности, ответственного поручения; для этого В. Скотт располагал многими другими, гораздо более подходящими возможностями. Более естественно предположить, что Мейендорф воспользовался своим недавним визитом в Абботсфорд как удобным предлогом, чтобы лично представиться и Виньи. Какая беседа между ними могла быть более естественной, чем обсуждение «Сен-Мара», в особенности с точки зрения этого шотландского писателя, который по праву считался основателем нового жанра исторического романа в литературе европейского романтизма и вдохновителем самого Альфреда де Виньи? Все это заставляет с осторожностью отнестись к отзыву о «Сен-Маре» В. Скотта в двойной передаче Мейендорфа и самого Виньи, хотя этот отзыв и мог иметь известные основания: в самом понимании жанра исторического романа точки зрения В. Скотта и Виньи, как известно, далеко не совпадали [218].

У своих русских современников Мейендорф пользовался репутацией доброго и отзывчивого, но довольно ограниченного человека; он умел быть приятным и занимательным собеседником, однако заслужил себе славу легкомысленного и самодовольного болтуна. «Любознательный, деятельный и веселый, он всюду собирал новости и щедро расточал их потом, не справляясь об их истине, так что никто, кажется, больше его не рассказывал небывальщины, хотя он и не лгал и не выдумывал», — пишет о нем А. Д. Блудова в своих берлинских воспоминаниях, относящихся к 1831 г. Десятилетие

спустя, когда по возвращении из Франции Мейендорф по поручению Министерства финансов занялся изучением российской промышленности и торговли и даже напечатал свою торжественную «Речь, произнесенную при вступлении в звание председателя московского отдела российского мануфактурного и коммерческого советов» (М., 1842), язвительный друг Пушкина С. А. Соболевский заклеймил Мейендорфа в острых сатирических стихах за ту же его способность рассказывать небывальщины. В одной эпиграмме он наименовал его «многовральный пустозвон», и еще резче — в «Легенде», ходившей тогда по Москве в списках; там находятся, в частности, и такие обращенные к барону строфы:

Есть в мире вечное движенье!
На опыте задачи той
Им представляет разрешенье
Язык неугомонный твой.

И далее:

Есть в мире абсолютный вакум!
В твоей, барон, он голове...[220]

Напомним также убийственную по своей меткой эпиграмматической краткости характеристику Мейендорфа в дневнике Герцена (от 14 января 1844 г.): «милый тип важной глупости» [221]. Такая оценка была устойчивой и передавалась более молодым поколениям. К. Ф. Головин в своих воспоминаниях оставил такой его портрет: «Полненький, много на свете видавший и еще больше рассказывавший, барон А. К. Мейендорф, никогда не обедавший два дня сряду в том же доме, был тоже типом своего рода. По эластичности своего болтливого лица он имел нечто общее с Юлием Урусовым и охотно высыпал, редко повторяясь, с три короба анекдотов <...> Не могу не вспомнить, что никогда, положительно никогда не слышал его злословящим, хотя он, кажется, всю свою жизнь сводил к болтовне. Кто-то приписал ему следующее изречение: «Il ne faut pas parler, il faut agir... Causons!» * [222]

Первое свидание Мейендорфа с Виньи, как мы видели, состоялось в 1829 г. Тремя годами позднее, в 1832 г., Виньи вновь отметил в своем дневнике посещение его «бароном Мейендорфом», которого он называет теперь «адъютантом императора Николая», каковым он никогда не был (впрочем, он еще в в 1829 г. получил звание камергера и гражданский чин коллежского советника). Дальнейшие строки этой записи Виньи не оставляют никакого сомнения в том, что Мейендорф и в этом случае постарался представить себя в качестве добровольного посредника между литературными светилами Европы: на этот раз Мейендорф передавал Виньи отзыв о нем не только того же В. Скотта, но и Гете. Виньи записывает: «Он <Мейендорф> сказал мне, что Гете много раз говорил с ним обо мне с восхищением. Его молодая жена повторила мне это, сообщив, что Гете выразил ему желание меня видеть. В. Скотт также говорил ему, что он мало что читал по-французски, но что он прочел все мои произведения с восторгом (avec transport)» [223]. Это было опять несомненным преувеличением, более походящим на светский комплимент, чем на свидетельство, заслуживающее доверия, чего, впрочем, Виньи не заметил: в записи его же дневника 1829 г. значилось, со слов Мейендорфа, что В. Скотт читал «Сен-Мара», а не все произведения Виньи; к тому же в 1829 г. по свежим следам событий Мейендорф спешил передать Виньи отзыв В. Скотта о его романе, содержавший профессиональный, хотя и замаскированный упрек; здесь он растворился в сплошном энтузиазме. Исследователи Виньи недоверчиво относятся и к тому, что Мейендорф рассказал о Гете [224]. Виньи, однако, уже не мог удостовериться в истине, если бы даже пожелал этого: и В. Скотт, и Гете умерли в том же году (1832).

Вероятно, самым лучшим свидетельством того, что все эти рассказы Мейендорфа не имеют большого значения, может служить письмо его самого,

* Надо не говорить, надо действовать... Будем же болтать! (*франц.*).

адресованное В. Скотту и дошедшее до шотландского писателя в 1830 г.,— достаточно бестактное и бессодержательное. В нем нет никаких намеков на выполненное поручение, никаких упоминаний Виньи или его «Сен-Мара», хотя если В. Скотт действительно считал недостатком французского романа отсутствие «народных сцен», а Виньи отстаивал свое право обходиться без них, разрабатывая в своем романе собственное понимание исторического процесса, морали и политики, то именно это и должен был Мейендорф сообщить В. Скотту, как, может быть, наиболее интересный результат своего интеллектуального общения с обоими писателями. Ничего этого в письме мы не находим; оно представляет собою документальный образчик той самой болтливой салонной беседы, за которую Мейендорфу доставалось и от его русских современников, и от которой не оставалось никаких следов, как только она заканчивалась. Письмо это написано из курляндского имения Мейендорфа, куда он приехал перед тем, как вновь отправиться в Париж, в новой должности наблюдателя «по части мануфактурной промышленности и торговли вообще» при русском посольстве; он вновь вспоминает Ливонию «добрых рыцарских времен», однако уже без тени огорчения на то, что она принадлежит к владениям российского императора, и даже, напротив, высказывает великодержавные патриотические чувства. В письме нет никаких следов того, что оно адресовано писателю: это, скорее, послание из одного феодального замка — ливонского — в другой — шотландский; недаром оно заключается хозяйственными соображениями о том, как следует заботиться о деревьях, произрастающих у древних развалин. И Мейендорф был достаточно прозорлив, чтобы не ожидать ответа на это письмо от старика В. Скотта, и сам упомянул об этом. Вероятно, ответного письма и не было, и на этом и кончилось это случайное знакомство. Для нас письмо Мейендорфа представляет все же интерес, так как оно дополняет некоторыми подробностями дневниковую запись В. Скотта от 24 марта 1829 г. о двух днях в Абботсфорде, проведенных им в обществе этого путешественника из Российской Курляндии. Приводим его полностью:

Monsieur le Baron,

Il y a environ un an que j'étais sous les toits hospitaliers d'Abbotsford. Vous vous en souviendrez à peine et moi je ne l'oublierai jamais. Parmi les choses excellentes que m'offrait Sir Walter et qui rappelaient tant ce que l'on sait de l'antique hospitalité écossaise, je remarquai avec plaisir le whisky. J'en portai même par vos ordres une bouteille à Madame Lockhart à Londres. Revenu dans ma bonne Livonie au milieu de nos sables, de nos sapins en vue de ces ruines qui disent notre puissance passée et notre insuffisance actuelle, je me souvenais toujours avec plaisir de ces deux jours passés si bien avec Sir Walter. Il faut, me disai-je, qu'il goûte notre whisky et que nous lui procurions un instant de plaisir pour les jouissances sans nombre que nous lui devons. C'est ainsi que je me vois ⟨obligé⟩ de Vous envoyer le paquet ci-joint adressé à Votre librairie. Si ce whisky Vous plaît, je Vous prie de penser qu'en Angleterre le roi seul en boit. J'en fais toujours venir de Riga pour sa table.

Depuis que je Vous ai quitté — j'ai beaucoup voyagé — j'ai été errer sur les bords du Volga, de la Seine, maintenant je retourne à Paris où je suis placé près du Général Pozzo. J'y rentrerai avec ma femme pour quelque temps à poste fixe. Je ne Vous dis pas cela pour que Vous m'écriviez, Dieu préserve. J'espère bien que Vous me traiterez comme nous traitons tous Sir John Sinclair qui écrit à tout le monde et auquel personne ne répond.

La Russie tranquille maintenant au dehors se développe majestueusement dans le jour de la civilisation; c'est un beau spectacle que 50 millions d'individus qui s'avancent rapidement dans la carrière d'une véritable civilisation. Vous devriez venir voir un moment ce spectacle. Je n'ai pas besoin de dire comme Vous seriez reçu. On sait être reconnaissant en Russie et surtout à Moscou. Je trouve partout un enthousiasme pour l'Ecosse qui vous ferait plaisir.

Je veux que ces lignes vous trouvent bien portant, gai comme je Vous ai vu

dans nos promenades au milieu des votres, le beau temps Vous aura ramené de Londres Mrs Lockhart et les petits enfants.

Puissiez-vous jouir longtemps d'un bonheur que Vous souhaitent les habitants de l'un et de l'autre monde et permettez à un descendant des anciens porteglaives de Livonie de venir frapper un de ces jours aux portes du château d'Abbotsford. C'est du fond de mon coeur que je Vous demande un souvenir bienveillant à un de vos plus chauds admirateurs.

Le Baron A. de Meyendorff

Riga. le 20 Juin 1830

P. S. Je me réjouirai beaucoup de venir voir Vos arbres croissants sous l'oeil du maître. Savez-vous que depuis longtemps nous déplantons et replantons de vieux arbres, mais tout ce que Vous nous avez dit récemment là-dessus nous a fait le plus grand plaisir.

〈Перевод:〉

Господин барон,

Прошел уже приблизительно год с тех пор, как я находился под гостеприимной кровлей Абботсфорда. Вы с трудом вспомните обо мне, я же не забуду Вас никогда. Среди многих великолепных вещей, которыми угощал меня сэр Вальтер и которые заставляли вспоминать то, что известно о старинном шотландском гостеприимстве, я с удовольствием отметил виски (le whisky). Одну бутылку этого виски я даже отвез по вашей просьбе г-же Локарт в Лондон. Возвратившись в мою милую Ливонию, к нашим пескам и елям, возле развалин, свидетельствующих о нашем прошлом могуществе и нашей нынешней слабости, я всегда с удовольствием вспоминал о двух днях, столь славно проведенных с сэром Вальтером. Необходимо, говорил я себе, чтобы он попробовал наше виски и чтобы мы доставили ему минутное удовольствие за те бесчисленные наслаждения, которыми мы ему обязаны. Вот почему я решил послать Вам прилагаемый пакет на адрес вашего издателя. Если это виски Вам понравится, я прошу Вас иметь в виду, что в Англии его пьет лишь один король. По моему распоряжению это виски посылают из Риги к его столу.

С тех пор, как я уехал от Вас, я много путешествовал, странствовал по берегам Волги и Сены; сейчас я возвращаюсь в Париж, где получил место при генерале Поццо. Я приеду туда вместе с женой на некоторое время, на постоянную должность. Я говорю Вам это вовсе не для того, чтобы Вы мне писали, боже упаси! Я надеюсь, что Вы обойдетесь со мною так, как все мы обходимся с сэром Джоном Синклером: он пишет всему свету, но ему никто не отвечает.

Россия, спокойная ныне в своих внешних сношениях, развивается величественно, освещенная цивилизацией; прекрасное зрелище представляют собой 50 миллионов человек, быстро движущихся вперед по пути настоящей цивилизации. Вам следовало бы как-нибудь приехать сюда, чтобы видеть это зрелище. Мне нет необходимости говорить, как Вы были бы здесь приняты. В России, и особенно в Москве, умеют быть признательными. Везде я встречаю восторженное отношение к Шотландии, и это доставило бы Вам удовольствие.

Желаю, чтобы эти строки нашли Вас в добром здоровье и веселым, каким я видел Вас во время наших прогулок среди членов вашей семьи; вероятно, с наступлением хорошей погоды к Вам уже возвратилась миссис Локарт с детьми. Желаю, чтобы Вы долго пользовались тем счастьем, которого желают Вам жители обоих полушарий. Позвольте потомку древних рыцарей-меченосцев Ливонии постучаться когда-нибудь у ворот Абботсфордского замка. От всего сердца испрашиваю у Вас доброжелательного воспоминания об одном из ваших самых горячих почитателей

Барон А. де Мейендорф [225]

Рига, 20-го июня 1830.

ВАЛЬТЕР СКОТТ И ЕГО СЕМЕЙСТВО
С картины Д. Уилки 1817 г.
Журнал «Московский телеграф», 1829, № 1
Институт русской литературы, Ленинград

P. S. Рад был бы явиться к Вам, чтобы повидать ваши деревья, произрастающие под надзором их владельца. Представьте себе, мы с давних пор выкапываем и пересаживаем старые деревья, но то, что Вы недавно рассказали нам об этом, доставило нам величайшее удовольствие.

К концу 20-х годов В. Скотт должен был уже иметь некоторое общее представление о русской литературе, о русской поэзии от обоих Давыдовых, от М. А. Ермолова, от А. И. Тургенева. Невероятно, чтобы они, рассказывая В. Скотту о Козлове, Жуковском, не говорили бы ему также о Пушкине. Имя Жуковского А. И. Тургенев, по крайней мере, нередко упоминал в беседах своих с английскими поэтами. Мы знаем, например, что в том же 1828 г., незадолго до посещения Абботсфорда, заехав в Кезик к Саути, Тургенев настолько заинтересовал его рассказом о переводе Жуковским его баллады о «Старушке, ехавшей на коне», что английский поэт десять лет спустя упомянул об этом в предисловии к новому изданию своих стихотворений [226].

О том, что А. И. Тургенев подробно рассказывал в Абботсфорде о популярности сочинений В. Скотта в России, о большом количестве «соперничающих друг с другом русских переводов его романов», мы знаем также из цитированных выше воспоминаний м-с Хьюз.

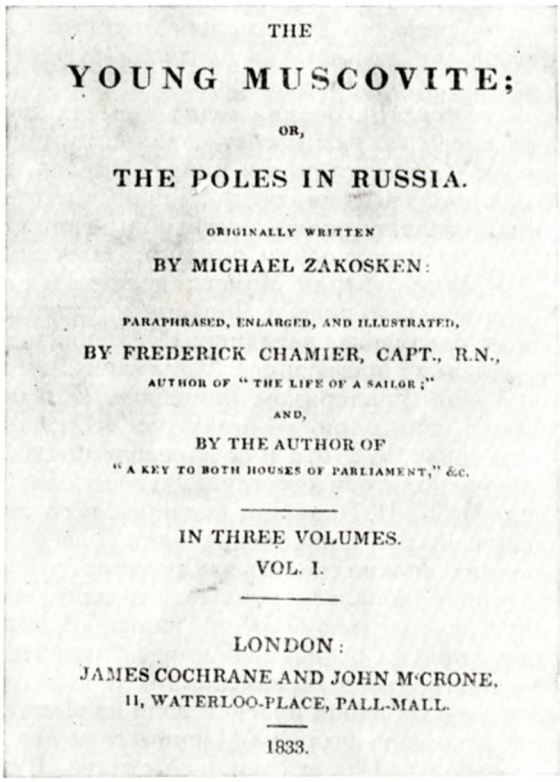
Любопытно, что в начале 1830-х годов сделана была попытка полнее познакомить В. Скотта с состоянием оригинальной русской повествовательной литературы по одному из образцов русского исторического романа, на долю которого выпал особенный успех и который, кстати сказать, не без оснований связывался как русской, так и иностранной критикой того времени с произведениями автора «Уэверли» и «Айвенго».

Речь идет о «Юрии Милославском» М. Н. Загоскина. А. Я. Булгаков, близкий приятель А. И. Тургенева и один из его усердных корреспондентов, в письме к брату (от 28 июля 1831 г.) сообщал: «Ланская, губернаторша костромская, милая, добрая бабенка, перевела «Милославского» по-аглицки и послала Вальтер-Скотту, коему посвятила труд свой» [227]. Об этом «аглицком» переводе «Юрия Милославского» и об его исполнительнице стоит сказать несколько слов тем более, что, по-видимому, именно этот перевод был издан в Лондоне и имел довольно примечательную судьбу. А. Я. Булгаков говорит о Варваре Ивановне Ланской (ок. 1800—1848; урожд. кн. Одоевской), бывшей замужем за Сергеем Степановичем Ланским, впоследствии графом и министром внутренних дел (1787—1862); в 1830—1832 гг. он состоял в должности костромского гражданского губернатора [228]. В. И. Ланская была близка к литературному миру Москвы и Петербурга и лично знала многих русских писателей, в том числе и Загоскина. Одна из сестер ее мужа, Ольга Степановна, была замужем за кн. В. Ф. Одоевским, другая, Зинаида Степановна, за Б. А. Враским, впоследствии содержателем «Гуттенберговой типографии» (1836), с которым имел дело Пушкин, издавая «Современник». В. И. Ланская находилась также в родстве с декабристом А. И. Одоевским (родной теткой приходилась ему двоюродная сестра Варвары Ивановны), поддерживала дружеские отношения с И. И. Дмитриевым и поэтами его круга, всегда была в курсе русских литературных новостей и журналов [229]. Хорошо зная французский и английский языки, Варвара Ивановна с юных лет интересовалась также иностранными литературами, в частности английской. В этом удостоверяют нас знаменитые письма к ней близкой ее приятельницы М. А. Волковой, эта живая летопись «грибоедовской Москвы», которые, как известно, с такой пользой для себя изучал по подлинникам еще до их опубликования Л. Н. Толстой в период создания «Войны и мира» [230]. Не подлежит сомнению, что в начале 1830-х годов Ланская была ревностной почитательницей В. Скотта и что она могла читать его романы в оригинале. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что она задумала перевести роман Загоскина и отправить рукопись прямо в Абботсфорд, тем более что тогда этот русский исторический роман продолжал вызывать к себе всеобщее внимание и единодушное одобрение [231]; первые сомнения относительно его художественных качеств были высказаны в печати не ранее середины 1830-х годов [232].

«Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» вышел в свет в Москве (в трех томах) в конце 1829 г. и был восторженно принят читателями. В письме от 11 января 1830 г. Пушкин поздравил автора с «успехом полным и заслуженным, а публику с одним из лучших романов нынешней эпохи» и писал далее: «Все читают его. Жуковский провел за ним целую ночь. Дамы от него в восхищении» [233]. «Появление этого романа составляет эпоху в жизни Загоскина в литературном и общественном отношении,— вспоминал С. Т. Аксаков.— Восхищение было общее, единодушное; немного находилось людей, которые его не вполне разделяли. Публика обеих столиц и вслед за нею или почти вместе с нею публика провинциальная пришли в совершенный восторг»; «Все обрадовались «Юрию Милославскому», как общественному приятному событию, все обратились к Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы <...>. Всякий день получал он новые письма, лестные для авторского самолюбия...» [234]. Младший сын романиста, С. М. Загоскин, в свою очередь свидетельствовал о «Юрии Милославском»: «Появление этого романа, как известно, составило эпоху в русской литературе, доставив автору его громкую известность не только в России, но и заграницей <...>, все лучшие писатели и поэты того времени приветствовали появление этого романа и рассыпались перед отцом в похвалах» [235]. Недаром Хлестаков в гоголевском «Ревизоре» хвастался, что он автор «Юрия Милославского».

Роман потребовал переизданий (в 1830 г. вышли второе и третье издания), тотчас переведен был на немецкий и французский языки и оживленно обсуж-

дался в печати. При этом имя В. Скотта во всех статьях и рецензиях упоминалось особенно часто, то в похвалу, то в осуждение Загоскину. Рецензия на «Юрия Милославского» Пушкина в «Литературной газете» (1830, № 5) начиналась с определения исторического романа и значения, какое получили в различных литературах произведения В. Скотта, который «увлек за собою целую толпу подражателей». «Но как они все далеки от шотландского чародея! — восклицал Пушкин далее. — Подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости...» Впрочем, Пушкин тут же спешил заметить, что «упреки сии вовсе не касаются «Юрия Милославского», «блистательный» успех которого казался поэту вполне заслуженным [236]. Иные прямо называли Загоскина «русским Вальтер Скоттом»; А. А. Бестужев объявил, что «его Юрий — метампсихоза Вальтер-Скоттова Веверлея» [237]. Находились и такие почитатели русского романиста, которые писали ему, что «сам В. Скотт почел бы за отличную честь назвать ⟨...⟩ его произведение своим собственным» и что он «первый пошел по стезе, знаменитым шотландцем избранной...» [238].


THE

YOUNG MUSCOVITE;

OR,

THE POLES IN RUSSIA.

ORIGINALLY WRITTEN

BY MICHAEL ZAKOSKEN:

PARAPHRASED, ENLARGED, AND ILLUSTRATED,

BY FREDERICK CHAMIER, CAPT., R.N.,

AUTHOR OF "THE LIFE OF A SAILOR;"

AND,

BY THE AUTHOR OF

"A KEY TO BOTH HOUSES OF PARLIAMENT," &c.

IN THREE VOLUMES.

VOL. I.

LONDON:

JAMES COCHRANE AND JOHN M'CRONE,

11, WATERLOO-PLACE, PALL-MALL.

1833.

«ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ» М. Н. ЗАГОСКИНА В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
Лондон, 1833
Титульный лист

Вполне соизмеримым с романами В. Скотта считал «Юрия Милославского» С. Т. Аксаков, писавший в «Московском вестнике»: «Если б романы Вальтера Скотта были написаны на русском языке, и тогда бы «Юрий Милославский» сохранил свое неотъемлемое достоинство. Это небывалое явление на горизонте нашей словесности». Полагая, что «чтение исторических романов В. Скотта внушило автору мысль написать русский роман», С. Т. Аксаков высказывал далее мнение, что хотя автор «Юрия» «заимствовал форму и даже приемы знаменитого шотландца», но этой чисто внешней стороной «ограничилась вся подражательность Загоскина» [239]. Н. Полевой, напротив, считал, что «Юрий Милославский» дальше от романов В. Скотта, чем принято думать, но что некоторые читатели еще до выхода русского романа «желали посмотреть, как будет он соперничать с патриархом исторических романов, шотландским стариком, ибо ныне, сказав: «исторический роман», кто не вспомнит тотчас В. Скотта?» «Нам кажется, — писал далее Н. Полевой, — что автор «Юрия Милославского» поступил весьма хорошо, удаляясь от подражания В. Скотту: «Юрий Милославский» роман совсем не вроде В. Скоттовых. Если бы надобно было искать образца, по которому он создан, то мы скорее могли бы найти его в романах Купера» [240] и т. д.

Вслед за русской критикой сопоставления «Юрия Милославского» с романами В. Скотта повторялись с разными вариациями и в западноевропейских журналах. В 1833 г. большая анонимная рецензия на «Юрия Милославского» появилась в «Foreign Quarterly Review» [241], а вскоре затем вышел и

английский перевод его, выполненный В. И. Ланской. Сохранилось авторитетное свидетельство о будто бы существовавших письмах В. Скотта к Загоскину. Оно принадлежит тому же С. Т. Аксакову, сообщавшему, что он сам видел у Загоскина «одно или два письма от Валтера Скотта» среди других писем «от разных европейских литературных знаменитостей» [242], однако писем В. Скотта, как и многих других, не могли отыскать в бумагах Загоскина после его смерти. Возможно, что это была семейная легенда; одно лишь можно считать вполне достоверным, что эти письма не могли быть связаны с первым историческим романом Загоскина.

Издание «Юрия Милославского» в английском переводе В. И. Ланской было осуществлено в Лондоне на другой год после смерти В. Скотта. Оно имеет следующее заглавие: «Молодой московит, или Поляки в России. Первоначально написанное Михаилом Загоскиным; пересказано, дополнено и пояснено Фридериком Чемьером, капитаном к〈оролевского〉 ф〈лота〉, автором «Жизни моряка», и автором «Ключа к обеим палатам парламента» (Лондон, 1833) [243]. Хотя имя переводчицы здесь не названо, но из предисловия, как мы полагаем, явствует, что в основу этого издания положен был именно перевод В. И. Ланской, подвергшийся, впрочем, весьма основательной переделке. Из этого же предисловия (p. V—XXIV), интересного во многих отношениях, можно сделать заключение, что в руки В. Скотта рукопись перевода «Юрия Милославского» уже не попала; она пришла в Англию в то время, когда он, смертельно больной, на особом корабле увезен был в его последнее путешествие в Средиземное море. Английские издатели «Юрия Милославского» рассказывают в «предисловии» к роману, что «рукопись перевода его, выполненного одной русской лэди из высшего круга и двумя ее милыми дочерьми, прислана была из Москвы года два тому назад вместе с настоятельной просьбой издать его в нашей стране. Рукопись эта была посвящена нашему бессмертному романисту и поэту, ныне покойному сэру Вальтеру Скотту, баронету, в следующих словах:

A Russian Lady and her daughters
the translators of this work
from their own language into English
(the first of the kind ever written in Russia)
dedicate it by the author's desire as well as their own
to Sir Walter Scott,
hoping that this production will not appear quite unworthy
in the eyes of the English reader
if placed under the protection of the Jenius of *Waverley* * [244].

С особым удовлетворением издатели отмечают далее, что произведения В. Скотта, «несмотря на все сокращения, сделанные в них русской цензурой», давно уже нашли доступ в дома всех образованных читателей этого обширного государства, что «ни в одной другой стране нет такого большого числа почитателей Вальтера Скотта, как в России», и что одним из лучших доказательств этого может служить наблюдаемая в настоящее время популярность в России исторического романа как жанра. Написанное «русской леди» посвящение, поясняют далее издатели, пришлось поместить не в самом начале книги, а внутри предисловия, потому что жизнь Скотта оборвалась прежде, чем закончена была работа над присланным текстом, которую они считали необходимой для того, чтобы представить роман Загоскина английским читателям.

В самом деле, «Юрий Милославский» появился на английском языке в сильно переделанном виде, «пересказанный, расширенный и поясненный»

* «Русская леди и ее дочери, переводчицы со своего родного языка на английский этого произведения (первого в таком роде, написанного в России), посвящают его, по желанию автора, а также и по своему собственному, сэру Вальтеру Скотту в надежде, что это сочинение не окажется недостойным в глазах английских читателей, являясь под покровительством творца Веверлея» (*англ.*).

(paraphrased, enlarged and illustrated), как означено было в подзаголовке титульного листа. Изменения коснулись не только английского перевода, который был исправлен, потому что в нем нашлись «русские идиоматические выражения» и другие следы его иноземного происхождения; к роману прибавлены новые эпизоды, «из-за отсутствия которых повествование Загоскина кажется порою несовершенным», изменены или «усилены» характеристики персонажей. При этом издателям перевода серьезно кажется, что весь сочиненный ими «underplot» «идет на пользу русскому роману, ибо его «основная» сюжетная нить остается неповрежденной, но характеры главных действующих лиц получают дальнейшее развитие, а интерес к ним (на что мы скромно, но твердо надеемся) значительно увеличивается». Вводя в текст перевода свои «усовершенствования», издатели были уверены, что в переменах «нет ничего британского, здесь все русское»; более того, они полагали, что если бы исправленное таким образом произведение было бы вновь переведено на русский язык, то и русские читатели «полностью оценили бы выгоды всех трудолюбиво сделанных «ими» изменений»; с этим, впрочем, трудно согласиться, потому что изменения были слишком специфическими; они даже коснулись русской «неудобопонятной терминологии» (sesquipedalian nomenclature); «смягчены» были многие «жесткие, грубые, гортанные и неуклюжие» (harsh, guttural and uncouth) имена, в том числе и имя главного героя, из Милославского превратившегося в «Майлоласки» (Milolasky).

Столь бесцеремонное обращение с русским текстом должно было немало огорчить почитателей Загоскина и его самого, но, в сущности, оно было в обычае эпохи: подобные же операции с английскими романами производил О. И. Сенковский в своей «Библиотеке для чтения». Хотя перевод «Юрия Милославского» до В. Скотта не дошел, но любопытно, что редакционной обработке подверг его Фредерик Чемьер (Frederick Chamier), тогда еще капитан британского королевского флота и начинающий романист, впоследствии автор популярных, написанных в стиле капитана Мариетта, «морских» романов «Бен Брас» (1836), «Аретуза» (1837) и других [245]. Несмотря на допущенные им переделки, он все же хвалит роман Загоскина, довольно подробно рассказывает биографию его автора, вдаваясь при этом и в общую сочувственную характеристику русской литературы, и в частности той ее «новой школы» (new school of writing in Russia), которая, по его словам, в России, как и в Англии, возникла под воздействием В. Скотта.

Отметим, что позднюю осень и начало зимы 1828 г. Фредерик Чемьер провел в Москве и Петербурге, общаясь с литераторами обеих столиц. «Недавно писал я тебе с твоим англичанином, теперь пишу со своим Chamier, морским капитаном; он прожил с нами несколько недель и расскажет тебе о Москве», — сообщал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу из Москвы 14 ноября 1828 г. [246], а на следующий день (15 ноября 1828 г.) Жуковскому: «Я писал тебе третьего дня ответ на твою копию с английским капитаном Chamier» [247]. Очень вероятно поэтому, что Чемьер лично знал В. И. Ланскую — переводчицу «Юрия Милославского» и, во всяком случае, имел возможность, живя в России, получить устные сведения о Загоскине. Между тем английские исследователи, упоминавшие указанный выше перевод и ничего не знавшие об этой «знатной русской леди» (Russian Lady of high rank), считали ссылку на нее мистификацией издателя и без всяких оснований называли предполагаемых подлинных переводчиков «Милославского» [248].

Одним из весьма интересных и притом неожиданных для нас писем собрания В. Скотта, в свое время полученных им из России, является письмо 1828 г. из Архангельска, от Александра Ефимовича Измайлова (1779—1831), известного баснописца и издателя «Благонамеренного». Письмо это содержит в себе ряд автобиографических данных, при посредстве которых Измайлов, несомненно, хотел несколько познакомить с собою своего английского «собрата по перу». Этих данных, однако, недостаточно, для того чтобы мы могли представить себе весь типический облик этого любопытного русского литературного деятеля; чтобы догадаться о поводах для его письменного обра-

щения к В. Скотту, необходимы некоторые попутные пояснения; нужно думать, что и сам В. Скотт немало удивлен был этим своеобразным письмом, прибывшим к нему из далекого русского северного города Архангельска.

Известно, что, живя в Петербурге, А. Е. Измайлов совмещал свои литературные занятия со службой в должности начальника отделения департамента государственного казначейства. Однако жалованья ему, обремененному большой семьей, не хватало, и он стал хлопотать о вице-губернаторстве, предполагая, что в провинции, будучи более независимым в служебном отношении и более обеспеченным, он сможет больше времени посвящать страстно любимой им литературе. В конце 1826 г. хлопоты его увенчались успехом: он был назначен вице-губернатором в Тверь и вскоре туда уехал.

Однако разочарование наступило у него чрезвычайно быстро: тверское дворянское общество встретило в штыки вице-губернатора из петербургских журналистов, человека неподкупной честности и весьма острого на язык, который, оказавшись на ответственном чиновном посту для всей губернии, не только не оставил своих литературных занятий, но, наоборот, отдался им с еще большим усердием, обретая множество подходящих объектов для своих сатирических и памфлетических стишков [249].

Сплоченный круг тверского дворянско-чиновничьего мира, считавший Измайлова своим смертельным врагом, вскоре выжил его из города. Поводов для этого оказалось достаточно: устранение им от должности одного скверного чиновника, настойчивое заступничество за другого, неугодного губернатору, вмешательство в действия последнего, сочтенное превышением власти. Измайлову пришлось уехать, он был переведен на ту же должность вице-губернатора в Архангельск, куда и прибыл в июне 1828 г.

Тверскую «историю» забыть было не так легко; недаром о своем конфликте с тверским обществом Измайлов простодушно рассказал и в своем письме к В. Скотту. Он был уязвлен до глубины души, считал себя невинной жертвой интриги и все еще пылал негодованием, бессильный отомстить своим врагам и злопыхателям. Когда ему представился случай писать В. Скотту, он не утерпел, чтобы не вспомнить при этом о тверских картежниках и сплетниках: это была его месть за все нанесенные ему обиды. В этом письме он обращался к Скотту как писатель к собрату по перу: кто, кроме В. Скотта, этого прославленного романиста, искусного бытописателя, признанного знатока человеческих душ и общественных взаимоотношений, мог лучше понять его «профессиональную» обиду? Характерно, что, описывая В. Скотту тверской период своей жизни, Измайлов не нашел нужным упомянуть о своей вице-губернаторской должности. Он представлял себя только лишь «правдивым» писателем, честно выполнившим свой общественный долг.

Большая часть его тверских сатирических эпиграмм, «сказок» или басен так и осталась ненапечатанной [250]. Дружеские связи его с литературными кругами Петербурга в этот период постепенно слабели; не только негде было напечатать свои сатирические отповеди оскорбителям, но некому было даже пожаловаться на них как следует. Обращаясь же к В. Скотту с рассказом о тверском обществе, Измайлов сразу же достигал нескольких целей: он успокаивал свое негодующее сердце; он предполагал сочувствие к себе со стороны знаменитейшего писателя своего времени; при случае, наконец, он мог сообщить и своим «гонителям», что он «отомщен», встретив поддержку со стороны В. Скотта, которому он не постеснялся описать подлинный тверской быт, как это, впрочем, и полагается делать «правдолюбивым» писателям. Так представляем мы себе один из поводов письменного обращения Измайлова к В. Скотту и мотивы, определившие в некоторой части его содержание.

Однако письмо послано было в Шотландию из Архангельска ровно через месяц после приезда туда Измайлова — неудивительно, что значительная часть указанного письма посвящена новым впечатлениям, его здесь охватившим. Эти впечатления были уже совсем иного рода. Из других источников, в частности из его писем к родным и друзьям, а также из его стихотворных опытов, неизменно сопровождавших все наиболее значительные события его

жизни, мы знаем, что в первые месяцы по приезде в Архангельск он действительно «ожил», как писал он об этом и В. Скотту.

Правда, литературными склонностями жители Архангельска того времени не могли особенно похвалиться, но важно было уже и то, что некоторые представители местной интеллигенции интересовались литературой, и с ними Измайлов быстро установил дружеские отношения. В Архангельске, например, существовал своего рода культ Ломоносова, и как раз в середине 20-х годов здесь возник проект сооружения ему памятника, на который открыт был сбор пожертвований; об этом писали в «Отечественных записках» и «Вестнике Европы» 1825—1828 гг. [251] Ломоносовым Измайлов начал заниматься вскоре же после приезда своего в Архангельск; в тот момент, когда он писал В. Скотту, он как раз был горячо увлечен этим делом. В Архангельске и Холмогорах Измайлов разыскивал потомков великого поэта, собирал рассказы о нем, высказывал желание увидеть «хорошее издание его творений» с комментариями. «Да, над этим надобно посидеть,— писал он Д. И. Хвостову,— а комментариями немногие любят и могут у нас заниматься» [252].

Таким образом, служебные обязанности оставляли ему досуги для литературных занятий, сатирическое вдохновение уступило место историческим работам, а сношения его с представителями архангельского общества стали более естественными, близкими и дружескими, чем это было в Твери. Впрочем, и состав этого общества был здесь иной: Измайлов вращался главным образом в кругу чиновников гражданского ведомства, среди военных и моряков; характерную особенность Архангельска как портового города составляли русские и иностранные купцы (последних он в своих письмах, в отличие от русских, обычно именует «негоциантами»), среди которых немало было англичан и шотландцев. «Любезный г-н Макензи», упомянутый Измайловым в первых строках его письма к В. Скотту, который и должен был доставить это письмо в Абботсфорд, несомненно, принадлежал к числу заезжих в Архангельск шотландских негоциантов или моряков; к сожалению, точнее определить это лицо не удается из-за распространенности в Шотландии его фамилии. Возможно, что он принадлежал к родственникам того Генри Макензи — знаменитого шотландского писателя, журналиста и историка, который был близким приятелем В. Скотта и о котором немало интересных данных мы находим и в дневниках А. И. Тургенева за тот же 1828 г. Впрочем, Измайлов называет Макензи всего лишь «соотечественником» В. Скотта и не ссылается на их возможное знакомство.

Для нас представляло бы некоторый интерес узнать, при каких обстоятельствах письмо Измайлова было вручено В. Скотту: получил ли он его через почту или непосредственно из рук «любезного г. Макензи», возвратившегося на родину из Архангельска. В последнем случае это письмо могло быть несколько дополнено рассказами об его авторе и пояснено свидетельствами о поводах его возникновения. Конечно, важнейший из них указан и в самом письме: «уважение», которое Измайлов, по его словом, питал к «превосходному и единственному, быть может, таланту» В. Скотта, но, очевидно, написанию письма предшествовали какие-то беседы о нем Измайлова с Макензи: не Макензи ли и посоветовал Измайлову обратиться с письмом к своему знаменитому соотечественнику? Не он ли и подсказал Измайлову, предлагая себя в почтальоны, и форму обращения, и даже до некоторой степени содержание самого письма: для этого достаточно было сообщить, что может интересовать В. Скотта в письме к нему иностранного писателя.

На этот раз у Измайлова не было внутренних мотивов скрывать свое вице-губернаторство, тем более что тот же Макензи мог об этом сообщить В. Скотту: тем не менее свой писательский чин Измайлов все же поставил не без гордости на первое место и подписался: «русский баснописец и архангельский вице-губернатор»; по этой же причине он упомянул и своего архангельского предшественника по литературной деятельности — Ломоносова. Что же касается В. Скотта, то Измайлов, несомненно, интересовался им уже за-

долго до письма: в журнале «Благонамеренный» помещено несколько переводов из В. Скотта, в том числе отрывок из романа «Коннетабль Честерский» [253], а среди «разных анекдотов» Измайлова, печатавшихся в собрании его сочинений, находится один не весьма острый, впрочем, анекдот об одной «престарелой любительнице словесности», при которой «говорили о романах Вальтера Скотта и очень часто упоминали его имя» [254]. Следовательно, у Измайлова были достаточные основания для того, чтобы засвидетельствовать В. Скотту широкую распространенность его произведений среди русских читателей в столицах и провинции.

Приводим самое письмо А. Е. Измайлова [255]. Оно написано по-французски (английского языка он не знал):

Monsieur le Baronet,

Un auteur russe, qui vous est peut-être tout à fait inconnu, ose vous importuner par une lettre en mauvais français. Il n'aurait par pris cette hardiesse, si le bon Mr Mackenzie, votre compatriote, ne l'eût pas encouragé. Ah! il nous quitte, notre ami Mackenzie, ce brave et noble jeune homme, que nous aimions tant. Il n'entendra plus nos toasts que nous lui porterons dans nos dîners amicals; mais toutes fois que nous boirons à la santé des absents, le nom de Mackenzie sera répété avec un soupir involontaire.

J'ai passé presque toute ma vie à Pétersbourg en m'occupant des affaires de la Couronne au bureau des finances et en cultivant les belles-lettres. Le sort m'a jeté à Twer et puis à Archangel. Je m'ennuyais, je mourrais à Twer: on n'y fait que jouer aux cartes, on n'y aime pas le Littérature et l'on regarde comme des ennemis du bien public les auteurs, surtout les auteurs satiriques et véridiques, qui osent dire ce qu'ils pensent des petits seigneurs provinciaux et font rire sur leurs dépens. Mais je me suis ressucité à Archangel. Ici j'ai trouvé une très bonne société: nos braves marins russes et les négociants étrangers, surtout des anglais et des suisses.

Après 80 ans ou plus, moi je suis le second poète russe qui vient à Archangel. Le premier, c'était le père de notre Poésie, immortel Lomonossoff, fils d'un pauvre pêcheur de Kholmogor, district du gouvernement d'Archangel. On lui érige ici un monument qu'il a bien mérité comme un grand poète lyrique et comme un homme savant qui a cultivé avec le plus grand succès notre langue, si belle et si difficile.

Agréez, Monsieur, les sentiments de respect que je vous dois pour votre talent distingué et peut-être unique. Vos romans historiques font les délices de tous nos gens de lettres et du beau sexe. Vous êtes lu et admiré non seulement en Russie, mais même en Sybérie qui n'est pas peut-être si sauvage, comme quelques provinces russes habitées par des gentilhommes ignorants, bons chasseurs, bons buveurs, grands joueurs et très mauvais lecteurs.

J'ai l'honneur d'être avec la plus grande considération,

Monsieur le baronnet, votre très humble et très obéissant serviteur

Alexandre I s m a i l o f f

(fabuliste russe et vice-gouverneur d'Archangel)

ce 3 de Juillet 1828. Archangel.

⟨Перевод:⟩

Господин баронет,

Русский писатель, Вам, быть может, совсем неведомый, осмеливается беспокоить Вас письмом на дурном французском языке. Он не взял бы на себя подобной смелости, если бы его не поощрял любезный г-н Макензи, ваш соотечественник. Ах! он покидает нас, наш друг Макензи, это славный и благородный человек, которого мы полюбили. Он не услышит больше наших здравий, которые мы пьем за него на наших дружеских трапезах; но всякий раз, что мы будем пить здоровье отсутствующих, имя Макензи будет повторяться с невольным вздохом.

Я провел почти всю жизнь в Петербурге, занимаясь государственными делами в Казначействе и возделывая ниву словесности. Судьба послала меня в Тверь, потом в Архангельск. Я изнывал, я умирал в Твери. Кроме игры в карты, там нечего было делать. Литературу никто не любил, и на сочинителей смотрели как на врагов общества, особливо на сатирических и правдивых писателей, которые говорили, что думали, о маленьких провинциальных помещиках и смеялись над ними. Но в Архангельске я ожил. Здесь я нашел очень хорошее общество; наших славных русских моряков и иностранных негоциантов, прежде всего английских и шведских. За 80 лет слишком я — второй русский писатель, попавший в Архангельск. Первым был родоначальник нашей поэзии, бессмертный Ломоносов, сын бедного рыбака из Холмогор, уездного городка Архангельской губернии. Ему здесь воздвигается памятник, который он всецело заслужил как великий лирический поэт и как ученый, с величайшим успехом возделывавший наш язык, такой прекрасный и такой трудный.

Примите, милостивый государь, выражение уважения, которое я питаю к вашему превосходному и единственному, быть может, таланту. Ваши исторические романы составляют наслаждение всех наших литераторов и прекрасного пола. Вас читают и Вами восхищаются не только в России, но и в Сибири, которая, может быть, не так дика, как иные русские губернии, населенные невежественными помещиками — хорошими охотниками, хорошими питухами, страстными игроками и очень плохими читателями.

Честь имею с величайшим уважением, быть господин баронет, Вашим покорнейшим слугою.

Александр Измайлов
русский баснописец и архангельский вице-губернатор

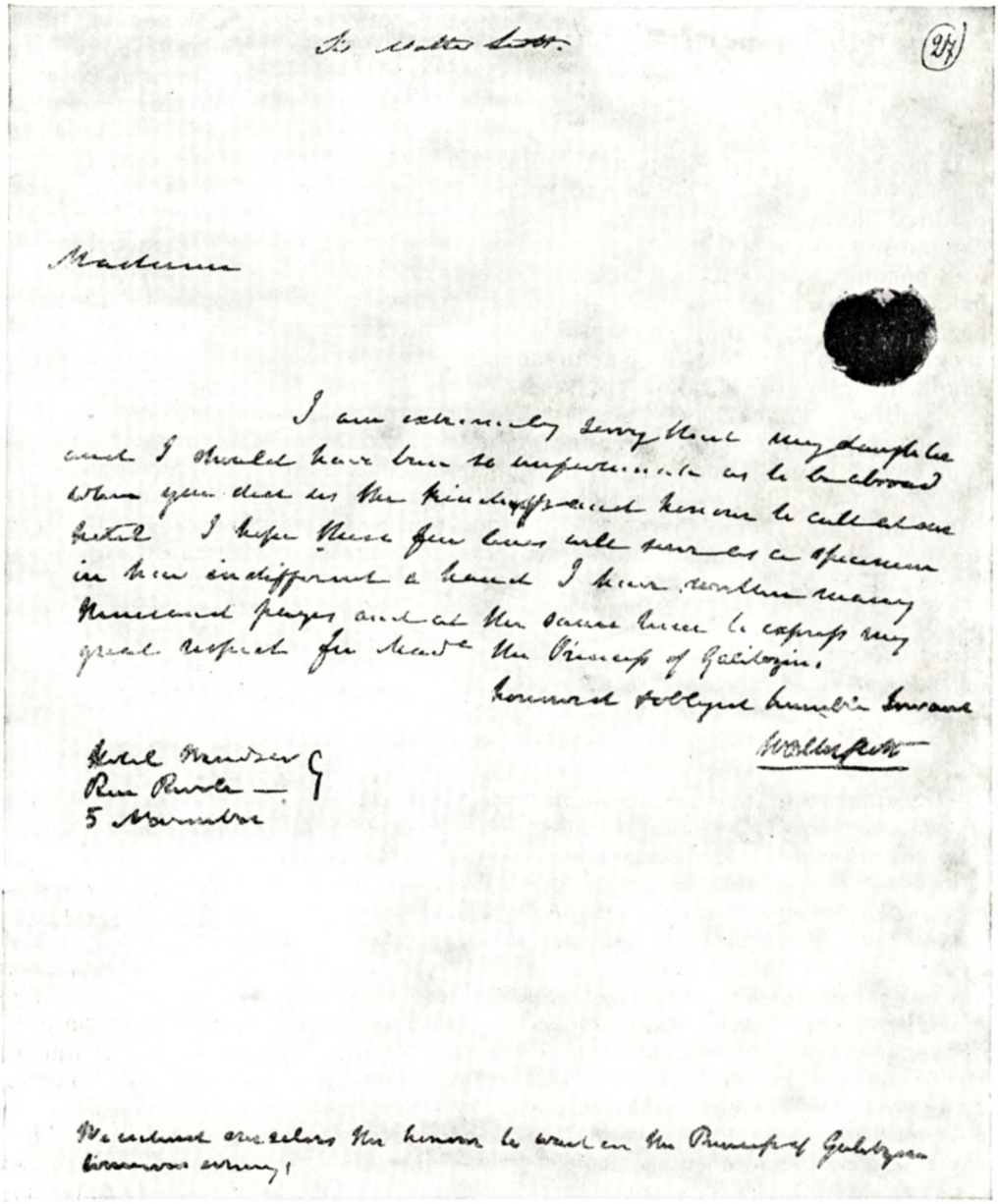
3 июля 1828 г.
Архангельск.

Не прошло и года после написания этого письма, как впечатления Измайлова от Архангельска, в особенности же от его чиновной верхушки, от которой он и сам находился в зависимости, резко изменились. Вновь пришлось ему браться за перо эпиграмматиста и сатирика, высмеивать и разоблачать. Среди поводов для начала этой новой тяжелой распри оказалось, в частности, торжество по поводу закладки в Архангельске новой английской церкви (состоявшееся еще 11 июня 1828 г.), в котором приняли участие как упомянутый в письме старшина иностранных купцов в Архангельске — Макензи, так и архангельские гражданские и духовные власти [256]. Вслед за этим последовали новые, весьма острые стихотворные памфлеты Измайлова против его недоброжелателей. Местное чиновничество во главе с самим генерал-губернатором оказалось на этот раз еще мстительнее и настойчивее, чем в Твери; по его проискам, жалобам и ходатайствам Измайлова в мае 1829 г. отрешили от должности, и он принужден был покинуть город [257]. Хотя ему в конце концов удалось оправдаться и снять с себя все обвинения, но к административной деятельности он не вернулся и вскоре умер.

В «Дневнике» В. Скотта встречается еще несколько русских имен. Рассказывая о своих успехах в Париже (ноябрь 1826 г.), он пишет, например, что русская княгиня Голицына требует свидания с ним и пишет об этом в ироническом стиле («Elle voulait traverser les mers pour aller voir S. W. S.»*), предлагая ему свидание в его отеле,—«все это порядочная чепуха» [258]. Здесь имеется в виду Прасковья Андреевна Голицына (1779—1828; урожд. Шувалова), жившая в Париже вместе с сыном М. М. Голицыным и женою его, Марией Аркадьевной (урожд. Суворовой), воспетой Пушкиным.

В парижской гостиной П. А. Голицыной на Rue de Verneuil можно было встретить и французских знаменитостей (Лагарпа, Шатобриана), и заезжих иностранных гостей. Именно здесь состоялось первое знакомство с В. Скот-

* Она готова переплыть моря, чтобы повидать сэра Вальтера Скотта (*франц.*)



ПИСЬМО ВАЛЬТЕРА СКОТТА К П. А. ГОЛИЦЫНОЙ. 5 НОЯБРЯ 1826
Институт русской литературы, Ленинград

том американского писателя Фенимора Купера. В книге «Воспоминания о Европе» он рассказывает о П. А. Голицыной: «Княгиня ⟨...⟩, с которой я имею честь быть в дружеских отношениях, обещала дать мне возможность встретиться у нее с великим писателем, так как она решила во что бы то ни стало познакомиться с ним до того, как он покинет Париж»; здесь же Ф. Купер приводит свои беседы с В. Скоттом о кн. Голицыной и замечает: «Княгиня сдержала свое слово, и после того, как ей удалось встретиться с ним ⟨В. Скоттом⟩, она любезно дала ему мой адрес» [259]. Дневник В. Скотта позволяет уточнить дату их первой встречи; под 3 ноября 1826 г. отмечено: «Посетил княгиню Голицыну, а также американского писателя Ф. Купера»,

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Рисунок с натуры А. П. Брюллова
Находился в собрании П. И Нерадовского. Москва

а в записи от 6 ноября того же года рассказано о вечере, проведенном у Голицыной, причем В. Скотт замечает: «Купер также был здесь, так что шотландский и американский львы совместно владели полем»[260].

Д. П. Якубович опубликовал записку В. Скотта к Голицыной от 5 ноября, из которой видно, что в этот день Прасковья Андреевна нанесла ему визит в отель, предлагая договориться о ближайших встречах; В. Скотт ответил ей самыми любезными словами, выразив сожаление, что он отсутствовал, и прибавлял: «Надеюсь, эти несколько строк послужат образцом того посредственного почерка, которым я написал много тысяч страниц, и вместе с тем выразят мое величайшее уважение к княгине Голицыной»[261]. По воспоминаниям Купера, В. Скотт однажды попросил его прочесть неразборчивые письма кн. Голицыной: «Будучи другом этой дамы, вы часто получаете от нее записки, иначе вы не могли бы с такой легкостью разбирать ее каракули». «Она очень любезна с нами, и мы часто имеем возможность читать ее письма»,—ответил ему Купер [262].

Несколько дополнительных подробностей находим мы также в «Кратких семейных воспоминаниях» Сюзанны Августы Купер, дочери писателя. Она рассказывает, что «княгиня Голицына была пожилой женщиной, очень умной 〈...〉, искусной сочинительницей записок, полных éloquence du billet*, но написанных чрезвычайно неразборчиво. У нее была замужняя дочь и жена-

* светского красноречия (*франц.*).

тый сын, которые в это время жили в Париже»; «Во время пребывания сэра Вальтера Скотта в Париже кн. Голицына устроила ему торжественный прием. Это было большое событие зимнего сезона; весь парижский свет был там». Приведя из дневника В. Скотта фразу о «львах», Сюзанна Купер прибавляет: «Но, разумеется, главным львом был сэр Вальтер. На всех дамах были шотландские пледы, шарфы, ленты и т. д. и т. д.»[263] Сам В. Скотт об этом же вечере записал в дневнике: «Там был целый рой русских княгинь, одетых в тартан, музыка и пение».

Тогда же, во время пребывания своего в Париже, В. Скотт познакомился и с русским художником Александром Брюлловым, который сделал его карандашный портрет; сохранился об этом рассказ и самого художника. Он писал отцу из Парижа: «На сих днях мне случилось нарисовать маленький портрет с Вальтер Скотта самым необыкновенным образом. Для него княгиня Голицына сделала вечер и пригласила меня воспользоваться сим случаем, если можно, сделать его портрет так, чтобы он этого не знал; я попробовал и, как все говорят, успел совершенно, даже говорят, что ни один из существующих портретов так не похож, как мой; если время позволит, то я налитографирую и пришлю с первым случаем несколько экземпляров в Петербург»[264]. Любопытное известие по этому поводу находим мы и в письме Ф. Купера к В. Скотту, написанном в сентябре 1827 г. из Saint-Ouen, около Парижа, где он жил в то время: «Наша общая знакомая и ваша большая поклонница кн. Голицына только что уехала в Петербург. Она заказала сделать гравюру с вашего портрета, который мисс Скотт ⟨Анна, с которой В. Скотт ездил в Париж⟩ нашла столь необыкновенно схожим. Таким образом, Вы фигурируете в новом виде в парижских витринах»[265]. Речь идет здесь, по-видимому, именно о портрете В. Скотта работы А. П. Брюллова. Отметим также, что в эпистолярном архиве В. Скотта, находящемся в Шотландской национальной библиотеке в Эдинбурге, хранятся еще не опубликованные письма к нему П. А. Голицыной. В мартовский дневник 1829 г. В. Скотт занес известие о смерти кн. Голицыной — его «старой знакомой» (my old friend)[266].

Вероятно, в парижском салоне Голицыных с В. Скоттом встречалась также Александра Алексеевна Иванова [267]. Тогда же (1826) В. Скотт несколько раз встретился с русским послом в Париже К. Поццо ди Борго, однако этот корсиканец, генерал, находившийся на русской службе, едва ли мог представить В. Скотту Россию и русских людей [268]; впрочем, по собственным признаниям В. Скотта, Поццо ди Борго интересовал его не как русский посол, а как соотечественник Наполеона Бонапарта, предлагавший сообщить ему кое-какие данные о начале карьеры будущего императора Франции [269] для книги о Наполеоне, над которой В. Скотт в то время работал.

Впечатления от русских людей — от непосредственного ли с ними общения, от рассказов ли о них, от получавшихся ли от них писем, наконец, от произведений искусства и мысли, ими созданных,— сопровождали В. Скотта до последних его дней.

Всю рассказанную выше историю этих встреч и знакомств можно заключить еще одним эпизодом.

7. В. Скотт в римской мастерской К. П. Брюллова.— Русские отклики на смерть В. Скотта

В последний год жизни, находясь в Италии, где он надеялся поправить свое здоровье, В. Скотт также встретился с рядом русских и с некоторыми жившими там русскими художниками, в том числе и с Карлом Брюлловым, братом Александра. По рассказу современника, «известное свидание Брюллова ⟨Карла Павловича⟩ с Вальтер Скоттом состоялось так. Больной Вальтер Скотт приехал в Рим, когда мастерская Брюллова была уже закрыта для публики. Поэтому к Брюллову явилась депутация, состоящая из английских художников, просить, чтобы он на другой день позволил Вальтер Скотту

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Литография по рисунку Э. И. Губера с портрета работы А. П. Брюллова
Институт русской литературы, Ленинград

взглянуть на Помпею. Вальтер Скотт пробыл в мастерской Брюллова более часа»[270]. Картина Брюллова произвела на него сильное впечатление. «Последний день Помпеи» «есть такое произведение ... о коем великий Вальтер Скотт, в бытность свою в Риме, заметил, что это истинная поэма»,— писали в «Северной пчеле»; «Некогда старец Вальтер Скотт, рассматривая «Последний день Помпеи», сказал с восторгом: «Это не картина, это целая поэма»,— утверждала позднее «Художественная газета»[271].

В разделе «Воспоминаний» своей известной книги «Материалы по истории художеств в России», в статье о К. П. Брюллове, скульптор Н. А. Рамазанов, лично знавший этого художника, также замечает: «Известно, что Вальтер Скотт, увидев эту картину ⟨«Последний день Помпеи»⟩, назвал ее эпопеей; по этому поводу сам Брюллов говаривал не раз: «Вот у меня так был посетитель — это Вальтер Скотт; просидел целое утро перед картиной; весь смысл, всю подноготную проник»[272].

Смерть В. Скотта наполнила печалью его русских знакомцев и почитателей. В «Сыне Отечества» напечатан был пространный некролог писателя, впрочем заимствованный из французского журнала [273]; в «Телескопе» появилась большая критическая статья о нем, озаглавленная: «Влияние Вальтера Скотта на богатство, нравственность и счастие современного общества»[274], на этот раз переведенная с английского; вскоре отдельным изданием

в переводе с английского же вышла панегирическая биография В. Скотта А. Каннингема [275], за которой последовало и оригинальное русское исследование «харьковского Грановского», проф. М. Лунина: «О влиянии В. Скотта на новейшие изыскания по части средней истории»[276].

К первой годовщине смерти шотландского писателя близкий друг Гоголя Н. Я. Прокопович приурочил публикацию в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» большого стихотворения о В. Скотте, в котором (написанном еще при жизни поэта) пытался дать его обобщенную характеристику [277]; это весьма заурядное по своим поэтическим качествам стихотворение тем не менее может служить для нас свидетельством читательской любви и широкой популярности, которой В. Скотт пользовался у нас еще в начале 30-х годов:

К портрету Вальтер Скотта

Твой мир естествен и прекрасен,
Как радуга, и пестр, и жив,
Как майский день, беззнойно ясен
И сердцу он красноречив.
Когда ведешь рассказ ты длинный
Про стародавние года,
Про быт далеких дней старинный,
Невольно мы летим туда,
Где гений твой, глубокий, важный
Тебя так дивно воспитал
И песнею своей протяжной
Очарованье навевал;
Где Твидь (!) серебряная льется,
Где над горой орел несется,
И вслед пернатого царя
Стрела шотландская взовьется,
Послушным луком прозвеня,
И ты, в раздумье погруженный,
Картину новую чертишь,
И в мир, тобою удивленный,
Самодовольнее глядишь.

1831

Оплакан был В. Скотт и на итальянской вилле Зинаиды Волконской в Риме. Мы знаем об этом из современного свидетельства А. И. Тургенева. На той стороне знаменитой виллы, где расположен парк, З. А. Волконская, как известно, отвела большую аллею воспоминаниям о тех, чьи имена она хотела сохранить от забвения; эта часть парка стала известной под названием «Аллеи воспоминаний».

«На выходе из господского дома узкая дорожка с крутым поворотом налево ведет в нижнюю часть парка,— рассказывает видевший ее впоследствии путешественник.— В конце ее, против входа в большую аллею, находится грот, стены которого выложены фрагментами античной скульптуры, найденной при раскопках в самой усадьбе. Здесь любил сидеть и читать Гоголь. По обеим сторонам длинной аллеи, сворачивающей в самом конце под прямым углом направо, стоят римские мраморные плиты, колонны и урны. Каждый из этих предметов носит посвятительную надпись» [278].

В письме к П. А. Вяземскому от 24(12) декабря 1832 г. А. И. Тургенев, повидавший эту виллу «русской Коринны» (как он любил называть Волконскую по ассоциации с прославленной героиней романа де Сталь), писал: «Зенеида оживила пустынность своей виллы воспоминаниями о живых и мертвых: я обещал ей описать тебе ее дачу и все памятники по родным и но милым ближним, коими населила она Римские развалины <...> Я просил М. А. Власову <сестру Волконской> списать для тебя все надписи и описать древности их виллы и сбирался сделать из этого статью для журнала Пушкина» [279]. Намерение это, к сожалению, не осуществилось, но впечатление от «Аллеи воспоминаний» осталось у Тургенева надолго. Любопытно, что в письме из Рима от 2 января (н. с.) 1832 г. Тургенев сообщил о новом памятнике, поставленном на этой аллее Волконской: «Коринна Александровна Волконская прибавила к воспоминаниям своей виллы древнюю урну в честь В. Скотта, с надписью «la douce lampe de nos veillées s'est éteinte» * [280]. Ф. И. Буслаев, описавший в своей статье «Римская вилла кн. З. А. Волконской» «Аллею воспоминаний», также называет памятник с надписью «A Walter Scott» и с сентенцией о потухшем светильнике и замечает по этому поводу:

* Тихий светильник наших вечеров угас (*франц.*).

«Тонкий эстетический вкус кн. Волконской оценил здесь высокое значение исторического романа, созданного и художественно разработанного этим английским писателем» [281]. Заметим, со своей стороны, что в сочинениях З. А. Волконской, вместе с ее опытами исторического романа из жизни древних славян («Tableau slave»), написанного еще до знакомства ее с произведениями В. Скотта, напечатано было также «Извлечение из письма о Вальтере Скотте» — восторженный панегирик писателю, написанный после его смерти [282].

Что касается А. И. Тургенева, то ему в 30-е годы неоднократно случалось встречаться с разнообразными людьми, беседы с которыми оживляли в нем воспоминания о знакомстве с В. Скоттом. Так, например, в 1833 г. в Женеве Тургенев свел знакомство с английским путешественником Базилем Холлом (Basile Hall; 1788—1844), «Базилем Галем», как его имя пишет Александр Иванович, «умным писателем и упрямым тори» [283]. Тургенев обедал у него, бывал на вечерних приемах и находил множество предметов для оживленных бесед.

У Холла было кое-что общее с А. И. Тургеневым, русским странствователем, «энциклопедическим паровиком», и прежде всего страсть к перемене мест, сделавшая Холла поистине неутомимым путешественником по всему миру. Базиль Холл, конечно, уступал Тургеневу в образовании и широте умственных интересов, но он все же видел многое и обо многом мог рассказать. По собственным словам Холла, сказанным в присутствии П. А. Вяземского, он «побывал чуть ли не во всех частях света», все высмотрел, все узнал. К моменту встречи с Тургеневым он только что закончил публикацию своих путевых впечатлений в девяти томах («Fragments of voyages and travels». London, 1831—1833). Любимой темой их бесед стал В. Скотт, незадолго перед тем умерший, которого они оба знали лично. Холл встретил В. Скотта осенью 1831 г., видел сборы больного писателя в путешествие и переезд до Портсмута, откуда военный корабль, предоставленный английским правительством, должен был перевезти его на остров Мальту. В. Скотт с неохотой покидал родину, словно предчувствуя свою близкую кончину...

Все это подробно описано в третьем томе «Fragments» Базиля Холла, в последней главе (она озаглавлена «Sir Walter Scott's embarkation at Portsmouth in the autumn of 1831» — «Посадка сэра Вальтера Скотта на корабль в Портсмуте осенью 1831 г.»).

А. И. Тургенев нарочно взял у автора том его путешествия, чтобы прочесть эту главу, и не мог удержаться, чтобы тотчас же не изложить ее в письме к Вяземскому с пространными выдержками и собственными комментариями [284]. По-видимому, однако, книгой дело не ограничилось; Холл дополнил ее устными рассказами, которые и сообщены в письмах к Вяземскому. «Он ⟨Холл⟩,— пишет Тургенев,— показывал нам рукопись В. Скотта «The Antiquarian», которую с аукциона купил за 40 ф. с. Встретясь с В. Скоттом в Портсмуте перед отъездом его в Италию, он показал ему его рукопись. Автор пожелал написать ему несколько строк на рукописи и, засвидетельствовав l'authencité* оной, сказать и свое авторское мнение о сем романе: он почитает его лучшим своим романом и писал его с наслаждением, ибо в нем описаны сцены его молодости; об этом написал он в рукописи своею рукою более двух страниц. Basile Hall напечатал это свидетельство в 3-й части отрывков своего путешествия».

Речь шла также о семье покойного писателя: «Галь знавал и жену В. Скотта: она была побочная дочь, полуфранцуженка, не умела хорошо говорить ни по-французски, ни по-английски, и глупа. Он женился на ней с досады на другую, которая не пошла за него. В. Скотт взял в замужество первую, кто попалась; неглижировал воспитанием детей; сыновья не очень удались, но Локардша мила и умна. Другая провела жизнь в грусти и в сетовании и скоро соединилась с отцом в лучшем мире». О том же идет речь и в другом письме А. И. Тургенева к Вяземскому; к сведениям, полученным от Холла,

* Подлинность (*франц.*).

Тургенев примешивает и свои личные воспоминания, окрасившиеся в очень лирические тона: «И вторая дочь В. Скотта умерла — с грусти: она жила для отца и тосковала по нем до последней минуты. Я видел ее в Абботсфорде цветущею, как роза, и слышал, как она играла шотландские арии на арфе, а отец ей вторил, подхрамывая больною своею ногою. Другая дочь, жена тори и журналиста Локарда, живет в Лондоне с детьми, коих так любил дедушка!..»[285] «Локард, зять В. Скотта, объявил, что скоро издаст биографию тестя,— писал Тургенев Вяземскому в сентябре 1833 г. из Женевы,— но Галь уверял меня, что он и не начинал писать ее, но что он видел 20 томов собственноручного журнала Скотта. Не все можно или хотели печатать, ибо много личностей» [286].

Несколько позже А. И. Тургенев завязал приятельские отношения с американцем Дж. Тикнором (1791—1871), будущим знаменитым историком испанской литературы, с которым он познакомился в Париже. «Тикнор,— пишет Тургенев,— рассказал нам случай из жизни Кампбеля и В. Скотта, который сохранил английской литературе лучшую пьесу Кампбеля на победу при Гогенлиндене. Однажды В. Скотт и Кампбель на пути из Лондона куда-то на дачу читали друг другу стихи свои. Когда очередь опять пришла Кампбелю, то он сказал В. Скотту, что давно уже написал стихи на Гогенлинденскую битву, но что они кажутся ему недостойными печати, и он никому еще их не показывал. В. Скотт, выслушав их, сказал Кампбелю: «Это лучшие стихи твои, это твой chef-d'oeuvre!» и с тех пор Гогенлинден — перл английской поэзии — занял первое место в собрании стихотворений Кампбеля. Публика подтвердила приговор В. Скотта» [287]

В женевских письмах к П. А. Вяземскому того же 1832 г. А. И. Тургенев возвращался к В. Скотту еще несколько раз по случайным поводам. «В Англии вышли недавно и «Письма В. Скотта к Польвелю (Polwhele)»,— пишет он, например, 15(3) июля 1833 г.— Сперва В. Скотт не желал, чтобы он их выдавал в свет, а после, по прочтении, писал к нему: «I have no objection» * и проч. Прочту и познакомлю вас с ними в следующем письме» [288] Намерение это осталось, вероятно, невыполненным, но книга, о которой идет речь, была действительно довольно примечательной, она открыла собой серию последующих посмертных публикаций писем В. Скотта к разным лицам и вызвала длительное внимание к себе периодической печати [289]

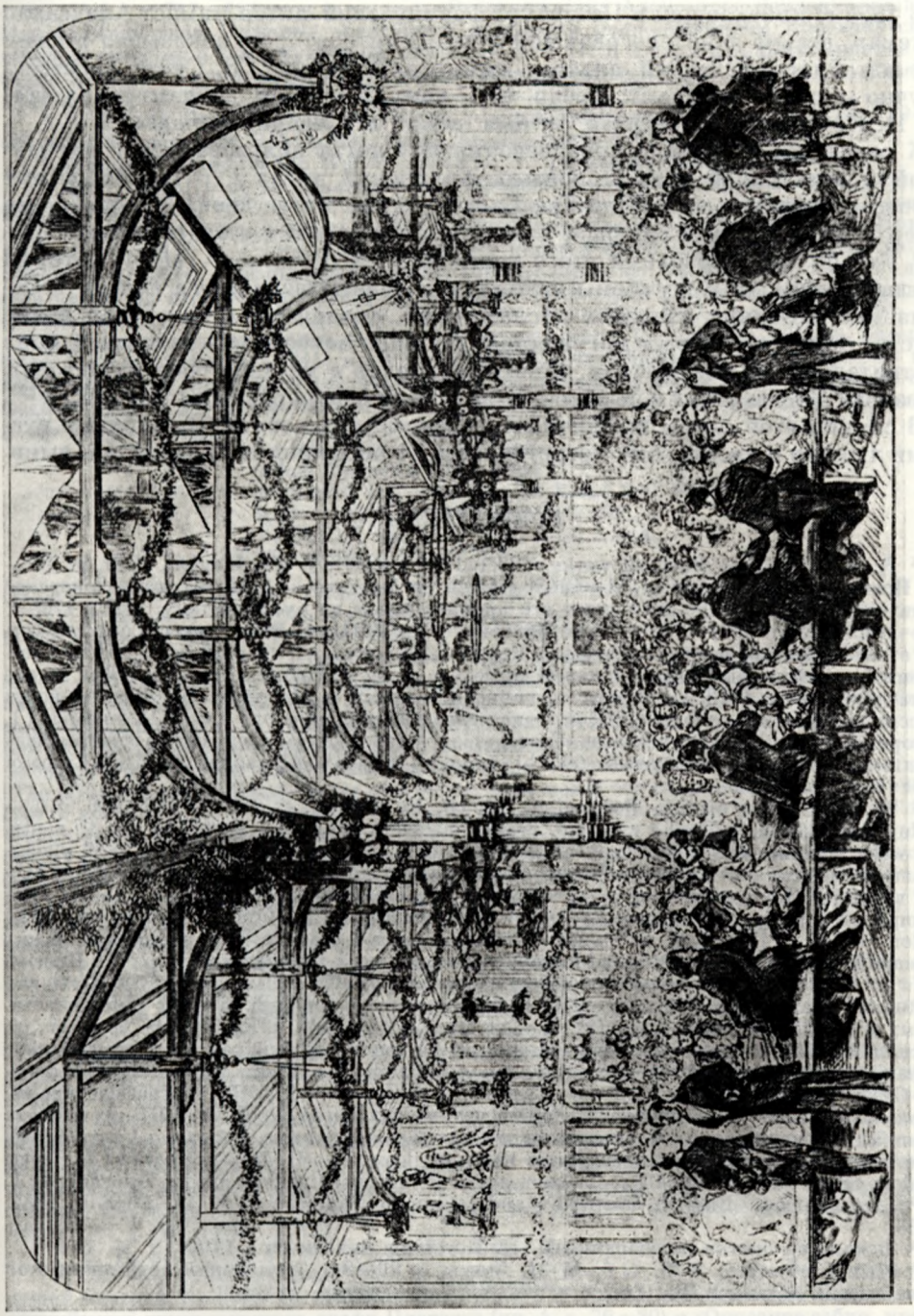
Через неделю в письме к Вяземскому от 21(9) июля 1833 г. Тургенев писал уже о новой книжке, попавшей к нему в руки, барона д'Оссе (d'Haussez), французского министра Карла X, бежавшего в Англию после июльской революции: «Великобритания в 1833 году» [290]. В этой книге оказалась целая глава, посвященная В. Скотту, которого д'Оссе некогда посетил в Абботсфорде. Тургенев предполагал, что он найдет здесь «много особенно любопытного», но быстро разочаровался: «В. Скотт не понравился барону d'Haussez; даже и на милую, недавно умершую дочь его он был сначала в претензии за то, что она им мало занималась и не помогала отцу рассказывать посетителю о его сочинениях (а В. Скотт не любил и упоминать о них и был неисчерпаем в других предметах разговора). Он, кажется, ожидал найти в нем какого-то болтуна; несмотря на то что, показывая ему свою библиотеку, W. Scott lui donna toutes les explications qu'il désirait **, француз прибавляет: Ce fut dans cette conversation que je pus juger du genre de son esprit (прежде не догадался) et m'assurer que, pour briller, son imagination avoit besoin de l'aide de sa plume; avare des réflexions, il ne les exprimait que d'une manière succincte et peu relevée: les aperçus de quelque étendue semblaient lui manquer absolument» ***. Это место возмутило Тургенева, и он прибавил

---

* Не имею возражений (*англ.*).

** В. Скотт дал ему все объяснения, которых он желал (*франц.*).

*** Во время этой беседы я мог судить о характере его ума и убедиться, что для того, чтобы блистать, его воображение нуждалось в помощи его пера; скупой на размышления, он выражал их лишь сжато и мало возвышенно: суждения сколько-нибудь пространные, казалось, у него вовсе отсутствовали (*франц.*).



ПРАЗДНОВАНИЕ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВАЛЬТЕРА СКОТТА В ЭДИНБУРГЕ

Английский журнал «Illustrated London News», 1871, 19.VIII, № 1665, p. 152

уже от себя об авторе по-французски с явной насмешкой: «Il est difficile, le brave homme!» *— и далее по-русски: «В статье «Philosophie de l'exil» ‹«Философия изгнания»› является автор отвратительным эгоистом и смешным Чванкиным: беспрестанно напоминает о своем бывшем величии и о падении свысока» [291].

В 1834 г. приехавший в Петербург французский актер-мимист Александр Ваттемар, весьма заинтересовавший русских литераторов, показывал многим свой автобиографический альбом, в который некогда В. Скотт собственноручно вписал экспромт; среди тех, кому Ваттемар декламировал его, был И. И. Козлов; напечатан он был также в «Северной пчеле» [292].

К середине 30-х годов произведения В. Скотта пользовались у нас широкой и устойчивой популярностью. Белинский писал в то время: «Кому неизвестно великое имя Вальтера Скотта, оглашавшее своим громом более четверти века, а теперь сияющее для потомства кротким и благотворным светом? Кто не знает созданий этого громадного и скромного гения, который был литературным Колумбом и открыл для жаждущего вкуса новый, неисчерпаемый источник изящных наслаждений, который дал искусству новые средства, облек его в новое могущество, разгадал потребность века и соединил действительность с вымыслом, примирил жизнь с мечтою, сочетал историю с поэзиею? Кто не читал и не перечитывал этих разнообразных созданий...» [293].

В сиянии этой славы все личные и литературные связи В. Скотта с русскими людьми и писателями представлялись в особенности знаменательными.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] R. Southey. Poetical works collected by himself, v. VI. London, 1859, p. 217—222. Поэма Роберта Саути (1774—1843) «March on Moscow» — о походе наполеоновской армии на Москву — была не первым его произведением на русскую тему; еще в 1798 г. он сочинил стихотворную «Битву при Полтаве» («The Battle of Poltawa»), где описано бегство от «московитов» шведского короля Карла XII и предсказывается политическое возвышение российской державы («Poetical works...», v. II, p. 159). Р. Саути получил звание «поэта-лауреата» в 1813 г., но еще до написания поэмы о разгроме французских войск в России он сочинил — по должности — не менее официальную оду в честь Александра I, в которой прославлял его в качестве «благодетеля человечества», следующего заветам своего великого предка Петра Великого («To his Imperial Majesty, Alexander the First, Emperor of all Russias», 1813).

[2] W. Wordsworth. Poetical works, ed. by Knight, v. VI, p. 105—106, 107.— М. Партридж (Monica Partridge. Slavonic themes in English poetry of the 19 century.— «The Slavonic and East European Review», 1963, June, v. XLI, № 97, p. 429) указывает на множество поэм, стихотворений, песен, напечатанных в Англии после победы русских войск в 1813 г., например на «песню» некоего Горейшио Смита (Horatio Smith) «The Triumph of Russia» (опубликованную в книге «Spirit of the Public Journals for 1813». London, 1814, p. 133—134), а также на появившиеся в том же году анонимные поэму о пожаре Москвы («The Burning of Moscow. A poem»), оду о русских вождях («The Russian Chiefs: an Ode»), стихотворение об освобождении Севера («The Deliverance of the North and the Russian Campaign») и целую серию небольших стихотворений на те же темы, напечатанных в газетах: «The Morning Post», «The Morning Herald», «The British Press» и др. К сожалению, этот интересный перечень все же не полон; английской исследовательнице осталась неизвестной тщательно составленная библиографическая работа: В. Пасенко. Отечественная война в литературе на иностранных языках. («Библиографические известия», 1913, № 1—3), а также два тома печатных каталогов «Россики» ГПБ, из которых можно было почерпнуть многочисленные дополнительные данные. Укажем в связи с этим на не попавшую в перечисленные выше перечни поэму м-с H. Rolls «Moscow. A Poem» (London, 1816). Экземпляр ГПБ снабжен рукописным посвящением автора Александру I.

[3] J. Ashton. English caricature and satire on Napoleon I, v. II. London, 1884, p. 133.

[4] Экземпляр листка из собрания М. П. Погодина находится в ГПБ.

[5] «Сын Отечества», 1813, ч. 6, № 21, Смесь, с. 83—84. Английский подлинник этой военной песни («Cossack War Song») начинался следующими стихами:

Hourra! The villages burn bright;
To horse, Cossack!
Hourra! For the avenging fight!

etc.

---

* На этого молодца не угодить (*франц.*).

Песня перепечатана из «Сына Отечества» (в английском подлиннике и русском переводе) в ст.: Н. А. Белозерская. Донской казак в Лондоне.— «Исторический вестник», 1886, № 12, с. 603—616; здесь воспроизведены два английских портрета Земленухина (с. 607 и 613). О поездке Земленухина см. также: «Подробное известие о пребывании донского казака в Лондоне, <...> написанное <...> А. Г. Краснокутским».— «Русский вестник», 1814, ч. 1, с. 66—86; эта статья впоследствии перепечатана в «Русской старине» (1905, № 3, с. 712—717) под заглавием «Рассказ казака Александра Земленухина графу Матвею Ивановичу Платову, записанный дежурным подполковником Краснокутским»; пересказ известия о Земленухине см. еще в ст.: И. П. Липранди. Воспоминание о событии за полвека тому назад (о пребывании казака Земленухина в Лондоне).— «Северная пчела», 1863, № 214.

[6] П. Свиньин. Лондонские театры.— «Сын Отечества», 1815, ч. 24. № 33, с. 9—10. Об опере «Наренский» Броуна см. выше, гл. II, прим. 172.

[7] «Familiar letters of Sir Walter Scott», v. I. Edinburgh, 1894, p. 311—312.

[8] «Brief remarks on the Character and Composition of the Russian Army» (1810); ср.: «Вестник Европы», 1812, ч. 65, № 18, с. 135—141. Выдержки из этой книги в переводе А. Н. Оленина появились также в «С.-Петербургском вестнике» (1812, ч. 3, № 7, Прибавление, с. 87—112). В. Скотт ссылается на эту книгу в своей «Life of Napoleon», касаясь 1807 г. О Платове, в частности, В. Скотт говорит здесь, что он создал казакам во время этой кампании европейскую славу, и приводит о нем ряд рассказов (см. во французском переводе: «Vie de Napoleon», v. V, ch. XIII. Bruxelles, 1827, p. 320, 321, 336—337).

В большом стихотворении, посвященном герцогине Веллингтон, «Поле Ватерлоо» («The Field of Waterloo», 1815) в XVI строфе В. Скотт вспоминает также русских казаков, этих «детей Дона», которые чудятся ему на скованных льдом водах Березины, окрашенных кровью и оттаивающих от огня, и на дорогах войны, где они часто кричат свое дикое «ура»:

So fell a shriek was none,
When Beresina's icy flood
Redden'd and thaw'd with flame and blood,
And pressing on the desperate way,
Raised oft and long their wild hurra,
The children of the Don.

(W. Scott. The Poetical Works, ed. W. Peterson. Edinburgh and London, s. a., p. 348).

Об отношении В. Скотта к русским казакам см. еще: Rob. Bremner. Excursions in the interior of Russia. London, 1840, v. II, p. 343—350.

[9] Н. Дубровин. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1912, с. 140—141. В одной из своих реляций в Англию Вильсон пишет о желательности введения пик, которыми пользуются русские казаки, в великобританской армии: «Если бы сия мысль была принята, я, с позволения императора, доставил бы нужных людей для введения ее. Платов предлагал уже мне оное; он старается получить дружбу англичан. Не вредно было бы поддержать сию склонность» (там же, с. 445). В 1817 г. Вильсон выпустил книгу «The Military and Political Power of Russia». Уже после его смерти появилось его «Narrative of events during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the retreat of the French army, 1812» (By general Sir Robert Wilson. London, 1860), представляющее собой весьма ценный исторический источник (ср.: «Записки сэра Роберта Вильсона о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии».— «Русский вестник», 1862, № 1, с. 192—195; «Роберт Вильсон, очевидец кампании 1812 г.» — «Военный вестник», 1860, № 12 и др.; E. Forgues. Le général Sir R. Wilson commissaire anglais au camp russe pendant la guerre de 1812. Paris, 1861).

[10] Г. Р. Державин. Сочинения с объяснит. прим. Я. Грота, т. III. СПб., 1866, с. 160 («Гимн лирико-эпический на прогнание французов из отечества», 1812).

[11] Ф. Глинка. Избранное. Петрозаводск, 1949, с. 28, 31—32.

[12] Е. И. Тарасов. Донской атаман Платов. СПб., 1903, с. 25—27.

[13] М. И. Богданович. История царствования Александра I, т. IV. СПб., 1871, с. 546. О популярности Платова среди англичан см. также: В. К. Надлер. Имп. Александр I и идея Священного союза, т. V. Рига, 1892, с. 227, 232—233, 238—239. Д. Н. Свербеев вспоминает, что он видел Платова в 1815 г. на приеме у московского главнокомандующего, графа Тормасова: «В числе спутников государя я заметил особенно славного казацкого атамана, графа Платова. Он мне показался прямым потомком гуннов по своей азиатской наружности. Он только что возвратился вместе с государем из Англии, где Оксфордский университет поднес ему грамоту на звание доктора прав» («Записки», т. I. М., 1899, с. 154).

[14] К. Н. Батюшков. Соч., т. III. СПб., 1886, с. 279.

[15] См.: «Русский Вестник», 1813, ч. 3, № 8, с. 113—117; № 9, с. 62—71. В 1816 г. будущий биограф Платова Н. Смирной напечатал в «Русском вестнике» две заметки: «Дар английского принца-регента графу Платову» (кн. 4, с. 76—80) и «Описание сабли, препровожденной графу М. И. Платову от города Лондона» (кн. 6, с. 3—8); см. также: «Донское казачество в Отечественной войне 1812 г.» М., 1942.

[16] Э. С. Литвин. Фольклорные источники «Сказа о тульском косом Левше».—«Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I. М.— Л., 1956, с. 125—134; ср.: Б. Я. Бухштаб. Библиографические разыскания по русской литературе XIX в. М., 1966, с. 149—152.

[17] Л. К. Ильинский. Война 1812 г. в русской песне.— «Русский филологический вестник», 1913, № 1, с. 96—113. (О Платове — с. 107—111.)

[18] В. Я. Адарюков. Русские казаки в Париже (в гравюрах и рисунках).— «Русский библиофил», 1911, № 3, с. 5—6.

[19] «Граф М. И. Платов». Сообщ. А. П. Ч.— «Русская старина», 1873 , № 2, с. 265.

[20] «Letters and recollections of Sir Walter Scott. By Mrs Hughes (of Uffington), ed. by Horace G. Hutchinson». London, 1904, p. 301.

[21] «Familiar Letters of Sir Walter Scott», v. I, p. 346. В Париж, судя по дневнику Rob. Bruce, одного из спутников В. Скотта, он приехал 15 августа 1815 г. и оставался здесь несколько недель. Однако в дневнике самого В. Скотта (см. запись от 1 ноября 1826 г., сделанную во время его пребывания в Париже) отмечено, что в 1815 г. он видел Платова в свите Александра I, в доме, который занимал тогда лорд Касльри (Castlereagh),— № 30, Rue du Faubourg St. Honoré.— «The Journal of Sir Walter Scott». Ed. by W. E. K. Anderson. Oxford, 1972, p. 228.

[22] «Письма о Франции в 1815 г. сира Вальтера Скотта под именем Павла». М., 1827, т. II, с. 116—117. В большой статье «Вальтер Скотт и его современники» (1854) А. В. Дружинин, основываясь на опубликованных к тому времени заметках самого В. Скотта и других мемуарных данных, именно к пребыванию писателя в Париже в 1815 г. относит анекдот о встрече его с Александром I на обеде у лорда Каткарта и в тот же день — с Блюхером и Платовым. «После довольно долгой беседы о разных предметах,— пишет Дружинин,— русский император, заключая по одежде Скотта (на нем был мундир селькиркской милиции, красный с голубым), что он причастен к военной службе, заботливо спросил, глядя на его хромую ногу: «В каком деле были вы ранены?» Поэт поспешил объяснить государю род своей службы и по его желанию доставить несколько интересных сведений о порядке сбора, упражнениях и составе милиционных войск Великобритании». А. В. Дружинин, вероятно, не осмелился разъяснить своим читателям, что в 1815 г. Александр I едва ли мог что-либо знать о «шотландском барде»! Описывая встречи В. Скотта с Платовым, Дружинин также отметил: «Храбрый атаман с первого свидания почувствовал замечательное влечение к Скотту и с тех пор при каждой встрече приветствовал его не иначе, как целуя в обе щеки...» и т. д. (А. В. Дружинин. Собр. соч., т. IV. СПб., 1865, с. 696).

[23] Lockhart J. G. The Life of Sir Walter Scott. L. Dent, 1957, p. 276.

[24] Д. Северин. Ученые известия из Англии.— «Российский музеум», 1815, ч. 1, № 3, с. 378.

[25] «Русский архив», 1871, стлб. 0162.

[26] «Русский архив», 1895, № 4, Прилож., с. 110.

[27] «Русский архив», 1871, стлб. 0163.

[28] Д. Северин. Письмо русского из Англии.— «Российский музеум», 1815, ч. 1, № 3, с. 270—275. Письмо имеет дату: Лондон, 18 февраля /2 марта 1814 г.

[29] Томас Рид (Th. Reid; 1710—1796), шотландский философ, профессор университета в Глазго (1763—1796), автор знаменитой книги «Inquiry into the Human Mind or the Principles of Common Sense» (1764). Стюарт (Dugald Stewart; 1753—1828), с 1785 г. занимал должность профессора нравственной философии в Глазго; книгу его «Philosophical Essays» (1810) А. И. Тургенев с интересом читал в 1827 г. (ср.: ЛН, т. 4—6, 1932, с. 298—299). Северин отчетливо разобрался в особенностях «шотландской» школы философов. Он пишет далее: «Одна отрасль человеческих познаний, мне кажется, доведена здесь до совершенства; здесь называют сию часть *нравственною философиею*. Нам она более известна под именем метафизики. Шотландские моралисты придерживаются в строгости к дефиниции нравственной философии: предмет оной определить общие правила для умного и добродетельного поведения в жизни сей рассмотрением начал человеческого состава и обстоятельств, в коих человек находится. Следуя сему определению, они удаляются от умственных рассуждений германских философов; говорят о том, что понимают, и останавливаются там, куда человеческий разум проникнуть не может; вот почему они презирают метафизические бредни Кантов, Фихтов и проч. <...> Но люди везде не без слабостей: здешние философы, объявив войну так называемой идеальной теории, которая определяет, что чувствования наши возрождаются посредством влияния внешних предметов на органы чувств, решились не употреблять слово *идея*, потому что *идея* значит *образ*, и вместо оных употребляют два других: suggestions, conceptions, которые, кажется мне, нимало не яснее; а на этот счет написаны томы» (с. 274—275).

[30] Там же, с. 275.

[31] John Bacon Sawrey Morritt (1772—1843) — неизменный друг В. Скотта; в имении Моррита Рокби В. Скотт гостил в 1809 г. и описал эту местность в своей поэме «Rokeby» (1812). Моррит был, между прочим, страстным путешественником, одним из основателей лондонского «Travellers' Club» и славился как блестящий рассказчик («Dictionary of National Biography», 1923, v. XIII, p. 1009—1010).

[32] В. Скотт имеет в виду гр. Джорджа Пемброка (George Augustus, 11th Earl of Pembroke), женившегося в 1808 г. на дочери русского посла в Англии гр. Семена Романовича Воронцова Екатерине Семеновне (1783—1856).

[33] «Familiar Letters of Sir Walter Scott», v. I, p. 319.

[34] А. Чехов. Замечательные русские женщины. А. П. Бунина.— «Исторический вестник», 1895, № 10, с. 172—173; основным источником этого биографического очерка является статья М. Д. Хмырова «Русские писательницы прошлого времени».— «Рассвет»,

1861, № 11, с. 213—228 (здесь и о портрете ее — с. 227—228). По смерти Буниной (4 декабря 1829 г.) М. Н. Макаров (1789—1842), плодовитый литератор и журналист, поместил довольно обстоятельную статью о ней, также имеющую значение первоисточника, в «Дамском журнале», 1831, ч. 33, № 9, с. 129—137 (за подписью — М.). См. также: К. Я. Грот. Альбом А. П. Буниной.— «Русский архив», 1902, № 3, с. 500—506; его же. Из писем А. П. Буниной к племяннику ее М. Н. Семенову.— «Русский архив», 1908, кн. 1, с. 524—535; «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905, с. 492—493 («Альбом П. Д. Иванчина-Писарева»).

[35] «Сын Отечества», 1815, ч. 24, № 33, с. 26; стихотворение Степанова «Анне Петровне Буниной на отъезд ее в Англию», напечатано в том же журнале (1815, ч. 23, № 32, с. 245).

[36] «Российский музеум», 1815, ч. 3, № 9, с. 354—357.

[37] Среди этих переводов отметим особо книгу: «Нравственные и философические беседы. Из сочинений доктора Блера. Переводила с английского Анна Бунина». М., 1829; во втором гравированном листе: «... с подлинника, изданного в London, printed for T. Cadell and W. Davies, in the Strand, and W. Creech, Edinburgh, 1814» (ср.: «Северная пчела», 1829, № 93). Очевидно, Бунина преувеличивала свое слабое знакомство с английским языком или усовершенствовала свои познания в нем за границей и после возвращения из Англии.

[38] А. В. Западов. Из архива Д. И. Хвостова.— «Литературный архив», т. 1. М.— Л., 1938, с. 364—368. Послание М. В. Милонова «К А. П. Б-ой» ⟨Анне Петровне Буниной⟩ «О приличии стихотворства прекрасному полу»; первоначально напечатано в журнале «Цветник», 1810, № 11, с. 141 (см.: М. В. Милонов. Сочинения. Изд. А. Смирдина. СПб., 1849, с. 147—156). Мать М. В. Милонова, Прасковья Петровна (урожд. Семенова), была в свойстве с А. П. Буниной через своего брата, женатого на сестре поэтессы. См.: Г. Р. Державин. Сочинения. С объяснит. прим. Я. К. Грота, т. II. СПб., 1869, с. 297; В. М. Чулицкий. И. И. Дмитриев.— ЖМНП, 1902, № 4, с. 363.

[39] В 1820 г. Кюхельбекер посвятил А. П. Буниной особую статью, напечатав ее дважды (в «Невском зрителе» и в «Сыне Отечества»), с разбором лучших стихотворений поэтессы, и еще в 1833 г. записал в своем дневнике: «у нас мало женщин-поэтов; из известных одна только Бунина не совсем дурна» (В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 283, 444—448, 744—745).

[40] Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX в. М.— Л., 1959, с. 382.

[41] А. Чехов. Указ. соч., с. 172.

[42] Анна Бунина. Собр. стихотворений, ч. III. СПб., 1819, с. 68—75.

[43] Там же, с. 53. Об Иване Петровиче Бунине (ум. в. 1858 г.), флотском офицере, участнике шведского похода, см.: «К биографии А. П. Буниной».— «Русская старина», 1895, № 12, с. 124 и А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, с. 64. Я. И. Смирнов в неизданном письме к Н. М. Лонгинову из Лондона от 5 марта (25 февраля) 1816 г. сообщил: «Наша Анна Петровна Бунина переехала из Брайтона в Бат, который ей лучше нравится», и сокрушался при этом о трудностях, ожидающих ее в этом фешенебельном и дорогом курорте: «Я не знаю, как она, бедная, здесь жить будет, а наименее, если брат не сделает ей пособия в скором времени: но кажется, что он имеет много других забот и хлопот о себе, ибо к ней очень изредка отзывается и денег к ее приезду не перевел к ней, и если еще отложит его на некоторое время, то она, конечно, будет приведена в великую крайность» (ИРЛИ, ф. 158, ед. хр. 2373, № 3, л. 8). Об Я. И. Смирнове и Н. М. Лонгинове см. выше, гл. II, прим. 102—103. Отметим, кстати, что в переписке Смирнова не раз идет речь о Буниной, в судьбе которой он принимал близкое участие. Именно Смирнов через Н. М. Лонгинова выхлопотал для Буниной у императрицы Елизаветы Алексеевны значительное вспомоществование в последний год ее жизни в Англии.

[44] Анна Бунина. Собр. стихотворений, ч. III, с. 172—174.

[45] Письмо Буниной к В. Скотту напечатано в статье: G. Struve. Russian Friends and Correspondents of Sir Walter Scott.— «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 323. В письме Буниной упомянута известная поэма В. Скотта «Мармион». Эта поэма названа была уже в одной из наиболее ранних русских заметок, посвященных В. Скотту в «Вестнике Европы» (1811, № 16, Смесь, с. 308): «Из всех английских поэтов, ныне живущих, публика наиболее любит Вильяма (!) Скотта. Одной стихотворной повести его, которая называется «The Lay of the last Minstrel», в шесть лет разошлось 25 000, а другой повести же «Marmion» с 1808 г. распродано 17 000 экземпляров. Каждое новое произведение Скотта приводит в деятельность композиторов, граверов, критиков и сатириков». С. С. Уваров писал Жуковскому (17 августа 1813 г.): «Я получил на днях кипу английских книг, между прочим все поэмы сира Вальтера Скотта ⟨...⟩. Когда я окончу чтение их, то к вам препровожу лучшие» («Русский архив», 1871, стлб. 0162). В первое десятилетие XIX в. В. Скотт известен был у нас только как поэт. Ср. статью: Ю. Левин. Прижизненная слава В. Скотта в России.— В сб.: «Эпоха романтизма». Л., 1975, с. 78. Перевод «Мармион», сделанный Жуковским, появился под заглавием «Суд в подземелье» лишь в «Библиотеке для чтения», 1834, т. 3, № 4, отд. I, с. 1—19.

[46] Д. П. Якубович. Роль Франции в знакомстве России с романами Вальтера Скотта.— «Язык и литература», в. V, Л., 1930, с. 137—184.

[47] Смирдинская «Роспись российским книгам» (СПб., 1828) перечисляет уже 23 русских перевода В. Скотта; впрочем, в этот список попало также несколько романов, ошибочно приписанных его перу; см. также: G. Struve. Walter Scott and Russia.— «The

Slavonic Review» (London), 1933, v. XI, № 32, p. 397—410; Ernest J. Simmons. English Literature and Culture in Russia (Harvard Studies in Comparative Literature, v. XII). Cambridge, Mass., 1935, chap. IX. Walter Scott and the Russian Romantic Movement (p. 237—268). Подробная библиография переводов произведений В. Скотта и литературы о нем на русском языке издана Всесоюзной государственной библиотекой иностранной литературы к 125-летию со дня смерти писателя: Вальтер Скотт. Библиографический указатель к 125-летию со дня смерти [составлен И. М. Левидовой]». М., 1958.

[48] «Московский вестник», 1827, ч. V, № 20, с. 479—487. Ср.: С. В е с и н. Очерки русской журналистики двадцатых и тридцатых годов. СПб., 1881, с. 62—63.

[49] «Обозрение нынешнего состояния английской литературы». Пер. с франц. У.— «Вестник Европы», 1818, № 9, с. 42—44; там же, 1822, № 15; «Опыт о романах Вальтера Скотта». Пер. с франц.— «Сын Отечества», 1825, ч. 103, № 19, с. 355—373.

[50] Э. А. ⟨«Эолова Арфа», т. е. А. И. Тургенев⟩. Письмо из Дрездена.— «Московский телеграф», 1827, ч. 14, № 6, с. 150— 155. Ср.: «Литературная газета», 1829, № 29, июль, с. 33—37. См. об этом ниже, прим. 173.

[51] Количество подобных статей чрезвычайно многочисленно; некоторые указаны в кн.: С. В е с и н. Указ. соч., с. 61—63; 354—358; ср. также: Н. К о л ю п а н о в. Биография А. И. Кошелева, т. I—II. М., 1889—1892.

[52] «Biographical Sketch of Sir Walter Scott».— «The English Literary Journal of Moscow», 1823, v. I, № 1, p. 23. В русской печати помещено было немало статей о путешествиях в Абботсфорд и о радушии его обитателей. См., напр.: «Знакомство д-ра Пишо с сир В. Скоттом» («Северная пчела», 1825, № 103); «Абботсфорд — поместье сира Валтера Скотта», соч. одним американцем («Галатея», 1829, ч. 4, № 21, с. 290—302); «Абботсфорд — жилище Вальтера Скотта» («Телескоп», 1833, ч. 16, № 13, с. 122—128); М. М. «В. Скотт и его семейство» («Библиотека для чтения», 1834, т. 6, отд. VII, с. 46—51); «Домашняя жизнь и последние минуты В. Скотта» («Кабинет для чтения». М., 1838, т. I) и др.

[53] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, с. 400.

[54] «The Journal of Sir Walter Scott», p. 10.

[55] Там же, с. 11.

[56] «Здесь теперь Оленин,— пишет об Алексее Алексеевиче Оленине Н. И. Тургенев к П. Я. Чаадаеву из Парижа 2 декабря (20 ноября) 1825 г.— В восхищении от англичан. И прав, хотя уже и потому, что он там совершенно выздоровел» («Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. I. М., 1913, с. 359).

[57] ГБЛ, ф. 219, карт. 136, ед. хр. 3, л. 1.

[58] От А. А. Оленина портрет перешел к его младшему брату, Петру Алексеевичу (ум. 1898), и хранился в Тверской губ, а от его наследников — к А. К. Пожарскому, который ... опубликовал его в сб. «Звенья», III—IV, 1934, с. 239; см. об этом заметку Пожарского здесь же, в Приложении ⟨с. 953⟩: «К портрету Вальтер Скотта».

[59] С. С. В о л к. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 208.

[60] Д. Н. С в е р б е е в. Записки, т. II, с. 307, 313, 315, 328—329.

[61] «The Journal of Sir Walter Scott», p. 11. Приводим в переводе полностью все относящееся сюда место дневника: «В Абботсфорде был приехавший сюда ⟨в Шотландию⟩ молодой граф Давыдов со своим наставником, м-ром Кольером. Он — племянник знаменитых Орловых. Просто поразительно, каким благоразумием и здравым смыслом наделен этот юноша в столь раннем возрасте, как шестнадцать лет, притом без всякого самомнения и самоуверенности. Напротив, он кажется добрым, скромным и бесхитростным (kind, modest and ingenious). На вопросы, которые я задавал ему о положении России, он отвечал с такой точностью и отчетливостью, что впору и вдвое старшему...»

[62] В этот вечер, как отмечено в дневнике В. П. Давыдова, Мур долго пел свои стихи. Год спустя одна из «мелодий» Мура пришла на ум Вальтеру Скотту, когда он, возвратившись в Абботсфорд из поездки в Лондон и Париж за материалами для «Жизни Наполеона», сел подсчитывать расходы и задумался над причинами повышения цен по сравнению с годами его молодости. Размышления увлекли его в чужую область, и он скоро оборвал их словами: «Пусть экономисты решают, как правильнее описать этот процесс, когда монет и много, да яйца дорожают», и заключил запись (26 ноября 1826 г.) перефразом последней строфы «Вечернего звона»:

And so 't will be when I am gone,
The increasing charge will still go on
And other bards shall climb these hills
And curse your charge, *dear* evening bills.

(«Так будет и когда меня не станет:/Вздорожание будет продолжаться/И другие поэты, взбираясь на эти холмы,/Будут проклинать цены в *дорогих* вечерних счетах»). The Journal of Sir Walter Scott, p. 246.

Ср. у Мура:

And so 't will be when I am gone;
That tuneful peal will still ring on,
While other bards shall walk these dells
And sing your praise, sweet evening bells.

«Так будет и когда меня не станет: / Звучный звон будет разноситься по-прежнему,/ И другие поэты, бродя по этим долинам, / Будут возносить хвалу милым вечерним колоколам»).

[63] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Составлен внуком его, гр. Орловым-Давыдовым», т. II. СПб., 1878, с. 308, 313—315.

[64] The Journal of Sir Walter Scott, p. 47.

[65] Ibid., p. 167.

[66] «Verses composed for the occasion, adapted to Haidn's sir «God save the Emperor Francis» and sung by a select band after the dinner given by the Lord Provost of Edinburgh to the Grand Duke Nicholas of Russia and his suite, 19 December, 1816».
(The Poetical Works of Sir Walter Scott, v. X. Edinburgh, 1833, p. 365—366).

[67] «Familiar Letters of Sir W. Scott», v. I, p. 383. В. Скотт, очевидно, намекает на то, что имя O'Nick, возникшее из прозвания театральной фигуры Old Iniquity (Старый грех) в средневековых моралите, употреблялось в народном языке как синоним дьявола. Об адресате этого письма герцоге Боклю (Duke of Buccleuch) интересные данные приводил уже Д. П. Северин в цитированном выше письме из Эдинбурга; несомненно, что именно благодаря ему состоялось знакомство Северина и Полетики с В. Скоттом. Северин пишет: «К числу приятнейших знакомств я припишу Дюка Бокле (Duk of Boccleugh) и семейство его. Загородный дом его в семи милях от Эдинбурга, и он живет, как барин, с удивительною роскошью. Дюк был 20 лет тому назад в России и любит русских».

[68] «The Journal of Sir Walter Scott», p. 167.

[69] И. З в а в и ч. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством.— Сб. «Тайные общества в России в начале XIX ст.». М., 1926, с. 88—102.

[70] И. З в а в и ч. Восстание 14 декабря и английское общественное мнение.— «Печать и революция», 1925, № 8, с. 31—52.

[71] «Биографический очерк...», т. II, с. 317. «История Наполеона» встречена была у нас резко отрицательно большинством передовых литераторов. Сильно огорчены были ею Д. Давыдов, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев и многие другие. В русской печати она вызвала шумную полемику и грубое вмешательство цензурных инстанций. См. ниже прим. 106. Подробно вся печатная литература об этой книге зарегистрирована Ю. Д. Левиным в библиографическом указателе, приложенном к его статье «Прижизненная слава Вальтера Скотта в России», в кн.: «Эпоха романтизма. Из истории международных связей русской литературы». Л., 1975, с. 41 и сл.

[72] П у ш к и н, т. XIII, с. 345. Здесь отрывок датирован «конец сентября — первая половина октября 1827 г. Москва»; подлинник находится в ИРЛИ (ф. 244, оп. 2, № 24); впервые он со многими неточностями был опубликован П. В. Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина». СПб., 1855, с. 418.

[73] Подлинники этих писем хранятся в ЦГАДА (ф. 1273, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 51). Все они не опубликованы.

[74] «The Letters of Sir Walter Scott, ed. by H. Grierson». London, 1932—1937. 12 vols.

[75] Hugh Seymour Walpole был во время войны 1914—1918 гг. прикомандирован к русскому Красному Кресту и одно время находился при русской армии. Полурусская героиня его романа «The Duchess of Wrexe» (1914) уже свидетельствует о возникшем тогда интересе его к русской жизни и литературе; в последующих его романах «The Dark Forest» (1916) и особенно «The Secret City» (1919), действие которого развертывается в Петербурге, этот интерес проявляется еще острее. См.: Dorothy B r e w s t e r. East-West passage. A study in literary relationships. London, 1954, p. 176—178.

[76] «The Private Letter-Books of Sir Walter Scott. Selections from the Abbotsford Manuscripts. With a Letter to the Reader from Hugh Walpole». London, 1930; «Sir Walter's Post-Bag. More stories and sidelights from his unpublished Letter-Books. Written and selected by Wilfred Partington. Foreword by Hugh Walpole». London, 1932.

[77] По подлиннику, хранящемуся в Эдинбурге, впервые напечатано: G. S t r u v e. Russian Friends and Correspondents of W. Scott.— «Comparative Literature», 1950, v. II, N 4, p. 308.

[78] «The Journal of Sir Walter Scott», p. 130. Накануне, т. е. 13 апреля 1826 г., В. Скотт в письме к одному из своих друзей и сослуживцев по магистратуре (Colin Mackenzie) также упомянул о получении письма от Д. Давыдова, который «был известен в Московскую кампанию под именем Черного капитана из-за неустанных и грозных налетов, которые он совершал на Наполеона во время его отступления», и прибавил, как и в «Дневнике»: «Если бы я мог выманить у него несколько рассказов, это было бы замечательно» («The Letters of Sir Walter Scott, ed. by H. Grierson», v. IX. London, p. 506).

[79] «Сочинения Дениса Давыдова». Изд. 4-е, исправленное и дополненное по рукописям автора. М., 1860, т. I. «Переписка с Вальтер Скоттом», с. 1—37 отдельной пагинации (ср.: «Сочинения Д. В. Давыдова», т. III, 1895, с. 78—108, а также «Жизнеописания русских военных деятелей». Под ред. Вс. Мамышева, т. I, в. I. СПб., 1885). Английский текст письма В. Скотта напечатан здесь очень неисправно, с многочисленными ошибками и опечатками; русский текст снабжен примечанием: «Это письмо переведено редактором, который по незнанию английского языка руководствовался французским переводом» (а именно, переводом Кольера, отправленным В. П. Давыдовым вместе с подлинным письмом В. Скотта к Денису Давыдову, который английским языком не владел). Между тем этот перевод пользуется известностью и поныне; так, например, им воспользовался А. Новиков в статье «Денис Давыдов и Вальтер Скотт» («Литература и искусство», 1942, 1 августа, № 31; эта статья не содержит в себе ничего нового сравнительно с собраниями сочинений Давыдова).

[80] М. Т р у н о в а. Партизан-поэт Д. В. Давыдов и его архив.— «Вестник архео-

логии и истории», 1909, вып. XVIII, с. 13; ср.: В. О р л о в. Судьба литературного наследства Дениса Давыдова.— ЛН, т. 19—21, 1935, с. 317.

[81] После обнаружения этого письма И. С. Зильберштейном в рукописных фондах ГБЛ (ф. 479, карт. 1, ед. хр. 5, л. 1—2) оно воспроизводилось много раз, притом большею частью как «первая публикация»; предшествующие его воспроизведения были прочно забыты. Нам известны следующие новейшие его публикации: 1) Г. П. Струве (по фотокопии, полученной от редакции ЛН из Москвы) в статье «Russian Friends and Correspondents of Walter Scott».— «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 312—313; 2) «Автографы знаменитых писателей». Публикация, перевод, вступительные замечания и комментарий Николая Алексеева.— «Культура и жизнь», 1957, № 5, с. 38—40, со следующим указанием: «Настоящая публикация дается по подлиннику на английском языке, хранящемуся в рукописном отделе Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина» (снимок с автографа — здесь же, на с. 40); тут же публикатор высказывает предположение, что данное письмо «написано до 1827 г.», но не на основании данных дневника В. Скотта, а потому, что в 1827 г. «писатель выпустил свой труд «Жизнь Наполеона Бонапарта», в котором Денису Давыдову отведена особая страница»; 3) В статье: С. О р л о в. Вальтер Скотт в переписке с Денисом Давыдовым.— «Новый мир», 1958, № 8, с. 277—278, с ошибочным указанием «публикуется впервые»; 4) С. А. О р л о в. Исторический роман Вальтера Скотта. Горький, 1960, в приложении: «В. Скотт в переписке с Денисом Давыдовым» (то же, что в «Новом мире»), с. 463—465, с тем же ошибочным указанием: «публикуется впервые». Не перечисляем здесь прочих откликов на эти публикации, появлявшихся время от времени в периодической печати, с извлечениями из письма В. Скотта, напр.: В. К о с о л а п о в. Письмо Вальтера Скотта к Денису Давыдову.— «Вечерний Ленинград», 1962, 27 июля; Письмо герою-партизану.— «Лит. газета», 1962, 20 сент.— в связи с экспонированием письма В. Скотта на выставке, посвященной 150-летию Отечественной войны 1812 г., и др.

[82] Подлинник письма — в ГБЛ (ф. 219, карт. 45, ед. хр. 10, л. 1—2).

[83] «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 311—312.

[84] «Вчера,— писал В. Скотт в своем «Дневнике»,— я получил в подарок две гравюры с моего портрета работы сэра Генри Реберна, последнего, который он (бедняга!) написал и, конечно, далеко не худшей из его работ. Я имел удовольствие передать одну молодому Давыдову для его дяди, знаменитого Черного капитана кампании 1812 г.» — «The Journal of Sir W. Scott», p. 159. Это была гравюра с портрета В. Скотта, писанного известным шотландским портретистом Henry Raeburn (1756—1823) для лорда Montague в 1822 г. Гравюра, присланная В. Скоттом Д. Давыдову, по-видимому, не сохранилась; по крайней мере, она не была найдена в архиве Давыдова.

[85] Подлинник письма — в ГБЛ (ф. 219, карт. 45, ед. хр. 10, л. 3—4).

Ср. в более позднем письме Д. В. Давыдова к П. А. Вяземскому (от 20 июля 1828 г.), где еще в сильнейшей степени отразились меланхолические настроения славного вояки, у которого все в прошлом и который может лишь вспоминать о былых подвигах: «Что тебе сказать о себе? Я перестал уже ожидать вызова себя в армию; вижу, что и без седых усов дела идут хорошо, дай бог в добрый час! Пора и нам смену. Кто прослужил, не сходя с поля чести, от Аустерлица до Парижа и в антрактах подрался с шведами, турками и персиянами, тот совершил уже круг своих обязанностей как солдат и видел то, что настоящие и будущие рыцари не увидят...» и т. д. («Старина и новизна», кн. 22. Пг., 1917, с. 33—34).

[86] «Московский вестник», 1827, ч. 1, № 3, с. 161—163. Рукописная редакция не отличается от обычной печатной, за исключением пунктуации и двух незначительных изменений в строфах 5-й (ст. 1: «Я не внимаю стуку чаш») и 11-й (ст. 3—4: «От крова мирного — в шалаш, На сечи, к пламенным сраженьям»).

[87] Это письмо во французском оригинале (по подлиннику, хранящемуся в Нац. библиотеке в Эдинбурге) впервые напечатано в журнале «Comparative Literature», 1950, v. II, N 4, p. 314—345; в русском переводе (с ошибочным указанием «публикуется впервые») дважды: «Новый мир», 1958, № 8, с. 277—280 и С. О р л о в. Исторический роман Вальтера Скотта, с. 462—463. Здесь печатается по фотокопии, любезно предоставленной Эдинбургской библиотекой (ГБЛ, ф. 219, карт. 45, ед. хр. 11, л. 3—5).

[88] Ср.: «Сборник имп. Русского исторического об-ва», т. 73. СПб., с. 548—549, 551—552.

[89] Maurice A l l a r d. Le triste soldat. Traduction libre de D. Davidoff.— «Bulletin du Nord. Journal scientifique et littéraire (Moscou)», 1828, p. 167—169. Сравнение этого перевода с «Замечаниями для переводчика» в письме автора к В. П. Давыдову приводит к заключению, что он сделан без всякого с ними знакомства и, кроме того, отличается вольностью; см., напр., начало:

Non, frères! non; triste soldat,
Celui qui pour bon feu pétille;
Dont la femme apprête au bon plat;
Que charme ou son fils, ou sa fille.
etc.

[90] Д. Д а в ы д о в. Полн. собр. стихотворений. Ред. и прим. В. Н. Орлова. Л., 1933, с. 256; О н ж е. Сочинения. М., 1860, ч. III, с. 203.

[91] Русский Вестник, 1861, т. 32, № 3, с. 323 (письмо А. А. Бестужева к К. А. Полевому от 15 марта 1832 г.).

[92] Д. Давыдов. Сочинения, ч. III. М., 1860, с. 153.

[93] Пушкин, т. XII, с. 151; «Русская старина», 1911, № 10, с. 26—27; Ю. Г. Оксман. Сюжеты Пушкина.— «Пушкин и его современники», вып. XXVIII. Пг., 1917, с. 76—87. Приводим сделанный В. Саяновым перевод включенного и в «Сочинения» Д. Давыдова (М., 1860, ч. III, с. 8) французского четверостишия Арно к Давыдову:

Тебе, поэт, тебе — кто был бойцом.
Кто залпом пьет вино на бреге Ипокрены,
Кто некогда дубовый лист смиренный,
Я знаю, сделал лавровым листом.

[94] «Specimens of the Russian Poets. Translated by John Bowring». London, 1821, v. I, p. 177—178.

[95] П. А. Вяземский. Стихотворения. Л., 1958, с. 64—66 (стих. «К партизану-поэту»).

[96] ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 51, л. 25.— письмо от 10/22 октября 1826 г. и письмо от 14/26 ноября 1826 г., там же, л. 26. Ниже цитируемое письмо от 1/13 марта 1827 г., там же, л. 31—31 об.

[97] Напечатано в журнале «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 318. Здесь печатается по фотокопии, любезно предоставленной Эдинбургской библиотекой.

[98] «Journal of Sir W. Scott», p. 380.

[99] «Catalogue of the Armour and Antiquities of Abbotsford», ed. by Honorable Mrs Maxwell-Scott. Edinburgh, 1888; см. также: «Abbotsford. The Personal Relics and Antiquarian Treasures of Sir Walter Scott. Described by the Hon. Mary Monica Maxwell-Scott of Abbotsford and illustrated by William Gibb». London, 1893.

[100] См. выше, с. 253.

[101] Н. В. Измайлов. «Роман на Кавказских водах». Невыполненный замысел Пушкина.— «Пушкин и его современники», вып. XXXVII. Л., 1928, с. 96—97. Роман В. Скотта «Сент-Ронанские воды» («St. Ronan's Well», 1823) в русском переводе появился в 1828 г. (см. заметку: «Сен-Ронанские воды сира Валтера Скотта».— «Московский телеграф», 1828, ч. 23, № 18, с. 224—227). Пушкин, вероятно, знал этот роман во французском переводе, но заметка московского журнала могла обновить его впечатления об этом произведении. В одном из писем П. А. Вяземского к жене о поездке на пароходе в Кронштадт 25 мая 1828 г. рассказывается, что внимание его и Пушкина привлекла к себе молодая англичанка, «прибывшая накануне с мужем из Лондона», и что при этом «Пушкин нашел, что она похожа на сестру игрока *des eaux de Ronan*» (ЛН, т. 58, с. 80).

[102] «А. Пушкин. Переписка». Под ред. В. И. Саитова, т. II. СПб., 1908, с. 43—44; Пушкин, т. XIII, с. 345.

[103] ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, ч. 2, ед. хр. 51, л. 38 об.

[104] В. Жерве. Партизан-поэт Д. В. Давыдов. СПб., 1913, с. 140. «Завязавшаяся между ними 〈Д. Давыдовым и В. Скоттом〉 переписка закончилась последним письмом Давыдова, которое он в 1832 г. не успел послать по назначению за смертью В. Скотта, желавшего иметь замечания Давыдова о войне 1812 г., описанной в «Истории жизни Наполеона». Со свойственной ему откровенностью и прямотой Давыдов изложил свои замечания в ответном письме, которое решил напечатать ввиду того, что написанная В. Скоттом книга о Наполеоне была переведена на русский язык» и т. д. См. также: Z. Rosov. Denis Davydov and Walter Scott.— «The Slavonic Year-Book, being the volume XIX of the Slavonic and East European Review 1939—1940», p. 300—302. Эта небольшая работа не содержит в себе ничего нового, так как целиком основана исключительно на письме Д. В. Давыдова, помещенном в «Сыне Отечества» 1840 г., и не сообщает ничего даже об их переписке, известной из других печатных данных.

[105] ГБЛ, ф. 219, карт. 45, ед. хр. 10, л. 5—6.

[106] Д. Давыдов. Письма к Вальтер Скотту.— «Сын Отечества», 1840, т. II, № 2, с. 323—356; В. Орлов («Судьба литературного наследства Дениса Давыдова».— ЛН, т. 19—21, с. 317), сообщает, что черновики этого письма сохранились в архиве Давыдова. Выписки из «Жизни Наполеона» В. Скотта мы находим также в другой статье Давыдова: «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 г.» — «Сочинения Д. Давыдова», ч. I. М., 1860 с. 12—16 (отдельной пагинации).

[107] И. С. Мальцову, другу С. А. Соболевского и деятельному сотруднику «Московского вестника», удалось еще в 1827 г. вкратце ознакомить русских читателей с отрывками из книги В. Скотта «Жизнь Наполеона» (см.: «Московский вестник», 1827, ч. 4, № 16 с. 361—393). Н. П. Барсуков рассказывает: «Книга эта имела громадный успех в Европе, но в России оставалась под строгим запрещением. Несмотря на это, Мальцов доставил в «Московский вестник» сначала статью «Несколько слов об Истории Наполеона Бонапарта, сочиненной В. Скоттом» (ч. 4, № 15, с. 311—314), а затем стал печатать там же и отрывки из этой книги. В этом деле принимал участие и Титов, о чем свидетельствует письмо его из Петербурга от 18 июля 1827 г.: «Вот вам еще горячий блин, любезные мои друзья — издатели. Бога ради, Погодин, не обожгись им и не сойди с ума. получая отрывки из Вальтер Скотта. Дело серьезное: этот случай покажет журнальной собрати,

что мы ближе их к источникам и умеем ими пользоваться. Дорога каждая неделя... Постараюсь уломать Мальцова окончить Вальтер Скотта к шестнадцатому нумеру» («Старина и новизна», кн. 7. СПб., 1864, с. 159). Любопытно, что тому же И. С. Мальцову принадлежит рисованный им портрет В. Скотта, приложенный к 18-му номеру «Московского вестника». Однако печатание этих отрывков в журнале скоро прекратилось. Отклики на книгу В. Скотта, появившиеся в «Московском телеграфе», также привлекли к себе настороженное внимание властей. П. В. Киреевский писал Н. М. Языкову (14 октября 1833 г.): «Цензора испуганы недавним строгим выговором за телеграфские статьи об Истории ⟨Наполеона⟩ Вальт. Скотта» («Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову», Ред. М. К. Азадовского. М.— Л., 1935, с. 51).

В «Записках» К. А. Полевого рассказана история цензурных мытарств этой книги в России. «В конце 1827 г. брат мой ⟨Н. А. Полевой⟩ получил от одного из своих петербургских корреспондентов чрезвычайно любопытную в то время книгу «Жизнь Наполеона», сочиненную Вальтер Скоттом. Она вышла в свет лишь за несколько месяцев перед тем и имела громадный успех в Европе, но в России оставалась под строгим запрещением. Мы читали до тех пор разборы ее и кое-какие отрывки из нее в иностранных журналах, даже переводили их и печатали в «Московском телеграфе» и с понятным любопытством принялись читать ее вполне. К удивлению, мы не нашли в ней ничего, что стоило бы запрещения: знаменитый романист порицал и унижал все то, что и в наших книгах порицали, и хотя во многом ошибался, но хвалил Россию и русских, где приходилось ему говорить о них. За исключением немногих страниц, книга его могла быть напечатана у нас при самой строгой цензуре». Однако московская цензура не разрешила Н. А. Полевому отпечатать готовый перевод ее. «... Через три или четыре года потом «Жизнь Наполеона», сочиненная Вальтер Скоттом, была напечатана в русском переводе де Шаплета, и даже не один раз. На каком же основании ту же самую книгу не позволили печатать нам?» — справедливо возмущался К. Полевой («Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов». Л., 1934, с. 240—241, 247).— О переводе С. С. де Шаплета см: «Северная пчела», 1832, № 60 и 180. Хотя иностранные издания книги были у нас первоначально запрещены, но они все же сравнительно свободно обращались среди читателей. А. В. Никитенко («Дневник», т. I. М., 1955, с. 140) записывает 9 апреля 1834 г.: «В самом начале появления «Истории Наполеона», сочинения Вальтер Скотта, ее позволено было иметь в Петербурге всего шести или семи государственным людям. Но в это же самое время мой знакомый ⟨А. Н.⟩ Очкин выменял его у носильщика книг за какие-то глупые романы».

Еще Некрасов (стих. «Газетная»), вспоминая о цензурных затруднениях 20—30-х годов, заставил декламировать своего цензора:

Например, Вальтер Скотт или Купер —
Их на веру иной пропускал.
Но и в них открывал я *канупер*!
(Так он вредную мысль называл).

[108] «Письма и записки Д. В. Давыдова Н. А. Муханову».— «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», вып. IX. М., 1901, с. 321.

[109] См. письмо П. А. Вяземского к В. А. Жуковскому от 30 ноября 1827 г.: «Я писал к Дашкову о предприятии моем составить сокращенный перевод истории Наполеона В. Скоттом. Возможное ли это дело или нет? Дайте ответ» («Русский архив», 1900, № 2, с. 194). Интерес к этой книге был так велик, что отрывки из «The Life of Napoleon» еще до получения ее в России переводились по одному из английских периодических изданий в русских журналах: в «Московском телеграфе» (1827, ч. 16, № 14, отд, II, с. 38—46), в «Московском вестнике» (1827, ч. 4, № 16, с. 361—393), причем в этом последнем был помещен и обзор иностранных статей о ней (№ 15, с. 311 и сл.).

Статья Вяземского называлась «Поживки французских журналов в 1827 г. (П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1879, с. 73—78).

[110] W. Scott. Vie de Napoléon, précédé du tableau de la Révolution Française, v. VII. Bruxelles, 1827, p. 258—259. Это издание, вероятно, находилось в руках Дениса Давыдова. В русском переводе, который мы здесь цитируем — «Жизнь Наполеона Бонапарта». Сочинение сира Валтера Скотта. Перевел с английского С. де Шаплет. (В 14 частях). СПб., 1831—1832,— это место находится в ч. 9, гл. 11, с. 441—442.

[111] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. III. СПб., 1896, с. 412.

[112] «Journal of Sir W. Scott», p. 337.

[113] А. Ермолов. Род Ермоловых. М., 1912, с. 52—60; см. также в. кн. Николай Михайлович. Русский Некрополь в чужих краях, вып. I. (Париж и его окрестности). Пг., 1915, с. 32.

[114] В книгу М. А. Ермолова «Mélanges et souvenirs d'histoire de voyages et de littérature» (Paris, 1858) вошли: «Sylvio ou le coup réservé» («Выстрел» Пушкина), «Le poete Poushkine suivi de Kirdjali» (первоначально напечатано в «Blackwood's Magazine», 1845, и в «Revue Britannique», 1846, № 2), статья о книге Кюстина «La Russie en 1839» и еще несколько статей и рассказов, частично основанных на русских источниках. С. Д. Полторацкий в письме к своему приятелю и сотруднику И. А. Бессонову от 21 июня 1846 г. сообщал, что «в февральском ⟨номере⟩ «Revue Britannique» Михайла Ермолов перевел

«Кирджали», присовокупив биографию Пушкина, переведенную им из английского журнала. Как это мы в Петербурге прогуляли с вами эту февральскую книжку «Revue Britannique»? ‹...› Возьмите брюссельское издание (février 1846) «Rev. Britan.», там в биографии Пушкина найдете много дельного, но много ошибок, поверхностных суждений. В переводе «Кирджали» Михайла Ермолов порядочно наумничал и неверно соблюл мысли и выражения подлинника, множество прибавил своей приправы» (ГПБ, ф. 233, к. 2, ед. 55, л. 3). Ср. также: «Дневник Пушкина». Под ред. Б. Л. Модзалевского. 1923, с. 220.

[115] «Journal of Sir W. Scott», p. 11, 33, 47, 166—168, 341, 346, 380, 387, 397, 423, 447.

[116] Письмо от 29 июня/11 июля 1826 г. ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 51, л. 16.

[117] Впервые опубликовано в кн.: С. А. Орлов. Исторический роман В. Скотта, с. 476 (оригинал в ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 4433).

[118] П. Берков. К библиографии западных изучений и переводов «Слова о полку Игореве».— ТОДРЛ, т. II. Л., 1935, с. 151—155.

[119] Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. VII—VIII.

[120] М. П. Алексеев. Вальтер Скотт и «Слово о полку Игореве».— ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, с. 83—88.

[121] D. Boutourlin. Histoire militaire de la Russie en 1812, v. 1—2. Paris et St.-Pétersbourg, 1824. Краткий отзыв об этой книге появился в «Сыне Отечества», 1824, ч. 91, № 2, с. 72.

Имеется в виду книга Chambray (Georges, marquis de; 1783—1845), первое издание которой вышло без имени автора; «Histoire de l'expédition de Russie par M***». Paris, 1823, 3 vols; 2-е издание, в четырех томах, вышло в Париже уже с полным именем Шамбрэ; извлечение из этой книги, которое Давыдов имеет в виду: «Переход Наполеоновой армии через Березину (в 1812 году), пер. С‹омова?›,— помещено в «Сыне Отечества», 1825, ч. 100, № 4, с. 142—163 и № 8, с. 347—370.

[122] См. статью «Кацбахское сражение 14 августа 1813 г.» — «Сын Отечества», 1825, ч. 102, № 13, с. 54—66.

[123] «Вестник Европы», 1814, № 12, с. 258—271. И. И. Дмитриеву Карамзин писал (11 мая 1814 г.): «Если буду жив, то непременно предложу усердное перо мое на описание французского нашествия; но мне нужны, любезный, сведения, без которых могу только врать, почему и буду просить их...» («Письма Карамзина к И. И. Дмитриеву». СПб., 1866, с. 181). Однако, сколько знаем, это намерение Карамзина осталось неисполненным. О стихотворении «Освобождение Европы» см. также «Остафьевский архив», т. I. СПб., 1899, с. 22—24, 402—403 и «Русская старина», 1899, № 2, с. 465—466.

[124] Предисловие это напечатано было лишь в отдельных изданиях стихотворения (1814) и не воспроизводилось ни в одном собрании сочинений Карамзина. Его перепечатал М. П. Погодин в «Москвитянине», 1852, № 6, отд. IV, с. 4. Примечания к стихотворению помещены в кн.: «Сочинения Карамзина». Под ред. В. В. Сиповского, т. I. СПб., 1917, с. 305—318.

[125] Впервые напечатано в журнале «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 316—317. Здесь печатается по фотокопии, любезно предоставленной Эдинбургской библиотекой.

[126] «Жизнь Наполеона Бонапарте», 1832, ч. 9, гл. 11, с. 441—442.

[127] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. II, с. 317—318.

[128] Подлинник в ГБЛ, ф. 219, карт. 61, ед. хр. 28, л. 8—9.

[129] «Пушкин. Статьи и материалы». Под ред. М. П. Алексеева, вып. III. Одесса, 1928, с. 53—54; Н. Голицын («Словарь русских писательниц». СПб., 1889, с. 117—118) в перечне литературных работ А. П. Зонтаг этого перевода не упоминает.

[130] Подлинник этого письма В. Скотта, как и двух следующих, приводимых ниже, находится в ГБЛ (ф. 219, карт. 61, ед. хр. 28, л. 3—5, 6—7 и 10—13).

[131] См. о ней: W. Parker. Portrait of Anne Scott.— «Cornhill Magazine», 1944.

[132] Анна Скотт писала Давыдову по поручению отца. Известны три ее письма (ГБЛ, ф. 219, карт. 61, ед. хр. 26). Первые два относятся к марту 1827 г. Зиму 1826—1827 г. В. Скотт прожил с дочерью в Эдинбурге, работая напряженно и неустанно над окончанием своего труда о Наполеоне и другими произведениями, так что дочь видела его лишь несколько минут в день за обедом и скучала без собеседников. Давыдов, видимо, несколько раз приходил к В. Скотту в начале 1827 г., сообщая и переводя материалы о России.

В феврале был сдан в типографию предпоследний том «Наполеона», и Скотт стал чаще встречаться со знакомыми. На обеде «Театрального фонда» (организованного для оказания помощи нуждающимся актерам), где Скотт председательствовал, разговор пошел так, что ему пришлось во всеуслышание признать себя «автором веверлеевских романов». Давыдов присутствовал на этом обеде. При встрече с Анной он, вероятно, выразил благодарность за полученную им 22 февраля гравюру Скина и попросил о новых рисунках для своего альбома.

Анна написала 2 марта (в пятницу), обещая переговорить с художником и передавая приглашение в театр на вторник (т. е. 6 марта, когда Скотт с друзьями смотрел, как записано в его дневнике, шекспировскую комедию «Много шума из ничего» и два фарса):

Walker street.
Friday evening.

My dear Sir. I saw Mr Skene last night and he will be extremely happy to contribute a drawing to your book if you will have the goodness to send it here. I shall see he gets it safe.

Should you have any inclination to go to the theatre, Papa has a box for next Tuesday evening and it would give us much pleasure if you will join our party.

Believe me yours sincerely A. Scott.

⟨*На обороте:*⟩ Mr Davidoff. York place.

⟨*Перевод:*⟩

Ул. Уолкер
Пятница вечером

Милостивый государь,

Вчера вечером я видела м-ра Скина, который с удовольствием пополнит рисунком ваш альбом, если вы будете любезны прислать его сюда. Я послежу, чтобы он благополучно дошел до м-ра Скина.

Если бы вам захотелось пойти в театр, у папы есть ложа на вторник вечером, и мы будем очень рады, если вы присоединитесь к нам.

Остаюсь искренне ваша А. Скотт.

⟨*На обороте:*⟩ Г-ну Давыдову. Йоркская площадь.

После спектакля Давыдов, видимо, прислал что-то вкусное, за что Анна поблагодарила его в письме от 10 марта (помеченном «суббота»), предупреждая о скором отъезде в Абботсфорд (отъезд, как видно из дневника В. Скотта, состоялся 22 марта).

My dear Sir, Papa and I have many thanks to return to you for your kind present which is most excellent.

We leave Edin⟨burgh⟩ in about a week but we hope to have the pleasure of seeing you before we go.

In the meantime believe me to remain yours very sincerely Anne Scott.

Walker street
Saturday.

⟨*Перевод:*⟩

Милостивый государь.

Мы с папой очень благодарим вас за любезное подношение, которое оказалось превосходным.

Мы уезжаем из Эдин⟨бурга⟩ примерно через неделю, но надеемся иметь удовольствие видеть вас до отъезда.

Пока же остаюсь искренне ваша Анна Скотт.

Ул. Уолкер
Суббота

Последнее письмо Анны относится к весне следующего года, когда Давыдов заканчивал свои занятия в Эдинбургском университете и готовился к переезду в Лондон. Речь идет о прощальном визите. На письме стоит штемпель ближайшего к Абботсфорду почтового отделения: «Мельроз, 20 марта 1828». Написано оно было накануне, в среду 19 марта.

My dear Sir,

Papa desires me to say that should it not interfere with any of your engagements it would give us much pleasure if Mr Colyar and you would come here next Monday. Papa wishes you much to meet with Monsieur and Madame Thebaugh who are to be with us.

We sincerly hope you will not be in a hurry to leave Abbotsford as I fear it will be your last visit for some time. I shall be very sorry indeed to think it was the very last but hope at some future period you will return to Scotland.

With our united regards to Mr Colyar and yourself believe me yours very sincerely
Abbotsford. Wednesday. M. A. Scott.

⟨*На обороте:*⟩ Mr W. Davydoff. 42, York place. Edin⟨burg⟩.

⟨*Перевод:*⟩

Милостивый государь,

Папа просит меня сообщить вам, что — если только это не помешает другим вашим визитам — мы были бы рады видеть у себя вас и м-ра Кольера в понедельник. Папа очень хочет познакомить вас с г-ном и г-жой Тибо, которые должны быть у нас.

Мы искренне надеемся, что вы не будете спешить покинуть Абботсфорд; ведь это будет, боюсь, пока что ваш последний визит. Мне было бы очень жаль, если бы он оказался действительно самым последним; хочу надеяться, что когда-нибудь в будущем вы еще вернетесь в Шотландию.

С нашим общим приветом м-ру Кольеру и вам остаюсь искренне ваша

М. А. Скотт

Абботсфорд. Среда.

⟨*На обороте:*⟩ Г-ну Давыдову. Эдинбург. Йоркская площадь, 42.

[133] Впервые опубликовано в журнале «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 321—322. Здесь печатается по фотокопии, любезно предоставленной Эдинбургской библиотекой (ГБЛ, ф. 219, карт. 11, ед. хр. 10, л. 8—11 об.).

[134] «Преклонение его перед Питтом,— писал, например, о С. Р. Воронцове А. Чарторыйский,— доходило до такой степени, что все, походившее не только на критику, но на малейшее обсуждение или сомнение в политических приемах этого министра, считалось им за бессмыслицу или за непростительное заблуждение ума и сердца» («Русская старина», 1907, № 9, с. 481). Ср. также: «Архив кн. Воронцова», т. XVI, с. 372—375.— ГБЛ, ф. 219, карт. 61, ед. хр. 28, л. 14—15.

[135] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. II, с. 315—316.

[136] О фольклористической основе этой легенды и нижеприводимых известий см.: Douglas Frederick S c h u m a c h e r. Der Volksaberglaube in den Waverley Novels. Diss. Göttingen, 1835, S. 49.

[137] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. II, с. 320—321.

[138] Подлинник в ГБЛ, ф. 219, карт. 63, ед. хр. 25, л. 1.

[139] Ср. приведенное ниже указание Локарта о «The Celtic Society of Edinburgh», обществе или клубе, покровительствовавшем сохранению старинных шотландских нравов, обычаев, костюмов и т. д., непременным членом которого В. Скотт был с 1821 г. См.: J. L o c k h a r t. The Life of Walter Scott, v. VI. Edinburgh, 1902, p. 266—267.

[140] О Макдональде Гленгери (Ronaldson Macdonnell of Glengarry) см. далее, с. 345.

[141] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. II, с. 324.

[142] См. о нем в кн.: E. Colby. John Wilson. N. Y. 1925. Цитируемый далее рассказ Кольера о встрече с Вильсоном взят из его письма (ГБЛ, ф. 219, карт. 51, ед. хр. 25, л. 3 об.).

[143] ГБЛ, ф. 219, карт. 51, ед. хр. 19, л. 11 и ед. хр. 20, л. 7 об.

[144] ГБЛ, ф. 219, карт. 69, ед. хр. 34, л. 1—2 и (письмо от 22 марта 1833 г.) л. 3—4.

[145] О том, как была написана эта биография В. Скотта, см. в кн.: Gilbert M a c b e t h. John Gibson Lockhart. A critical study. Urbana, Illinois, 1935. Первые шесть томов биографии появились в 1837 г., последний (седьмой) — в 1839 г. Цитируемое ниже письмо Локарта находится в ГБЛ (ф. 219, карт. 54, ед. хр. 11, л. 1—2).

[146] Томасу Гамильтону принадлежит роман «The Youth and Manhood of Cyril Thornton» (1827), исторические и публицистические книги: «Annals of the Peninsular Campaign» (1829), «Men and Manners in America» (1832) и много статей в эдинбургском журнале «Blackwood's Magazine». Особенный успех выпал на долю романа «Сирил Торнтон». Современная критика отзывалась о нем так: «Описания приключений столь правдивы, что кажутся автобиографичными ‹...›. Многие эпизоды возбуждают живое сочувствие, они изложены с такой увлекательностью, силой и в столь удачных выражениях, что создают очень благоприятное впечатление о способностях автора» («Quarterly Review», 1828, № 74, p. 552). Любопытно, что А. И. Тургенев (см. о нем ниже) ехал в Абботсфорд, заручившись письмом от Гамильтона, полученным им при посредничестве В. П. Давыдова.

[147] ГБЛ, ф. 219, карт. 43, ед. хр. 28, л. 1—2.

[148] Имеются в виду «Путевые записки...» В. П. Давыдова и «Атлас» к ним (СПб., 1839), титульные листы которых воспроизведены у нас; см. «Пояснения к иллюстрациям».

[149] Относящиеся к В. П. Давыдову места дневника В. Скотта Локарт со своими пояснениями напечатал в первом издании «Memoirs of the Life of W. Scott» (см., напр., в парижском английском издании 1838—1839 гг., v. III, p. 327, 339—340, 347; v. IV, p. 59). В примечании 1839 г. Локарт, между прочим, пишет о Давыдове: «He has, I understand, published in the Russian language a tribute to the memory of Scott ‹какая статья имеется здесь в виду, нам неизвестно›. But his travels in Greece and Asia Minor are well known and considered as in a high degree honourable to his taste and learning».

[150] «Русский архив», 1902, № 1, с. 88.

[151] Н. И.-П. ‹Н. Иванчин-Писарев›. Отечественная галерея с прибавлением других сочинений, ч. I. М., 1831, с. 180 (статья «О графе Владимире Григорьевиче Орлове», ранее напечатанная в «Литературной газете», 1831, № 24, с. 194—196). См. также: «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905, с. 536.

[152] «Сын Отечества», 1839, т. VIII, № 2, отд. IV, с. 135.

[153] Подлинник послания Вяземского к В. П. Давыдову (из которого нами приведено лишь 14 первых стихов) находится в ГБЛ (ф. 219, карт. 43, ед. хр. 6).

[154] П. В. Д о л г о р у к о в. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта, 1860—1867. М., 1934, с. 279.

Утвержденное Государственным советом разрешение В. П. Давыдову «принять имя и титул деда своего и потомственно именоваться графом Орловым-Давыдовым» (П. Д о л г о р у к о в. Российская родословная книга, т. IV. СПб., 1857, с. 28, 435) получено им было лишь 20 марта 1856 г. У своих соотечественников он не пользовался особыми симпатиями. В мемуарах и переписке середины XIX в. можно встретить иронические или даже резко отрицательные его характеристики. Б. Н. Чичерин, например, характеризовал его в следующих выражениях: «Человек весьма недалекий, исполненный не столько дворянского духа, сколько мелких претензий, но колоссально богатый и желавший играть общественную роль» (Б. Н. Ч и ч е р и н. Воспоминания, т. I. Московский университет.

М., 1929, с. 66—67, 89). К. Головин («Мои воспоминания», т. I, 136—138) сообщил несколько ходивших по Петербургу анекдотов об его англоманстве. «Так, он напечатал однажды в московских газетах, что его имение «Отрадное», где все было с иголочки, можно осматривать ежедневно до четырех часов. Долго не являлся на зов никто. Наконец, приехал бедный студент Петровской Академии. Но, увы! Было уже 4 часа и 5 минут. Граф вынул часы и сказал, что, к своему необычайному сожалению, не может отступить от назначенного срока. Потом он добавил: Что, есть у вас фрак и белый галстук? Этих принадлежностей туалета у студента, разумеется, не оказалось. Тогда, извините меня,— возразил граф,— пригласить вас к обеду никак не могу. Самому себе никогда не позволю обедать иначе, как в белом галстуке. В Англии все так делают».

[155] В. Орлов-Давыдов. О господских поместьях в Англии.— «Библиотека для чтения», 1858, ч. 97, кн. 2, с. 197—198.— Приведем также не лишенное интереса описание посещения Абботсфорда А. Кольером в письме к В. П. Давыдову от 30 января 1841 г.: «О поездке в Абботсфорд я предпочел бы не рассказывать, так она была тяжела и мучительна для меня. Я поехал туда из Селькирка. Усадьба и все кругом имеет вид заброшенный и запущенный. Парадную дверь нам отворила какая-то пожилая женщина. Не могу передать вам, что я ощутил, оказавшись среди доспехов и всяческих древностей, которые видел когда-то при столь непохожих обстоятельствах. Я переходил из одной комнаты в другую, из столовой в библиотеку,— все вещи были на своих местах, но все было мертво, душа ушла из дома. В комнатке рядом с кабинетом выставлена под стеклом одежда, которая была на сэре Вальтере в последние дни его жизни, его палка, шапка и сапоги. Стекло потребовалось, потому что благоговейные и при всем том нечестивые паломники утаскивали пуговицы, отрезали кусочки сукна и т. п.— Мое сердце упало, когда я прошел по дому, и я едва не разрыдался, но нет, я был слишком подавлен.— Единственно что я заметил нового, это портрет бедной Анны Скотт с устремленными вперед глазами.— Спальни не показывают; там, оказывается, находился Чарльз Скотт, который уже несколько дней пробыл в этом печальном жилище. Я не просил, разумеется, о встрече с ним.— В передней лежит книга, в которую посетители записывают свои имена» (оригинал по-английски, ГБЛ, ф. 219, карт. 51, ед. хр. 25, л. 3 поперек).

[156] Герцен, т. XVIII, с. 329—330; ср.: с. 467 и т. XIX, с. 11.

[157] В. Орлов-Давыдов. О господских поместьях в Англии, с. 198.

[158] О попытках В. П. Давыдова печататься мы знаем из хранящихся в архиве неизданных писем к нему Уильяма Гамильтона, который содействовал ему в этом, как ранее это делал Томас Гамильтон и все время Кольер. Так, в письме 1854 г. (ГБЛ, ф. 219, карт. 43, ед. хр. 31, л. 7) У. Гамильтон извещал Давыдова о выходе в свет его брошюры; хотя заглавие ее не названо, но, несомненно, речь идет о памфлете Давыдова, анонимно напечатанном им в Эдинбурге накануне Крымской войны под заглавием: «An Appeal on the Eastern Question to the Senatus Academicus of the Royal College of Edinburgh, by a Russian, quondam Bibliothecae Edinensis». Edinburgh, 1854. 24 p.— Авторство В. П. Давыдова раскрыто в «Catalogue de la Section des Russica». St.-Petersburg, 1873, v. I, № 113, p. 279, и в некрологе его, напечатанном в газете «Times» 1 августа 1882 г. «Давыдов,— сказано здесь,— питал сильную любовь к Англии, посещал ее, когда только мог, и считал почти что своей родиной. Живя в России, он интересовался английскими делами и до самой смерти регулярно просматривал «Таймс» <...> Крымская война оказалась для него тяжелым испытанием. Он любил Англию и был ревностным защитником союза с английским кабинетом. Перед самым началом военных действий он написал любопытный памфлет и напечатал его в Эдинбурге...» Он издал также французскую брошюру: «Lettre d'un député à M-r le Président de la Commission de la rédaction...». Paris, 1859 (см. о ней: «Русский архив», 1900, № 10, с. 256).— Помимо уже названных его работ на русском языке, ему принадлежит также некролог в «Русском инвалиде», 1860, № 13 (из неизданного письма к нему Кольера от 4 мая 1858 г. можно заключить, что эта статья первоначально была помещена, так же как и статья о В. Скотте, в «The Critic», но я не имел возможности проверить это указание); статья «Земледелие и землевладение» в «Вестнике Европы», 1873, № 6; «Воспоминания совестного судьи» в «Русском архиве», 1880, т. II, с. 400—425. Его «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова» (СПб., 1878) перепечатан в «Русском архиве», 1908, № 7—12. См. о нем: «Московские ведомости», 1882, № 132; «Голос», 1882, № 111; «Старина и новизна», кн. 2, СПб., 1898, с. 262—263; «Русский биографический словарь» (том: «Обезьянинов — Очкин», с. 366); С. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. II. СПб., 1910, с. 177; Д. Языков. Русские писатели и писательницы, умершие в 1882 г.— «Русский архив», 1915, № 5, с. 62.

[159] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова», т. II, с. 323.

Имение гр. В. П. Орлова-Давыдова «Отрада» находилось в Серпуховском уезде Московской губернии. В главном доме усадьбы помещалась картинная галерея, а также обширная и ценная библиотека (см.: С. Кондаков. «Отрада». Имение гр. В. П. Орлова-Давыдова.— «Столица и усадьба», 1917, № 83—88, с. 1—7; среди 11 иллюстраций находятся несколько снимков, дающих общее представление о комнатах, в которых размещалась библиотека; ср. еще А. Г-ч. Музей в Отраде.— «Среди коллекционеров», 1923, № 1—2, с. 59—61).

[160] Вскоре после того как «Литературная газета» (28 января 1934 г.) в заметке «Рукописи Вальтера Скотта» сообщила об автографе «Талисмана», переданном из библиотеки «Отрады» в Отдел рукописных источников Гос. Исторического музея в Москве, известия об этом появились и в зарубежной прессе. Так, в газете «Aberdeen's Press and Journal» (May

31, 1934) под заголовком «Scott's «Talisman» Manuscript» помещены снимки первой и последней страниц автографа В. Скотта и корешка переплета, в который заключена рукопись романа. На с. 7 того же номера газеты опубликована статья д-ра Буллока под характерным заглавием: «Рукопись «Талисмана» в Советском музее. Ценное литературное открытие, описанное д-ром Дж. М. Буллоком. Одна из московских драгоценностей» (MS of *the Talisman* in Soviet Museum. Valuable Literary Discovery Described by Dr. J. M. Bullok. One of Moscow Treasures»). Эта статья, поспешно написанная на основании заметки «Литературной газеты», сведений, полученных из Гос. Исторического музея, и отысканных в Англии материалов об антикварных аукционах, содержала ряд домыслов, от которых автор вскоре отказался. Ему не удалось выяснить с достоверностью, где находилась рукопись с 1825 г. по 1868 г., когда она была куплена лондонской книготорговой фирмой, доставившей ее В. П. Орлову-Давыдову, о чем на внутренней стороне переплета сделана запись: «Куплено по поручению графа В. П. Орлова-Давыдова господами Томсон и Бонар в Лондоне на аукционе 1868 года за сто фунтов стерлингов» (рядом приклеен ярлычок Отрадинской библиотеки с указанием шкафа, полки и номера книги). Буллок установил точную дату (9 июля 1868 г.) и место продажи (Christie's auction room), а также имя лица, купившего рукопись, видимо, по поручению фирмы,— и только. Какой английский собиратель хранил у себя эту и, видимо, другие рукописи произведений В. Скотта, облек их в прекрасные переплеты с вытисненной наверху корешка надписью «Рукописи сэра Вальтера Скотта» («The Manuscripts of Sir Walter Scott»), а внизу — названием произведения, Буллок не установил. Имя В. П. Орлова, история его знакомства с В. Скоттом были ему известны лишь из труда Локарта. Дж. Буллок прислал свою статью сотруднице Гос. Исторического музея О. И. Поповой, любезно сообщившей мне копии его писем к ней от 24 мая, 1 июня и 18 июля 1934 г.

[161] «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу». М., 1895, с. 237.

[162] Е. И. Тарасов. Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения в России. Самара, 1923, с. 393—399, 428—430. Тот же автор готовил к печати «Дневники» Н. И. Тургенева, в частности времени жизни его в Англии (1826—1827), но, к сожалению, издание их осуществлено не было.

[163] И. Звавич. Дело о выдаче декабриста Н. И. Тургенева английским правительством.— В сб.: «Тайные общества в России в начале XIX в.». М., 1926, с. 88—102.

[164] П. Милюков. Н. И. Тургенев в Англии.— «Временник Общества друзей русской книги», вып. III. Париж, 1926, с. 61—78. Кое-какие данные о жизни Н. И. Тургенева в Англии находятся в письмах его к брату Сергею Ивановичу, впервые по подлинникам напечатанных в кн.: «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.— Л., 1936, с. 157—481. Первое из этих писем написано в Глазго и датировано 12 июня (31 мая) 1826 г. Рассказав здесь о получении из Петербурга вызова в Верховный суд над декабристами, Н. И. Тургенев, между прочим, пишет: «Я увидел, что я должен навсегда оставаться в Англии (...). Прожив весьма в мрачном расположении духа еще три недели в Эдинбурге, я поехал на север Шотландии (...). Я могу оставаться в Англии. Я могу жить здесь покойно (...). Знаю и вижу, что еще меня ожидает в России: осуждение, приговор; но я не в России» и т. д. (с. 461); второе и третье письма посланы уже из Лондона; в последнем Николай Иванович снова вспоминает о грозившей ему судьбе: «Вместо Bedford square я сидел бы теперь в Петропавловской крепости и вместо «Edinburgh Review» читал бы допросные пункты!» (с. 467).

[165] А. Тургенев. Отрывки из заграничной переписки.— «Московский наблюдатель», 1835, ч. V, с. 259—260.

[165] Там же, ч. IV, с. 627—628, 633; ч. V, с. 252—258.

[167] А. Тургенев. Хроника русского в Париже.— «Москвитянин», 1845, ч. I, № 1, Смесь, с. 6—7; А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники. Издание подготовил М. И. Гиллельсон. М.— Л., 1964, с. 232.

[168] В своем «Биографическом очерке графа Владимира Григорьевича Орлова» (т. II, с. 324) Давыдов упоминает об этом. См. также неизданное письмо А. И. Тургенева к С. Н. Карамзиной из Лондона от 15 февраля 1829 г., в котором находим следующие строки: «Заранее рекомендую вам молодого приятеля В. Скотта — русского Давыдова, три года учившегося в Эдинбурге. Скоро он едет отсюда в Париж, а оттуда через несколько месяцев в Россию. Он учен, умен и сохранил необыкновенную, почти детскую чистоту нравов: есть пороки, коих имена ему даже неизвестны, и он часто смешит меня невежеством сим. С просвещением европейским соединяет какую-то робость или страх России. Я угадываю, что причина сего страха есть то, что́ до него доходит оттуда. Не хочу быть его советником, но желал бы, чтобы он жил в России и для своих ближних, добрым, просвещенным помещиком и оставил бы дипломатику (...). Сегодня познакомил его с Лансдовном. Мы обедали там с умнейшими людьми Англии: Макинтошом, Брумом, Сиднеем Смитом, Туком и пр. Давыдова почитают шотландцем и по языку едва верят, что он русский» (ИРЛИ, ф. 309, оп. 1, ед. хр. 307).

[169] П. А. Вяземский. Старая записная книжка. Ред. и прим. Л. Гинзбург. Л., 1929, с. 177—178.

[170] П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Издание подготовила В. С. Нечаева. М., 1963, с. 136—137.

[171] А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники, с. 403.

[172] Письмо из Дрездена (извлечение).— «Московский телеграф», 1827, ч. 13, № 1, отд. 1, с. 97, с датой 23 (11) декабря 1826 г.; перепеч. в кн.: А. И. Тургенев. Хроника рус-

ского. Дневники, с. 12—13. Источник этого слуха об «исправительном редакторе» — разговор А. И. Тургенева с английским послом в Дрездене Шадом, у которого, вероятно, и находилось «оригинальное» письмо Скотта. См. об этом запись в дневнике А. И. Тургенева от 15(2) ноября 1826 г.: «Вчера здешний английский министр Шад сказывал мне, что В. Скотт, по его мнению, дает поправлять другому свои романы, ибо в письмах его, самим им писанных, заметны ошибки, коих нет в печатных сочинениях; например, в одном письме к Шаду употребил он слово *will* вместо *shall*. Эту ошибку часто делают, особенно в Шотландии, но не первоклассные писатели, каков W. Scott» («Хроника русского», с. 434). Подобный же слух передавали Гете: В. Скотт будто бы играет роль Рембрандта среди своих учеников, давая идею произведения и корректируя представленные ему работы. См: W. Biedermann. Goethes Gespräche, Bd. V. Leipzig, 1894, S. 305.

[173] Письмо из Дрездена (публичное признание Вальтера Скотта, что он автор романов, известных под его именем).— «Московский телеграф», 1827, ч. 14, № 5. отд. 1, с. 150—155. Источник этого письма — запись в дневнике (неопубликованной его части): «Наконец, в Morn⟨inig⟩ Chron⟨icle⟩ 27 февраля 1827 г. объявлено, что за обедом, interesting theatrical fund dinner, Walter Scott объявил себя автором своих сочинений — в статье: Public Avowal by Sir Walter Scott of being author of the Waverley Novels. Известие взято из Эдинбургской газеты ⟨...⟩. Теперь называть его будут the great known» (ИРЛИ, ф. 309, оп. 1. ед. хр. 8, л. 57 об.).

[174] А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский и А. И. Тургенев в литературных кружках Дрездена (1826—1827). Заметки к дневнику А. И. Тургенева.— ЖМНП, 1905, № 5, отд. II, с. 159—183; «Письма Александра Тургенева Булгаковым». Подготовка текста, статья и комментарий А. А. Сабурова. М., 1939, с. 183—184; «Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу». М.— Л., 1960, с. 360—482.

[175] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. 1814—1833. Пг., 1921, с. 60—61.

[176] Т. Г. Цявловская. Новые автографы Пушкина в русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта.— «Временник Пушкинской комиссии, 1963». М.— Л., 1966, с. 5—9. Речь идет об издании «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов. Сочинения Валтера Скотта. СПб., 1826, 4 книги (вышло в свет 12 июля). Переводчиком этого анонимного издания был Костырев (см.: «В. Скотт. К 125-летию со дня смерти». М., 1958, с. 44). Отметим, однако, что отрывок из «Айвенго» в переводе А. Величко появился в «Сыне Отечества», 1820, ч. 66, № 52, с. 253—271 под заглавием: «Турнир в Англии при Ашби де ла Зуше в конце XII века».

[177] ИРЛИ, ф. 309, № 587.

[178] Там же, № 3478.

[179] Это письмо и следующее хранятся в ИРЛИ, ф. 309.

[180] M-me de Stael. Oeuvres complètes, t. VII. Liège, 1829, p. 10—11 («Delphine», part V: «Fragments de quelques feuilles écrites par Delphine pendant son voyage»).

[181] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, с. 401, 414; см. ниже, прим. 226.

[182] W. M. Parker. Burns, Scott and Turgenev. A remarkable linkage.— «Notes and Queries», 1939, v. 176, N 17, 29 April.

[183] Д. Н. Свербеев («Записки», ч. I, с. 479) ошибочно утверждал, что «оба брата Тургеневы» «посещали в Эдинбурге Вальтер Скотта в его историческом замке».

[184] О «фемгерихте» («Vehmgericht», т. е. «тайном судилище» в средневековой Германии) идет речь в ранней пьесе В. Скотта «Дом Аспенов» («The House of Aspen», 1799), переделанной им с немецкого — «Die heilige Vehme» Фейта Вебера. Пьеса В. Скотта оставалась ненапечатанной до 1829 г. Возможно, что, беседуя с А. И. Тургеневым, В. Скотт уже готовил эту пьесу к изданию и поэтому интересовался «тайным судилищем».

[185] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 396—400.

[186] Подлинники дневников хранятся в ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 1—14, 300, 305, 308, 311, 316—320, 325.

[187] Ср. в письме А. И. Тургенева к Вяземскому от 7 апреля 1843 г.: «Мы имели недавно письмо от Lady Anna-Maria (сестра лорда Минто, друг Поццо ди Борго и дочь его благодетеля, отца лорда Минто, некогда генерал-губернатора английского в Корсике и в Индии и посла в Вене, где у него жил Поццо). Она пишет к нам, что бывший генерал-губернатор Индии Lord Auckland — весьма благородный человек, друг ее брата (лорда Минто, экс-министра морских сил и друга В. Скотта, от коего я имел к нему, как и от лорда Ландсовна, письма)».— «Остафьевский архив», т. IV. СПб., 1899, с. 246.

[188] «Familiar Letters of Sir W. Scott», v. I. Edinburgh, 1894, p. 313.

[189] Незадолго перед тем В. Скотт напечатал в «Quarterly Review» (1827, v. XXVI) свою рецензию на «Жизнь Юма» («Life of Hume») Макензи. О знакомстве и дружбе В. Скотта с Макензи, начавшейся еще в 1799 г. и продолжавшейся до самой смерти последнего (1831), см.: Harold William Thompson. A Scottish Man of Feeling. Oxford Univ. Press. London and New York, 1931, p. 308—320, где опубликованы отрывки из их неизвестной ранее переписки. Г. Макензи, кроме романов «The Man of Feeling» (1771) и «The Man of the World» (1773), принадлежал также роман «Julia de Pubigné» (1777). Упоминаемые А. И. Тургеневым два его «периодических сочинения» — журналы, издававшиеся Макензи в манере «Spectator» Стиля и Аддисона,— «The Mirror» (1779—1880) и «The Lounger» (1785—1787).

[190] ИРЛИ, ф. 309, № 309, л. 175.

[191] «Letters and recollections of Sir W. Scott, by Mrs Hughes». London, 1904, p. 285. (О Моррите см. выше, прим. 31.) Из этого же источника мы, кстати, узнаём, с чьих похорон вернулся В. Скотт к ожидавшему его А. И. Тургеневу. Под 4 августа в дневнике миссис Хьюз (Mrs Hughes) отмечено: «Сэр Вальтер ездил на похороны старой м-с Скотт из Гала; он рассказывал нам, что с интересом наблюдал все происходившее: до могилы ее провожали ее молочный брат, старик 91 года, и слепой садовник, которому тоже за 90 лет» (с. 300).

[192] Книга Дж. Хогга о домашнем быте В. Скотта вышла в 1834 г.: «The Domestic Manners and Private Life of Sir W. Scott». О его брате-пастухе см.: «Letters and recollections..., by Mrs Hughes», p. 258.

[193] W. C r o c k e t. The Scott Originals. London and Edinburgh, 1912, p. 11—12.

[194] «Journal of Sir W. Scott», p. 417, 420, 434.

[195] «Современник», 1837, т. V, с. 294—305.

[196] ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 307.

[197] «Letters and recollections of Sir W. Scott, by Mrs Hughes (of Uffington)». London, 1904.— Mrs Hughes (урожд.— Mary-Anne Watts; 1770—1853) была замужем за священником Томасом Хьюзом (Rev. Thomas Hughes); она обладала прекрасным голосом и училась пению у Мануэля Гарсия, брата Полины Виардо, жившего в Лондоне. У В. Скотта она «исторгала слезы» своим искусным исполнением старых английских и шотландских баллад. По отзыву Локарта, посещения ее Абботсфорда все там очень любили.

[198] «Letters and recollections..., by Mrs Hughes», p. 300.

[199] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 432—434.

[200] John Thomson of Duddingston (1778—1840) был популярным в то время в Шотландии живописцем-любителем. «Преподобный Джон Томсон,— отзывается о нем Локарт,— даддингстонский пастор, будучи чрезвычайно старательным и приверженным к делу приходским священником, нашел досуг, чтобы сделаться одним из первых мастеров британской школы пейзажистов» (J. L o c k h a r t. The Life of Sir W. Scott. Edinburgh, 1902, v. VI, p. 237); см. о нем: W. B a i r d. John Thomson of Duddingston. Pastor and Painter. Edinburgh, 1895).

[201] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 432—433 (август 1828 г.).

[202] С. Н. Д у р ы л и н. Русские писатели у Гете в Веймаре.— ЛН, т. 4—6, 1932, с. 306—307.

[203] L. R o e s e l. Die litterarischen und persönlichen Beziehungen W. Scotts zu Goethe. Leipzig, 1901, S. 61—63; John K o c h. Sir Walter Scotts Beziehungen zu Deutschland.— «Germanisch-Romanische Monatsschrift» (Heidelberg), 1927, S. 44.

[204] С. Н. Д у р ы л и н. Указ. соч., с. 310.

[205] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. с. 76.

[206] Вяземскому Тургенев писал (побывав уже после смерти Гете в его кабинете в Веймаре в 1836 г.), что он сам скопировал письмо В. Скотта — «оно интересно»; на это Вяземский отвечал просьбой о присылке корреспонденции в журнал (1836): «Пересмотри, вымарай, переправь и возврати все скорее с прочими письмами и с перепискою В. Скотта с Гете или прямо ко мне в Москву или Пушкину в Петербург» («Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, с. 319, 326, 362, 329). В «Отрывке из записной книжки путешественника» А. И. Тургенева действительно отмечено: «В верхнем кабинете Гете, который можно назвать музеем, перебирали мы собрание писем его корреспондентов; между ними письма Вальтер Скотта, Байрона. Я описал письмо первого от 9 июля 1827 года; я слыхал о нем (в 1828 г.) от самого Вальтер Скотта, когда он мне рассказывал историю своего заочного знакомства с Гете» («Современник», 1837, т. V, с. 302). Письмо В. Скотта опубликовано Тургеневым здесь же (с. 307—310), следовательно, раньше, чем оно было напечатано Локартом в его биографии В. Скотта; Локарту это письмо было доставлено м-с Джеймсон (Mrs Jameson), которая списала его в Веймаре.

[207] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 272—275.

[208] П. Е. Щ е г о л е в. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е. М.—Л., 1928, с. 281, 285.

[209] «Библиотека для чтения», 1855, т. 134, отд. V, с. 10.

[210] Н. М. Данилов («И. И. Козлов».— ИОРЯС, 1914, кн. 2, с. 200—201) упоминает о стихах Козлова («Возвращение крестоносца»), посвященных и отправленных им через А. И. Тургенева Шатобриану; Жуковский сделал имя Козлова известным итальянскому поэту А. Манцони (ср.: «Сочинения Жуковского», т. VI. Изд. 7-е. СПб., 1878, с. 425). Какие-то стихи Козлова Жуковский посылал А. И. Тургеневу в Англию в конце 1828 г. («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу». М., 1895, с. 248).

[211] «Дневник И. И. Козлова».— «Старина и новизна», кн. 11. СПб., 1906, с. 51. Н. М. Данилов («И. И. Козлов», с. 200), говоря о том, что «В. Скотт очень ценил поэзию Козлова и выражал желание иметь его стихи», по-видимому, основывался исключительно на дневнике Козлова: никаких других свидетельств по этому поводу мы не имеем. Гр. Лебцельтерн — вероятно, графиня Зинаида Ивановна, урожд. Лаваль.

[212] «Journal of Sir Walter Scott», p. 537—538.

[213] «Остафьевский архив», т. III (Примечания). СПб., 1908, с. 577—580.

[214] Там же, с. 578.

[215] Alfred de V i g n y. Oeuvres complètes, t. I. Le Journal d'un poète (1823—1841). Notes et éclaircissements de Fernand Baldensperger. Paris, 1935, p. 55—56.

[216] Пушкин, т. XII, с. 138.

[217] E. P a r t r i d g e. The French romantics' knowledge of English Literature. 1820—1848. Paris, 1924 («Bibliothèque de Littérature comparée», v. XIV); новейшие исследователи в особенности подчеркивают сходство «Сен-Мара» с «Квентином Дорвардом» В. Скотта: (E. Preston D a r g a n. W. Scott and the French romantics.— PMLA, 1934, v. XLIX, June, p. 607—609); Б. Г. Реизов («Французский исторический роман в эпоху романтизма». Л., 1958, с. 160) также отмечает, что в «Сен-Мара» «конфликт приблизительно тот же, что и в «Квентине Дорварде», и что, размышляя об эпохе, к которой Виньи отнес действие «Сен-Мара», «Виньи, естественно, должен был вспоминать роман Вальтера Скотта, который произвел такое впечатление в кружке Muse française».

[218] Б. Г. Р е и з о в. Указ. соч., с. 185 и сл.

[219] «Русский архив», 1873, № 11, с. 2078—2079 (письмо А. Д. Блудовой к отцу от 2 марта (18 февраля) 1831 г.).

[220] С. А. С о б о л е в с к и й. Эпиграммы и экспромты. Под ред. В. В. Каллаша. М., 1912, с. 72, 132 (ранее в «Русском архиве», 1884, № 1, с. 242; № 6, с. 350—351). Д. Н. Свербеев («Записки», ч. I, с. 329—330) вспоминает, что Мейендорф «долгое время и в Париже, и в Петербурге, особенно же в Москве, успешно разыгрывал роль ученого по части промышленности и торговли и в то же время глубокого философа и политика». Статья Мейендорфа о промышленности в России, писанная в Париже, напечатана еще в «Московском телеграфе», 1833, № 10, с. 181—196.

[221] Г е р ц е н, т. II, с. 326.

[222] К. Г о л о в и н. Мои воспоминания, т. I, с. 150.

[223] A. de V i g n y. Oeuvres complètes, t. I. Paris, 1935, p. 326. «Молодая жена» Мейендорфа, упомянутая Виньи,— Елизавета Васильевна Огер или Гоггер (ум. после 1870 г.), дочь бар. Вильгельма (Василия Даниловича) Hauguer (или Haugguères), нидерландского посланника в Петербурге, причисленного в 1800 г. к русскому дворянству, от брака его с А. А. Полянскою (дочерью гр. Елизаветы Романовны Воронцовой). См.: П. В. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. III. СПб., 1856, с. 340 и 372. Д. Н. Свербеев свидетельствует об Е. В. Мейендорф, что она «жила постоянно в Париже и, не удаляясь от высшего тамошнего общества, более принадлежала к кружку литераторов и артистов. Она с успехом предалась живописи» («Записки», ч. I, с. 330). См. также: «Русский архив», 1882, № 1, с. 264.

[224] Ф. Бальдансперже в своих пояснениях к дневнику Виньи так комментирует это место: «Несомненно, что Гете, этот тайный, хотя и побежденный противник реставрации, без всякого «восторга» и даже с известным недоверием читал «Сен-Мара» (A. de V i g n y. Oeuvres complètes, t. I, p. 168).

[225] Письмо это в копии прислано было редакции ЛН в 1945 г.; оно напечатано в «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 325. Оригинал письма находится ныне в Эдинбургской национальной библиотеке, в той самой коллекции писем, адресованных В. Скотту, которая принадлежала Х. Уолполу (см. выше прим. 77).

[226] О русском переводе баллады «Old Woman of Berkeley» в связи с возникшей по поводу ее полемикой в Англии Саути писал в предисловии к шестому тому своих «Ballads and metrical tales» (подписано: Keswick, 1838). Возражая Пейну Кольеру, провозгласившему эту балладу пародийной (mock ballad), Саути ссылается на то, как ее восприняли русские читатели: «Она приобрела совсем иную репутацию в России, где, после того как ее перевели и напечатали, ее запретили по той странной причине, что дети будто бы пугались ее», и прибавляет: «Это рассказывал мне русский путешественник, посетивший меня в Кезике» (Keswick); имеется в виду А. И. Тургенев, который описал свой визит к Саути по пути в Абботсфорд в письме к брату от 10 августа 1828 г. («Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 414). Очевидно, Тургенев рассказывал Саути не только о переводе этой баллады Жуковским («Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», 1814), но и ее длинную цензурную историю, в которую он был прекрасно посвящен. Жуковский писал ему в апреле 1815 г.: «Балладу «Старушка» в Москве не пропустили; постарайся, чтобы того же не сделалось в Петербурге» («Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», с. 145). Однако в Петербурге ее несколько раз постигала та же участь (см.: «Русская старина», 1887, № 11, с. 485); тем не менее текст ее распространился в рукописях, ходивших по рукам. Жуковский много раз читал ее в салонах, а однажды выступил с нею и во дворце. «Согласно легенде, чтение произвело столь сильное впечатление, что фрейлине-слушательнице стало дурно» (см.: В. Ж у к о в с к и й. Стихотворения, т. I. Вступ. статья, ред. и прим. Ц. Вольпе. Л., 1939, с. 393—396). В то время, когда А. И. Тургенев беседовал с Саути о Жуковском, цензурное запрещение баллады о старушке все еще сохраняло силу: Жуковскому удалось напечатать ее лишь в четвертом издании своих стихотворений (СПб., 1835). См. по этому поводу письмо Жуковского к С. С. Уварову («Временник Пушкинской комиссии. 1966». Л., 1969, с. 25—26).

[227] «Русский архив», 1902, № 1, с. 78.

[228] «Архив Раевских». Ред. и прим. Б. Л. Модзалевского, т. II. СПб., 1909, с. 556.— О В. И. Ланской см. также: «Русский биографический словарь», том Лабзин — Лященко. СПб., 1914, с. 65—66. Н. Макаров, вспоминая о С. С. Ланском, когда он правил Костромской губернией в начале 30-х годов, говорит о нем: «Это был барин, вельможа в полном смысле этого слова. Честнейший и благороднейший человек...» (Н. М а к а р о в. Мои семидесятилетние воспоминания, т. I. СПб., 1881, с. 50) — и, кстати, указывает, что о С. С. Ланском упоминает и Н. С. Лесков в повести «Русские антики» (1879).

[229] «Из переписки кн. В. Ф. Одоевского».— «Русская старина», 1904, № 2, с. 385.

[230] М. Свистунова. Грибоедовская Москва в письмах М. А. Волковой к В. И. Ланской (1812—1818).— «Вестник Европы», 1874, № 8, с. 578; 1875, № 3, с. 257 (отзыв о романе Джейн Портер «The Scottish Chiefs»).

[231] И. И. Замотин. Романтизм 20-х годов XIX ст. в русской литературе, т. II. Изд. 2-е. СПб., 1913, с. 295, 304—305, 307. Замотин сравнил «Юрия Милославского» с «Легендой о Монтрозе» В. Скотта (с. 348—353). Дальнейшие сопоставления романа Загоскина с произведениями В. Скотта («Айвенго», «Уэверли» и др.) см. в ст.: А. С. Орлов. В. Скотт и Загоскин.— В сб.: «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, с. 413—420. Подробное сопоставление «Юрия Милославского» с романами В. Скотта проводит также Вальтер Шамшула (Walter Schamschula. Der Russische historische Roman von Klassizismus bis zur Romantik. Meisenheim an Glan, 1961.— «Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik», Bd. 3, 1961, S. 87—91).

[232] Первые сомнения относительно достоинств этого романа высказаны были Белинским. Уже в «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский писал, что «Юрий Милославский» был «первым хорошим русским романом», но что он не имеет «художественной полноты и целости», хотя и «отличается необыкновенным искусством в изображении быта наших предков, когда этот быт сходен с нынешним»; в 1835 г. отрицательная тенденция в оценке Белинским знаменитого романа усилилась; он писал: «Мы уважаем... «Юрия Милославского», уважаем этот роман за благородное чувство любви к отечеству, которым он согрет, за степень таланта, с которою он выполнен, хотя и видим в нем произведение слабое в художественном отношении» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 95, 399). Впоследствии Аполлон Григорьев отзывается о романе Загоскина еще более резко: «Что может быть бесцветнее и сахарнее по содержанию, смешнее и жалостнее по выполнению, ходульнее и вместе слабее по представлению грандиозных народных событий «Юрия Милославского»? Ведь этой книги в наше время и детям, право, давать не следует»; он относил этот роман к тем «безобразным» романам, которые родились на Руси «только потому, что в Англии был Вальтер Скотт, а у нас появилась История Карамзина» (А. Григорьев. Сочинения. СПб., 1876, с. 503, 521).

[233] Пушкин, т. XIV, с. 57.

[234] С. Т. Аксаков. Биография М. Н. Загоскина. М., 1853, с. 20—21; И. И. Замотин. Указ. соч., т. II, с. 304.

[235] С. М. Загоскин. Воспоминания.— «Исторический вестник», 1900, № 1, с. 53—54.

[236] Пушкин, т. XI, с. 92—93.

[237] А. А. Бестужев. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем».— «Московский телеграф», 1833, ч. 53, № 18, с. 218.

[238] И. И. Замотин. Указ. соч., т. II, с. 295.

[239] «Московский вестник», 1830, ч. 1, № 1, с. 74—90; С. Т. Аксаков. Биография М. Н. Загоскина, с. 23.

[240] Н. П⟨олевой⟩. «Юрий Милославский».— «Московский телеграф», 1829, ч. 30, № 24, с. 462—464.

[241] «The Foreign Quarterly Review», 1833, v. XI, № 22, p. 382—403 (рецензия на второе московское издание «Юрия Милославского»): рецензент, между прочим, полемизирует с критиком «Wiener Zeitschrift» (1831, № 49), уверявшим, что роман Загоскина «имеет все совершенства В. Скотта, не разделяя его слабостей», и заявляет: «...хотя мы очень довольны этим мнением, но не можем всецело присоединиться к нему». Отзыв немецкого критика переведен был на русский язык еще в 1831 г. под заглавием «Суждение венского журнала о «Юрии Милославском» Загоскина» («Телескоп», 1831, ч. 3, № 9, с. 126—129). Ранее английский журнал «The Foreign Quarterly Review» (1831, v. VIII, p. 117) подробно говорил о русском историческом романе по поводу «Дмитрия Самозванца» Булгарина и «Князя Курбского» Б. М. Федорова.

[242] С. Т. Аксаков. Биография М. Н. Загоскина. М., 1853, с. 25 (оттиск из № 1 журнала «Москвитянин»); пользуюсь экземпляром с дарительной надписью автора А. М. Княжевичу, с карандашными вставками автора, хранящимся в рукописном отделе ИРЛИ (Р. 1, оп. 1, № 90); цитированное место никаких дополнений или исправлений в себе не содержит. Поиски английских писем к Загоскину в сохранившихся от него бумагах (см.: «Отчет имп. Публ. библиотеки за 1912 г.» Пг., 1917, с. 115—116; И. А. Коноплева. Каталог фонда М. Н. Загоскина. Л., 1960, с. 14—24, №№ 39—156) остались безрезультатными.

[243] «The Young Muscovite; or, the Poles in Russia. Originally written by Michael Zakosken; paraphrased, enlarged, and illustrated by Frederic Chamier, capt. R. N., author of «The Life of a Sailor» and by the author of «A Key to both Houses of Parliament» (3 vols. London, 1833). Пользуюсь экземпляром ГПБ (шифр: 13.XIV. 2.119). Существует и другое издание той же книги, с несколько измененным заглавием, «улучшенное и снабженное новыми эпизодами» («improved and with new incidents added») — «edited by captain Frederic Chamier». London, 1834, 3 vols (выпущенное в свет теми же издателями: J. Cochrane and J. M. Crone). Тогда же появилось и американское издание (New York, Harper and bros., 1834, 2 vols). См.: Maurice B. Line. A Bibliography of Russian Literature in English Translations to 1900. London, 1963, p. 59.

[244] У В. И. Ланской было четыре дочери. При переводе «Юрия Милославского» ей могли помогать Варвара Сергеевна (р. 1816) и Анастасия Сергеевна (р. 1817). См.:

А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I. СПб., 1895, с. 301.

[245] Сведения о F. Chamier (1796—1870) см.: «Dict. of Nat. Biography», v. IV, 1917, p. 33. Английские источники не упоминают о поездке его в Москву и Петербург.

[246] «Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, с. 181.

[247] «Русский архив», 1900, № 2, с. 193.

[248] О переводе «Юрия Милославского», «улучшенном» Ф. Чемьером, см.: E. J. Simmons. English literature and culture in Russia. Cambridge, Mass., 1935, v. XII, p. 253; E. A. Osborne. Early Translations from the Russian.— «The Bookman» (London), 1932, v. LXXXII, p. 266. Э. Осборн впервые отметил, что на титульном листе «The Young Moscovite», изданного Чемьером, в экземпляре Британского музея сделана рукописная отметка: «...and written by Colin Mackenzie, Esq., author of «The Clubs of London» («написано Колином Мекензи, эск., автором книги «Лондонские клубы»). Сведения об этом лице, шотландском юристе, приятеле и корреспонденте В. Скотта, см.: Florence MacCunn. Sir Walter Scott's Friends. New York, 1910, p. 271—272.— Г. Струве (G. Struve. Pushkin in early English criticism.— «The American Slavic and East European Review», 1949, v. VIII, № 4, p. 308—309) считает невероятным участие Колина Макензи в переводе Загоскина, но, со своей стороны, выдвигает предположение, что переводчиком был Генри Лидс. Одним из аргументов своей гипотезы исследователь считает то, что автором упомянутой выше неподписанной рецензии на «Юрия Милославского» в «Foreign Quarterly Review», 1833 (см. выше, прим. 241), появившейся до издания книги Чемьером, был именно Г. Лидс (см. у нас гл. II). Польская исследовательница Мария Данилович, которой удалось дознаться, что автором серии очерков о русской литературной жизни под заглавием «Анекдоты из России», печатавшихся без подписи в журнале «New Monthly Magazine» в 1829—1830 гг., был именно Фредерик Чемьер (см.: Maria Danilowicz. Chamier's «Anecdotes of Russia».— «The Slavonic and East European Review», 1961, v. XL, № 94, p. 85—98), позже напечатала также расширенную редакцию своей статьи на польском языке под заглавием: «В кругу знакомых Мицкевича в годы его жизни в России. Капитан Фредерик Чемьер и его «Анекдоты о России» («W kregu znajomich Mickiewicza z lat Rosyjskich. Kpt. Frederic Chamier i jego «Anecdotes of Russia» — в XII томе лондонских «Исторических портфелей» («Tek Historycznych». Londyn, 1962—1963, s. 271—303). В этом варианте своей работы М. Данилович не только уделила внимание биографии Чемьера и его полонофильским симпатиям (он известен как первый переводчик нескольких стихотворений Мицкевича, лично знавший поэта), но и остановилась на интересующем нас английском издании «Юрия Милославского» Загоскина, к которому имел отношение Чемьер. Сведения о Чемьере как писателе, собранные М. Данилович из английских источников, представляют интерес, но соображения, сделанные ею на основании русских материалов, большею частью ошибочны. Таковы, например, ее догадки о том, кто скрылся под обозначением «русская леди и ее дочери» как переводчицы романа Загоскина на английский язык. В большом академическом полном собрании сочинений Пушкина (1941) М. Данилович обратила внимание на письмо Пушкина к Е. М. Хитрово от 8 мая 1831 г. и, в частности, на следующие в нем строки: «Роман Загоскина еще не вышел. Он был вынужден переделать несколько глав, где речь шла о поляках 1812 г. С поляками 1831 г. куда больше хлопот, и их роман еще не окончен» (XIV, с. 164 и 426; подлинник по-французски). Так как в академическом издании сочинений Пушкина комментарий отсутствует, М. Данилович истолковала приведенное место его письма произвольно и ошибочно, предположив, что речь в нем идет об издании «Юрия Милославского» Загоскина, и на этом основании сочла упомянутую в письме дату («где шла речь о поляках 1812 г.») типографской ошибкой и без оговорок переправила цифру 1812 на 1612! Но «Юрий Милославский» с подзаголовком «Или русские в 1812 году» (вместо которого в английском издании стоит «или поляки в России») появился в 1829 г., т. е. еще до польского восстания, а письмо Пушкина к Хитрово имеет в виду второй исторический о роман Загоскина «Рославлев», действие которого отнесено именно к 1812 г. Следовательно, и предположение исследовательницы, что переводчицей «Юрия Милославского» на английский язык была будто бы Е. М. Хитрово и ее дочери, отпадает само собой. Зато становится понятным, что полонофил капитан Ф. Чемьер переделывал полученный им из семьи Ланских перевод в совершенно определенном враждебном к России духе и всячески пытался обелить польских интервентов в России в нач. XVII в. Дж. Фелпс полагает, что «The Young Muscovite» Загоскина в редакции Чемьера оказал воздействие на роман из русской жизни H. Sutherland Edwards'a «The Governor's Daughter», 1857 (G. Phelps. The Russian novel in English fiction. London, 1956, p. 16, 20).

[249] И. А. Кубасов. Вице-губернаторство баснописца Измайлова в Твери и Архангельске (с 1827 по 1829 г.). Этюд по неизданным материалам.— Сб.: «Памяти Л. Н. Майкова». СПб., 1902, с. 237 и сл.

[250] Опубликованы они были только в «Журнале 89-го заседания Тверской ученой архивной комиссии» (Тверь, 1902, с. 18—50). Ср.: «Отчет. имп. Публичной библиотеки за 1899 г.». СПб., 1893, с. 68.

[251] Арх. Неофит. Проект о сооружении памятника Ломоносову на месте родины.— «Вестник Европы», 1825, № 8, с. 316—317; «О сооружении памятника Ломоносову».— «Отечественные записки», 1825, ч. 22, № 61, с. 328—330; «О пожертвованиях на сооружение памятника Ломоносову в Архангельске».— Там же, 1825, ч. 24, № 67, с. 310—316 и № 70, с. 349; Ил. Всльв ⟨Васильев⟩. О памятнике Ломоносову.— «Вестник

Европы», 1828, № 9, с. 69—71; и др., см. также: Н. Е. Ермилов. История сооружения памятника Ломоносову в Архангельске.— «Исторический вестник», 1889, № 4, с. 174.

[252] «Славянин», 1828, ч. VIII, с. 364; И. Кубасов. А. Е. Измайлов. Опыт биографии его и характеристики общественной и литературной деятельности. СПб., 1901, с. 37.

[253] Н. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I. М., 1889, с. 536.

[254] А. Измайлов. Полн. собр. соч., т. II. М., 1891, с. 315. Этот «анекдот» основан на случайном созвучии имени В. Скотта с русским бранным словом: «Помилуйте, батюшка»,— говорила эта «престарелая любительница словесности».— Вальтер, конечно, большой вольнодумец, а скотом, право, нельзя назвать его» и т. д. В различных вариантах этот «анекдот» странствовал у нас из уст в уста в первой половине XIX в.

В Петербурге начала 30-х годов ходила анонимная эпиграмма на Булгарина — исторического романиста:

Все говорят: он Вальтер Скотт,
Но я поэт — не лицемерю:
Согласен я — он просто скот,
Но что он Вальтер Скотт — не верю.

(см.: М. Лемке. Николаевские жандармы и литература. 1826—1855. СПб., 1905, с. 356).

[255] Впервые напечатано: «Comparative Literature», 1950, v. II, № 4, p. 316—317.

[256] По поводу закладки в Архангельске новой английской церкви (на месте сгоревшей в 1821 г.) в городе состоялись торжества, в которых приняли участие английский пастор, английский консул, старшина купцов Макензи, контр-адмирал Гамильтон и другие лица, среди них и православное духовенство. На последнее написан был донос, вследствие чего архангельскому епископу был объявлен выговор. Выговор объявлен был также архангельскому генерал-губернатору С. И. Миницкому за то, что тот не только не принял мер отклонить православное духовенство от участия в торжестве английской колонии, «но и сам званием своим в том участвовал» (см.: «Заложение английской церкви в Архангельске в 1828 г. (из бумаг М. Я. Морошкина)».— «Древняя и новая Россия», 1876, № 4, с. 392—395). С. И. Миницкий, вице-адмирал, с 1823 по 1830 г.— генерал-губернатор Архангельска, был главным гонителем Измайлова; однако, добившись отрешения Измайлова от должности, сам Миницкий через год (8 апреля 1830 г.) был уволен со службы «за предосудительные и пользам службы не соответствующие поступки» («Общий морской список», ч. IV. СПб., 1890, с. 363—365; «Архив графов Мордвиновых», т. 7. СПб., 1903, с. 307, 309).

[257] И. Кубасов. А. Е. Измайлов. СПб., 1901, с. 41—42.

[258] «The Journal of Sir Walter Scott», p. 229.

[259] J. F. Cooper. Recollections of Europe. Paris, 1837, p. 182—183.

[260] «The Journal of Sir Walter Scott», p. 231, 233—234.

[261] В. Скотт. Три письма. Публикация и пояснения Д. П. Якубовича.— «Звенья», III—IV. М.—Л., 1934, с. 238—242.

[262] J. F. Cooper. Recollections of Europe, p. 189.

[263] «Small Family Memoirs», by Susan Augusta F. Cooper. Эти воспоминания написаны в 1863 г. и напечатаны в приложении к изданию переписки Ф. Купера: «Correspondence of James Fenimore Cooper, edited by his grandson James Fenimore Cooper», v. I. New Haven, 1922, p. 65—66. В этом издании напечатано три письма П. А. Голицыной к Куперу 1826—1827 гг.; см. также: Mary E. Phillips. James Fenimore Cooper. New York, 1913, p. 194.

[264] «Архив Брюлловых». Сообщ. Ив. Кубасова. СПб., 1900, с. 114. Это письмо напечатано с несомненно ошибочной датой: «19 декабря 1829 г.», следует — 1827 г. По-видимому, об этом самом портрете идет речь и в сообщении «Московского вестника» («Отрывки из письма».— «Московский вестник», 1827, ч. 5, № 1, с. 207). Ср. также: «...На прошедшей почте получили вы портрет В. Скотта; мы с нетерпением ждем того номера «Московского вестника», который им будет украшен. Этот портрет имет два достоинства: во-первых, за верность его можно поручиться, во-вторых, он рисован с натуры одним из известнейших наших молодых художников, Александром Брюлловым ⟨...⟩ С В. Скоттом сошелся он в Париже и в первый раз его увидел, как слышно, у графини Шуваловой ⟨т. е. у П. А. Голицыной, урожд. Шуваловой⟩ на бале, данном нарочно в честь английского романиста» («Литературная газета», 1827, № 9). К тому же номеру (1827, ч. 5, № 18) был приложен, как сообщается на последней его странице (с. 230), «портрет с. Валтера Скотта, срисованный сотрудником «Московского вестника» И. С. Мальцовым (ср.: «Старина и новизна», кн. 7. СПб., 1904, с. 159). Портрет работы Брюллова, гравированный А. Галактионовым, напечатан также при трех русских изданиях В. Скотта: «Карл Смелый, или Анна Гейерштейнская» (СПб., 1830), ложно приписанной В. Скотту повести «Густав Вальдгейм» (М., 1829) и «Картины французской революции» (СПб., 1833) (см.: Н. Обольянинов. Каталог русских иллюстрированных изданий 1725—1860. М., 1915, с. 641, № 405—407, 641). Этот же портрет воспроизведен в «Звеньях», III—IV, с. 235.

[265] «The Private Letter-Books of Sir Walter Scott. Selections from the Abbotsford Manuscripts...». Ed. by W. Partington. London, 1930, p. 304. Речь, безусловно, идет о портрете работы А. П. Брюллова. В Англии он мало известен; его не упоминает, например,

Д. Мельдрум (D. Meldrum) в своей статье о портретах В. Скотта («Scott in Portraiture».— «The Sir Walter Scott Quarterly», 1927, № 2, p. 77—86).

[266] «The Journal of Sir W. Scott», p. 538.

[267] Е. Ф. Юнге вспоминает об А. А. Ивановой, являвшейся кузиной ее отца: «Что это была за умная, образованная, милая женщина!.. Она была лично знакома с Вальтер Скоттом, с Купером, с m-me de Genlis в самые последние годы ее жизни ⟨...⟩ Кроме ее знаний и образования, на меня глубоко действовало смирение, с которым она переносит доставшееся на ее долю страдание» («Воспоминания Е. Ф. Юнге, урожд. графини Толстой». 1843—1863. СПб., ⟨1897⟩, с. 326). О ней и ее муже вспоминает в своих «Записках» граф М. Д. Бутурлин, знавший их еще во Флоренции (в 1817—1818 гг.): «...Он поселился там до нашего еще приезда. Сколько помнится мне, он вынужден был оставить Россию, преследуемый за двоеженство. Немного позднее он переехал в Париж, где в течение многих лет получал ежегодный пенсион от Николая Николаевича Демидова и по смерти его от его сына, Анатолия Николаевича ⟨...⟩. Вторая его жена была Арсеньева и находилась в ближнем родстве с графами Толстыми» («Русский архив», 1897, № 4, с. 594). О смерти «коренного жителя парижского», «двоеженца» Иванова см. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому из Парижа от 19(7) ноября 1841 г. («Остафьевский архив», т. IV. СПб., 1899, с. 143—144).

[268] Карл Осипович Поццо ди Борго (1768—1842) — русский посол в Париже (1821—1834), затем в Лондоне (1835—1839). А. И. Тургенев еще в ноябре 1825 г., обедая у Поццо ди Борго в Париже, отметил среди его гостей много русских «только по фамилиям» и писал далее: «Корсиканец дает обед русским и представляет им и Франции русского императора ⟨...⟩. Если все сии русские могут представлять Россию, то Поццо ди Борго может представлять императора» (А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.— Л., 1964, с. 337—338); о корсиканских родственниках Поццо ди Борго см.: «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, с. 208.

[269] Рекомендации к Поццо В. Скотт имел от леди Гамильтон Дальримпл («Journal», p. 207). Как известно, Бонапарт был злейшим врагом Поццо ди Борго: борьба между обоими корсиканцами началась еще в последнем десятилетии XVIII в. (в 1794 г. Поццо был назначен председателем Гос. Совета Корсики). См.: A. de Maggiolo. Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo. Paris, 1870.

[270] М. Железнов. Заметка о К. П. Брюллове. (Из воспоминаний).— «Живописное обозрение», 1898, № 28, с. 559. В статье поэта-романтика А. В. Тимофеева «Русские художники в Риме» («Библиотека для чтения», 1835, т. 11, № 1, отд. III, с. 89; см. также: «Опыты Т.м.ф.а.», ч. III. СПб., 1837, с. 248—249) описан находившийся в мастерской К. П. Брюллова «Семейный портрет г-жи Д⟨емидовой⟩»: «...Собачка, которую вы видите у ног ее,— замечает автор статьи,— подарок Вальтера Скотта».

[271] «Северная пчела», 1833, № 273; Ср.: «Художественная газета», 1840, № 14, с. 4; см. также: Г. Г. Г⟨агарин⟩. Воспоминания Брюллова.— «Зурна. Закавказский альманах». Тифлис, 1855, с. 94—95; О. Лясковская. Карл Брюллов. М.— Л., 1940, с. 64; «К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях». Сост. Н. Г. Машковцев. М., 1952, с. 77, 81, 195.

[272] Н. Рамазанов. Материалы для истории художеств в России, кн. I. М., 1868, с. 185.

[273] «Вальтер Скотт». Пер. Н. Ю.— «Сын Отечества», 1832, т. 32, № 51, с. 261—271 (источник — «Revue de Paris»).

[274] «Телескоп», 1833, ч. 17, № 18, с. 209—229 (источник — «Tait's Magazine»).

[275] А. Каннингам. О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта. СПб., 1835. Ср.: «Библиотека для чтения», 1835, т. 8, № 1, отд. VI, с. 26—28; «Молва», 1835, № 43 (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 342—346).

[276] М. М. Лунин. О влиянии В. Скотта на новейшие изыскания по части средней истории. Речь, произнесенная в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1836 г. Харьков, 1836. См. о ней: В. Бузескул. Исторические этюды. СПб., 1911, с. 259—262.

[277] Н. Я. Прокопович. Стихотворения. Изд. Н. В. Гербеля. СПб., 1858, с. 161—162; в год смерти В. Скотта путешествие в Абботсфорд замышлял М. П. Погодин; в автобиографической повести «Адель» он хотел поклониться «мирному жилищу Вальтер Скотта» («Повести Михаила Погодина», ч. III. М., 1832, с. 189—250).

[278] Я. Б. Полонский. Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме.— «Временник Общества друзей русской книги», вып. IV. ⟨Париж⟩, 1938, с. 175. На с. 177—воспроизведение памятника В. Скотту в «Аллее воспоминаний».

[279] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I, с. 124.

[280] Там же, с. 137. Весной 1833 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому из Неаполя (7 марта), что ездил посмотреть бенедиктинский монастырь в Портичи и знакомился там с книгой посетителей. «В числе прошлогодних посетителей нашел я Вальтер Скотта» (там же, с. 162).

[281] Ф. И. Буслаев. *Римская вилла* кн. З. А. *Волконской*.— «Вестник Европы», 1896, № 1, с. 30.

[282] «Oeuvres choisies de la princesse Zénéide Volkonsky, née princesse Beloselsky». Paris et Carlsruhe, 1865, p. 259—261 («Extrait d'une lettre sur Walter Scott»). Этот панеги-

рик кончается негодующей страницей по поводу водевиля, в котором был выведен шотландский писатель.

[283] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 270 и 235 (письмо из Женевы от 9 июля 1833). Basil Hall, замечает тут же Тургенев, «недавно, в смысле английских тори описал и оболгал очень умно и затейливо Амер‹иканские› Соединенные Штаты» (Тургенев имеет в виду назадолго перед тем вышедшую книгу Холла «Travels in the North America in the years 1827—1828»; она вызвала жестокую полемику, длившуюся несколько лет, и яростные нападки на автора оскорбленных американцев).

[284] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 272—274. Б. Холл был несколько известен и в русской печати. Так, отрывки из его «Воспоминаний мореходца» печатались в «Телескопе», 1834, ч. 21, № 25, с. 349—365 (из «Revue de Paris»). Ср.: «Остафьевский архив», т. III, с. 247, 621.

[285] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 235.

[286] Там же, с. 320—321.

[287] А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники. М.— Л., 1964 с. 131. Речь идет о поэте Томасе Кемпбеле (1777—1847), родом из Глазго в Шотландии, с которым В. Скотт долгие годы сохранял приятельские отношения. В 1800 г. Кемпбел уехал из Шотландии в Германию и прожил несколько месяцев в Регенсбурге, в Баварии. Под впечатлением страшной битвы при Гогенлиндене (неподалеку от Регенсбурга и Мюнхена), состоявшейся 3 декабря 1800 г., в результате которой австрийская армия была разбита французскими войсками, Кемпбел написал свое известное стихотворение об этом историческом сражении («Hohenlinden»). Напечатано оно было в 1801 г.; следовательно, именно к этому году относится рассказ Тикнора, записанный А. И. Тургеневым. Большую статью о поэмах и стихотворениях Кемпбела В. Скотт напечатал в майской книжке «Quarterly Review», 1809; поэзию Кемпбела он всегда ценил очень высоко (Margaret Ball. Sir Walter Scott as a critic of literature. N. Y., 1907, p. 96, 163).

Творчеством Кемпбела очень интересовался также сам А. И. Тургенев. В 1826 г. рекомендательное письмо к Кемпбелу обещал ему в Париже М. А. Жюльен, редактор «Revue Encyclopédique»; в свой дневник Тургенев внес выписку из английского журнала с «характеристическим определеньем» поэзии Кемпбела и собственной попыткой применить эти определения к поэзии И. И. Дмитриева (А. И. Тургенев. Хроника русского, с. 365, 424).

[288] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 247.

[289] Книга эта имела следующее заглавие: «Letters of Sir Walter Scott; addressed to the Rev. R. Polwhele; D. Gilbert, Esq.; Francis Douce, Esq., etc. London, 1932. Richard Polwhele (1760—1838) был автором дидактических поэм и стихотворений (1806, 1810), а также автором «Истории Корнуолла» («History of Cornwall», 3 vols, 1803; 7 vols, 1816) и «Корнуэльско-английского словаря» «A Cornish-English Vocabulary», 1808). Хороший знаток корнуэльского фольклора и британских древностей, Полвел выступил также с критикой стихотворных произведений В. Скотта, в частности его поэмы «Мармион», которой была посвящена его статья в «The British Critic» (1808, v. 31, June, p. 640—648).

[290] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 257. Речь идет о Шарле-Лемерсье де Лонпре, бароне д'Осе (Charles-Lemercier de Longpré baron d'Haussez, 1778—1854) и его книге «La Grande Bretagne en mille huit cent trente-trois». Первое издание вышло в двух томах в Брюсселе (H. Dumont, 1833; о посещении Абботсфорда см.: t. II, p. 109—121; по свидетельству Локарта, посещение В. Скотта бар. д'Осе состоялось в декабре 1830 г. См.: Lockhart. Life of W. Scott, 2-nd ed., v. IX, p. 14); английский перевод этой книги вышел в Лондоне в том же 1833 г., французское издание — в Париже в 1834 г. Ниже А. И. Тургенев упоминает более раннюю книгу д'Осе «Philosophie de l'exil» (1832). Заочно осужденный к пожизненному заключению д'Осе последовательно жил в Англии, Италии, Швейцарии и Германии, но по амнистии 1830 г. вернулся на родину.

[291] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 257.

[292] К. Я. Грот. Поправки к статье о поэте Козлове.— «Известия ОРЯС», 1900, кн. I, с. 219; экспромт В. Скотта напечатан в «Северной пчеле», 1834, № 110.

[293] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 342 («Молва», 1835, ч. X).

Глава V

БАЙРОН И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

1. Байрон и современная ему русская действительность. — Знакомство Байрона с русским дипломатом кн. П. Б. Козловским в Лондоне. — Козловский — «друг бардов английских». — Байрон, Козловский и сюжет «Лары». 2. Адмирал П. В. Чичагов в гостях у Байрона. — Воспоминания Джона Гобхауза об этой встрече у Байрона. 3. Байрон и Строгановы. — Москва и русские 1812 года в произведениях Байрона. — Россия и ее история в поэме Байрона «Дон Жуан». — Источники этой поэмы. — Россия в сатире Байрона «Бронзовый век». — Пушкин об отношении Байрона к России. 4. Байрон в Италии. — Рассказ русского дипломата о жизни Байрона в городах Пизе и Ливорно. — Гибель П. Б. Шелли. — Воспоминания М. Д. Бутурлина о Байроне, Т. Медвине и Т. Гвиччьоли. — Байрон и русский консул Наранци. 5. Байрон и греческое восстание. — Реакция на отъезд Байрона из Италии в Грецию. — Байрон и русская дипломатия в восточном вопросе. — Начало борьбы с Байроном русской цензуры. — Неизданные донесения о Байроне в петербургском Министерстве иностранных дел из Греции и Турции. — Задержка фрегата «Бомбард» турецкими властями. — Рассказы о Байроне европейских дипломатов в Петербурге. 6. Смерть Байрона в Миссолунги. — Отклики в России на гибель Байрона в периодической печати и в стихотворениях русских поэтов. — Легенды о Байроне в петербургских гостиных 20-х годов. — П. А. Вяземский, Стратфорд-Каннинг и Аделаида Форбс. — «Гяур» и «Три испанца» Уокера. 7. А. И. Тургенев, А. Ф. Закревская и Тереза Гвиччьоли. В. К. Кюхельбекер и знакомец Байрона в Сибири. — Автографы Байрона в СССР

1. Байрон и современная ему русская действительность. — Знакомство Байрона с русским дипломатом кн. П. Б. Козловским в Лондоне. — Козловский — «друг бардов английских». — Байрон, Козловский и сюжет «Лары»

Собираясь в свое первое путешествие на Восток, в июне 1809 г., Байрон писал матери: «Что касается денежных дел, я разорен,— пока не будет продан Рочдейль,— а если из этого ничего путного не выйдет, я поступлю на службу, русскую или австрийскую,— может быть даже турецкую, если мне придутся по душе тамошние обычаи. Передо мною открыт весь мир, Англию же я покидаю без сожаления» [1]. Вероятно, это первое дошедшее до нас упоминание Байрона о России. Конечно, замысел Байрона поступить на «русскую службу» не следует понимать всерьез: контекст письма свидетельствует лишь, что в том настроении, в каком оно было написано, для Байрона, в сущности, было вполне безразлично, где бы ни жить, лишь бы не в Англии, в той стране, с которой у него уже назревал конфликт.

Первое пребывание Байрона на Востоке ближе познакомило его с Россией. В разных местах Турции и даже Албании и Греции, еще находившихся под турецким владычеством, он встречал разнообразные следы русского дипломатического влияния и русско-турецких военных столкновений. Все это нашло многостороннее отображение в его путевых впечатлениях, в его письмах и поэтических произведениях, например, в авторских примечаниях к «Восточным поэмам» [2].

По возвращении в Англию Байрон, конечно, не менее внимательно приглядывался к развертывавшимся тогда в Европе политическим событиям и часто обращал свои взоры на обширную северную империю. Международное значение и политический вес России возрастали на его глазах. Байрон был также свидетелем довольно резких изменений ее взаимоотношений с Англией между 1805—1812 годами: англо-русский союз, затем Тильзит и «континентальная блокада», новое сближение двух держав в период общей войны с Наполеоном были для Байрона, как и для английских современни-

ков, событиями, мимо которых он не мог пройти равнодушно. Впрочем, если Вальтер Скотт радовался гибели наполеоновской армии и приветствовал появление союзников в Англии, то Байрон в победах коалиции европейских держав уже предвидел торжество наступающей реакции. Когда в июне 1814 г. Александр I, высадившийся в Дувре вместе с королем прусским Фридрихом Вильгельмом и многочисленной свитой, поселился в Сент-Джеймском дворце и тотчас же открыл вереницу пышных празднеств, торжеств и приемов, Байрон мрачно приглядывался к этим гостям и стоял в стороне от лондонских увлечений русским императором. Хмуро и с явным недоброжелательством писал он 14 июня 1814 г. обо всем этом Томасу Муру, столь же оппозиционно настроенному и против принца-регента и против Священного союза, представителей которого официальный Лондон встречал так восторженно [3]. А через несколько дней Мур получил от Байрона и стихотворную эпистолу, в которой речь идет о той же лондонской злобе дня, но в еще более язвительных выражениях:

The papers had told you, no doubt, of the fusses.
The fêtes, and the gapings to get at these Rousses,—
Of his Majesty's suite, up from coachman to Hetman,
And what dignity decks the flat face of the great man...[4] и т. д.

(Газеты, без сомнения, сообщили вам о суматохе,
о празднествах и о желании глазеть на этих русских,
На свиту его величества, от кучера до гетмана ⟨Платова⟩
И о том достоинстве, которое преисполняет плоскую
физиономию этого великого мужа...)

Среди многочисленных лиц, сопровождавших Александра I во время пребывания его в Лондоне, был, в частности, кн. Петр Борисович Козловский (1783—1840), один из блестящих представителей русской дипломатии и увлекательный салонный собеседник. В Англии Козловский находился не впервые. Назначенный русским полномочным посланником в Сардинию, он отправился туда морем, через Швецию и Англию, в ноябре 1812 г. [5]; по-видимому из-за военных событий и затруднительности морских переездов в зимнюю пору он задержался в Англии почти на полгода. Как сложилась его жизнь в это время мы, к сожалению, знаем очень мало; известно лишь, что уже в январе 1813 г. Козловского видели на балах и других общественных увеселениях в знаменитом английском курортном городе Бате, где он пользовался известной популярностью в светских кругах. Так, жена английского дипломата Джорджа Джексона (1785—1861) писала мужу в Берлин 19 января 1813 г.: «Среди «знатных иностранцев» мы имеем князя Козловского, который в последнее время оживляет батское общество. Он — русский и едет в Сардинию в качестве посланника. Конечно, блестящие успехи русской армии бросили некоторый свет и на него и сделали его героем вечера, как если бы он сам был победоносным генералом, особенно у барышень, хотя я не могу сказать многого в пользу его наружности» [6]. Не менее популярным был Козловский в последующие месяцы в Лондоне, что видно, в частности, из выпущенных здесь остроумных карикатурных листов, на которых он изображен (такова, например, гравюра Дж. Крукшенка, изображающая толстяка Козловского, танцующего с женой русского посланника в Англии Ливена,— Дарьей Христофоровной, женщиной худой и высокой; эта гравюра озаглавлена художником: «Долгота и широта Санкт-Петербурга» и датирована: 18 мая 1813 г.) [7].

В августе 1813 г. Козловский уже уехал из Англии; в июне 1814 г. снова появился здесь в свите Александра I, а в октябре того же года был вызван на Венский конгресс. Впоследствии, с конца 20-х годов, Козловский еще несколько раз бывал в Англии, после своей отставки (в 1821 г.) большею частью живя за границей, в различных странах Западной Европы. Летом 1827 г. на водах в Эмсе с Козловским встретился А. И. Тургенев. В письмах

Тургенева к брату, Николаю Ивановичу, не раз идет речь о Козловском и о том интересе, который он проявлял к осужденным декабристам. «Вчера кн. Козловский тронул меня, говоря о тебе,— пишет, например, А. И. Тургенев 22 июля 1827 г.— Зимою сбирается он в Англию и хочет быть с тобою» [8]. В бумагах А. И. Тургенева сохранилась также задушевная характеристика Козловского, написанная может быть после смерти князя, из которой явственно чувствуется, как близок он был к декабристам и передовым русским литераторам 20-х годов. В этой характеристике есть, в частности, такие слова: «Я любил Козловского с моего детства, встречался с ним и мыслил вслух везде: в Лондоне, в Эмсе, на берегах хладной и гранитной Невы,— в виду мрачной крепости — везде встречались и мысли наши, и сердце билось одним чувством к человечеству, к России. Не смею, потому что не вправе, оценить в Козловском его гения в математике, в языкознании, в каком-то врожденном ему европеизме; но радуюсь тем, что сердце мое всегда понимало его и угадывало, что мы часто верили друг другу в чувствах наших — вслух, в нашем соучастии к людям, в нашем сострадании к их слабостям, в нашем негодовании к их гнусным угнетателям...» [9]. Когда в середине 30-х годов, после двадцатидвухлетнего отсутствия, Козловский явился в Россию, он сразу же сделался одной из примечательнейших фигур петербургского «большого света».

«В нем был и герцог Версальского двора, и английский свободный мыслитель,— писал П. А. Вяземский,— в нем оттенялись утонченная вежливость и несколько искусственные, но благовидные приемы только что угасшего общежития, и независимость, плод нового века и нового общественного порядка. Вместе с тем, европейское обращение в круговоротах жизни не стерло с него русской оболочки, но сохранил он русское добродушие и несколько свойственное ей русское легкомыслие»; он «везде перебывал, многое и многих знал и видел, если не всегда деятельно участвовал в событиях, то прикасался к ним и, так сказать, около них терся. Такие условия сберегают и застраховывают человека от исключительности в мнениях и суждениях» [10]. Вяземский подчеркивал свойственный Козловскому в высокой степени талант рассказчика, дар устной речи. Он мог быть и тонким салонным causeur'ом, и долго и убежденно, с полным знанием дела, спорить на философские и научные темы. «Все отрасли, все принадлежности, составляющие дар слова, были ему доступны, и он владел ими в равном совершенстве. Он готов был говорить о математике и о точных науках, к которым имел особенное призвание, развивать в живых и блестящих картинах достопримечательнейшие исторические эпохи, проникать в их тайный смысл; готов был преподавать мимоходом полный курс классической литературы, особенно римской, и с этих высот опускаться к частным рассказам о современных личностях и к сплетням парижских и лондонских салонов <...> Стоило только в разговоре прикоснуться к той или другой струне, и симфония мыслей и слов изливалась то с величавой стройностью, то с прихотливой игривостью...» [11] Столь же пленялся умением Козловского полностью завладевать вниманием слушателей А. И. Тургенев, и сам бывший опытным салонным собеседником; внимая рассказам «неистощимого» Козловского, А. И. Тургенев писал, что его «ум и сведения и без того делают болтовню его не болтовнею, а блистательным монологом. Он богат идеями и воспоминаниями и размышляет просто» [12].

Современники единодушно отзываются о Козловском как о человеке просвещенном, отличавшемся смелостью мнений, удивительной памятью, восприимчивым и парадоксальным умом. «И Жуковский полюбил ум и сердце Козловского...— писал А. И. Тургенев брату Николаю,— и Жуковский журил его за многое, но отдавал справедливость европейским мнениям его и чувству справедливости, кажется, врожденному в Козловском» [13]. Пушкин увлечен был им так же, как и Вяземский. «Козловский был бы для меня провидением, если бы он захотел сделаться раз навсегда писателем»,— признавался Пушкин П. Я. Чаадаеву в 1836 г. Но к литературному труду этот увлекательный собеседник не чувствовал никакого призвания. «Он мне

П. Б. КОЗЛОВСКИЙ
Портрет
Из книги W. Dorow. Fürst Kosloffsky. Лейпциг. 1846

говорил однажды,— вспоминал Вяземский,— что письменный процесс для него тягостен и ненавистен». Прямым призванием его была живая устная речь. Более молодым, состоя поверенным в делах в Кальяри (в Сардинии), он составлял «Историю господства генуэзцев в Крыму», но этот труд так и остался в рукописи. Несколько политических брошюр Козловского, в свое время опубликованных [14], имели весьма малое значение. Однако Пушкин все же сумел убедить его написать несколько статей для своего журнала; в первом и в третьем томах «Современника» за 1836 г. появились две статьи Козловского: «Разбор математического ежегодника» и «О надежде»; кроме того, в шестом томе того же журнала напечатана была его статья о паровых машинах. В свою очередь, Козловский, классик по своим литературным вкусам, настойчиво убеждал Пушкина переводить Ювенала и, прежде всего, дать новый перевод его излюбленной ювеналовской сатиры «Желания» [15]. Мы знаем, что Пушкин незадолго до смерти действительно готовился к этому труду [16]. В черновом наброске Пушкин писал ему по этому поводу:

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских,
Ты к мощной древности опять меня манишь...

В этом отрывке еще не обращало на себя внимания исследователей начало второго стиха. Что Пушкин имел в виду, называя Козловского «друг бардов английских»? Склонность Козловского к английской поэзии или связи его с английскими поэтами? Есть основания думать, что Пушкин скорее должен был разуметь конкретные, житейские знакомства Козловского с одним или несколькими представителями английской поэзии, чем его увлеченность британской музой вообще. Характеризуя литературные вкусы Козловского, Вяземский говорил, что «в отношении литературных мнений он был не только строгий классик, но едва ли и не закоснелый старовер»; «За исключением сочинений исторических, политических и сочинений, до точных наук относящихся, мало того, что он не уважал литературы новейшей, но и отказывался от нее, и не признавал ее»; «Разве только два из новейших поэтов были изъяты им из его остракизма: Байрон и Пушкин»,— прибавляет Вяземский.

Хотя, по указанию того же Вяземского, Козловский провел «довольно много времени в Англии», у нас есть все основания предполагать, что Пушкин, называя Козловского «другом бардов английских», имел в виду,— притом, вероятно, со слов его самого,— именно личное знакомство его с Байроном. Подтверждение этому мы находим, прежде всего, в переписке Байрона, тогда как о знакомстве Козловского с другими английскими поэтами нам ничего не известно.

Байрон упоминает Козловского в одном из писем (1814 г.) к своему издателю Джону Меррею в таком контексте, который заставляет считать, что он не только знал Козловского, но и дорожил его мнением. Речь идет об издании первых «Восточных поэм» и о тех нападках, которые они уже вызвали в Англии. Это был период творческого расцвета и славы Байрона на его родине, но репутация его уже вызывала многие тревожные подозрения в великосветском обществе и весьма недвусмысленные намеки в печати,— он уже слыл «бесстыдным вольнодумцем»; попытки друзей наладить его отношения с принцем-регентом потерпели неудачу, и принц продолжал служить для него предметом злобных шуток и издевательств [17]; в образах героев его восточных поэм уже пытались узнать многие черты самого автора. Байрон принимал независимую позу и драпировался в свой «гарольдов плащ». 4 февраля 1814 г. Байрон писал Меррею по поводу состава томика, включавшего «Корсар»: «Поступайте, как хотите, но не дозволяйте устранить эти стихи, чтобы мне не ставили в вину, что я испугался. Меня столько же заботит «Курьер», сколько князь или вообще все князья, за исключением Козловского» [18].

Это место отличается многими неясностями; для нас бесспорно лишь одно, что Байрон сочувственно и дружественно выделяет имя князя Козловского из общего числа всех князей, ради которых он не хотел бы что-либо менять в своей поэме, опасаясь их осуждений и порицаний. Имя Козловского в различных изданиях переписки Байрона, вплоть до новейших, было искажено (у Т. Мура, например, оно было транскрибировано — «Korlorsky» [19], поэтому оно долго не обращало на себя внимания биографов Байрона). Издание его писем под редакцией Протеро (R. E. Prothero), текст которых выверен был по подлинным рукописям, впервые дало правильное чтение, но комментатор ничего не мог сообщить по поводу приведенной цитаты и ограничился сообщением небольшой биографической справки о кн. П. Б. Козловском, «русском посланнике в Турине, впоследствии жившем в Риме». О пребывании Козловского в Англии редактору издания также ничего не известно; он замечает лишь, что Козловский был «в частых сношениях с графом Воронцовым, русским посланником в Лондоне, и что их переписка была издана по-русски» [20]. Добавим от себя, что несомненно Козловского Байрон упомянул еще раз в XVII-й строфе 7-й песни «Дон Жуана», где его имя искажено и стоит в ряду других, также искаженных, имен:

Scherematoff and Chrématoff, Koklophti,
Koclobski, Kourakin, and Mouskin-Pouskin... [21]

Письмо Байрона к Меррею написано в феврале 1814 г., следовательно знакомство его с Козловским произошло еще до прибытия последнего в Лондон в июне этого же года в свите Александра I. Но в июне 1814 г. они могли встретиться вновь в Лондоне. Мы, к сожалению, ничего не знаем о том, где и при каких обстоятельствах могла состояться эта их новая встреча, но вполне вероятно, что Козловский виделся с Байроном в одной из великосветских гостиных, куда наперебой приглашали русских гостей из императорской свиты и где Козловский должен был быть одним из самых желанных собеседников. «В 1814 г.,— рассказывал много позднее сам Козловский маркизу Кюстину,— я сопровождал императора Александра в Лондон. В эту эпоху его величество оказывал мне честь довольно большим доверием, и я обязан очевидной его благосклонностью ко мне многим знакам милости со стороны принца Уэльского» (т. е. тогдашнего принца-регента и будущего короля Георга IV) [22].

П. Б. КОЗЛОВСКИЙ
Карикатура
Из книги W. Dorow. Fürst Kosloffsky

В каких салонах Козловский тогда побывал, с кем и на какие темы вел беседы, мы не знаем, но любопытно, что в своей книге маркиз Кюстин, рассказывая о совместной поездке с Козловским морем в Петербург в июле 1839 г., вспоминает рассказы Козловского, приводящие нас к Байрону и к одной из его поэм того же 1814 г. Кюстин пишет, что, находясь вблизи эстонского берега, в виду острова Даго, Козловский рассказал присутствовавшим на палубе корабля об одном из прежних владельцев этого острова, бароне Унгерн-Штернберге, еще жившем во времена его детства, «который мог послужить прототипом более, чем для одного героя лорда Байрона» (a pu servir de modéle à plus d'un héros de Lord Byron). Человек умный и образованный, объездивший Европу, Унгерн-Штернберг, по словам Козловского, возвратился в Петербург при Павле I, но вскоре, без всякой видимой причины, впал в немилость и должен был покинуть двор; тогда он «заперся на о. Даго, владельцем которого являлся <...> и поклялся в смертельной ненависти ко всему человечеству, чтобы отомстить императору, воплощавшему в его глазах весь род людской». «На своем уединенном острове барон вдруг проявил горячую любовь к научным занятиям, и чтобы, по его словам, с полной свободой отдаться им, он воздвиг в своем поместье высокую башню. Он назвал ее своей библиотекой и устроил наверху башни фонарь, со всех сторон застекленный, подобно светящемуся маяку. В полночь, когда барон знал, что его маленький сын со своим наставником уже спят, он запирался в своей библиотеке и зажигал ярко горящий фонарь, издали похожий на сигнал. Этот обманчивый маяк должен был вводить в заблуждение корабли, проходившие мимо острова, что и было целью коварного барона. Предательский маяк, воздвигнутый на скале среди бушующего моря, привлекал к себе капитанов,

плохо знакомых с местными берегами, и несчастные, обманутые фальшивой надеждой на спасение, находили свою смерть. Когда судно было уже близко к гибели, барон спускался к берегу, садился в лодку с несколькими ловкими и опытными людьми, которых он специально держал для своих ночных предприятий, и перевозил на берег спасшихся от кораблекрушения. Здесь, под покровом темноты, барон убивал их и затем, при помощи своих слуг, грабил погибающий корабль. Все это он делал не столько из корысти, сколько из любви ко злу, из неутолимой страсти к разрушению. Однажды воспитатель его сына открыл страшную тайну... Замок был окружен со всех сторон войсками, прежде чем барон успел принять меры предосторожности. Он хотел обороняться, но слуги изменили ему. Барон был схвачен, доставлен в Петербург и осужден императором Павлом I на вечную каторгу в Сибири, где и умер.— Когда кн. Козловский закончил свой рассказ, все воскликнули, что барон Унгерн-Штернберг был из числа Манфредов и Лар (etait le type des Manfred et des Lara). «Это так и есть,— отвечал князь, не боявшийся парадоксов,— потому-то Байрон и кажется нам таким маловероятным, что он брал свои модели из действительности (dans le vrai); в поэзии реальность никогда не естественна» [23].

Для нас не существенно в данном случае то, что Козловский заинтересовал своих слушателей одной исторической легендой, не имеющей к тому же фактического подтверждения; нам важна несомненная стилизация, приданная этой легенде в его передаче. Исторический барон Карл Карлович Унгерн-Штернберг (1730—1799), генерал-адъютант русской службы и крупный эстляндский помещик, часть владений которого действительно расположена была на о. Даго, был сторонником Петра III, впал в немилость после переворота 1762 г. и лишь после этого выехал за границу. Вопреки утверждению Козловского, Павел I вернул его из изгнания и приблизил к себе. Поэтому особенно любопытно, в тех очертаниях, которые приданы были этой легенде Козловским, что многое действительно напоминает нам героев байроновских поэм и, прежде всего, Лару. Лара — такой же, как и Конрад в «Корсаре», «муж одиночества и тайны» (the man of loneliness and mystery), который, избегая человеческого общества, целые дни проводит в твердынях своего феодального замка; о преступлениях, омрачавших его совесть, мы можем только догадываться. Кстати, и очертания этого замка, и воображаемая страна, в которой происходит действие, эта «страна борьбы» (a land of strife), с ее слегка намеченными контурами средневековья, всегда смущали критиков Байрона в отношении ее географической локализации [24].

Судя по имени героя, ее относили к Испании, но другие имена (Оттон, Эцделин) звучат не по-испански и ведут нас то в Италию, то на европейский север. Гобхауз, читавший «Лару» еще до выхода ее из печати, упрекал Байрона в нарушении исторической правды, так как рабов, о которых говорится в поэме, в Испании не существовало. «Только имя героя испанское, место же действия — не Испания, а *луна*»,— писал Байрон Меррею 24 июля 1814 г. и, таким образом, признал фантастический, сбивчивый характер локально-исторической окраски своей поэмы. Упоминание Байроном Козловского в связи с «Корсаром», вероятность их встречи в Лондоне в 1814 г., в тот самый период, когда Байрон писал «Лару» (май и июнь 1814 г., издана в августе), по его собственным словам, «в разгар балов и всяких сумасбродств, по ночам, по возвращении из маскарадов и раутов» (письмо к Муру 8 июня 1822 г.), и делают, как мне кажется, достаточно вероятным, что Байрон из уст Козловского мог слышать тот самый рассказ, который приведен выше в записи маркиза Кюстина. Мы не решались бы утверждать, что он положен в основу «Лары», но некоторыми чертами стилизованного эстляндского барона, поклявшегося в вечной ненависти к человеческому роду, Байрон все же мог воспользоваться для «Лары», как и упоминанием о высокой башне для научных занятий в одиноком замке, недоступной для окружающих и слуг, о которой идет речь и в «Манфреде».

2. Адмирал П. В. Чичагов в гостях у Байрона.— Воспоминания Джона Гобхауза об этой встрече у Байрона

Либеральный, вольнодумный русский вельможа из свиты императора Александра, старый дипломат, посвященный во все закулисные тайны и русского двора и осуществляемой им политики, кн. Козловский был для Байрона интересен, конечно, не только его случайным рассказом, знакомство с которым автора «Корсара» и «Лары» мы только что предположили. Вопросы политической современности никогда не заслонялись для Байрона проблемами этического и философского порядка. Живой интерес к текущему политическому моменту, к событиям недавнего прошлого владел им всегда. Поэтому и в первые годы после своего отъезда из Англии, в годы мучительного нравственного кризиса, пережитого им в период разрыва с женой, газетной травли и отхода от прежних друзей, Байрон сохранил интерес к политической жизни континентальной Европы, к которой он стоял теперь ближе, чем живя в Англии. Итальянский и греческий период его жизни, занятые уже и непосредственным участием Байрона в национально-освободительной борьбе, особенно должны были повысить его внимание к русской дипломатии, международным отношениям, внутреннему состоянию русского государства. Но уже и раньше дела Священного союза не переставали его волновать. За Аахенским конгрессом 1815 г. он следил столь же внимательно, как впоследствии за Веронским; судьба Наполеона глубоко волновала его и заставляла часто возвращаться к мыслям о войне 1812 г. в России [25]. Стендаль, рассказывая о своем первом знакомстве с Байроном в Милане в 1816 г., вспоминал, как Байрон дважды расспрашивал его — участника и очевидца войны 1812 г., совершившего вместе с войсками Наполеона поход на Москву,— о подробностях этой кампании и отступления и даже «подверг его перекрестному допросу на этот счет» [26]. С тем большим интересом Байрон должен был расспрашивать очевидца кампании с русской стороны, когда представился случай; обстоятельства этой встречи Байрона известны нам лучше, чем предполагаемые свидания и беседы с Козловским.

В воспоминания друга Байрона, Джона Гобхауза (впоследствии лорда Броутона, 1785—1869), занесен рассказ о визите к Байрону адмирала Чичагова. Дело происходило в сентябре 1816 г., когда Байрон вместе с Гобхаузом жил в Швейцарии, на вилле Диодати, расположенной на берегу Женевского озера. При всей своей краткости, рассказ Гобхауза содержит весьма интересные подробности об этой встрече и беседе английского поэта и русского адмирала.

Павел Васильевич Чичагов (1769—1849), сын знаменитого русского адмирала, победителя шведского флота, воспитан был в морском корпусе, но образование свое, подобно многим русским морякам того времени, довершал в Англии. Жизнь в этой стране, женитьба на англичанке (дочери капитана Чатамского порта, Елизавете Проби) сделали его «англичанином», а увлечение английской культурой иной раз ставилось ему даже в упрек. «Было время,— вспоминал сам Чичагов,— когда враги мои считали меня за англичанина, потому что я всегда восхищался порядком и законами англичан» [27]. В своей острой и пристрастной характеристике Чичагова, относящейся еще к 1808 г., Жозеф де Местр говорит: «Несомненно, что он вынес из Англии весьма заметное уважение к той стране <...> Иногда я называю его джентльменом противоположного берега, чтобы смешить его жену: она англичанка, и он страстно ее любит...» [28] Таким же «англоманом» остался он и в более поздние годы. В рукописи самого Чичагова, оставшейся в его бумагах и озаглавленной «Сравнительная характеристика европейских народов», Англии посвящены восторженные строки, свидетельствующие, однако, что англоманство его носило трезвый и продуманный характер и было глубоким убеждением. Чичагов здесь пишет: «Национальное чувство *англичан* всегда клонится к тому, что хорошо и, следовательно, положительно, существенно и полезно. Отсюда истекают их положительные познания в философии, столь

деятельно способствовавшей распространению истинного просвещения: оно произвело Ньютонов, Бэконов, Локков, великих писателей, великих государственных мужей, великих военных людей, истинно великих, достойных уважения и удивления, потому что способности их стремились единственно к добру и добродетели, и дарования их были изощряемы и применяемы к тому, что вообще было благотворно и полезно нации». Далее Чичагов с восторгом говорит, что «во всех классах этого народа каждый, в свою очередь, всегда обнаруживал эту общую склонность желать хорошего». «А так как, по их мнению, ничего нет лучше свободы, то и эта склонность у англичан была первым зачатком их духа независимости, продукты которого суть их конституция и либеральные законоположения» [29].

Все это, впрочем, отнюдь не препятствовало Чичагову любить свое отечество и желать ему блага и процветания. Характеристика русских и русского государства, данная Чичаговым в той же статье, рисует его как патриота-либерала, горячо убежденного в великом будущем своей родины, твердо верившего в грядущие преобразования России и торжество в ней новой гражданственности. «Увы,— писал он,— не увижу я собственными моими глазами мое отечество счастливым и свободным, но оно таковым будет непременно, и весь мир удивится той быстроте, с которою оно двинется вперед. Россия — империя обширная, но не великая, у нас недостаточно даже воздуха для дыхания. Но однажды, когда нравственная сила этого народа возьмет верх над грубым, пристыженным произволом, тогда его влечение будет к высокому, не изъемлющему ни доброго, ни прекрасного, ни добродетели...» [30]

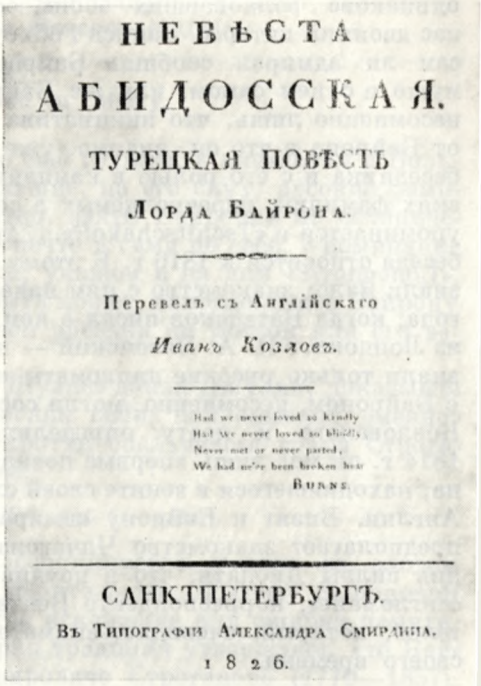
У своих современников Чичагов был известен как командующий Дунайской армией в войну 1812 г. и как человек, несправедливо обвиненный в том, что он «пропустил» Наполеона при переправе остатков французской армии через Березину. По этому поводу в России ходило много анекдотических рассказов, а иные из них, неблагоприятные для Чичагова, закреплены были в многочисленных карикатурах, эпиграммах, стихотворных экспромтах [31] и т. д. Одна из таких эпиграмм сочинена была Державиным и ходила по рукам; в списках распространялась также басня Крылова «Щука и кот», в которой, по преданию, была изображена история спасения Наполеона I Чичаговым [32]. Слухи о промахах Чичагова при переправе Наполеона через Березину достигли и Жуковского, в тот момент, когда он печатал своего «Певца во стане русских воинов», и поэт поспешил изъять из своего патриотического стихотворения посвященные Чичагову стихи. По этому поводу Жуковский писал А. И. Тургеневу (9 апреля 1813 г.): «Я некоторые места поправил... Жаль, если в этом экземпляре остался Чичагов, которого я выкинул после той проказы, которую он с нами сыграл на переходе Березиной» [33]. На распространившейся в то же время карикатуре изображен был Кутузов, тянущий один конец сети, в которую неминуемо должен попасть Бонапарт; на противоположном конце сети сидит на якоре Чичагов, говорящий: «je le sauve» (я его спасаю), а Бонапарт в виде зайца проскальзывает за его спиною [34].

Не подлежит сомнению, что оскорбительные для Чичагова слухи (для чего, по мнению его позднейших биографов, не было достаточных оснований) и почти единодушное в русском обществе осуждение его действий при отступлении Наполеона из России сыграли не малую роль в принятом им решении покинуть родину. Чичагов вышел в отставку и уехал из Петербурга в мае 1814 г. С того времени он постоянно жил за границей, где воспитывались его подраставшие дочери. Он объехал Францию, Италию и Англию, нередко бывая в Лондоне и встречаясь здесь со своим старым другом С. Р. Воронцовым [35].

В 1817 г., находясь в Англии, Чичагов в свое оправдание издал книгу «Отступление Наполеона» («Retreat of Napoleon». London, 1817), но задуман был этот труд еще за несколько лет перед тем, под свежим впечатлением описанных здесь событий и в связи с неумолкавшими сплетнями о нем, распро-

ДЖЯУРЪ,
ОТРЫВКИ
ТУРЕЦКОЙ ПОВѢСТИ.
Изъ сочиненій ЛОРДА БЕЙРОНА.
ВЪ СТИХАХЪ.
Переведъ Н. Р.
МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1822.

«ДЖЯУР. ОТРЫВКИ ТУРЕЦКОЙ ПОВЕСТИ...» М., 1822
Обложка
Институт русской литературы, Ленинград


НЕВѢСТА
АБИДОССКАЯ.
ТУРЕЦКАЯ ПОВѢСТЬ
Лорда Байрона.
Переведъ съ Англійскаго
Иванъ Козловъ.
Had we never loved so kindly
Had we never loved so blindly,
Never met or never parted,
We had ne'er been broken hearted
BURNS.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Александра Смирдина.
1 8 2 6.

«НЕВЕСТА АБИДОССКАЯ. ТУРЕЦКАЯ ПОВЕСТЬ ЛОРДА БАЙРОНА». СПб., 1826
Титульный лист
Институт русской литературы, Ленинград

странившимися за пределами России. Еще в 1813 г. Чичагов, уже тогда предполагавший составить историю русской кампании 1812 г., обращался к Джереми Бентаму с письмом, в котором просил совета по этому поводу. Биограф Бентама, Джон Бауринг, приводит отрывок из ответного письма Бентама к Чичагову, с замечаниями о том, что, по его мнению, требуется от подобного труда [36].

Именно об этих, столь понятных для Чичагова, событиях 1812 г. речь шла у него с Байроном на вилле Диодати около Женевы. Вот как рассказывает об этом Гобхауз: «11 сентября 1816 г. Сегодня адмирал Чичагов посетил лорда Байрона, чтобы представиться ему. Обращаясь ко мне, он произнес речь о нарушении уединения, которую он приготовил для лорда Байрона. Чичагов сказал, что всякий талант — не что иное, как расчет, и что Бонапарт обладал этим свойством в большей степени, чем кто-либо другой. Байрон хотел задать ему вопрос, почему он (подразумевая русских) дал Бонапарту возможность уйти из России. Ведь это именно адмирал дал ему возможность уйти, не преградив ему путь у Березины молдавской армией. Г-жа Кутузова заметила, что Витгенштейн спас Петербург, мой муж — Россию, а Чичагов — Наполеона. Он говорит, что приехал из Лозанны в Женеву, чтобы видеть Ферней. Совершил прогулку по берегу озера с лордом Байроном» [37].

При всей своей краткости, запись дневника Гобхауза воссоздает перед нами эту примечательную встречу: Чичагов, приехавший из Лозанны, чтобы осмотреть «гнездо» Вольтера, и случайно узнавший, что неподалеку от Фернея живет другой вольнодумец нынешнего века, которому он и наносит визит; прогулка его совместно с Байроном по берегу Женевского озера, во время которой, нужно думать, беседа коснулась не только отступления Наполеона из России, но, может быть, и самой России и многих других вопросов,

одинаково волновавших обоих собеседников,— все это представляет для нас двоякий интерес. Запись Гобхауза оставляет не вполне ясным для нас — сам ли адмирал сообщил Байрону слова Кутузовой о Витгенштейне, ее муже и о нем самом, или же Байрону они уже и ранее были известны,— несомненно лишь, что инициатива навести разговор на эту тему исходила от Байрона и что он, видимо, уже был знаком с именем своего русского собеседника и с его ролью в кампании 1812 г. Отметим также, что среди русских фамилий, перечисляемых в седьмой песне «Дон Жуана» (строфа XV), упоминается и «Tschitschakoff». С другой стороны, любопытно, что описанная беседа относится к 1816 г. К этому времени Байрона как поэта в России еще знали мало; знакомство с ним началось у нас не ранее 1818 или следующего года, когда Батюшков писал о нем в Петербург из Италии, Д. Н. Блудов — из Лондона, а П. А. Вяземский — из Варшавы [38]. До этого времени о Байроне знали только русские дипломаты и путешественники. Встречи Козловского с Байроном, несомненно, могли состояться только в светском кругу; интерес Козловского к поэту определился, вероятно, значительно позднее — в 1814 г. он мог лишь впервые познакомиться с сочинениями молодого Байрона, находившегося в зените своей славы; наконец, эти встречи происходили в Англии. Визит к Байрону адмирала Чичагова носит другой характер: он предполагает знакомство Чичагова с сочинениями Байрона до его посещения виллы Диодати, что и неудивительно в этом жившем вдали от родины «англомане», корреспонденте Бентама и, вероятно, других английских деятелей, который, очевидно, внимательно следил за английской литературой своего времени.

3. Байрон и Строгановы.— Москва и русские 1812 года в произведениях Байрона.— Россия и ее история в поэме Байрона «Дон Жуан». — Источники этой поэмы.— Россия в сатире Байрона «Бронзовый век».— Пушкин об отношении Байрона к России

О дальнейших личных встречах Байрона с русскими людьми мы располагаем лишь глухими и отрывочными сведениями. Однако его собственные писания свидетельствуют, что его интерес к России и русской истории не ослабевал. Москва упомянута в его ранней сатире «Поездка дьявола» («A devil's drive», 1814), а в «Вальсе» («The Waltz. An Apostrophic Hymn») говорится о «несожженной» Москве (unburnt Moscow) и Камчатке; сюжетом поэмы «Мазепа» избран эпизод из эпохи Петра — позднее, вслед за Байроном, столько раз повторенный в европейской поэзии; впоследствии в «Дон Жуане» (песни VI—X) Байрон заставил своего героя участвовать в штурме Измаила в рядах суворовской армии, а затем сделаться фаворитом Екатерины II. Байрон описывает здесь Петербург времен этой императрицы, упоминает Потемкина, Зубова, Шувалова и других вельмож и куртизанов. Для описания русского двора XVIII в. ему очень пригодилась книга Тука о Екатерине и особенно известные «Memoires secrètes» дипломата Массона, разоблачавшие закулисные тайны русского двора. Отсюда Байрон взял и упоминание об известной кузине Орлова, Протасовой, награжденной нескромной кличкой «испытательницы» (l'éprouveuse), и слух о том, что полюбившийся императрице Ланской был отравлен Потемкиным, ревниво оберегавшим свои права первого поверенного императрицы. В предшествующих песнях Байрон особенно широко использовал книгу Кастельно («Essais sur l'histoire de la Nouvelle Russie». Paris, 1820, 3 v.), взяв оттуда и перечень некоторых фамилий, «которые полны слогов таких, что невозможно выговорить их» (песнь VII, строфа XV), оканчивающихся на: ...«ischkin», «ouschkin», «iffskchy», «ouski», всех этих — Rousamouski, Strongenoff, Sherematoff, Mouskin-Pouskin

And Tschitsshakoff and Roguenoff, and Chokenoff,
And others of twelve consonants apiece...

Как отметил уже английский комментатор Байрона [39], поэт варьирует здесь стихи Роберта Саути в его «March to Moscow» (1813):

Oscharoffsky and Rostoffsky
And all the others that end in offsky,

но едва ли традицию не следует возводить еще глубже, к анекдотам о Вольтере, поднимавшем на смех странно звучавшие, на его слух, русские фамилии [40]. Впрочем, некоторые имена, вероятно, взяты Байроном не механически из указанной книги, но говорили ему нечто и сами по себе. Упоминание Чичагова в этом перечне мы уже отметили; укажем и на имя «Strongenoff», так же появившееся здесь не случайно и, быть может, напоминавшее Байрону его испанские впечатления в период первой поездки на Восток или его венецианские встречи.

В строфе CXLIX первой песни «Дон Жуана» донья Джулия, доказывая свою верность ревнивому мужу и перечисляя своих поклонников, вменяет себе в особую заслугу, что она устояла против обольщения графа Строганова и «заставила его напрасно страдать»:

The Count Strong-Stroganoff I put in pain...

Байрон играет словами: Stroganoff ассоциируется у него со словом strong — энергичный, сильный, резкий, решительный; поэтому Strongenoff в XV строфе седьмой песни есть не простое искажение или ошибка памяти. О каком Строганове здесь идет речь? Старая традиция утверждает, что Байрон говорит о графе Григории Александровиче Строганове (1770—1857), бывшем русским посланником в Испании (1805—1810), Швеции (1812—1816) и Турции (1816—1822). Это утверждал, например, П. И. Бартенев, писавший, что «в молодые годы, красавец собою» Г. А. Строганов, в бытность свою посланником в Испании, «пользовался такой известностью своими успехами в полях Цитерейских, что у Байрона в «Дон Жуане» мать хвастает перед сыном своею добродетелью (на самом деле — жена перед мужем) и говорит, что ее не соблазнил даже и граф Строганов» [41]. В московском издании дневника Пушкина В. Ф. Саводник, со своей стороны, относит упоминание «Стронгенова» в «Дон Жуане» к Г. А. Строганову и утверждает: «Слава его дон-жуанских подвигов была настолько велика, что Байрон даже увековечил его в своей знаменитой поэме» [42]; того же мнения придерживался Б. Л. Модзалевский [43], намекнувший и на то, что такое отождествление байроновского Strong-Stroganoff с Г. А. Строгановым могло делаться и русскими современниками Байрона, например, Пушкиным (бывшим — через Загряжских — свойственником Г. А. Строганова), которому первая песнь «Дон Жуана» была известна уже с 1821 г. Таким образом, возникло предположение, что Байрон слышал о Г. А. Строганове еще в бытность свою в Испании (1809). Не может быть сомнений, что упоминание Строганова в «Дон Жуане» — отзвук мадридских похождений Григория Александровича, однако есть основание предполагать, что Байрон в Венеции встречался с другим Строгановым, Александром Григорьевичем, сыном предыдущего. Об этом рассказывает замечательный «Разговор Гете с русским графом С.», напечатанный В. Бидерманом. Внимательный анализ этого разговора, произведенный С. Н. Дурылиным, привел его к заключению, что «русский граф С.» — именно Александр Григорьевич Строганов, хотя он принужден был заметить: «У нас нет прямых сведений о знакомстве Александра Строганова с Байроном, но нет, с другой стороны, ни фактических, ни биографических, ни хронологических препятствий для такого знакомства» [44]. Нет никаких данных об этом и в специальной байроновской литературе, в которой, кстати сказать, слишком мало использован этот любопытнейший разговор Гете с русским аристократом о знакомстве с английским поэтом [45]

Автор этого «Разговора», между прочим, записывает: «Накануне вечером я обронил несколько слов о Байроне, которые не только свидетельствовали

о моем близком знакомстве с таким особенным человеком, но позволяли предполагать, что у меня был случай ближе узнать его мнение о Гете. Действительно, в Венеции имел я счастье неоднократно насладиться дружественной беседой Байрона; после этого мне удалось не без труда отстранить — по крайней мере относительно меня — то предубеждение его против всех русских, которое поддерживалось тогда в нем греческими делами». Здесь, несомненно, ошибка памяти: венецианский период жизни Байрона окончился до начала греческого восстания, следовательно, «предубеждение» Байрона против реакционной политики Александра I, в частности против двойственной позиции в греческом вопросе, с особенной резкостью сказавшееся после Веронского конгресса, в данном случае должно было иметь иные основания,— какие, об этом мы уже говорили выше. Впрочем, автор «Разговора» тут же оговаривается, что его сближение с Байроном имело другие поводы и что политика и дипломатия не исчерпывали их бесед. «Как ни странно, не мои лучшие свойства примирили его с моею национальностью, но мой тогдашний характер необузданного сорванца, который с величайшим равнодушием наслаждался жизнью и искусством ради того только, чтобы наслаждаться, не заботясь о расширении своих способностей и знаний. Байрон обращался со мной обыкновенно как с невоспитанным ребенком, а во время своих капризов и чудачеств — даже с резкостью, но вместе с тем он оказывал мне, не имея причины опасаться от меня двуличия, больше доверия, чем любому из тогдашних своих знакомых, которые часто окружали его из эгоистических побуждений. Наше знакомство было не общением одинаково настроенных поклонников искусства, а общением жадных к жизни bonvivants, которые никогда не насыщаются. Я познакомился благодаря этому со многими особенностями частной жизни Байрона, сообщение которых воспринято было Гете с живейшим интересом и прервало самохарактеристику моего хозяина, чтобы еще больше ее усовершенствовать» [46].

Дальнейшее содержание «Разговора» не дает нам никаких данных для датировки дружеских встреч Байрона с автором записи, русским аристократом, которого он встретил в Венеции; трудно допустить, что они были многократными и содержательными, так как в этом случае они должны были оставить какие-либо следы в дневниках или переписке Байрона. Это было одно из многих светских знакомств, состоявшихся в период его венецианской жизни; каких же именно тем касались беседы Байрона с А. Г. Строгановым,— если именно он имеется здесь в виду,— ясно и из самого «Разговора»: «У Байрона был обычай: в наши постоянные разговоры о прекрасных женщинах, которых оба мы с жаром преследовали, вплетать промежуточные речи об искусстве, — благодаря этому он вовлек меня в круг своих мнений и сделал то, что я был в состоянии удовлетворить любопытство Гете. Поэтому я сказал ему, что действительно так счастлив, что могу дать ему некоторые разъяснения по поводу мнений Байрона о нем,— и я дал résumé моих бесед с Байроном об искусстве и литературе, в которых Гете часто являлся главной темой». К сожалению, это résumé вошло в упомянутый «Разговор» лишь одной своей частью — суждениями, которые Байрон высказал по поводу некоторых произведений Гете,— суждениями острыми, порой блестящими и вполне согласующимися с другими, известными нам, высказываниями Байрона о творце «Фауста», что, со своей стороны, подтверждает аутентичность записи; остальная часть бесед с Байроном «об искусстве и литературе» остается нам неизвестной. Естественно предположить, что затрагивались и другие вопросы — о России в первую очередь. Намек автора «Разговора» на «предубеждение» Байрона «против всех русских», которое ему удалось отстранить «не без труда», говорит о многом: очевидно, к России беседа возвращалась неоднократно; Байрона приходилось переубеждать или, во всяком случае, ближе познакомить с Россией времен Александра I. В состоянии ли был это сделать молодой Строганов, были ли его доводы достаточными для «переубеждения», нашел ли в нем мятежный поэт сторонника своих тогдашних политических принципов и симпатий,— ничего этого мы не знаем. Вполне естественно

было бы, однако, предположить, что знакомство с молодым Строгановым обновило у Байрона воспоминания о мадридских любовных авантюрах отца его собеседника — дипломата, что именно поэтому имя Строганова попало в первую песнь «Дон Жуана», начатую летом 1818 г.; что, наконец, в том же круге представлений о Строганове-отце находилось и основное впечатление о Строганове-сыне, который сам себя назвал в «Разговоре» «необузданным сорванцом, который с величайшим равнодушием наслаждался жизнью и искусством». Достоверно лишь одно — «переубеждение» Байрона в мнении относительно русских на этот раз было достигнуто в частном, но не в общем смысле; Байрон допустил в свой круг одного из них, согласился, быть может, с некоторыми из приведенных им доводов о недопустимости огульного осуждения страны и народа или отождествления правительственной политики с общественным мнением, но своего старого предубеждения против русского правительства и царя он не переменил.

Остро звучит русская тема в политических сатирах Байрона. В сатире «Бронзовый век» (написанной в 1822 г. по поводу собравшегося вершить судьбу Испании Веронского конгресса), где ненависть к «Священному союзу» достигает особенной силы, Байрон с возмущением говорит о крепостном праве в России, попутно вспоминая и наполеоновские походы и пожар Москвы. Правда, именно в описании московского пожарища Байрон внезапно изменяет свой обличительный тон и, проникнувшись величием жертвенного подвига русского народа, торжественно славит русскую столицу, у которой нет соперников в веках [47]. Затем он вновь обрушивается на двуличную политику русского правительства в греческом вопросе, а изображению императора Александра I отводит немало строф, полных ядовитых насмешек и грозных предостережений; в результате получается портрет, многими чертами сильно напоминающий известные стихи Пушкина:

Плешивый шеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой...

— и такое сходство едва ли нужно было бы объяснять случайностью: знакомство Пушкина с отзывами Байрона об Александре I не только в «Бронзовом веке» (эту сатиру Пушкин мог знать еще в одесский период), но и в строфах «Дон Жуана» (песнь шестая, строфы XCIII—XCV; песнь четырнадцатая, строфа XXXIII) удостоверяется рядом параллелей и, прежде всего, конечно, криптограммой сожженной 10-й главы «Евгения Онегина» [48].

Эти и подобные им стихи Байрона, конечно, не могли появиться в России. Их, как и «русские» песни «Дон Жуана», читали у нас контрабандой, большей частью во французских переводах, случайно проскочивших сквозь таможенные преграды,— кто с негодованием верноподданных, а кто с радостью и надеждой на вольное слово о России и его роль в мечтавшихся преобразованиях русского государства. В 20-х годах П. А. Вяземский, наряду с будущими декабристами, был одним из первых, кто правильно понял у нас *политическое* значение поэзии Байрона и дал оценку его творчеству именно с этой стороны: «Байрон, который носится в облаках, спускается на землю, чтобы грянуть негодованием в притеснителей, и краски его романтизма сливаются часто с красками политическими»,— писал он А. И. Тургеневу еще в 1821 г. [49] Автор «Негодования», которое наряду с пушкинской «Вольностью» было одним из ранних вкладов в русскую поэзию, «декабрист без декабря», так остро и живо интересовавшийся общественно-политической борьбой в Европе и России, Вяземский не мог не обратить особого внимания и на сатиры Байрона, направленные против «Священного союза» и его реакционных деятелей. Прочтя «Бронзовый век» во французском переводе, Вяземский с восторгом отзывается о нем в письме к А. И. Тургеневу: «Вот хлещет всех жильцов по этажам глупости, начиная от низменных Красовских до тех, которые — уж выше, кажется, нельзя» [50]. Любопытно, что маленькая заметка Пушкина, ко-

торую он напечатал в «Северных цветах» на 1828 год, включив ее в свои «Отрывки из писем, мысли и замечания», намечала уже целую программу исследования об отношении Байрона к России: «Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однако ж в Дон Жуане описывает он Россию; зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор* по *дурной, каменистой дороге*. Измаил был взят зимою, в жестокий мороз. На улицах неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: «Помилуй бог, как чисто!»... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные. Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн. В лице Нимврода изобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ» [51].

Мы легко догадаемся теперь, почему эта маленькая альманашная заметка Пушкина в условиях цензурного режима 20-х годов и не могла бы развернуться в серьезную журнальную статью, но для нас не вполне ясно, какие соображения руководили Пушкиным при ее напечатании. Трудно сказать, была ли она помещена в его «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (кстати сказать, по форме своей аналогичные байроновским «Detached Thoughts») для напоминания русскому читателю о запретном для него в этой части «Дон Жуане» Байрона, должна ли была служить свидетельством его хорошего знакомства с этой поэмой, или дана была ради сознательной попытки хоть несколько реабилитировать Байрона в глазах русских официальных кругов? (ср. слова Пушкина о хорошем знакомстве Байрона с Россией и о *любви* к ней). Последнее, впрочем, было бы в 20-х годах вовсе безнадежным делом: репутация Байрона как поэта, и ранее вызывавшая подозрения русской цензуры его «вольнолюбивыми» и «безбожными» автопризнаниями, весьма скомпрометированная его отзывами о русском императорском доме — от Петра I до Александра I,— стала у нас и вовсе одиозной с того времени, как Байрон открыто вступил на путь политической деятельности. Поддержка Байроном итальянских карбонариев, его участие в борьбе греческого народа за свою независимость сделали поэта объектом негласных наблюдений русского Министерства иностранных дел.

С начала 20-х годов поэзия Байрона — «Звук новой чудной лиры», по слову Пушкина,— приобретает в России особую известность. В письмах писателей то и дело мелькает его имя с отзывами о его произведениях; о них беседуют в дружеских кружках; быстро растут их переводы, стихотворные и прозаические, вначале с французского, но затем, все чаще, и с английского подлинника; в журналах печатаются статьи о Байроне, появляются его русские портреты [52]. До самого Байрона доходят известия о русских переводах его произведений; по крайней мере, об этих переводах, с чужих слов, говорил он в Пизе капитану Т. Медвину в 1821—1822 гг.: «Многие из моих сочинений показались в датских, польских и даже русских одеждах. Последние переводы, сделанные с французских, должны быть водяны» [53].

В шестой песни «Дон Жуана» (строфа XCIII) Байрон свидетельствует, что его интересовала не только Россия Екатерины II, но что он чутко улавливал и новые веяния, достигавшие столицы северной державы:

... and now rhymes wander
Almost as far as Petersburgh, and lend
A dreadful impulse to each loud meander
Of murmuring Liberty's wide waves, which blend
Their roar even with the Baltic's...

(... Теперь рифмы странствуют до самого Петербурга и дают грозный порыв каждому шумному изгибу рокочущих волн Свободы, которые смешивают свой рев даже с волнами Балтики...)

Английские комментаторы «Дон Жуана» оставляют без пояснений эти примечательные строки. «Что значат эти слова? — спрашивает Н. Я. Дьяконова. — Услышал ли Байрон о том, что его вольнолюбивые стихи достигли невских берегов? Дошли ли до него слухи о тайных обществах в России? На это пока трудно дать ответ» [54]. Однако, с нашей точки зрения, поставленные вопросы и сейчас уже поддаются удовлетворительному решению. Что Байрон знал о русских переводах его произведений, живя в Италии, свидетельствует, как мы видели выше, капитан Медвин, и это тем более правдоподобно, что Байрон интересовался современной русской поэзией, читал «Российскую антологию» Дж. Бауринга и помнил, в частности, имя «русского соловья» — Жуковского [55]. Слухи о тайных обществах в России до Байрона едва ли могли дойти, но он безусловно знал о русских тайных и явных доброжелателях итальянских карбонариев и имел случай слышать оппозиционные речи из уст таких либеральных русских деятелей, какими были дипломат П. Б. Козловский или «земноводный» адмирал П. В. Чичагов.

Усиление интереса к Байрону в русских читательских кругах стояло в прямой связи с обострением общественно-политического недовольства в широких кругах русской дворянской интеллигенции и активизации тайных обществ, вроде Союза Спасения и Союза Благоденствия. Произведения Байрона итальянского периода находили у нас быстрый отклик прежде всего потому, что они будили вольнолюбивые мечтания, отвечали нарождавшимся общественным оппозиционным настроениям. Известную роль играло в этом обстоятельстве и обилие русских в Италии в начале 20-х годов, которые отмечали его популярность среди итальянцев [56], записывали рассказы о нем, узнавали многое о его жизни, все ближе сплетавшейся с общественно-политической борьбой. Недаром и Онегин в юности вел «мужественный спор о *Байроне*, о *карбонарах*». В это же самое время в реакционных русских кругах, параллельно с ростом влияния и популярности Байрона, усиливалось настороженное отношение к нему, отчасти поддержанное европейской реакционной печатью и тем более крепнувшее, чем очевиднее становилась его роль в итальянском революционном движении. Одним из ранних, но чрезвычайно характерных отрицательных отзывов о Байроне явилось известное письмо обскуранта Д. П. Рунича к издателям «Русского инвалида», датированное 22 апреля 1820 г. и вызванное появившейся в «Инвалиде» статьей о Байроне, переведенной из парижского журнала «Conservateur». Рунич удивляется появлению этой статьи в русском переводе и выражает сомнение по поводу того, насколько назидательными для подрастающего поколения смогут явиться «суждения французского журналиста-философа об английском безбожнике-стихотворце» [57].

Злобная характеристика Байрона, содержащаяся в этом письме, стремилась внушить недоверие к общей философско-этической основе сочинений Байрона, скомпрометировать его, как поэта неблагонадежного и вредного в политическом смысле [58]. Аналогичные выводы вскоре и действительно были у нас сделаны и вызвали ряд охранительных мероприятий со стороны полицейских властей. Из опубликованных рапортов «особой канцелярии» Министерства внутренних дел, наблюдавшей за привозимыми из-за границы книгами «политического, исторического и романического содержания», видно, что уже в 1821—1822 гг. большинство произведений Байрона подверглось строжайшему запрещению [59]. Все вновь выходившие издания Байрона немедленно же вносились в секретные перечни «произведений, запрещенных цензурным комитетом Министерства внутренних дел», не допускались к ввозу из-за границы, к продаже и, тем более, к переводу; последние разрешались лишь в исключительных случаях и с чудовищными цензурными искаже-

ниями; так, в 1826 г. И. И. Козлову было разрешено издание его перевода «Абидосской невесты» только лишь после ряда изменений в тексте и с комментариями цензора Красовского, внесенными в примечания. «Дон Жуан» в полном русском переводе не мог появиться у нас вплоть до XX в., а еще в 1847 г. в переводе В. И. Любич-Романовича «русские песни» поэмы переведены были в смысле, совершенно обратном авторскому тексту [60]. Характерно, что в 20-х годах при переводе из Байрона «безусловному устранению» подлежали даже самые отдаленные намеки на явления современности и что в затруднительных случаях цензурный комитет, в порядке «консультации», обращался с соответствующими запросами в Министерство иностранных дел. Такой случай произошел, например, с прологом к «Гяуру», перевод которого цензурный комитет не решился пропустить потому, что усмотрел в нем «поощрение восстать против турок». Заслушав об этом (22 марта 1827 г.) доклад цензора Гаевского, Главный цензурный комитет «признал за лучшее» немедленно довести до сведения министра о «сомнительном по политическим отношениям» произведении. Однако А. С. Шишков отказался взять на себя разрешение этого вопроса и, в свою очередь, обратился к министру иностранных дел гр. К. В. Нессельроде. Последний, в специальном отношении от 6 мая 1827 г. (за № 639) «касательно перевода на русский язык пролога из поэмы «Джаур» изъяснил, что «таковые воззвания» Байрона, «несообразные ни с духом времени, ни с обстоятельствами», он «находил бы полезнейшим не выпускать в свет» [61].

Это был уже не первый случай, когда Нессельроде, с 1816 г. ведавшему дипломатическими сношениями Российской империи, приходилось в своей служебной практике встречаться с именем Байрона. Он не мог не знать, что с ведома Меттерниха австрийская полиция организовала в Северной Италии систематическую слежку за Байроном, что его образ жизни, знакомства, встречи и переписка в Милане и Венеции, Равенне и Пизе служили предметом обсуждения в правительственных австрийских канцеляриях, вызывали десятки рапортов специальных тайных агентов, устанавливавших его связь с «карбонариями» и выслеживавших каждый его шаг [62]. Нессельроде попытался организовать нечто подобное с помощью русских дипломатических представителей за границей. В делах Государственного архива внешней политики 1822—1824 гг. сохранился ряд таких донесений о Байроне, из которых можно извлечь ряд любопытных штрихов для его биографии, но в особенности интересных потому, что они дают понятие о той общественно-политической роли, какую в представлении русских властей играл мятежный английский поэт.

Естественно, что первые из сохранившихся русских дипломатических донесений о Байроне итальянского периода отличаются краткостью, неполнотой и не сообщают чего-либо нового для истории его жизни и творчества: Байрон пизанского и равеннского периодов, Байрон-карбонарий представлял еще только относительный интерес для русского правительства. Тем не менее быстрый рост карбонаризма в папских владениях занимал большое место в донесениях из Рима русского посланника А. Я. Италинского 1820 г., которому безусловно известны были донесения о Байроне папской полиции, ни на минуту не упускавшей из виду этого «опасного лица», «ярого возмутителя спокойствия», «первого революционера Равенны», который не без основания считался одним из вождей карбонарских отрядов, в частности, отряда «Американских стрелков» [63].

Вступление Байрона в ряды греческих инсургентов, активное и вполне открытое вмешательство в дела формировавшегося греческого правительства и будущего независимого греческого государства в гораздо большей степени активизировали интерес к нему русского Министерства иностранных дел: роль Байрона в греческой войне связывалась уже и с русской политикой в греческом вопросе, и с русско-английскими взаимоотношениями 20-х годов. Поэтому с момента переезда Байрона в Грецию и вплоть до его смерти в Миссолунги количество донесений о нем, посланных в русское Министерство ино-

«ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК». ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО В. ЖУКОВСКОГО, СПб., 1822
Титульный лист и фронтиспис
Институт русской литературы, Ленинград

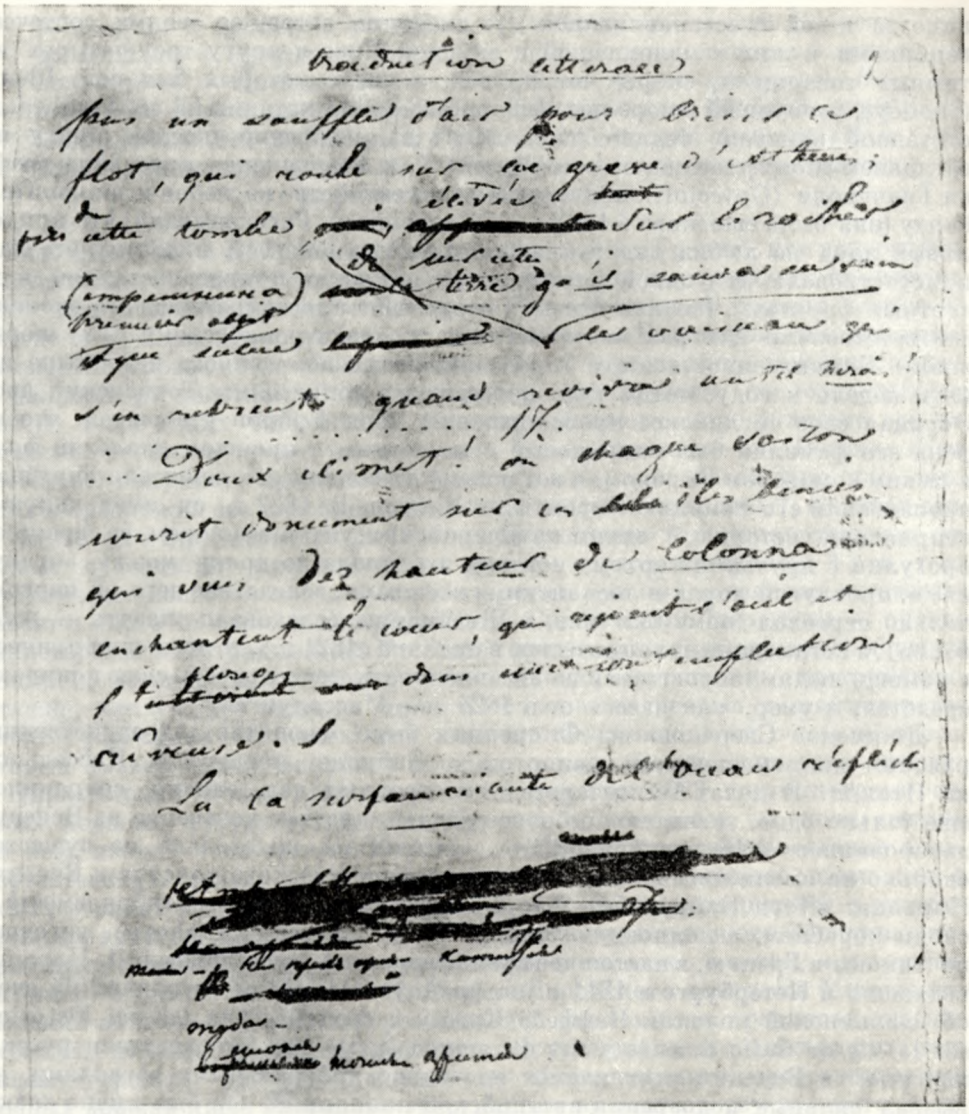
странных дел, резко увеличивается: о Байроне пишут Нессельроде и с Ионических островов и из Константинополя, входя во все детали его частной жизни и военных предприятий. Не все эти донесения представляют нам достоверные или новые факты, которыми сможет воспользоваться биограф Байрона, но все они, в общем, дают нам новый и еще не использованный материал. Восхищенному вниманию, с которым русское общество следило за действиями Байрона в пользу греческой свободы, и восторженным откликам о нем русских поэтов противостояла, таким образом, не только сложная сеть цензурных запретов и охранительных мероприятий, но и вдохновлявшая их информация Министерства иностранных дел. Это была настоящая борьба общественного мнения и правительственных постановлений за и против Байрона, борьба явных и тайных общественных сил, которую живо ощущали современники и недооценили последующие исследователи политической и культурной жизни 20-х годов. В свете этой борьбы становятся более понятными и явная недоговоренность многих русских критических статей о Байроне, искаженность русских переводов из Байрона того времени, страстный характер полемики и даже, быть может, некоторые детали личных взаимоотношений. Гр. М. С. Воронцов хорошо знал, какой тяжелый удар он наносил Пушкину, когда в марте 1824 г. писал Нессельроде, как его непосредственному начальнику, просьбу удалить его из Одессы, где ему кружат голову его восторженные поклонники, «между тем как он, в сущности, только слабый подражатель не совсем почтенного образца — лорда Байрона» [61] В тот момент, когда Нессельроде отвечал Воронцову на эту просьбу [65], в Министерстве иностранных дел накопилось уже порядочное количество донесений об этом «не совсем почтенном образце» онального русского поэта, и отношение русского министра иностранных дел и к этому «образцу», и к его «подражателю» едва ли сильно отличалось от отношения к ним обоим правителя Новороссийского края.

4. Байрон в Италии.— Рассказ русского дипломата о жизни Байрона в городах Пизе и Ливорно.— Гибель П. Б. Шелли.— Воспоминания М. Д. Бутурлина о Байроне, Т. Медвине и Т. Гвиччьоли.— Байрон и русский консул Наранци

Первое из доступных нам донесений к Нессельроде о Байроне, сохранившихся в Архиве внешней политики, датировано 18/30 июля 1822 г. и посвящено событиям жизни Байрона в Пизе и Ливорно. Оно послано из Флоренции русским поверенным в делах при тосканском и луккском дворе, Алексеем Васильевичем Сверчковым [66], и гласит следующее: «Знаменитый английский поэт, лорд Байрон, который находился в Пизе в течение многих месяцев, принужден был оставить это место вследствие неприятностей, какие он имел несколько времени тому назад с неким кавалерийским унтер-офицером (sous-lieutenant de cavalerie), о чем извещают многие газеты. Он отправился в Ливорно, но как только он там водворился, недобрый гений, который, кажется, преследует его повсюду, навлек на него новые неприятности, вследствие которых он принужден был не только уехать отсюда, но даже разлучиться с людьми, которые обычно составляли его общество. Один из наиболее близких ему людей, также поэт, г. Шелли (Monsieur Shelley), взойдя на яхту, принадлежащую милорду, чтобы отправиться в Геную, погиб вместе со всем экипажем при отплытии из Ливорнского порта. Все эти обстоятельства лишь увеличили его склонность к сплину, который составляет сущность характера этой исключительной личности, и, говорят, он намеревается в настоящее время отомстить в своих произведениях тем лицам, под влиянием которых, по его мнению, его преследуют в этой стране. Флорентийская газета приводит сегодня подробности об успехах греков на море и на суше» [67].

События, о которых рассказывает это донесение Сверчкова к Нессельроде, с бóльшими подробностями известны нам из других источников. Так, глухо упомянутые в донесении на основании сообщений «многих газет» «неприятности» (désagrements) Байрона с кавалерийским унтер-офицером — это его ссора с пизанским сержантом Мази у городских ворот, вызвавшая целое уголовное дело, сохранившееся в местном судебном архиве. Байрон не без основания придавал этому происшествию, участниками которого были Шелли и Тафф, большую важность, так как вполне вероятно, что Мази, по наущению местных властей, имел в виду замешать Байрона в компрометирующую его драку с обнажением оружия, чтобы сделать невозможным его дальнейшее пребывание в Пизе. Хотя благодаря вмешательству английского посланника во Флоренции, Mr. Dawkins'a, инцидент внешне был улажен, но он послужил все же негласным основанием для высылки семьи близкого друга Байрона и брата Терезы Гвиччьоли из Тосканы и ускорил отъезд самого Байрона, еще острее, чем раньше, почувствовавшего себя гонимым и преследуемым [68].

Летом 1822 г. Байрон и Шелли поселились вблизи Ливорно: Байрон — в Монтенеро, Шелли — на вилле Маньи, у рыбачьего местечка Сан-Теренцо; неподалеку жил бывший офицер индийской армии Эдуард Вильямс с женой, находившийся в приятельских отношениях с обоими поэтами. Донесение Сверчкова к Нессельроде неточно передает обстоятельства смерти Шелли. Он действительно предпринял морскую прогулку в Геную для свидания с Ли Хантом (Leigh Hunt) на своей яхте «Ариэль» и, возвращаясь оттуда в непогоду с Вильямсом и английским мальчиком, погиб при обстоятельствах, которые едва ли когда-нибудь станут для нас более ясными. Было ли это стихийное несчастье, или результат злого умысла, как догадываются некоторые новейшие биографы Шелли; имело ли место, в последнем случае, ограбление или даже акт политического убийства (тем более что злоумышленники предполагали, что на яхте присутствует и Байрон),— все это не выходит из области догадок; достоверно известно лишь, что яхта «Ариэль» не вернулась и что тела погибших прибило к берегу десять дней спустя. Байрон был организатором похорон Шелли по древнегреческому обряду — сожжения тела на смолистом костре у морского берега [69].



АВТОГРАФ А. С. ПУШКИНА:
Перевод отрывка из 1-й песни «Гяура» на французский язык
Институт русской литературы, Ленинград

Рядом с этим донесением, посланным из Флоренции в Петербург, следует поставить страницу воспоминаний М. Д. Бутурлина, небезынтересную для нас потому, что автор их жил в 20-х годах во Флоренции, состоял в близком знакомстве с Сверчковым и вращался в кружке живших здесь англичан, из которых один — Джон Тафф [70] — был героем описанного выше пизанского происшествия с сержантом Мази, а другой — капитан Томас Медвин [71] — выпустил книгу своих записок о Байроне, в которых, между прочим, также дает подробное описание тех же событий. Среди флорентийских англичан 20-х годов циркулировало много рассказов и слухов о Байроне, которыми мог воспользоваться Бутурлин. Последний приводит несколько новых подробностей. Он пишет: «Переселился из Венеции в Пизу в 1819 или 1820 году лорд Байрон ⟨следовало сказать: из Равенны в Пизу в конце октября 1821 г.⟩. Нрава нелюдимого, он избегал шумной Флоренции, и когда ему надо было проезжать через нее, то он выбирал для этого ночное время и

никогда в ней не останавливался. Не любил он встреч со своими соотечественниками и жил в малолюдной и скучной Пизе в кругу трех-четырех интимных товарищей, скорее чем друзей, в числе которых был поэт Шелли (Shelley), утонувший в море под Ливорно во время катания на шлюпке, также отставной капитан Медвин (capt. Medwin), издавший позднее книгу под заглавием «Conversations of Lord Byron» [72], и итальянская красавица графиня Гвиччьоли (Guiccioli), покинувшая свое семейство из любви к знаменитому барду (она была еще жива в 1863 г. во Флоренции). Рассказывали, что прихотливый лорд не любил видеть женщину, когда она ест, и потому эта дама присутствовала для одной формы на его обедах и прикасалась лишь к десертным фруктам. Тишина Пизы и отсутствие аристократического элемента соответствовали как раз мечтательному и мизантропическому духу лорда-поэта. Безжизненность этого города одушевлялась немного на четыре или пять недель в году, когда туда переезжал в конце зимы Тосканский двор. Отрицая свое английское происхождение, лорд Байрон утверждал, что корень его фамилии был одинаковый с известным в прошлом столетии французским комодором Бироном, и вот почему пизанские его сожители-англичане произносили его фамилию Бирон, а не Байрон. В 1822 г. он имел какую-то неприятную историю с одним кавалерийским унтер-офицером во время его прогулки с друзьями верхом; история эта дошла до драки между англичанами, прислугой лорда и тосканскими военными, вследствие чего он первоначально переехал (помнится мне) в Швейцарию ⟨следовало сказать — в Ливорно⟩, а когда вспыхнуло греческое восстание ⟨1821 г.⟩, то поспешил принести в помощь людям, боровшимся за независимость, деятельность свою и широкие средства, и умер, как известно, в 1824 г. в Миссолунги» [73]

Донесение Сверчкова из Флоренции было, вероятно, не единственным русским дипломатическим рапортом о Байроне, посланным Нессельроде из Италии. В делах Министерства иностранных дел, однако, сохранилось еще только одно, значительно более позднее, краткое донесение из Венеции, датированное 4/16 декабря 1823 г., интересное не столько по существу, сколько по имени писавшего его лица, рапорт русского консула в Венеции, Наранци: «Лорд Байрон был еще в Кефалонии в конце октября вместе со своим кораблем, а полковник Stanoph ⟨т. е. Leicester Stanhope⟩, уехавший из Анконы в Грецию, в настоящее время, вероятно, туда прибыл» [74]. Наранци, издавший в Петербурге в 1811 г. на французском языке исторический очерк об итальянской колонии Каффе в Крыму в средние века («Essai historique sur la vie de Caffa dans le cours du moyen âge»), был впоследствии русским консулом в Венеции и отличался настолько либеральными взглядами, что вызвал сильные подозрения австрийской полиции [75]. Он был лично знаком с Байроном и встречался с ним в венецианских аристократических домах и у общих с ним английских приятелей. Запись дневника Джона Гобхауза от 16 ноября 1816 г. удостоверяет, что в этот день Байрон виделся с Наранци (chevalier Naranzi, consul of Russia) в доме Финча и что в тот же день Гобхауз совместно с ним посетил «итальянскую м-м де Сталь»— графиню Альбрицци [76]. Впоследствии сношения Наранци с Байроном прервались; приведенное выше донесение его от 4/16 декабря 1823 г. показывает, что, живя по-прежнему в Венеции, Наранци не располагал о Байроне, уже находившемся в это время в Греции, никакими сколько-нибудь полными или свежими данными; включение новостей о Байроне в его обычный консульский рапорт вызвано было, по-видимому, специальными инструкциями, полученными русскими дипломатическими представительствами,— регулярно сообщать сведения о деятельности английского поэта в пользу восставших греков и о том, как реагировало на это европейское общественное мнение. Во всяком случае, в 1823 г. количество рапортов о Байроне в русском Министерстве иностранных дел непрерывно возрастало, в особенности непосредственно с места действия.

5. Байрон и греческое восстание.— Реакция на отъезд Байрона из Италии в Грецию.— Байрон и русская дипломатия в восточном вопросе.— Начало борьбы с Байроном русской цензуры.— Неизданные донесения о Байроне в петербургском Министерстве иностранных дел из Греции и Турции.— Задержка фрегата «Бомбард» турецкими властями.— Рассказы о Байроне европейских дипломатов в Петербурге

Еще в мае 1823 г. Байрон колебался, ехать ли ему в Грецию, или возвратиться в Англию, но вскоре переговоры его с Лондонским греческим комитетом, через посредство Бауринга и Блекьера [77], окончательно решили вопрос об отъезде в Грецию. Было условлено, что Байрон с Блекьером, тем временем уехавшим в Морею, встретятся на острове Занте и уговорятся там относительно дальнейших действий. Байрон твердо решил принять непосредственное участие в греческих событиях [78]. Известие об этом вскоре облетело все европейские газеты и тотчас же получило распространение и в России. «Сын отечества», например, поместив сообщение о том, что «известный поэт лорд Байрон предложил все свое имение в пользу греческого народа» [79], извещал своих читателей о прибытии его «на остров Цефалонию» [80], о «значительных денежных субсидиях, предложенных грекам лордом Байроном» [81], и т. д. Аналогичные известия появлялись и в других русских журналах и газетах; особенно много их было в петербургском «Conservateur Impartial» — органе Министерства иностранных дел [82]. Здесь приводились выдержки сообщений о Байроне из иностранных газет — английских, итальянских, австрийских, а также, как увидим ниже, и самостоятельно полученные в министерстве новости; уже самое число всех этих известий свидетельствует о том интересе, который вызвал к себе Байрон в высших русских дипломатических сферах.

Циркулярная нота, отправленная 14 декабря 1822 г. министрами союзных держав, находившимися на Веронском конгрессе, «к посланникам при всех дворах и кабинетах Европы», ставила греческое восстание в непосредственную связь с широким разливом революционного движения в южных странах Европы в начале 20-х годов [83]. Связь «гетеристов» с «карбонариями» ясно ощущали у нас и те представители русского общества, которые дружественно и с полным сочувствием относились и к тем, и к другим, например, будущие декабристы [84]. Еще до Веронского конгресса Меттерних, стоявший во главе европейской реакционной дипломатии, предлагал оказать открытую помощь турецкому султану для усмирения его восставших подданных — греков. Это предложение не было принято представителями союзных держав лишь благодаря энергичному вмешательству русского представителя — гр. Каподистрии, еще пользовавшегося полным доверием Александра I, и именно вследствие его настояний реакционная Европа ограничилась строгим нейтралитетом в войне между греками и турками. В 1821 г., по инициативе того же Каподистрии, турецкому дивану передана была нота русского правительства с требованием о прекращении репрессий против непричастных к восстанию областей, но эта нота не оказала никакого влияния на меры турецкого правительства, вследствие чего русский посланник в Турции Г. А. Строганов (тот самый «Strong-Stroganoff», которого Байрон упоминает в «Дон Жуане») демонстративно выехал из Константинополя.

Отставка Каподистрии от должности статс-секретаря Министерства иностранных дел и отъезд его в Швейцарию (1822) были результатом энергичного нажима на русское министерство Меттерниха, пустившего в ход все силы, чтобы воспрепятствовать русскому вмешательству в греческие дела. Это ему удалось не без труда и то только потому, что он нашел в Петербурге единомышленника в лице Нессельроде и с его помощью необычайно усилил представления реакционных кругов о греческом движении, как о движении, родственном борьбе испанских и итальянских революционеров.

В то время как Россия еще до 1824 г., т. е. до смерти Байрона, вовсе устранилась от участия в греческом вопросе [85], Лондонский греческий коми-

тет развивал энергичную деятельность по сбору средств в пользу греков, по организации военной помощи, по предоставлению греческому правительству большого займа. На театр военных действий то и дело отправлялись новые добровольцы, среди которых первое место вскоре занял Байрон. Своим примером, с помощью своих личных средств Байрон осуществлял в Греции именно то, о чем так мечтали и русские «филэллины». Пушкин собирался последовать по их стопам [86]. Волна широкого сочувствия грекам прокатилась по всей России, отразившись в литературе и журналистике. Широкие слои русского общества не скрывали своей неудовлетворенности уклончивой, неясной политикой русского правительства в греческом вопросе. Это недовольство давало себя знать и в среде русских дипломатов, порой довольно резко осуждавших реакционную позицию главы министерства Нессельроде, находившегося под гипнозом своих австрийских друзей. Подтверждение этому мы находим, например, в «Воспоминаниях» гр. А. Д. Блудовой (1812—1891). Довольно подробно рассказывает она здесь (преимущественно по печатным источникам) историю участия Байрона в борьбе греков за независимость; этот рассказ интересен для нас, главным образом, по встречающимся в нем отзвукам тех впечатлений, которые получены были ею в доме отца в то время, когда Блудов служил за границей по Министерству иностранных дел. Здесь довольно отчетливо рисуются отношения к Байрону этого русского дипломатического деятеля, два года жившего в Англии и увлеченного Англией, приятеля Карамзина, Жуковского, молодого Пушкина, некогда деятельного «арзамасца» и друга Каподистрии [87]. «Около этого времени,—пишет Блудова,—еще один из наших близких сердцу, хотя не виданных в глаза друзей, принял деятельное участие, почти стал во главе греческого дела. Это был лорд Байрон ⟨...⟩ Childe Harold, лично участвующий в восстании, еще более придал поэзии войне. Все это слышала я за обедом у нас. Со страстностью, на которую уже потом я не была способна, ловила я всякое известие, слушала все рассуждения *больших* и, улегшись в постель вечером, долго не засыпала, воображая сражения и схватки, опасности и горе, труды гречанок, старающихся доставить пищу или порох мужьям и братьям ⟨...⟩ Так прошли 1823 г. и начало 1824 г., когда вдруг было получено известие о его смерти ⟨...⟩ Помню хорошо грустное впечатление этой вести на отца моего. Он никогда не разделял мнения о Байроне, господствующего в английском обществе, именно в то время, когда мы приехали в Лондон; но отец мой вообще почитал *священный огонь* в поэзии за святое начало, и к великим двигателям мысли относился с великой любовью ⟨...⟩ К личным погрешностям великих писателей он был снисходителен ⟨...⟩ Итак, я не была воспитана в страхе лорда Байрона как какого-то демона, и у меня до сих пор хранится маленький томик избранных отрывков из Байрона, подаренный мне в детстве...» [88]

Интересно, что именно споры и расхождения Блудова с Нессельроде по греческому вопросу повлияли на решение первого выйти в отставку из ведомства Министерства иностранных дел; это лишний раз доказывает непопулярность внешней политики, проводившейся Нессельроде, не только в самых разнообразных русских общественных кругах, но даже среди чиновников его ведомства. Биограф Блудова Е. П. Ковалевский также замечает по этому поводу: «Напрасно некоторые правительства упорствовали и признавали греков за бунтовщиков; общественное мнение называло их героями; в то время имя Байрона, как защитника Греции, было громче и славнее, чем поэта, и возбуждало всеобщий энтузиазм. Блудов ⟨...⟩ часто толковал о них ⟨греках⟩...» [89]

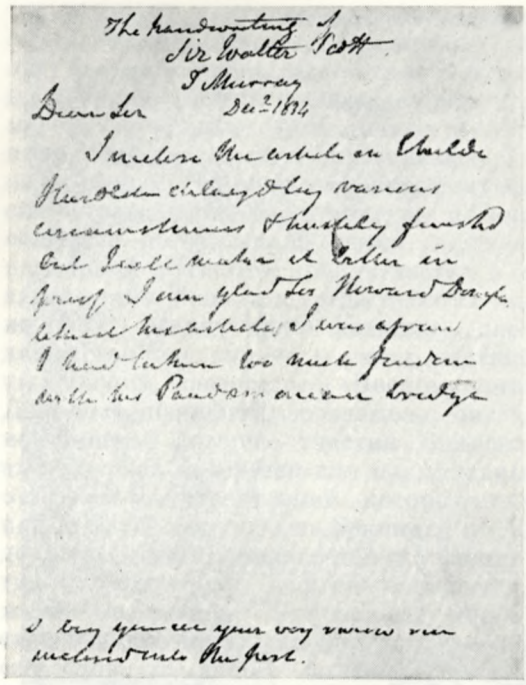
Главе министерства Нессельроде не было никакого дела ни до «священного огня», ни до «великих деятелей литературы», ни до литературы вообще. Его отношение к Пушкину, которым он нимало не интересовался в тот период, когда являлся его непосредственным начальником, это вполне подтверждает. Байроном его заставляли интересоваться обстоятельства; поэтому, по крайней мере с помощью своих услужливых представителей, посылавших

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД ГАРОЛЬДА. ТРЕЗИМЕНТСКОЕ ОЗЕРО
Рисунок пером В. А. Жуковского
Русский музей, Ленинград

ему подробные донесения о Байроне из Греции и Турции, Нессельроде мог довольно подробно познакомиться со всеми важнейшими фактами его политической биографии за последние полтора года его жизни.

6. Смерть Байрона в Миссолунги.— Отклики в России на гибель Байрона в периодической печати и в стихотворениях русских поэтов.— Легенды о Байроне в петербургских гостиных 20-х годов.— П. А. Вяземский, Стратфорд-Каннинг и Аделаида Форбс.— «Гяур» и «Три испанца» Уокера

Отъезд Байрона в Грецию состоялся 15 июля 1823 г. Продав свою яхту, он нанял английский бриг «Геркулес», которым командовал капитан Скотт, и двинулся в путь в обществе Пьетро Гамбы, Трелоуни, специально приглашенного врача-итальянца д-ра Бруно, восьми слуг и небольшой корабельной команды. Еще в Пизе Байрон получил от находившегося там греческого архиепископа г. Арты рекомендательное письмо к главарям греческого движения — Маврокордато и Марко Боццарису. В Ливорно на борт «Геркулеса» взяты были два грека и шотландец Hamilton Browne, хорошо знавший Грецию и имевший там большие связи [90]. Именно он настоял на том, чтобы путешественники направились не на остров Занте, как предполагалось сначала, но в соседнюю Кефалонию, где английским резидентом был в то время полковник Charles James Napier (1782—1853), друг греков и неизменный заступник за них; от него можно было ожидать существенной помощи всему предприятию. 2 августа 1823 г. с «Геркулеса» увидели очертания островов Кефалонии и Занте, и на следующее утро бриг бросил якорь в Аргостоли, главной кефалонской гавани. Секретарь английского рези-



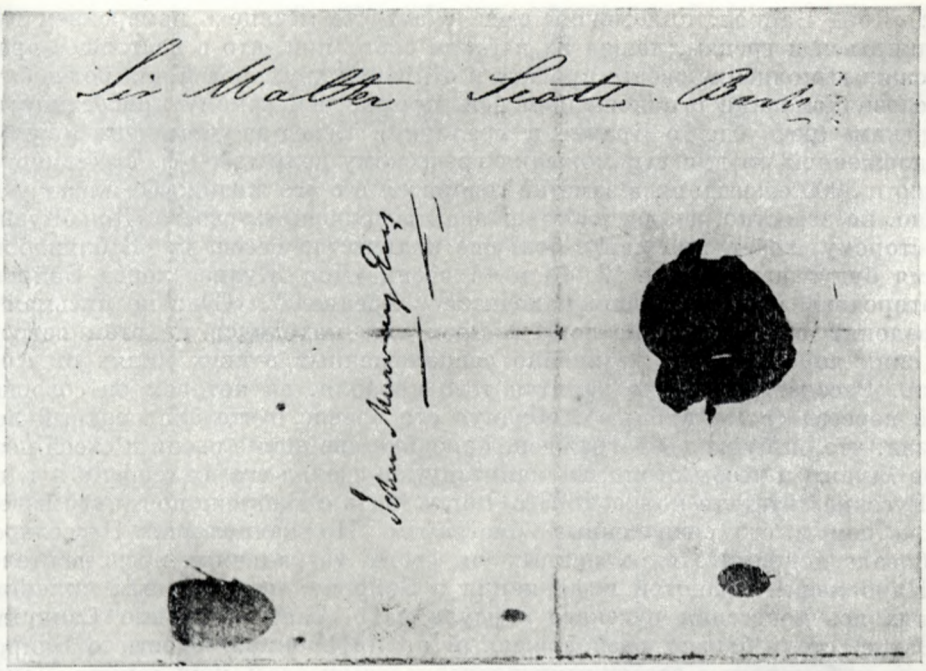
ПИСЬМО ВАЛЬТЕРА СКОТТА
К ДЖОНУ МЕРРЕЮ

Подлинность автографа удостоверена Мерреем в декабре 1834

Публичная библиотека, Ленинград

дента, Кеннеди, явился приветствовать Байрона с прибытием его на Ионические острова и от имени отсутствующего полковника Непира заверить прибывших, что им будет оказано гостеприимство и всяческая поддержка в будущих предприятиях. Прочие его вести были, однако, для Байрона малоутешительными. Кеннеди сообщил, что уполномоченный Лондонского греческого комитета Блекьер уже отправился в Корфу (откуда он вскоре же возвратился в Англию) и что, таким образом, условленная встреча его с Байроном откладывалась на неопределенное время. Благодаря этому увеличивалась трудность получения достоверных сведений об истинном положении греческих дел и о наиболее целесообразной помощи, которую Байрон намеревался оказать повстанцам. Байрон тотчас же послал гонцов: в Корфу — к Блекьеру и в Миссолунги — к Марко Боццарису; первый не нашел Блекьера, который уже уехал, не оставив для Байрона даже письма; второй привез послание Боццарису обратно вместе с известием о его героической смерти в бою. Неопределенность положения, таким образом, еще больше увеличивалась, и Байрону оставалось занять выжидательное положение до получения новых данных. Спутники Байрона, Гамильтон Браун и Трелоуни, посланы были с письмами к греческим правителям, если таковых удалось бы им найти; пока они ездили в Триполицу, Аргос, Навплию, Коринф, Саламин и Идру, Байрон оставался в Аргостоли; месяц жил он на борту «Геркулеса», затем нанял для себя, графа Гамбы и д-ра Бруно помещение в небольшом селении в двух часах езды от Аргостоли и оставался там до 27 декабря, ожидая известий и не зная, на что решиться.

Переписка Байрона с виднейшими греческими деятелями все это время шла непрерывно. Граф Метакса настойчиво приглашал его в Миссолунги, но этот город, который должен был сделаться важнейшей операционной базой для освобождения Западной Греции, еще был осажден турками с моря и с суши. Байрон ожидал помощи Миссолунги от греческого флота и предлагал авансировать это предприятие суммой в 4000 фунтов стерлингов; кроме того, он потребовал, чтобы греки установили между собой единение и порядок, прежде чем он окажет им помощь. Миссия Гамильтона Брауна и Трелоуни не привела ни к каким результатам. Браун вступил в переговоры с греческими уполномоченными, но вскоре отплыл в Англию с рекомендательными письмами Байрона; Трелоуни присоединился в Афинах к одному из греческих вождей, Одиссею, на младшей сестре которого он вскоре женился; Байрона он вновь увидел только в гробу. Лишь приезд в Кефалонию в середине ноября полковника Лейстера Стенопа, человека решительного, энергичного и глубоко преданного греческому делу, возбудил у Байрона некоторые надежды; кончился период томительного выжидания и неопределенности, и он готов был броситься в любую военную авантюру. Когда вскоре после этого греческий флот одержал серьезную победу над турками



ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ПИСЬМА ВАЛЬТЕРА СКОТТА К ДЖОНУ МЕРРЕЮ
Публичная библиотека. Ленинград

и снята была блокада Миссолунги, Байрон вошел в тесные отношения с Маврокордато, приглашавшим его в этот город для обсуждения дальнейших мероприятий. Это приглашение Байрон решил принять: с одной стороны, «англоман» и «европеец» Маврокордато был одним из тех греческих вождей, союз с которыми Байрон признавал для себя наиболее целесообразным и полезным для дела; с другой стороны, Байрон прекрасно понимал важное в стратегическом смысле и удобное для него самого положение Миссолунги: захват этого города турками предоставил бы в их руки всю Морею; в то же время Миссолунги не только господствовал над входом в залив Лепанто, но и находился вблизи Ионических островов и поэтому представлял самую легкую и надежную связь с Англией и остальной Европой. Так решился его отъезд в Миссолунги, состоявшийся 28 декабря 1823 г.

Пока Байрон жил в Кефалонии, выжидая более благоприятного времени для действий, европейская, в том числе и русская, печать пробавлялась разными слухами о нем. «Сын отечества» печатал, например, такую заметку: «Лорд Бейрон живет на острове Цефалонии. Он предложил грекам значительные денежные вспоможения...» [91], или отмечал: «Из Цефалонии пишут от 16 сентября: недель за шесть пред сим прибыл сюда лорд Бейрон в намерении отправиться к грекам и служить им своею особою и имуществом. Он объявил готовность свою сделать им единовременное приношение в 5000 ф. ст. (120 000 р.) и ежегодно жертвовать по 3000 ф. ст. (72 000); но, по причине несогласий между тамошними начальниками, не решился еще сам туда ехать» [92]. Осведомленный петербургский «Conservateur Impartial» уделил Байрону еще больше внимания. Здесь сообщали о трех касках с гербом Байрона, заказанных им в Генуе перед отплытием в Грецию [93]; известие из Венеции, напечатанное в номере от 25 сентября, сообщало о прибытии в Кефалонию [94], другие сведения о том же, перепечатанные из французских и английских газет на основании писем, полученных с о. Корфу, прибавляли новые подробности [95]; заметка в номере от 27 ноября давала вполне точные сведения о нем в выписке из письма, отправленного из Кефалонии в Лон-

дон: «Лорд Байрон, прибывший сюда в августе месяце с намерением присоединиться к грекам, нашел их в таком состоянии, что в настоящее время отложил выполнение своего проекта и отправил двух людей для более близкого ознакомления с положением дел, прежде чем самому присоединиться к грекам» (речь идет о Брауне и Трелоуни). Вслед за упоминанием суммы, предложенной им для вспоможения греческому делу (5000 ф. ст. единовременно и 3000 ежегодно), в заметке говорится и о его жизни: «Он живет уединенно, но известно, что он работает над продолжением своего «Дон Жуана», к которому хочет прибавить большое количество песен» [96]. «В ближайшее время будут напечатаны 12, 13 и 14 песни «Дон Жуана» лорда Байрона. Благородный поэт все время находится в Греции» [97]. «Судя по письмам из Кефалонии от 18 ноября, лорд Байрон еще находился на этом острове. Он снял хороший дом, уединенно расположенный в двух милях от Аргостоли. Рассказывают, что капитан того корабля, на котором он совершил свой переезд ⟨в Кефалонию⟩, обманул его в цене и что благородный лорд сказал, что он будет вознагражден, прибавив две новые песни к своей поэме «Дон Жуан», и чтобы отомстить капитану, он сделал его их героем» и т. д. [98]

Русские читатели конца 1823 г. могли знать о Байроне почти все известное о нем и его современным биографам. Но канцелярия Нессельроде требовала дополнительных данных от своих заграничных представителей.

Наибольшей полнотой информации о Байроне, по понятным причинам, отличались донесения русского консула на о. Занте, Антонио Сандрини. В Занте, столь близко расположенный от Кефалонии, новости о Байроне доходили быстро и с особенными подробностями; здесь жил банкир Чарльз Хенкок (Hancock), через контору которого Байрон производил все свои финансовые операции [99]; здесь находился также ряд англичан, с которыми Байрон вел переписку; укажем, например, на F. Storer'a; интересные письма к нему Байрона из Миссолунги известны нам в отрывках, но не входят в собрание его писем [100]. В одном из писем, отправленном с дороги на театр военных действий, Байрон, между прочим, писал: «Мы не сходили на берег в Занте, так как не хотели терять времени: но сэр Фредерик Стивен приезжал приглашать меня и пр., и все относились к нам так доброжелательно, как только возможно...» Поэтому русский консул Сандрини без особого труда мог всегда иметь свежие новости о Байроне, по крайней мере, в период его жизни в Кефалонии. Он не сообщал о них в Петербург лишь до тех пор, пока известия подобного рода не имели в его планах политического значения, но лишь только ему стало известно, как Байрон реагировал на победу греков над турецким флотом, он немедленно послал об этом рапорт в Петербург, включив в него также ряд других сведений об англо-греческих симпатиях и отношениях и ближайших перспективах их совместных выступлений. В донесении к Нессельроде от 11/23 ноября 1823 г., рассказав о морской победе греков над турками, Сандрини сообщал: «Лорд Байрон, в течение трех месяцев ожидавший лишь ясного дня, чтобы отправиться в Пелопоннес, после этих потрясающих известий нашел своевременным осуществить свою миссию подле греческого правительства. Общественное мнение полагает, что он получил поручение передать ему ⟨греческому правительству⟩ сумму денег, которая, говорят, простирается до 800 000 талеров (talaris). Ему предшествовал Блекер ⟨Blacker, т. е. Блекьер — Blacquiere⟩, который имел в своем сообществе юного грека из виднейшей морейской семьи ⟨Луриатис⟩, происходящего из той же столицы. Контрадмирал сэр Грэхем Мур ⟨Graham Moore⟩ устраивает свою стоянку то в Навплии ⟨Napoli di Romenie⟩, то в Идре, близко связанной дружбой с Ниавулисом ⟨Niavulis⟩, которого таланты и храбрость привлекли к нему уважение и почет всех жителей Греции» [101]. В следующем донесении, от 1/13 декабря 1823 г., сообщив о том, что четырнадцать греческих судов, возглавляемых Маврокордато, направились в Миссолунги и Патрас, Сандрини писал в Петербург: «Появление этой морской силы тотчас привело в деятельность лорда Стейнгопа и сына Петробея [102] из Микси, о которых я писал в своем предшествующем рапорте. Они

ПЕЙЗАЖ В АЛЬБАНО
Рисунок пером В. А. Жуковского
Публичная библиотека, Ленинград

наняли две местных барки; первый отправился в Миссолунги, другой — в Пиргос в Морее. Четыре молодых человека приехали сюда позавчера, и сегодня они отправились в Миссолунги. Они сохраняли инкогнито, но если судить по их внешности, а также по их экипировке, они должны принадлежать к наиболее именитым семействам Англии. Лорд Байрон еще находится в Кефалонии; однако он все время непрерывно находится в переписке с приматами Эпира и Пелопоннеса. Кажется, что он в этих местах является главноуполномоченным филэллинистического комитета, так как именно оттуда явились все эти проповедники, которые в своих частных беседах с греками этих островов говорили такие речи, целью которых было возбуждать умы против России. По-видимому, остров Занте определен как центральное место для переписки, относящейся к этим операциям. Здесь уже существует некоторая сумма денег для употребления на эту надобность; в настоящее время сюда пересылают письма, предназначаемые для Лондона и других мест» [103].

Два последующие донесения Сандрини имели уже ближайшее отношение к переезду Байрона из Кефалонии в Миссолунги. 9/21 декабря 1823 г. Сандрини писал Нессельроде: «Один из кораблей греческой эскадры, который ушел отсюда 28 ноября, поспешно отправился на остров Кефалонию и взял на борт лорда Байрона, которого он переправил в Миссолунги, где князь Маврокордато был принят с кликами восторга (avec de grandes acclamations). Таким образом, Миссолунги скоро сделается местом свидания всех миссионеров, отправленных в Грецию лондонским филэллинистическим комитетом. Говорят, что здесь состоится государственный совет главнейших вождей западной Ромелии и Пелопоннеса с посредничеством этих иностранцев и что целью его является углубить формы посредничества, которые будут сообщены этими последними от имени комитета новой организации возрож-

дающейся Греции» [104]. В донесении от 9/21 декабря Сандрини сообщал Нессельроде: «...один ионийский корабль, вышедший отсюда в Миссолунги, был взят в плен <...> турецкими кораблями. На борту его находились повозки и лошади лорда Байрона, добрых двенадцать тысяч пиастров, оборудованная типография, порох для пушек и свинец. Там же находились еще сабли, ружья и боевые припасы, которые должны были служить для формирования пехотного полка под наблюдением исключительно полковника Стейнгопа. Это происшествие, случившееся благодаря раздорам греков, должно было бы дать повод к настоящему беспорядку в мероприятиях, намеченных посланниками лондонского филэллинистического комитета, собравшимися в Лондоне, где они силятся придать греческим делам политическую организацию. Но несмотря на их заботы, нет никакой вероятности в том, что греки Пелопоннеса хотят выйти на верный путь: видно, напротив, что гражданская война вновь разгорелась и гораздо более разрушительным образом, чем прежде» [105].

Описанное происшествие — взятие в плен корабля, направлявшегося в Миссолунги, на борту которого находилось имущество Байрона,— действительно имело место; оно еще долго занимало внимание русских дипломатических представителей. Дополнительные подробности обо всей этой истории Сандрини сообщил в Петербург 5/17 января 1824 г., в середине февраля об этом доносил Нессельроде поверенный в делах русского правительства в Константинополе, М. Минчиаки, представив в наилучшем свете великодушие, проявленное при освобождении этого корабля турецким начальством [106]. Донесение Сандрини богаче фактами, но в общем они совпадают с теми, которые нам известны из писем самого Байрона, рассказа Пьетро Гамбы и других источников. Корабль назывался «Бомбард» и на нем находились Гамба, все припасы, присланные комитетом бумаги, много денег. О том, как произошел захват его турецким фрегатом, Байрон писал Мьюру из Драгомести: «Я не знаю, может ли задержание Бомбарда (если он в самом деле задержан, а в этом я ручаться не могу и сужу только по видимости и по словам других) заинтересовать правительство в связи с вопросом о нейтралитете и пр. Но судно это было остановлено, по крайней мере, в двенадцати милях расстояния от какого-либо порта, и все судовые документы были в полном порядке, показывая его назначение из Занте в Каламо, как и у нас».

Вскоре, однако, Байрон узнал, что дело обошлось вполне благополучно. 13 января 1824 г. он писал об этом Чарльзу Хенкоку в Занте: «Вы, вероятно, слышали, что Гамба и мое судно избавились от турецкого захвата целыми и невредимыми; никто не знает в точности, как и почему это случилось; в этой истории есть тайна, до некоторой степени мелодраматическая. Капитан Вальсамаки, как слышно, успел за это время выдумать длинную историю в Аргостоли». Впоследствии выяснилось, что благополучная развязка действительно имела «мелодраматическое» основание: в капитане байроновского корабля турецкий командир узнал того, кто однажды спас его жизнь на Черном море [107]. Минчиаки, пользуясь турецкими сообщениями, представил это происшествие в следующем виде: «Судно под английским флагом, приняв на борт в Кефалонии лошадей, оружие и десять тысяч талеров, принадлежащих лорду Байрону, было задержано у Патраса турецкими крейсерами. Хотя оно было снабжено документами на Триест, однако настоящим его назначением были Миссолонги. Несмотря на это последнее обстоятельство, Юсуф-паша патрасский, считая груз английской собственностью, распорядился возвратить его лорду Байрону» [108].

Сообщение Сандрини ближе к рассказу самого Байрона и, кроме того, приводит несколько новых подробностей, в частности, о той типографии, которая находилась на борту «Бомбарда». Он пишет: «Ионийский корабль, взятый в плен турками на пути своем отсюда в Миссолунги (см. донесение № 128), был освобожден с соблюдением неприкосновенности груза, на нем

находившегося. Либо по неведению, либо из робости они ‹турки› уступили утверждению капитана, им управлявшего, что путь его лежал на остров Каламо и что как военное снаряжение, так и деньги принадлежали британскому гарнизону, там находящемуся ‹...› В Миссолунги, однако, не выгрузили типографию, которая также находилась на борту названного корабля; она выпустила извещение, в котором обещано издавать периодический листок, названный греческой хроникой («Les annales de la Grèce»). До нас дошли два его номера, которые я спешу доставить Вашему сиятельству, т. к. заключающиеся в них факты достойны рассмотрения, в особенности же та их часть, которая относится к обращению к греческому народу лорда Байрона. Этот последний, так же как и его товарищи, находится в настоящее время в Миссолунги в разгаре деятельности.

А. МАВРОКОРДАТО
Гравюра по рисунку с натуры Богге
Музей изобразительных искусств, Москва

Они приняли участие в заседании Государственного совета, который держали между собой вожди различных провинций Ромелии, но на котором отсутствовали все приматы Мореи, и после окончания заседаний князь Мавpокордато был провозглашен главным начальником по делам Западной Греции (Directeur général des affaires). Утверждают, что предметом обсуждения на совещании было не это, но что там обсуждался также вопрос о предоставлении Ромелии образа правления, отдельного от Пелопоннеса» [109].

В делах петербургской канцелярии Нессельроде сохранились также комплекты (с пропусками) тех газет, которые с помощью Байрона и Стейнгопа издавались на греческом и итальянском языках. Газета «Эллинская Хроника» («ΗΕΛΛΕΝΙΚΑ ΧΡΟΝΙΚΑ»), которую Сандрини имел в виду, выходила в Миссолунги с 1 января 1824 г.; издателем ее (по февраль 1826 г.) был швейцарец д-р Мейер, ранее (с 1822 г.) державший аптеку в этом городе [110]. Это издание чрезвычайно редкое; Британский музей, например, располагает лишь номерами, вышедшими в 1825 г., после смерти Байрона [111]. Что касается параллельного итальянского издания, то оно называлось «Греческим телеграфом» («Telegrafo greco»); комплект его за 1824—1825 гг. найден был в 1898 г. в Римском государственном архиве редактором журнала «Vita Italiana», который и перепечатал оттуда известия о Байроне [112]. В этих газетах и помещено было то обращение Байрона к греческому народу, на которое Сандрини обращал особое внимание Нессельроде.

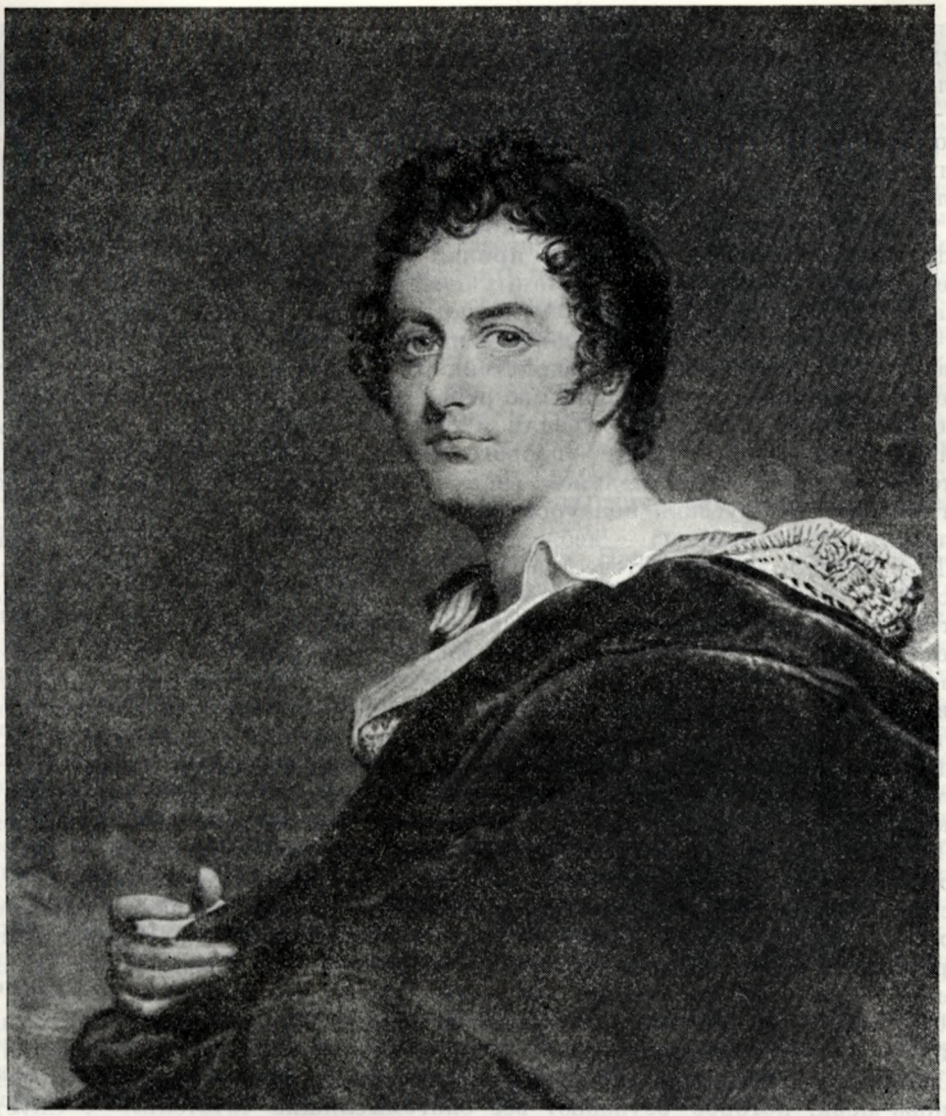
В то самое время, когда Сандрини извещал Петербург о состоявшемся в Миссолунги совещании греческих вождей и посылал текст обращения Байрона к греческому народу, австрийский посланник при русском дворе, граф Лебцельтерн, препроводил Нессельроде только что полученное им письмо от Меттерниха, в котором, между прочим, речь шла и о Байроне. Это письмо еще не было опубликовано.

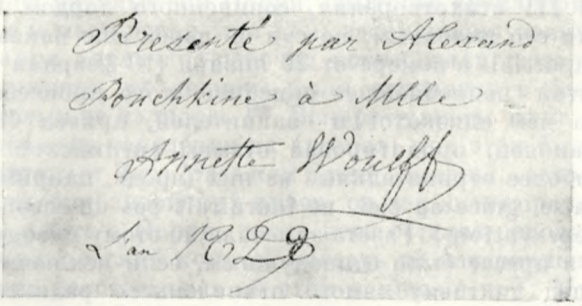
Переписка с Фридрихом Гентцем таких дипломатов, как Лебцельтерн, английский посол в Константинополе, лорд Стренгфорд и сам Меттерних, не оставляет сомнения в том, с каким все возраставшим недовольством следили они в начале 20-х годов за деятельным участием английских «либералов» в греко-турецкой войне. Стренгфорд, например, писал Гентцу: «Необходимо выяснить английским либералам, в какое положение они поставили меня и чему подвергаются от непостижимого их безумия и английское влияние, и влияние союзников в Константинополе, и, может быть, мир и благополучие целого света... Когда конец всему этому? На чем остановится английский либерализм? Разве на развалинах всего, что дорого и священно!» Лебцельтерн тогда же писал тому же Гентцу, бывшему его другом, что он совершенно согласен с ним относительно греков: по его мнению, это — «адское племя (race infernale) лжецов, хвастунов, разбойников».

Впрочем, все эти дипломаты полагали, что до греков, в сущности, никому не было дела, но что филэллинистическое движение — всего лишь «предлог агитации, неисчерпаемый источник политических интриг... и нападок на правительство» [113]. Меттерних думал то же самое: известно, с каким ужасом и негодованием он отзывался об идее Александра I созвать в 1824 г. специальное совещание держав для устройства судьбы Греции. Роль Байрона в греческих делах также приводила его в сильное раздражение. Его переписка по поводу английского свободолюбивого поэта с представителями австрийской полиции опубликована [114] и не оставляет сомнений в том, каким угрожающим считал Меттерних распространяющееся влияние и популярность Байрона у себя на родине.

Нижеследующий документ, заимствованный из русского дипломатического архива, целиком примыкает к этой переписке и вносит в нее дополнительный штрих. Вот что писал Меттерних 19 января 1824 г. гр. Лебцельтерну из Вены в Петербург: «Я счел бы настоящим благодеянием, если бы граф Нессельроде захотел бы однажды сообщить г. Bagot ⟨британскому поверенному в делах в Петербурге⟩ удивление по поводу терпимости, какую проявляют власти Ионических островов к пребыванию Байрона и его приспешников в Кефалонии. Одно слово представителя кабинета в России произведет большее действие на английское правительство (celui de St. James), чем все представления, которые я позволил бы им сделать. Какое добро может проистекать от того, что люди, испорченные (les hommes tarés) со всех точек зрения морали и политики, оказывают влияние на восставшие страны? Разве не ясна цель этих людей. Находясь под тяжестью смертельных ударов, которые в продолжение последних лет были нанесены политическим фракциям, они стараются создать укрепление, в котором могли бы питать священный огонь восставших, самые отвратительные заговоры и козни. Такое укрепление они надеются найти в Греции. Они предаются расчету, положительно абсурдному, но это их ни за что не остановит, между тем как их ежедневная деятельность ослабляет благодеяния, которыми монархи питают эти самые народы; их деятельность способствует порабощению и обеспечивает потери. Я думаю, граф, что я не могу высказать более чистосердечного филантропического пожелания, чем то, которое я прошу, со своей стороны, выразить графу Нессельроде» [115].

Трудно переоценить значение этого любопытного документа. Не надеясь на свое влияние на английское правительство, в особенности на либеральное Министерство иностранных дел во главе с Каннингом, резко враждебным международной политике «Священного союза», Меттерних прибегал за помощью к русскому кабинету, ожидая, что через его посредство он сможет оказать воздействие на английское правительство, чтобы хоть несколько парализовать явное попустительство английским «инсургентам», присутствие которых в греческих рядах казалось ему угрожающим. Характерно, что обвинения, выдвигавшиеся им против этих партизан филэллинистического движения, были старые: то же самое говорилось на Веронском конгрессе, вызвавшем уничтожающую сатиру Байрона. «Отвратительные заговоры» и





БАЙРОН

(Портрет, подаренный Пушкиным А. Н. Вульф
Дом-музей А. С. Пушкина в селе Михайловском

козни, ниспровержение трона, неуважение к высшей власти, стремление создать новые укрепления для той же революционной деятельности, которая силами «Священного союза» была подавлена в Испании, Неаполе и Пьемонте,— вот что, прежде всего, видел Меттерних в лагере борющихся греков, всю опасность олицетворяя, главным образом, в лице Байрона, главаря этих hommes tarés, скверная репутация которых «со всех точек зрения морали и политики» казалась ему неоспоримой.

Лебцельтерн тотчас же прислал копию этого письма Меттерниха Нессельроде, и тот, вероятно, не только принял его к сведению, но, может быть, предпринял некоторые шаги, которых ожидал от него австрийский канцлер. Ясно было одно: политическая активность Байрона грозила международными осложнениями, требовала дипломатического вмешательства, становилась опасной для общественного спокойствия. В частности, надо было положить предел восторженному преклонению перед ним в кругах русских читателей. Смелого борца, принесшего грекам и свое состояние, и свой поэтический талант, и весь свой авторитет «первого поэта», нужно было представить читателям в самом отрицательном свете. Этим объясняется — несмотря на организованный русской цензурой «заговор молчания» относительно политических стихов Байрона — неожиданное появление в «Conservateur Impartial», а затем и в «Сыне Отечества», посреди прочих известий о его деятельности в Греции, целой серии специальных заметок об одной из наиболее острых политических сатир Байрона, его «Видении суда» («The Vision of Judgement»). Все они подчеркивают «неблагонамеренность» поэта и свойственный ему мятежный дух. В «Сыне отечества», обычно почти дословно повторявшем формулировки официозного «Conservateur», в «Письмах из Лондона» писали об этом так: «Лорд Байрон сделался журналистом. Он издал в октябре (1822 г.) первый нумер журнала «Либерал». Самая оригинальная статья оного есть поэма «Видение Страшного суда», написанная, как видно, для осмеяния поэмы, изданной под тем же заглавием г. Сутеем, по смерти Георгия III, в честь сего монарха, но весьма неудачной. В стихотворении лорда Байрона находим его ум, веселость, воображение и поэтический талант; но, к сожалению, господствует в оном прежний характер своевольства и безверия, видны всегдашние его правила безначалия и непокорности. Кто не пожалеет, что автор, одаренный от природы всеми талантами в превосходной степени, не умеет лучше пользоваться оными!» [116]. «Лорд Бейрон потребован в Англии к суду за оскорбление памяти покойного короля в одном печатном сочинении. При всей свободе тиснения в Англии, ни в одном журнале не берутся защищать сего произведения Бейронова пера, которое осуждают все благомыслящие читатели» [117]. Спустя несколько месяцев: «В Лондоне предан был суду книгопродавец <!> Гунт за напечатание в журнале *Liberal* оскорбительного для памяти покойного короля Георгия III стихотворения, сочиненного лордом Бейроном. Присяжные объявили его виновным, но суд не изрек еще наказания» [118] и т. д. «Conservateur Impartial» в номере от 29 января (10 февраля н. с.) 1824 г. не случайно поместил подробнейшее описание этого процесса, назвал имена выступавших на нем адвокатов и обвинителей, привел большие отрывки из их речей, наконец, процитировал отзывы английской печати, избрав, естественно, наиболее отрицательные из них (вроде, например, следующего: «La langue anglaise, grâce au ciel, ne fournirait pas un second exemple d'une aussi infernale dépravation»). Газета замечала по этому поводу, что осуждение поэмы Байрона в прессе было единодушным, если исключить отсюда «газеты, писанные под диктовку самого отъявленного радикализма» [119]. Само собой разумеется, что эта поэма Байрона тотчас же была зачислена в индекс его произведений, запрещенных к обращению в России.

Так направлялось русским Министерством иностранных дел общественное мнение о Байроне — подбором специальных известий о нем, особым освещением фактов, редакционными комментариями к ним. Характерно, что материал для перепечаток чаще всего брался из таких изданий, как

«L'Observateur Autrichien» и константинопольских корреспонденций в этой газете меттерниховской ориентации. Зачем, например, понадобилось в номере от 8/20 апреля 1824 г., т. е. накануне смерти Байрона, перепечатать в «Conservateur» подробнейшую корреспонденцию из «L'Observateur Autrichien» с рассказом о переезде Байрона из Кефалонии в Миссолунги и, в особенности, о пресловутом освобождении корабля «Бомбард»? Прошло ведь уже четыре месяца со времени этого события, и вся эта история была уже хорошо известна. Австрийская газета, а за нею и петербургский «Conservateur», однако, старались представить дело так, что будто бы сами греки восстановлены против тех англичан, которые навязывают им свою поддержку, и что, например, Маврокордато «потерял многое в своем личном авторитете, потому что его рассматривают, как явного покровителя английских волонтеров» [120]. По этой причине все затруднения и неудачи Байрона, Стейнгопа и их английских товарищей в греческом лагере обсуждались и комментировались особенно охотно. Примером может послужить происшествие в арсенале Миссолунги, весьма подробно описанное в «Conservateur» (1824, № 35), отчасти, быть может, и на основании секретных донесений, полученных в Петербурге.

Сандрини в своем секретном рапорте к Нессельроде, датированном «о. Занте, 17—29 февраля 1824 г.», сообщал: «На кораблях под английским флагом в Миссолунги непрерывно получают боевые припасы всех родов и деньги. Но тем не менее оказываемые грекам благодеяния не только не вызывают их признательности, но, наоборот, возбуждают в них чувство зависти к активной части лондонского филэллинского комитета и к их действиям. Отсюда — раздоры, посеянные вплоть до Миссолунги. Предположения, что их ‹греков› судьба соединена с судьбой Парги и Ионических островов, породили неповиновение и недовольство. Несмотря на строгий приказ, данный князем Маврокордато, один сулиот хотел силой проникнуть в арсенал и, встретив сопротивление со стороны стражи и караульного офицера, ответил на него выстрелом из пистолета, отнявшим жизнь у этого офицера. Этот несчастный был немец и удостоен был на своей родине чина капитана. Покушение этого рода произвело на Байрона такое впечатление, что это вызвало у него жестокие конвульсии, заставившие отчаиваться в его спасении» [121].

Все рассказанное Сандрини соответствует действительности: это печальное происшествие хорошо известно нам из многих источников. Говоря о том, что в Миссолунги на английских кораблях непрерывно доставляется вооружение, Сандрини имел в виду прибытие в Миссолунги 5 февраля Вильяма Парри с посланными лондонским комитетом боевыми припасами — двумя горными гаубицами и 61 бочкой пороха. Тотчас же в так называемом «Старом серале» под начальством Парри, опытного артиллериста, были организованы арсенал и мастерская при нем; затруднения начались с того, что приехавшие с Парри англичане-рабочие потребовали расчета на том основании, что по договору их должны были отправить в безопасное место, а Миссолунги таковым не являлось [122]. Вскоре сулиоты из-за личных споров действительно устроили нападение на арсенал; при этом был убит караульный офицер — лейтенант Засс (Sass или Sasse), бывший, однако, не немцем, а шведом. Родом из прибалтийских краев, он вел авантюрную жизнь и приехал из Лондона вместе с Парри; после него осталась вдова в г. Мальме, и Байрон просил лондонский комитет оказать ей материальную поддержку.

Сам Байрон так рассказывает об этом в письме к Т. Муру от 4 марта 1824 г.: «Что касается общественных дел, то рекомендую Вам прочитать отчеты полковника Стенопа и капитана Парри и всякие прочие отчеты. Дела по горло — кругом война, внутри смута и что ни неделя, то кого-нибудь убивают, как у Боба Акра в деревне ‹(«Жиль Блас», кн. IV, гл. 4)›. После того, как между туземцами и иностранцами произошла стычка и был убит один швед, а один сулиот ранен, артиллеристы Парри панически бежали. В самый разгар драки случилось еще сильное землетрясение. Очутив-

шись между этим бедствием и палашом, они обратились в бегство, несмотря на все наши попытки уговорить их...»

Байрон умалчивает о впечатлении, которое вся эта сцена произвела на него самого, но об этом мы знаем из рассказа Стенопа. Он указывает, что все эти события произошли незадолго до того, как намечена была возглавляемая английскими начальниками экспедиция сулиотских отрядов для атаки Лепанта. С отъездом английских техников, а также в связи с волнениями среди сулиотов (которых будто бы возбуждали эмиссары соперника Маврокордато — Колокотрони) экспедиция откладывалась или становилась даже вовсе неосуществимой. Этого удара Байрон вынести не мог: с ним сделались страшные судороги. Врачи поставили пиявки, но так неудачно, что из артерии брызнула кровь, и Байрон впал в глубокий обморок. Едва он успел прийти в себя, как в комнату, где он лежал, ворвалась пьяная вооруженная толпа сулиотов, требовавших денег. Байрон проявил твердость характера и одержал над ними верх. «Это была картина, поразительная по своему величию,— пишет об этом Стеноп и прибавляет: — невозможно передать словами хладнокровия и великодушия Байрона в минуты испытания... Тут проявлялось все величие его благородной души. Нет и не было человека более твердого в минуты опасности» [123].

Уже в донесении Сандрини пересказ этих событий имел вполне определенную тенденцию. Раздоры между сулиотами он хотел представить как следствие их «зависти» и недоброжелательства по отношению к англичанам; по его мнению, греки в военных приготовлениях англичан подозревали возможность вооруженного захвата их страны на манер Ионических островов, с 1815 г. преобразованных в самостоятельное государство под протекторатом Англии. «Conservateur Impartial» посвятил этому эпизоду две заметки в №№ 33 и 35, от 22 и 29 апреля 1824 г., заимствуя их, как обычно, из того же австрийского официоза («L'Observateur Autrichien»), где они были напечатаны среди новостей, полученных из *Константинополя*. Вторая из этих заметок упоминала и о «жестоких конвульсиях» Байрона, «которые заставили тревожиться за его жизнь». К ней «Conservateur» делает любопытное примечание: «Все упомянутые обстоятельства точно совпадают с содержанием полученных нами сообщений с Корфу, Занте и т. д. Согласно статье в «Journal des Débats», лорд Байрон примерно в это время совершил путешествие в Триполицу, восстановил мир между всеми партиями, примирил с ними Колокотрони, склонил его к эвакуации Навплии и совершил большое количество подвигов: «Его путешествие,— говорится там,— было настоящим триумфом поэта Эллады». Наши корреспонденты не говорят ни одного слова обо всех этих приключениях; насколько нам известно, лорд Байрон, со времени своего прибытия в Миссолунги, никуда оттуда не отлучался» [123].

Нельзя не почувствовать иронический холодок, которым проникнута эта редакционная заметка, тонко высмеивающая восторженный тон французских газетных вымыслов о Байроне ссылкой на «наши сообщения», полученные с Корфу, Занте и т. д., т. е., по-видимому, на дипломатические донесения, в частности, того же Сандрини. Задача подобных газетных сообщений заключалась именно в том, чтобы незаметно, искусно, постепенно лишать Байрона того героического ореола, которым он был окружен,— в частности, в русском обществе; под предлогом получения достоверных известий рассказывать о затруднениях, какие встречала его миссия у греков, осторожно намекать на неправомочность его действий и на проистекающие отсюда дипломатические затруднения между державами. Эта заметка «Conservateur» была полностью перепечатана также в «Journal des Débats» [124].

Тот же характер имели газетные заметки о греческом займе, осуществленном, как известно, с помощью Байрона (об этом займе в Петербург сообщали Сандрини — с о. Занте, Минчиаки — из Константинополя) [125], слухи о неподтвердившихся военных экспедициях Байрона против турок у Лепанта, о возмущении сулиотов и недовольстве греков англичанами и

ВЫБОРЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

ЛОРДА БЕЙРОНА,

переведенныхъ съ Французскаго.

Издалъ

М. Каченовскій.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1821.

«ВЫБОР ИЗ СОЧИНЕНИЙ ЛОРДА БЕЙРОНА». М., 1821
Титульный лист
Институт русской литературы, Ленинград

ИЛЛЮСТРАЦИЯ И. ФРИДРИЦА К «ПАРИЗИНЕ» БАЙРОНА. СПб., 1827
Институт русской литературы, Ленинград

т. д. [126] Даже в «Сын отечества» проникло сообщение о распространившемся в Лондоне ложном слухе, будто Байрон ранен в шею сулиотом [127].

Еще в «Conservateur» и других русских периодических изданиях шло обсуждение тех или иных новостей о Байроне с театра военных действий, еще в канцелярии Нессельроде подшивались к делам донесения о нем дипломатов на русской службе, в том числе и запоздалые рапорты Минчиаки из Турции, а Байрон был уже мертв.

Известие о его смерти дошло до Петербурга с большим опозданием. Еще 6/18 мая 1824 г. в «Conservateur» писали о Байроне, ссылаясь на лондонские источники, что этот «бард-филэллин принимает деятельнейшее участие в греческих делах» [128]. В номере от 20 мая (1 июня), на основании сообщения венецианской газеты, передавался слух о смерти Байрона, за достоверность которого, впрочем, «Conservateur» не ручался, но тут же помещена была уже заметка о «сообщении, полученном ⟨...⟩ вчера с Корфу от 26 апреля, которое содержит в себе всего лишь несколько слов: только что получено известие о смерти лорда Байрона; его тело уже перевезено из Миссолунги в Занте» [129]. Наконец, пришли и вполне правдивые известия. В их числе был и рапорт Сандрини от 13/25 апреля 1824 г. из Занте, содержавший в себе и точную дату смерти Байрона и некоторые подробности о ее причинах: «В прошедший понедельник, т. е. 7/19 числа этого месяца, лорд Байрон отошел в иную жизнь во время своего пребывания в Миссолунги. Приступ плеврита унес его в три дня. Его смертные останки были набальзамированы для отправки в Лондон. Внезапная и преждевременная смерть столь знаменитой личности горько оплакивается в особенности греками, которые присоединились к его мыслям. Они опасаются, как бы это не послужило причиной задержки в их делах, которых он был главным двигателем. Но у них вскоре будет повод, чтобы утешиться, когда они узнают о прибытии в этот порт английского торгового корабля с 50.000 фунтов стерлингов» [130]. Последнее известие имело в виду прибытие в Миссолунги через два дня после

смерти Байрона английского брига «Флорида», который действительно привез сюда первую сумму денег в счет обещанного займа. Вероятно, аналогичные сообщения получены были также и из других мест. «Conservateur» тотчас же напечатал прочувствованный некролог поэта, перепечатанный и в «Journal d'Odessa» [131], и некоторое время публиковал заметки, относящиеся к этому событию: воззвание греческого правительства, известие о том, при каких обстоятельствах тело Байрона было перевезено в Англию [132]. Все эти сведения черпались отсюда и другими русскими газетами и журналами.

«Лорд Бейрон, знаменитейший поэт нашего времени, скончался 7-го апреля в Миссолонги,— писали в «Сыне отечества».— Тело его перевезено будет в Занте, а оттуда, вероятно, в Англию. Временное Правление Греции обнародовало по сему случаю следующую прокламацию: «Праздники Святыя Пасхи соделались днями горести. Лорд Ноэль Бейрон скончался сегодня, в 11 часов вечера, от простудной воспалительной горячки, продолжавшейся десять дней. Вы принимали живейшее участие в его болезни; сердца ваши поражены жестокою горестью о его кончине. Все жители города Миссолонги, без различия возраста и пола, в печали своей забыли праздничные увеселения. Смерть сего знаменитого мужа есть одно из самых печальных происшествий для всей Греции, особенно же для нашего города, который сделался ему драгоценным, коего он был обитателем и гражданином. Он хотел разделять и опасности его, если б обстоятельства того потребовали. Всем известно, сколь он был щедр к новым своим согражданам; все мы почитали и всегда будем его почитать нашим благодетелем, питая к нему чувство искренней признательности. В ожидании дальнейших распоряжений Высшего правительства повелеваем: 1) завтра, при солнечном восходе, сделать с здешней крепости 37 пушечных выстрелов, означающих число лет покойного; 2) закрыть на три дня все канцелярии и присутственные места; 3) равномерно закрыть все магазины и лавки, кроме тех, в коих продаются съестные припасы. Все публичные увеселения, концерты, балы и т. п. на сие время отменяются; 4) налагается траур на 21 день; 5) во всех церквах совершено будет по нем поминовение. Миссолонги, 7 апреля 1824. *А. Маврокордато. Джорджио Праиди*» [133].

Теперь тревогам дипломатов был положен конец; можно было разрешить даже прочувственные сожаления о кончине поэта, ибо они «приличествовали его рангу». Мертвый Байрон уже не был страшен ни Меттерниху, ни Несельроде. Они уже знали, что на некоторых из английских волонтеров в греческих рядах, спутников и единомышленников Байрона, произведен был соответственный нажим и что, например, вследствие настойчивых представлений турецкого правительства, английское министерство отдало приказ о немедленном возвращении на родину полковника Стенопа. Его не было в Миссолунги в момент смерти Байрона; в это время он пытался организовать в Солоне конференцию для того, чтобы примирить враждующие греческие партии Одиссея и Маврокордато; смерть Байрона и приказ о возвращении в Англию сразу расстроили все его планы.

Вкратце сообщил об этом и Сандрини в донесении от 17/29 мая 1824 г.: «Полковник Стейнгоп, согласно повеления своего короля, отправляется в Лондон на том самом английском бриге, на который погружены были смертные останки лорда Байрона с почестями, приличествующими его рангу» [134]. Действительно, Стеноп, приехав в Занте, принял начальство над бригом «Флорида», на который погружен был гроб с прахом, и через несколько дней, 25 мая, бриг поднял якорь и отплыл в Англию; таким образом, известие Сандрини было сообщено непосредственно с места действия. Это был последний рапорт, в котором упоминается Байрон: «британский бард» перестал его интересовать, и он более не мог сообщить русскому правительству ничего существенного даже о его посмертной славе в Греции.

Хорошо известно, однако, как велика была эта слава в России. Стихи и поэмы, статьи и характеристики умершего поэта, известия о его жизни

и отрывки воспоминаний о нем появились во всех русских газетах и журналах и долго занимали еще русское общество. Пушкин узнал о смерти Байрона, вероятно, еще в Одессе, из некролога «Journal d'Odessa» [135], перепечатанного из «Conservateur», и сделал об этом помету в своих бумагах. П. А. Вяземскому случившееся стало известно именно из петербургской французской газеты. «Третьего дня был для меня день сильных впечатлений ⟨...⟩,— писал он А. И. Тургеневу.— Узнаю ⟨...⟩ в Английском клубе: смерть Бейрона — из проклятого «Conservateur» ⟨...⟩ Какая поэтическая смерть — смерть Бейрона! Он предчувствовал, что прах его примет земля, возрождающаяся к свободе, и убежал от темницы европейской. Завидую певцам, которые достойно воспоют его кончину. Вот случай Жуковскому! Если он им не воспользуется, то дело кончено: знать, пламенник его погас. Греция древняя, Греция наших дней и Бейрон мертвый — это океан поэзии! Надеюсь и на Пушкина» [136]. Вяземский начал собирать все, что писалось о смерти Байрона [137], и сам написал стихотворение «Байрон», позднее напечатанное в «Московском телеграфе» [138]. А. А. Бестужев послал Вяземскому большое письмо из Петербурга (17 июня 1824 г.), основная часть которого представляет собою лирическое излияние скорбных чувств по поводу неожиданной кончины Байрона: «Мы потеряли брата, князь, в Бейроне, человечество — своего бойца, литература — своего Гомера мыслей. Теперь можно воскликнуть словами Библии: куда сокрылся ты, лучезарный Люцифер! «Смерть сорвала с неба эту златую звезду», и какое-то отчаянное эхо его падения отозвалось в сердцах у всех людей благомыслящих. Я не мог, я не хотел верить этому, ожидал, что это журнальная смерть, что это расчетливая выдумка газетчиков, но это была правда, ужасная правда... Он завещал человечеству великие истины в изумляющем дарованьи своем, а в благородстве своего духа — пример для возвышенных поэтов. И этого-то исполина гнала клевета, и зависть изгнала из отечества, и обе отравили родимый воздух; история причислит его к числу тех немногих людей, которые не увлекались пристрастием к своему, но действовали для пользы всего рода человеческого» [139]. «Плачьте, музы, по Байрону, он достоин слез и стона!» — так начинал свое письмо к В. Г. Теплякову приятель Пушкина, П. П. Каверин. «Вероятно, поразила Вас весть о смерти славного поэта. За последнее письмо особенно благодарю, из него видно, что Вы понимали, любили и почитали умершего»,— писал он далее [140]. Вскоре пламенные стихи Байрону посвятили Рылеев («На смерть Байрона»), Кюхельбекер («Смерть Байрона»), Д. В. Веневитинов («Смерть Байрона»), И. И. Козлов и другие поэты; отголоски этого события еще долго не замолкали в русской лирике [141]. Характерно, что во всех этих многочисленных стихотворениях — в одних прозрачнее, в других затушеваннее — «вольнолюбец» Байрон прославлялся прежде всего как герой борьбы с тиранией. Всего отчетливее сказано это у Рылеева, писавшего, что Байрон «гению лишь был послушен, властей других не признавал» и что

Одни тираны и рабы
Его внезапной смерти рады.

Это стихотворение, как известно, при жизни поэта не было напечатано, а появилось, без имени автора, в «Альбоме северных муз» в 1828 г. со многими изменениями явно цензурного характера; в приведенных строках стих «Одни тираны и рабы», например, изменен был на «лишь Магометовы рабы». И Пушкин написал, что Байрон «исчез оплаканный *свободой*» («К морю»), под которой можно понимать более, чем одну лишь греческую независимость. Во многих стихотворениях,— нужно думать, из тех же цензурных соображений,— «гонители» поэта нередко отождествлялись исключительно с его соотечественниками, но читателям предоставлялось сделать необходимые выводы; так, думается, нужно толковать одну из последних строф стихотворения Кюхельбекера, с ее угрозами по адресу народа, который

...пришельцовы стопы
Лобзать, окован рабством, будет,
Но Байрона не позабудет.

Здесь имеется в виду, конечно, не столько «несчастный Альбион», но любой вообще народ, который может утратить чувство свободы и страстное стремление к независимости; поэтому всяческие враги поэта представлены в этом стихотворении в сугубо обобщенном виде:

Вражда и Зависть, дети Ночи
Ругаться славному спешат —
Прочь, чернь презренная! Прочь злоба!
Беги — не смей касаться гроба
Того, чьи песни и дела
Почтит дальнейшее потомство!

Интересную параллель к этим стихам Рылеева и Кюхельбекера мы находим в стихотворении «Байрон», помещенном в редком анонимном поэтическом сборнике — «Песни золотого рожка». Автором этой книги был П. А. Новиков, сотрудник журнала «Русский зритель».

Во второй строфе стихотворения говорится:

Эллада древняя, священный Геликон,
Гордитесь прахом сим — у вас сокрыт Байрон.
В победном зареве погасло Вдохновенье,
При звуке бранных труб пал гордый Исполин,
И вопли пронеслись от греческих дружин:
«Хвала, Герой-певец, свободой вдохновенный!
Ты укрепил наш дух, ты примирил вождей,
Гомером странствовал, пел битвы, как Тиртей;
Теперь — лобзаем прах, нам вечно незабвенный!»

«А ты»,— пишет поэт далее, замечая в сноске: «Здесь упоминается об английском народе. Прим. сочин.» —

Среди морей твоих надменный, как деспот,
Какой воздвигнешь гроб над гордою Цевницей?..
Пускай отвергнешь ты Певца священный прах —
Скалы безмолвные, дуб дикой на скалах,
И море бурное останутся в веках
Его достойною и вечною гробницей! [142]

Можно указать здесь, кстати, на забытого третьестепенного поэта, студента М. Максимова, который в том же году восторженно прославлял Байрона в несколько хромающих, но искренних стихах своей книжки «Опыт сонетов», называл его «бурной тучей», «огнем вдохновенья», «кумиром века», «чудом творенья» и провозглашал:

...О, певец!
Ты в мире поэтов поставил конец!
О, Байрон! есть место, где бури стихают,
Ты тайны земные для сердца открыл,
Но вечности тайной себя облачил [143].

Наряду с чисто политическими мотивами в русских стихотворениях, статьях и заметках о Байроне 20-х годов явственно проступал интерес к личности поэта, ко всем подробностям его биографии, житейской и творческой. Уже русские современники его были довольно хорошо в ней осведомлены, зная

не только общественную ее сторону, но даже интимные сердечные переживания поэта. В ряде русских стихотворений о Байроне мы в изобилии находим намеки и прямые свидетельства по этому поводу. Так, например, в 1822 г. поэт П. А. Габбе, приятель Вяземского по Варшаве, прочтя в газетах слух о «заточении лорда Байрона» в итальянском городе Павии, написал большую элегию «Бейрон в темнице», открывающуюся следующими стихами:

Последний солнца луч погас за Аппенином;
На стогнах Павии умолк народный шум;
Шотландии брегов туда за смелым сыном
Несется окрыленный шум.

Ты ль это, коему дивится современник,
Чьей лире внемлет свет, как голосу веков,
Ты ль, в мрачности глухой, дни, как Шильонский пленник,
Ведешь средь тягостных оков?

Ты ль это, доблестный питомец Альбиона,
Свободы, красоты и мужества поэт,
Ты ль зришься в горести, отторгнутый от лона
Веселий, как другой Манфред?.. и т. д.

И хотя эта элегия была своего рода маскировкой мыслей и чувств самого Габбе, свободолюбивого офицера лейб-гвардии литовского полка, преданного суду за борьбу против офицеров того же полка, прославившихся жестоким обращением с солдатами («Во время заточения моего,— писал Габбе Вяземскому,— воспел я самого Байрона, который, как и мы, бедные, также в темнице, если верить газетам»), но она свидетельствует о прекрасном знании автором как произведений Байрона, так и многих обстоятельств его жизни. Любопытно, что эта элегия Габбе была выпущена в Варшаве в 1822 г. в виде нелегальной литографированной листовки; экземпляр ее сохранился среди бумаг Вяземского, который содействовал напечатанию ее текста в петербургском «Сыне отечества» [144].

Другой поэт, В. И. Туманский еще в стихотворении 1823 г. изложил историю разрыва Байрона со светским обществом Англии:

Смотри: как Байрон в наши дни,
В отчизне испытав гонения одни,
В слезах страдания живого
Велик душою на земли!
Смотри, с каким презреньем он оставил
Забавы светские и светскую толпу,
И сети узкие разорванных им правил! [145]

Законченную и запоминающуюся лирическую характеристику Байрона, этого «восторженного хулителя мироздания», мы находим в раннем рукописном стихотворном отрывке Ф. И. Тютчева, не напечатанном при его жизни; образ английского поэта рисуется здесь (в реально-биографической последовательности) на фоне тех стран, где он побывал, и это свидетельствует, что Тютчев хорошо представлял себе все этапы жизни Байрона и его странствований [146].

Очевидную биографическую основу имели стихотворения И. И. Козлова «Байрон» (1824) и «Венецианская ночь» (1825), хотя в последнем она затушевана и даже имя Байрона здесь не называется. «Венецианская ночь» напечатана в альманахе А. Бестужева и Рылеева «Полярная звезда» на 1825 год и явно посвящена памяти Байрона и оплакивающей его гибель графине Терезе Гвиччьоли. Начиная с четвертой строфы, ситуация, на которой построе-

па эта «фантазия» (как определил сам Козлов свое стихотворение), проясняется вполне отчетливо:

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой,
В светлоубранной гондоле
Той красавицы младой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?

Внимательные читатели поэтических произведений Козлова могли заметить, что определение «исступленный певец» уже было применено Козловым к английскому поэту в стихотворении «Байрон. А. С. Пушкину» («Новости литературы», 1824, кн. 10, декабрь):

Страданий любви исступленный певец,
Он высказал сердцу все тайны сердец,
Все буйных страстей упоенья...

Далее в «Венецианской ночи» идет речь о смерти певца на Востоке (т. е. в Греции), а в конце «Фантазии» появляется призрак Байрона, с арфой и мечом, плывущий на челне; но этот призрак поэта, явившийся Терезе Гвиччьоли, исчезает подобно мгновенно угасающей звезде, а сама она «тоскою в замок свой удалена»:

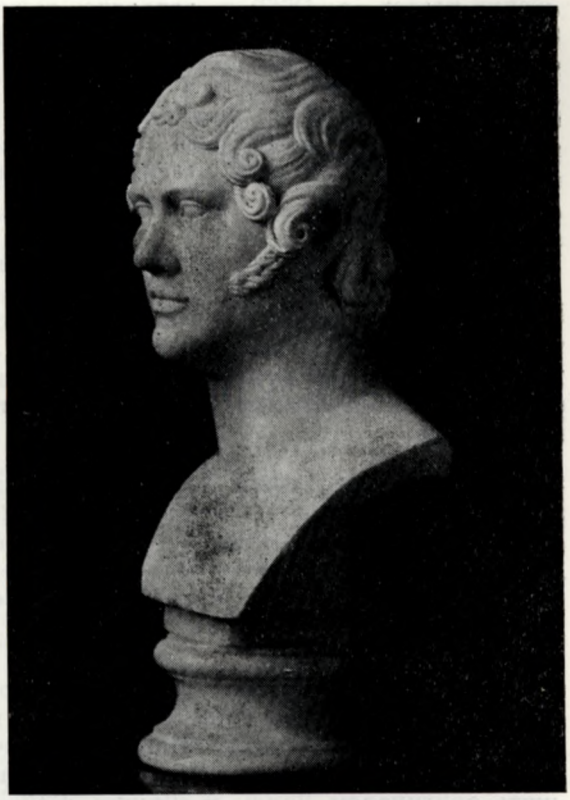
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит сребристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Эти слова, как известно, вспоминал Пушкин, в письме к А. Н. Вульф из Михайловского (от 21 июля 1825 г.): «Все Тригорское поет: Не мила ей прелесть ночи, а у меня от этого сердце ноет»; эти слова толкуют в том смысле. что Пушкин хорошо понимал биографическую подкладку «Фантазии» Козлова, применяя к себе и к своим отношениям с А. П. Керн то, что Козлов изобразил из истории любви Байрона к Т. Гвиччьоли [147]. Отметим попутно, что в том же году, когда была напечатана «Венецианская ночь»,— весною 1825 г.— Козлов напечатал в журнале «Новости литературы» еще одно поэтическое произведение, связанное, по-видимому, с той же Т. Гвиччьоли, хотя имя ее не названо и на этот раз: «Стихи, написанные лордом Байроном в альбом одной молодой итальянской графини за несколько недель до отъезда своего в Миссолунги». Источник этого стихотворения среди произведений Байрона обнаружен не был, и это привело исследователей к естественному предположению, что оно не является переводом, а принадлежит самому Козлову (ныне оно печатается под заглавием «На отъезд»); открывается стихотворение следующими строками:

Когда и мрак, и сон в полях,
И ночь разлучит нас,
Меня, мой друг, невольный страх
Волнует каждый раз и т. д. [148]

Второстепенные русские поэты 20-х годов были так хорошо посвящены в семейные обстоятельства жизни Байрона, что даже воспевали у нас Аду, его «дщерь молодую»,— будущую графиню Лавлес, до которой, конечно, никогда не дошли посвященные ей русские стихотворные строки [149].

С середины 20-х годов интерес к личности Байрона в русских литературных кругах непрерывно возрастал, подогреваемый журнальными сообщениями о скором появлении в печати всевозможных воспоминаний о нем, в первую очередь, «биографии лорда Байрона, написанной им самим и присланной им к другу его Томасу Муру. Пишут, что он произносит в ней строгий суд над самим собою» [150]. Какие ни принимались полицейские и цензурные меры к тому, чтобы воспрепятствовать проникновению в Россию всех мемуаров о Байроне, вроде «Conversations» Медвина, книг Далласа, воспоминаний Трелоуни, Гамбы, Маркиза Сальво, Суццо и других,— все эти книги получались у нас и читались с жадностью [151]. Неудивительно, что у нас с такою же жадностью ловили и записывали всякое новое известие о нем от лиц, лично его знавших, от ближайших его современников, соратников, друзей или просто знакомых. Русские архивы хранят целый ряд таких материалов-записей, рассказов о Байроне, автобиографических документов. Все они еще не служили предметом специального внимания исследователей. На первом месте следует здесь поставить записи П. А. Вяземского и А. И. Тургенева; вокруг них группируется несколько сообщений меньшего значения. Все эти записи подтверждают, что на истории русского увлечения Байроном нисколько не отразились попытки уменьшить его популярность мерами правительственного, цензурного или полицейского вмешательства.



БАЙРОН
Бюст работы Лоренцо Бартолини
Институт русской литературы, Ленинград

О Байроне любопытствовали у нас узнать от приезжавших в Россию англичан и других иностранцев; о нем вели оживленные беседы и споры с его соотечественниками (см., например, запись в дневнике А. А. Бестужева в январе 1825 г.: «Вечером был на великолепном бале у Бергина ⟨...⟩ под конец с англичанином Фошем имел живой разговор о Бейроне» [152]. Путешествуя по местам, связанным с его именем, интересовались подобными же рассказами, анекдотическими сведениями, легендами, переписывали в альбомы его подлинные или апокрифические стихи, собирали его автографы... Характерно, однако, что большинство записей ведет нас в тот же дипломатический круг, бывший, по-видимому, в России неисчерпаемым источником иностранных сведений о поэте, игравшем столь важную международную политическую роль.

Живя в Кишиневе, Пушкин увлекался маленькой и некрасивой, но полной огня и страсти гречанкой, которая пленила его какими-то туманными намеками на то, что она была любовницей Байрона. В 1823 г., приглашая Вяземского, собиравшегося в Одессу, завернуть в Кишинев, Пушкин обещал познакомить его «с гречанкою, которая целовалась с Байроном» [153]. Ей Пушкин посвятил стихи «Гречанке» («Ты рождена воспламенять вообра-

жение поэтов...», 1822) и, вероятно, также стихи «Иностранке» («На языке тебе невнятном...», 1822). Может быть, именно Байрона имеют в виду туманные слова этого стихотворения:

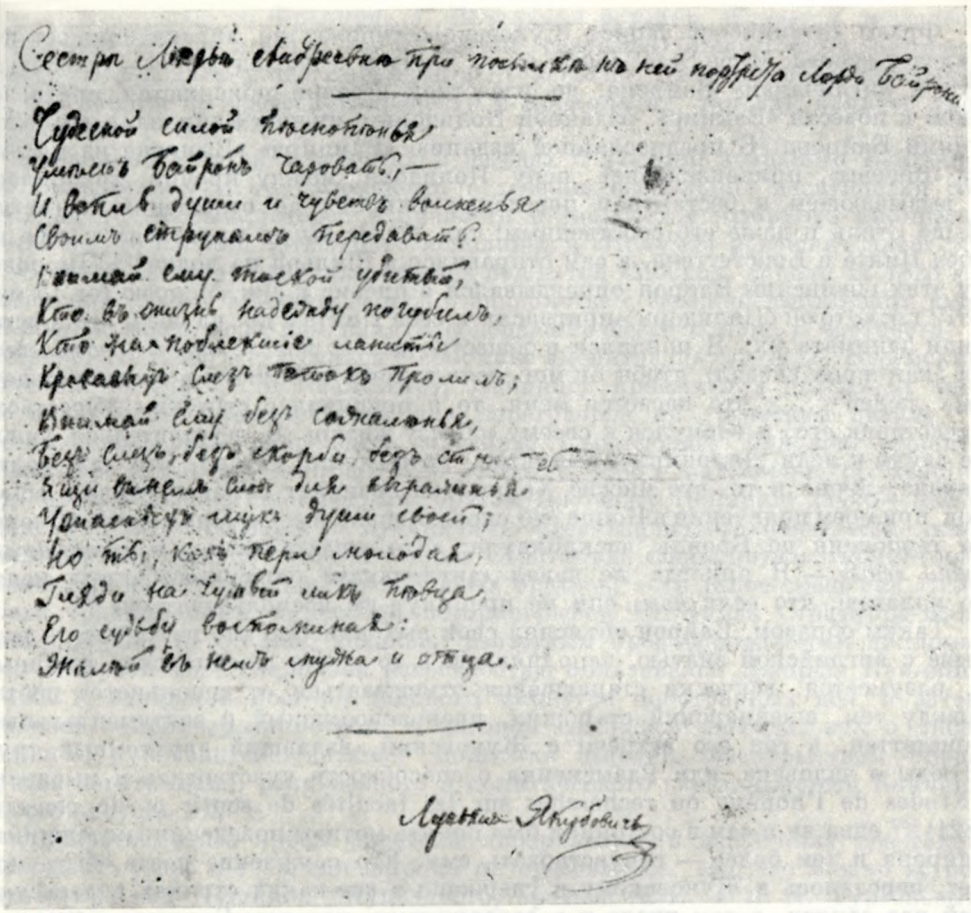
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая... [154]

В черновых тетрадях Пушкина имеется несколько набросков восточного профиля этой гречанки, имя ее занесено в его «донжуанский список», но роман этот был непродолжителен. Звали гречанку Калипсо Полихрони; сведения о ней дают воспоминания Вигеля и Липранди [155], а ее позднейшую историю досказывает румынский поэт Костаке Негруцци [156]. О Байроне, именуя его «певцом Леилы», Пушкин говорит в посвященном ей стихотворении «Гречанке»:

Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал, иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?..

В пушкинской литературе Калипсо Полихрони как реальное лицо фигурирует уже давно, но попытка ввести ее в биографию Байрона не удалась. Эрнест Симмонс в статье «Байрон и греческая девушка» [157], посвященной Калипсо, пришел к отрицательным результатам: Калипсо не могла послужить оригиналом Леилы в «Гяуре». Байрон прожил два месяца в Константинополе, где, как утверждали, Калипсо и познакомилась с ним в 1810 г., но в это время Калипсо было только шесть или семь лет. По другим данным, она бежала со своей матерью из Константинополя или Греции после восстания гетерии, но Байрон был в это время еще в Италии. Остается одно предположение — она была той греческой девушкой, о которой Байрон пишет в своем не вполне разъясненном стихотворении о «прекрасной девушке из Афин» («Fair Maid of Athens»), но это стихотворение связывают обычно с Терезой Макри. Таким образом, перед нами несомненная легенда. Настойчивость, с которой верили ей и Пушкин и его друзья, свидетельствует только о том, какой интерес представляли для них лица, знавшие Байрона.

Вскоре в дневниках и письмах друзей Пушкина появились записи о встречах с людьми, которые имеют уже не легендарный, но фактический интерес. Еще в 1821 г., следовательно, при жизни Байрона, Жуковский, путешествуя по Швейцарии, навестил писателя Виктора Бонстеттена (1745—1832), популярного в карамзинском кругу, произведения которого он и сам хорошо знал в молодые годы. Беседы их шли о приятельнице Бонстеттена г-же де Сталь, но невольно разговор перешел к Байрону, которого встречал сам Бонстеттен. В дневнике Жуковского, под 26 августа 1821 г., внесена краткая запись об этой беседе: она весьма содержательна. К сожалению, лаконичная форма дневника Жуковского не дает возможности полностью расшифровать и восстановить эту беседу, хотя кое-что угадывается между строк и, в частности, может быть раскрыто с помощью тех данных, какие дает нам история личного знакомства Байрона с г-жой де Сталь. Встречи самого Бонстеттена с Байроном были еще очень свежи в его памяти; таким образом, запись Жуковского имеет значение первоисточника. Вот что записал он (в угловых скобках заключены слова и фразы, сокращенные в оригинале и восстановленные по смыслу, в квадратных — слова, зачеркнутые Жуковским): «У Бонстеттена ⟨...⟩ приятный разговор: о M-me Staël, Бейроне, Миллере и Песталоцци. Посещение Бейроном M-me Staël [жизнь m-me Staël в Коппете]; множество англи-



Л. А. ЯКУБОВИЧ. СТИХОТВОРЕНИЕ «СЕСТРЕ МАРЬЕ АНДРЕЕВНЕ ПРИ ПОСЫЛКЕ К НЕЙ ПОРТРЕТА ЛОРДА БАЙРОНА»
Литературный музей, Москва

чанок; останов⟨ился⟩ у дверей; m-me Staël сбыла с рук других; [его лицо, меланхолия и смех]; начался разговор о любви и жене; ответы; живость лица; кокетство M-me Staël [сарказмы]; жена Бейронова; его ненависть к англичанам; он и Гобгуз (Hobhouse) у M-me Staël; возв⟨ращение⟩ с Бонстеттеном; посещение Бонстеттеном Бейрона; итальянка и две дамы с салфетками ⟨в черновике: «Посещение Бонстеттена: девки»⟩; образ жизни [Бейрона в Женеве]; на озере по ночам [на лодке]; никто не видел [О жене: réponses évasives de Byron *]. ⟨...⟩ [Бейрон и американец]...» [158].

Достоверность сообщаемых в этой записи сведений не может быть подвержена сомнению: она делалась в день, когда состоялась самая беседа. Жуковский спешил закрепить ее на бумаге и даже повторялся (так, в записи дважды указано, что разговор шел о жене Байрона и что он давал «уклончивые ответы»). В начале беседы речь у Жуковского идет о тех встречах Байрона с Сталь, которые состоялись в Женеве и в Коппе в присутствии Бонстеттена. Дополнительные подробности и даты дают мемуары Гобгауза; по его записям, первая встреча Байрона с M-me Сталь состоялась за обедом в Женеве 7 сентября 1816 г.; 12 сентября Байрон приехал в имение M-me Сталь, сопровождаемый Гобгаузом и своим врачом В. Полидори, и нашел здесь большое общество вместе с Бонстеттеном; 1 и 3 октября того же 1816 г. Байрон и Гобгауз снова ездили в Коппе на обед к M-me Сталь [159].

* уклончивые ответы Байрона (*франц.*).

Фразы дневниковой записи Жуковского «множество англичанок; остановился у дверей; M-me Stael сбыла с рук других» и последующие — о «ненависти к англичанам» Байрона, до известной степени поясняются предисловием к повести «Вампир», изданной Полидори с именем Байрона, и возражениями Байрона. В предпосланной изданию «Вампира» «Выписке из письма из Женевы», принадлежащей перу Полидори, между прочим, говорилось о вызывающем и бестактном поведении Байрона по отношению к гостям M-me Сталь и даже его собственным; так, будто бы он пригласил к себе на обед Пикте и Бонстеттена, а сам отправился в Шильон на лодке [160]. По поводу этих обвинений Байрон оправдывался в письме к Дж. Меррею (от 15 мая 1819 г.): «Это он ⟨Полидори⟩ пригласил к себе Пикте и др. на обед, его и оставили занимать их. Я появился в обществе *только затем, чтобы представить его* (как я ему сказал), чтобы он мог, если захочет вернуться в среду порядочных людей ⟨...⟩; что касается меня, то я покончил с светским обществом; представив его, я вернулся к своему «образу жизни». Я, действительно, ушел, не зайдя к леди Далримпл Гамильтон, потому что увидел, что там полно народа. Верно и то, что миссис Харви (она сочиняет романы) упала в обморок при моем появлении в Коппе, но скоро пришла в себя. При виде ее обморока герцогиня де Бройль воскликнула: «Это уж *слишком* — в *шестьдесят пять лет!*» — Я никогда не давал «англичанам» случая «избегать» меня; но полагаю, что если дам, они не преминут им воспользоваться» [161].

Таким образом, Байрон объяснял свои выходки тем, что находился в разрыве с английской знатью, заполнявшей в то время швейцарские гостиные и, разумеется, всячески старавшейся отмежеваться от «опального» поэта. Между тем, швейцарский старожил, прекраснодушный и сентиментальный Бонстеттен, в год его встречи с Жуковским, издавший двухтомный труд «Этюды о человеке, или Разыскания о способности чувствовать и мыслить» («Etudes de l'homme ou recherches sur les facultés de sentir et de penser», 1821) [162] едва ли и сам в состоянии был понять мотивы поведения «мятежника» Байрона и тем более — сочувствовать ему. Его осуждение поэта, быть может, передалось и Жуковскому и удержано в кое-каких строках интересующей нас записи, в том числе и в зачеркнутых: недаром Бонстеттен хорошо помнил явно бестактные вопросы, которые предлагались Байрону относительно его жены и, вероятно, слышал о близости Байрона к семье Шелли и к жившей с ними на вилле сводной сестре Мэри Шелли, Клер Клермонт, — вскоре (12 января 1817 г.) ставшей матерью дочери Байрона — Аллегры. В цитированном выше письме к Меррею Байрон высказывал свое крайнее неудовольствие по поводу того, что Полидори назвал имена Мэри Шелли и Клер Клермонт в упомянутом выше «Отрывке из письма из Женевы», напечатанном в виде предисловия к повести «Вампир»: «но к чему публиковать имена обеих молодых женщин? — Какая неуклюжая попытка оправдаться!» — восклицал Байрон; все это, по-видимому, скрыто в словах записи Жуковского: «Образ жизни Бейрона в Женеве; на озере по ночам»... и т. д. (тем более, что имена Мэри Шелли или Клермонт еще ничего ему не говорили). Что касается фразы «Байрон и американец», то, может быть, здесь имеется в виду знакомство Байрона с Джорджем Тикнором [163]. С «образом жизни» Байрона на берегу Женевского озера нам еще придется встретиться ниже, по поводу русского перевода повести «Вампир», изданного в 1828 г. (см. следующую главу).

Имя Байрона в связи с Бонстеттеном названо было однажды в русской печати в конце 20-х годов. В «Дамском журнале» под заглавием «Лорд Байрон и гречанка» была напечатана заметка, заимствованная из лейпцигского журнала мод; это запись рассказа одного грека, «коротко знавшего лорда Байрона в Миссолунги»: Бонстеттен сообщил этот рассказ в письме к поэту Маттисону, который и напечатал его. «Байрон в бытность свою в Миссолунги страстно влюбился в Мариетту, прекраснейшую гречанку. Он увидел ее с своего балкона и начал говорить с нею на греческом языке; она отвечала ему по-французски. Байрон посетил ее и нашел в ней девушку весьма образован-

ную, воспитанную во Франции...» Печальная история Мариетты оказалась в духе Бонстеттена и его друга Маттисона, сентиментального поэта, которого некогда переводили у нас Карамзин и Жуковский. Девушка потеряла жениха при защите им греческой крепости и приняла яд, так как клялась умереть вместе с ним [164].

Несколько записей о встречах и беседах с людьми, знавшими Байрона, мы находим и у П. А. Вяземского, в течение нескольких десятилетий сохранявшего особый интерес к личности и творчеству любимого им поэта, этого, по его словам, «отважного исполина» и «Колумба новейших дней» [165].

В одной из своих записных книжек под датой «Москва, апреля 12 1825 г.» Вяземский сделал большую запись о знакомстве с заезжим английским дипломатом и занес сюда для памяти содержание бесед с ним, в частности, о Байроне. Публикуя эту запись в сборнике «Девятнадцатый век», Вяземский пояснил: «Статфорд⟨!⟩ (знаменитый Каннинг) приезжал в Россию от имени английского правительства для переговоров по греческим делам» [166]. Несомненно, речь идет здесь о лорде Стратфорде, будущем виконте Редклиффе (Stratford Canning, 1786—1880, с 1862 г.— Viscount of Redcliffe), приходившемся двоюродным братом Джорджу Каннингу (1770—1827): транскрипция «Статфорд» в публикации «Девятнадцатого века» есть лишь типографская ошибка. Называя лорда Стратфорда «знаменитым Каннингом», Вяземский не спутал обоих двоюродных братьев, хотя такое смешение стало почти традиционным в русской историографии [167]. Чарлз Стратфорд-Каннинг был еще не старым, довольно известным профессиональным дипломатом; широкой международной известностью пользовался Джордж Каннинг, с 1822 г. занявший пост английского министра иностранных дел, а затем ставший и премьер-министром, о котором создалась легенда, как о либеральном руководителе внешней политики Англии, бескорыстном борце против легитимизма, религиозного и политического гнета. Джордж Каннинг умер 8 августа 1827 г.

Личностью этого якобы апостола либерализма и защитника греческой свободы [168] у нас в то время широко интересовались: имя его можно встретить в письмах Пушкина, Жуковского, братьев А. И. и Н. И. Тургеневых и др. [169]

Вяземский даже напечатал о нем большую некрологическую статью в «Московском телеграфе» [170]; что касается Чарлза Стратфорда-Каннинга, то он назван Вяземским «знаменитым», вероятно, по той причине, что приезд его в Россию со специальными полномочиями английского правительства (в сущности его двоюродного брата), действительно, вызвал внимание к нему русского общества, как в Петербурге, так и в Москве. А. Я. Булгаков в письме к брату, Константину Яковлевичу (от 9 апреля 1825 г.), извещая о прибытии Стратфорда-Каннинга в Москву, между прочим писал: «Рад я ему угождать, быть его чичероном и отплатить за ласки, оказанные тебе в Царьграде» [171].

В молодости Чарлз Стратфорд-Каннинг действительно был — тотчас же после окончания им Итонского колледжа — назначен (в 1807 г.) поверенным в делах, а в следующем году (1808) — секретарем английского посольства в Константинополе, где он, безусловно, и познакомился с К. Я. Булгаковым. Тогда же, по-видимому, Стратфорд-Каннинг имел возможность встретиться и с Байроном.

В 1825 году Стратфорд-Каннинг был назначен великобританским послом при Оттоманской порте и в последующие годы пользовался у нас печальной известностью как один из яростных недоброжелателей России и противников ее политики в греческом вопросе. Попытка английского правительства назначить Стратфорда в 1833 г. послом в Петербург потерпела крах вследствие категорического отказа Николая I утвердить это назначение [172].

Приезд Стратфорда в Россию весною 1825 г. был связан с тем, что к этому времени, благодаря искусным дипломатическим маневрам английского правительства, Англия была готова разрешить греческую проблему в духе,

приемлемом для обеих держав, и даже заключить по этому поводу специальное англо-русское соглашение. Начиная с лета 1825 г., Джордж Каннинг «прямо и решительно шел на сближение с Россией. Его главной мыслью во всех последующих переговорах и соглашениях было связать русского императора такими обязательствами, которые могли бы предотвратить рост влияния России на Балканах и в Средиземном море» [173]. Однако внешне все это походило на устанавливающуюся дружбу и полное взаимопонимание. В таких обстоятельствах пребывание в России Стратфорда-Каннинга вызвало к нему интерес русского общества в обеих столицах, тем более, что он считался знатоком греко-турецкого востока, которому не чужды были и литературные интересы [174].

В Петербурге Стратфорд пробыл недолго и оттуда отправился в Москву. «В письме твоем ⟨...⟩ полученном мною по почте, ты говоришь от 4-го, что он сегодня выезжает, а он уже и здесь»,— пишет о Стратфорде А. Я. Булгаков брату из Москвы в Петербург (9 апреля 1825 г.) и прибавляет: «Я видал после того тестя и графа Растопчина; оба будут звать к себе, кормить и поить Каннинга; покажем ему Оружейную ⟨палату⟩, Архив, замок, заведения императрицы, Собрание, клоб Английский и пр.» Эта программа, как видно из дальнейших писем А. Я. Булгакова, была выполнена даже с превышением; вечером 14 апреля Стратфорд был у Булгакова («мы показывали ему пляску русскую под балалайку, что очень ему полюбилось...»), а 12 апреля, в воскресенье Булгаков обедал у Стратфорда вместе с Вяземским [175]. Запись беседы со Стратфордом-Каннингом сделана Вяземским в тот же день: «Он ⟨Стратфорд-Каннинг⟩ сказывал, что читал письмо Байрона, в котором он писал своему книгопродавцу: «Чтобы наказать Англию, я учусь итальянскому языку и надеюсь быть через несколько лет в состоянии писать на нем: на итальянском языке напишу лучшее свое произведение, и тогда Англия узнает, кого она во мне лишилась».— Он думает, что Байрон не мог бы играть важной роли в Греции и овладеть в ней событиями: по словам его, он был великой души, но слабых нервов и слишком доступен к потрясению сильных впечатлений. Стратфорд-Каннинг спрашивал у него однажды, когда явится в свет путешествие по Греции приятеля его Гоб-Гоза (Hobhouse); «Он подвержен беременности слоновой,— отвечал Байрон,— ему потребно двенадцать лет для разрешения» [176].

Беседа Вяземского со Стратфордом-Каннингом, как видно из последующих строк записи, коснулась также русской политики в сравнении с английской, Наполеона, немецких переводов с древних языков гекзаметрами, следовательно, была оживленной и довольно пестрой. «Вообще,— заключает Вяземский,— разговор Каннинга степенен, но приятен и разнообразен. Он похож на самое лицо его: при первом впечатлении холодное, но ясное, простодушное и замечательное. Впрочем, мы его не видели наголо; любопытнейшие и благороднейшие члены его были прикрыты политическою драпировкою. Слушая его, не мог я без трепета не обратиться мысленно к нашим государственным вельможам» [177]. Эта запись Вяземского любопытна во всех отношениях. Смерть Байрона, случившаяся за год до беседы Вяземского со Стратфордом, как известно, сильно его поразила. Вяземский «бредил Байроном» и в своих письмах к друзьям убеждал их достойно воспеть это событие. Приезд в Россию английского дипломата для новых переговоров о судьбе греческого государства, слухи о родственной близости этого дипломата к руководителю английской внешней политики и несомненно известная Вяземскому от А. Я. Булгакова история ранней дипломатической деятельности его собеседника на Востоке — все это не могло не навести его беседу со Стратфордом в первую очередь на Байрона. И Вяземский не ошибся: Стратфорд не только высказал свое мнение о Байроне как о политическом деятеле на греческом поприще — как бы подчеркнув в этом отрицательном суждении свое полное равнодушие к делу греческого освобождения,— но и смог сообщить Вяземскому несколько подробностей о жизни и деятельности

КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Рисунок сепией Н. Г. Чернецова
Русский музей, Ленинград

явно нелюбимого им поэта. Эти данные показались Вяземскому достойными внимания, и он записал их очень точно.

Письмо Байрона к его издателю Джону Меррею, на которое сослался Стратфорд в разговоре с Вяземским, действительно существует, но впервые издано оно было лишь в 1830 г. в «Life and Letters» Т. Мура. Это — письмо из Венеции от 6 апреля 1819 г. В письме, правда, не говорится о том, что изучение итальянского языка предпринято Байроном, чтобы «наказать Англию», показать ей, какого поэта она лишилась в его лице, но смысл его слов именно таков, и это подтверждает в своих воспоминаниях Тереза Гвиччьоли [178]. Подлинные же слова этого байроновского письма гласят: «Я имею намерение написать мое лучшее произведение по-итальянски, и я употреблю девять лет для более совершенного овладения этим языком; а затем, если будет существовать моя фантазия и я буду существовать также, я попытаюсь сделать то, на что я способен в действительности. Что же касается оценки англичан, о которой Вы говорите, то пусть они исчислят то, что имеет цену, прежде чем оскорблять меня своим наглым снисхождением».

Таким образом, со слов Стратфорда, в его устной передаче, Вяземский познакомился с содержанием этого известного впоследствии письма Байрона за пять лет до того, как оно было напечатано в Англии. Что касается Джона Гобхауза, друга Байрона и его спутника в странствованиях по Востоку, то его «Путешествие по Албании, Греции и т. п.» появилось в печати лишь в 1821 г., вследствие его крайней медлительности, которой он славился среди друзей. Гобхауза Вяземский уже давно знал по другому его сочинению, о Наполеоне («Letters written by an Englishman...» London, 1816) [179].

Много лет спустя, от другого лица, также причастного к английским дипломатическим кругам Петербурга, Вяземский вновь слышал рассказы о Байроне и вновь записал их: «Сестра английского посланника Forbes, Аделаида (одна из страстей Байрона), говорила мне о каком-то английском романе «Три испанца», который будто бы служил основанием «Гяура» Байрона» [180]. Все в этой записи представляется крайне интригующим и достойным

специального критического анализа. Собеседница Вяземского, Аделаида Форбс (Adelaide Forbes, 1789—1859),— действительно лицо, известное из биографии Байрона. В письме от 13 июля 1813 г. к Томасу Муру Байрон признается, что готов «серьезно влюбиться в нее» [181]; ее же, вероятно, Байрон имеет в виду в другом своем письме, говоря об «альфе и омеге красоты», а также в письме от 12 мая 1817 г. с рассказом о римских музеях; по поводу восхитившей его статуи Аполлона Бельведерского он пишет Муру, что эта античная скульптура напомнила ему красоту Аделаиды Форбс [182]. Строфу CXIX второй песни «Дон Жуана» толкуют как воспоминание об Аделаиде Форбс (an Irish Lady) [183]. Наконец, о ней же вспоминает также и Маргарет Блессингтон в своих «Разговорах с Байроном» [184]. Вяземский, вероятно, посвящен был в историю ее знакомства с Байроном и знал его отзывы о ней, поскольку он называет ее «одна из страстей Байрона». Естественно, что Аделаида Форбс могла рассказать Вяземскому о некогда влюбленном в нее поэте малоизвестные факты, всегда его столь интересовавшие.

Но он записал себе для памяти только один, о котором, впрочем, действительно не встречается упоминаний в байроновской литературе: речь идет о романе «Три испанца», «который будто бы служил основанием «Гяура»». Вяземский издавна интересовался этой знаменитой романтической поэмой; еще в 1822 г. он осведомлялся у Жуковского, почему тот не перевел «Лару» или «Жиаура» [185], сам он хорошо знал эту поэму по французским переводам, читал переводы русские. Но указанного ему Аделаидой Форбс романа, как возможный источник «Гяура», он, очевидно, не читал, поскольку называет его «каким-то английским романом» и не упоминает о его авторе.

Между тем, такой роман действительно существует. Это роман второстепенного беллетриста конца XVIII — начала XIX в., Джорджа Уокера (George Walker, 1772—1847) — «Три испанца, или Тайны замка Монтильо» (London, 1800), переведенный также и на французский и русский языки [186]. Вопрос об источниках «Гяура» (1813) уже неоднократно поднимался в специальной литературе о Байроне, но не привел к существенным и бесспорным выводам ни для генезиса поэмы, ни для прояснения многих загадочных деталей ее сюжета. Намеренная отрывочность повествования, а также намеки, сделанные автором в введении, на существование будто бы другой, полной и законченной редакции поэмы (The story, when entire, contained, etc.), вместо которой он дал читателям лишь «не связанные между собой части рассказа» (disjointed members), открыли поле для всевозможных толкований как отдельных ее эпизодов, так и поэмы в целом.

Без комментариев, пояснений, догадок развертывание сюжета поэмы, действительно, может быть понято с трудом. Личность Гяура остается туманной, да и вся история похищения им из гарема черкешенки Лейлы в одежде пажа, вслед за чем следуют две катастрофы — казнь Лейлы и убийство Гассана Гяуром из мести за смерть возлюбленной,— рассказаны с преднамеренной таинственностью, с нарушениями хронологической последовательности, особенностями, вскоре канонизированными в восточных байронических поэмах.

Как известно из писем Байрона, «история Гяура в известной мере основана на действительных событиях»; рассказывали также, основываясь на собственных свидетельствах Байрона, что будто бы в Афинах он был очевидцем подобной же казни за измену некоей гаремной турчанки и даже содействовал ее спасению [187]. Все это как будто устраняло необходимость подыскивать для основного сюжета поэмы какой-либо литературный источник. Указывали лишь на поэму С. Роджерса «Колумб» (1812), которая навела Байрона на мысль изложить свою «турецкую повесть» в ряде не связанных между собою отрывков, подобно тому, как Роджерс сделал это с рассказами колумбовых моряков, читанными им будто бы в старой испанской рукописи, из которых и составляется его поэма; отмечены были также возможные заимствования этнографических и бытовых деталей из «Ватека» Бекфорда или, вернее, из примечаний к этой повести S. Henley, и из «Bibliothèque

Orientale» д'Эрбело [188]. Однако роман «Три испанца» Уокера в серии подобных указаний еще не отмечался.

Подробное знакомство с романом несколько разочаровывает исследователя в этом смысле. Это типичный «готический» роман со всеми особенностями этого жанра. Действие его развертывается то в Южной Испании, то среди мавров Северной Африки. В центре повествования — таинственный злодей, богач и владелец мрачного замка, Падилья, запятнавший себя рядом преступлений, раскрыть которые после многих опасностей, трудностей и приключений удается трем друзьям из знатнейших испанских семей — Фернандо, Антонио и Альберто. Преступления Падильи заключаются в том, что он утопил свою первую жену с помощью наемных убийц, чтобы жениться на знатной мавританке после убийства ее мужа, графа Ферендеса; свою вторую жену он заточает в подземелье на двадцать лет, пытается совершить насилие над своей дочерью, уверяет инквизицию, в руки которой он, в конце концов, попадает вместе с двумя преследующими его друзьями, что один из них — его сын, родившийся от связи с его родной сестрой (что, впрочем, оказывается неверным, как это выясняется из неожиданных признаний старой кормилицы) и т. д. Разбойники в развалинах мавританских замков Андалусии; таинственные портреты, побуждающие к поискам изображенных на них красавиц; кинжалы, с которых всегда капает кровь, в качестве безмолвных свидетелей забытых убийств, вопиющих о мести; католические монастыри, из которых стараются похитить насильно скрытых туда девушек; окровавленные призраки, появляющиеся в решительные минуты и молящие об отмщении, и т. д.— таковы типичные черты этого второстепенного по своим литературным достоинствам, хотя и увлекательно рассказанного «готического» романа, который едва ли может что-либо объяснить в интересующей нас поэме Байрона.

Правда, в «Трех испанцах» есть несколько эпизодов, ближе напоминающих «Гяура», но едва ли являющихся источником поэмы. В пятой главе третьего тома капитан мавританского корабля, рассказывает Фернандо о том, как Занда, подруга его морских странствований, побывав на твердой земле у его брата, вернулась оттуда на корабль с молодым рабом Гассаном. Мучимый ревностью, капитан отравляет Гассана, и только тогда, когда смерть его неизбежна, узнает, что это не юноша, а девушка, и к тому же его собственная племянница, которая переоделась в мужское платье, чтобы повидать Испанию и разыскать своего пропавшего брата. Сходный мотив («переодетая девушка следует за героем») мы находим и в поэмах Байрона (Лейла в «Гяуре», Калед в «Ларе»), но уже ранее он появился, например, в поэмах В. Скотта («Мармион»). Еще ближе к «Гяуру» встречающийся и в «Трех испанцах» (т. III, гл. 7; т. IV, гл. 1—2) мотив похищения испанцем Фернандо из гарема мавританской девушки Селимы, которая рассказывает ему свою историю, но и боится его, как иноверца; их накрывают в решительную минуту условленного бегства, и грозный властитель гарема готовит им обоим мучительную смерть, но когда обнаруживается, что купленная им прекрасная невольница является в действительности дочерью его родного брата, обоих беглецов освобождают, предварительно предложив Фернандо принять магометанство, прежде чем вступить в брак с Селимой, от чего он отказывается (ср. в «Гяуре» туманные намеки на то, что герой, молодой венецианец, был вероотступником, в чем как будто и каялся, вступив в монастырь).

Нет, впрочем, необходимости делать более подробные сопоставления романа Уокера и поэмы Байрона: сходство их отдельных мотивов вызвано, конечно, общей для них традицией романтической литературы, но не их генетической близостью. Возможно, конечно, что Байрон читал «Трех испанцев» и говорил об этом романе Аделаиде Форбс; с другой стороны, и она сама могла быть его читательницей, подметившей некоторые, очень случайные, с нашей точки зрения, черты сходства между ними; не исключена, наконец, возможность и того, что беседа у Форбс с Вяземским шла не о

романе Уокера, а о рассказах *испанских* моряков, составляющих поэму Сэмюэля Роджерса (поскольку и сам Байрон указывал на нее, как на действительный источник замысла своего «Гяура»); зная роман Уокера, несомненно, популярный среди английских и французских читателей, она могла спутать с ним поэму Роджерса об испанских моряках.

7. А. И. Тургенев, А. Ф. Закревский и Тереза Гвиччьоли. — В. К. Кюхельбекер и знакомец Байрона в Сибири. — Автографы Байрона в СССР

Немало рассказов о Байроне от лиц, близко его знавших, собрал также А. И. Тургенев. Недаром в посмертном стихотворном портрете его Б. М. Федорова («Иллюстрация», 1846), неудачном в поэтическом отношении, но достоверном со стороны фактических указаний, было сказано:

И с Ламартином он езжал,
Знавал друзей Байрона...

Следы некоторых из этих знакомств сохранились и в его письмах. Любопытно, что первые рассказы о Байроне слышаны были А. И. Тургеневым от тех же дипломатов: еще в 1819 г. английский посланник в Петербурге, Casamajor, «один из острых и лучших английских дипломатов», как его аттестовал М. М. Сперанский [189], давал Вяземскому читать роман Каролины Лем «Гленарвон», в котором выведен был Байрон, и попутно, вероятно, познакомил его с романической подоплекой этого романа-памфлета, написанного из мести рукой отверженной любовницы поэта [190]. В письме к Вяземскому от 7 января 1820 г. из Петербурга, рассказывая, со слов Батюшкова, что «итальянцы ⟨...⟩ переводят поэмы Байрона и читают их с жадностью», Тургенев упоминал и «Гленарвон», роман, «где он описан» и где «Байрон говорит им ⟨итальянцам⟩ о их славе языком страсти и поэзии» [191]. Впоследствии, живя в Париже, Тургенев часто навещал г-жу Рекамье — эту, по его словам, «европейскую знаменитую красавицу, еще милую, цветущую душою и сердцем и умом блестящим и образованным, освежаемым всеми приливами европейского общества» [192]. В юности Рекамье бывала в Лондоне и встречала там ряд людей, которых потом хорошо знал и Байрон. Однажды Рекамье представлен был Ричард Шеридан, создатель «Школы злословия». Один из рассказов Рекамье о Шеридане Тургенев вспомнил в 1830 г., прочтя только что вышедшую биографию Байрона, написанную Т. Муром.

Этот рассказ, комментирующий один из анекдотов, помещенных в книге Мура, Тургенев сообщил в письме к Вяземскому от 24 мая 1830 г.: «В записках Мура о Бейроне найдете, что Шеридан что-то сказал Бейрону о театре и Рекамье, но загадка не объяснена. Рекамье рассказала мне с прелестною простотою весь случай. В приезд ее в Лондон толпа обожателей окружила ее, но мать стерегла свое нетронутое сокровище и оборонила ее от неугомонных поклонников. Шеридан был тогда au pinacle парламентарной и театральной славы своей, и герцогиня Девонширская назначила ему место в своей ложе, чтобы представить его парижской красавице. Но вот беда: английский оратор не умел сказать двух слов по-французски, изъяснялся чрез переводчика с красавицей, но, обвороженный ее милым лицом, схватил платок ее и спросил у переводчика, как сказать «for ever»? «Pour toujours»,— отвечал он. Он поцеловал платок страстно и спрятал его, повторив ей слова: «Pour toujours». Этот анекдот пересказали, вероятно, Бейрону» [193]. Тургенев имеет в виду то место в книге Мура, где он приводит выдержку из дневника Байрона (Sunday, March 6, 1814): «Во вторник обедал вместе с Роджерсом,— присутствовали M-me de Stael, Mackintosh, Sheridan, Erskine, а также Payne Knight, lady Donegall и Miss R. Шеридан

КАПИТАН ГРЕЧЕСКОГО КУПЕЧЕСКОГО СУДНА.
ИЗ «АТЛАСА К ПУТЕШЕСТВИЮ...» В. П. ДАВЫДОВА
Литография
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

рассказал очень хорошую историю о себе самом и носовом платке M-me де Рекамье» [194].

Другой анекдот, «служащий к пополнению характеристики Байрона», услышанный из уст американца Джорджа Тикнора (1791—1871), будущего известного автора «Истории испанской литературы», Тургенев обнародовал в одной из своих корреспонденций серии «Хроника русского в Париже». «В 1815 году,— сообщает Тургенев со слов Дж. Тикнора,— когда еще Байрон был в ладах с женою, но уже не совсем с самим собой, Тикнор сидел в его кабинете, в самую ту минуту, когда Буржес, поэт и приятель Байрона, вбежал к нему с известием о победе при Ватерлоо, о которой он сам слышал от приехавшего курьером адъютанта Веллингтона: «J'en suis diablement fâche ⟨это мне чертовски досадно⟩,— пробормотал Байрон, прибавив à peu près ⟨приблизительно⟩ так: — J'espérais que la tête de Castlereagh serait mise à une pique; à présent, à ce qu'il parait, cela n'arrivera pas» ⟨Я надеялся, что голову Каслри наткнут на пику; теперь же, как кажется, это не случится⟩». Буржес ушел с досады от Байрона» [195]. «Многие в Англии опасались, что с низложением Наполеона и с торжеством партии тори ослабеют виги и возникавшие тогда радикалы»,— комментирует свою запись

Тургенев [196]; он мог бы к этому добавить, что под пикой, на которую, как надеялся Байрон, наткнут голову всесильного английского премьер-министра, английский поэт разумел русскую казачью пику.

Странствуя по Европе, Тургенев то и дело наталкивался то на свидетельства и воспоминания о Байроне, которые возбуждали в нем различные посещаемые им местности, то встречался с людьми, лично знавшими английского поэта. Так, в письме к Вяземскому из Женевы (от 9 июля 1833 г.) Тургенев сообщал: «Из своих окон Жуковский указал мне дом, где жил Бейрон в виду озера и Кларанса. Ввечеру ездил в Шильон, сходил в его сырое подземелье, снова постучал кольцом, к коему прикован был Бонивар: истории его не знал Бейрон и подражал эпизоду Уголина, заключенного в Пизской тюрьме <...> На одной из колонн в тюрьме Бейрон вырезал свое имя: под ним русские читают имя его переводчика — *Жуковский*; далее какой-то Толстой и легион неизвестных...» [197] В другом письме к тому же Вяземскому (от 9/21 июля 1833 г.) Тургенев писал опять: «Я снова обошел Монтре и на берегу озера, у Кларанса, близ домика, где жил и куралесил Бейрон, читал «Воспоминания Детуша» [198]. Объезжая берега Женевского озера, Тургенев, между прочим, посетил любительскую обсерваторию M-lle Sylvestre и сделал об этом следующую запись: «От нас ускользнуло какое-то светило,— и мы остановились на земном пункте, на котором некогда блистало минутно другое светило, также померкшее: дом Бейрона, на берегу озера, по левую его сторону» [199]. Стоило Тургеневу заглянуть в Венецию, он сейчас же наталкивался на вещественные следы жизни английского поэта в этом городе и на сохраняющиеся о нем здесь воспоминания: «гондольеры указывают мне на дом, где жил Бейрон и где еще на деревянном столбе, к коему прицепляют гондолы, хранится полустертый герб его; но еще ни один баркаролл не пропел мне стансов Тасса» [200].

Однажды, находясь в той же Женеве, Тургенев случайно встретился с известной из биографии Байрона графиней Терезой Гвиччьоли и ее русскими друзьями — Ф. А. Толстым, коллекционером и библиофилом, и его дочерью — Аграфеной Федоровной Закревской, воспетой Пушкиным и Баратынским. «Здесь русский Монфокон, сенатор гр. Толстой,— писал Тургенев Вяземскому (12 октября 1833 г.),—с ориентальными ониксами-камеями и с дочерью. Они живут в одном трактире с Бейроновою любовницею, которую я видел в театре. Она здесь с братом; в чертах лица, так, как и в убранстве волос, много оригинального, но не очаровательного. Верна памяти своего друга» [201].

17 октября Тургенев пишет вновь: «Возвратился из театра, где сидел в руссо-итальянской беседе с Закр<евской> и гр. Guiccioli, урожденной гр. Gamba, которая была в Лондоне, собрала завещанные ей Бейроном биографические записки, стихи и пр. и обещает издать их по подписке; по крайней мере, так говорила она Закревской» [202]. Как примечательна встреча этих двух светских героинь из Равенны и Петербурга, столь тесно связавших свои имена с русским и английским поэтами! Им было о чем поговорить — итальянской графине, вовлекшей Байрона в движение карбонариев, и ее русской приятельнице, которая «с своей пылающей душой» и «бурными страстями» (Пушкин, «Портрет»), «как беззаконная комета», проносилась по небосклону русского лицемерного «большого света». Тургенев с нескрываемым любопытством приглядывался к Терезе Гвиччьоли, прославленной героине одного из последних увлечений Байрона, и едва ли упустил случай завести с ней беседу об английском поэте; не подлежит сомнению, что Тургенев не раз говорил о Гвиччьоли своим петербургским и московским знакомым, еще в середине 30-х годов живо интересовавшихся всем, что связано было с Байроном.

В том же 1833 г., к которому относятся известия о Т. Гвиччьоли и ее русских друзьях, сообщенные Тургеневым Вяземскому, в Петербурге вышел в свет альманах «Альциона на 1833 год», в котором напечатано было стихотворение С. П. Шевырева «Камень Данта» [203]. Стихотворение это,

в особенности его вторая строфа, без комментария совершенно непонятно; немногие русские читатели в состоянии были догадаться, что здесь речь идет именно о Байроне и об отношениях его к Терезе Гвиччьоли:

В красавицах полуденных краев
Одна цвела красою незаметной,
Пока на ней Орла земных певцов
Не опочил случайно взор приветный;—
Он к ней на грудь с своих небес летал,
От горного полета утомленный,—
И луч певца над нею воссиял,—
И юноша, лучом тем ослепленный,
В ней полюбил не цвет, не красоту,—
Но грешную Байро́нову мечту [204].

Еще труднее было бы догадаться, что под юношей, ослепленным славой байроновской красавицы, Шевырев подразумевал самого себя; к счастью, он сам пояснил все это в письмах к М. П. Погодину, посланных из Рима в 1830—1831 гг. Еще в письме от 13 февраля 1830 г. Шевырев сообщил, что он видел Т. Гвиччьоли на каком-то балу; но его первое впечатление о ней было не очень благоприятным: «Я видел на бале любовницу Байрона Гвиччьоли: в этом у него предурной вкус. Она рыжая, шея очень бела, но вообще более дурна, чем хороша. Говорят, ума необыкновенного» [205].

Год спустя Шевырев отозвался о Гвиччьоли с бо́льшей заинтересованностью. Стихотворение «Камень Данта» датировано автором 7 апреля 1831 г.; посылая Погодину его текст при письме из Рима (от 21 апреля 1831 г.), Шевырев писал: «Прочел последние три тома «Записок» Байрона — и как это приятно! Внизу читаю о любви к Гвиччьоли, а из верхнего этажа слышу ее звуки. Она живет над нами, и я всегда засыпаю под ее голос: играет и поет до полуночи, и, кажется, живет музыкой. Пиеса ⟨т. е. стихотворение «Камень Данта»⟩ к ней относится, но я надеюсь ее прославить лично, ибо она очень интересна. Локоны волшебные и сравнение им готово. Не думай, чтоб я влюбился. Нет, я очень живу скромно» [206]. В 30-е годы имя Терезы Гвиччьоли, как любовницы Байрона, без стеснений упоминалось в русской печати. В русском издании «Записок о лорде Байроне» капитана Т. Медвина (1835) можно было, например, прочесть такое признание поэта: «Идею *Дантова пророчества* подала мне графиня Гвиччиоли. Тогда я за нею волочился...» [207] Автор помещенной в «Московском наблюдателе» «Повести о том, как Англия попала в Костромскую губернию», рассказывая, как английский путешественник по русской провинции был пленен русской девушкой, сделал следующее попутное замечание: «Я видел в Риме графиню Гвич..., страстно любимую лордом Байроном. Что же? Ни дать ни взять — шотландская молочница! Можно же извинить Тэлора, когда он влюбился в свежесть лица и лазурь очей нашей Полины,— он, напоминающий Байрона одним уменьем плавать и стрелять метко в цель» [208].

Впоследствии в приятельских отношениях с Т. Гвиччьоли находился С. А. Соболевский; они были в переписке, встречались в Италии и во Франции. В 1837 г. Т. Гвиччьоли послала Соболевскому «благоухающую вышивку, сделанную своими руками», дарила ему свои музыкальные произведения. Снабжала его рекомендательными письмами в Лондон, Манчестер и Ливерпуль, когда Соболевский был сильно увлечен бумагопрядильными фабриками и собирался насаждать их и в России [209].

Русские путешественники по Италии столь часто вспоминали о Байроне, что их слова и мемуарные записи становились своего рода штампами, вызывавшими даже сатирические нападки. А. Н. Майков в поэме «Две судьбы. Быль», действие которой развертывается в Италии, приводит, между прочим, разговор двух русских путешественников, который можно считать вполне типичным:

Граф

Кузина, я, княгиня, м-сье Терто,
Один француз, мы вместе изучаем
Здесь древности. Мы смотрим и читаем,

И спорим... Прелесть этот древний Рим,
Где Колизей и термы Каракаллы!
Поэзия! Не то, что фински скалы!
Жаль, умер Байрон! Мы бы, верно, с ним
Свели знакомство! С Байроном бы вместе
Желал я съездить ночью в Колизей!
Послушал, что бы он сказал на месте,
Прославленном величьем древних дней!
Как думаешь? Ведь это было б чудо!

Владимир

За неименьем Байрона, покуда
Я вам скажу, что лучше вам есть сыр,
Пить Лакрима, зевать на Торденоне,
Да танцевать на бале у Торлони,
С графинями не ездя в древний мир [210].

Когда в 1835 г. путешествовавший по Греции и Ионическим островам В. П. Давыдов посетил Афины, о. Занте и другие места, то образ Байрона витал перед ним неотступно. «Не один дух древности наполняет Афины,— писал он в своих «Путевых записках»,— гений новейших времен воздвиг себе здесь алтарь, и я не знаю другого, о ком вспоминаешь так часто, когда находишься в этом городе. Это тот мрачный, но увлекательный поэт, который не исключил из сердца, как Платон, все, что мешает жить приятно, для того чтоб оставить одно чистое наслаждение и найти «самую высокую гармонию», но употреблял гармонию, чтоб растрогать сердца описанием всех без исключения страстей человеческих. Он возбудил до такой степени наше участие своим восторгом и прелестными гречанками, изображенными в его поэмах, что мы беспрестанно о нем вспоминаем, когда находимся посреди народа, которому он посвятил последнюю часть своей жизни» [211]. В эти годы Давыдов мог еще встретить в Греции и на подробно описанном им о. Занте людей, хорошо помнивших Байрона [212].

Почти десятилетие спустя в сибирской глуши, отрезанный от всего культурного мира, но еще живший интересами своей юности, декабрист В. К. Кюхельбекер неожиданно встретил человека, лично знавшего Байрона. Горячка «байронических» лет, приведшая Кюхельбекера в ссылку, давно прошла; далеко позади было и то созданное им большое стихотворение, в котором он одним из первых оплакал у нас «британского барда» вскоре после его гибели; в прошлое отодвинулись и те стихи Кюхельбекера, в которых он по разным поводам прославлял любимого поэта. Однако отношение его к Байрону мало изменилось за истекшие десятилетия его жизни. В «Смерти Байрона» (1824), между прочим, описано, как Пушкину, «любимцу россиян», в южной ссылке («в стране Назонова изгнанья») о смерти Байрона возвещают «олицетворенные произведения последнего» и певцу «Руслана и Людмилы» являются их призраки:

Всех, всех, воскресших вижу вас,
Героев им воспетых — тени!
Зловещий Дант, страдалец Тасс
Исходят из подземной сени;
Гяур воздвигся, встал Манфред...

Сидя в каземате Свеаборгской крепости и готовясь к смерти, Кюхельбекер снова вспоминал Байрона и Пушкина, уверяя, что даже в раю он попытается встретить тени любимых поэтов:

И там я между ними буду Росс!
О Грибоедове скажу Мольеру,
И Байрону о Пушкине скажу...[213]

По прихоти своего воображения, Кюхельбекер нашел случай упомянуть о Байроне даже в своей драматической сказке «Иван, Купецкий сын», начатой в 1832 г., в том же Свеаборге, но оконченной лишь десятилетие спустя. Может быть, это своеобразно вкрапленное в драматическую сказку о новгородском купце воспоминание о Байроне и о заклейменном английским поэтом лорде Элгине — расхитителе скульптурных сокровищ афинского Парфенона — было для Кюхельбекера следствием его поистине неожиданной встречи с «знакомцем Байрона» в далекой таежной сибирской глуши.

БАЙРОН

Портрет работы Уэстолла из книги Медвина «Записки о лорде Байроне». СПб., 1835

Институт русской литературы, Ленинград

В январе 1840 г. Кюхельбекер вместе с семьей покинул Баргузин и приехал в маленькую крепость Акшу, расположенную у самой китайской границы. Здесь в июне того же года он встретил доктора М. А. Дохтурова, явившегося в Акшу для лечения членов семьи пограничного комиссара А. И. Разгильдеева. Вместе с Дохтуровым Кюхельбекер провел в Акше около недели; в своем дневнике (запись от 22 июня 1840 г.) он оставил характеристику нового знакомца, личность которого действительно была примечательной во всех отношениях. «Провел неделю, в которой отстал от всех своих занятий; зато познакомился с очень милым человеком, М. А. Дохтуровым,— писал Кюхельбекер.— Это тот самый маленький русский доктор, the little Russian doctor, о котором говорит Байрон; знакомец милорда-стихотворца, Трелавнея и теперь мой; он перебывал в университетах Дерптском, Берлинском. Гейдельбергском, в плену в Истамбуле, лекарем в Одессе, в Петербурге, наконец, в Нерчинских заводах,— сын он графини Толстой, племянник известного генерала, был когда-то адъютантом Закревского, знает по-немецки, итальянски, французски, восточные языки, новогреческий, пишет стихи, рисует, стреляет метко из пистолета, фигурка маленькая, черномазенькая; сыплет анекдотами, либеральничает немножечко и философствует, умен, любезен, вспыльчив, благороден, скуп — словом, европеец» [214]. Недолгие дни, проведенные Кюхельбекером в беседах с Дохтуровым, в течение которых «маленький русский доктор» едва ли успел пересказать ссыльному декабристу все этапы и события своей поистине авантюрной жизни, быстро прошли; но рассказы его были столь завлекательны, он вспомнил так много имен и лиц, что Кюхельбекеру захотелось творчески закрепить свои впечатления от этой интересной встречи. Кюхельбекер написал ему на прощание стихотворение, в котором изгнанник-поэт снова воссоздает кое-какие черты этого своеобразного человека, о котором будто бы некогда писал Байрон.

Обращаясь к М. А. Дохтурову в этом стихотворении, Кюхельбекер восклицал с горестью:

Так, знаю: в радужные дни
Утех и радостей, в круженьи света
Не вспомнишь ты изгнанника поэта;
Хоть в непогоду друга помяни!..

Кончалось же это послание,— в котором человек назывался «холопом судьбы» и пессимистически утверждалось, что «не был никому дарован век всегда безоблачный и ясный»,— призывом вспомнить поэта, затерянного в сибирской пустыне:

Когда нависнет мрак ненастный
И над твоею головой,
Пусть об руку с Надеждою и Верой,
Как прóсвет среди мглы взволнованной и серой,
Тебе предстанет образ мой [215].

Покидая Забайкалье в конце июля 1840 г., Дохтуров, в свою очередь, записал Кюхельбекеру на память прощальное стихотворение, которое декабрист занес в свой дневник. Не все в этих любительских и действительно не гладких стихах понравилось Кюхельбекеру, но зато «истинно-прекрасной» показалась ему одна из заключительных строф этого произведения, в котором автор как истый романтик с юношеским задором говорит об отношении к жизни и об ожидающей поэта посмертной славе:

* * *

Минута жизни, но удалой,
Отрадней многих тяжких лет;
И лучше гибнуть, но со славой,
Чем прозябать без бурь и бед.

О, не жалей же о свободе,
Ни о былом, знакомец мой,
Ты вечен в памяти народа,
А я все в гроб возьму с собой.

Последняя строфа, «если она внушена только искренностью, должна меня очень и очень утешать»,— не без самоудовлетворения заметил Кюхельбекер [216]. Однако и он, столь веривший в свое призвание, не мог предвидеть, что Дохтуров оказался почти прав и по отношению к самому себе, противопоставляя свою житейскую участь завидному уделу поэта. Дохтуров настолько забыт, что биография этого яркого и своеобразного человека воссоздается теперь с трудом и все еще зияет досадными пробелами; в особенности затруднительно проследить, как шли годы его юности. Е. Д. Петряев, затративший много сил на розыски архивных данных о Дохтурове и впервые составивший его краткое жизнеописание, заметил: «Встреча с Байроном произошла у Дохтурова, видимо, в 1823 году, во время восстания греков против турецкого ига» [217], но это пока лишь предположение, ничем еще не подтвержденное; не удалось также ни разыскать упоминаний о Дохтурове в мемуарах и письмах Трелоуни, ни установить, какой источник Кюхельбекер имеет в виду, цитируя слова о Дохтурове Байрона — «the little Russian doctor».

Так встречались Байрон и его русские современники на путях своих странствований в Европе и Азии [218]. Трудно, вероятно, найти другого английского поэта, о котором его русские почитатели могли бы узнавать из столь разнообразных источников. Англия, Швейцария, Италия и Греция одинаково много знали о нем; в Лондоне или Женеве, Венеции, Флоренции или Пизе, в Кефалонии или Миссолунги они встречали или его лично, или людей, близко его знавших, или, наконец, память о нем. Но это вызвано было не только сложными путями его личных скитаний, но и той международной политической ролью, какую он играл при жизни и какая сделала из него любимца мыслящего общества разных стран, и мятежного борца, за которым с тревожным вниманием следили дипломаты целой Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Byron G. Works. Letters and Journals, ed. by Rowland E. Prothero. London, 1898—1903, v. 1 p. 225.— В дальнейшем сокращено: Byron. L. J.

[2] Ср.: W. C. Brown. Byron and English interest in the Near East.— «Studies in Philology», 1937, v. 34, N 1, p. 55—64.

[3] Byron. L. J., v. III, (1899), p. 93.

[4] Там же, с. 93. О прибытии Александра I и его свиты в Англию см.: М. И. Богданович. История царствования имп. Александра I и России в его время, т. IV. СПб., 1869, с. 543—544. Выдержки из английских периодических изданий 1814 г. («Times», «The Gentleman's Magazine» и др.) о пребывании Александра I в Лондоне между 6 и 27 июня этого года, в русских переводах Ю. В. Толстого, напечатаны в «Русской старине», 1892, № 8, с. 347—363.

[5] «Русский архив», 1915, № 8, с. 391—393 (письмо Козловского к его сестре Анне Борисовне от 20 ноября 1812 г.)

[6] Г. Струве. Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики кн. П. Б. Козловского. Сан-Франциско, 1950, с. 11 со ссылкой на изд.: «The Bath archives. A Further Selection from the Diaries and Letters of Sir Jackson, K. C. H. From 1809 to 1816». Edited by Lady Jackson. 2 v. London, 1873.

[7] Историю этой карикатуры см.: Г. Струве (там же, прилож. XIV, с. 149—152; воспроизведение — между с. 10—11). Лорд Мамсбери (1746—1820), бывший в России послом при Екатерине II, впоследствии встречавшийся с Козловским в Англии, сделал такую пояснительную надпись на принадлежавшем ему экземпляре карикатуры: «Русский, по имени князь Козловский или l'aimable roué ‹любезный повеса›, как он себя сам называл, и графиня Ливен, супруга русского посла, вальсируют в Девоншир Хауз, май, 1813». Дарья Христофоровна Ливен (1785—1857), сестра А. Х. Бенкендорфа, жена дипломата Х. А. Ливена (1777—1838). См. также: «Letters of Dorothea, princess Lieven during her residence in London. 1812—1834, ed. by L. Robinson». London — N. Y., 1902. Об акварельном, слегка *шаржированном* портрете Козловского, относящемся к тому же пребыванию его в Англии (как видно из надписи l'aimable roué и даты: Лондон, 1813) см.: Г. Струве (там же, с. 152—153; воспроизведение между с. 154—155): она изображает «любезного повесу» верхом, вероятно, на утренней прогулке в Хайд-парке. Карикатуры «лондонского образца» весьма интересовали русских путешественников: см.: напр. письмо С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву из Лондона (от 28 февраля 1815 г.), в котором идет речь об английских карикатурах против хлебных законов (Г. М. Котляров. Письма С. Г. Волконского к П. Д. Киселеву 1814—1815 гг.— «Каторга и ссылка», 1933, № 2, с. 107 и 119).

[8] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, с. 52; В. В. Пугачев. Кн. П. Б. Козловский и декабристы.— Уч. зап. Горьковского гос. ун-та, серия историко-филологическая, в. 58, 1963, с. 477—500.— В. Я. Френкель. Петр Борисович Козловский (1783—1840). Л., 1978.

[9] Это воспоминание А. И. Тургенева о Козловском датировано «11 апреля (30 марта) 1842, в Париже», но возможно, что — как полагал В. М. Истрин, редактор «Писем и дневников А. И. Тургенева»,— это «текст Слова» Тургенева над свежей могилой Козловского» (Г. Струве, с. 72).

[10] П. А. Вяземский. Князь Козловский.— Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1882, с. 246.

[11] Там же, с. 242.

[12] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 52; ср. здесь же, с. 41, 42, 49, 57 и др.

[13] Там же, с. 84.

[14] Две малозначительные политические брошюры Козловского напечатаны в приложении к книге: Dr. Wilhelm Dorow. Fürst Kosloffsky. Kais. russ. wirkl. Staatsrath, Kammerherr etc. Leipzig, 1846.

[15] «Русский архив», 1865, стб. 655; П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. II, СПб., 1879, с. 292—294.

[16] Пушкин, т. III, с. 430.

[17] Об отношении Байрона к принцу-регенту и возглавлявшемуся им высшему свету см.: E. Kranz. Der Prinz-Regent und spätere Georg IV als Gegenstand d. Satire bei Thom. Moore and Byron. Stuttgart, 1912.

[18] Byron. L. J., v. III, p. 23.

[19] Th. Moore. The Life, Letters and Journals of Lord Byron. London, 1860, v. IV, p. 239.

[20] Byron. L. J., v. III, p. 23. Имеются в виду, вероятно, два письма Козловского к М. С. Воронцову 1817 г., напечатанные в «Архиве кн. Воронцовых». кн. XXXVI, с. 443—444. «Ты заменил князя Козловского обедами у посла»,— писал А. И. Тургенев Вяземскому 18 октября 1838 г. («Остафьевский архив», т. IV. СПб., 1899, с. 49).

[21] Byron. Works. Poetry, ed. by E. H. Coleridge. London, 1893—1903, v. VI, p. 307.— В дальнейшем сокращенно: Byron. Poetry.

[22] Marquis de Custine. La Russie en 1839, t. I. Paris, 1843, p. 146 (здесь и далее Козловский назван «le prince K ***»).

[23] Там же, т. I, с. 189—197. (Кюстин датирует рассказ Козловского «9 июля 1839, в восемь часов вечера, на борту пакетбота Николай I»); рассказ этот перепечатан также в кн.:

W. Dorow, p. 145—153. В русском издании книги Кюстина («Николаевская Россия»). Пер. С. Гессена и А. Предтеченского. М., 1930, с 41) эпизод об Унгерн-Штернберге несколько сокращен; мы, в свою очередь, не воспроизводим приводимые Кюстином реплики слушателей рассказа Козловского. После того как он был закончен, между Козловским и Кюстином возник оживленный спор о преимуществах и недостатках двух английских писателей — Байрона и В. Скотта; на замечание Кюстина, что «выдумки (mensonges) В. Скотта создают бо́льшую иллюзию, чем точность (l'exactitude) Байрона», Козловский возразил, что «В. Скотт изображает, а Байрон творит. Последний не заботится о действительности, даже когда встречает ее; первый инстинктивно ее чувствует, даже когда выдумывает», и т. д. (с. 197). Что касается рассказа об Унгерн-Штернберге, то история его, вероятно, известна была Козловскому в устной передаче кого-либо из его современников, так как слухи о преступном бароне были широко распространены в Петербурге»; однако они были зафиксированы и в печати. Так, П. П. Свиньин в книге «Воспоминания на флоте» (ч. I, СПб., 1818, с. 11—12) приводит следующую выдержку из своего дневника, относящуюся к 1806 г.: «Сердце обливается кровью, человечество содрогается при воспоминании о ужасных злодеяниях барона ***, владельца острова Дато, открытых в 1802 г. одною женщиною, спасшеюся чудесным образом из погребов его замка. В продолжение 10 лет злодей сей в осенние бурные ночи переставлял маяки с одного места на другое, дабы корабли, обманувшись ложным светом, разбивались у берегов острова. Тогда он с шайкою своею нападал на них, расхищал груз, а спасшихся людей убивал. Чтоб успешнее обмануть мореплавателей, он проваживал ночью по берегу хромоногих лошадей с фонарями, кои казались мореходцам другими кораблями, идущими по одинаковому с ними направлению. Заключение в Сибирь было уделом сему злодею, а позор, покрывший имя его, так поразил одного из его сыновей, чувствительного молодого человека, что он помешался в уме. Сему содействовал и отказ обожаемой им невесты, последовавший тотчас по разглашении сего происшествия». Стоит отметить, что история этого барона-мизантропа и пирата впоследствии не один раз послужила сюжетом для различных литературных произведений. В середине XIX в. в Бельгии была издана повесть Гондрекура «Башня о. Даго» (A. de Gondrecourt. La tour de Dagö. 2 v. Bruxelles, 1852); в следующем году она вышла в свет в немецком переводе «Der Thurm von Dagö». Von A. v. Gondrecourt, übersetzt von J. A. Streitfeld. 5 Theile. Leipzig, 1853). Об исторических и топографических ошибках этой повести см. в указателе В. А. Бильбасова «История Екатерины II», т. XII, ч. 2 (Берлин, 1898). с. 278 (№ 1022) и с. 299 (№ 1028). Впоследствии под тем же заглавием («A Dagöi torany») был издан роман плодовитого венгерского романиста М. Иокая (см.: Jean Hankiss. Jókai et le France. — «Revue de Littérature comparée», 1926, p. 260). Отметим также, что барона Унгерна упомянул Достоевский в записной книжке к «Преступлению и наказанию», в довольно примечательном ряду среди героев Нодье (Жан Сбогар) и Ж. Санд (Ускок). В комментарии к этой записи говорится: «В народной эстонской поэзии 〈?〉 известна легенда о разбойнике, графе 〈?〉 Унгерне, владельце рыцарского замка на острове Хийумаа (в старых летописях — о. Даго), который составил несметное богатство ценой преступлений: во время бурь он гасил огни маяка, при помощи фальшивых огней наводил корабли на скалы и рифы и грабил разбитые суда. Достоевский мог слышать об Унгерне еще в 1840-х годах во время пребывания в «рыцарском городе Ревеле» у М. М. Достоевского, военного инженера Ревельской полевой команды...» В черновиках к «Подростку» Достоевский также несколько раз упоминает Унгерна, напр.: «Унгерн-Штернберг 〈...〉 Необитаемого острова властелин» был предметом тайных мечтаний подростка до того, как его стала посещать идея Ротшильда» (ЛН, т. 77, 1965, с. 89, 138, 243, 252, 261. Ср.: Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Изд. подготовили Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М., 1970, с. 495, 782).

[24] А. Н. Веселовский. Байрон. Изд. 2-е. М., 1914, с. 95.

[25] P. Holzhausen. Bonaparte, Byron und die Briten. Frankfurt, 1904; Gerhard Eggert. Lord Byron und Napoleon. Leipzig, 1933; И. Г. Гуткина. Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 года. — «Новая и новейшая история», 1962, кн. 5, с. 90; M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia 1553—1815. London, 1958, p. 217.

[26] А. А. Елистратова. Байрон. М., 1956, с. 217—218; ср. также письмо Бейля к г-же Беллок о лорде Байроне — «Вестник Европы», 1829, № 1, с. 65—75 («Стендаль. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке». М., 1961, с. 62, № 242.

[27] Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. IV. М., 1892, с. 39; о П. В. Чичагове — см.: П. Н. Семенов. Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П. И. Барановым. М., 1886, с. 89—229 (обширный биографический очерк, составленный по архивным данным и печатным источникам).

[28] Joseph de Maistre. Mémoires politiques et correspondance diplomatique. P., 1858, p. 307; ср. «Русский архив», 1871, № 6, с. 121—122.

[29] Л. Чичагов. Архив адмирала Чичагова, в. 1. СПб., 1885, с. 122. После смерти П. В. Чичагова остались его «Записки», напечатанные в «Архиве кн. Воронцовых» (см.: т. VIII, с. 212; т. XIII, с. 160, 173; т. XIX, с. 428) под заглавием: «Записки адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал». С ними не следует смешивать другие «Записки» его, до нас не дошедшие. По словам Леонида Чичагова, «многие французские и английские литераторы упрашивали адмирала дать им его «Записки» 〈...〉 Всем им он наотрез отказывал, и черновые письма его к этим лицам сохранялись в нашем семейном архиве» (там же, с. 33). Эти «Записки» были написаны по-французски и по-

итальянски. С ними не имеют ничего общего те его поддельные «Мемуары», которые один из родственников мужа его дочери (Екатерины du Bouzet) опубликовал первоначально в «Revue Contemporaine» и затем отдельно в Берлине («Mémoires inédits de l'amiral Tchichagoff», 1855; 2-е изд. Leipzig et Paris, 1862). Эти «Мемуары» вызвали много толков и обвинений; между тем, они состоят из нескольких листиков подлинных записок адмирала, случайно попавших в руки издателя, а также краткой биографии Чичагова, написанной Эмилем Шалем (Emile Chasle) и нескольких рассказов дипломата-англичанина, взятых из книги «Eastern Europe and the Emperor Nicholas».

[30] Л. Ч и ч а г о в. Указ. соч., в. 1, с. 125.

[31] Различные варианты этих рассказов, которые интересно сравнить с приводимой ниже цитатой из «Воспоминаний» Дж. Гобхауза, находятся в «Записках» М. Д. Бутурлина («Русский архив», 1897, № 2, с. 247), Ф. Ф. Вигеля (М., 1892, ч. II, с. 6 и ч. IV, с. 39, 81), Н. И. Греча («Записки о моей жизни». СПб., 1886, примеч., с. XXXVIII), А. П. Ермолова («Записки». М., 1863, с. 264—279), в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского («Девятнадцатый век», историч. сборник, изд. П. Бартеневым. М., 1872, кн. 2, с. 281, 296. Ср. его же письмо к А. Я. Булгакову — «Русский архив», 1893, № 5, с. 104) и в ряде других источников. Их записала даже в своем дневнике находившаяся в Петербурге в 1813 г. и вращавшаяся в петербургском высшем свете леди Литлтон: «Correspondence of Sarah Spencer, Lady Littleton». London, 1913. (Цит. по статье: А. Б е л о в. Иностранцы о России.— «Исторический вестник», 1914, № 11, с. 615—623). В 1814 г. С. Г. Волконский встретил Чичагова в Лондоне, но отозвался о нем довольно неодобрительно («Записки». СПб., 1901, с. 347—348).

[32] Эпиграмма на Чичагова Державина (Сочинения, изд. Я. К. Грота, т. III. СПб., 1866, с. 451) находится в несомненной связи с упомянутой ниже карикатурой на «земноводного» генерала:

Смоленский князь Кутузов
Предерзостных французов
И гнал, и бил,
И, наконец, им гибельну он сеть связал;
Но земноводный генерал
Пришел,— да все и распустил.

(О басне Крылова «Щука и кот» см.: В. Ф. К е н е в и ч. Историческое значение басен Крылова.— «Записки Академии наук», 1864, т. IV, с. 164).

[33] «Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу». М., 1895, с. 98. Ср. позднейший отзыв о Чичагове А. И. Тургенева, после встречи с ним в Париже, в его дневнике 13/25 декабря 1825 г.: «Чичагов, непримиримый враг русского правительства, смелый говорун в собрании министров и Совета, мечтающий иметь право злословить Россию в лице ее правителей и привязавший имя свое к некоторым внутренним происшествиям России и к звезде Наполеона, не от него померкшей...» (А. И. Т у р г е н е в. Хроника русского. Дневники. М.— Л., 1964, с. 379).

[34] П. Н. С е м е н о в. Биографические очерки сенаторов..., с. 191.

[35] Там же, с. 214.

[36] «The Works of Jeremy Bentham», publ. by John Bowring. Edinburgh, 1843, v. X, p. 477—478, 485—487. Живя в Англии, Чичагов сблизился с Бентамом. Бауринг приводит отрывки из писем Чичагова к Бентаму (из Лондона, в июле и августе 1825 г.); весьма любопытные для характеристики личности адмирала. Ср.: А. Н. П ы п и н. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917, с. 40.

[37] B r o u g h t o n, Lord (John Cam Hobhouse). Recollections of a long life. London, 1909, v. II, p. 13—14. О значении этого источника для биографии Байрона см. в статье: Leopold B r a n d e. Die Broughton-Papers und ihr Verhältnis zu Byron Frage.— «Englische Studien», 1909, v. XLI, p. 267—288.

[38] О начале знакомства в России с произведениями Байрона см.: В. И. М а с л о в. Начальный период байронизма в России. (Критико-библиографический очерк). Киев, 1915. Маслов считает (с. 4), что одним из первых заговорил у нас о Байроне издатель «Вестника Европы» М. Т. Каченовский, так как «с 1818 г. он начал печатать в своем журнале различные статьи и заметки о нем», а в 1821 г. выпустил уже небольшую хрестоматию из его произведений, переведенных прозой («Выбор из сочинений лорда Байрона». М., 1821); библиографический перечень русской литературы о Байроне, опубликованный в этой работе (с. 51 и сл.), также начинается указанием на переведенную с французского (из женевской «Bibliothèque Universelle») заметку о Байроне, помещенную в «Вестнике Европы» 1818 г. (ч. 99, № 9, с. 42) в статье «Обозрение нынешнего состояния английской литературы». Однако С. С. Уваров писал В. А. Жуковскому 20 декабря 1814 г. о Саути, что это «очень посредственный поэт или, лучше сказать, совсем не поэт», и прибавлял: «Теперь у англичан их только два: Walter Scott и Lord Byron. Последний превышает, может быть, первого» («Русский архив», 1871, стб. 0163; «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу», с. 134). Вскоре в журнале В. В. Измайлова «Российский музеум» (1815, № 1, с. 37—42) появилась рецензия на первое лондонское издание поэмы «Корсар» под заглавием: «Морской разбойник, в трех песнях, сочинение Лорда Бирона» («The Corsair, a tale». Лондон, 1814); кстати, в той же книге журнала помещено известие о выходе «Путешествия в Албанию» Гобхауза. Что касается К. Н. Батюшкова, то его перевод отрывка из IV песни «Чайльд Гарольда» сделан был в Неаполе в июле или августе 1819 г. с французского списка

или итальянского переложения в то время, когда Батюшков находился на дипломатической службе в Италии (см. ЛН, т. 16-18, 1934, с. 888, 902; К. Н. Батюшков. Полн. собр. стихотворений. Ред. Н. В. Фридмана. М.— Л., 1964. с. 318—319), но напечатан был этот перевод лишь позднее — в «Северных цветах» на 1828 г.; в то же время П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу (от 17 октября 1819 г.) из Варшавы привел ему в переводе отрывки в прозе из той же IV песни «Чайльд Гарольда» («Остафьевский архив», т. I. СПб., 1899, с. 330—332). В ответ на это Тургенев писал ему в Варшаву: «Итальянцы, как и вы же, висляне и невяне, переводят поэмы Байрона и читают их с жадностью» (там же, т. II. СПб., 1899, с. 5). Ср.: Н. Л. Бродский. Байрон в русской литературе.— «Литературный критик», 1938, № 4, с. 114—142.

[39] Byron. Works, v. VI. London, 1903, p. 306—307. В указанной строфе «Дон Жуана» Байрон приводит целый ряд русских фамилий, ради их звучания (to increase our euphony), среди них встречаются почти правильно транскрибированные (Serge Low, Arsniew), другие — искажены, трудно сказать, намеренно или случайно. Английский комментатор «Дон Жуана» поправляет поэта, говоря, что вместо Strongenoff следует читать Strogonof; вместо Tschitsshakoff — Tchichagof; вместо Chokenoff — Tschoglokof и т. д., но не объясняет, что во время совместных военных действий против Наполеона в английской печати часто упоминались (иногда с ошибками) русские имена и фамилии, непривычные по звучанию, и невольно вызывавшие попытки читателей истолковать их с помощью народной этимологии. Такую тенденцию распознал Н. М. Лонгинов, сообщавший в письме из Петербурга в Лондон гр. С. Р. Воронцову (13 ноября 1812 г.), когда успехи русских армий стали очевидными: «Вот настоящая минута повторить английский каламбур на Кутузова, сделав из его имени фразу: cut — us — off» ‹т. е. отрезал нас› («Русский архив», 1912, № 4, стр. 531). Что касается указанных стихов Байрона, переполненных русскими фамилиями, то их помнили у нас долго. В рецензии на «Практическую грамматику русского языка», изданную на английском языке Дж. Гердом (СПб., 1827), в русском журнале писали: «В одной из последних песней своего Дон Жуана лорд Бейрон шутит над эвфониею русских собственных имен. Не дивимся: почтенный лорд, верно, не умел их выговаривать» («Сын Отечества», 1827, № 5, с. 102).

Тем не менее Байрону еще несколько раз представлялся случай засвидетельствовать, что он понимает значение ряда русских слов. В IX песни «Дон Жуана» (строфа XXX) Байрон, говоря о своем герое, употребляет слово «кибитка» и поясняет в соседних стихах, заключенных в скобках, что оно обозначает («проклятый вид повозки без рессор, которая все кости растрясет на дурных дорогах»):

> And there in a *kibitka* he rolled on,
> (A cursed sort of carriage without springs,
> Which on rough roads leaves scarcely a whole bone)...

(Byron. Works, v. VI, p. 383). Пушкин в своих «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» (1827) обратил внимание на это экзотическое слово в английском поэтическом тексте и заметил, что Байрону все же осталась непонятной та картина, которую он хотел изобразить: «Дон Жуан отправляется в Петербург в *кибитке*, *беспокойной повозке без рессор*, *по дурной*, *каменистой дороге*. Измаил взят был зимою, в жестокой мороз. На улицах неприятельские трупы покрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: Помилуй бог как чисто!.. Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные» (Пушкин, т. XI, с. 55). Отметим также, что еще в VIII песни «Дон Жуана» (строфа CXXXIII) Байрон процитировал легендарное донесение Суворова (Suwarrow), посланное им императрице в виде лаконического двустишия:

> «Glory to God and to the Empress! (*Powers*
> *Eternal! Such names mingled!*) Izmaïl's ours».

Это — перевод двустишия, сочиненного полководцем и посланного Екатерине II (будто бы после взятия Туртукая):

> Slava bogu! Slava vam!
> Krepost vzata i ya tam!

Байрон взял его из книги В. Тука (W. Tooke. Life of Catherine II. Dublin, 1800, t. III, p. 278), где оно приведено «по-русски» (т. е. в транскрипции) и в английском переводе; при этом Байрон не удержался от негодующего восклицания после первого стиха: «Силы небесные! Какие имена смешиваются!» (Byron. Works, v. VI, p. 370). В конце следующей строфы «Дон Жуана» Суворов-поэт снова приравнен Байроном к Нерону, слагавшему стихи при виде пылавшего Рима (VIII, CXXXIV), а в песне IX (строфа LX) вновь упомянуты «стишки безумного Суворова (mad Suwarrow's rhymes).

Примерно на таком же уровне находилось знакомство с русским словарем других английских поэтов, напр., Томаса Мура. Друг и биограф Байрона, в одной из своих политических сатир «Побасенки для Священного Союза» (1823, fable V), говоря об Александре I, вставляет в свой политический текст русское слово «указ», но употребляет его во множественном числе и притом в английском произношении (ukases, т. е. юкейзис) для рифмы с

английским словом praises («прейзис» — «хвалы»):

When he, too, winds up his *Ukases*
With God and the Panagia *praises*

(Th. M o o r e. Poetical works, ed. Godley. London, 1915, p. 499). В другом небольшом произведении Мура «Вечера в Греции» («The Evenings in Greece»), серии песен, исполняемых девушками греческого острова Зиа, нежданно проявило себя знакомство поэта с русским названием музыкального инструмента. Одна из песен называется «The Romaika»:

When the Balaika
Is heard o'er the Sea —
I'll dance the Romaika
By moonlight with thee...

Когда над морем слышится балайка,
Я хочу танцевать с тобою ромайку
При лунном свете...

К слову «Balaika» сам Мур сделал следующее примечание: «Вероятно, это слово я употребил неправильно, лишив его одного слога. Д-р Кларк, если я не ошибаюсь, пишет *балалайка*» (имеются в виду «Путешествия» д-ра Кларка, заключающие в себе описание Греции и ее островов).

Ко всему сказанному о русском языке в Англии в 20-е годы, добавим также, что в английской печати появлялись тогда ложные переводы с русского и что русскими искусственными именами или фамилиями пользовались как псевдонимами для сокрытия подлинного авторства. Так в 1822 г. в Лондоне появилась небольшая брошюра, предостерегавшая англичан от пожертвований в мнимо-благотворительные, на самом деле жульнические общества; на титульном листе она названа «переводом с русского языка», а ее автором — «General *Dobrodaytel*», будто бы написавший ее в «Петербурге, в ноябре 1821». Об забавном псевдониме, восходящем к русскому слову «добро» или производном от него, см. заметку: «Псевдо-переводы с русского».— «Русский архив», 1866, стб. 216.

[40] Ср.: Н. У с т р я л о в. История царствования Петра Великого. СПб., 1858, т. I, с. XL. Е. Скайлер высказывал догадку, что героем одного приключения в «Дон-Жуане» был граф Остерман-Толстой, «так как он был тем красивым молодым поручиком, который привез Екатерине II известие о падении Измаила» («Русская старина», 1890, № 9, с. 645).

[41] «Русский архив». 1908, кн. III, с. 294; 1899, № 8, с. 475.

[42] «Дневник А. С. Пушкина» (Труды Всесоюз. Румянцевского Музея, в. 1). М., 1923, с. 397.

[43] «Дневник А. С. Пушкина». Под ред. Б. Л. Модзалевского. М., 1923, с. 150—151.

[44] С. Н. Д у р ы л и н. Русские писатели у Гете в Веймаре.— ЛН, т. 4-6, 1932, с. 415.

[45] W. Biedermann, впервые напечатавший текст «Разговоры с русским графом С. «в своей книге «Разговоры Гете», сожалел, что источники этого рукописного отрывка, сохранившегося в копии, «не могут быть указаны»; во втором издании своей книги (Leipzig, 1910, B. IV) Бидерманн воспроизвел этот разговор с уточненными в заголовке данными: «(1825—1830). Graf Alexander Grigoriewitsch Stroganoff», но принужден был все же отметить, что рассказ этот остается для него «загадочным». Краткие биографические данные о «графе С.» в указателе ко второму изданию «Разговоров Гете» даны в следующем виде: «Строганов Александр Григорьевич, граф (ум. в 1857), русский государственный деятель, посол в Мадриде 1805—1808, потом в Стокгольме, в Константинополе,1821; потом в путешествиях». С. Н. Дурылин, посвятивший «графу С.» особую главу своего исследования «Русские писатели у Гете в Веймаре» (ЛН, т. 4-6), справедливо отметил (с. 412—413), что в этой биографической справке два-три факта относятся к биографии не А. Г.Строганова (которого Дурылин считает более вероятным автором «Разговора»), но его отца Григория Александровича, знаменитого дипломата. Отметим со своей стороны, что допущенное здесь смешение двух Строгановых, Г. А. (1770—1857) и А. Г. (1795—1891), не устранено было и после авторитетных разъяснений Дурылина. Интересующий нас «Разговор» вошел в хрестоматийную книгу: Walther V i c t o r. Goethe im Gespräch. Eine Auswahl. Berlin und Weimar, 1967; он напечатан здесь (с. 161—173) под заглавием: «Встреча с всемирным путешественником» с подписью «Graf Stroganow» и датой «между 1825 и 1830», а в кратком пояснении к тексту сообщается, что автором его был «граф Александр Строганов, 1770—1857» (!), «русский государственный деятель, министр иностранных дел, много путешествовавший за границей (с. 263). Путаница увеличилась вследствие того, что П. И. Бартенев, по свидетельству цитирующей его слова Адельгейды фон Шорн, будто бы утверждал, что «так как в числе посетителей Гете были графы Александр и Алексей Григорьевич Строгановы», то «первый, старший (брат) должен быть автором рассказа» (Д у р ы л и н, с. 411), но хотя в самом рассказе действительно упомянут младший брат автора, Алексей, находившийся с ним в Веймаре, но в том же рассказе идет речь о пребывании его в Стамбуле в качестве дипломата! Последнее утверждение есть также в очень точных записях канцлера фон Мюллера о «графе Строганове», явившемся в Веймар 16 февраля 1823 г. и проведшем здесь четыре дня (Kanzler Fr. von M ü l l e r. Unterhaltungen mit Goethe. Kritische Ausgabe besorgt von Ernst Grumach. Weimar, 1956, S. 60—62). В напечатанном в этом же издании письме фон Мюллера к Кнебелю (от 22 февраля 1823 г.) говорится: «Строганов провел здесь

4 дня. Я никогда не видел более тонкого, непринужденного, любезного и отличающегося такой снисходительностью русского дипломата. Рассказы его ‹...› о Стамбуле были столь же остроумны, как и приятны» (с. 298). В указателе к этой книге (с. 405) имя Строганова снова раскрыто как «Stroganow, Alexander» и вновь сообщаются даты рождения и смерти его отца: 1770—1857. В более позднем сокращенном издании того же источника (Kanzler von M ü l l e r. Unterhaltungen mit Goethe. Kleine Ausgabe, hrsg. von E. Grumach-mit Anmerkungen von Renate Fischer-Lemberg. Weimar, 1959, S. 229) к записям Мюллера дается такое пояснение: «Stroganow: Georg Alexander, Graf, 1770—1857, russische Staatsmann, den Müller am 16 Febr. bei Hofe kennengelernt hatte». Если справедливо предположение, что в Веймар к Гете приезжал А. Г. Строганов, то «Разговор» следует датировать *февралем* 1823 г., т. е. до смерти Байрона. Биографические сведения, которые об А. Г. Строганове приводит Дурылин (указ. соч., с. 415), оговариваясь, что остаются «неизвестными точные место и время дня его встречи с Байроном», следует несколько пополнить; точные справки о датах жизни А. Г. Строганова приведены С. П. Шестериковым в статье «Одна из воспетых Пушкиным», о графине Наталье Викторовне Кочубей, на которой А. Г. Строганов женился в сентябре 1820 г. (сб. «Пушкин. Статьи и материалы», в. 1. Одесса, 1925, с. 43). Как известно, Байрон пробыл в Венеции с ноября 1816 г. (с выездами в другие места Италии) до мая 1819 г.; А. Г. Строганов же — по тем данным, которые приводит С. П. Шестериков на основании его служебного формуляра,— в 1815 г. был назначен адъютантом к инспектору артиллерии; в том же году получил чин подпоручика, а затем (в январе 1818 г.) был назначен адъютантом к начальнику Главного штаба, кн. П. М. Волконскому. О пребывании его в Венеции ничего не известно; характерно, что Шестериков начинает свою биографическую справку о нем указанием, что он является сыном «прославленного Байроном победителя женских сердец, знаменитого дипломата барона Григория Александровича Строганова» (с. 36—37). О Г. А. Строганове см.: Н. М. К о л м а к о в. Дом и фамилия графов Строгановых («Русская старина», 1887, № 4, с. 82). Дальнейшие разыскания об авторе «Разговора» с Гете «графа С.» очень желательны.

[46] Цитирую по переводу М. Моисеевой, приведенному в указ. исследовании Дурылина (с. 408—409); он сделан по второму изданию «Gespräche mit Goethe» W. Biedermann'a. Leipzig, 1910, t. IV, p. 403—412. Никаких разъяснений по поводу этой беседы не находим мы в лучшей до настоящего времени монографии об отношениях Гете и Байрона: J. R o b e r t s o n. Goethe and Byron (Publications of the English Goethe Society, new ser. II). London, 1925, p. 44.

[47] Еще в 1885 г. И. Х‹аненко› в заметке «Лорд Байрон о пожаре Москвы 1812 года» («Русский архив», 1885, № 3, с. 415) дал перевод этой строфы из «малоизвестной у нас политической сатиры Байрона». Ср. еще: К. Т и м и р я з е в. Пророчество Байрона о Москве (отд. оттиск из журнала «Коммунистический Интернационал», 1919, № 4, с. 483—486). Приводим несколько относящихся к Москве стихов из «Бронзового века»:

...with spire
And palace fuel to one common fire,
To this the soldier lent his kindling match,
To this the peasant gave his cottage thatch,
To this the merchant flung his hoarded store,
The prince his hall — and Moscow was no more!
Sublimest of volcanos! Etna's flame
Pales before thine, and quenchless Hecla's tame;
Vesuvius shows his blaze, an usual sight
For gaping tourists, from his hackney'd height:
Thou stand'st alone unrivall'd, till the fire
To come, in which all empires shall expire!

В переводе Г. А. Шенгели (Б а й р о н. Поэмы. М., 1940, т. II, с. 193):

Летел пожар по замкам и церквам;
В дома солдат зажженный трут совал;
В огонь мужик солому с крыш таскал;
В огонь купец подваливал товар,
Князь жег дворец,—и нет Москвы: пожар!
Что за вулкан! Потускли перед ним
Блеск Этны, Геклы вечно рдяный дым;
Везувий смерк, на чей привычный свет
Глазеть туристы любят из карет.
Нет у Москвы соперников,— лишь тот
Грядущий огнь, что троны все пожрет!

[48] Сводку этих параллелей см.: Н. О. Л е р н е р. Пушкинологические этюды.— «Звенья», V. М.— Л., 1935, с. 140—143.

[49] «Остафьевский архив», т. II, с. 170—171.

[50] Там же, с. 367. Ср. слова Вяземского о Байроне в его «Письмах из Парижа» (1826): «Байрон в самых поэтических и своенравных порывах гения, чудного во всех значениях сего слова, неожиданно и ярко выбрасывает свои мнения политические и говорит в стихах

то, что говорил бы прозою в верхней палате, если бурный жребий поэта не обратил бы шотландского пэра в беспокойного и странствующего Чайльд Гарольда или в необузданного проказника Дон Жуана» (Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, с. 223—224).

[51] «Северные цветы» на 1828 год. СПб., 1827, с. 219—220; ср.: Н. К. Козмин. Пушкин о Байроне.— Сб. «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, с. 99—112. Что касается указания Пушкина на «политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время суворовских войн», которая напоминает сон Сарданапала в IV акте байроновской драмы (ср.: Пушкин, т. XI, с. 55), то Ю. Г. Оксман разъяснил: «Карикатура, о которой говорит Пушкин, издана была не в Варшаве, а в Лондоне в 1795 г. В ней изображен был Суворов, подносящий Екатерине II отрубленные головы польских женщин и детей» (Пушкин. Собр. соч., т. 6. М., Гослитиздат, 1962, с. 474).

[52] Русский «байронизм» 20-х годов исследован довольно подробно. Основные указания можно найти в работах: А. Н. Веселовский. Этюды о байронизме.— «Этюды и характеристики». М., 1907, с. 388—564; В. И. Маслов. Начальный период русского байронизма. Киев, 1915; Л. П. Гроссман. Русские байронисты.— «Байрон. Сборник статей». М., 1924, с. 61—76; В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Л., 1978; Ernest J. Simmons. English Literature and Culture in Russia. Cambridge, Mass., 1935 («Byron in Russia», p. 269—307); Н. Л. Бродский. Байрон в русской литературе.— «Литературный критик», 1938, № 4, с. 114—142; Н. И. Тюлина. Байрон в русской критике и литературоведении. Библиография.— «Труды ГБЛ», т. V. М., 1961, с. 269—320.

[53] Т. Медвин. Записки о лорде Байроне. СПб., 1835, ч. 1, с. 194—195. В оригинале: Th. Medwin. Conversations of Lord Byron. 2d ed. London, 1824, p. 245.

[54] Н. Я. Дьяконова. Русский эпизод в поэме Байрона «Дон Жуан».— В сб «Русско-европейские литературные связи». М.— Л., 1966, с. 262.

[55] О знакомстве Байрона с русской поэзией по антологии Бауринга см. выше, гл. II настоящей работы, прим.

[56] Популярность Байрона в Италии была отмечена уже Батюшковым и, с его слов, его петербургскими друзьями (ср. письмо А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву.— «Русский архив», 1867, стб. 652 и «Остафьевский архив», СПб., 1899, т. II, с. 5). По непонятной для нас причине считается, что перевод отрывка из четвертой песни «Чайльд Гарольда» сделан Батюшковым в 1819 г. на основании письменного *французского перевода*, полученного им от «знакомых англичан-туристов» (В. Маслов. Указ. соч., с. 25); Л. Н. Майков (Сочинения К. Н. Батюшкова, т. III. СПб., 1886, с. 549 и 557) говорит, что «такой письменный перевод он мог получить, например, от одного из тех англичан, с которыми познакомился в Неаполе в 1819 г.» Но в 1819 г. вышел уже итальянский перевод четвертой песни — Michele Leoni («L'Italia. Canto IV del Pellegrinaggio di Childe Harold»). Ср. замечания Д. Д. Благого в издании Сочинений К. Н. Батюшкова под его редакцией («Academia», М.— Л., 1934), с. 11 и 544.

[57] «Русская старина», 1896, № 10, с. 136.

[58] Недоброжелательное отношение к Байрону, поддержанное не только официальной русской, но и английской печатью, в узких дворянских кругах держалось у нас упорно и долго. В «Памятной книжке» (1852) В. А. Муханова мы находим следующую запись по поводу гробниц Вольтера и Мирабо в парижском Пантеоне: «Какая разница между злом, причиненным Вольтером и Руссо, и Байроном, мрачным певцом нашего времени, а англичане не хотели предать прах поэта земле в Вестминстерском аббатстве. Ничто не определяет так точно и ясно, как сие обстоятельство, насколько Англия стоит выше Франции в нравственном отношении» («Русский архив», 1900, № 4, с. 640).

[59] Ср. рапорты цензоров о произведениях Байрона 1820—1840 гг., напечатанные в статье: Ю. Г. Оксман. Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху.— «Начала», 1922, № 2, с. 256—263.

[60] «Дон-Жуан. Поэма лорда Байрона. Вольный перевод В. Любич-Романовича». СПб., 1847, 2 тт. В предисловии ко II тому переводчик оправдывался, что так как «британский поэт позволил себе ⟨...⟩ исказить во многих местах историческую правду своими поэтическими вымыслами», то переводчик, напр., «решился на правах вольного перевода переделать весь эпизод военных действий, т. е. осады Измаила ⟨...⟩ по возможности в настоящем виде, соображаясь при этом с историческими фактами» (с. VII—IX). Перевод до крайности безвкусен; пребывание Дон Жуана в России превращено в приторную идиллию; герой уезжает отсюда

Где как с родными он сжился, —
И за прием благодаренья
И об разлуке сожаленья и т. д.

Недаром один из рецензентов книги с полным основанием заметил, что «напечатать перевод ее на русский язык без переделок и пропусков невозможно» («Отечественные записки», 1847, № 6, отд. VI, с. 130); Ср.: В. Н. Майков. О переводе «Дон-Жуана» Любич-Романовича.— В кн.: В. Н. Майков. Критические опыты. 1845—1847. СПб., 1891, с. 352—354; Аполлон Григорьев. О переводе «Дон-Жуана» Любич-Романовича.— «Московский городской листок», 1847, № 117, с. 468—479; «Библиотека для чтения», 1847, т. 82, май, отд. VI, с. 25—42; «Литературная газета», 1847, № 31, с. 488—491; № 35, с. 555—559; «Русский инвалид», 1847, № 158; «Северная пчела», 1847, № 120; «Современник», 1847, № 6, отд. III, с. 137—141. Более полным и точным был перевод «Дон

Жуана» Н. А. Маркевича, но он содержит в себе только первую песнь и, кроме того, мог быть издан лишь в Лейпциге (1858); еще несколько лет спустя песнь IX в переводе Д. Д. Минаева печаталась в «Современнике» (1866, № 1), но почти все строфы поэмы, относящиеся к России, в печать пропущены не были. Полный перевод «Дон Жуана» мог быть осуществлен только в советское время; лучший из имеющихся — перевод Т. Г. Гнедич.

[61] Ю. Г. Оксман. Указ. соч., с. 258.

[62] Ряд полицейских донесений о Байроне из венецианских архивов был напечатан в первом томе издания Д. Манини «Carte segrete e atti officiali della polizia austriaca in Italia (1814—1848)». Capolago, 1851. А. д'Анкона извлек аналогичные данные из «тайных дел австрийской полиции», хранящихся в Милане. «Spigolature nell'archivio della polizia austriaca in Milano».— «Nuova Antologia», 1899, (f. 650, p. 193—215); см также: E. Rodocanachi. Notes secrètes de la police de Venise sur Byron, Lammenais, Montalambert et A. Dumas.— «Comptes rendus des séances de l'Académie des Sciences Morales et Politiques», 1918, avril; Karl Brunner. Byron und die österreichische Polizei.— «Archiv f. d. Studium d. Neueren Sprachen und Literaturen», 1925, Bd. 48, S. 28—41.

[63] Байрон. Дневники. Письма. Изд. подгот. З. Е. Александрова, А. А. Елистратова, А. Н. Николюкин. М., «Наука», 1963, с. 282. См.: М. И. Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение.— «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 213—217: в этой статье приводятся выдержки из хранящихся в «Архиве внешней политики России» донесений А. Я. Италинского 1820 года, представляющих интерес для изучения активной политической деятельности Байрона в Италии.

[64] П. В. Анненков. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, с. 259.

[65] «Архив кн. Воронцовых», кн. 40. М., 1895, с. 14; Б. Л. Модзалевский. Из истории ссылки Пушкина в Михайловское.— В его кн.: «Пушкин», Л., 1929, с. 81—83; Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды.— «Звенья», V, с. 141.

[66] Об А. В. Сверчкове см.: М. Д. Бутурлин. Записки.— «Русский архив», 1897, № 4, с. 601—602; № 5, с. 45. Он приехал во Флоренцию в 1818 г., в январе 1828 г. был повышен в должности, назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром, а в феврале того же года умер во Флоренции от чахотки («Московские ведомости», 1828, № 9; «Северная пчела», 1832, № 32). Н. М. Карамзин, тяжело больной, в письме от 22 марта 1826 г. просил Николая I о предоставлении ему должности резидента во Флоренции вместо Сверчкова, который, «будучи весьма слабого здоровья, думает, как мне сказывали, скоро оставить свое место» («Русский архив», 1906, № 1, с. 123). О жизни Сверчкова во Флоренции см. в письмах его к Д. И. Долгорукому и ответах того.— «Русский архив», 1914, № 11, с. 335—337; № 12, с. 577; 1915; № 1, с. 70; ср.: «Остафьевский архив», т. II, с. 536; А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, с. 237; И. Бэлза. Мария Шимановская. М., 1956, с. 72; М. И. Ковальская. Дж. Г. Байрон и карбонарское движение.— «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 213—217.

[67] Архив внешней политики России (в дальнейшем АВПР), Канцелярия, № 3685.

[68] Документы об этом деле см.: Medwin. Conversations with Byron. Appendix III. Relics of Shelley, ed. by Richard Garnett. London, 1862, p. 109 и сл.; E. Trelawny. Recollections of the last days of Shelley and Byron. London, 1858, p. 113; Felice Tribolati. Lord Byron a Pisa.— «Nuova Antologia», 1874, N 7, p. 631—665; см. также: А. Н. Веселовский. Байрон. Биографический очерк. Изд. 2-е. М., 1914. с. 281—283.

[69] Подробности см.: «Journal of E. W. Williams, companion of Shelley and Byron in 1821—1822». London, 1902; «The last days of P. B. Shelley. New details from unpublished documents». London, 1899.

[70] John Taaffe (Тафф) — посредственный поэт и переводчик Данте, комментарий которого к «Божественной комедии» был издан в 1822 г. в Лондоне («Comment on the Divine Comedy of Dante») и вызвал одобрение в печати и сочувственные отзывы Байрона и Шелли. Ср. письмо Байрона к Т. Муру от 16 ноября 1821 г. из Пизы: «Здесь находится м-р Тафф, некий ирландский гений, с которым мы познакомились. Он написал действительно прекрасный комментарий к Данте, полный новых и достоверных сведений и очень остроумный. Однако его стихи таковы, какими богу было угодно одарить его» (Byron. L. J., v. V, p. 475—476). Об отношении Шелли к Таффу см.: E. Dowden. The Life of P. B. Shelley. London, 1886, v. II, p. 364—365. М. Д. Бутурлин пишет: «В Кашинах ⟨подле Флоренции⟩ рисовался верхом, с длинными по плечам волосами (мода тогда еще не общепринятая) другой бард, но далеко не чета вышеупомянутому ⟨Байрону⟩. Это был англичанин г. Таф, автор плоховатого перевода Данта; он одно время как-то втерся в общество, но не в интимность лорда Байрона в Пизе, который за этот искаженный перевод первого из итальянских классиков прозвал г. Тафа «the traducer» (т. е. поноситель) вместо «the translator (переводчик) of Dante» («Русский архив», 1897, № 5, с. 55). Этот же отзыв приписывает Байрону и Медвин («Conversations of Lord Byron», 1824, p. 241, 243). О Таффе см. еще: Byron. L. J., v. VI, p. 7.

[71] Медвин (Thomas Medwin; 1788—1869) был родственником и школьным товарищем Шелли, который и познакомил его с Байроном в Пизе в конце 1821 г. («Dictionary of National Biography», v. XIII, p. 208). Бутурлин пишет о нем: «Я часто бывал и иногда обедал у англичанина, отставного капитана Медвина, получившего некоторую известность своим сочинением «Разговоры лорда Байрона». Сочинение это (в двух томах) относилось ко времени жительства в Пизе вельможного барда, и хотя автор ее не был, насколько мне помнится, из самых близких его друзей, но имел доступ к мизантропическому лорду, и пото-

му сочинение его, теперь забытое, имело в свое время успех. Г. Медвин начал широко жить, давал пышные обеды, держал верховых лошадей (роскошь недешевая за границей), но впоследствии, после моего вторичного отъезда на службу в Россию, весь этот блеск рушился сразу и даже довольно скандально. Проигравшись дотла, он внезапно исчез и оставил во Флоренции неоплатные долги, жену и двух малолетних дочерей без всяких средств к существованию. Девочки были взяты на попечение царствовавшим великим герцогом 〈...〉 и были помещены в местный институт благородных девиц. Во время широкой жизни г. Медвина у него был метрдотелем флорентинец Александр Танини, тот самый, что позднее был этим же в доме Дивовых в течение более двадцати лет, а в настоящее время 〈60-е годы〉 содержит в Москве гостиницу «Франция», на углу Петровки и Кузнечного переулка» («Русский архив», 1897, № 5, с. 48—49).

[72] Книга Медвина «Journal of the Conversations of Lord Byron: notes during residence with his lordship at Pisa in the years 1821—1822» написана была им в бытность его в Швейцарии, после смерти Байрона; издана в Париже в 1824 г. и в том же году вышла в двух французских переводах; последним тотчас же заинтересовались и в России. Карамзин, читая ее, писал из Петербурга Дмитриеву 10 ноября 1824 г., что здесь Байрон отражен как в зеркале: «какое лицо странное» («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». СПб., 1866, с. 386 и 0167). Пушкин также интересовался этой книгой и просил брата выслать ее ему в Михайловское; книга была выслана и сохранилась в библиотеке поэта. Хотя цензурный комитет запретил обращение в России как оригинала, так и французского перевода «Conversations of Lord Byron» (см. выше прим. 59), но в русских периодических изданиях уже в середине 20-х годов напечатано было из нее несколько отрывков: в «Северной пчеле» (1825, № 135) — рассказ Медвина о женитьбе Байрона; в «Московском вестнике» (1827, ч. I, № 3, с. 243—247) — «Мысли Байрона о госпоже Сталь и Валтере Скотте». Под заглавием «Записки о лорде Байроне» книга полностью вышла в 1835 г. в Петербурге в русском переводе, в двух частях и с портретом Байрона; возможно, что она оказалась для Пушкина поводом написать собственную биографию Байрона (ср.: «Пушкин в мировой литературе». Л., 1925, с. 99—112).

[73] «Русский архив», 1897, № 4, с. 621.

[74] D. Naranzí — гр. Нессельроде.— АВПР, Канцелярия арх., № 11418, 20. О дипломате Д. Наранци, уроженце острова Занте, поверенном в делах Ионической республики, см. в статье А. С. Стурдзы «Воспоминания и облики», напечатанной в «Москвитянине» (1844, № 2, с. 331—367). Стурдза рассказывает, что Наранци был постоянным собеседником своего знаменитого соотечественника, грека Евгения Булгариса, последние годы своей жизни жившего в Александро-Невской лавре в Петербурге. Стурдза называет Наранци «человеком тонкого ума и приятного обращения». Наранци приобрел доверие Евгения Булгариса, который и сделал его своим душеприказчиком. Здесь же приводится и беседа Александра I после сражения при Аустерлице с Наранци, бывшим тогда еще «скромным представителем Ионии».

[75] Донесения о Наранци австрийских шпионов напечатаны в I томе документов, собранных из полицейских архивов Венеции Дан. Манини,— «Carte segrete e atti officiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1878», v. 1. Capolago, 1951.

[76] B r o u g h t o n, Lord (John Cam Hobhouse).— Указ. соч., т. II, с. 61.

[77] Лейтенант Блекьер (Edward Blaquiere) был эмиссаром Лондонского греческого комитета. Он посетил Байрона в Генуе и убеждал его принять участие в греческой войне. В 1825 г. он выпустил книгу: «Narrative of a second visit to Greece, including facts connected with the last days of Lord Byron». Ср.: Harold S p e n d e r. Byron and Greece. London, 1924, Appendix D: «Byron and Edward Blaquiere» (p. 309—316).

[78] H a y m a n. Lord Byron and the Greek Patriots.— «Harper's Monthly Magazine», 1894, № 525, p. 365—370; Harold S p e n d e r. Указ. соч.; см. также: «Байрон. Из дневников и писем». Пер. М. Богословской.— «Интернациональная литература», 1940, № 1, с. 88—119 (здесь, между прочим, напечатан Кефалонский дневник, письма к греческому правительству, Стенопу, Ч. Хенкоку и др. 1823—1824 гг.); А. К. В и н о г р а д о в. Байрон в Греции. (Неопубликованные письма).— «Огонек», 1941, № 3, с. 14 (тут дано в плохих переводах несколько давно опубликованных писем Байрона, часть которых была известна и в русской печати). Упомянутое выше новое русское издание дневников и писем Байрона (М., 1963) — самое полное.

[79] «Сын Отечества», 1823, № 20, с. 290.

[80] Там же, с. 287.

[81] Там же, № 45, с. 219.

[82] Об издателях этой газеты Готлибе фон Фабере и аббате Мангене, см. «Русский архив», 1902, № 1, с. 31—41; № 11, с. 356.

[83] См. эту ноту в «Сыне Отечества», 1823, № 3, с. 141—150. О впечатлении, произведенном греческим восстанием на европейские реакционные круги, имеются любопытные современные впечатления в книге «московского» грека, изданной на средства Булгаковых: Е. М е т а к с а. История греческих происшествий, обстоятельно и подробно описанных от первоначального действия греков до сего времени. М., 1824, ч. 1, с. 21—22: «Люди запальчивые, которых одно название революция пугает и которые употребляют во зло слово *революция*, думали видеть в освобождении греков приложение к практике такой разрушительной системы, которая могла бы распространиться и на монархии Европы». Об отношении европейской дипломатии 20-х годов к греческому движению см.: Ph. de C h a r n i s a y. L'insurrection hellénique et la diplomatie européenne. Paris, 1904 и новей-

ший труд: C. C r a w l e y. The Question of Greek Independence, 1821—1823. Cambridge, 1930.

[84] В. И. С е м е в с к и й. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, с. 251—253; А. П. З а б л о ц к и й-Д е с я т о в с к и й. Граф П. Д. Киселев и его время. СПб., 1882, т. I, с. 138—139; т. IV, с. 10—15. Ср. характерный рассказ Пушкина в «Дневнике» (24 ноября 1833 г.), о том, как Пестель представил Александру I этерию «отраслью карбонаризма» (П у ш к и н, т. XII, с. 314).

[85] Об отрицательной роли, которую сыграл Меттерних в греческом движении, и о маневрах его при петербургском дворе см.: В. К. Н а д л е р. Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882, с. 148—149, 150—152.

[86] В. И. С е л и н о в. Пушкин и греческое восстание.— Сб. «Пушкин. Статьи и материалы», в. II. Одесса, 1926, с. 5—31.

[87] Д. Н. Б л у д о в (1785—1864) был назначен советником посольства в Лондоне в 1818 г. и провел там два года («Русский архив», 1879, № 11, с. 376), после чего переведен был в Стокгольм.

[88] «Воспоминания гр. А. Д. Блудовой».— «Русский архив», 1875, № 2, с. 181—187.

[89] «Русский архив», 1875, № 2, с. 192; Е. К о в а л е в с к и й. Д. Н. Блудов и его время. СПб., 1871, с. 160.

[90] Hamilton Browne описал совместную поездку с Байроном на «Геркулесе» из Ливорно в Кефалонию в «Blackwood's Magazine», 1834, v. I.

[91] «Сын Отечества», 1823, № 45, с. 219. Ср. там же, № 20, с. 290.

[92] Там же, № 47, с. 45.

[93] «Conservateur Impartial», 1823, N 72, p. 435.

[94] Там же, № 77, с. 468.

[95] Там же, № 78, с. 472; № 8, с. 485.

[96] Там же, № 95, с. 578.

[97] Там же, № 100, с. 611.

[98] Там же, 1824, № 4, с. 30.

[99] B y r o n. L. J., v. VI, p. 303.

[100] В полном издании произведений Байрона E. Prothero отсутствует, например, интересное письмо Байрона к Sir. F. Storer at Zante (с датой: 8 марта 1824 г., Миссолунги), фигурировавшее в 1912 г. на аукционе лондонской антикварной фирмы братьев Мэггс. В каталоге этого аукциона (Maggs B r o t h. Autograph Letters, Manuscripts etc., Sept.-Oct., 1912, N 295, p. 13), под № 3264 приведен из него большой отрывок.

[101] Сандрини — Нессельроде.— АВПР, Канцелярия, арх. № 12436, лл. 7 об. и 8 (в дальнейшем указываются только листы).

[102] Петр Мавромихали — один из вождей восстания в Морее — назывался иначе Петро-беем, потому что в звании бея он управлял до того времени майнотами (ср.: «Сын Отечества», 1823, № 23, с. 143). У него было многочисленное семейство, из которого вышли замечательные деятели; например, Илья Мавромихали, его старший сын, отличавшийся блестящими военными талантами, которого, вероятно, Сандрини и имеет в виду, а также Кириакули, которому греки впоследствии были обязаны своей победой при Вальтетци (Е. Ф е о к т и с т о в. Борьба Греции за независимость. Эпизод из истории первой половины XIX века. СПб., 1863, с. 69).

[103] Сандрини — Нессельроде, № 126 (лл. 14—15).

[104] Сандрини — Нессельроде, № 127 (л. 17). Князь Александр Маврокордато (1791—1865) — один из виднейших деятелей греческого восстания, получивший на Эпидаврском собрании 1822 г. звание «президента Греции».

[105] Сандрини — Нессельроде, № 128 (л. 20—20 об.).

[106] Благодаря хлопотам английского посла в Турции, Странгфорда, настаивавшего на возобновлении дипломатических сношений России с Турцией и на назначении русского посла при Оттоманской порте в 1823 г., в Константинополь предварительно отправлен был статский советник Матвей Яковлевич Минчиаки с поручением покончить дело о плавании русских кораблей в Черном море, но без всяких других заданий дипломатического характера (В. Т е п л о в. Русские представители в Царьграде. 1496—1891. СПб., 1891, с. 55—57, 72). Выдержки из донесений Минчиаки к Нессельроде из Константинополя о Байроне изданы А. Юрьевым («Байрон в Греции» — «Красный архив», 1938, № 2, с. 187—191). «Минчиаки Константинопольский» был известен Вяземскому, отметившему встречу с ним у Дашкова 1 июля 1830 г. (П. А. В я з е м с к и й. Записные книжки (1813—1848). Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., «Наука», 1963, с. 178).

[107] B y r o n. L. J., v. VI, p. 303. Подробно вся эта история изложена также в воспоминаниях Пьетро Гамбы: «A Narrative of Lord Byron's last journey to Greece». Paris, 1825, p. 70—83, 297—300.

[108] «Красный архив», 1938, № 2, с. 188.

[109] Сандрини — Нессельроде 5/17 января 1824 г., № 129 (л. 23—23 об.).

[110] S. M a c r o t h. Das Deutschtum in Griechenland. Diss. Leipzig, 1930, S. 23, со ссылкой на оставшийся мне недоступным журнал «Hellas». Organ für Deutsch-Griechische Gesellschaft, 1926, Heft 2, N 26. В «Сыне Отечества», 1824, ч. 92, № 13, с. 291 писали: «Вышел первый номер газеты, печатаемой в Миссолонги на новогреческом языке. Буквы для печатания оной присланы туда из Англии лондонским обществом филэллинов. В сей газете пишут, что турки захватили было кассу лорда Бейрона на одном нейтральном

корабле, но были принуждены возвратить оную (происшествие с «Бомбардом»). Сей лорд наименован предводителем всех иностранцев, находящихся в греческой службе».

[111] А. Н. Веселовский. Байрон, с. 297. Здесь упоминается также об английской газете «Greek Telegraph», которую редактировал Mr. Hodges.

[112] Об этой находке см. заметку: «Лорд Байрон в Греции».— «Вестник иностранной литературы», 1898, № 1, с. 341—342. Газета «Telegrafo Greco» также сохранилась в АВПР. Приводим перечень упоминаний о Байроне в газетах «ΕΛΛΕΝΙΚΑ ΧΡΟΝΙΚΑ» и «Telegrafo greco», сохранившихся в том же архиве.

Список упоминаний о Байроне
в приложенных к депешам печатных материалах:

1) Газета «Ἑλληνικά χρονικά».
1/I 1824, № 1 — АВПР, канц., № 12435, л. 26—26 об.
12/I 1824, № 4 — АВПР, канц., № 12435, л. 34 об.
6/II 1824, № 11 — АВПР, канц., № 12435, л. 57 об.
9/II 1824, № 12 — АВПР, канц., № 12435, л. 63 об.
13/II 1824, № 13 — АВПР, канц., № 12435, л. 67 об.
12/III 1824, № 20—21, АВПР, канц., № 12435, л. 112.
9/IV 1824, № 29, АВПР, канц., № 12435, л. 138—138 об.
(траурный номер по случаю смерти Байрона)
12/IV 1824, № 30, АВПР, канц., № 12435, лл. 137—138.
10/V 1824, № 38, АВПР, канц., № 12435, лл. 172 об.— 173.
28/V 1824, № 43, АВПР, канц., № 12435, л. 251.
2) Газета «Telegrafo Greco»:
5/VI 1824, № 12 — АВПР, канц., № 267, л. 7.
19/VI 1824, № 14 — АВПР, канц., № 267, л. 11 об.
26/VI 1824, № 15 — АВПР, канц., № 267, л. 12 об.

[113] Ср. «Русский архив», 1878, № 2, с. 188—189; 1877, № 3, с. 421; см. еще: «Lettres et papiers du chancellier Comte de Nesselrode», v. VI, p. 119. О Лебцельтерне см.: вел. кн. Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг. СПб., 1913. Жена его Зинаида Ивановна была дочерью графа И. С. Лаваль и сестрой декабристки кн. Е. И. Трубецкой. Лебцельтерны жили на Караванной улице, в доме министра финансов Гурьева, там же, где жил и Нессельроде (П. Столпянский. Революционный Петербург. Пг., 1922, с. 62).

[114] Об отношении Меттерниха к Байрону см. в статье: Karl Brunner. Byron und die österreichische Polizei.— «Archiv f. d. Studium d. neueren Sprachen und Literaturen», 1925, Bd. 48, S. 28—41. Характерно, впрочем, что, запрещая Байрона в Австрии, Меттерних сам читал его произведения с увлечением. К. Бруннер приводит рассказ Грильпарцера о том, как Меттерних читал ему наизусть целые страницы английского текста из четвертой песни «Чайльд Гарольда», а его дочь, гр. Эстергази, в отдельных местах подсказывала ему.

[115] АВПР, Канцелярия, арх. № 267, лл. 1—2.

[116] «Письма из Лондона».— «Сын Отечества», 1823, № 32, с. 249—250.

[117] Там же, № 2, с. 98.

[118] Там же, 1824, № 4, с. 185. Под именем Гунта имеется в виду Ли Хант.

[119] «Conservateur Impartial», 1824, N 9, p. 63—64.

[120] Там же, № 29, с. 206 (Extrait de l'«Observateur Autrichien»).

[121] Сандрини — Нессельроде, № 132 (лл. 39—40 об.).

[122] В 1825 г. Парри издал книгу воспоминаний о Байроне (W. Parry. The last days of Lord Byron... London, 1825), в которой находится также подробный рассказ об этом происшествии; для парижского переиздания этой книги Стеноп сообщил Парри ряд документов, писем и собственных воспоминаний о Байроне.

[123] «Conservateur Impartial», 1824, № 33, p. 250; N 35, p. 260.

[124] «Journal de Debats», 1827, N 38 (от 10/22 мая н. с.).

[125] Ср. неопубликованное донесение Сандрини — Нессельроде от 19/31 марта 1824 г. (№ 134, л. 74 об.) и рапорт, посланный Нессельроде Минчиаки («Красный архив», 1938, № 2, с. 190).

[126] Ср. донесение Сандрини от 29 января/10 февраля 1824 г.: «Лорд Байрон отправился в Пелопоннес для того, чтобы объединить царящую там разъединенность умов на различные фракции. Если он достигнет цели, можно будет вскоре ожидать прочности в административных делах, принимая во внимание живой интерес британского народа, который в настоящее время выказывает себя открыто желающим всеми средствами поднять Грецию» (Сандрини — Нессельроде, № 130, л. 30 об. Ср. также депешу Минчиаки от 30 марта/11 апреля 1824 г., напечатанную в «Красном архиве», 1938, № 2, с. 189).

[127] «Сын Отечества», 1824, № 17, с. 144—145; ранее об этом было сообщено в «Conservateur Impartial», 1824, N 34, p. 257.

[128] «Conservateur Impartial», 1824, N 37, p. 273.

[129] Там же, № 41, с. 297.

[130] Сандрини — Нессельроде, АВПР, № 137 (л. 122).

[131] «Conservateur Impartial», 1824, N 42, p. 306; «Journal d'Odessa», 1824, N 45; в этой же одесской газете напечатаны: в № 44 (от 1 июня) — большая статья по поводу смерти Байрона; в № 49 (от 18 июля) — надпись на мавзолее Байрона.

[132] «Conservateur Impartial», 1824, N 43, p. 310; N 44, p. 318; N. 45, p. 326; N. 46, p. 336; N. 47, p. 341; N. 49, p. 352; N. 51, p. 363; N. 52, p. 377 и т. д. Ряд аналогичных заметок в русской печати 1824 г. отмечен в работе: В. Маслов. Начальный период байронизма в России. Киев, 1915.

[133] «Сын Отечества», 1824, № 21, с. 39—40. Другой русский перевод того же официального извещения от имени Временного правительства Греции о смерти Байрона напечатан в кн.: «Собрание статей, относящихся к наукам, искусствам и словесности, заимствованных из разных иностранных периодических изданий 1823-го, 24 и 25 годов». М., 1826, с. 520—522; тексту прокламации предшествует здесь краткая биография поэта, предваряемая следующими словами: «Британские музы понесли чувствительнейшую утрату в лице лорда Байрона, умершего в цвете лет своих, тогда как дарования его были во всей своей силе».

[134] Сандрини — Нессельроде, АВПР, № 137 (л. 163). Любопытно, что тот же Стейнтон еще в течение нескольких лет вызывал к себе настороженное внимание русских охранительных кругов. Когда одна из его статей в газете «Звезда» на тему о греческой свободе и республиканском образе правления, благодаря «попустительству» П. И. Шаликова, процитирована была в «Московских ведомостях» 1826 г., она вызвала специальную переписку между фон Фоком и Дибичем по поводу этого «военного филэллина» (см. заметку: «Князь Шаликов и «Московские ведомости» в 1826 г.»,—«Русская старина», 1901, № 1, с. 99—101).

[135] В. И. Селинов. Указ. соч., с. 30.

[136] «Остафьевский архив», т. III, с. 48—49.

[137] «Если у вас что получено о смерти Бейрона на каком бы то языке ни было, пришли мне все»,— писал Вяземский жене в Одессу 27 июля 1824 г. («Остафьевский архив», т. V, в. 1. СПб., 1913, с. 37). М. Д. Бутурлин рассказывает в своих «Записках» («Русский архив», 1897, № 5, с. 23), что, узнав об этом, он отнес Вяземской для отсылки мужу и свою оду, «так как мараковал английские вирши».

[138] «Московский телеграф», 1827, ч. 13, № 2, отд. II, с. 41—44. О времени создания этого стихотворения (1824—1827) см.: В. И. Маслов. Указ. соч., с. 118, где оно перепечатано полностью.

[139] ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, с. 219.

[140] Ю. Щербачев. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1912, с. 52. Ср. запись под 25 мая (6 июня н. с.) в «Памятной книжке» А. А. Бестужева: «Чуть не плакал по Байроне» («Памяти декабристов», I. Л., 1926, с. 66).

[141] В. Маслов (указ. соч., с. 90—126) перепечатал «Русские стихотворения начала XIX в., посвященные Байрону», куда вошли, кроме поименованных нами, следующие: «Бейрон в темнице» (1822) Габбе; «Бейрон» (1826) Б. Федорова; «Последние чувства Бейрона» (Из поэмы «Умирающий Бейрон») (1826) М. А. Бестужева-Рюмина; «Сравнение» (1828) А. Крюкова; «Байрон» М. Максимова. Но эта маленькая антология все же не полна: стихотворение Рылеева в подлинном виде, по автографу, напечатано Ю. Г. Оксманом в Полн. собр. стих. Рылеева (Л., 1934, с. 98—100).

[142] П. А. Новиков. Песни золотого рожка. Отысканная рукопись неизвестного сочинителя. М., 1828, с. 16—17. Последняя строфа этого стихотворения несколько напоминает стихи Рылеева («Британец дряхлый поздних лет придет, могильный холм укажет» и т. д.).

О Байрон! Может быть и с лирой и с венцом,
Угрюм как страшный лес, бессмертный, новый гений,
Придет на камень твой с возвышенным челом,
Боготворить твой прах в час сумрачных видений;
Под небом Греции, пред алтарем Творца
Промчится глас его, как Дух твой вдохновенный,
Как гул над пропастью из тучи разряженной,—
И громом усладит тень мертвого Певца.

[143] М. М. <М. Максимов>. Опыт сонетов. М., 1828, ч. II, с. 32. Ср.: Н. Л. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Биография, т. I. М., 1945, с. 173.

[144] Ю. М. Лотман («П. А. Вяземский и движение декабристов».— «Труды по русской и славянской филологии», в. III. Тарту, 1960, с. 100—108) подробно изложил историю предания суду П. А. Габбе и М. Пущина и воспроизвел текст элегии «Бейрон в темнице» по литографированному изданию, обнаруженному в бумагах Вяземского (ГПБ., ф. 117, № 89). Добавим, что элегия опубликована полностью и без изменений в «Сыне Отечества», 1822, № 43, с. 121—125, с подписью Г. б. е. и перепечатана в книге В. И. Маслова (указ. соч., с. 90—93). Об авторе элегии Вяземский писал 13 октября 1822 г. А. И. Тургеневу из Остафьева: «Бейрон в темнице» писан несчастным Габбе, который уже несколько месяцев сидит под судом за караулом и выпущен, вероятно, будет только в солдаты» («Остафьевский архив», т. II, СПб., 1899, с. 277). Находясь в ссылке, В. К. Кюхельбекер в 1833 г. однажды просматривал старые книжки «Сына Отечества»; натолкнувшись здесь на «Бейрона в темнице», он сделал запись в дневнике, что это стихотворение заслуживает быть замеченным»; однако, не зная истории злосчастного Габбе и не умея расшифровать криптографическую подпись, стоявшую под стихотворением, он приписал его Д. Глебову, с чем напрасно согласились издатели дневника (В. Кюхельбекер. Дневник. Л.,

1929, с. 140). Ту же ошибку мы находим и в новом издании дневника («Путешествие. Дневник. Статьи», Л., 1979, с. 278 и 706).

[145] В. Туманский. Стихотворения и письма. СПб., 1912, с. 115.

[146] Ф. Тютчев. Новые стихотворения. Ред. и прим. Г. И. Чулкова. М.— Л., 1926, с. 66—67.

[147] И. Р. Эйгес. К переводам И. Козлова из Байрона.— «Звенья», V, М., 1935, с. 744—748; И. Р. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937, с. 88—90. А. П. Керн вспоминает, что она пела Пушкину в Тригорском «Венецианскую ночь» Козлова на голос популярной в то время баркароллы «Benedetta sià la madre» (А. П. Керн (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1976, с. 36).

[148] И. И. Козлов. Полн. собр. стих. Вступ. статья, подготовка текста и прим. И. Д. Гликмана. Л., 1960, с. 100.

[149] О дочери Байрона, Аде, читатели знали из III песни «Чайльд Гарольда». На этот источник прямо ссылается Иван Бороздна в своем стихотворении «Лорд Байрон пред Миссолонги» (1830), в примечании к стихам:

Не мрачный дальний Альбион
Тогда воспоминает он;
Не Аде, дщери молодой,
Он горькой жертвует тоской...

(Иван Бороздна. Лира. М., 1834, с. 37—39); И. Гогниев. Прощанье Байрона с дочерью.— «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду», 1834. См. о ней заметку: «О смерти дочери Байрона, леди Ады Ловлас».— «Современник», 1853, т. 38, № 3, отд. VI, с. 184—185, а также: E. Kölbing. Ada Byron.— «Englische Studien», Bd. XIX, S 154. Иван Егорович Гогниев, приехавший в конце 20-х годов в Петербург из Нижнего Новгорода, был чиновником Министерства имп. двора (ум. в 1881 г.); несколько стихотворений его напечатано было в журналах; стоит отметить, что Гогниев знал английский язык и, по его собственному свидетельству (в письме к А. К. Балакиреву от 1 июля 1830 г.), читал в подлинниках, хотя и с «миниатюрным лексиконом, Бориса и Шекспира» («Литературный архив», I. М.— Л., 1938, с. 292).

[150] «Сын Отечества» 1824, № 21, с. 41.

[151] Об этих книгах с. 412—414. См. также: de Salvo. Lord Byron en Italie et en Grèce. Paris, 1825. Булгарин, напечатав из нее отрывки в «Северной пчеле» (1825, № 72), отметил, что «г. де Сальво сообщает множество анекдотов и случаев из жизни лорда Байрона». Один из таких «анекдотов о Байроне» был напечатан в «Русском зрителе» (1829, № 15 и 16, с. 263—264); другой «Анекдот о Байроне», перевод из той же книги, появившийся в «Литературной газете» (1830, № 53. с. 139—140), долгое время приписывался Пушкину и даже помещен был Н. К. Козминым в IX томе академического изд. сочинений Пушкина 1929 г.; однако, по правдоподобному предположению В. В. Виноградова («Проблема авторства и теория стилей». М., 1961, с. 199—203), эта статья принадлежит перу П. А. Вяземского (ср.: Е. М. Блинова. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1828—1831. Указатель содержания. М., 1966, с. 180, № 391). О том, с какой жадностью читались у нас все эти книги, дает представление письмо А. Г. Лаваль к И. И. Козлову (10 февраля 1831 г.), в котором есть такие строки: «Проводила время в чтении Записок Байрона, единственное утешение во время бессонных ночей. Какая пылкая душа и какой оригинальный ум! Я успела сделать выписки: 24 страницы мелкого почерка и горжусь этим» («Русский архив», 1886, № 3, с. 316).

[152] Сб. «Памяти декабристов», I, Л., 1926, с. 60.

[153] Письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 г. (Пушкин, т. XIII, с. 61); в позднейшем письме (1 декабря 1826 г.) из Пскова к кишиневскому приятелю Н. С. Алексееву, отвечая на его письмо, в котором имя Калипсо упоминалось наряду с именами других кишиневских знакомых Пушкина, он признавался, что это вызвало у него целую волну воспоминаний: «милый мой: ты возвратил меня Бессарабии!» (т. XIII, с. 309). О Калипсо Пушкин спрашивал Алексеева 26 декабря 1830 г. (т. XIV, с. 136); очень возможно, что о ней же идет речь в письме к Н. Н. Гончаровой (11 октября 1830 г.): «молодая женщина из Константинополя говорила мне когда-то...» (Пушкин, т. XIV, с. 115 и 417).

[154] Пушкин, т. II, с. 271.

[155] Б. В. Томашевский («Из пушкинских рукописей».— ЛН, т. 16-18, 1934, с. 273—274, 281, 287) указал на ряд кишиневских рисунков поэта, в которых можно узнать портрет Калипсо Полихрони; приводимые в этой же статье характеристики ее облика, приписанные Ф. Ф. Вигелем и И. П. Липранди, делают такую идентификацию вполне правдоподобной; тот же профиль (с датой: 26 sept. 1821) находится на обороте набросков к «Вадиму». Легендарная биография Калипсо у Томашевского подозрений не вызвала. Он пишет: «Калипсо прибыла с матерью в Кишинев в середине 1821 г. Для Пушкина интерес к ней был двоякий: она бежала из Константинополя после греческого восстания; в Греции она знала Байрона. Таким образом, на фоне политических событий дня она была интересной личностью. По-видимому, и увлечение Пушкина этой гречанкой, если и было в действительности, имело «умственное» происхождение» (с. 274); напрасно, однако, Томашевский указывает, что она знала Байрона в Греции: хронологически это несовместимо с тем, что она якобы бежала из Константинополя «после греческого восстания» и при-

была в Кишинев в 1821 г. О Калипсо см. также сводку данных в кн.: «Рукою Пушкина». М.— Л., 1935, с. 633.

[156] Молодой Костаки Негруцци вместе с отцом приехал из Хотина в Кишинев, где жил до весны 1823 г. и где, как он сам рассказывает, встречался с Пушкиным. В 1839 г. в яссской газете («Албина ромыняске») и в бухарестской газете («Курьерул ромынеск») Негруцци опубликован очерк «Калипсо» (Письмо VII из цикла «Черным по белому»). В 1857 г. этот очерк перепечатан в сборнике Негруцци «Грехи молодости», вышедшем в Яссах; в русском переводе очерк «Калипсо» печатался несколько раз (см.: Х. С. Киров. Пушкинская «гречанка».— «Исторический вестник», 1884, № 2, с. 337—340; «Отзывы о Пушкине с юга России... собрал В. А. Яковлев». Одесса, 1887, с. 96—99; Г. Г. «Несколько слов об А. С. Пушкине» и др.; в недавнее время в кн.: К. Негруцци. Избранное. М., 1956, с. 134—137. В рассказе Негруцци много противоречий и преувеличений; их вскрывали уже многие исследователи Пушкина, а затем и Негруцци; подробно указала на все неправдоподобности и фактические ошибки рассказа Е. М. Двойченко-Маркова в ее кн. «Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века». М., 1966, с. 212—213. Существует и другой рассказ Негруцци «Пещеры монастыря Нямцу» (в одном из русских переводов «Калипсо» обе новеллы соединены), там же говорится о Калипсо и ее смерти в монастыре; однако едва ли эта романтическая история имела какую-либо реальную фактическую основу.

[157] E. Simmons. Byron and a Greek Maid.— «Modern Language Review», 1932, v. XXVII, N 3, p. 318—323. В этой работе довольно полно и подробно изложена русская литература о Пушкине и Калипсо Полихрони, появившаяся в печати до начала 1930-х годов. В русской литературе, однако, существенные результаты этой работы учтены не были: легендарные и фантастические сведения о Калипсо продолжают встречаться в литературе о Пушкине: в комментированном собрании его сочинений в десяти томах (ГИХЛ, 1962) без оговорок встречается такое утверждение: «Полихрони, Калипсо (1803 — ?), гречанка, возлюбленная Байрона».

[158] «Дневники В. А. Жуковского». С прим. И. А. Бычкова. СПб., 1903, с. 137. Карл-Виктор Бонстетен (1745—1832) — швейцарский писатель. Его фамилия произносилась и писалась у нас различно, то на французский лад (так в записи Жуковского), то на немецкий. По словам лично его знавшего А. И. Тургенева, писавшего «Бонштетен», он печатал свои сочинения «на немецком, но пишет их на французском» («Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 196). Мы предпочли транскрипцию «Бонстетен», чтобы не создавать разноголосицы с цитированным текстом дневника Жуковского. Еще в 1810 г. Жуковский перевел и напечатал в «Вестнике Европы» (№ 16, с. 263—285) «Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстетену, другу его». Иоганн Миллер умер в 1809 году. Кроме А. И. Тургенева и Жуковского из русских посетителей Швейцарии с Бонстетеном был знаком Д. Н. Свербеев, называющий его «платоническим другом» историка Миллера («Записки», т. II. СПб., 1899, с. 184); в 1831 г. в Женеве с Бонстетеном познакомился А. И. Кошелев («Русская старина», 1904, № 4, с. 212).

[159] Lord Broughton (John Cam Hobhouse). Recollections of a Long Life, v. II, p. 12, 14, 25—27.

[160] Byron. Works. Letters and Journals, ed. by R. S. Prothero, v. IV. London, 1904, p. 297—298.

[161] Там же, т. IV, с. 300. Ср.: Байрон. Дневники. Письма. М., 1963, с. 166.

[162] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 1. М., 1913, с. 33—34.

[163] Ср.: George Ticknor. Life, Letters and Journals. Boston, 1877 (см. о нем выше, гл. IV, с. 370).

[164] «Лорд Байрон и гречанка».— «Дамский журнал», 1828, № 14, с. 77—78.

[165] П. А. Вяземский. Байрон (отрывок).— «Московский телеграф», 1827, № 2, отд. II, с. 43.

[166] П. А. Вяземский. Старая записная книжка.— Полн. собр. соч., т. VIII. СПб., 1883, с. 75.

[167] Публикуя письма А. Я. Булгакова к брату за 1825 г., П. И. Бартенев сделал такое пояснение к словам Булгакова «приезжал Каннинг»: «тогдашний английский министр, славный дипломат и оратор (1770—1827)» («Русский архив», 1901, № 6, с. 171). Такое же отождествление обоих двоюродных братьев находим в комментариях В. С. Нечаевой к выпущенному ею новому изданию записных книжек Вяземского от 12 апреля 1825 года. Нечаева пишет: «В 1825 г. на Пасху Каннинг был в Москве, где Вяземский с ним встречался. В статье «Отрывок из биографии Каннинга» (1827) Вяземский дал высокую оценку его деятельности...» (с. 395); ниже, в указателе имен, помещена такая справка: «Каннинг-Стратсфорд (Canning) Джордон <?> (1770—1827) — английский государственный деятель, министр иностранных дел в 1807—1809 гг. и в 1822—1827 гг.» (с. 476). Отметим со своей стороны, что Джордж Каннинг в Россию никогда не приезжал и что хотя Вяземский действительно напечатал его некролог-характеристику, но виделся в Москве не с ним, а с его двоюродным братом.

[168] О. Шпаро. Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос (1822—1827).— «Вопросы истории», 1947, № 12, с. 43—61; А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, с. 94.

[169] Джордж Каннинг упомянут Пушкиным (у него «Кеннинг») в известном черновом письме, адресованном предположительно Н. Н. Раевскому (март — апрель 1827 г.) и

в других письмах (Пушкин, т. XI, с. 68, 341, 435; т. XII, с. 195; т. XIV, с. 150). О смерти Дж. Каннинга в 1827 г. идет речь в переписке бр. Тургеневых («Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 77, 78, 83); в письме от 17 августа 1827 г. А. И. Тургенев отрицательно относится к мысли Ш. Дюпена, высказанной во Франции,— выбить медаль в увековечение памяти Каннинга как «защитника религиозной и политической свободы народов <...> Национальная гордость французов была оскорблена Каннингом и еще недавно <...> Каннинга — славу и честь Англии — нет нужды превозносить французам»; здесь же Тургенев воспроизводит слова о Каннинге Жуковского (с. 78).

[170] П. Вяземский. Отрывок из биографии Каннинга.— «Московский телеграф», 1827, № 24, с. 319—330. Перепечатан во втором томе его Полн. собр. соч. (с. 1—9).

[171] «Русский архив», 1901, № 5, с. 171; отец бр. Булгаковых, Яков Иванович, был русским послом в Константинополе.

[172] «Dictionary of National Biography», v. III, p. 883—896. В дневнике Пушкина (запись от 2 июня 1834 г.) отмечено: «Государь не хотел принять Каннинга, потому что будучи Вел. Кн. имел с ним какую-то неприятность» (Пушкин, т. XII, с. 330). После имени Каннинга Пушкин написал в скобках *Strangfor* вместо Stratford; эта ошибка, однако, имела известное основание: Пушкину вспомнился лорд Стрэнгфорд (Strangford), британский посол в Константинополе, переведенный сюда из Стокгольма в начале 1821 г.; он называл греческих повстанцев «жалкой сволочью» и являлся ярым противником провозглашения независимости Греции (Е. Феоктистов. Борьба Греции за независимость. СПб., 1863, с. 95; А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, с. 50, 51, 53). Имя Стрэнгфорда, туркофила и апологета султанской деспотии, нередко встречалось и в русской печати начала 20-х годов в связи с тем, что он оказывал противодействие русскому послу Г. А. Строганову, пытавшемуся открыто выступить в защиту истребляемых турками греков (И. Г. Гуткина. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821—1822 гг.— «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та» в. 130, 1951 с. 112—156).

[173] О. Шпаро. Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос, с. 53.

[174] Биограф Чарлза Стратфорда Каннинга пишет, что в старости он не только занимался сочинением мемуаров, но даже издал в 1866 г. сборник своих стихотворений («Тени прошлого»).

[175] «Русский архив», 1901, № 6, с. 171—175. А. Я. Булгаков приложил все старания для того, чтобы как следует развлечь гостя. «Он очень приятный человек, особенно для англичанина»,— замечает он на другой день после их встречи; «я делаю все, что могу, чтобы не было ему скучно» и т. д.; в конце того же письма следует характерная приписка: «Я послал ему газету петербургскую, которую нашел дома, воротясь из театра. Пусть себе читает, ложась спать, как греческие корсары дрались против двух английских фрегатов» (с. 172).

[176] Цитируем по тексту, сверенному с оригинальной рукописью, и опубликованному В. С. Нечаевой (П. А. Вяземский. Записные книжки. 1813—1848, с. 68); в первоначальной публикации интересующего нас отрывка (1872) текст его был несколько переделан и в нем были допущены стилистические изменения.

[177] П. А. Вяземский. Записные книжки, с. 68.

[178] Тереза Гвиччьоли в своих мемурах о Байроне (см. о них ниже, прим. 201) приводит слова Байрона в следующей редакции (очевидно, цитируя письмо его к Меррею по памяти): «J'ai l'intention d'écrire mon meilleur ouvrage en italien, et je m'y exerce. Quant au jugement des anglais dont vous parlez, faites-leur calculer ce qu'il vaut, avant qu'ils viennent m'insulter avec leur condescendance» («Lord Byron jugé par les témoins de sa vie». Paris, 1868, v. I. p. 27).

[179] «Остафьевский архив», т. I, СПб., 1899, с. 373.

[180] П. Вяземский. Полн. собр. соч., т. X. СПб., 1886, с. 3.

[181] Byron. L. J., v. II, p. 230.

[182] Там же, т. III, с. 86; т. IV, с. 122.

[183] Ср. также прим. к CLVII строфе четвертой песни «Чайльд Гарольда» — Byron. Works, Poetry, ed. E. H. Coleridge, v. II, 1899, p. 447.

[184] Blessington M., Lady. Conversations with Byron, p. 108—109. Ср. еще: Francis Gribble. The love affairs of Lord Byron. London. 1910, p. 166, 184.

[185] Письмо Вяземского к Жуковскому от 16 февраля 1822 г.— «Русский архив», 1900, № 2, с. 183.

[186] G. Walker. The three Spaniards. London, 1800; «Les trois espagnols ou les mystères du château de Montillo. Roman traduit de l'anglais de G. Walker, auteur de Cinthélia et de Théodore Cyphon, par le traducteur de Théodore et Olivia et celui des Visites Nocturnes, etc.», à Paris, an XII—1805, v. I—IV. Существовал также и русский перевод этого романа. См.: Георг Валькер. Три испанца, или Тайны замка Мантильского. Перев. с франц. 4 части. М. 1806—1807. Джорджу Уокеру (1772—1847) принадлежит свыше десяти «готических» романов, в том числе и те, которые названы его французским переводчиком как наиболее ходкие: «Cinthélia» (1797), «Théodore Cyphon» (1796); отметим также «Romance of the Cavern» (1792), «Haunted Castle» (1794), «House of Tinian» (1795), «The Vagabond» (1799) и др. Полный перечень их см. в «Dictionary of National Biography», v. XIX, p. 59—60.

[187] Byron. Works, Poetry, v. III, 1900, p. 75—77.

[188] K. H o f f m a n n. Über Byron's «The Giaour». Diss. Halle, 1898, S. 11. Ср. также: L. F u h r m a n n. Die Belesenheit des jungen Byron. Diss. Berlin, 1911, S. 26.

[189] М. С п е р а н с к и й. Письма к дочери. М., 1869, с. 65. Казамайор (Casamajor) (1795—1820) умер в Петербурге. Подробную и очень сочувственную его характеристику дает Н. И. Куракина («Девятнадцатый век», изд. Ф. А. Куракиным под ред. В. Смольянинова. М., 1903, т. I, с. 281—282). Некролог его см. в «Conservateur Impartial», 1820, N. 20.

[190] Роман Каролины Лем (Caroline Lamb, 1785—1828) «Glenarvon» вышел в свет в 1816 г. Байрон выведен здесь под именем Glenarvon, жена его под именем Montouth; Calantha — сама Каролина Лем; см. об этом романе: W. K r u g. Lord Byron als dichterische Gestalt in England, Frankreich, Deutschland und America. Diss. Potsdam, 1932, S. 13. Третье английское издание этого романа (London, 1816) было в библиотеке Пушкина. См. также статью: «Леди Каролина Лемб и лорд Байрон. (Из записок современницы)» (с француз. А. К-в).— «Сын Отечества», 1829, № 26, с. 325—341.

[191] «Остафьевский архив», т II. СПб., 1899, с. 5.

[192] «Современник», 1841, т. XXI, отд. I, с. 34—35

[193] «Остафьевский архив», т. III, с. 201.

[194] Th. M o o r e. The Life, Letters and Journals of Lord Byron. London, 1860, p 229.

[195] А. И. Т у р г е н е в. Хроника русского. Дневник (1825—1826). Издание подгот. М. И. Гиллельсон. М.— Л., «Наука», 1964, с. 131. Burgess, вероятно, sir James. Bland Burgames, посредственный поэт, автор поэмы «Ричард», печальную судьбу которой Байрон высмеял в примечании к своей сатире «Hints from Horace» («По стопам Горация»). О встрече с Дж. Тикнором в 1817 г. в Венеции рассказывает Lord Broughton (Recollections of a long life, v. II. London, 1909, p. 82—83).

[196] А. И. Т у р г е н е в. Хроника русского, с. 131.

[197] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, с. 236—237.

[198] Там же, с. 252.

[199] Там же, с. 334.

[200] Там же, с. 112.

[201] Там же, с. 357—358, 501. Об А. Ф. Закревской (1799—1879) см.: П у ш к и н. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. II. М.— Л., 1928, с. 304—307. Тереза Гвиччьоли действительно вместе с братом, графом Пьетро Гамба, провела зиму 1832—1833 гг. в Англии, весьма подозрительно и враждебно встреченная в английском обществе; ее осудили даже за поездку на могилу Байрона в Hucknall Torkard, близ Ньюстедского аббатства. В 1851 г. она вышла замуж за маркиза де Буасси (1798—1866), пэра Франции при Луи Филиппе, затем сенатора при Наполеоне III. Это был брак не по любви; что она по-прежнему свято чтила память Байрона, показывает ее книга воспоминаний о поэте, выпущенная первоначально на французском языке много лет спустя после того, как Тургенев писал Вяземскому об этом предполагаемом издании: «Lord Byron jugé par les témoins de sa vie» (Paris, 1868, 2 v.); английский перевод ее, сделанный H. E. H. Jerningham'ом, вышел в следующем году: «My recollections of Lord Byron; and those of eye-witnesses of his life». London, 1869, 2 v.(два издания); однако книга эта не оправдала возлагавшихся на нее надежд и содержит в себе, по преимуществу, давно известные факты. Отрывки из нее появились и в русской печати. См., напр.: «Материалы для биографии Байрона».— «Неделя», 1869, № 13, с. 412—415; Т. Г в и ч ч и о л и. Лорд Байрон.— «Иллюстрированная газета», 1870, № 3, с. 39. Многочисленные письма Байрона к Т. Гвиччьоли и связанные с поэтом ее семейные бумаги могли быть обнародованы лишь недавно в кн.: Iris O r i g o. The Last Attachment. The Story of Byron and Theresa Guiccioli as told in their unpublished letters and other family papers. London, 1949 (в соответствии с завещанием Т. Гвиччьоли, письма эти могли быть опубликованы лишь по истечении 75 лет со дня ее смерти). Ср. также: E. C. S m i t h. Byron and the countess Guicciоly.— PMLA (Publ. of Modern Language Association of America, 1930, v. XLV, N. 4. Некоторые из этих ранее неизвестных писем Байрона (в том числе его последнее письмо к Гвиччьоли) включены в переводе в изд.: Б а й р о н. Дневники. Письма. М., 1963.

[202] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I, с. 358.

[203] «Альциона на 1833 год, издаваемая бар. Розеном». СПб., 1833, с. 87.

[204] С. П. Ш е в ы р е в. Стихотворения. Вступ. статья, пред. и прим. М. Аронсона. Л., 1939, с. 147, 230. В примечании к этому стихотворению Аронсон впервые привел поясняющие его содержание цитаты из писем Шевырева к М. П. Погодину. Приводим их по рукописному подлиннику, хранящемуся в ИРЛИ (ф. 26, № 14, л. 85).

[205] ИРЛИ, ф. 26, № 14, л. 157.

[206] Там же, л. 160.

[207] Кап. Т. М е д в и н. Записки о лорде Байроне. СПб., 1835, т. I, с. 188.

[208] «Московский наблюдатель», 1837, ч. X, № 20, с. 214.

[209] А. К. В и н о г р а д о в. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, с. 60, 67, 71—72.

[210] А. Н. М а й к о в. Полн. собр. соч. Изд. 9-е, т. III. СПб., 1914, с. 46—47. «Байрон в Колизее» — так озаглавил И. И. Козлов свой вольный перевод из IV песни «Чайльд Гарольда» (строфа 128), впервые напечатанный в «Библиотеке для чтения», 1834, т. VII, с. 120—123.

[211] В. Д а в ы д о в. Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году. СПб., 1839, ч. 1, с. 265—266.

К этим двухтомным запискам приложено 17 литографий с рисунков К. П. Брюллова (сопровождавшего В. П. Давыдова вместе с архитектором Кремером), выполненных им во время странствований по Греции. Акварельные оригиналы этих рисунков были обнаружены Е. И. Смирновой в фондах Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, в альбоме, переплетенном в красную кожу (18 акварелей и 10 рисунков карандашом), с надписью «Путешествие на Восток. 1835» (см.: А. Турбин. История одного альбома.— «Советская Россия», 1958, № 33, 8 февраля). Через Вильяма Гамильтона (брата Томаса Гамильтона), бывшего его близким другом во время жизни в Шотландии, Давыдов преподнес экземпляр этого труда Эдинбургскому университету и был представлен сэром Вильямом к получению почетной ученой степени, присужденной ему Эдинбургским университетом в сентябре 1840 г. (см. экстракты из протоколов Сената Эдинб. ун-та в письмах Гамильтона к Давыдову от 17 июня 1847 г. (ГБЛ, ф. 219, 43.3, л. 9).

[212] Ср. его описание города Зенте («Путевые записки», ч. 1, с. 48—50). Проезжая о. Корфу и осматривая тот «пункт, где речка ⟨Потамо⟩ впадает в море, может быть, тот самый, на котором, по словам Гомера, сошел Улисс по прибытии в землю феаков», Давыдов решил, что «он, может быть, подал Байрону первую мысль к его удивительной картине Дон Жуана и Хайды», привел в своей книге подробное сличение этих эпизодов из «Одиссеи» и «Дон Жуана» (ч. I, с. 23—26). В книге К. Базили («Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах». СПб., 1834) имя Байрона также вспоминалось то в связи с греческим преданием о Геро и Леандре, то с «Чайльд Гарольдом», то с лордом Элгином и стихотворением «Проклятие Минервы», из которого цитируются отдельные стихи (ч. I, с. 11, 88, 162). В очерке К. Леонтьева «Паликар Костаки» (в его сб. «Из жизни христиан в Турции». М., 1876, т. II, с. 4—5) есть рассказ сулиота о Байроне, быть может, основанный не на комбинации литературных данных, а на действительном событии, о котором автор мог слышать во время своей дипломатической службы на Востоке от современника Байрона: «Сулиотов наших и лорд один великий хвалит в своих сочинениях. Я забыл его имя, но его у нас еще помнят старики; игумен в монастыре св. Ильи, что в Зице, говорит: «Как сейчас пред собой вижу: кудрявый и красивый мужчина был; в монастыре нашем три дня гостил и с меня портрет карандашом снял и отдал мне на память, да пропал портрет с другими бумагами во время албанских набегов. Этот лорд в Миссолонге умер; он сбирался за греков сражаться, да заболел и скончался» и т. д. Ср. анекдотическое известие о пребывании Байрона в греческом монастыре: «Анекдот о Байроне» ⟨о распятии, подаренном Байрону монахом в Афинах⟩ («Русский зритель», 1829, № 15—16, с. 263—264).

[213] В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы. Вступ. статья, ред. и прим. Ю. Н. Тынянова, т. I. Л., 1939, с. 459, 88—90, 197—198.

[214] В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Изд. подготовили Н. В. Королева и В. Д. Рак. Л., 1979, с. 383. Речь идет о Михаиле Афанасьевиче Дохтурове (1800—1844), штаб-лекаре и хирурге, сыне Афанасия Афанасьевича Дохтурова и графини Варвары Федоровны Толстой (В. Руммель и В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I. СПб., 1896, с. 243). Ф. Ф. Вигель отца Михаила Афанасьевича именует «Докторовым» и посвящает его характеристике целую страницу своих воспоминаний; по его словам, А. А. Дохтуров был двоюродным братом известного героя войны 1812 года, генерала Д. Дохтурова; некогда он был орловским помещиком, а затем стал «попромотавшийся, попроигравшийся старый франт, служивший «по необходимости» советником Пензенской Казенной палаты и получавший вспомоществование от «брата глухой жены своей, Варвары Федоровны (ум. в 1838 г.),— орловского креза, графа Степана Федоровича Толстого» («Записки», ч. II. М., 1892, с. 85—86). Краткая биография М. А. Дохтурова, изложенная В. Н. Орловым в статье «В. К. Кюхельбекер в крепостях и ссылке» (сб. «Декабристы и их время». М.— Л., 1951, с. 83) всецело основана на тех данных, какие о Дохтурове сообщил Кюхельбекер в своем дневнике.

[215] В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, с. 197—198.

[216] В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи, с. 384.

[217] Евг. Петряев. Впереди — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Восточно-сибирское книжное издательство, 1968, с. 57. Автору удалось в делах Нерчинского горного правления обнаружить письма и служебные рапорты М. А. Дохтурова, а в Историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 14, № 644) дополнительные документы, дающие новые о нем сведения. Выяснилось, что Дохтуров «родился в 1800 г., окончил первый кадетский корпус, но по неспособности к военной службе уволен, обучался медицине в Дерптском университете и восточной словесности — в Петербургском. По экзамену в медико-хирургической академии признан в 1830 г. лекарем, служил в Грузии, Керчи, Одессе, потом в Нерчинских заводах⟨...⟩ Позже он служил в Кизляре». В официальных бумагах ничего не говорится о пребывании его в Германии и в Турции; неясно также, когда он получил медицинское образование и когда занялся «восточной словесностью». В другой книге (Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954, с. 99—103) тот же исследователь приводит более подробные данные о сибирском периоде жизни Дохтурова, а также о связях его с декабристами. В Забайкалье он был назначен «по прошению» 21 мая 1838 г. «Дохтуров— пишет Петряев,— обладал незаурядным художественным талантом. Сохранились его прекрасные акварельные рисунки и карикатуры, которые он дарил своему забайкальскому приятелю — штаб-лекарю А. И. Орлову» (другу декабристов и одному из культурнейших представителей кяхтинской интеллигенции); они сохранились в альбоме Орлова, находящемся ныне

в Гос. Историческом музее в Москве (№ 85523. Акв. альбом № 129, К. П. (Т. М.) — 178). Здесь среди записей и рисунков декабристов и самого Дохтурова он сделал запись на еврейском, турецком, немецком, французском и русском языках (ср.: М. Ю. Б а р а н о в с к а я. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954, с. 152). Добавим, что, по сообщению Петряева, у Дохтурова был родной брат, Павел Афанасьевич, капитан-лейтенант; он был сослуживцем декабриста Н. А. Бестужева и жил в Кронштадте в одном доме с братьями Бестужевыми. Сестра его — Мария Афанасьевна — была большой приятельницей Н. В. Станкевича. (см.: Н. В. С т а н к е в и ч. Переписка. 1830—1840. М., 1914, с. 214, 249, 254 и др.; а также: Е. Д. П е т р я е в. Исследователи и литераторы старого Забайкалья, с. 99).

[218] Предварительное сообщение о найденных в ленинградских хранилищах нескольких рукописях Байрона опубликовано было мною еще в 1945 г. на английском языке в периодическом издании «Научный бюллетень Ленинградского университета» (1945, № 3, с. 40—42), под заглавием: «Неизвестные фрагменты рукописей Байрона» («Unknown Fragments of the Byron manuscripts»), позже я вновь указал на них в обзорной статье «Британские рукописи в России», опубликованной в Лондоне («British Manuscripts in Russia.— «The Times Literary Supplement, 1946, 21 September). Здесь шла речь о фрагментах неизвестного стихотворного замысла Байрона и черновике одной из его «Еврейских мелодий». Поиски автографов, начатые мною, продолжены не только в Ленинграде, но также и в Москве, при активной помощи И. С. Зильберштейна. В итоге предпринятых разысканий в 1952 г. в 58 томе «Литературного наследства» была напечатана моя статья «Автографы Байрона в СССР» (с. 949—998), сопровождавшаяся фотоиллюстрациями самих рукописей Байрона. К сожалению, хотя эта публикация на этот раз и была замечена своевременно, она стала поводом к довольно продолжительной полемике в английской печати, но без моего участия.

После того как ТАСС, основываясь на сообщении, переданном московским Радиокомитетом, сообщило, что в Ленинграде и Москве были найдены и изучены мною автографы Байрона, никогда не бывшие в печати, газета «Таймс» поместила об этом более подробное сообщение своего московского корреспондента: «Russians claim Byron finds. From our special correspondent» («The Times», May 8, 1958). Однако здесь же опубликованы были заявления нескольких лиц, усомнившихся в том, что эти автографы — подлинные. Об этом заявил прежде всего John Murray — старший директор поныне существующей издательской фирмы, предок которого был издателем Байрона. По его мнению, от Байрона не осталось ни одной строчки, которая не была бы в свое время издана Джоном Мерреем — другом поэта. К Дж. Меррею присоединился также Mr. W. C. Kyle — почетный библиотекарь «Poetry Society», со своей стороны выразивший сомнение, что в пределах СССР могут быть обнаружены какие-то новые рукописи Байрона, писанные самим поэтом.

На другой день та же газета «Таймс» опубликовала письмо в редакцию, посланное Mr. Michael Whittoks, представившего возражения м-ру Кайлю. Автор письма не только ссылался на мою статью 1952 г. «Автографы Байрона в СССР», напечатанную на русском языке, но и приводил сделанные мною транскрипции байроновских фрагментов; при этом он утверждал, что подлинность автографов не подлежит никакому сомнению и что в этом может убедиться всякий желающий, поскольку к моим публикациям приложены отчетливые фотоснимки с самих рукописей.

На этом, однако, дело не остановилось, так как, по-видимому, не все имели возможность видеть указанный том «Литературного наследства», экземпляры которого в Англии были редки. Через ТАСС я получил новый запрос по этому поводу от агентства Рейтер, и сущность моей экспертизы и выводов, к которым я пришел при изучении указанных автографов, была изложена в «Таймсе» в редакционной заметке под заглавием: «Байроновские открытия — подлинные. Новые подробности о советских фрагментах: «Byron Discoveries Genuine. More details of Soviet fragments» — («The Times», 19 May 1958). Наконец, Sir Gawain de Beer, Direction of the Science Museum, опубликовал заметку в «The Times Literary Supplement» (May 16, 1958) под заглавием: «Письмо Байрона в Ленинграде» («A Byron letter at Leningrad»). В этой заметке он рассказывает, что, прочитав статью в «Таймсе» от 15 июля 1955 г. (об открытых и определенных мною рукописях), он обратился непосредственно к директору Ленинградской публичной библиотеки В. М. Барашенкову, который тотчас же любезно прислал ему фотоснимок с хранящегося в библиотеке письма Байрона. Ввиду возникшей полемики сэр Гевейн де Бир полностью напечатал указанное письмо в «Literary Supplement», но не указал, что перед этим оно уже было опубликовано мною; мое имя (как первого публикатора этого письма) в 1958 г. уже не упоминалось.

Не вполне уверенный в том, что все опубликованные мною автографы дошли до английского читателя, считаю полезным сообщить здесь, что в моей русской статье 1952 г. об автографах Байрона мною были впервые сообщены, кроме указанного письма поэта к Джемсу Вебстеру (25 июля 1813 г.), фрагмент стихотворения «When the mantle is drawn for a moment apart...», письмо Байрона к Джулиани (Пиза, 23 сентября 1822 г.), черновик начала одной из «Еврейских мелодий» (A Spirit passed before me...) и несколько других отрывков, меньшего значения. Все эти автографы хранились в старых семейных архивах первой половины XIX в. (в собраниях Г. В. Орлова, П. А. Вяземского и др.), откуда впоследствии попали в государственные библиотеки и архивохранилища. Несомненно, что подобных рукописей Байрона хранилось у нас значительно больше и что, вероятно, выявлены они не до конца и дальнейшие их находки являются возможными.

Глава VI

МОСКОВСКИЕ ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА КЛЕР КЛЕРМОНТ

1. Клер Клермонт — падчерица Вильяма Годвина и сводная сестра Мери Шелли, жены поэта.— История их дружбы.— Находка дневников Клермонт и их публикация.— Знакомство Клермонт с Байроном.— Их дочь Аллегра.— Семья Шелли покидает Англию и увозит Аллегру в Швейцарию.— Приезд Байрона в Швейцарию.— Байрон, Шелли, Клермонт и их литературные занятия на берегу Женевского озера.— Знакомства Клермонт с русскими путешественниками в Швейцарии и Италии. 2. Приезд Клермонт в Москву.— Клермонт — учительница английского языка и ее московские соотечественники.— Клермонт — гувернантка в семье З. Н. Посникова и ее московские дневники 1825—1827 годов.— Переписка Клермонт с Мери Шелли.— Московское общество в записях дневника Клермонт и ее письмах.— Ф. Ф. Кокошкин и московский театр. 3. Привольная жизнь Клермонт в Ославском — подмосковной даче Посниковых.— Дружба Клермонт с Г. Х. Гамбсом, автором поэмы «Владимир и Зара».— Домашний театр и рукописная газета в Ославском у Посниковых.— Ф. Ф. Кокошкин и А. Шаховской.— Чтения и переводы.— Перевод Гамбсом «Черной шали» Пушкина. Знакомство Клермонт с композитором И. И. Геништой.— Его романсы на слова Веневитинова и Пушкина. 4. Клермонт и московские литераторы 1825—1826 годов.— Уроки английского языка К. К. Яниш и знакомство с будущим мужем поэтессы — Н. Ф. Павловым.— Клер Клермонт и семья Елагиных.— Клермонт и московские друзья Пушкина: И. Пущин, С. Соболевский, Ф. Матюшкин, П. Каверин.— Клермонт и Зинаида Волконская.— Клермонт и московские декабристы.— Клермонт и английская колония в Москве: Бакстер, Эванс и др. 5. Переезд Клермонт в семью Кайсаровых.— Отъезд Клермонт за границу с Кайсаровыми.— Характеристика Клермонт в письмах Н. М. Рожалина.— Клермонт и братья Киреевские. 6. Последние годы жизни Клермонт.— Ее литературные опыты.— Повесть «Поляк».— Переписка с Наташей Кайсаровой.— Смерть Клермонт во Флоренции и судьба ее родных и друзей.

1. Клер Клермонт — падчерица Вильяма Годвина и сводная сестра Мери Шелли, жены поэта.— История их дружбы.— Находка дневников Клермонт и их публикация.— Знакомство Клермонт с Байроном.— Их дочь Аллегра.— Семья Шелли покидает Англию и увозит Аллегру в Швейцарию.— Приезд Байрона в Швейцарию.— Байрон, Шелли, Клермонт и их литературные занятия на берегу Женевского озера.— Знакомства Клермонт с русскими путешественниками в Швейцарии и Италии

Историческое значение английской литературы романтического периода неоспоримо. Великие имена Байрона, Шелли, Китса, поэтов «озерной школы» и их ближайших современников известны ныне каждому сколько-нибудь грамотному человеку Европы, Америки и других континентов. Изучение английской романтической литературы, находившейся в ближайшей связи с возникновением национально-освободительных движений на Западе и Востоке и вызвавшей к жизни могущественные идейные движения и рождение новых поэтических форм, доныне ведется весьма интенсивно — не только в англоязычных странах. Творения английских романтических поэтов издаются на многих языках, переводы их постоянно обновляются; во многих странах издаются специальные журналы, посвященные новому истолкованию литературных памятников этой поры, приближающие нас к более совершенному их пониманию. Казалось бы, что обследованы все архивы и все библиотеки, в которых могли еще сохраняться неопублико-

ванные рукописные материалы, связанные с главными или второстепенными деятелями английской литературы этого времени. Когда на исходе прошлого века английскому журналисту В. Грээму удалось собрать в Италии некоторые новые биографические данные о Байроне и Шелли, а также указать на местонахождение кое-каких неизданных рукописей этих поэтов, он назвал свою книгу, посвященную этим находкам, «Последнее звено, связующее нас с Байроном, Шелли и Китсом» (1898). Однако оказалось, что звено это было не последним! Недавно сенсацией явилось известие о новой находке: радио, газеты и журналы всего мира оповестили об открытии в одном из сейфов стародавнего лондонского банка забытых рукописей Байрона, пролежавших в неизвестности свыше ста лет. Можно указать здесь также, что столь же неожиданной новостью для английских байроноведов явилось обнаружение в советских архивохранилищах нескольких автографов неизвестных стихотворений и писем Байрона; появление этих материалов на страницах «Литературного наследства» (т. 58, 1952 г.) вызвало оживленное обсуждение и полемику в зарубежной печати (см. выше: прим. 218 предыдущей главы).

Такой же неожиданной новостью стала находка и первое, за многие годы, издание дневников Клер Клермонт — близкой свидетельницы последних лет жизни Шелли и Байрона. Для нас эти дневники имеют особое значение: несколько лет Клермонт провела в Москве в качестве гувернантки и дала в своих дневниках подробную и яркую картину московской жизни в середине 20-х годов XIX века. Живя в Москве, Клермонт близко соприкасалась со многими видными деятелями русской литературы, театра и музыки и дала единственные в своем роде по новизне и достоверности данные для истории московского быта того времени. Все это позволяет открыть существовавшие в это время англо-русские литературные связи там, где они и не предполагались, и представить в новом свете историю сближения русской и английской литератур и журналистики, наметившегося в это время. Трудно переоценить значение этого первоисточника для истории русской культуры. Нижеследующие страницы являются лишь первой попыткой познакомить с этим источником историков русской литературы.

В книгах о Байроне и Шелли издавна можно было встретить имя Джейн Клер Клермонт (1798—1879), женщины необычной судьбы, многими узами связанной с рядом важнейших английских писателей первой четверти XIX века. Однако ее жизнь известна была мало; в истории ее юности оставалось много неясностей, хронологической путаницы и загадок, не до конца прояснены и доныне; даже самое имя ее появлялось в печати в различных вариантах и транскрипциях [1]. Как мы знаем сейчас, Клер Клермонт была падчерицей философа и писателя Вильяма Годвина (1756—1836), дочерью его второй жены Мери Джейн Клермонт, на которой он женился в 1801 году, после смерти первой жены Мери Уолстонкрафт (1759—1797), также писательницы. Годвины были известные вольнодумцы: сам Годвин являлся автором знаменитых в свое время сочинений, возникших под сильным воздействием французской революции 1789 г.,— трактата «Исследование политической справедливости» (1793) и романа «Калеб Вильямс» (1794); книга его жены Мери Уолстонкрафт «Защита прав женщин» (1792) произвела сильный шум и в Англии и на континенте, так как в ней были впервые изложены основные принципы будущего женского движения в Европе. Но первый счастливый брак Годвина был недолгим; Мери умерла от родов, оставив Годвину дочь, в память матери также названную Мери (1797—1851); впоследствии Мери Годвин стала женою Перси Биши Шелли. Вторичная женитьба Годвина на Мери Джейн Клермонт увеличила его многодетную семью [2]. У Мери Джейн Клермонт было двое детей — дочь Клер и сын Чарлз. Таким образом, Клер Клермонт и Мери Годвин, ставшая впоследствии женой поэта, были сводными сестрами, притом почти однолетками. Они воспитывались в одном доме и стали близкими подругами, живя долгие годы вместе и после того, как они стали взрослыми женщинами.

КЛЕР КЛЕРМОНТ
Портрет работы Амелии Карран, 1819
Музей Ньюстедского аббатства, Англия

В 1815 г. Клер Клермонт познакомилась с уже прославленным в то время Байроном, и поэт принял в ней участие, когда она готовилась стать певицей и мечтала поступить на сцену Дрюри-Лейнского театра в Лондоне. В 1817 г. Клермонт стала матерью дочери Байрона, Аллегры, которую взяла под свое покровительство чета Шелли, перед тем как покинуть Англию и отправиться в Швейцарию; их сопровождала Клер Клермонт. Вскоре, в Женеве, к ним присоединился и Байрон, такой же недобровольный изгнанник, оклеветанный на родине, каким был и Шелли. Но швейцарская идиллия на берегу Женевского озера продолжалась недолго. Байрон уехал в Венецию к друзьям-карбонариям, взяв с собою Аллегру, и, поручив ее сначала заботам графини Гвиччьоли, вскоре, несмотря на протесты матери девочки, поместил ее на воспитание в католический монастырь близ Равенны, где она и умерла 19 апреля 1822 г., на шестом году [3]. Несколько месяцев спустя, 8 июля того же года, Шелли утонул в Средиземном море, катаясь на яхте в заливе неподалеку от Специи, а два года спустя, в апреле 1824 г., в Греции, умер Байрон. Так закрылась одна из ярких страниц английской романтической поэзии. Мери Шелли и Клер Клермонт остались в Италии, живя вместе в вынужденной, а временами и намеренно создаваемой безвестности, в узком кругу друзей, знавших их прошлое, или близких родственников.

Все приведенные выше немногочисленные и краткие сведения о Клер Клермонт, а также хронологические справки были результатом довольно

длительных разысканий биографов Шелли и Байрона второй половины XIX века; ближайшие же современники Клермонт, говоря о ней, путались в датах и терялись во всевозможных догадках, зачастую довольно фантастических, пытаясь определить ее истинные отношения к семье Годвина, в особенности же к обоим поэтам — Байрону и Шелли и их друзьям. Этому, безусловно, содействовала сама Клермонт: после смерти Шелли и Байрона ни один из биографов того или другого поэта не получил к ней доступа для беседы; для всех любопытствующих она как бы забыла свое прошлое и делилась воспоминаниями о своей юности лишь с очень немногими доверенными лицами, неизменно оговаривая свою просьбу не разглашать далее что-либо из того, что они услышали от нее.

С годами Клер Клермонт все более замыкалась в себе. Она поселилась в Италии, приняла католическую веру, окончательно порвала со своей родиной, жила уединенно во Флоренции вместе со своей племянницей, Полиной Клермонт (дочерью ее брата, Чарлза, поселившегося в Вене), на деньги, завещанные ей еще Перси Биши Шелли, которые она, однако, получила лишь после смерти отца поэта, сэра Тимоти Шелли. О жизни Клермонт в старости во Флоренции мы имеем мало сведений. В начале 1869 г. ее посетил здесь племянник, Вильгельм Клермонт, приехавший сюда навестить свою престарелую «тетю Клер» из Вены, где он жил постоянно. На своем своеобразном немецко-английском жаргоне в письме, посланном из Флоренции к родным (30 января 1869 г.), Вильгельм Клермонт кратко рассказал о встрече с «тетей Клер» и о тех лицах, которые ее окружали в то время. По его словам, она жила в каком-то заброшенном крыле палаццо Орсини, куда вели ходы, вероятно бывшие некогда потайными, в полутемных комнатах, заставленных безделушками, со старыми картинами на стенах, с какими-то странными «ковровыми» дверями (so wie Tapetentüren); в свое время это, несомненно, были секретные апартаменты старинного дворца, куда находили дорогу лишь немногие посвященные и где можно было пребывать в тишине и в полном уединении, вдали ото всех [4]. Трудно было бы найти более подходящую обстановку для одинокой старой женщины, доживавшей здесь свой век и окруженной тенями прошлого.

Лишь за несколько лет до смерти Клер Клермонт, когда ей было уже около восьмидесяти, в ее старомодном жилище побывал молодой английский критик и журналист Вильям Греэм (W. Graham) [5]. Не вполне ясно, как состоялось их знакомство, но, видимо, ему удалось выведать кое-что от Клермонт о великих друзьях ее юности. Это было в 1877 году. Отвечая Греэму на его вопросы о Байроне и Шелли, Клер Клермонт взяла с него слово, что он не сразу предаст гласности то, что она могла ему сообщить. Кое-что из ее рассказов она разрешила ему опубликовать через десять лет после своей смерти, большинство же сделанных им записей он получил право обнародовать лишь тридцать лет спустя. Клер умерла во Флоренции 19 марта 1879 года. Исполняя данное им обещание, Греэм упорно молчал до 1893 г., несмотря на то, что у него было не мало поводов выступить в печати со своими записями. Так, он мог вступить в полемику относительно Клер Клермонт в 1883 г., возникшую после выхода в свет новой биографии Байрона, написанной Джеффрсоном [6]. Книга его была озаглавлена «Подлинный лорд Байрон» и в ней была сделана очередная попытка приоткрыть завесу над некоторыми тайнами личной жизни поэта, и в частности объяснить загадку его развода с законной женой. Эту загадку (которая была раскрыта много десятилетий спустя публикацией семейных бумаг наследниками леди Байрон) Джеффрсон пытался объяснить историей связи Байрона с Клер Клермонт и рождением их дочери Аллегры, впрочем, на основании данных, сбивчивых и неточных, собранных из третьих рук. Хотя эта гипотеза Джеффрсона оказалась несостоятельной, но его книга о Байроне, безусловно, способствовала возрождению интереса к личности поэта и даже к его поэзии: именно к 80-м годам, на смену предубеждениям предшествующих десятилетий и периодическим вспышкам яростной «байронофобии», возникло новое

отношение к Байрону в Англии, переоценка его как трибуна, «блестящего бойца со всем миром», заступника угнетенных народностей и глашатая их национального освобождения [7]. К тому же времени в широких кругах английских читателей окончательно установилась репутация Шелли, как одного из величайших лириков английской литературы. Поэтому книга Джеффрсона новизной объединенных в ней биографических данных привлекла к себе внимание, вызвала полемику, довольно подробно изложена была и в русской печати [8].

В январе 1887 г., еще до опубликования Грэмом собранных им воспоминаний Клермонт, известный американский писатель Генри Джеймс занес в свою записную книжку услышанный им во Флоренции рассказ о некоем капитане американского морского флота по имени Эдуард В. Силсби, страстном поклоннике поэзии Шелли, который долго, терпеливо и безуспешно добивался обладания неизданными бумагами поэта, хранившимися у Клермонт как заветное и недоступное посторонним взорам сокровище. Вот что гласит запись Джеймса: «Мисс Клермонт, бывшая любовница Байрона (мать Аллегры), жила до недавнего времени здесь, во Флоренции, достигнув глубокой старости, лет восьмидесяти или около того, а с нею жила младшая мисс Клермонт — лет около пятидесяти. Силсби знал, что у них есть интересные рукописи,— письма Шелли и Байрона,— знал это давно и лелеял мысль завладеть ими. С этой целью он задумал: поселиться у мисс Клермонт— в надежде на то, что старая леди (по ее дряхлости и упадку сил) умрет при нем и он сможет прибрать к рукам документы. Все произошло так, как он рассчитывал... Старуха умерла, тогда он вступил в переговоры с ее родственницей, старой девой пятидесяти лет, о предмете своих желаний. Ее ответ был: «Я вам отдам все письма, если вы на мне женитесь...»

Эта жизненная история показалась Джеймсу достойной литературной обработки. «Здесь, конечно, есть небольшой сюжет,— писал он по этому поводу в той же записной книжке,— две увядшие, странные, неимущие и презираемые старые англичанки, пережившие свое поколение, в заплесневелом уголке чужестранного города хранящие, как свое драгоценное достояние, эти сокровища. Развязка не обязательно должна повторять то, что рассказывают о бедняге Силсби: во всяком случае общая ситуация сама составляет сюжет и картину» [9].

Хорошо известно, что приведенная запись стала основой повести Генри Джеймса, написанной в том же году, «Письма Асперна» («The Aspern papers», 1887), которую ныне принято считать «одной из самых блестящих его повестей» [10]. Конечно, претворяя свой замысел в художественное повествование, Джеймс во многом должен был отойти и от общей схемы рассказанной ему истории, и от многих реальных ее подробностей. Естественно, что он взял для своих действующих лиц другие имена (Клер Клермонт получила в повести имя Джулианы Бордеро, а племянница ее, Полина Клермонт,— Тины) и перенес место действия из Флоренции в Венецию; кроме того, он выдумал никогда не существовавшего английского романтического поэта — Джеффри Асперна,— превратив его в собирательный, обобщенный образ, в котором в одно целое слились черты Шелли и Байрона; именно его бумаги — письма, неизданные произведения — хранит в своей заветной конторке Джулиана. Пафос рассказа достигает своей кульминации в той сцене повести, когда полумертвая старуха застает своего жильца на месте преступления, перед конторкой с бумагами Асперна, которой он хочет завладеть. Эта сильная сцена, как это уже не раз отмечалось исследователями, имеет несомненное и, вероятно, не случайное сходство с той полной драматизма ситуацией в «Пиковой даме» Пушкина, когда Германн пытается исторгнуть тайну трех карт в спальне у графини. Возможно, что эту сцену «Пиковой дамы» Джеймс знал не из текста Пушкина, а по интерпретации ее в опере Чайковского, но не случайно все же в «Письмах Асперна» пытаются уследить и другие возможные воздействия произведений Пушкина на американского писателя, в частности «Медного всадника» [11].

История капитана Силсби, рассказанная в повести Джеймса, как мы видели, не была им придумана. В неизданных дневниках Полины (или Паолы) Клермонт Силсби упоминается часто с чувством живейшей симпатии, как человек, напоминавший тетке и племяннице старого друга их семьи, Эдуарда Джона Трелоуни (E. J. Trelawny, 1792—1881), также в прошлом бывшего моряком и искателем приключений, ставшего затем писателем, и такого же страстного любителя романтической поэзии. Но между Силсби и Трелоуни имелось существенное различие: возраст; они принадлежали к разным поколениям. Трелоуни был личным, близким другом как Шелли, так и Байрона, которых он знал еще по Италии. Трелоуни руководил сожжением праха Шелли и погребением его на Новом протестантском кладбище в Риме, где он и сам, много лет спустя, был похоронен рядом с могилой Шелли; он сопровождал Байрона в Грецию и был тяжело ранен в бою с турками за дело греков. Трелоуни был преданным другом Клер Клермонт и вел с нею переписку до последних дней ее жизни. После смерти Клер он получил свои письма к ней из рук Полины Клермонт и собственноручно сжег их, утаив от потомков многие обстоятельства своей жизни и судьбы сводных сестер Клер и Мери, в которых он влюблялся попеременно [12].

Борьба за овладение рукописными материалами, которые ревниво хранила у себя К. Клермонт, началась вскоре после ее смерти во Флоренции. Единственной распорядительницей их сделалась Полина (Паола) Клермонт [13]. Когда она отказалась отдать их безвозмездно или продать Силсби и он увидел, что эти бумаги ускользают у него из рук, он поспешил вступить в переговоры и переписку с лицами, претендовавшими на их приобретение, которых оказалось довольно много. Главным из них был видный английский исследователь и биограф Шелли 80-х годов — Бакстон-Формен (H. Buxton-Forman), подославший Полине Клермонт во Флоренцию двух своих друзей — Генри Родерика Ньюмена (Newman) и Чарлза Ферфакса Меррея (Murray) для совершения с нею торговой сделки. Но сговор и покупка ими этого архива для Бакстона-Формена шли с затруднениями и растянулись на несколько лет. Часть этих бумаг осталась у родных Клермонт, часть попала в другие руки. Так, несколько автографов Шелли все же достались Силсби: в его распоряжении оказались две записные книжки Шелли и письмо поэта к Клер Клермонт; он обладал также автографом стихотворения Шелли «Облако» (вероятно, хранившимся некогда в той же заветной шкатулке К. Клермонт), который он впоследствии пытался продать библиотеке Гарвардского университета [14].

К 1886 г. продажа Бакстону-Формену рукописей, принадлежавших Клер Клермонт, наконец, завершилась. Посылая ему последние автографы и документы 10 января этого года, Полина Клермонт составила тогда и опись заветной шкатулки своей тетки. Судя по этой описи в ней хранились: 23 письма П. Б. Шелли к К. Клермонт, 23 ее письма к В. Годвину, 111 писем Мери Шелли, завещание Шелли, 4 записных книжки Клер (1818—1820 гг.), ее дневник (с 1825 г.), различные письма и бумаги Годвина, более чем 50 писем к Клер Эдуарда Трелоуни, автограф очерка Шелли «Заметки о скульптурах в Риме и Флоренции» и несколько других рукописей [15].

Все эти материалы публиковались медленно и с трудом входили в научный оборот; многие рукописи нуждались в пояснениях и справках, составление которых требовало времени и значительного труда. Письма к Клер Шелли и Годвина Бакстон-Формен сам пустил в продажу, и они разошлись по рукам различных коллекционеров, публиковались в отрывках с произвольными датами.

Упомянутый выше Греэм, первый, кому удалось получить доступ к К. Клермонт во Флоренции и записать от нее кое-какие воспоминания о литературных друзьях ее юных лет, долго хранил молчание. Он нарушил его лишь в 1893 г., когда в ноябрьской и декабрьской книжках журнала «Nineteenth century» появились в печати первые записи тех бесед, которые он вел с нею во Флоренции более чем за пятнадцать лет перед тем. Статьи Греэма,

продолжавшиеся затем в январской книжке того же журнала за 1894 г. и других периодических изданиях, вызвали к себе живейший интерес, в том числе и в России [16], и внесли ясность в некоторые из тех вопросов, какие казались до тех пор запутанными или вовсе не разрешимыми. В 1898 г. все эти статьи Греэма вышли в свет отдельной книгой, получившей характерное заглавие: «Последнее звено, связующее нас с Байроном, Шелли и Китсом» («Last Links with Byron, Shelley and Keats». London, 1898).

Греэм утверждает, что Клермонт (он называет ее Джейн) рассказала ему, по ее словам, «всю правду относительно ее отношений к Байрону» и что, сколько он ни добивался от нее дополнительных подробностей, она «увертывалась, отделывалась шуткой или улыбкой». Тем не менее она все же рассказала ему довольно много. «Тогда, — вспоминала она ⟨речь идет о 1815 г.⟩, — Байрон находился на вершине своей славы ⟨...⟩ Я намеревалась поступить на сцену, наши средства были тогда очень ограниченны; я считала своей обязанностью не быть обузой в семье Годвинов, и сцена казалась мне занятием более подходящим, чем всякое другое. Я думаю, что сам Шелли посоветовал мне обратиться к Байрону; тогда Шелли бредил Байроном и постоянно повторял его стихи ⟨...⟩ Я была молода, тщеславна, бедна. Он был окружен невероятной славой, такой славой, что все, и в особенности молодежь, молились на него как на бога. Его красота была так же знаменита, как и его слава, и он был всемогущ там, куда стремилось мое честолюбие...» «Скажите же мне, одобряли ли Шелли и Мери вашу связь?» — спросил ее Греэм еще раз. На это она отвечала: «Шелли мог только радоваться и гордиться, видя что его свояченица находится в таких отношениях с Байроном, в каких сама Мери состояла с ним самим. Увы, ни он, ни я не знали в то время, что за человек был этот Байрон...» — «Какой же это был человек? Ведь несомненно, что он был великий человек, а вы слишком великодушны для того, чтобы питать к нему ненависть.— У меня нет к нему ненависти, а только полное равнодушие и глубокое презрение. Ненависть есть обыкновенное последствие любви, а я никогда не любила Байрона, я была ослеплена, обольщена, но это не была любовь.— Разве вы никогда не знали любви?» Джейн Клермонт покраснела и отказалась отвечать, но Греэм настаивал. «А Шелли? — прошептал он.— Да, я любила его всем сердцем и душой! — Так не было ли это одной из причин поведения Байрона с вами?» Очевидно, Клермонт жалела уже о вырвавшихся у нее словах. Она заговорила о другом». «Тем не менее,— продолжает далее Греэм,— из этих разговоров явствует, что она чувствовала к Байрону сильнейшую ненависть. Она не упускала ни малейшего случая приписать ему всевозможные пороки. «Правда, он отдавал бедным треть своего состояния, но все же он был страшный эгоист, фальшивый, бесчестный, до безумия тщеславный человек». Наоборот, она не могла достаточно нахвалиться Шелли. Именно Шелли, по свидетельству Клермонт, употребил все свои усилия, чтобы добиться от Байрона возвращения ей ее дочери; с семьей Шелли Клер жила до его трагической гибели, и ему же она обязана тем, что прожила такие долгие годы в прелестной вилле во Флоренции, где она и умерла».

Из всего услышанного от Клермонт Греэм сделал свои выводы, очень типичные для того времени, когда его записи появились в печати. Ему показалось, например, что то, что Клермонт говорила ему о Шелли, рискует скорее умалить, чем утвердить то «высокое представление, которое составилось у читателей о благородном и мечтательном поэте, авторе «Адонаис» и «Эпипсихидиона»; напротив, ее разоблачения Байрона будто бы не затрагивали ни «нравственной сути» его как человека, ни значения и роли его литературного наследия. «По-видимому, просвещенные английские читатели, так долго и упорно презиравшие Байрона, начинают чувствовать иное,— писал Греэм.— Они имели привычку говорить, что для того, чтобы оценить по достоинству его поэмы, их необходимо прежде перевести на другие языки и в прозе. Теперь же в его пользу происходит реакция, распространяясь повсюду, даже в самых эстетических кружках. На него смотрят как на поэта, цитируют его,

интересуются его жизнью, его воззрениями, идеями. Скоро войдет в моду предпочитать его Шелли». И Греэм заключал отсюда: «Любовь к поэтам редко обходится без какой-нибудь несправедливости, и далеко еще то время, когда восхищение одним из них не будет влечь за собою ненависть к другому».

Эти слова, однако, не сбылись. Возрождение славы Байрона в Англии действительно состоялось; в год выхода в свет «Последнего звена...» Греэма начало выходить первое полное собрание сочинений и писем Байрона, снабженное обильными комментариями, участились опыты постановок его драм в английских театрах и т. д. Но не потускнела также и поэтическая слава Шелли: его недолгая жизнь по-прежнему тщательно изучалась, биографические материалы о нем печатались часто, а оригиналы его писем и рукописей постепенно начали поступать в государственные архивы и книгохранилища. Так, например, переписка Шелли в 1893 г. поступила в «Бодлеевскую библиотеку» в Оксфорде [17]; ранее переписка Шелли с его женой, Мери, была издана «не для продажи» (в количестве всего лишь *двенадцати* экземпляров!), и эта редчайшая книга все же становилась известной некоторым исследователям: ею пользовались В. Дауден в его «Жизни Шелли» (London, 1886) и Флоренс Маршалл (Mrs. Julian M a r s h a l l. Life and Letters of Mary Shelley. London, 1889) [18].

Благодаря всем этим изданиям отдельные подробности сложной и путанной биографии Клер Клермонт медленно прояснялись, прежде всего относительно ее юности, и притом одновременно с двух сторон: если в жизни она во многих отношениях как бы связывала вместе обоих поэтов, то и теперь к ней тянулись, дополняя и проясняя ее личность, разнообразные данные, которые можно было почерпнуть из двух отдельных групп рукописных источников — для биографии Байрона и его окружения, с одной стороны, и для истории разветвленных семей Годвинов и Шелли.

Сопоставление различных данных, в том числе и рукописных свидетельсть, оказывавшихся в руках исследователей английских романтиков, приводило порою к интересным выводам. Только в то время, когда для биографии Клермонт было уже накоплено довольно много фактов, удалось установить, какие произведения Байрона и Шелли вызваны ею или ей посвящены.

Байрон, по всем данным, посвятил Клермонт стихотворение «Стансы для музыки» («Stanzas for Music»); в рукописи оно имеет дату 28 марта 1816 г. и начинается так:

There be none of Beauty's daughters
With a magic like thee;
And like music on the waters
Is thy sweet voice to me...[19]

В русской поэзии известен ряд попыток передать это маленькое стихотворение в переводах. Возможно, что перевод, появившийся в «Московском вестнике» и подписанный буквой А., принадлежал человеку, знавшему, кому оно посвящено:

С т а н с ы н а м у з ы к у

(Из Байрона)

Нет ни одной из дщерей красоты
Соперницы тебе в очарованьи!
Напевом сладостным напоминаешь ты
Музыки на водах роскошное призванье.
Когда при звуках сих нисходит тишина
И, внемля, океан чаруемый стихает,
И дремлют ветерки; полночная луна
На бездну мантией сребристой налегает,
И тихо дышит бездны грудь,
Как грудь заснувшего дитяти;— пред тобою

АЛЛЕГРА, ДОЧЬ БАЙРОНА И КЛЕРМОНТ
Портрет
Из книги Р. Глинн Грилс «Клер Клермонт, мать Байроновой Аллегры»

Без слов склоняюсь я, едва могу дохнуть,
И внемлю, сладостно волнуемый душою,
Как тихий океан, где ветр не смеет дуть [20].

Уверенность в том, что это стихотворение имеет в виду Клер Клермонт, готовившуюся стать певицей, стала еще более твердой, когда было установлено, что около того же времени Шелли также посвятил ей стихотворение «К поющей Констанции» («To Constantia singing»). Оно печатается во всех изданиях лирики Шелли, но, кажется, отсутствует в русском переводе. Основанием для того, чтобы считать это стихотворение посвященным именно Клер, служило следующее обстоятельство: текст этого стихотворения был найден в автографе Шелли, занесенным самим поэтом в ту записную книжку К. Клермонт, которая затем хранилась в ее заветной шкатулке; когда Силсби, заполучивший эту книжку, подарил ее Гарвардскому университету, он сделал на полях отметку на этой рукописи: «Марлоу, 1817» [21].

Но это было не единственное произведение Шелли, в котором поэт обращался к Клер. Достоверно, что ей посвящено несколько стихотворных строк в поэме «Эпипсихидион», о которой Шелли писал, что она является «идеализированной повестью его жизни и чувств», а, отправляя ее в печать (в 1821 г.), просил утаить его имя, «дабы избегнуть злобы тех, кто даже сладчайшую пищу превращает в отраву одним лишь своим разлагающим прикосновением» (письмо к Ч. Оллиеру 16 февраля 1821 г.) [22]. В «Эпипсихидионе» (ст. 368—372) Шелли представил Клер Клермонт в образе «красивой и пламенной кометы, которая влекла за собой сердце этого бренного мира» —

Thou too, O Comet, beautiful and fierce,
Who drew the heart of this frail Universe...

Некоторые исследователи идут и дальше, связывая с К. Клермонт также ряд других произведений Шелли [23].

Тем не менее во всех разысканиях подобного рода нередко ощущалось отсутствие достаточного количества письменных свидетельств самой Клер Клермонт, без которых даже поздние записи ее воспоминаний не могли иметь решающего значения. В этом смысле еще в 80-е годы вызывали к себе особый интерес ее дневники, о которых в то время стало известно из случайных и неточных упоминаний их в печати. Однако ни один из них до конца XIX в. не был издан или описан. Впервые два этих дневника (с записями Клер между 12/24 мая 1825 г. и 2/14 января 1826 г. и от 21 декабря 1826 по сентябрь 1827 г.) были описаны в книге о Клер Клермонт, изданной R. Glynn Grylls (псевдоним Mrs. Mender) в 1939 г. [24] Здесь приведены кое-какие выдержки из дневников, сопровождаемые, впрочем, очень краткими и особенно недостаточными в своей русской части пояснениями. Второй из этих дневников (1826—1827 гг.) в то время находился в частных руках, в Вене (у Frau Alma Crüwell). Как принадлежащий А. Крювелль — поздней представительнице венской ветви семьи Клермонт,— этот дневник назван в статье Лоррен Робертсон «Дневник и записные книжки Клер Клермонт», опубликованной в четвертом выпуске непериодических «мемориальных» сборников, посвященных Шелли и Китсу [25] Ныне, к сожалению, дневник считается утраченным во время последней мировой войны, когда он погиб вместе с другими документами архива семьи Клермонт. Правда, летом 1943 г. Герберт Гушер побывал в Вене, чтобы познакомиться с этим дневником, держал в руках и скопировал его (с пропусками); эта копия была им опубликована дважды [26]. Лишь недавно (1968) все дошедшие до нас дневники Клермонт были изданы отдельной книгой Марион Кингстон Стокинг, в предисловии к которой американская исследовательница писала: «Дневники Клары-Мери-Джейн, «Клер» Клермонт являются одними из последних — вероятно действительно последними — из важных документов, относящихся к кругу Шелли — Байрона, публикуемых в настоящее время. Хотя Клер лучше известна в качестве матери дочери Байрона — Аллегры, личность ее гораздо важнее для литературной истории благодаря той роли, которую она играла в истории знакомства Шелли с Байроном, и главный интерес, который имеют ее дневники, заключается в том, что они проливают свет на семью Шелли со времени его бегства из Англии вместе с Мери Годвин и вплоть до смерти поэта в 1822 году. Только писания четы Шелли превосходят дневники Клермонт по своему значению для тех, кто хотел бы проследить жизненный путь поэта и его окружение. Некоторые исследователи имели возможность пользоваться этими дневниками в выписках, в копиях, или по фотоснимкам, ныне же они впервые появляются в печати в полном виде» [27]. Всех дневников, опубликованных в данной книге,— пять. Приводим их перечень, с указаниями на время, в которое они велись:

первый — с 14 августа 1814 г. по 9 ноября 1814 г.;
второй — с 18 января 1818 г. по 22 апреля 1818 г.;
третий — с 7 марта 1819 г. по 1 августа 1820 г.;
четвертый — с 5 августа 1820 г. по 13 апреля 1822 г.;
пятый — с 12 (24) мая 1825 г. по 2 (13, т. е. 14) января 1826 г.;
шестой — с 21 декабря 1826 г. по 2 февраля 1827 г. (рукописный оригинал этого дневника утрачен и воспроизводится по неполной копии);
Miscellanea — два листка 1828—1830 гг. [28]

Для нас наибольший интерес имеют два дневника: пятый и шестой, т. к. они относятся к тем годам, которые Клер Клермонт провела в России в качестве гувернантки и преподавательницы английского языка в богатых московских дворянских семьях; приходится крайне сожалеть о пропаже шестого дневника, ряд записей которого остался нам неизвестным (в частности, на русском языке), и последующих, если таковые велись: до 1833 г. Клермонт была тесно связана с находившейся за границей семьей П. С. Кайсарова, а переписку с ней вела и позже. Издательница дневников Клермонт очень высоко оценивает и их московскую часть, справедливо полагая, что они во ссоздают

полно и подробно московскую жизнь середины 20-х годов. Следует особо отметить, что они освещают также культурную жизнь Москвы в эти годы и приводят немало новых сведений о русских писателях, театральных деятелях, музыкантах этой поры. Все эти свидетельства, наконец, дают много новых фактов для истории англо-русских литературных отношений и нуждаются в особых комментариях.

2. Приезд Клермонт в Москву.— Клермонт — учительница английского языка и ее московские соотечественники.— Клермонт — гувернантка в семье З. Н. Посникова и ее московские дневники 1825—1827 годов.— Переписка Клермонт с Мери Шелли.— Московское общество в записях дневника Клермонт и ее письмах.— Ф. Ф. Кокошкин и московский театр

Первые дошедшие до нас дневники Клермонт, относящиеся ко второй половине 10-х и началу 20-х годов, подробны и обстоятельны. Они позволяют с достаточной отчетливостью представить себе скитальческую жизнь, которую она вела, связав свою судьбу с четою Шелли, сопровождая их почти во всех странствованиях и принимая участие во всех их занятиях, хлопотах и развлечениях.

В дневнике Клер, который она вела с августа по ноябрь 1814 г., речь идет преимущественно о ее первой поездке на континент с Перси Биши и Мери Шелли. Очень насыщенные перечнями встреченных лиц и увиденных достопримечательностей, записи этого дневника дополняют или служат для проверки тех заметок Шелли об этом путешествии, которые были изданы Ч. Оллиером под заглавием: «История шестинедельной поездки по некоторым областям Франции, Швейцарии, Германии и Голландии» («A History of a Six Weeks' Tour through a Part of France, Switzerland, Germany and Holland», 1817) [29]. В 1816 г. Шелли вместе с женой и детьми вторично отправляется на континент, сначала в Швейцарию, потом в Италию; их сопровождает Клермонт. Второй ее дневник, к сожалению, начинается только 1818 годом, со времени их переселения в Италию. От швейцарского периода дневника Клер не сохранилось или она в это время его не вела. Но с 1818 г. ее дневники становятся столь же подробными, какими они были раньше: на каждой странице можно встретить торопливо записанные вереницы имен лиц, которых она встретила, или происшествий, которых она была свидетельницей. Итальянские города и сельские местности мелькают здесь одни за другими — Рим (1819), Флоренция (1820), Пиза (1820), Ливорно (1820), в следующем году снова те же города, и преимущественно Флоренция, тосканская столица.

К этому времени относится литературный портрет Клер, изображенный в 1834 г. капитаном Томасом Медвином в его книге «Удильщик в Уэльсе». Медвин был двоюродным братом Перси Биши Шелли и близко знал Байрона. О Клер Клермонт и ее жизни во Флоренции в начале 20-х годов Медвин писал следующее, не называя, впрочем, ее по имени: «Во Флоренции я несколько раз встречался с матерью этого ребенка (Аллегры), жившей тогда в пансионе (en pension). Она была брюнеткой, с очень темными волосами и глазами, сверкавшими умом (intelligence); ее считали итальянкой. История ее сохранялась в глубокой тайне. Так как она обладала большими способностями,— говорила по-французски и по-итальянски, в особенности на последнем языке, со всеми тонкостями и изяществом,— за нею много ухаживали в русских кружках (by the Russian coterie), многочисленных и фешенебельных в этом городе. Хотя она не отличалась строгой красотой, но была оживленной и привлекательной, обладая той *esprit de société* *, которая редко встречалась среди ее соотечественниц. Ей было тогда что-нибудь между 22 и 26 годами; предполагая, что я ничего не знаю об обстоятельствах ее несчастной связи с

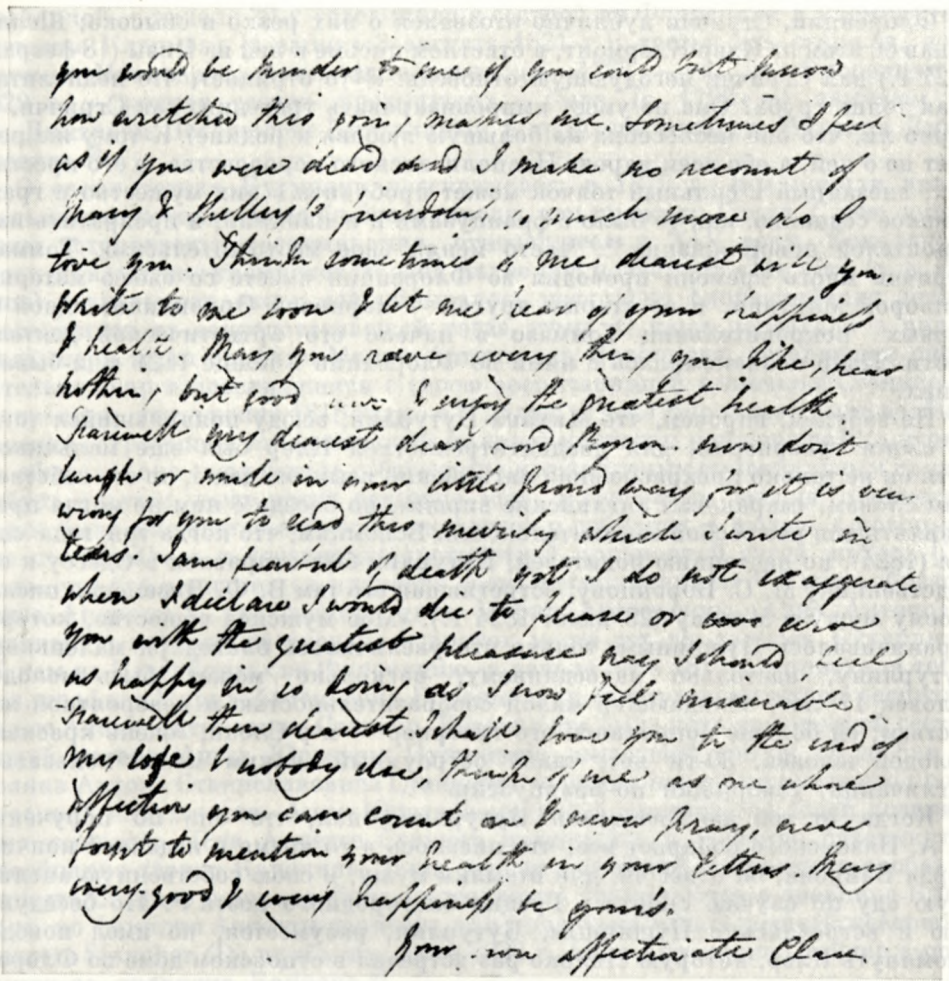
* душой общества (*франц.*).

Байроном, она никогда не упоминала ни его имя, ни имя своей дочери»[30]. Рассказ о беседе с Байроном по поводу Аллегры, в которой поэт признался, что он «не любит, если матери воспитывают своих детей; я сам испытал это», опубликован был Медвином еще в 1824 г. в его «Разговорах с Байроном»[31]; следовательно, он был достаточно посвящен в обстоятельства дружбы Клер Клермонт с Байроном и семьею Шелли. Интересно его указание, что за нею ухаживали в «русских кружках» во Флоренции, «многочисленных и фешенебельных», и этому свидетельству следует верить прежде всего потому, что и сам Медвин был вхож в эти кружки в те же годы[32].

В самом деле, в четвертом флорентийском дневнике Клер Клермонт с начала 1821 г. начинают мелькать русские фамилии, свидетельствующие, что она принята была в тех «русских кружках», о которых писал Медвин. В записи дневника Клер 5 января 1821 г. впервые упоминаются графини Бутурлины (the Contessine Maria and Elena Buturlin)[33], а затем все чаще попадаются сведения о нередких посещениях виллы Бутурлиных (Casa Boutourlin), утром, за обедом, вечером, и то разноплеменное и многочисленное общество, которое она встречала в их доме. Однако издательница дневников не могла в них разобраться, так как не имела возможности воспользоваться русскими источниками; между тем эти источники, например, «Записки» М. Д. Бутурлина вносят очень много дополнительных подробностей в записи Клер Клермонт и объясняют кое-что из того, что в американском издании дневников оставлено без всяких комментариев.

Граф Михаил Дмитриевич Бутурлин (1807—1876), автор будущих «Записок», переселился в Италию с родителями и домочадцами и получил там прекрасное образование и воспитание. Когда в 1817 г. состоялся переезд во Флоренцию всей семьи Бутурлиных — Дмитрия Петровича, жены его, Анны Артемьевны и детей, они взяли с собою двух англичан — доктора Аббея и м-ра Слоана, гувернера для сына Михаила. «В нашем семействе в употреблении был английский язык,— пишет М. Д. Бутурлин в своих «Записках».— Мать моя объясняла мне много позднее, что причиною выбора этого языка, на котором ни она, ни наш отец не говорили, было то, что в то время не было лучших книг для детского возраста, как английские...»[34] Так или иначе, но он называет в своих «Записках» многих англичан, живших в их доме или у них бывавших,— например, «английскую няньку малютки-сестры Елены»[35] (именно эту младшую его сестру Елену Дмитриевну, родившуюся в 1813 г., вместе со старшей — Марией Дмитриевной и упоминает Клер Клермонт в своем дневнике 1821 г.); здесь же он приводит биографию Генриетты Рочфорт, «проживавшей одно время в нашем семействе» и «вышедшей замуж за англичанина Леджерса»[36] и т. д. Упоминается в том же дневнике Клер и сам Михаил Дмитриевич,— бывший в то время 14-летним мальчиком,— но всегда вместе с м-ром Слоаном, очевидно, всюду его сопровождавшим. В записи дневника Клер 1 августа 1821 г., например, говорится: «Встретила м-ра Слоана и Михаила Бутурлина»; в записи 13 ноября того же года: «Встретились с м-ром Слоаном, Джемсом и Михаилом (Michael); обедала в доме Бутурлиных (Casa Boutourlin) и провела там вечер»; запись 5 декабря особенно примечательна: этот день, почти весь, Клер провела у Бутурлиных или с их гостями; во время прогулки «встретила синьора Сгриччи (Signor Sgricci), м-ра Слоана и Михаила ⟨Бутурлина⟩ верхами»[37].

О своем гувернере Бутурлин довольно подробно рассказывает в «Записках»; он нежно любил Слоана, считал его мудрым наставником и сохранял с ним самые теплые дружеские отношения до конца его жизни: насколько видно из «Записок», Слоан был на тринадцать лет старше своего воспитанника и ровесником его старшего брата, следовательно, он родился в 1794 г. (а умер в октябре 1871 г.). По рассказу Бутурлина, м-р Слоан был для него выписан родителями прямо из Англии «через дядю моего отца, графа ⟨С. Р.⟩ Воронцова, поселившегося в Англии еще с XVIII века»; м-р Слоан был католиком; «намеренно или случайно выбор пал на человека латинского исповедания, не знаю, но личность эта выходит из ряду обыкновенных людей ⟨...⟩ Я много



you would be kinder to me if you could but know
how wretched this going makes me. Sometimes I feel
as if you were dead and I make no account of
Mary & Shelley's friendship so much more do I
love you. Think sometimes of me dearest will you.
Write to me soon & let me hear of your happiness
& health. May you have every thing you like, hear
nothing but good news & enjoy the greatest health.
Farewell my dearest dear Lord Byron. now don't
laugh or smile in your little proud way for it is very
wrong for you to read this merely which I write in
tears. I am fearful of death yet I do not exaggerate
when I declare I would die to please or ~~[illegible]~~ serve
you with the greatest pleasure nay I should feel
as happy in so doing as I now feel miserable.
Farewell then dearest. I shall love you to the end of
my life & nobody else, think of me as one whose
affection you can count on & never pray, never
forget to mention your health in your letters. May
every good & every happiness be yours.

Your own affectionate Clare.

ПИСЬМО КЛЕР КЛЕРМОНТ К БАЙРОНУ
Из книги Р. Глинн Грилс «Клер Клермонт, мать Байроновой Аллегры»

обязан этому человеку: он вкоренил во мне те основные понятия справедливости (житейского, так сказать, правосудия), честности, уважения к самому себе, составляющие отличительную черту людей его нации» [38]. Итальянец Томмазо Сгриччи (1789—1836), которого Клер Клермонт встретила в компании Слоана и Михаила Бутурлина, был еще более примечательным лицом: он считался наиболее знаменитым из итальянских импровизаторов тех лет, обладавшим необыкновенным даром вдохновенного устного поэтического творчества. В 1820 г. с ним познакомился Байрон, как сообщает Клер Клермонт в своем дневнике (Пиза, 1 декабря 1820 г.); Сгриччи в ее присутствии импровизировал на тему о будущей независимости Италии [39]. В Пизе с ним познакомились Перси Биши Шелли и его жена Мери, и он бывал в их доме. Супруги Шелли, в особенности Мери, восхищались его искусством мгновенно слагать звучные стихи, присущим ему артистизмом, необыкновенной памятью, огромной начитанностью в античных и итальянских классиках, более же всего одушевлявшими его творчество идеями личной независимости и политической свободы. Клер Клермонт слушала его импровизации с восторгом, находя их «поразительными» (wonderfully fine) или даже «сверхчеловеческими, божественными вдохновениями» [40]. Впрочем, когда неаполитанские карбонарии подняли восстание в начале 1821 г. и весть об этом достиг

ла Флоренции, Сгриччи публично отозвался о них резко и свысока; Шелли, узнав об этом от Клер Клермонт, в ответном письме к ней из Пизы (18 февраля 1821 г.) дал Сгриччи негодующую отповедь: «Кто отрицает, что неаполитанская толпа груба? Она не умеет импровизировать трагедии, как Сгриччи, но верно ли, что она неспособна на большую любовь к родине? К тому же речь идет не о ней, а обо всем народе Неаполитанского королевства, о его крестьянах; внезапный и сильный толчок может пробудить в них мужество и гражданское сознание, как то было с французами и испанцами, и превратить их в строителей новой жизни» [41]. Часто меняя свое местожительство, Томмазо Сгриччи много времени проводил во Флоренции вместе со своею матерью, синьорой Мартини, и ее старым другом — маркизой Орландини, одной из первых покровительниц Томмазо в начале его артистической деятельности. Клер познакомилась с ними во Флоренции в конце 1821 г. и бывала у них.

Не забудем, впрочем, что Михаил Бутурлин, всюду появлявшийся тогда со своим гувернером, для двадцатитрехлетней Клер был еще мальчиком; хотя он не только прекрасно знал английский язык, но даже, по его собственным словам, «мараковал английские вирши», но беседа с ним не могла представлять для нее особой занимательности. Вспомним, что когда три года спустя (1824), по настоянию родителей, Бутурлин был отправлен в Одессу к его родственнику М. С. Воронцову, встретившая его там В. Ф. Вяземская писала своему мужу в Москву (25 июля 1824 г.): «Мое мужское общество, которое ограничивалось Пушкиным, только что увеличилось благодаря маленькому Бутурлину, настолько надоедливому, насколько может быть молодой человек 17 лет, обладающий малой сообразительностью и невероятной живостью»; ей больше понравился его гувернер — м-р Слоан, «очень красивый молодой человек, 30-ти лет, такой остроумный, каким может показаться англичанин, говорящий по-французски» [42].

Когда от той же Вяземской Бутурлин узнал, что она по поручению П. А. Вяземского собирает все, что писалось в то время о недавней кончине лорда Байрона, он отнес ей, для отсылки мужу, и свою собственную английскую оду по случаю смерти в Греции благородного поэта [43]. Но беседуя с нею и встречаясь с Пушкиным, Бутурлин, разумеется, не имел поводов упомянуть Клер, которую столько раз встречал в отцовском доме во Флоренции, откуда он только что приехал: ни он, ни, надо думать, м-р Слоан не имели никакого представления об ее отношениях к Байрону или к семье Шелли.

Между тем именно Бутурлины, во флорентийском доме которых Клермонт часто бывала более года, весьма увеличили круг ее знакомств, прежде всего из числа проживавших здесь русских аристократических семейств. Стоит назвать хотя бы некоторые из них. В дневнике Клер (Флоренция, 18 февраля 1821 г.) отмечена встреча в вилле Шуваловых (Casa Schwaloff) с «графиней Воронцовой, Бутурлиной и их племянницей Аннеттой» (the Countess Woronzoff, and Buterlin and their niece Annette) [44]. В дальнейшем те же лица упоминаются нередко в дневниках Клер при посещении бутурлинского дома, иногда с большими подробностями. В записи дневника 24 декабря 1821 г. отмечено, что Клер провела вечер в доме Бутурлиных (Casa Boutourlin), где была «графиня Мария Воронцова»; под 1 января 1822 г. снова говорится о новогоднем вечере у Бутурлиных, где было много гостей, среди них — «графиня Воронцова, мисс Аннетта, мисс Ланц», некий «польский джентльмен» и др. 3 января 1822 г. снова вечер у Бутурлиных и те же лица, но графиня Воронцова на этот раз названа по имени и в более правильной транскрипции (Countess Maria Vorontzoff, Miss Lanz, miss Annette and Polish Gentleman...); те же лица — в записи дневника 15 января 1822 г. [45]

Обо всех указанных лицах имеются сведения в тех же «Записках» Бутурлина. «Графиня Мария Воронцова» — это тетка мемуариста, Мария Артемьевна Воронцова (1778? — 1866), фрейлина, долго жившая и умершая во Флоренции, одна из четырех дочерей графа Артемия Ивановича Воронцова (1748—1813). Другая его дочь — Екатерина Артемьевна (1780—1836), также бывшая

фрейлиной, в начале 20-х годов жила с сестрой во Флоренции и упомянута в дневнике Клермонт (в записи 8 августа 1821 г.); третья же, старшая, дочь Артемия Ивановича, Анна Артемьевна (р. 1777 — ум. во Флоренции в 1829 г.) — родная сестра предыдущих — была (с 1793 г.) замужем за гр. Дмитрием Петровичем Бутурлиным и являлась матерью Михаила Дмитриевича [46].

О своих тетках Бутурлин рассказывает: в 1819 г. «мы наняли виллу Пальмиери, которая была ближе к городу, чем прежняя Гонди. С нею сопряжены исторические воспоминания, относящиеся к XIV веку. Боккаччо в своем Декамероне упоминает об этой вилле под названием «Tre visi» (т. е. три лица) и указывает, что в ней укрывалось несколько флорентийских девиц, спасавшихся от свирепствовавшей тогда чумы. С нами переехала в виллу Пальмиери тетка графиня Мария Артемьевна Воронцова, оставившая окончательно двор и поселившаяся с своею воспитанницей Анночкою Станкер во Флоренции, еще с конца 1818 года...» И далее: «Тетка Воронцова была необыкновенно остроумна и такою осталась до своей кончины; разговор ее был игрив, и в обществе она ошеломляла собеседника неожиданным оригинальным каким-нибудь ответом, даже когда разговор шел о серьезных весьма предметах. У нее было множество забавных анекдотов о событиях и людях, с которыми она сталкивалась в течение двадцатилетней придворной своей жизни. Как жаль, что эта женщина не написала своих воспоминаний!» [47] Таким образом, «мисс Аннетта» — это воспитанница Марии Артемьевны, Анна Антоновна Станкер, о которой рассказано в другом месте тех же записок Бутурлина: «К нам из Петербурга ⟨во Флоренцию, в начале лета 1816 г.⟩ приехала тетка моя, графиня Мария Артемьевна Воронцова, с своею восьмилетнею воспитанницею Анною Антоновною Станкер. Девочка эта была дочь троюродной сестры нашей матери Анны Юрьевны Пушкиной, вышедшей замуж по любви за поляка Антона Станиславовича Станкера, человека ничего не имевшего кроме красивой наружности. Анна Юрьевна умерла в малолетство своей дочери и трех сыновей». При Аннетте Станкер находилась в качестве гувернантки «швейцарка девица Каролина Ланц, весьма достойная и приятная особа» [48]. Аннетта Станкер и девица Ланц многократно упоминаются в дневнике Клермонт, но фамилия Аннетты записана или прочитана издательницей неверно — Annette Staucher ⟨!⟩; прибавим, что в 1826 г. Анна Антоновна Станкер вышла замуж за ирландца Баррона [49].

К 1821 году относятся многочисленные встречи Клер с семейством Ивановых (Monsieur et Madame Ivanhoff's или просто Iwanhoff's, позже Клер писала эту фамилию правильнее: Iwanoff's), ставших ее близкими друзьями на многие годы. Записи дневника Клер об этих встречах немногословны, но они свидетельствуют, что отношения ее с этой русской семьей установились быстро и были весьма дружескими: «Провела вечер с Ивановыми» (19 июля 1821 г.): «Утро у Ивановых» (13 августа); «Ивановы и их дети ⟨...⟩ После обеда прогулка с Ивановыми и вечер у них» (3 октября); «Пила чай с Ивановыми» (5 октября). Подобные записи изобилуют в дневнике. Когда Клер на некоторое время уезжала в Пизу, Ивановы отправляли к ней туда письма из Флоренции [50].

О семье Ивановых довольно подробно рассказывает тот же Бутурлин: «В первые два года флорентийской нашей жизни хаживал ко мне русский учитель, г. Иванов, бедствовавший с своим семейством во Флоренции; он поселился там до нашего еще приезда. Сколько помнится мне, он вынужден был оставить Россию, преследуемый за двоеженство. Немного позднее он переехал в Париж, где в течение многих лет получал ежегодный пенсион от Николая Никитича Демидова и, по смерти его, от его сына Анатолия Николаевича. Этот г. Иванов был очень начитанный, образованный и даже приятный в обществе человек, но, кроме как для моих уроков, он не был принят у нас в доме, обстоятельство, которое я не иначе могу себе разъяснить как тем, что, по строгим взглядам наших родителей, г. Иванову вредило его двоеженство. Вторая его жена была Арсеньева и находилась в ближнем родстве с графами

Толстыми; у них было два мальчика шести или семи лет, но г. Иванов никогда не приводил их к нам» [51].

Более поздние воспоминания об этой семье сохранились в мемуарах Е. Ф. Юнге (урожд. гр. Толстой), с особенной теплотой отзывающейся об Александре Алексеевне Ивановой (называя ее «кузина моего отца»), которую она видела в старости в Париже: «Что это была за умная, образованная, милая женщина! Я проводила с ней незабвенные часы; она могла говорить обо всем: о современных вопросах, о литературе, о живописи, всем интересовалась, обо всем судила просто и здраво; понимала она также всякие молодые порывы. Она была лично знакома с Вальтер Скоттом, с Купером, с M-me de Genlis в самые последние годы ее жизни» [52]. Бутурлин свидетельствует, что Ивановы уехали из Флоренции «на следующий год» после его приезда туда [53]. Это ошибка. Точная дата отъезда Ивановых приведена в дневнике Клер: 18 ноября 1821 г. она сделала запись: «Ивановы едут в Рим», а накануне (17 ноября) отметила: «После обеда до семи часов пробыла у Ивановых; это был прощальный визит» [54]. На этот раз запись Клер подробнее чем обычно, так как ее беседы с ними были не только сердечными, но и представляли известный исторический интерес, и Клер занесла их в дневник для памяти: «Мадам Иванова рассказала мне следующую историю о своем двоюродном брате графе Толстом, русском (her Cousin Count Tolstoi, a Russian)» [55]. Речь идет здесь несомненно о графе Федоре Ивановиче Толстом (1782—1846), прозванном «Американцем», человеке «необыкновенном, преступном и привлекательном», как впоследствии отозвался о нем его двоюродный племянник, Л. Н. Толстой [56].

Похождения и проказы, длительные странствования и приключения, крупная и нередко недобросовестная игра в карты, наконец, неожиданная и экстравагантная женитьба на цыганке в том самом 1821 г., когда беседа о нем шла у Клермонт с Ивановой во Флоренции,— все это было хорошо известно в русских литературных кругах, где у Толстого числились и друзья и враги. Бесчисленные анекдоты о различных случаях его жизни передавались из уст в уста. Еще в 1820 г. злую эпиграмму посвятил ему Пушкин («В жизни мрачной и презренной...»), и хотя она была широко разглашена, поэт повторил ее почти дословно в следующем году в послании «Чаадаеву», напечатанному в «Сыне Отечества». Толстой не остался в долгу и ответил Пушкину собственной эпиграммой, дерзкой и вызывающей; но ссора и казавшаяся неминуемой дуэль между ними была предотвращена благодаря вмешательству и посредничеству их общих друзей; после этого дружелюбные отношения между ними возобновились [57]. Хорошо известна была меткая стихотворная характеристика, которую дал Толстому Вяземский:

Американец и цыган,
На свете нравственном загадка,
Которого, как лихорадка,
Мятежных склонностей дурман
Или страстей кипящих схватка
Всегда из края мечет в край,
Из рая в ад, из ада в рай;
Которого душа есть пламень,
А ум — холодный эгоист;
Под бурей рока — твердый камень,
В волненьи страсти — легкий лист...

Последние два стиха так нравились Пушкину, что он хотел даже взять их эпиграфом к «Кавказскому пленнику». Навсегда врезались в память эпиграмматические строки о Толстом, вложенные в уста Репетилова Грибоедовым в «Горе от ума» (д. IV, сц. 4):

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку не чист.

В приятельских отношениях Толстой был также с Батюшковым, хорошо знаком с В. Л. Пушкиным, Баратынским, Жуковским, А. А. Шаховским

и многими другими русскими писателями. Очень вероятно, что с ним самим познакомилась и Клермонт, живя в Москве в 1825—1827 гг.[58]

Рассказы о Толстом, которые Клер Клермонт услышала от Ивановой и в тот же день занесла в свой дневник, заняли в нем несколько страниц: ее, очевидно, поразила незаурядная личность этого, несомненно, даровитого, сильного, мятежного, но и преступного человека в явно романтическом духе, в каком он обрисовывался ей из беседы с его родственницей. Сначала в дневнике Клер рассказывается о Толстом — тринадцатилетнем мальчике и его проказах с домашним учителем [59]. Затем следует много раз повторявшийся в русской печати в различных вариантах и со многими фантастическими прибавлениями рассказ о кругосветном плавании Толстого с посольством Н. П. Резанова, отправлявшимся в Японию в 1803 г. на корабле под командованием капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна. Однако в записи Клер весь этот рассказ имеет характерные отличия по своей тенденции и подробностям. По ее словам, Толстому удалось определиться на тот корабль, «который император снарядил в путешествие для открытия Северного полюса». Однако, находясь в плавании, Толстой «так ужасно замучил весь экипаж своими выходками, что было решено избавиться от него; после того как его высадили на берег Камчатки, корабль отправился дальше своим путем. Он же среди дикарей выдал себя за великого князя Константина, брата императора, и играл эту роль столь хорошо, что его всегда сопровождала свита из трехсот или четырехсот человек; затем он начал войну, тревожа правителей соседних областей.

Оттуда он написал приятелю в Петербург: «Я водрузил знамя восстания и вскоре надеюсь стать императором всероссийским.— Если Бонапарт из простого человека превратился в короля Франции, почему я не могу ему последовать?» Короткое время спустя, потерпев в чем-то неудачу, он бросил свое предприятие и пешком отправился в Петербург, куда, наконец, явился бесконечно усталый от тягот пути. Хотя все его поведение было известно императору, на него не обратили никакого внимания, и он удалился, чтобы вести жизнь философа (en philosophe), и позже составил себе весьма порядочное состояние благодаря карточной игре» [60]. Легко понять, почему в этой редакции рассказ о камчатско-алеутских приключениях Толстого не был известен в русской печати: хотя он и выставлен здесь в качестве самозванца и политического авантюриста, но в то же время он наделен своего рода ореолом смельчака, дерзкого бунтаря против царской власти.

В изложении К. Клермонт Ф. И. Толстой, с его опасной предприимчивостью, походит на польского графа М. А. Беньовского, приключения которого на Камчатке и Формозе были известны широкому кругу читателей из его собственных мемуаров, напечатанных на всех европейских языках (и в первую очередь на английском — в Лондоне в 1790 г.). В действительности же легендарно-анекдотическая история Толстого, распространявшаяся по свету, оказывалась более прозаической. В декабре 1803 г. ехавший с Толстым на корабле камергер Н. П. Резанов, глава русской дипломатической миссии, отзывался о нем, как о «человеке без всяких правил и не чтущем ни бога, ни власти от него поставленной...»; «сей развращенный молодой человек,— писал Резанов далее в своем донесении,— производит всякий день ссоры, оскорбляет всех, беспрестанно сквернословит и ругает меня беспощадно» [61]. Известно также, что в 1804 г., во время стоянки корабля в Петропавловске-Камчатском, Резанов исключил Толстого из числа членов посольства и велел отправить его в Петербург — в полк. Но Толстой и тут поступил по-своему: прежде чем вернуться в столицу, он побывал на Алеутских островах и познакомился с бытом и жизнью Российско-Американских колоний.

Политическим радикализмом Толстой, несомненно, не отличался, а между тем Клер, вероятно, была не прочь приписать ему подобные взгляды; это можно усмотреть из еще одного анекдота о нем, занесенного в дневник Клер и слышанного ею от той же русской собеседницы в тот же день — 17 ноября

1821 г.: «Я должна прибавить,— записала Клер, не заметив, что она нарушает последовательность событий и путает хронологию русской истории,— что когда составился заговор для убийства императора Павла, один из участников его явился к Толстому вечером перед той ночью, на которую назначено было убийство, и спросил его, не хочет ли он войти в число заговорщиков. «Да,— отвечал Толстой,— но для того, чтобы убить их всех, а не только его одного». Тогда приятель оставил его и отправился к своим сообщникам; убийство было успешно совершено. Толстой же лег спать, а на следующий день, когда вошел слуга, всегда будивший его рано утром для приготовления к параду, заметил: «Вижу по твоему лицу, что император Павел умер». Пораженный слуга подтвердил это и прибавил, что весь город охвачен смятением. «Ну, значит, парада сегодня не будет»,— сказал его господин и, повернувшись на другой бок, снова спокойно заснул. Далее следуют подробности убийства царя—тирана и пересказ страшных слухов о его жестокости: «Достаточно было совершить ничтожную ошибку во время парада и провинившегося отправляли в ссылку, причем часто о нем уже ничего более не было слышно. Император отдавал приказы о ссылке в Сибирь сотен людей. При отправке заключенных сковывали по двое... Случалось нередко, что во время долгого мучительного пути один из несчастных погибал от тоски или страданий и мертвое его тело оставалось рядом с еще более несчастным его спутником, разлагаясь на его глазах, иногда целыми неделями, пока сосланные не добирались до Сибири».[62].

Этот леденящий кровь эпизод, с которым Клер могла сравнить картины столь хорошо ей знакомого дантовского «Ада», завершал ее экскурс в недавнюю русскую историю (со времени убийства Павла I в 1801 г. прошло только два десятилетия!) — единственный в ее флорентийском дневнике.

Этот экскурс записан в дневнике еще в то время, когда Клер не знала, что ей самой придется поселиться в России; поэтому в записи нет ничего нарочитого: это всего лишь письменная фиксация услышанного рассказа. Тем не менее весь указанный экскурс не мог не удержаться в ее памяти. Дополнительные штрихи к постепенно слагавшемуся в сознании Клер представлению об этой далекой и загадочной северной стране Клермонт получила из других бесед с русскими людьми, которые она вела тогда под небом Италии.

К осенним и зимним месяцам 1821 — начала 1822 г. Клермонт записала имена или фамилии еще нескольких русских, с которыми она сама познакомилась во Флоренции или о которых она беседовала с другими. Так, под 7 ноября 1821 г. она отметила разговор с «русским стариком» (an old Russian) Демидовым, получившим у иностранцев прозвище «русский Крез» за несметное богатство, которым он обладал; знакомство с ним состоялось у Клер после ужина в гостиной тех же Бутурлиных [63]. Не малый интерес могли представить для Клер знакомства с находившимися в это время во Флоренции княгиней Екатериной Ильиничной Кутузовой, вдовой героя войны 1812 года, фельдмаршала и светлейшего князя Смоленского Михаила Илларионовича Кутузова и их дочерью, Елизаветой Михайловной Хитрово. О них в дневнике Клер сохранились четыре краткие записи (14, 17, 19 ноября и 11 декабря 1821 г.): «Мы отправились к маленькому Шнейдеру, зашли к княгине Кутузовой. Там была ее дочь, г-жа Хитрово...», «Отправились к княгине Кутузовой. Ее не было дома», «Хорошая погода. Заходили к княгине Кутузовой» [64]. Это знакомство могло состояться скорее всего в том же доме Бутурлиных, где по утрам, за обедом или за ужином сходились не только все русские, жившие во Флоренции, но и большинство появлявшихся здесь сколько-нибудь примечательных иностранцев. О постоянных встречах в Caza Buturlin с Елизаветой Михайловной Хитрово (1783—1839) свидетельствует автор «Записок», Бутурлин: «Поверенным от нашего посольства (но не министром) был тогда при Тосканском дворе Алексей Захарович Хитрово 〈!〉 〈...〉 муж Елисаветы Михайловны, урожденной княжны Кутузовой, а по первому замужеству графини Тизенгаузен. Естест-

венно, что мать моя и старшие сестры сблизились с семейством Хитровых. Молодые графини Екатерина и Дарья (Долли) Федоровны Тизенгаузен только что начинали выезжать в свет и были во всем блеске красоты...» [65] Это свидетельство нуждается в фактических поправках и уточнениях: мужа Елизаветы Михайловны звали не Алексей Захарович, а Николай Федорович: он был генерал-майором и вслед за окончанием наполеоновских войн назначен поверенным в делах русского посольства во Флоренции; он занимал этот пост около двух лет (1815—1817) и там же умер (19 мая 1819 г.) [66]. Елизавета Михайловна продолжала жить с детьми во Флоренции и два года спустя (3 июля 1821 г.) выдала здесь же свою младшую дочь, Дарью Федоровну Тизенгаузен, за австрийского генерала, графа Фикельмона, назначенного посланником во Флоренцию, а затем в Неаполь (1822), куда с ними уехала и Е. М. Хитрово [67]. Таким образом, знакомство с ней и с ее дочерьми представляется правдоподобным, хотя ее имя упомянуто у Клермонт только один раз — 14 ноября 1821 г. Недаром же Клер отметила в дневнике 20 февраля 1822 г. среди вечерних гостей Бутурлиных поверенного того же русского посольства во Флоренции, вступившего в должность после смерти Н. Ф. Хитрово,— Алексея Васильевича Сверчкова, правда, транскрибировав эту трудную для нее русскую фамилию на немецкий лад — Svertchkopff! [68]

Было бы весьма интересно установить, состоялось ли знакомство Клермонт с Е. М. Хитрово и слышали ли они друг о друге, живя в Италии. Е. М. Хитрово и тогда, и позже занимала видное место, вращаясь в придворных и дипломатических кругах; но и помимо этого она была близким другом Пушкина, с которым познакомилась, вероятно, в 1827 г., а ее петербургский салон, как и салон ее дочери, приобрел славу не только светского и политического, но и литературного центра, где стремились побывать виднейшие русские литераторы.

Во Флоренцию начала 1820-х годов съезжалось много иностранцев. По словам Бутурлина, «в обширном тогдашнем флорентинском «бомонде» туземцы составляли, как и прежде, значительное меньшинство» [69]; он называет в своих мемуарах много англичан, живших во Флоренции, с которыми ему довелось встретиться; среди них есть ряд лиц, упоминаемых также в дневнике Клер. Таковы, например, Генриетта (Маргарита?) Диллон (Little Marguerite Dillon) [70], может быть, Джулиани (Signor Giuliani) [71], капитан Медвин и Тааф [72]. О последнем Бутурлин рассказывает, что он в Кашинах (загородном флорентийском парке) «рисовался верхом, с длинными по плечам волосами (мода, тогда еще не общепринятая) ⟨...⟩ англичанин г. Таф, автор плоховатого перевода Данта; он одно время как-то втерся в общество, но не в интимность лорда Байрона в Пизе, который за этот искаженный перевод первого из итальянских классиков прозвал г. Тафа «the traducer» (т. е. поноситель) вместо «the translator of Dante» (переводчик) и которого — прибавим от себя,— Мери Шелли каламбурно прозвала Фальс-тафом» [73].

С начала 1821 г. во флорентийском дневнике Клермонт все чаще попадаются записи о том, что она совершенствуется в немецком языке, одну за другой читает немецкие книги в подлиннике — среди них Гете,— с любопытством встречается с лицами, заехавшими сюда из Австрии или других немецких земель или собирающимися туда. Все это связано было с ее планами стать «компаньонкой» какой-нибудь великосветской немецкой дамы или гувернанткой в немецкой семье. Она посоветовалась по этому поводу с Шелли, и вот что он написал ей в ответ из Пизы еще 18 февраля 1821 г.: «Ты продолжаешь изучать Германию, немецкую литературу и нравы и пытаешься завязать там знакомства. Попробовать, несомненно, стоит, если окажется подходящий случай, ибо всегда можно и отступить, если ты обманешься в своих ожиданиях. Конечно, положение *dame de compagnie* обычно сулит мало хорошего, но я готов верить, что в твоем случае будет исключение и что каждый, кто тебя близко узнает, обязательно к тебе привяжется» [74]. Но подходящий случай не представлялся, а стремление Клер стать вполне независимой в денежном отношении от семьи Шелли все увеличивалось. Рассеянная жизнь

среди великосветских иностранцев, кто бы они ни были, была для нее не по средствам и не являлась привлекательной по существу. Она советовалась о своем будущем с наиболее доверенными из своих друзей, но не решалась принять необдуманное решение, и записи ее дневника постепенно становились все более мрачными.

Годы 1822—1823 были для Клермонт поистине критическими; горестные события следовали одно за другим, а страдания, пережитые ею, были так велики, что они отражены лишь частично и в зашифрованном виде в ее «четвертом» дневнике. 19 апреля 1822 г. в монастыре Баньякавалло близ Равенны умерла ее дочь — Аллегра. Этим неожиданно кончалась ее длительная борьба за Аллегру и навсегда прекращались ее отношения с Байроном, хотя разрыв между ними произошел значительно раньше. О смерти Аллегры Клер узнала от Шелли, которому, по-видимому, Байрон поручил это. 3 мая 1822 г. Шелли писал Байрону, что обстоятельства вынудили его «сообщить Клер всю правду» и прибавлял: «Не стану описывать ее горе. Вы и сами слишком много страдали; единственная цель моего письма — передать вам ее последние просьбы; как ни печальна одна из них, я не смел отказать ей и уверен, что не откажете и вы» (Клер просила, чтобы ей предоставили возможность увидеть гроб Аллегры «прежде, чем он будет отправлен в Англию», а также послать ей портрет Аллегры и, «если есть, прядь ее волос, хотя бы самую маленькую»). «Бедняжка Клер очень больна,— прибавлял Шелли,— она терпит невыносимые душевные муки, хотя и избегла самого страшного, чего я опасался, и сохранила рассудок» [75]. Сколь ни тяжким было это горе, но Клер не могла знать, что ее постигнет вскоре новый, не менее тяжелый удар: два месяца спустя, 8 июля того же 1822 года Шелли, вместе со своим другом Э. Вильямсом и юношей Ч. Вивианом, утонул в море. Предстояло начать новую, более трудную и вполне самостоятельную жизнь.

В октябре 1822 г. Клер приехала в Вену к своему брату Чарлзу и поселилась вместе с его семьей. Это удалось благодаря тому, что Клер действительно стала на время «компаньонкой» немецкой знатной дамы (Jeannette von Henickstein), с которой она познакомилась в Пизе, и та взяла ее с собой, едучи в Вену к своему брату, И. Гаммеру-Пургшталю, известному ориенталисту. Вначале все шло относительно благополучно, но зима 1822 г., проведенная ею в Вене, принесла ей новые заботы и огорчения. Полицейские агенты Меттерниха доискались, что Чарлз Клермонт и его сестра Клер находятся в родстве с известными вольнодумцами, и обвинили их в том, что будто бы они занимались революционной деятельностью в Италии и в Австрии; в результате этих домыслов венская полиция предписала Чарлзу Клермонту и Клер «покинуть Вену в течение пяти дней» [76]. Оказалось, что за ними было установлено негласное наблюдение вследствие поступившего в австрийскую тайную полицию анонимного письма, в котором Чарлза и Клер обвиняли в сообществе с «пользующимися печальной известностью бунтовщиками (with the notorious subversives) — Годвином и Шелли»; не очень образованные австрийские полицейские решили, что они имеют дело чуть ли не с уголовными преступниками, посягающими на основы империи, и вынесли поспешное решение об их высылке из австрийской столицы. Хотя Чарлзу удалось добиться отмены этого нелепого полицейского приказа, но Клер была сильно встревожена этой новой опасностью, возникшей перед нею совершенно неожиданно. «Бедная девушка,— говорила о ней Джейн Вильямс, услышав всю эту печальную историю,— ее горький жребий все время преследует ее» [77].

Отсюда и возникло решение Клер — уехать в Россию, несмотря на ухудшившееся в Вене состояние здоровья и вопреки советам и просьбам ее ближайших друзей, которые усматривали в отъезде ее в Россию нечто похожее на самоубийство или, в лучшем случае, напоминавшее ссылку в Сибирь. Трелоуни, всеми силами старавшийся удержать ее в Италии, назвал ее ожидавшийся отъезд в Россию «принудительной эмиграцией на Север» [78]. Из объяснений Чарлза, изложенных им в письме к Мери Шелли (22 февраля

1823 г.), явствовало, что решение Клер стало окончательным после того, как она заключила «соглашение с графиней Зотовой (Countess Zotoff), дочерью князя Куракина, одного из русских министров, отправиться вместе с нею в Петербург. Та дает ей около 75 фунтов. Графиня понравилась нам обоим, но вы знаете, что на русских не очень-то можно полагаться. У нее две красавицы дочери, 14-ти и 16-ти лет, для которых Клер будет скорее компаньонкой, чем гувернанткой. Но Клер очень надеется, что — так как в России девушки рано выходят замуж — она скоро сбудет их с рук и тогда, поскольку графиня не отличается крепким здоровьем, возможно, удастся уговорить ее поселиться в Италии или другой стране с теплым климатом»[79].

Это первое упоминание графини Елены Александровны Зотовой, сыгравшей некоторую роль в жизни Клер Клермонт. Елена Александровна Зотова действительно была дочерью князя Куракина и женой графа Николая Ивановича Зотова. Она имела двух дочерей: Наталью и Елизавету. Впоследствии они вышли замуж — Наталья Николаевна за кн. Павла Алексеевича Голицына, Елизавета — за кн. Александра Ивановича Чернышева [80]: это та «графиня Бетси», которая упоминается в дневниках Клер периода ее жизни в России и которая стала ее долголетним другом. 22 марта 1823 г., вместе с графиней Зотовой и ее двумя дочерьми, Клер Клермонт выехала из Вены в Россию. Почти год о ней ничего не было слышно: она не подавала о себе никаких вестей, и это начало сильно тревожить Мери и кружок ее ближайших друзей. Лишь весною следующего 1824 г. Мери узнала, что Клер живет в Москве.

Д. П. Рунич, рассуждая в своих «Записках» о русском дворянстве конца XVIII в., замечает, что в ту пору гувернантки были, главным образом, француженки, но «англичанок в России было мало» [81]. Между тем уже в начале XIX в. положение резко изменилось. Преподавателей английского языка, англичан гувернеров и гувернанток, наконец, нянек-англичанок у нас становилось все больше, и они сделались приметной и характерной особенностью многих типических русских дворянских семейств в течение ряда десятилетий. Эту особенность отмечают многие мемуаристы и путешественники, как русские, так и иностранные, например Ф. Ф. Вигель [82], Д. Н Свербеев, Г. Гераков [83] и др.; леди Влумфильд, побывавшая в Петербурге в середине столетия, сделала наблюдение, что английских нянек «особенно ценят в России» и что «их обыкновенно нанимают в лучшие русские дома» [84].

Мимо английской няньки или гувернантки, состоявшей при малолетней русской девочке в дворянской семье, не могла пройти и русская литература: в повествовательных произведениях той поры, где описывался русский дворянский быт, такие гувернантки-англичанки стали почти обязательными действующими лицами и составляют особую и многочисленную портретную галерею. Из множества примеров мы приводим лишь немногие. Всем памятна гувернантка-англичанка, легкой иронической кистью изображенная Пушкиным в его «Барышне-крестьянке»: подобных воспитательниц Пушкин и сам наблюдал в русских столицах и в провинции. В его повести «англоман» Муромский к своей семнадцатилетней дочери Лизе (которую он обыкновенно называл «Бетси» или «my dear») приставил некую «мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурмила себе брови, два раза в год перечитывала «Памелу», получала за то две тысячи рублей, и умирала со скуки в этой варварской России».

В романе К. К. Павловой «Двойная жизнь», в котором представлены правдивые картины из быта русской дворянской семьи, основанные частично и на впечатлениях ее собственных молодых лет, и где, между прочим, выведены в качестве второстепенных действующих лиц миссис Стивенсон и мисс Джеффрис, мы находим целое рассуждение об английских няньках и гувернантках и о той роли, которую они играют в русских семьях. «Известно, что девушке высшего круга без англичанки быть нельзя,— пишет Павлова.—

У нас в обществе по-английски не говорят, английские романы барышни наши обыкновенно читают в переводе французском, а Шекспир и Байрон для них вовсе неприкосновенны, но если ваша шестилетняя дочь говорит иначе, как по-английски, то она дурно воспитана. Из этого часто следует, что мать, не так хорошо воспитанная, как ее дочка, не может с ней изъясняться, но это неудобство маловажное; ребенку английская нянька нужнее матери» [85].

Подобную ситуацию описал Н. И. Греч в своем известном в те годы романе «Черная женщина» (СПб., 1834), действие которого происходит в 20-е годы (после 1816 г.). В одном из эпизодов III части этого романа герой — Кемский, возвратившись в Петербург после многолетнего отсутствия, встречает своих, уже ставших взрослыми, племянников и племянниц: «Растворились двери и вошла Китти, то есть Катерина Сергеевна Элимова, в загородном неглиже, на английский манер ⟨...⟩ Кемский подошел к племяннице и дружески ее приветствовал. Она поморщилась и пробормотала что-то сквозь зубы по-английски: «Извини, милая Катерина Сергеевна», сказал он: «я не говорю и не понимаю по английски». Она улыбнулась насмешливо и сказала: «Я говорю, что имею большое удовольствие видеть почтенного дядюшку!» — и небрежно кинулась на диван...»; Дядюшка «рассматривал племянницу: стройная, ловкая, слишком ловкая, резкая в движениях, без всякой грации; лицо правильное, бледное, с выражением гордости, суровости и насмешки. Она повертывала хлыстиком, хлестала им слегка собаку, приговаривая по-английски: «Oh, you pretty creature!»*. Мать Китти — Алевтина — находилась в смущении и старалась как-нибудь завести разговор: «Где сир Горс? — спросила она наконец.— «Вы меня выводите из терпения»,— закричала дочь с гневом: «Тысячу раз я говорила вам, что у нас так не говорят: слово сэр, а не сир, присоединяется к имени, а не к фамилии — сэр Уиллиам, а не сир Горс».— «На старости трудно привыкать к новым языкам и манерам»,— отвечала Алевтина, краснея от стыда и досады. Кемскому стало жаль сестры, но он вспомнил, как дерзко она сама, в молодые лета, насмехалась над своей матерью, которая не умела говорить по-французски. «Правосудие небесное!— думал он: «Свет переменяет мундир, а в существе остается тот же. В молодости мы чванились пред стариками французским болтовством; теперь наши дети вымещают это языком английским, а их чем накажут внуки?» [86] Этой сцене автор явно пытался придать патриотически-сатирическую направленность, но она не лишена правдоподобия: в разноязычной болтовне, слышавшейся в те годы в дворянских гостиных, наблюдались случаи, когда члены семьи не понимали друг друга.

В другом популярном романе того же времени «Постоялый двор» (1835) А. П. Степанова есть сцена, в которой описан спор о достоинстве языков в гостиной княгини Серпуховской, у дочери которой, княжны Анны, есть две гувернантки — англичанка и француженка. «Как? Вы знаете все языки в свете? — вскричала княгиня и литератор.— Ни одного,— отвечал я хладнокровно.— Как же можете вы сравнивать все языки с нашим? — спросила княгиня ⟨...⟩ — Мне кажется, ежели помириться на трех или четырех языках и предложить к разрешению, который из них лучше, тогда удобнее сделать сравнение.— Я знаю, — сказала Серпуховская,— по-французски, по-английски и по-русски.— Я знаю,— сказал Клинский,— по-французски, по-немецки и по-русски.— Следственно, чтоб быть друг другу понятными вы можете с русским сравнивать один только французский.— В таком случае,— вскричал Клинский,— я, без сомнения, останусь победителем.— Едва ли,— сказала княгиня.— Русский язык высок, звучен, способен как нельзя лучше для поэзии, но он слишком неполон для гостиных, для того чтоб изъяснять на нем ловко необходимые безделицы; я скажу более, на нем трудно выражать все те материи, которые входят в разные изобретения в науках, искусствах и художествах...» [87]

---

* Ах ты, красивое созданье (*англ.*).

МИСС ЭВАНС. ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА БУДУЩИХ ДЕКАБРИСТОВ ЧЕРНЫШЕВЫХ
Рисунок карандашом и сангиной Маньяни, 1817
Из альбома Чернышевых
Исторический музей, Москва

В романе Фан-Дим (Е. Н. Кологривовой) «Голос за родное» (1842), в котором изображен англичанин, путешествующий по России, между прочим, идет длинная беседа о распространенности английского языка с секретарем великобританского посольства в Петербурге: «Скажи мне, Роберт, в большом ли употреблении наш язык между русскими?» «Не знаю, как тебе сказать,— отвечает ему его собеседник.— У всех вельмож ⟨...⟩ давно уже ввелось обыкновение держать при детях от самого их рождения английских нянек; крошечные дети, когда еще ничего не умеют выговорить порядочно, лопочут уже по-английски; но как скоро только в них начинают развиваться понятия, то родители, из боязни испортить французский выговор, отпускают англичанку и приставляют к детям французов. Лет пятнадцати снова начинают учить их по-английски уже по урокам, часа по два в неделю; таким образом, почти совершенно теряется польза младенческой привычки, а поздние уроки, перемешанные со множеством других, преподаваемых большею частью без всякой методы, редко идут впрок» и т. д. [88]

В романе Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» (1833) изображена англичанка, мисс Клок, компаньонка провинциальной помещицы, княгини Рамирской, бывшая ранее ее гувернанткой [89] В повестях М. С. Жуковой перед нами проходит целая вереница англичанок, живших в русских аристократических домах: в повести «Медальон», например, идет речь о петербургском князе З., уезжающем из столицы в свою симбирскую деревню из-за материальных затруднений: «Англичанка была, увы, отпущена, потому что княгиня однажды сказала семнадцатилетней дочери и ее подруге, жившей в доме:

«Дела наши расстроены, Софья; англичанка стоит дорого, вы обе так хорошо знаете язык, что могли бы обойтись и без нее...» Гувернантка (Mrs. Green), живущая в петербургском аристократическом доме, эпизодическое лицо в повести Жуковой «Барон Рейхман». В повести «Провинциалка» рассказ также не обошелся без англичанки-компаньонки: «С некоторого времени Ильменева приобрела привычку каждое утро одна с англичанкой, которую взяла себе еще до поездки в чужие краи, гулять по тротуару набережной Невы»; сходное лицо, преисполненное важности и бесстрастия,— «компаньонка-англичанка» выведена также в повести Жуковой «Дача на Петергофской дороге» [90]. Подобные же лица встречаются в очерках и повестях Н. А. Полевого, А. В. Зражевской, М. Н. Загоскина [91] и в ряде других; всех этих персонажей не перечислить, столь они многочисленны. Впрочем, в этом нет и нужды: нам необходимо было лишь подтвердить типичность всех этих лиц в русских дворянских семействах, роль, которую они здесь играли, многообразие ситуаций, в которых они оказывались, пытаясь согласовать свои привычки и традиции с устойчивыми формами русского быта, что нередко приводило к серьезным конфликтам и взаимным огорчениям представителей как тех, так и других. Отношения между компаньонками или гувернантками и их русскими хозяевами складывались, конечно, очень различно, образуя всевозможные виды взаимопонимания и отчужденности, привязанности и ненависти, дружелюбия и резкой враждебности то с одной, то с другой стороны.

Несколько лет, проведенных Клер Клермонт в России, насколько их можно проследить по ее дневникам, отразили едва ли не всю гамму перечисленных выше ощущений, пережитых ею в различных семьях. Интерес их для нас заключается не столько в них самих,— хотя она была гувернанткой лишь поневоле, в силу печально сложившихся обстоятельств своей личной жизни, и была не типичной в этом смысле воспитательницей,— а в том, что она даже в своих дневниках приводит множество ценных наблюдений, имеющих исторический интерес и достоверность документального свидетельского показания. Нарисованные ею картины русского дворянского быта, характеристики множества людей, с которыми ей пришлось войти в соприкосновение, представляют тем больший интерес, что они принадлежат иностранной наблюдательнице и сделаны в самой гуще русской жизни; не забудем, наконец, что Клер Клермонт была женщиной образованной, начитанной, тесно связанной с английскими литературными кругами, и что обо многом, что доводилось ей видеть вокруг, она могла судить довольно верно и в известной мере беспристрастно.

Первые сбивчивые и неясные сведения о жизни Клер Клермонт в Москве сначала внушали кое-какие опасения ее оставшимся за границей друзьям, например Мери Шелли и ее кружку, но постепенно от нее доходили более успокоительные письма. Однако, помня недавнюю историю, пережитую ею в Вене, она соблюдала осторожность и писала письма через третьих лиц, передавала их с оказиями и всего больше старалась оставить в сугубой тайне всю свою предшествовавшую жизнь. В письме к Э. Трелоуни (28 июля 1824 г.) Мери Шелли уведомляла его, что она озабочена тем, как бы избавить Клер от того «тягостного образа жизни», который ей приходится вести, и прибавляла: «Она находится теперь в Москве, бедняжка, в достаточно неудобных условиях (sufficiently uncomfortable) — если ничего не переменилось; мне кажется вероятным, что она скоро вернется в Англию» [92]. Полгода спустя Мери писала Амелии Карран (2 января 1825 г.): «Клер все еще в Москве не в слишком веселых условиях, но все же находится на месте, и, поскольку здоровье ее теперь поправилось, она с бо́льшим терпением ожидает лучших времен» [93]. К этому времени Клер Клермонт уже покойно жила в семье Захара Николаевича Посникова в качестве гувернантки. Об этом подробно рассказывается в ее «пятом» дневнике, в котором записи начинаются 12 (24) мая 1825 г. и кончаются 2 (14) января 1826 г.

Зарубежные издатели и комментаторы дневника ничего не могли сообщить об этой семье, так как не были в состоянии объяснить встречающиеся

здесь многочисленные русские имена и фамилии, географические наименования или слова русского языка, тем более, что сама Клермонт на первых порах своего пребывания в России записывала все эти слова на слух, в произвольных и нередко меняющихся транскрипциях. Так как дневники Клермонт писала для самой себя, то имена всех членов семьи, где она жила, и даже их гостей она записывала сокращенно, по именам и отчествам, в соответствии с русским обычаем, поэтому догадаться о фамилиях этих лиц иностранным комментаторам было не так просто. Так, в монографии о Клермонт Р. Глинн Грилс (1939), в которой впервые эти дневники увидели свет в обширных извлечениях, семья Посниковых фигурирует под «семейным именем» «Николаевичи» (Nicolaevitch, family) на том основании, что глава семьи назывался «Захар Николаевич» (Zachar Nicolaivitch) и под таким именем появлялся в дневнике [94]. В последнем лучшем и полном издании дневников Клермонт (1968) глава семьи также фигурирует под именем «юрист Николаевич», «муж Марии Ивановны», а она сама поставлена в указатель под «фамилией» — «Ивановна» (Ivanovna, wife of Zachar Nicolaevitch); дети же их уже получают фамилию «Захаровичи» (Zacharovitch, Ivan)... [95] При такой путанице добраться до подлинной фамилии Посниковых оказалось делом вовсе безнадежным; поэтому издатели и не могли обратить внимания на то, что эта фамилия все же встречается в тексте дневников, хотя и в искаженном виде (Pomikoffs, Mrs. Ponicoff, Pomikov) [96]: следовало читать Possnikoff и иметь в виду, что она была общей для всех членов семьи, которые названы были «Захаровичами» и «Ивановнами». Все это делает совершенно необходимым предварительное знакомство с Посниковыми, в доме которых Клермонт жила около года, где она завела столь важные для нее знакомства и где ей довелось быть свидетельницей происшедших здесь драматических событий.

Главой семьи был Захар Николаевич Посников (1765—1833), в середине 20-х годов, к которым относится наш рассказ, представлявший собою довольно видную и во многих отношениях достопримечательную фигуру в московском обществе. Происходя из обер-офицерских детей, он в ранней юности начал свою чиновную карьеру и, восходя по многочисленным ступеням служебной лестницы в различных учреждениях, достиг в конце концов высоких чинов и важных государственных должностей [97]. В 1784 г., еще юношей, Посников был определен в С.-Петербургскую портовую таможню «для исправления секретарской должности», попав при этом под непосредственное начальство А. Н. Радищева (в 1780 г. назначенного помощником начальника этой таможни Г. Ю. Даля). Будущий автор «Путешествия из Петербурга в Москву» дружелюбно отнесся к молодому Посникову, сумев оценить его деловые качества, а Посников, в свою очередь, почувствовал особую симпатию и доверие к Радищеву вместе с чувствами искреннего к нему уважения. В 1787 г. Радищев вызволил Посникова, попавшего в беду и убежавшего из Петербурга, и вернул его на службу в таможню. В письме по этому поводу к своему начальнику и покровителю, графу А. Р. Воронцову (26 января 1787 г.), являвшемуся в это время президентом коммерц-коллегии (которому подчинено было и таможенное ведомство), Радищев давал Посникову весьма доброжелательную характеристику; испрашивая прощение провинившемуся юноше (речь шла о растрате казенных денег в карточной игре с подосланными к нему шулерами), писал Воронцову: «Сей человек был не неизвестен, думаю, и вашему сиятельству. В летах будучи таких, когда страсти наиболее над человеком имеют власти, он воздержанием своим приобрел себе почтение и от тех, которые его не любили». Разумное поведение и «прилежание к своему делу» Посникова, по словам Радищева, «заставляло молчать и тех, кои бы его имели причину ненавидеть» [98]. Вследствие этого ходатайства Воронцов направил Посникову письмо (оно писано рукою Радищева), в результате чего провинившийся юноша был прощен и возвратился на службу. Чувства благодарности и приязни к Радищеву сохранились у Посникова и в более поздние годы, а между Воронцовым и Посниковым с этих пор возникли и более тесные деловые связи [99]. В 1797 г., возвращаясь из сибирской ссылки,

Радищев свернул с большой дороги, чтобы заехать в село Андреевское, неподалеку от Владимира, где в то время жил Воронцов; любопытно, что свой дальнейший путь из Андреевского в Москву Радищев, по его собственным словам, совершил вместе с Посниковым [100]. Едва ли можно сомневаться, что в 1802 г. Посников (состоявший помощником экспедитора в канцелярии Государственного совета) был причислен к коллегии иностранных дел: этой коллегией в это время управлял (до 1805 г.) именно Воронцов [101]. Многолетние деловые отношения связывали Посникова также и с другими членами семьи Воронцовых, с братом Александра Романовича, Семеном Романовичем — русским послом в Лондоне, сестрой — Е. Р. Дашковой, племянником — М. С. Воронцовым [102]. В служебной карьере Посникова эти связи сыграли немалую роль; здесь же нужно искать также корни англофильства в его семье; отсюда становится понятным появление в его доме Клер Клермонт: вспомним, что первое ее знакомство с разветвленной семьей Воронцовых состоялось через Бутурлиных во Флоренции.

Женитьба Захара Николаевича на Марии Ивановне Архаровой (1784—1834) еще более способствовала упрочению его связей с миром русской столичной аристократии, дальнейшему повышению в чинах и приобретению полного благосостояния. Мария Ивановна была дочерью Ивана Петровича Архарова (1747—1815), произведенного при Павле I в генералы от инфантерии, и племянницей Николая Петровича Архарова (1742—1814), стяжавшего печальную известность в качестве московского обер-полицмейстера и губернатора, а затем генерал-губернатора С.-Петербурга (1797). Н. И. Греч в своих «Записках» очень сурово отозвался о Николае Петровиче Архарове, считая его извергом вроде Бирона или Аракчеева, но тут же отметил, что его нельзя смешивать с его братом, Иваном Петровичем, который, по его словам, был человеком добрым и благородным. В 1800 г. оба брата Архаровы были возвращены из недолгой ссылки в тамбовские имения, куда были отправлены Павлом I за вражду с князьями Куракиными, и поселились в Москве, «где приобрели известность своим радушием и хлебосольством, в особенности Иван Петрович, дававший большие праздники в своей подмосковной — Ославском» [103]. С. П. Жихарев в своих «Записках» рассказывает (18 мая 1806 г.): «Был в Ославском у И. П. Архарова: веселый приют! Что за добрейшее семейство! Радушно, приветливо, ласково, а о гостеприимстве нечего и толковать ⟨...⟩ Славное село подмосковное Ославское! Во-первых, на реке, сад боярский, аллеи с трех концов, оранжереи и пропасть разных затей...» [104] В. А. Соллогуб, находившийся в родстве с Архаровыми, также вспоминает о хлебосольстве И. П. Архарова: «Это была жизнь просторная, русская, барски-помещичья ⟨...⟩ Летом Архаровы переезжали в подмосковное Звенигородского уезда село Ославское, куда съезжались соседи и москвичи погостить. Игры и смехи не прекращались. Я видел впоследствии его пространные сады, развалины деревни, флигеля для приезжавших и самый помещичий дом, сохранивший легендарное значение» [105]. Добавим, что И. П. Архаров был женат на Екатерине Александровне Римской-Корсаковой (1755—1836), от которой имел четырех дочерей — Марию Ивановну, Варвару Ивановну, Софью Ивановну и Александру Ивановну.

И. П. Архаров умер в Петербурге, в феврале 1815 г., и вдова его, Екатерина Александровна, «остаток екатерининских времен», «старуха вроде Хлестовой» из грибоедовского «Горе от ума», осталась в Петербурге доживать свой век. Ославское же, его подмосковное имение, перешло по наследству к Посниковым, жившим в Москве и переезжавшим в Ославское на лето, где они продолжали вести широкую и хлебосольную жизнь прежних его владельцев.

В 1818 г. Посников занимал должность обер-прокурора в московских департаментах Сената, а в конце следующего года был произведен в тайные советники и назначен сенатором, о чем А. И. Тургенев, обычно бывавший в курсе всех новостей, на другой же день (5 ноября 1819 г.) сообщил из Петербурга П. А. Вяземскому в Москву. [106] К этому времени круг знакомых

Посниковых стал еще более обширным, а количество их гостей, ездивших в Ислaвское на отдых, прогулки и развлечения, заметно увеличилось.

Душою и главной распорядительницей в этой семье была Марья Ивановна Посникова (1784—1834) — «женщина большого ума и высокой добродетели», как ее характеризовал П. И. Бартенев, публикуя в «Русском архиве» письмо к ней А. И. Архаровой, посланное из Петербурга в Москву (13 сентября 1817 г.). «Будучи многим старше своей сестры,— продолжал далее Бартенев,— Мария Ивановна сделалась ее первой воспитательницей и до смерти питала к ней самую беспредельную любовь».[107] А. И. Архарова (1795—1855) вышла замуж за кн. Васильчикова;[108] что касается Варвары Ивановны, то она вышла замуж за Ф. Ф. Кокошкина и умерла рано, в Москве (25 апреля 1811 г.), еще при жизни своего отца и до войны 1812 г., после которой Архаровы уже не вернулись в Москву. Смерть Варвары Ивановны была оплакана в элегии К. Н. Батюшкова «На смерть супруги Ф. Ф. Кокошкина» («Нет подруги нежной, нет прелестной Лилы!...» [109]. Сам же Кокошкин сохранил свою родственную связь с Посниковыми, постоянно бывал в их доме и подолгу жил в Ислaвском со своей новой полузаконной семьей и личными друзьями. Кокошкин был писателем, переводчиком и артистом-любителем; между 1823—1831 годами он состоял директором московского театра и славился как классический переводчик «Мизантропа» Мольера, на деле бывшего ниже расточаемых ему похвал — тяжелым и архаическим.

«И Посников и Кокошкин были большие оригиналы. Я их живо помню,— вспоминал впоследствии В. А. Соллогуб.— Первый был тучный, плохо выбритый, с отвислой губой чиновник, кажется, из малороссиян, слыл законником и докой, но в общении был циник и грубоват, так что за обедом снимал иногда с головы накладку и в виде шутки кидал ее на пол. Жена его, Марья Ивановна, отличалась необыкновенно плоским и широким лицом, большою живостью и классическою начитанностью. Разговор свой она обыкновенно перемешивала цитатами из Корнеля, Расина и Вольтера. Жизнь свою она посвятила воспитанию и обожанию своего единственного сына Вани. Ваня был роста исполинского, а лицом и добросердием похож на мать. К образованию его придумывались разные диковинные средства. Между прочим, в большой зале их московского, на Смоленском рынке, дома стоял театр марионеток, изображавших для наглядного обучения важнейшие мифологические и исторические события» [110].

Мария Ивановна действительно с юных лет отличалась образованием и литературными интересами, воспитанными жившими у Архаровых гувернантками. Отметим, кстати, любопытный факт, что одна из книг Ф. В. Каржавина («Фокус-покус, или Собрание любопытных, редких, удивительных и забавных ручных искусств». СПб., 1795) была им посвящена «Марии Ивановне Архаровой», когда она была еще десятилетней девочкой,— «в благодарность оказываемых родителями ее милостей жене автора»: как известно, Каржавин был женат на француженке Шарлотте Рамбур, которую он вывез в Россию из Парижа в 1791 г. и которая некоторое время жила в Москве гувернанткой в семье И. П. Архарова [111]. Домашний театр Посниковых, о котором рассказывает Соллогуб, вероятно, был наследником затей Архаровых и обязан своим существованием той же Марии Ивановне, сохранявшей в своем московском доме и в Ислaвском, по мере возможности, традиции, существовавшие в отцовских владениях; театральным увлечениям в этой семье в немалой степени способствовал также Кокошкин. Рассказывая о посещении Архаровых в Ислaвском, С. П. Жихарев сделал следующую запись (18 мая 1806 г.) в дневнике: «Кокошкин снаряжает у них домашний спектакль — драму «Ненависть к людям и раскаяние» и сам будет играть роль Мейнау. Предлагали мне роль простака Петруши, да мне не до того» [112]. Это была драма А. Коцебу («Menschenhass und Reue»), шедшая в русских театрах в Москве и Петербурге в последнем десятилетии XVIII в. и несколько раз изданная тогда в русских переводах [113]. Постановкой ее на домашней сцене

Кокошкин отдавал дань модному в то время увлечению «мещанскими» драмами, но чаще всего он же был инициатором постановок в домашних условиях других пьес (к которым чувствовал никогда не побежденную склонность), принадлежавших к классическому репертуару французского классического театра XVII—XVIII вв.

Московский дом Посниковых, не говоря уже об их летней резиденции в Ислявском, как и при Архаровых, отличался широким гостеприимством и хлебосольством. Путешественник Г. Гераков в своих путевых записках 1821 г. сделал несколько записей о посещении Посниковых в Москве. В первой записи (5 января 1821 г.) читаем: «Пил чай у сенатора Посникова, коего супруга Марья Ивановна, урожденная Архарова, особа просвещенная, добрая, от души приглашала переселиться к ним; я, благодаря, сказал, что не могу сего сделать, ибо уже отказал трем домам, одному из учтивости, а двум, что просили *вполголоса*». Запись 9 января гласит: «Обедал у сенатора Посникова и доволен его учтивостью, а более любезностью Марии Ивановны, супруги его»; и снова через несколько дней: «Был у Посниковых, и не нахвалюсь Марьей Ивановной. Тут слушал поэму молодого человека Плач Иеремии и Исайи; не знаю, что сказать о ней; у меня в голове отъезд» [114]. Из этих глуповатых, наивных, но бесхитростных записей чванливого путешественника очень живо встает картина жизни и быта у Посниковых в начале 20-х годов: всегда множество гостей, появляющихся в доме по приглашению и по собственной охоте к завтраку, обеду или ужину; радушная хозяйка, всегда готовая поселить у себя в доме всех, кто этого пожелает, и не только щедро и вкусно угостить их, но и заставить послушать новое произведение еще никому не известного поэта.

К хозяину дома современники относились с некоторым ироническим критицизмом, хотя и не отрицали его деловых качеств законника и администратора. Жихарев аттестовал Посникова как «умного циника» [115]. По свидетельству будущего декабриста В. И. Штейнгеля, Посников был известен москвичам под сатирическим прозвищем «Плохандрос»; тот же мемуарист вспоминает, что еще в 1817 г. Посников состоял членом тайного правительственного комитета по отмене наказания кнутом в русском законодательстве, председателем этого комитета был Аракчеев, а членами его — Тормасов, Н. Н. Новосильцов, А. Н. Голицын) [116]. В 20-е годы в Москве у него были широкие связи и сохранились важные знакомства в Петербурге, доходившие до придворных кругов; сослуживцы, во всяком случае, отзывались о нем как об исполнительном чиновнике; П. Г. Дивов так характеризовал его в последние годы его жизни: «Посников — человек чрезвычайно способный к судейскому званию. Знаток в делах, он быстро схватывает сущность всякого дела, высказывает меткие суждения и излагает дело с большою ясностью» [117].

Таков был дом, в котором Клер Клермонт поселилась весною 1825 г. и которому она в своем дневнике посвятила наибольшее количество страниц: жизнь ее здесь была привольной и в значительной мере счастливой; в нем она завела знакомство с большим количеством людей — русских и иностранцев; все они были описаны ею или, во всяком случае, перечислены в ее дневнике.

3. Привольная жизнь Клермонт в Ислявском — подмосковной даче Посниковых.— Дружба Клермонт с Г. Х. Гамбсом, автором поэмы «Владимир и Зара».— Домашний театр и рукописная газета в Ислявском у Посниковых.— Ф. Ф. Кокошкин и А. Шаховской.— Чтения и переводы.— Перевод Гамбсом «Черной шали» Пушкина.— Знакомство Клермонт с композитором И. И. Геништой.— Его романсы на слова Веневитинова и Пушкина

Рассказывая о семье Посниковых по собственным воспоминаниям, В. А. Соллогуб остановился на сыне Марии Ивановны — Ване [118]. Ивана Захаровича Посникова (1816—1871) Соллогуб описал подробно и живо, так как близко знал его и в поздние годы; однако он вовсе не упомянул млад-

шую сестру Вани — Дуню, потому что не знал или не помнил ее: она умерла в малолетстве. Между тем, Клер Клермонт была приглашена Посниковыми именно для Дуни, в качестве не то няньки, не то гувернантки; неясность возлагавшихся на Клер обязанностей, в особенности на первых порах, смущала и тревожила ее, тем более, что дом был полон челяди и прислуживающих господам людей. Ване в 1825 г. исполнилось девять лет, а Дуне только шесть; дети гуляли и играли вместе и не требовали больших забот. Но Клермонт не могла, конечно, забыть о том, что в пятилетнем возрасте умерла ее собственная дочь — Аллегра, и может быть поэтому, насколько мы можем судить по ее дневнику, быстро привязалась к Дуне, относясь к ней с материнской нежностью. Воспитание Вани не входило в круг обязанностей Клер, так как к нему родители приставили особого гувернера по имени Германн Гамбс. О последнем стоит сказать несколько слов, так как он занимает некоторое место в нашем дальнейшем рассказе. Клер вскоре же близко познакомилась с ним, и они стали друзьями на многие годы. Имя Гамбса очень часто появляется на страницах ее дневника 1825 года — полностью или в сокращении M. G., т. е. г-н Г.; иногда его заменяет шутливое прозвище Midge («комарик»).

Жизнь этого несомненно незаурядного человека, к сожалению, известна нам очень мало, в отрывочных и случайных эпизодах, сохраненных в письмах и мемуарах той поры, но многое в его биографии кажется загадочным и необъяснимым.

Характеристику Германна Гамбса Клер Клермонт дала сама в письме из Москвы от 27 октября 1825 г. к своей старинной приятельнице по кружку Шелли — Джейн Вильямс. «Недавно я познакомилась с одним немецким джентльменом,— писала Клер,— который составляет для меня великое прибежище (great resourse). В такой стране, как Россия, где я могу встречаться только с малообразованными людьми (the vulgarest people), развитой ум составляет для меня величайшее сокровище. Его общество напоминает мне наш прежний кружок, потому что он является хорошим знатоком древней и новых литератур и имеет широкий кругозор и благородный образ мыслей. Ты можешь представить себе, с каким восторгом он обрел меня здесь, столь отличную от всех его окружающих и способную понять то, что так долго теснилось в его уме как сокровища слишком драгоценные, чтобы их стоило расточать на необработанной русской почве (on the coarse Russian soil). Я рассказываю тебе о нем свободно, потому что уверена, что ты не подумаешь, будто я в него влюблена или что я питаю к нему какое-либо другое чувство, кроме самой искренней и непоколебимой дружбы». Но к этому Клер прибавила еще одну, но зато, может быть, самую ответственную фразу: «То, что ты чувствовала к Шелли, я чувствую к нему» [119].

Пренебрежительный отзыв Клер о России и русских в немалой степени она могла бы отнести к самой себе и к своему незнанию русского языка. Одиночество, которое испытала она первоначально, поселившись в русской семье, было основано на невозможности для нее общения с окружающими, кроме самих хозяев, а тут, по соседству с ней, как оказалось, жил молодой человек, не только обладавший прекрасным знанием, по крайней мере, трех западноевропейских языков, но на двух из них писавший стихи, наделенный также живейшими склонностями к занятиям философией и изящными искусствами. Однако назвать его «немецким джентльменом» можно было только условно, так как родом он был из Эльзаса, а французским и немецким языками он владел с одинаковой свободой.

Христиан Германн Гамбс был старшим сыном страсбургского пастора, Карла Христиана Гамбса (1759—1822). Старик Гамбс с 1784 по 1806 г. был капелланом шведского посольства в Париже, затем пастором в Бремене (1807—1814); после падения Наполеона старый Гамбс снова стал пастором в родном Страсбурге. Как Германн Гамбс попал в Россию, остается неизвестным; мы знаем лишь, что в семье пастора, кроме Германна, были еще две сестры (Ида и Генриетта) и маленький брат, в год смерти

пастора бывший еще школьником [120]. Единственное предположение, которое мы можем сделать по поводу того, как Германн, уехав из Страсбурга, оказался в Москве, должно основываться на записи, сделанной Клер в ее дневнике 24 мая (5 июня) 1825 г. Живя с Посниковыми на даче в Ислявском, Клер долго беседовала с ним в этот день, во время прогулки с детьми в соседнюю рощу. «Гамбс,— пишет Клер,— описывал придворную жизнь в Веймаре и глушь (the savage life) в Саратове, где в течение четырех лет он был заживо похоронен (buried) в сельской местности и где он позволял себе лишь одно развлечение — изредка поохотиться в окружающих бескрайних степях» [121]. Отсюда можно сделать заключение, что приблизительно в год смерти отца Гамбс принял предложение стать гувернером или преподавателем языков в какой-то помещичьей семье, жившей в имении в Саратовской губернии. Несколько других, столь же случайных, данных для биографии Гамбса, до его поселения в семье Посниковых, можно извлечь из разновременных записей дневника Клер; так, она однажды слушала его рассказы (и занесла их в дневник) о студенческих годах в Страсбургском университете [122].

Принимаясь за свой новый («пятый») дневник, Клер Клермонт отметила в первой же сделанной в нем записи (12/24 мая 1825 г.): «Моя жизнь течет так быстро и незаметно, что я нуждаюсь в дневнике, чтобы отмечать в нем ее движение» [123]. Чтение этого дневника Клермонт, однако, создает впечатление, что ее жизнь была не только очень деятельной, но и весьма интенсивной, интеллектуально насыщенной: у нее оставалось много свободного времени, которое она отдавала чтению, музыке, серьезным философским беседам с Гамбсом, встречам со многими людьми, постоянно толпившимися в доме Посниковых; однажды она даже пожалела себя за суетливое существование на виду у всех: «Я всегда окружена простыми людьми, и их беспрестанные перебранки гонят прочь всякую счастливую мысль и всякое возвышенное размышление» [124]. Между тем, на первой же странице дневника достаточно полно раскрыто содержание ее спора с Гамбсом о материализме и антиматериализме (immaterialism), в котором приняли участие подоспевшие к нему гости, на следующей — высказаны кое-какие соображения о новостях международной политической жизни, о которых она узнала из газет и бесед с соотечественниками; далее идут рассуждения о происхождении в России крепостного права и почерпнутые из неизвестного источника (скорее всего устного) сведения о порабощении Нижнего Новгорода [125].

Читала Клер очень много: отметки о книгах, которые были у нее в руках, следуют непрерывно в каждой записи, чаще всего это французские или немецкие книги, иные, может быть, ради упражнения в языке, другие — для души. На тех же первых страницах дневника указаны, например, мемуары M-me Ролан, книга А. Дюпена, баллады Бюргера; из поэмы шотландского короля Якова I (King's Quair), сочиненной им в плену во Франции в начале XV в., в дневник выписано две строфы по изданию 1815 г.[126] В семье Посниковых в обычае было также читать вслух; многое Клер слышала в устном исполнении Гамбса.

Много внимания уделялось также музыке. Гамбс играл на флейте и был меломаном; Клер часто пела и играла на фортепиано довольно трудные вещи, например, концерт Фильда. Однажды Гамбс принес с собой клавир оперы «Свадьба Фигаро», и она тотчас же начала его играть; в тот же день Клер с двумя русскими дамами и с Гамбсом отправились в Большой театр слушать оперу «Крестоносец в Египте» Мейербера (запись 16/28 мая 1825 г.): этот случай заслуживает внимания, так как с очевидностью демонстрирует, как быстро откликалась Москва на все западноевропейские музыкальные новинки. «Крестоносец в Египте» — это первая крупная опера Джакомо Мейербера, имевшая большой успех. Впервые она была поставлена в Венеции 26 сентября 1824 г., а Москва смотрела ее меньше года спустя, еще до того, как она шла в Итальянском театре в Париже (22 сентября 1825 г.) [127] Домашние театральные развлечения, как мы уже отмечали, составляли старую

традицию дома Посниковых. В 1825 г. ей еще отдавали дань. Так, в майские дни в доме начались первые репетиции комедии на французском языке «Экспромт в Ислявском» («Impromptu d'Islavsky»), сочиненной Гамбсом, в которой и Клер предоставлена была отдельная роль; эта комедия в домашнем театре имела большой успех [128].

Девятнадцатого мая состоялся переезд в Ислявское. Стояла хорошая погода, и Клер с Гамбсом и детьми совершали прогулки по берегу Москвы-реки, в соседние рощи или в поля. Но жизнь, хотя она проходила наполовину на чистом воздухе, в общем мало изменилась. На веранде летнего дома устраивались чтения вслух, музыки даже прибавилось, а для театральных забав здесь была даже оборудована специальная сцена. Гостей также не стало меньше; напротив, они приезжали сюда на более долгое время, поселялись во флигелях, принимали участие в прогулках и развлечениях. Иногда молодежь, дети, а с ними Клер и Гамбс отправлялись в экипажах в соседние имения.

Было бы затруднительно пересказывать день за днем все события дачной жизни под Москвой в летние месяцы 1825 г., пережитые Клер Клермонт и описанные ею в дневнике, хотя страницы его представляют несомненный интерес как яркий бытовой документ. Равным образом бесполезно было бы перечислять всех лиц, с которыми она встретилась в это время, тем более, что их имена и фамилии транскрибированы ею (или воспроизведены издателями) с многочисленными искажениями или ошибками, требующими для своего устранения специальных расследований [129]. Но на нескольких эпизодах жизни Клер в Ислявском все же стоит остановиться, так как они представляют, помимо бытового или биографического, также историко-литературный интерес.

Нас привлекает, прежде всего, личность Германна Гамбса, ближайшего друга Клер в это время, несомненно, являвшегося душою общества в Ислявском, инициатором почти всех умственных развлечений, весьма деятельного декламатора, артиста-любителя, музыканта.

Германн Гамбс среди многих своих достоинств имел еще одно — он обладал поэтическим даром и мог числить себя поэтом. В дневнике Клер, где он упоминается на каждой странице, она между прочим рассказывает, что Гамбс читал вслух не только чужие, но и собственные стихи. В ее руках часто бывали теперь рукописи его произведений. Все это вызывало в памяти Клер образ Шелли, и его имя, сокращенное до инициала или зашифрованное, нередко мелькает среди ее записей, сделанных в Ислявском. Хотя с внешней стороны эта жизнь, которую она вела за городом, казалась шумной, праздничной и веселой, порою среди торопливых записей дневника чувствуются весьма меланхолические настроения, ощущения глубокого разочарования; они возникали всякий раз, когда она вспоминала прошлое. Однажды она записала на отдельном листке: «Я отправилась в Россию, потому что я надеялась забыть посещения моей темной и изменчивой судьбы, гибельные преследования, казавшиеся неотделимыми от моего имени» [130]. Но забыть их было не так легко; однажды теплая лунная ночь под Москвой напомнила ей Италию; другой раз, утром, сидя у своего окна и слушая, как шелестит листва ближних деревьев от легких вздохов ветра, она вспоминала «всплески волн, набегавших на берег в Леричи» (the breaking waves upon the shores of Lerici) [131]. В Леричи, на берегу Средиземного моря, на вилле Маньи, Клер в 1821 г. в последний раз видела чету Шелли и Вильямсов. На другой день после ужина и серьезного разговора с Марией Ивановной Посниковой и Гамбсом об астрономии, о множестве миров, о Платоне и Паскале, Клер неожиданно сделала большую запись с образной характеристикой Шелли, очень близкой по своему стилю к тому письму-утешению, которое она в 1822 г. послала Мери Шелли, когда узнала о смерти поэта. Запись в дневнике Клер сделана 21 июня (2 июля) 1825 г. и гласит: «Заметки о Ш⟨елли⟩. Его жизнь была короткой, но сладостной (sweet) — жизнь поэта — подобно птице, он быстро промелькнул над миром, и этот полет был слишком вы-

соким <...> чтобы он мог заметить его изъяны, он видел лишь его красоты. Гнездо себе он всегда свивал в красивейших местностях, вдали от людей, и здесь он собирал вместе прекраснейшие плоды, которые только может дать жизнь,— Любовь и Дружба были его добрыми спутниками, заполнявшими каждый момент его жизни, не посвященный интеллектуальной культуре (Intellectual culture)» [132] и т. д.

Другой раз (26 мая/7 июня 1825 г.), после чая, на балконе Гамбс, судя по записи дневника, «читал вслух отрывки из своей «Оды к Урании». «Я нашла необыкновенным, что он родился 4 августа, в тот же день, как и наш навсегда дорогой друг, и что он тоже написал об интеллектуальной красоте» [133]. Здесь снова имеется в виду Шелли и его «Гимн к интеллектуальной красоте» («Hymn to intellectual beauty»), написанный в 1816 г. в Швейцарии и обязанный занятиям его в это время Платоном и платонизмом под воздействием увлечений античностью Томаса Лава Пикока. «Ода к Урании» была написана Гамбсом на французском языке и, как увидим ниже, впоследствии даже была напечатана в Париже; удивительнее всего, однако, то, что в этой «Оде к Урании», считавшейся у древних музой астрономии и олицетворением чистой, возвышенной любви, действительно чувствуется даже в начальных стихах нечто общее с «Гимном» Шелли. Приводим, в качестве примера, первые две строфы (из семи) из «Оды к Урании» Гамбса:

Toi que je cherche en vain dans tout ce qui respire,
Mais dont les traits sacrés, ennoblissent mon coeur,
Qui presses mes esprits d'un délire enchanteur,
Et par de doux transports signales ton empire,
Source de la lumière et du céleste amour,
Qui de tes favoris enflammes le génie,
Immortelle Uranie,
Que ne puis-je te suivre au céleste séjour!

Sur l'aile du désire mon âme impatiente
Souvent aux champs des cieux s'élance sur tes pas,
Contemple ton visage et tes chastes appas,
Et les plis lumineux de ta robe flottante.
Tu franchis d'un regard l'immensité des cieux,
Et, répandant au loin sa splendeur solennelle,
Ta couronne eternelle
De divines clartés inonde tes chevaux*[134]

Другое произведение Гамбса, его большая эпическая поэма «Моисей» («Moïse») в двенадцати песнях, в течение нескольких дней читалась автором вслух в Ирландском [135]. Эта поэма (также на французском языке) написана была Гамбсом в Москве, по-видимому, в 1825 г.; в середине 20-х годов тема о Моисее внезапно стала, и на Западе и у нас, чрезвычайно популярной. Во Франции в середине 20-х годов были написаны ода В. Гюго, стихотворный рассказ А. де Мюссе, поэма А. де Виньи, наконец, трагедия Шатобриана; в Москве в 1824—1825 гг. М. П. Погодин, сильно увлеченный философией Шеллинга, мечтал «об объятии всей шеллинговой системы» в эпической поэме «Моисей» и писал, что он не знает «предмета богатейшего для таланта» [136]. Но в это самое время духовная цензура запретила в Москве исполнение оперы Россини «Моисей в Египте» («Mosé in Egitto») и находились благонамерен-

* Бессмертная Урания, которую я тщетно ищу во всем сущем, но чьи священные черты облагораживают мое сердце, которая пленяет мой дух и являет свое владычество — источник света и небесной любви,— исторгая сладостный восторг, которая воспламеняет гений своих избранников, отчего не могу я сопутствовать тебе в небесное твое обиталище? Часто моя мятежная душа устремляется на крыльях желания ввысь тебе вослед, созерцает твой лик, твою целомудренную красоту и ниспадающие складки твоего светлого одеяния. Ты охватываешь единым взором всю бесконечность небес, и твой немеркнущий венец, распространяя далеко вокруг торжественное сияние, расцвечивает твои волосы божественными огнями.

ные москвичи, вроде А. Я. Булгакова, считавшие такое запрещение разумным [137].

Запись дневника Клер от 20 мая (1 июня) 1825 г. свидетельствует, что в этот день Гамбс в Ислявском читал вслух 3-ю, 4-ю, 5-ю и 6-ю песни своего «Моисея». Отзыв Клер о чтении этого произведения занял у нее целую страницу дневника. Она пыталась отдать себе полный отчет в своих впечатлениях от каждой песни в отдельности. В общем, поэма произвела на нее вполне благоприятное впечатление и отзыв был хвалебным, почти восторженным: «Третья песня в высшей степени изящна (is extremely fine),— записывала она; — четвертая песня менее хороша, потому что она касается кротких и нежных чувств, но пятая снова великолепна. Ее превосходные качества, кажется, заключаются в том, что она представляет свой предмет вниманию читателя в наиболее естественном положении...» Попутно Клер замечает в своей характеристике прослушанной ею поэмы, что в ней «Моисей не похож на Моисея ⟨библейской⟩ «Книги бытия». Правда, он законодатель, но автор представляет его как освободителя порабощенного народа, как реформатора, освобождающего народ от цепей и возвращающего его в сферу пастушеской жизни, с интуицией, свойственной великим умам, предвидящего, что только обращение к природе может обеспечить славный путь в будущем» [138].

Через несколько дней (24 мая/5 июня) Клер записывает в дневнике, что в этот день к вечеру «в беседке «английского сада» в Ислявском Гамбс читал мне и Марии Ивановне ⟨Посниковой⟩ 9-ю и 10-ю песни своего «Моисея». В 9-й представлена смерть Ахоры, в 10-й эпизод о Разе (Rasah) и Амазисе (Amasis). Последний — очень красив (is very beautiful)». Они пили чай в беседке, и Клер весьма картинно описывает этот ясный вечер, когда они, слушая стихи, наблюдали, как косые золотые лучи заходящего солнца освещали темные леса за Москвой-рекой и самую беседку, «где каждый лист был полон солнца, подобно алмазу или самоцвету, сверкающему всеми оттенками...» [139] Этот летний вечер и выслушанные тогда стихи неопубликованной поэмы запомнились Клер надолго.

Издательница дневников Клер Клермонт цитирует начальные стихи этой поэмы для того, чтобы иллюстрировать свойственный ей «шеллиевский революционный дух» (the Shelleyan revolutionary spirit of the poem) [140], но не упоминает в высокой степени интересный факт, что десятилетие спустя, именно благодаря хлопотам Клер, поэма «Моисей» и другие французские произведения Гамбса увидели свет в Париже. Об этом стоит рассказать здесь особо, хотя это и нарушает несколько хронологию нашего последовательного аналитического изложения отдельных эпизодов ее московского дневника.

Летние месяцы жизни в Ислявском были временем наибольшей и самой искренней дружбы между нею и Гамбсом. Никто из них не предполагал тогда, что не пройдет и года, как они должны будут расстаться навсегда. Почему это случилось, нам остается неизвестным, но мы имеем свидетельство самой Клер в письме к Джейн Вильямс (судя по почтовому штемпелю, отосланном 22 января 1827 г.), в котором дана новая характеристика Гамбса и говорится, что ее друг покинул Москву и уехал в глубь страны весною 1826 г. на пять лет. «У меня была с ним большая дружба,— пишет Клер,— потому что он пламенно любил все, что является добрым и красивым, больше всех, кого я знаю. Я очень заинтересована в его счастии и благоденствии, но он не тот человек, который мог бы лишить мою жизнь той тяжести, какую я от нее ощущаю» [141]. Это попутное признание звучит вполне искренне, и ему надо верить. Отъезд Гамбса пришелся на тот период жизни Клер в Москве, когда она сама, после несчастья, постигшего семью Посниковых, остановилась на распутье. От этого периода ее дневника не сохранилось, и мы не знаем ничего, что она могла бы написать о нем сама для себя, доверяясь дневниковой тетради. По некоторым косвенным данным мы можем лишь предположить, что Гамбс принял новое предложение уехать в качестве гувернера или домашнего учителя в семью, которая жила где-то неподалеку от Омска в Западной Сибири.

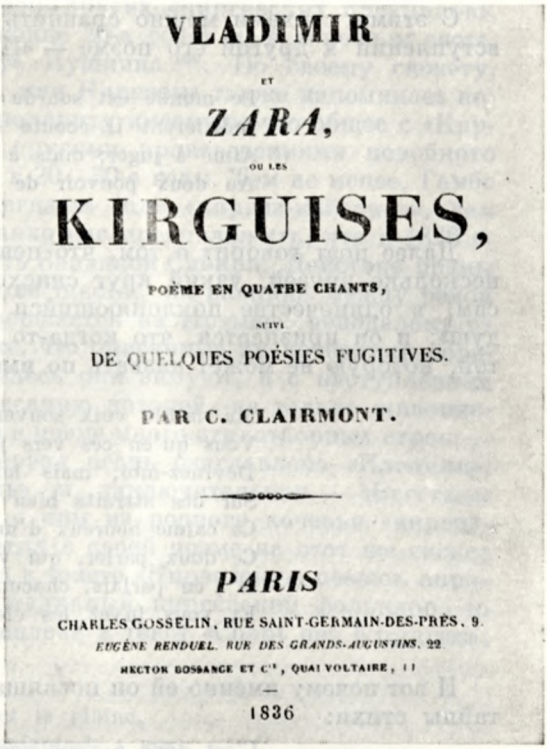
И тем не менее переписка между ними не прекращалась и после того, как сама Клер покинула Россию и жила за границей. Заключаем об этом из очень интересного письма Клермонт к Мери Шелли, отправленного ею из Ниццы 11 декабря 1830 г. В этом письме мы, между прочим, читаем: «Я должна поговорить с тобою о деле, которое меня глубоко интересует. М-р Гамбс сообщил мне, что он послал в Париж рукопись своей поэмы, называющейся «Моисей». Он дал ее князю Николаю Щербатову (prince Nicolas Schèrbatoff) в Москве перед самым отъездом последнего в Париж; это было много месяцев тому назад. Дал ли князь какое-нибудь обещание постараться ее напечатать, этого я не знаю, но если и дал, то он столь ленивый и эгоистичный человек, что его усилия не приведут к осуществлению этого дела. Гамбс написал мне, чтобы я спросила, нет ли у тебя литературных друзей в Париже, которые были бы достаточно добры, чтобы поинтересоваться этим делом. Адрес князя следующий: Son Excellence le Prince Nicolas Scherbatoff, Rue St. Lazare N 17, à Paris. Не найдется ли кто-либо, чтобы увидеться с ним, узнать об этой рукописи и предложить ее какому-нибудь книгоиздателю. Последний может вступить в непосредственную переписку с м-ром Гамбсом, адресуясь к нему через посредство M. Lenhold, Marchand de Musique, à Moscou. Я была бы очень рада, если бы ты могла направить дело в эту сторону, так как я знаю, что мой друг заинтересован только в том, что видеть свою поэму напечатанной, и я была бы счастлива доставить это удовольствие существу, которое, как я знаю, совершенно его лишено, в благодарность за сердечность и доброту, которые он проявил по отношению ко мне; насколько я могу судить по моему скудному разумению, это произведение достойно того, чтобы вызвать к себе интерес и быть спасенным от забвения. Оно очень понравилось мне, когда автор читал его мне, но, говоря по правде, я находилась тогда в пустыне, а там капля влаги может показаться нам дороже самой драгоценной жемчужины» [142].

Это письмо интересно для нас не только тем, что оно подтверждает переписку Гамбса с Клермонт после их разлуки; насколько мы можем предположить, ответ Мери Шелли был вполне удовлетворительным, хотя хлопоты затянулись еще на несколько лет. Так или иначе, рукопись поэмы «Моисей» была найдена и была издана в Париже отдельной книгой в 1836 г. («Moïse». Paris, C. Gosselin, 1836). Это издание интересно для нас еще в одном отношении. Автор книги, Г. Гамбс, скрылся здесь под псевдонимом: Claire Clairmont! Американская исследовательница М. Стокинг, которой принадлежит честь этого открытия, пыталась разгадать, почему Гамбс утаил свое имя, и нашла правдоподобное объяснение лишь в том, что Гамбс, очевидно, готовился к занятию должности пастора и предварительно собирался получить степень бакалавра на теологическом факультете Страсбургского университета, для чего выпустил даже небольшую брошюрку с тезисами своей работы о жизни и доктринах епископа Мастрихского — Годескалька, первой половины VIII в. [143]. Эти ученые тезисы были опубликованы в Страсбурге годом позже, чем «Моисей»; на этот раз с полным именем Г. Гамбса и указанием на назначение этого труда.

Возможно, что такое предположение справедливо: бакалавру теологии не хотелось числить среди своих сочинений, помимо ученых работ, стихотворные поэмы; даже в том случае, если они по заглавию являлись обработкой библейского сюжета (Моисей), они могли показаться крамольными или легкомысленными. Однако, кроме «Моисея», в том же парижском издательстве Госселена Гамбс издал еще несколько книг под тем же псевдонимом «Клер Клермонт». Это были: 1) «Владимир и Зара, или Киргизы» («Vladimir et Zara, ou les Kirguises». Paris, C. Gosselin, 1836) — поэма в четырех песнях, за которой следуют мелкие стихотворения (poésies fugitives); 2) «Измаил» («Ismaïl. Paris, C. Gosselin, 1836) — поэма в четырех песнях, за которой также следует отдел «Смеси» (Miscellanea), куда включен ряд лирических стихотворений.

М. Стокинг добавляет к этим изданиям, имеющимся в Парижской нацио-

нальной библиотеке, еще две книги, которыми она не располагает, но которые отыскались в библиотеке Страсбургского университета: 1) «Поэтические произведения К. Клермонт» («Oeuvres poétiques de C. Clairmont». 3 v. Paris, Renouard, 1834); 2) «Мелкие стихотворения, собранные страсбургскими друзьями автора» («Poésies fugitives recueillis par ses amis. Strassbourg». Dannbach, без года; посвящение датировано 7 января 1838 г.). Таким образом, перед нами целый ряд книг, написанных Гамбсом с устойчивым псевдонимом «К. Клермонт», среди которых находятся эпические поэмы и даже трехтомное собрание его стихотворений! Следует признать, что появление их в печати, в неизвестной нам последовательности, представляет собою еще необъясненную загадку, которой не разрешает и приведенное выше (упущенное из вида М. Стокинг) письмо Клер Клермонт к Мери Шелли от 11 декабря 1830 г.


VLADIMIR

ET

ZARA,

OU LES

KIRGUISES,

POÈME EN QUATRE CHANTS,

SUIVI

DE QUELQUES POÉSIES FUGITIVES.

PAR C. CLAIRMONT.

PARIS

CHARLES GOSSELIN, RUE SAINT-GERMAIN-DES-PRÉS, 9.
EUGÈNE RENDUEL, RUE DES GRANDS-AUGUSTINS, 22.
HECTOR BOSSANGE ET Cie, QUAI VOLTAIRE, 11.

1836

«ВЛАДИМИР И ЗАРА». ПАРИЖ. 1836
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

Остается совершенно неясным, почему парижским издательством Ренуара в 1834 г. были изданы «Поэтические произведения» Гамбса, если в письме Клер речь шла о поэме «Моисей», изданной другим издательством только в 1836 году. Вопрос о выборе Гамбсом псевдонима, в связи с этим, как нам кажется, в свою очередь, осложняется. Представляется совершенно неправдоподобным, что Гамбс решился вовсе утаить свое имя от читателей и даже «друзей», от имени которых, как «собирателей» его стихов, был напечатан их последний томик, по-видимому, в 1838 г.; необъяснимо, почему Клермонт предпринимала свои хлопоты об издании произведений Гамбса с его «Моисеем» — первой его поэмой, долженствовавшей увидеть свет, а эта поэма была опубликована в окружении целого ряда других произведений, о которых Клер никогда не упоминала. На все эти вопросы мы пока что ответить не можем, тем более что нам не удалось видеть всех упомянутых выше изданных им книг.

Знакомство с некоторыми из них, впрочем, не способствует прояснению запутанных вопросов, но добавляет к ним еще новые. Единственно, что мы можем утверждать, это то, что поэма о киргизах «Владимир и Зара» написана была Гамбсом после его отъезда из Москвы в 1826 г. и его разлуки с Клер [144]; едва ли она могла увидеть эту поэму до того, как она появилась в печати, а между тем стихи, которыми открывается эта экзотическая поэма, заключают в себе строки, в которых автор мог иметь в виду только Клер:

Je n'ose vous nommer du fond de ma retraite.
Mon coeur est plein de vous, mais ma bouche est muette;
Vous même, par ma voix vous n'apprendrez jamais
Que pour toujours ma muse a revêtu vos traits...*[145]

* Я не осмеливаюсь назвать вас из глубины моего далека. Мое сердце полно вами, но уста молчат; Вы сами от меня никогда не узнаете, что моя муза навсегда приняла ваш облик...

С этими стихами можно сравнить лишь строки, которые помещены во вступлении к другой его поэме — «Измаил»:

Le monde est sourde à la voix du poète,
Indifférent il écoute ses chants,
Aime à juger; mais à regret se prête
Au doux pouvoir de ses accords touchants...*

Далее поэт говорит о том, что ценителями его творений являются лишь несколько друзей, узкий круг снисходительных судей, но чаще всего он сам, в одиночестве поклоняющийся красоте, «этому сокровищу любящих душ»; и он признается, что когда-то слышал похвалы своим стихам из уст той, которую не может назвать по имени:

Ma faible voix souvent parut vous plaire,
Vous qu'en ces vers je ne veux pas nommer.
Devinez-moi; mais laissez-moi me taire
Sur des attraits bien faits pour me charmer.
Ce calme heureux d'une âme sainte et belle,
Ce doux parler, qui vous gagne les coeurs,
Si j'en parlais, chacun dirait: C'est elle;
Et vous fuyez les éloges flatteurs**[146]

И вот почему именно ей он посвящает свою поэму: она поймет эти полные тайны стихи:

C'est donc à vous que j'offre cet ouvrage
Vous comprendrez ces vers mystérieux;
Et si vous-même en acceptez l'hommage,
Je saurai bien le lire dans vos yeux...***[147]

Эти вполне ясные намеки и прямые обращения к той, кому посвящены эти поэмы и именем которой пользуется автор, как своим, усугубляются в той части книги, где вслед за поэмой «Измаил» помещены мелкие стихотворения,— например, «драматический этюд» «Выбор подруги» («Le Choix d'une Amie»); действие происходит в «северной столице», а среди исполнительниц женских ролей названа Clara, прозванная «la Fauvette», т. е. певчей птичкой — «малиновкой», и являющаяся образцом всех добродетелей [148].

Все это приводит нас к заключению, что едва ли Гамбс, издавая свои стихотворные произведения, пожертвовал своим именем только ради того, чтобы оно не могло повредить его репутации ученого теолога; мы склонны скорее думать, что выбор им псевдонима для этого цикла его произведений был с его стороны своеобразной жертвой в память неразделенной любви и напоминанием о себе после того, как они окончательно расстались друг с другом. К сожалению, мы не могли доискаться каких-либо сведений о том, дошла ли до Клермонт хотя бы одна из названных книг, украшенных ее именем; по-видимому, никаких свидетельств по этому вопросу не сохранилось.

Что касается поэмы «Владимир и Зара, или Киргизы», то ее подлинный автор — Г. Гамбс — у нас раскрыт не был [149] и самая эта поэма, сколько

---

* Мир глух к голосу поэта, безучастно слушает он его песни; любит судить о них, но неохотно отдается сладостному могуществу трогательных созвучий.

** Мой слабый голос, казалось мне, нередко вам нравился, вам, которую я не хочу называть в этих стихах. Отгадайте, кто я; но позвольте мне умолчать о прелестях, созданных, чтобы меня пленять. Это блаженное спокойствие святой и прекрасной души, эта нежная речь, привлекающая к вам сердца, поведай я о них, всякий сказал бы: это она; но вы избегаете льстивых похвал.

*** Итак, я подношу это сочинение вам. Вы поймете эти таинственные стихи; и если сами вы согласитесь принять этот дар, я уж сумею прочесть это в ваших глазах.

знаем, ни разу не была упомянута среди других «киргизских пленников», появившихся в русской литературе в конце 20-х годов и, в конечном счете, восходящих к «Кавказскому пленнику» Пушкина [150]. По своему сюжету, построению и стилю «Владимир и Зара, или Киргизы» также напоминает поэму Пушкина, а по этнографическому колориту имеет кое-что общее с «Киргизским пленником» Н. Муравьева и другими произведениями подобного рода, довольно многочисленными у нас в 20—30-е годы. Тем не менее, Гамбс и сам имел представление о быте «киргизов» (или «киргиз-кайсаков», как именовали тогда «казахов»), что и заставило нас предположить, что в 1826 г. он уехал из Москвы в какую-то местность Западной Сибири. Действие поэмы развертывается, как видно из указаний ее текста, на равнине между рекой Ишимом и цепью Алтайских гор и завершается на Иртыше, неподалеку от Омска. Из поэмы Гамбса явствует также, что описанные им кочевники переселяются к берегу Аральского моря; здесь они зимуют, а с наступлением весны вновь отправляются в степь, описанию которой, не только живописному, но даже «ботаническому», уделено в поэме много стихотворных строк.

Из четырех песен поэмы Гамбса первая песнь озаглавлена «Пленник», вторая — «Кочевники», третья — «Степь» и заключительная — «Бегство»: пленником является русский, а бежит с ним из родного кочевья «киргизская» девушка. Если Н. Муравьев отметил в своей поэме на этот же сюжет любовь киргизов к пению и даже привел в тексте «Киргизскую песню», впрочем, и отдаленно не напоминающую подлинный киргизский фольклор, то и в поэме Гамбса (во второй песне) вставлена в текст «Chant des Kirguises», где кочевники сначала хором поют:

Les Kaisaks traversent la plaine,
Allah! protège tes enfants,*... etc.,

а затем киргизские юноши и девушки ловко перебрасываются четверостишиями; и на этот раз отношение этих «песен номадов» к их предполагаемым оригиналам самое условное; впрочем, заключающие поэму прозаические «Примечания» свидетельствуют, что автор, несомненно, кое-что знал из области этнографии киргизов по русским сочинениям и, вероятно, также из личных наблюдений над тем народом, который он пытался изобразить, вероятно, в первый раз во французских стихах.

Второй отдел той же книги, озаглавленный «Loisirs» («Досуги»), посвященный «мимолетным» стихам (poésies fugitives), на этот раз довольно богат; мы находим здесь, в частности, ту самую поэму об «Урании», которую Клер слушала в декламации автора в 1825 г. в Ославском; затем идут различные стихи «на случай», посвященные многим лицам, имена и фамилии которых тщательно зашифрованы (A M. V. de S. dans son album; a M-lle N. de P. S.; A M-lle O. de P. S., de dix-sept ans), вся эта группа посвящений, по-видимому, адресована членам одной семьи; далее идут посвящения титулованным лицам (Comte G. C., Comtesse de C.; A la comtesse S...B... après l'exécution de Titus, de Mozart и т. д.). Стоит упомянуть, что здесь же помещен перевод «Черной шали» Пушкина, никогда не отмечавшийся библиографами; он, безусловно, отличается близостью к подлиннику; для образца приводим начальные стихи:

Le Schawl noir,

Chant moldave,
traduit de Pouchkine

Mex yeux avec stupeur s'attachent au schawl noir,
Et mon coeur désolé se livre au desespoir,

---

* Кайсаки пересекают равнину,
Аллах, храни своих детей!..

Dans la crédulité d'une aveugle jeunesse
J'adorai les attraits d'une fille de Grèce.

Elle me séduisait par des marques d'amour;
Mais bientôt du bonheur l'ombre étouffa le jour... etc.[151]

Этот перевод появился в указанной книге Гамбса не случайно: он ведет нас, как увидим ниже, к музицированию в доме Посниковых, в Иславском и в Москве в 1825—1826 годах.

Возвратимся, однако, в Иславское, где Посниковы, со всеми домочадцами и многочисленными гостями, проводили летние месяцы 1825 г. Из дневника Клермонт мы узнаем, что вскоре после переезда в Иславское здесь решено было исполнить собственными силами на подмостках домашнего театра трагедию Расина «Эсфирь». Дневник Клер более месяца (с конца июня до конца июля) заполнялся сообщениями об этом домашнем спектакле, об его участниках и репетициях, следовавших одна за другой. Хотя Клермонт и не упоминает об этом, но очевидно, что этот спектакль готовился к постановке во французском подлиннике, а не в том архаическом переводе «Эсфири», который сделан был П. А. Катениным, издан в 1816 г. и исполнялся на петербургской и московской сценах[152]. Запись дневника 22 июня (4 июля) сообщает, что когда Клер и Гамбс вечером вернулись домой после прогулки, все общество, собравшееся на балконе, с большим оживлением обсуждало задуманную постановку, душой которой являлась сама хозяйка, Мария Ивановна Посникова. Однако затруднения заключались прежде всего в отсутствии необходимого количества исполнителей. Поэтому одному из возможных участников спектакля, Гамбсу, предполагалось поручить две роли — Амана и Мардохея. Клермонт воспроизводит в дневнике забавные споры о том, возможно ли такое совмещение ролей одним артистом, так как «Амана должны повесить, а Мардохей должен сейчас же появиться на сцене». Мисс Гардорф (Hardorff) предназначалась роль Зарес, «безутешной супруги» (L'épouse eplorée) Амана, «мы же,— прибавляла Клер, имея в виду себя и Гамбса,— зовем ее «L'épouse affamée» — «изголодавшейся супругой», так как она страдает солитером в желудке». (У Расина, кстати сказать, эта героиня именуется «L'épouse alarmée», т. е. «встревоженной супругой».)[153]

Постановка «Эсфири», наконец, состоялась в пятницу 22 июля (3 августа) в день рождения М. И. Посниковой. В этот день дом был полон гостей. Их перечень, данный в дневнике, естественно, открывается Ф. Ф. Кокошкиным, бывшим не только зрителем, но, вероятно, и режиссером спектакля; кроме того, присутствовали «Васильчиков, приехал Платон Степанович, M-me Спиридова, M-me Молчанова, M-me Перкульева (Percouleff) с дочерьми, Евгения Щербачева (Eugenie Tcherbacheff), мисс Масси (Massy). Полковник Мак (Mack) и бесчисленное количество других офицеров за обедом в Зеленом Доме. После обеда играли «Эсфирь» и русскую пьесу князя Шаховского (Prince Ichahofskoy), которая кончилась в девять часов вечера. Затем танцевали до ужина»[154]. Имя Расина, вообще говоря, пользовалось особой популярностью в доме Посниковых; судя по дневнику Клер (5/17 июля), один из гостей в Иславском — M. Cornet — после чая читал вслух отрывки из «Федры» Расина, а 17(29) августа тот же Корне, Гамбс и Армфельд исполняли «Пародию на Эсфирь»[155]. Возможно, что захваченная общими театральными увлечениями, господствовавшими в Иславском, встречами здесь с профессиональными артистами и постоянным общением со всемогущим распорядителем московского театра Кокошкиным, Клер Клермонт и сама подумала о том, не заняться ли ей драматургией. Запись ее дневника 19/31 июля гласит: «Сегодня утром начала комедию — «Гувернантки»[156],— кончена эта пьеса не была, и мы о ней больше ничего не знаем; однако если бы до нас дошли хотя бы отрывки из этой рукописи, она явилась бы еще од-

ним ценным автобиографическим документом, существенно дополняющим ее дневники и письма.

Еще более чем к театру Клермонт тяготела к музыке и пению; в этом отношении о жизни своей в Ислявском и особенно в Москве она в своих дневниках отзывалась с большим удовлетворением. Важными оказались для нее приятельские отношения, установившиеся с московским музыкантом и композитором И. Геништой.

Иосиф Иосифович Геништа был выдающимся музыкальным деятелем, но, к сожалению, он был забыт, и об его жизни сохранилось немного сведений; они собраны плохо и зачастую противоречивы. Его биографы затруднялись указать точные даты его рождения и смерти и путали его с братом, Александром Иосифовичем, также музыкантом. В настоящее время можно, однако, считать установленным, что Геништа, происходивший из чешской обрусевшей семьи, родился в Москве (13 ноября 1795 г.) и там же умер (25 июля 1853 г.); следовательно, в 1825 г., когда с ним познакомилась Клер, ему было тридцать лет [157]. Несмотря на свою молодость, он уже в то время считался зрелым и очень известным музыкантом. Общее (и отчасти музыкальное) образование Геништа получил в Московском университетском благородном пансионе и являлся учеником знаменитого музыканта Иоганна Вильгельма Гесслера, умершего в Москве в 1822 г. (по другим сведениям, жившего в Москве Джона Фильда) [158]. В 1819 г. Геништа познакомился с М. П. Погодиным, и вскоре между ними установились теплые дружеские отношения. Впервые они встретились в селе Знаменском, подмосковном имении Трубецких, где Геништа жил в качестве учителя музыки; к Трубецким же приглашен был Погодин — в качестве преподавателя истории и словесности; в Знаменском Погодин проводил каждое лето и позже в период своей университетской жизни. Совместная жизнь укрепила дружбу Гениште и Погодина. Они вели между собою беседы и споры о музыке, литературе, истории и современности, и это общение, несомненно, благоприятно отозвалось на них обоих; дружба их продолжалась и в более поздние годы [159].

Почти в то же время Геништа встретился также с Д. В. Веневитиновым. В 20-х годах Геништа давал уроки музыки сестре поэта — С. В. Веневитиновой, и о Гениште постоянно идет речь в их переписке; в одном из писем Веневитинова к сестре (написанном в августе — сентябре 1824 г.) есть, между прочим, следующая фраза: «Дамы просят вас прислать им все, что можете достать из романсов Гениште»; здесь же он просит передать привет их автору [160]. К середине 20-х годов Геништа действительно не только пользовался славой прекрасного преподавателя музыки, но являлся уже довольно известным композитором, автором романсов и оркестровых произведений.

Клермонт познакомилась с Геништой у Посниковых. Он был сочинителем музыки к комедии Гамбса «Экспромт в Ислявском», о чем говорится в дневнике Клер («Мы пели музыку Гениште к «Экспромту в Ислявском»,— гласит запись, сделанная ею 21 мая/2 июня 1825 г.) [161]. Через две недели (3/15 июня) в дождливый, ветреный день за Геништой даже послали Гамбса в Москву, но тот встретил его на дороге и, очевидно, доставил в Ислявское. В дневнике 4 (16) июня записано, что по случаю плохой погоды все сидели дома и развлекались музыкой: «Сначала все мы пели с г. Геништой, а затем он играл ⟨...⟩ После чая я играла «Di tanti palpiti» вместе с Геништой [162], а затем он один сел за фортепьяно и играл весь вечер — он импровизировал, а потом исполнял ряд собственных сочинений, среди них написанный им экосез, в котором изображается, как муж его сестры бранит ее, а она отвечает. Это — божественный музыкант и первый, кто нравится мне как мужчина. Кажется, целый мир музыки дышит и говорит, возникая из фортепьяно; душа его ⟨музыканта⟩ составлена из гармонии и пламени, природы и искусства. Воображение, электрическое туше, глубоко захватывающие мелодии и сладкозвучный аккомпанемент, множащийся в почти бесконечном разнообразии, — все сливается в мягкой гармонии. Мы без-

молвно упивались его музыкой. Сама тишина была рада растаять в таких волшебных чудных звуках».

Клермонт здесь же описала внешность музыканта, игра которого произвела на нее столь сильное впечатление: «Его облик очень своеобразен — черты его лица, волосы, цвет кожи похожи на женские; у него открытый лоб и нежная улыбка, тихий приятный голос; чувствительность, сквозящая в каждой фибре его существа, делает его по-настоящему привлекательным» [163]. Клер не могла забыть этой музыки и ночью, оставшись одна в своей комнате, она все еще чувствовала на себе власть этих звуков, порождавших в ней возвышенные мысли и чувства.

В дневниках Клер Гениште посвящено много записей. Она с полным удовлетворением отмечает, что между ним и Гамбсом установилась искренняя дружба; она тщательно фиксирует каждый приход Гениште к Посниковым, в особенности с тех пор, как он начал давать ей уроки игры на фортепиано [164]; Клер постоянно упоминает об его сочинениях, старых и новых, с которыми он ее знакомил. Нельзя не указать, что среди них называются многие произведения Гениште, о которых до сих пор ничего не было известно его биографам и музыковедам.

Так, в дневнике 1825 г. (20 октября/1 ноября) есть следующая запись: «Гениште пришел и дал мне первый урок Затем он играл и пел молитву собственного сочинения на слова г. Веневитинова» (a prayer of his own composition, the words by Mr. Vinivitinoff) [165]. Между тем, такой романс на слова Веневитинова среди композиций Гениште не значится. По-видимому, это было музыкальное претворение известного лирического шедевра Веневитинова, озаглавленного поэтом «Моя молитва», полного сурового самоотречения и призывов к нравственному и творческому подвигу:

Души неведомый хранитель,
Услышь моление мое!
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым...

В заключительных стихах поэт обращался к своему гению-хранителю с мольбой защитить его от всех искушений и направить на трудный путь творческих исканий:

Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям;
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей...[166]

Это романтическое стихотворение Веневитинова, несомненно, отвечало музыкальному творческому складу Гениште, и, насколько мы можем судить, созданный им романс должен был занимать не последнее место среди его прочих вокальных композиций; поэтому приходится искренне сожалеть, что он утрачен. Свидетельство Клер, что она слышала его исполнение еще в конце 1825 г., представляет интерес и с другой стороны: стихотворение «Моя молитва» впервые было напечатано в январской книжке «Московского вестника» за 1827 г., и создание его исследователи Веневитинова обычно относят к 1826 г. [167]; в настоящее время эту датировку придется изменить и считать, что оно написано не позже предшествующего 1825 г., если именно этот, а не какой-либо другой текст Веневитинова с тем же заглавием был положен на музыку Геништой уже в 1825 г. Добавим, что имя Веневитинова не случайно занесено было в дневник Клер; она, несомненно, заинтересовалась этим произведением и спрашивала у Гениште, чей стихотворный текст положил он в основу своего романса; кроме того, от того же Гениште она могла знать и о самом поэте: о дружбе его с Веневитиновым речь у нас уже шла выше; остается добавить, что Клер Клермонт свидетельствует о знакомстве с Вене-

витиновым Германна Гамбса! Запись дневника Клер (22 октября/3 ноября) гласит: «М-р Гамбс провел вечер у Веневитинова» [168].

Из более поздней отметки того же дневника (4/16 декабря 1825 г.) явствует, что однажды, после урока, Гениште играл Клер «похоронный марш, сочиненный им на смерть сына князя Хованского (Prince Cavansky's son), а затем *Ring des Polycrates*, *die Grösse der Welt*, *die Würde der Frauen* и некоторые другие произведения Шиллера, которые были положены им на музыку». Этот шиллеровский романсный цикл в русской музыкальной библиографии также неизвестен; не исключена, однако, возможность, что он был издан за границей, тем более, что музыка Гениште была написана на подлинные немецкие тексты: русские переводы этих баллад появились позднее [169]. В дневнике Клер (15/27 декабря 1825 г.) еще раз упомянуты романсы Гениште на тексты Шиллера «Поликратов перстень» и «Водолаз» («Der Taucher»), по-видимому, относящиеся к тому же циклу. Эти романсы, несомненно, очень интересовали Клер: как раз около этого времени она сама прилежно изучала тексты шиллеровских баллад.

Одною из самых интересных, хотя и с трудом поддающихся расшифровке, записей дневника Клер о Гениште является та, которая датирована Клермонт 18 (30) декабря 1830 г. Здесь говорится: «Гениште пришел как обычно. Он играл «Водолаза» («Der Taucher»), Вариации, русскую элегию из Пушкина, Copack его же, Фингал и Мальвина — его собственного сочинения» [170]. Многое здесь для нас загадочно, и мы приводим поэтому также и оригинальный текст приведенной фразы во избежание недоразумений: «He played the Taucher, Variations, Russian elegy from Pushkine, the Copack by the same, Fingal and Malvina of his own Composing».

Как видно, речь идет здесь вновь о целом ряде музыкальных композиций Гениште, но большинство их опять нам незнакомо. Хорошо известно лишь одно из упомянутых здесь произведений Гениште — элегия Пушкина «Погасло дневное светило», но создание ее Геништой относят к 1826 г., а издана она была у нас впервые «не позднее 27 мая 1828 г.» с посвящением З. Волконской и с текстом на русском и немецком языках [171]. Основанием для датировки элегии 1826 годом служит указание Вяземского, что она впервые исполнена была в этом году: «Помнится и слышится еще, как она в присутствии Пушкина и в первый день знакомства с ним пропела элегию его, положенную на музыку Геништою:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман.

Пушкин был живо тронут этим обольщением тонкого и художественного кокетства» [172]. Обращение к дневнику Клермонт позволяет, однако, и на этот раз уточнить датировку: эта русская элегия Пушкина исполнена была Геништой для Клер уже 18 (30) декабря 1825 г. Между прочим, так как салон Волконской посещали и Гениште и Гамбс, то запись дневника Клер 25 ноября (7 декабря) 1825 г.: «Пришел Дольфини и приглашает меня пойти повидать княгиню Волконскую» [173]— может относиться только к Зинаиде Волконской; к сожалению, мы не знаем, удалось ли ей воспользоваться этим приглашением. Так как около того же времени Гениште прислал Клер в подарок (через Гамбса) все свои сочинения (вероятно, имевшиеся в печати), то она, очевидно, могла знать также его «Черкесскую песню» на слова Пушкина [174], а позже, может быть, и «Черную шаль» (недаром французский перевод этой «молдавской песни», как мы видели, сделан был Гамбсом) [175]. Но как истолковать указание на музыку Гениште к «Copack» того же Пушкина? Такого романса мы не знаем; что касается слова *Copack*, написанного латиницей, то оно может быть искажением русского слова «Козак», плохо написанного или неправильно прочитанного издателями дневника. Стихотворение Пушкина под заглавием «Казак» известно в печати с 1815 г., когда оно впервые появилось в четвертом номере журнала «Российский музеум»:

Раз, полуночной порою
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак...

«Фингал и Мальвина» также остается для нас неизвестным произведением Гениште, литературный текст которого еще не определен, а нотный — потерян. Оссиановское имя Фингал было очень известно в русской поэзии, но у нас нет данных, чтобы решить, какое стихотворение было положено на музыку Геништой. Что касается Мальвины, то это имя стало у нас популярно после романа М-me Коттень, где оно стояло в заглавии. Переводом стихотворного «романса» Коттень, вставленного в это произведение, является «песня» Жуковского, опубликованная в 1808 г. под заглавием «Мальвина»:

С тех пор как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет...

Известно у нас и еще более раннее анакреонтическое стихотворение Батюшкова «К Мальвине» (1805).

Из всех названных выше произведений, если они здесь правильно определены, особое значение имеет, конечно, романс-элегия на слова Пушкина «Погасло дневное светило...»

Знала ли Клер текст этого произведения (немецкий)? Сообщили ли ей, что эту элегию русские современники Пушкина всегда связывали с именем Байрона? В любом случае это знаменитое и одно из лучших вокальных произведений Гениште должно было производить сильное впечатление на Клермонт, в особенности в его собственном исполнении. Эта элегия, по словам историка русской фортепианной музыки, «более всего характеризует его как музыканта пушкинской и глинкинской поры. Элегия написана в 1826 году <!>, когда романсная литература и на Западе, за редкими исключениями, еще не знала такого смелого, широкого использования средств фортепиано. Гениште раньше многих других композиторов этой эпохи проникся величием замысла и приподнятостью настроения пушкинской «Элегии» и был профессионально подготовлен, чтобы достойно отобразить Пушкина в своей музыке. В этом романсе и гармоническая ткань фортепиано, и характер ряда инструментальных эпизодов (фортепиано соло), и уровень технической трудности аккомпанемента — все пронизано ощущением силы Гениште-пианиста. Уже первые такты интродукции (хроматические ходы аккордов — portamento) как бы «выдвигают» приоритет фортепианной партии <...> И в дальнейшем инструмент не столько сопровождает, сколько порой ведет за собой вокальную линию <...> С особенной яркостью запечатлевается основной образ «Элегии», заложенный в ее фортепианной партии. По пушкинскому тексту это картина природы («...На море синее вечерний пал туман. Шуми, шуми, послушное ветрило...»), но автор музыки, минуя изобразительность, вскрывает эмоциональный «подтекст» стихов, передает в звуках страстное душевное волнение, напряжение чувств. И только хроматизмы в первых двух тактах «Элегии» обращают мысль к мрачному ночному пейзажу...» [176] «На контрасте двух состояний — драматического и лирического — строит Гениште свой романс»,— пишет Е. А. Тынянова об этой элегии, текст которой «был навеян Пушкину прощальной песнью Чайльд Гарольда». «У Пушкина Элегия проникнута смутными романтическими исканиями, стремлением уйти в «Земли полуденной волшебные края». Этим стремлениям противополагаются горькие воспоминания о «туманной родине» и прошедшей молодости». На этом контрасте строится и музыкальная его интерпретация Гениште. «Его основной образ дан в рефрене, гордо и безнадежно звучащем: «Шуми, шуми, послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан». На основе пушкинской элегии Гениште строит музыкальную карти-

ну, разнообразную по характеру, с лирически напевными эпизодами, речитативами, с драматически-звучащими фортепианными интерлюдиями» [177]. Глинка не только оценил разнообразие красок фортепианной фактуры этого произведения Гениште, но, как известно, даже оркестровал «Элегию», и она неоднократно исполнялась певцами в сопровождении симфонического оркестра.

Клермонт почувствовала значительность музыки Гениште и его тонкое мастерство как пианиста. Прослушав в его артистическом исполнении несколько баллад шиллеровского романсного цикла, о котором говорилось выше, Клер отметила в своем дневнике «особенный характер его музыки, не похожей на нынешние композиции»; ей показалось, когда она его слушала, что чувства, вызываемые его музыкой, «плывут волнообразно от первой до последней ноты» и что гармонические модуляции (у нее в записи — «изменения» — «changes») совершаются спокойно и естественно. Музыка его «возвышает и облагораживает душу»; «Когда он кончил играть, все показалось тусклым, плоским, пустым». Пустым, молчащим, показался ей даже самый воздух, у которого была отнята ранее данная ему душа [178].

4. Клермонт и московские литераторы 1825—1826 годов.— Уроки английского языка К. К. Яниш и знакомство с будущим мужем поэтессы — Н. Ф. Павловым.— Клер Клермонт и семья Елагиных.— Клермонт и московские друзья Пушкина: И. Пущин, С. Соболевский, Ф. Матюшкин, П. Каверин.— Клермонт и Зинаида Волконская.— Клермонт и московские декабристы.— Клермонт и английская колония в Москве: Бакстер, Эванс и др.

Наступил сентябрь, а вместе с ним в Ислявском более отчетливыми стали признаки наступающей осени: погода испортилась, участились дожди, похолодало, быстро желтела листва. В доме Посниковых закончились шумные летние праздники, веселые прогулки по окрестностям, поездки в соседние имения. Позади были театральные развлечения, менее часто слышались музыка и пение. Постепенно редели и гости. Клер записала в дневнике (30 августа/11 сентября) новость, что расположенный поблизости полк, офицеры которого постоянно бывали у Посниковых, покидает их и возвращается на свои зимние квартиры [179]. Пришло в дом и несчастье.

Вскоре после дня своих именин маленькая Дуня (ее настоящее имя было София) сильно захворала. Весь дом был на ногах днем и ночью; из соседнего имения — Ильинского (графини Остерман) привозили к Дуне немца-доктора, но было уже поздно: у девочки обнаружилась скарлатина, осложненная воспалением легких, и она умерла. Клер подробно описывает в дневнике безутешное горе родителей, истерики матери, обряд похорон, отпевание в соседней сельской церкви... [180] Клермонт вспомнилось теперь и ее собственное прошлое — горькая утрата дочери Аллегры, все то, о чем она начала забывать в Ислявском, и она записала в дневнике: «Тысячи ран снова начали кровоточить в моем сердце» [181]. Однообразной чередой потянулись друг за другом пустые, тоскливые дни. Запись дневника 29 сентября (11 октября) 1825 г. свидетельствует, что в этот день все покинули Ислявское и возвратились в Москву [182].

Здесь понемногу городской быт семьи восстановился и жизнь пошла по старой колее, но для Клер прежняя относительная успокоенность была утрачена; с каждым днем ее тревога усиливалась, она все яснее чувствовала, что ее жизни у Посниковых приходит конец; после смерти Дуни в ней почти не нуждались; приходилось серьезно задуматься о будущем. В дневнике Клер за последние месяцы 1825 г. эта тревожная мысль — где и как жить дальше — становится господствующей и неотвратимой; может быть, поэтому страницы дневника заполняются снова бесконечными перечнями имен лиц, с которыми она встречалась и беседовала. Она давала уроки английского

языка и дома (пока жила еще у Посниковых) и во многих других домах в Москве, куда ходила пешком или ездила почти каждодневно; естественно, поэтому, что и людей, встречавшихся ей, становилось все больше, а со многими она встречалась или вела переписку с особой целью — присмотреться к ним, чтобы в результате получить устраивающий ее и выгодный ангажемент. Хотя ее звали в Вену [183] и более частыми стали письма к ней от старых друзей из-за границы, приходившие к ней по адресу музыкального магазина Ленгольда в Москве [184], но она еще не думала об отъезде из России.

Среди множества имен и фамилий, упомянутых на страницах дневника Клер этой поры, можно встретить немало интересных для нас лиц, как старых, так и новых: здесь и хозяева аристократических гостиных, и высшие чины московских властей, и литераторы, и представители московской английской колонии, и множество побывавших в это время в Москве иностранцев. Это — подробнейшая летопись московской жизни. Некоторые лица из названных ею для нас особенно приметны, и относящиеся к ним записи приобретают исторический интерес.

Осенние и зимние месяцы 1825 г. Москва жила суетливо, но полнокровно, Клер читала немецкие газеты и свежие английские журналы, была в курсе всех европейских политических новостей, оживленно обсуждавшихся и во многих домах, где ей приходилось бывать.

7 (19) ноября 1825 г. Клермонт отметила — в этот день утром она дала первый урок у доктора Карла Яниша, живущего в доме Померанцевой (Pomeransevoi Doma) у Сухаревой башни (Zuchari Bashnik); она обучала английскому языку единственную дочь доктора Каролину Карловну [185], будущую поэтессу, в то время еще 18-летнюю девушку (она родилась 10 июля 1807 г.). В салон Зинаиды Волконской Каролина Карловна попала через живших в том же доме у Сухаревой башни — Елагиных; в салоне Елагиных в 1825 г. она впервые выступала с чтением своих стихов. Отметим, кстати, что той же зимой Клермонт познакомилась также с Н. Ф. Павловым, будущим мужем Каролины Карловны, писателем, правда, только что начавшим печататься [186]. Николай Филиппович Павлов (1803—1864), которого Клермонт несколько раз встречала за обедом у Посниковых, появлялся там не случайно: родом из «дворовых людей», отпущенный на волю (в 1811 г.), он был отдан в театральное училище, где на него обратил внимание Кокошкин. Тот же Кокошкин, принимавший самое близкое участие в судьбе юноши-Павлова, выхлопотал ему в начале 1822 г. увольнение от театральной службы и помог определиться в Московский университет; известно, что Павлов окончил университет в 1825 г. и что на последнем курсе он усиленно занимался английским языком с преподавателем университета Томасом Эвансом, после смерти которого он напечатал в «Москвитянине» посвященную ему весьма прочувствованную некрологическую статью [187]. В 1825 г., по окончании университета, Павлов поступил на службу в Московский надворный суд [188].

Однажды Клер видела в доме Посниковых престарелого Ивана Ивановича Дмитриева, друга Карамзина и поэта, представителя сентиментализма в русской поэзии. Он жил в Москве на покое, отдалившись от государственных дел, но, как и раньше, очень интересовался литературой, с любопытством приглядываясь к возраставшему на его глазах молодому поколению русских литераторов. Как видно из сохранившейся части дневника Клермонт 1826 года, она знала также и знаменитый «дом Дмитриева» (Dmitrieff's home), так как поселилась в то время неподалеку от него на Тверском бульваре, в доме кн. Голицыной [189].

Не один раз встречалась она также с И. И. Пущиным, одним из ближайших и любимейших друзей Пушкина с лицейских времен. В декабре 1823 г. Пущин занял скромное место судьи в 1 уголовном департаменте Московского надворного суда. В январе 1825 г. Пущин навестил Пушкина в Михайловском (воспоминанию об этом посещении Пушкин посвятил стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный...», 1826) и, возвратившись

в Москву, писал в Михайловское: «Опять я в Москве, любезнейший Пушкин, действую снова в суде <...> Много знакомых твоих и любопытных о тебе расспрашивают. Я по возможности удовлетворяю их любопытству. Между прочим, И. И. Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского <...> Мой адрес: у Спаса на Песках близ Арбата в доме графини Толстой» [190]. Пушкин был хорошо осведомлен о служебной деятельности своего друга в должности судьи по уголовным делам и знал также, что эта должность в дворянских кругах той поры считалась чуть ли не унизительной; поэтому Пушкин писал, обращаясь к нему:

Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

«19 октября» <1825 г.> (Черновые строки)

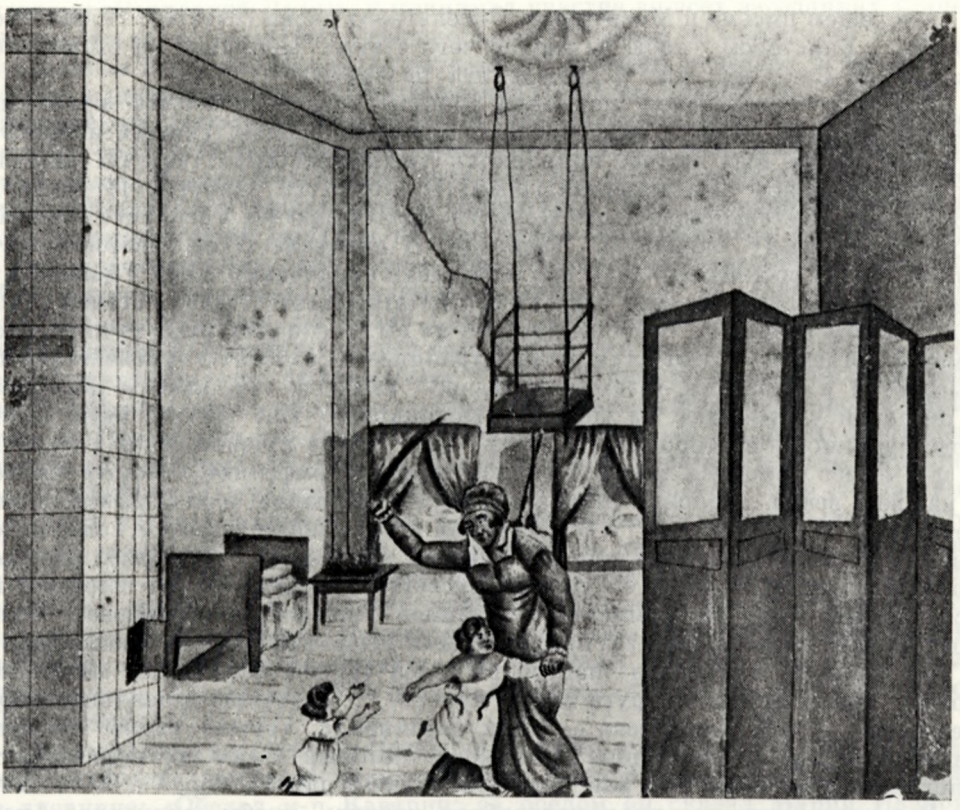
Но поэт едва ли знал, что в это же время Пущин занят был в Москве ответственной конспиративной деятельностью: «Верховная Дума» будущих декабристов поручила ему восстановить московскую управу Общества и руководить ею.

Частые посещения Пущиным семьи Посниковых, быть может, объяснялись служебными отношениями Пущина-судьи и обер-прокурора, сенатора Захара Николаевича Посникова; однако, постоянно обедая или ужиная в его доме, Пущин, несомненно, встречал здесь своих единомышленников или добрых друзей и знакомых. Между прочим, наряду с его именем в записях Клермонт несколько раз (в разных вариантах транскрипций) встречается имя Пушкина; первый раз в записи дневника 18 (30) мая 1825 г. (Москва): «Обедали Кокошкины (The Kokoschkine's), м-р Пушкин (Mr. Pouchkine) и M-me Симонова, красивая актриса-мимистка из Тамбова (M-me Simonoff la jolie mimandeuse de Tamboff)» [191]. Издательница дневника справедливо отметила, что речь в данном случае не могла идти о поэте Александре Пушкине, «так как он находился в это время в Михайловском», но, добавим от себя, не исключена возможность, что имелся в виду дядя поэта, Василий Львович Пушкин, живший в то время в Москве и близко знавший многих гостей дома Посниковых [192]. Что касается Александра Сергеевича Пушкина, то, как мы уже отмечали выше, Клермонт, несомненно, хорошо знала его по имени и, вероятно, слышала о нем от его близких друзей. Кроме уже упомянутых имен, назовем еще С. А. Соболевского (1803—1870); как свидетельствует запись дневника Клер 20 ноября (2 декабря) 1825 г., она виделась с Соболевским в этот день за обедом у Посниковых [193] и, по-видимому, не один раз. Известно, что Соболевский, сблизившийся с Пушкиным еще в Петербурге и вместе с братом поэта, Львом Сергеевичем, готовивший к печати «Руслана и Людмилу», пять лет спустя, т. е. в 1825 г., к которому относится «пятый» дневник Клермонт, не прекращал сношений с Пушкиным, являясь в это время одним из посредников между поэтом и начавшим выходить журналом Н. А. Полевого — «Московский телеграф» [194]. Личное сближение и почти ежедневное общение Соболевского с Пушкиным относится к сентябрю 1826 г., когда поэт находился в Москве и именно через Соболевского установилась его связь с группой будущего «Московского вестника»; в 1827 г. на Соболевского поступил донос как на человека, принадлежащего к «либеральной шайке» «любомудров», желающего увлечь Пушкина за границу [195]. Клермонт жила в Москве все эти годы; с утратой ее дневника за то время мы, может быть, лишились также ее свидетельств о встречах с Соболевским; нам, однако, следует подчеркнуть, для последующего изложения, близкую связь Соболевского с «любомудрами» и редакцией «Московского вестника»; едва ли подлежит сомнению, что благодаря этому он знал многое о Клермонт. Известно также, что 18 октября 1828 г. Соболевский уехал за границу [196], через несколько месяцев после того, как уехала Клермонт вместе с семьей Кайсаровых и Н. М. Рожалиным.

Запись дневника Клер 9 (21) декабря 1825 г. гласит: «Провела вечер с Бакстером и Алексеем. Беседовала с ним об английской литературе, об «Истории Москвы» Лайелла, о «Дневнике путешествий по северной Азии» Матюшкина» [197]. Это интересное свидетельство нуждается в пояснениях. Шотландец Бакстер, многократно упоминаемый в ее дневнике,— довольно примечательное лицо великобританской колонии в Москве: он был воспитателем Алексея Киреева, отца Ольги Алексеевны Киреевой (впоследствии вышедшей замуж за Новикова), вплоть до того времени, как Киреев поступил в Лейпцигский университет. В дальнейшем Бакстер, возвратившись на родину, сделал большую карьеру: он был избран членом палаты общин от города Данди (Dundee) и занимал ответственный пост при Гладстоне, в первый раз ставшем английским премьер-министром [198]. Книга, о которой Клермонт вела беседу с Бакстером, это «Русские нравы, или Подробная история Москвы» Роберта Лайелла (Robert L y a l l. The character of the Russians, and a Detailed History of Moscow. London, 1823); что касается второго сочинения, которое обсуждалось в тот же вечер, издательница дневников Клер могла сообщить лишь неточные сведения: правильно определив, что речь здесь идет о Федоре Федоровиче Матюшкине (1799—1872), она могла лишь указать на очень позднее издание его путешествий во французском переводе кн. Эмманюэля Голицына, вышедшее в Париже в 1843 г. («Le Nord de la Sibérie, voyage parmi les peuplades de la Russie asiatique et dans la mer glaciale, trad. par le prince Emmanuel Galitzine»), между тем об этом сочинении велась беседа в Москве в декабре 1825 г.! Кстати, та же издательница дневников Клер ничего не знала о Матюшкине — близком друге и лицейском товарище Пушкина — и спутала его с другим Федором Федоровичем, часто упоминаемым в дневнике, под которым следует разуметь Ф. Ф. Кокошкина; из-за этого она ошибочно предположила, что Клер была лично знакома с Матюшкиным, виделась у Посниковых с ним и с его дочерью, которой у Матюшкина не было: речь шла о дочери Кокошкина [199]. Необходимо, следовательно, указать, какой печатный текст «Путешествий» Матюшкина здесь имеется в виду.

В московском альманахе «Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, изд. кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером», в первой части 1824 года, было напечатано «Извлечение из письма к Е. А. Э». (т. е. к Е. А. Энгельгардту) с подписью Ф. М. (т. е. Федор Матюшкин). Это отрывок из частного письма Матюшкина к бывшему директору Царскосельского лицея, написанного им во время путешествия по Северной Сибири, из урочища Плотбище (от 6 августа 1821 г.). Он был помещен Энгельгардтом в «Мнемозине» благодаря содействию его ученика и сотоварища Матюшкина по Лицею В. К. Кюхельбекера. Это не единственное письмо, полученное Энгельгардтом от «Матюшки» из Сибири, и он сумел оценить этнографическое и историко-географическое значение посланий своего бывшего воспитанника. В отрывке письма, опубликованного в «Мнемозине», идет речь о чукчах и омоках, о песнях и поэтических произведениях, какие они слагают и исполняют; приводятся также их образцы [200]. Несколько лет спустя сам Энгельгардт издал письма Матюшкина в собственном немецком переводе [201], но вопрос о том, как поступить с рукописью своего «путевого дневника», Матюшкин, по-видимому, поставил перед Энгельгардтом много раньше; в ответном письме 12 марта 1824 г. из Москвы (где он жил в это время) Энгельгардт писал: «Журнал Матюшкина есть собственность правительства, устроившего экспедицию. Из сего следует: Матюшкин не может им располагать, как собственностью своею частною, а должен представить оный правительству или тому начальству, которое послало его и которому он обязан отдать отчет в исполнении возложенного на него дела <...> После сего Матюшкин, с ведома начальства, может из частных своих записок составить отдельное описание своего путешествия и продать оное, как собственность свою, но не прежде. Вот мое мнение по чувству моему...» [202]

Из письма, посланного Энгельгардтом Матюшкину 25 марта 1824 г.,



ИНТЕРЬЕР ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. ДЕТСКАЯ
Акварель
Исторический музей, Москва

явствует, что в Москве в это время уже нашелся претендент на покупку права на перевод рукописи матюшкинского «Журнала» и что им был именно тот самый Бакстер, близкий знакомый Клермонт, с которым она беседовала относительно дневников путешествия Матюшкина по Северной Азии; на эти дневники Бакстеру мог указать тот же Пущин, вскоре после того как относящийся к ним отрывок увидел свет в «Мнемозине». Энгельгардт пишет Матюшкину: «Не жалей, брат, о том, что в настоящую минуту, может быть, теряешь, не отдавая своего журнала, во-первых,— оно как-нибудь наведется тебе, а во-вторых,— es ist doch gar zu gut, wenn man seine Pflicht gethan hat ⟨хорошо уже то, что удалось исполнить свой долг⟩. Впрочем, для будущего, так как тебе Mr. Baxter очень хорошо знаком, то я бы советовал тебе учинить следующее: пусть Mr. Baxter напишет к тебе письмо, в котором скажет, что, наслышась много о вашем путешествии и уверен будучи, что в Англии принимают в оном живейшее участие, он желает доставить своим соотечественникам подробное и достоверное об оном известие и потому предлагает тебе уступить ему твои записки о сем путешествии для перевода, предлагая тебе 20 т⟨ысяч⟩ рублей за оные. Возьми у него это письмо и пришли мне вместе с копиею с твоего на оное ответа, в коем скажешь ты, что записки твои не можешь ты отдавать без дозволения правительства, по приказанию коего сделана вся экспедиция и которое, если употребит оные, не оставит тебя без возмездия и пр. Пришли мне это все сюда; оно пригодится; я уже буду знать, где и как и кому о том говорить и показывать. Послушайся меня, Матюшко, истребуй письмо у англичанина, право, к делу будет...» В постскриптуме к письму напоминание: «А аглинское письмо прошу достать» [203].

В следующем письме к Матюшкину Энгельгардт снова советует: «Развяжись только с Бакстером, чтобы не вышло чего с ним». Получено ли было такое письмо от Бакстера, мы, к сожалению, не знаем.

Вскоре в повседневной спокойной хронике московского быта, какою является дневник Клер, в однообразных перечнях обедов, ужинов и присутствовавших на них гостей, появляются тревожные ноты, как бы раскаты приближающейся общественной грозы. В записи 29 ноября (11 декабря) 1825 г. засвидетельствован слух о смерти Александра I в Таганроге (в печатном тексте всюду ошибочно: Taganroj). В дневнике Клер говорится, что утром в этот воскресный день она навестила англичанку мисс Тривин, а к ней в это время зашла еще одна их соотечественница — мисс Готтмен (Gottman), чтобы сообщить новость: «Знаете ли вы,— сказала она, что император умер в Таганроге?» Этот слух распространился по Москве с чудодейственной быстротой и, «конечно,— замечает Клер,— каждого эта новость повергала в печаль и удивление». За обедом у Посниковых, как обычно, было много родственников и посторонних; «в семь часов вечера пришла M-me Раевская, а м-р Гамбс вернулся домой в сопровождении Армфельда, который провел у нас весь вечер. Говорили только о смерти императора, и слышались только сетования об его утрате» [204]. В последнем утверждении, впрочем, содержится явное преувеличение: речь шла в тот вечер, несомненно, и о приближенных покойного императора, и о будущем русского государства; это явствует из оставленной Клер без комментариев записи анекдота об Аракчееве, непосредственно следовавшей за приведенными выше словами об Александре I: «Граф Аракчеев написал на надгробии своей убитой любовницы: «Здесь покоится моя подруга, супруга моего кучера» [205]. Историю всесильного временщика — графа Аракчеева — Клер, несомненно, хорошо знала, так как слышала о нем не раз в доме Посникова, который и сам мог порассказать многое об Аракчееве, так как знал его лично с давних пор.

В записи Клер позорная надгробная надпись, якобы сочиненная Аракчеевым для своей любовницы, Настасьи Федоровны Минкиной, звучит не только враждебно по отношению к самому Аракчееву, но тревожно для государства: в последние годы царствования Александра I Аракчеев, суровый, грубый и невежественный, достиг вершины своего могущества и стал в полном смысле слова подлинным правителем империи, в руки которого усталый и разочарованный Александр передал всю полноту своей власти. Вместе с нею росла, однако, крайняя непопулярность Аракчеева в самых широких кругах русского общества. Когда в имении Аракчеева, Грузине, была дворовыми убита Настасья Минкина (это произошло 10 сентября 1825 г.), Аракчеев пришел в ярость и с чрезвычайной жестокостью наказал своих крепостных: «Мщение Аракчеева убийцам его друга было беспощадно,— пишет в своих воспоминаниях А. К. Гриббе.— Целые реки крови пролиты были в память погибшей графской любовницы и в назидание дворовых и крестьян чуть ли не всей Новгородской губернии» [206]. До самой смерти Александра I (19 ноября 1825 г.) Аракчеев не возвратился к делам, ссылаясь на «тяжкое расстройство здоровья», а 20 декабря того же года последовало увольнение Аракчеева от заведования делами комитета министров. Отсюда становится понятным, почему анекдот об Аракчееве был занесен в дневник Клер 29 ноября (11 декабря) 1825 г.

Через день, в четверг 1 (13) декабря, там же отмечено: «Письмо от мадам Чернышевой из Таганрога с датой 13 ноября, но она не упоминает о болезни императора» [207]; на следующий день, 2 (14) декабря, Клер снова записывает: «Мария Ивановна ⟨Посникова⟩ получила письмо из Петербурга от своей сестры, в котором она сообщает, что покойный император оставил завещание, в котором объявляет, что его преемником будет его брат — Николай» [208]. Но это были пока только слухи, усиливавшие тревогу и общественное брожение в Москве. Клермонт, конечно, не знала, почему она никогда больше не могла увидеть Пущина: при первом известии о неожиданной смерти Александра I Пущин поспешил в Петербург, как было условлено между

членами «Верховной Думы», и принимал участие во всех заседаниях тайного общества, на которых было решено вывести войска на Сенатскую площадь: в дневнике Клер последняя ее встреча с Пущиным отмечена 5 декабря.

Но в доме Посниковых она встречала многих других лиц, которые, не стесняясь ее присутствием, позволяли себе более вольные, чем раньше, разговоры, сообщали политические новости и довольно резкие суждения о царской семье. В первой половине декабря 1825 г. в Москве еще плохо представляли себе, что происходит в Петербурге. Так, 29 ноября московский главнокомандующий получил письмо графа Милорадовича из Петербурга, в котором извещалось, что в северной столице принесена присяга верности Константину Павловичу [209], а по воспоминаниям А. И. Кошелева, «в первых числах декабря, по указу Сената, присягнули в Москве императору Константину Павловичу и целые *десять дней* все просьбы подавались на его имя и указы писались от его имени» [210]. Между тем, по словам того же Кошелева, в Москве долго не могли понять, что происходит в государстве: «Известия из Петербурга получались самые странные и одно другому противоречущие. То говорили, что там все спокойно и дела пошли обычным порядком, то рассказывали, что открыт огромный заговор, что 2-я армия (тогда армия состояла из двух отделов, один находился под начальством графа Остен-Сакена, а другой — графа Витгенштейна) не присягает, идет на Москву и тут хочет провозгласить конституцию. К этому прибавляли, что Ермолов также не присягает и с своими войсками идет с Кавказа на Москву. Эти слухи были так живы и положительны и казались так правдоподобными, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских» [211]. Нечто подобное происходило также в доме Посниковых.

В самый день восстания в Петербурге 14 (26) декабря 1825 г., когда Москва еще ничего не знала об этом событии, Клер сделала следующую запись в дневнике: «Обедал м-р Каверин; за обедом он сказал Марии Ивановне ⟨Посниковой⟩: «Что касается вас, вы любите крест, потому что двор — религиозен — все мы знаем, что когда Август (Augustus) пьянствовал, вся Польша стала пить. Все говорят, что Константин не хочет принять русскую корону, но намерен отказаться от своих прав» [212]. Это свидетельство интересно для нас прежде всего тем, что приведенные в нем слова о раболепии русского дворянства перед двором, несомненно, сказаны были Петром Павловичем Кавериным (1794—1855), приятелем Пушкина, постоянно бывавшим у Посниковых, с которыми он состоял в родстве; с ним и его младшей сестрою, Анной Павловной (1801—1854), нередко встречалась и беседовала Клермонт; летом того же 1825 г., вместе с Посниковыми, она даже ездила в имение Кавериных, расположенное неподалеку от Иславского.

Каверин подобно многим другим русским офицерам той поры, побывавшим за рубежом, проникнут был идеями свободы и стремлениями к конституциализму. Он был некогда студентом Геттингенского университета и привез с собою из Германии «вольнолюбивые мечты», что вполне подтверждается его записной тетрадью, куда занесены им весьма характерные в этом смысле цитаты на немецком, французском и русском языках. Среди последних в этой тетради Каверина выписаны все вольнолюбивые стихи Пушкина в том виде, в каком они ходили по рукам: «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! в Россию скачет ...», «Изыде сеятель...» и др., но «записи Каверина,— по свидетельству его биографа,— представляют особые интерес и важность, так как в большей части случаев он получал стихи непосредственно от Пушкина или списывал их с авторитетных копий, быть может, сообщаемых ему Вяземским» [213]. В числе стихотворений, списанных Кавериным, в его тетради находились также и все стихотворения, обращенные к нему Пушкиным, в том числе автограф пьесы «Забудь, любезный мой Каверин...» Известно, что Каверин знал не только русскую поэзию, но был также увлеченным читателем западноевропейских литератур, в частности, английской, и что он оплакивал неожиданную смерть Байрона [214].

Для нас остается не вполне ясной та фраза, которая была сказана им Посниковой и записана в дневнике Клермонт, но если под «Августом» он имел в виду Александра I, то в таком отождествлении нельзя не увидеть непосредственное воздействие на него известного иносказания того же Пушкина [215], а своего рода идеализация им Константина Павловича за отказ от российской императорской короны была данью тем настроениям, которые были распространены среди либерального офицерства.

В ближайшие за этим дни в доме Посниковых говорили только о престолонаследии и о петербургских событиях. В четверг 17 (29) декабря Клермонт записала в дневник, что вечером в этот день в Москве стал известен «указ (Ukase) Николая, объявляющий об отречении его брата и о том, что он сам вступает на престол», а в пятницу 18 (30) декабря запись Клер свидетельствует, что до Москвы уже дошли сведения о восстании на Сенатской площади: «Сенатор ⟨т. е. З. Н. Посников⟩ ходил сегодня присягать на верность Николаю. Пришли плохие вести из Петербурга, где солдаты оказали сильное противодействие занятию престола Николаем, и Милорадович был убит простым солдатом в то время, как он горячо призывал их к послушанию. Приехали граф Толстой и Головин (Galavine), они шептались между собой, а г-жа Посникова ⟨в печатном тексте: Mrs. Pomikoff!⟩ сказала, что Николай — это возвышающийся Нерон (a rising Nero)», и тут же, с обычной для нее непосредственностью, высказала, по свидетельству Клер, свою печаль и тревогу за будущее России и свою «решимость уехать в чужие края, чтобы обезопасить себя при появлении даже самых незначительных общественных волнений (public commotion)» [216]; при этом она рассказала семейный анекдот об Александре I, относящийся ко времени, когда он в первый раз приехал в Москву после провозглашения его императором [217].

Но тревоги в Москве не прекращались, и слухи, один фантастичнее другого, непрерывно усиливали опасения взволнованных горожан. 20 декабря 1825 г. (1 января 1826 г.) Клермонт записала одно из таких угрожающих известий, которое в тот день достигло дома Посниковых: «Некоторые утверждают, что в Польше вспыхнуло восстание, другие же говорят, что Витгенштейн ⟨у Клер написано ошибочно: Wittengstein⟩ со своей армией двинулся в Польшу, чтобы силою принудить Константина подняться на трон» [218]. На ту же страницу в дневнике записана короткая фраза, лишенная каких-либо объяснений или подробностей: «Произошли различные аресты»... Едва ли подлежит сомнению, что Клер могла бы рассказать об этом много больше, так как среди арестованных и отправленных в Петербург для допроса было немало ее знакомых, которых она постоянно встречала в московских дворянских гостиных.

Вот как рассказывает об этом в своих «Записках» А. И. Кошелев, бывший в то время одним из московских «архивных юношей»: «Вскоре начали в Москве, по ночам, хватать некоторых лиц и отправлять их в Петербург. Очень памятно мне арестование внучатого моего брата и коротко мне знакомого Вас. Серг. Норова; лично при этом я находился, и это событие меня очень поразило ⟨...⟩ Этот увоз произвел на мать ужасное действие — она словно рехнулась. Он произвел и на нас всех сильное впечатление. Вскоре, также ночью, увезли в Петербург Нарышкина, Фонвизина и многих других. Это навело всюду и на всех такой ужас, что почти всякий ожидал быть схваченным и отправленным в Петербург. Рассказы из Петербурга о том, кого там брали и сажали в крепость, как содержали и допрашивали арестованных и пр., еще более увеличивали всеобщую тревогу ⟨...⟩ Этих дней или, вернее сказать, этих месяцев (ибо такое положение продолжалось до назначения верховного суда, т. е., кажется, до апреля), кто их пережил, тот, конечно, никогда их не забудет. Мы, молодежь, менее страдали, чем волновались, и даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец. Эти события нас, между собою знакомых, чрезвычайно сблизили и, быть может, укрепили ту дружбу, которая связывала Веневитиновых, Одоевского, Киреевского, Рожалина, Титова, Шевырева и меня» [219].

Свой дневник 1825 г. Клермонт продолжала вести еще несколько дней, но сделанные в нем записи, в сравнении с прежними, лаконичны и малозначительны. При первом ознакомлении с ними складывается впечатление, что в доме Посниковых, где она продолжала жить, не произошло никаких перемен и все шло здесь своим чередом; на самом деле, однако, в давно устоявшемся быте, уже со времени смерти Дуни, появились первые трещины, и постоянно они все более расширялись. Клер по-прежнему давала уроки английского языка, и дома и на стороне, в других семьях, живших в разных концах Москвы; этих уроков становилось все больше, и ее часто не бывало дома; ее прежняя роль гувернантки стала в большей мере походить на роль компаньонки М. И. Посниковой. В свободные часы Клер читала, занималась музыкой, принимала гостей. В доме появлялись «обычные люди» (usual people) к обеду, к чаю или к ужину — знакомые нам Геништа, Армфельд, Кокошкины, Олсуфьевы [220]. В записи дневника 21 декабря (2 января 1826 г.) отмечено получение письма от графини Е. А. Зотовой, в котором она извещала о своем возвращении в Москву с обеими дочерьми и приглашала отобедать у них на другой день; по этому поводу Клер записала, что она будет счастлива снова увидеть Бетси (всегда являвшуюся ее любимицей). Встреча Клер с Зотовыми состоялась в назначенный час, к обеду собралось большое общество. Перечислив всех присутствующих, давно ей известных, Клер отметила: «Князь Павел Голицын (Paul Galitzine) явился в семь часов» [221]. Так как это лицо еще встретится нам ниже, поясним, что речь идет о Павле Алексеевиче Голицыне (1796—1864), женатом (с 29 апреля 1825 г.) на графине Наталье Николаевне Зотовой, присутствовавшей на этом обеде вместе с сестрой, Елизаветой Николаевной («Бетси»); о последней здесь же сказано, что она «также ожидает прибытие своего мужа», т. е. Александра Ивановича Чернышева, о неблаговидной роли которого в качестве члена следственной комиссии о декабристах уже говорилось выше [222]. Поэтому, может быть, короткая фраза дневника Клер: «О Петербурге не было сказано ни слова» приобретает зловещий колорит.

На последних страницах дневника встречаются также имена нескольких лиц, ранее в нем не упоминавшихся: это чиновники высоких разрядов, из судейского мира, с которыми Посникова могли связывать лишь деловые отношения. Среди гостей, с которыми Клер познакомилась, названы однажды: «Сенатор Дурасов (Dourassoff) и его брат» [223]. Речь идет, несомненно, о сенаторе Егоре Александровиче Дурасове (1781—1855) и его брате, Сергее Александровиче. Н. Макаров в написанной им портретной галерее «московских оригиналов десятых и двадцатых годов» довольно живо изобразил обоих братьев Дурасовых. «Сергей Александрович,— по его словам,— был честнейший, благороднейший и добрейший человек, умный, прямой, правдивый, нравственный и бескорыстный». Егор Александрович, напротив, был «скрытный, вкрадчивый и низкопоклонный», составляя «разительный контраст с братом Сергеем». Если Сергей Дурасов всю жизнь посвятил военной службе, то Егор служил «по гражданской части и, в начале бедный, как и его брат, женился потом на богатой и в описываемую нами эпоху был уж чуть ли не сенатором в Москве» [224]. Под стать Егору Дурасову был и другой чиновник с громким титулом, которого с Посниковым могли связывать лишь служебные дела. По записи дневника Клер (от среды 30 декабря 1825 г. ст. ст.), в этот день у Посниковых пил чай «Prince Jean Labanoff» [225], т. е. кн. Иван Александрович Лобанов-Ростовский (1799—1869), состоявший в то время обер-прокурором I отделения VI департамента Сената в чине действительного статского советника. В Москве он как раз в это время получил печальную известность. Женившись в 1824 г. на Елизавете Петровне Киндяковой (одна сестра которой, Мария Петровна, была замужем за С. Д. Полторацким, а другая, Екатерина Петровна, впоследствии в 1834 г. вышла замуж за приятеля Пушкина, Александра Николаевича Раевского), Лобанов-Ростовский уже в 1825 г. состоял с нею в фактическом разводе, узаконить который Елизавета Петровна смогла лишь

в 1828 г., добившись официального расторжения брака от Святейшего синода. В 1826 г. Вяземский предал гласности их ссору, написав стихотворение «Запретная роза», которое Полторацкий отнес Н. А. Полевому (напечатано в мартовской книжке «Московского телеграфа» 1826 г.). В этом стихотворении Вяземский называл Елизавету Петровну «московских роз царица и краса», иносказательно изображая ненавистного ей мужа в виде шмеля:

Тебя, цветок, коварством бескорыстным
Похитил шмель, пчеле и розе враг;
Он оскорбил лобзаньем ненавистным,
Он погубил весну надежд и благ...

и восклицал, что он ждет ее освободителя:

Счастлив, кто, сняв с цветка запрет враждебный
И возвратив ее пчеле любви,
Ей скажет: цвет прелестный! Цвет волшебный!
Познай весну и к счастью оживи!

И эпитет розы («запретная роза»), и все иносказание понравились читателям журнала, и не только тем, кто знал его семейную подоплеку; Пушкин, всецело посвященный в семейную тайну, упомянул «запретную розу» в стихотворении «Я видел вас, я их читал...» (1826), а Полевой в статье «Взгляд на русскую литературу 1825 и 1826 гг.» в «Московском телеграфе» 1827 г. уподобил «запретной розе» русскую литературу и писал, что «только рои пчел и шмелей высасывают мед из цветочка, который ни вянет, ни цветет, а остается так, в каком-то грустном состоянии...» По поводу этой статьи Булгарин написал донос в III Отделение на «Московский телеграф», усмотрев в пчелах и шмелях намеки на свою «Северную пчелу» и на самого себя [226]. Таким образом, эта семейная история получила в Москве широкую огласку и можно думать, что она стала известной и Клер, так как она вращалась в том кругу, где эту историю знали во всех подробностях. Кстати, в «шестом» (пропавшем) дневнике Клер есть такая запись 29 декабря 1826 г.: «Обедала у Лобановых. Князь был в отсутствии. Наша беседа за столом была очень забавной. Мы соглашались на том, что стоило бы устроить государство по турецкому образцу, но наоборот, где мужчины содержались бы взаперти в гаремах, откуда их брали бы женщины» [227] Остается неизвестным, догадывалась ли Е. П. Лобанова-Ростовская, дожидавшаяся официального развода со своим мужем, чтобы тотчас же вторично выйти замуж на лейб-гусара В. А. Пашкова (которого Вяземский в своем стихотворении уподобил «пчеле любви», украдкой глядящей на запретный цветок), что англичанка, с которой она обсуждала утопические проекты «мужских гаремов», имела непосредственное отношение к семье Годвина и Мери Уолстонкрафт, создательницы знаменитого трактата «Защита прав женщины»?

Едва ли случайно, что на последнем десятке страниц дневника Клер 1825 г. встречается особенно много фамилий ее соотечественников и соотечественниц, живших в то время в Москве: очевидно, Клер чаще общалась с ними, постепенно приобретая все бо́льшую независимость от своих прежних хозяев и находясь в тревожных и беспрестанных поисках нового места или частных уроков; вместе с тем, она укрепляла также свои связи с родиной, так как иные из московских англичан ездили в Англию и, возвращаясь в Москву, привозили к ней новости, письма и посылки от родных и знакомых. В дневнике Клер мелькали теперь их имена и фамилии: Mr. Baxter, Miss Hawker, Miss Gottman, Miss Says, Mr. и Mrs. Harvey (указан и адрес последних — in Bachmeetieff's House in Sdvijenka, т. е. в доме Бахметьева на Воздвиженке) и др.[228]; многократно упомянута Miss Trewin [229], позже невольно раскрывшая в Москве тайну прошлого Клермонт и этим повредившая ее репутации; однажды названа Madame Paris, обедавшая вместе с Клер

у Зотовых: это, очевидно, Miss Parish, англичанка-гувернантка, вероятно, приехавшая вместе с Зотовыми из Петербурга. Сохранились письма на английском языке, писанные к мисс Периш ее воспитанницей А. А. Воейковой (племянницей Жуковского, получившей в его жизни и поэзии прозвище Светланы); они писаны в 1827 г., когда больная Светлана хотела ехать за границу и звала мисс Периш вернуться к ней, чтобы ехать вместе; мисс Периш в это время жила в качестве гувернантки в Москве у бар. Черкасова [230].

На двух заключительных страницах этого дневника Клер записано несколько адресов (в том числе Мери Шелли и Джейн Вильямс, впрочем, из осторожности без их имен); здесь же находятся заметки для памяти о книгах и нотах, кулинарный рецепт, денежные расчеты. На этом дневник обрывается. Последняя запись датирована 2 (14) января 1826 г.

Наступил 1826 г. Для Клермонт он был полон тревог, забот, огорчений и перемен. Каждодневное писание дневника она забросила надолго. Сама Клер объясняла это тем, что такое писание стало для нее делом трудным и даже бесполезным: с утра до вечера занятая уроками, она чувствовала сильную усталость, когда бывала свободной от них, да и записывать будто бы было нечего, так как жизнь ее шла однообразно и небогата была событиями. В последнем, однако, следует усомниться: и в ее личной жизни, да и в общественной жизни Москвы, на этот год пришлось как раз много таких событий, которые резко изменили и ее положение, и привычный бытовой уклад, и даже самый ход русской истории.

Весною 1826 г. из Москвы уехал Германн Гамбс, доверенный друг Клер в течение целого года, сыгравший известную роль в ее жизни у Посниковых; помимо того, в семьях, где она теперь давала уроки, Клер, незаметно для себя, поднялась выше еще на одну ступеньку социальной лестницы, оказавшись преимущественно в более узком кругу московской титулованной знати. Здесь к ней относились с меньшей сердечностью, чем в патриархальном доме М. И. Посниковой, и порою бестактно подчеркивали ее подчиненное и зависимое положение. Но все же, если бы у нее под рукой была тетрадь дневника, записывать было о чем: встречи с новыми для нее людьми, среди которых было немало примечательных лиц, продолжались, а среди прежних московских знакомых, вероятно, оставались люди, которые в состоянии были сообщить ей, при случае, интересные и важные текущие новости.

Москва тяжело пережила приговор над декабристами, тюрьмы и ссылки, за которыми последовали добровольные отъезды в Сибирь жен декабристов — ссыльных и каторжан; среди выбывших из Москвы в это время, в связи с приговором Следственной комиссии, было немало, насколько мы можем предполагать, знакомых Клер; обо всех остальных она, несомненно, слышала многое. Поэтому приходится сожалеть, что до нас не дошло никаких письменных свидетельств самой Клермонт.

Кошелев, принадлежавший к тому кружку московских «любомудров» среди которых, как увидим ниже, оказались люди, вскоре ставшие новыми друзьями Клермонт (например, Н. М. Рожалин, П. В. Киреевский), так описывает московские настроения в интересующее нас время: «Слухи о предстоявших приговорах Верховного суда не переставали волновать Москву; но никто не ожидал смертной казни лиц, признанных главными виновниками возмущения. Во все царствование Александра I не было ни одной смертной казни. С легкой руки Николая I, смертные казни вошли у нас как бы в обычай <...>. Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми,— нет возможности: словно каждый лишался своего отца или брата. Вслед за этим известием,— продолжает Кошелев,— пришло другое: о назначении дня коронования императора Николая Павловича. Его въезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы у иностранных послов и у некоторых московских вельможей,— все происходило под тяжким впечатлением совершившихся казней. Весьма многие оставались у себя в деревнях; и принимали участие в упомянутых торжествах только люди, к тому обязанные по службе. Император был чрезвычайно

мрачен; вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным» [231].

Весь 1826 год, с января по конец декабря, Клер не вела дневника. Напрашивается предположение, что одной из немаловажных причин этого, кроме тех, на которые она указала сама, была и присущая ей скрытность и увеличившаяся в этом году осторожность, боязнь доверять бумаге пришедшие в голову мысли или сделанные ею наблюдения. Лишь 21 декабря 1826 г. она сделала первую запись в новой заведенной ею дневниковой тетради. К сожалению, и этот источник остается известным для нас не вполне; как мы уже указывали выше, подлинная рукопись пропала в Вене в начале 1940-х годов и в настоящее время известна напечатанная дважды лишь неполная копия ее, сделанная человеком, не знавшим русского языка и не скрывавшим, что он копировал то, что лично ему представлялось наиболее интересным. Помимо этой копии, также обнимающей сравнительно небольшой период времени (с 21 декабря 1826 г. по 2 февраля 1827 г.), до нас дошли лишь разрозненные записи Клер на отдельных листках.

Свой новый дневник (шестой по счету и последний из сохранившихся) Клер начинает с записи, в которой говорится, что она прервала свой прежний дневник, так как была обременена работой (because I was overwhelmed with work): «Теперь я чувствую себя несколько спокойнее. Я живу у княгини Голицыной в доме Дмитриева напротив Страстного монастыря на Тверском бульваре. Князь и княгиня, Елена и Miss Harriet — все уехали в деревню (in the country). Поэтому я спокойна как птица, устроившаяся на ночлег» [232]. Однако Голицыны вернулись через несколько дней, к Рождеству. Следуют пропуски в копированном тексте; от записи 27 декабря, начало которой также в копии пропущено, сохранились лишь следующие строки: «Князь Александр и граф Ростопчин обедали. Мне это было очень неприятно. Последний превозносил Альбé ⟨Байрона⟩ и ругал нашего дорогого Шелли (our dearest Shelley). Я не могла стерпеть это и защищала его. Среди прочего он сказал, что этот образец великодушия ⟨Байрон⟩ назначил пенсию вдове Шелли. О, боже, какая ложь распространяется в мире! Все они отправились в оперу» [233].

Эта интересная запись нуждается в пояснениях. «Князь Александр» — это один из трех братьев Голицыных, о которых идет речь в дневнике Клер,— Александр Алексеевич Голицын (1798—1854), офицер Кавалергардского полка, лихой и бесшабашный, оставшийся холостяком до конца жизни, которую он закончил в качестве предводителя дворянства Гжатского уезда Смоленской губернии. Как видно из дневника Клер, она питала к нему явную антипатию и отзывалась с полным пренебрежением. Кроме него, на ближайших страницах дневника упоминаются также его братья — старший Петр Алексеевич Голицын (1792—1842), гвардии ротмистр в отставке (с 1819 г.), и уже не раз названный выше Павел Алексеевич Голицын (1796—1864), женатый на Наталье Николаевне Зотовой, с 12 декабря 1819 г. имевший звание камер-юнкера [234]. Другим участником беседы за обедом у Голицыных о Байроне и Шелли был граф Андрей Федорович Ростопчин (1813—1892), сын знаменитого генерал-губернатора Москвы в 1812 г. Ростопчин, своей хулой Шелли вызвавший особенное негодование Клер, был впоследствии известен своей библиофильской страстью, но главным образом тем, что он женился на Евдокии Петровне, урожденной Сушковой, ставшей известной поэтессой. В 30-е годы она много раз брала эпиграфами для своих произведений цитаты из Байрона в подлиннике, а однажды для той же цели воспользовалась строками из стихотворения Шелли «Осень» («Autumn. A Dirge»). Мы не знаем, к сожалению, что отвечала Клер Андрею Ростопчину, ругавшему Шелли и не догадывавшемуся, что она близко знала покойного поэта; однако свидетельство ее дневника о происшедшем споре интересно для нас тем, что оно подтверждает факт знакомства москвичей с Шелли-поэтом и его биографией еще в конце 1826 г., когда шел оскорбительный для его памяти спор.

Вскоре Клер убедилась, что о Шелли и Годвине в Москве знали гораздо больше, чем она предполагала. «У меня было мало знакомых среди англичан,— писала Клер о своей московской жизни 22 января 1827 г. в письме к Джейн Вильямс,— и я никогда не рассказывала им ничего о себе и обстоятельствах моей жизни и судьбы, но, наоборот, заботилась о том, чтобы казаться довольной и счастливой, как будто я никогда не знала и не видела другого общества во всю свою жизнь» [235]. Клер говорила правду, хотя явно преувеличила свое малое знакомство с московскими англичанами: она знала едва ли не всю английскую колонию, хотя, действительно, среди своих соотечественников она в то время не имела таких доверенных и преданных друзей, каким являлся Германн Гамбс, постоянно читавший с нею произведения Шелли, одно за другим.

И все же была у Клер приятельница, уже упоминавшаяся выше,— мисс Тривин (Trewin), которой она доверилась, когда та летом 1826 г. ездила в Англию. Клер вручила ей письмо на имя Джейн Вильямс, указав и ее адрес, и предполагая, что это имя не возбудит никаких подозрений. Случилось однако так, что мисс Тривин попала также в дом к Вильяму Годвину (из его дневника явствует, что мисс Тривин обедала у них 21 августа 1826 г.)[236]. Клер пишет: «Моя мать узнала про мисс Тривин и отыскала ее, причинив мне этим неисчислимый вред»; она выболтала гостье из Москвы все, что могла рассказать об отношениях ее дочери к Байрону, Шелли, его семье и к семье своего мужа Годвина. Мисс Тривин вернулась в Москву «полная сведений о моей истории (full of my story), и хотя она дружески ко мне расположена, но есть другие люди, готовые меня оскорбить и уже повредившие мне»[237]. Так оно и оказалось в действительности.

Очевидно, пребывание в доме Голицыных тяготило Клер; однажды она описала безрадостную своим однообразием и тяжелым подневольным трудом жизнь гувернантки в этой несимпатичной для нее семье и подумывала о том, как бы ей сменить местожительство. Среди московских семейств, давно добивавшихся заполучить Клер в качестве гувернантки, была семья П. С. Кайсарова. M-me Кайсарова упомянута Клер в предшествующем дневнике (в записи 22 октября/3 ноября 1825 г.); это было через месяц после смерти Дуни Посниковой. Узнав об этом, Кайсарова (M-me Kaisaroff!) обратилась к Клер с предложением переехать к ним от Посниковых и стать гувернанткой ее единственной дочери — Наташи. Клер ответила тогда отказом [238]. В начале 1827 г. настояния Кайсаровых возобновились: запись дневника Клер 6 января этого года гласит: «Мы обедали у Кайсаровых. Здесь были также м-р Бакстер, Алексей ⟨Киреев, его воспитанник⟩ и кн. Петр Голицын»; записи последующих дней отмечают почти каждодневное посещение Кайсаровых («Завтрак у Кайсаровых», «Завтрак с Наташей», и т. д.); из записи 28 января того же года явствует, что в этот день она давала уроки «у Кайсаровых, затем у Посниковых»; таким образом, ее регулярные занятия с Наташей Кайсаровой начались, хотя она жила у Голицыных. К этому времени над нею и стряслась беда.

Вот как об этом рассказала сама Клер в том же письме к Джейн Вильямс: «Здесь живет профессор университета, человек довольно талантливый (of good deal of talent), находившийся в тесной связи с Локартом, зятем В. Скотта, и всей той компанией; он относится ко мне вполне дружелюбно, потому что, как он говорит с полным основанием (very truly), я здесь ⟨в Москве⟩ являюсь единственным человеком, помимо него самого, который знает, как надо говорить по-английски. Он придерживается очень строгих принципов (most rigid principles) и достиг того возраста, когда уже бесполезно стараться изменить их; однако я старалась не затрагивать их, поскольку он был чрезвычайно полезен мне и своими советами и своей защитой благодаря тому, что с мнением его очень считаются (by protecting me with the weight of his high approbation). Можешь представить себе ужас этого человека, когда он узнал, кто я такая, что очаровательная мисс Клермонт, образец здравомыслия, образованности и хорошего вкуса, воспитана и выросла в логове воль-

нодумцев. Вижу, что я представляю для него настоящую головоломку и что он никак не может себе объяснить, как я могу быть столь обворожительной (so extremely delightful) и столь внушающей отвращение (so detestable). Упорство его неприязни ослабевает, что не помешало ему устроить мне серьезную неприятность». Из дальнейшего содержания этого письма выясняется, что открытие профессора (видимо, сделанное им с помощью упомянутой выше мисс Тривин) оказалось для Клер тем более ощутимым, что оно совпало с переговорами, которые она вела с Кайсаровыми: «Этой зимой я должна была начать воспитание единственной дочери в очень богатой семье, где этот профессор господствует деспотически, потому что любой незначительный спор он решает какой-нибудь непонятной цитатой или ссылкой на латинского или греческого автора. Я крайне интересуюсь этим ребенком,— говорил он обычно,— и полагаю, что никто не может ей дать такого воспитания, какое ей следовало бы получить, кроме мисс Клермонт. Мать и отец ⟨девочки⟩ бегали за мною два года, чтобы убедить меня поступить к ним, как только ребенок немного подрастет. Я согласилась, а теперь все это внезапно прервалось, поскольку совесть профессора не позволяет ему дать на это разрешение. Бог знает,— говорит он,— какие еще годвинианские принципы (Godwinish principles) может она внушить! Отсюда ты можешь представить себе, как все это меня мучит, особенно из-за неопределенности моего положения, потому что я не знаю, как далеко все это пойдет». Эту откровенную исповедь без вины виноватой женщины Клер заключала фразой, свидетельствовавшей, что она была встревожена не на шутку: «Если это только начало, то чем все это может кончиться?» [239].

Клер опасалась, по-видимому, что с ней повторится нечто подобное тому, что ей пришлось пережить в 1823 г. после приезда в Вену из «карбонарской» Италии. Но тогда обвинения, предъявленные ей и ее брату венской полицией, носили сугубо политический характер, теперь же обвинитель-соотечественник разоблачал ее родственные связи с вольнодумцами и сомневался в том, сможет ли она, воспитанная в традициях семьи Годвина и Мери Уолстонкрафт, воспитать в других, старозаветных традициях порученную, ее попечительству молодую русскую девушку? Нравственные принципы, которые можно было в ней заподозрить, были, конечно, не наказуемые, но ее педагогический авторитет безусловно ставился под сомнение; в результате ей могли отказать в выгодном ангажементе, который устраивал ее гораздо больше, чем фешенебельный, но враждебный ей дом Голицыных. Возможно, что в рассказанной Клер истории она кое-что утаила от своей адресатки: вероятно, ужас старого профессора вызвал не столько Вильям Годвин,— в это время уже далеко отошедший от анархических идей своей юности и писавший романы, лишенные прежнего сильного и вдохновенного социального протеста,— сколько история близости Клер с Байроном и Шелли, которая могла стать известной благодаря сплетне, пущенной в оборот болтушкой мисс Тривин по возвращении ее из Англии в Москву в 1827 г.

Отсюда естественно возникают несколько вопросов, требующих ответа. Было бы немаловажно узнать, о каком арбитре, с мнением которого так считались Кайсаровы, шла речь в цитированном письме и, с другой стороны, каких последствий опасалась Клер от неожиданного открытия, какое сделал этот не названный ею англичанин — профессор Московского университета. Постараемся ответить на оба эти вопроса.

Исходя из того, что Клер в письме к Джейн Вильямс трижды именует его профессором университета, притом человеком преклонных лет, наиболее правдоподобным кажется мне предположение, что она имела в виду Томаса Эванса (Thomas Evans, 1785—1849), московского англичанина, долго здесь жившего, воспитавшего не одно поколение москвичей и здесь умершего. Краткое жизнеописание Эванса помещено в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета», кроме того, боль-

шую и весьма ценную некрологическую статью об Эвансе в 1849 г. напечатал учившийся у него в университете Н. Ф. Павлов [240]; мы уже упоминали о ней выше, когда цитировали дневники Клер о встречах с Павловым у Посниковых в 1825 г. Томас Эванс, или Фома Яковлевич,— как его называли в России,— по словам биографа, «родился в Англии в 1785 году от родителей благородного, но небогатого состояния. Он обучался в училищах при соборе города Глочестера древним языкам, богословию и историческим наукам. Он приехал из Англии в Россию в 1804 или 1805 году и с того времени был учителем английского языка в Москве. В 1809 году, октября 8-го, по предложению бывшего попечителя, графа А. К. Разумовского, Эванс вступил в университет лектором английского языка и английской словесности и занимал эту кафедру до 1826 года, когда по прошению был уволен, а в 1827 году отправился в чужие края с двумя молодыми русскими дворянами, весьма образованными, при которых, в доме их родителей, три или четыре года он был наставником» [241].

Эти сухие, но точные сведения, заимствованные из послужного списка Эванса в делах Московского университета, без труда могут быть дополнены многочисленными данными о нем, рассеянными в мемуарах и переписке начала XIX в. Когда разразилась война 1812 года и войска Наполеона, взяв Смоленск, угрожали Москве, из нее началось повальное бегство. В сентябре и октябре 1812 г. вся богатая и литературная Москва устремилась в Нижний Новгород, в котором беглецов скапливалось все больше и больше. «Город мал и весь наводнен Москвою»,— писал отцу К. Н. Батюшков 27 октября 1812 г., отправившийся туда вместе с Е. Ф. и И. М. Муравьевыми-Апостолами. В том же месяце Батюшков писал Н. И. Гнедичу: «Мы живем теперь в трех комнатах, мы — то есть Катерина Федоровна с тремя детьми, Иван Матвеевич ⟨Муравьев-Апостол⟩, П. М. Дружинин, англичанин Евенс, которого мы спасли от французов, две иностранки ⟨гувернантки⟩, я грешный, да шесть собак» [242]. «Люди состоятельные, несмотря на недостаток в квартирах, устраивались кое-как; у Архаровых, например, и здесь собралась вся Москва, особенно пострадавшие, терпевшие нужду, а В. Л. Пушкин жил в избе, ходил по морозу без шубы и нуждался в рубле» [243]. Батюшков и близкий ему круг московских литераторов составили ту среду, в которой Эванс вращался в Нижнем в суровые военные годы. С семьей Муравьевых Эванс связан был и позже, как видно из писем того же Батюшкова (13 июня и 12 июля 1818 г.) к Е. Ф. Муравьевой [244]. Д. Н. Свербеев вспоминает об Эвансе как о лекторе Московского университета и говорит о больших успехах его на педагогическом поприще [245]. Воспитанниками Эванса в Москве считались кн. В. А. Черкасский [246], сделавший впоследствии блистательную дипломатическую и военную карьеру кн. А. И. Барятинский [247]; учил Эванс также сына Орловых (Михаила Федоровича и Екатерины Николаевны). Карандашный портрет Эванса сохранялся в альбоме Орловых, бывшем на пушкинской выставке [248]; П. Я. Чаадаев очень ценил Эванса как собеседника и писал Н. Д. Шаховской: «Недавно Эванс обедал со мной вдвоем, и мне было так хорошо, что я обещал пойти с ним к Орловой, трогательное приглашение которой он мне передал» [249]. «Московские старожилы помнят, вероятно, англичанина Фому Яковлевича Эванса, который прожил лет сорок в России и оставил в ней много друзей. Наше общество любило и уважало его. Он находился, между прочим, в приятельских отношениях с Грибоедовым»,— пишет о нем Новосильцева, рассказывая тут же «с его слов» малоправдоподобный анекдот о том, как задумана была комедия «Горе от ума» [250]. Е. П. Толстая (урожд. Долгорукова), мать декабриста Василия Сергеевича, по словам ее старшего внука Ю. В. Толстого, «искала удовольствия единственно в ученой беседе» с различными московскими учеными, и среди «любимейших ее собеседников» был тот же «ученый англичанин Эванс» [251].

Характеризуя Эванса как преподавателя Московского университета, его биограф писал, что «Эванс объяснял слушателям своим избранные места

из сочинений Попа, Мильтона, Грея, Шекспира, предлагал краткое обозрение английской словесности и упражнял практически. Необыкновенно приятное произношение стихов и эстетический вкус при разборе писателей были отличительными чертами его преподавания» [252]. Названный круг английских писателей, которых он объяснял своим слушателям, свидетельствует, что его вкусы всецело отвечали классическим традициям XVIII в. и что романтические влияния были ему совершенно чужды. Весьма сильно подкрепляют такое предположение воспоминания о нем Павлова, который пишет об Эвансе в своей статье 1849 г.: «Он был преподавателем английской литературы в Московском университете, членом Общества натуралистов в Москве и секретарем его. Из всего сказанного выше читатель давно уже понял, что в этой некрологии нельзя и не должно ожидать изложения, как развивался послужной список покойника. Замечательные люди в Европе ценили его знания. Он был коротко знаком с Гольбахом, Робертом Броуном, Линдли, Рейхенбахом, Бентамом и вел с ними переписку ⟨...⟩ Он собирал материалы для философской грамматики, но болезнь глаз, которою он начал рано страдать, помешала ему составить что-нибудь целое и издать в свет. Много мыслей, много статей, много филологических и других рассуждений, пропавших без явного следа, в беглых разговорах, обнародовал бы он на английской земле, в туманах своей родины; но мы, оказав ему радушное гостеприимство и, в лице знавших его, отдав ему полную справедливость, перенесли его в такую сферу, где, может быть, ослабела в нем жажда все напечатать и все сказать, что выработала душа и чего доискался ум. Только с знакомыми, друзьями, воспитанниками поделился он своими знаниями и представил им образец безукоризненной жизни, исполненной просвещенных занятий. В те лета, как уже у нас потухает внутренний жар и материализируется мысль, он еще крепко отстаивал свою незабвенную Англию. Горько было ему, когда вызывали перед ним из гроба тень Гастингса, когда указывали на Ирландию, на войну за опиум, на несчастных пролетариев. Если в защиту французов говорили: отчего же их язык, а не английский, сделался общим, то это приписывал он вечному торжеству безумия над разумом» [253].

В этом литературном портрете, довольно живо набросанном Павловым, многие черты Эванса, несомненно, совпадают с характеристикой, которую Клермонт дала в приведенном выше письме тому «профессору», от решения которого зависела ее судьба. Но, пожалуй, наиболее сильными аргументами в пользу догадки, что в обоих случаях речь идет об одном и том же лице, являются те строки статьи Павлова, в которых он дает оценку отношения Эванса к современной ему английской литературе. По словам Павлова, Эванс «долго не мог помириться с Байроном, которого вместе с разными критиками обвинял в безнравственности направления; но потом, доступный современным понятиям, был увлечен гениальным поэтом». Далее Павлов приводит еще один аналогичный пример: «Первый роман Диккенса: the Pickwick ⟨papers⟩ оскорбил в нем аристократическое чувство, свойственное каждому англичанину, и чувство литературного приличия, развившееся под влиянием пристойных романов Англии; но, наконец, и Диккенсу отдал он справедливость» [254]. Приведенных данных было бы, вероятно, достаточно для того, чтобы представить себе воочию тот «ужас», который овладел Эвансом, когда он узнал, из какого «логова» вольнодумцев и атеистов вышла Клер, которую он настойчиво рекомендовал семье Кайсаровых. Конечно, имена Годвина и Мери Уолстонкрафт были хорошо ему известны — они гремели в Англии тогда, когда Эванс собирался переселиться в Россию. Но если он долго обвинял в безнравственности Байрона и, воспитанный на английских «пристойных» романах, возмущен был «Записками Пиквикского клуба» Диккенса, то можно представить себе, что думал он о Шелли! Ко всему сказанному выше не лишним будет прибавить еще несколько фактов, проливающих дополнительный свет и на литературную позицию, которую Эванс занимал в 20-е годы, и на его тогдашние литературные занятия.

Известно, что Эванс не только состоял в Москве долголетним цензором английских книг, но что в начале 20-х годов он имел отношение к ежемесячному литературному журналу — «The English Literary Journal of Moscow», являясь его цензором. Свидетельство о том, что редактором-издателем этого периодического издания был именно Эванс, мы находим в журнале 1824 г., «Литературные листки», но это, вероятно, ошибка: в «Московском телеграфе» в краткой справке об этом журнале издателем его назван «Бякстер» — т. е. Бакстер [255]. Ныне московский английский журнал совершенно забыт, но для нашей цели он представляет особый интерес. Проспект этого предполагавшегося издания был выпущен в Москве отдельной брошюрой еще в конце 1822 г. [256] Судя по проспекту, одной из важнейших побудительных причин для основания в Москве этого журнала являлось, по словам его будущего редактора-издателя, наблюдавшееся в это время во всей Европе и особенно в России «явное внимание к английскому языку» (the marked attention now paid throughout Europe, but particularly in Russia, to the study of the language of England). Журнал был рассчитан на тех русских, читающих по-английски, кто, по условиям своей жизни в столицах и в провинциях, не был в состоянии непрерывно следить за всеми новинками текущей английской литературы: «Лица, уже знающие английский язык, и те, кто его изучают, удалившись на летнее время в свои имения, нередко находящиеся в отдалении от столиц, лишены средств упражняться в этом языке. Издатель надеется доставить им удовольствие, прибавляя параллельный французский перевод к английскому тексту». Впрочем, журнал вовсе не должен был играть роль своего рода развлекательного учебного пособия; задачи его ставились серьезнее и шире. «В настоящее время,— отмечал далее редактор-издатель будущего московского журнала,— существует, по меньшей мере, двадцать периодических изданий, выпускаемых в Англии, и весьма многие из них уважаются за дарования сотрудников, а иные даже признаются превосходными...»

Отделы художественной литературы, искусств и наук занимают в этих журналах центральное место, и хотя ряд помещаемых здесь статей имеют характер местный, они представляют также и общий интерес, благодаря тому положению, какое английская культура занимает в современной Европе; московский английский журнал «будет поэтому периодически представлять выборку из этих журналов — литературные произведения, критические статьи, обозрения состояния искусств и наук в Европе, биографические очерки видных писателей и художников, путешествия и т. д.» Издатель считает, что английская литература переживает в настоящее время один из самых блестящих периодов своего существования (one of the most brilliant epochs in the literary history of his country) и в числе ее наиболее выдающихся ныне живущих деятелей называет следующих писателей: В. Скотт, Вордсворт, Байрон, Кемпбелл, Кольридж, Саути (во французском параллельном тексте «Проспекта» прибавлен еще Роджерс) и Мур причислены уже к английским классическим писателям (who have already been enrolled by acclamation among her classical poets). При этом издатель московского «Английского литературного журнала» выражал сожаление, что в России получают распространение среди читателей переиздания произведений всех этих поэтов в английских подлинниках, неисправно напечатанные во Франции или в Германии. Хотя главной задачей задуманного журнала оставалось стремление начертить картину современных успехов литературы и искусств в Англии (to delineate the progress of literature and the arts in England), но он ждал также поддержки от русских литераторов (from the ingenious Literati of Russia, whose patronage he solicits), предполагая систематически получать от них интересные сообщения по всем предметам, соответствующим программе задуманного им периодического издания [257].

Замысел «Английского литературного журнала» в Москве, который действительно мог укрепить союз британских и русских муз, к сожалению, не получил полного воплощения. Хотя этот журнал начал выходить с января

«МОСКОВСКИЙ АНГЛИЧАНИН» Т. ЭВАНС В СЕМЬЕ ОРЛОВЫХ
Рисунок из альбома Орловых
Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград

1823 г., но издание его продолжалось недолго. Сколько знаем, вышло лишь пять выпусков, после чего издание прекратилось. Тем не менее, в первых двух номерах, январском и февральском, напечатаны оригинальный биографический очерк о В. Скотте («Biographical Sketch of Sir Walter Scott») [258] и «Заметка о жизни и творениях лорда Байрона» [259]. Относительно биографии Скотта можно предположить, что именно эта статья могла дать Клермонт повод утверждать, что Эванс был знаком с зятем Скотта — Локартом.

Таков был человек, от которого зависело, по утверждению Клер, ее поступление на должность гувернантки в семью Кайсаровых. Другие московские англичане, с которыми она часто виделась, к характеристике, которую она дала своему «профессору», не подходят: Бакстер, неоднократно упоминавшийся выше шотландец-учитель, был тесно связан с семьей Киреевых и никогда не являлся лектором Московского университета [260]; Harvey или Эдвард Васильевич Гарвей (1797 — ум. после 1856 г.) [261] лишь в апреле 1828 г. стал лектором английского языка и словесности в Московском университете, т. е. тогда, когда Клер Клермонт уезжала из России; кроме того, это был человек другого поколения, почти на двадцать лет моложе Эванса; краткую историю английской литературы Гарвей в конце 20 — начале 30-х годов читал студентам «по своим запискам» и, по словам его биографа, объяснял «слушателям своим произведения английских стихотворцев настоящего времени» — среди них упомянуты, в первую очередь, Байрон («Абидосская невеста», «Шильонский узник», «Корсар»), поэмы В. Скотта и «Лалла Рук» Т. Мура [262]. Именно с этим Гарвеем, бывшим ее сверстником, Клермонт была в переписке еще в 1825 г. и тогда же виделась несколько раз; краткая запись ее дневника 19 ноября (1 декабря) 1825 г. свидетельствует, что Гарвей принес

ей «письмо от Джейн» (Вильямс?) [263]. Московский адрес Гарвея (на Воздвиженке) указан на последней странице дневника Клер. Очевидно, что Гарвей не мог быть тем московским профессором, о котором писала Клер той же Джейн, не называя его по имени.

Томас Эванс только раз упоминается в дневнике Клер, в записи 16 (28) ноября 1825 г. Здесь говорится о Боборыкиной (Madame Babarikine), которую она видела у кн. Урусовой (Princess Ouronsoff!). Дав весьма живописный портрет г-жи Боборыкиной, Клер отметила, что эта московская барыня «с восхищением» отзывалась о мистере Эвансе [264]. Эта запись стоит в связи с другими записями более раннего времени, в которых упомянуты те же лица: «написала мадам Кайсаровой отказ. Отнесла мое письмо княгине Урусовой» (22 октября / 3 ноября 1825 г.), или: «В 11 часов пошла вместе с Николаем ⟨Боборыкиным⟩ к княгине Урусовой, чтобы встретиться там с мадам Кайсаровой, которая настаивает на том, чтобы я переехала на жительство в ее дом» [265]. Таким образом, Эванс действительно связан был с тем же кругом московских дворянских семей второй половины 20-х годов, в которых вращалась Клер как учительница английского языка.

Чего же опасалась Клер? Каких последствий ждала она от приговора Эванса? Мог ли он, действительно, ославить ее как родственницу Годвина, приятельницу Шелли и Байрона, и на этом основании отказать ей в рекомендации для переезда в семейство Кайсаровых? Так как мы знаем, что этого не случилось, естественно предположить, что опасения Клер были сильно преувеличены. Частично это объяснялось тем, что имя Шелли не пользовалось у нас такой широкой популярностью, как имя Байрона. И все же знакомство у нас с поэзией Шелли нельзя отрицать, хотя его посмертная слава проявилась в России гораздо позже, чем известность Байрона, и не может быть с нею сравнима вообще [266].

Выше мы уже приводили выдержку из дневника Клер с ее рассказом о том споре, который возник в ее присутствии за обедом у Голицыных,— о Байроне и Шелли: Клер была возмущена тем, что А. Ростопчин превозносил Байрона и «ругал» Шелли. В этом споре нам интересно не то, что два английских поэта были противопоставлены друг другу, а то, что Шелли оказался известен Ростопчину в 1826 г., если тот стал предметом его обвинений. По-видимому, этот случай не был исключительным. Сошлемся здесь на письмо 1824 г. из Рима молодого дипломата Д. И. Долгорукова, в котором он призывал ехать в Италию и, между прочим, писал: «Ступите на почву Авзонии ⟨...⟩ Придите, чтобы на месте проверить точность вашей памяти: вы сразу узнаете берега, с которых бросился в реку бесстрашный Шелли» [267]. Написать эти строки мог только человек, посвященный в биографию английского поэта итальянского периода его жизни. Хорошо знал о Шелли от многих его друзей — как уже было указано — живший во Флоренции молодой М. Д. Бутурлин [268].

Во второй половине 20-х годов имя Шелли можно было встретить на страницах «Московского вестника»; так, в 1827 г. в рецензии на роман Мери Шелли «Последний человек», принадлежавшей перу В. Ф. Одоевского, говорилось: «Сей роман приписывают мистрисс Шеллей, вдове поэта сего имени» [269]; в 1828 г. в том же журнале напечатан отзыв (написанный С. П. Шевыревым) о книге Ли Ханта (Leigh Hunt) «Лорд Байрон и некоторые его современники» (1828); критик также отмечал, что в этой книге «из прочих современников (кроме Байрона) занимательны биографии Кольриджа и Шелли» [270].

В 30-е годы упоминания Шелли в русской печати становятся более многочисленными; мы говорим об этом потому, что русские исследователи Шелли обычно указывают на более позднее время, когда будто бы первые русские отклики о нем и очерки его поэзии появились в русских изданиях. В «Энциклопедическом словаре» изд. А. Плюшара, в томе, вышедшем в 1834 г., в статье «Байрон» говорилось: «Лучший друг его Шеллей утонул, захваченный бурей во время морской прогулки» [271]; в том же году в русском переводе «Исповеди» Де Квинси можно было прочесть не только цитату из «рассуждения Шелли о старости», но даже строки из его поэмы, названной здесь «Мятеж

Ислама» («The Revolt of Islam») [272]. Позже даже официозная газета «Северная пчела» сочла возможным поместить на своих страницах небольшую статью: «П. Б. Шелли. Воспоминания о лорде Байроне первого его друга» [273]. Стоит привести еще два более ранних примера, из которых явствует, что имя Шелли не было чуждо русским любителям английской литературы и цитировалось у нас с полным пониманием обстоятельств его жизни.

В 1835 г. в Москве вышла в свет книга Д. Вольфа (в переводе с немецкого): «Чтения о новейшей изящной словесности», переводчик ее (Н. Лавдовский) посвятил свой труд «словесному отделению» Московского университета. Книга эта обратила на себя внимание; экземпляр ее Пушкин поставил на полку своей библиотеки [274]. В «Чтении» XI несколько страниц автор посвятил Шелли. «Хочу указать на человека, превзошедшего гениальностью, высокостью и самобытностью всех этих благочестивых поэтов, но при всем том навлекшего на себя такую ненависть соотечественников, что они, и по смерти его, не воздают ему должной справедливости»,— говорит автор. Сначала Вольф кратко излагает биографию Шелли, без утайки сообщая о нем все, что трудно было бы видеть даже в русской печати: «Он ‹«Перси Бишше Шеллей»!› родился в 1793 году, учился в Оксфорде и там осмелился выдать в свет брошюрку под заглавием: «Об атеизме», навлекшую на него со всех сторон сильное гонение. Отверженный отцом своим, изгнанный из Оксфорда, он долго жил кое-где и кое-как в беспрерывной борьбе с судьбиною. Наконец, счастье ему улыбнулось: он сочетался вторым браком с одною умною и любезною соотечественницею и, в удалении от всего света, основал в Тоскане спокойное жилище, надеясь посвятить остаток своей жизни единственно образованию и развитию своего гения и мирному счастью домашнего быта. Но безжалостная и неумолимая смерть внезапно настигла его: на 29 году от роду (в июле 1822 г.), однажды прогуливаясь по Средиземному морю, он потонул. Байрон торжественно предал пламени тело своего друга и пепел его зарыл в Риме близ пирамиды Цестия».

Еще интереснее характеристика творческого наследия Шелли, которую Вольф дает далее; в ней обращают на себя внимание восторженные слова его признания и оценок отдельных произведений: «Шеллей обладал необыкновенными сведениями почти во всех отраслях человеческого знания и сверх того глубокою проницательностью и прекрасным вкусом; но колебание его духа между крайностями и борьба его философии с поэзиею о первенстве в произведениях этого поэта не допустили его дать своим творениям надлежащего совершенства, полноты и оконченности посредством внутреннего спокойствия. Самое пламенное чувство ко всему благородному и высокому кипело в его груди; атеизм его справедливее можно назвать пантеизмом,— он был непонят своими врагами, неправедно обруган и обвинен; но желание пустить в ход свои понятия и доставить им перевес увлекало его иногда слишком далеко ‹...› Из числа поэтических творений его почитаю самым лучшим элегию «Adonais» на смерть одного друга ‹эта элегия, как гласит ее подзаголовок, написана «на смерть Джона Китса» и опубликована в 1821 г.›, нить жизни коего, во цвете лет, безжалостно пресекли неумолимые Парки. Даже в мелкие свои стихотворения он не забывает вставлять эти отвлеченные умозрения, очень часто кажущиеся там простыми игрушками ума, как, например, в одной песенке, которую, по моему мнению, невозможно перевести на другой язык, не исказив мыслей...»

Характеристику поэзии Шелли Вольф завершает следующим рассуждением: «Если б несчастный Шеллей пожил подолее, то позднейшими своими творениями, умиротворившись и успокоившись от гонений суровой судьбы, он, без сомнения, восторжествовал бы над всеми своими противниками. Эту краткую характеристику Шеллея заключаю словами Байрона: «Шеллей имеет в своем сердце поэзии более, нежели кто-либо из смертных; и если бы он не столько погружался в мечтательный мистицизм, не замышлял воздвигать утопию и не осмеливался выдавать себя преобразователем, то его право — занять между поэтами высокое место — необходимо долженствовало бы

быть признано. Впрочем, не со многими поэтами было поступлено так позорно, как с ним» [275].

Приведем, наконец, еще один, последний, пример достаточной осведомленности русских литераторов в биографии Шелли в интересующие нас годы. В 1835 г. в Петербурге в русском переводе были изданы «Записки о лорде Байроне» Т. Медвина. Оригинал этой книги вышел в Лондоне в 1824 году («Conversations of Lord Byron»); в ней речь идет также о Шелли. В русском переводе в начале книги, при первом упоминании Шелли в примечании, сказано: «Шелли был двоюродный брат капитана Медвина, автора этих записок». Это добавление русского переводчика: в английском подлиннике книги этого разъяснения не имеется [276]. Правда, в этой книге целая страница посвящена дочери Байрона Аллегре и попутно говорится о ее матери, но имени Клер Клермонт не названо ни в оригинале, ни в русском переводе. Интересно, что Клер читала книгу Медвина в Москве в 1827 г. ожидая решения о своем переезде к Кайсаровым, и эта книга возбудила ее негодование за то, что в ней «бедный Шелли играет второстепенную роль» и что Байрону приписан «покровительственный тон» (patronizing tone) по отношению к этому его другу, а между тем, «Я вспоминаю,— записывает Клер в дневнике,— как ехидничал он ⟨Байрон⟩ над его ⟨Шелли⟩ талантом в Женеве и считал его чуть ли не дилетантом в поэзии» и т. д. [277] О Шелли снова говорится в дневнике (28 января 1827 г.): «Когда я уже лежала в постели, я много плакала, потому что мое сегодняшнее чтение вновь оживило образ Шелли в моей памяти. Как горько думать, насколько забыты его заслуги перед миром, как восхищаются этим притворщиком Байроном за его притворство...» [278]

Два дня спустя (30 января 1827 г.) она, несмотря на нездоровье, писала письмо Гамбсу, побывала у Кайсаровых [279]. Очевидно, окончательное решение о ее переезде к ним было принято, и они были любезны с ней. Переезд этот состоялся. Последняя страница дневника (сохранившаяся только в копии) имеет пропуск после даты: «пятница 2 февраля» (т. е. 1827 г. н. ст.). Заключительная запись проникнута глубокой, безысходной грустью. Клер начинает ее итальянской терциной:

Tu proverai si come sa di sale
Il pane altrui e come é duro calle
Lo scendere e'l salir per l'altrui scale... [280]

Это — цитата из «Божественной комедии» Данте («Рай, песнь XVII, ст. 58—60):

Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням...

Пер. М. Л. Лозинского

Далее Клер продолжала от себя, по-английски: «Как это верно! Когда я выписала эти слова несколько лет тому назад в моем флорентийском дневнике, я не могла думать, что их горечь заденет меня за живое [281]. Никто лучше меня не знает, что значит ежедневно подниматься по чужим ступеням и чувствовать с каждым шагом, что тебя ждет одинокая комната и лица, проникнутые странным равнодушием. Мир закрылся для меня в молчании. Прошло уже четыре года, которые я провела среди чужих. Голоса, которые звучали мне в юности, лица, которые окружали меня, теперь почти забыты, и невозможность вспомнить их усугубляет то, что я чувствую...» [282] Этими пессимистическими словами заканчиваются московские дневники Клермонт. К ним можно лишь прибавить еще случайно сохранившиеся два листка разрозненных записей ее, относящиеся к 1828—1830 годам.

5. Переезд Клермонт в семью Кайсаровых.— Отъезд Клермонт за границу с Кайсаровыми.— Характеристика Клермонт в письмах Н. М. Рожалина.— Клермонт и братья Киреевские

Отношения Клер Клермонт с семьей Кайсаровых долго не ладились, но в конце концов она все же вошла к ним в дом. Вскоре после того она вместе с ними совершила длительное путешествие за границу; со своей воспитанницей, Наталией, Клер сохраняла дружеские отношения в течение долгих последующих лет. Так как зарубежные комментаторы дневников Клер и переписки ее с современниками ничего не могли сказать о Кайсаровых и даже назвать их по именам [283], об этой семье стоит сказать несколько слов.

Глава семьи, в которой жила Клермонт,— Паисий Сергеевич Кайсаров (1783—1844) был младшим из четырех сыновей секунд-майора Сергея Андреевича Кайсарова, происходившего из ярославских помещиков среднего достатка: Петра Сергеевича (1777—1852), Михаила Сергеевича (1780—1825) и Андрея Сергеевича (1782—1813). Все братья получили хорошее образование и оставили заметные следы в истории русского просвещения на рубеже XVIII и XIX вв. Старший (как, впрочем, и все остальные братья) был питомцем знаменитого рассадника деятелей русской культуры — Московского университетского благородного пансиона и в молодости примкнул к группе литераторов, печатавшихся в журнале В. Подшивалова и П. Сохацкого «Приятное и полезное препровождение времени»: здесь напечатан ряд его сентиментально-меланхолических стихотворений, в том числе начало перевода поэмы Оссиана «Дартула», воспроизведенное в «Аонидах» Карамзина; Петру Сергеевичу принадлежит также ряд прозаических переводов, в частности, из Коцебу. П. С. Кайсаров занимал последовательно ряд видных должностей по Министерству внутренних дел и умер сенатором [284]. Брат его, Михаил Сергеевич, был воспитанником того же пансиона и в молодые годы также увлекался поэзией. Прекрасно владея иностранными языками, он занимался переводами: с итальянского (он был одним из первых в России переводчиков Петрарки), с немецкого (из «Lyrische Bluhmenlese» К. Рамлера) и с английского: в журнале «Иппокрена» была напечатана его «Песня, подражание старинной аглинской песне: You meaner beauties of the night»:

Светло месяц ночью светит,
Светел, зарок звезд собор;
Но как скоро Фебов взор
Землю мрачную осветит

В ту ж минуту лунный свет
Вместе с светом робких звезд
Потухает,
Исчезает... и т. д. [285]

Это свободная обработка сонета, написанного Генри Уоттоном (Sir Henry Wotton, 1569—1639) и обращенного к дочери короля Иакова I, принцессе Елисавете; английский оригинал был известен М. С. Кайсарову по сборнику Перси «Памятники древней английской поэзии» («Reliques of Ancient English Poetry», 1765). Позднее Михаил Сергеевич обратился к прозе; из его литературных трудов получил широкую известность напечатанный им первый русский перевод романа Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди в 6 частях» (1804—1806). Интересным событием его жизни было назначение его (в 1803) спутником ученого англичанина, Артура Юнга, в путешествии по некоторым южным губерниям России: «Они должны будут осматривать ⟨эти губернии⟩ по части экономической и камералистической»,— писал А. И. Тургенев 7 августа 1805 г., прибавляя: «но так как англичанин ничего кроме своего языка не знает, то рапорты будет писать Михайла» [286]. Следствием этой поездки явился известный труд М. С. Кайсарова о состоянии русской промышленности в начале XIX в. В двадцатых годах М. С. Кайсаров занимал крупные должности по Министерству финансов и умер в 1825 г., когда Клер уже жила в Москве и свела знакомство с семьей Паисия Сергеевича [287].

Андрей Сергеевич Кайсаров был еще более известен на поприще русской словесности, чем его старшие братья [288]. На тринадцатом году жизни он был

определен в Московский университет, но не мог его окончить, так как в 1796 г. «по высочайшему повелению» «все молодые российские дворяне приглашены были в действительную военную службу»; в 1799 г. он дослужился до звания штабс-капитана, но «будучи уверен, что гражданин, совершенно образованный и сведущий в науках, может принести отечеству истинную пользу», как свидетельствует его некролог, он оставил военную службу и «посвятил себя наукам». В 1802 г. Андрей Сергеевич, со своим близким другом А. И. Тургеневым, отправился за границу в Геттингенский университет, где учился «с отличным прилежанием». В ранние годы своей жизни Андрей Сергеевич, подобно братьям, занимался стихотворством (Жуковский в одном из своих писем говорит о дружбе, связывавшей Андрея Кайсарова с Мерзляковым и им самим), и современники видели в нем писателя, подававшего большие надежды. Учение в Геттингенском университете направило его интересы к серьезным научным областям. В Геттингене он напечатал свой «Опыт славянской мифологии» («Versuch einer slavischen Mythologie». Göttingen, 1804; русский перевод был издан в Москве в 1807 и 1810 гг.) и защитил докторскую диссертацию, опубликованную там же на латинском языке, об освобождении крестьян в России («Dissertatio inauguralis philosophico-politica de manumitteris per Russiam servis». Goettinguae, 1806). Затем Андрей Кайсаров, по словам того же некролога, «путешествовал по разным европейским землям, жил несколько времени в Эдинбурге и также получил в тамошнем университете докторское достоинство. Шотландский городок Дамфрис (Dumfries) почтил его правами гражданства» [289]. В 1810—1813 годах А. С. Кайсаров был профессором Дерптского университета, но 15 июня 1813 г. погиб геройской смертью, убитый при Бауцене в партизанском отряде своего брата Паисия Сергеевича, действовавшего в армии М. И. Кутузова в освободительной войне Германии против войск Наполеона. Ранняя смерть Кайсарова была оплакана его друзьями.

Из братьев Кайсаровых Паисий Сергеевич менее других связан был с литературой и деятельностью на журнальном поприще. Хотя и он, как его братья, первоначальное воспитание получил в том же Университетском пансионе, но, кажется, он не писал стихов и не почувствовал влечения к науке, и, в противоположность братьям, сменившим недолгую военную службу на гражданскую деятельность, он так и остался военным на всю жизнь, сделав удачную военную карьеру [290]. Долгое время Паисий Сергеевич являлся адъютантом Кутузова, пользовался его особым доверием и сопровождал его во всех кампаниях 1805, 1811 и 1812—1813 годов. Однако Паисия Сергеевича хорошо знали и нередко упоминали в своих письмах ближайшие друзья его братьев — те же А. И. Тургенев и Жуковский.

В молодости Паисий Сергеевич, по-видимому, был идейно близок к своим старшим братьям, так как получил умственную закалку в том же пансионе, что и они; кроме того он бывал за границей, хорошо знал европейские языки (усвоив также семейную традицию — склонность к английскому языку). Показателем его общественных настроений, до известной степени, может служить записка, составленная им в 1811 г., в которой он, в частности, обвинял русских дворян, «коих дети, пользуясь привилегиями, сопряженными с сим званием, передают из рода в род одно только закоренелое невежество и, не чувствуя надобности посвящать себя на пользу отечеству, проводят жизнь свою в тунеядстве и в вящем токмо отягощении крестьян, подпавших под иго их власти» [291]. Впрочем, в приведенных словах П. С. Кайсарова, вероятно, в большей мере сквозят настроения, общие для просвещенных кругов русского дворянства той поры, или воззрения, заимствованные им у его братьев, чем выработанные им самим.

Долгие годы военной службы вдали от семьи, в походной обстановке или в казармах не могли не привить характеру П. С. Кайсарова некоторые отрицательные черты: формализм, бездушие, тон, не терпящий возражений, известную ограниченность кругозора. Конечно, он не был грибоедовским Скалозубом, но ему далеко было до просвещенности его братьев, и ему, вероятно,

были присущи и увлечение военным мундиром, и своего рода философия военного чинопочитания, отрицательные черты, которые не без оснований усматривали в нем некоторые его современники из гражданской среды. В 1826 г. П. С. Кайсаров был назначен сенатором, в 1829—1831 гг. являлся начальником Главного штаба 1-й армии, командиром 3-го и 5-го пехотных корпусов; в 1831 г. он принимал участие в подавлении польского восстания; о действиях его в это время неоднократно упоминает в своем дневнике служивший тогда под его начальством приятель Пушкина — А. Н. Вульф [292]. В 1833 г. П. С. Кайсаров был произведен в генералы от инфантерии.

П. С. Кайсаров был женат на Варваре Яковлевне Ланской (1796—1875), приходившейся двоюродной сестрой графу (позднее князю) А. И. Чернышеву [293], военному министру с 1827 г., женатому на Е. Н. Зотовой, бывшей воспитаннице Клермонт, о чем уже выше шла речь. Таким образом, входя в семью Кайсаровых, Клермонт оставалась в том же кругу московских аристократических семейств, находившихся между собою в родстве, в котором она жила по необходимости и к которому относилась отрицательно. О Варваре Яковлевне сведений сохранилось немного; по отзывам лиц, близко ее знавших, она представляется женщиной капризной, очень заботившейся о своем здоровье и преувеличивавшей свои недуги, предпочитавшей жить за границей, где она и умерла в преклонных годах [294]. По-видимому, В. Я. Кайсарова не лишена была литературных интересов, но они все же отнюдь не являлись для нее особенно характерными. Мы знаем лишь, что, живя в 1833 г. в Неаполе, она выполнила для итальянского литератора Антонио Роккиджани, по его словам, «точный и изящный перевод французской прозой» поэмы Пушкина «Кавказский пленник», который Роккиджани переложил в итальянские стихи. Этот первый итальянский перевод «Кавказского пленника» был издан в Неаполе в 1834 г.; он посвящен В. Я. Кайсаровой и сохранился в библиотеке Пушкина [295].

У Кайсаровых была дочь Наташа, которой в 1828 г. исполнилось двенадцать лет. Единственный ребенок в семье, Наташа была девочкой избалованной, унаследовавшей многие черты матери и тем более трудно воспитуемой, что она много и тяжело болела с ранних лет. Родители постарались дать ей как можно более разностороннее и тщательное образование. Собираясь на продолжительное время увезти ее за границу для лечения, они пригласили ехать с собой не только англичанку-гувернантку (ею и была Клермонт), но также русского учителя, который должен был давать ей уроки латинского и русского языков; это был молодой ученый и литератор Николай Матвеевич Рожалин, письма которого бросают некоторый свет на довольно темные обстоятельства жизни Клермонт в конце 20-х годов. Правда, в бумагах Клер нашлось несколько разрозненных листков, относящихся к этому времени, и на одном из них находится довольно обширная характеристика, озаглавленная «Натали» (Natalie), из которой видно, как тяжело и трудно складывались первоначально взаимоотношения Клер с русской девочкой, которую ей надлежало воспитывать. «Она не пренебрегает никакой возможностью сказать мне что-нибудь такое, что, по ее предположению, будет мне особенно неприятно»,— пишет здесь Клер; «С глубоким сожалением я замечаю чрезмерную злобность в ее характере»; «Денно и нощно озабочена она, как бы мне досадить»; «она порицает все мои приготовления к путешествию» и т. д. [296] Большим и малым конфликтам между ними не предвиделось конца. Впоследствии, впрочем, отношения девочки и гувернантки значительно улучшились, а отношения гувернантки и родителей воспитанницы, напротив, непрерывно осложнялись; посредником между ними и являлся домашний учитель их дочери.

Николай Матвеевич Рожалин (1805—1834) был, несомненно, весьма примечательным лицом, оставившим след в истории русской культуры, хотя он умер совсем молодым человеком, только готовившимся к самостоятельной деятельности на поприще литературы и науки [297]. Среди своих друзей и знакомых он имел немало известных людей, которые многого ждали от него.

В 1824 г. Рожалин окончил Московский университет по словесному отделению со степенью кандидата; просвещенный и трудолюбивый, он мечтал о продолжении своего образования для получения профессорской кафедры, усиленно занимаясь древними языками, античным миром, философией и историей искусств. Одним из его ближайших друзей со студенческих лет был молодой поэт — Д. В. Веневитинов, посвятивший Рожалину два стихотворных послания, свидетельствующих, что между Веневитиновым и Рожалиным установились самые близкие доверительные отношения. В первом «Послании к Рожалину» (1824) Веневитинов, между прочим, писал:

Я проклял жребий и мечты...
Но издали манил мне ты,
Как брег призывный улыбался,
Тебя с восторгом я обнял,
Поверил снова наслажденьям,
И с хладной жизнью сочетал
Души горячей сновиденья [298].

Веневитинов познакомил Рожалина со многими своими друзьями, и таким образом тот стал одним из пяти лиц, составивших известный философский кружок (Общество любомудрия), в коем председателем был В. Ф. Одоевский, секретарем — Веневитинов, а членами, кроме Рожалина, И. В. Киреевский и Кошелев [299]. Когда в сентябре 1826 г. в Москву явился Пушкин, освобожденный из ссылки в Михайловское, он скоро познакомился и сошелся с семейством Веневитиновых и с кружком его друзей. На третий день после своего приезда в Москву Пушкин в доме у Веневитиновых читал «Бориса Годунова». Возможно, что с этого времени возникло и знакомство Пушкина с Рожалиным. Через месяц (12 октября 1826 г.) там же состоялось другое чтение «Бориса Годунова», описанное М. П. Погодиным [300], отметившим, в частности, мнение Пушкина о необходимости издания нового альманаха. Когда после многих переговоров и дебатов, наконец, состоялось решение издавать новый журнал «Московский вестник», то редактором его был избран Погодин, а помощником того — Рожалин, первоначально взваливший на себя все редакционные тяготы [301]. Сохранился листок с записью рукою Пушкина, представляющий собою либо список участников «Московского вестника», либо перечень лиц, которых следовало пригласить на какие-нибудь редакционные заседания. В этом перечне Пушкин поставил свое имя рядом с Рожалиным и действительно вступил с ним в переписку по вопросам своего сотрудничества в этом журнале [302]. Стоит отметить, что полицейские власти с крайним недоверием относились к редакции нового периодического органа: в тайной записке, составленной для А. Х. Бенкендорфа, Фон-Фок уведомлял о приезде в Петербург издателя «Московского вестника» Погодина и сообщал, кстати, что Погодин только числится издателем журнала, но что всем заправляют «Соболевский, Титов, Мальцев, Полторацкий, Шевырев, Рагозин ⟨это — искажение фамилии «Рожалин»⟩ и еще несколько истинно бешеных либералов» [303]. Однако в 1827 г. в особенности после неожиданной смерти Веневитинова (15 марта), которую он пережил очень тяжело, Рожалин оставил редакционные занятия «Московским вестником», считая, что спешная поденная работа журналиста наносит ощутительный вред его сосредоточенным научным занятиям [304].

В 1826—1827 гг., первоначально по инициативе Веневитинова, Рожалин начал давать уроки, а затем стал посещать салоны во многих аристократических домах, например, у Ив. Дм. Трубецкого, у З. А. Волконской. В особенности же полюбили его в доме племянницы Жуковского, матери братьев Киреевских, Авдотьи Петровны Киреевской, во втором браке — Елагиной, являвшемся одним из центров московской умственной жизни: здесь собиралось несколько поколений русских литераторов. А. П. Елагина называла Рожалина «сыном своего сердца» и принимала самое близкое участие в его судьбе. Муж Авдотьи Петровны, А. А. Елагин, издал в Москве в двух томах (1828—1829) в переводе Рожалина (но без его имени) «Страдания молодого Вертера» Гете, а сама Авдотья Петровна помогла Рожалину получить место

домашнего учителя у Кайсаровых и напутствовала его перед отъездом за границу. Еще за год перед тем Елагина писала Жуковскому о Рожалине: «Он знает хорошо по-немецки, по-французски, латыни, гречески, итальянски; перевел Гете — «Эгмонта» и «Вертера» два года тому назад, как только мог бы сам Гете, Heeren'a, как мог бы сам Геерен». Жуковский ей отвечал, повидавшись с Рожалиным: «Мне душевно жаль, что он был для меня минутным явлением. Он мне очень понравился. Мы побеседовали дружески, и я очень рад, что узнал его. Ваше приказание исполнено: я дал ему письма в Дрезден, Веймар и Берлин. Буду рад его возвращению и встречу его как старого знакомца» [305].

В недатированном прощальном письме к А. А. Елагину уже из Петербурга (оно, несомненно, относится к маю 1828 г.) Рожалин писал: «Пароход наш здесь, и завтра я уплываю далеко...» Посылая свои «последние слова с берега отечества», он продолжал: «Мне жаль оставить некоторых здешних, но я рад, что уезжаю отсюда: в Германии и Италии надеюсь найти больше тишины и больше мыслей в голове своей; с их запасом приеду к вам, вы им порадуетесь, и мы воротимся к нашим спорам о женщинах, о Гете, о назначении человеческом». В конце этого письма есть строки, представляющие для нас особый интерес. «Вы,— писал Рожалин, обращаясь к А. А. Елагину,— замечали во мне недостаток характера, излишнюю зависимость от женщин; но на этот раз не буду в зависимости ни от чего, хочу все время моего странствия быть одному как можно больше, и хотя в нашем обществе есть одна женщина (т. е. девушка), весьма любезная, с которой мне говорить весело, но не она меня учит и водит, а я ее. Итак, опасаться нечего» [306]. Это — первое дошедшее до нас известие Рожалина о Клермонт, правда, еще не названной по имени.

Был ли Рожалин знаком с Клермонт до того как они встретились в семье Кайсаровых? Это вполне возможно, хотя нет никаких данных, подтверждающих такое предположение. В дошедших до нас дневниках и письмах Клер имя Рожалина не встречается, из бумаг Рожалина сохранились лишь очень немногие; о Клермонт идет речь только в тех письмах его, которые писаны из-за границы. Между тем все, что говорилось у нас выше о московской жизни Клермонт, наводит на мысль, что и она, и Рожалин не могли не слышать друг о друге еще в 1826 г., так как они имели много общих знакомых: Геништа, живший в доме у Трубецких, близко связан был с Погодиным и давал уроки одновременно у Посниковых и у Веневитиновых, где жил Рожалин [307]; в приятельских отношениях с Веневитиновым находился Гамбс в тот период, когда жил у Посниковых и когда они появлялись у З. А. Волконской.

Во всяком случае, о том, как началось заграничное путешествие Кайсаровых весною 1828 г., мы знаем именно из писем Рожалина.

В письме к Елагиным из Теплица 17 августа 1828 г. Рожалин просит передать детям подробности о том, как он себя чувствовал во время переездов морем из Кронштадта в немецкую землю: «Скажите им, что я из корабля вышел в Травемюнде <...>, что наш корабль претерпел бурю, довольно сильную, что буря была ночью, что буря совсем не страшна на таком большом фрегате, но что во время ее спать мудрено, что с моей кровати меня выкинуло на пол, что все дамы и половина мужчин от сильной качки были больны, но что со мной не было ничего, ни болезни, никаких приключений. А пароход наш — фрегат трехмачтовый, называется «George IV», Captain Black. А помещается в нем, кроме экипажу, сто пассажиров, которые пользуются всеми удобствами, но должны довольствоваться английской кухней, т. е. жареным мясом, свининой по утру, в полдень, в 7 часов вечера и за ужином. Вина гадкие. В море мы были пять дней, и море я полюбил до безумия: охотно пущусь в Америку» [308].

Это — реляция «для детей», никогда не ступавших на морской корабль, приспособленная к их интересам и к их уровню понимания. Взрослым он писал нечто другое и сообщал о событиях более драматических, происшедших в Травемюнде тотчас же после того, как путешественники вступили на твердую землю. В письме Рожалина к Елагиной сообщено именно то, о чем он

ИНТЕРЬЕР ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА. ГОСТИНАЯ
Акварель
Исторический музей, Москва

умолчал в цитированном выше рассказе для детей. В этом письме Рожалин говорит, что по приезде на немецкий берег Кайсаровы, Клермонт и он сам прожили в Травемюнде три недели, а затем отправились дальше: «проехав Любек, Гамбург, Брауншвейг, Гальберштадт, Лейпциг, Мейсен, Дрезден, приехали в Теплиц» — маленький богемский курортный городок, принадлежавший в то время Австрии и знаменитый своими теплыми водами (от которого произошло и его название), привлекавшими множество путешественников [309]. «Я очень скучен,— писал Рожалин далее,— не от того, чтобы здесь было schwühl und dumpfig (знойно и дымно), нет (здесь лето несравненно холоднее, чем у нас в России), но от того, что и немцы несносны, а люди, с которыми я живу, еще несноснее. Это — несчастные эгоисты, с самыми мелкими страстями, скупы, скучны, капризны, подозрительны, и надобно много искусства, всей моей холодности, чтобы жить с ними в ладу. Я вам говорю теперь о чете Кайсаровых. Вышедши с корабля на немецкий берег, мы чуть было не разошлись направо и налево; вот каково общество, которое добрый Бакстер называл счастливейшим в Европе». «Причиною всего,— продолжает Рожалин,— была зависть, возбужденная преимуществом, которое мисс Клермонт, в силу английских прав своих, довольно явно оказывала мне, моему разговору перед ними и их беседою. Это их взорвало, и они поступили с ней не только неучтиво, но и нагло. Слава богу, что это случилось в Травемюнде, месте тихом, где не могло выйти сплетен. Я, как невинный виновник всего, хотел все и исправить, утишил справедливый гнев мисс Клермонт и дал ей благоразумный совет: презреть людей, недостойных ни одного подлинного чувства, думать больше о собственных своих выгодах и след〈овательно〉 помириться до лучших обстоятельств. Она мне верит много и приняла мой совет. Жаль, что вы ее не знаете; быть может, узнаете, со временем. Ежели она воротится в Москву прежде меня, прошу вас не оттолкнуть ее знакомства, в

память единственных приятных минут, которые я находил здесь в человеческом обществе и которыми обязан ей. Она очень желает узнать вас».

Далее идет тонкая характеристика Клермонт, свидетельствующая, что Рожалин отнесся к ней с присущими ему тактом и чуткостью и что в ответ на это Клер, вероятно, доверилась ему и довольно много и откровенно сообщила о своей предшествующей жизни. Рожалин так характеризовал свою спутницу по заграничному путешествию с Кайсаровыми: «Англичанка гордостью, постоянством, она итальянка живостью и горячностью: девушка редкая, замечательная своими качествами и судьбою. Не выводите никаких заключений из моих слов, а понимайте их au pied de la lettre ⟨буквально⟩: в ней я нашел то, чего не мог найти в девушках русских, просто друга, но больше ничего, и я объявил ей это» [310]. Из приведенной цитаты письма Рожалина к Елагиной следует, что она не была знакома с Клермонт по Москве, но что Рожалин потому и давал Авдотье Петровне пространную характеристику Клер, что надеялся на последующую встречу двух женщин, к которым чувствовал сердечную привязанность. Нельзя не привести здесь и последующих строк этого же письма Рожалина, из которых явствует, что на попечении его в Теплице, кроме Наташи Кайсаровой, находился также Алексей Киреев (уже ранее упомянуто было, что «доброго Бакстера» Рожалин знал в Москве). «Что вам сказать о прочих членах нашего общества?» — писал Рожалин Елагиной в том же письме (17 августа 1828 г.).— Ученица моя ⟨т. е. Наташа Кайсарова⟩ интересна, потому что несчастна, но боюсь, чтобы она не унаследовала холодности своей матери: жалкие мелочи с утра до вечера — вот зрелище, на котором воспитывается ее характер. Киреев обещал много, но весьма, весьма испорчен. Как бы я желал подарить в нем России малого дельного и с энтузиазмом! О последнем забочусь особенно, ибо от него-то все и зависит, и он-то у нас и в опасности. Уж две недели, как Кайсаровы уехали на воды Егерские; мы живем здесь одни, и это одиночество будет, вероятно, продолжаться еще неделю. Жаль, что оно нарушается князем Мещерским и двумя немками. Теплиц очень вял и скучен. Но мне до общей скуки нет дела: я беспрестанно занят, учусь по-английски, читаю бездну, и слава богу! К тому же природа Богемии прекрасна. Что за горы!» [311]

Кое-что в цитированном письме остается для нас неясным. По-видимому, Клер, несмотря на свою ссору с Кайсаровыми, все же сопровождала их в Теплиц вместе с Рожалиным; намеки на эту поездку есть и в том письме Клер к Мери Шелли (22 июля 1828 г.), которое остается неизданным и известно нам лишь по краткому его изложению [312]. Возможно, что это же подтверждает ссылка Рожалина на то, что он «учится по-английски», так как есть основания думать, что учительницей его была именно Клермонт. С другой стороны, она сама в это время деятельно готовилась к отъезду в Англию, чтобы встретиться там с братом Чарлзом и его семьей, собиравшимися приехать в Лондон из Вены; однако осуществить свою поездку в Лондон Клер удалось лишь позднее, когда она нашла себе спутницу для такого путешествия в лице некоей мисс Сильвестр (Miss Esperance Sylvestre), одной из гувернанток герцогини Саксен-Веймарской. Нам известна лишь дата приезда Клер в Лондон — 16 октября 1828 г. [313]

В Англии Клер пробыла около года. Мы мало знаем о ее жизни в этот период. Несомненно, что она обновила все свои родственные и дружеские связи, живя на квартире у своего отчима Годвина и общаясь, в частности, с давней подругой Джейн Вильямс, носившей теперь другую фамилию — Джейн Хогг и являвшейся матерью маленькой девочки по имени Пруденция [314]. Живя в Лондоне и задумываясь о своем будущем, Клермонт подумывала также, не заняться ли ей литературной деятельностью: пример Мери Шелли, писавшей романы и не гнушавшейся также журналистикой, казался ей соблазнительным, хотя она прекрасно понимала, каким неверным и обманчивым мог быть для нее заработок этого рода. Отрицательным примером мог служить ей ее отчим; Вильям Годвин был уже стар, но он все еще работал за письменным столом. Клер застала его в трудах над новым

романом, пятым по счету, «Клаудзли» (Cloudesley), который вышел в свет в следующем году (1830). Это был «исторический роман приключений», действие которого происходит в XVIII в., сосредоточиваясь то около Вены, то в России, то в Италии. «Клаудзли» не принадлежит к числу лучших произведений Годвина, давно уже пережившего свою славу; роман растянут, распадаясь на эпизоды, мало связанные друг с другом; Годвин писал его медленно и с трудом, не скрывая, что вдохновляется разнообразными источниками; часть этих источников он назвал сам в предисловии к роману; на другие указала последующая критика. В связи с этим стоит упомянуть, что Клер, приехавшая к нему из России, приняла деятельное участие в создании тех эпизодов «Клаудзли», которые происходят в Петербурге в начале XVIII в. [315]. Впрочем, Клер не была особенно сведущей в русской истории, и изображенные с ее помощью (или написанные ею самой) страницы, где идет речь о жителях русской столицы, так же мало отвечают исторической действительности, как и сицилийские разбойники в других главах этого романа — реальным жителям южной Италии.

Пробыв в Англии конец 1828-го и бóльшую часть 1829 года, Клермонт, по-видимому, удостоверилась, что ей не удастся отказаться от должности гувернантки и решилась вернуться к Кайсаровым. 18 сентября 1829 г. Клер приехала в Дрезден [316]. Рожалин был еще здесь. Весной и летом 1828 г., пока Клер находилась в отсутствии, Рожалин сопутствовал непоседливым Кайсаровым в их разъездах, а затем сам совершил несколько интересных поездок по Германии.

В письме к родным (из Дрездена, 15 апреля 1829 г.) Рожалин, рассказывая о себе, сообщал, что дела его принимают благоприятный оборот, в особенности после того, как, в связи с русско-турецкой войной, Кайсаров был отозван на родину. Рожалин писал: «Кайсаров вызван государем в Россию и назначен в начальники Главного штаба при первой армии. Он этому очень рад, жена его также, и, между нами будь сказано, я не меньше. Мы были с ним как нельзя лучше; но он человек с предрассудками старого века, с образом мыслей, желаниями, довольно противоположными характеру всех почти членов нашего маленького общества; а как на чужой стороне совершенное согласие между своими есть главное счастье, то я не много сожалею об отъезде Паисия Сергеевича: без него у нас все делается скорее и лучше. К концу апреля мы перебираемся в прекрасный загородный дом, а к концу мая поедем в Карлсбад на минеральные теплые воды; там пробудем шесть недель, потом воротимся в Дрезден также недель на шесть или на семь, и, наконец, отправимся в Неаполь на зиму. Вот все наши планы на будущий год; дай бог, чтобы ничто их не расстроило; пуще всего желаю успеха последнему замыслу Варвары Яковлевны, т. е. прозимовать в Неаполе» [317]. Изложенные здесь планы в значительной мере осуществились, хотя для капризной и взбалмошной супруги Паисия Сергеевича, в противоположность ему, характерно было как раз неожиданно отменять принятые решения.

В мае 1829 г. Рожалин ездил в Лейпциг для встречи с С. П. Шевыревым, состоявшим при единственном сыне З. А. Волконской, и вместе с ними проехал до Веймара. Хотя пребывание его в «немецких Афинах» было недолгим, «однако ж,— замечает сам Рожалин,— меня успели представить Гете». По отметке веймарского канцлера Мюллера 12 мая 1829 г., в этот день Гете посетили «княгиня Зинаида Волконская из Петербурга, гг. Шевырев и Рожалин, молодые поэты и литераторы из Москвы». О том, как происходил этот визит, имеются различные сведения; любопытно, в частности, что разговор его с Гете коснулся Байрона и что Гете расспрашивал Рожалина, переведен ли в России Байрон, «и кем и как» [318]. Эта беседа, вероятно, обновила в памяти Рожалина старые споры любомудров о превосходстве Гете над Байроном, которые он вел еще в Москве и которые получили свое отражение на страницах «Московского вестника» [319]. В мае — июне 1829 г., как это и предполагалось, Рожалин вместе с дочерью и матерью Кайсаровыми около месяца провел в Карлсбаде, где осуществилась другая его знаменательная встре-

ча — с Адамом Мицкевичем, которого он хорошо знал еще в Москве [320]. В Карлсбаде, однако, первоначальные планы Кайсаровой начали колебаться, о чем Рожалин писал Шевыреву в Италию: «Мы пробудем здесь ⟨в Карлсбаде⟩ четыре недели, потом еще месяц в Дрездене, а там — там неизвестность и отчаяние. Кайсаровой до смерти хочется к мужу, и она уже расположила все свои дела сообразно с этим намерением ⟨...⟩ Наташа Кайсарова оставляется на руках у доктора Каруса, мне же придется выбрать одну из двух крайностей: или ехать в Москву, или жить в Дрездене для Наташи, жить *самому по себе*, за тысячу рублей в год. Но, бог знает, дадут ли и столько. Во всяком случае, одно стоит другого. Существовать в Дрездене тысячью рублями весьма мудрено; роль латинского учителя, который остается в чужих краях для девочки, смешна. И что ж я выиграю? Одну зиму, а там опять ехать за Кайсаровыми туда же, т. е. в Россию. Вот ужас! Теперь у меня одна цель последняя — усовершенствоваться по части истории и древней литературы и быть в этом деле сколько можно полезнее» [321]. О том же, со слов Рожалина, Шевырев писал А. П. Елагиной (29 мая 1829 г.) из Флоренции [322].

Тем не менее первоначальные планы Кайсаровой, рассчитанные ею до осени, все же осуществлялись, как были задуманы. Весь август 1829 г. прошел в разъездах; к концу этого месяца Рожалин поселился в Плауене, неподалеку от Дрездена, куда вскоре приехал Петр Васильевич Киреевский, близкий друг Рожалина, которого он ждал с нетерпением. «Явился Киреевский, который любит меня как брата, которого семейство любит меня как сына, который путешествует в первый раз и которому я хотел хорошенько показать всю нашу Саксонию, следственно, должен был опять разъезжать и бегать»,— писал Рожалин (27 сентября 1829 г.), и прибавлял: «Тут Кайсаровы воротились из Зальцбурга; надобно было хлопотать по их делам и, наконец, что всего скучнее, перевозиться домом из Плауена в Дрезден» [323]. Клермонт вернулась в Дрезден к Кайсаровым 18 сентября; следовательно, она, вероятно, виделась с П. В. Киреевским и, может быть, не в первый раз. Основанием для такого предположения может служить то обстоятельство, что Киреевский начал свою деятельность как литератор и переводчик еще в то время, когда Клермонт жила в Москве и когда в числе ее учеников и знакомых были многие друзья Киреевских. Мы не знаем, где и у кого Киреевский учился английскому языку, но мы знаем также, что им владела его младшая сестра, Мария Васильевна. С пятнадцатилетнего возраста (с 1815 г.) она вела свои «Ежедневные записки», т. е. дневник, опубликованный, к сожалению, лишь в отрывках, из которых, впрочем, видно, что в 1826—1827 гг. в доме Елагиных она и ее братья встречали Соболевского, Янишей (в том числе Каролину Карловну), Погодина и сотрудников «Московского вестника» [324], где печатался и Киреевский. Одним из ранних переводов его был выпущенный отдельной книжкой, но подписанный лишь его инициалами, перевод псевдо-байроновской повести «Вампир» [325]. Книжечка эта в 16-ю долю листа имеет следующее заглавие: «Вампир. Повесть, рассказанная лордом Байроном. С приложением отрывка из одного недоконченного сочинения Байрона. С английского П. К.» Москва, 1828. 102 с. (ценз. разр. 15 октября 1828 г.).

История этой повести, изданной Дж. В. Полидори, врачом Байрона, и записанной якобы с его слов, хорошо известна и много раз излагалась. Английский оригинал Полидори напечатал первоначально в Париже, потом в Лондоне, чем вызвал печатный протест Байрона [326]. Это сочинение было переведено на французский и немецкий языки и стало весьма популярным и в России. Журнал Полевого приветствовал перевод, изданный Киреевским, и отметил в рецензии: «Байрон рассказал повесть о вампире в одном обществе, где условились рассказывать страшные были. Доктор Полидори, тут же бывший, записал слышанное, и повесть о вампире обыкновенно печатается вместе с сочинениями Байрона. Г-н К⟨иреевский⟩ передал ее теперь русской публике в прекрасном переводе и присовокупил к ней «Отрывок»

(A fragment) романа или повести, которую начал писать Байрон и оставил неоконченною» [327]. Благодаря изданию Киреевского «Вампир» стал широко известен в России: его упомянул Пушкин в «Евгении Онегине», пародировал М. А. Дмитриев и т. д. [328] Тем не менее, никто из писавших у нас о «Вампире» не обратил внимания на предисловие к русскому переводу этой повести, изданному Киреевским. Оно содержит в себе указание, отсутствующее и в оригинале, и в других европейских переводах и явно принадлежащее самому Киреевскому. Вот что говорилось в предисловии к московскому изданию «Вампира» 1828 г.: «Во время своего пребывания в Женеве лорд Байрон посещал иногда дом графини Брюс, одной русской дамы, жившей в трех или четырех милях от города; и в один вечер, когда общество состояло из лорда Байрона, П. Б. Шелли, г. Полидори (несколько времени путешествовавшего с Байроном в качестве доктора) и нескольких дам,— прочтя одно немецкое сочинение под названием Phantasmagoriana [329], предложили, чтобы каждый из присутствующих рассказал повесть, основанную на действии сил сверхъестественных; предложение было принято лордом Байроном, г. Полидори и одною из дам. Когда очередь дошла до Байрона, он рассказал Вампира. Г. Полидори, возвратясь домой, спешил записать его по памяти, и после издал в свет» [330].

Откуда двадцатилетний Киреевский знал, что «Вампир» был задуман в доме «русской дамы», жившей неподалеку от Женевы, и назвал ее по имени? Речь идет здесь, несомненно, о графине Екатерине Яковлевне Мусиной-Пушкиной-Брюс (1776—1829), дочери генерал-аншефа Якова Александровича Брюса, бывшего в 80-х годах XVIII в. тверским и новгородским генерал-губернатором; она была замужем за графом Василием Валентиновичем Мусиным-Пушкиным (сыном фельдмаршала), который по особому указу 1796 г. присоединил ее фамилию — Брюс — к своей. Екатерина Яковлевна жила, главным образом, за границей, в Италии, Швейцарии или во Франции [331]. Приведенные выше слова предисловия к переводу «Вампира» Киреевского должны были иметь *устный* источник [332]. Отсюда мы и предполагаем, что узнать об этом Киреевский мог от самой Клермонт или кого-либо из ее московских знакомых с ее слов, так как в числе «нескольких дам» (точнее «двух»), принимавших участие в сочинении страшных историй на вилле у Женевского озера в 1816 г. кроме Байрона, Шелли и Полидори, были сама Клермонт и Мери Шелли. Нечто подобное приведенному выше свидетельству рассказала и Мери Шелли, так она сама представила указанным лицам свою историю, изданную еще до «Вампира» и ставшую не менее, если не более знаменитой, чем «Вампир»: это был роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» («Frankenstein, or the Modern Prometheus», 1818), изданный без имени автора. Но ее рассказ о беседах Байрона, Шелли, ее самой и Полидори — без упоминания о Клермонт, которая также писала тогда свою страшную историю в стиле «Фантасмагорианы»,— и об их литературных развлечениях дождливым летом 1816 г. появился только во *втором* издании «Франкенштейна» 1831 года. И как знать, не стоят ли в связи с той же «русской дамой», на вилле которой будто бы была задумана эта своего рода литературная игра, те русские эпизоды, которыми открывается «Франкенштейн»,— письмами героя романа из Петербурга и Архангельска? [333] Не случайным, конечно, было и то, что подлинное имя автора «Франкенштейна» — Мери Шелли — было впервые названо у нас в 1828 году на страницах «Московского вестника» [334].

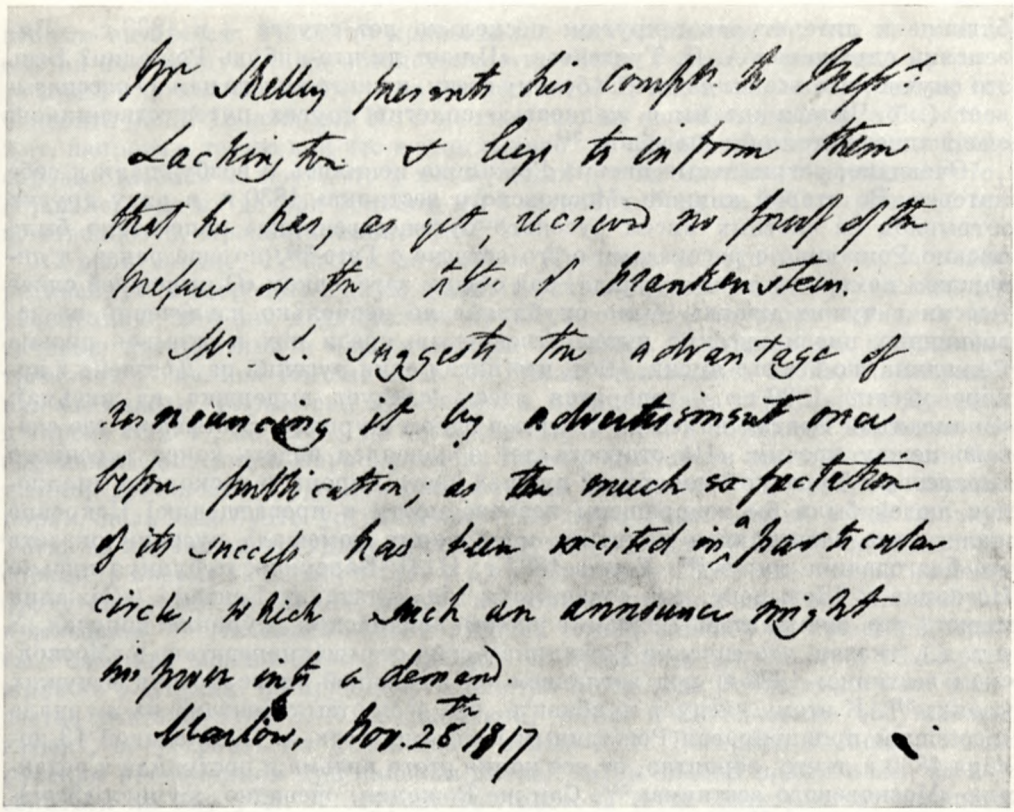
Возвратимся, однако, к Рожалину. Задуманная В. Я. Кайсаровой поездка в Италию и зимовка в Неаполе не состоялись. О том, что первоначальные проекты меняются, Рожалин стал догадываться еще летом и писал родным (4 июня, из Дрездена): «Я завел разговор с Кайсаровой об ее планах на будущий год, был откровенен сам, и это заставило ее быть откровенною. Вот что я узнал покуда. Ей хочется осенью к мужу; но все решат воды Карлсбадские. Помогут много дочери, тогда едем в Италию; мало, тогда она отправляется в Могилев, а Наташа отдается в руки Карусу (лечившему ее

врачу». Но Наташе нужен учитель русский, нужен я, и поэтому Кайсаровы будут готовы сделать, что могут, лишь бы я остался в Дрездене» [335]. Так, действительно, и случилось: Рожалин остался в Дрездене на всю зиму; заботы о Наташе разделяла с ним также Клермонт. Подробный рассказ об этой дрезденской зиме 1829—1830 гг. находится в большом письме Клер, обращенном к Мери Шелли [336] и в записи дневникового характера на отдельном листке, где она жалуется на холод, снег, ветер, туман и вспоминает гетевскую песню Миньоны «Кто знает край...» [337], голубое небо, зреющие лимоны и апельсины... Об Италии мечтал и Рожалин, которого Шевырев пытался отнять у Кайсаровых и поселить на вилле Волконской в Риме. В письмах Рожалина к Шевыреву того времени постоянно идет об этом речь. Так, 12 октября 1829 г. Рожалин писал из Дрездена в Рим: «Кайсарова уехала седьмого числа этого месяца, и я, дожидавшись напрасно твоих советов, дал ей слово остаться в Дрездене эту зиму при ее дочери: теперь этого переменить невозможно» [338]. В письме Шевыреву 22 января 1830 г. Рожалин снова упоминает Кайсаровых, Варвару Яковлевну и Паисия Сергеевича, находящихся в России: «Они пишут, что им бы хотелось иметь меня в своем доме для своей дочери, но как не могут требовать, чтобы я на это согласился за тысячу в год, то и дают мне на выбор: или ехать в Россию с Киреевским, или дождаться весны. Тогда приедет Кайсаров на неделю и возьмет меня с собой. Я не обещал ничего, но остался на зиму, в качестве человека свободного воспользоваться первым случаем ехать, куда хочу»... [339]

Из других его писем, относящихся к этой же зиме, видно, что он все больше замыкался в себе и продолжал, по мере возможности, свои собственные занятия историей, философией, древностями, языками.

В числе писем Рожалина к Елагиной, опубликованных П. И. Бартеневым в «Русском архиве», есть отрывок из письма 12 ноября 1829 г. из Дрездена, в котором Рожалин рассказывает о своих спорах с Клер; «...за обедом мы обыкновенно ссоримся»,— пишет Рожалин, а Бартенев тут же поясняет, что речь идет здесь о «жившей при девочке Кайсаровой англичанке», т. е. именно о Клермонт. «Она воображает,— продолжает Рожалин,— что англичане умнее и лучше всех народов на свете, думает, что мы все еще не вышли из учеников, и сердится, что я этому не верю. Я, с своей стороны, душевно ненавидя английский характер, английские нравы и английскую политику в греческом деле, притворяюсь равнодушным ко всему иностранному, замечаю, что такой-то китайский роман, такой-то немецкий и такой-то английский весьма интересны, что лучше всех судил о них такой-то француз, что император Николай пристыдил своим великодушием все европейские народы, кричу без умолку о наших подвигах и доказываю (разумеется, как дважды два четыре), что Ост-Индская торговля через десять лет поплывет сухим путем в Россию, а через три года Англия потеряет Ост-Индию. Все это очень бесит ее...» [340]

Начало этого письма в публикации П. И. Бартенева, к сожалению, опущено; но, судя по объяснению его, в пропущенной части письма также шла речь о Клермонт. По-видимому, оригинал этого письма утрачен; во всяком случае, поиски его не привели ни к каким результатам, и местонахождение его, если оно сохранилось, нам неизвестно [341]. Очень возможно, что из прочих писем к Елагиной (или к другим членам ее семьи), бывших в руках Бартенева, он напечатал в своем журнале далеко не все письма, имевшие отношение к Клермонт (или напечатал их с пропусками, как вышеприведенное дрезденское письмо 12 ноября), но даже сохранившиеся отрывки позволяют, до известной степени, представить себе характер отношений Рожалина и Клер в период их жизни в Дрездене при дочери Кайсаровых. Конечно, дружеские отношения между ними, установившиеся еще до отъезда Клер в Англию, продолжались и после ее возвращения. Обоим было что рассказать друг другу: Клер, повидавшая в Лондоне многих литераторов и друзей, могла ему сообщить разнообразные литературные новости; Рожалин, со своей стороны, мог рассказать ей о своем визите к Гете и разговорах с ним о Байроне,


Mr. Shelley presents his compts. to Messrs. Lackington & begs to inform them that he has, as yet, received no proof of the impression of the 1st. vol. of Frankenstein.

Mr. S. suggests the advantage of announcing it by advertisement one week before publication; as the much expectation of its success has been excited in a particular circle, which such an announcement might turn into a demand.

Marlow, Nov. 28th 1817

АВТОГРАФ П. Б. ШЕЛЛИ. ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ, 28 НОЯБРЯ 1817
Исторический музей, Москва

о встрече с Мицкевичем, о своих занятиях. Но в их ежедневном интеллектуальном общении, помимо литературных вопросов, появилась еще одна тема, вызывавшая не только спокойный, хотя и заинтересованный обмен мнениями, но и горячие дебаты: в разгаре была русско-турецкая война, обнажившая и усилившая англо-русские противоречия в турецком вопросе [342]. Это и явилось поводом для споров между Рожалиным и Клермонт. Каждый из них отстаивал свою точку зрения и в качестве аргументов, очевидно, пользовался текущими сведениями из европейской, в том числе и английской прессы. С помощью Клер Рожалин, несомненно, читал в Дрездене свежие английские газеты и журналы и, в свою очередь, делился сведениями о русско-турецких военных действиях, которые он получал из русских газет и писем с родины. Споры Клер и Рожалина тем интереснее для нас, что они получили свое отражение даже в «Московском вестнике».

Когда Рожалин отправлялся за границу, его друзья по редакции «Московского вестника» надеялись, что он будет присылать в журнал свои корреспонденции; надежды их оправдались только отчасти; занятый уроками и собственным ученьем, он почти ничего не присылал в редакцию журнала, к которому стоял так близко при его рождении. Тогда те же друзья, в первую очередь Погодин, стали печатать отрывки из его писем из-за границы, так как они представляли действительный литературный интерес. В конце 1829 г. Погодин писал снова: «Журнал издаю я опять. Да здравствует «Московский вестник»! Четыре корреспондента в чужих краях: ведь это сокровище. Иван Киреевский едет в Париж, Рожалин — в Дрезден, Петр Киреевский — в Мюнхен. По крайней мере будет место, где честному человеку не стыдно сказать свое мнение» [343]. Корреспонденции Рожалина, очевидно, ждали читатели,

близкие к литературным кругам: несколько лет спустя — в 1833 г.— Вяземский спрашивал А. И. Тургенева: «Пишет ли что-нибудь Рожалин? Ведь это скучно, что все вы ездите по белому свету, и никто ничего нам не рассказывает ⟨...⟩ Читаем же мы с жадностью сплетни других путешественников; еще жаднее читали бы мы ваши» [344].

Очевидно, заграничные письма Рожалина ценились и возбуждали к себе интерес. Во второй книжке «Московского вестника» 1830 г. в ряду других «отрывков из частных писем русского путешественника» напечатано было письмо Рожалина с рассказами о его встрече с Гете [345], но еще ранее, в январском номере того же журнала, под общим заголовком «О нынешней славе России в чужих краях», было опубликовано несколько извлечений из заграничных писем русских путешественников, среди них и отрывок письма Рожалина, но без его имени. «Вот, что писал один русский из Дрездена в ноябре месяце 1829 г.»,— говорится здесь (следует выдержка из письма): «Знаменитый Бентам поместил статью в одном журнале «Scotsman», где сказано между прочим: «На старости лет я надеялся видеть конец турецкого тиранства и Турецкой монархии: лучшая часть Европы и несколько миллионов людей были бы возвращены независимости и просвещению! Искренне жалею, что завистливая политика моей нации помешала русским оказать это благодеяние миру» [346]. Еще в 1882 г. Н. П. Барсуков, публикуя письмо Погодина к Шевыреву, где содержится эта цитата из Бентама («Рожалин пишет, что знаменитый Бентам в одном английском журнале написал...» и т. д.), указал, что «письмо Рожалина с этим отзывом напечатано в «Московском вестнике» 1830 г. под заглавием «О нынешней славе России в чужих краях» [347]. К этому следует прибавить, что весь отзыв Бентама из журнала «Scotsman» процитирован Рожалиным в письме его к А. П. Елагиной 13 ноября 1830 г. и что, вероятно, от нее копия этого письма и поступила в редакцию «Московского вестника» [348]. Сам же Рожалин, очевидно, журнал «Scotsman» получил от Клермонт.

Таким образом, возможно, что кое-какие заметки «Московского вестника» 1830 г. (и более ранних лет) могли появиться в этом журнале благодаря посредничеству Клермонт; вероятно, что цитата из журнала «Scotsman» была не единственным заграничным сообщением, полученным редакцией московского журнала именно этим путем.

6. Последние годы жизни Клермонт.— Ее литературные опыты.— Повесть «Поляк».— Переписка с Наташей Кайсаровой.— Смерть Клермонт во Флоренции и судьба ее родных и друзей

Было бы затруднительно, по недостатку данных, следить далее за судьбами Рожалина и Клермонт, двух одиноких и несчастливых людей, встретившихся в семье Кайсаровых и странствовавших вместе с ними по странам Западной Европы, тем более, что пути их — русского учителя и английской гувернантки — в конце концов разошлись, и они разъехались в разные стороны. Но о зиме в Дрездене 1829—1830 гг., которую они прожили вместе с Наташей Кайсаровой, без ее родителей, и о последовавших за тем событиях стоит все же в заключение сказать еще несколько слов.

«Когда я говорил с тобой в Лейпциге, ты знаешь, какие были планы Кайсаровой,— писал Рожалин Шевыреву 17 ноября 1830 г.; — она осенью хотела ехать в Россию *вместе с дочерью*, и след⟨овательно⟩, вы одни ⟨т. е. Шевырев, живший в Риме у З. А. Волконской в качестве учителя ее сына⟩ могли мне дать средства остаться еще несколько времени в чужих краях. Кто знал тогда, что этот план переменится и что Кайсарова, оставляя дочь здесь, будет считать меня необходимым для нее человеком? Впрочем, я отказывался решительно, и вся вина моя состоит в том, что я не имею довольно твердости и не могу долго сопротивляться просьбам». Оправдываясь перед Шевыревым, что он согласился на просьбу Кайсаровой вопреки собст-

венным интересам, Рожалин признавался чистосердечно, что это не сулило ему ни благополучия, ни обеспеченности: «Быть учителем латыни и русского при 14-летней девочке — что тут лестного? И какие же выгоды могли соблазнить меня? Денежные? Но я не получаю ни копейки лишней, а быть может, напротив, теряю кой-что в этом случае...»; «Прибавь к этому, что я Кайсаровых любить не могу, что у меня с ними нет ни малейшей симпатии, что, оставаясь при их дочери больной и 14-летней, я беру на себя страшную ответственность, пропасть хлопот...» [349]

Скрепя сердце, Рожалин остался в Дрездене и готовился вести здесь уединенную и сосредоточенную жизнь по строгому, им самим составленному расписанию; вся она подчинялась преимущественно научным занятиям античными древностями и классическими языками. Однако вопрос о будущем тревожил Рожалина тем сильнее, чем ближе становилась весна. Кайсарова, как мы видели, уехала еще в октябре, а предполагала вернуться в Дрезден в апреле 1830 г., но планы ее постоянно менялись, а обещания внушали неизменные опасения. Первоначально Кайсаровы хотели исхлопотать для Рожалина должность в русском посольстве в Саксонии [350], и хотя, на первых порах, дело как будто устраивалось, но затем решилось не в его пользу. Тогда он вручил свою судьбу заботам друзей, поскольку, по его собственным словам (в письме 12 декабря 1830 г.), «в теперешних обстоятельствах нашему брату скитаться по Европе одному несколько жутко и надо под чье-нибудь крылышко» [351]. Начались поиски русской семьи, жившей за границей, куда бы Рожалина можно было определить на временное жительство. Шевырев, живший в Италии, по-прежнему хлопотал о переезде Рожалина в Рим в качестве учителя сына З. А. Волконской, потом с Соболевским обсуждался проект, не устроить ли Рожалина в семью Г. И. Гагарина (бывшего тогда русским посланником при папском дворе), затем возник новый план, не поселиться ли ему у И. М. Муравьева-Апостола (отца декабристов, жившего во Флоренции с сыном от второго брака) [352]. Все дошедшие до нас письма Рожалина и к нему, писанные в 1830 г., посвящены главным образом этой теме, как строить его жизнь дальше, чтобы обеспечить по крайней мере еще один год за границей для усовершенствования познаний в избранной им научной области. Но планы строились и разрушались, и в конце концов все вышло иначе, чем было предположено.

В марте 1830 г. в Дрезден на несколько дней приехал Иван Васильевич Киреевский и предложил Рожалину отправиться вместе с ним в Мюнхен для учения в тамошнем университете; это было предложение матери Киреевских — А. П. Елагиной. Иван Васильевич писал матери о Рожалине, которого он нашел в Дрездене: «Мы тут же приступили к переговорам о его переезде в Мюнхен, соображаясь с вашими письмами. Отъезд его из Дрездена сейчас же был решен, но он колебался еще, ехать ли ему со мною или ждать Кайсарову, и остановился на мысли — ехать только в день моего отъезда» [353]. Так Рожалин и поступил.

Переезд в Мюнхен, где Рожалин поселился на одной квартире с братьями Киреевскими и с увлечением посещал университет, слушая знаменитых профессоров, не только оторвал его от Кайсаровых, но и поссорил с ними. Соболевский писал Шевыреву (22 сентября 1830 г.), что Рожалин в Мюнхене и что он «хорошо делает, что остается» там. «У него более 1000 рублей, да еще Кайсаровы ему должны» [354]; в одном из последующих писем Соболевский вновь напоминал: «Не допусти Рожалина не содрать должных ему 1000 рублей с Кайсаровой, а ⟨то⟩ он, пожалуй, поделикатничает. Да не мешало бы ему с ней помириться» [355]. Мы не знаем, состоялось ли их примирение, но к Кайсаровым он больше не вернулся.

Жизнь Рожалина в Мюнхене известна нам мало, лишь из его собственных писем и переписки его друзей. Мы знаем, например, что эта жизнь сильно отличалась от той, которую он вел в Дрездене, и что увлеченные занятия в Мюнхенском университете порою нарушались приездом его друзей. Так, в Мюнхен явился, например, Соболевский [356], который (по свидетельству

письма Рожалина к Елагиной) «прожил здесь целый месяц, и в этот месяц мы все, кажется, сделали мало путного. Шумел, кричал, вертелся, рассказывал, издавал строгие законы для нашего общества и всячески наказывал ослушников, а чаще других меня, который постоянно находился в *ребеллии*; так в хохоте и шалостях прошли тридцать дней» [357]. Когда Соболевский, наконец, уехал, И. В. Киреевскому показалось, точно уехало от них сорок человек [358]. Жизнь с веселыми друзьями была мало похожа на суровое и скучное существование в пустом кайсаровском доме, когда на Рожалина возложена была ответственность за оставшуюся за границей без родителей девочку-подростка. Теперь он веселился, как мог, чувствовал себя свободным и более предприимчивым, чем раньше. Осенью 1830 г. вдвоем с Петром Васильевичем Киреевским Рожалин уехал в Вену на неделю, но поездка эта затянулась. «Сейчас получил письмо от Рожалина и брата из Вены,— сообщал Иван Васильевич матери 2 октября 1830 г.— Они в восторге от одного из венских театров; уже из трактира переехали на квартиру ⟨...⟩ в Вене останутся они около месяца» [359]. После отъезда, поочередно, обоих братьев Киреевских в Россию Рожалин оставался некоторое время в Мюнхене и снова строил самые различные планы: то он собирался вернуться на родину, наняться в семью Карамзиных воспитателем к детям (переговоры об этом велись Рожалиным еще весною 1832 г.), то снова хлопотал через друзей о месте дипломата в русском посольстве — на этот раз Баварском,— то опять возобновлял переговоры с семьями Волконских и Гагариных. Но в начале 30-х годов давно уже проявлявшая себя болезнь Рожалина — туберкулез легких — стала принимать самые угрожающие формы [360].

Осенью 1832 г., когда Шевырев вернулся в Москву, чтобы занять вакантную кафедру Московского университета, Рожалин сменил его в Риме на посту воспитателя сына Волконской. Переезд в Италию не улучшил состояния здоровья Рожалина. Зимою того же 1832 г., уже поселившись в Риме, Рожалин писал, что он сам не уверен, останется ли здесь: «Грудь бы этого требовала. Зима проходит без заметной пользы для моего здоровья: всякая перемена погоды, малейшая усталость отзываются болью. Урокам я также бывал несколько раз одолжен недельными страданиями» [361]. Друзья Рожалина, круг которых увеличивался, всячески пытались прийти ему на помощь. А. И. Тургенев писал Вяземскому из Рима 6 (18) января 1833 г.: «Здесь Рожалин — ученый, добрый и умный молодой человек; но не имеет средств продолжать учиться и возвращается весною в Москву, куда его, как слышно, приглашают. Ему бы быть профессором археологии, заехав прежде в Геттинген, к Отфриду Мюллеру. Поговори с Уваровым о Рожалине: он слишком скромен; но русские художники не нахвалятся его наставлениями и указаниями...» [362] В следующем письме (Рим, 12 (24) января 1833 г.) А. И. Тургенев снова напоминал Вяземскому: «Я писал к тебе о Рожалине: не худо и о нем у Уварова похлопотать. Ему велено готовиться к трем кафедрам ⟨...⟩ Трудно найти деликатнее человека, как этот скромный, ученый и умный Рожалин!» [363] «Еду с Рожалиным»,— пишет А. И. Тургенев вновь Вяземскому из Неаполя (12 марта 1833 г.); не значит ли это, что Рожалин повидался в Неаполе с Кайсаровыми? К сожалению, мы ничего не знаем об этой его поездке [364]. Но она была одной из последних страниц его недолгой и печальной жизни...

Летом 1834 г., возвратясь на родину пароходом в Петербург, Рожалин умер на другой день после того, как вступил на берег, а «все бумаги его присланы были в Москву и сгорели в конторе дилижансов, так что от него не осталось ничего, как будто и не существовал он на свете» [365]. В дневнике Погодина 13 августа 1834 г. находится следующая запись: «Был поражен до глубины сердца известием о погибели бумаг Рожалина. Боже мой! Этот человек как бы не существовал на земле! У него было необузданное самолюбие и стыдился представить что-нибудь несовершенное, так что самые близкие друзья не знали, что он делает. И вот теперь пропали все семилетние труды его, переписанные и приготовленные к печати! Надобно было случить-

ся, чтобы именно в день прибытия загорелась контора дилижансов. Какое несчастье! Друзья даже не имели случая узнать его» [366]. Трагическая смерть Рожалина и последовавшая за ней гибель всего его рукописного литературного наследия тяжело отозвались в сердцах многих его знакомых.

В погибших бумагах Рожалина были, вероятно, также и письма, полученные им в период его жизни за границей. Нельзя не пожалеть об их утрате — среди них было, несомненно, немало документальных материалов, имевших значительный интерес для истории литературы. Можно предположить, что здесь находились также какие-либо данные о Клермонт. Во всяком случае, своего рода загадкой является для нас то, что последние известные нам (и приведенные выше) упоминания Клермонт в письмах Рожалина относятся к концу 1829 г., т. е. к тому времени, когда они жили в Дрездене на одной квартире и делили между собой заботы об оставшейся на их попечении, в отсутствие родителей, Наташе Кайсаровой. Никаких других отзывов о Клермонт, писанных рукою Рожалина,— кроме приведенных выше — до нас не дошло. Между тем, мы знаем, что их жизнь при Наташе Кайсаровой продолжалась до весны 1830 г. и что, не дождавшись возвращения В. Я. Кайсаровой, Рожалин уехал в Мюнхен. Что в это время делала и где находилась Клермонт, мы знаем из писем ее к разным лицам, которые, следовательно, могут служить также косвенным источником для биографии Рожалина в дрезденский период его жизни.

В большом письме к Мери Шелли из Дрездена (28 марта 1830 г.) Клермонт довольно подробно описывает свою жизнь и говорит также о Кайсаровых. В частности, о Наташе Кайсаровой она сообщает: «Здоровье Натальи довольно хорошо; ее колену лучше, так как опухоль уменьшилась, но слабость столь же велика, как всегда. Мы сидим друг против друга в самом жалком состоянии, я — потому, что должна весь день умолять ее делать то, что ей не нравится, она — потому, что ее об этом умоляют» [367]. В этом же письме идет речь обо многих заботах Клер, в которых нуждалась больная девочка, и о переписке по этому поводу с ее матерью. И эти заботы, превращавшие Клер в сестру милосердия и хозяйку, к чему она имела мало склонностей, и письма В. Я. Кайсаровой, предлагавшей Клер, по возвращении своем в Дрезден из России, переселиться в Ниццу, вызывали у Клер плохо скрытое раздражение: в Италию она отказывалась ехать наотрез, роль экс-хозяйки дрезденского дома в течение зимы 1829/30 гг. представлялась ей унизительной. «Из-за вечных недомоганий Кайсаровых, матери и дочери,— писала Клер Мери Шелли,— я провела относительно неприятную зиму. Дома я занималась растираниями, массажем, прилаживанием бандажей, перевязкой язв, прикладыванием пиявок, бинтованием распухших шейных железок. За пределами дома наши развлечения составляли ванны — ванны из воловьей крови, грязевые ванны, паровые ванны, мыльные ванны — и электролечение. Если бы я служила в больнице, я не была бы столь постоянно занята болезнями и всем, что к ним относится»[368],— а между тем город Дрезден ей нравился, потому что, гуляя по его улицам, можно было встретить немало такого, что, как в Италии, тотчас же заинтересовывает зрителя и привлекает его; поэтому Клер даже с некоторым сожалением думала, что она скоро покинет этот город и переберется на жительство в Вену, к своему брату. «Чем более я знакомлюсь с Дрезденом,— прибавляла Клер в том же письме,— и убеждаюсь в его небольших размерах, тем более удивляюсь я необычному богатству собранных в нем произведений литературы e le belli arti ‹и изящных искусств›» [369]. Отсюда явствует, что, несмотря на обилие домашних дел, Клер обладала некоторым досугом и знакомилась с дрезденскими музеями и, вероятно, театрами, т. е. делала то же, что и Рожалин, несмотря на каждодневные двухчасовые вечерние занятия с Наташей Кайсаровой.

Отсутствие имени Рожалина в письмах Клермонт нас не может удивить — они посылались в Англию, где его никто не знал и не мог им интересоваться. Но дружба его с Клер, о чем он сам в 1828 г. писал А. П. Елагиной, едва ли могла прерваться и позже, когда они снова встретились с ней в доме Кай-

саровых, после ее возвращения из Англии. Тем не менее, вероятно, существовали какие-то силы, отталкивавшие их в это время друг от друга: Рожалин стремился в Италию, она — предпочитала расстаться с Кайсаровыми, лишь бы не ехать с ними туда, по причинам очень личным, о которых можно только смутно догадываться; Клер мечтала сменить свою должность гувернантки на любую другую, лишь бы стать полностью независимой от русской семьи. Он, напротив, все время искал, на случай отъезда Кайсаровых в Россию, какое-нибудь русское семейство, которое было бы в состоянии приютить его и предоставить ему еще год-другой для завершения подготовки к московской профессуре. Конечно, все указанные противоречия нисколько не могли препятствовать ни ему, ни ей поддерживать между собою постоянное интеллектуальное общение, так как близость и сходство их интересов в области литературы и искусства были налицо. Происходил ли такой обмен мнениями или споры за обедом по вопросам текущей политики Англии и России — вроде тех, о которых лишь отрывочные сведения из писем Рожалина приведены были выше,— мы не знаем. Отсутствие сведений этого рода также представляется необъяснимым.

Полное отсутствие подобных данных в известных нам рукописных или печатных источниках не позволяет строить какие-либо гипотезы об отношениях Рожалина и Клермонт, об их возможной переписке, о времени, когда они расстались навсегда. Нельзя при этом не вспомнить, что в цитированном большом письме Клермонт 28 марта 1830 г. к Мери Шелли она обращалась к ней с просьбой писать чаще и сообщить всем, кто ее помнит, что «единственную ее радость» составляют «письма от знакомых», «а друзей у меня нет»,— прибавляла она в скобках [370]. Сопоставим эти строки с грустными признаниями Рожалина его другу Кошелеву, писавшего, что на чужбине он «расстался с здоровьем, с большею частью надежд и вижу, наконец, что всё мне дорогое около меня рассыпается. Поэтому не смею сказать тебе: приезжай повидаться. Ты нашел бы меня, вероятно, совсем не таким, каким отправил из Петербурга: я стал суров и скучен и быть со мною — тоска» [371].

Мы плохо знаем также, как развертывались события жизни Клер в последующие месяцы. Из письма ее к Мери Шелли (11 декабря 1830 г. из Ниццы) явствует, что Клер в конце концов уехала в ту самую Ниццу, куда она в категорической форме отказывалась ехать за несколько месяцев перед тем; при этом, по-видимому, в Ниццу Клер ездила с одной Наташей, так как Варвара Яковлевна явилась туда позже, о чем и рассказывается в указанном письме: «Г-жа Кайсарова приехала сюда и находится не в очень добродушном настроении. Единственно, что я от нее слышу, это, во-первых, бесконечное восхваление самой себя, своего мужа и дочки; это бы еще ничего, но при повторении очень утомляет»; во-вторых, замечала Клер, ее особую досаду вызывала настойчивость, с которой Кайсарова в разговорах с ней все время стремилась доказать «бесконечное превосходство России над всеми прочими странами, исходя из той, бесспорной для нее, истины, что свобода и цивилизация ужасней всех зол»; из-за этого возникали горячие и недружелюбные споры; при этом, чтобы не слишком раздражать хозяйку дома и не зайти слишком далеко в своих обвинениях, Клер, по ее собственному признанию, притворно соглашалась с Кайсаровой, из чего всякий человек мог бы вывести заключение, что она представляет собой «раболепное существо или совершенную дуру (a fawning creature or an utter fool)». И тем не менее, прибавляла Клер, «я очень рада ее приезду, так как без нее ответственность, которую я несла за здоровье Наташи, была слишком велика...» [372].

Приведенные строки Клермонт свидетельствуют, как далеки были отношения ее к Кайсаровой от тех, какие сама Клер изобразила в отрывочном листке своего дневника перед отъездом из России в 1828 г.: тогда она определила их как слабую надежду (hope against hope), что они поймут и полюбят друг друга; Варвара Яковлевна казалась ей старшей подругой, женщиной, которая «встретила меня, когда я была робкой одинокой странницей,

веточкой, вырванной из сада, где она выросла, и покинутой среди чужеземцев»; «Я встретила ее в счастливый час,— писала Клер тогда же,— и она дала мне дом, обеспечила мне уважение и доброту, и сверх того — симпатию к моим мыслям и чувствам» [373]. Теперь все резко изменилось: наступило охлаждение в их отношениях, которое постепенно вело к отчуждению и даже вражде. Для Клер становилось все яснее, что разлука между ними неизбежна и что она наступит очень скоро. Клер постаралась, прежде всего, наладить свои ослабевшие связи с прежними друзьями и родными. Письма Мери Шелли к Э. Трелоуни второй половины 1831 г. свидетельствуют, что в это время кризис уже наступил: из письма от декабря этого года видно, что Клер жила в Неаполе одна, расставшись с Кайсаровыми [374], и снова собиралась к брату в Вену. Судьба ее сильно тревожила Мери Шелли. Может быть, именно тогда Клер по примеру своей сводной сестры решила еще раз попробовать свои силы в литературном творчестве, чтобы улучшить свои скудные заработки: она бралась за перо всякий раз, когда в ее жизни намечались катастрофические перемены: так, она посылала Байрону при начале их знакомства рукопись какого-то своего беллетристического произведения, вероятно, автобиографического характера, ссылаясь на тот литературный жанр, к которому относилась история Марии Шонинг (впоследствии столь увлекшей Пушкина), но Байрон не только не поддержал ее замысла, но дал о нем безжалостный и презрительный отзыв [375].

Клермонт все время пыталась продолжать свои литературные опыты. Между 1814—1816 гг. в ее дневниках и письмах упоминается ее повесть «Идиотка», над которой она работала в то время, называя ее самым любимым из своих замыслов [376]. Очень возможно, что именно об этой повести речь шла в письме П. Б. Шелли к его жене (6 октября 1817 г.), где, между прочим, говорилось: «Передай мой нежный привет Клер и скажи, что я предлагал ее книгу ⟨лондонским издателям⟩ Лекингтонам, а также Тейлору и Хесси, но они ее отклонили» [377]. Из собственных писем Клер видно, что она занималась также (и, конечно, небескорыстно) сочинением пьесы «Гертруда» [378], о которой мы больше ничего не знаем. С переездом в Москву склонность Клер к литературному творчеству не уменьшилась. Так, живя в Москве у Посниковых, может быть под влиянием Гамбса и господствовавших в этой семье литературных и театральных увлечений, Клер начала писать пьесу «Гувернантки», от которой до нас не дошло ни одной сцены; кроме того, в тот же период Клер являлась деятельной сотрудницей рукописной газеты («Islavsky Gazette»), доставлявшей много удовольствия семье Посниковых и их гостям [379]. Очутившись в Лондоне в 1828 г., Клермонт, по-видимому, помогала Годвину в его работе над романом «Клаудзли» [380].

Все это дает нам некоторое право считать, что уже упоминавшиеся выше довольно длинная характеристика В. Я. Кайсаровой, а также отдельный портрет ее дочери (озаглавленный «Natalie») являются не столько разрозненными страницами отсутствующего дневника Клермонт, сколько черновыми заготовками какого-то неосуществленного литературного замысла. Эти черновые отрывки носят на себе следы их упорной стилистической правки; Клер подыскивает подходящие сравнения, пробует различные варианты синтаксического построения фраз, эффектных эпитетов и т. д. Над своими прочими дневниками Клер никогда не трудилась столь тщательно, так как писала их для самой себя; в данном случае мы встречаемся с явно литературной обработкой текста, предназначавшегося для посторонних читателей. Если эта наша догадка верна, она может быть существенной для нас только в одном отношении: критически отнестись к указанным фрагментам, как к достоверным жизненным свидетельствам, характеризующим действительные отношения Клер к женской половине кайсаровской семьи.

В последние годы жизни Клер с Кайсаровыми она не оставляла своих литературных замыслов. Напротив, некоторые из них даже получили свое осуществление. Такова, например, ее повесть «Поляк» («The Pole»), над которой она трудилась несколько лет. Как и большинство написанных ею произве-

дений, эта повесть была основана на ее собственных реальных наблюдениях и, вероятно, имела в известной мере автобиографический характер. Но написана она была прежде всего в расчете на гонорар; поэтому Клер не претендовала на авторскую славу и просила Мери Шелли издать ее под псевдонимом. В письме к Мери (без даты, но несомненно относящемся к 1832 г.) Клер сообщала: «Я написала повесть (a tale), которая, я полагаю, подойдет для «Кипсека». Я пошлю ее тебе домой для прочтения. Не возьмешься ли ты поправить ее? Напиши и сообщи, куда я должна ее послать, чтобы быть уверенной, что она тебя найдет. Не рассердишься ли ты на меня, если я попрошу тебя дописать ее последнюю сцену? Я так плохо себя чувствую теперь, что сама не могу этого сделать». И Клер поясняла тут же, при каких условиях писалась эта повесть: «Единственное время, когда я могу писать,— это после десяти часов вечера; повесть была написана в эти часы, после того как я с семи часов утра бранилась, разговаривала и давала уроки. Когда повесть подходила к концу, я сильно заболела и оставила ее. Если ты ничего не сможешь сделать с ней, воспользуйся ею для завивки волос папильотками, это уже составит кое-что. Не упоминай об этом никому ⟨...⟩ По правде говоря, мне не следовало бы думать о литературе, я прекрасно понимаю свою непригодность к этому делу, но мне нужно зарабатывать деньги. Чего не сделаешь для этого, если это является ключом для получения свободы?» И Клер прибавляла, что она надеется на литературную помощь Мери и на то, что, дописав повесть, Мери сможет устроить ее в одном из лондонских альманахов; это, догадывалась она, вероятно, будет осуществить не столь трудно, так как в ней «идет речь о поляке, а это — злободневная тема»; «Если повесть принесет какие-либо деньги, половина их, естественно, будет принадлежать тебе ⟨...⟩ Я хотела бы, чтобы повесть была подписана — Mont obscur» [381].

Мери Шелли удалось на этот раз выполнить все, о чем ее просила Клермонт; через Трелоуни, находившегося в это время в Лондоне и вращавшегося в литературных кругах, она устроила публикацию этого произведения во второстепенном лондонском журнале «Court Magazine and Belle Assemblée» 1832 г., но она появилась здесь с указанием редакции, что повесть принадлежит перу «автора Франкенштейна», т. е. Мери Шелли [382]; таким образом, просьба Клер о таинственном псевдониме оказалась невыполненной.

Повесть «Поляк» представляет известный интерес для биографов Клермонт и для истории последних лет ее жизни у Кайсаровых, хотя в ней мало отражен собственно «польский» или «русский» колорит. Действие повести отнесено к февралю 1831 г. и происходит в Италии, на дороге из Рима в Неаполь, а затем и в самом этом городе. В начале описана неожиданная остановка в пути, из-за сломанной коляски, молодого польского дворянина по имени Владислав (Ladislas); в дальнейшем он характеризуется как участник польского восстания 1831 г. и «герой Остроленки»; это выдает неопытность автора: битва польских повстанцев с русскими войсками произошла, как известно, 26 мая 1831 г. Владислав едет в Неаполь, чтобы получить помощь в хлопотах за своего брата, арестованного в России, у влиятельной русской княгини Дашковой. В конце концов Владислав добивается просимого ходатайства, но сам едва выпутывается из сетей, расставленных шпионами по повелению той же русской княгини, «русской Коринны». Его выручает преданность полюбившей его девушки польского происхождения, в которую он влюбляется и сам; сестра ее играет роль ангела-хранителя при влюбленных. Злободневность и полонофильский характер повести не подлежит сомнению. Для того чтобы понять жизненность этих ситуаций и «актуальность» темы повести, безусловно следует иметь в виду, что «польский вопрос» в семье Кайсаровых поднимался не раз, для чего имелись вполне достаточные основания: Рожалин был другом Мицкевича (о чем он много говорит в своих письмах) и виделся с ним в Карлсбаде, когда был там вместе с Кайсаровыми; П. Кайсаров принимал непосредственное участие в подавлении польского восстания 1831 г., о чем было известно и Клер. В дневниках ее также можно встре-

тить записи о знакомствах ее с поляками, размышления о Польше и т. д. Все это в переработанном и приспособленном виде получило отражение в повести Клер «Поляк», автором которой следует считать не Мери Шелли, но именно Клермонт [383].

Письма Клер Клермонт начала 30-х годов могут создать впечатление, что она расставалась с Кайсаровыми добровольно, но с твердой решимостью не возвращаться к ним более вследствие обид, старых и новых, накопившихся за несколько лет совместной жизни, и находясь в состоянии раздражения и даже полной враждебности. В действительности, однако, все, вероятно, обстояло несколько иначе. Привязчивая по своей натуре, постоянно искавшая семейного уюта и тех, кто мог нуждаться в ее помощи и заботах, Клер Клермонт по-своему предана была Кайсаровым, в особенности своей воспитаннице Наташе. Отношения к ней Клер прошли длинную и довольно сложную эволюцию. Многие месяцы Клер заменяла ей мать, что особенно ощущалось на чужбине. Чувство ответственности за ее здоровье постепенно превращалось у Клер в нежную привязанность к ней и даже в любовь. На глазах Клер Наташа из подростка превращалась в привлекательную девушку, здоровье которой, благодаря своевременно принятым мерам и усилиям лучших докторов Западной Европы, непрерывно улучшалось. Наташа, со своей стороны, в отсутствие матери все более привязывалась к Клер, видя в ней не строгую и придирчивую гувернантку, но старшего друга и подлинную защитницу ее собственных интересов. Выше мы уже ссылались на долголетнюю дружбу, возникшую между Клер и воспитанницей ее, «Бетси» Зотовой. В подобных отношениях у Клер находило выход в свое время подавленное в ней обстоятельствами чувство материнства, женственность, почти инстинктивная потребность заботливости, даже жертвенности своего рода. Сходными были, вероятно, отношения Клер и Наташи Кайсаровой. Мы заключаем об этом на основании дошедших до нас свидетельств мемуаристов и переписки между Клер и Мери Шелли, прервавшейся из-за ссоры между ними, причиной которой явилась именно Наталия Кайсарова.

Мы не знаем точно, когда у Клер Клермонт возникла мысль выдать Наташу замуж за Александра Эндрю Нокса (Knox, 1818—1891), близкого друга Перси Флоренса Шелли, сына поэта. У Клер эта идея одно время стала навязчивой, и она предпринимала энергичные действия, чтобы добиться осуществления своего плана. Однако он встретил сильное противодействие со стороны семьи Шелли — Перси Флоренса и его матери. Переписка об этом между Клер и Мери Шелли становилась все более запальчивой и резкой и привела в конце концов к их полному разрыву [384].

Ссоре Клер Клермонт и Мери Шелли в особенности способствовало одно обстоятельство, предвидеть которое Клер не могла, но которое погубило все выношенные ею планы сватовства ее русской воспитанницы. Собственная племянница Клер, дочь ее родного брата Чарлза, Клара Клермонт (1826—1855), будучи в Лондоне, познакомилась у Шелли с Александром Ноксом, влюбилась в него, и тот ответил ей взаимностью; вскоре они поженились. С тех пор Клара Нокс никогда более не советовалась со своей родной теткой, так как нашла поддержку и симпатию со стороны Шелли.

И Мери Шелли, и ее сын никогда не могли простить Клер Клермонт те жестокие, оскорбительные упреки, которыми она осыпала их в своих письмах, когда выяснилось, что ее проект высмеян и отвергнут; все отношения между ними были прерваны. Тем не менее, Клер была сильно огорчена всем происшедшим и, по-видимому, очень страдала от наступившего между ними полного охлаждения. Мери Шелли умерла в 1851 г. так и не восстановив своих отношений с Клер. Два года спустя в одном из писем, вспоминая эту ссору со своей сводной сестрой, Клер оправдывалась в своем поведении и пыталась переложить ответственность за все происшедшее на жену Перси Флоренса Шелли и на самого Александра Нокса, который отвратил от нее старую подругу ее юности после сорока пяти лет, в течение которых дружба их оставалась незыблемой. Но молодое поколение семей Шелли, Клермонтов и их

друзей уже мало что знало о прежних отношениях их матерей и бабушек, как не знало ничего о близости Клер Клермонт к Байрону и Перси Биши Шелли. Вальтер Клермонт рассказывал Г. Гушеру, что он впервые узнал о знакомстве своей бабушки с Байроном и с Шелли, живя в молодости в России, когда он находился в Шлиссельбурге — недалеко от Петербурга — по делам одной английской торговой фирмы. Читая биографию П. Б. Шелли и встретив фамилию Клермонт, он спрашивал: «Мы ли это?» (Is that us?) — и получил по этому поводу далеко не полные разъяснения от старших членов семьи [385].

Что касается Наталии Паисиевны Кайсаровой, то ее судьба была также весьма примечательной. В 40-х годах, живя во Франции, она вышла замуж за барона Гюстава Дюбуа де Романа (Gustave du Bois de Romand), близкого приятеля поэта Альфреда де Виньи, с которым он встречался в парижских гостиных и состоял в переписке [386]. На том основании, что он женился на единственной дочери Кайсаровых, последней представительнице угасающего рода, он впоследствии добился от петербургских законодательных властей права наследования родового имущества Кайсаровых и прибавки к своему титулу новой частицы — фамилии жены, именуясь бароном Дюбуа де Роман и де Кайсаров (et de Kaissaroff) [387]. Последние годы их жизни нам известны мало; укажем лишь, что в разгар Крымской войны барон Гюстав де Роман издал в Париже политическую брошюру о будущем мирном трактате с Россией [388]; по-видимому, оба они — барон и его супруга — умерли в 1861 г. [389]

Клара Нокс умерла молодой, а муж ее, Александр Нокс, о ком речь шла выше, женился вторично на Сьюзен Армстронг. Между 1846 и 1860 годами он являлся членом редакции газеты «Таймс» и напечатал здесь много статей. Нокс был другом Ч. Кинглека (автора «Eothen») и многих других писателей середины XIX в.

В середине 70-х годов в «Русском архиве» были напечатаны «Воспоминания гр. А. Д. Блудовой», в которых, между прочим, она вспоминала о Байроне; жизнь поэта сильно интересовала ее и ее сверстников в юные годы мемуаристки. Блудова писала здесь о Байроне: «Не столько своенравие и распущенность, сколько несчастное стечение обстоятельств расстроили его семейную жизнь и, вместе с жестокостью английского модного света, сделали его изгнанником из отечества» [390]. К этим словам редактор журнала П. И. Бартенев сделал следующее примечание: «Так называемая тайна Байрона, т. е. настоящая причина его семейного разлада, хранится у нас: ее передал, в запечатанном пакете, соотечественнице нашей О. А. Новиковой (урожденной Киреевой), известный английский писатель Кинглек, сообщив словесно имя того (ныне престарелого) лица, по кончине которого можно будет вскрыть пакет» [391]. Пакет этот не найден, и мы не знаем доныне, о каком «престарелом лице» идет здесь речь. Но все, что нам известно о Ч. Кинглеке, друге А. Нокса, которого Клер пыталась сделать нареченным Наталии Кайсаровой, наводит на мысль, что Кинглек мог иметь в виду Клер Клермонт, которая, несомненно, знала эту «тайну», хотя не была ее причиной, и в старости лелеяла мысль отомстить Байрону, как своему оскорбителю; впрочем, и О. А. Новикова, сообщавшая о таинственном пакете, могла слышать о Клер от отца, хорошо знавшего ее по Москве, и по Дрездену, и по рассказам своего воспитателя Бакстера.

Встречи людей на различных жизненных путях бывают не только удивительными по своей неожиданности, но и по непредвиденному воздействию, которое они тайно оказывают на судьбы литературы и искусства. В этом смысле дневники и письма Клер Клермонт московского периода ее жизни представляют значительный интерес и еще долгое время будут привлекать внимание исследователей англо-русских литературных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Полное имя Клер Клермонт, собственноручно поставленное ею под текстом ее завещания в 1876 г., гласит: «Clara — Maria — Constantia — Jane Clairmont» (27 апреля 1798—19 марта 1879), но в более ранние годы ее жизни оно звучало не столь длинно. В семье ее звали всегда Джейн или Мери Джейн, с конца 1814 г. прибавилось имя Клара (Clara), впоследствии несколько раз варьировавшееся: Clara, Clary, Clare, Claire (см. «The Journals of Claire Clairmont. Edited by Marion Kingston Stocking with the assistance of David Mackenzie Stocking». Harvard University Press, Cambridge, Mass. 1968, p. 13; в дальнейшем цитируется сокращенно: S t o c k i n g...). В последней форме (Claire Clairmont) оно окончательно утвердилось среди исследователей (ср.: Mary W. S h e l l e y. The Letters, collected and edited by Frederick L. Jones, v. I. Norman, 1946, p. 78, note). Мы пользуемся им исключительно, чтобы избежать путаницы и неясностей.

[2] О ранних годах жизни Клер Клермонт до нас дошло мало данных. Документальных сведений о ее рождении не сохранилось, и по этому поводу существуют лишь противоречивые указания; сама Клермонт назвала днем своего рождения 27 апреля 1798 г.; кроме того, она не раз утверждала, что происходит из Швейцарии. Так, Байрону она писала: «Вспомните обо мне в Швейцарии; это — родина моих предков» (S t o c k i n g, p. 13). В полутемных обстоятельствах ее рождения и многочисленности ее менявшихся имен пытался разобраться Герберт Гушер в двух статьях, написанных на основании бумаг венского архива семьи Клермонтов, ныне в значительной степени утраченных (см.: Herbert H u s c h e r: 1) Charles and Claire Clairmont.— «Englische Studien», 1944, Bd. LXXVI, S. 56—88 и 2) Charles Gaulis Clairmont.— «Keats-Shelley Memorial Bulletin», N VIII, Rome, 1957, p. 9—19). Лишь после этих разысканий удалось установить, что отцом Клер и ее брата Чарлза был, по-видимому, Charles Gaulis Clairmont, родившийся в семье судьи в Лозанне; одна из дочерей судьи (Albertina Marianna Gaulis) вышла замуж за англичанина, лорда Клинтона, фамильное имя которого было Robert George Cotton Trefusis (Trefusis — от названия родового замка и земельных владений в Корнуэлсе). Отметим, что фамильным именем Trefusis подписано первое письмо Клер Клермонт к Байрону. О матери Клер также сохранились противоречивые данные. В свидетельстве 1801 г. о свадьбе ее с В. Годвином она названа вдовой Чарлза Голиса Клермонта, в других она именуется то Mary Vial, то дочерью Andrew Peter Devereux; загадкой остается, таким образом, какова была ее девичья фамилия. См.: Ford K. B r o w n. The Life of William Godwin. London, 1926, p. 202 (ch. XVIII. Mary Jane Clairmont); Kenneth Neill C a m e r o n. Shelley and his circle, 1773—1822.— «Harvard University Press», 1961, v. I, p. 295—298.

[3] R. Glynn G r y l l s ⟨Mrs. Mender⟩. Claire Clairmont. Mother of Byron's Allegra. London, 1939, p. 253; George P a s t o n ⟨Emily Moise Symonds⟩. New Light on Byron's Loves. VI. Claire Clairmont: The struggle for Allegra.— «Cornhill Magazine», 1934, September, v. 150, p. 257—276.

[4] Herbert H u s c h e r. Claire Clairmont's Lost Russian Journal and Some Further Glimpses of her Later Life.— «Keats-Shelley Memory Bulletin», N VI, Rome, 1955, p. 42. Приношу искреннюю благодарность Mrs. Dorothy Hewlett, редактору этого издания, за присылку мне экземпляра редкого у нас мемориального бюллетеня (в дальнейшем это издание цитируется сокращенно: KSMB).

[5] W. G r a h a m. Last links with Byron, Shelley and Keats. London, 1898. Первоначально — в журнале «The Nineteenth Century», 1893, v. 34—35. См. также отчет о журнальной редакции этих мемуаров и выдержки из них в статье: F. P. W e s t e n h o l z. Chats with Jane Clairmont.— «Englische Studien», 1899, Bd. XXVI, S. 134—138. Первыми откликами на публикации Греэма на русском языке явились статьи: «Беседа с Джен Клермонт о Байроне и Шелли».— «Северный вестник», 1893, № 12, отд. II, с. 89—92; «О воспоминаниях Джен Клермонт. Подруга Байрона и Шелли».— «Вестник иностранной литературы», 1894, № 3, с. 221—226; «Подруга Байрона».— «Север», 1896, № 5, с. 218.

[6] J. C. J e a f f r e s o n. The Real Lord Byron. New Views of the Poet's Life, v. 1—2. London, 1883.

[7] М. П. А л е к с е е в. Байрон и английская литература.— «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 15, кафедра всеобщей литературы, 1938, с. 82—85.

[8] О книге Джефферсона см.: Н. С б о е в. Новая биография лорда Байрона.— «Русский вестник», 1883, № 9, с. 128—163 (о К. Клермонт — с. 153, 158—160).

[9] F. O. M a t t i e s s e n and K. B. M u r d o c k. The Notebooks of Henry James, N. Y., 1955; цит. по переводу А. А. Елистратовой в журн. «Иностранная литература», 1973, № 7, с. 204—205 (в статье «Генри Джеймс и его «Письма Асперна»).

[10] Leon E d e l. Henry James. The Middle Years, 1884—1894. London, 1963, p. 155—161.

[11] A. D. B r i g g s. Alexander Pushkin: a possible influence of Henry James.— «Forum for Modern Lang. Studies» (Publ. by Univ. of St. Andrews), 1972, v. VIII, N 1, p. 52—60.

[12] «Letters of Edward Trelawny. ed. H. Buxton Forman». Oxford, 1910, p. X—XI.

[13] Полина Клермонт (Pauline Clairmont; 1825—1891), или «Plin», как ее называли в письмах, жила вместе с теткой Клер Клермонт во Флоренции с 1870 г. Рождение Полины (28 июля 1825 г.) отмечено в московском дневнике Клер (S t o c k i n g, p. 359). См. о ней: Leon E d e l. The Aspern Papers. Great aunt Wickoff and Juliana Bordereau.— «Modern Language Notes», 1952, v. LXVII, June, p. 392—395; Kenneth N. C a m e r o n. Shelley and his circle, v. II, p. 901—905, 910—913 (Appendix: «The Clairmont papers»).

[14] Newman Ivey White. Shelley, v. II. London, 1947, p. 414, 642, со ссылкой на рукописное свидетельство об этом, хранящееся в библиотеке Гарвардского университета.

[15] K. N. Cameron. Shelley and his circle, v. II, p. 911.

[16] «Вестник иностранной литературы», 1896, № 3, с. 225.

[17] R. H. Hill. Shelley's Correspondence in the Bodleian Library. Oxford, 1926.

[18] Newman I. White. Shelley's biography: the primary sources.— «Studies in Philology», 1934, v. XXXI, p. 482.

[19] Byron. Works. Poetry, ed. E. H. Coleridge, v. III, p. 435. Это стихотворение полностью воспроизведено также в издании дневников К. Клермонт (Stocking, p. XIII).

[20] «Стансы на музыку (Из Байрона)». Перев. А. (Армфельдт?) — «Московский вестник», 1831, ч. 6, с. 27. Спустя десять лет в «Отечественных записках» (1841, т. XIX, № 12, с. 183) «Стансы» были опубликованы в переводе Н. П. Огарева. Существует также перевод этого стихотворения, сделанный К. Д. Бальмонтом под загл. «Романс»; см. Собр. соч. Байрона под ред. С. А. Венгерова (Библиотека великих писателей, изд. Брокгауз-Ефрон), т. I. СПб., 1904, с. 418. Начало:

Кто сравнится в высшем споре
Красотой с тобой?
Точно музыка на море —
Нежный голос твой, и т. д.

[21] Stocking, p. IX. Большое стихотворение «To Constantia singing» (4 строфы по 11 строк) воспроизведено здесь же (p. XIV — XV). О том, что это стихотворение Шелли посвящено ей, К. Клермонт сама сообщила Греэму (W. Graham. Last links..., p. 26, 41).

[22] Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. Изд. подгот. З. Е. Александрова, А. А. Елистратова, Ю. М. Кондратьев. М., «Наука», 1972, с. 226, 279 («Литературные памятники»).

[23] Shelley. «Epipsychidion», v. v. 368—372. В переводе В. Д. Меркурьевой (Шелли. Избранные стихотворения. М., 1937, с. 125) относящиеся к Клермонт стихи читаются так:

И ты прекрасна и дика была,
Комета! Сердце мира ты влекла
Вслед за твоим, пока средь сотрясений,
Отталкиваний, новых притяжений,
Твое — сошло с пути, и пополам
Разорвалось другое. К небесам
Лазурным нашим вновь слети звездой
Любви. Огонь из урны золотой
Тебе даст Солнце. Уходя, бледна,
В твоих улыбках скроет рог Луна;
Тебе благоговейно воскурят
Свой фимиам и Утро и Закат;
Так две сестры — Боязнь с Надеждой — тут
Звезду рождения и смерти чтут.
Дары их — в сердце, а вселенная —
Алтарь для жертвы.

О том, что под «Кометой» подразумевается К. Клермонт, см. в статье: K. N. Cameron. The Planet-Tempest passage in Epipsychidion.— PMLA, 1948, v. LXIII, N 3, p. 958—972. Джон Харрингтон Смит (J. H. Smith. Shelley and Clairmont.— PMLA, 1939, v. LIV, N 3, p. 785—814) приходил к выводу — с нашей точки зрения сильно преувеличенному,— что любовь к Клер была одним из главных увлечений в жизни Шелли (of the great loves of Shelley's life) и что поэтому будто бы именно ею были вдохновлены такие произведения Шелли, как «Аластор», «Юлиан и Маддало» и т. д., что еще менее правдоподобно. Возражения против такой догадки (впрочем, достаточно наивные) были сделаны в статье: F. L. Jones. Mary Shelley and Claire Clairmont.— «South Atlantic Quarterly», 1943, v. XLII, p. 409—412.

[24] R. Glynn Grylls. Claire Clairmont... London, 1939, p. 175—192, 240—253. Пользуясь этими извлечениями из дневников Клермонт, я уже упомянул вкратце о жизни ее в России в статье: «Автографы Байрона в СССР» (ЛН, т. 58, 1952, с. 978 и 997—998).

[25] Lorraine Robertson. The Journal and Note-Books of Claire Clairmont.— В изд. «Keats-Shelley Memorial Bulletin», ed. by Dorothy Hewlett, N IV, Richmond, Surrey, p. 53.

[26] Herbert Huscher: 1) Claire Clairmont's Lost Russian Journal and Some Further Glimpses of Her Later Life.— KSMB, 1955, N VI, p. 35—47; 2) Charles and Claire Clairmont.— «Englische Studien», 1944, Bd. LXXVI, S. 55—117.

[27] Stocking, p. VII.

[28] Там же, с. 7—9.

[29] Newman Ivey White. Shelley, v. I, London, 1947, p. 527. «История шестинедельной поездки...» с комментариями недавно издана в русском переводе. См.: Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты. М., 1972, с. 290—307, 502.

[30] Thomas M e d w i n. The Angler in Wales or days and nights of Sportsman, v. II. London, 1834, p. 187. Т. Медвин (1788—1869), служивший в английском драгунском полку, находившемся в Индии, в 1819 г. вышел в отставку с чином капитана. Подробная биография его изложена в книге: Ernest J. L o v e l l. Captain Medwin: Friend of Byron and Shelley. London, 1963.

[31] T. M e d w i n. Conversations of Lord Byron. 2 ed. London, 1824, p. 142—143; ⟨Т. Медвин⟩. Записки о лорде Байроне, ч. I. СПб., 1835, с. 115. Приводим всю указанную цитату по этому русскому изданию: «Я не люблю, когда матери воспитывают сыновей; я сам испытал это. Притом же, скитаясь по свету, как мог бы я хлопотать о дитяти? Это принудило меня оставить Аллегру в Равенне. Бедняжечка! Она много утешала меня, хоть я люблю более Аду. Я намерен разделить между ими мое имение: достанет для обеих...» К имени Аллегра в сноске на той же странице прибавлено: «Это та малютка, которой он завещал часть своего имения; но она умерла прежде отца. Кажется, что она — Леила Дон Жуана» (с. 114—115). В оригинале указано лишь, что Аллегра, по-видимому, воспета в 52-й строфе X-й песни в поэме «Дон Жуан» Байрона, из которой приведена и цитата (с. 143). К. Клермонт читала «Conversations of Lord Byron» в Москве в 1827 г. и с возмущением занесла в дневник свои впечатления об этой книге, в частности, негодуя на Медвина за то, что он отвел здесь второстепенную роль «бедному Шелли», вспоминая, кстати, и о личном знакомстве с Медвином и о несправедливых отзывах Байрона о поэзии Шелли (S t o c k i n g, p. 408—410, 428, 429).

[32] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 5, с. 48.

[33] S t o c k i n g, p. 201. Фамилия Бутурлиных часто мелькает на страницах дневника К. Клермонт, но транскрипция установилась не сразу (Buterlin, Butterlin, Bouterlin).

[34] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 3, с. 416.

[35] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 3, с. 404. Это была, очевидно, та «нянька-англичанка мисс Саут» (Margaret South), о которой автор «Записок» упомянул ранее (с. 239). Гувернеры-англичане были у Бутурлина еще в России, «сначала англичанин Фичвик», потом «последний мой тутор * (до отъезда нашего за границу в 1817 г.) англичанин Эльмерс» (с. 397).

[36] Там же с. 440.

[37] S t o c k i n g, p. 244, 256, 262.

[38] М. Д. Бутурлин. Записки.— «Русский архив», 1897, № 3, с. 441—442.

[39] S t o c k i n g, p. 190, 470—473; Ugo V i v i a n i. Un genio Aretino. Tomaso Sgricci. Poeta tragico improvisatore. Arezzo, 1928; H. Buxton F o r m a n. The improvizzatore Sgricci in relation to Shelley.— «Gentleman's Magazine», 1880, v. 246, January, p. 115—123

[40] S t o c k i n g, p. 198—199.

[41] Ш е л л и. Письма. Статьи. Фрагменты, с. 229—230, 490.

[42] «Остафьевский архив», т. V, в. 2. СПб., 1913, с. 134 (подлинник по-французски).

[43] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 5, с. 23; ср.: Пушкин. Статьи и материалы, в. III. Одесса, 1927, с. 28—29.

[44] S t o c k i n g, p. 210 и ниже (p. 246, 262). Написание фамилии Воронцовых, воспринимавшейся Клер Клермонт на слух, как и многие другие русские фамилии, встречается в ее дневнике в неустойчивой транскрипции (Waronzoff, Varontzoff, Voronzoff). О вилле Шуваловых (Caza Schuwalow) см. с. 203. «Во Флоренции мы нашли поселившуюся на зиму толстейшую графиню Шувалову»,— пишет Бутурлин в «Записках» («Русский архив», 1897, № 4, с. 589), т. е. сестру князей Алексея, Сергея и Николая Щербатовых и г-ж Скарятиной, Петрово-Соловово, Апухтиной и Бергман, как комментирует здесь же П. И. Бартенев. «Она жила там из-за болезни восемнадцатилетней дочери своей, Анастасии, умершей в следующем (1818) году». Год смерти ее Бутурлиным указан неверно: это случилось во Флоренции в 1821 г. См.: N. K a u c h t s c h i s c h w i l i. Diario di D. T. Fiquelmont. Milano, 1968, p. 9.

[45] S t o c k i n g, p. 266—269.

[46] П. И. Б а р т е н е в. Роспись сорока книгам архива князя Воронцова, кн. XL. М., 1897, с. 238. В комментариях к записям дневника К. Клермонт о Воронцовых (S t o c k i n g, p. 210) Мария Артемьевна Воронцова спутана с Марией Романовной Воронцовой, а сестра ее, Екатерина Артемьевна,— с Екатериной Романовной, издательница сочла их родными сестрами Семена Романовича Воронцова (1744—1832), русского посла в Англии.

[47] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 4, с. 607—608. О Марии Артемьевне Воронцовой см.: заметку того же Бутурлина в «Русском архиве», 1869, № 10, стб. 1712—1714; кн. Варвара Р е п н и н а. Из воспоминаний о прошлом.— Там же, 1870, № 8-9, стб. 1725—1727.

[48] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 3, с. 423. Упоминания К. Ланц в дневнике К. Клермонт — p. 261—264, 267—269, 273, 276.

[49] S t o c k i n g, p. 261 и по указателю, p. 565; «Русский архив», 1897, № 6, с.185.

[50] S t o c k i n g, p. 233, 242, 243, 246, 249, 254, 256.

[51] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 4, с. 594.

[52] «Воспоминания Е. Ф. Юнге, урожд. гр. Толстой». М., изд-во «Сфинкс», ⟨1910⟩, с. 325—326.

[53] М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 4, с. 594.

---

* Тутор — гувернер, воспитатель (*англ.*).

[54] Stocking, p. 256, 258.
[55] Там же, стр. 256.
[56] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 34. М., 1952, с. 393; С. Л. Толстой. Федор Толстой Американец. М., 1926, с. 7: «Остафьевский архив», т. I. СПб., 1899, с. 518—520.
[57] С. Л. Толстой. Указ. соч., с. 49—57 (гл. V: Ссора и примирение с Пушкиным).
[58] Stocking, p. 372, 379, 393.
[59] Там же, с. 256.
[60] Там же, с. 257.
[61] «Русская старина», 1885, № 10, с. 211
[62] Stocking, p. 257—258.
[63] Там же, с. 254. Речь идет о Николае Никитиче Демидове (1773—1823), поселившемся во Флоренции в 1820 г. и купившем здесь владения Сан-Донато. Подробный рассказ о его богатстве и быте в 20-е годы XIX в. см. в «Записках» Бутурлина («Русский архив», 1897, № 4, с. 623—625). Прозвание «русского Креза» («the Russian Croesus») Демидов получил от леди Блессингтон (Маргарет Гардинер) (см.: Lady Blessington. Literary Life and Correspondence, v. I, p. 117).
[64] Stocking, p. 256, 259, 263—264. «Маленький Шнейдер» — по-видимому, владелец «наилучшего отеля» во Флоренции на Лунгарно (набережной реки Арно), в котором останавливались наиболее обеспеченные приезжие, по свидетельству Бутурлина («Русский архив», 1897, № 4, с. 588).
[65] «Русский архив», 1897, № 4, с. 588.
[66] Н. В. Измайлов. Пушкин и Е. М. Хитрово.— В сб. «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово». Л., 1927, с. 152—154.
[67] Д. И. Долгоруков, проезжавший через Неаполь в 1822 г., пишет своему отцу: «В Неаполе мало русских. Первое место занимает Хитрова, рожденная Кутузова-Смоленская» («Русский архив», 1914, № 5, с. 22 и 26).
[68] Stocking, p. 276. А. В. Сверчков, русский поверенный при Тосканском и Лукком дворах (ум. во Флоренции в 1828 г.), был женат на Елене Дмитриевне Гурьевой («Русский архив», 1897, № 4, с. 601—602; № 5, с. 45, 51).
[69] «Русский архив», 1897, № 5, с. 46.
[70] Там же, с. 46; Stocking, p. 268.
[71] Stocking, p. 233; в «Записках» Бутурлина, помимо Джулиани, много рассказывается также о лорде Норманби и его домашнем театре: «Постоянно жил тогда во Флоренции со своим семейством лорд Норманби, впоследствии лорд Мюльгрев и ирландский наместник. Он занимал великолепный палаццо с садом дука Сан-Клементе в глухой и пустынной улице позади церкви «делла Аннунциата» и почти подходивший к городским стенам. Лорд Норманби устроил у себя театр, на котором сам и грациознейшая его леди, оба драматические таланты, при пособии других соотечественников, часто давали представления, по входным билетам, шекспировских и других пьес. Приглашения туда жадно принимались, но число избранных счастливцев было ограничено по тесности театрального зала, и потому состав зрителей менялся каждый раз. Я, как полубританец по воспитанию, с увлечением следил за этими спектаклями, когда на долю нашего семейства выпадал билет» («Русский архив», 1897, № 5, с. 47). Книга Норманби «Англичане в Италии» (Lord Normanby. The English in Italy, 3 v. London, 1826) была хорошо известна «русским флорентийцам»; в октябрьской книжке «Вестминстерского обозрения» за 1826 г. напечатана рецензия на это издание, написанная Мери Шелли (перепечатана в приложении к «Дневникам» К. Клермонт — Stocking, p. 441—457).
[72] О капитане Медвине и переводчике Данте Джоне Тафе (John Taafe), с которым Клер Клермонт встречалась в Пизе, см.: Stocking, p. 189, 191, 193, 196—197, 199.
[73] М. Д. Бутурлин. Записки.— «Русский архив», 1897, № 5, с. 55.
[74] Шелли. Письма. Статьи. Фрагменты, с. 228.
[75] Там же, с. 276—278.
[76] Stocking, p. 296. Подробный рассказ о предполагавшейся высылке К. Клермонт из Вены, на основании подлинных документов, см. в кн.: R. G. Grylls. Claire Clairmont: mother of Byron's Allegra. London, 1939, p. 165—196, а также в статье: H. Huscher. Charles und Claire Clairmont.— «Englische Studien», Bd. LXXVI, 1944, S. 61 ff.
[77] Там же, с. 296.
[78] Там же, с. 297.
[79] Там же.
[80] «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1909 год». СПб., 1915, с. 41 (здесь напечатано три письма Н. Н. Зотова к его дочери, Е. Н. Чернышевой (из общего числа 34 писем к ней, хранящихся в библиотеке), и три письма к ее мужу — А. И. Чернышеву (из 27 хранящихся здесь же). О Зотовых см. ниже.
[81] Д. П. Рунич. Записки.— «Русская старина», 1901, № 1, с. 52.
[82] Ф. Ф. Вигель. Записки, кн. IV. М., 1892. с. 171.
[83] Д. Н. Свербеев вспоминает, что его мать привезла в подмосковную деревню «русскую гувернантку»: «до тех пор мы жили с нашей любимой няней, англичанкой, добрейшей м-м Деннет, бывшей няней маменьки» (см. введение в кн.: «Дневник Е. И. Поповой». СПб., 1911, с. VII); Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. Петроград, 1830, с. 69, 144—145, 174.
[84] «Из воспоминаний леди Блумфильд».— «Русский архив», 1899, № 6, с. 223—224.

[85] К. К. Павлова. Собр. соч., ч. II. М., 1915, с. 12—13.

[86] Н. И. Греч. Черная женщина. Роман, ч. III. СПб., 1834, с. 78—81.

[87] ⟨А. П. Степанов⟩. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым. СПб., 1835, т. I, с. 181.

[88] Фан-Дим. Голос за родное. СПб., 1842, с. 91—92.

[89] ⟨Д. Н. Бегичев⟩. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян, изд. 2-е. М., 1833, ч. II, с. 8; ч. VI, с. 130—131 (рассуждение о том, зачем «англичанка-компаньонка» нужна русской замужней женщине, если «муж и дети — вот настоящие компаньоны ее»), с. 136 и др.

[90] М. С. Жукова. Вечера на Карповке, ч. I. СПб., 1839, с. 123, 228; ч. II, с. 404; «Дача на Петергофской дороге».— «Отечественные записки», 1843, № 4, с. 272—273.

[91] Н. Полевой. Мечты и жизнь. Были и повести, ч. III. М., 1834, с. 207, 228; ч. IV, с. 79; А. Зражевская. Картины дружеских связей, изд. 2-е, ч. II. СПб., 1839, с. 232; М. Н. Загоскин. Москва и москвичи. Записки Б. И. Бельского, изд. 2-е, т. I. М., 1851, с. 55; Сочинения З. Р-вой, т. 4. СПб., 1843, с. 18—19 (повесть «Напрасный дар»), 298 («Любинька») и т. д.

[92] Mrs. Julian Marshall. The Life and Letters of Mary Wollstonecraft Shelley, v. II. London, 1889, p. 120; «The Letters of Mary W. Shelley», v. I. Norman, 1946, p. 300.

[93] Mrs. J. Marshall. Mary Shelley, v. II, p. 131.

[94] R. Glynn Grylls. Claire Clairmont, mother of Byron's Allegra. London, 1939, p. 178—183.

[95] Stocking, p. 544, 551—552, 570. О транскрипциях и переводах русских слов в этом издании дневников Клер см. выше, прим. 44, и ниже — 129, 191, 220 и др.

[96] Там же, с. 321, 369, 393, 405—406, 408, 555 (Pomikoff, Ponikoff) и др.

[97] Биографию Захара Николаевича Посникова, составленную на основании его послужного списка 1830 г. И. Ефимовичем, см.: «Русский биографический словарь», т. «Плавильщиков — Примо». СПб., 1905, с. 602—603. В некоторых источниках фамилия его пишется Постников сообразно с этимологией; игра слов, основанная на происхождении этой фамилии, встречается в письме Вяземского к Пушкину от 31 августа 1831 г.: «Скажи Жуковскому, что сейчас получил его постные письма, то есть посниковские и омеопатические» (Пушкин, т. XIV, с. 218).

[98] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III. М.— Л., 1952, с. 323— 325.

[99] «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», в. IX. М., 1901, с. 234, 236.

[100] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. III, с. 304 («Записки путешествия из Сибири», запись от 10 июля 1797 г.), 604, 614; «Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями». Подгот. текста, статья и прим. Д. С. Бабкина. М.— Л., 1959, с. 69.

[101] В. П. Семенников. Радищев и гр. Воронцов.— В кн.: В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. М.— Пг., 1923, с. 127. Первые уроки англофильства получены были Посниковым в Андреевском, где при Воронцове постоянно жил доктор англичанин — искусный медик.

[102] ⟨П. И. Бартенев⟩. Роспись сорока книгам архива кн. Воронцова, с азбучным указателем личных имен. М., 1897 (Архив кн. Воронцова, кн. XL). О связях Посникова с С. П. и М. С. Воронцовыми см. в этом «Архиве», кн. XXXV (1889), с. 145, 146, 160, 163; кн. XXXVII (1891), с. 377, 384, 417, 468. Живую характеристику Посникова, этого «необычайнейшего из прокуроров», дает А. П. Ермолов в письме 1816 г. к М. С. Воронцову, вспоминая, в частности, о чрезвычайной его словоохотливости: «Я как-то по неосторожности за обедом вошел с ним в разговор; и он, обещавши в коротких словах со мною объясниться, едва живого отпустил меня при наступлении вечера. Вспомни продолжительный в Петербурге летний день!» (кн. XXXVI. М., 1890, с. 168—169).

[103] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.— Л., «Academia», 1930, с. 151. См. также: «Записки донского атамана А. К. Денисова».— «Русская старина», 1875, № 2, с. 245—247.

[104] С. П. Жихарев. Записки современника. М.— Л., 1955, с. 214—215.

[105] В. А. Соллогуб. Воспоминания. Ред., пред. и прим. С. П. Шестерикова. М.—Л., 1931, с. 137—138. Ославское — село Московской губ., Звенигородского уезда при р. Москве, на дороге из Звенигорода в Москву (П. Семенов. Географо-статистический словарь Российской империи, т. II. СПб., 1865, с. 366); ⟨Н. П. Колюпанов⟩. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, с. 203—204. «У Ивана Петровича было прекрасное село Ославское, в котором он давал большие праздники, куда съезжались погостить все соседи и москвичи»,— свидетельствует М. И. Пыляев в книге «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы» (СПб., 1891, с. 331—332), где собрано много данных об Архаровых и об Ославском. В настоящее время в Ославском находится колхоз и школа, а в прежнем барском доме имения разместился детский туберкулезный санаторий: кирпичное двухэтажное здание довольно велико (на фасаде — 13 окон); сад и парк, расположенный на берегу Москвы-реки, не сохранились.

[106] «Остафьевский архив», т. I. СПб., 1899, с. 344, 656.

[107] «Русский архив», 1867, стб. 1028.

[108] Существовал альбом А. И. Васильчиковой (урожд. Архаровой), в который было вклеено письмо Пушкина (к родителям и сестре от 3 мая 1830 г. из Москвы). Это письмо было получено Васильчиковой от Н. О. Пушкиной (матери поэта), бывшей в дружеских отношениях с Екатериной Александровной Архаровой (урожд. Римской-Корсаковой). Сам Пушкин пытался возвратить себе это письмо, но безуспешно (см.: Пушкин. Пись-

ма. Ред. Б. Л. Модзалевского, т. II. М.— Л., 1928, с. 424). Сестра А. И. Васильчиковой, Софья Ивановна (1792—1854), была замужем за А. И. Соллогубом, отцом писателя.

[109] К. Батюшков. Соч., т. I. СПб., 1887, с. 391—392; «Русская старина», 1880, № 7, с. 579.

[110] В. А. Соллогуб. Воспоминания, с. 129—130.

[111] «Русская старина», 1875, № 2, с. 280, 282, 293.

[112] С. П. Жихарев. Записки современника. М.— Л., 1955, с. 214.

[113] В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, с. 280—282.

[114] Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям, 1820 и нач. 1821 г. Петроград, 1830, с. 185, 193, 208.

[115] С. П. Жихарев. Записки современника, с. 197.

[116] «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I. СПб., 1905, с. 404—405.

[117] «Из дневника П. Г. Дивова».— «Русская старина», 1900, № 4, с. 134.

[118] В. А. Соллогуб. Воспоминания, с. 129—130. Последующая жизнь Ивана Захаровича сложилась неудачно. Под именем Вани (Vania) или Джонни (Johnny) он нередко упоминается в московском дневнике Клермонт, но издательница не сумела определить фамилию его отца; поэтому в указателе имен к «Дневникам» он фигурирует то под именем Pomicoff, то Zacharovich, Ivan (с. 555, 570).

[119] Mrs. J. Marshall. Mary Shelley, v. II, p. 145—146; Stocking, p. 298—299.

[120] Для биографии Германна Гамбса косвенное значение имеют «Автобиография» его отца («Autobiographie des Pfarrers Karl-Christian Gambs, 1759—1783, mit einem Anhang». Strassburg, 1909), а также биографические данные о семье сестры Германна — Генриетты, вышедшей замуж за Карла Фроммеля. Их сын, Эмиль Вильгельм Фроммель (1828—1896) — протестантский проповедник и литератор, некогда пользовавшийся популярностью. Сын Э. Фроммеля, Отто (см.: Otto Frommel. Emil Frommel: ein Lebensbild. Berlin, 1908, S. 177—178; «Allgemeine Deutshe Biographie». Leipzig, 1904, Bd. XLIX, S. 184—186), рассказывает, что Гамбсы принадлежат к старинной эльзасской патрицианской семье, что Германн Гамбс (приходившийся Отто Фроммелю двоюродным дедом) родился в Париже в первые годы XIX в. (до 1806 г., когда отец Германна уехал из Парижа), а умер в Эльзасе (в Schwindrotzheim) в октябре 1886 г., вскоре после того как он покинул должность пастора в этом приходе, которую занимал много лет. Э. Фроммель рассказывал, что провел в юности несколько лет в доме Германна Гамбса, и характеризовал его как человека, отличавшегося пылким темпераментом и многосторонними талантами: он одинаково свободно владел французским и немецким языками, был красноречивым двуязычным проповедником, писал стихи, являлся композитором и музыкантом) (Stocking, p. 299, 302—303).

[121] Stocking, p. 316.

[122] Там же, с. 309.

[123] Там же, с. 305.

[124] Там же, с. 311 (запись 17/29 мая 1825 г.).

[125] Там же, с. 306—307.

[126] Там же, с. 307—308.

[127] Там же, с. 310.

[128] Работе над «Экспромптом в Ивлавском» посвящено много записей в дневнике (Stocking, p. 308, 310—311, 314, 319, 322—326). Музыка к этой комедии была сочинена Г. Геништой.

[129] Живя в России несколько лет, Клермонт, вопреки мнению ее зарубежных биографов (в частности М. Стокинг), довольно плохо овладела русским языком, так как, по-видимому, не очень в этом была заинтересована. Тем не менее, волей-неволей, ей все же пришлось порою усваивать отдельные слова русской обиходной речи и целые фразы, встречающиеся в ее бумагах, то в записях русским алфавитом, то в транскрипциях латиницей, большей частью искажающих орфографию или произношение этих русских слов. В дневниках Клермонт мелькают слова денежного счета (rouble, copeck) или канцелярского языка: ukase (p. 393), starista (! вм. starosta, p. 313) — сельский староста; дважды встречается слово «дрожки» — один раз с ошибкой (droshky, droshsky, p. 357); упоминается также «игра в горелки» (garielky, p. 322), однако, заметим, что это была не только «игра в русских деревнях», по объяснению издательницы дневника, но и в русских дворянских городских семьях: см. стих. Г. Р. Державина «Горелки», повести Пушкина; в том же 1825 г., говоря о барышнях Чернышевых (упомянутых у Клермонт), А. Я. Булгаков писал брату: «Дом очень приятный: они милы, поют ⟨...⟩, даже в горелки играют: зала большая, есть, где разбежаться» («Русский архив», 1901, № 6, с. 184). Некоторые этимологии Клермонт отличаются наивностью; так, город Смирну в Турции она пытается объяснить русским словом «смирная», не понимая его смысла: «and Smirna in Russian means *gentle*» (p. 405). Но во многих случаях ошибки в текстах дневников Клермонт представляются неправильными чтениями русских слов его издателями. Укажем, например, на случай, где комментарий к плохо прочтенному русскому слову в дневнике достигает комического эффекта: под 21 мая (2 июня) 1825 г. Клермонт рассказывает, что после прогулки на мельницу ей и детям на завтрак подана была «prostagnasha» (p. 314). Это слово поставило издательницу в тупик; она не нашла его в словарях, и никто не был

в состоянии истолковать его: в конце концов М. Стокинг вынуждена была признать, что это, по-видимому, «искаженное слово» «ускользнуло от всех усилий по его объяснению» (has eluded all efforts to identify it, p. 314): между тем, как легко догадаться, речь идет о русской «простокваше» (ptostoquasha)! Следствием ошибочного чтения рукописи дневника, несомненно, является запись: «a Russian lady from Jonla» (p. 394), которую нужно читать «from Toula», т. е. из г. Тулы. Непонятной издательнице осталась фраза «...go to Zuchari Bashnik» (p. 375), которую следует понимать «пошла к Сухаревой башне». Вообще говоря, собственные имена, названия городов, местностей, улиц и т. д. в печатном тексте дневников Клермонт даны с ошибками и нуждаются в исправлениях и уточнениях.

[130] Stocking, p. 437.

[131] Там же, с. 314; ср. также упоминание Леричи в записях дневника Клер в Ислав-ском 2/14 июня 1825 г. (с. 324).

[132] Там же, с. 315.

[133] Там же, с. 319. В более поздней записи дневника (3/15 июля 1825 г.) рассказывается, что в Ислав-ском после вечерней прогулки Гамбс «читал письма от своих учеников и друзей и немного из «Hymn to Intellectual Beauty» (p. 336), т. е. из стихотворения Шелли; об этом стихотворении и его заглавии см. в монографии: N. I. White. Shelley, v. I, p. 446, 451, 475, 713; K. N. Cameron. Shelley and his circle, v. I, p. 111.

[134] Stocking, p. 318—319; здесь же в примечании приводятся первые строфы «Оды к Урании» Гамбса во французском стихотворном оригинале и английском прозаическом переводе издательницы дневника.

[135] О чтении в Ислав-ском «Моисея» Гамбса см.: Stocking, p. 299, 300, 313, 316.

[136] Об этом неосуществленном замысле М. П. Погодина см. выдержки из его дневника 1824—1825 гг. в кн.: Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1. СПб., 1888, с. 280—281.

[137] «Русский архив», 1901, № 5, с. 31 («Завтра должны были давать Россиниева Моисея, но Филарет запретил, и я его одобряю» и т. д.,— писал А. Я. Булгаков брату из Москвы 14 января 1824 г.).

[138] Stocking, p. 313—314.

[139] Там же, с. 316—317.

[140] Там же, с. 313. Начальные стихи поэмы Гамбса «Моисей» читаются так:

Je chante le mortel qui de la tyrannie
Osa briser le sceptre, et dont l'heureux Génie,
Près d'un peuple jouet d'un despote irrité,
Le premier ramena la douce liberté.
Vainement l'ennemi de la grandeur divine
Des malheureux humains conspirait la ruine,
En vaine de Pharaon les farouches soldats
Contre un peuple opprime s'excitaient aux combats
Et, pressant les Hébruax vers l'humide rivage,
Semblaient crier à tous: la mort ou l'esclavage! («Moïse», p. 1—2).

Перевод:

«Пою смертного, осмелившегося разбить скипетр тирании, того, чей счастливый гений первый принес желанную свободу народу, бывшему игрушкой злобного деспота. Тщетно враг божественного величия замышлял гибель несчастных людей; тщетно жестокие воины фараона, возбуждали в себе ярость против угнетенного народа и, тесня его к берегу моря, кричали: смерть или рабство!»

[141] Stocking, p. 410; Mrs. J. Marshall. Mary Shelley, v. II, p. 160.

[142] Mrs. J. Marshall. Mary Shelley, v. II, p. 236—237. Князь Щербатов, о котором идет речь в этом письме, это, очевидно, Николай Григорьевич (1778—1845). А. И. Тургенев в письме к Вяземскому 3 мая 1826 г. упоминает Н. Г. Щербатова, как еще не возвратившегося из Парижа («Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, с. 140 и 496).

[143] H. Gambs. Vie et doctrines de Godescalc. Strasbourg, 1837 (15 pp. in 4°), указано у Stocking, p. 300, note.

[144] C. Clairmont. Vladimir et Zara ou les Kirguises, poème en quatre chants, suivi de quelques poésies fugitives. Paris, 1836. Я пользовался экземпляром этой редкой книги, хранящимся в ГПБ в Ленинграде (шифр 13.VIII.10.136). На обложке сделана надпись чернилами: «Offert à Monsieur Th. Thurneissen par l'Auteur». Поэма «Владимир и Зара» занимает в этой книге с. 3—187; ей предшествует «Prélude» (с. 6—28 особой пагинации) — род стихотворного предисловия философско-эстетического содержания (см. его краткие тезисы на с. 5 «Оглавления» книги), в котором излагаются принципы, лежащие в основе поэмы. Вторую часть этой книги составляют «Loisirs» («Досуги»), с особой нумерацией; здесь напечатаны стихотворение «Афродита и Венера Урания» (с. 177—188) и ода «Урания» (с. 189—194), о которой уже шла речь выше (см. прим. 134), и ряд стихотворений «на случай».

[145] Stocking, p. 300.

[146] Там же, с. 301. Приведя большую цитату из этого произведения, издательница дневника Клер замечает, что хотя указанные стихи Гамбса «вполне соответствуют тому, что мы знаем о времени дружбы его с Клер (она иногда шутила, что обращается в бегство от льстивых похвал), но все это место остается загадочным» (с. 302). Действительно, если

речь идет об их отношениях, то они изображены здесь в поэтизированном и сильно зашифрованном виде.

[147] Stocking, p. 301.

[148] Там же, с. 302.

[149] Поэма «Владимир и Зара» в указанном парижском издании 1836 г. с именем C. Clairmont названа в известном библиографическом справочнике: В. И. Межов. Сибирская библиография, т. III. СПб., 1892, с. 241 (№ 2511).

[150] «Повесть в стихах» «Киргизский пленник» (М., 1828), сюжет которой «взят» из «истинного происшествия Оренбургской линии», считается «одной из самых ранних попыток романтической разработки темы русско-казахских связей в русской литературе», как ее характеризует М. И. Фетисов, отмечающий, что для 20-х годов XIX в. «скромный опыт Н. Муравьева представлял известный интерес, поскольку в поэме затрагивается тема малоизученной казахской жизни» (М. И. Фетисов. Литературные связи России и Казахстана 30—50-х гг. XIX в. М., 1956, с. 46—49; А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955, с. 46—49). Поэма Гамбса «Владимир и Зара» должна быть включена в круг поэм и повестей о киргизах и степях северо-восточного Казахстана, написанных на русском языке, вслед за «Киргизским пленником» Н. Муравьева (А. П. Крюкова, П. Кудряшова, В. Ушакова — вплоть до польской поэмы «Kirgiz», 1842 г. Г. Зелинского), о которых существует в настоящее время довольно большая литература; однако поэма «Владимир и Зара» до последнего времени оставалась исследователям неизвестной. Содержание ее вкратце таково. Главное действующее лицо поэмы — Владимир, молодой русский офицер, случайно ставший пленником киргиз-кайсаков во время их набега. В неволе он стал пастухом и целые дни и ночи проводит вдали от места, где находятся юрты кочевников. Однажды Владимир рассказывает свою жизнь полюбившей его ханской дочери Заре. Он родился на берегу Оки (sur les rivages de l'Occa), в ранней юности знал счастливые дни, почести, богатство. Отец его был заслуженный старый воин: первые слова, заученные Владимиром в младенчестве, были — Очаков и Чесма; но отец его был стар и скоро умер, оставив сына на руках молодой матери. Когда же сын подрос и для него наступила пора службы, мать отпустила его в армию. Из дальнейшего выясняется, что он принял участие в русской освободительной войне (1812—1813 гг.?). Владимир был молод и увлечен идеей политической свободы; ему слышался призывный клич: «Дети славы! Станьте свободными, время пришло» (с. 92).

Обольщенный этим небесным гласом
Я осмелился думать, осмелился говорить,
И (тогда) зловещим приказом
Я был сослан в гарнизон в Омск (с. 93).

Очевидно, речь идет здесь о сосланном в Сибирь декабристе после восстания на Сенатской площади. Подробнее об этой поэме Гамбса и ее источниках см.: М. П. Алексеев. Французская поэма 1836 г. о «киргизах» и ее автор.— В кн.: Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., «Наука», 1976, с. 208—220.

[151] «Vladimir et Zara», p. 257—260.

[152] Об этом переводе см.: С. Бертенсон. П. А. Катенин. Литературные материалы. СПб., 1909, с. 11. Говоря о московских любительских театрах и упоминая, в частности, домашние театры С. С. Апраксина и Ф. Ф. Кокошкина, М. И. Пыляев («Старая Москва. Рассказы из былой жизни». СПб., 1891, с. 306) свидетельствует, что «пьесы на барских любительских театрах исполнялись на французском языке».

[153] Stocking, p. 332—333. Аман в трагедии Расина «Эсфирь» — вельможа Артаксеркса; Зарес — его жена. Мисс Гардорф, жившая в Исламском у Посниковых, именуется в других местах дневника Клер Лизой (Stocking, p. 308, 342, 356, 365, 541—542). Очевидно, Е. Гардорф была родственницей московского музыканта — пианиста Гардорфа, друга Г. Гениште.

[154] Stocking, p. 339—340. О некоторых из названных здесь лиц см. ниже; следует иметь в виду, что здесь, как и всюду, русские имена сильно искажены: Ф.Ф. Кокошкин назван Kakorchkin, Молчанов — Monchanoff, Перкульева — Percoulof и т. д.

[155] Stocking. p. 353. Об Армфельде см. ниже, прим. 204.

[156] Там же, p. 339.

[157] Наиболее подробные сведения об И. И. Гениште — в статье о нем Н. Финдейзена в «Русском биографическом словаре», т. «Гааг—Гербель». М., 1914, с. 390—391; см. также: Е. А. Тынянова. И. И. Гениште.— «Советская музыка», 1941, № 2, с. 62—65. Финдейзен указывает, что Иосиф Иосифович Гениште «родился около 1810, по-видимому, в Москве», что он «умер там же ок. 1850 г.» Однако надгробие Joseph Genischta на иноверческом кладбище на Введенских горах указывает другие, точные даты: «р. 13 ноября 1795 г.— ум. 25 июля 1853 г., жил 58 л., 8 месяцев, 9 дней» (см. «Московский некрополь», т. I. СПб., 1907, с. 261); в том же источнике приводятся данные об его родственниках: Иосифе Карловиче (ум. 1859, 19 л.) — прапорщике л.-гв. финляндского полка; Иосифе Францовиче (1750—1811). вероятно, об отце музыканта, и многих других (с. 261). Д. Н. Свербеев («Записки», т. I, с. 310) утверждает, что было «два московские музыканта по ремеслу, два брата Гениште, старший — отличный пианист».

[158] Иоганн Вильгельм Геслер — немецкий органист и пианист; в 1792 г. он поселился в Петербурге, в 1794 г. переехал в Москву, где пользовался большой известностью

(см. стих. И. И. Дмитриева «Стихи на игру г-на Геслера, славного органиста» в сб.: «И мои безделки», 1795, а также кн.: Т. Н. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII в., т. I. М., 1952, с. 148 и 251), умер в Москве в 1822 г. В книге Г. Штаффорда («История музыки с примечаниями, поправками и прибавлениями Г. Фетиса». Пер. с франц. Е. Воронова. СПб., 1838, с. 389—390) говорится, что успехам русской музыки «много способствовал знаменитый Геслер, современник Гайдна и Моцарта, и ученик его, Гениште ⟨в тексте напеч. с ошибкой: Генште⟩, доныне живущий в Москве; он известен многими напечатанными сочинениями для цьяно, для пения, для оркестра. Гениште бесспорно принадлежит к числу лучших контрапунктистов Европы».

[159] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1. СПб., 1888, с. 107—108; кн. 2, 1889, с. 82—83. Владелец Знаменского, Иван Дмитриевич Трубецкой, умер 1 марта 1827 г.; жена его, Екатерина Александровна (урожд. Мансурова), умерла 20 октября 1831 г. («Русский архив», 1866, № 6, с. 191).

[160] Д. В. Веневитинов. Полн. собр. соч. Под ред. и с прим. Б. В. Смиренского. М., 1934, с. 292, 283—284.

[161] Stocking, p. 314.

[162] «Di tanti palpiti» — каватина из оперы Россини «Танкред»; Клер вместе с Геништой исполняли в четыре руки вариации для рояля на тему этой арии, написанные немецким композитором и пианистом Фердинандом Рисом (F. Ries, 1748—1838). Этот дуэт Риса Клер исполняла ранее вместе с Гамбсом (Stocking, p. 309). Упоминаемый далее «Экоссез» («Ecossaise») Гениште напечатан в «Музыкальном альбоме» А. Н. Верстовского (1828); приведенное свидетельство дневника Клермонт не только отодвигает по крайней мере на три года сочинение этой пьесы (1825) до ее публикации, но и приводит признание автора о бытовой сценке, послужившей поводом к созданию им этой веселой фортепьянной пьесы. В. И. Музалевский («Русская фортепианная музыка». Л.—М., 1949, с. 145) пишет что «Экоссез» Гениште — прелестная пьеска, изобилующая красочно-остро звучащими задержаниями, употреблением диссонирующих аккордов. Контрасты в регистрах фортепияно (первое колено), мелодическая простота и цельность образа дополняют качество экоссеза.

[163] Stocking, p. 325.

[164] Там же, с. 369—370, 372—375, 377, 380—381, 392—393.

[165] Там же, с. 369.

[166] Д. В. Веневитинов. Стихотворения. Вступ. статья, ред. и прим. В. Л. Комаровича. Л., 1940, с. 47, 153.

[167] Е. А. Маймин. Поэт и философ. (Очерк творческого пути Д. В. Веневитинова).— В сб.: «Пушкин и его современники». Псков, 1970, с. 70—71.

[168] Stocking, p. 370.

[169] Там же, с. 387. Баллада Ф. Шиллера «Der Ring des Polycrates» («Поликратов перстень») была переведена на русский язык Жуковским в 1829—1831 гг.; стихотворение «Die Grösse der Welt» — П. Ободовским под заглавием «Величие мира (Вольное подражание)» («Северные цветы», 1832, отд. II, с. 330); «Die Würde der Frauen» — анонимом, под заглавием «Достоинство женщин» («Телескоп», 1831, ч. 2, № 7, с. 351). В хронологическом перечне разысканных Е. А. Тыняновой 13-ти романсов Гениште («Советская музыка», 1941, № 2, с. 64) эти три романса на слова Шиллера, названные в дневнике Клермонт, не отмечены; к 1825 г. они, вероятно, еще не были изданы; впрочем, мы ничего не знаем и об их возможных последующих изданиях. Под № 3 в перечне Тыняновой значится романс Гениште (1824) на слова Жуковского «Младой Рогер свой острый меч берет...»; это начальные слова стихотворения Т. Кернера «Trauer Tod» в переводе Жуковского, озаглавленном «Верность до гроба» в его сборнике «Для немногих», 1818.

[170] Stocking, p. 393—394.

[171] Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати 1814—1837. Изд. 2-е. М., 1938, с. 55, № 385: «Elégie d'Alexandre Pouschkine mise en musique et respectueusement dédiée à Madame la Princesse Zeneide de Volkonsky par Joseph Genischta». A Moscou, chez C. Wenzel. Oeuv. 4, № 329 (15 с.) (Текст на русском и немецком языках под нотами). Время выхода в свет этого издания определяется датой ценз. разрешения (27 мая 1828 г.). Элегия переиздана в кн. «Пушкин в романсах и песнях его современников» (Музгиз, 1936). Издательница дневников Клермонт, М. К. Стокинг указывает (с. 394) на другое, гамбургское издание этой «Элегии» Пушкина-Гениште, найденное ею в Британском музее в Лондоне: «Sammlung russischer Romanzen und Volkslieder für eine Singstimme mit Begleitung des Pianoforte». Hamburg, Fritz Schubert (год изд. не указан). Здесь дается русский текст Пушкина, сопровождаемый немецким переводом (начало: «Es erlosch des Tages Leuchte»...). М. И. Глинка оркестровал эту элегию Гениште для С. С. Гулак-Артемовского в 1838 г. (см.: «М. И. Глинка». ЛН, т. I. Л.— М., 1952, с. 186; здесь же на с. 423 указано, что «Элегия» написана Геништой в 1826 г.).

[172] П. А. Вяземский. Собр. соч., т. VII. СПб., 1882, с. 329; Вас. Яковлев. Пушкин и музыка. М., 1949, с. 16—17; А. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. М.-Л., 1950, с. 121; И. Эйгес («Музыка в жизни и творчестве Пушкина». М., 1937, с. 91), говоря о Гениште, высказывает предположение, что Пушкин мог встречаться с ним у З. Волконской, а также у Ушаковых, где Гениште бывал (по воспоминаниям Е. Н. Ушаковой-Киселевой).

[173] Stocking, p. 383.

[174] Романс Гениште на слова Пушкина «Черкесская песня» («В реке бежит гремучий

вал...») был напечатан (ноты и текст) в приложении к московскому «Дамскому журналу», 1823, № 1, с. 41 (см.: Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати 1814—1837, изд. 2-е, с. 20, № 73).

[175] «Черная шаль» с музыкой Гениште напечатана в январе 1829 г. (см.: Н. Синявский и М. Цявловский. Указ. соч., с. 57, № 408), но текст этой «молдавской песни», известный уже с 1826 г., встречался в копиях в различных альбомах второй половины XIX в.; так, в тетради П. П. Каверина есть список «Черной шали», датированной 11 ноября 1824 г. (Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913, с. 87—88). О встречах Клермонт с Кавериным у Посниковых см. ниже, прим. 212.

[176] В. И. Музалевский. Русская фортепианная музыка. Очерки и материалы по истории русской фортепианной культуры (XVIII — перв. полов. XIX в.). Л.— М., 1949, с. 191—192.

[177] Е. Тыняновa. Гениште.— «Советская музыка», 1941, № 2, с. 65.

[178] Stocking, p. 387.

[179] Этот полк был расположен в местности неподалеку от Ивангорода; в дневнике Клер эта местность несколько раз называется искаженно: Axinievna (?) (Stocking, p. 342, 356, 357—366); сюда Клер и Гамбс с детьми отправлялись на прогулки из Ислав-ского. Отметим также, что в дневнике имение Голицыных, находившееся неподалеку от Ислaвского, также транскрибировано было с искажением: Nazarievna (с. 344, 356).

[180] Дуня Посникова умерла 24 сентября (5 октября) 1825 г. (Stocking, p. 364—365).

[181] Stocking, p. 364.

[182] Там же, с. 366.

[183] Там же, с. 359 (запись в дневнике 13/25 сентября 1825 г. о получении через брата Чарлза из Вены письма от M-me Moreau).

[184] Письма из-за границы от родных и друзей Клер Клермонт получала через нотный магазин Ленгольда в Москве, очевидно, в целях конспирации; по-видимому, Клер рекомендовал владельцу этого магазина имевший с ним постоянные дела И. И. Гениште. См. Stocking, p. 406.

[185] Stocking, p. 375. Об уроках английского языка, которые Клермонт давала К. К. Яниш, см. здесь также, с. 385, 387. Однажды она названа Carolina Carlovna (с. 396), но издательница не сумела объяснить, что речь здесь идет именно о девице Яниш, и отметила ее в указателе под фамилией Carlovna (!) (с. 528). Адрес, где жили Яниши, правильно указан в дневнике Клер.

[186] Stocking, p. 367 (отметка в дневнике Клер 11/23 октября 1825 г. о том, что у Посниковых вместе с нею «обедали Кокошкины и Павлов»); на последующих страницах дневника также отмечено, что 24 октября/5 ноября 1825 г. «мисс Кокошкина и м-р Павлов пили чай» (с. 370), что позже Н. Ф. Павлов обедал у Посниковых не раз вместе со многими другими лицами (с. 374, 382).

[187] Об Эвансе и некрологической статье Н. Ф. Павлова см. ниже прим. 241; о занятиях Павлова английским языком см. также: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. СПб., 1888, с. 191—192.

[188] Н. Ф. Павлов. Повести и стихи. М., 1957, с. 4—5. Павлов писал В. Ф. Одоевскому о своей службе в Московском надворном суде (2 сентября 1827 г.): «Сделался добрым служивым, ничего больше не делаю, как только служу, но не на задних ногах. Боюсь нажить на службе врагов, потому что часто сморю и забываю отношения: ты меня поймешь, а многие не понимают» («Русская старина», 1904, № 4, с. 193).

[189] Послеобеденная беседа Клермонт с И. И. Дмитриевым у Посниковых состоялась 8/20 октября 1825 г. (Stocking, p. 367). Позже Клермонт поселилась «у кн. Голицыной в доме Дмитриева, напротив Страстного монастыря на Тверском бульваре» (...at the Princess Galitzin's in Dmitrieffs house opposite the Strastnova Monastery on the Tverskoi Boulevard) — Stocking, p. 403. Ср. стихотворение Вяземского «Для Ивана Ивановича Дмитриева» (П. А. Вяземский. Избранные стихотворения. Ред. В. С. Нечаевой. М.-Л., 1935, с. 303—308; сб. «Пушкин в Москве». М., 1930, с. 57).

[190] И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Ред., статья и прим. С. Я. Штрайха. М., 1937, с. 119; Пушкин, т. XIII, с. 144. Частые упоминания Пушкина в дневнике Клермонт относятся ко второй половине 1825 г., с июля до 5(17) декабря 1825 г.

[191] Stocking, p. 311. Фамилии Пущин и Пушкин представляли затруднения для транскрипции их латинскими литерами: поэтому в дневнике Клер они писались на различные лады, а в указателе обе фамилии слиты: Pouchkine, Pouchechine, Pouschschkine, Pouschine и т. д.; лишь в записи от 17/29 ноября имя «Пушкин» написано русским алфавитом (с. 380).

[192] Stocking, p. 311. Василий Львович Пушкин умер в Москве 20 августа 1830 г. на Басманной улице, где жил последние годы своей жизни.

[193] Там же, с. 381.

[194] О посредничестве С. А. Соболевского между Пушкиным и «Московским телеграфом» Полевого см. «Русский архив», 1878, № 11. с. 396—398.

[195] «Исторический вестник», 1886, № 3, с. 522—523.

[196] А. К. Виноградов. Мериме в письмах к С. А. Соболевскому. М., 1928, с. 17.

[197] Stocking, p. 389.

[198] О Бакстере см.: W. T. Stead. The M. P. for Russia, Reminiscences and Correspondence of M-me Olga Novikoff, v. I. London, 1909, p. 7—8.

[199] Stocking, p. 389. О Федоре Федоровиче Кокошкине, обедавшем у Посниковых в Ислявском 25 сентября/7 октября 1825 г., которого издательница дневников Клер приняла за Федора Федоровича Матюшкина, см.: Stocking, p. 365. С 6 августа 1825 г. по 22 сентября 1827 г. Матюшкин находился в кругосветном путешествии.

[200] «Извлечение из письма к Е. А. Э.... у ⟨Энгельгардту⟩ Ф. М. ⟨Матюшкин⟩».— «Мнемозина», 1824, кн. I, с. 172—176; Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею, т. II. СПб., 1912, с. 57—58.

[201] E. A. Engelhardt. Russische Miscellen zur genauen Kenntnis Russlands und seiner Bewohner. 4 Bde. 1828, 1830, 1832. Ср.: Д. Кобеко. Имп. Царскосельский лицей. СПб., 1911, с. 14.

[202] Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина..., т. II, с. 50.

[203] Там же, с. 52—53.

[204] Stocking, p. 385—386. Участниками этой беседы были англичанка мисс Тривин, о которой см. ниже, прим. 229, Раевская (это могла быть Мария Николаевна Раевская). Армфельд — это постоянно бывавший у Постниковых Александр Осипович Армфельд (1806—1868), в то время удостоенный звания лекаря по окончании Московского университета, впоследствии видный хирург и с середины 30-х годов профессор Московского университета. Статный, красивый, славившийся своим остроумием, Армфельд был желанным гостем московских салонов и литературных кружков, был близок к любомудрам и редакции «Московского вестника»; Армфельд хорошо знал М. П. Погодина, Н. М. Рожалина, Киреевских, Елагиных и т. д. и сам грешил стихотворством. См.о нем: «Русская старина», 1896, № 1, с. 192; «Русский архив», 1877, № 8, с. 492—493; 1885, № 3, с. 461, 464; «Русский биографический словарь», т. II, «Алексинский — Бестужев-Рюмин». СПб., 1900, с. 293. Армфельд был женат на Анне Васильевне, урожд. Дмитревской («Русская старина», 1896, № 1, с. 192; «Исторический вестник», 1908, № 5, с. 508—509). Часто бывая у Посниковых, Армфельд поддерживал дружеские отношения с Г. Гамбсом.

[205] Stocking, p. 386.

[206] А. К. Гриббе. Гр. А. А. Аракчеев. Воспоминания.— «Русская старина», 1875, № 1, с. 101—102.

[207] Stocking, p. 386. Александр Иванович Чернышев (1785—1857), женатый на гр. Елизавете Николаевне Зотовой, был вызван в Таганрог для доклада Александру I по делам комитета об устройстве Донского войска, присутствовал при смерти Александра I и тогда же послан был И. И. Дибичем в Тульчин для ареста П. И. Пестеля; при этом он хитростью овладел бумагами Пестеля, послужившими против него главной уликой. При учреждении Следственной комиссии по делу о декабристах Чернышев был назначен ее членом, участвовал в ее заседаниях, отличаясь крайней придирчивостью и жестокостью при допросах. См.: «Дневник Пушкина». М., 1923, с. 124. Биография его написана Н. П. Чулковым («Сборник биографий кавалергардов», ⟨т. 3⟩. 1801—1826. СПб., 1906, с. 68—91).

[208] Stocking, p. 387. Сестра М. И. Посниковой — Архарова.

[209] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1. М., 1888, с. 319—327.

[210] А. И. Кошелев. Записки. Berlin, 1884, с. 14.

[211] Там же, с. 15.

[212] Stocking, p. 391—392. В 1825 г. П. П. Каверин жил то в Калуге, то в с. Колодезях, имении своей мачехи, то под Москвою, то в самой Москве (см.: Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин. М., 1913, с. 43).

[213] Ю. Н. Щербачев, с. 60—64.

[214] Там же, с. 52.

[215] Иносказательное наименование Александра I «Августом» встречается у Пушкина в письме к брату Льву Сергеевичу из Кишинева (октябрь 1822 г.): «О други, Августу мольбы мои несите! Но Август смотрит сентябрем! Кстати, получено ли мое послание к Овидию?» Ср.: Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина.— В кн.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. 6. М.-Л., 1941, с. 138, 143.

[216] Stocking, p. 393. О каком Головине идет речь, сказать трудно по недостатку данных о нем; в дневнике Клермонт он упоминается лишь однажды, притом без имени и отчества. Не исключено, что это был В. Головин, близкий к московскому артистическому миру, оставивший свои «Воспоминания о Ф. Ф. Кокошкине» («Репертуар и Пантеон», 1843, I, с. 105—113), однако мы о нем ничего не знаем. В «Источниках словаря русских писателей» С. А. Венгерова (т. II. СПб , 1910, с. 21) названо три Головиных: 1) живший в Москве Василий Павлович, «натуралист и драматург»; 2) Василий, «поэт, сотрудник «Вестника Европы» 1820-х годов, «Дамского журнала» и «Мнемозины» и 3) «Василий Иванович, драматург начала 19 века». Но Головин, упомянутый в дневнике Клермонт, не обязательно должен был быть литератором.

[217] Stocking, p. 393; выше мы уже указывали на воспоминания М. И. Посниковой о личной встрече ее с Александром I.

[218] Stocking, p. 394.

[219] А. И. Кошелев. Записки, с. 15—17. Приведенный рассказ Кошелева о сильном впечатлении, которое производили на московское общество продолжавшиеся несколько месяцев аресты декабристов, подтверждается многими другими сходными сви-

детельствами современников. Весьма ценными для нас являются, например, указания по этому поводу, сохранившиеся в письмах Александра Яковлевича Булгакова (1781—1863), в то время состоявшего чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, к его брату Константину Яковлевичу, из Москвы в Петербург. Письма эти представляют собой почти ежедневную полную и живую хронику московской, преимущественно великосветской, жизни в 20-е годы; письма эти тем интереснее для нас, что А. Я. Булгаков хорошо знал Посникова и бывал у него («Русский архив», 1901, кн. V, с. 89; кн. VI, с. 185, 186); однажды Булгаков упомянул в 1824 г., по случайному поводу, «дивизионного начальника» П. С. Кайсарова (там же, кн. V, с. 56). Разумеется, отношение А. Я. Булгакова к декабристам и ко всем им сочувствовавшим было резко отрицательным. Уже 22 декабря 1825 г. он сообщает брату об аресте И. И. Пущина: «Отсюда попался тоже к негодяям петербургским молодой Пущин, служащий при князе, коего уверили, что отец его болен, при смерти, а потому князь и не мог ему отказать ехать в Петербург. За делом поехал! У этого Пущина есть здесь приятели. Они составили так называемое братское общество Семиугольной звезды, глупости кои теперь всех их могут компрометировать» (там же, кн. VI, с. 233). «Шалунов берут помаленечку,— говорится в письме А. Я. Булгакова от 12 января 1826 г.— Дай бог, чтобы они оказались только шалунами. Это будет им наука для переду ‹...› Никакой не чувствую жалости к подобным уродам. Еще взяли сына Н. Н. Муравьева, его свояка (имя не помню, кажется Ягушской) ‹имеется в виду И. Якушкин.— *М. А.*›, генерала Фон-Визина и Нарышкина, что женат на Коновницыной...» (там же, кн. VII, с. 343). В письме от 2 января 1826 г. читаем: «Я давно знал о Муравьеве, т. е. что он взят. Сын Чернышева меня удивляет. С его именем, состоянием он всегда мог надеяться играть роль при законном своем государе; чего же хотел он? Бунтовать дело бродяг...» (там же, с. 339); «Здесь взяли многих, но надобно прибавить для славы Москвы, что все почти иногородние, приезжие. Я вчера княгиню Ел. Вас. нашел в слезах: Толстой, ее племянник, посланный в Петербург, там арестован, а здесь его брат, мальчишка 18 лет» (там же, с. 340).

В письме от 29 января 1826 г. Булгаков упоминает полученное кн. Дм. Вл. Голицыным извещение об аресте В. К. Кюхельбекера (там же, с. 351). В письме от 3 января 1827 г. Булгаков сообщает об отъезде Александры Григорьевны Муравьевой (урожденной Чернышевой) к ссыльному мужу в Читу: «был у графини Чернышевой. Она разрыдалась, увидя меня. Жаль несчастную эту мать. Муравьева страшна, точно тень. Вчера должна была уехать в ссылку произвольную» (там же, кн. VIII, с. 546). С А. Г. Муравьевой Пушкин, как сообщают современники, посылал свое стихотворение ссыльным декабристам: «Во глубине сибирских руд...». Все указанные новости должны были дойти и до Клермонт, так как она знала многих арестованных и вследствие того, что сравнительно тесен был московский великосветский круг, в котором она вращалась. Хотя сама Клер, по-видимому, в письмах Булгаковых не упоминается, но едва ли можно усомниться, что она их знала или видела у общих знакомых. Подчеркнем также музыкальные интересы этой семьи: дочь Александра Яковлевича и Натальи Васильевны (урожд. кн. Хованской) Булгаковых, Екатерина Александровна, хорошо пела и знала всех певиц Москвы. Пушкин, познакомившийся с А. Я. Булгаковым в 1826 г. и нередко встречавшийся с ним в 1827—1829 гг. в Москве, 26 марта 1829 г., будучи в гостях у Булгаковых, слушал Екатерину Булгакову, исполнившую два романса (Геништы и Титова) на его стихи, и восхищался ее голосом («Русский архив», 1901, кн. III, с. 298—299; там же, 1903, кн. X, с. 329). См. также: Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 48—49.

[220] Фамилия Олсуфьевых неоднократно встречается в дневнике Клермонт в различных транскрипциях, большею частью неправильных: Alsonfieff, Alsoufieff, Alsuffieff (Stocking, p. 319, 322, 325, 356—357, 366, 396). Мария Павловна Каверина была замужем за Олсуфьевым («Русская старина», 1900, № 1, с. 148). На основании неизданного дневника Василия Дмитриевича Олсуфьева М. А. Цявловский установил знакомство его с Пушкиным (еще в 1818 г.). См.: «Пушкин и его современники», в. XXVIII — XXIX. Л., 1930, с. 216—218. См. также: «Материалы истории рода Олсуфьевых. Линия Василия Дмитриевича (1796—1858), первого графа Олсуфьева». М., 1911.

[221] Stocking, p. 394. Ср. прим. 234.

[222] Там же, с. 394. В пятницу 23 декабря (4 января 1826 г.) в дневнике Клермонт снова отмечено: «Завтракала у м-м Чернышевой и ее отца ‹гр. Н. Н. Зотова›, затем явилась Наталья (Голицина), и все мы отправились к гр. Зотовой» (Stocking, p. 395).

[223] Stocking, p. 396.

[224] ‹Н. Макаров›. Калейдоскоп. Рассказы и очерки из первой половины XIX ст. СПб., 1883, с. 17—23. См. также: «Русская старина», 1873, № 6, с. 773; «Остафьевский архив», т. II, с. 562; «Русский архив», 1868, стб. 1438.

[225] Stocking, p. 396.

[226] М. А. Цявловский. «Запретная роза» стихотворения Пушкина.— «Заметки о Пушкине» («Пушкин и его современники», в. XXVIII—XXIX. Л., 1930, с. 218—222); Ф. Я. Приймa. Стихотворение ‹Пушкина› «Я видел вас, я их читал».— «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», т. 4. М.-Л., 1953, с. 11—22; М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 160—161; донос Ф. Булгарина в III Отделение напечатан в «Русской старине», 1903, № 2, с. 261 и в кн.: М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1908, с. 257—258.

[227] Stocking, p. 405.

[228] Там же, с. 396—397.

[229] Там же, с. 396. О miss Trewin см. с. 310, 312, 335, 370, 373—374, 382, 385, 391.

[230] Stocking, p. 394. Ср. «Бумаги А. А. Воейковой» в журн. «Русский библиофил», 1915, кн. VII (ноябрь), с. 11—15. В одном из писем Кати Воейковой (без числа, 1827 г.), между прочим, говорится: «Дорогая мисс Париш. Надеюсь, что через три месяца вы будете с нами. Мы были в Кронштадте 〈...〉, побывали на трех пароходах: на французском, английском и американском. Капитан английского не хотел верить, что мы не англичанки. Он сказал: «Я никогда не ошибаюсь благодаря произношению, но вы меня обманули» (с. 14).

[231] А. И. Кошелев. Записки, с. 18.

[232] Stocking, p. 403.

[233] Там же, с. 403. Albé — прозвище Байрона, данное ему в кружке Шелли. Возможно, что это наименование произошло от сокращения слова «Албанец» (Albanian) или от произнесения инициалов: L. B. (Lord Byron). Отметим также, что дочь Байрона, родившаяся у Клермонт 12 января 1817 г., сначала названа была Alba, потом Clara и, наконец, Allegra; последнее имя Байрон выбрал ей сам, считая его «венецианским». Высказана была также догадка, что в выборе прозвища Байрона известную роль сыграл также популярный среди его друзей эпистолярный роман французской писательницы Софи Коттень «Claire d'Albé», в котором героиня, добродетельная Клара, в письмах к своей подруге Элизе рассказывает историю охватившей ее преступной страсти. См. заметку: James Rieger. Lord Byron als Albé.— В изд.: «Keats-Shelley Journal», 1965, XIV, p. 6—7; Stocking, p. 76.

[234] «Род князей Голицыных. Сост. кн. Н. Н. Голицын», т. I. СПб., 1892, с. 171. О графе Николае Ивановиче Зотове, женатом на кн. Елене Алексеевне Куракиной (ср.: Архив кн. Ф. А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семевского», кн. I. СПб., 1890, с. 366) и имевшем от нее двух дочерей: графиню Наталью Николаевну (замужем за кн. П. А. Голицыным) и Елизавету Николаевну (замужем за кн. А. И. Чернышевым), см.: «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1909 г.» Пг., 1915, с. 39—42. Стоит отметить, что 26 сентября 1826 г., по просьбе Е. М. Хитрово и указанного Н. И. Зотова, И. М. Снегирев читал рукопись стихотворений Пушкина, назначенных ему для цензурования (см.: «Пушкин и его современники», в. XVI. СПб., 1913, с. 47).

[235] Stocking, p. 401.

[236] Там же, с. 402.

[237] Там же, с. 402.

[238] Там же, с. 369.

[239] Там же, с. 402.

[240] Н. Ф. Павлов. Эванс.— «Москвитянин». 1849, № 3, февраль, кн 1, отд. V («Моск. летопись»), с. 75—76.

[241] «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета», ч. II. М., 1855, с. 655—656.

[242] К. Батюшков. Сочинения, т. III. СПб., 1866, с. 208.

[243] М. О. Гершензон. Грибоедовская Москва. М., 1914, с. 9—10.

[244] К. Батюшков. Сочинения, т. III, с. 505 и 515. В указанных письмах к Е. Ф. Муравьевой из Москвы идет речь об Эвансе, которого Иван Матвеевич Муравьев-Апостол привлек в качестве воспитателя своего третьего сына, Ипполита (1805—1826). В письме от 13 июня 1818 г. Батюшков пишет: «С Эвенсом не могли сладить. Он нерешителен, но я все-таки сожалеть не перестаю. Эвенс — редкий человек, и Ипполит — прекрасный молодой человек; его сообщество могло бы быть полезно брату по многим отношениям, в чем Никита согласен со мною. Не успеете ли со временем перетянуть его к себе?» (с. 505); во втором письме 12 июля 1818 г. Батюшков пишет: «Эвенсом Иван Матвеевич не очень доволен. Но, по совести, Эвенс делал все, что мог. К несчастию, характер его не отвечает его душе, уму и просвещению. Он часто бывает болен, и это вредит ему. Но главное дело, и это засвидетельствует вам братец, Ипполит у Эвенса не избалован и из рук его выйдет чист и непорочен...» (с. 515).

[245] Д. Н. Свербеев. Записки. М., 1899, т. I, с. 104; т. II, с. 80.

[246] Там же, т. I, с. 104; В. А. Черкасский поступил в Московский университет в 1844 г.

[247] А. Л. Зиссерман. Биография кн. А. И. Барятинского.— «Русский архив», 1888, № 1, с. 109, 121 (о путешествии его в Англию); Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2. СПб., 1889, с. 360. В письме к Барятинскому (Москва, 21 октября 1864 г.), благодаря его за радушный прием в Лондоне. М. П. Погодин обращался к нему «как к соотечественнику 〈...〉, воспитаннику Эванса, ко мне очень близкого» («Русский архив», 1889, № 9, с. 141).

[248] Об Эвансе — воспитателе Н. М. Орлова — см. «Русский архив», 1865, стб. 1010. См. также упоминание об этом в письмах Я. П. Полонского к Н. М. Орлову в нач. 40-х гг. в кн.: «Новые пропилеи». Под ред. М. О. Гершензона, т. I. М., 1923, с. 42, 49, 51, 52, 56, 60, 62. Портрет Эванса — «Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей росс. словесности в залах Исторического музея в Москве». Изд. К. А. Фишера. М., 〈1899〉, л. 56. Несколько упоминаний об Эвансе начала 40-х годов находим также в письмах А. И. Казначеева к А. М. Раевской («Щукинский сборник», в. V. М., 1906, с. 222, 223, 225).

[249] П. Я. Чаадаев. Сочинения и письма. Под ред. М. Гершензона, т. I. М., 1913, с. 259, 263, 407.

[250] «Русская старина», 1878, № 3, с. 546.

[251] «Русский архив», 1865, стб. 1010.

[252] «Биографический словарь... Московского университета», ч. II, с. 656—657.

[253] Н. Ф. Павлов. Эванс, с. 75—76. Говоря о тени «Гастингса», Павлов, видимо, напоминает о двух достаточно одиозных носителях этого имени, возглавлявших постепенный захват Англией Индии (за которым настороженно следили в России): Фр. Хастингсе (1754—1826), генерал-губернаторе Индии в 1813—1823 гг., при котором велось несколько войн, закончившихся окончательным поражением еще сохранявших прежде некоторую самостоятельность племен,— и его предшественнике на этом посту Уоррене Хастингсе (1732—1818), обвинявшемся в злоупотреблениях в связи с деятельностью Индийской торговой компании. Далее идет речь о вековой борьбе Англии с Ирландией, о войнах с Китаем.

[254] Н. Ф. Павлов. Эванс, с. 76.

[255] «Литературные листки. Журнал нравов и словесности, издаваемый Ф. Булгариным», ч. II. ⟨СПб.⟩, 1824, с. 126 («Волшебный фонарь, или Разные известия»). Здесь прямо говорится «о журнале, выходившем с 1823 года в Москве на английском и французском языках под названием «The English Literary Journal of Moscow», который издавался Г. Евенсом». Однако в статье, напечатанной в «Московском телеграфе» (1827, ч. XVIII, № 23, отд. II, с. 142) под заглавием «Обозрение русских журналов с начала издания их до 1828 г.» находим следующую справку: ««English Literary Journal of Moscow» издавался в Москве на английском и французском языках Бякстером и Лекуантом де ла Во ⟨...⟩ всего вышло 5 номеров». Это указание позволило Ю. Д. Левину в статье «Прижизненная слава В. Скотта в России» (в сб.: Эпоха романтизма. Л., 1975, с. 34) приписать перу Бакстера статью о В. Скотте в «English Literary Journal of Moscow» 1823 г. Он указал, что эта статья дважды напечатана М. Т. Каченовским в русском переводе в «Вестнике Европы» (1823, № 15, с. 177—193) и в отдельном издании «Поэмы последнего барда» В. Скотта (М., 1823, с. III—XXIV).

[256] «Prospectus of a monthly publication in English and French to be called the English Literary Journal of Moscow». Moscow, Printed by A. Semen, 1822 (ценз. разр.: «Ноября 20, 1822, книгу сию рассматривал лектор английского языка Фома Эвенс»). Я пользовался экземпляром, хранящимся в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде.

[257] «Prospectus...», p. I—III.

[258] «The English Literary Journal of Moscow», 1823, N 1, January, p. 1—23; за подписью «Editor».

[259] Там же, 1823, N 2, February, p. 68—91; с тою же подписью.

[260] W. T. Stead. The M. P. for Russia. Reminiscences and correspondence of Madame Olga Novikoff, v. I. London, 1909, p. 7—8. Деятельная переписка Клер Клермонт с Бакстером, ездившим в Англию и по возвращении его в Москву, отмечена в ее дневниках: Stocking, p. 327, 330, 336, 343, 351 и т. д.

[261] Об Э. В. Гарви (Harvey), или Гарве, как его называли у нас, см.: «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета», ч. I. М., 1855, с. 175—177, где о ранних годах его жизни говорится: «Родился в Лондоне 5 февраля н. с. 1797 г. Родители его происходили от небогатых помещиков графства Эссекс. Они имели трех сыновей и одну дочь. Эдуард Гарве еще в малолетстве лишился отца, и на десятом или одиннадцатом году от роду матерью отдан был в одно из лучших частных учебных заведений Лондона. По выходе из него, он вместе со старшим братом своим, познакомившимся с некоторыми из лиц, сопровождавших имп. Александра I в его бытность в Англии в 1814 г., приехал в Россию. В 1816 г., имея 19 лет от роду, он в Петербурге поступил в одно знатное семейство домашним учителем. Здесь он продолжал заниматься изучением древних и новых языков. Переехав в Москву со своим воспитанником, Гарве в 1822 году выдержал в 1-ой Московской гимназии экзамен на звание домашнего учителя ⟨...⟩ Окончив воспитание вверенного ему юноши, Гарве занялся частными уроками, а в 1826 г. вступил в службу учителем английского языка в Благородном пансионе Московского университета; в 1827 г. был определен учителем того же языка в Московско е Коммерческое училище. В 1828 г. апреля 18 определен лектором английского языка в Московский университет». В 1851 г. Гарвей принял русское подданство и получил дворянство. Из воспоминаний Ф. Боденштедта явствует, что Гарвей одно время был преподавателем английского языка у Васильчиковой («Русская старина», 1887, № 5, с. 434—437); ранее был он также воспитателем будущего декабриста В. С. Толстого (см.: сб. «Декабристы. Новые материалы». Труды Отдела рукописей ГБЛ. М., 1955, с. 13).

[262] «Биографический словарь... Московского университета», ч. I, с. 177. Тот же источник сообщает, что Гарве издал для изучающих английский язык учебную хрестоматию отрывков в прозе, заимствованных из произведений английских писателей («The English Student's Manual or Miscellaneous pieces selected from the best English prose writers, preceded by a sketch of the rise and progress of the English Language, and followed by a copious English-French and Russian Dictionary of all the words contained in the body of the work». Moscow, 1835, 2 v. 8°); сверх того «Гарве в разные времена переводил с русского языка на английский статьи, относящиеся до русской литературы; некоторые из этих переводов изданы в Англии» (с. 176).

[263] Stocking, p. 337, 343, 344, 359, 381; в записи дневника К. Клермонт 29 ноября (11 декабря) 1825 г. говорится о встрече с «Mr. and Mrs. Harvey» (p. 385); московский адрес Гарвея: «In Bachmetieff's House in the Sdvijenka» (p. 397), т. е., очевидно, на Воздвиженке в доме Бахметьева. Отметим, кстати, что с 23 апреля 1848 г.

на дочери Гарвея, Елизавете Эдуардовне, был женат московский профессор-юрист (и автор статей о Байроне) Петр Григорьевич Редкин (см. «Биографический словарь... Московского университета», ч. II, с. 385).

[264] Stocking, p. 379. Madame Babarikine — это, вероятно, М. В. Боборыкина, у которой Клермонт, судя по ее дневнику, в 1825 г. давала уроки английского языка. Боборыкина была вдовою генерал-лейтенанта Николая Васильевича Боборыкина, от которого она имела сына, также Николая, родившегося в 1812 г.; следовательно, в 1825 г. последнему было 13 лет и он получал в это время домашнее воспитание; в феврале того же 1825 г. ему начал давать уроки И. М. Снегирев (см.: И. М. Снегирев. Дневник, т. I. 1822—1825. М., 1904, с. 6, 139). Очевидно, этот юноша, нередко упоминаемый в дневнике Клермонт под именем Nicolas, и отправился с нею к Урусовой (см. о ней ниже) на свидание к Кайсаровой. Жизнь Н. Н. Боборыкина сложилась довольно неудачно. В 1831 г. он поступил на службу в Московское губернское правление, затем был чиновником особых поручений при московском военном ген.-губернаторе, кн. Д. В. Голицыне. Из дневника Снегирева явствует (запись 22 июня 1835 г.), что в это время Н. Н. Боборыкин уезжал в Англию (ч. II, с. 203). В 1843 г. он вышел в отставку и много лет провел за границей, путешествуя и тщательно изучая иностранные литературы; в 1872—1874 гг. он был помощником библиотекаря Московского Румянцевского музея, а с 1874 г. до смерти служил в Главном управлении по делам печати как цензор английских книг и русских драматических пьес; умер в 1888 г. (С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV. СПб., 1895, с. 2—3; Д. Д. Языков. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, в. VIII. М., 1900, с. 6—7). Н. Н. Боборыкин считал себя поэтом, но книжка его «Стихотворений», изданная в Москве в 1858 г., представляет лишь биографический интерес.

[265] Урусовы неоднократно упоминаются в дневнике Клермонт, чаще всего Princesse Barbara Ouroussoff (p. 305, 312, 367, 369—371, 378—379 и т. д.). Очевидно, имеется в виду княжна Варвара Никитична, дочь кн. Прасковьи Степановны (урожд. Ржевской, 1762—1830); у Варвары Никитичны была сестра Елена Никитична (в замужестве Вейдемейер).

[266] Библиография о Шелли на русском языке у нас мало разработана; в особенности плохо известны нам ранние русские отзывы и упоминания о нем в русской печати. К столетию со дня рождения Шелли у нас был составлен первый библиографический обзор работ о нем и изданий его произведений на русском языке: см. «Провинциальный библиограф» (Н. Н. Бахтин). Шелли в русской литературе.— «Русская мысль», 1892, № 7, с. 341—342, но все приведенные здесь указания относятся только ко второй половине XIX в. (с 1860 г.). И. Неупокоева в статье «Шелли в русской критике» («Уч. зап. Вильнюсского гос. ун-та», т. VI, 1955) и в кн. «Революционный романтизм Шелли». М., 1959, с. 28—29, ошибается, утверждая, что первые переводы из Шелли относятся к концу 40-х годов и что Белинский будто бы был первым, назвавшим у нас имя Шелли рядом с Байроном. Сведения, приводимые нами ниже, также, вероятно, могут быть пополнены.

[267] «Русский архив», 1914, № 4, с. 487.

[268] См. выше, с. 480—483.

[269] «Московский вестник», 1827, ч. III, с. 179—181. Рукопись этой рецензии В. Ф. Одоевского хранится в ГПБ (см.: «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г.» СПб., 1887, с. 32: Переплет 55, № 19); П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2. М., 1913, с. 200).

[270] «Московский вестник», 1828 г., ч. X, № 13, с. 87.

[271] «Энциклопедический лексикон», ч. IV. СПб., 1835, с. 129.

[272] «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум». Соч. Матюрина. СПб., 1834 (книга ошибочно приписана Метьюрину; ее автором был Де Куинси), с. 21—22 («Правду говорит г-н Шелли в своем рассуждении о старости...»), с. 114 (эпиграф из «Мятежа Ислама», поэмы Шелли, названной ошибочно «Шеллерс»).

[273] «П. Б. Шелли. Воспоминания о лорде Байроне первого его друга».— «Северная пчела», 1840, № 33, с. 130—131. Незадолго перед тем М. П. Погодин («Год в чужих краях», 1839. «Дорожный дневник», ч. II. М., 1844, стр. 93—94), посетив кладбище для иностранцев в Риме, записал: «Пожелали Шеллею, другу Байрона, здесь похороненному, успокоиться от его тревожных сомнений».

[274] Д. О. Л. Б. Вольф. Чтения о новейшей изящной словесности. Пер. с нем. М., 1835. Переводчиком был Н. Лавдовский, как об этом свидетельствует И. И. Давыдов в III томе своих «Чтений о словесности» (М., 1838, с. I—II). Инициалами Н. Л. подписано и посвящение книги «словесному отделению» Московского университета, «в знак признательности и благодарности». Книга эта была в личной библиотеке Пушкина («Пушкин и его современники», в. IX—X. СПб., 1910, с. 23—24 (№ 78). О Шелли в «Чтениях» Вольфа говорится на с. 213—215, откуда и заимствованы нижеследующие цитаты.

[275] Вольф. Чтения, с. 215.

[276] О книге капитана Медвина и встречах Клермонт с ее автором в Италии см. выше, прим. 29.

[277] Stocking, p. 408, 428—429.

[278] Там же, с. 409—410.

[279] Там же, с. 410.

[280] Там же, с. 411.

[281] Действительно, в дневнике, который Клермонт вела во Флоренции, в записи 13 апреля 1821 г., мы находим ту же цитату из Данте. См.: Stocking, p. 224—225.

[282] Stocking, p. 411.

[283] В первой биографии Мери Шелли, с отрывками из ее переписки, упоминания фамилии Кайсаровых сведены до инициала «Mrs. K.» (Mrs. J. Marshall. The Life and Letters of Mary Shelley, v. II. London, 1887, p. 199). В издании писем Мери Шелли мы находим в тексте упоминания: «Kaisaroff» или «Madame K.», но в указателе к этой книге стоит: Kaiseroff («The Letters of Mary W. Shelley, collected and edited by F. L. Jones», v. II. Norman, 1946, p. 376). Герберт Гушер, издавая копию ныне утраченного дневника Клермонт, где упомянута Madame Kaisaroff, объясняет, что она была женой или родственницей дерптского профессора «Андрея фон Кайсарова» — единственного из Кайсаровых, даты жизни которого он нашел в «Moniteur des Dates» («Keats-Shelley Memorial Bulletin», 1955, N VI, p. 47).

[284] О литературной деятельности П. С. Кайсарова см.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906, с. 232—240.

[285] В. И. Резанов. Указ. соч., с. 240—245.

[286] «Письма и дневники А. И. Тургенева Геттингенского периода» («Архив бр. Тургеневых», в. 2). СПб., 1911, с. 344.

[287] Некролог М. С. Кайсарова помещен в «Северной пчеле», 1825, № 36. Ср. «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу». М., 1895, с. 90; «Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, Примечания, с. 450.

[288] Ю. М. Лотман. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958.

[289] «Сын Отечества», 1813, № XXV, с. 237—240 (некролог А. С. Кайсарова); ср.: М. И. Сухомлинов. А. С. Кайсаров и его литературные друзья.— ИОРЯС, 1897, кн. II, с. 6—9. Весьма прочувствованные строки об Андрее Кайсарове написал А. И. Тургенев в своей «Хронике русского в Германии», напечатанной в 1841 г. См.: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.-Л., 1964, с. 217—218.

[290] Биография Паисия Сергеевича Кайсарова изложена в «Русском биографическом словаре» (т. «Ибак-Ключарев». СПб., 1897, с. 388—389), однако, по ошибке, он назван здесь не Паисием, а Василием Сергеевичем, несмотря на то, что в «Предварительном списке» словаря имя его указано правильно. Ср.: А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. I. СПб., 1895, с. 301. Неудивительно, что в зарубежных источниках о Клермонт по имени названа только дочь Кайсаровых — Наталья, а о родителях ее приводятся самые сбивчивые сведения.

[291] Ю. М. Лотман. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени, с. 168.

[292] «Дневник А. Н. Вульфа (1828—1831 гг.)».— «Пушкин и его современники», в. XXI—XXII. Пг., 1915, с. 160, 173, 174, 180, 183, 185, 194. Паисия Сергеевича Кайсарова знала А. П. Керн. Она пишет о нем в своих мемуарах (1817—1820): «У нас бывал тоже генерал Кайсаров. Он очень заботился о восстановлении Керна ‹мужа А. П.› в прежних его правах и ухаживал за мною. Я его не любила за то, что он мне казался фальшив, умея угождать Керну и еще за то, что был красив собою, а я не любила писаных красавцев, каким он был, самонадеян и — генерал в худшем значении этого слова» (А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974, с. 95, а также 96, 99, 163, 173—175). К сожалению, комментатор указанного издания, вероятно и в соответствии с ошибкой, допущенной «Русским биографическим словарем», вновь назвал Кайсарова не Паисием, а *Василием* Сергеевичем (с. 330).

[293] «Русский архив», 1909, № 8, с. 564, прим. ‹П. И. Бартенева›.

[294] «Русский некрополь в чужих краях», в. 1. Париж и его окрестности. Пг., 1915, с. 37 (В. Я. Кайсарова умерла в Париже 12 марта 1875 г., 79 лет, и похоронена на кладбище Монпарнас).

[295] «Пушкин и его современники», в. IX—X, с. 314 (№ 1282).

[296] Stocking, p. 425—426.

[297] О Н. М. Рожалине см.: «Остафьевский архив», т. III, Примечания, с. 581—584; В. В. Стратен. Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX в.— «Уч. зап. Одесской высшей школы», Отд. гуман.-общ. наук, т. 2, 1922, с. 103—107. Портрет его приложен к «Русскому архиву», 1909, № 8, с. 562—563.

[298] Д. В. Веневитинов. Полн. собр. соч. М., 1934, с. 69.

[299] А. И. Кошелев. Записки, с. 12.

[300] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, с. 42—45.

[301] В. В. Стратен. Д. В. Веневитинов и «Московский вестник».— ИОРЯС, т. XXIX (1924). Л., 1925, с. 237—238.

[302] ЛН, т. 16-18, 1934, с. 680.

[303] «Русская старина», 1902, № 1, с. 34.

[304] Н. Барсуков. Указ. соч., кн. 2, с. 46—47.

[305] «Уткинский сборник», т. I. М., 1904, с. 47. О Рожалине см. здесь же, с. 48, 49, 66.

[306] Н. М. Рожалин. Выдержки из его писем.— «Русский архив», 1909, № 8, с. 568—569.

[307] А. И. Кошелев. Записки, с. 13.

[308] «Русский архив», 1909, № 8, с. 577.

[309] Там же, с. 574—575. Русский художник Сильвестр Щедрин, посетивший Теплиц по дороге в Италию, так охарактеризовал этот городок в своем письме из Вены (5 сентября 1818 г.): «В Теплице остановились мы переночевать, городке маленьком, но очень

красивом, и больные туда, кажется, ездят не лечиться, а веселиться» (С. Щ е д р и н. Письма из Италии. М.-Л., 1932, с. 61).

[310] «Русский архив», 1909, № 8, с. 575—576.

[311] Там же, с. 576—577. Упомянутый в этом письме Рожалина «князь Мещерский» — по-видимому, Элим Петрович Мещерский (1808—1844), поэт и дипломат, в 1828 г. причисленный к русскому посольству в Дрездене (см.: С. Д у р ы л и н. Русские письма у Гете в Веймаре.— ЛН, т. 4—6, 1932, с. 222—223); в начале 30-х годов П. С. Кайсаров хлопотал в Петербурге о назначении Рожалина в это посольство на должность, освободившуюся от Мещерского («Русская старина», 1906, № 2, с. 224).

[312] S t o c k i n g, p. 415.

[313] Там же, с. 415—416. О спутнице Клермонт см.: Р. Ю. Д а н и л е в с к и й. Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине.— «Временник Пушкинской комиссии. 1975», Л., 1979, с. 5—14.

[314] Там же, с. 417.

[315] Ernest A. B a k e r. The History of the English Novel (v. 5. The Novel of Sentiment and Gothic Romance). London, 1934; печатные источники этого романа Годвина, на которые указал сам автор (старинная баллада в собрании Перси «Reliques of Ancient English Poetry» и забытая книга XVIII в. в манере фиктивных автобиографий Дефо «Memoirs of an Unfortunate Young Nobleman...», 1943), рассмотрены в диссертации: Johannes M e y e r. William Godwins Romane. Diss. Leipzig, 1906, S. 71—73. Предположение об участии Клермонт в написании русских эпизодов «Клаудэли» высказано у S t o c k i n g, p. 416. До этого представлялось правдоподобным, что те эпизоды романа «Клаудэли», местом действия которых является Петербург, внушены были Годвину устными рассказами шотландского путешественника Джона Арнота (John Arnot), большого почитателя ранних писаний Годвина (см.: G. W o o d c o c k. William Godwin. A Biographical Study. London, 1956, p. 230).

[316] S t o c k i n g, p. 418.

[317] «Русский архив», 1909, № 8, с. 564.

[318] Там же, с. 565, 585. О Рожалине в Веймаре см.: С. Д у р ы л и н. Русские писатели у Гете в Веймаре.— ЛН, т. 4-6, с. 432.

[319] С. Д у р ы л и н. Указ. соч., с. 435—441.

[320] Поездка Рожалина с Кайсаровыми в Карлсбад была задумана еще в апреле 1829 г. («Русский архив», 1909, № 8, с. 564), но осуществилась лишь летом этого года. Рожалин писал С. П. Шевыреву: (из Дрездена 19 августа 1829 г.): «С Мицкевичем я виделся несколько дней в Карлсбаде; он там остался недели на четыре пить воды, но теперь, вероятно, выехал, ибо там ждут великого князя Константина» («Русский архив», 1906, № 2, с. 228). Известно письмо Рожалина к Шевыреву, посланное из Карлсбада 19 июня 1829 г., в котором говорится: «Мы пробудем здесь четыре недели, потом еще месяц в Дрездене...» (там же, с. 221); таким образом, встреча Рожалина с Мицкевичем в Карлсбаде состоялась в 20-х числах июня. Напомним, что в марте — начале апреля 1828 г. Рожалин был участником прощального вечера, устроенного в Москве в честь Мицкевича его московскими приятелями, и что имя Рожалина стояло на серебряном кубке, который был преподнесен польскому поэту рядом с подписями С. П. Шевырева, С. А. Соболевского, Н. А. Полевого, Е. А. Баратынского, Киреевских и А. А. Елагина. Карлсбадская встреча возобновила приятельские отношения Рожалина с Мицкевичем. В январе 1830 г. Рожалин писал Шевыреву в Рим: «...а если я делал в это время что путного, так учился по-польски, и, надо прибавить, с большим удовольствием», готовясь к изучению его произведений в оригиналах, и отмечал: «прошу за меня обнять его покрепче. Напиши мне о нем все, что знаешь», а в конце того же года вновь напоминал о нем в письме к тому же Шевыреву (12 декабря 1830 г.): «Напиши мне, что делает теперь милый и бедный Мицкевич? Или лучше, что с ним делается! Ему теперь, верно, не до меня, а то бы я попросил обо мне напомнить» (там же, с. 232, 248).

[321] Там же, с. 221—222.

[322] «Русский архив», 1879, № 1, с. 138.

[323] «Русский архив», 1909, № 8, с. 567—568.

[324] Рукопись «Ежедневных записок» М. В. Киреевской находится в ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 495. Выдержки из этих дневников опубликованы в ЛН, т. 79, 1968, с. 23—24.

[325] Слух об этом издании достиг и до Рожалина, писавшего А. А. Елагину из Дрездена (14 марта 1829 г.): «Что ж Петр Васильевич? Я узнал из письма Бакстера к Кирееву, что он перевел что-то с английского на русский» («Русский архив», 1909, № 8, с. 569). Несомненно, речь идет здесь о переводе «Вампира».

[326] «The Vampire, a tale by Lord Byron». London, 1819. Ср.: H. R. V i e t s. The London editions of Polidori's «The Vampyre».— «Papers of the Bibliographical Society of America», N. Y., 1969, v. 63, № 2, p. 83—103. См. также: «The works of Lord Byron. Letters and Journals», v. IV, London, 1900, p. 286—287; v. III, p. 446—453. Подробно вся эта история рассказана в кн.: St. H o c k. Die Vampyrsagen und ihre Verwertung in der deutschen Literatur. (Forschungen zur neueren Literaturgeschichte, hrsg. von F. Muncker, Bd. XVII), Berlin, 1900, SS. 72—79; о переводах «Вампира» на французский и немецкий языки и подражаниях этой повести см. здесь же, SS. 89—90, 96. См. также: Н. В. И з м а й л о в. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в.— В кн.: «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 510—519.

[327] «Московский телеграф», 1829, № 1, с. 102—103. «Вампир» рано проник в Россию. О французском издании этой повести Т. Эванс упоминал в проспекте своего московского

литературного журнала еще в 1822 г., отрицая авторство Байрона. Он писал: «Существуют издания, выпускаемые во Франции под именем тех авторов, которым они не принадлежат. Такова, например, повесть изданная в Париже с именем Байрона и отправленная в Россию, которую благодарный автор никогда не писал и о которой он, вероятно, никогда не слыхал» («Prospectus of a Monthly publication in English and French to be called the English Literary Journal of Moscos», Moscow, 1822, p. IV).

[328] В пародическом произведении М. А. Дмитриева «Люциферов праздник». Романтическая карикатура. М., 1828; перепеч. в кн.: М. Д м и т р и е в. Стихотворения, ч. II. М., 1830, с. 183—222. Среди других персонажей в поэме выведен также Вампир из псевдобайроновской повести, который рекомендует себя в следующих словах:

К вам из Британии туманной
Насилу дотащился я!
Тяжел я на ногу — и странно,
Что полюбили так меня!
Окровавленными устами
Я лишь кривляюсь да жую,
И тешусь только мертвецами;
А любят рожу все мою!... (с. 185—186)

Ср. также: В. А. М а н у й л о в. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». М.- Л., 1966, с. 214.

[329] О сборнике «Fantasmagoriana», читанном кружком Байрона и Шелли на вилле под Женевой, см.: Newman Ivey W h i t e. Shelley. N. Y., 1947, v. I, p. 443—444; очевидно, в кружке читался французский перевод: «Fantasmagoriana, ou nouvelles sur les apparitions, les spectres, etc.». Paris, 1810 (см.: St. H o c k. Die Vampyrsagen, S. 73).

[330] «Вампир, повесть, рассказанная Байроном...» М., 1828, с. 5—6.

[331] О графине Екатерине Яковлевне Брюс см.: «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, с. 244—245, 485; «Письма А. И. Тургенева к Булгаковым». М., 1939, с. 300.

[332] О русском переводе «Вампира» см.: А. Д. С о й м о н о в. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л., 1971, с. 73—74. Автор, однако, напрасно приписывает переводчику повести Киреевскому напечатанные в ее московском издании примечания, полагая при этом, что они характерны для фольклористических интересов Киреевского: на самом деле примечания эти написаны Полидори; в русском переводе к ним добавлено лишь указание на русскую графиню Брюс. Н. В. Измайлов, со своей стороны, в статье «Тема «вампиризма» в литературах первых десятилетий XIX в.» (в сб. «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 512), замечая, что «в пушкиноведении отмечено сходство между рассказом Полидори о происхождении «Вампира» и рассказом В. П. Титова о происхождении повести «Уединенный домик на Васильевском», записанного им устного рассказа Пушкина», по неизвестной для нас причине утверждает: «Возможно, что Титов воспользовался рассказом Полидори, составившим предисловие к русскому переводу (?) «Вампира». Все указанные необоснованные предположения окончательно запутали вопрос о русском переводе псевдо-байроновской повести.

[333] Мэри Ш е л л и. Франкенштейн, или Современный Прометей. Роман. М., 1965; см. здесь «Предисловие автора к изданию 1831 г.», с. 27—32. Первые два письма героя романа Р. Уолтона, с которых начинается повествование, имеют обозначение: письмо первое: «В Англию. М-с. Сэвилл. Санктпетербург 11 декабря 17... г.» и письмо второе: «Архангельск, 28 марта 17...». В первом Уолтон пишет: «Я нахожусь уже далеко к северу от Лондона; прохаживаясь по улицам Петербурга, я ощущаю на лице холодный северный ветер, который меня бодрит и радует. Поймешь ли ты это чувство? Ветер, доносящийся из краев, куда я стремлюсь, уже дает мне предвкушать их ледяной простор. Под этим ветром из обетованной земли мечты мои становятся живее и пламенней. Тщетно стараюсь я убедить себя, что полюс — это обитель холода и смерти; он предстает моему воображению как царство красоты и радости. Там, Маргарет, солнце никогда не заходит; его диск, едва подымаясь над горизонтом, излучает вечное сияние...» и т. д. Во втором письме из Архангельска рассказана весьма романтическая история моряка, который полюбил русскую девушку из небогатой семьи. Действие романа завязывается на корабле, идущем среди льдов по неизведанному океану из Архангельска к северному полюсу (с. 35—36, 40).

[334] См. выше, прим. 269, о рецензии на Франкенштейна В. Ф. Одоевского в «Московском вестнике» 1827 г. В статье русского журнала, переведенной из «Revue Britannique»,— «Об Историческом романе во Франции и Англии» находим следующее замечание: «у мистрис Ш е л л е й (Shelley) есть романы, например, Ф р а н к е н ш т е й н, которые очень стоят самых странных произведений французской литературы» («Сын Отечества», 1834, ч. XLVI, № 51, с. 614).

[335] «Русский архив», 1909, № 8, с. 566—567.

[336] Mrs. Julian M a r s h a l l. The Life and Letters of Mary W. Shelley, v. II. London, 1889, p. 199—203.

[337] S t o c k i n g, p. 433—434.

[338] «Русский архив», 1906, № 2, с. 229.

[339] Там же, с. 231.

[340] Там же, 1909, № 8, с. 592.

[341] В той части бумаг Рожалина, которая сохранилась в архиве Ела гиных, указанные

письма его обнаружены не были. См.: Е. Н. Коннчина. Архив Елагиных и Киреевских.— «Записки отдела рукописей ГБЛ», в. 15. М., 1953.

[342] Подробнее об этих противоречиях см.: А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, с. 317, 325, 538 и др. Напомним, что в ходе этой войны 7 (19) августа 1829 г. русские войска, перейдя Балканы, подошли к Адрианополю, а русский флот блокировал Босфор и Дарданеллы и весьма активно действовал у неприятельских берегов. Все это оказалось полной неожиданностью для Франции и Англии, постаравшихся дипломатическим путем предотвратить взятие русскими войсками Константинополя. Во избежание назревавшего конфликта с западноевропейскими державами, 2 (14) сентября 1829 г. между Россией и Турцией в Адрианополе был заключен мирный договор. Однако он не устранил напряженности в англо-русских отношениях: мирный трактат как бы узаконивал укрепление России в районе Черного моря, усиление ее политического влияния на среднем Востоке и, в частности, предоставлял автономию Греции по настоянию России.

[343] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, с. 327—328. Друзья Рожалина были высокого мнения о нем, как о литераторе. Соболевский писал Шевыреву 20 октября 1830 г., что «идеалом журнала на Руси» был бы «Московский телеграф», однако при условии, что статьи для него писались бы не бр. Полевыми, а — «тобою или Рожалиным или покойным Веневитиновым» («Русский архив», 1909, № 8, с. 490).

[344] «Остафьевский архив», т. III, с. 220. В письмах к А. П. Елагиной из Дрездена 23 мая 1829 г., рассказывая о своей поездке в Веймар и о встрече с Гете, Рожалин упомянул также о своем дорожном знакомстве с А. И. Тургеневым: «Мы ехали назад с Тургеневым (а как его зовут, не знаю), который с вами, кажется, знаком и очень вас почитает ‹...› Он умный человек, но ужасно несправедлив к России и ужасно пристрастен к Англии. Все это, пожалуйста, да будет сказано между нами» («Русский архив», 1909, № 8, с. 586).

[345] «Московский вестник», 1830, ч. II, № 7, Смесь, с. 296—303; С. Дурылин. Русские писатели у Гете в Веймаре, с. 442.

[346] «Московский вестник», 1830, № 1, с. 116.

[347] «Русский архив», 1882, № 5, с. 125. В начале этого года (15 февраля 1830 г.) Рожалин писал Шевыреву, что он получил письмо от Погодина, «самое учтивое и холодное. Имел право принимать со мной эдакой тон. Ему, конечно, должно быть досадно, что в полтора года ничего не прислал для его журнала и даже не писал к нему» («Русский архив», 1906. № 2, с. 233).

[348] «Русский архив», 1909. № 8, с. 593. Указанное Н. П. Барсуковым еще в 1882 г. тождество отрывка из частного письма Рожалина и раздела в статье 1-й части «Московского вестника» дало повод для ряда последующих недоразумений и ошибок, допущенных исследователями русской литературы. Так, сделанное Барсуковым наблюдение понято было в том смысле, что вся указанная анонимная статья «Московского вестника» (не исключая ее заглавия: «О нынешней славе России в чужих краях») принадлежит перу Рожалина. Так высказывались, например, В. И. Саитов в своей биографической справке о Рожалине в «Остафьевском архиве» (т. III, примечания, с. 582), Вад‹им› М‹одзалевск›ий в очерке о Рожалине в «Русском биографическом словаре», т. Рейтерн — Рольцберг. СПб., 1913, стр. 322, и др.; благодаря этому статья попала также в перечни печатных работ Рожалина. Между тем заглавие ее придумано Погодиным, а вся она составлена из фрагментов подлинных частных писем, писанных тремя лицами к различным адресатам: 1) П. В. Киреевского к Шевыреву («Петр Киреевский был у Шеллинга, который говорит много о России...»; 2) Рожалина из Дрездена к А. П. Елагиной (о Бентаме) и 3) Шевырева из Рима (см. «Русский архив», 1900, кн. II, с. 590, 565—566, 588; ср. также В. В. Стратен. Н. М. Рожалин, идеалист 20-х годов XIX века, с. 103). Смешение трех авторов и превращение их в одно лицо привело к тому, что Рожалину был приписан довольно резкий отзыв об Англии и об англичанах, находящийся в указанной статье, а на самом деле принадлежащий Шевыреву («Английские путешественники богаче и более сорят деньгами, но русские несравненно более уважаются...» Англичан же «все презирают»; «это племя Каиново в народах годится на одни изобретения: ибо для этого нужны стихи дьявольские» и т. д.). Это суждение благодаря указанному недоразумению попало во многие очерки о Рожалине, даже с оговоркой, что, хуля англичан, он будто бы делал исключение для одного Шекспира.

[349] «Русский архив», 1906, № 2, с. 242. Ранее (в письме к Шевыреву 19 августа 1829 г.) Рожалин подробно описал свой разговор с Кайсаровой и поделился своими планами на будущее: «Выслушав меня, Кайсарова просила comme une grace de ma part, остаться в Дрездене на зиму для ее дочери. На такую просьбу кто имеет право отказывать? Je vous demande céla comme une grace ‹Об этом я прошу вас, как о милости›, были ее собственные слова, которые сообщаю тебе на ухо. Я просил только подождать моего ответа до половины сентября, ибо хочу знать, что ты на это скажешь и что подумает княгиня ‹З. А. Волконская›» (там же, с. 223—224).

[350] Еще 19 августа 1829 г. Рожалин писал Шевыреву, что Кайсаровы обещали «определить меня при посольстве в Дрездене на место убывшего князя Мещерского» и т. д. (там же, с. 224).

[351] Письмо Рожалина к Шевыреву из Мюнхена (12 декабря 1830 г.).— Там же, с. 247.

[352] О проекте соглашения с Г. И. Гагариным см. письма Рожалина к Шевыреву (там же, с. 224) и Соболевского к нему же (там же, 1909, кн. II. с. 501). А. И. Тургенев еще 13 апреля 1833 г., когда Рожалин находился в Риме, писал Вяземскому: «Прекрасное дело

сделал бы Гр. Гагарин, если бы взял Рожалина к детям своим, но только с тем, чтобы и ему дать время доучиться в Мюнхене греческой и римской археологии: в этом была бы обоюдная польза» («Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским». Пг., 1921, с. 185). Об определении к И. М. Муравьеву-Апостолу Рожалин спрашивал совета у Соболевского («Русский архив», 1909, № 8, с. 479).

[353] О приезде в Дрезден И. В. Киреевского см.: И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. I. М., 1913. с. 38—39 и 44 (29 июня Киреевский писал, что Соболевский «приехал на два дня и зажился здесь целый месяц»).

[354] «Русский архив», 1909, № 8, с. 488 (письмо Соболевского к Шевыреву 22 сентября 1830 г.).

[355] Там же, с. 502 (письмо Соболевского к Шевыреву 4 октября 1831 г.).

[356] Там же, с. 597.

[357] Приехав в Мюнхен в начале июля 1830 г., Соболевский поселился вместе с Рожалиным и Киреевским (см. там же, с. 483 и 595).

[358] И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. I, с. 45.

[359] Там же, с. 52. «Вот и брат воротился с Рожалиным из Вены»,— писал И. В. Киреевский 30 октября того же года (с. 56).

[360] «Скажи мне подробно о Рожалине: вправду ли он болен или притворяется» — спрашивал Соболевский Шевырева 19 июля 1831 г. («Русский архив», 1909, № 8, с. 500). Не прошло и года, как сам Рожалин признавался Шевыреву (27 марта 1832 г.): «Сейчас был у меня мой доктор по имени Вальтер, имеющий славу первого в Мюнхене. Он вздумал объявить мне, что я не должен ехать в Петербург, а должен ехать в Ниццу. Я очень благодарен ему за этот приговор, потому что он показывает мне мое настоящее положение. Впрочем, повиноваться этому приговору и жить для того, чтобы лечиться, я не намерен. Да и умереть уже лучше на Руси. Итак, в Петербург!» (там же, 1906, № 2, с. 254).

[361] «Русский архив», 1906, № 2, с. 258.

[362] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», с. 149—150.

[363] Там же, с. 156.

[364] Из письма А. И. Тургенева от 13 апреля 1833 г. мы знаем лишь, что он обратился к Рожалину с просьбой написать статью для альманаха в честь Смирдина; «Он не прочь; и мог бы, например, описать путешествие свое в Неаполь, или экскурсии в Помпею, на Капри и в Голубую пещеру; но Рим и его окрестности он лучше знает» (там же, с. 185).

[365] «Русский архив», 1906, № 2, с. 259; 1909, № 8, с. 606.

[366] Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4, с. 248—249. «Постарайся, чтобы собрали все, что осталось после покойника»,— писал о Рожалине В. Ф. Одоевский Кошелеву (П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. В. Ф. Одоевский т. I, кн. 1, М., 1919, с. 461); о гибели всех бумаг Рожалина см. также письмо Соболевского к П. А. Пятковскому, напечатанное С. Шпицером в «Голосе минувшего», 1914, № 1, с. 264—269.

[367] Mrs. J. Marshall. The Life and Letters of Mary Wollstonecraft Shelley, v. II. ‹London, 1889›, p. 203.

[368] Там же, с. 200.

[369] Там же.

[370] Там же, с. 203.

[371] ‹Н. П. Колюпанов›. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. 2. М., 1889, с. 123; см. напечатанное здесь впервые письмо Рожалина к Кошелеву 10 декабря 1831 г. из Рима: здесь же впервые напечатано другое письмо Рожалина к Кошелеву — 29 марта (без года, но относящееся, очевидно, к 1833 г.): оно преисполнено еще большего пессимизма и свидетельствует о приближающейся развязке: «Милый друг Кошелев, за хворостью, хандрой, делами и ленью я до сих пор не писал тебе. Но за столько причин ты верно извинишь меня. Божусь честью, что и нечего было сказать тебе. Я уже предавно ничего не делаю, не имею даже планов на будущее, теперь принужден ехать в Россию, еду с твердым намерением также ничего не делать, и потому без притворства, ничто как-то не оставляет на мне никакого следа, и при лучшей охоте поделиться нечем...» (с. 124).

[372] J. Marshall, v. II, p. 238.

[373] Stocking, p. 422—423.

[374] В письме к Трелоуни (из Лондона, декабрь 1831 г.) Мери Шелли запрашивала его о здоровье Клер, которая не писала ей уже два месяца: «Она была тогда в Неаполе, расставшись с Кайсаровыми, и я очень тревожусь и хотела бы знать, где она и что она делает» (Mary W. Shelley. The Letters, collected and edited by Frederick Jones. Norman, 1941, v. II, p. 51; ср.: J. Marshall, v. II, p. 215, 217, 219). Известно также, что Клермонт была в Ницце в 1831 г., а в 1832 г.— в Пизе (R. Glynn Grylls. Claire Clairmont. London, p. 198).

[375] В одном из своих ранних писем к Байрону Клермонт просила поэта познакомиться с черновиком ее романа, или конспектами его замысла; для доказательства, что в задуманном ею произведении нет ничего неправдоподобного или странного, она между прочим, ссылалась на «историю Элеоноры Марии Шонинг», которую она знала по изложению в журнале Колриджа «Friend» (см.: «The Works of Lord Byron. Letters and Journals», v. III. London, 1904, p. 431). Указание Клер на литературный еженедельник Колриджа «Друг» (который он выпускал в 1809 г. и переиздал отдельной книгой в 1818 г.), где была изложена заинтересовавшая ее история Марии Шонинг, может оказаться небесполезным и для исследователей Пушкина. Д. П. Якубович в статье «Мария Шонинг», как этап историко-

социального романа Пушкина» («Звенья», III—IV. М., 1934, с. 146—167), впервые указавший на возможный источник этого незавершенного замысла Пушкина в книге «Causes célèbres» («Знаменитые судебные процессы», изданной в Париже в 1827 г.), не назвал появившийся ранее журнал Колриджа, который также мог быть известен Пушкину.

[376] Stocking, p. 40, 43—44, 48.

[377] Шелли. Письма, статьи, фрагменты. М., 1972, с. 122; Stocking, p. 75, 77.

[378] Stocking, p. 58, 532 («Writings of Claire Clairmont»).

[379] О рукописной газете в Иславском, в которой деятельно сотрудничала Клер, неоднократно говорится в ее дневнике (см.: Stocking, p. 532). О пьесе «Гувернантки» уже упомянуто было выше (см. с. 506).

[380] О сотрудничестве Клермонт с В. Годвином в Лондоне в 1828 г. см. у нас выше (с. 539).

[381] J. Marschall, v. II, p. 243—244. Это письмо датировано: Пиза, 24 марта 1832 г.

[382] Повесть «The Pole» в первый раз напечатана в журнале «Court Magazine and Belle Assemblée», n. s., 1832, August, p. 64—67; September, p. 129—136 с именем Мери Шелли (by the author of «Frankenstein»); затем она перепечатана еще дважды — оба раза как произведение Мери Шелли: «The English Journal», 1836, p. 32—74; «Tales and Stories by Mary Wollstonecraft Shelley», ed. Richard Garnett, 1891.

[383] Bradford A. Booth. The Pole: a story by Claire Clairmont? — «A Journal of English Literary History», 1938, v. V, N 1 (March), p. 69—70. Автор явно ошибается, утверждая, что текст повести содержит в себе указания на будто бы основательное знакомство (thorough knowledge) автора с русским и польским языками. Несколько польских фраз, мелькающих в тексте, свидетельствуют об обратном. В начале повести к герою обращаются «Pann», что, по объяснению автора, означает»: «My Lord in Polish»; когда герой говорит: «Ya pazwalam», это следует понимать как категоричное запрещение, между тем как польское pozwalac значит то же, что и русское «позволять, разрешать». Одно из действующих лиц утверждает, будто бы в русском языке нет слова honor и автор подтверждает: «Это справедливо. Русский язык обходится без этого слова» («The Pole», p. 66). На самом деле русскому языку не только издавна знакомо понятие «чести», но даже слово «гонор» (honor) зарегистрировано лингвистами уже в русском документе 1643 г. Явная тенденциозность этой повести и ее антирусская направленность явственно бросаются в глаза. Тот же исследователь повести (B. A. Booth) замечает, что в пользу авторства Клер свидетельствует несомненная текстуальная близость описания поездки в Пестум, данное в этой повести, к известному письму П. Б. Шелли к Т. Л. Пикоку от 25 февраля 1819 г. (см.: «The Letters of Percy Bysshe Shelley», ed. Roger Ingpen. London, 1909, v. II, p. 170). Мери этого письма никогда не видела, Клер же хорошо была с ним знакома.

[384] H. Buscher. Claire Clairmont's lost Russian Journal and some further glimpses of her later life.— «Keats-Shelley Memorial Bulletin», Rome, 1955, N VI, p. 41.

[385] H. Buscher, p. 43.

[386] А. Д. Никольский. Два письма Альфреда де Виньи.— «Известия АН СССР», серия литературы и языка, 1975, т. 34, № 2, с. 158. Публикуя неизданное письмо А. де Виньи к барону Дюбуа де Роман по автографу, хранящемуся в ГПБ, комментатор замечает об адресате этого письма: «Будучи моложе Виньи, он пользовался симпатией последнего... Близкие отношения де Виньи с четой де Роман-Кайсаровых были одной из многочисленных нитей, связывавших его с Россией».

[387] В энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона (том XXVI, с. 946) отмечено: «Этот род Кайсаровых пресекся, и фамилия их передана барону дю Буа де Роман». В 1852 г. мать Наталии Паисиевны подавала через сенат на имя имп. Николая I прошение «о дозволении дочери ее, жене французского подданного, баронессе Наталье де Роман, владеть по смерти ее, Кайсаровой, принадлежащими в Тамбовской и Псковской губерниях имениями», на что было дано высочайшее разрешение, «в уважении службы покойного мужа просительницы, генерала от инфантерии» («Санкт-Петербургские ведомости», 1882, № 48, с. 96).

[388] Baron Gustave de Romand. Un mot sur le caractère et les consequences de la paix future. Paris, 1856 (Catalogue de la section des Russica, t. II. N 1332).

[389] Пользуюсь свидетельством рукописной картотеки Б. Л. Модзалевского, где, однако, источник этих дат не указан.

[390] «Русский архив», 1875, т. I, № 2, с. 182.

[391] Там же, 182.

Глава VII

ПУШКИН И АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В РОССИИ

1. Английские путешественники в России и русские в Англии. 2. Англичане — знакомцы Пушкина и их рассказы о нем.— Э. Уиллок, Гренвилль, Рейкс и Френкленд. 3. Джордж Борро — писатель и полиглот. 4. Джордж Борро в России.— Борро и русские востоковеды.— Борро выпускает в Петербурге свои стихотворные переводы с тридцати языков и наречий. 5. Борро — переводчик Пушкина.— Пушкин и его «Разговор с англичанином». 6. Борро и московские цыгане. 7. Борро в Испании.— Присылка ему из Петербурга автографов Пушкина и Жуковского.— Борро узнает о смерти Пушкина. 8. Отзывы Борро о русской литературе и воспоминания о петербургских друзьях

1. Английские путешественники в России и русские в Англии

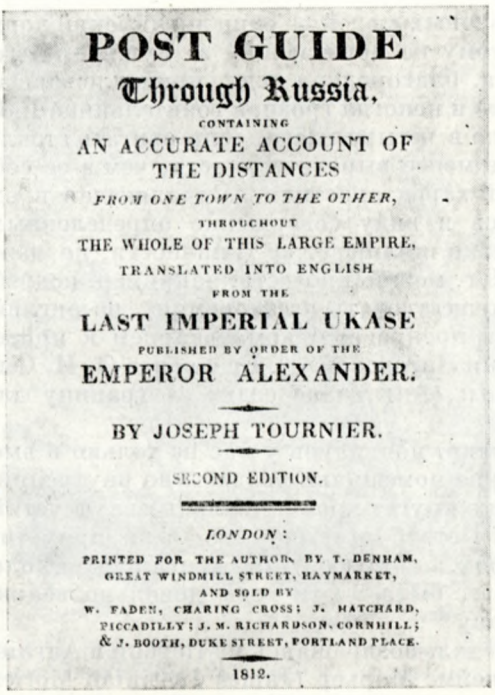
С начала XIX в. Россия, главным образом Петербург и Москва, часто посещаются иностранными путешественниками. Сюда едут и дипломаты, и врачи, и купцы, и художники, и просто туристы. В разноплеменной толпе гостящих в русских столицах или разъезжающих по стране путешественников в это время было особенно много англичан.

Вниманию англичан к России, проявлявшемуся уже в давние годы, в начале XIX в. был дан новый толчок англо-русским военно-политическим сближением в период наполеоновских войн, а затем и сложной игрой обоюдных интересов на Ближнем Востоке и в Азии [1]. Таким образом, эти путешествия получали теперь и некоторый политический смысл и своего рода дипломатическую важность, постепенно становясь все более частыми. Не менее существенным было еще одно обстоятельство: заграничные походы русской армии еще прочнее, чем прежде, связали судьбу русского государства с судьбами западноевропейских держав: с тех пор уже не могло быть и речи о какой-либо его политической замкнутости или изоляции, еще дававших себя знать в наших международных отношениях в XVIII в. (например, при Павле I, когда назревал англо-русский военный конфликт), несмотря на выдающуюся уже тогда международную роль России и поражавшую европейских политиков ее военную мощь.

Приезжая в русские столицы в 1820—1830-е годы, иностранец слышал здесь не только французскую, но и английскую речь, встречал тут как своих добрых приятелей тех самых людей, с которыми он уже свел знакомство в Европе,— в Париже, Риме, Венеции, Флоренции или Лондоне.

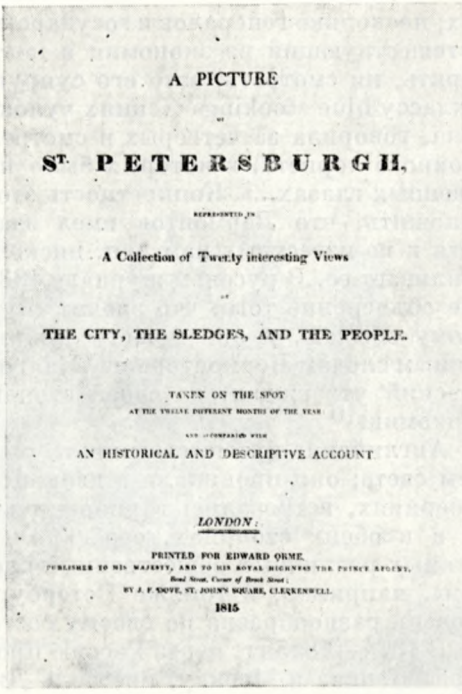
1820—1830-е годы — пора особенно частых поездок англичан в Россию, русских — в Англию и в то же время пора их особенно частых встреч во всех столицах континентальной Европы, на всех модных курортах и путях международного туризма. Русский журналист 1830-х годов, размышляя в статье «Путешественник нашего времени» на тему о том, кто и как путешествует по Европе, приходил даже к заключению, что из всех культурных народов «путешествуют более всех англичане и русские, так много и так часто, что о других в сравнении с ними можно сказать, что они совсем не путешествуют» [2].

В переписке русских людей 1820—1830-х годов часто мелькают английские имена; встречи с англичанами в Петербурге и Москве неисчислимы, привычны и поэтому нередко малозначительны. Достаточно перелистать такие источники того времени, как переписку А. И. Тургенева с П. А. Вяземским или А. Я. Булгакова с братом, чтобы увидеть, как часты в эти годы англо-русские встречи и в России и за ее пределами.



POST GUIDE
Through Russia,
CONTAINING
AN ACCURATE ACCOUNT OF
THE DISTANCES
FROM ONE TOWN TO THE OTHER,
THROUGHOUT
THE WHOLE OF THIS LARGE EMPIRE,
TRANSLATED INTO ENGLISH
FROM THE
LAST IMPERIAL UKASE
PUBLISHED BY ORDER OF THE
EMPEROR ALEXANDER.
BY JOSEPH TOURNIER.
SECOND EDITION.
LONDON:
PRINTED FOR THE AUTHOR, BY T. DENHAM,
GREAT WINDMILL STREET, HAYMARKET,
AND SOLD BY
W. FADEN, CHARING CROSS; J. HATCHARD,
PICCADILLY; J. M. RICHARDSON, CORNHILL;
& J. BOOTH, DUKE STREET, PORTLAND PLACE.
1812.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ Ж. ТУРНЬЕ
Лондон, 1812
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград



A PICTURE
OF
ST. PETERSBURGH,
REPRESENTED IN
A Collection of Twenty interesting Views
OF
THE CITY, THE SLEDGES, AND THE PEOPLE.
TAKEN ON THE SPOT
AT THE TWELVE DIFFERENT MONTHS OF THE YEAR
AND ACCOMPANIED WITH
AN HISTORICAL AND DESCRIPTIVE ACCOUNT.
LONDON:
PRINTED FOR EDWARD ORME,
PUBLISHER TO HIS MAJESTY, AND TO HIS ROYAL HIGHNESS THE PRINCE REGENT,
Bond Street, Corner of Brook Street;
BY J. F. SOWE, ST. JOHN'S SQUARE, CLERKENWELL.
1815

«ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПЕТЕРБУРГ»
Лондон, 1815
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград

Сюда относится, прежде всего, дипломатический круг: англичане из великобританского посольства в Петербурге — частые гости на петербургских и московских балах, раутах, приемах. П. А. Вяземский, например, поддерживает сношения со многими из англичан, принимает их у себя, записывает беседы с ними на политические или литературные темы [3]. Если они ездят в Москву, А. Я. Булгаков приглашает их к себе, делает им ответные визиты, торопится показать им все достопримечательности города. Любопытны сохранившиеся в его письмах рассказы о том, как он сопутствовал Стратфорду-Каннингу в 1825 г. во время его ознакомления с Москвой [4].

При помощи дипломатических кругов легкий доступ в русские столичные салоны получали и другие «залетные» путешественники из Англии. То это «какой-то англичанин-вояжер, прекрасный собою», как его аттестует принимавший его у себя в 1831 г. А. Я. Булгаков [5]; то «Niedham, voyageur anglais», участвовавший в московском масленичном катанье на санях [6]; то некий «господин с письмом из Лондона от Ломоносова С. Г., служившего в русском посольстве, капитан королевского флота Crawford» [7]; то молодой лорд, совершавший в России свое свадебное путешествие [8]; то «англичанин-путешественник», «молодой человек, ...кажется, сын богатого пастора» [9]. Английский путешественник был в некотором роде обязательной фигурой при описании петербургского или московского общества 1820—1830-х годов — в первую очередь, конечно, его высшего дворянского слоя.

Не пропустил английского путешествующего лорда с супругой также и Лермонтов при описании петербургского высшего света середины 1830-х годов. Он пишет в «Княгине Лиговской» (гл. IX): «...Тут было все, что есть лучшего в Петербурге: два посланника, с их заморскою свитою, составленною из людей, говорящих очень хорошо по-французски (что, впрочем, вовсе не удивительно) и поэтому возбуждавших глубокое участие в наших красави-

цах; несколько генералов и государственных людей,— один английский лорд, путешествующий из экономии и поэтому не почитающий за нужное ни говорить, ни смотреть, зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая к классу blue stockings (<<синих чулок>>) и некогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверых и смотрела в четыре глаза, если считать стеклы двойного лорнета, в которых было не менее выразительности, чем в ее собственных глазах...». Конкретность этой характеристики, заставляющая предположить, что Лермонтов имел здесь в виду совершенно определенных, хотя и не известных нам лиц, нисколько не лишает ее типичности, но даже усиливает ее. В русском журнале 1839 г. можно прочесть, например, подробное объяснение того, что значит «путешествовать из экономии», по английскому обычаю, и оно может служить прекрасным комментарием к приведенным словам Лермонтова из «Княгини Лиговской» [10]. Еще ранее О. И. Сенковский утверждал, со своей стороны: «Англичане ездят за границу для экономии» [11].

Английские путешественники, однако, появились у нас не только в высшем свете; они проникали в дворянские помещичьи усадьбы во внутренних губерниях, встречались в чиновничьих кругах провинциальных захолустий, да и в обеих столицах, особенно в Петербурге, нередко были приметны в самых различных общественных слоях, тем более, что и «английская колония», например, в том же Петербурге, была в эти годы довольно велика и очень разнообразна по своему составу [12].

В 1814—1815 гг. через Россию проехал, возвращаясь из Персии в Англию через Кавказ и Москву, писатель Джеймс Морьер (James Justinian Morier; 1780—1849), книги которого о похождениях Мирзы Хаджи Баба Исфагани в переводах-переделках О. И. Сенковского впоследствии стяжали у нас столь большую популярность [13].

Другие английские путешественники предпринимали путешествия в обратном направлении — с севера на юг. В начале 20-х годов французский путешественник, ехавший морем в Петербург вместе с английской семьей, сделал следующее наблюдение: «Не мог я не подивиться благоразумной простоте и умеренности, с коими путешествуют англичане. Один пожилой британец с двумя дочерьми ехал с нами в Петербург. Оттуда намеревались они продолжать свой путь в Одессу, а потом, сев на корабль, отправиться в Константинополь и, наконец, в Египет. Кто бы поверил, что весь багаж его семейства заключался в двух маленьких чемоданах?» [14].

В начале 20-х годов в России заставил о себе говорить англичанин-путешественник не совсем обычного типа. Это был Джон Кокрен, совершивший «пешеходное» странствие из Петербурга на Камчатку через Сибирь, женившийся на сибирячке и по возвращении в Англию опубликовавший занимательную книгу о своих скитаниях (1824). Личность этого Кокрена, которого В. П. Кочубей метко прозвал «почетным бродягою», долго занимала русское общество, в частности пушкинский круг: обсуждали изданную им книгу, способ его путешествий, характер и качество сделанных им наблюдений [15].

Англичане, путешествовавшие по России, пользовались относительной в то время свободой и заезжали довольно далеко от столиц. Так, например, в конце октября 1826 г. в Оренбурге появился некий англичанин, Ричард Сандерсон, вместе с сопровождавшим его слугой. Тотчас по своем прибытии в этот город он очень удивил местные полицейские власти своим чудаковатым поведением, которое показалось не только непривычным, но и крайне подозрительным: двое суток он почти не выходил из своего экипажа, затем переместился в нанятую им комнату, в которую воспретил вход всем, не исключая слуги. Окружавшие его оренбуржцы, заинтересовавшиеся таинственным приезжим, как-то дознались, что живя взаперти, он постоянно занимался писанием и что-то чертил с помощью циркуля; при этом окна его комнаты были всегда наполовину закрыты салфетками. Все эти странности привели полицмейстера к заключению, что «он может быть человек

ЗИМНЯЯ КИБИТКА

Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера

подозрительный и неблагонамеренный для России», поездка же Сандерсона по окрестностям города и в Илецкую защиту еще более укрепили эти подозрения, и пошла секретная переписка: полицмейстер уведомил об этом военного губернатора, последний сообщил в Петербург в III Отделение, за Сандерсоном установлен был тайный надзор... Одно из писем Сандерсона из Оренбурга к матери подверглось перлюстрации и в нем оказалась довольно резкая характеристика оренбургских жителей. После нескольких скандалов и драки со своим слугой Сандерсон в ноябре 1827 г. был выслан из Оренбурга в Москву, а оттуда препровожден с жандармами до границы с Австрией [16].

Около того же времени в Россию явились два квакера (Аллан и Грелле), интересовавшиеся здесь преимущественно тюрьмами, домами призрения, школами и религиозной жизнью русского народа [17].

В одном из очерков М. Н. Загоскина изображен карикатурный портрет англичанина-туриста на гулянье в Петровском парке под Москвой. Он танцует, а затем слушает хор цыган. «Подле нас стояли два француза. Они, казалось, были в восторге от этого бешеного хора... Да, да! — проговорил позади их исковерканным французским языком тот самый англичанин, который так усердно танцевал французскую кадриль. — Годдем! Как эти голоса напоминают мне вой моих охотничьих собак, когда их запрут на псарню!» [18] Сатирический образ английского туриста изобразил также В. К. Кюхельбекер в своей драматической сказке «Иван, купецкий сын» (1832—1842): это лорд Элгин (у Кюхельбекера — Эльджин), путешествовавший по России с Кикиморой (олицетворением злого духа вроде русского Мефистофеля), принявшим образ лакея. Кикимора говорит, между прочим:

На мне ливрея
Наемного лакея,
Но и под ней, друзья,
Кикимора все тот же я...
А впереди меня идет мой барин;
Он англичанин, вы заметьте, не татарин;
Вдобавок, он ученый и турист.

Между Эльджином и Кикиморой происходит острый разговор о русских (в частности новгородских) древностях, кончающийся резким осуждением Эльджина и учиненного им грабежа античных мраморов в Греции; характерно, что Эльджин говорит у Кюхельбекера на макароническом русско-французско-английском языке [19].

Время от времени появлялся в России то какой-нибудь художник, присланный лондонским издателем, чтобы срисовать Кремль и петербургские дворцы для английского «Живописного ежегодника» с видами европейских столиц; то заезжий литератор, которому поручено было составить текст к указанным рисункам; то просто предприимчивый турист; иного привлекали сюда семейные связи или случайные обстоятельства.

«Один из лондонских книгопродавцев,— писали в «Московском наблюдателе» 1836 г.,— желая в прошлом году издать живописный альманах пороскошнее и повернее, присылал в Москву нарочно одного живописца срисовать Кремль и замечательнейшие здания нашей старой столицы. Неугомонный живописец не удовлетворился одними рисунками и пустился в описания нравов, торговли, промышленности и общественного быта московитов. Само собою понимается, как эти описания должны быть верны и остроумны, когда автор все это сделал в две-три недели...» [20]

Речь идет о книге Л. Ричи (Leitch Ritchie; 1800—1865) «A Journey to St. Petersburg and Moscow» (London, 1836), вышедшей с 25 гравюрами на стали,— видами Петербурга и Москвы. Однако художник и автор текста к этой книге — разные лица. О том как и с чьей помощью составлялась эта книга, дает представление письмо О. И. Сенковского к М. Н. Загоскину из Петербурга в Москву (6 мая 1835 г.): «Податель этого письма — английский литератор и путешественник Ричи (Ritchie), известный своими сочинениями и один из хороших нынешних прозаиков в Англии, просил меня доставить ему знакомство с каким-нибудь отличным русским литератором в Москве. Вы понимаете сами, почтеннейший Михайло Николаевич, что из народного тщеславия и для спасения чести русской словесности перед иностранцем я указал ему на одного вас, как на единственного представителя русского изящного ума и литературной образованности в первопрестольном граде Москве, не говоря уже о ваших любезных качествах. Поэтому, примите же его под покровительство всей вашей блистательной любезности, а я, со своей стороны, не сомневаюсь, что потершись о ваши дарования, он уедет из России наэлектризованный восхищением и самым лучшим и лестным понятием о русском литературном сословии. Постарайтесь показать ему Москву с самой живописной и выгодной стороны, потому что, надобно вам знать, он путешествует с такими злобными намерениями, которые должны сильно подстрекнуть ваш патриотизм коренного москвича. Он издал в прошлом году великолепный альманах в Лондоне, имевший большой успех в Англии и на твердой земле: это «Walter Scott and Scotland» с пышными гравюрами и текстом, относящимся к разным достопримечательностям Шотландии. В нынешем году издает он такой же альманах под названием «Russia». На будущий год он берет Швецию, потом Германию, Францию, Испанию, Турцию и прочая! Таким образом в шесть лет они, то есть он и книгопродавец Heath, с которым он предпринял это прекрасное издание, проведут через альманах всю Европу. В прошлом году они присылали в Россию живописца для снятия разных видов, которые уже гравируются на стали в Лондоне. Теперь г. Ричи сам приехал посмотреть на предметы, которые срисованы живописцем, чтобы описать их» [21].

Любопытно, что в этом же году в Лондоне был издан даже специальный «Путеводитель по Петербургу и Москве» для нужд английских путешественников [22], очевидно, он вполне отвечал тогда спросу на книжном рынке.

Находились тогда и такие туристы, которые ездили в Россию по «семейным обстоятельствам». Так, некий Р. Л. Венейблс (R. Lister Venables), издавший в 1830-х годах в Лондоне две книги о русской жизни — «Домашние сцены в России» и «Домашние обыкновения русских»,— писал в преди-

словии к последней книге: «Породнившись благодаря моей женитьбе со многими русскими семействами, в течение лета 1837 г. я путешествовал с моею женою по ее отечеству для свидания с ее родственниками; мы провели с ними двенадцать месяцев, частью в их поместьях внутри России, частью в их зимних домах в Петербурге».

Русский журналист, рецензируя обе эти книги Венейблса вместе с целой серией других английских путешествий по России, писал о них: «Автор не любит избитых путей и не идет за толпой путешественников в большие города, но заглядывает в них только мимоходом, когда они лежат ему по пути. Он выбирает себе дороги проселочные, сворачивает в сторону, заезжает к помещикам, описывает их быт верно и резкими чертами, конечно, не пропуская случаев иногда посмеяться над ними... Он довольно удачно схватил некоторые характеристические черты нашего народа. Описание тамбовской ярмарки также взято с природы» [23]. Весьма многие из этих путешественников берутся за перо, чтобы описать свои дорожные впечатления; иные по возвращении на родину издают путевые записки, другие оставляют в своих домашних архивах письма, заметки и всякого рода памятные материалы, которые позже также попадают в печать.

Ф. Ф. Вигель вспоминает с присущей ему желчностью про одного британского туриста, «самого простого джентльмена, даже с весьма ледащею наружностью», поведение которого на балу, куда приглашен был этот странствующий по российским провинциям англичанин, показалось мемуаристу не столько оригинальным, сколько вовсе не приличным: «Он явился в собрании на бале в странном фраке с длинными фалдами, с огромною лысиной и с маленьким лорнетом на шнурке, в правый глаз вставленным, что показалось великою новостью. Он остановился посреди залы, вынул из кармана записную книжку и карандаш, а потом, окидывая взорами общество, стал что-то записывать или рисовать» [24]. В тех же «Записках» Вигель рассказывает про «одну путешественницу, английскую леди, бывшую в Москве», которую настолько заинтересовала одна романтическая история (некий молодой человек, воспитанный в доме князя, влюбляется в его дочь; узнав, что молодая девушка его сводная сестра, он постригается в монахи), что она ездила в Троицкую лавру, чтобы повидать героя рассказа, а затем «составила из этого трогательную повесть и напечатала ее в одном великолепном кипсеке» [25].

Повесть Фан-Дим (Е. Н. Кологривовой) «Голос за родное» (СПб., 1842), действие которой отнесено к 1838 г., целиком построена на материале об английских туристах в России, появляющихся здесь в качестве основных действующих лиц повествования. Уже в первых главах описан один из них, беседующий на корабле, в виду Петербурга, с русскими, «которых он уже обрек на жертву своему будущему тому in-octavo, предприняв настоящее путешествие с единственной целью: *живописать Россию и ее жителей*. Турист был одержим одной господствующей идеей — «to catch notions about his present object» (т. е. наловить как можно более сведений об избранном предмете) и ловил же он их, как мух, на лету, без всякого разбора! Разумеется, он начал свои премудрые наблюдения с первых русских, какие ему повстречались...» Писательница ядовито замечает про своего героя, что, отправляясь в Петербург, «он наперед заготовил великолепное предисловие к своему будущему изданию о России, и оно начиналось общим взглядом на этот оригинальный народ [26].

«Туристы водятся только на великобританских островах, преимущественно в английских графствах,— говорится в другом месте этого же романа ⟨...⟩ — Как птицам перелетным, не живется им в родной стороне; шататься беспрестанно по белому свету есть важнейшее и даже необходимое условие их существования ... В Россию только недавно стали залетать туристы: за то и обрадовались ей, как новой теме, возбуждающей любопытство на Западе, и теперь нашу бедную прекрасную родину терзают туристы точно так же, как уличные музыканты безбожно пиликают любимые темы из лучших опер» [27].

В повести Ф. Ф. Корфа «Музыкант» есть эпизод, где рассказывается о прибытии в Петербург иностранного парохода, на котором среди других лиц находятся два английских путешественника. «Ces anglais sont-ils drôles!» ⟨Эти англичане такие чудаки!⟩ — замечает один из их спутников.— Посмотрите, эти два англичанина ходят по палубе и нимало не восхищаются, как будто они въезжают в какой-нибудь Плимут или даже хуже...»; «Английский баронет кликнул своего наемного лакея, хваставшего знанием русского языка, и сказал ему: «Coach! ⟨Извозчика!⟩» — Лакей бросился к извозчику и толковал ему что-то, но тот из всех речей его понял только: Демут-трактир, сказал: «двугривенный, барин», и подал дрожки» [28]. В «Московском наблюдателе» помещена «Повесть о том, как Англия попала в Костромскую губернию» [29]. В этом заурядном произведении беллетристики рассказано о некоем английском путешественнике, который влюбляется в московскую девушку Полину, оставшуюся без матери и воспитывавшуюся у старой тетки, и едет за ней в глухую деревню центральной России.

Английская пресса 1830-х годов, в свою очередь, не могла не обратить внимание на этот хлынувший на лондонский книжный рынок поток всевозможных описаний поездок в Россию, страну, которая, как писал «Athenaeum», «со дня на день привлекает к себе все большее и большее внимание публики [30]. Тот же «Athenaeum» в 1836 г. недоумевал, зачем понадобилось некоему преподобному Р.-Б. Полю (Rev. R. B. Paul) издать свой весьма заурядный отчет о двухмесячной поездке из Лондона в Москву и обратно [31], и в особенности, что заставило другого туриста Рэйфорда Рэмбла (Rayford Ramble) в том же году издать свои путевые очерки по России, относящиеся к 1819 г., т. е. к путешествию, имевшему место 17 лет тому назад [32]. Поневоле книги вроде труда П. Добеля (P. Dobell) «Россия как она есть, а не так, как ее себе представляют» («Russia as it is and not as it is being represented». London, 1833) являлись тогда распространенными и злободневными.

Историческое значение всех этих многочисленных изданий — книг, путевых дневников, воспоминаний, писем с дороги и проч.— разумеется, далеко не равноценно, но в большинстве из них заключаются иногда интересные суждения о России, русском народе, различных сторонах русской культуры, искусства, общественной жизни, быта и нравов. Число их особенно возрастает после 1814 г.; назовем среди них для примера, помимо уже ранее указанных нами, книги Джонстона (1817), В. Вильсона (1828), Гренвиля (1828), сэра Александера (1829), Э. Мортона (1830), Френкленда (1832) и др.[33] В 1839 г. «Сын Отечества» «с чувством народного самодовольствия» отмечает обилие книг о России, выходящих в Англии: «Прошло то время, когда иностранцы, говоря о России, довольствовались пустыми бреднями злонамеренных умов и верили на-слово какому-нибудь Леклерку или Ансело»; теперь они «стали глубоко вникать в внутреннее управление нашего государства во всей его многосложности, от самых мелочных подробностей восходя до коренных его законов» [34].

2. Англичане — знакомцы Пушкина и их рассказы о нем.— Э. Уиллок, Гренвилль, Рейкс и Френкленд

Англичан — путешественников по России или постоянно живших здесь — Пушкин часто упоминает в своих произведениях, в особенности в 30-е годы.

Недаром такую типическую фигуру встречаем мы в 8-й главе «Евгения Онегина» при характеристике русского светского общества

И путешественник залётный,
Перекрахмаленный нахал *,
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор [35].

Строфа XXVI

* Вариант: «блестящий лондонский нахал».

В набросках «Романа в письмах» Пушкина, писанных, вероятно, в 1829—1830 гг., именем «леди Пельгам» названа какая-то «заезжая англичанка», упоминаемая среди лиц петербургского света. Эпизодический англичанин встречается в «Пиковой даме»: на похоронах графини близкий родственник покойницы «шепнул на ухо стоящему подле него англичанину, что молодой офицер ‹Германн› — ее побочный сын, на что англичанин отвечал холодно: Oh?» (гл. V). Напомним, что «англичанин» назван также в одном из вариантов плана «Дубровского». Не забудем также сатирический образ англичанки-гувернантки в семье Муромских («Барышня-крестьянка») [36]. Все это — традиционные образы в русской поэзии и прозе 30-х годов; поэтому искать возможные их реальные прототипы вовсе не обязательно.

Пушкин интересовался печатными описаниями английских путешественников как старого времени, так и ему современными. В некоторых из этих книг попутно говорится о русской литературе и встречается также имя Пушкина. Несколько таких книг находилось в библиотеке поэта; с иными из путешественников он встречался лично, о других мог слышать от своих друзей. Во всяком случае, очень значительная часть этой литературы английских путешествий, безусловно, находилась в сфере его внимания, в особенности с тех пор, как английская жизнь и культура сделались предметом его глубокого интереса и серьезного изучения.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что та или иная живая связь с английским миром, помимо книг и журналов, в сущности, не прекращалась у Пушкина всю его жизнь, начиная с первых послелицейских лет. Значение всех этих непосредственных внелитературных источников, которыми пользовался поэт, глубоко интересовавшийся жизнью Англии, у нас, несомненно, недооценено; круг его данных об этой стране был много шире и непосредственнее того, о котором дают нам представление книги его личной библиотеки и его возможные чтения вообще. Живая беседа значила иной раз больше, чем прочтенная книга на ту же тему.

С одной стороны, Пушкин и лично и через посредников имел постоянное общение с жившими в Англии представителями русского дипломатического мира. Так, в Англии бывали «арзамасцы» Д. П. Северин и П. И. Полетика (см. гл. II); «туманный Альбион» посетил (в 1814 г.) К. Н. Батюшков, и этот визит отозвался и в его письмах, и в стихах, хорошо известных Пушкину («Воспоминания» и «Тень друга»). В 1818 г. к русскому посольству в Лондоне был причислен Н. И. Кривцов, знакомец Пушкина с 1817 г., который, по словам А. И. Тургенева, «не перестает развращать Пушкина и из Лондона и прислал ему безбожные стихи из благочестивой Англии» [37]; советник русского посольства в Лондоне Д. Н. Блудов сообщал своим друзьям по Арзамасу новинки английской литературы. В 1819 г. кратковременное путешествие в Лондон совершил С. И. Тургенев, приславший в Петербург свое рукописное «Письмо об Англии», которое ходило по рукам среди его друзей [38].

В более поздние годы вестями из Англии делились с Пушкиным А. И. Тургенев, С. А. Соболевский и даже те их общие друзья, которые сами не бывали в Лондоне, но получали оттуда письма от родственников и знакомых. Напомним здесь П. А. Вяземского или Д. В. Давыдова: байроновские рукописи, приобретенные первым из них, переписка с Вальтером Скоттом второго, несомненно, живо интересовали Пушкина. Сообщения, рассказы, новости об Англии, характеристика английского быта, общественной жизни, политические и литературные вести, полученные из первых рук, существенно дополняли в сознании Пушкина все то, что он мог узнать об этой стране из французской и русской литературы. Другой ряд подобных же сообщений Пушкин мог получать от англичан, путешествовавших по России. Поэтому круг английских знакомств поэта представляет несомненный интерес.

Некоторые из этих знакомств и встреч отмечены в литературе. Известно, например, о случайной встрече Пушкина в июне 1820 г. в доме у Н. Н. Раевского на Кавказских минеральных водах с чиновником английской миссии в Иране капитаном Эдуардом Уиллоком (Willock). Предполагая с достаточ-

ным основанием, что Уиллок приехал из Тегерана на Кавказ с тайным умыслом «высмотреть положение наших военных дел в Чечне и Дагестане», генерал А. А. Вельяминов, заступавший в то время место А. П. Ермолова, дал распоряжение «наблюдать за всеми его действиями и следить, кто у него бывает и как часто». Подробный рапорт об этом из Георгиевска от 1 июля 1820 г., между прочим, упоминает о том, что в день прибытия на горячие минеральные воды, 20 июня, Уиллок «был у его высокопревосходительства — генерала от кавалерии и кавалера Раевского и пробыл у него довольное время», а на другой день, 21 июня, в дом «губернской секретарши Анны Петровой Макеевой», снятый Э. Уиллоком на время его здесь пребывания, «приходили к нему л.-гв. гренадерского полка поручик князь С. И. Мещерский 1-ый, л.-гв. ротмистр Николай Николаевич Раевский и недоросль, находящийся в свите его высокопревосходительства генерала Раевского, Александр Сергеев Пушкин. После отдыха Виллок, с персидским переводчиком и со оными посетителями, прохаживался, был вторично у его высокопревосходительства Николая Николаевича Раевского, у коего обедал. После сего, возвратясь на квартиру, в 4 часа пополудни отправился через Шотландскую колонию в Георгиевск...» [39]. Из этого документа явствует, что с Уиллоком Пушкин встретился несколько раз. К сожалению, не сохранилось никаких данных о содержании их бесед; затрудняемся также утверждать, стало ли Пушкину в конце концов известно, что в августе того же 1820 г., т. е. приблизительно через месяц после его знакомства с Эдуардом Уиллоком, последний был уличен в вербовке дезертиров из русской армии, в частности в пособничестве перебежчикам в Иран, русским солдатам 42-го егерского полка, расквартированным в Карабахе, и что находившийся при нем «персидский переводчик», который тоже упоминается в цитированном выше документе, был армянин Садык, иранский мехлендарь (чиновник), приставленный к англичанину иранскими военными властями; этот «переводчик» и осуществил переход дезертиров через русско-иранскую границу. Как известно, Грибоедов, находившийся тогда в Тавризе, послал две резкие дипломатические ноты в Тегеран на имя английского поверенного в делах Генри Уиллока, брата знакомца Пушкина.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин упомянул о миссионерах из Эдинбурга, имевших свою колонию близ Пятигорска; фигурируют они также в фрагментах неоконченной поэмы о Тазите, в которой один из них, вероятно, должен был быть изображен [40].

В одесский период одним из собеседников Пушкина был «англичанин, глухой философ, единственный умный Афей, которого я еще встретил»,— как писал сам поэт в письме (предположительно к П. А. Вяземскому), перлюстрированном московской полицией. Кто был этот англичанин, у которого Пушкин брал «уроки чистого афеизма», долгое время не удавалось выяснить. Лишь в настоящее время можно считать вполне установленным, что речь идет о домашнем враче Воронцовых, Вильяме Хатчинсоне, или Гутчинсоне, как писали у нас в то время [41].

В Одессе же, в том же кругу Воронцовых Пушкин встречался с только что приехавшим из Италии молодым графом М. Д. Бутурлиным, которого повсюду сопровождал гувернер-англичанин м-р Слоан, походивший больше на старше готоварища своего воспитанника, чем на наставника. Он понравился В. Я. Вяземской. В письме к мужу из Одессы она называет его «человеком лет тридцати», «очень красивым и настолько остроумным, насколько возможно для англичанина, говорящего по-французски. Это образованный человек, находившийся некоторое время в Италии и приятный в разговоре» [42]. М-ра Слоана любили и отличали в светских гостиных, хотя Пушкина мог раздражать присущий тому самоуверенный и несколько развязный тон. Не исключена возможность, что Пушкин вспомнил его, когда, набрасывая на бумагу «воображаемый разговор с Александром I» (датируется — декабрь 1824 — февраль 1825 гг.), дошел до следующего места своего диалога с императором. Александр I задает Пушкину вопрос: «Скажите, как это вы

ПОЧТОВЫЙ ДИЛИЖАНС
Рисунок
Русский музей, Ленинград

могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?» «Ваше величество,— отвечает ему поэт,— генерал Инзов добрый и почтенный ⟨старик⟩, он русский в душе, он не предпочитает первого английского шалопая всем ⟨известным⟩ и неизв⟨естным⟩ своим соотечест⟨венникам⟩». Эти слова находят себе полное соответствие в сохранившемся лишь в черновике письме Пушкина к А. И. Казначееву (от начала июня 1824 г.), служившем ответом на не дошедшее до нас письмо, в котором Казначеев, очевидно, уговаривал поэта успокоиться и не проситься в отставку: «Я устал зависеть от хорошего или дурного пищеварения того или другого начальника,— писал Пушкин,— мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к первому попавшемуся [дураку] мальчишке англичанину, который является к нам, чтобы среди нас проявить свою [тупость], плоскость [небрежность] и свое бормотанье» (Пушкин, т. XI, с. 23, 531; т. XIII, с. 95, подлинник по-французски).

В Одессе же в 1823 г. Пушкин встретился с Чарлзом-Эдвардом Томсоном (Charles-Edward Thomson; 1799—1841), сыном богатого английского негоцианта, который прожил в Одессе около двух лет (1821—1823), спасаясь от петербургского климата и управляя филиалом отцовской петербургской торговой фирмы; уехав в Англию, Томсон вскоре стал видным членом парламента, одним из лидеров вигов. Впоследствии он получил титул барона Сиднема и в конце жизни стал губернатором Канады. О знакомстве его с Пушкиным мы знаем из собственного свидетельства Томсона, занесенного в дневник А. И. Тургенева (запись от 14 марта 1828 г.). В бытность свою в Англии А. И. Тургенев встретился с Томсоном на обеде у маркиза Лансдауна. «Когда дамы нас оставили, разговор о политической экономии, о истории, о поэте Пушкине, о брате сделался общим»,— записывает Тургенев в дневнике и прибавляет: «Томсон знавал Пушкина в Одессе, а брата ⟨Н. И. Тургенева⟩ в английском клобе и здесь ⟨т. е. в Англии⟩». Отметим также, что Ч.-Э. Том-

сон имел много знакомых и в Одессе, и ранее в Петербурге. Помимо Н. И. Тургенева знал он и других будущих декабристов. Булгарин в своем доносе о связях декабристов с иностранцами сообщил, что «Корнилович и Муханов (Петр) были в связи с богатым английским купцом Томсоном, который снабжал их запрещенными либеральными газетами и брошюрами. Сам Томсон учился по-русски и путешествовал по России» [43]. Вполне вероятно, что английскими изданиями Томсон снабжал также и Пушкина в период их знакомства в Одессе.

С начала 1830-х годов встречи Пушкина с англичанами в обеих столицах не прекращались. В 1831 г. в Москве Пушкин с женой участвовал в масленичном катанье на санях вместе с англичанином Нидхэмом (Niedham). Позднее, в Петербурге, поэт был знаком со многими представителями английского дипломатического мира, например, с лордом Гейтсбери [44]. В «Дневнике» Пушкина есть также несколько записей о встречах и беседах его с Блаем (Bligh), поверенным в делах английского посольства, с которым он был знаком довольно близко. Записи относятся к 1833—1834 гг.[45] Первая из них рассказывает о беседе с Блаем на балу у Бутурлина. Несмотря на краткость записи, она позволяет догадываться, что беседа шла на животрепещущую тему о Западе и Востоке, остро интересовавшую тогда публицистов и России, и Англии.

Известно, далее, что Пушкин до последних дней своей жизни поддерживал сношения с состоявшим при британском посольстве Артуром Меджнисом (Arthur C. Magenis). О встречах с ним Пушкина у гр. Фикельмон упоминает в своих дневниках А. И. Тургенев; по словам Н. М. Смирнова, Меджнис «часто бывал у Фикельмон», это был «долгоносый англичанин (потом был посол в Португалии), которого звали perroquet malade *, очень порядочный человек, которого Пушкин уважал за честный нрав». За несколько дней до роковой дуэли Пушкин обращался к Меджнису с просьбой быть его секундантом; сохранилось письмо Меджниса к поэту по этому поводу от 27 января 1837 г. [46] В последний месяц жизни в поле зрения Пушкина находился также приезжавший в Петербург с женой лорд Лондондерри; несколько отметок о нем находим в дневниках А. И. Тургенева; французский посол Барант писал из Петербурга (20 декабря 1836 г.): «Лорд Лондондерри отлично принят и уважен императором. Он отличался храбростью, служа в русских войсках с 1812 г., и здесь увиделся с бывшими сослуживцами» [47].

Знаком был Пушкин также с художником-англичанином Дж. Доу, долго жившим в России и писавшим портреты героев Отечественной войны 1812 г. для Военной галереи Зимнего дворца. Однако достоверно известно лишь об одной их встрече, состоявшейся на пироскафе, шедшем 9 мая 1828 г. из Петербурга в Кронштадт. Среди пассажиров этого пироскафа, кроме Пушкина, были также Оленины и Дж. Доу, но художник уже покидал Россию: в Кронштадте он должен был пересесть на корабль, направлявшийся в Лондон. Именно в тот день, когда состоялась совместная поездка указанных лиц, и, может быть, на том же пироскафе (в помете Пушкина «на море») Пушкин написал обращенный к художнику стихотворный экспромт — «To Dawe, Esqr», внушенный, как следует думать, карандашным наброском портрета Пушкина, сделанным тут же:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Досадуя, что именно его запечатлел художник в своем наброске, Пушкин указывал на ехавшую с ними Аннет Оленину, которой он был тогда сильно

* больной попугай (*франц.*).

ВИД ПЕТЕРБУРГА. МОЙКА
Гравюра
Публичная библиотека, Ленинград

увлечен:

Рисуй О⟨ленино⟩й черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

«Арапский профиль» Пушкина остался, вероятно, в одной из записных книжек Доу, бывшей тогда при нем; в них он делал наброски с лиц, портреты которых задумывал [48]. Этот карандашный эскиз, сделанный 9 мая 1828 г., не разыскан, портрет, вероятно, не был написан, а стихотворение Пушкин напечатал в том же году в альманахе «Северные цветы» на 1829 г.

В конце декабря следующего года (1829) в Петербурге состоялось знакомство Пушкина с английским путешественником Томасом Рейксом (Thomas Raikes; 1777—1848). Сын крупного английского дельца, бывшего друга Вильяма Питта-младшего, Рейкс не чувствовал никакой склонности к предпринимательской и купеческой деятельности, к которой готовил его отец. Томас Рейкс являлся одним из типичных представителей английской «золотой молодежи»; он был денди и модным франтом, другом и подражателем Дж. Бруммеля в «искусстве великосветской жизни»; знавал он также и Байрона в период его лондонской славы. В аристократических клубах Рейкс известен был под насмешливой кличкой «Аполлон», а художник Дайтон в одной из своих карикатур вывел его в его неизменном наряде — сюртуке, застегнутом на все три пуговицы, клетчатых брюках и черном галстуке — в качестве лондонского rakes (распутника). Много путешествуя по Франции, Италии, Швейцарии, Рейкс в конце 1829 г. побывал и в Петербурге. Он остановился здесь у английского посланника и вращался в высшем обществе

В книге Рейкса, описывающей его посещение русской столицы («A visit to St. Petersburg in the winter of 1829—1830». London, 1833), а также в изданном после его смерти дневнике, мы находим рассказ о встрече с Пушкиным [49]. Рейкс рассказывает здесь (в письме от 24 декабря 1829 г.), что «прошлым вечером у барона Р.» (at baron Rehansen's) он встретил «Пушкина — русского Байрона» (the Byron of Russia), «знаменитого и вместе с тем единственного поэта в России. Его слава установлена и не имеет соперников, никто не пытается оспаривать лавры на его челе. Его поэмы читаются с наслаждением его соотечественниками, которые одни способны оценить их; и труды его вознаграждаются — он может всегда требовать десять рублей за каждую строчку от своего издателя». Свой высокомерный отзыв, свидетельствующий, что случайно оказавшемуся в Петербурге заезжему лондонскому дэнди Пушкин был вовсе чужд, Рейкс пытается обобщить, характеризуя отношение поэта к русской литературе, о состоянии которой сам Рейкс имел не более ясное представление, чем о Пушкине. Отметив «скудость» существующей в России литературы и недостаточность литературного вкуса (In such a dearth of literature and literature taste...), Рейкс с циничной авторитетностью заявляет о творчестве Пушкина: «Нельзя не предположить, что сочинения его могут быть переоценены его читателями, и, так как гений не подстрекается соревнованием, они, вероятно, не очень объемисты, частью потому, что он, будучи доволен своей славой, редко обращается к своей музе, кроме тех случаев, когда его денежные средства приходят в упадок». Отзыв Рейкса о самом Пушкине не менее высокомерен: «Я не заметил ничего особенного в его личности и манерах; внешность его неряшлива; этот недостаток является иногда у талантливых людей, и он откровенно сознается в своем пристрастии к картам; единственное примечательное выражение, вырвавшееся у него во время вечера было: «J'aimerais mieux mourir que ne pas jouer» *. Хотя он решительный либерал и sourdement ** замешан в последнем заговоре, он постоянно пользовался внимательным и ласковым отношением императора; его муза также была причастна к революционному делу и произвела стихотворение, которое, при существующих обстоятельствах, ни один деспотический государь не мог бы никогда забыть или простить». Выписав полностью «Кинжал» во французском переводе (взятый из книги Ансло «Six mois en Russie»), Рейкс резюмирует: «При таком неограниченном правительстве, я не знаю, чему больше удивляться: смелости ли поэта, который написал такое дерзкое и преступное стихотворение, или же великодушию государя, который отнесся к нему снисходительно».

Таким образом, Рейкс не обнаружил в приведенном отзыве ни познаний в русской литературе, ни понимания Пушкина как человека и поэта. Поверхностный и неглубокий наблюдатель, каким представляется Рейкс и в рассказах о своих путешествиях (помимо «Посещения Петербурга», он издал также в 1841 г. книгу «Франция в 1830 г.»), и в своих дневниках, он и в данном случае остался вполне верен себе. Отзыв Рейкса лучше характеризует его самого, чем русского поэта. Этот блестящий франт, который считал безупречными свои наряды, а себя красавцем, несмотря на свое изрытое оспой лицо, гораздо больше интересуется внешностью Пушкина, не вполне безукоризненной, на его взгляд, чем своей с ним беседой. Страсть к карточной игре, по его мнению,— единственная примечательная черта в личности Пушкина, которую он счел достойной занесения в свой путевой дневник.

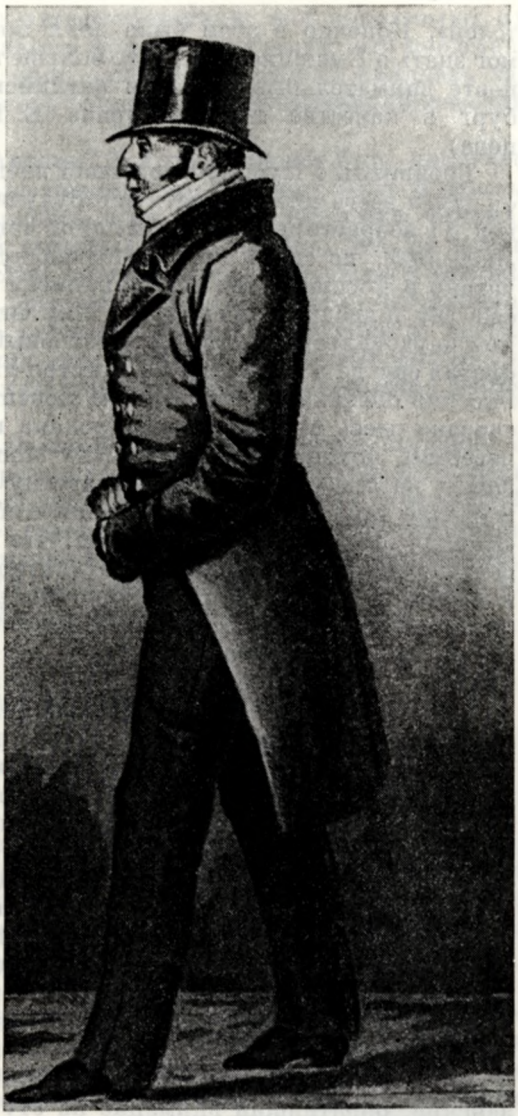
Но Рейксу, вероятно, осталось невдомек, что Пушкин обладал в высокой степени даром поддерживать беседу с любым человеком, в том самом стиле, который был свойствен именно его собеседнику, и что «блестящий лондонский нахал», которого безмолвно осудил петербургский свет, вовсе не должен был рассчитывать на интимность или задушевность разговора с русским поэтом; именно в этом смысле эскизный портрет «залетного» лондонского путе-

---

* Предпочел бы умереть, чем не играть (*франц.*).
** тайно (*франц.*).

шественника, набросанный в «Евгении Онегине», мог быть типичен и для Рейкса. Перечитывая легкомысленные страницы французской книги Ансло, осужденной Пушкиным, и механически выписывая оттуда пушкинский «Кинжал», Рейкс больше поражен был тем, что Пушкин еще на свободе, чем сущностью его политических воззрений; очевидно, этой темы их разговор не касался вовсе.

Зато в записи от 1 марта 1830 г. мы находим след другой его беседы с Пушкиным, более отвечавшей стилю салонной болтовни. Пушкин рассказал случай из лицейских времен, реальные основания которого нам известны, что подтверждает и достаточную точность передачи этой беседы. «Как-то вечером,— пишет Рейкс,— в обществе разговор зашел об убийствах, которые здесь нередки в низших классах общества, хотя редко упоминаются в здешней очень незначительной газетной печати, которая не получает сведений о таких происшествиях. Поэт Пушкин сказал весьма серьезно: «Le plus interessant assassin que j'ai connu, était un domestique que j'avais il y a quelque temps»*. По-видимому, этот человек безнаказанно совершил восемь убийств, девятое было раскрыто, и он сделал такое признание. В Царском Селе он нанял сани для поездки, которая обошлась бы ему в 50 копеек. Во время езды он стал соображать, что если убьет извозчика, то, конечно, сбережет себе плату за проезд и, быть может, найдет сколько-нибудь денег в его кармане. Ради этого он очень спокойно вынул нож, ударил им извозчика в спину и затем перерезал ему горло. Ограбив несчастного, он нашел только 24 копейки, следовательно он убил человека из-за денег счетом около восьми пенсов». Этот случай из уголовной хроники имеет в виду Константина Сазонова, дядьку в лицее пушкинских времен; о нем рассказывает и М. А. Корф в своих лицейских воспоминаниях [50].



ТОМ РЕЙКС

Рисунок из книги «The reminiscences and recollections of captain Gronow». London, 1900, vol. II, p. 240

Рейкс назвал Пушкина «русским Байроном». Следует отметить, что за Пушкиным это прозвание уже утвердилось к тому времени в английской литературе. Врач Аугустус Боцци Гренвилль в описании своей поездки из Лондона в Петербург мог уже в 1828 г. сказать, что «имя Александра Пушкина, русского Байрона, вероятно, хорошо известно большинству английских чита-

* Самый интересный убийца из тех, которых я знал, был слуга, несколько времени тому назад служивший у меня (*франц.*).

телей». Конечно в этом была доля преувеличения, однако сам Гренвилль мог знать о Пушкине несколько больше того, что должны были знать о русском поэте внимательные читатели английских журналов (он приехал в Петербург в качестве личного врача Е. К. Воронцовой и гостя М. С. Воронцова).

Гренвилль о Пушкине сообщает следующее: «Литературную деятельность он начал всего четырнадцати лет, будучи тогда студентом императорского лицея, а в возрасте девятнадцати лет он написал прославленную поэму «Руслан и Людмила», по своей красоте превосходящую все то, что до того было напечатано в России. С тех пор он написал много других произведений, хотя ему еще нет и двадцати восьми лет. Мои читатели, без сомнения, знают о временном неудовольствии, которое этот юный и пылкий поэт возбудил в высших сферах еще до вступления на престол имп. Николая своей «Одой к свободе». Русские обязаны ему переводом шекспировского «Короля Лира» [51]. То, что сказано здесь относительно «Руслана и Людмилы», основано, вероятно, на известии, помещенном еще в «New Monthly Magazine» 1821 г., все дальнейшее — на заметках «Foreign Quarterly Review», 1827—1828 гг.; так, в этом журнале также однажды говорили о якобы сделанном Пушкиным переводе «Короля Лира», утверждая даже, что Пушкин «начал свою литературную деятельность» именно с этого загадочного перевода [52]. Что же касается «Оды к свободе», т. е. стихотворения «Вольность», то другой английский путешественник, также врач Э. Мортон, побывавший в России в 1827—1829 гг., прямо утверждал, что будто бы за эту оду Пушкин был даже сослан в Сибирь [53].

Известия о Пушкине Гренвилля и Мортона были взяты ими из третьих рук; Рейкс видел самого поэта, но его рассеянный светский взгляд не подметил в нем ничего особенно примечательного, и Пушкин стал поводом для легкомысленной записи в его путевом дневнике. Однако вовсе пройти мимо Пушкина для путешественника, который претендовал на некоторое знакомство с русской общественной и культурной жизнью и набрасывал легкий очерк состояния русской литературы, очевидно, было невозможно.

Нам известны еще аналогичные записи трех встреч с Пушкиным капитана Френкленда, состоявшихся в мае 1831 г. в Москве. Эти записи тем более любопытны, что они помещены в книге, находившейся в руках Пушкина и сохранившейся в составе его библиотеки. «Narrative of a visit to the courts of Russia and Sweden, in the years 1830 and 1831. By captain C. Colville Frankland», 2 vols, London, 1832); таким образом, Пушкин прочел то, что написал о нем этот английский путешественник. «Любопытно,— замечает Б. В. Казанский, обративший внимание на эту незамеченную исследователями книгу,— что разговор, по-видимому, скоро получил общественно-политический характер,— очевидно, Пушкин охотно шел на это; возможно даже, что сам шел к этому 〈...〉 Запись начинается с общего вопроса о реформе политического строя России и вскоре сосредоточивается на освобождении крестьян — основном, надо думать, в глазах англичанина, причем Пушкин, по-видимому, сообщил ему конкретные данные о положении крепостных» [54].

Любопытно, что и здесь,— очевидно, по установившейся традиции — Пушкин назван «русским Байроном». Запись об одной из трех встреч с ним Френкленда гласит: «Мая 8 〈20〉 1831 г. В полдень Пушкин (русский Байрон) посетил меня и сидел со мной около часу. Его разговор занимателен и поучителен. Он, по-видимому, основательно знаком с политической, гражданской и литературной историей своей страны, а также вполне осведомлен о погрешностях и пороках русского управления. Он, однако, того мнения (как все разумные и хорошие люди), что никакая большая и существенная перемена не может иметь места в политическом и общественном строе этой обширной и разнородной империи иначе, как постепенными и осторожными шагами, каждый из которых должен быть поставлен на твердую основу культурного подъема, или, другими словами, на просветлении человеческих взглядов и на расширении разумений».

Все отмеченные нами английские путешественники, как показывают их записи, беседовали с Пушкиным, главным образом, о России; это представляется вполне естественным для тех книг, предметом которых являлась характеристика русского государственного строя и общественно-политической жизни.

Касалась ли их беседа также и Англии? В этом не может быть никакого сомнения; мы не знаем об этом только потому, что вопросы поэта и ответы англичан не было необходимости заносить в их путевые дневники, предназначенные для английских читателей, которых, надо думать, больше могли интересовать отзывы Пушкина о русской жизни, чем его отношение к английской действительности. Между тем, интерес этих бесед был, безусловно, двусторонний. Пушкин внимательно наблюдал заезжих англичан и, несомненно, осведомлялся у них о состоянии английской политической и культурной жизни, как прежде расспрашивал об этом своих друзей, бывавших в Англии.

Англичане-путешественники могли пополнить его книжные сведения о той стране, которая глубоко его интересовала, могли делиться с ним свежими политическими новостями, давать ему характеристики событий ее новейшей истории. Несомненно, например, что, говоря о русском самодержавии, Пушкин не мог не осведомляться об особенностях английского парламентаризма. В стихотворении «К вельможе» (1830) Пушкин недаром давал попутную, но продуманную характеристику английского конституционного строя:

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой [55].

Известен пушкинский иронический стих: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы»; генетически эта мысль была связана с позднейшим убеждением Пушкина об особых путях исторического развития России, но интересно было бы выяснить, какой долей реальных данных для такого умозаключения Пушкин обязан был своим беседам с людьми бывавшими в Англии.

Не подлежит никакому сомнению, что Пушкин с большой зоркостью следил «за ходом политической и общественной жизни Англии на основании доступных ему источников. По-видимому, период с 1829 по 1834 г. был весь в поле его зрения» [56]. В бумагах Пушкина сохранилась карикатура на лорда Генри Брума, который в мантии лорда-канцлера вносит билль в верхнюю палату об избирательной реформе; она относится к 1832 г.; любопытно сопоставить ее с почти современным ей упоминанием об английской политической жизни в письме Пушкина к Вяземскому от 12—13 января 1831 г.: «В Англии, говорят, бунт. Чернь сожгла дом Веллингтона». Хотя слух оказался неверным и слово «бунт» преувеличило размах событий, но это свидетельствует все же, что Пушкину «прекрасно известны были политические бури, предшествовавшие реформе» [57].

Недаром Пушкин в декабре 1834 г. написал свой «Разговор с англичанином», в котором дал замечательную для своего времени характеристику английского парламента, взаимных отношений классов в Англии и состояния английского пролетариата. Из этого «Разговора» видно, что он основательно ознакомился с Англией, со всеми особенностями ее быта и со всеми пружинами ее государственного механизма. Он, несомненно, пристально следил за «английскими трехмесячными «Reviews» (т. е. за «Edinburgh Review», «Quarterly Review» и, может быть, за «Westminster Review») [58], знакомился, вероятно, и с английскими газетами и уже с давних пор мечтал о поездке в Англию.

В первой редакции «Разговора» гневную филиппику о бедственном положении «английских работников» произносит у Пушкина англичанин, путешест-

вующий по России, с которым он встретился якобы на пути между Москвой и Петербургом. До сих пор нерешенным остается вопрос, лежала ли в основе «Разговора с англичанином» реальная встреча и беседа, или Пушкин прибег здесь к фикции воображаемого собеседника. Из упомянутых нами английских путешественников лишь один Френкленд более других мог бы послужить прототипом для англичанина этого разговора, хотя и из его уст Пушкин едва ли мог услышать, например, восхищение бытом русского крепостного крестьянина. Другие, перечисленные выше, английские собеседники Пушкина, со своей стороны, едва ли могли бы раскрыть перед ним страшную картину бедствий английских рабочих. Последняя была результатом чтения и расспросов Пушкиным разных лиц. Но интерес обобщенной Пушкиным фигуры «английского путешественника» этим соображением не ослабляется. Выводя его в своем диалоге, Пушкин, несомненно, чувствовал его типичность на фоне русского столичного общества 1830-х годов [59].

3. Джордж Борро — писатель и полиглот

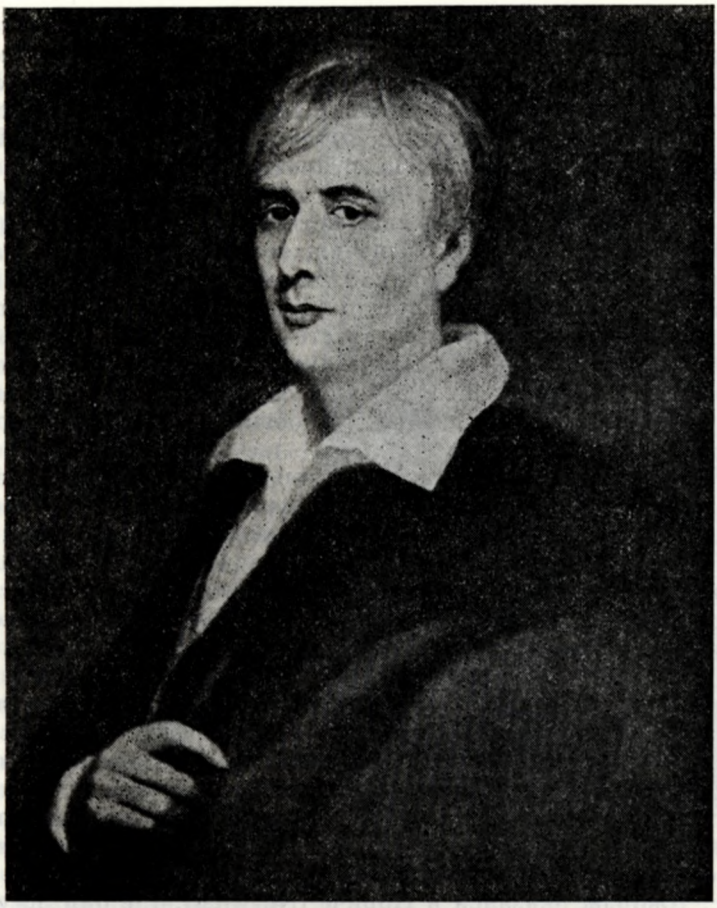
Из всех английских путешественников по России, которых Пушкин встречал лично или о которых он слышал, особый интерес представляет для нас Джордж Борро (George Borrow, 1803—1881). Он был одним из первых переводчиков Пушкина на английский язык, и эти переводы были изданы в России. Пушкин знал их — они имелись в его библиотеке. Один раз он даже получил от Борро в подарок книгу и ответил ему любезной запиской. Около двух лет Борро жил в Петербурге и очень полюбил этот город, где он обрел многих друзей и о котором он вспоминал долгие годы. Это дает нам право подробнее познакомиться с Борро как с оригинальным писателем, с его незаурядным обликом, нисколько не походившим на привычный облик путешествующего иностранца.

Литература о Борро в настоящее время довольно велика, изобилует биографическими материалами и документальными публикациями, но, тем не менее, история его жизни в России и его увлечение Пушкиным известны еще далеко не достаточно. Судьба литературного наследия Борро в английской литературе также была необычна.

Интерес к личности и творчеству Джорджа Борро возник лишь в самом начале XX в., главным образом со времени выхода в свет двухтомной монографии о нем В. Нэппа (Knapp), написанной на основе изучения огромного литературного архива Борро, до тех пор остававшегося под спудом [60]. Переиздание тем же Нэппом в 1900 г. важнейших беллетристических произведений [61] Борро еще более содействовало интересу читателей к этому полузабытому в то время литературному деятелю.

Кроме того, Борро объявили теперь выдающимся лингвистом и сразу вспомнили его разнообразные филологические и переводческие труды, остававшиеся в тени и небрежении. За несколько лет литература о Борро широко разрослась; целый ряд работ о нем английских и американских исследователей вскрыл с достаточной ясностью его незаурядный облик. Новое шестнадцатитомное собрание его сочинений под редакцией К. Шортера (Shorter), законченное в 1924 г., и в особенности многотомное издание переписки Борро и других документов из его архива, предпринятое главным образом Уайзом (Wise), которому принадлежит также полная библиография Борро, в основном завершили первоначальный этап его изучения [62]. В эту огромную литературу, которой мы, к сожалению, располагаем далеко не полностью, как увидим, следует заглянуть пушкинистам, а также востоковедам, историкам русской культуры.

Как Борро попал в Петербург и что он делал здесь между 1833 и 1835 гг., мы знаем: его толкнули на это нужда и случай. Борро было в это время тридцать лет.



ДЖОРДЖ БОРРО
Портрет работы У. Филлипса
«Путеводитель по дому Джорджа Борро»

Джордж-Генри Борро * родился 5 июня 1803 г. на маленькой ферме Норфолкского графства, расположенной неподалеку от города Ист-Дирема (East-Dereham). Джордж был вторым сыном Томаса Борро, происходившего из корнуэлских крестьян; мать Джорджа также была дочерью небогатого фермера, из рода давно переселившихся в Англию нормандских гугенотов. Томас Борро ко времени рождения Джорджа с трудом успел дослужиться до унтер-офицерского чина в пехотном полку, с которым была связана и вся его последующая жизнь. Время было военное. Англию сильно тревожили слухи о готовящейся высадке на ее берегах большой армии Наполеона, и полк, в котором служил Томас в качестве вербовщика и инструктора новобранцев, постоянно перемещался с места на место. Чтобы избежать лишних расходов, Томас Борро постоянно жил в казармах вместе с женой и двумя малолетними сыновьями (старшему, Джону, было два года, когда родился Джордж) и всюду брал их с собой. В 1809 г. Томас вместе с полком снова вернулся в Ист-Дирем, тихий провинциальный городок, знаменитый тем, что он стал местом последнего упокоения поэта Уильяма Каупера. В этом году Джордж пошел в местную школу, где ему дали архаическую латинскую

* Фамилию Borrow можно встретить в русской печати в двух различных транскрипциях: Борро и Борроу. Мы пользуемся первой из них — Борро, употреблявшейся в России в XIXв. Так подписывался и сам писатель в документах и письмах на русском языке. Так называл его и Пушкин (см. ниже).

грамматику, впервые изданную еще в XVI в., и он должен был учить ее наизусть. Скоро, впрочем, учение его прервалось: летом 1810 г. Томас Борро снова переведен был в Норман Кросс, неподалеку от Питерборо, а затем начались его новые странствования вместе с семьей: они перебрались в Колчестер, затем снова уехали на Север и в конце концов оказались в Шотландии.

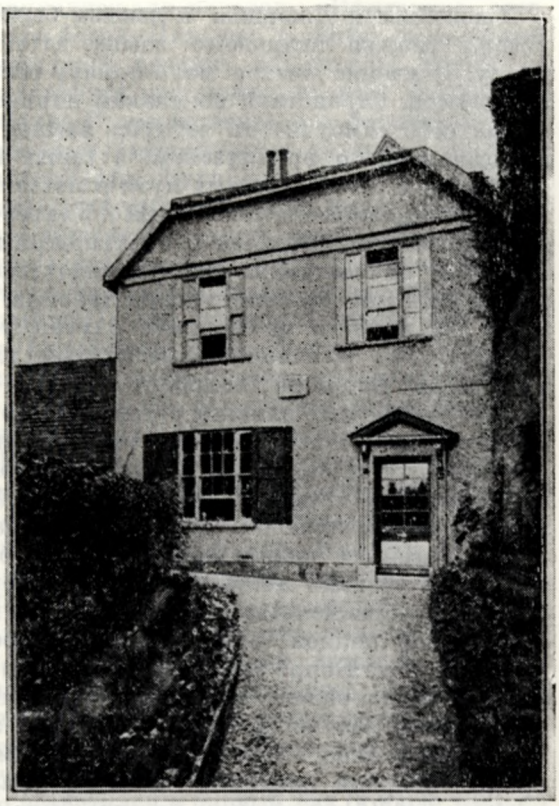
Маленький Джордж рос на свободе, превращаясь постепенно в бойкого, проворного подростка. Школьные годы его проходили довольно беспорядочно; постоянные переезды семьи мало способствовали его усидчивым занятиям, хотя недостатки систематического учения, несомненно, восполнялись в известной мере разнообразием его ранних житейских впечатлений. Более продолжительное время Джордж учился в одной из эдинбургских школ, когда отец прибыл в шотландскую столицу вместе со своим полком в 1813 г. По-видимому, в Эдинбурге Джордж учился плохо; известно, во всяком случае, что он под всяческими предлогами отлынивал от занятий, часто покидая город для скитаний по окрестностям, иногда в обществе вновь приобретенных и очень сомнительных друзей.

К 1815 г. относится еще один переезд семьи Борро, имевший немалое значение для интеллектуального развития будущего писателя. В августе этого года, уже после подписания мира с Францией, Томас Борро был отправлен в Ирландию, сначала в Клонмел близ Типперери, затем на север острова — в Темплмор. Девять месяцев семья Борро жила в Ирландии; смышленый и наблюдательный Джордж в этой стране успел хорошо присмотреться к новым для него людям и картинам природы зеленого Эрина. Он бродил по пустынным полям, видел жалкие лачуги, над крышами которых подымался голубой дым от торфяных очагов, живописные развалины, овеянные древними легендами, людей, говоривших на неизвестном для него языке. Все в Ирландии возбуждало чрезвычайное любопытство Джорджа: суеверия, песни, восходившие к глубокой старине, новейшие религиозные распри, безысходная бедность и глухая вражда к его соотечественникам. В эти месяцы была заложена основа для широкого знакомства его с кельтскими языками: он научился тогда болтать по-ирландски.

В 1816 г. Джордж оказался в Нориче (Norwich), где они поселились до марта 1824 г. Полк, в котором служил капитан Борро, был распущен, и хотя сам Томас вышел в отставку только в 1819 г., но из Норича больше никуда не уезжал. Странствования семьи, наконец, кончились. Норич был главным городом Норфолкского графства; это был древний и довольно культурный город, в котором были свои ученые, свои поэты и писатели. Норич процветал еще во времена Эдуарда-исповедника; на центральной площади города стоял и сохраняется доныне высокий готический собор, построенный в XII в., к которому примыкает дворец архиепископа, законченный в XIV в. Школа в Нориче, в которую попал Джордж, также имела длинную историю: она была основана в 1325 г. и среди своих воспитанников за долгие годы существования числила немало знаменитых в свое время деятелей на разных поприщах. Норич, однако, был славен не только своими древностями. Здесь жило много ремесленников; здесь с давних пор находились цветущие ткацкие предприятия, каждогодно бывали богатые ярмарки, привлекавшие толпы народа, съезжавшегося со всей Англии. Норич был известен также своими филантропическими учреждениями и религиозными организациями — миссионерскими обществами, которые щедро финансировались богатыми владельцами разных предприятий и купцами.

Норичскую школу, в которую Джордж был определен в 1816 г. в качестве стипендиата, он никогда не любил и часто предпринимал далекие прогулки за город, к чему привык в более ранние годы. Он ходил пешком по полям и лесам, повторяя многочисленные легенды Восточной Англии и нередко вдохновляясь ими: среди них были предания о старых кладах, закопанных в землю еще скандинавскими викингами, в своих набегах не раз опустошавшими окрестности Норича. Отсюда возник его ранний интерес к датской литературе, впоследствии принесший обильные плоды.

Немало интересного для Джорджа заключалось и в самом Нориче. Он любил бродить по его улицам, заглядывать в лавки букинистов, навещать рынки, вступать в беседы с торговцами и ремесленниками (среди последних в Нориче, между прочим, были и итальянцы). Много радостей сулила ему всегда весенняя ярмарка, шумная и пестрая. Именно на ярмарке Борро свел знакомство с двумя цыганами — лошадиными барышниками: это были братья Амброз и Феден Смиты. Братья-цыгане привели его в свой табор, расположенный на пустоши неподалеку от Норича. В это время Восточная Англия была излюбленным местом для стоянок английских цыган, вообще же на британских островах находилось тогда около двадцати тысяч представителей этого народа. Они появились здесь в начале XVI в. и с тех пор странствовали, разделенные на племена или большие семьи. Они жили в палатках и переезжали с места на место в убогих повозках, крытых брезентом. Мужчины были барышниками, или ремесленниками — кузнецами, котельщиками, лудильщиками; женщины занимались ворожбой и гаданием [63].



ДОМ БОРРО В НОРИЧЕ
«Путеводитель по дому Джорджа Борро»

Джорджа Борро сильно увлек этот странный народ — исторические судьбы которого представлялись в то время достаточно темными и противоречивыми, хотя описания цыган и догадки об их происхождении давно уже встречались в английской литературе. Цыган не забыл и Шекспир, упоминающий о них в «Ромео и Джульетте», «Отелло» и «Антонии и Клеопатре»; о цыганах идет речь в одной из «масок» Бен Джонсона, в комедии Миддлтона и Раули «Испанская цыганка» (1623). В XVIII в. английские цыгане были описаны в романах Дефо, затем в «Истории Тома Джонса-найденыша» (12-я глава XII книги) Г. Филдинга, в поэме Дж. Крабба и многих других произведениях поэзии и прозы. Старший современник Борро, В. Скотт, посвятил цыганам знаменитые страницы в своих романах «Гай Меннеринг» и «Квентин Дорвард» [64]. Тем не менее их язык был еще мало изучен и многое в их облике и быте казалось загадочным и необъяснимым. Дж. Брайант еще в 1785 г. прочел в Королевском обществе доклад о цыганском языке, но он не обратил на себя внимание; более существенным явился английский перевод немецкого трактата на ту же тему Грелльмана, но даже после возвращения Борро из России, Оксфордский университет в 1837 г. предложил на поэтический конкурс тему о цыганах [65].

Быть может, Джорджу уже и раньше приходилось видеть цыган во время его скитаний по Англии и Шотландии, но серьезный интерес к ним он почувствовал впервые именно в Нориче. Он бывал в их таборе, наблюдал за их жизнью и вскоре под руководством Амброза начал изучать цыганский язык, в чем и преуспел довольно быстро.

Способности Джорджа к языкам были поразительны. Шести лет он уже усвоил начатки латинского языка, затем самостоятельно обучился ирландскому. Изучение языков мало-помалу становилось господствующей страстью его юности. Странствуя по лавкам норичских букинистов, Джордж однажды купил себе самоучитель четырех языков и из этой книги получил первое представление о французском, а также итальянском; раннее знакомство с ирландским открывало ему пути к постепенному усвоению древних и новых кельтских диалектов Шотландии и Уэльса. У Джорджа вырабатывался мало-помалу собственный, хотя и довольно примитивный, способ овладения новыми языками: он составлял перечни слов, переписывал их по несколько раз, добавляя к ним грамматические правила, извлеченные из собственной практики; он никогда не упускал случая усовершенствовать свои познания. Впоследствии в одной из начальных глав автобиографического романа «Лавенгро» Борро не без иронии отмечал, что на его пристрастие к изучению языков неизменное влияние оказывала его любовь к людям, а поездки верхом открыли ему ту истину, что здоровый парень с крепкими мышцами «предназначен природой к чему-то лучшему, чем корпеть за словарем». В этом противопоставлении усидчивых занятий за книгой свободным ристаниям по дорогам верхом на добром коне и на самом деле заключалось одно из главных противоречий всей его жизни. Вдохновенный бродяга, странствователь по природе и выработавшимся привычкам, он не всегда легко соглашался на упорные занятия за письменным столом, хотя и чувствовал к ним влечение.

В конце концов, однако, пришло время для выбора самостоятельного поприща. Для Борро это оказалось делом трудным и мучительным. Старший брат Джорджа начал было учиться живописи, но вскоре оставил эти занятия и определен был на военную службу, а затем уехал в Мексику в качестве рабочего-горняка в серебряных копях; там он и умер в начале 1830-х годов во время холерной эпидемии. В семье старого капитана поговаривали, что непутевому Джорджу тоже не худо было бы отправиться за море, где он мог надеяться обеспечить себе в будущем сносное существование. Но поездка Джорджа в Америку не состоялась, его ожидала другая участь. В марте 1819 г. капитан Борро заключил контракт с норичским стряпчим Симпсоном, по которому Джордж поступал в контору последнего для практического изучения права и профессии адвоката. Джордж, впрочем, не считал, что отец правильно распорядился его судьбой. Сидеть целыми днями в полутемной конторе за чтением сложных законов и переписыванием судебных кляуз не входило в его расчеты. Однако юноша нашел выход: на конторке под деловыми бумагами он вскоре стал прятать собственные литературные опыты вперемежку со словарными и грамматическими записями новых для него языков, изучению которых он отдавался с еще большим рвением, чем прежде. Так, в конторе Симпсона Джордж изучил уэльский язык, пользуясь старым переводом на этот язык «Потерянного рая» Мильтона. В библиотеке норичского Гилд-Холла Борро нашел также труд Олауса Вормиуса, изданный еще в 1636 г. и посвященный древнейшим образцам датской литературы: эта книга открыла Борро сокровища древних баллад и скандинавского фольклора. Экземпляр этого издания, бывший в руках Борро, доныне хранится в Нориче: поля книги исписаны его рукой; записи и заметки разного рода свидетельствуют, что она перечитывалась внимательно не один раз. Очевидно, к этому времени Борро довольно хорошо овладел датским языком, изучив его с помощью датской Библии, тщательно сличавшейся им с Библией на английском языке [66]. Сохранились свидетельства, что в той же конторе Симпсона Борро приступил к изучению еще двух языков: древнееврейского и арабского [67].

Вскоре восторженные рассказы о юном полиглоте достигли Уильяма Тейлора, известного норичского литератора, и Джордж был ему представлен [68]. Тейлор был известен своими путешествиями по Европе и переводами, главным образом с немецкого. В молодости он бывал и во Франции, долго жил в Германии, встретился с Гёте и стал одним из видных популяризаторов немецкой

литературы в Англии. Его перу принадлежали переводы «Ифигении» Гёте, «Натана Мудрого» Лессинга, «Диалога богов» Виланда, а также написанный им самим «Исторический очерк немецкой поэзии» («Historical Survey of German Poetry»). В Нориче Тейлор считался не только опасным вольнодумцем, но даже имел прозвание безбожника [69]; тем не менее, его боялись и с ним считались, так как он имел влиятельных литературных друзей и прочные связи в редакциях крупнейших английских журналов.

Джордж очень понравился Тейлору; их частые встречи имели решающее значение для юноши и его будущего; юриспруденция и адвокатская карьера потеряли в его глазах всякую привлекательность, и он уверовал в свои литературные силы. Под руководством Тейлора Джордж усовершенствовал свое знание немецкого языка и составил с его помощью обширный план переводов, литературных работ на ближайшие годы. Тейлор был внимателен и заботлив; посвященный в замысел Джорджа бросить обязанности клерка в юридической конторе, Тейлор написал о его дарованиях и необыкновенных лингвистических познаниях многим своим корреспондентам — В. Скотту, Р. Саути, издателю «Monthly Magazine» Ричарду Филлипсу. В письме Тейлора к Р. Саути (от 12 марта 1821 г.) говорится: «Норичский молодой человек переводил со мною слово в слово шиллеровского «Вильгельма Телля» с намерением отделать этот перевод для опубликования. Имя его Джордж Генри Борро. Он изучил немецкий язык с необычайной быстротой; и, в самом деле, он обладает даром языков (gift of tongues) и хотя ему нет еще восемнадцати лет, он понимает двенадцать языков — английский, уэльский, эрзийский (Erse), латинский, греческий, еврейский, немецкий, датский, французский, итальянский, испанский и португальский» [70]. Джорджу казалось, что он уже приобрел литературное имя и что его писательская карьера обеспечена. Радость его была, однако, преждевременна: до успеха ему требовалось пройти еще длинный и трудный путь.

Именно в доме у Тейлора Борро встретился в первый раз (в июле 1821 г.) с Джоном Баурингом, и у них нашлись общие интересы. Это был составитель хрестоматий различных национальных литератур в английских переводах (у нас уже шла речь о нем выше, в гл. III, как о составителе «Российской антологии», над ней он как раз работал в это время). С 1824 г. Бауринг издавал также «Вестминстерское обозрение» («Westminster Review»), в котором появлялись критические очерки иностранных литератур. Правда, у Бауринга было больше претензий и деловой инициативы, чем знаний; способности к усвоению чужих языков были у него небольшие, и ни одного из них он не знал сколько-нибудь удовлетворительно; поэтому одаренные самоучки вроде Борро, дешевыми услугами которых можно было пользоваться, представляли для Бауринга реальный интерес. Этим и можно объяснить, что в начале 1820-х годов между Баурингом и Борро возникли приятельские отношения и переписка; на них юный норичский литератор возлагал много надежд, впоследствии, впрочем, не оправдавшихся [71].

Бауринг замышлял в то время издание антологии скандинавских литератур и заказал Борро для этой книги целую серию стихотворных переводов произведений древней и новой датской литературы. Борро быстро выполнил заказ, но большинство его переводов остались неопубликованными (увидели свет лишь фрагменты, включенные Баурингом в его статью о датской поэзии, в 1830 г. помещенную в «Foreign Quarterly Review») [72]. Более успешными оказались рекомендации Тейлора: Борро удалось с его поддержкой осуществить несколько журнальных публикаций; он готовил также к печати свои новые переводы с немецкого, пытался печататься даже в самом Нориче.

Вскоре, однако, планы его изменились. В начале 1824 г. умер его отец, и Джордж тотчас же решил окончательно расстаться с ненавистной для него конторой. Он покинул родной дом в Нориче [73] и отправился в Лондон в поисках литературной работы, с твердым намерением добиться известности.

Лондонский период жизни Борро в середине 1820-х годов принес ему лишь одни горькие разочарования. Странствования Борро по издателям и

редакциям журналов были довольно бесплодными. Не имевший ни влиятельных покровителей, ни знакомств в литературном мире, Борро перебивался кое-как, сочиняя статейки на разные темы с грошовой оплатой, предлагая свои переводы с каких угодно языков в стихах и прозе, готовый на любую литературную поденщину. Но он безуспешно стучался в двери влиятельных критиков и богатых издателей и так и не добился признания.

В 1825 г. Борро издал в одном лондонском сомнительном издательстве шеститомное собрание «Знаменитых судебных процессов» («Celebrated trials and remarkable cases of criminal jurisprudence») с биографиями уголовных преступников разных времен. Какие части этой компиляции принадлежали перу Борро, в настоящее время сказать трудно, но очень возможно, что он лишь был литературным правщиком составляющих эту книгу историй о людях, кончивших жизнь на эшафоте [74]. Тогда же Борро издал две книги своих переводов: одна из них была прозаическим переводом известной философской повести немецкого писателя Ф.-М. Клингера: «Жизнь, деяния и гибель Фауста» («Faustus: his life, death and descent into Hell; translated from the German». London, 1825). Борро должен был обратить внимание на то, что немецкое издание 1791 г. вышло в свет с фальшивым обозначением С.-Петербурга как места издания, а по приезде в Россию мог узнать, что Клингер конец своей жизни действительно провел в Петербурге [75]. Другая книга была сборником поэтических переводов с датского языка «Романтические баллады» и вышла в свет уже в Нориче («Romantic ballads, translated from the Danish and miscellaneous pieces». Norwich, S. Wilkin, 1826). Эти книги были не без достоинств, хотя и на них лежал отпечаток спешки и принуждения; иногда, впрочем, сквозь чужие переведенные Борро строки проглядывали его собственные творческие черты — романтического писателя, уже скептически настроенного, изверившегося в людях, несмотря на свои молодые годы, готового к предстоящим испытаниям и нисколько не обольщающего себя надеждами на лучшее будущее. В переводе «Фауста» Клингера, повести, основанной на народной книге, но переосмысленной немецким писателем эпохи «бури и натиска», Борро нашел немало близких ему горьких истин о современном обществе и мире, о неизбежности противоречия в нем между жаждой свободы и радости и полной материальной необеспеченностью. Переводя эту повесть, Борро допустил несколько характерных вольностей и отклонений, имеющих автобиографический характер. Так, в тот эпизод из 2-й главы второй книги «Фауста», в котором описывается пребывание героя с дьяволом в некоем немецком городе перед началом их совместного путешествия по Европе, Борро включил — в сатирических целях — название города Норича, который он решил покинуть. Под пером Борро это место «Фауста» приобрело следующий вид: «Они нашли, что жители этого города ⟨в оригинале речь, очевидно, идет о Нюренберге⟩ были скроены по одному отвратительному образцу, что у них было неуклюжее тело и глупое лицо; словом, дьявол признался, что он никогда не видел им подобных даже среди жителей одного английского города, именуемого Норич, когда они разоденутся в свои лучшие праздничные наряды. Зависть, коварство, любопытство и скупость являются там и тут единственными побуждениями для всякого действия и ужасающий дух торгашества господствует в обоих этих городах» [76].

В мае 1825 г. Борро покинул Лондон: борьба за существование в английской столице оказалась для него непосильной. Как складывалась его жизнь между 1826 и 1832 гг., в точности не известно; биографы Борро строят различные предположения об этом периоде, издавна считавшемся темным или даже загадочным. По некоторым наиболее достоверным данным первое время Борро странствовал пешком по дорогам между Лондоном и Норичем; он изредка появлялся в родном городе и получал здесь небольшие денежные вспоможения от матери; он зарабатывал себе на жизнь, меняя профессии и являясь то конюхом, то бродячим лудильщиком или кузнецом. В эти годы, несомненно, и произошли многие из тех событий, о которых рассказывается в

автобиографической повести Борро «Лавенгро» (1851) [77]: дружба с цыганами, кочевки вместе с ними, усвоение их языка. Реальным был, например, рассказ об отравлении его старухой-цыганкой, решившей, что этот иноплеменник знает слишком много тайн цыганского быта; последствия этого отравления Борро чувствовал до конца жизни, к нему периодически возвращались приступы необъяснимой тоски, какой-то странной нервической горячки, против которой бессильны были усилия врачей. Биографы Борро называют и подлинное имя цыганки-отравительницы и тех двух валлийских проповедников, которым он был обязан своим выздоровлением.

Хронология всех событий, рассказанных в «Лавенгро», устанавливается только приблизительно. Известно также, что странствованию по дорогам Англии вместе с ослом, который вез его скарб, предшествовали, а отчасти следовали самые разнообразные планы, не получившие осуществления: он всячески пытался вернуться к литературной деятельности или воспользоваться своими недюжинными знаниями языков: то он хлопотал о получении места библиотекаря в Британском музее, то предлагал некоему шотландскому литературному обществу сделать за два года перевод всех произведений гэльской словесности, то копировал за плату англо-саксонские рукописи для датского ученого Грундвига, то через Бауринга, возглавлявшего английский Греческий комитет, собирался вступить в греческую армию, то в войска, воевавшие в Бельгии, Алжире или Мексике. Все эти планы кончались ничем... С горечью он писал в одном из своих писем, что его жизнь похожа на усилия человека, старающегося провертеть дырку в сухом песке... [78] Из разрозненных указаний, разбросанных не только в его письмах разных лет, но и в опубликованных произведениях, обычно заключают, что в эти же «темные» годы Борро побывал во Франции, Испании, Португалии, Италии, Дании [79]. О том, что он делал там, и когда совершены были эти путешествия, можно строить только предположения.

4. Джордж Борро в России.— Борро и русские востоковеды.— Борро выпускает в Петербурге свои стихотворные переводы с тридцати языков и наречий

Лучше известно, как Борро попал в Россию. Около 1832 г. он снова был в Англии и приехал в Норич — повидаться с матерью. Вероятно, в этом городе он познакомился с вдовой, которую звали Мери Кларк. Ему было двадцать девять лет, ей — тридцать шесть. Джордж узнал от нее грустную историю ее жизни. В 1817 г., двадцатилетней девушкой, Мери вышла замуж за лейтенанта флота, а через год он умер от чахотки, незадолго до рождения их дочери. Мери вернулась к родителям в имение Ултон, расположенное неподалеку от рыбачьего местечка и порта Лоустофта. Она была женщиной неглупой и образованной, но раннее семейное горе сделало ее набожной и слишком тесно связало с местными церковными и миссионерскими кругами. Среди ее друзей был и пастор Френсис Кеннингем, женатый на сестре богатого норичского квакера Гернея, поместительный дом которого неоднократно предоставлялся для заседаний различных филантропических организаций. Кеннингем был деятельным и влиятельным членом британского и заграничного Библейского общества, т. е. общества по распространению Библии; сетью филиалов этого общества покрыта была в то время вся Англия, а одно из крупных отделений его находилось в Нориче. Через Мери Кларк Кеннингем познакомился с Борро, очевидно в том же доме Гернея, и пришел в восторг от его способностей и необыкновенного знания множества языков. Однажды Мери показала Кеннингему письмо Борро от 22 октября 1832 г., в котором Джордж сообщал ей сделанный им самим перевод сказки Перро о Синей Бороде на турецкий язык. Трудно сказать, чего в этом письме было больше — хвастовства или застенчивости, но оно явилось своеобразным началом той переписки, которая восемь лет спустя привела к женитьбе его на Мери Кларк; что же

касается Кеннингема, то он из показанного ему письма сделал свои выводы. Турецкий перевод Борро был последней каплей, переполнившей до краев его энтузиазм по поводу лингвистических дарований Джорджа. Кеннингем решил, что настало время действовать. Он тотчас же написал в Лондон генеральному секретарю Библейского общества, предлагая немедленно назначить Борро библиотекарем Общества либо заведующим его издательской частью. Вскоре Борро был вызван в Лондон и поразил всех, когда явился туда в назначенный день из Норича, пройдя пешком весь путь почти в двести километров. В комитете Общества Борро весьма понравился и уже 14 января 1833 г. получил официальный запрос, не пожелает ли он заняться изучением маньчжурского языка [80].

В этот момент Общество как раз озабочено было подысканием лица, с помощью которого можно было бы осуществить издание Библии на маньчжурском языке — официальном в те годы языке китайского двора и администрации. Некогда, в последние годы царствования Александра I, при митрополите Фотии и министре А. Н. Голицыне, в эпоху расцвета Российского библейского общества [81], такой перевод Евангелия на маньчжурский язык был предпринят петербургскими востоковедами по просьбе Британского библейского общества. Еще в 1821 г. за него взялся Степан Васильевич Липовцев (1773—1841), двадцать лет проживший в Китае и превосходно изучивший китайский и маньчжурский языки; через пять лет после начала работы (1826) Липовцев отправил свой перевод на маньчжурский Ветхого и Нового завета в Лондон [82]. Однако время шло, а публикация его, встречавшая серьезные технические затруднения, все откладывалась. В 1830-х годах вопрос этот снова оживился, после того как Уильям Сван (это был шотландский миссионер, живший некоторое время в Забайкалье) дал знать в Лондон из Петербурга, что он нашел здесь среди манускриптов восточной библиотеки и музея бар. П. Л. Шиллинга рукопись еще одного маньчжурского перевода Библии, сделанного некогда французским иезуитом Пьеро. Тогда в Лондоне возникла мысль свести оба перевода в один и отпечатать его в Петербурге, где в это время уже сделаны были удачные опыты литографического воспроизводства китайских иероглифов. Именно эти задачи Борро и было предложено взять на себя.

Борро принял это предложение, не задумываясь. Оно показалось ему самым выгодным из всех, которые приходилось получать за последние годы. Перед ним открывалась возможность изучить еще один язык, но на этот раз с постоянным жалованьем, повидать новые страны. Поездка в Россию вполне отвечала жажде новых впечатлений и присущему ему стремлению к перемене мест, которые еще долгие годы спустя побуждали его к переездам из одной страны в другую, заставляя пускаться в самые рискованные авантюры и уподобляя тем его цыганским друзьям, которым он посвятил значительную часть своей последующей литературной деятельности.

Борро снова уехал в Норич, прилежно занимался здесь маньчжурским языком, почти без всяких пособий, кроме маньчжурско-французского словаря Амио [83], и через два месяца объявил Библейскому обществу, что он изучил этот язык, послал даже образец своего перевода на маньчжурский, успешно выдержал испытание в Лондоне и вскоре затем уехал в Петербург. Конечно, это было для него осуществлением каких-то мечтаний; вместо полуголодного существования то ремесленника, то литератора, Джордж приобрел деловое поручение на несколько лет, с приличным вознаграждением. Самое поручение это открывало ему новые языковые горизонты и сулило интересное будущее; поэтому он отдался ему серьезно и с увлечением. Но, разумеется, на профессионального агента Библейского общества или миссионера-распространителя разноязычных библий Борро, этот друг цыган и любитель всех видов спорта, включая кулачные бои, походил меньше всего. Об этом, в частности, свидетельствует английская писательница Харриет Мартино, также происходившая из Норича и знавшая Борро в разные годы его жизни. Она пишет о нем в «Автобиографии»: «Когда этот джентльмен-полиглот появлялся среди публики

ДЖОН ВЕННИНГ
Публичная библиотека, Ленинград

в качестве благочестивого заграничного агента Библейского общества, он вызывал взрыв хохота у всех, кто вспоминал старые норичские дни...» [84]

Жизнь Борро в Петербурге известна нам прежде всего из деловой переписки его с Лондонским библейским обществом [85]; ее дополняют очень существенными подробностями письма к матери и друзьям, опубликованные, к сожалению, далеко не полностью. Из всех этих писем известно, какие обязательства брал на себя Борро перед Лондонским библейским обществом. В Петербурге ему предстояло изучить маньчжурский язык, приготовить к изданию переведенные библейские тексты, получить разрешение выпустить их в свет, приобрести подходящую для этого бумагу, договориться с типографией, которая взялась бы за эту работу, наконец, наблюдать за ходом печатания. В августе он был уже в Петербурге и прожил здесь два года, вплоть до осени 1835 г., прилежно занимаясь восточными языками и готовя себя к путешествию в Восточную Азию.

В 1830-е годы в Нориче доживал свой век Джон Веннинг (1776—1858), долго находившийся в России и лишь незадолго перед тем вернувшийся на родину. Это был богатый негоциант, ведший широкую торговлю с Россией. Он был также филантропом и имел обширный круг знакомств среди членов Библейского общества в России и Англии. Во время пребывания своего в Петербурге (т. е. с 1793 по 1830 г.) он, помимо торговых дел, занимался общественной деятельностью, устраивал здесь всевозможные благотворительные учреждения на английский манер, например, общество для улучшения тюрем, различные попечительные приюты, школы и т. д. Он был хорошо известен при дворах Александра I и Николая I, а придворные связи открывали ему доступ в петербургские великосветские салоны. Он возвратился в Англию из-за расстроенного здоровья в возрасте пятидесяти девяти лет [86].

Именно к Веннингу обратились его друзья с просьбой дать отъезжающему в Россию Борро рекомендательные письма в Петербург и помочь своими советами. Веннинг охотно откликнулся на эту просьбу, написал несколько писем в Петербург и снабдил Борро своего рода инструкцией, как создать себе лучший прием и обеспечить себя на первое время в северной столице. Рекомендательные письма, врученные Веннингом Борро, были адресованы А. Н. Голицыну, бар. П. Л. Шиллингу, генералу В. М. Попову и П. П. Пезаровиусу [87]. Этот перечень имен свидетельствует, что по приезде в Петербург Борро должен был сразу окунуться в несколько архаическую для середины 1830-х годов атмосферу мистиков и филантропов начала предшествующего десятилетия: А. Н. Голицын был тот самый министр просвещения времен Александра I, при котором процветало Библейское общество; директором департамента просвещения при Голицыне был Василий Михайлович Попов; в показаниях современников, по словам его биографа, «Попов изображается человеком фанатичным, но недалеким, малообразованным, бывшим часто лишь слепым орудием других» [88]. А. Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших» заставляет самого Попова сказать о себе:

Хоть без книжного ученья
И псалтырь одну читал,
А директор просвещенья
И с звездою генерал [89].

К тому же кругу деятелей российского Библейского общества с самого его основания принадлежал также П. П. Пезаровиус, сменивший В. М. Попова в 1817 г. на посту секретаря библейского комитета. Однако он был также основателем газеты «Русский инвалид» (1813), положившей начало огромному инвалидному капиталу, и являлся президентом С.-Петербургской евангелической лютеранской консистории. Незадолго до приезда Борро в Петербург Пезаровиус вновь назначен был главным редактором «Русского инвалида» (указом 29 июня 1830 г.) и помощником к нему был определен начинавший тогда свою литературную карьеру А. А. Краевский [90].

Все письма к названным адресатам и ряд других писем пересланы были Веннингом Борро 25 июня 1833 г. вместе со своего рода инструкцией отъезжающему. Веннинг советовал запечатать эти письма, после того как они пройдут таможенный досмотр в Кронштадте, и разнести их в Петербурге самолично. Он находил также, что Борро обязательно должен побывать у русского посла в Лондоне кн. Ливена, чтобы испросить разрешения на поездку, так как, по мнению Веннинга, «всех приезжающих в Россию иностранцев в настоящее время встречают с опасениями и подозрительностью» [91] (он имел, вероятно, в виду осложнения сношений России с западноевропейскими государствами, возникшие после июльской революции во Франции). Веннинг посылал с Борро письма к бар. Шамбо и м-ру Э. Хаббарду (Egerton Hubbard) и другим петербургским англичанам (W. Ropes, J. Barnes) [92].

1(13) августа 1833 г. Борро, как видно из его собственного письма, сошел в Петербурге с корабля на Английскую набережную Невы против Галерной

улицы. Изумлению его не было границ. «Петербург,— писал он матери,— прекраснейший город в мире (Petersburg is the finest city in the world). Лондон, Париж, Мадрид и другие столицы, в которых я бывал, и в подметки не годятся ему (are not worthy to hold a candle to it). Здесь находятся сотни отличных площадей, улицы, длиною в несколько миль, прямые, как стрелы, Невский проспект имеет около трех миль в длину и весь обсажен деревьями. Словом, я могу только смотреть и удивляться» [93].

Таким же восхищением проникнуты и письма Борро к друзьям Джоуитту (Jowett) и Гёрнею (Gurney). В письме к последнему (от 15 августа 1833 г.) есть, например, такие строки: «Несмотря на то, что я читал и слышал прежде о красоте и великолепии русской столицы, то, что я увидел, признаюсь, превзошло мои ожидания. Не может быть сомнений, что это красивейший город в Европе, превосходящий другие великолепием своих общественных зданий, длиною и правильностью своих улиц. Царственная и быстрая Нева, шириной с Темзу, прорезает город, и по обе стороны реки устроены превосходные набережные, облицованные гранитом и имеющие красивейший вид» [94].

Неопубликованные до сих пор материалы показывают, что Борро сумел воспользоваться советами и письмами, которыми его снабдил Веннинг. У кн. А. Н. Голицына Борро побывал уже на третий день по приезде в Петербург. «Ваш сын,— писал Голицын Веннингу из Петербурга 3(15) августа 1833 г., имея в виду Джемса Веннинга, жившего в Петербурге,— был у меня сегодня и представил мне англичанина, прибывшего сюда по поводу маньчжурского перевода Библии и вручившего мне ваше письмо» [95]. Дошли по назначению и другие привезенные Борро письма. Это явствует, например, из того, что Борро после приезда в Петербург поселился в доме барона Шамбо (№ 221 по Галерной улице), в квартире английского купца Эджертона Хаббарда, и жил здесь несколько месяцев.

Борро быстро вошел в курс русской жизни. Не пробыв в Петербурге и недели, он свел знакомство с шотландцем Вильямом Гленом (Glen), находившимся здесь по делам, аналогичным его собственным: Глен изучал персидский язык и трудился над переводом Библии, который впоследствии издал. Борро называет его «человеком весьма ученым, но очень простым и непритязательным», и, несомненно, был обязан ему своим интересом к персидской поэзии. Плодом этой дружбы и сотрудничества, вероятно, являются несколько переводов из Гафиза, выполненных Борро в Петербурге [96]. Но Глен покинул Петербург вскоре после знакомства с Борро — во второй половине октября 1833 г., и Борро к этому времени нашел себе здесь другого приятеля, датчанина Джона Гасфельда, о котором речь будет идти ниже.

В письмах Борро упоминается также другой шотландский миссионер, Уильям Сван, приезжавший в Петербург по делам из Забайкалья, тот самый, который занял некоторое место в биографиях декабристов, живших на поселении в Восточной Сибири, в Селенгинске, в частности Николая Бестужева [97].

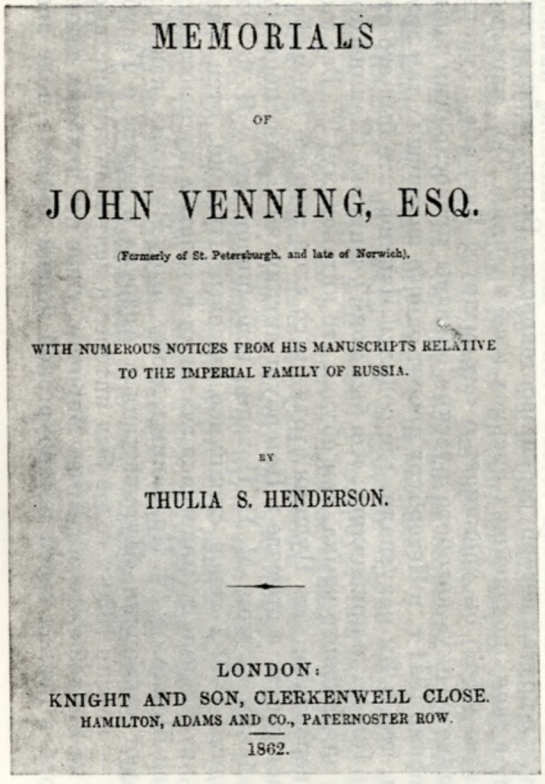
В то же время Борро энергично принялся за выполнение возложенного на него поручения. Оказалось, что добиться разрешения на печатание маньчжурской Библии в Петербурге было нелегким делом. Разрешение было получено после долгих хлопот лишь 1(13) февраля 1834 г. и то только потому, что в дело вмешался и оказал Борро помощь советник великобританского посольства м-р Блай (Bligh), тот самый, который упоминается в дневнике Пушкина. В письмах, адресованных Библейскому обществу, Борро сообщал, что, получив разрешение на печатание Библии, он купил необходимую бумагу и нашел подходящую издательскую фирму «Schultz und Beneze», которая взялась за выполнение необычного заказа. Когда однажды ему был прислан из Лондона запрос, на что он тратит свое время, Борро отвечал, что он прилежно изучает маньчжурский язык и что, кроме того, он «каждодневно работает в типографии как простой наборщик, между 10 часами утра и часом дня». 18 октября 1833 г. Борро пишет одному из распорядителей Библейского общества (Rev. Andrew Brandham), что вскоре после приезда в Петербург он занялся списы-

ванием маньчжурской рукописи Ветхого завета, принадлежащей бар. Шиллингу и трудился над этим по 8 часов в день. В этом же письме Борро сделал интересное признание, что ко всем этим занятиям прибавлялось также изучение им русского языка. Хотя он прибыл в Петербург, уже умея немного говорить по-русски, но вскоре оказалось, что приобретенные им знания недостаточны. Борро сообщал, что даже «недостаточное» знание русского языка, которым он тогда располагал, сослужило ему большую службу, потому что «большой и вредной ошибкой» является распространенное в Англии убеждение, будто бы в Петербурге «все сколько-нибудь уважаемые люди говорят лишь по-французски и по-немецки». «Русское дворянство,— пишет Борро далее,— действительно, большей частью говорит по-французски, когда необходимость обязывает его к этому, например, в обществе иностранцев, не знающих русского языка, однако для большинства людей, приезжающих в Петербург по делам, общение с дворянством совсем необязательно, поэтому знание русского языка, если вы не общаетесь исключительно с вашими соотечественниками, является необходимым. Слуги говорят только на своем родном языке, как и девять десятых русских среднего класса» [98]. Дела, которые привели Борро в Петербург, не обязывали его пополнять свои знакомства в великосветских гостиных; он вращался в иной социальной сфере. Этим и нужно объяснить то, что он сравнительно скоро овладел русским (разговорным и письменным) языком, к которому издавна чувствовал интерес. «Я теперь могу бегло говорить и сносно писать по-русски,— сообщал Борро матери 1(13) февраля 1834 г. из Петербурга,— однако это один из самых трудных языков, какие я когда-либо изучал, а овладеть хорошим русским произношением иностранцу почти невозможно» [99].

Тем не менее русские фразы еще долго после отъезда его из России пестрили письма Борро; он стал переводчиком с русского на английский и многие годы не оставлял этих занятий, чтобы не забыть русскую речь и литературу, которой очень интересовался, начиная со своих петербургских лет.

Упоминание барона П. Л. Шиллинга фон Канштата (1786—1837) в указанном письме Борро представляет для нас особый интерес, так как это был один из частых его собеседников в Петербурге. Шиллинг, происходивший из обрусевшей немецкой семьи, сын полковника русской службы, был в это время хорошо известен в Петербурге и как ориенталист и как организатор одной из ранних русских литографий при Министерстве иностранных дел. Он с давних пор увлечен был Китаем и сопредельными странами, собирал дальневосточные рукописи, мечтал о путешествии туда. Еще в 1814 г., находясь в Париже, куда он вошел вместе с русскими войсками, он был отчислен из армии с переводом в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Приезд в Париж известного востоковеда Ю. Клапрота, прожившего в России все первое десятилетие XIX в. (1802—1812 гг.) в качестве адъюнкта петербургской Академии наук, а теперь переселившегося во Францию, очень облегчил Шиллингу его сношения с французскими ориенталистами. В начале 1820-х годов Шиллинг получил признание востоковедов различных стран Западной Европы, а также среди отечественных ученых: в конце 1828 г. Шиллинг был избран в члены-корреспонденты петербургской Академии наук. Уже в этот первый период своей ученой деятельности Шиллинг успел создать чрезвычайно ценную коллекцию рукописей — тибетских, монгольских, китайских и японских [100].

В ноябре-декабре 1829 г. Шиллинг начал деятельную подготовку к экспедиции в Восточную Сибирь, в области, пограничные с Китаем. С ним должны были ехать Иакинф Бичурин, выдающийся русский синолог (которого Шиллинг вызволил из монастырской тюрьмы), К. Г. Крымский, десять лет живший в Пекине при десятой пекинской миссии (1820—1830) [101], предназначавшийся для ведения административных дел экспедиции В. Д. Соломирский — литератор, знакомый с Пушкиным. Пушкин и сам просил отпустить его вместе с этой экспедицией в дальние края. К концу 1829 г. относится стихотворный отрывок поэта, который толкуется обычно как его обращение к обоим воз-



MEMORIALS

OF

JOHN VENNING, ESQ.

(Formerly of St. Petersburgh, and late of Norwich).

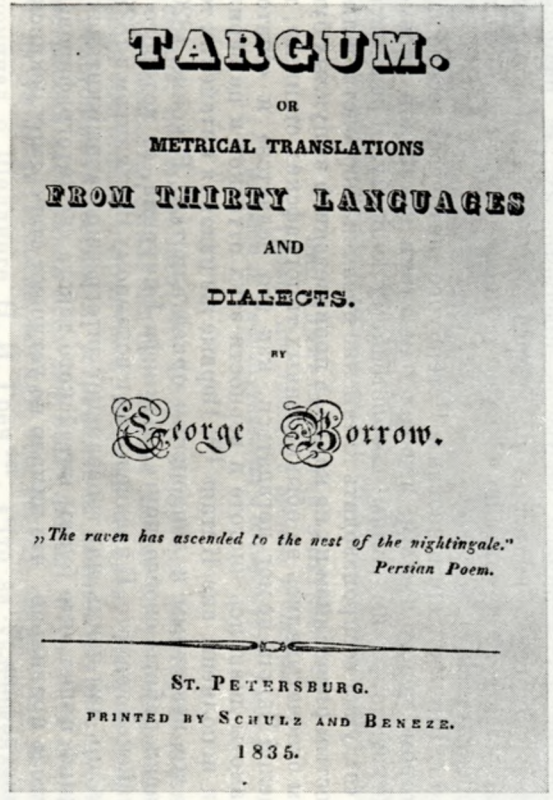
WITH NUMEROUS NOTICES FROM HIS MANUSCRIPTS RELATIVE TO THE IMPERIAL FAMILY OF RUSSIA.

BY

THULIA S. HENDERSON.

LONDON:
KNIGHT AND SON, CLERKENWELL CLOSE.
HAMILTON, ADAMS AND CO., PATERNOSTER ROW.
1862.

ПАМЯТИ ДЖОНА ВЕННИНГА. ЛОНДОН, 1862
Титульный лист
Публичная библиотека, Ленинград



TARGUM.

OR

METRICAL TRANSLATIONS

FROM THIRTY LANGUAGES

AND

DIALECTS.

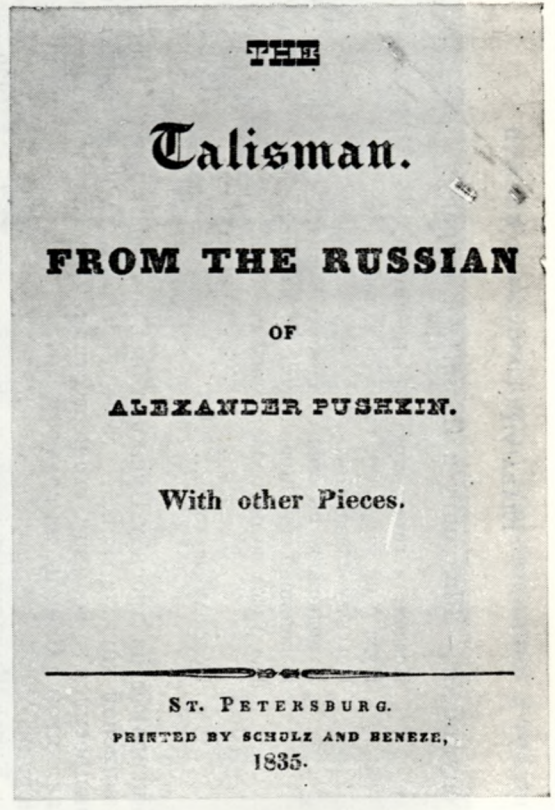
BY

George Borrow.

„The raven has ascended to the nest of the nightingale."
Persian Poem.

ST. PETERSBURG.
PRINTED BY SCHULZ AND BENEZE.
1835.

ДЖ. БОРРО. ТАРГУМ. СПб., 1835
Титульный лист
Экземпляр из библиотеки Пушкина
Институт русской литературы, Ленинград



THE

Talisman.

FROM THE RUSSIAN

OF

ALEXANDER PUSHKIN.

With other Pieces.

ST. PETERSBURG.
PRINTED BY SCHULZ AND BENEZE,
1835.

ТАЛИСМАН. СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА В АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ, СПб., 1835
Титульный лист
Институт русской литературы, Ленинград

можным его спутникам — Шиллингу и Иакинфу Бичурину:

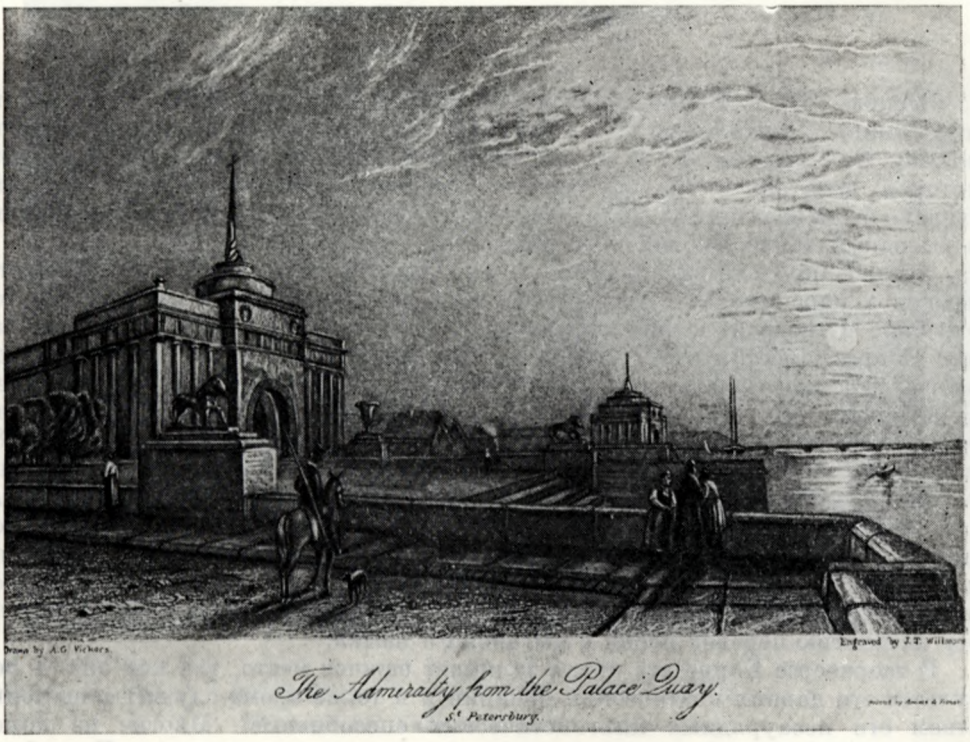
Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец...
. . . . . .
Повсюду я готов... [102]

Отказ Бенкендорфа на просьбу Пушкина был получен поэтом 17 января 1830 г. [103] В записной книжке Н. В. Путяты занесено следующее свидетельство: «Пушкин просился за границу, его не пустили. Он собирался даже ехать с бароном Шиллингом в Сибирь, на границу Китая. Не знаю, почему не сбылось это намерение» [104].

Побывать в Китае Шиллингу так и не удалось; но между 1830—1832 гг. он почти два года провел в Восточной Сибири, собрав во время своих путешествий богатую коллекцию рукописей, костюмов, предметов культа, размещенную в его петербургской квартире на Марсовом поле для обозрения любопытствующих. Этот его «китайский музеум» привлекал к себе большое количество посетителей.

Еще в 1816 г. Шиллинг организовал в Петербурге «литографическое заведение», в котором, между прочим, издавал памятники китайской письменности по собственному, им самим изобретенному способу. Греч писал, что Шиллинг «вздумал воспроизводить китайские письмена посредством литографии не простым рисованием их на камне, а произведением выпуклых букв, которые потом отпечатывались на обыкновенных типографских станках», так что «никто в целой Европе не мог догадаться, как это делается» и «знатоки китайской грамоты дивились чистоте и верности этих оттисков и не верили, чтоб они были исполнены вне Китая» [105]. Первые же издания китайских текстов сделали его известным и лондонским ориенталистам. В конце 1820-х годов он издавал работы своего друга, Иакинфа Бичурина, от которого он выучился китайской грамоте. В предисловии к изданному Шиллингом в 1829 г. своему труду «Сань-цзы-цзинь, или троесловие с литографированным китайским текстом» Иакинф пишет, что буквы китайского текста «вылитографированы столь чисто, столь правильно, что нимало не уступают стереотипу пекинской дворцовой типографии» [106].

Вот почему без содействия Шиллинга Борро не мог обойтись, приступая к печатанию в Петербурге маньчжурского текста Библии. И об Иакинфе, и о Шиллинге, и о других петербургских востоковедах Борро, действительно, много говорит в своих позднейших письмах и сочинениях. Так, например, в книге «Цинкали» (1842) он упоминает о «своем друге Иакинфе», «упорному труду и пытливому оку» которого русские обязаны превосходным знанием Китая; а в письме 1841 г. в Петербург просит одного из живших там друзей: «Мне хочется, чтобы Вы разузнали, где родился Иакинф, кто был его отец и что он делал в Китае», и прибавляет: «Он был моим учеником» (Иакинф брал у Борро уроки английского языка, сам обучая его китайскому) [107]. Все это делает вполне вероятным, что Пушкин, хотя бы со слов того же Иакинфа или Шиллинга, мог узнать о приезде в Петербург англичанина для специальных занятий китайским языком. М. П. Погодин вспоминает, что у В. Ф. Одоевского в середине 1830-х годов сходились «веселый Пушкин, отец Иакинф ⟨Бичурин⟩ с китайскими сузившимися глазками и толстый путешественник, тяжелый немец Шиллинг» [108]. Прибавим к этому, что у Пушкина, как об этом свидетельствуют черновики «Путешествия в Арзрум» и поэмы о Гасубе, в конце 1820-х — начале 1830-х годов был интерес к деятельности английских миссионеров из Библейского общества. Впрочем, у нас нет никаких данных о том, что Борро в период своей петербургской жизни попал в поле зрения



ВИД АДМИРАЛТЕЙСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ
Гравюра Дж. Уилмора с рисунка А. Викерса
Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву»

Пушкина; мы знаем зато, что Борро вскоре же заинтересовался Пушкиным.

Как известно, Шиллинг был любим своими современниками как интереснейший собеседник и приятный, веселый человек. «Добродушие и природный ум, неистощимая веселость, устранение от всяких интриг, сплетней и личных пристрастий заставляли всех знакомых любить и уважать его. Люди серьезные, задумчивые, строгие любили его беседу, равно как и весельчаки»,— вспоминал о Шиллинге Н. И. Греч [109]. «Что за увлекательный человек,— писал о нем Э. И. Стогов.— Пропасть путешествовал, знаком и в переписке с учеными знаменитостями целого света. Занимательных рассказов, всегда умных, интересных анекдотов — без конца. Шиллинг был небольшого роста, необыкновенной толщины. Всегда приветливое выражение недурного лица, глаза, полные веселости и блеска. Он был холост. Обращение его было — человека высшего тона. Он имел искусство оставить уверенность в каждом, что Шиллинг находит его умным человеком» [110].

Ни Шиллинг, ни Бичурин не доставили Борро никаких литературных знакомств, да и на самом деле, живя в Петербурге, он не играл еще роли в литературе; известность его в Англии была не слишком велика; о том, чтобы стать гостем в высоких литературных сферах, или, например, быть представленным Пушкину, перед которым он благоговел, Борро не смел и мечтать. С тем бóльшим увлечением он погружался в самую гущу русской жизни, сводил знакомства в кругах петербургского мещанства, среди ремесленников и рабочих типографии, в которой и сам трудился на правах простого наборщика над изданием Библии на маньчжурском языке, и всячески добиваясь встречи с русскими цыганами, что ему в конце концов и удалось осуществить.

5. Борро — переводчик Пушкина.— Пушкин и его «Разговор с англичанином»

Весною 1835 г. Борро издал в Петербурге на английском языке небольшую книгу — антологию своих стихотворных переводов образцов мировой поэзии. Она выпущена той же издательской фирмой «Schultz und Beneze», которая печатала и маньчжурскую Библию, и нужно думать, что это сделано было издателями в благодарность Борро за доставленный им большой и выгодный заказ Библейского общества.

Книга Борро называлась «Таргум, или Стихотворные переводы с тридцати языков и наречий» [111] и открывала своим читателям весьма широкие исторические и географические горизонты. На ста шести страницах этого издания Борро поместил свои переводы с древнееврейского, арабского, персидского, турецкого, татарского, китайского и маньчжурского языков, вслед за которыми идут переводы с русского: одного стихотворения Б. Федорова («The Glory of the Cossacks») и двух Пушкина — «Черной шали» (с. 27—28) и «Песни» из «Цыган» (с. 29). Далее следуют переводы украинской думы («From the Malo-Russian»), двух баллад Мицкевича («Ренегат» и «Три Будрыса»), отрывки из финской «Калевалы», затем переводы с англо-саксонского, древнескандинавского, немецкого, датского, шведского, древнеирландского и других кельтских диалектов древней Британии, древне- и новогреческого, провансальского, испанского, португальского и французского. Заключает эту антологию перевод песни с цыганского языка.

В творчестве Борро эта книга занимает важное место, так как она — результат его давних поэтических исканий и в то же время служит свидетельством его незаурядных лингвистических способностей. Многие из помещенных в ней текстов, вероятно, возникли еще до его приезда в Петербург и являются итогом его прежних переводческих трудов; в то же время это не столько «голоса народов» в песнях, воссоздающих типические черты сложивших эти песни национальностей, сколько своеобразный поэтический дневник самого Борро, отразивший все основные этапы его ранних реально-житейских и литературных скитаний по отдаленнейшим уголкам древнего и нового мира. Месту своего выхода в свет книга обязана присутствием в ней ряда переводов с русского, польского, финского, татарского и цыганского языков, не говоря уже о переводах с китайского, маньчжурского, ради изучения которых, как мы знаем, Борро приехал в Петербург.

Эта антология переводчика-полиглота была книгой, как бы завершившей юношеский период его литературного творчества, когда Борро проявил себя как типичный романтический поэт с присущими ему универсализмом, ретроспективными тенденциями и поисками экзотического «местного колорита»; однако как раз в последнем отношении в «Таргуме» в сильной степени сказалось русское влияние. Если в поле его зрения попали теперь образцы китайской и маньчжурской поэзии, отрывок из финской «Калевалы», фрагменты турецких и татарских поэтических произведений, молдавская песня (в интерпретации Пушкина) и т. д., то всем этим он был обязан чтению в годы своей жизни в России и в особенности личному общению с кругом петербургских востоковедов и журналистов. Характерно, что даже занятия Борро переводами из персидской поэзии относятся, как мы уже упоминали выше, к тому же петербургскому периоду его жизни.

Из всех этих разнообразных переводов, вызванных двухлетним пребыванием Борро в Петербурге, наибольший интерес для нас представляют, конечно, переводы из Пушкина, с творчеством которого Борро, несомненно, познакомился только здесь. За счет этого знакомства, пожалуй, можно отнести и помещение в книге баллады Мицкевича «Три Будрыса» (у Борро: «The Three sons of Budrys. A Lithuanian Ballad»); перевод ее на русский язык, сделанный Пушкиным, появился во время жизни Борро в Петербурге в «Библиотеке для чтения» (1834) — в журнале, за которым Борро, вероятно, следил [112].

ВИД НЕВСКОГО ПРОСПЕКТА В ПЕТЕРБУРГЕ
Гравюра Дж. Уилмора с рисунка А. Викерса
Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву»

Все эти переводы приобретают для нас особый интерес, так как антология Борро находилась в личной библиотеке Пушкина. Описавший пушкинский экземпляр книги Б. Л. Модзалевский [113] не обратил внимания на то, что в нем, вслед за указанными 106 страницами «Таргума», в том же переплете, находится другая брошюра, с особой пагинацией и особым титульным листом. На нем значится: «Талисман. Перевод с русского языка стихотворения Александра Пушкина. С прибавлением других стихотворений». Судя по цензурному разрешению (СПб., 24 августа 1835 г.), это издание вышло на несколько месяцев позже «Таргума» (разрешенного цензурой 11 апреля 1835 г.); имя переводчика здесь не обозначено, но им был тот же Джордж Борро. В этой брошюре напечатаны в английском стихотворном переводе «Талисман» Пушкина (с. 3—4) и его же баллада «Русалка» (с. 5—7) [114].

Переводы Борро из Пушкина занимают видное место в ранней английской пушкинской литературе, но в эстетическом отношении они оставляют желать очень многого. В переводе «Черной шали», например, Борро допустил смысловую ошибку, свидетельствующую о том, что русский язык он усвоил в те годы не в совершенстве,— он не понял пушкинского стиха «младую гречанку я страстно любил» и превратил гречанку — Greek maid — в собственное имя: Greshenka.

Перевод песни Земфиры из «Цыган» на первый взгляд и в ритмическом отношении достаточно точно воспроизводит на английском языке пушкинский текст:

Старый муж, грозный муж,	Hoary man, hateful man,
Режь меня, жги меня:	Gash my frame, burn my frame.
Я тверда, не боюсь	Bold I am, soft I can
Ни ножа, ни огня.	At the sword, at the flame.

Однако, как это, между прочим, давно уже отметил американский славист Сэмюель Кросс, «современным знатоком обоих языков», русского и ан-

глийского, перевод этой песни «не может быть принят всерьез», так как он производит «почти комическое впечатление». По его мнению, за исключением последней строфы, вся песня переведена очень плохо [115].

Действительно, речь здесь прежде всего может идти о выборе и сочетании слов: уже в первом стихе объединение «hoary man» и «hateful man» забавно, потому что пушкинские эпитеты «старый» и «грозный», дающие единую смысловую характеристику, эмоционально предопределяющую отрицательное отношение молодой цыганки к ее мужу, в переводе Борро комически противостоят друг другу: «hoary man, hateful man».

Хотя автографические тексты переводов, опубликованных Борро в Петербурге, в общем не известны, но Энтони Кросс указал на одно исключение — автографический список «Черной шали» («The Black Shawl»), хранящийся в настоящее время среди рукописей Шотландской национальной библиотеки (National Library of Scotland) в Эдинбурге [116]. В этой рукописи находится ряд разночтений в сравнении с печатным текстом 1835 г., и они представляют для нас некоторый интерес, так как свидетельствуют об усилиях Борро приблизить перевод к русскому подлиннику. Например, 13-й стих звучит у Пушкина следующим образом:

Мы вышли; я мчался на быстром коне.

В печатной редакции перевода стояло:

Forth rushing, I leap'd my tall courser upon,

тогда как в эдинбургской рукописи находим более близкое к русскому тексту:

We went forth. I leapt my tall courser upon.

Изменения в 15-м стихе особенно интересны. В подлиннике стоит:

Едва я завидел гречанки порог.

В печатной редакции перевода:

But scarcely the door of Greshenka I view'd.

В указанной рукописи это место изменено:

But scarcely the fair Grecian's threshold I view'd.

Очень вероятно, что это исправление продиктовано было переводчику соображениями эвфонии и невозможности передать слово «гречанка» одним английским словом, как полагает исследовавший эту рукопись Э. Кросс, но в двух других случаях употребления слова «гречанка» (в ст. 10 и 24) оставлен искажающий его перевод «Greshenka» [117].

Не многим лучше переводы других пушкинских стихов, например, излюбленного всеми западноевропейскими переводчиками Пушкина (в том числе и последующими английскими) «Талисмана»; этих переводчиков всегда привлекал романтический восточно-экзотический колорит стихотворения в стиле хотя бы Томаса Мура; в форме романса с нотами он был известен в лондонских великосветских кругах в конце 1830-х годов, правда, в другом переводе [118]:

Талисман

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,

Где, в гаремах, наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, лаская,
Мне вручила талисман...

У Борро:

Where fierce the surge with awful bellow
Doth ever lash the rocky wall;
And where the moon most brightly mellow
Doth beam when mists of evening fall;
Where midst his harem's countless blisses,
The Moslem spends his vital span,
A Sorceress there with gentle kisses
Presented me a Talisman...

Тем не менее за этими переводами Борро из Пушкина остается несомненная историческая заслуга. Брошюра, заключающая в себе переводы «Талисмана» и «Русалки», была все же *первым, отдельно выпущенным* английским изданием стихотворений Пушкина. В эти годы, как мы уже видели (см. гл. I), о Пушкине существовала незначительная английская журнальная литература — статьи и заметки, иногда включавшие в себя небольшие стихотворные переводы его произведений. Первыми действительно удачными и обратившими на себя внимание переводами из Пушкина явились напечатанные только десять лет спустя после обоих петербургских изданий Борро переводы Томаса Шоу (в «Blackwood's Magazine», 1845), но они выполнены англичанином, натурализовавшимся в России, присланы были в английский журнал из Петербурга, вышли, наконец, из «пушкинского лицея», лектором которого являлся их переводчик.

Что касается названных изданий Борро, то они едва ли сыграли важную роль в современной им английской литературе,— их оценили и ими заинтересовались значительно позже. Обе его петербургские книжки выпущены были в очень незначительном количестве экземпляров, едва ли проникли на лондонский книжный рынок, поздно замечены были английской прессой и лишь более полувека спустя, только после открытия Борро как писателя, сделались мечтой английских библиофилов, пока не были переизданы в Лондоне отдельной книгой и перепечатаны затем в полном собрании сочинений Борро.

Сам Борро едва ли связывал с этими своими изданиями какие-либо особые литературные или даже материальные надежды. В позднейших письмах в Петербург он, правда, с благодарностью вспоминает своего издателя, Бенеце, и шлет ему приветы из своих скитаний.

В современной русской печати эти издания почему-то также прошли вовсе не замеченными. Мы можем указать лишь на один дружеский отклик в корреспонденции из Петербурга, присланной в лондонский журнал «Athenaeum». В № 436 этого журнала за 1836 г., от 5 марта, за подписью J. P. H., под которой скрылся петербургский приятель Борро, Джон Гасфельд [119], было помещено его большое письмо, помеченное «С. Петербург, 24 января (5 февраля»). Гасфельд жалуется здесь на невнимание английских журналистов к русской литературе, на ошибочность существующих в Англии представлений о России, высмеивает нелепость многих рассказов, которые распространяют о ней легковерные и малонаблюдательные туристы в своих путевых очерках. А между тем, по его мнению, здесь происходит многое такое, о чем стоило бы порассказать: «Может быть, вы будете смеяться, если я начну говорить о русской литературе? Однако на самом деле печать здесь деятельна и предприимчива. Конечно, каждый сезон производит здесь и свои плевелы и свои цветы; но ведь так же обстоит дело и в Англии. Не сочтете ли вы это сверхварварством (ultrabarbarian), если я скажу, что м-р Дж. Борро закончил здесь минувшей осенью издание Нового завета на маньчжурском языке? Вспомните, что он был послан сюда лондонским Британским

библейским обществом именно для этого. Для общества этот перевод выполнил Липовцев ⟨в оригинале ошибочно Mr. Liposoff⟩, служивший по Министерству иностранных дел и много лет проведший в Пекине и на Востоке. Я могу лишь сказать, что это очень красивое издание восточной книги, что оно выполнено с большой тщательностью на специально изготовленной бумаге, тонко имитирующей китайскую. Прежде чем приступить к нему, Борро проводил недели и месяцы в типографии, чтобы познакомить наборщиков с трудным маньчжурским шрифтом».

Вслед за этими биографическими подробностями о Борро, написанными дружеской рукой, Гасфельд в весьма восторженных выражениях указывает на его «Таргум» и «Талисман». «Изысканная утонченность (exquisite delicasy), с которой он постиг и воспроизвел красоты хорошо выбранных оригиналов,— пишет Гасфельд о Борро,— является свидетельством его учености и таланта... Это произведение ⟨«Таргум»⟩ представляет собою жемчужину литературы, и подобно жемчужинам, оно приобретает ценность благодаря своей редкости, так как его напечатано всего 100 экземпляров». И чтобы не быть голословным в своей оценке, Гасфельд полностью воспроизводит из этих изданий, в качестве образца, два перевода — с датского («National Song... of Evald») и «столь же успешно выполненный» перевод «Талисмана» Пушкина [120]. Из английских критиков с большой похвалой об этих многоязычных переводах Борро высказался William Bodham Donne, находивший, что по своему языку и ритму они значительно превосходят» «Lays of Ancient Rome» Маколея [121], но последующие критики отнеслись к ним с гораздо меньшей благосклонностью.

Всего интереснее эти издания для творческой биографии самого Борро. Характерно прежде всего, что Борро дал переводы тех пушкинских стихотворений, которые до него на английский язык не переводились. Это, конечно, не было следствием специально поставленной себе переводчиком задачи или результатом его знакомства с предшествующей ему литературой о Пушкине. Живя вне родины, Борро не очень внимательно следил за текущей английской литературой и журналистикой. Своеобразие его как писателя заключается именно в том, что он мало обязан был английской литературной традиции и что даже своими позднейшими автобиографическими романами 1850-х годов, написанными в период его более оседлой жизни на родине, Борро резко выпадает из традиционных рамок «викторианской» прозы.

В первом юношеском периоде своего творчества, завершением которого является петербургский «Таргум», Борро был явным эпигоном романтизма с его поисками экзотического «местного колорита», с его тяготением к народному творчеству и характерным презрением к «городской» цивилизации. Но и здесь уже чувствуется своеобразие его творческой манеры — соединение мягкого юмора с сентиментальной патетикой, натурализма — с поисками нарочитой живописности. Выбор Борро пушкинских стихотворений для перевода характерен прежде всего для его собственных вкусов.

В годы петербургской жизни Борро Пушкин, уже вступивший в самый зрелый период своего творчества, чувствовал тяготение к прозе и все реже выступал со стихами. Однако мимо Борро прошли и «Повести Белкина» и «Капитанская дочка», и лучшие лирические циклы 1833—1835 гг. Для своих переводов Борро избрал популярный романс «Черную шаль», юношескую романтическую балладу («Русалка»), привлекший его своим восточным колоритом «Талисман», песню из «Цыган» — произведения исключительно раннего романтического периода творчества Пушкина, вполне отвечавшие его собственным романтическим исканиям и востоковедческим интересам. Молдавско-цыганский колорит «Черной шали» и песни Земфиры [122], турецко-татарский колорит «Талисмана» вносили новые этнографические краски в разноплеменные образцы его антологии, переведенной с «тридцати языков и наречий». Поэтому, например, первый перевод Борро из Пушкина помещен был в «Таргуме» между стихотворениями Б. Федорова и Мицкевича по принципу этнографической принадлежности этих поэтических образцов,

а не по их художественной значимости; поскольку Б. Федоров со своей «козацкой» песнью появился здесь лишь как интерпретатор украинской думы, а Мицкевич — якобы «литовской» баллады, постольку и Пушкин был здесь прежде всего поэтическим посредником между Борро и недоступной ему иначе молдавско-цыганской песнью.

Напрасно поэтому С. Кросс ставит Борро в вину то, что он избрал для своих переводов «далеко не лучшие произведения Пушкина» [123]; он забывает о своеобразной этнографической логике и историко-географической последовательности, лежащей в основе композиции «Таргума». Нужно думать, что именно по этой причине другие переводы Борро из Пушкина, и «Талисман», и особенно «Русалка», напечатаны были отдельно: они сами собой выпадали из единого этнографического плана книги.

Это, однако, нисколько не свидетельствует о невнимании Борро к позднему творчеству зрелого Пушкина; напротив, как мы увидим далее, живя в Петербурге, Борро имел полную возможность составить себе довольно отчетливое представление о значении творчества Пушкина для новой русской литературы вообще, и произнесенная им тогда высокая оценка русского поэта не была, конечно, результатом его случайного знакомства лишь с ранними стихотворениями Пушкина.

ИАКИНФ БИЧУРИН

Акварельный портрет, исполненный для литографии, изображающей Азиатский департамент Министерства иностранных дел

Архив внешней политики России, Москва

Иначе говоря, вопрос о том, что́ перевел и что́ напечатал Борро из произведений Пушкина еще не предрешает суждения о том, что он действительно знал и об его творчестве и о нем самом. Борро был, во всяком случае, одним из первых литературно образованных англичан, которые могли читать *подлинные русские* тексты Пушкина, и не только читать, но и переводить их с русского на английский. Если эти переводы оказались не вполне удачными, то это не вина его доброй воли или обнаруженное им непонимание. Об этом мы заключаем, между прочим, и из того обстоятельства, что перечисленные переводы не были единственными его переводами из Пушкина: некоторые из них увидели свет много позже, иные, может быть, и доныне еще не опубликованы.

Так, в «Таргуме», например, из «Цыган» напечатана одна лишь песня Земфиры, а между тем, вся эта пушкинская поэма переведена была Борро *полностью* [124], хотя этот перевод и остался необработанным до конца: он разбит на стихотворные строки, но не имеет рифм и строго выдержанного размера. В рукописях Борро остались также и опубликованы были лишь в полном собрании его сочинений отрывки из перевода «Руслана и Людмилы», в частности, описание Черномора и эпизод встречи Руслана с Головой и боя между ними; этот перевод также не отделан: он выполнен частью без рифм, частью рифмованными стихами. Любопытно, что Борро перевел так же три русские народные сказки [125], интерес к которым мог быть в нем пробужден «сказками» Пушкина, относящимися как раз к началу 1830-х годов.

Что привлекло внимание Борро к «Цыганам»? Эта поэма рано была замечена на Западе и получила восторженную оценку во враждебных Пушкину журналистских кругах, с которыми Борро был связан в той или иной степени. «Северная пчела» еще в 1828 г. писала, что «Цыганы» — «одно из лучших созданий поэзии в Европе, а не в одной России»; позднее (1831) Булгарин находил, что «если бы лучшее творение нашего поэта «Цыганы» было бы переведено так сильно, как оно написано по-русски, то немцы и англичане сплели бы русскому поэту венок из тех же цветов, коими они увенчали Гёте, Шиллера, Байрона и Мура» [126].

Подобные отзывы о поэте, которые Борро мог слышать лично из уст Булгарина или Греча, могли возбудить в нем охоту сделать достойный английский перевод этой поэмы. Однако мы вправе думать, что, помимо подобного чисто внешнего повода, у Борро были другие, более серьезные внутренние основания для особого увлечения «Цыганами». Несомненно, что интерес к поэме у Борро был двояким — идейно-литературным и специально-этнографическим. Бунтарская философия героя пушкинской поэмы была сродни Борро — ее первому английскому переводчику. Подобно Алеко, он презирал «неволю душных городов», предпочитал дикую вольность инстинктивной, стихийной жизни. Ему ненавистны были и развитые формы городского общежития, и британская национальная исключительность, и все формы подавления национального своеобразия, от кого бы они ни исходили, и специфическая британская недоступность, и высокомерие, которое он не раз противопоставляет русскому радушию, гостеприимству, откровенности.

Борро ненавистны были, наконец, торгашество, страсть к приобретательству, которые, по крайней мере в ранние годы, вызвали у него своеобразное презрение к комфорту и предпочтение ему походной скитальческой жизни. Отрицание обычных, общепринятых норм культурного быта свойственно было Борро еще до приезда в Россию, пребывание в которой, по его замыслу, должно было открыть для него пути на далекий «пастушеский» Восток, так сильно его к себе манивший. Стихийная, не осознанная до конца неприязнь к большому городу, к единообразному типу городского человека, в котором стерты индивидуальные черты, растворенные в общем безличии серой толпы туманных лондонских улиц, еще в юности толкала его в цыганские таборы Шотландии и определила его глубокий, сознательный интерес к этому загадочному народу. Цыганские увлечения, полученные им на родине, в России обновились и усилились; отсюда и этнографический интерес Борро к пушкинской поэме, герой которой помог ему лучше понять самого себя, разобраться в собственных идейных исканиях, вызвал интерес к личности и творчеству русского поэта. Пушкинская поэма в то же время дала толчок его замыслу всестороннего изучения русских цыган, их племенного облика, языка и фольклора, и сопоставления их с цыганами его собственного отечества.

Мы уже упоминали о «Разговоре с англичанином», включенном Пушкиным в его «Путешествие из Москвы в Петербург». Этого англичанина принято считать воображаемым, так как у нас нет данных для того, чтобы отождествить его с каким-нибудь реальным лицом. Высказывалась догадка, что Пушкин избрал здесь диалогическую форму повествования для того, чтобы лучше замаскировать собственное мнение о русских крестьянах и подкрепить известным авторитетом суждения об английском пролетариате. Тем не менее этот «воображаемый англичанин» исчезает из позднейшей редакции статьи, и его сменяет сам Пушкин. Причина этого изменения недостаточно ясна. Казалось бы, что это не должно было случиться, если правильно поняты были мотивы введения Пушкиным в статью и диалога, и англичанина в качестве действующего лица; функция собеседника открывала некоторые удобства и в цензурном отношении, как бы снимая с Пушкина ответственность за некоторую резкость суждений. Внимательное чтение первой редакции (глава «Подсолнечная»), однако, подсказывает другое решение вопроса. «Разговор с англичанином» содержит в себе прежде всего совершенно конкретные бы-

товые указания, вполне естественные для первоначальной записи реальной беседы, исчезнувшие впоследствии как ненужные и затемняющие основной ход мысли: «Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет тридцати шести. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина? *Англичанин.* Английский крестьянин. *Я.* Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба? *Он.* Что такое свобода? *Я.* Свобода есть возможность поступать по своей воле. *Он.* Следственно свободы нет нигде — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия».

Трудно было бы разыскать в Петербурге 1834 г. такого англичанина, который не только резко бранил бы английские порядки и нападал бы на избирательную систему, но и противопоставлял тяжелому быту английских промышленных рабочих патриархальную простоту жизни русских крепостных крестьян: такие сопоставления делали лишь крепостники из яценковского «Духа журналов» 1820-х годов; все известные нам реальные английские собеседники, напротив того, были убежденными конституционалистами и прежде всего хулили деспотизм и крепостное право.

Как бы мы ни относились к возможности отождествить пушкинского англичанина с реальным историческим лицом, совпадение его круга мыслей со многими взглядами Борро заслуживает быть отмеченным. Конечно, Борро и не думал восхвалять крепостничество, но для него русский крестьянин, *вопреки* всем тяготам своей жизни, все же мог казаться более счастливым, чем многие и многие представители английского пролетариата. В доступных нам источниках Борро нигде не проводит указанной параллели, но восторженные отзывы о русском народе и довольно суровые оценки многих сторон жизни его соотечественников нередко встречаются в его сочинениях. Пушкинский англичанин, в сущности, говорит не столько о политической свободе русского крестьянства, сколько противопоставляет видимую политическую свободу в стране парламентаризма внутренней свободе русского человека и больше говорит о его чудесных природных качествах — самобытности, смекалке, переимчивости, отсутствии самодовольного презрения ко всему иноземному.

У Пушкина: «*Я.* Живали вы в наших деревнях? *Он.* Я видел их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа. *Я.* Что поразило вас более всего в русском крестьянине? *Он.* Его опрятность, смышленность и свобода. *Я.* Как это? *Он.* Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ими ни то, что соседи наши называют un badaud *, никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны... *Я.* Справедливо; но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным? *Он.* Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?».

Когда у Пушкина англичанин настаивает на относительности свободы понятия («свободы нет нигде — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия»), то это оказывается довольно близким и к представлениям Борро; любопытно, что здесь мы как бы вновь входим в столь близкий ему круг мыслей пушкинских «Цыган». «Вы не были в Англии? — спрашивает у Пушкина его «воображаемый собеседник» и на краткий ответ Пушкина: «не удалось», произносит целую филиппику против темных сторон английской жизни, совершенно так же, как это делал и Борро в письмах к своим петербургским друзьям.

---

* ротозей (*франц.*).

О жизни Борро в России мы знаем, что он, во всяком случае, совершил именно такую поездку из Петербурга в Москву, какую описывает Пушкин. Это было в 1835 г., в то время, когда Пушкин уже обработал свой «Разговор», введя его в состав подготовленной к печати главы своего путешествия — «Русская изба» [127].

6. Борро и московские цыгане

«Талисман» Пушкина в переводе Борро вышел в Петербурге в августе 1835 г., а уже в ноябре того же года Борро успел побывать в Лондоне и выехать в Испанию, к месту своего нового назначения в качестве агента Библейского общества. Замысел его посетить Китай остался неосуществленным; Борро бросил занятия восточными языками и взялся переводить библейские тексты на испанский и цыганский.

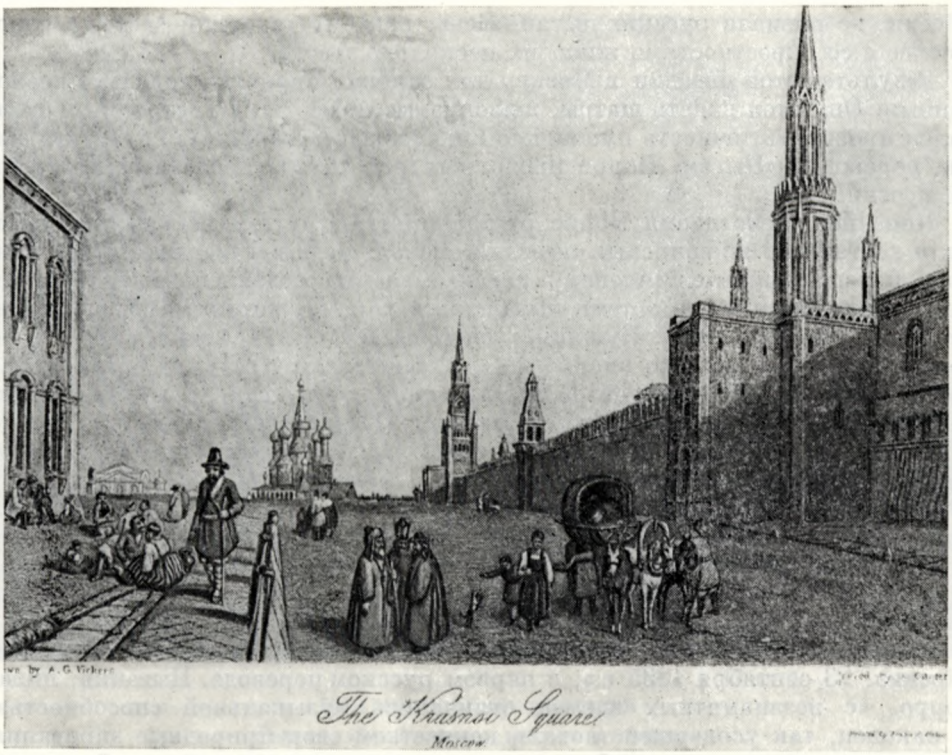
Перед отъездом из России Борро побывал также в Москве, куда ездил из Петербурга. Его рассказ об этой поездке сохранился в статье, напечатанной без имени автора в лондонском журнале «Атенеум» 1836 г. под заглавием «Цыгане в России и Испании» [128]. В этой статье опубликовано два его письма: первое (датировано 23 сентября 1835 г.) представляет собою описание быта московских цыган; второе помечено Мадридом (с датой 19 июля 1836 г.) и посвящено описанию свежих впечатлений Борро от испанских цыган и сопоставлению их с русскими.

Редакционная заметка, предпосланная статье, извещает читателей, что оба письма принадлежат человеку, литературные труды которого уже получили высокую оценку, но чье имя еще не может быть сообщено. Эта конспиративность, конечно, вызвана была тем обстоятельством, что в момент появления указанных писем в печати Борро еще находился в Испании, выполняя какие-то поручения, быть может, не только Библейского общества; мы знаем, например, что в близкие за этим годы (1837—1839) Борро посылал регулярные корреспонденции из Испании в газету «Morning Herald» с подробным анализом политической обстановки в Испании, за что и получил наименование первого «корреспондента» в английской прессе [129].

Оба указанных письма «Атенеума» под тем же заглавием «(Цыгане в России и Испании») вскоре были напечатаны в русском переводе в петербургском журнале «Библиотека для чтения» за 1837 г.; имя автора также не упоминается; в редакционной заметке говорится лишь: «Athenaeum сообщает два любопытных письма одного миссионера Общества для распространения христианской веры, который путешествует по Европе с целью обращать цыган» [130].

Что эта безыменная статья «Атенеума» написана Борро, не подлежит сомнению, она вошла в изданную им впоследствии книгу «Цинкали» (1841). Как раз эти ее страницы в русском переводе появились в двух номерах «Северной пчелы» за 1841 г., вскоре после выхода в свет книги, с таким предисловием: «Предлагаем нашим читателям статьи о цыганах из вышедшего недавно сочинения Джорджа Борро (Borrow), в котором он преимущественно рассматривает цыган испанских, сочинения, богатого любопытными наблюдениями и анекдотами. Не приступая прямо к главному изложению собранных им сведений, автор говорит вообще о цыганском племени, каким он видел его в других землях ⟨...⟩ Дж. Борро провел в России 1834 и 1835 гг., состоя тогда еще при Английском библейском обществе. Во время пребывания своего у нас он занимался изданием Нового завета на маньчжурском языке ⟨...⟩ Сведения о цыганах, живущих в России, недостаточны и часто неверны в книге Борро. Автору неизвестны, кажется, благодетельные меры нашего правительства касательно водворения цыган, и вообще он судит о русских цыганах по наглядности. Впрочем, мы ничего не изменили в его словах...» [131]

В первом из упомянутых писем в «Атенеуме» 1836 г. Борро утверждает, что одним из главных мотивов, заставивших его предпринять поездку в Москву,



ВИД КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ
Гравюра Дж. Картера с рисунка А. Викерса
Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву»

было желание познакомиться с бытом московских цыган, о которых он слышал в Петербурге. Мы уже указывали, что переводы «Черной шали» и песни Земфиры не были случайными. Борро досадно было бы уехать из России, не познакомившись ближе с народом, которому он уже посвятил столько внимания и собирался посвятить еще столько будущих трудов в своей жизни.

Исторические судьбы цыганского народа в 1830-х годах представлялись Борро еще достаточно смутными; цыган только начали наблюдать путешественники в серьезных этнографических целях; к изучению их языка еще почти не приступали. Но романтическая литература во всех странах Европы возбудила особый интерес к цыганам и опоэтизировала их анархическое свободолюбие, их непреодолимую страсть к кочевому быту. Борро хорошо знал, какие бессмертные образы уводило искусство из цыганских таборов в поэзию и музыку: сервантесовская «Цыганочка» превратилась в веберовскую «Пресиозу»; Арним написал свою «Изабеллу Египетскую» (1812) с легендарной завязкой — проклятием над цыганским племенем; уже появился «Собор Парижской богоматери» Гюго, и вскоре его Эсмеральда со своей козочкой выступила даже на балетной сцене; особо колоритным был английский вклад в эту цыганскую романтику — вспомним хотя бы о романах Вальтера Скотта [132].

Когда в период своей петербургской жизни Борро вчитывался в русский текст пушкинских «Цыган», он и тогда уже задумывался над загадкой цыганского народа, замышляя цыганские образы своих знаменитых впоследствии романов. Пушкинская Земфира входила в его сознание в окружении своих сестер по крови — Пресиозы, Эсмеральды, Фенеллы. Но Борро искал также исторической и этнографической правды. Можно ли было уехать из

России, не повидав русских цыган? Ведь, как ему говорили здесь, в одной Москве с ее окрестностями жило их несколько тысяч.

Результат этой поездки в Москву для самого Борро был довольно неожиданным. Он хотел видеть шатры, живописные лохмотья у костров; он собирался проверить точность пушкинских пейзажей и жанровых сцен, так как над переводом «Цыган» Борро продолжал работать и после своего отъезда из России.

Конечно, впечатления Борро от знакомства с бытом московских цыган были достаточно живописны: он ездил несколько раз к цыганам в Марьину Рощу и в своем письме в «Атенеум» рассказывает о беседах с ними на их языке. Он познакомился тогда с теми цыганскими хорами, которыми за несколько лет перед тем увлекался Пушкин, доживая в Москве свои холостые дни перед женитьбой (см. его письмо к П. А. Вяземскому от 2 января 1831 г.); познакомился со знаменитой Таней и певцом и регентом Ильей, которыми впоследствии еще восторгались и Аполлон Григорьев, и Фет [133].

За несколько лет до Борро московских цыган поэтически описала Е. П. Ростопчина в своем «Цыганском таборе» (с пометой: «Петровское, август, 1831») [134]. Мог Борро знать также и популярные тогда у нас песни: «Я цыганка молодая...» и «Мы живем среди полей...» Загоскина,— с тою же, как и у Пушкина, идеализацией вольной жизни, и «Цыганскую песню» Шевырева [135]. Именно такая же картина развернулась и перед ним, это было еще золотое время цыганской песни...

Приведем несколько выдержек из первого письма Борро помеченного: «Москва, 23 сентября 1835 г.», в первом русском переводе. Цыганки, пишет Борро, «с незапамятных времен отличались музыкальной способностью, и, наконец, так усовершенствовали искусством свои природные дарования, что даже в стране, где вообще искусство пения стоит на высшей ступени ⟨т. е. в России⟩, нежели в других странах Европы и Азии, цыганский хор признается за лучший в своем роде. В России всем известно, что знаменитая Каталани была так удивлена, услышав голос одной цыганской певицы (Танюши), что сняла со своих плеч драгоценную шаль, которую подарил ей Папа, обняла цыганку и убедила ее принять этот знак своего восхищения. Каталани сказала, что эту шаль она сама получила в качестве первой певицы, но что теперь она нашла ту, которой по праву принадлежит подарок его святейшества».

Впрочем, Борро в его московско-цыганских впечатлениях ожидало и нечто вовсе для него неожиданное, что он не без удивления отметил в своем письме,— превращение некоторых цыганок в московских дам аристократического круга. «Те, кто привык считать это племя кочующими дикарями, неспособными к цивилизации и не умеющими воспринять все блаженства спокойной и оседлой жизни,— пишет Борро,— будут очень удивлены, узнав, что многие из московских цыган живут в просторных и удобных домах и выезжают в элегантных экипажах». «Главное место их собрания,— рассказывает Борро далее,— Марьина Роща, лежащая в двух верстах от Москвы. Туда и я поехал, в сопровождении наемного лакея. Лишь только я появился, цыганы высыпали из своих палаток, из харчевни и обступили меня: я приветствовал их на языке английских цыган, стоя в коляске. Вдруг раздался крик удивления и радости; со всех сторон посыпались приветствия на музыкальном размере романского языка, и между всеми особенно отличалось: — *Ах, как мы то уте кармама*! О, как мы тебя любим! С первого раза они приняли меня за одного из своих собратьев, которые,— говорили они,— блуждают по Турции, Китаю и другим странам, и думали, что я приехал к ним через «большую *пауни*», воду, чтобы с ними повидаться. Видом они совершенно сходны со своими соплеменниками в Англии. Они смуглы, большей частью красивы, имеют блестящие глаза, исполненные дикой понятливости; волосы их черны, как смоль, и несколько жестки. Я задавал им много вопросов, особенно, касательно их веры и земли, из которой они происходят. Они сказали, мне, что божество у них называется *Девель* и что они страшатся черного духа,

ВИД МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ
Гравюра Дж. Картера с рисунка А. Викерса
Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву»

которого зовут *Бенгель*, что предки их вышли из Романской земли, но что они не знают, где эта земля находится. Они спели мне много песен, русских и романских. Русские были по большей части новые театральные арии, а их национальные песни носили явные признаки высокой древности и не походили на русские ни стихосложением, ни общим характером; они казались не принадлежащими ни Европе, ни новейшим временам. Я часто посещал Марьину Рощу ⟨...⟩ Они слушали меня с большим вниманием, и во все время моего пребывания с ними не обнаруживали в поведении и разговорах своих ничего предосудительного для благопристойности».

Впечатления от знакомства Борро с московскими цыганами были очень сильны и обновились, когда он странствовал с таборами испанских цыган. Второе из его писем, помещенных в «Атенеуме», рассказывает о его первой встрече с испанскими цыганами возле города Бадахоса в январе 1836 г. Из его биографии мы знаем, что он не только кочевал некоторое время с местными цыганами, но и перевел на их диалект Евангелие от Луки, о чем упомянуто кратко и в московском письме [136]; таково было одно из поручений Библейского общества, заменившее его первоначальные планы ехать с миссионерскими целями на Дальний Восток. Издание этой книги и других евангельских текстов на цыганском языке привело Борро в конце концов в мадридскую тюрьму, из которой его с трудом вызволил английский посланник. Лишь в 1840 г. отъездом в Англию закончился испанско-цыганский период его жизни. Возвратившись на родину, он тотчас же издал книгу «Цинкали, или Рассказы об испанских цыганах. С прибавлением собрания их песен, поэтических произведений и подробного словаря их языка» (2 тома. Лондон, 1841), за которой вскоре последовала и другая книга, ставшая одним из популярнейших его произведений: «Библия в Испании. Приключения и рассказы» (1843). Обе книги заняли видное место в истории цыганистики [137].

Статья Борро из «Атенеума» — «Цыгане в России и Испании», как мы уже упоминали, вошла в «Цинкали», где уделено некоторое внимание сопо-

ставлениям русских и испанских цыган. Однако в начале 1840-х годов, в период подготовки Борро более серьезных работ о цыганах — этнографических, лингвистических и исторических, собранные им во время кратковременной поездки в Москву осенью 1835 г. материалы оказались, по-видимому, недостаточными. Подготовляя свои труды к печати и задумывая новые, он хотел их пополнить свежими литературными данными из русских источников.

Мы узнаем об этом из еще не опубликованного письма, посланного им из Англии (30 августа 1841 г.) в Петербург к одному из его петербургских друзей, Дж. Гасфельду: «Не можете ли вы сообщить мне,— спрашивает Борро в этом письме,— было ли что-нибудь написано о русских цыганах? Я знаю, что около шести лет назад была издана маленькая красивая повесть (a beautiful little romance) на русском языке, озаглавленная «Цыгане в Москве» ⟨в подлиннике: «Zigani Moskve or the Gypsies at Moscow»⟩. Во вступлении к «Цинкали» я отдельно говорю о московских цыганах, которых я видел собственными глазами и с которыми я беседовал; я упомянул там также об одной повести, о которой видел объявление в «Северной пчеле», но не читал ее; по-моему, ее продавали в большой книжной лавке на Невском, по левой стороне, если идти от Адмиралтейства; может быть, вы потрудитесь навести справки о ней».

В заключение Борро так резюмирует в этом же письме итоги своих русско-цыганских и испанско-цыганских сопоставлений: «В языке русских цыган много поэзии, которую они сохранили лучше испанских цыган. Если я когда-нибудь вернусь в Россию ⟨собственно, «к русским» — «to Russians»⟩, я напишу их историю, соберу их словарь и составлю собрание их песен (I would write their history and collect their language and songs). На это не может отважиться тот, у которого нет некоторого знания санскрита и новогреческого языка и кто, сверх того, незнаком с цыганами других частей света. Это великий труд даже для наиболее подготовленного лица. Я около пяти лет работал над «Цинкали» и все еще вынужден признаться, что книга эта полна недостатков» [138].

Повесть «Цыгане в Москве», которую Борро действительно упомянул в первом томе «Цинкали» (с. 84) и, как видно из приведенного письма, в самом деле не читал, с этих пор стала фигурировать в западных книгах в списках важнейших источников для изучения русских цыган наряду с поэмой Пушкина, частично обязанной своей «ученой» популярностью, вероятно, тому же Борро.

Так, А. Потт в предисловии к основательному научному труду «Цыгане в Европе и в Азии» (1844), перечисляя печатные источники своего предмета и ссылаясь при этом на Борро как на своего предшественника, пишет, что на одном конце Европы около 1612 г. автор «Дон-Кихота» написал повсеместно известную в Испании новеллу «Цыганочка»; на другом конце «появились в новейшее время «Цыганы» русского поэта Пушкина и повесть, изданная в Петербурге — «Цыгане в Москве», которая с точки зрения своей правдивости, по свидетельству Борро, превышает даже «Цыганочку» [139]. Таким образом, вольно или невольно, но относительно этой петербургской повести Борро ввел в заблуждение немецкого ученого «цыганиста».

Между тем у нас есть основание думать, что такой повести не существует вовсе; скорее всего, Борро имел в виду повесть «Встреча у цыган. Соч. В. П.» (СПб., 1834), отдельно изданную в типографии Греча, но перед тем напечатанную в двух номерах «Сына Отечества» (1834, № 21 и 22); рецензия на нее В. В. В. (Строева), действительно, появилась в «Северной пчеле» (1834, № 161, 19 июля). Повесть эту для своей библиотеки приобрел и Пушкин [140]. Она не имеет этнографической ценности, но любопытна тем, что представляет собою, в известном смысле, прозаическую аналогию сюжету пушкинских «Цыган»: этим она могла заинтересовать и Борро, хотя бы по рецензии «Северной пчелы». В повести рассказывается история жизни некоего Д-ва, которого автор встретил в таборе московских цыган. Этот член цыганской об-

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОВОЗКА
Гравюра
Эрмитаж, Ленинград

щины, выполнявший самые унизительные работы, был некогда блестящим светским человеком; свои детские годы провел он в иезуитской школе, увлекался мистикой, молодость посвятил кутежам, разврату, карточной игре; в угаре дикого разгула он по временам мечтал о тихой келье пустынного монастыря, но встретил однажды красавицу-цыганку Варвару, которая увлекла его и приворожила; отныне он стал ее рабом. По совету рассказчика, после душевной борьбы он покидает табор ради монастыря.

Интересно, во всяком случае, что помимо кратковременного знакомства Борро с московскими цыганами в 1835 г., важнейшими его источниками для суждения о русских цыганах были именно произведения Пушкина, притом его отношение к этим произведениям существенно отличалось от не лишенного педантизма ученого любопытства какого-нибудь Потта. Этот лингвист и этнограф во всех художественных произведениях на цыганские темы — от Сервантеса и до Пушкина — искал прежде всего реальной правды и материалов для своих изысканий; к методам изучения Борро, да и к самой личности своего английского предшественника на том же поприще «цыганистики» он относился с некоторым недоверием профессионала к дилетанту. Он называет его «чрезвычайно замечательным и несколько авантюрной складки человеком», для чего книга испанско-цыганских впечатлений Борро (в особенности вторая, о которой мы скажем ниже) действительно давала некоторое основание.

Но Борро был не только замечательным лингвистом-дилетантом, он был в то же время поэтом и романистом, вся авантюрная жизнь которого претворялась в поэзии и прозе его художественных произведений. И его отношение к Пушкину было прежде всего отношением *поэта к поэту*. Как ни мало совершенны его переводы из Пушкина, но это были не только ранние *стихотворные* переводы; Борро действительно глубоко любил творчество русского поэта, понимал его значение для русской литературы и свято берег память о нем. Он, вероятно, не только перечитывал подлинные страницы рус-

ского Пушкина, но, странствуя по Испании, сам пережил некоторые эпизоды из его «Цыган». Подобно Алеко, бежав из «неволи душных городов», Борро много раз в своих сочинениях и письмах противопоставлял им дикую вольность цыганской патриархальности. Он ненавидел города, охраняемые полицией, крепкие дома, зиждительный очаг и предпочитал всему этому обеспеченному благополучию жизнь, полную тревог и случайностей.

Мы не будем далее останавливаться на последующих занятиях Борро цыганами. Упомянем лишь, что эти занятия продолжались еще несколько десятков лет и завершились изданием им в 1870-х года классического труда — большого словаря английских цыган («Romano Lavo-Lil, Wordbook of the Romany or English Gypsy Language». London, 1874).

Попутно с писанием стихов и занятиями поэтическими переводами он выпустил также два прославленных впоследствии автобиографических романа: «Лавенгро» («Lavengro, the Scholar, the Gypsy, the Priest». London, 1851) и продолжение его, «Цыганский парень» («Romany Rye». London, 1857), в которых также, быть может, нужно искать следы внимательного чтения *русского* Пушкина. В первом из этих романов герой бежит от наскучившего ему цивилизованного мира в цыганский табор, странствует с ним, но принужден его оставить вследствие того, что оказывается чуждым его своеобразной анархической общине; во втором та же тема осложнена мотивом любви героя к пленившей его цыганке Урсуле. Главный герой обоих романов, конечно, прежде всего сам Борро, однако исследователи допускают в их сюжетном построении значительные отклонения от автобиографической основы в сторону «романизации» вымысла. В сложной и пестрой ткани его повествования позволено будет усмотреть кое в чем и значение пушкинских «Цыган».

Конечно, романтическая поэма Пушкина и формально и генетически противоположна романам Борро, своеобразно возрождавшим оставленный в Англии почти со времен Дефо жанр «плутовского» романа. И тем не менее, в отдельных ситуациях повествования Борро и в его характеристиках (например, в образах Урсулы и Петуленгро), может быть, найдутся отзвуки «Цыган» [141].

7. *Борро в Испании.— Присылка ему из Петербурга автографов Пушкина и Жуковского.— Борро узнает о смерти Пушкина*

О жизни Борро в Испании во второй половине 1830-х годов известно было русским читателям по его книге «Библия в Испании. Приключения и рассказы» (1843), имевшей шумный успех во всей Европе и вскоре переведенной на немецкий и французский языки [142]. В 1845 г. отрывки из этой книги появились и в русском переводе [143], и вторично — через пятнадцать лет после ее выхода в свет в английском подлиннике [144]. Появление французского перевода отметил в одном из своих парижских писем А. И. Тургенев, не пропускавший ни одной сколько-нибудь примечательной европейской книги. Рассказывая о своем знакомстве в Париже с неким престарелым ирландцем, у которого «на сардинской границе, несмотря на все его упорство, отняли англинскую Библию», Тургенев замечает попутно: «Перед нами лежала рассказчица подобных действий на другом краю римского владычества — книга Боррова «La Bible en Espagne». Многие обвиняют автора в юмористическом изложении столь важного предмета; но дело в том — справедливы ли факты? Книга расходится по всем рукам, к досаде некоторых фанатиков» [145]. Знал ли Тургенев, сам некогда близко стоявший к Российскому библейскому обществу, что названная им книга принадлежит человеку, по тем же «библейским делам» приезжавшему в Петербург, и что, более того, этот «миссионер» был одним из первых английских переводчиков Пушкина? В этом можно усомниться, хотя близкое знакомство с Россией сквозит на многих страницах «Библии в Испании». Не знал этого, вероятно, и другой почитатель и переводчик Пушкина — Проспер Мериме, который несколько свысока отозвался о книгах

Борро об Испании, однако, несомненно, воспользовался ими при создании «Кармен» [146].

Описывая в своей книге прибытие на корабле в Лиссабон в конце 1835 г., Борро замечает, что его вступление на португальскую почву было не очень приятным: «Не прошло и часа, как я начал с сожалением вспоминать о России, где я оставил добрых друзей и знакомых». Рассказывая о своих зимних скитаниях по Испании, Борро замечает вновь, что он очень страдал от холода: «Несмотря на шубу, которой я запасся в России, я продрог до костей». В другом месте, характеризуя Кастилию, Борро опять прибегает к сравнению: «Горы ее недосягаемы, равнины необозримы, это не гладкие степи, какие удавалось мне видеть в России». Во многих местах книги, столь же неожиданно для читателя, у автора прорывались более ранние русские воспоминания.

Тем не менее всем писавшим у нас о Борро по поводу его «Библии в Испании» русские эпизоды его биографии, его жизнь в Петербурге и Москве, были так же мало известны, как и Тургеневу. Ничего не говорит об этом, например, А. В. Дружинин, посвятивший Борро как путешественнику несколько живописных, но не свободных от фактических ошибок страниц в своем критическом разборе «Писем об Испании» В. П. Боткина (несомненно и сам Боткин читал «Библию в Испании», так как появление этой книги во французском переводе совпало с его собственным путешествием на Пиренейский полуостров). «Великобританское библейское общество изготовило три перевода Священного писания на португальский, на испанский языки и еще на язык испанских цыган,— писал Дружинин.— Для продажи этих изданий послан был на Пиренейский полуостров некто Джордж Борро». Между тем, известно, что распространение книг Ветхого завета между набожными католиками запрещено было римской духовной властью; отсюда трудность его предприятия. Личность Борро почему-то напомнила Дружинину пуритан времен английской революции XVII в., хотя в нем на самом деле не было и тени протестантского фанатизма и он стал своего рода «миссионером» только потому, что такая деятельность представляла некоторые опасности и казалась ему увлекательной. Борро был «человек странный, скорее сходный с авантюрьерами времен Кромвеля <!>, нежели с людьми нашего столетия. Полуангличанин, полу-цыган <!>, полу-фанатик, полу-турист, Борро имел три бесценные качества для путешественника в опасных странах: он был упрям, как каталонец, бесстрашен, как герой, жаден до приключений, как молодой рыцарь. Он знал языков пятнадцать, обладал силой Геркулеса, мог проводить по нескольку суток на лошади, легко сближался с людьми и владел большим даром убеждения...» [147]. В таком же роде и дальнейшая характеристика Борро, в которой вымышленные, воображаемые черты смешаны с действительно ему присущими. Дружинин изображает, например, Борро «ревностным англиканцем и крайним тори», который обратился в закоренелого врага католической Испании, «вообразил себя противником папской власти, освободителем Испании от католицизма <!>, проповедником, посетившим не государство, дружественное его родине, а какие-то мрачные пустыни, населенные идолопоклонниками» и т. д. Все это, разумеется, противоречит действительности. Борро попросту избрал необычный способ путешествовать по Испании для изучения ее нравов и диалектов.

Гораздо лучше характеризовал свою «Библию в Испании» сам Борро в одном из неизданных писем в Петербург: «Теперь я пишу книгу об Испании; в ней заключаются мои личные похождения в этой своеобразной стране, то, что я видел и испытал. Немногие знают об Испании столько, сколько знаю я: я ездил верхом из Мадрида в Корунью, оттуда в Сант-Яго и на мыс Финистерре, оттуда в Овиедо и Астурию на берегу Бискайского залива, до Сантандера, оттуда через горы в Бургос и Вальядолид и обратно в Мадрид — путешествие в тысячу двести миль, совершенное верхом. Я перебрался через Пиренеи и побывал в Бадахосе и Сарагоссе. Пять лет я общался со всякими людьми: аристократами, купцами, цыганами и тореадорами. Около трех лет пробыл в Мадриде и год — в Севилье; а потому, если уж я не знаю чего-то об

Испании, то кто же знает, скажите на милость? Книга будет достаточно занимательна и, я уверен, окажется выгодным делом, ибо в наши дни безумно писать книги не с целью получить деньги; а что до репутации, то что станется с самой блистательной ныне репутацией сто лет спустя?» [148]

Отзыв Дружинина о Борро написан в конце 1850-х годов, когда память о пребывании того в Петербурге уже изгладилась. Однако за два десятилетия перед тем у Борро еще оставались в Петербурге его близкие друзья, которые охотно вспоминали о его жизни в России и с дружеским участием следили за его испанскими приключениями. Одним из таких его друзей был уже несколько раз упоминавшийся выше петербургский житель Джон Гасфельд. Борро вел с ним переписку в течение многих лет.

Сохранившиеся в архиве Борро письма к нему Гасфельда были в руках биографа Борро, Вильяма Нэппа, который напечатал из них выдержки и писал по этому поводу: «Между Борро и Гасфельдом возникла тесная дружба, которая привела к длительной переписке, продолжавшейся до тех пор, пока Борро не перестал обмениваться письмами с кем-либо. Все письма 〈Гасфельда〉 писаны по-датски на очень тонкой бумаге очень мелким почерком, и некоторые из них содержат от 15 до 20 страниц. Переписка продолжалась с 1835 г. по 1849 г. С этого момента всякие письменные следы датчанина пропадают, и все мои усилия узнать в Дании и в России о последнем периоде его жизни оказывались бесплодными». Более поздний биограф Борро, проф. Кл. Шортер, напечатал по принадлежавшим ему оригиналам еще три письма Гасфельда к Борро из Петербурга (от 6/18 ноября 1836 г.; 9/21 июля 1842 г., 26 апреля /8 мая 1858 г.), заметив при этом, что все остальные, которыми располагал Нэпп, были, к сожалению, использованы им недостаточно. Шортер прибавляет: «Если письма Борро к Гасфельду обнаружатся когда-либо, они окажутся лучшими из им написанных» [149].

До сих пор ответные письма Борро известны не были; однако большая связка их (за 1836—1846 гг.) нашлась в Рукописном отделении Публичной библиотеки в Ленинграде [150]. Письма эти имеют для нас двоякий интерес: с одной стороны, они, как и предполагал Шортер, действительно написаны с присущим Борро эпистолярным мастерством и развертывают перед нами весьма живописные эпизоды его жизни; с другой — посланные в Россию, они полны лирических воспоминаний об этой стране и любопытных фактических данных, позволяющих нам гораздо ближе узнать историю его жизни в Петербурге в 1833—1835 гг. В письмах «русские» эпизоды звучат значительно острее, чем в совпадающей с письмами в некоторых отношениях автобиографической книге «Библия в Испании». Однако особый интерес придает им то обстоятельство, что Борро несколько раз говорит в них о Пушкине, и все эти упоминания заслуживают пристального внимания. Прежде чем перейти к самим письмам, следует познакомиться несколько с их адресатом.

Джон (или Иван Петрович, как его называли в России) Гасфельд был датчанин родом и жил постоянно в Петербурге. Одно время он служил в министерстве иностранных дел в Копенгагене, затем появился в Петербурге в качестве переводчика при датском посольстве, сделался потом преподавателем европейских языков в Морском кадетском корпусе и других петербургских учебных заведениях. В конце концов он оставил службу и жил частными уроками английского языка, пользуясь славой прекрасного преподавателя. Английский язык и литература были излюбленными предметами его занятий.

Гасфельд был приятелем Н. И. Греча [151]. В. П. Бурнашев, встречавший его на «четвергах» у Греча, причисляет его к «интимнейшим людям» в доме последнего, находившимся там «безвыходно», и отзывается о нем так: «Мистер Гасфельд — датчанин, преподававший в городе английский язык, издавший несколько учебников по методе Робертсона и читавший впоследствии у себя на квартире публичные лекции, на которых, по его словам, слушатели необычайно скоро выучивались английскому языку чрез разбор нескольких сцен из Шекспира. Великорослый, коренастый и топорной работы, датчанин, Гасфельд знал в совершенстве русскую грамматику и говорил по-русски пра-

вильпее многих русских, хотя и не бегло. Гасфельд работал для первого издания Рейфовых словарей, внося туда все английские слова. Греч очень его любил и предоставлял ему близкие сношения с своими сыновьями, которым Гасфельд преподавал английский язык. Впрочем, расположение Греча к Гасфельду нисколько не мешало первому трунить над вторым и беспрестанно поднимать на смех странности чудака-датчанина. Главным поводом для того была страсть Гасфельда воображать себя великим остроумцем, чуть ли не вторым Бьевром, и мастером рассказывать, не смеясь, самые смешные и забавные вещи. При этом между ним, Н. И. Гречем и Моннероном (француз, бывавший в доме Греча) выходили прекомические сцены, основанные, большею частью, на французской игре слов, в которых бедный Гасфельд решительно терялся и погибал, делая преуморительную мину недоумения и непонятливости» [152].

Отрывки из писем Гасфельда, напечатанные Нэппом, а также дополнившие их публикации Шортера, также рисуют его живым и веселым человеком, не без остроумия и литературного таланта описывавшим своему другу их общих петербургских приятелей, например, Иакинфа Бичурина. Из этих писем, между прочим, следует, что Греч назывался в них «очкастым», а сам Борро в кругу семьи Греча имел прозвище «долговязого Джорджа». Гасфельд не лишен был литературных интересов и сам мечтал о деятельности английского журналиста или, по крайней мере, переводчика с русского. В своей корреспонденции из Петербурга в «Атенеум» в январе 1836 г., посвященной современному состоянию русской литературы, Гасфельд приводит несколько отрывков из своего перевода «Очерков Константинополя» (К. Базили, которые он предлагал различным лондонским издательствам еще до того, как они вышли в Петербурге отдельным изданием [153]; именно об этих «Очерках» идет речь в письме Гасфельда из Петербурга от 6/18 ноября 1836 г., напечатанном Шортером. В письмах Гасфельда много тепла, искренности, интимности, самых дружеских признаний и преданности. Что касется писем Борро к Гасфельду, то они также написаны в самом дружеском тоне: Борро называет Гасфельда своим дражайшим другом («my dearest friend»), вспоминает то время, когда Гасфельд, как заботливая нянька, ухаживал за ним во время его болезни в Петербурге. Чем дальше в прошлое отодвигались годы их совместной жизни в северной столице, тем с большим лиризмом и нежностью вспоминались Борро невозвратимые былые дни, которые он не раз называет «лучшим временем своей жизни».

Борро сошел с английского корабля в Лиссабоне с грузом библий на португальском языке в конце 1835 г.— всего лишь через несколько месяцев после того, как он покинул Россию. Первое из дошедших до нас его писем к Гасфельду написано в Португалии (в городке Эвора, на плато Алентежо) в самом конце этого года. Привожу его целиком в русском переводе; оно полно русских воспоминаний, которых не погасили еще впечатления от новых предпринятых им странствий, и хорошо вводит нас в историю этой любопытной дружеской переписки.

24 декабря 1835 г.
Эвора, Алентежо (Португалия)

Дорогой друг,

Смею думать, что вы были удивлены, не получив до сих пор ответа на ваше милое письмо, при виде которого слезы выступили у меня на глазах. Но вы перестали бы удивляться, если бы видели место, где я пишу эти строки. Ваше письмо следовало за мной две тысячи четыреста миль, через den Salte Haf, до самой глухой португальской границы, по ту сторону Тахо; дело в том, что Общество, оказывавшее мне до сих пор большое доверие, командировало меня в Португалию по немаловажному и весьма трудному делу, которое я, однако, надеюсь благополучно довести до конца.

От всего сердца благодарю вас за хлопоты, которые вы себе причиняете, устраивая мои скромные дела в милом Петербурге. Вы отлично знаете, с каким сожалением я покидал северную империю, и это сожаление, поверь-

те мне, я ношу с собою повсюду, куда бы ни направил свой путь. Лигах в шести от Эворы расположен высокий горный кряж — Сьерра Дорсо; туда призвали меня несколько дней назад мои обязанности; исполнив то, что мне надлежало сделать, я взобрался на самую высокую вершину, сел там и, обратив глаза к далекому северо-востоку, заплакал, как дитя.

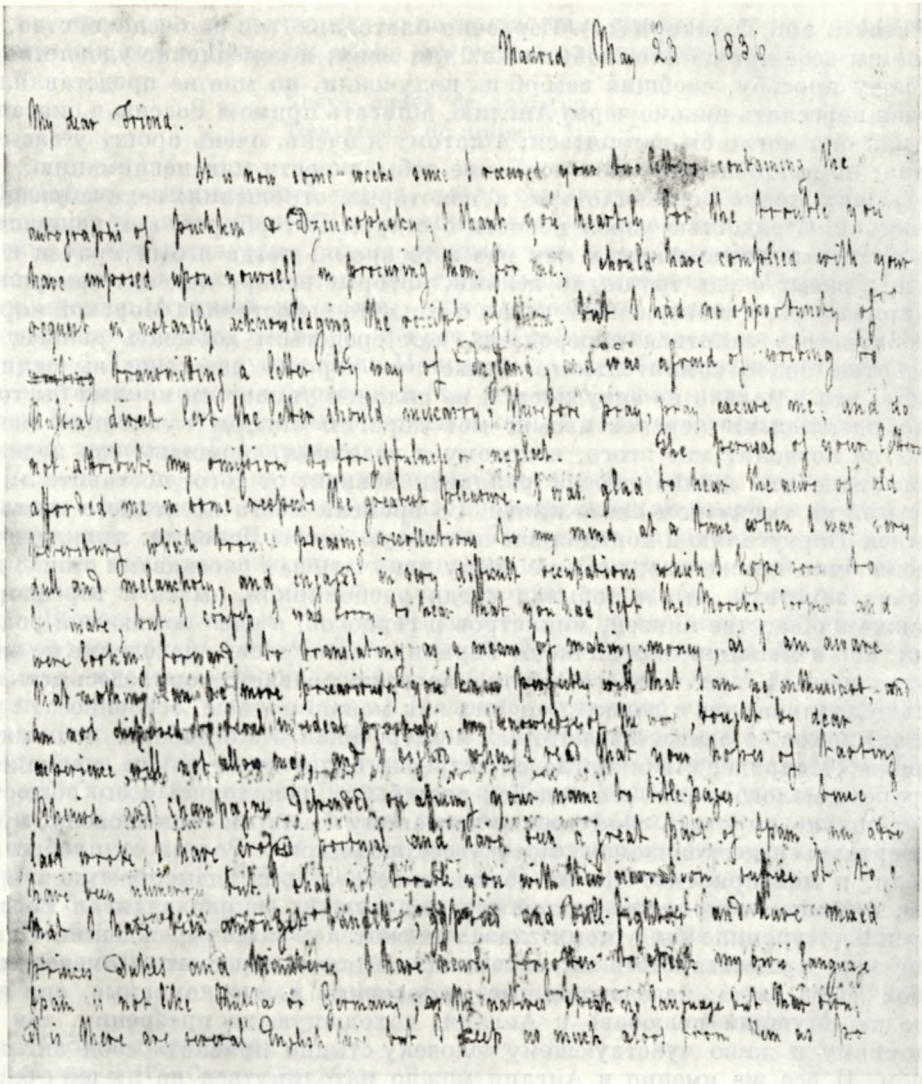
Зимой в Португалии не слишком приятное житье; холод может с ума свести, особенно иностранцев, непривычных к этой прозрачной, разреженной атмосфере, в которой каждый градус мороза ощущается гораздо острее, чем в странах Севера; двигаясь, холод еще можно переносить довольно хорошо, но в помещении становится совершенно невмоготу. В комнатах не только нет ни печей, ни каминов, но сделано все, чтобы комнаты были прохладнее; как верхние, так и нижние этажи сложены из кирпича, потому что благодаря очень долгому и очень знойному лету все дома строятся так, чтобы избавить их обитателей от жары, а от зимних холодов нет никакой защиты. Я кутаюсь в мою русскую шубу и, сидя, ставлю ноги на глиняный таз с древесными углями; но уголья не согревают меня и вполовину и только вызывают ощущение дурноты, ни мало не грея, и я восклицаю про себя: о, если б я никогда не покидал Россию!

Ваше письмо меня сильно заинтересовало, и я его перечел несколько раз. Я с сожалением узнал, что рулевой посадил вас на песчаную мель во время катания по Неве, так как я знаю, до чего это неприятно; когда я на маленьком пароходе ехал вверх по Траве в Любек, дурак-рулевой наскочил носом судна на мель, и с девяти часов вечера до шести утра мы оставались на открытой палубе, оцепенев от холода и тумана, что было немалым разочарованием для тех, кто мечтал о хорошей постели в Любеке после четырех суток, проведенных на Балтических волнах. В дороге я читал Уленшпигеля (<Wunderliche und seltsame Historie Tillen's Eulenspiegels...>), который в известной мере развеял мою меланхолию и доставил много удовольствия и нравственной пользы.

Как благороден Лиссабон, построенный на своих семи холмах, возвышающихся над <рекою> Тажо (Тахо), широкой, величавой и волнующейся подобно морю! Что за великолепные церкви и монастыри! Что за дома, похожие на замки! Но никогда не приходилось мне видеть более мерзкого с виду населения, с такими неказистыми и непривлекательными чертами. Их голоса звучат крикливо и грубо, и язык, на котором говорят в Лиссабоне,— наименее музыкальный в Португалии; я объясняюсь на нем довольно бегло, но не люблю его, так как он во всех отношениях ниже испанского, который, что касается звуков, является, несомненно, благороднейшим языком на свете. Говоря каждый на своем языке, испанец и португалец достаточно хорошо понимают друг друга, и вот тут-то гораздо виднее или, скорее, слышнее превосходство испанского языка над его собратом. Если увидите Очандо де ла Банда, передайте ему сердечный привет и скажите, что не позже, чем через две недели, считая с даты, которой помечено это письмо, я буду в Мадриде, откуда поеду в Гренаду, Севилью, Кадикс, а затем вернусь в Португалию, где посещу все провинции и главные города. Поклон Гречу и доктору Виллиамсону; если увидите Алима Киши, пожурите его за то, что плохо себя ведет. Да олагословит вас господь, мой дорогой друг; пишите мне всякий раз, как представится случай, и никогда больше не просите не забывать вас; это лишнее.

Джордж Б о р р о

Круг петербургских знакомых лишь слегка очерчен Борро в этом письме; из упомянутых в нем лиц почти все, кроме Греча, иностранцы. Имена петербургского доктора-англичанина Виллиамсона (Williamson) и Очандо де ла Банда (Ochando de la Banda) — чиновника испанского посольства в Петербурге — попадаются и в последующих письмах Борро к Гасфельду, но они не принадлежали к числу его избранных друзей. Больше о петербургских приятелях Борро мы узнаем из его последующих писем к тому же Гасфель-



ПИСЬМО ДЖ. БОРРО К ГАСФЕЛЬДУ. 23 МАЯ 1837
Публичная библиотека, Ленинград

ду, из которых второе письмо (от 23 мая 1836 г.) представляет для нас исключительный интерес, так как оно начинается с указания на какие-то автографы Пушкина и Жуковского, полученные Борро через Гасфельда уже в Испании. Пребывание его в Португалии было непродолжительным. В начале января 1836 г. Борро перешел через Гвадиану, небольшую речку, отделяющую Испанию от Португалии, и очутился в маленьком пограничном городе Бадахосе, откуда вскоре же отправился в Мадрид. Второе неопубликованное письмо Борро к Гасфельду (из ленинградской коллекции) послано им уже из испанской столицы. И это письмо, несмотря на его объем, заслуживает того, чтобы быть приведенным целиком,— и по заключающимся в нем автобиографическим данным и, в особенности, благодаря интересным для нас намекам на петербургские литературные и общественные связи их автора.

Мадрид, 23 мая 1836 г.

Дорогой друг,

Вот уже несколько недель, как я получил от вас два письма с автографами Пушкина и Жуковского (your two letters containing the authographs

of Pushkin and Dziukophsky). Сердечно благодарю вас за беспокойство, которое вы себе причинили, добывая их для меня; я немедленно удовлетворил бы вашу просьбу, сообщив вам об их получении, но мне не представлялось случая переслать письмо через Англию, а писать прямо в Россию я опасался, так как оно могло бы затеряться; а потому я очень, очень прошу у вас прощения; не приписывайте мое молчание забывчивости или невниманию. Чтение ваших писем доставило мне в некоторых отношениях величайшее удовольствие. С радостью узнал новости о старом Петербурге, возбудившие во мне приятные воспоминания как раз в то время, когда я был мрачен и печален и занят очень трудными делами, которые вскоре надеюсь завершить; но, признаюсь, я с огорчением узнал о том, что вы оставили Морской корпус и собираетесь заняться переводами, как средством добывать деньги; нет заработка более сомнительного — мне это хорошо известно; вы отлично знаете, что я далеко не энтузиаст, и не склонен упиваться какими бы то ни было идеальными перспективами; мое дорогим опытом купленное знание света не позволит мне этого; и потому я вздохнул, прочитав, что надежды ваши смаковать шампанское и рейнвейн зависят от того, поставите ли вы свое имя на титульном листе книги. Со времени моего последнего письма я пересек Португалию и повидал значительную часть Испании; приключений у меня было множество, но я не стану докучать вам рассказами о них; достаточно заметить, что я побывал среди разбойников, цыган и тореадоров, а также в обществе князей, министров и герцогов; я едва помню мой родной язык, ибо в Испании, в отличие от Германии или России, население не знает других языков, кроме своего собственного; по правде говоря, здесь есть несколько англичан, но я держусь от них как можно дальше, особенно от путешественников, с одним из которых я встречался в Лиссабоне, а позже в Париже ⟨Мадриде?⟩; я никогда не встречал более вульгарного, чванливого и грубого малого; голос его подобен реву быка, и, находясь в его обществе, стоит только выразить свое мнение по какому бы то ни было поводу, чтобы подвергнуться нескончаемому потоку оскорблений; в России он пробыл три недели, и мне приятно, что он составил себе весьма невысокое мнение обо всем, имеющем отношение к этой стране; если бы он расхваливал Россию, это сильно уронило бы в моих глазах ее жителей и ее учреждения. Благодаря этим существам имя англичанина сделалось предметом омерзения в любой части света; невежественные, заносчивые и высокомерные, они всем народам внушили нелюбовь к Англии, доходящую до презрения, так что скромному и живо чувствующему человеку стыдно признать себя англичанином. И все же именно в Англии можно натолкнуться на людей с благороднейшими в мире натурами, но они, как я в этом убедился, принадлежат исключительно к религиозной партии. Дон Карлос все еще, как затравленный тигр, сражается со своими противниками; хотя я и враг его принципов, но я поступил бы против истины, если бы отказал ему в храбрости и упорстве. За все дело Дон Карлоса его войска и офицеры льют свою кровь, как воду; но судьба его решена: сражение при Сан-Себастьяне, в котором англичане-легионеры, хотя пули косили их десятками, взяли штурмом почти неприступные высоты и обратили в бегство его лучшие войска, решило все дело. Здесь я должен заметить, что если бы пали все легионеры, это вряд ли огорчило бы кристинистов, за которых они дерутся, ибо говорят, впрочем, быть может, несколько преувеличивая, что с момента своего прибытия в Испанию они ведут себя самым постыдным образом, за исключением одного этого случая, жгут, грабят и пьянствуют, где бы они ни появлялись; желая доказать испанцам, что я не пьяница, я счел разумным совершенно отказаться от вина, хотя моему организму оно необходимо; дело в том, что здесь все убеждены, будто каждый англичанин трижды в день напивается допьяна.

Теперь Испания и испанцы нравятся мне больше, чем на первых порах. Зимой здесь страшно жить, стужа сильнейшая и никакой защиты от нее — ни печей, ни каминов; ничего, кроме таза с угольями, поставленного посредине комнаты, где дует немилосердно, а пол сложен из сырых холодных плит;

лето, которое еще не началось по-настоящему,— знойное до чрезвычайности, так как год в Испании метко очерчен в следующей пословице:

Nueve meses de invierno,
Tres meses de infierno *.

Испанцы — симпатичный народ, когда свыкаешься с ними; с иностранцами они на первых порах сдержанны и молчаливы, так как те не понимают их речь, но они достаточно разговорчивы с тем, кто объясняется на их языке, хотя в их словах заметна в общем большая слабость соображения. По моему мнению, худший их порок — это недостаток гостеприимства: в Испании можно прожить полвека, прежде чем тебя пригласят на обед. Я часто повторяю: «Люди, живущие близ Мансанареса, не обладают горячими сердцами обитателей невских берегов; я был гораздо счастливее, когда смотрел со стен Кремля на Воробьевы горы, чем теперь, глядя из дворца Филиппа на угрюмые вершины Гвадаррамы».

Если я когда-нибудь смеялся после отъезда из России, то это при чтении вашего рассказа о мнении, высказанном английской дамой по поводу вашего перевода очерков, вы смело могли бы сказать заранее, что похвала ее не принесет вам удовольствия и порицание не огорчит; пожалуй, оно оказалось самым высоким комплиментом, который могли бы заслужить ваши труды. В своем последнем письме вы ничего мне не сообщили об Очанде де ла Банда; мне очень хочется узнать что-нибудь о нем или от него, но я не знаю, куда писать; если увидите его, скажите ему, что я часто думаю о нем и от души желал бы, чтобы он был в Мадриде, куда одно время он подумывал отправиться, потому что здесь нет никого, чье общество было бы мне приятно, к кому бы я питал дружественную приязнь, кроме мавританского купца из Тетуана, с которым я иногда беседую по-арабски. Надеюсь, Греч здоров; я отдал бы пятьдесят долларов, чтобы увидеть его пристальный взгляд, устремленный на меня из-под огромных очков, создающих его достоинство, без которых он в отдаленной степени походил бы на прочих смертных; и я охотно отдал бы сотню, чтобы видеть ваше честное, красивое лицо и часами болтать с вами об Уленшпигеле и его потомках, но это время прошло; я боюсь, что никогда вас не увижу, но до последнего часа моей жизни я останусь,

мой самый дорогой друг,

вашим Д. Б.

Джону Гасфельду, эсквайру
Гг. Штиглиц и К°. Санкт Петербург. Россия

Многое в этом любопытном письме заслуживает самого пристального внимания и прежде всего указание на «автографы» Пушкина и Жуковского, полученные Борро в Мадриде из Петербурга. Добывая их,— и вероятно, не без труда, насколько мы можем судить об этом по приведенному письму,— Гасфельд, несомненно, выполнял просьбу своего друга. Зачем Борро нужны были эти автографы посреди тревог и неудобств его скитаний по испанским провинциям, бок-о-бок с разбойниками, цыганами и контрабандистами, когда он всюду таскал уже за собой контрабандные экземпляры запрещенной в католической Испании протестантской Библии, подвергаясь опасностям всякого рода? Не были ли эти автографы для него прежде всего теми реликвиями, которые (вместе с другими сувенирами) и на глухих дорогах и в трактирах Испании должны были напоминать ему о связях с милой для его сердца Россией и с русской литературой, которую он узнал и полюбил в Петербурге?

В одном из писем к Гасфельду (от 20 ноября 1838 г.) Борро пишет: «Вы спрашиваете, храню ли я ваш прощальный подарок? Так вот, в эту самую минуту я сжимаю его в левой руке, и много раз на песчаных равнинах Ла-

* Девять месяцев зимней стужи, да три месяца адской жары (*исп.*).

манчи и Кастилии, среди оливковых и апельсиновых рощ Андалусии, меж диких Астурийских гор и темных чащ вечно-зеленой Галисии, я смотрел на него, пока слезы не застилали мне глаза, ибо он напоминал мне о более счастливых временах и лучшей стране».

Удалось ли Борро сохранить эти автографы в течение ближайших скитальческих лет и в последующие годы, когда он вернулся в Англию, женился и некоторое время жил спокойно в своем имении Ультоне (Oulton, Suffolk), вспоминая пережитые приключения и готовясь к дальнейшим литературным трудам? Ответ на все эти вопросы мы находим в монографии Нэппа о Борро, где напечатаны выдержки из писем Гасфельда к Борро. Из этих писем явствует, что Гасфельд, по просьбе Борро, уже после отъезда последнего из Петербурга передал по экземпляру «Таргума» и «Талисмана» Пушкину и Жуковскому и что оба они отозвались на это короткими записками благодарности. Текст их Нэпп приводит в своей книге. Возможно, что еще в прощальный вечер в Петербурге 27 августа (8 сентября) 1835 г. Борро поручил Гасфельду вручить от своего имени Пушкину и Жуковскому изданные им в Петербурге книги. В письме (без даты), ответом на которое и служит напечатанное нами письмо Борро из Мадрида от 23 мая 1836 г., Гасфельд рассказывает, каким образом он добыл для своего друга автографические записки Пушкина и Жуковского.

Вот что писал Гасфельд:

«Вскоре после того, как я узнал, что Пушкин находится в городе, я навестил его и преподнес ему вашу книгу ⟨речь идет о «Таргуме» и «Талисмане», сохранившихся в библиотеке Пушкина в одном переплете⟩. Он принял ее с очевидным удовлетворением. Он очень сожалел, что не познакомился с вами, пока вы были здесь. Он спросил меня, переписываюсь ли я с вами, и, получив утвердительный ответ, просил выразить вам свою благодарность. Воспользовавшись удобным случаем, я мгновенно вытащил из своего кармана этот лист бумаги и просил его написать несколько слов, которые вы найдете ниже вместе с их хорошей копией не столь поэтической каллиграфии; в противном случае вам пришлось бы их долго изучать, прежде чем вы смогли бы расшифровать его каракули (crows' tracks)».

Далее Нэпп печатает текст записки Пушкина по-русски, сопровождая его транскрипцией латинскими литерами и дословным английским переводом. Не вполне ясно, принадлежит ли эта транскрипция Гасфельду (в указанном письме) или Нэппу, имевшему в руках подлинный автограф Пушкина, но сопоставление всех этих трех текстов — русского, латинской его транскрипции и английского перевода — не оставляет никакого сомнения в том, что записка Пушкина прочтена и воспроизведена безошибочно. Вот она:

«Александр Пушкин с глубочайшей благодарностию получил книгу Господина Борро и сердечно жалеет, что не имел чести и лично с ним познакомиться» [154].

Не может быть сомнения в том, что Гасфельд воспользовался своим визитом к Пушкину не только для того, чтобы вручить ему книги Борро, но и для того, чтобы рассказать Пушкину о своем друге. К сожалению, мы не знаем даты приведенного письма Гасфельда, и это затрудняет решение вопроса, когда Гасфельд побывал у Пушкина и каким числом следует датировать полученную им записку. Обратим внимание лишь на следующие обстоятельства. Борро, по-видимому, не мог сам отправиться к Пушкину, потому что вторая из выпущенных им книг — «Талисман» — имеет цензурное разрешение от 24 августа 1835 г. и, вероятно, еще не вышла в свет ко дню отъезда Борро из Петербурга (23 августа).

7 сентября того же года Пушкин уехал из Петербурга в Михайловское и Тригорское и вернулся в столицу не позднее 28 октября. Следовательно, и Гасфельд не мог выполнить поручение Борро ранее этого времени, о чем он и сообщает в своем письме: «вскоре после того как я узнал, что Пушкин находится в городе...» С другой стороны, Гасфельд не мог выполнить своего

поручения и после 8 апреля 1836 г., так как в этот день Пушкин уехал из Петербурга в Москву, а записка его, посланная Гасфельдом в Мадрид, пришла туда в конце апреля или начале мая.

Конец того же письма Гасфельда к Борро содержит в себе еще одно указание, которым необходимо воспользоваться. Гасфельд пишет: «Жуковский все еще в Царском селе и будет в городе не ранее, чем на будущей неделе. Я не премину вручить ему ваше дитя „Таргум", и если мне удастся побудить его написать несколько слов, то они послужат украшением моего следующего письма к вам». Таким образом, записка Пушкина была вложена в письмо Гасфельда к Борро еще до того времени, как ему удалось получить благодарственный отклик Жуковского. Поэтому Борро и говорит о *двух* письмах Гасфельда, содержавших автографы Пушкина и Жуковского. Первое из этих писем послано из Петербурга в Мадрид еще до того, как Жуковский возвратился из Царского села в столицу. К сожалению, эта дата неизвестна; мы знаем лишь, что в Петербурге Жуковский был в апреле 1836 г. Исходя из этих данных, я предложил бы датировать записку Пушкина приблизительно мартом 1836 г.; во всяком случае, она написана между октябрем 1835 г. и мартом 1836 года. Записка Жуковского к Борро, посланная в Мадрид Гасфельдом, также не датирована. Текст ее (по-русски) мы находим в той же книге Нэппа:

«Я с величайшей благодарностью получил вашу книгу и обещаю себе много удовольствия от ее чтения. Примите уверение в душевном моем почтении.

Жуковский»

«Таргум», как мы уже упоминали, сохранился среди книг Пушкина. Любопытно, что экземпляр книги, отправленный Жуковскому, также нашелся в библиотеке Жуковского [155]. Местонахождение оригиналов записок Пушкина и Жуковского в настоящее время неизвестно. Не оказалось их ни среди бумаг Нэппа, находящихся ныне в Америке, ни в той части архива Борро, которая хранится в Нориче [156].

Нэпп в своей книге, к сожалению, привел лишь выдержки из писем Гасфельда к Борро. Однако они заслуживают, безусловно, полной публикации, так как представляют собою своего рода дневник петербургской литературно-светской жизни 1830—1840-х годов. Несомненно, что в этом письме Гасфельда, при котором интересующие нас автографы Пушкина и Жуковского были посланы и ответом на которое служит письмо Борро, приведенное выше, рассказана была и вся история их получения.

С большой долей вероятности можно предположить, что посредником в деле получения этих автографов был Греч и что хлопоты его по этому поводу, по-видимому, происходили в первые месяцы 1836 г. Правда, Пушкин в это время относился к Гречу с явным недоверием и осторожностью: репутация Греча, не без веских оснований, считалась тогда в пушкинском кругу весьма сомнительной, вследствие открытой близости его к Булгарину и тайных связей с III Отделением.

Однако, несмотря на свое отношение к «воровской шайке» Булгарина и Греча, Пушкин сохранил с последним знакомство и мог при его посредничестве выполнить просьбу об автографе. Еще в начале 1834 г., т. е. в период жизни Борро в Петербурге, на квартире у Греча состоялось совещание о задуманном книгопродавцем Плюшаром издании русского энциклопедического лексикона. На совещании был и Пушкин, в числе многих других сколько-нибудь известных русских литераторов и ученых [157]. Не присутствовал ли на этом совещании и Борро в качестве безмолвного наблюдателя собравшегося здесь русского литературного и ученого мира? По воспоминаниям Бурнашева, Пушкин был у Греча и в 1836 г.

Об «Энциклопедическом лексиконе» Гасфельд с большой похвалой отзывался в своей петербургской (январской) корреспонденции в лондонский «Атенеум», где весьма лестные слова сказаны были также и по адресу Греча,

«автора лучшей грамматики русского языка, которому русские обязаны некоторыми прекраснейшими произведениями, написанными на этом языке» [158]. Впрочем, помимо Греча, поручение Борро — доставить «Таргум» Пушкину и Жуковскому и получить их письменные приветствия по этому поводу — могли выполнить и сам Гасфельд и другие лица из числа петербургских знакомых Борро, например, Иакинф Бичурин или барон П. Л. Шиллинг. О том и о другом Борро нередко спрашивал в письмах к Гасфельду.

Приведенное выше письмо Борро от 23 мая 1836 г. не единственное, в котором упоминается Пушкин. В последующих письмах к тому же корреспонденту имя Пушкина встречается еще несколько раз. Так, в письме из Мадрида от 15 февраля 1837 г., ничего не зная еще о дуэли и смерти Пушкина, Борро справлялся о нем у Гасфельда и просил вестей из столь милого его сердцу Петербурга. Все интересовало его здесь: придворные сплетни, литературные новинки, известия об общих знакомых и различных событиях городской жизни. «Мне хотелось бы, чтобы вы в письмах ко мне иногда сообщали различные русские новости, которые в высшей степени интересуют меня,— писал Борро.— Как поживает благородный император? *Чем ныне занят Пушкин*? Что Греч и Потте? Закончен ли Исаакиевский собор или подходит к концу? Выступила ли нынче Нева из своих берегов и произвела ли свои обычные опустошения?»

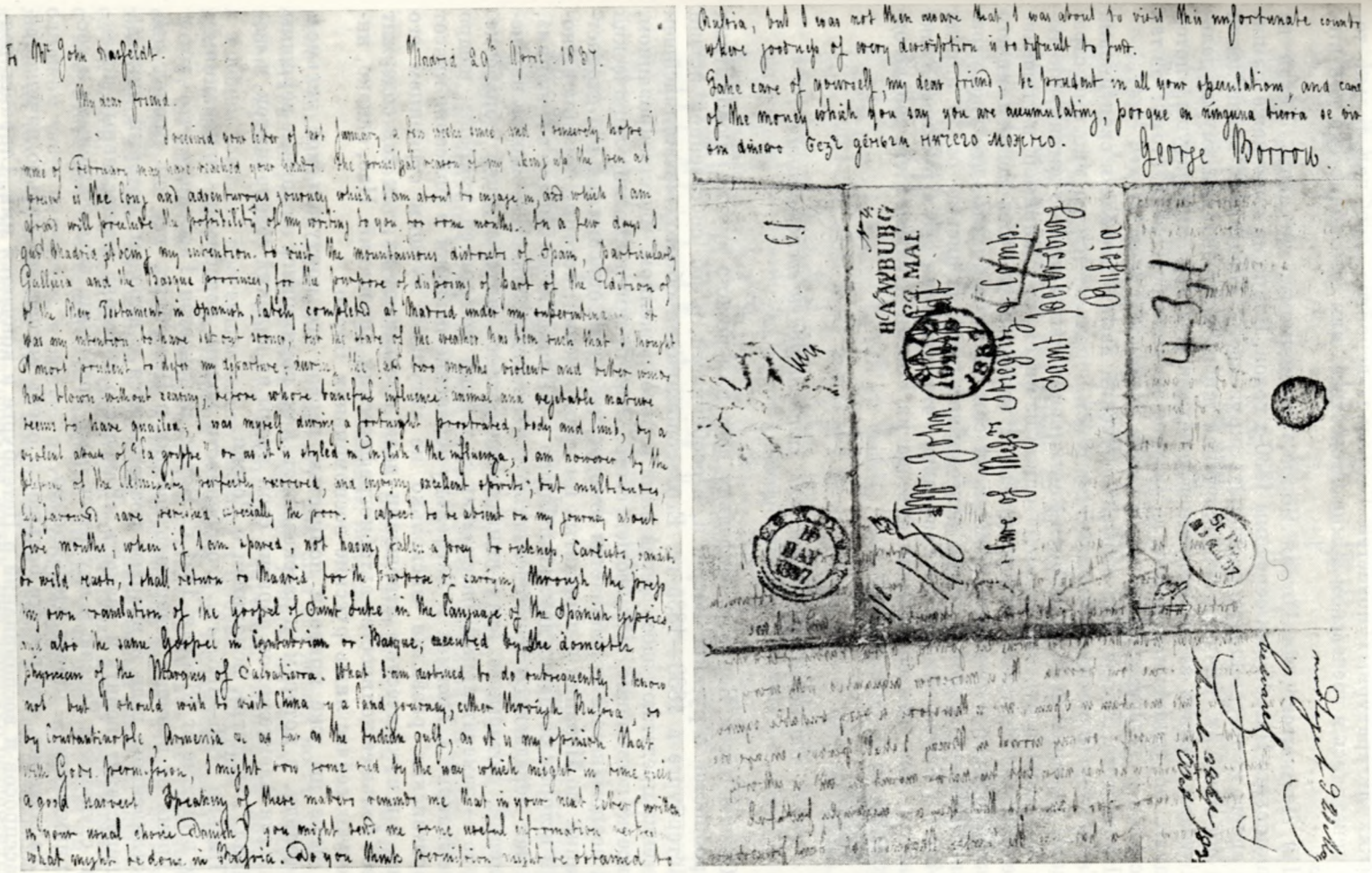
Когда это письмо дошло до Петербурга, Пушкин давно уже был мертв, но городская молва все еще шумела по поводу различных загадочных обстоятельств его дуэли. Гасфельд не мог не сообщить об этом в одном из писем к своему другу. Однако до Борро весть о гибели Пушкина дошла с большим опозданием: он говорит об этом лишь в письме к Гасфельду от 20 ноября 1838 г. Письмо это послано из Лондона, куда Борро прибыл ненадолго из Испании по делам Библейского общества и откуда он вскоре должен был возвратиться в Испанию.

В указанном большом письме Борро рассказывает, что весь прошедший год он провел в странствованиях верхом по Старой и Новой Кастилии, что, заехав на мыс Финистерре, он был арестован в качестве карлистского шпиона и едва избежал казни.

«Я приехал в Лондон лишь несколько дней назад, предварительно пробравшись через Пиренеи... *С печалью услышал я о смерти Пушкина. Поистине это потеря не только для России, но и для всего мира*». Остается неясным, откуда узнал Борро о смерти Пушкина — из письма ли Гасфельда, или из сообщений лондонских газет — [159], но искренность выраженной Борро печали по этому поводу не подлежит сомнению, как и его высокая оценка русского поэта. Мировое значение Пушкина предвидели в то время лишь очень немногие из его западных читателей.

В последующих письмах Борро к Гасфельду имя Пушкина встречается еще дважды, и оба раза в таком контексте, который действительно убеждает в искренности высказанных им ранее сожалений о гибели поэта. Так, в письме из Ультона (от 18 июля 1841 г.) Борро напоминает Гасфельду, что его по-прежнему интересует современная русская литература: «Когда будете мне писать, не забудьте о положении литературы в России; нашелся ли кто-нибудь, чтобы заменить бедного Пушкина? Думаю, что нет: такие люди не появляются в каждом году...»

Исполнял ли Гасфельд просьбы Борро? Сообщал ли ему в своих длиннейших посланиях новости русской литературной жизни? Вероятно, сообщал, по мере своего разумения и осведомленности, но он едва ли являлся знатоком современной ему русской литературы и, вероятно, не в состоянии был дать о ней действительно правдивый отчет. У него самого были постоянно какие-то литературные планы, которые, однако, не осуществлялись. То он собирался, как мы видели, переводить на английский язык русские «Очерки Константинополя» К. Базили, предполагая их интересными для английского читателя, то замышлял помещение своих статей в лондонских журналах, почему-то под чужим именем, за что выслушал длинную отповедь



To Mr John Hasfeldt. Madrid 29th April 1837.

My dear friend.

I received your letter of last January a few weeks since, and I sincerely hope mine of February may have reached your hands. The principal reason of my delay up to the present is the long and adventurous journey which I am about to engage in, and which I am afraid will preclude the possibility of my writing to you for some months. In a few days I quit Madrid proceeding my intention to visit the mountainous districts of Spain, particularly Gallicia and the Basque provinces, for the purpose of disposing of part of the Edition of the New Testament in Spanish, lately completed at Madrid under my superintendence. It was my intention to leave it out sooner, but the state of the weather has been such that I thought it most prudent to defer my departure during the last two months violent and bitter winds had blown without ceasing, before whose baneful influence animal and vegetable nature seems to have quailed. I was myself among a fortnight prostrated, body and limb, by a violent attack of "la grippe" or as it is styled in English "the influenza," I am however by the blessing of the Almighty perfectly recovered, and enjoying excellent spirits; but multitudes, unfortunately have perished especially the poor. I expect to be absent on my journey about five months, when if I am spared, not having fallen a prey to rockets, Carlists, snakes, or wild cats, I shall return to Madrid for the purpose of carrying through the press my new translation of the Gospel of Saint Luke in the Language of the Spanish Gypsies, and also the same Gospel in Gallician or Basque, executed by the domestic physician of the Marquis of Salvatierra. What I am destined to do subsequently I know not but I should wish to visit China by a land journey, either through Russia, or by Constantinople, Armenia &c as far as the Indian gulf, as it is my opinion that with Gods permission, I might even come out by the way which might in time yield a good harvest. Speaking of these matters reminds me that in your next letter (write in your usual choice Dutch) you might send me some useful information respecting what might be done in Russia. Do you think permission might be obtained to

Gallicia, but I was not there aware that I was about to visit this unfortunate country where footing of every description is so difficult to find.

Take care of yourself, my dear friend, be prudent in all your speculations, and care of the money which you say you are accumulating, porque en ninguna tierra se vive sin dinero. Без денег ничего можно.

George Borrow.

HAMBURG PACKET MAIL

Hasfeldt

Saint Petersburg

Russia

15 MAY 1837

ПИСЬМО ДЖ. БОРРО К ГАСФЕЛЬДУ, 29 АПРЕЛЯ 1837

Публичная библиотека, Ленинград

Борро в его письме от 30 августа 1841 г.; но все эти планы завершались в конце концов сочинением русских пособий по английскому языку. Из русских литературных новостей Гасфельд, вероятно, сообщал только то, что печаталось в гречевском «Сыне Отечества», или в «Библиотеке для чтения».

Ни Лермонтова, ни Гоголя Борро, по-видимому, не знал. Уехав из пушкинского Петербурга середины 1830-х годов, Борро не смог даже из писем своего корреспондента расширить круг своих тогдашних впечатлений или обновить их. Сначала скитальческая жизнь не позволяла ему из дальних краев следить за движением и успехами русской литературы, потом оседлая, но уединенная жизнь в Ультоне не способствовала этому: он так и остался с литературными горизонтами гостиной Греча.

Кроме того, Борро стал забывать русский язык. Сначала в свои письма к Гасфельду (в которых английский текст перемежается со многими страницами, писанными на чистейшем кастильском языке или по-датски) он любил вставлять и русские фразы; в одном из писем, он, например, в утешение своему петербургскому другу приводит «поговорку»: «без деньги ничего можно»; однако с течением времени он сам начал понимать, что уже утрачивает чувство живой русской разговорной речи. В письме от 30 апреля ⟨1840? г.⟩ Борро признается Гасфельду, что познания его в русском языке ослабели, «так как со времени отъезда из России я слышал его только однажды, и то из уст поляка».

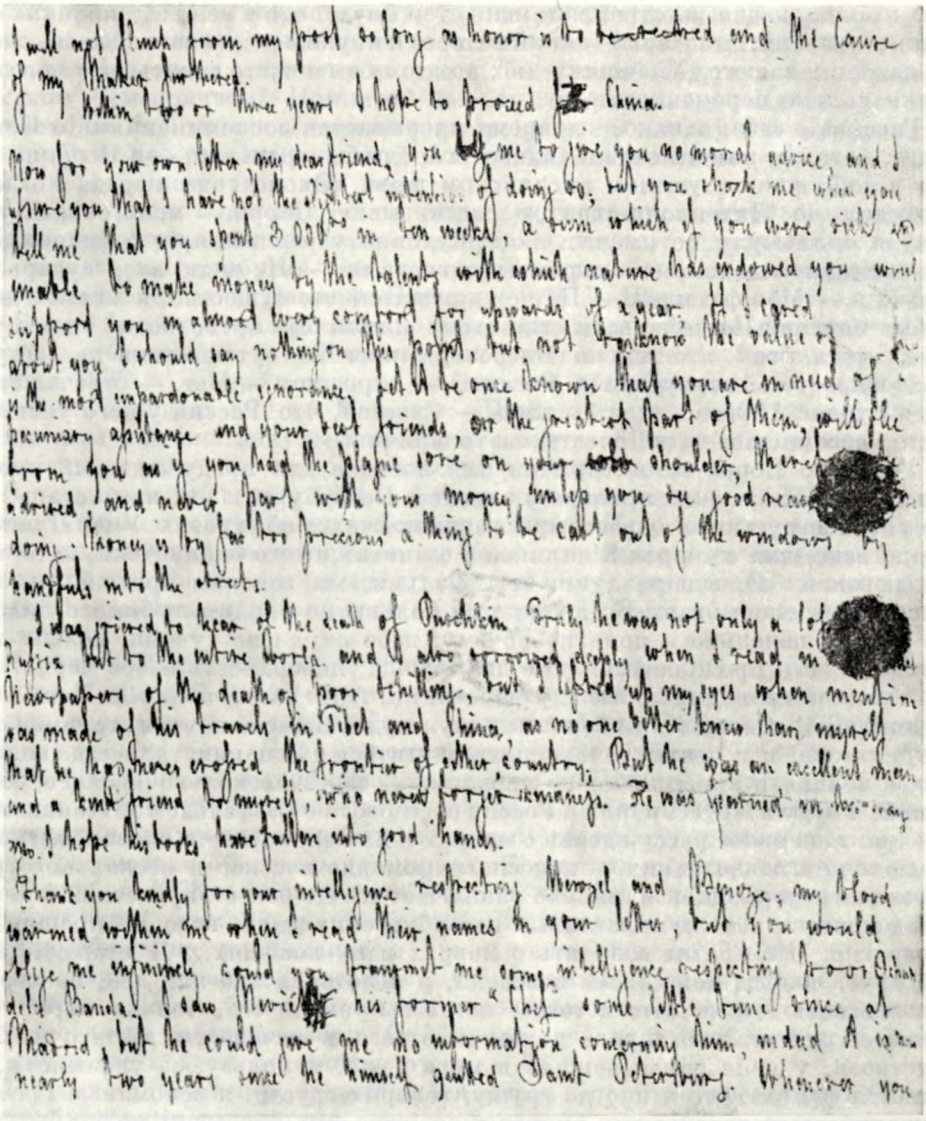
8. Отзывы Борро о русской литературе и воспоминания о петербургских друзьях

Связка писем Борро к Гасфельду дает нам немало других любопытных подробностей о русской жизни и, в особенности, о его собственной жизни в Петербурге в 1833—1835 гг. Его воспоминания об этом «счастливейшем времени» предстают здесь перед нами в преображенном, идеализированном, но все же постепенно тускнеющем свете. Этот преимущественно лирический ряд воспоминаний перебивается юмористическими описаниями его странствований по Испании и пережитых им приключений, которые поясняют многое в истории создания двух книг Борро — «Цинкали» и «Библии в Испании», так как передают со всею свежестью и непосредственностью многие из впечатлений, которые в этих книгах подверглись литературной обработке. Борро — замечательный рассказчик и тонкий живописец природы; щедро рассыпанные в письмах к Гасфельду испанские пейзажи и описания красот мавританских развалин нисколько не уступают лучшим страницам его книг, а в историческом отношении даже превышают их, так как содержат в себе большее количество автобиографических признаний. Нас, однако, интересуют сейчас лишь русские воспоминания Борро.

Выше мы уже привели полностью первое его португальское письмо к Гасфельду, в котором он рассказывает, как, поднявшись на горные вершины из долин Алемтежо, он обратил свои взоры на далекий северо-восток и «заплакал, как дитя», вспоминая о России.

Письма 1836—1837 гг. в особенности полны подобными признаниями. Еще в письме от 18 июля 1841 г. Борро признается Гасфельду, что хотел бы время от времени совершать поездки в Петербург, где он провел два счастливейших года и впервые познакомился с народом, который никогда не перестанет любить и уважать. «Как часто повторял я тщеславным испанцам: ступайте в Россию и научитесь быть храбрыми, великодушными и гостеприимными»,— пишет здесь Борро.

Характерно, что все это большое и очень интересное письмо начинается с расспросов и воспоминаний о Петербурге и кончается ими. Стараясь вознаградить своего друга за долгое молчание, Борро подробно повествует здесь о том, какие события произошли в его жизни со времени их последнего об-



ПИСЬМО ДЖ. БОРРО К ГАСФЕЛЬДУ С УПОМИНАНИЕМ О СМЕРТИ ПУШКИНА, БЕЗ ДАТЫ
Публичная библиотека, Ленинград

мена письмами; он подробно описывает, как шла его жизнь после того как он оставил службу в Библейском обществе. Теперь он женат и «сделал это не опрометчиво»: «У нас есть некоторый, впрочем, умеренный доход, и я в общем доволен; протекшие шесть месяцев я провел в Лондоне, где издал книгу в двух томах под заголовком „Цинкали, или Испанские цыгане“».

Вот он и в Ултоне — «в самом красивом коттедже в Англии; перед домом — озеро, позади — лес, и все это на нашей собственной земле. У меня есть чистокровная лошадь, купленная в Испании, и привезенный мной из Берберии слуга-еврей, чьи обязанности сводятся к содействию моему ознакомлению с мавританским и с испанским языками. Когда туча омрачает мой ум, что слишком часто случается, я сажусь на своего берберийского коня и скачу галопом до тех пор, пока оба мы не покрываемся пеной, а затем сваливаюсь и засыпаю. Но мне не совсем подходит эта жизнь: она чересчур бездеятельна, так как по соседству нет общества, которое было бы мне симпатично. Правда, наше поместье это — рай, но оно слишком печально и уединенно; одиноче-

ство нынче ужасно расстраивает меня, тем более, что у меня нет никаких особенных занятий; я потерял всякий интерес к науке и редко заглядываю в книгу, даже и в вашего „Уленшпигеля"; по этому вы можете судить, что мои привычки сильно переменились...».

Рассказ о себе, однако, все время прерывается воспоминаниями о Петербурге, которые никогда не покидают его, где бы он ни жил — в Испании ли, или в собственном уютном английском доме. «Около года назад, когда я проходил по Лиденхолл-стрит,— рассказывает Борро,— меня схватили за руку и окликнули по имени; я обернулся и узрел обширную физиономию с устремленными на меня огромными глазами. — Не знаю вас, сударь, — сказал я.— Моя фамилия — Потте,— ответило это существо, и в самом деле, то был могучий Потте во всем своем величии; он был превосходно одет и уведомил меня о том, что только что возвратился из путешествия по свету.— Вы собираетесь вернуться в Россию? — спросил я.— Нет, — отвечал он,— вот в Буэнос-Айресе я стал бы жить.— Сдается, что Россия у него уязвимое место; несомненно, у него есть на то причины».

У самого Борро таких причин или поводов для предубеждений против России не было; его по-прежнему влекло в Петербург, и он, как встарь, интересовался русскими новостями и горько сожалел об утратах. Умер Пушкин; Борро вспомнил о смерти Шиллинга и о книгах из его библиотеки, которыми пользовался. «О, эти разлуки, эти разлуки; мы говорим прощай, надеясь встретиться снова, и никогда, никогда больше не увидим любимого лица,— это письмо печально и понятно почему; небо омрачено тучами, дождь льет потоками, так продолжается уже два месяца; поверхность озера черна, как чернила, ветер вздыхает между деревьями. Ajib hassik a Hayim Ben Attar am ragil agaib. Свету, Хаим бен Аттар, муж чуда! На моей памяти это самая сумрачная пора, и я почти желаю снова очутиться в Испании, где всегда видишь яркое солнце и синее небо; но терпение — через несколько месяцев, быть может, я буду в Пруссии, или в России беседовать с Гасфельдом датчанином...» Следует маленькое рассуждение о маврах и их конях, по его словам, несколько похожих на козацких,— как слегка юмористическое и несколько отрезвляющее интермеццо, и письмо заключается еще более лирической концовкой на тему о тех же счастливых петербургских днях, которые прошли невозвратно: «Но хватит говорить о маврах и их лошадях... Я старею, дорогой друг, волосы мои совсем поседели, и я потерял зуб или два, но сердце мое осталось тем же, что и тогда, когда вы узнали его, только порой оно сильнее грустит, хотя я едва понимаю, отчего я печален; я достаточно благоустроен, у меня самая нежная в мире жена, я пользуюсь уважением, но остается фактом, что я иногда грущу; говоря о грусти, я вспоминаю Греча... Пожалуйста, передайте ему привет и скажите ему, что очень может быть, он в один прекрасный вечер снова увидит меня у себя в гостиной, где я буду выглядеть, как хранилище невыразимых мыслей, и молчать. Гостиная! Может быть, ни гостиной, ни хозяина больше нет! Когда вы напишете, что́ умоляю вас сделать поскорее, сообщите, кто из моих санкт-петербургских знакомых умер и кто остался в живых; вы говорите, что бедняга мой старый врач совершенно ослеп; какое несчастье! О, какое несчастье! Пожалуйста, навещайте его почаще и скажите ему, что я о нем думаю и благодарен за его доброту в прошлом. Постарайтесь передать поклон от меня старому Ханцелю; он грубый старикан, но прекрасная душа, много славных обедов он дал мне и своему сыну Каледону; я опасался, что он прогонит повесу,— может быть, так и случилось. Что старый Липовцев? А мой типограф Бенеце? При мысли о тех временах, глаза мои наполняются влагой. Соберите все эти сведения и пришлите мне, ибо сердце мое томится по всему, что связано с Санкт-Петербургом. Я написал вам длинное разбросанное письмо, о чем вы просили, на тонкой бумаге, о чем вы просили тоже. Да благословит вас господь и ниспошлет вам процветание и мудрость вплоть до дня спасения!

Джордж Борро»

30 апреля 1841 г. Борро пишет, что, по его убеждению, Петербург «представляет собою замечательное место, полное замечательных людей», и спрашивает: «Что стало с трактиром, где я, бывало, обедал, и с его хозяином Семеном Семеновичем? Помните, как он говорил мне — «Ничего не дал» (Nichevo né dal), когда я спрашивал его, дали ли вы ему что-нибудь за то, что он учит вас русскому языку? Ах, то были счастливые времена; более счастливых я не знал с тех пор».

Сквозь ряды подобных чисто лирических припоминаний пробиваются и более определенные портреты исторических лиц, которых довелось ему видеть и знать в Петербурге. Это, в первую очередь, мир востоковедов. Всего чаще вспоминает он об Иакинфе Бичурине и П. Л. Шиллинге. Нужно думать, что Борро был отчасти посвящен в биографию Иакинфа, по крайней мере, в историю его отношений к Шиллингу; в одном из писем к Гасфельду (от 20 декабря 1838 г.) Борро сетует на то, что его петербургский корреспондент ничего не сообщает ему об Иакинфе: «Вышла ли из печати его китайская грамматика или она канула в вечность с бедным Шиллингом, который оказывал такое сердечное покровительство ученому монаху?»

В письме от 30 августа 1841 г. Борро опять вспоминает об Иакинфе: «Не думаю, чтобы его обучили английскому языку; он брал уроки у меня самого, но не сделал успехов; интересно, в каком приключении потерял он два передних зуба. Он должен раздобыть другую пару, прежде чем сумеет произнести "thistle-thwaite". Помнит ли меня чародей? Я был бы очень рад иметь его книгу».

Наряду с Иакинфом Борро упоминает также еще одного русского синолога: «А Крымский все ли еще в Кяхте поучает чиновников китайскому языку или вернулся в Петербург?» — спрашивает он Гасфельда (20 декабря 1838 г.) и замечает: «Я познакомил испанскую публику с обоими» [160].

Много говорит он в своих письмах также о Шиллинге. За год до приезда Борро в Петербург Шиллинг вернулся из Монголии, куда ездил с дипломатическими поручениями, и был желанным гостем столичных гостиных со своими рассказами о виденных им краях. Борро дал ему справедливую оценку. 20 ноября 1838 г. он писал из Лондона, что был «сильно огорчен, прочтя во французских газетах о смерти бедняги Шиллинга, но возвел глаза к небу, натолкнувшись на упоминание о его путешествии по Тибету и Китаю, так как никто лучше меня не знает, что он никогда не переступал границ этих стран. Но он был прекрасным человеком и добрым другом для меня, а я никогда не забываю добра. Он был на свой лад ученым, и я надеюсь, что книги его попали в хорошие руки...» [161]

Дальневосточный мир, открывшийся перед Борро во время дружбы его с петербургскими синологами, некоторое время продолжал сохранять для него свою притягательную силу; еще в 1838 г., возвращаясь вновь в Испанию из Лондона, куда он приезжал ненадолго, Борро писал Гасфельду (20 декабря): «Если бы небесам было угодно, чтобы путь мой лежал в императорский Петербург вместо столицы Пиренейского полуострова! Но судьба, как всем очень хорошо известно, редко согласуется с людскими желаниями; однако я твердо намереваюсь, если останусь невредим, как только свершу в Испании все, что в моих силах, и проторю дорогу для других, обратить свое нераздельное внимание к северо-востоку, где мы, может быть, встретимся опять; словом, я хочу вернуться в Россию, откуда, изучив в год-два монгольский и китайский языки в Санкт-Петербурге или Москве, я двинусь в самую даль Скифии, может быть, даже к „Великой стене", под сенью которой я не отказался бы провести остающиеся годы моей жизни, среди бродячих пастухов и охотников, беседуя с ламами и шаманами...».

Этим мечтам не суждено было сбыться. Жизнь Борро пошла по другому пути, и его стремления и в Петербург, и к «Великой стене» становились все глуше. В поздних письмах его к Гасфельду лишь изредка мелькнет какое-нибудь русское имя, встанет в памяти какое-нибудь случайное русское воспоминание — о Грече [162], о мальчике-татарине Махмуде, который при-

служивал ему в Петербурге, но они уже быстро гаснут среди рассказов о новых впечатлениях и замыслах его по-прежнему беспокойной, мятущейся жизни.

Во многих письмах к Гасфельду конца 30-х — начала 40-х годов Борро все еще вспоминает людей, с которыми он сблизился в Петербурге. Так, в письме от 20 декабря 1838 г. он просит Гасфельда: «Пожалуйста, напишите в своем ближайшем письме что-нибудь о бедняге, старике Добеле (Dobell), главное — занимает ли он еще должность консула; я по многим причинам люблю его и уважаю — он высказал мне столько добра и внимания во время моего пребывания в Санкт-Петербурге, а я не из тех людей, которые это забывают». Речь идет здесь о весьма колоритной фигуре петербургского общества среднего класса, Петре Васильевиче Добеле и его жене — Дарье Андреевне. Авантюристическая биография Добеля имела общие черты с жизнью «пешеходного странствователя» Кокрена, а отчасти и самого Борро: все они были путешественниками, то поневоле, то по личным склонностям; все они испытали множество приключений во время своих странствований по нескольким континентам. Но, быть может, Добель был из них наиболее злополучным. Родом ирландец, Добель прибыл в Петропавловский порт на Камчатке из Северной Америки и прожил здесь до февраля 1813 г., занимаясь торговыми делами. Обстоятельства его сложились так, что он счел возможным несколько лет спустя воспользоваться приглашением и вступить на русскую службу. В 1818 г. Добель получил чин надворного советника и был назначен русским генеральным консулом на Филиппинских островах в Тихом океане, принадлежавших в то время Испании. Однако, по словам его биографа, испанское правительство «отказалось признать его в звании консула под тем предлогом, что в колониях его вообще иностранные консулы не допускаются, но обещало оказывать возможное содействие как частному лицу, подданному дружественной державы. Добель в то время вступил уже в русское подданство и записался в купцы 2-й гильдии. В конце 1818 г. Добель возвратился на Камчатку». Дальнейшая его жизнь была целой цепью злоключений и неудач. Торговые его операции в Сибири и Китае кончились полным разорением; в 1828 г. он вернулся в Петербург и узнал здесь, к своей горечи, что «даже его консульское жалованье, которое получал вместо него один знакомый, подверглось описи и погибло для него в имуществе последнего...» [163] Словом, разорение было полное, почему Борро называет его «беднягой». «Я застал Добеля в Петербурге в плохих делах, он устарел, денег нет и ничего впереди»,— вспоминает о нем в своих «Записках» Э. И. Стогов, кстати рассказывающий здесь же романтическую историю женитьбы П. В. Добеля проездом в Петербург на крепостной девушке Тобольского полицмейстера, у которого он купил ее за десять тысяч рублей. «Дашутка», ставшая Дарьей Андреевной, была красавицей, удивительно похожей на его покойную жену; Добель дал ей прекрасное воспитание на Филиппинских островах; по-испански и по-английски она говорила отлично, но ее русский язык был грубоват и полон сибирских диалектизмов [164]. Петр Васильевич со своей красавицей-женой посещал четверги у Н. И. Греча, где с ними, несомненно, и познакомился Борро. В известных «Воспоминаниях петербургского старожила» В. П. Бурнашева в рассказе о «четвергах» Греча есть весьма занимательно написанный эпизод о появлявшейся на этих «четвергах» чете Добелей. «Из числа частых посетителей Греча по четвергам можно было еще заметить величественно олимпийскую фигуру свежего и геркулесовски сложенного джентльмена с седыми, совершенно снежными локонами. То был некто Добель...» [165]. Записки В. П. Бурнашева пользуются дурной славой; в них много вымысла. Ошибается автор, говоря, что Добель был «родом англичанин, долго живший в Архангельской губернии, и изъездивший даже самые северные части ее, между прочим, на собаках» (все это вымысел: речь могла идти только о Камчатке); «в тридцатых годах он издал на русском языке довольно любопытное, но страшно разгонисто напечатанное описание этого путешествия, снабженное множеством прекра-

сивых иллюминированных рисунков. Величественный, седовласый путешественник, порядочно владея русским языком, бывало, рассказывал прелюбопытные случаи и передавал преоригинальные подробности из своих воспоминаний о различных своих путешествиях. Когда, бывало, он заговорит скромно, тихо, мягко, плавно, около него всегда сформируется кружок, и надобно сказать правду, все слушали его с истинным удовольствием и любовью». Столь же фантастичны сведения о жене Добеля, о которой Бурнашев рассказывает совершенные небылицы («г-жа Добель, красавица собою, рослая, ширококостная, белая, розовая <...> была дочь какого-то архангельского деревенского дьячка, осиротевшая и взятая на воспитание Добелем, который ездил с нею, имея ее при себе в виде юнги, по морям Белому, Северному, Немецкому, отвозил ее на время к себе в Англию, образовал, по-своему, на свой манер, и женился на ней, записав на ее имя капитал в 10.000 фунтов стерлингов»).

Вероятно, с помощью Греча П. Добель пытался поправить свои материальные дела, довольно энергично занимаясь литературной деятельностью. Еще в «Сыне Отечества» в 1815—1816 гг. были опубликованы его записки о путешествиях по Камчатке и Сибири, обратившие на себя внимание В. К. Кюхельбекера [166]. На английском языке его «Travels in Kamtschatka and Siberia» были изданы в Лондоне в 1830 г.— перевод на русский язык только второй части был сделан А. Дж<унковским> под заглавием «Путешествие и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и индокитайском архипелаге»; об этой книге сочувственную рецензию поместил в «Московском телеграфе» 1833 г. Иакинф Бичурин, также, несомненно, лично знавший Добеля [167]. В том же 1833 г. П. Добель издал в Лондоне названную нами выше небольшую книгу «Россия как она есть, а не так, как ее себе представляют» (P. Dobell. Russia as it is, and not as it has been represented. London, 1833), в которой этот неудачник и горемыка, несмотря на все свои несчастья, написал добрые слова о стране, которая стала его второй родиной и где он умер двадцать лет спустя (1855).

В письме из Норича 24 мая 1843 г. Борро пишет Гасфельду, что работает над своей книгой «Lavengro» и что во втором томе он намерен «вывести вас самого <Гасфельда>, Греча, Шиллинга и многих других, не забывая и Махмуда и Крымского»; ему хотелось бы еще раз пожить в Москве месяца два-три, чтобы пополнить свое знакомство с русской жизнью. «Не думайте, что я хочу написать книгу о путешествии в Россию,— прибавляет он, чувствуя видимое недоверие к этому литературному роду,— я напишу эпическую поэму в прозе».

В том же письме Борро наше внимание должен привлечь еще один эпизод. Борро спрашивает Гасфельда, что он может сказать по поводу некоего «Thomas B. Shaw, B. A. of Cambridge, Adjunct Professor of English Literature in the Imperial Lyceum of Tsarskoe Selo» и что думает он об этом странном титуле, который встретился ему в заглавии одного перевода с русского языка в журнале «Blackwood's Magazine». В дальнейших иронических словах Борро чувствуется не только недоверие, но и глухая враждебность к этому новому для него лицу, новоиспеченному переводчику с русского, который, между прочим, осмелился заявить, что Джон Бауринг был его «совершенно неосведомленным предшественником» на том же поприще (was quite incompetent to translate from the Russian). «Кто бы мог быть этим выдающимся талантом?» — спрашивает Борро.

Мы не знаем, что ему отвечал Гасфельд, но хорошо знаем лицо, о котором шла речь. Это был Томас Шоу (Shaw), состоявший в то время лектором английского языка в Александровском лицее и одним из редакторов «С.-Петербургского английского обозрения».

В 1843 г. Шоу напечатал в «Blackwood's Magazine» свой перевод «Аммалат Бека» Марлинского, который Борро и имел в виду; в следующем году Шоу отдельным изданием выпустил свой перевод романа Лажечникова «Басурман», в 1845 г. в том же журнале поместил свои известные переводы из

Пушкина, предпослав им большую биографическую статью о русском поэте, которая обратила на себя внимание и в Англии, и в Америке и долгое время заслуженно считалась одной из лучших характеристик Пушкина на английском языке [168].

Иронические вопросы Борро о Томасе Шоу в письме к Гасфельду заданы за два года до появления этой статьи и сопровождающих ее переводов. Мы не знаем, читал ли их Борро впоследствии и как определилось в конце концов его мнение об этом английском интерпретаторе русской поэзии, над которым он иронизировал. Каково бы ни было это мнение, ясно одно: если Борро и воздал должное качеству стихотворных переводов Шоу из Пушкина и, может быть, признал превосходство их над собственными, успех этих переводов нового «петербургского англичанина» должен был возбудить в нем чувство ревности и некоторой досады, которые чувствуются уже и в его отзыве о Шоу в 1843 г. Борро больше не мог считать себя ни пионером в открытии Пушкина для английских читателей, ни, тем более, компетентным судьей в оценке русской литературы вообще; тем самым его русские интересы и переводы как бы отодвинулись в прошлое: его место ценителя и интерпретатора русской поэзии было уже замещено.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Английские путешествия этого времени на Ближний Восток составляют особый цикл, оказавший влияние и на повествовательную литературу этой поры, см. работы: Wallace C. B r o w n. The popularity of English travel-books about the Near East, 1775—1825.— «Philological Quarterly», 1936, v. XV, p. 70—80; e г о ж е. Prose fiction and English interest in the Near East, 1775—1825.— «Publications of the Modern Language Association of America», 1938, v. LIII, N 3, p. 826—836.

[2] Ив. Г о л о в и н. Путешественник нашего времени.— «Сын Отечества», 1838, т. V, сентябрь-октябрь, отд. I, с. 69. Ср.: «Английские туристы».— «Отечественные записки», 1839, т. V, № 9, отд. VIII, с. 99—108. Слово «турист» было еще мало известно в России в начале 30-х годов. В «Литературной газете» (1831, т. III, № 24, с. 190) в редакционном примечании ему дается следующее пояснение: «Так англичане называют своих соотечественников, кочующих по Европе от праздности или для разогнания сплина». В русском справочнике об этом слове говорилось: «Англичанин, путешествующий вокруг света» («Карманная книжка для любителей чтения русских книг, газет и журналов. Сост. Иван Ре...ф...ц» ⟨Ренофанц⟩. СПб., 1837, с. 258). См. также сопоставления английских и русских туристов в статье: Н. Л и в е н с к и й ⟨Н. А. Мельгунов⟩. Туристы вообще и особенно русские (Письмо в редакцию из-за границы).— «Отечественные записки», 1859, т. 123, март, отд. VI, с. 1—11.

[3] См. также в гл. III, прим. 134—138.

[4] «Русский архив», 1901, № 6, с. 171—175. См. выше, гл. III.

[5] «Русский архив», 1902, № 1, с. 47. В письме от 1 декабря 1821 г. тот же Я. А. Булгаков писал брату из Москвы: «Здесь есть два вояжера, англичане, приехавшие из Индии через Персию. Один полковник, а другой в службе Ост-Индской компании. Не знаю их имен; первый говорит по-французски. Они были во вторник в собрании. Я, яко дежурный директор, ими занялся, и все им показывал...» Неделю спустя (в письме от 6 декабря) снова идет речь об одном из этих вояжеров и сообщается его имя: «Полковник Doyle завтра ужинает у меня. Человек приятный, был военным секретарем у губернатора Индии, Гастингса. Какое богатство там у англичан!» (там же, 1901, № 2, с. 301, 303). Ср. анекдотический рассказ, очевидно, циркулировавший в Лондоне, о некоем англичанине Кингтоне, явившемся в Петербург в 1815 г. и по незнанию ни одного языка, кроме собственного, испытавшего здесь разнообразные приключения: «The reminiscences and recollections of Captain Gronow», t. II. London, 1900, p. 260.— «An Englishman's Visit to St. Petersburg in 1815». Ср. замстку: «Зимнее время в Москве 1815 года» («Сын Отечества», 1815, № 8, с. 92), где отмечено, что путешественники, здесь находящиеся, «большею частью англичане».

[6] «Сын Отечества», 1902, № 1, с. 57.

[7] «Сын Отечества», 1836, ч. 176, № 11, с. 459 (свидетельство относится к 1836 г.).

[8] В 1813 г. в Петербург приехала в свадебное путешествие молодая чета англичан — лорд Литтлтон с женой. Их рассказы об этой поездке и письма из России напечатаны в кн.: «Correspondence of Sarah Spencer, Lady Littleton», London, 1913. «Несколько странным казалось, что путешественники выбрали для своей поездки столь неудобную, особенно зимой, страну, как Россия, вместо того чтобы ехать, как это было везде принято, куда-нибудь в Италию или Францию. Но и это недоумение скоро рассеялось, когда сообразили, что в это время нигде, кроме России, путешествовать было нельзя, вся Европа ощетинилась штыками, везде двигались, отступая и наступая, войска, кое-где время от времени разыгрывались битвы, в которых звезда Наполеона все более и более клонилась к своему

закату... Сравнительно спокоен был только север Европы» (А. Белов. Иностранцы о России.— «Исторический вестник», 1914, № 11, с. 615).

[9] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I, Пг., 1921, с. 24.

[10] «Английские туристы».— «Отечественные записки»; 1839, т. V, № 9, отд. VIII, с. 100—101: «Жизнь в больших городах Англии, особенно в Лондоне, становится день ото дня тягостнее, и многие семейства не находят более возможности уравновешивать свои доходы с расходами, если хотят жить сообразно своему состоянию. Возьмите в соображение множество слуг, издержки на стол, на лошадей и экипажи, хвастливую надменность высших классов, их невнимательность к хозяйству; все это, вместе со многими другими причинами, до крайности изнуряет английское дворянство. Вот почему многие обитатели Лондона и Эдимборга переселяются в Париж, Неаполь или Флоренцию, желая лучше там жить в довольстве, если не в изобилии, нежели нищенствовать в Великобритании».

[11] Это утверждение О. И. Сенковского находится в его известной статье «Брамбеус и юная словесность».— «Библиотека для чтения», 1834, т. III, № 4, отд. 1, с. 53. «Англичане ездят из экономии, а не для путешествия»,— утверждал со своей стороны И. Головин, и спрашивал при этом: «Для чего же ездят русские? Для удивления восточною роскошью, не всегда чувствуя, что нерасчетливость часто награждается одними насмешками» (И. Головин. Путешественник нашего времени.— «Сын Отечества», 1838, т. V, ч. 1, № 9, отд. 1, с. 70).

[12] C. L. Johnstone. The British Colony in Russia. Westminster, s.a., ‹1897› Roxburghe Press, chap. IV.

[13] Джеймс Морьер был секретарем английского посольства в Тегеране с 1808—1814. В 1814 г. все это посольство во главе с послом сэром Гором Узли (Sir Gore Ouseley), Морьером, врачом и др. находилось в России. О встрече с ними в Туле, а позднее в Петербурге рассказывает в своих воспоминаниях харьковский профессор Хр. Роммель (см.: Chr. von Rommel. Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit.— В кн.: F. Bülau. Geheime Geschichten und Rätzelhafte Menschen, Bd. V. 2-te Aufl. Leipzig, 1863, S. 565 — о встрече в Туле, и S. 565, 576—581 — в Петербурге). Книга Морьера: «Adventures of Hajji Baba of Hispahan», 1824, вышла в переделке О. И. Сенковского «Похождения Мирзы Хаджи Бабы Исфагана в Персии и Турции, или Персидский Жиль Блаз». СПб., 1831; ранее в отрывках печаталась в «Северной пчеле» (ср. «Пушкин и его современники», в. XXI—XXII. СПб., 1915, с. 288). Сенковский же издал другую книгу Морьера: «Мирза Хаджи Баба Исфагани в Лондоне» (СПб., 1830). См.: В. Каверин. Барон Брамбеус. Л., 1929, с. 94. В конце 1820-х годов отрывки из Морьера печатал В. П. Титов («Московский вестник», 1827, ч. 4, № 13, с. 12—43).

[14] «Чужестранец в Петербурге»,— «Новости литературы», 1823, кн. V, № 30, с. 50.

[15] Джон Кохрен (John Dundas Cochrane, 1780—1825) путешествовал по азиатской и европейской частям России в 1820—1823 гг.; прожил одиннадцать месяцев на Камчатке и здесь в 1822 г. женился. По возвращении в Англию он издал описание своих странствований: «Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtschatka...» London, 1824. Vols I—II. Ряд последующих изданий этой книги — в Филадельфии (1824) и Эдинбурге (1824), а также ее переводов на немецкий (Веймар, 1825; Йена, 1825; Вена, 1826), голландский и шведский языки перечислен в каталоге «россики» ГПБ (т. 1, S. Petersbourg, 1873, № 813—823). После выпуска в свет книги о России Кокрен отправился в Америку, где и умер. Этот своеобразный путешественник-«пешеход» долго вызывал интерес и удивление русского общества. В. П. Кочубей подозревал его в шпионстве, что и высказал в одном из писем к М. М. Сперанскому («В память гр. М. М. Сперанского», СПб., 1872, с. 506), а последний в письме к дочери из Барнаула давал ему следующую характеристику: «Здесь в Барнауле встретил я чудака Кохрана. Острота, бродяжничество, упрямство и вместе безрассудное легкомыслие и несвязность предприятий. Он кончит сумасшествием и, по моему мнению, есть уже и теперь помешан. Совсем неправда, чтоб он путешествовал пешком. Он благополучно нанимает лошадей и едет довольно покойно. Здесь купил даже и повозку; доселе он их переменял; вся особенность состоит только в том, что он один, без слуги, и отпустил себе маленькую рыженькую бородку. Добрый путь! Одна черта в его путешествии. Он был ограблен между Петербургом и Тосною и прошел половину Сибири, не потеряв ни одного волоса и хвалясь везде ласкою и гостеприимством. Я уверен, что пройдет и другую половину столь же покойно и безопасно» («Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне». М., 1869, с. 191—192). В книге «Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Собраны В. Вагиным» (т. II. СПб., 1872) приводится много данных о Кокрене из бумаг Сперанского. Здесь находится, например, записка «О путешественнике Кокрене», составленная по донесениям, полученным сибирским ген.-губернатором из Якутска. Кокрен назван здесь «английской службы флота капитаном» и о нем рассказывается, что он в 1820 г. имел «намерение пройти чрез Чукотскую землю» (с. 579—580; 610—611). Здесь же напечатано в английском подлиннике несколько писем Кокрена (1820—1821) к Сперанскому из Якутска, Нижней Колымы и Охотска (с. 601—610).

П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Москвы (31 мая 182[3] г.): «Сейчас нахожу на столе своем карточку Cochren, славного пешехода, который здесь и, как сказывают, с камчадалкою своею» («Остафьевский архив», 1899, т. II, с. 327). Много лет спустя, в начале 1830-х годов, посетив Павловск и перелистывая книгу для записи имен посетителей, М. Д. Бутурлин увидел английскую фразу с подписью: «Ксения Кокрен». В своих

«Записках» он так вспоминал об этом: «В 1824 году или немного ранее некий эксцентричный и совершенно слепой англичанин Кокрен предпринял пешком путешествие по Сибири, что дало повод в Петербурге считать его шпионом. Он вывез оттуда с собою малолетнюю дочь какого-то дьячка и, возвратясь в Англию, поместил ее в одно из тамошних учебных заведений, а по ее совершеннолетии женился на ней и укрепил за нею свое состояние. О дальнейшей ее судьбе не имею сведений, но подпись ее руки в Павловском павильоне свидетельствует о ее посещении России по замужестве» («Русский архив», 1897, № 7, с. 351). О Кокрене и его жене можно встретить упоминания во многих документах эпохи, например, в «Полном собрании стихотворений» гр. Хвостова (т. II, 1829, с. 219). Заметка о «Narrative of a pedestrian journey...» Кокрена помещена в «Московском телеграфе» (1825, ч. 1, № 1, с. 95); хотя она напечатана без подписи, но, несомненно, принадлежит Н. А. Полевому. В том же и следующем номерах журнала (ч. 1, № 1, с. 53—63; № 2, с. 119—125) напечатано два отрывка из «Описания путешествия пешком через Россию... капитана Кохрена» «Путешествие английского флота капитана Кохрена, пешком, из Петербурга в Камчатку»), с пространными подстрочными примечаниями, вскрывающими обильные ошибки и неточности путешественника, за подписью: «издатель М. Т.»). Ср.: В. Г. Березина. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе».— «Уч. зап. ЛГУ», 1954, в. 20, с. 97.

Недавно Кокрена вспомнил современный эстонский писатель и путешественник по Северной Азии Леннарт Мери в своей книге «Мост в белое безмолвие». Рассказывая о своих странствованиях по Арктике, Мери несколько раз вспоминает «Narrative...» Кокрена, цитируя эту книгу и пересказывая из нее целые страницы. Уже в начале своего повествования Мери представляет Кокрена своему читателю (в русском переводе он всегда пишется Кокрен и однажды даже Джон Дунден <!> Кокрен) и приводит запись из дневника (1820) этого странного путешественника, который «шел на Чукотку пешком через Дерпт» и открыл свой дневник, «присев отдохнуть у колодца за Нарвой»; тут же рассказана примечательная встреча с Кокреном дерптских студентов у загородной таверны, во время которой они не сразу дознались, что английский пешеход совершает путешествие из Сарагосы... на Чукотку; далее описаны встречи Кокрена на далеком северо-востоке Азии с русскими путешественниками-мореплавателями — Врангелем и другом Пушкина Ф. Матюшкиным. См.: Леннарт Мери. Мост в белое безмолвие. Пер. с эст. Веры Рубер. М., «Сов. писатель», 1978, с. 14, 109—112, 195).

[16] Дело о Сандерсоне и его отзывы об Оренбургском обществе, выписанные из его письма, опубликованы в статье: И. С. Шукшинцев. Английский путешественник в России и его мнение о русском обществе (1826—1827).— «Русская старина», 1902, № 6, с. 575—578.

[17] «Записки квакера <Греллэ де Мобилье> о пребывании в России.— «Русская старина», 1874, № 1, с. 1—36;

[18] М. Н. Загоскин. Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Вельского, издаваемые М. Н. Загоскиным, выход второй. М., 1844, с. 25—29, 34—35.

[19] В. К. Кюхельбекер. Соч., т. II. Драматические произведения. Л., 1939, с. 437—440. Избранные произведения в 2 томах, т 2. Л., 1967, с. 655—658.

[20] «Отзыв англичанина о Москве».— «Московский наблюдатель», 1836, ч. VI, с. 194—196. Об этой книге, а также о «Живописном Альманахе на 1836 год» Хита («Heath's Picturesque Annual for 1836. St. Petersburg and Moscow») см. заметку в журнале «Библиотека для чтения», 1835, т. XIII, отд. VI, Литературная летопись, с. 23—24 (автором ее был, несомненно, сам редактор — О. И. Сенковский).

[21] «Из переписки М. Н. Загоскина».— «Русская старина», 1902, № 7, с. 88—89. В книге Л. Ричи есть, между прочим, ряд замечаний и о русской литературе; впрочем, об этом предмете он был плохо осведомлен. По его мнению, например, «в России не существует любви к литературе ради нее самой» (с. 156); тут же он замечает, что хотел включить в книгу систематический перечень («catalogue raisonné») русских авторов, который обещал приготовить для него Mister G. (Греч?), но не исполнил своего обещания «по многочисленности своих более важных трудов». Далее приведен небезынтересный разговор с М. М., главою III отделения («one of the secretaries of State, and head of the third section of the Chancery»), между прочим, о цензуре. На с. 172—174 автор приводит переводы двух русских народных песен.

[22] Coghlan. A Guide to St. Petersburg and Moscow. London, 1836, p. 120. Экземпляр этой книги имеется в ГПБ («Catalogue de la section des Russica...», I, N 836). Отметим, что впервые английские указатели почтовых сообщений по России появились в начале XIX в. См., например: Post-Guide through Russia». Translated into English from the last imperial Ukaze —... by Jos. Turnier. 2d ed. London, 1812 («Catalogue de la section des Russica...», II, N 1123).

[23] «Сын Отечества», 1839, т. II, отд. VII, с. 210—211. Имеется в виду книга: R. Lister Venables. Domestic scenes in Russia. London, 1839; изд. 2-е — 1856 г.

[24] Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. V. М., 1892, с. 187—188.

[25] Там же, с. 186—187.

[26] Фан-Дим <Е. Н. Кологривова>. Голос за родное. Повесть. СПб., 1842, с. 31.

[27] Там же, с. 280—281.

[28] Ф. Ф. Корф. Музыкант.— «Современник», 1841, т. 22, № 2, отд. IV, с. 62—63.

[29] К. В. Повесть о том, как Англия попала в Костромскую губернию.— «Московский наблюдатель», 1837, ч. X, № 20, с. 207—225. В более поздней повести гр. В. А. Соллогуба «Тарантас. Путевые впечатления» (1845) при описании почтовой станции в средней России

автор, быть может, на основании наблюдений, сделанных им самим, рассказывает: «Комната наполнилась проезжающими. Вошел учитель Тобольской гимназии с женой своей, хорошенькой англичанкой, на которой он только что женился и которую он вез на паре из Москвы в Тобольск» (В. А. Соллогуб. Соч., т. II, СПб., 1855, с. 369).

[30] «Athenaeum» (London), 1836, N 462, September 3, p. 617—618; «Cabinet Cyclopaedia. History of Russia», London, 1836, v. I.

[31] Rev. R. B. Paul. Journal of a tour to Moscow. London, 1836.

[32] Rayford Ramble. Travelling opinions and sketches in Russia and Poland. London, Macrone, 1836; ср.: «Athenaeum», 1836, № 459, p. 568; здесь же отзыв на переведенную с немецкого книгу: M. von Tietz. St. Petersburgh, Constantinople and Napoli di Romania in 1833 and 1834. 2 vols. London, 1836. В кн.: John Howes Gleason. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambr. Mass. Harvard Univ. Press, 1950, p. 23, дается характеристика весьма многочисленных английских путешественников по России в начале 1820-х годов. Автор считает весьма типичной для книжного рынка в те годы такую, например книгу, в которой, как это видно из ее заглавия, автором путешествия по России и соседним странам был слепой: James Holman. Travels through Russia, Siberia, Poland, Austria, Saxony, Prussia, Hanover etc. etc. undertaken during the years 1822, 1823 and 1824, while suffering from total blindness, and comprising an account of the Author being conducted as a State Prisoner from the Eastern parts of Siberia. 2 vols. London, 1825.

[33] R. Johnstone. Travels through part of Russian Empire, etc. London, 1817; Will. MacMichael. Journey from Moscow to Constantinople. London, 1819; W. Wilson. Travels in Russia. 2 vols. London, 1828; Sir J. Alexander. Travels to the seat of war in the East through Russia and Krimea in 1829. London, 1830; E. Morton. Travels in Russia and a residence at St. Petersburg and Odessa. London, 1980; другие книги будут указаны ниже. Существует специальный указатель об английских путешествиях в Россию и обратно (Harry W. Nerhood. To Russia and Return: an Annotated Bibliography of Travelers' English Language Accounts of Russia from the Ninth Century to the Present. Ohio State University Press, 1968), однако этот перечень неполон (ср.: Н. Н. Болховитинов. Русско-американские отношения. 1815—1832. М., 1975, с. 542). С наибольшей полнотой они зарегистрированы в указателе, изданном ГПБ («Catalogue de la séction des Russica...», 1876—1878. 2 vols). Кроме того, ряд указаний мы заимствовали из кн.: Edward Cox. A reference guide to the literature of travels.— «University of Washington Publications in Language and Literature», 1935, v. 9, p. 188; Rod. Kerner. Slavic Europe. A selected Bibliography in the Western European Languages. Cambridge, 1918; P. Peddie. Subject Index of Books, publ. before 1860. London, 1933, p. 557—558.

[34] «Сын Отечества», 1839, т. II, отд. VII, с. 208 и сл.

[35] С. Глинка («Англичанин о Пушкине зимою 1829—1830 гг.» — «Пушкин и его современники», в. XXXI—XXXII. Л., 1927, с. 105—110) бездоказательно относит указанную строфу «Евгения Онегина» к Томасу Рейксу, о котором см. ниже. Существует, однако, и другое, более правдоподобное мнение, что Пушкин вспоминает здесь англомана «милорда Уоронцова» и его одесских гостей-англичан. См. ниже примеч. В статьях Н. Я. Соловей: 1) «Из истории создания XXIII—XXVI строф в VIII главе «Евгения Онегина».— «Пушкинский сборник». Рига, 1968, с. 73—91 и 2) «Эволюция темы большого света в VIII главе «Евгения Онегина».— «Пушкинский сборник». Псков, 1968, с. 29—39, представлен текстологический анализ интересующей нас строфы на основании сопоставления всех рукописных источников ее текста; отмечая различные этапы работы над указанным текстом, исследователь подчеркивает, что «мотив залетного путешественника» из XXV строфы беловика бывшей девятой песни перенесен в строфу XXVI и развит обобщенно: вместо возможного («блестящий лондонский нахал») появилось почти афористическое — «перекрахмаленный нахал».

[36] Функция этого эпизодического «англичанина» в «Дубровском», однако, не вполне ясна. В плане стоит: «Жизнь Марии Кирилловны. Смерть князя Верейского. Вдова. Англичанин. Свидание. Игроки. Полицмейстер. Развязка». «Согласно этому плану,— догадывается Н. Л. Степанов,— Пушкин, видимо, предполагал показать встречу овдовевшей Марии Кирилловны с Дубровским, выдававшим себя за англичанина. Упоминание полицмейстера свидетельствует о драматической развязке романа» (Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. М., 1962, с. 209). Уверенности в правильности такого толкования у нас нет. О сатирической тенденции образа англичанки-гувернантки в «Барышне-крестьянке» см. главу о Клер Клермонт.

[37] «Остафьевский архив», т. I, СПб., 1899, с. 117, 495—496; ср.: М. О. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914, с. 93—95; В. П. Гаевский. Пушкин и Кривцов.— «Вестник Европы», 1887, № 12, с. 453—463. «Правда ли, что ты стал аристократом? — писал Кривцову Пушкин 10 октября 1824 г., очевидно, имея в виду вывезенное Кривцовым из Лондона «англоманство», где он «пленился английским бытом, жизнью в замках, которая представлялась ему идеалом частного существования» («Русский архив», 1890, кн. 4, с. 503). Вяземский также писал, что Кривцов, «возвратясь из Лондона, в котором прожил он довольно долгое время, на службе при нашем посольстве, явился к нам большим англоманом. Он вывез из Англии с собою и в себе многие тамошние обычаи, вкусы, повадки» (Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. VIII. СПб., 1883, с. 265).

[38] «Русский архив», 1879, № 11, с. 376. О «письме» Тургенева подробно говорит, например, Вяземский в письме к А. И. Тургеневу 25 октября 1819 г.— «Остафьевский архив», т. I, с. 336—337.

[39] Е. В е й д е н б а у м. Виллок и А. С. Пушкин на кавказских минеральных водах в 1820 г.— «Русская старина», 1903, № 8, с. 320; перепеч. в кн.: Л. П. С е м е н о в. Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937, с. 155—157. Эдуард Уиллок был родным братом Генри Уиллока, состоявшего в то время поверенным в делах в Тегеране. Этот видный дипломатический и политический агент Англии на Среднем Востоке, кстати сказать, заслуживший себе репутацию ярого руссофоба, состоял сотрудником «The London Literary Gazette» (см.: В. Т. П а ш у т о. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова.— «Исторические записки», кн. 24, 1947, с. 123). История разоблачения Грибоедовым шпионской деятельности Э. Уиллока в Закавказье и его переписка с Генри Уиллоком подробно изложена в кн.: О. И. П о п о в а. А. С. Грибоедов в Персии. 1818—1823. М., 1929, с. 93, 113; е е ж е. Грибоедов-дипломат. М., 1964, с. 25—26; С. В. Ш о с т а к о в и ч. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960, с. 55.

[40] В. Л. К о м а р о в и ч. Вторая кавказская поэма Пушкина.— «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», VI. М.— Л., 1941, с. 231.

[41] В одесском письме Пушкина (перлюстрированном), из которого нам известен лишь фрагмент, этот англичанин по имени не назван. Поиски его среди лиц, окружавших Пушкина в Одессе, довольно долго направлены были по ложному пути. Давно уже высказывалось предположение, будто бы Пушкин имел в виду преподавателя английского языка Ришельевского лицея Уолси (или Вольсея, как его тогда именовали). Хотя еще Б. Л. Модзалевский признал это известие ошибочным (см. его издание «Писем Пушкина», т. II. М.— Л., 1928, с. 504), но оно до последнего времени нередко возобновлялось в пушкинской литературе. Так, в новейшем комментированном издании Собрания сочинений Пушкина (т. 9, М., ГИХЛ, 1962, с. 432) в примечании к интересующему нас письму указано: «Англичанин, глухой философ, по-видимому, преподаватель Ришельевского лицея — Вольсей»; отсюда это ошибочное известие заимствовал и В. Набоков в своем американском комментированном издании «Евгения Онегина» (v. III, p. 306). Первоисточником этой ошибки было неосторожное предположение А. А. Рябинина-Скляревского («Былое», 1925, № 4, с. 155), в свою очередь, основывавшегося на анекдотических рассказах в «Записках» М. И. Чайковского (Садык-паши).— «Киевская старина», 1891, № 1, с. 50—51; последний утверждает, что Вольсей был директором Ришельевского лицея и оставил должность после размолвки с Воронцовым. На самом деле. П. П. Вольсей (Wolsey), иезуит (Ф. Л. М о р о ш к и н. Иезуиты в России, ч. II. СПб., 1870, с. 420), основал в Одессе при Ришелье частный пансион; из Одессы он уехал в 1811 г., а лицей был основан только в 1817 г. Детальный разбор всех ошибок в рассказе Чайковского и подробные сведения о Вольсее см.: Н. Л е н ц. Учебно-воспитательные заведения, из которых образовался Ришельевский лицей. Одесса, 1903, с. 29, 39—42, 87—89, 343—345. Сведения о докторе Гутчинсоне собраны в статье: Л. П. Г р о с с м а н. Кто был «умный афей»? — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», ч. VI. М., 1941, с. 414—419. Еще Б.Л. Модзалевский («Письма Пушкина», т. II, с. 504) привел ряд неизвестных ранее данных о Гутчинсоне из неизданной переписки Воронцовых, из которых явствует, что доктор Гутчинсон поехал в Россию с Воронцовыми в 1821 г. «С нами живет один Doctor Hutchinson, которого рекомендовали нам чрезвычайно в Лондоне»,— писал М. С. Воронцов 21 октября (2 ноября) 1821 г.,— он с нами поедет и в Россию, человек прекрасный, ученый, хорошо воспитанный, имел уже довольно практики <...> Один маленький недостаток в нем, что немного глух, но, привыкнув к голосу, это почти неприметно». Из писем супругов Воронцовых видно, что в ноябре 1824 г. доктор Гутчинсон продолжал жить в их семействе, ухаживая за детьми и наблюдая за англичанкою-нянею, но уже, по-видимому, собирался покидать Россию. По крайней мере, 17 ноября этого года Воронцов писал: «Мы получили из Лондона хорошее известие, что прекрасный человек Doctor Lee найден вместо почтенного нашего доктора Гутчинсона и что он скоро сюда будет». Эти скудные сведения Л. П. Гроссман дополнил еще одной немаловажной справкой: в одесской библиотеке Воронцовых нашлась книга Гутчинсона, подтверждающая беглое указание Пушкина, что этот его одесский знакомец не чужд был и литературной деятельности. Звали его William Hutchinson, и в 1820—1821 гг. он двумя изданиями выпустил в свет в Лондоне «Рассуждение о детоубийстве и его отношениях к физиологии и юриспруденции» («A Dissertation on Infanticide in its relations to Physiology and Jurisprudence»). «Во всяком случае, независимо от конца его жизни,— пишет Л. П. Гроссман,— член научных обществ Лондона и Парижа, доктор Вильям Гутчинсон заслуживает полного внимания исследователей Пушкина: он относится к той почетной группе его собеседников, которые будили философские искания поэта и оставляли след в развитии его мысли» (с. 417—419). Предположение Гроссмана, будто бы на отъезд Гутчинсона из Одессы могло оказать воздействие вскрытие в московской полиции письма Пушкина (с. 419), однако, не оправдалось; новые данные по этому вопросу приведены были в заметке Г. П. Струве (G. S t r u v e. Marginalia Pushkiniana. Pushkin's only intelligent Atheist.— «Modern Lang. Notes», 1950, v. LXV, N 5, p. 300—306, указавшего на автобиографию другого английского врача, Гранвиля (Augustus Bozzi Granville): о нем см. ниже, в прим. 51), состоявшего в переписке с Гутчинсоном и являвшегося личным врачом С. Р. Воронцова и всего его семейства. Именно Гранвиль в 1821 г. рекомендовал В. Гутчинсона М. С. Воронцову. В кн.: Dr. Augustus Bozzi G r a n v i l l e. Autobiography... Being-Eighty Eight Years of the Life of a Physician..., v. 2. Ed. by Paulina B. Granville. London, 1874, p. 228—229, напечатано письмо Гутчинсона Гранвилю из Белой Церкви от 13 сентября 1824 г., из которого видно, что инициатива покинуть Россию исходила от самого доктора Гутчинсона; причиной ее была его тяжелая болезнь, усилившаяся в непри-

вычном для него климате, а не история высылки Пушкина. В русской и зарубежной литературе о Пушкине этого доктора-атеиста называли «другом поэта Шелли». Такое указание мы находим, например, в известной статье Г. Брандеса: G. B r a n d e s. Puschkin und Lermontoff.— «Frankfurter Zeitung», 1899, N 143, 25 мая; он основывался при этом на малоизвестном пушкинистам свидетельстве: J. E c k h a r d t. Neue Bilder aus der Petersburger Gesellschaft. Leipzig, 1874, S. 168. Однако Экхардт безусловно почерпнул эти данные в книге П. В. Анненкова «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» (СПб., 1874, с. 260), которая и стала причиной распространенной, но ни на чем не основанной легенды. У Анненкова говорится: «В самом доме наместника Пушкин часто встречался с доктором-англичанином, по всем вероятиям страстным поклонником Шелли, который учил поэта нашего философии атеизма и сделался невольным орудием второй его катастрофы». Таким образом, предположение, что этот доктор-англичанин, подлинного имени которого Анненков еще не знал (А. И. Левшин назвал его «Гунчинсон»), был «другом поэта Шелли», было его личной и ни на чем не основанной догадкой. О последующей судьбе Вильяма Гутчинсона мы ничего не знаем. Немецкий биографический словарь писателей-врачей, изданный в Копенгагене в 1832 г., несомненно, ошибочно упоминает его как еще находящегося на русской службе («в Симферополе, в Крыму»). См.: «Modern Lang. Notes», 1950, N 5, p. 304. Новейшую сводку данных о Гутчинсоне см.: Л. М. А р и н ш т е й н. Одесский собеседник Пушкина.— «Временник Пушкинской комиссии. 1975». Л., 1979, с. 58—69.

[42] «Остафьевский архив», т. V, в. 2, с. 134. О Слоане (Sloan, 1794—1871) см.: М. Д. Б у т у р л и н. Записки.— «Русский архив», 1897, № 3, с. 441—442.

[43] Цитата из «Дневника» А. И. Тургенева (ИРЛИ, ф. 309, № 9, л. 33) приводилась неоднократно, но еще требует дополнительных комментариев. См.: М. М а к с и м о в <М. И. Г и л л е л ь с о н>. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. Тургенев). «Прометей», т. 10. М., 1975, с. 359; М. И. Г и л л е л ь с о н. От Арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977, с. 20. О Томсоне см.: «The Dictionary of National Biography», v. XIX. Oxford, 1922, p. 716—717; Л. А. Ч е р е й с к и й. Пушкин и его окружение. Л., 1975, с. 418; П. Е. Щ е г о л е в. Декабристы. М.— Л., 1926, с. 302—303. Очень вероятно, что цитата из Берка, взятая Пушкиным в качестве эпиграфа для «Евгения Онегина», сообщена была поэту Томсоном (см.: «Временник Пушкинской комиссии. 1974». Л., 1977, с. 105—106).

[44] «Русский архив», 1902, № 1, с. 57. Лорд Гейтсбери (William Heytesbury; 1779—1860), бывший в 1829—1830 гг. английским посланником в Петербурге, упоминается в написанном рукою Пушкина списке лиц, которым он предполагал разослать визитные карточки к новому 1830 г. О знакомстве его с Пушкиным «ничего не известно, между тем, судя по тому, что около его имени стоит цифра 2, Пушкин знал и жену его и, может быть, бывал у него в доме»,— отмечает М. А. Цявловский («Рукою Пушкина». М.— Л., 1935, с. 324). Справедливость этой догадки подтверждает косвенное свидетельство о леди Гейтсбери Вяземского. Повидавшись с нею во время пребывания своего в Англии, Вяземский отметил в записной книжке (под 18 октября 1838 г.): «Леди Гейтесбури, что была в Петербурге, занимается русскою литературою и получает из России книги и музыку»; на следующий день (19 октября) он снова упоминает о ней как о переводчице «Талисмана» Пушкина (вероятно, подтекстовки к музыке Н. С. Титова): «Herbert, сын lady Pembroke-Воронцовой, а Пемброк — сын первого брака. Сегодня Herbert пел «Талисман», вывезенный сюда и на английские буквы переложенный леди Гейтесбури. Он и не знал, что поет про волшебницу-тетку, которую сюда на днях ожидают с мужем и с графинею Choiseul» (П. А. В я з е м с к и й. Записные книжки (1813—1848). Издание подготовила В. С. Нечаева. М., 1963, с. 256—257). Сын леди Пемброк, Герберт, действительно, приходился племянником Е. К. Воронцовой: родная сестра М. С. Воронцова, Екатерина Романовна, с 1808 г. была замужем за графом Пемброком (George Augustus Herbert, Earl of Pembroke and Montgomery; 1759—1827).

[45] 30 ноября 1833 г. (разговор с Блаем), 14 декабря 1833 г. (обед у Блая) и 2 июня 1834 г. (П у ш к и н, т. XII, с. 315, 317, 330); ср.: П. Ч а а д а е в. Сочинения и письма, т. II. Под ред. М. О. Гершензона. М., 1914, с. 201.

[46] «Из памятных записок Н. М. Смирнова».— «Русский архив», 1882, кн. I, с. 248; П. Е. Щ е г о л е в. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, М.— Л., 1928, с. 132—138. И. И. Панаев рассказывает, что после смерти Пушкина он однажды целый вечер провел в кабинете поэта, помогая А. А. Краевскому разбирать книги и бумаги покойного, и тогда именно нашел письмо Меджниса (у Панаева имя его транскрибировано неправильно — Мегнис). «Мы провозились целый вечер,— вспоминал Панаев.— Я, между прочим, нашел под столом, на полу, записку Мегниса, бывшего в то время секретарем английского посольства в Петербурге. Пушкин просил его быть своим секундантом, и Мегнис, в своей записке, отказывал Пушкину в этой просьбе, замечая, что по его положению, он не может вмешиваться в такого рода дела. Записку эту я передал Краевскому, который хотел отдать ее Жуковскому. Мегнис был прав. Но с какой точки зрения Пушкин адресовался к нему? С такого рода просьбами относятся, кажется, обыкновенно, только к самым близким людям...» („Литературные воспоминания“. М., 1950, с. 97, 378). Письмо Меджниса к Пушкину напечатано в томе его переписки (П у ш к и н, т. XVI, с. 224—225).

[47] П. Е. Щ е г о л е в. Дуэль и смерть Пушкина, с. 276, 282; «Русский архив», 1896, № 3, с. 438. О Лондондерри и уехавшем из Петербурга 30 января (11 февраля) 1837 г. Дареме (John-George-Lambton first earl of Durham; 1792—1840), английском после при русском дворе в 1835—1837 гг., побывавшем уже в Петербурге в 1832 г., см. в письмах Вя-

земского («Звенья», IX. М., 1951, с. 409, 429, 446); П. Е. Щеголев. Указ. соч., с. 374; «Пушкин в письмах Карамзиных. 1836—1837». М.— Л., 1960, с. 107—108, 362—363.

[48] В одной из таких записных книжек Дж. Доу сделал несколько зарисовок головы Александра I (эта книжка была куплена в 1878 г. в Лондоне П. Я. Дашковым). В статье «Затерявшийся портрет А. С. Пушкина работы Джорджа Доу» А. Кроль, устанавливая факт совместной поездки Пушкина и английского художника из Петербурга в Кронштадт 9 мая 1828 г., пишет: «Именно здесь, на пироскафе, Доу, по-видимому, и сделал набросок с Пушкина, вдохновивший последнего на стихотворение, обращенное к Доу. Если это было так, то сразу делается понятным, почему о портрете Пушкина работы Доу не упоминает никто из современников — его не знали, ибо он фактически никогда в России не был. Портрет был исполнен на пироскафе и вместе с Доу сразу попал за границу. Портрет этот могли видеть только те лица, которые ехали на этом пироскафе в Кронштадт, а, может быть, и спутники Доу, продолжавшие путь вместе с ним на парусном судне». Тут же исследовательница заметила, что ей представляется маловероятным, чтобы Доу не сохранил рисунок у себя, и указала на английский перевод стихотворения «To Dawe, Esq.», подписанный инициалами J. H. и впервые опубликованный И. А. Шляпкиным («Из неизданных бумаг А. С. Пушкина». СПб., 1903, с. 341). «Перевод этот никогда издан не был,— заметила А. Кроль (в цитированной выше статье).— Для кого же он был сделан? Не для самого Доу, который хорошо владел русским языком, а, вероятно, для его друзей, которым он мог пожелать показать рисунок вместе с обращенными к нему стихами русского поэта» («Искусство», 1937, № 2, с. 169). По указанию И. А. Шляпкина, этот перевод «написан на оторванной четверке плотной бумаги с водяными знаками Ф. К. Н. П.» и читается так:

To George Dawe, Esq.

Why does thy magic pencil trace
My black unseemly Arab face?
E'en sent by thee to future ages
T'will be the laughingstock of sages.

Thou shouldst O-s face portray
Fair as morn and bright as day
Transcendent talent, like to thine
Should bow alone at beauty's shrine.

Против догадки, что этот перевод был сделан для самого художника, свидетельствует, по нашему мнению, сокращение до одной буквы фамилии А. А. Олениной, с которой Доу, как видно из записи Пушкина («9 мая 1828 г. Море. Ол‹енина›. Дау». См.: Пушкин, т. III, кн. 2, с. 651), виделся в тот же день: скрывать ее имя можно было только при опубликовании перевода (у Пушкина в тексте «Северных цветов» ст. 5 читается: «рисуй О-й черты», а при его перепечатке во второй части «Стихотворений» Пушкина 1829 г.: «Рисуй О*** черты»). С другой стороны, хотя Дж. Доу весной 1828 г. уезжал из России недобровольно, не кончив работ над галереей и лишенный недавно полученного им от Николая I придворного звания «первого портретного живописца» (о причинах этой опалы см.: В. К. Макаров. Джордж Доу в России. Гос. Эрмитаж, Труды отдела западноевропейского искусства, т. I. Л., 1940, с. 179—181), но зимою 1829 г. он снова ненадолго вернулся в Петербург, где закончил три портрета для галереи — Кутузова, Барклая и Веллингтона (все три портрета датированы 1829 г.). Тогда, скорее всего, и вероятно, по тексту «Северных цветов» и был сделан английский перевод стихотворения Пушкина. Военную галерею Пушкин посетил не ранее 1827—1828 гг. (В. Глинка. Пушкин и военная галерея Зимнего Дворца. Л., 1949, с. 11—12). В первой главе «Путешествия в Арзрум» Пушкин упоминает «поэтический портрет» А. П. Ермолова, «писанный Довом», а в стихотворении «Полководец» (1835) Пушкин вновь упомянул этого «быстрооkого» художника, отличавшегося свободной и широкой кистью. Есть основания предполагать, что при встрече с Дж. Доу в день его отъезда из Петербурга Пушкин знал о внезапной опале, постигшей художника во дворце. Стих «Его освищет Мефистофель» толкуют как намек на резкую критику творчества Доу в статье И. М. в «Московском вестнике», 1828, № 1, с. 123—125. Под этими инициалами укрылся друг С. А. Соболевского, И. С. Мальцев, которого в дружеском кругу прозвали Мефистофелем («Пушкин об искусстве». Сост. Г. М. Кока. М., 1962, с. 108).

[49] С. Глинка. Англичанин о Пушкине зимою 1829—1830 г.— «Пушкин и его современники», вып. XXXI—XXXII, с. 105—110; см. также: Thomas Raikes. A portion of the journal kept by Thomas Raikes, Esq. from 1831 to 1847, comprising reminiscences of social and political life in London and Paris, 1856—1857». 4 vols (о Пушкине — v. 3, p. 129—130). Биографию Рейкса (1777—1848) см.: «Dictionary of National Biography», v. XVI, Oxford, 1917, p. 613; R.-H. Gronow. The reminiscences and recollections, v. I. London, 1889, p. 154, 227, 229; здесь и его портрет (v. I, p. 240). В русской литературе о Рейксе см.: А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 412—413; он принимает догадку С. Глинки о том, что Рейкс «увековечен Пушкиным в 8-й главе «Евгения Онегина» (ср.: Н. Л. Бродский. Евгений Онегин. Изд. 2-е,. М., 1937, с. 345). О знакомстве Рейкса с Байроном см.: Byron. Works ed. Coleridge, Poetry, v. I. London, 1903, p. 476; v. VI, p. 507.

[50] Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, с. 269.

[51] A. B. Granville. St. Petersburg. A Journal of travels to and from that capital, v. II. London, 1828, p. 244—245, 246. Гранвиль (Augustus Bozzi Granville, 1783—1872) — врач; был в Петербурге вместе с М. С. и Е. К. Воронцовыми в 1828 г. (вторично — в 1849 г.). Второе издание его путешествия вышло в свет в 1829 г. Гранвиль родом был итальянец, и настоящее его имя было Bozzi (впоследствии он принял фамилию своей бабушки — Granville); юность он провел в Италии и являлся страстным итальянским патриотом и республиканцем. Арестованный ломбардской полицией за свои политические речи и статьи, он бежал из Италии и несколько лет вел жизнь странника, являясь то актером, то офицером турецкого военного корабля, то комиссионером в Испании, где он, в частности, принял англиканство в качестве «обращенного атеиста»; получив затем медицинское образование в Париже, он перебрался в Лондон и стал врачом детской больницы, в которой впоследствии работал и доктор Гутчинсон (см. выше, прим. 41). Дальнейшая его жизнь подробно рассказана в «Автобиографии», изданной после его смерти.

[52] «Foreign Quarterly Review», 1827, v. I, № 2, p. 625.

[53] E. Morton. Travels in Russia and a residence at St. Petersburg and Odessa in the years 1827—1829. London, 1830, p. 68—69. Эдвард Мортон, врач по профессии, два года провел в России, приехав сюда по приглашению М. С. Воронцова. В его книге есть также рассказ о семье декабриста С. Г. Волконского, ссылке его в Сибирь, поездке к нему М. Н. Волконской и о смерти их сына Николеньки (17 января 1828 г.), которого Мортон лечил во время его предсмертной болезни (с. 339—341). Глава, где рассказана судьба М. Н. Волконской, названа здесь «Замечательный пример супружеской преданности» — одна из ранних в зарубежной литературе редакций рассказа о жизненном подвиге жены декабриста (см.: М. П. Алексеев. Английские мемуары о декабристах.— «Сборник статей по источниковедению». Л., 1967). Еще один врач, состоявший при Воронцовых в Белой Церкви в 1825 г., Р. Ли, внес в свои мемуары записи рассказов (вероятнее всего, со слов А. Н. Раевского) о восстании Черниговского полка: R. Lee. The last days of Alexander and the first days of Nicholas, emperors of Russia. London, 1854, p. 158—159. Подробную характеристику и оценку этого источника см. в статье Ю. Г. Оксмана в кн.: «Восстание декабристов. Материалы», т. VI. М., 1929, с. XXIII—XXIV.

[54] Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина.— «Пушкин и его современники», в. IX-X. СПб., 1910, с. 235, № 928); Б. В. Казанский. Разговор с англичанином.—«Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», II. М.— Л., 1936, с. 302—314.

[55] С. Д. Полторацкий в записке о «Меценатах старого времени», приводя эти стихи Пушкина, замечает: «Можно только улыбнуться тому, что с этими политическими рассуждениями Пушкин обратился к чэловеку, оставившему по себе память одного из неисправимых представителей времен регентства («du bon vieux temps»), которому в голову, вероятно, никогда не входили подобные отвлеченности» («Русская старина», 1912, № 7, с. 9). Ср. сатирический намек на английский парламент в характеристике петербургского «Английского клуба» в одной из строф «Путешествия» Онегина:

Народных заседаний проба
В палате Английского клоба
О каше пренья слышит он —
Глубоко в думу погружен.

[56] Н. К. Козмин. Английский пролетариат в изображении Пушкина и его современников.— «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», IV-V. М.— Л., 1939, с. 257—299.

[57] Л. В. Пумпянский. Из архива Пушкина.— «Литературный архив». М.— Л., Изд-во АН СССР, 1938, т. I, с. 156.

[58] Б. Казанский. Западные образцы «Современника».— В кн.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», VI. М.— Л., 1941, с. 375—376.

[59] Выше перечислены важнейшие встречи Пушкина с англичанами, о которых сохранились более или менее достоверные данные. На самом деле их было значительно больше и дальнейшие изыскания, несомненно, добавят к представленному нами перечню англичан — знакомцев Пушкина — новые имена. Скажем, кстати, что на некоторых из них могут указать надписи на книгах личной библиотеки Пушкина. Так, например, недавно была прочитана дарственная надпись, на которую обратил внимание еще Б. Л. Модзалевский («Библиотека Пушкина. Библиографическое описание». СПб., 1910, с. 264), сделанная на томе «Полного собрания сочинений Лабрюйера», выпущенного в Париже в 1820 г., но попавшего в Петербург спустя несколько лет (оклеенного обложкой от другой книги, изданной в 1828 г.). Эта книга была подарена Пушкину петербургским книготорговцем Т. Киртоном с надписью (To Mr A. Pouchkine from his Palemed and affectionate friend T. Kirton. February 11.—«Г-ну А. Пушкину от его Палемеда и доброго друга Т. Киртона. 11 февраля».), свидетельствующей о длительных, видимо, дружеских отношениях между поэтом и владельцем «английской книжной лавки» на Галерной улице. См. М. И. Перпер. Еще один знакомец Пушкина — англичанин.— «Временник Пушкинской комиссии. 1980». Л., 1981. Как известно, Пушкин в 20—30-е годы назы-

вал имя французского писателя Жана Лабрюйера (1645—1696) в своих рукописях и ввел обширную цитату из его «Характеров» в незаконченное «Путешествие из Москвы в Петербург» (см.: «Справочный том Полного собрания сочинений Пушкина», т. XVII, с. 257).

[60] William K n a p p. Life, writings and correspondence of G. Borrow. 2 vols. London, Boston, 1899. Петербургский период жизни Борро изложен во втором томе этого капитального труда (v. 2, p. 157—226; о Пушкине здесь же, p. 223—225). Краткое изложение обоих томов представлено в ст.: Georg H e r z f e l d. George Borrow.— «Archiv f. das Studium d. Neueren Sprachen und Literaturen», 1901, Bd. CVII, p. 62—78.

[61] Ernest B a k e r. A Guide to the best fiction in English. London, 1913, p. 65. Так называемое «норичское» издание сочинений Борро («The works of G. Borrow; edited with much hitherto unpublished manuscripts, by Clement Shorter») в 16 томах (vols I—XVI. London, Constable, 1923—1924) в настоящее время отличается большой редкостью; оно выпущено лишь в количестве 775 экземпляров. Однако его нельзя назвать полным; кое-какие из его произведений изданы были по автографам Борро и после этого времени. Наибольший интерес представляют для нас его произведения, опубликованные в двух последних томах этого издания под общим заглавием «Miscellanies» (vols. XV—XVI); сюда вошли ранние фантастические повести («Tales of the Wild and the Wonderful»), «Таргум», «Талисман», изданные в Петербурге в 1835 г., и целый ряд других произведений и переводов, в свое время не увидевших света. Мне удалось познакомиться с этим изданием во время пребывания в Нориче, в июне 1961 г.

[62] Литература о Борро довольно велика; см, напр.: R. A. J. W a l l i n g. George Borrow, the Man and his work. London, 1908; Arthur R i c k e t. The Vagabond in Literature. London, 1906; Bernhard Bläsing. George Borrow. Diss. Marburg, 1910; E. T h o m a s. G. Borrow. The Man and his work. London, 1912 (см. об этой книге заметку в «The Anglo-Russian Literary Society, Proceedings», 1912, № 65, p. 62—65, в которой приведены данные о пребывании Борро в Петербурге); H. J e n k i n s. The life of G. Borrow. Compiled from unpublished official documents, his work, correspondence etc. London, 1912; C. S h o r t e r. G. Borrow and his circle, wherein may be found many hitherto unpublished letters of Borrow and his friends. Hodder and S. London, 1913; (переиздана с дополнениями в 1919 г. под названием «The life of George Borrow»). R. H o p k i n s. George Borrow, lord of the open road. Illustr. reprod. from etchings by C. M. Nichols and a new portrait of George Borrow. London, 1922; René F r e c h e t. George Borrow. Paris, 1956.

См. еще: «Letters to his wife Mary Borrow». Ptd. for T. Wise, 1913; «Letters to his mother Anne Borrow and other correspondents». Ptd. for T. Wise. 1913; «Ballads and other poems by G. Borrow». Printed from unpublished manuscripts. T. Wise. A. Bibliography of the writings in prose and verse of George H. Borrow. Privately printed. 1913, p. XXII — 316. Последние издания Уайза остались для меня недоступны.

[63] А. Г л а г о л е в. Записки русского путешественника, ч. IV. Изд. 2-е. СПб., 1845 (1-е изд.—1837 г.; самое путешествие совершено в 1820-х годах); здесь находятся следующие строки — «выписка из дорожной книжки»: «Подле Рочестера мы встретили цыганский табор. Здешние цыгане, так же как и русские, промышляют пляскою, музыкою и ворожбою; бродят с одного места на другое и живут под открытым небом, укрываясь от непогоды в длинных досчатых кибитках или фурах, похожих на маленькие домики. Читать и писать они не умеют и говорят языком, отличным от английского. Полагают, что первое цыганское семейство прибыло в Англию из Египта» (с. 181—182).

[64] Wilh B o a s. Die Zigeunerromantik im Englischen Roman. Diss. Breslau, 1929.

[65] R. F r é c h e t. Op. cit., p. 195—196.

[66] Там же, с. 29; о книге: Olaus W o r m i u s. Danica literatura antiquissima. Hafniae, 1636, а также о другой книге, изучавшейся Борро в это же время и хранящей его маргиналии (Edward Lhuyd. Archaeologia Britannica, Oxford, 1707), см.: G. A. S t e p h e n. Borrow House Museum. Norwich, 1927, p. 3.

[67] R. F r é c h e t. Op. cit., p. 39.

[68] О норичской литературе Вильяма Тейлора (1765—1836) и его занятиях немецкой литературой см.: G. H e r z f e l d. William Taylor of Norwich, eine Studie über die Einfluss der neueren deutschen Literatur in England. Leipzig, 1897. О знакомстве Тейлора и Борро см. в старой монографии: J. W. R o b b e r t s. Life and Writings of William Taylor (2 vols, 1843), v. 2, p. 495; R. F r é c h e t. George Borrow, p. 31.

[69] О репутации Тейлора как атеиста см.: Edward T h o m a s. George Borrow: the man and his books. London, 1912, p. 67; R. F r é c h e t. Op. cit., p. 33.

[70] Письмо В. Тейлора к Р. Саути о Борро цитировано в статье: William A. S p e c k. George Borrow and Goethe's «Faust».— PMLA, 1926, v. XLI, N 1, March, p. 167.

[71] О знакомстве Борро с Джоном Баурингом см.: R. F r é c h e t. Op. cit., p. 45—48. Известно 14 писем Борро к Бауринту, но все они относятся к 1829—1831 гг., т. е. к периоду подготовки «Скандинавской антологии» (напечатаны в кн.: C. S h o r t e r. Op. cit., p. 142—156).

[72] «Foreign Quarterly Review», 1830, v. 6, p. 47—87.

[73] Этот небольшой двухэтажный дом, расположенный в глубине двора на узкой и тихой улице Норича (Уиллоу-Лейн), существует и по сей день. В 1913 г. он был подарен его владельцем муниципалитету Норича, и в нем был открыт мемориальный музей. См. небольшую, но ценную брошюру: G. A. S t e p h e n. Borrow House Museum. A Brief Account of the Life of George Borrow and his Norwich home with a bibliography. Norwich (Norwich

Public Libraries Committee), 1927. В 1942 г. музей Борро был закрыт, после того, как он сильно пострадал во время одной из бомбардировок Норича немецкой авиацией. Хотя дом этот впоследствии был восстановлен в прежнем виде, но некогда собранные в нем музейные экспонаты, наглядно изображавшие жизнь Борро и его современников, в него больше не вернулись: они были размещены в других музеях города.

[74] Дж. Стивен (Borrow House Museum, p. 29.) обращает внимание на то, что, как полагал еще Нэпп, Борро был лишь *издателем* книги «Celebrated trials», но не поместил в ней ничего, написанного им самим.

[75] Ф. М. Клингер умер в Петербурге и похоронен на Смоленском кладбище.

[76] R. F r é c h e t. Op. cit., p. 39—40.

[77] Автобиографическая повесть Борро «Lavengro: the Scholar — the Gypsy — the Priest», напечатанная в первый раз Джоном Мерреем в 1851 г., с тех пор издавалась неоднократно (в кн.: G. A. S t e p h e n. Borrow House Museum, p. 18—19, приводится перечень 24-х изданий этого произведения, появившихся до 1916 г.). В 1967 г. вышел первый русский перевод этой знаменитой повести: Джордж Б о р р о у. Лавенгро. Мастер слов, цыган, священник. Пер. И. А. Лихачева. Л., «Художественная литература», 1967 (рецензии: A. G. C r o s s. George Borrow and Russia.— «Norfolk Life» (Norwich), 1968, v. 10, N 78, April, p. 10—11.

[78] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 138.

[79] C. B l a e s i n g. G. Borrow. Marburg, 1910, p. 8; см. также заметку Г. Райта (Herbert W r i g h t. Was George Borrow ever in Denmark?— «Modern Language Review», 1928, v. XXIII, p. 346), который полагает, что Борро мог быть в Дании в 1826—1827 гг., но тут же указывает, что весь этот период странствований Борро является «загадочным».

[80] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 155—156; R. F r é c h e t. Op. cit., p. 51.

[81] А. Н. П ы п и н. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916, с. 4—293. О Библейском обществе см. также: Н. С т е л л е ц к и й. Кн. А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев, 1901 (в этой работе использованы также архивные источники, опубликованные в кн.: K. G o e t z e. Fürst A. N. Golitzin. Berlin, 1882).

[82] С. В. Липовцев в 1808 г. был назначен переводчиком с маньчжурского и китайского языков Азиатского департамента в Петербурге и оставался в этой должности до своей смерти в 1841 г. О сделанном им переводе на маньчжурский язык Нового завета можно найти довольно подробные сведения в специальной литературе (см.: И. А. Ч и с т о в и ч. История перевода Библии на русский язык. Изд. 2-е. СПб., 1899, с. 49; А. П. К о н а к о в. Маньчжуристика в России и в СССР.— «Известия АН СССР». Отд. литературы и языка, 1947, т. VI, в. V, с. 417—418; B. Ð o r n. Das Asiatische Museum der Kais. Academie des Wissenschaften zu St.-Petersburg. St.-Pb., 1846, S. 26, 112. О С. В. Липовцеве, в 1819 г. избранном членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока, см. также: «Русский биографический словарь» (т. Лабзина — Лященко). СПб., 1914, с. 450. Однако в последнее время в русской востоковедческой литературе укоренились по поводу указанного перевода Липовцева неточности и ошибочные данные. Так, П. Е. Скачков в своей книге «Очерки по истории русского китаеведения» (М., 1977), уделивший внимание деятельности С. В. Липовцева (см. с. 103, 132—134), в частности пишет: «Имя С. В. Липовцева связано с переводом части Нового Завета на маньчжурский язык. В 1822 г. была напечатана часть Евангелия на маньчжурском языке в его же переводе (см. об изображении китайских письмен в любопытных изданиях барона Шиллинга: «Азиатский вестник», 1825, май, с. 367—373). В 1833 г. в Россию приехал «агент Британского библейского общества» Барро ‹так!› с просьбой напечатать в Петербурге на маньчжурском языке части Нового Завета, поскольку в то время в России был лучший в мире маньчжурский шрифт, созданный Шиллингом. Для наблюдения за печатанием был командирован С. В. Липовцев» (с. 133). В примечании к фамилии указанного агента П. Е. Скачков высказывает ошибочное предположение, что якобы речь идет о Джоне Барро (John Barrow, 1784—1848), английском путешественнике, сопровождавшем Макартнея в его посольстве в Китай в 1792—1794 гг., издавшем книгу об этом путешествии (London, 1804) и ряд других трудов о совершенных им многочисленных путешествиях (см. прим. 205 на с. 321). Ту же ошибку П. Е. Скачков допустил, указав на хранящееся в Архиве внешней политики России (Москва) дело «О дозволении агенту Британского библейского общества г. Барро напечатать писания Нового Завета на маньчжурском языке и командировании переводчика статского советника Липовцева для наблюдения за печатанием означенных книг» (АВПР, ф. Гл. арх. П—26, оп. 71, д. 1, л. 1—14, 1833—1836 гг.). На самом деле, в обоих случаях дело идет не о Джоне Барроу, а о Джордже Борроу, или Барро, как он всюду именуется в указанном деле. Ошибка была, по-видимому, допущена копиистом канцелярии, так как в том же архиве хранится дело более раннего времени — переписка Каподистрии с Барроу по поводу издания китайско-монголо-маньчжурско-русского словаря П. Каменского (см.: П. Е. С к а ч к о в. Указ. соч., с. 405). Барроу в Россию не приезжал, Барро же, упомянутый в указанном выше деле 1833—1836 гг., и есть тот самый переводчик и писатель, о котором у нас идет речь. Я имел возможность ознакомиться с указанным выше делом о Дж. Борро. В нем обращает на себя внимание то, что, находясь в Петербурге и добиваясь разрешения на печатание маньчжурского перевода Нового завета, Борро принужден был войти в сношения с высшими властями русской столицы. В деле хранится переписка министра внутренних дел Д. Н. Блудова с вице-канцлером гр. К. В. Нессельроде, министром народного просвеще-

ния гр. С. С. Уваровым и др. Наибольшие затруднения вызвала просьба Дж. Борро увезти с собою за границу книги, отпечатанные под наблюдением Липовцева. Дело заканчивается собственноручной бумагой Липовцева в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, в которой Липовцев извещает, что он засвидетельствовал верность перевода на остающихся в России семи экземплярах книги, «из коих два при сем представляются Азиатскому департаменту, один в Библиотеку его, а другой для возвращения в Министерство Внутренних дел, прочие же останутся у меня как мне принадлежащие». Документ помечен 17 января 1836 г., когда Борро уже уехал из Петербурга.

[83] A m y o t. Dictionnaire tartare-mantchou-français, redigé par L. Langlès, t. I—III. Paris, Didot, 1789. В этой книге автор утверждает (t. I, p. XI), что образованному французу понадобится не более «пяти-шести лет», чтобы научиться читать по-маньчжурски. Приведено в кн.: R. F r é c h e t. Op. cit., p. 52, note 6.

[84] Harriet M a r t i n e a u. Autobiography, v. I. Boston, 1979, p. 227.

[85] «Letters of George Borrow to the British and Foreign Bible Society», ed. T. H. Darlow. London, 1911.

[86] Thulia S. H e n d e r s o n. Memorials of John Venning, Esq. (Formerly of St. Petersburgh and late of Norwich). With numerous notices from his manuscripts relative to the Imperial Family of Russia. London, 1862 (приложен портрет Джона Веннинга, который мы воспроизводим). Эта книга представляет значительный интерес для истории русской общественной жизни в России с конца XVIII по 30-е годы XIX в.; здесь приводятся многочисленные выдержки из писем Веннинга, в которых, в частности, характеризованы русские знакомые и жившие в Петербурге англичане, описано наводнение 1824 г., восстание декабристов (с. 116—117). Между тем, она плохо известна русским историкам. А. Н. Пыпин в цитированной выше статье о Российском библейском обществе ошибочно называет Джона Веннинга — Вальтером, путая его с его братом (А. Н. П ы п и н. Религиозные движения при Александре I, с. 106, 410; те же ошибки в указателе). Об обществе для улучшения тюрем, основанном Веннингом в Петербурге, А. И. Тургенев писал Вяземскому 23 июля 1819 г. («Остафьевский архив», т. I, с. 272, 615—616; А. Ф. К о н и. Федор Петрович Гааз. СПб., 1897, с. 20—21). В 1831 г. «всеподданнейший» донос на «купца Веннинга» представил М. Магницкий («Русская старина», 1899, № 2, с. 304—305).

[87] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 162.

[88] В записках квакера ‹Грелле де Мобилье› о пребывании в России («Русская старина», 1874, № 1, с. 5, 21) вспоминается о Джоне Веннинге и об окружавших его в Петербурге людях в конце 10-х и начале 20-х годов.

[89] О В. М. Попове (1771—1842) — см. в биографии его, составленной А. Ельницким: «Русский биографический словарь», т. Плавильщиков — Примо. СПб., 1905, с. 531—534, и в указ. ст. А. Н. Пыпина.

[90] О Павле Павловиче Помиане-Пезаровиусе (1776—1847) см.: С. Н. Ш у б и н с к и й. Забытый филантроп.— «Исторический вестник», 1896, № 3, с. 864—880.

[91] K. K n a p p. Op. cit., v. I. London, 1899, p. 163. Письмо к Дж. Борро Дж. Веннинга (из Lowestoft, July 25th 1833) напечатано здесь полностью. Гр. Х. А. Ливен (1774—1838) — русский посол в Лондоне.

[92] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 163. О. Шамбо (Chambeau, 1783—1848), именовавшийся в Петербурге Иваном Ивановичем (см.: «Петербургский некрополь», т. IV. СПб., 1913, с. 500), с 1814 г. состоял личным секретарем императрицы Александры Федоровны (бывшей еще в то время принцессой прусской), с которой и прибыл в Россию в 1817 г. В этой должности он оставался до своей смерти. См. о нем биографический очерк Б. Л. Модзалевского ‹В. Гарского›: «Русский биографический словарь», т. Чаадаев — Швитков, СПб., 1905, с. 497—498; «Остафьевский архив», т. III, СПб., 1899, с. 611—612; Thulia S. H e n d e r s o n. Memorials of John Venning with numerous notices rom his manuscripts relative to the Imperial family of Russia. London, 1862, p. 218—219; сб. «Звенья», кн. 9. М., 1951, с. 272. В доме английского купца Эджертона Хаббарда на Галерной улице, № 221, Дж. Борро жил первые три месяца после приезда в Петербург.

[93] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 171.

[94] Там же, т. 1, с. 172. Теми же словами Борро описывал свои впечатления в письме к Джоуитту: «Петербург — прекраснейший город в мире (the finest city in the world); ни Лондон, ни Париж, ни какая-либо другая европейская столица, какие я посетил, не может претендовать на сравнение с ним по красоте и величию» (Cl. S h o r t e r. Op. cit., p. 162).

[95] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 167; Th. H e n d e r s o n. Memorials of John. Venning..., p. 148—149.

[96] Cl. S h o r t e r. Op. cit., p. 162—163. Вильям Глен приехал в Петербург для отъезда на родину, так как Библейское общество отзывало его, будучи несколько шокировано тем обстоятельством, что этот «миссионер» оказался еретиком, восторженным поклонником Гафиза и других персидских поэтов. До этого он провел несколько лет в Астрахани, где с ним познакомился шведский путешественник Хр. Ганстен (Prof. Christoph. H a n s t e e n. Souvenirs d'un voyage en Sibérie. P., 1857, p. 382; Reise-Erinnerungen aus Sibirien. Deutsch. von Dr. Sebald. Leipzig, 1854, S. 187—188).

[97] Пастор Вильям Сван (Swan) и Роберт Юилль (Youille) с семейством приехали в Селенгинск в 1820 г., где уже жил Эдуард Сталибрас, отправившийся в Сибирь еще в 1817 г. (см.: В. И. В а г и н. Английские миссионеры в Сибири.— «Известия Сибирского отдела имп. Русского географического об-ва», 1871, т. I, № 4 и 5, с. 69—77; Г. С. Р ы б а к о в.

Английские миссионеры в Забайкальской области.— «Исторический вестник», 1905, № 1, с. 224—235). Очутившись в Сибири среди бурят, миссионеры поняли, что им необходимо прежде всего изучить языки местного населения и с самого начала занялись изучением бурятского языка и переводом на него соответствующих религиозных книг. Для печатания их миссионеры оборудовали в Селенгинске типографию, к работе в ней сумели привлечь местных бурят. Но деятельность миссионеров вызывала настороженное внимание русских властей; уже в 1838 г. генерал-губернатор Руперт предложил им прекратить действия миссии в Забайкалье, вследствие чего Сван и Сталибрас выехали из Селенгинска в январе 1841 г. («Декабристы М. и Н. Бестужевы. Письма из Сибири», в. 1, Иркутск, 1929, с. 17 и 121). Очень возможно, что мечта Борро побывать в Сибири «на границе с Китаем» опиралась на обещания реальной поддержки ему Свана и других миссионеров. Именно Вильям Сван нашел в 1832 г. рукопись перевода Ветхого завета на маньчжурский язык, выполненную в Пекине и хранившуюся в «Музее восточных древностей» Шиллинга в Петербурге (W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 155—156).

Декабрист Д. И. Завалишин вспоминал, что в юные годы, служа во флоте и побывав на русском корабле в Дании, он ездил осмотреть замок Эльсинор, известный из «Гамлета» Шекспира. «Мы по приглашению голландского консула в Гельсиноре заходили и к нему, а много лет спустя я встретил его дочь за Байкалом в Хоринской Бурятской миссии, женою английского миссионера Сталлифорса» (Д. И. З а в а л и ш и н. Записки декабриста. СПб., 1906, с. 33. Фамилия миссионера мемуаристом указана неправильно: следует — Сталибрас).

[98] W. K n a p p. Op. cit., v. I, p. 173.

[99] Там же, т. I, с. 200.

[100] А. В. Я р о ц к и й. О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда.— «Очерки по истории русского востоковедения», сб. VI. М., 1963, с. 221—222; ср.: А. В. Я р о ц к и й. П. Л. Шиллинг (в серии «Деятели энергетической техники. Библиографическая серия», вып. XVI). М.— Л., 1963, с. 125—126 (хронологическая канва). О литографических изданиях дальневосточных текстов П. Л. Шиллинга самые полные данные собраны в статье: Л. И. Ч у г у е в с к и й. К истории издания восточных текстов в России в первой четверти XIX в. Сб.: «Страны и народы Востока», вып. XI. М., 1971, с. 280—294.

[101] О Кондратии Григорьевиче Крымском см. *прим.* 160.

[102] Пушкин, т. III, кн. 1, с. 191.

[103] Там же, т. XIV, с. 58, перевод — см. Собр. соч. в десяти томах, т. X, М., 1966, с. 806.

[104] «Русский архив», 1899, № 6, с. 351; ср.: М. П. А л е к с е е в. Пушкин и Китай.— Сб. «А. С. Пушкин и Сибирь». Иркутск, 1932, с. 108—145; сб.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1956, с. 55—57.

[105] Н. Г р е ч. Барон Павел Львович Шиллинг фон Канштат.— «Северная пчела», 1853, № 142. См. также: А. Ф. К о р о с т и н. Начало литографии в России. М., 1943, с. 83—84.

[106] Л. В. С и м о н о в с к а я. Бичурин как историк Китая.— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», в. 7, 1948, с. 50—51.

[107] Письма Борро ныне готовятся нами к печати.

[108] М. П. П о г о д и н. Воспоминания о кн. В. Ф. Одоевском.— В сб.: «В память о кн. В. Ф. Одоевском». М., 1869, с. 57. Ср. в дневнике А. В. Никитенко рассказ (под 18 июня 1865 г.) об Иакинфе Бичурине: «Он питал какую-то страсть к Китаю и ко всему китайскому и свое собственное лицо и бородку как-то ухитрился подделать под китайский лад» (А. В. Н и к и т е н к о. Дневник, т. 2. М., 1955, с. 525).

[109] Н. Г р е ч. Бар. П. Л. Шиллинг.— «Северная пчела», 1853, № 142.

[110] Э. И. С т о г о в. Очерки, рассказы, воспоминания.— «Русская старина», 1878, № 12, с. 634; А. В. Я р о ц к и й. О деятельности Шиллинга..., с. 225.

[111] G. B o r r o w. Targum, or metrical translations from thirty languages and dialects. St.-Pb., Printed by Schultz and Beneze, 1835; ценз. разр. 11 апреля 1835 г. «Targum»— халдейское слово, обозначающее «перевод»; этим термином обозначался перевод отдельных частей Ветхого завета на халдейский или арамейский языки.

[112] М. П. А л е к с е е в. Петербургские английские переводы из Мицкевича 1835 г.— «Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 11-12, с. 78—83. Правда, хотя в переводе Пушкина стихотворение озаглавлено «Литовская баллада», но имя Мицкевича названо здесь сокращенно из-за цензурного запрета («Из М-а»). Поэтому возможно, что источником перевода Борро был более ранний русский перевод с польского: «Три Будриса. Литовская баллада. Соч. А. Мицкевича», напечатанный в «Сыне Отечества и Северном Архиве», 1829, т. 5, N 28, отд. IV, с. 113—115. Этот перевод приписывают Булгарину, лично знавшему Мицкевича. В переводе «Трех Будрысов» Борро ряд подробностей свидетельствует, что перед ним был не польский оригинал, а русский текст баллады (он пишет, например, *Litewskian* вм. Lithuanian, *Laskian girls* — «ляшские девицы» и т. д.). Зато перевод «Ренегата» («The Renegate»), по-видимому, сделан Борро с польского оригинала.

[113] Б. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание,— «Пушкин и его современники», в. IX—X. СПб., 1911, с. 174, № 666.

[114] «The Talisman. From the Russian of Alexander Pushkin. With other pieces. St.-Pb., printed by Schultz and Beneze, 1835; ценз. разр. 24 августа 1835 г. Оба эти перевода перепечатаны в собрании сочинений Борро («Works», v. 15. Ed. Constable. London, 1924, p. 521—526). Ранее «Талисман» вошел также в американскую антологию: Leo W i e n e r.

Anthology of Russian literature, v. II. N. Y., 1903, p. 138). («Черная шаль» и «Песня» из «Цыган» также вошли в собрание сочинений Борро («Works», v. 16, p. 29—31), а «Черная шаль» перепечатана и в книге Борро: «Ballads of all nations». Alston Rivers. London, 1927, p. 282—283).

[115] Samuel H. Cross. Pouchkine en Angleterre.— «Revue de littérature comparée», 1937, N 1, p. 167.

[116] A. G. Cross. George Borrow in Russia.— «The Modern Lang. Review», 1969, v. 64, N 2, p. 368. Со ссылкой на «National Library of Scotland. Catalogue of Manuscripts Acquired since 1925» (Edinburgh, 1938), v. I, p. 80 (The Watson collection, N 465). Рукопись Борро не датирована; по мнению А. Кросса, она написана незадолго до 1850 г., когда была подарена ее прежним владельцем Сваном (H. Swan-Watson).

[117] A. G. Cross. Op. cit., p. 369.

[118] «Талисман» был переведен несколько раз на французский, немецкий и турецкий языки («Сочинения Пушкина», т. I, ред. Льва Поливанова, изд. 2-е. СПб., 1893, с. 242). Положенный на музыку Н. С. Титовым, «Талисман» много раз издавался отдельно с конца 20-х годов (С. К. Булич. Пушкин и русская музыка.— «Памяти Пушкина». СПб., 1900, с. 98—99). В «Catalogue de la section des Russica...» ГПБ (S.Pb., 1876, II, прибавление, № 256, с. 606) отмечено следующее издание: «Le talisman. Romance russe. Paroles par A. Pouchkine mises en musique par Titoff, traduites en français par M-lle la Princesse Anne Abamelek». Любопытно, что кн. А. Д. Абамелек (1814—1889), в замужестве Баратынская (с 1835 г.), известна и как переводчица Пушкина на английский язык.

Еще в 1880-х годах английский славист, говоря о «Талисмане» Пушкина, замечал: «To us this half orientalism is one of the great charms of Russian and other Slavonic literatures. It is racy of the soil. We feel that we are on the confines of Europe and Asia» (W. Morfill. Alexander Pushkin.— «Westminster Review», 1883, New Series, v. LXIII, April, p. 436). Новейший английский перевод «Талисмана» см. также: Sir Donald MacAlister. Echoes. Glasgow, 1923, p. 293—274. Любопытно, что в одном из альбомов пушкинских времен, именно в альбоме Ю. Н. Бартенева, находится неизвестно кем сделанный перевод двух стихотворений Пушкина — «Русалка» и «Талисман», как раз тех, которые перевел Дж. Борро. См. описание Б. Модзалевского: «Известия Отд. русского языка и словесности Академии наук», 1910, т. XV, кн. 4, с. 208.

[119] J. P. H‹asfeldt›. Foreign correspondence.— «Athenaeum», 1836, March 5, N 436, p. 177—178. Принадлежность этой корреспонденции перу Гасфельда удостоверяется его собственным письмом к Борро от 6/18 ноября 1836 г., напечатанном в книге: C. Shorter. G. Borrow and his circle, p. 165—166. Гасфельд пишет здесь: «В 436 номере «Атенеума» ‹...› вы найдете статью, которую я написал и в которой вы упоминаетесь».

[120] Ср. письмо Гасфельда к Борро из Петербурга от 9/21 июля 1842 г., где он говорит об этом переводе и о попытках популяризации «Таргума» среди своих петербургских друзей (C. Shorter. Op. cit., p. 166—167); ср.: H. Wright. George Borrow's translations from the Scandinavian Languages.— «Edda», 1971, N 3.

[121] C. Shorter. Op. cit., p. 177.

[122] Об источниках «Черной шали» см.: Г. Ф. Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Изд. 2-е, доп. Кишинев, 1967, гл. 2, о молдавской песне «Режь меня, жги меня», с. 108—120. Что касается песни Земфиры, то она также основана на молдавско-цыганском хоре «Ардема, фриджима». Пушкин напечатал ее отдельно в «Московском телеграфе», 1825, ч. 6, № 21, с. 69, с приложением нот «дикого напева сей песни, слышанного самим поэтом в Бессарабии» и уже затем вставил ее в свою поэму. Ср.: А. И. Яцимирский. Песня Земфиры в «Цыганах» А. Пушкина и цыганская хора.— «Известия Отд. русского языка и словесности Академии наук», 1899, т. IV, кн. 1, с. 301—304; И. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937, с. 16—19.

[123] S. Cross. Op. cit., p. 167.

[124] «Цыганы» («The Zigani») в переводе Борро напечатаны в его полном собрании сочинений («Works», v. 16. London, 1924, p. 419—441).

[125] Первоначально три сказки под заглавием: 1) «Emelian the fool», 2) «Story of Tim» и 3) «Story of Ivashka with the Bear's Ear», переведенные Борро еще в Петербурге, появились в журнале «Once a week» (1862) в номерах от 8 марта (с. 289—294), 17 мая (с. 572—574) и 4 октября (с. 403—406). Т. Уайз на основании анализа рукописей переводов этих трех сказок, бывших в его распоряжении, признал, что для указанного печатного текста 1862 г. Борро сделал ряд существенных исправлений. Ранние редакции этих переводов опубликованы были Уайзом в небольшом библиофильском издании 1913 г., вышедшем в ограниченном количестве экземпляров (T. Wise. A bibliography of the writings in prose and verse of George Henry Borrow. London, 1914, p. 154); третья из этих сказок напечатана также в журнале «Сфир» («The Sphere», v. 52, 1913, 1 February, p. 136); затем все эти сказки в ранних вариантах перевода напечатаны в XVI томе норичского собрания сочинений Борро (p. 399). А. Кросс («George Borrow and Russia», p. 371) привел еще одно любопытное свидетельство о длительном интересе Борро к русским сказкам. На обложке первого издания своего романа «Romany Rye» (1851) Борро известил о своем намерении опубликовать целую серию из двенадцати русских сказок, которые, по его словам, готовятся им к печати. Изданы тогда они не были, но рукописи *пяти* неопубликованных переводов русских сказок, сделанных Борро в то время, были представлены издателем Джарролдсом (Jarrolds) на выставку в память Борро, организованную в Норичe в июле 1913 г. («Catalogue of the Exhibition Commemorative of George Borrow, author

of «Lavengro» etc. held at the Norwich Castle Museum». Norwich, 1913). Заглавия этих переводов следующие: 1) «The Golden Mountain»; 2) «The Daughter of Stroeg»; 3) «The Old Man and his Son, the Crane», 4) «Klim»; 5) «The Seven Sevenlings». Дальнейшая судьба этих рукописей, к сожалению, неизвестна; в печати они не появлялись. Но сохранившиеся заглавия их позволяют высказать предположение, что все свои переводы Борро делал из одного сборника, который, в строгом смысле, является сборником русских «сказок», переделанных для лубочной печати. Наиболее вероятно, что под рукою Борро была книга: «Собрание старинных русских сказок». М., в тип. Степанова, 1830; как давно уже было указано, это ценное издание представляет собою перепечатку более раннего сборника, озаглавленного «Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок». Ч. 1—3. М., 1795. В обоих сборниках мы находим источники сказочных текстов, переведенных Борро: «Об Ивашке, медвежьем ушке», о воре Климке («О Климке»; у Борро Klim — в изд. 1862 г. Tim), «О Строевой дочери» (у Борро «The Daughter of *Stroeg*l), «О старике и сыне его Журавле». Впрочем, возможно, что «The Story of Tim» Борро — это перевод сказки о воре Тимохе (бывшей уже в «Русских сказках» Левшина. М., 1780—1783). «Сказка об Емельяне-дурачке» печаталась также в сборниках сказок XVIII в. и в лубках (см.: В. И. Чернышев. Русские сказки в изданиях XVIII века».— В кн.: «С. Ф. Ольденбургу к пятидесятилетию научно-общественной деятельности». Л., 1934, с. 591; И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959, с. 69; подробное сличение «Старой погудки» 1775 г. и «Собрания старинных русских сказок» 1830 г. см. в кн.: С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914 (с. 93, 105, 116). «The Seven Sevenlings» — это, вероятно, «Сказка о семи Семионах, родных братьях и великих удальцах», напечатанная И. Сахаровым в I томе его «Русских народных сказок» (1841), но восходящая и к более ранней редакции одного из сборников XVIII в. (Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 73; текст — в приложении к кн.: «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в.» М.— Л., 1961, с. 328—342). В предисловии к своему первому переводу сказки об «Емельяне-дурачке» Борро сопоставил ее с восточной повестью об Алладине, но подчеркивал, что откуда бы ее сюжет ни был заимствован, «английский читатель получит из этой сказки более ясное представление о жизни и чувствованиях русского мужика т. е. крестьянина (of Russian mujiks, or peasantry), чем из дюжины книг о путешествиях в Россию». В переводах и популяризации в Англии русского сказочного фольклора Борро явился непосредственным предшественником В.-Р.-С. Рольстона.

В бумагах Борро, находившихся некогда в руках его биографа Нэппа (Knapp), а ныне принадлежащих «Американскому обществу испанистов» (Hispanic Society of America), А. Кросс нашел и опубликовал сделанные Борро наброски стихотворения «Финляндия» на *русском* языке; датировка этого черновика не представляет затруднений, так как он находится на счете от русского портного, с датой 28 ноября 1833 г. Очевидно, Борро испытывал колебания, на каком из языков было бы лучше написать задуманное стихотворение; в конце концов написаны были три четверостишия, свидетельствующие, что для сочинения стихов русский язык он знал недостаточно. Кроме того, имя одного из эпических героев финской «Калевалы» — Вейнемейнена — Борро, очевидно, знал понаслышке, ошибочно сближая его с русским словом «война». Впрочем, руны «Калевалы» были тогда еще мало известны в Петербурге; их переводил Ф. Н. Глинка после встречи с проф. Шегреном в Петрозаводске; одна из них («Вейнамена и Юковайна», о песенном состязании) напечатана Глинкой в журнале «Славянин») (1828, ч. 6, с. 308—309). На обороте листка с русскими стихами Борро записал четыре четверостишия на датском языке и три по-английски. Приводим набросок по статье А. Кросса («George Borrow and Russia», ошибки метрики и правописания не оговариваем):

Финляндия войнами
Не славна никогда,
Но только Войномойдном
И стихами колдовства.

Часто, часто, часто
Стихи я слышал петые,
Видел я Войномойдна
Шинелями одетые.

И как стихи я слышал
И бога на смотрел
Совсем, как колдованные,
Я без движение был.

Английские стихи Борро, соответствующие русскому тексту, позволяют лучше вдуматься в смысл последнего:

. . . . . .
And I have Woinomoiden
In all his mantles seen
As I beheld the Giant,

As I the verses heard
I stood like one enchanted
And not a limb I stirred.

Может быть, Борро слышал рецитации стихов «Калевалы» из уст солдата-новобранца из Финляндии?

126 П. Столпянский. Пушкин и «Северная пчела».— «Пушкин и его современники», вып. XIX-XX. СПб., 1914, с. 149.

127 Пушкин, т. XI, с. 231—232 и 257—258.

128 «The Gypsies in Russia and in Spain».— «Athenaeum» (London), 1836, August 20, N 460, p. 587—588.

129 «Dict. of Nat. Biography», ed. 1917, v. II, p. 869.

130 «Цыгане в России и в Испании».— «Библиотека для чтения», 1837, т. XX, отд. VII, Смесь, с. 120—125.

131 «Цыганы».— «Северная пчела», 1841, № 169, 170.— О «Цинкали» см. также: «Отечественные записки», 1841, т. 17, N 8, отд. VI, Иностранная литература, с. 21—24 и 1842, т. 22, № 5, отд. VII, с. 11—13. Извлечения из этой книги по статье в «Blackwood's Magazine» даны были также в «St.-Petersburg English Review», 1842, N 2, p. 139—160.

132 Ср. F. Baldensperger. L'entrée pathétique des tziganes dans les lettres occidentales.— «Revue de Littérature comparée», 1938, N 4, p. 587—603. Цыганской теме в английской литературе специально посвящена работа: Wilh. Boas. Die Zigeunerromantik im englischen Roman. Diss., 1929; много внимания уделено здесь также и Борро.

133 Ср.: Н. Лернер. Пушкин и цыганы.— «Столица и усадьба», 1915, № 48, с. 13—14; В. Штейнпресс. К истории «цыганского пения» в России. М., 1934.— П. Н. Столпянский («Музыка и музицирование в старом Петербурге». Л., 1926, гл. VIII, с. 70—76) подробно анализирует, почему «Петербург пришелся, как говорится, не ко двору для цыган» и почему они «перекочевали в Москву, где и устроили свою резиденцию, появляясь на берегах Невы лишь изредка».

134 Е. П. Ростопчина. Соч., т. I. СПб., 1890, с. 11—12: «Цыганский табор» (Петровское, август 1831); ср.: там же, с. 113—114: «Цыганский вечер» (Москва, 4 декабря 1847 г.).

Фан-Дим (Кологривова) в повести «Два призрака» (СПб., 1842, ч. III, с. 71), рассказывая о песнях и плясках московских цыган, говорит, что эта «музыкальная новость» была «долго неизвестной петербургским жителям». Описание цыганок из табора Марьиной Рощи см. также ‹А. П. Протопопов›. Сумасшедший, или Желтый дом. Нравственно-сатирический роман XIX века, ч. II. М., 1836, с. 30—38.

135 Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в. СПб., 1912, с. 57—62.

136 A. F. Pott. Die Zigeuner in Europa und Asien. Halle, 1844, p. 24.

137 «The Zinkali, or an Account of the Gypsies in Spain with an original collection of their song and poetry, and a copious dictionary of their language. By G. Borrow, late agent of the British and Foreign Bibl. Soc. in Spain». 2 vols. London, 1841; «The Bible in Spain». London, 1843. О значении Борро для истории изучения цыган см.: A. F. Pott. Op. cit., p. 24—25. А. П. Баранников («Об изучении цыган СССР».— «Известия Академии наук», Отд. общественных наук, 1929, № 2, с. 383) ссылается лишь на «Цинкали» и на статью Борро в «Атенеуме» 1836 г., замечая по этому поводу, что «литература о русских цыганах вообще на иностранных языках весьма небогата и сводится к мелким заметкам».

138 Письма Дж. Борро к Джону Гасфельду (ГПБ). Вообще об этих письмах — см. ниже, прим. 150.

139 A. F. Pott Op. cit., (Vorwort). S. IX—X.

140 Она упоминается в счете Пушкина от Смирдина 1834 г. («Сборник в честь 40-летия акад. А. С. Орлова». Л., 1934, с. 445).

141 M. Alekseev. How Pushkin influenced English literature.— «Moscow Daily News», 1937, February, 16, v. VI, N 38, p. 1441; см.: Andrew Boyle. Portraiture in Lavengro.— «Cornhill Magazine», 1928, September.

142 Библиографию изданий и переводов «Библии в Испании» см. в кн.: R. Foulché-Delbosc. Bibliographie des voyages en Espagne et en Portugal. Paris, 1896, N 358, p. 208. Немецкий перевод («Fünf Jahre in Spanien». 3 B-de. Breslau, 1844) предшествовал французскому («La Bible en Espagne». Amyot, 2 vols. Paris, 1845).

143 «Приключения английского миссионера в Испании».— «Библиотека для чтения», 1845, т. XX, отд. VII, с. 59—86.

144 «Путевые записки Борро, английского миссионера в Испании».— «Библиотека для чтения», 1858, т. 147, отд. II, с. 71—124, 125—194.

145 ‹А. И. Тургенев›. Хроника русского в Париже.— «Москвитянин», 1845, ч. 2, № 3, Смесь, с. 15.

146 Мериме упоминает Борро в ряде своих писем. 11 августа 1844 г. он, например, пишет Грассе: «Один англичанин, миссионер или шпион, написал очень занимательную книгу об испанских цыганах. Он врет ужасающе, но по временам говорит вещи верные и блестящие». Ср. в письме к г-же Монтихо 16 ноября 1844 г.: «Знали ли вы некоего Джорджа Борро, миссионера Библейского общества в Лондоне, написавшего довольно интересные книги: Gypsies in Spain ‹!› Bible in Spain?». Ср. о «Цинкали» в письмах к ней же от 4 августа 1845 г. и о «Библии в Испании» — 16 мая 1845 г. (P. Mérimée.

Lettres aux Grasset, ed. M. Parturier. Paris, 1929, p. 144, 146—147). О заимствованиях Мериме из «Цинкали» см. заметку «George Borrow et Mérimée» в «Revue de Littérature comparée», 1927, N 3, p. 601—602. См. также: G.-T. Northup. Carmen: Influence of George Borrow upon Prosper Mérimée.— «Modern Philology», 1915, July, p. 143—156; А. Д. Михайлов. Два неизвестных письма Проспера Мериме.— «Известия АН СССР», 1963, т. XXII, в. 3, с. 234.

[147] А. Дружинин. Собр. соч., т. VII, СПб., 1866, с. 389—392.

[148] Письмо к Джону Гасфельду 30 августа 1841 г. (не опубликовано). Об этих письмах см. прим. 150.

[149] W. Knapp. Op. cit., v. 1, p. 173; C. Shorter. Op. cit., p. 162—168 («St. Petersburg and John P. Hasfeld»).

[150] Двадцать два автографических письма Дж. Борро к Гасфельду находятся в ГПБ в Ленинграде: ф. 777 (П. Н. Тиханова), оп. 3, № 781. Собрание Павла Никитича Тиханова (1839—1909) было очень разнообразно по своему составу и приобреталось в течение долгого времени; состоя преимущественно из древнерусских рукописей, оно заключало в себе также рукописи XVIII и начала XIX в., в том числе часть архива Н. И. Гнедича, два автографа Пушкина и т. д. Собрание П. Н. Тиханова было приобретено ГПБ лишь в 1907 г., а его краткое описание появилось в печати лишь в 1914 г. (см.: «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1907 г. СПб., 1914, с. 38—44), поэтому многие входящие в него материалы еще сравнительно мало известны и ждут обнародования и исследовательской разработки. Подробнее об этом собрании и входящих в него литературных материалах начала XIX в. см. в статье Р. Е. Теребениной «Автографы двух лицейских стихотворений Пушкина» в кн.: «Временник Пушкинской комиссии, 1974». Л., 1977, с. 10—13. Полностью все письма Борро к Гасфельду не опубликованы; однако я указал на них еще в 1949 г. в комментариях к письму Пушкина к Борро («Вестник ЛГУ», 1949, № 6, с. 133—139) и привел отрывки из них во вступительной статье к книге Борро «Лавенгро. Мастер слов, цыган, священник» (Л., 1967, с. 5—34).

Привожу полный перечень указанных писем, так как в дальнейшем изложении мною приводятся лишь незначительные извлечения из них, полная публикация отвлекла бы нас от непосредственной темы настоящих «Очерков»: 1) Evora in the Alemtejo. Portugal, December 24, 1830: 2) Madrid, May 23, 1836; 3) Madrid, February 15, 1837; 4) Madrid, April 29, 1837; 5) London, November 20, 1838; 6) London, December 20, 1838; 7) Seville, Spain, July 15, 1838; 8) Oulton, Lowestoft, April 30 (1840?) с пометой адресата: «Received April 30-th, answered in Copenhagen the 21-st of June N.S.»; 9) Oulton, Lowestoft, Suffolk, England; 10) Oulton, July 18, 1841; 11) Oulton, August 30, 1841; 12) Oulton, September 5, 1842; 13) Oulton, January 23, 1843; 14) Norwich, March 24, 1843; 15) Oulton, June 30, 1843; 16) Oulton, November 18, 1843; 17) London, April 19, 1844; 18) Bucharest, August 10, 1844; 19) Marseille, France, Novembre 9, 1844; 20) Oulton, April 25, 1845; 21) Oulton, October 21, 1845; 22) Oulton, May 2, 1846. Все письма адресованы в Петербург Джону Гасфельду. В настоящей главе приводятся отрывки из них в русском переводе.

[151] Н. Греч в своих «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (СПб., 1847, с. 7, 17) упоминает о встрече с Гасфельдом в Копенгагене в мае 1843 г.: «В это время явился к нам ‹в гостиницу› петербургский мой знакомец, знаменитый преподаватель английского языка, Иван Петрович Гасфельд, и взялся быть нашим чичероне. Он родом датчанин, уроженец Копенгагена, и знает город вдоль и поперек». Но посещение Гасфельдом родины было непродолжительным. В 1830—1840-х годах Гасфельд жил в Петербурге, на Фонтанке, близ Аничкова моста, в д. Шишмарева, занимаясь частным преподаванием английского языка. Нэпп (W. Knapp. Writings and Correspondence of G. Borrow, v. I, p. 173) пишет, что «всякие письменные следы датчанина пропадают», после того как Борро и Гасфельд встретились в Англии в 1857 г., и что он ничего не мог узнать о его последующей жизни, но Кл. Шортер (Op. cit., p. 168) напечатал полностью письмо Гасфельда из Петербурга от 26 апреля (8 мая) 1858 г. Из этого письма следует, что Гасфельд собирался тогда совсем покинуть Россию, где он провел 27 лет, и возвратиться в Данию. Не можем сказать с полной уверенностью, осуществил ли он свое намерение и долго ли пробыл у себя на родине. Но умер он, по-видимому, в России, в глубокой старости. Едва ли можно сомневаться в том, что он тождествен с Иоганном-Петерсеном Гасфельдом (р. 17/5 дек. 1800 — ум. 15 дек. 1894 г.), похороненным на Волковом лютеранском кладбище рядом с дочерью Греча — Софьей Николаевной Безак («Петербургский Некрополь», т. I, СПб., 1911, с. 646). В неопубликованом письме Гасфельда к Борро из Петербурга 31 января/12 февраля 1875 г., хранящемся в норичской городской библиотеке (Norwich Public Library), мы находим следующее место, подтверждающее высказанную догадку: «Не много осталось в Петербурге людей, которые вас помнят; среди них есть и моя теща миссис Безак, дочь «очкастого» Греча (who is a daughter of Grech with large spectacles). 5 июля 1870 года я женился на ее дочери Ольге». 30 августа 1841 г. Борро писал Гасфельду: «Вы очень заинтересовали меня подробностями, относящимися к вашему способу преподавания английского языка в С.-Петербурге; рад, что вы находите это столь выгодным делом; надеюсь, вы ведете счета, сколько франков или фунтов стерлингов вам удалось выручить в течение года». Об этом способе дают представление рекламного характера статьи: «Что такое лекции английского языка Г. Гасфельда?» («СПб. ведомости», 1840, № 212, с. 970), и «Лекции Г. Гасфельда» (там же, № 242, с. 1102). В конце 1840-х годов Гасфельд издал две учебные книги: «Опыт о преподавании». СПб., 1851 (см. «Русский инвалид», 1851, № 40) и «Английские уроки». СПб., 1849 (ср. «Библио-

тека для чтения», 1849, т. 96, отд. VI, с. 11—12). С резкой критикой этих пособий в «Отечественных записках» выступил И. И. Введенский. Об этой полемике см.: Г. Е. Благосветлов. Сочинения. СПб., 1882, с. 30.

Борро познакомился с Н. И. Гречем вскоре после приезда в Петербург. Греч интересовал Борро не только как литератор, но и как владелец типографии, имевший некоторые связи среди бывших членов Российского библейского общества. Об этом обществе, созданном в Петербурге при содействии великобританского, Греч писал в своих мемуарах: «...в Россию приехали многие английские миссионеры, Паттерсон, Гендерсон, Пинкертон, и при их руководстве составилось Русское библейское общество, которое стало печатать библии на употребительных в России языках и рассылать их ‹...› Кто не принадлежал к обществу библейскому, тому не было хода ни по службе, ни при дворе» (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.— Л., 1930, с. 365). Имени Борро Греч, сколько знаем, никогда не упоминает.

[152] В. Б ‹урнашев›. Из воспоминаний Петербургского старожила.— «Заря», 1871, № 4, с. 12. Говоря о Гасфельде, мнившем себя «чуть ли не вторым Бьевром», Бурнашев имеет в виду маркиза де Бьевра (Bièvre, 1747—1789), знаменитого французского каламбуриста и острослова; сборники изречений, основанных на игре словами, выходили неоднократно после его смерти под заглавием «Bièvriana ou les jeux de mots»; они были хорошо известны и у нас, в частности А. С. Пушкину, который упомянул в VIII гл. «Евгения Онегина» «эпиграммы площадные, из Bièvrian'ы занятые» (ср.: «Временник Пушкинской комиссии, 1974», с. 108).

«Если когда-нибудь я опишу свою жизнь,— писал Борро Гасфельду 30 августа 1841 г.,— не сомневайтесь, милый дружище, что я буду говорить о вас в выражениях, которых вы достойны. Вы и представить себе не можете, как я вам благодарен за проявленные вами бесспорные доказательства вашей привязанности ко мне; что касается меня, то остается признаться, что не всегда я отзывался так, как следовало, на вашу дружбу; совесть говорит мне, что раз или два в Санкт-Петербурге я поступил с вами дурно, нелюбезно, грубо; но я во многих отношениях еще остаюсь сущим англичанином, а вы знаете, что манеры англичан, их грубость и прежде всего их пренебрежение к форме и церемониям сделали их врагами целого света; удивляюсь только, что вы редко сердились на меня; но у датчан, да и у всех северян — отличные характеры, без примеси мстительности и злобы». Ср. также в другом письме (30 апреля 1841 г.): «Я не раз говорил вам, что вы единственный друг, которого я когда-либо имел, и, кроме моей семьи, единственное существо на свете, о ком я думаю. Действительно, у меня нет причины думать о других. Когда-нибудь я попытаюсь отплатить вам за всю вашу доброту и бескорыстную дружбу. Если когда-нибудь я издам новую книгу, вы найдете там свой портрет, нарисованный бессмертным карандашом, ибо моя третья и последняя книга отодвинет в тень даже „Библию в Испании", как это сделали „Цинкали"».

[153] Речь идет о книге «Очерки Константинополя. Сочинение Константина Базили» (СПб., тип. Н. Греча, 1835; 2 части), которую, как это видно из других писем Борро, Гасфельд собирался издать в своем английском переводе. Книга эта приветливо была встречена русской критикой, что и определило выбор ее для перевода. Белинский, например, писал, что в ней «мы видим не сухой скелет, а живую Турцию с ее угасшим, но еще по временам вспыхивающим фанатизмом, ее невежеством, варварским устройством, борьбою старого с новым, предрассудков с реформою и, наконец, ее дивным Махмудом, на которого книга г. Базили смотрит с своей точки зрения» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. II. Изд-во АН СССР. М., 1953, с. 112). Перевод Гасфельда, сколько знаем, издан не был.

[154] К. Кпарр. Op. cit., v. I, p. 224—225; ср.: М. П. Алексеев. Письмо Пушкина к Джорджу Борро.— «Вестник ЛГУ», 1949, № 6, с. 133—139.

[155] Библиотека В. А. Жуковского хранится в Томском университете («Каталог главной библиотеки имп. Томского университета», т. I. Томск, 1889, № 13889).

[156] В. Нэпп умер в 1908 г. О судьбе писем Борро из России и бумаг, бывших в распоряжении Нэппа, по справкам, наведенным в Англии, ничего не известно. Не располагает о них никакими данными и издательская фирма Джона Меррея (John Murray), издававшая произведения Борро и выпустившая также книгу Нэппа. Нет этих «русских бумаг» и в музее Борро, в его родном Нориче. По сведениям Томаса Уайза (Th. J. Wise), ныне уже покойного, которому также принадлежали некоторые бумаги и рукописи Борро, все бумаги Нэппа поступили в Американское Общество испанистов (The Hispanic Society of America), где и естественно было бы искать оригиналы записок к Борро Пушкина и Жуковского. Однако на запрос, сделанный этому обществу в 1943 г., имеются ли там русские бумаги Борро и, в частности, Гасфельда, ответ получен был отрицательный. Возможно, что они лежат под спудом как не имеющие отношения к испанским интересам Борро, либо переуступлены другому учреждению, либо, наконец, вовсе туда не поступали. Не исключена возможность, что их незадолго до своей смерти (1937) приобрел очень интересовавшийся Борро Уайз; его богатейшее собрание поступило в Британский музей, где составляет особый фонд, но оно еще не разобрано. Текст записок Пушкина и Жуковского по книге Нэппа воспроизведен был в статье Г. Струве «Английский переводчик Пушкина Джордж Борро в России», в однодневной газете «Пушкин», выпущенной в Париже в 1937 г.

[157] Хотя Н. И. Греч одним из первых оценил дарование Пушкина и уже в своем «Опыте краткой истории русской литературы» (1822) напечатал несколько слов о юном поэте (ср.: Н. Лернер. Из отзывов Н. И. Греча о Пушкине.— «Пушкин и его современники», в. XVI, СПб., 1913, с. 70—73), но в середине 1830-годов их добрые отно-

шения резко изменились. Когда в начале 1834 г. петербургский книгопродавец Плюшар задумал издание русского «Энциклопедического лексикона», на совещание по поводу этого предприятия, состоявшееся в марте, приглашен был к Гречу и Пушкин. Как мы знаем из дневника Пушкина (Пушкин, т. XII, с. 321—322), а также из воспоминаний самого Греча («История первого энциклопедического лексикона в России».— «Русский архив», 1870, стб. 1247—1272; ср.: А. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1905, с. 239—240 и др.), Пушкин был у Греча на этом совещании — «мирской сходке всей республики», как его назвал поэт в записке к В. Ф. Одоевскому (Пушкин, т. XV, с. 116), но от участия в «Лексиконе» решительно отказался.

[158] «Athenaeum», 1836, N 436, p. 177.

[159] Краткое известие о дуэли и смерти Пушкина поместили две лондонские газеты «The Morning Chronicle», 1837, March 1, и «London Times», 1837, March 1, N 6. Заметка в «Morning Chronicle» полностью перепечатана в книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (Изд. 3-е. Л., 1928, с. 410—417; «Иностранные газеты 1837 г. о смерти Пушкина»); заметка «Таймса» осталась ему неизвестной. В примечании к анонимной заметке о «Художественной газете» Кукольника, помещенной в «Foreign Quarterly Review», 1838, v. XXI, N 5, p. 328, о смерти Пушкина говорится: «Этот чрезвычайно популярный поэт был убит на дуэли в начале настоящего ‹1837› года и, таким образом, скошен в раннем возрасте — 37 лет — той поре жизни, когда он мог надеяться упрочить свою славу законченным литературным произведением, достойным его дарования». Наконец, в 1839 г. Джордж Кокс напечатал в Оксфорде английский перевод немецкой книги Фридриха Отто (Fr. Otto. Lehrbuch der Russischen Literatur. Leipzig und Riga, 1837), которая, в свою очередь, является переводом «Опыта краткой истории русской литературы» Греча (СПб., 1822), правда, переделанным и дополненным (ср.: Г. Геннади. Литература русской библиографии. СПб., 1858, с. 64). В перечне русских писателей с краткими биографическими сведениями о них Кокс добавил от себя следующее известие о Пушкине: «Пушкин умер в Петербурге 10 февраля 1837 г. от огнестрельной раны в груди, полученной на дуэли с его шурином, Дантесом бароном Геккереном ‹у Кокса — D'Authes›, приемным сыном голландского посланника в Петербурге. Дуэль произошла вследствие семейных раздоров и обвинения в измене жены одного из соперников с другим. Пушкин оказался поставленным в такое положение, что для того, чтобы спасти свою честь, он счел себя обязанным послать вызов Геккерену» (Fr. Otto. The History of Russian Literature, with a Lexikon of Russian authors. Translated by the late George Cox. Oxford, 1839, p. 337—338; о Пушкине: p. 336—339). Не лишено занимательности замечание, сделанное в «Предисловии переводчика»: «Bulgarin, together with Gretsch, from whom Dr. Otto has derived a considerable part of his work, is now left at the head of the authors of Russia; a post which the lamented death of Pushkin in the last spring left to his undisputed possession»— p. XIV («Булгарин, вместе с Гречем, из сочинений которого д-р Отто извлек многое для своих работ, остался теперь во главе писателей России, пост, доставшийся ему в неоспоримое владение после оплакиваемой всеми смерти Пушкина прошлой весной»).

[160] Остается неясным, был ли Дж. Борро знаком лично с Кондратием Григорьевичем Крымским или судил о нем на основании близко связанного с ним Н. Я. Бичурина. Крымский (ум. 1861) много лет жил в Пекине, являясь студентом десятой русской духовной миссии в Китае. В 1831 г., возвращаясь в Россию через Кяхту, Крымский по просьбе местного купечества, как утверждает его биограф, остался в Кяхте в качестве переводчика и преподавателя китайского языка. Вероятно, это произошло не без содействия Бичурина, находившегося в это время в Кяхте, но вскоре затем (1832) возвратившегося в Петербург. В феврале 1835 г. Министерство иностранных дел сообщило в Кяхту об учреждении в этом городе «Школы китайского языка» и назначении в качестве преподавателей в ней «монаха Иакинфа ‹Бичурина› и титулярного советника Крымского». Открытие школы состоялось 18 мая 1835 г. в присутствии Бичурина, вновь приехавшего в Кяхту к тому времени (см. «Об открытии училища китайского языка в Кяхте».— ЖМНП, 1835, № 6, отд. IV, с. 567—569). Бичурин в 1838 г. возвратился в Петербург, а Крымский оставался главным преподавателем школы в течение почти тридцати лет, и кяхтинская школа фактически перестала существовать после его смерти (П. Е. Скачков. Очерки по истории русского китаеведения. М., 1977, с. 110—113). Из приведенных отрывков писем Борро остается так неясным, о какой «китайской грамматике» Бичурина спрашивал Борро Гасфельда. Речь могла идти о китайской грамматике, изданной Бичуриным в Петербурге в начале 1835 г. (ценз. разр. имеет дату: 4 сентября 1834 г.), часть экземпляров которой была им привезена в Кяхту в качестве учебника; вполне возможно, что Борро знал об этой книге, когда она готовилась к выходу в свет, но уехал раньше, чем она появилась... Не исключено, впрочем, что до Борро, если принять дату его письма к Гасфельду (20 декабря 1838 г.), дошла весть о выходе в свет в этом году расширенного издания грамматики Бичурина в двух частях под заглавием: «Хань-вынь-ци-мын, или Китайская грамматика», ч. 1—2. СПб., 1838. Это замечательное для своего времени издание отмечено и в русской печати (см.: «Сын Отечества», 1838, т. 4, № 7, отд. IV, с. 1—36; «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1838, № 30, с. 590—593), а в следующем году увенчано Демидовской премией (см.: М. И. Броссе. Разбор китайской грамматики монаха Иакинфа.— «Осьмое присуждение учрежденных Демидовым наград 17 апреля 1839 г.» СПб., 1839, с. 33—44).

[161] О П. Л. Шиллинге фон Канштате см.: «Министерство внутренних дел. Исторический очерк». Прилож. 2-е. СПб., 1902, с. 131—134, с портретом и биографическим формуляром. Он был знаком и с Пушкиным («Остафьевский архив», т. I, с. 150, 431, 536;

«Русский архив», 1902, т. I, № 2, с. 280; 1908, т. III, с. 268); «О изображениях китайских письмен в любопытных изданиях бар. Шиллинга».— «Азиатский вестник», 1825, IV. Собранные им коллекции поступили в Азиатский музей Академии наук. В письме к Гасфельду от 18 июля 1841 г. Борро пишет вновь: «Великую потерю понес Санкт-Петербург со смертью Шиллинга», и вспоминает, что пользовался книгами из его библиотеки; «Я вздохнул, прочтя об его смерти в газетах, четыре года назад, в Мадриде».

[162] В письме 30 августа 1841 г. Борро пишет: «Жаль, что Греч нездоров, но не думаю, чтобы ему помогли немецкие купанья». В одном из писем Борро (30 апреля 1840 г.) есть и такие слова: «Бедный Греч! Так, значит, русские его забывают и он подумывает сказать им «прощайте». По-моему, он ошибается: в Санкт-Петербурге он все-таки остается видным человеком, а что он будет делать в Германии, где таланты — не скажу гении, потому что Германия никогда не создавала гения,— выращивают ежевику в живых изгородях?». В том же письме мы находим еще несколько указаний на петербургские знакомства Борро. Он спрашивает: «М-с Потемкина все ли еще в Петербурге?» Не можем с уверенностью сказать, идет ли здесь речь о Татьяне Борисовне Потемкиной (1797—1868), известной петербургской филантропической деятельнице, или же об Елизавете Петровне Потемкиной, урожд. кн. Трубецкой (1796 — ум. в 1870-х годах, сестре декабриста С. П. Трубецкого и жене богача-оригинала С. П. Потемкина; она жила в Москве, но наездами бывала и в Петербурге. Далее Борро пишет: «Иакинф может рассказать нам о Липовцеве, который был замечательным человеком. Многие, скончавшись, оставили после себя звучное имя, не оставив и половины тех претензий (pretence), какие предъявлял Ф., но он был человеком бесхитростным, без претензий (pretence) ‹игра слов: претензия, притворство› и без капли амбиции; я думаю, он вернулся в ту губернию, где родился когда-то». Здесь же упоминаются м-р У.— пастор церкви, семейство Ф., Ропс и др.

[163] О. П. Добеле см.: «Русский биографический словарь», т. Дабелов — Дядьковский. СПб., 1915, с. 468—469.

[164] Э. И. Стогов. Записки.— «Русская старина», 1903, № 5, с. 308—310.

[165] В. Б‹урнашев›. Из воспоминаний петербургского старожила. II. Четверги у Н. И. Греча. «Заря», 1871, № 4, с. 16.

[166] В. К. Кюхельбекер. Путешествия. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 257, 700.

[167] «Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-Китайском архипелаге бывшего Российского консула на Филиппинских островах, коллежского советника Петра Добеля». 2 части. СПб., 1833 (тут же краткая биография Добеля, сост. А. Джунковским). В обширной рецензии на эту книгу И. Бичурин писал: «Г. Добель очень много обязал читающую публику изданием в свет новейшего своего путешествия в Китай. Он первый показал нам картину сего государства с южной его стороны, с Кантона, где бывает вечный прилив купечествующих иностранцев из различных стран света ‹...› Картина кантонских лиц придает запискам г. Добеля особенную занимательность». («Московский телеграф», 1833, № 5, с. 83).

[168] Томас Шоу (Thomas Budd Shaw, 1813—1882), или Фома Иванович Шау, как он именовался в России, названный Дж. Борро в письме к Гасфельду от 24 мая 1843 г., в это время только начинал свою педагогическую и переводческую деятельность в России, куда он приехал летом 1840 г. получив в Кембриджском университете степень «бакалавра гуманитарных наук» (BA, т.е. Bachelor of Arts). Сначала он поселился в Москве (являясь учителем английского языка в доме А. И. Васильчикова); в начале 1842 г. Шоу переехал в Петербург и вскоре получил здесь назначение «исправляющего должность адъюнкт-профессора английской словесности» в Царскосельском лицее. С этих пор и началась его долголетняя и весьма успешная литературная деятельность как переводчика русской литературы на английский язык и английской — на русский (см. о нем статью Н. Мичатека в «Русском биографическом словаре», т. Чаадаев — Швитков. СПб., 1905, с. 550—551; М. П. Алексеев. Пушкин на Западе.— В сб.: «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», т. III, М.— Л., 1937, с. 149; новейшая работа, основанная на печатных и архивных источниках: Л. М. Аринштейн. Томас Шоу — английский переводчик Пушкина.— В кн.: «Сравнительное изучение литератур». Л., 1976, с. 117—124). Вопрос Борро к Гасфельду о Шоу и его «странном титуле», по-видимому, объясняется тем, что в руки Борро попал тот том журнала «Blackwood's Edinburgh Magazine», 1843, vol. LIII, p. 281—301, 464—484, 518—548, 746—760, в котором появился английский перевод «Аммалат-Бека», выполненный Т. Шоу; Борро привлек к этому произведению не только романтическо-экзотический колорит этой «правдивой кавказской повести» (A true tale of Caucasus), но и титул, который поставил после своей подписи переводчик: «transl. by T. B. Shaw, Cambridge, Adjunct Professor of English Literature in the Imp. Lyceum of Tsarskoe selo». Статьи Т. Шоу о Пушкине и очень удачные переводы появлялись в том же эдинбургском журнале, но позже. Так, в 1845 г. в LVII—LVIII томах этого журнала появилась известная статья Шоу: «Pushkin the Russian poet». Здесь помещена хорошо составленная, на основании достоверных источников (в том числе полученных от друзей поэта, например, П. А. Плетнева) биография Пушкина, переводы 22 его стихотворений и полный перевод записки В. А. Жуковского С. Л. Пушкину о последних днях жизни поэта. В это время о Т. Шоу хорошо знал и Дж. Гасфельд. Вместе с ним и с другими англичанами, жившими в России, он подал свои бумаги на конкурс преподавателя английского языка в С. Петербургском университете. Об этом упоминает, ссылаясь на архивный источник, Л. М. Аринштейн в названной выше статье, однако ошибочно именуя Гасфельда «Иваном Гасфильдом» (с. 120).

Глава VIII

ТОМАС МУР И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА

1. Первое знакомство с поэзией Мура в России; его ранние ценители и переводчики.— Берлинский театрализованный праздник 1821 года в честь петербургских гостей на тему повести Мура «Лалла Рук».— Первый перевод Жуковского из Мура («Пери и ангел») и его судьба в русской литературе.— Происхождение цикла стихотворений о «Лалле Рук» Жуковского.— Стихотворения Жуковского («Мечта», «Пери», «Бедуинка») и их немецкие оригиналы, восходящие к Муру. 2. Переводы других поэм Мура («Огнепоклонники», «Покровенный пророк Хорассана», «Свет гарема»).— Отзвуки «Лаллы Рук» в произведениях Грибоедова, Пушкина, В. К. Кюхельбекера, И. И. Козлова, Гоголя, А. С. Хомякова, А. И. Полежаева.— Мур и А. И. Подолинский. 3. «Любовь ангелов» и «Эпикуреец» Мура в русских переводах. 4. «Ирландские мелодии» в русских переводах и переделках.— Декабристы — переводчики Мура.— Неизданные переводы из Мура (Ознобишин, Ободовский, Козлов и др.).— Лермонтов и Мур. 5. Встречи с Муром А. И. Тургенева.— Тургенев рассказывает Муру о Жуковском и Пушкине.— Их беседы о Байроне.— Встречи Тургенева с Муром в Лондоне.— Тургенев вручает Муру составленную им «Записку» о русских поэтах: Жуковском, Пушкине, Козлове и Вяземском.— Черновой текст ее.— Письмо Тургенева к Муру о Пушкине с переводом стихотворения «К морю» и вестью о «Полтаве».— Проект русского издания биографии Байрона, написанной Муром. 6. Статья о Муре в «Телескопе».— Кто автор «Вечернего звона»? 7. Мур и русские поэты 40—50-х годов: А. Фет, И. Крешев и др.— Отзвуки популярности Мура в русской литературе второй половины XIX в. 8. Мур и русские композиторы: опера А. Г. Рубинштейна «Фераморс».— Оратория Шумана «Рай и пери» и ее отголоски в русской музыке.— Мур и стихотворные опыты символистов. А. Курсинский и В. Брюсов.— Мур в трактате Л. Н. Толстого «Что такое искусство»

1. Первое знакомство с поэзией Мура в России; его ранние ценители и переводчики.— Берлинский театрализованный праздник 1821 года в честь петербургских гостей на тему повести Мура «Лалла Рук».— Первый перевод Жуковского из Мура («Пери и ангел») и его судьба в русской литературе.— Происхождение цикла стихотворений о «Лалле Рук» Жуковского.— Стихотворения Жуковского («Мечта», «Пери», «Бедуинка») и их немецкие оригиналы, восходящие к Муру

В представлении русских читателей 30-х годов имя Томаса Мура (1779—1852) связывалось прежде всего с Байроном: его знали как друга автора «Чайльд Гарольда», как человека, которому были завещаны бумаги и мемуары поэта, впоследствии Муром уничтоженные; он был известен как биограф Байрона и его комментатор. Но Мура как поэта — эпика и лирика — знали у нас и раньше. С начала 20-х годов имя его мелькает в переписке русских литературных деятелей и затем все чаще встречается на страницах периодической печати.

Д. Н. Блудов в письме к И. И. Дмитриеву из Лондона (6 апреля/25 марта 1820 г.) так отзывался о поэтической репутации Мура и о месте, которое отводилось ему его соотечественниками на британском романтическом Парнасе: «Как у нас на Руси, в Московском университете удивляются одному Мерзлякову, в Беседе — только Шихматову, в доме Оленина — Гнедичу, так и здесь ирландцы с упрямством и запальчивостью ставят всех выше своего земляка Мура, которого мы, «арзамасцы», могли бы назвать английским

Батюшковым; шотландцы готовы сражаться за поэмы, а особенно за романы, в самом деле прекрасные, Вальтер Скотта, как в старину сражались за свою независимость; наконец, англичане, и более других принадлежащие к оппозиции, не дозволяют никого сравнивать с лордом Бейроном. Вот мнения трех королевств о трех стихотворцах» [1]. Эта весть о высокой оценке Мура на его родине как бы уравнивала его в поэтических правах с такими звездами первой величины, как Байрон и В. Скотт, произведения которых привлекали к себе у нас в то время всеобщее внимание, и должна была заинтересовать не одних лишь представителей «арзамасских кругов».

Правда, двумя годами ранее, т. е. вскоре после своего приезда в Лондон на должность одного из секретарей русского посольства в Великобритании, Блудов отзывался о Муре в словах более холодных и равнодушных. Рассказывая в письмах к Жуковскому о новинках английской литературы, и прежде всего о произведениях Байрона и В. Скотта, Блудов писал ему в августе 1818 г.: «Вместе с Байроном ты получишь и Мура в двух маленьких томах. Я не купил всех их произведений, ибо не знаю еще, понравится ли тебе этот вовсе не знатный поэт; здесь он славен переводом Анакреона, но на что нам, русским, Анакреон по-английски? Впрочем, если ты хочешь, я могу прислать тебе и остальные стихотворения Мура» [2]. Мы не знаем, что отвечал на это Жуковский, но отчетливо представляем себе, что в качестве «английского Анакреона» Мур действительно не мог вызвать к себе особого внимания ни Блудова, ни Жуковского: русская «анакреонтическая поэзия» исчерпала себя еще в XVIII в.; завершавшие это поветрие «Анакреонтические песни» (1804) Г. Р. Державина появились почти одновременно с переводами Мура [3].

Следует, однако, иметь в виду, что к началу 20-х годов и сам Томас Мур давно уже перерос свою юношескую репутацию эротического поэта в классическом стиле и сделался одним из типичных поэтов английского романтизма». Его переводы с древнегреческого («Odes of Anacreon») были первым опытом и появились еще в 1800 г.; за этой книгой последовал сборник его стихотворений, преимущественно эротического содержания, «Послания, оды и другие стихотворения» («Epistles, odes and other poems», 1801), изданный под псевдонимом Томаса Литтла («Маленького»). Но уже с 1807 г. (вплоть до 1835 г.) начали появляться первые выпуски его «Ирландских мелодий», стяжавшие широкую известность, а в 1817 г. вышла в свет «восточная повесть Лалла Рук» («Lalla Rookh. An oriental Romance»), которую современники ставили в один ряд с экзотическими поэмами Байрона. Эта обширная стихотворная повесть Мура (состоявшая, собственно, из четырех отдельных поэм в общей прозаической рамке), принесла ему общеевропейскую славу [4], окончательно введя его в тот поэтический триумвират, о котором, основываясь на суждении «трех королевств о трех стихотворцах», писал Блудов.

Томаса Мура как автора «Лаллы Рук» в русскую литературу ввел Жуковский, но с этой поэмой, по-видимому, он сам познакомился впервые лишь в 1821 г., находясь в Германии. Решающую роль сыграли при этом не рекомендации из Лондона его друзей по «Арзамасу», а внезапно возникшая популярность этой поэмы в берлинских придворных кругах. Творческая история первого стихотворного перевода Жуковского из «Лаллы Рук» весьма примечательна, но известна у нас мало, далеко не во всех наиболее существенных подробностях; между тем этот перевод имел важное значение для поэтической репутации в России Мура в 20—30-е годы XIX в. Поэтому мы позволим себе остановиться на нем несколько подробнее.

Зимою 1821 г., причисленный к свите вел. княгини Александры Федоровны, жены в. кн. Николая Павловича (будущего императора Николая I), Жуковский находился в Берлине. С 1817 г. он преподавал русский язык Александре Федоровне: она была дочерью прусского короля, Фридриха-Вильгельма IV, и до отъезда в Россию и свадьбы именовалась принцессой Шарлоттой. Путешествие Александры Федоровны было предпринято по совету врачей для поправки здоровья на водах Германии, и первая оста-

«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА». СТРАНИЦА С ПОРТРЕТОМ Т. МУРА
Публичная библиотека, Ленинград

новка ее, со всей русской свитой, предполагалась в Берлине, в родном доме принцессы.

На свою поездку — это было первое путешествие Жуковского за границу — поэт возлагал большие надежды; он хотел освежить себя новыми впечатлениями и, отдохнув, вновь приняться за поэтическое творчество. Правда, именно Берлин и прусский королевский двор, с которым ему надлежало ознакомиться прежде всего, не возбуждали в нем никаких радостных ожиданий. Он писал А. П. Елагиной (2 октября 1820 г.), отправляясь за границу: «Теперь еду прямо в Берлин, где пробуду до начала марта. Это не лучшая часть моего вояжа: буду видеть прусский двор — тут нет поэзии, но буду видеть Шиллеровы и Гетевы трагедии, буду слушать лучшую музыку — это поэзия» [5]. Хотя первые впечатления Жуковского от прусского двора и на самом деле оказались не очень ободряющими [6], но вскоре затем он стал свидетелем таких событий, которые всколыхнули всю тихую и размеренную берлинскую жизнь и вспоминались долго; все пережитое Жуковским в то время осталось памятным для него на всю жизнь. Эти события связаны были с великолепными празднествами, устроенными в Берлине, для развлечения великокняжеской четы, прибывшей из России, и ее свиты.

По предложению герцога Мекленбургского, Карла, сделанному им при прусском дворе, тема театрализованного празднества в честь гостей заимствована была из «восточной повести» Мура «Лалла Рук», только что ставшей известной и во Франции [7], и в Германии [8]. Очень вероятно, что поводом для возникновения этого проекта явилась незадолго перед тем вышедшая книга альтонского юриста Фридриха-Иоганна Якобсена «Письма к одной немецкой благородной даме о новейших английских поэтах» (Altona, 1820).

В этой книге было дано, впервые на немецком языке, подробное изложение этой «восточной повести» Мура и, кроме того, приведены отрывки из всех ее частей в английском подлиннике и в немецком переводе. Мур представлен здесь Якобсеном как «самый блестящий» и обладающий «самой сильной фантазией» поэт «нынешнего времени» [9].

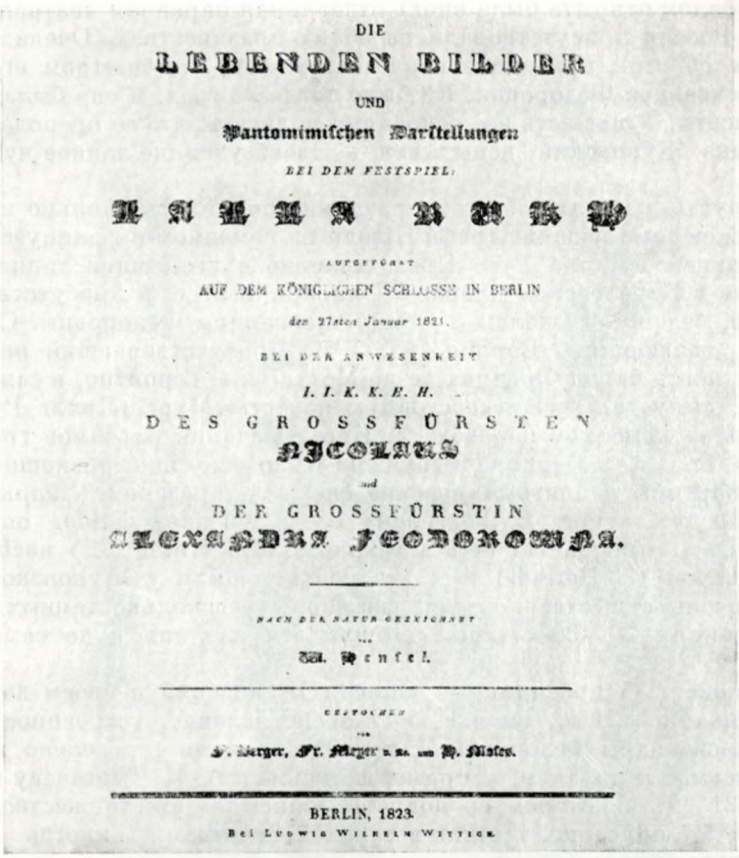
Напомним, что «Лалла Рук» состоит из прозаического текста — «обрамляющей» повести — и вставленных в нее четырех стихотворных поэм. Прозаическое обрамление позволило постановщикам берлинского спектакля 1821 г. допустить в нем прозрачные намеки на присутствовавшую в Берлине великокняжескую чету, в честь которой и устраивался праздник, да и сама Александра Федоровна, несомненно, вспоминала при этом историю своего свадебного путешествия из Берлина в Петербург [10].

В повести Мура бухарский хан Абдалла сватает в жены своему сыну, Алирису, «тюльпанощекую» Лаллу Рук, дочь могольского владетеля Индии, Ауренгзеба. Жених и невеста, по уговору родителей, должны встретиться и познакомиться друг с другом в Кашмире и только после этого сыграть свадьбу. В прозаической части повести Мура и рассказывается об этом путешествии. Невесту сопровождает обширная бухарская свита, а вместе с ней находится молодой поэт, Фераморс (под личиной которого скрывается молодой бухарский принц). Он пользуется продолжительной поездкой, чтобы развлечь скучающую индийскую принцессу Лаллу Рук.

Праздник в Берлине и задуман был как театрализация произведения Мура. В лицах должен быть представлен свадебный поезд Лаллы Рук. На пути его следования, по замыслу постановщиков, устраивались живые картины — эпизоды из четырех поэм, входящих в эту «восточную повесть»: «Покровенный пророк Хорассана» («The Veiled Prophet of Khorassan»), «Рай и пери» («Paradise and the Peri»), «Огнепоклонники» («The Fire-worshippers») — из истории гебров древнего Ирана и их борьбы против мусульманских завоевателей; четвертая, последняя, поэма Мура «Свет гарема» («The Light of the Haram»)давала заключительную тему: праздник роз в Кашмире. Во время представления каждой картины за сценой должно было раздаваться пение специально сочиненных для данного случая и положенных на музыку романсов: их словесный текст должен был пояснить застывшее в картине действие. Перемена картин, со своей стороны, должна была свидетельствовать, что принцесса совершила часть пути. После последнего эпизода, запечатленного в живой картине, принцесса должна была прибыть к озеру; празднично убранная барка должна была переправить ее вместе со свитой к другому берегу, на котором стоит дворец. По ступеням высокой лестницы, навстречу Лалле Рук, должен был спуститься ее нареченный, принц Алирис; она же должна была узнать в нем поэта-певца, услаждавшего ее своим искусством во время всего пути.

В Берлине решили, что праздник, осуществленный по изложенному плану, может получиться на славу и вполне соответствовать поставленной цели: в задуманном представлении могли принять участие и члены королевского дома, и большая часть свиты, главными же исполнителями должны были явиться знатные гости. Общее руководство представлением король поручил графу Брюлю (Brühl); декорациями, костюмами и расположением групп участников заведовал художник-архитектор Шинкель; музыку к специально сочиненным объяснительным текстам доверено было написать придворному композитору прусского короля Гаспаро-Луиджи Спонтини, исполнение вокальных номеров поручалось четырем известным немецким певицам того времени (Миллер, Шульц, Зейдлер и Бадер).

Главными лицами этого маскарадного шествия, перемежаемого живыми картинами, были в. кн. Александра Федоровна в роли Лаллы Рук и ее супруг, Николай Павлович, будущий император, позировавший в живых картинах в роли принца Алириса. Остальные роли были распределены между находившимися в то время в прусской столице принцами, принцессами и знатными гостями. В роли Ауренгзеба, например, выступал принц



DIE

LEBENDEN BILDER

UND

Pantomimischen Darstellungen

BEI DEM FESTSPIEL:

LALLA ROUKH

AUFGEführt

AUF DEM KÖNIGLICHEN SCHLOSSE IN BERLIN

den 27sten Januar 1821.

BEI DER ANWESENHEIT

I. I. K. K. H. H.

DES GROSSFÜRSTEN

NICOLAUS

und

DER GROSSFÜRSTIN

ALEXANDRA FEODOROWNA.

NACH DER NATUR GEZEICHNET

VON

W. Hensel.

GESTOCHEN

VON

F. Berger, Fr. Berger u. a. und H. Meyer.

BERLIN, 1823.

Bei Ludwig Wilhelm Wittich.

«ЖИВЫЕ КАРТИНЫ И ПАНТОМИМИЧЕСКИЕ СЦЕНЫ НА ПРАЗДНИКЕ ЛАЛЛА РУК». БЕРЛИН; 1823

Титульный лист

Институт русской литературы, Ленинград

Вильгельм (брат короля Фридриха-Вильгельма III), сестру могольского владетеля Индии представляла герцогиня Камберлендская, роли ее сыновей исполнял кронпринц Вильгельм — будущий король; бухарского хана Абдаллу, отца Алириса, изображал герцог Камберлендский, супругу хана — княгиня Луиза Радзивилл и т. д. Все они были одеты в специальные, хорошо подобранные восточные костюмы и прекрасно загримированы.

Праздник этот потребовал весьма сложных приготовлений. В течение двух недель предстояло изготовить сложные костюмы и декорации, написать стихотворные тексты к живым картинам, сочинить к ним музыку, разучить их, распределить между участниками 123 роли, устроить несколько репетиций театрализованной части этого торжественного представления и т. д.[11] Праздник состоялся в Берлине 27 января 1821 г. в большом королевском дворце. Для этой цели в нем избран был ряд комнат, окнами своими выходивших в сад — Люстгартен. В большом зале построен был помост для живых картин; за кулисами воздвигнуто возвышение для певиц и музыкантов. Между помостом и зрителями оставлено было свободное пространство для танцев, которыми заполнялись антракты между живыми картинами. Праздник удался на славу и был описан многими свидетелями[12]. Король остался им доволен настолько, что решил повторить его, чтобы приобщить к нему более широкий круг участников и зрителей. Это вторичное представление состоялось через короткий промежуток времени — 11 февраля 1821 г. Во дворец было приглашено тогда более трех тысяч человек. За день до того

пышным балом открыта была вновь отделанная парадная театральная зала. Гости из России присутствовали на обоих празднествах. Очевидцы в своих рассказах об этом празднике свидетельствуют, что центром его являлась в. кн. Александра Федоровна. Ей было тогда 23 года, и она была в расцвете своей красоты. У нас есть все основания полагать, что ее преподаватель русского языка Жуковский испытывал к своей ученице тайное чувство влюбленности.

Год спустя в память об этом празднике появилось обильно иллюстрированное гравюрами издание графа Брюля на немецком и французском языках под заглавием: «Лалла Рук. Представление с песнями и танцами, данное в Берлине в Королевском дворце 27 января 1821 г. в присутствии их имп. высочеств, вел. кн. Николая и в. кн. Александры Федоровны. С 23 раскрашенными гравюрами» (Берлин, 1822) [13]. Присутствовавший на празднике немецкий поэт, барон Фридрих де ла Мотт Фуке, вероятно, в связи с тем же событием, выпустил в свет «восточную повесть» Мура «Лалла Рук» в своем стихотворном немецком переводе [14]. Кроме издания альбомов гравюр графа Брюля, в 1823 г. в Берлине выпущено было еще одно роскошное издание: «Живые картины и пантомимические сцены на празднике Лаллы Рук <...>, рисованные с натуры В. Гензелем» («Die lebenden Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festspiel: Lalla Rukh <...> nach der Natur gezeichnet von W. Hensel»). Все эти издания были у Жуковского [15], и это для нас очень существенно: они разъясняют несколько темных мест в его стихотворениях 20—30-х годов. Дошли эти издания и до самого Томаса Мура [16].

«Несравненный праздник»,— записал Жуковский в своем дневнике под 27 (15) января 1821 г., имея в виду представление, устроенное в Берлине в честь Александры Федоровны [17]; теми же словами определено оно Жуковским в письмах к друзьям, например в письме к А. И. Тургеневу (от 19/6 февраля 1821 г.), в котором он подробно описывал это торжество. Приведем полностью это описание, так как в русской печати оно никогда целиком не воспроизводилось.

«Здесь был несравненный праздник, который оставил во мне глубокое впечатление,— пишет Жуковский.— Ты знаешь Мурову поэму Лалла Рук. Дочь Аурентзеба едет к своему жениху в Бухарию; он встречает ее в долине Кашемира. Дорогою молодой поэт, чтобы не скучно было принцессе, поет ей исторические песни; поэт нравится принцессе, и она приближается с чувством грусти к тому месту, т. е. к Кашемиру, где должна встретить своего жениха; но на поверку выходит, что жених и поэт одно лицо. Берлинский праздник был не иное что как праздник, который молодая Лалла Рук дала будто в Кашемирской долине своему супругу и своему отцу Аурентзебу, и в воспоминание тех минут, которые она так приятно провела дорогою, слушая песни своего мужа, она велит представить в картинах то, что он описывал ей в своих песнях. Эти картины, которые были сочинены живописцем Ш ***, были несравненны; во время их представления пели романсы, для которых музыка сочинена была Спонтини и прелестна. Но всему давала очарование великая княгиня; ее пронесли на паланкине в процессии — она точно провеяла надо мною, как Гений, как сон; этот костюм, эта корона, которые только прибавляли какой-то блеск, какое-то преображение к ежедневному, знакомому; эта толпа, которая глядела на *одну*; этот блеск и эта пышность для *одной*; торжественный и вместе меланхолический марш; потом пение голосов прекрасных и картины, которые появлялись и пропадали, как привидения, живо трогали, еще живее в отношении к одному, главному, наконец, опять этот марш — с которым все пошло назад, и то же милое прелестное лицо появилось на высоте и пропало в дали — все это вместе имело что-то магическое! Не чувство, не воображение, но душа наслаждалась, и я воротился к себе с каким-то унынием, которое имело свою сладость...» [18]

В дневнике Жуковского 1821 г. нашли свое отражение все важнейшие

СЦЕНА «АНГЕЛ СВЕТА И ПЕРИ». ИЗ КНИГИ «ЖИВЫЕ КАРТИНЫ...»

этапы его знакомства с повестью Мура «Лалла Рук». Под 13(25) января 1821 г. отмечена репетиция живых картин, на которой Жуковский, очевидно, присутствовал; под той же датой сделана и дальнейшая запись: «вечер дома; читал Lalla Roukh. На другой день, накануне праздника, в дневнике выписаны тридцать два стиха из «Лаллы Рук» в *английском подлиннике* [19]. Однако переводом поэмы «Рай и пери» Жуковский начал заниматься только месяц спустя: 16(28) февраля в дневник внесено начало его перевода под заглавием «Пери и ангел». Затем Жуковский продолжал этот перевод почти каждый день, вплоть до 6(18) марта 1821 г. Этим числом датирована запись: «Кончил Пери» [20].

Образ Лаллы Рук, каким он явился Жуковскому на Берлинском празднике, владел им в течение целого года. Так, в апреле 1821 г. Жуковский издавал рукописный журнал «Лалла Рук»: подобно предшествующему подобному же изданию Жуковского «Для немногих», он предназначался для Александры Федоровны. Еще в октябре того же года, посылая своей высокопоставленной ученице большое письмо, Жуковский сообщал в нем: «Предвижу, что будет еще несколько № *Лалла Рук* и *Для немногих*» [21].

В том же году вторая вставная поэма из «Лаллы Рук» в переводе Жуковского, под заглавием «Пери и ангел» (у Мура — «Рай и пери»), в первый раз напечатана была в журнале «Сын Отечества» — без имени Мура и с сокращением фамилии переводчика до одной буквы: «с английского Ж.»[22]

Новейшие издатели и комментаторы произведений Жуковского не раз с удивлением отмечали, что он не ограничился этим переводом, но возвращался будто бы к его пересозданию или повторению темы [23]; даже десятилетие спустя, утверждали некоторые исследователи, «сюжет поэмы» в сокращенном виде разработан Жуковским в стихотворении: «Пери» (1831) [24]. Устойчивый, долголетний творческий интерес русского поэта к этому сюжету, действительно, требует объяснения, тем более, что весь цикл стихотворений Жуковского, вызванный «Лаллой Рук», был доныне комментирован и недостаточно, и неправильно.

В этом цикле прежде всего обращают на себя внимание два стихотворения со сходными заглавиями и близкие друг к другу как тематически, так и по времени своего возникновения: «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лаллы Рук». Оба эти стихотворения посвящены Жуковским в. кн. Александре Федоровне и написаны в Берлине. Первое из них создано между 15 (27) января и 7 (19) февраля 1821 г. и представляет собой впечатления поэта от берлинского праздника 1821 г. и участия в нем его августейшей ученицы в центральной роли Лаллы Рук [25]. Вторая строфа этого стихотворения содержит в себе прямой намек на «живые картины», ставившиеся на этом празднике, и на связывавшее их маскарадное шествие:

Мнил я быть в обетованной
Той земле, где вечный мир;
Мнил я зреть благоуханный,
Безмятежный Кашемир;
Видел я: торжествовали
Праздник розы и весны,
И пришелицу встречали
Из далекой стороны... [26]

Это большое стихотворение Жуковского имеет как бы два плана, или две тематические линии, допускающие двоякое его объяснение. С одной стороны, оно может быть истолковано как рассказ поэта о живых картинах, изображавших эпизоды из «восточной повести» Мура; в то же время это лирико-философское рассуждение на тему о быстротечности жизни, поводом которому послужила самая повесть и ее центральный женский образ, ставший для Жуковского символом поэтического вдохновения, лишь на короткое время посещающего творческое сознание художника. Особенно ясно Жуковский высказал эту заветную мысль в той строфе, которая стала знаменитой в истории русской литературы и искусства:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты...

Первоначально Жуковский не хотел печатать это стихотворение, вероятно потому, что хотя интимный план был густо зашифрован, оно все же могло быть понято в разных смыслах, на что, несомненно, имелись некоторые основания. Для Жуковского почти мистический образ слетающего с небес «гения чистой красоты», как это не раз отмечалось, «был также связан с «земными» любовными переживаниями,— именно с увлечением поэта в. кн. Александрой Федоровной» [27], в чем он, по-видимому, боялся признаться даже себе самому [28]. Сообщая своему близкому и доверенному другу А. И. Тургеневу (при письме из Берлина от 19/7 февраля 1821 г.) списки обоих незадолго перед тем законченных стихотворений — «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лаллы Рук», Жуковский писал ему, что он некоторое время не решался сообщить их той, кому они были посвящены: «Они для меня как молитва. Чувство, которое их произвело, родня всем тем живым чувствам,

СЦЕНА «РАЙ И ПЕРИ». ИЗ КНИГИ «ЖИВЫЕ КАРТИНЫ...»

которые в разные прекрасные минуты жизни наполняли душу. Для тебя, для Саши ⟨А. А. Воейковой⟩ оно понятно, другие могут его изъяснить иначе и исковеркать своим изъяснением» [29]. В следующем письме к А. И. Тургеневу (от 21/9 февраля 1821 г.) Жуковский снова энергично настаивал на том, что тексты обоих этих стихотворений должны быть утаены от всех любопытствующих взоров: «Прости! Еще раз повторяю: и стихи мои и это письмо только для тебя и для Саши»; несколькими строками ниже Жуковский опять напоминает: «Еще раз повторяю: не читай никому ни стихов моих, ни писем (кроме Саши). Я не желаю, чтобы кто-нибудь читал то, что пишу о в. к. ⟨великой княгине⟩. Прошу быть в этом случае послушным без всякого исключения. Никому!» [30]

Однако шли годы, тайное увлечение Жуковского было подавлено и замещено другими чувствами, постепенно стала забываться и сама история берлинского праздника, о котором много говорили только в начале 20-х годов. В конце концов Жуковский снял запрет с названных выше стихотворений, и в 1827 г. они были напечатаны в разных изданиях — первое («Лалла

Рук») в «Московском телеграфе», без подписи, но с датой (1821) и в полном виде, в объеме девяти строф [31]; второе — в альманахе «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым», под заглавием «Поэзия в виде Лалла-Рук» [32].

Около того же времени эти стихотворения начали появляться и в рукописных альбомах. Так, первое из них вписано самим Жуковским в альбом Е. Н. Мещерской (дочери Н. М. Карамзина) вместе с рассуждением поэта на тему о сущности «прекрасного» [33]. В собрание стихотворений Жуковского они, впрочем, стали включаться очень поздно — лишь с пятого издания 1849 г.

Рассуждение Жуковского «о прекрасном», тесно связанное с замыслом стихотворения «Лалла Рук», в своем первоначальном виде сохранилось в записи дневника поэта под 16 (4) февраля 1821 г.[34]. В более распространенной форме оно сообщено в цитированном выше письме Жуковского к А. И. Тургеневу — от 18(6) февраля, т. е. написанном два дня спустя. «Прекрасно только то, чего нет,— писал здесь Жуковский.— В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено, и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется и чего с ним нет и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия: иначе от чего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения! Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только мимо пролетающий благовеститель лучшего; оно есть восхитительная тоска по отчизне; оно действует на нашу душу не *настоящим*, а темным, в одно мгновение соединенным *воспоминанием* всего прекрасного в прошедшем и тайным *ожиданием* чего-то в будущем». Жуковский прерывает это свое затянувшееся рассуждение цитатой из собственного стихотворения «Лалла Рук»:

А когда нас покидает,
В дар любви у нас в виду
В нашем небе зажигает
Он прощальную звезду, [35] —

и восклицает: «Это верное сравнение! Это прощальная и навсегда остающаяся звезда в нашем небе есть знак того, что прекрасное было в нашей жизни, и вместе того, что оно не к нашей жизни принадлежит! Звезда на темном небе — она не сойдет на землю, но утешительно сияет нам из дали, и некоторым образом сближает нас с тем небом, с которого неподвижно нам светит! Жизнь наша есть ночь под звездным небом — наша душа в минуты вдохновенные открывает новые звезды; эти звезды не дают и не должны давать нам полного света; но украшая наше небо, знакомя с ним, служат в то же время и путеводителями по земле. Voilà la philosophie de Lalla Rookh» *[36].

Вся эта мистическая риторика, названная «философией Лаллы Рук», разумеется, не имеет никакого отношения к поэме Мура, поскольку Жуковский говорит иносказательно о героине собственного произведения, лишь задрапированной в восточные одежды. Все вышеприведенное рассуждение больше походит на затейливую маскировку причин, вызвавших создание его стихотворения, чем на догматическое изложение эстетических принципов поэта, за которое оно нередко выдавалось. Хотя сходное рассуждение с той же символикой мистической окраски, развернутое вокруг образа «гения чистой красоты», еще раз встречается у Жуковского в отрывке «Рафаэлева Мадонна. (Из письма о Дрезденской галерее)», напечатанном в «Полярной звезде на 1824 год»[37], но характерно, что и этот отрывок извлечен из письма, посланного Жуковским в. кн. Александре Федоровне, и что стихотворные строки, включенные здесь в прозаический текст, представляют собой цитату из того же стихотворения «Лалла Рук» (1821), притом в его ранней редакции; источник этой цитаты автором, естественно, не указан [38].

* Вот философия Лаллы Рук (*франц.*).

СЦЕНА «ПРОРОК ХОРАСАНА» ИЗ КНИГИ «ЖИВЫЕ КАРТИНЫ...»

Что касается рассуждения, приложенного к стихотворению Жуковского («Лалла Рук»), то оно пользовалось долгой известностью в русских литературных кругах, сохранилась, например, сокращенная копия этого рассуждения, переписанная рукою Пушкина [39], что вполне естественно, если вспомнить заимствованную Пушкиным именно из «Лаллы Рук» Жуковского строку («гений чистой красоты») для посвященного А. П. Керн стихотворения:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты... [40]

Впоследствии сам Жуковский включил текст этого своего рассуждения в «Письмо к Н. В. Гоголю» — «О поэте и современном его значении», напечатанное в журнале «Москвитянин»[41].

Обратимся теперь к другому стихотворению Жуковского, написанному в то же время, что и его «Лалла Рук»: оно озаглавлено «Явление поэзии в виде Лаллы Рук» и написано между 27 января и 1 февраля 1821 г.

Долгое время среди исследователей Жуковского и его комментаторов распространено было убеждение, что это стихотворение принадлежит к числу его собственных произведений. Так, дневниковую запись Жуковского от 17(5) февраля 1821 г.—«перевод моих стихов» — И. А. Бычков предположительно истолковал следующим образом: «Быть может стихов: Явление поэзии в виде Лаллы Рук» [42]. Между тем на этот раз мы имеем дело не с оригинальным, но с переводным произведением. На это указал сам Жуковский. Сообщая А. И. Тургеневу его текст, Жуковский сделал такую к нему приписку: «Эти стихи сочинены здесь одной молодой девушкой: я их перевел» [43]. «Стихи этой, очевидно близкой ко двору, девушки-поэтессы в бумагах Жуковского не сохранились. Оригинал, с которого перевел Жуковский, неизвестен»,— писал Ц. С. Вольпе [44]; более поздние комментаторы, однако, высказывали предположение, что «автор стихов — вероятно, Гедвига Штегеман», поскольку о ее поэтических произведениях упомянул сам Жуковский в своем берлинском дневнике (запись 13(1) февраля 1821 г.) [45]; тем не менее текст ее стихотворения не приводился. Как мы знаем сейчас, это предположение оказалось правильным: автором стихотворения, которое перевел Жуковский, действительно, была m-lle Штегеман (Hedwig von Staegemann), принимавшая участие в берлинском празднике; она была одета индийской девушкой. Недавно Д. Герхардт сообщил и подлинный текст этого немецкого стихотворения, представляющего для нас интерес и по содержанию, и по своему заглавию: «Великой княгине Александре в виде Лаллы Рук» [46].

В своем переводе этого стихотворения Жуковский близко следовал немецкому подлиннику:

An die Großfürstin Alexandra als Lalla Rookh	Явление поэзии в виде Лаллы Рук
Nach Morgen ist mei Sinn gerichtet,	К Востоку я стремлюсь душою,
Die lieblichste ward dort gewiegt,	Прелестная впервые там
Ihr holden Blick, die Welten lichtet	Явилась в блеске над землею
Hat dort zuerst die Nacht besiegt..	Обрадованным небесам...

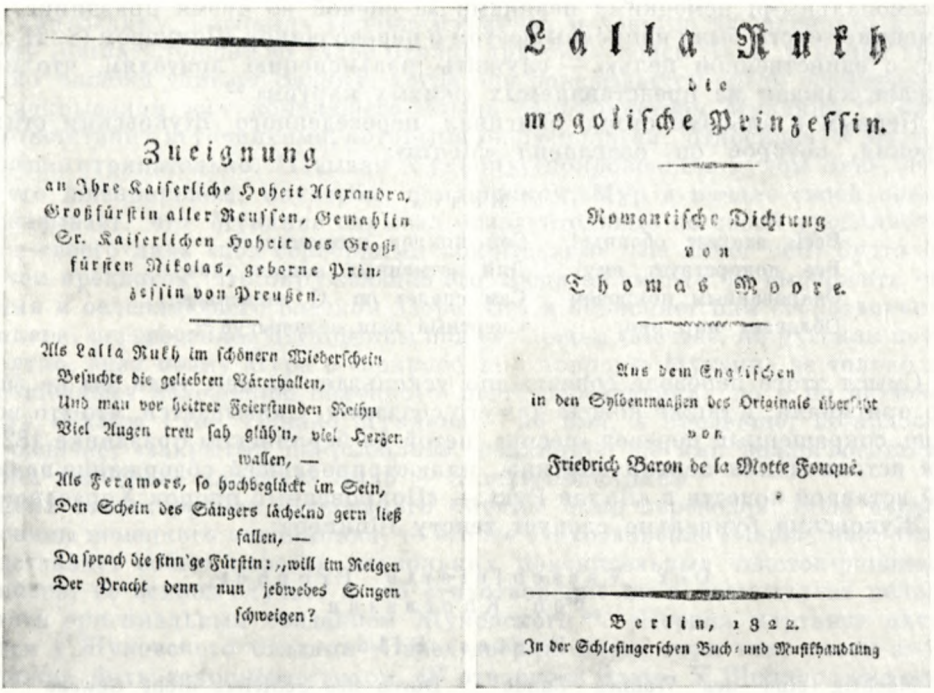
Дальнейшие строфы стихотворения Штегеман не оставляют никакого сомнения в том, что они внушены поэтессе ее личным участием в праздничном шествии:

В оригинале:	В переводе Жуковского:
So sah ich sie vorüber — schweben,	Так пролетела здесь, блистая
Der Dichtung junge Königin,	Востока пламенным венцом,
Von heimatlicher Pracht umgeben	Богиня песней молодая
Auf hohem, goldnen Palankin...	На паланкине золотом...

Естественно, что печатая свой перевод через шесть лет после его создания, Жуковский не мог сохранить его подлинного заглавия, но современники поэта прекрасно знали, что речь в нем идет о прусской принцессе, ставшей к этому времени русской императрицей. Благодаря Жуковскому в Петербурге ее долго принято было называть Лаллой Рук [47]. Пушкин также назвал ее этим именем в одной из оставшихся в рукописи, отброшенных строф VIII главы «Евгения Онегина», уподобив ее, входящую на бал, «крылатой лилии»:

И в зале яркой и богатой,	Колеблясь, входит Лалла Рук
Когда в умолкший, тесный круг,	И над поникшею толпою
Подобна лилии крылатой,	Сияет царственной главою... [48]

Указанный выше перевод стихотворения Штегеман, выполненный Жуковским, составил, таким образом, своего рода pendant к его собственному



Zueignung

an Ihre Kaiserliche Hoheit Alexandra, Großfürstin aller Reussen, Gemahlin Sr. Kaiserlichen Hoheit des Großfürsten Nikolas, geborne Prinzessin von Preußen.

Als Lalla Rukh im schönern Wiederschein
Besuchte die geliebten Vätersallen,
Und man vor heitrer Feierstunden Reihn
Viel Augen treu sah glüh'n, viel Herzen wallen, —
Als Feramors, so hochbeglückt im Sein,
Den Schein des Sängers lächelnd gern ließ fallen, —
Da sprach die sinn'ge Fürstin: „will im Reigen
Der Pracht denn nun jedwedes Singen schweigen?

Lalla Rukh
die
mogolische Prinzessin.

Romantische Dichtung
von
Thomas Moore.

Aus dem Englischen
in den Sylbenmaaßen des Originals übersetzt
von
Friedrich Baron de la Motte Fouqué.

Berlin, 1822.
In der Schlesingerschen Buch- und Musikhandlung

«ЛАЛЛА РУК». ПЕРЕВОД НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ФРИДРИХА ДЕ ЛА МОТТ ФУКЕ.
Берлин, 1822
Титульный лист и стихотворное посвящение в. кн. Александре Федоровне
Библиотека Ленинградского университета

произведению о загримированной Лаллой Рук принцессе; очень возможно даже, что оригинальное стихотворение Жуковского на ту же тему закончено было только после того, как поэт познакомился со стихотворением Штегеман [49]; во всяком случае, оба этих произведения — немецкое и русское — находятся между собой в тесной связи.

Как мы знаем сейчас из разысканий Д. Герхардта, цикл стихотворных произведений Жуковского, вызванных берлинским праздником 1821 г., этим не ограничился; к нему следует причислить еще несколько его стихотворений, смысл и возникновение которых доныне представлялись загадочными.

Среди бумаг Жуковского, принесенных в дар Публичной библиотеке сыном поэта, П. В. Жуковским, оказалась тетрадь в большой лист (20 л.), тщательно переписанная писцом, но, по словам И. А. Бычкова, «с собственноручными поправками руки Жуковского и его отметками почти при всех стихотворениях времени, когда они были написаны» [50]. Бычков считал, что «за исключением «Баллады о старушке», которая была написана в 1814 году [51], все находящиеся в тетради стихотворения относятся к 1831 году». Последние три пьесы этой тетради, оказавшиеся ненапечатанными, были тогда же опубликованы Бычковым (в 1887 г.). Это: 1) «Пери» (22 августа), л. 20; 2) «Песнь бедуинки» (л. 20 об.) и 3) «Мечта» (л. 20 об.),— по этому тексту все три указанных стихотворения печатались в некоторых собраниях сочинений Жуковского, но без всяких пояснений. Между тем все они взаимосвязаны и восходят к одному источнику — к уже упомянутому выше альбому «Die lebende Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festpiel: Lalla Rukh ⟨...⟩ nach der Natur gezeichnet von W. Hensel...» Berlin, 1823.

В этом альбоме, как мы видели, были напечатаны те объяснительные к «живым картинам» стихотворения, которые были положены на музыку придворным берлинским композитором Спонтини, а затем исполнены про-

фессиональными немецкими певицами за сценой во время праздника. Эти немецкие тексты были написаны поэтом и переводчиком Шпикером (S. H. Spiker) с единственной целью — служить разъяснению зрителям, что изображает каждая из представляемых «живых картин» [52].

Первым в альбоме стоял оригинал переведенного Жуковским стихотворения, которое он озаглавил «Мечта»:

Мечта

Всем владеет обаянье!
Все покорствует ему!
Очарованным покровом
Облачает мир оно;
Сей покров непроницаем
Для затменных наших глаз;
Сам спадет он. С упованьем,
Смертный, жди, не испытуй [53].

Смысл этого перевода совершенно ускользает от нас, если мы не знаем его оригинала, а также повода для его создания. Оказывается, что это всего лишь сокращенный перевод «песни», петой на берлинском празднике 1821 г. для истолкования первой картины, иллюстрировавшей содержание начальной вставной повести в «Лалле Рук» — «Покровенный пророк Хорасана».

Жуковский буквально следует тексту Шпикера:

Der Verschleierte Prophet
von Khorassan

Erstes Bild

Mächtig sind des Wahnes Bande
Alles ist ihm untertahn,
Er gebeut vom Land zu Lande,
Sein sind alle, die ihm nah'n
Durch des Schleiers dicht Gewebe
Dringt kein sterblich Augenlicht:
Harre, bis er sich erhebe,
Sterblicher, und forsche nicht!

Перевод Жуковского останавливается на *восьмом* стихе, но в оригинале Шпикера за ним следует еще восемь стихов, Жуковским не переведенные:

Du magst lieben, du magst hassen,
Er beherrscht dich wunderbar,
Und sein Wesen kann nur fassen
Wer in seinen Banden war... [54]

Стихотворение Шпикера представляет собою своего рода краткий конспект всего того, о чем рассказывается в поэме Мура («The Veiled Prophet of Khorassan»); в частности, стихотворение объясняет и ее заглавие, недостаточно понятное для тех, кто не знаком с ее содержанием и замыслом (на русский язык заглавие поэмы переводилось на разные лады: то «Покровенный пророк Хорассана», то «Хорассанский пророк под покрывалом», то «Мнимый пророк Хорассанский»). Следует иметь в виду, что герой этой поэмы Муканна (у Мура — Моканна) — историческое лицо, вождь крупного антифеодального и антиарабского восстания в 70-х годах VIII в., охватившего обширные земледельческие районы Средней Азии (главным образом, между реками Кашкадарьей и Зеравшаном) [55]. Хотя Муканна призывал бороться против политического и экономического неравенства и господства арабского халифата, подчинившего себе огромные территории Азии, но движение, которое он возглавил, подобно всем народным движениям раннего средневековья, внешне носило религиозный характер. Сам Муканна, придерживавшийся учения о переселении душ, объявлял своим приверженцам, что в нем воплотилось божество. Мур в основном заимствовал сведения о Муканне из «Восточной библиотеки» французского ориенталиста XVII в. д'Эрбело (в свою очередь, основывавшегося на свидетельствах арабских историков, враждебных Муканне и его движению), но расцветил его историю собственными вымыслами, введя, например, в поэму в качестве действую-

щих лиц Зелику, пленницу гарема Муканны, и некогда влюбленного в нее юношу Азима. Стоящий во главе отряда арабских войск Азим в конце концов по ошибке убивает Зелику, когда она показывается среди осажденных под покрывалом уже кончившего жизнь самоубийством Муканны [56]. Мур, в соответствии с источниками, которыми он располагал, относился к Муканне резко отрицательно. Называя Муканну «покровенным духом Зла», считая его лжепророком, изувером, обманщиком, Мур в начале своей поэмы рассказывает, что Муканна скрывал отвратительные по своей уродливости черты своего лица «под серебряным покрывалом» (the silver veil) будто бы под тем предлогом, что окружающие его люди не смогли бы выдержать его сияния и ослепляющего блеском взора. Это и объясняет нам стихотворение Шпикера, переведенное Жуковским под заглавием «Мечта», но русский поэт, вероятно, знал поэму Мура о «покровенном пророке» Муканне не только по сокращенному изложению немецкого поэта-переводчика, но и по полному тексту «Лаллы Рук». Однако Муканна — не имя, а прозвище; по-арабски оно означает «закрытый покрывалом», подлинное же имя вождя восстания против арабского халифата было — Хашим-ибн-Хаким [57].

Если стихотворение Жуковского «Мечта» было переводом лишь первой половины немецкого подлинника, то его же стихотворение «Пери», напротив, представляет собою перевод нескольких пояснительных текстов-романсов Шпикера; во всяком случае, и это стихотворение ни в коем случае нельзя считать оригинальным созданием Жуковского [58]. «Первая картина» начинается у Жуковского стихами «Перед дверию Эдема пери тихо слезы льет» и должна быть закончена стихом: «И отворится Эдем». У Шпикера она озаглавлена: «Die Peri und das Paradies. Erstes Bild» и начинается стихами:

An des Paradieses Schwelle
Steht die Peri, tief gebeugt...

Заключительные же стихи «Первой картины» читаются так:

Und der Engel an der Pforte,
Welche Erd' und Himmel trennt,
Hört die Klage, spricht die Worte:
«Dir ist Hoffnung noch vergönnt:
Gnade soll die Peri haben,
Die zu diesem ew'gen Thor
Bringt die köstlichste der Gaben,
Die der Himmel sich erkor!»

Стихотворение Жуковского «Пери» печатается обычно подряд, без разделения на эти «картины». На самом деле под обозначением «картина вторая» у Жуковского должны следовать стихи:

Пери быстро полетела;
Облетает небеса;
Облетает поднебесье,
Воды, горы и поля... и т. д.,

вплоть до стихов:

Ангел принял дар прекрасный...
Но дверей не отворил.

И в этой части текста Жуковский буквально следовал немецкому подлиннику Шпикера, весьма сокращенно пересказывавшего английский оригинал Мура:

Zweites Bild

Und die Peri schwingt die Flügel,
Sie durcheilt des Äthers Raum,
Schwebet über Thal und Hügel,
Streift der Morgenröthe Saum...

Эта часть у Шпикера кончается стихами:

Doch, die Pforte bleibt verschlossen,
Und der Engel öffnet nicht!

«Третья картина» должна начинаться у Жуковского стихами «Пери снова полетела...» и кончаться стихами:

И торжественное пенье
Огласило небеса.

Это точно соответствует немецкому тексту Шпикера:

Drittes Bild

Und die Peri schweift auf's Neue
Durch den Raum der ganzen Welt...,

кончающемуся стихами:

Und die Peri schwebt empor,
Von der Engel Schar begrüßet
Und umjauchzt vom Himmelschor!

К оригиналу того же Шпикера восходит и третье стихотворение Жуковского в указанной выше тетради:

Песнь бедуинки

В степь за мной последуй, царь!
Трона там ты не найдешь,
Но найдешь мою любовь
И в младой моей груди
Сердце, полное тобой!
Я твоя, когда твой взор
Для меня одной горит
Первым пламенем любви...
Будь чиста твоя любовь,
Как рождающийся ключ.
Если ж, царь, ты для меня
Сердце верное тебе
Оскорбил и пренебрег...
Не ходи за мною в степь,
Не мути моей души! [59]

Появление этой романтической «Песни» среди оригинальных произведений Жуковского 1831 г. также представляло собой неразрешимую загадку, так далека она — и тематически и стилистически — от лирики Жуковского 30-х годов, с преобладающими в последнем «элегическими и сентиментально-идиллическими чувствованиями и формами»; поэтому из собраний стихотворений Жуковского «Песнь бедуинки» нередко исключалась вовсе. Между тем и это стихотворение Жуковского является дословным переводом «Романса Нурмагалы» того же Шпикера — заключительной песни, которую в «Свете гарема» (4-й вставной поэме «Лаллы Рук») поет героиня, Нурмагала, Селиму, задрапировавшись девушкой-аравитянкой. Жуковский точно воспроизводит немецкий текст Шпикера, лишь в передаче отдельных слов несколько ослабляя ее восточный колорит (например, передавая немецкое слово «Wüste»— пустыня — русским — степь):

Romanze der Nurmahal

In die Wüste flieh mit mir!
Glänzt Dir gleich kein goldner Thron,
Findest Du, o König, schon
Dort ein Herz, das treu Dich liebt,
Gern sich Dir zu eigen giebt! [60]

«Романс Нурмагалы» на берлинском празднике 1821 г. пояснял одну из последних «живых картин» театрализованной тогда поэмы Мура. Шпикер довольно точно воспроизвел в своем стихотворном переводе текст английского поэта, с тою лишь разницей, что немецкий перевод значительно короче оригинала Мура; впрочем, это вполне естественно и объяснимо, поскольку все «песни-романсы» приспособлялись для исполнения за сценой во время представления «живых картин» и должны были иметь приблизительно одинаковый объем. Из одиннадцати четверостиший Мура Шпикер в своем переводе удержал лишь три, и Жуковский ему последовал. У Мура песнь Нурмагалы начинается следующими стихами:

Fly to the desert, fly with me,
Our Arab tents are rude for thee;
But oh! The choice what heart can doubt
Of tents with love, or thrones without? [61]

Таким образом, в конечном счете, «Песнь бедуинки» Жуковского — это перевод с перевода и снова восходит к «Лалле Рук» Мура.

Мы знаем теперь немецкий источник трех стихотворений Жуковского, представлявшихся ранее загадочными в его творчестве: они оказались не оригинальными, а переводными. Неясным остается для нас все же, почему все они возникли в 1831 г., т. е. ровно через десять лет после того как созданы были немецкие оригиналы Шпикера. Случайностью ли нужно объяснить то обстоятельство, что все они переписаны в одной тетради этого года и что они остались не изданными при жизни Жуковского? Решаемся высказать догадку, что три перевода Жуковского из берлинского альбома 1823 г. «Живые картины и пантомимы в спектакле «Лалла Рук», сохранившиеся в указанной тетради, действительно сделаны были в самом конце 20-х или в начале 30-х годов и что они предназначались для той же цели, какой служили немецкие оригиналы, написанные Шпикером: пояснять «Живые картины», ставившиеся на те же сюжеты в петербургском дворце.

В петербургских придворных кругах и среди членов императорской семьи берлинская инсценировка «Лаллы Рук» помнилась долго. В «Записках» К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, под 10 марта 1829 г. сделана запись о живых картинах, устроенных во дворце, в комнатах великих князей и княжен. Мемуарист не упомянул ни имени Томаса Мура, ни заглавия его поэмы, явно положенной в основу этого дворцового представления развлекательного или учебного характера, но из перечисления живых картин, поставленных в тот день с участием его воспитанников, явствует с полной очевидностью, что картины эти ставились на темы второй вставной поэмы в повести о Лалле Рук [62]. Скорее всего эта инсценировка и сделана была по одному из указанных выше альбомов гравюр к «Лалле Рук», запечатлевших берлинский спектакль 1821 г. Вполне допустимо предположение, что выполненные Жуковским переводы пояснительных текстов Шпикера делались для петербургской дворцовой инсценировки 1829 г. и потому именно не попали в печать: они предназначались для приватного разучивания и не подлежали массовому распространению. Возможно также, что петербургская дворцовая инсценировка из «Лаллы Рук» 1829 г. была не единственной, а традиционной, и что живые картины ставились не только на темы «Рай и пери», но и других «вставных» поэм той же «восточной повести» Мура.

Жуковский никогда не мог забыть берлинский праздник 1821 г.: впечатления его были слишком яркими и оставались в его памяти несколько десятилетий, время от времени отзываясь и в его письмах и в поэтических произведениях. Весною 1840 г. Жуковский снова находился в Германии, в г. Дармштадте. Однажды вечером он посетил местный оперный театр, и виденный им спектакль живо напомнил ему былое, его «первую жизнь берлинскую», почти за двадцать лет перед тем. Давали оперу-балет Спонтини:

«Нурмагала, или Праздник кашмирских роз», написанную на сюжет последней из вставных поэм к «Лалле Рук»— «Свет гарема» [63]. Для этой оперы композитор частично воспользовался музыкой и романсами для живых картин 1821 г.

В большом письме к имп. Александре Федоровне от 13(1) мая 1840 г. Жуковский рассказал об ощущениях, пережитых им на этом спектакле: «Давали Спонтиниеву оперу «Нурмагала». Я не знал этой музыки прежде. Когда ж я услышал ее, то Дармштадт пропал из глаз моих и я очутился на празднике Лаллы Рук. Это прекрасное тогдашнее видение так живо пролетело перед моею памятью, что как будто сама молодость *en personne* навестила меня,

Und manche liebe Schatten standen auf» [64].

«Странное, непонятное очарование в звуках,— продолжает Жуковский в том же письме,—они не имеют ничего существенного, но в них живет и воскресает прошедшее. Я не думал никого произвольно вспоминать; но вслед за этою картиною праздника, именно те, которые тогда были и которых теперь нет, как будто сами слетелись со всех сторон на поминки и тенями мимо меня провеяли». Вспоминая далее участников тогдашних живых картин, в частности «идеальную Пери со своим прекрасным ангелом» (роль пери исполняла кн. Елена Радзивилл, ангела — Матильда Фосс), а также других присутствовавших на празднике придворных дам, Жуковский не забыл упомянуть и Александру Воейкову, «которой я тогда описал этот праздник, которая была тогда во всем цвете жизни, а теперь в далекой могиле, под небом Италии, светлым, как была она сама» [65].

Три года спустя в письме к той же императрице из Дюссельдорфа (24(12) октября 1843 г.), упомянув о том, что ее отец, прусский король, подарил ему «Спонтиниеву музыку, написанную на праздник Лалла Рук», Жуковский рассказывал: «Одна из сестер моей жены прекрасно играет на фортопьяно, она и младшая сестра поют очень приятно, и я таким образом часто даю себе в своем уединенном уголку этот праздник и под музыку много давно прошедшего воскресает: в звуках есть что-то бессмертное, хотя сами они бытия не имеют. С ними то, что прошло, является снова точно, каким оно некогда было, во всей своей прежней свежести и молодости». И тут же Жуковский снова цитирует столь памятный ему стих Гете:

Und manche liebe Schatten stehen auf» [66].

Эти милые тени неотвратимо стояли перед Жуковским и тогда, когда в том же Дюссельдорфе, в феврале 1843 г., он писал посвящение к своей индийской повести «Наль и Дамаянти». Эта стихотворная повесть, как известно, была вольным переложением отрывка из древнеиндийской «Махабхараты», сделанным по немецким переводам Боппа и Рюккерта. Посвящение обращено к в. кн. Александре Николаевне, бывшей, как и ее мать, ученицей Жуковского. По этому поводу поэт снова вспоминал театрализованный праздник в честь Лаллы Рук, устроенный за двадцатилетие перед тем в Берлине:

Я видел сон: казалось, будто я
Цветущею долиной Кашемира
Иду один; со всех сторон вздымались
Громады гор, и в глубине долины,
Как в изумрудном, до краев лазурью
Наполненном сосуде,— небеса
Вечерние спокойно отражая, —
Сияло озеро .....
Вдруг вдалеке послышались мне клики;
И вижу я: от Запада идет
Блестящий ход; змеею бесконечной
В долину вьется он; и вдруг я слышу:
Играют марш торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушал, мимо
Прошел весь ход, и я лишь мог приметить
Там в высоте, над радостно шумящим
Народом, паланкин; как привиденье
Он мне блеснул в глаза; и в паланкине
Увидел я царевну молодую,
Невесту Севера, и на меня
Она глаза склонила мимоходом;
И скрылось все... [67]

Это было последнее в творчестве Жуковского «Явление поэзии в виде Лаллы Рук», столь устойчиво и свежо хранившееся в его памяти в течение почти четверти века.

2. Переводы других поэм Мура («Огнепоклонники», «Покровенный пророк Хорасана», «Свет гарема»). — Отзвуки «Лаллы Рук» в произведениях Грибоедова, Пушкина, В. К. Кюхельбекера, И. И. Козлова, Гоголя, А. С. Хомякова, А. И. Полежаева. — Мур и А. И. Подолинский

Возвратимся, однако, к Томасу Муру. В 1821 г., когда в «Сыне Отечества» была опубликована в стихотворном переводе Жуковского вторая вставная поэма из «Лаллы Рук» — «Paradise and the Peri», о Муре сразу заговорили в нескольких русских журналах. В «Соревнователе просвещения» та же поэма появилась в русском прозаическом переводе К. П. Б. под более точным, чем у Жуковского, заглавием «Рай и пери (сочинение Томаса Мура)» [68]; этот перевод был, однако, завершен до перевода Жуковского и выполнен независимо от него. Это полный перевод указанной поэмы Мура, сохраняющий также многие прозаические примечания английского поэта, тогда как при переводе Жуковского они большею частью опущены. Хотя при переводе К. П. Б. указано, что он сделан «с английского», в этом можно усомниться, принимая во внимание допущенную здесь кое-где транскрипцию собственных имен, явно следующую за французской орфоэпией: Жаксон (Jackson), Иннистан (Jinnistan) и др. К французскому подлиннику восходит также напечатанная в «Сыне Отечества» 1821 г. и переведенная из парижского «Revue encyclopèdique» статья под заглавием: «Исторический опыт об английской поэзии и о нынешних английских поэтах»[69], в которой одна страница отдана Муру; автором ее был Филарет Шаль, уделивший внимание также «Лалле Рук» [70].

Отметим, что в переводе К. П. Б. напечатано большое примечание о слове «пери», отсутствующее в английском оригинале, и что частично это примечание совпадает с тем, которое дается при переводе Жуковского. Очевидно, оба текста этих примечаний, объяснявших слово «пери», в ту пору еще неизвестное словарям русского языка, восходит к одному источнику, скорее всего французскому [71]. В переводе К. П. Б. слово «пери» толкуется так: «На персидском языке *пери* значит воображаемое только существо. Пери имеют некоторое сходство с волшебницами и суть одни из прекраснейших созданий романтического мечтания. Узелей ⟨Ouseley — английский путешественник⟩ в своем собрании персидских сочинений описал некоторые главные черты оных со всею роскошью воображения, исполненного восточных мыслей. Несмотря на то, что существование и вид пери весьма неопределительно описаны, они вообще представляются как нежные и любезные женщины; благотворительность и красота суть отличительные свойства их нрава. Они не проказливы и не коварны, не уродливы и не малы, как обыкновенные волшебницы. Хотя по красоте своей они несколько похожи на ангелов, но занятия у них другие; они не живут на небе, не сходны с теми существами, которые последовательно Платоновой системы названы демонами за чрезвычайный их ум; также не похожи на гениев, хранителей римлян, ни на деву рая, названную аравитянами гуриею (Houris). Но пери порхают в бальзамических облаках; они живут в цветах радуги; и как чрезмерная чистота их существа отвергает всякую пищу грубее запаха цветов, они питаются только испарениями роз и ясмина. Хотя существование их не определено границами жизни человеческой, однако ж, они не избегают общей участи всех смертных»[72].

Прозаический перевод «Рая и пери», принадлежащий перу К. П. Б., довольно точен, но недостаточно поэтичен; в сравнении с ним стихотворный перевод Жуковского, несмотря на все свои достоинства, мог быть назван

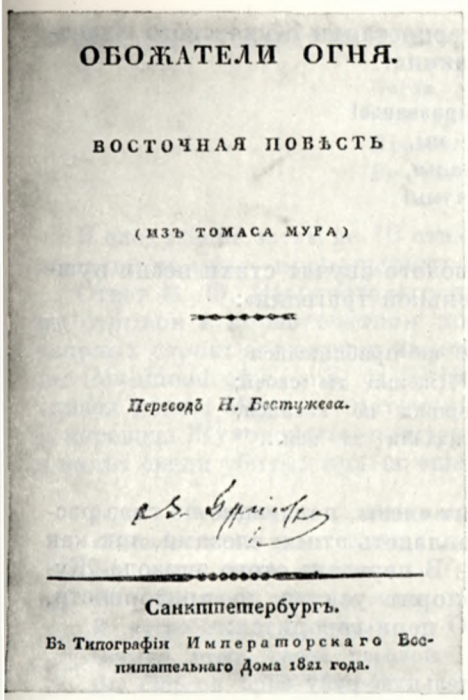
вольным и временами даже сильно отступающим от подлинника [73]; между тем именно поэтическому переводу Жуковского суждено было ввести в русскую литературу и надолго удержать в ней поэму Мура о пери, изгнанной из рая. В своем переводе Жуковский придал этой восточной поэме особое сентиментально-романтическое обличье христианской окраски, которой лишен был английский подлинник. «Кажется, Жуковский не очень хорошо понял, что такое «пери», — с достаточным основанием заметила французская исследовательница [74], отмечавшая кое-какие допущенные в его переводе искажения и переделки. В самом деле, хотя Жуковский и стремился воспроизвести экзотический колорит «Рая и пери», пытаясь удержать большинство встречающихся в тексте непривычных географических имен, ботанических названий, причудливых по своим красочным сочетаниям восточных пейзажей и т. д., но в его переводе все это значительно ослаблено. Жуковского, несомненно, затруднял отягощающий подлинник тяжеловесный аппарат пояснительных примечаний, превращающих порою поэму Мура в ученый трактат по ориенталистике; Жуковскому чужды были названные Муром источники и одушевлявшая его поэму идея искупления, тем более, что читатель его перевода так и оставался в неведении, за что пери изгнана из рая и какой свой проступок она должна была искупить, находясь среди людей (в восточных, в частности индийских, источниках, положенных Муром в основу его поэмы, гораздо яснее, чем в ее тексте, объясняется, что пери изгнана из рая за любовь к смертному) [75]. В переводе Жуковского на это не осталось и намека, скорее всего потому, что в его представлении пери была не столько крылатым существом древнеиранской мифологии, сколько своего рода христианским ангелом женского рода, и что русский поэт не в состоянии был наделить это бесплотное воздушное существо человеческими чувствами. Сознательно или бессознательно Жуковский вносил в текст своего перевода изменения в те эпизоды, которые представлялись ему то слишком чувствительными или откровенными, то слишком жестокими и устрашающими. Примером может послужить воспроизведение Жуковским в русских стихах того эпизода «Рая и пери», где в ярких контрастных красках рассказывается о чумной эпидемии, разгар которой наблюдает пролетающая мимо пери. Жуковский избежал даже устрашающего слова «чума», заменив его неопределенным обозначением «быстрый мор», и явно ослабил картину гибели цветущего края от заразы, которую примчал сюда от «воспламеняющих песков», «губительный гений пустыни» (у Мура — the Demon of the Plague). Жуковский не совладал с теми стихами, в которых описывается опустошение и картины неотвратимой гибели. Мы читаем в переводе:

И стала смрадною больницей
Благоуханная страна;
Сияньем дремлющим луна
Сребрит тела непогребенны;
Заразы ядом устрашенный,
От них летит и ворон прочь;
Гиена лишь, бродя всю ночь,
Врывается для страшной пищи
В опустошенные жилищи...

В английском подлиннике — луна, противопоставленная некогда все оживлявшему здесь солнцу, безмолвно и одиноко льет свет на непогребенные кучи мертвых тел (unburied heaps); у Мура нет и намека на слишком поэтическую для данной зловещей декорации «дремлющую» луну, «серебрящую» тела покойников, да и гиены бродят у него по безлюдным улицам чумного города (эту подробность Мур подтверждает ссылкой на Джексона, описывающего чуму, вспыхнувшую в городах Западной Берберии).

Далее у Жуковского «пери, жалости полна», видит, как, припавши головой к земле, умирает всеми покинутый юноша; с ним уж нет

Толпы друзей, дотоле вслед
Счастливца милого летавшей.



ОБОЖАТЕЛИ ОГНЯ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ

(ИЗЪ ТОМАСА МУРА)

Переводъ Н. Бестужева.

Санктпетербургъ.

Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома 1821 года.

«ОБОЖАТЕЛИ ОГНЯ». ИЗ Т. МУРА. ПЕР. Н. БЕСТУЖЕВА, СПб., 1821
Титульный лист
Институт русской литературы, Ленинград

ЛАЛЛА-РУКЪ.

Восточная повѣсть

Т. Мура.

Переводъ съ Англійскаго.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1830.

«ЛАЛЛА-РУК» Т. МУРА. ПЕР. С АНГЛ. М., 1830
Титульный лист
Институт русской литературы, Ленинград

Зато к нему, «как чистый ангел исцеленья», спешит его невеста; и

...близость друга угадал
Страдальца взор полузакрытый;
Он чувствует: ему ланиты
Лобзают огненны уста,
Рука горячая слита
С его хладеющей рукою,
И освежительной струею
Язык засохший напоен...

Эти стихотворные строки довольно близко следуют оригиналу, но у Мура дева с полной безнадежностью обнимает умирающего и, ожидая собственной смерти, просит его крепко прильнуть к ее устам, пока они еще свежи:

Then turn to me, my own love, turn
Before like thee I fade and burn.
Cling to these yet cool lips and share
The last pure life that lingers there!

В этом чувственном мотиве нет никакого проблеска мысли о загробном мире, но в переводе Жуковского она появляется; девушка говорит у него юноше:

Пока еще не позабыла
Душа любви своей земной,
Делись любовию со мной;
И в смертный час свою мне руку
Подай на смерть, не на разлуку!

Десятилетие спустя о гибели от чумы возлюбленных с гораздо большей силой и независимо от Мура или Жуковского размышлял Пушкин в своем

«Пире во время чумы». Но как далек от интерпретации Жуковского жизнеутверждающий победный гимн чуме у Пушкина:

...Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье,
Быть может... полное чумы!

Каким контрастом словам девы у Жуковского звучат стихи песни пушкинской «задумчивой Мери» в той же «маленькой трагедии»:

Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне,—
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней... [76]

В другом эпизоде «Рая и пери» пери видит слезы, падающие из глаз раскаивающегося преступника, и стремится завладеть этими слезами, так как надеется, что они откроют ей врата Эдема. В передаче этого эпизода Жуковским сентиментально-дидактический колорит усилен до приторности, а Эдем стилизован под христианский рай. О пери говорится:

Как нежная сестра, она
Поддерживала с умиленьем
Главу, нагбенную смиреньем!
И быстро из его очей
В мирительную руку ей
Струя горячих слез бежала;
И на небе она искала
Ответа милости — слезам...

В поэме Мура пери, прежде чем вступить в Эдем, долго прощается с цветами и благоуханиями земли: вполне закономерно, что все эти прощания, полные самых экзотических подробностей, из которых почти каждая требует особого пояснительного примечания (древо вечного счастья — «Tooba Tree», произрастающее в раю Магомета, заросли — «lote-tree», по свидетельству Корана, скрывающие трон Аллаха и т. д.), полностью выпадают из перевода Жуковского, и его пери исчезает в христианских небесах.

Перевод Жуковского был встречен единодушными похвалами; его приветствовали даже в кругах, идейно ему наиболее чуждых. Не случайно, что высокая оценка «Пери и ангела» прозвучала даже в среде будущих декабристов, пленившихся в «Лалле Рук» не столько ее экзотикой, сколько искусно скрытыми в ней под покровом восточного вымысла оппозиционными настроениями ирландского поэта-патриота. Так, К. Ф. Рылеев радовался появлению «Рая и пери» на русском языке в своем «Послании к Н. И. Гнедичу» 1821 г., в котором находятся следующие строки:

Так и Жуковский наш, любимый Феба сын,
Сокровищ языка счастливый властелин,
Возвышенного полн, Эдема пышны двери,
В ответ ругателям, открыл для юной пери [77].

Некоторыми строфами того же перевода Жуковского «первый декабрист» В. Ф. Раевский воспользовался для пропаганды среди солдат ланкастерской школы в Кишиневе; он выбрал те стихи из «Пери и ангела» Жуковского, где речь шла о завоевании Индии, о смерти героя, павшего «во искупление свободы», чью каплю крови пери уносит на небеса. Сам Раевский вспоминал, что во время суда над ним ему задавались вопросы «о тетрадях в школе» и по поводу некоторых обнаруженных в этих тетрадях выписок. «Пример

начинался,— говорит Раевский,— 20-ю стихами прежде и оканчивается:

Богам угодное даянье
Она ⟨пери⟩ сказала, я нашла:
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы!

И следующие затем до 10 стихов ниже. Я отвечал, что это все случайные выписки из книг, пропущенных цензурою» [78].

Ответ В. Ф. Раевского его судьям был безупречно точен; выписанный им отрывок в первопечатном тексте Жуковского занимал тридцать стихотворных строк: это эпизод из истории завоевания Индии Махмудом из Газны (Mahmood of Gazna, or Ghizny) в XI в.; как увидим ниже, именно этот эпизод поэмы Мура в оратории Р. Шумана восхищал П. И. Чайковского. В переводе Жуковского он читается так: победитель идет по полю сражения и видит среди убитых врагов еще живого одинокого воина:

Лицом бесстрашного плененный,
«Живи!» тиран ему сказал;
Но воин, молча, указал
На обагренны кровью воды
И истребителю свободы
Послал ответ своей стрелой;
По твердой броне боевой
Стрела скользнула — жив губитель,
На трупы братий пал их мститель,
И вдаль помчался шумный бой!..
Все тихо! Воин молодой
Уж умирал, и кровь скудела...
И пери к юноше слетела
В сияньи утренних лучей,
Чтоб вежды гаснущих очей
Ему смежить рукой любови
И, в смертный миг, священной крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упованье.
«Богам угодное даянье,
(Она сказала), я нашла;
Пролита кровь сия была
Во искупление свободы»...
Так! Если есть в стране земной
Достойное небес воззренья,
То что ж достойней приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившего бытие
За дело чести и свободу!» [79]

Еще более действенное агитационное значение в тех же декабристских кругах должен был получить прозаический перевод из «Лаллы Рук», сделанный будущим декабристом, видным деятелем Северного общества, Н. А. Бестужевым, под заглавием: «Обожатели огня»; первоначально этот перевод был напечатан в «Соревнователе просвещения» за 1821 г., а затем в том же году выпущен в свет отдельным изданием [80]. Это — третья вставная стихотворная поэма в «Лалле Рук» («The Fire-Worshippers»), в которой рассказаны драматические эпизоды из истории борьбы иранских огнепоклонников — гебров с их мусульманским завоевателем и угнетателем, аравийским эмиром Ал-Гассаном. Если в предшествующей поэме «Лаллы Рук» (в «Рае и пери») тираноборческие мотивы проявлялись как бы случайно, во второстепенных эпизодах, то в «Огнепоклонниках» борьба за национальную и религиозную свободу составляет основной сюжетный стержень, подчиняющий себе все остальное, включая любовный конфликт вождя восставших гебров, Гафеда, и его возлюбленной, Гинды, живущей в стане его врагов. В «Вестнике Европы» 1830 г. анонимный критик, излагая содержание «Лаллы Рук», по-видимому, по немецким источникам, так отзывался об «Огнепоклонниках» (называемых им «Чтители огня») и о рассказанной в этой поэме трагической истории любви Гафеда и Гинды: «Гафед есть начальник гебров, последнего останка ⟨!⟩ древле-персидских огнепоклонников, не принявших магометанства. Гинда — дочь арабского эмира Гассана, преследующего гебров между горами. Она любит, не зная того, что ее любезный есть жесточайший враг ее родителю, и она, наконец, долженствует быть свидетельницей его гибели. Это обстоятельство напоминает нам об Ромео и Юлии; но герой повести восточной играет здесь роль двойную —

и любовника, и ревностного приверженца своей веры. Борьба между древним учением огнепоклонников и сиcтемою магометанства, между древней свободою и деспотизмом, изображена пламенными красками» [81].

Относительно «Обожателей огня» Н. А. Бестужева высказывалось предположение, что в своем переводе он «значительно усилил протестантские мотивы поэмы Мура, придав им революционную и тираноборческую интерпретацию» [82]; а некоторые исследователи шли даже еще дальше, называя «Обожателей огня» «вольным переводом» или утверждая, что борьба «защитника свободы» Гафеда с сатрапом «лютейшим и жесточайшим», свободы с тиранией — это «бестужевский сюжет в восточной повести Т. Мура» [83]. Эти крайние выводы не подтверждаются сличением перевода Бестужева с подлинником. Перевод этот не может быть назван «вольным» в том смысле, что переводчик намеренно усилил в нем звучание проникающих подлинных идей веротерпимости и национальной свободы; скорее наоборот, Бестужев приглушил и ослабил это звучание, может быть, вынуждаемый к этому петербургской цензурой. Он достаточно хорошо знал английский язык, чтобы усвоить основную тенденцию «Огнепоклонников», но, может быть, и он не понимал до конца сокровенный смысл этой «восточной поэмы», заботливо украшенной автором ориентальной драпировкой. Кое-что Бестужев не понял именно в ее слишком специальных подробностях, требовавших познаний начитанного востоковеда [84]; кое-что он обошел в своем переводе сознательно, чтобы не перегружать его чрезмерно восточными «арабесками»; однако в отдельных случаях Бестужев, в общем близко следовавший оригиналу, все же опускал в переводе стихи, которые могли бы показаться опасными в России в цензурном отношении.

Поясним сказанное несколькими примерами. В русском тексте «Обожателей огня» Бестужева, в том месте, где говорится о ненависти гебров к завоевателю-тирану, поэт от имени гебров, вынашивающих замыслы восстания, в таких словах обращается к Ал-Гассану: «Так, жестокий эмир, если б тот, кто достиг вершины башни, почитаемой тобою неприступною, явился у твоего ложа, он показал бы тебе успокоение тирана» [85]. Текст этот, несомненно, поврежден; не сразу можно догадаться, что под «успокоением тирана» подразумевается его убийство. Оригинал Мура значительно экспрессивнее подчеркивает, что гебр мечтает о том времени, когда он сможет проникнуть в уединенную башню, где почивает эмир, и увидит его «спящую грудь», чтобы поразить ее кинжалом. В тексте Мура:

Yes, Emir! he, who scaled that tower,—
And had he reach'd thy slumbering breast,
Had taught thee, in a Gheber's power
How safe even tyrant heads may rest.

Далее в переводе Бестужева читаем: «Это один из гонимых тобою, кои столь же мужественны, как и он, презирают гордость твою и твоих ополчений, они знают, что, разорвав единое кольцо их ⟨своей⟩ цепи, они погибнут; но совокупны духом, смеют сопротивляться тебе и почитают счастьем умереть, защищая свободу. Они известны тебе, достойный наместник царя гонителя». Хотя этот отрывок переведен довольно точно, но Бестужев все же устранил из своего текста, по требованию или по личному почину, ряд очень существенных и живописных подробностей.

У Мура это место имеет следующий вид:

Is one of many, brave as he,
Who loathe thy haughty race and thee;
Who, though they know the strife is vain,
Who, though they know the riven chain
Snaps but to enter in the heart
Of him who rends its links apart,

Yet dare the issue,— blest to be
Even for one bleeding moment free,
And die in pangs of liberty!
Thou know'st them well — 'tis some moons since
Thy turban'd troops and blood-red flags
Thou satrap of a bigot Prince!
Have swarm'd among these Green Sea crags... [89]

Из дальнейших стихов в прозаической передаче Бестужева также выпали некоторые детали, усиливающие в подлиннике их ораторский, декламационный характер вроде, например, повторного обращения к тирану («Thou, Arab...»); ослаблены также некоторые определения; так, в переводе говорится: «И прежде, нежели ветры принесли твои корабли к сему берегу, возмущение уже тебя ожидало». У Мура оттенок опорного слова в этой фразе другой: речь у него идет о восстании (rebellion), против эмира на берегу покоряемой им страны до его прибытия туда:

Here — ere the winds half wing'd thee o'er —
Rebellion braved thee from the shore.

Вслед за этими строками Мур делает авторское отступление, помещая в текст довольно длинное размышление об этом слове «восстание»: о, это «отвратительное, бесчестящее слово», когда оно обозначает несправедливое насилие, пятнающее святое дело, философствует поэт. Как много душ, рожденных для благословения, угасли под этим иссушающим словом, тогда как лишь день или час успеха вознес бы их к вечной славе.

Rebellion! foul, dishonouring word.
Whose wrongful blight so oft has stain'd
The holiest cause that tongue or sword
Of mortal ever lost or gain'd —
How many a spirit, born to bless,
Hath sunk beneath that withering name,
Whom but a day's, an hour's success
Had wafted to eternal fame!

Нам представляется знаменательным, что все это рассуждение о многозначности слова «восстание», которое в зависимости от изображаемого им успеха или поражения меняет свой смысл и произносится то с благословением, то с проклятием, полностью отсутствует в переводе будущего декабриста. С большой дозой вероятия можно предположить, что этот пропуск в переводе Н. Бестужева — не случаен, и что виновником его не является переводчик; едва ли бы российская цензура 20-х годов могла бы допустить в печати утверждение, что бывают случаи, когда слово «восстание» обозначает действия благодетельные и заслуживающие всеобщей похвалы.

Между тем Мур подсказывал читателю именно такой вывод из своего рассуждения и делал это совершенно сознательно. Указанное место «Огнепоклонников» получило известность; оно внушило критикам Мура убеждение, что в сознании поэта гебры ассоциировались с ирландцами и что под именем Гафеда он изобразил своего друга Роберта Эммета, погибшего после неудачного восстания ирландцев, а что в образе Гинды нашел свое отражение облик Сарры Карран. Это сходство бросилось в глаза первому издателю «Дневников» Мура, Дж. Расселу, а вслед за ним идейную близость «Огнепоклонников» и «Ирландских мелодий», писавшихся одновременно, пытались проследить и обосновать многие последующие его критики и биографы [87]. Как известно, Байрон прочел «Лаллу Рук» тотчас по ее выходе в свет и писал Джону Меррею 15 сентября 1817 г., что «лучшее во всей книге — это «Огнепоклонники» [88], очевидно потому что эта поэма действительно пронизана пафосом борьбы против угнетения и насилия.

Г. Брандес утверждал, что интерес читателей к этой поэме «пробуждается лишь тогда, когда он догадывается, что под гебрами разумеются ирландцы и Ирландия». Оттого, по его мнению, «Огнепоклонники» — «единственная вполне удавшаяся часть. Даже названия Иран (Iran) и Эрин (Erin) мало-помалу сливаются в ушах читателя в одно слово»; «Эта прекрасная поэма, в которой герой — благородный и несчастный мятежник, а героиня живет в такой среде, где постоянно говорят о нем с отвращением, по-видимому, внушена воспоминаниями о Роберте Эммете и Сарре Карран. Сходство заметно даже в некоторых мелких подробностях...» [89]

Сам Мур не возражал против такого отождествления; он признавался даже, что только тогда увлекся разработкой сюжета своей поэмы, когда увидел, что борьбою между огнепоклонниками и магометанами можно воспользоваться как предлогом для проповеди веротерпимости и национальной свободы среди англичан-протестантов и угнетенных ими ирландцев-католиков. Это было для него, по его собственным словам, той «вдохновляющей темой» (inspiring theme) свободы, которая обрабатывалась им в первых сериях «Ирландских мелодий» и должна была одновременно вдохновить и одушевить восточный вымысел его поэмы. Однако современники Мура считали, что поэт несколько погрешил здесь против исторической истины и правдоподобия. Отголоски этих опасений и возражений поэту, делавшиеся в английских журналах начала 20-х годов, достигли и русской печати; так, в рецензии на «Лаллу Рук» в «Вестнике Европы» 1830 г. анонимный критик осторожно писал об «Огнепоклонниках»: «Одно лишь покажется сомнительным в этой прекрасной картине, именно — терпимость, похожая на что-то слишком новое. Ни аравитянин, ни гебр не могли быть творцами сей повести» [90].

В предисловии к одному из изданий «Лаллы Рук», подводя итоги обсуждению этого произведения в западноевропейской печати, Мур, между прочим, свидетельствовал, что ему «были сделаны возражения по поводу употребления ‹...› слова *свобода* (to my use of the word Liberty), в особенности в повести, следующей ниже ‹речь идет об «Огнепоклонниках»›, как полностью неприменимого к положению, когда-либо существовавшему на Востоке» [91]. «Тем не менее,— продолжал Мур,— хотя я, конечно, не имею намерения употреблять его в том широком и благородном смысле, который придается ему в настоящее время, я полагаю все же, что нельзя недооценивать его, когда им обозначается та национальная независимость, та *вольность* (freedom), которая провозглашалась против вторжения и предписаний иноземцев, во имя которой действовали и индусы, и персы, борясь со своими мусульманскими завоевателями» [92]. Это ответственное заявление Мура, подчеркивавшее общественный смысл его поэтического творчества, в то же время лишний раз свидетельствует о его позициях как ирландского патриота. В восточных вымыслах Мура то там, то здесь прорывалось современное восприятие им таких проблем его эпохи, как национальный вопрос и национально-освободительное движение. Это подтверждает нам, что и в России, у его русских читателей, например у будущих декабристов, были известные основания, чтобы объединять Мура с Байроном как «вольнолюбивых» поэтов, совместно трудившихся на одном поприще по распространению и утверждению в обществе идей равенства и гражданской свободы. Этим же объясняется, что именно в декабристских кругах, как увидим ниже, стали популярными и любимыми «Ирландские мелодии» Мура.

Конечно, различия между Байроном и Муром как «социальными» поэтами не могли не сказаться довольно быстро. Русские критики уже к середине 20-х годов разглядели, что «мятежности» творчества Байрона противостояли в поэзии Мура примиренность, успокоенность, сентиментальный оптимизм. Но и сравнивая их друг с другом, критики не переставали восхищаться «самой цветущей фантазией в роскошнейшем ее богатстве» и даже эрудицией Мура, столь искусно примененной в его поэтических созданиях. В популярных у нас в 30-е годы «Чтениях об изящной словесности»

Д. О. Вольфа о Муре говорилось: «В решительную противоположность Байроновым темным краскам он умеет разливать на все свои картины почти ослепительный свет радостной, весело и быстро текущей жизни; а притом повсюду господствует у него нежность и искренность в такой степени, в какой они очень редко совокупляются с такою силою. Сверх того, он обладает чрезвычайным, изумительным запасом знаний, и этот запас отнюдь не во вред ему; как от прикосновения Мидаса все превращалось пред ним в золото, так пред этим истым поэтом — все служит поэзии, и в предмете самом сухом и неблагодарном он находит такую сторону, которая представляет его привлекательным» [93].

Русские переводы различных частей и отрывков из «Лаллы Рук» до начала 30-х годов нередко появлялись в журналах и альманахах Москвы и Петербурга; все эти переводы были преимущественно прозаические. В качестве исключения можно указать лишь на ранний стихотворный перевод «романса» из первой вставной поэмы в «Лалле Рук» («The Veiled Prophet of Khorassan»). Этот перевод, сделанный И. И. Козловым под заглавием «Из поэмы Лалла Рук», напечатан был в 1823 г. в пятом номере журнала «Новости литературы» [94]. Правда, к сюжету поэмы о хорасанском пророке этот отрывок прямого отношения не имеет: это лирическая песня молодой женщины, сложенная, по замечанию автора, в патетической «испаганской манере». Песню эту случайно слышит герой поэмы: в ней поется о розах, которые некогда цвели на берегах реки Бендамира, «неподалеку от развалин Чильминара», и о скоротечности жизни. У Мура эта меланхолическая восточная песня имеет четыре четверостишия, в которых трижды упомянуты струи «тихого Бендемира»:

There's a bower of roses by Bendemeer's stream,
And the nightingale sings round it all the day long;
In the time of my childhood 't was like a sweet dream
To sit in the roses and hear the bird's song

Над струями Бендемира стоит беседка из роз,
и соловей вокруг нее поет целый день.
Во время моего детства для меня было сладким
сном сидеть среди роз и слушать пение птички.

«Эту песню и эту беседку я никогда не забывала,— признается певица далее,— но часто, одинокая, весенней порою я думаю: поет ли еще соловей, цветут ли пышные розы над тихим Бендемиром?» А жизнь проходит слишком быстро и отвечает отрицанием на эти робкие чаяния надежды:

No, the roses soon wither 'd that hung o'er the wave,
But some blossoms were gather'd while freshly they shone,
And a dew was distill'd from their flowers, that gave
All the fragrance of summer, when summer was gone.

Нет, рано увяли розы, склонявшиеся над рекой,
но некоторые цветки были сорваны прежде, чем они отцвели;
из них выжали каплю, которая
сохранила благоуханье пролетевшего лета.

Песня заканчивается сравнением:

Thus memory draws from delight, ere it dies
An essence that breathes of it many a year;
Thus bright to my soul, as't was then to my eyes,
Is that bower on the banks of the calm Bendemeer!

Так память извлекает из наслаждения, прежде чем оно угаснет,
долговечное благоуханье;
так цветет теперь в душе моей, как прежде цвела пред очами,
эта беседка из роз на берегу тихого Бендемира.

Эта песня пользовалась известностью отдельно от «Лаллы Рук» в виде романса, положенного на музыку, печаталась в хрестоматиях лирических стихотворений, заучивалась наизусть. Уже после смерти Мура в «Библиотеке для чтения» (1854) было помещено «Путешествие по Ирану», в котором автор рассказывает, что он ехал в Шираз не прямой дорогой, но на Бендемир — «место, увековеченное ирландским бардом в одном из счастливейших произведений его музы»; выписав далее всю песню, приведенную нами выше, путешественник заметил: «Я не нашел роз, уже поглощенных струями, и время года не благоприятствовало песням соловья. Без сомнения, весною Бендемир должен быть очарователен в прозрачной зелени своих садов, с живописными своими каскадами и фантастическими скалами, обрамляющими деревню; но все-таки нужно иметь слишком живое воображение, чтобы найти в нем половину той прелести, какою облекает его восхитительная муза поэта. Удовольствие, с каким смотрел я на Бендемир, было порождено приятными воспоминаниями того времени, когда я впервые читал «Лалла Рук», и теми незабвенными ощущениями, которые навевают на нас молодость, поэзия и надежда. Я понял всю силу и истину прекрасного выражения Мура: «Так память извлекает из наслаждения, прежде чем оно угаснет, долговечный аромат» [95].

Козлов в упомянутом выше переводе этой песни Мура довольно далеко отошел от подлинника, распространив его четыре четверостишия до четырех восьмистиший, т. е. увеличив ровно вдвое; из руского перевода исчезло также название экзотической реки Бендемир (собственно, Bend-Emir, реки в Иране, известной древним грекам под названием Аракса и прославленной походом Александра Македонского), а вместо «беседки» (bower) говорится о «роще», в которой труднее представить себе цветущие розы. Правда, восточный колорит отрывка сохранен благодаря упоминающемуся здесь соловью, поющему над розами,— столь традиционному мотиву персидской поэзии. Козлов сумел также передать общую меланхолическую настроенность этого стихотворения. Приведем начало этого известного перевода Козлова, печатающегося ныне под заглавием «Романс»:

Есть тихая роща у быстрых ключей;
И днем там и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут,
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той роще любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слушала песни — и млела душой... [96]

Вся поэма Мура, из которой этот «романс» извлечен, была переведена у нас пять лет спустя. Полный русский прозаический перевод поэмы, озаглавленный «Покровенный пророк Хорасана. Восточное повествование», помещен был в издании: «Венок граций. Альманах на 1829 год» [97]. В то время, когда этот перевод производился, он представлял известный интерес для русских читателей даже по одной своей географической номенклатуре: только что окончилась русско-персидская война, и описания красот таких областей Персии, как прославленный Муром в первых стихах его поэмы Хорасан, эта «очаровательная страна солнца» (that delightful province of the sun), появлялись у нас даже в газетах [98]. В примечании к переводу было отмечено: «легкий очерк одной из четырех поэм, украшающих Лалла Рук, прелестный роман Томаса Мура». Именно об этом переводе, увидевшем свет

в одном из незначительных московских альманахов, вспоминал впоследствии Аполлон Григорьев в автобиографии «Мои литературные и нравственные скитальчества», говоря, что русская молодежь 20-х годов именно потому набрасывалась на альманахи, что «в каком-нибудь несчастном «Венке» она встречала один из прелестных рассказов Томаса Мура в «Лалла Рук» — «Покровенный пророк Хорасана» [99]. Переводчик не назвал свое имя, вероятно, из скромности или боязни недоброжелательной критики; по той же причине все авторы этого серенького альманаха скрылись под буквенными или цифровыми криптонимами (Г. С., А. З., З. Р., 1,7 и т. д.). П. П.Свиньин в обзорной статье («Взгляд на периодические издания и альманахи») отнес «Венок граций» к числу тех Московских альманахов, которые, по его словам, «суть порождения или книгопродавческих спекуляций или небрежности и крайности авторской, и, наконец, студентского самонадеяния, которое еще не изучилось опытом, что сочинение молодости, расхваленное в кругу юношей — товарищей, может встретить противный прием хладокровной взыскательной публики» [100]. С точки зрения такой критики этот перевод заслуживал более осуждения, чем благодарности: хотя этот перевод довольно точен, но он все же сокращает или лучше сказать «облегчает» подлинник — пропущена большая часть «примечаний» Мура; отдельные трудные для понимания места переданы лишь приблизительно. Тем не менее, хотя перевод сделан прозой, но две «песни», включенные в текст, переведены стихами; первая песня та самая, которую, как мы видели, ранее перевел И. И. Козлов.

Перевод этой песни в «Венке граций» в некотором отношении ближе к подлиннику, чем перевод Козлова; в альманахе, как и в оригинале Мура, песня состоит из четырех строф:

Беседку я помню близ струй Бендамира,
Там розы цветут, там поют соловьи.
Во дни моей юности, счастья и мира
Казалась там жизнь сновиденьем любви.

Вовек не забуду беседки прелестной!
Но часто цветущей порою весны
Себя вопрошаю: еще ль звук небесный
Там слышен и розы еще ли красны?

Ах, нет! Над волнами уж розы увяли!
Листки разнеслися, но летней росы
Прозрачные капли их запах приняли,—
И в каплях сих видим мы лета красы.

Так точно замена нам счастью в страданье
Отрадная память, подруга людей! —
Беседка так розы усладой мечтаний
Мне жизнь обновляет потерянных дней!..

Другая «Песнь», сложенная в ином, страстно призывном тоне и исполняемая хором гаремных невольниц, оказалась хуже, чем первая. У Мура она начинается следующими стихами:

A Spirit there is, whose fragrant sigh
Is burning now through earth and air;
Where cheeks are blushing, the Spirit is nigh
Where lips are meeting, the Spirit is there!..

В «Венке граций» читаем:

Песнь

Есть дух, и волшебно-роскошным дыханьем
В земле он и в воздухе пылко горит;
Он близок — где роза ланиты живит;
Он весь — где пылает восторгом лобзанье...

Та же манера дословной передачи, доходящей порой до полной бессмыслицы, сохраняется и в последующих строфах; переводчику не удались ни передача меняющихся ритмов оригинала, ни повторяющиеся в отдельных строфах короткие призывы, похожие на заклинания (entrancing Power! Spirit of Love! Spirit of bliss! и т. д.); он не понял, что в стихе «Глаза, как лилеи в струях голубые», собственно, речь должна была идти не о водяных лилиях, а о голубом лотосе, что поясняет и сам Мур в примечании к этому стиху. Беспомощно, к тому же с досадной руссификацией передано четверостишие:

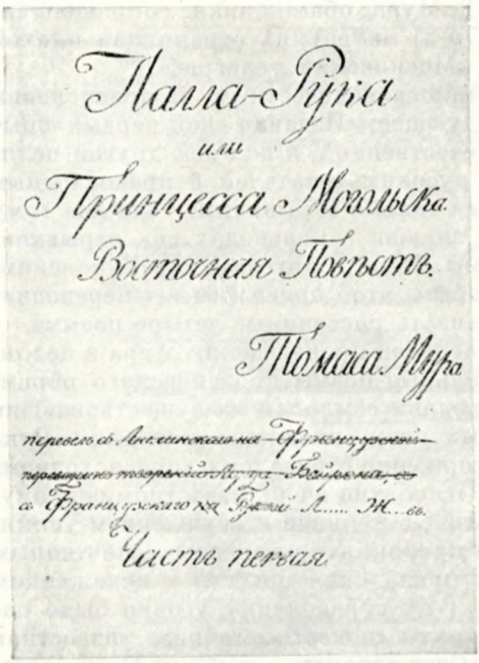
Прелестная дева и витязь младой,
Сердцами сливаясь, зовут твою силу,—
Сливаясь, как солнце с кипучей волной,
Спадая с лазури в крутую могилу...

В оригинале нет ни «младого витязя», ни «кипучей волны», ни «крутой могилы», ни лазури, но речь идет о красавице и юноше, которые краснеют, подобно солнцу и волне, встречающимся перед закатом:

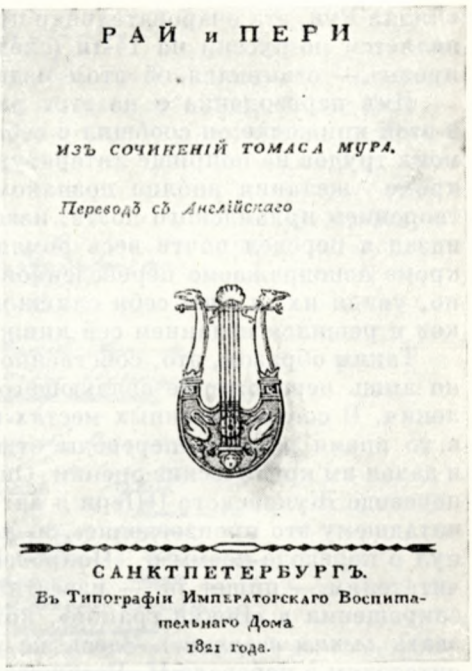
By the fair and brave
Who blushing unite,
Like the sun and wave
When they meet at night...

В конце 20-х годов сделано было еще несколько русских переводов из «Лаллы Рук». В «Сыне Отечества» за 1827 г. был, например, опубликован перевод (также в прозе) последней (четвертой) «вставной» поэмы этого большого произведения («The Light of the Haram») под заглавием «Свет гарема» [101]. Ни в тексте, ни в оглавлении имя переводчика не обозначено; сохранились, однако, известия, что эта поэма привлекла к себе внимание нескольких переводчиков, в частности О. М. Сомова [102] и Д. П. Ознобишина [103]; тем не менее, у нас нет достаточных оснований для того, чтобы мы могли приписать перевод в «Сыне Отечества» одному из двух указанных известных русских литераторов.

Среди рукописей Института русской литературы в Ленинграде сохранился еще один стихотворный перевод (неполный) той же поэмы Мура. Он принадлежит перу М. А. Гамазова, в то время семнадцатилетнего ученика Петербургского главного инженерного училища, впоследствии ориенталиста и дипломата [104]. Этот перевод вписан им собственноручно в переплетенную тетрадь: «Собрание сочинений М. Гамазова. СПб., 1829», предназначавшуюся в подарок родителям автора к новому году. Интересующий нас перевод открывает указанную рукописную тетрадь, переписанную каллиграфическим почерком. Заглавие имеет следующий вид: «Кашемирская долина (Из Томаса Мура). Свет гарема. (Нурмагаль)» [105]. К первому стиху сделано примечание: «Начало собственно мое до второй главы», а далее идет самый перевод, оканчивающийся VI главой, где указано: «Продолжение впредь». В оригинале поэмы, как известно, текст не разбит на главы, следовательно, это сделано самим юным переводчиком. Ему настолько понравилась лирическая увертюра к «Свету гарема», изображающая Кашмирскую долину


Лалла-Рука
или
Принцесса Могольска.
Восточная Повесть
Томаса Мура
перевел с Англинского на Французский
прозою господин Вайрома, с
с Французского на Русский Л..... Ж...въ.
Часть первая.

«ЛАЛЛА-РУКА, ИЛИ ПРИНЦЕССА МОГОЛЬСКА». Т. МУРА. ПЕР. С ФРАНЦ. Л... Ж.., В. ЧАСТЬ I. РУКОПИСЬ
Обложка
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва


РАЙ и ПЕРИ
ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ТОМАСА МУРА.
Переводъ съ Англійскаго
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспитательнаго Дома
1821 года.

«РАЙ И ПЕРИ». ИЗ СОЧ. Т. МУРА. ПЕР. С АНГЛ. СПб., 1821
Титульный лист
Институт русской литературы, Ленинград

с ее экзотическими, меняющимися утром, днем и ночью красками, что он предпослал ей собственное вольное подражание на ту же тему, правда в ученических, хромающих стихах, весьма далеких от совершенства:

I

О, как прелестны те страны,
Где негою природа дышет ⟨!⟩,
Пышней где розы убраны,
Где путник поминутно слышет ⟨!⟩
В дали журчанье ручейка
И видит тень издалека,
Которую леса лавровы
Ему раскинуть уж готовы.
Востока милые страны,
С избытком где наделены
Природою дары чудесны,
Везде картины там прелестны,
Все очаровывает слух;
Там пальмы, головы вздымая,
С зефиром утренним играя
Кидают мрачну тень вокруг,
Там кипарис растет гробовой,
И кедр, вздымаяся, шумит
И с пташкой райской говорит...
Как благовонные цветы,
Среди долин, всегда прелестных,
Как солнце в облаках небесных,
Как между гор Иран златой
Блестит чудесной красотой,
Так на Персидских тех равнинах
В Востоке рóскошном цветет
Красою дев своих слывет
Та Кашемирская долина (л. 5—6).

Любопытно, что двумя годами ранее ученик старшего класса Гимназии высших наук в Нежине Н. В. Гоголь также перекладывал в собственные посредственные стихи ту же картину Кашмирской долины в «Свете гарема» Мура, найдя ее прозаический перевод в «Сыне Отечества».

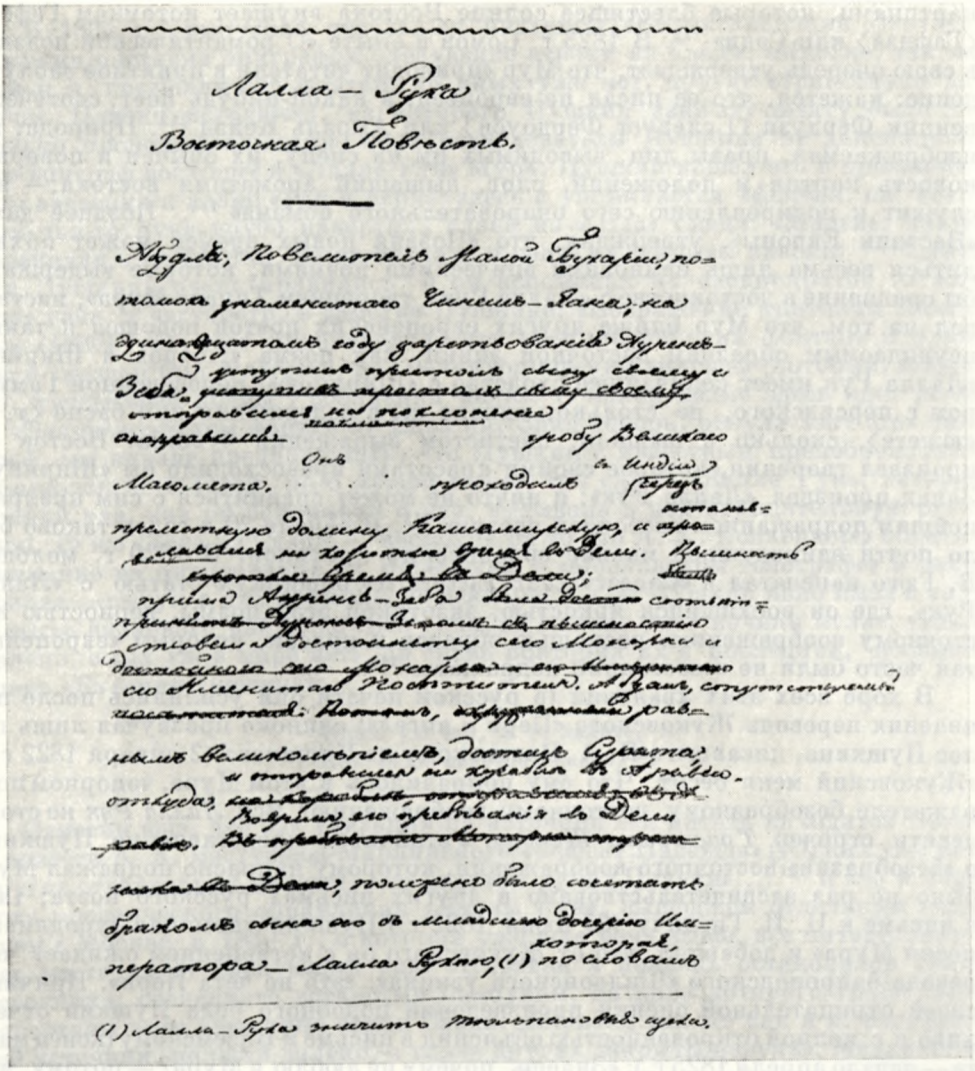
В начале 1830 г. в Москве выпущена была отдельно маленькая брошюра в 12-ю долю листа: «Лалла Рук. Восточная повесть Т. Мура. Перевод с английского» [106]. Это миниатюрное издание, впрочем, разочаровало читателей.

«Лалла Рук, эта очаровательная поэма Т. Мура, общипанная, сокращенная, является по-русски на 14-ти (следует 74-х) маленьких страничках плохой прозы»,— отзывался об этом издании «Московский телеграф» [107].

Имя переводчика и на этот раз осталось неизвестным. В предисловии к этой книжечке он сообщил о себе следующее: «Издавая свой первый опыт моих трудов на поприще литературы отечественной, я не имею другой цели, кроме желания вполне познакомить русских читателей с превосходным творением ирландского поэта, известным только отрывками. Года два тому назад я перевел почти весь роман, не знавши о переводах сих отрывков, кроме неподражаемо переведенной поэмы «Пери и ангел» В. А. Жуковским; но, увидя их, я счел себя слишком слабым, чтоб превзойти г-д переводчиков и решился изданием сей книжки связать рассеянные четыре поэмы».

Таким образом, это, собственно, не перевод произведения Мура в целом, но лишь переложение связующего отдельные поэмы прозаического обрамления. В соответственных местах переводчик ссылался на существовавшие в то время русские переводы отдельных поэм, входящих в «Лаллу Рук» и давал им критические оценки. Он восторженно отозвался о «превосходном» переводе Жуковского («Пери и ангел»), «вероятно очень известном всякому, читавшему это произведение», и, напротив, с иронией и осуждением упомянул о переводе поэмы о «Покровенном пророке Хорасанском» («почтенным читателям,— пишет он,— известна эта прекрасная повесть в искаженном сокращении в «Венке граций», которое г-ну переводчику угодно было назвать *легким очерком*»). Здесь же упомянуты «повесть о гебрах», «известная читателям в переводе Н. Бестужева» и «Свет гарема» — в «Сыне Отечества». Полного русского перевода «Лаллы Рук», следовательно, не существовало: в печати имелись лишь ее разрозненные части, рассеянные по многим изданиям и появлявшиеся друг за другом в течение почти целого десятилетия. Нас не должно поэтому удивлять, что еще в 1836 г. предпринята была попытка осуществить полный (прозаический) перевод «Лаллы Рук»; впрочем, он был сделан не по подлиннику, а с французского перевода, и опубликован не был [108]. И все же даже эти несовершенные, неполные, разбросанные по многим изданиям переводы из «Лаллы Рук» оставили заметные следы в самых разнообразных произведениях русских писателей 20—30-х годов.

Русских читателей этой поры увлек яркий восточный колорит поэмы Мура. В русской литературе как раз начинался расцвет романтического ориентализма. Это течение, быстро ставшее у нас в те годы популярным, не было однородным по своим истокам; в нем объединились воздействия, шедшие с разных сторон, прежде всего от поэзии и фольклора разноплеменных народностей тогдашней Российской империи; языки и культуры как этих народностей, так и народностей зарубежного Востока стали усиленно изучаться у нас именно с этого времени [109]. Наряду с этим в переводах и подражаниях к нам начали проникать окрашенные на ориентальный манер произведения западноевропейских литератур, одновременно из Англии, Германии и Франции. В этом сложном общеевропейском явлении русская критика 20-х годов пыталась усмотреть личный почин Мура и даже некоторое время явно преувеличивала значение, которое в этом смысле имели для русской литературы его восточные поэмы. Так посмотрел на дело С. П. Шевырев, в своих лекциях по истории поэзии отмечавший значение ориентальных влияний для новейших английских, а вслед за ними и русских поэтов. «В этой школе,— писал он,— особенно в поэзии Мура и в произведениях Байрона, видно влияние восточной поэзии. Изучение памятников словесности индийской и персидской, распространенное учеными ориенталистами Англии, увлекло фантазию поэтов в мир идеальный, в мир Востока» [110]. Еще яснее Шевырев высказался по этому поводу в «Московском вестнике», в рецензии на поэму «А. И. Подолинского «Див и пери», созданную как раз под очевидным влиянием «Лаллы Рук»: «В наше время англичанин Мур пристрастил всю Европу к восточному роду поэзии, с которым, впрочем, Гете и еще прежде Гердер ее познакомили. Мы, русские, не остались чуж-



Лалла – Рука

Восточная Повесть.

Аудея, повелитель Малой Бухарии, по-
томок знаменитого Ченгиз-Хана, на
одиннадцатом году дарствования Аурен-
Зеба, устроив прежнюю свою свадьбу с
сестрою, вторично на поклонении
отправился ко гробу Магометову. Отъ
Магомета, проходя в Индию, заехал
прекрасную долину Кашемирскую, и про-
славился не хорошим своим в Дели. Прежде
бывшим временем в Дели;
принял Аурен-Зеба дела достал состоя-
ствовал в достопамятную его Могольскую и
достославную его Монархию и его Высочайшую
сю Милостию Подвластный. А Дели, сопутствуемый
счастием: Потом, одержавши рав-
ными великолепием, достиг Сурата
и отправился на корабле в Аравию.
отсюда, на корабле отправился в
Возвращение его превзошло в Дели
славою. Во время отсутствия
ехал в Дели, тщетно было считать
браком свою его младшею дочерью Им-
ператора – Лалла Рукою, (1) которая, по словам

(1) Лалла – Рука значит Тюльпановая рука.

«ЛАЛЛА-РУКА. ВОСТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ»
Рукопись неизвестного переводчика Л. Ж.
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва

дыми его примеру; нечувствительно обогащается словесность наша восточными апологами, стихотворениями, поэмами. Критика радуется, смотря на сие обогащение; между тем холодная предусмотрительность, в которой ее часто, но несправедливо укоряли, заставляет опасаться, чтобы роскошь описаний не заменила у наших стихотворцев истинной силы чувствований и мыслей; живописцы, щеголявшие яркостью красок, редко отличались точностью рисунка» [111].

Вопрос, которого коснулся здесь Шевырев, был весьма злободневным для всего этого десятилетия и обсуждался во многих критических очерках, посвященных Муру в русской печати. В статье «Нечто о Томасе Муре», переведенной А. Очкиным с французского уже в 1822 г., Мур восхваляется за то, что он сумел в своей «Лалле Рук» воспроизвести все особенности восточной эпической поэзии: «Если бы классическая Муза вкуса не всегда внушала песни Томаса Мура, то читая «Лалла Рук» можно было бы почесть его превосходным переводчиком одной из тех поэм, богатых чувствами и

картинами, которые блестящее солнце Востока внушает потомкам Гафеца ⟨Гафиза⟩ или Сади» [112]. В 1823 г. Сомов в опыте «О романтической поэзии» в свою очередь утверждает, что Мур «приводит читателя в приятное заблуждение: кажется, что ее писал не европеец, а какой-нибудь поэт, соотечественник Фердузи ⟨! следует Фердоуси⟩ или Амраль Кейзи [113]. Природа, им изображаемая, нравы лиц, выводимых им на сцену, их обычаи и поверья, новость картин и положений, слог, дышащий ароматами востока,— все служит к подкреплению сего очаровательного обмана» [114]. Позднее даже «Вестник Европы», утверждая, что «Поэзия новых времен может похвалиться весьма лишь немногими эпическими поэмами, которые выдержали бы сравнение в достоинстве с «Лалла Рук», творением Томаса Мура», настаивал на том, что Мур ближе других европейских поэтов подошел к таким неувядаемым образцам восточной эпики, как поэма «Хосров и Ширин»: «Лалла Рук имеет величайшее сходство с «Шириною», переведенной Гаммером с персидского, не столько, однако ж, в содержании или басне ⟨т. е. сюжете⟩, сколько в пышном, цветистом выражении чувства. Восток не произвел творения, которое своими красотами превосходило бы «Ширину»; Запад произвел «Лалла Рук»; и ничто не может сравниться с сим прекраснейшим подражанием восточной поэзии» [115]. В начале 20-х годов таково было почти единодушное мнение европейских критиков. В 1820 г. молодой В. Гюго напечатал в «Conservateur Litteraire» обширную статью о «Лалле Рук», где он восхищался яркостью, экзотикой этой поэмы, верностью восточному воображению, роскошью образов и красок, которым «европейцы так часто были не в состоянии подражать» [116].

В хоре всех этих хвалений (в русской печати они усилились после появления перевода Жуковского «Пери и ангел») одиноко прозвучал лишь голос Пушкина, писавшего П. А. Вяземскому из Кишинева (2 января 1822 г.): «Жуковский меня бесит. Что ему понравилось в этом Муре, чопорном подражателе безобразному восточному воображению? Вся *Лалла Рук* не стоит десяти строчек *Тристрама Шенди*». Устойчивое представление Пушкина о «безобразии» восточного воображения, которому напрасно подражал Мур, было не раз засвидетельствовано в других письмах русского поэта; так, в письме к Н. И. Гнедичу (27 июня 1822 г.) Пушкин упоминал «уродливые песни Мура» и добавлял, что от Жуковского он с нетерпением ожидает перевода байроновского «Шильонского узника»: «это не чета Пери». Причину своей отрицательной оценки произведений подобного рода Пушкин отчетливо и с полной откровенностью объяснил в письме к Вяземскому (конец марта — начало апреля 1825 г.): «Знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в «Гяуре», в «Абидосской невесте» и проч.». Наконец, отрицательный отзыв о той же «восточной повести» Мура находим также в письме Пушкина к Вяземскому из Михайловского (в ноябре 1825 г.): «Поступок Мура ⟨речь идет о сожжении им записок Байрона⟩ лучше его *Лалла-Рук* (в его поэтическом отношенье)» [117].

Эти известные цитаты на фоне вышеприведенных данных приобретают особый смысл. В неприятии экзотики Мура у Пушкина первоначально было мало единомышленников; некоторые критические нотки по поводу «излишеств» восточного воображения появляются в русской критической литературе лишь десятилетие спустя. Тем более стоит подчеркнуть, что отзыв Пушкина о Муре основывался не на одном лишь знакомстве его с переводом Жуковского («Пери и ангел»); он едва ли пропустил и другие русские переводы (в частности Н. Бестужева) и отзывы о Муре в русских журналах; кроме того, в его руках, несомненно, был полный французский перевод «Лаллы Рук» А. Пишо (1820), по которому он знакомился с разными частями этого большого произведения [118]. Об этом можно заключить из одного косвенного свидетельства.

В 1824 г., выпуская отдельным изданием «Бахчисарайский фонтан», Пушкин поставил эпиграфом следующие строки из Саади: «Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече». Поиски источника, из которого Пушкин взял эту цитату, были довольно продолжительными, пока исследователи Пушкина не доискались, что эпиграф восходит к «Лалле Рук» Мура; Пушкин нашел его в прозаическом введении к поэме «Рай и пери»; здесь и упоминается «фонтан, на котором чья-то рука грубо начертала слова из «Сада» Саади: «Многие, как я, созерцали этот фонтан, но их не стало и глаза их закрыты навеки» [119]. Слова эти Пушкину очень нравились, и он вспоминал их неоднократно. О них идет речь, в частности, в заметке Пушкина: «Возражение критикам Полтавы» (1830), где поэт признавался, что «Бахчисарайский фонтан» в рукописи «назван был *Харемом*, но меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня». О какой поэме здесь идет речь? О «Бахчисарайском фонтане»? Едва ли. Зная теперь, откуда взят этот эпиграф, мы вправе предположить, что Пушкин с известным пренебрежением отзывался не о своей, но о чужой поэме, той самой «Лалле Рук», которая всякий раз, как он вспоминал о ней, вызывала в нем отрицательную реакцию. Те же слова из Саади,— несмотря на то что А. Х. Бенкендорф обратил внимание на цитирование их Вяземским в «Московском телеграфе» и заподозрил скрытую в них аллюзию на декабристов,— Пушкин явно имел в виду в стихе чернового наброска «Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла»: «Иные далеко, иных уж в мире нет»; он снова повторил их в последней, восьмой, главе «Евгения Онегина»:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал [120].

Отметим еще, что без указания на источник эта цитата находится также в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Фрегат Надежда» («Одних уже нет, другие странствуют далече! — со вздохом думал Правин»...) [121] и что в переводе прозаического обрамления «Лаллы Рук», вышедшем отдельным изданием в Москве в 1830 г., о котором уже шла речь выше, все интересующее нас место имеет следующий вид: «Караван в полдень остановился близь источника, осененного ветвистым бамбуком, на коре которого грубо были начертаны всем известные стихи Саади: «Многие, так же как и я, посещали сей источник, но одни далеко, а глаза других закрыты навеки». Меланхолическая красота этой надписи доставила Фераморзу случай завести разговор о поэзии» [122].

Таким образом, отношение Пушкина к поэтическому творчеству Мура в общем оставалось прохладным, незаинтересованным; попытки их современников сблизить некоторые лирические стихотворения Мура с пушкинскими не привели ни к каким результатам [123]. Пушкин, конечно, следил за появлявшимися в русской периодической печати переводами из Мура (Козлова, Вяземского и др.), читал отзывы о них, но позиция его по отношению к Муру оставалась прежней. Неприязнь его к автору «Лаллы Рук» косвенно отразилась на отрицательном отношении к тем современным ему молодым русским поэтам, в произведениях которых сказывалось тяготение к ориентализму Мура. Примером может служить А. И. Подолинский. В 1827 г. Подолинский издал в Петербурге свою первую поэму «Див и пери. Повесть в стихах». Поэме предшествует эпиграф, взятый якобы из трактата Джона Ричардсона о языках, литературах и нравах народов Востока («Dissertation of the Language, Literature and Manners of Eastern Nations»): «В войнах у дивов с пери, коль скоро первые брали в плен последних, то запирали их в железные клетки, которые привешивали к высоким деревьям. Подруги пленниц посещали их и приносили лучшие благовония». В первом издании этой поэмы вслед за приведенным эпиграфом Подолинский отмечал: «Этот восточный вымысел был главным основанием предлагаемой повести». Ав-

тор, однако, не указал, что цитата заимствована им не непосредственно из трактата Ричардсона, а из «Лаллы Рук», где Мур постоянно ссылается на это сочинение. Точнее, все указанное место о войнах дивов и пери взято Подолинским из четвертой вставной поэмы «Лаллы Рук» — «Свет гарема», незадолго перед тем появившейся в русском переводе в «Сыне Отечества»: героиню «Света гарема», Нурмагалу, Мур сравнивает здесь «с одной из игривых пери, когда их клетки отворены» (playful as Peri just loosed from their cages), и для объяснения этого стиха в примечании к нему приводит указанные слова Ричардсона: перевод этой цитаты, данный в «Сыне Отечества», Подолинский воспроизводит [124].

Но это был не единственный и даже не основной источник поэмы Подолинского, «Див и пери» создан под заметным воздействием перевода Жуковского из «Лаллы Рук» («Пери и ангел»). Строфы поэмы Подолинского, в которых описаны разрушенные и покинутые храмы огнепоклонников, очень напоминают стихи перевода Жуковского У Подолинского, например, в строфе V читаем:

...Пери снова
Понеслась, и ей видна —
Одинока и темна —
Та священная дуброва,
Где над сению ветвей
Храмы гебров подымались,
Где народы собирались
В мгле торжественных ночей.
Там дымились их кадила,
Там звучали их пиры
В честь полдневного светила;
Рдели заревом костры;
Чаши нектаром кипели,
И до утра гимны пели —
Под навесами дерев —
Хоры юношей и дев...

Или в строфе VII:

Но из пепла не восстанут
Храмы солнца на холмах!
И века не перестанут
Попирать забытый прах!
Все прошло! Седые своды
Рушил времени полет;
И порывом непогоды
Скоро след их заметет.
Так! Святыни гебров пали;
Но поникшие к стопам,
Как заветные скрижали,
Святы поздним племенам...
И на мшистые обломки
Смотрят, мрачные душой,
Гебров грустные потомки,
С умиленьем и тоской!.. [125]

Несомненно, Подолинский знакомился также с «Обожателями огня» Н. Бестужева и другими частями «Лаллы Рук»; в печальных стихах «Дива и пери» нас встречает та же географическая номенклатура:

Из пределов Сегестана
К дальним рощам Хорасана
Пери легкая неслась.
Тень ложилась на равнины...
И безмолвны те долины.
Где когда-то кровь лилась... [126]

Н А Полевой поместил в «Московском телеграфе» восторженную рецензию на эту поэму Подолинского, поздравляя молодого поэта с «началом прекрасным, как заря весеннего дня», и подробно излагая это произведение; действие его «взято из восточной мифологии», с которой «познакомил европейцев Т. Мур в своей неподражаемой *Лалла-Рук*». Признавая некоторые несовершенства новой русской поэмы, Полевой все же считал ее достойной всяческих похвал: «Основная мысль поэмы изящная, поэтическая. Не ставим в вину поэту, что она не нова: изображая ее новым образом, он показывает оригинальность своего воображения, и притом на русском языке еще не было поэм в этом роде, если не считать эпизода из Муровой *Лалла-Рук*, переведенного Жуковским (*Пери и ангел*). Положим, что мысль поэмы г-на

Подолинского взята из этого перевода; согласимся, что действие поэмы слабо завязано и что в ней вообще *недостаток действия*». Но все же «многие описания поэта блестящи, как небо Востока» [127].

Пушкин не только читал, но и осудил этот чрезмерно восторженный отзыв: для него поэма «Див и пери» являлась чуждой по тем же основаниям, как и «Пери и ангел» Жуковского: это были «ребяческие» и «уродливые» подражания «слишком восточной» поэме Мура. Известно, что 24 февраля 1827 г. Пушкин провел вечер у А. А. Дельвига, где среди других гостей был также Подолинский. На другой день С. П. Шевырев писал об этой вечеринке М. П. Погодину: «Видел я Подолинского: он все молчал. Это мальчик, вздутый здешними панегиристами и Полевым. Он либо еще ребенок, либо без цемента. Пушкин говорит: «Полевой от имени человечества благодарил Подолинского за «Дива и пери»; теперь не худо бы от имени вселенной побранить его за Борского» [128] (так называлась следующая поэма Подолинского, отрицательно встреченная в русской печати). О той же нетребовательности Полевого к начинающим поэтам с явным намеком на Подолинского (хотя и не названного по имени) как автора «Дива и пери» Пушкин говорил в черновой рецензии на поэму «Бал» Баратынского: «Едва заметим в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оного, уже тотчас спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки — нежно благодарим его в журналах *от имени человечества...*» [129] В конце 30-х годов Подолинский издал поэму «Смерть пери» (СПб., 1837); хотя современники его считали, что и на этот раз поэт заимствовал из «Лаллы Рук» Мура, но сам Подолинский заявлял: «Мысль к этой поэме подала «Смерть ангела» Ж.-П. Рихтера; содержание же у меня совсем другое» [130]; тем не менее, уступая моде, Подолинский превратил своего ангела в женский образ пери, одной из этих «благотворных полубогинь», как называл пери Полевой, справедливо считавший, что они введены в русский поэтический обиход именно Муром. В этом смысле увлечения модным образом и словом — под воздействием той же «Лаллы Рук» — не избежали все виднейшие русские поэты и даже прозаики этой поры.

Грибоедов открыл Мура как поэта еще до Жуковского и независимо от него. Хорошо знавший английский язык и основательно знакомый с английской литературой, Грибоедов читал «Лаллу Рук» в подлиннике в 1819 г. во время путешествия по Персии, собственными дорожными впечатлениями проверяя точность описаний этой «восточной повести» и верность ее экзотических красок. Мы знаем об этом, однако, лишь из косвенных свидетельств [131]. С другой стороны, в собственных произведениях Грибоедова, не полностью дошедших до нас, воздействия поэзии Мура оставили не очень значительные и поэтому не всегда легко наблюдаемые следы.

В. К. Кюхельбекер, встречавшийся с Грибоедовым в Тифлисе между декабрем 1821 и маем 1822 г., в письме своем к матери (от 18 декабря 1821 г.) рассказывает: «Я встретил здесь своего милого петербургского знакомого. Грибоедова. Он был около двух лет секретарем посольства в Персии: сломал себе руку и будет жить теперь в Тифлисе до своего выздоровления. Он очень талантливый поэт, и его творения в подлинном чистом персидском тоне доставляют мне бесконечное наслаждение» [132]. В позднейшем стихотворении «Памяти Грибоедова» Кюхельбекер вновь упоминает «избранного славой певца, воспевшего Иран»,— т. е. Грибоедова, а в примечании к этому замечает: «относится к прелестной поэме «Путник» или «Странник», вроде Чайльд Гарольда (но без надменности и мизантропии Байрона), в которой он ⟨Грибоедов⟩ изобразил Персию» [133]. Может быть, именно в этой поэме отыскались бы следы внимательного чтения Грибоедовым «Лаллы Рук» и, в частности, ее изобильных ученых примечаний, касающихся всех сторон жизни и быта Ирана и сопредельных стран Востока. К сожалению, эта поэма Грибоедова до нас не дошла; нам известен лишь отрывок из нее под заглавием «Кальянчи», в котором приводится диалог между путешественником по Персии и встретившимся с ним отроком, родившимся в Кахе-

тии. Путешественник, между прочим, спрашивает отрока:

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец Пери или Джиннием взлелеян? [134]

Густота экзотических наименований в этих стихах отзывается манерой Мура; упоминаемая же в этих стихах пери в большей мере, чем названные здесь другие имена восточной мифологии, вероятно, ведет нас прямо к «Лалле Рук» Мура, сделавшего пери популярнейшим образом европейской романтической поэзии.

В 1824 г., находясь в Петербурге, Грибоедов пережил кратковременное увлечение балериной Е. А. Телешовой. Восхищенный ее искусством, он написал стихотворение, в котором есть следующие строки:

О, кто она? — Любовь, Харита,
Иль Пери, для страны иной
Эдем покинула родной,
Тончайшим облаком обвита?.. [135]

Публикуя это стихотворение в «Сыне Отечества» в 1825 г., Н. И. Греч сопроводил стих «Эдем покинула родной» следующим пояснением: «Эдем Зороастров, жилище пери, воображаемых восточными народами существ, которых парси и даже мусульманы представляют себе в цветах радуги и в бальзамических испарениях роз и ясминов» [136]. Нетрудно заметить, что это примечание почти дословно заимствовано из примечания Жуковского к его переводу «Рая и пери» («Пери и ангел») Мура, напечатанному Гречем в том же «Сыне Отечества» за пять лет перед тем [137].

К этому времени слово «пери» уже прочно вошло в русский поэтический словарь. Козлов в образе пери представлял себе, например, З. А. Волконскую и писал в посвященном ей стихотворении 1825 г.:

...Она, она передо мной,
Когда таинственная лира
Звучит о пери молодой
Долины светлой Кашемира [138].

Позднее (в 1832 г.) Козлов написал стихотворение, представлявшее еще более распространенное сравнение с пери другой молодой женщины, Анны Давыдовны Абамелек (1816—1889) — впоследствии жены И. А. Баратынского (брата поэта), поэтессы-переводчицы;

В душистой тьме ночных часов,
От звезд далеких к нам слетая,
Меж волн сребристых облаков,
Мелькает пери молодая,
И песнь любви она поет,—
И нам мила той песни сладость,
И в грудь она невольно льет
Тревогу чувств, тоску и радость.

Далее с этим полувоздушным образом, навеянным Муром, сопоставляется воспеваемая девушка:

Подобно ей, явилась ты
С ее небесными мечтами,
И в блеске той же красоты,
С ее улыбкой и слезами... [139]

В 1826 г. молодой А. С. Хомяков, находясь в Италии и восхищаясь красотами ее природы, писал о знаменитом острове на Лаго Маджоре:

Не так ли в повестях Востока
Ирана юная краса
Сокрыта за́ морем, далеко,
Где чисто светят небеса,
Где сон ее лелеют пери
И духи вод ей песнь поют.
Но мрачный див стоит у двери,
Храня таинственный приют... [140]

Декабрист А. И. Одоевский, в изгнании на Кавказе, с тихой, мечтательной грустью обращался к пери, как к своей Музе, в стихотворении (в некоторых антологиях оно так и озаглавлено: «Моя пери») с призывом:

Взгляни, утешь меня усладой мирных дум,
Степных небес заманчивая Пери!

Это меланхолическое стихотворное обращение сохраняет тот же образ пери, каким он сложился в русской поэтической традиции:

О, Пери! Улети со мною в небеса,
В твою отчизну, где все негой веет,
Где тихо и светло, и времени коса
Пред цветом жизни цепенеет.
Как облако плывет в иной, прекрасный мир,
И тает, просияв вечернею зарею,
Так полечу и я, растаю весь в эфир
И обовью тебя воздушной пеленою [141].

Мы находим «пери» и у Пушкина в стихотворении «Пью за здравие Мери...» (1830):

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей... [142]

Можно напомнить здесь также известные стихи из поэмы Лермонтова «Измаил Бей. Восточная повесть» (1832), в которых рассказывается о первой встрече пришельца с Зарой:

Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая...

(*Строфа XXIV*)

Характерно, что то же сравнение повторяется ниже (в начале строфы XXVI), словно поэту было жаль расстаться с удачно найденным им поэтическим определением: Зара стояла у огня,

Нежна — как пери молодая,
Создание земли и рая... [143]

В близком по времени стихотворении А. И. Полежаева «Картина» (1835) идет речь о живописном изображении пери, быть может, и на самом деле

висевшем на стене:

Я вижу часто эту пери:
Она моя! Замки и двери
Меня не разлучают с ней!.. [144]

В стихах второстепенных поэтов этой поры образ «неземной пери» стал обычным и устойчивым штампом. Так, в стихотворении Ф. Соловьева «Моя владычица» (1829), составленном из одних поэтических клише этого рода, автор говорит о своей возлюбленной:

Добра, как пери неземная,
Мила, как роза молодая,
Нежна, как сизый голубок... [145]

Недаром еще в повести «История одной девушки» Чернышевского молодой барич Чекмарев в честь наивной девушки Маши Каталонской сочиняет пошленькие стихи, в которых, по словам автора, «ее очи сравнивались с яркими светилами ночи, щеки с розами, а сама она была в них названа Мери и сравнена с пери» [146].

Пери привлекалась для сравнений в то время и в прозаических сочинениях. В историческом романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» (1835) об одном из действующих лиц говорится: «Щеки ее пылают, густые белокурые локоны раскиданы в беспорядке по шее, белой, как у лебедя. Боже! Не видение ли это? ⟨...⟩ Она стоит у дверей, как изгнанная пери у врат рая» [147]. А Бестужев-Марлинский так отзывался о своей героине: «Со своими воздушными формами она казалась с неба похищенною пери на коленях сурового дива» [148].

Интерес к «Лалле Рук» В. К. Кюхельбекера возник, по-видимому, еще из бесед его с Грибоедовым в период их совместной жизни на Кавказе; в последующие годы эта первоначальная заинтересованность Кюхельбекера постоянно обновлялась и усиливалась благодаря постепенному утверждению популярности имени Мура в русской печати. Известную роль сыграло также параллельно развивавшееся у Кюхельбекера увлечение восточными литературами, восходившее, однако, к другому источнику — к «Западно-восточному Дивану» Гете (значительную часть прозаического комментария Гете к этому его сборнику подражаний восточным поэтам Кюхельбекер перевел для себя еще в 1825 г.)[149]. В статье «О направлении нашей поэзии..», напечатанной в альманахе «Мнемозина» (1824), Кюхельбекер настаивал на том, что «Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей»[150]. Естественно поэтому, что внимание к «восточной повести» Мура не ослабело у Кюхельбекера и после восстания декабристов, в тюрьмах и на поселении. В письме к родным из Динабургской крепости (26 июня 1830 г.) Кюхельбекер благодарил их за присылку ему «Лаллы Рук», а в начале 30-х годов он, скорее всего, писал и свой очерк о Муре: эта «готовая» статья упомянута им в письме из Сибири к Н. И. Гречу от 13 апреля 1836 г. в числе других его рукописей, которые могли быть отосланы для печати [151]; к сожалению, эта статья до нас не дошла.

Следы внимательного чтения «Лаллы Рук» встречаются и в поэтическом творчестве Кюхельбекера тех же лет. В 1831 г. он написал поэму «Зоровавель»; ее удалось в конце концов издать без имени автора в качестве одной из вставных стихотворных поэм в прозаической рамке, под заглавием «Русский Декамерон» (СПб., 1836). Заглавие этой книги свидетельствует о знакомстве автора со сборником новелл Боккаччо, но принцип «обрамления» у Кюхельбекера в бо́льшей мере походит на Мура, чем на Боккаччо, да и «вставные» новеллы имели у русского писателя «восточный колорит» (издание «Русского Декамерона» остановилось на «Зоровавеле», но сюда предположено было включить также его поэму «Семь спящих отроков»).

В третьей части поэмы «Зоровавель» находим прямую ссылку на «Лаллу Рук» Мура.

Мы читаем здесь:

Среди богатств земных несметных
Есть много жемчугов драгих,
Есть много камней самоцветных;
Но кто же уподобит их
Жемчужине неоцененной,
Которой за града вселенной,
За царства мира не хотел
Отдать Халифу царь Цейлона?

К последнему стиху Кюхельбекер сделал следующее примечание: «Об этой жемчужине пусть прочтут хоть в замечаниях к Муровой поэме: «Lalla Roukh». Нарочно ссылаемся на книгу, доступную всякому несколько образованному читателю, потому что смешно в цитатах щеголять видом учености, почти всегда очень дешево купленной». Действительно, в одной из «вставных» поэм «Лаллы Рук», озаглавленной «Свет гарема», есть сравнение ширазского вина с бесценным рубином, растаявшим в хрустальном кубке, а о самом рубине в примечании к этому месту рассказывается: «Король Цейланский, говорят, имеет прекраснейший в мире рубин. Гублай-Хан предлагал ему взамен за оный цену целого города; но король отвечал, что не уступит его за все сокровища света». Источник этого рассказа — «Путешествие» Марко Поло, тогда еще неизвестное русским читателям. Остается неясным, откуда это предание заимствовано Кюхельбекером — из английского ли подлинника «Света гарема», или из русского прозаического перевода этой поэмы в «Сыне Отечества»[152], возможно, что Кюхельбекер цитировал это место по памяти, не имея под руками текста, так как он говорит о *«жемчужине* неоцененной», а не о рубине. Той же поэмой Мура «Свет гарема» отзываются стихи 49—53 в третьей части «Зоровавеля» Кюхельбекера:

Цветов весенних много, други;
Но что они? Рабы и слуги
Царицы всех земных цветов,
Улыбки радостного мира,
Роскошной розы Кашемира.

Кроме того, в конце третьей части «Зоровавеля» мы снова находим ссылку Кюхельбекера на Мура. Стихи (313—320) «Зоровавеля» читаются так:

... Засверкал тот свет,
Тот блеск обманчивый, который,
Как ясный, ласковый привет,
В Иране ночью манит взоры
И солнце им сулит, а вдруг,
Скрываясь, как неверный друг,
Прельщенные призра́ком очи
В холодной покидает ночи...

В примечании к этому месту сам Кюхельбекер указывает: «Об этом явлении, называемом по-персидски *зарей-обманщицей*, см. хоть замечания к той же поэме Томаса Мура»[153]. Замечания эти, действительно, существуют в «Свете гарема», они основаны на свидетельстве Уэринга (Waring)[154]. Слова Кюхельбекера, к сожалению, и на этот раз не предоставляют нам возможности судить, пользовался ли он английским подлинником, или русским прозаическим переводом этой поэмы, входящей в «Лаллу Рук».

«Свет гарема» привлек к себе внимание еще одного писателя-декабриста — А. А. Бестужева-Марлинского: в своем кавказском очерке «Путь до города Кубы» он цитирует понравившееся ему в «Свете гарема» место, притом в английском оригинале [155].

Может быть наиболее интересным и показательным в этой связи является творческое обращение к «Свету гарема» Гоголя. В 1829 г. юноша-Гоголь, только что явившийся в Петербург после окончания «Гимназии высших наук» в Нежине, выпустил в свет отдельной книжкой, под псевдонимом «В. Алов», свое первое крупное произведение, стихотворную идиллию —

«Ганц Кюхельгартен». Это «произведение восемнадцатилетней юности», как его рекомендовал сам автор в предисловии к изданию, было произведением незрелым, полным очевидных промахов не только в стилистике и версификации, но даже в грамматике; тем не менее оно представляет значительный интерес для биографов Гоголя, так в нем можно наглядно проследить, что читал писатель в свои гимназические годы и как эти разнообразные чтения отразились на первых образцах его собственного литературного творчества. Напомним, что действие гоголевской идиллии происходит в Германии и что ее героем является романтически настроенный юноша-мечтатель, во многих отношениях списанный Гоголем с самого себя. Ганц, как истый романтик, «волнуем думой непонятной», мечтает о далеких странах и подвигах на неведомых поприщах. Ганца посещают «милые виденья», которые «воздушно подымают» его «из океана суеты» от реальной действительности. Эти видения воплощены Гоголем в ряде живописных «картин», последовательно переносящих читателя сначала в классическую Элладу (картина III), потом на экзотический Восток (картина IV).

Напомним начальные стихи этой картины, в которой должны были получить отражение мечты Ганца о далекой Индии, природа и быт которой так мало напоминали привычную для него обстановку жизни на родине:

В стране, где сверкают живые ключи;
Где, чудно сияя, блистают лучи;
Дыхание амры и розы ночной
Роскошно объемлет эфир голубой;
И в воздухе тучи курений висят;
Плоды мангустана златые горят;
Лугов Кандагарских сверкает ковер;
И смело накинут небесный шатер;
Роскошно валится дождь яркий цветов, —
То блещут, трепещут рои мотыльков;
Я вижу там пери: в забвенье она
Не видит, не внемлет, мечтаний полна.

Образ воздушной пери становится в этой картине центральным и автор прилагает все усилия, чтобы сделать его наиболее живописным и впечатляющим; но все его краски — заимствованы; описание трудно было сделать, имея в руках обычную палитру. Поэтому у пери —

Как солнца два, очи небесно горят;
Как Гемасагара, так кудри блестят;
Дыхание — лилий серебряных чад,
Когда засыпает истомленный сад
И ветер их вздохи развеет порой;
А голос, как звуки сиринды ночной
Или трепетанье серебряных крыл,
Когда ими звукнет, резвясь, Исразил,
Иль плески Хиндары таинственных струй...

Как бы исчерпав себя в усилиях описать непривычный образ пери, Гоголь в последующих стихах делает вялые и нескладные мазки той же кистью:

А что же улыбка? А что ж поцелуй?
Но вижу, как воздух, она уж летит,
В края поднебесны, к родимым спешит.
Постой, оглянися! Не внемлет она
И в радуге тонет, и вот не видна.
Но воспоминанье мир долго хранит
И благоуханьем весь воздух обвит [156].

ДОМ Т. МУРА В СЛОПЕРТОНЕ
Гравюра Р. Уоллиса

Мы можем в настоящее время вполне точно назвать книжный источник, находившийся под руками Гоголя в тот момент, когда он создавал IV картину своей идиллии. Это был тот же прозаический перевод «Света гарема», опубликованный в «Сыне Отечества» в 1827 г. Отсюда Гоголь и заимствовал все понравившиеся ему по звучанию экзотические слова и наименования, вновь обратив в стихи отдельные места русского прозаического перевода английского стихотворного подлинника этой поэмы Мура. Правда, Гоголю, к невыгоде его читателя, пришлось отбросить «примечания», сделанные Муром ко многим из тех строк, на которые обратил внимание автор «Ганца Кюхельгартена»; поэтому некоторые стихи IV картины идиллии остаются непонятными без пояснений. Характеризуя «земли роскошные края», куда неслась мечта его героя, Гоголь не разъяснил, например, кто такой Исразил, что подразумевается под плесками таинственных струй Хиндары и какой цветок носит имя Гемасагары. Зато все это становится вполне ясным при чтении «Света гарема», опубликованного в «Сыне Отечества».

Приведем для наглядности несколько сопоставлений, располагая их по порядку следования стихов Гоголя. Стих 3-й: «Дыхание амры и розы ночной» — находит себе соответствие в том месте русского перевода, где

говорится: «Здесь юные девы вздыхают, и вздохи их благовонны, как цвет амры, раскрытый пчелою»; под «ночной розой» имеется в виду «тубероза», о которой Мур пишет: «Там красовалась тубероза сребровидная, которая в садах Малайских слывет красавицей ночи». Стих Гоголя: «Плоды мангустана златые горят» — объяснен в переводе «Сына Отечества» цитатой из трактата Марсдена: «Мангустан есть самый приятнейший в мире плод, коим гордятся островитяне Молукские». Следующему стиху: «Лугов Кандагарских сверкает ковер» — отвечает то место «Света гарема», где упоминаются «золотистые луга Кандагарские». Стих о пери: «Как Гемасагара, так кудри блестят»— взят из того места перевода (и примечания к нему), где сказано: «Гемасагара, или море золота, Цветы его самого яркого золотого цвета». Стих: «А голос, как звуки сиринды ночной»— становится понятным, когда мы узнаем из текста Мура: «Сиринда — индийская гитара». Два последних экзотических наименования в тексте IV картины ведут нас к тому же «Сыну Отечества». Когда Гоголь писал о «трепетанье серебряных крыл, когда ими звукнет, резвясь, Исразил», он имел в виду слова Мура о «сладкозвучном трепетанье крыл Исразила», как магометане называют «ангела музыки». Стих: «иль плески Хиндары таинственных струй» — имеет в виду стихи Мура: «...я прилетел из сладкогласного источника Хиндары» и его же примечание: «Баснословный источник, в котором, по словам восточных язычников, музыкальные инструменты беспрестанно играют».

Таким образом, едва ли подлежит сомнению, что «Свет гарема» в прозаическом переводе «Сына Отечества» был *единственным* источником Гоголя для IV картины «Ганца Кюхельгартена». Конечно, представляя себе пери, Гоголь вспомнил также поэму, переведенную Жуковским («Пери и ангел»), но для изображения экзотической природы этот перевод, очевидно, предоставил слишком мало данных, и Гоголь обратился к первоисточнику — к другой поэме из той же «Лаллы Рук»— в русском переводе «Сына Отечества».

Отметим, наконец, что цитата из того же «Света гарема» (притом в английском подлиннике) приведена Пушкиным во второй главе «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 г.», при описании тифлисских бань; текст этот вошел в первую публикацию «Путешествия» — в первом томе «Современника» 1836 г.

Напомним, что описывая Тифлис и его знаменитые бани, Пушкин рассказывал в своем журнале: «При входе в бани сидел содержатель, старый персиянин. Он отворил мне дверь, я вошел в обширную комнату, и что же увидел? Более пятидесяти женщин, молодых и старых, полуодетых и вовсе неодетых, сидя и стоя раздевались, одевались на лавках, расставленных около стен. Я остановился ⟨...⟩ Появление мужчин не произвело никакого впечатления ⟨...⟩ Казалось, я вошел невидимкой. Многие из них были в самом деле прекрасны и оправдывали воображение Т. Мура:

a lovely Georgian maid,
With all the bloom, the freshened glow
Of her own country maidens' looks,
When warm they rise from Teflis brooks

«*Lalla Rookh*», *VIII (1). 456*

Прелестная грузинская дева с ярким румянцем и свежим пыланием, какое бывает на лицах дев ее страны, когда они выходят разгоряченные из тифлисских ключей.

В примечании к этому месту Мур говорит о Тифлисе, известном своими природными горячими источниками, и ссылается на арабского путешественника и географа X в., Ибн Хаукаля, который в своем обширном труде («Пути и царства») указывает, что в этом городе находятся бани «и вода их кипит без огня». Откуда Пушкин почерпнул указанную цитату из Мура? Полный английский текст «Лаллы Рук» находился в библиотеке Пушкина (в составе издания произведений Мура в одном томе, выпущенного парижской фирмой

Галиньяни в 1829 г.). Едва ли, впрочем, Пушкин перечитывал поэму в подлиннике; более вероятно, что он первоначально познакомился с интересующими нас стихами о прекрасных грузинках в русском прозаическом переводе в «Сыне Отечества» (1827), а потом отыскал и английский текст. Можно допустить также, что он нашел цитату в каком-нибудь сочинении о Кавказе или Тифлисе, которые он перелистывал перед своей поездкой 1829 г. или именно в этом году, готовя к опубликованию свое «Путешествие в Арзрум» отдельной книгой. В связи с этим можно указать, что та же цитата из «Лаллы Рук», что и у Пушкина (четыре стиха с усечением в первом) была приведена в «Эдинбургском обозрении» еще в 1817 г., в статье по поводу трех новых сочинений о Кавказе [157]. Не исключено также, что сочинениями Мура Пушкин мог пользоваться в библиотеке села Тригорского, где они имелись; почитательницей его поэзии была Анна Николаевна Вульф: это подтверждает и сам Пушкин, в письме к ее брату, Алексею Николаевичу (от 16 октября 1829 г.), писавший: «В Малинниках застал я одну Анну Николаевну с флюсом и с Муром» (XIV, 49); то же подтверждает и рукописный альбом Анны Николаевны, на листах которого записаны многие стихотворения Мура, как в английском оригинале, так и в переводе [158].

3. «Любовь ангелов» и «Эпикуреец» Мура в русских переводах

«Лалла Рук» была не единственным произведением Мура, вызвавшим длительное и заинтересованное внимание к себе русских переводчиков и читателей. Наряду с этой «восточной повестью» у нас с интересом отнеслись ко многим другим его произведениям, хотя в их оценке не было того единодушия, с которым у нас встретили сначала «Лаллу Рук», а потом «Ирландские мелодии».

Примером может служить поэма Мура «Любовь ангелов» («The Loves of the Angels», 1823), ставшая в России известной тотчас же по своем появлении в печати, но не стяжавшая себе той популярности, которую имели у нас иные его произведения. Одно из первых указаний на эту поэму сделал О. М. Сомов в критическом очерке «О романтической поэзии. Опыт в трех статьях» (1823), где в разделе о Муре, в частности, говорится: «Томас Мур недавно еще издал новую поэму «Любовь ангелов», которой поэзия есть чистейшая музыка душ, разрешенных от уз своих телесных и внемлющих неподражаемой гармонии небес» [159]. Тогда же (в октябре 1823 г.) А. И. Тургенев, сообщая Вяземскому о новых произведениях Мура, переведенных на французский язык, оговаривался: «Его же «Любовь ангелов» — слаба; и есть смертные, любившие сильнее; «но и там есть стихи прекрасные!»[160] В дальнейшем «Любовь ангелов» упоминалась во всех очерках о Муре, помещавшихся в русских журналах 20—30-х годов и текущих обзорах английской поэзии, но всегда кратко и с различными оговорками [161]. Нужно полагать, что для этого имелись особые причины. Одна из них, вероятно, заключалась в настороженном отношении к поэтическим обработкам религиозных сюжетов, с каким встречала их русская духовная цензура этой поры. История с пушкинской «Гавриилиадой» получила широкую огласку и долго не забывалась; эротическая интерпретация библейских эпизодов во французской поэзии, от Парни до А. де Виньи, а также в откликах на них поэзии русской, казалась у нас в 20—30-е годы подозрительной, поскольку религиозное вольномыслие всеми русскими цензурными инстанциями приравнивалось тогда к политическому либерализму. «Любовь ангелов» Мура не могла не вызвать опасений в этом смысле хотя бы потому, что эта поэма находилась в известном родстве с «мистерией» Байрона «Небо и земля» (1822), строго запрещенной в России для перевода как произведение богохульное и еретическое [162].

Сюжет указанной лирической драмы Байрона, как известно, основан на библейской «Книге Бытия», в частности, на ее шестой главе, где находится

место, дававшее повод к теологическим спорам и кривотолкам. Начало этой главы в современном русском переводе читается так: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». Байрон воспользовался также апокрифической «Книгой Еноха», английский перевод которой д-ра Лоренса появился как раз в 1821 г.; в нем также идет речь об ангелах, «сынах неба», которые, увидев прекрасных дочерей земли, почувствовали к ним страстное влечение и звали друг друга спуститься на землю и сочетаться с ними браком. «И вот случилось,— говорится здесь,— когда дети человеческие умножились в те дни, что прекрасные и благообразные дочери родились у них. И ангелы, сыны небес, видели их и вожделели по ним, и сказал один другому; пойдем, изберем себе жен среди детей человеческих и произведем детей. И Самиаза, бывший руководителем их, сказал им: боюсь, вы не согласитесь на самом деле совершить это деяние... И они снизошли в дни Ареда (Яред — отец Еноха) на вершину горы Ермон» (ныне высокая гора в Сирии — Джебел ес-Шейк) [163]. Эта цитата в 1821—1822 гг также подверглась длительному обсуждению и спорам (Байрон считал, что «Книга Еноха», найденная в Эфиопии, была написана до потопа, и принимал «сынов божиих», упомянутых в «Книге Бытия», за ангелов).

Теми же источниками воспользовался и Мур в своей поэме. В предисловии к «Любви ангелов» Мур, ссылаясь на эти источники, сам отметил, что, уже написав свое произведение, он обнаружил, что его друг, лорд Байрон, по случайному совпадению («accidental coincidence») избрал тот же сюжет для своей драмы. Впрочем, Мур сделал здесь все возможное, чтобы не быть обвиненным в религиозном вольнодумстве. Первое примечание к его поэме представляет собою небольшой, но весьма насыщенный материалом трактат, имеющий даже особое заглавие («Об ошибочном переводе 70-ю толковниками шестой главы книги Бытия»); Мур настаивает на том, что толковники неправильно употребили в переводе греческое слово «ангелы», вместо «сыны» (οι Αγγελοι τον θεον), и ссылается на множество раннехристианских «полуязыческих» писателей — Филона, Климента Александрийского, Тертуллиана, Лактанция, Диона Хризостома и др., чтобы показать, что некоторые с негодованием отвергали этот «вымысел», другие же толковали его аллегорически. Мур признавался, что его пленила в легенде о любви ангелов к дочерям земли не только ее пригодность для поэтической обработки, но и возможность внесения в нее аллегорического смысла. В драме Байрона история любви ангелов и дщерей человеческих не развита вполне: изображен лишь ее один момент, когда начиналась гибель потомства Каина в волнах потопа (любовь серафимов Азазиила и Самиазы к Ане и Аголибаме, принадлежавшим к потомству Каина, сильнее их стремления к небесной святости и райскому блаженству; с наступлением потопа ангелы хотят унести своих возлюбленных на одну из планет, становясь, таким образом, открытыми мятежниками против бога). Если Байрон, по собственному признанию, имел в виду чисто «человечный интерес» (all the human interest) этого сказания, даже ангелов наделяя человеческими страстями, то у Мура ангелы, полюбившие дщерей земли, погибают, наказанные богом за гордость и дерзновенные попытки проникнуть в «тайны божие» (into the awful secrets of God). В «Любви ангелов» Мура рассказана история трех ангелов. Первый из них пожелал однажды запечатлеть поцелуй на устах своей возлюбленной (Lea); но едва он произнес при этом таинственное слово заклинания, как его возлюбленная преобразилась в просветлении и поднялась к небу, ангел же напрасно повторял это мистическое слово — в его устах оно уже не имело прежней силы — и обречен был оставаться на земле. Второй ангел лишился своей земной возлюбленной (Lilis), когда предстал перед нею, по ее просьбе, во всем блеске своего небесного величия; едва он сжал ее в объятиях, как исходивший от него пламень сжег девушку, в момент своей гибели запечатлевшую поцелуй на челе ангела. Третий ангел

у Мура наказан тем, что, подобно Паоло и Франческе у Данте, он осужден носиться в пространстве вместе со своей земною подругой до тех пор, пока не получит прощения.

Таким образом, поэма Мура мало походит на драму Байрона, несмотря на общность их источников: протестующему мрачному колориту байроновской мистерии у Мура противостоит оптимистическая примиренность и вера в божественный промысел. Несмотря на это, как мы предполагаем, в России 20—30-х годов «Любовь ангелов» считалась опасной как слишком вольно трактующая библейско-апокрифическую тему, чем и объясняется, повидимому, что она не часто привлекала к себе русских переводчиков.

Первый опыт русского перевода из «Любви ангелов» сделан был в 1828 г., т. е. через пять лет после выхода в свет английского оригинала поэмы Мура. Переводчиком был Петр Андреевич Габбе, офицер-литератор, поэт и публицист, близкий к декабристским кругам, автор элегии «Байрон в темнице», напечатанной еще в 1822 г.[164] В то время, когда это стихотворение было опубликовано в «Сыне Отечества», Габбе уже находился под тайным полицейским надзором, а в феврале 1823 г. «за дерзкие рассуждения о начальстве» был судим и разжалован в солдаты; с ним был близко знаком (еще по Варшаве 1820—1821 гг.) Вяземский; в конце 20-х — начале 30-х годов Габбе через того же Вяземского познакомился с Пушкиным [165].

Отрывок из «Любви ангелов» Мура, переведенный Габбе в прозе «с английского», в сентябре 1828 г. был помещен в «Московском телеграфе» [166]. Мы находим здесь сокращенное изложение стихотворного введения к поэме и «Повесть первого ангела»; переводчик, однако, опустил прозаическое «предисловие» (Preface) автора; таким образом, этот «отрывок» дает весьма неполное представление о произведении Мура в целом [167].

Приводим для образца первые строки этого перевода: «Еще мир был в начале своем: младые звезды едва открыли бег своей славы, и юное Время считало первые дни своего бытия восхождением солнца; еще на заре природы люди и ангелы сходились в общей радости на высоких холмах и светлых равнинах; горести еще не было, и грех не задернул завесы своей между человеком и небом. Земля лежала к небесам ближе, нежели ныне, во дни преступления и печали, и люди видели без удивления очи ангелов, в эфире взирающих на дольную обитель. Ах! Для чего страсть долженствовала и тогда уже омрачить это утро нашего мира? Для чего пятно сие долженствовало опозорить сердца породы небесной и быть тем гибельнее? Увы! Пятно сие наведено от любви к женщине — любви столь бедственной...» и т. д. Это довольно точный перевод начальных стихов пролога к поэме Мура:

'T was when the world was in its prime,
When the fresh stars had just begun
Their race of glory, and young Time
Told his first birth-days by the sun... etc.

Другие печатные русские переводы «Любви ангелов» Мура нам неизвестны, хотя сохранились свидетельства об интересе к этому произведению ряда русских литераторов; так, А. А. Бестужев писал сестре (25 мая 1828 г.), в пору своей ссылки в Якутске, что он привез с собой несколько томиков английских поэтов, «кое-что из Байрона и Мур», но о последнем оговаривался: «кроме «The love of the angels», которую я жажду иметь» [168]. В начале 30-х годов переводом «Любви ангелов» с английского, но, вероятно, в прозе, занимался также Я. М. Неверов, друг Станкевича и Грановского, писатель, журналист и педагог, позднее близко знавший Белинского, Бакунина, И. С. Тургенева. В автобиографии, рассказывая о своей юности и о своих занятиях английским языком в тот период, когда он жил в московском доме у Н. А. Мельгунова (т. е. с середины марта 1831 г. до начала мая 1833 г.), Неверов свидетельствует: «Живя у Мельгунова в чисто литературном кругу, я увлекся литературной работой, которою отчасти занимался и прежде, и пе-

ревел с английского поэму Мура «Любовь ангелов»; начал даже пробовать свои авторские силы»...» [169].

С «Любовью ангелов» с давних пор тщательно и подробно сопоставлялись ранние редакции «Демона» Лермонтова; хотя сходство отдельных, большею частью второстепенных, подробностей в обоих произведениях существует, но отмечаемые исследователями аналогии и текстологические параллели между ними недостаточно убедительны, поскольку сходные мотивы можно найти не только у Мура, но и у Байрона и у А. де Виньи, поэма которого «Элоа» стоит в несомненной связи с произведениями как Байрона, так и Мура. «В поэме Лермонтова скрещиваются все эти различные влияния»,— замечает французский исследователь и прибавляет: «При детальном анализе отдельных эпизодов «Демона» влияние Мура редко проявляется определенно, чаще оно обнаруживается лишь в общем сходстве» [170].

В 1827 г. Мур опубликовал отдельной книгой свой прозаический роман — «Эпикуреец» («The Epicurean. A prose romance»), вскоре также ставший известным русским читателям. Это исторический роман, но не того новаторского типа, который создан был его другом В. Скоттом, а более архаический по своему построению. Правда, «Эпикуреец» был написан вскоре после «Лаллы Рук», в 1820 г., и семь лет дожидался своего выхода в свет. В ту пору Мур усиленно занимался западноевропейским и ближневосточным средневековьем и приобрел большую начитанность в области раннехристианской литературы. Несмотря на все усилия остаться на уровне исторических знаний своего времени, Мур, строя довольно искусственный и малоправдоподобный сюжет своего «Эпикурейца», принужден был прибегать к усилиям собственного воображения, домысливая слишком много из того, что он не мог найти в книжных источниках; впрочем, этих источников было много, изучены они были автором довольно тщательно, о чем свидетельствовал огромный и тяжеловесный аппарат примечаний к повествованию, который, по крайней мере с внешней стороны, служил своего рода гарантией его исторической достоверности [171]. В этой «египетской повести», как этот роман называется в письмах Мура тех лет, повествуется о греческом юноше, Алкифроне (Alciphron), последователе эпикурейской философии; в поисках смысла жизни Алкифрон попадает в Египет эпохи римского императора Валентиниана, где причудливо сталкиваются и сплетаются самые различные верования Запада и Востока. Алкифрон знакомится с молодой египетской жрицей (Alethe), являющейся, однако, тайной христианкой; она обращает в свою веру полюбившего ее Алкифрона, но погибает в мучениях, когда раскрывается ее принадлежность к христианской секте, а за нею в подземельях пирамид гибнет также осужденный на каторжные работы Алкифрон.

В 1828 г. «Московский вестник» отметил появление «Эпикурейца» во французском переводе А. Ренуара: «Творец «Лаллы Рук» и «Любви ангелов» издал еще новый роман, столь же богатый поэтическими картинами и возвышенными мыслями, как и его первые произведения»,— говорится в этой заметке, автором которой был, вероятно, П. В. Киреевский. Впрочем, он основывался только на отзывах об этом произведении французской прессы, и поэтому из осторожности воздерживался от собственного суждения: «Не читавши романа, не смеем произносить нашего мнения; но судя по содержанию, мы видим, что предмет оного слишком стар и существует еще со времен Калдерона, который превосходно воспользовался сею же мыслью в своем «Чудотворном маге», взявши предания из легенд христианских. Разве одно очарование поэзии могло представить сей предмет в новом виде» [172].

Опасения критика «Московского вестника» не были лишены оснований; как в Англии, так и во Франции «Эпикуреец» не заслужил одобрения, хотя и вызвал к себе большой интерес как произведение знаменитого автора. В письме к Н. И. Тургеневу из Парижа (14 января 1828 г.) А. И. Тургенев рассказывал, что эта книга обсуждалась тогда в литературных кругах наряду с новинками французской исторической литературы; он побывал, на-

пример, в парижском салоне русской католички С. П. Свечиной и свидетельствовал: «Она читала мне свои замечания на роман Мооге: «Эпикуреец», на книгу Thierry: «Lettres sur l'histoire de France» и на Коббетовы письма. Умные замечания...» [173] Читали «Эпикурейца» также в Петербурге: большой эпиграф, взятый из этого произведения (в английском подлиннике), стоит на обложке книги Д. П. Ознобишина: «Селам, или Язык цветов» (СПб., 1830). Через несколько лет «Эпикуреец» появился также в русском переводе А. Савицкого (1833) [174]: возможно, что этот перевод сделан не с английского, но с французского; во всяком случае, как и во французском издании, он освобожден от значительной части отяжеляющих текст романа пояснительных примечаний. На это издание откликнулся «Московский телеграф» [175], в большой рецензии, которая также является переводом с французского; это отметил редактор журнала Н. А. Полевой, писавший, что при появлении «Эпикурейца» «известный Вильмень напечатал в одном французском журнале рецензию оного, с которою мы совершенно согласны. Вот она, почти от слова до слова». Суждения Вильменя об «Эпикурейце», да и самый роман Мура, представили несомненный интерес для Полевого как автора «Клятвы при гробе господнем» (1832) и созданных позже «Византийских легенд», в том же модном тогда русле исторических живописаний. Вильмень дает сначала характеристику исторического процесса в первые века христианской эры и совершившегося в это время «величайшего переворота в уме человеческом». «Если есть поэтический предмет по вкусу нашего века,— пишет Вильмень (цитируем по переводу Полевого),— поэтический для размышления и для первого взгляда, то, конечно, это картина христианства прежде политического его водворения, это изображение древнего римского мира и устаревшего его верования, различных его философий и дряхлой его образованности, из среды коей возникает новое преследуемое общество, как будто соединившее в себе всю пылкость деятельности и жизни, оживлявшей некогда свободные государства в Греции и в Италии. Римская империя заключала в своих границах всю образованность известного тогда мира, Грецию, Египет, Сирию, Иудею. Приказы императоров строго запрещали всякий признак свободы народной, всякое сообрание, всякое собщество. Траян уничтожил даже братство ремесленников в одном азийском городке; а между тем в это время христианство распространялось от Иерусалима до Лиона с удивительною быстротою и считало уже тысячами свои небольшие отделы...» Какая же задача стояла перед историком-беллетристом? — спрашивает Вильмень, отмечая, что официальная римская история той эпохи упоминала лишь немногие общественные события, умалчивая о важнейших. Отсюда, по его мнению, писатель должен угадать то, что скрывают от него источники, проникнуть во всю толщу жизни той поры с помощью всех возможных для него способов исторического познания и своего воображения: «Заставьте его обозреть всю действительную и общую жизнь этой эпохи; соберите отовсюду, возьмите у людей, бывших героями, мучениками, ораторами рождавшихся верований, множество черт нравов и страсти; рассмотрите свидетельства языческие в тех изуродованных обломках, которые еще остаются от них. Откройте предрассудок политеиста, пережившего свое верование, и его ложную веру, поддерживаемую страстью политическою...» Но Мур, как исторический романист, «не принял на себя такого труда. Он прямо кинулся на кое-какие противоположности, очень поверхностные и очень общие. Имя христианина припоминает идеи строгости и пожертвования; поставим же, для антитезы ему, эпикурейца: это страх как естественно. Прибавим какихнибудь языческих жрецов, бездельников, которые фиглярят в своих храмах, потом какую-нибудь молодую девушку, христианку, которая умрет мученически, да пустынника в Фиваиде, да какие-нибудь описания, блистающие восточною роскошью. И книга готова. Да, но что узнаете вы из этой книги? Это неоконченная мозаика, где вставлены разные частицы древности, собранные из вторых рук...» Упреки Вильменя Муру как автору «Эпикурейца», представленные Полевым в «Московском телеграфе», были справедливы

и в то же время назидательны для русских исторических романистов. В начале 30-х годов былая слава автора „Лаллы Рук" находилась уже на закате и становилось традиционным хулить в нем то, чем прежде восхищались; как прозаик, как исторический романист — в эпоху расцвета этого жанра — Мур явно не выдерживал сравнения со многими его современниками. «Он думал расплатиться с читателем несколькими описаниями, сияющими восточной роскошью,— заключал Вильмень.— Он собрал перлы и рубины Индии, уже блиставшие в его «Лалла-Рук», и бросил их нам в беспорядке. Неопределенное и великолепное изображение мест и никакого изображения людей; вот его сочинение. Это изящный предмет, который не удался человеку с дарованием».

Еще менее, чем указанные выше произведения Мура, были в России известны его сатиры, в которых он приближался к Байрону по силе своего обличения и остроте затронутых тем. В «Лалле Рук» политическое содержание было глубоко скрыто под покровом восточного вымысла; политические сатиры и юмористические стихотворения Мура, издававшиеся им в конце 10-х и начале 20-х годов (частично под псевдонимом «Tom Brown, the younger»), метили прямо в цель, не прибегая уже ни к каким иносказаниям. Объектами были здесь не только «торийская» политика в национальном вопросе, но и Священный союз европейских держав и европейская политика вообще. Естественно, что о произведениях этого рода в русской печати предпочитали не упоминать, тем более что русской внешней политики Александра I Мур касался очень охотно. В серии сатирических писем «Семейство Фадж в Париже» («The Fudge Family in Paris», 1818) и особенно в стихотворных «Побасенках для Священного Союза» («Fables for the Holy Alliance», 1823), проскальзывали русские темы. Так, в VII письме «Семейства Фадж» Мур с горькой иронией характеризует европейское status quo после победы над Наполеоном и Священный союз во главе с «заслуживающей особого доверия Россией» —

> ... most faithful Russia — faithful to who'er
> Could plunder best, and give him amplest share;
> Who ev'n when vanquished, sure to gain his ends,
> For want of *foes* to rob, made free with *friends*.

В одной из «Побасенок» (Fable V) упомянуты Екатерина II, «раздробившая» Польшу, и ее внук, Александр, заклятый враг свободы; забавно, что Мур даже пользуется здесь русским словом «указы» (ukases), введенным в стих для рифмы к английскому «praises», так как это русское существительное во множественном числе в устах английского поэта, вероятно, звучало как «юкейзис». В «побасенке» первой (Fable I) идет речь о пресловутом «ледяном дворце» в Петербурге, выстроенном на берегах Невы по приказу Анны Иоанновны, который стал почему-то особенно популярным в английской романтической поэзии (о нем писали и В. Каупер и С. Колридж) [176]. Но «ледяной дворец» Мура — современный и аллегорический, тем более что в стихотворении о его таянии рассказывается в форме «сна» («The Dissolution of the Holy Alliance. A Dream»), полного прозрачных намеков на русских военных и политических деятелей тех лет, вплоть до зловещей пророчицы г-жи Крюденер.

Несколько допущенных Муром в этих произведениях откровенных выпадов против Александра I (или «Сэнди», как он фамильярно именовался у Мура) сделали невозможным не только перевод их на русский язык, но даже обсуждение их в русской печати, и они целое столетие оставались у нас под таким же запретом, как и аналогичные произведения Байрона. Впрочем, популярности Мура в России это не нанесло заметного вреда. Мур-сатирик (свои публицистические произведения печатавший иногда под псевдонимом «Tom Brown», а порою и вовсе без имени) был гораздо менее знаменит, чем его alter ego — эпик и лирик; к тому же его сатиры в большей степени были

приспособлены к вкусам английской читательской аудитории, чем для читающей континентальной Европы, и бдительная русская цензура не всегда догадывалась об истинных адресатах его язвительных намеков. Только этим можно объяснить, что все подобные политико-сатирические произведения, перепечатанные в собраниях сочинений Мура и растворившиеся в них, имели довольно свободное распространение среди русских литераторов. Мы находим их, например, в парижском издании «Поэтических творений Томаса Мура ⟨...⟩ в одном томе» («The Poetical Works of Thomas Moore, Including His Melodies, Ballads, etc.» Complete in one volume. Paris. Published by A. and W. Galignani, 1829), обращавшемся среди русских читателей и стоявшем в библиотеках Пушкина [177], А. И. Тургенева, Вяземского и др.

Более открыто следили у нас за циклом исторических и публицистических работ Мура, посвященных Ирландии, ирландским по происхождению писателям и политическим деятелям. В дневнике А. И. Тургенева за 1825 г. находим, например, следующую запись: «В Лондоне вышла „Жизнь Шеридана", изд. Муром. Все раскупают книгу и для автора и для предмета, им избранного» [178]. Речь идет о книге Мура «Memoirs of the Life of ⟨...⟩ R. B. Sheridan» (1825), действительно заинтересовавшей многих. Через несколько лет еще более современной и увлекательной представилась изложенная Муром «Жизнь и смерть лорда Эдварда Фитцджеральда» («The Life and Death of lord Edward Fitzgerald». London, 2 vols), ирландского патриота, смотревшего на Ирландию как на вторую Америку, ждущую своего Вашингтона для освобождения от английского владычества. Эдвард Фитцджеральд (1763—1798), как известно, был одним из главных деятелей общества «Объединенных ирландцев» (United Irishmen), вдохновителем и отважным руководителем ирландского вооруженного восстания 1798 г., во время которого он и погиб в тюрьме, не дождавшись суда.

Даже о «Записках капитана Рока», несомненно, знали в России, хотя Мур опубликовал их анонимно («Memoire of Captain Rock, the Celebrated Irish Chieftain, with Some Account of His Ancestors Written by Himself», 1824); впрочем, тайна авторства Мура была раскрыта журналистами довольно быстро. Эти «Записки» представляют собой образец иронической прозы, отдельные страницы которой достигают негодующего осуждения поистине свифтовской силы. Мур говорит здесь от имени ирландских социальных низов, а созданный им образ капитана Рока — вождя мятежных ирландских крестьянских отрядов, борющихся за свою свободу, представляется не только очень ярким, но и типическим [179]. В записи дневника Мура (29 января 1826 г.) говорится: «Лорд Ландсаун сказал, что одним из самых горячих почитателей моего «Капитана Рока», каких он когда-либо видел, является человек, которого я меньше всего мог в этом подозревать — русский посол в Париже Поццо ди Борго. Он говорил лорду Л⟨ансдауну⟩: «Уверяю вас, что эта книга меня особенно поразила; в ней так много правды» и т. д., и т. д. Было это во время последнего посещения Ландсауном Парижа» [180].

Известна была в России и вызвала споры еще одна книга Мура: «Путешествие ирландского джентльмена в поисках религии» («Travels of an Irish Gentleman in Search of a Religion», 1833). Некоторым русским читателям эта книга показалась красноречивой защитой католицизма, и это представилось им тем более странным, что она исходила от Мура, который, как говорили, своих детей воспитывал в духе протестантизма. Основательнее судил об этом такой авторитетный критик, как А. И. Тургенев. «A propos de Moore,— писал он Вяземскому из Женевы (14/2 июля 1833 г.),— я видел здесь новую книгу его, где он вводит в спор католика, протестанта, методиста и пр. и пр.— и не решает ни в чью пользу. Книга наполнена теологическою ученостью для того только, чтобы утвердить сомнение, le doute!». Книга эта показалась Тургеневу интересной, потому что она живо напомнила ему писания Чаадаева; некоторые его страницы прямо казались ему выхваченными из «рукописи московского философа»; вскоре Тургенев отправил ее экземпляр автору «Философических писем» [181].

О большинстве названных сочинений сейчас знают немногие и вспоминают редко, но их русские современники читали их и обсуждали охотно, как произведения прославленного поэта. Знаменательно, что все они, без исключения, сохранились в библиотеке Пушкина: здесь собраны (в составе нескольких томов парижской серии: «Baudry's Collection of Ancient and Modern British Authors», 1835): «Эпикуреец», «Биография Шеридана», «Жизнь и смерть лорда Эдварда Фитцджеральда», «Записки капитана Рока» и «Путешествия ирландского джентльмена в поисках религии»; последнее сочинение в библиотеке Пушкина находилось не только в английском оригинале, но и во французском переводе 1833 г.: принадлежность последнего своему книжному собранию удостоверил сам поэт, написав чернилами на обложке книги: «Пушкин» [182].

Интерес русских читателей 20—30-х годов ко всему циклу прозаических сочинений Мура об Ирландии был до известной степени предопределен также устойчивым и длительным увлечением циклом его «Ирландских мелодий».

4. «Ирландские мелодии» в русских переводах и переделках.— Декабристы — переводчики Мура.— Неизданные переводы из Мура (Юзефович, Ободовский, Козлов и др.).— Лермонтов и Мур

Знакомство в России с «Ирландскими мелодиями« («Irish Melodies») Мура началось в 20-е годы, почти одновременно с его «Лаллой Рук», и продолжалось непрерывно в течение нескольких десятилетий; ни одно из его произведений не получило у нас столь устойчивую и длительную известность, не исключая даже его «восточной повести». Правда, ирландские мелодии только в 30-е годы приобрели окончательную форму особого и завершенного поэтического сборника; до того они долгое время выходили в свет небольшими выпусками (между 1807 и 1834 гг.).

Замысел Мура создать цикл лирических стихотворений, музыкальную основу которых составили бы ирландские народные песни, относится еще к его студенческим годам, совпавшим с периодом очередного подъема ирландского освободительного движения (в Тринити-колледж Дублинского университета Мур поступил в 1794 г.). В Ирландии Мур провел свое детство и юность. Он был не только знаком, но находился даже в дружеских отношениях с Робертом Эмметом, одним из руководителей ирландского восстания 1803 г.; хотя близость Мура к Эммету прекратилась после исключения последнего из университета, но поэт сохранил к нему самые теплые чувства и оплакал его трагическую смерть; судьбу его и его возлюбленной Сарры Карран Мур имеет в виду в ряде стихотворений «Ирландских мелодий», носящих характер обреченности и трагизма. Свидетель жестоких расправ английских карателей с деятелями ирландского освобождения, Мур сообщил первым своим «Ирландским мелодиям» элегический тон и многие из них полны глубокого разочарования; в особенности относится это к тем выпускам «Ирландских мелодий», которые вышли в свет в период реакции после наполеоновских войн [183]. Таким образом, хотя «Ирландские мелодии» связаны с освободительным движением ирландского народа и отразили на себе различные этапы этой борьбы в XVIII—XIX вв., но их политическое звучание было приглушенным и обращенным более к прошлому, чем к будущему. Как и в других произведениях Мура, отраженные в «Ирландских мелодиях» чувства свободолюбия и оппозиционности имеют характер довольно умеренный; ноты протеста, пафос борьбы редко звучали в его творчестве откровенно и резко, они растворялись в примиренности изящной грусти и задушевного лиризма.

Примечательной особенностью «Ирландских мелодий» являлось то, что они представляли собою подтекстовку к ирландским народным мелодиям, к которым возник тогда большой интерес не только в Ирландии, но и за ее пределами. В большой статье «Нечто о Томасе Муре», напечатанной (в пере-

воде с французского А. Очкина) в «Благонамеренном» в 1822 г.[184], музыкальной основе поэтических текстов Мура придавалось даже решающее значение для популярности этого лирического цикла. Автор статьи ссылался при этом на слова самого Мура, который приписывал сам известность «сладостным песням музыки ирландской», к которым приспособлены его стихи; «стихи сии, сами по себе, значат весьма мало; но подобно насекомым, сохранившимся в янтаре, получают достоинство свое от того, с чем соединены»[185]. Далее критик цитирует собственные слова Мура, помещенные в «Предуведомлении» («Advertisement») к первой тетради «Ирландских мелодий» (1807).

«Слишком долго пренебрегали мы,— писал г. Мур о своем предприятии,— единственным даром, в котором соседи наши англичане нам не отказывают. До сих пор еще музыка наша никем не была собрана. Часто музыканты твердой земли ⟨континента⟩ обогащали оперы и сонаты свои мелодиями, заимствованными у ирландцев, и не признавались в воровстве своем, а мы не умели ценить собственных своих сокровищ; таким образом, песни наши, подобно многим из наших соотечественников, не находя покровительства в отечестве, перешли в службу к иностранцам. Надеюсь, что теперь достигли мы эпохи, счастливейшей для нашего политического состояния и для нашей музыки; связь этих двух предметов между собою, по крайней мере в Ирландии, доказывается задумчивым и даже печальным характером бóльшей части старинных наших песен. Не легко приделать слова к этим голосам. Поэт, желающий следовать за различными чувствами, которые они выражают, должен иметь быстрые переходы идей и необыкновенное смешение мрачной задумчивости с легкомыслием: таков наш характер и цвет нашей музыки. В самых веселых из наших песен всегда встречается несколько печальных нот, которые на всю пьесу бросают тень задумчивости и самую радость делают привлекательною. Если бы Бурнс (Burns) родился ирландцем, то он гордился бы подобною музыкой и гений его соделал бы ее бессмертною...»[186] Мы привели всю эту цитату из русского журнала 1822 г., так как указанная статья о Муре, в которую включены собственные слова автора «Ирландских мелодий», долгое время оставалась у нас единственной, откуда можно было извлечь сведения о том, как они создавались. Однако в приведенной цитате не все справедливо и соответствует действительности. Слова: «До сих пор музыка наша никем не была собрана» в парижском издании поэтических произведений Мура (1829) и в последующих снабжены следующим примечанием: «Автор забыл, когда он утверждал это, что публика обязана м-ру Бантингу ценным собранием произведений ирландской музыки, а патриотическому таланту мисс Оуенсон (Owenson) за их исполнение». Действительно, в 1792 г., в тот самый год, когда образовано было революционное общество объединенных ирландцев, органист из Белфаста Эдуард Бантинг (E. Bunting), присутствуя на фестивале ирландских арфистов (шесть из них были слепые), записал ряд слышанных им мелодий и издал их впоследствии в двух томах (1796, 1807). С мелодиями Бантинга, переложенными для фортепиано, Мур познакомил и Роберта Эммета. Эммет особенно восхищался мелодией песни «Рыжая лисичка» («The Little Red Fox»); к этой мелодии Мур впоследствии пристроил слова песни (во второй тетради «Ирландских мелодий») — «Let Erin remember the days of old»[187]. Приведенная выше цитата была взята французским критиком из «Advertisement» к первой тетради «Ирландских мелодий» и представляла собой слова из письма Мура к Джону Стивенсону, сделавшему музыкальную аранжировку тех мелодий, к которым слова написал Мур[188].

«Ирландские песни» в указанной переводной статье в «Благонамеренном» получили в целом следующую характеристику: «Т. Мур счастливо превозмог все трудности своего предприятия: стихи его переменяют тон и размер, смотря по голосам, к которым они приделаны: в одних юная дева просит героя, идущего умереть за страну Эрина, никогда не забывать свою любезную; в других воины поют песнь в честь Бриена — храброго или одного из *стобитвенных* (aux cent combats) героев, прославивших Ирландию своими

делами. Романтические виды графства Вихловского, виды Авона и Овоки; суеверие народа вместе храброго и чувствительного, страстного и благочестивого получают новую жизнь от творческой музы Мура; но всего чаще слышны у него голос мести народа утесненного или печальные песни побежденных» [189].

Далее в той же статье приводятся четыре стихотворения из «Ирландских мелодий» в прозаическом переводе (с французского): 1) «Далеко она...» (оригинал находится в четвертой тетради «Irish Melodies», 1811: «She is far from the land...»); 2) «Завещание» (оригинал — «The Legacy», во второй тетради); 3) «Полночь» («At the mid hour of night») и 4) «Престаньте порицать барда...» («Oh! Blame not the bard...», в третьей тетради). Все эти стихотворения, впервые появившиеся на русском языке в 1822 г., принадлежат к числу очень известных и нередко переводившихся впоследствии на русский язык, иногда, может быть, даже при помощи прозаических переводов Очкина, игравших роль «подстрочников», заменявших английский оригинал.

Как известно, не один Мур первоначально появился у нас в прозаическом переводе: в том же обличьи печатались сначала и поэмы Байрона, а затем и В. Скотта. В том же 1822 г. (в рецензии на стихотворный перевод «Шильонского узника» Байрона, сделанный Жуковским) П. А. Плетнев свидетельствовал: «До сих пор на русском языке мы читали некоторые сочинения лорда Байрона в прозаических переводах. Известно, что поэзия, передаваемая прозою, точно то же, что музыка в устах человека, который ее слушал и который ее пересказывает» [190]. Тем не менее этот способ переложения того или иного текста на русский язык был все же более легким и, пожалуй, даже неизбежным на первых порах ознакомления с каким-либо еще не известным иностранным поэтом. Переводы этого рода делались у нас, вероятно, не без влияния французских литераторов, в изобилии снабжавших своих читателей прозаическими переводами английских поэтических текстов. Стихотворные переводы обычно появлялись у нас после прозаических.

Мы можем, например, указать на несомненный случай возникновения из стихотворения Мура в названном выше прозаическом переводе Очкина стихотворного подражания ему начинающего русского поэта 20-х годов, для которого прозаический перевод Очкина послужил оригиналом. В бумагах Платона Григорьевича Ободовского (1803—1864), хранящихся в ИРЛИ, имеется рукописная переплетенная тетрадь, озаглавленная «Опыты в стихах Платона Ободовского». В этой тетради находятся тексты его ранних стихотворений, написанных еще в школьные годы, во время обучения его во 2-й Петербургской гимназии. Как известно, первые литературные опыты Ободовского были напечатаны в журналах (в частности, в «Благонамеренном») еще до того, как он кончил гимназию (1823), а после того он был принят в члены Вольного общества словесности, наук и художеств и с большим рвением предавался литературной деятельности [191].

В упомянутой выше рукописной тетради Ободовского находится датированное 1822 г. стихотворение под заглавием: «К сестре. Подражание элегии Томаса Мура» [192]. Ниже автором указан также источник этого подражания: «The Mid-night» (сначала было написано с ошибкой: «the mith-night»). И эта орфографическая ошибка, и отсутствие других переводов Ободовского с английского в обширном перечне напечатанных им произведений наводят на мысль, что английского языка он не знал и что источником его стихотворения «К сестре» был прозаический перевод Очкина из «Ирландских мелодий», указанный выше. К тому же выводу приводит и сопоставление обоих произведений. В «Благонамеренном» этот перевод читается так:

Полночь

1

В тихий час полночи, когда звезды ниспускают росу вечернюю, я прихожу в уединенную долину, столь любимую нами тогда, когда свет жизни

блистал еще в глазах твоих, и думаю, что если души могут спускаться из селений воздушных и посещать места, бывшие свидетелями их удовольствий, то ты, верно, придешь ко мне сказать, что и в небе не забыла любви своей.

2

Потом начинаю я сладостную песню, которую мы вместе певали. И если эта долина повторяет унылые мои звуки, я думаю, моя любезная, что ты отвечаешь мне тихо из горнего жилища душ и вместе со мною повторяешь песню, столько тобою любимую [193].

Это лирическое воспоминание Мура о покойной возлюбленной в переделке Ободовского превратилось в элегию памяти умершей сестры. В соответствии с этим из русского стихотворения исчезли кое-какие эротические намеки, количество его стихотворных строк увеличилось, пейзаж стал более реальным (вместо «воздушных селений», в оригинале Мура — «the regions of air», у Ободовского стоит «с вершин седых»), но слова в подражании те же, что в прозаическом русском переводе: «в тихий час полночи» — в стихотворении «В час ночи тихой», хотя у Мура идет речь только о полночном часе («At the mid hour of night»...); «звезды ниспускают росу вечернюю», у Ободовского — «лишь со звезд сольется светлая роса», тогда как Мур говорит просто о том часе ночи, когда звезды плачут («when stars are weeping») и т. д. Стихотворение Ободовского, как оно записано в его тетради, отделано не вполне; середина его вычеркнута вовсе, поверх текста, написанного чернилами, сделаны карандашные поправки. По-видимому, в печать оно не попало. Приводим его по рукописи в качестве образца одного из первых подражаний «Ирландским мелодиям» в русской поэзии:

К сестре

Подражание элегии Томаса Мура

В час ночи тихой, лишь со звезд
Сольется светлая роса,
Я здесь, среди пустынных мест,
Люблю глядеть на небеса.
Слыхал я, что с вершин седых
Слетают души в те края,
Где жизни цвет алел для них,
Душистый аромат лия.

Надежды полон дух во мне!
Ужель ты с облачной гряды
Не спустишься к родной стране,
Где дышут стоп твоих следы?
Сестра, сестра, ужели ты
Меня в тоске не усладишь?
Спустись с угрюмой высоты,
С тобой ты радость приманишь.

Два последующих четверостишия зачеркнуты (они, действительно, не находят себе никакого соответствия ни в оригинале Мура, ни в переводе Очкина):

Ее давно я позабыл,
Безмолвна арфа, пеленой
Паук унылую увил,
Печали тучи надо мной.

Спустись, подруга, оживи
Цевницу голосом своим,
С меня уныние сорви,
Давно, давно я скован им!

Далее идет заключительная строфа (с поправкой в последнем стихе):

Ты не летишь, вотще молю,
В жилище светлых душ, сестра,
А я один в тоске кроплю
Слезой зеленый дерн одра...

Почти одновременно в «Литературных листках» 1823 г. появилось еще одно подражание тому же стихотворению Мура. Оно подписано буквой О.

и принадлежит, вероятно, перу В. Н. Олина. Приводим его начало:

Полночный час

Из «Ирландских мелодий» Томаса Мура

К Эльвире

(Подражание)

Когда из звезд весенней ночи
На землю падает роса,
И тихо светят небеса,
И сон смыкает смертных очи,—
Тоски и мрачной думы сын,
В долину прихожу один,
Где прежде в радости беспечной,
О друг мой нежный! друг сердечный!
Мы были счастливы с тобой...[194]

В том же 1823 г. в «Дамском журнале» в довольно неискусном прозаическом переводе некоей Татьяны Антоновой были напечатаны «Ирландские песни» со следующим примечанием «издателя»: «Изданные Томасом Муром на английском и переведенные на франц. г-жою Беллок, под заглавием: Les amɔs ⟨!Следует: amours⟩ des anges et les mélodies irlandaises, Paris, 1823.»[195] Первая из них озаглавлена «Елена, или Госпожа Розна» и представляет собою балладу, которая, по словам издателя, «напоминает историю графа Экстерского». Подробные сведения об этой истории приводит французская переводчица Мура Луиза Беллок в той книге, откуда взят и русский перевод. В «Ирландских мелодиях» Мура (в V серии), где оригинал переведенного стихотворения начинается стихами:

You remember Ellen, our hamlet's pride,
How meekly she bless'd her humble lot..,

этого нет; Мур замечает, что его «баллада внушена ему известной любопытной историей, которую рассказывают в Англии об одной (certain) благородной семье»[196]. Таким образом, в этой балладе, собственно, нет ничего ирландского; русская же переводчица избрала эту балладу для «Дамского журнала» главным образом из-за ее сентиментальной концовки и при этом явно усилила ее банальное до приторности звучание. Мур проще и естественнее, без лишних акцентов и навязчивых нравственных сентенций, рассказывает в своей балладе довольно обыкновенную жизненную историю юноши Вильяма, скрывшего свое происхождение и поселившегося в отдаленной деревне, женившегося здесь на девушке из простой фермерской семьи, незадолго до того как он получил поместье и титул от умершего дяди, и лишь после этого открывшего жене, кто он. Русская переводчица этой баллады, очевидно, не очень хорошо понимала и ее французский текст, по крайней мере в тех подробностях, которые относились к быту английских землевладельцев. Поэтому, например, в ее переводе кое-что становится более понятным только после сверки его с переводом Беллок и оригиналом. «Елена — владетельница Розна-Галля!» (у Беллок: «Hélène est dame de Rosna-Hall»),— читаем мы в заключительных строках перевода в «Дамском журнале».— Лорд Рознагальский (le lord de Rosna) страстно любил ту, в которой Вильям снискал любовь и верность. И блеск щастия равно блистает под сводами позлащенными замка, как и под соломенною кровлей убогой хижины». В оригинале Мура нет такого обобщения, как нет, впрочем, «позлащенных сводов» замка, ни «соломенных» крыш «убогих» хижин (хотя у Беллок уже появились «lambris dorés» и «l'humble toit de chaume», дававшие повод для русского перевода). Мур ближе к известной формуле: «С милым рай и в шалаше» и не дает никакого социального вывода, говоря о «барственных рощах» и простых постройках:

And the light of bliss, in these lordly groves,
Shines pure as it did in the lowly shed.

Эта заурядная история не заинтересовала русских читателей: сколько знаем, стихотворение Мура «Gou remember Ellen» больше на русский язык не переводилось.

Рядом с ним Антонова поместила в «Дамском журнале» прозаический перевод другой «ирландской песни» Мура, гораздо более известной, чем первая. Хотя и на этот раз русская переводчица пользовалась французским переводом Беллок, но назвала эту «мелодию» «Призывание», а не «Barcarolle», как она столь же произвольно озаглавлена у Беллок. Антонова не удержала это заглавие и придумала ему собственное, вероятно не столько потому, что ей представилось странным назвать «ирландской» песню «венецианских гондольеров», что собственно и обозначает итальянское слово «barcaróla», сколько, по-видимому, потому, что этот музыкальный термин тогда еще не вошел в обиход русской речи (впервые, вероятно, им воспользовался Козлов в своей поэтической «фантазии» «Венецианская ночь», 1825; «звуки нежной баркаролы»...). Это стихотворение Мура появилось в VI серии «Ирландских мелодий» и принадлежит к числу его стихотворений, весьма изысканных по своему ритму и мелодическому рисунку:

Come o'er the sea,
Maiden! with me,
Mine through sunshine, storm, and snows!
Seasons may roll,
But the true soul
Burns the same where'er it goes...

В русском прозаическом переводе музыкальная основа этого произведения, естественно, исчезает, хотя в переводе и удержан рефрен, подчеркивающий песенную структуру стихотворения:

П р и з ы в а н и е

Приди со мною на море, о юная дева! Будь моею спутницею и тогда, когда блистает солнце, когда свирепеет буря или когда снег мешается с волнами.

Времена года проходят и изменяются; но душа верная горит одною страстию во всех климатах. Что мне нужды до угроз жестокой судьбы, если я владею твоею любовью, если мы соединены! С тобой жизнь, без тебя — смерть! Приди со мною на лазуревое море, прелестная дева! приди; пусть неукротимые ветры будут нам спутниками!

Времена года проходят и изменяются; но душа верная горит одною страстию во всех климатах... [197]

Отметим, что в следующей, четвертой части «Дамского журнала, за тот же 1823 г. некая Марья Васильева поместила свой, также прозаический, перевод стихотворения Мура «'Tis the last rose of summer» (в V серии «Ирландских мелодий», 1813). Однако здесь не сделано ссылки ни на Мура как автора этого произведения, ни на то, что источником для Васильевой послужил и на этот раз не оригинал, но французский же текст перевода Беллок. Может быть, поэтому немногие русские читатели «Дамского журнала» догадывались о том, что они читают ту знаменитую «мелодию» Мура, которая явилась здесь в первый раз в весьма несовершенном и не поэтическом переводе и которая через несколько десятилетий станет весьма популярной не только в русской поэзии, но даже и в русской музыке.

В переводе Васильевой стихотворение озаглавлено «Увядшая роза» (у Belloc — «La dernière rose») и начинается так:

Увядшая роза. Ирландская песня

Последняя роза красного лета цвела уединенно; все ее
милые подруги увяли навсегда; вокруг нее не видно
уже более ни цветочка, ни шипка, которые могли бы
отражать ее румянец (! у Беллок — «pour réfléchir ses rougeurs»)
и отвечать на ее вздохи.
Цветок одинокий! Я не оставлю
грустить тебя на стебельке твоем; сестры твои уже
покоятся — успокойся и ты подле них! Из сострадания
к тебе я оборву твои листочки и рассею их по земле,
где спят садовые твои подруги, лишенные свежести и
благоухания... [198]

Таковы были первые, впоследствии прочно забытые, опыты приобщения «Ирландских мелодий» Мура к русской литературе.

Вскоре на «Ирландские мелодии» обратили внимание и другие русские поэты. В октябре 1823 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Я собирался заказать тебе перевести несколько пиес или хотя одну из «Irish Melodies» de Moore. Они переведены и на французский: «Mélodies Irlandaises», хотя и слабо. Достань и прочти» [199]. Вяземский лишь через несколько лет выполнил заказ своего друга (об этом речь пойдет ниже), но к этому циклу Мура у нас обратились другие поэты, быть может, по советам того же А. И. Тургенева. Таковы, например, переводы Козлова.

Переводить лирические стихотворения Мура Козлов начал именно в 1823 г. В журнале «Новости литературы» он напечатал стихотворение «Молодой певец» с подзаголовком: «Ирландская песня Томаса Мура» [200]. Оригиналом его является знаменитое стихотворение «The Minstrel Boy» (из V тетради «Ирландских мелодий», 1813), в которой прославлен поэт-воин, погибший в бою за свободу родины:

The Minstrel-Boy to the war is gone,
In the ranks of death you 'll find him;
His father's sword he has girded on,
And his wild harp slung behind him...

Козлову удалось передать энергичный балладный ритм этого небольшого стихотворения, состоящего из двух восьмистиший, точно соответствующих двум восьмистишиям английского оригинала; лишь одна подробность — слова «меч-кладенец», заимствованные из русской былинной поэзии, несколько руссифицируют текст:

На брань летит младой певец,
Дней мирных бросив сладость;
С ним меч отцовский — кладенец,
С ним арфа — жизни радость...

Но, умирая «жертвой грозных сеч», воин-певец

Бросает в воду острый меч
И звонкие рвет струны.
«Любовь, свободу, край родной,
О струны! пел я с вами;
Теперь как петь в стране вам той,
Где раб звучит цепями?»

Последние строки довольно близко соответствуют оригиналу, хотя приобретают у Козлова вопросительный характер вместо патетического утверждения у Мура:

... Thy songs were made for the pure and free,
They shall never sound in slavery!

В последующие годы Козлов напечатал также целый ряд других своих переводов из «Ирландских мелодий»: в альманахе «Северные цветы на 1825 год» под заглавием «Ирландская песня. Из Мура» — сделанный в 1824 г. перевод «As a beam o'er the face of the waters may glow...» («Луч ясный играет на светлых водах...»); позднее (1828) — вольный перевод того самого стихотворения, которому, как мы видели выше, подражал Ободовский; у Козлова эта «Ирландская мелодия (Из Мура)» начинается так:

Когда пробьет печальный час
Полночной тишины,
И звезды трепетно горят,
Туман кругом луны;
Тогда, задумчив и один,
Спешу я к роще той,
Где, милый друг, бывало, мы
Бродили в тьме ночной...

Вторая половина этого стихотворения переведена Козловым очень вольно; в оригинале нет, например, «томного звука от родины святой»: Мур говорит об эхо, в котором поэту слышится голос любимой, идущий из «царства душ» (Kingdom of Souls); к этому выражению Мур в примечании приводит поясняющую цитату из Монтеня. В собрании стихотворений Козлова его переводы из Мура, передающие их английские оригиналы верно и удачно, с живым восприятием их музыкальной, песенной основы, составили целый цикл [201]. Имя Ивана Козлова так тесно связалось у нас с именем Томаса Мура, что в стихотворении поэта А. П. Баласогло, будущего «петрашевца» («А.Н.В.», 1840), обращенном, по-видимому, к Анне Николаевне Вульф, в котором он вспоминал пушкинское время русской поэзии, есть, между прочим, такие строки:

Где русский Мур ирландской сферы,
Всегда задумчивый Козлов? [202]

Около того же времени Белинский, рассуждая о русской переводной лирике (в статье «Русская литература в 1841 году», 1842) отмечал: «Козлов замечателен особенно удачными переводами из Мура; но переводы его из Байрона все слабы» [203].

Выше у нас уже шла речь о том интересе, с которым поэты-декабристы отнеслись к национально-освободительным мотивам в «восточных поэмах» Мура; еще более явственным было их увлечение «Ирландскими мелодиями». Характерно, что декабрист Н. А. Бестужев в своем «Воспоминании о Рылееве», приводя по памяти одно из важнейших в литературном наследии Рылеева стихотворений, известное под заглавием «Гражданин» или «К молодому поколению»:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян...—

замечает: «Кто не скажет, что это стихотворение может стать наряду с лучшими ирландскими мелодиями Мура?»[204] Очевидно, в глазах Н. А. Бестужева, переводчика «Обожателей огня» Мура, его «Ирландские мелодии» могли служить одним из образцов гражданственной поэзии.

В чрезвычайно интересном письме, написанном незадолго до восстания (28 ноября 1825 г.), другой декабрист, С. И. Муравьев-Апостол, упомянул имена Байрона и Мура, говоря о значении французских революционных идей для развития европейской поэзии. По его словам, после революции во Франции «люди узнали счастье более достойное высокого назначения человека, и поэзия заговорила языком более мужественным. И движение это, раз возбужденное, не могло замереть, вопреки всем препятствиям, и должно было в наши дни породить *Байронов* и *Муров*» [205]. Как видно из контекста, и для С. И. Муравьева-Апостола Мур, наряду с Байроном, был одним из видных «революционных» поэтов середины 20-х годов.

Декабрист Н. В. Басаргин рассказывает, что М. П. Бестужев-Рюмин накануне казни через сторожа крепости передал товарищам по заключению клочок бумаги, на котором он набросал свой французский перевод одной из «мелодий» — «Музыка»; стихотворение Мура озаглавлено «On Music» и напечатано в III тетради «Ирландских мелодий» 1810 г.; оно начинается так:

When through life unbless'd we rove,
Losing all that made life dear,
Should some notes, we used to love
In days of boyhood, meet our ear,
Oh! How welcome breathes the strain!..

В примечании к своему свидетельству Басаргин добавил: «При отправлении моем в Сибирь этот клочок бумаги затерялся, и мне было очень жаль, что я не сохранил его»; однако мемуарист тут же привел «собственный перевод этой мелодии с английского», который мы и воспроизводим:

1

Когда в жизни, исполненной горестей, потерявши все, что делало ее счастливою, до слуха нашего случайно коснутся любимые нами в юности звуки, о! с какою радостью мы их приветствуем! Сколько уснувших давно мыслей пробудят они! Каким пламенем зажгут потухшие наши очи, привыкшие к слезам!

2

Эти благодетельные звуки, с которыми мы свыклись в счастливые дни жизни, подобны свежему ветерку, играющему между душистыми цветами. Напитанный их запахом, он его сохраняет еще и в то время, когда цветы уже поблекли. Так точно, когда исчезнут радость и сновидения жизни, память о них сохраняется в звуках музыки.

3

О, музыка! Как слаб наш ничтожный дар слова перед твоими чарами. Зачем чувству объяснять словами, когда ты так легко выражаешь всю душу. Сладкая речь дружбы может быть притворна, слова любви — бывают ложны. Одни только звуки музыки услаждают без обмана наше сердце [206].

Даже в Сибири и на Кавказе, на каторге и на поселении многие декабристы не забывали «Ирландских мелодий» и вдохновлялись ими. Так, А. И. Одоевский сделал удачный перевод очень известного стихотворения Мура «Remember thee!», принадлежащего к VII тетради «Ирландских мелодий», в котором Мур с нежностью говорит о любимой Ирландии:

Remember thee? yes, while there's life in this heart.
It shall never forget thee, all lorn as thou art;
More dear in thy sorrow, thy gloom, and thy showers,
Than the rest of the world in their sunniest hours...

Перевод Одоевского сделан ранее 1829 г., но оставался в рукописи почти целое столетие, до 1922 г.; как в английском подлиннике, в нем не упоминается Ирландия, и это давало возможность переводчику, создававшему его русский текст, с таким же напряженным, болезненным лиризмом думать о его собственной стране. Наряду с переводами Козлова этот перевод можно считать одним из лучших русских пересозданий из цикла «Ирландских мелодий»:

Тебя ли не помнить? Пока я дышу,
Тебя и погибшей во век не забуду.
Дороже ты в скорби и сумраке бурь,
Чем мир остальной при сиянии солнца.

Будь вольной, великой и славой греми,
Будь цветом земли и жемчужиной моря,
И я просветлею, чело вознесу,
Но сердце тебя не сильнее полюбит;
В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастает,
И с каждою каплею крови твоей,
Пьют чада любовь из живительных персей [207].

В 20-х годах много стихотворений Мура перевел Дмитрий Петрович Ознобишин (1804—1877), деятельный литератор и переводчик-востоковед. Ознобишин учился в Благородном пансионе при Московском университете, был участником литературного кружка С. Е. Раича вместе с В. Ф. Одоевским, С. П. Шевыревым, М. П. Погодиным, В. П. Титовым и др. Первые стихотворные опыты Ознобишина появились в «Трудах благородных воспитанников университетского пансиона» 1825-го и последующих годов [208]; в 1827 г. Ознобишин издал вместе со своим учителем С. Е. Раичем альманах («Северная лира на 1827 год. Посвящается любительницам и любителям отечественной словесности Раичем и Ознобишиным». М., 1827; ценз. разр. 1 ноября 1826 г.), в котором поместил несколько своих переводов из А. Шенье и Соути, вызвавших довольно резкий критический отзыв Пушкина [209]. В те же годы Ознобишин напечатал много своих оригинальных стихотворений и переводов (в частности, с персидского и арабского) в различных журналах и альманахах [210].

В Пушкинском Доме среди рукописей Ознобишина хранится переплетенная тетрадь: «Стихотворения Д. П. Ознобишина», в которую он собственноручно записал свои стихотворения 1823—1829 гг., частично снабдив их последующими поправками; в эту тетрадь внесены как опубликованные, так и неопубликованные его произведения; среди них немало переводов из Мура, в частности, из «Ирландских мелодий» [211]. Так, на л. 31 об. этого сборника мы находим перевод той самой «мелодии», посвященной Роберту Эммету, первый русский прозаический текст которой был, как мы видели, напечатан Очкиным в «Благонамеренном» 1822 г. В рукописи Ознобишина читаем:

Oh! breathe not his name

(Ирландская мелодия)

Не зовите его, пусть спит он в безмолвье,
Где хладный с бесчестьем сложен его прах;
Пусть слезы застынут на наших очах,
Как вечерня роса на его изголовье.

Но с вечерней росы, хоть безмолвно ложится,
Свежим дерном могила его обновится,
А слезы, что льем мы, хоть льем их в тиши,
Сохранят его память живей для души.

Этот перевод датирован в тетради 1826 г., но напечатан он был три года спустя, в московском альманахе «Зимцерла» [212].

На л. 35 той же тетради, с датой «1 сентября 1826 г.», находим перевод стихотворения «The Minstrel-Boy», которое, как уже было указано выше, в 1823 г. было переведено и опубликовано Козловым («Молодой певец»). У Ознобишина оно начинается так:

Юноша-певец

(Ирландская мелодия)

На брань устремился певец молодой.
Где смерть, там он стал меж рядами... [213]

На л. 45—45 об. записан перевод еще одного стихотворения Мура (имя которого, впрочем, как и выше, не названо) из того же цикла; перевод датирован июнем 1828 г. и подвергнут очень значительной правке; по-видимому, он был отшлифован не до конца и остался ненапечатанным. Приводим его начало:

Уж Эрин бледнеет

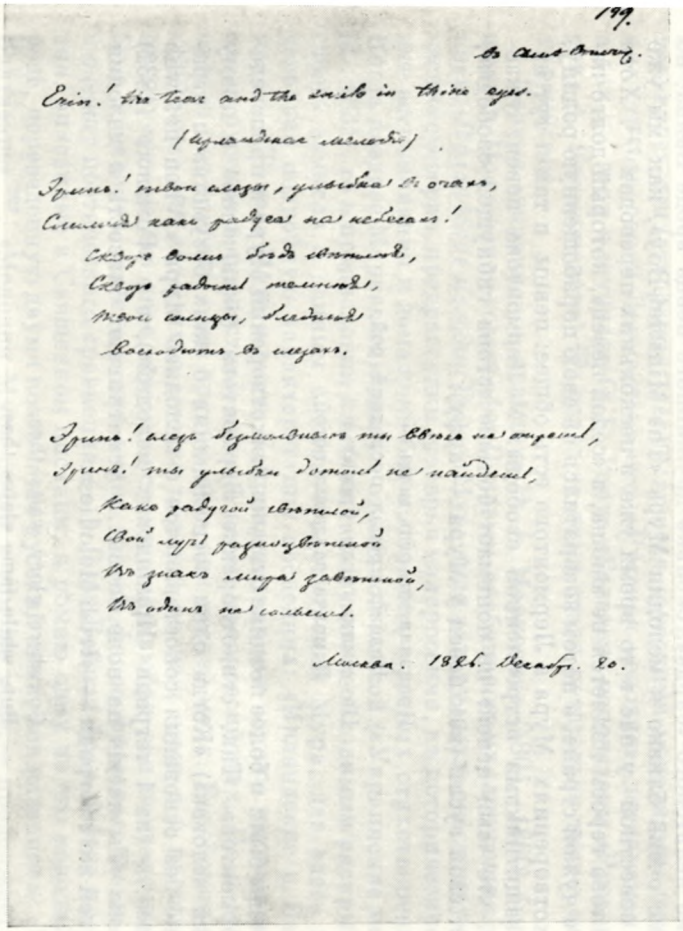
(Ирландская мелодия)

Уж Эрин бледнеет, чуть видный очам;
Но ты где, мне Эрин везде будет там.
Вдали мне отчизной твоя будет грудь,
И взгляд твой, друг милый, осветит мой путь... [214]

В той же тетради Ознобишина находятся еще три его перевода из «Ирландских мелодий»: 1) «Эрин (Ирландская мелодия)» — «Erin! The tear and the smile in thine eyes...»; датировано: «Москва, 1826, декабрь 20» [215]; 2) «Моею будь, друг милый...»— «If thou'lt be mine...»; из VII тетради «Irish Melodies»; датировано мартом 1828 г.; 3) «Горный дух (Ирландская мелодия)»; 1829 — «The Mountain spirit»; из IX тетради «Irish Melodies» [216].

Показателем сильного интереса к поэзии Мура в России во второй половине 20-х годов может служить то, что его стихотворения изучались в учебных заведениях на уроках английского языка. Так было, например, в том самом Московском университетском благородном пансионе, где обучался Ознобишин. Здесь придавали большое значение изучению воспитанниками иностранных языков — французского, немецкого, английского, итальянского. На ежегодных торжественных актах пансиона учащиеся произносили речи на этих языках, и большинство этих речей было затем напечатано; одна из них, произнесенная на английском языке, была посвящена Муру.

В числе воспитанников находился Моисей Михайлович Иваненко, поступивший в пансион 4 декабря 1826 г. и окончивший его в 1831 г. (27 июня). Он был сыном чиновника из южной России и отличался склонностью к литературе и способностью к иностранным языкам: во время своего обучения в пансионе он хорошо овладел двумя языками — итальянским и английским. На торжественном акте 1830 г. Иваненко именно на английском языке читал свою речь об особенностях стиля и творений Мура («Character of the style and writings of Thomas Moore»), и она увидела свет в издании: «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании университетского благородного пансиона...» М., 1830 [217]. Эта речь довольно типична для тех представлений, какие сложились о Муре у русских читателей тех лет. Сначала в речи дается общая характеристика европейских литератур, французской и итальянской; несколько слов уделено поэзии польской и русской; затем автор переходит к поэзии английской, утверждая: «Когда мы обращаем наши взоры на Англию, то, я надеюсь, никто не обвинит меня в пристрастии, если я назову ее той страной, в которой литература в настоящее время находится в наиболее цветущем состоянии (in which Literature is now in its most flourishing state)». «Не бесполезно также заметить, что три поэта, составляющих ярчайшее украшение литературы Британии, являются уроженцами трех образующих ее королевств и что каждый из них учился в университете каждой из этих уважаемых стран,— лорд Байрон — в Кембридже, В.Скотт— в Эдинбурге, а Томас Мур — в Дублине <...> Другим перьям, гораздо более опытным, чем мое, надлежит отдать должное бардам Англии и Шотландии, поэтому я решаюсь представить здесь некоторые характерные особенности барда Эрина». Остановившись на главных произведениях Мура, на его восточной повести «Лалла Рук» и лирических стихотворениях, Иваненко говорит затем об «Ирландских мелодиях», весь цикл которых он, надо думать, знал лучше других: «Главное достоинство его «Ирландских мелодий» заключается в удивительной гармонии стиха и во многих нежных и патриотических чувствах, которые в них выражаются. Его, однако, можно упрекнуть в слишком



199.

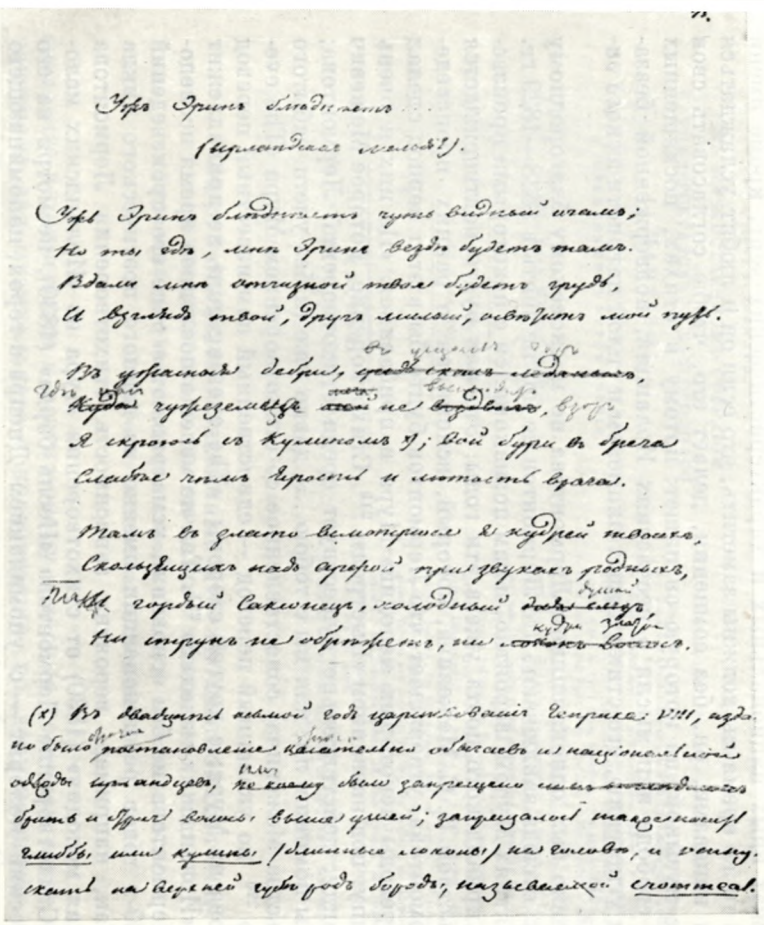
Erin! the tear and the smile in thine eyes.

(Ирландская мелодія).

Эрин! твои слезы, улыбка в очах,
Сияешь как радуга на небесах!
Сквозь волны бурь светишь,
Сквозь радостны тенишь,
Твои цвета, бледны
Восходят в лучах.

Эрин! когда безпомощна ты взоры не отвлекла,
Эрин! ты улыбки достойней не найдешь,
Как радугой светлой,
Твой мир радуешь цветной
Из знак мира завтрашной,
Из один на сердцах.

Москва. 1826. Декабр. 20.



Эрин Эрин блаженство...

(Ирландская мелодія).

Эрин Эрин блаженство чуть видный цветок;
Но ты Эрин, мой Эрин везде будешь мил.
Вдали мне отчизной твоей будет грудь,
И взгляд твой, друг милой, освятит мне путь.

Из украинной дебри, где охота подлая,
Где турок-земледрец не будил,
Я скроюсь из Кумиков у; Всей бури в брега
Слабее чем вросши и мятеж врага.

Там в диком вепрестрел в кудрей твоих,
Скользящих над арфой при звуках родных,
Горький Сакчинец, холодной слезы
Не струны не обронят, ни волосы.

(*) В двадцать самой год царствования Георгия VIII, издано было постановление каштелянам обязав из национальной свободы ирландцев, некому было запрещено иметь вооруженных бритв и Эрин волос, выше ушей; запрещалось шаровать усы, или кушать (длинные локоны) на затылок, и только иметь на верней губе род бороды, называемой счоттса.

«ЭРИН. ТВОИ СЛЕЗЫ, УЛЫБКА В ОЧАХ...» ИЗ «ИРЛАНДСКИХ МЕЛОДИЙ». ПЕРЕВОД Д. П. ОЗНОБИШИНА, 20 ДЕКАБРЯ 1826 Г.

Институт русской литературы, Ленинград

большой приверженности к своей прежней привычке обращать стихи к Хлое (Chloris), так что его элегии, любовные жалобы и даже сетования об изгнании не содержат иных национальных и характеристических черт, кроме имени Эрина. В то же время мы должны заметить, что если он и любит услаждаться нежными напевами, он, без сомнения, делает это, чтобы согласовать свои чувства с музыкой, на которую он пишет: потому в стихах, посвященных любви к свободе или мысли о несчастиях Ирландии, подверженной беззакониям и угнетению, его стихи дышат пламенем и силой патриотического энтузиазма» [218].

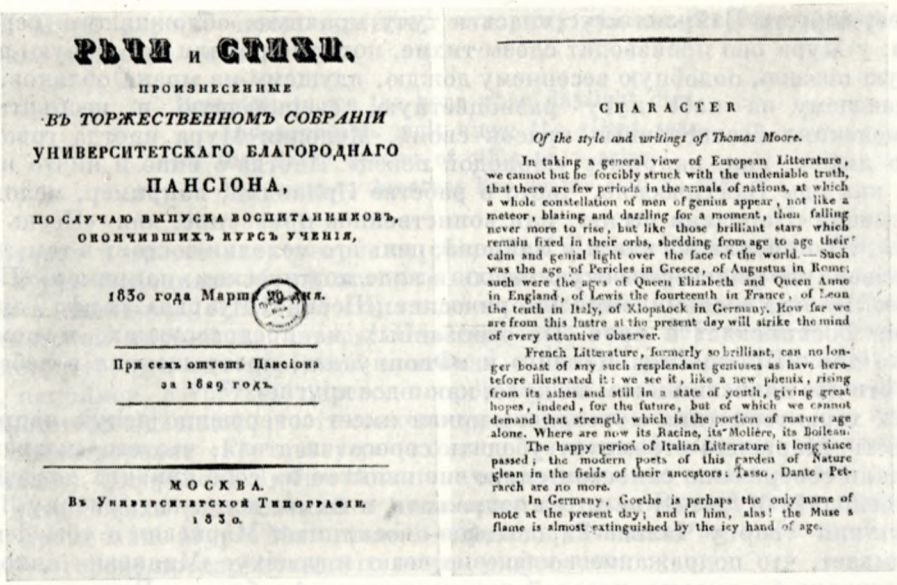
Иваненко был однокашником Лермонтова по московскому благородному пансиону; отсюда заключают, что Лермонтов не мог не знать в 1828—1829 гг. о его занятиях Муром, вероятно, и сам познакомился с некоторыми произведениями ирландского поэта уже в эти годы. Это как будто подтверждается свидетельством В. С. Межевича, который, вспоминая о ранних произведениях Лермонтова, утверждает, что Лермонтов будто бы в этот период сделал даже «переводы некоторых мелодий» Мура и прибавляет: «Из них я очень помню одну, под названием «Выстрел»» [219]. Стихотворение, которое Межевич имел в виду, действительно существует среди стихотворений Лермонтова; это — «Ты помнишь ли, как мы с тобою...», давно уже (и без учета забытого свидетельства Межевича) сопоставленное со стихотворением Мура «The evening gun» [220], но указанный перевод — единственный нам известный перевод Лермонтова из Мура; с другой стороны, «The evening gun» не принадлежит к циклу «Ирландских мелодий» [221]. Тем не менее в последнее время исследователи Лермонтова не без оснований усматривают в ряде его произведений начала 30-х годов реминисценции именно из данного поэтического цикла Мура. Так, например, вероятна зависимость стихотворения Лермонтова «Еврейская мелодия» (1830) от стихотворения Мура из «Ирландских мелодий» [222]. Стихотворение Лермонтова «Песнь барда» (1830), несмотря на его древнерусский колорит — с упоминанием Днепра и героя, напоминающего не столько кельтского «барда», сколько дружинного певца вроде Баяна, по своей теме очень близко к мелодии Мура «The Minstrel-Boy», как мы уже видели, известной у нас в то время уже в нескольких переводах [223]. Хотя у Лермонтова героем является не юноша, а «седой певец», который долго находился в чужой стране, а потом возвратился на свою порабощенную родину, но в стихотворениях Мура и Лермонтова есть общее: певцы и там и тут являются защитниками истребленной свободы. У Лермонтова певец, ужаснувшись, что «сын цепей» не понимает больше «стона гибнущей свободы», разбивает свои гусли (как певец у Мура — арфу):

Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой,
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.

Отмечены были и более поздние отзвуки стихотворений Мура в произведениях Лермонтова. Так, стихотворение Лермонтова (включенное в драму «Странный человек») «Когда одни воспоминания о днях безумства и страстей...» не без основания сопоставляется с мелодией Мура «When he, who adores thee...» (из I тетради «Ирландских мелодий»), а в «Романсе» (1832) Лермонтова «Ты идешь на поле битвы...» усматривают близость к мелодии Мура из той же I тетради — «Irish Melodies»:

Go where glory waits thee,
But, while fame elates thee,
Oh! still remember me... [224]

Под воздействием «Еврейских мелодий» (1815) Байрона, много у нас переводившихся, и в особенности «Ирландских мелодий» Мура обозначение



РѢЧИ и СТИХИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЛАГОРОДНАГО

ПАНСІОНА,

ПО СЛУЧАЮ ВЫПУСКА ВОСПИТАННИКОВЪ,
ОКОНЧИВШИХЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ,

1830 года Марта 29 дня.

При семъ отчетъ Пансіона
за 1829 годъ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1830.

CHARACTER

Of the style and writings of Thomas Moore.

In taking a general view of European Litterature, we cannot but be forcibly struck with the undeniable truth, that there are few periods in the annals of nations, at which a whole constellation of men of genius appear, not like a meteor, blazing and dazzling for a moment, then falling never more to rise, but like those brilliant stars which remain fixed in their orbs, shedding from age to age their calm and genial light over the face of the world. — Such was the age of Pericles in Greece, of Augustus in Rome; such were the ages of Queen Elizabeth and Queen Anne in England, of Lewis the fourteenth in France, of Leon the tenth in Italy, of Klopstock in Germany. How far we are from this lustre at the present day will strike the mind of every attentive observer.

French Litterature, formerly so brilliant, can no longer boast of any such resplendant geniuses as have heretofore illustrated it: we see it, like a new phenix, rising from its ashes and still in a state of youth, giving great hopes, indeed, for the future, but of which we cannot demand that strength which is the portion of mature age alone. Where are now its Racine, its Molière, its Boileau.

The happy period of Italian Litterature is long since passed; the modern poets of this garden of Nature glean in the fields of their ancestors: Tasso, Dante, Petrarch are no more.

In Germany, Goethe is perhaps the only name of note at the present day; and in him, alas! the Muse's flame is almost extinguished by the icy hand of age.

«РЕЧИ И СТИХИ, ПРОИЗНЕСЕННЫЕ В ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО БЛАГОРОДНОГО ПАНСИОНА...» М., 1830
Титульный лист и начало речи Иваненко о Т. Муре на английском языке
Публичная библиотека, Ленинград

«мелодия» в применении к поэтическому тексту (в конечном счете, предназначенному для музыкального сопровождения, но допускающему также и раздельное существование) утвердилось и в русской поэзии. Сначала у нас появились стихотворения, называвшиеся «русскими мелодиями» (среди ранних стихотворений Лермонтова есть «Русская мелодия», датируемая 1829 г.; в том же году в журнале С. Е. Раича «Галатея» напечатаны «Русские мелодии» А. Колышкевича) [225]; вслед за ними стали печататься также «мелодии» украинские.

Первые «украинские мелодии» Н. А. Маркевича (1804—1860) были помещены в «Московском телеграфе» Полевым, снабдившим их следующим примечанием: «*Ирландские мелодии* Томаса Мура дали автору мысль счастливую: поэтические суеверия, предрассудки, поверья малороссиян, их исторические народные воспоминания и домашний быт изобразить в разных стихотворениях» [226]. Когда позднее Маркевич издал их отдельной книгой («Украинские мелодии». М., 1831), то в предисловии к ней он также счел необходимым раскрыть связь своего замысла с данным циклом стихотворений Мура, дав здесь попутно довольно подробную характеристику последних: «Ирландские и Еврейские мелодии Томаса Мура и лорда Байрона подали мне первую мысль приложить слова русские к прелестной музыке песен малороссийских. Но я отдалился от того и от другого, взяв другую цель для песней моих. Еврейские мелодии ⟨Байрона⟩, из которых я многие передал на наш язык и в прошлом году издал, суть не что иное, кроме воспоминания любви или похвалы какой-нибудь красавице, иногда в них видна только философическая мысль, одетая в одежду поэтического сравнения ⟨...⟩ Лорд Байрон брал иногда происшествия, описанные в Священном писании; я помню одну из его мелодий в этом роде, переведенную двумя поэтами на русский язык, под названием: «Виденье Балтазара» [227]. «Мелодии Мура почти в том же роде;— продолжает Маркевич,— различие между ними происходит более от различия гениев Байрона и Мура, нежели от различия предметов. У первого и в мелодиях, как и во всех его сочинениях, видна глубокая печаль и мрачность, никогда с ним не разлучавшаяся; у ирландского поэта блеск воображения несравненно разно-

виднее; горесть Байрона сгустилась в тучу мрачную, обложившую сердце поэта; у Мура она производит слезы тихие, которые родили эту живую, пламенную поэзию, подобную весеннему дождю, идущему из мрака облаков, но рождающему на небе дугу разноцветную, сверкающую и необъятную в изменениях бесчисленных красок своих. Мелодии Мура иногда говорят нам о любви, как, например, «Молодой певец». Иногда о вине и ничто иное суть, как оды Вакхические. Часто о рабстве Ирландии, например, мелодия под именем «Народная песнь», или воинственное призвание, как «Песнь военная». Иногда, так же как и у Байрона, цель его мелодии состоит в том, чтобы развернуть философическую мысль в виде поэтическом, например, «Прощанье». Иногда воспоминания исторические: «Песнь О'Руарка», «Арфа Тары», «Елена Роснийская» и проч. Из основанных на предрассудках, я помню только два: «Прекрасная Катлин» и «Фионнуала», превращенная в лебедя. Но и эти две написаны в том же духе, как и все другие» [228].

Эта характеристика муровского цикла имеет совершенно ясную направленность; Маркевич стремится убедить своего читателя, что его «мелодии» возникли совершенно самостоятельно, не испытав на себе никаких воздействий «мелодий» Мура: «Я не хотел подражать, я не мог подражать творцу Лалла-Рук или творцу Чальда-Гарольда»,— восклицает Маркевич и убежденно доказывает, что подражание вообще не ведет к успеху: «Мицкевич никогда не достигнул бы высоты, которой достигли поэты Альбиона и Ерина, если бы вздумал идти рабски по следам их, не прокладывая пути нового; он избрал тропу тем двум незнакомую и сошелся с ними только уже под самым небом. Не говорю, чтоб я надеялся особым путем сойтись с ними также, но хочу показать, как подражания недалеко заводят». Тем не менее и в поэтизации национального колорита, и в ощутительном стремлении создавать звучащее слово стиха на фоне и в ритме подразумеваемой музыкальной мелодии, Маркевич обязан Муру гораздо более, чем он сам признал открыто.

Вскоре после инспирированных Муром «Украинских мелодий» Маркевича появился еще один сборник — «Стихотворения Василия Романовича» (СПб., 1832), в котором также есть несколько подражаний «Ирландским мелодиям». Это — первая печатная книга молодого поэта и переводчика В. И. Любич-Романовича (1805—1888), окончившего в 1827 г. Гимназию высших наук кн. Безбородко в Нежине. Школьный товарищ Гоголя, Н. В. Кукольника, Е. П. Гребенки и др., Любич-Романович еще на школьной скамье отличался любовью к стихотворству и «замечательной способностью изучать с необыкновенной легкостью иностранные языки, что дало ему возможность коротко познакомиться в оригинале с лучшими поэтами» Европы [229]. Очень вероятно поэтому, что в сборник его стихотворений 1832 г. вошли и те, которые написаны им были еще в Нежине. Стихотворения, напечатанные в указанном сборнике,— главным образом переводы французских, польских, английских поэтов. Среди них есть и несколько переводов из цикла «Ирландских мелодий». Правда, указание на источник, из которого они почерпнуты, сделано лишь в оглавлении к сборнику и отсутствует в самом тексте книги. Все эти переводы, которые правильнее было бы назвать подражаниями, составляют отдел «Мелодии» и напечатаны под номерами I, II, III. Первое стихотворение («Как сладок час...»), несомненно, восходит к мелодии Мура «How dear to me the hour...» (во втором выпуске «Ирландских мелодий»), однако английский оригинал состоит лишь из двух четверостиший, взамен которых у Любич-Романовича мы находим четыре; все же Любич-Романовичу удалось передать напевность этого стихотворения и его лирический склад. Вот его начало:

Как сладок час,— когда, бледнея,
День погасает наконец,
И солнце пурпурное, тлея,
В волнах затопит свой венец!

Тогда раздумное мечтанье
Взвивает свой воздушный лет,
И сладкое воспоминанье
Тебе свой вздох вечерний шлет!.. [230]

У Мура первое четверостишие, которому соответствуют приведенные строки, читается так:

How dear to me the hour when daylight dies,
And sunbeams melt along the silent sea;
For then sweet dreams of other days arise,
And memory breathes her vesper sigh to thee...

Второе и третье стихотворения сборника Любич-Романовича принадлежат к тем «мелодиям» Мура, которые неоднократно переводились на русский язык и являются, в составе «Ирландских мелодий», типичными образцами эротической лирики их автора. Особенностью этих переводов-подражаний является то, что они передают оригинал в сильно распространенном виде; так, например, в третьем переводе сорок восемь составляющих его стихов соответствуют двадцати шести стихотворным строкам подлинника. Это известное стихотворение «Fly not yet» (входящее в первый выпуск «Ирландских мелодий»). В переводе Любич-Романовича оно частично расширилось, потому что потребовало разъяснений и включило в стихотворный текст прозаическое примечание Мура. Мы читаем в переводе увещания возлюбленной лирического героя, предпочитающего ночные часы дню:

Пробудь еще! Пробудь со мной...
Слыхала ль? Есть родник чудесный
Под сенью пальм, в степи глухой,
Где был Аммонов храм известный,
Родник сей днем — как лед студен,
Прохлада на тенистом бреге;
Чуть только ночь — пылает он,
Как сердце, тонущее в неге...[231]

В оригинале нет ни пальм, ни глухой степи, но говорится лишь о тени храма Аммона, где в стародавние времена находился «Солнечный источник» («Solis fons, near the temple of Ammon»,— как гласит примечание Мура к стихам:

Fly not yet, the fount that play'd
In times of old through Ammon's shade,
Though icy cold by day it ran,
Yet still, like souls of mirth, began
To burn when night was near.).

Впрочем, «вольности» Любич-Романовича как переводчика получили широкую известность у русских читателей, в особенности после выхода в свет его перевода «Дон-Жуана» Байрона, вызвавшего единодушное осуждение критики [232]. Кстати сказать, большое количество вольных переводов, появившихся в русской печати еще в конце 20-х годов, все чаще встречалось с явным неодобрением. Полевой неоднократно резко нападал на систему подобных переводов и подражаний в стихах; «мы почитаем ошибкою тот способ перевода, который называют у нас подражанием: или пишите свое или точно передавайте избранный вами подлинник»,— писал он в 1829 г. в «Московском телеграфе» в статье «О жизни и сочинениях Р. Борнса» (по поводу издания «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу» Козлова); ранее он же писал по поводу «Корсера» В. Н. Олина: «Критики не сличают дурного перевода с подлинником, когда переводчик догадывается оградить себя в заглавии словами: *вольный перевод*. По пословице: *вольному воля* переводчик пишет после этого, как ему вздумается, а заметьте, что то или другое не так и нелепо, переводчик возглашает с уверенностью: «Да ведь я сказал, м. г., что мой перевод вольный...» [233]

Переводы стихотворений Мура, как из «Ирландских мелодий», так и из других его поэтических циклов, отличавшиеся различной степенью приближения к оригиналам, появлялись в русских поэтических сборниках тех же лет, в альманахах и на страницах журналов. Перевод из VI серии «Ирландских мелодий» — «Come o'er the sea», сделанный Аполлоном Редкиным с подза-

головком «Подражание Муру», был первоначально напечатан в «Сыне Отечества» 1828 г., а затем вошел в книгу Редкина «Цевница» под заглавием «Ирландская мелодия (из Мура)»,— с пропуском слова «подражание»:

Когда блестит светило дня,
Иль непогода завывает,
Иль хлад на море упадает,
Его собою леденя...

О, дева милая, младая!
Ты будь среди морских зыбей
Подругой верною моей,
Со мной восторги разделяя!.. [234]

И на самом деле, этот перевод Редкина довольно близок к подлиннику. В том же 1828 г. В. Олин поместил в «Альбоме северных муз» стихотворение «К 30-ти летней Эрминии», также назвав его «Подражание Муру» [235]. На этот раз подлинник его среди произведений Мура отыскать довольно трудно, так как даже имя героини для своего любовного стихотворения Олин взял, по-видимому, из «Освобожденного Иерусалима» Тассо. Второстепенный поэт той же поры И. П. Бороздна в своем поэтическом сборнике «Опыты в стихах» (М., 1828) поместил стихотворение «Мелодия. Гимн богу» с подзаголовком «Вольный перевод из «Мелодий» Мура», но это перевод не из «Ирландских мелодий», а из другого цикла Мура, озаглавленного «Sacred Songs», которым он и открывается [236].

Тогда же ряд «Ирландских мелодий» опубликовал М. П. Вронченко, по профессии геодезист и географ, но большой любитель поэзии; его переводы европейских поэтов (в первую очередь Шекспира, но также Байрона, Мура, Гете, Шиллера, Мицкевича) обратили на себя внимание русских читателей.

Переводы из Мура Вронченко помещал в лучших изданиях своего времени, но подписывал он их, из скромности, чувствуя себя скорее любителем, чем профессиональным переводчиком, лишь своими инициалами, либо криптонимами. Так, в «Невском альманахе на 1829 год» за подписью М. В. он поместил хорошие переводы трех очень известных «мелодий» Мура ирландского цикла: 1) «Не пируй с молодежью средь пышных садов...» («Oh! banquet not in those shining bowers...»); 2) «Лети, мой корабль, пернатой стрелой...» («Sail on, sail on, thou fearless bark...»; 3) «Умолчим его имя, пусть там оно спит..» («Oh! breathe not his name...») [237]. Еще два стихотворения Мура из того же цикла Вронченко (за подписью М. В-ко) напечатал в «Северных цветах» на 1829 год: «Мне дорог час, когда бледнеет пламень дня...» («How dear to me the hour when daylight dies...») и «Может в зеркале вод отражаться луна...» («As a beam o'er the face of the waters may glow...») [238]. Литераторы, близко стоявшие к издателям «Северных цветов», Дельвигу и Пушкину, конечно, хорошо знали имя Вронченко; известен он был также по приятельским отношениям его с Н. М. Языковым (с которым он сблизился в Дерите) и с другими поэтами. Так, например, И. В. Киреевский упомянул эти переводы с полным именем переводчика в «Обозрении русской словесности за 1829 год» [239]. Несмотря на то, что позже они не перепечатывались и для широких читателей оставались анонимными, их помнили долго, приравнивая даже к считавшимся образцовыми переводам Козлова [240].

Автографы всех пяти названных выше переводов Вронченко из Мура сохранились в архиве его биографа А. В. Никитенко в Пушкинском Доме, среди них оказался также еще один его перевод, по неизвестной для нас причине оставшийся неопубликованным; он, несомненно, возник в то же самое время — в конце 20-х годов. Приводим его по рукописи:

Когда я зрю сей взор прекрасный,
Столь чистый, радостный, живой,
Как будто свод небес сих ясный
Не должен ввек одеться мглой,—
Тяжка мне мысль, что грустно будет
Сие чело омрачено,
И сердце некогда забудет,
Что зналось с радостью оно.

Придут надежд, друзей утраты,
Пора мечтания минет,
Любви и счастья миг крылатый,
Промчавшись, в сердце яд вольет,
И грусти окропясь слезами,
Померкнет жизнь в красе своей,
Как под весенними дождями
Тускнеет яркий снег полей [241].

Этот перевод известного стихотворения из VII тетради «Ирландских мелодий»: «Whene'er I see those smiling eyes...»

О популярности в России «Ирландских мелодий» в 20—30-е годы свидетельствовали также многие приметные явления литературного быта тех лет. Сошлемся, например, на то, что тексты отдельных стихотворений этого цикла Мура, в оригинале и в переводах, вписывались в рукописные альбомы, составление которых было тогда в большой моде. Такой альбом (начала 30-х годов) с записями многих знаменитых современников — Пушкина, Вяземского, Лермонтова и др.— был у Софьи Николаевны Карамзиной, старшей дочери историографа. На первом же листе этого альбома А. И. Тургенев, по словам Б. Л. Модзалевского, «записал английское стихотворение из «Irish Melodies» Т. Мура» [242]; на самом деле, это запись лишь последней (третьей) строфы из стихотворения «Farewell! — But, whenever you welcome the hour...» (из V серии «Ирландских мелодий»), которая в подлиннике читается так:

Let Fate do her worst, there are relics of joy,
Bright dreams of the past, which she cannot destroy;
Which come, in the night-time of sorrow and care,
And bring back the features that joy used to wear.
Long, long be my heart with such memories fill'd!
Like the vase in which roses have once been distill'd —
You may break, you may ruin the vase, if you will,
But the scent of the roses will hang round it still [243].

На л. 45 того же альбома, по словам Б. Л. Модзалевского, А. И. Тургенев «записал английское стихотворение неизвестного нам автора, начинающееся словами: When forc'd to part from those we love (надписав под ними свою букву Т.)» [244]. Вероятно, и эти строки — неточная цитата из другого стихотворения Мура «Oh! 't is sweet to think...» из III тетради «Ирландских мелодий», в котором находятся близкие строки в начальной строфе:

Oh! 'T is sweet to think that where'er we rove,
We are sure to find something blissful and dear;
And that, when we're far from the lips we love,
We have but to make love to the lips we are near!

В примечании к этим стихам Мур указал, что он вдохновлен был словами Мармонтеля, утверждавшего «Когда не имеешь того, что любишь, нужно любить то, что имеешь» [245].

Отметим также, что на л. 7 того же альбома С. Н. Карамзиной находится собственноручно вписанный туда Вяземским перевод одной из «Ирландских мелодий» Мура: «Когда мне светятся глаза, зерцало счастья...» («Whene'er I see those smiling eyes...»), тот самый перевод, о котором Вяземский, как увидим ниже, переписывался с А. И. Тургеневым и просил последнего известить самого Мура [246].

Около того же времени (1830), М. Д. Бутурлин, как он сам рассказывает в своих «Записках», посетил «Павильон роз» в Павловске, устроенный в 1814 г. по случаю возвращения имп. Александра I из Парижа; назывался так этот павильон потому, что его стены, мебель и орнаментальные принадлежности полны были изображениями роз. На столе одной из зал лежала книга для записи имен посетителей; перелистывая ее, Бутурлин нашел записи на английском языке; «захотелось и мне блеснуть английскими познаниями, вспоминает он,— и, соображаясь с местною обстановкою, я написал из одной оды поэта Мура:

Oh! — life is a waste of wearisome hours,
Which seldom the rose of enjoyment adorns;
And the heart that is soonest awake to the flowers
Is always the first to be touch'd by the thorns».

Тут же Бутурлин дал и собственный прозаический перевод приведенной им цитаты: «Жизнь есть пустыня тягостных часов, изредка украшаемая розою наслаждения; и то сердце, которое ранее прочих пробудится к ощущению цветов жизни, всегда первое подвергается уязвлению колючками терновника» [247]. Стихотворение, из которого заимствована эта цитата, впрочем, не является «одой»: Бутурлин привел наизусть, с заменой первого слова, стихи 5—8 из стихотворения: «Oh! think not my spirits are always as light...» из I серии «Ирландских мелодий».

Признаком популярности этого цикла в России могут служить также частые эпиграфы, бравшиеся оттуда и украшавшие произведения русской литературы, а также большие фрагменты из отдельных стихотворений Мура, встречавшиеся на страницах русской повествовательной прозы тех же лет. Так, в романе Ф. Фан Дим (Е. В. Кологривовой) «Два призрака», рекомендуя читателю свою героиню Агату писательница утверждала: «Но как хороша была она, и кто бы, видя ее, не повторил с Муром:

Oh! if your tears are giv'n to care,
If real woe disturbs your peace,
Come to my bosom, weeping fair!
And I will bid your weeping cease.

But if with Fancy's vision'd fears,
With dreams of woe your bosom thrill,
Yon look so lovely in your tears,
That I must bid you drop them still.»

Тут же, в примечании, автор романа приводит и свой прозаический перевод английской цитаты, впрочем, неточный: «Если твои слезы текут печальною струей, если истинное горе смущает твою душу, склонись ко мне на грудь, плачущая красавица! Я осушу твои слезы. Но если только в видениях фантастически-обманчивых, одна мечта о горе виною этого трепета, ты так мила в слезах, что я готов молить тебя: плачь, плачь еще, прелестная» [248]. На этот раз цитата заимствована не из «Ирландских мелодий», но из юношеского цикла стихотворений Мура, изданных под псевдонимом «Томаса Литтл», и называется «To Julia weeping» («К плачущей Джулии»): впоследствии оно не раз переводилось на русский язык.

Долго еще не замолкали в русской лирике, и шире — в русском искусстве, отзвуки поэзии Мура (как увидим ниже, их можно проследить до начала XX в., несмотря на то, что уже в середине 30-х годов эта поэзия в пересозданиях на русском языке отзывалась прошлым, вчерашней модой, напоминающей о преодоленных путях. Хотя еще в начале этого десятилетия Мур был у нас отнесен к избранным западноевропейским писателям, особенно прочно завоевавшим популярность русских читателей, но и тогда уже предпочтение, которое оказывали ему русские переводчики, представлялось некоторым критикам не вполне оправданным. И. В. Киреевский, например, в своем «Обозрении русской словесности за 1829 год», определив место Мура среди тех шести иностранных авторов, которые «разделяют преимущественно любовь наших литераторов» (помимо Мура, такими писателями, по его словам, являются Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон и Мицкевич), высказывал даже нечто вроде сожаления по этому поводу. «Любовь к Муру,— писал он,— принадлежит к тем же странностям нашего литературного вкуса, которые прежде были причиною безусловного обожания Ламартина» [249]. Любопытно, что это утверждение вызвало удивленную реплику Ксенофонта Полевого: «Но где это видит г. критик? Где у нас любовь к Муру? Ламартин был у нас терзаем бездарными переводчиками, но разве это значит обожание?» [250] Неожиданным в этом возражении представляется прежде всего то, что сам К. Полевой не один раз писал о любви к Муру в России; в мемуарах о своем брате Николае Алексеевиче он вспоминает о том «восторге, с каким

читали в 20—30-е годы бессмертные создания великих современных писателей — Байрона, Вальтер Скотта, Гете, Томаса Мура» [251], да и «Московский телеграф» в лучшие годы своего издания многократно засвидетельствовал то же самое на своих страницах. Количество же «бездарных» переводчиков и подражателей поэзии Мура, о которых говорит К. Полевой, явно утверждает то, что он пытается отрицать. Все дело в том, что это «обожание», хотя оно и существовало в действительности, постепенно шло к своему охлаждению. Аналогичную судьбу претерпело у нас в те же годы и увлечение поэзией Ламартина [252]. Взгляды Белинского на поэзию Мура также претерпели характерную эволюцию — от восторженного признания до сожаления о растраченных похвалах. Первоначально Белинский считал, что у англичан «лирическая поэзия достигла высшего развития в лице Байрона, Томаса Мура, Вордсворта и других» [253]; «Подле громадного гения Байрона блестят могучие и роскошные таланты Мура, Уордсуорта, Сутея» [254]; поэмы Мура он причислял к «богатейшей сокровищнице лирической поэзии» [255]. Но понемногу его оценки становятся все более сдержанными, и о тех же поэмах он в конце концов говорит как о «не совсем естественной подделке под восточный романтизм» [256]; лирические циклы Мура, в том числе и в их русских отражениях, по-видимому, не обратили на себя особое внимание Белинского. В середине 30-х годов охлаждение к Муру проявилось также и во Франции.

Тем не менее небольшие лирические произведения Мура у нас продолжали читать и переводить. Русских переводчиков особенно привлекали в его творчестве интимная лирика медитативного типа, элегии, послания, национальные песни, в особенности все то, что выросло «из духа музыки», имело музыкально-мелодическую основу.

«Русским Муром» был прозван Козлов. Другие охотнее сравнивали с Муром Жуковского. Герой одного русского романа начала 40-х годов, беседуя с заезжим англичанином о русской литературе, на вопрос «у вас еще есть порядочные писатели?» с одушевлением отвечал: «Не порядочные, а с огромным талантом... У нас есть Жуковский, которого мы можем смело противопоставить вашему Томасу Муру; по разнообразию и гармонии размеров он нисколько не уступает ирландскому барду, тогда как увлечением нежного чувства, плавностью задушевной речи он даже превосходит его...» [257].

Любопытно, что столь удачно примененное А. И. Тургеневым определение лирики Жуковского как поэзии «сердечного воображения», вероятно, восходит в русской критике к словам Шеридана, сказанным о Муре [258]. Об эмоциональности лирики Мура Н. В. Станкевич писал Т. Н. Грановскому (в письме 27—30 августа 1837 г.), сопоставляя ее с поэзией Пушкина и Гете [259].

В 1834 г., уведомляя о выходе в Англии «Избранных ирландских мелодий» Мура, книги, представлявшей собою нечто вроде дополнения к известным его мелодиям, которые лет тому пятнадцать читаны были с такой жадностью в целой Европе, в «Библиотеке для чтения» писали, что «знаменитый поэт нисколько не потерял до сих пор той прелести стиха и воображения, которая делала его столь примечательным даже во время Байрона и подле самого Байрона» [260].

Как известно, в 1830 г. Мур издал «Письма и дневники Байрона с замечаниями о его жизни» («Letters and Journals of Lord Byron with Notices of his Life» 2 vols.) С этого времени Мур для значительной части русских читателей стал более интересным как биограф своего знаменитого друга, чем как поэт. Этой биографической книгой, написанной Муром, зачитывались в те годы не одни любители английской литературы [261]. С тех пор как она стала известной в России, Мура все чаще начали вспоминать у нас в связи с Байроном. Начертанная им бурная жизнь автора «Чайльд Гарольда» и «Дон-Жуана» представлялась и нашим литераторам, и широким читательским кругам более увлекательной, чем умиротворенность и меланхолические оттенки его собственного лирического творчества.

Если в 1820 г., как мы видели, Д. Н. Блудов поставил Мура, со слов его соотечественников, в один ряд с Байроном, то десять лет спустя для русских

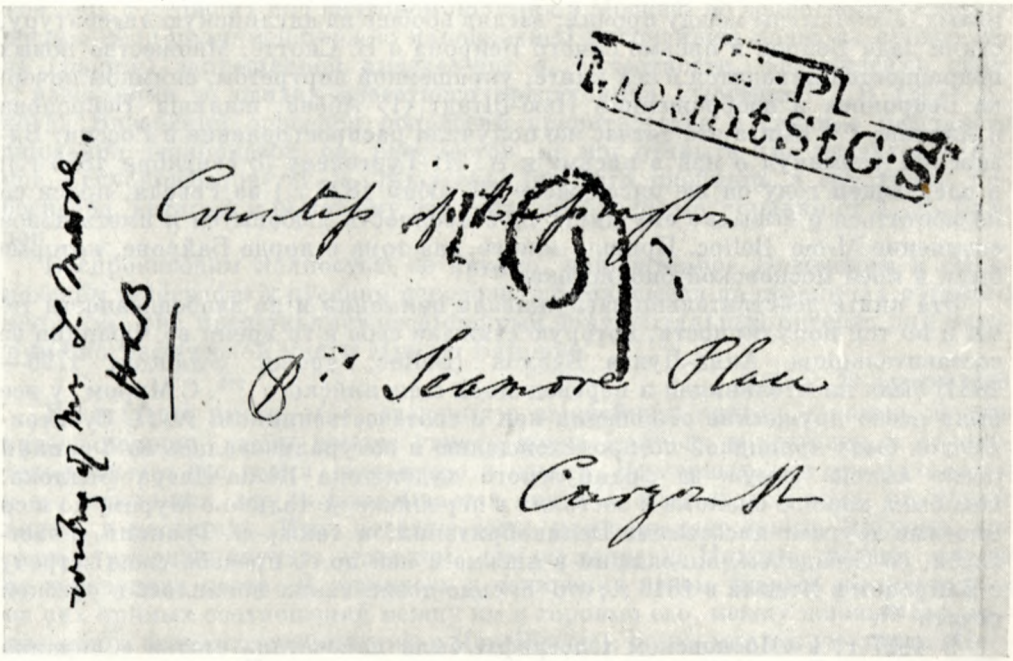
любителей поэзии Мур уже проигрывал от этого сопоставления. «Байронизм» в 20-е и еще в 30-е годы был, безусловно, мощным, захватывающим увлечением в России. Мур своим творчеством не мог создать своего, особого «веяния», не в состоянии был и по силе своего дарования и по его специфическим свойствам провести столь глубокой борозды в русской поэзии; качества его как поэта не ответили в такой степени, как это могла сделать поэзия Байрона, буйным, тоскующим, мятежным порывам русской романтической школы. Поэмы его в конце концов представлялись у нас, как это первый определил Пушкин, «чересчур восточными»; «не совсем естественными подделками под восточный романтизм», по позднейшему ощущению Белинского; лирика — изящной, мелодической, не лишенной своеобразия, гражданственности и местного колорита, но все же в значительной степени эпигонской, никакого особого течения она в русской литературе не породила.

В «Литературной газете» за 1831 г. была помещена небольшая статья французского романтика Шарля Нодье «Байрон и Томас Мур» [262], в которой дается критическая параллель между обоими английскими поэтами: «Мур и Байрон суть гении-близнецы, которых нельзя было бы отличить друг от друга, если бы не было одного из них падшего. Они припоминают собою тех двух серафимов Клопштока, порожденных единою мыслью творца, которые разлучились однажды, но на вечность, в день возмущения сатаны» и т. д. Для нас эта статья, переведенная с французского Л. Крестовцевым, интересна не столько сама по себе, сколько по тому примечанию, которое сопровождает ее публикацию в «Литературной газете». В этом примечании, подписанном «Издатель» и принадлежащем, по-видимому, перу О. М. Сомова [263], говорится: «Статья сия помещается здесь как образец остроумных парадоксов замысловатого писателя, Карла Нодье. Во всех его мнениях более блеску, нежели истины: так и в этом сравнении Байрона и Мура. Теперь уже трудно кого-либо увлечь парадоксами. Все согласятся, что Томас Мур обладает прекрасным талантом; но едва ли кто убедится, что его радужные, отчасти жеманные картины можно ставить наряду с произведениями широкой и сильной кисти Байрона. Томас Мур — человек с поэтическим дарованием и музыкальным слухом, но Байрон — гений необыкновенный, представитель поэзии своего века». Таким образом, основная мысль русского критика заключается в том, что оба поэта — не сопоставимы.

На взгляд своих русских современников, Мур теперь скорее походил на русских поэтов, чем сам отзывался в них: иным представлялся он «английским Батюшковым», для других был чем-то вроде «английского Козлова» или Жуковского. Зато как историк жизни Байрона, как его доверенный друг, как читатель им же сожженных «Записок» поэта, Мур не мог быть сравниваем ни с кем. Из его книги хотели узнать о Байроне то, что нельзя было почерпнуть ни из каких других источников; она становилась единственным верным ключом к пониманию «загадки» личности Байрона и всех таинственных обстоятельств его жизни.

Слухи о том, что автобиографические записки Байрона переданы были им самим Томасу Муру, появились в русской печати вскоре после смерти Байрона. Заметка об этом была напечатана в «Сыне Отечества» 1824 г. [264] Вскоре за нею в том же журнале появилось сообщение о сожжении Т. Муром автобиографических записок Байрона [265] и затем там же — о сохранившихся копиях записок Байрона [266]. Все эти известия произвели на русских читателей и любителей литературы потрясающее впечатление и горячо обсуждались в самых разнообразных кругах.

Среди русских литераторов о поступке Мура шли долгие споры. Мнения разделились. Иные безоговорочно осуждали Мура. Среди них был, например, В. Ф. Одоевский; в его бумагах сохранилась следующая рукописная заметка: «Англоманы называют Байрона человеком безнравственным, потому что он не мог ужиться в Англии; хороша же должна быть Англия, если ее единственный великий человек нашего времени не мог в ней ужиться. Ее общественная нравственность является во всем блеске в Томасе Муре, чело-



АДРЕС, НАПИСАННЫЙ РУКОЙ Т. МУРА. 1834
Библиотека имени В. И. Ленина, Москва

веке все-таки замечательном, который почел долгом благоприличия презреть завещание друга, отдать память его на поругание, чтобы только не оскорбить пары чепчиков» [267]. Отзвук этой точки зрения есть и в позднейшей книге Одоевского «Русские ночи»; хотя Мур и не назван тут по имени, но он явно имеется в виду: «Здесь общество изгоняет гения, явившегося ему на славу,— и вероломный друг, в угоду обществу, предает позору память великого человека»,— говорит Ростислав. В отдельном издании «Русских ночей» (в первом томе «Собрания сочинений» Одоевского 1844 г.) понадобилось и примечание автора к цитированным словам, которое гласит: «Намек на Томаса Мура, по семейным условиям не решившегося издать записки Байрона, ожидавшиеся с нетерпением» [268].

Противоположную позицию занял Пушкин. Хорошо известно его письмо к Вяземскому (от ноября 1825 г.), в котором поэт оправдывает Мура в весьма энергических выражениях: «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? Черт с ними! Слава богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно, увлеченный восторгом поэзии. В хладнокровной прозе он бы лгал и хитрил, то стараясь блеснуть искренностию, то марая своих врагов. Его бы уличили, как уличили Руссо,— а там злоба и клевета снова бы торжествовали. Оставь любопытство толпе и будь заодно с гением. Поступок Мура лучше его «Лалла-Рук» (в его поэтическом отношенье)» [269].

Частичная утрата записок Байрона не только не уменьшила, но даже обострила любопытство к его биографии и биографам. В середине 20-х годов большой интерес вызвала к себе в России двухтомная книга: «Лорд Байрон», выпущенная в Париже в 1824—1825 гг. А.-Л. Беллок. Заметку о ней напечатал только что начавший выходить «Московский телеграф». Здесь говорилось: «На французском языке есть переводы почти всех сочинений лорда Бейрона, но переводы жалкие. Г-жа Беллок, зная превосходно оба языка, перевела уже с похвалою некоторые сочинения Т. Мура и издает теперь под вышеписанным названием замечания свои о характере и сочинениях Бейрона, с приложением подлинника и перевода многих сочинений Бейро-

новых. Любопытны между прочим: взгляд вообще на английскую литературу, стихи леди Бейрон и письмо самого Бейрона о В. Скотте. Множество новых подробностей находится в сей книге, украшенной портретом, снимком почерка Бейронова и изображением Нью-Штадт <!> Аббей, жилища Бейронова в Англии» [270]. Книга эта тотчас же получила распространение в России. Вяземский упомянул о ней в письме к А. И. Тургеневу (8 сентября 1825 г.); в следующем году он же писал жене (26 июня 1826 г.) из Ревеля, прося ее позаботиться о высылке ему книг: «В особенности любопытен я иметь новое сочинение M-me Belloc. Пришли мне ее два тома о лорде Байроне, которые были в моей московской библиотеке» [271].

Эта книга действительно заслуживала внимания и по злободневности темы и по той популярности, которую стяжала себе в то время во Франции ее составительница. Анна-Луиза Беллок (Belloc, урожд. Swanton; 1796—1881) была писательницей и переводчицей с английского [272]. С Муром у нее были особо дружеские отношения как с соотечественником: А.-Л. Суонтон-Беллок была ирландкой по происхождению и натурализовалась во Франции после выхода замуж за французского художника Жана-Илера Беллока. Она была хорошо знакома и состояла в переписке не только с Муром, но и со многими другими писателями Великобритании, а также и Франции, в частности, со Стендалем, описавшим в письме к ней по ее просьбе свою встречу с Байроном в Италии в 1816 г.; это письмо позже также появилось в русской печати [273].

В 1827 г. в «Московском телеграфе» была напечатана статья «Свидание с Байроном в Генуе. (Отрывок из путешествия в Италию Ж. К. Кульмана)»[274], присланная в редакцию русского журнала в рукописи из Парижа; в этой статье французский путешественник рассказывает о своем знакомстве с Байроном в Италии в 1823 г. Послесловие к статье, в котором идет речь о происхождении данной рукописи, не подписано, но по авторитетному свидетельству С. Д. Полторацкого автором послесловия является Вяземский [275]; оно представляет для нас особый интерес, так как в нем идет речь и о Байроне и Муре, и об А.-Л. Беллок. Дав несколько существенных пояснений к тексту воспоминаний Ж. Ж. Кульмана и перечислив затем ряд опубликованных к тому времени источников для биографии Байрона, Вяземский пишет: «В характере и в жизни Байрона много психологических загадок. Для сокращения времени и облегчения труда стали их разгадывать клеветою. Решение прекрасной задачи предлежит будущему жизнеописателю и судье Байрона. Как не вспомнить при сем и не пожалеть об утрате собственноручных Записок Байрона! Сколько погибло (если в самом деле записки погибли) с ними ключей к любопытным тайнам! Впрочем, кажется, можно ожидать от Томаса Мура, истребителя сей драгоценности, вознаграждения за убыток, всем мыслящим людям нанесенный, пожертвованием, хотя и бескорыстным, но не менее того досадным и непозволительным». «Мы поручили,— продолжает Вяземский,— одному из соотечественников наших, живущему в Париже, просить от г-жи Беллок, написавшей занимательную книгу (с которою познакомим читателей «Телеграфа») о лорде Байроне, чтобы она указала на лучшие источники, из коих можно бы составить себе ясное понятие о нем и руководствоваться для верного и полного изображения. Приводим здесь ее ответ» [276].

Хотя Вяземский и не называет имя того «соотечественника», живущего в Париже, которому он поручил обратиться к г-же Беллок, но у нас есть все основания полагать, что этим лицом был Василий Федорович Гагарин — брат жены Вяземского, Веры Федоровны. Это тот самый Василий Гагарин, который был доверенным лицом Вяземского в сношениях и переписке его с редактором журнала «Revue Encyclopedique» Марком-Антуаном Жюльеном; как увидим ниже, именно Жюльен обратился к г-же Беллок с просьбой от Вяземского о Байроне, а привез это письмо для «Московского телеграфа», по-видимому, Василий Гагарин; стоит подчеркнуть, что этот «отставной Изюмского гусарского полка ротмистр» именно в 1827 г. внесен был в «Спи

сок лиц, состоящих под надзором полиции в Москве» по секретному распоряжению обер-полицмейстера «с изъяснением высочайшей воли» за провоз из-за границы запрещенной литературы и, в частности, французских газет с известиями «о стихах известного преступника Рылеева» [277]. В 1827 г., когда Вяземский опасался репрессий правительства в связи с разгромом движения декабристов, он, разумеется, не мог открыть имя редактора «Revue Encyclopédique» М.-А. Жюльена, бывшего якобинца и соратника Робеспьера, который и помог ему получить необходимые справки от А. Л. Беллок.

Воспроизводим полностью ее письмо, напечатанное Вяземским в «Московском телеграфе» в русском переводе; затерявшееся на страницах русского журнала, оно представляет несомненный документальный интерес для истории биографической книги Мура о Байроне.

Париж, 29 января 1826

Вы желаете иметь, м. г., сведения о важнейших книгах, с коими советоваться должно, чтобы короче узнать лорда Байрона и говорить с основательностью о его гении, характере и жизни. Во-первых, все это находится в его *творениях*, где он показывается почти со всех сторон тому, кто умеет видеть и постигать. Итак советую тому, кто пожелает судить Байрона, хорошо, прилежно изучать его в том, что он написал. Никогда поэзия лучше не переводила поэта. Я старалась в сочинении своем указать на некоторые из сих прямых соотношений между им и героями его, между жизнью его вседневною и стихами (особливо же в Дон-Жуане); но я о многом умолчала. После *творений* его, *Переписка с матерью и приятелем*, изданная на английском и французском языках, в Париже, у Галиньяни, может дать о нем верные сведения; 3-е: *Беседы капитана Медвина*, заключающие в себе много истинного, с малою примесью сказаний сомнительных, которые легко уму здравому отличить и которые, впрочем, уже были означены в английских журналах; 4-е: *Краткое известие о Байроне*, написанное Гордоном и напечатанное вскоре по смерти Лорда Байрона; оно довольно маловажно, за исключением некоторых любопытных указаний, относящихся до отрочества поэта; 5-е: *Письма о гении Лорда Байрона*, писанные сиром Эджевортом, в коих находятся поверхностные обозрения, довольно важные, хотя и растянутые в излишнем многословии; 6-е: книга г-на Парри: *О пребывании лорда Байрона в Греции*.

Вот, по моему мнению, все, о чем можно упомянуть по справедливости. Прочее, изукрашенное пышными заглавиями, составлено вообще из ничтожных пересказов, событий вымышленных.

Думаю, что сочинение, которое наилучше представит нам полное изображение жизни и характера лорда Байрона, еще у нас впереди. Г-н Томас Мур писал мне года за два, что он *имеет* еще в руках любопытные рукописи самого Байрона и намерен со временем выдать в свет извлечения из оных; он определительнее не изъясняется: говорит ли он об отрывках из знаменитых Записок, коих утайка возбудила в Англии столь сильное негодование против друга, коему были они вверены? Другие ли то бумаги, отданные г-ну Муру прежде или после смерти лорда Байрона? Я решить не могу. Но приязнь, существовавшая в течение 15-ти или 20 лет между сими двумя людьми возвышенными, сходность их мнений, их обычаев и проч., удостоверяют меня, что никто лучше Мура не может сблизить нас с Байроном. Знаю, что Мур занимается пересмотрением и приведением в порядок бумаг, хранящихся у него по сему предмету, и полагаю, что он изготовит сей труд к будущему году. Не могу сказать ничего более и желаю, чтобы эти сведения могли быть несколько полезны тому, кто просил их от меня через вас» [278].

Местонахождение подлинника данного письма, которое напечатано в «Московском телеграфе», вероятно, в переводе самого Вяземского, нам неизвестно; однако до нас дошла современная ему копия, а также сопровождающий его документ, позволивший нам выше раскрыть его историю. Эта ко-

пия, хранящаяся в ГПБ, удостоверяет прежде всего, что письмо А.-Л. Беллок (Paris, le 29 Janvier 1826) было адресовано М.-А. Жюльену, редактору «Revue Encyclopédique». Приводим в оригинале заключительную часть этого письма, в которой идет речь о Томасе Муре:

«...Je crois que l'ouvrage qui fera le mieux connaître l'ensemble de la vie et du caractère de Lord Byron est encore à venir. M. Moore (le poète) m'a écrit, il y a environ deux ans, qu'il *possedait encore* des manuscrits curieux de Lord Byron lui même, dont il comptait donner plus tard des extraits au monde. Il ne s'explique pas davantage. Sont ce des fragmens de ces fameux *Mémoires* dont la disparition a excité d'indignation et de colère en Angleterre contre l'ami auquel ils avaient été confiés? Sont ce d'autres papiers remis à Moore, avant ou depuis la mort de Lord Byron? C'est ce que je ne puis décider. Mais, la liaison qui a existé entre ces deux hommes de génie, pendant quinze à vingt ans, la conformité de leurs opinions, leurs habitudes etc., etc., me font croire que personne, mieux que Moore, ne peut nous introduire dans l'intimité de Lord Byron. Je sais que Moore s'occupa de revoir et de mettre on ordre les papiers qu'il a sur ce sujet, et je présume qu'il aura terminé ce travail avant une année.

Je ne puis rien dire de plus et je desire que ces renseignements puissent être de quelque utilité à la personne qui s'est adressée à vous, Monsieur, pour les avoir» [279].

Вместе с этим письмом в том же собрании хранится оригинал письма Жюльена (Париж, 31 января 1826 г.) к князю Гагарину (несомненно, Василию Федоровичу), в котором редактор «Revue encyclopédique» пишет своему русскому корреспонденту, что, по его мнению, никто не может так обстоятельно сообщить о Байроне, как Беллок, автор двухтомного труда о Байроне. На обороте второго листа, другим почерком, очевидно, рукой В. Ф. Гагарина, сделана следующая надпись:

«Ne dirait - on pas que cet animal de Jullien me soit adressé d'inspiration à M-me Belloc? — Je le lui: avait formellement demandé d'après votre lettre...» (Не скажут ли, что эта скотина Жюльен сам придумал направить меня к г-же Беллок? Я обращался к нему с формальным запросом об этом по Вашей просьбе).

Первое сообщение о том, что Мур готовит к изданию биографию и письма Байрона, появилось в русском журнале уже в 1828 г. Здесь писали: «Томас Мур, сжегший автобиографию Лорда Байрона, наконец, сам начал трудиться над жизнеописанием великого поэта, которое будет составлено в двух томах из писем, смешанных статей и стихотворений великого барда, находившихся в руках издателя Муррая. Согласно самому Байрону, никто не может лучше его описать жизнь Мура, столь долго жившего с ним на дружеской ноге, знавшего все его семейственные отношения и помнящего многие случаи, ничем другим не вознаградимые. Мур за свой труд получает 4200 ф. ст.» [280] Интерес к этой будущей его книге возрастал непрерывно. Все поклонники Байрона ожидали ее с нескрываемым нетерпением. Однако избранный круг русских литераторов: Вяземский, Жуковский, Козлов, по всем вероятиям, также и Пушкин — имели основания питать к ней особое любопытство. Они знали, что А. И. Тургенев в бытность свою в Англии в 1828—1829 гг. познакомился с Муром, имел с ним продолжительные беседы, снабдил его небольшой историей русского «байронизма» и рукописными английскими переводами их собственных произведений — все это для готовившейся к печати книги Мура о Байроне. Более того, все русские друзья и корреспонденты А. И. Тургенева знали, что в Лондоне он вел особые переговоры с издателем этого труда, Джоном Мерреем, и что существовал, наконец, проект издать эту книгу в русском переводе одновременно с английским оригиналом по его корректурным листам, которые должны были доставляться в Петербург. Обо всем этом мы узнаем из дневника А. И. Тургенева и дру-

гих весьма примечательных бумаг его архива, а также из дневников и писем Мура. Эти двусторонние свидетельства о встречах, беседах и замыслах английского поэта и русского путешественника еще не были сопоставлены в одном последовательном изложении; между тем они представляют большой интерес, как один из примечательнейших эпизодов в истории англо-русских связей первой трети XIX в.

Прежде чем обратиться к изложению данных о встречах и замыслах совместных литературных предприятий Мура и А. И. Тургенева, отметим, что брат декабриста был не первым русским, с которым свел знакомство автор «Лаллы Рук». Русские имена и фамилии, зачастую в искаженной транскрипции, попадаются в дневниках Мура уже с конца 1810-х годов [281]; с некоторыми из русских путешественников, дипломатов и т. д. Мур, несомненно, встречался не только в Англии и Шотландии, но и в Париже, где он живал подолгу. Так, например, в парижской записи дневника Мура, датированной 23 декабря 1819 г., говорится о знакомстве поэта с русским князем Голицыным (Prince Galitzin, a Russian), оказавшимся большим поклонником его музы; позже, 7 сентября 1820 г., в дневнике сделана новая запись о встрече с тем же Голицыным, «который только что вернулся из Испании и очень плохо отзывается как о нынешнем состоянии, так и о будущем этой страны» [282].

Через несколько лет, уже поселившись в поместье лорда Лансдауна, Мур встречался в доме своего друга и покровителя с леди Пемброк, урожденной Екатериной Семеновной Воронцовой (дочерью С. Р. Воронцова, русского посла в Англии). Она была прекрасной певицей; иногда по вечерам в гостиной дома Лансдауна Мур вместе с нею исполнял дуэты, она же знакомила его с русской музыкой, списывала для него ноты «русских арий», к которым он затем пристраивал английские слова [283]. Под 29 октября 1824 г. мы находим в дневнике Мура следующие строки: «Пел вечером вместе с леди Пемброк; она познакомила нас с несколькими прелестными русскими песнями (pretty Russian songs). На другой день Мур делает новую запись в дневнике, гласящую, что в тот вечер он не мог петь из-за болезни горла, но что «леди Пемброк снова исполнила нам свои прелестные русские арии». Под 20 ноября 1824 г. Мур отметил: «Получил записку от леди Лансдаун с напоминанием о завтрашнем дне; с запиской она прислала те русские арии, которые леди Пемброк обещала переписать для меня». В том же году, месяцем позже, Мур снова занес в свой дневник, где столь часто мелькают известия о его музыкальных занятиях и развлечениях, примечательное для нас сообщение, что он написал слова («Bring the bright garlands hither...») к мелодии «той прелестной русской арии, которую дала мне леди Пемброк» [284]; эта подтекстовка Мура с обозначением: «Russian Air», напечатана в цикле его «Национальных песен»; существует также издание, в котором опубликована эта русская мелодия (с гармонизацией) и новым английским текстом Мура [285].

В биографии своего деда, графа В. Г. Орлова, В. П. Давыдов, рассказывая о своих знакомствах 20-х годов в Англии и Шотландии, упомянул, в частности, о случайной встрече с Муром в замке В. Скотта, неподалеку от Эдинбурга, куда он отправился вместе со своим воспитателем А. Кольером. Вот, что В. П. Давыдов сообщает здесь (он пишет о себе в третьем лице): «Шотландия издавна славилась гостеприимством, чертой, присущей всем жителям нагорных стран. В описанное время ⟨речь идет о середине 1820-х годов⟩ русских принимали особенно благосклонно. Давыдов и его наставник были приняты весьма ласково и вскоре получили случай познакомиться с Вальтер-Скоттом. Они отправились с рекомендательным письмом в Абботсфорд, замок в смешанно-готическом стиле, воздвигнутый поэтом на берегу быстрой, прославленной в истории и в стихах реки — Твида. Напудренный лакей объявил посетителям, что хозяин уехал с своим гостем, ирландским поэтом Томасом Муром, к развалинам аббатства Мелроз, но вернется часа через два. Пришлось дождаться поэта в высоких сенях — hall, обставленных до потолка оружием разных эпох и тускло освещенных сквозь оконные стекла, на которых были расписаны гербы. Вальтер Скотт приехал незадолго перед

обеденным часом и принял своих гостей с большою учтивостью, которая скоро приняла вид самого дружеского расположения. Он радовался, что гости его приехали в такую счастливую минуту и что они познакомятся с знаменитым поэтом Муром. Приезжие не могли и не сумели высказать того, что они приехали вовсе не за тем, чтобы видеть Мура, а желали засвидетельствовать почтение самому хозяину, лицу гораздо интереснейшему для них. За обедом Вальтер Скотт старался представить ирландскому поэту случай вести разговор, а сей последний говорил охотно о самом себе и своих стихах» [286].

Любопытно, что запись об этой встрече сделал и Мур в своем дневнике; из этой записи явствует, что встреча в Абботсфорде произошла 1 ноября 1825 г. и что Мур, постоянно коверкавший русские имена, назвал Владимира Петровича Давыдова — Демидовым. Запись эта сделана Муром в Абботсфорде в тот же день и гласит: «По возвращении домой мы нашли двух джентльменов, ожидавших встречи с сэром Вальтером; оказалось, что это был молодой Демидов <!>, сын русского богача (son of the rich Russian), посланный в Эдинбург для получения образования. Я много беседовал с молодым человеком, хорошо знающим русскую литературу. Я упомянул «Басни» Крылова, которых я видел французский перевод; в одной из них говорится о Вольтере, которого жарят в аду на медленном огне (à petit feu). По словам Демидова, этот перевод плох» [287]. Из записи, сделанной Муром в дневнике на следующий день (2 ноября 1825 г.), явствует, что в этот день коляска доставила его вместе с «молодым Демидовым» и его воспитателем Кольером из Абботсфорда в Мелрозское аббатство [288]; следовательно, у Мура была возможность довольно хорошо побеседовать с юным представителем России. Хотя Давыдов интересовался тогда не столько Муром, сколько хозяином Абботсфорда, но, насколько мы можем судить из краткой записи дневника Мура, кое-что из сообщений Давыдова представило для поэта известный интерес. Таков был, вероятно, обмен мнений между ними о двухтомном издании «Басен» И. А. Крылова, изданном графом Г. В. Орловым в 1825 г. в Париже на французском и итальянском языках [289]. Это издание Мур сам держал в руках и, как видно из его записи, заинтересовался басней «Сочинитель и разбойник»; эта басня была истолкована как направленная против Вольтера, хотя французский писатель в тексте ее не упоминается, и вызвала во Франции полемику, о которой, по-видимому, Мур знал [290]; этим и объясняются вопросы, которые он задал молодому В. П. Давыдову при встрече с ним у В. Скотта.

Одна из записей дневника Мура представляется интересной по упоминанию в ней малоизвестного у нас художника русского происхождения — автора иллюстраций к произведениям Мура. «Леди Листоуелл (Lady Listowell),— записал Мур 13 мая 1826 г.,— звала меня на выставку акварелей <в Лондоне>. Там выставлена прелестная картинка из «Лаллы Рук» Стефанова» (a very pretty picture there from «Lalla Rookh» by Stephanoff) [291]. Любопытно, что о том, кто такой этот Стефанов, сообщает нам дневник А. И. Тургенева. В том же 1826 г. Тургенев был в Лондоне. Под 14(2) февраля 1826 г. он записал, что «по соседству от клоба путешественников, где ежедневно бываю», находится «Британский институт, учрежденный в 1805 г. для ободрения англинских художников», который устраивает выставки «для продажи национальных произведений и для награды отличнейших художников премиями. Выставка делается в пользу токмо британских художников или живущих в одном из соединенных трех королевств...». «В числе живописцев, однако же, коих картины здесь выставлены, нашел я и русское имя: Stephanoff,— замечает Тургенев далее.— Я спросил у смотрителя, русский ли он или англичанин, и он отвечал мне, что Степанов, кажется, происхождения русского, но что он родился и воспитан в Англии и принадлежит по всем правам к числу ее художников» [292]. Картины этого Степанова (Fr. P. Stephanoff), которые видел Тургенев, написаны были на сюжеты из английской истории, но, по-видимому, Мур упоминал не этого художника, а его сына, также художника, делавшего гравюры на стали для кипсеков. Краткие и

неточные сведения об обоих этих художниках приводит Д. А. Ровинский. По его свидетельству, отца звали Филетер (Fileter Stefanof) и, по рассказу о нем Ф. И. Иордана, «это был крепостной человек Степан, приехавший с своим барином в Лондон. Здесь он ушел от своего барина, женился на англичанке, записался в Общество вспоможения художникам и учился гравированию пунктиром, одновременно со Скородумовым, у Бертолоцци. По смерти жены он сошел с ума и до самой своей смерти содержался в доме сумасшедших на средства общества». По сведениям того же Ровинского, у этого художника был сын, тоже звавшийся будто бы Филетером (по другим данным, имя его было Френсис-Филипп), а среди его рисунков упоминается «Фераморс», т. е., по-видимому, иллюстрация к «Лалле Рук» Мура [293].

Стоит отметить также, что на страницах дневника Мура 20—30-х годов наряду с русскими фамилиями мелькает также довольно много польских имен. Возможно, что польские знакомцы Мура, с которыми встречался он и во Франции, и в Англии, со своей стороны, сообщили ему об интересе к его творчеству в Польше и в России. Так было, по крайней мере, в 1827 г., когда Мура навестил, вдвоем с Роджерсом, Зыгмунт Красиньский, автор драмы-видения «Небожественная комедия». «Он отметил,— записывает Мур,— популярность «Ирландских мелодий» в Польше»; кроме того, по рассказу того же Красиньского, «в Польше были переведены «Огнепоклонники», применительно к обстоятельствам в Польше (in a Polish sense); по его словам, существует и русский перевод этой поэмы» [294]; очевидно, здесь имелись в виду польские переводы из Мура А. Одынца, друга Мицкевича [295], и старый перевод декабриста Н. А. Бестужева («Обожатели огня», 1821); да и сам Мицкевич, еще живя в России, как известно, интересовался поэтическими произведениями Мура и русскими их переводами своих друзей. Мура Мицкевич упомянул даже в некрологе Пушкина, напечатанном во французском журнале «Le Globe» [296]. С другой стороны, польские переводы из Мура не обошел своим вниманием также А. И. Тургенев [297].

5. Встречи с Муром А. И. Тургенева.— Тургенев рассказывает Муру о Жуковском и Пушкине.— Их беседы о Байроне.— Встречи Тургенева с Муром в Лондоне.— Тургенев вручает Муру составленную им «Записку» о русских поэтах: Жуковском, Пушкине, Козлове и Вяземском.— Черновой текст ее.— Письмо Тургенева к Муру о Пушкине с переводом стихотворения «К морю» и вестью о «Полтаве».— Проект русского издания биографии Байрона, написанной Муром

Знакомство, встречи и переписка А. И. Тургенева с Муром относятся к концу 1828 и началу 1829 г. [298] Тургенев находился в это время в Англии, куда он приехал для свидания с братом, декабристом Николаем Ивановичем, еще жившим там в это время и все еще надеявшимся возвратиться на родину. Александр Иванович был в Англии не впервые (он приезжал сюда уже в 1826 г.), но в этот раз его пребывание здесь затянулось. Дожидаясь решения участи брата и окончательного устройства его дел, Тургенев совершил продолжительное путешествие по Шотландии, свел здесь множество знакомств, в том числе и с В. Скоттом, о чем у нас уже шла речь, и к концу 1828 г. возвратился в Лондон.

Круг английских знакомств братьев Тургеневых, в особенности же Александра Ивановича, человека на редкость общительного и поистине неутомимого в поисках новых впечатлений, был довольно широк, но центр этого круга составляла группа виднейших английских политических деятелей, принадлежавших к парламентской оппозиции. Связи с ними завязались у Тургенева еще на континенте, в кружках французских либералов, к которым он был так близок. Эти французские либералы были первыми путешественниками по Англии после того, как союзная оккупационная армия покинула Францию; в

начале 20-х годов они установили довольно тесные интеллектуальные связи между обеими странами и всячески способствовали их дальнейшему укреплению [299].

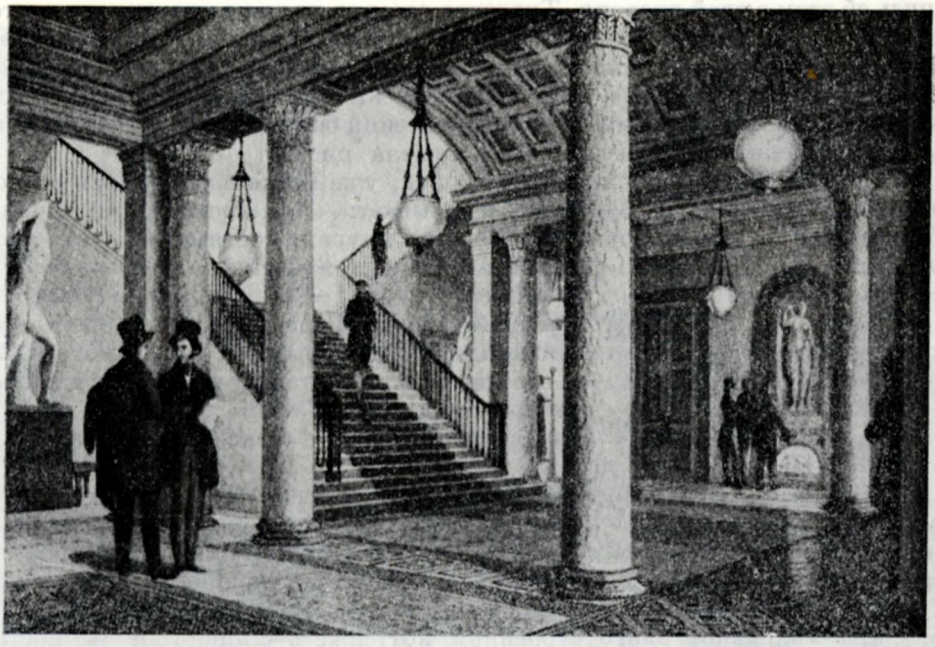
А. И. Тургенев, по собственным признаниям, своим знакомством и близостью со многими выдающимися людьми Англии 20-х годов в особенности обязан был барону де Сталь (Auguste-Louis de Staël; 1790—1827), сыну знаменитой писательницы, и герцогу де Бройлю (Achille-Charles-Victor duc de Broglie; 1785—1870), женатому на ее дочери Альбертине [300]. Де Бройль и Сталь совершили совместное путешествие по Англии в 1822 г. и приобрели здесь многих друзей, с которыми продолжали затем поддерживать отношения и во время их приездов в Париж. Достаточно бегло просмотреть в «Souvenirs» де Бройля (4 тома, 1885—1888) рассказ об его английском путешествии или «Lettres sur l'Angleterre» (1825) О. Сталь, чтобы составить себе представление о тех людях, с которыми в конце 20-х годов общался в Англии А. И. Тургенев. Это были маркиз Лансдаун (Henry Petty-Fitzmaurice Lansdowne; 1780—1863), в то время один из лидеров партии вигов, и его политические друзья: Генри Брум, лорд Грей, Роберт Вильсон — тот самый, который был в России в 1812 г. и во время наполеоновских войн приобрел себе так много русских знакомцев, в частности, и среди будущих декабристов, Маколей-отец, Вильберфорс, Дж. Макинтош [301]. Все эти лица помогли А. И. Тургеневу завязать в Англии дальнейшие знакомства, чрезвычайно многочисленные, но, уезжая в Лондон весною 1828 г., он запасся также рядом других рекомендательных писем из Парижа, в том числе от приятельницы своей Рекамье, от Кювье и Жомара, от последних — к представителям учено-литературного мира, по его собственным словам, «к ученым и библиотекарям Лондона» [302]. Благодаря этому перед Тургеневым открыты были двери всех гостиных, он был желанным гостем во всех клубах, обществах, литературных редакциях, кабинетах писателей, ученых, журналистов. Английский дневник А. И. Тургенева 1828—1829 гг., все еще, к сожалению, полностью не изданный, представляет собою исключительную по полноте данных и живости изображения картину английской интеллектуальной жизни этих лет, в которой упомянуты или нашли свою меткую характеристику едва ли не все сколько-нибудь примечательные английские деятели на поприще литературы, искусства, науки, политики. На страницах этого замечательного дневника Тургенева закреплены, порою в беглых, торопливых, неразборчивых записях, разнообразные впечатления от множества встреч, бесед, обрывки разговоров, выдержки из полученных им писем и черновые наброски им самим написанных посланий.

С конца 1828 г. в «Дневнике» все чаще встречается имя маркиза Лансдауна. Возможно, что знакомство с ним А. И. Тургенева состоялось еще в Париже, где Лансдаун нередко бывал, но их дружба укрепилась именно в Англии в 1828 г. и в начале следующего, когда Тургенев был гостем Лансдауна и в Лондоне, и в знаменитом поместье его, Бовуде, на юго-западе Англии, неподалеку от г. Бата.

Еще в Эдинбурге в начале августа 1828 г. А. И. Тургенев получил письмо от Лансдауна с приглашением погостить в Бовуде.

Отрывок из этого письма (в подлиннике) Александр Иванович привел в письме к брату Николаю. Лансдаун писал: «Позвольте мне прибавить, с каким искренним удовольствием увижу я Вас здесь (<«т. е. в Бовуде»,— комментирует А. И. Тургенев), если найду Вас в Англии по возвращении моем туда в декабре. Это будет прекрасной остановкой (station), чтобы посетить Бат, наиболее примечательный город в этой части страны, и хотя здесь мало мест, заслуживающих внимания, но вы найдете тут сердечную встречу у лиц, которые гордятся тем, что заслуживают дружбы с Вами». «Не знаю, как удастся туда попасть»,— прибавлял Тургенев [303]. Однако любезное приглашение и перспектива повидать те места Англии, где он не бывал, ему очень понравилась, и мысль об этой поездке его не оставляла.

О том же приглашении Лансдауна Александр Иванович вспоминал в



КЛУБ «АТЕНЕЙ» В ЛОНДОНЕ, ГДЕ ПРОИЗОШЛА ВСТРЕЧА А. И. ТУРГЕНЕВА С Т. МУРОМ В 1829 г.
Гравюра У. Рэдклиффа по рисунку Дж. Б. Мура

письме к Н. И. Тургеневу из Глазго 29 августа 1828 г., говоря, что не худо было бы им в октябре или декабре «съездить вместе к Лансдовну в деревню, который звал туда в последнем письме, по своем возвращении из Италии, и звал так мило и убедительно. В деревне и тебе бы у него приятно было и, верно, и ему мы не были бы в тягость, ибо убеждаюсь ежедневно более, что англичане умеют улаживать угощение гостей с собственным удобством и не тревожа себя ни мало, а пользуются удовольствием от развлечения приезжих ⟨...⟩ С ним ⟨Лансдауном⟩ право бы тебе не худо познакомиться: смотря по тому, что я сам заметил в нем и что я слышу о нем от других. Он ищет сношений с людьми, с коими бы ему поговорить можно было, и принуждения никакого нет, да и жена приятная женщина. Деревенское знакомство приготовило бы и к городскому. Но об этом при свидании, ибо он возвратится только зимою» [304].

О том, что поездка эта состоялась в начале 1829 г., мы знаем из «Дневника» А. И. Тургенева [305]. Еще под 29 декабря 1828 г. он отметил получение письма от Лансдауна из Бовуда, содержавшее новое приглашение приехать туда, и тотчас же стал собираться в дорогу. На одной из последующих страниц дневника записан подробный маршрут Александра Ивановича до Bowood, Wiltshire, для проезда туда в почтовой карете из Лондона, со всеми остановками и необходимыми подробностями для путешествующих, а затем следует отметка: «2 января. Бовуд. 90 миль от Лондона, 11 1/2 вечера». Здесь же и следующая запись: «В Кенте взял почтовую карету и приехал сюда за час перед обедом; пошел в уже готовую собственную комнату и по обещанию хозяина — теплую. Камин горел — и я, наконец, отогрелся от 12-часовой стужи и ветра. В половине 1-го меня ввели в гостиную; хозяин и всегда принимал меня ласково, но сегодня осыпал учтивостями и сказал, что еще писал ко мне, желая ускорить мой приезд, спросил о брате, о его здоровье...».

У Лансдауна А. И. Тургенев нашел самый радушный прием. Поместительный дом, как и всегда, был полон гостей, Тургенева ждали и тотчас же представили всем. Имена некоторых из них ему не были известны, и, внося

запись об этом в свой дневник, Тургенев оставил для них пустые места, чтобы заполнить впоследствии, когда он узнает их ближе. Страницы дневника в этом месте становятся особенно торопливыми и неразборчивыми. Александр Иванович спешил занести в свою памятную книжку все наиболее интересное из того, что он видел и слышал, но впечатлений было так много и беседы были столь оживленными, что рука не успевала писать.

На другой же день по приезде в Бовуд, уже несколько сойдясь с многочисленным обществом, Тургенев записывает: «Познакомился с маркизом Аберкромби, с ... ⟨пропуск в рукописи⟩ и с другими гостями, из коих некоторые члены Парламента. Перед обедом я предложил руку — не зная кому... Это была дочь Голанда... но хозяйка сама взяла меня и посадила подле себя. И обед был приятный и разговор интересный; о Галаме, Гизо, бароне Штейне. После обеда незнакомец предложил мне познакомиться с Галамом, а Лансдовн завтра позвал Т. Мура, своего соседа, поэта, музыканта и историка, ибо здесь узнал я, что он и сам поет свои арии. Теперь спешит кончить биографию Байрона и оттого мало выезжает, но от Лансдовна отказаться не мог» [306].

В этой интересной записи наше внимание в особенности привлекает имя Мура. С автором «Ирландских мелодий» маркиза Лансдауна связывала давняя дружба. Еще в 1817 г., вскоре после издания «Лаллы Рук», в тяжелый период невзгод Мура и больших материальных затруднений, Лансдаун оказал ему незабываемую услугу: он поселил его вместе с семьей неподалеку от Бовуда, в маленьком благоустроенном коттедже в Слопертоне («Sloperton, near Devizes»), с садом и служебными постройками, в приятной сельской местности, которую окружали леса и луга. В распоряжении поэта, платившего ничтожную ренту, были бовудский дом Лансдауна с его прекрасной библиотекой, избранное общество, постоянно гостившее здесь и при самом хозяине и даже в его отсутствие [307].

В Слопертоне Томас Мур провел многие годы и до своего вынужденного отъезда в Париж и, в особенности, после обратного возвращения в Англию, всегда находя в Лансдауне своего заступника, покровителя, вмешательство которого в его личные дела спасло его от многих бед и вывело из многих затруднений. В доме Лансдауна Мур был «своим человеком», одним из интимнейших друзей хозяина. Лансдаун был в то же время с давних пор искренним ценителем его музы; он был одним из первых подписчиков его «Анакреона», восторженно принял «Ирландские мелодии», и бовудские гости не раз развлекались пением их автора, исполнявшего эти мелодии своим лирическим женственным тенором, всегда с неизменным успехом. Побывать в Бовуде и не познакомиться с Муром было немыслимо. За ним часто посылали в соседний Слопертон, и Мур, действительно, не мог отказаться от этих приглашений, даже тогда, когда искал творческого уединения. Так было и в данном случае. В Бовуде собралось многочисленное общество; среди гостей был приезжий иностранец — А. И. Тургенев. Все хотели видеть поэта. Он явился туда на другой же день, оторвавшись от работы над своей книгой о Байроне.

Первая встреча с А. И. Тургеневым, имя которого он затруднился воспроизвести, описана в дневнике Мура под 3 января 1829 г. Мы читаем здесь: «Прошелся в Бовуд, где обедал. Единственным новым человеком в компании был русский, имени которого никто не мог мне произнести. Леди А. просила меня сопровождать к обеду мисс Фокс и сесть рядом с Лансдоуном. Когда дамы вышли, я проводил его в другой конец стола и оказался рядом с русским; это очень разумный человек и весьма искушенный в литературе Англии, как и всех других стран Европы. Сообщил мне, что существует два перевода моих «Ирландских мелодий» на русский язык и что у него есть с собой перевод моей «Пери», выполненный русским поэтом, который сопровождал нынешнюю императрицу во время ее визита в Берлин ⟨Жуковским⟩. Вечером много пели. Русский показал мне перевод моей «Пери» в сборнике русских стихотворений, которые он переплел, чтобы читать во время путешествия. Мое имя по-русски превратилось в «Мурова» (Murovou), что значит «Мура», «ou» на

ПАРК В БОВУДЕ, ПОМЕСТЬЕ ЛОРДА ЛАНСДАУНА, ГДЕ ГОСТИЛ А. И. ТУРГЕНЕВ
Гравюра Ф. Верралла

конце, как в греческом, признак родительного падежа. Вальтер Скотта в русском переложении совсем не узнать. Он сказал, что в России есть две различные школы стиля: при этом одна отстаивает применение в поэтическом языке старославянских слов, а другая целиком стоит за новую и более чистую фразеологию. Петербург и Москва имеют обособленные литературные кружки — московский он считает лучшим. Обычно делаются два перевода любого знаменитого иностранного произведения — московский и петербургский. Читал нам вслух большой отрывок из русской «Пери», которая звучала весьма музыкально» [308].

В этой записи для нас остаются кое-какие неясности. Так, мы затрудняемся определить, какой «сборник русских стихотворений» Тургенев показал Муру, из которого он также читал вслух «большой отрывок» из перевода Жуковского «Пери и ангел». Было ли это одно из изданий «Стихотворений» Жуковского, взятое Тургеневым с собою в путешествие, или это были рукописные списки стихотворений русских поэтов, которые он переплел, чтобы читать в дороге, как об этом свидетельствует Мур? Во всяком случае, мы не можем назвать такое издание, где, кроме «Пери», оказались бы переводы из В. Скотта (того же Жуковского?) и, кроме того, встретилось бы заинтересовавшее Т. Мура написание: «Из Муровой ⟨поэмы «Лаллы Рук»?⟩». Нам непонятно также, почему Тургенев говорил Муру лишь о «двух» русских переводах из «Ирландских мелодий», а не о большем их количестве, так как в 1829 г. он не мог не знать значительно больше таких переводов. Зато все остальное, что записал Мур в свой дневник из сообщенного ему Тургеневым — об «обособленных» литературных кружках в Москве и Петербурге, о двух школах поэтического стиля и независимых друг от друга переводческих традициях,— представляет значительный документальный интерес. К этому и другим известиям Мура о встречах с Тургеневым мы еще вернемся ниже; подчеркнем лишь, что имя Тургенева, которое Мур услышал впервые, звучало для него необычно, и он долго не мог его запомнить. В записи дневника 21 февраля того же года Мур назвал Тургенева с ошибкой — Тругановым (Truganoff) [309].

Естественен интерес, проявленный Тургеневым к личному знакомству с Муром, произведения которого он давно уже знал. В дневнике об этом свидетельствует несколько записей. Посреди ряда беспорядочных выписок, сделанных из книг в Бовудской библиотеке, торопливых отметок для памяти о беседах, прогулках и новых знакомствах мы находим и следующую запись: «Завтрак — 4 генваря (воскресенье) и полученное известие об отставке маркиза Англези (Anglesey). Действие на Мура и других гостей» [310].

Разговор шел, таким образом, на волнующие политические темы. Злобой дня был в это время закон об эмансипации католиков, горячо обсуждавшийся тогда в парламенте. Много лет спустя в письмах к Вяземскому Тургенев вспоминал об этом именно в связи с Муром. «Как ирландец, он должен быть за католицизм»,— писал Тургенев [311], но позиция Мура в этом вопросе казалась неясной и ему самому, и даже его ближайшим друзьям. «Не знаю, не является ли даже Т. Мур протестантом,— замечал Тургенев в другом письме Вяземскому (14 августа 1833 г.),— хотя он и ирландец по своему происхождению. По крайней мере, я счел его таковым, когда провел с ним неделю в деревне у лорда Лансдовна в тот самый момент, когда Веллингтон в Лондоне провозглашал эмансипацию католиков». «Я был,— прибавляет Тургенев,— свидетелем радости Томаса Мура, но это чувство было общим для нас всех, и Лансдовн разделял его полностью, как и ирландский поэт» [312].

Тем не менее наряду с «общими чувствами» Тургенев разглядел тогда и наличие некоторых расхождений во взглядах между Муром и Лансдоуном. «В мое время,— вспоминал Тургенев о Муре в июне 1833 г.,— Голланд, Лансдовн, политические его приятели, были им очень недовольны за то, что он вместо того, чтобы издавать обещанную им Историю Ирландии, писал и печатал Биографию Фиц-Геральда, казненного за возмущение Ирландии, которая в это же время бушевала против правительства, а Мур был тогда одномышленником этого же правительства, т. е. министерства» [313].

Политические вопросы, впрочем, не исчерпывали бесед Тургенева с Муром. Политика и парламентские дела служили в Бовуде темой общего разговора за завтраком или обедом; мы вправе, однако, думать, что Тургенев оставался с Муром и с глазу на глаз, и тогда их беседа касалась интимных предметов, более близких ему самому. Как и всегда в таких случаях, Тургенев охотно рассказывал о России и называл своих русских друзей. Так как беседа шла с поэтом, то она, естественно, касалась и русской поэзии.

Под 6 января мы находим в «Дневнике» следующую торопливую запись: «Получил письмо от Дав‹ыдова В. П.› от 4 генв. (чрез Лансдовна). Гулял в Кирк, по дороге видел я училище, содержимое леди Лансдовн, из 76 муж. и жен. пола. И одевает их и обучает за свой счет. Леди Лансдовн прислать портрет Дюшессы Дино. Miss Fox или самому Муру — предисловие Жуковского к «Лале Рук»» [314].

О чем говорится в последней строке? Тургенев, очевидно, отметил здесь для памяти то, что он должен сделать впоследствии. Упоминание Мура свидетельствует, что он говорил о Жуковском и об его переводе из «Лаллы Рук». Но какое предисловие он имеет в виду? Очень возможно, что Тургенев готовился рассказать Муру о целом цикле стихотворений Жуковского, посвященных «Лалле Рук», и, в частности, о том, которое было напечатано в «Московском телеграфе» 1827 г. под этим заглавием и, по словам самого поэта, требовало «объяснения»; как мы видели выше, Жуковский именно в письме к Тургеневу дал эти объяснения, излагавшие принципы романтического восприятия действительности и поэтическую философию вдохновения. Едва ли мы ошибемся, если предположим, что в беседе с Муром речь должна была идти у Тургенева и о берлинском празднике 1821 г., и о настойчивых возвращениях Жуковского к сюжету и образам поэмы о Лалле Рук. Не имея под рукой всех необходимых литературных текстов, Тургенев и собирался переслать их Муру впоследствии, либо непосредственно, либо через мисс Фокс: Тургенев имеет в виду, несомненно, сестру лорда Голланда, в интимном домашнем кругу именовавшуюся просто Aunty, с ко-

торой, как и со всеми членами этой семьи, Мур был в самых приятельских отношениях [315].

На последующих страницах дневника Тургенева мы находим еще две записи о Муре. Под 6 января: «Обедал опять с Муром: издатель Кипсека предлагал ему 600 ф. с. за 60 или 100 строк прозы или поэзии. Мур отказался, не желая блистать в альманахе, но издатель нашел где-то в альбуме стихотворение его, недоставшее ⟨недописано: в собрании его сочинений? почитателям? ценителям?⟩ его таланта, и напечатал» [316]. Этот факт действительно известен из биографии Мура; альманахи, книжки с гравированными картинками, вроде «Forget-me-not», «Souvenir» и т. д. были в это время в большом ходу в Англии. Издатель Лонгман убеждал Мура продолжать такое издание, рассчитывая на его хороший сбыт, но поэт отказывался. В 1827 г. известный гравер Heath (впоследствии издатель «Живописных ежегодников») настойчиво обращался к Муру, предлагая ему «сто фунтов гонорара за каждые сто доставленных им строчек», но поэт был неумолим [317]. Возможно, что именно этот случай, свидетельствовавший об его большой известности и поэтической славе, Мур и рассказывал Тургеневу. Правда, нечто подобное случалось с Муром и позже: сходный случай сам Мур рассказал в своем дневнике почти десятилетие спустя (под 24 сентября 1837 г.): бывший у поэта на завтраке издатель Бентли (Bentley) был преисполнен «нетерпения и рвения, желая издать что-либо мною написанное, например, легкую восточную сказку. Сцена — Черкесия (Circassia); события — основанные на борьбе ее народа против России; гонорар — 1500 фунтов стерлингов и, кроме того, две трети гонорара „за другие издания“» [318]. Мур не преминул похвастаться, что он не согласился и на эти условия.

Из дальнейших очень неразборчивых строк дневника следует, что беседа коснулась музыкальной основы стихов Мура и тех мелодий («арий») к которым он приспосабливал свои тексты, а затем обратилась вновь к политической жизни Ирландии: «Говорил об ирландском ораторе Гратане»,— записывает о Муре Тургенев; речь, несомненно, шла о знаменитом ирландском патриоте, Генри Граттане (Grattan; 1746—1820), видном деятеле оппозиционной партии в ирландском и одно время в британском парламенте; последние годы его жизни посвящены были агитации в пользу эмансипации католиков, и по этой-то, вероятно, причине Мур и вспоминал этого уже покойного в то время, но некогда стойкого и непримиримого борца за то дело, которое вновь волновало все умы.

Седьмое января 1829 г. было последним днем пребывания Тургенева у Лансдоуна в Бовуде. В дневнике так повествуется об этом: «7 генваря, среда. Мур написал мне на память стихи свои: The Evening Bells, и я простился с ним до Лондона, в мае. Играл (две шпильки из волос) в волан с Miss Fox, болтал с Mrs Smith-Vernon; и за столом с Miss Fox в последний раз, и ввечеру о многом, простился с хозяевами и с гостями, осыпанный дружелюбивыми ласками от всех. 8 генваря в 7 часов утра, еще до рассвета, вышел я в парк и прошел к Черной собаке — Black-dog; в ту же минуту прискакала карета лондонская, ночная, и взяла меня в Бат, Bath, куда я приехал (18 миль от Бовуда) прежде 9 часов утра, остановился в Иоркском трактире» [319].

Прощаясь с Муром и получая от него в воспоминание о неделе совместной жизни в Бовуде запись «Вечернего звона» (The Evening Bells) — стихотворения, о котором речь будет ниже,— Тургенев уговаривался встретиться с ним в Лондоне в мае месяце того же года. Однако их свидание состоялось гораздо скорее, менее чем через два месяца. Об этом свидетельствуют две записи дневника — от 20 и 21 февраля 1829 г. К этому времени Тургенев давно уже был в Лондоне, возвратившись сюда из Бата, и жил здесь обычною для себя напряженной жизнью, в водовороте встреч, новых знакомств, бесед со старыми друзьями, все более расширяя сферу своих действий и впечатлений. Это был прежде всего лондонский high life: обеды у Лансдауна «с умнейшими людьми Англии: Макинтошем, Брумом, Сиднеем Смитом, Туком и пр. и пр.» [320];

концерты у него же, где появлялись братья короля, герцоги Глостерский и Эссекский и вся знать; это был театр с Кином в роли Отелло, Кемпбелом и Юнгом в ролях Яго и Кассио [321]; это был, наконец, парламент с дебатами о диссидентах и католиках, клубы, общественные сборища, волнующееся море общественной жизни, в которое он окунался с головою.

«На сих днях приехал сюда главный ирландский агитатор Д. O'Connel [322], не зная еще о речи королевской ⟨...⟩ Народ толпился у трактира его ⟨...⟩ Вчера собирались в огромной таверне протестанты ⟨...⟩ Лондона и Вестминстера для принятия мер против эмансипации католиков. Я решил идти сюда. Зала была полна: оратор силился перекричать тысячи голосов, между коими слышен был и голос Гунта [323]. Кончилось все одним шумом, а непривыкшему к сим народным сборищам, конечно, показалось бы, что Англия на краю бездны и что столица в тревоге»,— писал Тургенев 15 февраля 1829 г.

Его привлекали, однако, не только политические митинги; он не чуждался и сборищ иного рода, ученых заседаний и собеседований, ежедневно следил за газетами, просматривал журналы, книги, брошюры; литературные вопросы по-прежнему находились в центре его внимания. 15 февраля 1829 г. он писал Карамзиным: «Два раза был уже в так называемом состязательном обществе, Debating Society, где молодые адвокаты, студенты, сыновья лордов и членов парламента и богатых купцов приучаются говорить в публике и избирают для своих прений обыкновенно политические предметы; но на мое счастие мне случилось быть при прениях о поэзии и о метафизике: в первый раз вопрос был, кто более поэт, Байрон ли или Wordsworth? В другой раз: полезна ли метафизика, особливо в системе английского воспитания. Первый вопрос решен был в пользу Байрона, хотя защитники Вортсворта ⟨!⟩ с большим талантом и красноречием сердца превозносили поэта красот природы и добродушного, но часто глубокого мечтателя». И Тургенев прибавлял в этом письме: «Милые мои друзья — сестры С. Н. и К. Н. ⟨С. Н. Карамзина и кн. Екатерина Николаевна Мещерская⟩. Прочтите его «Кладбище в горной Шотландии» и «Двух братьев» [324].

Знакомства и встречи Тургенева были неисчислимы: перед глазами его тек непрерывный людской поток; ему далеко не всегда удавалось закрепить на страницах своего дневника все отличительные события суетливых, но содержательных дней и вечеров. Записи кратки, мимолетны, но тем более интересны, что они фиксировали лишь наиболее достойное памяти, минуя случайное и второстепенное. Среди них мы находим две следующие отметки:

«20 февр⟨аля 1829⟩. Встретился с Th. Mooge в Атенее, просил дать записку о переводчиках Байрона в России. Написал о Жуковском, Пушкине, Козлове, Вяземском.

21 февраля. Отдал ему сию записку в Атенее, где мы условились встретиться. Он говорил уже о моем экземпляре его биографии Байрона издателю Мурраю (Albemarle Street), и я подарил ему Козлова сочинения. Дочь Мура умирает, и он уезжает сегодня в деревню» [325].

Все в этих кратких записях заслуживает самого пристального внимания. Встречи с Муром Тургенева были на этот раз кратковременными, но дружескими и полными значения. В какой-то мере они, очевидно, продолжали беседы, прерванные в Бовуде у Лансдауна. Мур заканчивал свою книгу о Байроне и приезжал в Лондон для переговоров со своим издателем. Записи Тургенева могут служить прекрасным комментарием к следующим строкам в дневнике Мура от 21 февраля 1829 г.: «В Атенеум, где я обещал встретиться с Тругановым (Truganoff !), русским, который должен был принести мне перечень имен русских переводчиков и подражателей Байрона; принес мне также издание, только что полученное из Петербурга, в котором находятся несколько переводов из моих сочинений, и подарил мне его» [326]. Встреча с Тургеневым в клубе напомнила ему те рассказы о русских поэтах, которые, несомненно, услышал он от Тургенева за два месяца перед тем.

С полной достоверностью мы знаем, что имя Жуковского как переводчика «Лаллы Рук» тогда было названо Муру Тургеневым, но о Жуковском, этом «русском соловье», Мур знал уже и раньше, из письма Байрона, написанного ему по поводу «Российской антологии» Бауринга [327]. Нет сомнения, что Мур читал и самую эту антологию. Из каталога книг, принадлежавших Муру, находящегося ныне в Ирландской Академии, явствует, что книга Бауринга была в библиотеке Мура в первом лондонском издании 1821 г. (Specimens of the Russian poets <...> printed for the author) [328]. Когда в 1830 г. в своем издании дневников и записок Байрона Мур заметил ошибку в имени названного здесь Жуковского, он писал об этом издателю книги Джону Меррею: «Фамилия Кутовский должна быть изменена на Жуковский» (The Kutoffski to be altered to Joukoffsky) — и, кстати, просил добавить к этому имени следующее примечание о Жуковском: «Один из наиболее прославленных русских поэтов, сражавшийся в битве при Бородине и помянувший это сражение в поэме, очень знаменитой среди его соотечественников» [329]; нетрудно догадаться, что речь идет здесь о поэме «Певец во стане русских воинов», той самой, на которую Байрон обращал внимание Мура.

Можно, кажется, не сомневаться в том, что еще в Бовуде Тургенев говорил Муру и о других своих друзьях — Вяземском и Козлове. С ними он поддерживал переписку из Англии и держал их в курсе своих дел и путевых впечатлений.

Вяземский своевременно узнал о личном знакомстве с Муром Тургенева и прямо адресовался к нему как к посреднику в своих сношениях с ирландским поэтом. Вяземский писал Тургеневу: «Сделай одолжение, узнай от Мура, который из портретов Байрона вернейший, и купи его для меня», и в одном из последующих писем снова: «...Спроси у В. Скотта или у Мура, как они делают: много ли поправляют и думают ли, что в каждом новом издании должно себя переделывать заново, согласно с изменением постепенным мыслей и слога».

Следующие строки того же письма, содержащие не вполне ясные для нас намеки, заставляют, однако, предполагать, что Вяземскому могли быть известны беседы о нем Тургенева с Муром: «Получил ли ты *Цветы* на нынешний год? Тут есть перевод мой одной ирландской мелодии: *покажи ее Муру*. Этому Фоме должно будет, как и тому, дать тронуть пальцем, а на слово он никак поверить не может. Первою строфою я доволен; перевод четырех начальных стихов второй затруднителен, а вклеить в стих: сердце оледенелое или пылающее за ним — невозможно по стопосложению нашему. Никак не уломаешь сердца...» [330]

Вяземский говорит о своем переводе «Ирландской мелодии» Мура, напечатанной в «Северных цветах» на 1829 г.

Когда мне светятся глаза, зерцало счастья,
Глядящие на жизнь так радостно, светло...[331]

У Мура:

Whene'er I see those smiling eyes,
All filld' with hope, and joy, and light...

Вторая строфа английского подлинника (Irish Melodies, выпуск седьмой), вызвавшая затруднения у Вяземского и, кстати сказать, имеющая сходство с лермонтовским «И скучно, и грустно...», читается так:

For Time will come with all his blights,
The ruin'd hope the friend unkind —
The love that leaves, where'er it lights,
A chill'd or burning heart behind!
While youth, that now like snow appears,
Ere sullied by the darkening rain,
When once 't is touched by sorrow's tears
Will never shine so bright again! [332]

У Вяземского:

Так! Время в свой черед существенность прогонит,
В надеждах недочет и недочет в друзьях,
Любовь... но вслед за ней, где искру ни заронит,—
Иль пепел тлеющий, иль охладевший прах!
А юность светлая, на солнце жизни ясной
Блестящая, как снег, не тронутый дождем,
Когда в слезах тоски утратит блеск прекрасный,
Уж не взыграет вновь померкнувшим огнем.

В альбом 20—30-х годов С. Н. Карамзиной, дочери историографа, Вяземский (приходившийся ей дядей) собственноручно вписал это стихотворение; этот автограф имеет разночтения с печатным текстом; во второй строфе ст. 2—4 читаются так:

Обман друзей, надежд расторгнутую цепь,
Любовь и вслед за ней, где искру ни заронит —
Иль пепел тлеющий, иль выжженную степь...[333]

Исполнил ли Тургенев просьбу Вяземского? Показал ли он Муру этот действительно очень удачный и близкий к подлиннику перевод одной из «Ирландских мелодий», сделанный Вяземским? У нас есть все основания думать, что книгой, которую Тургенев подарил Муру, были именно недавно им полученные из Петербурга «Северные цветы» на 1829 г. и, следовательно, едва ли Тургенев упустил возможность обратить внимание Мура на напечатанное здесь стихотворение Вяземского. «Когда мне светятся глаза, зерцало счастья...»

В своих беседах с Муром Тургенев, несомненно, касался также и другого близкого своего приятеля, Козлова. Постоянный покровитель и утешитель слепца-поэта и всей его семьи, Тургенев неустанно хлопотал об устройстве его денежных дел, помещении в печать его сочинений, всеми мерами способствовал упрочению его литературной известности. Он рассказывал о Козлове в Абботсфорде у В. Скотта, в Бовуде заочно знакомил с ним Мура. Поводом и на этот раз могли быть переводы Козлова из Мура.

Имя Козлова мелькает то там, то здесь на страницах дневника Тургенева английского периода: Тургенев состоял с ним в переписке и подробно рассказывал ему о своих скитаниях. Эти письма услаждали слепца, но он надеялся, что еще раз, с большей подробностью услышит эти рассказы из собственных уст самого путешественника. В послании «К А. И. Тургеневу» Козлов выражал надежду: «Приедешь ты в мой уголок...»,— и продолжал, претворяя в стихи первые вести о странствованиях Тургенева по Англии и Шотландии:

Ты нам расскажешь обо всем:
И как ты жил среди народа,
Где все и славно и чудно́,
Где власть, законы и свобода
Слились в великое одно...[334]

Через Жуковского Козлов послал Тургеневу в Англию ряд писем и новые стихи, книги. Отдельное издание «Стихотворений» Козлова, вышедшее в Петербурге в 1828 г., Жуковский послал Тургеневу в Лондон при письме от 28 декабря этого года [335]; очевидно, эту самую книгу Тургенев и преподнес Муру в дополнение к своим рассказам о поэте-слепце. Имя Козлова Мур, во всяком случае, запомнил надолго. Говоря в предисловии к IV тому десятитомного издания своих сочинений (1840—1842) об известных ему переводах «Ирландских мелодий» на различные языки и упомянув о переводах латинском, итальянском и французском, Мур замечает, что на русский язык «не-

которые избранные мелодии были переведены известным русским поэтом Козловым» (by the popular Russian poet Kozlof).

Но Мур интересовался в это время не только переводчиками его собственных произведений. В еще большей степени для него были интересны русские переводчики Байрона, потому что биография поэта, над которой Мур усиленно работал, была близка к завершению. Вот почему он и попросил Тургенева составить для него особую записку о переводчиках. Пометы дневника Тургенева от 20—21 февраля показывают, что эта записка не только была им составлена, но и вручена Муру на другой же день. Черновик этого замечательного документа сохранился в бумагах Тургенева. Это — сложенный вдвое лист бумаги, не имеющий ни даты, ни обращения; текст его, однако, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что это именно та «Записка», которая составлена была по просьбе Мура вечером 20 февраля 1829 г.

Приводим подлинный текст:

Nos meilleurs poètes ont traduit Byron.

Joukoffsky a reproduit toutes les beautés du prisonier ⟨!⟩ de Chilon ⟨!⟩ dans des vers dignes de Byron ⟨*Приписано*: lui-même⟩.

Poushkine, qui s'est formé sur Byron et dont le génie s'est essayé dans presque tous les genres de poésie parmi lesquels il y a des chefs-d'oeuvres, l'a imité dans «La mer», dans son «Napoléon» et dans d'autres pièces qui vivront aussi longtemps qu'on parlera notre langue.

Voici une traduction littérale de quelques vers, où le poète, en s'adressant à l'océan et apres avoir parlé de Napoléon, passe à Byron de l'isle de S-te Hélène, où

Napoléon s'eteignoit...

«Et bientôt apres lui, semblable au bruit d'une tempête, un autre génie, un autre dominateur de nos penseès, nous fut enlevé.— Il disparut, pleuré par la liberté, en laissant au monde sa couronne. Mugis! fais rugir tes tempêtes, Océan — il était ton poète!»

Ton image était empreinte sur lui,
Il était crée par ton esprit:
Comme toi — puissant, profond et sombre,
Comme toi — il était indomptable!
Le monde est désert... Maintenant
Où pourrais tu me porter — Océan?»

Un compatriote á moi a essayé de traduire les vers Russes en Anglois; le voici:

1) A single spot on thy wide waste
Would fill up all my soul.
[A rock, but Glory lies there 'midst the deep,
For days with glorious memory fired
There sank into eternal sleep,
Napoleon there expired...]

2) A rock,— there Glory lies entombed,
For days with glorious memory fired,
There to eternal sleep were doomed,
Napoleon there expired.

3) Midst [stor...] torments there he breathed his last
And as the distant tempest [storm in distance] rolls
A genius after him has past,
Another ruler of our souls.

4) He died, and o'er him freedom mourns,
Stamped by his name time will roll on.
Roar on, oh sea, and with the storms
Sing o'er thy bard the dirge he won.

5) He bore thy image for his mark
Thy spirit form'd his soul
Like thee he was deep, mighty, dark,
Like thee knew no control.

Справа сбоку приписано:

6) The world's grown void.— To what lone shore
Wouldst drive me now, Ocean, forlorn?
Thy waves of Freedom tell no more,
Without a bard must Freedom mourn.

Mais celui des poètes Russes, qui doit la plus ⟨belle?⟩ partie de sa réputation littéraire à Byron, c'est Kosloff, qui devenu aveugle à l'age de 42 ans, a commencé à apprendre l'anglais et [depuis] débuta par une traduction de *la fiancée d'Abydos*. Outre cela il a traduit les stances de Byron: à la mer; la nuit dans le chateau de Lara [sur la mort de Djon ⟨!⟩ Moore], une nuit à Venise, sur le tombeau de Cécile, à l'Italie, la chanson portugaise, la bonne nuit, un fragment de Manfred: The Enchantement, Deux épitres à Thyrza, The Hebrew Melody, et plusieurs autres pièces. [Outre cela]. Il a fait aussi un petit poème original: le Moine, qui d'après l'opinion de son biographe allemand, rappelle, sans rien perdre à la comparaison, «le Giaour».

Le Prince Wiazemsky, l'un de nos poètes les plus spirituels, quoique parfois peu correct dans son style, a beaucoup traduit de Byron et l'a imité dans une grande partie de ses poésies. Il avait l'intention de faire sa biographie, avant qu'il n'apprit qu'une main plus habile va lui élever

monumentum aere perennius.

⟨*Перевод*:⟩

«Наши лучшие поэты переводили Байрона.

Жуковский воспроизвел все красоты «Шильонского узника» в стихах, достойных самого Байрона.

Пушкин, образовавшийся на Байроне и талант которого пробовал себя почти во всех жанрах поэзии — среди них есть шедевры, — подражал ему в ⟨стихотворениях⟩ «К морю», в своем «Наполеоне» и в других произведениях, которые будут жить до тех пор, пока будут говорить на нашем языке. Вот дословный перевод нескольких стихов, в которых поэт, обращается к океану и после того, как он говорил о Наполеоне, переходит к Байрону на остров св. Елены, где

.....угасал Наполеон
. . . . . .

⟨*Следует французский прозаический перевод следующих стихов Пушкина*:⟩

И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим;
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?

Один из моих соотечественников попробовал перевести русские стихи на английский; вот они:
⟨*Следует английский перевод**⟩

Но тем русским поэтом, который большею частью своей репутации обязан Байрону, является Козлов; он ослеп в возрасте 42 лет, начал учиться по-английски и впервые выступил с переводом «Абидосской невесты». Кроме того, он перевел стансы Байрона: К морю, Ночь в замке Лары [На смерть Джона Мура], Венецианская ночь, При гробе Цецилии, К Италии, Португальская песня, Добрая ночь, отрывок из Манфреда: Обворожение, два послания к Тирзе, Еврейская мелодия и многие другие пьесы. Он написал также маленькую собственную поэму, Чернец, которая, по мнению его немецкого биографа, напоминает «*Гяура*», ничего не теряя при этом сопоставлении.

Князь Вяземский, один из самых остроумных наших писателей, хотя иногда и небрежный в своем стиле, много переводил Байрона и подражал ему в большей части своих стихотворений.

Он является одним из наиболее усердных его почитателей и его счастливым подражателем. Он имел намерение написать его биографию до того как узнал, что более искусная рука собирается воздвигнуть ему

памятник, вековечнее меди [336]».

На этом заканчивается черновой текст записки А. И. Тургенева. Стоит отметить, что стихи Пушкина он цитирует по памяти, заменяя некоторые слова синонимами, совсем позабыв местоимение «ничем», так что и в английском переводе, сделанном по продиктованному им тексту, и в его собственном дословном французском переводе стоит «как ты, неукротим». Позднее он заметил и поправил эту свою ошибку: в другом английском переводе пропущенное слово появилось (см. здесь, с. 755).

Едва ли кто-либо лучше Тургенева мог выполнить поручение Мура — составить ему записку о русских переводчиках Байрона. К написанию ее Тургенев подготовлен был превосходно: он находился у самой колыбели русского «байронизма», присутствовал при рождении первых русских переводов байроновских поэм, был заказчиком, советником, первым ценителем этих переводов; позднее Тургенев наблюдал уже и спад первой волны увлечения британским поэтом в России и творческие порывы, направленные к преодолению его влияния.

Вчитываясь в составленную им «Записку», содержащую ряд авторитетных и ценных указаний, нельзя, однако, упускать из виду, для какой цели она была написана: Мур должен был или целиком включить ее в свою книгу о Байроне, или воспользоваться в той или иной степени представляемыми запиской данными; это должна была быть не столько характеристика русских

* В. П. Давыдов внес 20 февраля в свой дневник «отрывок из оды «К морю» Пушкина, отметив: «обрывается неожиданно, так как последние строки последней строфы не были пропущены». Записанный им со слов А. И. Тургенева текст имеет некоторые отличия, отразившиеся и в переводе. Приводим его.

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы.
Там погружались в вечный сон
Воспоминанья величавы,
Там угасал Наполеон.

Он умер там среди мучений,
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался Гений!
Другой властитель наших дум!

Исчез оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой,
Он был, о море! твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим,
Как ты могущ, глубок и мрачен,
Как ты неукротим.

Мир опустел. Теперь куда же
Возьмешь меня ты, Океан?

Оборванную строфу Давыдов «восполнил по собственному соображению», причем последняя строчка в его записи несколько отличается (And bardless now must Freedom mourn!) от внесенной Тургеневым в «Записку» (смысл добавленных строк: «Твои волны уже не говорят о свободе, Свободе приходится тосковать без певца!»).

поэтов или направлений русской поэзии, сколько именно ранняя история русских поэтических откликов на творчество Байрона.

Тем более интересно, с каким тактом и достоинством рассказал Тургенев об этом биографу Байрона: он подчеркнул творческую самобытность всех названных им русских поэтов и, характеризуя их переводческое мастерство, не забывал при этом указать, что нередко они нисколько не уступали своему образцу. В приведенной «Записке» интересен даже самый порядок расположения материала, так как Тургенев следует и художественной ценности характеризуемых им произведений и пытается сохранить при этом хронологическую последовательность изложения.

Перечень русских переводов из Байрона открывается кратким отзывом о «Шильонском узнике», переведенном Жуковским и изданном отдельной книжкой в Петербурге в 1822 г.; Тургенев имел ближайшее отношение к этому переводу и находил его «прекрасным» [337].

Вслед за Жуковским Тургенев говорит о Пушкине. Он хорошо знал стихотворение Пушкина «К морю» (1824), это «маленькое поминаньице за упокой души раба божия Байрона», как назвал его сам поэт, посылая список его Вяземскому в письме от 10 (или 8) октября 1824 г. [338]; знал он также, что отрывок из этого стихотворения, прежде чем оно полностью было опубликовано в IV части «Мнемозины» (1824), был напечатан в «Московском телеграфе» (1825, ч. I, № 1, с. 39), в «прибавлении» к статье В. Скотта «Характер лорда Байрона»; это «прибавление» написано было Вяземским или Н. А. Полевым и в нем говорилось: «Никто из поэтов, принесших дань памяти Байрона, не изобразил его так правдиво и сильно, как наш Пушкин (в стихах: Прощание с морем, которые будут напечатаны в 4-й части «Мнемозины»), говоря: «Реви, волнуйся непогодой...»» (приведены два последних стиха строфы XI и вся строфа XII). Именно эти строфы, но в более полной и исправной редакции, Тургенев и сообщил Муру во французском собственном прозаическом переводе и в английском стихотворном, принадлежащем перу его «соотечественника», молодого В. П. Давыдова. Исправления и переделки, обнаруживаемые в черновом тексте интересующей нас «Записки» Тургенева, по-видимому, свидетельствуют о том, что эти опыты перевода делались в его присутствии и с его помощью [339].

Что же касается «Наполеона», то Тургенев имеет в виду стихотворение Пушкина под этим заглавием (1821), напечатанное с большими цензурными пропусками в издании 1826 г.; однако Тургенев давно уже знал его в полном виде от самого Пушкина. Еще 1 декабря 1823 г. Пушкин писал Тургеневу из Одессы: «вы желали видеть оду на смерть Н. Она не хороша, вот вам самые сносные строфы»; далее Пушкин выписывал именно строфы IV, V и VI, говорящие о французской революции, не появившиеся в печати и которые Тургенев должен был воспринять как действительно «байроновские»:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, и т. д.[340]

«Байроновским» должен был Тургеневу представиться в то время и весь данный Пушкиным в этом стихотворении образ Наполеона — наследника революции и «могучего баловня побед».

Особенно много внимания Тургенев уделил в своей «Записке» Козлову, не только потому, что считал его самым плодовитым из русских переводчиков Байрона, но и потому, что хорошо знал эти переводы и даже в момент составления «Записки» имел большинство из них под рукой: перед ним, несомненно,

лежали присланные ему в Лондон Жуковским только что изданные «Стихотворения Ивана Козлова» (СПб., 1828); так, Тургенев перечисляет переводы Козлова из Байрона именно в том порядке, в каком они напечатаны в этом издании. Тургенев называет стихотворение «К морю» (это перевод CLXXVIII—CLXXXIII строф IV песни «Чайльд-Гарольда»), четыре строфы из «Лары», «При гробе Цецилии М.» (это перевод CIV—CV строф IV песни «Чайльд-Гарольда»), «Португальскую песню» (оригинал Байрона: «From the Portuguese. In moments to delight devoted...»), «Обворожение» (4 строфы из «Манфреда», посвященные Вяземскому), «Два послания к Тирзе» (т. е. напечатанные в издании 1828 г. рядом «К чему вам, струны, петь...» и «Решусь, пора освободиться...»), «Еврейскую мелодию» («Бессонного солнце, в тумане луна...») [341].

Некоторые из этих переводов имели широкую и долголетнюю популярность, стали впоследствии даже народными песнями (как, например, «Добрая ночь», «прощальная песня» из «Чайльд-Гарольда») [342]. Хотя в своей записке к Муру Тургенев назвал важнейшие из них, но все же его перечень неполон: Козлову принадлежит до двадцати переводов из Байрона. Недаром в стихотворении «К другу В. А. Жуковскому» он сам признавался, что Байрон, этот

...певец страстей
Меня всех боле привлекает,
Он чувством душу восхищает,
Он силой поражает ум.

К этим строкам Козлов прибавлял:

...И где ж воспоминанье
С его тоскою не слилось,
В какой душе не отдалось
Страдальца рьяного стенанье...

В свой перечень переводов Козлова из Байрона Тургенев включил было также стихотворение «На погребение английского генерала сира Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком...»), но затем зачеркнул, так как оно и на самом деле является переводом стихотворения не Байрона, а второстепенного английского поэта того же времени, Чарлза Вулфа (Charles Wolfe, 1791—1823) «The Burial of Sir John Moore» (1816) [343].

В списке, составленном Тургеневым, однако, помещены два стихотворения Козлова, которые не являются ни «переводами» из Байрона, ни «подражаниями» ему, как названы большинство из перечисленных им выше стихотворений в изд. 1828 г. Таковы «Венецианская ночь» и «К Италии». Это — оригинальные стихотворения Козлова; характерно, однако, что и в том и в другом Козлов говорит о *Байроне*, и это-то, вероятно, и послужило поводом Тургеневу для включения их в список: «Венецианская ночь» посвящена отношениям Байрона и Т. Гвиччьоли, хотя их имена и не называются [344]; в стихотворении «К Италии» Козлов вспоминает Байрона, адресуясь к Венеции:

И я несусь волшебными крылами
К развенчанной царице волн морских;
Там звук октав с любовью и мечтами
При сладостном мерцанье звезд ночных,
Там Байрон пел...

Что касается указания Тургенева, что Козлов «дебютировал» переводом «Абидосской невесты», то оно соответствует действительности; хотя отрывки из своего *русского* перевода «Абидосской невесты» Козлов начал печатать лишь в 1825 г. в журналах, а полностью эта поэма опубликована им отдельным изданием лишь в 1826 г., но Тургенев имел в виду более ранний *французский* перевод той же поэмы Байрона, сделанный Козловым еще в 1819 г. Свидетельство об этом *первом* переводе Козлова из Байрона мы имеем как раз в письме Тургенева к Вяземскому от 22 октября 1819 г.: «Постараюсь прислать тебе

перевод И. И. Козлова, бывшего танцмейстера, лишившегося ног, но приобретшего вкус к литературе и выучившегося в три месяца (sapienti sat!) по-английски, Байрона «Bride of Abydos» на французском» [345].

Упоминание Тургеневым «Чернеца» Козлова в сопоставлении с «Гяуром» и со ссылкой на «немецкого биографа» русского поэта представляется особенно достойным внимания: Тургенев умолчал из скромности или ради славы своего друга, что этим «немецким биографом» Козлова был он сам. Речь идет о небольшой биографической заметке о Козлове, напечатанной им в лейпцигском «Conversations Lexicon», русский текст которой сам же Тургенев, но также без упоминания своего имени, сообщил в «Московский телеграф» в 1827 г. Рассказав здесь горестную историю жизни ослепшего поэта и упомянув о том, что он «переводит Байрона с памяти», Тургенев писал также: «Козлов известен некоторыми счастливыми переводами с итальянского и с английского и поэмою «Чернец», которая, не теряя ничего в сравнении, напоминает о «Гяуре» Байрона. Известен также его прекрасный перевод «Абидосской невесты»» [346].

Кстати, в лондонском журнале «The Literary Chronicle» 1826 г. в статье о русской литературе появилась и характеристика Козлова как поэта с отзывом об его поэме «Чернец». В этой статье — отрывки из нее приводились в следующем году в «Московском телеграфе» — сначала речь шла о Пушкине, затем о Козлове: «Другой поклонник муз недавно выступил в России на литературное поприще с значительным успехом: это Козлов. Подобно Гомеру, Мильтону, Делилю, он слепой, но обладает немалым даром песни красноречивой; трогающая чувствительность отсвечивается в его произведениях. Он — жаркий обожатель Байрона, занял много погрешностей нашего поэта и немалое количество его красот. Последняя поэма Козлова «Чернец» содержит исповедь юноши, мученика несчастной любви, который приносит на жертву своему мщению вероломного соперника, погубившего его счастие» [347]. Если эта характеристика появилась в «The Literary Chronicle» без участия в ее составлении Тургенева (что мы сочли бы вполне вероятным), то он о ней знал, во всяком случае хотя бы из «Московского телеграфа», и, следовательно, мог сослаться на нее и в беседе с Муром.

Врученное Тургеневым Муру вместе с публикуемой нами «Запиской» русское издание «Стихотворений» Козлова 1828 г. должно было служить вещественным подкреплением данной в ней характеристики этого усерднейшего из русских переводчиков Байрона, но он и на этот раз хотел подчеркнуть, что переводчик был в то же время и самостоятельным творцом, вполне достойным оригиналов, которыми он вдохновлялся; так попало в «Записку» упоминание о «Чернеце». Впрочем, мнение о зависимости поэмы Козлова от «Гяура» Байрона уже в те годы вполне утвердилось в русской критике: Вяземскому характер героя Козлова «оживлял в памяти некоторые воспоминания о Гяуре Байрона», «Московский вестник» 1827 г. утверждал, что «Чернец есть воспоминание о Джяуре Байрона, слабый, но приятный отголосок всеобъемлющих звуков британского поэта», а Е. А. Баратынский писал самому автору «Чернеца»: «Места, написанные в подражание Байрону, выше его, насколько я могу это угадать... Но то, чему мог бы подражать и сам Байрон, это конец вашей поэмы. Он в особенности говорит о воображении, он полон в высшей степени национального романтизма, и я полагаю, что вы первый так хорошо его схватили» [348].

Несколько заключительных замечаний «Записки» Тургенева относятся к Вяземскому. Тургенев считал его «одним из самых остроумных наших писателей», но порицал его за «небрежности» слога и говорил об этом не раз. В 1827 г. он писал, например, что Вяземский «не совершенствует своего слога», но «позволяет себе все, что почитает оригинальностью и силою выражений» [349].

Назвать Вяземского «одним из наиболее усердных почитателей» Байрона, замышлявшим даже составление его биографии, Тургенев имел полное основание, но наименование его «счастливым подражателем» Байрона было со

AN ETCHING BY DANIEL MACLISE, R.A.
From Moore's Irish Melodies

«ИРЛАНДСКИЕ ПЕСНИ» Т. МУРА
Гравюра Дэниела Маклиса
Библиотека Академии наук СССР, Ленинград

стороны Тургенева несомненным дружеским преувеличением. На самом деле переводы Вяземского из Байрона и его «подражания» британскому поэту не столь многочисленны, в 1828 г. Тургенев мог пересчитать их по пальцам: ранний прозаический перевод отрывков из IV песни «Чайльд-Гарольда» — 1819 г.; «Стихи, вырезанные на мертвой голове, обращенной в чашу» — 1820 г.; стихотворение «В альбом» — 1823 г.; стихотворение «Байрон» (1824—1827) [350].

Запись дневника Тургенева о встречах с Муром в лондонском клубе «Атеней» 20—21 февраля 1829 г. кончается указанием на то, что в связи с тяжелой болезнью дочери Мур «уезжает сегодня в деревню». Это известие

отвечало действительности [351]: следовательно, дальнейшие встречи их прекратились. Тяжелые семейные обстоятельства, под впечатлением которых состоялось их последнее свидание, последовавшая затем смерть дочери Мура Анастази, горячо им любимой, оторвавшая его на некоторое время от литературной работы,— все это было, вероятно, причиной того, что «Записка» о русских «байронистах» не была использована Муром в книге о Байроне, вышедшей в 1830 г.

Между тем, Тургенев, очевидно, рассчитывал на это. Считая, что набросанные им в «Записке» фрагменты французского и английского переводов стихотворения Пушкина «К морю» недостаточны и не дадут Муру полного представления о русском оригинале, он послал Муру новые и более совершенные их редакции. К этому, может быть, присоединилось ощущение, что о Пушкине в «Записке» говорилось недостаточно; лишним поводом к письменному обращению к Муру были и только что полученные Тургеневым из Петербурга вести о новой поэме Пушкина. Под 2 апреля 1829 г. мы находим в «Дневнике» Тургенева следующую запись:

«Писал к Томас Муру в Sloperton Cottage, Devizes и послал переводы Дав‹ыдова› и Крамера ‹стихотворений› Пушкина о Наполеоне и Байроне» [352].

К счастью, черновик этого письма также нашелся в бумагах Тургенева, и мы можем его привести полностью. Хотя и на этот раз адресат письма не обозначен на самой рукописи, но тождественность даты — в черновике письма и в дневнике (2 апреля) — и полное соответствие их содержания неопровержимо свидетельствуют, что это и есть черновик того письма, которое было отправлено к Муру в Sloperton Cottage. Впрочем, об этом можно было бы догадаться и из самого его текста: в приводимом ниже письме есть фраза, которая косвенно об этом свидетельствует. Тургенев пишет: «Я уже имел честь в заметке о русских переводчиках Байрона указать Вам на этого самого Пушкина «who ran through each mode of the lyre and was master of all» (который испробовал все звуки лиры и овладел каждым), по выражению поэта, которого я вам не назову». Муру действительно не нужно было называть английского поэта, который был автором цитированной стихотворной строки, потому что речь шла о нем самом. Стих взят из IX строфы стихотворения Мура «Lines on the Death of Sheridan» (1816), которая в подлиннике читается так:

...Was this, then, the fate of that high-gifted man,
The pride of the palace, the bower, and the hall,
The orator,— dramatist,— minstrel,— *who ran*
Through each mode of the lyre, and was master of all...

Тургенев хорошо знал историю этого знаменитого стихотворения, в котором Мур под впечатлением кончины Шеридана в 1816 г., умершего в бедности и пренебрежении, с ювеналовской горечью и сарказмом обрушился на принца-регента и на правящие круги Англии за то, что они позволили умереть в столь стесненных обстоятельствах своему знаменитому деятелю, «оратору-драматургу-лирику», прославленному на всех поприщах. Непосредственным поводом для написания этого стихотворения послужил слух, циркулировавший в Лондоне, будто бы принц-регент послал умирающему Шеридану 200 фунтов и что тот гордо отверг этот слишком поздний дар. «Строки, написанные на смерть Шеридана», принадлежавшие перу Мура, анонимно вышли в свет в 1816 г. отдельной брошюрой в изд. В. Хона и затем воспроизведены в издании стихотворений Мура 1823 г. и в последующих. О том, что Тургенев знал это стихотворение и обстоятельства, при которых оно появилось в печати, свидетельствует запись в его дневнике под 24 февраля:

«Lines on the Death of Sheridan from the Morning Chronicle of Monday, August 5, 1816, ascribed to a personage of the highest poetical talent» с эпиграфом: «Principibus placuisse viris! Horat». London, 55 Fleet Street, 1816 for Hone

(Мура на короля)[353], т. е. «Строки на смерть Шеридана из „Morning Chronicle“» от понедельника 5 августа 1816 г., приписываемые авторству лица, обладающего высоким поэтическим дарованием, с эпиграфом «Principibus placuisse viris! Horat» [354]. Лондон. Флит Стрит № 55, 1816, печатано у Хона (Мура на короля) [355].

Наиболее интересным в этом письме Тургенева к Муру является его отзыв о пушкинской «Полтаве». Написанная в течение июня—октября 1828 г. поэма отдельным изданием появилась в Петербурге лишь в последних числах марта 1829 г. [356], следовательно, до Лондона она дойти еще не могла. Тургенев писал о ней на основании полученных им письменных известий; поэтому он и именует ее «Мазепой», как она первоначально действительно озаглавлена была Пушкиным; под таким названием появились о ней первые сведения в печати, так именовали ее и в литературных кругах Петербурга и Москвы. Е. А. Карамзина писала Вяземскому из Петербурга (28 ноября 1828 г.): «Вы просите новостей о Пушкине,— он в деревне и, как говорят, по собственной воле и желанию. Жуковский мне сообщил, что, еще будучи здесь, он написал поэму в нескольких песнях — „Мазепу“, которая, по мнению Жуковского,— самое прекрасное его произведение» [357]. Вскоре Пушкин появился в Москве с рукописью своей поэмы; об этом Вяземский писал жене 12 декабря того же года: «Здесь Александр Пушкин, я его совсем не ожидал. Он привез славную новую поэму „Мазепа“, но не байроновского, а своего» [358]. К. А. Полевой вспоминает, что в 1828 г. в его присутствии «Пушкин объяснял Мицкевичу план своей еще не изданной тогда „Полтавы“ (которая первоначально называлась „Мазепою“), и с каким жаром, с каким желанием передать ему свои идеи старался показать, что изучил главного героя своей поэмы. Мицкевич делал ему некоторые возражения о нравственном характере этого лица» [359]. Таким образом, слухи о том, что новая поэма Пушкина готова к печати и что поэт переменил ее заглавие, были довольно широко распространены; тем легче могли они дойти в Англию к Тургеневу. С. Д. Киселев писал Н. М. Языкову (19 февраля 1829 г.), что Пушкин помышляет о напечатании «Мазепы» [360], а месяцем позже С. Т. Аксаков уведомлял С. П. Шевырева, что в Москве получена поэма Пушкина, «которую он перекрестил из Мазепы в Полтаву» [361]. «Новая поэма А. Пушкина показалась в свет, но под названием „Полтавы“, а не „Мазепы“,— писал В. Л. Пушкин Вяземскому 4 апреля 1829 г. и прибавлял:— Я нахожу, что А. Пушкин напрасно переменил ее название, но как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение» [362]. Приведем, наконец, свидетельство А. Н. Вульфа, который, рассказывая в своем дневнике о том, как на его глазах создавалась эта поэма, записывал со слов самого Пушкина: «она будет в 3 песнях и под названием *Полтавы*, потому что ни *Кочубеем*, ни *Мазепой* ее назвать нельзя по частным причинам [363]. Что это были за «частные причины», Пушкин объяснял в «Отрывке из рукописи», напечатанном в 1831 г. в «Деннице», прямо ссылаясь на «Вестник Европы»: «Замечают, что заглавие моей поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Это частию справедливо» и т. д. В этой заметке Пушкин настаивал на своей оригинальности, подчеркивал свою полную творческую самостоятельность и действительно имел на это полное право: «Полтава», как известно, знаменовала его полный отход от байроновских традиций, преодолевала их и утверждала новый жанр в русской поэзии.

Все это должно было стать вполне ясным и для Тургенева, но не ранее, чем он прочел самую поэму и ознакомился с вызванной ею полемикой. В начале апреля 1829 г., при первом известии о поэме, печатавшейся в Петербурге, он мог сообщить Муру не больше того, что сам только что узнал из полученного им письма. Свое послание Муру он писал по горячим следам, несомненно, тотчас же по получении этих известий; он мог досадовать на то, что ранее составленная им для Мура «Записка» «о русских байронистах» войдет в книгу о Байроне без этого факта, который казался ему примечательным. Ведь речь шла о том русском поэте, произведения которого, как

пророчески замечал он в своей «Записке», «будут жить до тех пор, пока будут говорить на нашем языке»!

Письмо Тургенева к Муру от 2 апреля заключает два варианта перевода отрывка из стихотворения Пушкина «К морю». «Дневник» называет переводчиков: это Крамер (или Кремер, один из чиновников русского посольства в Лондоне) и В. П. Давыдов, с которым Тургенев, как видно из его «Дневника» и писем, а также из дневника Давыдова, видался в январе и феврале 1829 г. почти ежедневно [364]. Уехав из Эдинбурга после окончания университета и распростившись с В. Скоттом, Давыдов жил в Лондоне, причисленный к русскому посольству, но уже собирался покинуть Англию. Тургенев водил его к Лансдауну, умилялся, что за образцовую речь и повадки его принимали за природного «шотландца», и грустил, что должен был проститься с ним 18 марта [365].

Приводим черновик письма Тургенева к Муру и сопровождающие его английские стихотворные переводы из Пушкина.

Londres, le 2e Avril 1829.

Je prends la liberté, Monsieur, de vous faire parvenir deux faibles traductions d'un fragment de Poushkine [«who ran through each mode of the lyre and was master of all» d'après l'expression du poete] [ce fragment] qui se trouve dans une de ses plus belles pièces: intitulée l'Ocean ⟨под этим словом la mer⟩ et comme il y parle de Byron j'ai cru qu'il serait de quelque intéret pour son biographe. J'ai eu l'honneur déjà de vous indiquer dans la notice [du] sur les traducteurs Russes de Byron ce même Poushkine, «who ran through each mode of the lyre and was master of all» d'après l'expression d'un poète que je ne vous nommerai point. On m'écrit qu'il vint de faire une [nouvelle tragédie] nouveau poème; «Mazeppa», en trois chants, qui se termine par la bataille de Poltava! — Poushkine [était] se lamentait toujours ⟨...⟩ que Byron lui avoit parachevé son Mazeppa. Les deux traductions du fragment que je vous envoye sont faits par deux de ses compatriotes. Le poète s'adresse à l'ocean.

№ 1

One object on the desert waste,
One only, fills my longing soul.

A lonely rock: 'tis Glory's tomb...
Majestic thoughts of greatness past
There rose to meet the common doom,
't was there Napoleon breathed his last.

There winged his flight, in misery
And in his wake, like tempest wild,
Another genius rushed away —
Another ruler of the mind.

He's gone, by Liberty bewept,
Leaving the world [th —] his wreath — He's gone!
And has no storm thy bosom swept,
Ocean! He was thy minstrel-son.

(autre version du même couplet):

He's gone, by liberty bewept,
His wreath unto the world remains,

And has no storm thy bosom swept,
Ocean! thine were his minstrel-strains!

On him thy image left its mark,
It was thou that madest him to be:

(autre version du 2me vers: thy spirit ruled his destiny)

Like thee, allpowerful, deep and dark,
Fearless, by nought restrained (or: intractable)
like thee...

№ 2

A single spot on thy wide waste
Would fill up all my soul.

A rock — there glory lies entombed,
For days with glorious memory fired,
There to eternal sleep were doomed,
Napoleon there expired...

Midst torments there he breathed his last,
And as the distant tempest rolls,
A genius after him has past,
Another ruler of our souls.

⟨Сбоку л. 4:⟩

He died, and o'er him freedom mourns
Stamped by his name time will roll on.
Roar on, oh sea, and with the storms
Sing o'er thy bard the dirge he won.

He bore thy image for his mark
Thy spirit form'd his soul,
Like thee he was deep, mighty, dark
Like thee knew no control.

The world's grown void... To what lone shore
Wouldst drive me now, Ocean forlorn?
The waves of Freedom tell no more
Without a bard must Freedom mourn.

⟨Сбоку против предпоследней строфы написано:⟩

Ne pourrait'on pas imiterici [le beau vers de Gray sur la Mélancolie] l'heureuse expression de Gray sur la mélancolie dans son Elégie:

mark'd him for his own

pour lui parler...

Pardonnez les fautes de langue en faveur du zèle et agréez l'assurance des sentimens ⟨!⟩ que vos talens ⟨!⟩ inspirent [à cèux]

T o u r ⟨g u é n e f f⟩

7. Warwick-Street, Pall Mall. East.

Si vous voulez m'honorer d'une réponse, le marquis de Lansdowne saura ou je serai. J'ai passé deux fois chez M. Murray, Abermale ⟨следует: Albemarle⟩ Street

⟨Перевод:⟩

Лондон, 2 апреля 1829 г.

Беру на себя смелость, милостивый государь, доставить Вам два слабых перевода отрывка из одного из лучших стихотворений Пушкина, которое

озаглавленно «Океан» (Море). Так как в нем говорится о Байроне, я счел, что оно может представить некоторый интерес для его биографа. Я уже имел честь в заметке о русских переводчиках Байрона указать Вам на этого самого Пушкина, «who ran through each mode of the lyre and was master of all» ⟨который испробовал все звуки лиры и каждым овладел в совершенстве⟩, по выражению поэта, которого я вам не назову. Мне пишут, что он ⟨Пушкин⟩ только что написал [новую трагедию] новую поэму «Мазепа» в трех песнях, которая заканчивается Полтавской битвой! — Пушкин всегда жаловался, что Байрон опередил его со своим Мазепой. Два перевода отрывка, которые я вам посылаю, сделаны двумя его соотечественниками. Поэт обращается к Океану.

⟨*Следует английский перевод строф стихотворения «К морю», посвященных Наполеону и Байрону, начиная от стихов* —

Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил

— *в двух редакциях*⟩.

⟨*Сбоку против предпоследней строфы написано*:⟩

Нельзя ли было бы [подражать] здесь [воспользоваться] [красивым стихом Грея о Меланхолии] счастливым выражением Грея о Меланхолии в его элегии:

mark'd him for his own [366].

[чтобы сказать...] Простите ошибки языка ради рвения и примите уверения в чувствах, которые внушают ваши дарования [тем...]

Тургенев

7. Warwick-Street, Pall Mall. East.

Если вам будет угодно оказать мне честь своим ответом, маркиз Лансдаун будет знать о моем местопребывании. Я дважды побывал у г. Мёррея на Albemarle Street.

Следует обратить особое внимание на постскриптум к этому письму. Тургенев говорит здесь, что он дважды побывал на Albemarle Street у Джона Меррея, т. е. у того знаменитого издателя, который некогда печатал сочинения Байрона, а теперь издавал книгу Мура о нем с письмами и необходимыми к ним пояснениями. Что вызвало эти визиты к Меррею Тургенева? Объяснение этому мы находим в том письме Тургенева к Жуковскому от 17 марта 1829 г., из которого выше уже был приведен отрывок, относящийся к В. П. Давыдову. В этом письме Тургенев рассказывает об одном из визитов к Меррею (состоявшемся накануне, 16 марта 1829 г.) и открывает причину своего посещения: «Вчера виделся с издателем Муровой биографии Байрона, книгопродавцем Мурраем, приятелем Байрона. Хочет ли Вяземский переводить или хотя в извлечении издать на русском биографию Мура и письма к нему и к прочим Байрона? Автор и издатель готовы в листах доставлять мне книгу их, которой с нетерпением ожидает читающая Европа. Наш перевод не повредит расходу оригинала. Чем же могу возбудить милого курнофея к деятельной жизни?» [367]

Таков был смелый план этого издательского предприятия Тургенева, о котором он уже ранее договорился с Муром и теперь окончательно условился с Мерреем: Вяземского соблазнял он переводить корректурные листы той книги, которую ждал он сам и весь пушкинский литературный круг. В русской издательской практике появление в печати перевода одновременно с выходом в свет оригинала ради скорейшего удовлетворения читательского любопытства было еще вовсе не слыханным делом; Тургенев хотел испробовать у нас этот опыт и, вероятно, имел бы успех.

Мы не знаем, что отвечал ему «милый курнофей», которого Тургенев тут же дружески корил за барство и леность, но не подлежит сомнению, что со

стороны Меррея не было бы отказа. Осуществлению этого интересного предприятия, которое могло тесно связать не только издательства Петербурга и Лондона, но и автора и переводчика, помешали особые причины. Книга Мура «Letters and Journals of Lord Byron: with Notices of His Life», вышедшая в Лондоне в двух томах in 4^0 в 1830 г., признана была русской цензурой опасной и нежелательной для распространения; Вяземскому, Пушкину и другим пришлось с трудом раздобывать оригинал или дожидаться выхода в свет французского перевода Луизы Беллок [368]: они читали его с жадностью и волнением [369].

Так кончились личные сношения и переписка Тургенева с Муром, рассказами о которых путешественник увлек своих русских друзей. Вскоре после этого, в мае 1829 г., он и сам уехал из Англии. Переписка его с Муром, сколько знаем, более не продолжалась, и они, по-видимому, не виделись ни в Париже, ни в последующие приезды Тургенева в Англию. Возможна, впрочем, их кратковременная встреча в Лондоне в мае 1831 г.: заключаем об этом из слов Тургенева к Жуковскому в письме от 10 мая: «Здесь был на несколько дней Томас Мур» [370].

6. Статья о Муре в «Телескопе». — Кто автор «Вечернего звона»?

В период расцвета популярности Мура в России «Телескоп» напечатал анонимную статью под заглавием «Перевод стихотворения Козлова на английский язык Томасом Муром», которая должна была заинтересовать многих русских почитателей английского поэта [371]. «В нынешнее десятилетие преимущественно сказывается готовность иностранцев усваивать себе произведения наших писателей, коими по справедливости и мы гордимся», — пишет автор этой статьи; указав далее на появившиеся в недавнее время французские и немецкие переводы с русского в стихах и прозе, он продолжает: «Бауринг верно передал на английский язык со вкусом избранные стихотворения наших поэтов [372]; но г. Мур, певец Лалла-Руки, еще теснее соединил союз наших муз с музами Альбиона, освятив будущие труды своих единоземцев собственным переводом некоторых стихотворений русских, в числе коих находим перевод (хотя и не совершенно верный) «Вечернего звона» И. И. Козлова, как бы в дань благодарности за прекрасное усвоение им нашей литературе его «Бессонницы», «Романса» и некоторых «Ирландских мелодий» английского Анакреона («Телескоп», 1831, ч. 11, № 8, с. 567—570). Сии переводы помещены в последнем парижском издании всех сочинений Т. Мура (Complete Works of Th. Moore. In one volume, published by Galignani, Paris, 1829). Для нас, русских, лестно такое внимание — и чье же? — поэта, знаменитого во всех просвещенных странах света; и это тем приятнее, что мы видим двух поэтов, взаимно усваивающих своим родинам произведения друг друга. Для особ, знакомых с английским языком, представляем здесь перевод «Вечернего звона» — сего стихотворения, которое дышит тихою горестью слепца-ясновидящего. Вот он:

Those evening bells! Those evening bells!
How many a tale their music tells,
Of youth, and home and that sweet time,
When last I heard their soothing chime.

Those joyous hours are past away;
And many a heart, that then was gay,
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells.

And so 'twill be when I am gone;
That tuneful peal will still ring on,
While other bards shall walk these dells,
And sing your praise, sweet evening bells!

Читатели видят,— продолжает автор статьи в «Телескопе»,— что Мур из сестов (шестеростиший) сделал кварты (четверостишия) и тем ослабил прелесть подлинника, хотя и сохранил смысл его. Но несмотря на это, как хорошо им выражена основная мысль, проникающая всю элегию! Некоторые стихи переведены весьма верно, например:

And many a heart, that then was gay,
Within the tomb now darkly dwells,
And hears no more those evening bells!

И сколько нет теперь в живых,
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон,
Не слышен им вечерний звон!»

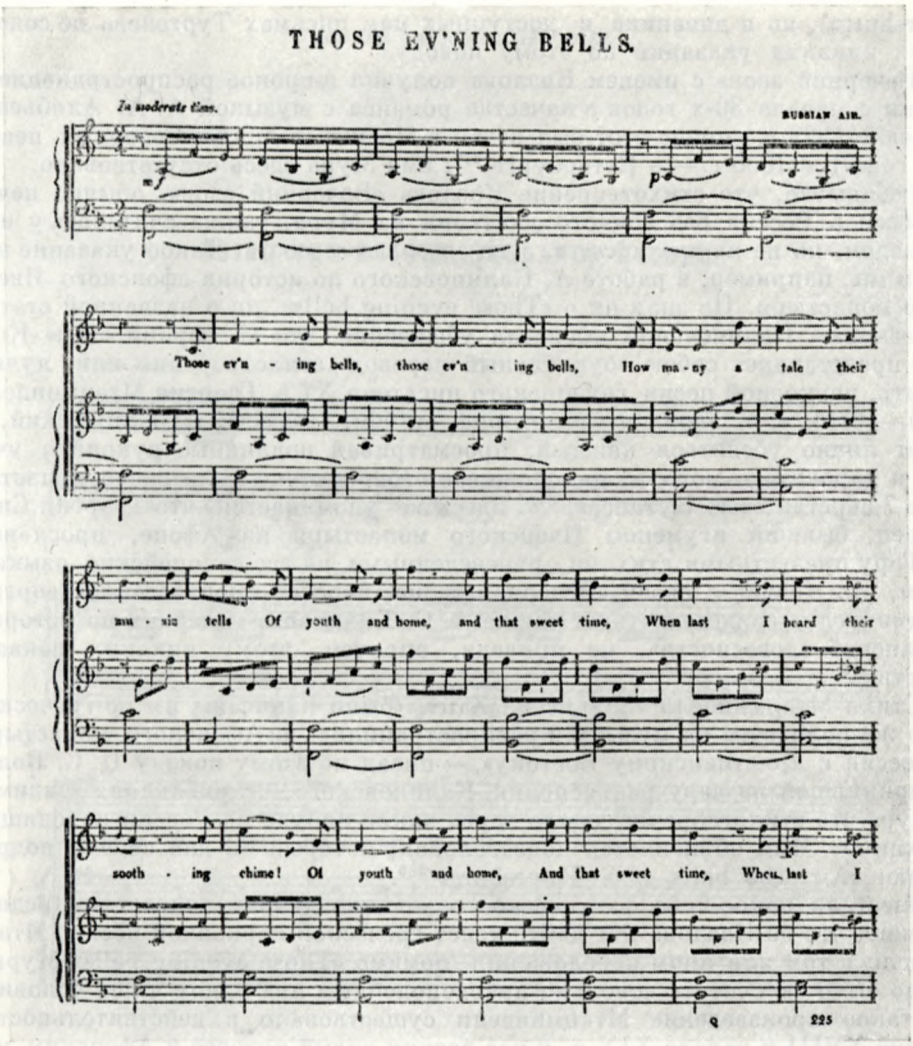
Мы с умыслом привели довольно обширную цитату из статьи русского журнала; заглавие ее вполне оправдано многочисленными и разнообразными соображениями по поводу того, насколько удачно справился Мур со своей задачей как переводчик русского поэта. Эта статья «Телескопа» на первый взгляд может показаться основанной на недоразумении, поскольку, как это обычно у нас считается с полным основанием, именно стихотворение Козлова является переводом из Мура, а не наоборот [373]. «Вечерний звон» Козлова был впервые напечатан в альманахе «Северные цветы на 1828 год», тогда как «Those evening bells» Мура вошло в первый сборник его «National Airs», выпущенный музыкальным издателем Пауэром (W. Power) в 1818 г., сначала в Лондоне (23 апреля), а затем в Дублине (6 июля) [374].

Другим основанием для предположения, что «Вечерний звон» Козлова был переведен Муром на английский язык, могло быть то, что в издании «Стихотворения Ивана Козлова» (СПб., 1828), в котором «Вечерний звон», напечатанный под номером XLVII (с. 141—142), заключал всю книгу, ни в тексте, ни в оглавлении он не обозначен как перевод; имя автора — английского поэта Томаса Мура здесь не упомянуто; обозначено лишь имя женщины, которой посвящено это стихотворение (Т. С. Вдмрв-ой т. е. Татьяне Семеновне Вейдемейер).

Критику «Телескопа», рецензировавшему собрание стихотворений Мура в парижском издании Галиньяни 1829 г., дата первого появления в печати «Those evening bells», разумеется, не была известна, стихотворение же Козлова он знал уже и ранее. Поводом для этого недоразумения послужил, очевидно, подзаголовок стихотворения Мура, имеющийся также в издании Галиньяни [375] и воспроизводившийся иногда и в некоторых более поздних изданиях: «Air: the Bells of St. Petersburg» (без всяких указаний на Козлова), означавший лишь, что данное стихотворение поется «на голос» указанной арии, т. е. приспособлено к ее мелодии. Сборники «National Airs», составившие целую серию (всего выпущено было шесть выпусков, последний — в 1827 г.), представляли собою музыкальные издания: текст Мура сопровождал нотную публикацию мелодий, на которые они должны были исполняться.

Отметим, кстати, что в числе других «национальных песен» этого сборника — испанской, португальской, индийской, венгерской, итальянской и пр.— уже в первом выпуске 1818 г. мы находим еще одну «Russian Air», музыкальный источник которой нам неизвестен [376].

Как же, однако, объяснить подзаголовок указанного выше стихотворения Мура? Не подлежит сомнению, что автор имел в виду русский источник не для своего поэтического текста, но только для мелодии. Случайным ли оказалось то, что эта, по-видимому, популярная во время Мура мелодия имела уже и ранее свой поэтический текст о «колоколах Петербурга» и что он, следовательно, как-то окрашен был в локальные русские тона? К сожалению, доступные нам материалы и исследования о Муре не раскрывают для



Т. МУР. «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН». С ПОМЕТОЙ «РУССКАЯ МЕЛОДИЯ»

нас пока во всей необходимой подробности творческую историю данного стихотворения, которая могла бы пролить свет и на возникновение его замысла и на его возможные источники; стихотворения Мура с текстологической и хронологической точек зрения изучены весьма слабо, а критического комментированного издания его произведений, сколько знаем, доныне не существует.

Не потому ли, что «Those evening bells» имели свой русский музыкальный источник или приспособлены были к старой арии о «колоколах Петербурга», Мур и записал это свое стихотворение на память Тургеневу при отъезде его из Бовуда? Но Тургенев в это время уже знал и его перевод, сделанный Козловым: при нем в Лондоне находились и «Северные цветы», и отдельное издание «Стихотворений Ивана Козлова» 1828 г. Едва ли можно сомневаться, что, получая от Мура автографический список «Those evening bells» или вручая ему русское издание «Стихотворений Козлова», Тургенев беседовал с ним и об этом стихотворении и об его русском переводе; если бы мы знали подробности этой беседы, прояснился бы и вопрос об его еще загадочном для нас подзаголовке английского подлинника («The bells of St.

Petersburg»), но в дневнике и доступных нам письмах Тургенева не содержится никаких указаний по этому поводу.

«Вечерний звон» с именем Козлова получил широкое распространение в России с начала 30-х годов в качестве романса с музыкой А. А. Алябьева. В начале 1829 г. романс этот был издан в Москве (в цикле «Северный певец 1828 года»); в 1830 г.— в Петербурге [377]; имя Мура здесь отсутствовало.

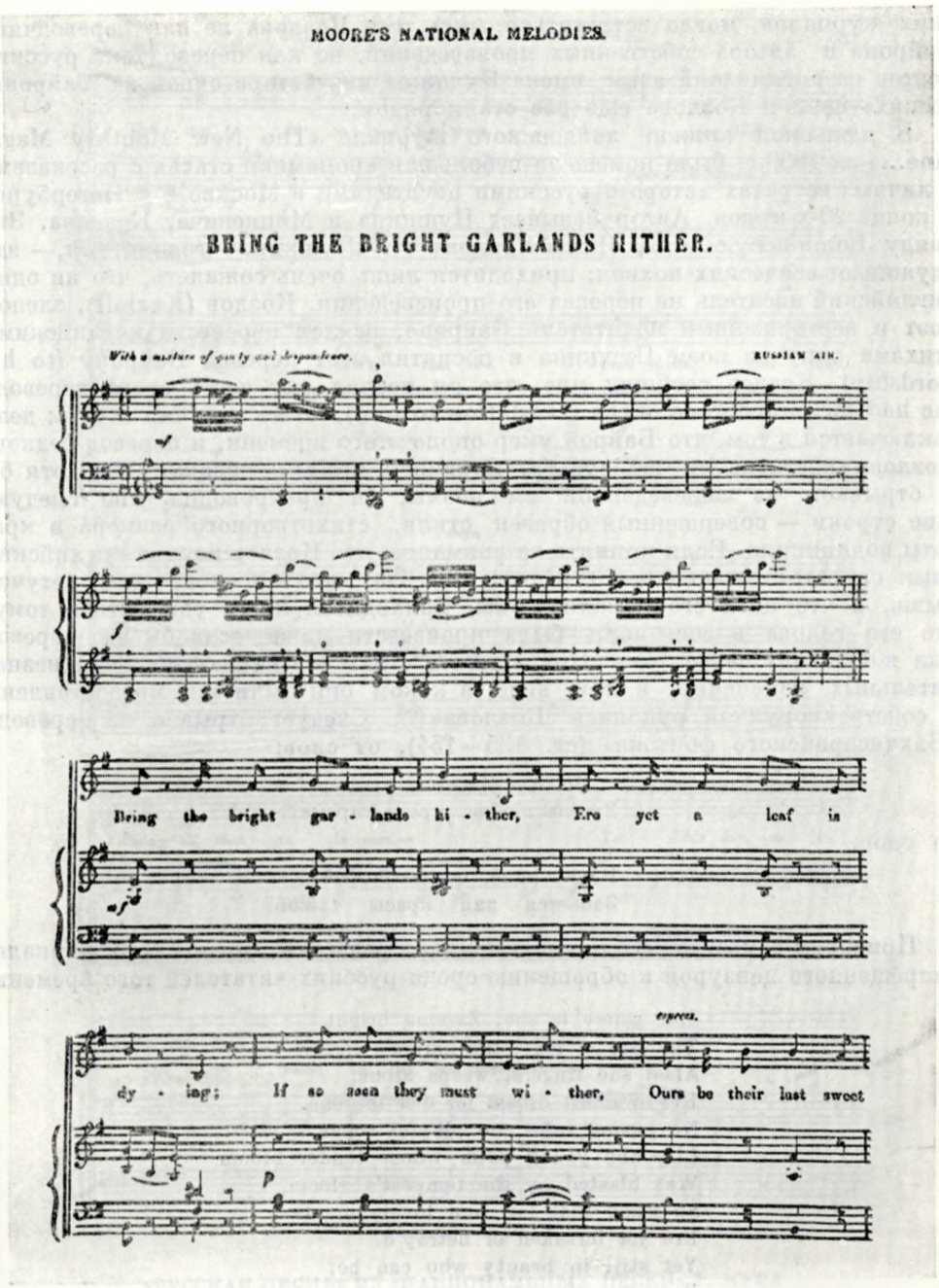
Любопытно, что стихотворение Козлова «Вечерний звон», обычно печатавшееся в России без всякого указания на Мура, также считалось у нас переводом, но не из *английского*, а из *грузинского* поэта. Такое указание находим мы, например, в работе А. Калиновского по истории афонского Иверского монастыря. Не зная ни о «Those evening bells», ни о названной статье «Телескопа», Калиновский высказал убеждение, что «Вечерний звон» Козлова представляет собою «буквальный перевод» стихотворения или, лучше сказать, церковной песни грузинского писателя XI в. Георгия Мтацминдели (1014—1065), т. е. Георгия Святогорца; «в чем,— замечает Калиновский,— может лично убедиться каждый, просматривая подлинные рукописи ученого и даровитого монаха, находящиеся в библиотеке Гелатского монастыря (в 7 верстах от г. Кутаиса)» [378]. Здесь же упоминается, что Георгий Святогорец, бывший игуменом Иверского монастыря на Афоне, прославил «св. Гору прелестными стихами, переведенными на все европейские языки». О том, что Козлов в своем «Вечернем звоне» перевел произведение Георгия Мтацминдели, свидетельствует также А. С. Хаханов в «Очерках по истории грузинской словесности», не приведя, впрочем, этому никаких доказательств [379].

«Стихи Мтацминдели «Mtsuhrissa Zair» «были написаны им по-гречески, тогда же положены на музыку и распространились из Афонского монастыря по России и христианскому Востоку»,— писал по этому поводу Ц. С. Вольпе, принявший *на* веру разъяснения Калиновского, и прибавлял: «видимо, до Мура это стихотворение дошло через какие-нибудь из России исходящие источники. Этим объясняется подзаголовок, который он дал своему подражанию: «Air: the bells of S. Petersburg» [380].

Имеет ли какое-либо фактическое основание данная гипотеза? Предположение, что до Козлова мог дойти текст греческой церковной песни Мтацминдели в том или ином переложении (помимо «Those evening bells» Мура), можно было бы считать довольно правдоподобным при одном лишь условии, что такое произведение Мтацминдели существовало в действительности; в конце XVIII и начале XIX в. у нас возник новый интерес к Афонским монастырям, и туда проникло несколько русских путешественников, мечтавших найти здесь древние рукописи [381].

Тем не менее, ни в одном из посвященных Афону сочинений этого времени, как русских, так и иностранных, не удалось обнаружить ни имени Мтацминдели, ни каких-либо следов упомянутой церковной песни. Очевидно, мы имеем дело с легендой, устойчиво державшейся долгое время в грузинской литературе, но лишенной фактических оснований. Напротив, все четыре грузинских текста «Вечернего звона», известные по рукописям XIX в., являются *переводами стихотворения Козлова* [382].

Таким образом, исходя прежде всего из хронологических соображений, приходится признать — в ожидании дальнейших находок и разъяснений,— что «Вечерний звон» Козлова является вольным переводом стихотворения Мура «The evening bells». Создавая его, Мур не мог знать стихотворение Козлова, так как оно напечатано лишь в 1827 г., а его собственное — за десятилетие перед тем, в 1818 г. Тем не менее, во всей этой запутанной истории следует принять во внимание еще одно обстоятельство, не только не устраняющее все отмеченные выше затруднения при решении интересующего нас вопроса, но даже еще более осложняющее его. Дело в том, что Козлов, по некоторым данным, сам выступал в качестве переводчика русских поэтов на *английский язык*. На этих данных стоит остановиться подробнее, так как они не служили еще предметом специального разбора.



«РУССКАЯ ПЕСНЯ» ИЗ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕСЕН» Т. МУРА
Начало

Русского языка Мур не знал, но о русских поэтах, как мы видели, он получил отчетливое представление из самого авторитетного источника. То, что Тургенев сообщил ему о Пушкине, Жуковском, Вяземском и Козлове в письмах и в устных беседах, не могло, конечно, не вызвать к ним интерес. Во всяком случае эти имена не должны были представлять для него пустые звуки, и, встречая их в *английской* печати, Мур должен был относиться к ним со вниманием. Тем любопытнее, что Муру, внимательному читателю англий-

ских журналов, могло встретиться здесь имя Козлова не как переводчика Байрона и автора собственных произведений, но как переводчика русских поэтов на английский язык: имена Пушкина как автора одной из «байронических» поэм и Козлова еще раз стали рядом.

В июльской книжке лондонского журнала «The New Monthly Magazine...» за 1830 г. была помещена небольшая анонимная статья с рассказами о личных встречах автора с русскими писателями в Москве и в Петербурге в конце 20-х годов. Автор называет Пушкина и Мицкевича, Козлова, Зинаиду Волконскую и К. Яниш-Павлову [383]. «Пушкин,— говорит он,— заслуживает всяческих похвал; приходится лишь очень сожалеть, что ни один английский писатель не перевел его произведения. Козлов (Kazloff), слепой поэт и восторженный почитатель Байрона, взялся перевести английскими стихами одну из поэм Пушкина и посвятил этот перевод Байрону (to his Lordship). Козлов сообщил мне, что он послал ему часть этого перевода (he had forwarded some of the translation to him), но не получил ответа; дело заключается в том, что Байрон умер около этого времени, и перевод бедного Козлова постигла та же судьба. Стремясь, чтобы я ознакомился хотя бы с отрывком из переведенной им поэмы, он препроводил мне следующие строки — совершенный образец стиля, стихотворного размера и красоты подлинника. Если принять во внимание, что Козлов изучил английский язык самостоятельно (taught himself English), что он слеп, как летучая мышь, и что ноги его парализованы, приходится лишь удивляться тому, что его голова в состоянии была произвести даже если бы его перевод был в половину менее точен. Привожу эти стихи без каких-либо даже незначительных изменений, в том виде, в каком они были мне предоставлены в собственноручной рукописи Козлова» [384]. Следует отрывок из перевода «Бахчисарайского фонтана» (ст. 135—154), от слов:

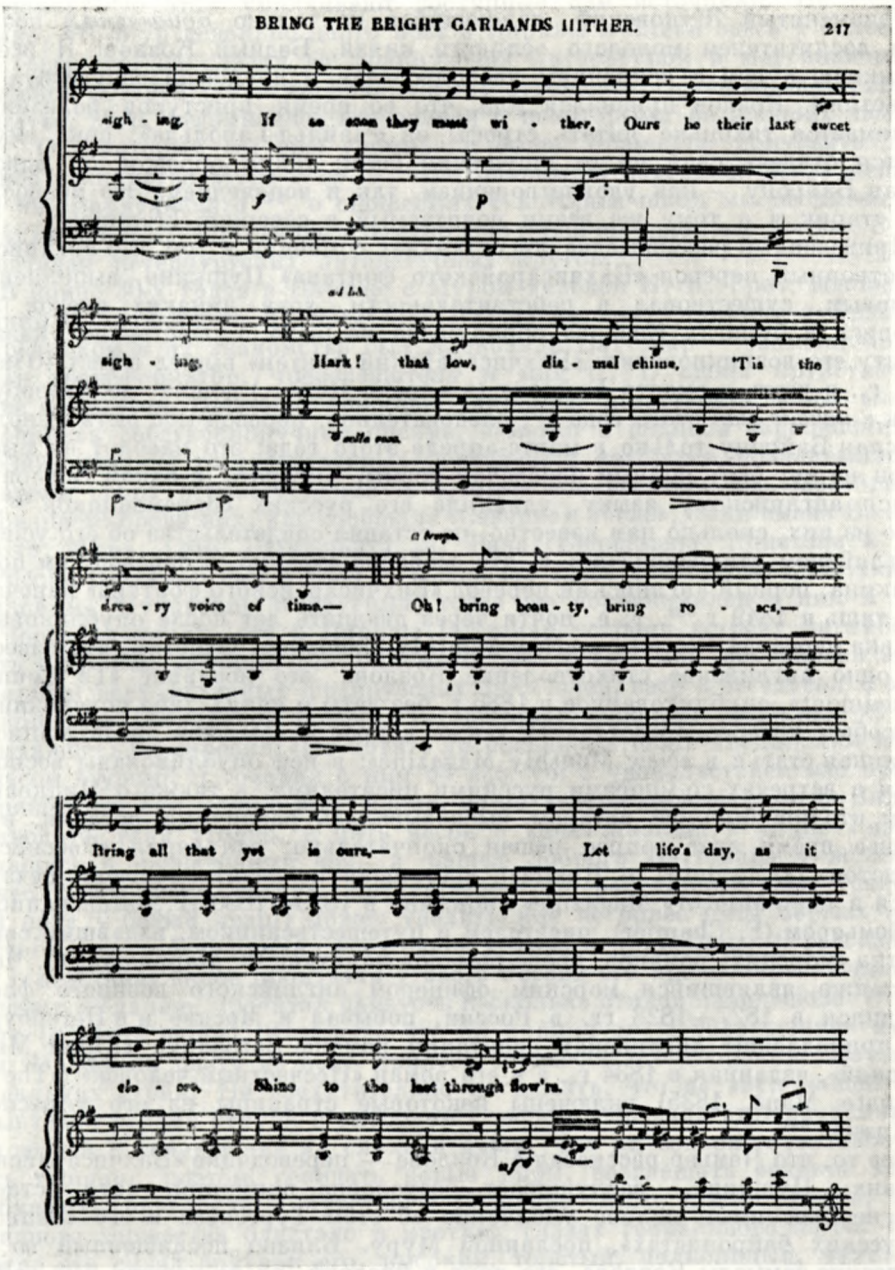
...Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема? —

до слов:

Как сердце, полное тобой,
Забьется для красы чужой?

Приводим самый перевод ввиду крайней редкости английского журнала, запрещенного цензурой к обращению среди русских читателей того времени:

But where is she, Zarema bright
The star of love, the haram's light?
Alas! she lingers, weeps alone,
Her sweetest dream for e'er is gone.
No jocund tales, no playful songs.
Like the young palm, whose tender bloom
Was blasted by the tempest's gloom,
So stood that fair and lovely maid
Ere yet forsaken or betray'd.
Yet still in beauty who can be,
Poor Georgian slave, compared to thee?
That forehead beams divinely fair,
As sparkling through the raven hair;
Those eyes so lovely and so bright,
Are clear as day, and dark as night,
What voice so fondly could impart
The bashful wish of woman's heart?
What form could yield such magic bliss,
Or lips bestow a warmer kiss?
The man who sigh'd within these arms,
How could he dream of other's charms? [385]



«РУССКАЯ ПЕСНЯ» ИЗ «НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЕСЕН» Т. МУРА
Конец

«Примерно в таком же стиле переведена вся поэма,— продолжает анонимный автор,— и я искренне сожалею, что не захватил с собою всю рукопись, которую давал мне Козлов. Дело в том, что большинству наших читателей иностранная поэзия не доставляет удовольствия; поэтому меня долго мучили бы угрызения совести, прежде чем я решился бы преподнести публике перевод на английский язык, сделанный этим русским. Козлов не ограничивается переводами на английский. Он напечатал стихотворные переводы нескольких поэм лорда Байрона, таких, например, как «Шильонский узник», «Паризина» и др.[386], и, по-моему, гораздо более талантлив,

чем знаменитый Жуковский, являющийся не только *придворным* поэтом, но и воспитателем молодого великого князя. Бедный Козлов! Я всегда вспоминаю о нем с искренним удовольствием и дружески сочувствую его несчастиям. Козлов признался мне, что во время приступов болезни он принимается тихонько читать строфы из «Чайльд-Гарольда», пока ему не удается отвлечь свой ум от ощущения боли; таким образом, он вдвойне обязан Байрону — как удовлетворением, так и исцелением. Это превосходный старик и к тому же всеми почитаемый в северной столице».

Приведенный рассказ едва ли оставляет сомнение в том, что английский стихотворный перевод «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, выполненный Козловым, существовал в действительности, хотя никаких следов этой рукописи в бумагах Козлова обнаружено не было. Существенно указание на дату его возникновения: «Бахчисарайский фонтан» вышел в свет 10 марта 1824 г., а весть о смерти Байрона (в апреле 1824 г.) дошла до Петербурга лишь *в начале мая* этого года [387]; следовательно, перевод мог быть выполнен и послан Байрону только в марте-апреле этого года: это наводит на мысль, что он не мог быть полным переводом поэмы. Быстрота, с какой Козлов выучился английскому языку, удивляла его русских современников [388], но никто из них, сколько нам известно, не оставил свидетельства об его успехах в английском стихосложении и, что особенно странно, о переводе им поэмы Пушкина; первый английский перевод «Бахчисарайского фонтана» напечатан был лишь в 1849 г.[389], т. е. почти через двадцать лет после опубликования отрывка перевода Козлова в «New Monthly Magazine». Отметим, что известно еще одно английское стихотворение Козлова: его послание «To Countess Ficquelmont», опубликованное в 1886 г. без даты и каких-либо пояснений [390].

Особый интерес представляет также вопрос о том, кем была написана указанная статья в «New Monthly Magazine»: в ней опубликованы воспоминания о встречах со многими русскими писателями, а также о Мицкевиче. О том, кто мог быть ее автором, высказывались различные догадки; в настоящее время этот вопрос решен окончательно: вся серия «Российских анекдотов» («Anecdotes of Russia»), состоящая из девяти очерков, печатавшихся в «New Monthly Magazine» анонимно в 1829—1830 гг., была написана Ф. Чемьером (F. Chamier), писателем и путешественником, издавшим свыше десятка «морских» романов, вроде романов капитана Ф. Марриетта; Ф. Чемьер (также являвшийся морским офицером английского военного флота) находился в 1827—1828 гг. в России, побывал в Москве и в Петербурге; ему принадлежит английская адаптация романа Загоскина «Юрий Милославский», изданная в 1834 г., а в его роман «Несчастный человек» («The unfortunate Man», 1835) включены некоторые страницы из его «Anecdotes of Russia» [391].

Все то, что Чемьер рассказал о Козлове — переводчике «Бахчисарайского фонтана» Пушкина,— заслуживает, безусловно, внимания, хотя остается пока необъяснимым полное умолчание об этом Тургенева в его «Записке» «о русских байронистах», посланной Муру. Близко посвященный во все творческие замыслы Козлова, его друг и биограф, он не должен был забыть такие примечательные факты из истории англо-русских литературных взаимоотношений, как перевод Козловым пушкинской поэмы, посвящение и посылка его Байрону; «Записка» о русских байронистах составлялась приблизительно в то же самое время, когда сам Козлов рассказывал Чемьеру о своих отношениях к Байрону. Не могли об этом не знать также многочисленные петербургские друзья Козлова. Не менее странным представляется также и то, что Тургенев нигде ни словом не упомянул об известных ему, конечно, соотношениях между «Вечерним звоном» Козлова и стихотворением Мура, тем более, что — как мы уже видели — он сделал в своем дневнике запись о получении автографического списка «Those evening bells» на память от самого Мура.

Читал ли Мур статью в «New Monthly Magazine»? Следил ли он за другими отзывами о русской литературе, все чаще появлявшимися в английских

журналах? Об этом умалчивают доступные нам источники. Не забудем, однако, что Мур довольно долго жил в Париже и бывал здесь в более поздние годы, что он следил за французской литературой и мог знакомиться с русской поэзией также во французских переводах. Вращаясь в парижском обществе, Мур, несомненно, встречался с некоторыми из живших там русских. О некоторых мы уже упоминали выше. Возможно допустить также личное знакомство Мура с гр. Г. В. Орловым; в переписке Мура мелькает имя кн. Барятинского [392], о сношениях с которым поэта мы не имеем пока никаких данных. Достоверно известно еще лишь об одной его встрече с представителем петербургских литературных кругов.

В конце 30-х годов в Париже с Муром виделся Н. И. Греч, вскоре описавший это свидание в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции». Посредником в их знакомстве был Александр Ваттемар — знаменитый в то время трансформатор, чревовещатель и мим [393]. В своих артистических турне по Европе Ваттемар приобрел широкую известность; в его альбоме находились собственноручные письма, заметки и подписи европейских писателей, ученых, государственных деятелей, с которыми познакомился он во время своих странствований и которые восхищались его своеобразным дарованием; среди них, как сообщала «Северная пчела», были имена Вальтера Скотта, Мура, Гете, Гумбольдта, Л. Тика, Бенжамена Констана и др.[394] В России Ваттемар был в 1834 г. и завязал здесь знакомство с Пушкиным, Козловым, Жуковским и другими; тогда же познакомился с ним и Греч.

Через несколько лет в Париже Ваттемар устроил встречу английского поэта с Гречем, который так описывает ее: «Если мне не удалось видеть в Париже всех отличных французских писателей, зато я беседовал с одним из корифеев английской поэзии. Г. Ваттемар однажды прибежал ко мне, запыхавшись, и спросил: «Не хотите ли познакомиться с английским поэтом Томасом Муром? Я говорил с ним об вас. Он с удовольствием вас примет, и пришел бы сам, если б имел время, но он завтра же выезжает из Парижа. Приходите, если угодно, в пять часов в Hotel Maurice, в улице Риволи». Явившись в назначенный час, я нашел доброго Ваттемара у ворот. Он тотчас повел меня наверх, предупредив, что регулярный поэт (регулярный поэт – белый арап!) может уделить мне не более пяти первых минут шестого часа. Г. Мур принял меня очень учтиво и приветливо. Я рассказывал ему о действии, какое произвели у нас в России его прекрасные сочинения, и, по его желанию, прочитал наизусть несколько стихов из перевода Жуковского («Смерть пери»). Казалось, что он принял это с услаждением душевным. Может ли поэту не быть приятен отголосок его творения, несущийся из дальних стран? Не восхитительно ли думать, что на звук нашей лиры отзывалась родная струна в глубоком Севере и передала этот звук миллионам людей в услаждение их слуха и души! Что ни говори, а великое дело быть творцом, поэтом, созидать новые миры, возглашать великие мысли, возбуждать благородные чувства! Сознание этого превосходства, этого завидного торжества блистало в кротких глазах гениального Мура. Насупротив его сидел спутник его, высокий, толстый, полнолицый, малиновый англичанин; в стеклянных глазах его блистала радость о торжестве друга! Т. Мур очень хорошо говорит по-французски, и я мог беседовать с ним свободно; но я взглянул на Ваттемара и увидел, что он берется за часы. Не дождавшись напоминовения, я встал и откланялся. Милый, добрый, приветный лик Томаса Мура проник в мою душу и останется там навсегда!» [395]

Даже в записи Греча, постаравшегося придать своему рассказу как можно более занимательности и изобразившего в обычной для него слащаво-елейной манере «добрый, приветный лик» «гениального Мура», эта случайная встреча не производит впечатления примечательной в каком-либо отношении. Неясно, был ли Мур предупрежден заранее о незавидной репутации своего петербургского собеседника, или кратковременный разговор с представителем русской журналистики представлял для него мало занима-

тельности, но подозрительным даже в передаче Греча кажется указание на то, что Мур смог уделить ему «не более пяти первых минут шестого часа».

Официально выслушав несколько русских стихов Жуковского, смысл которых, вероятно, остался ему недоступен, Мур учтиво раскланялся со своими гостями: так, очевидно, следует истолковать воспоминание Греча. Он говорит об «услаждении душевном», с которым, как ему казалось, Мур принял известие о действии, какое произвели в России его сочинения, но умалчивает о том, какие вопросы были ему заданы и чем интересовался английский поэт; по-видимому, Мур безмолвствовал: Греч недаром в своем рассказе представляет говорящим и рассуждающим одного лишь себя. Ссылку на то, что «Мур очень хорошо говорит по-французски» и что он «мог беседовать с ним свободно», вероятно, нужно понимать лишь в том смысле, что кратковременный визит дал Гречу возможность сделать Муру ряд французских комплиментов в полной уверенности, что он будет понят; английский язык Греч знал плохо, и это послужило для него препятствием в бытность его в Лондоне в том же году завести знакомства в английских литературных кругах.

Но приведенный рассказ интересен для нас одним своим вполне конкретным указанием: Греч беседовал с Муром о Жуковском и цитировал его стихи. Автор «Лаллы Рук» не первый раз слышал это имя: он мог вспомнить при этом старое письмо к нему Байрона, времена «Российской антологии» Бауринга, беседы с А. И. Тургеневым в поместье Лансдауна, лондонские встречи с тем же своим русским собеседником в «Атенее»... Но имя Жуковского влекло за собою и другие — Пушкина, Вяземского, Козлова... В конце 30-х годов Мур едва ли нуждался в подробном рассказе о том, как приняты были его произведения в России; Греч, однако, не мог предположить, что Мур знает об этом гораздо больше, чем он сам мог ему сообщить, как не знал и того, что о русских поэтах Мур имеет благодаря Тургеневу более подробные и верные сведения, чем кто-либо другой из его соотечественников и собратьев по перу.

В истории англо-русских связей первой половины XIX столетия, столь еще мало и плохо изученных, история личных сношений Томаса Мура с представителями русской культуры безусловно составит особый, хотя и не очень значительный, но все же достаточно яркий эпизод. Благодаря случайно завязавшимся знакомствам и переписке с русскими путешественниками по Англии и Франции Мур в состоянии был довольно ясно представить себе, сколь многое сближало в его время русскую и английскую литературы, как естественны и закономерны были попытки передовых английских и русских писателей той поры лучше узнать друг друга, установить между собой постоянный интеллектуальный обмен, как интенсивны были их переводческие усилия. В настоящей работе весь эпизод рассказан преимущественно по тем материалам, которые удалось извлечь из неопубликованных русских архивных источников; можно надеяться, что приведенные данные смогут быть дополнены и исправлены на основании английских источников еще не введенных в научный оборот. В появлении подобных материалов в печати в равной мере должны быть заинтересованы исследователи русской и английской литератур.

7. Мур и русские поэты 40—50-х годов: А. Фет, И. Крешев и др.— Отзвуки популярности Мура в русской литературе второй половины XIX века

Переводы лирических стихотворений Мура продолжали появляться в русских журналах и сборниках в 40—50-е годы, хотя в сравнении с двумя предшествующими десятилетиями число их значительно уменьшилось; помимо того, их поэтические качества ухудшились. Объяснялось это тем, что в эту пору стихи постепенно начали терять свою былую привлекатель-

ность. «Стихотворения нынче мало читаются, – свидетельствовал Белинский в обзоре «Русская литература в 1843 году», — но журналы, по уважению к преданию, почитают за необходимое сдабриваться стихотворными продуктами, которых поэтому появляется еще довольно много». Назвав среди поэтов А. Фета и И. Тургенева, Белинский продолжал: «Попадаются в журналах стихотворения и других поэтов, более или менее исполненные поэтического чувства, но они уже не имеют прежней цены, и становится очевидным, что их творцы или должны, сообразуясь с духом времени, перестроить свои лиры и запеть на другой лад, или уже не рассчитывать на внимание и симпатию читателей...» [396]. Этот общий вывод был в значительной мере справедлив и по отношению к переводчикам, которые и в это время продолжали переводить, «по уважению к преданию», тех же поэтов, которых переводили их предшественники. Среди новых русских переводчиков Мура было немного видных поэтов, а из переводчиков-профессионалов все меньше становилось таких, кого томик стихов Мура мог бы соблазнить померяться с ним поэтическими силами; их переводы из Мура были большею частью случайными и не намного увеличили общее число пересозданий его лирических произведений на русском языке.

Переводчики продолжали обращаться к «Ирландским мелодиям», заново воспроизводя те стихотворения этого сборника, которые уже давно были знакомы русским читателям по прежним, иногда даже не единственным, а довольно многочисленным переводам; характерно, впрочем, что теперь особое внимание переводчиков привлекал другой цикл стихотворений Мура, его «Национальные песни» («National airs»).

В начале 40-х годов Каролина Павлова, задолго до того знавшая стихи Мура, перевела и напечатала в «Москвитянине» одно стихотворение из VI серии «Ирландских мелодий» (1815) — «Has sorrow thy young days shaded». В этом весьма неточном переводе оно озаглавлено: «Приди, я заплáчу с тобой».

Зарю твою утренней тучей
Покрыла ли горести мгла?
Исчезла ли тенью летучей
Пора, где и грусть нам мила?
И в жизни навек ли завяли
Все чувства души молодой?
Приди ты ко мне, дочь печали,
Приди, я заплачу с тобой! и т. д.

Это было не первое произведение Мура, обратившее на себя внимание Павловой как переводчицы. В изданном в 1839 г. в Париже сборнике ее стихотворных переводов с английского, немецкого, польского, итальянского и русского на французский язык под заглавием «Прелюдии» («Les préludes») помещены два ее перевода из «Ирландских мелодий» — «Происхождение арфы» («L'origine de la harpe») и «Прощание с арфой» («L'Adieu à la Harpe») — замечательные по своей близости к английскому подлиннику [397].

Другая русская поэтесса и переводчица, более скромная по своему дарованию, недолгий расцвет деятельности которой пришелся как раз на конец 30-х — начало 40-х годов, Елизавета Никитична Шахова, также перевела одно стихотворение Мура (из III серии «Ирландских мелодий») — «The origin of the harp» и под заглавием «Происхождение арфы» напечатала в 1844 г. в «Современнике», который в это время редактировал П. А. Плетнев (это же стихотворение Павлова перевела на французский язык) [398].

«Происхождение арфы» Шаховой начинается следующими строками:

Поэта арфа золотая,
Сказали, прежнею порой
Была Сирена молодая
И сладко пела над волной... и т.д. [399]

Перевод этот нельзя назвать удачным. В начальных стихах оригинала нет, например: «золотой арфы» (она появилась у Шаховой, очевидно, под

воздействием одной из «Еврейских мелодий» Байрона в переводе Лермонтова — «Душа моя мрачна...», где находится известный призыв: «скорей, певец, скорей... Вот арфа золотая...» Мур просто указывает на ту арфу, которая, по преданию, была некогда сиреной, певшей в море песни любви:

'T is believed that this Harp, which I wake now for thee,
Was a Siren of old, who sung under the sea...

В сущности, все это стихотворение представляет собою развернутую метафору о поющей девушке; оно поэтизирует национальный ирландский музыкальный инструмент, столь часто упоминаемый в цикле «Ирландских мелодий»; «дочь моря» — волею небес преображена в арфу, но и в этом виде легко узнать ее прежний девический облик:

Все тот же голос перерывный
И стройный стан; все тот же звук,
Любовно-томный, заунывный,
На память прежних долгих мук.

Поет — и струны золотые,
Былые кудри девы той,
Как стоны, грустью излитые,
Звучат любви ее тоской.

Несколько лет спустя то же стихотворение Мура, на этот раз озаглавленное «Рождение арфы», в переводе И. П. Крешева было напечатано в журнале «Репертуар и Пантеон» [400]. И этот перевод также не является точным, но он благозвучен и более правилен с точки зрения русской грамматики, чем перевод Шаховой, исполненный синтаксических погрешностей. Хотя «Рождение арфы» не столько перевод, сколько стихотворный пересказ оригинала, но он пользовался некоторой известностью благодаря нескольким перепечаткам.

У Крешева читаем:

Рождение арфы

Под ясною влагой морского залива —
Я слышал преданье — сирена жила,
И часто на берег, где зыблется ива,
Она выходила и друга ждала.

Но сжалилось небо... из тела сирены
Явилася арфа, бела, как нарцисс,
А кудри скатились на гибкие члены
И, слезы роняя, струнами свились.

И слезы напрасно у бедной лилися
На темные пряди струистых кудрей,
И грустные вопли по ветру неслися,
Тревожа пловцов и ночных рыбарей.

Года пролетели, но струны всё те же,
Всё дышут любовью и нежной тоской,
И говор веселый становится реже,
Когда я дотронусь до арфы рукой.

О Крешеве стоит сказать несколько слов, так как его перу, помимо «Рождения арфы», принадлежит еще несколько переводов из Мура, а также его биографический очерк, из которого явствует, что Крешев весьма ценил творчество этого поэта, в особенности его лирику.

И. П. Крешев (1824—1859) умер молодым, когда ему едва исполнилось тридцать пять лет. «Недолгая жизнь И. П. Крешева,— писал о нем Н. В. Гербель,— была печальна. От рождения до могилы ему постоянно сопутствовала нужда. Несмотря на хорошее классическое образование, Крешев, оторвавшись от науки, должен был заниматься мелкой литературной работой ради насущного хлеба. Он сотрудничал во многих журналах, преимущественно второстепенных, и почти во всех газетах, кроме «Северной пчелы» Греча и Булгарина. В одном издании он помещал фельетоны, в другом — переводные выдержки из иностранных газет, в третьем, под псевдонимом Марьи Петровны, пояснительный текст к картинкам мод» [401]. Сходные отзывы оставили о нем другие его современники. «Покойный Крешев — натура талантливая и развитая — принадлежал к тому темному, рабочему классу журнальной литературы, который смело, по всей справедливости можно окрестить именем литературных каторжников,— вспоминал В. В. Крестовский и пояснял, почему он применил к нему столь безрадостное опреде-

ление: «Темное, безвестное существование, бедность, переходящая даже в нищету, упорный, черствый и неблагодарный труд из-за шаткого куска хлеба, шаткого потому, что он часто зависит от личного каприза литературного эксплуататора: хочет — заплатит, а хочет — надует! Затем болезнь и ранняя, безвременная могила» [402]. Что в этом типическом портрете бедного труженика все справедливо и нисколько не преувеличено, видно их других документов эпохи и, в частности, из писем Белинского, в которых имя Крешева встречается несколько раз. Белинский, несомненно, лично знал Крешева, встречаясь с ним в редакции «Отечественных записок»; он довольно сочувственно отзывался о стихотворениях Крешева начала 40-х годов, причисляя его к школе А. Н. Майкова [403]. В конце этого десятилетия Крешев вместе с Я. П. Бутковым, автором «Петербургских вершин» и таким же литературным горемыкой, как и он сам, снимал комнату в квартире у А. А. Краевского. Отношение Краевского к обоим этим его постояльцам-литераторам, особенно к Крешеву, «которого он употребляет и для «Отечественных записок» и для посылок», вызывало постоянное возмущение Белинского. С особым негодованием и со всеми подробностями рассказывал Белинский в письмах к В. П. Боткину и П. В. Анненкову целую историю о том, как Крешев в минуту острой нужды продал диван, некогда купленный им у Краевского, Ф. М. Достоевскому, и как Краевский не дал вывезти этот старый диван из своей квартиры [404].

Современники согласно свидетельствуют о том, что Крешев стал жертвой своей подлинной, бескорыстной страсти к литературе. Так, Я. Турунов в небольшой некрологической заметке о Крешеве, сообщая несколько данных о его деятельности, с той же грустью рассуждал об его безвременно загубленной жизни литературного поденщика. По словам Турунова, Крешев кончил Петербургский университет с ученой степенью, основательно знал языки латинский, французский и немецкий и, «бесспорно, мог бы проложить себе путь на служебном поприще», но «беспредельная любовь к литературе и поэтическое настроение духа породили в нем такое отвращение к бюрократической работе, что, по собственному его выражению, он готов был задохнуться в какой-нибудь канцелярии или в департаменте». «К сожалению,— продолжал Турунов,— и литературной деятельности Крешева выпала грустная доля: для насущного хлеба Крешев принужден был обречь себя на тяжкий журнальный труд, писать и переводить часто то, что вовсе не согласовалось со стремлением его души, и, таким образом, он не оставил после себя почти ничего прочного. Все литературные труды Ивана Петровича погибли бесплодно и безвестно на страницах наших периодических изданий» [405]. Последнее утверждение не совсем справедливо: тщанием его немногочисленных друзей после смерти Крешева все же выпущена была отдельным изданием его книга: «Переводы и подражания» (СПб., 1862), в которой собраны, хотя далеко не полностью, его стихотворные переводы с западноевропейских языков, в том числе и из Мура. Перу Крешева принадлежит несколько переводов стихотворений Мура.

В 1842 г. Крешев напечатал вольный перевод отрывка из «Света гарема» (последней части «Лаллы Рук») под заглавием «Волшебница»; это хорошо известная и ранее в русских переводах песня чародейки Намуны, ведущей Нурмангалу в Кашмирскую долину для сбора цветов, необходимых ей для заклинаний:

Я знаю цветы и растенья,
Откуда, в безмолвьи ночном,
Слетают мечты и виденья
На очи, объятые сном... [406]

В этом переводе 26 стихов. Существует, однако, и другая более полная редакция перевода той же песни Намуны; она напечатана самим Крешевым десятилетие спустя в его статье о Муре, опубликованной в том же «Сыне Отечества». Излагая в своей статье «Лаллу Рук» и восторгаясь ее заключи-

тельной повестью, этой «гирляндой из лучей, цветов и песен», составляющей «достойный венец всей поэмы», Крешев приводит отсюда для иллюстрации и песню, «которую поет волшебница, сплетая в мистическом порядке блестящие цветы и листья» [407]. Заглавия нет, в тексте сделаны мелкие стилистические исправления, но главное отличие этой улучшенной редакции от первоначальной составляет рефрен, подчеркивающий песенный характер отрывка:

Скорей же, девица, плети свой венок:
И снам, и цветам лишь до утра дан срок...

В этой новой редакции — 32 стиха. Конечно, даже с исправлениями это, скорее, пересказ, чем перевод, к тому же приспособленный к собственным ощущениям переводчика. Характерно, что, излагая то место оригинала, где идет речь о цветке миндаля, дающем «утешительный сон надежды, летающий над челом несчастного», Крешев превращает несчастного от любви в «бедняка».

В том же 1842 г. Крешев напечатал еще один перевод из «Ирландских мелодий» Мура, озаглавив его «Последняя роза» [408]. Это перевод стихотворения «T'is the last rose of summer» из V серии «Ирландских мелодий», но в передаче Крешева текст оригинала очень сокращен (у Мура — три октавы, у Крешева — 12 строк), а сентиментально-меланхолические интонации стихотворения усилены. Крешев не первый перевел на русский язык это стихотворение Мура. Как мы уже указывали выше, в первый раз оно появилось у нас в «Дамском журнале» (1823) в переводе некоей Марьи Васильевой, где оно озаглавлено «Увядшая роза». Перевод Крешева отдаляется от оригинала. У Мура нет ветра, который закинул розы на далекий берег, нет «жемчужных слез», оказавшихся в русском тексте ради банальной рифмы к розам; в переводе появились ласкательные слова, вроде «сиротки» или «бедняжки», на что нет и намека в более строгом и сдержанном английском подлиннике. Приводим для сравнения первую строфу:

T'is the last rose of summer
Left blooming alone;
All her lovely companions
Are faded and gone;
No flower of her kindred,
No rose-bud is nigh,
To reflect back her blushes,
Or give sigh for sigh!...

У Крешева читаем:

Последняя роза

Последняя роза цветет одиноко;
Завяли подруги ее невозвратно;
Закинул их ветер на берег далекой —
И нет ей ответа на вздох безотрадный...
Не дам я сиротке на стебле томиться,
Ронять безнадежно жемчужные слезы:
Сорву я бедняжку... пусть ветер стремится,
Уносит листочки рассыпанной розы!..

Как и у Мура, в переводе стихотворение кончается уподоблением последней розы лета, гибель которой неизбежна, одинокому лирическому герою, которого страшит грядущее ненастье:

О, если померкнет звезда упованья
И милые души исчезнут, как тени,
Кто станет беречь дни тоски и страданья?
Гость лишний, как роза под бурей осенней.

У Мура все это выражено короче и афористичнее:

Oh; who would inhabit
This bleak world alone?

Указанные отличия данного перевода от оригинала позволяют предположить, что Крешев пользовался не английским подлинником. Весьма вероятно, что в его руках был французский прозаический перевод стихотворения, сделанный Луизой Беллок в парижском издании 1841 г.[409] На такую догадку наводят и данное переводчицей заглавие («La dernière rose»), и допущенные ею сокращения или перифразы. Так, стих «Завяли подруги ее невозвратно» прямо воспроизводит перевод этой строки у Беллок: «toutes ses belles compagnes se sont flétries sans retour», тогда как в подлиннике у Мура о розах говорится только, что они «are faded and gone». Подобные соответствия встречаются и в других строках обоих переводов данного стихотворения — французского и русского. У нас нет свидетельств, что Крешев знал английский язык, и это заставляет предположить, что он не обращался непосредственно к оригинальным текстам Мура; не забудем также, что сборник избранных произведений Мура в переводах Беллок вышел в 1841 г., а переводы из Мура Крешева начали появляться в печати с 1842 г.; наконец, среди последних, по-видимому, нет ни одного стихотворения, которое не находилось бы в указанном издании Беллок.

Отметим попутно, что стихотворение Мура «Последняя роза лета» пользовалось широкой европейской известностью, в частности, в качестве романса для женского голоса (сопрано): это была единственная из его «Ирландских мелодий», рассчитанная на женское исполнение (все остальные приспособлены были для мужских голосов — теноров и баритонов) [410]. Вариации для фортепиано на тему «'Tis the last rose of summer» написал М. И. Глинка. Однако источник этой музыкальной мелодии, которой воспользовался Глинка, долгое время найти не удавалось, и в русской музыковедческой литературе по этому поводу сообщались сбивчивые и ошибочные данные. Глинка, по его собственному свидетельству, написал свои вариации в Смоленске в конце 1847 г.[411], но он назвал их «Вариациями на шотландскую тему», и под таким заглавием они были изданы Ф. Стелловским в начале 60-х годов. Известно также, что та же тема встречается в «Фортепианной фантазии» Мендельсона (ор. 15) и в опере немецкого композитора Ф. Ф. Флотова «Марта» (1850), действие которой происходит в Англии. В 1856 г. большую критическую статью об этой опере Флотова написал молодой А. Н. Серов. Рассказав ее сюжет и подробно разобрав музыку отдельных сцен, Серов говорит об одной из них: «Выпукло в этой сцене выдается только одна мелодия — народная шотландская песня, которую леди Марта поет по просьбе Лионеля». В сноске же Серов добавляет: «Грациозно трогательный этот напев, исполненный того особенного, неподражаемого аромата, который достается иногда в удел народным, бог знает кем и когда созданным мелодиям, в русской музыкальной литературе уже не новость 〈...〉 Эта самая мелодия варьирована для фортепиано М. И. Глинкою и издана Стелловским уже около трех лет назад («Variations pour le piano sur un théme Ecossais»). Следует обратить внимание публики на эти вариации, превосходные сами по себе 〈...〉 и получившие теперь особенную занимательность от своей темы, столько раз повторяемой в опере «Марта». Надо заметить также, что М. И. Глинка избрал этот мотив для своих вариаций гораздо прежде оперы Флотова и для истинных любителей музыки будет интересно сравнить обработку одной и той же мелодии двумя очень разными композиторами. Даже в тоне темы они встретились (у обоих F-dur), но, не касаясь вариаций, изобретенных русским композитором, в гармонизации самой *данной* мелодии встречается уже большой перевес достоинства на стороне М. И. Глинки» [412]. Откуда Глинка взял эту тему и почему он назвал ее «шотландской» — оставалось неизвестным до тех пор, покуда В. Ныркова в специальной заметке не разъяснила, что эта «мелодия представляет собой не шотландскую народную песню, а ирландскую», и что она «вошла в сборник ирландских песен «Irish melodies», составленный Стивенсоном и поэтом Томасом Муром» [413]. Впрочем, не все разъяснилось и после этого сообщения Ныркoвой. «Можно предположить,— писала она,— что Глинка услышал эту мелодию от жившего в Москве пианиста и композитора Дж.

Фильда (ирландца по происхождению) или от своего учителя Шарля Майера, бывшего учеником Фильда», словесного же текста «песни», по ее мнению, «по-видимому, Глинка не знал». С этими догадками согласиться трудно. Роль Фильда или его ученика как возможных передатчиков мелодии Глинке представляется совершенно непонятной: если они знали эту «арию» и ее происхождение, почему же у Глинки она названа «шотландской», а не «ирландской»? Естественно, что в руках Глинки не было также и музыкального сборника Стивенсона и Мура, потому что он назывался так же, как был озаглавлен Муром для издания его поэтического сборника («Ирландские мелодии»). Невероятно также предположение, что Глинка ничего не знал о Муре: к середине 20-х годов относится замысел романтической оперы Глинки «Матильда Рокби», вдохновленный поэмой Вальтера Скотта; тогда же Глинка сочинил романс «Моя арфа», текст которого имеет «английский источник» [414]; с русскими переводами английских поэтов, в частности Мура, Глинка со своих пансионских лет знакомился по книжкам русских журналов и альманахов, знал многих переводчиков и лично: вспомним хотя бы об авторе «украинских мелодий» Н. А. Маркевиче.

Мы можем указать и на прямой путь, которым достигла России мелодия «Последней розы» Мура (свой поэтический текст, как гласит его подзаголовок, Мур сочинил на голос «арии»: «Groves of Blarney»). В августе 1828 г. А. И. Тургенев гостил в замке лорда Розбери, неподалеку от Эдинбурга; по вечерам хозяйка и ее дочь развлекали гостей своим пением, исполняя под аккомпанемент арфы и клавикордов «ирландские, шотландские и русские арии», «и я заслушался и загляделся на них, а потом и заболтался»,— сообщал Тургенев в письме к брату Николаю Ивановичу (Эдинбург, 20 августа 1828 г.), прибавляя: «Дочь пошла для меня списывать музыку ирландской арии, которая мне полюбилась, и слова Мура на сию арию: «Last rose of summer»— я хотел, из благодарности, сорвать для нее в саду одну из последних, но еще прекрасных роз отца ее; но забыл, и скажу ей, если не забуду, что прекраснейшая роза в саду отца ее — она сама» [415]. Эту нотную запись Тургенев из Шотландии привез с собой в Петербург, откуда и пошли ее списки, вероятно, помеченные Эдинбургом, как местом, где она была сделана: этим, вероятно, и объясняется ошибка Глинки.

В своем биографическом очерке Мура Крешев мимоходом коснулся также вопроса о его русских переводчиках и двоих из них назвал по именам — И. И. Козлова и М. П. Вронченко, которые казались ему лучшими: «Многие из «Ирландских мелодий» переведены и на русский язык,— писал Крешев,— и в этом случае особенно оказал услугу нашей поэзии И. И. Козлов, которого душа чудесно гармонировала с настроением души ирландского барда. Но переводы слепца-поэта, так же как две-три мелодии, переданные пером М. В...ко, заставляют сожалеть, что эти два воссоздателя вдохновений Томаса Мура заимствовали так мало перлов из ожерелья, которое по праву принадлежало им обоим» [416]. Из этих слов мы можем заключить, что переводы из Мура Козлова и Вронченко служили Крешеву своего рода образцами и, что становясь на путь «воссоздателя вдохновений» Мура, он сам хотел пополнить своими переводами то «ожерелье», которое начали плести они.

Названные выше переводы Крешева из Мура пользовались некоторой популярностью и перепечатывались несколько раз после его смерти [417]. Менее известны те два перевода, которые были включены в очерк о Муре А. Горковенко, написанный для журнала «Пантеон», и остались затерянными на страницах этого издания; они опубликованы здесь со следующим примечанием редактора журнала, Ф. А. Кони: «Переводом этих двух мелодий Мура редакция обязана И. П. Крешеву, так прекрасно владеющему русским стихом» [418].

Первый из этих переводов воспроизводит известное стихотворение из I серии «Ирландских мелодий» Мура — «When he who adores thee»:

Когда твой верный друг, когда поклонник твой
В мир лучший улетит, измученный страданьем,
Скажи, заплачешь ты, когда холм гробовой
Жестоким заклеймит молва воспоминаньем?

О, плачь! Как ни суров людской здесь приговор,
Слезою смоешь ты желчь едкого упрека,
Быть может, я не прав и заслужил укор,
Но я тебя любил безумно и глубоко...

В тебе мечты мои, чувств первых фимиам,
К тебе все помыслы души моей несутся.
И в передсмертный час, в молитве к небесам,
Два наших имени, как два луча сольются.

Счастлив, кто для тебя здесь на земле живет,
Кто дышит только лишь тобою;
Еще счастливее, еще блаженней тот,
Кто за тебя на смерть приговорен судьбою.

Хотя в переводе сохранены те же шестнадцать стихов (четыре четверостишия), из которых состоит оригинал, но перед глазами Крешева, скорее всего, был прозаический перевод Беллок: она озаглавила его «Заплачешь ли ты»? («Pleureras-tu?» и снабдила примечанием, которого нет в изд. «Poetical works of Th. Moore», 1829: «Эти стихи имеют в виду историю, рассказанную в одной старой ирландской рукописи, но эта история слишком длинна и слишком грустна, чтобы мы могли ее здесь воспроизвести»). Другой перевод также сделан Крешевым из «Ирландских мелодий» (из VI серии): «I saw from the beach...» (у Беллок стихотворение озаглавлено «Вечер жизни») и довольно близко воспроизводит оригинал; во всяком случае и в этом переводе, как и в вышеприведенном, несмотря на присущие им мелкие метрические погрешности, мы находим мелодическую напевность и лиризм. Приводим также и этот перевод, известный лишь по затерянному журнальному тексту:

Я видел, поутру, в стремленьи игривом
Блестящие волны челнок мой несли;
Но солнце погасло, с вечерним отливом
Отхлынули волны — и челн на мели.

Так в жизни надежда нас ложно ласкает,
Так радости быстрой бегут чередой:
Поутру нас влага приветно качает,
А к вечеру бросит на берег пустой.

Что в славе, закрывшей под ризой мишурной
Покой нашей ночи, закат наших дней?
Отдайте мне утро в короне лазурной:
С ним даже и слезы нам будут милей...

О как бы ни сладостны были мгновенья,
Когда страсть, впервые, вскипает в крови,
Для чувства настанет пора пробужденья,
И сердце забьется опять для любви.

Наряду с Крешевым в 40-е годы Муром-лириком интересовались и другие русские второстепенные поэты, поэты-эпигоны, оставившие о себе память в истории русской поэзии прежде всего как переводчики. Таков был например Н. П. Греков (1810—1866), знавший много языков — французский, немецкий,

английский, испанский — и со всех переводивший с одинаковой гладкостью и плавностью, но без всякого блеска. Известны его переводы из Шенье, Парни и Мюссе, Гете и Кальдерона; из Мура Греков перевел стихотворение «Нет, успокоиться дай сердцу моему...»; оно вошло в его книгу «Новые стихотворения», вышедшую в год смерти переводчика, но первоначально было опубликовано еще в 1847 г. под заглавием «Из Мура» [419]. В переводе — два восьмистишия; приводим первое из них:

Нет, успокоиться дай сердцу моему;
Коль может быть покой, когда уже увяла
Надежда светлая, а юность миновала,
Когда уже любовь давно чужда ему,
Как оживить листок? Как снова дать ему
И аромат его, и блеск, и яркость цвета?
Нет, успокоиться дай сердцу моему!..

Оригинал этого стихотворения — «Испанская песня» («Spanish air») из V серии его «Национальных песен» («National airs»):

No — leave my heart to rest, if rest it may,
When youth and love and hope have pass'd away.
Couldst thou, when summer hours are fled,
To some poor leaf that's fallen and dead,
Bring back the hue it wore, the scent it shed?
и т. д.

Вскоре это стихотворение было переведено А. Н. Бородиным и напечатано под заглавием «Поздно (из Томаса Мура)» в другом журнале [420]. Этот перевод точнее перевода Грекова, что объясняется, может быть, лучшим знанием Бородиным языка, сделавшим из него профессионального переводчика с английского. Приводим начало перевода Бородина:

О, нет, оставь мне мой покой!
Исчезли юности мечтанья;
Любовь бессильна над душой,
Давно нет в сердце упованья.

Кто оживит сухой листок,
Когда, от стебля отделенный,
Он пал на землю и поблек,
Дыханьем осени сраженный.

А. Н. Бородин (1813—1865) был воспитан в Нежинской гимназии высших наук в тот период, когда, по словам его биографа, в этом учебном заведении «соединились в одну общую молодую семью Гоголь, Кукольник, Базили, Редкин и многие другие». Бородин окончил курс гимназии в 1831 г., а в следующем — стал чиновником Департамента путей сообщения, одновременно занимаясь литературной деятельностью [421]. В статье «Русская литература в 1840 году» Белинский, отмечая, что «наша литература принялась за Шекспира», писал, имея в виду именно А. Н. Бородина: «Мы слышали даже, что один молодой человек, посвятивший себя изучению Шекспира и собственно для него изучивший английский язык, перевел стихами — страшно вымолвить! — *всего* Шекспира». Этот слух, впрочем, не соответствовал действительности; Бородин перевел и напечатал (в 1840 г.) лишь одного «Цимбелина». Тот же Белинский, при всем желании поощрить начинающего переводчика, отозвался довольно сурово об его «Цимбелине», говоря, что Бородин еще «не овладел стихом, который в иных местах решительно не слушается его и выражает или совсем другой смысл, нежели какой хотел сообщить ему переводчик, или затемняет тот смысл, который он сообщил ему» [422]. Другие переводы Бородина из Шекспира остались неизвестными; зато он напечатал

свой перевод из «Манфреда» Байрона, в конце того же десятилетия — ряд переводов стихотворений Мура и Шелли. Любовь к автору «Ирландских мелодий» Бородин, по-видимому, вынес из Нежинской гимназии высших наук, где, как мы видели выше, и до него учились многие почитатели и переводчики Мура, и сохранил предпочтение этого поэта в последующие годы своей жизни.

Кроме названного выше перевода («О, нет, оставь мне мой покой...»), Бородин перевел и напечатал еще несколько стихотворений Мура. В 1848 г. в «Сыне Отечества» им опубликовано, например, стихотворение «Пора любви. Из Т. Мура»; заглавие и на этот раз придумано переводчиком:

В дни юности, когда зол жизни мы не знаем
И счастье новое нам каждый миг сулит... [423]

Это — перевод из VII серии «Ирландских мелодий» («In the morning of life, when its cares are unknown...»). Все же остальные переводы Бородина того времени, сделанные из Мура, имеют другой источник — тот самый цикл «Национальных песен» («National airs»), из которого Бородин уже взял свою «Испанскую песню» («О, нет, оставь мне мой покой...»). Из этого же сборника Бородин перевел и напечатал: 1) «Немецкую песню» — «Есть в жизни горький, страшный миг...» (Nr. II, German air: «There comes a time...»); 2) «Индийскую песню» — «Как путник, долго по морям скитаясь отдаленным...» (Nr. VI, Indian air: «Like one, who doom'd o'er distant seas...»; 3) «Шведскую песню» — «В струнах моих один есть тон...» (Nr. III. Swedish air: «My harp has one unchanging theme...»); «Шотландскую песню» — «О мир тебе, куда б ты ни склонилась...» (Nr. II. Scotch air: «Peace be around thee, wherever thou rovest...») [424].

Любопытно, что из этого же лирического сборника Мура и приблизительно в то же самое время «Венецианскую песню» (Nr. IV. Venetian air: «Farewell, Theresa!..») перевел А. А. Фет:

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томным покровом луну облекли,
Еще помешают улыбке летучей,
Когда твой любовник уж будет вдали.

Как эти тучи, я долгою тенью
Мрачил твое сердце и жил без забот.
Сошлись мы — как верила ты наслажденью,
Как верила счастью,— о, боже!... И вот,

Теперь свободна ты, диво созданья,—
Скорее тяжелый свой сон разгоняй;
Смотри, и луны уж прошло обаянье,
И тучи минуют,— Тереза, прощай!.. [425]

Первый выпуск «Избранных известных национальных песен» («Selection of Popular National Airs») или «арий», как, вероятно, следовало бы их называть, имея в виду их близость к тому вокальному жанру, который в XIX в. назывался в России «романсами» [426], с мелодиями в аранжировке Стивенсона и литературным текстом, приспособленным к этим мелодиям Муром, вышел еще в 1818 г. Разногласия, вскоре возникшие между поэтом и композитором, повлекли за собой их разрыв, и дальнейшие выпуски этих «Национальных песен», или арий, выходили в свет при содружестве Мура и Генри Бишопа.

В России этот цикл, в котором имелись также и «Русские песни» («Russian airs»), стал известен еще в 20-е годы: в первой же его тетради находилась та «песня» на голос мелодии «Колокола С.-Петербурга» («Air: The bells of St. Petersburg»), которую перевел и сделал широко известной у нас под заглавием «Вечерний звон» (1828) Козлов. Выпуская в свет первую серию текстов

этого цикла, Мур в «Предисловии» к ней писал, что во всех странах — «за исключением Англии» — имеется множество местных красивых, хотя и «необработанных» мелодий, пользующихся известностью среди исполнителей и любителей вокальной музыки; эти «бродячие» мелодии напоминают Муру те «полусоздания» (those half creatures) Платона, которые блуждают по миру в поисках своей отсутствующей половины. Свою задачу Мур видел в том, чтобы помочь им найти эту половину, подобрав вполне сочетающиеся с этими мелодиями стихотворные тексты. Как видим, в «National Airs», как и в предшествующих и в одновременно возникавших с ними «Ирландских мелодиях», цели поэта-музыканта были очень сходными. Разница между этими циклами заключалась в том, что в «Ирландских мелодиях» поэт был более стеснен и тематически и мелодически, пытаясь приспособиться к национальной ирландской мелодике, тогда как «Национальные песни» открывали ему полный простор для поэтического оформления национально окрашенных лирических чувствований, ритмов, гармонических сочетаний. Конечно, далеко не всегда этот национальный колорит, или ритм, или мелодический изгиб получали достаточное отражение в поэтическом тексте, но все же большое разнообразие отдельных поэтических текстов в этом цикле являлось, несомненно, одной из причин его популярности, в том числе в русской литературе [427].

В последнее время была сделана попытка определить «двуединую» природу Фета, как поэта-музыканта, и даже провозгласить его одним из создателей «нового жанра», который он «обозначил музыкальным термином мелодия». «Выразить это «царство звуков» языком другого — словесного — искусства, непосредственно для этого не предназначенного, являлось творческой задачей тем более трудной, что действительно никто у нас до Фета так ясно перед собой ее не ставил»,— писал Д. Д. Благой [428]. В свете представленных выше цитат и сопоставлений этот вывод явно несправедлив. Не отрицая музыкального начала в лирике, необходимо признать, что музыкальный термин «мелодия» задолго до Фета превратился у нас в жанровое поэтическое определение: его ввели у нас в обиход переводчики «Еврейских мелодий» Байрона и «Ирландских мелодий» Мура. «Мелодиями» называли собственные стихотворения Н. Маркевич («Украинские мелодии»), Лермонтов («Русская мелодия»), Подолинский и многие другие русские поэты и переводчики. Для русской поэзии 50-х годов привычен устойчивый интерес к «Национальным песням» Мура; среди переводчиков этого цикла Мура числится и Фет с его «Венецианской песней», и многие другие поэты того же времени.

Укажем, в частности, еще на один очень удачный перевод из этого же цикла Мура, сделанный известным русским поэтом-демократом М. Л. Михайловым в годы его ссылки в Сибирь (между 1862—1865 гг.). Это перевод «Каталонской песни» («Peace to the slumberers!», Catalonian air), начинающийся следующими стихами:

Мир вам, почившие братья!
Честно на поле сраженья легли вы;
Саваном был вам ваш бранный наряд.
Тихо несясь на кровавые нивы,
Вас только тучи слезами кропят.
Мир вам, почившие братья!

Это весьма патетическое по своему звучанию стихотворение, состоящее в переводе из трех шестистиший (вместо трех пятистиший подлинника), заканчивается у Михайлова весьма экспрессивной строфой:

На победившем проклятье!
Вечная месть нам завещана вами.
Прежде, чем робко изменим мы ей,
Ляжем холодными трупами сами,
Здесь же, средь этих кровавых полей.
На победившем проклятье!

Опоясывающие каждую строфу контрастные восклицания, похожие на ораторские выкрики — «Мир вам, почившие братья!» (Peace to the slumberers!), «Смерть приняла вас в объятья» (вместо тоскливого «Vain was their bravery!») и «На победившем проклятье!» (Woe to the conqueror!) — играют здесь роль рефрена и подчеркивают противоречивое единство одушевляющих стихотворение чувств: мир усопшим, вопиющим о возмездии. В оригинале эти восклицания не рифмуются между собой, но допущенная переводчиком вольность хорошо согласуется с общей песенной структурой поэтического текста, который в остальном довольно точно передает подлинник. Последняя, третья строфа у Мура звучит так:

Woe to the conqueror!
Our limbs shall lie as cold as theirs
Of whom his sword bereft us,
Ere we forget the deep arrears
Of vengeance they have left us!
Woe to the conqueror!

Стихотворение «Мир вам, почившие братья!» — единственный дошедший до нас перевод Михайлова из Мура [429]. В автографе (хранящемся в Пушкинском Доме) оно имеет заглавие «Ирландские мелодии», за которым стоит цифра I. Отсюда можно заключить, что Михайлов, вероятно, предполагал перевести и другое стихотворение Мура; что касается допущенной им ошибки — отнесения переведенного им стихотворения к циклу «Ирландских мелодий», а не «Национальных песен»,— то она вполне объяснима: оба указанных цикла в собраниях стихотворений Мура обычно печатались рядом; помимо этого, стихотворение «Peace to the slumberers!..» по своему гражданскому пафосу действительно стоит гораздо ближе к лучшим образцам ирландского цикла с их героикой борьбы, воспеванием мужества и сожалениями об утраченной свободе, чем к более интимным лирическим медитациям на любовные темы.

К этим медитациям обнаруживает известную тематическую близость стихотворение Г. Е. Благосветлова «Последний поцелуй. (Из Томаса Мура)», напечатанное в 1864 г., однако точно соответствующего ему оригинала у Мура мы не нашли [430]. В русской переводческой практике 60-х годов случаи публикации «переводов» без оригиналов были нередкими и даже до известной степени оправданными: оригинальное стихотворение с вольнолюбивым содержанием легче прорывалось в печать сквозь цензурные рогатки, если оно объявлялось переводом какого-либо известного иностранного автора; именем чужеземного поэта прикрывались также первые робкие попытки начинающих литераторов, пытавшихся ускользнуть от критических упреков, всегда звучавших строже по отношению к еще безвестным в литературе новичкам. Имя Мура в этом смысле также служило порой щитом для неофитов: известны, например, стихотворения Д. Д. Минаева, выдававшиеся за переводы из Мура, но в действительности ими не являвшиеся [431].

Искусство стихотворного перевода в 60—80-е годы в России находилось в полном упадке. Изредка появлявшиеся в русской печати в это время переводы лирических произведений Мура не принадлежат к лучшим, уже накопленным в предшествующие десятилетия в русской литературе. Наиболее удачными из них являлись те, которые вышли из-под пера переводчиков, воспитанных в переводческих традициях предшествующих десятилетий. Таковы были, например, переводы, принадлежавшие А. Д. Абамелек-Баратынской (1814—1889), воспетой еще Пушкиным. Это была многоязычная переводчица, переводившая на английский язык стихи Пушкина и немецких поэтов, а на русский — стихи английских, немецких и французских поэтов; в ее виртуозной переводческой версификации многое напоминало К. Павлову; переводы свои Баратынская перед опубликованием нередко посылала на предварительный просмотр Вяземскому, но печатались они боль-

шею частью за границей в анонимных поэтических сборниках («...by a Russian Lady») и имели в России сравнительно узкое распространение [432]. В 1874 г. в «Вестнике Европы» (за подписью: А. Б.) появилась переведенная ею одна из «Ирландских мелодий» Мура, начинавшаяся следующей строфой:

Арфа мощного Тары, чьи звуки далеко
Раздавались когда-то над стихшей толпой,
На обломке стены ныне спит одиноко,
Как былого свидетель немой.
Так проходит веков горделивая слава,
Так минувшего молкнет и память, и гром,
И в застывших сердцах, как потухшая лава,
Все мертво и безмолвно кругом... [433]

Это — очень точный перевод одной из начальных «Ирландских мелодий» Мура, помещенной в I их серии и состоящей из 16 стихотворных строк, которые Баратынская воспроизводит, придерживаясь их общего счета и поэтической фразеологии:

The harp that once through Tara's halls
The soul of music shed,
Now hangs as mute on Tara's walls,
As if that soul were fled.—
So sleeps the pride of former days,
So glory's thrill is o'er,
And hearts that once beat high for praise
Now feel that pulse no more.

Из более удачных переводов Мура, появлявшихся в русских журналах тех же лет, следует назвать еще переводы Ю. В. Доппельмайер, В. С. Лихачева и особенно А. Н. Плещеева. Перу переводчицы народнического направления Ю. В. Доппельмайер принадлежит напечатанный в «Отечественных записках» 1871 г. под заглавием «К Ирландии» перевод известного стихотворения Мура из VII серии «Ирландских мелодий» — «Remember thee? yes, while there's life in this heart, I shall never forget thee, all lorn, as thou art»... У Ю. В. Доппельмайер читаем:

Тебя забыть? Нет, нет, покуда сердце бьется
Еще в груди моей, покуда жизни нить
Во мне с дыханием последним не порвется,
Отчизна бедная, тебя мне не забыть!
и т. д. [434]

Ей же принадлежит и другой перевод, напечатанный несколько лет спустя («О, не гляди так на меня...», из юношеских стихотворений Мура [435]).

Поэту-демократу В. С. Лихачеву, переводившему русскими стихами французских, немецких и английских поэтов, принадлежит также ряд переводов из Мура, в частности из тех же «Ирландских мелодий», под заглавием «Память отчизны» он перевел, например, то же стихотворение «Remember thee...», что и Доппельмайер:

Забыть тебя нельзя! Пока хоть искру жизни —
Хоть след ее — твой сын хранит еще в себе,
Он будет вспоминать и плакать об отчизне —
О той, что в бедственной и горестной судьбе
Прекраснее всех стран, вкушающих доныне
И ласку, и дары небесной благостыни...

Другое стихотворение Лихачева — «В далекой стороне почил ее герой...» — довольно искусно воспроизводит известное стихотворение Мура из III серии «Ирландских мелодий» — «She is far from the land»; его же «Оправдание певца» является переводом из III серии этого цикла: «Oh! Blame not the bard», а стихотворение «Ко мне, ко мне на грудь, подстреленная лань...» — из VI серии: «Come, rest in this bosom, my own stricken deer» [436].

Еще большей известностью пользовались переводы из Мура поэта-петрашевца А. Н. Плещеева, избравшего для воссоздания на русском языке и напечатавшего в журналах 70-х — начала 80-х годов целый ряд известнейших «Ирландских мелодий» Мура, частично переводившихся у нас и ранее. Таковы: «Не называйте его...» («Oh! breathe not his name...»); «Вперед: («Sail on! Sail on!»), «Ко мне иди...» (Oh! banquet not in those shining bowers...»), «Сын менестреля» («The Minstrel-Boy»), «Я видел, как розовым утром качался...» («I saw from the beach...»), «Как солнце золотит поверхность тихих вод» («As a beam o'er the face of the waters may glow...») [437].

До конца XIX в. наиболее известные переводы лирических произведений Мура (Фета, Баратынской, Доппельмайер и др.) перепечатывались в распространенных в то время стихотворных сборниках, хрестоматиях, песенниках (иногда и без имени переводчиков). После книги Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» (1875) переводы из Мура можно было найти в таких сборниках, каковы, например: «Сборник английских поэтов. Изд. Общества распространения полезных книг» (М., 1879); «В родной земле и в чужих краях. Стихотворения русских и иностранных поэтов. Изд. Общества распространения полезных книг» (М., 1880); «Росинки с цветов всемирной поэзии. Изд. журн. «Стрекоза» Г. Корнфельда» (СПб., 1882); «Новая лира. Сборник стихотворений современных русских поэтов, сост. А. А. Попов» (М., 1890); «Песни Англии и Америки. Песни, сказания, сказки и притчи. Собрание стихотворений английских и американских стихотворцев в переводе русских писателей» (М., 1895); «Вторая книжка песен. Сборник оригинальных и переводных стихотворений русских поэтов. Сост. М. А. Коломенкина» (М., 1900) и др.[438]. Изредка и в периодических изданиях появлялись новые русские переводы из Мура (Ф. Червинского, Льва Уманца, П. В. Быкова), не блиставшие, впрочем, никакими красотами [439]. Чувствовалось, что поэзия Мура в России пережила свой век, стала архаической...

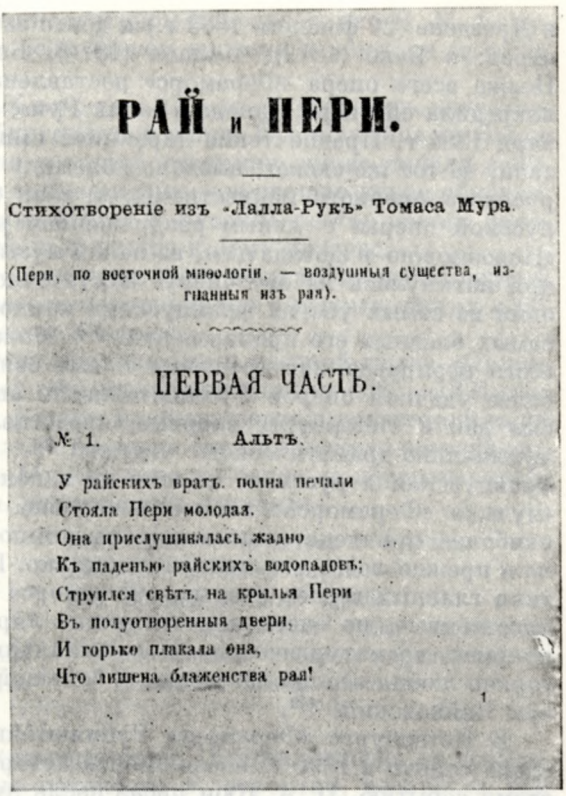
В 1887 г. в «Северном вестнике», вероятно, несколько неожиданно для читателей появилась рецензия на вышедший в Париже труд французского ученого Гюстава Валла́ о Муре, представлявший собою довольно обширную биографию английского поэта и очерк истории его литературной деятельности. Представленная в этом труде оценка Мура показалась русскому журналисту слишком преувеличенной. Французский биограф, — пишет рецензент, «сравнивает Т. Мура с Байроном, Шелли, Вальтером Скоттом, лэкистами и т. д. и приходит к заключению, что Мур соединяет в себе преимущества всех этих поэтов, так что именно ему следует вручить пальму первенства среди английских лириков». Эта точка зрения вызвала отрицательную реакцию русского критика, иронически замечавшего по этому поводу: «Нет ничего удивительного, что холодная риторика и вычурная болтливость так понравились французу, привыкшему к ним в своей отечественной поэзии»; «русский читатель»,— добавлял он,— конечно, будет иного мнения, тем более, что к общему содержанию поэзии автора «Ирландских мелодий» как нельзя лучше подходят слова Карлейля, сказанные когда-то о Вальтер-Скотте, что он никогда не пытался побороться с вечными задачами человечества» [440].

8. Мур и русские композиторы: опера А. Г. Рубинштейна «Фераморс».— Оратория Шумана «Рай и пери» и ее отголоски в русской музыке.—Мур и стихотворные опыты символистов. А. Курсинский и В. Брюсов.— Мур в трактате Л. Н. Толстого «Что такое искусство»

Приглушенные временем, слабые отголоски былой, некогда достаточно яркой популярности Мура слышались у нас во второй половине и в конце XIX в. не только в поэзии, но и в театре и в музыке. Так как они оставили некоторые следы, в истории русского искусства, их нельзя не учесть в общей истории известности Мура в России и значения его творческого наследия для русской культуры.

Смерть Мура в 1852 г. оживила воспоминания о нем как об эпическом поэте. В некрологических статьях о Муре вспомнили о громкой славе его «Лаллы Рук» и заново пересказали содержание этой «обширной восточной повести», которой когда-то были увлечены во всей Европе. В качестве примера может служить статья о Муре И. П. Крешева в «Сыне Отечества», в которой давалась не историческая, явно преувеличенная и восторженная оценка этой некогда знаменитой поэмы: «Мур первый дал восточной поэзии право гражданства в Европе. Прекрасные формы, ослепительная роскошь, нежнейшие благоухания нашли, наконец, достойного толковника в этом прелестном поэте, гений которого резвится и играет в атмосфере ночи, как в своей родной среде....»; «Поэзия Мура блестит и сверкает,— пишет Крешев далее,— она заимствует у звезд лучи, у цветов — краски, у фонтанов — жемчуг, у радуги — переливы красок; это сущий праздник воображения ⟨...⟩ «Лалла Рук» исполнена великих красот. Поэт чарует вас с первого шагу; вы изумлены, восхищены, вне себя от прелести; потом вам делается душно в этих чертогах, вы хотите освежиться на чистом воздухе ⟨...⟩ Успех «Лаллы Рук» был неслыханный ⟨...⟩ Действие поэмы происходит в Азии, земле поэтов, которая отдает им в полное распоряжение свое пламенное солнце, алмазные копи, берега, усеянные коралловыми утесами, воинственные и любовные легенды, и все звучные имена. Такой блестящий материал принадлежал по праву Томасу Муру — и он самовластно завладел сокровищами!» и т. д. [441] Вспомнили тогда и о стародавнем интересе к произведениям Мура композиторов и музыкантов-исполнителей; например, Гаспаро Спонтини, оперой которого «Нурмагал» (1822) на сюжет из «Лаллы Рук», как мы видели выше, наслаждался Жуковский еще в 40-х годах, живя за границей. Для этого был и особый повод: Спонтини умер незадолго до Мура (в 1851 г.), и в начале 50-х годов европейская печать была полна статей, подводивших итоги его композиторской деятельности. В первом номере петербургского журнала «Пантеон» за 1852 г. молодой музыкальный критик А. Н. Серов также поместил свою статью «Спонтини и его музыка»; здесь упоминается и опера «Нурмагал», возникшая из вокальных арий и балетных сцен Спонтини к театрализации «Лаллы Рук» на берлинском торжестве 1821 г.[442] Однако в этой ранней статье А. Н. Серов излагает уже складывавшееся в его сознании собственное представление об опере как о реалистической музыкальной драме и довольно сурово осуждает оперы Спонтини за их чрезмерную пышность и эффектность и слишком поверхностную внешнюю декоративность. Может быть, от того же времени идет печатное известие, устойчиво сохранившееся до наших дней и повторяющееся доныне во всех наиболее авторитетных музыкальных справочниках, что на тот же сюжет из «Лаллы Рук» Мура написал оперу русский композитор Д. Н. Кашин. Еще не было разъяснено, что это известие основано на ошибке и что, хотя такая русская опера действительно существует, она не имеет никакого отношения ни к Муру, ни к его «Лалле Рук» [443]. Однако известно, что почти в это же время «Лаллой Рук» заинтересовался другой русский композитор, имевший особый вкус к ориентализму Антон Рубинштейн, в конце концов создавший на этот сюжет свою оперу «Фераморс».

Еще в 1852 г. Рубинштейн издал в Петербурге вокальный дуэт с сопровождением фортепиано, написанный им на слова Мура из «Лаллы Рук» — «Есть тихая роща...» (в старом переводе Ф. Алексеева) [444]. Первые очертания замысла большой оперы на сюжет «восточной повести» Мура возникли у Рубинштейна в начале следующего десятилетия, после знакомства в Лондоне в 1858 г. с немецким писателем Юлиусом Роденбергом, большим почитателем творчества Мура и переводчиком его «Ирландских мелодий» на немецкий язык. Сам Роденберг в своих воспоминаниях о Рубинштейне рассказывает, что хотя ему уже трудно установить, как и у кого из них возникла первая мысль сделать из «Лаллы Рук» оперное либретто, но он может засвидетельствовать, что Рубинштейн уже до этого знал и любил «его», Мура («denn lange vor Rubinstein meinen Tom Moore gekannt und geliebt») [445].



РАЙ и ПЕРИ.

Стихотвореніе изъ «Лалла-Рукъ» Томаса Мура.

(Пери, по восточной миѳологіи, — воздушныя существа, изгнанныя изъ рая).

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

№ 1. Альтъ.

У райскихъ вратъ, полна печали
Стояла Пери молодая.
Она прислушивалась жадно
Къ паденью райскихъ водопадовъ;
Струился свѣтъ на крылья Пери
Въ полуотворенныя двери,
И горько плакала она,
Что лишена блаженства рая!

«РАЙ И ПЕРИ». ЛИБРЕТТО К ОРАТОРИИ Р. ШУМАНА. СПБ., 1872
Первая страница
Институт русской литературы, Ленинград

Как образованный музыкант, внимательно следивший за музыкальными новинками своего времени, Рубинштейн, несомненно, знал все важнейшие музыкальные произведения первой половины XIX в., вдохновленные поэтическим творчеством Мура. Кроме оперы Спонтини, ему, конечно, была известна созданная еще в начале 40-х годов оратория Р. Шумана «Рай и пери» (ор. 50) для голосов, хора и оркестра; она пользовалась некоторой популярностью в России; ее исполняли изредка, полностью или в отрывках, на концертах в Москве и Петербурге в 60—70-х годах [446]. Известны у нас были и исполнялись более мелкие произведения Г. Берлиоза, написанные на тексты Мура [447]. Все эти музыкальные создания заново утверждали литературную репутацию Мура, укрепляли его славу и, разумеется, не могли служить Рубинштейну помехой, скорее, наоборот; затруднения его возникли лишь тогда, когда ему стало известно, что одновременно с ним на тот же сюжет о «Лалле Рук» начал писать оперу французский композитор Фелисьен Давид: это соперничество принесло Рубинштейну много огорчений, давая себя знать в течение нескольких десятилетий.

Письмо Рубинштейна, адресованное Роденбергу с просьбой сочинить сценарий к опере «Лалла Рук», так как у него появилось «страстное желание взяться за этот сюжет», относится к июню 1861 г.[448], на создание оперы ушло более двух лет. В этот период композитор и либреттист подолгу жили вместе, меняли первоначальные планы, обсуждали готовые арии и сцены. Желая избежать буквального совпадения заглавия своей оперы с заглавием Давида, Рубинштейн в конце концов остановился на заглавии «Фераморс», тем самым сделав главным действующим лицом этого бухарского принца, поэта и певца, сопровождающего индийскую принцессу... Написанная главным образом за границей опера и поставлена была в первый раз на сцене оперного театра

в Дрездене (24 февраля 1863 г.) и долго затем шла на сценах зарубежных театров: в Вене (1872), Милане (1874), Берлине (1879), Данциге (1880) [449]. Позже всего опера «Фераморс» поставлена была в России: здесь именно и повредила ей опера Давида «Лалла Рук», поставленная в Петербурге 24 января 1884 г. Предпочтение дирекцией имп. театров иностранной оперы русской, на тот же сюжет, вызвало полемику в русской печати. Ярый защитник русского оперного искусства Ц. А. Кюи в статье «Современное положение русской оперы» с явным раздражением резко отзывался об опере Давида: «Невозможно и догадаться, на какой музыкальной толкучке Парижа дирекция наткнулась на эту оперу. Достаточно сказать, что Фелисьен Давид — один из самых убогих французских композиторов, а «Лалла Рук» — одно из самых бледных его произведений» [450]. Может быть, из протеста относительно этого неоправданного решения и для ознакомления публики с неоспоримо более удачной оперой Рубинштейна 24 апреля того же 1884 г. «Фераморс» был дан в Петербурге впервые, представленный силами С.-Петербургского музыкально-драматического кружка [451]. По общему мнению, эти оперы, французская и русская, не шли ни в какое сравнение друг с другом, хотя «музыка «Фераморса» написана неровно. В лучших ее частях проявились наиболее привлекательные стороны композиторского дарования Рубинштейна и прежде всего его мелодический дар. Композитор нашел для характеристики главных героев оперы — Фераморса и Лаллы Рук — простые и безыскусственные, но очень впечатляющие лирические мелодии...»; «Композитор понимал драматургические и музыкальные недочеты «Фераморса», однако горячо любил это произведение. С большой симпатией относился к «Фераморсу» Чайковский» [452].

В Петербурге «Фераморс» Рубинштейна поставлен был на Мариинской сцене только в 1898 г. после смерти автора. В большой статье, посвященной этому событию, Ц. А. Кюи писал после премьеры: «Есть оперы Рубинштейна, до сих пор еще не поставленные, и одна из них, «Фераморс», лишь теперь является на сцене Мариинского театра, слишком тридцать лет после того, как она была написана, и уже после смерти автора». Упомянув о том, что у нас ставили «Лаллу Рук» Давида, а «Фераморса» «не хотели знать», Кюи давал довольно подробный разбор оперы Рубинштейна и оценку ее как музыкального целого: «Сюжет «Фераморса» переносит нас в то блаженное, но отдаленное время, когда владыки мира путешествовали инкогнито, для того, чтобы собственными глазами увидеть, что происходит на белом свете, и снискать любовь у возлюбленной собственными личными качествами, без вспомогательного престижа блеска и власти». Рассказав историю индийской принцессы и бухарского хана, как она изложена в опере Рубинштейна, Кюи писал далее: «Этот незатейливый сюжет дал повод к целому ряду хоров, танцев, любовных дуэтов, весьма пригодных для музыки; кроме того, в оперу введены еще личности грациозной и шутливой Хафизы, наперсницы Лаллы Рук, и неуклюжего, напыщенного придурковатого толстяка Фадладина, великого визиря Индостана, влюбленного в Хафизу. Особенно же счастливым следует считать выбор этого сюжета потому, что он восточный, а восточная музыка всегда удавалась Рубинштейну». Представив затем краткую характеристику отдельных сцен и музыкальных номеров оперы, Кюи приходил к следующему заключению: «В целом «Фераморс» — произведение неглубокое, сильного впечатления оно не производит, музыка его довольно поверхностна ⟨...⟩ но в нем немало приятной музыки, которая слушается легко и не без удовольствия» [453]. Возобновление оперы «Фераморс» состоялось также в декабре 1903 г. [454] Нас не должно поэтому удивлять, что еще в 1900 г. в Петербургской консерватории, где хорошо помнили ораторию Шумана, молодым музыкантам предложена была конкурсная задача — кантата для оркестра, солистов и хора на ту же тему о «Рае и пери» из «Лаллы Рук» и ее написали шесть начинающих композиторов [455]. Один из них — В. Золотарев (ученик Н. А. Римского-Корсакова) — вспоминает об этом конкурсе: «Сюжет «Рай и пери», совершенно оторванный от жизни, с самодельными стихами пере-

вода из Томаса Мура, сделанными инспектором консерватории В. М. Самусем. Но все это не помешало мне в величайшем упоении приняться за сочинение кантаты» [456].

Как видим, на рубеже XIX—XX вв., когда у нас обсуждались впечатления от первой постановки в Петербурге старой оперы Рубинштейна о «Лалле Рук», а в консерватории, примыкая к старой традиции, снова начали сочинять учебные кантаты на сюжет из той же поэмы, произошло некое обновление обветшавшей литературной славы Мура. У русских поэтов нового поколения и переводчиков тех лет также возродился к нему интерес.

Мы можем указать на несколько примеров этого неожиданного на первый взгляд внимания к Муру, сказавшегося одновременно в разных местах и оставившего некоторые следы в русском искусстве.

В конце 1891 г. в Орле в качестве приложения к местной газете «Орловский вестник» вышел в свет небольшой сборник «Стихотворения 1887—1891 гг.», автором которого был юноша И. А. Бунин; это была первая напечатанная им книга. Здесь было помещено довольно большое стихотворение, озаглавленное «Из сказки «Солнце гарема» Т. Мура», никогда более не перепечатывавшееся автором [457]. Оно начиналось следующими стихами:

На земле, меж богатствами мира,
Нет богаче долины Кешмира,
Нет роскошней нигде красоты.
Там леса ароматами полны,
Там струятся священные волны,
Круглый год расцветают цветы,
Если солнце, прощаясь с землею,
Догорает вечерней порою, —
Вся долина объята зарей,
И, в зеркальных водах отражаясь,
Как невеста в цветы наряжаясь,
Ослепляет своей красотой
и т. д.

Далее следует еще пять строф (шестистиший). Бунин никогда не возвращался к этому своему раннему стихотворению и, вероятно, неспроста сам осудил его на полное забвение: оно действительно не блещет поэтическими достоинствами. Но оно представляет для нас известный интерес как, вероятно, последние в русской поэзии XIX в. попытки воспроизвести русскими стихами «Введение» Мура к поэме «Свет гарема» — четвертой самостоятельной части «Лаллы Рук». Судьба этой стихотворной увертюры Мура была у нас весьма примечательной: от первого прозаического перевода этого отрывка, опубликованного в «Сыне Отечества» в 1827 г., в русской литературе всего XIX в. тянется длинная цепь русских стихотворных переводов его, пересказов, намеренных подражаний ему, наконец, оригинальных вариаций на ту же тему, из коих, как мы уже отмечали, многие были сделаны искуснее и ярче, чем перевод молодого Бунина; переводчик не мог не почувствовать этого и сам. К сожалению, у нас нет данных относительно того, как возник этот перевод. Автограф его не сохранился, и мы не располагаем никакими авторскими свидетельствами о нем; не известна нам и точная дата его написания. Хотя в том же юношеском сборнике стихотворений Бунина среди других вошедших сюда переводов есть еще перевод с английского (из Фелиции Гименс), а в рукописях до нас дошли его же неопубликованные переводы из Байрона (1886), но было бы неосторожно утверждать, что отрывок из «Светила гарема» («Light of the Haram») Бунин переводил с английского; во всяком случае, он едва ли знал содержание этой поэмы в целом и мог иметь перед глазами только хрестоматийный отрывок из нее: слово «tale» Бунин переводит «сказка», тогда как у Мура здесь нет ничего такого, что мы обычно соединяем с этим жанровым обозначением, и под словом «tale» имеется в виду восточная «повесть»; впрочем, слово «Light» в заглавии этой повести, переведенное Буниным как «Солнце», было камнем преткновения для большинства русских переводчиков (его переводили у нас «свет», «светило» и т. д.), и это как будто подтверждает, что Бунин имел в руках не русский перевод поэмы, а начальный отрывок из нее в оригинале.

Более серьезным было увлечение в те же годы лирикой Мура другого начинавшего русского поэта — Александра Антоновича Курсинского. Это был

университетский товарищ В. Я. Брюсова, будущий участник альманахов «Северные цветы», «Гриф» и т. д. В 1895 г. Курсинский был учителем сына Л. Н. Толстого, Михаила Львовича [458]. Много упоминаний о встречах, беседах с Курсинским, о совместном чтении с ним стихов и т. д. мы находим в дневниках Брюсова второй половины 90-х годов [459]; отсюда мы узнаем также о круге его литературных знакомств; среди литераторов, с которыми общался Курсинский, Брюсов упоминает Мережковского, Бунина, Бахмана, Дурново и др., но чаще всего Бальмонта, которому, по словам Брюсова (в письме к П. П. Перцову), Курсинский «безжалостно подражал»; в другом письме к тому же корреспонденту Брюсов прямо причислял Курсинского к «школе Бальмонта» вместе с другими мелкими поэтами тех же лет и писал об этой группе молодых поэтов: «Все они перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями,— и самую сущность его поэзии» [460]. Несмотря на товарищеские чувства, которые Брюсов питал к Курсинскому, он не разделял его литературных вкусов и довольно сурово судил об его стихах.

В 1896 г. Курсинский издал в Москве довольно непривычно для нас оформленную книгу своих стихотворений: на титульном ее листе стоят два заглавия, помеченные римскими цифрами, в книге отсутствует пагинация. Первую ее часть, озаглавленную «Полутени», составляют оригинальные стихотворения автора, во второй напечатаны его переводы: «Из Томаса Мура. Перевод с английского» [461]. В предисловии к этому разделу своей книги Курсинский писал: «Летом 1894 г., изучая английский романтизм, я, между прочим, занимался переводом поэм и лирических стихотворений Томаса Мура. Некоторые из переведенных мною вещей я нашел возможным приложить к моему сборнику, так как, на мой взгляд, они представляют более нежели историко-литературный интерес». Далее идут стихотворные переводы (всего десять) Курсинского, воспроизводящие ряд «Ирландских мелодий», «Национальных песен» и других стихотворений Мура. Они напечатаны здесь в такой последовательности:

1) «День текущий — день наш, дорогая...»
   («To-day, dearest! is ours...»)
2) О, жизнь моя! Чуть день умрет,
   Спеши, спеши ко мне,
   Помчимся мы по глади вод
   В гондоле при луне...
   («Oh, come to me, when daylight sets...»)
3) О, не чаруй! Любовь в груди моей
   Ты не зажжешь на склоне дряхлых дней
   («No, leave my heart to rest...»).
4) В вечерний час слабеет светоч дня
   И нежный луч ласкает гладь морскую.
   («How dear to me the hour, when daylight dies...»)
5) «Савойская ария»
   Когда бледнеет звезд мерцанье,
   В долине мрачно и темно, —
   Далеких струн из тьмы бряцанье
   Летит в мое окно
   («How oft when watching stars grow pale...»)
6) Не вернется юность вновь,
   Заблуждений нет в помине
   («Oh, doubt me not, the season...»)
7) «Сон юной любви»
   Угасших дней вернутся ли мечты...
   («Love's young dream...»)
8) Проснись, о мелодия!
   В неге луны
   Властью всесильною

Звуки полны
(«Wake up, sweet melody»)
9) «Последняя роза»
(«T'is the last rose of summer»)
10) Шопот ласки в тишине,
Любви невинной грезы
(«Joys of youth, how fleeting!»).

Когда книга Курсинского вышла в свет, Брюсов писал о ней Перцову (письмо от 5 января 1896 г.): «Как вы нашли «Полутени»? Я не очень-то ими доволен...» Назвав несколько стихотворений и процитировав в некоторых из них «хорошие места», Брюсов продолжал: «Переводы из Мура довольно близки к подлиннику, но сам-то Мур был поэт вовсе неинтересный. Странное явление — когда книга напечатана, в ней всегда разочаровываешься...» [462].

В оценке близости указанных переводов к английским подлинникам Брюсов был безусловно прав. Это была пора, когда усилиями молодых поэтов-символистов начиналось возрождение утраченного в предшествующие десятилетия искусства перевода с западноевропейских языков и когда английские поэты эпохи романтизма пробудили к себе внимание не одного лишь Курсинского. Его переводы не только близки к оригиналам, они отличаются напевностью, известной ритмической изощренностью; в них отсутствуют те банальные фразеологические штампы, которые так часто встречались еще у русских переводчиков этого десятилетия. Очевидно, музыкальные основы лирики Мура и усилия Курсинского, на глазах у Брюсова пытавшегося воссоздать в русских стихах муровские «мелодии» со всей прихотливостью их музыкального построения, соблазнили самого Брюсова, всегда увлекавшегося экспериментами подобного рода. Хотя Брюсов и не любил поэзии Мура, считая ее «неинтересной», но, следуя Курсинскому и состязаясь с ним, Брюсов и сам перевел (по-видимому, в то же самое время) следующее ниже стихотворение, которое никогда опубликовано им не было:

Из Томаса Мура

Где ты, мелодия!
Час наступил,
Ночью всего сильней
Мощь твоих сил.
Звук хоть единый в мерцаньи ночном
Тысячи стоит внимаемых днем.
Где ж ты, мелодия!
Час наступил,
Ночью всего сильней
Мощь твоих сил.

Спросим, в который час
Роза сильней
Песней пленяется
В спальне своей.
Летнею ночью (в ответ соловей)
Песни и близки и сладостны ей.
Где ж ты, мелодия!
Час наступил,
Ночью всего сильней
Мощь твоих сил [463].

Легко заметить, что оригиналом этого перевода является то стихотворение Мура («Wake up, sweet melody»), которое в своем переводе поместил и Курсинский в упомянутом сборнике (это восьмой по счету перевод в его книге).

Четвертый по счету перевод из той же книги («В вечерний час слабеет свеч дня...») Курсинский посвятил Бальмонту. Отметим в связи с этим небезынтересный для нас факт, что несколько позже и Бальмонт сделал стихотворный перевод из «Ирландских мелодий» Мура. Самый повод для возникновения этого перевода не может не привлечь наше внимание.

Известно, что в конце XIX и начале XX в русские символисты, вслед за французскими, были сильно увлечены творчеством Э. По. Одним из увлеченных популяризаторов этого американского писателя-романтика был Бальмонт, выпустивший в московском издательстве «Скорпион» довольно полное «Собрание сочинений Эдгара По» в своем переводе. Во втором томе этого издания, где объединены статьи, отрывки и афоризмы По, помещена его статья

«Поэтический принцип», существенно важная для понимания литературных вкусов По и его поэтики. В этой статье По останавливается, в частности, на связи между поэзией и музыкой и в качестве примера поэта, осуществившего в своем творчестве или подтвердившего возможность слияния в одном целом двух этих родственных искусств, ссылается на Мура. «Вряд ли можно сомневаться, что в соединении Поэзии с Музыкой в ее общепринятом смысле мы найдем самое широкое поле для поэтического развития,— писал По.— Старые барды и миннезингеры имели преимущества, которыми мы не обладаем, и Томас Мур, когда он пел собственные песни, самым законным образом усовершенствовал их как поэмы». Далее из всех стихотворений Мура, ему известных, По выделяет одно, которое особенно врезалось ему в память. Он пишет: «Среди «Мелодий» Томаса Мура есть одна, отличительный характер которой как поэмы странным образом обходился молчанием. Я намекаю на стихотворение, начинающееся словами — «Подойди, отдохни здесь со мной...» Напряженная энергия выражения не уступает здесь байроновским стихотворениям. Здесь есть две строки, в которых выражены чувства, воплощающие целиком божественную страсть любви, чувство, нашедшее себе отзвук в большем числе человеческих сердец, и в сердцах более страстных, чем какое-нибудь другое отдельное чувство, когда-либо воплощенное в словах». Для иллюстрации По приводит в этом месте своей статьи стихотворение Мура из VI серии его «Ирландских мелодий»:

Come, rest in this bosom, my own stricken deer!
Though the herd have fled from thee, thy home is still here;
Here still is the smile, that no cloud can o'ercast,
And a heart and a hand all thy own to the last!

В русском тексте этой статьи По, из которой мы привели отрывок, это произведение Мура приводится Бальмонтом в его собственном стихотворном переводе. Бальмонт переводил его не первым: мы уже ссылались выше на целый ряд переводов этой «Ирландской мелодии» (А. Горковенко, 1852; В. С. Лихачева, 1888; между прочим, у обоих этих переводчиков слово «deer» передается русским «лань», причастие stricken — то «пораженная», то «подстреленная»:

У Горковенко:

Отдохни у меня на груди, пораженная лань!

У Лихачева:

Ко мне, ко мне на грудь, подстреленная лань!).

Не отдаляясь от подлинника, Бальмонт превосходит своих предшественников в воссоздании мелодической и звуковой основы стихотворения Мура, столь пленившего По. Поэтому из всех русских переводов этого стихотворения перевод Бальмонта безусловно следует считать наиболее удавшимся, хотя, с другой стороны, в первом же стихе этого перевода передача Бальмонтом многозначного слова «deer» — русским «олень» (а не «лань») уничтожает глубокий метафорический смысл этого образа, на который явно рассчитывал поэт, так как он мог этим словом внушать представление и о родной стране, Ирландии, и о любимой женщине: подобный образный параллелизм очень типичен для всего ирландского цикла «мелодий» Мура.

Подойди, отдохни здесь со мною, мой израненный, бедный олень,
Пусть твои от тебя отшатнулись, здесь найдешь ты желанную сень.
Здесь всегда ты увидишь улыбку, над которой не властна гроза,
И к тебе обращенные с лаской, неизменно родные глаза!

Только в том ты любовь и узнаешь, что она неизменна всегда,
В лучезарных восторгах и в муках, в торжестве и под гнетом стыда,
Ты была ли виновна, не знаю, и своей ли, чужой ли виной,
Я люблю тебя, слышишь, всем сердцем, всю, какая ты здесь предо мной.

Ты меня называла Защитой, в дни, когда улыбались огни.
И твоею я буду защитой в эти новые, черные дни.
Перед огненной пыткой не дрогну, за тобой, не колеблясь, пойду,
И спасу тебя, грудью закрою или рыцарем честно паду! [464]

Несколько дальнейших замечаний По о Муре как о лирике, в том числе и защита высокой оценки его Колриджем, «человеком, лучше, чем кто-либо, понимавшим творческие силы Мура», также не могли не обратить на себя внимание русских переводчиков; в частности, следующее весьма ответственное суждение о нем как об «истинном поэте», оправдывающем свою славу: «Из всех поэм, написанных на английском языке, я не могу указать ни одной, исполненной такого глубокого, такого зачарованного воображения в лучшем смысле этого слова, как стихотворение Томаса Мура, начинающееся словами «Если б был я у этого тусклого озера»» [465]. На этот раз По не приводит текст указанного им стихотворения, предполагая, очевидно, что оно достаточно известно читателям в странах английского языка. По имеет в виду действительно очень популярное стихотворение Мура, входящее в IX серию «Ирландских мелодий»: «I wish I was by that dim lake...», которое у нас, впрочем, известно значительно менее; поэтому можно подосадовать на то, что Бальмонт упустил случай сделать его русский стихотворный перевод и привести в указанном месте статьи По.

Таков был, следовательно, еще один — последний — путь вхождения переводов лирических произведений Мура в большую русскую поэзию нового времени: он вступал в нее вновь в том ореоле славы, который был придан ему похвалами выдающегося американского писателя-романтика. Сам По был заново открыт русской литературой именно в это время, в начале двадцатого столетия; его самого считали у нас одним из провозвестников русского символизма, и его суждения и критические замечания казались тогда безошибочными: этого было достаточно для нового открытия Томаса Мура русскими поэтами-переводчиками.

Однако это «открытие», для которого все условия были очень благоприятны, собственно, состоялось не в полной мере: количество заинтересовавшихся его поэзией русских переводчиков оказалось незначительным. Кроме Курсинского, мы можем назвать здесь еще одного русского поэта-переводчика, попытавшегося тогда ввести Мура в сонм «бессмертных» поэтов, якобы близких по духу к русским символистам. Таков был Л. Л. Кобылинский, выступавший в печати под псевдонимом — Эллис. В 1904 г. в Москве вышел в свет II выпуск сборника Эллиса «Иммортели». Сюда вошли его стихотворные переводы из иностранных поэтов: среди стихотворений Сюлли-Прюдома, П. Верлена, Ж. Роденбаха, М. Метерлинка и других находится также перевод «Рожденье арфы» (Из «Ирландских мелодий» Т. Мура), посвященный А. Д. Бугаевой. Это перевод того стихотворения «The origin of the harp...», на довольно многочисленные русские переводы которого 40—70-х годов нам уже приходилось указывать. Новый перевод Кобылинского-Эллиса не слишком превосходит предшествующие ему качествами своей поэтической техники; мы находим здесь и истертые штампы и кое-какие отклонения от подлинника (так, «сирена» стародавней легенды,— «a siren of old» — превратилась здесь в «кудрявую нимфу», появились «задремавшие пловцы», которых она пробуждала), но выбор именно этого стихотворения для перевода кажется очень характерным; четыре строфы перевода точно соответствуют четырем четверостишиям английского текста:

Рожденье арфы

Одно я чудесное знаю преданье:
У моря кудрявая нимфа жила,
Томилась бедняжка тоской ожиданья
И горькие слезы о милом лила...

Но тщетно слезами она орошала
Волнистые пряди роскошных кудрей
И тщетно рыдающей песней своей
Пловцов задремавших от сна пробуждала...

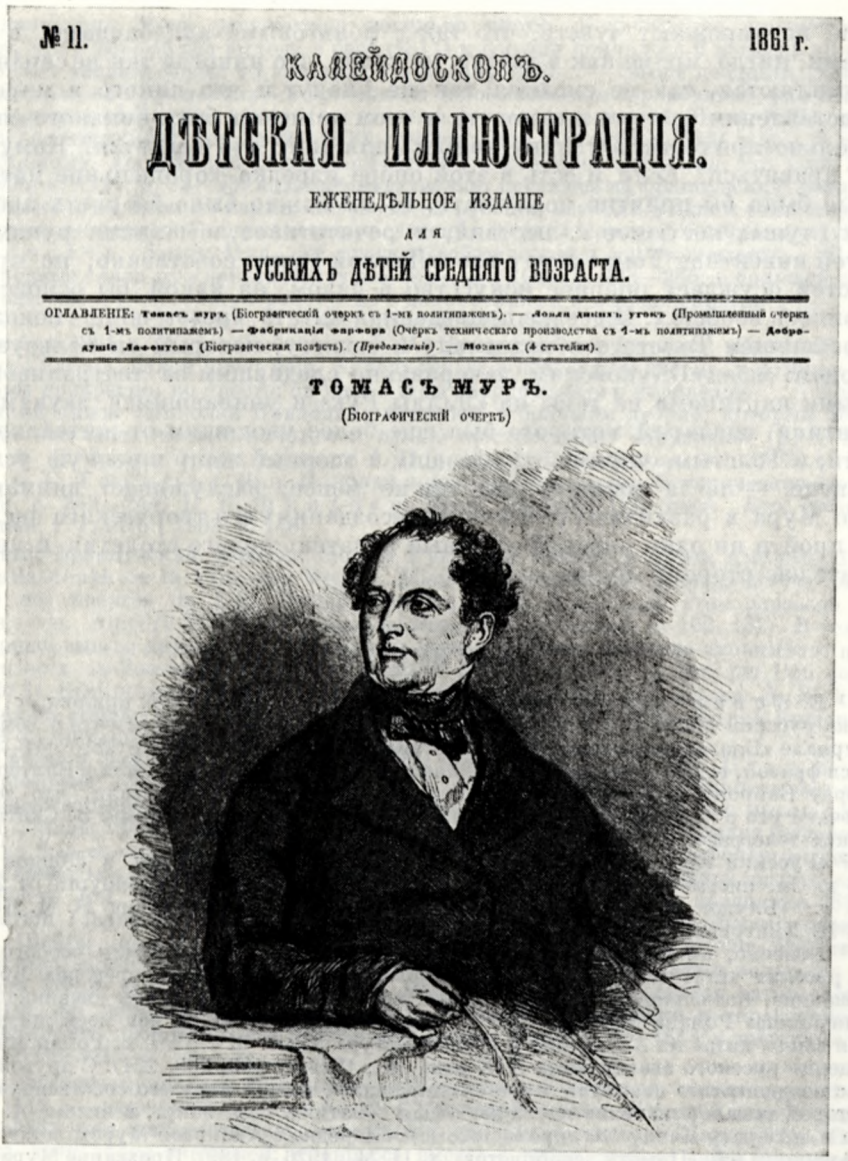
Но сжалились боги, и чудо свершилось,
Вдруг арфа явилась из тела ея,
Волос ее пышных волна превратилась
В волшебные струны, печально звеня...

Пусть время несется, но с той же тоскою
Рокочет и стонет и дышит струна,
Когда я до арфы дотронусь рукою,
Все та же печаль и любовь в ней слышна!.. [466]

В истории русского искусства приведенный перевод остался не потому, что он имеет выдающиеся достоинства, но прежде всего потому, что он был воссоздан в одном из тончайших по своей музыкальной форме романсов С. И. Танеева, написанных на поэтические тексты «Иммортелей» Эллиса. Он был издан в 1909 г. Российским музыкальным издательством и открывает собою сборник: «Иммортели. Десять стихотворений для одного голоса с фортепьяно...» (ор. 26). В статье о романсах Танеева И. Глебов (Б. Асафьев) дал справедливый и очень изящный обзор всего этого музыкального цикла и очень сочувственно отозвался о «Рождении арфы». Он относит этот романс к числу тех вокальных композиций Танеева, в которых композитор достигает «полной совместимости, согласованности текста и музыки, причем музыки, значительно более талантливой, чем в предыдущих романсах». «Рождение арфы» Танеева,— по его словам,— это «нежный лирический порыв души, напоенной музыкой, от скорби здешней, личной — к глубокой печали и вечной неизбывности страданий и тщете надежд. В тексте примиренности нет, но Танеев смягчил и убаюкал скорбь, придав музыке спокойный «напевный», эпический оттенок, сопровождая пение меланхоличным, нежным наигрышем» [467].

Этим меланхолическим звоном струн ирландской арфы кончается длинная, полная неожиданностей история усвоения лирики Томаса Мура в русской поэзии и музыке в XIX в. История воссоздания восточных поэм Мура на русских оперных сценах кончилась несколько раньше — суровым приговором могучего голоса Л. Н. Толстого, слова которого также не должны быть забыты на последней странице этой истории. Из биографии Толстого известно, что 19 апреля 1897 г. он по приглашению директора Московской консерватории В. И. Сафонова присутствовал на репетиции оперы Рубинштейна «Фераморс». Об этом свидетельствуют А. Ф. Кони в своих мемуарах [468] и В. Ф. Лазурский в дневнике. Последний рассказывает, в частности, что, возвратившись с репетиции «Фераморса», Толстой на вопросы присутствовавших отвечал, «что мотивы оперы Рубинштейна ему очень понравились, но сюжет и масса условностей в постановке, из-за которой все с ожесточением бьются и которые, в сущности, никому не могут доставить удовольствия, показались ему слишком скучными» [469]. Известно, что под первым впечатлением прослушанной репетиции Толстой сделал ее краткое описание, а затем в обобщенном и расширенном виде это описание включено было в первую главу его знаменитого трактата «Что такое искусство» (1897—1898), став одной из отправных точек начальных его рассуждений в этом парадоксальном сочинении.

В печатном тексте трактата Толстого не упомянуты ни произведение, давшее основу для либретто оперы, ни русский композитор, написавший для него музыку, ни, наконец, ее исполнители. И тем не менее, не может быть сомнений, что в трактате идет речь о «Лалле Рук» Мура и о возникшей из нее опере Рубинштейна «Фераморс». Вот что писал Толстой: «Вспоминаю, как я был раз на репетиции одной из самых обыкновенных новейших опер, кото-



№ 11. 1861 г.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

ДѢТСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

ДЛЯ

РУССКИХЪ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

ОГЛАВЛЕНІЕ: **Томасъ муръ** (Біографическій очеркъ съ 1-мъ политипажемъ). — **Лолія дикихъ утокъ** (Промышленный очеркъ съ 1-мъ политипажемъ) — **Фабрикація фарфора** (Очеркъ техническаго производства съ 1-мъ политипажемъ) — **Добродушіе Лафонтена** (Біографическая повѣсть). *(Продолженіе)*. — **Мозаика** (4 статейки).

ТОМАСЪ МУРЪ.

(Біографическій очеркъ)

«КАЛЕЙДОСКОП. ДЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ», 1861, № 11
Титульный лист с портретом Т. Мура

рые ставятся на всех театрах Европы и Америки ⟨...⟩ Когда я пришел, представление уже началось, и на сцене изображалось шествие индейцев, привезших невесту ⟨...⟩ Опера, которую они репетировали, была одна из самых обыкновенных опер для тех, кто к ним привык, но одна из величайших нелепостей, которые только можно себе представить: индейский царь хочет жениться, ему приводят невесту, он переряжается в певца, невеста влюбляется в мнимого певца, и в отчаянии, а потом узнает, что певец сам царь, и все очень довольны». То, что говорит Толстой далее, хотя и имеет в виду ту же оперу Рубинштейна по Муру, но направлено против всякой оперы вообще: «Что никогда таких индейцев не было и не могло быть, и что то, что они изображали, не только не похоже на индейцев, но и ни на что на свете, кроме как на другие оперы, в этом не может быть никакого сомнения; что так речитативом не говорят и квартетом, ставши в определенном расстоянии, махая ру-

ками, не выражают чувств, что так с фольговыми аллебардами, в туфлях, пáрами, нигде, кроме как в театре, не ходят, что никогда так не сердятся, так не умиляются, так не смеются, так не плачут и что никого в мире все эти представления тронуть не могут, в этом не может быть никакого сомнения. Невольно приходит в голову вопрос: для кого это делается? Кому это может нравиться? Если и есть в этой опере изредка хорошенькие мотивы, которые было бы приятно послушать, то их можно было бы спеть просто, без этих глупых костюмов и шествий, и речитативов, и махания руками...» [470]. В этой инвективе Томас Мур с его «Лаллой Рук», собственно, не причем, и Толстой осуждает оперное искусство в целом, на какой бы основе оно ни строилось вообще... И все же приведенная цитата чрезвычайно показательна безразличием Толстого к материалу и сюжету, которым он пользуется как поводом: между Жуковским, зачарованно следившим за театрализованными новыми картинами на темы из «Лаллы Рук» и упивавшимся звуками оперы Спонтини, сценарий которого был еще более уводящим от житейской реальности, и Толстым, упрямо отрицавшим и оперный жанр и всякую условность на сцене, — легла пропасть... И тем не менее, заслуживает внимания, что мимо Мура в различных русских пересозданиях его творческого наследия не мог пройти ни один русский крупный писатель целого столетия и множество писателей второго плана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Е. К о в а л е в с к и й. Граф Блудов и его время. СПб., 1871, прилож., с. 236. Первая на русском языке биография и характеристика Мура в статье «Нечто о Томасе Муре» в журнале «Благонамеренный», изд. А. Измайловым (1822, ч. 19, № 28, с. 41—60), начинается фразой, вскоре ставшей стереотипной: «Англия равно удивляется и Валтеру Скотту, и лорду Байрону, и Томасу Муру». Позже в биографии Мура писали, что «англичане включают его в триумвират новейших поэтов британских с Байроном и В. Скоттом («Московский телеграф», 1827, ч. 18, № 23, отд. IV, с. 250).

[2] «Русский Архив», 1866, с. 1650—1651. Д. Н. Блудов уехал в Лондон в начале 1818 г. См. письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву из Петербурга от 22 ноября 1817 г.: «Блудов едет в Лондон советником посольства» («Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву». СПб., 1866, с. 225).

[3] Конечно, английские переводы из Анакреона не представляли особого интереса для русских читателей, знавших греческого поэта из русских переводов Ломоносова, Державина, Батюшкова и др. Любопытно, впрочем, что в сибирском дневнике «русского англичанина» Романа Медокса 1830 г., озаглавленного «Златой век моей жизни», находится много цитат из Анакреона в переводе Мура (С. Я. Ш т р а й х. Роман Медокс. Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1929, с. 199, 209, 221). С другой стороны, у нас неоднократно называли Мура «Анакреоном», имея в виду его собственную лирику, в которой немалое значение имела любовная тематика. См., напр., в письме А. А. Бестужева к его брату Павлу (10 апреля 1828 г.): «Нередко с Анакреон-Муром летаю в Индию и в Америку» (сб. «Памяти декабристов», т. II. М., 1926, с. 189). Прозвание Мура Анакреоном пущено в оборот Байроном; известны стихи его об Анакреоне-Муре, получившем «лиру и лавры со всеми трофеями победоносной песни»:

...Anacreon Moore
to whom the lyre and laurels have been given,
With all the trophies of triumphant song...

Эти стихи были приведены в английском подлиннике в качестве эпиграфа к статье о Муре в «Благонамеренном», 1822, ч. 19 № 28, с. 41. «Не достигши еще двадцатилетнего возраста, издал оды Анакреона, переведенного им стихами; с тех пор получил он название Анакреона-Мура»,— говорится в этой же статье (с. 43). В стихотворении, написанном, по-видимому, в 1826 г., Пушкин упомянул Мура (рифмуя его с Амуром) в контексте, который не оставляет сомнения в том, что он знал цикл его анакреонтических стихотворений и вообще эротическую лирику:

Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

Пушкин, т. III, с. 45

[4] Библиография Мура разработана довольно плохо. Большинство справочников утверждает, что в первый год выхода в свет (1817) в Англии появилось 6 изданий «Лаллы Рук»; к 1829 г. числилось уже 15 изданий, а к началу 1840 г.— свыше двадцати. Данные о переводах «Лаллы Рук» неполны и неточны. В таком солидном справочнике, как «Cambridge Bibliography of English Literature» названы переводы немецкий (Вена, 1825), польский (1826), исландский (? Або, 1829—1830), голландский (Амстердам, 1834 и др.). В издании «The Memoirs, Journal and Correspondence of Thomas Moore» (London, ed. Lord John Russel, 1856, v. VIII, p. 92—93) издатель перечисляет переводы на французский, итальянский, немецкий и персидский языки; переводы на русский язык ни в одном библиографическом перечне не учтены. Первоначальные сведения об этих переводах собраны в статье: М. П. Алексеев. Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты.— В сб.: «Международные связи русской литературы». М.— Л., 1963, с. 233—285; в большей своей части они внесены и в настоящую работу, но с дополнениями и исправлениями.

[5] К. К. Зейдлиц. Жизнь и поэзия Жуковского. СПб., 1883, с. 117.

[6] 1 ноября 1821 г. Жуковский писал Е. А. Протасовой из Берлина: «Здешний двор не имеет того блеска, какой имеет наш. Король живет в небольшом дворце, в котором горницы убраны прекрасно, но просто; он жил в этом дворце вместе с королевою ‹...› Прочие дети, великий князь ‹Николай Павлович› и мы все в большом дворце, который не так пространен, как наш Зимний, но выше и лучше архитектурою наружною» (В. А. Жуковский. Сочинения в двух томах, т. I. Под ред. А. Д. Алферова. М., 1902, с. 426). См. также: С. С. Татищев. Имп. Николай и иностранные дворы. Исторические очерки. СПб., 1889, с. 242—244; Н. К. Шильдер. Имп. Николай Павлович. Его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1903, с. 146.

[7] Первый французский перевод «Лаллы Рук» был сделан в прозе Амедеем Пишо (1820): «Lalla Roukh ou la Princesse Mogole. Histoire orientale par Thomas Moore, par le traducteur des oeuvres de Lord Byron». Pontieu, 1820. 2 vols. (об этом переводе см.: L. A. Bisson. Amedée Pichot. A Romantic Prometheus, Oxford, p. 109, 132). В том же году в Париже вышло другое издание «Лаллы Рук» в вольном переводе анонимного переводчика: «Choix de Poesies de Byron, W. Scott et Moore. Traduction libre par l'un des rédacteurs de la Bibliothèque Universelle». Genève et Paris, 1820. См. также: A. B. Thomas. Moore en France (1819—1830). Paris, 1911; E. Partridge. The French Romantics, Knowledge of English Literature (1820—1848). Paris, 1924.

[8] А. Гримм в своей биографии Александры Федоровны (A. Th. von Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland, Bd. I. Leipzig, 1865, S. 64) приписывает идею этого празднества герцогу Карлу; другие историки, напротив, считают, что мысль о театрализации «Лаллы Рук» в Берлине будто бы принадлежала самой Александре Федоровне, так как Мур был ее «любимым поэтом»; последнее представляется маловероятным; первые немецкие переводы «Лаллы Рук», если не считать фрагментов, опубликованных в книге Ф. И. Якобсена (см. ниже, прим. 9), появились после Берлинского праздника 1821 г.

[9] Friedrich Johann Jacobsen. Briefe an eine deutsche Edelfrau über die neuesten englischen Dichter, herausgegeben ‹...› mit übersetzten Anzügen vorzügliche Stellen aus ihren Gedichten. Altona, 1820. В этой большой книге (740 с.) больше всего внимания уделено именно Муру. «После Байрона — Мур мой любимец»,— признается автор в своем первом «Письме», помеченном 5 июня 1819 г. Подробной биографии и характеристике произведений Мура посвящены все первые пять писем книги (с. 1—181), а также все 30-е письмо (с. 533—541).

[10] Путешествие принцессы Шарлотты из Берлина в Петербург, начавшееся 31 мая (12 июня) 1817 г., подробно описано в кн. С. С. Татищева («Имп. Николай и иностранные дворы», с. 237); оно, действительно, напоминало свадебную поездку Лаллы Рук. Поезд состоял из двенадцати экипажей; принцесса вместе с тремя дамами своей свиты ехала в карете, запряженной восемью лошадьми, через Данциг и Кенигсберг; в Мемеле невесту встретил в. кн. Николай Павлович и предшествовал ей до самого Петербурга.

[11] A. Th. von Grimm. Alexandra Feodorowna... Bd. I, S. 164—167.

[12] См., напр., кн.: Gotfried Schadow. Kunstwerk und Kunstansichten. Berlin, 1849, на которую ссылается М. Нейман (M. Neumann. Menschen um Schinkel. Berlin, 1842, S. 109); оба эти источника известны мне из книги: Dietrich Gerhardt. Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966, S. 47.

[13] «Lalla Rookh. Divertissements mêlés de chants et de danses...» Berlin, 1822. А. Архангельский в своем издании Полн. собр. соч. Жуковского (в 12 томах) упоминает только это берлинское издание на французском языке, которое «в ряде превосходных иллюстраций представляет бывшие во время этих празднеств разнообразные процессии, группы, картины и т. п.» (т. III. СПб., 1902, с. 146). Ни Архангельскому, ни позднейшим исследователям Жуковского не было известно издание тех же иллюстраций с немецким текстом: «Lalla Rukh. Ein Festspiel mit Gesang und Tanz. Aufgeführt auf dem Königl. Schlosse zu Berlin am 27-sten Januar 1821 bei der Anwesenheit I. I. K. K. H. H. des Großfürsten Nicolaus und der Grossfürstin Alexandra Feodorowna. Mit 23 colorierten Kupfern. Berlin, 1822. Правда, о последнем издании упомянул в своей монографии Н. К. Шильдер («Имп. Николай Павлович. Его жизнь и царствование», т. 1. СПб., 1903, с. 149 и 491). Два рисунка в красках, изображающие принца Алириса (Николай Павлович) и Лаллу Рук (Александра Федоровна), воспроизведены Шильдером (с. 136—137) именно из этого немецкого издания, но и указание на него и помещенная в нем иллюстрация в литературе о Жуковском остались незамеченными.

[14] «Lalla Rukh, die mongolische Prinzessin. Romantische Dichtung von Thomas M o o r e. Aus dem Englischen in den Sylbenmassen des Originals übersetzt, von Friedrich Baron de la Motte Fouqué». Berlin, 1822. В начале этой книги (после титульного листа, на двух ненумерованных страницах) напечатано «Посвящение» ее (Zueignung) в. кн. Александре Федоровне, после которого идет полный стихотворный перевод «Лаллы Рук» со всеми ее прозаическими связующими частями и примечаниями (с. 1—483). В «Посвящении» поэт рассказывает, что мысль о переводе стихотворной повести Мура зародилась у него на берлинском празднике, устроенном в честь принцессы, посетившей «любимые отцовские чертоги». Ла Мотт Фуке вспоминает, что принцесса в тот момент, когда Фераморс сбросил свою личину, будто бы обратилась к присутствующим и спрашивала их, неужели не найдется очевидца, который поведал бы будущему о великолепном торжестве? И тогда один из «кашмирских рыцарей» добровольно вызвался переложить поэму на «звук отечественной лютни»:

Und Lalla Rukh hat dem kaschmirschen Ritter
Vergönnt, aus englisch blüh'nden Gartenwald
Zu übertragen in den Klang der Zither
Was edlen Heimathgeistern lieblich schallt
Wie gern durch Lüfte, klar nach Kriegsgewitter,
Hab sich der Zither freundliche Gewalt,
Und weckt den Klang der englisch holden Lieder
Für Lalla Rukh in andrer Zunge wieder...

Таким образом, берлинский праздник 1821 г. оказался поводом для возникновения немецкого перевода «Лаллы Рук», а Жуковский, несомненно, хорошо знал об этом. Ла Мотт Фуке (из прозаического романа которого «Ундина» Жуковский много лет спустя сделал свою стихотворную поэму) познакомился с русским поэтом в Берлине 24 октября (5 ноября) 1820 г., как об этом свидетельствует запись в дневнике Жуковского под этим числом («Дневники В. А. Жуковского». С прим. И. А. Бычкова. СПб., 1903, с. 82—83). Затем Жуковский неоднократно встречался с ним, бывая и у него в доме и вместе с ним в других местах, до и после праздника Лаллы Рук (записи того же дневника 9 января 1821 г. (28 декабря 1820 г.), 19(7) января, 18(6) февраля и 20(8) февраля 1821 г.). Мы вправе отсюда заключить, что Жуковскому не мог остаться неизвестным печатавшийся как раз в это время перевод «Лаллы Рук», выполненный Фуке. У нас нет данных, попал ли этот перевод в Россию, но в 1830 г. в «Вестнике Европы» (№ 11, с. 223—228) была опубликована довольно пространная рецензия на новый немецкий, также стихотворный, перевод того же произведения («Lalla Rookh von Th. Moore». Metrisch übersetzt von G. W. Bueren. Emden, 1829); рецензент утверждает: «Это самый лучший из немецких переводов поэмы знаменитого Томаса Мура».

[15] К изданию «Die lebenden Bilder und pantomimischen Darstellungen bei dem Festspiel: Lalla Rukh...» приложен перечень лиц, подписавшихся на это издание и живущих вне Берлина («Verzeichniss der Subschribenden ausserhalb Berlins»); в перечне стоит фамилия Жуковского, правда, с опечаткой («v. Toukoffsky, in St. Petersburg»).

[16] В дневнике Мура (3 апреля 1821 г., Париж) сделана следующая запись со слов прусской принцессы из Берлина: «Русская великая княгиня (дочь короля прусского), исполнявшая роль Лаллы Рук, весьма симпатична; сестра князя Радзивилла, изображавшая пери — маленькая, весьма красивая девушка» (Thomas M o o r e. Memoirs, Journals and Correspondence. Ed. by <...> Lord John Russell, v. 2. London, 1855, p. 217). В августовской записи 1821 г., также сделанной в Париже, Мур отметил: «Леди Голланд читала мне письмо из г. Спа от лорда Вильяма Рассела; он пишет, что «русская великая княгиня находится там и что у нее имеются два экземпляра «Лаллы Рук» в роскошных переплетах, украшенных драгоценными камнями; один из этих экземпляров он видел сам» (v. 2, p. 262). В письмах Мура к разным лицам также упоминаются берлинский праздник 1821 г. и те издания, в которых он был описан. Так, в письме к издателю газеты «Morning Chronicle» (A. Dole) от 15 июня 1846 г. Мур просит поместить его рассказ о берлинском празднике в честь Лаллы Рук; в письме к леди Голланд (апрель 1823 г.) Мур описал ей альбом гравюр, вышедший в Берлине, изображающий живые картины на темы из «Лаллы Рук», т. е. один из двух альбомов (на французском или немецком языках), указанных нами выше. См.: «The letters of Thomas Moore», v. 2. Ed. Wilfred S'. Dowden, Oxford, 1964, p. 516—517, 885—886.

[17] «Дневники В. А. Жуковского», с. 100.

[18] Это письмо Жуковского в выдержках приводилось исследователями по рукописи, хранящейся в ИРЛИ; между тем, оно издано полностью в книге: Modeste H o f m a n n. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Paris, 1926, прилож. с. 153—156, откуда мы и цитируем его. Под инициалом Ш*** Жуковский имеет в виду художника Шинкеля (Schinkel).

[19] «Дневники В. А. Жуковского», с. 100.

[20] Там же, с. 100—107.

[21] И. А. Б ы ч к о в. Письма В. А. Жуковского к в. кн. Александре Федоровне из первого его заграничного путешествия в 1821 году.— «Русская старина», 1902, № 5, с. 355. В «Собрании автографов имп. Публичной библиотеки» хранится № 2 журнала «Лалла Рук» (в 8-ую долю листа, 27 листов). На заглавном листе стоит помета: «1821, апрель, Берлин».

Этот номер рукописного журнала «Лалла Рук» заключает в себе фрагмент сделанного Жуковским и набело переписанного перевода «Орлеанской девы» Шиллера.

[22] «Сын Отечества», 1821, № 20, с. 243—265. Шестьдесят девятая часть имеет цензурное разрешение: 5 апреля 1821 г. Редактор журнала Н. И. Греч вспоминает, что Жуковский, живший в то время в Германии, иногда присылал оттуда свои стихотворения, но «серьезно не принимал участия в журнале». Посредником, передавшим рукопись перевода Жуковского «Пери и ангел» в редакцию «Сына Отечества», мог быть А. Ф. Воейков (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.— Л., 1930, с. 648).

[23] В. А. Жуковский. Стихотворения, т. I. Ред. Ц. Вольпе. Л., 1939, с. 384.

[24] В. А. Жуковский. Собрание стихотворений в четырех томах, т. II. М.— Л., ГИХЛ, 1959, с. 475; на этом основании стихотворение «Пери» из данного издания исключено.

[25] «Дневники В. А. Жуковского», с. 102.

[26] В. А. Жуковский. Стихотворения. Ред. Н. В. Измайлова. Л., 1956, с. 249—250.

[27] В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 398.

[28] Среди стихотворений Жуковского начала 1821 г. есть небольшой лирический отрывок, занесенный в его записную книжку с датой 16 (4) февраля, Берлин; при жизни автора этот отрывок не печатался и его толкуют как обращенный к Александре Федоровне:

Теснятся все к тебе во храм,
И все с коленопреклоненьем
Тебе приносят фимиам,
Тебя гремящим славят пеньем;
Я одинок в углу стою,
Как жизнью, полон я тобою,
И жертву тайную мою
Я приношу тебе душою.

Этот отрывок впервые опубликован И. А. Бычковым («Бумаги В. А. Жуковского. Прилож. к Отчету имп. Публичной библиотеки за 1884 год». СПб., 1887, с. 10; В. А. Жуковский. Стихотворения, т. II. Ред. Ц. Вольне. Л., 1940, с. 533. Ср. также наблюдения А. Н. Веселовского («В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904, с. 273, 277) о склонности поэта боязливо прятать свою любовь, «самоотверженно склоняться к платоническому участию в чужом счастье».

[29] M. Hofmann. Op. cit., прилож., с. 155.

[30] Там же, с. 159.

[31] «Московский телеграф», 1827, ч. 14, № 5, отд. II, с. 3—5.

[32] «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым». СПб., 1827, отд. II, с. 4—5.

[33] Б. Л. Модзалевский. Из альбомной старины.— «Русский библиофил», 1916, № 6, с. 76—78.

[34] «Дневники В. А. Жуковского», с. 101—102.

[35] Вслед за этими стихами в рукописи следовала еще одна строфа (девятая); она была также в тексте, впервые напечатанном в «Московском телеграфе» 1827 г., но отброшена Жуковским при воспроизведении всего стихотворения в его сборнике 1849 г.:

Кто же ты, очарователь
Бед и радостей земных?..
О, небесный жизнедатель!
Мне знаком ты; для других
Нет тебе именованья:
Ты без имени им друг!
Для меня ж тебе названье
Сердце дало: Лалла-Рук!

[36] M. Hofmann. Op. cit., p. 155—156.

[37] «Полярная звезда на 1824 год», изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым». СПб., 1824, с. 241—249.

[38] И. А. Бычков. Письма В. А. Жуковского к вел. кн. Александре Федоровне из первого его заграничного путешествия в 1821 г.— «Русская старина», 1901, № 11, с. 398 (письмо, отрывок которого напечатан в «Полярной звезде», датировано: 23 июня (5 июля) — 29 июня (10 июля) 1821 г.). Отметим, что отрывок из стихотворения «Лалла Рук», приведенный в «Полярной звезде» (с. 244), представляет собою 7-ю и 8-ю его строфы (без заглавия), но их текст имеет отличия от обычной печатной редакции: ст. 52 читается в альманахе «благодатные» (а не «благотворные сердцам»); ст. 54 и сл. имеют следующую редакцию:

Чтоб о небе сердце знало,
В темной области земной
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлет он порой...

Ст. 56—60 обычной редакции в тексте альманаха отсутствуют вовсе.

[39] «Рукою Пушкина». М., 1935, с. 490—492.

[40] Пушкин, т. II, с. 406 и 955. См. Н. И. Черняев. Послание «К А. П. Керн» Пушкина и «Лалла Рук» Жуковского».— В его кн.: Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, с. 33—64. Об определении «Гений чистой красоты» и о заимствовании его Пушкиным у Жуковского см. в статье А. И. Белецкого «Из наблюдений над стихотворными текстами А. С. Пушкина. I. Стихотворение «Я помню чудное мгновенье». — В его кн.: «Избранные труды по теории литературы». М., 1964, с. 390—391. Возможно, что Пушкин сохранил в памяти стих Жуковского не из «Лаллы Рук», но из его же стихотворения 1823 г.: «Я музу юную, бывало...», где снова говорится:

Цветы мечты уединенной
И жизни лучшие цветы,—
Кладу на твой алтарь священный
О, гений чистой красоты!

Любимое Жуковским и неоднократно появляющееся в его лирике видение «гения», пролетающего мимо, и символизирующее возникновение «прекрасного», возводят к впечатлению, которое произвело на него стихотворение Шеллинга: «Lied» (И. П. Галюн. К вопросу о литературных влияниях в поэзии В. А. Жуковского. Киев, 1916, с. 20—23).

[41] «Москвитянин», 1848, ч. II, № 4, отд. «Науки», с. 14—15.

[42] «Дневники В. А. Жуковского», с. 102.

[43] M. Hofmann. Op. cit., p. 153.

[44] В. А. Жуковский. Стихотворения, т. I, Л., 1939, с. 385.

[45] В. А. Жуковский. Стихотворения. Л., 1956, с. 801.

[46] Dietrich Gerhardt. Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966, S. 34, 50. Немецкий текст интересующего нас стихотворения напечатан в кн.: «Gedichte von Hedwig von Olfers, geb. von Staegemann». Berlin, 1892, S. 44. Гедвига фон Штегеманн (1799—1891) вышла замуж за дипломата и ученого археолога, Игнаца фон Ольферса, бывшего в то время генеральным директором Королевских музеев; Жуковский бывал у них в доме в Берлине. В 1830 г. Гедвига фон Ольферс писала приятельнице г-же Клейст (урожд. Gualtieri) о своем знакомстве с А. И. Тургеневым, «лучшим другом» Жуковского: «Сделанная им характеристика Жуковского, его бескорыстия, чистоты его души, сохраненной в плохом окружении, была поистине трогательной и вместе с тем юмористической ‹...› Трудно, однако, поверить, что двор Лаллы Рук является обычным двором, и не так то легко, находясь при нем, остаться верным самому себе. Дальше он об этом не высказывался, и я не хотела его спрашивать» («Hedwig von Olfers, geb. von Staegemann, Ein Lebenslauf aus Briefen zusammengestellt», Bd. II. Berlin, 1914, S. 143). Эту цитату приводит в своей интересной статье о немецких знакомых Жуковского Д. Герхардт (Dietrich Gerhardt. Aus deutschen Erinnerungen an Zukovskij.— В сб.: «Orbis Scriptus. Festschrift f. D. Tschižewskij». Munchen, 1966, S. 257). О Гедвиге Штегеманн-Ольферс см.: «Allgemeine Deutsche Biographie», Bd. 35, 1893, S. 387. Несколько ироническое отношение к Жуковскому и его роли при «дворе Лаллы Рук», проглядывающее между приведенными выше строками письма Штегеманн-Ольферс, находит аналогию в более чем сдержанном отзыве о Жуковском самой Александры Федоровны. В своих воспоминаниях она рассказывает: «В то же время ‹1817› я принялась серьезно за уроки русского языка; в учителя мне был дан Василий Андреевич Жуковский, в то время уже известный поэт; но человек он был слишком поэтичный, чтобы оказаться хорошим учителем. Вместо того чтобы корпеть над изучением грамматики, какое-нибудь отдельное слово рождало у него идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметом для беседы; таким образом проходили уроки. Поэтому русский язык я постигала плохо, и несмотря на мое страстное желание изучить его, он оказывался настолько трудным, что я в продолжение многих лет не имела духу произносить на нем цельных фраз» («Имп. Александра Феодоровна в своих воспоминаниях».— «Русская старина», 1896, № 10, с. 32—33).

[47] Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине, с. 61—64.

[48] Пушкин, т. VI, с. 637. Эта строфа, по-видимому, должна была следовать за строфой XXX 8-й главы «Евгения Онегина». Официально Пушкин представлялся императрице 8 апреля 1834 г., о чем говорится и в его дневнике, но знакомство с ней, вероятно, произошло раньше, в 1831 г., в Царском Селе. См. о ней и об отношении к ней Пушкина у Б. Л. Модзалевского в примечаниях к «Дневнику» Пушкина (Пг., 1923, с. 134—135) и В. Ф. Саводника к московскому изданию того же «Дневника» (М., 1923, с. 231—232). Приведенная отброшенная строфа из «Евгения Онегина» была поводом для различного рода недоразумений. О ней вспомнил, например, К. Г. Паустовский в романе «Дым отечества» (М., 1964, с. 18); однако эпизод появления Лаллы Рук на берлинском празднике 1821 г., утвердивший прозвище Лаллы Рук за русской императрицей, был забыт настолько прочно, что в романе Паустовского он совершенно запутан и рассказывается с самыми неожиданными ошибками. Очевидно, путая Лаллу Рук — героиню «восточной повести» Мура — с авантюристкой 40-х годов Лолой Монтес, Паустовский пишет о героине своего романа: «Таня читала о гибели пленительной комедиантки Марион Делорм, об испанской рыжеволосой артистке Лале Рук (!), упавшей на колени перед Рихардом Вагнером (!). В томике Пушкина она нашла в примечаниях две строки из «Евгения Онегина», выброшенные поэтом, но спасенные одним из его почитателей: «и в зал, как лилия крылатая, колеблясь, входит Лала Рук». То, что она считала выдумкой писателя, оказалось

правдой — Лала Рук была в России (!) и ее видел Пушкин» (!). Удивительно как много несообразностей нагромождено всего лишь в нескольких, приведенных выше строках. Писатель не только спутал Лолу Монтес с Лаллой Рук, но последнюю он счел не героиней поэмы, а историческим лицом, что и дало ему возможность познакомить индийскую принцессу с Пушкиным в Петербурге! Равным образом, имея в виду Лолу Монтес, он заставил ее упасть на колени перед Рихардом Вагнером, а не перед Берлиозом. Лола Монтес (1820—1861) пользовалась громкой, но скандальной известностью в 40—50-х годах; эта испанская танцовщица была фавориткой баварского короля Людвига I, который всецело подчинялся ее капризам. В 1848 г., после отречения короля, она вынуждена была покинуть Германию и поселиться в Лондоне. Еще до того повесть о ней («Лола Монтес», 1847) написал А. В. Дружинин; ее упоминали В. П. Боткин в «Письмах об Испании» (письмо III), Герцен в «Былом и думах», Чернышевский в повести «Алферьев» и в «Повестях в повести» и т. д.

[49] «Лалла Рук» Жуковского датируется 27 (15) января — 7 (19) февраля 1821 г.; следовательно, это стихотворение закончено *на другой день* после того как он кончил свой перевод «Явления поэзии в виде Лаллы Рук» — 18 (6) февраля того же года; «Стихи m-lle Stägemann» упомянуты Жуковским в дневнике 1 (13) февраля 1821 г.

[50] «Бумаги В. А. Жуковского. Разобраны и описаны И. А. Бычковым. Прилож. к «Отчету имп. Публичной библиотеки за 1884 г.», с. 99—100.

[51] Это указание И. А. Бычкова неточно. Перевод «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» Р. Саути действительно сделан был Жуковским в октябре 1814 г., но долго оставался ненапечатанным вследствие цензурных запрещений, чем и объясняется нахождение списка этого перевода в поздней тетради поэта. В середине 1820 г. Жуковский вновь представил переведенную им балладу в цензурный комитет с просьбой о позволении напечатать ее в «Московском телеграфе» под новым заглавием «Ведьма», но она была снова запрещена «как пьеса», в которой дьявол торжествует над церковью, над богом» («Русская старина», 1887, № 11, с. 485). В первый раз Жуковскому удалось напечатать ее лишь в *четвертом* издании своих «Стихотворений», вышедших в Петербурге в 1835 г. (ср.: «Временник Пушкинской комиссии, 1966». Л., 1969, с. 25—26).

[52] Самуэль Генрих Шпикер (S. H. Spiker, 1786—1858) был переводчиком «Макбета» Шекспира, переводил также произведения В. Скотта, В. Ирвинга и др. См. о нем: «Allgemeine deutsche Biographie», Bd. 35 (1893), S. 164—166.

[53] «Бумаги В. А. Жуковского», с. 103.

[54] Dietrich Gerhardt. Vergangene Gegenwärtigkeiten. Göttingen, 1966, S. 31 (немецкий текст Шпикера из альбома рисунков Гензеля и русский перевод Жуковского приведены здесь параллельно).

[55] А. Ю. Якубовский. Восстание Муканны — движение людей в «белых одеждах».— В сб.: «Советское востоковедение», т. V. М.— Л., 1948, с. 35—54 (в этой статье, основанной на первоисточниках, поэма Мура не упоминается); Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I. Изд. 2-е. М., 1952, с. 147—152.

[56] Исследований об источниках «Лаллы Рук» и, в частности, первой входящей в ее состав поэмы, сколько знаем, не существует. Мы полагаем, что важнейшим из них, при создании «Покровенного пророка Хорасана», был знаменитый труд французского ориенталиста XVII в. Бартелеми д'Эрбело (d'Herbelot) «Bibliothèque orientale ou Dictionnaire universel, contenant tout ce qui fait connâitre des peuples d'Orient. Paris, 1697). В примечаниях к своей поэме Мур несколько раз ссылается на книгу д'Эрбело, в частности, приводя оттуда цитату, излагающую учение Муканны о метемпсихозе. Из той же книги Мур заимствовал легендарные сведения о Муканне, взятые д'Эрбело у арабских историков, в частности, их рассказы о его оптических фокусах с искусственной луной, о его самосожжении после известия о том, что его войска разбиты наместником Хорасана и т. д.

[57] А. Ю. Якубовский. Указ. соч. с. 43—44. Представляло бы интерес выяснить, на каких фактических основаниях построена поэма Мура и в чем он дополнил ее собственными вымыслами; мы допускаем, например, что образ Зелики мог быть подсказан Муру какими-то сведениями о примкнувшей к движению Муканны владетельницы селения Нершах (в окрестностях Бухары), с которой жестоко расправился арабский военачальник, а самое селение Нершах, осажденное арабами, превратилось у Мура в крепость Некшеб (Nekscheb), называемую также у д'Эрбело.

[58] См. текст стихотворения «Пери» в «Бумагах В. А. Жуковского», с. 100—103; он воспроизведен у Д. Герхардта («Vergangene Gegenwärtigkeiten», S. 31—34) вместе с немецкими его оригиналами — тремя «картинами» Шпикера под общим заглавием «Die Peri und das Paradies».

[59] «Бумаги В. А. Жуковского», с. 103.

[60] D. Gerhardt. Op. cit., S. 34.

[61] Th. Moore. Poetical Works. Paris, 1829, p. 57—58. Ср. в русском прозаическом переводе «Света гарема» 1827 г.: «Убежим вместе в пустыню; приди, убежим вместе! Аравийские шатры наши дадут тебе убежище простое; но какое сердце будет нерешимо <!> между любовью в шатре и престолом без любви?» («Сын Отечества», 1827, № 5, с. 57).

[62] К. К. Мердер. Записки.— «Русская старина», 1885, № 3, с. 544: «Представлены были следующие картины: 1) пери, изгнанный из рая гений <!>, просит у ангела,

хранящего двери, позволения войти. Ангел отказывает, говоря, что пери должна представить приятный дар небу. Роль пери исполняла вел. княжна Мария Николаевна. Роль ангела — вел. княжна Ольга Николаевна; 2) пери приносит в дар небу каплю крови, пролитой в защиту отечества, но врата рая не отворяются; 3) Махмуд, султан турецкий — его высочество в. кн. Александр Николаевич; 4) умирающий воин — П. Мердер; 5) пери представляет небу в дар слезу раскаяния грешника — и двери рая растворяются» и т. д.

Как раз в это время «живые картины» входили в моду в великосветских салонах Москвы и Петербурга. Изобретенный французскими художниками Давидом и Изабе новый сценический жанр интересовал многих; он предоставлял возможность демонстрировать зрителям остановившийся момент действия (иногда идиллический, иногда драматический, кризисный или завершающий, но всегда живописный), его зрительную фиксацию. Описывая живые картины, инсценированные в доме Д. В. Голицына в 1830 г., «Дамский журнал» отмечал, что эти картины, воплощавшие в лицах и декорациях живописные полотна Дж. Доу, Тициана и Рубенса, «действовали с двоякою силою: *истины* и *обмана*! Пленяясь неподвижною красотою, блестящею в картине, думаешь тогда же, что сия красота есть дело природы, не искусства,— и чувствуешь такие впечатления, каких нельзя чувствовать ни в какой картинной галерее» (1830, № 3, с. 39—47). Это популярное развлечение упоминают и другие свидетели, например, Пушкин в своем дневнике от 10 апреля 1834 г., рассказывающий о «живых картинах» на вечере у Уварова. Именно о «живой картине» думал и Гоголь, пытаясь представить себе заключительную сцену «Ревизора». В своем «Отрывке из письма, писанного автором после первого представления «Ревизора» к одному литератору» (1836), Гоголь писал, что «это просто немая картина, что все это должно представлять одну окаменевшую группу, что здесь оканчивается драма и сменяет ее окаменевшая мимика ‹...›, что совершиться все это должно в тех же условиях, каких требуют так называемые «живые картины» (Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. IV. Л., 1951, с. 103). См. об этом также в статье: Ю. М а н н. Формула описания у Гоголя.— «Известия АН СССР, серия литературы и языка», 1971, т. XXX, в. 1, с. 30.

[63] О двухактной опере Спонтини «Нурмагала» (либретто М. Герглоца) — см.: F. F é t i s. Biographie universelle des musiciens., v. V. Paris, 1875, p. 8.

[64] Это стих из посвящения первой части «Фауста» Гете, любимый Жуковским и много раз цитировавшийся им по памяти с незначительными вариантами (у Гете: «Und manche liebe Schatten *steigen* auf»), в первый раз — в стихотворном посвящении «Двенадцати спящих дев», где, обращаясь к своему «благодатному гению», «воздушной подруге юных дней», Жуковский говорит:

Ты образы веселых лет примчала
И много милых теней восстает.

О частом употреблении Жуковским этой цитаты см.: А. Н. В е с е л о в с к и й. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904, с. 265.

[65] «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя», вып. 1. СПб., 1907, с. 50.

[66] Там же, с. 90—91.

[67] В. А. Ж у к о в с к и й. Стихотворения. Л., 1956, с. 650—651.

[68] «Соревнователь просвещения и благотворения» (Труды Вольного об-ва любителей российской словесности), 1821, ч. XIII, кн. 1, с. 37—62. Первая книжка журнала, в которой опубликован указанный перевод К. П. Б., имеет цензурное разрешение: 30 декабря 1820 г., следовательно, она вышла в свет вскоре после того, как этот перевод был одобрен к напечатанию на 32-м заседании «Вольного общества», состоявшемся 13 декабря 1820 г., как это видно из протокола этого заседания, напечатанного В. Г. Базановым (в кн.: «Ученая республика». М.— Л., «Наука», 1964, с. 390). Кто скрылся под буквами К. П. Б.— нам неизвестно; явно тому же переводчику принадлежала статья «Критика на книгу Полное издание сочинений лорда Байрона, содержащее в себе и те поэмы, которые прежде не были напечатаны. С франц. К. П. Б.» («Соревнователь просвещения...», 1820, ч. XII, с. 101—120); эта статья была одобрена к напечатанию на 25-м заседании «Вольного общества» 4 октября 1820 г. (В. Б а з а н о в. Указ. соч., с. 386). Отметим также, что перевод «Рая и пери», сделанный К. П. Б., несомненно, был известен Жуковскому; заключаем об этом на том основании, что в той же книжке «Соревнователя просвещения», где он был напечатан, впервые появились два стихотворения Жуковского: «Весеннее чувство» (с. 88—89) и четверостишие «К портрету Гете» (с. 95).

[69] «Исторический опыт об английской поэзии и нынешних английских поэтах: «Томас Мур». Пер. Ив. П-го.— «Сын Отечества», 1821, ч. 72, № 35, с. 58—59.

[70] «Revue encyclopédique», 1821, t. IX, № 26, p. 228—240; № 27, p. 446—458; эта статья вышла также отдельным оттиском: «Essai historique sur la poésie anglaise et sur les poètes anglais vivants» (Paris, 1823). См. о ней: E. Margaret P h i l l i p s. Philarète Chasles, critique et historien de la litterature anglaise. Paris, 1933, p. 181, 243. Называя отзыв Ф. Шаля о творчестве Мура «слишком снисходительным» (с. 181), та же исследовательница обращает внимание на ранний стихотворный опыт Шаля «Невеста из Бенареса» («La fiancée de Benarès; nuits indiennes». Paris, Canel, 1825), представляющий собою явное подражание «Раю и пери» Мура: это произведение состоит из трех «гимнов самоотверженности», оправленных в прозаическую рамку, как и в «Лалле Рук»; в предисловии к своему произведению Шаль говорит также об индийском происхождении сюжета об искуплении изгнанной из рая пери (E. M. P h i l l i p s. Op. cit., p. 51—52).

[71] См. объяснение слова «пери» в примечании к французскому изданию двух поэм

Мура в прозаическом переводе (Th. M o o r e. Le prophète voilé; le Paradis et la Péri. Paris, 1820, p. 75): «Le mot péri, dans le langage persan, signifie cette belle race de créatures qui tiennent le milieu entre les anges et les hommes», etc.*

[72] «Сын Отечества», 1821, № 20, с. 243—265.

[73] Современники Жуковского интересовались тем, насколько близко удалось ему воспроизвести в своем переводе («Пери и ангел») английский оригинал Мура. Сохранилось свидетельство, что свояченица А. О. Смирновой, Софья Михайловна Смирнова (1809—1835), хорошо знавшая английский язык, с которой добрые отношения поддерживали и Жуковский, и Пушкин, взяла на себя труд сверить «строчку за строчкой» перевод Жуковского с оригиналом; так же поступила она с «Шильонским узником» Байрона в переводе того же Жуковского («Дневник А. С. Пушкина». М., 1923, с. 523).

[74] Marcelle É h r a r d. V. A. Joukovski et le préromantisme russe. Paris, 1938, p. 271. Следует, впрочем, отметить, что и во Франции слово «пери» употреблялось в довольно неопределенном значении. Еще Вольтер в своем «Dictionnaire philosophique» указывал, что, по учению древних персов, «сатана — это один из «гениев», устроивший войну между *дивами* и *пери*, т. е. *феями*» («Oeuvres complètes», t. XVII, ed. Moland, p. 252), но представление об этих существах долгое время оставалось зыбким и расплывчатым. В 1826 г. В. Гюго в своих «Odes et Ballades» поместил под № X балладу «Фея и пери» (написана в июле 1824 г. и в черновике называлась «Пери и фея»). Это диалог между западной «феей» и восточной «пери», между которыми поэт, очевидно, усматривал известную аналогию. В этой балладе сама «пери» описывает себя в словах, едва ли воссоздающих ее бесплотный образ. «Из всех пери я красивее всех,— говорит она,— мои сестры господствуют там, где рождается день; в их бессмертной толпе я блистаю, как блещет цветок, который срывают, мечтая о любви»:

Des Péris je suis la plus belle.
Mes soeurs règnent où nait le jour,
Je brille en leur troupe immortelle
Comme entre les fleurs brille celle
Que l'on cueille en rêvant d'amour...

Из последующих стихов возникает не представление о крылатом неземном создании, но портрет восточной красавицы в ярком многоцветном одеянии: на лбу у нее покоится шелковый тюрбан, руки ее усеяны драгоценными рубинами и т. д. Только ее пурпурные крылья, на которых видны, когда она находится в полете, три пламенных «глазка», свидетельствуют о ее сверхъестественном происхождении. См.: V. H u g o. Odes et ballades. Paris, Ladvocat libraire, 1826, p. 221—236. Образ «пери» здесь частично навеян Муром и, в частности «Лаллой Рук»; о Муре и об этой его «восточной» повести Гюго напечатал восторженный отзыв еще в 1820 г. (см. ниже, прим. 116). Добавим, что, как обычно считается, образ пери в западноевропейские литературы ввел Мур с его «Лаллой Рук», основанной на сведениях, заимствованных из «Bibliothèque Orientale» д'Эрбело (d'Herbelot), который называет пери «прекрасными созданиями воздуха, живущими благодаря ароматам». Говоря, что они «живут на солнце и среди звезд», Альфред де Виньи, хорошо знавший «Лаллу Рук», может быть, помнил также более ранние по этому поводу объяснения, сделанные в «Ватеке» (1787) Бекфорда, где говорится, что пери «спускаются со своих сфер», и что «эти прекрасные создания представляют нечто среднее между ангелами и людьми». Ср.: V. S u m m e r s. L'Orientalisme d'Alfred de Vigny. París, 1930, p. 19.

[75] E. Margaret P h i l l i p s. Op. cit., p. 51.

[76] Эта строфа песни «задумчивой Мери» в «Пире во время чумы», как известно, всецело принадлежит Пушкину и не находит себе аналогии в драме Вильсона. См.: Н. В. Я к о в л е в. Об источниках «Пира во время чумы».— «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова». М.— Пг., 1923, с. 113—114.

[77] К. Р ы л е е в. Полн. собр. стихотв. Ред. Ю. Г. Оксмана («Библиотека поэта»). Л., 1934, с. 89—90, 384.

[78] «Воспоминания В. Ф. Раевского».— ЛН, т. 60, кн. I, 1956, с. 95.

[79] Цитируем по тексту «Сына Отечества», 1821, № 20, с. 243—265; приводим для сопоставления тот же отрывок поэмы в прозаическом переводе К.П.Б. в «Соревнователе просвещения» (1821, ч. XIII, с. 43—44): «Пери обратила вниз свой взор и сквозь кровавый туман примечает юного воина: он стоит на бреге отечественной реки один; преломленное и окровавленное оружие в его руках; одна, последняя стрела в его колчане. Победитель говорит ему: живи, живи! Разделяй со мною трофеи и венец, которым украшаюсь!— Юноша молчал и в молчании указывал на воды, обагренные кровию его единоземцев; вместо ответа пустил в сердце завоевателя последнюю стрелу. Хотя он хорошо метил, она пролетела мимо: тиран остался жив, а герой пал!» Пери поспешает к нему, «чтобы поднять, до отшествия его свободно рожденного духа, последнюю — одну последнюю, славную каплю крови, вытекшую из его сердца» и т. д. Сравнение обоих переводов — стихотворного и прозаического — приводит к заключению, что перевод К.П.Б. не только более архаичен; в нем опущены ответственные, опорные слова, придающие всему этому эпизоду общественно-политическое звучание; лексически и фразеологически Жуковский ближе воспроизвел

* «Слово пери на персидском языке означает эти прелестные создания, которые представляют нечто среднее между ангелами и людьми» и т. д. (*франц.*).

подлинник (ср. у него смерть «за дело чести и свободу», тиран — «истребитель свободы»; пери говорит об «искуплении свободы»).

Среди бумаг А. В. Дружинина хранится неопубликованная его черновая заметка о стихотворении «Проклятие», в которой дана подробная характеристика «Огнепоклонников» Мура. Приводим эту заметку по рукописи:

«Томас Мур, горячий ирландец, представил нам в одном из своих сочинений пример такой поэтической запальчивости, которая, соединяясь с общей прелестью и прозрачностью его поэзии, производит эффект громадный. В одной из своих поэм «Огнепоклонники» он изобразил любовь молодого предводителя гвебров ⟨так! следует: *гебров*⟩ к дочери мусульманского паши, истреблявшего огнем и мечом его одноплеменников. Трудно представить себе что-нибудь очаровательнее этих любовных сцен, при свете восточных звезд, посреди ярких цветов и говора фонтанов, в блестящем ⟨*нрзб.*⟩, над морем, которое искрится и отражает серебряное сияние луны. Молодой гвебр избран предводителем огнепоклонников, его войско и народ защищены от нападений морем и утесами, одна тропинка ведет к их убежищу, и ее не знает никто, его народу нечего бояться мусульманского оружия. Он предлагает свое убежище любимой им женщине, час свидания назначен, и через несколько дней красавица будет во власти молодого вождя. Они расстаются, и предводитель идет к своему племени. Наступает ночь, и посреди ее мрака молодой герой и его племя окружены мусульманами. Один из его друзей предал свой народ, тропинка занята неверными, гвебры погибают все после отчаянной битвы,— прекрасная дочь паши бросается в море. На этом месте поэт останавливается, бросает взгляд на погибель любимых им созданий, на разрушение счастья, описывая которое растратил он столько роскошных цветов своей поэзии, и, полный жгучей ненависти к им же созданному изменнику, произносит ожесточенное проклятие на изверга, который продал своих братьев, свое племя, свою веру, своего вождя и его грациозную любовницу! Мур не находит слов, чтоб высказать свое негодование, вся живописность восточного слога не может изобразить будущности, которую он сулит предателю. Он шаг за шагом пророчит ему все страдания жизни, все муки душевные и физические, изобретает для него ⟨ряд казней — ? *на этих словах идет линия обрыва*⟩ одна другой ужаснее, и даже в загробных наказаниях смешивает блаженство с казнью, желая ему мучиться в адском огне и не спускать глаз с картины блаженной жизни праведников» (ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, № 95).

[80] «Обожатели огня, восточная повесть (из Томаса Мура)». Пер. Н. Бестужев.— «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. XVI, с. 113—156, 249—297; отд. изд. с особым титульным листом (СПб., 1821). Ср. М. Ю. Баранов с к а я. Декабрист Николай Бестужев. М., 1954, с. 289. Перевод этот был рассмотрен и утвержден к печати на заседании «Вольного общества» 19 сентября 1821 г. (В. Б а з а н о в. Указ. соч., с. 402).

[81] «Вестник Европы», 1830, № 11, с. 227—228.

[82] Воспоминания Бестужевых. Ред., статья и коммент. М. К. Азадовского. М.— Л., 1951, с. 687; заглавие перевода Н. Бестужева названо здесь неправильно: «Пожиратели ⟨!⟩ огня». Столь же бездоказательно и ошибочно сделанное здесь же указание комментатора: «Мура переводили также Жуковский и Козлов, в передаче которых Мур совершенно потерял свою политическую окраску».

[83] В. Б а з а н о в. Указ. соч., с. 241.

[84] В переводе Н. Бестужева примечание на с. 122 передано так: «В одной из книг Шака Мамеха сказано...»; если это не опечатка, то переводчик, очевидно, не понял, что у Мура идет речь о знаменитой эпической поэме древнеперсидского поэта Фирдоуси (ум. 1020) «Шах-Намэ», т. е. «Книге царств». Об этом и других классиках персидской поэзии в русских литературных кругах заговорили несколько позже, в особенности под воздействием книги Гете «Западно-Восточный Диван» (1819). В переводе «Обожателей огня» Н. Бестужева транскрипции большинства слов восточных языков очень приблизительны, непривычны для современного нам читателя или заключают в себе опечатки; многочисленны случаи упрощения перевода, изъятия из него малопонятных восточных реалий. Отметим также, что в подлинном английском тексте поэмы нет разделения его на четыре «части», как это сделано в переводе Бестужева; зато переводчик устранил из своего текста находящиеся в оригинале небольшие прозаические связки, в которых даются пояснения к развитию действия.

[85] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. XVI, с. 137—138.

[86] Все цитаты из «The Fire-Worshippers» и здесь, и ниже, даются по изданию: «Poetical works of Thomas Moore». Paris, Galignani, 1829, p. 35.

[87] W. F. P. S t o c k l e y. Moore and Ireland.— В кн.: W. F. P. S t o c k l e y. Essays in Irish biography. Dublin and Cork, Cork. Univ. Press, 1933, p. 21.

[88] Б а й р о н. Дневники.— Письма. М., 1963, с. 151.

[89] Г. Б р а н д е с. Главные течения литературы XIX в. Пер. В. Неведомского. М., 1893, с. 197—198. Вот эти подробности: «Незадолго перед тем, как Гафед стал призывать гебров к восстанию, он бродил изгнанником по чужим странам, а Гинда, со страхом за жизнь Гафеда, ежедневно слушает рассказы о кровавой расправе с бунтовщиками. Когда же Гинда сама себя лишает жизни с отчаянья, что ее возлюбленный погиб на костре, поэт обращается к ее трупу с плачевной песнью, в которой стоит только заменить слово Иран словом **Эрик** и целые из нее строфы можно будет присоединить к песне «She is far from the land» ⟨из «Ирландских мелодий» Мура⟩, так что никто не заподозрит присутствия постороннего элемента» (с. 198).

[90] «Вестник Европы», 1830, № 11, с. 228.

[91] Wallace Cable B r o w n. Thomas Moore and English Interest in the East.— «Studies in Philology», 1937, v. XXXIV, p. 581.

[92] Там же, с. 581.

[93] Д.О.Л.Б. В о л ь ф. Чтения о новейшей изящной словесности. М., 1835, с. 169.

К статье Шарля Нодье «Байрон и Томас Мур», напечатанной в переводе Л. Крестовцева в «Литературной газете» (1831, № 27, с. 219—220) «издатель», т. е. О. М. Сомов (ср.: Е. М. Б л и н о в а. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966, с. 199, № 721) сделал следующее примечание: «Статья сия помещается здесь как образец остроумных парадоксов замечательного писателя Карла Нодье. Во всех его мнениях более блеску, нежели истины: так и в этом сравнении Байрона и Мура. Теперь уж трудно кого-либо увлечь парадоксами. Все согласятся, что Томас Мур обладает прекрасным талантом; но едва ли кто убедится, что его радужные, отчасти жеманные картины можно ставить наряду с произведениями широкой и сильной кисти Байрона. Томас Мур — человек с поэтическим дарованием и музыкальным слухом, но Байрон гений необыкновенный, представитель поэзии своего века».

[94] К этой же поэме Мура, как мы видели выше (см. стр. 670), относится также стихотворение Жуковского «Мечта», но оно оставалось ненапечатанным до 1887 г.

[95] «Путешествие в Луристан и в Аравистан».— «Библиотека для чтения», 1854, т. 126, июль, отд. III, с. 43—44. В одном из своих журнальных критических обзоров Чернышевский пытался догадаться, переводным или оригинальным является это «Путешествие» и, в частности, замечал: «Сначала нам показалось, что автор англичанин: он беспрестанно цитует строки Мура» (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч.,т. XVI, М., 1953, с. 55; этот обзор напечатан в «Отечественных записках», 1854, № 8; упрек, что путешественник «беспрестанно» цитирует Мура — несправедлив; в больших двух частях путевых записок анонимного автора мы нашли лишь одну цитату из Мура; при этом английский ее текст в русском журнале искажен до чрезвычайности).

[96] И. И. К о з л о в. Полн. собр. стихотв. Ред. И. Д. Гликмана. Л., 1960, с. 75.— Перевод Козлова, довольно далекий от подлинника, с подзаголовком «Из поэмы «Лалла Рук» был напечатан в журнале «Новости литературы», 1823, № 5, с. 79—80. Несколько лет спустя в другом журнале появился новый перевод этого стихотворения под заглавием «Романс (Из Мура)» за подписью: Ф. Алексеев. Тула, 1825 («Московский вестник», 1827, ч. 3, № 9, с. 7—8). Этот перевод еще дальше отстоит от оригинала: приводим две начальные строфы из четырех:

Есть тихая роща в родной стороне —
Там сонные лавры цветут в тишине,
На ветках зеленых поют соловьи,
Играя, сверкают жемчужны струи;
Там розы душистей, там луг зеленей,
Там красное солнце горит веселей!..

Та роща над морем в горах вознеслась,
В приютном раздолье она разрослась;
Над ней, пролетая, гроза не шумит,
Стрела громовая ветвей не палит;
Все тихо, все дышет прохладой живой,
Все полно, все веет нетленной весной... и т. д.

Даты рождения, сведения о жизни и смерти Федора Алексеева не установлены; известно лишь, что он сотрудничал в русских журналах и альманахах 20—40-х годов, а в 1828 г. издал в Москве отдельной книжкой поэму «Чека. Уральская повесть».

[97] «Венок граций. Альманах на 1829 год». М., (1829), с. 17—88; на с. 85—88 помещены «Примечания к повести»; из «примечаний» Т. Мура (постраничных и после текста) они выбраны наудачу и, кроме того, сильно сокращены.

[98] См., напр.: «Персидская область Хорасан. Из записок о Персии. Перев. с англ. полк. Друвилем. Перев. на русск. Т.М.» — «Русский инвалид», 1827, № 275—277 и 280. См. также справочное пособие энциклопедического характера: «Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеидстана, Синди, Бальха, Белудшистана, земли Хорассана, также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России, с присовокуплением описания похода персиян против России в 1826, 1827 и 1829 гг.» 3 части. М., 1829. О Хорасане здесь, между прочим, говорится: «Хорасан составлял некогда обширнейшую Северную провинцию Персии; но ныне большая ее часть отторжена от власти Шаха, и персы называют ее святою землею (...) Хорасан, составлявший некогда славное Хорасанское царство, ныне подвластен многим владельцам; города Мечед, Нишапур, Туркит и Тарбед с своими округами принадлежат персидскому шаху; Герат и южная часть Хорассана — Кабульскому государю, а северная часть населена узбеками и туркоманами, кои не признают никакого владельца и кочуют по всей части» (ч. 1, с. 68—69). Из этой же книги можно было получить кое-какие сведения о городе Мерве (Мары; ныне в Туркм. ССР), в котором начинается действие в поэме Мура, о гебрах-огнепоклонниках (ч. 1, с. 73, 83—88: «гвебры, остатки древних жителей Персии огнепоклонников»); глава 10 первой книги озаглавлена: «О персидском языке, литературе, науках, художествах, воспитании и забавах персиян» (ч. 1, с. 147—158).

[99] Аполлон Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. В. Н. Княжнина. Пг., 1917, с. 60.

[100] П. С. ⟨П. Свиньин⟩. Взгляд на периодические издания и альманахи.— «Отечественные записки», 1829, ч. 37, № 107, март, с. 501—502.

[101] «Свет гарема. (Из Томаса Мура)».— «Сын Отечества», 1827, № 5, с. 27—60.

[102] Прозаический перевод «Света гарема» О. М. Сомов закончил в 1823 г.; это засвидетельствовано в «Подробной ведомости сочинениям и переводам в прозе и стихах господ членов ⟨...⟩ Вольного об-ва любителей российской словесности». (В. Базанов. Указ. соч., с. 425); дальнейшая судьба этого перевода, однако, неизвестна. В своем известном критическом очерке: «О романтической поэзии. Опыт в трех статьях» (СПб., 1823, с. 25—33) Сомов, говоря о Муре и утверждая, что «читателям нашим знакомы некоторые эпизоды или вводные поэмы Лаллы Рук», ни словом не обмолвился о том, что в это время он и сам занят был переводом одной из этих поэм — «Свет гарема». Никаких сведений об этом переводе не находится также в большом библиографическом указателе печатных работ Сомова, приложенном к книге: З. В. Кирилюк. О. Сомов — критик та белетрист Пушкінської епохи. Київ, 1965, с. 145—166.

[103] Ту же поэму «The Light of the Haram» под заглавием «Светило гарема» перевел Д. П. Ознобишин (много переводивший и печатавший в 20—30-е годы стихотворных произведений Мура), но, по свидетельству его биографа, она «нигде не напечатана» (Н. А. Державин. Забытые поэты. II. Д. А. Ознобишин.— «Исторический вестник», 1910, № 9, с. 860).

[104] К. Н. Григорьян. Литературные опыты М. А. Гамазова.— В сб.: «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX вв.». М.—Л., 1959, с. 361.

[105] ИРЛИ, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 8, л. 5—18; в эту же рукописную тетрадь вошли переводы («Весна» А. Попа и др.) и оригинальные произведения М. А. Гамазова. Заглавие перевода из Мура «Свет гарема (Нурмагаль)» объясняется тем, что имя героини Nourmahal и значит в переводе «Свет гарема».

[106] «Лалла Рук. Восточная повесть Т. Мура». Пер. с англ. М., 1830. В тип. А. Семена (120, 74 с.; ценз. разреш. 11 февраля 1830). Вероятно, именно это издание имел в руках Белинский (см. его письмо к брату от 29 сентября 1831 г.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI. М., Изд-во АН СССР, 1956, с. 60); возможно, что за присылку ему того же издания В. К. Кюхельбекер благодарил родных в письме 26 июня 1830 г. (ЛН, т. 59, кн. 1, 1954, с. 407).

[107] «Московский телеграф», 1830, № 22, с. 365.

[108] В Отделе рукописей ГБЛ имеется следующая рукопись: «Лалла Рук или Принцесса Могольская. Восточная повесть Томаса Мура. Перевел с английского на французский, а с французского на русский А...Ж...З...» Ч. 1 (л. 1—146); ч. 2 (л. 149—151). 105 л. На форзаце указано: «Весь перевод исправлен и просмотрен 1836 года, января 5 дня» (шифр: М., 10763). В списке «Новых приобретений» библиотеки (за май — август 1939 г.) значится под № 70 (с опечаткой в имени Мура: Томаш вм. Томас): «Записки отдела рукописей», в. 7, М., 1941, с. 95.

[109] В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и в России. Изд. 2-е. Л., 1925; И. Ю. Крачковский. Очерки из истории русской арабистики. М.— Л., 1950, с. 84. Открытие восточных кафедр в Главном педагогическом институте состоялось в 1818 г. С. С. Уваров в своей речи подчеркнул «важность новых предметов, вводимых в программу преподавания ⟨...⟩ Полный одушевления и любви к предмету, он говорил о Востоке, о литературах арабской, персидской и особенно санскритской» (П. А. Плетнев. Сочинения и переписка, т. III. СПб., 1885, с. 161). Укреплению интереса к восточным культурам в немалой степени содействовали преподавательская деятельность А. Болдырева в Москве, О. Сенковского в Петербурге; в русской периодической печати появлялись переводы произведений восточных литератур; в 1825—1827 гг. выходил специальный журнал «Азиатский вестник», который был «загромождён арабскими пословицами и нравоучительными изречениями восточных писателей» (А. Эберман. Арабы и персы в русской литературе.— «Восток», кн. III. М., 1923, с. 113).

[110] С. Шевырев. История поэзии. М., 1835, с. 62—63. Об ориентализме в английской литературе конца XVIII — начала XIX в. см.: F. Delattre. L'orientalisme dans la littérature anglaise.—В его кн.: «De Byroná Fr. Thompson» (Paris, 1913); E. Osborne. Oriental diction and theme in English verse. Kanzas, 1916; Marie E. de Meester. Oriental influences in the English literature of the nineteenth century. Heidelberg, 1915. В сатирической брошюре («Пиитическая игрушка, отысканная в сундуках покойного дедушки классицизма. Изданная Н. М.» М., 1829), говорилось, что «ученейшие общества» просвещенных народов ныне «за множеством потребителей и за недостатком производителей ⟨...⟩ обязаны посылать за литературным товаром в Персию, в Индию и в Китай. Нечего греха таить! Одни переводы с восточных языков кое-как питают европейскую словесность» (цит. по изд.: «Русская стихотворная пародия». Л., 1960, с. 175).

[111] «Московский вестник», 1827, ч. IV, № 15, с. 277—278 (подпись: -въ, т. е. Шевырев).

[112] «Благонамеренный», 1822, № 28, с. 42.

[113] О. Сомов. О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. СПб., 1823 (ст. II), с. 33 (25); к цитированным словам сделано примечание со ссылкой на Сисмонди: «Восточные поэты, первый персидский ⟨...⟩, второй арабский, которого кассида (идиллия) была первою из семи поэм, висевших на стенах храма Меккского».

[114] О. Сомов. Указ. соч., с. 33.

[115] «Вестник Европы», 1830, № 11, с. 223, 225—226. Под названием «Ширина», вероятно, имеется в виду знаменитый роман Низами — «Хосров и Ширин» (1180), в котором рассказана история прекрасной Ширин и ее мужа, Хосрова II, царствовавшего на сасанидском троне (с. 590 по 628 г.) и бывшего последним царем, после убийства которого Иран был покорен арабами. Роман о верной Ширин, своею смертью доказавшей преданность своему избраннику, был очень популярен на Востоке и вызвал много подражаний, среди которых выделяется «Фархад и Ширин» узбекского поэта Алишера Навои (XV в.).

[116] И. В. Мешкова. Творчество В. Гюго, кн. 1 (1815—1824). Саратов, 1971, с. 166. Статья Гюго о «Лалле Рук» помещена в журнале «Conservateur Littéraire», 1820, t. II, Juin, p. 253—261; ср. выше, прим. 75; о недостатках «местного колорита» в произведениях французской литературы см. также: N. D. Samsami. L'Iran dans la littérature française. Paris, 1936.

[117] Ср.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1. М.—Л., 1956, с. 506—507.

[118] О переводе А. Пишо (1820) см. выше, прим. 7.

[119] О Саади как источнике Пушкина см.: В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, с. 383—384; Б. Томашевский. Пушкин, кн. 1, с. 506; М. Нольман. Пушкин и Саади.— «Русская литература», 1965, № 1, с. 133—134.

[120] Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды.— «Звенья», V. М., 1935, с. 110—111.

[121] А. А. Марлинский. Русские повести и рассказы, ч. 7. Изд. 3-е. СПб., 1838, с. 117.

[122] Т. Мур. Лалла Рук. Восточная повесть. Перевод с английского. М., 1830, с. 28. Напомним здесь также восходящее к этому же источнику место в «Письме из Турции» (В. Г. Теплякова: «Я останавливался перед каждым из сих фонтанов и с любопытством рассматривал испещряющие их восточные надписи, жалея и досадуя, что не мог постигать тайного, вероятно поэтического их смысла. Как знать: может быть какой-нибудь новый Саади завещал сему безответному мрамору задумчивые звуки своего упоительного вдохновения? может быть... Стихи ширазского трубадура отозвались в этот миг подобно голосу давно минувшей печали во глубине моего взволнованного сердца: Так! воскликнул я: «*Многие, подобно мне, видели сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече*» («Северные цветы на 1831 год», с. 193—194).

[123] Некоторые современники Пушкина, а за ними и ранние его биографы, сопоставляли его стихотворения с произведениями Мура-лирика. Ксенофонту Полевому, например, в 1834 г. Пушкин представлялся как «род нашего Байрона с примесью Мура» (ЛН, т. 16—18, 1934, с. 750). В. П. Гаевский в рецензии на «Материалы» П. В. Анненкова высказывал догадку, что стихотворение Пушкина «Эхо» (1831) будто бы «навеяно чтением Т. Мура»: «Главная мысль в нем принадлежит самому Пушкину, но некоторые подробности и даже размер стихотворения обличают влияние автора «Ирландских мелодий» («Отечественные записки», 1855, т. 100, № 6, отд. III, с. 61); на основании этого наблюдения «Эхо» печаталось некоторое время с сопровождающим его указанием: «Из Томаса Мура». Против этой догадки Гаевского энергично возразил Н. В. Яковлев, пытавшийся заменить ее новым предположением — о близости этого стихотворения Пушкина к стихотворению другого английского поэта, Барри Корнуола, «Прибрежное эхо» (Н. В. Яковлев. Последний литературный собеседник Пушкина.— «Пушкин и его современники», в. XXVIII. СПб., 1917, с. 20—25). В другой работе Н. В. Яковлев пытался обосновать возможность близкого знакомства Пушкина с «New Thoughts on Old subjects» (1828) Колриджа, где идет речь об одной из «Ирландских мелодий» Мура («Believe me if all those endearing young charms»), а некий импровизатор пытается изложить сущность этого стихотворения Мура в нескольких строках (Н. В. Яковлев. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина.— В сб.: «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, с. 140—144), но эта внешняя параллель к структуре «Египетских ночей» также не кажется убедительной.

[124] «Сын Отечества», 1827, № 5, с. 35; А. И. Подолинский. Соч., ч. 1, СПб., 1860; «Див и пери», с. 1—33; отсюда взяты и последующие цитаты.

[125] А. И. Подолинский. Соч., ч. 1, с. 4, 6.

[126] Там же, с. 1.

[127] «Московский телеграф», 1827, № 21, отд. III, с. 82—89; о принадлежности этой статьи Н. А. Полевому см.: В. Г. Березина. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе».— «Уч. зап. ЛГУ», серия филологических наук, в. 20, 1954, с. 133 (№ 30).

[128] ЛН, т. 16-18, с. 703; ЛН, т. 58, 1952, с. 68. Это дает основания считать собственные утверждения Подолинского, что при первом знакомстве с ним, вскоре после появления «Дива и пери», Пушкин будто бы «имел любезность насказать мне много лестного» («Из воспоминания А. И. Подолинского».— «Русский архив», 1872, стб. 863), не отвечающими действительности и, во всяком случае, сильно преувеличенными. Впрочем, по свидетельству А. П. Керн, Пушкин «восхищался» «многими его ‹Подолинского› стихами» (А. П. Керн. Воспоминания. М., 1974, с. 47).

[129] Пушкин, т. XI, с. 74.

[130] «О поэзии А. И. Подолинского».— «Русская старина», 1885, № 1, с. 82.— Очень характерен отрицательный отзыв об этой поэме Подолинского, данный В. А. Жуковским в дневнике (запись от 1 октября 1837 г.): «У меня был ввечеру Подолинский, который читал мне скучную поэму «Смерть Пери», скучную от чрезвычайной роскоши описаний, кои все главное поглотили» («Дневники В. А. Жуковского». С прим. И. А. Бычкова. СПб., 1903, с. 352 и 363).

[131] А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч., т. III. Ред. Н. К. Пиксанова. Пб., 1917, с. 57, 291; конспективный обзор данных о знакомстве Грибоедова с английской литературой см. в ст.: Ю. Веселовский. Грибоедов и западноевропейские литературы.— «Литературный вестник», 1904, т. VII, кн. 4, с. 75—76.

[132] В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы. Л., 1939, с. XXVII.

[133] Там же, с. 120, 461.

[134] Отрывок «Кальянчи» напечатан впервые в «Сыне Отечества», 1838, т. 1, № 1, с. 19—22; о недошедшем до нас автографическом списке этой поэмы см.: «Русское слово», 1859, № 5, с. 74, а также: А. С. Грибоедов. Соч. Ред. В. Орлова. Л., 1945, с. 341. Существует и другой стихотворный отрывок Грибоедова: «Там, где вьется Алазань»; возможно, что он также является одним из черновых вариантов той же поэмы «Странник» (см.: Вано Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, с. 127—128).

[135] Грибоедов. Соч., с. 335, 408, 605.

[136] «Сын Отечества», 1825, ч. 99, №1, с. 106.

[137] См. выше прим. 4 и 7. Любопытно, что объяснение слова «пери» в полном соответствии с тем его истолкованием, которое привел Жуковский в примечании к переводу «Пери и ангел», дожило в русской печати, притом с искажениями, до наших дней. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (т. III. М., 1939, с. 227) о нем говорится следующее: «Пери (перс. pärî — буквально крылатый). В иранской мифологии — падший ангел, временно изгнанный из рая и охраняющий людей от демонов (представлявшийся крылатым существом в образе женщины).

[138] И. И. Козлов. Полн. собр. стихотв., с. 103.

[139] Там же, с. 205, 468. О речи на английском языке Моисея Иваненко «Характер слога и сочинений Томаса Мура» на публичном выпускном акте Московского благородного пансиона упомянул также «Дамский журнал», 1830, ч. 30, № 17 (апрель), с. 60.

[140] А. С. Хомяков. Стихотв. и драмы. Ред. Б. Ф. Егорова. Л., 1969, с. 69—70; под заглавием «Изола Белла» впервые напечатано в «Телескопе», 1831, ч. 1, № 3, с. 326—327.

[141] А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотв. и писем. М.— Л., «Academia», 1934, с. 233; см. здесь же (с. 404) наблюдение комментатора И. А. Кубасова, что встречающееся в стихотворении Одоевского «Река Усьма» сравнение реки с невестой имеется также в «Рае и пери» Мура, сохраненное и в переводе Жуковского.

[142] Пушкин, т. III, с. 259, 870, 1224.

[143] М. Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч., т. III. Л., «Academia», 1935, с. 206. В. С. Межевич в своих воспоминаниях о Лермонтове говорит: «Не могу вспомнить теперь первых опытов Лермонтова, но кажется, что ему принадлежат читанные мною отрывки из поэмы Томаса Мура: Лалла Рук» (сб. «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников». Пенза, 1960, с. 63); эти отрывки неизвестны.

[144] А. Полежаев. Соч. М., 1955, с. 162.

[145] «Зимцерла. Альманах на 1829 год». М., 1829, отд. II, с. 83.

[146] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIII. М., с. 408.

Приведем еще несколько встретившихся нам упоминаний «пери» в русской поэзии 20—30-х годов для доказательства популярности этого образа в указанное время, когда он превратился в традиционный, устойчивый поэтический штамп. В стихотворении А. Шишкова 2-го «К А ***» находим следующие строки:

...Всегда приветный, вечно юный
Небесных пери звучный хор...

(«Новости литературы», 1823, № 42, с. 46). Д. П. Ознобишин в стихотворении «Ясновидящая» пишет:

...На все ты смотришь равнодушно...
Как пери горней высоты,
Пленяясь музыкой воздушной,
Позабывает про цветы
И, в тихой думе утопая,
Льет слезы об утрате рая...

(«Московский вестник», 1827, ч. III, № 9, с. 9—10). В стихотворении П. А. Вяземского «Вера и София», напечатанном в альманахе «Альциона» (СПб., 1832, с. 96):

Психея, пери, иль сильфида,
С младым раздумьем на челе,
Без цели, видимого вида,
Вы тайно вьетесь...

Нередко о пери вспоминал В. Г. Тепляков. Так, в седьмой «Фракийской элегии» (Стихотворения Виктора Теплякова, т. 2. СПб., 1836, с. 71—72) он пишет:

О, где Востока сон и лень?
Прогулки тайные над озером садовым,
Когда влюбленной пери тень
Скользит над розами, под месяцем перловым...

Стихотворение Теплякова «Кавказ» (1828) удостоверяет, что он внимательно читал «Лаллу Рук», особенно вставную поэму «Огнепоклонники» (см.: «Поэты 1820-х — 1830-х гг.», т. 1.

Л., 1972, с. 606, 608, 641; «Стихотворения Виктора Теплякова». М., 1832, с. 73—77, 171—172. Стихотворение «Пери» в «Библиотеке для чтения» (1836, т. 19, отд. I, с. 98, 99) напечатал С *** (С. Стромилов), его же «Пери» (отрывок) см. в «Московском наблюдателе», 1837, ч. XIII, с. 41. К середине XIX в. популярность пери начинает ослабевать в русской поэзии. Тем не менее А. Майкову принадлежит стихотворение «Пери и Азраил» (1842); «Пери» (1857).—А. Н. Майков. Полн. собр. соч., т. 1. СПб., (1914), с. 120—121, 124. В «Стихотворениях» Д. Сушкова (СПб., 1838, с. 188) находим стихотворение «Див и пери». Прямое отношение к Муру и Жуковскому имеет сатирическое стихотворение Л. И. Пальмина «Падшая пери» («Искра», 1867, № 6, с. 73), несколько раз перепечатывавшееся (см. его сборники: «Сны на яву». М., 1878, с. 353—360; Собр. стихотв. М., 1881, с. 353, и др. Ср. также в повестях Е. А. Ган «Медальон» (1839): «Там вы не увидите розовых гирлянд на волшебной головке пери, которая, тоскуя по недостижимом ей блаженстве, смотрит с презрением на землю и рвется мыслью к небесам», или в повести «Теофания Аббиаджио» (1841): «Ее детская простота, задумчивость, ресницы, еще влажные от слез, и глаза, тоскливо опущенные к земле, как бы от усталости стремиться к недоступным небесам, уподобляли ее отверженной пери, которая не ослепляет взоров, но трогает и навек пленяет душу, каждого, кому хоть раз явится наяву» (Соч. Зенеиды Р-вой, т. II. СПб., 1843, с. 144—145; т. III. СПб., 1843, с. 133—134). В повести М. Жуковой героиня, созерцающая скульптуру Джованни Бернини, описана так: «Погруженная в тихую задумчивость, она смотрела на святую, но было что-то грустное в выражении лица ее. Так написал бы я пери, в минуту тихой грусти, устремившую взоры в небеса» (М. Жукова. Повести, ч. II. СПб., 1840, с. 58).

[147] «Словарь современного русского языка» (т. 9. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1959, с. 1024), кроме цитаты из «Ледяного дома», приводит случаи употребления слова «пери» из более поздних произведений русской литературы.

[148] А. А. Марлинский. Русские повести и рассказы, ч. 7, 1838, с. 117.

[149] ЛН, т. 4-6, 1932, с. 663—666.

[150] «Мнемозина», 1824, ч. II, с. 42. См. также: В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 76 (запись дневника от 1 января 1832 г. свидетельствует о знакомстве Кюхельбекера с «Шах-Намэ» Фирдоуси); М. П. Алексеев. Поэма В. К. Кюхельбекера «Семь спящих отроков» и ее источники. — От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969, с. 108—110.

[151] ЛН, т. 59, 1954, с. 407, 459, 726.

[152] В «Сыне Отечества», 1827, № 5, с. 54, это место русского перевода «Света гарема», как и вообще весь текст, напечатано с ошибками. Вместо «Kublai-Khan» стоит «Гублай», вместо «Marco Polo» значится «Мариасола» и т. д.

[153] В. К. Кюхельбекер. Избр. произв. в двух томах, т. I. Ред. Н. В. Королевой. М.— Л., 1967, с. 495, 496, 502, 504.

[154] В оригинале Мура (цит. по изд.: «Poetical works of Th. Moore». Ed. Galignani. Paris, 1829, p. 55): «The Persians have two mornings, the Soobhi Kazim, and the Soobhi Sadig, the false and the real day-break.— *Waring*». В «Сыне Отечества» (с. 48—49): «У восточных жителей две зари: Субхи-казым и Субхи-садиг, т. е. ложный и настоящий рассвет». Эти слова служат примечанием к следующим стихам поэмы: «Заря является (...) или по крайней мере та заря преждевременная которой свет вдруг исчезает, как будто бы день проснувшийся снова закрыл блестящие свои вежды».

[155] А. А. Бестужев-Марлинский пишет: «Дайте Кавказу мир и не ищите земного рая на Евфрате; it is this, it is this — он здесь, он здесь» («Русские повести и рассказы», ч. 3. СПб., 1838, с. 196). Автор сам указывает на источник цитаты: «Томас Мур. Light of the Haram».

[156] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. I. Изд-во АН СССР, Л., 1940, с. 70, 71. Подробнее об интересе Гоголя к Муру см.: М. П. Алексеев. К источникам идиллии Гоголя «Ганц Кюхельгартен».— В сб.: «Проблемы поэтики и истории литературы». Саранск, 1973, с. 172—183.

[157] «Edinburgh Review», 1817, v. XXVIII, p. 302—335. Автор статьи приводит цитату из «Лаллы Рук» в разборе книги «Lettres sur le Caucase et la Géorgie, suivies d'une relation d'un voyage en Perse en 1812» (Hambourg, 1816), где упоминаются тифлисские бани. Приведя интересующую нас питату из «Лаллы Рук» (о грузинских девушках рассказывает Фераморс), рецензент «Эдинбургского обозрения» замечает: «Мы не сомневаемся в точности слов Фераморса, поскольку он говорит о красавицах; однако, сопоставляя ясное прозаическое описание «Тифлисского ручья» со стихотворным, мы полагаем, что он (Фераморс) помогал самому себе в своей смелой и почти непростительной поэтической вольности, приписывая бодрящие свойства потоку, заставляющему изнемогать от жары»; здесь же упомянут в связи с этими источниками древний арабский географ Ибн Хаукаль (названный, правда, с опечаткой: Ebn Hankil). Известен долговременный интерес Пушкина к «Эдинбургскому обозрению»; но в сохранившихся в его библиотеке шести томиках «Извлечений» из этого журнала («Selections from the Edinburgh Review». Paris, 1835—1836; см. Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, с. 154) указанного выше обзора по кавказоведению не имеется.

[158] Б. Л. Модзалевский. Поездка в село Тригорское в 1902 г. Приложение I: Каталог библиотеки села Тригорского.— В кн.: «Пушкин и его современники», в. 1. СПб.: 1903, с. 19—20; Т. Мальцева. Пушкин — читатель Тригорской библиотеки.— В кн.:

Пушкинский сборник. Псков, 1962, с. 41—42. В альбоме Анны Николаевны Вульф (хранится в рукописном отделении ИРЛИ: ф. 244, оп. 1, ед. хр. 211) находятся выписки из «Ирландских мелодий» в английском подлиннике («From Irish Melodies», л. 4—4 об.; «Elegy (Moore). How sweetly could I lay my head», л. 5). Далее идут: «Ирландская песня. Из Мура («Луч ясный играет на светлых водах)», л. 5 об.; на л. 6 и 6 об. помещены две «ирландские мелодии» в переводах М. В. ‹ронченко›: 1. «Мне дорог час, когда бледнеет пламень дня»; 2. «Может в зеркале вод отразиться луна». На л. 7—7 об. находим: «Не пируй с молодежью средь пышных садов»; на л. 8: «Из Мура. Лети мой корабль пернатой стрелой... М. В. ‹ронченко›»; л. 8 об.— 9. «Из Мура (Когда мне светятся глаза, зерцало счастья). К. Вяз‹емский›»; л. 9: «Умолчим его имя. М. В. ‹ронченко›». Все эти стихотворения встречались не раз и в других альбомах 20—30-х годов.

[159] Орест С о м о в. О романтической поэзии. Опыт в трех статьях. СПб., 1823, ст. II, с. 33—25].

[160] «Остафьевский архив», т. II. СПб., 1899, с. 361. Впоследствии А. И. Тургенев в своей «Хронике русского» (1838) вспоминал о переводе «Любви ангелов» на французский язык, сделанном польским писателем Христианом Островским (1811—1882) и напечатанном в его сборнике «Semaine d'éxil» (Paris, 1837). См.: А. И. Т у р г е н е в. Хроника русского. Дневники. Изд. подготовил М. И. Гиллельсон. М.— Л., 1964, с. 520.

[161] Один из наиболее подробных отзывов о «Любви ангелов» находится в кн.: Д. О. Л. Б. В о л ь ф. Чтения о новейшей изящной словесности. М., 1835, с. 171—175. Хотя по словам Вольфа, «нельзя не узнать в этом творении сочинителя Лаллы Рук», но «как по внешнему, так и по внутреннему богатству первое стихотворение уступает последнему»; по мнению автора, Мур «не совсем был самовластным владыкою своего предмета», его поэме «не достает истинной самодействующей силы», и эта погрешность «увеличивается еще и тем, что чувствования падших ангелов слишком отзываются нынешним веком и, следовательно, ложны, неестественны» и т. д. В год смерти Мура об этой его поэме в русских журналах отзывались еще строже: в «Москвитянине», например, читаем: «В Париже написал он свою поэму «Любовь ангелов», о которой и теперь еще говорят иногда, но которая читается вообще очень мало» («Москвитянин», 1852, т. II, № 5, кн. 1, отд. VII,отд. II, Соврем. известия, с. 17). «Поэму Мура «Любовь ангелов» вообще находят ниже других его сочинений. Ангелы Мура столько же походят на библейских ангелов, сколько ангелы Рафаэля и даже А. Дюрера на тех, которых видим в библейских драмах французов»,— заметил А. Горковенко («Пантеон», 1852, т. II, кн. IV, с. 7).

[162] Еще в мае 1829 г. Комитет иностранной цензуры заново обследовал тексты произведений Байрона «или в целом составе исполненных неуважения к благочестию и нравственности или только отчасти содержащих в себе места предосудительные». В их числе находилась также мистерия «Небо и земля», о которой Комитет вынес следующее суждение: «Представленные в ней любовные свидания ангелов с девами земными, происходящие перед самым наступлением потопа, составляют почти вводную часть сей драмы, но главный ее предмет есть изображение всеобщего разврата, ожесточения и ропота кичливых злочестивцев, в духе коих выражается сын Ноев — Иафет, имеющий соперником в любви одного из ангелов»; кроме того, по мнению цензора, в этом произведении Байрона «заметно намерение стихотворца выказать всевышнего несправедливым и жестоким» (Ю. Г. О к с м а н. Борьба с Байроном в Александровскую и Николаевскую эпоху.— «Начала», 1922, № 2, с. 260).

[163] E. D a w s o n. Byron und Moore. Leipzig, 1902, S. 63—64; B y r o n. Works, Poetry, v. V. Ed. by E. H. Coleridge. London, 1901, p. 302.

[164] Об элегии «Байрон в темнице» и ее авторе см. выше., гл. V, с. 433, 462.

[165] После 1826 г. П. А. Габбе был управляющим имениями генерала Л. А. Нарышкина и, несмотря на запрещение въезда в столицы и установленный за ним полицейский надзор, поддерживал письменные отношения с некоторыми литераторами, в особенности с Вяземским. «Петр Андреевич ‹Габбе›,— вспоминает его сослуживец по л.-гв. литовскому полку Н. В. Веригин,— помещал свои стихотворения и прозаические статьи в различных журналах, а ценитель его литературных трудов был князь Петр Андреевич Вяземский, который был с ним в дружеских отношениях еще в Варшаве. Князь был столь внимателен к изганнику, что приезжал к нему в село Березовку, кажется, на пути из Петербурга в свое соседнее имение...» и «доставил ему случай познакомиться с знаменитым нашим поэтом Пушкиным» (Н. В. В е р и г и н. Записки.— «Русская старина», 1893, № 4, с. 114—115; здесь же описана встреча «негласного литератора с знаменитым поэтом», происшедшая в конце 20-х — начале 30-х годов; ср.: ЛН, т. 58, 1952, с. 51). Возможность печататься в «Московском телеграфе» Габбе доставил Вяземский (М. И. Г и л л е л ь с о н. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 179). В биографии Габбе много темных мест; сохранившиеся данные собраны в статье: А. Б. Р о г и н с к и й. П. А. Габбе. Биографический очерк.— В кн.: «Тартуский гос. ун-т. Русская филология», сб. 2, 1967, с. 83—112.

[166] Отрывок из поэмы Т. Мура «The Loves of the Angels».—«Московский телеграф», 1828, ч. 23, № 17, с. 36—49.

[167] Стоит отметить, что перевод Габбе, в свою очередь, был переведен на немецкий язык и появился в одном из органов немецкой периодической печати — ревельском (таллинском) еженедельнике «Esthona». Здесь в нескольких номерах (1828, № 8, 10; 1829, № 15) напечатан «Bruchstück aus dem Gedicht, «Die Liebe der Engel» von Thomas Moore (Aus dem Mosk. Telegraphe). Übersetzt von Georg Baron Rosen». Переводчиком был тот самый Е. Ф. Розен, который состоял в переписке с Пушкиным и завоевал себе некоторую

известность как русский поэт. Публикация перевода с перевода вызвала справедливое осуждение немецкого рецензента см.: С. Г. Исаков. Журналы «Esthona» (1828—1830) и «Der Refractor» (1836—1837) как пропагандисты русской литературы.— «Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Литературоведение». Тарту, 1971, с. 21).

[168] Сб. «Памяти декабристов», т. II. Л., 1926, с. 201.

[169] Н. Бродский. Я. М. Неверов и его автобиография.— «Вестник воспитания», 1915, № 6, с. 120.

[170] E. Duchesne. M. J. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris, 1910, ch. III, p. 313—317; цит. по русскому переводу этой главы: Э. Дюшен. Поэзия М. Ю. Лермонтова и ее отношение к русской и западноевропейским литературам. Казань, 1914, с. 119—120. С. И. Родзевич (в ст. «К вопросу о влиянии Байрона и А. де Виньи на Лермонтова». Воронеж, 1915, с. 19) замечает, что в русской литературе о сходстве «Демона» с «Любовью ангелов» Мура А. Д. Галахов писал еще в 1858 г. Наиболее полное и подробное сопоставление двух этих произведений сделал Н. П. Дашкевич в статье (1893): «Мотивы мировой поэзии в творчестве Лермонтова».— В его кн.: «Статьи по новой русской литературе». Пб., 1914, с. 488—491.

[171] Об источниках «Эпикурейца» см.: Wallace Cable Brown. Prose fiction and English interest in the Near East (1775—1825). — PMLA, 1938, v. LIII, N 3, p. 831.

[172] «Московский вестник», 1828, № 2, с. 224—227. Сюжет «Эпикурейца» изложен рецензентом по «Французской петербургской газете»; «когда прочтем самый роман, то представим читателям наше о нем мнение» (с. 224).

[173] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Leipzig, 1872, с. 356.

[174] «Эпикуреец. Сочинение Т. Мура». Перевел А. Савицкий. 2 ч. СПб., 1833. В переводе сделаны пропуски (в частности, здесь нет стихотворений, включенных в прозаический текст оригинала); отсутствует также конец повести. Начало «Эпикурейца» (гл. I—V) в переводе В. М. (Мальцева) напечатано ранее в журнале «Русский зритель», 1829, ч. 5, № 17 — 20, с. 105—142 (в тексте находятся три стихотворения). Впоследствии опубликовано было еще одно стихотворение, взятое из того же произведения, в русском переводе Н. П. Жандра («Полн. собр. соч. Н. П. Жандра», т. 1. СПб., 1888, с. 7—8). Приводим его начало:

Чаша забвения

Песнь отрока в таинствах Изиды
(Из «Эпикурейца» Томаса Мура)

Пей из чаши сей! в своем
Озирис дворце златом
Сам напиток мой вкушает;
Им уста он охлаждает
Опочивших вечным сном!

Пей из чаши сей! вода
В ней свежа, взята из Лéты;
Смело пей, и навсегда
Все, что было в жизни этой —
Смута, грезы и печаль,

Как тяжелый сон, умчится
И глубоко погрузится
В темную забвенья даль... и т. д.

[175] «Московский телеграф», 1833, № 13, с. 106—116; см. также рец. Б. Р.— «Северная пчела», 1833, № 87, с. 345—348.

[176] Легенда о «ледяном дворце» в Петербурге лежит в основе первой из «Fables» Мура: «The Dissolution of the Holy Alliance. A Dream», с примечанием, заимствованным из путевых писем Роберта Пинкертона («Extracts of Letters on his late tour in Russian Empire». London, 1817): «Всем известно, что императрица Анна велела выстроить в 1740 г. на Неве дворец из льда, длиною в 52 фута, производивший удивительный эффект, когда его освещали». До Мура о ледяном дворце упомянул В. Каупер в поэме «Задача» («The Task», 1785). Колридж также упоминает дворец в своей «Biographia Literaria», сравнивая поэму Эразма Дарвина «Ботанический сад» с «русским дворцом из льда, блестящим, холодным и преходящим» (Russian palace of ice, glittering, cold and transitory). Выписку об этом сделал А. И. Тургенев в неизданном дневнике в бытность свою в Англии (ИРЛИ, архив бр. Тургеневых, ф. 309, № 308, л. 19). Об интерпретации темы о ледяном дворце у Мура см.: Н. Г. Ильинская. Роман Лажечникова «Ледяной дом».— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 184, в. 6, 1958, с. 76; Г. С. Литвинова. Роман Лажечникова «Ледяной дом» и его место в истории литературы.— «Уч. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина», ч. XVII, 1960, с. 150—151; M. Partridge. Slavonic themes in English poetry in the 19 century.— «The Slavonic and East European Review», 1963, v. XLI, N 97, p. 430—431. Добавим, что к Муру восходит стихотворение Ф. Фрейлиграта «Eispalast» (в сборнике его стихотворений «Ça ira», 1846), сопровождающееся следующим примечанием автора: «Этот мотив заимствован из политической «басни» Т. Мура» (F. Freiligrath. Gesammelte Dichtungen, Bd. 3. Stuttgart, 1877, S. 122—124).

[177] Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, с. 294, № 1189. В этом издании полностью напечатаны как «Fudge Family in Paris» (с. 136—156), так и «Fable for the Holy Alliance» (с. 180—186), однако во втором заглавии слова «Holy Alliance» («Священный Союз») заменены звездочками.

[178] А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964, с. 324. В «Московском телеграфе», 1829, ч. XVI, с. 355, среди заслуживающих внимания иностранных книг, которые можно получать от книгопродавцев петербургских и московских, названы «Муровы Записки о Шеридане» во французском переводе («Mémoires sur la vie etc. de R. B. Sheridan»).

[179] Большую статью о «Записках капитана Рока» написал Сидней Смит.— «Edinburgh Review», v. XLI, 1825 (перепеч. в его «Works», v. II, 1845).

[180] «Moor's Memoirs», v. 5. Ed. Russell. London, 1854, p. 44.

[181] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I. Пг., 1921, с. 246, 304—305.

[182] Б. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина, с. 153 (№ 585), 294 (№ 1190); «Рукою Пушкина». М., 1935, с. 606.

[183] О связях «Ирландских мелодий» Мура с национально-освободительной борьбой в Ирландии подробнее см. в ст.: Г. А. Бажите. «Ирландские мелодии» Т. Мура и ирландское национально-освободительное движение.— «Уч. зап. МГУ, в. 196, 1958, с. 275—301; А. П. Саруханян. К вопросу об англо-ирландских литературных связях XVIII—XIX вв.— В сб.: «Из истории литературных связей XIX века». М., 1962, с. 258—259.

[184] Нечто о Т. Муре.— «Благонамеренный», 1822, № XXVIII, с. 45—48.

[185] Там же, с. 46.— «Музыка и поэзия жили в нем в теснейшей связи и наполняли всю его душу,— отмечали биографы Мура в год его смерти.— Когда «Ирландские мелодии» были изданы без музыки, под влиянием которой они зарождались в уме поэта, Мур чувствовал какую-то грусть: он видел только скелеты своих созданий, без плоти и крови, без полноты жизни» («Сын Отечества», 1852, кн. IV, отд. IV,с. 113).

[186] Там же, с. 48; «Poetical works of Thomas Moore», p. 283—284.

[187] Об Эдуарде Бантинге (1773—1843) и фестивале ирландских арфистов 1792 г. см.: Donal O'Sullivan. Irish Folk Music and song. Dublin, 1961, p. 10—14, 17 и рассказ самого Мура (T. Moore. The poetical works in six volumes, v. 4. Boston, 1874, p. 7).

[188] О различных изданиях «Ирландских мелодий», выпущенных в свет Муром в содружестве с музыкантом Джоном Стивенсоном (напр. «Selections of Irish Melodies, 1808—1834» в десяти выпусках) см. в специальной статье о Муре в новейшей музыкальной энциклопедии: «Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Allgemeine Enzyklopädie der Musik... hrsg. von Friedrich Blume», Bd. 9, ‹Kassel — Basel — London, N. Y., 1961›, S. 547—548 (ст. Ch. Cudworth). Размолвка между Муром и Стивенсоном привела к их полному разрыву; поэтому при издании выпусков 8—10 музыкальную редакцию «Ирландских мелодий» взяли на себя В. Пауэр (W. Power) и Генри Бишоп (Henry Bishop).

[189] Мур имеет в виду «Военную песнь» («War song») из первого выпуска «Ирландских мелодий» — «Remember the glories of Brien the Brave», в которой он вспоминает историю знаменитого короля Ирландии Бриена Боромбе, убитого в начале XI в. в битве при Клонтарфе. Графство Wicklow и долины рек Avon и Avoca упомянуты Муром в стихотворении «The Meeting of the waters» (в первом выпуске «Ирландских мелодий»), которое, по его собственному признанию, навеяно посещением им этих живописных мест.

[190] П. А. Плетнев. Соч. и переписка, т. 1. СПб., 1885, с. 63.

[191] И. А. Кубасов. Платон Григорьевич Ободовский.— «Русская старина», 1903, № 11, с. 353—359.

[192] ИРЛИ, ф. 210, № 10, л. 29—30.

[193] «Благонамеренный», 1822, ч. 19, № 28, с. 52.

[194] «Полночный час. Из «Ирландских мелодий» Т. Мура».— «Литературные листки», 1823, № 5, с. 61.

[195] «Ирландские песни».— «Дамский журнал», 1823, ч. III, № 18, с. 203—205.

[196] «Poetical works of Thomas Moore», p. 302.

[197] Объяснение термина «Баркарола» находится в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара, т. 4. СПб., 1835, с. 353; в специальной статье Л. Снегирева: «Название песен, распеваемых венецианскими гондольерами. Хотя напев баркарол сочиняется обыкновенно для народа, и часто самими гондольерами, но в них столько мелодии и приятной выразительности, что нет ни одного музыканта во всей Италии, который бы их не пел и не тщеславился ими. Безденежные входы, которыми пользуются гондольеры на всех театрах, не мало способствуют бо́льшему образованию природного их слуха и вкуса. Многие сочинители музыки, плененные прелестью песен венецианских гребцов, употребили их в своих операх или старались подражать этому роду музыки».

[198] «Увядшая роза. Ирландская песня».— «Дамский журнал», 1823, № 21, ч. IV, с. 102—103.

[199] «Остафьевский архив», т. II. СПб., 1899, с. 361.

[200] «Молодой певец. Ирландская песня Т. Мура».— «Новости литературы», 1823, кн. VI, № 43, с. 61. То же стихотворение было затем напечатано в стихотворном переводе Д. П. Ознобишина и многих других русских переводчиков.

[201] В изд. «Стихотворения Ивана Козлова». СПб., 1828, с. 114—142: XXXVI. Романс (Из Мура); XLIV. Бессонница (Подражание Муру); XLV. Ирландская мелодия (Подражание Муру); XLVI. Ирландская мелодия (Из Мура); XLVII. Молодой певец (Из Мура). XLVIII. Вечерний звон (без указания на Мура). Об источниках всех этих переводов — см. в ком-

ментариях И. Гликмана к изд. «Полн. собр. стих. И. И. Козлова» (Л., 1960. с. 447, 449, 455). Стих. «Бессонница», впервые напечатанное в журнале «Славянин» (1827, № 5, с. 79—80) имеет подзаголовок «Из Мура. Вольное подражание»:

В часы отрадной тишины
Не знают сна печальны очи,
И призрак милой старины
Теснится в грудь со мраком ночи... и т. д.

Оригинал этого стихотворения находится не в «Ирландских мелодиях» Мура, но в первом цикле его «Национальных песен» («Scotch airs»):

Oft, in the stilly night
Ere Slumber's chain has bound me ... etc.

[202] «Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова». М.—Пг., 1922, с. 203; «Поэты-петрашевцы» (в серии: «Библиотека поэта»). Л., 1940 с. 16.

[203] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 560.

[204] «Воспоминания Бестужевых». Ред., статья и комментарии М. К. Азадовского. М.—Л., 1951, с. 28—29.

[205] Б. Сыроечковский. Два письма С. И. Муравьева-Апостола.— «Красный архив», 1928, т. 5, с. 223. Письмо адресовано к M-lle Гюжне (Gugenet) и написано по-французски.

[206] Н. В. Басаргин. Записки. Ред. П. Е. Щеголева. Пг., 1917, с. 69—70; М. К. Азадовский. Затерянные и утраченные произведения декабристов.—ЛН, т. 59, с. 698; «Девятнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. Бартеневым». М., 1872, с. 106—107. Т. Г. Снытко в статье «Неопубликованные материалы по истории декабристского движения» («Вопросы истории», 1950, № 12, с. 127) отмечает, что среди бумаг Н. В. Басаргина, хранящихся в ЦГАЛИ, «имеются его литературные опыты: переводы стихотворений Томаса Мура».

[207] А. И. Одоевский. Полн. собр. стихотв. и писем. Ред. И. А. Кубасова. М., «Academia», 1934, с. 137. Впервые напечатано по рукописи в кн.: Ив. Кубасов. Декабрист А. И. Одоевский. Пг., 1922, с. 54.

[208] П. Н. Сакулин. Кн. В. Ф. Одоевский, т. I, кн. 1. М., 1913, с. 69, 85, 103; Н. А. Державин. Забытые поэты. II. Д. П. Ознобишин.— «Исторический вестник», 1910, № 9, с. 857—861.

[209] П. Е. Щеголев. Неизданная статья Пушкина об альманахе «Северная лира».— «Пушкин и его современники», в. XXIII—XXIV. Пг., 1916, с. 3—6. Подробный обзор литературной деятельности Д. П. Ознобишина в связи с историей его жизни см. в статье о нем Б. Л. Модзалевского в «Русском биографическом словаре» (т. [XII], с. 197—199).

[210] Е. В. Владимиров. Русские писатели в Чувашии. Чебоксары, 1959, с. 57—72 (гл.: «Д. П. Ознобишин»). Существует также популярная брошюра: Т. М. Гольц. Сердце брата (о поэте Д. П. Ознобишине, 1804—1877). Душанбе, 1964, но никакого научного значения она не имеет.

[211] «Стихотворения Д. П. Ознобишина (1823—1829 гг.)» — тетрадь в переплете на 140 лл. (ИРЛИ, ф. 213, № 24); в том же собрании (№22) хранится более ранняя автографическая рукопись Ознобишина, его сборник «Мечты» (1821—1822), в котором переписаны его ранние переводы — из Парни, Маттисона, Катулла, Ламартина, Гердера, с греческого, персидского и т. д. Здесь (на л. 22 об.) есть и «Отрывок из Томаса Мура»:

Та песнь была
Для тех мила,
Кто грустных дней
В душе своей
Не находил,
Кто счастлив был,
Когда любил... и т. д.

[212] «Зимцерла. Альманах на 1829 год». М., 1829, с. 68 (имя переводчика не названо). Это же стихотворение Мура упомянуто в третьей части повести Н. А. Полевого «Аббаддонна» (1834). Действие происходит в Германии; на вечере у героини повести, Элеоноры, где собралось много разноплеменных гостей, хозяйка садится за фортепиано и услаждает их музыкой в соответствии с их вкусами; после исполненной ею «Ромейской песни», известной из Байрона, некий присутствующий здесь английский лорд «умолял ее играть что-нибудь его родное и закрыл глаза рукою, когда после печальной Муровой мелодии: «Oh! breathe not his name, let is sleep in the shade» (О, не вспоминай о нем — пусть мирно покоится он...) Элеонора перелетела тихими аккордами в Шотландские горы и начала романс Кольмы; глубокое молчание царствовало в зале» (Н. Полевой. Аббаддонна, ч.3. М., 1834, с. 32—33). Интересно, что далее говорится о чтении на том же вечере стихотворной легенды о «пери», возникшей под двойным воздействием Мура и частично обязанной ему поэмы Альфреда де Виньи «Элоа». «Вы должны теперь прочитать нам что-нибудь,— сказал лорд, пожимая через стол руку Вильгельма.— Так заведено исстари у моего старого приятеля В. Скотта (...) — Ах! Прочитайте нам что-нибудь! — сказала Элеонора.— Прочитайте вполголоса, так, чтобы слышал тот, кто хочет слушать(...).— Он подумал

с минуту.— Только вчера кончил я одну пьесу — если бы я не боялся вам наскучить, то прочел бы — это начало моего вольного перевода индийской легенды: «Аллоа».— Знаю,— сказал лорд.— И желал бы слышать ее по-немецки.— Мой перевод можно назвать подражанием вашему Сутею ‹Southey›» (там же, с. 39). Далее на целой странице изложен «вольный перевод индийской легенды» об Аллоа, содержание которой (рождение пери из слезы Брамы, видевшего смерть праведника) восходит не столько к Саути, сколько к первой вставной поэме из «Лаллы Рук». Еще ближе она к «Элоа» А. де Виньи. В. Т. Плаксин в рецензии на эту повесть Н. Полевого заметил. «Эпизоды прелестны; особенное же внимание заслуживает рассказ о пери Аллоа ‹...› Мечты и размышления как самого повествователя, так и действующих лиц, часто повторяются; да и разговор Вильгельма с матерью о падении Аббадонны не есть ли повторение прелестной сказки о пери, читанной на вечере Элеоноры?» («Сын Отечества и Северный архив», 1831, т. 18, № 7, с. 490). Пять лет спустя в Петербурге отдельным изданием появилась брошюра: «Элоа. Индийская легенда». А. О. СПб., 1839 (ранее в «Сыне Отечества», 1838, т. 5 сентябрь — октябрь отд. I, с. 7—14), автор которой (под инициалами А. О. скрылся Аникита Дмитриевич Озерский; р. 1816 — ум. после 1860) в примечании писал: «Повесть эта заимствована из индийской легенды и превосходно рассказана в «Аббадонне». Эпическая важность предмета и прелесть поэзии невольно внушили мне мысль перевести ее в гекзаметры». Это странное произведение Озерского вызвало язвительную рецензию в «Библиотеке для чтения», 1839, т. XXXIII, отд. VI,с. 19—21; автор ее (О. И. Сенковский) высмеял гекзаметры Озерского; затем, приведя параллельные выдержки из «Элоа» Виньи во французском подлиннике и «Элоа» Озерского, неопровержимо доказал, что это «совершенно то же самое, только в искаженном виде!» Соотношение всех этих произведений, включая прозаическое изложение легенды о пери в повести Полевого и их общий источник «Лаллу Рук» Мура, заслуживало бы специального исследования, так как на этом литературном фоне созидался лермонтовский «Демон».

[213] Первоначально этот перевод был опубликован в журнале «Атеней», 1828, № 12, с. 369, без имени переводчика; вторично — с подписью: «Ознобишин» — в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1832, № 104, 28 декабря, с. 831. В обоих печатных текстах стихотворения разночтений не имеется; в названной рукописи (л. 35) есть несколько авторских поправок: в стихе 2 вместо «Где смерть — там он стал меж рядами» стоит: «Где гибель — там стал меж рядами...» Стихи 9—10:

Певец низложен! Но оковы врагов
Не склонят дух гордый и юный...

переправлены:

Певец низложен был; оковы врагов
Не смяли дух гордый и юный...

[214] Оригинал этого перевода Ознобишина — стихотворение Т. Мура из первого выпуска «Ирландских мелодий»: «Though the last glimpse of Erin with sorrow I see...»

[215] Это стихотворение напечатано полностью за подписью: «Ознобишин» в «Сыне Отечества», 1827, ч. 113, № 9, с. 93:

Эрин

Erin! The tear and the smile in thine eyes
(Ирландская мелодия Мура)

Эрин! Твои слезы, улыбка в очах,
Слилися, как радуга на небесах!
Сквозь волн бед светлея,
Сквозь радость темнея,
Твои солнцы, бледнея,
Восходят в слезах.
Эрин! слез безмолвных ты ввек не отрешь,
Эрин! ты улыбки дотоль не найдешь,
Как радугой светлой,
Свой луч разноцветной
В знак мира заветной
В один не сольешь.

Оригинал этого стихотворения находится в первом выпуске «Ирландских мелодий».

[216] В этой же рукописи Ознобишина (ф. 213, № 24) находятся и другие его переводы, в частности, два отрывка из «Дон Жуана» Байрона (песнь I, строфы CXXII—CXXVII и песнь II, строфы LXXVII—LXXIX), сербские песни; многие из этих переводов остались неопубликованными.

[217] «Московские ведомости», 1830, № 36, 3 мая. Относительно этой речи и об авторе ее в статьях о воспитанниках Московского университетского пансиона приводились неточные и противоречивые данные; частично эти неточности, может быть, объясняются тем, что в пансионе учились два брата Иваненки — Андрей и Моисей, и их путали друг с другом. Моисей Иваненко родился в 1813 г., и в момент произнесения им речи о Муре ему исполнилось семнадцать лет; готовил же он ее в течение 1828/29 учебного года в шестом классе, где учился также Лермонтов. Сведения об М. Иваненко приводит Ф. Ф. Май-

ский в статье «Новые материалы к биографии Лермонтова».— В сб.: «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», т. I. М., 1941, с. 639, и в своей позднейшей статье: «Юность Лермонтова. (Новые материалы о пребывании Лермонтова в благородном пансионе)».— «Труды Воронежского гос. ун-та», 1947, т. XIV, в. 2, с. 242—243. В этой статье (с. 228) Майский утверждает, что в 1830 г. «Речи» воспитанников пансиона якобы «не вышли» в свет, и что таким образом речь М. Иваненки о Муре, хотя и была произнесена, но в печати неизвестна. Это ошибка. На самом деле она напечатана в изд.: «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании университетского Благородного пансиона по случаю выпуска воспитанников, окончивших курс учения, 1830 года, марта 29 дня. При сем отчет Пансиона за 1829 год». М., 1830, с. 37—42. Экземпляр этого редкого издания сохранился в ГПБ (шифр: 18.220.4.24), по нему и приводятся цитаты из указанной речи.

[218] Moses I v a n e n k o. Character of the style and writings of Thomas Moore.— «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании университетского Благородного пансиона...», с. 41—42; ср.: В. В а ц у р о. Ирландские мелодии Томаса Мура в творчестве Лермонтова.— «Русская литература», 1965, № 3, с. 186—187 (здесь приведен и английский текст).

[219] «М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников». М., 1964, с. 85; В. А. М а н у й л о в. Заметки о двух стихотворениях.— «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 67 (Кафедра русской литературы), 1948, с. 82—87.

[220] В. А. М а н у й л о в (стр. 83) перечисляет ряд исследователей, сопоставлявших стихотворение Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» с «The evening gun» Мура, начиная от И. М. Болдакова (1891); однако до Болдакова на ту же параллель указал И. Х<аненко> в «Русском архиве», 1888, № 7, с. 501.

[221] Стихотворение Мура «The evening gun» помещено в небольшом цикле «A Set of Glees» («Ряд песен»), состоящем из шести стихотворений и посвященном автором «Миссис Джеффри в воспоминание о приятных часах, проведенных в Крейг-Круксе вместе с нею и с ее мужем, моим дорогим другом». Не знаю, на каком основании В. А. Мануйлов в указанной выше статье (с. 83) предположил, что стихотворение «The evening gun» «впервые напечатано» в однотомном издании сочинений Мура, выпущенном Галиньяни в Париже в 1829 г.; это издание являлось лишь воспроизведением более ранних английских изданий, хотя и действительно пользовалось популярностью среди русских читателей; впрочем, оно разделяло эту популярность с другими парижскими контрафакциями английских книг того же времени (например, Baudry's Collection). Рецензия на издание Галиньяни появилась в московском журнале «Атеней», 1829, ч. III, с. 495—497, под заглавием «Нечто о Муре»; в этой же статье (ее приписывали перу М. Иваненко и Лермонтова, но без достаточных аргументов) напечатаны прозаические переводы стихотворения «Вечерний выстрел» и двух других — «Испанской песни» («Say, what shall we dance?») и «Встречи кораблей» («The Meeting of the Ships»), которые также относятся к циклу «A Set of Glees». Перевод Лермонтова «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» сделан около 1830 г. Позже напечатан также перевод Л. А. Якубовича («Вечерние выстрелы».— Стихотворения. СПб., 1837, с. 97).

[222] Б. М. Эйхенбаум указал на возможную зависимость «Еврейской мелодии» (1830) Лермонтова («Я видал иногда, как ночная звезда...») от стихотворения Мура «As a beam o'er the face». Тот же «основной образ этого стихотворения (луч от звезды, блещущий в воде, когда все остальное пространство покрыто мраком)» встречается во втором очерке «Демона» (1831) в стихах 287—294:

Взгляните на волну, когда
В ней отражается звезда;
Как рассыпаются чудесно
Вокруг сребристые струи!
Но что же? Блеск тот — блеск небесной?
Не завладеют им они.
Их — луч звезды той не согреет,
Он гаснет — и волна темнеет!

(М. Ю. Л е р м о н т о в. Полн. собр. соч., т. I. М.— Л., «Academia», 1936, с. 445).

[223] В. В а ц у р о. «Ирландские мелодии» в творчестве Лермонтова.— «Русская литература», 1965, № 3, с. 188.

[224] Там же, с. 190—191.

[225] А. К о л ы ш к е в и ч. Русские мелодии.— «Галатея», 1829, ч. 6, № 31, с. 305—307; Лукьян Я к у б о в и ч. Украинские мелодии.— В его кн.: Стихотворения. СПб., 1837, с. 65—66.

[226] «Московский телеграф», 1829, ч. 27, № 11, с. 295—296.

О Н. А. Маркевиче-переводчике и его «Украинских мелодиях» см.: В. М а с л о в. М. А. Маркевич. Прилуки, 1929 (Видания Прилуцкого Окружного музею), с. 6—17; ЛН, т. 59, 1954, с. 501—512.

[227] Н. А. М а р к е в и ч. Украинские мелодии. М., 1831, предисловие, с. I. За два года перед тем вышли в свет «Стихотворения» Маркевича, где напечатаны переводы 11-ти стихотворений Байрона из его «Еврейских мелодий».

[228] Н. А. М а р к е в и ч. Украинские мелодии, с. II—III. Заглавия отдельных «Ирландских мелодий», называемых Маркевичем в цитированной общей характеристике этого цикла, наводят на мысль, что у него под руками был не английский подлинник Мура, а

прозаические французские переводы, изданные Беллок в 1823 г.: об этом можно заключить на том основании, что Маркевич называет не подлинные заглавия этих стихотворений (где они чаще всего даны по первой строке), а те, которые дала им французская переводчица. Так, группу стихотворений этого цикла Маркевич определяет как «оды вакхические»: в переводе Беллок три мелодии озаглавлены «Chansons Bacchiques» (в оригинале: 1) «Come, send round the wine»; 2) «One bumper at parting!»; 3) «Fill the bumper fair»). Маркевич называет также в цикле «Народную песнь»: он имеет в виду «Chant national» у Беллок, которая озаглавила так две мелодии: «'T is gone and for ever» и «Weep on, weep on». Названная Маркевичем «Песнь военная» соответствует «Chant de guerre» у Беллок (в оригинале: «Where is the slave?»); у Маркевича — «Елена Роснийская» («Hélène ou la dame de Rosna» — у Беллок; в оригинале: «You remember Ellen») и т. д.

[229] В. Т о л б и н. В. И. Любич-Романович.— В кн.: «Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко», изд. 2-е. СПб., 1881, с. 415.

[230] «Стихотворения Василия Романовича». СПб., 1832, с. 55—56.

[231] Там же, с. 57—59. Второе стихотворение из Мура, напечатанное в том же сборнике (с. 56), восходит к стихотворению «Farewell!—But whenever you welcome the hour» (в пятом выпуске «Ирландских мелодий»); в оригинале оно состоит из трех восьмистиший; Любич-Романович перевел лишь последнее из них, превратив в целых четыре собственных четверостишия, естественно, лишь отдаленно напоминающих подлинник. Для Любич-Романовича как переводчика характерен примененный им здесь способ амплифицированного пересказа. В первом четверостишии его вольного подражания мы читаем:

Пускай рок гибельный разит,
Но дней счастливых сновиденья
Он никогда не помрачит
Пятном постыдного забвенья!..

Последнее же четверостишие имеет у него следующий вид:

Так, если урну сокрушат,
Где розовый елей хранился,
В обломках слышен аромат,
Хотя елей уж истребился!

Любопытно, впрочем, что именно эта строфа стихотворения Мура в подлиннике (начиная со стиха «Let Fate do her worst, there are relics of joy...») вписана была в альбом С. Н. Карамзиной (см. ниже, прим. 243).

[232] И. И. П а н а е в. Литературные воспоминания. М.— Л., 1950, с. 102, 380. Ср. выше, гл. V, с. 410, 457.

[233] В. Г. Б е р е з и н а. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе».— «Уч. зап. ЛГУ», серия филологических наук, 1954, в. 20, с. 118. Цитаты заимствованы из статей Полевого «О жизни и сочинениях Роб. Борнса».— «Московский телеграф», 1829, ч. 28, № 14, с. 195—211, и 1828, ч. 20, № 6, с. 225 (О «Корсере» В. Олина).

[234] А. Р е д к и н. Цевница. Стихотворения. М., 1828, с. 7—10; первоначально в «Сыне Отечества», 1828, ч. 117, № 1, с. 87—88; то же в сб.: «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. Иждивением московского купца О. И. Хрусталева», ч. IV. М., 1831, с. 60—62.

[235] В. О л и н. К 30-летней Эрминии (Подражание Муру).— «Альбом северных муз. Альманах на 1828 год, изданный А. И. ⟨Ивановским⟩». СПб., 1828, с. 189—190. Стихотворение состоит из шести четверостиший, обозначенных римскими цифрами. Начало:

I

Не говори ты мне, о друг прекрасный мой!
Что время быстрое сердечных упоений,
Восторгов пламенных, любви и наслаждений,
Промчалось дней твоих с весной.

II

Нет! Не советуй мне, тебя забывши, пить
С коральных уст другой кипящие лобзанья,
Которые клянусь, вся в пламени желанья,
Еще ты можешь возвратить... и т. д.

Стихотворение в первых строфах имеет некоторое сходство с «Nay, tell me not, dear! that the goblet drowns»... из III серии «Ирландских мелодий».

[236] Иван Б о р о з д н а. Опыты в стихах. М., 1828, с. 35—36; ранее под заглавием: «Мелодия. Гимн богу. (Вольный перевод из «Мелодий Мура»).— «Московский телеграф», 1827, № 22, с. 37—38 (с датой: 1825): «Творец, чудесного созданья жизнь и свет...» Оригинал — первая песня из «Sacred songs» Мура: «Thou art, oh God! the Life and Light».

[237] «Невский альманах на 1829 год, изд. Е. Аладьиным». СПб., 1829, с. 253—255.

[238] «Северные цветы на 1829 год». СПб., 1828, с. 12—13.

[239] И. В. К и р е е в с к и й. Полн. собр. соч., т. I. М., 1911, с. 40.

[240] И. Кр.⟨ешев⟩ в биографическом очерке Мура («Сын Отечества», 1852, кн. IV, отд. 3, с. 103—124) замечает, что переводы Козлова, «так же как две три мелодии, передан-

ные пером М. В.... заставляют сожалеть, что эти два воссоздателя вдохновений Томаса Мура заимствовали так мало перлов из ожерелья, которое по праву принадлежало им обоим» (с. 113), и воспроизводит (на ст. 114—115) один перевод Козлова («Когда пробьет печальный час вечерней тишины...») и два — Вронченко, цитируя их по тексту «Северных цветов на 1829 год» («Может в зеркале вод отражаться луна...» и «Мне дорог час, когда бледнеет пламень дня...»). О М. П. Вронченко см.: А. Никитенко. М. П. Вронченко.— ЖМНП, 1851, № 10, с. 1—58 и отд.: СПб., 1858 (переводы Вронченко из Мура здесь не упомянуты); Н. А. Шостьин. М. П. Вронченко. Военный геодезист и географ. М.,1956 (о его переводах см. гл. IV. Литературная деятельность, с. 70—80 и 85).

[241] ИРЛИ, архив А. В. Никитенко, 19, 439/CXXX б. 1.

[242] Б. Л. Модзалевский. Из альбомной старины.— «Русский библиофил», 1916, № 6, с. 74. О С. Н. Карамзиной см.: Н. В. Измайлов. Пушкин и семейство Карамзиных.— В кн.: «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов». М.— Л., 1960, с. 19—20, 26—28.

[243] «Poetical works of Thomas Moore», p. 302.

[244] Б. Л. Модзалевский. Указ. соч., с. 74

[245] «Poetical works of Thomas Moore», p. 294

[246] См. об этом выше, с. 744.

[247] М. Д. Бутурлин. Записки.— «Русский архив», 1897, № 7, с. 351—352.

[248] Ф. Фан Дим (Е. В. Кологривова). Два призрака. Роман. СПб., 1842, ч. 2, с. 21—22.

[249] И. В. Киреевский. Полн. собр. соч., т. 1, с. 41.

[250] Кс. П〈олевой〉. Взгляд на два обозрения русской словесности 1829 г.— «Московский телеграф», 1830, № 2, с. 224.

[251] Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 50-х годов. Ред., вступ. ст. и коммент. В. Н. Орлова. М.— Л., 1934, с. 194. В одном из своих шутливых писем, играя в свое мнимое «англоманство» и стилизируя это письмо на английский лад, Кс. Полевой, обращаясь к С. А. Соболевскому, писал: «My dear Lord! В России есть стихотворец, род нашего Байрона с примесью Мура, Пушкин. Он вздумал описать в прозе похождения великого разбойника Пугачева; вероятно, это что-нибудь в роде наших историй о Робин Гуде», и т. д. (А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, с. 48).

[252] Н. Сурина. Русский Ламартин.— В сб.: «Русская поэзия XIX в.» Под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Л., 1929, с. 299—335. Автор отмечает, что «1825—1826 годы являются наиболее значительным моментом в периоде обращения русской поэзии к Ламартину. На первом месте по количеству переводов стоит «Московский телеграф». Помещая переводы, он в то же время, пожалуй, наиболее последователен в своих высказываниях о Ламартине: рецензии и упоминания в критических заметках этих лет явно благосклонны к Ламартину» (с. 301).

[253] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, с. 13.

[254] Там же, т. IV, с. 432.

[255] Там же. т. V, с. 51.

[256] Там же, т. VII, с. 210.

[257] Фан Дим (Е. В. Кологривова). Голос за родное. СПб., 1842, с. 223.

[258] Выражение «сердечное воображение» употребил, говоря о Жуковском, А. И. Тургенев в письме к Вяземскому (12 ноября 1819 г.). Тургенев писал здесь, что Жуковский «настроил было опять душу и любовь свою для поэзии: положил на ноты звук своего сердца или сердечного воображения». Эту цитату приводит А. Н. Веселовский, воспользовавшийся этим выражением в подзаголовке своей известной монографии о русском поэте: «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения». Но еще до Тургенева этими же словами определил поэзию Мура Шеридан, и оно стало крылатым; его привел Ф. Шаль в статье о Муре, напечатанной в «Revue Encyclopédique» (см. выше с. 796); перевод этой статьи в журнале «Благонамеренный», 1822, № 28, с. 46, где читаем: «Приведем то, что говорил о нем Шеридан: «Ни у кого не видно столько сердца в воображении, как у Томаса Мура. Душа его подобна огненному лучу, отделившемуся от солнца и беспрестанно стремящемуся соединиться с источником света и теплоты»». «Никто лучше Мура не воображает сердцем (говаривал о нем Шеридан)»,— отмечали также в «Московском телеграфе», 1827, ч. 18, № 23, с. 253.

[259] В этом письме Н. В. Станкевич говорит: «Переведу Вердеру «Зимнюю дорогу» прозою, как могу, и прочту стихи по-русски. Тут такая целость чувства, грустного, истинного, русского, удалого! У Гете есть несколько таких стихотворений 〈...〉 У Мура, сколько я знаю, особенно много; только у Пушкина меньше фантастического, больше Fleisch und Blut *: тут неразвитое, простое чувство» (Н. В. Станкевич. Переписка. М., 1914, с. 472).

[260] «Библиотека для чтения», 1834, т. V. Смесь, с. 60.

[261] В. Маслов. Начальный период байронизма в России. Киев, 1915, с. 61—63.

[262] «Байрон и Томас Мур (соч. Карла Нодье)».— «Литературная газета», 1831, № 27, с. 219—220. Существует и другой перевод той же статьи Нодье, опубликованный (за подписью Л.) в одесском журнале «Литературные листки», 1833, № 16, с. 129—130.

[263] Е. М. Блинова. Литературная газета А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966, с. 199.

* Плоти и крови (*нем.*).

[264] «Сын Отечества», 1824, № XXI, с. 40—41: «Из Англии пишут, что любители литературы с нетерпением ожидают появления биографии лорда Байрона, написанной им самим и присланной к другу его, Томасу Муру. Пишут, что он произносит в ней строгий суд над самим собою».

[265] «Сын Отечества», 1824, № XXII, с. 95; «Г. Томас Мур сообщил рукопись, содержащую в себе жизнеописание лорда Бейрона, сестре его, которая нашла в оной многие места, оскорбительные для лиц, находящихся еще в живых. Г. Мур предал потом сию рукопись огню, возвратив книгопродавцу две тысячи гиней (около 60 тысяч рублей), полученных было за позволение напечатать сию рукопись».

[266] «Сын Отечества», 1824, № XXIV, с. 188: «В газете «The Times» пишут, что публика не лишилась записок лорда Бейрона, ибо имеются с оных копии».

[267] ГПБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), оп. 1, № 26, л. 154.

[268] Кн. В. Ф. Одоевский. Русские ночи. М., 1913, с. 34. В записках о Байроне Ли Ханта (Leigh Hunt), помещенных в «Литературной газете», 1830, № 14, с. 110—112; № 15, с. 120—121, обращается внимание на «важное обвинение, каковому, по мнению нашему, подвергнулся г. Мур, и на вред, который, может быть, без намерения, причинил он благородному своему другу».

[269] Пушкин, т. XIII, с. 243.

[270] «Lord Byron. Par M-me Louise Sw. Belloc, Paris, 1824, 2 vols». — «Московский телеграф», 1825, ч. 1, № 3, с. 270.

[271] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским». Пг., 1921, с. 20; в примечании к этому письму (с. 422) ошибочно указано, что речь в нем идет о книге Мура о Байроне («Memoires de Lord Byron»), но эта книга во французском переводе А. Л. Беллок издана была лишь в 1830 г., в данном же письме Вяземский говорит о книге Беллок 1824—1825 гг., указанной выше. Т. В. Кочеткова («Стендаль в личной библиотеке Пушкина».— В кн. «Пушкинский сборник». Рига, 1968, с. 116) высказала правдоподобное предположение, что заметка об этой книге в «Московском телеграфе» 1825 г. также написана Вяземским. См. также: «Остафьевский архив», т. V, в. 2, СПб., 1913, с. 34.

[272] А.-Л. Беллок была известна в России, между прочим, и как детская писательница. В 1826 г. в Петербурге выпущено было издание: «Подарок детям на 1827 год. Карманная книжка, изданная Б. Н. и В.». СПб., 1826. В предисловии издатели отметили, что они заимствовали для нее «статьи из сочинений известных писателей», в том числе «мисс Эджеворт и г-жи Беллок». Похвальный отзыв об этом труде см.: «Московский телеграф», 1827, ч. 13, № 1, с. 159—161; ср. «Остафьевский архив», т. III, с. 519.

[273] Письмо Бейля к г-же Беллок о лорде Байроне.— «Вестник Европы», 1829, № 1, с. 65—75. Там Бейль-Стендаль сообщает: «Я имел счастие возбудить его любопытство, рассказывая ему подробности о Наполеоне, о бегстве французских войск из Москвы,— подробности, которые в 1816 г. не были еще всем известны». В следующем году в «Сыне Отечества» (1830, т. XI, № 19, с. 379—394 и т. XII, № 20, с. 3—13) была напечатана статья «Лорд Байрон в Италии. Рассказ очевидца», с подписью «Stendhal». Это были первые статьи, явившиеся в России с полным именем Бейля-Стендаля. Об этих публикациях см. заметки Т. В. Мюллер-Кочетковой в кн.: «Стендаль. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1822—1960)». М., 1961, с. 9, а также в ее статье: «Ранние переводы Стендаля в России. Стендаль в русской печати 1820—1840 гг.» — «Известия АН Латвийской ССР», 1960, № 4, с. 65—76; Т. Kotchetkova. Stendhal en Russie.—«Stendhal Club (Lausanne — Grenoble), 1961, N 12, p. 161—170.

[274] «Свидание с Байроном в Генуе. (Отрывок из Путешествия в Италию, Ж. Ж. Кульмана (Coulmann)».— «Московский телеграф», 1827, № 3, отд. II, с. 97—116, 116—121 (послесловие).

[275] М. И. Гиллельсон. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 162—163, со ссылкой на неизданную запись С. Д. Полторацкого (ГБЛ, ф. 233, к. 80, № 10, л. 18). Стоит отметить, что в примечании к этому послесловию приводится следующее высказывание Пушкина о творчестве Байрона: «Автор Онегина остроумно и оригинально называет «Дон Жуана» изнанкою Чайльд Гарольда» (с. 111). То, что эти слова Пушкина приводит Вяземский, придает им достоверность. «Думаем, что Пушкин говорил о двух сторонах поэзии Байрона: о лирической стихии, которая переполняет «Чайльд Гарольда», и о сатире, громко прозвучавшей в «Дон Жуане», а также о взаимозависимости двух этих начал в творчестве Байрона»,— замечает по этому поводу М. И. Гиллельсон (с. 162—163).

[276] «Московский телеграф», 1827, ч. 13, № 3, отд. II, с. 118.

[277] С. Дурылин. П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique».— ЛН, т. 31-32, 1937, с. 94 и сл.; (ср.: т. 47-48, 1946, с. 238—239); В. Нечаева. П. А. Вяземский как пропагандист творчества Пушкина во Франции.— ЛН, т. 58, 1952, с. 311—312.

[278] «Московский телеграф», 1827, № 3, отд. II, с. 118—121.

[279] ГПБ, собрание П. Л. Вакселя, оп. 1, № 196.

[280] «Известия из Лондона».— «Атеней», 1828, № 14-15, с. 260—261.

[281] Thomas Moore. Memoirs, journal and correspondence. Ed. by Lord John Russell, Vols I—VIII. London, 1853—1856 (в дальнейшем — сокращенно: Th. Moore. Memoirs, с указанием тома и страницы). Это издание является ценнейшим первоисточником для изучения биографии и литературной деятельности Мура. О первых томах этого труда А. В. Дружинин писал в «Письмах об английской литературе» (письмо второе, 1853): «Одним из интереснейших событий в британской словесности и журналистике за последние месяцы должно признать „Записки“ покойного поэта Томаса Мура и ряд статей, поро-

жденных этим сочинением, изданным в свет трудами лорда Джона Росселя, Мурова друга и его душеприказчика» (А. В. Дружинин. Собр. соч., т. V. СПб., 1865, с. 312); в «Современнике» (1853, т. XXXIX, отд. VI, с. 17—51) появилось изложение первых двух томов этого труда, заимствованное из «Revue des Deux Mondes». Заметки об отдельных томах этого издания были и в других русских журналах; в 1856 г. в том же «Современнике» (№ 7), в отделе «Заграничные известия», сообщалось: «Появился последний том биографии Т. Мура, написанной лордом Джоном Росселем» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, с. 744).

[282] Th. Moore. Memoirs, v. III, p. 93 («...был представлен кн. Голицыну, русскому, знающему все мои стихотворения наизусть» и т. д.). Затрудняемся с уверенностью определить, о каком представителе многочисленного, разветвленного рода Голицыных здесь идет речь, как и в записи 7 сентября следующего 1820 г. (т. III, с. 145). Если оба названные Муром кн. Голицыны тождественны друг с другом, то он имел в виду кн. Александра Федоровича Голицына (1796—1864), вступившего по окончании пажеского корпуса в Коллегию иностранных дел (1816) и вскоре определенного в русское посольство в Мадриде, где он прослужил ряд лет. См. о нем: «Записки о роде князей Голицыных, собранные и изданные Евг. Серчевским». СПб., 1853, с. 175—176; «Род князей Голицыных. Сост. кн. Н. Голицын», т. I. Материалы родословные. СПб., 1892, с. 186.

[283] Екатерина Семеновна Воронцова (1783—1856) с 1808 г. была замужем за графом Джорджем Пемброком (George, 11-th Earl of Pembroke). По отзывам ее английских друзей, она была незаурядной женщиной и прекрасной певицей. Прекрасный голос и музыкальные способности унаследовал ее старший сын, Сидней Герберт (Sydney Herbert, позднее Lord Herbert of Lea), также увлекавшийся русской музыкой (см. Lord Stanmore. Memoir of Sydney Herbert, v. II, p. 34).

[284] Th. Moore. Memoirs, v. IV, p. 249, 250, 252, 256.

[285] «Th. Moore Nationals Airs» (V серия). «Bring the bright garlands hither. Russian Air». Приводим первую строфу (из двух), английской подтекстовки Мура к русской мелодии:

Bring the bright garlands hither,
Ere yet a leaf is dying;
If so soon they must wither,
Ours be their last sweet sighing.
Hark! that low, dismal chime!
'T is the dreary voice of Time.
Oh, bring beauty! bring roses,
Bring all that yet is ours;
Let life's day, as it closes,
Shine to the last through flowers.

[286] «Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Сост. внуком его, гр. Владимиром Орловым-Давыдовым, т. II. СПб., 1878, с. 313—314,

[287] Th. Moore. Memoirs, v. V, p. 5. В примечании к этому месту издатель дневника Мура, Расселл, отметил, что молодой человек, с которым Мур вел беседу, был «не Демидов, а Орлов» (на самом деле он прозывался в то время еще В. П. Давыдовым, а титул и удвоенная фамилия Орлов-Давыдов были присвоены ему лишь в 1855 г.).

[288] Th. Moore. Memoirs, v. V, p. 5.

[289] «Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français par divers auteurs; precedées d'une introduction française de M. Lemontey et d'une préface italienne de M. Salfi». Paris, 1825. Издателем этой книги был родственник В. П. Давыдова, гр. Г. В. Орлов (1778—1826).

[290] В басне Крылова «Сочинитель и разбойник» идет речь о том, как в аду перед судьями оказались «Грабитель» и «Славою покрытый сочинитель». Последний —

...тонкий разливал в своих твореньях яд,
Вселял безверие, укоренял разврат,
Был, как сирена, сладкогласен,
И, как сирена, был опасен.

В 1819 г. Н. И. Греч впервые истолковал эту басню как направленную против Вольтера («Сын Отечества», ч. 54, № 22, с. 136—137). Басня была переведена на французский язык Ксавье де Местром, братом известного вольтерофоба, Жозефа де Местра (J. Fleury. Krylov et ses fables. Paris. 1869, p. 87—88). В ответ на статью Баур-Лормиана, в которой излагалось толкование басни Гречем, Я. Н. Толстой выпустил в Париже на французском языке брошюру, в которой опровергал эту точку зрения (И. А. Крылов. Басни. Изд. подготовил А. П. Могилянский. М.— Л., 1956, с. 445—446). В. П. Давыдов назвал перевод «Басен» Крылова на французский язык «плохим»; отметим, что такого же мнения Давыдов придерживался и впоследствии, подтверждая его отзывом П. А. Плетнева (см. в его «Биографическом очерке графа В. Г. Орлова...», т. II, с. 143).

[291] Th. Moore. Memoirs, v. V, p. 66.

[292] А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники, с. 419—421.

[293] Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв., т. II. СПб., 1895, с. 971—972. По данным английских источников, Степанова-отца звали Филетер; свои произведения он выставлял в 1778—1781 гг., жена его, Гертруда, тоже

художница, умерла в Лондоне 7 января 1808 г.; дата смерти его самого неизвестна. Младший его сын, Френсис-Филипп Стефанов (1790—1860) был художником и книжным иллюстратором, старший, Джемс (1788—1874), также был художником-акварелистом и графиком. См.: T h i e m e - B e c k e r. Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler, Bd. XXXI ⟨Leipzig, 1937⟩, S. 598—599. Затрудняемся определить, кто из названных братьев Стефановых был иллюстратором Мура.

[294] T. M o o r e. Memoirs, v. VII, p. 196 (запись 8 августа 1837 г.).

[295] Переводы А. Э. Одынца из «Лаллы Рук», в частности «Огнепоклонников» («Czcicieli ognia») и «Рая и пери» («Peri i Raj»), как это видно из писем Ю. Словацкого, относятся к началу 30-х годов (Manfred K r i d l. A Survey of Polish Literature and Culture. The Hague, 1956, p. 240); все они объединены в собрании его переводов («Tłumaczenia Antoniego Edwarda Odyńca». V. I—VI. Lipsk, 1838—1844). С. Шевырев, характеризуя современную польскую литературу в рецензии на варшавскую «Денницу», писал: «Эдуард Одынец перевел многие поэмы Байрона, Мура и В. Скотта с таким искусством, какого не представит ни одна современная словесность в Европе. Переводы Одынца — народные воссоздания подлинников. Они приносят честь словенскому духу и его чудесной гибкости и самостоятельности, умеющей так творчески претворять в свое народное создание других наций» («Москвитянин», 1842, ч. V, № 9, с. 172). Стихотворение А. Мицкевича «Zlewa wód», написанное в России и напечатанное в посмертном издании его произведений (1860) долгое время считалось его оригинальным стихотворением; однако впоследствии раскрылось, что это перевод одной из «Ирландских мелодий Мура — «The meeting of the waters» (см.: Leon G o m o l i c k i. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. 1824—1829. Warszawa, 1949, s. 234. Ср. отзыв Мицкевича о Муре в письме к А. Одынцу от 1 июня (20 мая) 1826 г., с. 274).

[296] A. M i c k i e w i c z. Mélanges posthumes, publ. par L. Mickiewicz. Paris. 1872, p. 304, О Муре и значении его творчества для польских романтиков — Мицкевича, Словацкого, Немцевича, Одынца, Красиньского и др. см. исследование E. M a c W h i t e. Thomas Moore and Poland.— «Proceedings of the Royal Irish Academy». Dublin, 1972, v. 72, sect. C, Numb. 2, p. 49—62.

[297] Отзывы А. И. Тургенева о польских переводах «Ирландских мелодий» и французских переводах из Мура польского писателя-эмигранта Христиана Островского см. А. И. T у р г е н е в. Хроника русского. Дневники, с. 519—520.

[298] Приводимые ниже выдержки из рукописного дневника А. И. Тургенева о встречах с Муром в Англии в 1829 г., а также из других бумаг архива бр. Тургеневых (находящихся в ИРЛИ) были мною опубликованы предварительно в статье: «Томас Мур, его русские собеседники и корреспонденты».— В сб.: «Международные связи русской литературы». М.— Л., 1963, с. 243—272; здесь они пополнены новыми данными, извлеченными как из рукописных, так и из печатных источников.

[299] M. E l k i n g t o n. Les relations de société entre l'Angleterre et la France sous la Restauration, 1814—1830. Paris, 1929.

[300] «Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским», т. I, с. 246. Об английских друзьях де Бройля и барона Огюста де Сталь см.: M. E l k i n g t o n. Op. cit., p. 127, 177—179.

[301] Об этих своих английских друзьях А. И. Тургенев много говорит и в неизданных дневниках и в письмах. Дружба Тургенева с Лансдауном обновилась во время приездов его в Англию в 1831 и в 1835 гг. См. его «Отрывки из заграничной переписки» («Московский наблюдатель», 1835, ч. IV, с. 627; ч. V, с. 251—253, 258—259, 261) и позднейшие воспоминания в «Хронике русского в Париже» («Москвитянин», 1845, ч. I, № 1, Смесь, с. 6—7; А. И. T у р г е н е в. Хроника русского. Дневники, с. 59—60, 105, 167, 232, 466). Интересные воспоминания о Лансдауне (с которым познакомил его Роб. Вильсон), Грее и других деятелях оппозиции см.: «Записки С. Г. Волконского». СПб., 1901, с. 351—352, 367.

[302] «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 378, 379, 382.

[303] Там же, с. 401

[304] Там же.

[305] ИРЛИ, архив братьев Тургеневых, ф. 309, № 308.

[306] Там же.

[307] Stephen G w y n n. Thomas Moore. London, 1904, p. 75—76; L.-A.-G. S t r o n g. The Minstrel Boy. A portrait of Tom Moore. London, 1937, p. 121—129.

[308] Б. X о л л и н г с у о р т. Встречи Томаса Мура с А. И. Тургеневым.— В сб.: «Русско-европейские литературные связи». М.— Л., 1966, с. 402—403.

[309] Th. M o o r e. Memoirs, v. VI, p. 15.

[310] «Дневник А. И. Тургенева», ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 17—17 об., 18.

[311] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I, с. 246.

[312] Там же, с. 305 (подлинный текст — по-французски).

[313] Там же, с. 246.

[314] ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 20. Duchesse de Dino (1793—1862), о которой упоминает Тургенев,— довольно примечательное лицо в светских и дипломатических салонах Западной Европы первой половины XIX в. По происхождению курляндская принцесса, она вышла замуж в Париже за графа де Перигора; с 1815 г., став женой Талейрана, она имела титул герцогини де Дино, де Талейран и де Саган (de Dino, de Talleyrand et de Sagan). А. И. Тургенев ее хорошо знал. В 1831—1832 гг. она большею частью жила в Лондоне, была близка к жене тогдашнего русского посланника в Лондоне гр. Доротее

Ливен и вообще к дипломатическим и аристократическим кругам, о чем рассказывается в ее «Souvenirs» и «Chronique»; семья Лансдауна здесь часто упоминается.

[315] L. A. Strong. The Minstrel Boy, p. 185, 186.

[316] ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 20.

[317] Stephen Gwynn. Thomas Moore, p. 123—124.

[318] Th. Moore. Memoirs, v. VII, p. 201. Грузия, хотя и довольно фантастическая, появлялась в произведениях английских поэтов XVIII в. Их ряд открывается двумя эклогами Вильяма Коллинса (1742): «Абра, или Грузинская султанша» и «Аджиб и Секандр, или Беглецы» (см.: Н. К. Орловская. Грузия в литературах Западной Европы XVII—XVIII вв. Тбилиси, 1965, с. 102—106). В самом конце века пользовалось известностью стихотворение С. Колриджа «Льюти, или Черкесская любовная песня» («Lewty, or the Circassian Love Chaunt», 1794), но здесь еще нет никаких местных красок.

[319] ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 20 об.

[320] Письмо А. И. Тургенева к Е. А. Карамзиной от 15 февраля 1829 г.— ИРЛИ, ф. 309, № 307, л. 140 об.

[321] ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 40 об., записи 20 и 21 марта 1829 г.

[322] Daniel O'Connel (1775—1847) в 20-х годах был одним из видных деятелей в борьбе за предоставление католикам политических прав.

[323] Henry Hunt (1773—1835) — радикальный политический деятель, известный под именем Orator Hunt.

[324] Письмо А. И. Тургенева к Е. А. Карамзиной от 15 февраля 1829 г. (ИРЛИ, ф. 309, и 307, л. 139 об.). Тургенев имел в виду два произведения Вордсворта: 1) «The Churchyard among the Mountains», составляющую две части (книги VII и VIII) его поэмы «Прогулка» («The Excursion», 1814), в 1827 г. вышедшей новым изданием в совершенно переработанном виде, и «The Brothers» (1800), напечатана в его «Лирических балладах». Вордсворт (Wordsworth; 1770—1850) — один из поэтов «озерной школы»; он был сравнительно мало известен в России в 20—30-е годы; тем не менее его знал Пушкин, сделавший, в частности, дословный прозаический перевод отрывка из поэмы Вордсворта «The Excursion» (Н. В. Яковлев. Из разысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина.— «Пушкин в мировой литературе. Сборник статей». Л., 1926, с. 132—137); известен был Пушкину также сонет Вордсворта, которому подражал Сент-Бев и он сам (там же, с. 122—129). Несколько замечаний о поэзии Вордсворта находится также в наброске Пушкина: «В зрелой словесности приходит время...». Козлов перевел знаменитое стихотворение Вордсворта «Нас семеро» («We are seven») и «Сонет» (с подзаголовком «Вольное подражание Вордсворту»— «Прелестный вечер тих, час тайны наступил...». Изредка имя Вордсворта встречалось также в русской печати. См., напр., его характеристику в статье А. Пишо о «Школе озерных поэтов».— «Литературная газета», 1830, № 58—59, с. 175—180, 183—185.

[325] ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 38. «Атеней»— название клуба, основанного в Лондоне В. Скоттом и Муром в 1824 г. Бывая в Лондоне, Мур обычно обедал в этом клубе и устраивал здесь свои деловые свидания.

[326] T. Moore Memoirs, v. VI, p. 15.

[327] Письмо Байрона к Муру от 27 декабря 1823 г. (Byron. Letters and Journals, ed. Rowland E. Prothero, v. VI. London, 1904, p. 294—295). Отметим попутно, что Дж. Бауринг в своей «Российской антологии» сравнил «Херсониду» С. С. Боброва (так названа была поэма, составившая 4-ю часть его «Рассвета полночи». СПб., 1804) с «Лаллой Рук» (с. VI). В письме из Лондона в Петербург к К. С. Сербиновичу (28 января 1831 г.) А. И. Тургенев просил его «показать другу благодетелю Жуковскому следующие строки из 2-й части жизни Бейрона Мура: Бейрон, сбираясь с своими сульотами на турок, пишет к Муру из Кефалонии, от 27 декабря 1823 г. (с. 700, изд. in-4, II части): «If anything in the way of fever, fatigue, famine, or otherwise, should cut short the middle age of a brother warbler, like Garcilasso de la Vega, Kleist, Kerner, Kutoffsky (a Russian nightingale — see Bowrings Anthology) or Thersander, or, or, somebody else — but never mind — I pray you to remember me in your «Smiles and Wine». Узнал ли себя Соловей-Жуковский — в этом Кутовском? И думал ли Мур, что этот же соловей воспевал и его берлинскую Лалла-Рук, о коей он говорил в той же части на с. 507.— Спросите у Козлова, читал ли он 2-ю часть Мура: она интереснее 1-й, если только литература может быть теперь интересна» (Н. П. Барсуков. А. И. Тургенев в его письмах.— «Русская старина», 1881, № 6, с. 196).

[328] «Catalogue of Books presented to the Royal Irish Academy by Thomas Moore». Aug. 28, th., 1855. Знакомству с этим рукописным каталогом я обязан выпискам из него, сделанным по моей просьбе покойным г. Эойном Мак Уайтом (Eóin MacWhite; г. Дублин-Гаага, ум. в 1972 г.), видным ирландским ученым и общественным деятелем. Благодаря его предупредительной любезности я в течение нескольких лет имел возможность получить ряд ценных книг и справок архивного характера из хранилищ Ирландии и Голландии, о чем храню благодарную память. Из книг Мура, перечисленных в этом каталоге, отметим еще несколько, относящихся к России или сопредельным с нею странам: таково, например, издание «Путешествия в Московию» А. Олеария (1669), кроме того: «A Sketch of Military and Political Power of Russia in the Year 1817. 3d ed. London, 1817; J. Pinkerton. Collection of Voyages and Travels (v. 31 and 32).

[329] «The Letters of Thomas Moore, ed. Wilfred S. Dowden», v. 2. Oxford, 1964, p. 724—725.

[330] «Переписка А. И. Тургенева с П. А. Вяземским», т. I, с. 68, 75—76. «*Фома*

неверный» — по-видимому, простая острота по поводу имени Мура (Thomas), не подразумевающая никаких свойств его характера.

[331] П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. IV. СПб., 1880, с. 55.

[332] T. Moore. Poetical works. Paris, 1829, p. 308—309.

[333] Б. Л. Модзалевский. Из альбомной старины — «Русский библиофил», 1916, № 6, с. 69.

[334] И. И. Козлов. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 200. Непосредственным источником этих стихов Козлова, насомненно, являются письма Тургенева, в которых описывал он «все ‹...› путешествие от Лондона до Эдинбурга»; «Это потешит более всех Козлова»,— заметил сам Александр Иванович в письме к брату 25 августа 1828 г. («Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», с. 462).

[335] «Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу». М., 1895, с. 248.

[336] ИРЛИ, ф. 309, № 367. Последний латинский стих взят из оды Горация (III, 30, I). Тургенев намекает на то, что Вяземский отказался от мысли написать биографию Байрона, узнав, что такой труд создает Мур.

[337] «Остафьевский архив», т. II, с. 245.

[338] Пушкин, т. XIII, с. 111; Т. Г. Цявловская. Автограф стихотворения «К морю».— В кн.: «Пушкин. Исследования и материалы», т. I. М.— Л., 1956, с. 192 (в этой статье дана подробная история постепенного опубликования этого стихотворения и его распространения в рукописных списках).

[339] То обстоятельство, что Тургенев называет стихотворение Пушкина «К морю» «подражанием Байрону» (*... l'a imité*), делает возможным предположение, что он мог иметь в виду не только то стихотворение «К морю» (1824), из которого приведены им отрывки, но и элегию Пушкина «Погасло дневное светило...» (1820), которая также иногда, при перепечатках, называлась «К морю» (Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1938, с. 91, 106). В «Стихотворениях» Пушкина изд. 1826 и 1829 гг. элегия названа в оглавлении «Подражанием Байрону», вероятно, на том основании, что в ней есть некоторое сходство с «прощаньем» Чайльд-Гарольда. Так воспринимали ее и некоторые современники Пушкина. М. П. Погодин («Год в чужих краях», ч. IV. М., 1844, с. 99) рассказывает о своей встрече за границей с неким англичанином: он «просил меня прочесть ему несколько русских стихов, чтоб познакомиться с звуками нашего языка, и я начал читать Пушкина перевод ‹!› из Байрона, которого он терпеть не может:

Погасло дневное светило,
На море синее вечерний пал туман,
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

‹...› Англичанину очень понравилась гармония».

[340] Пушкин, т. XIII, с. 78; Н. В. Измайлов. Строфы о Наполеоне и Байроне в стихотворении «К морю».— «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 6. Л., 1941, с. 21—29; ср.: Е. И. Клименко. Иносказательный смысл «моря» в поэзии Байрона.— «Вестник ЛГУ», серия литературы и языка, 1963, № 8, в. 2, с. 164—168.

[341] Н. М. Данилов. Материалы для полного собрания сочинений И. И. Козлова.—ИОРЯС, 1915, кн. 2, с. 97—98; И. Эйгес. К переводам И. Козлова из Байрона.— «Звенья», V. М, 1935, с. 744—748.

[342] Л. И. Никольская. «Прощальная песнь» из поэмы Д. Г. Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» в переводе И. И. Козлова.— «Уч. зап. Смоленского. гос. пед. ин-та», вып. XXV, 1970, с 17—26. Еще в 1869 г. И. И. Р‹одзевич› в статье «Байрон и русская песня» писал: «Много раз в наших отдаленных городах и деревнях приходилось мне слышать заунывную русскую песню, которую по содержанию можно назвать песнью изгнанника» («Всеобщая газета», 1968, № 75); Н. С. Травушкин «Рыбацкая песня на слова Байрона» («Литературное краеведение», вып. V. Астрахань, 1968) и дополнение к ней — там же, вып. VI, 1968, с. 53—56.

[343] Этот перевод Козлова был опубликован в альманахе «Северные цветы» на 1826 г. с ошибочно напечатанным заглавием: «На погребение английского генерала сира Джона Мура». Хотя эта ошибка отмечена в «опечатках», но имя подлинного автора этого стихотворения (Wolfe) не указано, так как, вероятно, его не знал и сам Козлов (ср.: John Mersereau. Baron Delvig's «Northern Flowers», 1825—1818. Southern Illinois University Press, London and Amsterdam, 1967, p. 82). Основания для такой атрибуции все же существовали: стихотворение Ч. Вулфа было опубликовано в Англии без подписи автора; оно пользовалось большой популярностью, и его приписывали поочередно всем наиболее известным английским поэтам того времени. Так, например, капитан Томас Медуин в первом издании своих «Разговоров с Байроном» («Journal of the Conversations of Lord Byron». London, 1824) автором указанного стихотворения считал Байрона и признал свою ошибку во втором издании этой книги; в качестве авторов данного стихотворения называли также Кемпбелла, Барри Корнуола, Дж. Вильсона, но чаще всего именно Мура. Специальную монографию об этом стихотворении и его судьбе издал Смолл (H.-A. Small. The field of his fame. A ramble of the curious history of Charles Wolfe's poem: «The Burial of Sir John Moore». Berkeley — Los Angeles, 1953, p. 4—5). Нередко такую ошибку делали и в русской печати, например Некрасов в 1842 г. (ЛН, т. 53—54, 1949, с. 17). Впоследствии М. Л. Михайлов вспоминал в своих «Лондонских заметках», что имя генерала Джона Мура помнится «не по его военным подвигам, а по знаменитой оде Вулфа на смерть

его, без которой не обходится ни одна английская хрестоматия и которая всем известна и у нас по удачному переводу Козлова» (М. Л. Михайлов. Соч., т. III. М., 1958, с. 348). Ту же ошибку — приписывание стихотворения Вулфа Муру — мы обнаружили еще в кн.: Д. К. Петров. Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909, с. 16.

[344] И. Эйгес. К переводам И. Козлова из Байрона.— «Звенья», V, с. 744—748; И. Эйгес. Музыка в жизни и творчестве Пушкина. М., 1937, с. 89.

[345] «Остафьевский архив», т. I, с. 335—336.

[346] «Московский телеграф», 1827, ч. 15, № 11, с. 259—261. В письме к Козлову от 10 июля 1835 г. Тургенев прямо называет себя его «биографом» («Не забывай своего биографа») и упоминает о собственной «Записке» о Козлове, «в 1827, г. в Дрездене составленной». Ср: ЛН, т. 60, кн. 1, 1956, с. 38—40.

[347] Отрывок письма из Лондона.— «Московский телеграф», 1827, № 3, отд. IV, с. 257—258.

[348] «Русский архив», 1886, № 2, с. 186—187 (в оригинале по-французски).

[349] «Русская старина», 1875, № 4, с. 747.

[350] «Остафьевский архив», т. I, с. 330—332; П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. III, с. 206—207, 318, 423—426.

[351] Anastasia-Mary Moore — маленькая дочь поэта, умерла 12 марта 1829 г. (L.-A.-C-Strong. The Minstrel Boy, p. 154—159).

[352] ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 42.

[353] Там же, л. 38.

[354] «Principibus placuisse viris» — «Заслуживать рукоплескания великих составляет немалую хвалу» (Гораций. Послания, I, 17, 35).

[355] Вильям Хон (Hone; 1780—1842) — публицист и сатирический поэт демократического лагеря, выпускавший листовки и памфлеты весьма радикального содержания, а также перепечатки произведений Байрона, Шелли, Мура и др. См.: А. Н. Николюкин. Массовая поэзия в Англии конца XVIII — начала XIX в. М., 1961, с 151—164; здесь же о поэзии Мура в массовых демократических изданиях Англии первых десятилетий XIX в. (с. 134, 149).

[356] «Полтава» появилась в печати 27—28 марта 1829 г. (Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати, с. 60—61); Б. Л. Модзалевский (Пушкин. Письма, т. II. М.—Л., 1928, с. 345) считает, что это произошло еще позже: «около 1 апреля»; между тем уже 26 марта С. Т. Аксаков писал С. П. Шевыреву: «Вчера получили поэму Пушкина!» («Русский архив», 1878, кн. II, № 5, с. 50).

[357] ЛН, т. 58, 1952, с. 88.

[358] ЛН, т. 58, с. 85. Любопытно, что эта цитата была опубликована П. И. Бартеневым в качестве отрывка из письма к А. И. Тургеневу в кн.: ‹П. Бартенев›. А. С. Пушкин, II. М., 1885, с. 40.

[359] К. А. Полевой. Записки. СПб., 1888, с. 171—172.

[360] «Исторический вестник», 1883, № 12, с. 528.

[361] «Русский архив», 1878, кн. II, № 5, с. 50.

[362] ЛН, т. 58, с. 90.

[363] «Пушкин и его современники», вып. XXI—XXII. Пг., 1915, с. 15, 221.

[364] О В. П. Давыдове — см. выше, с. 733—734; ГБЛ, ф. 219, оп. 91, № 9, л. 34—36.

[365] В неопубликованном письме Тургенева к Жуковскому (Лондон, 17 марта 1829 г.) об этом говорится так: «Расстаюсь завтра с единственным соотечественником, с коим иногда приятно проводил вечера или встречался в клубе и в обществе. Это молодой Давыдов, внук Орлова. С душою соединяет он ум и даже благоразумие и истинно европейское просвещение, и в друге-наставнике ‹м-ре Кольере›, которому завещала мать его, умирая в Италии, нашел он друга и неразлучного товарища» (ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 143).

[366] Тургенев имеет в виду ст. 128 в знаменитой элегии Томаса Грея (1716—1771) «Сельское кладбище» («Elegy written in a Country Church-yard», 1750):

Here rests his head upon the lap of Earth
A Youth to Fortune and to Fame unknown;
For Science frown'd not on his humble birth,
And Melancholy mark'd him for her own.

[367] Письмо Тургенева к Жуковскому от 17 марта 1829 г., хранящееся в архиве братьев Тургеневых (ИРЛИ, ф. 309, № 308, л. 142—143), полностью не опубликовано. Отрывок из него, относящийся к проекту издания писем и дневников Байрона в Петербурге, опубликован мною в статье «Автографы Байрона в СССР» (ЛН, т. 58, с. 950—952, 993—994).

[368] Этот перевод не заставил себя долго ждать: он появился в свет выпусками с начала 1830 г. В марте этого года «Литературная газета» Дельвига опубликовала уже рецензию на первый выпуск этого перевода («Mémoires de Lord Byron, publiés par Th. Moore, traduits de l'anglais par M-me Louise Sw. Belloc». Première Livraison, Paris, 1830), заимствовав ее из французского журнала («Литературная газета», 1830, № 13, с. 104—106, № 14, с. 113—114); другая рецензия была помещена во французской петербургской газете «Le Furet» (1830, № 16, с. 63). См. также заметку о лондонском издании книги Мура в «Литературной газете» (1830, № 9, с. 74) и в «Вестнике Европы» (1830, № 3, с. 254).

[369] Н. К. Козмин. Пушкин о Байроне.— В сб.: «Пушкин в мировой литературе». Л., 1926, с. 110—111; «Пушкин в письмах П. А. Вяземского к жене».— ЛН, т. 16—18, 1934, с. 806.

[370] Н. Барсуков. А. И. Тургенев в его письмах.— «Русская старина», 1881. № 6, с. 199.

[371] «Перевод стихотворения Козлова на английский язык Томасом Муром».— «Телескоп», 1831, ч. II № 8, с. 567—570.

[372] Об антологии Дж. Бауринга — см. выше, с. 191—198.

[373] См., напр.: «Всеобщая история литературы». Изд. В. Корша и А. И. Кирпичникова, т. IV. СПб., 1892, с. 629.

[374] Stephen Gwynn. Thomas Toore, p. 194. «Вечерний звон» Козлова написан, по-видимому, в 1827 г. Н. И. Гнедич писал Козлову 17 января 1828 г.: «Я еще не благодарил тебя за «Вечерний звон»; он мне по сердцу» («Русский архив», 1886, № 2, с. 189).

[375] Th. Moore. Complete Works in one volume. Paris, 1829, p. 318.

[376] Эта «Русская ария» начинается следующими стихами:

Hark! The vesper hymn is stealing
O'er the waters, soft and clear;
Nearer yet and nearer pealing,
And now bursts upon the ear:
Jubilate, Amen.

В поздних собраниях сочинений Мура среди его «Unpublished songs» печатается еще одна его «русская песня» (под заглавием «The Russian Lover»), которой поэт постарался придать «русский колорит»: действие происходит в морозную лунную ночь, на темном небе сияют северные звезды; песню поет ездок, мчащийся в санях к своей возлюбленной.

В 30-е годы у нас пользовался успехом еще один романс под тем же заглавием «Вечерний звон» с музыкой И. И. Геништы, несколько раз издававшийся в Москве и Петербурге, но он был написан не на текст Козлова, а на слова французского поэта В. Деборда (V. Desbordes. Les cloches du soir). Этот романс был включен в V тетрадь «Собрания музыкальных пьес, составленного ⟨М. И.⟩ Глинкою», 1839.

[377] Б. Штейнпресс. А. А. Алябьев в изгнании. М., 1959, с. 43. Отмечая, что «Алябьев написал этот романс в год прибытия в тобольскую ссылку, вскоре после появления стихотворения И. И. Козлова в печати», автор указывает также, что «именно алябьевский романс ⟨...⟩ способствовал быстрой популяризации стихотворения Козлова». Уже в 1831 г. «мелодия» «Вечернего звона» Алябьева вошла в фортепьянную фантазию Л. Лангера; в «Музыкальном альбоме на 1831 г.» опубликовано фортепьянное переложение этого романса, затем появились аранжировки Дюбюка, Вильбоа (на два голоса) и т. д. Все эти музыкальные произведения восходят к романсу Алябьева, а этот последний — к тексту стихотворения Козлова, в котором уже ранние критики видели отличный образец «звукоподражательной поэзии», как писал Ф. И. Буслаев, рассказывавший, что он, в юности зачитываясь Козловым, особенно любил именно это стихотворение: «Читая его наизусть, я не просто выговаривал слова, а как бы звонил ими, воображая себя сидящим на колокольне» (Ф. М. Буслаев. Мои воспоминания. М., 1897, с. 77). В истории последующих откликов на «Вечерний звон» в русской поэзии и музыке, которых бегло коснулся и Б. Штейнпресс («А. А. Алябьев в изгнании», с. 43), существует, однако, немало темных мест. Так, например, стихотворение, озаглавленное «Вечерний звон», написанное на английском языке, есть среди произведений рано умершей Сарры Толстой (1820—1838), дочери графа Ф. Толстого — «американца» и цыганки; это стихотворение напечатано в посмертном издании произведений С. Толстой только в прозаическом русском переводе М. Н. Лихонина. Первая его строфа читается так: «Вечерний звон! О, как много говорят эти звуки для чувствующего сердца о днях давно прошедших, о минувшей радости, о каждой слезе, о каждом вздохе, обо всем, что дорого нашему сердцу: как красноречив этот вечерний звон!» («Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой. Перевод с немецкого и английского», ч. I. М., 1839, с. 200—201). Никаких указаний на стихотворения Козлова или Мура как на возможный источник этого английского стихотворения Толстой в этом издании не сделано, между тем в биографии поэтессы, помещенной в той же книге, утверждается, что она была воспитана на образцах английской романтической поэзии. «Байрон, Томас Мур и поэты новой английской школы питали ее поэтическую, пламенную душу, восторженную фантазию» (там же, с. XVI).

[378] А. Калиновский. Где правда? История Афонского Иверского монастыря. Исследование. СПб., 1885, с. 12—13. Рукопись Мтацминдели, о которой говорит Калиновский, в настоящее время затеряна. В Тбилисском Гос. музее, а также в музее Кутаиси, где ныне сосредоточены рукописи этого монастыря, ее нет, о чем еще в 1935 г. сообщил мне покойный проф. Е. Церетели, к которому я обращался за разъяснениями. Последующие попытки найти эту рукопись или получить о ней более точные сведения, предпринимавшиеся мною несколько раз, также не привели ни к каким результатам.

[379] А. Хаханов. Очерки по истории грузинской словесности.—«Чтения в ОИДР», в. II. М., 1898, отд. III, с. 81.

[380] И. Козлов. Стихотворения. Л., 1936 (Библиотека поэта. Малая серия, с. 239).

[381] Крайняя недоступность турецких земель именно в этот период придавала рассказам и слухам об Афоне особую занимательность. Сведения о богатстве афонских монастырей древними рукописями, а также о полном небрежении, в каком находились они в тамошних книгохранилищах, помещены были, например, в широко читавшемся путешествии «пешеходца» Василия Григоровича-Барского, «шестым тиснением» вышедшем

в Петербурге в 1819 г. («Путешествие к святым местам...», т. II., ч. 2. СПб., 1819, с. 109, 195, 206—207, 222, 224). В том же году в Петербурге появилась книга П. П. Свиньина «Воспоминания на флоте», в которой целый раздел посвящен историческому очерку и описанию всех монастырей Афона (ч. 2, с. 57—90). Летом 1820 г. поездку на Афон совершил Д. В. Дашков, секретарь русского посольства в Константинополе, близкий друг всей семьи Тургеневых и сослуживец С. И. Тургенева. Статья Дашкова, явившаяся результатом этой экскурсии, напечатана была в «Северных цветах на 1825 год» под заглавием «Афонская гора. Отрывок из путешествия по Греции в 1820 году» (с. 119—161; ср.: ЖМНП, 1915, № 10, с. 205—206 и «Русский биографический словарь», т. 6. Дабелов-Дядьковский. СПб., 1905, с. 141) и читана была всеми петербургскими литераторами, в том числе и Козловым, напечатавшим в этой же книге «Северных цветов» перевод «Ирландской песни» Мура. Любопытно, что Дашков ездил на Афон со специальной целью: «Мы,— пишет он,— спешили осмотреть только знатнейшие монастыри, те, в коих надеялись отыскать достойные внимания рукописи о греческой и латинской словесности ⟨...⟩ и грузинскую Библию». Осматривал Дашков и библиотеку «Иверского монастыря и нашел «желаемую грузинскую Библию в кипе рукописей на сем языке ⟨...⟩ однако мы не могли воспользоваться немедленно своею находкою, не сыскав на святой горе грузинского переводчика: в монастыре Иверском давно живут одни греки». Не дал также никаких результатов просмотр сочинений Евгения Булгариса (1716—1806), афонского монаха, говорившего и писавшего на шести языках, вызванного в Россию при Екатерине II, издававшего в Петербурге византийских историков и умершего в Херсоне.

[382] Этими сведениями я обязан любезному сообщению И. К. Ениколопова (Тбилиси), за что приношу ему глубокую благодарность.

[383] «Anecdotes of Russia».— «New Monthly Magazine and Literary Journal», 1830, v. XIX, July, p. 73—81.

[384] Там же, с. 74.

[385] Там же, с. 74—75. Цитируемый отрывок был перепечатан в кн.: F. K. Grahame. The Progress of Science, Art and Literature in Russia. London, 1865, p. 300. Перевод этот действительно отличается несомненными достоинствами: он близок к подлиннику, воспроизводит многие особенности его стиля; есть в нем, однако, и незначительные отклонения от оригинала: пропущена строка с именем Гирея, вместо «твоих язвительных лобзаний» стоит «warmer kiss», двадцати стихам Пушкина соответствует 21 строка перевода. По замечанию автора новейшей монографии о Козлове Д. Барратта, указанные строки английского перевода «Бахчисарайского фонтана» лучше другого опыта Козлова по сложению стихов на английском языке — послания «To countess Fiquelmont»; в переводе из Пушкина «нет неуклюжих инверсий, пропущенных определенных артиклей. Конечно, пушкинская сжатость не по силам простодушному Козлову. Первая рифма (light — bright) кажется слишком бледной. Однако образ пальмы передан замечательно — вольно, но близко. С преднамеренным риском вводя в перевод эпитеты tender (нежная) и young (молодая), Козлов внушает читателю представление о женственности «пальмы», тогда как эпитет «смятая» возмещен с помощью слова blasted (разрушенная). Сверх того, в переводе удачно схвачен ритм оригинала: (G. R. V. Barratt. Ivan Kozlov: a study and a setting. Toronto, 1972, p. 181—182). Исследователь, однако, сомневается, что Козлов полностью осуществил перевод «Бахчисарайского фонтана»; по его мнению, существуют только стихи, соответствующие строкам 135—154 оригинального текста Пушкина.

[386] Эти сведения не отвечают действительности.

[387] Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати, 1814—1837. М., 1938, с. 23—24.

[388] В 1819 г. Тургенев с недоверием сообщил в письме к Жуковскому, что Козлов выучился «в три месяца (sapienti sat! по-английски» («Остафьевский архив», т. I, с. 336); в ближайшее к этому свидетельству время познания Козлова были, по-видимому, еще далеки от совершенства; читая Байрона в подлиннике, он радовался, что «может понимать» этот язык («Старина и новизна», в. XI. СПб., 1906, с. 40).

[389] Это был перевод американца Льюиса (William D. Lewis), напечатанный в Филадельфии (Г. Геннади. Переводы сочинений Пушкина.— «Библиографические записки», 1859, № 3, стлб. 94).

[390] «Русский архив», 1886, № 3, с. 309.

[391] Maria L. Danilowicz. Chamier's Anecdotes of Russia.— «The Slavonic and East European Review», 1949, v. VIII, N 4, p. 306—307.

[392] L. A. G. Strong. The Minstrel Boy. A Portrait of Tom Moore. London, 1937, p. 187.

[393] «Пушкин. Статьи и материалы» (Одесского Дома ученых), в. II Одесса. 1926. с. 46.

[394] «Северная пчела», 1834, № 146, 2 июля, с. 581—583.

[395] Н. И. Греч. Путевые письма из Англии, Германии и Франции, ч. II. СПб., 1839, с. 142—143.

[396] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VIII. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 94—95.

[397] «Москвитянин», 1841, ч. V, № 9, с. 8—9, без даты и с подписью: К. П-ва; перепеч. в кн.: К. Павлова. Полн. собр. соч. С прим. Е. Казанович. Л., 1939, с. 152—153; «Les préludes, par M-me Caroline Pavlof, née Jaenisch». Paris, 1839, p. 66—67, 83.

[398] В архиве П. А. Плетнева сохранилось письмо к нему Е. Н. Шаховой от 19 октября 1843 г., посланное вместе с указанным переводом ее из «Ирландских мелодий»; в этом

письме Шахова просит Плетнева «дать местечко двум ‹ее› опытам ‹...› в переложении чужеземных вдохновений в первых №№ «Современника» на наступающий Новый год» (ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 714); Плетнев выполнил это желание поэтессы.

399 «Современник», 1844, т. XXXIV, № 4, с. 77—78. Перепеч. в кн.: «Собрание сочинений в стихах Елисаветы Шаховой», ч. I. СПб., 1911, с. 189. Очень возможно, что поэзией Мура Шахову заинтересовал Лукиан Якубович. В стихотворении на смерть Л. А. Якубовича Шахова писала: «... и я теряю в нем мне дорогого брата:// Он так сочувствовал поэзии моей!..». (Собр. соч., ч. I, с. 111). В 40-х годах Шахова (1822—1899) была известна у нас своей трагической судьбой: едва достигнув 23 лет, она постриглась в монастырь (1845) и под именем инокини Марии провела в монашестве всю свою долгую жизнь. Другие переводы ее из Мура нам неизвестны. См. о ней в кн.: «Адам Мицкевич в русской печати». М.—Л., 1957, с. 29, 34—36, 497—500.

400 «Репертуар и пантеон», 1847, т. II, отд. II, с. 111; этот перевод Крешева перепечатывался несколько раз (см. ниже, прим. 417); впоследствии то же стихотворение Мура в переводе Д. Д. Минаева под заглавием «Сирена» («Я слышал преданье. С глубокой тоской...») напечатано было в «Отечественных записках», 1870, № 7, отд. I, с. 127—128.

401 ‹Н. В. Гербель›. Несколько слов об И. П. Крешеве.— В кн.: И. П. Крешев. Переводы и подражания. СПб., 1862, с. 1—2.

402 В. В. Крестовский. Переводы и подражания И. П. Крешева ‹рецензия›.— «Русское слово», 1862, кн. IV, отд. II, с. 78—79.

403 В третьей статье о Пушкине (1843) Белинский писал: «Г-н Майков нашел себе подражателя в г. Крешеве, антологические стихотворения которого не совсем чужды поэтического достоинства,— и, явись такие стихотворения в начале второго десятилетия настоящего века, он составил бы собою эпоху в русской литературе; а теперь их никто не хочет и замечать,— что не совсем неосновательно и несправедливо» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, с. 226).

404 Там же, т. XII, с. 418, 422, 429—430.

405 Я. Турунов. Памяти Ивана Петровича Крешева.— «Русский инвалид», 1859, № 77, 8 апреля, с. 314. В той же газете (1859, № 75, 5 апреля, с. 303 — «Фельетон. Городской листок») сообщено было несколько данных к истории последнего года жизни Крешева (о его душевной болезни, об оскорбительной для него критике журнала «Иллюстрация» и т. д.).

406 «Сын Отечества», 1842, ч. 5, № 10, отд. III, с. 6.

407 И. Кр‹ешев›. Томас Мур.— «Сын Отечества», 1852, кн. IV, отд. IV, с. 111; здесь же, на с. 116 напечатан его перевод «Под ясною влагой морского залива...», т. е. «Рождение арфы».

408 И. Крешев. Последняя роза (Из Томаса Мура).— «Сын Отечества», 1842, № 9, отд. III, с. 6.

409 Thomas Moore. Chefs-d'oeuvre poétiques traduits par M-me Louise Sw. Belloc. Paris, MDCCCXLI, p. 168—169; см. здесь же: «L'origine de la harpe», p. 196. Первое издание французских прозаических переводов Беллок из Мура, как мы уже указывали выше, вышло в свет в 1822 г.

410 L. A. Strong. The Minstrel-Boy, p. 127.

411 М. И. Глинка. «Литературное наследие», т. 1, Л.—М., 1952, с. 263, 457.

412 А. Н. Серов. «Марта», опера в 4 действиях, соч. Флотова.— «Музыкальный и театральный вестник», 1856, № 43, с. 775; А. Н. Серов. Критические статьи, т. I (1851—1856). СПб., 1892, с. 682.

413 В. Ныркова. О «Шотландских вариациях» Глинки.— «Советская музыка», 1957, № 2, с. 74—76.

414 Е. Канн-Новикова. М. И. Глинка. Новые материалы и документы, в. 2. М.—Л., 1951, с. 141—145 («Замысел оперы «Матильда Рокби») и с. 146—149 («История романса «Моя арфа»); этот романс на слова К. А. Бахтурина представляет собою подражание песне Вилфрида в поэме В. Скотта «Рокби»; русское издание этой поэмы появилось в 1823 г.; песня же Вилфрида «The Harp», правда, без указания на первоисточник, известна также в переводе Е. Зайцевского.— «Новости литературы», 1825, кн. 14, № 12, с. 191—192.

415 «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу». Лейпциг, 1872, с. 449—450.

416 И. Кр‹ешев›. Томас Мур.— «Отечественные записки», 1852, т. 81, №4, отд. VIII, с. 236—238.

417 И. П. Крешев. Переводы и подражания. СПб., 1862, с. 72—77. Сюда вошли четыре стихотворения: «Рождение арфы», «Волшебница», «Последняя роза» и «Мелодия» («В долине Гангеса, в Эдеме пышных роз...»); последняя первоначально появилась в «Репертуаре и пантеоне», 1847, т. II, отд. II, с. 111. Два из них воспроизведены также в хрестоматии Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах». СПб., 1875, с. 248.

418 А. Горковенко. Томас Мур.— «Пантеон», 1852, т. 2, № 4, отд. II, с. 5—6.

419 Н. П. Греков. Новые стихотворения. М., 1866, с. 98; первоначально стих. «Нет, успокоиться дай сердцу моему...» напечатано в «Репертуаре и пантеоне театров», 1847, т. III, отд. I, с. 136.

420 А. Н. Бородин. Поздно.— «Сын Отечества», 1849, № 3, отд. II, с. 9.

[421] В. Толбин. А. Н. Бородин.— В кн.: «Гимназия высших наук и лицей кн. Безбородко». Изд. 2-е. СПб., 1881, с. 341—344; прилож., с. X—XVII.

[422] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, с. 445, 462.

[423] А. Бородин. Пора любви (из Мура).— «Сын Отечества», 1848, № 9, отд. III, с. 1—2.

[424] А. Бородин. Четыре стихотворения Т. Мура.— «Сын Отечества», 1848, № 5, отд. III, с. 2—4.

[425] А. А. Фет. Полн. собр. стих. («Библиотека поэта. Большая серия). Л., 1959, с. 669. Стих. «Прощай, Тереза...» написано в 1847 г. и вошло в «Стихотворения Фета» (1850).

[426] Термин «ария» получил следующее объяснение в «Энциклопедическом словаре» (т. III. СПб., 1835, с. 108—110): «под сим словом разумеют ныне вокальную пьесу, выражающую лирическое положение представляемого певцом лица ⟨...⟩ В новейшие времена сим названием обозначают лирическую пьесу для одного только голоса, с сопровождением инструментов...»

[427] «Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Allgemeine Enzyclopädie der Musik...» hrsg. v. Fr. Blume, Bd. 9. Kassel — Basel — London — New York, 1961, S. 548—549.

[428] А. А. Фет. Вечерние огни. Издание подготовил Д. Д. Благой. М., 1971, с. 583—590.

[429] М. Л. Михайлов. Собр. стих. Вступ. статья, подготовка текста и прим. Ю. Д. Левина. Л., 1969, с. 537 (впервые стих. опубликовано в журн. «Дело», 1869, № 12, с. 72).

[430] Н. Лунин. Последний поцелуй. (Из Томаса Мура).— «Русское слово», 1864, январь, с. 152. О том, что под этим псевдонимом скрылся Г. Е. Благосветлов, вспоминал П. В. Быков («Силуэты далекого прошлого». М.—Л., 1930, с. 38). Указанное стихотворение начинается следующей строфой:

С холодным и бледным, как мрамор, лицом,
Немая от горя и муки,
Была предо мной ты живым мертвецом
В минуту печальной разлуки.
И твой поцелуй без души, без огня
Предвестием скорби обвеял меня...

Такого прощального стихотворения, полного не только горечи утраты любимой, но и мучительного надрыва, столь мало свойственного любовной лирике Мура, нет среди его произведений, хотя «перевод» Н. Лунина-Благосветлова все же имеет кое-какие соответствия в стихотворениях Мура (напр.: «Not, not more welcome...»).

[431] Таково, например, стих. Д. Д. Минаева «Просьба», в качестве перевода из Мура вошедшее в хрестоматию Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах», с. 250:

Не молись за меня!— может быть, это грех,
Но в мольбу я не верю, не верю судьбе!
Помолись, моя милая, лучше за тех,
Кто еще не измучен в борьбе...

Оно впервые напечатано в качестве оригинального стихотворения без всякого указания на Мура в кн.: Д. Д. Минаев. На перепутьи. Новые стихотворения. СПб., 1871, с. 172. Но Минаеву принадлежит также ряд стихотворений, на самом деле являющихся переводами из Мура; на одно из них, озаглавленное «Сирена», в «Отеч. записках», 1870, мы уже указали выше; сошлемся также на другой перевод Минаева, опубликованный пять лет спустя в тех же «Отечественных записках» (1875, № 3, отд. I. с. 293) под заглавием «В альбом (из Т. Мура)»:

Когда ты рыдаешь, страдая,
И горе твое глубоко,
Подруга моя молодая,
То мне самому не легко.

Но если ты плачешь от грезы,
От детских фантазий и мук,
К тебе так идут эти слезы,
Что плачь ты почаще, мой друг.

Оригинал этого перевода находится в юношеском сборнике стихотворений Мура, изданном им под псевдонимом Томаса Литла («Little's poems»), и озаглавлено «К плачущей Джулии» («To Julia weeping»); это небольшое стихотворение переводили и другие русские поэты. Не один Минаев обозначал именем Мура оригинальные свои стихотворения. Можем, например, указать попутно на стих. Л. Н. Трефолева (1863—1894) «Горсть земли (Ирландская мелодия)», источник которого также не был найден:

От родных берегов нашей бедной земли
Я умчался далеко — к чужим берегам.
Я скитался на них и в поту и в пыли
И проклятья твердил беспощадным врагам

(Л. Н. Трефолев. Стихотворения. Л., 1951, с. 258).

[432] Об А. Д. Абамелек-Баратынской см.: В. Стефанович. Переводчица русских и немецких поэтов.—«Русская литература», 1963, № 4, с. 145.

[433] «Ирландские мелодии. Из Томаса Мура».—«Вестник Европы», 1874, № 11, с. 351; подпись: А. Б., Баден-Баден, 1874. О принадлежности этого перевода Баратынской см.: В. Стефанович. Ук. статья, с. 145. Этот же перевод с небольшими искажениями и переделками (напр., в первом стихе: «Арфа стройная Торры»... и т. д.) перепечатан в сборнике, вышедшем без ее имени: «Переводы немецких, английских и французских стихотворений». Баден-Баден, 1876—1877 (12°, 73 с.), с. 40—41, а также во втором издании этого же сборника, вышедшего в свет с инициалами переводчицы: А. Д. Б. (Баден-Баден, 1882). Хотя этот перевод датирован самой переводчицей 1874 г., но она знала его оригинал почти за сорок лет перед тем. В 1835 г., находясь в Мараме — имении Баратынских, А. Д. Абамелек в хранившийся там альбом для стихов, переплетенный в темно-зеленый сафьян с надписью «Tendresse», вписала на л. 135 английский текст этого стихотворения («Irih Melody. The harp that once through Tara's hall's...») и поставила дату (18.XII.1835) и свою подпись: Annette Boratynsky. См.: «Е. А. Боратынский. Материалы к биографии из Татевского архива Рачинских». С введением в примеч. Ю. Верховского. Пг., 1916, с. IX—XI.

Еще один перевод того же стих. Мура под заглавием «Арфа Тары (из Томаса Мура)» напечатан Н. Мироновым в газ. «Русское дело», 1886, № 2, 3 мая, с. 11:

Замолкла арфа в замке Тары,
Затих струн чудный звон...
Погружена, как замок старый,
Она в могильный сон и т. д.

В обоих изданиях сборника переводов Баратынской, кроме стих. «Арфа мощного Тары...», напечатаны еще два ее перевода из «Ирландских мелодий»; «Когда твой боец, за тебя умирая, поникнет удалой главой...» (это известное стих. из I серии «Ирландских мелодий»: «When he who adores thee has left but the name...») и «Далеко от долов родимого края не ищет она ни побед ни похвал...» (оригинал: «She is far from the land where her young hero sleeps» из IV серии «Ирландских мелодий»). В русской печати оба названных перевода Баратынской, вероятно, не появились. В хрестоматии Гербеля перепечатано только то, которое было опубликовано в «Вестнике Европы».

[434] Ю. В. Доппельмайер. К Ирландии.—«Отечественные записки», 1871, № 12, с. 336 (перепеч. у Гербеля, с. 250).

[435] Ю. В. Доппельмайер. Из юношеских стихотворений Т. Мура.— «Складчина. Литературный сборник из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии». СПб., 1874, с. 400.

[436] В. С. Лихачев. За двадцать лет. Сочинения и переводы (1869—1888). СПб., 1889, с. 63—64, 65. О В. С. Лихачеве (1849—1910) как переводчике см.: О. Стыкалин. Поэт-демократ В. С. Лихачев.—«Вопросы журналистики», в. 2, кн. 2. Л., 1960, с. 64—66.

[437] А. Н. Плещеев. Полн. собр. стих. Ред. М. Я. Полякова. Л., 1964, с. 407.

[438] Перечень всех указанных сборников и их библиографическое описание см. в кн.: Н. Смирнов-Сокольский. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965.

[439] Ф. Червинский. Стихи. СПб., 1892, с. 167. В отделе «Мелких стихотворений» этой книги напечатано: «Из Мура. О, не шепчите над гробом вы имя его дорогое...» (первоначально опубликовано в «Наблюдателе», 1886, кн. 7, с. 64). Это знаменитое «Oh, breathe not his name, let it sleep in the shade...» (из I серии «Ирландских мелодий»), как мы видели, многократно переводившееся на русский язык. Лев Уманец в публикации «Из ирландских мелодий» Мура («Под знаменем науки. Сборник в честь Н. И. Стороженко». М., 1902, с. 479—480) поместил два перевода: 1) «Луч лампады давно, с незапамятных лет, озаряет святыню Кильдера...» (это стих. из III серии «Ирландских мелодий»: «Erin! Oh Erin!»: «Like the bright lamp that shone in Kildare's holy fane...») и 2) «Певец молодой стремится в сечь...» («The Minstrel — Boy» — из V серии). П. В. Быков перевел стих. Мура «Волна» («Вестник иностранной литературы», 1900, кн. 8, с. 142) и, вероятно, познакомил с «Ирландскими мелодиями» В. А. Гиляровского (1853—1935); два стихотворения из этого цикла: «Сумерки» («Люблю я час, когда в спокойном море тают последние лучи заката...») и «Бранный клич» («Кто жизнью дорожит, когда она в неволе...») переведены Гиляровским в марте 1896 г., но запрещены для печати цензурой (первое из них является переводом: «How dear to me the hour»). Рукописи их были найдены в архиве З. И. Быковой и опубликованы в ст.: В. Чиликин. Гиляровский — переводчик Томаса Мура.—«Дружба народов», 1966, № 5, с. 236—237.

[440] Gustave Vallat. Etude sur la vie et les oeuvres de Thomas Moore. Paris, 1887.

[441] И. П. Кр(ешев).—«Сын Отечества», 1852, № 4, отд. IV, с. 108.

[442] Об этой опере Спонтини см.: А. Н. Серов. Критические статьи, т. I. СПб., 1892, с. 86—122.

[443] В своей новой работе о Муре и русской литературе Эойн Мак Уайт (Eóin Mac White. Thomas Moore and Nineteenth Century Russian Literature.—«Escape», Groningen, 1971, v. 3, March, p. 208—216) сделал следующее указание: «Несколько русских композиторов создали музыкальные произведения, внушенные им творчеством Т. Мура.

В 1840-х годах Даниил Кашин написал оперу: „Одни сутки царствования Нурмагалы", основанную на одной из повестей в Лалле Рук» (с. 215). Это указание ошибочно, хотя данное известие повторялось в различных русских и зарубежных музыкальных справочниках (см., напр.: Г. Риман. Музыкальный словарь. Перев. и доп. Ю. Энгеля. М., 1901, с. 606; Ch. Gudworth. Thomas Moore.— В кн.: «Die Musik in Geschichte und Gegenwart...» Hrsg. v. Fr. Blume, Bd. 9. Kassel — Basel — London — New York, 1961, S. 549). Д. Н. Кашин действительно написал оперу с похожим заглавием, но она датирована 1817 г., а не «40-ми годами»; родившийся в 1773 г. Кашин умер «в исходе 1841 года», как свидетельствуется в его некрологе, напечатанном в «Русском вестнике». 1842, кн. V. Литературный текст, положенный на музыку Кашиным, был написан С. Н. Глинкой и имеет следующее заглавие: «Одни сутки царствования Нурмагалы, или Торжество любви и добродетели. Истинное происшествие, почерпнутое из Таверньерова путешествия в Персию и Индию. Героическая опера в двух действиях. Сочинение Сергея Глинки». М., 1817 (печатано с дозволения министерства полиции 8 апреля 1816 г.). Следовательно, Глинка и Кашин основывались не на поэме Мура (появившейся годом позже — 1817), а на рассказе французского путешественника XVII в. Ж.-Б. Тавернье «Путешествие в Турцию, Персию и Индию» (1697). Ошибка произошла потому, что Глинка делает героиней своей оперы историческую Нурмагалу, жену Джиган Гира (у Глинки — Жиангира), владетеля Индии из династии бабурядов. В сюжете оперы Глинки нет ничего общего с поэмой Мура «Свет гарема»; имя Нурмагалы пользовалось известностью в начале XIX в. во Франции. В поэтическом сборнике В. Гюго «Les orientales» под № XXVII напечатано стих. «Рыжая Нурмагала» («Nourmahal la Rousse»), в котором дается иронически обобщенное описание восточной природы и безжалостной красавицы, а по поводу ее имени в примечании Гюго говорит, что «Нурмагал — арабское слово, означающее — свет дома». Это стихотворение Гюго было положено на музыку московским композитором И. И. Геништой в 1842 г. (Е. А. Тынянова. И. И. Геништа.— «Советская музыка», 1941, № 2, с. 64) и также не имеет отношения к «Лалле Рук» Мура.

444 Л. Баренбойм. Антон Григорьевич Рубинштейн, т. I, Л., 1957, с. 425. О тексте этого романса см. выше, с. 683—685.

445 Julius Rodenberg. Meine persönlichen Erinnerungen an Anton Rubinstein (Nebst Briefen).—«Deutsche Rundschau», 1895, Bd. 87, № 5, S. 242, 262. Книга, о которой говорит Роденберг, это, вероятно, его «Die Harfe von Erin» (1861), и другие его очерки жизни и быта Великобритании, где не раз упоминается также Мур.

446 Оратория Р. Шумана «Рай и пери» в отрывках исполнялась в Петербурге 9 марта 1864 г. в концерте основанной М. А. Балакиревым «Бесплатной музыкальной школы» (см. В. В. Стасов. Собр. соч., т. IV. СПб., 1906, с. 368, 392). Ц. А. Кюи («Музыкальная летопись Петербурга».—«С.-Петербургские ведомости», 1864, № 60, 15 марта) отзывался об этой оратории Шумана как «чуть ли не самом слабом его произведении» (Ц. А. Кюи. Избранные статьи. Л., 1952, с. 10), между тем, как свидетельствует Стасов, сам Шуман (приехавший в Россию в 1844 г.) считал «Рай и пери» «лучшим своим созданием» (В. В. Стасов. Лист, Шуман и Берлиоз в России. СПб., 1896, с. 63). В феврале 1873 г. «Рай и пери» была исполнена в Петербурге под управлением Э. Ф. Направника (см. рец. Ц. Кюи в «С.-Пб. ведомостях», 1873, № 48, 17 февр.). К этому концерту, очевидно, было издано либретто для слушателей, маленькой брошюркой in 8°: «Рай и пери. Стихотворение из Лаллы Рук Мура» (без обозначения места печати; дозволено цензурой: СПб., 19 декабря 1872 г.). Очень высоко оценивал эту оратории Шумана П. И. Чайковский. Г. А. Ларош («Собр. музыкально-критических статей», т. II, ч. 1. М., 1922, с. 85) вспоминает, что интерес к «Раю и пери» Чайковский сохранил до конца жизни, намереваясь исполнить ораторию под своим управлением в Петербурге. в 1893 г. Модест Чайковский рассказывает, что Петр Ильич еще в середине 60-х годов часто с увлечением играл клавир оратории Шумана; «при каждом исполнении он выражал свой восторг и всякий раз почти требовал особенного внимания, когда наступало появление героя-юноши перед грозным властителем, и с исключительным умилением играл хор ангелов, прославляющих смерть молодого мученика, говоря, что выше этого ничего не знает в музыке. Довольно изменчивый в своих музыкальных пристрастиях ⟨...⟩ «Раю и пери» он остался верен до конца жизни» (М. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского, т. I. М., 1900, с. 247). Еще в 1887 г. (10 сентября) Чайковский сделал отметку в своем дневнике: «Играл „Paradies und Peri". Шумана. Экая божественная вещь!!!». (П. И. Чайковский. Дневники. М., 1923, с. 178).

447 На одном из концертов Берлиоза в Петербурге (30 апреля 1847 г.) исполнялась его «Прекрасная путешественница» на слова Мура (см.: В. Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. М., 1956, с. 590). О вокальных циклах Берлиоза на слова Мура: «Irlande» (1829—1830), «Méditations réligieuses» (1831), «Belle Voyageuse» (1834)— см. в биографии Берлиоза: A. Boschot. Un romantique sous Louis-Philippe. (1831—1842). Paris, 1948, p. 213—214.

448 J. Rodenberg. Meine persönliche Erinnerungen..., S. 247—248; Л. Баренбойм. Антон Григорьевич Рубинштейн, т. I, с. 297.

449 Г. Бернандт. Словарь опер, впервые поставленных или изданных в дореволюционной России и в СССР. М., 1962, с. 374—375.

450 Ц. А. Кюи. Современное положение русской оперы.— «Неделя», 1884, № 5, 29 января; цит. по кн.: Ц. А. Кюи. Избранные статьи. М., 1952, с. 314.

[451] Г. Бернандт. Словарь опер..., с. 375; ср.: В. В. Стасов. Русские и иностранные оперы, исполнявшиеся на имп. театрах в России в XVIII и XIX вв. СПб., 1898, с. 22.

[452] Л. Баренбойм. А. Г. Рубинштейн, с. 297—300.

[453] Ц. А. Кюи. «Фераморс» Рубинштейна.— «Новости и Биржевая газета», 1898, № 256, 17 сентября; цит. по кн.: Ц. А. Кюи. Избранные статьи, с. 488, 490, 492.

[454] Г. Бернандт. Словарь опер..., с. 375. Либретто оперы было издано несколько раз: Фераморс (Лалла Рук). Лирическая опера в III действиях по Т. Муру. Стихи Ю. Роденберга. Музыка А. Рубинштейна. М., 1884, 1898, 1904 (72 с.).

[455] «Русская музыкальная газета», 1900, № 21-22, стлб. 570. Кроме Золотарева, конкурсную кантату для оркестра, солистов и хора на текст из «Лаллы Рук» Мура написали также Крыжановский, Капп и Акименко.

[456] В. Золотарев. Воспоминания о моих великих учителях, друзьях и товарищах. Автобиографический очерк. М., 1957, с. 189 и 192.

[457] И. А. Бунин. Стихотворения 1887—1891 гг. Орел, 1891, с. 63—64. Об этом сборнике см. А. Бабореко. И. А. Бунин. Материалы для биографии. М., 1967, с. 36, 262; о переводах Бунина конца 80— начала 90-х годов: А. Бабореко. И. А. Бунин о переводах.— В кн.: «Мастерство перевода», М., 1968, с. 376. Стих. вошло в подборку переводов Бунина.— ЛН, т. 84, 1973, с. 202—203, 220.

[458] С. А. Толстая. Воспоминания.— В кн.: «Толстовский ежегодник». М., 1912, с. 22.

[459] Валерий Брюсов. Дневники. 1891—1910. М., 1927, с. 20—22, 25, 32, 50, 53, 59, 67, 76, 79, 152.

[460] В. Я. Брюсов. Письма к П. П. Перцову 1892—1896. М., 1927, с. 62, 78.

[461] А. Курсинский. I. Полутени. Лирические стихотворения за 1894 и 95 гг. II. Из Томаса Мура. Пер. с английского. М., 1896.

[462] В. Я. Брюсов. Письма к П. П. Перцову, с. 61.

[463] Рукопись стихотворения Брюсова «Где ты, мелодия!..», датированная 1894 г., находится в ГБЛ в тетради Брюсова «Мои стихи» и в папке неизданных переводов с английского; знакомством с рукописью этого перевода я обязан В. А. Мануйлову. См.: ГБЛ, ф. 386, карт. 20, ед. хр. 5. л. 2; карт. 14, ед. хр. 5/1, л. 21.

[464] Э. По. Собр. соч. в пер. с английского К. Д. Бальмонта, т. II. М., 1906, с. 156—157.

[465] Там же, с. 157.

[466] Эллис. Иммортели, в. II. М., 1904, с. 137.

[467] Игорь Глебов (Б. В. Асафьев). Романсы Танеева.— «Музыкальный современник», 1916, № 8, с. 107—108.

[468] А. Ф. Кони. Л. Н. Толстой.— В кн.: А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. I. М., 1916; перепеч. в кн.: «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., 1955, с. 507.

[469] В. Ф. Лазурский. Дневник.— ЛН, т. 37-38, 1939, с. 54—55, 491—492.

[470] Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. (Юбилейное), т. 30, с. 28—31, 526.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АВПР — Архив внешней политики России (Москва)

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва)

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва)

ГЛМ — Государственный Литературный музей (Москва)

ГПБ — Государственная публичная библиотека РСФСР имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., Изд-во АН СССР, 1954—1966

ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград)

ЛН — «Литературное наследство»

МИД — Министерство иностранных дел

Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (в 16-ти томах). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ГЛАВА I. ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ

Приезд английского посла Р. Ченслора в Москву и поездка О. Непеи в Лондон. Миниатюра из Никоновской летописи. Исторический музей, Москва — 19

Сэр Джером Баус. Английский посол в Москве. 1583—1584. Портрет работы неизвестного английского художника. Хранится в замке графства Сомерсет, Англия — 27

Эпиграмма на английского посла Джерома Бауса. Запись на полях английской книги 1626 г. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 29

Палата старого Английского двора в Москве. Середина XVI — начало XVII в. Современный вид после реставрации. Фото А. А. Александрова, 1974 — 31

Григорий Микулин. Русский посол в Англии. Портрет работы неизвестного английского художника, 1601. Исторический музей, Москва — 33

Герб английской «Московской компании», 1596. Из «Титулярника», 1672. Архив древних актов, Москва — 35

Русские азбуки XVII в. Бодлеевская библиотека, Оксфорд — 37

Портрет английского короля Карла II. Из «Титулярника», 1672. Архив древних актов, Москва — 39

Образцы русской скорописи, 1630. Британский музей, Лондон — 41

Английское посольство в Москве в XVII в. Картина неизвестного художника. Венгерский национальный музей, Будапешт — 43

«Краткая история Московии» Дж. Мильтона. Лондон, 1682. Публичная библиотека, Ленинград — 45

Эндрю Марвелл, секретарь английского посольства в Москве в 1661—1664 гг. Портрет работы неизвестного английского художника. Национальная портретная галерея, Лондон — 47

Чарльз Гоуард, граф Карлейль. Английский посол в Москве в 1661—1664 гг. Миниатюра (увеличено). Замок Гоуард, Йоркшир — 49

Лохань для розовой воды, присланная в дар от Карла II в 1664 г. Оружейная палата, Москва — 50

Карл I на коне. Статуэтка. Подарок царю Алексею Михайловичу. Оружейная палата, Москва — 51

«Русска я грамматика» Г.-В. Лудольфа. Оксфорд, 1696. Титульный лист. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 54

Страница из «Русской грамматики» Г.-В. Лудольфа, 1696—55

П. И. Потемкин. Русский посол в Англии в 1680—1682 гг. Портрет работы Годфри Неллера. Эрмитаж, Ленинград — 57

«Роспись городу Лундану и всей аглинской земли». Копия XVIII в. Первая страница. Библиотека Ярославского педагогического института — 59

«Как англинского короля Карлуса Стюверта казнили...» Русский перевод английской брошюры. 1650-е годы. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 61

«О Каролусе Первом». Рукопись. Публичная библиотека, Ленинград — 61

«Герб и печать короля Аглинского». Из «Титулярника», 1672. Архив древних актов, Москва — 63

Генерал Патрик Гордон. Гравюра по портрету работы неизвестного художника. Эрмитаж, Ленинград — 65

«Журнал джентльмена», 1692, с корреспонденцией из Москвы. Бодлеевская библиотека, Оксфорд — 69

«Памятная речь Петра, царя Московского к английскому королю Вильгельму III в Утрехте». Гравюра, иллюминованная от руки. Лондон, 1698. Британский музей, Лондон — 71

Петр I в 1698 г. Портрет маслом работы Годфри Неллера. Кенсингтонский дворец, Лондон — 75

Петр I в Дептфорде. Картина Дэниэла Маклиса, 1857. Холлоуэй Колледж, Лондон — 79

Портрет Петра I на вывеске английской таверны. Публичная библиотека, Ленинград — 84

Портрет Петра I на вывеске английской таверны. Оборотная сторона — 85

ГЛАВА II. РАННИЕ АНГЛИЙСКИЕ ИСТОЛКОВАТЕЛИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Вильям Шекспир. Камея Брауна (до 1794 г.). Красный сердолик. Эрмитаж, Ленинград — 112

«Королевство Аглинское... из Бишинговой географии». СПб., 1772. Титульный лист. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 115

«Молодой англичанин». Москва, 1793. Титульный лист. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 115

Портрет Е. Р. Дашковой. Рисунок и гравюра Г. И. Скородумова. Русский музей, Ленинград — 117

Е. Р. Дашкова с сыном и дочерью. Рисунок и гравюра Г. И. Скородумова. Эрмитаж, Ленинград — 119

Джон Локк. Портрет работы Годфри Неллера. Эрмитаж, Ленинград — 121

Ричард Бринсли Шеридан. Портрет работы Джона Хоппнера. Эрмитаж, Ленинград — 123

Учебник английской и русской грамматики. СПб., 1822. Титульный лист, Библиотека Академии наук СССР, Ленинград. Практическая грамматика русского языка Джеймса (Якова) Герда. СПб., 1827. Титульный лист, Публичная библиотека, Ленинград — 125
«Живописное изображение нравов, обычаев и развлечений России» Дж. Аткинсона и Дж. Уокера. Лондон, 1803. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 125
Крестьянский сход. Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера — 127
Казачья пляска. Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера — 131
Летняя кибитка. Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера — 133
Охтинские молочницы. Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера — 135
«Русская история» М. В. Ломоносова. Лондон, 1767. Титульный лист. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 137
«Обозрение Российской империи» С. Плещеева. Лондон, 1792. Титульный лист. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград —137
«Одежда в Российской империи». Лондон, 1803. Титульный лист и форзац. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 139
«Северное лето, или Путешествия...» Джона Карра. Лондон, 1805. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 141
Русский крестьянин в зимней одежде. Гравюра с рисунка Г. И. Скородумова. Русский музей, Ленинград — 143
Русский дворянин в зимней одежде. Гравюра с рисунка Г. И. Скородумова. Русский музей, Ленинград — 143
«Русский трубадур». Лондон, 1816. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 147
«Полина, или Русская дочь». Поэма Р. Мерри. Лондон, 1787. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград. Н. Карамзин. Юлия. Перевод на английский язык Анны Хокинс. СПб., 1803. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 151
Путеводитель по Петербургу и Москве Ф. Кохлана. Лондон, 1836. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 151
Н. Карамзин. Повести. Перевод на английский язык. Лондон, 1804. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград. «Иван». Трагедия в пяти актах У. Сотби. Лондон, 1816. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 153
«Россия». Героическая поэма Гамильтона Роша. Лондон, 1814. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 155
«Москва». Поэма м-с Роллс. Лондон, 1816. Титульный лист и рукописное посвящение Александру I. Публичная библиотека, Ленинград — 161
«Монах из Кале». Картина Анжелики Кауфман (масло) на сюжет из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна, 1766—1781. Эрмитаж, Ленинград — 165

ГЛАВА III. ДЖОН БАУРИНГ И ЕГО «РОССИЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ»

«Очерки России». Лондон, 1814. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 189
«Российская антология» Джона Бауринга. Титульный лист и предисловие. Публичная библиотека, Ленинград — 193
«Российская антология» Джона Бауринга. Второе издание. Титульный лист. Предисловие и дарственная надпись автора Йозефу Юнгману. Публичная библиотека, Ленинград — 195
Фридрих Аделунг. Литография А. Петцольда, 1825. Музей изобразительных искусств, Москва — 199
Общий вид Кремля из «Очерков России». Литография по рисунку П. П. Свиньина. Публичная библиотека, Ленинград — 203
Дом Пашкова в Москве. Из «Очерков России». Литография по рисунку П. П. Свиньина — 205
Новая биржа в С.-Петербурге. Из «Очерков России». Литография по рисунку П. П. Свиньина — 213
Новый Казанский собор в С.-Петербурге. Из «Очерков России». Литография по рисунку П. П. Свиньина — 215
«Наренский». Комическая опера Чарлза Брауна. Лондон, 1814. Титульный лист и перечень действующих лиц. Публичная библиотека, Ленинград — 217
«Оссиан». Гравюра Роберта Кер Портера, 1810-е гг. Публичная библиотека, Ленинград— 221
«Образ жизни русских и подробная история Москвы» Роберта Лайела. Лондон, 1823. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 223
Вид Красной площади в Москве из книги Роберта Лайела «Образ жизни русских...» — 225
Сельская сцена из книги Роберта Лайела «Образ жизни русских...» — 227
Крестьянская пляска из книги Роберта Лайела «Образ жизни русских...» — 229
«Поэтические переводы с русского языка» Уильяма Сандерса. Лондон, 1826. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 231

ГЛАВА IV. ВАЛЬТЕР СКОТТ И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА

Вальтер Скотт. Гравюра У. Финдена по портрету работы Г. С. Ньютона. Институт русской литературы, Ленинград — 249
«Повествование о русской кампании 1812 года» Роберта Кер Портера. Лондон, 1815. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 251
«Иллюстрированный рассказ о важных событиях в летописях Европы 1812—1815 гг.» Лондон, 1815. Титульный лист. Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 251
Донской монастырь. Рисунок Роберта Кер Портера. Публичная библиотека, Ленинград — 253
Русские солдаты и казаки. Рисунок Роберта Кер Портера. Публичная библиотека, Ленинград — 255
М. И. Платов. Портрет работы Джорджа Доу. Военная галерея Зимнего дворца. Эрмитаж, Ленинград — 257
«Мисс Платов». «Дочь гетмана Платова, девушка с приданым в 50 000 крон, предлагается в жены в вознаграждение тому, кто доставит Бонапарта живым или мертвым». Цветная гравюра Дж. Годби по рисунку П. П. Свиньина. Собрание И. С. Зильберштейна, Москва — 259
Вальтер Скотт. Шотландские пуритане. Пер. В. Соца. Ч. I. М., 1824. Титульный лист и фронтиспис. Институт русской литературы, Ленинград — 261
Аллан Каннингам. О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта. СПб., 1835. Титульный лист — 262
Гетман Платов и казаки. Рисунок Г. Шадова — 264
В. П. Давыдов. Рисунок О. А. Кипренского, 1828. Литературный музей, Москва — 266
Денис Давыдов. Портрет работы Дж. Доу. Военная галерея Зимнего дворца. Эрмитаж, Ленинград — 269
Казаки. Литография из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера — 270
Письмо Вальтера Скотта Д. В. Давыдову, 17 апреля 1826 г. (первая страница). Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 272
Письмо Вальтера Скотта к Д. В. Давыдову, 17 апреля 1826 г. (вторая страница). Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 274
Письмо Вальтера Скотта к В. П. Давыдову, 17 апреля 1826 г. Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 277
Денис Давыдов на коне. Акватинта по рисунку А. О. Орловского. Русский музей, Ленинград — 279
А. П. Ермолов. Копия с портрета работы Дж. Доу. Исторический музей, Москва — 283
С. Г. Волконский. Портрет работы Дж. Доу. 1822 г. Военная галерея Зимнего дворца. Эрмитаж, Ленинград — 285
Заметки Пушкина о романах Вальтера Скотта. Автограф. Первая и вторая страницы. Институт русской литературы, Ленинград — 289
Вальтер Скотт. Гравюра с портрета работы А. П. Брюллова. Находилась в собрании П. Е. Щеголева, Ленинград — 295
«Живописный ежегодник на 1836 год», Лондон. Титульный лист и фронтиспис — 299
Роберт Вильсон. Гравюра Роберта Кер Портера. Публичная библиотека, Ленинград — 305
Записи Вальтера Скотта и Джона Вильсона в альбоме В. П. Давыдова, 1828 г. Собрание Н. В. Власова, Москва — 309
Письмо сына Вальтера Скотта к леди Строн о смерти отца, 21 сентября 1832 г. Альбом Андреева. Публичная библиотека, Ленинград — 311
Обертка письма Вальтера Скотта с адресом, написанным его рукой. Публичная библиотека, Ленинград — 313
«Путевые записки...» В. П. Давыдова. Ч. I. СПб., 1839. Титульный лист и иллюстрация. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 317
Рисунок из альбома В. П. Давыдова. Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 319
«Атлас к путешествию Владимира Давыдова...» СПб., 1839. Титульный лист — 321
В. П. Орлов-Давыдов. Портрет работы неизвестного художника. Исторический музей, Москва — 323
«Отрада». Имение В. П. Орлова-Давыдова. Вид дома со стороны парка. Акварель Э. В. Детерс. Местонахождение неизвестно — 325
Автограф Вальтера Скотта в альбоме П. А. Вяземского. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва — 329
Вальтер Скотт. Рисунок Г. А. Афанасьева с английской гравюры. Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, Москва — 331
Переплет рукописи романа Вальтера Скотта «Талисман». Исторический музей, Москва — 337
Рукопись романа Вальтера Скотта «Талисман». Последняя страница. Исторический музей, Москва — 337
Рукопись романа Вальтера Скотта «Талисман». Страницы с авторскими поправками. Исторический музей, Москва — 339
Письмо Вальтера Скотта к Джону Меррею, 16 июня 1818 г. Исторический музей, Москва — 343
Автограф Вальтера Скотта из собрания В. Г. Орлова. Исторический музей, Москва — 351

Вальтер Скотт и его семейство. С картины Д. Уилки 1817 г. Журнал «Московский телеграф», 1829, № 1. Институт русской литературы, Ленинград — 355
«Юрий Милославский» М. Н. Загоскина в переводе на английский язык. Лондон, 1833. Титульный лист — 357
Письмо Вальтера Скотта к П. А. Голицыной, 5 ноября 1826 г. Институт русской литературы, Ленинград — 364
Вальтер Скотт. Рисунок с натуры А. П. Брюллова. Находился в собрании П. И. Нерадовского, Москва — 365
Вальтер Скотт. Литография по рисунку Э. И. Губера с портрета работы А. П. Брюллова. Институт русской литературы, Ленинград — 367
Празднование 100-летия со дня рождения Вальтера Скотта в Эдинбурге. Английский журнал «Illustrated London News», 1871, 19 VIII, N 1665, p. 152—371

ГЛАВА V. БАЙРОН И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

П. Б. Козловский. Портрет. Из книги: W. Dorow. Fürst Kosloffsky. Лейпциг, 1846—397
П. Б. Козловский. Карикатура. Из книги: W. Dorow. Fürst Kosloffsky — 399
«Джяур. Отрывки турецкой повести...» М., 1822. Обложка. Институт русской литературы, Ленинград — 403
«Невеста Абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона». СПб., 1826. Титульный лист. Институт русской литературы, Ленинград — 403
«Шильонский узник». Перевод с английского В. Жуковского. СПб., 1822. Титульный лист и фронтиспис. Институт русской литературы, Ленинград — 411
Автограф А. С. Пушкина. Перевод отрывка из 1-й песни «Гяура» на французский язык. Институт русской литературы, Ленинград — 413
Паломничество Чайльд Гарольда. Трезиментское озеро. Рисунок пером В. А. Жуковского. Русский музей, Ленинград — 417
Письмо Вальтера Скотта к Джону Меррею. Подлинность автографа удостоверена Мерреем в декабре 1834. Публичная библиотека, Ленинград — 418
Оборотная сторона письма Вальтера Скотта к Джону Меррею. Публичная библиотека, Ленинград — 419
Пейзаж в Альбано. Рисунок пером В. А. Жуковского. Публичная библиотека, Ленинград — 421
А. Маврокордато. Гравюра по рисунку с натуры Богге. Музей изобразительных искусств, Москва — 423
Байрон. Портрет, подаренный Пушкиным А. Н. Вульф. Дом-музей А. С. Пушкина в селе Михайловском — 425
«Выбор из сочинений лорда Бейрона». М., 1821. Титульный лист. Институт русской литературы, Ленинград — 429
Иллюстрация И. Фридрица к «Паризине» Байрона. СПб., 1827. Институту русской литературы, Ленинград — 429
Байрон. Бюст работы Лоренцо Бартолини. Институт русской литературы, Ленинград — 435
Д. А. Якубович. Стихотворение «Сестре Марье Андреевне при посылке к ней портрета лорда Байрона». Литературный музей, Москва — 437
Константинополь. Рисунок сепией Н. Г. Чернецова. Русский музей, Ленинград — 441
Капитан греческого купеческого судна. Из «Атласа к путешествию...» В. П. Давыдова. Литография. Библиотека Академии наук СССР, Ленинград — 445
Байрон. Портрет работы Уэстолла из книги Медвина «Записки о лорде Байроне». СПб., 1835. Институт русской литературы, Ленинград — 449

ГЛАВА VI. МОСКОВСКИЕ ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА КЛЕР КЛЕРМОНТ

Клер Клермонт. Портрет работы Амелии Карран, 1819. Музей Ньюстедского аббатства, Англия — 471
Аллегра, дочь Байрона и Клермонт. Портрет. Из книги Р. Глинн Гриллс «Клер Клермонт, мать Байроновой Аллегры» — 477
Письмо Клер Клермонт к Байрону. Из книги Р. Глинн Гриллс «Клер Клермонт, мать Байроновой Аллегры» — 481
Мисс Эванс, воспитательница будущих декабристов Чернышевых. Рисунок карандашом и сангиной Маньяни, 1817. Из альбома Чернышевых. Исторический музей, Москва — 491
«Владимир и Зара». Париж, 1836. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 503
Интерьер первой четверти XIX в. Детская. Акварель. Исторический музей, Москва — 515
«Московский англичанин» Т. Эванс в семье Орловых. Рисунок из альбома Орловых. Всесоюзный музей А. С. Пушкина, Ленинград — 528
Интерьер первой четверти XIX в. Гостиная. Акварель. Исторический музей, Москва — 537
Автограф П. Б. Шелли. Письмо к издателю, 28 ноября 1817 г. Исторический музей, Москва — 543

ГЛАВА VII. ПУШКИН И АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В РОССИИ

Путеводитель по России Ж. Турнье. Лондон, 1812. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 575
«Иллюстрированный Петербург». Лондон, 1815. Титульный лист. Публичная библиотека, Ленинград — 575
Зимняя кибитка. Иллюстрация из книги Дж. Аткинсона и Дж. Уокера — 577
Почтовый дилижанс. Рисунок. Русский музей, Ленинград — 583
Вид Петербурга. Мойка. Гравюра. Публичная библиотека, Ленинград — 585
Том Рейкс. Рисунок из книги «The reminiscences and recollections of captain Gronow». London, 1900, vol. II, p. 240—587
Джордж Борро. Портрет работы В. Филлипса. «Путеводитель по дому Борро» — 591
Дом Борро в Нориче. «Путеводитель по дому Джорджа Борро» — 593
Джон Веннинг. Публичная библиотека, Ленинград — 599
Памяти Джона Веннинга. Лондон, 1862. Титульный лист. Публ. б-ка, Ленинград — 603
Дж. Борро, Таргум. СПб., 1835. Титульный лист. Экземпляр из библиотеки Пушкина. Институт русской литературы, Ленинград — 603
Талисман. Стихотворение Пушкина в английском переводе. СПб., 1835. Титульный лист. Институт русской литературы, Ленинград — 603
Вид Адмиралтейства в Петербурге. Гравюра Дж. Уилмора с рисунка А. Викерса. Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву» — 605
Вид Невского проспекта в Петербурге. Гравюра Дж. Уилмора с рисунка А. Викерса. Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву» — 607
Иакинф Бичурин. Акварельный портрет, исполненный для литографии, изображающей Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Архив внешней политики России, Москва — 611
Вид Красной площади в Москве. Гравюра Дж. Картера с рисунка А. Викерса. Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву» — 615
Вид Московского Кремля. Гравюра Дж. Картера с рисунка А. Викерса. Из книги Л. Ричи «Путешествие в С.-Петербург и Москву» — 617
Крестьянская повозка. Гравюра. Эрмитаж, Ленинград — 619
Письмо Дж. Борро к Гасфельду, 23 мая 1837 г. Публичная библиотека, Ленинград — 625
Письмо Дж. Борро к Гасфельду, 29 апреля 1837 г. Публичная библиотека, Ленинград — 631
Письмо Дж. Борро к Гасфельду с упоминанием о смерти Пушкина, без даты. Публичная библиотека, Ленинград — 633

ГЛАВА VIII. ТОМАС МУР И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА

«Иллюстрированная газета». Страница с портретом Т. Мура. Публичная библиотека, Ленинград — 659
«Живые картины и пантомимические сцены на празднике Лалла Рук». Берлин, 1823. Титульный лист. Институт русской литературы, Ленинград — 661
Сцена «Ангел света и пери». Из книги «Живые картины...» — 663
Сцена «Рай и пери». Из книги «Живые картины...» — 665
Сцена «Пророк Хорасана». Из книги «Живые картины...» — 667
«Лалла Рук». Перевод на немецкий язык Фридриха де Ла Мотт Фуке. Берлин, 1822. Титульный лист и стихотворное посвящение в.кн. Александре Федоровне — 669
«Обожатели огня». Из Т. Мура. Пер. Н. Бестужева. СПб., 1821. Титульный лист. Институт русской литературы, Ленинград — 677
«Лалла-Рук» Т. Мура. Пер. с англ. М., 1830. Титульный лист. Институт русской литературы, Ленинград — 677
«Лалла-Рука, или Принцесса Могольска» Т. Мура. Пер. с франц. Л... Ж...в. Часть I. Рукопись. Обложка. Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 687
«Рай и пери». Из соч. Т. Мура. Пер. с англ. СПб., 1821. Титульный лист — 687
«Лалла-Рука. Восточная повесть». Рукопись неизвестного переводчика Л. Ж. Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 689
Дом Т. Мура в Слопертоне. Гравюра Р. Уоллиса — 699
«Эрин, твои слезы, улыбка в очах...» Из «Ирландских мелодий». Перевод Д. П. Ознобишина, 20 декабря 1826 г. Институт русской литературы, Ленинград — 719
«Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании Университетского Благородного пансиона...». М., 1830. Титульный лист и начало речи Иваненко о Т. Муре на английском языке. Публичная библиотека, Ленинград — 721
Адрес, надписанный рукой Т. Мура. 1834. Библиотека имени В. И. Ленина, Москва — 729
Клуб «Атеней» в Лондоне, где произошла встреча А. И. Тургенева с Т. Муром в 1829 г. Гравюра У. Рэдклиффа по рисунку Дж. Б. Мура — 737
Парк в Бовуде, поместье лорда Лансдауна, где гостил А. И. Тургенев. Гравюра Ф. Верралла — 739
«Ирландские песни» Т. Мура. Гравюра Дэниела Маклиса — 751
Т. Мур. «Вечерний звон». С пометой «Русская мелодия» — 759
«Русская песня» из «Национальных песен» Т. Мура — 761, 763
«Рай и пери». Либретто к оратории Р. Шумана. СПб., 1872. Первая страница. Институт русской литературы, Ленинград — 781
«Калейдоскоп. Детская иллюстрация», 1861, № 11. Титул с портретом Т. Мура — 789

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абамелек-Баратынская Анна Давыдовна 650, 694, 777—779
Аббей д-р (Abbey) 480
Аберкорн (Lady Abercorn) 344
Аберкромби Джон (Abercrombie John) 310
Аберкромби (Abercromby) 738
Август II (Augustus II) 82
Августин 183
Агапито Джироламо (Agapito Girolamo) 182
Адам Бременский (Adam von Bremen) 90
Адамс (арфист) (Adams) 159
Адамс Климент (Adams Clement) 18
Адарюков Владимир Яковлевич 186, 374
Аддисон Джозеф (Addison Joseph) 17, 67, 80, 100, 106, 108, 111, 169, 386
Аделунг Иоганн (Adelung Johann) 236
Аделунг Фридрих (Федор Павлович) (Adelung Friedrich) 187—190, 196, 198—202, 204, 206, 222, 232, 233, 236, 241, 242
Адлерфельд Густав (Adlerfeld Gustaf) 172
Азадовский Марк Константинович 380, 798, 807
Акименко Федор Степанович 824
Аксаков Сергей Тимофеевич 356—358, 389, 753, 817
Аладьин Егор Васильевич 810
Ал-Гассан 679, 680
Александер Джеймс Эдуард (Alexander James Edward) 180, 580, 641
Александер Леди (Lady Alexander) 334, 336, 343
Александр I 146, 148, 149, 159, 161, 167, 178, 181, 191, 202, 206, 214, 215, 233, 236, 237, 241, 248, 268, 296, 336, 346, 372—374, 395, 399, 401, 406—408, 415, 424, 451, 453, 454, 459, 460, 516, 518, 521, 563, 566, 582, 598, 600, 644, 647, 648, 706, 725
Александр II (Александр Николаевич, великий князь) 673, 796
Александр Македонский 53, 67, 68, 684
Александра Николаевна, великая княжна 674
Александра Федоровна, императрица 648, 658, 660, 662—664, 666, 668, 669, 674, 791—794
Александренко Василий Никифорович 168—170, 178
Александров А. А. 31
Александрова Зинаида Евгеньевна 458, 554
Алексеев Михаил Павлович 10—11, 15, 90—93, 95—97, 100—103, 105, 108, 170, 172, 175, 180, 243, 244, 246, 381, 553, 560, 645, 649, 652, 654, 656, 791, 803
Алексеев Николай 378
Алексеев Николай Степанович 463
Алексеев Федор 781, 799
Алексей, царевич 88, 144, 180
Алексей Михайлович 17, 39, 40, 42, 45, 46, 51, 52, 58, 60, 62, 64, 65, 72, 77, 98, 99, 103, 104, 106, 127
Аллан 577 (Allan) 577
Аллар Морис (Allard Maurice) 283, 378
Аллегра, дочь Байрона и Клер Клермонт (Allegra) 438, 469, 471—473, 477—480, 488, 497, 511, 531, 553, 555, 565
Алпатов Михаил Антонович 56, 102
Алтерсон 157
Алферов А. Д. 791
Альбрицци Изабелла (Teotochi Albrizzi Isabella) 414
Альтшуллер Марк Григорьевич 244
Альфред (King Alfred) 21, 89
Алябьев Александр Александрович 760, 818
Амио Жозеф-Мари (Amiot Joseph-Marie) 598, 648
Анакреон 286, 658, 757, 790
Англези, маркиз (Anglesey) 740
Андерсон Джеймс (Anderson James) 136
Андерсон М. С. (Anderson M. S.) 93, 96, 101, 104, 108, 109, 233, 452
Андреев Александр Игнатьевич 104, 109, 177
Анна Иоанновна, императрица 174, 706, 805
Анненков Павел Васильевич 377, 458, 643, 769, 801
Ансло (Ансело) Жак-Арсен-Поликар-Франсуа (Ancelot Jacques-Arsène) 580, 586, 587
Антонова Татьяна 712, 713
Анучин Дмитрий Николаевич 96
Апраксин Степан Степанович 560
Апухтина 555
Аракин Владимир Дмитриевич 101
Аракчеев Алексей Андреевич 494, 496, 516, 563
Арбатнот В. (Arbuthnot B.) 266
Арбер Эдуард (Arber Edward) 91
д'Арбле Фанни см.: Берни Фанни
Ардабацкая А. 177
д'Аржан Жан-Батист де Буайе (D'Argens Jean Baptiste) 171
Арзуманова Маргарита Арзумановна 183
Ариа, д-р 165
Аринштейн Леонид Матвеевич 234, 643, 656
Ариобарцан 93
Ариосто Лодовико (Ariosto Lodovico) 227
Армстронг Сьюзен (Armstrong Susan) 552
Армфельд Александр Осипович 506, 516, 519, 563
Армфельд (Дмитревская) Анна Васильевна 563
Армфельд 554
Арним Людвиг Иоахим (Arnim Ludwig Joachim) 615
Арно Антуан (Arnault Antoine) 284, 379
Арнот Джон (Arnot John) 569
Арсеньев Л. В. 94
Арсеньева Александра Алексеевна см.: Иванова Александра Алексеевна
Артаксеркс 93
Архангельский Александр Семенович 791
Архаров Иван Петрович 494, 495
Архаров Николай Петрович 494
Архарова Александра Ивановна см. Васильчикова А. И.
Архарова Варвара Ивановна см.: Кокошкина В. И.
Архарова (Римская-Корсакова) Екатерина Александровна 494, 557
Архарова Марья Ивановна см.: Посникова М. И.
Архарова Софья Ивановна 494, 558, 563
Архаровы 494—496, 525, 557

Архипов Федор 52—54, 56
Арциховский Артемий Владимирович 91
Асафьев Борис Владимирович (Глебов Игорь) 788, 824
Асланбегов (Асланбеков) Аврамий Богданович 174
Аткинсон Джон (Atkinson John) 125, 127, 131, 133, 135, 270, 577
Афаласий, архиепископ 60, 103
Афанасьев Г. А. 331
Афцелиус Арвид Август (Afzelius Arvid August) 200, 236
Аэций (AEtius) 94

Бабкин Дмитрий Семенович 557
Бабореко Александр Кузьмич 824
Багратион Петр Иванович, князь 291, 292
Бадер, певица (Bader) 660
Баженин, промышленник 76
Базанов Василий Григорьевич 796, 798, 800
Базили Константин Михайлович 467, 623, 630, 654, 774
Байрон Джордж Гордон Ноэл (Byron George Gorden Noel) 5, 10, 12, 155, 179, 184, 218, 224, 226, 243, 245, 254, 304, 341, 345, 387, 394—482, 487, 488, 510, 517, 522—524, 526—531, 539—542, 549, 552—557, 565, 567, 569, 570, 572, 576, 581, 585—588, 612, 644, 656, 657, 681, 682, 690, 693, 701—704, 706, 710, 715, 718, 721—724, 726—732, 735, 738, 742, 743, 745—757, 762—764, 766, 768, 775, 776, 779, 783, 790, 791, 796—801, 804, 805, 807—809, 811, 812, 814—819
Байрон Анна (Byron Anne) 472
Бакмейстер Логин Иванович (Backmeister Hartwig Ludwig) 143, 179
Бакстер (Baxter) 469, 511, 514—516, 520, 523, 527, 528, 537, 538, 552, 563, 566, 569
Бакстон-Формен Генри (Buxton-Forman Henry) 474, 553, 555
Бакунин Михаил Александрович 703
Балакирев Алексей Константинович 463
Балакирев Милий Алексеевич 823
Баласогло Александр Пантелеймонович 715
Бальдансперже Фернан (Baldensperger Fernand) 387, 388, 652
Бальзак Оноре де (Balzac Honore de) 10
Бальмен (Нарышкина) Мария Васильевна, 257
Бальмонт Константин Дмитриевич 554, 784—787, 824
Банделло Маттео (Bandello Matteo) 28, 93, 94
Банистер Томас (Banister Thomas) 23
Бантинг Эдуард (Bunting Edward) 709, 806
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич 103
Бантыш-Каменский Николай Николаевич 105, 158, 230
Барабанов В. Ф. 109
Бараг Л. Г. 169
Баранников Алексей Петрович 652
Баранов П. И. 452
Барановская Мария Юрьевна 468, 798
Барант Пьер Амабль Проспер (Barante Pierre-Amable-Prosper) 584
Баратынский Евгений Абрамович 207, 446, 484, 569, 693, 750, 822
Баратынский Ираклий Абрамович 694
Барашенков В. М. 468
Барбье Огюст (Barbier Auguste) 5
Баренбойм Лев Аронович 823, 824
Барклай-де-Толли Михаил Богданович 644
Барратт Глинн (Barratt Glynn) 819
Барро Джон, путешественник (Barrow John) 647
Баррон (Barron) 483
Барсов Елпидифор Васильевич 294, 381
Барсуков Николай Платонович 379, 544, 559, 561, 563, 565, 568, 571, 572, 806, 815, 818
Бартенев Петр Иванович 141, 142, 145, 178, 405, 439, 453, 455, 464, 495, 542, 552, 555, 557, 568, 807, 817
Бартенев Юрий Никитич 650
Бартолини Лоренцо (Bartolini Lorenzo) 435
Бартольд Василий Владимирович 800
Бархам (Барэм) Ричард (Barham Richard) 90
Барятинский Александр Иванович, князь 525, 565, 765
Басаргин Николай Васильевич 716, 807
Батлер Сэмюэл (Butler Samuel) 17, 36, 44, 100
Батте Шарль (Batteux Charles) 258
Баттиста Спаньоли Мантуанец (Battista Spagnuoli Mantuanus) 24
Батюшков Константин Николаевич 181, 192, 198, 203, 207, 210, 213, 224, 234, 238, 240, 245, 252, 373, 404, 444, 453, 454, 457, 484, 495, 510, 525, 558, 565, 581, 658, 728, 790
Баужите Г. А. 806
Баур-Лормиан 813
Баура К. М. (Bowra C. M.) 218, 243
Бауринг Джон (Bowring John) 10, 146, 187—224, 232—244, 284, 379, 403, 409, 415, 453, 457, 595, 597, 637, 646, 743, 766, 815
Бауринг Уилфрид (Bowring Wilfred) 242
Баус Джером (Bows Jerome) 27, 29, 50, 98
Бахман Георг 784
Бахметьев 520
Бахрушин Алексей Александрович 242
Бахрушин Сергей Владимирович 102
Бахтин Николай Николаевич 567
Бахтурин Константин Александрович 820
Бегичев Дмитрий Никитич 491, 557
Безак Ольга 653
Безак Софья Николаевна 653
Безбородько Илья Андреевич 722
Бекман Роман (Backman R.) 95
Бекфорд Вильям (Beckford William) 442, 797
Белецкий Александр Иванович 101, 794
Белинский Виссарион Григорьевич 372, 389, 392, 393, 567, 654, 703, 715, 727, 728, 767, 769, 774, 800, 807, 811, 819 — 821
Белкин Вениамин Павлович 107
Белл Джон (Bell Jonh) 110, 120, 174
Беллок Анна-Луиза (Belloc Anne-Louise) 452, 712—714, 729—732, 757, 771, 773, 810, 812, 817, 820
Беллок Жан-Илер (Belloc Jean Islère) 730
Белов А. 453, 639
Белозерская Надежда Александровна 173, 373
Белокуров Сергей Алексеевич 97
Бельфоре 28
Бенеце (Beneze) 601, 606, 609, 634, 649
Бензель Эрик (Benzeluis Eric) 177
Бенкендорф Александр Христофорович 451, 535, 604, 691

Беннет Генри (Bennet Henry) 99
Беннет Арнольд (Bennet Arnold) 7, 269
Бентам Джереми (Bentham Jeremy) 189, 201, 206, 219, 233, 236, 327, 403. 404, 453, 526, 544, 571
Бентам Сэмюэл (Bentham Samuel) 233
Бентли Ричард (Bentley Richard) 741
Беньовский Маурициий Август (Benyowsky Mauritius Augustus) 485
Берг А. С. 100
Бергин 435
Бергман 555
Березина Валентина Григорьевна 640, 801, 810
Берисфорд Бенджамин (Beresforod Benjamin) 110, 160—165, 184, 185, 187, 188, 232
Берк Эдмунд (Burke Edmund) 124, 327, 643
Берков Павел Наумович 108, 176, 381
Берлиоз Гектор (Berlioz Hector) 781, 795, 823
Бернандт Григорий Борисович 823, 824
Бернард Эдуард (Bernard Edward) 96
Берни Фанни (Burney Frances (Fanny), madame D'Arblay) 138, 177
Бернини Джованни (Bernini Giovanni) 803
Бернс Роберт (Burns Robert) 165, 307, 334, 386, 463 (Борнс), 709 (Бурнс), 723, 810
Бертенсон С. 560
Бертолоцци Джузеппе (Bertoluzzi Giuseppe) 735
Бертон Роберт (Burton Robert) 17, 29, 31, 32, 93
Бессонов Иван Александрович 380
Бестужев Михаил Александрович 649
Бестужев Николай Александрович 468, 601, 649, 677, 679—681, 688, 690, 692, 715, 735, 798
Бестужев Павел Александрович 790
Бестужев-Марлинский Александр Александрович 210, 215, 218, 220, 222, 223, 239, 243, 244, 284, 357, 389, 431, 433, 435, 462, 637, 691, 696, 697, 703, 790, 793, 801, 803
Бестужев-Рюмин Михаил Алексеевич 462
Бестужев-Рюмин Михаил Павлович 716
Бестужевы 807
Беттертон Томас (Betterton Thomas) 68, 99, 105
Бидерманн Густав Вольдемар (Bierdermann Gustav Woldemar) 386, 405, 455, 456
Билибин Виктор Викторович см.: Викторов В.
Бильбасов Василий Алексеевич 142, 146, 174, 175, 177, 179—181, 452
Бир Гевейн де (Beer de Gawain) 468
Бирон Эрнст Иоганн, граф 494
Бирон, комодор 414
Бичурин Иакинф (Никита Яковлевич) 602, 604, 605, 611, 623, 630, 635, 637, 649, 655
Бишоп Генри (Bishop Henry) 775, 806
Благой Димитрий Дмитриевич 10, 457, 776, 821
Благосветлов Григорий Евлампиевич 654, 777, 821
Блай Джон Дункан (Bligh John Duncan) 584, 601, 643
Блекмор Ричард (Blackmore Richard) 69
Блекьер Эдуард (Blaquiere Edward) 415, 418, 420, 459
Блессингтон Маргерит Гардинер (Blessington Marguerite Gardiner) 442, 465, 556
Блеу Ян (Иоганн) (Blaew Jan) 48
Блинова Елизавета Максимовна 463, 799, 811
Блок Александр Александрович 8
Блок Георгий Петрович 179
Блудов Дмитрий Николаевич 227, 245, 404, 416, 460, 581, 648, 657, 658, 727, 790
Блудова Антонина Дмитриевна 351, 388, 416, 460, 552
Блумфильд Джорджиана (Bloomfield Georgiana) 489, 556
Блэр (Блер) Хью (Blair Hugh) 115, 170, 171, 375
Блюхер Гебхард Леберехт 374
Боборыкин Николай Васильевич 567
Боборыкин Николай Николаевич 529, 567
Боборыкина М. В. 529, 567
Бобров Семен Сергеевич 192, 203, 243, 815
Богаевская Ксения Петровна 10
Богач Георгий Феодосьевич 650
Богге, художник (Bogge) 423
Богданович Ипполит Федорович 192, 230
Богданович Модест Иванович 373, 451
Богословская Мария Павловна 459
Богословский Михаил Михайлович 67, 68, 104, 105
Богоявленский Сергей Константинович 105, 106
Богуславский С. 185
Боденштедт Фридрих (Bodenstedt Friedrich) 566
Бодлер Шарль Пьер (Baudelaire Charles Pierre) 787
Бозанкет (Bosanquet Elise) 333
Бозанкет Элиза (Bosanquet Elise) 333
Бойль Роман Платонович 93
Боккаччо Джованни (Boccaccio Giovanni) 28, 483, 696
Боклю (Buccleuch Walter Francis) 267, 345, 377
Болдаков Иннокентий Михайлович 91, 93, 809
Болдырев Алексей Васильевич 800
Болингброк Генри (Bolingbroke Henry) 82
Болховитинов Евгений (Евфимий Алексеевич), митрополит 154, 183
Болховитинов Николай Николаевич 180, 204, 237, 641
Бомонт Френсис (Beaumont Francis) 30
Бонд Томас (Bond Thomas) 58
Бонивар Франсуа (Bonivard François) 446
Бонстеттен Шарль-Виктор (Bonstetten Charles Victor) 436—439, 464
Бопп Франц (Bopp Franz) 674
Борг Карл Фридрих (Borg Karl Friedrich) 202, 209, 214, 225, 236, 241
Борис Годунов см.: Годунов Борис Федорович
Боро Кристофер (Borough Christapher) 38
Боро Стивен (Borough Stephen) 20, 21, 36, 100
Бородин Андрей Николаевич 774, 775, 820, 821
Бороздна Иван Петрович 463, 724, 810
Борро Джон (Borrow John) 591, 594
Борро Джордж (Borrow George) 5, 574, 590—638, 646—656
Борро (Кларк) Мери (Borrow Mary (Clark Mary)) 597, 646
Борро Томас (Borrow Thomas) 591, 592, 594
Борхардт Н. 217, 243
Босуэлл Джеймс (Boswell James) 124, 173, 177

Боткин Василий Петрович 621, 769, 795
Боццарис Марко (Botzaris Marco) 417, 418
Брайант Джекоб (Braynt Jacob) 593
Брайс Джеймс (Bryce James) 7
Брандес Георг (Brandes Goerg) 643, 682, 798
Браудо Александр Исаевич 94
Браун, художник (Brown) 112
Браун А. (Brown A. H.) 170
Браун Гамильтон (Browne Hamilton) 417, 418, 420, 460
Браун Лансло (Browne Lancelot) 37
Браун Чарлз (Brown Charles) 217
Бредшо Ричард (Bradshaw Richard) 40
Бреммель Джордж (Brummel George) 585
Бремон Габриэль де (Brémond Gabriel de) 106
Бреретон Генри (Brereton Henry) 36, 95
Бриджес Эджертон (Bridges Egerton) 175
Бриен Боромбе (Brien Borombe) 709, 806
Брикнер Александр Густавович 66, 104
Бродзинский Казимеж (Brodzinski Kasimierz) 240
Бродский Николай Леонтьевич 454, 457, 462, 644, 805
Бройль Альбертина (Broglie Albertine) 438, 736
Бройль Ахилл-Шарль-Виктор (Broglie Achille Charler Victor) 736, 814
Броссе Марий Иванович 655
Броун Джон (Brown John) 120, 172
Броун Ричард (Brown Richard) 23
Броун Роберт (Brown Robert) 526
Брум Генри (Brougham Henry) 154—156, 183, 267, 327, 328, 385, 589, 736, 741
Бруннер Карл (Brunner Karl) 458, 461
Бруно Ф. (Bruno F.) 417, 418
Брюллов Александр Павлович 295, 365 — 367, 391
Брюллов Карл Павлович 247, 366, 367, 392, 467
Брюль Генрих (Brühl Henrich) 660, 662
Брюс Питер Генри (Bruce Peter Henry) 174
Брюс Яков Александрович 541
Брюсов Валерий Яковлевич 657, 780, 784, 785, 824
Брюстер Дороти (Brewster Dorothy) 109, 176, 237, 246, 377,
Буало Николá (Boileau-Despréaux Nicolas) 258
Буаробер Франсуа (Bois-Robert, François) 104
Буасси Илер-Этьен-Октав Руилье де (Boissy Hilaire-Etienne-Octav Rouillé de) 466
Бугаева Александра Дмитриевна 787
Будылина Мария Васильевна 180
Бузескул Владислав Петрович 392
Бужинский Гавриил 108
Буйе, переводчик (Bouilliers) 152, 182
Булаховский Леонид Арсеньевич 15—16
Булгаков Александр Яковлевич 356, 439, 410, 453, 464, 465, 501, 558, 559, 564, 574, 575, 638
Булгаков Константин Яковлевич 439, 564
Булгаков Яков Иванович 465
Булгакова Екатерина Александровна 564
Булгакова (Хованская) Наталья Васильевна 564
Булгаковы 322, 386, 459, 465, 570
Булгарин Фаддей Венедиктович 239, 245, 389, 391, 463, 520, 564, 566, 584, 612, 629, 655, 768
Булгарис Евгений, архиепископ 126, 459, 819
Булич Сергей Константинович 172, 178, 236, 650
Буллок Дж. М. (Bullok J. M.) 385
Булвер-Литтон Эдуард Джордж (Bulwer-Lytton Edward George) 321
Бунин Иван Алексеевич 783, 784, 824
Бунин Иван Петрович 258, 375
Бунина Анна Петровна 247, 254—258, 260, 374, 375
Буржес Джозеф (Burgass Joseph) 445, 466
Бурнашев Владимир Петрович 622, 629, 636, 637, 654, 656
Буслаев Федор Иванович 368, 392, 818
Бут, книгопродавец (Booth) 200
Бутков Яков Петрович 769
Бутурлин Дмитрий Петрович 295—297, 381, 480
Бутурлин Дмитрий Петрович 584
Бутурлин Михаил Дмитриевич 392, 394, 412, 413, 453, 458, 462, 480—484, 486, 487, 529, 555, 556, 582, 639, 643, 725, 726, 811
Бутурлина Анна Артемьевна 483
Бутурлина Елена Дмитриевна 480
Бутурлина Елизавета Михайловна 480
Бутурлина Мария Дмитриевна 480
Бутурлины 486, 487, 494, 555
Бухштаб Борис Яковлевич 373
Быков Петр Васильевич 779, 821
Быкова Зинаида Ивановна 822
Быкова Татьяна Александровна 171, 182, 183
Бычков Афанасий Федорович 90, 221, 230, 244, 246
Бычков Иван Афанасьевич 464, 668, 669, 792, 793, 795, 801
Бьевр Ж. Ф (Bievre G. F. Mareschal) 623, 654
Бэкон Френсис (Bacon Francis) 31, 93, 191, 327, 402
Бэлза Игорь Федорович 458
Бэринг М. (Baring M.) 7
Бюргер Готфрид (Bürger Gottfried August) 184, 238, 498
Бюшинг Антон-Фридрих (Büsching Anton Friedrich) 115, 118, 175

Вавилов Сергей Иванович 100
Вагин Всеволод Иванович 639, 648
Вагнер Рихард (Wagner Richard) 794, 795
Ваксель Платон Львович 812
Валберх Иван Иванович 168, 186
Валентиниан I 704 (Valentinianus I) 704
Валентиниан III 94 (Valentinianus III) 94
Валк Сигизмунд Натанович 246
Валла Гюстав (Vallat Gustave) 779, 822
Вальсамаки, капитан 422
Вальтер, доктор 572
Ванбру Джон (Vanbrugh John) 70, 72—74, 105
Ван Дейк Антони 37 (Van Dyck (Van Dijck) Antoon) 37
Вараннаи А. (Varannai A.) 240—242
Вард В. (Ward W.) 105
Василий III 89
Васильев Илларион Васильевич 390
Васильева Мария 713, 770
Васильчиков Александр Илларионович 495, 506, 656

Васильчикова (Архарова) Александра Ивановна 494, 495, 557, 558, 566
Ваттемар Александр 372, 765
Вацуро Вадим Эразмович 809
Вашингтон Джордж (Washington George) 707
Введенский Иринарх Иванович 654
Вебер Карл Мария (Weber Karl Maria) 165, 615
Вебер Фейт (Weber Veit, i. e. Waechter Georg Philipp) 386
Вебер Фридрих Христиан (Weber Friedrich Christian) 105, 171
Вебстер Джемс (Webster James) 468
Вейдемейер (Урусова) Елена Никитична 567
Вейдемейер Татьяна Семеновна 758
Вейденбаум Евгений Густавович 642
Велизарий (Velisarius) 94
Величко Алексей Федорович 386
Веллингтон Артур Уэлсли (Wellington Arthur Wellesley) 229, 252, 445, 589, 644, 740
Веллингтон, герцогиня (Wellington) 373
Вельтман Александр Фомич 99
Вельяминов Алексей Александрович 582
Венгеров Семен Афанасьевич 384, 554, 563, 567, 797, 807
Венгерский Томаш Каетан (Węgierski Tomasz Kajetan) 241
Веневитинов Дмитрий Владимирович 431, 462, 469, 496, 507, 535, 536, 561, 568, 571
Веневитинова Софья Владимировна 507
Веневитиновы 509, 518, 535, 536
Венейблс Р. Л. (Venables R. L.) 578, 579, 640
Веннинг Вальтер (Venning Walter) 648
Веннинг Джемс (Venning James) 601
Веннинг Джон (Venning John) 599—601, 603, 648
Вергилий Марон Публий (Virgilius Maro P.) 112, 126
Вердер К. Ф. (Werder C. F.) 811
Веревкин Михаил Иванович 144
Веригин Н. В. 804
Верлен Поль (Verlaine Paul) 787
Вернер Захариас (Werner Zacharias) 218
Верстовский Алексей Николаевич 561
Верховский Юрий Никандрович 822
Верюжский Василий Максимович 103
Веселовский Александр Николаевич 210, 239, 386, 793, 796, 811
Веселовский Алексей Николаевич 171, 452, 457, 458, 461
Веселовский Юрий Алексеевич 802
Весин Сергей Павлович 376
Виардо Полина (Viardot Pauline) 387
Вивиан Чарлз (Vivian Charles) 488
Вигель Филипп Филиппович 180, 246, 436, 452, 453, 463, 467, 489, 556, 579, 640
Видекинд И. (Widekindi Johan) 94
Видукинд Корвейский 90
Виже-Лебрен Елизавета-Луиза (Vigee-Lebrun Marie Louise Elisabeth) 158
Викерс А. (Vickers A. G.) 605, 607, 615, 617
Виктория, королева английская (Victoria) 77
Викторов Алексей Егорович 102
Викторов В. (Билибин Виктор Викторович) 233
Виланд Христоф Мартин (Wieland Christoph Martin) 595
Виллиамсон, врач (Williamson) 624
Вильберфорс Уильям (Wilberforce William) 328, 736
Вильбоа Константин Петрович 818
Вильгельм Завоеватель (William the Conqueror) 335
Вильгельм III Оранский (William the Silent, prince of Orange) 71
Вильгельм, кронпринц (Wilhelm) 661
Вильгельм, принц (Wilhelm) 661
Вильерс Джордж, герцог Боккингамский (Buckingham George Villiers) 66, 104
Вильмень (Вильмен) Абель-Франсуа (Villemain Abel François) 705, 706
Вильмор Джеймс (Willmore James T.) 605, 607
Вильмот Кэтрин (Wilmot Catherine) 171
Вильмот Марта (Wilmot Marthe) 171
Вильсон Александр Яковлевич 174
Вильсон В (Wilson W.) 580, 641
Вильсон Джон (Wilson John) 279, 308, 309, 322, 324, 383, 816
Вильсон Роберт (Wilson Robert) 247, 250, 265, 292, 305, 373, 736, 814
Вильямс (Хогг) Джейн (Williams Jane Hogg) 488, 497, 501, 521, 523, 524, 529, 538
Вильямс Эдуард (Williams Edward) 412, 458, 488
Вильямсы 499
Винер Лео (Wiener Leo) 218, 230, 237, 649
Виниус Андрей Андреевич 102
Виноградов Анатолий Корнелиевич 459, 466, 562, 811
Виноградов Виктор Владимирович 14, 463, 793, 801
Виноградов Иван Иванович 146, 181
Виноградов Николай Дмитриевич 109
Виньи Альфред (Vigny Alfred Victor de) 350—353, 387, 388, 500, 552, 573, 701, 704, 797, 805, 807, 808
Витгенштейн Петр Христианович 162, 403, 404, 517, 518
Витсен Николай 45, 100
Владимир Мономах 90
Владимиров Евстафий Владимирович 807
Власов Николай Васильевич 307, 309
Власова Мария Александровна 368
Воейков Александр Федорович 207, 600, 793
Воейкова Александра Андреевна 521, 565, 665, 674
Воейкова Екатерина 565
Волк Степан Степанович 376
Волков Александр Андреевич 136, 177
Волков Дмитрий Васильевич 177
Волков Федор Григорьевич 134, 176, 208
Волкова Мария Аполлоновна 356, 389
Волконская Зинаида Александровна 368, 369, 392, 469, 509, 511, 512, 535, 539, 542, 544—546, 561, 571, 694, 762
Волконская Мария Николаевна 645
Волконский Николенька 645
Волконский Петр Михайлович 456
Волконский Сергей Григорьевич 285, 451, 453, 645, 814
Волькенштейн А. 246
Вольман Борис Львович 185, 186
Вольпе Цезарь Самойлович 388, 668, 760, 793
Вольсей П. П. (Wolsey P.) 642
Вольтер (Voltaire) 88, 105, 116, 118—120, 124, 172, 173, 403, 457, 495, 734, 797
Вольф Д. О. Л. Б. 530, 567, 682, 799, 804

Вольф Чарлз (Wolfe Charles) 749, 816, 817
Вондел (Вондель) Йост ван ден (Vondel Joost van den) 196, 197
Вордсворт Уильям (Wordsworth William) 14, 248, 318, 319, 328, 343, 372, 527, 727 (Уордсуорт), 742, 815
Вормиус Олаус (Worm Ole) 594, 646
Воронов Евгений Иванович 561
Воронцов Александр Романович 493, 494, 557
Воронцов Артемий Иванович 482, 483
Воронцов Михаил Семенович 411, 482, 494, 556, 583, 588, 641, 642, 645
Воронцов Семен Романович 131, 141, 143, 145, 148, 149, 158, 178, 180, 302—304, 374, 383, 402, 451, 454, 480, 494, 555, 557, 642, 733
Воронцова Екатерина Артемьевна 482, 555
Воронцова Екатерина Романовна 555
Воронцова Екатерина Семеновна (леди Пемброк) 305, 374, 643, 733, 813
Воронцова Елизавета Ксаверьевна 588, 643, 645
Воронцова Елизавета Романовна 388
Воронцова Мария Артемьевна 482, 483, 555
Воронцова Мария Романовна 555
Воронцовы 555, 582, 642
Воскресенский Михаил Ильич 288
Врангель Фердинанд Петрович 640
Враская Зинаида Степановна 356
Враский Борис Алексеевич 356
Вронченко Михаил Павлович 724, 772, 804, 811
Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич 105, 170
Вуд Роберт (Wood Robert) 169
Вуд Энтони (Wood Anthony) 24
Вудкок Джеймс (Woodcock James) 23
Вульф Алексей Николаевич 534, 568, 701, 753
Вульф Анна Николаевна 425, 434, 701, 715, 804
Вышеславцев Алексей Владимирович 197, 214, 215, 241
Вьельгорский Михаил Юрьевич 349
Вяземская Вера Федоровна 462, 482, 582, 730
Вяземский Афанасий Иванович 24
Вяземский Павел Петрович 294
Вяземский Петр Андреевич 111, 169, 213, 214, 220, 224, 230, 234, 244, 284, 290, 291, 322, 323, 326, 329—331, 333, 347, 348, 359, 368—370, 377—380, 383, 385—387, 392—394, 396—398, 404, 407, 417, 431, 433, 435, 439—444, 446, 451, 453, 454, 456, 460, 462—466, 468, 284, 484, 494, 509, 513, 517, 520, 544, 546, 557, 559, 561, 562, 564, 570—582, 574, 575, 581, 582, 589, 616, 639, 641, 643, 644, 648, 657, 690, 691, 701, 703, 707, 714, 725, 729—732, 735, 740, 742—744, 746—751, 753, 756, 757, 761, 766, 777, 802, 804, 806, 811, 812, 814—817

Гааз Федор Петрович 648
Габбе Петр Андреевич 433, 462, 703, 804
Габленц Ганс (Gabelentz Hans) 211, 239
Гавинский Ян (Gawinski Jan) 241
Гагарин Василий Федорович 730, 732
Гагарин Григорий Григорьевич 392
Гагарин Григорий Иванович 545, 571, 572
Гагарины 546
Гаевский Виктор Павлович 641, 801
Гаевский Павел Иванович 410
Гайдн Йозеф (Haydn Joseph) 166, 266, 561
Гаймар Жеффруа (Gaimar Jeffrei) 90
Гаклюйт Ричард (Hakluyt Richard) 20, 21, 23, 28, 38, 91—94, 96, 97, 100
Галактионов А. 391
Галактионов И. В. 102
Галахов Алексей Дмитриевич 805
Галинковский Яков Андреевич 154, 183
Галиньяни (Galignani) 701, 707, 731, 757, 758, 798, 803, 809
Галлам Генри (Hallam Henri) 327, 328, 738
Галюн Иван Павлович 794
Гамазов Матвей Авелевич 686, 800
Гамба Пьетро (Gamba Pietro) 417, 418, 422, 435, 460, 466
Гамбс Генриетта (Gambs Henrietta) 497, 558
Гамбс Германн Христиан (Gambs Hermann Christian) 469, 496—509, 516, 521, 523, 531, 536, 549, 558—563
Гамбс Ида (Gambs Ida) 497
Гамбс К. Х. (Gambs Karl Christian) 497, 558
Гамель Иосиф Христианович 89, 90, 94
Гамильтон (Hamilton) генерал 281, 282, 343
Гамильтон Томас (Hamilton Thomas) 346
Гамильтон, контр-адмирал (Hamilton) 391
Гамильтон Вильям (Hamilton William) 314—316, 321, 328, 338, 342, 384, 467
Гамильтон Далримпл, леди (lady Hamilton Dalrymple) 392, 438
Гамильтон Евдокия Григорьевна 77, 103
Гамильтон Евдокия Петровна 77
Гамильтон Мария Даниловна 17, 67, 77, 107
Гамильтон Томас (Hamilton Thomas) 316, 318—321, 338, 342, 383, 384, 467
Гаммер-Пургшталь Йозеф 488, 690 (Hammer-Purgstall Joseph) 488, 690
Ган Елена Андреевна см.: Р-ва Зенеида
Ганка Вацлав (Hanka Vaclav) 240
Ганстен Кристоф (Hansteen Christoph) 648
Гаральд Норвежский (Harald) 90
Гарвей Габриэль (Harvey Gabriel) 31
Гарвей Елизавета Эдуардовна 567
Гарвей (Гарве) Эдвард Васильевич и его жена (Harvey Edward) 520, 528, 529, 566, 567
Гарди Томас (Hardy Thomas) 186
Гардорф, пианист (Hardroff) 560
Гардорф Елизавета (Hardorff) 506, 560
Гарланд Джордж (Garland George) 51
Гарлей Роберт (Harley Robert) 82
Гарнетт Констанция (Garnett Constance) 7
Гарольд Смелый (Harold II) 335, 336
Гаррард Вильям (Garrard William) 20
Гаррик Давид (Garrick David) 5, 114, 115, 170, 171
Гаррис Джеймс (Harris James) 110, 120, 126, 127, 173
Гаррис Джеймс (Harris James earl of Malmesbury) 126, 127
Гарсиласо де ла Вега (Garcilaso de la Vega) 218, 815
Гарсия Мануэль (Garcia Manuel) 387
Гассан-хан 283
Гастингс (см. также (Хастингс) (Hastings Fr. или Hasstings Warren) 526, 566
Гастингс Мария (Hastings Mary) 32, 77
Гастфрейнд Н. 563

Гасфельд Джон (Иоганн, Иван) (Hasfeldt Johan) 601, 609, 610, 618, 622—638, 650, 652—656
Гатри Метью (Guthrie Matthew) 136, 176
Гаутри Томас (Howtry Thomas) 20, 37
Гафиз 601, 648, 690, 696
Гафуров Бободжан Гафурович 795
Гваньини Алессандро (Guagnini Alessandro) 31, 93
Гвиччьоли Тереза (Guiccioli Teresa) 394, 412, 414, 433, 434, 441, 446, 447, 465, 466, 471, 749
Гебдон Иван (Hebdon John) 64, 65, 99, 104
Геерен Арнольд (Heeren Arnold Hermann Ludwig) 536
Гейвуд Томас (Heywood Thomas) 30, 31, 93, 94
Гейне Генрих (Heine Heinrich) 267
Гейнсборо Томас (Gainsborough Thomas) 158
Гейтсбери, леди (Heitesbury lady) 643
Гейтсбери Вильям (Heitesbury William) 584, 643
Гендерсон, миссионер (Henderson) 564
Гензель Вильгельм (Hensel Wilhelm) 662, 669, 795
Геништа Александр Иосифович (Genischta Alexander) 507
Геништа Иосиф Иосифович (Genischta Joseph) 469, 496, 507—511, 519, 536, 558, 560—562, 564, 818, 823
Геништа Иосиф Карлович (Genischta Joseph) 560
Геништа Иосиф Францевич (Genischta Joseph) 560
Геннади Григорий Николаевич 177, 182, 655, 819
Генрих II (Henry II) 90
Генрих VII (Henry VII) 335
Гентц Фридрих (Hentz Friedrich) 424
Георг I (George I) 78, 171
Георг III (George III) 426
Георг IV (George IV) 304, 305, 399
Георги Иван Иванович (Georgi Johann Gottlieb) 142
Георгий Мтацминдели 760, 818
Гераков Гавриил Васильевич 489, 496, 556, 558
Гербель Николай Васильевич 392, 768, 799, 820—822
Герберштейн Сигизмунд (Herberstein Sigismund) 31, 32, 39, 92, 93
Герглоц (Herklotz) 796
Герд Яков (Джеймс) (Heard James) 125, 454
Гердер Иоганн Готфрид (Herder Johann Gottfried) 688, 807
Геркман 94
Герней, филантроп (Gurney) 597, 601
Геродот (Herodotus) 196
Герстенберг Иоганн Даниель 209
Герхард Дитрих (Gerhardt Dietrich) 668, 669, 791, 794, 795
Герцен Александр Иванович 5, 183, 324, 352, 384, 388, 795
Гершель Джон (Herschel John Frederick William) 327
Гершензон Михаил Осипович 565, 641, 643
Гессен Сергей Яковлевич 452
Гесслер Иоганн Вильгельм (Hässler Johann Wilhelm) 166, 185, 186, 507, 560, 561
Гете Иоганн Вольфганг (Goethe Johann Wolfgang) 160, 173, 184, 216, 217, 243, 326, 329, 342, 347, 348, 352, 386—388, 405, 406, 455, 456, 487, 535, 536, 539, 542, 544, 569, 571, 594, 595, 612, 646, 659, 674, 688, 696, 724, 726, 727, 765, 774, 796, 798, 811
Гиббон Эдуард (Gibbon Edward) 157
Гизо Франсуа (Guizot François) 334, 738
Гиллельсон Максим Исаакович 385, 466, 564, 643, 804, 812
Гильберт Дэвид (Gilbert David) 35, 94
Гиляровский Владимир Алексеевич 822
Гименс Фелиция 783 (Hemans Felicia) 783
Гинзбург Лидия Яковлевна 385
Гита Гаральдовна (Gytha) 90
Гиффорд Роберт (Gifford Robert) 263
Гиффорд Гарриет (Gifford Harriet Maria) 263
Глаголев Андрей Гаврилович 646
Гладстон Уильям Юарт (Gladstone William Ewart) 514
Глебов Дмитрий Иванович 462
Глебов Игорь см.: Асафьев Борис Владимирович
Глен Вильям (Glen William) 601, 648
Гленгери Макдональд (Glengarry Macdonald) 307, 345
Гликман Исаак Давидович 463, 799
Глинка Владислав Михайлович 644
Глинка Г. 184
Глинка Михаил Иванович 511, 561, 771, 772, 818, 820
Глинка Сергей Николаевич 148, 252, 641, 644, 823
Глинка Федор Николаевич 250, 251, 373, 651
Глинн Гриллс Р. (Glynn Grylls R., Mrs. Mander) 477, 478, 481, 493, 553, 554, 556, 557, 572
Глумов Александр Николаевич 178, 561
Глушковский Адам Павлович 186
Гнедич Николай Иванович 181, 197, 525, 653, 657, 678, 690, 818
Гнедич Татьяна Григорьевна 458
Гоббс Томас (Hobbes Thomas) 169
Гобхауз Джон, лорд Броутон (Hobhouse John, lord Broughton) 39, 394, 400, 401, 403, 404, 414, 437, 440, 441, 453, 459, 464, 466
Гогниев Иван Егорович 463
Гоголь Николай Васильевич 6—7, 230, 356, 368, 370, 632, 657, 667, 675, 687, 697—700, 722, 774, 796, 803
Годби Джеймс (Godby James) 252, 259
Годвин Вильям (Godwin William) 469, 470, 474, 488, 520, 523, 524, 526, 529, 538, 539, 549, 553, 569, 573
Годвины, семья 475, 476
Годескальк, епископ Мастрихский (Godescalc) 502
Годунов Борис Федорович 33—35, 40, 95, 98, 180
Годунов Петр Иванович 45
Годунов Федор 33
Голдсмит Оливер (Goldsmith Oliver) 110, 114, 116—118, 138, 171, 172, 238
Голицын Августин Петрович 98, 103
Голицын Александр Алексеевич 522
Голицын Александр Николаевич 496, 598, 600, 601, 647
Голицын Александр Федорович 733, 813
Голицын Борис Владимирович 159
Голицын Василий Васильевич 86

Голицын Дмитрий Владимирович 564, 567, 796
Голицын Михаил Михайлович 363
Голицын Михаил Петрович 159
Голицын Николай Николаевич 381, 565, 813
Голицын Павел Алексеевич 489, 519, 522, 565
Голицын Петр Алексеевич 522, 523
Голицын Эммануэль 514
Голицына, княгиня 512, 562
Голицына Мария Аркадьевна 363
Голицына (Зотова) Наталья Николаевна 489, 519, 522, 564, 565
Голицына Прасковья Андреевна 293, 350, 363—366, 391
Голицын 523, 524, 529, 562
Голланд, леди (lady Holland) 792
Голланд (Голанд) Генри Ричард (Holland Henry Richard) 267, 327, 738, 740
Головин В. 518, 563
Головин Василий 563
Головин Василий Иванович 563
Головин Василий Павлович 563
Головин Иван Гаврилович 638, 639
Головин Константин Феодорович 352, 384, 388
Головин Федор Александрович, граф 72
Головнин Василий Михайлович 237
Голсуорси Джон (Galsworthy John) 6—7, 9, 269
Голубцов Владимир Владимирович 467
Гольбей, г-жа 157
Гольбах Поль (Holbach Paul) 526
Гольдсмит Людвиг 252
Гольц Татьяна Матеосовна 807
Гомер (Homer) 21, 113, 226, 431, 467, 750
Гондрекур А. (Gondrecourt Henri de) 452
Гонсальва, кардинал (Gonsalva) 334
Гончарова Наталья Николаевна см.: Пушкина Наталья Николаевна
Гораций Флакк Квинт (Quintus Horatius Flaccus) 34, 753, 816, 817
Гордон Космо (Gordon Cosmo) 731
Гордон Патрик (Gordon Patrick) 65, 66, 104, 107
Горковенко Алексей Степанович 772, 786, 804, 820
Горнер Френсис (Horner Francis) 328
Городков Г. 174
Горсей Джером (Horsey Jerome) 21, 32, 36, 40, 48, 91, 95, 97
Горчаков Николай Дмитриевич 183
Горький Максим 6—9, 15
Горяинов Сергей Михайлович 233
Госс Эдмунд (Goess Edmund) 70, 105
Госселен Шарль (Gosselin Charles) 502
Готтмен, гувернантка (Gottman) 516, 520
Готье Юрий Владимирович 91, 100
Гофман Модест Александрович (Hofmann Modeste) 792—794
Грайс Ричард (Gries Richard) 105
Грамматин Николай Федорович 148, 294
Грановский Тимофей Николаевич 368, 703, 727
Грассгоф Х. (Grasshof Helmuth) 175, 179
Грассе Эдуард и Огюст (Grasset Edouard, Grasset Auguste) 652—653
Граттан Генри (Gratten Henry) 741
Грачев Пантелеймон Владимирович 186
Гребенка Евгений Павлович 722
Гревиль Фулк (Greville Fulke lord Brooke) 33, 34
Грей Р. (Gray Richard) 20
Грей Чарлз (Grey Charles) 736, 814
Грей Томас (Gray Thomas) 196, 238, 526, 755, 756, 817
Грейг Алексей Самуилович 174
Грейг Сэмюэль (Greig Samuel) 128, 174
Греков Николай Перфильевич 773, 774, 820
Грелле де Мобилье 577, 640, 648
Грельман Генрих Мориц 593
Гренвилль (Гранвиль) Август (Granville Augustus Bozzi), 5, 574, 580, 587, 588, 642, 645
Греч Николай Иванович 16, 132, 175, 178, 197—200, 210, 211, 226, 235—237, 239, 255, 453, 490, 494, 557, 604, 605, 612, 618, 622—624, 627, 629, 630, 632, 634—637, 640, 649, 653—656, 694, 696, 765, 766, 768, 793, 813, 819
Грэм Вильям (Graham William) 470, 472—476, 553, 554
Грэм Ф. (Grahame F.) 218, 243
Грибе Александр Карлович 516, 563
Грибоедов Александр Сергеевич, 7, 448, 484, 525, 582, 642, 657, 675, 693, 694, 696, 802
Григорович-Барский Василий 818
Григорьев Аполлон Александрович 389, 457, 616, 685, 800
Григорьев В. 207
Григорьян Камсар Нерсесович 800
Грильпарцер Франц (Grillparzer Franz) 461
Гримм Август Теодор (Grimm August Theodor) 791
Гримм Вильгельм (Grimm Wilhelm) 294
Грин Роберт (Green Robert) 30, 93
Гирсон Герберт (Grierson Herbert) 94, 268, 269, 377
Гроссейт, капитан 159
Гроссман Леонид Петрович 10, 457, 642
Грот («Ондрей Грот из Лунды») (Grote Andrew) 52
Грот Константин Яковлевич 375, 393
Грот Яков Карлович 14—16, 172, 181, 193, 196, 209, 210, 213, 214, 234, 235, 237, 239, 241, 291, 373, 375, 380, 453, 645
Грузинцев Александр Николаевич 148
Грундвиг Свен Херслеб (Grundtvig Svend Hersleb) 597
Гуаско Октавиан (Guasco Octavian) 110, 168, 169
Губер Эдуард Иванович 367
Гуинн (Гвын, Вын) Стивен (Стефан) (Gwynn Stephan) 74, 76, 105
Гулак-Артемовский Семен Степанович 561
Гульденнальм А. де 152
Гумбольдт Александр (Humboldt Alexander) 322, 765
Гунт (Хант) Генри (Hunt Henry) 742, 815
Гуревич Мирон Моисеевич 171
Гурлянд Илья Яковлевич 104
Гусев Виктор Евгеньевич 239
Гурьев Дмитрий Александрович, граф 461
Гурьева Елена Дмитриевна 556
Гуссов 94
Гуткина Ида Григорьевна 452, 465
Гутчинсон (Хатчинсон) Вильям (Hutchinson William) 582, 642, 463, 645
Гушер Герберт (Huscher Herbert) 478, 552—554, 556, 568, 573
Гюббард (Хаббард) Эджертон (Hubbard Egerton) 600, 601, 648

Гюго Виктор (Hugo Victor) 10, 500, 615, 690, 797, 801, 823
Гюжне (M-lle Gugenet) 807

Давид («мастер Давид») (David) 89
Давид Жак-Луи (David Jucques Louis) 796
Давид Фелисьен (David Felicien) 781, 782
Давиденкова-Голубева Валентина Сергеевна 25
Давыдов, дьяк 104
Давыдов (Орлов-Давыдов) Владимир Петрович 247, 260, 264—268, 270, 271, 273—278, 280—282, 286—288, 291—325, 328, 334, 338, 341, 342, 345, 355, 376—379, 381—385, 445, 448, 466, 467, 733, 734, 740, 747, 748, 752, 754, 756, 813, 817
Давыдов Денис Васильевич 192, 207, 213, 220, 238, 247, 260, 267—292, 295, 322, 326, 341, 355, 377—380, 581
Давыдов Иван Иванович 567
Давыдов Петр Львович 265, 268, 275
Давыдов Юрий Владимирович 186
Дайтон Денис (Dighton Dennis) 253, 268, 585
Дакет Джефри (Ducket Jeffrey) 23
Даламбер (Д'Аламбер) Жан Лерон (D'Alembert Jean Le Rond) 322
Даллас Роберт Чарлз (Dallas Robert Charls) 435
Даль Г. Ю. 493
Дальтон Джон (Dalton John) 327
Данилевский Ростислав Юрьевич 569
Данилов Владимир Валерьянович 92
Данилов Кирша см.: Кирша Данилов
Данилов Н. М. 387, 816
Данилович Мария (Danilowicz Maria) 390, 819
Д'Анкона А. (D'Ancona A.) 458
Данте Алигьери (Dante Alighieri) 447, 448, 458, 487, 531, 556, 703
Дантес Геккерн Жорж-Шарль (D'Anther Heckaereen Georges Charles) 655
Дарвин Эразм (Darwin Erasmus) 805
Даргомыжский Александр Сергеевич 185
Дарем Джон Джордж Лэмтон (Durham John George Lambton) 643
Дарий (Darius) 53
Даскал Мелентий 102
Дауден Эдуард (Dowden Edward) 476
Дашкевич Николай Павлович 90, 805
Дашков Дмитрий Васильевич 380, 819
Дашков Павел Михайлович, князь 158, 159
Дашков Павел Яковлевич 644
Дашкова Екатерина Романовна 5, 110, 114, 115, 117, 119, 170, 171, 194
Двойченко-Маркова Евфросиния Михайловна 95, 464
Деборд Марселина (Desbordes-Valmore Marceline) 818
Девенант Уильям (Davenant William) 44
Деверё Пенелопа (Devereux Penelope) 22
Девлет-Гирей 22
Де Квинси Томас (De Quincey Thomas) 529, 567
Деккер Томас (Dekker Thomas) 30
Делагарди Яков 94
Делакруа Эжен (Delacroix Eugene) 6
Делиль Жак (Delille Jacques) 226, 750
Дельвиг Антон Антонович 463, 693, 724, 799, 811, 817
Демидов Анатолий Николаевич 392, 483
Демидов Николай Никитич 392, 483, 486, 556
Демин Анатолий Сергеевич 105
Ден Джон (Dan John) 105
Денисов Адриан Карпович 557
Деннет, няня-англичанка (Dannatt) 556
Денни Арабелла 171
Денси Эдуард (Dencie Edward) 25
Державин Гавриил Романович 110, 120, 142, 148, 149, 172, 179, 181—183, 190, 192—194, 198, 202—204, 206, 213—215, 218, 219, 223, 224, 232, 234, 235, 237—239, 241, 244, 250, 255, 373, 375, 402, 453, 558, 658, 790
Державин Николай Александрович 800, 807
Державина Ольга Александровна 105
Десницкий Василий Александрович 193, 234, 235, 239
Десницкий Семен Ефимович 114, 170
Детерс Эрна Владимировна 325
Дефо Даниэль (Defoe Daniel) 17, 67, 80—83, 86, 87, 108, 109, 569, 593, 620
Дефоконпре Огюст (Defaunconpret Auguste-Jean-Baptiste) 260
Джами Абдурраҳман Нуреддин бин Ахмад 696
Джарролд (Jarrold) 650
Джеймс Генри (James Henry) 473, 474, 553
Джеймсон, г-жа (Mrs Jamieson) 387
Джекмен Чарльз (Jackman Charles) 21
Джексон Артур (Jackson Arthur) 676
Джексон Джордж (Jackson George) 395, 451
Джемс (James) 480
Джемс Ричард (James Richard) 29, 38, 92, 94
Дженкинсон Антони (Jenkinson Anthony) 20—22, 98
Джеффрсон Джон (Jeaffreson John) 472, 473, 553
Джонс Дэвид (Jones David) 78
Джонс Иниго (Jones Inigo) 72
Джонсон Бен (Jonson Ben) 33, 34, 64, 93, 593
Джонсон Ричард (Johnson Richard) 21, 36, 38, 96
Джонсон Сэмюэль (Johnson Samuel) 124, 130, 133, 138, 173, 177, 344, 346
Джонстон Р. (Johnstone R.) 580, 641
Джоуитт (Jowett) 601, 648
Джулиани (Giuliani) 468, 487, 556
Джунковский Александр Степанович 637, 656
Дибич Иван Иванович 462, 563
Дивов Павел Гаврилович 496, 558
Дивовы 459
Диггс Дадлей (Digges Dudley) 29
Дидло Шарль Луи (Didelot Charles Louis) 168, 186
Дидро Дени (Diederot Denis) 322
Диккенс Чарлз (Dickens Charles) 6, 7, 104, 526
Диллон Генриетта Маргарита (Dillon Henriette, Marguerite) 487
Дингли (Dingley) 138
Дино, герцогиня де (Dino de) 740, 814
Дион Хризостом (Dion Chrysostomus) 702
Дитмар Фредерик Огюст (Dietmar Frederic) 209
Дитрих Э. (Dietrich E.) 94
Дитце Ф. (Dietze F.) 164
Дмитревская Анна Васильевна см.: Армфельд Анна Васильевна

Дмитревский Иван Афанасьевич 115, 134, 170, 176
Дмитриев Иван Иванович 14, 154, 156, 164, 169, 179, 183, 192, 194, 202, 206, 210, 211, 223, 231—233, 236, 238, 246, 255, 356, 375, 381, 393, 457, 459, 512, 513, 561, 562, 657, 790
Дмитриев Лев Александрович 107
Дмитриев Михаил Александрович 183, 541, 570
Дмитрий Донской 144
Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий) 33—35, 42, 78, 94, 180
Добель Дарья Андреевна 636, 637
Добель Петр Васильевич (Dobell P.) 580, 636, 637, 656
Добровский Йосиф (Dobrovsky Joseph) 240
Дойл Артур Конан (Doyle Arthur Conan) 6
Долгоруков Дмитрий Иванович 458, 529, 556
Долгоруков Иван Михайлович 213
Долгоруков Петр Владимирович 323, 383, 388
Долгорукова Елена Петровна см.: Толстая Елена Петровна
Дольфин 509
Домон Э. А. (Daumont E. A.) 182
Дон Карлос (Don Carlos) 626
Доппельмайер Юлия Васильевна 778, 779, 822
Достоевский Федор Михайлович 6, 7, 9, 452, 769
Доу Джордж (Dawe George) 5, 257, 269, 283, 285, 584, 585, 644, 796
Дохтуров Афанасий Афанасьевич 467
Дохтуров Герасим Семенович 52—54, 56—58, 102
Дохтуров Дмитрий Сергеевич, генерал 296, 297
Дохтуров Михаил Афанасьевич 449, 450, 467, 468
Дохтуров Павел Афанасьевич 468
Дохтурова Мария Афанасьевна 468
Драганов Петр Данилович 231, 246
Драйден Джон (Dryden John) 66, 73, 74, 106, 112, 113, 159
Дрейтон Майкл (Drayton Michael) 17, 20, 21
Друвиль, полковник 799
Дружинин П. М. 525
Дружинин Александр Васильевич 374, 621, 622, 653, 795, 798, 812, 813
Друскин Михаил Семенович 185, 186
Дубровин Н. 90
Дубровин Николай Федорович 373
Дубровский Петр Павлович 190, 233
Дурасов Егор Александрович 519
Дурасов Сергей Александрович 519
Дурнов Модест Александрович 784
Дурылин Сергей Николаевич 10, 181, 347, 387, 405, 455, 456, 569, 571, 812
Дьяконова Нина Яковлевна 409, 457
Дюбуа де Роман Гюстав (du Bois de Romand Gustave) 552, 573
Дюбюк Александр Иванович 818
Дюгальд Жан-Батист (Du Halde Jean Baptiste) 172
Дю Дефан Мари (du Deffand Marie) 114, 170
Дюма Александр (Dumas Alexandre) 10, 458
Дюмареск Дэниел (Dumaresq Daniel) 120, 172, 173
Дюмон Этьен (Dumont Etienne) 230
Дюпен Андре-Мари (Dupin André-Marie) 498
Дюпен Шарль (Dupin Charles) 465
Дюпре де Сен-Мор Эмиль (Dupré de Saint Maur Jean-Paul-Emile) 209, 215, 225
Дюрер Альбрехт (Dürer Albrecht) 804
Дюшен Э. (Duchesne E.) 805

Евстафьев Алексей Григорьевич 144, 145, 180, 182
Егоров Борис Федорович 802
Екатерина I 77, 87, 88, 118, 171, 172
Екатерина II 111, 120, 123, 126, 136, 142, 146, 169, 170, 172, 174—181, 185, 188, 232, 233, 235, 404, 408, 451, 452, 454, 455, 457, 706, 819
Елагин Алексей Андреевич 535, 536, 569
Елагина (Киреевская) Авдотья Петровна 535, 536, 538, 540, 542, 544—547, 571, 659
Елагины 469, 512, 536, 540, 563, 570, 571
Елизавета Алексеевна, императрица 145, 375
Елизавета Петровна 174
Елизавета I (Elisabeth I) 21—23, 28, 32, 34, 36, 37, 50—52, 77, 95, 191
Елисавета, дочь Ярослава Мудрого 90
Елисавета, принцесса 532
Елистратова Анна Аркадьевна 452, 458, 553, 554
Ельницкий Алексей Епифанович 648
Ениколопов Иван Константинович 819
Епифаний Славинецкий 48, 59
Ермак 96, 202, 236
Ермилов Николай Евграфович 391
Ермолов Александр Николаевич 380
Ермолов Алексей Петрович 283, 286, 292, 453, 517, 557, 582, 644
Ермолов Михаил Александрович 247, 292, 293, 328, 355, 380, 381
Есипов Григорий Васильевич 232
Ефимович И. 557

Жандр Николай Павлович 805
Жанлис Фелисите Стефани (Genlis-Félicité Stéphanie) 392, 484
Жан-Поль (Рихтер) Иоганн (Jean Paul, Richter Johann Paul Friedrich) 693
Жданов Прохор 116, 171
Железнов Михаил Иванович 392
Желябужский Иван Афанасьевич 104
Жерве Виктор Всеволодович 289, 379
Жеффри (Джеффри) Френсис (Jeffrey Francis) 328
Жилин Алексей Дмитриевич 167
Жинкин Н. 176
Жирмунский Виктор Максимович 184, 457
Жихарев Степан Петрович 494—496, 557, 558
Жомар Эдм-Франсуа (Jomar Edme-François) 736
Жонсон см. Джонсон С.
Жукова Мария Семеновна 491, 492, 557, 803
Жуковский Василий Андреевич 148, 159, 184, 192, 196, 198, 202, 206, 209, 210, 213, 214, 218, 219, 231, 232, 234, 236, 238, 239, 243, 246, 250, 254, 300, 326, 330, 342, 355, 356, 359, 375, 380, 385—388, 396, 402, 409, 411, 416, 417, 421, 431, 436—439, 442, 446, 453, 464, 465, 484, 510, 521, 533, 535, 536,

558, 561, 568, 574, 620, 625, 627—630, 643, 654, 656—659, 662—679, 688, 690, 662—694, 700, 710, 727, 728, 732, 735, 738—740, 742—746, 748, 749, 753, 756, 757, 761, 764—766, 780, 790—799, 801—803, 811, 815—817, 819
Жуковский Павел Васильевич 669
Жюльен Марк-Антуан (Julien Marc Antoine) 393, 730—732

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфеньевич 460
Заборов Петр Романович 173
Завалишин Дмитрий Иринархович 649
Загоскин Михаил Николаевич 230, 233, 245, 247, 289, 349, 356—359, 389, 390, 492, 557, 577, 578, 616, 640, 764
Загоскин Сергей Михайлович 356, 389
Загряжские 405
Задлер Карл 107
Зайцевский Ефим Петрович 820
Закревская Аграфена Федоровна 394, 444, 446, 466
Закревский Арсений Андреевич 283, 449
Залеский Юзеф Богдан 241
Замотин Иван Иванович 389
Замысловский Егор Егорович 98
Замятин Герман Андреевич 73, 106
Западов Александр Васильевич 375
Зарицкая Р. И. 185
Засекин-Ярославский Иван Иванович 89
Засс, лейтенант (Sass) 427
Захаров Виталий Владимирович 93
Звавич Исаак Семенович 245, 377, 385
Зейдлер, певица (Seidler) 660
Зейдлиц Карл Карлович 791
Зейме Иоганн Готфрид (Seume Johann Gottfried) 77
Зелинский Густав (Zielinski Gustaw) 560
Земленухин Александр 248, 373
Зернова А. С. 96
Зильберштейн Илья Самойлович 2, 12, 15, 259, 263, 378, 468
Зиновьев Иван Иванович 52
Зиссерман Арнольд Львович 565
Золотарев Василий Андреевич 782, 824
Зонтаг (Юшкова) Анна Петровна 300, 381
Зонтаг Егор Васильевич 300
Зотов Николай Иванович 489, 556, 564, 565
Зотова Елена Александровна 489, 519
Зотова Елизавета Николаевна см.: Чернышева Елизавета Николаевна
Зотова Наталья Николаевна см.: Голицына Наталья Николаевна
Зотовы 519, 521, 556
Зражевская Александра Васильевна 492, 557
Зубов Платон Александрович 404

Иаков I Стюарт (James I) 98, 532
Ибн Хаукаль 700, 803
Иван Грозный 17, 18, 21, 23—25, 32, 34, 77, 89, 91—93, 95, 97, 99, 107, 118, 127
Иваненко Андрей Михайлович 808
Иваненко Моисей Михайлович 718, 720, 721, 802, 808, 809
Иванов 392, 483, 484
Иванова (Арсеньева) Александра Алексеевна 366, 392, 483, 484
Ивановский Андрей Андреевич 810
Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич 185, 322, 375, 383
Иверсен Юлий Богданович 174
Идес Исбрант (Ides Evert Ysbrandszoon) 86
Изабе Жан-Батист (Isabey Jean-Baptiste) 796
Измайлов Александр Ефимович 148, 247, 349, 359—363, 391, 790
Измайлов Владимир Васильевич 237, 453
Измайлов Николай Васильевич 288, 379, 556, 569, 570, 793, 811, 816
Иконников Владимир Степанович 94
Ильинская Н. Г. 805
Ильинский Леонид Константинович 374
Ингер Айзик Геннадьевич 171
Инзов Иван Никитич 583
Иовий Павел (Giovio Paolo) 31, 93
Иордан Федор Иванович 178, 735
Ирвинг Вашингтон (Irving Washington) 215, 243, 795
Исайя 48
Исаков Сергей Геннадьевич 240, 805
Исполатов Н. М. 101
Истомин Карион 70
Истрин Василий Михайлович 451
Италинский Андрей Яковлевич 410, 458
Йованович Воислав (Jovanovitch Vojislav) 212, 240
Йокаи Мор (Jokai Mor) 452

К.П.Б. 675, 796, 797
Каверин Вениамин Александрович 639
Каверин Петр Павлович 431, 462, 469, 511, 517, 562, 563
Каверина Анна Павловна 517
Каверина Мария Павловна 564
Кавос Катарино Альбертович 168, 186
Казакова Н. А. 101
Казамайор (Casamajor) 444, 466
Казанович Евлалия Павловна 819
Казанский Борис Васильевич 214, 230, 241, 244—246, 588, 645
Казначеев Александр Иванович 565, 583
Кайсаров Андрей Сергеевич 532, 533, 568
Кайсаров Михаил Сергеевич 532, 568
Кайсаров Паисий Сергеевич 478, 523, 532—534, 539, 542, 550, 564, 568, 569
Кайсаров Петр Сергеевич 532
Кайсаров Сергей Андреевич 532
Кайсарова (Ланская) Варвара Яковлевна 523, 529, 539—542, 544, 545, 547—549, 568, 571
Кайсарова Наталья Паисиевна 469, 523, 532, 534, 538—542, 544, 547—549, 551, 552, 568, 573
Кайсаровы 469, 513, 523, 524, 526, 528, 529, 531—534, 536—540, 542, 544—552, 568, 569, 571—573
Калайдович Константин Федорович 294
Калиновский Александр Александрович 760, 818
Калишевич З. Е. 91
Каллаш Владимир Владимирович 388
Кальдерон де ла Барка Педро (Calderon de la Barca Pedro) 704, 774
Камберленд Ричард (Cumberland Richard) 180
Камберлендская, герцогиня (Cumberland duchess of) 661
Камберлендский, герцог (Cumberland Ernest Augustus) 661

Каменский П. 647
Кан А. С. 103
Кани-Новикова Елизавета Исааковна 820
Каннинг Джордж (Canning George) 205, 229, 232, 424, 439, 440, 464, 465
Каннингам Аллан (Cunningham Allan) 262, 368, 392
Каноббио Карло (Canobbio Carlo) 166, 185
Кант Иммануил (Kant Immanuel) 374
Кантемир Антиох Дмитриевич 110, 111, 124, 134, 168, 169
Канунова Фаина Зиновьевна 182
Канут Британский (Canute the Great) 46, 89
Капнист Василий Васильевич 179, 197, 207
Каподистрия Иоанн (Иван Антонович), граф 215, 416, 647
Капп Артур Йосепович 824
Капустин Михаил Николаевич 103
Караджич Вук 212, 240, 241
Карамзин Николай Михайлович 89, 109, 110, 150—157, 178, 181—183, 187, 189, 190, 192, 194, 202, 203, 207, 213—215, 224—226, 232, 233, 235, 236, 255, 293, 294, 296—298, 329, 416, 439, 458, 459, 512, 532, 666, 790
Карамзина Екатерина Андреевна 753, 815
Карамзина Софья Николаевна 385, 725, 742, 744, 810, 811
Карамзины 345, 546, 644, 742, 811
Кареев Николай Иванович 233
Каржавин Федор Васильевич 16, 495
Карл I Стюарт (Charles I) 17, 51, 56, 58—62, 64, 99, 102, 103
Карл II Стюарт (Charles 11) 20, 39, 42, 50, 58, 60, 62, 64, 91, 99, 103, 104
Карл X Бурбон (Charles X Bourbon) 370
Карл XII, король Швеции (Karl XII) 82, 87, 172, 342, 372
Карл, герцог Мекленбургский (Karl) 659, 791
Карл Фридрих (Karl Friedrich) 347
Карлейль Томас (Carlyle Thomas) 347, 779
Карлейль Чарльз Гоуард (Carlisle Charles Howard) 42, 49, 64, 98, 99, 103, 104
Карлтон Дадлей (Carlton Doudley) 64
Карнович Евгений Петрович 97, 102
Карр Джон (Carr John) 141, 176
Карран Амелия (Curran Amelia) 471, 492
Карран Сарра (Curran Sarah) 681, 682, 708
Карре Ж. (Carré J.) 184
Картер Джордж (Carter George) 615, 617
Карус, доктор 540, 541
Кастельно Габриэль де 404
Кастера Ж.-А. (Castéra Jean-Henri) 142, 179
Кастильоне Бальдазаре (Castiglione Baldassare) 100
Кастльри (Каслри) Роберт Стюарт (Castlereagh Robert Stuart) 373, 445
Каталани Анджелика (Catalani Angelia) 616
Катенин Павел Александрович 506, 560
Катё (Catheux) 104
Каткарт Чарльз Генри (Cathcart Charles Henry) 130, 175, 374
Катон Марк Порций Старший (Cato Marcus Portius Priscus) 111
Катулл Валерий (Catullus Caius Valerius) 807
Каули Роберт (Cawley Robert) 91, 97
Каули Абраам (Cowley Abraham) 44, 99
Каупер Уильям (Cowper William) 591, 706, 805
Кауфман Анджелика (Kauffmann Angelica) 158, 165
Качеповский Михаил Трофимович 101, 453, 566
Кашин Даниил Никитич 164, 208, 780, 823
Квашин П. А. 92
Кейзи Амраль 690
Келдерман 76
Келдыш Юрий (Георгий) Всеволодович 185, 186
Келлесаль, капитан 157, 158
Келли Лоренс (Kelley Lawrence) 5, 6
Кемеф, шотландский король 46
Кемпбел, актер (Campbell) 742
Кемпбелл Арчибальд (Campbell Archibald) 105
Кемпбелл (Кампбел)Томас (Campbell Thomas) 234, 370, 393, 527, 816
Кеневич Владислав Феофилович 453
Кеннеди, дипломат (Kennedy) 418
Кеннингем Френсис (Cunningham Francio) 597, 598
Кёппель Э. (Köppel E.) 24, 92
Кернер Теодор (Körner Karl Theodore) 561
Керн Анна Петровна 434, 463, 568, 667, 794, 801
Керн Ермолай Федорович 568
Кин Эдмунд (Kean Edmund) 742
Кинглек Ч. (Kinglake Charles) 552
Кингтон, путешественник (Kington) 638
Киндякова Екатерина Петровна см.: Раевская Екатерина Петровна
Киндякова Елизавета Петровна см.: Лобанова-Ростовская Елизавета Петровна
Киндякова Марья Петровна см.: Полторацкая Марья Петровна
Кино Филипп 106
Кипренский Орест Адамович 266
Кир г-жа (Mrs. Kier) 164
Киреев Алексей 514, 523, 538, 569
Киреева Ольга Алексеевна см.: Новикова Ольга Алексеевна
Киреевская Авдотья Петровна см.: Елагина Авдотья Петровна
Киреевская Мария Васильевна 540, 569
Киреевские 469, 532, 540, 545, 546, 563, 569, 571
Киреевский Иван Васильевич 212, 240, 518, 535, 543, 545, 546, 572, 724, 726, 810, 811
Киреевский Петр Васильевич 380, 521, 540—543, 546, 569—572, 704
Киреевы 528
Кириакули, участник борьбы греков за независимость 460
Кирилюк Зинаида Васильевна 800
Киров Х. С. 464
Кирпичников Александр Иванович 94, 818
Киртон Т. (Kirton T.) 645
Кирша Данилов 93
Кисилев Николай С. 242
Кисилев Павел Дмитриевич, граф 451, 460
Киселев Сергей Дмитриевич 753
Китс Джон (Keats John) 469, 470, 475, 478, 530, 553
Киши Алим 624
Кишфалуди Карой (Kisfaludy Károly) 240
Клавдиан Клавдий (Claudianus Claudius) 301

Клапрот Генрих-Юлий (Klaproth Julius) 602
Кларенс (герцог Кларенский) Вильям (Clarence William) 310
Кларк Эдуард Дэниель (Clarke Edward Daniel) 455
Кларк Мэри см.: Борро Мэри
Клевенская Евгения 238
Клее Христиан (Klee Christian) 161, 185
Клейст Эвальд Христиан (Kleist Ewald Christian) 218
Клейст (урожд. Gualtieri Kleist) 794
Клементи Муцио (Clementi Muzio) 110, 160, 166—167, 186
Клермонт Вальтер (Clairmont Walter) 552
Клермонт Вильгельм (Clairmont Wilhelm) 472
Клермонт Клер (Clairmont Claire) 10, 438, 469—573, 641
Клермонт Мери Джейн (Clairmont Mary Jane) 470, 553
Клермонт Полина (Clairmont Pauline) 472—474, 553
Клермонт Чарлз (Clairmont Charles) 470, 472, 488, 489, 538, 551, 553, 554, 562
Клермонт Чарлз Голис (Clairmont Charles Gaulis) 553
Клименко Екатерина Иннокентьевна 816
Климент Александрийский 702
Климовский Семен 164, 238
Клингер Фридрих-Максимилиан (Klinger Friedrich Maximilian) 596, 647
Клинтон Роберт (Clinton Robert George Cotton Trefusis) 553
Клопшток Фридрих Готлиб (Klopstock Friedrich Gottlieb) 728
Кнебель Карл Людвиг (Knebel Karl Ludwig von) 455
Княжевич Александр Максимович 389
Княжнин Владимир Николаевич 800
Князевский Б. 92, 93
Коббет Уильям (Cobbett William) 705
Кобеко Дмитрий Фомич 172, 177, 563
Кобылинский Лев Львович см.: Эллис
Ковалевский Егор Петрович 245, 416, 460, 790
Ковальская М. И. 458
Коган Галина Фридмановна 452
Козлов Иван Иванович 226, 245, 247, 326, 342, 348, 349, 355, 372, 387, 393, 410, 431, 434, 463, 466, 657, 675, 683—685, 691, 694, 708, 713—717, 623, 724, 727, 728, 732, 735, 742—750, 757—766, 772, 775, 798, 799, 802, 806, 807, 810, 811, 815—819
Козловская Анна Борисовна 451
Козловский Иосиф (Осип) Антонович 167
Козловский Петр Борисович, князь 394—401, 409, 451
Козмин Николай Кирович 457, 463, 645, 817
Кока Георгий Михайлович 644
Кокбёрн Патрик (Cockburn Patrick) 105
Кокошкин Федор Федорович 159, 469, 479, 495, 496, 506, 512, 514, 560, 563
Кокошкина (Архарова) Варвара Ивановна 494, 495
Кокошкины 513, 519, 562
Кокрель К. (Cockerell Charles Robert) 198, 219, 235
Кокрен (Кохрен) Джон (Cochrane John) 209, 239, 576, 636, 639, 640
Кокрен (Кохрен) Ксения (Cochrane) 639
Кокс Джордж (Cox George) 655
Кокс У. (Coxe William) 110, 120, 130—135, 142, 143, 165, 173, 175, 176
Коллинз Сэмюэль (Collins Samuel) 40, 97, 99
Коллинс Вильям (Collins William) 815
Колльер Пейн (Collier Paine) 64, 103, 388
Колмаков Алексей Васильевич 114, 169
Колмаков Николай Маркович 456
Кологривова Елизавета Васильевна см.: Фан-Дим
Колокотрони Теодорос 428
Коломенкина М. А. 779
Колридж Сэмюэл Тейлор (Coleridge Samuel Taylor) 527, 529, 572, 573, 706, 787, 805, 815
Колумб Христофор (Columbus Christopher) 372
Колышкевич Алексей 721, 809
Кольер Август (Collyar August) 264, 265, 274, 275, 277, 278, 293, 300, 301, 309, 314, 315, 320, 321, 376, 377, 382—384, 733, 734, 817
Кольер Джереми (Collier Jeremy) 69, 70, 72—74, 105
Кольмен А. (Coleman A.) 203, 220, 234—237, 239, 241, 244
Колюпанов Нил Петрович 376, 391, 557, 572
Комарович Василий Леонидович 561, 642
Комаровский Евграф Федотович, граф 140, 178
Конаков А. П. 647
Конгрив Уильям (Congreve William) 69, 72, 73, 87, 105, 169
Кондаков С. 384
Кондратьев Ю. М. 554
Кони Анатолий Федорович 648, 788, 824
Кони Федор Алексеевич 170, 772
Коновницына Елизавета Петровна см.: Нарышкина Елизавета Петровна
Кононов Андрей Николаевич 172, 173, 560
Коноплева Ирина Александровна 389
Конрад Джозеф (Conrad Joseph) 270
Консет Томас (Consett Thomas) 108
Констабль Арчибальд (Constable Archibald) 347
Констан де Ребек Анри Бенжамен (Constant de Rebecque Henri Benjamin) 765
Константин Павлович, великий князь 517, 518, 569
Коншина Елизавета Николаевна 571
Копитар Варфоломей (Kopitar Bartholomaeus) 221, 240, 244
Коркунов Николай Михайлович 170
Корне М. (Cornet M.) 506
Корнель Пьер (Corneille Pierre) 495
Корнилович Александр Осипович 584
Корнуол Барри (Cornwall Barry-Procter Bryan Waller) 801, 816
Корнфельд Герман 779
Королева Нина Валериановна 184, 467, 803
Коростин Алексей Федорович 649
Корсаков Н. А. 167, 178, 186
Корф Модест Андреевич 98, 587
Корф Федор Федорович 580, 640
Корхауз Джордж (Corehouse George Cranstoun) 313, 314, 316
Корш Валентин Федорович 94, 818
Косоланов В. 378
Костров Ермил Иванович 192, 197

Костырев 386
Котляров Григорий Миронович 451
Коттень Софи (Cottin Marie Sophie Risteau) 510, 565
Кохановский Ян (Kochanowski Jan) 241
Кохлин Френсис (Coghlan Francis) 151
Кочубей Виктор Павлович 576, 639
Кочубинский Александр Александрович 424
Кошелев Александр Иванович 376, 391, 464, 517, 518, 521, 535, 548, 557, 563, 565, 568, 572
Крабб Джордж (Crabbe George) 593
Краевский Андрей Александрович 600, 643, 769
Крайвен Элизабет (Craven Elisabeth) 157, 183
Крамер (Кремер), чиновник в посольстве 752, 754
Красиньский Зыгмунт (Krasinski Zygmunt) 735, 841
Красицкий Игнаци (Krasicki Ignacy) 241
Краснокутский Александр Гаврилович 373
Красовский Александр Иванович 407, 410
Крачковский Игнатий Юлианович 800
Крелль И. 87, 109
Кремер, архитектор 467
Крестовский Всеволод Владимирович 768, 820
Крестовцев Л. 728, 799
Крешев Иван Петрович 657, 766, 768—773, 780, 810, 820, 822
Кривцов Николай Иванович 581, 641
Кроль Александра Ефимовна 644
Кромвель Оливер (Cromwell Oliver) 40, 44, 58, 60, 98, 100, 103, 621
Крониа Артуро (Cronia Arturo) 182
Кросс Антони (Cross Anthony) 134, 136, 144, 146, 172—174, 176, 178—183, 235, 239, 243, 608, 647, 650, 651
Кросс Летиция (Cross Letitia) 68, 72
Кросс Сэмюэль (Cross Samuel) 228, 245, 607, 611, 650
Кроун Джон (Crowne John) 44
Крузенштерн Иван Федорович 485
Крукшенк Джордж (Cruikshank George) 188, 395
Крыжановский Иван Иванович 824
Крылов Иван Андреевич 6, 179, 187, 189, 192, 194, 202, 203, 221, 222, 225, 230, 231, 244, 246, 402, 453, 734, 813
Крымский Кондратий Григорьевич 602, 635, 637, 649, 655
Крювелль Альма (Crüwell Alma) 478
Крюденер Юлия (Krüdener Julia) 706
Крюков Александр Павлович 462, 560
Кубасов Иван Андреевич 391, 802, 806, 807
Кудряшов Петр Михайлович 560
Кузнецов Константин Алексеевич 186
Кузнецова В. И. 15
Кук Джой (Cook John) 128, 174
Кукольник Нестор Васильевич 223, 229, 655, 722, 774
Кулакова Любовь Ивановна 169
Кулешов Василий Иванович 182, 238
Кульбин Николай Иванович 181
Кульман Жан-Жак (Coulmann Jean-Jacques) 730, 812
Кульпеппер Джон 62
Кунстн Иоган (Kunst Johann) 73
Купер Джеймс Фенимор (Cooper James Fenimore) 243, 332, 357, 364—366, 380, 391, 392, 484
Купер Сьюзен (Cooper Susan) 365, 366
Куракин Александр Борисович 489
Куракин Борис Иванович 107
Куракин Федор Александрович 466, 565
Куракина Елена Алексеевна 565
Куракина Н. И. 466
Куракины 494
Курсинский Александр Антонович 657, 780, 783—785, 787, 824,
Кутузов Михаил Илларионович 186, 270, 271, 292, 296, 402, 453, 454, 486, 533, 644
Кутузова Екатерина Ильинична 403, 404, 486, 487
Куц Харриот (Coutts Harriott) 265, 377
Кэмден Уильям (Camden William) 38, 48, 101
Кювье Жорж (Cuvier Georges) 736
Кюи Цезарь Антонович 782, 823, 824
Кюстин Адольф (Custine Adolphe) 380, 399, 400, 451, 452
Кюхельбекер Вильгельм Карлович 10, 160, 184, 227, 241, 245, 256, 375, 394, 431, 432, 448—450, 462, 467, 514, 564, 577, 578, 637, 640, 656, 657, 675, 693, 696, 800, 802, 803
Лабрюйер Жан (La Bruyère Jean) 645, 646
Лаваль Александра Григорьевна 463
Лаваль Зинаида Ивановна см.: Лебцельтерн Зинаида Ивановна
Лаваль Иван Степанович 461
Лавдовский Н. 530, 567
Лавлес Ада см.: Байрон Ада
Лавров Александр Васильевич 10
Лагарп Жан Франсуа (La Harpe Jean François) 363
Лагран Эдуард (Lagrange Edouard) 350
Ладыженский Андрей Никитич 104
Лажечников Иван Иванович 637, 696, 805
Лазурский Владимир Федорович 106, 108, 788, 824
Лайамон (Layamon) 90
Лайелл Роберт (Lyall Robert) 162, 185, 223, 225, 227, 229, 232, 246, 514
Лайн Морис (Line Maurice) 182, 238, 389
Ла Кальпренед Готье де Кост (La Calprenède Gautier de Coste de) 67
Лактанций Луций Целий Фирмиан (Lactancius L. C. Firmianus) 702
Ламанский Владимир Иванович 90
Ламартин Альфонс (Lamartine Alphonse de) 444, 726, 727, 807, 811
Ламенне Фелисите Робер (Lamennais Hugues Félicité Robert de) 458
Ла Мотт Фуке Фридрих (la Motte Fouqué Friedrich de) 662, 669, 792
Лангбейн Джерард (Langbaine Gerard) 74
Ланге Юбер 92
Лангер Леопольд Федорович 818
Лансдаун, леди (Lansdowne) 733, 740
Лансдаун (Лансдоун) Генри (Lansdowne Henry Petty-Fitzmaurice) 328, 343, 385, 583, 707, 733, 736—742, 754—756, 766, 814
Ланская Анастасия Сергеевна 389
Ланская Варвара Сергеевна 389
Ланская Варвара Ивановна 247, 349, 356, 358, 359, 388, 389

Ланская Варвара Яковлевна см.: Кайсарова Варвара Яковлевна
Ланской Александр Дмитриевич 404
Ланской Сергей Степанович 356, 388
Ланц Каролина (Lanz Caroline) 482, 483, 555
Ларин Борис Александрович 92, 100
Ларош Герман Августович 823
Лауд Вильям (Loud William) 37, 38
Лафонтен Жан (La Fontaine Jean) 189
Лебедев Д. М. 98, 101
Лебцельтерн Людвиг, граф 423, 424, 426, 461
Лебцельтерн (Лаваль) Зинаида Ивановна, графиня 349, 387, 461
Левек Пьер-Шарль (Levesque Pierre Charles) 175
Левидова Инна Михайловна 376
Левин Юрий Давидович 107—109, 375, 377, 566, 821
Левитский Иван Михайлович 294
Левшин Алексей Ираклиевич 643
Левшин Василий Алексеевич 651
Легуи Пьер (Legouis Pierre) 98, 99, 103, 106
Леджерс 480
Лейн Г. (Lane Henry) 20
Лекен Анри Луи (Lequin Henri Louis) 170
Лекингтоны (Lackington, Allen and Co) 549
Леклер Никола (Leclerc Nicolas) 133, 134, 142, 143, 175, 176, 179, 580
Лекуант де ла Во 566 (Lequant de la Veau) 566
Лем Каролина (Lamb Caroline) 444, 466
Лемке Михаил Константинович 391, 564
Лемонте Пьер-Эдуард (Lemontey Pierre-Edoward) 221, 813
Ленгольд, владелец нотного магазина (Lenhold) 512, 562
Лёнрот Элиас (Lönnrot Elias) 236
Ленц Николай Иванович 642
Леонтьев Константин Николаевич 467
Лепехин Иван Иванович 142
Лермонтов Михаил Юрьевич 5, 230, 570, 575, 576, 632, 657, 695, 704, 708, 720, 725, 768, 776, 802, 805, 808, 809
Лернер Николай Осипович 456, 458, 652, 654, 801
Лесаж Ален Рене (Lesage Alain René) 116
Лесков Николай Семенович 7, 38, 96, 252, 388
Лессинг Готхольд Эфраим (Lessing Gotthold Ephraïm) 595
Лефорт Франц Яковлевич 73, 74, 104—106
Ли Натаниел (Lee Nathaniel) 67, 68
Ли Р. (Lee R.) 642, 645
Ли Сэмюэл (Lee Samuel) 202, 236
Ли Уильям (Lee William) 78, 108, 109
Либенау Иван Федорович 158
Ливанова Тамара Николаевна 185, 186, 561
Ливен Дарья Христофоровна 395, 451
Ливен Доротея 815
Ливен Христофор Андреевич 242, 395, 451, 600, 648
Ливенский Н. см.: Мельгунов Н. А.
Лимонов Юрий Александрович 97
Линдли Джон (Lindley John) 526
Линдсей Джек (Lindsay Jack) 9
Линтон Вильям Джемс (Linton Willam James) 243
Липовцев Степан Васильевич 598, 610, 634, 647, 648
Липранди Иван Петрович 373, 436, 463
Лист Ференц (Liszt Ferenc) 823
Листауелл, леди (lady Listowell) 734
Литвин Эсфирь Соломоновна 373
Литвинова Г. С. 805
Литтлтон Сарра (Littleton Spencer Sarah) 453, 638
Литтлтон Уильям (Littleton William H.) 638
Лихачев Владимир Сергеевич 657, 778, 779, 786, 822
Лихачев Иван Алексеевич 647
Лихонин Михаил Николаевич 818
Лобанов-Ростовский Алексей Борисович 171, 390, 568
Лобанов-Ростовский Алексей Яковлевич 233, 234
Лобанов-Ростовский Иван Александрович 519, 520
Лобанова-Ростовская (Киндякова) Елизавета Петровна 519, 520
Лодж Томас (Lodge Thomas) 30
Лозинская Лия Яковлевна 171
Лозинский Михаил Леонидович 531
Локарт Джон Гибсон (Lockhart John Gibson) 247, 253, 268, 292, 294, 313, 315—321, 324, 328, 346, 370, 374, 383, 385, 387, 393, 523, 528
Локарт София (Lockhart Sophia) 310, 346, 348, 353, 354, 369 (Локардша), 370
Локк Джон (Lock John) 121, 169, 402
Ломоносов Михаил Васильевич 46, 110, 120, 124, 130, 133, 134, 136, 137, 139, 140, 143—145, 177, 180, 190, 192, 194, 202—204, 206, 213, 214, 217—219, 223, 235, 243, 247, 349, 361—363, 390, 391, 790
Ломоносов Сергей Григорьевич 575
Лонгинов Михаил Николаевич 183
Лонгинов Николай Михайлович 145, 146, 180, 375, 454
Лонгман, книгоиздатель (Longman) 254, 741
Лонгфелло Генри (Longfellow Henry W.) 218
Лондондерри Чарлз Уильям (Londonderry Charles William) 584, 643
Лопуцкий Станислав Антонович 45
Лоренс Ричард (Laurence Richard) 702
Лотман Юрий Михайлович 183, 185, 238, 239, 462, 568
Лоутер Уильям (Lowther William) 252
Лудольф Генрих Вильгельм (Ludolf Henrik) 17, 36, 45, 46, 53, 55, 96, 100, 101
Луи-Филипп (Louis-Philippe I) 237, 466
Луиза, королева
Лунин Михаил Михайлович 368, 392
Лунин Н. см.: Благосветлов Г. Е.
Лупанова Ирина Петровна 651
Луриатис 420
Лурье Яков Соломонович 89—91
Львов Дмитрий 20, 91
Львов Николай Александрович 163, 185, 239
Львов Павел 100
Льюис Джон Делавер (Lewis John Delaware) 204
Льюис Уильям Дэвид (Lewis William David) 204, 237, 819
Любавский Матвей Кузьмич 102
Любименко И. И. 90, 92, 98, 99, 102
Любич-Романович Василий Игнатьевич 410, 457, 722, 723, 810

Людвиг I (Ludwig I) 795
Людовик XIV Бурбон (Louis XIV) 66, 81, 108
Ларусс Пьер (Larousse Pierre) 240
Лясковская Ольга Антоновна 392
Лященко Аркадий Иоакимович 90

Маврокордато Александр 417, 419—421, 423, 427, 428, 430, 460
Мавромихали Илья 460
Мавромихали Петр (Петро-бей) 420, 460
Магницкий Михаил Леонтьевич 208, 648
Мадатов Валериан Григорьевич, князь 284
Мазепа Иван Степанович 228
Мази, сержант (Masi) 412, 413
Майер Шарль (Mayer Charles) 772
Майков Аполлон Николаевич 447, 466, 769, 803, 820
Майков Валериан Николаевич 457
Майков Василий Иванович 173
Майков Леонид Николаевич 169, 181, 390, 457
Маймин Евгений Александрович 561
Майский Ф. Ф 808, 809
Мак, полковник (Mack) 506
Макаров В. К. 644
Макаров Михаил Николаевич 157—159, 176, 183, 184, 375
Макаров Николай Петрович 388, 519, 564
Макаров Петр Иванович 141, 178
Макартней Джордж (Macartney George) 110, 120—124, 126, 130, 134, 172, 173, 647
Макеева Анна Петровна 582
Макеева В. Н. 16
Макензи, купец (Mackenzie) 361—363, 391
Макензи Генри (Mackenzie Henry) 343, 344, 361, 386
Макензи Колин (Mackenzie Colin) 377, 390
Макинтош Джемс (Mackintosh James) 267, 327, 328, 385, 444, 736, 741
Маклис Дениел (Maclise Daniel) 79, 751
Маколей Томас Бабингтон (Macaulay Thomas Babington) 67, 68, 104, 610, 736
Маколей Захария (Macaulay Zackary) 328
Макри Тереза 436
Максимов Александр Гаврилович 178, 183
Максимов Иван 91
Максимов Михаил 432, 462
Максуэлл-Скотт Мэри Моника (Maxwell-Scott Mary Monica) 325
МакУайт Эойн (MacWhite Eoin) 15, 814, 815, 822
Макферсон Джеймс (Macpherson James) 6, 197
Малин М 100
Малмсбери Джеймс (Malmesbury James Harris) 451
Мальцев Василий Иванович 535, 805
Мальцева Т. 803
Мальцов Иван Сергеевич 379, 380, 391, 644
Малышев Всеволод Николаевич 377
Манген, аббат 459
Мандевиль Бернард (Mandeville) 37, 109
Манини Д. (Manini D.) 458, 459
Манн Юрий Владимирович 796
Мансурова Екатерина Александровна см.: Трубецкая Екатерина Александровна
Мануйлов Виктор Андроникович 570, 809, 824
Манцони Александро (Manzoni Alessandro) 349, 387
Манштейн Христофор (Manstein Christophor Hermann) 119
Маньяни (Magnani) 491
Марвелл Эндрю (Marvell Andrew) 17, 36, 42, 47, 64, 98, 99, 103
Мария Николаевна, великая княжна 796
Мария Стюарт (Mary Stuart) 77, 93, 187, 190, 191, 233, 234, 335, 336
Маркевич Николай Андреевич 458, 721, 722, 772, 776, 809, 810
Марков Алексей Владимирович 185
Марло Кристофер (Marlowe Christopher) 30
Мармонтель Жан Франсуа (Marmontel Jean François) 725
Марри Мидлтон (Murry John Middleton) 6
Марриет Фредерик (Marryat Frederick) 359, 764
Марстон Джон (Marston John) 30
Мартенс Федор Федорович 89
Мартин Бельский 101
Мартин, синьора (Martini) 482
Мартини Гарриет (Martineau Harriet) 598, 648
Марш Энтони (Marsh Anthony) 36
Маршалл Флоренс (Marshall Florence, Mrs Julian) 476; 557—559, 568, 570, 572, 573
Маршалл см.: Хилл Джордж
Маслов Василий Иванович 453, 457, 462, 809, 811
Масса Исаак (Massa Isaac) 94, 95
Масси мисс (Massy) 506
Массон Дэвид (Masson David) 40, 97, 96
Массон Карл (Masson Carl) 404
Матвеев Андрей Артамонович 60, 77, 103
Матвеев Артамон Сергеевич 60, 77
Маттисон Фридрих (Matthisson Friedrich von) 438, 439, 807
Матузова В. И. 90
Матюшкин Федор Федорович 186, 469, 511, 514—516, 563, 640
Махмуд 635, 637
Махмуд из Газны 679
Машковцев Николай Георгиевич 392
Маяковский Владимир Владимирович 9
Медведев Сильвестр (Семен Агафоникович) 46, 102
Медвин Томас (Medwin Thomas) 394, 408, 409, 412—414, 435, 447, 449, 457—459, 466, 479, 480, 487, 531, 555, 556, 567, 731, 816
Меджнис Артур (Magenis Arthur) 584, 643
Медокс Роман 790
Медоубенк Александр М. (Meadowbank Alexander M.) 330
Межевич Василий Степанович 720, 802
Межов Владимир Измайлович 560
Мейендорф А. 95
Мейендорф Александр Казимирович (Meyendorff A.) 247, 349—354, 388
Мейер, д-р 423
Мейербер Джакомо (Meyerbeer Giacomo) 498
Мейзенбург Мальвида (Meysenburg Malvida de) 5
Мельвилль Роберт (Melville Robert Saunders Dundas) 302, 303
Мельгунов Николай Александрович 638, 703
Мельдрум Д. (Meldrum D.) 392
Мельникова Наталья Николаевна 184
Меляев В. М. 185
Мендельсон-Бартольди Феликс (Mendels-

sohn-Bartholdy Jakob Ludwig Félix) 771
Меннинг Кларенс А. (Manning Clarence A.) 237
Меншиков Александр Данилович 87, 109
Мердер Карл Карлович 673, 795, 796
Мережковский Дмитрий Сергеевич 784
Мерзляков Алексей Федорович 159, 162, 164, 185, 207, 208, 213, 238, 239, 533, 657
Мери Леннарт (Meri Lennart) 640
Мерик Джон (Merick *om* Meyrick John) 38, 96
Мериме Проспер (Mérimée Prosper) 240, 292, 466, 562, 620, 652, 653, 811
Меркатор Герард (Mercator Gerhard) 48, 101, 102
Меркурьева Вера Дмитриевна 554
Меррей Джон (Murray John) 343, 398, 400, 418, 419, 438, 441, 458, 465, 468, 647, 654, 681, 732, 742 (Муррай), 743, 755—757
Меррей Чарлз (Murry Charles Fairfax) 474
Мерри Роберт (Merry Robert) 151
Местр Жозеф-Мари де (Maistre Joseph Marie de) 401, 452, 813
Местр Ксавье де (Maistre Xavier de) 813
Метакса Е. 418, 459
Метерлинк Морис (Maeterlinck Maurice) 787
Меттерних Клеменс (Metternich-Winneburg Clemens) 410, 415, 423, 424, 426, 430, 460, 461, 488
Метьюрин Чарлз Роберт (Maturin Charles Robert) 567
Меццофанти Джузеппе (Mezzofanti Giuseppe) 211, 239
Мешкова Ирина Васильевна 801
Мещерская Екатерина Николаевна 666, 742
Мещерский С. И. 582
Мещерский Элим Петрович 538, 569, 571
Мидаубанк см.: Медоубенк
Миддлтон Томас (Middleton Thomas) 30, 593
Микулин Григорий И. 33, 50—52
Миллар Дж. (Millar John) 130
Миллер, певица Miller 660
Миллер Всеволод Федорович 94
Миллер Герхард Фридрих (Miller Gerhard Friedrich) 436
Миллер Иоганн (Miller Johann) 464
Милль Джеймс (Mill James) 211, 219, 226
Милонов Михаил Васильевич 207, 238, 256, 375
Милонова Прасковья Петровна 375
Милорадович Михаил Андреевич, граф 269, 517, 518
Милославский Иван 60
Мильвуа Шарль Юбер (Millevoye Charles Hubert) 207, 238
Мильтон Джон (Milton John) 17, 36, 40, 42, 44, 45, 94, 96—98, 103, 111, 113, 169, 226, 350, 526, 594, 750
Милюков Павел Николаевич 245, 385
Минаев Дмитрий Дмитриевич 458, 777, 820, 821
Миницкий Степан Иванович 391
Минкина Настасья Федоровна 516
Минто Гилберт (Minto Gilbert Elliot) 336, 338, 343, 386
Минцлов Рудольф Иванович 95, 108, 109
Минчиаки Матвей Яковлевич 422, 429, 460, 461
Мирабо Оноре (Mirabeau Honoré Gabriel Riqueti) 457
Мирес Френсис 21
Миронов Н. 822
Миротворцев Б. 21, 91
Мирский Дмитрий Петрович (Mirsky) 97
Михаил Павлович, великий князь 189
Михаил Федорович (Романов) 52
Михайлов Андрей Дмитриевич 653
Михайлов Михаил Ларионович 776, 777, 816, 817, 821
Мицкевич Адам (Mickiewicz Adam) 241, 390, 540, 543, 550, 569, 606, 610, 649, 722, 724, 726, 735, 753, 762, 764, 814, 820
Мичатек Н. 656
Могилянский Александр Петрович 813
Модзалевский Борис Львович 174, 243, 381, 388, 405, 455, 458, 466, 558, 573, 607, 642, 645, 648—650, 725, 793, 794, 803, 806, 807, 811, 816, 917
Модзалевский Вадим Львович 571
Моисеева Галина Николаевна 105
Моисеева М. 456
Молесуорт Уильям (Molesworth William) 211
Молчанов 560
Молчанова 506
Мольер (Molière (Poquelin Jean-Baptiste) 66, 104, 116, 448, 495
Монкс, капитан (Monks) 159
Моннерон (Monneron) 623
Монталамбер Шарль (Montalembert Charles Forbes de Tryon) 458
Монтень Мишель де (Montaigne Michel de) 715
Монтес Лола (Montez Lola) 794, 795
Монтескьё Шарль (Montesquien Charles Louis de Secondet) 110, 117, 168
Монтихо, г-жа 652
Монфокон Бернард (Montfaucon Bernard) 446
Мопассан Ги де (Maupassant Guy de) 7
Мор Томас (More Thomas) 169
Морган (Morgan, lady Sidney) 335
Морган Д. (Morgan D.) 90, 91
Моргенштерн Карл (Morgenstern Karl) 240
Мордвинов Николай Семенович 201, 233, 236
Мордовченко Николай Иванович 375
Морозов Борис Иванович 102
Морошкин Михаил Яковлевич 391
Морошкин Федор Лукич 642
Моррит (Морри) Джон (Morritt John Bacon Sawrey) 254, 342, 345, 374, 387
Мортон Эдуард (Morton Edward) 5, 580, 588, 641, 645
Морфилл Уильям Р. (Morfill William R.) 93, 240, 650
Морьер Джеймс (Morier James) 576, 639
Мотте Пьер (Motteux Pierre) 106
Моттли Джон (Mottley John) 68, 105, 172
Моцарт Вольфганг Амадей (Mozart Wolfgang Amadeus) 166, 561
Мошковская Юлия Яковлевна 177
Мстислав Всеволодович 90
Музалевский Владимир Ильич 185, 561, 562
Муканна (Хашим ибн Хаким) 670, 671, 795
Мур Анастазиа (Moore Anastasia) 752, 817
Мур Грэхем (Moore Graham) 420
Мур Джон (Moore John) 747, 749, 816
Мур Томас (Moore Thomas) 10, 15, 165, 218,

265, 376, 395, 398, 400, 427, 435, 441, 442, 444, 451, 454, 455, 458, 466, 527, 528, 608, 612, 657—824
Муравьев Михаил Никитич 110—114, 133, 150, 169, 176, 207, 213, 243
Муравьев Никита Михайлович 505, 560
Муравьев Н. Н. 564
Муравьев-Апостол Иван Матвеевич 525, 545, 565, 572
Муравьев-Апостол Ипполит Иванович 565
Муравьев-Апостол Сергей Иванович 715, 807
Муравьева Александра Григорьевна 564
Муравьева-Апостол Екатерина Федоровна 525, 565
Муррай Георгий (Murray George) 328, 343
Мурьянов Михаил Федорович 90
Мусин-Пушкин Алексей Семенович 139, 170
Мусин-Пушкин Василий Валентинович 541
Мусина-Пушкина-Брюс Екатерина Яковлевна 541, 570
Муханов В. А. 457
Муханов Николай Алексеевич 290, 380
Муханов Петр Александрович 584
Мушель 334
Мыльников Александр Сергеевич 235
Мьеж Ги (Miège Guy) 98, 99, 103
Мьюир Генри (Muir Henry) 422
Мэггс (Maggs Brothers) 460
Мэнли Р. (Manley R.) 40, 97
Мюллер Отфрид (Müller Gottfried) 546
Мюллер Фридрих (Müller Friedrich von) 455, 456, 539
Мюллер-Кочеткова Татьяна Вольфовна 812
Мюссе Альфред де (Musset Alfred de) 500, 774

Набоков Владимир Владимирович 642
Навои Алишер 801
Надлер Василий Карлович 373, 460
Назаревский Андрей Васильевич 145
Най Осип (Neagh Joseph) 105
Найтингейл Люк (Nightingale Luke) 58
Напир М. (Napier Macvey) 343
Наполеон I Бонапарт (Napoleon I Bonaparte) 12, 147, 148, 159, 167, 181, 247—250, 252, 259, 266, 267, 276, 289—291, 302, 303, 329, 332, 334, 346, 347, 366, 372, 373, 376—381, 392, 394, 401—404, 440, 441, 445, 452—454, 485, 497, 525, 533, 591, 638, 706, 745, 746, 748, 752, 754, 756, 812, 816
Наполеон III (Napoleon III) 466
Направник Эдуард Францевич 823
Наранци Д. (Naranzi D.) 394, 412, 414, 459
Нарышкин Лев Александрович 804
Нарышкин Михаил Михайлович 518, 564
Нарышкин Федор Полуэктович 77
Нарышкина (Коновницына) Елизавета Петровна 564
Нарышкина Мария Васильевна см.: Бальмен Мария Васильевна
Наталья Кирилловна, царица 77
Неведомский Василий Николаевич 798
Неверов Януарий Михайлович 703, 805
Негруцци Костака (Negruzzi Costache) 436, 464
Нейман М. (Neumann M.) 791
Некрасов Николай Алексеевич 6, 380, 816
Некрасова Екатерина Алексеевна 175
Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович 158, 159, 164, 192, 204, 207, 237—239
Неллер Годфри (Kneller Godfrey) 57, 75, 121
Нельторп Эдуард (Nelthorpe Edward) 99
Немцевич Юлиан Урсын (Niemcewicz Julian Ursyn) 241, 814
Неофит 390
Непея Осип Григорьевич 18, 19, 90, 91
Нерадовский Петр Иванович 365
Нерлих Ф. 186
Нерон (Nero Lucius Domitius) 454, 518
Нессельроде Карл Васильевич (Nesselrode Karl) 410—412, 414—416, 420—424, 426, 427, 430, 459—462, 648
Неупокоева Ирина Григорьевна 567
Нечаева Вера Степановна 385, 460, 464, 465, 562, 643, 812
Ниавулис (Niavulis) 420
Нидхэм (Niedham) 584
Низами Ганджеви 801
Никитенко Александр Васильевич 380, 649, 655, 724, 811
Никитин Василий Никитич 114, 170
Никитина Л. А. 93, 101
Никифоров Л. А. 108
Николай I 189, 229, 232, 246, 266, 267, 307, 327, 328, 350, 352, 377, 439, 453, 458, 516, 518, 521, 542, 588, 600, 644, 658, 660, 662, 791, 817
Николай Михайлович, великий князь 380, 461
Никольская Людмила Ильинична 816
Никольский Андрей Дмитриевич 573
Николюкин Александр Николаевич 458, 817
Никон, патриарх 48
Нил Джон (Neal John) 220
Нимейер Христиан (Niemeyer Christian) 217, 243
Новиков Иван Петрович 514
Новиков А. 377
Новиков Николай Иванович 132, 133, 163, 176
Новиков П. А. 432, 462
Новикова (Киреева) Ольга Алексеевна 514, 552, 563, 566
Новосельцева Екатерина Васильевна 525
Новосильцов Николай Николаевич, граф 496
Нодье Шарль (Nodier Charles) 452, 728, 799, 811
Нокс Роберт (Knox Robert) 292
Нокс Александр (Knox Alexander) 551, 552
Нокс (Клермонт) Клара (Knox (Clairmont) Claire) 551, 552
Нольман Михаил Лазаревич 801
Норманби см.: Фипс К.
Норов Василий Сергеевич 518
Норт Кристофер см.: Вильсон Джон
Нортбрук Джон (Northbrook John) 69
Носов Иван Сергеевич 170
Ныркова В. 771, 820
Ньюмарч Роза (Newmarch Rose) 6
Ньюмен Генри Родерико (Newman Henry Roderick) 474
Ньютон Генри С. (Newton Henry S.) 249
Ньютон Исаак (Newton Isaac) 100, 109, 402
Нэпп Уильям (Knapp William) 590, 622, 623, 628, 629, 646—649, 651, 653, 654
Нэш Томас (Nashe Thomas) 31, 93
Нюруп Расмус (Nyerup Rasmus) 200, 236

Ободовский Платон Григорьевич 561, 657, 708, 710, 711, 806

Обольянинов Николай Александрович 391
Огарев Николай Платонович 554
Огюст Август Леонтьевич 168
Огер (Гоггер) Василий Данилович (Hauguer или Haugguères Wilhelm) 388
Огер (Гоггер) Елизавета Васильевна (Hauguer, Haugguères) 388
Одоевская Ольга Степановна 356
Одоевский Александр Иванович 356, 695, 716, 802, 807
Одоевский Владимир Федорович 230, 356, 389, 464, 514, 518, 529, 535, 562, 567, 570, 572, 604, 649, 655, 717, 728, 729, 807, 812, 828
Одынец Антон Эдуард (Odynec Anton Eduard) 735, 814
Озеров Владислав Александрович 197
Озерский Аникита Дмитриевич 808
Озноби шин Дмитрий Петрович 657, 686, 705, 708, 717—719, 800, 802, 806—808
Оксман Юлиан Григорьевич 379, 457, 458, 462, 645, 797, 804
Олдри ж Джеймс (Aldridge James) 9
Олеарий Адам (Olearius Adam)
Оленин Алексей Алексеевич 247, 260, 262—264, 376
Оленин Алексей Николаевич 262, 657
Оленин Петр Алексеевич 376
Оленина Анна (Аннет) Алексеевна 584, 585, 644
Оленины 584
Оливье Лоренс (Olivier Lawrence) 8
Олин Валериан Николаевич 712, 723, 724, 810
Олкок Томас (Alcock Thomas) 20
Оллиер Чарлз (Ollier Charles) 477, 479
Олсуфьев Василий Дмитриевич 564
Олсуфьевы 519, 564
Ольга Николаевна, великая княжна 796
Ольдекоп Евстафий (Август) Иванович 220, 244
Ольденбург Генрих (Oldenburg Henry) 44, 45
Ольденбург Сергей Федорович 100, 389, 651
Ольферс Игнац фон (Olfers Ignaz von) 794
Онегин-Отто Александр Федорович (Onègin Alexandre) 792
Опульская Лидия Дмитриевна 452
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич 56, 102
Орландини (Orlandini) 482
Орлов Александр Иванович 467
Орлов Александр Сергеевич 91, 185, 389, 652
Орлов Владимир Григорьевич 265, 306, 309, 312, 322, 325, 351, 377, 381, 383—385, 733
Орлов Владимир Николаевич 378, 379, 467, 802, 811
Орлов Григорий Владимирович 221, 244, 295, 298, 312, 315, 468, 734, 765, 813
Орлов Григорий Григорьевич 404
Орлов Иван Михайлович 77
Орлов Михаил Федорович 525
Орлов Николай Михайлович 656
Орлов Серафим Андреевич 378, 381
Орлова Екатерина Николаевна 525
Орловы 525, 528
Орлов-Давыдов Владимир Петрович см.: Давыдов Владимир Петрович
Орловская Наталья Константиновна 815
Орловский Александр Осипович 279
Орсини Вирджинио, герцог Браччьяно (Orsini Virginio duc Bracciano) 52
Ортелиус Абрахам (Ortelius Abraham) 48, 102
Осборн Э. А. (Osborne E. A.) 230, 237, 246, 390, 800
д'Оссе Шарль-Лемерсье де Лонпре (d'Haussez Charles Lemercier de Longpré) 370. 393
Оссиан (Ossian) 196, 197, 221
Остен-Сакен Фабиан Вильгельмович 517
Остерман, графиня 511
Остерман Иван Андреевич 159, 184
Остерман-Толстой Александр Иванович 455
Островский Христиан (Ostrowsky Christian) 804, 814
Отли, брат и сестра (Otley) 346
Отто Фридрих (Otto Friedrich) 655
Оуенсон, певица (Owenson) 709
Охтере (Ohthere) 21, 89
Очандо де ла Банда (Ochando de la Banda) 624, 627
Очкин Амплий Николаевич 380, 689, 709—711, 717

Павел I 140, 141, 172, 178, 184, 207, 399, 400, 486, 494, 574
Павлов Николай Филиппович 230, 469, 511, 512, 525, 526, 562, 565, 566
Павлова (Яниш) Каролина Карловна 469, 489, 511, 512, 540, 557, 562, 762, 767, 777, 819
Пайман Аврил (Pyman Avril) 8
Паллас Петр-Симон (Pallas Peter Simon) 142
Пальмин Лиодор Иванович 803
Пальшау Иоганн-Готфрид (Palschau Johann Gottfried) 166
Панаев Иван Иванович 562, 643, 810
Паркер друг Тербервиля (Parker) 26
Паркер У. М. (Parker W. M.) 270, 336, 381 386
Паркс Дж. Б. (Parks G. B.) 97
Парни Эварист (Parny Evariste Désiré de Forges) 701, 774, 790, 807
Парри Уильям (Parry William) 427, 461, 731
Партингтон Уилфрид (Partington Wilfred) 270
Партридж Моника (Partridge Monika) 372, 805
Пасенко В. 372
Паскаль Блез (Pascal Blaise) 499
Паскевич Иван Федорович 283, 289
Пассек Вадим Васильевич 183
Пассек Татьяна Петровна 183
Паткуль И. Р. (Patkul Iohann Reinhold) 82, 108
Паттерсон (Patterson) 654
Паузе (Паус) Иоганн Вернер 74, 76
Паулович Константин Павлович 178
Паустовский Константин Георгиевич 794
Пауэр У. (Power W.) 758, 806
Пашков В. А. 520
Пашуто Владимир Терентьевич 90, 642
Пейджет Уильям (Paget William) 88
Пейнтер Уильям (Painter William) 93, 94
Пекарский Петр Петрович 91, 103, 105, 107, 108, 172, 177
Пекелис Михаил Самойлович 185
Пельтцер А. А. 107

Пемброк Вильям Герберт (Pembroke William Herbert) 38
Пемброк Герберт (Pembroke Herbert) 131, 643
Пемброк Джордж (Pembroke George Augustus Herbert) 255, 305, 374, 813
Пемброк, леди см.: Воронцова Екатерина Семеновна
Пемброк Сидней Герберт (Pembroke Sidney Herbert) 643, 813
Пенчко Н. 170
Перигор (Périgord de) 814
Периш (Париш), гувернантка (Parish) 520, 521, 565
Перкульева 506
Перпер Мира Иосифовна 10, 645
Перри Джон (Perry John) 67, 68, 72, 83, 86, 87, 105, 172
Перро Шарль (Perrault Charles) 597
Перси (Percy) 252
Перси Томас (Percy Thomas) 532, 569
Перцов Петр Петрович 784, 785, 824
Пёрчас Сэмюэль (Purchas Samuel) 38, 94, 96, 97
Песталоцци Иоганн Генрих (Pestallozzi Johann Henrich) 436
Пестель Павел Иванович 460, 563
Петефи Шандор (Petőfi Sandor) 240
Петлин Иван 38, 42, 96
Петр I 17, 66—68, 70—89, 103—110, 114, 118, 119, 127, 136, 137, 144, 146, 170, 172, 174, 180, 372, 404, 408, 455
Петр III 400
Петрарка Франческо (Petrarca Francesco) 22, 100, 532
Петров В. А. 102
Петров Василий Петрович 110—114, 126, 148, 149, 169, 179, 207, 243
Петров Дмитрий Константинович 817
Петров Николай Иванович 183
Петров Ясон (Язон) Васильевич 149, 181
Петрово-Соловово Анна Григорьевна 555
Петряев Евгений Дмитриевич 450, 467, 468
Пецольд Август (Pezold Augustus Georg Wilhelm) 199
Пикок Томас Лав (Peacock Thomas Love) 500, 573
Пиксанов Николай Кирьякович 233,802,803
Пикте Адольф (Pictet Adolphe) 438
Пилланс Джеймс (Pillans James) 314, 315, 343
Пинкертон Джон (Pinkerton John) 156, 157, 183, 654
Пинкертон Роберт (Pinkerton Robert) 805
Пипс Сэмюэль (Pepys Samuel) 104
Пирпонт Джон (Pierpont John) 203
Писемский Алексей Феофилактович 7
Писемский Федор Андреевич 32, 50, 77
Питт Уильям (Pitt William) 302—304, 383
Питт Вильям (младший) (Pitt William junior) 585
Пишо (Pichot) 376
Пишо Амедей (Pichot Amédée) 690, 791, 801, 815
Плаксин Василий Тимофеевич 808
Платов Матвей Иванович 247, 250—254, 257, 259, 261, 268, 288, 373, 374, 395
Платова («мисс Платов») 252, 259
Платон (Plato) 448, 499, 500, 675, 776
Платонов Сергей Федорович 74, 76, 106
Плетнев Петр Александорович 196, 235, 291, 380, 656, 710, 753, 767, 800, 806, 813, 819, 820
Плещеев Алексей Николаевич 105, 657, 778, 779, 822
Плещеев Михаил Иванович 177, 178
Плещеев Сергей Иванович 110, 120, 136, 137, 140—143, 177, 178
Плюшар Александр Александрович 529, 629, 655, 806
По Эдгар Аллан (Poe Edgar Allan) 785—787, 824
Погодин Михаил Петрович 90, 180, 372, 380, 381, 392, 447, 466, 500, 507, 535, 536, 540, 543, 544, 546, 559, 561, 563, 565, 567, 568, 571, 572, 604, 649, 693, 717, 816
Подолинский Андрей Иванович 657, 675, 688, 691—693, 776, 801
Подолянин В. 100
Подшивалов Василий Сергеевич 230, 532
Пожарский А. К. 376
Пожарский Яков Осипович 294
Пойль Ж. К. (Poel *or* Poyle) 110, 150, 157—159, 183, 184
Покровский П. 233
Покровский Ф. И. 96
Полвел (Полвель) Ричард (Polwhele Richard) 370, 393
Полевой Ксенофонт Алексеевич 380, 726, 727, 753, 801, 811, 817
Полевой Николай Алексеевич 322, 357, 380, 389, 492, 513, 520, 540, 557, 562, 569, 640, 692, 693, 705, 721, 723, 726, 748, 801, 807, 808, 810, 811
Полевые, братья 571
Полетаев Александр Иванович 657, 675, 695, 802
Полетика Петр Иванович 247, 254, 255, 377, 581
Поливанов Лев Иванович 650
Полидори Джон Вильям (Polidori John William) 437, 438, 540, 541, 569, 570
Полихрони Калипсо 436, 463, 464
Поло Марко (Polo Marco) 697
Полонский Я. Б. 392
Полонский Яков Петрович 565
Полторацкая (Киндякова) Марья Петровна 519
Полторацкий Сергей Дмитриевич 180, 182, 245, 380, 519, 520, 535, 645, 730, 812
Полуденский Михаил Петрович 97
Поль Р. Б. (Paul R. B.) 580, 641
Поляков Марк Яковлевич 822
Полянская Анна Александровна 388
Померанцева 512
Померанцева Эрна Васильевна 651
Помиан-Пезоровиус Павел Павлович 600, 648
Пономарев Степан Иванович 182
Поп Александр (Pope Alexander) 88, 100, 111, 113, 159, 169, 526
Попов А. А. 779
Попов Андрей Николаевич 94
Попов Василий Михайлович 600, 648
Попова Е. И. 556
Попова О. И. 385, 642
Порошин Семен Андреевич 170
Портер Джейн (Porter Jane) 158, 334, 337,389
Портер Мэри (Porter Mary) 158
Портер Роберт Кер (Porter Robert Ker) 158, 221, 251, 253, 255, 265, 305
Поршнев Борис Федорович 100, 103
Посников Захар Николаевич 148, 149, 191, 468, 479, 492—496, 513, 516, 518, 519, 557, 564

Посников Иван Захарович 495—497, 558
Посникова (Архарова) Марья Ивановна 494—496, 499, 501, 506, 516—519, 521, 563
Посникова София Захаровна (Дуня) 497, 511, 519, 523, 562
Посниковы 493—499, 501, 506—508, 511—514, 516—519, 521, 523, 525, 536, 549, 562, 563
Поссевино Антонио (Possevino Antonio) 93
Поссельт Мориц (Posselt Moriz) 66, 104—106
Потемкин Григорий Александрович 113, 126, 404
Потемкин Петр Иванович 57, 66, 104
Потемкин Сергей Павлович 656
Потемкина (Трубецкая) Елизавета Петровна 656
Потемкина Татьяна Борисовна 656
Потт Август Фридрих (Pott August Friedrich) 618, 619, 652
Потте 630, 634
Поццо ди Борго Карл Осипович (Pozzo di Borgo Carl) 354, 355, 366, 386, 392, 707
Прадт Доминик Дюфур де (Pradt Dominique Dufour de) 220, 244
Праиди Георгий (Praidis Giorgios) 430
Прач Иван (Pratsch Johann Gottfried) 163, 166, 185, 239
Предтеченский Анатолий Васильевич 108, 109, 452
Пресняков Александр Евгеньевич 91
Прийма Федор Яковлевич 177, 564
Прингль Джон (Pringle John) 262, 263, 314—316
Принн Уильям (Prynne William) 69
Пристли Джон (Priestley John) 8
Проби Елизавета (Proby Elisabeth) 401
Прозоровский А. 102, 104
Прокопий Кесарийский (Procopius) 94
Прокопович Николай Яковлевич 368, 392
Проктер Б. У. см.: Корнуол Барри
Протасова Анна Степановна 404
Протасова Екатерина Афанасьевна 791
Протеро Роланд Э. (Prothero Roland E.) 398, 451, 460, 464, 815
Протопопов Александр Павлович 652
псевдо-Аристотель 37—38
Пугачев Владимир Владимирович 451
Пугачев Емельян Иванович 811
Пумпянский Лев Васильевич 645
Путята Николай Васильевич 604
Пучкова Екатерина Наумовна 256
Пушкин Александр Сергеевич 5, 11, 118, 159, 174, 179, 187, 210, 213—215, 219, 221—230, 237—239, 243—247, 256, 268, 271, 274, 275, 284, 288, 289, 291, 292, 308, 322, 326, 329, 347, 348, 350, 352, 355—357, 363, 368, 377, 379—381, 386, 387, 389, 390, 394, 396—398, 405, 407, 408, 411, 413, 416, 425, 431, 434—436, 439, 446, 448, 451, 454—460, 463—466, 469, 473, 482, 484, 487, 489, 496, 505, 509—514, 517—520, 530, 534, 535, 541, 549, 553, 555—558, 561—565, 568—570, 572—574, 580—591, 601—616, 618—620, 622, 625—630, 633, 638, 641—646, 649, 650, 652—657, 667, 675, 677, 678, 690, 691, 693, 695, 700, 701, 703, 707, 708, 717, 724, 725, 727, 729, 732, 735, 742, 754—748, 750, 752—757, 761, 762, 764—766, 777, 790, 792, 794—797, 799, 801—807, 811, 812, 815—817, 819, 820
Пушкин Василий Львович 484, 513, 525, 562, 753
Пушкин Лев Сергеевич 513, 563
Пушкин Сергей Львович 656
Пушкина Анна Юрьевна 483
Пушкина Надежда Осиповна 557
Пушкина (Гончарова) Наталья Николаевна 463
Пущин Иван Иванович 468, 511—513, 515—517, 562, 564
Пущин Михаил Иванович 462
Пыляев Михаил Иванович 557, 560
Пыпин Александр Николаевич 181, 233, 453, 647, 648
Пьеро, переводчик 598
Пьяцци-Смит К (Piazzi-Smith K.) 218, 234, 243
Пэт Артур (Pet Arthur) 21
Пятковский П. А. 572

Р-ва Зенеида (Ган Елена Андреевна) 557, 803
Рабек Кнуд Люне (Rahbek Knud Lyne) 236
Рабле Франсуа (Rabelais François) 100
Радзивилл Елена 674
Радзивилл Луиза 661
Радзивилл 792
Радищев Александр Николаевич 132, 493, 494, 557
Радклиф Анна (Radcliffe Ann) 159
Радовский Моисей Израилевич 100, 109
Раевская Анна Михайловна 565
Раевская (Киндякова) Екатерина Петровна 519
Раевская Мария Николаевна 516, 563
Раевские 388
Раевский Александр Николаевич 519, 645
Раевский Владимир Федорович 244, 678, 679, 797
Раевский Николай Николаевич (отец) 581, 582
Раевский Николай Николаевич (сын) 464, 582
Разгильдеев А. И. 449
Разумовский Алексей Кириллович 525
Раич Семен Егорович 717, 721
Райт Герберт (Wright Herbert) 647
Райт Томас (Wright Thomas) 5
Рак Вадим Дмитриевич 184, 467
Рамазанов Николай Александрович 367, 392
Рамбур Шарлотта (Rambour Charlotte) 495
Рамлер Карл Вильгельм (Ramler Karl Wilhelm) 532
Рандольф Томас (Randolph Thomas) 23, 24, 28, 92, 98
Рапп Мориц (Rapp Karl Moriz) 93
Расин Жан (Racine Jean) 176, 495, 506, 560
Раск Расмус (Rask Rasmus Christian) 201, 236
Рассел Вильям (Russell William) 792
Рассел Джон (Russel John) 681, 791, 792, 812, 813
Раули Уильям (Rowley William) 593
Раупах Эрист (Raupach Ernst) 202, 236
Рафаэль Санти (Raphael, Rafaelo Santi) 159, 804
Рачинские 822
Реберн Генри (Raeburn Henry) 278, 378
Редкин Аполлон Михайлович 723, 724, 819
Редкин Петр Григорьевич 567, 774
Резанов Владимир Иванович 558, 568

Резанов Николай Петрович 485
Реизов Борис Георгиевич 388
Рейдгхлер 157
Рейкс Томас (Raikes Thomas) 5, 574, 580, 585—588, 641, 644
Рейнольдс Джошуа (Reynolds Joshua) 124, 158
Рейхардт Иоанн Фридрих (Reichardt Johann Freidrich) 160, 184
Рейхенбах Йоганн (Reichenbach Johann Friedrich Jacob) 526
Рекамье Юлия-Аделаида (Recamier Jeanne Françoise Julie Adélaide) 444, 445, 736
Рембрандт Гарменс ван Рейн (Rembrandt Harmenszoon Van Ryn) 386
Ременникова Юлия Сергеевна 22, 91
Рен Кристофер (Wren Christopher) 72
Ренофанц Иван Михайлович 638
Ренуар А. А. (Renouard A. A.) 503
Ренуар Антуан-Августин (Renoir Antoine-Augustin) 704
Ренуар Франсуа (Raynouard François) 197, 235
Репнина Варвара Николаевна 555
Реформатский Александр Александрович 15
Ржевская Прасковья Степановна см.: Урусова Прасковья Степановна
Ржига Вячеслав Федорович 94
Рид Томас (Reid Thomas) 254, 374
Риман Гуго 823
Римская-Корсакова Екатерина Александровна см.: Архарова Екатерина Александровна
Римский-Корсаков Николай Андреевич 782
Рис Фердинанд (Ries Ferdinand) 561
Риттер (Ritter Karl) 201, 236
Рихтер Иоганн-Готфрид (Richter Johann Gottfried) 150, 152, 153, 182
Ричардсон Уильям (Richardson William) 110, 120, 130, 175
Ричардсон Джон (Richardson John) 694, 692
Ричи Лич (Ritchie Leitch) 578, 605, 607, 615, 617, 640
Ришелье Эммануил Осипович (Richelieu Armand Emmanuel) 642
Роббинс Каролина (Robbins Caroline) 99
Робертсон Вильям (Robertson William) 115, 157, 170, 171, 622
Робертсон Лоррен (Robertson Lorraine) 478, 554
Робеспьер Максимилиан (Robespierre Maximilien) 731
Робинсон (Robinson) 240
Робинсон Андрей Николаевич 105
Ровинский Дмитрий Александрович 246, 735, 813
Рогинский Арсений Борисович 804
Рогинский Зиновий Иосифович 53, 62, 102, 103
Рогожин Владимир Николаевич 16, 181—182
Роденбах Жорж (Rodenbacb Georges) 787
Роденберг Юлиус (Rodenberg Julius) 781, 823, 824
Роджерс Сэмюэл (Rogers Samuel) 442, 444, 527, 735
Родзевич Игнатий Игнатьевич 816
Родзевич Сергей Иванович 805
Рожалин Николай Матвеевич 469, 513, 518, 521, 532, 534—548, 563, 568—572
Розбери (Rosebery) 772
Розен Егор Федорович, барон 804
Розова Зоя (Rozov Zoë) 289, 379
Роккиджани Антонио (Rocchigianni Antonio) 534
Ролан Манон (Roland Marie-Jeanne dite Manon) 498
Роллс Генри (Rolls Henry) 161, 372
Рольстон Вильям (Ralston William R.) 6, 168, 231, 651
Роммел Христиан (Rommel Christian von) 639
Ропс 656
Россетти Данте Габриэль (Rossetti Dante Gabriel) 817
Россини Джоаккино (Rossini Gioacchino Antonio) 500, 559, 561
Ростопчин Андрей Федорович 522, 529
Ростопчин Федор Васильевич 178, 292, 440
Ростопчина (Сушкова) Евдокия Петровна 522, 616, 652
Росциус И. 95
Ротшильд М. А. (Rotschild M. A.) 452
Ротштейн Э. 109
Рочфорт Генриетта (Rochfort Henriette) 480
Рош Гамильтон (Roche Hamilton) 155
Рубенс Питер Пауль (Rubens Pieter Paul) 334, 796
Рубер Вера 640
Рубинштейн Антон Григорьевич 657, 780—782, 788, 789, 823, 824
Руми Джордж Карл (Rumy George Carl) 242
Руммель Василий Владимирович (Витольд Владиславович) 467
Румянцев Николай Петрович, граф 242
Рунич Дмитрий Павлович 183, 409, 489, 556
Руперт Вильгельм Яковлевич 649
Руссель Вильям (Russell William) 95
Руссо Жан-Жак (Rousseau Jean-Jacques) 322, 457, 729
Рыбаков Г. С. 648
Рылеев Кондратий Федорович 223, 228, 231, 244, 245, 431—433, 462, 678, 715, 731, 793, 797
Рэксолл Натаниэл (Wraxall Nathaniel) 110, 120, 129, 130, 175
Рэмбл Рейфорд (Ramble Rayford) 580, 641
Рюккерт Фридрих (Rückert Friedrich) 674
Рябинин-Скляревский Александр Александрович 642

Саади 690, 691, 696, 801
Саблуков Николай Александрович 146, 181
Сабуров Андрей Александрович 386
Савин Александр Николаевич 104
Савицкий А. 705, 805
Саводник Владимир Федорович 405, 794
Савченко Стефан Владимирович 238, 651
Сазонов Константин 587
Саитов Владимир Иванович 181, 379, 571
Саймондс Джон Аддингтон (Symonds John Addington) 92
Сакулин Павел Никитич 464, 567, 572, 807
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 7
Сальво Карло (Salvo Carlo di) 435, 463
Самарин Юрий Федорович 242
Самусь Василий Максимович 783

Санд Жорж (Sand George=Dudevant Aurore) 452
Сандерс Андрей Осипович 246
Сандерс Вильям Генри (Saunders William Henry) 187, 230—232, 246
Сандерсон Ричард (Sanderson Richard) 576, 577, 640
Сандрини Антонио (Sandrini Antonio) 420—423, 427—430, 460—462
Сандунова Елизавета Семеновна 164, 208
Саруханян Алла Петровна 806
Саут Маргарет (South Margaret) 555
Саутгемптон Генри (Southampton Henry) 51
Саути Роберт (Southey Robert) 254, 328, 336, 357, 372, 388, 405, 426 (Сутей), 453, 527, 595, 646, 717, 727 (Сутей), 795, 808
Сафо (Сапфо) (Sappho) 256
Сафонов Василий Ильич 788
Сахаров Иван Петрович 103, 651
Саянов Виссарион Михайлович 379
Сбоев Н. 553
Сван Г. (Swan-Watson H.) 650
Сван Уильям (Swan William) 598, 601, 648, 649
Свербеев Дмитрий Николаевич 264, 373, 376, 386, 388, 364, 489, 525, 556, 560, 565
Сверчков Алексей Васильевич 412—414, 458, 487, 556
Свечин Павел 148
Свечина София Петровна 705
Свиньин Павел Петрович 168, 186, 203, 205, 213, 215, 248, 252, 259, 373, 452, 685, 800, 819
Свистунова М. 389
Свифт Джонатан (Swift Jonathan) 17, 67, 81, 82, 108, 114, 169, 178
Сгриччи Томмазо (Sgricci Tommaso) 480—482, 555
Северин Дмитрий Петрович 247, 254, 255, 374, 377, 581
Селинов Валентин Иванович 460, 462
Семевский Василий Иванович 460
Семевский Михаил Иванович 107
Семен Август 800
Семенников Владимир Петрович 557
Семенов Леонид Петрович 642
Семенов Николай Петрович 375
Семенов П. Н. 452, 453
Семенов Петр Петрович 557
Сенковский Осип Иванович 359, 576, 578, 639, 640, 800, 808
Сент-Альбанс, герцог 334 (Saint-Albans) 334
Сент-Бёв Шарль Огюстен (Sainte Beuve Charles Augustin) 238, 815
Сенто 104
Сенци Миклош (Szenczi Miklós) 97
Сербинович Константин Степанович 815
Сервантес Сааведра Мигель де (Servantes Saavedra Miguel de) 66, 116, 615, 619
Середонин Сергей Михайлович 90, 92
Серов Александр Николаевич 771, 780, 820, 822
Серчевский Евграф 813
Сиббер Колли (Cibber Colley) 69, 72, 74
Сивков К. В. 170
Сидней Филипп (Sidney Philip) 17, 20, 22, 23, 34, 91, 92
Силов Галактион Иванович 111, 169
Силсби Адуард (Silsby Edward) 473, 474, 477
Сильвестр Эсперанс (Sylvestre Esperance) 538, 569
Симеон Полоцкий 46, 70, 101
Симкинсон (Simkinson) 20
Симмонс Джон (Simmons John) 15, 96, 173
Симмонс Эрнест (Simmons Ernest) 376, 390, 436, 457, 464
Симони Павел Константинович 92, 94
Симпсон (Simpson) 594
Симонова, актриса 513
Симоновская Л. В. 649
Синклер Джон (Sinclair John) 143, 180, 353, 354
Синявский Николай Александрович 561, 562, 816, 817, 819
Сиповский Василий Васильевич 381
Сисмонди Жан-Шарль-Леонард (Sismondi Jean Charles Léonard) 800
Скайлер Юджин (Евгений) (Schuyler Eugene) 455
Скарятина 555
Скачков Петр Емельянович 647, 655
Скин Джеймс (Skene James) 382
Скиннер (Skinner) 335
Скиннер Маргарет (Skinner Margaret) 334, 335
Склабовский А. 244
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич 34, 94
Скородумов Гаврила Иванович 117, 119, 131, 143, 175, 735
Скотт, капитан (Scott) 417
Скотт Анна (Scott Anne) 300, 301, 304, 313, 314, 341, 366, 369, 370, 381, 382, 384
Скотт Вальтер (Scott Walter) 10, 12, 73, 77, 107, 158, 184, 218, 224, 245, 247—393, 395, 418, 443, 452, 453, 459, 484, 523, 527, 528, 566, 578, 581, 593, 595, 615, 658, 704, 710, 718, 727, 730, 733—735, 739, 743, 744, 748, 754, 765, 772, 779, 790, 791, 795, 807, 814, 815, 820
Скотт Вальтер (сын) (Scott Walter (son)) 274, 311
Скотт Чарльз (Scott Charles) 322, 384
Скотт Шарлотта (Scott Charlotte) 263, 266, 273, 277, 278, 300, 304, 369
Слоан, гувернер (Sloan) 480—482, 582, 643
Словацкий Юлиуш (Słowacki Juliusz) 814
Слонимский Юрий Иосифович 186
Слуховский Михаил Иванович 96
Смирдин Александр Филиппович 375, 572, 652
Смиренский Борис Викторович 561
Смирнов Иван Яковлевич 145, 180, 209, 239
Смирнов Николай 170
Смирнов Николай Михайлович 584, 643
Смирнов П. П. 102
Смирнов Яков Иванович 110, 120, 140—146, 149, 158, 177—181, 209, 239, 242, 375
Смирнов-Сокольский Николай Павлович 244, 822
Смирнова Е. И. 467
Смирнова Софья Михайловна 797
Смирнова-Россет Александра Осиповна 375, 458, 797
Смирной Н. Ф. 373
Смит (Smith) 168
Смит Адам (Smith Adam) 114, 115, 130, 169—171, 189

Смит Амброз (Smith Ambrose) 593
Смит Горейшио (Smith Horatio) 372
Смит Джон (Smith John) 95
Смит Джон Харрингтон (Smith John Harrington) 554
Смит Сидней (Smith Sydney) 328, 385, 741, 806
Смит Томас (Smith Thomas) 21, 33, 91, 93, 98, 102
Смит Феден 593
Смолл Г. А. (Small H. A.) 816
Смоллет Тобайас (Smollett Tobias) 110, 114, 118, 119, 172
Смольянинов Владимир Николаевич 466
Снегирев Иван Михайлович 565, 567
Снегирев Леонтий Александрович 806
Снытко Трифон Галактионович 807
Собесский Ян (Sobieski Jan) 42
Соболевский Алексей Иванович 64, 101, 103, 108
Соболевский Сергей Александрович 352, 380, 388, 447, 466, 469, 511, 513, 535, 540, 545, 546, 562, 569, 571, 572, 581, 644, 811
Соймонов Алексей Дмитриевич 570
Соколов Александр Николаевич 560
Соколов Александр Петрович 177
Соколов В. А. 95
Соколов Ф. В. 166, 167, 186
Соллогуб Александр Иванович 558
Соллогуб Владимир Александрович 494—496, 557, 558, 640, 641
Соловей Н. Я. 641
Соловьев Сергей Михайлович 78, 102
Соловьев Ф. 696
Соломирский Владимир Дмитриевич 602
Сомервиль (Somerville) 338
Сомов Орест Михайлович 381, 686, 690, 701, 728, 799, 800, 804
Сопиков Василий Степанович 16, 160, 181, 183, 186
Сотби Вильям (Sotheby William) 153
Сохацкий Павел Афанасьевич 532
Соц Василий Иванович 261
Спарк Джон (Sparke John) 20
Спенсер Эдмунд (Spenser Edmund) 21, 26, 28, 92, 94, 184
Сперанская Елизавета Михайловна 639
Сперанский Михаил Михайлович 201, 236, 444, 466, 639
Спилмен Джеймс (Spilman James) 128, 172, 173
Спиридова 506
Спонтини Гаспаро-Луиджи (Spontini Gasparo Luigi) 660, 662, 669, 673, 674, 780, 781, 790, 796, 822
Стаббз Филип (Stubbes Philip) 69
Стаден Н. фон 65
Стайен Джон (Styan John) 8
Сталибрас Эдуард 648, 649
Сталь Анна-Луиза-Жермена де (Staël Anne Louise Germaine de) 10, 335, 336, 342, 370, 386, 414, 436—438, 444, 459, 736
Сталь Огюст-Луи де (Staël Auguste Louis de) 736, 814
Станкевич Николай Владимирович 468, 703, 727, 811
Станкер Анна Антоновна 482, 483
Станкер Антон Станиславович 483
Стасов Владимир Васильевич 823, 824
Стейнгоп см.: Стенон
Стеллецкий Н. 647
Стелловский Федор Тимофеевич 771
Стендаль (Stendhal, Henry Beyle) 452, 730, 812
Стендер-Петерсен Адольф (Stender-Petersen Adolf) 92
Стенли (Stanley) 122
Стенон (Стейнтоп) Лестер (Stanhope Leister) 414, 418, 420, 422, 423, 427, 428, 430, 459, 461, 462
Степанов, владелец типографии 651
Степанов Александр Петрович 207, 256, 375, 490, 557
Степанов Николай Леонидович 641
Степанов Филетер (Френсис-Филипп) 734, 735, 813, 814
Стерн Альфред (Stern Alfred) 97, 98
Стерн Лоренс (Sterne Lawrence) 6, 100, 114, 121, 122, 124, 152, 165, 173, 183, 532
Стефан Баторий 30
Стефанов Джемс 814
Стефанович В. 822
Стивен Фредерик (Stephen Frederic) 420
Стивенсон Джон (Stevenson John) 709, 771, 772, 775, 806
Стиль Ричард (Steel Richard) 17, 67, 80, 81, 100, 106, 108, 169, 386
Стогов Эразм Иванович 605, 636, 649, 656
Стокинг Мэрион (Stocking Marion Kingston) 478, 502, 503, 553—570, 572, 573
Столпянский Петр Николаевич 461, 652
Стороженко Николай Ильич 93, 243, 822
Страленберг Ф. И. (Strahlenberg Philipp Johann) 172
Странгфорд см.: Стренгфорд П.
Стратен Владимир Васильевич 568, 571
Стратфорд-Каннинг Чарлз (Stratford Canning Charles) 394, 417, 439—441, 464, 465, 575
Страхов Петр Иванович 176
Стренгфорд (Странгфорд) Перси Клинтон (Strangford Percy Clinton) 424, 460, 465
Строганов Александр Григорьевич 405—407, 455, 456
Строганов Алексей Григорьевич 455
Строганов Григорий Александрович 405, 407, 415, 455, 456, 465
Строганов Павел Александрович 145
Строгановы 394, 404
Строев Владимир Михайлович (В. В. В.) 618
Стромилов С. И. 803
Строн, леди (lady Strachan) 311
Струве Глеб Петрович 245, 375, 377, 390, 451, 642, 654
Стурдза Александр Скарлатович 459
Стыкалин О. 822
Стюарт Дугальд (Stewart Dugald) 254, 379
Суворов Александр Васильевич 171, 454. 457
Суворов Прохор Игнатьевич 114, 170
Сугорский Н. И. 90
Суинтон Джон Кембл (Swinton John Campbell) 334—335
Суинтон Эндрю (Swinton Andrew) 110, 120, 128, 129, 165, 173—175
Сумароков Александр Петрович 110, 120, 124, 130, 133, 134, 142—144, 173, 176, 179, 180, 213, 233
Сумароков Панкратий Платонович 220, 244
Суперанская Александра Васильевна 15
Сурина Н. 811

Сутхем Томас (Southam Thomas) 20
Сухомлинов Михаил Иванович 170, 568
Сухтелен Петр Корнилович, граф 246
Суццо 435
Сушков Дмитрий Петрович 803
Сушков Николай Васильевич 183
Сушкова Евдокия Петровна см.: Ростопчина Евдокия Петровна
Сципион Публий Корнелий (Scipion Publius Cornelius) 157
Сырку Полихроний Агапович 96
Сыроечковский Борис Евгеньевич 807
Сэвиль Генри (Savile Henry) 38

Тавернье Жан-Батист (Tavernier Jean-Baptiste) 823
Тайлор см.: Тейлор Джон
Талейран Шарль Морис (Talleyrand-Périgord Charles Maurice) 814
Тальфи см.: Якоб Тереза
Танеев Сергей Иванович 788, 824
Танини Александр (Tanini Alessandro) 459
Таппе Август Вильгельм (Tappe August Wilhelm) 202, 203, 206, 236
Тарасов Ефим Иванович 373, 385
Тарле Евгений Викторович 97, 233
Тассо Торквато (Tasso Torquato) 446, 448, 724
Татищев Василий Никитич 110, 120, 137—139, 174, 177
Татищев Сергей Спиридонович 791
Тафф Джон (Taaffe John) 412, 413, 458, 587, 556
Тейлор (Тайлор) Джон (Taylor John) 184
Тейлор Уильям (Taylor William) 594, 595, 646
Теккерей Уильям Мейкпис (Thackeray William Makepeace) 14
Телешова Екатерина Александровна 694
Теплов В. 460
Тепляков Виктор Григорьевич 431, 801—803
Тербервиль Джордж (Turbervile George) 17, 20, 23—26, 28, 29, 92
Теребенина Римма Ефремовна 653
Терещенко Александр Васильевич 103
Терлер Джером (Turler Jerome) 22
Терсандр (Thersandre) 218
Тертуллиан Квинт (Tertullian Quintus Septimius Florens) 702
Тибо (Thebaugh, *правильно* Thiebault) 382
Тибулл Альбий (Tibullus Albius) 790
Тизенгаузен Дарья Федоровна см.: Фикельмон Дарья Федоровна
Тизенгаузен Екатерина Федоровна 487
Тик Людвиг (Tieck Ludwig) 765
Тикнор Джордж (Ticknor George) 370, 393, 438, 445, 464, 466
Тиллотсон Джон (Tillotson John) 69
Тимирязев Климент Аркадьевич 456
Тимофеев Алексей Васильевич 392
Тислвуд Артур (Thistlewood Arthur) 267
Титов Андрей Александрович 90
Титов Василий Поликарпович 46
Титов Владимир Павлович 379, 518, 535, 570, 639, 717
Титов Николай Алексеевич 564
Титов Николай Сергеевич 643, 650
Тиханов Павел Никитич 653
Тихон, поп 38, 41, 96
Тихонравов Николай Саввич 103
Тициан Вечеллио (Tiziano Vecellio) 796
Товтыгин Федор 96
Толбин Василий Васильевич 810, 821
Толленс Хендрик (Tollens Hendrik) 196, 197
Толстая, домовладелица 513
Толстая Варвара Федоровна 449, 467
Толстая (Долгорукова) Елена Петровна 525
Толстая Екатерина Федоровна см.: Юнге Екатерина Федоровна
Толстая Сарра Федоровна 818
Толстая Софья Андреевна 824
Толстой 518
Толстой Василий Сергеевич 525, 564, 566
Толстой Лев Николаевич 6, 8—10, 356, 484, 657, 780, 788—790, 824
Толстой Михаил Львович 784
Толстой Сергей Львович 556
Толстой Степан Федорович 467
Толстой Федор Андреевич 446
Толстой Федор Иванович 484—486, 556, 818
Толстой Юрий Васильевич 23, 42, 90, 92, 96, 97, 451, 525
Толстой Яков Николаевич 813
Томашевский Борис Викторович 179, 238, 463, 801
Томпсон Ричард (Thompson Richard) 99
Томсон и Бонар, книготорговцы (Thomson and Bonar) 385
Томсон Дэвид (Thomson David) 167
Томсон Джеймс (Thomson James) 17, 67, 89, 109, 113, 114, 159
Томсон (Thomson John) 327, 346, 347, 387
Томсон Томас (Thompson Thomas) 343
Томсон Томас (Thomson Thomas) 38
Томсон Чарлз Эдуард (Thomson Charles Edward) 583, 584, 643
Тормасов Александр Петрович 373, 496
Травушкин Николай Сергеевич 816
Траян Марк Ульпий (Trajanus Marcus Ulpius Nerva) 705
Тредиаковский Василий Кириллович 108
Трелоуни Эдуард Джон (Trelawny) 417, 418, 420, 435, 449 (Трелавней), 450, 458, 474, 488, 492, 549, 550, 553, 572
Третьяков Иван Андреевич 114, 169, 170
Трефолев Леонид Николаевич 821
Тривин, гувернантка (Trewin) 516, 520, 523, 524, 563
Трофимов Семен Борисович 89
Трубецкая (Мансурова) Екатерина Александровна 561
Трубецкая Екатерина Ивановна 461
Трубецкая Елизавета Петровна см.: Потемкина Елизавета Петровна
Трубецкие 536
Трубецкой Иван Дмитриевич 535, 561
Трубецкой Сергей Петрович 656
Трубицын Николай Николаевич 176, 185, 209, 239, 652
Трунова М. 377
Трутовский Василий Федорович 166, 185, 209
Трутовский Владимир Константинович 91
Тук Уильям (Tooke William) 142, 143, 178—180, 404, 454
Тук Томас (Tooke Thomas) 385, 741
Туманский Василий Иванович 207, 433, 463
Туманский Федор Осипович 103
Турбин А. 467
Тургенев Александр Иванович 165, 185, 220, 224, 226, 244, 247, 254, 261, 262,

290, 291, 322, 326—331, 333—336, 338, 340—349, 355, 356, 359, 361, 368—370, 374, 376, 377, 383, 385—388, 392—396, 402, 407, 431, 435, 439, 444—446, 451, 453, 454, 457, 462, 464—466, 494, 532, 533, 544, 546, 559, 568, 570—572, 574, 581, 583, 584, 620, 621, 639, 641, 643, 648, 652, 657, 662, 664—666, 668, 701, 704, 707, 714, 725, 727, 730, 732—757, 759—761, 764, 766, 772, 794, 804—806, 811—820
Тургенев Иван Сергеевич 6, 7, 9, 703, 767
Тургенев Николай Иванович 185, 226, 228, 229, 245, 262, 267, 326—328, 333, 334, 338, 345, 376, 377, 385—388, 396, 439, 451, 464, 465, 583, 584, 704, 735—737, 772, 805, 814, 816, 820
Тургенев Сергей Иванович 226, 245, 330—333, 385, 386, 581, 819
Турнье Жозеф (Turnier Joseph) 575, 640
Турунов Яков Николаевич 769, 820
Тынянов Юрий Николаевич 9, 245, 467, 811
Тынянова Е. А. 510, 560—562, 823
Тьерри Огюстен (Thierry Augustin) 335, 705
Тюлина Н. И. 457
Тютчев Федор Иванович 433, 463

Уайз Томас (Wise Thomas) 590, 646, 650, 654
Уваров Сергей Семенович 254, 375, 388, 453, 546, 648, 796, 800
Уебб Эдуард (Webbe Edward) 22, 91
Уебстер Джон (Webster John) 31, 64
Уентворт Вильям (Wentworth William) 88
Узли Гор (Ouseley Gore) 675
Уилки Дэвид (Wilkie David) 355
Уилкинс Джордж (Wilkins George) 93
Уиллок Генри (Willock Henry) 582, 642
Уиллок Эдуард (Willock Edward) 574, 580—582, 642
Уиллоуби Хьюг (Willoughby Hugh) 17, 18, 21
Уилсон, майор (Wilson) 98
Уитворт Чарлз (Whitworth Charles) 170
Уланд Людвиг (Uhland Ludwig) 93
Уманец Лев И. 779, 822
Ундольский Вукол Михайлович 102
Унгерн-Штернберг Карл Карлович (Ungern-Sternberg Karl) 399, 400, 452
Уокер Джеймс (Walker James) 125, 127, 131, 133, 135, 270, 577
Уокер Джордж (Walker George) 394, 417, 442—444, 465
Уоллис Р. (Wallace R.) 699
Уолпол Хорас (Walpole Horace) 110, 114, 157, 170
Уолпол Хью (Walpole Hugh) 269, 270, 377, 388
Уолси П. П. см.: Вольсей
Уолсингем Френсис (Walsingham Francis) 30
Уолстонкрафт Мери (Wollstonecraft Mary) 173, 470, 520, 524, 526
Уорнер Уильям (Warner William) 17, 20, 21, 91
Уоттон Генри (Wotton Henry) 532
Урнов Дмитрий Михайлович 109
Урнов Михаил Васильевич 10
Урусов Юлий 352
Урусова Варвара Никитична 529, 567
Урусова Елена Никитична см.: Вейдемейер Елена Никитична
Урусова (Ржевская) Прасковья Степановна 567
Ускомб Ричард (Uscombe Richard) 20
Устрялов Николай Герасимович 67, 104, 105, 455
Ушаков Василий Апполонович 560
Ушаков Дмитрий Николаевич 802
Ушакова-Киселева Елизавета Николаевна 561
Ушаковы 561
Уэллс Герберт (Wells Herbert) 9
Уэринг Эдуард (Waring Edward) 697
Уэсли Сэмюэль (Wesley Samuel) 69
Уэстолл Ричард (Westall Richard) 449
Уэстон Стивен (Weston Stephen) 146, 181

Фабер Готлиб фон (Faber Gottlieb von) 459
Фабий Максим Кунктатор (Fabius Maximus Cunctator) 157
Фадеев Анатолий Всеволодович 464, 465, 571
Фальк Иоганн Петер (Falk Johann Peter) 142
Фан-Дим (Кологривова Елизавета Васильевна) 491, 557, 579, 640, 652, 726, 811
Фаркесон Джордж (Farquharson George) 306
Фаркварсон Генри (Farquarson Henry) 74, 76, 105, 106
Фаркуар Джордж (Farquhar George) 72
Фарнгаген фон Энзе Карл (Varnhagen von Ense Karl August) 185
Федор Алексеевич, царевич 91
Федор Иванович, царь 95
Федоров Борис Михайлович 226, 389, 444, 462, 606, 610, 611, 666, 793
Фейгина С. А. 104, 108, 109
Фейнберг Илья Львович 174
Фелпс Дж. (Phelps G.) 390
Фельбор Андреас (Felborg Andreas Andersson) 152, 153, 182, 183
Фенелла 46
Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (Fénelon François de Salignac de la Mothe) 116
Федор Кириллович Нормантский 91
Феоктистов Евгений Михайлович 460, 465
Фергюсон Адам (Ferguson Adam) 115, 170, 171
Феррингдон Джеймс (Farringdon James) 99
Фет Афанасий Афанасьевич 616, 657, 766, 767, 775, 776, 779, 821
Фетис Франсуа-Жозеф (Fétis François Joseph) 561
Фетисов Михаил Иванович 560
Фехнер Андрей Иванович (Fechner) 161, 184
Фикельмон (Тизенгаузен) Дарья Федоровна (Fiquelmont Doelly) 487, 555, 584
Фикельмон Шарль-Луи (Fiquelmont Charles Louis) 487
Филарет, митрополит (Дроздов Василий Михайлович) 559
Филдинг Генри (Fielding Henry) 119, 172, 593
Филипп, митрополит 24
Филиппов В. А. 104
Филиппс Амброз (Philips Ambrose) 81

Филлипс Уильям (Phillips William) 591
Филлипс Ричард (Phillips Richard) 593
Филон Александрийский (Philon) 702
Фильд (Field) 317, 318
Фильд Джон (Field John) 159, 166, 498, 507, 772
Финдейзен Николай Федорович 185, 560
Финден Уильям (Finden William) 249
Финч Роберт (Finch Robert) 414
Фипс К. Г. (Phipps Constantine Henry, marquis of Normanby) 556
Фирдоуси Абулькасим 690, 696, 798, 803
Фирсов Николай Николаевич 96, 104, 105
Фитцджеральд Эдуард (Fitzgerald Edward) 707, 708, 740 (Фиц-Геральд)
Фитцстефен (Fitzstephen) 90
Фихте Иоганн Готлиб (Fichte Johann Gottlieb) 374
Фичвик 555
Фишер К. А. 565
Флемстид Джон (Flamsteed John) 104
Флетчер Джайлс (Fletcher Giles) 21, 31, 32, 34, 35, 39, 40, 90, 92, 93, 96, 97
Флетчер Джайлс (сын) (Fletcher Giles junior) 35
Флетчер Джон (Fletcher John) 17, 29, 30, 34—36, 64, 73, 93, 94
Флетчер Финеас (Fletcher Phineas) 35, 94
Флотов Фридрих 771, 820
Флюгель Эвальд (Flügel Ewald) 91, 92
Фоглер Георг (Vogler Georg Joseph) 165
Фок Максим Яковлевич (Магнус Готфрид) фон 462, 535
Фокин П. А. 90
Фокс Генри 302, 303 (Fox Henry Richard Vassall) 302, 303
Фокс (Fox) 738, 740, 741
Фокс Чарлз 124 (Fox Charles) 124
Фолк-Гревиль см.: Гревиль Фулк
Фонвизин Денис Иванович 230, 232
Фонвизин Михаил Александрович 518, 564
Форбс Аделанда (Forbes Adelaide) 394, 417, 441—442
Форд Джон (Ford John) 64, 66
Форстер Георг (Forster Johann Georg Adam) 140, 177
Форстер Рейнгольд (Forster Johann Reinhold) 140
Фосс Матильда (Foss Mathilda) 674
Фотий, митрополит 598
Фош 435
Франклин Томас (Franklin Thomas) 119
Франковский Адриан Антонович 173
Францев Владимир Андреевич 239
Фрей Герман (Frey Hermann) 202, 236
Фрейлигграт Фердинанд (Freiligrath Ferdinand) 805
Френкель Виктор Яковлевич 451
Френкленд Кольвиль (Frankland Colville) 5, 574, 580, 588, 590
Фридман Николай Владимирович 454
Фридрих-Вильгельм III (Friedrich Wilhelm III) 661
Фридрих-Вильгельм IV (Friedrich Wilhelm IV) 658
Фридрих Иван Павлович 429
Фроммель Карл (Frommel Karl) 558
Фроммель Отто (Frommel Otto) 558
Фроммель Эмиль Вильгельм (Frommel Emil Wilhelm) 558
Фротингем Кристофер (Frotingham Christopher) 18
Фридрих I (Friedrich I) 171
Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm) 395

Ханенко Иван Иванович 456, 809
Хант (Гунт) Ли (Hunt Leigh) 412, 426, 529, 812
Ханцель 634
Ханцель Каледон 634
Харви, г-жа (Mrs Harvey) 438
Хартфорд (Hertford) 114
Хастингс Уоррен (Hastings Warren) 566
Хастингс Френсис (Hastings Francis) 566
Хатчинсон Вильям см.: Гутчинсон Вильям
Хаханов Александр Соломонович 760, 818
Хвостов Дмитрий Иванович 154, 256, 361, 375, 640
Хелмерс Ян (Helmers Jan Frederik) 192, 196, 197
Хемницер Иван Иванович 192, 203, 230
Хенкок Чарлз (Hancock Charles) 420, 422, 459
Хенуэй Джонас (Hanway Jonas) 110, 120, 128, 137, 138, 173, 177
Херасков Михаил Матвеевич 100, 133, 134, 213, 239, 231, 246
Хесси 549
Хилл Джордж (Hill George) 175
Хилл Эрон (Hill Aaron) 16, 67, 87—89, 109, 172
Хитрово Богдан Матвеевич 91
Хитрово Елизавета Михайловна 390, 486, 487, 556, 565
Хитрово Николай Федорович 487
Хмельницкий Богдан 100
Хмыров Михаил Дмитриевич 374
Хованская Наталья Васильевна см.: Булгакова Наталья Васильевна
Хованский, князь 509
Хованский Григорий Александрович, князь 208, 239
Хогг Джеймс (Hogg James, the Ettrick Shepherd) 345, 387
Хогг Джейн см.: Вильямс Джейн
Хогг Пруденция (Hogg Prudence) 538
Хокинс Анна (Hawkins Ann) 151, 182
Холвуд 168
Холиншед Рафаэл (Holinshed Raphael) 18, 90
Холл Базиль (Hall Basil) 369, 370 (Галь), 393
Холлингсуорт Барри (Hollingsworth Barry) 814
Хомяков Алексей Степанович 657, 675, 695, 802
Хон Вильям (Hone William) 752, 753, 817
Хоофт Питер (Hooft Pieter) 196, 197
Хопнер Джон (Hoppner John) 123
Хопс Джон (Hops John) 347
Хосров П. 801
Хотсон Дж. Л. (Hotson J. L.) 51
Храповицкий Александр Васильевич 169
Хрусталев О. И. 810
Худоба Ф. (Chudoba F.) 236, 240, 242
Хьюз Мэри Энн (Hughes Mary Ann) 252, 346, 355, 374, 387
Хьюз Томас (Hughes Thomas) 387

Цезарь Гай Юлий («Юлий Кесарь») (Caesar Caius Julius) 82, 105
Церетели Е. 818
Цертелев Николай Андреевич 294

Цявловская Татьяна Григорьевна 386, 816
Цявловский Мстислав Александрович 244, 245, 561, 562, 564, 643, 816, 817, 819

Чаадаев Петр Яковлевич 376, 396, 525, 565, 643, 707
Чайковский Модест Ильич 642, 823
Чайковский Петр Ильич 473, 679, 782, 823
Чайльд Френсис (Child Francis) 107
Чарторыский Адам (Czartoryski Adam) 383
Чарыков Н. В. 101
Чебышев Александр Александрович 105
Челаковский Франц Ладислав 216, 218, 240, 242, 243
Чемберлен Джон (Chamberlain John) 64
Чемьер Фредерик (Chamier Frederick) 358, 359, 390, 764, 819
Ченслор Ричард (Chancellor Richard) 17—21, 89, 98
Червинский Федор Алексеевич 779, 822
Черейский Лазарь Абрамович 174, 564, 643
Черепнин Лев Владимирович 101
Черкасов 521
Черкасов Иван Иванович 169
Черкасский Владимир Александрович 525, 565
Чернецов Никанор Григорьевич 441
Чернышев Александр Иванович 489, 519, 534, 556, 563, 565
Чернышев Василий Ильич 651
Чернышева (Зотова) Елизавета Николаевна 489, 516, 519, 534, 551 («Бетси» Зотова), 556, 563—565
Чернышева Елизавета Петровна, 564
Чернышевский Николай Гаврилович 696, 795, 799, 802, 813
Чернышевы 491, 558
Черняев Николай Иванович 794
Чехов Антон Павлович 6—9, 374, 375
Чиликин В. 822
Чистович Илларион Алексеевич 647
Чичагов Леонид 452, 453
Чичагов Павел Васильевич 233, 394, 401—405, 409, 452—454
Чечерин Борис Николаевич 241, 383
Чоконаи Михай (Czokonai Mihaly) 241
Чосер Джеффри (Chaucer Geoffrey) 90, 100
Чугуевский Л. И. 649
Чулицкий В. М. 375
Чулков Георгий Иванович 107, 463
Чулков Михаил Дмитриевич 163, 185, 209
Чулков Николай Петрович 563

Шад 386
Шадов Готфрид (Schadow Gottfried) 261, 791
Шадури Вано Семенович 802
Шаликов Петр Иванович 256, 462
Шаль Филарет (Chasles Philarète) 74, 675, 796, 811
Шаль Эмиль (Chasle Emile) 453
Шамбо Иван Иванович (Chambeau) 600, 601, 648
Шамбре Жорж (Chambray Georges) 296, 297, 302, 381
Шамиссо Адальберт (Chamisso Adalbert) 188
Шамшула Вальтер (Schamschula Walther) 389
Шантро Пьер-Никола (Chantreau Pierre-Nicolas) 131, 133, 175
Шаплет Самойло Самойлович де 298, 380
Шарленд Роберт 90
Шарп Чарльз Кирпатрик (Sharp Charles Kirkpatrick) 77, 107
Шаскольский И. П. 103
Шатобриан Франсуа-Рене де (Chateaubriand François-René de) 349, 350, 363, 387, 500
Шатров Николай Михайлович 207, 218
Шафарик Павел Иосеф (Safarik Pavel Josef) 240
Шахова Елизавета Никитична 767, 768, 819, 820
Шаховская Наталья Дмитриевна 525
Шаховской Александр Александрович 164, 469, 484, 496, 506
Шаховской Михаил Александрович, князь 158
Шевырев Степан Петрович 32, 93, 446, 447, 466, 518, 529, 535, 539, 540, 542, 544—546, 569, 571, 572, 616, 688, 689, 693, 717, 753, 800, 814, 817
Шегрен Андрей Михайлович (Sjörgen) 233, 651
Шези Вильгельмина (Chézy Wilhelmine) 185
Шейльдрофс Гай 105
Шекспир Вильям (Shakespeare William) 7, 9, 17, 28—30, 32, 33, 50, 51, 66, 74, 92—95, 102, 105, 112, 113, 130, 159, 169, 173, 177, 264, 293, 332, 381, 463, 526, 571, 593, 622, 649, 724, 726, 774, 795
Шелли Мери Уолстонкрафт (Shelley Mary Wollstonecraft) 243, 438, 469—471, 474—476, 479, 481, 487, 489, 492, 499, 502, 503, 521, 522, 529, 538, 541, 542, 547—551, 553, 554, 556, 557, 568, 570, 572, 573
Шелли Перси Биши (Shelley Percy Bysshe) 394, 412, 414, 458, 468—482, 487, 488, 497, 499, 500, 522—524, 526, 529—531, 541, 543, 549, 551—556, 565, 567, 570, 573, 643, 775, 779, 817
Шелли Перси Флоренс (Shelley Percy Florence) 551
Шелли Тимоти (Shelley Timothy) 472
Шелли Филипп А. (Shelley Philipp) 160—162, 184, 185
Шеллинг Фридрих Вильгельм (Schelling Friedrich Wilhelm) 500, 571, 794
Шеметов Семен Герасимович 38
Шенгели Георгий Аркадьевич 456
Шенье Андре (Chénier André) 717, 774
Шептаев Л. С. 92
Шереметев Федор Иванович 56
Шеридан Р. (Sheridan R.) 444
Шеридан Ричард Бринсли (Sheridan Richard Brinsley) 6, 66, 105, 123, 444, 707, 708, 727, 752, 753, 806, 811
Шестериков Сергей Петрович 456, 557
Шиллер Иоганн Фридрих (Schiller Johann Friedrich) 238, 509, 561, 612, 659, 724, 726, 793
Шиллинг фон Канштадт Павел Львович, барон 598, 600, 602, 604, 605, 630, 634, 635, 647, 649, 655, 656
Шильдер Николай Карлович 791
Шимановская Мария 458
Шинкель Карл Фридрих (Schinkel Karl Friedrich) 660, 792
Ширин 801
Ширинский-Шихматов Платон Александрович 657

Ширма Лях Кристин (Szyrma Lach Krystyn) 240, 241
Широкова И. С. 103
Шифнер Антон Антонович 93
Шишков Александр Семенович 154, 185, 216, 236, 242, 294, 410
Шишков Александр Ардалионович 802
Шлецер Август Людвиг (Schlözer August Ludwig) 142
Шляпкин Илья Александрович 104, 111, 169, 644
Шнейдер 486, 556
Шнор И. К., владелец типографии 14, 16
Шонинг Мария (Schoning Marie) 549, 572
Шопен Ж. М. (Chopin G. M.) 245
Шорн Адельгейда фон 455
Шортер Клемент (Shorter Clement) 590, 622, 623, 646, 648, 650, 653
Шостакович Сергей Владимирович 642
Шостьин Н. А. 811
Шоу Бернард (Shaw George Bernard) 6, 8, 9
Шоу Томас Б. (Shaw Thomas B.) 211, 239, 609, 637, 638, 656
Шпаро О. 464, 465
Шпикер Самуэль Генрих (Spiker Samuel Henrich) 670—673, 795
Шпицер Семен Моисеевич 572
Шретер И. Р. (Schröter J. R.) 201, 236
Штаффорд Г. 561
Штегеманн-Ольферс Гедвига (Staegemann-Olfers Hedwig von) 668, 669, 794
Штейн Генрих Фридрих (Stein Henrich Friedrich von) 783
Штейн Виктор Морицевич 233
Штейнгель Владимир Иванович 496
Штейнпресс Борис Соломонович 652, 818
Штелин Петр Яковлевич 177
Штелин Якоб (Stählin Jacob von) 104, 135, 176
Шторх Андрей Карлович (Storch Heinrich Friedriech) 142, 179, 184, 187, 189, 190, 206, 233
Штрайх Соломон Яковлевич 562, 790
Шубарт Христиан Фридрих Даниель (Schubart Christian Friedrich Daniel) 177
Шуберт Франц (Schubert Franz) 186
Шубинский Сергей Николаевич 104, 648
Шувалов Иван Иванович 110, 114, 170, 404
Шувалова 555
Шуваловы 482, 555
Шугуров Николай Васильевич 171
Шуйский Василий Иванович 36, 94
Шукшинцев И. С. 640
Шулепников Михаил Сергеевич 154, 156
Шульц, певица (Schulz) 660
Шуман Роберт (Schumann Robert) 657, 679, 780, 781, 823

Щеголев Павел Елисеевич 295, 643, 644, 655, 807
Щедрин Сильвестр Федосеевич 568, 569
Шепотьевы 159
Щерба Лев Владимирович 15
Щербатов Алексей Григорьевич 555
Щербатов Николай Григорьевич 502, 555, 559
Щербатов Сергей Григорьевич 555
Щербатова 334
Щербачев Юрий Николаевич 462, 562, 563
Щербачева Евгения 506
Щербинин Михаил Андреевич 462, 562, 563

Эбердин Джордж (Aberdeen George Hamilton Gordon) 250
Эберман А. 800
Эванс, гувернантка (Evans) 491
Эванс Фома Яковлевич (Evans Thomas) 469, 511, 512, 524—529, 562, 565, 566, 569
Эвелин Джон (Evelyn John) 72
Эджеворт 731 (Edgeworth) 731
Эджуорт Мария (Edgeworth Maria) 335, 344, 812
Эдмунд Железнобокий (Edmund IIth Ironside) 89
Эдуард Исповедник (Edward the Confessor) 90, 592
Эдуард VI Тюдор (Эдвард) (Edward VI) 18, 89, 127
Эзоп («Езоповы басни») (Aesopus) 116
Эйгес Иосиф Романович 463, 561, 650, 816, 817
Эйнсли Роберт (Ainsley Robert) 335
Эйхенбаум Борис Михайлович 557, 809, 811
Экхардт Иоганн (Eckhardt Johann) 643
Элгин Томас Брюс (Elgin Thomas Bruce) 449, 577
Эллис (Кобылинский Лев Львович) 787, 788, 824
Эльмерс 555
Эмерсон Ральф Уолдо (Emerson Ralph Waldo) 243
Эмилиан Франциск (Emilien Franciscus) 73
Эммерт Роберт (Emmert Robert) 681, 682, 708, 709, 817
Энгель Юлий Дмитриевич 823
Энгельгардт Егор Антонович 514—516, 563
Энгельс Фридрих (Engels Friedrich) 217, 243
Энс Каспар 95
Эпштейн В. 15
д'Эрбело Бартелеми (d'Herbelot Barthelemy) 443, 670, 795, 797
Эрлингтон Джон (Erlington John) 152
Эспронседа Хосе де (Espronceda José de) 817
Эссекс (Essex) 22, 36, 50, 51
Эстергази (Esterhazy) 461

Ювенал Децим Юний (Juvenalis Decius Junius) 397
Юден Яакко см.: Ютейни Яакко
Юилль Роберт (Youille Robert) 648
Юм Давид (Hume David) 109, 110, 114, 119, 386
Юнг Чарлз Мейн (Young Charles Maine) 742
Юнг Александр (Young Alexander) 247, 292, 311—318, 343
Юнг Артур (Young Arthur) 115, 532
Юнге (Толстая) Екатерина Федоровна 392, 484, 555
Юнгман Йозеф (Jungman Joseph) 195, 216, 235, 242
Юрьев А. 460
Юстиниан I (Justinianus I Flavius Anicius) 94
Юсуф-паша 422
Ютейни (Юден) Яакко 202, 236
Юхт А. И. 177

Юшкова Анна Петровна см.: Зонтаг Анна Петровна

Яворский Стефан 108
Языков Дмитрий Дмитриевич 384, 567
Языков Николай Михайлович 284, 380, 724, 753
Якоб Тереза (Jacob Therese Adolfine Lauise von) 212, 240
Якобсен Фридрих-Иоганн (Jacobsen Friedrich Johann) 659, 660, 791
Яков I, король Шотландский (James I) 498
Яковлев Василий 561
Яковлев Владимир Алексеевич 464
Яковлев Николай Васильевич 797, 801, 815
Якубович Дмитрий Петрович 365, 375, 391, 563, 572
Якубович Лукьян Андреевич 437, 809, 820
Якубовский Александр Юрьевич 795
Якушкин Иван Дмитриевич 564
Яниш Карл 512
Яниш Каролина Карловна см.: Павлова Каролина Карловна
Яниши, семья 562
Ярослав Мудрый 89, 90
Яроцкий А. В. 649
Яцевич А. 644
Яцимирский Александр Иванович 650
Яцунский В. К. 101
Яшовский Станислав (Jaszowski Stanisław) 244

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВСТРЕЧИ 17

1. Англия и Московское государство в XVI—XVII веках.— Англия в русских летописях 17

2. Английские посольства в Москву и русские — в Лондон и их литературные отражения.— Английские книги о России и отзвуки их в английской поэзии: стихи об английских путешественниках на русском Севере.— Вильям Уорнер («Albion's England», 1602) и Майкл Дрейтон («Poly-Albion», 1613).— Сонеты о Московии Филиппа Сиднея.— Английский поэт Джордж Тербервиль и его московские стихотворные эпистолы 20

3. «Московия» в английской литературе.— Шекспир о русских.— Трагедия Флетчера «Верноподданный».— География Московии у драматургов-елизаветинцев.— Московия в книге Р. Бертона «Анатомия меланхолии» (1620) 29

4. Русские книги в Англии XVI—XVII веков.— Изучение русского языка.— Дж. Мильтон и его «Краткая история Московии».— Друг Мильтона, поэт Эндрю Марвелл, в Архангельске, Вологде и Москве (1663—1664).— Русские эпизоды в английских пьесах эпохи Реставрации и в поэме С. Батлера «Гудибрас».— Лудольф и его оксфордская «Русская грамматика» 36

5. Отзвуки английской революции в русской письменности XVII века.— «Роспись городу Лундану и всей Англинской земли».— «Декларация» Алексея Михайловича об английской революции.— «О Каролусе первом, короле Великобританском» — русский перевод XVII века 46

6. Петр I в Англии.— Петр I и английский театр.— Английский драматург в гостях у царя Петра.— Шутовской «Великобританский монастырь» или «Бенгоколлегия», основанная Петром I, и ее участники.— Английская баллада о Мэри Гамильтон и ее русские источники.— Россия начала XVIII века в произведениях Стиля и Аддисона, Д. Дефо, Дж. Свифта, Э. Хилла и Дж. Томсона . . . 67

Примечания 89

Глава II

РАННИЕ АНГЛИЙСКИЕ ИСТОЛКОВАТЕЛИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ: БЕРИСФОРД, САУНДЕРС И ИХ СОВРЕМЕННИКИ 110

1. Англия и русская литература XVIII века.— Переводчики с русского языка в Англии и первые критические отзывы о произведениях русского художественного слова.— Русские писатели в Лондоне — от сатирика А. Д. Кантемира до одописца В. П. Петрова.— «Успех Британской музы» (1776).— Послание М. Н. Муравьева к В. П. Петрову 110

2. Русские в Англии в середине XVIII века.— Русские студенты в Оксфорде.— Е. Р. Дашкова и ее «Эдинбургский салон».— Хорас Уолпол и И. И. Шувалов.— О. Голдсмит о России и русских.— Его перевод «Объявления» об ассамблеях в Петербурге при Петре I.— Т. Смоллет и иностранные сочинения о России.— Д. Юм о русских 114

3. Английские посольства в России XVIII века и русские писатели: Джордж Макартней и Джеймс Гаррис.— Английские путешественники в России в XVIII веке и русская культура: Дж. Кук., Э. Суинтон, Н. Рэксолл, В. Ричардсон, В. Кокс.— Интерес к русской истории.— Проект В. Н. Татищева издать в Англии «Русскую историю» и его переписка с Джонасом Хенуэем.— Английские переводы «Краткого Российского Летописца» М. В. Ломоносова и «Обозрения российской империи» С. И. Плещева.— Посредническая роль и литературная деятельность Я. И. Смирнова.— Возникновение в Англии интереса к русской поэзии.— Первые английские переводы произведений Сумарокова и Державина 120

4. Английские переводы произведений Карамзина и его современников.— «Письма англичанина Ж.- К. Пойля» (1805) и проверка их достоверности 150

5. «Русский трубадур» Берисфорда и его автор.— Русские песни в английских переводах и их источники.— Русские песни в обработке Муцио Клементи и других зарубежных музыкантов.— Русские песни в музыке зарубежных балетных и оперных спектаклей 160

Примечания 168

Глава III

ДЖОН БАУРИНГ И ЕГО «РОССИЙСКАЯ АНТОЛОГИЯ» 187

1. Джон Бауринг и его путешествие в Россию в 1819 году.— Бауринг в Петербурге, его знакомства и связи в литературных кругах.— Бауринг, Ф. П. Аделунг и А. К. Шторх.— Знакомство с Крыловым и Карамзиным.— Бауринг в «депо манускриптов» Публичной библиотеки в Петербурге — молитвенник Марии Стюарт, ее собственноручные записи и стихи 187

2. Изучение Баурингом русского языка и его замыслы «Российской антологии».— Два издания первой части антологии и их текстовые различия.— История издания второй части антологии.— Арест Бауринга во Франции и хлопоты о его освобождении.— Состав антологии, ее сотрудники и переводчики, ее значение и литературная судьба 191

3. Письма к Баурингу из России.— «Российская антология» Бауринга, ее переиздания и оценка в Западной Европе и Северной Америке.— Бауринг и другие изданные им разноязычные антологии: славянские, венгерские и др.— Литературная деятельность Бауринга в русской критике 200

4. Антологии Бауринга и их читатели.— Журнальная деятельность Бауринга 216

5. Русская литература в журнале «Вестминстерское обозрение», основанном Бентамом.— Первые известия о Пушкине в английских журналах.— Последние годы жизни Бауринга на Дальнем Востоке и возвращение его на родину.— Гибель литературного архива Бауринга.— Рукописный альбом Бауринга в Государственном Историческом музее в Москве 219

6. Антология Сандерса «Стихотворные переводы с русского языка» (1826) . . . 230

Примечания 232

Глава IV

ВАЛЬТЕР СКОТТ И ЕГО РУССКИЕ ЗНАКОМСТВА 247

1. В. Скотт и Отечественная война 1812 года.— Интерес англичан к войне и русской армии.— Русские казаки в Париже и Лондоне в 1814 году— Знакомство В. Скотта с атаманом М. И. Платовым.— Английская гравюра с портретом дочери Платова и легенды об атамане в английской печати 247

2. Встреча В. Скотта с П. И. Полетикой и Д. П. Севериным в Эдинбурге.— Воспоминание об этой встрече в «Письме русского из Англии» Северина (1815).— Отъезд поэтессы Анны Буниной в Англию и ее письмо к В. Скотту. 254

3. Русские путешественники в гостях у В. Скотта в Абботсфорде: А. А. Оленин, В. П. Давыдов.— Отзывы о них В. Скотта и расспросы его о России.— Переписка В. Скотта с Денисом Давыдовым.— Рассказы об этом в дневнике В. Скотта и в записях поэта-партизана.— Эпистолярный архив В. Скотта в Эдинбургской библиотеке.— Д. Давыдов посылает В. Скотту перевод своего стихотворения «Полу-солдат...» 260

4. Визит к В. Скотту М. А. Ермолова.— В. П. Давыдов переводит для В. Скотта «Слово о полку Игореве».— Прощание В. Скотта с В. Давыдовым в Абботсфорде и альбомная запись писателя.— Автографическая запись Роберта Вильсона.— Письма к В. П. Давыдову о болезни и смерти В. Скотта.— Письма А. Юнга и Локарта.— Воспоминания В. П. Давыдова о знакомстве и встречах с В. Скоттом, опубликованные сорок лет спустя.— Автографическая рукопись романа В. Скотта «Талисман» в библиотеке имения Давыдова «Отрада» 292

5. А. И. Тургенев и В. Скотт.— Первое знакомство А. И. Тургенева с В. Скоттом в Лондоне.— А. И. Тургенев в Абботсфорде в 1828 году.— Заметки об этом посещении в дневнике А. И. Тургенева, его письмах и рассказах.— Неизданные письма из архива А. И. Тургенева во время его пребывания в Шотландии.— Рассказ А. И. Тургенева о В. Скотте, пересланный Пушкину.— Стихотворное послание В. Скотту И. И. Козлова 326

6. Посещение Абботсфорда А. К. Мейендорфом.— Английский перевод «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина, сделанный В. И. Ланской и посвященный В. Скотту (1833).— Письма к В. Скотту «русского баснописца» А. Е. Измайлова из Архангельска о памятнике Ломоносову.— Русский портрет В. Скотта, выполненный в Париже 349

7. В. Скотт в римской мастерской К. П. Брюллова.— Русские отклики на смерть В. Скотта 366

Примечания 372

Глава V

БАЙРОН И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ 394

1. Байрон и современная ему русская действительность.— Знакомство Байрона с русским дипломатом кн. П. Б. Козловским в Лондоне.— Козловский — «друг бардов Английских».— Байрон, Козловский и сюжет «Лары». 394

2. Адмирал П. В. Чичагов в гостях у Байрона.— Воспоминания Джона Гобхауза об этой встрече у Байрона 401

3. Байрон и Строгановы.— Москва и русские 1812 года в произведениях Байрона.— Россия и ее история в поэме Байрона «Дон Жуан».— Источники этой поэмы.— Россия в сатире Байрона «Бронзовый век».— Пушкин об отношении Байрона к России. 404

4. Байрон в Италии.— Рассказ русского дипломата о жизни Байрона в городах Пизе и Ливорно.— Гибель П. Б. Шелли.— Воспоминания М. Д. Бутурлина о Байроне, Т. Медвине и Т. Гвиччьоли.— Байрон и русский консул Наранци 412

5. Байрон и греческое восстание.— Реакция на отъезд Байрона из Италии в Грецию.— Байрон и русская дипломатия в восточном вопросе.— Начало борьбы с Байроном русской цензуры.— Неизданные донесения о Байроне в петербургском Министерстве иностранных дел из Греции и Турции.— Задержка фрегата «Бомбард» турецкими властями.— Рассказы о Байроне европейских дипломатов в Петербурге 415

6. Смерть Байрона в Миссолунги.— Отклики в России на гибель Байрона в периодической печати и в стихотворениях русских поэтов.— Легенды о Байроне в петербургских гостиных 20-х годов.— П. А. Вяземский, Стратфорд-Каннинг и Аделаида Форбс.— «Гяур» и «Три испанца» Уокера 417

7. А. И. Тургенев, А. Ф. Закревский и Тереза Гвиччьоли.—В. К. Кюхельбекер и знакомец Байрона в Сибири.— Автографы Байрона в СССР 444

Примечания 451

Глава VI

МОСКОВСКИЕ ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА КЛЕР КЛЕРМОНТ 469

1. Клер Клермонт — падчерица Вильяма Годвина и сводная сестра Мери Шелли, жены поэта.— История их дружбы.— Находка дневников Клермонт и их публикация.— Знакомство Клермонт с Байроном.— Их дочь Аллегра.— Семья Шелли покидает Англию и увозит Аллегру в Швейцарию.— Приезд Байрона в Швейцарию.— Байрон, Шелли, Клермонт и их литературные занятия на берегу Женевского озера.— Знакомства Клермонт с русскими путешественниками в Швейцарии и Италии 469

2. Приезд Клермонт в Москву.— Клермонт — учительница английского языка и ее московские соотечественники.— Клермонт — гувернантка в семье З. Н. Посникова и ее московские дневники 1825—1827 годов.— Переписка Клермонт с Мери Шелли.— Московское общество в записях дневника Клермонт и ее письмах.— Ф. Ф. Кокошкин и московский театр. 479

3. Привольная жизнь Клермонт в Ислявском — подмосковной даче Посниковых.— Дружба Клермонт с Г. Х. Гамбсом, автором поэмы «Владимир и Зара».— Домашний театр и рукописная газета в Ислявском у Посниковых.— Ф. Ф. Кокошкин и А. Шаховской.— Чтения и переводы.— Перевод Гамбсом «Черной шали» Пушкина. — Знакомство Клермонт с композитором И. И. Геништой.— Его романсы на слова Веневитинова и Пушкина 496

4. Клермонт и московские литераторы 1825—1826 годов.— Уроки английского языка К. К. Яниш и знакомство с будущим мужем поэтессы — Н. Ф. Павловым.— Клер Клермонт и семья Елагиных.— Клермонт и московские друзья Пушкина: И. Пущин, С. Соболевский, Ф. Матюшкин, П. Каверин.— Клермонт и Зинаида Волконская.— Клермонт и московские декабристы.— Клермонт и английская колония в Москве: Бакстер, Эванс и др. 511

5. Переезд Клермонт в семью Кайсаровых.— Отъезд Клермонт за границу с Кайсаровыми.— Характеристика Клермонт в письмах Н. М. Рожалина.— Клермонт и братья Киреевские 532

6. Последние годы жизни Клермонт.— Ее литературные опыты.— Повесть «Поляк».— Переписка с Наташей Кайсаровой.— Смерть Клермонт во Флоренции и судьба ее родных и друзей 544

Примечания 553

Глава VII

ПУШКИН И АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В РОССИИ 574

1. Английские путешественники в России и русские в Англии 574

2. Англичане — знакомцы Пушкина и их рассказы о нем.— Э. Уиллок, Гренвилль, Рейкс и Френкленд 580

3. Джордж Борро — писатель и полиглот 590

4. Джордж Борро в России.— Борро и русские востоковеды.— Борро выпускает в Петербурге свои стихотворные переводы с тридцати языков и наречий . . . 597

5. Борро — переводчик Пушкина.— Пушкин и его «Разговор с англичанином» 606

6. Борро и московские цыгане 614

7. Борро в Испании.— Присылка ему из Петербурга автографов Пушкина и Жуковского.— Борро узнает о смерти Пушкина 620

8. Отзывы Борро о русской литературе и воспоминания о петербургских друзьях 632

Примечания 638

Глава VIII

ТОМАС МУР И РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ XIX века 657

1. Первое знакомство с поэзией Мура в России: его ранние ценители и переводчики.— Берлинский театрализованный праздник 1821 года в честь петербургских гостей на тему повести Мура «Лалла Рук».— Первый перевод Жуковского из Мура («Пери и ангел») и его судьба в русской литературе.— Происхождение цикла стихотворений о «Лалле Рук» Жуковского.— Стихотворения Жуковского («Мечта», «Пери», «Бедуинка») и их немецкие оригиналы, восходящие к Муру 657

2. Переводы других поэм Мура («Огнепоклонники», «Покровенный пророк Хорасана», «Свет гарема»).— Отзвуки «Лаллы Рук» в произведениях Грибоедова, Пушкина, В. К. Кюхельбекера, И. И. Козлова, Гоголя, А. С. Хомякова, А. И. Полежаева.— Мур и А. И. Подолинский 675

3. «Любовь ангелов» и «Эпикуреец» Мура в русских переводах 701

4. «Ирландские мелодии» в русских переводах и переделках.— Декабристы — переводчики Мура.— Неизданные переводы из Мура (Ознобишин, Ободовский, Козлов и др.).— Лермонтов и Мур 708

5. Встречи с Муром А. И. Тургенева.— Тургенев рассказывает Муру о Жуковском и Пушкине.— Их беседы о Байроне.— Встречи Тургенева с Муром в Лондоне.— Тургенев вручает Муру составленную им «Записку» о русских поэтах: Жуковском, Пушкине, Козлове и Вяземском.— Черновой текст ее.— Письмо Тургенева к Муру о Пушкине с переводом стихотворения «К морю» и вестью о «Полтаве».— Проект русского издания биографии Байрона, написанной Муром . . 735

6. Статья о Муре в «Телескопе».— Кто автор «Вечернего звона»? 757

7. Мур и русские поэты 40—50-х годов: А. Фет, И. Крешев и др.— Отзвуки популярности Мура в русской литературе второй половины XIX века 766

8. Мур и русские композиторы: опера А. Г. Рубинштейна «Фераморс».— Оратория Шумана «Рай и пери» и ее отголоски в русской музыке.— Новые переводы стихотворений Мура (А. Н. Плещеев, В. С. Лихачев и др.).— Мур и стихотворные опыты символистов. А. Курсинский и В. Брюсов.— Мур в трактате Л. Н. Толстого «Что такое искусство» 780

Примечания. 790

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ 824

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ 825

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 830

В томе 210 иллюстраций

Литературное наследство,
том 91
Русско-английские
литературные связи
(XVIII век — первая половина XIX века)

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР

Редакторы издательства
Е. В. Белова, В. Ч. Воровская, А. Ф. Ермаков
Художник *Е. А. Михельсон*
Художественный редактор *С. А. Литвак*
Технические редакторы *С. Г. Тихомирова, Л. Н. Золотухина*
Корректоры *Л. И. Кириллова, Г. Г. Петропавловская*

ИБ № 18019

Сдано в набор 18.07.80
Подписано к печати 30.12.81
А-13701. Формат 70×108¹/₁₆
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 75,6. Уч.-изд. л. 90,3. Усл. кр. отт. 77,87
Тираж 25 000 экз. Тип. зак. 3359
Цена 11 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7 Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

11 р. 40 к.